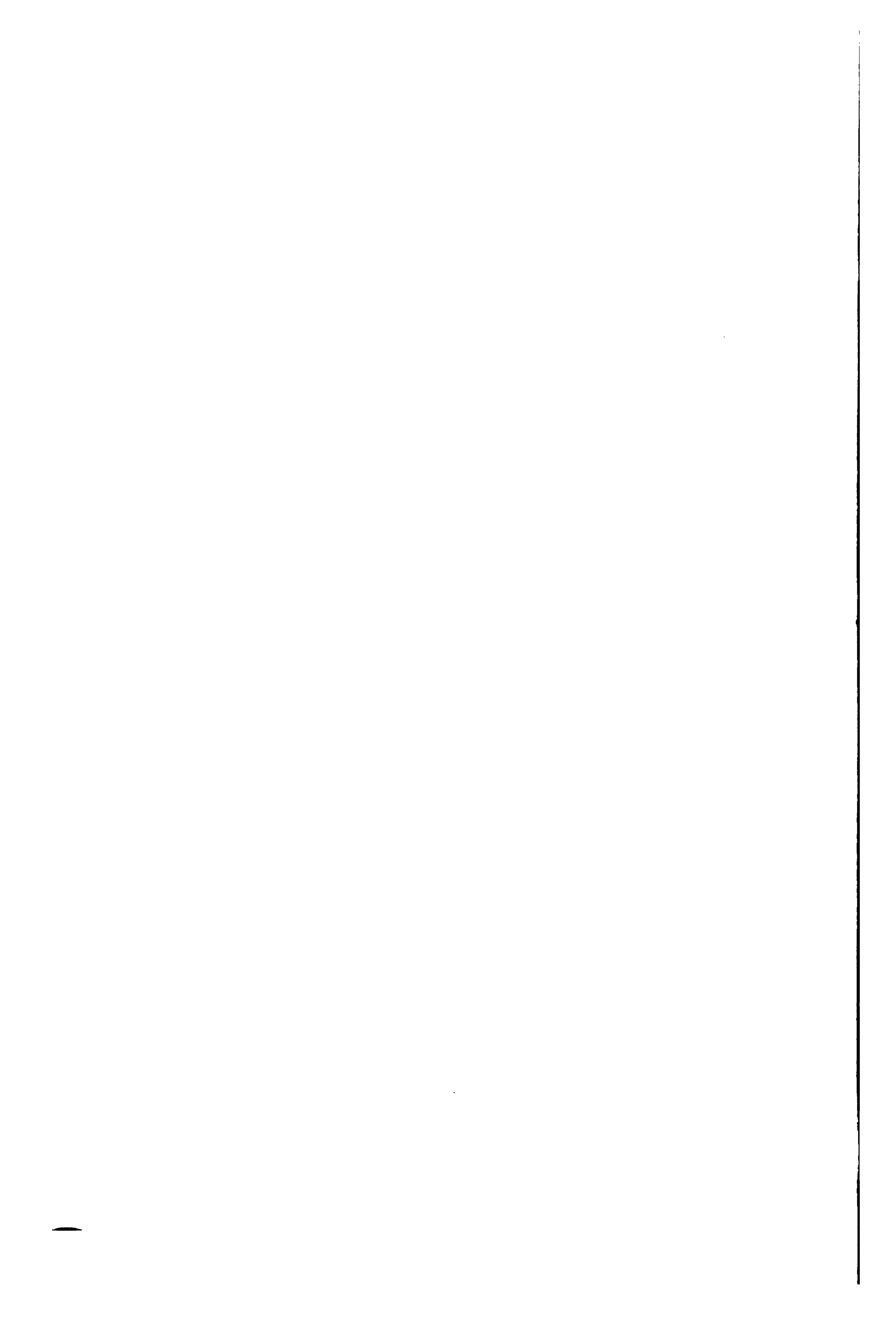

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Бетанкуръ—Бякстеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Бетанкуръ — Бякстеръ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

Бетанкуръ, *Августинъ Августиновичъ* (Augustin de Bethancourt et Molina), генералъ-лейтенантъ, главный директоръ путей сообщенія, инженеръ-строитель и писатель, род. на островѣ Тенерифѣ 2-го февраля 1758 г., ум. 14-го іюля 1824 г. въ С.-Петербургѣ. Бетанкуръ происходилъ по прямой линіи отъ Іоанна де Бетанкура, открывшаго въ 1402 г. архипелагъ Канарскихъ острововъ. Первые годы молодости Бетанкуръ провелъ на родинѣ, образованіе получилъ въ Парижѣ и, вслѣдъ затѣмъ, явился на службу въ Испанію, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе выдающимися способностями. Между прочимъ, правительство командировало его во Францію, Англію, Германію и Нидерланды, для ознакомленія съ новыми открытіями и для обозрѣнія различныхъ системъ судоходства по каналамъ, паровыхъ машинъ и всего, относящагося къ механикѣ. Возвратившись изъ командировки, онъ представилъ множество чертежей и моделей, изъ которыхъ составился въ Мадридѣ превосходный кабинетъ. Въ 1797 г., по повелѣнію Карла IV, Бетанкуръ былъ снова командированъ въ Лондонъ, для изученія имѣющихся тамъ машинъ, приспособленныхъ къ осушкѣ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, въ которыхъ испанское правительство особенно нуждалось въ виду предположеннаго возобновленія разработки рудниковъ въ Америкѣ. Усердіе, съ которымъ Бетанкуръ собиралъ всѣ свѣдѣнія, какія могли быть полезны его отечеству, возбудило сильное подозрѣніе англичанъ; его арестовали и препроводили въ Лиссабонъ; но отсюда онъ былъ отправленъ королемъ въ Парижъ, для построенія новыхъ машинъ и инструментовъ, вмѣсто отобранныхъ у него въ Англіи. Въ 1798 г. его вызвали изъ Парижа для устройства телеграфной линіи между Мадридомъ и Кадиксомъ и для учрежденія корпуса инженеровъ дорогъ и мостовъ; вслѣдъ затѣмъ онъ былъ послѣдовательно назначаемъ на должности: генералъ-инспектора основаннаго имъ корпуса, интенданта провинцій, члена совѣта финансовъ, директора королевскаго кабинета машинъ, интенданта арміи и главнаго директора почтъ. Возникшіе въ Испаніи безпорядки заставили Бетанкура покинуть отечество; въ 1807 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ и здѣсь издалъ нѣкоторыя сочиненія по гидравликѣ и механикѣ, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ французской академіи планъ новаго шлюза для небольшихъ каналовъ, что сдѣлало его имя еще болѣе извѣстнымъ. Въ 1808 г. онъ былъ принятъ на службу въ Россію, съ чиномъ генералъ-маіора и съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества.

Службу свою новому отечеству Бетанкуръ ознаменовалъ рядомъ заслугъ. Главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующія: тульскій оружейный заводъ былъ преобразованъ и впервые мастерскія его снабжены паровыми машинами; въ Казани, по проекту Бетанкура, построенъ новый пушечный литейный заводъ; улучшены производства Императорской Александровской мануфактуры; устроены, по особой арочной системѣ, мосты въ Ижорѣ, Петергофѣ, Тулѣ и на Каменномъ островѣ; по его планамъ и подъ непосредственнымъ его руководствомъ, сооружены многія зданія, изъ которыхъ особенно замѣчательна архитектура экзерцицгауза въ Москвѣ (имѣетъ 502 фута длины и до 150—ширины); имъ же построенъ извѣстный Таицкій водопроводъ, снабжающій водою Царское Село; наконецъ, важно его участіе въ устройствѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, для которой имъ изобрѣтено значительное количество машинъ. Сопровождая принца голштейнъ-ольденбургскаго въ путешествіи по Россіи, онъ ознакомился

съ устройствомъ внутренняго судоходства и подалъ многіе совѣты къ его улучшенію. Особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность Бетанкура по насажденію въ Россіи инженернаго образованія. По его проекту въ 1810 г. учрежденъ институтъ инженеровъ путей сообщенія, котораго онъ былъ первымъ инспекторомъ, и въ этомъ званіи являлся полнымъ хозяиномъ заведенія: онъ завѣдывалъ хозяйственной и учебной частью и еще находилъ время, по недостатку профессоровъ, читать лекціи по инженерному дѣлу. Въ 1811 г. Бетанкуръ составилъ новый проектъ организаціи института, утвержденный въ главныхъ чертахъ совѣтомъ путей сообщенія и дѣйствовавшій до 1823 г. Въ 1816 г., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго въ С.-Петербургѣ городскаго строительнаго комитета, а въ 1819 г.—директоромъ главнаго управленія путей сообщенія. Незадолго до послѣдняго назначенія, на него было Высочайше возложено составленіе проекта перенесенія Макарьевской ярмарки въ Нижній-Новгородъ, а затѣмъ и выполненіе этого важнаго дѣла. Занимаясь надъ разработкою послѣдняго полученнаго имъ отъ Государя порученія—по перестройкѣ Исаакіевскаго собора, Бетанкуръ тяжко занемогъ и вскорѣ затѣмъ скончался. Какъ ученый строитель, Бетанкуръ извѣстенъ рядомъ собственныхъ изобрѣтеній, которыми онъ значительно обогатилъ область техники; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ проектированная имъ, для очистки Кронштадтскаго порта, огромная машина (machine à draguer), замѣчательная по точности движеній и по силѣ. Его перу принадлежатъ также нѣсколько печатныхъ трудовъ: «Mémoires sur la force expansive de la vapeur de l'eau». Paris 1790; «Mémoires sur un nouveau système de navigation intérieure». Paris 1807; «Essai sur la composition des machines». Paris 1808; «Description de la salle d'éxercice de Moscou». S.-Pétersbourg. 1819. Бетанкуръ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за границею.

«Журналъ Путей Сообщенія» 1826 г., № 1, стр. 44—56.—«Русскій Инвалидъ» 1824 г., № 167, стр. 667—668.—Гамель, «Описаніе Тульск. оруж. завода», стр. 68, 70.—Словари: Зедделера, Старчевскаго, Геннади.—Соколовскій, «Пятидесятилѣтіе института корпуса инженеровъ путей сообщенія» (СПб. 1859).—«Списокъ лицъ, окончивш. курсъ наукъ въ институтѣ И. П. С. А. I» (СПб. 1883).

Бетко, *Ксаверій Францевичъ*, докторъ медицины, изъ дворянъ, ум. въ 1877 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ слуцкомъ уѣздномъ училищѣ, въ 1826 г. поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ виленскій университетъ, въ 1831 г. окончилъ тамъ курсъ лекаремъ I отд. и былъ назначенъ ординаторомъ въ виленскій военный госпиталь; съ 1833 г. служилъ въ линейной оренбургской № 3 батареѣ. 9 іюля 1836 г. Бетко получилъ въ Вильнѣ степень доктора медицины за диссертацію «De erysipelate» (Vil. 1836). Въ 1838 г. онъ вышелъ въ отставку, а въ 1839 г. поступилъ на службу въ морское вѣдомство и съ 1845 г. былъ младшимъ совѣтникомъ общаго присутствія департамента казенныхъ заготовленій.

Змѣевъ, «Р. врачи-писатели».

Бетуліусъ, *Иванъ Соломоновичъ*, докторъ медицины, род. въ Гренцгофѣ, въ Курляндіи, ум. въ сентябрѣ 1710 г.; медицину онъ изучалъ въ виттенбергскомъ университетѣ, отъ котораго получилъ и степень доктора въ 1683 г.; затѣмъ онъ былъ врачемъ въ Митавѣ. Ему принадлежитъ диссертація: De virtute martis adstrictiva etaperitiva. (Praes. Christ. Vater.), Wittenbergae, 1683.

Recke u. Napiersky.

Бетхеръ, *Артуръ Бернгардовичъ* (Arthur Böttcher), ординарный профессоръ дерптскаго университета, род. въ Курляндіи 13 іюля 1831 г., ум. въ Дерптѣ 29 іюня 1889 г. Въ 1851—56 г.г. онъ изучалъ медицину въ дерптскомъ университетѣ и окончилъ курсъ со степенью доктора медицины, а въ 1856—58 г.г. продолжалъ научныя занятія въ берлинскомъ и вѣнскомъ университетахъ. Въ 1858 г. Бетхеръ былъ утвержденъ доцентомъ, въ 1861 г.—экстраординарнымъ, и въ 1862 г.—ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета по каѳедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ съ ученою цѣлью на полтора года за границу; въ 1870 г. удостоенъ Академіей наукъ преміи академика Бэра. Въ 1883 г., по выслугѣ лѣтъ, выйдя въ отставку, Бетхеръ остался на жительство въ Дерптѣ. Съ 1871 г. по 1877 г. Бетхеръ редактировалъ основанный имъ журналъ «Dorpater Medicinische Zeitschrift». Изъ его трудовъ

наиболѣе важны: Mittheilung über einen bester noch unbekannten Blasenwurm, Dorpat 1862. — Ueber Entwickelung und Bau des Gehörlabyrinths nach Untersuchungen bei Säugethieren, 1-tes Theil, Leipzig, 1870.— Kritische Bemerkungen und neue Beiträge zur Litteratur des Gehörlabyrinths, Dorpat, 1872.—Neue Untersuchungen über die rothen Blutkörperchen (въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Petersb., 7-я серія, томъ 22, 1876).

Формулярный списокъ за 1868 г.—Album acad. des Kais. Univers. Dorpat, 1889.

Бетхеръ, *Дмитрій*, медальеръ, принятъ въ ученики Академіи художествъ въ 1806 г.; по окончаніи ея, поступилъ медальеромъ на монетный дворъ въ 1820 г. Сохранился копированный имъ портретъ Петра Великаго на медаляхъ на построеніе гавани въ Таганрогѣ и на сооруженіе флота въ четырехъ моряхъ.

Петровъ, Мат. для исторіи И. А. Худ., I, 569, II, 29,—Иверсенъ, Словарь медальеровъ.

Бехтѣевъ, *Ѳедоръ Дмитріевичъ*, повѣренный въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ, первый учитель великаго князя Павла Петровича, род. 3 февраля 1716 г., ум. въ началѣ октября 1761 г. Онъ былъ домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова, который въ дни его молодости защитилъ его отъ сосѣда-помѣщика смоленской губерніи, а затѣмъ до самой смерти Бехтѣева покровительствовалъ ему. Гдѣ онъ получилъ образованіе, неизвѣстно, но въ домѣ Воронцова онъ училъ русской грамотѣ Екатерину Романовну Воронцову (впослѣдствіи княгиню Дашкову). Бехтѣевъ поступилъ на службу въ кирасирскій полкъ гефрейтъ-капраломъ 1 февраля 1731 г. Будучи въ 1736 г. въ Варшавѣ, онъ былъ причисленъ къ посольской канцеляріи. Вернувшись въ Россію въ началѣ 1742 г., Бехтѣевъ служилъ сначала переводчикомъ, а съ 25 іюля 1744 г.—секретаремъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 18 декабря 1753 г. онъ былъ пожалованъ въ надворные совѣтники. Въ началѣ 1756 г., по рекомендаціи Воронцова, онъ былъ посланъ въ Парижъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ. Ему поручалось убѣдить французское правительство, что Императрица Елисавета, подъ вліяніемъ Маріи Терезіи, готова отвергнуть всѣ выгодныя предложенія Англіи и склоняется къ Франціи. Бехтѣевъ долженъ былъ внушить французскому двору мысль о необходимости скораго и тѣснаго союза, но ничего не говорить о характерѣ этого союза; если-бы французское министерство его объ этомъ спросило, то за свѣдѣніями онъ долженъ былъ направлять французскихъ дипломатовъ къ австрійскому министру, графу Штарембергу. Штаремберга же онъ долженъ былъ предупредить, что ему запрещено предпринимать что-либо безъ его согласія и совѣта. «Надобно, говорилось въ инструкціи, данной Бехтѣеву, соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не дать вѣнскому двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и помимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціею». Бехтѣевъ выѣхалъ изъ Петербурга 28 мая 1756 г. и пріѣхалъ въ Парижъ въ началѣ іюля. Еще съ дороги, изъ Гааги, онъ послалъ свою первую «реляцію» Воронцову, съ которымъ поддерживалъ оживленную переписку до самого своего возвращенія въ Петербургъ, въ началѣ 1758 г. Эти письма Бехтѣева (числомъ 155) содержатъ подробнѣйшія описанія всѣхъ разговоровъ его съ французскими министрами, отчеты о всѣхъ секретахъ, которые ему удавалось узнать, характеристики, иногда довольно мѣткія, французскихъ государственныхъ дѣятелей и т. п. Главную цѣль своей миссіи, «вящее утвержденіе дружбы между обоими дворами», Бехтѣевъ преслѣдовалъ упорно, стараясь сгладить во Франціи личными бесѣдами и убѣжденіями, а въ Россіи—съ помощью писемъ Воронцову, всѣ неровности и шероховатости, возникавшія при дипломатической перепискѣ. Такъ, видя что вѣнскій дворъ старается всѣ сношенія Россіи съ Франціею вести черезъ свои руки, чѣмъ уменьшался престижъ Россіи, Бехтѣевъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ давалъ понять французскимъ министрамъ, что русскій дворъ не намѣренъ вести свои дѣла черезъ третье лицо. «Сіе, пишетъ онъ, послѣ заключенія Версальскаго договора о союзѣ съ Франціей и Австріей, я еще сначала, до подписанія деклараціи внушалъ и тѣмъ не мало поспѣшествовалъ окончанію сего дѣла». Когда въ концѣ 1756 г. французскій повѣренный въ Петербургѣ, Дугласъ подписалъ секретнѣйшую декларацію объ обязанности Россіи и Франціи помогать другъ другу противъ Англіи и Турціи, во Франціи остались недовольны подобнымъ его поступкомъ, и министръ Рулье сказалъ Бехтѣеву, что при такихъ

условіяхъ нельзя вести никакого дѣла съ Россіею. Бехтѣевъ, черезъ Воронцова, уладилъ и это дѣло. Въ результатѣ онъ добился того, что отношенія Россіи съ Франціей приняли характеръ прочной дружбы. 11 іюня 1757 г. въ Парижъ пріѣхалъ назначенный туда посломъ графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, и роль Бехтѣева была закончена. Тѣмъ не менѣе, хотя онъ уже давно просился въ Россію, ему пришлось пробыть въ Парижѣ до декабря, частью вслѣдствіе болѣзни Бестужева-Рюмина, частью вслѣдствіе порученій и покупокъ для Двора и Воронцова. На возвращеніе въ Россію, по ходатайству Воронцова, Бехтѣеву было отпущено 1000 р. Вообще, Воронцовъ никогда не оставлялъ безъ вниманія его жалобъ на стѣсненное матеріальное положеніе и постоянно ходатайствовалъ о пособіяхъ ему. Въ мартѣ 1758 г. Бехтѣевъ вернулся въ Петербургъ, а 19 октября былъ пожалованъ церемоніймейстеромъ Высочайшаго двора и чиномъ бригадира и назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Одновременно ему было поручено обученіе грамотѣ четырехлѣтняго цесаревича Павла Петровича. При занятіяхъ Бехтѣевъ сталъ примѣнять особый методъ, соединявшій забаву съ ученіемъ, и быстро научилъ великаго князя чтенію и счисленію при помощи игрушечныхъ солдатиковъ и складной крѣпости. Чтобы пріохотить Павла Петровича къ чтенію и подстрекнуть его самолюбіе, Бехтѣевъ при занятіяхъ съ нимъ сажалъ рядомъ за столъ взрослыхъ людей изъ дворцовой прислуги, приказывая имъ притворяться неграмотными; затѣмъ онъ сталъ печатать для великаго князя особыя вѣдомости, гдѣ подъ рубрикою «Изъ Петербурга» сообщалось обо всѣхъ поступкахъ и погрѣшностяхъ Павла Петровича, причемъ увѣрялъ его, что эти вѣдомости разсылаются по всей Европѣ, такъ что онъ долженъ читать ихъ, если желаетъ знать, что о немъ говорятъ. При Бехтѣевѣ же явился первый, спеціально составленный для Павла, учебникъ. Это было: Краткое понятіе о физикѣ для употребленія Его Императорскаго Высочества Государя великаго князя Павла Петровича. (С.-Петербургъ, 1760). Въ іюнѣ 1760 г. Бехтѣева смѣнилъ при Павлѣ Никита Ивановичъ Панинъ. По смерти Бехтѣева, 11 октября 1761 г. канцлеръ Воронцовъ представилъ Государынѣ докладъ, въ которомъ просилъ назначить вдовѣ Бехтѣева съ двумя малолѣтними дѣтьми пенсію въ 1000 р. въ годъ. Сенатскимъ указомъ 3 апрѣля 1762 г. вдовѣ Бехтѣева было пожалованно 230 душъ крестьянъ.

Дѣла Сенатскаго Архива.—Барановъ, «Опись сенатскимъ указамъ и повелѣніямъ», т. Ш. 1740—1762 г. №№ 9288, 10353, 10724, 10809, 10878, 11207, 11280, 11878, 12098.—Архивъ князя Воронцова т. Ш и VI.—Соловьевъ, «Ист. Россіи».—Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ».—«Записки Семена Порошина», «Русская Старина» 1874 г. т. 9. № 4668.—«Дневникъ княгини Екатерины Романовны Дашковой».—«Русскій Архивъ» 1864 г. 2 изд. стр. 344.—Бартеневъ, «Вѣкъ XVIII».—Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ».

Бехъ (*фанъ-деръ*), *Михаилъ Схендо*, главный врачъ С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя, писатель. По происхожденію онъ былъ македонскій грекъ, получилъ въ Падуѣ степень доктора философіи и медицины, въ 1718 г. служилъ Австріи во время турецкой войны, затѣмъ былъ врачемъ при римско-императорскомъ посланникѣ, графѣ Вирмонти, въ Константинополѣ, послѣ чего былъ лейбъ-медикомъ валашскаго князя Маврокордато. Время прибытія Беха въ Россію неизвѣстно (около 1723 г.). До 1725 г. онъ управлялъ с.-петербургскимъ генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ (впослѣдствіи 2 военно-сухопутный, а нынѣ—Клиническій) въ качествѣ главнаго доктора; при этомъ онъ ежедневно осматривалъ по 500 больныхъ. Въ 1727 г. Бехъ служилъ въ Ригѣ подъ командой генерала Ласси и, по предписанію архіятера Блюментроста, ѣздилъ въ Кронштадтъ лѣчить тамошняго больного коменданта. Бехъ былъ энергичнымъ труженикомъ на научномъ поприщѣ, обладалъ обширнымъ образованіемъ и питалъ страсть къ нумизматикѣ и археологіи вообще. Въ нумизматикѣ онъ видѣлъ средство для объясненія важнѣйшихъ событій древней исторіи. Собранная имъ коллекція монетъ послужила причиной его несчастія. Биронъ, проѣздомъ черезъ Ригу, осматривалъ коллекцію Беха, удивлялся ей и просилъ Беха подарить ее. Отказъ разгнѣвалъ Бирона, и Бехъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, пока Сенатъ не узналъ объ его участи и, при перемѣнѣ правленія, не освободилъ его. Конрадъ Шебекъ въ предисловіи къ «Empirica illustris» говоритъ, что Бехъ составилъ, между прочимъ, «Lexicon Universale criticum», который былъ похищенъ у него княземъ Маврокордато. Затѣмъ, какъ страстный почитатель Петра

Великаго, Бехъ составилъ обозрѣніе состоянія наукъ въ Россіи во время царствованія Петра. «Въ ономъ», говоритъ Рихтеръ «изображены заслуги Петра Великаго съ пламенемъ и великимъ искусствомъ, такъже какъ и многихъ другихъ ученыхъ мужей, особенно медиковъ, въ Россіи». Сочиненіе это называется «Praesens Russiae litterariae status in epistola adumbratus» etc. и напечатано въ «Actis physico-medicis Acad. Natur. Curios.» vol. I. Другое сочиненіе Беха: «Empirica illustris per septem eufopista familiaria remedia» etc. Augustae Vindel. 1723 (фармакологическое).

Рихтеръ, Исторія медиц. въ Россіи.—Чистовичъ, Очерки изъ ист. р. мед. учр.

Бецкой, *Иванъ Ивановичъ*, побочный сынъ кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго (впослѣдствіи фельдмаршала), прижитый имъ во время пребыванія въ плѣну въ Стокгольмѣ, послѣ неудачнаго сраженія подъ Нарвою въ 1700 г., род. по единогласному показанію, 3 февраля, но годомъ рожденія одни принимаютъ 1703-й, а другіе 1704-й, ум. 31 августа 1795 г. Матерью Бецкаго одни называютъ баронессу Вреде, другіе—баронессу Скарре, третьи—даму высшаго общества и, наконецъ, иные—просто шведку, всѣ одинаково голословно. Лица, болѣе близкія къ Бецкому и его времени, вообще обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ. О вліяніи на дальнѣйшее воспитаніе Бецкаго его матери не имѣется никакихъ указаній. Его отецъ вернулся изъ плѣна въ 1718 г. Прибылъ ли тогда въ Россію и Бецкой, утвердительно сказать нельзя. Берхгольцъ, бывавшій въ домѣ князя Трубецкаго, говоря о дочеряхъ князя, совершенно не упоминаетъ о присутствіи въ его домѣ какого либо молодого человѣка, который былъ бы близокъ княжескому семейству. Съ другой стороны, имѣются показанія, правда тоже голословныя, что Бецкой обучался въ университетѣ въ Або, или въ Лейпцигѣ и затѣмъ путешествовалъ по Европѣ. Весьма вѣроятно, что, желая угодить Петру Великому, князь Трубецкой послалъ и своего сына за море. Самъ Бецкой, представляя въ 1764 г. Императрицѣ Екатеринѣ II разсужденіе о воспитаніи, говоритъ, какъ онъ, будучи кадетомъ въ копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ, ходилъ въ караулъ, стоялъ на часахъ и т. д. Кромѣ того, при поступленіи Бецкаго въ военную службу въ 1726 г. онъ давалъ показаніе, что находился въ Парижѣ для науки въ 1722 г. Въ этомъ же показаніи Бецкой выдаетъ себя за польскаго шляхтича, родственники коего служатъ коронѣ польской. Эти признанія Бецкаго позволяютъ принять, что онъ дѣйствительно обучался за границею. Затѣмъ онъ поступилъ на службу къ посланному въ Парижъ князю Василію Лукичу Долгорукову, въ качествѣ секретаря иностранныхъ дѣлъ. Въ 1726 г. Бецкой былъ переведенъ на службу къ своему отцу, Трубецкому, (въ то время генералу при полевой арміи украинскаго корпуса и кіевскому губернатору), для заграничной корреспонденціи «на нѣмецкомъ и французскомъ діалектахъ, понеже въ томъ искусенъ». Въ 1728 г., когда князь Трубецкой былъ пожалованъ въ фельдмаршалы и жилъ уже въ Москвѣ, Бецкой состоялъ при немъ флигель-адъютантомъ. Въ эти годы онъ часто посѣщалъ, какъ самъ заявляетъ, Антіоха Кантеміра, жившаго тогда въ подмосковномъ своемъ имѣніи, Черная грязь. Бесѣды съ нимъ, безъ сомнѣнія, оказали немалое вліяніе на развитіе и складъ мыслей Бецкаго. При воцареніи Анны Іоанновны, князь Трубецкой, вмѣстѣ съ Антіохомъ Кантеміромъ, Ягужинскимъ и др., былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ самодержавія и самъ вручилъ Императрицѣ извѣстную челобитную. Въ числѣ подписавшихъ эту челобитную находился и Бецкой. Въ то же время Бецкой былъ опредѣленъ Трубецкимъ съ 8 апрѣля 1730 г. въ званіе генеральсъ-адъютанта, но утвержденъ въ этомъ званіи военною коллегіею только 5 сентября 1733 г. и притомъ въ маіорскомъ рангѣ, а по прошествіи года былъ произведенъ въ подполковники. Продолжая служить при отцѣ, Бецкой ѣздилъ въ началѣ 1739 г. съ его дочерью Анастасіей Ивановною (которая въ 1738 г. вступила во второй бракъ съ принцемъ Людвигомъ Гессенъ Гомбургскимъ) за границу и посѣтилъ разныя мѣста Германіи, а также Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и зимою 1740 г. возвратился опять въ Россію. Въ переворотѣ 1741 г. Бецкой лично дѣятельнаго участія не принималъ, а только являлся къ Шетарди съ различными порученіями отъ Императрицы Елизаветы немедленно послѣ вступленія ея во дворецъ. Такимъ образомъ, Бецкій былъ и тогда уже близокъ ко Двору, благодаря, конечно, единокровной сестрѣ своей, Анастасіи Ивановнѣ, прин-

цессѣ Гессенъ Гомбургской, пользовавшейся большимъ расположеніемъ Елизаветы Петровны. 18 февраля 1742 г. Бецкой, будучи въ чинѣ подполковника, былъ пожалованъ камергеромъ къ наслѣднику престола, Петру Ѳеодоровичу. Въ этой должности Бецкой часто появлялся при Дворѣ и неоднократно видѣлся съ принцессою Ангальтъ Цербстскою, Іоанною-Елизаветою, прибывшею въ 1744 г. въ Москву съ дочерью своею, которая вскорѣ вступила въ бракъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ. За это время, по словамъ самой Екатерины II, «мать ея очень близко привязалась къ супругамъ Гессенъ Гомбургскимъ и еще болѣе—къ камергеру Бецкому. Это очень не нравилось графинѣ Румянцевой, маршалу Брюмеру и вообще всѣмъ». Кромѣ того, состоя камергеромъ малаго двора вмѣстѣ съ Петромъ Сумароковымъ, Лиліенфельдомъ, Дикеромъ, Петромъ Девіеромъ, Бецкой, хорошо владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками и уже видѣвшій не мало на своемъ вѣку за границею, имѣлъ возможность, какъ интересный собесѣдникъ, обратить на себя вниманіе наслѣдника престола и его супруги, предпочтительно предъ прочими лицами великокняжескаго двора, состоявшаго преимущественно изъ нѣмцевъ. Въ 1747 г. Бецкой раздѣлилъ участь послѣднихъ и, по настояніямъ канцлера Бестужева-Рюмина, былъ удаленъ вмѣстѣ съ прочими приближенными великаго князя, такъ какъ они вліяли на Его Высочество въ духѣ, несоотвѣтствующемъ политическимъ видамъ канцлера. Бецкой, однако, остался камергеромъ, но уже весьма рѣдко появлялся при Дворѣ и даже совершилъ снова поѣздку за границу въ 1756 г., вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, женатымъ на его племянницѣ, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Кантемиръ (дочери Анастасьи Ивановны Гессенъ Гомбургской отъ перваго ея брака). Во время этого продолжительнаго пребыванія за границею Бецкой посѣтилъ Германію, Голландію, Францію и Италію, осматривалъ различныя учрежденія и богоугодныя заведенія, познакомился въ Парижѣ съ многими художниками, учеными и писателями (какъ, напримѣръ, съ Гриммомъ, Дидеро и т. д.), а также съ госпожею Жоффренъ и посѣщалъ ея салонъ, въ которомъ собирались корифеи французской литературы и художествъ. Вѣроятно, тогда же, въ Парижѣ Бецкой ознакомился съ ученіями и взглядами какъ энциклопедистовъ, такъ и Руссо и его послѣдователей. Это знакомство во многомъ отразилось въ различныхъ проектахъ Бецкаго, представленныхъ имъ впослѣдствіи Екатеринѣ II. Вступленіе на престолъ Петра III застало Бецкаго уже въ Вѣнѣ, какъ видно изъ поздравительнаго письма его къ Императору отъ 11—22 января, и слѣдующаго—отъ 27 марта 1762 г. Увѣдомляя въ послѣднемъ о полученіи Высочайшаго указа о немедленномъ прибытіи въ Россію, Бецкой пишетъ, что его болѣзненное состояніе можетъ немного воспрепятствовать скорѣйшему его возвращенію и для своего оправданія прилагаетъ свидѣтельства докторовъ. Прибывъ въ Петербургъ, генералъ-маіоръ Бецковъ (какъ писали въ то время) указомъ 24 мая 1762 г. произведенъ былъ въ генералъ-поручики и назначенъ главнымъ директоромъ канцелярій строеній. Во время переворота 28 іюня 1762 г. Бецкой былъ на сторонѣ Петра III и ѣхалъ на одной изъ галеръ, плывшихъ къ Кронштадту. Однако Екатерина II не только оставила Бецкаго по прежнему управлять канцеляріею строеній, но и назначила его членомъ въ учрежденную 11 декабря 1762 г. особую коммисію для устройства городовъ С.-Петербурга и Москвы. Учрежденіе этой коммисіи, обязанной завѣдывать постройками въ столицахъ, значительно измѣнило кругъ дѣятельности канцеляріи строенія, которая за 1765 г. была переименована въ канцелярію отъ строеній Ея Величества домовъ и садовъ и стала завѣдывать исключительно дворцами и садами Ея Величества. Въ 1769 г. эта канцелярія переименована въ контору. Склонность Императрицы къ различнымъ постройкамъ дѣлала дожность директора канцеляріи (а потомъ конторы) строеній весьма хлопотливою и даже непріятною. Бецкому приходилось самому надзирать за изготовленіемъ кирпича, за пережиганіемъ извести и т. д.; притомъ постоянно ощущался недостатокъ въ деньгахъ на покрытіе расходовъ по постройкамъ новыхъ зданій и по поддержанію прежде уже воздвигнутыхъ, нельзя было не бороться и съ разнаго рода злоупотребленіями, въ то время заурядными. Но, помимо завѣдыванія дворцами и садами, на Бецкаго возлагались и другія порученія. Такъ, послѣ большаго пожара въ г. Твери 12 мая 1763 г. ему поручено было составить болѣе правильное распланированіе

построекъ въ этомъ городѣ, и онъ представилъ по этому дѣлу большую записку, 14 іюня утвержденную Императрицею. Затѣмъ, при сооруженіи памятника Петру Великому, Бецкой имѣлъ главное наблюденіе за всѣми работами, производимыми Фальконетомъ. Въ мартѣ 1762 г. послѣдовало отдѣленіе Академіи художествъ отъ московскаго университета, и главное завѣдываніе Академіею поручено было Бецкому. Прежде всего онъ озаботился сооруженіемъ особаго зданія для Академіи и исходатайствовалъ у Императрицы указъ объ отпускѣ Академіи такъ называемаго Вратиславскаго двора на Васильевскомъ островѣ (на углу 3 и 4 линій), а за тѣмъ неоднократно испрашивалъ деньги для сооруженія на этомъ мѣстѣ обширнаго зданія, которое однако не было окончательно отстроено при жизни Бецкаго, по недостатку суммъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бецкой представилъ проэктъ новаго устава для Академіи, въ многомъ сходный съ составленнымъ его предмѣстникомъ, Шуваловымъ. По предварительномъ разсмотрѣніи этого проекта княземъ Шаховскимъ, Минихомъ, Олсуфьевымъ, Тепловымъ и Н. Панинымъ, вполнѣ его одобрившими, онъ былъ утвержденъ Императрицею 4 ноября 1764 г. По этому уставу главное завѣдываніе Академіею возлагалось на совѣтъ (или собраніе), состоявшій изъ директора и профессоровъ, причемъ предсѣдателемъ былъ президентъ Академіи (въ этомъ званіи и состоялъ Бецкой), который докладывалъ о всемъ необходимомъ по Академіи Императрицѣ. Всею учебною и воспитательною частію завѣдывалъ директоръ, вторая персона по президентѣ. Вся хозяйственная часть, а также денежная была поручена совѣту. Академія состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ классовъ, ученіе продолжалось шесть лѣтъ, по прошествіи которыхъ ученики подвергались экзамену, смотря по успѣхамъ награждались различными медалями, получали права вольности, а наиболѣе успѣвшіе двѣнадцать человѣкъ отправлялись для усовершенствованія на три года за границу. Изъ дѣлъ Академіи видно, что Бецкой не мало заботился и интересовался этими учениками, находившимися въ разныхъ мѣстахъ за границею. При Академіи было еще особое воспитательное училище для мальчикокъ, принимаемыхъ въ возрастѣ 5—6 лѣтъ, которые послѣ десятилѣтняго обученія могли поступать въ Академію. Не имѣвшіе призванія къ художеству, опредѣлялись въ разныя мастерства, по ихъ наклонностямъ и способностямъ. 27 іюня 1769 г. Бецкой испросилъ разрѣшеніе Императрицы содержать на собственномъ иждивеніи, начиная съ 1770 г., по десяти мальчиковъ, принимая ихъ всякіе три года. Къ 1785 г. было уже 60 человѣкъ, воспитывавшихся на счетъ Бецкаго при Академіи художествъ. Съ послѣдовавшимъ въ 1786 г. измѣненіемъ размѣровъ процентовъ, платимыхъ банкомъ, Бецкой не нашелъ болѣе возможнымъ продолжать это дѣло и увѣдомилъ о томъ совѣтъ ранѣе предстоявшаго въ 1788 г. новаго пріема воспитанниковъ. По этому поводу у Бецкаго возникла переписка съ Академіею о деньгахъ, причитавшихся ей за воспитывавшихся, на счетъ перваго, учениковъ, и необходимая сумма была получена уже по кончинѣ Бецкаго, завѣщавшаго Академіи также два шкафа, съ гравированными антиками, весьма древними, и съ рѣдкими слѣпками изображеній различныхъ историческихъ лицъ, сдѣланныхъ по преимуществу французскими художниками. Эта коллекція была собрана имъ еще во время его заграничныхъ путешествій. Помимо Академіи, имя Бецкаго неразрывно связано съ учрежденіемъ перваго въ Россіи женскаго учебнаго заведенія и съ основаніемъ воспитательнаго дома для несчастно-рожденныхъ, съ изданіемъ новаго устава кадетскаго корпуса, а также съ устройствомъ перваго кредитнаго общественнаго установленія (сохранной и ссудной казны). Объ участи покинутыхъ дѣтей у насъ до Бецкаго заботились мало. Правда, Петръ Великій издалъ нѣсколько указовъ объ устройствѣ домовъ «для зазорныхъ младенцевъ» при церквахъ и о содержаніи ихъ при женскихъ монастыряхъ, но преемники его, по видимому, не обращали на этотъ предметъ особаго вниманія. Лишь Бецкой снова поднялъ забытый вопросъ, и по его проекту Императрица Екатерина II учредила въ Москвѣ воспитательный домъ (манифестъ 1 сентября 1763 г.). Организація новаго дѣла была до мельчайшихъ подробностей разработана Бецкимъ. Главныя основныя начала этого учрежденія, изложенныя въ первой и второй частяхъ генеральнаго плана, состояли въ слѣдующемъ. Всякій могъ принести въ домъ младенца во всякое время, не объясняя ничего, а только заявивъ, крещенъ ли

младенецъ, или нѣтъ. Ребенка сдавали на руки кормилицѣ или нянькѣ, а черезъ два года переводили въ особый разрядъ, гдѣ дѣти обоего пола пребывали вмѣстѣ. Съ седьмаго года ихъ раздѣляли и начинали обучать чтенію, письму, первымъ основаніямъ вѣры, а также ручнымъ легкимъ работамъ. Съ 14—15 лѣтъ питомцевъ обучали различнымъ мастерствамъ, смотря по склонности каждаго. По прошествіи 4—5 лѣтъ они могли вступать въ бракъ и, пользуясь года три или четыре помѣщеніемъ въ домѣ, работать на себя; при увольненіи изъ дома они получали полное обмундированіе и права вольныхъ людей. Эти питомцы должны были, по мысли Бецкаго, постепенно увеличивать «средній родъ людей», т. е. сословіе городскихъ обывателей, къ которому они всѣ причислялись. При воспитаніи должно было обходиться, по предписанію Бецкаго, ласково и кротко: всякія тѣлесныя наказанія строго воспрещались, не только надъ питомцами, но и надъ нижними служителями дома, дабы юношество не пріобучить къ суровости. Предписывалось дѣтей стараться исправлять увѣщаніями. Обучать грамотѣ и мастерствамъ надлежало безусловно и лицъ женскаго пола. Главное непосредственное завѣдываніе домомъ возлагалось на главнаго надзирателя. При домѣ состоялъ особый совѣтъ изъ шести опекуновъ, который былъ обязанъ способствовать по дѣламъ, касающимся дома. Кромѣ того былъ еще главный попечитель (имъ былъ Бецкой),который вмѣстѣ съ совѣтомъ долженъ былъ стараться о точномъ исполненіи генеральнаго плана, а по дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, докладывать Императрицѣ. Хотя все завѣдываніе и распоряженіе домомъ предоставлено было исключительно главному надзирателю и совѣту опекуновъ, но съ самаго начала истиннымъ двигателемъ новаго дѣла былъ Бецкой, какъ это видно изъ обширной переписки его съ опекунами и множества журналовъ опекунскаго совѣта, вызванныхъ предложеніями главнаго попечителя, къ которому и совѣтъ, и главный надзиратель постоянно обращались за руководящими указаніями. Для усиленія средствъ дома, содержавшагося исключительно на добровольныя пожертвованія, Бецкой устроилъ при немъ 20 ноября 1772 г. три казны— сохранную, ссудную и вдовью. Первая учреждалась, по словамъ Бецкаго, для предохраненія всѣмъ лицамъ своихъ капиталовъ, на которые, при внесеніи ихъ въ сохранную казну, уплачивались вкладчикамъ проценты въ установленномъ размѣрѣ. Сохранная казна выдавала также ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Для ссудъ подъ ручные залоги учреждалась ссудная казна, взимавшая полъ-процента въ мѣсяцъ. Этимъ Бецкой добивался огражденія нуждающихся отъ «многокорыстныхъ ростовщиковъ, которые утѣсняютъ бѣдныхъ согражданъ подъ ложнымъ покровомъ добродѣтелей». Эти двѣ казны дѣлали большіе обороты и существовали до преобразованія государственныхъ кредитныхъ установленій въ 1859 г. Вдовью казну Бецкой предназначалъ «для облегченія горестнаго состоянія тѣхъ изъ вдовъ, которыя послѣ мужей часто остаются безъ пропитанія и безъ помощи». По плану Бецкаго, вдовья казна состояла изъ 4 классовъ или разрядовъ, по которымъ мужья при своей жизни уплачивали ежегодно опредѣленные взносы, а по ихъ смерти вдовамъ, соразмѣрно сдѣланнымъ взносамъ, уплачивалась или ежегодно пенсія, или единовременная сумма, смотря по предварительному соглашенію. Эти уплаты вдовамъ ни подъ какимъ видомъ не задерживались и всегда сполна выдавались имъ самимъ или ихъ наслѣдникамъ и повѣреннымъ. Это учрежденіе существовало еще въ 1858 г. По примѣру московскаго воспитательнаго дома былъ учрежденъ, по представленію Бецкаго, 6 сентября 1772 г. такой же домъ и въ Петербургѣ, составлявшій вначалѣ отдѣленіе московскаго дома. Бецкой выражалъ надежду, что и въ другихъ городахъ, въ силу генеральнаго плана, возникнутъ убѣжища для покинутыхъ дѣтей. Въ связи съ этими планами стоятъ тѣ строки въ учрежденіи объ управленіи губерніями (1775 г.), которыми поручается приказамъ общественнаго призрѣнія заботиться объ установленіи, содержаніи и управленіи сиротскихъ воспитательныхъ домовъ.

Вскорѣ послѣ утвержденія Императрицей первой части генеральнаго плана воспитательнаго дома (1 сентября 1763 г.) Бецкой представилъ такъ называемое генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованное Императрицею 12 марта 1764 г. Это «учрежденіе» Бецкой неуклонно и настойчиво проводилъ во всѣхъ устраиваемыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ; здѣсь выражены

основные его взгляды на задачи и средства воспитанія. Указавъ, на сколько трудно преодолѣть суевѣріе вѣковъ и дать народу новое воспитаніе, такъ сказать, новое порожденіе, Бецкой, раздѣляя взгляды Руссо, говоритъ, что корень всему добру и злу въ человѣкѣ — воспитаніе, о которомъ необходимо неусыпно заботиться до 18—20 лѣтъ. Дѣти должны находиться въ училищахъ безвыходно, такъ какъ общеніе съ людьми безъ разбора весьма вредно. Должно возбудить въ юношествѣ охоту къ трудолюбію и страхъ къ праздности, какъ источнику всякаго зла, научить благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ, словомъ — всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя принадлежатъ къ доброму воспитанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ воспитательныхъ заведеніяхъ должно обратить большое вниманіе на физическое воспитаніе. Въ особомъ «краткомъ наставленіи, выбранномъ изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества» (приложено къ генеральному учрежденію и составлено преимущественно по Локку, Фенелону и Руссо) Бецкой подробно говоритъ сперва объ обращеніи съ грудными младенцами и дѣтьми до шести лѣтъ. Онъ предлагаетъ не внушать дѣтямъ пустыхъ страховъ, удалять ихъ отъ обхожденія съ невѣжами и злонравными людьми, не допускать видѣть неблагоразумные поступки и, если придется дѣлать дѣтямъ выговоры, то поступать «безъ свирѣпства злобы, дабы большимъ страхомъ не повредить ихъ природной остроты». Въ этомъ первомъ возрастѣ должно обучать дѣтей всему «играючи» и, сколько возможно, безъ принужденія. Въ слѣдующемъ возрастѣ, отъ 5 до 10 лѣтъ, надо развивать дѣтей физически разными играми, не препятствовать имъ въ увеселеніяхъ, «приводить къ ученію, подобно какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле, всемѣрно стараться вселить въ дѣтяхъ любовь къ ученію, такъ чтобы оное награжденіемъ себѣ почитали». Особенно необходимо стараться, чтобы дѣти имѣли только здравый разумъ и доброе сердце. Не должно бить дѣтей почти никогда и отнюдь не слѣдовать въ жестокихъ наказаніяхъ безразсуднымъ и свирѣпымъ школьнымъ учителямъ. Всякіе побои, по всѣмъ физическимъ правиламъ, безъ сомнѣнія вредны здоровью. Въ третьемъ возрастѣ дѣтей, отъ 12 до 15 и 16 лѣтъ, слѣдуетъ всячески удалять отъ нихъ людей жестокихъ, злыхъ и съ физическими пороками. Должно пріучать ихъ сносить разныя тягости и лишенія, не допускать, чтобы въ юношахъ усиливалась какая либо одна страсть, въ особенности къ карточной и другимъ играмъ, удалять ихъ отъ худыхъ разговоровъ, отъ чтенія вредныхъ книгъ и т. д., не упуская изъ виду поговорки, что случай дѣлаетъ вора. Необходимо пріучать юношество къ чистотѣ во всемъ, къ учтивости, благопристойности и т. д. Это первое систематическое изложеніе взглядовъ русскаго правительства при Екатеринѣ II на воспитаніе было распубликовано, какъ бы для общаго руководства всѣмъ родителямъ при воспитаніи дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнялось Бецкимъ въ уставахъ учебныхъ заведеній, составляемыхъ имъ по порученію Императрицы. Прежде всего эти новыя начала нашли примѣненіе въ указѣ 5 мая 1764 г., о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ монастырѣ. До Екатерины у насъ не существовало вовсе женскихъ учебныхъ заведеній. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Императрица поручила Бецкому, какъ лично видѣвшему въ Парижѣ извѣстный Сенъ-Сиръ, представить докладъ объ устройствѣ и въ Россіи закрытаго заведенія для воспитанія дѣвицъ благороднаго происхожденія. Проектъ Бецкаго былъ утвержденъ 5 мая 1764 г. По этому проекту учреждалось въ Петербургѣ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ; въ него принимались лица женскаго пола дворянскаго происхожденія отъ 5—6 лѣтъ, при чемъ родители давали подписку, что совершенно отдаютъ ребенка, до 18 лѣтняго возраста, и ранѣе этого требовать обратно не будутъ. Главное распоряженіе по всему обществу и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава предоставлено было начальницѣ, при которой была правительница. Кромѣ того были еще четыре попечителя изъ знатныхъ особъ, которые составляли собраніе (или совѣтъ) для разсмотрѣнія и разрѣшенія различныхъ вопросовъ, относящихся до экономіи и благоустройства дома. Однимъ изъ попечителей былъ назначенъ Бецкой, остававшійся въ этомъ званіи до смерти. Онъ самъ представлялъ Императрицѣ доклады по дѣламъ воспитательнаго общества, требовавшія Высочайшаго разрѣшенія, и вообще имѣлъ большое вліяніе на внутреннюю жизнь и

распорядки новаго учебнаго заведенія. Благодаря его гуманному воздѣйствію, установились тѣ отношенія начальства заведенія къ дѣвицамъ, которыя существовали въ немъ первое время и ярко выражены во многихъ письмахъ и воспоминаніяхъ смолянокъ за это время. Первоначально воспитанницы помѣщались въ зданіяхъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря на берегу р. Невы, но, по представленіямъ Бецкаго, Императрица разрѣшила соорудить для общества особое зданіе, тѣмъ болѣе, что кругъ дѣятельности бщества скоро значительно расширился. Устроивъ первое закрытое женское учебное заведеніе для дѣвицъ благороднаго происхожденія, Бецкой уже въ 1765 г. докладывалъ Императрицѣ, что для пользы общества не меньше требуется, чтобы «всякаго чина женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ». Вслѣдствіе этого, по докладу Бецкаго, состоялся 31 января 1765 г. указъ объ учрежденіи при томъ же Воскресенскомъ монастырѣ особаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ всякаго званія, кромѣ крѣпостныхъ, подъ управленіемъ той же начальницы и правительницы, но съ иной программою обученія: преимущественно обращено было вниманіе на различныя рукодѣлія и другія домашнія работы. Въ 1772 г. Бецкой изъявилъ желаніе содержать на собственномъ иждивеніи по пяти воспитанницъ изъ бѣдныхъ дворянъ, поступавшихъ въ училище въ каждый пріемъ, а въ 1773 г. онъ представилъ общія правила о пріемѣ въ воспитательныя училища дѣтей на собственное иждивеніе, т. е. за которыхъ плата будетъ вносится родителями, или кѣмъ либо другимъ.

Постройка въ Москвѣ воспитательнаго дома, принятая на себя Прокофіемъ Демидовымъ, породила въ 1772 г. большую переписку съ нимъ Бецкаго, который, высказывая свой взглядъ на коммерцію въ нашемъ отечествѣ, сообщилъ Демидову, что занятъ мыслію учредить для дѣтей купечества воспитаніе, для нихъ пристойное, что, окончивъ планъ оному, пришлетъ Демидову на апробацію, что въ настоящее время онъ не имѣетъ средствъ, необходимыхъ для устройства заведенія и т. д. Результатомъ этой переписки явился, съ одной стороны, планъ (уставъ) коммерческаго училища, утвержденный Императрицей 6 декабря 1772 г., а съ другой—сдѣланное Демидовымъ пожертвованіе (въ 205 тысячъ руб.) на содержаніе этого училища, первые годы находившагося въ Москвѣ, въ самомъ зданіи воспитательнаго дома. Въ уставѣ училища проводились тѣ же начала, что и въ уставахъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній, т. е. принимались дѣти не моложе пяти лѣтъ, предписывались тѣ же педагогическіе пріемы, преподавалось почти то же самое, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ лицамъ торговымъ—бухгалтеріи (двойной, или итальянской), исторической географіи, экономіи, свѣдѣній по государственному праву и т. д.; лушихъ учениковъ награждали медалями и посылали въ иностранныя государства съ рекомендаціями къ россійскимъ министрамъ, чтобы они могли опредѣлиться въ иностранныя конторы для практическихъ занятій. Окончившіе курсъ пользовались покровительствомъ опекунскаго совѣта въ Москвѣ. Непосредственно завѣдывалъ училищемъ главный надзиратель московскаго воспитательнаго дома, а Бецкой только слѣдилъ, насколько это ему было возможно изъ Петербурга, за осуществленіемъ устава и давалъ необходимыя указанія. Это училище немало содѣйствовало нарушенію добрыхъ отношеній, установившихся межлу Бецкимъ и Демидовымъ, который настойчиво домогался изъять основанное на его средства училище изъ вѣдѣнія главнаго надзирателя и перемѣстить въ совершенно особое помѣщеніе. Бецкой же на это не соглашался, быть можетъ и потому, что самое коммерческое училище не встрѣтило сочувствія со стороны купечества, которое неохотно отдавало дѣтей въ училище и ничего не жертвовало на его содержаніе. Бецкой, въ виду этого, опасался расширять училище и сооружать для него особое зданіе. Демидовъ, между тѣмъ, скоро умеръ, и въ Москвѣ некому было надзирать за училищемъ, въ которомъ постепенно стали возникать безпорядки. По кончинѣ же Бецкаго, а затѣмъ и Императрицы Екатерины II, была образована особая коммиссія для пересмотра устава коммерческаго училища, поступившаго, какъ и прочія воспитательныя заведенія, подъ августѣйшее покровительство Императрицы Маріи Θеодоровны, при которой это училище, по указу 5 мая 1799 г., было переведено въ Петербургъ.

Необходимо упомянуть еще о дѣятельности Бецкаго въ шляхетномъ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ. Екатерина II, принявъ корпусъ въ свое собственное вѣдѣніе, опредѣлила главнымъ директоромъ его Бецкаго, непосредственнымъ же начальникомъ корпуса былъ генералъ-маіоръ Философовъ. Согласно утвержденнымъ въ 1765 г. «пунктамъ для перемѣны» кадетскаго корпуса (въ числѣ которыхъ положительно предписывалось «всякія тѣлесныя наказанія кадетамъ нынѣ отрѣшить»), Бецкимъ былъ составленъ новый уставъ, утвержденный Императрицею 11 сентября 1766 г. Здѣсь также повторялись начала, находимыя и въ прочихъ уставахъ, составленныхъ Бецкимъ: принимались въ корпусъ дѣти только дворянъ, не старше шести лѣтъ, при чемъ родители давали подписку, что отдаютъ дѣтей добровольно, не менѣе какъ на пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ не будутъ брать дѣтей даже въ отпускъ. Корпусъ былъ заведеніе закрытое, имѣлъ пять возрастовъ (или классовъ), въ каждомъ возрастѣ пребывали три года. Вступая въ 4-й возрастъ, кадетъ имѣлъ право выбрать гражданскую службу и сообразно этому обучался нѣкоторымъ другимъ наукамъ, которымъ остальные кадеты не обучались. Предписывалось заботиться о физическомъ и нравственномъ развитіи кадетъ, обходиться съ ними ласково, никогда не бить шпагою или фухтелемъ, стараться предупреждать и отвращать ошибки и проступки и т. д. Окончившіе полный курсъ поступали въ военную службу, лучшіе награждались медалями, а наиболѣе достойные имѣли право, съ согласія родителей, путешествовать три года за границею на счетъ корпуса. Всѣ уставы, составленные Бецкимъ, требовали особенно хорошихъ наставниковъ и преподавателей, въ которыхъ въ то время ощущался большой недостатокъ; приходилось поэтому прибѣгать къ содѣйствію иностранцевъ. Желаніе отстранить иноземное вліяніе побудило Бецкаго въ 1772 г. представить Императрицѣ особый докладъ, въ которомъ предлагалось учредить при сухопутномъ корпусѣ особое отдѣленіе для воспитанія мѣщанскихъ дѣтей, изъ которыхъ могли со временемъ образоваться достойные преподаватели и воспитатели для корпуса. Императрица утвердила этотъ проектъ 27 октября. Въ 1773 г. директоромъ корпуса былъ назначенъ генералъ-поручикъ Пурпуръ, а Бецкой оставался только членомъ совѣта, до его упраздненія въ 1785 г.

Помимо постоянныхъ обязанностей, Бецкой еще исполнялъ немало особыхъ дѣлъ, порученныхъ ему Императрицею. Такъ, онъ одно время завѣдывалъ воспитаніемъ молодого Бобринскаго и, отправляя его за границу, написалъ прекрасную инструкцію въ руководство лицамъ, желающимъ путешествовать съ пользою. По порученію Императрицы онъ пріобрѣталъ всякія картины и статуи изъ за границы, велъ переписку по этимъ дѣламъ и т. д. Труды Бецкаго неоднократно награждались Императрицею: въ 1766 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 21 апрѣля 1768 г. пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, а 20 ноября 1772 г. онъ удостоился совершенно особой почетной награды. Онъ былъ приглашенъ въ торжественное засѣданіе Правительствующаго Сената, у подъѣзда котораго стоялъ почетный караулъ для него, и при входѣ его въ залу генералъ-прокуроръ, въ знакъ признательности, поднесъ ему отъ имени Сената большую золотую медаль, согласно Высочайшей на то волѣ. Позднѣе, при учрежденіи ордена Св. Владиміра (22 сентября 1782 г.), Бецкой былъ въ числѣ первыхъ, пожалованныхъ кавалерами первой степени этого ордена. Однако какихъ либо особыхъ денежныхъ наградъ или жалованныхъ имѣній, щедро раздаваемыхъ Императрицею всѣмъ приближеннымъ, Бецкой никогда не получалъ, за исключеніемъ небольшой мызы Нейгаузъ въ Лифляндіи, съ деревнями и рыбными ловлями, пожалованной ему въ началѣ 1764 г. Онъ жилъ преимущественно на средства, доставшіяся ему отъ отца, имѣлъ въ Петербургѣ обширный домъ на набережной рѣки (гдѣ нынѣ домъ принца Ольденбургскаго), но жизнь велъ скромную, пировъ не давалъ, любилъ читать и слѣдить за новѣйшими открытіями всякаго рода, самъ производилъ опыты надъ шелковичными червями, разводилъ искусственно цыплятъ и т. д. Начиная съ 1783 г. здоровье Бецкаго сильно растроилось; повидимому, его постигъ параличъ, онъ худо владѣлъ рукою и ногою; къ этому присоединилась и значительное ослабленіе зрѣнія; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ Бецкой медленно умиралъ, однако же пережилъ всѣхъ своихъ сверст-

никовъ. Смерть его прошла незамѣченною, о ней не упоминается даже въ современныхъ газетахъ. Только Державинъ почтилъ его кончину стихотвореніемъ «На кончину благотворителя», а при его погребеніи извѣстный духовный витія, Анастасій Братановскій произнесъ надгробное слово, которое и по настоящее время считается образцовымъ. Бецкой погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ такъ называемой палаткѣ, которая находится между церквами Благовѣщенскою и Св. Духа. На стѣнѣ у могилы имѣется мѣдная доска съ написью: Quod aevo promuerit, aeterno obtinuit (что въ вѣкъ свой заслужилъ, на вѣчность пріобрѣлъ). Памятника особаго на могилѣ не имѣется.

Всѣ свои педагогическія и филантропическія разсужденія, а также составленные имъ уставы разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній Бецкой еще при жизни собралъ и издалъ въ двухъ сборникахъ; первый озаглавленъ «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества» (1789 г.), второй— «Собраніе наставленій о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до отрочества, извлеченныхъ изъ сочиненій Локка, Монтеня и другихъ» (1766 г.). Кромѣ того, по его мысли и указаніямъ издавалось «Собраніе разныхъ извѣстій Императорскаго воспитательнаго дома»; здѣсь имѣются любопытныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ существованія этого дома.

Упомянутые два сборника и «Собраніе извѣстій».—Полное собраніе законовъ (Первое), томы XVI—XXI. — Архивы: Сената, Академіи Художествъ, Имп. Русскаго Истор. Общ., Опекунскаго Совѣта, Имп. воспитательнаго общ. благор. дѣвицъ.—Исторія Россіи Соловьева т. XXI—XXV, XXVII, XXIX. — Коргановъ, Исторія воцаренія Анны Іоанновны. — Бильбасовъ, Исторія Екатерины II.—Чтенія Общества Исторіи и древностей при Московск. Универ. за 1861 и 1863 г. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 17, 23, 27, 79, 81, и 98.— «Русскій Архивъ», 1871, 1872, 1873, 1876, 1888, 1890 и 1899 г.г.—«Русская Старина», 1872, 1874, 1877, 1889, 1890 и 1896 г.г.—«Русскій Вѣстникъ», 1824, 1842, 1861, 1896 гг.—«Отечественныя Записки», 1823, 1842, 1859 г.г.—Петровъ, Собраніе матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Академіи Художествъ.—Драшусовъ, Матеріалы для исторіи Московскаго воспитательнаго дома.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Коммерческаго училища.— Histoire des enfants trouvés, par Leon Lallemand.—Лалаевъ, Очеркъ военно-учебныхъ заведеній.—Лядовъ, Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ.—Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей.—Iohann Bernouilli, Reisen durch Russland.—Les princes Troubetzkoy, par la princesse Elise Troubetzkoy.—Mémoires de l'Impevatrice Catherine. Londres. 1859.—Словари: Венгерова, Андреевскаго и др.

П. М. Майковъ.

Беэръ (Байеръ, Беерь), ***Андрей Венедиктовичъ***, первый главный командиръ Колывановоскресенскихъ заводовъ, ум. 21 мая 1751 г. Онъ, подъ именемъ Андреаса Беэра, прибылъ въ Россію въ 1704 г. изъ Саксоніи въ числѣ другихъ «рудодѣльныхъ и рудоплавныхъ мастеровъ», выписанныхъ Петромъ Великимъ изъ за границы; затѣмъ, нѣкоторое время Беэръ состоялъ при рудномъ приказѣ, въ распоряженіи пробирера Блюэра, а затѣмъ опредѣленъ на Сестрорѣцкіе заводы. Дослужившись до чина лейтенанта отъ артиллеріи, Беэръ въ 1727 г. командовалъ кораблемъ «Викторія», плававшимъ между Кронштадтомъ, Ревелемъ и Рогервикомъ (Балтійскій портъ), но въ 1731 г. былъ снова переведенъ на Сестрорѣцкіе заводы и назначенъ завѣдующимъ ими. Въ 1734 г. Беэръ представилъ въ адмиралтействъ-коллегію модель машины, «сквозь которую можно тянуть въ тонкость полосное желѣзо», и усовершенствовалъ фузею, «явившуюся противъ солдатскихъ россійскихъ дѣйствительнѣе въ пальбѣ и разстояніи». Во время посѣщенія Императрицей Анной Іоанновной, въ февралѣ 1735 г., Сестрорѣцкихъ заводовъ, Беэръ былъ пожалованъ въ капитаны морской артиллеріи, а въ декабрѣ того же года, по новому штату, зачисленъ въ комплектъ артиллерійскаго корпуса капитаномъ. 23 ноября 1736 г. онъ былъ посланъ обревизовать Тульскій оружейный заводъ и весьма успѣшно выполнилъ это порученіе. Въ 1737 г. Беэръ, въ чинѣ маіора, выбылъ изъ списка морской артиллеріи. Въ томъ же году, съ Высочайшаго соизволенія, Беэръ (совмѣстно съ оберъ кригсъ-коммиссаромъ артиллеріи Унковскимъ) командированъ на Олонецкіе заводы для изслѣдованія причинъ ихъ убыточности и на Медвѣжьи острова (въ Бѣломъ морѣ) для осмотра разрабатывавшихся тамъ серебросвинцовыхъ мѣсторожденій. Въ 1738 г. Беэръ назначенъ главнымъ управляющимъ тульскою оружейною конторою, съ званіемъ совѣтника. Въ 1744 г. артиллерійская канцелярія, завѣдывавшая казенными оружейными заводами, потребовала увеличенія суммы, отпускаемой на ихъ содержаніе. Тогда Беэръ, 14 октя-

бря 1744 г., представилъ военной коллегіи подробный докладъ о Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ заводахъ, въ которомъ разъяснилъ, «какимъ способомъ содержать ихъ можно безъ прибавленія требуемой артиллерійскою канцеляріею суммы». Сенатъ вполнѣ одобрилъ этотъ докладъ и назначилъ Беэра главнымъ директоромъ обоихъ заводовъ. Въ томъ же 1744 г. Бэеру, бывшему въ то время уже бригадиромъ, по Высочайшему повелѣнію, предписано было отправиться въ Сибирь на Демидовскіе Колывановоскресенскіе заводы, для осмотра серебряныхъ рудъ, открытыхъ незадолго передъ тѣмъ вблизи этихъ заводовъ. На пути къ мѣсту назначенія Беэръ останавливался въ Екатеринбургѣ, гдѣ осматривалъ и изучалъ извѣстныя мѣстнымъ крестьянамъ-рудоискателямъ мѣсторожденія различныхъ металловъ и минераловъ. Благодаря содѣйствію Беэра, тогда же открыты и стали разрабатываться мѣдныя руды въ Горномъ щитѣ (Горнощитскій рудникъ) и богатыя залежи корцида, сафира, рубина и другихъ минераловъ въ такъ наз. Корниловскомъ логѣ. По пріѣздѣ на Колывановоскресенскіе заводы Беэръ занялся осмотромъ вновь открытыхъ рудниковъ и опредѣленіемъ характера рудъ. Благонадежными признаны Карабалихинское свинцовое мѣсторожденіе и серебряная руда въ Змѣиной горѣ. Произведенный Беэромъ анализъ этихъ рудъ обнаружилъ присутствіе въ нихъ значительнаго количества благородныхъ металловъ, что дало возможность Беэру предсказать новымъ рудникамъ большую будущность; и дѣйствительно, они вскорѣ пріобрѣли громкую извѣстность подъ общимъ именемъ Змѣиногорскихъ рудниковъ. Въ декабрѣ 1745 г. Беэръ, возвратившись въ Петербургъ, представилъ рапортъ о своей командировкѣ и мнѣніе о Колывановоскресенскихъ серебросвинцовыхъ рудахъ. По его докладу, правительство признало необходимымъ изъять Колывановоскресенскіе заводы изъ частнаго владѣнія Демидовыхъ и пріобрѣсти ихъ въ собственность Кабинета Ея Величества. Указъ объ этомъ состоялся 1 мая 1747 г.; тѣмъ же указомъ Беэръ назначенъ первымъ командиромъ вновь пріобрѣтенныхъ Кабинетомъ заводовъ; въ должности командира Беэръ оставался до конца жизни.

Общій Морской Сборникъ, ч. I. Спб. 1885 г.— Дѣла Архива Горнаго Д-та.—Голубевъ, Алтай, историко-статистическій сборникъ. Томскъ, 1890 г.— Гамель, Описаніе Тульскаго оружейнаго завода.— Пермскій край, т. I. Пермь 1892 г.—Полное Собраніе Законовъ (первое), т.т. IX—XV.—П. Барановъ, Опись Сенатскаго Архива, т. II.

Ив. Родкевичъ.

Биберштейнъ, баронъ *Θедоръ Кондратьевичъ* (Baron Friedrich Marschal von Bieberstein), ботаникъ, род. въ Штутгартѣ 30 іюля 1768 г., ум. въ Мерефѣ, близъ Харькова 16 іюня 1826 г. Воспитывался онъ въ штутгартскомъ кадетскомъ корпусѣ, преобразованномъ въ это время въ военную академію. Находясь еще въ корпусѣ, восемнадцати лѣтъ отъ роду, Биберштейнъ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, изученію естественныхъ наукъ и вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ сотоварищемъ по училищу, Кювье дѣятельно занимался ботаникою и зоологіею. По окончаніи академіи, Биберштейнъ, въ 1789 г., поступилъ на службу къ князю Эттингенъ-Валлерштейну, у котораго оставался по 1791 г. Въ слѣдующемъ году, оставивъ службу, Биберштейнъ отправился въ Вѣну, а оттуда въ Яссы, гдѣ поступилъ секретаремъ къ графу Каховскому и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ. Здѣсь Биберштейнъ былъ произведенъ въ оберъ-аудиторы, а въ 1793 г. пожалованъ въ флигель-адъютанты. Почти три года пробылъ онъ съ Каховскимъ въ Крыму и за это время положилъ основаніе своему будущему капитальному труду о тавро-кавказской флорѣ. Въ 1795 г. Бибершейнъ, въ чинѣ капитана русской службы, вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году, въ качествѣ естествоиспытателя, сопровождалъ персидскую экспедицію Зубова. Вернувшись обратно въ Петербургъ, Биберштейнъ въ 1797 г. занялъ мѣсто инспектора шелководства по кавказской линіи. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ онъ объѣзжалъ Кавказъ, преимущественно нижнее теченіе Терека, и представилъ тогдашней экспедиціи государственнаго хозяйства описаніе страны въ экономическомъ отношеніи. Императоръ Павелъ Петровичъ былъ настолько доволенъ дѣятельностью Биберштейна, что назначилъ его главнымъ инспекторомъ шелководства Южной Россіи и, въ теченіе неполныхъ двухъ мѣсяцевъ, пожаловалъ его въ коллежскіе и статскіе совѣтники. Съ тѣхъ поръ Биберштейнъ ежегодно объѣзжалъ всю страну между Волгою, Днѣпромъ и Днѣстромъ; дважды посѣтилъ Грузію, гдѣ положилъ прочное основаніе шелко-

водству; для усовершенствованія дѣла, отправился за границу, побывалъ въ Германіи и Парижѣ и, вернувшись, открылъ въ 1807 г., близъ города Кизляра, казенное училище винодѣлія. Заслуги Биберштейна обратили вниманіе и Императора Александра I, который пожаловалъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и подарилъ ему 5000 десятинъ земли близъ Мерефы. Поселившись въ пожалованномъ имѣніи, Биберштейнъ посвятилъ себя изученію русской флоры, котораго не оставлялъ до смерти. Изъ трудовъ Биберштейна наиболѣе извѣстны: 1) «Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour». St.-Petersb. 1798. (Перевед. и изд. по-нѣмецки въ 1800 г. въ Франкфуртѣ); 2) «Flora Taurico-Caucasica» (Харьковъ, 1808 г.); 3) «Centuria plantarum Russiae Meridionalis» съ рисунками. (Это изданіе закончено Академіей наукъ послѣ смерти Биберштейна); 4) «Supplementum или дополненіе къ Тавро-кавказской флорѣ» (Харьковъ, 1819 г.); 5) «Flora Russica», трудъ, для котораго Биберштейнъ собралъ богатый матеріалъ и уже отдѣлалъ нѣсколько листовъ, но не успѣлъ его издать; 6) «Описаніе Грузіи и древностей Крыма» также не издано за смертью автора.

Словари: Новикова, Плюшара (статья П. Кеппена), Геннади, Андреевскаго, Венгерова.—«Сѣверная Пчела», 1826 г., № 116.—«Московскій Телеграфъ», 1826 г, № 15.—Траутфеттеръ, Fontes florae Rossicae.

Бибикова, *А. И.*, писательница пятидесятыхъ годовъ, печатавшая свои произведенія также подъ псевдонимомъ «Евгеній Лунскій». Въ журналѣ «Пантеонъ» она помѣстила: 1) «Бракъ, какихъ мало», романъ (1852 г., №№ 5 и 7, было и отдѣльное изданіе); 2) «Путешествіе лорда Байрона въ Корсику и Сардинію». Извлеченіе изъ записокъ Бенсона (1853 г., № 2); 3) «Дружба», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (1853 г., № 8); 4) «Двѣ рукописи», повѣсть (1854 г., №№ 10 и 11). Кромѣ того, отдѣльно изданы «Историческія повѣсти для дѣтей» (Спб., 1852 г.). Сочиненія Бибиковой, при плавности разсказа, не выдаются ни интересомъ фабулы, ни содержательностью психологическаго замысла.

Словари: Голицына и Венгерова.—«Книжный Вѣстникъ», 1865 г., № 29.

Бибикова, *Елизавета*, писательница, печатавшая свои стихотворенія въ журналахъ 40-хъ годовъ. Въ «Маякѣ» за 1840 г., № 24, она помѣстила «Нынѣшній свѣтъ» и въ «Москвитянинѣ» 1841 г., ч. 24—стихи. Другихъ ея произведеній неизвѣстно.

Словари: Голицына и Венгерова.

Бибикова, *Софія*, писательница 60-хъ годовъ. Выступивъ въ 1861 г. съ неимѣющими интереса «Разсказами для маленькихъ дѣтей» (Спб.), она въ слѣдующемъ году стала сотрудничать въ «Разсвѣтѣ», гдѣ, подъ вліяніемъ современныхъ идей, напечатала проникнутую эмансипаторскими взглядами статью: «Мысли по поводу одной повѣсти Ольги Н.» (1862 г., № 3) и за тѣмъ очеркъ: «Магдалена Французская, королева Шотландская» (ibid., № 4).

Словари: Голицына и Венгерова.

Бибиковъ, ***Александръ Александровичъ***, тайный совѣтникъ, сенаторъ, сынъ генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, отъ брака его съ княжною Анастасіею Семеновною Козловскою, род. 7-го января 1765 г., ум. 20 іюля 1822 г. въ Дрезденѣ. На третьемъ году жизни, онъ былъ записанъ л.-гв. въ измайловскій полкъ унтеръ-офицеромъ и въ томъ же году пожалованъ сержантомъ. Оставшись послѣ отца девятилѣтнимъ ребенкомъ, Бибиковъ, въ уваженіе къ памяти Александра Ильича, былъ пожалованъ гвардіи прапорщикомъ, съ переводомъ л.-гв. въ преображенскій полкъ. Окончивъ воспитаніе свое и поступивъ на дѣйствительную службу въ полкъ, онъ къ 1 января 1787 г. былъ уже въ чинѣ капитана, а еще 22 сентября 1786 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1787 г. онъ находился въ свитѣ Императрицы во время путешествія въ Тавриду и былъ награжденъ золотою медалью въ память этой поѣздки. Въ 1788 г., при началѣ войны съ Швеціею, Бибиковъ испросилъ Высочайшее дозволеніе поступить волонтеромъ въ корпусъ генералъ-поручика Михельсона, который былъ сподвижникомъ его отца и теперь принялъ сына подъ свое непосредственное начальство и руководство. Въ шведскую кампанію Бибиковъ участвовалъ въ рекогносцировкахъ при постѣ Гекфорскомъ и подъ деревнею Киро, близъ Вильманстранда, а затѣмъ и въ сраженіи подъ Киро, гдѣ, съ двумя гренадерами, овладѣлъ непріятельскою пушкою. Далѣе, въ жаркомъ дѣлѣ подъ Паросальмомъ (1 іюня 1789 г.) Бибиковъ былъ раненъ въ лѣвую ногу пулею, а въ сраженіи 8 іюня, при Паро-

сальмѣ же, командуя ротою гренадеръ, оказалъ особое мужество и былъ опять раненъ. За эти дѣла онъ 9 іюня 1789 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. 9 іюля 1789 г. Бибиковъ находился въ сраженіи при переходѣ шведовъ чрезъ Кюмень въ Мемелѣ, а 29 іюля — при переходѣ нашихъ войскъ въ Мемель. Послѣ этого Бибиковъ состоялъ при начальствовавшемъ русскимъ гребнымъ флотомъ, вице-адміралѣ принцѣ Нассау-Зигенѣ и, исполняя разныя его порученія, участвовалъ 13 августа 1789 г. въ сраженіи у Роченсальма, которое снова дало ему случай отличиться. 21 августа, при высадкѣ въ устьи рѣки Кюмени, Бибиковъ командовалъ баталіономъ л.-гв. преображенскаго полка. За отличіе, оказанное въ этихъ двухъ дѣлахъ, Бибиковъ 30 августа 1789 г. былъ пожалованъ золотою шпагою, съ надписью «за храбрость». По окончаніи войны Бибиковъ вернулся въ С.-Петербургъ и продолжалъ службу въ гвардіи еще 5 лѣтъ. 31 мая 1795 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. При вступленіи на престолъ Императора Павла I, Бибиковъ былъ командированъ государемъ 13 ноября 1796 г. къ герцогу Виртембергскому съ извѣщеніемъ о совершившейся на русскомъ престолѣ перемѣнѣ. 7 ноября 1798 г. Государь, весьма благоволившій къ Бибикову, перевелъ его на службу въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 1 октября пожаловалъ въ тайные совѣтники, а 22 декабря 1798 г. назначилъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при португальскомъ дворѣ. 1 января 1799 г. Бибиковъ былъ перемѣщенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Саксонію, а 28 февраля 1799 г. былъ отозванъ отъ занимаемаго имъ поста и 7 января 1800 г. причисленъ къ герольдіи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Высочайшимъ указомъ отъ того-же числа повелѣно Бибикову присутствовать въ Сенатѣ, и пожалованъ ему орденъ св. Анны 1-й степени. Съ 12 января онъ засѣдалъ во временномъ межевомъ департаментѣ, а Высочайшимъ указомъ 1 февраля 1800 г. былъ отставленъ отъ службы и нѣсколько лѣтъ оставался не у дѣлъ. Въ 1806 г., когда созвано было земское войско, Бибиковъ поступилъ въ милицію (16 декабря) и былъ избранъ начальникомъ милиціи ораніенбаумскаго уѣзда. Въ 1808 г. онъ снова возвращается на службу. Высочайшимъ указомъ 10 февраля этого года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ неаполитанскому двору и оставался на этомъ посту до 22 февраля 1810 г., когда былъ отозванъ въ С.-Петербургъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Высочайшимъ указомъ 20 декабря того же года онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ, во II отдѣленіи 5-го департамента, а 8 мая 1811 г. перемѣщенъ въ I отдѣленіе 3-го департамента. Въ Отечественную войну Бибиковъ снова пожелалъ вернутся на военное поприще и подалъ чрезъ своего дядю, гр. М. И. Голенищева-Кутузова, ходатайство о дозволеніи ему вступить въ ряды ополченцевъ. Государь разрѣшилъ ему опредѣлиться въ петербургское ополченіе, которымъ командовалъ Кутузовъ. Бибиковъ сначала помогалъ Кутузову при организаціи ополченія, а потомъ получилъ команду надъ однимъ изъ двухъ отрядовъ, на которые дѣлились петербургскіе ополченцы. Отрядъ Бибикова состоялъ изъ 5575 человѣкъ, въ томъ числѣ 4000 ополченныхъ, къ которымъ потомъ присоединены были по два эскадрона гродненскихъ гусаръ и польскаго уланскаго полка. 3 сентября Бибиковъ выступилъ изъ С.-Петербурга на соединеніе съ Виттенштейномъ, котораго и нагналъ 28-го сентября. Тогда же Витгенштейнъ поручилъ ему командовать всѣмъ петербургскимъ и новгородскимъ ополченіями. 6-го октября Бибиковъ со своими ополченцами участвовалъ въ сраженіи подъ Полоцкомъ и безстрашіемъ заслужилъ особую благодарность главнокомандующаго. На слѣдующій день, при штурмѣ Полоцка, ополченцы были опять впереди и первые ворвались въ городъ. За эти дѣла Бибиковъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени. 15 октября, послѣ соединенія графа Витгенштейна съ корпусомъ графа Штейнгеля, Бибиковъ получилъ команду надъ 1-ю линіею боеваго корпуса, состоявшею изъ пермскаго, сѣвскаго и калужскаго пѣхотныхъ полковъ, сводного егерскаго и нѣсколькихъ эскадроновъ конницы съ 30 орудіями. Съ неослабѣвающей энергіею дѣйствовалъ Бибиковъ подъ Чашниками и подъ Смольной; въ послѣднемъ сраженіи онъ былъ раненъ пулею въ ногу, но до конца дѣла не оставлялъ поля битвы. 16 ноября, подъ Студянкою, Бибиковъ, съ своими ополченіями, принималъ самое дѣятельное участіе въ боѣ, но такъ какъ рана не позволяла ему

ѣздить верхомъ, то онъ командовалъ сидя въ саняхъ, а когда была перебита вся запряжка, онъ распоряжался, опираясь на плечо одного изъ своихъ адъютантовъ. Въ декабрѣ Бибиковъ послѣдовалъ за арміею съ остатками своего войска въ Пруссію, хотя изъ 12000 его ополченцовъ уцѣлѣло всего 900 человѣкъ. Съ этою горстью людей Бибиковъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Питконенѣ и Лабіау и въ занятіи Кенигсберга. Послѣ этого онъ испросилъ дозволеніе графа Витгенштейна остаться въ Кенигсбергѣ, чтобы собрать и устроить остатки своей команды. Здѣсь ополченіе, въ знакъ уваженія къ своему начальнику, исходатайствовало Высочайшее согласіе на поднесеніе Бибикову золотой шпаги, съ надписью: «за вѣру и царя», а на ефесѣ: «сенатору Бибикову с.-петербургское ополченіе». Устроенное вновь, на сколько возможно, ополченіе Бибикова выступило изъ Кенигсберга къ крѣпости Пиллау и 6 февраля 1813 г. назначено было къ осадѣ Данцига. Но въ это время Бибиковъ внезапно заболѣлъ и вынужденъ былъ возвратиться въ Кенигсбергъ. Тамъ, не смотря на болѣзнь, онъ собиралъ постепенно прибывавшіе остатки разсѣяннаго ополченія, но все-таки ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ военной службы. Почувствовавъ временное облегченіе, онъ снова прибылъ подъ Данцигъ (16 іюня), и здѣсь начальникъ осаднаго корпуса, герцогъ Александръ Виртембергскій поручилъ ему также находившееся тамъ калужское ополченіе. 1 іюля Бибиковъ представилъ герцогу планъ преобразованія ополченія, который былъ одобренъ и немедленно приведенъ въ исполненіе. Тѣмъ временемъ пришло разрѣшеніе Бибикову оставить службу, и 10 іюля онъ простился съ ополченцами. Въ видѣ особой милости, Императоръ разрѣшилъ ему и впредь носить ополченскій мундиръ. Для поправленія здоровья, Бибиковъ былъ уволенъ и отъ должности сенатора по 15 октября 1813 г. Въ концѣ этого года онъ возвратился въ С.-Петербрургъ и снова вступилъ въ I отдѣленіе 3-го департамента Сената. 25 апрѣля 1821 г. онъ уѣхалъ за границу въ отпускъ, для леченія въ Карлсбадѣ, и уже болѣе не возвращался въ Россію. Тѣло его было привезено изъ Дрездена и погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Въ исторической литературѣ Бибиковъ извѣстенъ какъ авторъ весьма важнаго труда: «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова» (Спб. 1817 г.; переизданіе этой книги, сдѣланное Ю. В. Толстымъ въ 1865 г. въ Москвѣ, невполнѣ исправно). Эта книга, до сихъ поръ остающаяся, по многимъ вопросамъ, первоисточникомъ для біографіи отца автора, ясно свидѣтельствуетъ, что А. А. Бибиковъ былъ человѣкомъ, для своего времени, весьма образованнымъ.

Формулярный списокъ.—Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.—Императоръ Александръ I и его сподвижники.—Словари: Геннади, Плюшара, Андреевскаго, Венгерова и др.—Предисловіе къ 2-му изд. «Записокъ».—Сборникъ И. Р. И. О., т. I.

Бибиковъ, *Александръ Ильичъ*, генералъ-аншефъ, бывшій маршалъ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, сенаторъ, род. въ Москвѣ 30 мая 1729 г., ум. въ Бугульмѣ 9 апрѣля 1774 г. Сынъ инженеръ-генералъ-поручика Ильи Александровича и его супруги изъ рода Писаревыхъ, Бибиковъ сначала воспитывался дома, но послѣ смерти матери и вступленія отца во второй бракъ, онъ былъ отданъ на попеченіе двумъ своимъ родственницамъ, монахинямъ Зачатейскаго монастыря въ Москвѣ. Монастырская обстановка и женское воспитаніе не остались безъ вліянія на него. 15-ти лѣтъ Бибиковъ былъ записанъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ, а съ 1746 г. начинается его служебная карьера. Въ этомъ году онъ былъ произведенъ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ въ чинъ инженеръ-прапорщика и служилъ въ Петербургѣ, въ 1748 г. былъ переведенъ въ Москву, въ 1749 г. опредѣленъ къ строенію кронштадтскаго канала, подъ начальствомъ ген. Любераса, въ томъ же году переведенъ подпоручикомъ въ артиллерію, а въ 1751 г. пожалованъ поручикомъ и аудиторомъ за усердіе и «знаніе наукъ»; онъ занимался еще съ 1749 г. переводами съ французскаго языка сочиненій по своей спеціальности. Въ этомъ же году онъ женился на княжнѣ Козловской. Съ 1753 г. Бибиковъ начинаетъ получать спеціальныя порученія по службѣ, часто довольно отвѣтственныя. Первымъ такимъ порученіемъ была командировка къ нашему посланнику при саксонскомъ дворѣ, Гроссу, для осмотра нѣкоторыхъ усовершенствованій, введенныхъ въ саксонской артиллеріи. Въ 1786 г. Бибиковъ, въ въ виду приближавшейся войны (Семилѣтней), посланъ въ Пруссію, Бранденбургъ и Померанію для развѣдокъ о состояніи войскъ и провіантскихъ магази-

новъ. Оба эти порученія были выполнены имъ очень удачно и не остались безъ вліянія на его служебную карьеру. Онъ замѣченъ гр. П. И. Шуваловымъ и въ Семилѣтней войнѣ участвуетъ, командуя, въ чинѣ подполковника, 3-мъ мушкетерскимъ полкомъ. Изъ военныхъ подвиговъ Бибикова за эту войну наиболѣе выдается побѣда надъ отрядомъ ген. Вернера, при чемъ самъ генералъ былъ взятъ въ плѣнъ. Побѣда эта содѣйствовала взятію крѣпости Кольберга. Нѣсколько раньше этого Бибиковъ былъ комендантомъ занятаго русскими г. Франкфурта на Одерѣ, при чемъ гуманнымъ обращеніемъ ему удалось снискать симпатіи мѣстнаго населенія. Въ эту же войну онъ познакомился съ полковникомъ Михельсономъ, бывшимъ позднѣе его продолжателемъ въ дѣлѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, сблизился съ братьями гр. Паниными и, какъ говорятъ, возбудилъ своими успѣхами непріязнь главнокомандующаго гр. Румянцева. За участіе въ Семилѣтней войнѣ Бибиковъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры (1762 г).

Состоя на военной службѣ, Бибиковъ въ то же время отличался и дипломатическими способностями. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II мы застаемъ его при исполненіи щекотливаго порученія: онъ посланъ въ Холмогоры къ принцу Антону-Ульриху Брауншвейгскому съ предложеніемъ ему отъ Императрицы свободнаго выѣзда за-границу, но безъ дѣтей; въ сущности, какъ гласила и инструкція, данная Бибикову, онъ долженъ былъ вывѣдать настроеніе умовъ въ семействѣ принца и присмотрѣться къ его дѣтямъ, что и было имъ удачно исполнено, благодаря откровенности, веселому нраву и ловкому обращенію. Бибиковъ далъ Императрицѣ самый подробный отчетъ о своей поѣздкѣ, однако черезъ-чуръ восторженный отзывъ его о старшей дочери принца, Екатеринѣ, навлекъ на него неудовольствіе Государыни, и до осени 1763 г. Бибикову пришлось жить въ своей рязанской вотчинѣ. Въ этомъ году онъ былъ вызванъ Императрицею для усмиренія крестьянскаго мятежа на казанскихъ и сибирскихъ заводахъ. Строгое наказаніе зачинщиковъ, кроткія мѣры по отношенію къ участникамъ мятежа, стремленіе лично сблизиться съ крестьянами, усмиреніе возстанія, а затѣмъ улучшеніе положенія крестьянъ—вотъ правила, которыми старался руководиться въ данномъ случаѣ Бибиковъ. Къ осени 1764 г. бунтъ былъ усмиренъ.

Въ 1767 г. Бибиковъ былъ назначенъ маршаломъ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Депутатамъ коммиссіи было предоставлено право намѣтить трехъ кандидатовъ на должность маршала, а выборъ и утвержденіе въ этой должности зависѣлъ отъ Императрицы. Право назначить отъ себя кандидата получилъ также генералъ-прокуроръ, кн. Вяземскій. По числу избирательныхъ шаровъ Бибиковъ, бывшій депутатомъ костромскаго дворянства, оказался пятымъ кандидатомъ на маршальскую должность. Его, однако, намѣтилъ своимъ кандидатомъ генералъ-прокуроръ, и онъ былъ утвержденъ въ должности Императрицею. Дѣятельность Бибикова въ коммиссіи, какъ маршала, позволяетъ заключить, что къ новой обязанности онъ относился вначалѣ нѣсколько пассивно, но мало-по-малу сталъ принимать болѣе энергичное участіе въ засѣданіяхъ. Уже самый порядокъ назначенія его маршаломъ позволяетъ видѣть въ немъ ставленника на эту должность самой Императрицы. Мнѣніе, что Бибиковъ—авторъ «обряда управленія коммиссіею» и «инструкціи генералъ-прокурору и маршалу» (высказываемое его сыномъ въ «Запискахъ»), врядъ ли можетъ быть принято. Въ этихъ матеріалахъ можно скорѣе видѣть черновую работу Козицкаго и окончательную редакцію самой Екатерины. Однако нѣкоторые случаи изъ дѣятельности Бибикова, какъ маршала, обнаруживаютъ въ немъ ревностнаго исполнителя пожеланій Императрицы. Такъ, имъ было прервано чтеніе въ большомъ собраніи старыхъ законовъ о дворянствѣ, какъ только по поводу этого чтенія остзейскіе депутаты высказались за сохраненіе ихъ привилегій, неугодныхъ Императрицѣ. Обсужденіе этого вопроса вторично не было допущено имъ, когда былъ внесенъ вновь выработанный законопроектъ о правѣ благородныхъ, не упоминающій о сохраненіи остзейскихъ привилегій. Трудно рѣшить, насколько въ данномъ случаѣ воззрѣнія Государыни и личные взгляды Бибиковы были тожественны. Послѣ закрытія коммиссіи Бибиковъ получилъ отъ лифляндскаго дворянства дипломъ, въ которомъ заявлялось, что въ знакъ глубокаго уваженія лифляндское дворянство, пользуясь ненарушимо

своими правами, благодаря кротости государей Россійскихъ, принимаетъ въ число своихъ членовъ и Бибикова. Будучи проводникомъ взглядовъ Императрицы, Бибиковъ не оставался однако безличнымъ и было довольно ясно, куда клонились его личные взгляды. Знаменитый споръ, возникшій въ большомъ собраніи по вопросу о порядкѣ полученія дворянскаго званія, былъ возбужденъ братомъ маршала, депутатомъ елецкаго дворянства Василіемъ Бибиковымъ, придававшимъ Петровской табели о рангахъ значеніе временной мѣры и стоявшимъ за полученіе дворянскаго достоинства путемъ пожалованія. Подборъ самыхъ законовъ о дворянскомъ сословіи, при чтеніи которыхъ возникъ этотъ споръ, былъ сдѣланъ маршаломъ какъ разъ въ духѣ тенденціи, формулированной Василіемъ Бибиковымъ. Главное вниманіе сосредоточивалось именно на законахъ о пожалованіи дворянскаго званія. Такимъ образомъ, маршалъ опредѣленно примкнулъ къ партіи, стремившейся охранить дворянское сословіе отъ вторженія въ него выслужившихся чиновниковъ. Это подтверждаетъ и привезенный самимъ Бибиковымъ наказъ костромскаго дворянства, въ первомъ пунктѣ котораго высказывалась просьба, чтобы дворянскими привилегіями «впредь никто, не будучи отъ ея величества въ дворянское достоинство возведенъ, пользоваться не могъ». Но нѣтъ ровно никакихъ основаній идти дальше и предполагать, что Бибиковъ враждебно относился къ коммиссіи и считалъ ее предпріятіемъ опаснымъ. Также мало основаній думать, что распущеніе коммиссіи Императрицею было результатомъ совѣтовъ маршала.

Служебная дѣятельность Бибикова послѣ распущенія большаго собранія коммиссіи находится въ связи съ событіями въ Польшѣ. Еще въ 1765 г., слѣдовательно до начала занятій коммиссіи, Бибикову съ генералъ-поручикомъ Веймарномъ повелѣно было объѣхать нашу западную границу, въ виду волненія, начавшагося въ Польшѣ по поводу избранія короля послѣ смерти Августа III. Исполняя это порученіе, Бибиковъ обозрѣлъ границу, начиная съ юга, отъ р. Синюхи, впадающей въ Бугъ, и до Смоленска, гдѣ онъ соединился съ Веймарномъ. Во время этой поѣздки, слѣдуя тогдашней модѣ, онъ записался въ Запорожскую сѣчь. Въ докладѣ объ исполненномъ порученіи онъ указывалъ на неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ поселеніяхъ Новой Сербіи, что теперь, въ виду осложненія дѣлъ въ Польшѣ, могло имѣть важное значеніе. Послѣ распущенія большаго собранія въ 1769 г. Бибикову поручено было объѣхать нашу границу съ Финляндіей и выработать планъ дѣйствій на случай войны съ Швеціей, чего можно было ожидать въ виду помощи, оказанной Польшѣ союзницею шведовъ, Франціею. За исполненіе этого порученія Бибиковъ былъ пожалованъ премьеръ-маіоромъ л.-гвардіи измайловскаго полка и получилъ предписаніе присутствовать въ военной коллегіи. Здѣсь онъ содѣйствовалъ устройству особой кадетской роты для малолѣтнихъ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, находившихся въ гвардіи. Въ 1771 г. Бибиковъ состоялъ при принцѣ Генрихѣ, братѣ прусскаго короля Фридриха Великаго, пріѣхавшемъ для переговоровъ о раздѣлѣ Польши. 20-го іюня того же года онъ получилъ повелѣніе замѣнить въ Польшѣ генерала Веймарна, дѣйствіями котораго Императрица была недовольна. На своемъ новомъ посту Бибиковъ еще разъ доказалъ, что онъ не только военачальникъ, но и человѣкъ, обладающій дипломатическими способностями. Дѣйствія нашихъ войскъ сдѣлались успѣшнѣе послѣ того, какъ многочисленные, но слабые отряды были стянуты и заняли немногія, но крѣпкія и важныя позиціи. Много, однако, содѣйствовало успѣху и умѣніе Бибикова поставить себя по отношенію къ противной партіи. Онъ сблизился съ польскимъ королемъ и любезностью въ обхожденіи пріобрѣлъ довѣріе польскихъ вельможъ, постарался снискать благосклонность и женской половины польскаго общества. Все это давало ему перевѣсъ надъ его противниками конфедератами. Бибиковъ понялъ и ту опасность, которая могла въ данномъ случаѣ грозить для русскихъ со стороны ихъ союзниковъ въ польскомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ—австрійцевъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ онъ былъ крайне сдержанъ, и его такту мы въ значительной мѣрѣ были обязаны тѣмъ, что Австрія не получила по первому раздѣлу ни Кракова, ни соляныхъ копей Бохніи и Велички. Во время командованія Бибикова нашими войсками въ Польшѣ выдвинулся впервые Суворовъ, прославившійся особенно взятіемъ у фран-

цузовъ крѣпости Кракова. Подъ его же начальствомъ находился князь Голицынъ, овладѣвшій Ченстоховской крѣпостью, со взятіемъ которой войска конфедератовъ можно было считать окончательно разсѣянными. Самъ Бибиковъ ревностно исполнялъ возложенное на него порученіе въ Польшѣ, хотя врядъ ли оно было ему по душѣ. Есть извѣстіе, что онъ не одобрялъ предпринятую войну, такъ какъ не сочувствовалъ ея конечной цѣли—раздѣлу Польши. Неодобреніе это высказывалъ онъ и во время пребыванія своего въ Польшѣ, въ письмахъ къ фельдмаршалу Румянцеву и епископу сарскому и подонскому Самуилу, выражая при этомъ и свое недовѣріе къ нашимъ союзникамъ—Австріи и Пруссіи. Положеніе его въ Польшѣ послѣ замиренія края становилось еще тяжелѣе вслѣдствіе обострившихся отношеній съ нашимъ посломъ въ Варшавѣ, барономъ Сальдерномъ, и онъ былъ очень доволенъ замѣною этого послѣдняго Штакельбергомъ. Въ 1773 г. онъ получилъ повелѣніе выступить изъ Польши съ нѣсколькими полками для соединенія съ Румянцевымъ на Дунаѣ. Онъ покинулъ Польшу, сопровождаемый лучшими пожеланіями, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны поляковъ, что доказываетъ письмо къ нему графа Мокроновскаго. Но Бибикову не пришлось сражаться на Дунаѣ. Начался Пугачевскій бунтъ, усмиреніе котораго было послѣднею службою Бибикова родинѣ. Командующимъ войсками, посланными противъ Пугачева, Бибиковъ былъ назначенъ 29 ноября 1773 г., послѣ смѣны генералъ-маіора Кара, потерпѣвшаго неудачу и тѣмъ возбудившаго неудовольствіе Императрицы. При назначеніи Бибикову была дана инструкція, предоставляющая ему полное усмотрѣніе въ выборѣ средствъ для усмиренія мятежа, и указъ, въ силу котораго ему подчинялись всѣ военныя, гражданскія и духовныя власти въ краѣ, охваченномъ волненіемъ. Въ оренбургскій край не былъ даже посланъ особый губернаторъ, потому что «всѣ тамошнія мѣста, или заражены теперь возмущеніемъ, или колеблются, слѣдовательно и не могутъ безъ воинской помощи управляемы быть». Управленіе этимъ краемъ было возложено непосредственно на Бибикова. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ новаго главнокомандующаго, находился и поэтъ Г. Р. Державинъ, тогда подпоручикъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Бибикову вмѣнялось въ обязанность распространять среди волнующагося населенія заготовленный заранѣе печатный манифестъ, въ которомъ возставшіе призывались къ покорности, и имъ обѣщалось снисхожденіе. Манифестъ этотъ былъ составленъ крайне неудачно и не столько помогъ, сколько мѣшалъ Бибикову: приходилось его объяснять, во избѣжаніе превратныхъ толкованій, могущихъ только осложнить дѣло. Самъ Бибиковъ лично склоненъ былъ дѣйствовать болѣе рѣшительными мѣрами. Съ самаго своего назначенія и въ продолженіе всего пребыванія въ Поволжьѣ онъ не разъ указывалъ на недостатокъ войскъ и просилъ подкрѣпленія, требуя главнымъ образомъ кавалеріи. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ Бибиковъ располагалъ только 1.500 кавалеристами и 2.500 пѣхотинцами. Тѣмъ не менѣе, даже при столь незначительныхъ средствахъ, вполнѣ сознавая, что опасность гораздо сильнѣе, чѣмъ ее представляли въ Петербургѣ, вынужденный бороться не только съ мятежниками, но и съ своекорыстной администраціей, вѣчно въ страхѣ за настроеніе своего собственнаго войска, Бибиковъ былъ склоненъ не только защищать край отъ мятежниковъ, но и дѣйствовать наступательно. Къ этому времени Пугачевскій мятежъ принялъ уже широкіе размѣры: имъ было охвачено все Заволжье на югъ и востокъ отъ линіи Самара—Бузулукъ—Уфа—Оса—Пермь, т. е. нынѣшнія губерніи: астраханская, оренбургская, земля войска уральскаго и значительная часть губерній: самарской, уфимской и пермской. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань (26 декабря), Бибиковъ открыто заявилъ о своемъ будущемъ образѣ дѣйствій, возмущался предложеніемъ мѣстнаго губернатора фонъ-Брандта защищать только казанскую губернію и выразилъ рѣшимость очистить отъ пугачевцевъ оренбургскій край. Мѣстная администрація, своимъ нерадѣніемъ и злоупотребленіями не мало способствовавшая развитію мятежа, встрѣтила въ Бибиковѣ непримиримаго врага. Значительная часть чиновниковъ была смѣщена, и всѣ порученія Бибикова выполнялись, главнымъ образомъ, прибывшими съ нимъ лицами. Однако людей, снискавшихъ симпатіи мѣстнаго населенія, хотя бы и не безупречныхъ, Бибиковъ выдвигалъ; такъ, усмиреніе Башкиріи онъ поручилъ лю-

бимцу башкирцевъ, подполковнику Лазареву, находившемуся въ то время подъ судомъ. Ощущая недостатокъ въ войскѣ и желая въ то-же время поднять духъ въ мѣстномъ населеніи, не примкнувшемъ къ бунтовщикамъ, Бибиковъ старался опереться на мѣстное дворянство; на эту мѣру указывала, однако, и данная ему инструкція. Благодаря стараніямъ Бибикова, казанское дворянство сформировало изъ своихъ людей конный вооруженный корпусъ въ 300 человѣкъ и взяло его на свое иждивеніе. Примѣру казанскаго дворянства послѣдовалъ казанскій магистратъ, выставившій конный эскадронъ гусаръ, и дворянство симбирское, свіяжское и пензенское. Командованіе казанскимъ корпусомъ принялъ на себя родственникъ Бибикова, генералъ-маіоръ Ларіоновъ; это назначеніе оказалось впослѣдствіи, по свидѣтельству самого главнокомандующаго, неудачнымъ. Поощряя дворянъ въ ихъ усердіи, Бибиковъ совѣтовалъ, однако, имъ вооружать своихъ поселянъ, лишь обнадежась прежде въ ихъ твердости. Имѣя въ своемъ распоряженіи указанное выше количество регулярныхъ войскъ и вновь сформированное дворянское ополченіе, Бибиковъ выработалъ слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій. Послѣ того какъ въ концѣ декабря были взяты и очищены отъ мятежниковъ Самара и селеніе Алексѣевское, онъ распорядился, чтобы генералъ-маіоръ Мансуровъ, съ четырьмя легкими полевыми командами, двигался по рѣкѣ Самарѣ для соединенія съ генераломъ Фрейманомъ, находившимся въ то время въ Бугульмѣ. Соединившись, они оба должны были двигаться къ Оренбургу, очищеніе котораго отъ мятежниковъ было поручено князю Голицыну. Въ тоже время капитанъ Кордишевскій и полковникъ Юрій Бибиковъ должны были дѣйствовать со стороны Башкиріи: первый— двигаясь по р. Камѣ до р. Вятки, второй— очищая дорогу между Казанью и Бугульмой; планъ этотъ оказался очень удачнымъ. Всѣ отряды двигались, имѣя пунктомъ своего соединеніе мѣстность около Оренбурга. 22 марта соединенными силами отрядовъ Голицына, Юрія Бибикова, Фреймана и Мансурова была взята крѣпость Татищевая, а 24 марта Михельсономъ, смѣнившимъ Ларіонова, была снята блокада Уфы. Такимъ же образомъ были освобождены гг. Челябинскъ, Екатеринбургъ и Кунгуръ. Пораженіе Пугачева 1 апрѣля подъ Бердою освободило Оренбургъ. Пугачевъ бѣжалъ въ Башкирію. Бибикову не удалось, однако, видѣть окончательные результаты своей дѣятельности. Труды и заботы подтачивали его здоровье. Узнавъ о побѣдѣ подъ Бердою, онъ выѣхалъ въ Оренбургъ изъ Казани, гдѣ оставался до тѣхъ поръ. Захворавъ по дорогѣ лихорадкою, онъ остановился въ Бугульмѣ и здѣсь скончался. Послѣ его смерти Императрица пожаловала его семейству мѣстечко Копысь, могилевской губерніи, оршанской провинціи. По свидѣтельству изслѣдователей, мало кто изъ дѣятелей Екатерининскаго времени «возбуждалъ къ себѣ такое сочувствіе при жизни и сожалѣніе послѣ смерти, какое досталось на долю А. И. Бибикова». Въ лестныхъ отзывахъ о немъ сходятся всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, какъ служившіе съ нимъ, такъ и не служившіе, какъ русскіе, такъ и иностранцы (англійскій посолъ Гунингъ). Въ продолженіе своей служебной дѣятельности Бибиковъ выступаетъ какъ человѣкъ съ очень опредѣленными взглядами и симпатіями, добросовѣстно исполнявшій каждое порученіе, но старавшійся никогда не поступаться своими мнѣніями. Во всякое дѣло онъ вносилъ живое отношеніе и менѣе всего могъ, какъ кажется, удовлетвориться формальнымъ исполненіемъ службы. Дѣйствуя зачастую въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ всегда обладалъ такимъ тактомъ и умѣніемъ обращаться съ людьми, что оставлялъ лучшее впечатлѣніе даже среди тѣхъ, отъ кого въ силу офиціальныхъ отношеній могъ-бы ожидать этого менѣе всего. Бибиковъ не былъ чуждъ литературѣ. Помимо переводовъ сочиненій военнаго характера въ юности, онъ принималъ участіе въ переводѣ Екатериною II и ея приближенными Мармонтелева «Велизарія»: имъ была переведена XIII глава.

Формулярный списокъ.—«Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова». Спб. 1817. Состав. сыномъ его сенаторомъ Бибиковымъ.— Н. Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники», Спб. 1884 г.—Дневныя записки Бибикова; собранія коммиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія (Сборн. рус. ист. общества, т. IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI).—Державинъ, Записки.— Словари: Бантыша-Каменскаго, Плюшара, Зедделера, Андреевскаго и др. *М. Поліевктовъ.*

Бибиковъ, *Алексѣй Юрьевичъ,* генералъ-рекетмейстеръ, иркутскій вице-губернаторъ. Съ 1700 по 1718 годъ служилъ въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку

офицеромъ и, былъ, какъ сказано въ его прошеніи Государю, безотлучно «во всѣхъ сухопутныхъ походахъ, также и на морѣ, когда сквозь швецкой флотъ проходили галерами подъ Гангутомъ и въ другихъ морскихъ на корабляхъ походахъ, гдѣ оной преображенской полкъ былъ». Въ 1700 г. онъ поступилъ въ этотъ полкъ солдатомъ; въ томъ же году получилъ чинъ прапорщика и былъ «при баталіи, какъ приходилъ швецкой король подъ Нарву»; въ 1703 г. «подъ Слюсенъ-Бурхомъ на приступѣ раненъ, и на рѣкѣ Сестрѣ противъ швецкаго короля Кранеорта на баталіи былъ»; въ 1705 г. былъ «во взятьѣ Нарвы, на приступѣ», въ 1706 г.—въ Гроднѣ, въ 1709 г.—на штурмѣ Рашевки, подъ Митавою, какъ «шведовъ выбивали изъ шанецъ», на «Полтавской баталіи» и въ этомъ-же году получилъ чинъ поручика; затѣмъ, въ 1710 г. былъ при взятьи Выборга, въ 1711 г.—«на турецкой акціи»; въ 1715 г. пожалованъ въ капитанъ-поручики. Долгую боевую службу Бибиковъ закончилъ въ 1718 г.; въ январѣ 1719 г. онъ былъ переведенъ «за многія службы и раны» въ нарвскій гарнизонный полкъ подполковникомъ, и нѣсколько лѣтъ исполнялъ здѣсь обязанности полковника, т. е. командира полка, сохраняя чинъ гвардіи капитанъ-поручика. По заключеніи Ништадскаго мира многіе офицеры были переведены Петромъ въ гражданскую службу; въ числѣ ихъ Бибиковъ назначенъ былъ 17 апрѣля 1722 г. прокуроромъ мануфактуръ-коллегіи. Въ царствованіе Екатерины I, 23 марта 1726 г. его сдѣлали вице-президентомъ этой коллегіи, но черезъ годъ мануфактуръ-коллегія была соединена съ коммерцъ-коллегіей, и Бибиковъ остался не у дѣлъ. Нѣкоторые члены верховнаго тайнаго совѣта и, въ особенности, Меншиковъ были расположены къ Бибикову и ставили его кандидатомъ на видныя должности, но Императрица Екатерина I отклоняла ихъ представленія. Въ январѣ 1727 г. верх. тайн. совѣтъ полагалъ назначить Бибикова оберъ-прокуроромъ Сената, но Императрица соглашалась назначить его на это мѣсто только въ крайнемъ случаѣ, «ежели другого не сыщется». Вслѣдъ за тѣмъ, она указала совѣту 17 февраля 1727 г.: рекетмейстеромъ быть Бибикову «или другому, кому за способно разсудится». Тогда верх. тайн. совѣтъ «согласно, отъ всего собранія» разсудилъ написать Бибикова кандидатомъ на низкую уже должность—новгородскаго вице-губернатора. Макаровъ доложилъ Императрицѣ это рѣшеніе совѣта и вернулся съ отвѣтомъ, что Ея Величество «о Бибиковѣ никакого опредѣленія учинить не соизволила», а на другой день объявилъ совѣту, что Императрица указала выбрать въ Новгородъ вице-губернаторомъ иного кого, «постаре-бъ его, Бибикова». Меншиковъ черезъ нѣсколько дней настоялъ, чтобы Макаровъ еще разъ представилъ Императрицѣ о назначеніи Бибикова въ Новгородъ, но это представленіе также не увѣнчалось успѣхомъ. Тогда былъ данъ ходъ прошенію Бибикова объ отпускѣ и 29 мая 1727 г. онъ получилъ разрѣшеніе уѣхать въ отпускъ на годъ въ свои деревни. Онъ вернулся въ Петербургъ за долго до окончанія срока отпуска и, послѣ паденія своего покровителя Меншикова, долженъ былъ принять въ ноябрѣ 1727 г. скромную должность казначея военной коллегіи. По случаю коронаціи Петра II онъ награжденъ былъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ шляхетскомъ движеніи февраля 1730 г. Бибиковъ примкнулъ къ большинству и подписалъ проектъ Секіотова. 8-го апрѣля 1730 г. Анна Іоанновна назначила его генералъ-рекетмейстеромъ. Сенатъ уже черезъ два года предлагалъ послать его въ Сибирь вице-губернаторомъ, но Бибиковъ оставался генералъ-рекетмейстеромъ въ теченіе шести лѣтъ. 30 января 1736 г. онъ назначенъ былъ иркутскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1738 г. сосланный въ Иркутскъ Ракитовъ, чтобы избѣжать положеннаго ему наказанія плетьми, подалъ на Бибикова доносъ «въ словѣ и дѣлѣ», «по первому и второму пунктамъ», заявивъ, что онъ «неправдиво слѣдовалъ» дѣло о «зломъ умыслѣ Брацкихъ иноземцовъ (инородцевъ около Братскаго острога) всѣхъ русскихъ прибить», а также, что онъ похитилъ «казеннаго интереса» на 100,000 р. На этотъ доносъ, не смотря на его неправдоподобность и неопредѣленность, въ Петербургѣ обратили вниманіе и въ мартѣ 1789 г. командировали въ Сибирь поручика Бухольца для производства секретнаго дознанія. 25 іюня 1739 г. Бибиковъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Доносъ Ракитова, однако, впослѣдствіи, въ 1741 г. былъ признанъ неосновательнымъ и доносчикъ за ложный извѣтъ наказанъ кнутомъ.

П. Барановъ, Опись сенатск. арх., т. I—III.— Сборн. Имп. Р-Ист. общ., т. 63 и 104.—Полн.

ссбр. зак., №№ 1835, 5534, 6876.—Д. Корсаковъ. Воцареніе Имп. Анны Іоанновны, ст. 219.—А. Филипповъ, Истор. Сената, т. I, ст. 286.—Государств. Архивъ: прошеніе 1720 г., IX, 2; доносъ Ракитова, VII, 741; дѣла Сибирскаго приказа 1739 г.

Н. П.-С.

Бибиковъ, *Борисъ Михайловичъ*, дворянинъ. Въ 1622 г. онъ значился среди жильцовъ Шелонской пятины, въ 1627 г. онъ находится въ Москвѣ и 25 мая посланъ въ пушкарскій приказъ, который назначаетъ его въ Архангельскъ «для пушечныхъ запасовъ». 13 іюня того же года онъ сопровождаетъ царя, поѣхавшаго въ Троицкій монастырь. Въ 1631 г. онъ состоитъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, отъ Зачатейскаго монастыря по Тверскую улицу, а въ 1636—1638 гг. служитъ воеводою на Волокѣ. Въ 1639 г. Бибиковъ находится среди дворянъ на государевѣ дворѣ съ кн. Петр. Ив. Пронскимъ, а въ 1652 г. сопровождаетъ царицу Марію Ильиничну въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь.

Рус. Ист. Библіот., т.т. IX, X, XV.—Разрядныя книги, II, 367, 892.—Дворцовые разряды, II, 197, 296.

Бибиковъ, *Василій Ильичъ*, камергеръ, тайный совѣтникъ, театральный дѣятель, род. въ 1740 г., ум. въ 1787 г. Въ молодости онъ служилъ въ инженерномъ корпусѣ и въ 1762 г., примкнувъ къ партіи Орловыхъ, принялъ участіе въ переворотѣ, за что былъ награжденъ 600 душъ крестьянъ и званіемъ камеръ-юнкера. Затѣмъ, онъ засѣдалъ въ коммиссіи по составленіи новаго уложенія, въ качествѣ депутата отъ елецкаго дворянства; въ это время онъ былъ уже въ чинѣ капитана семеновскаго полка. Страстно преданный сценическому искусству, онъ, подъ начальствомъ А. Сумарокова, былъ однимъ изъ первыхъ насадителей театральнаго дѣла въ Россіи. Въ 1779 г. Бибиковъ поставленъ былъ, по волѣ Императрицы Екатерины, во главѣ управленія русской труппой и сохранилъ этотъ постъ до 1782 г. Особенную заслугу Бибикова составляетъ учрежденіе въ 1779 г., по его настоянію и плану, театральнаго училища въ С.-Петербургѣ, ставшаго разсадникомъ сценическаго искусства въ Россіи. Бибиковъ сверхъ того несъ обязанности театральнаго цензора, а также и самъ не безъ успѣха подвизался на поприщѣ драматическаго сочинительства. Въ 1780 г. Бибиковъ, съ отборною музыкою и итальянскою труппою, сопровождалъ Императрицу въ путешествіе по Россіи. Въ 1782 г. Екатерина нашла «непорядочнымъ веденіе расходовъ» по театральной дирекціи и поручила А. А. Безбородко разъяснить это дѣло. Въ результатѣ власть надъ театрами была передана въ 1783 г. особому комитету. Изъ пьесъ Бибикова извѣстна пятиактная комедія «Лихоимецъ», бывшая въ свое время репертуарной и всегда принимавшаяся публикой «съ особливою похвалой». Новиковъ даетъ объ этой пьесѣ такой отзывъ: «характеры всѣхъ лицъ его комедіи выдержаны порядочно и свойственно ихъ подлинникамъ; завязка и предложеніе естественны и кажущіяся подлинными, и игры довольно, наконецъ сказать должно, что комедія сія почитается за одну изъ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ». Одинъ изъ современниковъ объяснялъ секретъ успѣха пьесы тѣмъ, что «содержаніемъ ея послужило истинное происшествіе». Другія комедіи Бибикова, которыя тотъ же современникъ выражалъ надежду «увидать вскорѣ», не дошли до насъ.

Шаховской, Исторія русской сцены (Репертуаръ, 1840, т. I).—Карабановъ, Основаніе русскаго театра кадетами перваго кад. корпуса. Спб. 1849.—Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ (Библ. Зап., 1861, № 20).—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Сборникъ И. Русск. Ист. Общ., т.т. 4, 7, 23, 26, 32, 36, 42. — Словари: Венгерова, Новикова и митр. Евгенія. — Араповъ, Лѣтопись русскаго театра.

Бибиковъ, *Викторъ Ивановичъ*, писатель-беллетристъ, род. 9 апрѣля 1863 г., въ Кіевѣ, ум. 15 марта 1892 г., тамъ-же. Бибиковъ воспитывался въ первой кіевской гимназіи, но до окончанія ея долженъ былъ выйти, вслѣдствіе психическаго разстройства. Поправившись, онъ опредѣлился на службу въ одинъ изъ кіевскихъ банковъ и тогда-же выступилъ на литературное поприще, помѣстивъ въ газетѣ «Заря» нѣсколько очерковъ изъ жизни умалишенныхъ. Вскорѣ Бибикову пришлось оставить службу, и нѣкоторое время онъ перебивался мелкой газетной работой, а затѣмъ сталъ писать повѣсти и романы, въ которыхъ сказалось сильное вліяніе I. I. Ясинскаго. Произведенія Бибикова написаны весьма хорошимъ языкомъ и большею частью тщательно отдѣланы, но особаго успѣха не имѣли, въ силу грубоватаго самобичеванія автора и эксцентричности настроеній; эти особенности приближаютъ Бибикова къ французскому декадентству и особенно сильно сказываются въ его пред-

смертной повѣсти: «Мученики» (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1891 г. № 12, за подписью «И. Викторовъ»). Не смотря на непродолжительный срокъ литературной дѣятельности, Бибиковъ написалъ довольно много; отдѣльно изданы: «Чистая любовь», романъ (Спб., 1887 г.); «Дуэль. Дѣти», повѣсти и разсказы (Спб., 1888 г.); «Разсказы» (Спб., 1888 г.); «Маруся» (Сборникъ разсказовъ, Спб. 1889 г.); «Три портрета: Стендаль, Флоберъ, Бодлеръ». (Спб., 1890 г.); «Эмиль Золя», этюдъ, съ приложеніемъ повѣсти Золя: «Та, которая меня любитъ» (Кіевъ 1891 г.), и «Избранныя мысли и разсказъ: «Простое сердце» Флобера» (Спб., 1887 г.). Въ журналахъ и газетахъ онъ напечаталъ: «Слабнякъ», повѣсть («Наблюдатель», 1887 г., № 4—6); «Друзья-пріятели», романъ («Живописное Обозрѣніе», 1890 г.); «Первая гроза», повѣсть («Нива», 1890 г.); «Кумиръ», повѣсть («Живописное обозрѣніе», 1890 г.); «Одиночество», (ib.); «Три письма», разсказъ («Наблюдатель», 1891 г., № 2); «Случайность», разсказъ (ib., № 10); «Воспоминанія о Некрасовѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 3); «Первая побѣда», повѣсть («Наблюдатель», 1888 г., № 11), и др.

Некрологи Бибикова въ «Новомъ Времени», 1892 г., № 5765 (I. I. Ясинскаго), въ «Звѣздѣ», 1892 г., №№ 14—15. (Ап. Ко—скаго) и «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892 г. № 5.—Словарь Венгерова.

Бибиковъ, *Данило Ѳомичъ*, стольникъ, сынъ Ѳомы Ивановича, ум. въ 1680 г. Въ 1676 г. онъ сопровождалъ царя Ѳеодора въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, а черезъ три года мы находимъ его въ Якутскѣ съ отцемъ, который послалъ его на Ламу въ Охотскій острожекъ на государеву службу. По смерти Ѳомы якутскіе служилые люди хотѣли просить царя о назначеніи Даніила воеводою, но скоро въ Якутскъ пришла вѣсть, что на обратномъ пути изъ Охотска онъ былъ убитъ якутами на р. Юдомѣ, весь его отрядъ истребленъ, а бывшій съ нимъ ясакъ и имущество разграблены. Сыскъ, произведенный въ 1681 г., обнаружилъ, что нападеніе якутъ на Даніила было местью за его насилія надъ инородцами; выяснилось также, что и государевой казнѣ онъ учинилъ немалыя проторн.

Дворцовые разряды, IV, 23.—Дополненія къ Акт. Истор.

Бибиковъ, *Дмитрій Гавріиловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1792 г., ум. въ ночь съ 21 на 22 февраля 1870 г. Отецъ его, г.-м. *Гавріилъ Ильичъ*, состоялъ на службѣ съ 1757 г., 28 іюня 1782 г. получилъ чинъ генералъ-маіора; палъ въ Отечественную войну. Д. Г. получилъ прекрасное домашнее образованіе и первоначально былъ зачисленъ въ милицію московскаго войска, а въ 1808 г. былъ переведенъ, съ чиномъ корнета, въ бѣлорусскій гусарскій полкъ. Принимая участіе въ турецкой кампаніи, онъ проявилъ беззавѣтное мужество при взятіи ретрашмента и форштата крѣпости Журжи и въ сраженіи у Траянова вала, а за отличіе 4 сентября 1809 г., подъ Резуатомъ, награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени и переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ. Въ 1812 г. Бибиковъ сражался подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Бородинымъ. Въ послѣднемъ бою онъ, въ качествѣ адъютанта генерала Милорадовича, просилъ принца Виртембергскаго выслать его начальнику подкрѣпленіе; на вопросъ принца, гдѣ найти Милорадовича, Бибиковъ указалъ мѣсто лѣвой рукою, и въ тоже мгновеніе эта рука была оторвана ядромъ; не теряя присутствія духа, онъ поднялъ правую руку и, сказавъ: «сюда, поспѣшите», палъ раненый и въ эту руку, а также и въ грудь. Ордена Св. Георгія 4-го класса, Св. Анны 2-й степени и чинъ штабсъ-капитана были наградой Бибикову за Бородино. Переименованный 14 марта 1819 г. изъ полковниковъ въ коллежскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ владимірскимъ вице-губернаторомъ, въ 1820 г.—саратовскимъ, въ 1821 г.—московскимъ, и въ этотъ періодъ времени удостоился слѣдующихъ двухъ чиновъ, орденовъ Св. Владиміра 3-й и 2-й степени, а 19 декабря 1823 г. Высочайшаго благоволенія за управленіе московской казенной палатой. 9 мая 1824 г. Бибиковъ былъ назначенъ директоромъ департамента внѣшней торговли; занимая этотъ постъ, онъ искоренилъ много злоупотребленій въ таможенномъ вѣдомствѣ, а въ качествѣ члена мануфактурнаго совѣта принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммисіи по составленію законопроектовъ, обезпечивавшихъ взаимное довѣріе въ торговыхъ оборотахъ, также и въ работахъ комитета по обсужденію мѣропріятій, предложенныхъ коллежскимъ

совѣтникомъ Демидовымъ. За это время Бибиковъ получилъ ордена Св. Станислава и Св. Анны 1-й степени съ брилліантами, чинъ тайнаго совѣтника, табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ имени и съ портретомъ Государя и орденъ Бѣлаго орла. Разстроенное здоровье заставило Бибикова ходатайствовать объ увольненіи отъ должности директора департамента внѣшней торговли. 23 ноября 1835 г. просьба его была удовлетворена, и тогда же онъ удостоился Высочайшаго рескрипта. 21 ноября 1837 г. Бибикову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, а 29 декабря того-же года, переименованный въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ назначенъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, причемъ повелѣно ему управлять и гражданскою частью, а также генералъ-губернаторомъ подольскимъ и волынскимъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Смыслъ дѣятельности Бибикова на этомъ посту указанъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя отъ 29 Апрѣля 1840 г.: здѣсь Государь изъявилъ ему свое благоволеніе «за благоразумное содѣйствіе мѣрамъ, предпринятымъ къ сліянію Западнаго русскаго края съ древнимъ отечествомъ природныхъ его жителей и за попечительность управляемыхъ губерній». Вступивъ въ завѣдываніе Юго-Западнымъ краемъ, Бибиковъ прежде всего замѣнилъ вполнѣ русскими дѣятелями мѣстныхъ чиновниковъ, не считавшихъ Россію своимъ отечествомъ; затѣмъ, онъ, отстаивая интересы русскаго народа противъ польскихъ землевладѣльцевъ, предложилъ раздѣлъ казенныхъ имѣній между служащими въ краѣ русскими съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 60 лѣтъ эти имѣнія не подлежали ни раздробленію, ни продажѣ, ни залогу; далѣе, для прекращенія отдачи этихъ имѣній въ аренду мѣстной польской шляхтѣ, съ правомъ требованія отъ крестьянъ барщины, Бибиковъ ускорилъ, согласно желанію правительства, введеніе поземельнаго оброка, за что и удостоенъ въ 1845 г. Монаршей признательности. Въ огражденіе же крестьянъ отъ произвола польскихъ помѣщиковъ, Бибиковъ ввелъ систему инвентарей, не мало облегчившую осуществленіе реформы 19 февраля 1861 г.; въ тоже время онъ лишилъ католическое духовенство права поземельнаго владѣнія. Затѣмъ послѣдовала отмѣна литовскаго статута и строгая провѣрка правъ мѣстной шляхты на дворянство, въ силу которой весьма значительное число лицъ, считавшихся дворянами, обращено въ податное сословіе. Усиленіе русской культуры въ краѣ имѣлъ въ виду Бибиковъ и при учрежденіи центральнаго архива въ Кіевѣ и коммисіи для храненія и изданія древнихъ актовъ, доказывающихъ принадлежность юго-западныхъ областей къ кореннымъ русскимъ землямъ. Для уничтоженія экономической зависимости края отъ Польши, Бибиковъ учредилъ въ Кіевѣ контору государственнаго банка, взамѣнъ основанной въ началѣ тридцатыхъ годовъ секціи банка варшавскаго, которая, поглощая звонкую монету, вытѣсняла русскіе кредитные билеты и наводняла край польскими облигаціями, причемъ большая часть свободныхъ капиталовъ, даже и занимаемыхъ подъ залогъ имѣній въ русскихъ банкахъ, только усиливала обороты варшавскаго банка. Наконецъ, Бибиковъ, обративъ вниманіе на учебныя заведенія, привелъ въ цвѣтущее состояніе кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, а для кіевскаго женскаго училища графини Левашевой выстроилъ прекрасное зданіе. Заботы Бибикова о женскомъ образованіи были вознаграждены 4 ноября 1852 г., когда онъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, милостивымъ рескриптомъ Императрицы Александры Өеодоровны.—Упорно борясь серьезными мѣрами противъ всякихъ нарушеній русскихъ государственныхъ интересовъ поляками, Бибиковъ находилъ излишнимъ придавать значеніе демонстративнымъ выходкамъ враждебной партіи; когда до него доходили слухи о подобныхъ явленіяхъ, онъ отвѣчалъ на демонстраціи шутками и тѣмъ поддерживалъ правильную точку зрѣнія на незначительность и безсиліе польскаго будированія. Такъ, услыхавъ, что на домашнемъ спектаклѣ у одного польскаго помѣщика порицались его дѣйствія, Бибиковъ заставилъ помѣщика повторить пьесу съ тѣми же актерами въ присутствіи своего адъютанта и прежнихъ зрителей, и этимъ ограничился. Когда во время венгерской кампаніи группа молодыхъ людей распространяла въ Бердичевѣ слухи о мнимомъ пораженіи русской арміи, Бибиковъ вызвалъ вѣстовщиковъ къ себѣ, спросилъ, не имѣютъ ли они еще какихъ либо свѣдѣній, и затѣмъ отпустилъ ихъ, сообщивъ о сдачѣ Гергея; другимъ молодымъ людямъ, распѣвавшимъ въ ресторанѣ польскія патріотическія пѣсни, онъ приказалъ разучить, подъ

руководствомъ присланнаго къ нимъ регента, и пропѣть въ его присутствіи гимнъ «Боже Царя храни». За время пребыванія въ Кіевѣ Бибиковъ получилъ слѣдующія награды: въ 1839 г.—орденъ Св. Александра Невскаго, въ 1841 г.—тотъ же орденъ, украшенный бриліантами, 1 января 1843 г.—званіе генералъ-адъютанта, 10 января того же года—чинъ генерала отъ инфантеріи, 25 іюня 1848 г.—орденъ Св. Владиміра 1-й степени, а 9 октября того-же года—благодарность Императора. Кромѣ того, Бибиковъ неоднократно удостаивался Высочайшихъ благоволеній. 3 ноября 1748 г. Бибиковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 30 августа 1852 г.—министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. 21 ноября 1852 г. онъ утверженъ въ званіи почетнаго члена Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся, а 21 января 1853 г.—въ званіи члена комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Съ присущей ему энергіей, Бибиковъ началъ дѣйствовать на посту министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1853 г., по случаю изданія новаго узаконенія о жеребьевомъ порядкѣ отправленія рекрутской повинности, произведена съ полнымъ успѣхомъ народная перепись гражданамъ и однодворцамъ западныхъ губерній, а также евреямъ бессарабской области. Послѣдовавшіе затѣмъ наборы, вызванные Восточной войною, были выполнены превосходно, благодаря энергическому содѣйствію Бибикова. Безпрерывныя передвиженія войскъ потребовали исправленія дорогъ и значительной выставки обывательскихъ подводъ, вслѣдствіе чего въ 1855 г. учреждены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ особыя станціи для доставленія грузовъ въ крымскую армію, а также вольныя почты по московско-харьковскому тракту и перевозочные парки для сухопутнаго движенія вспомогательныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. По врачебной части, во время управленія министерствомъ Бибикова, послѣдовали слѣдующія распоряженія: открыта въ Петербургѣ Максимиліановская лечебница для приходящихъ, учреждено въ Москвѣ инспекторство по аптекарской части, устроены этапные лазареты въ Западной Сибири, опредѣлены въ войска новые стипендіаты министерства изъ медико-хирургической академіи, приглашены вольно-практикующіе медики на мѣста городовыхъ и уѣздныхъ врачей на особо-выгодныхъ условіяхъ, рекрутскія партіи, отправлявшіяся на театръ военныхъ дѣйствій, снабжены гражданскими фельдшерами, отпущено на карантинныя надобности 10 т. рублей въ распоряженіе новороссійскаго губернатора и, наконецъ, войска снабжены медицинскими принадлежностями въ небывалыхъ еще размѣрахъ. По народному продовольствію состоялись особыя распоряженія въ виду военныхъ обстоятельствъ и неурожаевъ. Запрещенъ былъ вывозъ хлѣба за границу изъ Одессы и другихъ южныхъ портовъ, чрезъ границы австрійскую и всю юго-западную, а вывозъ скота—чрезъ прусскую и австрійскую границу. Затѣмъ министерство оказывало пособія населенію, но исключительно хлѣбомъ и при томъ въ мѣстахъ, гдѣ существованіе нужды было надлежащимъ образомъ удостовѣрено. Разсрочивались также долги кредитнымъ установленіямъ, продовольственному капиталу, недоимки по нѣкоторымъ губерніямъ, выдавались ссуды на покупку скота. Обширность пространства и другія политическія, торговыя и административныя соображенія побудили Бибикова войти съ представленіемъ въ законодательномъ порядкѣ объ образованіи изъ киргизской степи сибирскаго вѣдомства двухъ новыхъ областей—Семипалатинской и области сибирскихъ киргизовъ, подчиненныхъ генералъ-губернатору Западной Сибири. Для сохраненія равновѣсія между доходами и расходами городовъ и для наблюденія за правильнымъ употребленіемъ суммъ, Бибиковъ обращалъ особенное вниманіе на составленіе городскихъ росписей; повѣрка этихъ росписей облегчалась свѣдѣніями по производившимся топографическимъ и хозяйственнымъ описаніямъ городовъ. Для упорядоченія работъ по статистикѣ, въ февралѣ 1853 г. былъ учрежденъ статистическій комитетъ, а въ 1854 г. министръ разослалъ по губерніямъ правила о собраніи и обработкѣ статистическихъ свѣдѣній и объ организаціи губернскихъ статистическихъ комитетовъ. По духовнымъ дѣламъ иностранныхъ исповѣданій состоялись при Бибиковѣ слѣдующія распоряженія: въ 1853 г. иностраннымъ духовнымъ учрежденіямъ запрещено пріобрѣтать недвижимыя имущества, безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія; затѣмъ, установлено, чтобы при всеподданнѣйшихъ докладахъ другихъ вѣдомствъ по дѣламъ

иностранныхъ исповѣданій всегда были представляемы соображенія министерства внутреннихъ дѣлъ; усилено въ духовныхъ римско-католическихъ заведеніяхъ преподаваніе русскаго языка, отечественной исторіи и государственныхъ постановленій, относящихся къ Западной церкви. Относительно евреевъ было принято нѣсколько частныхъ мѣръ, для пресѣченія ихъ экономическаго господства надъ населеніемъ Западнаго края. По раскольничьимъ дѣламъ Бибиковъ держался системы административной борьбы. По всеподданнѣйшему докладу его, 18 февраля 1853 г, былъ учрежденъ особый комитетъ для пересмотра постановленій о расколѣ. Этотъ комитетъ предположилъ, для борьбы съ расколомъ, издать исторію его и рядъ обличительныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, собравъ свѣдѣнія о современномъ состояніи раскола, счелъ необходимымъ поддержать борьбу противъ него рядомъ полицейскихъ стѣсненій для его сторонниковъ. 30 августа 1855 г. Бибиковъ, согласно его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта, а 7 сентября того-же года вовсе оставилъ службу по болѣзни. Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни онъ оставался внѣ общественной дѣятельности. Тѣло Бибикова погребено на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Формулярный списокъ.—М. Богдановичъ, Исторія Отечественной войны 1812 г., т. II, стр. 201.—Н. Варадиновъ, Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, ч. Ш, кн. 4 (Спб. 1862) и кн. 8 (Спб. 1863).—Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ 1855 года, Спб. 1857 г., V. — Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII.—«Русскій Инвалидъ», 1870 г., № 55.—«Московскія вѣдомости», 1870 г., № 43.—«Русскія вѣдомости». 1870 г., № 110. — «Русскій міръ», 1871 г., № 89 —«Всемірная Иллюстрація», 1872 г., томъ 8, № 203.—«Сынъ Отечества», 1870 г., № 50.—«Домашняя Бѣсѣда», 1870 г., № 10.—Н. И. Павлищевъ, «Историческій Атласъ Россіи», часть I (лѣтопись). Вильно. 1873 г.

Бибиковъ, *Иванъ Ивановичъ*, оберъ-прокуроръ Сената, главный командиръ Малороссіи, ум. въ Глуховѣ 24 мая 1745 г. Съ 1703 г. служилъ офицеромъ лейбъ-гвардіи въ преображенскомъ полку, 17 апрѣля 1722 г. назначенъ, въ чинѣ капитана, прокуроромъ ревизіонъ-коллегіи; послѣ состоявшагося въ томъ-же году преобразованія этой коллегіи въ ревизіонъ-контору Сената, нѣсколько мѣсяцевъ завѣдывалъ ея дѣлами. 9 января 1723 г., по отрѣшеніи отъ должности оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева, Петръ I временно «приказалъ прокурорское дѣло» Бибикову и вслѣдъ затѣмъ утвердилъ его въ должности оберъ-прокурора Сената. Будучи женатъ на дочери думнаго дьяка Автамона Иванова, Аграфенѣ, Бибиковъ обратился къ Государю въ августѣ 1723 г. съ просьбою пожаловать ему отписанное во дворецъ каширское село Иваново съ деревнями (163 двора), принадлежавшее раньше его тестю, а также нѣсколько «пріисканныхъ имъ публичныхъ» деревень въ Лифляндіи. У него было маленькое имѣнье (около села Иванова), но оно давало мало дохода. «Совѣстію моею доношу, писалъ онъ въ прошеніи, такъ, какъ Богу, что я нынѣ имѣю пропитаніе самое малое и бѣдное, и то съ долгомъ». По этому прошенію Бибиковъ получилъ нѣсколько деревень въ Малороссіи которыя впослѣдствіи (въ 1726 г.) замѣнены были землею въ Лифляндіи (15 гаковъ). Въ мартѣ 1724 г. Петръ I отправилъ Бибикова въ Стокгольмъ съ порученіемъ пригласить въ русскую службу чиновниковъ для камеръ-коллегіи, артилерійскихъ офицеровъ, инженеровъ, рудокоповъ (бергъверкеровъ), шпажнаго мастера для флота и купить рецептъ состава для предохраненія дерева отъ гніенія. Съ большимъ трудомъ Бибикову удалось найти одного чиновника-камерира, который согласился ѣхать въ Россію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собралъ свѣдѣнія «на письмѣ о порядкахъ» шведской камеръ-коллегіи. Другія порученія оказались невыполнимыми. Шпажный мастеръ сначала договорился, а затѣмъ отказался заключить контрактъ: «я де слышалъ, когда мастеровой человѣкъ заѣдетъ, то его вовсе не отпустятъ, которой надобенъ». О бергъверкерахъ Бибиковъ писалъ, что шведы сами «выписываютъ ихъ изъ чужихъ краевъ, и что ихъ заповѣдано изъ Швеціи выпускать». Петръ I на это ему отвѣчалъ: «бергъ-веркеровъ трудись конечно достать, а что заповѣдано, то ничто, ибо ночь да деньги все дѣлаютъ, а особливо въ республикѣ». Государь вообще остался доволенъ усердными хлопотами Бибикова въ Стокгольмѣ, не смотря на ихъ малоуспѣшность. Ему понравилось, что Бибиковъ очень осторожно отнесся къ покупкѣ «рецепта бальсама»—«матеріи, чѣмъ дерево мажутъ, чтобы не гнило»; о «матеріи—писалъ Петръ—зѣло хорошо, что освидѣтель-

ствовавъ платить хочешь». Осенью 1724 г. Бибиковъ вернулся въ Петербургъ и приступилъ къ исполненію обязанностей оберъ-прокурора.—22 февраля 1727 г. онъ назначенъ былъ, въ чинѣ генералъ-маіора, президентомъ вновь учрежденной ревизіонъ-коллегіи; любопытно, что назначеніе это состоялось по личному указанію Екатерины I, между тѣмъ, какъ Верховный тайный совѣтъ полагалъ опредѣлить Бибикова на должность генералъ-кригсъ-комисара. «Президентъ ревизіи» приступилъ немедля къ разсмотрѣнію полковыхъ вѣдомостей и началъ устройство коллегіи, выбравъ для нея «каморы» (гдѣ помѣщалась мануфактуръ-коллегія), пріискалъ чиновниковъ, которые «къ счетнымъ дѣламъ заобычны», и составилъ проектъ инструкціи. Докладъ по этимъ дѣламъ онъ лично представлялъ Верховному тайному совѣту, такъ какъ ревизіонъ-коллегія отдана была въ ближайшее вѣдѣніе, «подъ дирекцію» совѣта. Сочиненный имъ «проектъ о ревизіи» велѣно было 16 іюня 1727 г. «слушать въ Сенатѣ, собравъ всѣхъ коллегій президентовъ и другихъ членовъ, кого надлежитъ». Въ іюлѣ 1728 г. Бибиковъ отправленъ былъ въ Голштинію, съ порученіемъ перевезти въ Петербургъ тѣло умершей голштинской герцогини Анны Петровны, которая завѣщала, чтобы тѣло ея положено было при гробахъ родителей. Онъ долженъ былъ также выразить сочувствіе герцогу о кончинѣ его супруги и «обнадежить», что его величество не перестанетъ ему «при всякихъ случаяхъ свою императорскую протекцію, милость, склонность и сильное вспоможеніе совершенно являть». Съ Бибиковымъ отправлены были архимандритъ, три священника, дьяконъ, пѣвчіе, потребная утварь, на двухъ военныхъ судахъ, кораблѣ «Рафаилъ» и фрегатѣ «Крейсеръ», подъ командою контръ-адмирала Бредаля. У Бибикова были какія то старыя связи съ голштинскимъ дворомъ; поѣздка въ Голштинію должна была ихъ закрѣпить. Посланникъ Вестфаленъ, характеризующій Бибикова какъ «человѣка умнаго, смѣлаго и интригана», разсказываетъ, что во время болѣзни Петра I онъ имѣлъ тайныя совѣщанія съ голштинскими министрами и со шведскимъ посланникомъ, и что это навлекло на него немилость князей Долгорукихъ. Дѣйствительно, во время наивысшаго вліянія этихъ временщиковъ, Бибиковъ получилъ 12 ноября 1729 г. повелѣніе немедленно отправиться вице-губернаторомъ въ Иркутскъ. Но ему удалось отсрочить отъѣздъ въ Сибирь, и въ февралѣ 1730 г., находясь въ Москвѣ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ шляхетскомъ движеніи противъ верховниковъ. Онъ примкнулъ къ кружку кн. А. М. Черкасскаго и В. Н. Татищева и подписалъ какъ ихъ монархическій проектъ, такъ и поданное Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прошеніе о воспріятіи самодержавія. Верховники видѣли въ немъ опаснаго противника и тѣмъ временемъ повторили ему приказаніе ѣхать въ Иркутскъ: сенатскій указъ объ этотъ вышелъ 25 февраля, въ тотъ самый день, когда Императрица разорвала кондиціи. Послѣ паденія верховниковъ Бибиковъ, вмѣсто Иркутска, посланъ былъ 31 января 1731 г. губернаторомъ въ Бѣлгородъ. Затѣмъ 22 іюля 1732 г. его командировали въ Персію, къ дѣйствовавшей арміи, «для вспоможенія въ министерскихъ дѣлахъ» генералъ-лейтенанту Лефорту; здѣсь въ 1734 г. онъ съ двумя офицерами завѣдывалъ сборами съ новозавоеванныхъ персидскихъ провинцій. 30-го января 1736 г. Бибиковъ назначенъ былъ президентомъ камеръ-коллегіи. Прослуживъ въ этой должности пять лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку 25 іюня 1741 г., съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Черезъ годъ, 11 іюня 1742 г., онъ получилъ повелѣніе «въ Малой Россіи быть главнымъ командиромъ... имѣть въ вѣдомствѣ своемъ министерскую и генеральную войсковую канцелярію и въ правленіи дѣлъ поступать по даннымъ указамъ прежнимъ командирамъ». Бибиковъ былъ послѣднимъ главнымъ командиромъ времени междугетманства (1734—1750), въ тѣ годы, когда Императрица Елисавета возобновляла привилегіи Малороссіи, и снискалъ себѣ расположеніе малороссіянъ. 3 сентября 1742 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

П. Барановъ, Опись сенатск. архива, т. I—III.—Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 11, 55, 56, 63, 101, 104.—Голиковъ, Дѣянія Петра Вел., т. X, с. 409 и др.—Соловьевъ, Ист. Росс., кн. IV, с. 1084 кн. V, с. 625.—Д. Корсаковъ, Воцар. Анны Іоанновны, с. 205—206 и др.—А. Филипповъ, Истор. сената, с. 286.—Яковъ Марковичъ, Дневныя записки, ч. II, с. 189, 193, 201, 203, 223.—Н. Маркевичъ, Истор. Малороссіи, т. II.—Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, с. 118.—Государств. Архивъ: прошеніе авг. 1723 г., XI, 2; письма апр.—іюнь 1724 г. въ кабин. дѣл., II, № 66; бумаги о назначеніи въ Малороссію, XIII, 24.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Бибиковъ. *Иванъ Θомичъ*, стольникъ, сынъ Θомы Ивановича. Въ концѣ 1670-хъ годовъ находился съ отцемъ въ Якутскѣ и помогалъ ему въ веденіи дѣлъ. По смерти отца и брата, онъ принялъ всѣ воеводскія дѣла и правилъ якутскою областью до пріѣзда новаго воеводы, Приклонскаго (въ 1681 г.). Въ 1709 г. онъ былъ посланъ Петромъ въ Тобольскъ для набора солдатъ, съ 1710 г. состоядъ тобольскимъ воеводою, въ 1712 г. переименованъ въ тобольскіе оберъ-коменданты, а въ 1717 г. мы находимъ его въ томъ же званіи въ Березовѣ.

Дополненія къ Акт. Ист.—Памятники Сибирской исторіи XVIII в.

Бибиковъ, *Илья Александровичъ*, инженеръ-генералъ-поручикъ, родился въ 1698 г.; умеръ 6 апрѣля 1784 г. Сынъ стольника Александра Борисовича, Бибиковъ получилъ хорошее образованіе и въ 1715 г. поступилъ на службу по инженерной части, подъ начальство генералъ-фельдцейхмейстера графа Я. В. Брюса, относившагося къ нему съ большимъ расположеніемъ. Въ 1741 г. Бибиковъ имѣлъ уже чинъ инженеръ-полковника, а 25 апрѣля 1749 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Принимая участіе въ Семилѣтней войнѣ, онъ особенно отличился въ сраженіяхъ при Кунерсдорфѣ и при осадѣ Кольберга. Во время послѣдней онъ командовалъ, между прочимъ, всей конницей, съ успѣхомъ удерживалъ непріятелей, засѣвшихъ въ Кольбергѣ, отъ сообщенія со Штетиномъ и однажды даже аттаковалъ г. Трептовъ, взялъ его и, преслѣдуя пруссаковъ, захватилъ въ плѣнъ ихъ предводителя, генерала Вернера. Какъ лучшій изъ инженеровъ, Бибиковъ былъ отправляемъ для укрѣпленія разныхъ мѣстъ, между прочимъ Украинской линіи, г.г. Таганрога, Кизляра, Моздока и Бахмута. Въ началѣ царствованія Екатерины II Бибиковъ былъ назначенъ начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода и произведенъ въ генералъ-поручики, но въ 1764 г. по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ 1765 г. онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Бибиковъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ нашихъ генераловъ XVIII вѣка.

Гамель, «Описаніе Тульскаго оружейнаго завода» (М. 1826 г.).—Словари Края и Плюшара.—П. Долгорукій, «Россійская Родословная книга», т. IV (Спб., 1857 г.).—Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. III.—Сборникъ И. Р. И. О., т. LXVIII.

Бибиковъ, *Илья Богдановичъ*, сенаторъ, род. въ 1739 г., ум. въ 1806 г. Въ 1754 г. онъ поступилъ сержантомъ въ селенгинскій пѣхотный полкъ, въ 1760 г., въ чинѣ поручика, участвовалъ въ осадѣ и взятіи Кольберга, въ 1769 г., въ чинѣ премьеръ-маіора, былъ на двухъ приступахъ къ Хотину, 14 августа того-же года произведенъ въ подполковники, въ 1771 г. находился при атакѣ и взятіи Кефы, 26 сентября того-же года произведенъ въ полковники, въ 1773—1774 гг. былъ со своимъ полкомъ въ Кубанской степи и совершилъ походъ за Кубань къ Копылу. 28 іюня 1778 г. онъ получилъ чинъ бригадира, 22 сентября того-же года—генералъ-маіора и 27 сентября 1786 г. произведенъ въ генералъ-поручики. Въ 1780—1783 г.г. онъ былъ казанскимъ губернаторомъ, а въ 1784—1790 г.г. исполнялъ должность правителя новгородъ-сѣверскаго намѣстничества. Высочайшимъ указомъ отъ 22 сентября 1792 г. Бибикову повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ (въ 6-мъ департ.), а 28 октября 1798 г. онъ былъ уволенъ отъ службы.

Формулярный списокъ.—Дѣла сенатскаго архива.

Бибиковъ, *Илья Гавриловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, род. въ 1794 г., ум. 6 апрѣля 1867 г. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ поступилъ 11 октября 1811 г. юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскую бригаду, а 19 ноября 1812 г. получилъ первый офицерскій чинъ, находясь на службѣ во 2-й резервной артиллерійской бригадѣ. Въ 1813 г. онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ и за отличіе въ послѣднемъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени и прусскимъ—«Pour le mérite». Произведенный въ подпоручики за храбрость, оказанную въ битвѣ подъ Дрезденомъ, Бибиковъ сражался затѣмъ подъ Лейпцигомъ и подъ стѣнами Парижа, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ гвардію. 17 февраля 1819 г. Бибиковъ былъ произведенъ въ капитаны, съ назначеніемъ командиромъ пѣшей батареи имени великаго князя Михаила Павловича, и 3 іюля того-же года опредѣленъ адъютантомъ къ его высочеству. Состоя въ этой должности, Бибиковъ получилъ 19 апрѣля 1820 г. чинъ полковника и вслѣдъ затѣмъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію,

для инспектированія бывшаго дунайскаго округа и находившихся въ его районѣ крѣпостей. За тщательное исполненіе этого порученія Бибикову была выражена Высочайшая благодарность, а черезъ годъ (22 іюля 1825 г.) пожалованъ орденъ св. Анны 2-й степени. 22 августа 1827 г. Бибиковъ получилъ бриллiантовые знаки того-же ордена. Во время турецкой кампаніи 1828 г. Бибиковъ сначала участвовалъ въ осадѣ Браилова, за которую получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, затѣмъ совершилъ походъ къ Шумлѣ, а оттуда къ Варнѣ. Находясь здѣсь въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бистрома, Бибиковъ участвовалъ въ пораженіи паши Омеръ-Вріоне, а на другой день послѣ покоренія Варны,—29 сентября 1828 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Во время польской кампаніи 1831 г. Бибиковъ, командуя гвардейской артиллеріей, сражался при Якацѣ и Жолткахъ. Дѣла эти доставили ему орденъ св. Анны 1-й степени, а штурмъ варшавскихъ укрѣпленій—золотую шпагу съ бриллiантами. Съ конца 1831 по 1850 г. служба Бибикова носила учено-артиллерійскій характеръ; удачными практическими примѣненіями пріобрѣтенныхъ познаній онъ принесъ артиллерійскому дѣлу въ Россіи громадную пользу, которая и была награждена рядомъ отличій. Не считая ордена св. Георгія 4 класса за безпорочную 25-ти лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, Бибиковъ получилъ 18 ноября 1833 г. орденъ св. Анны 1-й степени съ короной, 6 декабря 1837 г. чинъ генералъ-лейтенанта, а 28 апрѣля 1843 г. участокъ земли въ новгородской губерніи. Сверхъ того онъ имѣлъ прусскій орденъ Краснаго Орла и австрійскій Желѣзной Короны. Удостоенный 15 января 1846 г. Монаршаго благоволенія за содѣйствіе въ составленіи правилъ при реорганизаціи артиллеріи, Бибиковъ 28 января 1847 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, а 28-го января 1848 г.—Бѣлаго Орла за особые труды въ качествѣ предсѣдателя комитета по улучшенію штуцеровъ и ружей и по снабженію арміи ударнымъ оружіемъ. 19 сентября 1849 г. Бибиковъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, а 28 января 1850 г. назначенъ на постъ виленскаго военнаго губернатора съ управленіемъ гражданской частью, равно гродненскаго, минскаго и ковенскаго генералъ-губернатора, причемъ ему ввѣрено было и завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ краѣ на правахъ попечителя виленскаго учебнаго округа. 26 ноября 1852 г. Бибиковъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи. Вступивъ въ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ и поставивъ себѣ цѣлью его обрусѣніе, Бибиковъ вскорѣ, во время Крымской кампаніи, наткнулся на революціонную агитацію въ Литвѣ. Надежда на десантъ англо-французскихъ войскъ между Полангеномъ и Либавой подстрекала учащуюся молодежь къ анти-правительственнымъ демонстраціямъ, а шляхта дѣятельно запасалась боевымъ снаряженіемъ. Бибиковъ началъ надъ агитаторами строгое слѣдствіе, которое, однако, было прекращено въ началѣ 1856 г. Вообще же Бибиковъ съумѣлъ благоразумными, но энергичными предупредительными мѣрами обезпечить спокойствіе въ краѣ. Въ концѣ Крымской кампаніи, состояніе здоровья, разстроенное усиленными трудами, побудило его отказаться отъ занимаемаго поста, и 11 декабря 1855 г. онъ былъ, по Высочайшему указу, уволенъ отъ должности, а 17 января 1856 г. вовсе оставилъ службу. 19 февраля 1860 г. онъ вновь былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, 17 мая получилъ 3434 десятины земли въ самарской губерніи, а 30 августа 1864 г.—орденъ св. Александра Невскаго.—Погребенъ Бибиковъ въ Троицко-Сергіевской пустыни.

Послужной списокъ. — «Военный Сборникъ», 1867 г., т. 55, стр. 42—43.—«Современная лѣтопись» 1868 г., № 21.—«Русскій Инвалидъ» 1867 г. № 97.—Словарь Березина.—Устряловъ, Русская исторія, ч. II (обозрѣніе царствованія Николая I). Спб. 1849.

Бибиковъ, *Матвѣй Павловичъ*, писатель, род. въ богатой дворянской семьѣ 30 іюня 1812 г., въ с. Баловневѣ, данковскаго уѣзда, рязанской губ., ум. въ Москвѣ 6 ноября 1856 г. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ своему дядѣ, губернатору въ средней Россіи; но прослуживъ недолго, уѣхалъ въ 1841 г. въ Италію, гдѣ пробылъ, живя въ разныхъ городахъ, 8 лѣтъ; общительный и веселый характеръ доставилъ ему обширный кругъ знакомыхъ во всѣхъ сферахъ итальянскаго общества, преимущественно же онъ вращался среди русскихъ художниковъ; вернувшись въ Россію въ 1849 г., онъ поселился въ деревнѣ и началъ писать разсказы изъ итальянской жизни, которые и появились въ различныхъ жур-

налахъ: «Отеч. Зап.», «Москвитянинѣ», «Московск. Вѣдом.», «Русской Бѣсѣдѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Имъ, между прочимъ, написаны: «Исторія одной фрески», «Художники въ Италіи», «Римская Кампанія», «Патито», «Уличныя зрѣлища», «Понте-Молло», «Герваро-Фестъ», «Ужинъ», «Пари», «Итальянскій романъ», «Старый палаццо». Есть разсказы и изъ русской жизни: «Бабушка», «Необыкновенная дуэль», «Старый дворецкій», «Няня» и пр. Всѣ разсказы Бибикова интересны по содержанію и написаны живымъ языкомъ.

Русскій Вѣстникъ 1856 г. т. 6, стр. 59;—Русская Бесѣда 1856 г. № 4.—Зритель 1862 г. № 9 (воспоминанія Рамазанова). — Мѣсяцесловъ на 1858 г.—Notice nécrologique sur Mathieu Bibicoff, par I. Maurice Cabany Paris, 1857 г.— Словари: Березина, Геннади, Толля, Андреевскаго, Венгерова.

Бибиковъ, *Никифоръ Семеновичъ*, воевода. Первыя упоминанія о немъ находимъ въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ (1574—1596 гг.). Въ 1615 г. онъ былъ воеводою въ Цивильскѣ, въ 1617 и 1618 г.г.—въ Арскѣ, а въ 1631—1633 г.г. на Бѣлѣозерѣ.

Русская Историч. Библіот., т. XVII.—Дворцовые разряды, т. I, 194, 296, 349.—Разрядныя книги, т. I, 80, 406, 545; II, 351, 740.—Дополн. къ Акт. Ист.

Бибиковъ, *Никифоръ Семеновичъ* (или Тимоѳеевичъ), дворянинъ. Въ 1618 г. былъ въ осадѣ въ Москвѣ, на Трубѣ съ кн. Ив. Юр. Боровитиновымъ-Мещерскимъ. Въ 1621 г. былъ на Москвѣ въ объѣзжихъ головахъ за Яузою, въ 1624 г.—въ тойже должности, но уже между Никитской ул. и Неглинною. 25 января 1627 г. онъ былъ посланъ письменнымъ головою въ Тобольскъ, гдѣ и оставался въ 1628 и 1629 г.г. Въ 1632 г. онъ опять въ Москвѣ, «для береженья» у Срѣтенскихъ воротъ, а въ 1636 г. находится въ числѣ дворянъ на государевомъ дворѣ, при кн. Андреѣ Вас. Хилковѣ.

Дворцовые разряды, I, 361, 638; II, 297.—Разрядныя книги, I, 513, 571, 766, 1039, 1363.—Русск. Ист. Библ., т.т. IX и X.

Бибиковъ, *Петръ Алексѣевичъ*, писатель, род. въ 1832 (или 1833) г., ум. 14 ноября 1875 г. на Удѣльной. Онъ получилъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ по физико-математическому отдѣленію, а затѣмъ поступилъ на военную службу, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1853—6 гг. на азіятскомъ театрѣ и находился при Башкадыклярскомъ сраженіи; послѣ войны, онъ, въ чинѣ поручика, былъ принятъ въ Николаевскую военную академію и окончилъ ее въ 1858 г. Совершивъ затѣмъ путешествіе по Европѣ, Бибиковъ съ 1859 по 1863 г. служилъ въ генеральномъ штабѣ, а затѣмъ, принужденный выбирать между прохожденіемъ дальнѣйшей службы внѣ столицы и выходомъ въ отставку, предпочелъ послѣднее. Хотя по родству и связямъ Бибиковъ имѣлъ доступъ въ лучшее общество, онъ, не имѣя состоянія и обладая громаднымъ самолюбіемъ при нервно-желчномъ, вспыльчивомъ характерѣ, всецѣло посвятилъ себя скромной литературной дѣятельности, которую началъ критическими и публицистическими статьями въ «Современникѣ». Въ этомъ журналѣ онъ сотрудничалъ въ 1859 и 1860 гг. Наиболѣе крупная статья имъ помѣщена въ №№ 11 и 12 за 1859 г.—«Очеркъ итальянской исторіи со времени первой французской революціи». Въ «Военномъ сборникѣ» 1861 г. имъ помѣщенъ въ №№ 5—7 разборъ XVII т. «Исторіи консульства и имперіи» Тьера; въ «Русскомъ Словѣ» 1861 г.—«Третье сословіе во Франціи до революціи» (№№ 3—4) и за 1864 г.—«Границы положительнаго знанія» (№ 2); въ журналѣ «Время» 1861—63 гг.—«Феноменологія войны» (по поводу книги Прудона), «По поводу одной современной повѣсти» (Молотовъ), «Какъ рѣшаются нравственные вопросы французской драмой» (объ Nos intimes), «Отъ Петербурга до Екатеринослава». Кромѣ того Бибиковъ сотрудничалъ въ газетѣ Писаревскаго «Современное Слово», въ Боборыкинской «Библіотекѣ для чтенія», въ «Книжномъ Вѣстникѣ» и въ «Искрѣ» до конца ея существованія. Въ 1862 г. Бибиковымъ издана отдѣльною брошюрою его статья «О литературной дѣятельности Добролюбова». Какъ журнальныя статьи, такъ и напечатанные отдѣльно въ 1865 г. «Критическіе опыты» (повлекшіе за собою судебное преслѣдованіе противъ автора) убѣдили самого Бибикова въ отсутствіи у него, какъ писателя и критика, идейной самобытности и творческаго таланта, не смотря на обширныя познанія по разнымъ отраслямъ соціальныхъ и естественныхъ наукъ. Судебная палата, приговоривъ автора «Критическихъ опытовъ» къ семи днямъ ареста за вредный образъ мыслей, нашла излишнимъ даже уничтожать книгу, такъ

какъ пришла къ убѣжденію, что «по слабому достоинству сочиненія» оно и опасности не представитъ. Чуждый всякаго сомообмана и одаренный желѣзнымъ характеромъ, Бибиковъ бросилъ журнальную дѣятельность, но, нуждаясь въ средствахъ къ существованію, предпринялъ «Сборникъ либретто итальянскихъ оперъ», чтобы, какъ нибудь перебиться; позднѣе, извѣрившись окончательно въ своемъ талантѣ, онъ безропотно помирился на скромной роли переводчика. «Человѣкъ богатый нравственнымъ и умственнымъ содержаніемъ», по выраженію Я. П. Полонскаго, Бибиковъ задался цѣлью ознакомить нашу полу-образованную публику съ духомъ XVIII и начала XIX в. въ его лучшихъ проявленіяхъ, въ видѣ переводовъ «тѣхъ писателей, которые такъ или иначе пролагали пути къ научнымъ открытіямъ и идеямъ нашего столѣтія». За восемь лѣтъ, при ничтожныхъ средствахъ и не смотря на медленность и ограниченность сбыта «Библіотеки классическихъ писателей», Бибиковъ напечаталъ 13 томовъ, объемомъ свыше 7,000 страницъ убористой печати. Въ эту серію вошли лучшія сочиненія Биша, Ад. Смита, Кондорсе, Мальтуса, Ад. Бланки и Бэкона. Добросовѣстнѣйшимъ образомъ комментируя авторовъ, Бибиковъ свои переводы снабдилъ предисловіями, которыя, по замѣчанію Я. П. Полонскаго, какъ нельзя лучше доказываютъ, что «переводчикъ настолько же способенъ былъ проникаться духомъ того или другого автора, насколько и не признавалъ его непогрѣшимости»; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ переводчика, Бибиковъ проявилъ изъ-ряду вонъ выходящій талантъ, такъ какъ «никто такимъ яснымъ, правильнымъ и точнымъ языкомъ не переводилъ у насъ ученыхъ книгъ». Внѣ серіи «Библіотеки классическихъ писателей» Бибиковымъ данъ переводъ «Науки о человѣческомъ обществѣ» Дм. Глинки (въ 1870 г.).—Большой любитель итальянской музыки и поклонникъ эстетической критики въ духѣ Бѣлинскаго, Бибиковъ былъ далекъ отъ односторонней узкости «реализма» 60-хъ годовъ, а если иногда и впадалъ, въ жару полемики, въ утрированный цинизмъ (какъ напр. въ статьѣ «Ревность животныхъ»), то подобныя выходки объясняются скорѣе горячностью, которой Бибиковъ легко подчинялся при всякихъ спорахъ. Весною 1874 г. у Бибикова начали обнаруживаться признаки душевной болѣзни, которая скоро и свела его въ могилу. По словамъ Я. П. Полонскаго, близко стоявшаго къ Бибикову, онъ «по складу ума своего, былъ и позитивистъ, и эститикъ и не могъ быть ни ярымъ патріотомъ, ни ярымъ отрицателемъ... Какъ писатель, Бибиковъ принадлежалъ къ тому переходному поколѣнію нашихъ литераторовъ, которое, не утративъ симпатій своихъ къ прошлому, глубоко сочувствовало возникновенію новыхъ идей и запросовъ, и для которыхъ вѣра въ прогрессъ человѣчества была чѣмъ то вродѣ религіи».

«Журналъ Мин. Юст.», 1866, т. XXVII.—«Спб. Вѣдомости», 1866, № 34.—Некрологи: въ «Недѣлѣ» 1875 г. П. А. Ефремова въ № 47 и Я. П. Полонскаго въ № 48; въ «Гражданинѣ», 1876 г. № 4; въ «Голосѣ», 1875 г. № 320; въ «Иллюстрированной газетѣ» 1875 г. № 47.—Словари: Андреевскаго и Венгерова.

Бибиковъ, *Юрій Богдановичъ*, генералъ-поручикъ, командиръ кавказскаго корпуса, ум. въ 1812 г. На службу Бибиковъ поступилъ въ 1760 г. и, пользуясь покровительствомъ графа Панина, быстро повышался въ чинахъ, получая большія награды за незначительныя отличія. 5 мая 1779 г. онъ былъ произведенъ уже въ генералъ-маіоры, а въ 1786 г. былъ генералъ-поручикомъ. Во время второй турецкой войны онъ, находясь во главѣ кавказскаго отряда, рѣшился на крайне опасный походъ. Воспользовавшись отсутствіемъ главнаго начальника кавказскихъ войскъ, Потемкина, онъ, не смотря на неудобное время (январь мѣсяцъ), съ однимъ кавказскимъ корпусомъ, не зная мѣстности и безъ провіанта, рѣшился взять хорошо укрѣпленный городъ Анапу. Правда, взятіе его нанесло бы сильный ущербъ торговымъ интересамъ горцевъ и вліянію Турціи на Кавказѣ, но для этого нужны были и значительныя средства. Перейдя за Кубань по глубокимъ снѣгамъ въ январѣ 1789 г., русскіе первое время встрѣчали очень слабое сопротивленіе, но чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ значительнѣе становились нападавшіе на нихъ отряды, и 15 февраля произошло первое серьезное сраженіе, окончившееся побѣдою русскихъ. Помимо постоянныхъ стычекъ, походъ сильно затруднялся вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ, разливовъ, частыхъ горныхъ потоковъ и т. п. Бибикову совѣтовали вернуться, но онъ упорно продолжалъ идти впередъ. Наконецъ, 24 марта, русскіе очу-

тились въ долинѣ предъ Анапой, гдѣ произошла упорнѣйшая битва; турки и горцы, не смотря на свое численное превосходство, были побѣждены. Ослѣпленный этой удачей, Бибиковъ на другой же день пошелъ на приступъ Анапы, не запасшись даже ни одной лѣстницей. И приступъ, и отступленіе окончились громадною потерею нашихъ войскъ. Рѣшившись послѣ этого вернуться обратно за Кубань, русскіе на своемъ пути претерпѣли много бѣдствій и отъ разливовъ, и отъ постоянныхъ стычекъ съ горцами, и отъ голода. А когда Бибиковъ арестовалъ ген. Офросимова за несогласіе его идти болѣе опасною дорогой, солдаты взбунтовались, и главнокомандующій долженъ былъ уступить. До мѣста стоянки добралась только едва третья часть всего отряда. Узнавъ объ этомъ, Екатерина II писала Потемкину: «Экспедиція Бибикова для меня весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съ ума сошелъ, держа людей сорокъ дней на водѣ, почти безъ хлѣба». Назначено было слѣдствіе, и Бибиковъ былъ уволенъ въ отставку (въ маѣ 1790 г.), а отрядъ его награжденъ особенною серебряною медалью на голубой лентѣ, съ надписью: «за вѣрность».

В. Потто, «Кавказскія войны въ отдѣльныхъ очеркахъ, описаніяхъ и біографіяхъ», т. I (Спб., 1887 г.).—«Сынъ Отеч.», 1824, № 30.—П. Г. Бутковъ, «Матеріалы для исторіи Кавказа», II, 216 sqq.—Сб. И. Р. И. О., т. XXVII, XLII.

Бибиковъ, *Ѳома Ивановичъ*, воевода якутскій, ум. 6 марта 1680 г. Въ 1668 г. онъ былъ воеводою въ Лубнахъ, но измѣнники черкасы, овладѣвъ городомъ, отдали воеводу въ Крымъ. Въ 1678 г. онъ посланъ на воеводство въ Якутскъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ неспокойными инородцами, которые постоянно побивали мелкіе русскіе отряды, Бибиковъ жаловался на недостатокъ людей и запасовъ, однако успѣлъ вновь объясачить тунгусовъ на р. Уди и произвести разслѣдованіе мѣсторожденій слюды на р. Тонтарѣ. Бунты инородцевъ, вызываемые насиліями сборщиковъ ясака, вынуждали Бибикова посылать отряды для борьбы съ непокорными, но борьба эта была мало успѣшна. Повидимому, въ стяжательствѣ былъ повиненъ и самъ воевода, такъ какъ его преемникъ, Приклонскій получилъ приказаніе доправить на его имуществѣ значительную сумму за грабежъ инородцевъ и за неразсчетливое расходованіе казенныхъ суммъ.

Дворцовые разряды, Ш, 844.—Дополненія къ Акт. Истор.

Бибиковы, старинный дворянскій родъ, ведущій свое начало отъ выходца изъ Синей Орды, Жидимира. Первый, достовѣрно извѣстный представитель этого рода, *Давидъ*, въ 1464 г. правилъ въ Псковѣ посольство отъ в. кн. Іоанна Ш. Въ 1540—41 гг. *Тимофей Степановичъ* Бибиковъ описывалъ торопецкій уѣздъ; въ 1555 г. *Иванъ* Бибиковъ посланъ былъ съ большою ратью въ Финляндію, но у Рафландскаго озера, близъ Выборга, потерпѣлъ страшное пораженіе; въ концѣ 1590 г. Иванъ Бибиковъ (вѣроятно, уже другой) былъ посланъ въ Крымъ для переговоровъ съ ханомъ, но его встрѣтили неласково и ограбили; только послѣ неудачнаго похода на Москву въ 1591 г. ханъ снова принялъ посла и вернулъ ему все имущество; въ 1571 г. Иванъ Бибиковъ несъ свѣчу на третьей свадьбѣ Іоанна Грознаго; въ 1580 г. *Иванъ Елизаровичъ* посланъ въ Невель, «въ прибавку» къ осадному головѣ Колычеву; въ 1598 г. *Василій Аѳанасьевичъ* находился при кн. Бор. Черкасскомъ въ Москвѣ на Большомъ посадѣ, для береженья; въ 1598 г., среди дворянъ, бывшихъ на соборѣ для избранія Бориса Годунова на царство и подписавшихъ соборную грамоту, находимъ *Ивана Шестого* сына Бибикова; въ 1600 г. *Григорій* Бибиковъ былъ головою въ Донковѣ при воеводѣ кн. Андр. Вас. Сицкомъ; кромѣ того, въ XVI в. находимъ многочисленную семью Бибиковыхъ среди служилыхъ людей, владѣющихъ помѣстьями въ новгородской области, а въ 1622 г. въ числѣ вотчинъ Волоцкаго монастыря значатся три деревни въ хованскомъ стану волоцкаго уѣзда, завѣщанныя на поминъ души *Владиміромъ* и *Елизаріемъ* Бибиковыми. Въ XVII в. одна вѣтвь Бибиковыхъ продолжаетъ владѣть новгородскими помѣстьями и несетъ службы въ разныхъ городахъ, а другая получаетъ земли на Украйнѣ. *Василій Ивановичъ* зимою 1628—29 г. былъ въ числѣ жильцовъ, посланныхъ на Валуйку съ Ѳ. Бутурлинымъ для посольской размѣны съ крымцами. *Аѳанасій* въ іюнѣ 1627 г. находился съ царемъ въ Троицкомъ походѣ, а въ 1662 г. былъ приказчикомъ Армашевской слободы, верхотурскаго уѣзда. *Гаврило Александровичъ*

въ октябрѣ 1638 г. былъ на Валуйкѣ съ кн. Вас. Петр. Ахмашуковымъ-Черкасскимъ для посольской размѣны съ крымцами, а въ августѣ 1665 г., имѣя чинъ майора драгунскаго строя, посланъ воеводою кн. Сем. Петр. Прозоровскимъ изъ Смоленска въ Москву съ грамотою къ царю. *Прокофій* въ 1664—5 гг. былъ воеводою въ Донковѣ. Василій Семеновичъ въ 1675 г. былъ «головой начальнымъ человѣкомъ» въ сотнѣ двора окольничаго Вас. Сем. Волынскаго и въ томъ же году «изъ рейтарскаго чину изъ полуполковниковъ» назначенъ въ полуголовы на Донъ, но, считая это назначеніе «не въ версту» себѣ, билъ челомъ царю; однако его челобитье признано «бездѣльнымъ», и онъ посаженъ въ тюрьму. *Григорій Глѣбовъ* описывалъ Одоевъ въ 1678 г. Въ томъ же году среди стольниковъ, бывшихъ съ царемъ въ савминскомъ отъѣздѣ, находимъ *Ивана Богдановича* Бибикова. Стольникъ *Яковъ Гавриловичъ* въ 1696 г. былъ воеводою бѣлозерскимъ. Повидимому, въ особую вѣтвь выдѣлились Бибиковы, именуемые въ концѣ XVII в. верхотурскими дѣтьми боярскими; изъ нихъ извѣстны *Юрій Логиновъ* сынъ (упом. въ 1680 г.,) и *Михаилъ*, который въ 1680 г. былъ приказчикомъ на Тагилѣ, а въ 1697 г., какъ человѣкъ, «который своими нападками никому никакого нападку не чинилъ», посланъ на р. Режъ, для обслѣдованія вновь открытыхъ рудъ. Біографіи болѣе извѣстныхъ представителей этого рода въ XVII в. см. выше.

Бархатная книга.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.—Акты Историч.—Дополненія къ нимъ.—Акты Арх. Эксп.—Никоновская лѣтопись.—Русск. Ист. Библіот., т.т. IX—XI, XV, XVII.—Дворцовые разряды, II, 830; III, 1212, 1272, 1273; IV, 98.—Разрядная Книга въ «Симб. Сборн.», стр. 136, 141.—Древняя Россійск. Вивліое., XIII, 90, 95; XIV, 385.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Соловьевъ, Ист. Р.

Биддеръ, *Генрихъ*, докторъ медицины, род. въ Курляндіи 23 марта 1783 г., ум. въ Швальбахѣ въ 1826 г. Въ дѣтствѣ онъ лишился отца и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію; родственники помѣстили его въ митавскую школу, окончивъ курсъ которой, онъ пошелъ въ ученики къ аптекарю, занялся составленіемъ гербаріевъ и пополнялъ свое образованіе чтеніемъ. Въ 1803 г. онъ отправился въ Берлинъ, въ медико-хирургическую академію, но вскорѣ перешелъ въ іенскій университетъ, который въ томъ-же году долженъ былъ оставить вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ; перейдя въ Вюрцбургъ, Биддеръ занялся одновременно медициной, математикой и физикой. Въ 1806 г. онъ перешелъ въ Геттингенъ, гдѣ въ теченіе одного года закончилъ свой академическій курсъ. Въ 1807 г. онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, гдѣ учился у знаменитыхъ натуралистовъ: Cuvier, Fourcroy, Vauquelin'a и Thenard'a, посѣщалъ госпитали, королевскій ботаническій садъ и пр. Отсюда Биддеръ отправился въ Бамбергъ къ извѣстному ученому Маркусу, у котораго онъ уже занимался раньше, и посѣтилъ богемскія минеральныя воды. Въ 1809 г. Биддеръ получилъ въ Кенигсбергѣ степень доктора медицины и вернулся въ Курляндію. Выдержавъ испытаніе въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ, онъ былъ зачисленъ въ 1-й разрядъ русскихъ врачей. Въ 1810 г. онъ снова поѣхалъ въ Вюрцбургъ и посѣтилъ многіе курорты, извѣстные своими минеральными источниками, затѣмъ поселился въ Митавѣ и занялся медицинскою практикою. Здѣсь онъ устроилъ собственную лабораторію, въ которой производилъ различныя физическія и химическія изысканія. Болѣзнь заставила его прекратить научные опыты и вновь вернуться къ дѣятельности практическаго врача. Въ 1815 г. Биддеръ получилъ званіе штабсъ-лекаря, съ 1817 до 1819 г. занималъ должность митавскаго окружного врача, въ 1820 г. былъ назначенъ операторомъ курляндскаго врачебнаго управленія, а въ 1825 г.—инспекторомъ того-же управленія. Въ 1826 г. Биддеръ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-го класса.—Сочиненія его: «Theses nonnullae e physiologia organismi humani». Regiomonti, 1809 (диссертація); «Ueber die Errichtung einer allgemeinen Rettungsanstalt in plötzlichen Lebensgefahren für Mitau». Mitau, 1822; «Zusatze und Nachträge zu Dr. Ioh. Friedr. v. Körbers Auszuge der ältern und neuern im Russichen Reiche erschienenen allerhöchsten Manifeste, Ukasen, Publikationen, Verordnungen u. Befehle, welche das gesammte Medicinalwesen betreffen»; напечат. послѣ смерти автора Генр. Биддеромъ (Митава. 1827); «Ueber Extractions-Pressen» въ Scherer's Annal. d. Chemie, 1819, т. 2, стр. 257; «Ein Briefauszug» (die Quelle zu Baldohn betreffend), ibid., стр. 310; «Ein Briefauszug» (о смерти Theodor'a Grothul'a), ibid., 1822, т. 8, стр. 105;

«Ueb. merkwürdige Incrustationen, welche in der Baldonschen Mineralquelle gefunden worden», въ Jahresverh. d. Kurl. Gesellschaft, т. 2, стр. 26 (1822); «Karl Ioh. Bidder», въ Rig. Stadtb., 1824, стр. 169; «Ueber den Gebrauch der Gläsernen Haarröhrchen z. Aufbewahrung d. Schultzblattern-Lymphe», въ Beyl. z. Allg. deutsche Zeit. f. Russl., 1826.

Рекс и Напирскій, Allg. Schr. и. G. Lex., Митава, 1827 г. и 1859 г.

Н. К—нъ.

Бидлоо, *Николай*, врачъ, род. въ 70-хъ г.г. XVII в., ум. 23 марта 1735 г. Сынъ извѣстнаго голландскаго ученаго медика, Роберта-Готфрида Бидлоо, онъ получилъ блестящую подготовку въ родительскомъ домѣ, а академическое образованіе—въ лейденскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ въ 1697 г. степень доктора за диссертацію «De menstruorum suppressione». Несмотря на молодость, онъ, благодаря разностороннимъ познаніямъ, скоро добился почтенной репутаціи, и въ 1702 г. Императоръ Петръ I повелѣлъ россійскому посланнику въ Голландіи, графу А. А. Матвѣеву, вступить съ Бидлоо въ переговоры относительно приглашенія его въ Россію. Онъ согласился и былъ принятъ въ русскую службу первоначально срокомъ на шесть лѣтъ, а жалованіе ему опредѣлено въ 2,500 гол. гульденовъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его смерти до истеченія контрактнаго срока половина оклада выдавалась женѣ его или другимъ наслѣдникамъ. Въ іюнѣ 1703 г. Бидлоо чрезъ Архангельскъ пріѣхалъ въ Москву. Петръ сдѣлалъ его своимъ личнымъ врачемъ и бралъ съ собою въ утомительные походы, которые отвлекали ученаго отъ занятій, а между тѣмъ крѣпкое здоровье Императора дѣлало присутствіе врача при немъ совершенно излишнимъ. Черезъ годъ Бидлоо сталъ жаловаться на боли въ груди, дѣлавшія для него труднымъ несеніе обязанностей личнаго врача при особѣ Императора; онъ сталъ проситься въ дивизіонные врачи или на иное мѣсто, гдѣ могъ бы быть болѣе полезенъ; при этомъ онъ откровенно высказалъ Императору, что вообще отъ своего пребыванія въ Москвѣ не чаетъ пользы, доколѣ не заведено будетъ какого либо госпиталя или медицинской школы. Тогда Петръ повелѣлъ Бидлоо выработать проектъ госпиталя и при немъ медицинской школы. Представленныя Бидлоо предположенія были одобрены, и указомъ отъ 25 мая 1706 г. Высочайше повелѣно «построить за Яузою рѣкою противъ Нѣмецкой слободы въ пристойномъ мѣстѣ домъ для лѣченія болящихъ. А у того лѣченія быть доктору Николаю Бидлоо... изъ иноземцевъ и изъ русскихъ всѣхъ чиновъ людей набрать для аптекарской науки 50 человѣкъ». Начатая въ 1706 г. постройка госпиталя была 21 ноября 1707 г. уже закончена. Искусный врачъ и широко образованный человѣкъ, Бидлоо съумѣлъ снискать расположеніе образованныхъ москвичей того времени, по свидѣтельству Беркгольца и Голикова, а это въ значительной степени облегчало ему возможность пополнять школу подходящими питомцами. На управленіе московскимъ медико-хирургическимъ училищемъ Бидлоо положилъ много любви къ дѣлу, тогда совершенно невѣдомому на Москвѣ, и добился того, что воспитанники его на службу поступали зрѣлыми лѣкарями. Хотя его упрекали въ медленности подготовленія медицинскаго персонала и сулили даже поощренія за ускореніе, онъ категорично заявлялъ, что не можетъ допустить выпуска изъ училища учениковъ, доколѣ они, по справедливости, не будутъ заслуживать лѣкарскаго званія. Въ 1721 г. учреждена была на новыхъ началахъ медицинская канцелярія, а поставленный во главѣ ея архіатеръ И. Б. Блументростъ затребовалъ отъ Бидлоо подробныхъ свѣдѣній объ его госпиталѣ и школѣ. Самолюбивый и доселѣ никому не подчинявшійся, кромѣ Императора, Бидлоо отказался отвѣчать на этотъ запросъ, но послѣ смерти Петра принужденъ былъ покориться. Въ результатѣ настойчивыхъ трудовъ Бидлоо по подготовкѣ медиковъ для русской арміи и флота дѣйствительно была создана цѣлая плеяда искусныхъ по тому времени врачей. Независимо отъ занятій медициною и повивальнымъ искусствомъ, разсѣченія уродовъ, демонстрированія препаратовъ въ анатомическомъ театрѣ и вскрытій труповъ, на которыхъ охотно присутствовалъ самъ великій Преобразователь, Бидлоо велъ съ Академіею наукъ переписку по ученымъ дѣламъ, былъ знатокомъ изящныхъ искусствъ, занимался музыкою, умѣлъ разводить сады, чертить планы для строеній, устраивать каскады и фонтаны, ради чего часто былъ призываемъ къ Петру, да и самъ Императоръ нерѣдко посѣщалъ ученаго и въ назидательныхъ бесѣдахъ засиживался у

него за полночь. При возвращеніи Петра I изъ персидскаго похода, Бидлоо, чтобы потѣшить царя, устроилъ въ госпиталѣ, при помощи своихъ воспитанниковъ, представленіе комедіи (въ 1723 г.). При предсмертной болѣзни Петра I Бидлоо былъ вызванъ И. Б. Блументростомъ въ С.-Петербургъ для консиліума, а равно и позднѣе (въ 1726 г.) при болѣзни князя А. Д. Меньшикова. Умеръ Бидлоо въ Москвѣ, оставивъ по себѣ два сочиненія въ рукописяхъ, переданныя въ архивы Императорской Академіи наукъ: «Thesaurus medico practicus» и «Speculum anatomiae». Бидлоо пользовался настолько прочно установившимся авторитетомъ, что еще въ 1740 г. Л. Л. Блументростъ рекомендовалъ ко двору Анны Іоанновны въ повивальныя бабки капитаншу Энгельбрехтъ на томъ лишь основаніи, что «она бывала въ родахъ вмѣстѣ съ докторомъ Бидлоо».

Московскій Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.—Michael Schendo van-der-Berg, въ «Actis physico-medicis Academiae Naturae curiosorum», Vol. I, Appendix, p. 138.—В. Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи. М. 1820. т. III, стр. 95—102.—Пр. Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. 1883. стр. LXXXVII—XC, XCIII—XCVI.—Купріяновъ, Исторія медицины въ Россіи, въ царствованіе Петра Великаго. Спб. 1872.—Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, I, 81; VI, 90, 497. — Сборникъ И. Р. И. О., т.т. 5, 15, 55, 63, 69, 84.—Соловьевъ, Ист. Р.—Словари: Эфрона, Плюшара, Старчевскаго, Березина.
В. Штейнъ.

Бизюкинъ, *Гавріилъ Васильевичъ*, членъ адмиралтействъ коллегіи, род. 1 іюня 1697 г., ум. 26 сентября 1776 г. Бизюкинъ состоялъ въ службѣ съ 1713 г., въ званіи математическаго ученика; черезъ два года сдѣланъ гардемариномъ; участвовалъ въ Великой Сѣверной войнѣ, много плавалъ по Балтійскому морю и принималъ живое участіе въ устройствѣ верфей и новыхъ кораблей. Въ отставку вышелъ въ 1770 г., съ чиномъ полковника.

Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената.

Билевичъ, *Михаилъ Васильевичъ*, профессоръ политическихъ наукъ лицея князя Безбородко, род. въ 1779 г. въ гор. Быстрицѣ, въ Венгріи; образованіе получилъ въ львовской гимназіи и въ университетахъ: львовскомъ, пештскомъ и въ пресбургской академіи. Въ 1806 г. Билевичъ былъ вызванъ харьковскимъ университетомъ на должность учителя философіи и латинскаго языка въ новгородъ-сѣверскую гимназію, откуда перемѣщенъ въ нѣжинскую, князя Безбородко. Въ 1823 г. онъ выдержалъ въ харьковскомъ университетѣ экзаменъ въ знаніи юридическихъ наукъ, чтобы занять въ гимназіи каѳедру политическихъ наукъ, которую и получилъ въ 1824 г. Въ 1833 г. Билевичъ оставилъ службу въ гимназіи и переселился въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время занималъ мѣсто инспектора училища дѣтей придворныхъ служителей. Оставивъ это мѣсто, онъ поселился въ Кишиневѣ, а въ 1839 г. поступилъ наставникомъ-наблюдателемъ математическихъ наукъ въ лѣсной межевой институтъ.

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко». Спб., 1881 г., стр. 231—232 (ст. Н. Лавровскаго) и 83 — 109 (Н. Лавровскій, исторія столкновеній Б. съ Бѣлоусовымъ).

Билевичъ, *Николай Ивановичъ*, колл. совѣтникъ, членъ-производитель работъ курскаго губернскаго статистическаго комитета, писатель, род. 21 ноября 1812 г. въ гор. Курскѣ, гдѣ его отецъ былъ учителемъ гимназіи, ум. 15 іюля 1860 г., въ своемъ имѣніи, въ с. Патепкѣ, щигровскаго у., курской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ курскомъ уѣздномъ училищѣ и гимназіи. На 15 году поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ, князя Безбородко въ Нѣжинѣ, гдѣ обучался вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ, Н. В. Кукольникомъ, Е. П. Гребенкой, П. Я. Прокоповичемъ. По окончаніи гимназіи, въ 1830 г., Билевичъ поступилъ въ московскій университетъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слушалъ лекціи словеснаго и юридическаго факультетовъ; по недостатку средствъ, ему пришлось оставить университетъ и взять мѣсто учителя исторіи и географіи въ московской практической академіи. Въ Москвѣ онъ сошелся съ Н. А. Полевымъ, у котораго давалъ уроки, съ Надеждинымъ и съ Кирѣевскими. На вечерахъ у послѣднихъ онъ встрѣчался съ А. С. Пушкинымъ, В. А. Жуковскимъ, Н. М. Языковымъ, посѣщалъ также литературные вечера М. Н. Загоскина, А. Ѳ. Вельтмана, Ѳ. Н. Глинки. Литературныя знакомства скоро возбудили въ Билевичѣ влеченіе къ литературнымъ занятіямъ; онъ написалъ нѣсколько сатирическихъ статей и въ 1832 г. издалъ ихъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Картинная галлерея свѣтской жизни». Около этого же времени Билевичъ перемѣнилъ преподавательскую должность на мѣсто бухгалтера

и управляющаго письмоводствомъ въ конторѣ богоугодныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ московскаго попечительнаго совѣта. Въ 1836 г. онъ получилъ мѣсто преподавателя исторіи и статистики въ старшемъ классѣ института оберъ-офицерскихъ дѣтей, готовящихся къ поступленію въ московскій университетъ, а потомъ — учителя въ женскомъ Александровскомъ училищѣ, и, кромѣ того, давалъ уроки словесности въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ. Не смотря на обширныя учительскія занятія, Билевичъ не оставлялъ литературы и въ 1836 г. выпустилъ «Простонародные разсказы», которые въ 1839 г. были изданы вторично, подъ заглавіемъ: «Святочные разсказы». Около 1839 г. начальство воспитательнаго дома поручило Билевичу составить учебное руководство къ преподаванію всеобщей исторіи. Онъ написалъ только «Древнюю Исторію», такъ какъ въ 1840 г. оставилъ службу въ воспитательномъ домѣ, по случаю назначенія учителемъ русской словесности во вновь открытую третью московсковскую гимназію, изъ которой вскорѣ, по распоряженію попечителя учебнаго округа, графа Строганова, перемѣщенъ старшимъ учителемъ въ дворянскій университетскій пансіонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ преподавалъ русскую словесность и археологію въ сиротскомъ домѣ и въ московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, исполняя въ послѣднемъ обязанности ученаго секретаря конференціи училища. Въ 1848 г. Билевичъ назначенъ инспекторомъ калужской гимназіи, а въ 1850 г. переведенъ инспекторомъ же въ первую московскую гимназію; въ 1853 г., по разстроенному здоровью, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Курскѣ. Въ 1854 г. онъ составилъ программу «Описанія Курской губерніи» и, по разсмотрѣніи ея въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, утвержденъ въ званіи члена-производителя работъ курскаго губернскаго статистическаго комитета съ назначеніемъ завѣдующимъ комитетомъ. Во время Крымской кампаніи, въ 1855 и 1856 гг., онъ былъ избранъ курскимъ дворянствомъ въ депутаты отъ дворянства и состоялъ членомъ губернскаго комитета продовольствія войскъ крымской и южной арміи. Въ 1857 г., по слабости зрѣнія, Билевичъ былъ уволенъ отъ производства работъ въ статистическомъ комитетѣ, причемъ за нимъ оставлено общее завѣдываніе дѣлами комитета и наблюденіе за работами, въ особенности по обработкѣ «монографическихъ трудовъ и по собиранію матеріаловъ для изданія будущихъ памятныхъ книжекъ». Билевичъ помѣстилъ рядъ статей въ «Библіот. для чтенія» («О преподаваніи русскаго языка» 1846 г. и повѣсть: «Петръ Ивановичъ Короткоумкинъ» 1853 г.), въ «Москвитянинѣ» («Объ историческомъ значеніи Петровскаго-Разумовскаго» 1846 и повѣсть: «Мечты и дѣйствительность» 1849), въ «Москов. Городскомъ Листкѣ» («Николай Ивановичъ Новиковъ», «Пребываніе Карамзина въ Москвѣ» и «Русскія писательницы XVIII и XIX вѣковъ» 1847 г.) и въ «Москов. Вѣд.» 1854 г. («Коренная ярмарка въ Курскѣ»).

Дѣла курскаго губернскаго статистическаго комитета—«Лицей князя Безбородко», стр. 14—17 и 165—167. — Словари: Березина, Клюшникова, дополненіе къ Толлю.

Билевъ, *Ѳёдоръ Егоровичъ*, врачъ, род. въ 1802 г. въ казачьей семьѣ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ лѣкаремъ въ 1825 г. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ петербургскую медико-хирургическую академію для усовершенствованія въ наукахъ, въ 1827 г. поступилъ на службу во 2-й сухопутный (нынѣ Клиническій) госпиталь, оттуда черезъ два года перешелъ въ войско донское и въ томъ же году—въ среднеегарлыкскій карантинъ и въ хоперскій округъ. Въ 1831 г. Билевъ сталъ штабъ-лѣкаремъ, въ 1834 г. назначенъ ординаторомъ въ войсковой госпиталь, въ 1836 г. получилъ должность хоперскаго окружного врача, въ которой и состоялъ до увольненія въ отставку (1860 г.). — Труды его: «Случай delirii trementis» («Другъ Здр.», 1838, 5); «Ушибъ и яичный желтокъ въ застарѣлыхъ язвахъ и ранахъ» (ibid., 26); «Вліяніе азартныхъ игръ на здоровье или горячка азартныхъ игръ» (ibid., 1844, 19, 20); «Случай переломовъ костей» (ibid., 1850, 42); «Раковидная язва лица съ костоѣдою носовыхъ, небныхъ и челюстныхъ костей» (ibid., 1853, 32); «Сращеніе маточнаго рукава у женщины, бывшей два года замужемъ» (ibid., 1854, 22); «Переломъ зубовиднаго отростка 2-го позвонка» (ibid., 1855, 27); «Медико-топографическій очеркъ Хоперскаго округа Войска Донского» (Донск. Вѣдом.», 1852 и «Ж. И. В.-Эк. Общ.», 1853); «Излѣченіе общаго полнокровія во-время сдѣ-

ланнымъ кровопусканіемъ» («Прот. Русск. Вр.», 1887—8, 209).

Зыѣевъ, Р. вр. писатели. *Н. К.*

Билетовъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, докторъ мед., род. въ 1804 г. въ дворянской семьѣ, ум. въ 1849 г. Онъ учился въ казанской гимназіи и затѣмъ въ казанскомъ университетѣ; окончивъ курсъ въ 1836 г., получилъ званіе лѣкаря II-го отдѣл., въ 1840 г. (30 окт.) получилъ въ московскомъ университетѣ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ году Билетовъ поступилъ на должность васильковскаго уѣзднаго врача (кіевск. губ.), въ 1843 г. перешелъ въ Пензу городовымъ врачемъ, въ 1845 г. опредѣленъ въ штатъ петерб. полиціи частнымъ врачемъ, а въ 1846 г. назначенъ младшимъ ординаторомъ 1-го петерб. в.-сухопутнаго госпиталя. Въ 1848 г. Билетовъ былъ командированъ въ резервную дивизію; въ 1849 г. онъ получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи званіе инспектора врачебной управы. Диссертація его: «De oleo jecoris Aselli» (М., 1840).

Змѣевъ, Р. вр. писат. *Н. К.*

Вилибинъ, *Шершенъ*, дьякъ, въ 1549 г. былъ дьякомъ въ приказѣ Большого дворца, въ 1555—1556 г. былъ дьякомъ въ Псковѣ, а въ 1559 г. находился опять въ Москвѣ, при князѣ Юрьѣ Васильевичѣ, которому поручена была охрана столицы на время отсутствія царя.

Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX. — Древняя Россійск. Вивліоѳ., т. XIII, 295. — Дополненія къ Акт. Историч., I.

Биллингсъ, *Іосифъ Іосифовичъ*, капитанъ командоръ, ум. въ 1806 г. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя мореплаванію и участвовалъ въ третьемъ кругосвѣтномъ путешествіи извѣстнаго Кука, въ качествѣ помощника астронома. Въ 1783 г., по рекомендаціи россійскаго министра въ Лондонѣ, графа Воронцова, Биллингсъ былъ принятъ изъ англійской въ русскую службу съ чиномъ мичмана, на другой годъ произведенъ былъ въ лейтенанты, а въ 1785 г. въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ географическо-астрономической экспедиціи «для опредѣленія степеней долготы и широты устья рѣки Колымы, положенія береговъ всего Чукотскаго носа, также острововъ на Восточномъ океанѣ, къ американскимъ берегамъ простирающихся, и совершеннаго познанія морей между матерою землею иркутской губерніи и противоположными берегами Америки». Въ слѣдующемъ году всѣ участники экспедиціи были уже въ Охотскѣ, гдѣ по распоряженію Биллингса приступили къ постройкѣ двухъ судовъ для плаванія къ американскимъ берегамъ. Самъ же Биллингъ прибылъ въ Нижне-Колымскій острогъ и построилъ здѣсь другіе два судна, съ которыми, дойдя по р. Колымѣ до ея устья, поворотилъ на востокъ, чтобы пройти Беринговымъ проливомъ въ Восточный океанъ, но это плаваніе продолжалось только три недѣли: по причинѣ густыхъ льдовъ попытка не удалась, и онъ принужденъ былъ возвратиться въ Охотскъ, оттуда на построенныхъ здѣсь судахъ перешелъ въ Петропавловскую гавань. Согласно данной инструкціи, Биллингсъ объявилъ себѣ чинъ капитана 2 ранга. Въ 1790 г. онъ вышелъ изъ Петропавловска къ берегамъ Америки. По прибытіи къ мысу св. Уміи, онъ объявилъ себѣ чинъ капитана 1 ранга, подошелъ на видъ американскаго берега, и затѣмъ возвратился въ Петропавловскъ. Въ 1791 — 1793 г. Биллингсъ неоднократно пытался обогнуть Чукотскую землю съ запада, но не видя къ тому возможности, принялъ намѣреніе попытаться съ востока, и перешелъ въ заливъ св. Лаврентія. Узнавъ отъ чукчей, что Ледовитое море рѣдко очищается отъ льда, и что плаваніе по нему на большихъ судахъ неудобно, онъ оставилъ задуманное предпріятіе обогнуть Шалацкій мысъ и рѣшилъ объѣхать сѣверо-восточный березъ Сибири чрезъ страну чукчей сухопутно. Одинъ изъ чукотскихъ старшинъ взялся провожать его. Путь начался отъ Мечегменской губы. Невозможность держаться морского берега заставила Биллингса вдаться внутрь Чукотской земли; онъ выѣхалъ къ Кулючинской губѣ и оттуда поворотилъ снова къ западу. Послѣ множества препятствій и лишеній, вызванныхъ жестокой стужей, неизвѣстностью пути и своеволіемъ чукчей, экспедиція прибыла къ р. Большому Анюю, а оттуда въ 1793 г. въ Иркутскъ. Въ этомъ странствованіи Биллингсъ выказалъ рѣдкое терпѣніе и твердость, но тѣмъ не менѣе главная цѣль экспедиціи осталась неисполненною. По возвращеніи въ С.-Петербургъ въ 1795 г., Биллингсъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. и переведенъ изъ балтійскаго флота въ черноморскій. Въ 1797 и 1798 гг., командуя

сперва фрегатомъ, потомъ бомбардирскимъ судномъ, онъ произвелъ опись крымскихъ береговъ, а также около Тендры, Очакова, Одессы и устья рѣки Днѣстра, до Овидіополя включительно. Въ 1799 г. Биллингсъ произведенъ въ капитанъ-командоры, а 28 ноября того же года былъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ полнаго жалованья.

Общій морс. списокъ. Т. III.—Энциклопедическій лексиконъ Плюшара. *С. О.*

Билонъ, *Николай*, второй лекторъ французскаго языка и словесности въ московскомъ университетѣ (съ 1759 г.), ум. 7 января 1765 г. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «Abrégé de la Syntaxe française» (М., 1763 г.) и «Abrégé de la Grammaire française en russe et en français» (М., 1764 г.). Кромѣ того въ теченіе двухъ лѣтъ Билонъ занималъ должность секретаря университетской конференціи и писалъ протоколы на французскомъ языкѣ.

Шевыревъ, «Словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета», т. I (М., 1855 г.).—Словарь Венгерова.

Бильдерлингъ, *Александръ Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный инженеръ, ум. 8 октября 1873 г. Бильдерлингъ воспитывался въ институтѣ путей сообщенія, по окончаніи котораго (1826 г.) поступилъ на военную службу, участвовалъ въ войнахъ 1828—29 г. и 1854—56 г.; съ 1860 г. онъ былъ инспекторомъ Николаевскаго инженернаго училища, а затѣмъ директоромъ училища и членомъ конференціи академіи. Ему принадлежитъ статья: Новые электро-магнитные приборы на вѣнской всемірной выставкѣ («Инженерный Журналъ», 1873 г., № 9).

М. Максимовскій, «Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища, 1819—1869 гг.» (Спб., 1869 г.).—Некрологъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1873 г., № 220.

Бильсъ, *Валентинъ*, (Valentin Byls, старшій) род. въ Голландіи, ум. въ 1633 г. въ Россіи. Вызванный въ Россію изъ Гамбурга въ 1615 г., онъ находился въ царской службѣ до 1633 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ врачей, поступившихъ на русскую службу въ правленіе Михаила Θеодоровича. Бильсъ пользовался особымъ довѣріемъ и благоволеніемъ царя; это доказывается большимъ содержаніемъ, которое онъ получалъ (200 рублей въ годъ, кромѣ «кормовыхъ»), дорогими подарками, а также и тѣмъ, что его сынъ былъ отправленъ Михаиломъ Θеодоровичемъ въ Голландію и тамъ въ теченіе 14 лѣтъ жилъ и воспитывался на царскій счетъ, готовясь къ врачебной дѣятельности. Бильсъ находился въ числѣ лицъ, посланныхъ въ Нижній Новгородъ для освидѣтельстворанія «испорченной» царской невѣсты Хлоповой, и пришелъ къ выводу, что она совершенно здорова.

Рихтеръ, Ист. мед. въ Россіи. — Соловьевъ, Ист. Р.

Бильсъ, *Валентинъ* (младшій), сынъ предъидущаго, род. въ Россіи въ 1618 г. Семи лѣтъ отъ роду онъ былъ посланъ царемъ въ Голландію для обученія различнымъ наукамъ и для врачебнаго образованія. Отправившись въ 1625 г., онъ обучался 6 лѣтъ въ низшихъ и 5 лѣтъ въ высшихъ классахъ древней литературѣ (греческой и латинской) и философіи, голландскому и французскому языку. Послѣ этого онъ изучалъ въ лейденскомъ университетѣ врачебныя науки. Въ 1633 г. умеръ его отецъ, и царь поручилъ надзоръ за воспитаніемъ младшаго Бильса голландскому купцу Демулину, жившему въ Москвѣ. Пробывъ за границей 14 лѣтъ, Бильсъ отправился въ Россію и заявилъ, что 100 руб., которые онъ ежегодно получалъ отъ царя, недостаточны для дальнѣйшаго прохожденія медицинскаго курса. Бильсъ просилъ, чтобы царь прибавилъ ему еще по 200 р. на два года. Царь удовлетворилъ его просьбу и кромѣ того подарилъ ему 75 р. на дорогу. Получивъ отъ Михаила Θеодоровича рекомендательную грамоту (4 февр. 1640 г.) къ высокомочнымъ штатамъ голландскимъ, Бильсъ вернулся въ Голландію и въ теченіе 2-хъ лѣтъ пріобрѣлъ докторскую степень. Голландскіе штаты извѣстили объ этомъ царя и просили о присылкѣ 500 ефимковъ для покрытія издержекъ Бильса, сдѣланныхъ имъ при экзаменѣ (покупка книгъ и пр.). Государь изъявилъ свое согласіе и на это. 26 іюня 1642 г. Бильсъ прибылъ въ Архангельскъ, а 5-го сентября того же года—въ Москву. На это путешествіе ему было дано пособіе. Однако уже 2 ноября 1644 г. царь указалъ ему «въ доктурѣхъ не быть; а велѣлъ ему служить свою Государеву службу, а будетъ служить не похочетъ, и ему дать волю гдѣ хочетъ». Бильсъ отвѣчалъ, что «изъ доктуровъ отставленъ безъ вины», и что ему «въ службѣ быти нельзя для того, что въ высокой школѣ свидѣтельственные доктуры ко кресту привели его на томъ, что ему... доктурства

воего не отбыть до своей смерти, а въ иномъ ни въ какомъ чину не быть... А за море ему ѣхати нельзѣ же, потому что онъ природной Государевъ холопъ и родился на Москвѣ». Однако 8 ноября Бильсу было подтверждено, что онъ отставленъ отъ докторства.

Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи.—Акты Ист.—Русск. Ист. Библ., VIII.

Бильсъ, *Илья*, полковникъ, ум. въ 1708 г. Онъ командовалъ полкомъ уже въ 1692 г., въ 1700 былъ въ сраженіи подъ Нарвою, въ 1702 г. участвовалъ въ рижскомъ походѣ Репнина и во взятіи Шлиссельбурга, а въ іюнѣ 1708 г. былъ посланъ съ своимъ полкомъ (пѣхотнымъ) изъ Ингріи въ Воронежъ и затѣмъ далѣе на югъ, въ помощь кн. В. В. Долгорукому, усмирявшему взбунтовавшихся донскихъ казаковъ. Въ сентябрѣ того же года Долгорукій направилъ его въ Азовъ съ провіантомъ и солдатами. Когда Бильсъ плылъ по Дону мимо Донецкой станицы, гдѣ засѣлъ воровской атаманъ Голый, казаки вышли къ нему на встрѣчу и прикинулись мирными. Бильсъ имъ повѣрилъ и позволилъ осмотрѣть свои суда, но въ 2-хъ верстахъ ниже станицы Голый, воспользовавшись бурею, напалъ на Бильса, его самого и офицеровъ утопилъ, казну и весь грузъ пограбилъ, а солдатъ увелъ въ воровскіе таборы. Узнавъ объ этомъ, Петръ В. писалъ Долгорукову: «Зѣло печально, что дуракъ Бильсъ такъ изрядной полкъ дуростію своею потерялъ».

Сборникъ И. Р. И. О., тт. XI, XXIX, L, XCIV.—Соловьевъ, Ист. Россіи.

Бильсъ, *Яковъ Валентиновичъ*, полковникъ, сынъ доктора Бильса, въ 1649 г., вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Денисомъ*, былъ поверстанъ въ иноземскомъ приказѣ прапорщикомъ въ полкъ Александра Гамалтова, стоявшій въ заонѣжскихъ погостахъ; въ 1661 г. онъ самъ былъ уже полковникомъ и находился въ Псковѣ, а въ 1666 г. стоялъ со своими рейтарами въ Кіевѣ.— *Яковъ Яковлевичъ* Бильсъ, упоминаемый въ дѣлѣ Шакловитаго подъ 1689 г. со званіями стольника и подполковника, былъ, вѣроятно, сыномъ Якова Валентиновича и, быть можетъ, онъ же позже служилъ подъ начальствомъ Б. П. Шереметева, который въ 1715 г. рекомендовалъ его, какъ усерднѣйшаго офицера, на мѣсто бригадира въ корпусъ, стоявшій въ Финляндіи.

Сборникъ И. Р. И. О., т. XXV. — Дополн. къ Акт. историч., III.—Русск. Ист. Библ., X.—Акты Южн. и Зап. Россіи, VI.—Дѣло Шакловитаго, III, 761—762.

Бильфингеръ, *Георгъ - Бернгардъ* (Georg Bernhard Bilfinger), извѣстный философъ, послѣдователь Лейбница и Вольфа, членъ с.-петербургской Имп. Академіи наукъ, род. въ вюртембергскомъ городѣ Канштадтѣ 23 янв. 1693 г., ум. 18 февраля 1750 г. Онъ изучалъ въ Тюбингенѣ богословіе, а въ Галле философію и математику подъ руководствомъ Вольфа, съ которымъ уже тогда вступилъ въ тѣсную дружескую связь. Въ 1721 г. былъ назначенъ экстраорд. профессоромъ философіи въ Тюбингенѣ. Въ 1724 г., по рекомендаціи Вольфа, получилъ приглашеніе въ петербургскую Академію на каѳедру логики, метафизики и морали, а въ слѣдующемъ году прибылъ въ С.-Петербургъ. По порученію Остермана Бильфингеръ написалъ инструкцію для обученія юнаго Императора Петра II; онъ же занялся составленіемъ для него учебника новой исторіи. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Бильфингеръ преимущественно занимался вопросами по физикѣ, теоретической и практической механикѣ, онъ также преподавалъ физику въ академической гимназіи. Будучи характера неспокойнаго и неуживчиваго, Бильфингеръ уже черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ во враждебныя отношенія къ нѣкоторымъ академикамъ и особенно къ сильному въ то время библіотекарю и совѣтнику Академіи Шумахеру. Постоянная борьба и препирательства принудили его въ 1731 г. покинуть Россію; онъ вернулся въ Тюбингенъ, гдѣ въ томъ же году занялъ каѳедру богословія. До конца своей жизни Бильфингеръ не прерывалъ сношеній съ петербургской Академіей, оставаясь въ перепискѣ съ членами ея. Бильфингеру принадлежатъ слѣдующіе труды: «Commentarii de harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita ex menti Leibnitii, 1723, 2-ое изд. 1741. «Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo et generalioribus rerum affectionibus» (Tübingen 1725, 1740, 1768). Въ академическомъ изданіи «Commentarii Academiae scientiarum Peropolitanae» онъ помѣстилъ 13 статей, большею частью по физикѣ, механикѣ и по ботаникѣ, всѣ на латинскомъ языкѣ. На русскомъ языкѣ въ извлеченіи напечатаны въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи наукъ» (Спб. 1728) двѣ изъ нихъ: «О причинѣ тяжести

отъ движенія вихрей» и «Объ исправленіи барометровъ». По возвращеніи въ Германію Бильфингеръ издалъ трактатъ противъ «Камня вѣры» Стефана Яворскаго: «Stephani Javorsky, Metropolitae Resanensis et Muromiensis discursus de poena haereticorum, novites ab ecclesia se avellentium, ex opere illius polemico, quod non ita pridem Ruthenico sermone prodiit, in Latinum idioma translatus et notulis adauctus opera Y. B. Bälfingeri» (1735).

Allgem. Encyclop. von Ersch und Gruber IX, 185 и 186.—Meyer's Konversations-Lexicon 1874, Bd. III.—Пекарскій, Исторія академіи наукъ, I, 81—95.—Матеріалы для исторіи академіи наукъ.—Словари: Венгерова, Андреевскаго и Геннади.

Билярскій, *Иванъ Спиридоновичъ*, врачъ, род. въ 1809 г., въ духовной семьѣ, учился въ казанской семинаріи, въ 1829 г. поступилъ въ казанскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, въ 1833 г. окончилъ университетскій курсъ и получилъ званіе лекаря. Въ томъ-же году Билярскій поступилъ ординаторомъ въ пермскій военный госпиталь, а въ 1836 г. перешелъ въ пермскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Въ 1838 г. онъ получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи званіе штабъ-лекаря. Служа въ Перми, Билярскій былъ съ 1845 г. врачемъ пермской семинаріи; въ 1849 г. онъ перешелъ на службу въ Оренбургъ и былъ младшимъ ординаторомъ тамошняго военнаго госпиталя. Въ 1850 г. онъ поступилъ въ оренбургскій линейный № 10 баталіонъ и былъ врачемъ оренбургскаго гимназическаго пансіона; въ 1858 г. уволенъ.— Написалъ: «Лѣченіе сибирской язвы». («В.-Мед. Ж.». 1850 г., 56, 2).

Змѣевъ, Р. вр.-писатели.

Билярскій, *Петръ Спиридоновичъ*, извѣстный славистъ, род. въ 1819 г., въ казанской губ., ум. 2 января 1867 г. въ Одессѣ. Билярскій, происходя изъ духовнаго званія, первоначальное образованіе получилъ въ казанской духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ московскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1838 г. со степенью кандидата. Въ 1840 г. Билярскій уволенъ изъ духовнаго званія и переѣхалъ въ С.-Петербургъ, а въ 1844 г. поступилъ на службу въ комитетъ правленія Императорской Академіи наукъ канцелярскимъ чиновникомъ 1-го разряда. Тогда же онъ начинаетъ помѣщать въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія» рецензіи на сочиненія по русскому и славянскому языкамъ и по другимъ предметамъ, примыкавшимъ къ его филологическимъ занятіямъ. Въ 1847—1848 г.г. имъ издано замѣчательное изслѣдованіе: «Судьбы церковно-славянскаго языка», состоящее изъ двухъ частей: а) О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манасіи (2-е изд. въ 1858 г.) и б) О кирилловской части Реймскаго евангелія. Обѣ части этого труда, по рецензіямъ А. Х. Востокова, были удостоены полной демидовской преміи. Въ 1850 г. Билярскій былъ назначенъ протоколистомъ общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ Сената. Соединеніе канцелярской службы съ усиленной научной работой не могло не отразиться на здоровьѣ Билярскаго: уже въ это время начинаютъ проявляться зародыши чахотки. Въ 1856 г. начинается болѣе благопріятный въ матеріальномъ отношеніи періодъ жизни Билярскаго; по рекомендаціи Ир. Ив. Введенскаго, онъ приглашенъ Я. И. Ростовцевымъ на должность главнаго наставника-наблюдателя по преподаванію русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На этомъ новомъ поприщѣ Билярскій явился чрезвычайно полезнымъ дѣятелемъ, придавъ преподаванію правильный и систематическій характеръ, усиливъ историческій элементъ въ противовѣсъ прежнимъ схоластическимъ пріемамъ изученія риторики и піитики. Въ 1860 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ Императорской Академіи наукъ, а съ начала 1863 г. экстраординарнымъ академикомъ, съ назначеніемъ членомъ правленія и редакторомъ «Записокъ» Академіи. Однако болѣзнь развилась настолько, что пришлось покинуть С.-Петербургъ, и Билярскій переходитъ въ новороссійскій университетъ ординарнымъ профессоромъ исторіи русскаго языка и литературы. Въ 1865 г. онъ началъ чтеніе лекцій, но не имѣлъ силъ исполнять это дѣло: черезъ 2 лекціи читается третья, и то каждое слово Билярскій произносилъ съ кашлемъ, который часто захватывалъ его надолго, не давая говорить, такъ что иногда Билярскій передавалъ лекцію студенту, который читалъ ее вслухъ. Лѣтомъ 1866 г., на дачѣ, Билярскій нѣсколько поправился, но, вернувшись въ Одессу, почувствовалъ себя еще хуже и сталъ ходатайствовать объ отпускѣ на годъ въ Италію, съ сохраненіемъ содержанія, предполагая вмѣстѣ съ

тѣмъ работать въ библіотекахъ Венеціи, Болоньи, Ватикана и Флоренціи. Отпускъ былъ разрѣшенъ, но смерть помѣшала Билярскому воспользоваться имъ. По общимъ отзывамъ, при внѣшней холодности Билярскій отличался очень сердечнымъ отношеніемъ къ тѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось вступать въ болѣе или менѣе близкія сношенія; въ этомъ случаѣ весьма характерной является дружеская переписка Билярскаго съ Ир. Ив. Введенскимъ. Изъ научныхъ трудовъ Билярскаго, кромѣ названныхъ, имѣютъ важное значеніе: переводъ сочиненія В. Гумбольдта «О различіи организма человѣческаго рода», огромный сборникъ «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (Спб. 1865), а также «Опытъ словаря къ сочиненіямъ Ломоносова» (Спб. 1863). Благодаря замѣчательной точности изслѣдованія, филологическія розысканія Билярскаго и до сихъ поръ не утратили своей цѣнности.

Сборникъ отд. рус. яз. и слов. имп. ак. наукъ, т. II.—Записки имп. новороссійскаго унив. т. 53.—Историч. Вѣстникъ, 1888 г., октябрь (статья: Эпизодъ изъ жизни Н. И. Введенскаго).

А. Бороздинъ.

Бинеманъ, *Василій Федоровичъ* (Eduard Wilhelm), сынъ датскаго консула въ Либавѣ, членъ академіи художествъ въ Римѣ и во Флоренціи, членъ курляндскаго общества литературы и искусствъ, рисовальщикъ общества натуралистовъ въ Москвѣ, миніатюрный живописецъ, род. въ 1795 г., въ Курляндіи. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Италіи, затѣмъ пріѣхалъ въ Москву. Отсюда онъ въ 1836 г. прислалъ въ Петербургъ, въ Академію художествъ, свои работы вмѣстѣ съ рекомендательными письмами отъ президентовъ академій въ Римѣ и Флоренціи и отъ Каммучини (изъ Рима) и просилъ задать ему програму на званіе академика. Совѣтъ Академіи, разсмотрѣвъ его миніатюрные рисунки и гравюры (между ними былъ портретъ Гагенъ, знаменитой актрисы), призналъ его «назначеннымъ» и задалъ програму—написать миніатюрный поколѣнный портретъ директора чертежной дворцовой конторы, архитектора И. Л. Мироновскаго. Въ 1837 г. портретъ былъ готовъ, но Академія нашла его неудовлетворительнымъ, и Бинеманъ не былъ удостоенъ званія академика. Тогда онъ просилъ еще разъ дать ему програму, именно, написать портретъ вице-президента Академіи, графа Ѳ. П. Толстого. Въ 1840 г. ему наконецъ задали эту програму, но и она была выполнена неудачно. Однако онъ всетаки получилъ званіе академика по живописи портретной.

Архивъ И. А. Х., Д. 107 (1836).—Петровъ, Мат. для исторіи И. А. Х., II, 354.

Е. Тарасовъ.

Бирилевы, дворянскій родъ. Первый извѣстный его представитель *Ѳедоръ*, упоминается въ 1509 г., когда онъ былъ приставомъ при польскомъ посольствѣ въ Москвѣ. Въ серединѣ XVI в. нѣсколько Бирилевыхъ встрѣчается въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ, а въ Смутное время упоминается трое углицкихъ сыновей боярскихъ Бирилевыхъ: *Томило* въ 1605 г. донесъ углицкому воеводѣ, что черный попъ Антонъ распространяетъ въ народѣ грамоту перваго самозванца; свидѣтельскія показанія не подтвердили этого доноса, и Томило былъ посаженъ въ тюрьму. *Василій* Бирилевъ ѣздилъ, по приказу воеводы, брать въ Угличъ попа Антона и другихъ лицъ, упомянутыхъ въ доносѣ Томилы. *Жданъ* Бирилевъ въ 1609 г. пріѣхалъ въ Устюжну помогать горожанамъ противъ приближавшихся поляковъ; устюжане дали ему отрядъ изъ посадскихъ людей и послали его (20 декабря) на Устреку, гдѣ находился польскій отрядъ Іосифа Застолбскаго. Бирилеву удалось разбить поляковъ, причемъ самъ Застолбскій палъ, а отрядъ его разсѣялся.

Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV.—Акты Эксп.—Акты Историч.—Русск. Историч. Библ. т.т. II, XVII.

Биркинъ, *Василій Васильевичъ*, стольникъ, сначала былъ патріаршимъ стольникомъ, а 25 марта 1627 г. пожалованъ въ стольники государевы и въ этомъ званіи присутствовалъ при различныхъ придворныхъ торжествахъ; въ 1639 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ усопшаго царевича Василія Михайловича, а въ 1649 г. сопровождалъ царицу во время поѣздки Алексѣя Михаиловича въ Можайскъ.

Дворцовые разряды, II, 416, 441, 969; III, 143.—Русск. Истор. Библиот., т.т. IX и X.

Биркинъ, *Василій Петровичъ*, рязанскій дворянинъ, въ 1582—1584 г.г. былъ въ Пронскѣ головою, въ 1584 г. отправленъ на Донъ, встрѣтить возвращавшееся изъ Константинополя московское посольство, которому грозили воровскіе казаки; при этомъ Биркину поручено было изловить главныхъ воровъ и доставить въ Москву,

но ни открытые переговоры съ казаками, ни тайная поимка воровъ Биркину не удались. Въ томъ же году находимъ его въ сторожевомъ полку рати, посланной на Казань. Въ 1591 г. онъ былъ головою въ Ряжскѣ.—Братъ его, *Иванъ* въ 1599—1600 г.г. служилъ головою въ Березовѣ; о третьемъ братѣ, Родіонѣ, см. ниже.

Разрядная книга въ Симбирскомъ Сборникѣ, 86, 112, 113, 116, 139.—Древняя россійск. вивліоѳ., XIV, 412, 413, 429, 430, 432, 452, 460.—Русск. Историч. Библіот., т. II.—Соловьевъ, Ист. Рос.

Биркинъ, *Дмитрій Гавриловичъ*, инженеръ-генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ рязанской губерніи, род. въ 1819 г., ум. 24 мая 1886 г. Образованіе онъ закончилъ въ 1838 г. въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища, откуда, съ чиномъ подпоручика, былъ причисленъ къ корпусу военныхъ инженеровъ. Главная дѣятельность Биркина, какъ производителя работъ, связана съ г. Кіевомъ, гдѣ, состоя въ должностяхъ командира инженерной команды (1857—1865 г.) и начальника инженеровъ кіевскаго военнаго округа (1865—1874 г.), онъ явился ближайшимъ участникомъ въ возведеніи и исправленіи многихъ капитальныхъ сооруженій города и въ томъ числѣ: собора св. Владиміра и гражданской тюрьмы, гдѣ имъ устроена образцовая вентиляція. Имъ-же заведена въ Кіевѣ обширная фотографическая мастерская и построенъ особый фотографическій приборъ для съемки и нивелировки мѣстности. Отличаясь многостороннимъ образованіемъ, Биркинъ въ 1874 г. былъ привлеченъ къ участію въ дѣятельности инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, въ званіи члена котораго онъ оставался до своей кончины. Въ чинъ генералъ-лейтенанта онъ былъ произведенъ въ 1878 г., а въ 1884 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

«Русск. Инв.», 1886 г., № 119.

Биркинъ, *Иванъ Васильевичъ*, думный дворянинъ. Въ 1614 г. онъ былъ посланъ на Бѣлоозеро для сбора денегъ на ратное дѣло, въ 1617 г. былъ воеводою въ Ряжскѣ, въ 1619 г., вмѣстѣ съ стольникомъ Л. И. Долматовымъ, ѣздилъ въ Вязьму для размѣна плѣнныхъ съ поляками; митрополитъ Филаретъ Никитичъ, находившійся въ числѣ вернувшихся изъ плѣна, оставилъ Биркина при себѣ и съ нимъ поѣхалъ въ Москву. Съ этихъ поръ до 1628 г., мы постоянно встрѣчаемъ Биркина при столѣ у царя и патріарха. Въ 1626 г. онъ былъ назначенъ дворецкимъ въ патріаршій дворцовый приказъ, а въ октябрѣ 1628 г. отставленъ изъ патріаршихъ дворецкихъ и въ 1629—30 г.г. былъ воеводою въ Данковѣ. Въ 1632 г. онъ пожалованъ въ ясельничіе и посаженъ въ конюшенный приказъ; съ этого года онъ опять часто появляется при государевѣ столѣ. Въ 1635 г. Биркинъ посланъ въ Поле ставить городъ «на Урляповѣ городищѣ, на р. Воронежѣ», въ 1636 г. воеводствуетъ въ Козловѣ, въ 1637 г.—въ Коломнѣ, въ 1639 г. опять служитъ въ Москвѣ, въ конюшенномъ приказѣ, въ 1640 г. провожаетъ царя въ вязниковскій монастырь, въ 1641 г. пожалованъ изъ ясельничихъ въ думные дворяне.

Акты Эксп.—Русск. Истор. Библіот., т.т. IX, X, XV и XVIII.—Дворцовые разряды, I, 391, 392, 407, 802, 854, 856, 860, 870, 877, 880, 883, 909, 914, 923, 928, 934, 940, 957, 971, 982, 995, 999, 1003, 1005, 1010, 1011, 1022, 1027; II, 2, 15, 476, 518, 548, 618, 656, 867.—Разрядныя книги.

Биркинъ, *Иванъ Ивановичъ*, рязанскій дворянинъ, во время смуты перешелъ съ братомъ своимъ *Киріакомъ*, на сторону тушинскаго вора, за что царь Василій Шуйскій отнялъ у него помѣстья и отдалъ ихъ Захару Ляпунову, но когда Биркины принесли повинную, то земли были имъ возвращены. Въ 1611 г. Биркинъ, по порученію Ляпунова, поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, поднимать тамошнихъ людей противъ поляковъ, и остался въ этомъ городѣ стряпчимъ. Когда, позже, независимо отъ Биркина, началось въ Нижнемъ движеніе, возбужденное Мининымъ, стряпчій отнесся къ нему сперва недовѣрчиво, но потомъ примкнулъ къ ополченію и былъ выбранъ въ товарищи къ кн. Пожарскому. Въ декабрѣ 1611 г. нижегородцы послали его въ Казань «для ратныхъ людей» и для переговоровъ съ казанскимъ дьякомъ Шульгинымъ, котораго подозрѣвали въ «воровствѣ», думая, что онъ желаетъ взять все дѣло въ свои руки и не подчинится нижегородскимъ избранникамъ. Были слухи, что Биркинъ въ Казани тоже сталъ на сторону Шульгина, но въ 1612 г. онъ присоединился въ Ярославлѣ къ нижегородскому ополченію, приведя съ собою казанскій отрядъ и татарскаго голову Мясного. Однако еще въ дорогѣ Биркинъ ссорился съ Мяснымъ изъ за главнаго начальства и грабилъ мѣста, по которымъ шелъ. Въ Ярославлѣ ссора возобновилась, и когда большинство ополченія стало за

Мясного, Биркинъ ушелъ съ своими людьми. Въ 1615—1618 г.г. Биркинъ былъ воеводою въ Мангазеѣ.

Акты Эксп.—Разрядныя книги.—Дворц. разр. I, 196, 248, 297.—Русск. Историч. Библ., II.—Соловьевъ, Ист. Росс.—Акты Историч.—С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты (Спб. 1899).

Биркинъ, *Родіонъ Петровичъ*, рязанскій дворянинъ, въ 1558 г. былъ дружкою на свадьбѣ кн. Владиміра Андреевича, въ 1582 г. участвовалъ во встрѣчѣ Антонія Поссевина, въ 1584 г., по наущенію дьяка Андрея Шерефединова, незаконно завладѣлъ селомъ Шиловымъ, которое и отдалъ въ закладъ Шерефединову, но, по приговору суда, долженъ былъ вернуть село законнымъ владѣльцамъ; въ 1585 г. былъ головою въ Пронскѣ, при воеводѣ Ефимѣ Бутурлинѣ; въ 1587 г. ѣздилъ въ Иверію съ дипломатическимъ порученіемъ.

Симбирскій Сборникъ (разряды), 80, 89, 90.—Древняя Россійск. Вивл., XIII, 84; XIV, 463, 464, 469.—Акты Юридич., 59, 61.—Карамзинъ, X, прим. 118.—Лихачевъ, Н. П., Сборникъ актовъ, 245—271.

Биркинъ, *Самойло Ивановичъ*, стольникъ, сынъ Ивана Васильевича, становится извѣстенъ въ 1628 г. въ званіи патріаршаго кравчаго и въ томъ же году теряетъ это званіе, одновременно съ уходомъ отца изъ патріаршаго приказа. Въ 1638—39 г.г. онъ былъ воеводою въ Козловѣ, 11 августа 1639 г. назначенъ въ каменный приказъ, въ томъ же году находился среди дворянъ при встрѣчѣ кизильбашскихъ пословъ, 3 декабря 1640 г. былъ назначенъ воеводою въ Тамбовъ, куда и уѣхалъ въ февралѣ 1641 г.

Дворцовые разряды, II, 15, 661, 954.—Русск. Истор. Библіот., X.

Биронъ, *Александра Александровна*, фрейлина, рожд. княжна Меншикова, младшая дочь генералиссимуса, род. 17 декабря 1712 г., ум. 13 октября 1736 г. Ея воспріемникомъ былъ Петръ I, и она съ дѣтства находилась въ дружбѣ съ великою княжною Наталіею Алексѣевною, которая въ письмахъ своихъ называла ее «вселюбезнѣйшею дорогою сестрицею». При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины I, княжна Александра Александровна, вмѣстѣ съ сестрою Маріею, получила портретъ Императрицы, осыпанный бриліантами, а по обрученіи сестры ея съ Императоромъ Петромъ II—орденъ св. Екатерины; въ это время князь Меншиковъ помышлялъ выдать ее замужъ за наслѣднаго принца Ангальтъ Дессаускаго, о чемъ уже происходили тогда переговоры. Неожиданное паденіе и ссылка въ Березовъ отца, котораго она должна была сопровождать, разрушили этотъ бракъ. Въ 1731 г. Императрица Анна Іоанновна возвратила ее изъ Сибири и пожаловала въ фрейлины, а въ 1732 г. выдала замужъ за Густава Бирона. Погребена она въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ церкви Благовѣщенія.

Словарь Бантыша-Каменскаго.— Записки Манштейна.

Биронъ, *Бенигна-Готлиба*, герцогиня, дочь курляндскаго дворянина Вильгельма Тротта фонъ-Трейденъ (Trotta, genannt Treyden), супруга герцога курляндскаго Эрнста Іоанна Бирона, род. 15 октября 1703 г., ум. 5 ноября 1782 г. Въ 1720 г. она была сдѣлана фрейлиной (dame d'honneur) при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, а черезъ три года послѣ этого, вышла замужъ за Э. I. Бирона; сохранились очень нѣжныя письма къ ней Бирона 1721 и слѣдующихъ годовъ; онъ ее называлъ «einzige auserwählte Seele». По словамъ современниковъ, Биронъ женился на Бенигнѣ-Готлибѣ противъ воли ея родственниковъ, но съ согласія герцогини, имѣвшей въ виду, какъ передаютъ, предупредить слухи касательно отношеній къ ней Бирона. Бенигна-Готлиба была некрасива и болѣзненна; лицо ея было испорчено оспою. Во время коронованія Анны Іоановны супруга Бирона значилась уже въ числѣ статсъ-дамъ Императрицы, а затѣмъ играла очень видную роль при дворѣ. Когда мужъ ея получилъ герцогство, она была пожалована званіемъ кавалерственной дамы. Около 1737 г. бывшая тогда въ Петербургѣ жена англійскаго посланника леди Рондо писала о герцогинѣ Биронъ, какъ о женщинѣ высокомѣрной и угрюмой; ее всѣ ненавидѣли, но изъ страха оказывали ей почтеніе. «Если признаться, пишетъ леди Рондо, то я, которая считаюсь ея любимицею и, какъ думаю, больше всѣхъ пользуюсь ея благосклонностію, я не чувствую къ ней въ сердцѣ своемъ того, что называется почтеніемъ... Она не вмѣшивается въ государственныя дѣла, но показываетъ, что все время, остающееся отъ личной службы Императрицѣ, употребляетъ на воспитаніе дѣтей и на работу; она рѣдко бываетъ въ

обществахъ, не отличается особеннымъ умомъ, однакожъ и не глупа; любитъ наряды». Дѣйствительно, на наряды герцогиня Биронъ употребляла огромныя деньги; такъ, за нѣсколько дней до сверженія ея супруга съ регентства, она заказала себѣ платье, унизанное жемчугомъ, цѣною въ 100.000 руб.; гардеробъ ея цѣнился въ полмилліона, а обыкновенно носимыя ею бриліанты въ два милліона. Когда герцогу встрѣчалась надобность по дѣламъ отлучаться отъ Императрицы, то при ней оставалась на это время герцогиня или ея дѣти, такъ что всѣ поступки и рѣчи Анны Іоанновны доводились тотчасъ до свѣдѣнія Бирона. Императрица часто дѣлала ей цѣнные подарки. Въ 1734 г. гр. Линаръ писалъ королю Августу III, что ей надо подарить богато украшенный портретъ; чтобы этотъ подарокъ, писалъ Линаръ, «былъ отличенъ отъ ежегодно дѣлаемыхъ ей Императрицею, онъ долженъ быть не дешевле 1,200 рублей».

Во время ареста регента пострадала и его жена. Когда мужъ ее былъ схваченъ гренадерами Манштейна, герцогиня въ одной рубашкѣ выбѣжала на улицу вслѣдъ за своимъ мужемъ, увлекаемымъ солдатами. Одинъ изъ нихъ притащилъ ее, полумертвую отъ страха и окоченѣвшую отъ холода, къ Манштейну и спросилъ, что съ нею дѣлать? Манштейнъ велѣлъ отвести герцогиню обратно во дворецъ, но солдатъ просто бросилъ ее въ снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя герцогиню въ этомъ положеніи, приказалъ одѣть ее и отнести въ комнаты, гдѣ приставили къ ней часовыхъ. 9 ноября герцогиня съ супругомъ была отправлена въ Шлиссельбургскую крѣпость и затѣмъ сопровождала мужа во всѣхъ его скитаніяхъ, а въ 1763 г. вернулась съ нимъ въ Митаву, гдѣ и оставалась до смерти. Герцогиня Бенигна и ея дочь были искусны въ рисованіи и женскихъ рукодѣліяхъ; въ Ярославлѣ начали они вышивать на шелковой матеріи изображенія сибирскихъ инородцевъ. Этою матеріей до сихъ поръ обиты стѣны одной комнаты митавскаго замка. Кромѣ того во время ссылки герцогиня Бенигна сочинила на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько стихотвореній духовнаго содержанія, которыя изданы были въ Москвѣ въ 1777 г. подъ заглавіемъ: «Eine grosse Kreuzträgerin».

Государств. Архивъ, разр. XI, № 473 и 474.— Письма Леди Рондо (изд. 1874 г.), стр. 108—9, 197—9. — Словарь Плюшара. — «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 483, 1871 г., т. III, стр. 537, и 1873 г., т. VII, стр. 60 и 62.—Замѣтка о портретѣ ея въ «Рус. Старинѣ» 1874, XI. — Сборн Имп. Р. И. О., XX, стр. 87.

Биронъ (Биренъ), *Густавъ*, младшій братъ Эрнста Іоганна Бирона, род. въ 1700 г., ум. 25 февраля 1746 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ служилъ въ польскихъ войскахъ, а въ 1730 г., по вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоановны, перешелъ въ русскую службу, при чемъ изъ польскихъ капитановъ переименованъ 1 ноября 1730 г. прямо въ маіоры вновь учрежденнаго гвардейскаго измайловскаго полка. Въ 1731 г., съ перемѣною штатовъ гвардіи, его переименовали въ премьеръ-маіоры. Благодаря вліянію своего брата, Густавъ Биронъ скоро занялъ видное положеніе при русскомъ дворѣ. Въ 1732 г. онъ былъ пожалованъ генералъ-маіоромъ и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ Императрицы и въ томъ же году, 4 мая, женился на дочери князя Меншикова, княжнѣ Александрѣ Александровнѣ. Произведенный въ 1734 г. въ полковники гвардіи, Густавъ Биронъ ѣздилъ, въ слѣдующемъ году, волонтеромъ въ австрійскую армію и пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ подъ непосредственнымъ начальствомъ знаменитаго принца Евгенія. Во время турецкой войны 1737—39 г.г. онъ командовалъ сводньмъ гвардейскимъ отрядомъ и за оказанныя при Очаковскомъ штурмѣ, въ сраженіяхъ на р. Саврани, у Синковицъ и у Ставучанъ отличія и храбрость получилъ бриллiантовую шпагу и чины генералъ-поручика и генералъ-аншефа. Въ 1740 г., одновременно съ арестомъ брата своего, регента, Густавъ Биронъ былъ отвезенъ подъ карауломъ въ Шлиссельбургъ и затѣмъ сосланъ въ Нижнеколымскъ, но не доѣзжая до мѣста своего заточенія, обращенъ, въ 1742 г., по указу Императрицы Елисаветы Петровны, на жительство въ Ярославль съ ежегоднымъ содержаніемъ по 1,000 руб. Проживъ здѣсь два года, Густавъ Биронъ получилъ полную свободу и прежніе чины, былъ обнадеженъ обѣщаніемъ служебнаго назначенія, но не дождавшись его, умеръ въ Петербургѣ. Густавъ Биронъ характеризуется въ отзывахъ современниковъ какъ человѣкъ добрый, снисходительный и храбрый въ душѣ, но, вслѣдствіе недостатка воспитанія, казавшійся грубымъ и жестокимъ въ обращеніи.

«Письма леди Рондо» (изд. 1874, стр. 185—6).—

М. Д. Хмыровъ, «Густавъ Биренъ, братъ регента» («Рус. Міръ», 1862 г., № 2—3. Перепечатано въ сборн. «XVIII вѣкъ»). — Словарь Брокгауза-Ефрона.

Биронъ (Биренъ), *Карлъ*, старшій братъ регента, род. 14 мая 1684 г., ум. 24 января 1746 г. Въ царствованіе Петра Великаго онъ вступилъ въ русскую службу и былъ произведенъ въ офицеры, но, взятый въ плѣнъ шведами, бѣжалъ въ Польшу и сдѣлался польскимъ офицеромъ. Въ 1705 г. онъ присутствовалъ въ главной квартирѣ въ Гродно, въ свитѣ короля польскаго и былъ имъ назначенъ въ царскую службу. Въ годъ избранія Императрицы Анны Іоанновны онъ былъ вызванъ братомъ въ Россію и 19 ноября 1730 г. произведенъ въ генералъ-маіоры русской службы. Въ ноябрѣ 1731 г. онъ былъ опредѣленъ состоять при лифляндской командѣ, а въ 1733 г. подъ начальствомъ генерала Ласи дѣйствовалъ въ Польшѣ противъ Лещинскаго. За участіе въ крымскихъ походахъ и обнаруженную въ нихъ храбрость Биронъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты 22 января 1737 г.; 5 сентября 1739 г. онъ получилъ чинъ генералъ-аншефа, а въ день празднованія Бѣлградскаго мира, 14 февраля 1740 г. — бриллiантовый портретъ Императрицы и бриллiантовую шпагу. Двѣ недѣли спустя, онъ, за ранами, былъ уволенъ въ отставку, но въ октябрѣ того же года, по желанію брата герцога, снова поступилъ на службу и опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Москву. Пребываніе его здѣсь было непродолжительно: въ ноябрѣ 1740 г. онъ былъ схваченъ, отправленъ подъ карауломъ въ Ригу, заключенъ въ тамошней цитадели и послѣ допроса отправленъ въ ссылку въ Среднеколымскъ (въ іюнѣ 1741 г.) Но послѣ новаго переворота мѣстомъ его ссылки опредѣленъ Ярославль, гдѣ онъ и прожилъ до 1744 г. Еще 18 октября 1742 г. состоялся указъ о возвращеніи ему взятыхъ у него при арестованіи «пожитковъ и всякой посуды и прочаго». 1744 г. онъ получилъ позволеніе ѣхать въ свои лифляндскія имѣнія. По характеристикѣ Миниха (1737 г.), Карлъ Биронъ былъ «ревностенъ и исправенъ въ службѣ, храбръ и хладнокровенъ въ дѣлѣ»; но его не любили за жестокость и надменность.

«Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.» XXXIX, стр. 188, CIV, стр. 15, CVI, стр. 448, 480, 622, 623.

Биронъ, *Карлъ-Эрнстъ*, младшій сынъ герцога Эрнста Іоганна, род. 11 октября 1728 г., ум. 4 (16) октября 1801 г. Въ дѣтствѣ онъ пользовался особой любовью Императрицы Анны Іоанновны, четырехъ лѣтъ отъ роду былъ сдѣланъ бомбардиръ-капитаномъ преображенскаго полка, а въ 1740 г. получилъ александровскій и андреевскій ордена (послѣдній съ бриллiантами). Вмѣстѣ съ отцомъ и прочими родными онъ раздѣлялъ заключеніе, дважды покушался бѣжать изъ Ярославля, но неудачно. Петръ III 2 апрѣля 1762 г. произвелъ его въ генералъ-маіоры, назначилъ шефомъ пѣхотнаго полка и вторично пожаловалъ его александровскимъ кавалеромъ. При Екатеринѣ II онъ уѣхалъ въ Курляндію, бывалъ потомъ въ С.-Петербургѣ и посѣщалъ цесаревича Павла Петровича; въ 1778 г. онъ женился на 18-лѣтней княжнѣ Аполлоніи Матвѣевнѣ Понинской. За нимъ установилась репутація величайшаго «плясуна и повѣсы»; никакой общественной дѣятельностью онъ не занимался.

«Зап. леди Рондо» (изд. 1874 г., стр. 210—211).

Биронъ, *Петръ*, графъ, герцогъ курляндскій и семигальскій, владѣтель Вартенберга въ Силезіи и Находа въ Чехіи, род. въ Митавѣ 4 (15) февраля 1724 г., ум. 2 (13) января 1800 г., сынъ герцога Эрнста Іоганна. Онъ получилъ хорошее по тому времени образованіе; по воцареніи Императрицы Анны Іоанновны онъ былъ пожалованъ, на восьмомъ году, въ ротмистры Минихова кирасирскаго полка. Когда отецъ его былъ избранъ въ 1736 г. въ герцоги курляндскіе, Петръ Биронъ началъ именоваться наслѣднымъ принцемъ и въ 1740 г. получилъ чинъ подполковника конной гвардіи и ордена св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго, послѣдній съ бриллiантовою звѣздою и крестомъ (14 февраля 1740 г.). Послѣ ареста отца, Петръ оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, будучи боленъ горячкою. Выздоровѣвъ, онъ долженъ былъ раздѣлить участь отца. Въ 1762 г. Петръ III назначилъ его генералъ-маіоромъ кавалеріи и вторично александровскимъ кавалеромъ. Императрица Екатерина II вернула бывшему герцогу его герцогство, а принцу Петру — титулъ наслѣднаго принца и въ 1764 г., при посѣщеніи своемъ Митавы, возложила на него

(13 іюля 1764 г.) андреевскій орденъ. Въ 1769 г. принцъ Петръ замѣнилъ въ управленіи герцогствомъ курляндскимъ своего одряхлѣвшаго отца и сталъ писаться «владѣющимъ», а по смерти его, въ 1772 г., наслѣдовалъ его титулъ. Время его правленія было очень бурнымъ, и въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ споры съ дворянствомъ привели его къ продолжительнымъ процессамъ въ Варшавѣ. Онъ накопилъ большія богатства и въ 1786 г. купилъ у князя Лобковица княжество Саганское, а въ 1792 г. у князя Пикколомини владѣніе Находъ. Во время путешествія за границу въ 1784 — 86 г.г. оставленное имъ въ Курляндіи полномочное управленіе ввело учрежденія, невыгодныя для герцога, который ихъ принужденъ былъ потомъ отмѣнить. Отсюда возникли споры, и недовольство дворянства герцогомъ дошло до того, что герцогъ послѣдніе годы большею частью проводилъ за границею. Желая содѣйствовать примиренію сторонъ, супруга Петра, Доротея, рожденная графиня Медемъ, по просьбѣ дворянства, вернулась въ Курляндію; вліятельный совѣтникъ двора, Ховенъ, предлагалъ ей принять на себя регентство, но она отказалась и весною 1788 г. упросила мужа вернуться. Вмѣстѣ съ сестрою и съ подругою фонъ-деръ Рекке, герцогиня неоднократно ѣздила въ Варшаву, гдѣ ей удалось добиться рѣшенія, которое временно успокоило страну. Однако, паденіе Польши лишило рѣшеніе спора, продиктованное въ Варшавѣ, авторитетности, и депутація отъ дворянъ отправилась въ Петербургъ, гдѣ Императрица Екатерина, недовольная сношеніями герцога съ Пруссіею, приняла на себя посредничество. Герцогъ былъ призванъ въ Петербургъ и здѣсь 28 марта 1795 г. подписалъ отреченіе отъ герцогства, за что ему назначена была ежегодная пенсія въ 100 тысячъ альбертусъ-талеровъ (50 тыс. червонцевъ); кромѣ того, за помѣстья его въ Курляндіи Императрица заплатила 500,000 червонцевъ. Герцогъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга 22 іюня, и жилъ съ тѣхъ поръ частью въ Берлинѣ, частью въ помѣстьяхъ. Онъ умеръ въ своемъ помѣстьи Геллепау въ Силезіи. Наиболѣе памятнымъ изъ дѣлъ герцога Петра были основаніе 4 янв. 1774 г. академической гимназіи въ Митавѣ и учрежденіе ежегодной преміи въ 1,000 червонцевъ при бононскомъ институтѣ наукъ (Institutus Bononicus). Онъ былъ женатъ три раза: 1) съ 15 октября 1765 г. до 15 мая 1772 г. на принцессѣ Каролинѣ Луизѣ Ванденской († 1782), 2) съ 1772 г. до 27 апр. 1778 г. на кн. Евдокіи Борисовнѣ Юсуповой († 1780), 3) съ 1779 г. на графинѣ Аннѣ Шарлотѣ Доротеѣ Медемъ. Съ первыми супругами онъ развелся въ виду бездѣтности ихъ. Отъ третьей супруги онъ имѣлъ сына Петра, род. 23 февр. 1787 г. и умершаго уже 25 марта 1790 г., и 6 дочерей.

Ersch-Gruber, «Allg. Encyclopaedie» X, 251.— Cruse, Curland unter den Herzogen (II).—Письма леди Рондо (изд. 1874 г., стр. 211). — Словарь Брокгауза-Ефрона.—Про Петра Бирона, какъ и про Карла, говорили, что онъ сынъ Анны Іоанновны (Соловьевъ, «Ист. Россіи», V (XXI), 117); это — увѣреніе французскаго посла де-Шетарди («Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», XCVI, 359). Относительно Петра Бирона увѣренію этому противорѣчатъ слова самого Эрнста Іоганна въ письмахъ его къ женѣ, Бенигнѣ-Готлибѣ (31 марта 1724 г.: ein Schreiben..., woraus... ersehe, dass der Grosse Gott mit seiner Gnade dich glücklich aus deinen Wochen gebracht; 30 апр. 1724: Ich küsse also dich, mein Engel, und deinen Sohn. Госуд. арх., разр. XI № 474).—О медаляхъ въ память Петра Бирона см. J. Iversen, «Denkmünzen auf Personen, die in den Ostseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben» (1899). *А. М. Л.*

Биронъ, *Эрнстъ-Іоганнъ,* графъ, герцогъ курляндскій и семигальскій и регентъ Россійской имперіи, род. 23—13 ноября 1690 г., ум. 28 — 18 декабря 1772 г., Въ письмахъ Эрнста-Іоганна еще въ 1721—22 г.г. фамилія его пишется Biron или von Biron. По преданію, первоначальная форма ея Büren (Bühren) или Bieren, почему въ документахъ, относящихся къ аресту въ 1750 г., она пишется Биренъ и Бирнъ. Предки герцога курляндскаго извѣстны съ конца XVI вѣка. Карлъ Биронъ или Биренъ, женатый на Одиліи (Оттиліи) Крей (Krey) имѣлъ сыновей Іоганна и Карла, жившихъ въ началѣ XVII в. У Іоганна были сыновья: Яковъ, упоминаемый подъ 1636 г., Карлъ, женатый на представительницѣ рода фонъ-Шульте, и Матіасъ; дочь Іоганна, Одилія, была выдана за мужъ за Михаила фонъ-Турнау. Кромѣ Матіаса, сына Іоганна Бирона, упоминается еще двоюродный братъ его Матіасъ, сынъ Карла. У Якова было два сына: Карлъ, павшій подъ Офеномъ въ чинѣ подполковника въ 1686 г., и Оттонъ-Фридрихъ, который былъ польскимъ маіоромъ, затѣмъ бранденбургскимъ генералъ-лейтенантомъ, наконецъ польскимъ комендантомъ въ Могилевѣ; послѣдній женатъ былъ дважды, сна-

чала на дѣвицѣ фонъ-деръ-Гребенъ, потомъ на вдовѣ графа Вршовецъ, Аннѣ фонъ-Шлобгутъ. У Карла, женатаго на фонъ-Шульте и бывшаго, какъ передаютъ, первымъ конюхомъ герцога Іакова III курляндскаго, былъ сынъ Карлъ, род. въ февралѣ 1633 г.; онъ вступилъ въ бракъ съ Гедвигою-Катериною фонъ-деръ-Раабъ-Туленъ (Raab genannt Thulen), род. въ 1661 г. Въ качествѣ шталмейстера онъ сопровождалъ, съ чиномъ поручика, принца Александра курляндскаго въ 1686 г. въ Венгрію. Когда принцъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Офеномъ, Карлъ привезъ обратно его имущество, и получилъ мѣсто лѣсничаго и начальника егерей (Jägerhauptmann). Онъ владѣлъ имѣніемъ (мызою) Калленцеемъ; разсказываютъ, что подъ залогъ этой мызы имъ дана была сумма денегъ, которой владѣлецъ не въ состояніи былъ вернуть. Отъ короля польскаго Августа II онъ впослѣдствіи получилъ чинъ польскаго генералъ-лейтенанта. У него были три сына: Карлъ, род. 14 мая 1684 г., Эрнстъ-Іоганнъ, род. 23 ноября 1690 г. и Густавъ, род. въ 1700 году. Дочерей у него было пять: Доротея-Елисавета, Гертруда-Софія, Гедвига-Софія-Христина, Анна-Марія, Сабина-Юліана и Урсула-Марія. Второму сыну, Эрнсту-Іоганну, суждено было доставить извѣстность всей фамиліи. Вопросъ спорный, были ли Бироны дворянами до возвышенія Эрнста-Іоганна; король Августъ III утверждалъ, что Биронъ не принадлежалъ ни къ курляндскому, ни къ польскому дворянству; русскіе акты 1740—41 г.г. называютъ его родъ «мизернымъ». Доказаны, однако, брачные союзы въ родѣ Бирона съ дворянскими семьями Курляндіи еще до женитьбы Эрнста-Іоганна, которые говорятъ противъ «подлаго» происхожденія его. Безспорно, что родъ Бироновъ былъ сначала не богатъ.

Подобно многимъ другимъ, наиболѣе важнымъ въ біографіи Бирона эпизодамъ, и исторія возвышенія его извѣстна намъ прежде всего по запискамъ лица, судьбою поставленнаго въ отношенія къ нему враждебныя. Въ 1714 г., какъ разсказываетъ Манштейнъ, Биронъ отправился въ Петербургъ, гдѣ домогался должности камеръ-юнкера при дворѣ кронпринцессы, супруги царевича. Домогательство это не нашло успѣха: «ему отвѣчали презрительнымъ отказомъ и посовѣтовали даже скорѣе убираться изъ Петербурга». По возвращеніи въ Митаву, онъ познакомился съ Бестужевымъ, оберъ-гофмейстеромъ двора герцогини курляндской; онъ попалъ къ нему въ милость и былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ при этомъ дворѣ. «Едва онъ сталъ, такимъ образомъ, на ноги, какъ началъ подкапываться подъ своего благодѣтеля; онъ настолько въ этомъ успѣлъ, что герцогиня не ограничилась удаленіемъ Бестужева отъ двора, но еще всячески преслѣдовала его и послѣ, отправивъ Корфа нарочно въ Москву жаловаться на него. А Биренъ своею красивою наружностью въ скоромъ времени такъ вошелъ въ милость у герцогини, полюбившей его общество, что она сдѣлала его своимъ наперсникомъ. Курляндское дворянство исполнилось зависти къ новому любимцу; нѣкоторыя лица пытались даже вовлечь его въ ссору. Необходимость имѣть поддержку въ дворянствѣ заставила Бирена искать союза одной изъ древнихъ фамилій. Нѣсколько разъ ему отказывали; наконецъ онъ навязался фрейлинѣ герцогини, дѣвицѣ Трейденъ, на которой и женился, еще до полученія согласія родителей. Теперь онъ надѣялся, что дворянство приметъ его въ свою среду, однако встрѣтилъ жестокій отказъ. Русское министерство также его не терпѣло, какъ и курляндское дворянство. Всѣхъ возмутилъ его поступокъ съ Бестужевымъ; отъ этого и въ Москвѣ его ненавидѣли и презирали. Дѣло дошло до того, что незадолго до кончины Петра II, когда Корфъ ходатайствовалъ объ увеличеніи содержанія герцогинѣ, министры верховнаго совѣта объявили ему безъ обиняковъ, что для ея Императорскаго высочества все будетъ сдѣлано, но что не хотятъ, чтобъ Биренъ этимъ распоряжался.. Въ числѣ условій, которыя депутаты должны были предложить новой Императрицѣ, было и то, чтобъ она оставила своего любимца въ Митавѣ». Биронъ разсказывалъ, что за нѣсколько дней до смерти своей, Императрица его спросила, какъ долго онъ ей служитъ. На это онъ ей отдѣчалъ, что служитъ 22 года. Изъ этого слѣдовало бы, что Биронъ поступилъ на службу къ герцогинѣ курляндской въ 1718 г.; по словамъ Нейбауэра, Бирона пристроилъ на службу у герцогини курляндскій канцлеръ Кейзерлингъ, родственникъ посланника барона Кейзерлинга. Что съ нимъ было раньше, почти неизвѣстно; при дворѣ герцогини онъ пользовался сначала протекціею оберъ-гофмейстера П. М. Бестужева, состоявшаго

какъ предполагаютъ, въ связи съ его сестрою. Впрочемъ, извѣстіе о томъ, что «pan general Bestużew Rumyn... wodzi do siebie frelin Bironowe i iey daie po tysioncu taliarzow, z magazina wengiersky wina, miensa, monky etc»... относится къ 1727 г. Изъ собственнаго письма Бирона видно, что 1722 г. (или 1723 г.) онъ въ Кенигсбергѣ, вмѣстѣ съ большею компаніею, участвовалъ въ дракѣ съ ночною стражею, причемъ въ результатѣ драки оказался одинъ убитый. За это онъ 3/4 года сидѣлъ подъ стражей, а затѣмъ былъ выпущенъ съ тѣмъ, чтобы уплатить 700 талеровъ штрафа. Вскорѣ послѣ кенигсбергской исторіи Биронъ женился на фрейлинѣ герцогини, дѣвицѣ Бенигнѣ-Готлибѣ Тротта-фонъ-Трейденъ: сохранились многочисленныя письма его къ ней, весьма нѣжнаго содержанія (часть за 1721—28 г.г., въ Государственномъ архивѣ въ Спб.). Присутствуя на коронаціи Екатерины въ 1724 г., Биронъ сблизился съ Левенвольдомъ и сталъ извѣстенъ Императрицѣ, какъ знатокъ въ лошадяхъ. Императрица потомъ писала Бестужеву объ отправкѣ въ Бреславль «оберъ-камеръ-юнкера Бирона, или другого, который бы зналъ силу въ лошадяхъ и охотникъ къ тому былъ и добрый человѣкъ». Въ февралѣ 1725 г. Биронъ, въ чинѣ оберъ-камеръ-юнкера, былъ посланъ въ Петербургъ поздравить Императрицу съ восшествіемъ на престолъ и просить о нѣкоторыхъ курляндскихъ дѣлахъ; Анна Іоанновна лично писала по этому поводу къ князю Меньшикову и А. И. Остерману, прося о содѣйствіи. Сближеніе Бирона съ Анною Іоанновною произошло въ отсутствіе П. М. Бестужева, задержаннаго Меньшиковымъ въ Петербургѣ. Вернувшись въ концѣ 1727 г. Бестужевъ узналъ, что Биронъ, болѣе, чѣмъ онъ, «въ кредитѣ остался». Въ 1728 г. Бестужевъ окончательно подвергся опалѣ, болѣе всего изъ за Бирона, котораго онъ, въ перехваченныхъ письмахъ своихъ, называлъ «курляндскимъ канальею». Биронъ въ это время сдѣланъ былъ камергеромъ.

Когда послѣ смерти Петра II рѣшено было возвести на тронъ Анну Іоанновну, Биронъ, не смотря на нежеланіе верховниковъ допустить его ко двору, все же пріѣхалъ, хотя и не одновременно со своею покровительницею. По объявленіи Анны Іоанновны самодержавною Императрицею, Биронъ занялъ сразу очень видное положеніе. Ему дано было графство, и онъ произведенъ былъ въ оберъ-камергеры. Въ рескриптѣ Государыни упоминается, что онъ «во всемъ такъ похвально поступалъ и такую совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ оказалъ, что его особливые добрые квалитеты и достохвальные поступки и къ намъ показанныя многія вѣрныя, усердныя и полезныя службы не инако, какъ къ совершенной всемилостивѣйшей благодарности нашей касаться могли»... За границей стали обращать большое вниманіе на Бирона, и даже коронованныя особы сочли необходимымъ писать ему дружественныя и заискивающія письма. Въ іюнѣ 1730 г. графъ Вратиславъ вручилъ оберъ-камергеру дипломъ на графство Священной Римской имперіи, портретъ императора Карла VI, осыпанный брилліантами, и 200000 талеровъ, къ которымъ, прибавивъ своихъ денегъ, Биронъ купилъ помѣстье Вартенбергъ въ Силезіи, заплативъ за него 370,000 талеровъ. Позже разсказывали, что въ это время Биронъ принялъ фамилію и гербъ французскихъ герцоговъ де-Биронъ; это, однако, невѣрно: онъ писался Biron еще съ 1721 г., а можетъ быть и раньше, гербъ же его не имѣлъ сходства съ гербомъ французскихъ Бироновъ.—Заискивали передъ Бирономъ особенно прусскій и польскій короли. Въ письмѣ на имя Императрицы Фридрихъ-Вильгельмъ въ сентябрѣ 1732 г. писалъ, что считаетъ себя настолько обязаннымъ передъ Бирономъ за поддержаніе русско-прусской дружбы, что полагаетъ необходимымъ, съ разрѣшенія Императрицы, особо отблагодарить его чѣмъ-либо существеннымъ. 14 декабря 1732 г. тотъ же король предлагалъ Бирону 200000 талеровъ, если тотъ поможетъ возвести на курляндскій престолъ прусскаго принца. Такъ какъ это откровенное предложеніе взятки не понравилось Бирону, то, по порученію короля, 24 февраля 1733 г. Борке написалъ Бирону извиненіе. Въ маѣ того же года Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ письменно свою благодарность за присылку высокаго роста рекрутовъ. Въ 1734 г. къ оберъ-камергеру неоднократно писалъ король Августъ польскій, сообщая подробности о дѣйствіяхъ своихъ войскъ, поручая передавать Императрицѣ его просьбы и т. п. Въ награду за возведеніе на престолъ, какъ говорили, онъ обѣщалъ Бирону Курляндію и полмилліона.

Довольно распространенно мнѣніе, что въ теченіе всего царствованія Анны Іоанновны въ рукахъ Бирона находилась вся власть. По словамъ Манштейна, Биронъ «въ продолженіи всей жизни Императрицы Анны, и даже нѣсколько недѣль послѣ ея кончины, царствовалъ надъ обширною имперіею Россіи, какъ совершенный деспотъ». «Кабинетъ-министры, говоритъ въ своихъ запискахъ фельдмаршалъ Минихъ, были въ совершенной подчиненности оберъ-камергеру герцогу Бирону и дѣйствовали постоянно въ угоду этому временщику». Тоже писали и иностранные послы. «Вы съ трудомъ себѣ можете представить, писалъ графъ Линаръ графу Брюлю въ мартѣ 1734 г., какой кладъ мы имѣемъ въ дружбѣ графа Бирона; вѣдь, въ концѣ концовъ, не происходитъ ровно ничего помимо его воли». Э. Германнъ говоритъ: «Мощью обширной Россійской имперіи въ сущности распоряжался одинъ лишь герцогъ курляндскій; Императрица давала лишь свое имя, онъ былъ регентомъ, а Остерманъ, если можно такъ выразиться, министръ-президентомъ». Оффиціальнаго положенія, которое бы давало ему право во все вмѣшиваться, Биронъ не имѣлъ, на что онъ неоднократно указывалъ самъ. Въ 1732 г. онъ отвѣчалъ графу С. А. Салтыкову на просьбу о заступничествѣ: «я уповаю, ваше сіятельство, довольно сами можете засвидѣтельствовать, что я во внутреннія государственныя дѣла ни во что не вступаюсь, кромѣ того ежели такая вѣдомость ко мнѣ придетъ, по которой можно мнѣ кому у Ея Величества помогать и услужить сколько возможно». На дѣлахъ Кабинета министровъ его вліяніе можетъ быть провѣрено по документамъ только въ немногихъ случаяхъ. Въ одномъ изъ писемъ А. П. Волынскаго къ Бирону (отъ 1732 г.) мы читаемъ, что посылая «рапортъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества», Волынскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, «съ того для извѣстія» прилагаетъ копію на имя Бирона; въ другомъ (отъ 1733 г.), прилагая на нѣмецкомъ языкѣ «экстрактъ» своихъ доношеній въ Кабинетъ, онъ проситъ Бирона «оный по милости своей приказать прочесть», и затѣмъ добавляетъ: «а потому всепокорно прошу при случаѣ, что потребно изъ того будетъ, о томъ милостиво внушить Ея Императорскому Величеству...» Въ журналахъ Кабинета упоминанія о Биронѣ крайне рѣдки (за 1731 — 32 гг. одинъ разъ лишь говорится о доставленіи имъ сенатскаго донесенія съ собственноручною резолюціею Императрицы о жалованьи мекленбургскимъ полкамъ). Въ оправдательной запискѣ Бирона, разсказывается, что лица, уговаривавшія его принять регентство, приводили слѣдующіе доводы: «...по довольномъ разсужденіи не нашли никого, кто-бы, человѣчески судя, удобнѣе былъ для государства, какъ я; и то по тѣмъ главнымъ причинамъ: что я знаю положеніе государства, каждую особу; что они со мною свычны; что иностранныя, до государства относящіяся, дѣла мнѣ извѣстны». Иностранныя дѣла здѣсь упомянуты особо, такъ какъ, дѣйствительно, о нихъ Биронъ могъ имѣть наибольшія свѣдѣнія: къ нему адресовались донесенія большинства русскихъ министровъ изъ за границы. По словамъ Манштейна, къ Бирону «можно было примѣнить поговорку, что дѣла создаютъ человѣка. До пріѣзда своего въ Россію, онъ едва-ли зналъ даже названіе политики, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ ней, зналъ вполнѣ основательно все, что касается до этого государства. Въ первые два года Биронъ какъ-будто ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться, но потомъ ему полюбились дѣла, и онъ сталъ управлять уже всѣмъ». Въ допросныхъ пунктахъ Бирону въ 1741 г. вліяніе его на государственныя дѣла было вмѣнено ему въ одну изъ крупнѣйшихъ винъ. Въ пунктѣ 18 значилось: «Всему свѣту, и особливо всему государству, извѣстно есть: 1) что отъ самаго вступленія на Всероссійскій престолъ до самаго окончанія жизни Ея Величества, его старательствомъ никому, кто-бъ не былъ, мимо его къ Ея Величеству никакого доступа не было, и что онъ до милости и конфиденціи Ея Величества никого не допускалъ; 2) что всѣ милости и награжденія только чрезъ него одного и по однимъ его страстямъ происходили; 3) и что отъ того многіе добрые и заслуженные люди, особливо всероссійской науки, въ тѣхъ милостяхъ и награжденіяхъ не токмо никакого участія не имѣли, но паче еще, противно богоучрежденнымъ государственнымъ регламентамъ и уставамъ, нагло обойдены и обижены, слѣдовательно же, какъ натурально есть, у нихъ тѣмъ потребное усердіе и охота къ службѣ отняты были». «Во всѣ государственныя дѣла, говорится тамъ-же, хоть оныя до чина его оберъ-камергерскаго весьма не принадлежали,

онъ вступалъ, и хотя ему яко чужестранному, прямое состояніе оныхъ вѣдать было и невозможно, однако-жъ часто и въ самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ безъ всякаго, съ которыми надлежало, о томъ совѣту, по своей волѣ и страстямъ отправлялъ». Какъ видно изъ послѣдней выдержки, даже обвинительный актъ признаетъ, что Биронъ плохо зналъ «прямое состояніе» дѣлъ и вмѣшивался «часто», т. е. не всегда и не во все. Нѣкоторыя иностранныя донесенія говорятъ, что Биронъ, вмѣшиваясь въ дѣла, слушался совѣтовъ еврея-банкира Липмана; провѣрить это обвиненіе нѣтъ возможности.

Записки современниковъ Бирона полны указаній на дурное вліяніе, которое онъ имѣлъ на Императрицу. «Изъ государственной казны, по словамъ Миниха, въ чужіе края утекли несмѣтныя суммы на покупку земель въ Курляндіи и на стройку тамъ двухъ дворцовъ — не герцогскихъ, а королевскихъ, и на пріобрѣтеніе герцогу друзей приспѣшниковъ въ Польшѣ. Кромѣ того, истрачены были многіе милліоны на драгоцѣнности и жемчуги для семейства Бирона: ни у одной королевы въ Европѣ не было брилліантовъ въ такомъ изобиліи, какъ у герцогини курляндской». «По настояніямъ герцога, Императрица была введена въ великія издержки по устройству конскихъ заводовъ, а такъ какъ въ Россіи было мало лошадей, то жеребцовъ выписывали изъ Испаніи, Англіи, Неаполя, Германіи, Персіи, Турціи и Аравіи». «Императрица Анна, говоритъ Манштейнъ, по природѣ была добра и сострадательна и не любила прибѣгать къ строгости. Но какъ у нея любимцемъ былъ человѣкъ чрезвычайно суровый и жестокій, имѣвшій всю власть въ своихъ рукахъ, то въ царствованіе ея тьма людей впали въ несчастіе. Многіе изъ нихъ, и даже люди высшаго сословія, были сосланы въ Сибирь безъ вѣдома Императрицы». Герцогъ курляндскій «былъ большой охотникъ до рѣдкости и великолѣпія; этого было довольно, чтобъ внушить Императрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ». Бирона особенно обвиняли въ томъ, что онъ развилъ шпіонство. «Ежедневно, говоритъ Минихъ-сынъ, доносили Государынѣ и герцогу обо всѣхъ разговорахъ въ извѣстнѣйшихъ домахъ, а какъ гнусное сіе ремесло отверзало путь по милости и наградамъ, то самыя знатныя особы не стыдились заниматься онымъ». Онъ-же поставилъ всѣ награды, шедшія отъ Императрицы, въ полную зависимость отъ себя: «сія по природѣ щедрая царица не смѣла и малѣйшаго подарка сдѣлать безъ вѣдома Бирона». «Легкое и ничѣмъ необузданное лихоимство Бироново», въ связи съ войнами и неурожаями, «привело народъ въ крайнюю нищету». «Монархиня обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣтелями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачило все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю;... потомство... не престанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія». Еще въ мартѣ 1740 г. «офицеръ, служившій въ Россіи» писалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что весь народъ, въ особенности вельможи, очень недоволенъ настоящимъ управленіемъ. Уже 5 или 6 лѣтъ жалуются 1) на многую снисходительность Императрицы къ герцогу курляндскому, 2) на высокомѣрный и невыносимый характеръ этого послѣдняго, который, какъ говорятъ, обращался съ вельможами, какъ съ послѣдними негодяями; 3) на его фаворита еврея Липмана, придворнаго банкира, подрывающаго торговлю; 4) на вымогательство огромныхъ суммъ, частью истраченныхъ на женщинъ, частью на выкупъ помѣстій герцога и на постройку ему великолѣпныхъ замковъ»... Современники всѣ дурныя явленія времени царствованія Анны Іоанновны приписывали Бирону. Прослѣдить это можно лишь въ очень немногомъ, такъ какъ вліяніе это было неоффиціальное и замѣтныхъ слѣдовъ не оставило. Что онъ относился къ русскимъ высокомѣрно и недоброжелательно, не подлежитъ сомнѣнію; поэтому немилость его пала, напр., и на Татищева. Изъ жестокихъ казней временъ Анны Іоанновны жесточайшія предприняты съ его одобренія. Таково было дѣло о Долгорукихъ въ 1738 и 1739 годахъ. Таково же было и дѣло Артемія Волынскаго, погибшаго жестокою смертью за то, что онъ хотѣлъ оттѣснить временщика. По словамъ Миниха, гибель Волынскаго была цѣликомъ дѣло рукъ Бирона. «Я самъ былъ свидѣтелемъ, говоритъ Минихъ, какъ Импе-

ратрица заливалась горькими слезами, когда взбѣшенный Биронъ грозилъ ей, что перестанетъ служить, если она не пожертвуетъ ему Волынскимъ и другими». Слѣдуетъ замѣтить, что Минихъ считаетъ Долгорукихъ и Голицыныхъ жертвами Остермана и Черкасскаго, а не Бирона. Понятно, что «непристойныхъ рѣчей» о Биронѣ въ обществѣ и въ народѣ было много. Нѣкоторыя изъ нихъ доходили до самого оберъ-камергера и приводили къ пыткамъ и казнямъ. Таковы были дѣла о Юзефѣ Загорскомъ въ 1734 г., о крестьянахъ Михаилѣ Ивановѣ и Фокѣ Афанасьевѣ, о маіорѣ Милюковѣ и женахъ придворныхъ конюховъ Ѳедосьѣ Кондратьевой и Авдотьѣ Ивановой въ 1735 г., объ армянинѣ Григорьѣ Петровѣ и о чиновникахъ монетной канцеляріи: Бѣликовѣ, Алексѣевѣ и Тарбѣевѣ въ 1737 г., которые всѣ судились за толки о значеніи оберъ-камергера и объ отношеніяхъ его къ Императрицѣ.

Власть и значеніе временщика сказывались не столько въ тѣхъ или иныхъ вопросахъ внутренней или внѣшней политики, сколько по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Со стороны всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ онъ былъ окруженъ раболѣпствомъ. Цесаревна Елисавета писала ему собственноручныя пожеланія благополучія. Княгиня и княжна Черкасскія «всенижайше» просили его о милостяхъ и слали ему подарки. Князь Яковъ Шаховской съ печально чувствительнымъ видомъ говорилъ ему свои извиненія, когда Биронъ напустился на него со словами: «Вы, Русскій, часто такъ смѣло въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете». Изъ обширной переписки Бирона мы видимъ, какъ всѣ сколько нибудь выдающіяся лица того времени, обращались къ оберъ-камергеру, не занимавшему никакого оффиціальнаго высокаго поста, съ просьбами, докладами, донесеніями; таковы письма Александра Румянцева и жены его, Салтыковыхъ, Вас. Татищева, Никиты Трубецкого, Андрея Ушакова, Григорія Чернышева, Шаховскихъ, Юсупова, Ягужинскаго и иныхъ многихъ.

Изъ дѣлъ, которыя ему удалось провести, благодаря своему вліянію, на первомъ планѣ слѣдуетъ отмѣтить то, которое онъ устроилъ самъ для себя, ставъ герцогомъ курляндскимъ. Еще въ 1730 г. курляндское дворянство приняло въ свою среду Бирона, вмѣстѣ съ его братьями; оно надѣялось, что, при его посредничествѣ, добьется русской защиты противъ притязаній польскихъ чиновъ, желавшихъ полнаго объединенія Курляндіи съ Польшею. Оба короля изъ саксонскаго дома, Августъ II и Августъ III, сообразно своему личному интересу, неоднократно уже предлагали Бирону курляндскій ленъ въ случаѣ вакантности его и уже успѣли закупить необходимые голоса. 30 сентября 1733 г. саксонскій курфюрстъ секретнымъ образомъ обязался по прекращеніи Кетлеровой династіи въ Курляндіи, вручить герцогскую курляндскую корону Э. І. Бирону. Въ рѣшительный моментъ Императрица не преминула двинуть войска, состоявшія подъ начальствомъ генерала Бисмарка, тестя Биронова и коменданта рижскаго, въ Курляндію, чтобы оказать поддержку при выборѣ новаго курляндскаго герцога. 13 іюня дворянствомъ въ митавской главной церкви, близъ которой были расположены нѣсколько эскадроновъ всадниковъ, избранъ въ герцоги курляндскіе оберъ-камергеръ россійской Императрицы. Королевская соизволительная грамота получена была въ іюлѣ изъ Фрауштадта, а торжественная инвеститура состоялась въ мартѣ 1739 г. Дипломъ объ инвеститурѣ былъ ему торжественно отправленъ за обѣими печатями, коронною и великаго княжества литовскаго, съ обѣщаніемъ новому феодалу со стороны республики покровительства и защиты ему и его потомкамъ на герцогскомъ престолѣ. Изъ переписки Бирона съ Кейзерлингомъ, русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, видно, какъ тщательно онъ старался скрыть, что сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ — задушевная цѣль его. Въ августѣ 1736 г. онъ писалъ Кейзерлингу, чтобы докладъ объ успѣшномъ ходѣ ходатайства не былъ сдѣланъ Императрицѣ слишкомъ внезапно, чтобы она не подумала, «не было ли то тайнымъ домогательствомъ съ моей стороны». Въ томъ же письмѣ онъ излагаетъ Кейзерлингу, какъ ему неудобно принимать на себя герцогство. Оставленіе русской службы крайне невыгодно; управлять, отсутствуя, и незаконно, и неудобно; наконецъ, нѣтъ возможности даже прожить безбѣдно на доходы герцогства. На собственныя же средства онъ не надѣялся: «признаюсь вамъ откровенно, пишетъ онъ, что ей Богу, не имѣю и 50,000 рейхсталеровъ наличныхъ

денегъ». Въ письмѣ отъ 26 іюля 1737 г. Биронъ, уже избранный герцогомъ, заботится о томъ, какъ бы устроить себѣ увольненіе отъ личной инвеституры, которая могла бы потребовать неудобной для него отлучки отъ Государыни. Это ему и удалось: король освободилъ его отъ обязательства прибыть ко двору его для инвеституры. Несмотря на сознаваемое имъ неудобство, Биронъ спокойно управлялъ потомъ Курляндіей чрезъ своихъ оберъ-ратовъ. По словамъ Манштейна, управленіе было очень тяжелое для курляндцевъ, такъ какъ новый герцогъ сильно преслѣдовалъ и даже ссылалъ въ Сибирь всѣхъ недовольныхъ.

Весьма замѣчателенъ въ письмѣ Бирона къ Кейзерлингу отъ 29 декабря 1737 г. разсказъ о бесѣдѣ съ прусскимъ министромъ, который совѣтовалъ довершить благополучіе рода Бироновъ, устроивъ бракъ принцессы Анны Леопольдовны, съ курляндскимъ наслѣднымъ принцомъ; отъ этого де выиграла бы и Россія, такъ какъ Курляндія могла бы сдѣлаться россійскимъ удѣломъ. Биронъ писалъ, что онъ отвергъ этотъ совѣтъ, но просилъ Кейзерлинга, въ случаѣ появленія подобныхъ слуховъ, обстоятельно возражать на нихъ: «все это злобно и безбожно». Антоній - Ульрихъ Брауншвейгъ-Бевернскій въ это время находился уже 4 года въ Россіи. Какъ говоритъ Биронъ въ своей оправдательной запискѣ, вѣнскій дворъ употреблялъ всѣ способы, чтобы помочь браку Антона Ульриха съ принцессою Анною. «Императоръ, говоритъ онъ, просилъ меня часто чрезъ своего министра графа Остейна и резидента Гогенгольцера, чтобы я поспѣшествовалъ въ семъ дѣлѣ, съ тѣмъ, что его и. в—о, въ изъявленіе своего ко мнѣ почитанія, хочетъ отдать за моего наслѣднаго принца одну изъ Вольфенбютельскихъ принцессъ, съ приданымъ изъ своей казны, во стѣ тысячахъ рейхсталеровъ состоящимъ». То обстоятельство, что Биронъ отказался отъ этого предложенія, по его словамъ, подало поводъ къ слухамъ о желаніи его сочетать принцессу Анну бракомъ съ его сыномъ. Когда здоровье Императрицы стало хуже, она рѣшила посовѣтоваться съ графомъ Остерманомъ, который, по словамъ Бирона, и уговорилъ ее устроить бракъ съ брауншвейгскимъ принцемъ, говоря, что «сіе—весьма полезное дѣло». Что Биронъ желалъ женить своего сына на принцессѣ, это, не смотря на отрицаніе его, достовѣрный фактъ. Какъ думаютъ, мысль эта явилась у фаворита потому, что молодой Биронъ любилъ принцессу, и что эта послѣдняя была къ нему неравнодушна. Саксонскіе резиденты Зумъ и Лефортъ и секретарь посольства Пецольдъ сообщали своимъ правительствамъ подробности объ отношеніяхъ Бирона къ принцессѣ и къ вопросу о ея бракѣ. Было общеизвѣстно, что принцесса Анна чувствуетъ отвращеніе къ герцогу Брауншвейгъ-Бевернскому, а Биронъ зналъ, что Императрица, по добродушію своему, не будетъ принуждать принцессы и предоставитъ ей свободный выборъ супруга; что его лично касалось, онъ чувствовалъ себя на столько прочно въ милости Императрицы, что могъ ожидать, что ни ему, ни его семьѣ не будетъ отказано и въ высшихъ ступеняхъ счастія. Поэтому онъ рѣшилъ дать въ супруги принцессѣ своего собственнаго сына. Родившійся въ февралѣ 1724 г. старшій сынъ Бирона былъ еще очень молодъ; поэтому Эрнстъ-Іоганнъ при каждомъ случаѣ и «въ столь непристойныхъ выраженіяхъ, что ихъ неудобно повторить», сталъ говорить о преждевременной и чрезвычайной возмужалости своего принца. Къ принцессѣ онъ вдругъ сталъ относиться съ величайшей любезностью; онъ и семья его оказывали ей всяческое вниманіе. Принцъ Петръ слѣдовалъ постоянно по пятамъ принцессы, и однажды самъ Эрнстъ Іоганнъ, находясь со своей семьею въ покояхъ Императрицы, велѣлъ принести бокалъ, сталъ на колѣни передъ принцессою, и наговоривъ ей много пріятнаго, выпилъ его съ пожеланіемъ, чтобы вино обратилось въ ядъ, если въ немъ или въ его родныхъ есть хоть капля крови, которая не была бы вполнѣ предана ей, принцессѣ. Принцесса совершенно не догадывалась о смыслѣ и значеніи этихъ знаковъ вниманія и выказывала себя настолько безпечной, что нерѣдко обращала на себя вниманіе своими шутками съ принцемъ Петромъ. Въ намѣреніе Бирона входило устроить дѣло такъ, чтобы то, чего онъ желалъ, вышло какъ-то само собою, безъ его участія. Онъ самъ, по порученію Императрицы, отправился къ принцессѣ, чтобы доказать ей необходимость ея брака и предложить ей выйти за Антона Ульриха. Принцесса отвѣчала, что она скорѣе положитъ голову свою на плаху, чѣмъ вый-

детъ за принца Беверискаго. Этимъ моментомъ воспользовался Биронъ. Дочери генерала Ушакова, супругѣ камергера Чернышева, пользовавшейся большимъ вліяніемъ на принцессу, было указано повліять на нее въ пользу принца Петра. Теперь, казалось, обстоятельства для этого были наиболѣе благопріятные, такъ какъ принцесса, не зная, что съ нею предполагается, чрезвычайно упала духомъ. Однако, результатъ получился совершенно неожиданный. Принцесса, считавшая семью Бироновъ стоящею безконечно ниже ея по происхожденію, приняла изумленный видъ, была возмущена «глупыми предположеніями» Чернышевой. Чтобы отнять возможность переубѣжденія Императрицы, она съ большимъ самообладаніемъ собралась съ силами и сказала, что она еще разъ обдумала все и рѣшила, какъ и во всемъ остальномъ, оказаться послушною и въ томъ, что она возьметъ себѣ въ супруги принца Беверискаго. Бирону ничего не оставалось, какъ выказывать радость по поводу этого исхода дѣла. Разумѣется, съ этого дня прекратились и знаки вниманія Бирона къ принцессѣ. Около этого времени Биронъ говорилъ Пецольду: «Вѣнскій дворъ думаетъ управлять и у себя, и въ Петербургѣ, но въ этой мысли онъ страшно ошибается, а такъ какъ теперь въ Вѣнѣ придерживаются мнѣнія, что герцогъ Брауншвейгскій обладаетъ высокими качествами, то онъ, Биронъ, берется, безъ труда, выхлопотать у Императрицы, чтобъ герцогъ былъ совершенно предоставленъ вѣнскому двору и пересланъ туда, гдѣ такъ нуждаются въ умныхъ министрахъ. Всякій знаетъ герцога Антона Ульриха, какъ одного изъ самыхъ недалекихъ людей (eines der kleinsten Genies) и если принцесса Анна дана ему въ жены, то только потому, чтобы онъ производилъ дѣтей; однако, онъ, Биронъ, считаетъ герцога не достаточно умнымъ даже для этой роли...» Какъ разсказывалъ Волынскій, цесаревна Елисавета говорила Лестоку, что Анна Іоанновна представила на выборъ племянницѣ обоихъ жениховъ: Петра Бирона и принца Антона; Волынскій намѣреніе Бирона называлъ «годуновскимъ», князь Черкасскій, также какъ и Волынскій, ожидали гибельныхъ послѣдствій, если бы удалось это намѣреніе.

Если во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ управленія вліяніе Бирона и не было столь сильно, какъ обыкновенно предполагали, тѣмъ не менѣе Императрицею онъ управлялъ совершенно. «Къ несчастію ея и цѣлой имперіи, говоритъ Минихъ-сынъ, воля монархини окована была безпредѣльною надъ сердцемъ ея властію необузданнаго честолюбца. До такой степени Биронъ господствовалъ надъ Анною Іоанновною, что всѣ поступки свои располагала она по прихотямъ сего деспота, не могла надолго разлучиться съ нимъ, и всегда не иначе, какъ въ его сопутствіи, выходила и выѣзжала. Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга, сколько Императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело Государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини. Биронъ, страстный охотникъ къ лошадямъ, большую часть утра проводилъ въ конюшнѣ или въ манежѣ. Императрица, скучая отсутствіемъ его, рѣшилась обучаться верховой ѣздѣ, дабы имѣть предлогъ въ сихъ мѣстахъ быть съ наперсникомъ своимъ; и потомъ довольно хорошо ѣздила по дамски. Непомѣрная привязанность Императрицы содѣлалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали отъ него жалобу, что не имѣетъ онъ ни одного мгновенія для отдыха. Никогда Биронъ никого не посѣщалъ, ни у кого не обѣдалъ и не присутствовалъ на пирахъ и празднествахъ, даваемыхъ знатными боярами. Дабы удержать любимца отъ участія въ оныхъ, Государыня осуждала и даже называла распутствомъ всякій пиръ и собраніе, въ коихъ, по сдѣланному ей донесенію, господствовала веселость. Биронъ, съ своей стороны, тщательно наблюдалъ, дабы никто безъ вѣдома его не былъ допускаемъ къ Императрицѣ, и если случалось, что, по необходимой надобности, герцогъ долженствовалъ отлучиться, тогда при государынѣ неотступно находились Биронова жена и дѣти. Такимъ образомъ, всѣ поступки и рѣчи Императрицы немедленно доводились до свѣдѣнія Бирона. Принужденная и единообразная жизнь, естественно, долженствовала рождать скуку, а иногда охлажденіе и размолвку между Императрицею и Бирономъ. Однако, когда встрѣча-

лось между ними кратковременное несогласіе, всевозможно старались они скрывать оное отъ внимательнаго взора царедворцевъ. Дабы имѣть какую нибудь забаву и развлеченіе, содержали при дворѣ толпу шутовъ обоего пола, коихъ кривлянье и одежда, болѣе нежели разговоры, забавляли собраніе». Что размолвки между Государынею и Бирономъ иногда становились извѣстны и посторроннимъ лицамъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ выставленное въ «допросныхъ пунктахъ» обвиненіе, — что онъ «съ крайнимъ невѣжествомъ и неслыханнымъ непочитаніемъ, забывъ себя и свою всеподданнѣйшую должность къ Ея Величеству, дѣломъ и словами, часто такъ продерзостно поступалъ, что Ея Величество, къ немалому поврежденію дражайшаго своего здравія, отъ того не токмо въ гнѣвъ, но и въ чувственное сокрушеніе и неоднократно весьма въ слезы приведена была». Въ тѣхъ же «пунктахъ» говорится, что Биронъ «часто въ самомъ присутствіи Ея Величества не токмо на придворныхъ, но и на другихъ, и на самыхъ тѣхъ, которые въ знатнѣйшихъ рангахъ здѣсь въ государствѣ находятся, безъ всякаго разсужденія о своемъ и объ ихъ состояніи, крикивалъ и такъ продерзостно бранивался, что и всѣ присутствующіе съ ужасомъ того усматривали, и ***Ея Величество сама отъ того часто ретировать изволила***». Заведеніе шутовъ и шутихъ при Императрицѣ «допросные пункты» считаютъ дѣломъ Бирона: «Онъ же, будто для забавы Ея Величества, а на самомъ дѣлѣ, по своей свирѣпой склонности, подъ образомъ шутокъ и балагурства, такія мерзкія и Богу противныя дѣла затѣялъ, о которыхъ до сего времени въ свѣтѣ мало слыхано: умалчивая о нечеловѣческомъ поруганіи, произведенномъ не токмо надъ бѣдными отъ рожденія, или какимъ случаемъ дальняго ума и разсужденія лишенными, но и надъ другими людьми, между которыми и честный народъ находились, о частыхъ между оными заведенныхъ до крови дракахъ, и о другихъ онымъ учиненныхъ мучительствахъ и безотрадныхъ мужеска и женска полуобнаженіяхъ, и иныхъ скаредныхъ между ними его вымысломъ произведенныхъ пакостяхъ, уже и то чинить ихъ заставливалъ и принуждалъ, что натурѣ противно и объявлять стыдно и непристойно».

Неожидавшаяся столь рано смерть Императрицы произвела сильную перемѣну въ судьбѣ Бирона. 5 октября 1740 г. Императрица за столомъ упала въ обморокъ, съ сильною рвотою, и принуждена была лечь въ постель. Врачи тотчасъ были собраны, и архіатеръ Фишеръ предупредилъ Бирона о возможности скорой кончины. Биронъ немедленно послалъ за кабинетъ-министромъ княземъ Черкасскимъ и графомъ Бестужевымъ, и за фельдмаршаломъ Минихомъ. Онъ имъ сообщилъ про болѣзнь Императрицы, и какъ разсказываетъ Минихъ-сынъ, «со многими слезами и воплемъ» сталъ говорить слѣдующее: «колико онъ несчастенъ, лишаясь столь рано и нечаянно Государыни, изъявлявшей ему неизреченную милость и довѣренность; что онъ, по смерти ея, не можетъ себѣ уже и вообразить никакого благополучія въ такой странѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, имѣетъ болѣе непріятелей, нежели друзей, и что онъ за всѣ услуги, оказываемыя имъ государству, не ожидаетъ уже никакой иной награды, кромѣ неблагодарности и немилости, что при всемъ томъ собственное свое положеніе менѣе его обезпокоиваетъ, нежели состояніе, въ какомъ по кончинѣ Императрицы находится будетъ государство, о благосостояніи коего онъ до того толь ревностное имѣлъ попеченіе; что наслѣдникъ еще младенецъ, не имѣющій даже 8 недѣль; что въ разсужденіи назначенія наслѣдства престола отъ Императрицы еще ничего не обнародовано, и что потому неизвѣстно еще, какъ принято будетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ таковое назначеніе народомъ, при прежде бывшихъ малолѣтствахъ мятежничавшимъ; что Швеція, продолжая вооруженія свои, не можетъ желать для себя удобнѣйшаго случая къ нападенію на Россію, какъ когда начнутся въ оной внутренняя безпокойствія; что при таковомъ состояніи дѣлъ весьма важно, чтобъ правленіе государства ввѣрено было такой особѣ, которая бы имѣла не токмо достаточное свѣдѣніе о дѣлахъ государственныхъ, но и довольно твердости къ укрощенію легкомысленныхъ подданныхъ; что онъ, хотя въ нравѣ принцессы, матери младаго принца, ничего хулы достойнаго не находитъ, однако-жъ опасается, чтобъ она, вступивъ въ правленіе, по природной нѣжности, не призвала къ себѣ въ Россію отца своего герцога мекленбургскаго Карла Леопольда и не дозволила бы ему принять великое участіе въ государ-

ствѣ, при чемъ страшиться должно, чтобъ сей государь, который, какъ извѣстно, по причинѣ своевольнаго и упрямаго своего нрава, и съ собственными своими подданными согласиться не могъ, не побудилъ принцессу, дщерь свою, къ такимъ предпріятіямъ, кои не токмо ей, но даже и сыну ея крайне опасны быть могутъ. Чтожъ касается до Брауншвейгскаго принца, то онъ, герцогъ, еще менѣе предусматриваетъ, какъ ему правленіе государства поручено быть можетъ, вѣдая за подлинно, что государство тогда не помянутымъ принцомъ, но вѣнскимъ посломъ управляемо, а слѣдственно и во всѣ дѣла австрійскаго дома запутываемо будетъ». Мнѣніе о принцѣ и принцессѣ, кажется, высказано было герцогомъ лишь Миниху и Левенвольду; Бестужеву и Черкасскому, прибывшимъ позже, онъ сообщилъ лишь о необходимости избранія регента. Въ оправдательной запискѣ Бирона говорится, что, во время переговоровъ съ министрами, онъ былъ отозванъ къ Императрицѣ, которая велѣла заготовить все необходимое для объявленія Іоанна наслѣдникомъ, сказавъ при этомъ герцогу: «Я хочу сдѣлать свое, а впрочемъ буди воля Господня. Я напередъ знаю, что оставляю отрока въ плачевныхъ обстоятельствахъ. Самъ онъ себѣ пособить не можетъ, а отецъ и мать его не могутъ онаго учинить; ибо отецъ не получилъ отъ Бога потребнаго къ тому, не имѣетъ довольнаго знанія, а мать хотя не имѣетъ недостатка въ разумѣ, но не любима въ народѣ; притомъ же отецъ живъ, который здѣсь столь извѣстенъ, что его почитаютъ за мучителя, и который, немедленно сюда пріѣхавъ, сталъ бы и здѣсь также поступать, какъ въ Мекленбургѣ, государство мое вмѣшалъ бы въ войну, и разорилъ бы оное. Истинно должна я опасаться, что и по смерти моей на меня негодовать станутъ». Такимъ образомъ, часть словъ, приписываемыхъ Минихомъ-сыномъ Бирону, самъ герцогъ приписываетъ Аннѣ Іоанновнѣ. О бѣдствіяхъ, которыя можетъ причинить герцогъ мекленбургскій, по словамъ Бирона, говорилъ, во время совѣщанія, самъ же фельдмаршалъ Минихъ. Точно также противорѣчатъ другъ другу главнѣйшіе свидѣтели событія и въ дальнѣйшемъ. По словамъ Бирона, регентство предложилъ ему фельдмаршалъ Минихъ. «Къ вечеру, говоритъ онъ, имѣлъ я много людей въ моей комнатѣ. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ, что собрались туда нѣсколько патріотовъ, которые, по совѣсти и по лучшему ихъ знанію, размышляли, что бы было полезнѣе для государства, если бы Богъ опредѣлилъ отозвать Ея Императорское Величество отъ сего міра, кому править государствомъ во время малолѣтія юнаго принца; что по довольномъ разсужденіи не нашли никого, кто-бы, человѣчески судя, удобнѣе былъ для государства, чѣмъ я». По Миниху-сыну дѣло происходило иначе. «Князь Черкасскій, стараясь дать опытъ своей при семъ прозорливости, первый началъ говорить: что онъ къ отправленію означенной толь важной должности не находитъ никого способнѣе и достойнѣе герцога курляндскаго, который во все время царствованія Императрицы съ толикою же ревностью, какъ и славою управлялъ государственными дѣлами, и коего личная польза, въ разсужденіи герцогства его, столь тѣсно сопряжена съ благосостояніемъ Россіи; и что онъ потому окажетъ государству услугу, прося наиусильнѣйше герцога приняться и впредь за оное. Тайный совѣтникъ Бестужевъ на сіе предложеніе согласился немедленно. Фельдмаршалъ же и графъ Левенвольдъ, предвидя, что тщетно и даже опасно было бы имъ въ томъ противорѣчить, разсудили за полезно слѣдовать сей разъ худому примѣру». Позже предложеніе регентства объяснялось заинтересованными лицами такъ, что не всѣ были увѣрены въ безнадежномъ положеніи Императрицы и боялись гибели, если бы она выздоровѣла. На сдѣланное ему предложеніе герцогъ отвѣчалъ, что оно его удивляетъ, что онъ считаетъ себя не въ состояніи взяться за такое дѣло и проситъ его уволить отъ такого бремени. По словамъ Бирона, Минихъ тогда опять сталъ его усиленно упрашивать и сказалъ, что не человѣкъ его о томъ проситъ, но великая имперія. Минихъ, какъ говорилъ Бестужевъ и Биронъ, сказалъ по-нѣмецки герцогу: «Прими, ваша свѣтлость, весло правительста; лучше вамъ при веслѣ быть». По Миниху-сыну, конецъ рѣчи герцога иной. «Если же онъ... и могъ бы склониться принять на себя столь тяжкое бремя, то поводомъ къ тому будетъ не иное что, какъ признательность за великія благодѣянія, Императрицею на него изливаемыя, преданнность его къ ея фамиліи, и ревность, съ которою онъ безпрестанно тщался купно о славѣ и о бла-

госостоянiи Россiйской имперiи; но что онъ ни на что рѣшиться не можетъ, не вывѣдавъ прежде о семъ мнѣнiя другихъ благомыслящихъ сыновей отечества; и что онъ на сей конецъ признаваетъ за полезно, дабы на другой день собранъ былъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ особъ Сената, генералитета и придворныхъ служителей...» Послѣ этой рѣчи сановники, бесѣдовавшiе съ герцогомъ, немедленно отправились къ Остерману. «Едва фельдмаршалъ обще съ прочими помянутыми персонами успѣли увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ, какъ онъ уже съ горячею ревностью объявилъ на оное дѣло свое согласiе, присовокупя: что если герцогъ нерѣшимымъ въ томъ останется, то надобно будетъ и самую Императрицу просить, дабы благоволила его къ сему уговорить». 6 октября утромъ, Минихъ, Остерманъ, Бестужевъ, Левенвольдъ, Ушаковъ, Головинъ, Куракинъ, Трубецкой, Салтыковъ и Шепелевъ, имѣя уже при себѣ изготовленный ночью манифестъ объ объявленiи Iоанна наслѣдникомъ, были допущены къ Императрицѣ, которая подписала манифестъ. Въ тотъ же день всѣ присягнули принцу Iоанну, «яко преемнику престола». По словамъ Бирона, Минихъ, во время аудiенцiи, послѣ подписанiя манифеста, заявилъ Императрицѣ, что «они всѣ» просятъ Ея Императорское Величество о назначенiи герцога правителемъ. По согласному показанiю на судѣ Бирона и Бестужева, фельдмаршалъ остался въ спальнѣ Государыни и, стоя у двери, держася за оную, велегласно говорилъ: «Милостивая Императрица! мы согласились, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ; мы просимъ о томъ подданнѣйше!» «Ея Величество, разсказываетъ Биронъ, ему ничего не сказала; но какъ я пошолъ, то засталъ я ее въ печали и въ унынiи. Но ободрясь она тотчасъ сказала: «я подписала клятвенное обѣщанiе (т. е. манифестъ) трепещущею рукою, чего никогда, да и въ то время со мною не случилось, какъ подписывала я объявленiе войны туркамъ». Помолчавъ нѣсколько, спросила она у меня, какъ долго я ей служу? На сiе отвѣтствовалъ я, что 22 года. Ея И. В—о изволила мнѣ сказать: «я не довольно наградила вѣрную вашу службу; но вѣрьте, что Богъ воздастъ вамъ за оную. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ нѣчто, о чемъ я сiю ночь размышляла». Но я о томъ не навѣдывался, былъ уже извѣстенъ». О дальнѣйшихъ переговорахъ Минихъ-сынъ говоритъ: «не токмо всѣ согласны были въ томъ, что герцогъ къ сему всѣхъ прочихъ особъ способнѣе, но почитали даже за полезное поднесть Императрицѣ прошенiемъ докладъ о семъ единодушномъ ихъ мнѣнiи, и просить при томъ Ея Величество, какъ о высочайшей ея на оное апробацiи, такъ и о томъ, чтобъ благоволила склонить герцога къ принятiю на себя правленiя. При томъ положено было подать Императрицѣ на подписанiе декларацiю, по которой слѣдовало герцогу, яко правителю, государствомъ управлять до того, пока не достигнетъ младый государь до 17-го года возраста своего». Биронъ разсказываетъ, что Остерманъ, отъ лица другихъ сановниковъ, собравшихся въ теченiе этихъ дней во дворецъ, сказалъ ему: «...они всѣ собрались просить меня именемъ всего государства, чтобъ я не отказалъ имъ въ просьбѣ ихъ, что несчетное множество меня за то благословятъ и за меня Бога молить будутъ». «А я спросилъ,— разсказывалъ Биронъ,—о чемъ дѣло идетъ? Тогда открылись они, чтобъ я принялъ на себя правленiе. Я всячески противился, но они на своемъ настояли и говорили: «Мы хотимъ, яко честные люди, вамъ помогать нести ваше бремя». Просили, чтобы я выслушалъ, что они о семъ Ея И. В—у представить намѣрены, и немедленно прочли мнѣ оное. И поелику я не могъ надежнымъ и приличнымъ образомъ отбиться, то просилъ я прибавить сiе: что ежели мнѣ, по причинѣ слабости здоровья моего или по инымъ обстоятельствамъ, государствомъ править не можно будетъ, то бъ дозволено мнѣ было сложить правленiе, что, какъ извѣстно, и было внесено».

Во время процесса, на слѣдствiи, роль Бирона по подготовленiю регентства была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: «разсужденiе и совѣтъ о регентствѣ его были 5 октября къ вечеру, а опредѣленiе писано того жъ вечера и ночью, а чтено ему по утру на другой день...»; «какъ взнесенное къ Ея Императорскому Величеству, объ немъ, Биронѣ, опредѣленiе безъ подписанiя продолжилось, . . . его совѣтниками челобитная такая, яко бы его всѣ регентомъ желаютъ, сочинена была...»; не обождавъ и на ту челобитную резолюцiи, сочинена была совѣтниками его декларацiя для подписки Синоду, Сенату, генералитету и другимъ государственнымъ чинамъ...

чтобы и ихъ къ тому, яко бы его всѣ регентомъ желаютъ, привести и къ подпискѣ принудить...» «и продолжали тое подписку, когда уже и опредѣленіе отъ Е. И. В—а было подписано, приводя порознь по классамъ, пока не подписались». Биронъ обвинялся слѣдственной коммиссіею и въ томъ, что манифестъ о регентствѣ былъ помѣченъ заднимъ числомъ: «къ принятію того регентства онъ, Биронъ, явнымъ притязателемъ себя показалъ, понеже онъ первѣе всѣхъ видалъ, что Е. И. В—о опредѣленіе уже передъ самою кончиною только за нѣсколько часовъ, а именно 16 числа октября, подписать изволила, а онъ же видѣлъ и то, что число въ немъ за 10 дней назадъ поставлено, а сверхъ того, имѣя до публики онаго въ рукахъ своихъ напечатанный экземпляръ подъ тѣмъ же заднимъ числомъ, а о томъ умолчалъ и ни кому не объявлялъ, дабы всякъ думалъ, яко бы оное заблаговременно отъ Ея Величества апробовано». На слѣдствіи по дѣлу Бестужева-Рюмина нашли, что духовная и опредѣленіе (о регентствѣ) сперва написаны были кратко и заключали слѣдующее: «Управлять ему, Бирону, на основаніи правъ и указовъ всѣ государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя», а Бестужевъ прибавилъ пункты: 1) о несовершеннолѣтіи Іоанна до 17 лѣтъ, 2) «сухопутную и морскую силу содержать ему, Бирону, по своей волѣ, о государственной казнѣ и о всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ учрежденія чинить ему по своему разсмотрѣнію, 3) сукцессора избирать и утвердить въ такой силѣ, якобы по Ея И. В—а власти избранъ былъ, 4) воспитанію Его И. В—а быть въ единой его диспозиціи». Вполнѣ установленъ тотъ фактъ, что Императрица въ теченіе нѣсколькихъ дней оставила актъ о назначеніи Бирона неподписаннымъ. Во враждебномъ герцогу лагерѣ это объяснялось тѣмъ, что Императрицѣ представленія герцога казались предвѣстіемъ смерти, мысль о которой она старательно отгоняла отъ себя. По словамъ Миниха-сына, согласившись наконецъ принять Остермана съ бумагами, Императрица «съ холодностью сунула ихъ подъ возглавіе, сказавъ только, что дастъ на то рѣшеніе». Послѣ этого Биронъ пробовалъ, но тщетно, черезъ «извѣстную особу» (барона Менгдена), подѣйствовать на принцессу Анну, чтобы она убѣдила Императрицу сдѣлать его правителемъ. Эта попытка, о которой стало извѣстно черезъ Менгдена, не привела ни къ чему. Биронъ на допросѣ рѣшительно отрицалъ ее. Въ оправдательной запискѣ своей герцогъ не признается въ этихъ хлопотахъ; по его словамъ, Императрица не подписывала бумагъ по его же настоянію: «я просилъ Ея И. В—о, чтобы она сего не чинила, ибо я того принять не могу и ежели Ея И. В—у угодно малыя мои услуги наградить, то можетъ сіе исполнено быть такъ, если Ея В—о не подпишетъ рѣченной бумаги, что она и не изволила сдѣлать, а положила ее къ себѣ подъ изголовье». Общераспространенная версія, однако, утверждала, что герцогъ неоднократно напоминалъ Императрицѣ о назначеніи его регентомъ, а что Императрица «чистосердно его предостерегала сими словами: «Сожалѣю о тебѣ, герцогъ; ты неблагополучнымъ будешь» («Le duc de Courlande ayant obligé l'impèratrice selon sa coutume, par force, à le nommer régent dans sa disposition, elle lui a dit: «Biron, Biron, tu ne songes pas à ce que tu fais! Tu vas te perdre!»). По оправдательной запискѣ Бирона, окончательное подписаніе акта о регентствѣ состоялось слѣдующимъ образомъ: «Когда главные чины государства провѣдали, что уже и нѣсколько дней прошло безъ подписанія, то единогласно и въ такомъ случаѣ условились, когда-бъ Ея И. В—о не подписала и скончалась бы, не учинивъ распоряженія, опредѣлить меня своимъ правителемъ. Чтобъ сіе такъ вящше утвердить, созваны были всѣ знатные, даже до гвардіи капитанъ-поручиковъ. И тогда первѣйшихъ чиновъ особы, духовныя и свѣтскія, числомъ 190 (197), безъ вѣдома моего, соединились для того въ кабинетѣ, о чемъ свѣдалъ я не прежде какъ 24 часа спустя, а когда сказали мнѣ о томъ и нѣкоторые изъ знатныхъ господъ, — дивился, какъ можно было къ сему предпріятію приступить, не сказавъ мнѣ ни слова. Но они остались непоколебимы въ рѣшеніи своемъ. Не довольствуясь симъ, нѣкоторыя изъ первыхъ особъ, безъ моего жъ вѣдома, положили сочинить прошеніе на имя Ея И. В—а, коимъ просили, чтобы Ея И. В—о оказала милость своему государству, назнача меня правителемъ во время малолѣтняго принца. Сіе прошеніе поднесено было Ея И. В—у». По словамъ Бирона, это прошеніе подписали: Минихъ, Трубецкой,

Остерманъ, Черкасскій, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Чернышевъ, Ушаковъ, Левенвольдъ, Головинъ, Головкинъ, Куракинъ, Трубецкой и Бестужевъ. Бумага была подписана, какъ говоритъ герцогъ, въ присутствіи Остермана и его, причемъ слова Государыни были: «Я подписываю сію бумагу, а ты, графъ Остерманъ, всѣмъ скажи, чтобы они были спокойны, что я ихъ не оставила безъ призрѣнія». Фельдмаршалъ Минихъ о томъ же говоритъ слѣдующее: «Герцогъ курляндскій, графъ Остерманъ и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій составили духовное завѣщаніе отъ имени Императрицы. Остерманъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ невыходившій изъ дому, подъ тѣмъ предлогомъ, что подагра препятствуетъ ему двигать ногами, велѣлъ принести себя въ креслахъ во дворецъ къ изголовью Императрицы за нѣсколько часовъ до ея кончины,—и здѣсь, вынувъ изъ кармана бумагу, спросилъ Государыню, не угодно ли ей будетъ выслушать свое духовное завѣщаніе? Императрица спросила, кто писалъ завѣщаніе? (доказательство, что она не приказывала писать его и что оно было составлено безъ ея вѣдома). Остерманъ всталъ со стула и, кланяясь, сказалъ ей: «Вашъ нижайшій рабъ». Затѣмъ онъ читалъ завѣщаніе, и когда дошелъ до статьи, что герцогъ курляндскій будетъ регентомъ въ продолженіе 16-ти лѣтъ отрочества молодого Императора Іоанна Антоновича, Императрица спросила герцога Бирона: «Надобно ли это тебѣ?» (Доказательство, что Государыня не готовила этой участи герцогу). Полагаютъ, что Императрица, при всей своей слабости, подписала эту духовную, а герцогиня курляндская спрятала эту бумагу въ шкафъ, въ которомъ хранились драгоцѣнности Императрицы». Разсказъ фельдмаршала Миниха не согласуется даже съ разсказомъ Миниха-сына, по которому подписанъ былъ актъ о регентствѣ за нѣсколько дней до смерти Государыни. Минихъ-сынъ однако утверждаетъ: «Весьма вѣроятно, что монархиня, ежечасно теряя тѣлесныя силы и пришедши въ крайнее изнеможеніе, не читала сего постановленія, сочиненнаго по точной волѣ Бирона и, подозрѣваю, что подписала оное, худо вѣдавъ о содержаніи его». Актъ о регентствѣ, какъ разсказываетъ Биронъ, былъ запечатанъ графомъ Остерманомъ у ея кровати въ особомъ «кувертѣ», послѣ чего Государыня «взяла ту бумагу и отдала подполковницѣ Юшковой съ тѣмъ, чтобъ положить оную къ бриліантамъ ея. Послѣ сего она долго еще говорила съ графомъ Остерманомъ и, когда его вынесли, указала призвать графа Ушакова и спрашивала его о разныхъ вещахъ и сказала ему: «Я васъ призрѣла: вы будете довольны, и скажи сіе всѣмъ тѣмъ, съ которыми ты говорить будешь». Въ «Отвѣтѣ» Миниха-сына говорится, что послѣ подписанія акта «графъ Остерманъ, вышедъ изъ покоя Императрицы, объявилъ сію важную вѣдомость колеблющемуся между страхомъ и надеждою собранію. Вскорѣ потомъ явился въ оное и герцогъ курляндскій съ обнадеживаніемъ, что Императрица изъявила въ разсужденіи поступковъ онаго собранія не токмо высочайшее свое благоволеніе, но притомъ обѣщала также давать оному, какъ скоро помощію Божіею оправится, отличные знаки своего удовольствія. Самъ же онъ, для изъявленія собственной своей благодарности, говорилъ слѣдующія слова: «Вы, господа, поступили такъ, какъ древніе римляне». (Въ «Замѣчаніяхъ» Миниха-сына прибавлено: «Повидимому, онъ хотѣлъ сказать: какъ патріоты»). Слѣдуетъ замѣтить, что въ запискѣ Бирона говорится о посѣщеніяхъ Императрицы принцессою Анною Леопольдовною, при коихъ онъ не присутствовалъ. Это извѣстіе можетъ быть противупоставлено словамъ Манштейна: «семейство Бирона и его креатуры не отходили отъ Государыни, чтобъ отнять у принцессы Анны возможность говорить съ Императрицею наединѣ».

17-го октября 1740 г. Императрица скончалась. «Герцогъ Курляндскій стоналъ громко и притворился быть отъ грусти внѣ себя». «Я сидѣлъ въ передней, разсказываетъ Биронъ; ко мнѣ пришли главнѣйшія особы и навѣдывались, гдѣ завѣщаніе Ея И. В—а. Я отвѣтствовалъ, чтобы они спросили о томъ у подполковницы, которая и вручила имъ бумагу, а понеже кувертъ былъ запечатанъ, то былъ онъ паки распечатанъ. Они, взявъ бумагу въ присутствіи принца Брауншвейгскаго, распечатали, а генералъ-прокуроръ князь Трубецкой прочелъ ее вслухъ. Я же находился въ моей комнатѣ для того, что не былъ здоровъ». Минихъ-сынъ утверждаетъ, что герцогъ присутствовалъ при чтеніи: «герцогъ же, примѣтя, что принцъ Брауншвейгскій, стоя за стуломъ супруги своей,

съ мѣста не сошелъ, спросилъ его немедленно: не желаетъ ли и онъ слушать послѣднее императрицыно завѣщаніе? Принцъ, не сказавъ ни слова, пошелъ также къ великому числу собравшихся около генералъ-прокурора и слушалъ терпѣливо, какъ читанъ былъ его или, паче сказать, супруги его приговоръ». На другой день, въ 9-мъ часу, во дворцѣ собралось много духовныхъ особъ и военныхъ и гражданскихъ чиновъ, передъ которыми графъ Остерманъ, объявивъ имъ о кончинѣ Императрицы, прочиталъ декларацію о регентствѣ. Здѣсь же принесена была присяга молодому государю и регенту. Регентъ, по собственнымъ словамъ, въ этотъ день «весьма мало говорилъ». Минихомъ-сыномъ указывается, что онъ говорилъ стоящимъ въ близости сенаторамъ слѣдующее: что онъ, не находя нужнымъ поощрять ихъ къ продолженію ревности, съ коею они до того наблюдали пользу отечества, увѣренъ, что одно уваженіе нѣжнаго возраста младого ихъ Императора послужитъ имъ сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ; что всѣ дни и часы его жизни имъ посвящаемы будутъ дѣламъ государственнымъ, и что оные сенаторы не могутъ ему дать убѣдительнѣйшаго знака довѣренности ихъ, какъ обратясь прямо къ нему для учиненія полезныхъ предложеній и для полученія нужныхъ рѣшеній; что онъ любимцевъ имѣть не будетъ, но что двери его для всякаго честнаго человѣка отворены». Въ то же утро герцогъ велѣлъ перенести молодого Императора въ то помѣщеніе, гдѣ дворъ находился обыкновенно зимою; сюда потомъ переѣхала и принцесса со своимъ супругомъ. Послѣ обѣда того же дня онъ посѣтилъ родителей Императора. Принцу и принцессѣ, говоритъ Биронъ, онъ сдѣлалъ привѣтствіе, «съ присовокупленіемъ просьбы: что ежели найдутся люди, которые донесутъ имъ обо мнѣ нѣчто противное, могущее помутить доброе согласіе, то прошу я ихъ, чтобы они такимъ слухамъ вѣры не давали и представляли бъ ихъ мнѣ, ибо тогда истина выйдетъ наружу, что и я равномѣрно чинить буду». Тутъ же онъ назначилъ имъ содержаніе въ 200,000 рублей ежегодно. Цесаревнѣ Елисаветѣ онъ велѣлъ выдать 50,000 рублей; онъ посѣтилъ и ее «съ сожалительнымъ комплементомъ». Въ молитвахъ за царствующій домъ установленъ былъ такой порядокъ: 1) за Императора, 2) за Анну, его мать, 3) за Елисавету и 4) за герцога-регента. Регентъ ежедневно предсѣдательствовалъ въ Кабинетѣ, гдѣ засѣдали гр. Остерманъ, Черкасскій и Бестужевъ. Напечатанный въ сенатской типографіи уставъ о регентствѣ гласилъ: «во время малолѣтства внука нашего великаго князя Іоанна, а именно до возраста его семнадцати лѣтъ, опредѣляемъ и утверждаемъ симъ нашимъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ регентомъ государя Эрнста-Іоганна, владѣющаго свѣтлѣйшаго герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Семигальскаго, которому во время бытія его регентомъ даемъ полную мочь и власть управлять... всѣ государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, и сверхъ того, въ какія бы съ коею иностранною державою, въ пользу имперіи нашей, договоры и обязательство вступалъ и заключалъ, и оные имѣютъ быть въ своей силѣ... Не менѣе же ему, регенту, по такой ему порученной власти вольно будетъ о содержаніи сухопутной и морской силы, о государственной казнѣ, о надлежащихъ по достоинствамъ и по заслугамъ къ Россійской имперіи всякихъ награжденіяхъ и о всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ такія учрежденія учинить, какъ онъ по его разсмотрѣнію за потребно въ пользу Россійской имперіи изобрѣтетъ». По словамъ Миниха-сына, въ первые дни правленія своего герцогъ занимался освѣдомленіемъ о состояніи войскъ и государственныхъ доходовъ. «Поелику Сенатъ еще въ самомъ началѣ прежняго правительства, при учрежденіи Кабинета, лишился первенства своего, то герцогъ старался оному льстить, присутствуя и самъ неоднократно въ засѣданіяхъ онаго. Сенатъ, напротивъ того, во угожденіе герцогу, предложилъ производить ему на расходы его ежегодно по пяти сотъ тысячъ рублей. А какъ титулъ свѣтлость для правителя казался былъ слишкомъ простъ, то опредѣлилъ Сенатъ придать ему названіе императорскаго высочества, на что однакожъ герцогъ не согласился до того, пока не предоставлено было оное также и принцу Брауншвейгскому». Соотвѣтствующаго содержанія актъ былъ напечатанъ 19 октября.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ, проведенныхъ Бирономъ за время его регентства, упоминается лишь одно. Въ первые дни его правленія получено было извѣстіе, что римскій императоръ Карлъ VI умеръ, и что

открывается вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ. Биронъ въ это время, въ интересахъ Курляндіи, провелъ трактатъ, въ которомъ польскому королю было обѣщано, что ему со стороны Россіи не будетъ сдѣлано никакихъ препятствій во удовлетвореніе тѣхъ требованій, которыя онъ со стороны супруги и дѣтей своихъ имѣетъ на австрійское наслѣдство; король, со своей стороны, гарантировалъ герцога и его наслѣдниковъ въ спокойномъ владѣніи герцогствомъ курляндскимъ. «Сей-то единый былъ союзъ, въ который время дозволило ему вступить съ чужестранными державами».

Во внутреннемъ управленіи за три недѣли регенства состоялось очень немного постановленій: въ «Полномъ Собраніи Законовъ» къ эпохѣ «правленія бывшаго герцога курлянскаго» относятся №№ 8262—8286. Доля личнаго участія герцога въ изданіи этихъ законовъ не поддается опредѣленію, но, во всякомъ случаѣ, всѣ они изданы съ его одобренія. 23 октября изданы были три манифеста; въ первомъ изъ нихъ предписывалось «въ управленіи всякихъ государственныхъ дѣлъ» поступать «по регламентамъ, уставамъ и прочимъ опредѣленіямъ и учрежденіямъ», чтобы «имѣть судъ во всемъ повсюду равный и правый безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы и противныхъ истинѣ проклятыхъ корыстей...»; во второмъ, въ 13 пунктахъ, перечисляются разныя милости, объявлявшіяся «для поминовенія памяти» покойной Императрицы, какъ-то: сложеніе наказанія, уменьшеніе его, прощеніе недоимокъ и т. п.; третій манифестъ устанавливалъ сбавку подушныхъ денегъ (по 17 коп. съ души) на 1740 г. «съ дворцовыхъ, синодальнаго вѣдѣнія, съ помѣщиковыхъ людей и крестьянъ, также съ однодворцевъ и прочихъ государственныхъ крестьянъ». 24 октября объявленъ былъ указъ Сената «о невзыскиваніи пошлинъ и канцелярскихъ денегъ съ помирившихся безъ суда». 25 октября помѣчены два указа. Первый изъ нихъ предписывалъ покупку караульнымъ солдатамъ казенныхъ шубъ, «понеже... когда бываютъ великіе морозы, не имѣя шубъ, отъ стужи претерпѣваютъ великую нужду». Второй, представляющій собою утвержденіе резолюціи кабинетъ-министровъ, постановлялъ избрать для обученія коммерціи изъ кадетовъ двухъ русскихъ и двухъ иноземцевъ, которыхъ предписывалось, съ награжденіемъ прапорщичьимъ рангомъ, опредѣлить въ коммерцъ-коллегію. 27 октября состоялась высочайшая резолюція «объ опредѣленіи церковниковъ и священнослужительскихъ дѣтей, которые вмѣсто себя рекрутъ поставили, по прежнему къ церквамъ». Этою резолюціею допускалось возвращеніе въ духовное сословіе тѣхъ церковниковъ, которые уже были записаны въ купечество и въ цехи и положены въ подушный окладъ. 27 октября положена была также высочайшая резолюція о постройкѣ третьяго конюшеннаго двора въ Скопинѣ. 29 октября состоялся сенатскій указъ о томъ, что къ погребенію тѣла покойной Императрицы должны были явиться депутаты изъ Лифляндіи и Эстляндіи. 30 октября былъ рѣшенъ въ пользу города Аренсбурга вопросъ о выдачѣ магистрату этого города «половины порторныхъ доходовъ изъ аренсбургской портовой таможни» за время начиная съ 1712 г. Въ тотъ же день состоялась высочайшая резолюція о содержаніи пожарныхъ инструментовъ и лошадей въ полкахъ лейбъ-гвардіи. 31 октября состоялось повелѣніе о представленіи рапортовъ и вѣдомостей о взысканныхъ доимкахъ въ спеціальную учрежденную при Сенатѣ коммиссію. 3 ноября состоялась резолюція о томъ, чтобы производство въ офицерскіе чины шло не по баллотировкѣ, какъ раньше, въ мирное время, а «по старшинству и достоинству». По сенатскому указу отъ того же числа, позволено было волохамъ, состоящимъ въ волохскомъ корпусѣ и принявшимъ присягу на подданство, покупать въ Россіи дома и хуторы. 4 ноября подписанъ былъ «инструментъ» о разграниченіи съ Турціею и въ тотъ же день изданъ указъ о невѣнчаніи браковъ въ теченіе четверти года со дня кончины Царицы. 5 ноября состоялись повелѣнія: объ отсрочкѣ бѣглымъ драгунамъ, солдатамъ, матросамъ и рекрутамъ, для явки въ команду, еще на одинъ годъ; о содержаніи нѣжинскаго магистрата по прежнимъ привиллегіямъ и грамотамъ; о неприниманіи суконными фабрикантами на свои заведенія однодворцевъ и ландмилицкихъ солдатъ; объ опредѣленіи коммиссара къ поташнымъ заводамъ, для сбора съ приписныхъ къ онымъ крестьянъ подушныхъ денегъ. 6 ноября былъ изданъ именной указъ о правилахъ оцѣнки и продажи конфискованныхъ и за иски отписанныхъ имѣній; въ тотъ же день высочайше

утвержденъ былъ докладъ Сената объ опредѣленіи въ ратушу до учрежденія магистрата, одного члена съ жалованьемъ. 7 ноября данъ былъ именной указъ сенату о наборѣ 30,000 рекрутъ, для приведенія арміи, гарнизоновъ, флота и артиллеріи въ «полный комплектъ». 11 ноября, уже послѣ сверженія герцога, опубликованы были два именныхъ указа, изготовленные еще при немъ. Первый изъ нихъ касается недоимокъ, второй является повтореніемъ и подтвержденіемъ перваго манифеста отъ 23 октября. Оба указа свидѣтельствують о нѣкоторыхъ благихъ намѣреніяхъ. «И понеже наше истинное всемилостивѣйшее намѣреніе есть, говорится въ первомъ изъ указовъ 11 ноября, дабы вѣрные наши подданные всѣми... объявленными милостями, какъ наискорѣе пользоваться могли; того ради всемилостивѣйше повелѣли мы... прежніе наши всемилостивѣйшіе указы еще подтвердить, дабы, ежели по онымъ надлежащаго исполненія понынѣ не учинено, то немедленно и безъ всякихъ отмѣнъ исполнить, чтобъ всѣмъ нашимъ подданнымъ высочайшая наша милость чувственна была. Такожъ и о всѣхъ доимкахъ вѣдомости нашему Сенату, какъ наискорѣе разсмотря, со мнѣніемъ, для всемилостивѣйшей нашей апробаціи, подать въ кабинетъ нашъ, по которымъ тогда къ бѣднымъ и неимущимъ людямъ показано будетъ наше высочайшее милосердіе». Послѣдній указъ, изготовленный въ правленіе герцога, представляетъ почти одни лишь общія мѣста, повторенныя изъ манифеста 23 октября.

Вся почти энергія регента уходила на то, чтобы удержаться у власти и уничтожать создававшіеся противъ него заговоры. Въ современныхъ посольскихъ донесеніяхъ упоминается подъ 25 октября арестъ статскаго совѣтника и кабинетскаго секретаря Яковлева, адъютанта герцога Брауншвейгскаго и «многихъ другихъ лицъ», а подъ 28 октября: оберъ-директора таможни Ивана Даниловича Романшукова, князей Путятина и Аргамакова, офицеровъ гвардіи, и «многихъ лицъ менѣе важныхъ». Лейбъгвардіи капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ были взяты подъ стражу и преданы пыткѣ за нескромныя рѣчи; пытанъ былъ и кабинетскій секретарь за то, что предварительно показывалъ обѣимъ принцессамъ на-черно написанное постановленіе о регенствѣ. Вскорѣ выяснилось Бирону и недовольство имъ отца Императора. «Былъ у меня, разсказываетъ герцогъ, вечеромъ поздно кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ и сказалъ, что есть два поручика преображенскаго полка, имѣющіе злые замыслы. Я отвѣтствовалъ, что надлежитъ сіе дѣло нѣсколько отложить. По утру пришелъ ко мнѣ фельдмаршалъ Минихъ, котораго я увѣдомилъ о тѣхъ двухъ офицерахъ. Онъ же, яко того полка подполковникъ, сказалъ, что ихъ къ себѣ позоветъ и, поговоря съ ними, поступить по усмотрѣнію. Потомъ приказалъ сихъ офицеровъ къ себѣ на домъ позвать и далъ мнѣ знать, что онъ разсудилъ за благо велѣть ихъ взять подъ стражу, но что надобно ихъ порядочно распросить. Скоро послѣ того пришелъ князь Черкасскій и сказалъ, что у него былъ отставной капитанъ, который говорилъ ему, что былъ у графа Головкина и говорилъ съ нимъ о нынѣшнемъ правленіи, что оно принадлежитъ тогдашнимъ императорскимъ родителямъ; а что графъ Головкинъ отослалъ его къ нему, князю, съ тѣмъ, чтобы онъ о томъ ему представилъ; что ихъ 3000 человѣкъ недовольныхъ, отчасти дворяне, отчасти офицеры и солдаты; въ слѣдствіе чего онъ, князь Черкасскій, ко мнѣ и пришелъ объявить объ ономъ и что онъ отставному капитану быть къ себѣ велѣлъ о полудни, что оный и учинилъ. Тогда генералъ-прокуроръ князь Трубецкой туда же пріѣхалъ и съ тѣмъ человѣкомъ подробнѣе говорилъ, спрашивая его, не знаетъ ли онъ сихъ людей поименно; но онъ сказалъ, что ни о комъ не знаетъ, выключая тѣхъ двухъ поручиковъ и одного унтеръофицера, находящагося у графини Головкиной, и другого у графини Ягужинской. Сей былъ взятъ подъ стражу съ двумя прочими. А какъ за Головкинымъ была двоюродная сестра покойной Императрицы Анны, то и подумалъ я, что это его затѣи, поѣхалъ немедленно къ принцу Брауншвейгскому и сказалъ ему: что понеже я слово ему далъ ничего не утаить, что нѣкоторымъ образомъ могло-бъ дружбу нашу привесть въ остуду, то объявляю я ему, что есть нѣсколько дворянъ злонамѣренныхъ, и что я думаю, что ему то не безъизвѣстно, при чемъ представляю я ему, какія изъ того произойти могутъ худыя слѣдствія, если объ ономъ умолчено будетъ. Онъ отвѣтствовалъ мнѣ немедленно на сіе, что изъ сего иного произойти не

можетъ, какъ избіеніе. Я, напротивъ того, ему сказазъ: неужели онъ сіе поставляетъ столь маловажнымъ, что онъ себя чувствуетъ къ оному склоннымъ; чтобы онъ разсудилъ, что произойти можетъ, ежели такое дѣло совершится, и что я не могу повѣрить, чтобы онъ такое предпріятіе подкрѣплять намѣрился. Но онъ повторилъ три раза, что онъ не будетъ зачинщикомъ. Я продолжалъ ему отвѣтствовать; что оно худо вымышлено, ибо начинаю-ль я дурные дѣла или бываю въ томъ помощникомъ, все равно, и что при всемъ томъ, сіе больше всего вреда будетъ ему самому. Но онъ все при томъ оставался, что онъ зачинщикомъ быть не хочетъ. Я у него спрашивалъ, что онъ тѣмъ пріобрѣсть желаетъ, или по какимъ причинамъ онъ недоволенъ. Наконецъ, вышло, что онъ завѣщаніе Ея Императорскаго Величества не почитаетъ дѣйствительнымъ, а думаетъ, что оно подписано подложно. Мой отвѣтъ былъ, что онъ о томъ лучше всего извѣстится можетъ у графа Остермана, который можетъ ему въ томъ отчетъ дать; и что по моему мнѣнію онъ себѣ и сыну своему симъ замысломъ величайшій вредъ чинить, ибо тѣмъ самымъ завѣщаніемъ подтвержденъ онъ Императоромъ. Я продолжалъ мою рѣчь, говоря ему, что я, что до особы моей принадлежитъ, все снести могу, чтобъ онъ не предпринималъ; но желательно, чтобъ расположеніе было основательное, что я ему ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что, конечно, дѣла еще не на такомъ твердомъ основаніи, какъ онъ думаетъ. Я промолвилъ: «вамъ, конечно, нужно остаться въ покоѣ и молить Бога». Онъ отвѣтствовалъ, что сіе ничего не значитъ, чтобъ я выключилъ только изъ гвардіи старыхъ офицеровъ и солдатъ, у которыхъ еще голова набита покойнымъ Императоромъ Петромъ. Я отвѣтствовалъ, что сего трудно учинить, и что я не въ состояніи того исполнить, не подвергнувъ дѣла крайней опасности, что ему надлежитъ знать, что не одни старые солдаты, но и вся публика о Императорѣ Петрѣ памятуетъ, и такъ де я еще прошу его бросить такія мысли и отослать людей злонамѣренныхъ, а мнѣ объ нихъ объявить. Но онъ въ то войти не хотѣлъ. Я ему еще сказалъ: положилъ ли онъ то на мирѣ съ супругою своею, или не извѣстны ей его мысли? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ съ нею о томъ не говорилъ. И послѣ сего я оттуда поѣхалъ. Послѣ обѣда позвалъ я къ себѣ обоихъ кабинетъ-министровъ, князя Черкасскаго и Бестужева и разсказалъ имъ все происшедшее. Немедленно потомъ взошелъ въ комнату мою камергеръ Менгденъ и сказалъ, что принцесса Анна прислала своего русскаго секретаря, который ей подозрительнымъ кажется и чтобъ я велѣлъ его допросить. Въ слѣдствіе сего сей человѣкъ и былъ допрашиванъ обоими кабинетъ-министрами, и онъ признался, что Брауншвейгскій принцъ намѣрился сдѣлать возмущеніе, и что адъютантъ его о семъ дѣлѣ лучше вѣдаетъ; что въ семъ заговорѣ находились и другіе люди, какъ-то: Яковлевъ, который, бывъ допрашиванъ, немедленно въ преступленіи своемъ признался. Адъютанта взяли подъ стражу, и онъ тотчасъ признался, что самъ принцъ хотѣлъ предводительствовать при смѣнѣ обѣихъ гвардій и тогда рубить всѣхъ противящихся ему, а себя объявить первою особою по Императорѣ; что имъ надлежало сіе предпріятіе исполнить въ тотъ самый вечеръ, когда Ея Величество Императрица скончалась; но что вольфенбютельскій тайный совѣтникъ Кейзерлингъ ему сіе отсовѣтовалъ, сказавъ, чтобъ онъ остался еще въ покоѣ, что напередъ надлежитъ довесть до того, чтобъ онъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а тогда де прочее сбудется все. Оба кабинетъ-министры, бывъ о семъ увѣдомлены, почли за нужное собрать всѣхъ особъ перваго и втораго ранговъ, и еще въ тотъ же вечеръ созвано немедленно для открытія имъ о семъ происшествіи, что и учинено было. Собрались фельдмаршалы Трубецкой и Минихъ, три кабинетъ-министра, принцъ Гомбургской, генералъ Ушаковъ, Чернышевъ, адмиралъ Головинъ, тайный совѣтникъ Головкинъ, оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Трубецкой. Когда всѣ они собрались, объявилъ я имъ все, что между мною и принцемъ въ народѣ произошло. Написалъ онъ оное по-нѣмецки въ присутствіи всѣхъ тутъ находившихся, а тайный совѣтникъ Бревернъ сіе перевелъ на россійскій языкъ и прочелъ въ слухъ. Всѣ были онымъ весьма удивлены и говорили, что они не могли себѣ представить, чтобъ такія дѣла заводить хотѣли, отъ которыхъ только зло родится можетъ. Былъ при этомъ и вольфенбютельскій министръ. Принцесса также пріѣхала, и я ей донесъ обо

всемъ случившемся. Она весьма казалась тронутою поступками супруга своего и увѣряла, что она ничего о семъ дѣлѣ не вѣдала, что она поѣдетъ домой и объяснится съ нимъ, что она и учинила, а принцъ немедленно потомъ пріѣхалъ съ вольфенбютельскимъ Кейзерлингомъ. Генералы и министры всѣ тутъ были. При входѣ сказалъ принцъ: «я рѣшился сложить съ себя всѣ чины, о чемъ чрезъ сіе объявляю». Отвѣтъ мой былъ, что не я ему ихъ давалъ, слѣдственно ихъ у него и не возьму; что теперь не время говорить о чинахъ, а что дѣло идетъ о спокойствѣ государственномъ, и что я принужденъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ сегодняшній мой съ нимъ, принцомъ, разговоръ, который еще разъ отъ слова до слова повторилъ при немъ и при всѣхъ бывшихъ. Онъ не могъ мнѣ ни въ чемъ прекословить. Отъ сего произошло отъ предстоящихъ на принца роптаніе. Потомъ генералъ Ушаковъ, подошедъ къ нему весьма близко, сказалъ: «могли ль мы подумать, чтобы вы захотѣли у насъ такія дѣла заводить, каковыхъ, слава Богу, сколько мы упомнимъ, никогда у насъ не бывало. То ли за наши услуги воздаяніе, что вы намѣреваетесь губительство учинить? Хотя вы и отецъ Императору, однакоже вамъ вѣдать надлежитъ, что я старшій подполковникъ гвардіи, а особливо семеновскаго полка, на который вы положиться хотите и его къ тому склонить. Не думайте, чтобъ я пересталъ быть честнымъ человѣкомъ». Тутъ началъ принцъ плакать и проклинать тѣхъ, которые сіи мысли ему въ голову вперили, просилъ прощенія въ присутствіи всѣхъ и трижды клялся, что отъ всего отступаетъ. Послѣ сего сочинена была запись, коей содержанія я не запомню, и всѣми присутствующими подписана и ихъ печатями припечатана, а потомъ всякой поѣхалъ къ себѣ». По «Замѣчаніямъ» Миниха-сына, гр. Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ предполагалъ уговорить князя Черкасскаго подать принцессѣ Аннѣ такого же рода прошеніе, какъ въ свое время подано было Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Кн. Черкасскій донесъ на единомышленниковъ Головкина, но изъ нихъ при пыткѣ никто не упомянулъ Головкина. Схваченный также правитель русской канцеляріи принца Грамматинъ показалъ на принца, что этимъ послѣднимъ составленъ былъ заговоръ для сверженія регента. Обвиненіе въ томъ, что принцъ имъ былъ вызываемъ на дуэль, герцогъ называлъ впослѣдствіи «бездѣлкою». Какъ передавали позже, дѣло происходило такимъ образомъ. Когда при выговорѣ Бирона принцу изъ-за предполагавшагося этимъ послѣднимъ «массакра», принцъ «ненарочно лѣвою рукою схватилъ за эфесъ своей шпаги, то герцогъ, почитая сіе за угрозы, ударилъ и по своей шпагѣ, сказавъ, что онъ, будс пожелаетъ принцъ, готовъ и посредствомъ оной рѣшить дѣло». Когда принцъ сложилъ съ себя всѣ званія, то объ этомъ «тогда же извѣщено было какъ гвардіи, такъ и прочимъ гарнизоннымъ полкамъ». Въ то же самое время принцу сдѣлано было увѣдомленіе, «что не худо бы было для него нѣсколько времени изъ дома своего не выходить; поелику опасаться должно, чтобъ народъ, огорченный по причинѣ множества людей ради его въ тюрьму посаженныхъ, не произвелъ какихъ либо наглостей».

Есть основаніе предполагать, что Биронъ искалъ противовѣса брауншвейгъ-мекленбургской линіи въ цесаревнѣ Елисаветѣ и принцѣ голштинскомъ. Въ «допросныхъ пунктахъ» указывается: «между прочими непристойными угрозами, онъ не токмо многимъ персонамъ, но и самимъ ихъ высочествамъ, персонально говорилъ, что онъ въ Россію приведетъ принца голштинскаго». Биронъ отвѣчалъ въ признаніи своемъ: «письма мои явно свидѣтельствовать могутъ, была ль когда у меня корреспонденція съ голштинскимъ дворомъ, кромѣ того, что когда поздравительныя письма къ новому году ко мнѣ писаны, и я ему благодарствовалъ». Въ оправдательной запискѣ своей, написанной въ царствованіе Императрицы Елисаветы, Биронъ разсказываетъ о двухъ попыткахъ фельдмаршала Миниха возбудить подозрѣніе противъ великой княгини: во первыхъ, по поводу портрета герцога голштинскаго, который она показывала баронессѣ Менгденъ, во вторыхъ, по поводу частыхъ сношеній великой княгини съ французскимъ посломъ. Вторая попытка, по словамъ герцога, сдѣлана была «передъ самымъ несчастіемъ». Минихъ предложилъ постричь великую княгиню въ монастырь. «Я столь пораженъ былъ, говоритъ Биронъ, что не скоро опамятоваться могъ; почему и сказалъ ему только сіе, что сіе было бы начать дѣло съ прямаго конца. Примѣтя во мнѣ перемѣну, молвилъ онъ:

хотя бы и на нѣсколько лѣтъ». Потомъ онъ меня оставилъ. Увѣрясь же довольно, что сей совѣтъ мнѣ не нравенъ, конечно, положено было долѣе не ждать, чтобъ я о томъ не открылъ».

Представляется еще вопросъ о шпіонствѣ во время регенства. Позже разсказывали, что «всѣ улицы Петербурга наполнены были караулами и разъѣздами; повсюду были разсыпаны наушники и доносчики». Въ допросѣ Биронъ рѣшительно опровергалъ это обвиненіе. «Для провѣдыванія, что въ народѣ о мнѣ говорятъ, и желаютъ ли, чтобъ мнѣ регентомъ быть, я никого отъ себя не посылалъ, только однажды спрашиваю Андрея Яковлева: «что въ народѣ слышно и тихо ли?» то онъ мнѣ сказалъ, что и не слыхалъ: ежели изволите, я провѣдаю, и на другой день сказалъ мнѣ, что «все тихо», а Бестужеву приказывалъ ли я провѣдать, не помню: только я его спрашивалъ же не по одинъ день, что тихо ли въ народѣ, и онъ сказалъ, что все благополучно и тихо. Да однажды приказывалъ о томъ провѣдать генералъ-маіору Альбрехту, токмо онъ мнѣ никакихъ вѣдомостей не сообщалъ, кромѣ того, что сказывалъ, что въ народѣ все тихо. Да сказывалъ же мнѣ генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Минихъ, что онъ, Альбрехтъ, о томъ провѣдываетъ и ѣздитъ по ночамъ, а отъ кого онъ такой приказъ имѣлъ, чтобы ѣздить по ночамъ, того я не вѣдаю». Точно также отрицалъ Биронъ и то, что шпіоны были приставлены имъ къ принцу и принцессѣ; по его словамъ, онъ надѣялся лишь на то, что гофмейстеръ Минихъ будетъ доводить до его свѣдѣнія, если о чемъ интересномъ услышитъ.

Но не со стороны народа грозила Бирону ближайшая опасность: казавшійся преданнымъ регенту Минихъ втайнѣ подготовилъ заговоръ, который легко удался, потому что Биронъ, повидимому, вполнѣ полагался на гвардію. Преображенскимъ полкомъ командовалъ Минихъ, первымъ помощникомъ котораго былъ маіоръ Альбрехтъ, креатура Бирона. Семеновскимъ полкомъ командовалъ преданный герцогу генералъ Ушаковъ, Измайловскимъ— Густавъ Биронъ, а коннымъ — сынъ его, принцъ Петръ. Самъ виновникъ паденія герцога объяснялъ причину переворота слѣдующимъ образомъ: «Въ завѣщаніи Императрицы была одна статья, гласившая, что герцогъ-регентъ долженъ обходиться съ должнымъ почтеніемъ съ племянницей Ея Величества—принцессою Анною и съ ея супругомъ; но герцогъ поступалъ совершенно наоборотъ: высокомѣріе и угрозы съ его стороны были постоянны, и я самъ видѣлъ, какъ принцесса трепетала, когда къ ней являлся Биронъ. Такъ какъ герцогъ, будучи еще оберъ-камергеромъ, стоилъ Россіи нѣсколько милліоновъ, то вельможи и внушили принцессѣ, что, по всей вѣроятности, онъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ регентства, будучи единовластнымъ правителемъ имперіи, переберетъ у казны еще милліоновъ шестнадцать и болѣе. Такъ какъ, по силѣ другой статьи того же завѣщанія, герцогу и государственнымъ министрамъ предоставлялось, испытавъ способности принца по достиженіи имъ семнадцатилѣтняго возраста, рѣшить, въ состояніи-ли онъ управлять государствомъ, — никто не сомнѣвался, что герцогъ изыщетъ способъ объявить молодого принца слабоумнымъ, и, пользуясь своею властью, возведетъ на престолъ сына своего принца Петра, о которомъ, два года тому назадъ, поговаривали, будто онъ долженъ былъ жениться на принцессѣ Аннѣ. Такимъ образомъ, убѣдили принцессу, что для блага государства слѣдовало бы арестовать регента Бирона и отправить его, вмѣстѣ съ семействомъ, въ ссылку; на его же мѣсто, герцогомъ курляндскимъ наименовать принца Лудвига Брауншвейгскаго. И такъ, регентъ былъ арестованъ въ ночь съ 7 на 8 число ноября». Объ арестѣ Бирона наиболѣе обстоятельный разсказъ принадлежитъ Манштейну, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во время ареста. Наканунѣ переворота фельдмаршалъ Минихъ обѣдалъ съ герцогомъ, и при прощаніи герцогъ попросилъ его вернуться вечеромъ. Они засидѣлись долго, разговаривая о многихъ событіяхъ, касавшихся того времени. Герцогъ былъ весь вечеръ озабоченъ и задумчивъ. Онъ часто перемѣнялъ разговоръ, какъ человѣкъ разсѣянный, и ни съ того, ни съ сего спросилъ фельдмаршала (по другой версіи вопросъ былъ заданъ Левенвольдомъ): «Не предпринималъ ли онъ во время походовъ какихъ либо военныхъ дѣлъ ночью?». Этотъ неожиданный вопросъ привелъ фельдмаршала почти въ замѣшательство; онъ вообразилъ, что регентъ догадывается о его

намѣреніи; оправившись, однако, какъ можно скорѣе, такъ что регентъ не могъ замѣтить его волненіе, Минихъ отвѣчалъ: «что онъ не помнитъ, чтобы ему случалось предпринимать что нибудь необыкновенное ночью, но что его правиломъ было пользоваться всегда обстоятельствами, когда они кажутся благопріятными». Они разстались въ 11 часовъ вечера. Въ ту же ночь фельдмаршалъ уговорилъ принцессу въ необходимости дѣйствовать немедля, представилъ ей офицеровъ, которымъ она пожаловалась на оскорбленія, претерпѣваемыя отъ регента, и такъ разжалобила ихъ, что они съ полной готовностью обѣщали сдѣлать все, что она прикажетъ. Одинъ офицеръ и 40 солдатъ были оставлены при знамени, а 80 человѣкъ, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, направились къ лѣтнему дворцу, гдѣ регентъ еще жилъ. Шагахъ въ 200 отъ этого дома отрядъ остановился; фельдмаршалъ послалъ Манштейна къ офицерамъ, стоявшимъ на караулѣ у регента, чтобы объявить имъ намѣренія принцессы Анны; они были также сговорчивы, какъ и прочіе, и предложили даже помочь арестовать герцога, если въ нихъ окажется нужда. Тогда фельдмаршалъ приказалъ тому же подполковнику Манштейну стать съ однимъ офицеромъ во главѣ отряда въ 20 человѣкъ, войти во дворецъ, арестовать герцога и, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія съ его стороны, убить его безъ пощады. Манштейнъ вошелъ и, во избѣжаніе большого шума, велѣлъ отряду слѣдовать за собою издали; часовые пропустили его безъ малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ всѣ солдаты, зная его, полагали, что онъ могъ быть посланъ къ герцогу по какому нибудь важному дѣлу; такимъ образомъ онъ прошелъ садъ и безпрепятственно дошелъ до покоевъ. Не зная, однако, въ какой комнатѣ спалъ герцогъ, онъ былъ въ большомъ затрудненіи, недоумѣвая куда идти. Чтобы избѣжать шума и не возбудить никакого подозрѣнія, онъ не хотѣлъ также ни у кого спросить дорогу, хотя встрѣтилъ нѣсколько слугъ, дежурившихъ въ прихожихъ; послѣ минутнаго колебанія, онъ рѣшилъ идти дальше по комнатамъ, въ надеждѣ, что найдетъ, наконецъ, то, чего ищетъ. Дѣйствительно, пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился предъ дверью, запертою на ключъ; къ счастью для него она была двустворчатая, и слуги забыли задвинуть верхнія и нижнія задвижки; такимъ образомъ онъ могъ открыть ее безъ особаго труда. Тамъ онъ нашелъ большую кровать, на которой глубокимъ сномъ спали герцогъ и его супруга, не проснувшіеся даже при шумѣ растворившейся двери. Манштейнъ, подойдя къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и сказалъ, что имѣетъ дѣло до регента; тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомнѣваясь, что онъ явился къ нимъ съ недобрымъ извѣстіемъ. Манштейнъ очутился съ той стороны, гдѣ лежала герцогиня, поэтому регентъ хотѣлъ соскочить съ кровати, очевидно, съ намѣреніемъ спрятаться подъ нею; но тотъ поспѣшно обошелъ кровать и бросился на него, сжавъ его, какъ можно крѣпче обѣими руками до тѣхъ поръ, пока не явились гвардейцы. Герцогъ, ставъ, наконецъ, на ноги и желая освободиться отъ этихъ людей, сыпалъ удары кулакомъ вправо и влѣво; солдаты отвѣчали ему сильными ударами прикладовъ, снова повалили его на землю, вложили въ ротъ платокъ, связали ему руки шарфомъ одного офицера и снесли его голаго до гауптвахты, гдѣ его накрыли солдатскою шинелью и положили въ ожидавшую его тутъ карету фельдмаршала. Рядомъ съ нимъ посадили офицера и повезли его въ Зимній дворецъ. Порученіе, данное Манштейну, было исполнено имъ такъ быстро и успѣшно, что онъ самъ впослѣдствіи удивлялся. «Если бы одинъ только человѣкъ исполнилъ свой долгъ, то предпріятіе фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадѣніе гвардейцевъ, на которое не было обращено вниманія при великой княгинѣ, и облегчило тотъ переворотъ, который годъ спустя предприняла царевна Елисавета». Бирону при арестованіи было нанесено до двадцати ранъ, отъ которыхъ онъ окончательно излѣчился лишь черезъ два года. Въ современныхъ донесеніяхъ разсказывается, что по доставленіи въ Зимній дворецъ, Биронъ, отъ страха и отчаянія, упалъ въ обморокъ, такъ что, для приведенія его въ чувство, пришлось ему пустить кровь. Послѣ обѣда, часовъ около 3—4, его помѣстили въ дормезъ и подъ охраною гвардейскаго капитана и 4 гренадеровъ отвезли въ Александро-невскую лавру. На Невскомъ, за экипажемъ бѣжала тысячная толпа простонародья, кричавшая ему ругательства. Довольство про-

стонародья объясняется въ современныхъ донесеніяхъ слѣдующимъ образомъ: «Durant la regence du duc de Courlande on avait porté des piquets dans toutes les rues et défendu aux soldats et au peuple d'entrer dans les cabacques, maisons où l'on vend de la bière, du vin, du brandevin. Présentement il n'y a plus de piquets, les cabacques sont ouverts, et tout le monde peut dire ses sentimens sans courir aucun risque...».

Утромъ 9 ноября Биронъ, вмѣстѣ съ семействомъ, перевезенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Офицеру, который везъ бывшаго регента въ Шлиссельбургъ, Биронъ предлагалъ драгоцѣнности, золото и серебро, если онъ позволитъ ему броситься къ ногамъ великой княгини; онъ умолялъ, что бы были милосердны хотя бы только съ женою его. Вскорѣ, однако, по словамъ Шетарди, Биронъ оправился и велъ себя съ твердостью, говоря лишь: «я заслужилъ все это» (Je l'ai bien mérité). Утромъ того же дня Анна Леопольдовна торжественно была провозглашена правительницею. Вышелъ манифестъ, подписанный Синодомъ, министерствомъ и генералитетомъ: Императоръ Іоаннъ III объявлялъ, что назначенный регентомъ герцогъ Курляндскій дерзнулъ не только многія противныя государственнымъ правамъ поступки чинить, но «и къ любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ всякое непочитаніе и презрѣніе публично оказывать и притомъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ и такія дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которымъ не только любезнѣйшіе родители наши, но и мы сами, и покой, и благополучіе имперіи нашей въ опасное состояніе приведены быть могли бы: и потому принуждены себя нашли, по усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ духовнаго и мірскаго чина, онаго герцога отъ регентства отрѣшить...». Бирона допрашивали нѣсколько разъ. 23 и 24 ноября ему было предъявлено 26 допросныхъ пунктовъ, по которымъ отбирали отвѣты Ушаковъ, Леонтьевъ, Воейковъ и Еммъ. Въ пунктахъ этихъ перечислены вины Бирона: онъ не ходилъ въ церковь, не радѣлъ о здоровьѣ Государыни, дерзко обращался съ принцессою и герцогомъ, предавалъ мукамъ лицъ, ему противившихся, грозилъ привести въ Россію принца Голштинскаго, разорялъ казну, непочтительно относился къ Императрицѣ, никого не допускалъ къ ней, вступалъ въ дѣла, его не касавшіяся, вывозилъ рабочихъ, необходимыхъ въ Петербургѣ, въ Курляндію, безъ вины гнѣвно напускался на сановниковъ, устраивалъ свирѣпыя забавы, произносилъ непристойныя слова объ Императрицѣ, поносилъ иностранныхъ, союзныхъ Россіи государей и вступалъ въ тайные трактаты, министрамъ неизвѣстные. Въ февралѣ 1741 г. начался новый допросъ, въ которомъ участвовали Григорій Чернышевъ, Михаилъ Хрущовъ, Иванъ Бахметевъ, Василій Новосильцовъ, Андрей Яковлевъ, Петръ Квашнинъ-Самаринъ и Никита Соковнинъ. Лица, чинившіе допросъ, 28 февраля отправили въ Петербургъ прошеніе, въ которомъ писали, что бывшій регентъ въ нѣкоторыхъ своихъ винахъ повинился, но многаго еще не показалъ, вслѣдствіе чего коммиссія допрашивавшихъ ему указала, «чтобъ онъ, припамятовавъ судъ Божій и свою совѣсть, все то дѣло прямо объявилъ. По окончаніи сихъ словъ онъ, Биронъ, пришелъ въ великое мнѣніе, и скоро потомъ неотступно со слезами просилъ, дабы Высочайшею милостію обнадеженъ былъ; то онъ, опамятовався, чрезъ нѣсколько дней чистую повинную принесетъ, не закрывая ничего...». Бывшій регентъ въ то же время обратился къ регентшѣ со слезною мольбою, въ которой просилъ дать ему время на свободѣ обдумать свое показаніе; подъ письмомъ своимъ онъ подписался: «allerunterthänigster Knecht». На это донесеніе воспослѣдовалъ указъ Чернышеву и прочимъ членамъ коммиссіи о дарованіи Бирону на нѣсколько дней свободы, дабы онъ «могъ всѣ свои вины обстоятельно написать». 5, 6 и 7 марта Биронъ по-нѣмецки изложилъ, въ чемъ онъ сознается. Онъ признавалъ извѣстную долю изъ обвиненій о непочтительномъ отношеніи къ родителямъ Императора, но отрицалъ, что запугивалъ ихъ угрозами привести въ Россію Голштинскаго принца; отрицалъ дѣятельное участіе въ подготовленіи регентства и утверждалъ, что фельдмаршалъ Минихъ, несомнѣнно, о голштинскихъ планахъ знаетъ больше его; про фельдмаршала онъ писалъ, что тотъ «имѣетъ великую амбицію и при томъ десператъ и весьма интересоватъ». Послѣ этого признанія, воспослѣдовалъ указъ о томъ, чтобы Биронъ былъ снова допрошенъ по собственному признанію и по не «очищеннымъ» еще вопроснымъ пунктамъ. Биронъ

на этотъ разъ снова сталъ утверждать, что Минихъ казался ему подозрительнымъ въ виду сношеній съ французскимъ посломъ и консуломъ, а также въ виду особой къ нему привязанности части гвардіи. Про регентство онъ на этотъ разъ показалъ: «регентство, де, свое, конечно, онъ, до тѣхъ мѣстъ держать хотѣлъ, пока съ шведскимъ королемъ, въ его курляндскихъ претензіяхъ, раздѣлается..; а оное дѣло не иначе намѣренъ былъ производить, токмо какъ заплатою той претензіи....; въ другомъ же случаѣ, ежели-бъ шведская сторона собственно на сдѣлку была не склонна, въ томъ развестись королевскимъ судомъ въ Польшѣ, а иного намѣренія никакого не было». Въ январѣ и первыхъ числахъ апрѣля произведена была очная ставка Бирону съ Бестужевымъ. Бестужевъ взялъ всѣ свои показанія, которыя, впрочемъ, Биронъ называетъ «маловажными», обратно, сказавъ, что показывалъ сначала ложно, боясь фельдмаршала. Бестужевъ показалъ, что «онъ, фельдмаршалъ, къ тому регентству его, герцога, первымъ зачинщикомъ былъ и сначала его, герцога, о принятіи регентста просилъ и другихъ къ тому приводилъ и склонялъ, а онъ, бывшій герцогъ, сперва того правительства не принималъ и отговаривался...». Въ запискѣ своей Биронъ говоритъ, что, послѣ очной ставки съ Бестужевымъ, «весь генералитетъ, поздравляя меня, послалъ немедленно въ Санктъ-Петербургъ съ симъ извѣстіемъ, что они всѣ того мнѣнія, что дѣло мое не иначе пойдетъ, какъ благополучно и хорошо. Но они всѣ поражены были, получа строгій указъ и выговоръ, что они не по надлежащему къ дѣлу приступили; чтобъ меня строже содержать съ моею семьею, а графа Бестужева возвратить въ С.-Петербургъ». По словамъ Бирона, въ послѣднихъ числахъ апрѣля его еще допрашивали кабинетъ-секретарь Яковлевъ, маіоръ Соковнинъ и капитанъ Ханыковъ, объ отношеніяхъ его къ голштинскому двору и къ царевнѣ Елизаветѣ. Онъ ничего на это не отвѣчалъ, вслѣдствіе чего Яковлевъ ему сказалъ, что ему нечего уже надѣяться. Во всякомъ случаѣ, 8 апрѣля была уже составлена сентенція, подписанная Чернышевымъ, Хрущовымъ, Лопухинымъ, Бахметевымъ, Новосильцовымъ, Яковлевымъ, Квашнинымъ-Самаринымъ и Соковнинымъ, въ которой объявлялось: «его Бирона... по силѣ государственныхъ правъ, Уложенія главы второй 1-го и 2-го пунктовъ, Воинскаго артикула третьей главы 19-го, 20-го и шестой-на-десять главы 124-го, 127-го, 129-го артикуловъ и указовъ 1727, генваря 30-го, 1730 апрѣля 10-го и 1732-го годовъ, декабря 20-го числа, казнить смертію, четвертовать и всѣ его движимыя и недвижимыя имѣнія конфисковать». 14-го апрѣля опубликованъ былъ «во всенародное свѣдѣніе» манифестъ Императора Іоанна III, гдѣ приводилась параллель между Борисомъ Годуновымъ и Бирономъ, перечислялись вины его въ 28 пунктахъ и объявлялось: «по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго признанія, какъ всегда, такъ и нынѣ, особливо къ милости больше склонны, тако указали мы его отъ смертной казни всемилостивѣйше освободить, а напротивъ того со всею его фамиліею, тако-жъ и братьевъ его обоихъ, и зятя Бисмарка, которые въ объявленной винѣ оскорбленія величества явно съ нимъ обще приличились, по отписаніи всего движимаго и недвижимаго имѣнія на насъ, въ вѣчномъ заключеніи содержать...».

Мѣстомъ ссылки Бирона назначенъ былъ городокъ Пелымъ, гдѣ для него былъ выстроенъ домъ, какъ говорятъ, по плану Миниха. 13 іюня въ Шлиссельбургъ явилась команда, чтобы отвезти Бирона и его семью. Въ инструкціи командѣ говорилось: «содержать арестантовъ подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неисходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, что бы никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ, и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать». На содержаніе Бирона съ семействомъ было велѣно отпускать изъ сибирскихъ доходовъ по 15 рублей въ сутки. 5 ноября арестанты прибыли на мѣсто. Въ запискѣ своей Биронъ писалъ, что жизнь его бы «не долго продлилась при несносной нуждѣ», которую семья его терпѣла въ Пелымѣ, если бы не восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. Новая Императрица чувствовала себя обязанной передъ Бирономъ, который неоднократно мѣшалъ заключенію ея въ монастырь. Кромѣ того, во время своего регентства онъ, чрезъ довѣренное лицо, не совѣщаясь даже съ цесаревною, послалъ ей отъ себя 20,000 рублей. Елисавета

говорила по этому поводу, что чувствуетъ къ нему большую признательность и почтетъ себя обязанной возвратить ему свободу. Шетарди, сообщающій въ своихъ донесеніяхъ про это ея рѣшеніе, высказалъ убѣжденіе, что хотя и слѣдовало вернуть герцогу свободу, но, во всякомъ случаѣ, Императрица нанесла бы ущербъ самой себѣ и могла бы напрасно увеличить число недовольныхъ, если бы послѣ катастрофы, испытанной Бирономъ, она снова призвала его ко двору. Эти доводы подѣйствовали, повидимому, и на Императрицу, вслѣдствіе чего она ограничилась полумѣрою: вернула герцога изъ Сибири, но не дала ему власти. 17 января 1742 г. воспослѣдовалъ указъ Императрицы Елисаветы Петровны: «сосланныхъ въ Сибирь въ ссылку бывшаго герцога курляндскаго Бирона и братьевъ его Карла и Густава Бироновъ же, и бывшаго жъ генерала Бисмарка изъ той ссылки и съ женами ихъ и съ дѣтьми освободить, и, изъ службы нашей уволя, дать имъ абшиды, также взятое у него бывшаго герцога курляндскаго Бирона и отданное бывшему фельдмаршалу Миниху, лежащее въ Шлезіи штангершафтъ Вартенбергъ ему Бирону возвратить». Въ Сибирь, однако, про эту милость было сообщено раньше. Въ запискѣ Бирона говорится: «20 декабря пришло наше освобожденіе. Курьеръ привезъ намъ сію радостную вѣсть, что нашъ арестъ прекратится, и что мы во всемъ удовлетворены будемъ. 28 декабря сгорѣлъ тотъ домъ, въ коемъ мы находились, и мы перешли въ воеводской, гдѣ пробыли по 27 февраля. А въ сей день отправились и въ четыре недѣли сюда (въ Ярославль) прибыли». 15 марта воспослѣдовало распоряженіе, чтобы Биронъ и Бисмаркъ съ ихъ фамиліями препровождены были въ Ярославль. Ярославскому воеводѣ приказано было Бироновъ и Бисмарковъ «довольствовать безъ оскудѣнія, противъ того, какъ они прежде довольствованы были, изъ тамошнихъ доходовъ».

26 марта Биронъ съ женою и дѣтьми, въ сопровожденіи капитанъ-поручика Викентьева и поручика Дурново, прибылъ въ Ярославль, гдѣ помѣщенъ былъ подъ карауломъ. Отъ перенесенныхъ на пути трудностей герцогъ заболѣлъ. Императрица, находившаяся въ это время въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока, который, по возвращеніи въ Петербургъ, выхлопоталъ бывшему регенту нѣкоторыя льготы. Ему разрѣшено было принимать у себя гостей и выѣзжать, но не далѣе 20 верстъ за Ярославль; кромѣ того ему вернули часть его имущества и выдали, помимо постояннаго жалованья, еще 5,000 руб. Пецольдъ, въ ноябрѣ 1742 г., доносилъ, что положеніе Бирона въ Ярославлѣ крайне бѣдственное; 40 солдатъ расположены въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ жилъ онъ съ женою и тремя дѣтьми; чтобы не страдать отъ своеволія солдатъ, ему приходилось поить и кормить ихъ, на что уходили почти всѣ полагавшіяся ему 15 рублей. Лестокъ говорилъ Пецольду, что Императрица по прежнему благосклонна къ Бирону, но что князь Черкасскій и генералъ-прокуроръ мѣшаютъ всѣмъ ея намѣреніямъ. Съ 1745 до 1753 г. Биронъ много оскорбленій терпѣлъ отъ приставленнаго къ нему приставомъ капитанъ-поручика Дурново, который былъ убранъ отъ него, лишь когда жалоба Бирона дошла до Императрицы. Въ 1749 г. ему большое огорченіе доставили бѣгство и переходъ въ православіе его дочери Гедвиги-Елисаветы. Впрочемъ, онъ скоро утѣшился надеждою найти въ дочери ходатая передъ Императрицею. 7-го апрѣля 1750 г. онъ писалъ ей: «Fasse dir Muth, liebe Tochter, bitte vor uns und verlass uns nicht, da alle andere uns verlassen. Ihre Majestät die Kayserin ist so gnädig und so grossmüthig, dass Sie deine Kühnheit, da diese bloss von kindlicher Liebe und Ehrfurcht entstehet, in Gnaden verzeihen und sich unserer erbarmen wird». Ощутительныхъ результатовъ письмо не имѣло.

И Курляндія, и сюзеренъ Бирона, польскій король, неоднократно просили о возвращеніи ему его герцогства. Король писалъ объ этомъ Императрицѣ Елисаветѣ 1 іюля 1743 г., 17 августа 1748 г. и 2 іюня 1750 г.; три записки въ 1743 г. были представлены польскимъ посланникомъ гр. Огинскимъ; записки такого же содержанія представили баронъ Герздорфъ 1 августа 1744 г., а графъ Фицтумъ 12 сентября и 24 октября 1746 г. Бестужевъ сообщалъ 11 октября 1746 г., что сенаторы въ своихъ рѣчахъ королю постоянно говорятъ о Курляндіи, примасъ и нѣкоторые другіе заявляли, что, если герцогъ курляндскій, будучи русскимъ министромъ, въ чемъ провинился и заслужилъ ссылку, то пусть дѣти его будутъ отпу-

щены; другіе требовали, чтобъ Биронъ, какъ польскій подданный, былъ судимъ въ Польшѣ. Въ 1748 г. въ сеймѣ опять были «крики о курляндскомъ дѣлѣ», причемъ, однако, Брюль далъ слово Бестужеву не вносить ничего о курляндскомъ дѣлѣ въ конституцію. Въ 1749 г. Бестужевъ, представляя Императрицѣ реляцію Кейзерлинга о курляндскомъ дѣлѣ, докладывалъ о необходимости освободить Бирона и возстановить его на курляндскомъ престолѣ, взявши сыновей его въ русскую службу и сдѣлавъ ихъ, такимъ образомъ, аманатами. Императрица отвѣчала на это рѣшительно, что не освободитъ Бирона. Въ 1753 г. снова въ инструкціяхъ сеймовымъ посламъ отъ разныхъ повѣтовъ было указано настоять у короля, чтобъ онъ исходатайствовалъ рѣшеніе въ пользу герцога Бирона. Въ 1758 г., по желанію Императрицы, герцогство было передано принцу Карлу Саксонскому, но такъ какъ передача совершилась не по желанію сейма, то Императрица Екатерина II впослѣдствіи признала ее незаконной.

Петръ III, по восшествіи на престолъ, вернулъ Бирона ко двору. Имѣется разсказъ о томъ, какъ онъ предложилъ Миниху и Бирону помириться и забыть прошлое. Имущество бывшему регенту удалось вернуть, но герцогства ему Петръ III не желалъ отдавать, имѣя въ виду передать его своему дядѣ, принцу Георгію Голштинскому. 16 апрѣля 1762 г. Биронъ отрекся отъ Курляндіи въ пользу принца Георгія; актъ объ отреченіи былъ немедленно же аппробованъ Императоромъ, но всетаки не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Уже въ іюлѣ того же года министру въ Митавѣ Симолину пришлось отступить отъ прежнихъ инструкцій и начать «подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона, нежели другихъ». По восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II немедленно же возникъ вопросъ о возвращеніи Бирону герцогства курляндскаго. Въ этомъ смыслѣ 3 августа 1762 г. отправлено было письмо польскому королю Августу III. 4 августа 1762 г. Императрица въ особомъ актѣ объявила, что «по истинному праводушію и по особливой къ его свѣтлости герцогу Эрнсту Іоганну императорской милости» она вознамѣрилась «способствовать возстановленію его во владѣніи взятыхъ у него герцогствъ курляндскаго и семигальскаго» и вслѣдствіе этого снять секвестръ со всѣхъ находящихся въ русскомъ управленіи аллодіальныхъ его мѣстностей. Въ тотъ же день утвержденъ былъ Императрицею проектъ акта со стороны герцога Эрнста Іоганна; въ актѣ заявляется отъ имени герцога: «торжественнѣйше отрицаемъ чрезъ сіе за себя и нашихъ ленопреемниковъ отъ всѣхъ чинимыхъ иногда на Россійскую имперію претензій, какого бы они званія ни были». Герцогъ бралъ на себя соблюденіе слѣдующихъ пунктовъ: допущеніе и защиту грекороссійской вѣры, допущеніе постройки и поправленія православныхъ церквей, отводъ безплатнаго помѣщенія русскому министру, покровительство русскимъ купцамъ, дозволеніе имъ свободно жить въ Курляндіи и выѣзжать изъ нея, оставленіе арендъ и т. п. за владѣтелями, поддержаніе русской почты, оставленіе русскихъ магазиновъ и воспрещеніе вывоза изъ Курляндіи хлѣба въ недружественныя Россіи земли, позволеніе русскимъ судамъ стоять въ гаваняхъ, свободный проходъ русскихъ войскъ и уплата русскимъ кредиторамъ. По мнѣнію иностранной коллегіи, вводъ Бирона во власть вполнѣ соотвѣтствовалъ русскимъ интересамъ: «... гораздо сходнѣе съ здѣшними интересами имѣть въ толь близкомъ съ Россіею сосѣдствѣ герцога ни собственною особою не весьма знатнаго, ниже свойствомъ къ великимъ дворамъ привязаннаго, но по состоянію своему зависящаго наипаче отъ здѣшней стороны»... Еще въ августѣ того же года приказано было генералъ-аншефу Броуну выслать изъ Лифляндіи баталіонъ въ Митаву въ распоряженіе русскаго министра Симолина. Бирона было велѣно встрѣтить, на пути въ Митаву, въ Ригѣ, какъ владѣтельнаго принца, и выдать ему изъ рентеріи 20 тысячъ рублей. Курляндская гвардія почти тотчасъ же перешла на его сторону.

14 января 1763 г. Биронъ прибылъ въ Митаву, гдѣ былъ принятъ съ достаточнымъ почетомъ; почетный конвой его составляли курляндскіе дворяне; Симолинъ пригрозилъ экзекуціею, если граждане осмѣлятся выразить неудовольствіе. Въ томъ же году 10 (21) февраля сеймъ призналъ Бирона своимъ законнымъ герцогомъ, хотя Карлъ долго еще оспаривалъ престолъ и цѣлыхъ 4 мѣсяца, одновременно съ Бирономъ, жилъ въ Митавѣ. Въ 1764 г. Биронъ пріѣхалъ въ Ригу и

упросилъ Императрицу Екатерину II посѣтить его въ его резиденціи. Императрица 13 іюля отправилась въ Курляндію, на границахъ которой была встрѣчена герцогомъ и его обоими сыновьями. Въ митавскомъ дворцѣ, Биронъ, ставъ на колѣни, цѣловалъ руки своей щедрой благодѣтельницѣ и благодарилъ за посѣщеніе. «Герцогъ», писала Екатерина Панину, по возвращеніи въ Ригу, «принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ. Народъ здѣшній ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидали мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома». Утвержденіе Бирона въ ленѣ долго не могло состояться и потребовало очень многихъ хлопотъ. Польскій король не желалъ отказаться отъ правъ своего сына и выставилъ противъ утвержденія Бирона цѣлый рядъ возраженій, указывая, между прочимъ, на то, что Эрнстъ Іоганнъ не ѣздилъ въ свое герцогство, не оставилъ русской службы и, по заявленію русскаго министра Гросса, осужденъ былъ на пожизненное задержаніе въ Россіи. Противъ этого, съ русской стороны, выставлено было утвержденіе, что Биронъ по отношеніи къ сюзерену своему фелоніи не совершалъ и поэтому не можетъ быть лишаемъ лена. Въ октябрѣ 1762 г. Эрнсту Іоганну былъ акредитованъ русскій министръ въ Митавѣ; оправдывался этотъ шагъ тѣмъ, что принцъ Карлъ не захотѣлъ помочь расквартированію русскихъ войскъ въ Курляндіи. Рядъ собственноручныхъ предписаній Императрицы Екатерины II подтверждаетъ, какъ она живо интересовалась дѣломъ Бирона и желала, возможно скорѣе, его провести. Всѣ казенныя претензіи, какъ и ссуды деньгами и хлѣбомъ, сдѣланныя крестьянамъ Бирона, велѣно было не взыскивать, и вообще герцогу былъ предоставленъ рядъ большихъ льготъ. Въ Польшѣ предполагали предать Эрнста Іоганна реляціонному суду, за изгнаніе принца Карла; въ 1763 г. состоялся даже сенатусъ-консиліумъ о призывѣ его съ сообщниками къ суду, въ качествѣ мятежника. Однако, не смотря на всѣ протесты, 16 апрѣля 1763 г. принцъ Карлъ долженъ былъ выѣхать изъ Митавы и, при поддержкѣ Симолина и русскихъ войскъ, Биронъ занялъ герцогскій дворецъ. Пока живъ былъ Августъ III, Биронъ не получалъ утвержденія въ ленѣ; лишь по избраніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго получена имъ была ленная грамота на владѣніе. 7 марта 1765 г. Императрица Екатерина II имѣла возможность поздравить его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла о полученіи лена. Непріятности съ саксонскимъ дворомъ по этому вопросу, однако, не прекращались. 18 мая 1766 г. Панинъ и Голицынъ писали въ инструкціи чрезвычайному посланнику въ Дрезденѣ: «Станется, что министерство саксонское будетъ отзываться и о принцѣ Карлѣ, который извѣстнымъ образомъ принужденъ былъ уступить герцогство курляндское нынѣшнему герцогу Эрнсту Іоанну; на что господинъ камеръ-юнкеръ имѣетъ, не вступая въ дальнія разсужденія, коротко отвѣтствовать, что нынѣшній герцогъ получилъ изъ Россіи увольненіе, возвратился въ свои княжества, какъ законный ихъ герцогъ, въ чемъ утвержденъ и отъ республики польской, получа отъ оной инвеституру, и такъ о семъ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, нечего больше и упоминать»... Биронъ пользовался теперь почетомъ какъ владѣтельный государь, но авторитета имѣлъ мало. Кн. М. Дашковъ въ мартѣ 1764 г. считалъ возможнымъ засвидѣтельствовать, что Бирону «безъ русскихъ солдатъ отнюдь здѣсь не княжествовать: столько отъ курляндскихъ дворянъ непочтенъ». Русскій министръ Симолинъ писалъ про него, что онъ не отмѣчаетъ ласками и наградами преданное ему дворянство, а съ другой стороны—не обнаруживаетъ достаточной твердости въ обращеніи съ противниками; на него жаловались, что онъ имѣетъ въ виду всѣхъ погубить, разорить, разогнать. По отношенію къ Россіи онъ былъ послушнымъ исполнителемъ всѣхъ дѣлавшихся ему предписаній. Въ декабрѣ 1768 г. Биронъ такъ заболѣлъ, что ждали скорой его смерти. Одряхлѣвъ совершенно, онъ 14 (25) ноября 1769 г. передалъ управленіе Курляндіею своему сыну Петру. Завѣщаніе его еще раньше (13 февраля 1763 г.) было утверждено королемъ польскимъ. Черезъ три года послѣ этого онъ умеръ, 82 лѣтъ отъ роду.

Съ именемъ Бирона связываютъ всю темную сторону правленія Императрицы Анны Іоанновны. Непомѣрныя строгости при взыскиваніи недоимокъ, тяжелыя войны, казни и конфискаціи, все это приписывалось любимцу Государыни, который счи-

тался злымъ геніемъ Анны Іоанновны. Дурныя стороны регента, однако, несомнѣнно, преувеличивались. Жестокость, корыстолюбіе, подчиненіе государственныхъ интересовъ личнымъ—были общими явленіями того времени, когда дѣйствовалъ Биронъ. Если ненависть современниковъ обратилась, главнымъ образомъ, на него, то тому виною то обстоятельство, что онъ былъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія самымъ сильнымъ вельможею, притомъ былъ чужеземцемъ, иностраннымъ подданнымъ, не знавшимъ даже, какъ слѣдуетъ, и языка той страны, въ которой онъ хотѣлъ играть первую роль. Имѣя характеръ энергичный и цѣпкій, Биронъ сумѣлъ до самой смерти Императрицы сохранить вліяніе на нее и успѣшно отстранялъ всѣхъ тѣхъ, у кого могли быть шансы на то, чтобы стать близко къ Императрицѣ. По отношенію къ соперникамъ онъ былъ и жестокъ, и мстителенъ, но слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ дѣлахъ, веденныхъ противъ соперниковъ или оскорбителей, даже въ дѣлѣ Артемія Волынскаго, Биронъ имѣлъ помощниковъ и исполнителей, на которыхъ падаетъ часть вины; возможно даже, что эти исполнители, изъ усердія къ временщику, заходили дальше, чѣмъ было въ его намѣреніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ временщикъ-регентъ, Биронъ былъ искренно ненавидимъ очень многими, какъ среди лицъ высокопоставленныхъ, такъ и въ народѣ. Поставленный судьбою выше всѣхъ другихъ иноземцевъ, стоявшихъ въ это время у власти, онъ казался олицетвореніемъ иноземной власти надъ Россіей, и потому его сверженіе и привѣтствовалось, какъ предвѣстіе новой лучшей эпохи. Не обладая выдающимися способностями, Биронъ не былъ лишенъ совершенно талантовъ правителя. Нельзя даже сказать про него, чтобы онъ не входилъ въ интересы Россіи. Дѣятельность его по отношенію къ Польшѣ и Курляндіи соотвѣтствовала вполнѣ этимъ интересамъ. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ, какъ видно изъ сохранившихся писемъ, тщетно пытался деньгами переманить его на сторону прусскихъ интересовъ. Австрійскій дворъ оказалъ ему много милостей, но, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ послушнымъ орудіемъ Австріи. На внутреннія дѣла онъ имѣлъ мало вліянія. «Бироновщины», въ смыслѣ полнаго веденія Бирономъ всей внутренней администраціи, не существовало вовсе. Внутренній механизмъ имперіи продолжалъ дѣйствовать по прежнему, — въ общемъ, въ духѣ началъ, заложенныхъ еще Петромъ, и при главномъ участіи такого дѣльца, какъ Остерманъ, который одинъ зналъ всѣ пружины внутренняго управленія. Сохранившаяся переписка свидѣтельствуетъ о томъ, что многіе изъ дѣятелей этого времени, съ разныхъ концовъ Россіи, присылали Бирону донесенія о мѣстныхъ дѣлахъ; но во всемъ этомъ не было системы, которая бы доказывала, что, дѣйствительно, всѣ нити управленія сходились къ Бирону. Напротивъ, случайный характеръ этихъ донесеній свидѣтельствуетъ о томъ, что Биронъ пользовался своимъ вліяніемъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Когда Биронъ сталъ регентомъ, обстоятельства измѣнились: онъ, дѣйствительно, сталъ вмѣшиваться во всѣ отрасли управленія, самъ вникалъ во всѣ дѣла, но времени его регенства было слишкомъ недостаточно, чтобы участіе его успѣло сказаться на чемъ либо существенномъ. О Биронѣ, какъ о человѣкѣ, большая часть отзывовъ сходна. Признаютъ, что это былъ человѣкъ не глупый, съ большою энергіею, честолюбивый и самолюбивый, пріятный въ обхожденіи съ друзьями, но очень вспыльчивый и раздражительный; въ послѣдніе годы своей власти, особенно послѣ избранія въ герцоги въ 1737 г., онъ сталъ высокомѣренъ и грубъ въ обращеніи и любилъ выставить на видъ свою власть. Забота о томъ, чтобы устроить дѣла своей семьи, дать ей независимое и видное положеніе, господствовала надъ всѣми его помыслами. Она-то и привела его къ принятію регентства, которое онъ, конечно, не могъ удержать долго, такъ какъ ни высшіе государственные сановники, ни гвардія, ни народъ не любили его. Люди проницательные предвидѣли съ самаго начала, что Биронъ не долго будетъ регентомъ; князь Антіохъ Кантемиръ, узнавъ объ учрежденіи регентства, послалъ Бирону поздравленіе, но не прямо въ его руки, а въ пакетѣ на имя одного изъ своихъ петербургскихъ друзей, съ просьбою представить привѣтствіе по назначенію, если «регентство еще существуетъ». Судьба настолько благопріятствовала Бирону, что послѣ сверженія съ регентства онъ не сошелъ окончательно со сцены исторіи; Императрица Екатерина II сумѣла ему найти примѣненіе, дѣйствительно, полезное для

Россіи; закончивъ жизнь герцогомъ Курляндіи, онъ подготовилъ соединеніе этой земли съ Россіею.—Въ дополненіе характеристики Бирона необходимо привести наиболѣе яркіе изъ отзывовъ лицъ, знавшихъ его лично. «Графъ Биронъ», писалъ Де-Лирія, знавшій Бирона въ первые годы его оберъ-камергерства — «много лѣтъ вѣрно служилъ Ея Величеству, исполняя въ то же время обязанности супруга. Онъ былъ очень вѣжливъ, внимателенъ, хорошо воспитанъ, ревнивъ къ славѣ своей Государыни и готовъ на всякую услугу; но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ ограниченный умъ, находился подъ вліяніемъ лицъ, умѣвшихъ вкрасться въ его довѣріе, и не могъ отличать дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ. Обхожденіе его было любезно, разговоръ пріятенъ. Онъ обладалъ недурною наружностью и непомѣрнымъ честолюбіемъ, съ большою примѣсью тщеславія». Лэди Рондо, видѣвшая его уже герцогомъ, писала о немъ: «герцогъ очень тщеславенъ и вспыльчивъ и, когда выходитъ изъ себя, то выражается заносчиво. Если онъ расположенъ къ кому-нибудь, то выражаетъ отмѣнную благосклонность и похвалы; но онъ непостояненъ, быстро мѣняется безъ всякой причины и часто чувствуетъ къ одному и тому же лицу такое же отвращеніе, какое чувствовалъ прежде расположеніе; онъ не умѣетъ скрывать этого чувства и выказываетъ его самымъ оскорбительнымъ образомъ. Герцогъ отъ природы очень сдержанъ и, пока продолжается благосклонность, очень искрененъ съ любимымъ человѣкомъ. Онъ вообще очень откровененъ и не говоритъ того, чего у него нѣтъ на умѣ, а отвѣчаетъ на прямикъ, или не отвѣчаетъ вовсе. Онъ имѣетъ предубѣжденіе противъ русскихъ и выражаетъ это передъ самыми знатными изъ нихъ такъ явно, что когда-нибудь это сдѣлается причиною его гибели; я думаю, однако, что преданность его Ея Величеству непоколебима, и что онъ принимаетъ близко къ сердцу благо страны». Болѣе всего запечатлѣлись въ памяти потомства характеристики, данныя Бирону Минихомъ и Манштейномъ, обоими виновниками его «несчастія» и потому, несомнѣнно, пристрастными судьями его. «Человѣкъ этотъ, писалъ фельдмаршалъ Минихъ, взысканный удивительнымъ счастіемъ, былъ безъ всякаго образованія, говорилъ только по-нѣмецки и на своемъ родномъ курляндскомъ нарѣчіи, даже довольно плохо читалъ нѣмецкія письма, особенно если въ нихъ встрѣчались латинскія или французскія слова; не стыдился говорить гласно, при жизни покойной Императрицы Анны, «что не хочетъ учиться ни читать, ни писать по русски, дабы не быть вынужденнымъ читать и докладывать Ея Величеству прошенія, донесенія и иныя бумаги», которыя ему ежедневно передавали. У него были двѣ страсти: первая, весьма благородная, любовь къ лошадямъ и къ верховой ѣздѣ. Будучи оберъ-камергеромъ, онъ отлично выѣздилъ себѣ коня въ Петербургѣ и почти каждый день упражнялся въ верховой ѣздѣ въ манежѣ, куда очень часто приходила Императрица, приглашая туда и министровъ съ докладами о государственныхъ дѣлахъ, рѣшенныхъ въ Кабинетѣ. Другою его страстью была игра: онъ не могъ проводить иначе послѣобѣденное время, какъ играя въ карты, и даже на большіе куши. Ему это доставляло большія выгоды, но весьма часто ставило въ затруднительное положеніе лицъ, избранныхъ имъ въ свои партнеры. Онъ былъ довольно красивъ собой, вкрадчивъ и очень привязанъ къ Императрицѣ, отъ которой иначе никогда не уходилъ, какъ оставляя при ней свою жену. Эта Государыня не имѣла у себя стола, но кушала обѣдъ и ужинъ единственно въ семействѣ Бирона и даже въ покояхъ своего любимца. Онъ былъ щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разсчетливъ; чрезвычайно проницливъ, но и чрезмѣрно мстителенъ»..... Манштейнъ писалъ: «своими свѣдѣніями и воспитаніемъ, какія у него были, онъ былъ обязанъ самому себѣ. У него не было того ума, которымъ нравятся въ обществѣ и въ бесѣдѣ, но онъ обладалъ нѣкотораго рода геніальностью, или здравымъ смысломъ, хотя многіе отрицали въ немъ и это качество... Онъ любилъ роскошь и пышность до излишества и былъ большой охотникъ до лошадей. Имперскій посланникъ Остейнъ, ненавидѣвшій Бирона, говаривалъ о немъ: «когда графъ Биронъ говоритъ о лошадяхъ, онъ говоритъ какъ человѣкъ; когда же онъ говоритъ о людяхъ, или съ людьми, онъ выражается какъ лошадь». Характеръ Бирона былъ не изъ лучшихъ: высокомѣрный, честолюбивый до крайности, грубый и даже нахальный, корыстный, въ враждѣ непримиримый и жестокій. Онъ очень ста-

рался пріобрѣсти талантъ притворства, но никакъ не могъ дойти до той степени совершенства, въ какой имъ обладалъ графъ Остерманъ, мастеръ этого дѣла». Часть утвержденій Манштейна нашла возраженія даже со стороны Миниха-сына: «Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ. Кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка, тотъ худо зналъ сего герцога. Единственно похитивъ титулъ регента, сей любимецъ счастія мгновенно потерялъ его».

Государственный Архивъ: разр. V, №№ 44, 47, 50, 52, 58, 295—299; разр. VI, 50, 52, 196, 282, 287, 290, 291—302; разр. VII, №№ 384, 409, 421, 431 bis, 446, 468, 469, 560, 583, 611, 805, 994, 998; разр. XI, №№ 54, 277—78, 473, 475—477, 479—81, 483—498, 504—5, 507—15, 517—527, 529, 531—544, 547, 548, 549, 550, 555, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 567, 568, 571, 612 и др.; разр. XII, №№ 69, 70, 74, 79, 80, 81, 82, 83, 86; разр. XV, №№ 44, 47, 48; разр. XVI, № 103; разр. XVII, № 300; разр. XVIII, №№ 72, 76, разр. XIX, № 73; разр. XX, № 86.—«Historischer Bericht von Erbauung etc. der Schloss-Capellen in Wartenberg» (1736).—«Das Diploma (13 Iuli) dem Erlauchten Ernst Joh. v. Biron» (1737).—«Ernest J. Epistula Curlandiae Ducis» (1737).—«Begnadigungsmanifest, welches Curland zuwider Reichsgesetzen ergehen lassen» (1740).—«Gespräch im Reiche der Todten zwischen Carl VI und der Keyserin Annen Iwanownen. Nebst einem Anhang von der Erhöhung etc. Hertzogs von Cuhrland» (1741).—«Gespräche eines Deutschen und eines Russen» (1741 и 1742).—Chr. Fr. Hempel, «Merckwürdigen Leben..., Ernst Joh. Bürens» (1742; нѣск. изд.).—Ernst Joh. Anrede an die Curländischen Adel von 24 Jan. 1763 (Inna, Rig. Anzeigen, 1763, IX). — C. Fr. Watson, «Rede an dem Namensfeste des Fürsten Ernst Iohann» (1763).—C. L. Tetsch, «Worte etc. am Huldigungstage des Fürsten Ernst Johann» (1773). — Ph. Jak. Rühl, «Gesch. Ernst Joh. v. Biron, Herzogs etc.» (1764).—C. I. Wagenseel, «Lebensgeschiedenissen» (1825).—E. Winkelmann, «Russland u. Biron». («Balt. Monatsschrift», 1867, XV).—E. Hermann, Gesch. des russichen Staates (1849), IV, V.—C. W. Kruse, «Curland unter den Herzogen» (т. II, Митава, 1837).—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. тов. «Общественная польза»), кн. IV, V и VI.—Н. И. Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», т. II.—«Автобіографическая записка Бирона» (переводъ Павла Дивова, «Арх. кн. Воронцова», XXIV, 1880; на нѣм. яз. въ «Büsching's Magazin», т. IX; переводъ и въ «Сынѣ Отечествѣ» 1829, CXXIX и въ «Соч.» Хмырова, 311—338).—«Письма дука де-Лирія» («Осьмнадцатый вѣкъ», 1869, III).—Документы изъ Саксонскаго государственнаго архива («Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.» XX, 1877; донесенія графа Линара и др.). — «Дипломатическая переписка прусскаго посланника при русскомъ дворѣ» («Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.» XXII, 1878)—«Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герману Кейзерлингу» («Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.», XXXIII, 1881)—«Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и графу Кауницу» («Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.» XLVI, 1885). — «Политическая переписка императрицы Екатерины II» («Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.» XLVIII, 1885, LI, 1886).—«Бумаги Кабинета министровъ имп. Анны Іоанновны» («Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.», CIV, 1898, CVI, 1899.—«Дѣло о курляндскомъ герцогѣ Эрнестѣ Іоаннѣ Биронѣ» («Чтенія въ Имп. М. Общ. Ист. и Древн.», 1862, 1, Смѣсь, 28—149)—«Письма леди Рондо» (подъ ред. С. И. Шубинскаго, 1874).—«Sur les événemens du règne de Jean III» (Архивъ кн. Воронцова, XXV, 1882, 81—114).—«Прошенія и письма Бирона и сыновей» («Арх. кн. Воронцова», т. II, 523—548).—«Записки фельдмаршала Миниха», 1721—1767 («Русская Старина»; 1874, 1; отд. подъ ред. С. Н. Шубинскаго). — «Экстрактъ изъ допросовъ бывшаго фельдмаршала графа Миниха» («Русскій Архивъ, 1864, II, 235—260).—«Россія и Русскій дворъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Записки и замѣчанія гр. Эрнста Миниха, со статьею Арведа Юргенсона». (СПб. 1891). — Бишингъ, «Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова» («Архивъ кн. Воронцова», XXV, 1—50)—А. Мосоловъ, «Курляндія подъ импер. Екатериною» («Рус. Вѣстникъ», 1870, LXXXVII).—С. Н. Шубинскій, «Арестъ и ссылка Бирона» («Русская Старина», 1871, май, III, 537—561).—Ѳ. А. Бюлеръ, «Портреты Іоанна Эрнеста Бирона и членовъ его семьи и родословіе фамиліи Бирона» («Русская Старина», 1873, т. VII, 52—61).—Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Родословіе фамиліи герцога Бирона» (тамъ же, 1873, т. VII, 61—65; ср. также «Русская родословная книга»).—Карновичъ «Значеніе бироновщины въ русской исторіи» (Отеч. Записки», т.т. CCX и CCXI).—О медаляхъ въ честь Бирона говорится въ кн. J. Jversen, Denkmünzen auf Personen, die in den Osteeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben» (1899, стр. 15—16). Приготовленный въ 1737 г. Гедлингеромъ восковой медальонъ извѣстенъ только по изображенію въ «Oeuvre du chevalier Hedlinger» (Basle, 1776, табл. XXXII); на медальонѣ надпись: «Ernest. Joh. com. de Biron D. g. Curland. et Semig. dux». Сохранилась медаль, выбитая, когда Бирону исполнилось 74 года, съ надписью: «D. g. Ernest Joh. in Liv. Curl. et Sem. dux». Кромѣ того, къ освященію вартенбургской церкви въ 1736 г. Биронъ велѣлъ изготовить жетонъ съ надписью: Aeternae Dei Caesaris Bironii memoriae».—О касающихся Бирона документахъ герцогскаго архива въ Митавѣ ср. сообщеніе коммиссіи по разбору этого архива въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1899, т. LXXVIII, № 12.—Много писемъ Бирона въ рукахъ частныхъ лицъ.

А. М. Ловягинъ.

Бируковъ, *Александръ Степановичъ,* цензоръ с.-петербургскаго цензурнаго комитета (съ 1821 года), род. 2-го іюня 1772 г., ум. въ чинѣ д. с. с. 31-го мая 1844 г. Въ 1820-хъ годахъ онъ, между прочимъ, цензировалъ произведенія А. С. Пушкина, который въ письмахъ своихъ не разъ то бранилъ Бирукова, то отзывался

о немъ съ похвалой, какъ о цензорѣ снисходительномъ. За подписью Бирукова (24 декабря 1824 г.) была напечатана въ Петербургѣ первая глава «Евгенія Онѣгина», и по этому поводу Пушкинъ 23 февраля 1825 г. писалъ Гнѣдичу: «кажется вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова». Черезъ три недѣли (15 марта) въ письмѣ къ брату и Плетневу Пушкинъ говорилъ: «Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно». На Бирукова неоднократно поступали доносы за пропускъ сомнительныхъ книгъ. Въ 1824 г. онъ даже попалъ подъ судъ за книгу Госнера. Это дѣло тянулось до 1828 г. и закончилось полнымъ оправданіемъ Бирукова.

«Русская Старина» 1879 г., т. XXVI, стр. 313, и 1880 г., т. XXVIII, стр. 551.—Письма Пушкина въ изд. Морозова.—«Русск. Архивъ», 1868 г., № 9.

Бирюковъ, Аркадій Аѳанасьевичъ, писатель, род. 24 января 1840 г. въ с. Петропавловскомъ, шадринскаго уѣзда, пермской губ., ум. скоропостижно въ Казани 4 апрѣля 1881 г. Сынъ дьячка, Бирюковъ обучался сначала въ пермской духовной семинаріи, которую окончилъ въ 1860 г., а затѣмъ въ казанскомъ университетѣ, сперва на юридическомъ, а потомъ на историко-филологическомъ факультетѣ, но курса не кончилъ. Онъ помѣщалъ бытовыя статьи въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ»; изъ нихъ лучшія: «Очерки Урала», «Суконная слобода въ Казани» и «Работы на Волгѣ». Любопытныя студенческія воспоминанія Бирюкова сохраняются въ рукописи.

Статья проф. Д. Корсакова въ «Словарѣ» Венгерова.

Бирюковъ, *Павелъ Сергѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 7 января 1825 г. въ дворянской семьѣ смоленской губ., ум. 8 апрѣля 1890 г. Въ 1844 г., по выходѣ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, онъ началъ службу прапорщикомъ гренадерскаго короля прусскаго полка, въ 1849 г. переведенъ въ л.-гв. семеновскій полкъ, откуда, девять лѣтъ спустя, съ переименованіемъ изъ штабсъ-капитановъ въ маіоры, опредѣленъ начальникомъ внутренней стражи владимірской губ. и въ 1863 г. произведенъ въ полковники. Съ 1864 г. послѣдовательно состоялъ воинскимъ начальникомъ въ Херсонѣ, Костромѣ и Смоленскѣ; въ 1874 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1882 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи и съ 1889 г. былъ въ должности начальника 19-й мѣстной бригады. Въ августѣ того-же года Бирюковъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Рус. Инвал.» 1890 г., № 78.

Бирюлевъ, *Николай Алексѣевичъ,* свиты Его Величества контръ-адмиралъ, одинъ изъ героевъ Севастополя, род. 9 декабря 1829 г., ум. 24 мая 1882 г. Большую половину своей боевой службы Бирюлевъ провелъ въ черноморскомъ флотѣ, въ обычныхъ ежегодныхъ крейсерствахъ у абхазскихъ береговъ, начавъ эту службу съ 1845 г. въ званіи гардемарина. Въ 1852 г., въ числѣ охотниковъ, мичманъ Бирюлевъ участвовалъ въ составѣ береговаго отряда для усмиренія горскихъ племенъ, съ которыми ежедневно имѣлъ боевыя схватки, а въ 1853 г., въ чинѣ лейтенанта, при началѣ открывшейся съ Турціей войны, онъ находился въ должности старшаго флагъ-офицера на пароходномъ отрядѣ сперва при контръ-адмиралѣ Панфиловѣ, потомъ при генералъ-адъютантѣ Корниловѣ, во время рекогносцировокъ турецкихъ береговъ и укрѣпленій. 17 ноября, на пароходо-фрегатѣ Крымъ, въ отрядѣ Корнилова, Бирюлевъ вышелъ изъ Севастополя къ Синопу и принималъ участіе въ истребленіи турецкихъ судовъ, въ погонѣ за непріятельскимъ пароходомъ Таифъ и въ спасеніи изъ пламени уцѣлѣвшихъ турецкихъ судовъ. За отличіе, оказанное въ Синопскомъ сраженіи, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени съ мечами. Въ началѣ 1854 г. Бирюлевъ командированъ былъ въ С.-Петербургъ курьеромъ къ его высочеству генералъ-адмиралу, и, возвратившись тогда же въ Севастополь, ходилъ въ крейсерство на пароходо-фрегатѣ Крымъ въ отрядѣ 6-ти пароходо-фрегатовъ подъ флагомъ адмирала Панфилова и имѣлъ перестрѣлку съ 3-мя непріятельскими пароходо-фрегатами, окончившуюся отступленіемъ послѣднихъ. Этимъ боемъ заключилась спеціальная дѣятельность черноморскихъ моряковъ, поступившихъ за тѣмъ, въ сентябрѣ того же 1854 г., въ составъ севастопольскаго гарнизона. Бирюлевъ поступилъ сперва на сѣверную оборонительную линію, а послѣ Альминскаго сраженія перешелъ на южную

ея сторону, съ назначеніемъ завѣдывать аванпостами противъ бастіона № 3. Боевыя его качества на этомъ посту сразу блестяще обнаружились ночными кавалерійскими выѣздами за городскую черту и горячими схватками съ непріятельскими разъѣздами; потомъ, во все продолженіе обороны, Бирюлевъ, завѣдуя цѣпью охотниковъ, продолжалъ каждую ночь тревожить непріятельскіе аванпосты молодецкими вылазками, кончавшимися всегда успѣшно. Въ ряду этихъ вылазокъ наиболѣе замѣчательными были: 1) въ ночь съ 8 на 9 декабря, съ 150 ч. охотниковъ, Бирюлевъ произвелъ вылазку на Зеленую гору и, овладѣвъ первою параллелью укрѣпленій, продержался до утра, а при отступленіи захватилъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 20 ч. солдатъ, значительное количество оружія и до 500 штукъ шанцеваго инструмента. 2) Въ ночь съ 19 на 20 декабря Бирюлевъ командовалъ вылазкою противъ горы Рѣзня, гдѣ французы начали укрѣпляться, отбилъ у нихъ построенные ретраншементы, разрушилъ ихъ и увелъ плѣнными 6 ч. 3) Въ ночь съ 19 на 20 января 1855 г., имѣя 275 ч. охотниковъ и 80 ч. рабочихъ, командовалъ онъ вылазкою противъ той же горы, укрѣпленной французами, овладѣлъ этими укрѣпленіями и передовыми траншеями, построилъ свой ретраншементъ и держался съ своимъ отрядомъ до утра, причемъ взято въ плѣнъ 7 офицеровъ и 20 солдатъ. 4) Въ ночь съ 10 на 11 марта, имѣя подъ командою 750 ч. охотниковъ и три роты охотскаго егерскаго полка въ резервѣ, Бирюлевъ составлялъ правый флангъ большой вылазки съ Малахова кургана, подъ главною командою ген.-лейт. Хрулева, атаковалъ Зеленую гору, занялъ всю переднюю параллель, со всѣми ея батареями, заклепалъ восемь 36-ти ф. пушекъ каронадъ и батарею въ 10 орудій срылъ до основанія, причемъ взятъ былъ въ плѣнъ начальникъ инженерныхъ работъ, 1 офицеръ и 25 солдатъ. За такіе подвиги, поддерживавшіе геройскій духъ защитниковъ Севастополя, Бирюлевъ получилъ слѣдующія награды: св. Георгія 4 класса, золотую саблю съ надписью «за храбрость», св. Владиміра 4 ст. съ мечами и св. Анны 2 ст. съ мечами, чинъ капитанъ-лейтенанта и назначеніе во флигель-адъютанты, съ зачисленіемъ по гвардейскому экипажу. 6 мая 1855 г. назначенный произвести усиленную вылазку съ 5 бастіона, во время рекогносцировки, Бирюлевъ былъ контуженъ картечною пулею въ голову, и это положило предѣлъ его подвигамъ, такъ какъ онъ былъ отправленъ для излеченія въ С.-Петербургъ, а оттуда въ Висбаденъ. По возвращеніи въ томъ же году изъ Висбадена, Бирюлевъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества и оставленъ въ балтійскомъ флотѣ. Въ 1856 г. Бирюлевъ командовалъ государевой яхтою Королева Викторія въ Финскомъ заливѣ и въ коронацію Государя Императора находился въ Москвѣ. Въ 1859—1863 гг., командуя винтовымъ корветомъ Посадникъ, и имѣя подъ главною своею командою два винтовыхъ клипера, Бирюлевъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе къ берегамъ Японіи, откуда возвратился уже въ чинѣ капитана 1 ранга. Въ 1863—1865 гг. Бирюлевъ командовалъ винтовымъ фрегатомъ Олегъ, плавая въ Средиземномъ морѣ и въ греческомъ Архипелагѣ, въ эскадрѣ контръ-адмиралъ Лесовскаго, съ которою и раздѣлилъ печальную честь перевезенія изъ Ниццы въ Кронштадтъ тѣла почившаго цесаревича Николая Александровича. Въ это послѣднее плаваніе, онъ получилъ греческій орденъ Спасителя и св. Владиміра 3 ст. съ мечами. Здоровье его, вслѣдствіе контузіи головы, пошатнулось на столько, что онъ не могъ уже продолжать служебную дѣятельность, и оставался на берегу до 1868 г., а въ этомъ году былъ уволенъ, для излеченія, въ безсрочный отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія, и числился въ этомъ отпуску до самой своей смерти, будучи произведенъ въ 1872 г. въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Архивъ Морского Министерства.

С. Огородниковъ.

Бискупскій, *Ксаверій Андреевичъ,* ветеранъ Отечественной войны, род. 28 ноября 1795 г., ум. въ сентябрѣ 1857 г., въ своемъ имѣніи Подолянкѣ, богодуховскаго у., харьковской губ. Бискупскій въ 1803 г. поступилъ въ польскій уланскій полкъ, чрезъ два года былъ корнетомъ; участвовалъ въ Финляндской компаніи и отличился въ цѣломъ рядѣ сраженій. Во время Отечественной войны онъ служилъ въ партизанскихъ отрядахъ Фигнера и Сеславина и въ теченіе 1812—14 гг. участвовалъ едва-ли не въ 100 сраженіяхъ. Съ 1818 по 1826 г. Бискупскій служилъ

по гражданской части въ Кронштадтѣ, затѣмъ три года въ Одессѣ и послѣ этого поселился въ своемъ имѣніи. Онъ слылъ за человѣка весьма образованнаго по своему времени и оставилъ обширныя «Записки».

Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената.— Некрологъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», за 1857 г., № 209. *В. Рудаковъ.*

Бисмаркъ, *фонъ, Лудольфъ* (*Рудольфъ*) *Августъ,* потомокъ стариннаго бранденбургскаго рода, ведущаго начало отъ нѣкоего Рудольфа, упоминаемаго въ 1270 г. въ Старой Крайнѣ (Альтмаркѣ) въ округѣ г. Стендаля; отецъ Лудольфа Бисмарка, Христофоръ Фридрихъ, былъ прусскимъ генераломъ и комендантомъ Кюстрина. Бисмаркъ род. 12 марта 1683 г., ум. 4 октября 1750 г. въ Полтавѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ поступилъ на военную службу прусскаго короля, здѣсь дослужился до чина полковника, но случай лишилъ его возможности дальнѣйшихъ повышеній и побудилъ искать счастія въ другой странѣ. Простившись съ своимъ полкомъ, онъ въ 1732 г. явился въ Россію и представился Бирону. Послѣдній обратилъ на Бисмарка особое вниманіе, доставилъ ему видное мѣсто въ арміи, чинъ генералъ-маіора, а вскорѣ и чинъ генералъ-лейтенанта, и, вѣрно угадывая въ немъ преданнаго себѣ человѣка, женилъ его 15 мая 1733 г. на сестрѣ своей жены Теклѣ (Ѳеклѣ) Тротта-фонъ-Трейденъ. Въ 1734 г. Бисмаркъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію, по возвращеніи принялъ участіе въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ войнахъ, сначала турецкой, а затѣмъ въ Польшѣ, и въ послѣдней, по отозваніи Миниха и принца Гессенъ-Гомбургскаго, явился даже главнымъ начальникомъ арміи. Назначенный въ 1737 г. губернаторомъ въ Ригу, онъ силою содѣйствовалъ избранію Бирона герцогомъ Курляндіи и за эту услугу получилъ чинъ генералъ-аншефа и постъ лифляндскаго генералъ-губернатора, но занималъ послѣдній уже недолго. Ночью на 9 ноября 1740 г., вмѣстѣ съ Бирономъ, онъ былъ арестованъ, имущество его конфисковано, а онъ самъ былъ отвезенъ въ Ивангородъ; отсюда, осужденный манифестомъ Іоанна III (VI) въ ссылку «за неоткрытіе преступныхъ поступковъ и замысловъ герцога» (Бирона) и другія вины, препровожденъ 13 января 1741 г. въ Тобольскъ, а вслѣдъ затѣмъ поселенъ въ Ярославлѣ. Хлопотами Лестока передъ вступившею на престолъ Императрицею Елизаветою, Бисмарку въ 1744 г. дарована была амнистія; его вернули въ Петербургъ, и три года спустя онъ является снова на видномъ посту, назначенный въ 1747 г. главнокомандующимъ южною (Украинскою) арміею.

G. Schmidt, Schönhausen und die Familie von Bismark —Berlin 1898, S. 85—89. «Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. россійскихъ», 1871 г., № 3, стр. 49—53.—«Списокъ военныхъ генераловъ», стр. 34, 48, 58.—«Осмнадцатый вѣкъ», сборн. П. Бартенева, кн. 2-я, стр. 251, 290. — Словари: Андреевскаго и Березина.

Бисмаркъ, *Ѳекла* (Thekla) урожденная Трейденъ, родная сестра герцогини Бенигны Готлибы Биронъ. Она при дворѣ Анны Іоанновны была камеръ-фрейлиною; фельдмаршалъ Минихъ, для поддержанія своего вліянія при дворѣ, намѣревался женить на ней своего сына, графа Іоанна Эрнста. Молодой Минихъ не могъ ее полюбить, однако согласился безпрекословно исполнить волю отца, но получилъ отказъ. Въ 1733 г. дѣвица Трейденъ вышла за мужъ за вдовца генералъ-маіора Бисмарка.

Слов. Бантыша Каменскаго.—«Русск. Арх.», 1866 г., стр. 1544.—«Русск. Стар.», 1871 г., т. IV, стр. 461 и 1873 г., т. VII, стр. 62.

Бистромъ, *Адамъ Ивановичъ,* генералъ-лейтенантъ, род. около 1770 г., ум. 17 октября 1828 г. Отецъ его, потомокъ старинной дворянской фамиліи прибалтійскихъ губерній, состоялъ на русской службѣ и въ чинѣ полковника много лѣтъ находился въ должности коменданта г. Могилева. Адамъ Ивановичъ на 12-мъ году былъ записанъ рядовымъ л.-гв. въ преображенскій полкъ, откуда, годъ спустя, съ званіемъ каптенармуса переведенъ л.-гв. въ семеновскій полкъ и здѣсь, дослужившись къ 1791 г. до чина сержанта, въ 1793 г. выпущенъ капитаномъ въ армію, съ зачисленіемъ въ финляндскій егерскій батальонъ; съ послѣднимъ онъ находился въ 1794 г. въ Литвѣ, во время дѣйствій противъ польскихъ инсургентовъ. Въ 1797 г., по расформированію егерскихъ корпусовъ, Бистромъ былъ переведенъ сначала во 2-й морской, затѣмъ въ гарнизонный Болотникова полкъ (впослѣдствіе кронштадтскій), и въ 1802 г.—въ литовскій мушкатерскій полкъ, извѣстный одно время подъ названіемъ сенатскаго, гдѣ въ 1804 г. произведенъ въ подполковники. Осенью 1806 г. литовскій полкъ, въ составѣ войскъ ба-

рона Сакена, выступилъ противъ французовъ; сопутствуя ему, Бистромъ принялъ участіе въ Пултусскомъ сраженіи, а затѣмъ въ битвѣ 26 и 27 января 1807 г. подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ сильно контуженъ въ голову и награжденъ за отличіе орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ; спустя четыре мѣсяца, онъ снова бился съ французами подъ Гутштатомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ и въ послѣднемъ сраженіи вторично контуженъ ядромъ въ грудь. По возвращеніи въ Россію, Бистромъ былъ произведенъ въ полковники и получилъ въ командованіе литовскій мушкатерскій полкъ. Участвуя послѣ того въ войнѣ съ Швеціею 1808—1809 гг. и находясь во многихъ дѣлахъ на сѣверѣ Финляндіи, онъ, за отличіе въ битвѣ подъ Оровайсомъ 2 сентября, былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1810 г. литовскій мушкатерскій полкъ былъ переименованъ въ 33-й егерскій, а Бистромъ получилъ званіе шефа полка, и, продолжая командовать имъ, въ 1811 г. былъ назначенъ командующимъ бригадою изъ 1-го и 33-го егерскихъ полковъ. Отечественная война открыла Бистрому путь къ рѣдкимъ боевымъ отличіямъ; находясь при первоначальномъ отступленіи въ арріергардѣ арміи, онъ явился участникомъ почти непрерывныхъ стычекъ съ непріятелемъ и кровопролитныхъ сраженій подъ м. Островно, передъ Витебскомъ, подъ Смоленскомъ, подъ Бородинымъ и далѣе, при отступленіи отъ Москвы къ Можайску, въ Тарутинскомъ сраженіи и въ особенности подъ Малоярославцемъ. Въ послѣднемъ сраженіи, длившемся отъ ранняго утра до вечера, Бистромъ во все время боя почти не выходилъ изъ подъ жестокаго огня непріятеля, за что, по особому представленію главнокомандующаго Кутузова, былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора. Съ переходомъ нашей арміи въ наступленіе, бригада Бистрома поступила въ составъ авангарда и, послѣ Вяземскаго сраженія 22 октября, доставившаго Бистрому георгіевскій крестъ 4 класса, преслѣдуя шагъ за шагомъ бѣгущаго непріятеля, перешла границу. Участвуя въ непрерывномъ рядѣ авангардныхъ стычекъ и сраженій, подъ городомъ Лабау, у Оттендорфа, подъ Лейпцигомъ и во многихъ другихъ, Бистромъ особеннымъ отличіемъ ознаменовалъ свое участіе во взятіи приступомъ Кобленца и Реймса; послѣднее сраженіе, въ которомъ Бистрому, защищавшему Лаонскія ворота, пришлось выдерживать упорные натиски самого Наполеона, доставило ему алмазные знаки къ ордену св. Анны 1-й степени. Бой на Монмартрскихъ высотахъ подъ Парижемъ былъ послѣднимъ, въ которомъ участвовалъ Бистромъ. Получивъ за него орденъ св. Георгія 3 класса, онъ повелъ свою бригаду обратно въ Россію; въ 1815 г., по случаю возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, онъ снова выступилъ въ заграничный походъ, но участіе его въ дѣлахъ на этотъ разъ ограничилось только блокадою крѣпости Фальцбурга. 16 декабря 1815 г. Бистромъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. павловскаго полка. Въ этомъ званіи онъ состоялъ десять лѣтъ, при чемъ въ 1819 г. былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 14 марта 1825 г. онъ былъ зачисленъ въ свиту Государя и 1 января 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Страдая водяною болѣзнью, Бистромъ поѣхалъ для леченія за границу и скончался въ Дрезденѣ.

Императоръ Александръ I и его сподвижники. СПБ. 1847 г. т. IV.—Исторія л.-гв. Павловскаго полка. СПБ. 1875 г. стр. 36.

Д. С—въ.

Бистромъ, *Карлъ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, братъ предыдущаго, род. 1 мая 1770 г., ум. 16 іюня 1838 г.. Въ 1784 г. онъ былъ записанъ капраломъ л.-гв. въ измайловскій полкъ, гдѣ, пройдя всѣ званія нижняго чина, въ 1787 г. произведенъ въ сержанты, и, съ переименованіемъ въ капитаны арміи, переведенъ въ невскій мушкатерскій полкъ, находившійся въ Финляндіи. Здѣсь Бистромъ, 17 лѣтъ отъ роду, впервые выступилъ на боевомъ поприщѣ, принявъ ближайшее участіе во многихъ дѣлахъ войны 1788 г. противъ шведовъ. Въ 1796 г. онъ былъ переведенъ въ 1-й егерскій полкъ, въ 1798 г. произведенъ въ маіоры и въ томъ-же году, въ видѣ особой монаршей милости, назначенъ конандиромъ этого полка, а въ 1803 г.—20-го егерскаго. Произведенный въ 1805 г. въ полковники, Бистромъ съ отличіемъ участвовалъ почти во всѣхъ бояхъ кампаніи 1806—1807 гг. Въ особенности отличился онъ въ дѣлѣ при д. Чарновѣ, за которое награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса, въ сраженіи подъ Пултускомъ, гдѣ былъ раненъ въ

лѣвую ногу пулею на вылетъ и на мѣстѣ сраженія получилъ изъ рукъ прусскаго короля орденъ «За заслуги», въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ вторично раненъ въ плечо и награжденъ золотою саблею, и въ дѣлахъ при деревняхъ Цехерѣ, Петерсвальдѣ, Альткирхенѣ и при р. Пасаргѣ, доставившихъ ему орденъ св. Владиміра 3-й степени. Вѣнцомъ-же отличій Бистрома въ дѣлахъ этой кампаніи было участіе въ битвѣ при Гутштадтѣ; здѣсь, прикрывая со своимъ полкомъ отступленіе нашихъ войскъ, онъ 14 часовъ находился подъ жестокимъ огнемъ непріятеля и былъ опасно раненъ въ правую щеку на вылетъ, съ поврежденіемъ челюсти. Послѣдствіемъ этой раны, кромѣ наружнаго знака, осталась навсегда нѣкоторая особенность выговора Вистрома; въ награду же за мужество въ сраженіи, Императоръ Александръ I собственноручно возложилъ на него орденъ св. Анны 2 степ. съ алмазами. Вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ Бистромъ былъ назначенъ командиромъ батальона л.-гв. егерскаго полка, а въ 1809 г.—командиромъ всего полка, который и провелъ потомъ сквозь всѣ битвы войнъ 1812—1814 гг. Съ началомъ военныхъ дѣйствій, онъ находился въ сраженіи подъ Смоленскомъ, защищая переправы черезъ Днѣпръ, а затѣмъ первый открылъ Бородинское сраженіе, гдѣ геройски оборонялся противъ цѣлой дивизіи генерала Дельзона, причемъ за свое мужество былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора. Вслѣдъ затѣмъ онъ участвовалъ въ бояхъ при Тарутинѣ, подъ Малоярославцемъ, въ ночномъ нападеніи при дер. Клементино и особенно отличился въ сраженіи у дер. Доброй, близъ Краснаго, гдѣ командуя егерскою бригадою, разбилъ непріятеля и взялъ множество плѣнныхъ, 9 орудій, 2 знамени и маршальскій жезлъ Даву. За свой подвигъ Бистромъ получилъ орденъ св. Георгія 3 степ.. Въ кампаніи 1813 г. Бистромъ покрылъ себя новою славою, участвуя въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ, при Кульмѣ и Лейпцигѣ и въ 1814 г.—подъ Бріеномъ, Арсисъна-Обѣ, Фершампенуазомъ и Парижемъ. По заключеніи мира, Бистромъ съ полкомъ возвратился въ Петербургъ и здѣсь въ 1821 г. получилъ въ командованіе 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, въ 1824 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1825 г. назначенъ командующимъ всею пѣхотою отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, получивъ 20 декабря того-же года званіе генералъ-адъютанта. Въ 1828 г., по объявленіи войны съ Турціею, Бистромъ выступилъ въ походъ съ гвардейскимъ корпусомъ и въ августѣ обложилъ кр. Варну; здѣсь, 16 сентября, ему пришлось выдержать горячее дѣло при отраженіи нападенія паши Омера-Вріоне и одновременной съ тѣмъ вылазки крѣпостного гарнизона; а два дня спустя, поддерживаемый принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, онъ самъ атаковалъ укрѣпленный лагерь паши. 29 сентября кр. Варна сдалась, и Бистрому былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, въ 1830 г. Бистромъ, по разстроенному здоровью, взялъ отпускъ и выѣхалъ въ Киссингенъ; но едва дошли до него извѣстія о возмущеніи поляковъ, какъ онъ, забывъ о недугахъ, поспѣшилъ обратно въ Россію и сталъ снова во главѣ гвардейской пѣхоты. Принявъ 15-го апрѣля 1831 г. начальство надъ авангардомъ дѣйствующей арміи, онъ съ прежнимъ мужествомъ выступилъ участникомъ многихъ дѣлъ противъ поляковъ и въ томъ числѣ битвы при Остроленкѣ, гдѣ, не смотря на полученную имъ сильную контузію ядромъ въ бедро правой ноги, хладнокровно, какъ на маневрахъ, распоряжался войсками и шесть разъ отразилъ стремительныя нападенія поляковъ. Остроленское дѣло доставило Бистрому орденъ св. Георгія 2-й степ.; за участіе-же въ штурмѣ Варшавы онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и назначенъ начальникомъ войскъ, остававшихся въ ней по выступленіи для дальнѣйшихъ дѣйствій фельдмаршала Паскевича. Польская кампанія была окончаніемъ боевыхъ подвиговъ Бистрома. Доведя, въ февралѣ 1832 г., гвардію до Петербурга, онъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, былъ вынужденъ снова взять отпускъ и жилъ то въ Киссингенѣ, то въ своемъ имѣніи близъ Ямбурга. Въ декабрѣ 1835 г. Бистромъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст., въ маѣ 1837 г. получилъ маіоратъ въ Польшѣ и въ іюлѣ того-же года назначенъ помощникомъ командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса (великаго князя Михаила Павловича). Осенью 1837 г., онъ снова отправился за границу и скончался въ Киссингенѣ. Погребенъ Бистромъ въ его ямбургскомъ помѣстьѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была сооружена часовня и при

ней инвалидный домъ для нѣсколькихъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ. Гвардейскіе офицеры воздвигли надъ его могилою памятникъ, изображающій колоссальнаго льва, съ портретомъ покойнаго и надписью: «Генералу отъ инфантеріи К. И. Бистрому отъ гвардейскаго корпуса». Среди подчиненныхъ Бистромъ оставилъ самую лучшую память, въ особенности-же въ сердцахъ солдатъ, которыхъ онъ такъ умѣлъ воодушевлять въ сраженіяхъ. Солдаты чрезвычайно любили его и питали неограниченную довѣренность къ своему «отцу командиру», котораго называли генераломъ Быстровымъ.

«С.-Петербургскія вѣдомости» 1841 г. №№ 145, 146, 147, 150, 153 и отдѣльно издан. оттиски: «Біографія Бистрома» соч. Лукьяновича.—Имп. Александръ I и его сподвижники. СПБ. 1846 г. т. I-й.—«Русскіе люди» изд. М. Вольфа. СПБ. 1866 г. стр. 355—388.—«Объ отцѣ и молодцѣ генералѣ Бистромѣ» Н. Кольдевинъ. СПб. 1874 г.—«Einige Worte üeber das Werk der Herren Lukjanowitsch» S.-Petersburg, 1842 г. — «Виленскій Вѣстн.» 1866 г. № 47. — «Русск. Арх.» 1871 г. № 7—8, стр. 1297. — «Воен. Сборникъ» 1877 г. № 5, стр. 185—187. — «Сѣверн. Пчела» 1841 г. № 36.—Словари: Старчевскаго, Зедделера, Толля, Березина, Клюшникова, Андреевскаго и Леера.

Д. С—въ.

Бистромъ, *баронъ, Родригъ Григорьевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта, род. 10 октября 1810 г., ум. 21 декабря 1886 г. Происходя изъ дворянъ курляндской губерніи, Бистромъ началъ службу въ 1827 г. унтеръ-офицеромъ л.-гв. семеновскаго полка, гдѣ, по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ 1828 г. произведенъ въ прапорщики. Начало службы барона Бистрома ознаменовано участіемъ его въ двухъ походахъ; въ турецкой войнѣ, вмѣстѣ съ полкомъ, онъ находился, между прочимъ, при осадѣ кр. Варны, а перейдя затѣмъ въ 1831 г. въ предѣлы возмутившейся Польши, принялъ участіе въ сраженіи при д. Жолтки и во взятіи приступомъ первыхъ укрѣпленій и городового вала Варшавы, причемъ за отличія въ послѣдней кампаніи былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость» и именнымъ Высочайшимъ благоволеніемъ. Произведенный въ 1845 г. въ полковники, Бистромъ въ 1851 г. пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и назначенъ командиромъ л.-гв. семеновскаго полка, съ которымъ, во время Восточной войны, участвовалъ въ оборонѣ балтійскаго побережья. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и, получивъ вскорѣ въ командованіе 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, выступилъ съ нею въ военныхъ дѣйствіяхъ 1863 г. при усмиреніи польскаго мятежа; вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ 1868 г. онъ былъ опредѣленъ на постъ помощника е. и. в. главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа и оставался въ этой должности до назначенія въ 1874 г. членомъ военнаго совѣта. Ко дню 50-лѣтія своей службы (1878 г.) Бистромъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст. Въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи онъ состоялъ съ 1869 г.

«Русскій Инвал.» 1878 г. № 71 и 1886 г. № 284.

Д. С—въ.

Витюковскій, Даніилъ, расколоучитель, род. въ 1763 г., ум. въ 1811 г. Онъ происходилъ изъ московскихъ мѣщанъ, принадлежалъ къ ѳеодосіанскому толку, рано принялъ монашество и скоро заслужилъ всеобщее уваженіе среди раскольниковъ благодаря строгости жизни, привѣтливости и обширнымъ познаніямъ въ раскольничьей литературѣ. Это однако не помѣшало ему отречься отъ раскола и поступить монахомъ въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и оставался до конца жизни, хотя, какъ кажется, въ послѣднее время стремился вернуться къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ. Его сочиненія очень цѣнились раскольниками; крупнѣйшія изъ нихъ: Оплотъ христолюбивой церкви противъ заблужденія и злобы внѣшнихъ, Составъ основанія, ясно опредѣляющій бытіе антихриста въ мірѣ, Уставъ всего года о качественномъ яденіи пищи каждодневно, Посланія къ разнымъ лицамъ и др.

Словарь Павла Любопытнаго.

Битяговскіе, дѣти боярскіе, дворяне и дьяки XVI и XVII в.в. Сынъ боярскій *Ѳедоръ* Битяговскій въ сентября 1522 г. былъ приставомъ при польскомъ гонцѣ, посланномъ изъ Москвы отъ находившагося тамъ польскаго посольства къ королю. *Михаилъ* въ 1532 г. встрѣчалъ въ Оршѣ польское посольство. *Булгакъ Юрьевичъ* въ 1556 г. ѣздилъ изъ Москвы въ Новгородъ съ царскою грамотою къ дьякамъ новгородскимъ. *Аѳанасій* (Шемякинъ сынъ?), смоленскій помѣщикъ, въ 1565, 1566 и 1568 г.г. былъ посыланъ на литовскій рубежъ для встрѣчи польскихъ пословъ, которыхъ затѣмъ провожалъ въ качествѣ

пристава въ Москву и обратно до рубежа. Быть можетъ, онъ же упоминается во главѣ смольнянъ, бѣжавшихъ въ апрѣлѣ 1613 г. изъ польскаго плѣна въ Калугу, а оттуда посланныхъ въ Москву для извѣщенія о положеніи поляковъ въ Смоленскѣ. *Михаилъ* Битяговскій въ 1581 и 1585 г.г. упоминается какъ дьякъ въ Казани, въ 1590 г., вмѣстѣ съ кн. Ѳедоромъ Ив. Мстиславскимъ, дѣлалъ смотръ и составлялъ десятню въ Владимірѣ, а потомъ посланъ былъ дьякомъ въ Угличъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій съ своею роднею, Нагими. Между Битяговскимъ и Нагими сразу возникла вражда. Когда случилось несчастіе съ царевичемъ, Нагіе обвинили въ убіеніи Димитрія—Битяговскаго и сына его *Даніила* и подняли противъ нихъ углицкую чернь, которая и растерзала ихъ. Изъ челобитной вдовы Михаила Битяговскаго, *Евдокіи*, видно, что Битяговскихъ убили конюхъ царицы Маріи, Михаилъ Григорьевъ да сынъ его Данилка. Между тѣмъ, изъ совокупности обстоятельствъ вытекаетъ, что смерть Димитрія была неожиданностью для Битяговскаго, и что въ моментъ событія его не было даже на царскомъ дворѣ,—онъ прибѣжалъ сюда уже позже, встревоженный звуками набата. *Иванъ* Битяговскій въ 1609 г. былъ осаднымъ головою въ Смоленскѣ. Медынецъ *Илья Лукичъ* Битяговскій получалъ четвертное жалованье при царѣ Василіи Шуйскомъ, за Дорогобужскую службу 1617 г. ему дана была прибавка, а въ 1619 г. получилъ новую прибавку «за полонское терпѣнье». Быть можетъ, его отецъ, *Лука Никифоровичъ* (тоже медынецъ) въ 1625—26 г. былъ воеводою въ Козельскѣ. Дворянинъ *Ѳедоръ Никифоровъ* (или Посниковъ) Битяговскій въ 1634, 1636 и 1637 г.г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, въ 1638 г. упоминается среди дворянъ, дневавшихъ на государевѣ дворѣ, въ 1639 г. посланъ воеводою въ Мещовскъ, а 8 апрѣля 1641 г. отозванъ отсюда въ Москву. Въ 1691 г. Битяговскіе (*Адріанъ Ивановъ*, *Ѳеодоръ Львовъ* и *Семенъ Емельяновъ*) владѣли деревнями въ касимовскомъу ѣздѣ.

Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV, LXXI.—Симбирскій Сборникъ (разряды), 78.—Дополненія къ Акт. Ист., I.—Акты Эксп.—Русск. Ист. Библ., X, XIII, XV.—Дворцовые разряды I, 1203—6; II, 370, 522, 536.—Разрядныя книги.—Акты Истор.—Дѣло Шакловитаго.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Платоновъ, Очерки по исторіи смуты.—Его-же, Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени.—Сказанія Массы и Геркмана.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.

Бицовъ, *Карлъ Карловичъ*, дѣйств. ст. сов., род. въ 1791 г., ум. 25 іюля 1852 г. Опредѣленъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ въ 1808 г. Съ 1816 г. по 1820 г. состоялъ при константинопольской миссіи. Съ 1826 г. по 1830 г. управлялъ дипломатическою канцеляріею Цесаревича Константина Павловича въ Варшавѣ. 7 декабря 1832 г. назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Данцигѣ; 23 августа 1842 г. перемѣщенъ на ту же должность въ Генуѣ.

Послужной списокъ въ спб. гл. архивѣ минист. иностр. дѣлъ.

Бицовъ, *Карлъ Николаевичъ* (Carl Friedrich Bützow), докторъ медицины, род. въ 1760 г.; отецъ его былъ пасторомъ церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ 1764 г. Бицовъ опредѣленъ въ число учениковъ с.-петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, 4 августа 1765 г. произведенъ въ подлѣкари, а 26 мая 1770 г.—въ лѣкари. По окончаніи курса, онъ уволенъ въ 1774 г. за-границу для усовершенствованія въ наукахъ; 15 сентября 1777 г. онъ получилъ докторскій дипломъ, а 1 февраля 1778 г. назначенъ докторомъ при екатеринбургскомъ госпиталѣ для заводовъ и монетной экспедиціи; жизнь на сибирскомъ заводѣ скоро наскучила Бицову, и въ 1783 г., отправившись въ отпускъ въ Петербургъ, онъ выпросилъ себѣ должность дивизіоннаго врача въ Финляндіи. Затѣмъ Бицовъ былъ инспекторомъ финляндской врачебной управы; 30 іюля 1797 г. указомъ Императора Павла Петровича онъ былъ отрѣшенъ отъ должности вмѣстѣ съ штабсъ-лѣкаремъ Вернандеромъ «за пренебреженіе должности и оказанныя грубости генералъ-фельдмаршалу графу Каменскому», съ воспрещеніемъ опредѣлять ихъ куда-бы то ни-было; однако черезъ нѣсколько дней новымъ указомъ Императора Вернандеръ былъ опредѣленъ на другую врачебную вакансію, дальнѣйшая же участь Бицова остается неизвѣстной.

Я. Чистовичъ, Ист. перв. мед. шк. въ Р.—Его же, Ист. р. мед. учр. XVIII стол. *Н. Ѳ.*

Бицовъ (Бюцовъ), *Николай Николаевичъ*, дѣйств. ст. сов., род. въ 1750 г., ум. въ 1823 г. Родомъ изъ Швеціи; въ 1770 г. поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; съ 1772 г. состоялъ

при миссіи въ Мадридѣ и въ 1795—1799 г.г. былъ здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ. 6 января 1800 г. назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Дрезденъ.

Послужной списокъ въ спб. гл. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

Бичурина, *Анна Александровна*, артистка Императорской русской оперы, род. въ 1854 г. въ Тифлисѣ, ум. скоропостижно 5 февраля 1888 г. Бичурина воспитывалась въ закавказскомъ дѣвичьемъ институтѣ, гдѣ, между прочимъ, была регентомъ хора. По окончаніи курса въ институтѣ она поступила въ с.-петербургскую консерваторію стипендіаткой вел. кн. Михаила Николаевича и здѣсь училась пѣнію подъ руководствомъ проф. Ниссенъ-Саломонъ и Корси. 8 декабря 1875 г., послѣ дебюта въ оп. «Жизнь за Царя» (роль Вани), Бичурина была принята въ составъ труппы Маріинскаго театра. Обладая прекраснымъ голосомъ (контральто рѣдкой силы), Бичурина сверхъ того надѣлена была отъ природы горячимъ южнымъ темпераментомъ; благодаря этому, и вокальная, и драматическая сторона исполненія роли у Бичуриной стояли на одинаковой высотѣ, сливаясь въ полную гармонію и оставляя впечатлѣніе артистической законченности. Наиболѣе любимыми и лучше всего удавшимися въ исполненіи артистки были бытовыя роли русскаго репертуара, особенно комическія: такъ, исполненіе роли разбитной Спиридоновны («Вражья Сила»), считавшейся лучшей ролью этой артистки, отличалось такой яркой типичностью, что стало образцомъ для послѣдующихъ исполнительницъ. Слабѣе была игра Бичуриной въ сильно-драматическихъ роляхъ. Вотъ полный перечень ролей, исполненныхъ Бичуриной за 11 лѣтъ службы на сценѣ: въ русскомъ репертуарѣ—Вани («Жизнь за Царя»), Спиридоновны («Вражья Сила»), Ратмира («Русланъ и Людмила»), корчмарки и царевича Ѳеодора («Борисъ Годуновъ»), княгини («Русалка»), Авры («Юдиѳь»), свояченицы («Майская Ночь»), Солохи («Кузнецъ Вакула»), Соломониды («Купецъ Калашниковъ»), Изяслава («Рогнѣда»), Ліи («Маккавеи»), Ксеніи («Нижегородцы»), Филипьевны («Евгеній Онѣгинъ»), Лель («Снѣгурочка»), Жандицкой («Тѣнь Воеводы»), Горпины («Тарасъ Бульба») и Уберты («Корделія»); въ иностранномъ репертуарѣ—Зибеля и Марты («Фаустъ»), Памеллы («Фра-Діаволо»), пажа («Виндзорскія кумушки»), Ортруды («Лоэнгринъ»), Фидесъ («Пророкъ») и Мадалены («Риголетто»)—итого 17 русскихъ и 6 иностр. оперъ. Бичурина пользовалась прочными симпатіями столичной публики; предпринимаемыя артисткой концертныя путешествія сдѣлали имя ея популярнымъ и въ провинціи. Въ ноябрѣ 1886 г. Бичурина сошла со сцены, простившись съ публикой въ роли Уберты. Похоронена артистка на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Некрологи въ періодическихъ изданіяхъ за 1888 г.: «Новое Время» (№ 4290), «Новости» (№№ 38 и 40), «Биржевыя Вѣдомости» (№ 39), «Музыкальное Обозрѣніе» (№ 6), «СПБ. Газета» (№№ 37 и 39), «Баянъ» (№ 6), «Нувеллистъ» литер. приб. (№ 3).

Бишофъ, *Иванъ* (Iohann Ernst Bichoff), докторъ медицины, обучался въ Іенѣ съ 1742 по 1747 г. и въ эрфуртскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ 2 года и получилъ докторскій дипломъ; затѣмъ онъ практиковалъ 8 лѣтъ въ Саксоніи. Въ 1757 г. Бишофъ пріѣхалъ въ Петербургъ, 27 ноября экзаменовался у д-ровъ Лерхе, Ашема и Пекена и выказалъ умѣренныя познанія («mediocriter versatum in physiologia et chirurgia»), въ виду чего ему была разрѣшена практика въ госпиталѣ подъ надзоромъ старшаго доктора. Въ томъ-же году (8 дек.) онъ былъ опредѣленъ въ кронштадтскій госпиталь младшимъ врачемъ въ помощь Миліусу съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ и съ обязательствомъ усовершенствоваться въ анатоміи, хирургіи и клинической медицинѣ. Вскорѣ Бишофъ сталъ проситься въ армію и 13 сентября 1761 г. былъ назначенъ докторомъ въ Бѣлевскую крѣпость (въ ландмилиціонный украинскій корпусъ), гдѣ получалъ 400 р. содержанія. Послѣ сокращенія штата ландмилиціоннаго корпуса онъ остался безъ мѣста и согласился занять мѣсто младшаго доктора въ московскомъ госпиталѣ, куда и былъ опредѣленъ 13 декабря 1764 г. съ меньшимъ окладомъ (300 р.). Черезъ два года ему было поручено преподавать въ госпитальной школѣ ученикамъ-нѣмцамъ materiam medicam по Лезекену и афоризмы Бургава, причемъ прибавлено 100 р. къ содержанію.

Я. Чистовичъ, Ист. перв. мед. школъ въ Россіи.

Біанки, *Алоизій*, врачъ-итальянецъ, получилъ медицинское образованіе во Франціи, практиковалъ въ марсельскомъ госпиталѣ; въ 1707 г. онъ пріѣхалъ въ Москву

вмѣстѣ съ сыномъ Петра Андреевича Толстого, посланника при турецкомъ дворѣ, и былъ назначенъ на должность хирурга при аптекарскомъ приказѣ.

Рихтеръ, Ист. мед. въ Россіи т. III, стр. 517.

Біейко, *Феликсъ Ивановичъ*, врачъ, надв. сов., род. въ 1817 г., ум. въ 1855 г. Врачебное образованіе онъ получилъ въ виленской медико-хирургической академіи, въ которую поступилъ въ 1833 г. Въ 1838 г. онъ окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря, былъ принятъ на военную службу и поступилъ ординаторомъ въ динабургскій военный госпиталь, въ 1839 г. перешелъ въ якутскій пѣхотный полкъ, а въ 1841 г.— въ черноморскій № 8-й линейный баталіонъ. Въ 1845 г. Біейко былъ прикомандированъ къ харьковскому университету; сдѣлавшись штабъ-лѣкаремъ, онъ поступилъ въ 1847 г. въ азовскій пѣхотный полкъ, въ 1850 г. былъ назначенъ старшимъ медикомъ при начальникѣ 3 отдѣл. черноморской береговой линіи, съ 1854 г. былъ старшимъ отряднымъ врачемъ гурійскаго отряда. Напечаталъ статью: «Цинготное воспаленіе радужной оболочки глазъ», въ «В.-Мед. Ж.» 1877 г.

Змѣевъ, Р. вр. писататели.

Біугге, *Лоренцъ*, родомъ шведъ, изъ Гельзингеланда, служилъ въ Лифляндіи и во время Ливонской войны, въ 70-хъ г.г. XVI в. былъ взятъ въ плѣнъ войсками Іоанна Грознаго. Отведенный въ Москву, онъ перешелъ на русскую службу, принялъ православіе и въ званіи капитана командовалъ отрядомъ иноземцевъ. 21 декабря 1604 г., находясь въ Трубчевскѣ, во главѣ 600 иностранцевъ, онъ, во время боя подъ этимъ городомъ самозванца съ Басмановымъ, сдѣлалъ удачную вылазку и поджегъ непріятельскій укрѣпленный станъ, чѣмъ вырвалъ побѣду изъ рукъ Самозванца. Позже перешелъ на службу къ Тушинскому вору и въ 1609 г. былъ посланъ имъ воеводою въ Ярославль.

Хроника Петрея.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Словарь Плюшара.

Біюковъ (Бьюговъ), Тимоѳей, «вскормленникъ» Яна Сапѣги, которому служилъ раболѣпно и съ которымъ примкнулъ къ Тушинскому вору. Въ 1608 г. онъ былъ посланъ Сапѣгою на воеводство въ Ростовъ и Переяславль Залѣсскій; по его приказанію Бекетовъ привелъ къ кресту царю Димитрію суздальцевъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ того-же года онъ, по порученію Сапѣги, ѣздилъ съ Николаемъ Уѣздовскимъ на Бѣлоозеро собирать кормовыя деньги на ратное дѣло.

Сборникъ кн. Хилкова.—Акты Историч.

Блаватская, *Елена Петровна*, рожд. Ганъ, писательница и теософка, род. въ 1831 г. въ Екатеринославлѣ, ум. 8 мая 1891 г. въ Лондонѣ. Рано лишившись матери, извѣстной въ свое время писательницы, она воспитывалась подъ руководствомъ бабушки, Елены Павловны Фадѣевой, женщины весьма просвѣщенной, но, не отличаясь усидчивостью, ограничилась, только самымъ поверхностнымъ образованіемъ. 17-ти лѣтъ отъ роду она вышла замужъ за эриванскаго вице-губернатора Никифора Васильевича Блаватскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оставила мужа и уѣхала въ Константинополь, а оттуда— на дальній Востокъ, гдѣ пробыла десять лѣтъ. Этотъ періодъ—самый темный въ біографіи Блаватской, такъ какъ на родину она не посылала никакихъ извѣстій о себѣ, а впослѣдствіи сообщала противурѣчивые факты о своихъ скитаніяхъ. Вѣроятнѣе всего, что она побывала въ Египтѣ, С. Америкѣ, Цейлонѣ и Индіи. Объѣзжая страны, издавна считающіяся родиной тайныхъ наукъ, Блаватская поддалась страсти къ сверхъестественному, знакомилась съ разными восточными мудрецами и ихъ ученіями и вернулась на родину въ 1860 г. ревностной адепткой и проповѣдницей «оккультизма», который будто бы изучила во время двухлѣтняго пребыванія въ Тибетѣ. Она создала вокругъ себя таинственную обстановку, разсказывала, что получила даръ ясновидѣнія и совершенія чудесъ. Проведя два года на Кавказѣ, Блаватская опять поѣхала черезъ Италію, Грецію и Египетъ на дальній Востокъ, прожила, будто-бы, долгое время въ Тибетѣ, а въ 1873 г. поселилась въ Нью-Іоркѣ и приняла американское гражданство. Она стала дѣятельно сотрудничать въ нью-іоркскихъ газетахъ Tribune, Sun, Daily Times, полемизируя противъ іезуитовъ и папства и помѣщая очерки Кавказа, а также посылала корреспонденціи въ «Тифлисскій Вѣстникъ». Въ тоже время Блаватская начала проповѣдывать мистическое «теософское» ученіе, которое должно было сокрушить матеріалистическія доктрины и подкрѣплялось обильными чудесными «феноменами». Она выдавала себя за ученицу и посланницу великихъ мудрецовъ-будди-

стовъ, живущихъ въ горахъ Тибета и обладающихъ сверхъестественною силою. За два года она успѣла собрать вокругъ себя весьма значительное количество приверженцевъ и 17 ноября 1875 г. основала теософическое общество. Въ 1876 г. Блаватская напечатала въ Нью-Іоркѣ книгу «Isis Unveiled», въ которой подробно излагалось ея фантастическое ученіе. Въ 1875 г. она отправилась съ своимъ ревностнымъ приверженцемъ, полковникомъ Олькотомъ въ Индію, основала главную квартиру теософизма въ Бомбеѣ и стала издавать газету «The Theosophist», которая почти сплошь наполнялась ея статьями. Поддерживая оживленныя сношенія съ индусскими учеными и выставляя себя проповѣдницей ихъ мудрости, Блаватская скоро пріобрѣла обширныя симпатіи среди туземцевъ, которые видѣли въ ней борца за ихъ самобытность, пригнетаемую англичанами. За то англійскія власти очень косо смотрѣли на теософовъ и даже обвиняли Блаватскую въ шпіонствѣ. Позже Блаватская перенесла свое мѣстопребываніе въ предмѣстье Мадраса, Адіаръ и здѣсь стала совершать такія чудеса, что самые упорные скептики начинали вѣровать въ ея миссію, а ученые живо заинтересовались пророчицей теософизма, какъ личностью, одаренной силами, еще неизвѣстными наукѣ. Въ 1883 г. Блаватская, для поправленія здоровья, переселилась въ Европу и жила сначала въ Ниццѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ также основала отдѣленіе теософическаго общества. Около этого же времени теософская доктрина получила съ двухъ сторонъ жестокіе удары, разрушившіе ея обаяніе въ глазахъ всего здравомыслящаго общества: почти одновременно появились статьи о теософизмѣ въ «Madras Christian College Magazine» и въ отчетахъ англійскаго Society for Psychical Researches. Миссіонерскій журналъ напечаталъ компрометтирующія письма Блаватской, сообщенныя бывшей помощницей ея въ Адіарѣ, г-жею Кулонъ, и доказавшія, что всѣ адіарскія чудеса были просто грубыми фокусами и устраивались для привлеченія въ общество богатыхъ людей. Независимо отъ Кулонъ, къ тѣмъ же выводамъ пришелъ членъ англійскаго психологическаго общества, Годжсонъ, командированный въ Адіаръ для научнаго ознакомленія съ «феноменами» Блаватской. Послѣ этого ученый міръ совершенно пересталъ интересоваться теософами, а многіе ревностные послѣдователи этого ученія отвернулись отъ него. Но влеченіе въ область таинственнаго и личное обаяніе Блаватской были такъ сильны въ Западной Европѣ и Америкѣ, что общее количество вѣрующихъ все-таки постоянно возрастало; матеріалы г-жи Кулонъ были объявлены подлогомъ, а статья Годжсона—проявленіемъ духовной слѣпоты ученыхъ. Въ 1886 г. Блаватская поселилась въ Лондонѣ и стала издавать газету «Lucifer», а 3 іюля 1890 г. торжественно открыла въ англійской столицѣ главную квартиру теософическаго общества. Въ томъ же году Блаватская издала въ Лондонѣ два новыхъ труда по теософическимъ вопросамъ: «The secret Doctrine» и «The Key to Theosophie». Вызванное ею движеніе не прекратилось и послѣ ея смерти. Мало того, основанный ею въ Парижѣ «Lotus bleu» заявилъ, что великая учительница продолжаетъ сотрудничать въ этомъ журналѣ, присылая статьи съ того свѣта.—Если теософическія писанія Блаватской представляютъ наборъ туманныхъ и произвольныхъ вымысловъ, то ея очерки индійской жизни, печатавшіеся въ 80-хъ г.г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ Радда-Бай, обнаруживаютъ несомнѣнный и яркій литературный талантъ, наблюдательность и художественное дарованіе. Въ 1883 г. эти очерки были собраны въ книгѣ: «Изъ пещеръ и дебрей Индостана»; продолженіе ихъ печаталось въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1884—86 г.г. Кромѣ того она помѣстила рядъ статей въ «Ребусѣ» 1883—85 г.г. и статью «Китайскія тѣни» въ «Новомъ Времени» 1888 г., № 1493.

Литература о Блаватской въ Зап. Европѣ, С. Америкѣ и Индіи необычайно обширна, но съ ея ученіемъ лучше всего знакомиться по ея сочиненіямъ. Для біографическихъ свѣдѣній важны статьи въ «Rewiew of Rewiews» 1891 г. (Стэда), «Revue Encyclopédique» 1892 г., № 30, В. П. Желиховской въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1891 г., №№ 11 и 12, Всеволода Соловьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1892 г., №№ 1 — 6 («Современная жрица Изиды») и обстоятельная статья въ «Словарѣ» Венгерова.

Благово (Благіе), дворянскій родъ, многочисленные представители котораго упоминаются источниками съ второй половины XVI в. Въ 1572—73 г. *Борисъ Вершинъ* Благово участвовалъ въ Ливонскомъ походѣ Іоанна Грознаго. Въ 1573 г. *Елизаръ* участвуетъ въ свадебномъ обрядѣ короля Магнуса съ княжн. Маріей Влади-

мiровною; въ 1580 г. онъ былъ посланъ къ Баторiю съ мирными предложенiями, но вернулся ничего не добившись; въ 1583 г. онъ присутствовалъ при прiемѣ англiйскаго посла Боуса въ Москвѣ. Въ 1577 г. ***Лаврентiй Ивановичъ*** владѣлъ помѣстьями въ Ржевѣ Володимеровой, въ Березовской волости. Въ 1580 г. ***Григорiй*** возилъ государеву грамоту къ воеводамъ въ Луки Великiя. Вѣроятно, тотъ-же Григорiй (Ивановичъ), съ братомъ ***Аѳанасiемъ*** получили въ 1592 г. отъ новгородскаго митрополита Варлаама тарханную грамоту для ихъ церкви, находившейся въ новоторжской приписи, въ червенскомъ стану, въ Подберезьи. Аѳанасiй Благово около того же времени (до 1595 г.) былъ воеводою въ Березовѣ (съ Никифоромъ Траханiотовымъ), а въ 1605 г. находился въ Таркахъ съ воев. Бутурлинымъ и при взятiи этого города турками попалъ въ плѣнъ. ***Иванъ Шемякинъ*** Благово 1580—81 г. былъ головою на Себежѣ. Въ 1581 г. ***Иванъ Осиповичъ*** участвовалъ въ свадебномъ обрядѣ царя Iоанна съ Марiею Нагою. Въ iюлѣ 1584 г. ***Борисъ Петровичъ*** былъ посланъ въ Царьградъ съ дипломатическими порученiями къ султану Мураду и съ дарами православному духовенству въ Турцiи. Онъ долженъ былъ извѣстить султана о восшествiи на престолъ царя Ѳеодора, увѣрить Порту въ дружбѣ и любви московскаго правительства, отклонить отъ Москвы отвѣтственность за набѣги воровскихъ казаковъ и добиться отправки турецкаго посольства къ царю. Паши, недовольные привезенными имъ дарами, приняли его неласково, посла отправлять не желали и даже хотѣли взять съ него деньги за проѣздъ по Черному морю на турецкомъ кораблѣ. Однако Благово настоялъ на своемъ и поѣхалъ обратно въ Москву, въ сопровожденiи турецкаго посланника. Воровскiе казаки, пограбившiе его уже на пути въ Царьградъ, теперь снова заступили ему дорогу. Посланный изъ Москвы на встрѣчу Благово Биркинъ ничего не могъ подѣлать съ казаками, и Благово съ турецкимъ посломъ пришлось долго сидѣть въ Азовѣ, причемъ турки отняли у него толмача и подьячаго въ отместку за плѣненныхъ казаками черкесъ. Вѣроятно, онъ же въ 1586 г. былъ воеводою въ Лукахъ Великихъ, а въ 1589 г.—въ Орѣшкѣ; позже онъ именуется дворецкимъ царицы. ***Владимiръ Петровичъ*** при царѣ Iоаннѣ ѣздилъ въ Литву съ посломъ кн. Ѳ. М. Троекуровымъ, затѣмъ посланъ былъ изъ Новгорода кн. Трубецкимъ на заставу, а въ 1589 г. былъ головою въ Псковѣ. ***Абрамъ Петровичъ*** въ 1591 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ. ***Степанъ Фендриковъ сынъ*** въ 1584—85 г.г. былъ головою въ Черниговѣ. Приказный человѣкъ Степанъ Благово ок. 1592 г. былъ въ Колѣ. Степанъ же въ 1597 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ. ***Петръ Владимiровичъ***, сынъ Владимiра Петровича, былъ на Москвѣ стрѣлецкимъ головою, въ 1598 г. находился во время похода царя Бориса къ Серпухову при третьемъ саадакѣ, а въ 1606 г. былъ посланъ въ Пермь для сбора ратныхъ людей противъ Болотникова, но по дорогѣ собранный имъ отрядъ воротился, не желая идти дальше «до прямые вѣсти» о самозванцѣ, и чуть не убилъ самого Благово. Въ Смутное время несли ратную службу два ржевитина, ***Ѳедоръ Ивановичъ*** и ***Борисъ Григорьевичъ***, да бѣжичанинъ ***Пахомъ Кудашевъ*** Благiе. ***Иванъ Степановичъ***, родомъ зубчанинъ, въ 1611 г. былъ воеводою въ Сургутѣ, въ 1616—въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, въ 1619 г. посланъ воеводою въ Тверь, въ 1620 г. отозванъ въ Москву, въ 1622—23 г. воеводствовалъ въ Можайскѣ, въ 1626 г. находился въ Москвѣ при царскомъ дворѣ, 1628—29 г. былъ воеводою въ Переяславлѣ Рязанскомъ, въ 1631 г.—опять въ Москвѣ, въ 1638 г.—воеводою на украинной засѣкѣ у Сѣнецкихъ воротъ, въ 1639 г. участвовалъ въ торжественномъ прiемѣ персидскаго посольства въ Москвѣ. ***Иванъ Владимiровичъ***, сынъ Владимiра Петровича, служилъ въ Сургутѣ уже при царѣ Василiи Шуйскомъ, въ 1614 г. былъ въ этомъ же городѣ воеводою, въ 1616—17 г. воеводствовалъ на Вагѣ, въ 1620—21—въ Комарицкой волости, въ Сѣвскомъ острогѣ, въ 1624—25 г.—въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ 1625 г. описывалъ Устюгъ Великiй съ подьячимъ Агѣемъ Ѳедоровымъ, въ 1626 г. находился въ Москвѣ «при часовномъ дѣлѣ», отъ коего былъ отставленъ по болѣзни, но скоро вновь посланъ «для государева дѣла» въ Нижнiй Новгородъ; въ 1627 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ сторожевой полкъ на Кропивну и по этому случаю мѣстничался съ кн. Ив. Шаховскимъ и Степ. Хрущовымъ, въ 1629 г. переведенъ на воеводство въ Переяславль Рязанскiй, въ 1638 г. строилъ Козельскую засѣку, а въ 1639 г. былъ

воеводою на засѣкѣ у Цѣнскихъ воротъ; въ 1641 г. онъ еще упоминается среди дворянъ на государевѣ дворѣ. Его родной братъ, также *Иванъ*, въ 1617—18 г. былъ головою въ Бѣлой, въ 1626 и 1628 г.г.—объѣзжимъ головою въ Москвѣ, а въ 1629 г.—воеводою въ Вязьмѣ. *Аѳанасій Ѳедоровичъ* въ 1652 г. сопровождалъ царицу въ ея поѣздкѣ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. *Калиникъ* (Калина) *Григорьевичъ*, стольникъ и воевода, въ 1679 г. былъ съ царемъ въ Саввинскомъ отъѣздѣ, въ 1680 г. описывалъ Кокшенгу съ подъячимъ Петромъ Тютчевымъ, въ 1682 г. былъ воеводою на Вагѣ, въ 1696 г. дежурилъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича и въ томъ же году ѣздилъ въ Переяславль Рязанскій для переписи недорослей.

Симбирскій Сборникъ (разряды), 38, 91, 108, 109, 119, 132, 134. — Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXVIII. — Записки Гейденштейна. — Акты Истор.—Акты Эксп.—Акты Юридич.—Дополн. къ Акт. Ист.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Соловьевъ, Ист. Р.—Русск. Историч. Библ., II, IX, X, XIV, XV, XVI.—Древняя Россійск. Вивліоѳ., XIII, 99, 114; XIV, 383, 387, 400, 461, 462, 478.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды I, 154, 287, 295, 343, 417, 820, 855, 860, 877, 884, 888, 890, 891, 892, 897—902, 931, 957, 973; II, 49—50, 89, 94, 586, 609—610, 849, 952; III, 296; IV, 97, 928, 1018.

Благовѣщенскій, *Алексѣй Андреевичъ*, докторъ правъ с.-петербургскаго университета, род. въ 1800 г., ум. въ 1835 г. Учился онъ въ московской духовной академіи и принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, по иниціативѣ Сперанскаго, были причислены ко II-му отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи, а затѣмъ отправлены въ берлинскій университетъ для основательнаго изученія юридическихъ наукъ. Вернувшись въ С.-Петербургъ въ 1834 г., онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ и защищалъ диссертацію: «Исторія и методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ» (Журн. мин. нар. просв. 1835 г., 6 и 7).

Григорьевъ, Имп. с.-петерб. университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ.—Словари: Геннади и Венгерова.—Шершеневичъ, въ «Уч. Зап. Каз. Унив.» 1892, кн. V, стр. 75—77.

Благовѣщенскій, *Василій Тимоѳеевичъ*, писатель, род. въ декабрѣ 1801 г. въ екатеринославской губерніи, ум. 19 августа 1864 г. въ Ревелѣ. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, Благовѣщенскій съ 1823 г. былъ учителемъ русскаго языка въ Баускѣ, Везенбергѣ, Феллинѣ и Дерптѣ. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ Екатерининскаго училища въ Ригѣ, а потомъ—инспекторомъ рижской гимназіи и цензоромъ. Въ 1850 г. Благовѣщенскій перемѣщенъ цензоромъ въ Ревель. Послѣдніе годы онъ посвятилъ изученію быта эстляндскихъ крестьянъ и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ коммисіи депутатовъ отъ домовладѣльцевъ, составлявшей правила о квартирной повинности. Въ 1860 г. онъ издалъ брошюру: «Der Esthe und sein Herr» (эстонецъ и его баринъ), которая надѣлала, въ свое время, много шуму. Русскій переводъ ея помѣщенъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1871, кн. 4. Кромѣ того, имъ изданы два руководства для изученія русскаго языка въ училищахъ Остзейскаго края: 1) Азбука (Дерптъ, 1837 г., 5 изд.) и 2) Христоматія (Дерптъ, 1842 г.).

«СПб. Вѣдом.» 1864 г., № 200.—«Иллюстрир. Газета» 1864 г., № 39.—Мѣсяцесловъ на 1866 г., стр. 395.—«Книжн. Вѣстникъ» 1864 г, № 361.—Словари: Березина, Геннади и Венгерова.

Благовѣщенскій, *Николай Александровичъ*, писатель, род. въ Москвѣ 19 апрѣля 1837 г., ум. въ Владикавказѣ 1 іюля 1889 г. Сынъ полкового священника, онъ воспитывался въ с.-петербургскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ семинаріи. Черезъ годъ по окончаніи курса послѣдней въ 1858 г., онъ, какъ человѣкъ, знающій греческій языкъ и искусный въ рисованіи, былъ командированъ на Востокъ съ извѣстнымъ архимандритомъ Порфиріемъ и въ теченіе двухъ лѣтъ побывалъ на Аѳонѣ, въ Ѳессаліи и въ Іерусалимѣ, причемъ сдѣлалъ до 400 рисунковъ. Вернувшись въ 1860 г. въ Петербургъ, Благовѣщенскій посѣщалъ университетъ, работалъ въ воскресныхъ школахъ и вскорѣ выступилъ на литературное поприще въ журналѣ М. Достоевскаго «Время», гдѣ напечаталъ: «Изъ воспоминаній бывалаго въ Іерусалимѣ» (1862 г., февраль), «Въ Ѳессаліи» (мартъ), «Странница», разсказъ (ноябрь). Затѣмъ, въ «Русскомъ Словѣ» Благовѣщенскій помѣстилъ повѣсть: «Печальныя встрѣчи» (1863 г., № 1) и «Аѳонъ» (№№ 4, 8, 11 и 12, и отдѣльно—Спб., 1864 г.). Въ 1864 г. онъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Русскаго Слова» и въ томъ-же году напечаталъ въ «Современникѣ» (№ 7) біографію своего школьнаго товарища, Н. Г. Помяловскаго, перепечатанную затѣмъ при собраніи сочиненій Помяловскаго. Послѣ запрещенія

«Русскаго Слова» въ 1866 г., Благовѣщенскій редактировалъ «Женскій Вѣстникъ», а съ 1868 г. сотрудничалъ въ «Недѣлѣ». Разбитый параличемъ въ 1869 г., онъ въ 1871 г. ѣздилъ на Кавказъ, а въ 1872 г. окончательно тамъ поселился. Тогдашній начальникъ терской области, графъ Лорисъ-Меликовъ, познакомившись съ Благовѣщенскимъ въ Желѣзноводскѣ въ 1873 г., принялъ въ немъ большое участіе и посовѣтовалъ ему переселиться въ Владикавказъ, а въ 1875 г. доставилъ ему мѣсто секретаря терскаго статистическаго комитета. Первые годы болѣзни Благовѣщенскій еще печаталъ очерки въ «Отечественныхъ Запискахъ» («На болотѣ», 1870 г. № 10, «Сельскіе фарфоровые заводы», 1871 г., № 2, «На Литейномъ заводѣ», 1873 г., № 4). Кромѣ того, въ 1872 г. Благовѣщенскій издалъ «Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку»; этотъ сборникъ—лучшее, что написалъ Благовѣщенскій; въ него вошелъ весь «Аѳонъ» и еще нѣсколько очерковъ. Въ 1873 г. вышли въ С.-Петербургѣ-же «Повѣсти и разсказы Н. А. Благовѣщенскаго». Дальнѣйшіе труды его посвящены изученію Терскаго края. Онъ составилъ «Списокъ населенныхъ мѣстъ терской области» и редактировалъ «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по терской области», «Статистическія монографіи» и описаніе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, представленное на московскую всероссійскую выставку. Съ ноября 1880 г. Благовѣщенскій былъ редакторомъ неофиціальной части «Терскихъ Вѣдомостей». Въ 1885 г. ухудшеніе здоровья заставило его отказаться отъ секретарства въ статистическомъ комитетѣ, но редакцію «Вѣдомостей» онъ сохранилъ до смерти.

«Терскія Вѣдомости» 1889 г., №№ 58, 59 и 63. — Словари: Березина, Ефрона и Венгерова.

Благовѣщенскій, *Николай Михайловичъ*, профессоръ с.-петербургскаго университета, род. въ С.-Петербургѣ 2 апрѣля 1821 г., ум. 4 августа 1892 г. Окончивъ въ 1842 г. курсъ главнаго педагогическаго института, онъ былъ командированъ за границу для продолженія занятій по классической филологіи; пробывъ три года въ лейпцигскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ, онъ, по возвращеніи въ Россію, былъ опредѣленъ въ казанскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ римской словесности и древностей, а въ 1852 г. переведенъ въ С.-Петербургъ профессоромъ педагогическаго института и университета. Во время пребыванія въ Казани Благовѣщенскій пріобрѣлъ степени магистра римской словесности и доктора философіи и древней филологіи (въ 1847 и 1851 гг.). Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета, въ 1872 г. утвержденъ ректоромъ варшавскаго университета и оставался въ этой должности до 1883 г., когда, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку и затѣмъ причисленъ къ министерству народнаго просв. и сдѣланъ членомъ совѣта министра. Кромѣ того Благовѣщенскій, съ 1867 по 1869 г., состоялъ членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ.—Главнѣйшія изъ сочиненій Благовѣщенскаго: De carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento. Petrop. 1853.—О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа (Спб. 1855 г.).—О судьбахъ римской трагедіи (Журн. мин. нар. пр. 1848, 6).—Горацій и его время, Спб. 1864 г.—Римскій сатирикъ Персій (Рус. Вѣстн. 1866 г.).—Сатиры Персія Спб. 1873 г.—Переводъ III, VII и VIII-й сатиръ Ювенала (Журн. мин. нар. пр. 1884, 4. 1885, 1. 1886, 2).—Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры (Спб. 1891).

Автобіографическій очеркъ въ Критико-біогр. словарѣ Венгерова. — Цвѣтаевъ, Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго (1848—88), Спб. 1888.—Некрологъ, составленный профессоромъ И. В. Помяловскимъ, въ Журн. мин. нар. пр., 1892, Сент.—Статья профессора Булича въ Волжскомъ Вѣстн. 1891, № 19.—Словарь Андреевскаго.

Благодаровъ, *Яковъ Ивановичъ*, писатель; въ 1784 г. былъ студентомъ московскаго университета и принималъ участіе въ журналѣ Новикова «Покоющійся трудолюбецъ». Отдѣльно изданы Благодаровымъ слѣдующіе труды: 1) Комедія «Матерняя любовь». М. 1786 г.; 2) Полезное и увеселительное чтеніе для юношества и для всякаго возраста. М. 1788 г.; 3) Грамматика польскаго языка. М. 1796 г.; 4) Егорушка, или человѣкъ самъ собою довольный. М. 1797 г.; 5) Національныя изображенія ремесленниковъ, снятыя съ натуры въ С.-Петербургѣ. М. 1799 г. Кромѣ того Благодаровъ перевелъ, по преимуществу съ нѣмецкаго языка, 11 книгъ, изъ коихъ большая часть имѣетъ нравственно-нази-

дательный характеръ, нѣкоторыя посвящены медицинѣ, есть и беллетрическія произведенія.

Неустроевъ, Историч. разыск.—Словари: Митр. Евгенія, Геннади и Венгерова.

Благодатовъ, *Иванъ Алексѣевичъ* (Силычъ), врачъ, ум. 27 августа 1852 г. въ Бузулукѣ. Онъ учился въ московскомъ университетѣ, въ 1822 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 2-го отдѣл., въ 1823 г. поступилъ на службу въ 1-й тептярскій казачій полкъ, въ 1827 г. сталъ штабъ-лѣкаремъ, въ 1829 и 30 гг. командированъ въ Оренбургъ на холерную эпидемію. Въ 1835 г. Благодатовъ былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ того же полка, а въ 1838 г. уволенъ; съ 1843 г. онъ былъ бузулукскимъ уѣзднымъ врачемъ въ оренбургской губерніи.—Ему принадлежитъ: «Краткое описаніе холеры» (Собр. актовъ 1830 г.).

Змѣевъ, Р. врачи писат.

Благосвѣтловъ, *Григорій Евлампіевичъ*, род. 1 августа 1824 г. въ Ставрополѣ кавказскомъ, гдѣ отецъ его служилъ полковымъ священникомъ, ум. 7 ноября 1870 г. По окончаніи курса въ духовномъ училищѣ, Благосвѣтловъ поступилъ въ саратовскую семинарію, окончивъ которую, перешелъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію и затѣмъ въ с.-петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ. Окончивъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ правъ, Благосвѣтловъ поступилъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныя заведенія. Здѣсь способный учитель вскорѣ обратилъ на себя вниманіе начальника штаба военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева. Но не смотря на это, преподавательская дѣятельность Благосвѣтлова продолжалась недолго. Въ 1855 г. онъ состоялъ преподавателемъ въ пажескомъ корпусѣ. На одномъ изъ уроковъ Благосвѣтловъ задалъ ученикамъ написать сочиненіе на тему по собственному выбору. Одинъ изъ пажей написалъ похвальное слово покойному Императору Николаю I, но плохо. Благосвѣтловъ это ему замѣтилъ, а пажъ понялъ замѣчаніе иначе и передалъ, вѣроятно, всю эту исторію въ превратномъ видѣ своему дядѣ, генералу Дубельту, завѣдывавшему III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи. Вскорѣ послѣ этого Благосвѣтлову предложили оставить занятія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Хотя затѣмъ Благосвѣтловъ нашелъ себѣ уроки въ Павловскомъ институтѣ, состоявшемъ подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны, но и здѣсь сказалось вліяніе Дуббельта, такъ что Благосвѣтловъ долженъ былъ оставить и это мѣсто. Тогда, въ 1857 г. онъ уѣзжаетъ за границу, въ Лондонъ, знакомится съ А. И. Герценомъ и нѣкоторое время состоитъ воспитателемъ его дѣтей. Изъ Лондона, проживъ недолго въ Швейцаріи, Благосвѣтловъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и гдѣ впервые познакомился съ графомъ П. А. Кушелевымъ-Безбородко, основателемъ и издателемъ журнала «Русское Слово». Въ это же время въ Парижѣ жилъ Я. П. Полонскій, приглашенный гр. Кушелевымъ въ редакторы, и набиралъ сотрудниковъ. Случай свелъ его съ Благосвѣтловымъ, отъ котораго была принята статья «Значеніе Парижскаго университета» (напечатана въ январьской книжкѣ «Рус. Сл.» 1859 г.), и которому издатель авансомъ выдалъ чекъ на 1.000 франковъ. Полонскій редактировалъ «Русское Слово» недолго, и послѣ него редакція перешла въ руки А. Хмѣльницкаго, оказавшагося черезъ нѣкоторое время вполнѣ неспособнымъ къ веденію толстаго журнала. Тогда, въ половинѣ 1860 г., гр. Кушелевъ пригласилъ въ редакторы Благосвѣтлова. Подъ его редакторствомъ и при сотрудничествѣ съ 1860 г. Д. И. Писарева, журналъ принялъ крайнее радикальное направленіе, такъ что въ 1862 г. былъ пріостановленъ на полгода, а съ 1863 г. гр. Кушелевъ передалъ Благосвѣтлову издательскія права. Въ 1866 г. «Русское Слово», по Высочайшему повелѣнію, было запрещено на второй книжкѣ. Чтобы удовлетворить подписчиковъ, Благосвѣтловъ задумалъ издать сборникъ «Лучъ». Первый томъ «Луча» Благосвѣтлову удалось выпустить, а второй былъ остановленъ. Въ концѣ 1866 г. былъ разрѣшенъ подцензурный журналъ «Дѣло», и Благосвѣтловъ сдѣлался въ немъ руководителемъ, негласнымъ редакторомъ. «Дѣло» было продолженіемъ «Русскаго Слова», хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. У «Дѣла», какъ и у его предшественника, было не мало столкновеній съ цензурой, что доставляло Благосвѣтлову много заботъ и хлопотъ, унося его здоровье. Не поддерживали его и поѣздки за границу. которыя онъ предпринималъ каждое лѣто.—

Похороненъ Благосвѣтловъ на Волковомъ кладбищѣ.—Первые литературные труды Благосвѣтлова имѣли, преимущественно, историко-литературный и частью критическій характеръ. Такъ въ 1856 г., въ «Сынѣ Отечества» былъ напечатанъ его «Историческій очеркъ русскаго прозаическаго романа», а въ «Отечеств. Запискахъ»—«Взглядъ на русскую критику». Затѣмъ, въ 1857 г., въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» появились: «Современное направленіе русской литературы», «Иринархъ Ивановичъ Введенскій» (съ которымъ Благосвѣтловъ былъ очень друженъ), «Часы моего досуга» и въ 1858 г. «Послѣдняя комедія Эмиля Ожье». Въ «Русскомъ Словѣ» онъ выступилъ вышеупомянутой статьей о парижскомъ университетѣ и затѣмъ печатался только въ «Русскомъ Словѣ» и «Дѣлѣ». Будучи редакторомъ, онъ работалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ всякій другой постоянный сотрудникъ. За этотъ періодъ времени онъ написалъ болѣе 50 статей по разнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ, экономическимъ и историческимъ и, большею частью, по поводу вновь выходившихъ книгъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Большая часть изъ этихъ статей вошла въ составъ объемистаго тома, изданнаго Е. А. Благосвѣтловой въ 1882 г., подъ заглавіемъ: «Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова», съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. По своимъ возрѣніямъ Благосвѣтловъ былъ крайнимъ западникомъ; особенно любилъ онъ Францію и Англію. Въ первой ему нравился весь складъ политической жизни; во второй—сила общественнаго мнѣнія и вліяніе его на администрацію. Характеристика Благосвѣтлова, какъ журналиста и человѣка, сдѣлана въ слѣдующихъ словахъ въ одномъ изъ некрологовъ («Нов. Время» 1880 г., № 1689): «Хотя покойный, во время своей долгой журнальной дѣятельности, нерѣдко былъ упрекаемъ за эксплуатацію молодыхъ журнальныхъ талантовъ, но несомнѣнно однако же, что онъ во всю свою жизнь былъ самымъ упорнымъ работникомъ и замѣчательнымъ журнальнымъ организаторомъ, обладавшимъ всѣми качествами настоящаго руководителя солиднаго органа: хорошимъ образованіемъ, упорнымъ трудолюбіемъ, журнальной ловкостью и живостью и замѣчательнымъ критическимъ и публицистическимъ талантомъ». Въ томъ же некрологѣ говорилось, что Благосвѣтловъ нажилъ себѣ журналистикой значительное состояніе.

Біографическій очеркъ «Г. Е. Благосвѣтловъ» при его сочиненіяхъ, изд. 1882 г. — «Дѣло» 1880 г., № 11 (некрологъ и подробная библіографія его сочиненій). — „Новое Время" 1880 г., № 1689, отъ 9-го ноября.—„Всемірная Иллюстрація" 1880 г. № 622.—Сочиненія Шелгунова, т. I (воспоминанія).—Словари: Толя, Березина, Андреевскаго, Венгерова (въ послѣднемъ сосредоточенъ характерный матеріалъ для выясненія отношеній Благосвѣтлова къ его сотрудникамъ).

Благой. См. **Благово**.

Благушинъ, *Григорій*, златописецъ посольскаго приказа; упоминанія о немъ въ источникахъ встрѣчаются съ 1646 по 1681 г. Онъ разрисовывалъ золотомъ царскія грамоты къ иностраннымъ государямъ и къ восточнымъ іерархамъ, а также принималъ участіе въ исполненіи художественныхъ рукописей, приготовлявшихся въ посольскомъ приказѣ для царской библіотеки. Заставки его работы находятся въ слѣдующихъ рукописяхъ: «Книга царскаго поставленія», «Греческій синодикъ», «Всѣхъ окрестныхъ государствъ государственная книга, или Государственная большая книга, а въ той книгѣ писано Россійского великого царствія и всѣхъ окрестныхъ государствъ христіанскихъ и мусульманскихъ государственные гербы въ клеймахъ, и около государскихъ персонъ клейма же золотомъ и серебромъ и разными красками»; въ томъ же родѣ исполнены двѣ «Государственныя книги великихъ государей и царей Россійскихъ и великихъ князей и христіанскихъ и бусурманскихъ государей»; кромѣ того Благушинъ работалъ для царя «листы и узоры на пламы, и чепрашные и къ полковымъ знаменамъ клейма» и пр.

Дополн. къ Акт. Историч., III, VI, IX.

Бланкъ, *Борисъ Карловичъ*, писатель, род. въ 1769 г., ум. ок. 1826 г. въ своемъ липецкомъ имѣніи. Прадѣдъ его, *Яковъ* Бланкъ, былъ молотовымъ мастеромъ на олонецкихъ заводахъ при Петрѣ Великомъ; дѣдъ, *Иванъ Яковлевичъ*, род. въ 1708 г. и, доживъ до времени Екатерины II, былъ архитекторомъ въ С.-Петербургѣ и считался хорошимъ рисовальщикомъ; отецъ, *Карлъ Ивановичъ*, тоже архитекторъ, производилъ различныя работы въ Москвѣ и считался въ концѣ XVIII в. авторитетомъ по строительной техникѣ. Борисъ Бланкъ въ молодости служилъ въ нѣсколькихъ гвардейскихъ полкахъ, въ 1797 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника, а съ 1805 г.

былъ можайскимъ предводителемъ дворянства. Подружившись съ кн. Шаликовымъ, издателемъ «Московскаго Зрителя», «Аглаи» и «Дамскаго Журнала», Бланкъ началъ усердно сотрудничать въ этихъ журналахъ и за время съ 1806 г. по 1826 г. помѣстилъ въ нихъ 329 стихотвореній и 14 статей въ прозѣ. Еще ранѣе Бланкъ перевелъ двѣ оперы («Красавица и привидѣніе», М., 1789, и «Плѣнира и Зелимъ», М., 1789) и англійскій романъ: «Платоническій опекунъ» (съ франц., 1795). Во время работъ въ Шаликовскихъ журналахъ имъ переведены еще: «Живой мертвецъ», ром. Радклифъ (съ фран., М. 1806 и 1816), «Четыре части дня», поэма Захаріи (съ франц., М. 1806) и еще двѣ оперы: «Фаниска» (съ нѣмецк., въ «Журн. Драмат.», 1811 г., № 5) и «Эхо-любовникъ» (ib., № 10). Всѣ произведенія Бланка представляются типичными образцами того фальшиваго сентиментализма, которымъ наполнили нашу литературу неумѣлые подражатели Карамзина въ первую четверть XIX в.

Полный перечень всѣхъ произведеній Бланка и незначительной литературы о немъ въ «Словарѣ» Венгерова (статья М. Мазаева). — О предкахъ Бланка—Петрова, Матер. для Ист. Ак. Худ.

Бланкъ (Планкъ), *Василій*, полуполковникъ рейтарскаго строя, въ 1663 г. посланъ былъ съ ротою своихъ рейтаръ изъ Тобольска въ государевы слободы тобольскаго и верхотурскаго уѣздовъ для охраны ихъ отъ угрожавшихъ нападеніемъ башкиръ; въ 1664 г. Бланкъ разбилъ инородцевъ, пограбившихъ деревни подъ Невьянскимъ острогомъ, и нѣкоторое время оставался въ этомъ острогѣ, а затѣмъ перешелъ на стоянку въ Чубарову слободу, тобольскаго у., и въ 1665 г. двинулся отсюда для преслѣдованія татаръ, пограбившихъ Киргинскую слободу; эта экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Дополн. къ Акт. Историч., IV и V.

Бланкъ, *Григорій Борисовичъ*, сынъ Бориса Карловича, публицистъ, род. въ 1811 г., ум. въ концѣ 1889 г. Въ 1828 г. онъ окончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при с.-петербургскомъ университетѣ и поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ былъ сначала чиновникомъ особыхъ порученій, затѣмъ столоначальникомъ и наконецъ правителемъ канцеляріи. Въ 1837 г. онъ перешелъ начальникомъ отдѣленія въ департаментъ государственныхъ имуществъ, а позже былъ старшимъ чиновникомъ въ IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, въ 1848 г. имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и въ началѣ 50-хъ гг. вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ Бланкъ жилъ въ своей тамбовской деревнѣ. Въ 50-хъ гг. Бланкъ выступилъ на публицистическое поприще убѣжденнымъ защитникомъ крѣпостного права, которое считалъ оригинальной и благотворной особенностью русской жизни. Крупнѣйшія статьи Бланка напечатаны въ «Трудахъ В. Эконом. Общ.»: «Русскій помѣщичій крестьянинъ», 1856, № 6, «Отвѣтъ» на замѣтку В. П. Безобразова, 1857, № 1, «Объ управленіи рабочими людьми въ русскомъ хозяйствѣ» 1857 г.; въ томъ же году помѣщены въ «Запискахъ» Лебедянскаго общества сельскаго хозяйства отвѣты Бланка на запросы этого общества; затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Вѣсти» 60-хъ гг. и въ «Русскомъ Мірѣ» 70-хъ гг. Отдѣльно изданы: «Замѣтки на статью Великосельцева въ № 48 Экономическихъ Записокъ и о лѣсоводствѣ г. Козлова», Спб., 1857; «Движеніе законодательства», Спб., 1869; «Объ отношеніи воинской реформы къ экономическому быту Россіи», М., 1871; «О введеніи ипотеки въ Россіи», Спб., 1873; «О связи финансоваго міра съ экономическимъ», Спб., 1874; «Глиномятныя постройки», Спб., 1878; «О несгораемыхъ строеніяхъ», Спб., 1879; «Ипотека въ Россіи» Спб., 1881.

Словарь Венгерова.

Бларамбергъ, *Иванъ Павловичъ*, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей древностей побережья Чернаго моря, род. во Фландріи въ 1772 г., ум. 31 декабря 1831 г. въ чинѣ дѣйств. ст. сов. Вступивъ въ голландскую военную службу въ 1786 г., Бларамбергъ вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и участвовалъ въ войнѣ за штатгальтера принца Вильгельма Оранскаго; взятый въ плѣнъ въ 1792 г., Бларамбергъ освободился только въ 1795 г. и въ томъ же году перешелъ на англійскую службу, а въ 1797 г. прибылъ въ Петербургъ; вскорѣ затѣмъ онъ переселился въ Москву, гдѣ оставался до 1804 г., получая жалованье отъ англійскаго правительства. Въ 1804 г. Бларамбергъ переѣхалъ опять въ Петербургъ, перешелъ въ русскую службу и былъ назначенъ помощникомъ редактора въ коммисію по составленію законовъ. Въ

1805 г. онъ получилъ должность референдарія, въ 1806 г. произведенъ въ коллежскіе ассессоры за «систематическое извлеченіе изъ иностранныхъ законодательствъ статей по гражданскому праву», въ 1807 г. уволенъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника. Въ 1808 г. Бларамбергъ былъ принятъ на службу прокуроромъ коммерческаго суда въ Одессѣ, въ 1810—1811 гг. былъ таможеннымъ инспекторомъ херсонской губ., затѣмъ былъ причисленъ къ герольдіи, а въ 1812 г. назначенъ начальникомъ одесскаго таможеннаго округа. Въ 1824 г. онъ вышелъ въ отставку, но черезъ годъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, кн. М. С. Воронцовѣ, который ему покровительствовалъ. Объѣзжая край по служебнымъ обязанностямъ, Бларамбергъ заинтересовался разсѣянными здѣсь остатками старины и сталъ серьезно заниматься археологіей. Онъ познакомился съ мѣстными археологами и особенно сблизился съ извѣстнымъ И. А. Стемпковскимъ. Плодомъ ихъ совмѣстной дѣятельности явился цѣлый рядъ открытій, пролившихъ новый свѣтъ на древнѣйшую исторію Новороссійскаго края. По представленію кн. Воронцова, Императоръ Александръ I повелѣлъ учредить музей для храненія накопившихся предметовъ древности; когда послѣдовало открытіе музеевъ — въ Одессѣ, 9 авг. 1825 г. и въ Керчи—2 іюня 1826 г., Бларамбергъ былъ назначенъ директоромъ ихъ. Благодаря многочисленнымъ раскопкамъ и прекрасному знакомству съ археологической литературой, ему удалось сдѣлать нѣсколько весьма значительныхъ открытій. Такъ, онъ точно опредѣлилъ мѣстоположенія цѣлаго ряда древнихъ городовъ, крѣпостей и селеній, какъ напр. Тиры, Никоніи, Фиска и др.; онъ же, основываясь на псефизмахъ и надписяхъ, открылъ существованіе пятисоюзія, составленнаго изъ портовыхъ городовъ западнаго берега Чернаго моря въ слѣдующемъ порядкѣ: Томи (Кюстенджи), Каллатія (Манталія), Одиссосъ (Варна), Месемврія и Аполлонія (Сизополи). Наконецъ, Бларамбергъ первый разработалъ нумизматику Ольвіи и сосѣднихъ съ ней древне-греческихъ поселеній. Печатные труды Бларамберга: 1) Notice sur quelques objets d'antiquité, decouverts en Tauride dans un tumulus, près du site de l'ancienne Panticapée. Paris 1822; 2) Choix des médailles antiques d'Olbiopolis, ou d'Olbia, avec une notice sur Olbia. Роскошное изданіе, напечатанное въ Парижѣ въ 1822 г., съ приложеніемъ плана развалинъ г. Ольвіи и 21 таблицы съ 204 изображеніями и 29 монограммъ. Эта книга переведена въ 1828 г. въ Москвѣ А. Писаревымъ; 3) О предполагаемомъ мѣстоположеніи Діанова храма въ Тавридѣ. «Одесскій Альманахъ» на 1831 г.: 4) De la position des trois forteresses scythes dont parle Strabon. Одесса, 1831 г. (ранѣе, въ 1829 г. переведено съ рукописи на нѣмецкій языкъ въ Митавѣ); 5) Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста древней Тавриды. «Записки Од. Общ. Ист. и Древн.», т. II. Кромѣ того, Бларамбергъ много писалъ о древностяхъ южно-русскихъ въ «Одесск. Вѣстн.». Изъ неизданныхъ трудовъ Бларамберга, хранящихся въ Академіи Наукъ, наиболѣе замѣчательны: 1) Observations sur quelques points relatifs à la Géographie ancienne de la Tauride; 2) Подробная карта Киммерійскаго пролива; 3) Собраніе плановъ подъ заглавіемъ: Tracés approximatives des vestiges de l'ancien Cimerium, d'Acra, de Nymphée, de Mirmecium et de Tiritace.

Записки Од. Общ. Ист. и Др., т. II.—Юргевичъ, Историч. очеркъ И. Од. Общ. Ист. и Древн. Одесса. 1889.—Словари: Плюшара, Геннади, Снегирева, Венгерова (статья В. Яковлева) и др.—Querard, La littérature française contemporaine, I, 599.

Бларамбергъ, *Иванъ Өедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, писатель, род. во Франкфуртѣ на Майнѣ 8 апрѣля 1803 г., ум. въ Симферополѣ 8 декабря 1878 г. Окончивъ курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, онъ, по приглашенію своего дяди, извѣстнаго археолога И. П. Бларамберга, въ 1823 г. выѣхалъ въ Россію и опредѣлился въ институтъ корпуса путей сообщенія, изъ котораго, въ іюнѣ 1826 г., выпущенъ на службу прапорщикомъ. Какъ инженеръ, Бларамбергъ участвовалъ въ постройкѣ Конюшеннаго моста въ Петербургѣ, вслѣдъ затѣмъ находился въ Одессѣ при устройствѣ гидравлическаго пресса для сжиманія сѣна, и, наконецъ, въ декабрѣ 1828 г. былъ командированъ, вмѣстѣ съ библіотекаремъ Его Величества г. Седжеромъ и г. Дезарно, для изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи памятниковъ строительнаго искусства въ Европейской Турціи, занятой русскими войсками. Въ 1830 г.

Бларамбергъ переведенъ въ генеральный штабъ и причисленъ къ отдѣльному кавказскому корпусу, съ которымъ участвовалъ въ рядѣ экспедицій противъ горцевъ, и получилъ за боевыя отличія орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Въ 1835 г. онъ принялъ участіе въ экспедиціи Карелина для изслѣдованія и съемки восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и первый изъ русскихъ офицеровъ проникъ въ глубь страны отъ Красноводска и Карабугаза; помѣстивъ отчетъ объ экспедиціи въ «Запискахъ Географическаго Общества» (кн. IV, 1850 г.), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ обстоятельное, въ 2-хъ частяхъ, описаніе Кавказа, за что былъ пожалованъ значительною денежною наградою. Вызванный, вслѣдъ затѣмъ, въ Петербургъ, Бларамбергъ вскорѣ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ нашему министру въ Персіи, гдѣ и находился съ 1837 по 1840 г. Свѣдѣнія, собранныя имъ во время предпринимаемыхъ путешествій по Персіи, напечатаны первоначально въ «Запискахъ Географическаго Общества», а въ 1853 г. изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «Статистическое обозрѣніе Персіи, составленное въ 1841 г.» По возвращеніи въ Россію, въ мартѣ 1840 г. Бларамбергъ былъ причисленъ къ отдѣльному оренбургскому корпусу и, оставаясь на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ 15 лѣтъ, выполнялъ множество разнообразныхъ порученій. Въ 1841 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, сопровождавшаго Императорскія миссіи, бухарскую и хивинскую, до р. Сыръ-Дарьи; въ апрѣлѣ 1843 г.—опредѣленъ на должность оберъ-квартирмейстера оренбургскаго корпуса и оставался въ ней до 1855 г.; въ 1852 г. онъ состоялъ начальникомъ топографической съемки Киргизской степи и тогда-же занялся составленіемъ статистическаго описанія губерній: оренбургской, вятской и казанской. Съ этою цѣлью онъ былъ командированъ для осмотра береговъ рѣкъ: Джилхуара, Тобола, Большаго Ялта, Нижняго Иргиза, Темира, Эмбы и въ Мугоджарскія горы, съ одновременнымъ порученіемъ выбрать мѣстности, удобныя для возведенія укрѣпленій и постройки казармъ. Въ 1852 г. полковникъ Бларамбергъ получилъ въ командованіе вооруженный отрядъ, посланный въ Киргизскую степь, и съ нимъ, слѣдуя вверхъ по р. Сыръ-Дарьѣ до коканскаго укрѣпленія Акъ-Мечети, овладѣлъ штурмомъ укрѣпленіями: Кошъ-Курганомъ, Шимъ-Курганомъ, на берегу Ямань-Дарьи, и Кумышъ-Курганомъ, на берегу Чиргайли. По возвращеніи изъ экспедиціи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1855 г. назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В., въ каковой должности принялъ участіе въ трудахъ Высочайше утвержденнаго комитета для составленія общаго плана хода почтъ въ Имперіи. Въ ноябрѣ 1856 г., вслѣдъ за назначеніемъ генерала Тучкова въ дѣйствующую армію, Бларамбергъ вступилъ на должность директора военно-топографическаго депо и управлялъ имъ до 1867 г., получивъ на этомъ мѣстѣ чинъ генералъ-лейтенанта; при немъ, въ 1863 г., военно-топографическое депо было переименовано въ военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба. Къ этому же времени относится непосредственное, самое дѣятельное его участіе въ засѣданіяхъ Географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ котораго онъ состоялъ съ 1845 г.; подъ его руководствомъ, между прочимъ, издана Обществомъ карта «Европейской Россіи». Въ 1867 г., по разстроенному здоровью, Бларамбергъ былъ уволенъ отъ должности и зачисленъ въ запасныя войска. Занятый обширною перепискою со многими европейскими учеными, онъ послѣдніе годы жизни провелъ въ своемъ имѣніи с. Чоргунъ, въ 12 верстахъ отъ Симферополя, гдѣ и скончался. Кромѣ упомянутыхъ трудовъ Бларамберга, имъ въ 1858 г., по Высочайшему повелѣнію, были изданы «Записки военно-топографическаго депо» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напечатаны на страницахъ «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида», переводы многихъ географическихъ статей для извѣстнаго изданія Питермана. Послѣдній трудъ составляютъ его воспоминанія, изданныя въ трехъ томахъ въ Берлинѣ, въ 1874—1876 гг., подъ заглавіемъ «Erinnerungen aus dem Leben des kaiserlichen russischen general-lieutenant I. V. Blaramberg».

«Рус. Инвал.» 1878 г. № 285.—«Новое Время» 1878 г. № 1007.—«Голосъ» 1878 г. № 344.—«Медали въ честь рус. госуд. дѣятелей» Иверсена, вып. I, стр. 55.—«Отчеты И. Р. Географ. Общества» за 1852 г. стр. 78; 1853 г. стр. 34; 1854 г стр. 70; 1855 г. стр. 52 и 1878 г. стр. 12—14.

Д. С—въ.

Блашъ, балетмейстеръ С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, отставной артиллерійскій офицеръ. Въ 1831 г. приглашенъ былъ въ Россію изъ Бордо кн. Гагаринымъ на мѣсто Дидло, оставившаго службу. Имъ были поставлены слѣдующіе балеты: «Донъ-Жуанъ» (1832 г.), «Сумбека или покореніе Казани» (1832 г.), «Марсъ и Венера или Вулкановы сѣти» (1833 г.), «Амадисъ», «Фюльбертъ», «Венеціанскія забавы» (1833 г.), «Амуръ въ деревнѣ» и «Дафнисъ» (1834 г.). Какъ балетмейстеръ, Блашъ оказался ниже посредственности: всѣ поставленные имъ балеты были совершенно неудачны и не имѣли успѣха, а приглашенные на службу иностранные артисты (наплывъ которыхъ при Блашѣ сталъ особенно замѣтнымъ) оказались плохими и безцвѣтными исполнителями.

Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ. Ч. I. СПБ. 1877. — Скальковскій, Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. СПБ. 1882.

Блеклый (Блеклой), *Семенъ Александровичъ*, бригадиръ, комендантъ Кронштадта, ум. 13 ноября 1727 г. Въ 1717 г. онъ былъ уже полковникомъ (командиромъ) владимірскаго пѣхотнаго полка, въ 1718 г. получилъ часть конфискованныхъ помѣстій сосланнаго въ Сибирь кн. С. И. Щербатова, въ 1723 г. участвовалъ въ коммиссіи, судившей Шафирова; затѣмъ его имя упоминается въ подметномъ письмѣ 1724 г. въ числѣ членовъ вышняго суда, обвиняемыхъ въ стяжательствѣ; въ 1726 г., уже въ чинѣ бригадира, опредѣленъ комендантомъ въ Кронштадтъ, и въ этой должности оставался до смерти; въ 1727 г. сопровождалъ Императора Петра II въ Москву.

Сборникъ И. Р. И. О., т. т. XI, LVI, LXIX, LXXIX, XCIV.—Соловьевъ, Ист. Р.

Блехъ, *Филиппъ* (Ephraim Philipp Blech), врачъ, родомъ изъ Данцига, пять лѣтъ учился въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ врачебному искусству; получивъ отъ геттингенскаго университета дипломъ на степень доктора медицины, пріѣхалъ въ Россію, экзаменовался въ медицинской коллегіи и, выдержавъ испытанія, 2 іюля 1786 г. получилъ право практики въ Россіи.—Написалъ диссертацію на степень доктора: «De acris dephlogistitati usu in asphyxia» (Goett.).

Я. Чистовичъ, Ист. перв. мед. школъ въ Р.

Блокъ, *Иванъ Леонтьевичъ*, врачъ, род. въ 1734 г. въ Мекленбургъ-Шверинѣ, ум. въ 1810 г. Онъ изучалъ врачебныя науки въ Ростокѣ и Берлинѣ, въ 1755 г. поступилъ въ русскую службу и состоялъ врачемъ при нѣсколькихъ полкахъ. Въ продолженіи Семилѣтней войны былъ въ походѣ при новгородскомъ пѣхотномъ полку. Въ 1785 г. Блокъ былъ назначенъ лейбъ-хирургомъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, съ 1799 г. имѣлъ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника. Въ награду за долговременную службу получилъ 600 душъ крестьянъ въ ямбургскомъ уѣздѣ.

Словари: Геннади и Плюшара.—Сборникъ И. Р. И. О., т. т. 15, 42, 98.

Блосфельдъ, *Георгій Іоакимовичъ* (Georg Ioachim), докторъ медицины, ординарный профессоръ казанскаго университета, род. въ Якобштатѣ, курляндской губ. 27 октября 1797 г., ум. 8 января 1884 г. въ Теплицѣ. По окончаніи курса митавской гимназіи, въ 1815—1818 г. изучалъ медицину въ берлинскомъ университетѣ; въ 1820 г., на основаніи диссертаціи «Meletamata quaedam in historiam antiquissimae medicinae sistens», Petrop., 1820, удостоенъ с.-петербургской медико-хирургической академіей степени доктора медицины. Совершивъ путешествіе съ ученою цѣлью по Германіи, Франціи и Швейцаріи, онъ поселился вольно-практикующимъ врачемъ въ Курляндіи. Въ 1830—32 г. Блосфельдъ исправлялъ должность ординатора въ рижскомъ военномъ госпиталѣ. 22 іюля 1839 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ судебной медицины, исторіи медицины и токсикологіи въ казанскомъ университетѣ, а 27 марта 1848 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; въ 1849 г. былъ временно причисленъ къ юридическому факультету. По порученію правительства, предпринималъ нѣсколько путешествій за границу съ научною цѣлью. Въ 1865 г. вышелъ въ отставку и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Дрезденѣ, а затѣмъ въ Теплицѣ. Кромѣ вышеприведенной диссертаціи, Блосфельдъ напечаталъ много статей въ русскихъ и заграничныхъ журналахъ и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій: Nachrichten über das Kemmernsche Schwefelbad in Livland, Riga, 1836. — О важности исторіи медицины и способѣ ея преподаванія въ университетахъ (Журналъ мин. нар. просв. 1843).— Nachrichten über die Kasanische Universität

und insbesonder über die medicinische Facultät daselbst (Allgem. Zeitung, 1843).— Die Influenza in Kasan im Jahre 1847 (Deutche St.-Petersburger Zeitung, 1847, № 56).—Начертаніе судебной медицины для правовѣдовъ, Казань, 1847.— Замѣчанія о восточной холерѣ, свирѣпствовавшей въ городѣ Казани въ 1847 г., собранныя изъ наблюденій профессоровъ медицинскаго факультета казанскаго университета, Казань 1848.—Prolegomena in encyclopaediam et methodologiam medicinae, Casani, 1848.—О вліяніи судебной медицины на судопроизводство и необходимости для правовѣдовъ знакомиться ближе съ этой наукой (рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи казанскаго университета 6 іюня 1848).—Судебная токсикологія, особенно въ техническомъ отношеніи (Учен. записки казанскаго унив., 1855, II, 3—101).—О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще, и объ умышленномъ изгнаніи плода въ особенности (Сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ профессорами казанскаго университета въ память пятидесятилѣтія его существованія, 1857, томъ II).

Формулярный списокъ.—Біографія Г. І. Блосфельда, написанная бывшимъ его ученикомъ Н. А. Толмачевымъ. — Recke und Napiersky I, 191, Nachträge I, 59—62 и Nachträge zum erster Bande, стр. 6. — Отчетъ Имп. каз. унив. и учебнаго округа за 17 лѣтъ (1827—1844). Казань. 1844.—R. Krebel, Russlands naturhist. und medic. Literatur, Jena, 1847.

Блохины, дворянскій родъ; изъ представителей его въ XVII в. извѣстны: ***Иванъ Яковлевичъ***, бывшій въ 1616 г. воеводою на Унжѣ, а въ 1617—18 г.—въ Кологривѣ; ***Аѳанасій Даніиловичъ*** въ 1617 г. составлялъ десятню тверичей, пострадавшихъ во время пожара въ Твери; въ 1627 г. упоминается въ числѣ дворянъ, дневавшихъ на государевѣ дворѣ, въ 1628 г. былъ посланъ на Донъ за вѣстями о турецкомъ посольствѣ и съ грамотами къ казакамъ, которые, однако, приняли его недружелюбно и даже не дали ему провожатаго на обратный путь; въ 1632 г. онъ составлялъ писцовыя книги по нижегородскому уѣзду; ***Иванъ Ивановичъ*** въ 1827 г. пожалованъ въ стольники къ патріарху, а въ 1639 г. упоминается съ званіемъ царскаго стряпчаго; ***Алексѣй Михайловичъ*** въ 1664 г., въ званіи стряпчаго, присутствовалъ при пріемѣ англійскихъ пословъ въ Москвѣ, а позже былъ стольникомъ и сопровождалъ царя въ поѣздкахъ по монастырямъ—въ 1676 г. къ Троицѣ и въ Звенигородъ, въ 1679 г.—къ Троицѣ; въ 1694 г. дежурилъ при гробѣ царицы Наталіи Кирилловны; ***Матрена Васильевна*** была съ 1672 г. одной изъ самыхъ приближенныхъ боярынь царицы Натальи Кирилловны и во время путешествій часто ѣздила въ одномъ съ нею экипажѣ.

Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 246, 295, 348; II, 949; III, 570, 1136, 1320, 1403, 1404, 1448, 1461, 1485; IV, 17, 22, 108, 859. — Акты Юридич. — Русск. Историч. Библіот., тт. V, IX, XVII, XVIII. — Дополн. къ Акт. Историч., VI.— Лихачевъ, Разрядные дьяки. — Сборникъ И. Р. И. О., т. 104.

Блудова, графиня ***Антонина Димитріевна***, дочь графа Димитрія Николаевича, писательница и благотворительница, род. въ 1812 г. въ Стокгольмѣ, ум. 7 апрѣля 1891 г. въ С.-Петербургѣ. Получивъ подъ руководствомъ отца и избранныхъ имъ учителей превосходное образованіе, графиня Блудова рано получила живой интересъ къ развитію русской литературы и сама пробовала свои силы на писательскомъ поприщѣ, но печатать свои статьи стала только съ 60-хъ гг. Почетную извѣстность пріобрѣла она благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью. Вполнѣ сочувствуя мыслямъ своего отца о необходимости умножить число общеобразовательныхъ школъ въ Россіи, графиня Блудова рѣшилась добрымъ примѣромъ способствовать пробужденію частной иниціативы въ дѣлѣ устройства училищъ. Мѣстомъ своей дѣятельности она избрала г. Острогъ, волынской губ., и организовала Кирилло-Меѳодіевское Острожское братство, уставъ котораго былъ утвержденъ въ мартѣ 1865 г. Въ томъ же году братство открыло начальную школу и приготовительное женское училище, а въ 1866 г. открытъ былъ первый классъ женскаго высшаго училища имени гр. Д. Н. Блудова. Это училище существуетъ до сихъ поръ и дало цѣлый рядъ полезныхъ дѣятельницъ на поприщѣ народнаго образованія. Кромѣ того братство содержитъ пансіонъ для крестьянскихъ мальчиковъ, учащихся въ острожской прогимназіи, лечебницу и страннопріимный домъ для богомольцевъ, идущихъ въ Почаевскую лавру.—Графиня Блудова помѣщала статьи въ «Странникѣ» 1863—1871 гг., «Волынскихъ Епарх. Вѣдом.» 1878—1882 гг., «Семейныхъ Вечерахъ» 1876 г.. «Зарѣ» 1871—72 гг. и «Русск.

Архивѣ» 1872—78 гг. Отдѣльно изданы: «Извѣстіе объ Остр. св. Кир.-Меѳ. братствѣ» М. 1866 г., «Воспоминаніе о Почаевской лаврѣ», 1868 г.; «Путешествіе въ Острогъ», Спб., 1868 г.; «Книга для чтенія по русской исторіи», Спб., 1869 г.; «Для немногихъ. Пять мѣсяцевъ на Волыни», Спб., 1868 г.; «Сказаніе о преп. Ѳеодорѣ, кн. Острожскомъ», 1871 г.; «Воспоминанія», Спб., 1871 г. и М. 1889 г.; «Воспитанницамъ училищъ гр. Д. К. Блудова на прощаніе», Спб., 1881 г.

Съ 1863 г. гр. Блудова была камеръ-фрейлиною. Погребена она въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ.

П. Н. Батюшковъ, Волынь. Спб. 1888. — Словари: Голицына и Венгерова. — Некрологи въ газетахъ 1891 г.: «Волынск. Епарх. Вѣдом.», № 12, 15; «Правит. Вѣстн.», № 79, 81; «Кіевлянинъ», № 80, 81, 83; «Новое Время», № 5428 и др.

Блудовъ, *графъ Андрей Дмитріевичъ*, т. сов., камергеръ, сынъ гр. Д. Н. Блудова, род. 8 сентября 1817 г., ум. въ Брюсселѣ 30 марта 1886 г. По окончаніи курса въ СПб. университетѣ вступилъ въ военную службу. Въ 1848 г. опредѣленъ въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ и назначенъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Въ 1855 г. назначенъ старшимъ секретаремъ миссіи въ Ганноверѣ и въ 1856 г.—посольства въ Лондонѣ. 25 октября 1861 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при греческомъ дворѣ, затѣмъ, 30 августа 1865 г. посланникомъ при саксонскихъ дворахъ и 13 декабря 1869 г. — при королѣ Бельгійцевъ. Должность посланника въ Брюсселѣ Блудовъ занималъ втеченіе 15 лѣтъ до своей смерти.

Послужной списокъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. *Н. П. П.—С.*

Блудовъ, графъ *Дмитрій Николаевичъ*, президентъ Академіи наукъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, род. 5 апрѣля 1785 г. въ родовомъ имѣніи Романовкѣ (владимірской губерніи, шуйскаго уѣзда), ум. въ Петербургѣ 19 февраля 1864 г. Ко времеми рожденія Димитрія Николавича родъ Блудовыхъ былъ однимъ изъ заурядныхъ дворянскихъ родовъ. Отца Д. Н. Блудовъ потерялъ, будучи еще ребенкомъ; его воспитаніемъ всецѣло завѣдывала его мать, Екатерина Ермолаевна, изъ рода Тишиныхъ. Домашнее воспитаніе положило на Блудова очень опредѣленный отпечатокъ. Привольная жизнь въ деревнѣ развила въ немъ любовь къ природѣ и тѣмъ какъ бы подготовила въ нѣкоторой степени почву для воспріятія сентиментальныхъ вѣяній, столь характерныхъ для литературнаго движенія начала XIX вѣка. Племянникъ Державина и двоюродный братъ Озерова, Блудовъ съ дѣтства близко стоялъ къ литературнымъ кружкамъ своего времени. Знакомство съ языками помогло ему обогатить себя свѣдѣніями въ области иностранныхъ литературъ: онъ зналъ не только новые языки, но и древніе. Испытавъ въ дѣтствѣ сильное вліяніе одного изъ своихъ гувернеровъ, эмигранта графа де-Фонтеля, Блудовъ соединялъ преклоненіе предъ просвѣтительною философіею XVIII вѣка съ исключительно - отрицательнымъ отношеніемъ къ французской революціи. Аристократическое чувство сильно было въ немъ съ дѣтства, и въ будущемъ въ немъ подготовлялся типъ дѣятеля, просвѣщеннаго, но консервативнаго образа мыслей. Служба Блудова начинается съ 3 іюля 1800 г. въ Москвѣ, куда къ тому времени переѣхала его мать, и гдѣ въ тѣ дни собирались всѣ, покидавшіе Петербургъ съ началомъ царствованія Императора Павла I. Блудовъ поступилъ юнкеромъ въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, единственное въ то время мѣсто, гдѣ можно было начать службу по гражданской части, чѣмъ и объясняется наплывъ сюда многихъ молодыхъ людей громкихъ фамилій. Въ архивъ Блудовъ попалъ благодаря содѣйствію фельдмаршала Каменскаго, который проживалъ въ то время въ Москвѣ, и съ женою котораго мать Дмитрія Николаевича была очень дружна. Служа подъ руководствомъ Бантыша-Каменскаго, Блудовъ сошелся здѣсь съ Вигелемъ, Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, Дашковымъ,—тѣми «архивными юношами», которые составили себѣ почетное имя въ исторіи русской науки; къ этому присоединилось его сближеніе съ Батюшковымъ, Жуковскимъ, нѣсколько позднѣе—съ Карамзинымъ. Къ этому времени относится и одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Блудова—переводъ «О союзахъ, заключенныхъ между государствами», вошедшій въ «Дипломатическія статьи, переведенныя при московскомъ архивѣ служащими благородными юношами въ 1802, 1803, 1804 и 1805 г.г. подъ надзираніемъ ст. сов. Алек. Малиновскаго» (остались въ рукописи).— Въ 1802 г. Блудовъ переѣзжаетъ въ Пе-

тербургъ, и здѣсь начинается его болѣе дѣятельная служба сперва въ коллегіи, а затѣмъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которымъ тогда, за частымъ отсутствіемъ министра гр. Румянцева, фактически управлялъ его товарищъ гр. Салтыковъ. Первое время, однако, служба требовала отъ Блудова такъ мало труда, что онъ сталъ скучать отъ бездѣйствія и думалъ совсѣмъ выйти въ отставку, чтобы всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Лишь года черезъ четыре Салтыковъ обратилъ вниманіе на способнаго юношу и сталъ давать ему болѣе серьезныя порученія. Такъ, 18 октября 1808 г. Блудовъ былъ командированъ въ Голландію, для поднесенія королю Людовику, стремившемуся сблизиться съ Россіей, ордена св. Андрея Первозваннаго; по возвращеніи изъ Голландіи онъ занялъ постъ правителя дипломатической канцеляріи у графа Каменскаго, главнокомандующаго Дунайской арміей (въ началѣ 1810 г.). Въ 1812 г. Блудовъ женился на княжнѣ Щербатовой и вслѣдъ затѣмъ, 13 сентября, былъ назначенъ совѣтникомъ нашей миссіи въ Стокгольмѣ, а въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при шведскомъ дворѣ. Здѣсь онъ успѣшно противодѣйствовалъ французской партіи и заботился о сближеніи Бернадота съ Россіей. Къ этому времени относится знакомство Блудова съ знаменитою французскою эмигранткою, г-жею де-Сталь. Въ 1814 г. онъ вернулся въ Петербургъ.

Начало службы Блудова совпадаетъ, такимъ образомъ, со временемъ борьбы въ нашемъ обществѣ и офиціальныхъ сферахъ двухъ направленій — прогрессивнаго, ободреннаго начинаніями Александра I, и консервативнаго, представители котораго привѣтствовали новое царствованіе, лишь какъ возвращеніе къ политикѣ Екатерины II. Блудовъ опредѣленно сталъ на сторону перваго изъ двухъ названныхъ направленій; въ его наиболѣе раннихъ письмахъ звучитъ рѣзкая нота противъ людей стараго закала; онъ вѣренъ своимъ симпатіямъ и въ дни безраздѣльнаго вліянія на нашу государственную жизнь «негласнаго комитета», и въ дни паденія Сперанскаго. Но симпатіи Блудова отразились не столько на его служебной дѣятельности, сколько на отношеніи къ современнымъ литературнымъ партіямъ. Когда, послѣ временнаго примиренія въ годину Отечественной войны и всеобщаго воодушевленія въ дни взятія Парижа, старые противники снова стали лицомъ къ лицу, мы видимъ Блудова однимъ изъ учредителей «Арзамаса», общества, въ которомъ сплотились литературные враги Шишкова, видѣвшаго въ нихъ чуть ли не политическихъ враговъ Россіи. Самое свое названіе «Арзамасъ» получилъ отъ сатирическаго произведенія Блудова «Видѣніе въ Арзамасѣ». До конца существованія «Арзамаса» Блудовъ оставался его дѣятельнымъ членомъ; онъ носилъ здѣсь псевдонимъ «Кассандра»; Жуковскій посвятилъ ему вторую часть своихъ «Спящихъ Дѣвъ». Годъ отъѣзда Блудова въ Англію (1817) совпадаетъ съ началомъ замиранія «Арзамаса». Воспитывая въ своихъ участникахъ благородныя чувства, «Арзамасъ» оставался, однако, чисто литературнымъ кружкомъ, не преслѣдовавшимъ достиженія какихъ бы то ни было общественныхъ реформъ. У болѣе молодого поколѣнія замѣчается перевѣсъ въ сторону общественныхъ интересовъ; тѣ средства, какими оно старается добиться осуществленія своихъ идеаловъ, болѣе рѣзки и рѣшительны, чѣмъ безобидныя, въ сущности, эпиграммы арзамасцевъ. Дни «Арзамаса» проходятъ, наступаютъ дни «Союза Благоденствія», а нѣсколько позднѣе—Сѣвернаго и Южнаго тайныхъ обществъ. Параллельно съ этимъ въ русской политикѣ все усиливается охранительное направленіе, перешедшее позже, благодаря революціоннымъ движеніямъ, въ реакцію. Не сочувствуя не только средствамъ, но и многимъ изъ взглядовъ своихъ болѣе молодыхъ современниковъ, Блудовъ, однако, оставался врагомъ реакціи, но большая осторожность и, быть можетъ, даже гибкость во всемъ, что касалось практической жизни, позволили ему занять такое положеніе среди враждебныхъ партій, которое нисколько не мѣшало удачному продолженію служебной карьеры. Съ конца 1817 г. по 1820 г. Блудовъ былъ сначала совѣтникомъ нашего посольства, а потомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ, гдѣ, между прочимъ, на него была возложена обязанность слѣдить за англійскою повременною печатью и опровергать появлявшіяся въ ней неблагопріятныя для Россіи слухи. По возвращеніи въ Россію, Блудову было поручено перевести на русскій языкъ многіе политическіе акты, что стояло въ связи съ желаніемъ Государя вве-

сти мало-по-малу русскій языкъ въ дипломатическую переписку. Результатомъ этого было изданіе «Документовъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами Европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.». 31 іюля 1822 г. Блудовъ былъ прикомандированъ, по Высочайшему повелѣнію, къ министерству внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ Бессарабіи.

До сихъ поръ самая область, въ которой протекала служебная дѣятельность Блудова, позволяла ему оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ внутренней политики. Иначе сложились обстоятельства въ новое царствованіе. Императоръ Николай, вступившій на престолъ неожиданно для самого себя, былъ затрудненъ въ выборѣ сотрудниковъ и обратился за совѣтомъ къ Карамзину, который указалъ ему на нѣсколькихъ надежныхъ людей, въ томъ числѣ и на Блудова. Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе его и участіе въ самыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлахъ. Первымъ шагомъ Блудова на этомъ поприщѣ было участіе въ качествѣ дѣлопроизводителя въ Верховной слѣдственной коммиссіи, судившей декабристовъ, среди которыхъ было не мало близкихъ ему лично людей. Н. И. Тургеневъ въ извѣстной книгѣ «La Russie et les Russes» рѣзко осуждаетъ поведеніе Блудова въ этой коммиссіи, приписывая въ значительной степени ему суровость окончательнаго приговора суда надъ декабристами, но Е. П. Ковалевскій довольно удачно опровергаетъ Тургенева. Въ запискахъ прочихъ декабристовъ объ этой сторонѣ дѣятельности Блудова почти ничего не говорится. Повидимому, онъ чувствовалъ, какъ скользко его положеніе въ коммиссія, и, чтобы выйти изъ затрудненія, уклонился отъ всякаго активнаго участія въ слѣдствіи и ограничился исполненіемъ роли добросовѣстнаго протоколиста.

По окончаніи трудовъ слѣдственной коммиссіи Блудовъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, 25 ноября 1826 г. занялъ постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, въ 1827 г. ему было ввѣрено управленіе дѣлами комитета по злоупотребленіямъ при поставкѣ корабельныхъ лѣсовъ, а 25 апрѣля 1828 г. — главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Въ этой послѣдней должности ему пришлось столкнуться съ выдвинувшимся тогда на очередь вопросомъ объ обращеніи въ православіе уніатовъ. Отчасти гуманныя традиціи свѣтлой половины предыдущаго царствованія, отчасти свойственная лично Блудову осторожность и нелюбовь къ рѣшительнымъ мѣрамъ заставили его примкнуть въ этомъ вопросѣ къ мнѣнію митрополита Іосифа Симашко, стоявшаго за постепенныя и кроткія мѣры и находившаго, что нельзя «передѣлать вдругъ то, чего поляки достигли въ теченіе болѣе 200 лѣтъ». Взгляды Блудова по этому вопросу находили себѣ противника въ лицѣ Муравьева, мнѣніе котораго въ концѣ концовъ восторжествовало; но оппозиція Блудова выражалась въ такихъ осторожныхъ формахъ, что торжество противуположныхъ взглядовъ не подорвало его служебнаго положенія. 6 декабря 1828 г. Блудовъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Съ конца іюля 1830 г. по январь 1831 г. онъ, сверхъ прочихъ своихъ обязанностей, управлялъ министерствомъ юстиціи за отсутствіемъ министра Дашкова. Около того же времени онъ, по Высочайшему повелѣнію, пересмотрѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ важнѣйшихъ архивныхъ документовъ, разбросанныхъ по разнымъ хранилищамъ, преимущественно же находившихся въ Кабинетѣ Его Величества. Драгоцѣнность этихъ документовъ для будущихъ историковъ вполнѣ была понята Блудовымъ, и онъ сосредоточилъ ихъ въ Государственномъ архивѣ. 13 января 1831 г. Блудовъ былъ удостоенъ весьма лестнаго Высочайшаго рескрипта за ревностное выполненіе всѣхъ возлагавшихся на него порученій и въ томъ же году былъ назначенъ членомъ комитетовъ по дѣламъ: Царства Польскаго (19 августа) и западныхъ губерній (въ сентябрѣ). 12 февраля 1832 г. Блудовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и управлялъ этимъ вѣдомствомъ до 1838 г. За это же время онъ, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, засѣдалъ въ различныхъ комитетахъ, между прочимъ, — по вопросу о пріемѣ въ учебныя заведенія людей несвободныхъ состояній и по разсмотрѣнію Киселевскаго проекта объ управленіи государственными имуществами, а съ 24 мая по 17 сентября вторично управлялъ министерствомъ юстиціи, оставаясь и министромъ внутреннихъ дѣлъ. 15 февраля 1838 г. Блудовъ былъ утвержденъ въ

должности министра юстиціи, а 14 февраля 1839 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и удостоенъ милостиваго Высочайшаго рескрипта за дѣятельность по управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Уже 31 декабря того же года послѣдовало новое назначеніе Блудова — главноуправляющимъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Порученіе Блудову II отдѣленія, въ которомъ сосредоточивалось дѣло кодификаціи законовъ, объясняется личнымъ довѣріемъ къ Блудову Императора Николая I, который смотрѣлъ на него, какъ на продолжателя Сперанскаго. Пребываніе Блудова въ должности главноуправляющаго канцеляріей было самымъ продолжительнымъ по времени (до 1862 г.) и самымъ плодотворнымъ по результатамъ періодомъ его дѣятельности. Къ этому періоду относится редактированіе имъ двухъ изданій Свода Законовъ (1842 и 1857 гг.) и изданіе уложенія о наказаніяхъ, представлявшаго значительный шагъ впередъ сравнительно съ предыдущимъ состояніемъ русскаго законодательства (1845 г.). Сложныя работы по II-му отдѣленію не мѣшали Блудову нести и много другихъ обязанностей по различнымъ комитетамъ и учрежденіямъ. Уже 2 января 1840 г. ему повелѣно было присутствовать въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго въ Государственномъ совѣтѣ и, въ отсутствіе предсѣдателя, заступать его мѣсто; затѣмъ онъ назначенъ былъ въ комитеты: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края, по обезпеченію сельскаго духовенства и въ еврейскій. Ревностная и долговременная служба Блудова вознаграждена была 18 апрѣля 1842 г. возведеніемъ его въ потомственное графское достоинство. Въ 1847 г. онъ, въ качествѣ уполномоченнаго, велъ переговоры съ папою и заключилъ конкордатъ, въ которомъ, по словамъ Высочайшаго рескрипта на имя Блудова, «дано надлежащее развитіе началамъ, положеннымъ при свиданіи Его Величества съ папою, и утверждены основныя постановленія управленія» римско-католическихъ церквей въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ.

Императоръ Александръ II продолжалъ оказывать Блудову неизмѣнное довѣріе. 25 ноября 1855 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Академіи наукъ, 30 августа 1856 г. — предсѣдателемъ еврейскаго комитета, 8 марта 1857 г.—предсѣдателемъ комитета о дѣтскихъ пріютахъ, наконецъ, 1 января 1862 г. утвержденъ въ должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ (эти послѣднія обязанности онъ несъ уже и въ 1861 г.).— Освободительныя начинанія Александровскаго царствованія вызвали со стороны Блудова самое сочувственное отношеніе. Уже съ августа 1857 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, и въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 23 апрѣля 1861 г. ему была изъявлена Монаршая признательность за труды на этомъ поприщѣ. Кромѣ того, какъ главноуправляющій II-го отдѣленія, Блудовъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ возникшаго вопроса о преобразованіи нашихъ судебныхъ установленій. Въ 1857 г. онъ подалъ Государю «Записку о судебныхъ установленіяхъ», гдѣ прямо утверждалъ, что «намъ въ особенности нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой основной мысли ея, безъ принятія не только отличныхъ, но до извѣстной степени противныхъ ей началъ». Онъ требовалъ полнаго уничтоженія сословныхъ судовъ, раздѣленія судебной и административной властей, устраненія полиціи отъ производства слѣдствія, усиленія гласности, ослабленія теоріи законныхъ доказательствъ, введенія устности въ процессѣ и учрежденія института присяжныхъ повѣренныхъ. Мнѣнія, выраженныя Блудовымъ въ этой «Запискѣ», сложились у него, въ сущности, уже давно и высказывались имъ неоднократно, хотя съ бо́льшей осторожностью, уже вслѣдъ за изданіемъ новаго уголовнаго уложенія 1845 г. Окончательная разработка судебной реформы не принадлежитъ Блудову: со времени назначенія предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта онъ почти совершенно устранился отъ этого дѣла.—Послѣдними занятіями Блудова была забота объ устройствѣ народнаго образованія, и главнымъ образомъ — женскаго въ Западномъ краѣ. Учрежденіе, по инициативѣ его дочери, графини Антониды Дмитріевны, Острожскаго Кирило-Меѳодіевскаго братства и устройство при немъ высшаго женскаго училища въ 1866 г. является осуществленіемъ предсмертной мысли графа Дмитрія Николаевича.

Находясь въ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ литературнымъ кружкамъ своего времени, Блудовъ самъ принималъ въ литературѣ сравнительно незначительное активное участіе. Еще при его жизни было издано его сочиненіе «Послѣдніе часы жизни Императора Николая I» (Спб. 1855), вскорѣ переведенное на языки французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій. Послѣ его смерти были напечатаны слѣдующія его сочиненія (большею частью историческаго характера): 1) Судъ надъ графомъ Девіеромъ и его соучастниками. 2) О самозванцахъ, являвшихся при Екатеринѣ II въ воронежской губерніи. 3) Бунтъ Беньовскаго въ Большерѣцкомъ острогѣ. 4) Дневныя записки Меншикова. 5) Мнѣніе о двухъ запискахъ Карамзина. 6) Мысли и замѣчанія (всѣ — въ приложеніи къ книгѣ Е. П. Ковалевскаго «Графъ Блудовъ и его время, послѣднее —.позднѣе отдѣльно). Кромѣ того Блудовъ принималъ дѣятельное участіе въ окончательной обработкѣ и изданіи XII-го тома Исторіи Карамзина, а позже, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—въ изданіи Академіею наукъ сочиненій Жуковскаго. Наконецъ, послѣ Блудова остались интересныя записки, но онѣ до сихъ поръ не напечатаны.

Е. П. Ковалевскій, «Графъ Блудовъ и его время».— С. Венгеровъ, Словарь (здѣсь есть полная библіографія).—Мюнстеръ, «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей».—N. Tourgueneff, «La Russie et les Russes».—Г. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ» и «С. Зарудный и судебная реформа». — Дылевскій, «Іосифъ Симашко».— Письма Блудова и переписка съ нимъ различныхъ лицъ печатались неоднократно въ «Русскомъ Архивѣ» и другихъ изданіяхъ.

Блудовы, старинный дворянскій родъ, ведущій свое начало отъ *Блуда* (Буды), который въ 980 г. былъ воеводою в. кн. Ярополка Святославича, но, поддавшись уговорамъ Владиміра, осадившаго Кіевъ, довелъ своего князя коварными совѣтами до безславной гибели въ станѣ Владиміра; впослѣдствіи Блудъ былъ кормильцемъ и воеводою в. кн. Ярослава Владиміровича и палъ въ битвѣ этого князя съ Болеславомъ, кн. Польскимъ, на р. Бугѣ въ 1018 г. Сына его, *Гордена Блудовича*, знаютъ былины, какъ одного изъ кіевскихъ богатырей. Впослѣдствіи Блудовы или Блудтичи участвуютъ въ войнахъ Гедимина съ татарами и Владислава II съ турками. Въ 1494 г. *Өедоръ* Блудовъ, владѣвшій вотчинами въ смоленской области, переходитъ, вмѣстѣ съ своими владѣніями, по русско-литовскому договору, въ московское подданство. Въ 1537 г. *Борисъ Ивановичъ* Блудовъ «сведенъ изъ Суздаля въ Козелескъ и написанъ въ боярской дворовой книгѣ съ честными людьми въ одной статьѣ». Сынъ его *Игнатій Борисовичъ* въ 1559 г. былъ воеводою въ Мценскѣ, въ томъ же году переведенъ въ Карачевъ, въ 1563 г. присутствовалъ въ Москвѣ при пріемѣ польскихъ пословъ, въ 1565 г. находился въ лѣвой рукѣ рати, стоявшей въ Калугѣ, въ 1568 г. посланъ изъ опричины въ Калугу же воеводою сторожевого полка, въ 1569 г. былъ воеводою въ лѣвой рукѣ московской рати, стоявшей на Украйнѣ подъ начальствомъ кн. Воротынскаго, въ томъ же году посланъ опричнымъ воеводою въ Ржеву Володимірову и отсюда ходилъ подъ Изборскъ, взятый Литвою, а въ концѣ года опять вернулся въ Калугу; въ 1572 г. онъ находился въ Александровской слободѣ при царѣ, въ опричинѣ, въ 1573 г. участвовалъ въ Ливонскомъ походѣ Грознаго, въ 1575 г. снова былъ въ Калугѣ при кн. Семенѣ Пронскомъ, въ 1576 г. назначенъ воеводою въ передовой полкъ на украйну, въ томъ-же году посланъ въ Полоцкъ, а въ 1580—1581 г. былъ воеводою въ Смоленскѣ и удачно отразилъ, вмѣстѣ съ другими воеводами, нападеніе поляковъ на этотъ городъ въ 1581 г. Братъ Игнатія, *Михаилъ Борисовичъ*, въ 1573 г. участвовалъ въ Ливонскомъ походѣ Грознаго, а въ 1575 г. былъ головою въ Калугѣ при кн. Семенѣ Пронскомъ. *Василій* Блудовъ въ 1576 г. былъ городовымъ приказчикомъ въ Шуѣ. *Семенъ Өедоровичъ* въ 1598 г. подписался подъ избирательной грамотой Бориса Годунова, а въ 1602 г. былъ воеводою въ Алатырѣ. *Назарій Беркутъ* начальствовалъ надъ отрядомъ въ рати кн. Пожарскаго, подписалъ извѣстный договоръ между князьями Пожарскимъ и Трубецкимъ и пожалованъ былъ отъ царя Михаила помѣстьемъ, въ которомъ впослѣдствіи родился Димитрій Николаевичъ Блудовъ. *Евпраксія* Блудова въ 1629—1636 гг. была игуменьей Суздальскаго Покровскаго монастыря. *Иванъ* Блудовъ въ 1636—1638 гг. служилъ въ приказѣ Большого Дворца. *Василій* въ 1646 г. досматривалъ порухи Бѣлаго города въ Москвѣ. *Григорій*, хотмышскій сотникъ, въ 1647 г.

былъ посланъ изъ Москвы въ Курскъ съ государевой грамотою. ***Самуилъ*** въ 1661 г. былъ стрѣлецкимъ и казачьимъ головою въ Тюмени; ему поручено было осмотрѣть тюменскія укрѣпленія и высказать соображенія объ ихъ перестройкѣ; въ 1663 и 1668 гг. онъ былъ посыланъ въ юго-западную часть тюменскаго уѣзда для охраны отъ угрожавшихъ нападеніемъ инородцевъ, а въ 1671 г. ѣздилъ вверхъ по Исети для строенія новыхъ острожковъ въ тобольскомъ и верхотурскомъ уѣздахъ, «по его Самойлову досмотру и росписи». ***Михаилъ*** въ 1669 г. служилъ въ Вязьмѣ головою таможеннаго и кружечнаго двора. ***Юрій*** Блудовъ въ 1654—1655 гг. былъ подъячимъ въ приказѣ Большого Дворца, въ 1668 г.—дьякомъ въ Казани, въ 1671—1674 гг.—дьякомъ въ Тобольскѣ, въ 1676—1679 г.—дьякомъ ямского приказа въ Москвѣ. ***Тарасъ*** Блудовъ упоминается въ 1689—1690 гг., какъ прикащикъ села Преображенскаго; сынъ его, ***Иванъ***, въ 1688 г. въ званіи стряпчаго сопровождалъ царя въ Саввинскомъ походѣ, въ 1689 г.—въ Преображенскомъ походѣ, и въ томъ же году назначенъ въ свиту царя Петра. ***Александръ*** Блудовъ въ 1689 г., служилъ капитаномъ въ стрѣлецкомъ полку Ивана Цыклера и во время смуты остался вѣренъ царю Петру, къ которому и поспѣшилъ прибыть въ Троицкій монастырь 3 сентября; позже ему было поручено арестовать кн. В. В. Голицына, а затѣмъ, уже въ 1690 г., онъ сопровождалъ въ Яранскъ сосланнаго Голицына и до апрѣля состоялъ при немъ для охраны. ***Григорій Ивановичъ***, род. въ 1683 г. съ 1711 г. служилъ въ регулярной арміи, въ 1727 г., по смотру военной коллегіи, за болѣзнью уволенъ отъ военной службы въ чинѣ прапорщика и причисленъ къ герольдмейстерской конторѣ, а 10 сентября 1733 г. назначенъ воеводою въ г. Лихвинъ, калужской провинціи.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Сборникъ И. Р. И. О., т. т. 35, 71, 84, 104, 106.—Дѣло Шакловитаго.—Акты Экспедиціи.—Акты Историч.—Дополн. къ Акт. Ист.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.—Дѣло Никона.—Русск. Историч. Библіотека, т. т. V, X, XII.—Разряды въ Симбирскомъ Сборникѣ, 13, 15, 22—24, 37, 38, 53, 70, 77, 148.—Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, III, 846; IV, 66, 421, 429, 445.—Древняя Россійск. Вивліоѳ. XIII, 285, 289, 302, 304, 305, 397; XIV, 303, 316, 381, 382, 431.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Блументаль (Heinrich Ludwig Ioachim Blumenthal), ***Адріанъ Ивановичъ***, профессоръ харьковскаго университета, род. въ Курляндіи 12 марта 1804 г., ум. 10 марта 1881 г. Изучалъ медицину сперва въ геттингенскомъ, а въ 1824—1826 г. въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ и былъ удостоенъ степени доктора медицины въ 1826 г. и оставленъ въ качествѣ ассистента при университетской клиникѣ. Въ 1828 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ харьковскаго университета по каѳедрѣ акушерства, и оставался на этомъ мѣстѣ до 1837 г., когда былъ назначенъ главнымъ врачемъ Голицинской больницы въ Москвѣ. Съ 1850 г. служилъ тамъ же главнымъ врачемъ воспитательнаго дома. Его труды: Oratio de cranii perforatione in praxi obstetricia evilanda, Charcoviae, 1828.—Conspectus rei obstetriciae, quem in usum praelectionum conscripsit B., Charcoviae, 1832.—Pyretologia systematica, Charcoviae, 1837.—Нѣсколько статей въ медицинскихъ журналахъ.—Два сборника стихотвореній: Herbstblumen (Moscau, 1837) и Liederkranz (Moscau, 1876).—Переводъ на нѣмецкій языкъ «Катехизиса» митрополита Филарета, «Руководства къ изученію православнаго догматическаго богословія» митрополита Макарія и «Исторіи русской церкви» архіеп. Филарета.—Нѣмецкій переводъ стихами романа Нушкина «Евгеній Онѣгинъ», Москва, 1878 г.

Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, Спб. 1858.—Album academicum des Kaiserl. Univers. Dorpat, 1890, № 1903.—Lexicon von Recke und Napiersky.—Словарь Венгерова.

Блументаль, *Іоганъ Гейнрихъ*, врачъ, род. въ Митавѣ 2 сентября 1734 г., ум. 24 марта 1804 г. Сначала онъ учился богословію въ Ростокѣ (1753—1755), затѣмъ вернулся на родину и, чувствуя призваніе къ естественнымъ наукамъ и медицинѣ, отправился въ Лейденъ, и занялся ихъ изученіемъ. Въ 1772 г. онъ посѣтилъ Парижъ, Лондонъ и Оксфордъ, затѣмъ вновь поселился въ Лейденѣ и, получивъ тамъ въ 1773 г. степень доктора, снова пріѣхалъ въ Россію; вскорѣ онъ отправился въ Страсбургъ, гдѣ продолжалъ научныя занятія. Вернувшись черезъ годъ въ Курляндію, онъ занялся частной практикой, а съ 1790 г. былъ лейбъ-медикомъ герцога Петра Курляндскаго.—Ему принадлежитъ диссерта-

ція: «De Ischuria hysterica hysterocystica», Ludguni Bat. 1773 г.

Ренке и Напіерскій, Allg. Schr. u. G. L.

Блументростъ, *Іоганнъ Деодатъ* (Иванъ Богдановичъ, Иванъ Лаврентьевичъ), архіатеръ, род. въ Москвѣ 5 августа 1676 г., ум. въ С.-Петербургѣ 11 марта 1756 г., третій сынъ Лаврентія Алферьевича. По ходатайству отца, онъ въ 1698 г. былъ снаряженъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ за границу и, пробывъ два года въ кенигсбергскомъ университетѣ, 9 ноября 1700 г. защитилъ диссертацію «De medico castrensi exercitui Moscovitarum praeficiendo». Затѣмъ Блументростъ полтора года слушалъ лекціи въ Галле, напечаталъ тамъ диссертацію «Pulsuum theoria et praxis» (1702), пріобрѣлъ степень доктора медицины и, послѣ путешествія по Голландіи (при чемъ нѣкоторое время пробылъ въ Лейденѣ, посѣщая тамошній университетъ), вернулся моремъ, чрезъ Архангельскъ въ Москву; здѣсь 15 декабря 1702 г. онъ въ посольскомъ приказѣ представилъ въ удостовѣреніе знаній, пріобрѣтенныхъ въ Германіи, дипломъ отъ галльскаго университета. Затѣмъ Блументростъ былъ опредѣленъ гофъ-медикомъ при особѣ Петра I, сопутствовалъ ему во многихъ походахъ, находился, между прочимъ, при осадахъ Дерпта и Нарвы, числился одно время полковымъ врачемъ, а въ 1707 г. назначенъ лейбъ-медикомъ при Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Въ началѣ ему былъ опредѣленъ окладъ въ 500 р., по указу отъ 12 октября 1710 г. ему дана прибавка въ 300 р., а въ 1719 г. пожалованы гатчинская удѣльная мыза и осыпанный бриллiантами портретъ Императора для ношенія на шеѣ. Поощренный милостями, Блументростъ представилъ Петру проектъ преобразованія и улучшенія медицинской части въ Россіи; нѣкоторыя изъ предположеній лейбъ-медика были Государемъ переданы на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Согласно Блументростовскому проекту 7 октября 1721 г. состоялся Высочайшій указъ, которымъ учреждалась медицинская канцелярія или коллегія на новыхъ началахъ, съ подчиненіемъ ей всѣхъ медицинскихъ дѣлъ въ имперіи; на канцелярію, въ числѣ прочаго, возлагалось свидѣтельствованіе аптекъ, учрежденіе для нихъ таксъ и производство экзаменовъ врачамъ для пріобрѣтенія права свободной практики, «понеже многіе неученые, скитающіеся безъ всякаго наказанія, дерзновенно лѣчатъ, въ чемъ великую вреду жителямъ учинить могутъ». Во главѣ всего медицинскаго дѣла былъ поставленъ И. Л. Блументростъ съ званіемъ архіатера и съ жалованіемъ по этой должности въ 1200 р.; въ секретари «отъ нѣмецкихъ дѣлъ» онъ взялъ Іоганна Даніила Шумахера, будущаго всесильнаго въ Академіи наукъ совѣтника, состоявшаго съ 1714 г. «шрейберомъ» при архіатерѣ Арескинѣ (Эрскинѣ). По замѣчанію исторіографа Миллера, И. Блументростъ превосходилъ домовитостью младшаго своего брата Лаврентія, президента Академіи наукъ, и Императоръ Петръ, любившій обоихъ братьевъ, поэтому и поручилъ управленіе медицинскою частью Ивану Блументросту, «такъ какъ въ управленіи общественными дѣлами, гдѣ требуется бережливость, несомнѣнно разсчетливый и въ собственномъ своемъ хозяйствѣ заслуживаетъ довѣрія большаго, нежели тотъ, кто не бережливъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ весьма пріятнымъ характеромъ и большою проницательностью. Съ другой стороны, Блументростъ былъ не чуждъ высокомѣрія и, чрезвычайно требовательный къ подчиненнымъ, вызвалъ съ ихъ стороны недоброжелательство, которое и было причиною его паденія впослѣдствіи. Въ 1722 г. Блументросту, достигшему уже чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пользовавшемуся неизмѣннымъ довѣріемъ Петра I и Екатерины, которая у него лечилась до самой своей смерти, жалованіе было увеличено до 3000 руб.—цифры по тому времени громадной. Блументростъ сохранилъ блестящее служебное и матеріальное положеніе до воцаренія Анны Іоанновны, и къ этой именно эпохѣ относится дѣятельная его корреспонденція съ Академіею наукъ и съ посланнымъ тогда въ сибирскую экспедицію докторомъ Мессершмидтомъ, а равно устройство, по почину самаго архіатера, при московской придворной аптекѣ (въ 1728 г.) амбулаторной лечебницы для приходящихъ бѣдныхъ. При Аннѣ Іоанновнѣ изъ Москвы для нея былъ выписанъ, по рекомендаціи графа А. И. Остермана, новый лейбъ-медикъ, Ригеръ. Онъ сдѣлалъ на Блументроста доносъ, обвиняя архіатера въ томъ, будто за его управленіе «многіе непорядки при верхней аптекѣ произошли». Въ ту пору противъ всей семьи Блументростовъ было возста-

новлено общественное мнѣніе, такъ какъ быстро послѣдовавшія одна за другою кончины Петра I, Екатерины I и Петра II приписывались неискусству Блументростовъ, на томъ основаніи, что Бидлоо не одобрялъ ихъ способа леченія. Вслѣдствіе оговора Ригера, Блументростъ именнымъ указомъ, отъ 14 сентября 1730 г., былъ отстраненъ отъ должности, выдача жалованья была ему пріостановлена, и, хотя за все время слѣдствія объ аптечныхъ безпорядкахъ его ни разу не приглашали для дачи объясненій, онъ 18 декабря 1731 г. былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы, причемъ у него отняли даже подаренную ему еще Петромъ I гатчинскую мызу. По докладу Ригера управленіе медицинскою частью поручено было «докторскому собранію», въ составъ котораго вошелъ врагъ Блументроста, Бидлоо. Собраніе не замедлило подтвердить основательность Ригеровскаго оговора, а вслѣдъ затѣмъ, 6 января 1732 г. Ригеръ былъ назначенъ архіатеромъ и управляющимъ медицинскою канцеляріею. Отставленный отъ службы, Блументростъ поселился въ Москвѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ, но и домъ, и вся заключавшаяся въ немъ движимость сгорѣли до тла; преслѣдуемый судьбою, архіатеръ очутился въ отчаянномъ положеніи и въ 1737 г. ходатайствовалъ предъ Императрицею о пожалованіи ему недоданнаго при отставкѣ жалованья за пять третей. Кабинетъ министровъ предписалъ медицинской канцеляріи немедленно же удовлетворить просителя, и ему было выдано 4842 р. 75 к. Конецъ жизни Блументростъ провелъ въ неизвѣстности, а со смертью его пресѣкся и самый родъ Блументростовъ, такъ какъ младшій братъ, Лаврентій, скончался еще годомъ раньше.

Сборникъ И. Р. И. О., т. V.—Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи.—Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.—Миллеръ, Исторія Имп. Академіи Наукъ.—Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ.—Словари: Венгерова и др.—Haller, Biblioth. Medica, vol. IV, p. 196 и 165.—Novi litterarii maris Baltici etc.

Блументростъ, *Лаврентій Алферьевичъ*, архіатеръ, род. въ 1619 г., ум. въ октябрѣ 1705 г. Уроженецъ Мюльгаузена и сынъ супер-интендента, Блументростъ первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстной и брауншвейгской гимназіяхъ, затѣмъ изучалъ медицину въ Гельмштедтѣ у Кокринга, Іенѣ — у Рольфинга и въ Лейпцигѣ—у Михаэлиса; независимо отъ спеціальныхъ медицинскихъ познаній, онъ былъ отличнымъ филологомъ, превосходно писалъ по-гречески и по-латыни и обладалъ даромъ стихотворства. По представленіи диссертаціи «De scorbuto» (перепечатанной впослѣдствіи въ Haefteri, «Musaeum dissertationum») онъ пріобрѣлъ въ Іенѣ въ 1648 г. степень доктора медицины и, по возвращеніи на родину, занималъ въ Мюльгаузенѣ должность ланд-физикуса, а позднѣе бургомистра и нѣкоторое время состоялъ на службѣ у герцога саксенъ-веймарскаго и графа шварцбургскаго Людвига Гюнтера. Обширная и счастливая практика обезпечила за Блументростомъ извѣстность, что засвидѣтельствовано курфюрстомъ саксонскимъ Іоганномъ Георгомъ въ граматѣ, имъ выданной «Doctori Laurentio Blumentrost, cujus in re medica experientia juxta ac dexteritas abunde passim praedicatur».

Вслѣдствіе заявленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, во время болѣзни, желанія получить изъ заграницы искуснаго врача, 4 марта 1667 г. генералъ поручикъ Больдмакъ (по Рихтеру; конечно, Бауманъ) рекомендовалъ Блументроста, письмомъ въ пушкарскій приказъ, «а тотъ де дохтуръ у саксонскаго курфюрста, да Вимера (Веймара), да у Гольта (Гота), да у Ейзилокта (Эйзенаха) надо всѣми дохтуры началной человѣкъ и судья города Милингузена». Въ то-же время царь просилъ (12 марта 1667 г.) курфюрста саксонскаго о присылкѣ рудознатцевъ и поручилъ устроить это дѣло Іоганну Готфриду Грегори, мать котораго, по смерти перваго мужа, въ Германіи еще вышла за Блументроста. Грегори, пользовавшійся покровительствомъ генерала Баумана, чрезъ него и кн. Ю. И. Ромодановскаго безъ труда получилъ «опасную грамоту» для Блументроста, при чемъ тогда же писаны были приказы воеводамъ псковскому и другимъ снабдить путешественниковъ жалованіемъ и кормомъ и облегчить имъ трудности пути. Блументростъ, незадолго предъ тѣмъ окончившій печатаніемъ въ Мюльгаузенѣ свое сочиненіе «Pharmacopea domestica et portalis» (переиздано по-нѣмецки въ Лейпцигѣ въ 1716 г.), прибылъ въ Москву 24 мая 1668 г. въ сопровожденіи семьи и многочисленныхъ служителей. 26 іюня 1668 г. Блументростъ былъ званъ къ Государю. Хотя ему и были даны «на пріѣздъ» значительные подарки, тѣмъ не менѣе на

первыхъ порахъ къ нему относились невполнѣ довѣрчиво, и, по свидѣтельству Рингубера, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ему не только не дозволялось вступить въ завѣдываніе царскою аптекою, но воспрещено было даже заниматься частною практикою, а аптекарямъ—готовить лекарства по его рецептамъ. Объясняется это тѣмъ, что Блументростъ въ Москву попалъ въ разгаръ борьбы, которую вели Бауманъ и Грегори съ пасторами Фокеродтомъ, Фадемрехтомъ и нѣкоторыми «старыми нѣмцами» изъ-за устройства третьей кирки въ Нѣмецкой слободѣ. Пустячное столкновеніе было раздуто въ обширное дѣло, къ которому припутали обвиненія противъ Грегори въ униженіи царскаго достоинства; при такихъ условіяхъ рекомендація Грегори только повредила Блументросту: должность архіатера была отдана Іоганну Костеру фонъ Розенбургу (Ивану Андрееву Кустеріусу), прибывшему на Москву безъ предварительной призывной царской грамоты, а Блументроста заставили доказывать его ученость въ присутствіи газскаго митрополита Паисія Лигарида. Когда Грегори началъ опять пріобрѣтать замѣтное положеніе при царскомъ дворѣ, угодивъ царю представленіемъ «Юдиѳи и Олоферна» въ церковной школѣ, гдѣ между прочимъ, сынъ Блументроста (Лавр. Христ.) лучше всѣхъ другихъ актеровъ исполнилъ свою первую роль, для Блументроста миновала пора невзгодъ, а въ 1671 или 1672 гг. онъ сдѣланъ былъ архіатеромъ. При царскомъ дворѣ Блументростъ показалъ себя съ наилучшей стороны и вѣрною долголѣтнею службою снискалъ милости трехъ государей, царствовавшихъ послѣдовательно; чрезъ удачную же частную практику въ кругу знати онъ вошелъ въ такую славу, что, по свидѣтельству Рихтера, истлѣвающіе его рецепты впослѣдствіи хранились, словно драгоцѣнность, переходя между пацієнтами отъ отца къ сыну. При стрѣлецкомъ возмущеніи (въ 1682 г.) царевна Софія, опасаясь, чтобы Блументростъ не подвергся той же печальной участи, что доктора Гутменшъ и Гаденъ, назвала его своимъ врачемъ и тѣмъ спасла ему жизнь. Привѣтливый и скромный въ обращеніи, Блументростъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла лютеранской московской общины и выступилъ даже съ особымъ проектомъ церковнаго устройства, а въ послѣдніе годы жизни славился, какъ грозный экзаменаторъ для врачей, искавшихъ поступить въ русскую службу.

У Л. А. Блументроста было четыре сына; изъ нихъ старшій замѣнилъ отца въ званіи ланд-физикуса въ Мюльгаузенѣ и тамъ-же впослѣдствіи занималъ должность бургомистра; второй сынъ, ***Лаврентій Христіанъ***, прибылъ съ Л. А. Блументростомъ изъ за границы подросткомъ, воспитывался въ церковной школѣ у Грегори, подъ руководствомъ отца изучилъ медицину, по распоряженію князя Якова Никитича Урусова въ 1687 г. принятъ былъ врачемъ въ царскую службу, а впослѣдствіи сдѣланъ лейбъ-медикомъ при царевнахъ, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ (послѣ 1692 г.). О двухъ другихъ сыновьяхъ Блументроста, Иванѣ и Лаврентіи, см. особо.

Моск. Госуд. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію 1667 г. № 3. — Рихтеръ, Исторія Медицины въ Россіи Т. II.—Rinhuber, Rélation de voyage en Russie faite en 1684.—Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.—Д. В. Цвѣтаевъ, Генералъ Бауманъ и его дѣло.—Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ.—Словари: Плюшара, Старчевскаго, Березина, Ефрона, Геннади, митр. Евгенія и Венгерова (обширная статья Уманскаго).

Блументростъ, *Лаврентій Лаврентьевичъ*, первый президентъ Академіи наукъ, архіатеръ и лейбъ-медикъ, младшій сынъ Лаврентія Лаврентьевича, род. въ Москвѣ 29 октября 1692 г., ум. 27 марта 1755 г. Первоначальное образованіе ему далъ отецъ, который занимался съ нимъ греческимъ и латинскимъ языками; потомъ онъ учился у магистра Паузе, управлявшаго славившеюся тогда школою пастора Глюка. Поступивъ затѣмъ въ эту школу, онъ окончилъ ея курсъ и выказалъ такія выдающіяся способности, что 15-ти лѣтъ отъ роду уже слушалъ медицинскія лекціи въ Галле и въ Оксфордѣ. Затѣмъ онъ занимался въ Лейденѣ подъ руководствомъ знаменитаго Бургава и тутъ-же, послѣ защиты диссертаціи «De secretione animali» (1713), въ 1714 г. получилъ степень доктора медицины. Вернувшись въ Россію, Блументростъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ царевны Натальи Алексѣевны. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ посланъ за-границу съ тѣмъ, чтобы узнать мнѣнія тогдашнихъ знаменитостей относительно болѣзни Государя. Исполнивъ это порученіе, Блументростъ заслужилъ особое вниманіе Императора и въ тоже время пополнилъ свое ме-

дицинское образованіе. Въ Парижѣ, у Дювернуа онъ долго изучалъ анатомію, потомъ занимался въ Амстердамѣ, въ славившемся тогда анатомическомъ кабинетѣ Рюйша. Музей Рюйша, по совѣту Блументроста, былъ купленъ русскимъ правительствомъ. Рюйшъ держалъ въ секретѣ свой способъ сохраненія анатомическихъ препаратовъ, но по условію долженъ былъ открыть его Блументросту. Узнавъ о томъ, архіатеръ Арескинъ выразилъ неудовольствіе, такъ какъ желалъ быть единственнымъ врачемъ, посвященнымъ въ секретъ Рюйша. Блументростъ поспѣшилъ отказаться отъ ознакомленія съ этимъ секретомъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ посланъ въ олонецкую губернію, чтобы произвести химическій анализъ и изучить терапевтическое дѣйствіе кончезерскихъ минеральныхъ водъ, открытыхъ въ 1714 г. Петръ Великій очень интересовался этими водами и хотѣлъ испробовать ихъ вліяніе на себѣ раньше всѣхъ. Какъ только онъ получилъ первое благопріятное извѣстіе отъ Блументроста, онъ сейчасъ-же поѣхалъ туда со своей свитой (19 января 1719 г.). Во время путешествія Петра Блументростъ былъ постоянно при немъ и вѣроятно онъже составилъ «дохтурскія правила, какъ при оныхъ водахъ поступать», изданныя 20 марта 1719 г., вмѣстѣ съ указомъ объ Олонецкихъ водахъ. Докторъ Ремусъ и архіатеръ Ригеръ приводятъ въ своихъ сочиненіяхъ отрывки изъ описанія Кончезерскихъ водъ, составленнаго Блументростомъ. Когда въ 1719 г. умеръ лейбъ-медикъ Арескинъ, Блументростъ былъ назначенъ на его мѣсто, и, кромѣ того, на него было возложено завѣдываніе Императорской библіотекой и кунсткамерою. Въ помощники себѣ онъ выбралъ Іоганна-Даніэля Шумахера. Шумахеръ разсказывалъ, что у Блументроста перваго зародилась мысль объ учрежденіи Академіи наукъ. Онъ предсказывалъ Петру, что библіотека и кунсткамера только тогда могутъ принести пользу, когда въ Петербургъ будутъ призваны люди, посвятившіе себя исключительно наукѣ. Но есть основанія полагать, что Петръ Великій, независимо отъ архіатера, имѣлъ идею учредить въ Петербургѣ Академію. 11 января 1721 г. германскій философъ Вольфъ писалъ Блументросту: «Его Императорское Величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію Наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ-бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ». Въ томъ же году Императоръ отправилъ за границу Шумахера, которому поручилъ «съ учеными корреспондецію произвести для умноженія художествъ и наукъ, а наипаче для сочиненія соцієтета наукъ, подобныхъ какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ». Кромѣ того, Шумахеръ долженъ былъ передать парижской академіи письмо отъ Императора, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Мы повелѣли нашему первому лейбъ-медику Блументросту вамъ отъ времени до времени сообщать о томъ, что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго въ разсужденіи академіи достойнаго случится, и намъ зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденціи содержать и отъ времеми до времени оному сообщать будете, какія новые декуверты отъ академіи учинены будутъ». По возвращеніи въ Петербургъ Шумахера, Блументростъ разработалъ, при его помощи, вопросъ объ учрежденіи Академіи, и къ 22 января 1724 г. они составили обстоятельный докладъ по этому предмету. Какъ только проектъ былъ утвержденъ, Блументростъ со свойственной ему энергіей принялся за устройство Академіи. Онъ сталъ приглашать извѣстныхъ заграничныхъ ученыхъ, но многіе изъ нихъ вовсе не хотѣли ѣхать въ далекую малоизвѣстную страну; другіе запрашивали такія баснословно большія деньги, какими въ то время Академія не могла располагать, третьи сильно сомнѣвались въ будущности новаго учрежденія. Только благодаря посредничеству Вольфа, съ которымъ Блументростъ усердно переписывался, въ новой Академіи вскорѣ появились такіе извѣстные ученые, какъ братья Бернулли, Германъ, Бильфингеръ, Гольдбахъ. Смерть Петра не ослабила энергіи Блументроста. Екатерина I рѣшила кончить начатое Петромъ I дѣло основанія Академіи наукъ; поэтому ученые, приглашенные Блументростомъ, въ концѣ 1725 г. стали пріѣзжать въ Петербургъ. Блументростъ очень заботился о томъ, чтобы въ Петербургѣ они ни въ чемъ не нуждались, и еще до пріѣзда ихъ, 30 апрѣля 1725 г., докладывалъ Екатеринѣ: «понеже В. И. В. учрежденіе и управленіе Академіи наукъ милостиво изволили на меня положить», то

онъ, Блументростъ, проситъ чтобы для помѣщенія будущихъ академиковъ былъ отданъ отобранный въ казну домъ барона Шафирова. Объяснялъ онъ свою просьбу тѣмъ, что «блаженно и вѣчно достойныя памяти Его И. В. именно приказалъ, чтобы домъ академическій домашними потребами удостаточить, а академиковъ недѣли съ три, или съ мѣсяцъ невзачетъ кушаньемъ довольствовать; а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи, эконома, кормить въ томъ же домѣ, дабы ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучались ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно; понеже суть образцы такіе: изъ многихъ иностранныхъ, которые въ отечествѣ добронравны бывши, съ роскошниками и піяницами въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытка больше нежели прибыли учинили». Императрица исполнила просьбу Блументроста. Въ Шафировскомъ домѣ 12 ноября уже происходило подъ предсѣдательствомъ Блументроста первое неофиціальное засѣданіе академиковъ, и 25 ноября Блументростъ былъ назначенъ президентомъ вновь учрежденной Академіи. До открытія конференцій въ Академіи Блументростъ представилъ Императрицѣ для разсмотрѣнія окончательно разработанный имъ пректъ устава, который, однако, не былъ утвержденъ, и это обстоятельство повело къ тому, что спустя нѣкоторое время въ Академіи начались безпорядки хозяйственные и административные. Первое торжественное засѣданіе произошло 27 декабря 1725 г. въ присутствіи Императрицы. Такимъ образомъ Блументростъ наконецъ добился окончанія своего славнаго дѣла. Первое время его президентства въ Академіи было блестяще, и онъ имѣлъ полное право писать Вольфу: «Хотя Академія могла-бы имѣть болѣе славнаго и ученаго президента, однако, не знаю, нашла-ли бы она болѣе усерднаго, который-бы съ такою ревностью, какъ я, хлопоталъ о ея благосостояніи». Миллеръ очень хвалитъ Блументроста, какъ человѣка очень образованнаго и въ высшей степени деликатнаго, но говоритъ, что по умѣнію вести хозяйство старшій братъ его, Иванъ, стоялъ выше. Особеннымъ достоинствомъ президента Миллеръ считалъ «навыкъ въ четырехъ необходимыхъ въ Академіи языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, на которыхъ онъ также свободно говорилъ, какъ и писалъ». Блументростъ былъ очень преданъ Академіи и постоянно посѣщалъ ее, такъ что если президента не было на конференціи, этого было вполнѣ достаточно, чтобы отмѣнить засѣданіе. Послѣ смерти Екатерины Блументростъ уѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ дворомъ Петра II-го, и Академія осталась на попеченіи его секретаря, Шумахера. Вдали отъ Академіи Блументростъ сталъ понемногу забывать столь любимое имъ раньше дѣло. 4 января 1728 г. онъ подписалъ распоряженіе, которымъ передалъ почти всю власть надъ Академіей Шумахеру, а въ помощники ему назначилъ трехъ академиковъ, каждаго на четыре мѣсяца по очереди. Шумахеръ сразу сталъ во враждебныя отношенія къ академикамъ и старался возстановить противъ нихъ и Блументроста. Въ 1729 г. академики послали Петру II просьбу на Блументроста, и тогда Блументростъ, по просьбѣ Шумахера, далъ вторую инструкцію, еще увеличившую власть Шумахера. Всѣ академики были оскорблены, нѣкоторые прямо жаловались Блументросту на деспотизмъ Шумахера. Самъ президетъ не оспаривалъ его высокомѣрія, но говорилъ, что оно оправдывается нападками на него академиковъ и ихъ насмѣшками. Многіе ученые, какъ только окончился срокъ ихъ контракта, стали покидать Академію, какъ сдѣлали Бернулли, Германъ и Бильфингеръ.

Послѣ смерти Петра II началось паденіе Блументроста. Бидлоо не одобрилъ способовъ леченія, которые примѣняли Блументросты, и Миллеръ говоритъ, что Блументростъ «не смѣлъ показываться на глаза Императрицѣ; она питала недовѣріе къ его медицинскому искусству, потому что много особъ Императорскаго семейства умерло на его рукахъ; только одна герцогиня Мекленбургская не хотѣла разстаться съ нимъ». Блументростъ и жилъ во дворцѣ при герцогинѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ. Упалъ авторитетъ Блументроста и въ Академіи наукъ. Вернувшись въ Петербургъ, президентъ по-прежнему почти не посѣщалъ Академіи, хотя 6 марта 1732 г. предложилъ академикамъ, чтобы они письменно изложили свои неудовольствія, но академики не отвѣтили ему ничего. Президентъ оскорбился, окончательно пересталъ бывать въ Академіи и у себя не принималъ никого. 25 іюля 1732 г. онъ подалъ Императрицѣ

представленіе о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ важное значеніе для Академіи, но оказалось, что теперь одной подписи Блументроста было уже недостаточно; Сенатъ велѣлъ укрѣпить этотъ проектъ подписями прочихъ академиковъ. 14 іюня 1733 г. умерла герцогиня Мекленбургская, и на Блументроста опять посыпались обвиненія. Императрица приказала Ушакову произвести надъ Блументростомъ слѣдствіе. Объясненія Блументроста касательно леченія герцогини были очень доказательны, и его никоимъ образомъ нельзя было считать виновнымъ въ ея смерти, однако Шумахеръ не преминулъ объявить, «что Блументростъ больше въ Академіи наукъ не будетъ, а пришлется по указу на мѣсто онаго другой». Дѣйствительно, Блументроста лишили мѣста и жалованья и 19 іюня 1733 г. выслали въ Москву, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣлъ никакой должности и жилъ только частной практикой. Въ 1738 г. Блументростъ, по протекціи архіатера Фишера, получилъ мѣсто главнаго доктора московскаго военнаго госпиталя и директора госпитальной школы съ жалованьемъ по 1500 р. въ годъ; эту должность онъ исполнялъ вполнѣ добросовѣстно, причемъ обращалъ особое вниманіе на занятія учениковъ госпиталя; ихъ было до 50 человѣкъ, и почти всѣ были русскіе. Думаютъ, что Блументростъ лишился милостей Анны Іоанновны главнымъ образомъ вслѣдствіе его преданности къ дочерямъ своего покровителя и благодѣтеля, Аннѣ и Елизаветѣ Петровнамъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны онъ снова входитъ въ милость при дворѣ. Лестокъ представилъ Елизаветѣ Петровнѣ прошеніе Блументроста, причемъ указалъ на его прежнія заслуги и на то, что «онъ довольное число учениковъ лѣкарской наукѣ достаточно изучилъ, каковаго въ томъ отъ него плода и впредь, яко отъ искуснаго и рачительнаго доктора, безъ сомнѣнія уповать можно». Императрица вернула Блументросту чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и прибавила 1000 р. къ его жалованью. Въ 1754 г. онъ былъ назначенъ кураторомъ вновь открывшагося московскаго университета и въ слѣдующемъ году былъ вызванъ въ Петербургъ для переговоровъ съ И. И. Шуваловымъ относительно учрежденія этого университета. Умеръ Блументростъ отъ грудной водянки. Погребенъ онъ около церкви Самсона Страннопріимца на Выборгской сторонѣ, въ одной могилѣ съ братомъ Иваномъ.

Сочиненія Лаврентіи Блументроста: 1) De secretione animali. Диссертація на степень доктора медицины. Лейденъ, 1713 г. 2) Письма къ Парижской академіи касательно Мессершмидтова путешествіе въ Сибирь, напечатанныя въ 1720 г. въ Исторіи Академіи. 3) Описаніе Олонецкихъ минеральныхъ водъ. Отрывки изъ этого сочиненія находятся въ Remus epistola ad. cel. Breynicem de aquis martialibus Olonetzensibus. Lips. 1722. 4) Проектъ учрежденія Импер. Академіи Наукъ (совмѣстно съ Шумахеромъ). Напечатанъ въ Матеріалахъ для исторіи И. Ак. Наукъ, т. I, стр. 14—22.

Исторія И. Ак. Наукъ, П. Пекарскаго.—Словари: Бантыша-Каменскаго, митр. Евгенія, Плюшара, Венгерова (ст. Уманскаго). — Исторія мед. въ Россіи, Рихтера.—Очерки изъ исторіи русск. мед. учрежденій XVIII стол. Я. Чистовича.—Исторія первыхъ мед. школъ въ Россіи, его-же. — Büsching, Beiträge zur Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III.

Н. Кульбинъ.

Блумъ, *Германъ* (Bluhm Hermann) старшій, врачъ, род. 20 декабря 1743 г. въ Ревелѣ, ум. 17 марта 1810 г.; учился сначала въ ревельской гимназіи, а затѣмъ — въ школѣ въ Магдебургѣ. Въ іюнѣ 1763 г. отправился въ Лейпцигъ, гдѣ получилъ въ 1766 г. званіе баккалавра, а въ 1767 г.— степень доктора медицины; послѣ этого онъ учился въ Страсбургѣ и, пробывъ въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ 6 лѣтъ, вернулся на родину; 13 іюня 1784 г. Блумъ получилъ право практики въ Россіи. — Сочиненія его. 1) Ad Joh. Georg Eckium. Lipsiae, 1765.—2) Disp. gradualis de gelatinosorum humor. corp. humani coagulis. Тамъ же, 1767. —3) Versuch einer Beschreibung der hauptsächlichsten in Reval herrschenden Krankheiten. Marburg. 1790.—4) Von der Extirpation eines Mutterpolypen bei einem Frauenzimmer von etlichen und dreyssig Jahren (въ Медиц. Библ. Блуменбаха, III, 148 — 151 стр.).

Я. Чистовичъ, Ист. перв. мед. шк. въ Россіи.— Рекке и Напирскій.

Н. К.

Блумъ, *Германъ* младшій, врачъ, племянникъ Блума старшаго, род. въ Ревелѣ 21 апрѣля 1776 г., ум. въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ. Онъ учился въ ревельской гимназіи, затѣмъ, въ 1795 г. отправился

въ Іену изучать медицину, но въ 1798 г. вернулся въ Россію и продолжалъ свое образованіе въ Петербургѣ. Получивъ степень доктора медицины, онъ занялся частной практикой, затѣмъ служилъ въ различныхъ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи; имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.—Блумъ напечаталъ нѣсколько статей (о климатѣ и господствующихъ болѣзняхъ Петербурга) въ «Vermischten Abhandl. aus dem Gebiete d. Heilk. von einer Gesellsch. prakt. Aerzte zu St.-Petersburg», тт. I и II.

Словари: Геннади, Рекке и Напирскаго.
Н. К.

Блюмъ, *Карлъ Людвигъ*, ординарный профессоръ географіи и статистики въ дерптскомъ университетѣ, род. 25 іюля 1796 г. въ городѣ Ганау, ум. въ Гейдельбергѣ 28 іюня 1869 г. Въ 1813 г. Блюмъ принималъ участіе въ войнѣ противъ Франціи. Съ 1814 г. онъ изучалъ въ берлинскомъ университетѣ юриспруденцію и исторію. Послѣ продолжительныхъ путешествій, съ 1818 г. находился два года въ гейдельбергскомъ университетѣ, затѣмъ опять вернулся въ Берлинъ, чтобы совершенно посвятить себя исторіи; тутъ же получилъ степень доктора философіи. Въ 1826 г. онъ занялъ мѣсто ординарнаго профессора въ дерптскомъ университетѣ, а въ 1851 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Гейдельбергѣ.—Сочиненія Блюма: Dissertatio inauguralis, Prolegomenorum in Demosthenis orationem Timocratiam tria capita priora. Berolini, 1823.—Ein Bild aus Ostseeprovinzen Russlands, oder Andreas Löwis of Menaz. Berlin, 1864.—Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jacob Joh. Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. 2 Bände, Leipzig und Heidelberg, 1857.—Статьи въ журналѣ «Inland» за 1836, 1838, 1848 гг.—Вмѣстѣ съ другими, издавалъ: «Dorpater Jahrbücher fur Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands».

Recke und Napiersky I, 193, 194, Nachträge I, 63.—Allgem. deutsche Biographie, т. II.

Блюммеръ, *Леонидъ Петровичъ*, писатель, род. въ Еникале 25 декабря 1840 г., ум. весною 1888 г. Сынъ кавказскаго офицера изъ дворянъ тамбовской губ., Блюммеръ дѣтство провелъ на Кавказѣ, въ 1850 г. поступилъ въ симферопольскую гимназію, а во время Крымской кампаніи перевелся въ харьковскую 2-ую, но, не окончивъ ея, вышелъ изъ седьмого класса и занялъ мѣсто сельскаго учителя въ дер. Крутояровкѣ, полтавской губ., константиноградскаго у. Отсюда онъ въ 1856 г. сталъ посылать корреспонденціи въ «Одесскій Вѣстникъ», а въ 1857 г. пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, поступилъ на восточный факультетъ университета (по китайскому отдѣленію) и дѣятельно началъ сотрудничать въ «Сѣверной пчелѣ» (Письма о русской журналистикѣ), «Иллюстрація», «Спб. Вѣдомостяхъ», «Книжномъ Вѣстникѣ», «Искрѣ», «Свѣтописи» и особенно въ «Свѣточѣ». Въ томъ же году онъ выпустилъ отдѣльными изданіями «Хохлацкі спiвкі» (подъ псевд. Крутоярченко) и «Чему могутъ служить лубочныя картинки». Китайскій языкъ не удовлетворилъ Блюммера, и въ 1861 г. онъ выдержалъ въ московскомъ университетѣ экзаменъ на степень кандидата правъ, а затѣмъ эмигрировалъ заграницу, сблизился съ дѣятелями революціоннаго движенія и издавалъ журналъ «Свободное Слово» (сначала въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Брюсселѣ), газету «Вѣсть» (въ Берлинѣ) и газету «Европеецъ» (въ Дрезденѣ). Вызванный въ 1865 г. въ Россію, Блюммеръ подвергся суду и былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь, но въ 1871 г. помилованъ, вернулся въ Россію и занялся адвокатурою и литературнымъ трудомъ. Сибирскія впечатлѣнія Блюммера отразились въ романѣ «Около золота» (ч. I въ «Зарѣ» 1871 г. и отдѣльно, подъ заглавіемъ «На Алтаѣ» 1886 г.) и въ сборникѣ разсказовъ «Безъ слѣда» (1887 г.). Живя въ Воронежѣ, онъ участвовалъ въ редакціи газеты «Донъ», а переселясь въ Саратовъ, сотрудничалъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» и «Сарат. Дневникѣ». Въ 1884 г. онъ началъ издавать газету «Волга», но выпустивъ 20 номеровъ, долженъ былъ прекратить изданіе. Совершая частыя поѣздки заграницу, Блюммеръ посылалъ оттуда корреспонденціи въ «Русскій Инвалидъ» и «Голосъ». Часть этихъ корреспонденцій (о книгѣ Толстого «Le catolicisme romain en Russie») вышли отдѣльно, подъ заглавіемъ «Папство и Россія» (подъ псевд. Леонидъ Ссыльный). Въ 1884—85 гг. Блюммеръ участвовалъ въ редакціи «Судебной Газеты».—Въ 1883 г. онъ былъ избранъ въ почетные мировые судьи въ одномъ изъ уѣздовъ уфимской губ.

Автобіографія въ «Словарѣ» Венгерова

Блюэръ (Блееръ, Бліеръ), ***Иванъ Фридрихъ***, оберъ-бергмейстеръ, выдающійся горный дѣятель Петровской эпохи. Блюэръ прибылъ въ Россію изъ Саксоніи въ 1699 г. съ званіемъ пробирнаго мастера и первое время занимался почти исключительно развѣдками рудныхъ мѣсторожденій. Съ этою цѣлью Блюэръ часто предпринималъ поѣздки по Россіи и во многихъ мѣстностяхъ, особенно на Олонцѣ и Уралѣ (въ 1703 г.), содѣйствовалъ возникновенію горныхъ разработокъ. Принадлежа къ числу выдающихся по образованію техниковъ и сознавая необходимость устраненія главнѣйшихъ причинъ неуспѣшнаго роста горной промышленности, Блюэръ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, предлагавшихъ Петру учредить въ Россіи центральное горное установленіе на коллегіальныхъ началахъ, взамѣнъ существовавшихъ тогда учрежденій приказнаго строя. Когда царь, недовольный результатами дѣятельности приказа рудокопныхъ дѣлъ, остановился на мысли рудосыскное дѣло поручить вѣдѣнію губернаторовъ, Блюэръ рѣшилъ выступить предъ Государемъ съ своимъ проектомъ преобразованія горнаго управленія и представилъ ему въ 1712 г. «меморіалъ съ нѣкоторыми пунктами о устроеніи рудокопнаго дѣла, какимъ лучшимъ учрежденіемъ и способомъ противъ европейскихъ государствъ строить и управлять». По мнѣнію Блюэра, необходимо для развитія горнаго дѣла въ Россіи «опредѣлить коллегіумъ, который состоитъ въ искусныхъ сему художеству особахъ, которому полную дирекцію сего дѣла повѣрить». Мысль Блюэра объ «опредѣленіи коллегіума» приведена была въ исполненіе лишь въ 1719 г., когда, наряду съ другими коллегіями, учреждена и бергъ-коллегія, при чемъ многіе изъ «пунктовъ» Блюэровскаго меморіала почти цѣликомъ вошли въ указъ 10 декабря 1719 г., опредѣлявшій характеръ дѣятельности и права вновь основаннаго высшаго горнаго установленія. Въ 1716 г. Блюэръ былъ посланъ на Кавказъ для пріиска рудъ, но эта поѣздка ни къ чему не привела. Когда онъ вернулся въ Москву, Петръ приписалъ неудачу небрежности Блюэра и велѣлъ вторично отправить его въ Черкасскую землю, приставивъ къ нему человѣка, «который бы всегда съ нимъ былъ и надъ нимъ смотрѣлъ, чтобъ онъ не гулялъ». О результатахъ этого второго путешествія мы ничего не знаемъ, но, очевидно, Блюэръ скоро вернулъ себѣ довѣріе Петра. Въ 1720 г. Блюэръ, вмѣстѣ съ артиллеріи капитанъ-поручикомъ В. Н. Татищевымъ, отправленъ былъ на Уральскіе заводы для изысканія способовъ къ ихъ улучшенію и для временнаго управленія этими заводами. Въ 1726 г. Блюэръ былъ назначенъ на Олонецкіе заводы для обозрѣнія серебряныхъ и мѣдныхъ пріисковъ, а черезъ два года опредѣленъ асессоромъ бергъ-коллегіи.

Архивъ Горнаго Департамента.—Сборникъ И. Русск. Ист. Общ., т. XI.—Словарь Плюшара.

И. Родкевичъ.

Бобинскій, ***Иванъ***, полковникъ, командиръ гвардейской берейторской школы. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) Руководство къ образованію кавалериста. Спб. 1832; 2) Краткое описаніе мышцъ, или мускуловъ лошади. Спб. 1835 (извлеченіе изъ слѣдующаго труда); 3) Краткая иппологія и курсъ верховой ѣзды. 2 части, съ атласомъ гравир. таблицъ. Спб. 1836. Этотъ атласъ былъ переизданъ въ 1869 г.

Венгеровъ, Русскія книги.

Боборыкинъ, ***Димитрій Лукьяновичъ***, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. 15 мая 1739 г., воспитывался сначала въ пансіонѣ пастора Литкена, а въ 1756 г. поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ былъ лучшимъ студентомъ. Въ числѣ выдающихся питомцевъ университета, онъ въ 1757 г. былъ отправленъ въ Петербургъ, представляться Императрицѣ Елизаветѣ, которая пожаловала его въ сержанты конной гвардіи. По окончаніи университетскаго курса, Боборыкинъ поступилъ въ Петербургѣ на дѣйствительную службу и, дослужившись до чина капитанъ-поручика, вышелъ въ отставку. Позже онъ былъ попечителемъ воспитательнаго дома въ Москвѣ, а съ 1782 г.—совѣтникомъ губернскаго правленія въ Орлѣ, гдѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени. По упраздненіи этой должности, Боборыкинъ былъ причисленъ къ герольдіи, а затѣмъ и совсѣмъ оставилъ службу, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.—Онъ былъ друженъ съ Потемкинымъ.—Сынъ его, ***Александръ Димитріевичъ***, род. 27 марта 1770 г. въ Москвѣ, обучался въ московскомъ университетѣ, затѣмъ былъ офицеромъ въ свитѣ Потемкина въ Яссахъ; позже перешелъ на гражданскую службу и въ 1799 г. былъ пожалованъ Императоромъ Павломъ въ

оберъ-прокуроры Сената, но скоро вышелъ въ отставку и, поселясь въ деревнѣ, дѣятельно занялся хозяйствомъ. Между прочимъ, онъ въ 1811 г. основалъ въ с. Рябинкахъ, болховскаго уѣзда, орловской губерніи, одинъ изъ первыхъ въ Россіи свеклосахарнахъ заводовъ.

Біограф. лѣтоп. питомцевъ московск. университета.

Боборыкинъ, *Иванъ Михайловичъ*, сынъ Михаила Борисовича, стольникъ, въ 1636 г. впервые упоминается въ числѣ дворянъ, дневавшихъ на государевомъ дворѣ въ Москвѣ, въ 1839 г. участвовалъ во встрѣчѣ кизильбашскаго посольства, въ 1645 г. былъ воеводою въ Суздалѣ и возобновлялъ обветшавшія городскія укрѣпленія, въ 1647 г. находился опять въ Москвѣ на государевѣ дворѣ, въ 1654 г. сопровождалъ царицу въ Троицкій монастырь, въ 1675 г., уже въ званіи стольника, былъ воеводою въ Костромѣ. У него были два сына: *Иванъ* и *Петръ*; первый—1 апрѣля 1649 г. былъ пожалованъ изъ стрячихъ въ стольники и въ 1660 и 1664 г.г. упоминается въ числѣ служившихъ у царскаго стола; второй—въ 1676 г., въ званіи стольника, сопровождалъ царя Өеодора въ села Коломенское и Покровское и въ монастыри: Троицкій и Саввинъ-Сторожевскій. Вѣроятно, сынъ послѣдняго тотъ *Григорій Петровичъ*, который упоминается въ числѣ дворянъ, бывшихъ съ царемъ въ Саввинскомъ отъѣздѣ 1679 г.

Дворцовые Разряды II, 954; III, 438, 521, 568, 1276; IV, 2, 8, 12, 16, 21, 129.—Акты Археогр. Экспед.—Русск. Историч. Библіот., X.—Бархатная книга.—Древняя Россійск. Вивліоө., XIV, 55.

Боборыкинъ, *Михаилъ Борисовичъ*, сынъ Бориса Борисовича, помѣщикъ новгородскій. Въ Смутное время, когда Новгородомъ завладѣли шведы, онъ примкнулъ къ шведской партіи; Делагарди освободилъ его землю въ деревской пятинѣ отъ платежа военныхъ повинностей, а онъ самъ принялъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ въ 1611 г. изъ Новгорода въ Швецію, чтобы пригласить на московскій престолъ шведскаго принца. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Боборыкинъ и умеръ: въ 1613 г. дальнѣйшіе переговоры со шведами ведетъ уже не онъ, а одинъ изъ шести сыновей его, Яковъ.

Бархатная книга. — Дополненія къ Актамъ Историч.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Боборыкинъ, *Никита Михайловичъ*, сынъ Михаила Борисовича, окольничій. Въ 1634 г., имѣя уже званіе стольника, онъ отвозилъ въ Смоленскъ хлѣбные запасы, въ томъ же году и въ слѣдующемъ бывалъ у государева стола, въ январѣ 1639 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ почившаго царевича Ивана Михайловича, въ апрѣлѣ того же года исполнялъ ту же обязанность при прахѣ царевича Василія Михайловича, въ 1639—40 г.г. несъ разныя дворцовыя службы, а въ 1643—44 г.г. былъ воеводою въ Бѣлгородѣ. Въ 1646 г. онъ составлялъ Владимірскія переписныя книги. Въ 1648 г. мы находимъ его опять въ Москвѣ, однимъ изъ участниковъ торжествъ по случаю бракосочетанія царя Алексѣя съ Маріею Ильиничною Милославскою: онъ былъ у царицына изголовья. Въ 1649 г. Боборыкинъ сопровождалъ царя въ Можайскъ, а затѣмъ былъ головою одной изъ дворянскихъ сотенъ при встрѣчѣ польскихъ пословъ въ Москвѣ. 17 мая 1656 г., царь пожаловалъ Никиту Боборыкина въ окольничіе (въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ), а въ 1657 г. назначилъ однимъ изъ воеводъ полка, посланнаго оберегать Полоцкъ отъ нѣмцевъ. Въ 1660 г. Боборыкинъ воеводствуетъ въ Витебскѣ. Въ 1661 г., за дерзкую отписку смоленскому воеводѣ кн. Петру Долгорукому, царь указалъ послать его въ тюрьму, «а изъ тюрьмы выпустить въ тожь время». Въ 1662 г. онъ былъ отозванъ изъ Витебска въ Москву, и ему былъ порученъ денежный сборъ на жалованье ратнымъ людямъ, а въ 1663 г., онъ назначенъ сидѣть въ приказѣ большаго прихода. Съ этихъ поръ Никита Боборыкинъ постоянно является на почетныхъ мѣстахъ: царь либо беретъ его въ свои поѣздки, либо оставляетъ блюсти Москву въ свое отсутствіе, посылаетъ участвовать въ патріаршихъ крестныхъ ходахъ и т. п. Въ 1668 г. онъ оставляетъ приказъ большого прихода и посланъ на воеводство въ Казань, но въ 1670 г. онъ уже опять въ Москвѣ, днюетъ при гробѣ царевича Алексѣя Алексѣевича, въ 1771 г. участвуетъ въ свадьбѣ царя съ Наталіей Кирилловной, а въ 1772 г. упоминается какъ управляющій приказомъ большого прихода и снова появляется въ разныхъ торжествахъ. Свое почетное положеніе при дворѣ Боборыкинъ сохранилъ и при царѣ Өеодорѣ. Послѣднее упоминаніе о немъ

находится подъ 1679 г. Современники изображаютъ Никиту Боборыкина, какъ человѣка, любящаго добро, прямодушнаго и совершенно безкорыстнаго. Находясь въ родствѣ съ родами Романовыхъ и Шереметевыхъ, онъ пользовался прочнымъ расположеніемъ царя Алексѣя, но патріархъ Никонъ отзывался о немъ крайне желчно, вѣроятно изъ-за распри своей съ дальнимъ родственникомъ Никиты, Романомъ Θедоровичемъ Боборыкинымъ. У Никиты были два сына — *Василій* и *Семенъ*. Первый изъ нихъ находился въ 1679 г. въ числѣ стольниковъ, сопровождавшихъ царя въ Саввинскомъ отъѣздѣ, второй, тоже стольникъ, находился при царѣ во время его поѣздокъ въ 1680 г.

Бархатная книга.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, II, 462, 706, 737, 936, 944, 968; III, 80, 105, 143, 590—2, 594—5, 597—600, 602—3, 605, 614, 615, 619, 622, 630—1, 640, 651, 655, 715—6, 835, 846, 876, 887, 894, 901—4, 907, 953, 956, 966, 1013, 1032—3, 1045, 1083, 1086, 1092, 1161, 1183, 1186, 1198, 1202, 1238, 1282, 1296, 1332, 1353, 1411, 1590, 1624, 1636, 1653; прил. 44, 90, 94, 237, 256, 274, 314, 339, 343, 354, 356, 360, 370, 376, 383, 454; IV, 39, 42—44, 56, 92, 96, 157.—Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 176, 204; XIV, 71, 79, 88.—Акты Археогр. Экспед.—Дополн. къ Акт. Истор.—Русск. Историч. Библіот., IX, X.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Боборыкинъ, *Николай Николаевичъ*, поэтъ, род. въ Москвѣ, около 1812 г., ум. въ апрѣлѣ 1888 г. Въ 70-хъ годахъ онъ былъ помощникомъ библіотекаря въ Московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ, а съ 1874 г. и до конца жизни служилъ цензоромъ англійскихъ книгъ и русскихъ драматическихъ пьесъ при главномъ управленіи по дѣламъ печати. «Стихотворенія» его изданы въ Москвѣ въ 1858 г.

Венгеровъ, Словарь.—Его же, Русскія книги.

Боборыкинъ, *Романъ Θедоровичъ*, сынъ Θедора Васильевича, окольничій, ум. въ 1682 г. Въ 1625, 1628 и 1830 г.г. онъ, въ званіи стольника, участвовалъ въ пріемѣ иностранныхъ посольствъ въ Москвѣ, въ 1631 г. былъ воеводою въ Шацкѣ, въ 1634—35 г.г. былъ опять при дворѣ; въ 1635 г. съ нимъ, какъ съ «человѣкомъ молодымъ», мѣстничался кн. Петръ Волконскій, но безуспѣшно. Въ 1636 г. онъ былъ посланъ строить г. Тамбовъ и оставался здѣсь воеводою въ 1637 и 1638 г.г. Въ 1639 г. онъ дневалъ въ январѣ при гробѣ царевича Ивана Михаиловича, а въ апрѣлѣ — при гробѣ царевича Василія Михаиловича. Въ 1644 г. онъ былъ воеводою на Яблоновой, въ январѣ 1647 г. посланъ на воеводство въ Козловъ, въ 1648—49 г.г. сопровождалъ царя въ его поѣздкахъ, въ 1653 г. служилъ у государева стола и въ томъ же году посланъ на Коломну и Коширу для осмотра дворянъ, дѣтей боярскихъ, новиковъ и недорослей. Въ 1654 г. Боборыкинъ посланъ царемъ изъ подъ Смоленска воеводою на Бѣлую, откуда отозванъ въ ноябрѣ 1655 г., а въ 1656 г. поставленъ воеводою же во вновь завоеванномъ г. Кукенойсѣ. Въ 1658 г. онъ опять въ Москвѣ, служитъ на царскомъ пиру. Въ 1661 г., во время разрыва патріарха Никона съ царемъ, Боборыкинъ вызвалъ гнѣвъ патріарха. Никонъ билъ царю челомъ, что Боборыкинъ завладѣлъ землею Воскресенскаго монастыря; эта челобитная была оставлена безъ отвѣта; тогда Никонъ приказалъ монастырскимъ крестьянамъ сжать рожь на спорной землѣ и свезти въ монастырь. Боборыкинъ билъ челомъ царю на самоуправство Никона, царь велѣлъ дѣло разслѣдовать, и монастырскіе крестьяне были взяты къ допросу. Никонъ отвѣчалъ на эту мѣру дерзкимъ письмомъ царю, но потомъ предложилъ Боборыкину сдѣлку, которая, однако, не состоялась, такъ какъ патріархъ утверждалъ, что сжато 67 четвертей, а Боборыкинъ,—что 600. Тогда Никонъ проклялъ Боборыкина, который послѣ этого донесъ царю, что проклятіе было произнесено на самого государя и на всю его семью. Это дѣло, несомнѣнно, много способствовало обостренію отношеній между царемъ и патріархомъ. Возникло оно, вѣроятно, изъ-за деревни Рычково, Кречково тожъ, проданной Боборыкинымъ Воскресенскому монастырю въ 1656 г. Лишь въ 1665 г. Никонъ простилъ Боборыкина. Послѣ этого Боборыкинъ нѣсколько разъ упоминается, какъ участникъ разныхъ придворныхъ торжествъ въ 1663, 1671, 1674, 1675 и 1678—80 г.г. и всегда именуется стольникомъ, либо просто дворяниномъ, но Бархатная книга утверждаетъ, что онъ былъ окольничимъ царя Θеодора. Очевидно, пожалованіе, если оно только было, состоялось въ самые послѣдніе годы этого царствованія. Извѣстно еще, что Романъ Боборыкинъ прислалъ въ Тверь, на раку св. кн. Михаила богатую шитую плащаницу.

Бархатная книга.—Разрядныя книги.—Акты

Археограф. Экспед.—Акты Историческіе.—Дополненія къ Акт. Историч.—Русск. Историч. Библіот., V, X, XII.—Дѣло патріарха Никона.—Дворцовые разряды, I, 694; II, 5, 436, 438, 444, 460, 463, 465, 585, 737, 840, 936, 944, 967; III, 133, 340, 380, 434, 489, 504, 548, 948, 1199; прил. 12, 72, 412, 428; IV, 35, 143, 151, 155.—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс.—Соловьевъ, Ист. Росс.—Словарь Березина.—Дубасовъ, Очеркъ исторіи Тамбовск. края, вып. IV, 1887 г.

Боборыкинъ, *Яковъ Михайловичъ*, сынъ Михаила Ворисовича, дворянинъ, помѣщикъ новгородскій, ум. въ 1631 г. Въ 1613 г. онъ ѣздилъ въ Выборгъ для переговоровъ объ избраніи шведскаго королевича на московскій престолъ, но, когда въ Москвѣ воцарился Михаилъ Ѳеодоровичъ, Боборыкинъ отказался отъ прежнихъ замысловъ и принялъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ новгородскими лучшими людьми въ Москву. Такъ какъ Новгородъ былъ еще занятъ шведами, съ Горномъ во главѣ, то посольство выставляло своею цѣлью напомнить московскимъ боярамъ о ихъ намѣреніи избрать въ цари королевича, но на самомъ дѣлѣ послы должны были бить челомъ Михаилу о винахъ и просить помощи противъ Горна. Царь допустилъ пословъ къ своей особѣ и далъ имъ двѣ грамоты: явную, въ которой сурово осуждалъ новгородцевъ за ихъ измѣну, и тайную, въ которой отпускалъ имъ всѣ вины и обѣщалъ помощь противъ шведовъ. Но думный дьякъ Петръ Третьяковъ выдалъ Горну тайну, и шведскій воевода сурово наказалъ всѣхъ участниковъ посольства. Въ 1617—19 г.г. Боборыкинъ былъ воеводою въ Старой Руссѣ, въ 1621 г. дозиралъ Вагу и составлялъ сотныя грамоты, съ 1622 г. засѣдалъ въ помѣстномъ приказѣ, сначала въ товарищахъ кн. Сицкаго, а въ 1628—31 г.г. самъ управлялъ этимъ приказомъ. Кромѣ того, въ 1624—29 г.г. онъ постоянно несъ различныя службы при государевѣ дворѣ, между прочимъ, въ 1626 г. участвовалъ въ свадебныхъ торжествахъ царя Михаила съ Евдокіею Стрѣшневою.

Дворцовые Разряды, I, 288, 342, 415, 512, 616, 645, 687, 758—9, 761—2, 776, 790, 800, 802, 829, 832, 870, 875, 877, 904, 906, 909, 914 (по ошибкѣ названъ Ивановичемъ), 930, 954, 957, 969, 982, 999, 1002, 1005, 1009, 1024, 1029—30; II, 2, 13, 21, 24, 41, 45, 55, 58—9, 69, 83, 85, 812.—Разрядныя книги.—Бархатная книга.—Древняя Росс. Вивліоѳ., XIII, 160.—Русск. Истор. Библіот., V, IX, VIII, XIV, XV.—Акты Археограф. Эксп.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Словарь Березина.

Боборыкины (Бабарыкины, Бобарыкины), старинный дворянскій родъ, ведущій свое начало изъ Пруссіи. Одинъ изъ потомковъ выѣхавшаго именовался, по указанію родословныхъ, Ѳедоромъ Боборыкою; изъ шести сыновей его, Ѳеодоръ и Андрей имѣли многочисленное потомство. Внукъ Ѳедорова сына, Симеона, новгородскаго помѣщика, *Ѳедоръ Аѳанасьевичъ*, въ 1608 г. былъ воеводою въ Кинешмѣ и упорно защищалъ ее отъ тушинцевъ, но Лисовскій все-таки овладѣлъ городомъ; 11 февраля 1609 г. онъ разбилъ воровского воеводу Ѳедора Плещеева въ суздальскомъ уѣздѣ, у с. Дунилова, а впослѣдствіи самъ сложилъ голову подъ Москвою. У Ѳедора было три сына: Павелъ, Аѳанасій и Ѳедоръ. *Павелъ Ѳедоровичъ* въ 1628 г. дневалъ на царскомъ дворѣ, въ 1636 г. былъ воеводою въ Курмышѣ, въ 1639 г. участвовалъ во встрѣчѣ кизильбашскаго посла подъ Москвою, а въ 1646 г. опять упоминается среди дворянъ, дневавшихъ на государевѣ дворѣ. *Аѳанасій Ѳедоровичъ* въ 1625 г., будучи патріаршимъ стольникомъ, получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни чудомъ только что присланной изъ Персіи въ Москву ризы Господней; 25 марта 1627 г. онъ пожалованъ изъ патріаршихъ стольниковъ въ царскіе стряпчіе, въ 1632 г. былъ воеводою въ Каргополѣ и Турчасовѣ, въ 1634 г., уже въ званіи стольника, былъ на пиру у царя и въ 1635—37 г.г. оставался при дворѣ царскомъ; въ 1638 г. онъ состоялъ разсылочнымъ воеводою на Тульской украйнѣ при большомъ воеводѣ В. И. Стрѣшневѣ; въ 1639 и 1641 г.г. опять упоминается среди стольниковъ, служащихъ при дворѣ, а въ 1644 г. воеводствуетъ въ Воронежѣ. *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* въ 1634 г. былъ у царскаго стола, въ 1639 г. участвовалъ въ встрѣчѣ кизильбашскаго посольства, въ 1647 г. дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ, въ 1652 г. сопровождалъ царицу въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. У Павла Ѳедоровича было два сына: Аѳанасій и Иванъ. *Аѳанасій Павловичъ* въ 1669 г., въ званіи стольника, дежурилъ у гроба почившаго царевича Симеона Алексѣевича, въ 1679 г. сопровождалъ царя Ѳеодора въ Троицкій монастырь, а въ 1696 г., съ званіями ротмистра и стольника, опредѣленъ служить въ большомъ полку, которымъ начальствовалъ Шеинъ. *Иванъ Павловичъ* въ

1672 г. былъ воеводою въ Старой Русѣ. У Аѳанасія Ѳедоровича дѣтей не было, а у Ѳедора Ѳедоровича былъ сынъ *Сергѣй*, имѣвшій въ 1696 г. званіе стольника.

Другой внукъ Ѳедора Боборыки, ***Андрей Ѳедоровичъ***, также имѣлъ помѣстья въ Новгородской области; его правнукъ, ***Степанъ Андреевичъ***, ѣздившій въ 1620 г. съ царскою грамотою въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, имѣлъ пять сыновей, изъ коихъ три служили при царскомъ дворѣ: ***Иванъ Степановичъ***, упоминаемый въ 1624 и 1647 г.г., ***Артемій Степановичъ***, пожалованный въ 1627 г. въ житье и въ 1654 г. сопровождавшій царицу въ Троицкій монастырь, и ***Герасимъ Степановичъ***, пожалованный въ 1627 г. въ житье, а 3 апрѣля того же года—изъ житья въ стольники къ патріарху.

Отъ сына Ѳедора Боборыки, Андрея, пошли еще двѣ линіи, родоначальниками которыхъ были сыновья Бориса Андреевича, Борисъ и Савва. Потомство Бориса Борисовича наиболѣе выдвинулось; біографіи его членовъ помѣщены отдѣльно (Михаилъ Борисовичъ, Яковъ, Иванъ и Никита Михайловичи). Савва же Борисовичъ имѣлъ двухъ сыновей: Василія и Ивана. Сыновья Василія — ***Семенъ***, новгородскій дворянинъ, ручавшійся въ 1613 г. передъ свѣйскимъ воеводою въ неотъѣздѣ разныхъ дворянъ, своихъ земляковъ; ***Ѳедоръ***, бывшій въ 1615—16 г. воеводою въ Тюмени, 1616—19—въ Томскомъ острогѣ, 1622—24—въ Устюгѣ Великомъ, гдѣ и умеръ, и ***Тимоѳей***, въ 1625 г. посланный воеводою въ Мангазею, въ 1626 г. бывшій въ Москвѣ на свадьбѣ царя Михаила съ Евдокіей Лукьяновной, 18 января 1627 г. снова назначенный въ Мангазею, откуда былъ отпущенъ къ Москвѣ въ 1629 г. У Ивана Саввича былъ сынъ ***Тимофей***, посланный въ 1618 г. строить Кузнецкій острогъ въ Сибири, воеводою котораго онъ затѣмъ и оставался еще въ 1623 г.; въ 1627 г. въ Кузнецкѣ былъ уже другой воевода; въ 1633 г. онъ собиралъ въ Муромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ ратныхъ людей, которыхъ потомъ долженъ былъ отвезти въ Можайскъ къ кн. Черкасскому, для похода подъ Смоленскъ; въ 1634 и 1637 г.г. онъ бывалъ у царскаго стола, а въ 1638 г. былъ воеводою у Печенскихъ воротъ на засѣкѣ, но въ этомъ же году и смѣщенъ оттуда. Самымъ крупнымъ представителемъ этой линіи Боборыкиныхъ былъ Романъ, сынъ Ѳедора Васильевича; его біографію см. выше.

Источники упоминаютъ еще нѣсколькихъ Боборыкиныхъ, родство которыхъ не поддается разъясненію: ***Меньшой Семеновъ***, новгородскій помѣщикъ, женатый на Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Гурьевой (упоминается въ 1584 г.); ***Еминъ Ѳедоровъ***, ручавшійся въ 1613 г. передъ свѣйскимъ воеводою въ неотъѣздѣ изъ Новгорода мѣстныхъ дворянъ; ***Михайло Матвѣевичъ***, бывшій въ 1629 г. у царскаго стола; ***Иванъ***, служившій въ 1625 г. атаманомъ въ Березовѣ; посланный въ 1626 г. на Юлмалъ ставить острожекъ между Мутной и Зеленой рѣками, для береженья отъ нѣмецкихъ промышленниковъ и отъ Самояди, онъ не могъ исполнить этого порученія, задержанный непогодами и льдами, и въ 1627 г. вернулся въ Тобольскъ; здѣсь его подвергли наказанію, а затѣмъ снова послали на Юлмалъ; онъ служилъ въ Березовѣ еще въ 1633 г.; ***Василій Семеновичъ***, стольникъ, бывшій на царскомъ дворѣ въ 1635, 1636 и 1639 г.; ***Иванъ Ѳедоровичъ***, въ 1647 г. дневавшій на государевѣ дворѣ; ***Степанъ***, ѣздившій послѣ 1660 г. посломъ изъ Томска къ монгольскому хану Лобзянъ-Саину.

Бархатная книга.—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс.—Акты Историческіе. — Дополненія къ Актамъ Историч.—Разрядныя книги.—Русская Историч. библіот., II, V, VIII, IX, X, XII, XIV, XVII.—Акты Археограф. Эксп.—Древн. Росс. Вивліоѳ., XIII, 163.—Дворцовые разряды, I, 196, 248, 297, 322, 350, 427, 646, 774, 788, 879, 938, 1017, 1034; II, 65, 415, 441, 461, 558, 568, 589, 738, 811, 872, 937, 945, 953, 961, 968, 970; III, 295, 439, 861; IV, 107, 931, 947.—Сборникъ кн. Хилкова.

Бобриковъ, *Иванъ Василіевичъ*, врачъ, д. ст. сов., род. въ тверской губ. въ 1798 г., ум. 25 апрѣля 1883 г. Происходя изъ духовнаго званія, онъ получилъ среднее образованіе въ тверской семинаріи, а высшее—въ петербургской медико-хирургической академіи, въ которой былъ казеннокоштнымъ студентомъ. Въ 1823 г. Бобриковъ окончилъ курсъ академіи съ званіемъ лѣкаря и поступилъ на службу въ л.-гв. кирасирскій полкъ, въ 1828 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря, съ 1830 г. былъ старшимъ лѣкаремъ стрѣлковаго баталіона, въ 1836 г. признанъ петербургской академіей медико-хирургомъ. Съ 1843 г. онъ былъ старшимъ ординаторомъ военно-сухопутнаго госпиталя. Состоя на военной службѣ, Бобриковъ въ то-же время

былъ врачемъ и профессоромъ петербургской семинаріи (съ 1845 г.), а съ 1849 г.— врачемъ Императорскаго стекляннаго завода. Въ 1860 г. онъ былъ отчисленъ отъ госпиталя и получилъ должность чиновника при комитетѣ о раненыхъ; затѣмъ состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Въ 1869 г. Бобриковъ отчисленъ отъ комитета о раненыхъ; имѣлъ орденъ св. Владиміра 4 ст.— Напечаталъ «Біографію д-ра Баронета П. Ф. Флоріо» въ «В.-Мед. Ж.», 1848; ч. 51, 1.

Змѣевъ, Р. врачи-писат.—«Новое Время» 1883 г. (некрологъ).

Бобринской, графъ *Алексѣй Алексѣевичъ*, шталмейстеръ Высочайшаго двора, извѣстный сельскій хозяинъ и сахарозаводчикъ, род. 6 января 1800 г., ум. 4 октября 1868 г. Получивъ блестящее домашнее воспитаніе подъ ближайшимъ руководствомъ матери, графини Анны Владиміровны, рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ, графъ Бобринской докончилъ свое образованіе въ лучшемъ въ то время военно-учебномъ заведеніи—въ состоявшемъ при главномъ штабѣ училищѣ колонновожатыхъ. Въ 1817 г. графъ Бобринской поступилъ на службу юнкеромъ въ л.-гв. гусарскій полкъ, въ 1819 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ 1823 г. перешелъ въ кавалергардскій полкъ и въ 1828 г. вышелъ въ отставку ротмистромъ. Въ 1821 г. онъ женился на фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳедоровны, графинѣ Софіи Александровнѣ Самойловой (ум. въ Парижѣ, въ ноябрѣ 1866 г.). По выходѣ въ отставку Бобринской поселился въ своемъ имѣніи, с. Михайловскомъ, богородицкаго у., тульской губ., и прожилъ здѣсь до 1832 г. Возвратившись въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ, въ особенную канцелярію по кредитной части. Умъ, дѣятельность и знанія гр. Бобринскаго обратили на себя вниманіе тогдашняго министра финансовъ гр. Канкрина, который поручалъ ему разработку многихъ важныхъ финансовыхъ вопросовъ. Назначенный въ 1840 г. членомъ совѣта министра финансовъ, гр. Бобринской оставался въ этой должности до конца своей жизни. Кромѣ того, гр. Бобринской послѣдовательно былъ жалуемъ въ званія: камеръ-юнкера, камергера, церемоніймейстера, шталмейстера двора великой княжны Ольги Николаевны и управляющаго дворомъ ея высочества и, наконецъ, шталмейстера Высочайшаго Двора. Съ 1856 г. по самый день смерти графъ почти безвыѣздно прожилъ въ другомъ своемъ имѣніи — м. Смѣлѣ, черкасскаго у., кіевской губ. Владѣлецъ двухъ обширныхъ имѣній (въ тульской губ. у него было до 12.000 крестьянъ и 40.000 десятинъ земли), графъ Бобринской всѣ свои силы посвящалъ на ихъ благоустройство, причемъ главное вниманіе обращалъ на развитіе свекло-сахарнаго производства. Еще въ началѣ 1830-хъ годовъ онъ устроилъ въ с. Михайловскомъ большой свеклосахарный заводъ, покупая свекловицу у своихъ оброчныхъ крестьянъ, по выгодной для нихъ цѣнѣ, въ счетъ оброка. Слѣдя за усовершенствованіемъ въ свеклосахарномъ производствѣ, гр. Бобринской въ 1834 г. первый устроилъ у себя на Михайловскомъ заводѣ холодную вымочку, истративъ на опыты и выписку изъ за границы дорогихъ снарядовъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Успѣхъ Михайловскаго завода явился живымъ опроверженіемъ несочувствія къ развитію отечественной свеклосахарной промышленности со стороны министровъ финансовъ, гр. Канкрина и Вронченко. Перенеся въ исходѣ 30-хъ годовъ свою дѣятельность въ кіевскую губ., графъ Бобринской построилъ здѣсь нѣсколько свеклосахарныхъ заводовъ и одинъ огромный рафинадный въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, водворивъ такимъ образомъ свеклосахарную промышленность въ юго-западномъ краѣ. Постоянное стремленіе Бобринскаго къ совершенствованію свеклосахарнаго производства при помощи введенія новѣйшихъ машинъ и аппаратовъ имѣло вліяніе и на развитіе у насъ машино-строительной промышленности. Парижское машинное заведеніе Деронъ и Кайль, открывшее, по настоянію графа, складъ своихъ машинъ въ его смѣлянскомъ имѣніи, вскорѣ расширило свое производство до громадныхъ размѣровъ. Около 70 заводовъ, построенныхъ въ кіевской губ. по примѣру гр. Бобринскаго, создали для исправленія своихъ машинъ и аппаратовъ образцовыя механическія мастерскія въ Смѣлѣ, Городищѣ, Шполѣ и другихъ мѣстахъ. На всѣхъ заводахъ гр. Бобринскаго управляющими были русскіе, воспитанники технологическаго института; кромѣ того, онъ постоянно приглашалъ выходящихъ изъ этого института моло-

дыхъ людей, которые, пробывъ нѣсколько лѣтъ на его заводахъ, принимали на себя управленіе другими свеклосахарными заводами. Приглашалъ графъ на свои заводы и ученыхъ технологовъ профессоровъ, которые своими многосторонними и многолѣтними изслѣдованіями на графскихъ заводахъ уяснили темныя стороны свеклосахарнаго производства и издали свои сочиненія о немъ, служащія теперь руководствами къ добыванію сахара изъ свекловицы.

Свеклосахарное производство не отвлекало, однако, вниманія графа и отъ другихъ отраслей хозяйства. Въ кругъ его образцовой сельско-хозяйственной дѣятельности входило также улучшеніе земледѣльческихъ орудій (плугъ-углубитель—изобрѣтеніе самого графа), глубокое воздѣлываніе полей, раціональное удобреніе ихъ, введеніе многочисленныхъ сѣвооборотовъ, примѣненіе въ обширныхъ размѣрахъ травосѣянія (такъ, въ Смѣлѣ люцерна росла болѣе нежели на 1000 десятинахъ), новое устройство зерновыхъ сушиленъ и хлѣбныхъ магазиновъ. Въ своихъ лѣсахъ гр. Бобринской ввелъ самую строгую таксацію. При дороговизнѣ дровъ онъ обратилъ вниманіе на отысканіе лигнита, какъ переходнаго слоя къ каменному углю, который тамъ былъ найденъ и тоже использованъ на заводѣ. Графъ послалъ 5000 пудовъ своего каменнаго угля въ Пруссію, чтобы испробовать его на желѣзныхъ дорогахъ, и уголь оказался хорошимъ. Образцовый хозяинъ, Бобринской, неустанно заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ. Въ своемъ огромномъ тульскомъ имѣніи графъ устроилъ самоуправленіе среди крестьянъ, ввелъ правильное распредѣленіе рекрутской повинности и примѣнилъ особую систему образованія хлѣбныхъ запасовъ. Въ неурожайные 1839 — 40 годы, онъ прокормилъ крестьянъ на свой счетъ, затративъ на это 40 тысячъ рублей. Крестьяне графа платили ему такою же любовью. Когда пришлось везти тѣло почившаго графа изъ Смѣлы въ Петербургъ, около 2.000 крестьянъ провожали его и, отложивъ лошадей, по очереди везли гробъ на себѣ нѣсколько верстъ отъ Смѣлы. Нельзя, наконецъ, забыть того горячаго участія, которое гр. Бобринской принималъ въ сооруженіи первой у насъ желѣзной дороги (Царскосельской, открытой въ 1837 г.), взявъ акцій на 250 тысячъ рублей. По преимуществу дѣятель практическій, Бобринской напечаталъ сочиненіе, появившееся за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (въ іюлѣ 1868 г.), подъ заглавіемъ: «О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли въ Россіи и значительномъ пониженіи таможеннаго дохода по введеніи тарифа 1857 г.». Графъ Бобринской въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ почетнымъ членомъ сельско-хозяйственныхъ обществъ: вольнаго экономическаго (съ 1836 г.), московскаго и южнорусскаго, которыя, послѣ смерти его, единодушно рѣшили поставить его портретъ въ залѣ своихъ засѣданій. Вольное экономическое общество, кромѣ того, учредило въ память графа особую медаль. 6 февраля 1872 г. въ Кіевѣ открытъ графу памятникъ, сооруженный по подпискѣ. Поставленъ памятникъ на Бибиковскомъ бульварѣ.

«Графъ А. А. Бобринскій», воспоминанія князя П. А. Вяземскаго, Москва, 1868 г.—Воспоминанія о графѣ А. А. Бобринскомъ (экстра-ординарное собраніе комитета гг. сахароваровъ). Москва, 1868.—Словари: Геннади, Клюшникова, Березина и Андреевскаго, Дополненіе къ Толю.—«Иллюстр. Газета» 1868, № 41—«Труды В. Эк. Общ.» 1868, т. IV и 1869, тт. I и II.—«Сѣверная Пчела» 1869, № 13.—«Вѣсть» 1868, № 120.—«Кіевлянинъ» 1868, № 123.—«Иллюстр. Газета» 1871, № 28.—«Всеміри. Иллюстр.» 1872, № 173.—«Кіевлянинъ» 1872, № 17 (открытіе памятника).

С. Т—въ.

Бобринской, *Алексѣй Васильевичъ*, графъ, егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, ум. 24 ноября 1888 г. Окончивъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, со степенью кандидата онъ 3 февраля 1854 г. поступилъ на службу въ государственную канцелярію, младшимъ помощникомъ экспедитора сверхъ штата, съ производствомъ въ коллежскіе секретари. 24 ноября 1856 г. онъ перешелъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и былъ причисленъ къ русской миссіи въ Лондонѣ. 1 января 1859 г. графъ Бобринскій Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера, а 6 декабря 1862 г. назначенъ въ должность церемоніймейстера. Въ 1869 г. онъ былъ избранъ дворянствомъ волоколамскаго уѣзда въ депутаты дворянства, для составленія и продолженія дворянскихъ родословныхъ книгъ московской губерніи. Состоя въ этой должности, онъ былъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе совѣтники (16 апрѣля 1872 г.) и утвержденъ Высочайшимъ ука-

зомъ церемоніймейстеромъ двора Его И. В., (въ январѣ 1875 г.). 14 февраля 1875 г. графъ Бобринской былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства московской губерніи и въ томъ же году Всемилостивѣйше пожалованъ въ должность егермейстера Двора Его Императорскаго Величества, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1878 г. онъ вторично былъ избранъ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а 15 мая 1883 г., въ день коронованія Императора Александра III, ему было Высочайше повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта, съ утвержденіемъ въ должности егермейстера. Графъ Бобринской имѣлъ ордена: Св. Владиміра 2-й ст.; Св. Анны 1-й ст., Св. Станислава 1-й ст., и Высочайше установленный 13 марта 1879 г. Знакъ Краснаго Креста.

Отчетъ по Государственному Совѣту за 1889 г., стр. 74.

Бобринской, ***Алексѣй Григорьевичъ***, графъ. Младенецъ, позднѣе носившій фамилію Бобринскаго, род. въ Зимнемъ Дворцѣ 11 апрѣля 1762 г.; ум. графъ 20 іюня 1813 г. въ Богородицкѣ. Отцомъ его считаютъ князя Григорія Григорьевича Орлова. Немедленно по рожденіи, младенецъ былъ отданъ Императрицею Екатериною II ея гардеробмейстеру Василію Григорьевичу Шкурину, въ семействѣ котораго онъ и воспитывался до 1774 г., наравнѣ съ сыновьями Шкурина, и вмѣстѣ съ ними находился нѣкоторое время за границей. По распоряженію Императрицы, ребенокъ въ 1775 г. былъ взятъ отъ Шкурина и переданъ И. И. Бецкому, причемъ Екатерина II рѣшила присвоить ребенку, носившему имя Алексѣй Григорьевичъ, фамилію *Бобринской*, по названію села Спасскаго, *Бобрики тожъ*, епифанскаго уѣзда, тульской губерніи, купленнаго для его матеріальнаго обезпеченія еще въ 1763 г., по приказанію Екатерины II, у Ладыженскаго. Ребенокъ, по словамъ Бецкаго, былъ тѣлосложенія слабаго, боязливъ, робокъ, застѣнчивъ, нечувствителенъ ни къ чему, но кротокъ и послушенъ. Познанія его въ 13-лѣтнемъ возрастѣ, ограничивались только французскимъ и нѣмецкимъ языками, началами ариѳметики и очень малыми свѣдѣніями изъ географіи. Вскорѣ Бобринской былъ помѣщенъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, гдѣ находился подъ особеннымъ наблюденіемъ Рибаса (бывшаго въ корпусѣ цензоромъ въ то время), и продолжалъ бывать у Бецкаго, расположеніемъ котораго видимо пользовался. Въ 1782 г. Бобринской окончилъ курсъ обученія въ корпусѣ и награжденъ золотою медалью меньшей величины и чиномъ поручика арміи. Вскорѣ онъ пожалованъ поручикомъ въ л.-гв. конный полкъ и уволенъ въ отпускъ для путешествія по Россіи и за границею, по уставу кадетскаго корпуса того времени, вмѣстѣ съ другими наилучшими воспитанниками его выпуска. Бецкой написалъ тогда извѣстную инструкцію для путешествія и поручилъ сопровождать молодыхъ людей полковнику Алексѣю Михайловичу Бушуеву (подробно сообщавшему Бецкому о путешествіи), а также академику Озерецковскому, который совершилъ съ ними все путешествіе по Россіи. Бобринской посѣтилъ Москву, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Екатеринбургъ, Билимбаевскій заводъ, Уфу, Симбирскъ, Саратовъ, Астрахань, Кизляръ, Таганрогъ, Херсонъ, Кіевъ и за тѣмъ прибылъ въ Варшаву, откуда отправился въ дальнѣйшее путешествіе по Европѣ. Посѣтивъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, Туринъ, Женеву, Бобринской прибылъ наконецъ съ своими спутниками въ Парижъ весною 1785 г. Все путешествіе совершалось на деньги, получаемыя изъ С.-Петербурга Бобринскимъ, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей въ мѣсяцъ, и составлявшіе проценты съ капитала, положеннаго на его имя въ опекунскій совѣтъ Императрицею Екатериною II. Въ то время капиталомъ этимъ завѣдывалъ Бецкой, который исправно и переводилъ Бобринскому за границу чрезъ банкировъ ежемѣсячно назначенныя ему деньги, явившіяся скоро источникомъ раздора и неудовольствія между Бобринскимъ и его спутниками, а также и Бецкимъ. Спутники, нуждаясь въ деньгахъ, постоянно просили ихъ у Бобринскаго, который неохотно удовлетворялъ такія просьбы и нерѣдко даже отклонялъ совершенно. Бушуевъ говоритъ по этому поводу: «едва ли можно сыскать другаго подобнаго ему (Бобринскому) молодаго человѣка, который бы столько любилъ собственность» (9 ноября); или, въ другомъ мѣстѣ: «Я убѣждалъ его по крайней мѣрѣ подумать о товарищахъ своихъ, что они не имѣютъ денегъ... на сіе онъ хотѣлъ назначить имъ сумму, но до сего времени не даетъ... всѣхъ непріятностей нашего положенія описать трудно».

Причина такой разсчетливости заключалась въ томъ, что Бобринской не избѣгъ естественныхъ въ его годы увлеченій женщинами и игрою и сталъ самъ нуждаться въ деньгахъ. Онъ писалъ объ этомъ Императрицѣ, жалуясь на невысылку ему денегъ Бецкимъ, который скоро приказалъ Бушуеву «незамедлительно возвратиться въ Петербургъ со всѣми спутниками». Бобринскому же было разрѣшено остаться, ежели онъ не пожелаетъ возвратиться. Бобринской въ Россію не поѣхалъ, продолжалъ жить въ Парижѣ и получилъ по приказанію Екатерины 74.426 рублей, кромѣ ежемѣсячно получаемыхъ имъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императрица писала извѣстному Мельхіору Гримму о Бобринскомъ, поручала молодаго человѣка его заботливой попечительности, просила устроить денежныя дѣла послѣдняго въ Парижѣ и, въ случаѣ надобности, снабдить его даже деньгами до тысячи луидоровъ, но не болѣе. Въ концѣ 1787 г. Бобринской изъ Парижа переѣхалъ въ Лондонъ, но пробылъ здѣсь недолго. По словамъ графа Комаровскаго, одна знакомая Бобринскому особа внезапно уѣхала въ Парижъ, а за нею немедленно послѣдовалъ и Бобринской. Тѣмъ временемъ нашъ посолъ въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцовъ, получилъ приказаніе Императрицы отъ 3 января 1788 г., потребовать отъ Бобринскаго немедленнаго возвращенія въ Россію чрезъ Ригу. Графъ же П. В. Завадовской, на котораго вмѣсто И. И. Бецкаго было возложено попечительство надъ Бобринскимъ, писалъ тому же Воронцову, чтобы онъ приложилъ стараніе поскорѣе прислать Бобринскаго, но не давать почувствовать, что здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) поведеніемъ его недовольны, ибо онъ, боясь того, можетъ и не поѣхать. Гриммъ 5 февраля 1788 г. сообщалъ Воронцову, что Бобринской, проведя въ Парижѣ всего три дня въ большой тайнѣ, отправился обратно въ Лондонъ, обѣщаясь скоро вернуться и ѣхать съ упомянутой особою въ Италію. Несмотря на убѣжденія Воронцова, скорѣе ѣхать въ Россію, Бобринской все медлилъ отъѣздомъ. Только 27 апрѣля Императрица сообщила Гримму о прибытіи Бобринскаго въ Ригу, откуда онъ и посланъ былъ на житье въ Ревель; вмѣстѣ съ тѣмъ, для устройства его дѣлъ и для объясненій съ нимъ былъ отправленъ въ Ревель Завадовской. Во время пребыванія за границею Бобринской послѣдовательно былъ произведенъ изъ поручиковъ въ секундъ-ротмистры (1 января 1785 г.), а затѣмъ въ ротмистры конной гвардіи сверхъ комплекта (1 января 1788 г.). Въ Ревелѣ Бобринской скоро отряхнулся отъ заграничныхъ впечатлѣній, раскаивался въ своемъ образѣ жизни за границею, выражалъ желаніе поступить на дѣйствительную службу и просилъ, въ видѣ особенной милости, разрѣшенія явиться въ Петербургъ и пасть къ стопамъ Императрицы. Екатерина II отвѣчала ему, что забыла прошлое его поведеніе и назначила ему, для его собственнаго исправленія, мѣстомъ пребыванія г. Ревель, въ которомъ онъ конечно скучаетъ, но можетъ легко исправиться. Относительно просьбы Бобринскаго пріѣхать въ столицу Императрица добавила, что Завадовской сообщитъ ему о томъ, когда настанетъ время покинуть Ревель. Вскорѣ послѣ этого Бобринской просилъ объ увольненіи его изъ ротмистровъ конной гвардіи. Эта просьба была удовлетворена, и 18 іюня 1790 г. онъ былъ уволенъ съ чиномъ бригадира. Остальныя годы царствованія Екатерины II Бобринской провелъ въ Ревелѣ, несмотря на вторичную просьбу о разрѣшеніи пріѣхать въ Петербургъ. Завадовской, въ качествѣ опекуна, заботился о приведеніи его дѣлъ въ порядокъ и объ уплатѣ его долговъ и высылалъ ему деньги на прожитіе. Съ Высочайшаго соизволенія Бобринской въ 1794 г. купилъ себѣ имѣніе въ Лифляндіи, близъ г. Юрьева (Дерпта), замокъ Оберъ-Паленъ, а 16 января 1796 г. вступилъ въ бракъ съ дѣвицею баронессою Анною Владиміровною Унгернъ-Штернбергъ (род. 9 января 1769 г., ум. 28 марта 1846 г.), родители которой владѣли помѣстьемъ Кирна близъ Ревеля, гдѣ Бобринской часто посѣщалъ ихъ и познакомился съ будущею своею супругою. Вскорѣ послѣ свадьбы Бобринской съ женою пріѣзжалъ въ Петербургъ на весьма короткое время, являлся Императрицѣ съ супругою, былъ ласково принятъ, но опять вернулся въ Оберъ-Паленъ, гдѣ и проживалъ до кончины Императрицы Екатерины II. Но уже 11 ноября 1796 г. генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ сообщилъ Бобринскому Высочайшее повелѣніе новаго Императора пріѣхать въ Петербургъ, «и изъ онаго выѣзжать можетъ Бобринской свободно, когда ему заблагоразсудится». Онъ не замедлилъ этимъ воспользоваться и явился Павлу I, а 12 ноября

1796 г., будучи бригадиромъ въ отставкѣ, былъ назначенъ командиромъ четвертаго эскадрона л.-гв. конной гвардіи и возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи, вмѣстѣ съ недавно родившимся сыномъ своимъ Алексѣемъ. (Этотъ сынъ умеръ 20 іюля 1797 г.). Кромѣ того, Павелъ I пожаловалъ Бобринскому огромный домъ князя Орлова (такъ называемый Штегельманскій; немного позднѣе этотъ домъ купленъ у Бобринскаго для помѣщенія Александровскаго сиротскаго института). Въ день коронованія Императора, 5 апрѣля 1797 г., Бобринской былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ конной гвардіи, а 31 іюля ему пожаловано командорство въ гдовскомъ уѣздѣ, состоящее изъ 11 селеній, присвоенное кавалеру ордена св. Анны первой степени. Но уже 17 сентября того же года генералъ-маіору конной гвардіи графу Бобринскому, командовавшему 2-мъ баталіономъ оной, повелѣно числиться по арміи и носить общій кавалерскій мундиръ, а 24 декабря 1797 г. онъ принятъ въ число почетныхъ опекуновъ совѣта, при с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ учрежденнаго. Затѣмъ, 2 сентября 1798 г., онъ былъ уволенъ отъ военной службы, а 25 сентября сложилъ съ себя званіе почетнаго опекуна и удалился въ тульскую губернію, въ Богородицкъ, гдѣ проживалъ большую часть года, продолжая навѣщать Оберъ-Паленъ и Петербургъ. Онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, минералогіею и астрономіею, причемъ надъ своимъ домомъ въ Галерной улицѣ устроилъ себѣ башенку, служившую ему обсерваторіею. Похороненъ Бобринской въ семейномъ склепѣ въ Бобрикахъ.

«Сѣверный Архивъ», 1823 г., ч. V, кн. 4.—Болотовъ, «Памятникъ протекшихъ временъ».—«Осьмнадцатый вѣкъ» (Изъ записокъ гр. Комаровскаго, стр. 398).—«Русскій Архивъ», 1868 г. (о женѣ его), 1870 г., стр. 2080; 1872 г.; 1876 г., кн. 3; 1883 г. ч. 3; 1899 г., кн. 2.—«Сборникъ Импер. Истор. Общества», т.т. 23, 27, 33.—«Русская Старина», 1872 г., сентябрь; 1876 г., ноябрь.—Masson, «Memoires», 1859, стр. 101.—«Родословная книга» кн. Долгорукова, т. II, стр. 173.—«Архивъ Князя Воронцова», кн. 24.—Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ», стр 63 и слѣд.—Дѣло Москов. Глав. Архива Министр. Иностр. Дѣлъ, отдѣлен. XII, № 124.

П. Майковъ.

Бобрищевъ-Пушкинъ, *Иванъ Гавриловичъ*, стряпчій царскій и воевода. Въ 1615 г. онъ былъ головою дворянъ въ рати кн. Пожарскаго, разбившей Лисовскаго подъ Орломъ; въ началѣ сраженія русская рать дрогнула и почти вся побѣжала, но Бобрищевъ былъ въ числѣ немногихъ, продолжавшихъ биться и вырвавшихъ побѣду изъ рукъ поляковъ. Въ 1617 г. онъ былъ посланъ въ Мценскъ, въ помощь воеводѣ кн. Татеву, въ 1618 г. самъ былъ воеводою въ Каширѣ, въ 1619 и 1620 г.г. воеводствовалъ въ Касимовѣ, въ 1622 и 1623 г.г.—въ Брянскѣ, въ 1624 г. былъ въ Шацкѣ у городового дѣла, въ 1625 г. былъ на Москвѣ у царскаго стола, 10 октября 1626 г. посланъ въ посольскій приказъ, а оттуда въ 1627 г. назначенъ воеводою въ Касимовъ. Въ 1628 г. его отозвали изъ Касимова къ Москвѣ, въ 1629 г. онъ опять былъ у царскаго стола, въ 1631 и 1632 г.г. присутствуетъ на царскихъ выходахъ, а въ 1633 и 1634 г.г. воеводствовалъ въ Новгородкѣ Сѣверскомъ, откуда въ 1633 г. донесъ царю о двухъ побѣдахъ своихъ надъ подступавшими къ городу литовскими людьми и черкасами. Въ 1636—38 г.г. онъ былъ воеводою въ Мценскѣ, въ 1638 г.—головою у Воской засѣки на украйнѣ, въ 1638—1641 г.г. былъ приставленъ къ земляному городовому дѣлу въ Москвѣ, отъ Срѣтенскихъ до Тверскихъ воротъ, а въ 1641 г. посланъ воеводою въ Переяславль Рязанскій. Въ 1646 г. мы находимъ его прикащикомъ дворцовыхъ селъ на Тюмени, въ 1648 г. — опять на Москвѣ, въ свитѣ царицы, поѣхавшей въ Троицкій монастырь, и въ томъ же году—вторымъ воеводою въ Тулѣ. Въ 1650—1652 г.г. онъ неоднократно упоминается въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царя и царицу въ монастыри и подмосковныя села. Стряпчимъ названъ впервые въ 1651 г.

Русск. Историч. Библіот. IX, X.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 181, 287, 345, 426, 461, 522, 758; II, 61, 327, 333, 497, 587, 669—70, 848, 858; III, 95, 188, 248, 298, 310.

Бобрищевъ-Пушкинъ, *Петръ Ивановичъ*, царскій стольникъ. Въ 1649—52 г.г. постоянно упоминается въ числѣ стольниковъ, сопровождавшихъ царя въ поѣздкахъ его по монастырямъ и подмосковнымъ селамъ, а въ 1664 и 1671 гг. служитъ на царскихъ пирахъ. Въ 1675 г. онъ былъ посланъ воеводою въ Нѣжинъ, но скоро вызвалъ вражду гетмана Самойловича, который обидѣлся на воеводу за подозрительное отношеніе къ нему и за покровительство священнику, явно порицавшему гетмана. По жалобѣ Самойловича, царь указалъ 3 ноября 1676 г. смѣстить

Бобрищева съ воеводства, вытребовать его въ Кіевъ къ воеводѣ кн. Голицыну и здѣсь подвергнуть все дѣло крѣпкому розыску. Результатовъ слѣдствія мы не знаемъ, но Бобрищевъ въ Нѣжинъ уже не вернулся.

Дворцовые разряды, III, 139, 140, 188, 199, 214, 257, 309, 569, 1265, 1649—50; прил. 417.— Акты Южной и Западной Россіи, т.т. XII, XIII.

Бобрищевъ-Пушкинъ, *Сергѣй Сергѣевичъ*, тайный совѣтникъ, инженеръ путей сообщенія, любитель сельскаго хозяйства, род. 23 сентября 1808 г., ум. 31 января 1876 г., въ Варшавѣ. Бобрищевъ-Пушкинъ происходилъ изъ дворянъ тульской губ., воспитывался въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія и въ 1828 г. началъ службу, командированный на работы по соединенію р. Москвы съ Волгою. Въ 1839 г. онъ производилъ изысканія по рр. Истрѣ и Сестрѣ, входящимъ въ соединительную систему между Москвою и Волгою, и тогда же назначенъ былъ директоромъ работъ, производившихся по верховьямъ р. Москвы и по устройству обводнаго въ Москвѣ канала; въ 1845—47 г.г. онъ устроилъ Бабьегородскую плотину на р. Москвѣ и открылъ судоходство по московскому обводному каналу. Кромѣ того, въ бытность въ Москвѣ до 1850 г., Бобрищевъ-Пушкинъ преподавалъ механику въ ремесленномъ заведеніи воспитательнаго дома (преобразованномъ потомъ въ московское техническое училище). Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника X (кіевскаго) округа путей сообщенія, а въ 1860 г.—начальникомъ его. Здѣсь онъ отличился устройствомъ переправы войскъ черезъ Днѣстръ въ 1855 г. и затѣмъ успѣшнымъ доставленіемъ провіанта для войска изъ малороссійскихъ пристаней въ г.г. Кіевъ, Брестъ-Литовскъ и др.; затѣмъ, онъ строилъ кіево-брестское шоссе и Николаевскій спускъ къ Днѣпру въ Кіевѣ, и наконецъ участвовалъ въ работахъ на портахъ Чернаго моря и при постройкѣ кіево-балтской желѣзной дороги; на послѣдней онъ былъ главнымъ начальникомъ. Командированный въ концѣ 1875 г. министромъ путей сообщенія въ Варшаву, онъ вскорѣ по прибытіи туда заболѣлъ и умеръ.— Любя сельское хозяйство, Бобрищевъ-Пушкинъ посвящалъ досуги своему небольшому имѣнію и составилъ нѣсколько статей по сельскому хозяйству: «Описаніе водоподъемнаго колеса собственнаго изобрѣтенія» (въ «Журналѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства», 1847 г.), «Примѣчаніе къ статьѣ г. Бобрыкина: «Скотный хлѣвъ въ землѣ» (ib), «Описаніе овина и печи г. Гродницкаго» (ib., 1848 г.) и «О русскихъ паровыхъ машинахъ и сельскихъ мельницахъ» В. Карелина» (ib., 1849 г.).

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената.—«Кіевлянинъ» 1876 г., № 20. — «Журналъ Министерства путей сообщенія» 1878 г., № 6.— Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. II, (Спб., 1893 г.).—С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь».

В. Р—въ.

Бобрищевы-Пушкины, старинный дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе отъ нѣмецкаго выходца Радши; одинъ изъ потомковъ Радши именовался Григорій Пушка, отъ котораго, черезъ нѣсколько колѣнъ, произошелъ *Иванъ Алексѣевичъ* Бобрищъ-Пушкинъ, ловчій вел. князя Василія Іоанновича, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1536 г. У него было три сына: Иванъ, Өедоръ и Алексѣй. *Иванъ Ивановъ* сынъ Бобрищевъ-Пушкина былъ сокольничимъ Іоанна Грознаго и сопровождалъ царя въ походахъ: къ Новугороду 1572 г., подъ Пайду 1573 г. и въ Ливонскомъ 1578—79 г.г. (на этотъ разъ именуется уже окольничимъ). Другой сынъ Ивана Алексѣевича, *Өедоръ*, въ 1602 г. былъ воеводою на Бѣлой. Старшій сынъ Ивана Ивановича, *Василій*, въ 1558 г. былъ дружкою на свадьбѣ кн. Владиміра Андреевича, въ 1580 г.—головою въ Псковѣ и въ томъ-же году посланъ воеводою на Луки Великія, которыя, вскорѣ послѣ его пріѣзда, были взяты Баторіемъ, причемъ погибъ и Василій Ивановичъ (1580 г.). Второй братъ Василія, *Иванъ* былъ убитъ во время Смуты, о третьемъ братѣ, *Өедорѣ*, извѣстій не сохранилось. Четвертый братъ, *Гаврила Ивановичъ* въ 1618 и 1619 г. былъ воеводою въ Царевѣ Кокшайскомъ, въ 1622 г.—объѣзжимъ головою въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, и билъ челомъ во отечествѣ на кн. Корқодинова, назначеннаго на ту же должность въ Кремль, но царь велѣлъ имъ быть безъ мѣстъ; въ 1624—27 г.г. онъ воеводствовалъ въ Ростовѣ, а въ 1627 г. оставался въ Москвѣ на время отъѣзда царя изъ столицы. Сынъ Өедора Ивановича, *Өедоръ*, въ 1620—21 г.г. былъ воеводою въ Тюмени. У него были сыновья *Наумъ*, дневавшій и ночевавшій на государевѣ дворѣ въ 1646 г., и *Лука*, получившій впервые денежный окладъ изъ

чети въ 1624 г., а въ 1638 г. служившій при государевомъ дворѣ; оба они пали въ Конотопской битвѣ. Внукъ Ивана, убитаго въ Смуту, *Савва Спиридоновичъ*, въ 1649 г. былъ пожалованъ изъ житья въ стряпчіе и въ этомъ званіи сопровождалъ царя въ 1650 г. въ с. Покровское и въ 1651 г.— въ с. Хорошево. Племянникъ Саввы, *Иванъ Михайловичъ*, въ 1696 г. ѣздилъ въ Ржеву Володимірову для переписи недорослей, а въ 1711 г., имѣя подъ командою пять полковниковъ, велъ рекрутъ изъ Москвы въ Ригу. *Ѳедоръ Васильевичъ* (не сынъ-ли Василія Ивановича?) въ 1615 г. былъ воеводою въ Темниковѣ, а въ 1619 г.—въ Ядринѣ, откуда отозванъ въ 1620 г.; по мѣстническимъ счетамъ, онъ былъ «менши» кн. Андрея Мосальскаго. Вѣроятно, его сынъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, въ 1650 г., въ званіи стольника, сопровождалъ царя въ с. Коломенское. *Ѳедоръ Семеновичъ* въ 1625 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ.

Бархатная книга.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.— Древн. Росс. Вивліоѳ., XIII, 84, 426, 436; XIV, 350, 383, 385.—Симбирскій Сборникъ (разряды), 82, 71, 147.—Русск. Историч. Библіот. IX, X, XV.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды I, 195, 350, 426, 440, 461, 485, 510, 585, 701, 739, 845—6; III, 206, 218, 230; IV, 1017.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ., т.т. 11 и 69.

Бобровичъ, *Ѳеофиль Тимоѳеевичъ*, шляхтичъ украинскій. Во время малороссійскихъ смутъ 1668—69 гг. онъ съумѣлъ добиться довѣрія московскаго правительства, и ему поручено было вести переговоры съ гетманомъ лѣвобережной Украйны, Дорошенкомъ, который отдался подъ покровительство турецкаго султана и надѣялся, при его помощи, объединить подъ своею властью всю Малороссію. Бобровичъ сначала посылалъ въ Москву успокоительныя вѣсти, какъ о настроеніи умовъ въ лѣвобережной Украйнѣ, такъ и о готовности Дорошенка согласовать свои дѣйствія съ волею царя. Однако, онъ указывалъ, что Андрусовскій миръ, раздѣлившій Малороссію между Польшею и Москвою, не удовлетворяетъ казаковъ, которые желали бы всю Украйну видѣть подъ высокою царскою рукою. Такова была тайная мечта и самого Бобровича, но скоро онъ понялъ, что въ Москвѣ не желаютъ нарушать мирнаго договора, и тогда онъ сталъ разсылать по малорусскимъ городамъ «прелестныя письма», въ коихъ убѣждалъ лѣвобережныхъ казаковъ не полагаться на Москву, а дружить съ заднѣпровскими казаками и стремиться къ независимости. Въ то же время онъ нѣсколько разъ ѣздилъ, въ качествѣ московскаго уполномоченнаго, въ Гадячъ къ Андрею Дорошенко и велъ переписку съ гетманомъ и его братомъ, но они относились недовѣрчиво къ двойственной политикѣ Бобровича. Тогда Бобровичъ сталъ доносить въ Москву, что надо совершенно отказаться отъ тогобочной Украйны и сосредоточить вниманіе на закрѣпленіи за Москвою лѣваго берега Днѣпра. Какъ разъ въ это время Московскіе воеводы въ Малороссіи узнали о прелестныхъ письмахъ Бобровича и донесли о нихъ царю (въ мартѣ 1669 г.). Такъ планы Бобровича раскрылись, и съ этихъ поръ прекращаются упоминанія о немъ.

Акты Южной и Западной Россіи, т.т. VII—IX.

Бобровниковъ, *Алексѣй Александровичъ*, оріенталистъ, род. въ 1821 или 1822 г., въ Иркутскѣ, ум. 8 марта 1865 г. Бобровниковъ былъ сыномъ священника, автора «Грамматики монгольскаго языка», воспитывался въ иркутской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1842 г. опредѣлился учителемъ уѣзднаго училища; но съ открытіемъ въ этомъ-же году въ Казани духовной академіи, онъ оставилъ учительство и поступилъ въ академію. Оставаясь здѣсь «выдающимся» студентомъ по математикѣ и философіи, Бобровниковъ наибольшую любовь питалъ къ восточнымъ языкамъ, получилъ отъ академическаго начальства разрѣшеніе посѣщать лекціи восточнаго факультета казанскаго университета и особенно усердно занимался у профессора монгольскаго языка, Ковалевскаго. Уже въ 1846 г. онъ получилъ отъ академическаго начальства порученіе составить калмыцкую грамматику, для чего побывалъ въ калмыцкихъ степяхъ, на средства академіи. По окончаніи курса, Бобровниковъ былъ утвержденъ баккалавромъ монгольскаго языка и математики при академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ единственнымъ преподавателемъ противо-буддійскаго отдѣленія, читалъ лекціи о буддійскомъ ученіи и преподавалъ калмыцкій языкъ. Въ 1849 г. онъ составилъ «Грамматику монгольско-калмыцкаго языка», которая была въ 1851 г. удостоена половинной Демидовской преміи. Рецензировавшій её проф. Ковалевскій, при всей своей строгости, призналъ за авторомъ самостоятельность изысканій, строгую

добросовѣстность, оригинальность и смѣлость взглядовъ. (Бобровниковъ, между прочимъ, первый задался цѣлію сблизить книжный калмыцкій языкъ съ живымъ). Академикъ-же Бетлингкъ призналъ «Грамматику» замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ современной филологіи. Кромѣ того, вмѣстѣ съ ученымъ ламой Галсанъ-Гамбаевымъ, Бобровниковъ много работалъ надъ составленіемъ калмыцкаго словаря и хрестоматіи (этотъ трудъ остался неоконченнымъ), рецензировалъ появлявшіеся переводы священнаго писанія на монгольскомъ языкѣ и по приглашеніи Академіи наукъ объяснялъ монгольскія слова, вошедшія въ областной словарь, изданный Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. — Скудость содержанія, даваемаго академіей (всего 561 руб. въ годъ), заставила Бобровникова въ 1855 г. покинуть академію и перейти на службу въ оренбургское пограничное вѣдомство; сначала онъ былъ попечителемъ киргизовъ въ Орской крѣпости, а потомъ совѣтникомъ счетнаго отдѣленія въ оренбургской пограничной канцеляріи. Изъ печатныхъ трудовъ Бобровникова, кромѣ «Грамматики», извѣстны: 1) «Курсъ буддійскаго обученія. Переводъ съ монгольскаго (въ «Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества» за 1856 г., № 3); 2) «Устныя наставленія Манджугирія» (ib.); 3) Переводъ съ примѣчаніями калмыцкой поэмы «Джангаръ» (ib., 1854 г., № 12); 4) «Матеріалы для статистики Иркутска» («Иркутскія Губернскія Вѣдомости», 1859 г., № 49); 5) Отрывки изъ академическаго кандидатскаго сочиненія: «О различіи между христіанскимъ и буддійскимъ ученіемъ о любви къ ближнимъ» (въ «Воспоминаніяхъ» Н. Ильминскаго); 6) «Очеркъ религіознаго состоянія калмыковъ» (въ «Православномъ Обозрѣніи», 1865 г., № 7 и 8); 7) «Синтетическое изложеніе космологическаго довода бытія Божія» (въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», 1865 г., № 42 и 43), и 8) «Памятники монгольскаго квадратнаго письма» (Спб., 1871 г.; съ дополненіями В. В. Григорьева).

П. С. Савельевъ, «Восточная литература и русскіе оріенталисты» («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., № 8).—Н. И. Ильминскій, «Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ» («Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета», 1865 г., т. I).—Его-же, «Некрологъ А. А. Бобровникова» («Православное Обозрѣніе», 1865 г., № 5).—М. Загоскинъ, «Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ» («Сибирскій Вѣстникъ», 1865 г., №№ 42 и 43).—Знаменскій, «Исторія Казанской Духовной Академіи». Казань, 1891—92. — Словари: Березина, Геннади, Брокгауза-Ефрона и С. Венгерова.

В. Р—въ.

Бобровницкій, *Иванъ Матвѣевичъ*, заслуженный ординарный профессоръ кіевской духовной академіи, род. въ 1813 г., ум. 20 декабря 1885 г. въ Кіевѣ. Уроженецъ сквирскаго уѣзда, кіевской губ., воспитанникъ кіевскихъ духовной семинаріи и духовной академіи, Бобровницкій, тотчасъ по окончаніи послѣдней, былъ оставленъ баккалавромъ въ той-же академіи и оставался въ ней профессоромъ греческаго языка и литературы въ теченіе 36 лѣтъ. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ профессора, онъ, по порученію академіи, много лѣтъ занимался исправленіемъ переводовъ съ греческаго языка на русскій толкованія св. Іоанна Златоустаго на посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ; приготовлялъ статьи для предположеннаго Св. Синодомъ «Сборника догматическаго ученія православной церкви»; исправлялъ учебную книгу: «Руководство къ чтенію св. Писанія»; составлялъ рецензіи о рукописныхъ учебникахъ, предназначавшихся для употребленія въ училищахъ, и проч. Затѣмъ Св. Синодомъ Бобровницкому было поручено перевести съ греческаго на русскій языкъ бесѣды Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Іоанна (переводъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1854 г.), нѣсколько книгъ Новаго Завѣта, часть рукописнаго богословія іерусалимскаго патріарха Анѳима и весьма значительный отдѣлъ греко-латинскаго лексикона Гедерика, предназначеннаго Св. Синодомъ къ изданію для употребленія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Послѣдній переводъ, снабженный значительными добавленіями изъ лексиконовъ Пассова, Свидера и др. и потребовавшій продолжительнаго труда, остался ненапечатаннымъ. Изъ печатныхъ трудовъ Бобровницкаго извѣстны: «О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ нашей»—магистерская диссертація, напечатанная первоначально въ «Сборникѣ сочиненій студентовъ кіевской духовной академіи» (1839 г.) и затѣмъ перепечатанная съ добавленіями и измѣненіями въ 1855, 1857 и 1874 г.г., и нѣсколько статей въ «Воскресномъ Чтеніи» за 1837—1857 г.

Некрологи: въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1886 г., № 2 и «Трудахъ Кіевской

Духовной Академіи» за 1886 г., № 1.—«Критико-біографическій словарь» С. Венгерова (т. IV).
В. Р—въ.

Бобровницкій, *Кипріанъ*, врачъ, ум. 29 іюня 1848 г. Происходилъ изъ духовнаго званія, былъ казенно-коштнымъ воспитанникомъ с.-петербургской медико-хирургической академіи, въ 1829 г. окончилъ курсъ лѣкаремъ перваго отдѣленія и былъ назначенъ въ рыльскій полкъ, въ 1832 г. сталъ штабъ-лѣкаремъ, въ 1833 г. получилъ должность старшаго врача ладожскаго егерскаго полка, въ 1842 г. вышелъ изъ военной службы и поступилъ городовымъ врачемъ въ г. Александровъ, владимірской губ., а съ 1845 г. былъ, кромѣ того, врачемъ при тамошнемъ училищѣ. Напечаталъ статью: «Необыкновенное образованіе ani» («Др. Здр.», 1843 г., 10).

Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.

Бобровскій, *Михаилъ Кирилловичъ*, каноникъ, профессоръ виленскаго университета, род. 8 ноября 1784 г., ум. 21 сентября 1848 г. Бобровскій принадлежалъ къ древнему черноруcскому дворянскому роду, владѣвшему помѣстьями въ гродненской губерніи, но уже отецъ его въ 1762 г. продалъ послѣднее свое имѣніе, затѣмъ прожилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ 1777 г. вернулся на родину, а въ 1779 г. былъ рукоположенъ въ священники и получилъ вольчанскій уніатскій приходъ. Кириллъ Бобровскій былъ типичнымъ представителемъ бѣлаго уніатскаго духовенства: отлично зная православные уставы, онъ ревностно заботился объ охраненіи чистоты греко-уніатской церкви и велъ, совмѣстно съ лучшими представителями этой церкви, упорную борьбу противъ базиліанъ, стремившихся обратить уніатовъ окончательно въ католичество. Кириллъ Бобровскій пробылъ настоятелемъ 44 года и умеръ 7 іюля 1824 г., на 84 году жизни, окруженный всеобщимъ уваженіемъ.

Михаилъ Бобровскій девяти лѣтъ отъ роду поступилъ въ клещельскую церковную школу, а затѣмъ перешелъ въ дрогичинскую коллегію піаровъ, гдѣ окончилъ курсъ, и 8 апрѣля 1803 г. былъ принятъ въ бѣлостоцкую гимназію. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1806 г. съ серебряною медалью, онъ былъ оставленъ при гимназіи наставникомъ. Живя въ Бѣлостокѣ, Бобровскій почти всѣ досуги проводилъ въ Супрасльскомъ монастырѣ и здѣсь тщательно изучалъ старо-славянскія рукописи и старопечатныя церковныя книги. Въ 1808 г. онъ рѣшилъ вступить въ духовное званіе и поступилъ въ главную духовную семинарію при виленскомъ университетѣ. При выпускѣ изъ семинаріи въ 1812 г., онъ былъ удостоенъ ученыхъ степеней магистра философіи и богословія; еще ранѣе онъ выдержалъ по словесному факультету экзаменъ по литературѣ, поэзіи, греческому и латинскому языкамъ, и получилъ 23 апрѣля 1811 г. званіе «magister artium liberalium». По окончаніи войны Бобровскій возобновилъ свои занятія въ виленскомъ университетѣ, слушая курсы уголовнаго и гражданскаго права и изучая еврейскій и итальянскій языки. Въ 1814 г. онъ былъ приглашенъ замѣнить пр. Голянскаго въ главной духовной семинаріи и въ 1815 г., по защитѣ диссертаціи, утвержденъ въ должности профессора Св. Писанія. Принявъ въ томъ-же году, 29 іюня, священство, Бобровскій былъ назначенъ членомъ виленской консисторіи, а въ 1817 г. возведенъ въ санъ брестскаго каноника. Въ томъ же году Бобровскій былъ командированъ виленскимъ университетомъ за границу съ порученіемъ ознакомиться съ состояніемъ богословскаго образованія въ Европѣ, усовершенствовать себя въ знаніи восточныхъ языковъ, какъ необходимаго пособія для преподаванія библейской археологіи, спеціально заняться археологіей и герменевтикою, а въ виду основательнаго его знакомства съ церковно-славянскимъ языкомъ—ознакомиться съ славянскими нарѣчіями и состояніемъ славянскихъ литературъ. Изъ Вильны Бобровскій выѣхалъ 17 сентября 1817 г. и прежде всего направился въ Вѣну, гдѣ познакомился съ Копитаромъ, а чрезъ него и съ другими славистами. Съ рекомендаціею Копитара, отправился Бобровскій въ Прагу къ Добровскому, который познакомилъ его съ сокровищами пражской библіотеки и выработалъ для него программу дальнѣйшихъ занятій славистикою; отсюда же пошло сближеніе Бобровскаго съ Ганкою и Юнгманомъ. Изъ Праги Бобровскій вернулся опять въ Вѣну, а въ іюлѣ 1819 г. направился въ Римъ чрезъ Штирію, Крайну и Хорватію. По дорогѣ онъ познакомился въ Болоньѣ съ кардиналомъ Меццофанти, а во Флоренціи работалъ въ библіотекѣ св. Лаврентія, самой богатой по числу рукописей. Поселившись въ Римѣ, Бобров-

скій посѣщалъ богословскія лекціи, музеи, Ватиканскую и Барберинскую библіотеки и совершалъ разъѣзды по Италіи и по южно-славянскимъ землямъ, разыскивая и изучая древнѣйшія славянскія рукописи и старопечатныя книги. Онъ посѣтилъ Венецію, Тріестъ, Ровиго, Миланъ, Туринъ, Болонью, Феррару, Равенну, а въ Неаполь съѣздилъ съ графомъ Остерманомъ-Толстымъ. При содѣйствіи иллирскихъ филологовъ Бобровскій обстоятельно изучилъ хорватскій языкъ и совершилъ продолжительное путешествіе по Иллиріи, знакомясь съ народными обычаями и литературою; въ Задрѣ (въ октябрѣ 1820 г.) участвовалъ на съѣздѣ славистовъ, въ Венеціи сошелся съ Павломъ Соларичемъ и, при его содѣйствіи, отказывая себѣ въ необходимомъ, приступилъ къ составленію для себя двухъ обширныхъ библіотекъ по богословію и по славистикѣ; въ Венеціи Бобровскому удалось пріобрѣсти особенно много старославянскихъ книгъ кирилловскаго и глаголическаго письма. Вернувшись въ Римъ, Бобровскій особенно сблизился съ знаменитымъ лингвистомъ кардиналомъ Анджело Маи и, составивъ ученый каталогъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ Ватиканской библіотеки («Codices Slavici»), отдалъ его Маи для помѣщенія въ его сборникѣ «Nova collectio veterum» 1830 г. Во время своихъ путешествій Бобровскій познакомился также и съ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Осенью 1821 г. Бобровскій пріѣхалъ въ Парижъ, посѣщалъ здѣсь богословскіе курсы въ Сорбоннѣ, розыскивалъ въ Королевской библіотекѣ славянскія рукописи, изучалъ арабскій языкъ, а въ маѣ 1822 г., возвращаясь на родину, ознакомился въ Бауценѣ и Герлицѣ съ состояніемъ сербо-лужицкой литературы. Въ теченіе всего путешествія Бобровскій, кромѣ дневника, велъ интересныя филологическія и библіографическія замѣтки, пріобщая къ нимъ факсимиле съ рукописей, заслуживающихъ особеннаго вниманія; о важнѣйшихъ же своихъ открытіяхъ по части славянскихъ рукописей онъ сообщалъ Добровскому, Копитару и Ганкѣ, а также гр. Румянцову, для котораго нерѣдко служилъ посредникомъ при снятіи копій и пересылкѣ пріобрѣтаемыхъ для графа рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Россію. Часть своихъ замѣтокъ Бобровскій напечаталъ въ виленскихъ періодическихъ изданіяхъ за 20-е годы: въ «Дѣяніяхъ благотворительности» и «Денникѣ Виленскомъ» (отрывокъ изъ путешествія по Далмаціи и «замѣтки изъ путешествій по Лузаціи»); выписки изъ тетрадей, относящихся къ изученію глаголическихъ книгъ въ Прагѣ, Венеціи и Римѣ, собственноручно переписанныя для П. И. Кеппена, хранятся нынѣ въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Академіи наукъ; отрывки изъ записной книжки Бобровскаго, неизвѣстно кѣмъ переписанные, находятся въ Виленской публичной библіотекѣ.

Послѣ восторженной встрѣчи, оказанной путешественнику въ Клещелѣ уніатскимъ духовенствомъ, которое въ немъ намѣчало для себя «путеводную звѣзду», Бобровскій съ осени 1822 г. выступилъ въ университетѣ съ чтеніями о Св. Писаніи и по арабскому языку, а въ 1823 г. получилъ степень доктора богословія и назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Въ то-же время онъ выступилъ съ рядомъ проповѣдей, производившихъ сильное впечатлѣніе изяществомъ изложенія, глубокимъ чувствомъ и необычайною простотою. Въ этихъ проповѣдяхъ Бобровскій явился защитникомъ уніатскаго духовенства и церкви противъ базильянскаго ордена и католичества вообще. Радикальныя реформы, предложенныя въ богословскихъ курсахъ, и обличительныя проповѣди создали Бобровскому непримиримыхъ враговъ; интрига нашла поддержку въ ректорѣ Пеликанѣ и попечителѣ Новосильцовѣ, и Бобровскій, указомъ отъ 14 августа 1824 г., «для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противодѣйствующая университетскому начальству партія», былъ смѣщенъ съ каѳедры и поселенъ въ Жировцахъ, въ кельѣ базильянскаго монастыря, подъ надзоръ духовнаго начальства. Очутившись безъ средствъ, Бобровскій принужденъ былъ продать главной виленской духовной семинаріи свою богословскую библіотеку, а свои досуги посвятилъ приведенію въ порядокъ путевыхъ записокъ и продолженію филологическихъ изслѣдованій. Работая въ архивахъ Супрасльскаго и Жировицкаго монастырей, онъ открылъ два важныхъ памятника: знаменитую Супрасльскую рукопись, памятникъ XI—XIII в. юго-западнаго юсоваго письма, и «Хронографъ, еже есть лѣтописецъ», извѣстный теперь подъ именемъ «Лѣтописца литовскаго». Въ тоже время онъ продолжалъ

оживленную переписку съ русскими и иностранными славистами и завязалъ новыя сношенія съ академикомъ П. И. Кеппеномъ. Значительная часть ученыхъ матеріаловъ, накопленныхъ Бобровскимъ въ Жировцѣ, сгорѣла по его собственной неосторожности; погибъ въ Жировцѣ и обширный отчетъ о путешествіи по Европѣ, который не удалось даже возстановить по краткимъ черновымъ, такъ какъ Бобровскій, подъ вліяніемъ пережитыхъ невзгодъ, подвергся тяжкой нервной болѣзни, послѣ которой нѣсколько ослабѣла его колоссальная память.—Скоро въ защиту Бобровскаго выступили графы Румянцовъ и Остерманъ-Толстой, Кеппенъ и новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, который, ознакомившись съ занятіями Бобровскаго, пожелалъ воспользоваться его услугами для учрежденія въ Вильнѣ каѳедры славянской литературы. Въ началѣ 1826 г. Бобровскому была возвращена каѳедра Св. Писанія съ возложеніемъ на него преподаванія славянскихъ нарѣчій и съ воспрещеніемъ говорить проповѣди; въ апрѣлѣ 1827 г. было отмѣнено и это ограниченіе. Сдѣланный членомъ совѣта главной духовной семинаріи, митрополичьей духовной консисторіи и цензурнаго комитета, Бобровскій въ 1828 г. назначенъ настоятелемъ русской Николаевской церкви и виленскимъ благочиннымъ, въ 1829 г., съ сохраненіемъ прежнихъ должностей, соборнымъ протоіереемъ жировицкаго каѳедральнаго собора, а въ 1830 г., въ качествѣ члена жировицкой коммиссіи, — завѣдующимъ митрополичьими имѣніями Ваккою и Шетолями. Несмотря на эти внѣшніе успѣхи, базиліане не прекратили борьбы противъ Бобровскаго, и его положеніе было настолько тяжело, что онъ, одно время, мечталъ даже переѣхать въ Петербургъ, или совсѣмъ выселиться за границу и отдаться тамъ преподаванію славистики.

Своими лекціями по славистикѣ Бобровскій воспиталъ цѣлую школу учениковъ. Въ тоже время онъ помѣстилъ рядъ статей, въ «Dzieje Dobroczynnosci» и «Dziennik wileński» (лекціи о св. писаніи, о значеніи арабскаго языка и литературы, о существѣ Бога по пятикнижію Моисея, рѣчь о пр. Ходани, некрологъ пр. Сосновскаго и т. д.), перевелъ съ итальянскаго книгу Совича «О незнаніи славянскаго литературнаго языка въ Далмаціи», составилъ «Записки по славянской библіографіи» и по герменевтикѣ въ 1828 г., напечаталъ переведенную имъ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ «Archaeologia Biblica» Яна (Вильна, т. I, 1829 г.; т. II, 1836 г.), а въ 1836 г. составилъ, по Высочайшему повелѣнію, краткій катехизисъ и большую часть пространнаго для обученія римско-католическаго юношества. Намѣченный кандидатомъ въ начальники полоцкой уніатской академіи и въ епископы, Бобровскій, по закрытіи виленскаго университета въ 1832 г., былъ оставленъ профессоромъ въ богословскомъ факультетѣ семинаріи, а при преобразованіи ея въ римско-католическую духовную академію, пожелалъ подать въ отставку и въ 1833 г., получивъ пенсію въ 750 р., удалился на покой, а, взамѣнъ николаевскаго прихода въ Вильнѣ, ему былъ назначенъ богатый и видный терешевскій приходъ близъ Пружанъ, съ деревнею Обрубъ, предоставленною ему въ пожизненное пользованіе. Уже послѣ возстанія въ Варшавѣ, къ которому Бобровскій отнесся крайне отрицательно, онъ предвидѣлъ неизбѣжность паденія русской уніи и въ своихъ письмахъ къ духовнымъ особамъ, не одобрявшимъ реформы уніатскихъ обрядовъ въ духѣ греческой церкви, а тѣмъ болѣе стремленій къ возсоединенію, старался внушить необходимость покориться волѣ Божьей и дѣлать то, что велитъ совѣсть и долгъ вѣрноподданнаго, такъ какъ общее благо должно стоять выше всякихъ личныхъ интересовъ. Не желая выдвигаться впередъ и отказываясь занять въ іерархіи видное положеніе, достойное его дарованій и заслугъ, Бобровскій много поработалъ надъ дѣломъ возсоединенія уніатовъ, а нѣкоторые его почитатели утверждаютъ даже, будто Іосифъ Сѣмашко воспользовался его руководительствомъ и планами. Въ свою очередь, епископъ Антоній Зубко, совершая многократные разъѣзды по литовской епархіи, ради преподаванія духовенству преимуществъ греческихъ обрядовъ надъ латинскими и выясненія исторической преемственности первыхъ отъ древней апостольской церкви, нерѣдко бралъ съ собою протоіерея Бобровскаго, который своимъ авторитетомъ подтверждалъ чтенія Зубко и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ возсоединенія Бобровскій приходилъ іерархіи на помощь своимъ нравственнымъ авторите-

томъ, а за время своей профессуры, неизмѣнно наставляя академическихъ питомцевъ на возстановленіе при богослуженіи греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ, тѣмъ самымъ подготовилъ духовныхъ, занявшихъ потомъ высшее положеніе въ обѣихъ епархіяхъ.

Съ 1826 г. Бобровскій былъ вице-предсѣдателемъ консисторіи въ Жировцѣ, а въ 1837 г. возведенъ въ санъ соборнаго протоіерея. Перевезя съ собою изъ Вильны въ 1834 г. свое богатое собраніе старопечатныхъ славянскихъ книгъ, снимки съ древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, тетради съ библіографическими записками и черновыя путевыя замѣтки о заграничномъ путешествіи, Бобровскій до конца жизни занимался славистикою. Заботы объ осиротѣвшей семьѣ брата побудили его еще при жизни продать свою библіотеку сосѣднему помѣщику, Владиславу Тренбицкому, съ правомъ для продавца пользоваться ею пожизненно. По внезапной же кончинѣ Бобровскаго мѣстное духовенство распорядилось самовольно передать Тренбицкому, кромѣ библіотеки Бобровскаго, и его бумаги, а отчасти поразобрало ихъ себѣ «на память» о покойномъ. Позже библіотека Тренбицкаго была продана ординату графа Замойскаго.

П. Бобровскій, «М. К. Бобровскій», въ «Русс. Старинѣ», 1888 г., №№ 7 и 11 и 1889 г., №№ 5 и 6. Его-же, «Судьба супрасльской рукописи», въ «Журн. мин. нар. просв.», 1887 г., №№ 10—12.—Его-же «Къ біографіи М. К. Бобровскаго», С.-П.Б., 1890.—Антоній Зубко, «О греко-уніатской церкви въ Западномъ Краѣ», въ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.—І. Сѣмашко, «Записки».—Кояловичъ, «Исторія возсоединенія Уніи». — Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцовъ—начальные годы славяновѣдѣнія».—Янковскій (John of Dycalp), «Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію Русской народности между Уніатами. І. Протоіерей Михаилъ Бобровскій», въ «Холмск. мѣсяцесловѣ» за 1867 г.—О. В., «М. К. Бобровскій (1785—1848), ученый славистъ-оріенталистъ», въ «Славянск. извѣстіяхъ», 1889 г., № 52.—Пл. Жуковичъ, въ «Христіанск. Чтеніи», 1887 г., т. XXIX.—Де-Пуле, «Плакидъ Янковскій,» въ «Древн. и нов. Россіи», 1876 г., т. II.—Словари Оргельбранда и Брокгауза-Эфрона. *Вл. Штейнъ.*

Бобровскій, *Павелъ Григорьевичъ*, врачъ, д. ст. сов., род. въ кіевской губ. въ декабрѣ 1816 г., ум. 20 мая 1873 г. Бобровскій учился въ петербургской медико-хирургической академіи; окончивъ курсъ въ 1840 г. лѣкаремъ, поступилъ врачемъ въ л.-гв. кирасирскій полкъ, въ 1844 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1847 г. былъ прикомандированъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю для экзамена на степень доктора медицины, въ 1848 г. былъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ красносельскаго военнаго госпиталя, съ 1850 г. былъ штабъ-лѣкаремъ л.-гв. кирасирскаго полка, а съ 1854 г.—старшимъ лѣкаремъ полтавскаго кадетскаго корпуса. Въ 1864 г. онъ занялъ мѣсто консультанта при полтавскомъ дѣвичьемъ институтѣ.—Печатные труды Бобровскаго: «Мѣстная апоплексія мозга» (Др. Здр., 1851 г., 2); «Глисты въ существѣ почекъ» (В. Мед. Ж., 1849 г., ч. 53, II); переводъ съ нѣмецкаго: «Ботошка, Заразительное воспаленіе слизистой оболочки глазъ въ австрійскихъ войскахъ въ 1849—51 годахъ», 1853 г.

Змѣевъ, Р. врачи писатели.

Бобровщиковъ, *Пудъ Ивановичъ*, медальеръ, служилъ рѣзчикомъ штемпелей на с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Его работы: 1) историческія медали №№ 4, 6, 14, 24, 31, 55, 82 и 88 (въ «Собраніи русскихъ медалей»), 2) копія оборотной стороны медали въ память Румянцова и 3) копія оборотной стороны медали 1754 г. на уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ, съ надписью: «Liberalitas Augustae».

Иверсенъ, Словарь рус. медальеровъ.

Бобровъ, *Елисей Петровичъ*, артистъ драматической труппы Императорскихъ театровъ, род. въ 1778 г., ум. 9 марта 1830 г. Происходя изъ солдатскихъ дѣтей, Бобровъ сначала состоялъ въ числѣ учениковъ Императорской шпалерной мануфактуры, а 1 декабря 1799 г. былъ принятъ въ труппу съ жалованьемъ 250 р. въ годъ, при казенной квартирѣ. Въ первое время службы на сценѣ Бобровъ исполнялъ несвойственныя его дарованію роли тирановъ въ трагедіяхъ тогдашняго репертуара. Извѣстность его начинается съ того времени, какъ послѣ смерти Рыкалова (1813 г.), по распоряженію кн. Шаховского, ему были переданы первыя комическія роли; превосходнымъ исполненіемъ ихъ Бобровъ создалъ себѣ славу перваго русскаго комика того времени, и когда въ 1825 г. въ С.-Петербургъ пріѣзжалъ М. С. Щепкинъ, въ кружкѣ театральномъ сопоставляли игру обоихъ комиковъ, какъ равныхъ по силѣ дарованія, не отдавая рѣшительнаго предпочтенія Щепкину предъ Бобровымъ. У Боброва былъ врожденный комическій талантъ. Даже его неуклюжая,

толстая фигура и простоватое лицо съ оттѣнкомъ наивнаго добродушія какъ нельзя лучше подходили къ ролямъ простяковъ Мольеровскихъ комедій; своеобразная безыскусственность рѣчи только дополняла впечатлѣніе игры, имѣвшей свойство вызывать неподдѣльный смѣхъ, въ то время какъ въ намѣреніе актера, казалось, и не входило заставлять зрителей смѣяться. Особеннымъ успѣхомъ пользовался Бобровъ въ пьесахъ: «Мѣщанинъ во дворянствѣ» Мольера, «Чванство Транжирина» Шаховскаго, «Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» Загоскина, «Ссора или два сосѣда», «Ябеда» Капниста, «Вечеринка ученыхъ», «Добрый малый» Загоскина, «Недоросль» (роль Скотинина), «Бригадиръ» (заглавн. роль) и др. Похороненъ Бобровъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб. 1892 г. — Записки П. А. Каратыгина. — Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ, т. I.

Бобровъ, *Захаръ*, самоучка-химикъ, сынъ государственнаго крестьянина вятской губ., съ раннихъ лѣтъ отличался любознательностью и особенно пристрастился къ химическимъ опытамъ, которые привели его ко многимъ открытіямъ въ области технической химіи. На сельско-хозяйственной выставкѣ, бывшей въ Вяткѣ въ 1862 г., особенное вниманіе посѣщавшихъ выставку обратили приготовленныя Бобровымъ бумага изъ соломы, мыло, по цѣнѣ доступное даже сельскому люду, и свѣчи изъ дегтя. Комитетъ выставки присудилъ Боброву золотую медаль. Главная заслуга этого самоучки-химика заключалась въ томъ, что онъ стремился дойти до возможнаго удешевленія различныхъ предметовъ необходимости и возвысить, путемъ химической переработки, цѣнность сырыхъ произведеній, получаемыхъ крестьянами отъ земли.

«Мірское Слово», 1863 г., № 7.

Бобровъ, *Семенъ Сергѣевичъ*, поэтъ-мистикъ конца XVIII и начала XIX столѣтій. Годъ его рожденія точно неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ родился около 1767 — 8 гг.; ум. 22 марта 1810 г. Среднее образованіе Бобровъ получилъ въ духовной семинаріи, а высшее въ московскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ, онъ съ 1785 до 1792 г. состоялъ на службѣ въ Сенатѣ у герольдмейстерскихъ дѣлъ, а затѣмъ до самой смерти—въ морскомъ вѣдомствѣ, причемъ былъ переводчикомъ въ адмиралтействъ-коллегіи и одновременно состоялъ въ комиссіи по составленіи законовъ.

Во время пребыванія Боброва въ московскомъ университетѣ, кураторомъ его былъ М. М. Херасковъ. Вступивъ въ число масоновъ, онъ пригласилъ на каѳедру нравственно-философскихъ наукъ извѣстнаго масона Шварца, сблизился съ Н. И. Новиковымъ и принималъ дѣятельное участіе въ его «Дружескомъ ученомъ обществѣ». Бобровъ, попавъ въ ихъ среду, скоро подпалъ вліянію «старосты россійской литературы», какъ тогда величали Хераскова, еще на студенческой скамьѣ сталъ пробовать свои литературныя дарованія и въ первомъ-же своемъ стихотвореніи: «Размышленіе о созданіи міра, почерпнутое изъ первой главы Бытія» (издано въ 1784 г.), ясно обнаружилъ и подражѳніе мелкимъ лирическимъ стихотвореніямъ Хераскова, и вліяніе нравственно-философскихъ лекцій Шварца. Усвоивъ мистико-масонскія идеи, заимствованныя изъ журналовъ, издаваемыхъ Н. И. Новиковымъ, и изъ произведеній тогдашней англійской литературы, онъ оставался имъ вѣренъ до конца своей жизни и былъ чуждъ тѣмъ новымъ теченіямъ мысли, которыя проникли къ намъ въ началѣ царствованія Александра I. Какъ членъ «Дружескаго ученаго Общества», Бобровъ усердно составлялъ разнаго рода дидактическія и религіозныя стихотворенія и переводы религіозно-нравственныхъ произведеній, помѣщая ихъ въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», «Дѣтскомъ чтеніи», «Покоящемся Трудолюбцѣ», Зеркалѣ Свѣта», «Бесѣдующемъ Гражданинѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Лицеѣ» и «Московскомъ Журналѣ». Впослѣдствіи всѣ эти произведенія, по преимуществу: «священно-нравственныя пьесы», «торжественныя» и «эротическія», были собраны въ одинъ сборникъ, подъ заглавіемъ: «Разсвѣтъ полночи, или созерцаніе славы, торжества и мудрости порфироносныхъ, браноносныхъ и мирныхъ героевъ Россіи, съ послѣдованіемъ дидактическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода опытовъ» (Спб., 1804 г.). Здѣсь болѣе всего сказался лиризмъ Боброва, довольно высоко цѣнимый современниками, которые даже ставили его въ русской литературѣ вслѣдъ за Ломоносовымъ и Державинымъ. На самомъ же

дѣлѣ онъ стоитъ гораздо ниже своихъ образцовъ и болѣе приближается къ нимъ только въ своихъ религіозныхъ стихотвореніяхъ и особенно въ переложеніяхъ псалмовъ. Въ самомъ концѣ XVIII ст. Боброву, по обязанностямъ службы, пришлось прожить нѣсколько времени въ черноморскихъ портахъ и въ Крыму. Подъ вліяніемъ красотъ послѣдняго онъ создалъ свое первое большое произведеніе — поэму, подъ заглавіемъ: «Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ» (Николаевъ, 1798 г.), переименованную во вторичномъ изданіи на «Херсониду или картину лучшаго лѣтняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ» (Спб., 1804 г.). Въ современной печати и по поводу этой поэмы появились лестные отзывы (напр. въ «Другѣ Юношества», 1810 г., іюнь), но ея длинныя описанія, сентиментальныя и мистическія разсужденія и довольно тяжелый языкъ скоро лишили ее популярности. Нѣкоторый интересъ въ историко-литературномъ отношеніи она можетъ еще представлять, какъ первая попытка въ нашей литературѣ изобразить природу Крыма въ стихахъ. Изъ другихъ стихотворныхъ произведеній Боброва назовемъ: «Древняя ночь вселенной, или странствующій слѣпецъ». Поэма въ стихахъ, 3 ч. (Спб., 1807—1809); «Россы въ бурѣ, или бурная ночь на Японскихъ водахъ» (Спб., 1807 г.) и «Пареніе вѣнценоснаго генія Россіи съ полунощныхъ предѣловъ Россіи къ западнымъ» (Спб., 1808 г.); изъ нихъ наибольшее вниманіе привлекла къ себѣ первая мистико-аллегорическая поэма. Кромѣ того, по званію переводчика морскаго вѣдомства, Бобровъ перевелъ вторую и третью части «Всеобщей исторіи мореходства» и составилъ «Древній Россійскій плаватель, или Опытъ краткаго дѣеписанія о прежнихъ походахъ Россіянъ» (Спб., 1812 г.).—Среди своихъ сверстниковъ Бобровъ былъ образованнѣе многихъ и считался знатокомъ древнихъ и новыхъ языковъ.

Некрологи: въ «Вѣстникѣ Европы» (1810, № 10), «Другѣ Юношества» (1810, № 5), и «Запискахъ Гидрографическаго Департамента», ч. VIII.—Словари: Плюшара, митроп. Евгенія, Греча, Венгерова.—«Сочиненія К. Н. Батюшкова», подъ ред. Л. Н. Майкова, т. II, стр. 536—538 (Спб., 1885).—С. Брайловскій, «Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ. Историко-литературный очеркъ» (въ «Извѣстіяхъ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», т. XV, 1895 г.).—Русская морская библіографія.

В. Р—въ.

Бобровы, дворянскій родъ. Самые древніе его представители, ***Иванъ*** и ***Василій*** въ 1503 г. владѣли деревнями въ дмитровскомъ уѣздѣ. Въ 1536 г. Иванъ Бобровъ надзиралъ за постройкою укрѣпленій въ Вологдѣ и Устюгѣ, и около того же времени (ранѣе 1539 г.) Иванъ Димитріевичъ составилъ писцовыя книги по звенигородскому уѣзду; его-же имя значится въ поручной записи по князьямъ Андреѣ и Иванѣ Шуйскимъ. Въ 1562 г. ***Василій Залѣшенниковъ*** сынъ ѣздилъ къ царю съ грамотою отъ Ивана Петровича Ѳедорова, бывшаго воеводою въ Юрьевѣ Ливонскомъ. Въ 1577 и 1578 гг. ***Василій Матвѣевичъ*** былъ осаднымъ головою въ ливонскомъ городѣ Каловеріи. ***Степанъ*** въ 1580 г. былъ намѣстникомъ государевымъ въ Невлѣ. Его сынъ ***Григорій*** упоминается въ 1615—1616 и 1619—1620 гг. какъ воевода изборскій; въ 1627 г. онъ снова былъ посланъ въ Изборскъ на воеводство, а въ 1628 г. отозванъ оттуда. ***Яковъ Борисовичъ*** въ 1581 г. былъ осаднымъ головою въ Говьи. Его сынъ ***Василій*** въ 1614 и 1617 гг. упоминается какъ воевода себежскій, въ 1619—1622 г. воеводствовалъ въ Островѣ, въ 1624—1626 гг. былъ воеводою въ Гдовѣ, а въ 1627 г. снова посланъ въ Островъ, гдѣ и умеръ въ 1628 г. ***Иванъ*** Бобровъ въ 1618 г. былъ воеводою въ Себѣжѣ. Извѣстно еще нѣсколько дьяковъ Бобровыхъ: ***Тимофей*** въ 1543 г. былъ дьякомъ въ Москвѣ, ***Василій***, дьякъ Ржевы Пустой, въ 1627 г. былъ званъ къ государеву столу въ Москвѣ. Въ 1683 и 1686 гг. уп. стряпчій митрополита новгородскаго, ***Алексѣй*** Бобровъ.

Симбирскій Сборникъ (разряды), 65.—Древняя Россійск. Вивліоѳика, XIV, 346, 385, 405.—Дворцовые разряды, I, 152, 236, 342, 416, 455, 738.—Разрядныя книги.—Собраніе Госуд. Грамотъ и Договор., I.—Сборникъ И. Р. И. О., т. 71.—Акты Археографич. Эксп.—Дѣло Шакловитаго.—Акты Юридическіе. — Русская Историч. Библіотека, т.т. IX, XII, XIV, XVII.—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс.

Боброкъ-Волынскій, кн. ***Димитрій Михайловичъ*** (Алибуртовичъ), сынъ литовскаго князя на Волыни Коріата-Михаила Гедеминовича, воевода Димитрія Донского. Выѣхавъ изъ Волыни, онъ былъ сначала тысяцкимъ у нижегородскаго князя Димитрія Константиновича, а затѣмъ перешелъ на службу въ Москву. Въ декабрѣ 1371 г. онъ, начальствуя надъ сильною ратью московскою, разбилъ на голову ря-

занскаго князя Олега у Скорнищева и принудилъ Олега оставить рязанскій столъ. Въ 1376 г. Боброкъ, съ московскою и нижегородскою силами, ходилъ на болгаръ, нанесъ имъ пораженіе и заставилъ добить челомъ на всей волѣ великаго князя. Въ 1379 г. онъ, вмѣстѣ съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и Андреемъ Ольгердовичемъ, ходилъ на Литовскую землю и взялъ города Трубчевскъ и Стародубъ. Но особенно прославила его Куликовская битва, въ которой онъ, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, начальствовалъ засаднымъ полкомъ: во время ударивъ на татаръ, Боброкъ вырвалъ изъ ихъ рукъ побѣду.—Боброкъ былъ однимъ изъ первыхъ бояръ Донского, который выдалъ за него свою сестру Анну. Подъ второй духовной Димитрія Іоанновича первою стоитъ подпись Боброка.—Отъ него пошли роды Волынскихъ и Вороныхъ.

Полное Собраніе Русск. Лѣтописей.—Бархатная книга.—Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, т. I.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.

Вобръ, ***Василій***, московскій дьякъ изъ дѣтей боярскихъ. Впервые упоминается въ 1494 г., когда съ его двора, находившагося ва большомъ посадѣ, начался пожаръ въ Москвѣ. Въ 1502 г. Бобръ состоялъ при таможенномъ дьякѣ, Семенѣ Башенинѣ, наблюдавшемъ за таможенными пошлинами; въ 1508 г. онъ былъ посланъ великимъ княземъ Василіемъ III въ Новгородъ «урядити торги и ряды, и улицы размѣрити по-московски»; при этомъ случаѣ лѣтопись титулуетъ Бобра бояриномъ. Въ 1514 г. архитекторъ Алевизъ построилъ на средства Бобра и братьевъ его каменную церковь св. Варвары въ Москвѣ, на Срѣтенкѣ. Неизвѣстно, состоялъ ли Василій Бобръ въ родствѣ съ ***Димитріемъ Васильевичемъ*** Бобромъ, который въ 1446 г. примкнулъ къ Ряполовскимъ, вставшимъ противъ Шемяки, чтобы освободить заточеннаго великаго князя Василія II.

Полное Собраніе Русск. Лѣтописей.—Сборникъ И. Р. И. О., т. 41.—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.

Вобылевъ, ***Өедотъ Өедотовичъ***, писатель. Сынъ московскаго купца, онъ обучался въ московской гимназіи и, будучи ученикомъ 1-го класса, написалъ стихотвореніе «Духъ Россовъ», которое и было имъ прочитано на торжественномъ собраніи гимназіи 15 ноября 1829 г. (напечатано въ сборникѣ «Рѣчи и стихи, произнесенные въ торжественномъ собраніи московской губернской гимназіи», М., 1829). Въ 1847 г. онъ переселился на Кавказъ и здѣсь съ 1857 по 1863 г. редактировалъ газету «Кавказъ», которую поднялъ на степень одного изъ лучшихъ органовъ провинціальной прессы. Отдѣльно издалъ драму «Асканіо Риччи» (М. 1845) и брошюру «Сближеніе Средней Азіи съ Европою» (отд. оттискъ изъ газеты «Кавказъ» 1858 г.).

Венгеровъ, Словарь.—Его-же, Русскія книги.

Вобынины (Бобинины), дворяне и дьяки. Древнѣйшія упоминанія объ этомъ родѣ восходятъ къ 1514 г., когда одинъ изъ его представителей, ***Юрій Григорьевичъ***, построилъ въ Московскомъ Кремлѣ, у Фроловскихъ воротъ церковь св. Аѳанасія Александрійскаго, а другой Бобынинъ, ***Алексѣй*** предоставилъ свой дворъ для помѣщенія пріѣхавшаго въ Москву турецкаго посла. Въ 1596 г. ***Аѳанасій Софроніевичъ***, по царскому указу, построилъ дорогу изъ Соликамска въ Тюмень, черезъ Верхотурье, и за это былъ пожалованъ землями по р. Енвѣ. ***Михаилъ*** Бобининъ въ 1610 г. былъ головою въ Коломнѣ и предалъ городъ Тушинскому вору. Коломнятинъ ***Иванъ Никитинъ*** сынъ несъ государеву службу въ Дорогобужѣ въ 1617 г., подъ Можайскомъ въ 1618 г. и въ Коломнѣ въ 1619 г. Во второй половинѣ XVII в. ***Василій Ивановичъ*** Бобынинъ былъ дьякомъ посольскаго приказа и одновременно засѣдалъ также въ малороссійскомъ приказѣ. Первое упоминаніе о немъ находимъ подъ 1670 г., послѣднее—въ маѣ 1693 г. Въ 1684 г. онъ участвовалъ въ переговорахъ съ датскимъ посломъ фонъ-Горномъ и въ заключеніи мирнаго договора съ Даніей; подъ подлинной договорной грамотой сохранилась его печать.

Акты Историческіе. — Дополненія къ Акт. Историч.—Акты Археографич. Экспед. — Акты Южной и Западной Россіи.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 425; II, 632, 678; III, 269, 913, 1368, 1411, 1416; IV, 279, 343—4, 548, 669, 784.—Сборникъ И. Р. И. О., т.т. 11, 95, 106.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс.—Соловьевъ, Ист. Россіи.

Вобятинскій, ***Михаилъ Трофимовичъ***, сенаторъ, тайный совѣтникъ, род. въ 1773 г., ум. въ Москвѣ 3 ноября 1832 г. Происходя изъ дворянъ, Бобятинскій 16-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на службу под-

канцеляристомъ въ суражскій уѣздъ полоцкаго намѣстничества, затѣмъ служилъ въ полоцкой уголовной палатѣ, въ гражданскомъ отдѣленіи верховнаго литовскаго правленія въ Гроднѣ, въ литовской казенной палатѣ и въ виленскомъ губернскомъ правленіи. 28 февраля 1805 г. Бобятинскій былъ назначенъ правителемъ канцеляріи литовскаго военнаго губернатора, а 8 апрѣля 1813 г. переведенъ на постъ виленскаго вице-губернатора, на которомъ оставался до 4 августа 1816 г., когда былъ причисленъ къ герольдіи. 10 мая 1817 г. Бобятинскій былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій по министерству финансовъ, а затѣмъ управлялъ казенными лѣсами въ губерніяхъ: виленской (съ 17 іюля 1818 г.) и гродненской (съ 21 марта 1822 г.). 24 ноября 1823 г. онъ вернулся на постъ виленскаго вице-губернатора, а 30 октября 1824 г. былъ перемѣщенъ на постъ гродненскаго гражданскаго губернатора, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. 14 ноября 1826 г. Бобятинскій былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 25 іюня 1829 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а 9 мая 1831 г., за благоразумныя дѣйствія по поддержанію порядка въ губерніи во время польскаго возстанія, произведенъ въ тайные совѣтники. 14 августа того же года ему повѣлено Высочайшимъ указомъ присутствовать въ Сенатѣ (во II-мъ отдѣленіи 6-го департамента). 14 іюля 1832 г. сенаторъ Бобятинскій былъ командированъ въ Москву, для участія въ комитетѣ по устройству мѣстныхъ городскихъ доходовъ и расходовъ. Смерть застигла Бобятинскаго за этою работою.

Послужный списокъ и Высочайшіе указы изъ Сенатскаго архива.

Бове, *Іосифъ Ивановичъ* (Iosephus Iohannes Baptista Carolus Bova), знаменитый архитекторъ, род. въ Петербургѣ, 24 октября 1784 г., ум. въ Москвѣ 21 іюля 1834 г. Архитектурѣ Бове учился у Компорези и потомъ былъ у него помощникомъ, а также работалъ съ архитекторами Казаковымъ и Росси (при отдѣлкѣ дворца въ Твери). На службу онъ поступилъ въ Москвѣ съ 1801 г., состоялъ архитекторомъ при кремлевской экспедиціи и затѣмъ въ комиссіи строеній. Живя въ Москвѣ, Бове перешелъ въ православіе и женился на княгинѣ А. С. Трубецкой (урожд. Гурьевой). Въ 1816 г. онъ просилъ Академію художествъ задать ему програму на званіе академика. Академія утвердила его въ званіи архитектора и задала ему програму: «прожектировать театръ, въ которомъ могло бы помѣщаться 3 тысячи человѣкъ». Программа эта не была выполнена, и Бове не получилъ званіе академика. Въ дѣлахъ Академіи художествъ находится списокъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ и другихъ построекъ, сооруженныхъ Бове по собственнымъ и чужимъ проектамъ. До 1816 г. онъ возвелъ 33 постройки, именно: 1) Торговые ряды на Красной площади (возобновилъ), 2) Мытный дворъ у Москворѣцкаго моста, 3) Живорыбный рядъ по набережной р. Москвы, 4) Мясной рядъ на Смоленскомъ рынкѣ (купцу Траилину), 5) Лавки у Ильинскихъ воротъ (купцу Красильникову), 6—29) Дома: князю Н. Б. Юсупову, князю Хованскому, графу Толстому, графу Салтыкову, П. П. Нарышкину, (у Красныхъ воротъ), генералу Мартынову (на Тверской), князю Циціанову, Дмитріеву, Толстому (въ Кудринѣ), Аблязову, генер. Жеребцову, Сафонову (на М. Дмитріевкѣ), Кашкарову (на Пречистенкѣ), княжнѣ Догоруковой, князю Гагарину, Татищеву, Смирнову, Казакову, Ижорину, Наумову, Соковнину, Киселеву, и купцамъ: Рыбникову, Карзинскому, Глазунову (на Никольской ул.), Прокофьеву и Пихтереву; 30—33) церкви: у графа Салтыкова (двѣ каменныя на дачахъ), у княжны Долгоруковой въ деревнѣ, у Пашкова въ деревнѣ и у князя Гагарина. Послѣ 1816 г. Бове продолжалъ строить съ прежней энергіей; такъ, онъ строилъ Никольскую башню, зданіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, передѣлывалъ гостиный дворъ, разводилъ Кремлевскій садъ, строилъ сгорѣвшій Петровскій театръ (по проэкту Михайлова, съ 1821 г.) и Тріумфальныя ворота передъ Тверскимъ въѣздомъ въ городъ. Онъ составлялъ также проекты и, между прочимъ, проектъ торговыхъ рядовъ для города Дмитрова, утвержденный начальствомъ. По отзыву Витберга, Бове имѣлъ отъ природы значительныя дарованія, но все это было подавлено страстію къ пріобрѣтенію и занятіями, исключительно практическими.

Архивъ И. А. Худ., Д. 12 (1816) и Д. 38 (1818).— Петровъ, Мат. для ист. И. А. Х., II, 74, 150.— Рус. Стар. 1872, т. V, с. 577.

Бовманъ. См. **Вауманъ**, *Николай*.

Богаевскій-Благодарный, *Иванъ Семеновичъ*, извѣстный портретный живо-

писецъ, род. въ 1783 г., ум. 14 апрѣля 1859 г. въ С.-Петербургѣ. Онъ воспитывался въ Академіи художествъ и былъ ученикомъ Гр. И. Угрюмова; курсъ окончилъ въ 1803 г. Богаевскому принадлежитъ рядъ превосходныхъ портретовъ и семейныхъ картинъ, которыя отличаются вѣрнымъ рисункомъ, пріятнымъ колоритомъ, отчетливою выпискою деталей и яркою жизненною характеристичностью лицъ. Къ лучшимъ работамъ Богаевскаго принадлежатъ портреты: профессора Андрея Ивановича Иванова (писанъ на званіе академика) и сенатора Стога (былъ на выставкѣ 1830 г.). Кромѣ того, Богаевскій писалъ много картинъ и образовъ для церквей. Его работы есть въ соборѣ Смольнаго монастыря, въ Кронштадтскомъ соборѣ, въ иконостасахъ петербургскихъ военныхъ церквей и въ церкви оберъ-прокурора Св. Синода Протасова. Лучшей своей работой въ этомъ родѣ Богаевскій считалъ образъ св. Димитрія Ростовскаго, писанный на мѣдной доскѣ для г-жи Барковской (1838 г.). Работы его въ церквахъ до сихъ поръ поражаютъ свѣжестью красокъ.—Съ 1843 г. тяжелая болѣзнь прекратила художественную дѣятельность Богаевскаго.

Отчеты Богаевскаго въ Архивѣ Академіи Художествъ.

Богацевичъ, *Максимъ Пантелеймоновичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1820 г., ум. 19 марта 1880 г. Богацевичъ уроженецъ кіевской губерніи, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, а службу началъ въ 1836 г., въ муромскомъ полку, откуда былъ переведенъ въ 1855 г. въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи, впослѣдствіи переименованный въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый баталіонъ. Затѣмъ Богацевичъ былъ командиромъ сибирскаго линейнаго 10-го батальона, 8-го линейнаго батальона, туркестанскаго и каспійскаго полковъ и, наконецъ, второй бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Онъ участвовалъ въ венгерской и кавказскихъ войнахъ, въ покореніи Туркестана и въ турецкой войнѣ 1877—78 гг.; особенно отличился онъ при взятіи крѣпостей Аулія-ата и Никополя, въ сраженіяхъ у сел. Сгалевице и Пелишатъ и при взятіи Плевны.

Некрологъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1880 г., № 80. *В. Р-въ.*

Богдановичъ, *Иванъ Θедоровичъ*, братъ Ипполита Богдановича и отецъ Мод. Ив. Богдановича, род. въ 1758 г. въ мѣст. Переволочнѣ, полтавской губ., ум. 20 апрѣля 1831 г. въ своемъ имѣніи Басахъ, близъ Сумъ. Образованіе онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, службу началъ въ гвардіи, а затѣмъ, въ теченіе 18 лѣтъ, былъ городничимъ въ гор. Сумахъ, а потомъ сумскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «О воспитаніи юношества», Москва, 1807; 2) «Слово похвальное царю Іоанну Васильевичу IV», Москва, 1809; 3) «Грамматика россійская», Вильно, 1809; 4) «Ода на новый 1813 г.», Харьковъ, 1813. За рѣшеніе задачи, предложенной вольнымъ экономическимъ обществомъ: «О лучшемъ способѣ хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи», Богдановичъ получилъ серебряную медаль.

Словари: Толля, Березина, Геннади, Клюшникова и Венгерова.—Дополн. къ слов. Толля, вып. I, 107.—Біограф. мат. пит. москов. унив., 205.

Богдановичъ 1-й, *Иванъ Θедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ Полтавѣ въ 1784 г., ум. въ 1840 г. Происходя изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, Богдановичъ обучался въ горномъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ 25 апрѣля 1802 г. колоновожатымъ, съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ). Въ концѣ 1802 г. онъ былъ командированъ въ Бухарію, а въ слѣдующемъ году, находясь въ киргизской степи, 9 сентября былъ аттакованъ 3000 киргизъ-кайсаковъ, выдержалъ двухсуточную осаду, имѣя при себѣ всего 27 казаковъ, а затѣмъ пробился сквозь ряды киргизовъ и возвратился на русскую границу. 9 марта 1804 г. Богдановичъ прибылъ въ С.-Петербургъ. Въ томъ-же году, участвуя вновь въ Бухарской коммисіи, онъ получилъ въ награду 2.000 руб. ассигн., а 19 декабря 1804 г. былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1805 г. Богдановичъ ѣздилъ при посольствѣ въ Китай до г. Урги и вернулся въ С.-Петербургъ въ январѣ 1807 г. За участіе въ этомъ посольствѣ, Богдановичъ былъ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ въ 450 р. ассигн. Затѣмъ, съ 11 августа 1808 г. по ноябрь 1809 г. онъ находился опять въ Бухарской коммисіи и 13 октября 1809 г. былъ произведенъ въ поручики. Въ 1810—1811 гг. Богдановичъ участвовалъ въ работахъ по исправленію подробной карты

Россіи. Во время войны 1812 г. онъ находился при корпусѣ донскихъ войскъ, въ аріергардѣ, подъ начальствомъ Платова и участвовалъ въ многимъ бояхъ. 27 и 28 іюля онъ сражался при м. Маръ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени; 6 августа—при м. Романовѣ и за отличіе произведенъ (22 ноября 1812 г.) въ штабсъ-капитаны; затѣмъ, онъ принималъ участіе въ Бородинскомъ и Тарутинскомъ бояхъ и за эти дѣла награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. При отступленіи французовъ онъ все время находился въ авангардѣ и за отличіе въ разныхъ сраженіяхъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, а 20 февраля 1813 г.—чиномъ капитана. 10 февраля 1813 г. онъ поступилъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Чернышева, въ которомъ и находился до окончанія войны. За отличіе въ сраженіи при Люнебургѣ онъ получилъ Высочайшее благоволеніе, и орденъ военнаго достоинства отъ короля прусскаго, а за участіе въ битвѣ при Гальберштадтѣ и во взятіи м. Туаза, награжденъ 1 іюля 1813 г. чиномъ подполковника и золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Сраженіе при Денневицѣ доставило Богдановичу орденъ Шведскаго меча, а битва при Бельцынѣ—орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазами; далѣе, 16 и 18 сентября онъ былъ при взятіи Касселя и 18 сентября 1813 г. произведенъ за отличіе въ полковники. По вступленіи россійскихъ войскъ въ предѣлы Франціи, въ 1814 г., Богдановичъ участвовалъ при взятіи штурмомъ Суассона и истребленіи корпуса генерала Руена, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени, а за сраженіе при Лаонѣ, получилъ Высочайшее благоволеніе. По окончаніи кампаніи, въ томъ же 1814 г., онъ вернулся съ войсками въ Россію. 5 декабря 1814 г. Богдановичъ былъ назначенъ на постъ начальника штаба при 7-мъ пѣхотномъ корпусѣ, а въ 1815 г. утвержденъ въ этой должности. Въ сентябрѣ 1816 г. онъ былъ командированъ для обозрѣнія устьевъ Дуная и для топографическаго описанія ихъ, въ январѣ 1817 г. получилъ новую командировку—въ Константинополь, къ россійскому полномочному министру, при коемъ и находился для обсужденія вопроса о нейтральной линіи на Дунайскихъ островахъ; по окончаніи переговоровъ о границѣ на Дунаѣ, Богдановичъ получилъ въ награду 2.000 десятинъ земли, а отъ султана—золотую табакерку, украшенную бриллiантами. Вернувшись изъ Турціи въ сентябрѣ 1817 г., онъ былъ снова командированъ на Дунай, для установленія точной пограничной линіи. 19 февраля 1818 г. Богдановичъ уволенъ отъ должности начальника штаба 7-го пѣхотнаго корпуса, а въ октябрѣ 1819 г. командированъ въ Новочеркасскъ, съ назначеніемъ въ комитетъ объ устройствѣ войска Донскаго, со спеціальнымъ порученіемъ произвести съемку земель, принадлежащихъ войску; за успѣшное окончаніе этой работы и за составленіе статистическо-топографическихъ таблицъ, Богдановичу была пожалована 5 января 1822 г. аренда на 12 лѣтъ. 19 марта 1820 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества, 26 мая 1823 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а 26 ноября 1826 г., за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. За послѣдующее время, кромѣ ряда денежныхъ наградъ, Богдановичъ удостоился еще слѣдующихъ знаковъ Монаршаго вниманія: въ 1829 году ему пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною; 9 марта 1833 г. онъ получилъ бриллiантовый перстень за поднесенную имъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу подробную карту земли войска Донскаго съ статистическимъ описаніемъ; 8 мая 1833 г. объявлено ему Высочайшее благоволеніе за составленіе рисунковъ регалій и знаменъ войска донскаго; за составленіе «Статистическаго описанія земли войска Донскаго», 23 апрѣля 1834 г. пожалована ему золотая, бриллiантами украшенная табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. Высочайшимъ указомъ 1 января 1835 г. Богдановичъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты съ состояніемъ по арміи, и повелѣно ему присутствовать въ Сенатѣ. 31 іюля 1835 г. онъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной для размежеванія земель войска Донскаго, а 11 декабря 1835 г. зачисленъ въ сенаторы неприсутствующіе. 20 августа 1840 г. Богдановичъ исключенъ изъ списковъ, какъ умершій.

Формулярный списокъ и Высочайшіе указы изъ Сенатскаго Архива.

Богдановичъ, *Ипполитъ Ѳедоровичъ*, род. 23 декабря 1743 г. въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, въ Малороссіи. Въ раннемъ

дѣтствѣ онъ обнаружилъ страстную любовь къ чтенію, рисованію, музыкѣ и поэзіи. На одиннадцатому году онъ былъ отвезенъ въ Москву и записанъ въ юстицъ-коллегію юнкеромъ. Президентъ коллегіи, замѣтивъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, позволилъ ему учиться въ математической школѣ, бывшей тогда при сенатской конторѣ. Но Богдановичъ увлекался поэзіей и театромъ. Побывавъ однажды въ театрѣ, онъ такъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, что отправился къ М. М. Хераскову, бывшему тогда директоромъ московскаго театра, съ просьбою принять его въ актеры. Авторъ же «Россіяды» уговорилъ 15-ти-лѣтняго Богдановича записаться въ число слушателей московскаго университета, предлагая у себя помѣщеніе. Въ домѣ Хераскова и въ университетѣ, «учась правиламъ искусства и языку поэзіи» и участвуя въ издаваемомъ Херасковымъ журналѣ «Полезныя Увеселенія», Богдановичъ провелъ все время до 1761 г. Пользуясь покровительствомъ какъ Хераскова, такъ и директора московскаго университета Мелиссино, Богдановичъ въ этомъ году былъ опредѣленъ въ университетъ «къ надзиранію за классами», а въ слѣдующемъ—въ коммисію о строеніи воротъ, причемъ сочинялъ для тріумфальныхъ воротъ надписи. Въ домѣ Хераскова Богдановичъ успѣлъ завязать различныя знакомства съ людьми знатными и высокопоставленными, обратилъ на себя особенное вниманіе княгини Е. Р. Дашковой, которая даже принимала участіе въ журналѣ «Невинное Упражненіе», издававшемся подъ редакціей Богдановича въ теченіе полугода въ 1763 г. По протекціи Е. Р. Дашковой Богдановичъ въ томъ же году получилъ въ штатѣ графа Н. И. Панина мѣсто переводчика иностранной коллегіи и переѣхалъ въ Петербургъ. Извѣстный публикѣ мелкими стихотвореніями и довольно удачными переводами изъ Вольтера, которые печатались въ «Невинномъ Упражненіи», Богдановичъ въ 1765 г. издалъ свою первую небольшую поэму «Сугубое блаженство», которая, однако, успѣха не имѣла. Въ 1766 г., назначенный состоять секретаремъ нашего посольства при саксонскомъ дворѣ, Богдановичъ провелъ тамъ два года. Нѣтъ сомнѣнія, что дрезденское общество, живописныя окрестности города и сокровища искусства, украшающія знаменитую дрезденскую галлерею, имѣли сильное вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта. По возвращеніи изъ Дрездена въ 1768 г. въ Петербургъ, Богдановичъ всецѣло посвятилъ всѣ свои досуги литературѣ: сочинялъ стихи, переводилъ стихами и прозой, пока наконецъ въ 1775 г. не «положилъ на алтарь Грацій свою «Душеньку». «Онъ жилъ тогда,—какъ говорится о немъ въ статьѣ «Вѣстника Европы» 1803 г., № 10,—на Васильевскомъ острову, въ тихомъ уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкой и стихами, въ счастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства, любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами». Въ годъ появленія въ свѣтъ «Душеньки», Богдановичъ (съ сентября 1775 г.) въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ издавалъ «Санктпетербургскій Вѣстникъ» и съ этого года до декабря мѣсяца 1782 г. «имѣлъ главное смотрѣніе» за изданіемъ «Санктпетербургскихъ вѣдомостей». «Душенька» поставила Богдановича наравнѣ съ первыми поэтами того времени. Эта поэма, сюжетъ которой заимствованъ Богдановичемъ изъ повѣсти Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», въ свою очередь заимствованной Лафонтеномъ у Апулея, имѣла успѣхъ необычайный. Императрица Екатерина II отозвалась о поэмѣ съ большой похвалой, сановники и придворные наперерывъ спѣшили заявить автору знаки уваженія; поэты прославляли его «въ эпистолахъ, одахъ, мадригалахъ и надписяхъ». Современникамъ, утомленнымъ однообразіемъ ложно-классическихъ произведеній, написанныхъ по всѣмъ правиламъ строгой теоріи, въ «Душенькѣ» понравилась игривость, смѣшеніе ложно-классическаго съ русскимъ, народнымъ, понравился также и стихъ—вольный и разнообразный по количеству стопъ и сочетанію рифмъ. Успѣхъ «Душеньки» много способствовалъ успѣху автора и на службѣ, и въ обществѣ; Богдановичъ начинаетъ писать только изъ желанія угодить своей высокой покровительницѣ, особенно поощрявшей драматургію. Между 1775—1789 г.г. Богдановичемъ написаны, между прочимъ, лирическая комедія «Радость Душеньки» (1786 г.) и драма «Славяне» (1787 г.), игранныя на Эрмитажномъ театрѣ (послѣдняя во время празднованія двадцатипятилѣтія со дня вступленія на престолъ

Екатерины II). Около этого же времени Богдановичъ предпринялъ написать «Историческое изображеніе Россіи», о которомъ современники отзывались, какъ «объ опытѣ легкомъ, несовершенномъ, но довольно пріятномъ». Вообще же, послѣ «Душеньки» ни одно произведеніе Богдановича успѣха не имѣло. Подъ конецъ царствованія Екатерины II онъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ придворныхъ поэтовъ, посвятившихъ свои досуги прославленію Государыни, и перевелъ всѣ лучшіе стихи, написанные въ честь Монархини Вольтеромъ, Мармонтелемъ и др. За этотъ періодъ дѣятельности Богдановича замѣчателенъ сборникъ «Русскія пословицы» (1785 г.). Онѣ собраны и переложены въ стихи по желанію Императрицы, вообще любившей народныя поговорки; пословицы въ сборникѣ сглажены, смягчены и расположены по тѣмъ нравственнымъ вопросамъ, которые положены въ основу ихъ (такъ, отд. I озаглавленъ: нужная умѣренность въ жизни, II—нужное терпѣніе въ жизни, IV—стыдъ хвастовства, VIII—глупость спѣси и т. д.). Въ 1787 г. Богдановичъ, по именному монаршему повелѣнію, сочинилъ изъ русскихъ пословицъ два театральныхъ представленія: На этомъ литературную дѣятельность автора «Душеньки» можно считать оконченной. Служебная дѣятельность его съ 1780 г. была посвящена государственному санктпетербургскому архиву, въ которомъ Богдановичъ до 1788 г. состоялъ членомъ, затѣмъ предсѣдателемъ, до выхода въ 1796 г. въ отставку, съ полнымъ окладомъ жалованья. Вскорѣ послѣ этого Богдановичъ переселился къ своимъ родственникамъ въ Сумы, а въ 1798 г. переѣхалъ въ Курскъ, откуда одою привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Александра I. Въ началѣ декабря 1802 г. Богдановичъ занемогъ, а 6 января 1803 г. скончался и погребенъ на курскомъ городскомъ кладбищѣ. Въ числѣ произведеній, изданныхъ до появленія «Душеньки», кромѣ вышеупомянутыхъ, извѣстны: 1) Ода на новый 1763 г. М., 2) Малая война, описанная маіоромъ въ службѣ короля прусскаго, пер. съ французскаго. Спб. 1768 г., 3) Сокращеніе изъ проекта о вѣчномъ мирѣ Руссо, Спб. 1771 г., 4) Исторія о бывшихъ перемѣнахъ въ Римской республикѣ, Вертота, съ франц., 3 ч. Спб. 1771—1775 гг., 5) Лира, или собраніе разныхъ въ стихахъ сочиненій и переводовъ нѣкоторыхъ музъ любителя, Спб. 1773 г. и 6) Гимнъ на бракосочетаніе В. К. Павла Петровича, Спб. 1776 г. Первое изданіе «Душеньки», сдѣланное Ржевскимъ, появилось въ 1783 г., въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ». Затѣмъ, первая и третья книги этого изданія перепечатаны безъ перемѣны Сопиковымъ во 2-мъ томѣ «Опыта Россійской Библіографіи». Второе исправленное изданіе вышло въ 1794 г.; третье—въ 1799 г.; четвертое—въ «Собраніи сочиненій и переводовъ Богдановича», изданномъ Бекетовымъ, 1809—1810 гг. въ 6-ти частяхъ; пятое—отнесено Сопиковымъ къ 1811 г., но оно сгорѣло въ Москвѣ, во время пожара 1812 г.; шестое сдѣлано Смирдинымъ въ 1848 г., въ его изданіи «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», куда вошли и остальныя сочиненія Богдановича. Наконецъ, «Душенька» выдержала еще два изданія въ «Дешевой библіотекѣ», издаваемой А. С. Суворинымъ.

«Вѣстникъ Европы» 1803 г., №№ 3, 9 и 10 (статья Н. М. Карамзина, написанная по свѣдѣніямъ, доставленнымъ братомъ поэта).—«Исторія русской словесности» А. Д. Галахова, т. II, изд. 2-е.—«Исторія русской литературы» II. Н. Полеваго, т. II, изд. 5-е. — Словари: Геннади, Старчевскаго, Плюшара, Березина и Венгерова.—«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Н. В. Гербеля, изд. 3-е.—Характеристики см. у Бѣлинскаго, т. VIII и у А. И. Незеленова: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху».

Богдановичъ, *Лука Өедоровичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, род. 14 октября 1779 г. ум. 11 іюня 1865 г. 6 декабря 1792 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ, 9 мая 1795 г. произведенъ въ гардемарины и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1797 г. — въ мичманы и плавалъ на кораблѣ 12 Апостоловъ въ эскадрѣ, ходившей подъ штандартомъ Императора Павла. Въ 1790—1800 гг. на корветѣ «Побѣда», въ эскадрѣ вице-адмирала Тета, Богдановичъ перешелъ изъ Архангельска къ берегамъ Англіи и участвовалъ въ десантной высадкѣ у острова Текселя, а затѣмъ на кораблѣ Европа возвратился въ Кронштадтъ. До 1805 г. онъ находился во внутреннихъ плаваніяхъ, а въ этомъ году, въ отрядѣ вице-адмирала Сенявина перешелъ въ Средиземное море и принималъ участіе въ освобожденіи Іоническихъ островов отъ француз-

скаго владычества. По заключеніи Тильзитскаго мира, суда эскадры собрались въ Тріестѣ, гдѣ долго простояли въ ожиданіи приказаній изъ С.-Петербурга и наконецъ 27 сентября 1809 г. было получено Высочайшее повелѣніе: корабли со всѣми принадлежностями, по соглашенію въ цѣнѣ, сдать французскому правительству, а экипажамъ собраться и ожидать новаго приказанія; получивъ приказаніе, моряки немедленно выступили сухимъ путемъ и 14 сентября 1810 г. прибыли въ Кронштадтъ. Въ 1811 г. Богдановичъ, будучи самъ командиромъ галеты № 2, плавалъ въ Невской губѣ, состоя въ отрядѣ контръ-адмирала фонъ-Моллера, въ 1812 г., командуя дивизіономъ изъ 10 канонерскихъ лодокъ въ отрядѣ капитана 2-го ранга Сульменева, подъ общей командой фонъ-Моллера, перешелъ въ Свеаборгъ, а затѣмъ въ Ригу, гдѣ флотилія расположилась по рѣкѣ Двинѣ; съ 12 по 22 сентября въ рѣкѣ Аа дѣйствовалъ противъ французскихъ батарей, по занятіи которыхъ городъ Митава былъ очищенъ, а флотилія ушла на зимовку въ Свеаборгъ. За это дѣло Богдановичъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1813 г., командуя 7 канонерскими лодками въ отрядѣ того-же Сульменева, подъ общей командой капитана 1 ранга графа Гейдена, онъ 9-го мая ушелъ изъ Свеаборга въ Ригу, а затѣмъ въ Данцигъ, при осадѣ котораго участвовалъ въ троекратномъ сраженіи 21 и 23 августа и 4 сентября, за что и получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Флотилія зимовала въ Кенигсбергѣ. Послѣ заключенія мира Богдановичъ со своими судами перешелъ обратно въ Свеаборгъ, а въ 1815 г. прибылъ въ С.-Петербургъ. Въ 1816 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени за 18 компаній и былъ назначенъ на строющійся въ Архангельскѣ фрегатъ «Діана», куда и пошелъ съ командою. Въ 1818 г., по спускѣ фрегата, Богдановичъ перешелъ на немъ, подъ командою капитана 2-го ранга Чеглокова въ Кронштадтъ. Въ 1820—1823 гг., командуя фрегатомъ Помона, а затѣмъ Меркуріусъ, онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1824 г., командуя тѣмъ-же фрегатомъ въ отрядѣ адмирала Кроуна, ходилъ къ Исландіи. 6 декабря того же года Богдановичъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1825 — 1826 гг. онъ находился при Петербургскомъ портѣ командиромъ строившагося корабля Александръ Невскій, на которомъ въ слѣдующемъ (1827 г.), въ эскадрѣ графа Гейдена, перешелъ въ Архипелагъ, гдѣ участвовалъ 8 октября въ знаменитомъ Наваринскомъ бою. Корабль Александръ Невскій овладѣлъ въ пылу боя непріятельскимъ фрегатомъ, флагъ котораго былъ представленъ Государю, и Императоръ пожаловалъ его морскому кадетскому корпусу, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Для сохраненія памятника блистательнаго мужества россійскаго флота, въ битвѣ Наваринской ознаменованнаго, повелѣваю турецкій флагъ, завоеванный кораблемъ «Александръ Невскій», помѣстить въ залѣ морскаго кадетскаго корпуса. Видъ сего флага, напоминая подвигъ 7-го линейнаго экипажа, да возбудить въ младыхъ питомцахъ сего заведенія, посвятившихъ себя морской службѣ, желаніе подражать храбрымъ дѣяніямъ, на томъ-же поприщѣ совершеннымъ и ожидаемымъ отъ юныхъ сыновъ любезнаго отечества нашего при будущемъ ихъ служеніи». Флагъ этотъ, съ другими пожалованными корпусу именными флагами, находится въ столовомъ залѣ. За Наваринскій бой Богдановичъ получилъ слѣдующіе ордена: св. Анны 2 ст., французскій — св. Людовика малаго креста, затѣмъ черезъ годъ англійскій военный орденъ Бани, а въ 1833 г. — греческій командорскій знакъ ордена Спасителя. Въ 1828—1829 гг. онъ состоялъ въ должности капитана надъ портомъ при исправленіи на островѣ Мальтѣ судовъ эскадры гр. Гейдена, въ 1830 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга и на фрегатѣ «Александра» вернулся въ Кронштадтъ, а затѣмъ командовалъ кораблемъ Эмгейтонъ въ Финскомъ заливѣ. 31 декабря 1832 г. Богдановичъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 3-й флотской дивизіи, а въ 1834 г. поднялъ свой флагъ на кораблѣ Нарва и плавалъ въ эскадрѣ вице-адирала Гамильтона въ Балтійскомъ морѣ. 6 декабря 1834 г. Богдановичъ былъ назначенъ капитаномъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, и этимъ началась его новая служба, уже береговая, на которой онъ получилъ рядъ наградъ и орденовъ, а въ 1864 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ членомъ общаго присутствія морскаго интендантства. 7 іюля 1847 г. Богдановичъ на-

значенъ генералъ-интендантомъ, которому подчинялись 3 департамента: кораблестроенія, артиллеріи и комисаріатскій—что по разнообразію и сложности дѣла требовало основательнаго знанія хозяйственной части, артиллеріи и морской службы во всей ея подробности. 1 января 1848 г. Богдановичъ былъ переименованъ въ вице-адмиралы, въ 1851 г. назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго при департаментѣ экономіи Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Платена, для пересмотра смѣтъ морского министерства, въ 1854 г. произведенъ въ адмиралы, а въ 1855 г., за упраздненіемъ интендантской части въ морскомъ министерствѣ, назначенъ членомъ адмиралтействъ совѣта. 26 августа 1856 г., въ день коронаціи Императора Александра II ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, въ 1858 г. брилліантовые знаки сего ордена, а въ 1863 г. аренда въ 3000 р. на 6 лѣтъ.

Общій морской списокъ. Спб. 1892, т. VI, 27—30.—Кротковъ, Повседневная запись. Спб. 1894 г., стр. 430—434. — Біографич. очеркъ Зейделя, «Мор. Сб.» 1865 г., № 10, смѣсь, 1—10.—Записки Ученаго Ком. Мор. Штаба, I, 119—140 и VIII, 286—292.—«Мор. Сб.», 1861 г. 361—369.—Е. Богдановича, «Съ нами Богъ». Моск., 1877 г., 43—55.—А. Рыкачева, Годъ Наваринской кампаніи. Крон. 1877 г.—Словарь Брокгауза-Эфрона.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Богдановичъ, *Модестъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, заслуженный професcоръ, извѣстный военный писатель, род. въ г. Сумахъ 26 августа 1805 г., ум. 25 іюля 1882 г. въ Ораніенбаумѣ. Происходя изъ дворянъ харьковской губерніи, Богдановичъ получилъ первоначальное образованіе въ дворянскомъ полку, откуда, въ іюнѣ 1823 г., былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую роту резервнаго корпуса войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Четыре года спустя, Богдановичъ перешелъ на службу въ 24-ю артиллерійскую бригаду, съ которою принялъ участіе въ польской кампаніи 1831 г. и находился въ сраженіяхъ при м. Ваверкѣ, подъ Гроховымъ и Дембе-Вельке; за отличіе въ этихъ бояхъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степ., съ надписью «за храбрость» и чиномъ поручика; въ эту-же кампанію, въ дѣлѣ при дер. Рогозницѣ, получилъ настолько сильную контузію ядромъ въ правую ногу, что остался на полѣ сраженія, былъ захваченъ непріятелемъ и находился въ плѣну до 27 августа. По возвращеніи изъ кампаніи, онъ въ ноябрѣ 1833 г. поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), откуда, по окончаніи курса наукъ, въ 1835 г. назначенъ состоять при третьемъ отдѣленіи бывшей канцеляріи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, но оставался въ этой должности не болѣе года, и, по Высочайшему повелѣнію, былъ причисленъ къ военной академіи, для приготовленія въ адъюнктъ-профессоры. Назначенный, вскорѣ затѣмъ, правителемъ дѣлъ канцеляріи академіи, капитанъ Богдановичъ, въ сентябрѣ 1838 г., былъ утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ военной исторіи и стратегіи и, въ свободное отъ службы время, занимался преподаваніемъ тактики въ дворянскомъ полку, а также принималъ участіе въ изданіи «Военнаго Журнала» и «Военно-Энциклопедическаго Лексикона». Въ должности правителя дѣлъ онъ оставался до 1839 г., послѣ чего, въ 1841 г., въ чинѣ подполковника, опредѣленъ штабъ-офицеромъ надъ обучающимися въ академіи офицерами, въ февралѣ 1843 г. утвержденъ въ званіи профессора; въ 1847 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета по отдѣленію генеральнаго штаба и въ сентябрѣ 1855 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1863 г. Богдановичъ получилъ назначеніе состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, съ оставленіемъ въ званіяхъ почетнаго члена конференціи академіи генеральнаго штаба и заслуженнаго профессора, и въ томъ-же году произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ зачисленъ членомъ совѣщательнаго комитета главнаго штаба, а 4 іюня 1873 г., въ день 50-лѣтія службы, получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1881 г. Богдановичъ опредѣленъ членомъ военнаго совѣта. Въ послѣднемъ званіи онъ оставался до кончины.

Генералъ Богдановичъ извѣстенъ рядомъ капитальныхъ трудовъ, явившихся цѣннымъ вкладомъ въ нашу военную литературу. Многочисленныя сочиненія талантливаго и плодовитаго историографа остаются пока внѣ общей критической оцѣнки, если не считать придирчивой критики очевидца военныхъ походовъ эпохи Александра I-го, Липранди; но нельзя не признать за авто-

ромъ ихъ добросовѣстнаго и всесторонняго изслѣдованія историческихъ фактовъ. Достаточнымъ доказательствомъ его обширной эрудиціи могутъ служить тѣ безчисленныя ссылки на печатную литературу и рукописные матеріалы, которыми такъ испещрены приложенія къ каждому тому изданныхъ имъ трудовъ; лучшею-же оцѣнкою ихъ важности служатъ академическія преміи, выданныя Богдановичу за нѣкоторыя изъ его сочиненій. Вотъ перечень трудовъ Богдановича въ хронологическомъ порядкѣ: 1) «Походъ 1796 г. Бонапарте въ Италіи», 1845 г.; 2) «Походъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи», 1846 г.; 3) «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова», 1846 г.; 4) «Записки стратегіи.—Правила веденія войны», 1847 г.; 5) «Исторія военнаго искусства и замѣчательныхъ походовъ отъ начала войнъ до паденія Западной Римской Имперіи»;—ч. 2: «Военная исторія среднихъ вѣковъ», 1849 — 1854 гг.; 6) «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италію въ 1848—1849 гг.», 1849 г.; 7) «Алжирія въ новѣйшее время», 1849 г.; 8) «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи», 1852 г. 9) «Королевство Вестфальское и разрушеніе его генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ (перев. соч. фонъ-Шпехта, сдѣлан. совмѣстно съ г. Казнаковымъ), 1852 г.; 10) «Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымъ въ 1854 — 1855 гг.», 1856 г.; 11) «Исторія Отечественной войны 1812 г.», въ 3-хъ томахъ, 1859 г. (удост. полной Демидовской преміи); 12) «Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи», въ 2-хъ томахъ, 1862 г.; 13) «О преобразованіи кадетскихъ корпусовъ», 1863 г.; 14) «Исторія войны 1814 г. во Франціи и низложеніе Наполеона І-го», въ 2-хъ томахъ, 1865 г. (удост. половинной Демидовской преміи); 15) Карта театра войны 1813 г.», 1865 г.; 16) «Исторія царствованія Императора Александра І-го и Россіи въ его время», въ 6 томахъ, 1869 г. (удостоен. Уваровской преміи); 17) «Русская армія въ вѣкъ Екатерины II», 1873 г.; 18) Восточная война 1853 — 1855 гг.», въ 4-хъ томахъ, 1876 г.; 19) «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое 25-лѣтіе благополучнаго царствованія Императора Александра Николаевича (1855—1880 гг.)», въ 4-хъ томахъ, 1779—1880 гг.— Кромѣ того Богдановичъ напечаталъ рядъ статей и замѣтокъ въ различныхъ журналахъ; вотъ наиболѣе извѣстныя изъ нихъ. Въ «Военной библіотекѣ»: «Военное искусство, Маккіавели», 1839 г. Въ «Военномъ Журналѣ»: «Правила, мысли и отзывы Наполеона относительно военнаго искусства, военной исторіи и военнаго дѣла», 1846 г.; «Эрцгерцогъ Карлъ, какъ полководецъ и какъ военный писатель», 1847 г.; «Очеркъ венгерской войны 1848—1849 гг.», 1850 г. и отдѣльно 1856 г.; «Матеріалы для исторіи войны 1812 г.», 1859 г. Въ «Военномъ Сборникѣ»: «Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареею Раевскаго», 1858 г.; «О средствахъ къ распространенію просвѣщенія въ арміи», 1863 г.; «Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи при открытіи похода во Францію 1814 г.», 1864 г.; «Крѣпость Силистрія въ 1854 г.» (записки Нафизъ-Эфенди; перев. съ турецкаго сдѣланъ И. В. Бѣлоцерковцемъ, съ примѣчаніями Богдановича), 1875 г.; «Дневникъ осады Карса 1855 г., докт. Сандвита», 1878 г. Въ «Русскомъ Инвалидѣ»:—«Дѣло при Рейхенбахѣ» 1861 г. № 1; «Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ», 1861 г. № 92; «По поводу развитія и направленія военно-историческихъ занятій въ Россіи», 1863 г. № 29; «Годовщина 19 марта 1814 г.», 1864 г. № 62; «Графъ фонъ-деръ-Паленъ и его время», 1864 г. № 94. Въ «Библіотекѣ для чтенія»: «Послѣднее время передъ войною 1812 г.» и «Народная война 1812 г.» 1858 г. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Сраженіе при Лубинѣ», 1857 г.; «Союзные полководцы во 2-ю кампанію 1813 г.», 1861 г. Въ «Русскомъ Архивѣ»: «Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева на прокладныхъ листкахъ книги св. Евангелія», 1866 г. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Дѣло при Дембе-Велькѣ, 19 (31) марта 1831 г.» (изъ записокъ очевидца), 1881 г. Въ «Русской Старинѣ»: «Черты изъ жизни графа Аракчеева», 1870 г.; «Число 12 въ жизни Императора Александра I». 1871 г. «Михаилъ Өедоровичъ Орловъ, декабристъ», 1872 г.; «Объ уменьшеніи срока службы нижнимъ чинамъ. Проектъ тайнаго совѣтника Обрескова 1808 г.», 1874 г.; «Первое бомбардированіе Севастополя 5—13 Октября 1854 г.», 1875 г.; «Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1854—1856 гг.» 1876 г.; «Замѣтка по поводу «Восточнаго вопроса на 1807 г.», 1876 г.; «Воспомина-

нія о баронѣ Н. В. Медемѣ», 1877 г., «Замѣтка по поводу очерка «Ѳ. К. Затлеръ», 1877 г.; «Военная политика и военныя учрежденія въ современномъ ихъ состояніи. Замѣтки стараго офицера», 1878 г.; «А. В. Суворовъ. Изъ записокъ маркиза Марсильяка», 1879 г.; «Меллеръ-Закомельскіе, 1790 г.», 1881 г.; «Записки Я. И. де-Санглена, 1776—1831 гг.», 1882—1883 гг.; «Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г.», 1883 г. Слѣдуетъ еще прибавить, что Богдановичъ редактировалъ 2 изданіе «Военно-энциклопедическаго лексикона», въ 1845 и 1846 гг. прочиталъ рядъ публичныхъ лекцій по исторіи походовъ Петра Великаго и Суворова, а въ 1846—1847 гг. преподавалъ военную исторію великому князю Константину Николаевичу.

«Русск. Инв.» 1873 г. №№ 120—122 и 1882 г. № 168.—Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей», вып. II, стр. 13; вып. III, стр. 6.—«Историч. Вѣстн.» 1882 г., т. X, стр. 226.—«Рус. Стар.» 1874 г. т. X стр. 667—670 и 1875 г., XIV, стр. 70.—Словари: Березина, Толля, Старчевскаго, Андреевскаго, Клюшникова, Леера, Венгерова.—Сборникъ И. Р. И. О., тт. I и VI.

Д. С—въ.

Богдановичъ, *Петръ Ивановичъ* (Ѳедоровичъ), переводчикъ и издатель XVIII в. Онъ былъ родомъ изъ Полтавы и служилъ въ С.-Петербургѣ, въ тайной экспедиціи. Имѣя въ 1780-хъ г.г. собственную типографію, Богдановичъ издалъ значительное количество книгъ нравоучительныхъ и популярно-научныхъ. Самъ Богдановичъ перевелъ слѣдующія книги: 1) Размышленія Додда (съ франц.). Спб. 1784; 2) Новый способъ лѣченія чахотки Пещикова (съ лат.). Спб. 1786; 3) Описаніе послѣднихъ землетрясеній въ Калабріи и Сициліи, Гамильтона. Спб. 1787.—Въ 1796 г. Богдановичъ, неизвѣстно чѣмъ, привлекъ вниманіе столичной администраціи, былъ признанъ челевѣкомъ «безпокойнымъ и упорнаго нрава, неповинующимся властямъ» и высланъ въ Полтаву къ отцу. Въ 1801 г. онъ просилъ разрѣшенія вернуться въ столицу, но лишь въ 1810 г. получилъ право выѣзжать изъ Полтавы, однако же съ запрещеніемъ посѣщать Петербургъ.

Словари: Геннади, Снегирева, Венгерова и Брокгауза-Ефрона. — Біографич. указатель уроженцевъ Полтавской губ. на 1866 г.—Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1863 г., № 1, смѣсь.—Не тождественъ-ли съ этимъ Богдановичемъ тотъ помѣщикъ Богдановичъ, который въ 1809 г. получилъ большую серебряную медаль отъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества за рѣшеніе конкурсной задачи: «Выяснить на опытахъ или извѣстныхъ примѣтахъ значеніе барщиннаго и оброчнаго хозяйства» (См. «Ист. В.-Э. Общ., ст. 411).

Богдановскій, *Андрей Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1780 г. Происходя изъ дворянъ, Богдановскій получилъ образованіе въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго 5 іюня 1798 г. былъ выпущенъ въ бывшій 12-й егерскій полкъ подпоручикомъ. Произведенный 22-го мая 1805 г. въ капитаны, Богдановскій въ 1806 г. участвовалъ въ походѣ противъ турокъ и въ занятіи Бендеръ; оставаясь затѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ въ 1807 г. участвовалъ въ осадѣ Измаила и въ бояхъ подъ этой крѣпостью, а за отличіе въ сраженіи при островѣ Карталѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени. Произведенный 16 января 1808 г. въ маіоры, Богдановскій оставался подъ Измаиломъ до сдачи этого города, а затѣмъ (29 сентября 1809 г.), переправясь за Дунай, двинулся къ крѣпости Гирсово. 22 мая 1810 г. Богдановскій участвовалъ въ штурмѣ и взятіи крѣпости Базарджика, за что того же числа произведенъ въ подполковники и получилъ штурмовой крестъ на георгіевской лентѣ; съ 26 мая онъ былъ подъ крѣпостью Шумлою и за битвы подъ этою крѣпостью 11 и 23 іюля былъ награжденъ орденами св. Анны 2-й степени и св. Георгія 4-й степени; 4 августа онъ двинулся чрезъ Силистрію къ Рущуку и 26 августа участвовалъ въ сраженіи при Батинѣ, за которое получилъ орденъ св. Анны 2-й степени съ бриллiантами. 9 октября онъ былъ при занятіи Никополя. 20 января 1811 г. Богдановскій былъ переведенъ въ нарвскій пѣхотный полкъ полковымъ командиромъ. Въ войну 1812 г. Богдановскій участвовалъ въ дѣлахъ при м. Марѣ, при Романовкѣ, подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ, гдѣ былъ раненъ ружейною пулею въ ногу съ поврежденіемъ кости, за что 1 октября 1812 г. награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1813 г. Богдановскій съ 9 по 22 января находился въ Царствѣ Польскомъ, при блокадѣ крѣпости Модлина. Произведенный 16 марта 1813 г. въ полковники, Богдановскій принялъ участіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона и за Лейпцигское сраженіе былъ награжденъ (25 октя-

бря 1813 г.) орденомъ св. Владиміра 3-й степени и Прусскимъ «За заслуги». Въ 1814 г. онъ участвовалъ въ занятіи Суассона и въ дѣлѣ при Краонѣ, за что былъ произведенъ (23 февраля 1814 г.) въ генералъ-маіоры; въ сраженіи при Ліонѣ онъ былъ контуженъ ружейною пулею въ грудь, и за это дѣло награжденъ орденомъ Шведскаго Меча; 18 марта онъ сражался подъ Парижемъ, а 1 апрѣля двинулся изъ французской столицы обратно въ царство Польское, но въ 1815 г. снова долженъ былъ двинуться съ своимъ полкомъ во Францію. 1 іюня 1815 г. Богдановскій былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи и 23 августа того же года участвовалъ въ Высочайшемъ смотрѣ русскихъ войскъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ на поляхъ Шампани. Послѣ этого онъ находился въ теченіе 3-хъ лѣтъ во Франціи, въ отдѣльномъ корпусѣ подъ командою генералъ-адъютанта графа Воронцова; при выходѣ оттуда, 4 марта 1818 г., Богдановскій былъ пожалованъ французскимъ орденомъ Почетнаго Легіона. Въ русскіе предѣлы Богдановскій вступилъ 4 февраля 1819 г., а 2 января 1820 г. былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и съ полнымъ пенсіономъ. 16 октября 1823 г. онъ получилъ должность керчъ-еникальскаго градоначальника и за ревностную службу на этомъ посту былъ награжденъ 3 апрѣля 1825 г. орденомъ св. Анны 1 степени. 20 февраля 1826 г. онъ перешелъ градоначальникомъ въ Ѳеодосію, а 1 января 1828 г. былъ назначенъ одесскимъ градоначальникомъ и 18 августа того же года произведенъ въ тайные совѣтники. За усердіе, оказанное во время турецкой войны 1829 г., при снабженіи дѣйствовавшей арміи продовольствіемъ, Богдановскій 6 декабря 1829 г. получилъ знаки ордена св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, а 21 апрѣля 1830 г. пожалованъ, не въ примѣръ другимъ, арендою на 12 лѣтъ, по 3.000 руб. ежегодно, (съ 1 января 1831 г.). 25 февраля 1831 г. Богдановскій уволенъ отъ должности одесскаго градоначальника, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, и 3 марта того же года повелѣно ему присутствовать въ 8 департаментѣ; затѣмъ, 12 августа 1831 г. онъ былъ переведенъ въ III отдѣленіе 5 департамента Сената (въ С.-Петербургѣ), а 12 апрѣля 1833 г.—въ 7 департаментъ (въ Москву). 31 декабря 1836 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степени, 3 апрѣля 1849 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 3 января 1855 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, а Высочайшимъ указомъ 9 марта 1856 г. уволенъ, согласно прошенію, за болѣзнью, отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ. Годъ смерти Богдановскаго неизвѣстенъ.

Послужной списокъ изъ Сенатскаго архива и Высочайшіе указы.

Богдановскій, *Евстафій Ивановичъ*, профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи, замѣчательный русскій хирургъ, род. 20 сентября 1833 г. въ селѣ Подолковѣ, мстиславскаго у., могилевской губ., ум. 11 октября 1888 г. въ Петербургѣ. Сынъ священника, Богдановскій получилъ среднее образованіе въ могилевской духовной семинаріи, а по окончаніи ея курса въ 1853 г., поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ выказалъ блестящія способности и особенно ревностно занимался анатоміей и хирургіей; въ 1858 г. онъ окончилъ курсъ первымъ; съ золотой медалью и преміей Буша. Въ томъ же году въ академіи, по почину президента ея, Дубовицкаго, былъ учрежденъ институтъ для усовершенствованія врачей, послужившій впослѣдствіи разсадникомъ профессоровъ для академіи и университетовъ. Богдановскій былъ первымъ изъ врачей, оставленныхъ при этомъ институтѣ; въ началѣ своего трехлѣтняго пребыванія въ академіи онъ занимался хирургической анатоміей подъ руководствомъ профессора Фаворскаго, готовилъ для его лекцій препараты и исполнялъ у него должность прозектора. Въ то же время онъ практически изучалъ хирургію, будучи ассистентомъ профессора Китера, которому помогалъ при всѣхъ операціяхъ. Самостоятельная научная дѣятельность его выразилась въ это время въ экспериментальной разработкѣ различныхъ вопросовъ; онъ производилъ опыты пересадки кусочковъ костей отъ однихъ животныхъ другимъ и опыты выпиливанія сочлененій у животныхъ. Сопоставивъ результаты послѣднихъ со своими клиническими наблюденіями, онъ написалъ диссертацію «О резекціи локтевого сочлененія» и, защитивъ ее блестящимъ образомъ 20 мая 1861 г., былъ удостоенъ рѣдкой научной степени доктора хирургіи и доктора медицины; въ томъ же году Бог-

дановскій былъ посланъ конференціей академіи за границу на 2 года для усовершенствованія въ наукахъ. За границей онъ слушалъ лекціи и посѣщалъ клиники наиболѣе знаменитыхъ хирурговъ того времени. Особенно много занимался онъ у Дитля въ Вѣнѣ, Лангенбека и Вилльямса въ Берлинѣ, Нелятона и Рише въ Парижѣ и у Фергюссона въ Лондонѣ. Кромѣ того, Богдановскій съ увлеченіемъ работалъ въ Charité, у творца целлюлярной патологіи Рудольфа Вирхова, у котораго занимался преимущественно микроскопическими изслѣдованіями; подъ руководствомъ знаменитаго Гиртля, Богдановскій ревностно изучалъ хирургическую анатомію. Въ теченіе заграничной командировки онъ произвелъ новыя изслѣдованія о лѣченіи варикозныхъ венъ, о стрѣльчатомъ прожиганіи и о резекціяхъ колѣннаго сустава. Составивъ себѣ почетную научную репутацію, онъ вернулся въ Россію въ 1863 г. съ весьма обширнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній и отличной практической подготовкой. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ академіи по каѳедрѣ хирургической академической клиники, причемъ конференція поручила ему читать хирургическую анатомію студентамъ IV курса и руководить занятіями студентовъ V курса по оперативной хирургіи. Въ послѣдующіе года Богдановскій продолжалъ свои научныя изслѣдованія и въ теченіе 1863—1867 гг. напечаталъ статьи о патологическихъ измѣненіяхъ колѣннаго сустава, объ отношеніи фиброидовъ къ саркомамъ и о резекціяхъ сочлененій. Въ 1867 г. умеръ профессоръ Фаворскій, и конференція академіи поручила Богдановскому чтеніе лекцій по каѳедрѣ оперативной хирургіи; осенью того же года онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ. Незадолго передъ тѣмъ онъ представилъ академической конференціи историческій очеркъ развитія оперативной хирургіи и программы преподаванія этой науки. Этотъ обзоръ былъ замѣчателенъ по массѣ содержавшагося въ немъ фактическаго матеріала и свидѣтельствовалъ о большой эрудиціи автора. Съ переходомъ академика Заблоцкаго на каѳедру академической хирургической клиники (23 сентября 1867 г.), Богдановскій получилъ каѳедру теоретической хирургіи, при которой въ то время не было клиники; черезъ мѣсяцъ онъ просилъ конференцію о предоставленіи ему палаты съ больными для его самостоятельныхъ занятій и кабинета для научныхъ опытовъ, но ходатайство его не имѣло успѣха; по собственнымъ его словамъ «съ 1867 г. до конца 1868 г. онъ не имѣлъ никакого кабинета, почему дѣятельность его должна была ограничиваться единственно теоретическимъ преподаваніемъ лекцій». Въ мартѣ 1868 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, и ему было поручено госпитальное отдѣленіе, которымъ до того времени завѣдывалъ Заблоцкій. Лѣто 1868 г. Богдановскій провелъ въ Англіи и Германіи, гдѣ продолжалъ изученіе современной хирургіи; въ слѣдующемъ году онъ получилъ академическую хирургическую клинику, а 19 сентября 1870 г. былъ перемѣщенъ на каѳедру госпитальной хирургической клиники, предварительно пройдя черезъ всѣ хирургическія каѳедры академіи. Въ 1869 г. началось спеціальное прикомандированіе военныхъ врачей къ академіи для усовершенствованія въ хирургіи; Богдановскій, вмѣстѣ съ Китеромъ, составилъ, по порученію конференціи, программу ихъ занятій. Съ этого времени онъ много занимался съ прикомандированными врачами и впослѣдствіи разработалъ вопросъ о правильной постановкѣ этихъ занятій. Составъ больныхъ въ хирургическихъ клиникахъ клиническаго госпиталя былъ очень однообразенъ, вслѣдствіе того, что въ нихъ поступали почти исключительно больные военнаго вѣдомства. Богдановскій добился увеличенія числа гражданскихъ мѣстъ въ клиникахъ, и матеріалъ для лекцій увеличился. Въ тяжелое для академіи время, когда управленіе академіей находилось въ рукахъ людей совершенно чуждыхъ ей, Богдановскій отстаивалъ ея интересы и много содѣйствовалъ возстановленію ея престижа и самостоятельности.—Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. онъ работалъ въ раіонѣ Кишеневъ-Яссы въ качествѣ консультанта-хирурга отъ общества Краснаго Креста. Въ 1880 г. онъ былъ удостоенъ званія академика. Въ 1884 г., когда окончилось 25-лѣтіе его профессорской дѣятельности въ академіи, служба его была продолжена на пять лѣтъ по избранію конференціи. 15 января того же года общество русскихъ врачей, подъ предсѣдательствомъ С. П. Боткина, торжественно праздновало его юбилей. Многочисленныя рѣчи, произнесенныя въ этомъ

засѣданіи, адресы, поднесенные Богдановскому, и статьи, появившіяся въ медицинской и общей печати, единодушно характеризовали его, какъ замѣчательнаго научнаго дѣятеля, учителя и практика. И. Т. Глѣбовъ говорилъ въ своей рѣчи: «Принявъ въ свое завѣдываніе хирургическую клинику медико-хирургической академіи, Е. И. положилъ незыблемое основаніе чистокровно-русской, консервативно-хирургической школѣ, давшей столько извѣстныхъ научно-образованныхъ хирурговъ въ Россіи»... Дѣятельность Богдановскаго была лучше всего характеризована статьей въ Медицинскомъ Вѣстникѣ: «Медицинская академія обязана профессору Богдановскому совершеннымъ измѣненіемъ въ преподаваніи того отдѣла хирургіи, который по тогдашнему времени назывался теоретическою хирургіею. Благодаря ему, теоретическая хирургія перестала, даже по имени, существовать въ академіи, и мѣсто ея заняла хирургическая патологія, преподаваніе которой ведется демонстративно и отчасти экспериментально. Въ 1870 г. Богдановскій перешелъ на каѳедру клинической хирургіи. Клиническія лекціи его всегда привлекали слушателей своею строгою логичностію, точностью и доказательностію при разборѣ болѣзненныхъ явленій, замѣчательнымъ искусствомъ въ постановкѣ діагноза и разумными цѣлесообразными показаніями къ примѣненію оперативныхъ пособій. Богдановскій получилъ завидные, сравнительно съ другими, результаты своей клинической дѣятельности. Изъ 23 операцій резекціи верхней челюсти, произведенныхъ въ его клиникѣ, только одна окончилась смертью (4,3°/о), тогда какъ въ климатѣ знаменитаго Лангенбека изъ 25 оперированныхъ умерло 8 (31°/о), а въ клиникѣ Бильрота изъ 26 умерло 7 (26,9°/о). Тоже можно сказать и относительно резекцій локтя, плеча и другихъ тяжелыхъ операцій. Оперативная техника профессора Богдановскаго проявилась особенно въ сферѣ операцій, требующихъ дѣйствительнаго искусства, именно, операцій пластическихъ, въ которыхъ, скажемъ, не боясь ошибиться, ему трудно найти соперника среди современныхъ европейскихъ хирурговъ. Первая въ Россіи эксторпація гортани была произведена въ клиникѣ профессора Богдановскаго, равно какъ и нѣкоторыя другія операціи. Отличительную черту практической врачебной дѣятельности профессора Богдановскаго всегда составляло его гуманное отношеніе къ больнымъ и разумное примѣненіе надъ ними оперативныхъ мѣръ. Въ прямой ущербъ своей славѣ и популярности, онъ никогда не позволялъ себѣ примѣнять на больномъ такого рода операцій, которыя громко звучатъ своимъ именемъ, но, по качеству недуга или другимъ причинамъ, не могутъ принести больному существеннаго облегченія». Несмотря на многочисленныя обязанности, которыя Богдановскій несъ въ академіи, онъ продолжалъ до самой смерти разработку раличныхъ научныхъ вопросовъ и, кромѣ упомянутыхъ выше работъ, напечаталъ еще нѣсколько важныхъ научныхъ трудовъ. Въ числѣ ихъ онъ издалъ свои лекціи, въ высшей степени замѣчательныя по лаконичности и полнотѣ содержанія и по отсутствію реторическихъ прикрасъ. Эти лекціи доказываютъ, что онъ обладалъ необыкновенными педагогическими способностями. Характеръ его отличался прямотою и нѣкоторою внѣшнею суровостью. Въ конференціи Богдановскій велъ себя весьма самостоятельно и рѣшительно и принималъ близко къ сердцу всѣ вопросы академической жизни, почему неоднократно велъ горячую полемику съ товарищами профессорами и особенно—съ посторонними академіи лицами. Полемика эта отчасти сохранилась въ протоколахъ засѣданій конференціи и въ архивѣ академіи. Больные встрѣчали съ его стороны глубокое сочувствіе, сердечность и безкорыстіе. Страдая въ теченіе многихъ лѣтъ хроническимъ воспаленіемъ артерій съ порокомъ сердца, онъ переносилъ жестокіе приступы грудной жабы, и вскорѣ послѣ юбилея его здоровье стало окончательно разстраиваться, чему способствовала необычайная привязанность его къ клиникѣ. Несмотря на болѣзнь, онъ продолжалъ усиленно работать и умеръ съ хирургическимъ ножемъ въ рукахъ, въ комнатѣ, смежной съ оперативной аудиторіей. Память его увѣковѣчена бюстомъ, поставленнымъ въ аудиторіи, и мраморной доской въ сосѣдней комнатѣ, съ надписью: «Здѣсь, среди своихъ учениковъ, не окончивъ начатой имъ въ аудиторіи операціи, скончался 11 октября 1888 года профессоръ Евстафій Ивановичъ Богдановскій». Среди многочисленныхъ учениковъ его и ближайшихъ помощниковъ особенно выдвинулись: Н. А. Круглевскій (нынѣ профессоръ академіи), А В.

Якобсонъ (приватъ-доцентъ академіи), В. В. Максимовъ (профессоръ варшавскаго университета), М. С. Субботинъ (профессоръ академіи), А. С. Бѣльцовъ (приватъ-доцентъ академіи), В. А. Ратимовъ (профессоръ академіи), И. А. Праксинъ (профессоръ казанскаго университета), А. Д. Павловскій (профессоръ кіевскаго университета). Печатные научные труды Е. И. Богдановскаго: 1) Опыты переноса костей отъ одного животнаго къ другому, «Мед. Вѣстн.» 1861 г. № 10. 2) «О резекціяхъ локтеваго сочлененія», дисс. на степень доктора медицины. Спб., 1861 г. 3) Леченіе варикозныхъ опухолей на нижнихъ конечностяхъ впрыскиваніемъ раствора полуторахлористаго желѣза, «Мед. Вѣстн.» 1862 г., № 35—38. 4) О стрѣльчатомъ прожиганіи, «Мед. Вѣстн.» 1862 г., № 45—47. 5) О резекціяхъ колѣннаго сустава, «Мед. Вѣстн.» 1863 г., № 46—52. 6) Патолого-анатомическія измѣненія колѣннаго сустава, «Прот. Общ. р. врачей», 1863—64 гг. 7) Объ отношеніи фиброидовъ къ саркомамъ, «Прот. общ. р. врачей», 1864—65 гг. 8) О резекціяхъ сочлененій, тамъ же, 1866—67 гг. и отд. Спб. 1867 г. 9) Объ успѣхахъ теоретической хирургіи за 1863—64 г., «В. Мед. Журн.» 1866 г. 10) Обзоръ успѣховъ хирургической патологіи и оперативной хирургіи за 1865 и 66 г. Тамъ же, 1869 г. 11) Фунгозное воспаленіе тазобедреннаго сустава, «Журн. норм. пат. и гистол., фармакол. и клинич. мед.», 1870—71 гг. 12) Извлеченіе изъ дыхательнаго горла трахеотомической трубки, «Ежедн. Клин. Газ.», 1881 г. № 1. 13) Клиническая хирургія. Каменная болѣзнь. 1887 г. Спб. (монографія). 14) Библіографическія статьи въ «Журн. норм. и патологической гистологіи и пр.» за 1870—71 гг. (Въ этомъ журналѣ Богдановскій состоялъ однимъ изъ редакторовъ). 15) Записки по клинической хирургіи (Лекціи, составленныя студентами). 1887 г. Въ первомъ выпускѣ — 51 лекція, а во второмъ — 33. 16) Послѣдняя его лекція (записана П. Бѣхтинымъ), въ «Русской Медицинѣ», 1888 г., № 41.

Рукописныя дѣла архива мед.-хир. академіи.—Протоколы засѣданій конференціи И. М. Х. Академіи за разл. года.—Исторія И. В. Мед. Академіи за сто лѣтъ. Спб. 1898 г.—П. А. Бѣлогорскій, Госпитальная хирургическая клиника при И. В. Медиц. Академіи. Спб. 1898 г.—К. Э. Лопатто, Кафедра хирургической патологіи и терапіи. Спб., 1898 г.—«Врачъ» 1884 и 1888 гг. — Венгеровъ, Крит.-біограф. словарь.—Ландшевскій, Историческій очеркъ каѳедры академич. хирург. клиники, Спб. 1898 г.—Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.—Вилларе, Энциклопед. лексиконъ. — «Еженед. клинич. газета», 1888 г.

Богдановъ, *Андрей*, дьякъ. Въ 1658 г. онъ былъ посланъ въ Вильну дьякомъ при воеводѣ князѣ Юріи Долгорукомъ, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ Долгорукимъ же былъ званъ къ царскому столу и получилъ отъ царя дорогую шубу, кубокъ, денежную награду и прибавку къ помѣстному окладу. Въ 1663 г. онъ посланъ въ Архангельскъ дьякомъ при воеводѣ князѣ Осипѣ Щербатомъ и оставался тамъ два слѣдующіе года, а въ 1665 г. мы находимъ Андрея Богданова уже въ Лукахъ Великихъ, при воеводѣ князѣ Петрѣ Хованскомъ. Въ 1668 г. онъ ѣздилъ въ Смоленскъ для размежеванія съ Польшей, а въ 1671 г. былъ посланъ, съ стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ, въ Черкаской городокъ, привелъ казаковъ ко кресту и обязалъ ихъ послать отрядъ въ помощь астраханскому воеводѣ. Въ 1672 г. онъ назначенъ въ Олонецъ, съ воеводою Богданомъ Ординымъ-Нащокинымъ, и оставался тамъ еще въ 1674 г. Въ 1676 г. Андрей Богдановъ снова служитъ въ Москвѣ, въ приказѣ каменныхъ дѣлъ.

Дворцовые разряды, III, 804; прилож.: 133, 168—9, 366.—Дополненія къ Актамъ Историч.—Русская Историч. Библіотека, т. XI.—Акты Археографич. Экспедиціи.

Богдановъ, *Андрей*, писатель, японецъ по происхожденію, род. въ 1707 г. въ Сибири, ум. въ 1768 г., въ С.-Петербургѣ. Въ 1733 г. онъ былъ крещенъ, привезенъ въ С.-Петербургъ и отданъ въ гимназію при Академіи наукъ; впослѣдствіи онъ служилъ при типографіи, а затѣмъ былъ архиваріусомъ и помощникомъ библіотекаря Академіи. Изъ сочиненій Богданова извѣстны: 1) «Симфонія или Конкорданція, т. е. согласіе на четыредесять посланій св. апостола Павла, а также на вся соборныя посланія и Апокалипсисъ». М. 1737 г. Онъ началъ было составлять симфонію всей библіи, но труда этого не окончилъ; рукопись хранится въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи. 2) «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга съ 1703 по 1751 г.г.», извѣстное въ свое время сочиненіе, со многими планами и рисунками, значительно дополненное въ 1779 г. Б. Рубаномъ. Новиковъ въ «Опытѣ

словаря Россійскихъ писателей» приписываетъ Богданову и еще нѣсколько сочиненій: а) «Логическая азбука о произведеніи и свойствѣ Россійскихъ буквъ», б) «Грамматика, разговоры и краткій словарь японскаго языка», в) «Видимый Свѣтъ» (Orbis Pictus) на японскомъ языкѣ; сочиненія эти не напечаны, рукописи ихъ хранятся въ Академіи наукъ. Филаретъ въ «Обзорѣ Русской Духовной Литературы» предполагаетъ, что Богдановъ перевелъ также «Описаніе Японіи съ исторіей гоненія на христіанъ японскихъ» Спб. 1734 г. Богдановъ первый въ Россіи занимался японскимъ языкомъ.

«Словарь Историческій 1790 г., ч. 2»—Словарь Митр. Евгенія.—Обзоръ русск. Дух. Лит. Филарета—Словари: Плюшара, Березина, Старчевскаго, Геннади, Толя, Андреевскаго, Венгерова.

Богдановъ, *Василій Ивановичъ*, протоіерей, духовный писатель, род. въ 1777 г., ум. въ 1849 г. въ Москвѣ. Въ 1798 г. онъ окончилъ курсъ московской духовной академіи и нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ ней. Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ законоучителемъ и священникомъ московскаго училища ордена св. Екатерины, а впослѣдствіи состоялъ протоіереемъ въ церкви св. Никиты на Басманной, въ Москвѣ. Ему принадлежатъ: 1) Руководство къ щастію и блаженству. Спб. 1798 г.; 2) Рѣчи при выпускѣ благородныхъ воспитанницъ московскаго училища св. Екатерины. М. 1810 г.

Каталогъ Сопикова.—Венгеровъ, Словарь.

Богдановъ, *Василій Ивановичъ*, врачъ и писатель-юмористъ, род. въ 1838 г., ум. 5 августа 1886 г.; онъ изучалъ врачебное искусство въ московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1861 г.; съ 1862 г. онъ служилъ въ Петербургѣ, въ больницѣ для чернорабочихъ и въ воспитательномъ домѣ, въ 1864 г. перешелъ младшимъ ординаторомъ въ морской кронштадтскій госпиталь и совершилъ кругосвѣтное путешествіе на клиперѣ Изумрудъ. Въ 1868 г. Богдановъ былъ назначенъ врачемъ петербургскаго портоваго экипажа, затѣмъ служилъ въ 4-мъ флотскомъ экипажѣ, въ кадрѣ мастеровыхъ и рабочихъ кронштадтскаго порта, старшимъ судовымъ врачемъ въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ и старшимъ ординаторомъ въ кронштадтскомъ морскомъ госпиталѣ; потомъ онъ былъ инспекторомъ кронштадтской фельдшерской школы и старшимъ врачемъ 1-го черноморскаго флотскаго экипажа; въ послѣдней должности онъ и умеръ. Медицинскія сочиненія Богданова слѣдующія: Корабельный медицинскій журналъ клипера «Изумрудъ»,—«Мед. прибавл. къ Морск. Сборн.», 1869 г., стр. 141.—О перемежающейся лихорадкѣ у команды и жителей въ Абоскихъ шхерахъ,—«Прот. Кроншт. общ. врачей» 1873—74 гг. — О пищѣ больныхъ промѣрной партіи въ Аландскихъ и Абоскихъ шхерахъ. — Тамъ-же 1874—1875 гг.— Таблицы для измѣренія влажности воздуха на судахъ, С.-Пб., 1878 г.— Богдановъ былъ извѣстенъ также и какъ талантливый и остроумный юмористъ. Съ 1862 г. онъ помѣщалъ въ «Искрѣ» юмористическія стихотворенія подъ псевдонимами: Власъ Точкинъ, Власъ Точечкинъ, Богданъ —овъ и Бгд. Онъ участвовалъ также въ «Петербургскомъ Листкѣ», въ «Осколкахъ» и «Суфлерѣ», въ которомъ помѣстилъ, между прочимъ, переводъ марсельезы (1875 г.). Въ 1878 г. онъ издалъ отдѣльной книжкой «Житье-бытье на морѣ. Бесѣды изъ морского и приморскаго быта». Изъ произведеній Богданова наибольшей извѣстностью пользуются стихотворенія «Посѣщеніе бѣдныхъ» и «Старьевщикъ», которыя и въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ читаются на литературныхъ вечерахъ.

Венгеровъ, Словарь.—Его-же, Русскія книги.

Богдановъ, *Гаврила*, дьякъ, ум. въ 1623 г. Въ 1613 г. онъ ѣздилъ съ посломъ княземъ Иваномъ Михаиловичемъ Барятинскимъ къ датскому королю Христіану для извѣщенія о восшествіи на престолъ царя Михаила и для заключенія союза противъ шведовъ и поляковъ. Въ 1615 г. онъ посланъ дьякомъ въ Астрахань при воеводѣ князѣ Хованскомъ и остается тамъ еще въ 1617 г., но въ 1620 г. мы встрѣчаемъ его уже въ одномъ изъ московскихъ приказовъ, а въ 1621—22 г.г. онъ состоитъ приставомъ при турецкомъ послѣ въ Москвѣ. Въ 1622 г. Гаврила Богдановъ былъ посланъ дьякомъ въ Вязьму, при воеводѣ Волынскомъ, и тамъ умеръ.

Дворцовые разряды, I, 106, 193, 246, 296, 488, 495—6, 509, 565—6.—Разрядныя книги.—Акты Историческіе (ошибочно названъ Григоріемъ).—Русская Историч. Библіот., т.т. II и XVI.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, I, 214—215.

Богдановъ, *Григорій Карповичъ*, думный дьякъ. Выступаетъ онъ въ 1649 г.,

когда, имѣя званіе подьячаго, былъ посланъ, вмѣстѣ съ Григоріемъ Арефьевичемъ Нероновымъ, къ Богдану Хмельницкому для врученія гетману царской грамоты; сохранился статейный списокъ этого посольства. Въ слѣдующемъ году Богдановъ состоялъ при великихъ послахъ царскихъ въ Варшавѣ, Григоріи Пушкинѣ съ товарищи, и снова посланъ былъ ими къ гетману (съ Петромъ Протасьевымъ), чтобы добиться выдачи самозванца Тимошки Анкудинова. Вернувшись въ Москву въ 1651 г., Богдановъ привезъ много интересныхъ для московскаго правительства вѣстей и, между прочимъ, сообщилъ царю мнѣнія Виговскаго о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Въ 1654 г. Богдановъ находился въ царскомъ станѣ подъ Смоленскомъ и былъ посланъ оттуда съ царскою граматою къ Протасову, который былъ тогда въ Фастовѣ у Хмельницкаго. Осенью того-же года онъ опять ѣдетъ изъ-подъ Смоленска къ гетману, вмѣстѣ съ Ив. Ржевскимъ, чтобы побудить Хмельницкаго двинуться съ казаками на Литву, и чтобы собрать вѣсти о малороссійскихъ дѣлахъ. Въ 1656 г. подьячій Богдановъ ѣздилъ въ Вѣну для переговоровъ о способѣ примиренія съ Польшею черезъ посредство цесаря. Въ томъ же году Богдановъ, уже дьякъ малороссійскаго приказа, ѣдетъ въ Чаусы для переговоровъ съ полковникомъ Иваномъ Нечаемъ. Въ 1657 г. онъ былъ посланъ къ герцогу курляндскому съ извѣщеніемъ о намѣреніи царя помириться съ шведами. Въ 1658 г. Богдановъ, служа дьякомъ въ разрядѣ, состоитъ приставомъ при послѣ венгерскаго и чешскаго короля и участвуетъ въ торжественной встрѣчѣ грузинскаго царя Теймураза. Въ 1661 г. предполагалось послать его въ Англію съ Василіемъ Волынскимъ, но это посольство не состоялось. Въ 1661—62 гг. онъ былъ приставомъ при цесарскомъ послѣ, при чемъ именуется дьякомъ новой четверти, а въ 1662—63 г.г. онъ ѣздилъ въ Польшу съ Ординымъ-Нащокинымъ, для веденія дипломатическихъ переговоровъ. Въ 1664 г. мы находимъ Богданова опять въ Москвѣ, приставомъ при цесарскомъ послѣ. Въ слѣдующемъ году ему снова указано быть дьякомъ новой чети, но въ то же время оно продолжаетъ дипломатическую службу: его посылаютъ въ Польшу, чтобы подготовить почву для мирныхъ переговоровъ, и въ апрѣлѣ 1665 г. онъ пишетъ царю изъ Могилева, а въ маѣ убѣждаетъ пановъ въ Варшавѣ принять посредничество цесаря и датскаго короля; паны на устройство совѣщаній о мирѣ согласились, но отъ посредничества отказались на отрѣзъ; съ тѣмъ Богдановъ и вернулся, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Москву, гдѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ему поручено было встрѣтить пріѣхавшаго къ царю гетмана Брюховецкаго и быть при немъ въ приставахъ. Съ февраля 1666 г. по январь 1667 г. Богдановъ, именуемый дьякомъ то посольскаго, то малороссійскаго приказа, находился въ Андрусовѣ при Ординѣ-Нащокинѣ и велъ съ польскими уполномоченными переговоры, закончившіеся извѣстнымъ перемиріемъ, въ 1667—1668 г. ѣздилъ съ Нащокинымъ въ Польшу для подкрѣпленія мирнаго постановленія, а въ 1669 г. былъ посланъ, съ кн. Ромодановскимъ и Арт. Матвѣевымъ, на раду въ Глуховъ. Въ 1671 г. Григорій Богдановъ получилъ санъ думнаго дьяка и, засѣдая, вмѣстѣ съ Арт. Матвѣевымъ, въ приказахъ: посольскомъ, малороссійскомъ, новгородскомъ и большого прихода, продолжалъ дипломатическую дѣятельность; въ 1671 г. онъ участвовалъ въ съѣздѣ и переговорахъ съ шведскими послами и въ заключеніи мирнаго договора съ Польшею, въ 1672 г. производилъ сыскъ надъ Ваською Многогрѣшнымъ; въ 1674 г. велъ переговоры съ шведскими послами въ Москвѣ, а затѣмъ допрашивалъ самозванца, выдававшаго себя за царевича Симеона; въ 1675 г. онъ продолжалъ переговоры со шведами, въ 1676 г. предполагалось послать его; вмѣстѣ съ Волынскимъ и Толочановымъ къ цесарю. Въ тоже время мы постоянно встрѣчаемъ его на торжественныхъ встрѣчахъ и пріемахъ иностранныхъ посольствъ въ Москвѣ, на пирахъ у царя и патріарха, въ церковныхъ торжествахъ и процессіяхъ и т. п. Въ 1676 г. Богдановъ приводилъ москвичей къ присягѣ новому царю Ѳеодору въ Успенскомъ соборѣ «во всю ночь», а въ слѣдующіе года постоянно упоминается среди лицъ, близкихъ къ царю и избираемыхъ имъ для различныхъ почетныхъ порученій. Въ смуту 1682 г. Григорій Богдановъ, какъ старый сослуживецъ и близкій человѣкъ Матвѣева, былъ причисленъ стрѣльцами къ Нарышкинской партіи, и вожаки бунта требовали его выдачи. Заявленіе, что Богданова нѣтъ во дворцѣ, спасло ему жизнь, но черезъ 5 дней

стрѣльцы потребовали его ссылки, и это было исполнено. Однако въ 1684 г. мы находимъ Богданова опять при дворѣ въ прежнемъ почетѣ. Послѣднее упоминаніе о немъ относится къ 1685 г.

Русская Историч. Библіотека, т.т. VIII, X, XI, XII.—Акты Историческіе.—Дополненія къ нимъ.—Акты Южной и Западной Россіи, т.т. VI—XII, XIV, XV.—Акты Археограф. Экспедиціи.—Древняя Россійск. Вивліоѳ., т. XIV, 30, 61, 76, 85, 93.—Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, III, 493, 531, 557—62, 580, 589, 595, 722, 851, 857, 862, 883, 886—7, 893, 898, 912—3, 941—2, 954, 990, 1003—4, 1018—9. 1022—5, 1030—1, 1048—51, 1059—62, 1069—70, 1093, 1098, 1103, 1111—2, 1117, 1124, 1127, 1129, 1134, 1139—43, 1152, 1157, 1162—4, 1170—7, 1180—1, 1198, 1205—6, 1214, 1217—22, 1230, 1243—9, 1261—5, 1270—81, 1287, 1292, 1307, 1325, 1329—37, 1341—2, 1357, 1360—8, 1374—8, 1385—7, 1392, 1396—8, 1401, 1411, 1424, 1427—9, 1432, 1435—8, 1444—5, 1455—67, 1476—7, 1482—3, 1486—7, 1500—1, 1503, 1505, 1508—9, 1515, 1521, 1527, 1538—44, 1547—51, 1555—6, 1564—8, 1586—7, 1590, 1604—14, 1624, 1626, 1637, 1640; прил. 116—7, 121, 137, 159, 266—70, 286, 298, 302, 324, 331, 333, 357, 468; IV, 7, 11, 14—5. 21, 34, 39, 53, 56, 63, 88—9. 92—5, 113, 124, 129, 157, 163, 172, 282. 285, 296, 305, 328, 346, 355.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, I, 20, 26; III, 5, 6, 137—141, 311, 315.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Дѣло Шакловитаго (здѣсь упом. рядъ крѣпостей Богданова на крестьянъ и разныя земли).

Богдановъ, *Григорій Кузьмичъ*, дьякъ. Въ 1664 г. онъ былъ приставомъ при англійскомъ послѣ въ Москвѣ, въ 1667—1668 гг. служилъ дьякомъ при астраханскихъ воеводахъ, въ 1674 г. находился въ Москвѣ, при объѣзжемъ головѣ, въ 1677 г. служилъ во Псковѣ, при воеводѣ Шереметевѣ, а въ 1678 г. сидѣлъ уже въ приказѣ казанскаго дворца. Хотя въ 1678 г. ему велѣно быть въ московскомъ судномъ приказѣ, однако въ 1691 и 1692 гг. онъ снова именуется дьякомъ приказа казанскаго дворца.

Акты Историч.—Дополненія къ Актамъ Истор.—Русская Историч. Библіотека, т. XVII.—Дворцовые разряды, III, 557—62, 942.—Дѣло Шакловитаго.

Богдановъ 2-й, *Дементій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный инженеръ, род. 7 августа 1791 г., ум. въ 1879 г. Въ службу онъ вступилъ рядовымъ въ учебный гренадерскій баталіонъ 23 іюля 1808 г., спустя 1½ мѣсяца былъ зачисленъ канониромъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій баталіонъ, а 5 декабря того же года получилъ званіе кондуктора 2-го класса, съ назначеніемъ по инженерному корпусу, въ которомъ онъ и продолжалъ свою военную службу до чина подполковника включительно. Чинъ подполковника получилъ 6 декабря 1827 г. и въ этомъ чинѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ опредѣленъ начальникомъ строительнаго отдѣленія черноморской строительной экспедиціи, а 18 ноября 1832 г. переведенъ въ Петербургъ «для употребленія по морской строительной части». 29 декабря 1837 г. Богдановъ былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части и исполнялъ обязанности сначала начальника 1-го отдѣленія строительнаго департамента морского министерства, потомъ члена хозяйственнаго комитета южнаго округа и наконецъ командира николаевской инженерной команды. Занимая эту должность, онъ, за отличіе по службѣ, получилъ чинъ полковника. 12 февраля 1842 г. Богдановъ былъ переведенъ въ полевые (нынѣ военные) инженеры, гдѣ, находясь въ должности помощника командира с.-петербургскаго инженернаго округа, а съ 15 ноября 1849 г. въ должности управляющаго этимъ округомъ, былъ произведенъ 6 декабря 1850 г., за отличіе по службѣ, въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ оренбургскаго инженернаго округа и начальникомъ инженеровъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса. Въ послѣдней должности Богдановъ находился до 1 апрѣля 1857 г., послѣ чего зачисленъ по инженерному корпусу и назначенъ членомъ общаго присутствія инженернаго департамента по искусственной части. 19 декабря 1860 г. Богдановъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уволенъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Богдановъ участвовалъ въ походахъ 1812—1815 гг. противъ французовъ и 1828—1829 гг. противъ турокъ. Умеръ въ отставкѣ.

Архивъ Главнаго Штаба.

М. Кочеринъ.

Богдановъ, *Евграфъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, вице-директоръ коммисаріатскаго департамента морского министерства. Въ 1789 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, а въ 1789 г. произведенъ въ гардемарины и плавалъ затѣмъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1793 г. получилъ чинъ мичмана, съ переводомъ въ черноморскій флотъ, гдѣ и плавалъ ежегодно. Въ 1798—1800 гг. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Франціей, въ эскадрѣ подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова. Затѣмъ Богдановъ пла-

валъ въ Балтійскомъ морѣ, командуя небольшими судами, и ходилъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ, а въ 1811 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана 2-го ранга. Въ 1825 г. онъ принятъ вновь на службу съ переименованіемъ въ чиновники 7-го класса, въ 1832 г. повышенъ въ 6-й классъ и назначенъ вице-директоромъ коммисаріатскаго департамента, въ 1841 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а 28 іюня 1844 г. уволенъ по прошенію отъ службы.

Об. мор. сп. Спб. 1840 г., т. III, 103—104.—Подлинный посл. спис. 1798 г. въ Архивѣ Морского Министерства.

Лейт. Б.

Богдановъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, генералъ-маіоръ морской артиллеріи, род. въ 1774 г., ум. 30 іюня 1831 г. Происходя изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, онъ въ 1792 г. поступилъ на службу въ морскую артиллерію канониромъ 2-й статьи, затѣмъ, пройдя постепенно «всѣми нижними чинами», былъ 20 февраля 1797 г. произведенъ въ капитаны и скоро затѣмъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-цейхмейстеру Демидову. Въ 1799 г. онъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, въ 1801—1809 гг. былъ начальникомъ артиллерійскаго класса и чертежной для обученія унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ математикѣ и другимъ артиллерійскимъ наукамъ, въ 1809 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты за изготовленіе чертежей всѣмъ употребляемымъ въ морской артиллеріи орудіямъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени (на 12-мъ году службы). Въ 1814 г. Богдановъ произведенъ въ капитаны 3-го ранга за отличное снабженіе орудіями и станками построеннаго для Государя Императора фрегата Россія. Завѣдуя кронштадтскимъ морскимъ артиллерійскимъ арсеналомъ, Богдановъ привелъ его въ большій порядокъ. Въ 1818—1824 гг., состоя начальникомъ Канонерскаго острова и находящейся на немъ артиллерійской лабораторіи, онъ руководилъ изготовленіемъ всѣхъ боевыхъ снабженій и припасовъ для нашего флота. Въ 1820 г. онъ сдѣлалъ для морскихъ укрѣпленій станокъ съ платформою на роульсахъ, по образцу котораго поставлены станки на всѣхъ морскихъ укрѣпленіяхъ въ Кронштадтѣ. Въ 1822 г. Богдановъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга артиллеріи и назначенъ командиромъ 2-й артиллерійской бригады. Въ 1823 г. онъ изобрѣлъ коронадный станокъ съ платформой, который былъ принятъ и установленъ на судахъ флота, за что и получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. Въ 1825 г. Богдановъ состоялъ присутствующимъ артиллерійской экспедиціи въ адмиралтействъ-коллегіи, въ 1829 г. назначенъ членомъ общаго присутствія артиллерійскаго департамента и командиромъ 3-й морской артиллерійской бригады, а 6 декабря того-же года произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Затѣмъ, онъ состоялъ членомъ и дѣлопроизводителемъ комитета для разсмотрѣнія и опредѣленія конструкціи пушекъ и единороговъ морской артиллеріи, въ 1828—1830 гг. исправлялъ обязанность директора артиллерійскаго департамента и бригаднаго командира, въ 1829 г. сформировалъ вновь три морскія арестантскія роты по кораблестроительной части, которыя и поступили подъ его начальство. Въ то-же время Богдановъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для наблюденія за устройствомъ конгренговыхъ ракетъ иностранца Моро и въ коммиссію по усовершенствованію крѣпостныхъ лафетовъ и орудій, отливаемыхъ «изъ новаго» металла. 6 декабря 1830 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. И. Д. Богдановъ принималъ участіе въ составленіи «Морского словаря» адмирала Шишкова.

Общій морской списокъ. Спб. 1894 г. т. VIII, 588—590.—Корпуса морской артил. ген.-м. Ив. Дмитр. Богдановъ, въ «Запискахъ, издаваемыхъ морскимъ ученымъ комитетомъ» 1832 г., т. VIII, 315—318.—Записка о упражненіи Государ. Адмиралтейскаго Департамента по научной части, въ «Запискахъ, изд. Госуд. Адм. Деп—та», 1824 г., т. VI.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Богдановъ, *Иванъ Минычъ*, генералъ-маіоръ, род. 19 іюня 1802 г., ум. 12 октября 1867 г. Происходя изъ дворянъ московской губерніи, Богдановъ получилъ образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. Начавъ службу въ бородинскомъ егерскомъ полку подпрапорщикомъ въ 1820 г., онъ въ томъ же году былъ произведенъ въ чинъ портупей-прапорщика и, по волѣ начальства, переведенъ сначала въ 28-й егерскій, затѣмъ въ московскій пѣхотный полкъ, и наконецъ, въ 1826 г., въ чинѣ подпоручика—въ астраханскій гренадерскій. Произведенный въ 1828 г. въ поручики, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Коханову 2-му и принялъ участіе въ переходѣ войскъ черезъ Борясомское ущелье въ

Азіатскую Турцію до крѣпости Ахалцыха. Въ 1830 г., находясь подъ командою генералъ-лейтенанта барона Розена, Богдановъ принималъ участіе въ движеніяхъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ и въ Кумыкскомъ владѣніи, гдѣ открылось народное волненіе. Въ перестрѣлкѣ у селенія Гимры съ кайсобулинцами Богдановъ выказалъ отличную храбрость и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость». Въ 1831 г. Богдановъ, въ отрядѣ генералъ-маіора Каханова, принималъ участіе въ походѣ къ крѣпости Бурной, которая была обложена скопищами Кази-Муллы, при чемъ находился въ огнѣ при Мусилимъ-аулѣ и при Таркахъ, а позже—при селеніи Ерпени и въ Тасилькъ-Елчи. За боевыя заслуги Богдановъ получилъ орденъ св. Анны 3-й стенени съ бантомъ. 22 августа, послѣ занятія селенія Казанища, Богдановъ, вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Каханова, двинулся къ крѣпости Дербентъ, осажденной Кази-Муллою; крѣпость была освобождена отъ блокады. Въ 1832 г. Богдановъ былъ назначенъ адъютантомъ къ смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору, князю Хованскому. Состоя въ этой должности до декабря 1836 г., Богдановъ исполнялъ различныя порученія генералъ-губернатора. Въ томъ же 1833 г. Богдановъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ съ чиномъ подпоручика, а въ 1836 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1837 г. Богдановъ былъ прикомандированъ къ штабу корпуса жандармовъ, въ которомъ и протекла его долголѣтняя служебная дѣятельность. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ ярославскому жандармскому штабъ-офицеру, въ 1842 г. произведенъ въ маіоры и посланъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ г. Тифлисъ, въ 1843 г. перемѣщенъ во владимірскую губернію. Чинъ полковника Богдановъ получилъ въ 1855 г., за отличіе по службѣ, а въ 1866 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и уволенъ отъ службы съ мундиромъ и полной пенсіей.

Архивъ Главнаго Штаба.—Словарь Леера.

Богдановъ, *Максимъ*, дьякъ. Впервые упоминается въ источникахъ подъ 1626 и 1627 гг., когда онъ, будучи подъячимъ приказа казанскаго дворца, состоялъ при объѣзжихъ головахъ въ Москвѣ. Въ 1631 г. онъ, имѣя званіе патріаршаго дьяка, участвовалъ въ пріемѣ шведскаго посольства, а въ слѣдующемъ году, въ томъ же званіи, возилъ изъ Москвы въ Смоленскъ хлѣбные запасы. Въ 1633 г. онъ сдѣланъ государевымъ дьякомъ и посаженъ въ дворцовый приказъ. Послѣднее упоминаніе о Максимѣ Богдановѣ, какъ о дьякѣ дворцоваго приказа, относится къ 1650 г.

Дворцовые разряды, I, 820; II, 212, 862.—Разрядныя книги.—Акты Археографич. Экспедиціи.—Русская Историч. Библіот., т.т. III и IX.

Богдановъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, протоіерей, ум. 20 августа 1860 г. Онъ получилъ образованіе въ московской духовной академіи и съ 1828 г. былъ въ ней баккалавромъ по каѳедрѣ греческаго языка, а въ 1832 г. опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви Николая Чудотворца, что въ Воробьинѣ, въ Москвѣ, и, кромѣ того, долгое время былъ законоучителемъ 2-й московской гимназіи. Богдановъ издалъ нѣсколько учебниковъ по Закону Божію: 1) Краткая исторія христіанской церкви, М., 1841 г. (4 изд. до 1854 г.); 2) Краткая священная исторія Ветхаго Завѣта, М., 1843 г. (17 изд. до 1869 г.); 3) Краткое объясненіе на литургію, М. 1852 г. и 4) Краткое ученіе о Богослуженіи Православной церкви. Кромѣ того, въ 1830 г. онъ перевелъ изъ твореній Іустина мученика—вторую апологію и изложеніе вѣры о православномъ исповѣданіи; изъ Григорія Нисскаго—о сотвореніи человѣка и двѣ бесѣды на слова «сотворимъ человѣка», и двадцать бесѣдъ Іоанна Златоуста.

Словари: Филарета, Геннадія, Березина, Клюшникова.—Дополн. къ словарю Толля. — «Книжн. Вѣстн.» 1860 г., № 16, стр. 185.—С. Смирновъ, Ист. москов. дух. академіи, стр. 116, 405.

Богдановъ, *Модестъ Николаевичъ*, профессоръ по каѳедрѣ зоологіи с.-петербургскаго университета, род. въ 1841 г. въ селѣ Русской Бекшанкѣ, сызранскаго у., симбирской губ., ум. 16 марта 1888 г. въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса въ симбирской гимназіи, Богдановъ, въ 1859 г. поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета въ 1864 г. Въ университетѣ, подъ руководствомъ А. М. Бутлерова, М. А. Ковальскаго и, въ особенности, профессора Эверсмана, Богдановъ запасся тѣми весьма обширными и разносторонними знаніями въ области естественно-историческихъ

наукъ, которыми онъ такъ успѣшно воспользовался впослѣдствіи при своихъ многочисленныхъ экскурсіяхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1868—1870) онъ совершилъ первое большое путешествіе по Поволжью, отъ Казани до Астрахани. Въ 1871 г. Богдановъ получилъ степень магистра зоологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ и, въ концѣ того же года, избранъ штатнымъ доцентомъ, а въ 1872 г.— хранителемъ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ. Командированный на Кавказъ Казанскимъ обществомъ естествоиспытателей, лѣтомъ 1871 г., Богдановъ совершилъ большое путешествіе, собралъ весьма обширный матеріалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заболѣлъ тяжелой формой лихорадки, послужившей причиной его болѣзненнаго состоянія впослѣдствіи и преждевременной смерти. Въ 1873 г. онъ воспользовался представившимся случаемъ посѣтить пустыни Средней Азіи и Хивинскій оазисъ, въ то время еще почти неизслѣдованные въ научномъ отношеніи; онъ принялъ участіе въ Хивинской экспедиціи, въ составѣ казалинскаго отряда. Богданову пришлось не только въ полной мѣрѣ раздѣлить тягости экспедиціи, но и принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вернувшись въ Петербургъ, въ зиму 1873—1874 гг., онъ учавствовалъ въ трудахъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, членомъ котораго состоялъ. Географическое общество исходатайствовало значительную сумму на ученую экспедицію въ Арало-Каспійскій край, подъ начальствомъ генерала Столѣтова. Въ этой экспедиціи, давшей столь богатые плоды, весьма дѣятельное участіе принималъ Богдановъ. Командированный за границу въ срединѣ семидесятыхъ годовъ министромъ народнаго просвѣщенія, Богдановъ въ теченіе полутора года работалъ въ музеяхъ Парижа, Берлина и Вѣны, преимущественно надъ коллекціями птицъ, на которыхъ всего болѣе сосредоточивалось его вниманіе. Въ 1878 г. онъ вернулся въ Петербургъ и получилъ степень доктора зоологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1880 г. Богдановъ отправился во главѣ экспедиціи, снаряженной с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей, на Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Въ 1881 г. онъ былъ избранъ экстраординарнымъ и, вслѣдъ затѣмъ, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ зоологіи при с.-петербургскомъ университетѣ, на мѣсто умершаго профессора Кесслера. Съ годами здоровье Богданова становилось все хуже; онъ принужденъ былъ отказаться отъ мѣста хранителя музея Академіи наукъ, а годъ спустя, въ концѣ 1885 г. онъ прекратилъ чтеніе лекцій и три года спустя, послѣ безплодныхъ попытокъ возстановить потерянное здоровье посредствомъ переселенія на югъ, онъ скончался. Заслуги Богданова какъ ученаго весьма значительны не только съ научной, но и съ экономической точки зрѣнія. По спеціальности зоологъ, онъ не ограничивался однимъ только изученіемъ животнаго міра, но изучалъ также и природу страны, гдѣ обитали описанныя имъ животныя. Попутно Богдановъ изслѣдовалъ черноземъ, естественныя богатства и степень возможности использованія того и другаго. Особенное практическое значеніе имѣли его прекрасныя изслѣдованія по птицеводству и рыболовству. Не менѣе цѣнны практическія указанія, данныя имъ относительно развитія земледѣлія на Аму-Дарьѣ и степнаго скотоводства. Богдановъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ русскаго общества птицеводства. Статьи его считаются образцовыми по ясности изложенія и умѣнію живо передавать явленія природы. Главные его научные труды, кромѣ зоологическихъ статей въ журналахъ, слѣдующіе: «Зоогеографическая жизнь полеваго тетерева» (Казань, 1867 г.); «Птицы и звѣри черноземной полосы» (Казань, 1871 г.); «Русскіе сорокопуты» (С.-Петербургъ, 1878 г.); «Птицы Кавказа» (С.-Петербургъ, 1879 г.); «Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизилъ-Кумъ»; «Описаніе Хивинскаго похода 1873 года» (Ташкентъ, 1882 г.); «Орнитологія Россіи» ч. I (Спб. 1885 г.); «Мірскіе захребетники» и «Изъ жизни русской природы» (послѣднія двѣ книги изданы для дѣтей). Изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія два отчета Богданова: «Отчетъ по экспедиціи въ Арало-Каспійскій край» (Труды с.-петербургскаго общества естествоиспытателей, т. VII, 1875 г.) и «Отчетъ по экспедиціи на Бѣлое море и Сѣверный океанъ» (тамъ же, т. XI, 1881 г.). Для перваго выпуска своего обширнаго классическаго труда «Русская орнитологія» Богдановъ собиралъ матеріалы въ теченіе слишкомъ двад-

цати лѣтъ; трудъ остался недоконченнымъ.

Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., апрѣль 1888 г.—Біографія М. Н. Богданова, написанная проф. Вагнеромъ въ видѣ приложенія къ книгѣ «Изъ жизни русской природы».—Энцикл. словарь Андреевскаго, т. IV, стр. 161—162. — Мат. для ист. научн. и прикладн. дѣят. въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, собр. проф. А. Богдановымъ, томъ третій (съ портретомъ М. Н. Богданова).

Богдановъ, *Петръ Ивановичъ*, магистръ философіи, преподаватель словесности въ московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, изъ духовнаго званія, род. въ 1776 г., ум. въ 1816 г. По окончаніи курса въ московской духовной академіи, онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію. Въ 1803 г. назначенъ учителемъ словесности въ московскій благородный университетскій пансіонъ; въ 1807 г. получилъ степень магистра философіи. Написалъ: «Оду на открытіе въ Москвѣ Голицынской больницы», М. 1801 г. «Краткую Логику», М., 1806, и «О происхожденіи зла»,—поэма въ трехъ пѣсняхъ, Голлера, Москва, 1798 (въ стихахъ).

Словарь Геннади.—Венгеровъ, Русскія книги.

Богдановъ, *Юрій Захаровичъ*, дворянинъ. Въ 1619 г. онъ былъ осаднымъ головою въ Воронежѣ и въ томъ же году отозванъ отсюда; въ 1624 г. онъ дневалъ на государевѣ дворѣ, а вскорѣ былъ посланъ воеводою въ Карачевъ, гдѣ, между прочимъ, занялся устройствомъ и разселеніемъ стародубскихъ выходцевъ, которымъ составилъ въ 1625 г. десятню. Отозванный изъ Карачева въ 1626 г. въ Москву, онъ былъ званъ къ царскому столу и затѣмъ, въ 1626 и 1627 гг., несъ различныя службы при дворѣ.

Дворцовые разряды, I, 617, 829.—Разрядныя книги. — Лихачевъ, Разрядные дьяки. — Русская Историч. Библіотека, т.т. IX и XVIII.

Богданъ, псковитянинъ. Въ 1471 г. онъ былъ посланъ псковичами въ Торжекъ къ великому князю Іоанну III, шедшему ратью на Новгородъ, съ вѣстью, что псковская рать идетъ на помощь москвичамъ. Въ 1473 г. онъ ѣздилъ съ псковскими посадниками въ Новгородъ для переговоровъ о мирѣ съ ливонскими нѣмцами; когда эти переговоры не привели къ желаемому результату, то псковичи послали Богдана въ Москву съ просьбою о помощи противъ ливонцевъ, и Богданъ добился отъ великаго князя благопріятнаго отвѣта. Въ 1477 г. онъ опять ѣздилъ въ Москву передать великому князю жалобы псковичей на притѣсненія со стороны псковскаго намѣстника, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго. Въ томъ-же году псковичи послали его въ Новгородъ съ предупрежденіемъ, что Іоаннъ поднимаетъ псковичей противъ новгородцевъ. Въ 1480 г. онъ снова былъ въ Москвѣ, посланный псковичами съ просьбою о помощи противъ ливонцевъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Богданъ Обакумовичъ (Аввакумовичъ), тысяцкій и посадникъ Новгорода Великаго. Въ 1385 г., онъ, будучи тысяцкимъ, стоялъ во главѣ бояръ, склонившихъ вѣче къ постановленію объ отмѣнѣ митрополичьяго суда надъ новгородцами. Въ 1391 г. онъ былъ уже посадникомъ и участвовалъ въ переговорахъ новгородскихъ пословъ съ заморскими нѣмцами въ Изборскѣ; эти переговоры закончились мирнымъ постановленіемъ. Въ 1392 г. онъ, съ своими уличанами, поставилъ каменную церковь св. Симеона на Чудинцевой улицѣ въ Новгородѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ потерялъ посадничество, но въ 1394 г. снова былъ избранъ на этотъ постъ. Въ 1397 г. онъ стоялъ во главѣ новгородскаго посольства, посланнаго къ великому князю Василію I для переговоровъ о возвратѣ захваченныхъ Василіемъ новгородскихъ волостей; это посольство успѣха не имѣло.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Богинскій, *Ѳедоръ Ѳедуловичъ*, врачъ, изъ духовнаго званія, род. въ Алатырѣ, симбирской губ., учился въ симбирской семинаріи и затѣмъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ петербургской медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1826 г. лѣкаремъ І-го отдѣленія. Въ томъ же году Богинскій поступилъ на должность мензелинскаго уѣзднаго врача въ оренбургской губ., въ 1827 г. перешелъ на ту же должность въ бугурусланскій уѣздъ, въ 1829 и 1830 гг. былъ командированъ на холеру въ Оренбургъ; въ 1831 г. онъ получилъ званіе штабъ-лекаря и занялъ должность белебейскаго уѣзднаго врача, съ 1837 г. былъ старшимъ по губерніи уѣзднымъ врачемъ, въ 1852 г. перешелъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ. Напечаталъ «Мнѣніе объ Оренбургской холерѣ» въ «Собр. Актовъ 1830 г.»

Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.

Боголѣповъ, *Василій Григорьевичъ*, актеръ и писатель (писалъ и игралъ на сценѣ подъ псевдонимомъ: «Ильменскій»), род. въ 1852 г., въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ-же 7 августа 1886 г. По окончаніи курса въ театральномъ училищѣ, Боголѣповъ началъ съ 1873 г. скитальческую жизнь провинціальнаго актера, игралъ въ Гельсингфорсѣ, Новгородѣ и др. городахъ; съ 1881 г. поселился въ Петербургѣ и сталъ писать театральныя замѣтки въ «Петербургской Газетѣ», «Новомъ Времени», «Суфлерѣ», «Театральномъ Міркѣ» и др. Съ 1884 г. состоялъ антрепренеромъ гельсингфорскаго театра.

Некрологи: въ «Новомъ Времени», «Петербургской Газетѣ» и др. (за 8 и 9 авг. 1886 г.), и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1886 г., № 10).— С. Венгеровъ, «Критико біографическій словарь».— Языковъ, «Обзоръ».

Боголѣповъ, *Дмитрій Павловичъ*, духовный писатель, род. 3 февраля 1845 г. въ семьѣ сельскаго священника московской епархіи, ум. 13 октября 1880 г. По окончаніи московской духовной академіи, Боголѣповъ былъ назначенъ преподавателемъ Св. Писанія въ московской семинаріи и оставался тамъ до самой смерти. Какъ преподаватель онъ считался однимъ изъ лучшихъ и пользовался большою любовью учащихся.—Въ 1875—76 г. Боголѣповъ издалъ встрѣченное большими похвалами «Учебное руководство къ чтенію Евангелія въ духовныхъ семинаріяхъ», въ 3-хъ выпускахъ, и вскорѣ послѣ этого—«Учебное руководство къ толковому чтенію Четвероевангелія и книги Дѣяній Апостольскихъ», выдержавшее съ 1879 до 1889 г. три изданія. Кромѣ того онъ написалъ рядъ рецензій на разныя сочиненія о Священномъ Писаніи въ «Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія» и на учебники въ «Учебно-воспитательной Библіотекѣ»; помѣстилъ много статей въ «Православномъ Обозрѣніи» и велъ внутреннее обозрѣніе въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», переименованныхъ потомъ въ «Московскія Церковныя Вѣдомости» (въ послѣднихъ ему принадлежитъ также рядъ передовыхъ статей). Наиболѣе крупныя изъ статей Боголѣпова напечатаны въ «Православномъ Обозрѣніи»: «Епархіальныя Вѣдомости, какъ органы мѣстнаго духовенства» (1876 г., № 9), «По вопросу о сліяніи общеобразовательной духовной школы съ общею гражданскою» (1876 г., № 10), «Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія» (1877 г. № 8), «Задачи воспитанія и народной школы» (1877 г. № 9), «Новый способъ доказательства достовѣрности Евангельскихъ сказаній на основаніи внутреннихъ признаковъ» (1878 г., № 1), «О новыхъ изданіяхъ по русской педагогической литературѣ» (1878 г., № 9), «Жизнь по закону внѣшняго долга и по закону нравственности христіанской» (1878 г., № 11), «О выборахъ ректоровъ въ духовныхъ семинаріяхъ» (1879 г., № 12) и др. Боголѣповъ принималъ также участіе въ составленіи воскресныхъ бесѣдъ, издававшихся Обществомъ любителей Духовнаго Просвѣщенія, и въ основаніи «Братства преподобнаго Сергія».

Некрологи: въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1880 г., № 42 и 43; въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» за 1880 г., № 285 и «Православномъ Обозрѣніи», 1880 г., № 11.—Словарь С. Венгерова.

В. Р—въ.

Боголюбовъ, *Андрей Алексѣевичъ*, врачъ, род. въ 1805 г. въ рязанской губ., ум. въ 1879 г. Съ 1825 г. онъ обучался въ московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи и еще студентомъ исполнялъ должность прозектора; въ 1829 г. онъ окончилъ курсъ съ золотой медалью и въ 1830 г. назначенъ прозекторомъ анатоміи и помощникомъ инспектора студентовъ; въ 1833 г. Боголюбовъ признанъ въ степени доктора медицины, съ того-же года былъ врачемъ архангелогородскаго полка, а въ 1835 г. назначенъ врачемъ уланскаго полка (въ Петербургѣ). Въ 1838 г. онъ поступилъ старшимъ учителемъ въ варшавскую фельдшерскую школу и ординаторомъ въ варшавскій госпиталь, въ 1846 г. сдѣланъ старшимъ ординаторомъ. Въ 1849 г. Боголюбовъ былъ главнымъ хирургомъ дѣйствующей арміи, съ 1854 г.—помощникомъ главнаго доктора варшавскаго военнаго госпиталя, съ 1861 г.—главнымъ докторомъ варшавскаго уяздовскаго госпиталя, а съ 1868 г. — военно-медицинскимъ инспекторомъ варшавскаго округа. Сочиненія его: 1) Disquisitio anatom.-pathologica in hominibus cholera morbo extinctis (вмѣстѣ съ Кикинымъ и Кудрявцевымъ). М. 1831 г. 2) Объ анкилозахъ («В.-мед. журн.», 1839 г. ч. 34).

Словарь Венгерова.—Змѣевъ, Р. врачи-писатели.

Н. К—нъ.

Боголюбовъ, *Константинъ Ивановичъ*, протоіерей, писатель, род. въ 1821 г.,

въ семьѣ священника новгородской епархіи, ум. 22 іюня 1888 г., въ С.-Петербургѣ. По окончаніи с.-петербургской духовной академіи, Боголюбовъ три года состоялъ преподавателемъ сначала въ тверской семинаріи, а потомъ въ петербургской, и въ 1838 г. былъ назначенъ баккалавромъ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи въ с.-петербургскую академію, въ которой оставался до 1851 г. Кромѣ того онъ преподавалъ Законъ Божій въ пѣвческой капеллѣ (1851—1865 гг.), въ реформатскомъ училищѣ (1859—1871 гг.) и главномъ училищѣ св. Петра (1859—1875 гг.). Въ 1842 г. Боголюбовъ принялъ священство и впослѣдствіи былъ протоіереемъ церкви св. Александра Невскаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.— Ему принадлежитъ рядъ статей догматическаго и историческаго содержанія, а также переводы изъ Іоанна Златоустаго и Ефрема Сирина, напечатанные въ «Христіанскомъ чтеніи». Въ 1860-хъ годахъ онъ завѣдывалъ изданіемъ переводовъ библейскихъ книгъ и притчей Соломона, Павскаго.

Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи» (СПБ., 1857 г.).—„Церковный Вѣстникъ", 1888 г., № 27.—Словарь Венгерова.— Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ умершихъ въ 1888 г. писателей и ученыхъ".

В. Р—въ.

Боголюбовъ, *Мелитонъ Петровичъ*, врачъ, въ 1854 г. окончилъ медицинскій курсъ въ московскомъ университетѣ со степенью лѣкаря, до 1857 г. былъ врачемъ въ имѣніяхъ гр. Бобринскаго въ епифановскомъ уѣздѣ, тульской губ., въ 1862 г. удостоенъ степени доктора медицины въ с.-петербургской медико-хирургической академіи. Въ томъ-же году Боголюбовъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ херсонскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1877 г. онъ оставленъ за штатомъ и причисленъ къ медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ.— Сочиненія его: 1) Что такое гнойное зараженіе, изъ лекцій Фирхова (Моск. Мед. Газ., 1858, № 40 и 41).—2) Гнойное воспаленіе венъ и метастатическій процессъ по Фирхову (Ibid., № 43 и 44).— 3) О возможности прервать тифъ съ анатомопатологической точки зрѣнія (Ibid. № 45, 46).—4) Фиброзная краза по целлюлярной теоріи Фирхова (Ibid. 48).— 5) Круглая язва желудка (Ibid., 1861, № 3, 5, 8).—6) Руководство къ общей патологической анатоміи Винтера, перев. съ нѣм. М. 1861.—7) Болѣзни мочеполовыхъ органовъ, Нимейера, перев. съ нѣм. М. 1861.—8) Руководство къ частной патологіи и терапіи Ф. Нимейера, пер. съ нѣм. М. 1861.—9) Отвѣтъ на библіограф. замѣтку Р. Ж. (М. Мед. Газ. 1861, № 52).—10) Монографія объ анатомопатологическомъ измѣненіи почекъ въ процессѣ паренхиматознаго воспаленія (В. Мед. Ж., 1862 г.).— 11) Разборъ обясненія А. Н. Полунина (М. М. Г. 1862 г., № 5 и 8.)—12) Разстройство пищеваренія. Абернети. Пер. съ англ. СПб. 1862.

Словарь Венгерова.—Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.

Н. К—въ.

Боголюбовъ, *Семенъ Гавриловичъ*, профессоръ с.-петербургскаго университета, род. въ 1791 г., ум. въ февралѣ 1842 г. Получивъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета, онъ въ 1806 г. поступилъ на службу въ коммиссію по составленію законовъ. Въ 1824 г. Боголюбовъ предложилъ свои услуги петербургскому университету, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ не было преподаваемо русское законовѣдѣніе. По разсмотрѣніи рукописныхъ трудовъ Боголюбова, совѣтъ университета пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ быть допущенъ къ чтенію означеннаго предмета, но только въ качествѣ преподавателя, и то послѣ пробной лекціи. Но по предложенію Рунича, Боголюбовъ былъ прямо назначенъ ординарнымъ профессоромъ русскаго гражданскаго и уголовнаго права и судопроизводства. Уволенный отъ профессуры въ 1832 г., Боголюбовъ остался на службѣ при университетѣ въ должности непремѣннаго засѣдателя правленія.

Григорьевъ, Имп. с.-петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, СПб. 1870. — Словари: Андреевскаго, Геннади и Дополн. къ Толлю.—«Сѣв. Пчела», 1842 г., № 29.

Богомоловъ, *Николай Михайловичъ*, публицистъ, род. въ 1841 г., ум. 9 января 1888 г. Богомоловъ былъ сынъ богатаго южно-русскаго откупщика, получилъ хорошее домашнее образованіе и обучался въ харьковскомъ университетѣ, но не окончивъ въ немъ курса, поступилъ учителемъ въ городское училище. Съ конца 1860-хъ годовъ онъ сталъ писать въ «Грамотеѣ», а съ начала 1870-хъ годовъ сотрудничалъ въ «Бесѣдѣ» С. Юрьева и «Голосѣ» по внутреннему и экономическому отдѣламъ.

Въ 1879 г. Богомоловъ примкнулъ къ «Русскому Курьеру» и оставался въ немъ дѣятельнымъ сотрудникомъ до разрыва редактора В. Гольцева съ издателемъ Ланинымъ; переселившись въ 1880-хъ годахъ въ Москву изъ деревни, онъ сталъ редактировать научно-популярный журналъ «Сотрудникъ Народа», переименованный потомъ въ «Сотрудникъ», но вскорѣ умеръ отъ крупознаго воспаленія легкихъ. По взглядамъ Богомоловъ былъ непреклоннымъ сторонникомъ принциповъ, вынесенныхъ имъ изъ эпохи 60-хъ годовъ. Наиболѣе крупные его труды: 1) «Очеркъ жизни и дѣятельности Іоганна Генриха Песталлоцци» (М. 1874 г., подъ псевдонимомъ «Николай Михайловъ»); 2) «Съ всероссійской художественно - промышленной выставки» (Въ «Вѣстникѣ Европы», 1882 г., № 7, 8 и 9); 3) «Сельско - хозяйственное производство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и вѣроятныя причины его успѣшнаго развитія» (въ «Русской Мысли», 1885 г., № 11 и 12) и 4) Разборъ книги А. Исаева: «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи» (въ «Критическомъ обозрѣніи», 1879 г., № 14).

„Историческій Вѣстникъ", 1888 г., № 3.—Словарь С. А. Венгерова.—«Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» (вып. VIII, 1900 г.). *В. Р—въ.*

Богомоловъ - Романовичъ, *Александръ Сафоновичъ*, академикъ по живописи пейзажной, род. въ 1830 г., ум. въ 1867 г. Онъ учился въ академіи художествъ, гдѣ въ 1853 г. получилъ вторую серебряную медаль за пейзажъ съ натуры изъ окрестностей Петербурга; въ 1854 г.— первую серебряную медаль и въ 1855 г.— вторую золотую, за видъ съ натуры въ окрестностяхъ Сердоболя. Въ 1856 г. на первую золотую медаль ему задана программа: «Видъ въ Финляндіи». Но медаль Богомоловъ получилъ 14 марта 1857 г. за «Виды (съ натуры) на островѣ Коневцѣ и въ окрестности Сердоболя». Въ томъ же году его отправили за границу на три года. Онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, гдѣ изучалъ картины лучшихъ мастеровъ и рисовалъ съ натуры; потомъ переѣхалъ въ Савойю (Мейльери) и оттуда въ Женеву. Возвратившись изъ заграницы въ 1861 г., Богомоловъ написалъ картину: «Видъ въ окрестностяхъ Ковно», за которую получилъ званіе академика. Эта картина находится въ московской галереѣ бр. Третьяковыхъ (№ 383). Всѣ его произведенія, даже этюды, набросанные на лету, отличались поэтическимъ даромъ и изящнымъ вкусомъ. Но горькая нужда заставляла его работать по мелочамъ, спѣшно, не щадя силъ. Отъ этого поэзія гасла, здоровье гибло. Художникъ получилъ чахотку и умеръ въ больницѣ.

Архивъ И. А. Х. Д. 54 (1858), Д. 162 (1861).— Петровъ, Мат. для ист. И. А. Х., III, 205, 226, 250, 266, 282, 287 и 317.—«Иллюстриров. Газета», 1867, № 35.—«С.-Петерб. Вѣдом.», 1867, № 229 (короткій некрологъ). *Е. Тарасовъ.*

Богородицкій, *Александръ Андреевичъ*, врачъ, получилъ врачебное образованіе въ московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1842 г. лѣкаремъ I отдѣленія, послѣ чего исполнялъ должность прозектора по ветеринарной каѳедрѣ. Съ 1844 г. Богородицкій былъ охотскимъ окружнымъ врачемъ (въ Камчаткѣ), въ 1855 г. назначенъ новозыбковскимъ городовымъ врачемъ въ черниговской губерніи, съ 1857 г. служилъ въ больницѣ нѣжинскихъ богоугодныхъ заведеній, съ 1859 г. былъ ординаторомъ больницы черниговскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ 1860 г. получилъ тамъ-же должность старшаго врача, а въ 1869 г. былъ назначенъ на службу въ Сосницу.—Напечаталъ: «Медико-топографическое описаніе гижигинскаго уѣзда въ Камчаткѣ», 1857.

Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели.

Богородицкій, *Анисимъ Пантелеймоновичъ*, врачъ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ съ 1794 г. обучался въ рязанской духовной семинаріи, изъ которой перешелъ въ 1801 г. въ московскую славяно-греко-латинскую академію, а потомъ въ московскій университетъ. Съ 1806 г. до 1815 г. онъ былъ учителемъ рязанской семинаріи и гимназіи, а въ 1815 г. поступилъ вольнослушателемъ на медицинскій факультетъ московскаго университета и въ 1819 г. получилъ степень лѣкаря; оставшись при университетѣ, онъ въ 1821 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1822 г. Богородицкій былъ назначенъ репетиторомъ при повивальномъ институтѣ московскаго воспитательнаго дома, а въ 1824 г. получилъ каѳедру акушерства въ Харьковѣ. Напечаталъ: 1) De hypochondriasi. М. 1821. — 2) Актовая рѣчь въ харьк. унив. 30 авг. 1825 г.: De educatione neonatorum physica. X. 1825.

Словарь Венгерова.—Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели. *Н. К—нъ.*

Богородскій, *Савва Осиповичъ*, докторъ правъ, криминалистъ, профессоръ университета св. Владиміра, род. въ 1804 г., въ с. Становѣ, мологскаго у., ярославской губ., ум. 26 ноября 1857 г. Будучи сыномъ сельскаго дьячка, Богородскій получилъ образованіе въ ярославской духовной семинаріи, а потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда, не окончивъ курса, въ 1828 г. былъ прикомандированъ, въ числѣ нѣсколькихъ лучшихъ студентовъ духовныхъ академій, для изученія законовѣдѣнія, ко II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, въ распоряженіе Сперанскаго, который имѣлъ въ виду приготовить такимъ путемъ научно образованныхъ юристовъ. Съ этою цѣлью, по ознакомленіи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ и прослушавъ курсъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ, Богородскій, въ сентябрѣ 1829 г., былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія въ Берлинъ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ слушалъ лекціи философскихъ и юридическихъ наукъ у лучшихъ профессоровъ берлинскаго университета (между прочимъ, у Савиньи). Въ бытность Богородскаго въ Берлинѣ, по его почину, исполненъ былъ русскими студентами переводъ на нѣмецкій языкъ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», тогда еще ненапечатанной въ Россіи; этотъ переводъ былъ изданъ Шнейдеромъ. О жизни нашихъ студентовъ за границей весьма любопытныя свѣдѣнія сообщены въ пространномъ письмѣ Богородскаго изъ Берлина, отъ 26 октября 1830 г., адресованномъ одному изъ его родственниковъ. Возвратившись изъ-за границы въ сентябрѣ 1832 г., Богородскій въ 1834 г. сдалъ экзаменъ на доктора правъ и защитилъ диссертацію: «О философіи уголовныхъ законовъ у древнихъ» (осталась ненапечатанною); 6 іюля 1835 г. онъ былъ назначенъ въ университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность ординарнаго профессора законовъ государственнаго благоустройства и благочинія, а въ 1836 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора по соединеннымъ каѳедрамъ законовъ благоустройства и благочинія и законовъ о финансахъ; въ 1839 г. онъ занялъ каѳедру уголовныхъ законовъ. Отличаясь обширною ученостью и высокими качествами ума, Богородскій велъ дѣло преподаванія серьезно и вполнѣ научно, сообщая слушателямъ многосороннія свѣдѣчія. Рядомъ съ профессорскою, шла административная дѣятельность Богородскаго; нѣсколько разъ онъ былъ деканомъ юридическаго факультета, три раза былъ избираемъ проректоромъ университета и, по этому званію, часто исправлялъ должность ректора, а въ 1837 г. управлялъ кіевскимъ учебнымъ округомъ. Какъ администраторъ, Богородскій оказалъ большія услуги дѣлу установленія внутренняго порядка въ университетѣ и учебномъ округѣ. Между прочимъ, онъ составилъ проектъ устройства юридическаго факультета, впослѣдствіи внесенный въ проектъ общаго устава университета св. Владиміра, Высочайше утвержденный 9 іюня 1842 г. Имъ составлены также проекты: объ устройствѣ механической школы при 2-й кіевской гимназіи и земледѣльческихъ хуторовъ, объ отмѣнѣ семестровъ въ университетахъ, о введеніи въ гимназіяхъ преподаванія сельскаго хозяйства. Затѣмъ, съ 26 декабря 1837 г. по 22 ноября 1839 г. Богородскій состоялъ цензоромъ кіевскаго цензурнаго комитета, а съ этого числа по 7 декабря 1848 г. управлялъ дирекціею кіевской 2-й гимназіи и училищъ кіевской губерніи. Въ 1854 г., по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части, Богородскій вышелъ въ отставку, но съ 30 апрѣля 1857 г., по ходатайству юридическаго факультета, совѣтомъ университета вновь былъ приглашенъ на каѳедру уголовныхъ законовъ, на которой и оставался до дня смерти. Незадолго до смерти, Богородскій представилъ въ юридическій факультетъ университета св. Владиміра свой трудъ: «Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII вѣка», въ которомъ, по отзыву факультета, «съ обширною ученостью, полнотою и глубокою основательностью изложено постепенное развитіе и современное автору состояніе уголовнаго законодательства въ Европѣ, объясненное самостоятельнымъ взглядомъ автора и теоретическими изслѣдованіями важнѣйшихъ криминалистовъ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи; это сочиненіе не только важно въ ученомъ отношеніи, но можетъ быть весьма полезнымъ для государственныхъ сановниковъ, участвующихъ законосовѣщательно въ образованіи нашего уголовнаго законодательства». По опредѣленію факультета, трудъ Богородскаго отпечатанъ на средства университета и вышелъ въ Кіевѣ въ 1862 г. Напечатана еще актовая рѣчь Богородскаго: «Объ успѣхахъ уголовнаго за-

конодательства въ Европѣ съ начала XVIII ст.» (1852).—Богородскій состоялъ (съ 1845 г.) членомъ королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

«Исторія университ. св. Владиміра» В. Шульгина. — Кистяковскій, «С. О. Богородскій и его дѣятельность» («Журналъ Мин. Юстиціи», т. XVII, ч. 2).—«Отчетъ универс. св. Владиміра» за 1858 г.—«Ярослав. Губ. Вѣдом.» 1872 г., №№ 8—10, 12, 14 и 15.—«Кіевск. Губ. Вѣдом.» 1857 г., № 48.—«Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.», 1859 г., ч. 101, № 3, стр. 145—149. — «Библіограф. Записки», томъ II, стр. 660—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, Клюшникова. — В. Григорьевъ, «СПб. Унив.» (указаніе о диссертаціи, въ приложеніяхъ). — Словарь професс. унив. св. Владиміра.—«Древн. и Нов. Россія», 1876 г. т. I и II (ст. А. Романовича-Словатинскаго: «Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванищева»).—«Русск. Вѣстникъ», 1866, № 1 (Смирновъ, «Одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго»).

Богословскій, ***Михаилъ Измаиловичъ***, докторъ богословія, протопресвитеръ московскаго Успенскаго собора, сынъ причетника, род. въ 1807 г. во Владимірѣ губернскомъ, ум. 16 января 1884 г. въ Москвѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ во владимірскомъ духовномъ училищѣ и, затѣмъ, въ семинаріи; въ 1827 г. поступилъ въ петербургскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1831 г. первымъ магистромъ, и съ 7 ноября 1831 г. назначенъ баккалавромъ академіи по каѳедрѣ греческаго языка. Въ 1833 г. Богословскій рукоположенъ во священники Благовѣщенской церкви на Васильевскомъ островѣ, въ Петербургѣ, а въ 1835 г. назначенъ настоятелемъ Екатерининской церкви Императорскаго училища правовѣдѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, законоучителемъ и преподавателемъ логики и психологіи въ училищѣ. Въ то же время продолжались занятія Богословскаго въ духовной академіи; въ 1839 г. онъ былъ избранъ членомъ академической конференціи, а съ 7 февраля 1840 г. назначенъ профессоромъ богословія, и въ этомъ званіи оставался до 1842 г. Въ 1844 г. Богословскій возведенъ въ санъ протоіерея, въ 1856 г. получилъ по училищу правовѣдѣнія званіе заслуженнаго профессора, а въ 1858 г. Св. Синодъ призналъ его достойнымъ степени доктора богословія за составленную имъ Священную Исторію Ветхаго Завѣта. Въ 1859 г. Богословскій былъ приглашенъ преподавать Законъ Божій дѣтямъ вел. князя Константина Николаевича: вел. князю Николаю Константиновичу и вел. княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ, съ которыми и занимался до 1861 г. Въ 1865 г. онъ назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флота, въ 1868 г. награжденъ митрою и палицею, а въ 1869 г.—орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1870 г., по случаю исполнившагося совершеннолѣтія вел. князя Николая Константиновича, Богословскій пожалованъ изъ Кабинета Его Величества золотымъ наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными каменьями, въ 1871 г. назначенъ настоятелемъ Архангельскаго каѳедральнаго собора въ Москвѣ, а въ 1879 г.—протопресвитеромъ Большаго Успенскаго собора и членомъ московской синодальной конторы. Въ 1881 г., по случаю 50-тилѣтняго юбилея, онъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Погребенъ Богословскій на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ петербургской и московской духовныхъ академій и общества любителей духовнаго просвѣщенія и участвовалъ во многихъ коммисіяхъ по вопросамъ духовно-учебнымъ и духовно-административнымъ (по составленію программъ и учебниковъ для духовныхъ семинарій, по пересмотру уставовъ духовныхъ учебныхъ заведеній, по разработкѣ узаконеній о правахъ православнаго духовенства, по преобразованію церковнаго суда, и др.). Въ области духовной литературы Богословскій извѣстенъ какъ авторъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. По полнотѣ содержанія, глубоко-богословскимъ взглядамъ и по строго-библейскому, ясному изложенію, названный трудъ составляетъ замѣчательное произведеніе русской церковной литературы. Затѣмъ, въ «Христ. Чтеніи» (1831—1843) Богословскій помѣстилъ рядъ переводовъ изъ твореній: Климента Александрійскаго, Меѳодія Патарскаго, Григорія Богослова, Іеронима Стридонскаго, Андрея Критскаго, Іоанна Дамаскина и Кузьмы Маіумскаго. Кромѣ того онъ участвовалъ въ синодальномъ переводѣ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ.

Чистовичъ, «Исторія пет. дух. акад.».—А. Лебедевъ, «Москов. каѳедр. Арханг. соборъ» (М., 1880 г.).—«Москов. Церковн. Вѣдом.», 1881 г., № 41, и 1884 г. №№ 4, 6 и 7.—«Владим. Епарх. Вѣдом.» 1881 г., №№ 21—23.—«Соврем. Извѣст.» 1881 г., № 267.—«Москов. Вѣдом.» 1881 г., № 275, и 1884 г., №№ 17 и 24.—«Русь» 1884 г., № 3.—«Правосл. Обозр.» 1884 г., кн. 1, стр. 208.—«Га-

вета Гатцука», 1884 г. № 3.—Словари: Березина, Дополн. къ Толлю, Д. Языкова, вып. IV (у Языкова ошибочно сказано, что Б. получилъ степень доктора богословія за Священную Исторію Новаго Завѣта).—«Рус. Стар.» 1880 г., кн. 12, стр. 1030 (Воспомин. В. В. Стасова: «Училище Правовѣдѣнія»), 1885 г., кн. 11, стр. 442—444 (Воспом. И. А. Тютчева) и 1886 г., кн. 4, стр. 206—207 (Воспомин. К. К. Арсеньева).

Богословскій, *Петръ Васильевичъ*, докторъ медицины, род. 15 іюня 1795 г. въ Екатеринбургѣ, ум. 1 мая 1853 г. Онъ получилъ среднее образованіе въ Петербургѣ, въ гимназіи, въ 1815 г. уѣхалъ въ Крымъ и жилъ тамъ уроками, въ 1817 г. получилъ мѣсто учителя математики въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Въ 1820 г. Богословскій отправился въ Берлинъ учиться врачебному искусству, въ 1824 г. выдержалъ экзаменъ на званіе лѣкаря въ петербургской медико-хирургической академіи и поѣхалъ съ больнымъ въ Висбаденъ, гдѣ готовился къ экзамену на степень доктора медицины; защитивъ 8 сентября 1826 г. диссертацію, онъ получилъ въ Берлинѣ докторскій дипломъ; 29 ноября того-же года онъ признанъ докторомъ въ петербургской медико-хирургической академіи, въ слѣдующемъ году поступилъ на службу въ Калинкинскую больницу, но въ 1828 г. былъ изъ нея уволенъ. Въ 1832 г. Богословскій принималъ участіе въ борьбѣ съ холерой, съ 1835 г. до смерти служилъ въ департаментѣ государственнаго казначейства; въ то-же время онъ былъ секретаремъ общества Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей.—Онъ напечаталъ: «Нѣчто о южномъ берегѣ Тавриды» («Сынъ Отеч.», 1817 г., № 13. Статья эта была отмѣчена критикой и признана интересной по сообщаемымъ въ ней зоологическимъ, топографическимъ и ботаническимъ свѣдѣніямъ).—«De cachexia generatim». Дисс., Берлинъ, 1826 г.—Рядъ небольшихъ статей въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара.

Змѣевъ, Р. врачи писат.—Словари: Венгерова и Геннади.—„Сѣв. Пчела", 1853 г., № 97.—Callisen, Med. Schriftst.-Lexic.—Акад. мѣсяцесл. на 1854 г. *Н. К—въ.*

Богословскій-Платоновъ, *Ипполитъ Михайловичъ*, протоіерей Троицкой, что на Арбатѣ, церкви, въ Москвѣ, сынъ московскаго священника, род. въ Москвѣ въ 1820 г., ум. тамъ-же въ ночь на 15 декабря 1870 г. Образованіе онъ получилъ въ московской духовной семинаріи и въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1844 г. первымъ магистромъ. Въ бытность студентомъ, Богословскій отличался даромъ проповѣдничества и особеннымъ расположеніемъ къ музыкѣ и пѣнію. По окончаніи курса, онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ логики и исторіи средневѣковой и новой философіи. Въ теченіе шести лѣтъ преподаванія онъ составилъ довольно полный курсъ преподаваемыхъ наукъ, который, впрочемъ, остался ненапечатаннымъ. Въ 1850 г. онъ составилъ, по порученію академическаго начальства, программу преподаванія логики въ университетахъ, въ которыхъ Высочайшимъ повелѣніемъ указано каѳедру философіи поручить законоучителямъ университетовъ. Программа была одобрена и принята къ руководству. Въ томъ же году Богословскій оставилъ службу въ академіи, съ цѣлью поступить въ священники. Въ началѣ 1851 г. митрополитъ Филаретъ назначилъ его, какъ знатока церковнаго пѣнія, членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія нотныхъ церковныхъ переложеній. Въ маѣ 1851 г. онъ рукоположенъ во священники къ Успенской, на Могильцахъ, церкви въ Москвѣ. Прекрасно излагаемыя и произносимыя поученія и благолѣпіе и стройное исполненіе церковной службы скоро стали привлекать въ храмъ Успенія тысячи молящихся, и о Богословскомъ распространилась слава, какъ о лучшемъ проповѣдникѣ и священнослужителѣ въ Москвѣ. Въ 1866 г. онъ былъ перемѣщенъ къ Троицкой, что на Арбатѣ, церкви, а въ 1868 г. назначенъ благочиннымъ Пречистенскаго собора. Дѣятельность Богословскаго не ограничивалась однимъ пастырскимъ служеніемъ. Въ годъ посвященія во священство онъ былъ избранъ въ законоучители 4-й московской гимназіи, откуда въ 1863 г. перемѣщенъ въ 1-ю. Съ 1853 г. онъ былъ приглашенъ въ законоучители Маріинско - Ермоловскаго училища, въ 1866 г., по опредѣленію Св. Синода, назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для составленія учебника церковнаго пѣнія для народныхъ школъ, съ 1867 г. состоялъ членомъ московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, въ концѣ 1868 г. утвержденъ цензоромъ по изданію «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» и, въ то же время, первымъ членомъ ко-

митета, учрежденнаго для устройства эмеритальной кассы духовенства московской епархіи. Въ началѣ 1870 г. Богословскій избранъ въ члены совѣта православнаго миссіонерскаго общества, а кромѣ того состоялъ членомъ-распорядителемъ братства св. Николая, два раза былъ избираемъ предсѣдателемъ съѣздовъ московскаго епархіальнаго духовенства, наконецъ, былъ гласнымъ думы, и въ этомъ званіи завѣдывалъ городскими училищами Москвы; кромѣ того, онъ давалъ уроки въ частныхъ домахъ. «По своему уму и образованію, по развитію эстетическаго вкуса въ области церковной музыки и церковнаго пѣнія, по своей неутомимой духовной, учебной и гражданской дѣятельности, Богословскій, по отзыву «Москов. Вѣдом.», рѣзко выдавался изъ ряда лицъ той скромной среды, въ которую былъ поставленъ.... Почти вся Москва знала и уважала его за его полезную для церкви и общества дѣятельность». Печатныхъ трудовъ послѣ Богословскаго осталось немного: въ «Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ» (1850 г., т. IX) напечатанъ отрывокъ изъ его магистерской диссертаціи—«Изъясненіе пророчества Исаіи объ избранномъ Отрокѣ Іеговы»; въ «Москвитянинѣ» (1850 г., ч. 3) помѣщена статья изъ его академическихъ лекцій — «Арабы и ихъ философія», и, затѣмъ, нѣсколько проповѣдей въ «Православномъ Обозрѣніи» (1868 г., томъ 24) и «Душеполезномъ Чтеніи» (1867 г., №№ 11 и 12).

С. Смирновъ, Исторія москов. дух. академіи.— «Моск. Вѣд.» 1870 г. № 273. — «Москов. Епарх. Вѣдом.» 1870 г. № 51.—«Современная Лѣтопись» 1871 г., № 4. — Словарь Геннадія. — Венгеровъ, Русскія книги.

Богоявленскій, *Иванъ Николаевичъ*, гебраистъ, ум. въ Москвѣ въ 1850 г. Первоначально онъ былъ преподавателемъ тверской семинаріи, откуда въ 1827 г. перешелъ въ московскую духовную академію баккалавромъ по каѳедрѣ еврейскаго языка. Въ 1833 г. онъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, оставилъ службу въ академіи, а въ 1835 г. занялъ мѣсто учителя въ рязанской гимназіи. Составленный имъ въ 1832 г., по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, еврейско-русскій словарь не былъ напечатанъ, такъ какъ болѣзнь помѣшала Богоявленскому окончательно обработать этотъ трудъ.

Смирновъ, Исторія моск. дух. академіи.—Словарь Венгерова.

Богоявленскій, *Михаилъ Максимовичъ*, директоръ с.-петербургскаго коммерческаго училища, род. 15 октября 1818 г., ум. въ 1882 г. Окончивъ курсъ наукъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ въ 1841 г., Богоявленскій былъ назначенъ учителемъ исторіи въ 1-ю московскую гимназію. Въ концѣ 1850-хъ годовъ онъ перешелъ на должность директора народныхъ училищъ могилевской губ., а въ 1861 г. переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ сначала былъ преподавателемъ исторіи въ младшемъ возрастѣ Александровскаго лицея, затѣмъ, въ 1862 г. назначенъ исправляющимъ должность директора коммерческаго училища и въ 1864 г. утвержденъ въ этой должности. Благодаря энергіи и умѣнью Богоявленскаго, училище, принятое имъ въ довольно запущенномъ видѣ, скоро стало однимъ изъ лучшихъ среднеучебныхъ заведеній, и количество учащихся въ немъ почти утроилось. — Богоявленскому принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «О преподаваніи древней исторіи» (актовая рѣчь). М. 1848.— 2) «Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова». Спб. 1855 (учебникъ).—3) «Историческій очеркъ с.-петербургскаго коммерческаго училища» (рѣчь на юбилеѣ училища). Спб. 1872.—4) «Воспоминанія о Перевлѣсскомъ» въ «Спб. Вѣдомостяхъ», 1867 г. № 28.—5) Богоявленскій доставилъ въ редакцію «Русской Старины» неизданные отрывки и варіанты къ первымъ тремъ главамъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. Эти отрывки, сообщенные Богоявленскому еще во время службы въ могилевской губ. полковникомъ Ястржембскимъ, были напечатаны въ январьской книжкѣ «Русской Старины» 1872 г. и были всѣми приняты за подлинные, но впослѣдствіи Ястржембскій самъ печатно заявилъ, что отрывки принадлежатъ не Гоголю, а поддѣланы имъ, Ястржембскимъ.

25-лѣтній юбилей Главнаго Педагогическаго Института. — Селезневъ, Историческій очеркъ И. Александр. лицея.—Словарь Венгерова.

Богоявленскій, *Николай Петровичъ*, врачъ, род. въ семьѣ священника калужской губ. въ 1843 г., ум. въ С.-Петербургѣ 20 октября 1890 г. Окончивъ курсъ медико-хирургической академіи въ 1870 г., онъ поступилъ врачемъ въ новочеркасскій полкъ, а въ 1873 г. былъ прикомандированъ къ академіи. Въ 1877 г. Богоявленскій находился при дѣйствующей арміи

въ Болгаріи и Черногоріи, а съ 1879 г. служилъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1881 г. онъ защитилъ диссертацію на степень доктора медицины: «О фармокологическомъ и клиническомъ вліяніи цвѣтовъ ландыша на сердце». Эта превосходная работа была напечатана въ «Архивѣ» Боткина (т. VII), а также выпущена и отдѣльнымъ изданіемъ (Спб., 1881). Кромѣ того, Богоявленскому принадлежать еще слѣдующія работы: «Случай инфекціонной болѣзни съ острымъ воспалительнымъ опуханіемъ правой подмышечной и паховой железъ» («Протok. Собр. Русск. Врачей» 1878—79); «Случай врожденнаго незаростанія овальнаго отверстія и пріобрѣтеннаго съуженія правой легочной артеріи» («Архивъ» Боткина, VI); «Жаропонижающее дѣйствіе хроническаго воспаленія почекъ» (ibid.).— Въ послѣдніе годы жизни Богоявленскій былъ главнымъ врачемъ общины св. Георгія и печаталъ ежегодные отчеты объ ея дѣятельности, важные для медицинской науки. Умеръ Богоявленскій, заразившись тифомъ отъ одного больного въ той же общинѣ.

Змѣевъ, Русск. врачи-писатели.—«Новое Время» 1890 г., № 5264 (статья Н. Соколова) и № 5266.— Словарь Венгерова.

Богунъ, *Иванъ*, козацкій полковникъ, прославившійся въ военныхъ дѣйствіяхъ 1651, 1653 и 1655 гг., одинъ изъ сподвижниковъ Б. Хмѣльницкаго. Отличаясь отвагой и находчивостью, Богунъ выходилъ побѣдителемъ даже при самомъ неблагопріятномъ для него стеченіи обстоятельствъ, единственно при помощи военныхъ хитростей, сбивавшихъ съ толку непріятеля. Такъ, застигнутый въ Винницѣ съ небольшимъ отрядомъ Калиновскимъ, пришедшимъ съ значительными силами, и не надѣясь отстоять городъ, Богунъ, съ цѣлью выждать подкрѣпленіе, прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: выступивши съ частью отряда противъ польскаго войска, онъ послѣ первой стычки поспѣшно отступилъ и, перешедши Бугъ, приказалъ изрубить ледъ на немъ, а затѣмъ, когда рѣка затянулась тонкимъ слоемъ льда, набросалъ соломы; бросившійся въ погоню за нимъ польскій отрядъ потерялъ множество людей (1651 г.). Запершись въ сосѣднемъ монастырѣ, Богунъ удачными вылазками привелъ польскій отрядъ въ совершенное разстройство и заставилъ отступить. Послѣ извѣстной битвы у м. Берестечка, Богунъ долѣе всѣхъ держался на своей позиціи; лишь благодаря его расторопности остатки казацкаго войска, избравшаго его своимъ начальникомъ, вмѣсто Джеджалы, были спасены отъ гибели. Въ 1653 г., когда Чарнецкій напалъ на Брацлавщину, Хмѣльницкій «виправилъ на отпоръ ему» Богуна съ 4 тыс.; Богунъ укрѣпился въ г. Монастырищѣ и съ успѣхомъ отражалъ штурмы 15-тысячнаго польскаго отряда. Въ томъ же году Богунъ, по порученію гетмана, совершилъ походъ въ Молдавію во главѣ 12 тысячнаго отряда казаковъ, для оказанія помощи господарю, низложенному по интригамъ Ракочаго. Когда Хмѣльницкій склонился на сторону Москвы, Богунъ остался въ рядахъ оппозиціи и даже былъ едва ли не во главѣ ея: по крайней мѣрѣ на чигиринской радѣ онъ въ пространной рѣчи открыто протестовалъ противъ рѣшенія гетмана. Отказъ Богуна принести присягу на вѣрность Москвѣ возбудилъ въ польскомъ правительствѣ надежду, что Богунъ останется вѣрнымъ Рѣчи Посполитой. Вслѣдствіе этихъ соображеній гетманъ Ст. Потоцкій посылалъ къ Богуну какого-то «пана Алексѣя» съ письмомъ (отъ 10 марта 1654 г.), въ которомъ приглашалъ его вступить съ этимъ посланнымъ въ переговоры. Затѣмъ Богуну отъ имени короля обѣщано было «гетманство запорожское, шляхетство и староство, которое ему въ Украинѣ полюбитца», лишь бы онъ и впредь оставался «не вяжучись при царѣ московскомъ и Хмѣльницкомъ». Но всѣ эти обѣщанія мало прельстили Богуна: онъ предпочиталъ полную свободу дѣйствій, не желая связывать себя какою-либо зависимостью ни съ Польшей, ни съ Москвой. Когда Потоцкій пошелъ въ Брацлавщину, думая соединиться съ отрядомъ Богуна, то еще по дорогѣ получилъ «первую вѣдомость», что Богунъ съ войскомъ «не кланятися ему, но битися прибѣраетъ». Дѣйствительно, подъ Уманью произошла стычка, въ которой Потоцкій, потерявши «за едну годину» до 7 тыс. войска, отступилъ «зо встидомъ». Во время военныхъ дѣйствій 1655 г. Богунъ, начальствуя тремя полками, оказывалъ Хмѣльницкому значительныя услуги. Когда поляки вызвали татаръ и позволили имъ брать ясырь, Богунъ, по распоряженію Хмѣльницкаго, разставилъ въ Кіевщинѣ по всѣмъ трак-

тамъ казаковъ и переловилъ почти всѣхъ возвращавшихся съ добычей татаръ (изъ восьми съ половиной тысячъ едва 500 татаръ ускользнули). Кромѣ военныхъ, Богунъ исполнялъ и другія порученія Хмѣльницкаго: такъ, во время осады Збаража онъ участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ Хмѣльницкимъ къ королю. Послѣ смерти Хмѣльницкаго Богунъ, недовольный избраніемъ въ гетманы его сына Юрія, перешелъ на сторону поляковъ и съ обычнымъ искусствомъ и храбростью участвовалъ въ дѣлахъ противъ Москвы. Послѣ 1663 г. извѣстія о Богунѣ прекращаются.—Лѣтописи называютъ его «справнимъ, осторожнимъ жолнѣромъ».

Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII—X.—Лѣтопись Сам. Величка, Кіевъ, 1848 г., т. I.

К. Хр.

Богуславскій, *Александръ Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1771 г., ум. 28 іюля 1831 г. Происходя изъ малороссійскаго шляхетства, Богуславскій получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1789 г. штыкъ-юнкеромъ въ бомбардирскій полкъ и, начиная съ 1791 г., впродолженіе 25 лѣтъ, за немногими перерывами, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ русской арміи. Въ 1791 г., участвуя въ войнѣ Россіи съ Турціей, Богуславскій находился въ сраженіи при Лючинѣ за Дунаемъ и за отличіе былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1792 г. онъ сражался при мѣстечкѣ Дубенкѣ, въ Польшѣ. Произведенный въ 1797 г. въ поручики, Богуславскій находился въ батальонѣ генералъ-лейтенанта Нилуса, въ которомъ послѣдовательно получилъ и дальнѣйшіе чины, до маіорскаго включительно (въ 1800 г.). Продолжая затѣмъ службу въ 8-мъ артиллерійскомъ баталіонѣ, въ 4-мъ артиллерійскомъ полку и 12-й артиллерійской бригадѣ, Богуславскій участвовалъ въ войнѣ 1805 г. и былъ въ сраженіи при Ольмюцѣ. Въ 1807 г. онъ отправился на театръ русско-турецкой войны и за отличіе въ жаркомъ дѣлѣ у селенія Одайва, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Произведенный въ 1807 г. въ подполковники, Богуславскій въ 1808 г. былъ назначенъ командиромъ 11-й артиллерійской бригады. Съ нею онъ участвовалъ въ сраженіи при деревнѣ Фрасине и въ бомбардированіи Туртукайскаго укрѣпленія. Выдающіяся боевыя заслуги доставили ему орденъ св. Анны 2-й степени. Кампанія 1810 г. снова привлекла Богуславскаго въ ряды дѣйствующей арміи. Онъ находился въ корпусѣ генералъ-лейтеннанта Засса, который 19 мая переправился черезъ Дунай и овладѣлъ Туртукаемъ. За это славное дѣло Богуславскому было объявлено Высочайшее благоволеніе. При осадѣ Рущука Богуславскій былъ раненъ въ руку во время вылазки, сдѣланной турками. За отличную храбрость, оказанную въ кампанію 1810 г., ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1811 г. Богуславскій произведенъ въ полковники и продолжалъ командовать 11-й артиллерійской бригадой и послѣ переименованія ея въ 2-ю артиллерійскую бригаду. Въ Отечественную войну Богуславскій находился въ дѣйствующей арміи. Бородинскій бой, отступленіе за Москву, сраженія при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, подъ Краснымъ, дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля — вотъ военныя дѣйствія, ближайшимъ участникомъ которыхъ былъ Богуславскій. За отличіе въ сраженіи при М. Ярославцѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Съ 1813 по 1815 г. Богуславскій находился въ рядахъ арміи, дѣствовавшей въ герцогствѣ Варшавскомъ. За боевые труды и отличія онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени съ бриллiантами. Произведенный въ 1815 г. въ чинъ генералъ-маіора, Богуславскій былъ назначенъ на должность начальника артиллеріи 5 пѣхотнаго корпуса, а въ 1826 г. — начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ Дунайскаго округа. За это время ему трижды было объявлено Высочайшее благоволеніе за отличную исправность ввѣренной ему части и пожалована (въ 1821 г.) въ аренду мыза Іостонъ въ Курляндіи. Въ 1827 г. состоялось назначеніе Богуславскаго на должность главнаго начальника горныхъ заводовъ Уральскаго хребта. Въ 1828 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени, а въ 1829 г. Богуславскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Главнаго Штаба.

Богуславскій, *Іосифъ Константинъ*, докторъ богословія, заслуженный профессоръ виленскаго университета, род. 9 декабря 1754 г., ум. въ мартѣ 1819 г. Окон-

чивъ курсъ наукъ въ общественномъ училищѣ въ Злочовѣ, харьковской губ., Богуславскій вступилъ въ орденъ піаровъ и былъ преподавателемъ въ ихъ школахъ сначала въ Междурѣчьи, волынской губ., а затѣмъ въ Варшавѣ; въ 1790 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ богословія въ виленскій университетъ, въ которомъ съ 1804 по 1812 г. состоялъ деканомъ факультета богословскихъ и нравственныхъ наукъ, а также капелланомъ. Перешедши съ разрѣшенія папы въ свѣтское духовенство, Богуславскій получилъ пробство Подберезское въ Литвѣ.—Богуславскій собралъ болѣе 200 портретовъ знаменитыхъ поляковъ и построилъ для этой коллекціи особый домъ въ Вильнѣ; но послѣ его смерти она была продана съ публичнаго торга.—Важнѣйшія сочиненія его: O doskonalem prawodawstwie, Варшава, 1786.—Życia sławnych Polaków krotko zebrane, Варшава, 1788, томъ 1-й (въ 1814 г. въ Вильнѣ второе изданіе въ двухъ томахъ; въ первомъ заключаются біографіи польскихъ государей отъ Мечислава I до Августа III, а во второмъ—біографіи замѣчательныхъ польскихъ ученыхъ, іерарховъ, министровъ и полководцевъ). — Dissertatio de necessitate studii theologici, Вильна., 1790.—Mowy i wiersze moralne, Вильна, 1801—1806 (2 т.т.).

Encyklopedyia powszechna Orgelbrand'a.—Лексиконъ Плюшара.

Богушевичъ, *Лука Павловичъ*, врачъ, ум. въ октябрѣ 1853 г. Онъ изучалъ врачебное искусство въ виленскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1812 г., съ степенью магистра медицины; 7 апрѣля того-же года онъ получилъ степень доктора медицины (тамъ-же), послѣ чего поступилъ на службу въ 19-й егерскій полкъ; въ 1814 г. Богушевичъ перешелъ въ 25-й егерскій полкъ, въ 1816 г.—въ 17-ю артиллерійскую роту, а въ 1817 г.—въ 25-ю конно-артиллерійскую роту. Въ 1819 г. онъ поступилъ въ конную № 23 батарею, съ 1820 г. былъ старшимъ лѣкаремъ 12-й артиллерійской роты, съ 1824 г. — старшимъ медикомъ 2-й драгунской дивизіи, а съ 1825 г. — старшимъ лѣкаремъ рижскаго драгунскаго полка. Въ 1827 г. онъ оставилъ службу, въ 1829 г. вновь поступилъ въ кіевскій госпиталь ординаторомъ, съ 1830 г. былъ тамъ же старшимъ лѣкаремъ. Въ 1843 г. Богушевичъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ севастопольскаго военнаго госпиталя. Ему принадлежитъ диссертація: «De urticaria», Viln. 1812.

Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.

Богушевскій, *Михаилъ Петровичъ*, врачъ, род. 11 ноября 1815 г., ум. въ 1872 г. Происходя изъ русской дворянской семьи, онъ получилъ врачебное образованіе въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ; въ 1839 г. онъ окончилъ курсъ университета лѣкаремъ и въ 1840 г. былъ назначенъ ординаторомъ въ госпиталь 8-го кавалерійскаго округа украинскихъ военныхъ поселеній, а въ 1843 г. перешелъ въ 6-й округъ. Въ 1845 г. Богушевскій получилъ въ харьковскомъ университетѣ званіе штабълѣкаря и, вернувшись на мѣсто прежняго служенія, былъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ въ 1848 г., а въ 1856 г.—главнымъ докторомъ. Съ 1858 г. онъ былъ младшимъ ординаторомъ бобруйскаго военнаго госпиталя, а затѣмъ служилъ главнымъ лѣкаремъ въ старорусскомъ военномъ госпиталѣ; въ 1862 г. онъ назначенъ дивизіоннымъ врачемъ 11-й пѣхотной дивизіи; уволенъ отъ службы въ 1871 г. (имѣлъ чинъ ст. сов.).—Богушевскій напечаталъ статью: «Электротерапія въ нервныхъ болѣзняхъ и въ параличахъ въ особенности» (В. Мед. Ж., 1862 г., ч. 84,4).

Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.

Богушевъ - Богушевскій, баронъ *Николай Казиміровичъ*, род. 6 мая 1851 г. въ имѣніи отца, Должицѣ, лужскаго уѣзда, с.-петербургской губ., ум. въ 1891 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, а потомъ въ Женевѣ, 11-ти лѣтъ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ поступилъ въ частный пансіонъ, въ 1865 г. перешелъ въ итонскую коллегію, а по окончаніи въ ней курса, слушалъ лекціи въ кембриджскомъ и оксфордскомъ университетахъ и завершилъ свое образованіе въ гейдельбергскомъ университетѣ. Во время своего пребыванія за границею онъ изучилъ классическіе и новые языки, въ томъ числѣ голландскій и испанскій. По возвращеніи въ Россію въ 1870 г., Богушевскій поступилъ на службу въ канцелярію предводителя дворянства псковскаго уѣзда, но вскорѣ перешелъ на должность секретаря въ с.-петербургскій попечительный о бѣдныхъ комитетъ при Императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ. Однако большую часть времени онъ проживалъ въ своихъ имѣ-

ніяхъ въ псковской губ. или же путешествовалъ по Россіи и за границею. Свои деревенскіе досуги Богушевскій посвящалъ изслѣдованіямъ о Россіи и ея древностяхъ (писалъ преимущественно на англійскомъ языкѣ), а также дѣятельной перепискѣ съ русскими и иностранными друзьями. Въ 1878 г. появилось наиболѣе крупное его произведеніе: «The English in Muscovy during the sixteenth century» (перепечат. изъ «Transactions of the R. Historical Society», 1878, т. VII). Изъ русскихъ статей Богушевскаго назовемъ слѣдующія: 1) «Посѣщеніе развалинъ прежняго нѣмецкаго Гостинаго двора на Завеличьи въ Псковѣ, 15 мая 1873 г.», въ «Псков. губ. вѣд.», 1873, № 36, и отд. — 2) «Историческія черты о бывшемъ рыцарскомъ замкѣ Нейгаузенѣ», ibid., 1874, №№ 6—8 и 10, и отд.—3) «Вѣсти изъ Псковскаго уѣзда. Село Паниковичи», ibid., 1874, № 41.— 4) Автобіографич. замѣтка (1874 г.) въ альбомѣ «Знакомые» Семевскаго.—5) «О Мелетовскомъ погостѣ, псковскаго уѣзда», въ Псков. губ. Вѣд., 1876, №№ 18, 19, 25, 26 и 31, и отд.—6) «О селѣ Выбутахъ (Лыбутахъ), родинѣ св. вел. княгини Ольги Россійской, логазовской волости, псковскаго уѣзда», въ Приложеніи къ II т. «Трудовъ Кіевскаго Археологич. Съѣзда», а также въ «Псков. губ. вѣдом.» 1879, № 3, и отд.—7) «Еще нѣсколько словъ насчетъ описи рукописей Псковскаго археологическаго музея», въ «Росс. Библіографіи» (Э. Гартье), 1880, № 58 (6), съ подписью «Д-ръ Нильсъ Унфридъ», обычнымъ псевдонимомъ Богушевскаго для критическихъ статей.—8) «Указаніе на нѣсколько рѣдкихъ Псковскихъ книгъ и брошюръ, находящихся въ моей библіотекѣ», ibid., 1880, №№ 75 (23) и 76 (24). Статья эта напечатана въ искаженномъ видѣ, какъ отзывается самъ Богушевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ.—9) «Описаніе Пантеона Филиповскаго по экз., находящемуся въ моей библіотекѣ» ibid., 1881, № 77 (1).— 10) «Нѣсколько словъ объ одномъ карманномъ мѣсяцесловѣ церковной печати», ibid., 1881, № 79 (3).—11) «Замѣтки о двухъ рѣдкихъ изданіяхъ», ibid., 1881, № 88 (12).— 12) «Псковская Библіографія», ibid., 1882, № 101 (1).—13) Въ словарѣ Gubernatis'а укзаано, что Богушевскій издалъ 12 ливонскихъ и псковскихъ сказокъ.—14) Библіографическій указатель сочиненій о Псковѣ и псковской губерніи остался ненапечатаннымъ, и весь матеріалъ былъ переданъ въ псковскій статистическій комитетъ. Рукопись эта, заключавшая въ себѣ около 340 названій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, носила слѣдующее заглавіе: «Опытъ библіографическаго указателя историческихъ, археологическихъ и библіографическихъ сочиненій и статей о г. Псковѣ и о псковской губерніи съ 1517 по 1875 гг.».— Библіотека Богушевскаго, описанію рѣдкостей которой онъ посвятилъ нѣсколько статей, хранилась въ селѣ Покровскомъ, псковской губ., вмѣстѣ съ собраніями автографовъ и портретовъ. Автографы собиралъ Богушевскій съ 15-лѣтняго возраста и составилъ коллекцію, стоившую до 40,000 р. Часть этихъ собраній онъ приготовлялъ къ изданію въ видѣ «Русскаго Автографическаго Альбома съ 1675 по 1875 г.». Отдѣльныя бумаги изъ этого собранія напечатаны въ «Русск. Стар.»: за 1873 г., т. VIII, помѣщены 2 письма А. В. Суворова къ гр. П. И. Панину, и письмо гр. П. И. Панина къ Д. И. Фонъ-Визину; за 1874 г., т. IX— письмо Фальконета къ герцогу д'Эгильонъ; за 1880 г., т. XXIX — замѣтка А. С. Пушкина въ альбомъ чревовѣщателя А. Ваттемара; за 1889 г., т. LXIV—два письма А. А. Бестужева: одно къ неизвѣстному лицу, другое къ М. В. Дмитревскому; за 1896 г., т. LXXXV—«Назначеніе псковскаго станціоннаго смотрителя», посланіе въ стихахъ графа Соллогуба къ графу И. М. Толстому и отвѣтъ на него.—Кромѣ того, статья V. P., «Une réhabilitation», въ «Journal de S.-Pétersb.» написана по поводу хранившагося у Богушевскаго письма Н. Б. Голицына къ Ф. Брендель, профессору лейпцигской консерваторіи. — Вся коллекція должна была, по волѣ владѣльца, поступить въ Императорскую Публичную библіотеку, но значительная часть ея сгорѣла въ 1884 г. во время пожара въ с. Покровскомъ. Впослѣдствіи Богушевскій собралъ новую значительную коллекцію автографовъ. — Богушевскій былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскихъ археологическихъ обществъ, Русскаго и Московскаго, псковскаго губернскаго статистическаго комитета и состоящей при послѣднемъ археологич. коммиссіи, почетнымъ членомъ дерптскаго университетскаго общества, великобританскаго королевскаго историч. общества, вице-президентомъ британскаго топографическаго и

каттоніанскаго обществъ, «покровителемъ» лейпцигскаго національнаге музея для изученія быта народовъ.

Переписка И. А. Голышева съ разными учеными лицами, во «Владим. губ. вѣд.» 1897 и 1898, и отд., Владиміръ. 1898.—Семевскій, «Знокомые», стр. 75, 150 и 194.—Рукописная біографія Богушевскаго, составленная г-жею М. Камбергъ (принадлеж. С. А. Венгерову). — С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, стр. 50.—«Русская Старина», 1889, ноябрь, стр. 378.—И. Василевъ, «Отъ составителя библіографическаго указателя», въ «Псков. губ. вѣдом.», 1891, № 47. — И. И. Василевъ, «Библіографическій указатель статей, относящихся къ Псковской губерніи 1517 — 1887», Псковъ, 1891.—A. de Gubernatis, «Dictionaire international des écrivains du jour».—Thompson Cooper, «The Men of the Time». X изд., стр. 125—127.—«Adressenbuch für Autographen und Porträts-sammler. 1887», стр. 64—65.—«L'amateur d'Autographes», 1889—90, №№ 400—402.

А. Э. Мальмгренъ.

Боде, *Адольфъ-Фридрихъ Карловичъ*, лѣсоводъ, род. въ 1807 г. въ Германіи, ум. 31 января 1861 г. Получивъ образованіе на родинѣ, Боде въ 1829 г. переѣхалъ въ Россію и до 1832 г. завѣдывалъ лѣсами барона Медема въ Курляндіи. Въ 1832 г. онъ получилъ казенное мѣсто инспектора по разработкѣ торфа въ Курляндіи, а въ 1835 г.—старшаго учителя лѣсныхъ наукъ въ лѣсныхъ классахъ при митавской гимназіи. Въ 1840 г. онъ занялъ мѣсто преподавателя лѣсной таксаціи, лѣсоводства и науки о государственномъ лѣсномъ хозяйствѣ въ лѣсномъ институтѣ въ Петербургѣ. Въ 1855 г. Боде вышелъ въ отставку и снова занялся частной лѣсной службой. Плохое знаніе русскаго языка мѣшало дѣлу его преподаванія, но обширныя научныя познанія дали ему возможность издать нѣсколько ученыхъ трудовъ по его спеціальности. Извѣстны его: «Handbuch zur Bewirthschaftung der Forsten in den deutshen Ostseeprovinzien Russlands», Mitau, 1840 (переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Ручная книга для хозяйственнаго обращенія съ лѣсами»), «Лѣсная технологія», и другія сочиненія и журнальныя статьи.

Словарь Венгерова.

Боде, *Левъ Карловичъ*, баронъ, оберъ-гофмейстеръ, род. въ 1787 г., ум. 28 апрѣля 1859 г. въ Москвѣ. Мѣстомъ рожденія его былъ эльзасскій городокъ Сульцъ Суфоръ, принадлежавшій его отцу, барону Карлу-Августу Боде. Во время французской революціи баронъ Карлъ Боде долженъ былъ оставить Францію и переселиться въ Германію, откуда затѣмъ, по вызову Императрицы Екатерины II, онъ переѣхалъ въ Россію со всѣмъ своимъ семействомъ. Послѣ смерти отца, баронъ Левъ Карловичъ Боде воспитывался съ 1799 г. до 1801 г. въ шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, а въ 1801 г. оставилъ корпусъ и поѣхалъ съ матерью за границу. Возвратясь въ Россію въ 1807 г., онъ 13 апрѣля былъ назначенъ портупей-юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ и черезъ мѣсяцъ принялъ участіе въ сраженіи подъ Гутштатомъ, въ которомъ выказалъ особое мужество и вынесъ на своихъ плечахъ съ поля сраженія раненаго своего полкового командира. За эти подвиги онъ былъ награжденъ серебрянымъ знакомъ Военнаго ордена по приговору роты. Послѣ сраженій подъ Зильбергомъ и Фридландомъ онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Въ кампанію 1812 г. Боде отличился подъ Старымъ Борисовымъ, гдѣ принудилъ къ сдачѣ 10000-ный корпусъ генерала Португно, и за это былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Затѣмъ Боде участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій 1813 г.; за битву подъ Дрезденомъ онъ былъ награжденъ золотой шпагой, а подъ Лейпцигомъ былъ контуженъ въ правый бокъ и правое колѣно, что не помѣшало ему совершить походъ 1814 г.; послѣ сраженія подъ Баръ-сюръ-Объ онъ былъ произведенъ въ полковники. Вернувшись въ Россію, баронъ женился на Наталіи Өедоровнѣ Колычевой и въ 1816 г. вышелъ въ отставку. Въ 1831 г. поступивъ снова на службу въ министерство Императорскаго двора, онъ былъ пожалованъ въ званіе камергера, въ 1831 г. былъ назначенъ церемоніймейстеромъ, въ 1842 г.—гофмаршаломъ и вице-президентомъ московской дворцовой конторы. Въ это же время ему былъ порученъ надзоръ за постройкой большого Кремлевскаго дворца. Въ 1849 г., когда было окончено сооруженіе дворца, Боде получилъ золотую медаль, осыпанную бриллiантами, съ надписью «благодарю», для ношенія на андреевской лентѣ, былъ пожалованъ званіемъ оберъ-гофмейстера и орденомъ св. Александра Невскаго и назначенъ президентомъ московской дворцовой конторы; въ 1856 г. онъ получилъ бриллiантовые знаки того же ордена. 17 апрѣля 1858 г. Боде, по болѣзни, вышелъ въ отставку, съ сохраненіемъ чина

оберъ-гофмейстера и съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра 1 степени.

«Моск. Вѣд.», 1859 г. № 157.

Боде-Колычевъ, *Михаилъ Львовичъ*, баронъ, археологъ, род. въ Москвѣ 17 декабря 1824 г., ум. тамъ-же 22 марта 1888 г. Младшій сынъ Льва Карловича, женатаго на Наталіи Ѳедоровнѣ Колычевой, баронъ Михаилъ Львовичъ, по смерти послѣдняго представителя рода Колычевыхъ, умершаго бездѣтнымъ, 4 октября 1876 г. получилъ разрѣшеніе принять фамилію и гербъ дворянъ Колычевыхъ и именоваться барономъ Боде-Колычевымъ. До 15 лѣтъ онъ воспитывался дома, послѣдній годъ подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Ѳед. Ив. Буслаева. Въ 1839 г. онъ поступилъ въ пажескій корпусъ; по выходѣ оттуда въ 1843 г., Боде служилъ въ придворномъ вѣдомствѣ и въ кавказскомъ комитетѣ, былъ ополченцемъ въ крымскую кампанію, а впослѣдствіи занималъ мѣсто помощника начальника оружейной палаты и былъ сначала членомъ, а послѣ и вице-президентомъ комитета по постройкѣ храма Спасителя (1865—1883). Умеръ онъ въ званіи оберъ-гофмейстера; погребенъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Лукинѣ. Археологъ и историкъ по профессіи, Боде обладалъ массою знаній по этимъ предметамъ и относился съ любовью къ избранной имъ спеціальности. Онъ собралъ въ Лукинѣ обширную коллекцію древностей и библіотеку старинныхъ рукописей и книгъ, среди которыхъ самымъ замѣчательнымъ является архивъ боярскаго рода Колычевыхъ и Колычевскій музей. Капитальный историческій трудъ его: «Боярскій родъ Колычевыхъ» (М. 1887).

Родословная книга гр. Бобринскаго.—Лихачева, Разрядные дьяки.—Словарь Венгерова.

Боденъ, *Иванъ Федоровичъ* (Иоганъ-Фридерикъ), сынъ шведскаго подданнаго, въ 1808 г. поступилъ пансіонеромъ въ академію художествъ; въ сентябрѣ 1809 г. за пейзажный рисунокъ удостоенъ 2-й серебр. медали; въ 1811 г. получилъ 2-ю золотую медаль за програму: представить приморскій городъ или селеніе вдали, а на переднемъ планѣ изобразить стадо рогатаго скота». Въ томъ же году Боденъ окончилъ академію съ аттестатомъ первой степени; 16 сентября 1821 г. онъ избранъ былъ въ академики за программу «Предмѣстье города Каменца-Подольскаго». 16 декабря 1833 г. ему дана программа на званіе профессора: «Написать видъ съ натуры въ окрестностяхъ Петербурга, съ фигурами». Въ 1838 г. Боденъ писалъ въ Крыму виды съ натуры, и академія художествъ выдала ему 1,500 руб. заимообразно, съ обязательствомъ погасить эту сумму картинами. 27 ноября 1843 г. Боденъ опредѣленъ живописцемъ и библіотекаремъ при Гатчинскомъ дворцѣ.

Архивъ И. Ак. Худ., Д. 53 (1820), Д. 96 (1821), Д. 121 (1833), Д. 76 (1838), Д. 88 (1893).—Петрова, Мат. для ист. И. А. Х., I, 519, 535, 538, 557, 564; II, 5, 149, 159 и 311. *Е. Т.*

Бодиско, *Александръ Андреевичъ*, русскій посланникъ при Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, род. 18 октября 1786 г., ум. 11 января 1854 г. Онъ началъ службу 12 апрѣля 1799 г., записанный титулярнымъ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ 1812 г. былъ посланъ курьеромъ въ Эребро къ инженеръ-генералу фонъ-Сухтелену, при которомъ затѣмъ и назначенъ состоять; въ 1813 г. онъ дважды ѣздилъ съ депешами изъ Стральзунда въ главную квартиру Императора Александра I, а въ 1814 г. вновь отправленъ изъ Киля къ Государю въ Лангръ, съ извѣстіемъ о заключеніи мира между Швеціей и Даніей; получивъ это извѣстіе, Государь пожаловалъ Бодиско орденомъ св. Анны 2-й степени. Вслѣдъ затѣмъ Бодиско ѣздилъ изъ Ганновера въ Берлинъ съ мирнымъ трактатомъ между Россіей и Даніей, послѣ чего находился опять при Сухтеленѣ, по порученію котораго былъ въ Стокгольмѣ и Парижѣ съ извѣщеніемъ объ окончаніи переговоровъ касательно Норвегіи. Въ 1817 г. онъ временно исполнялъ должность русскаго генеральнаго консула въ Стокгольмѣ, за что былъ награжденъ бриллiантовыми знаками ордена св. Анны 2-й степени, 13 августа 1818 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, 3 января 1820 г. назначенъ совѣтникомъ посольства въ Стокгольмѣ, 5 февраля 1824 г. пожалованъ въ камергеры, 5 апрѣля 1830 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, 10 апрѣля 1832 г.—чинъ дѣйств. статскаго совѣтника, а 5 декабря 1834 г.—орденъ св. Станислава 2-й степени со звѣздою; 17 января 1836 г., по случаю кончины графа Сухтелена, Бодиско былъ утвержденъ временно повѣреннымъ въ дѣлахъ при миссіи въ Стокгольмѣ, а 16 марта 1837 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-

Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. На этомъ посту онъ оставался до конца жизни, причемъ получилъ слѣдующія награды: 14 апрѣля 1840 г.—чинъ тайнаго совѣтника, 21 апрѣля 1847 г.—орденъ св. Анны 1-й степени и 24 февраля 1850 г.—орденъ св. Владиміра 2-й степени большого креста.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Бодиско, *Николай Андреевичъ*, контръ-адмиралъ, главный командиръ Свеаборгскаго порта, ум. 1 января 1815 г. Получивъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Бодиско въ 1777 г. былъ произведенъ въ мичманы, въ 1780—81 г. въ эскадрѣ контръ-адмирала Борисова перешелъ изъ Кронштадта въ Ливорно и обратно, а въ 1782—84 гг. въ эскадрѣ вице-адмирала Чичагова вновь ходилъ въ Ливорно. Въ 1786 г. Бодиско уже самъ командовалъ придворною яхтою Счастіе, а въ 1787 г. былъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе въ экспедиціи капитана Муловскаго, но, ввиду предстоявшей войны со шведами, экспедиція была отмѣнена. Въ 1788 г. Бодиско былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и, командуя транспортомъ Соколъ, былъ при флотѣ нашемъ въ Гогландскомъ сраженіи, послѣ чего принялъ въ командованіе плѣнный шведскій корабль Принцъ Густавъ и доставилъ на немъ въ Кронштадтъ плѣнныхъ. Командуя фрегатомъ Надежда Благополучія въ отрядѣ капитана 2 ранга Тревенина, Бодиско участвовалъ въ сраженіи у Гангута, а затѣмъ до поздней осени плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. 15 іюля 1789 г. онъ, въ составѣ эскадры адмирала Чичагова, участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи, 2 мая 1790 г.—въ Ревельскомъ, а 22 іюня—въ Выборгскомъ, гдѣ взялъ съ бою въ плѣнъ 4 шведскихъ канонерскихъ лодки и 2 транспорта, за что 6 іюля награжденъ орд. св. Георгія 4-го кл. Въ 1793 г., командуя фрегатомъ Венусъ, Бодиско ходилъ, по особому Высочайшему повелѣнію, въ Голландію и Англію съ графомъ д'Артуа, а въ 1795—97 гг., командуя тѣмъ-же фрегатомъ, плавалъ въ эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова у береговъ Англіи и крейсеровалъ съ англійскою эскадрою въ Нѣмецкомъ морѣ, а также участвовалъ въ Высочайшемъ смотру у Красной Горки. Въ 1798 г., командуя кораблемъ Эмгейтонъ, Бодиско крейсеровалъ у Догерорта, а 17 ноября былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и уволенъ по прошенію въ отставку, въ которой пробылъ до августа 1801 г., когда вновь поступилъ на службу и командовалъ кораблями на Ревельскомъ рейдѣ. Въ 1804 г. онъ получилъ чинъ капитанъ-командора, а въ 1808 г. произведенъ въ контръ-адмиралы. Начальствуя сухопутнымъ 2-хъ-тысячнымъ отрядомъ, посаженнымъ на зафрахтованныя купеческія суда, Бодиско пришелъ изъ Либавы и овладѣлъ островомъ Готландомъ, но скоро былъ принужденъ оставить островъ, атакованный шведскимъ отрядомъ въ 5000 человѣкъ. За эту экспедицію Бодиско былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., но потомъ былъ преданъ суду и 26 мая 1809 г. исключенъ изъ службы, «за удаленіе съ острова Готланда сухопутныхъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, и положеніе оружія безъ сопротивленія», отосланъ на жительство въ Вологду и лишенъ ордена св. Анны. 4 октября 1811 г. Бодиско былъ Всемилостивѣйше прощенъ и вновь поступилъ на службу, а 7 ноября 1812 г. былъ назначенъ главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта. 24 іюля 1814 г. онъ вновь былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.

Общій морской списокъ. Спб., ч. III, 185—187 и V, 425. — Бодиско, Андрей, «Занятіе острова Готланда Русскими въ 1808 г.» въ «Финск. Вѣст.», 1845, № 5.—«Нѣчто о Финляндіи въ 1809 г.» въ «Финск. Вѣст.», 1845 г., № 4.—Кротковъ, Повседневная запись. Спб., 1844.—Шишковъ, А., Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго въ 1788—90 гг. — Его же, Собраніе Морскихъ журналовъ или ежедневныхъ записокъ 1797 г. т. I, Спб., 1800 г. — Головачевъ, Дѣйствіе россійскаго флота въ войнѣ со Шведами. Спб., 1872 и 73 гг. — С. А. Скрягинъ, Военноморскія дѣйствія Русскаго флота сто лѣтъ назадъ. Спб., 1890 г. — Ѳ. Ф. Веселаго, Краткая Исторія Русскаго флота, в. II, Спб., 1895.—Матеріалы для Исторіи Русскаго флота, т. XIII и XIV. — «Жизнеописаніе Вас. Алек. Головина» «Мор. Сб.», 1851, № 6.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Бодуэнъ, *Жанъ-Жакъ-Стефанъ* (Baudouin), экстраординарный профессоръ французскаго языка въ московскомъ университетѣ, ум. 23 октября 1796 г. Каѳедру онъ занялъ съ 23 января 1773 г., преподавалъ этимологію, синтаксисъ и стилистику и переводилъ со студентами на французскій языкъ избранныя мѣста изъ Виргилія и Горація. Напечаталъ три торжественныя слова: 1) По случаю заключеннаго Россіею съ Оттоманскою Портою мира, произнесен-

ное 1775 г. іюля 25-го; 2) На рожденіе Е. И. В. Великаго Князя Александра Павловича, 1778 г. 23 января, и 3) Le triomphe de l'éloquence dans la faculté des arts, сказанное въ университетскомъ собраніи въ день восшествія на престолъ Екатерины II, 30 іюня 1779 г., и одно стихотвореніе: «Epithalame sur le mariage de Leurs Altesses Imperiales Monseigneur le Grand Duc de Russie Constantin Pavlovitch» (1796 г.).

Біографическій словарь професс. Москов. универс. I, 92.—Словари: Андреевскаго, Геннади, Евгенія и Снегирева.

Бодянскій, *Осипъ Максимовичъ*, одинъ изъ первыхъ представителей каѳедры славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ, род. 3 ноября 1808 г. въ мѣстечкѣ Варвѣ, лохвицкаго уѣзда, полтавской губ., ум. 6 сентября 1877 г. Какъ сынъ священнослужителя, онъ учился въ полтавской семинаріи, которая находилась въ Переяславлѣ. По свидѣтельству одного изъ его школьныхъ товарищей, Бодянскій въ семинаріи уже отличался любовью къ словеснымъ занятіямъ и игралъ въ «комедійныхъ дѣйствіяхъ» роль Наполеона. Можетъ быть, въ это же время въ немъ пробуждается интересъ къ памятникамъ малорусскаго народнаго творчества и малорусской исторіи, обнаружившійся и въ первыхъ его литературныхъ трудахъ, и въ позднѣйшихъ весьма цѣнныхъ изданіяхъ. Въ 1831 г., по окончаніи семинарскаго курса, Бодянскій былъ удостоенъ званія студента, уволенъ изъ духовнаго званія и, какъ (со словъ самого Бодянскаго) говоритъ проф. Кочубинскій, «съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ изъ далекаго Переяславля полтавскаго прибрелъ въ Москву, чтобы усѣсться за словарные фоліанты, съ трудомъ добытые изъ лавки стараго Ферапонтова на Никольской». Въ первыхъ числахъ октября по экзамену Бодянскій былъ принятъ въ число студентовъ московскаго университета, «въ такомъ возрастѣ, когда, какъ замѣчаетъ Срезневскій, другіе оканчиваютъ или уже и окончили университетское образованіе, но за то съ такими знаніями по философіи и древнимъ языкамъ, какія въ то время получали немногіе не только въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ большей части семинарій, стоявшихъ тогда въ этомъ отношеніи значительно выше свѣтскихъ, и съ такимъ навыкомъ къ терпѣливому и стойкому труду и съ такою любознательностью, что университетскіе преподаватели не могли его не отмѣтить, какъ одного изъ наиболѣе достойныхъ уваженія слушателей». Во время своего пребыванія въ университетѣ Бодянскій, по сообщенію К. С. Аксакова, сходится съ кружкомъ Станкевича, а по собственному его показанію, работаетъ подъ руководствомъ Каченовскаго и, вѣроятно, также Надеждина, въ изданіяхъ котораго рано начинается его сотрудничество, хотя первое печатное произведеніе Бодянскаго появляется въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1831 г. (въ №№ 15—16). Это былъ весьма содержательный отзывъ о сборникѣ Коллара—«Народныя спѣванки или пѣсни словаковъ въ Угріи», отзывъ, показывающій въ авторѣ уже теперь солиднаго знатока славянства. Въ томъ же году написаны Бодянскимъ четыре малороссійскихъ стихотворенія, помѣщенныя, подъ псевдонимомъ «Бода-Варвинецъ», лишь въ 1833 г. въ № 99 «Молвы», издававшейся Надеждинымъ. Какъ эти вирши («До пана здателя слухивъ», «Казацкая пѣсня», «Епитафія Богдану Хмѣльницкому» и «Сухая ложка»), такъ и написанное въ 1832 г. (напеч. въ сборникѣ Бецкаго «Молодикъ» 1843) стихотвореніе «Кирилови Разуму», особыхъ художественныхъ достоинствъ не представляютъ, хотя и отличаются недурной версификаціей. Въ 1834 г. Бодянскій окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата. Его диссертація на эту степень, напечатанная въ слѣдующемъ году въ №№ 37—39 «Сына Отечества» и въ «Сѣверномъ Архивѣ», озаглавлена: «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» и, по отзыву Котляревскаго, является «яснымъ и полнымъ выраженіемъ мнѣній тогдашней скептической школы» по данному вопросу: Бодянскій согласно съ Каченовскимъ выводитъ варяговъ изъ балтійскихъ славянъ, а Русь считаетъ турецкимъ племенемъ. Въ годъ окончанія университетскаго курса напечатаны Бодянскимъ двѣ рецензіи: въ «Телескопѣ» суровый отзывъ «о сборникѣ пословицъ В. Н. С.» (Смирницкаго), и въ «Ученыхъ Зап. Моск. Унив.» (подъ псевдонимомъ І. Мастака) сочувственная статья о малороссійскихъ повѣстяхъ Квитки-Основьяненка.

1835-й годъ надо признать важнымъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни Бодянскаго, который навсегда разстается съ беллетристическими опытами и переходитъ къ чисто научнымъ занятіямъ. Въ этомъ году

Бодянскій издаетъ отдѣльной брошюрой послѣднее свое произведеніе на малорусскомъ языкѣ. Это—«Наськы украиньскы казкы», напечатанныя подъ псевдонимомъ «запорозьця Иська Матырынкы». Всѣхъ сказокъ три («про царивъ садъ та живую супилочку», «про дурня та его коня срибка шерстынка, золота шерстынка», «про малесенькаго Ивася, змію, дочку іи Олесю та заднихъ гусенятъ»), и онѣ представляютъ собою стихотворную переработку народныхъ сказокъ, напечатанныхъ впослѣдствіи въ сборникахъ Драгоманова, Рудченка и др. Въ настоящее время «казкы» Бодянскаго почти не имѣютъ этнографическаго интереса; но за то онѣ имѣютъ немаловажное историческое значеніе какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера О. М. Бодянскаго и его учено-исторической дѣятельности, такъ и для уясненія исторической связи между явленіями украинской литературы. Онъ посвятилъ свои сказки «матери своій ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ», и въ предисловіи высказываетъ горячую любовь къ ней и ревнуетъ о ея славѣ. Отъ имени «пана-головы» авторъ спрашиваетъ въ предисловіи къ сказкамъ: «Развѣ мы не хорошо живемъ? Гдѣ найдешь столько разныхъ пѣсенъ, хватающихъ за сердце? Такую хлѣбъ-соль? Такихъ «дѣвонекъ и порубятъ»? Гдѣ столько сказокъ, присказокъ, загадокъ и всякой всячины»? Это изобиліе поэзіи заставляетъ заботиться о собираніи и сохраненіи ея произведеній, и Бодянскій обѣщаетъ когда-нибудь напечатать и другія сказки. Хотя это обѣщаніе осталось неисполненнымъ, однако, какъ говоритъ г. Петровъ, «1) примѣръ собиранія и изданія украинскихъ народныхъ сказокъ не остался безъ подражанія и вызвалъ собою дѣятельность въ этомъ родѣ Шишацкаго-Иллича, Г. Данилевскаго, П. Кулиша, П. Рудченка, М. Драгоманова и др.; 2) та же любовь къ своей матери родной, старенькой, любимой матери Украинѣ, какую высказывалъ Бодянскій при изданіи украинскихъ сказокъ, побудила его теперь обратить особенное вниманіе на малорусскія историческія произведенія стараго и въ этой сферѣ содѣйствовать развитію народнаго самосознанія».

Распрощавшись этими сказками съ беллетристикой, Бодянскій въ томъ же году, состоя учителемъ гимназіи, принимается за подготовку къ магистерскому экзамену и за диссертацію по вновь открывшейся каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. Эту каѳедру въ московскомъ университетѣ занялъ Каченовскій, «приготовленный, какъ говоритъ И. И. Срезневскій, къ новому назначенію болѣе всѣхъ своихъ товарищей и все-таки очень мало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступившій тогда въ седьмой десятокъ лѣтъ жизни. На виду у Каченовскаго, какъ будущій помощникъ его по каѳедрѣ, былъ Бодянскій, ученикъ имъ любимый и по познаніямъ, и по трудолюбію, и какъ землякъ. Каченовскій сталъ поддерживать Бодянскаго въ занятіяхъ славянскими нарѣчіями и былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для диссертаціи—если не въ частности, то по крайней мѣрѣ вообще». Въ 1836 г. Бодянскій сдалъ экзамены на магистра, а 31 мая 1837 г. защищалъ диссертацію «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого диспута такой строгій критикъ, какъ И. И. Срезневскій, далъ о книгѣ Бодянскаго слѣдующій лестный отзывъ: «Она была посвящена разработкѣ предмета въ то время совершенно новаго, можно сказать, неизвѣстнаго, имѣя передъ собою только нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ пѣсенъ русскихъ, сербскихъ, чешскихъ, словацкихъ, польскихъ, одинъ сводный сборникъ народныхъ пѣсенъ разныхъ славянъ, выданный чешскимъ поэтомъ Челяковскимъ въ подлинникѣ и въ чешскомъ переводѣ, и нѣсколько легкихъ статей о народной поэзіи, навѣянныхъ неопредѣленнымъ чувствомъ потребности уважать все народное, и болѣе ничего. Даже и позже еще долго самые страстные поклонники народной поэзіи оставались съ нею въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій, не зная, какъ взяться за дѣло, какъ за дѣло науки. Немудрено, что первый научный опытъ Бодянскаго довольно долго оставался съ значеніемъ строго ученаго разбора и рѣшенія знатока. Нельзя сказать, что онъ уже утратилъ совершенно это значеніе—если не по частнымъ выводамъ, то по способамъ ихъ достиженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ по нѣкоторымъ основнымъ убѣжденіямъ». Въ настоящее время, при полномъ почти измѣненіи методовъ изслѣдованія памятниковъ народной поэзіи, намъ, можетъ быть, придется нѣсколько понизить оцѣнку диссертаціи Бодянскаго, но все же за нею остается важная историческая заслуга перваго труда въ изслѣдованной области; а

кромѣ того для общей исторіи развитія нашей науки несомнѣнно любопытными представляются слѣдующіе тезисы Бодянскаго: «всякая поэзія, чтобы быть самостоятельною, истинною поэзіей, должна быть народною; всякая народная поэзія съ достоинствами общечеловѣческаго художества соединяетъ еще особенныя, свойственныя ей, какъ достоянію одного особеннаго народа, и выдѣляется отъ другихъ разными чертами, сводящимися въ одно цѣлое, изображающими и характеръ этой поэзіи, и характеръ народа, которому она принадлежитъ». Въ этихъ тезисахъ, къ которымъ въ наше время сдѣлано не мало дополненій сравнительнымъ изученіемъ произведеній народной словесности, нельзя не видѣть довольно яркаго отраженія популярныхъ въ 30-хъ годахъ XIX в. идей народности, представителемъ которыхъ на каѳедрѣ московскаго университета былъ, между прочимъ, Надеждинъ, и, имѣя въ виду связь съ нимъ Бодянскаго по сотрудничеству въ «Молвѣ» и «Телескопѣ», мы полагаемъ не лишеннымъ вѣроятія предположеніе о вліяніи въ этомъ случаѣ на Бодянскаго со стороны Надеждина.

Почти непосредственно за утвержденіемъ Бодянскаго въ степени магистра, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 31 августа 1837 г. Императоръ Николай I изъявилъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе Бодянскаго за границу «для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ-либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву, на два года, съ производствомъ на содержаніе за границею и проѣздъ туда и обратно 4,000 р. ассигнаціями въ годъ изъ экономическихъ суммъ университета». Говоря о посылкѣ Бодянскаго за границу, любопытно отмѣтить слѣдующее обстоятельство, указываемое А. А. Котляревскимъ: «Интересно, что выдвинуло и доставило Бодянскому каѳедру? Судя по разсказамъ современниковъ, не отвергаемыхъ и самимъ Бодянскимъ, это была критика, помѣщенная въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1837, апрѣль, кн. I) на книгу Ѳ. Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ». Статья Бодянскаго была полнѣйшимъ, остроумнѣйшимъ и убійственно-безпощаднымъ выраженіемъ отрицательнаго взгляда на направленіе Булгарина со стороны науки и литературной критики». Эта-то статья, произведшая сильное впечатлѣніе въ обществѣ, и обратила на Бодянскаго вниманіе попечителя московскаго университета, гр. Строганова. Въ свою командировку Бодянскій отправился черезъ 1½ мѣсяца, но пробылъ за границей, частью по ученымъ занятіямъ, частью по болѣзни, сверхъ предположеннаго срока около 3 лѣтъ. Въ теченіе этихъ своихъ продолжительныхъ странствованій Бодянскій посѣтилъ большую часть славянскихъ земель Австріи и Пруссіи, болѣе всего работая въ библіотекахъ чешскихъ и моравскихъ. Неоцѣненнымъ помощникомъ и руководителемъ Бодянскаго въ занятіяхъ былъ знаменитый Шафарикъ, къ которому направилъ Бодянскаго Погодинъ. Съ первой же встрѣчи между Бодянскимъ и Шафарикомъ установились наилучшія отношенія, такъ что черезъ 3 мѣсяца по пріѣздѣ въ Прагу Бодянскій писалъ Погодину: «Шафарикъ для меня—цѣлая академія, ему я болѣе всѣхъ обязанъ и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Конечно, есть здѣсь и другіе умные, ученые и заслуженные чехи, но они большею частью занимаются одной какой-нибудь отраслью; напротивъ Шафарикъ равносиленъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины: это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать, и когда помыслю, чего это стоило ему при такихъ крутыхъ обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь. Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія я нигдѣ еще не встрѣчалъ». Огромный, энциклопедическій запасъ знаній Шафарика, конечно, былъ кладомъ для будущаго основателя славистики въ Россіи, и при такомъ руководительствѣ, при своей энергіи и при своемъ поразительномъ умѣніи работать, Бодянскій уже въ первый годъ пребыванія въ славянскихъ земляхъ достигъ весьма плодотворныхъ результатовъ. Въ своемъ годовомъ отчетѣ министерству народнаго просвѣщенія онъ писалъ, что за это время «кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой чешской, польской, словацкой и сербской, онъ успѣлъ усвоить себѣ и языки этихъ четырехъ соплеменныхъ намъ на-

родовъ». Далѣе это живое изученіе языковъ и литературъ расширялось, а параллельно шла работа надъ рукописными текстами. Подъ конецъ пребыванія за границей, въ 1842 г. Бодянскій встрѣтился въ Бреславлѣ съ И. И. Срезневскимъ, который сообщаетъ слѣдующія подробности: «Здѣсь, почти въ концѣ лѣта, подъ самый конецъ путешествія, мы сошлись съ нимъ, когда и онъ, и я передъ возвратомъ на родину имѣли въ виду только нѣкоторыя изъ польскихъ мѣстностей. Вмѣстѣ мы поѣхали въ Познань и потомъ въ Варшаву, вмѣстѣ пріѣхали и въ Вильну, откуда онъ направился въ Москву, а я, желая хоть нѣсколько ознакомиться съ бѣлоруссами, поѣхалъ на югъ. Жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работали въ Познани; а въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, живя стѣна объ стѣну, видались очень часто. Вездѣ, гдѣ мы останавливались, онъ находилъ себѣ работу и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно занимался онъ выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что онъ выписывалъ, я большею частію не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось—для чего онъ дѣлалъ выписки, хотя едва-ли и доселѣ не осталось многое, имъ выписанное, безъ употребленія».

Въ 1842 г. Бодянскій вернулся въ московскій университетъ, въ которомъ каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, послѣ Каченовскаго, скончавшагося за 4 мѣсяца передъ этимъ, оставалась вакантною. Поэтому 29 октября того же года Бодянскій былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Одновременно съ этимъ начали свои чтенія В. И. Григоровичъ въ Казани и Срезневскій въ Петербургѣ. Послѣдній такъ изображаетъ положеніе этихъ піонеровъ славяновѣдѣнія въ Россіи: «Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки новой не только для Россіи, но и вообще науки, по которой нельзя было университетскому преподавателю отвѣчать на неизбѣжный въ то время вопросъ: «какихъ руководствъ придерживается онъ въ изложеніи предмета». Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-славянскихъ литературъ; но какъ, въ какой степени, это оставалось на рѣшеніе доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ преподавателямъ находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи славянъ, и этнографическому обзору славянскаго племени, и славянскимъ древностямъ, и грамматикѣ древняго церковнаго славянскаго языка и т. д. Министерство народнаго просвѣщенія не посылало отъ себя преподавателямъ никакихъ наставленій, какъ бы предоставляя выработать содержаніе преподаваемой новой науки самимъ преподавателямъ. Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ изъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣдѣнія всѣмъ другимъ; но и этого дѣлано не было».

Свѣдѣнія о курсахъ, читавшихся въ московскомъ университетѣ Бодянскимъ, отличаются отрывочностью, и во всякомъ случаѣ мы можемъ предполагать, что цѣльнаго, систематичнаго обзора своей науки онъ не давалъ слушателямъ и, повидимому, большое вниманіе обращалъ на практическія занятія. «Такъ, между прочимъ, говоритъ Срезневскій, сдѣлалось извѣстно, что, начиная съ перваго года преподаванія, проф. Бодянскій постоянно посвящалъ часть своихъ изложеній объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій сербскаго, чешскаго и польскаго, и что эти чтенія, при постоянномъ участіи самихъ слушателей, были самыя полезныя. Еще извѣстно, что въ кругъ его преподаванія входили, кромѣ славянскаго народоописанія по книжкѣ П. Шафарика, самимъ Бодянскимъ переведенной и изданной, разныя части исторіи литературы сербской, чешской и польской, части политической исторіи славянъ, части общесравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, что всѣ или почти всѣ эти части преподаванія излагались проф. Бодянскимъ очень подробно и, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, совершенно самостоятельно. Извѣстно также, что проф. Бодянскій усердно помогалъ заниматься изученіемъ славянства тѣмъ изъ своихъ слушателей-студентовъ и окончившихъ студентскіе курсы, которые избирали славянство главнымъ предметомъ своихъ занятій, руководилъ ихъ учеными трудами и т. д.». Кромѣ этого свидѣтельства, мы имѣемъ о курсахъ Бодянскаго

сообщенія чешскаго поэта Гавличка, присутствовавшаго на экзаменѣ 1843 г., и ученика Бодянскаго, извѣстнаго слависта М. С. Дринова, и по этимъ сообщеніямъ мы можемъ заключать о практическомъ по преимуществу характерѣ чтеній Бодянскаго, который избиралъ часто какой-нибудь спеціальный отдѣлъ курса или какой-нибудь отдѣльный литературный памятникъ для объяснительнаго чтенія и такимъ образомъ вводилъ своихъ учениковъ въ самую сущность научнаго метода.

Рядомъ съ профессорскими занятіями шли и литературныя работы, которыя не прерывались и во время пребыванія Бодянскаго въ славянскихъ земляхъ, когда были напечатаны изслѣдованія: «О древнемъ языкѣ южныхъ и сѣверныхъ Руссовъ» (Уч. Зап. Моск. унив. 1839 г., № 3) и «О древнѣйшихъ свидѣтельствахъ, что церковный языкъ есть славяно-болгарскій» (Журн. М. Нар. Пр. 1840, № 6). Особенно важно первое изъ этихъ изслѣдованій, въ которомъ, какъ указалъ Котляревскій, «едва-ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и сравнительной славянской грамматикѣ. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже тогда были запоздалыми, напр., утвержденіе, что древне-церковно-славянскій языкъ— отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ; не видно также знакомства Бодянскаго съ сочиненіями Востокова; но много въ статьѣ угадано вѣрно». Литературные труды по возвращеніи изъ-за границы иногда стоятъ въ связи съ университетскимъ преподаваніемъ, такъ какъ Бодянскій даетъ въ переводахъ своимъ слушателямъ главныя пособія къ читаемому курсу: таковы переводы «Славянскаго народоописанія» Шафарика (напеч. въ «Москвитянинѣ» 1843 г. и отдѣльно) и его же «Славянскихъ древностей» (первое изданіе 3-хъ книгъ вышло въ 1837—38 гг., второе, полное, напечатано въ 1848 г.); для той же цѣли могъ предназначаться и переводъ «Критико-исторической повѣсти временныхъ лѣтъ Галицкой Руси» Зубрицкаго, изданный въ 1845 г., а также и нѣкоторыхъ небольшихъ статей Шафарика и Палацкаго. Кромѣ этого литературная работа Бодянскаго особенно обращается на изданіе памятниковъ славянской старины, и въ этомъ направленіи онъ получаетъ полную возможность дѣйствовать со времени избранія въ секретари Общества исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ (6 февраля 1845 г.). Бодянскій начинаетъ новое періодическое изданіе Общества, знаменитыя «Чтенія»; до іюня 1848 г. выпущено 23 книги «Чтеній» подъ редакціей Бодянскаго, и въ нихъ уже съ первой книги помѣщаются матеріалы, собранные Бодянскимъ. Еще въ 1842 г. онъ прочелъ въ Обществѣ рефератъ подъ заглавіемъ «О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ», въ которомъ сообщилъ о найденныхъ имъ памятникахъ, относящихся «къ исторіи и древностямъ русскаго народа, особенно письменнымъ, зашедшимъ туда какимъ-нибудь случаемъ». Въ 1846 г. этотъ рефератъ напечатанъ и въ немъ приведены слѣдующіе документы: 1) Сказаніе о Петрѣ Медвѣдкѣ, Москалѣ (о самозванцѣ 1607 г.), 2) Лѣтописецъ великаго княжества Литовскаго и Житомірскаго, 3) Позовъ одному русскому секты епикуровой (1591), 4) посланіе митр. Исидора къ холмскимъ жителямъ 1439 г., 5) Переводъ 50 протестантскихъ духовныхъ пѣсенъ на русскій языкъ XVII в., 6) Письмо Петра В. къ канцлеру великаго княжества Литовскаго, 7) Изъ повѣсти о королѣ Маркѣ, 8) Исторія о княжати Гвидонѣ, 9) Исторія объ Атилѣ королѣ угорскомъ, 10) Разговоръ поляка съ Москвою 1601 г., 11) Пѣснь польская о Москвѣ 1609 г. и 12) Условія Сигизмунда III Лжедимитрію. Послѣ этого печатается множество другихъ весьма важныхъ документовъ и литературныхъ произведеній, изъ которыхъ упомянемъ слѣдующія: «Прѣніе митр. Даніила съ Максимомъ Грекомъ», «Прѣніе Даніила со старцемъ Вассіаномъ», «Паралипоменъ Зонары», «Написаніе Георгія Скрипицы о вдовствующихъ попѣхъ», «Граматично исказанье» Юрія Крижанича, «Лѣтопись Пустынскаго монастыря». Всѣ эти памятники сопровождаются болѣе или менѣе обширными предисловіями самого редактора.

Однако эта энергичная работа была на время прервана. Въ іюньской книгѣ «Чтеній» 1848 г. Бодянскій напечаталъ извѣстное сочиненіе Флетчера о Россіи времени Іоанна Грознаго, и за это постигла кара и его, и самое изданіе: «Чтенія» прекратились, а Бодянскій былъ уволенъ и отъ секретарства, и отъ профессуры въ московскомъ университетѣ; назначенный въ Казань, онъ не поѣхалъ и былъ уволенъ

отъ службы 2 января 1849 г., безъ награжденія чиномъ, но съ 22 декабря того же года опредѣленъ по прежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго университета. Послѣ этихъ событій до 1855 г. Бодянскій ничего не издаетъ, и только въ этомъ году выходитъ его докторская диссертація «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». Котляревскій сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности о появленіи этой книги: «Въ 1855 г. приходилось праздновать юбилей московскаго университета; Шевыревъ, руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе—основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній—московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи по вопросу о письменахъ Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 г., то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено, и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и только это обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился». Сочиненіе Бодянскаго, состоящее изъ четырехъ главъ, даетъ критическій обзоръ всѣхъ источниковъ по разбираемому вопросу и мнѣній различныхъ ученыхъ и рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что славянскія письмена составлены въ 862 г. въ Царьградѣ Кирилломъ Философомъ. Это и до сихъ поръ не устарѣвшее изслѣдованіе можетъ считаться образцовымъ по методу, приведшему къ очень прочному выводу. Дополненіемъ къ этой диссертаціи можетъ служить критическая статья Бодянскаго о сочиненіи П. А. Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, напечатанная въ «Седьмомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ» (1864 г.).

Съ 1858 г. Бодянскій снова становится секретаремъ Общества исторіи и древностей и возобновляетъ «Чтенія», редактированіе которыхъ продолжаетъ уже до своей кончины. Работа идетъ съ прежнею неослабною энергіей, и благодаря Бодянскому «Чтенія» становятся такимъ важнымъ собраніемъ историческаго матеріала, что безъ нихъ не можетъ обойтись почти ни одинъ изслѣдователь русской исторіи, литературы, права, культуры. Огромное большинство матеріаловъ сообщается самимъ редакторомъ, и подробный ихъ перечень можно найти въ статьяхъ И. И. Срезневскаго и проф. Н. Ѳ. Сумцова, посвященныхъ памяти Бодянскаго. Назовемъ только нѣкоторыя, наиболѣе крупныя изъ этихъ изданій: это—Житія Ѳеодосія Печерскаго, Бориса и Глѣба, Ѳеодосія Терновскаго, Журналъ военныхъ дѣйствій Кречетникова, Сборникъ пѣсенъ Головацкаго, Изборникъ Святослава, Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго, Богословіе Іоанна Дамаскина. Послѣднія изданія, подготовленныя Бодянскимъ, вышли уже послѣ его смерти.

Въ 1868 г. прекратилась профессорская дѣятельность Бодянскаго: онъ былъ по выслугѣ 25-лѣтія забаллотированъ. Разъясненіе этого страннаго факта можно найти въ статьѣ Бодянскаго: «Трилогія на трилогію» (объ университетскомъ уставѣ 1863 г.), напечатанной въ «Чтеніяхъ» 1873 г. кн. I, направленной противъ Каткова и Леонтьева и представляющей собою яркую и рѣзкую защиту коллегіальной жизни университетовъ. «Немного, говоритъ Срезневскій, было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій; нельзя не признавать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей».

Срезневскій, На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. Спб. 1878.—Біографическій словарь профессоровъ Моск. унив. М. 1855.—Аксаковъ, К. С. (День, 1862 г. № 39—40).—Котляревскій, Сочиненія, т. II. Спб. 1889.—Критико-біографич. словарь Венгерова (статья Н. Ѳ. Сумцова.—Кочубинскій, О. М. Бодянскій (Слав. Обозрѣніе, 1892 г.).—Его же, Итоги славянской и русской филологіи. Одесса. 1882.—Титовъ, Письма Бодянскаго къ отцу (Чтенія, 1893).—Кочубинскій, О. М. Бодянскій въ его дневникѣ (Ист. Вѣстн. 1887).—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX в. Кіевъ. 1884.—«Русская Старина» 1879 (статьи М. И. Семевскаго, Нила Попова и кн. Голицына). *А. Бороздинъ.*

Бодянскій, *Павелъ Ильичъ*, редакторъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и членъ полтавскаго губернскаго статистическаго комитета, ум. 29 мая 1867 г. Происходя изъ духовнаго званія, уроженецъ полтавской губерніи, Бодянскій образованіе получилъ въ переяславской духовной семинаріи. По окончаніи курса въ ней въ 1830 г., онъ получилъ мѣсто уѣзднаго учителя въ Кременчугѣ, затѣмъ перемѣщенъ былъ учителемъ математики въ полтавскую гимназію и преподавалъ математику и

русскій языкъ въ полтавскомъ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ и въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ послѣднемъ въ теченіе трехъ лѣтъ онъ занималъ должность инспектора классовъ. Передъ поступленіемъ на должность инспектора классовъ кадетскаго курпуса, Бодянскій состоялъ около четырехъ лѣтъ въ отставкѣ и въ это время служилъ, по выборамъ отъ дворянства, членомъ строительной коммисіи. Одновременно съ педагогическою дѣятельностью, Бодянскій въ теченіе 25-ти лѣтъ, начиная съ 1842 г., былъ постояннымъ редакторомъ неоффиціальной части «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе 15 лѣтъ членомъ полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Рѣдкій знатокъ края, обладая обширными статистическими свѣдѣніями, Бодянскій оставилъ замѣчательный трудъ своей дѣятельности по статистическому комитету въ «Памятной книжкѣ полтавской губерніи за 1865-й годъ», обратившей вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ полнотою историческихъ и статистическихъ свѣдѣній относительно гор. Полтавы и полтавской губерніи.

«Полтав. Губ. Вѣдом.», 1867 г., № 41 (некрологъ).—«Полтав. Епарх. Вѣдом.», 1867 г., № 12 (перепечатано изъ «Губ. Вѣдом.» съ сокращеніями).

Боергаве-Кау, *Германъ*, докторъ медицины, род. 27 сентября 1705 г., умеръ 7 октября 1753 г. Уроженецъ Гаги, сынъ извѣстнаго доктора Іакова Кау, онъ получилъ медицинское образованіе въ лейденскомъ университетѣ, отъ котораго и удостоенъ былъ въ 1729 г. степени доктора медицины, по защитѣ диссертаціи «De argento vivo». Любимецъ своего знаменитаго дяди по матери, Германа Боергаве, профессора химіи и медицины и ректора лейденскаго университета, Германъ Кау, по смерти дяди (26 сентября 1738 г.), унаслѣдовалъ по его завѣщанію европейски прославленную фамилію Боергаве. Въ Россію Германъ Кау былъ вызванъ изъ уваженія къ знаменитому Боергаве, по рекомендаціи лейбъ-медика Рибейра Санхеца, архіатеромъ Фишеромъ, срокомъ на 4 года, на правахъ гофъ-медика, въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны, причемъ въ указѣ, данномъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду отъ 18 августа 1741 г., повелѣно было Герману Кау на проѣздъ выдать 1,500 голландскихъ гульденовъ, а жалованіе ему назначено по 200 р. въ годъ (или по 500 гол. гульденовъ), кромѣ довольствованія отъ двора столомъ, квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ и каретою съ лошадьми. Хотя, согласно сдѣланному съ нимъ контракту, Кау долженъ былъ выѣхать изъ Голландіи чрезъ мѣсяцъ по заключеніи договора, но государственный переворотъ, совершившійся тѣмъ временемъ въ Россіи, замедлилъ прибытіе гофъ-медика. Но такъ какъ противъ Кау никакихъ предубѣжденій не имѣли ни Императрица Елизавета, ни лейбъ-медикъ графъ Лестокъ, то онъ въ апрѣлѣ 1742 г. явился въ Петербургъ и тогда же былъ отправленъ въ Москву на коронацію. Принятый благосклонно, новый гофъ-медикъ съумѣлъ снискать расположеніе Государыни, которая въ 1744 г. пожаловала его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, причемъ жалованіе его увеличилось до 3,000 р. въ годъ. Послѣ паденія Лестока, 6 декабря 1748 г. Императрица именнымъ указомъ опредѣлила Боергаве «первымъ лейбъ-медикусомъ и главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ въ имперіи», съ производствомъ его въ чинъ тайнаго совѣтника и назначеніемъ жалованія по 7,000 р. въ годъ, сверхъ прочаго отъ двора довольствія, причемъ «онъ въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи состоять и прямо отъ Е. И. В. повелѣній зависить имѣетъ». Безотлучно находясь при дворѣ, по званію лейбъ-медика, и сопутствуя Императрицѣ во всѣхъ ея переѣздахъ, Боергаве снискалъ полное благоволеніе Государыни, а когда, въ 1751 г., самъ опасно занемогъ, то былъ неоднократно удостоиваемъ посѣщеніями Императрицы. Ученый и искусный практическій врачъ, скромный и привѣтливый въ обхожденіи, Боергаве въ русскомъ аристократическомъ обществѣ снискалъ большое довѣріе и, по удостовѣренію ак. Штелина, одно уже его присутствіе у одра больнаго оказывалось равносильно наилучшему лѣкарству. При всемъ томъ Кау оказался далеко не образцовымъ администраторомъ: поглощенный придворною службою, онъ не имѣлъ времени заниматься медицинскимъ вѣдомствомъ и ввѣрилъ петербургскую медицинскую контору назначенному ему на помощь Якову Гриву, со званіемъ medicus consiliarius, а 13 августа 1751 г. испросилъ для управленія дѣлами меди-

цинской канцеляріи назначеніе себѣ второго еще помощника, въ лицѣ московскаго штадсъ-физикуса, Іоганна-Якоба Лерхе. Выборъ Грива и Лерхе оказался весьма мало удачнымъ, медицинская часть стала приходить въ упадокъ, помощники его свалили всѣ дѣла на руки секретарямъ медицинскихъ конторъ, и по утвержденію пр. Чистовича, распорядки эти привели къ огульному лихоимству. Боергаве скончался во время пребыванія двора въ Москвѣ, и тѣло его, по именному указу отъ 11 октября 1755 г., положено было въ склепъ при старой голландской церкви, а для погребенія на московскомъ лютеранскомъ кладбищѣ пересено лишь 20 мая 1815 г.

По смерти Боергаве и зятя его, лейбъ-медика Крузе, не успѣвшаго разобрать многочисленныя рукописи своего тестя, въ числѣ которыхъ находились и письма его знаменитаго дяди, всѣ эти манускрипты, вмѣстѣ съ рисунками и библіотекою Боергаве, согласно рескрипту Императора Павла отъ 20 декабря 1799 г., повелѣно было принять въ медицинскую коллегію, откуда впослѣдствіи они были переданы въ библіотеку с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, М. 1820, Ч. III, стр. 440—444.—Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. 1883. CVIII—CX.—Пекарскій, Исторія Имп. Академіи наукъ, стр. 51, 52, 471.— Словари: Плюшара, Старчевскаго и Эфронъ-Брокгауза.—«Иллюстрированная Газета» за 1870 г. Т. XXVI, № 33, стр. 117—118. *В. Штейнъ.*

Божеряновъ, *Николай Николаевичъ*, генералъ-маіоръ корпуса инженеръ-механиковъ, членъ ученаго комитета морскихъ учебныхъ заведеній, писатель, род. въ 1811 г., ум. 10 ноября 1876 г. Онъ обучался въ училищѣ корабельной архитектуры, а, послѣ его расформированія, въ кондукторской ротѣ морского учебно-рабочаго экипажа, гдѣ въ 1830 г. окончилъ курсъ первымъ и былъ произведенъ въ прапорщики съ прикомандированіемъ къ тому же экипажу, для преподаванія воспитанникамъ кондукторскихъ ротъ математики и механики, что было тогда весьма нелегко, по отсутствію учебниковъ механики. Однако дѣло шло у Божерянова блестяще, и въ 1838 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора кондукторскихъ ротъ, а въ 1857 г., имѣя чинъ подполковника, инспекторомъ классовъ инженерно-артиллерійскаго училища морского вѣдомства. Въ 1862 г. онъ былъ назначенъ членомъ учебнаго совѣта академическаго курса морскихъ наукъ, въ 1866 г. переведенъ въ корпусъ инженеръ-механиковъ, съ оставленіемъ въ должности инспектора классовъ, въ 1867 г. произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры, въ 1872 г. назначенъ членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній и въ 1875 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Сочиненія Божерянова: «Описаніе американской плавучей батареи» въ «Мор. Сб.», 1855, № 1.—«Описаніе изображенія и постепеннаго усовершенствованія паровыхъ машинъ». Спб., 1842.—«Теорія паровыхъ машинъ съ приложеніемъ подробнаго описанія машины двойного дѣйствія по системѣ Ватта и Больтона». Спб., 1849. Книга эта собственно есть 2-я часть предъидущей, хотя издана отдѣльно; она была удостоена половинной Демидовской преміи.

Общій морской списокъ, ч. IX, 256—257.— А. И Пароменскій, Историческій очеркъ морского инженернаго училища Императора Николая I, вып. II. Спб., 1900 г.—Словари: Леера, Березина, Эфрона, Венгерова. *П. Билясевичъ.*

Божуковъ, *Николай Ивановичъ*, врачъ, сынъ оберъ-офицера, род. въ 1827 г., ум. въ 1854 г.; среднее образованіе онъ получилъ въ тверской гимназіи, а высшее— въ московскомъ университетѣ, въ которомъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ; въ 1849 г. онъ окончилъ курсъ университета съ званіемъ «лѣкаря съ отличіемъ» и былъ назначенъ на службу въ варшавскій военный госпиталь, въ 1850 г. перешелъ въ 3-й стрѣлковый баталіонъ; въ томъ же году медицинскій совѣтъ Царства Польскаго призналъ его докторомъ медицины. Напечаталъ статью: «Рожалица, перешедшая въ омертвеніе» (Др. Здр., 1852, 28).

Змѣевъ, Р. вр. писат.—«В. Мед. Ж.», 1854 г., ч. 64, 2. *Н. К—къ.*

Бозіо, *Анджіолина-Ксинда-Велокія*, знаменитая пѣвица, род. въ 1830 г., ум. 13 апрѣля 1859 г. Уроженка г. Турина, Бозіо принадлежала къ семьѣ драматическихъ актеровъ, воспитывалась въ Миланѣ, тамъ же получила музыкальное образованіе и 16 лѣтъ отъ роду (въ іюлѣ 1846 г.) дебютировала въ Вердіевской оперѣ «I due Foscari» съ выдающимся успѣхомъ. Ангажированная послѣдовательно на сцену въ Веронѣ, Копенгагенѣ, Мадритѣ, Парижѣ и Лондонѣ, Бозіо упро-

чила за собою репутацію первостепенной исполнительницы въ рядѣ Россиніевскихъ, по преимуществу, оперъ. Въ 1856 г. она была приглашена въ Петербургъ, и здѣсь пѣла въ теченіе четырехъ лѣтъ. Выступивъ для перваго дебюта въ партіи Джильды (въ Риголетто), Бозіо съ большимъ успѣхомъ пѣла въ «Пуританахъ», «Севильскомъ цирюльникѣ», «Донъ-Пасквале», «Трубадурѣ», «Фра-Дьяволо», «Сѣверной звѣздѣ» и рѣшительный фуроръ вызвала несравненнымъ выполненіемъ—и съ вокальной, съ драматической стороны — заглавной партіи въ только что тогда написанной «Травіатѣ». Въ концѣ сезона 1858—59 г. Бозіо предприняла поѣздку въ Москву и пѣла здѣсь въ трехъ концертахъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ, откуда пѣвица собиралась въ ближайшіе же дни отправиться въ Парижъ, она простудилась, открывъ окно въ жарко натопленномъ вагонѣ, и черезъ три недѣли скончалась. Привѣтливая въ обращеніи, изящная и безукоризненная въ частной жизни, Бозіо была одною изъ наиболѣе блестящихъ современныхъ пѣвицъ и въ то-же время прекрасною драматическою актрисою. Похоронена Бозіо на петербургскомъ католическомъ кладбищѣ; надъ могилою почитателями ея таланта сооруженъ роскошный мраморный памятникъ.

Кромѣ многочисленныхъ, весьма сочувственныхъ некрологовъ Бозіо, разсѣянныхъ въ петербургскихъ журналахъ и газетахъ 1859 г. (см. напр. муз. журн. «Сѣверный цвѣтокъ» за 1859 г. № 15, «Ласточка» № 1 за 1860 г., «Иллюстрація» т. VIII № 197 за 1861 г.), см. біографическій очеркъ въ «Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ». (М. 1874).—Словари: Эфронъ-Брогкауза и Larousse.

В. Ш.

Боиль (Бредингъ) *Платонъ Алексѣевичъ*, контръ-адмиралъ, ум. 27 марта 1825 г. Въ 1783 г. онъ перешелъ изъ англійской службы въ русскую въ чинѣ лейтенанта и былъ командированъ въ Архангельскъ, откуда вернулся въ Кронштадъ въ 1784 г. и съ этого года до 1788 г. былъ въ кампаніи на брантъ-вахтенныхъ судахъ въ Ревелѣ. Въ 1788 г. онъ получилъ въ командованіе судно Цвей-брудеръ и плавалъ между Ревелемъ и Кронштадтомъ, въ 1789 г. крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ на кораблѣ св. Петръ и принималъ участіе въ Эландскомъ сраженіи; въ 1790 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и въ томъ же году, за участіе на кораблѣ Ростиславъ въ ревельскомъ и выборгскомъ сраженіяхъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1791 г. онъ получилъ переводъ въ черноморскій флотъ, а въ 1792 г. возвращенъ въ Петербургъ и до 1795 г. плавалъ въ Финскомъ заливѣ. Въ 1795—1796 гг., въ эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова, Боиль былъ у береговъ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, а въ 1799—1800 г. снова плавалъ къ берегамъ Англіи, командуя фрегатомъ Рафаилъ, въ эскадрѣ вице-адмирала Макарова. Въ 1799 г. Боиль былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, въ 1801 г. назначенъ командиромъ корабля Ярославль, при Ревельскомъ портѣ, въ 1803 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ 1805 г. получилъ въ командованіе корабль Изяславъ, при Кронштадскомъ портѣ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса за участіе въ 18 кампаніяхъ. До 1812 г. Боиль не участвовалъ въ плаваніяхъ и въ теченіе этого перерыва былъ произведенъ (28 мая 1808 г.) въ капитанъ-командоры. Съ 1812 по 1814 г. онъ былъ командиромъ кораблей Благодать и Юпитеръ и въ эскадрѣ генерала Тета плавалъ къ берегамъ Англіи и Франціи и перевозилъ десантныя войска изъ Шербурга и Любека въ Кронштадтъ; въ 1815 г. онъ получилъ въ командованіе 1-й корабельный экипажъ въ Кронштадтѣ, а 20 января 1816 г. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы.

Общій Морской Списокъ, ч. III, стр. 191.— А. Кротковъ, Повседневная запись. — Матеріалы для исторіи флота, т. XIII и XIV. — Веселаго, Краткая исторія русскаго флота, т. II.—Севериновъ, Иностранцы, служившіе въ русскомъ флотѣ, въ «Морск. Сборн.» 1863, № 10.

Боиль, *Романъ Платоновичъ*, вице-адмиралъ, главный командиръ Архангельскаго порта, архангельскій военный губернаторъ, род. въ 1794 г. въ Ревелѣ, ум. 15 декабря 1854 г. Получивъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Боиль въ 1811 г. былъ произведенъ въ мичмана и назначенъ въ 36-й корабельный экипажъ; служа сначала на фрегатѣ Эммануилъ, а потомъ на корабляхъ Благодать и Юпитеръ, подъ командою своего отца, онъ въ 1812 г. былъ отправленъ въ Англію для соединенія съ англійскимъ флотомъ, въ 1813 г. участвовалъ въ блокадѣ голландскихъ береговъ, въ 1814 г. былъ два раза на голландскомъ островѣ Нордъ-Белентъ въ дессантахъ.

Возвратясь оттуда, Боиль былъ назначенъ флагъ-офицеромъ вице-адмирала Кроуна, а въ 1816 г. произведенъ въ лейтенанты и назначенъ адъютантомъ контръ-адмирала Огильви. Въ 1817 г. онъ былъ командированъ на фрегатъ Патрикій въ Испанію, откуда, по передачѣ фрегата испанскому правительству, вернулся въ Кронштадтъ. Въ 1819 г. Боиль былъ зачисленъ въ полярную экспедицію подъ командою Васильева и оставался въ плаваніи по Ледовитому океану до 1822 г.; за участіе въ этой экспедиціи Боиль получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. и въ тоже время былъ награжденъ орденомъ св. Георгія за 18 морскихъ кампаній. Во время этого плаванія Боиль подробно описалъ одинъ мысъ въ Бобровомъ морѣ, названный его именемъ. Въ 1823—1824 г. Боиль плавалъ въ практической эскадрѣ, подъ начальствомъ Ратманова, въ 1826 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1827 г. назначенъ командиромъ фрегата Помощный, въ 1828 г. принималъ участіе въ блокадѣ Дарданелъ, въ 1829 г. переведенъ на фрегатъ Александра, на которомъ черезъ нѣкоторое время былъ назначенъ командиромъ, а въ 1830 г. вернулся на этомъ фрегатѣ изъ Средиземнаго моря и за усердную службу произведенъ Императоромъ, посѣтившимъ фрегатъ, въ капитаны 2-го ранга и переведенъ въ 15-й флотскій экипажъ. Въ 1831 г. Боиль переведенъ командиромъ корабля Императоръ Александръ I въ 14-й флотскій экипажъ, въ 1834 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а 19 марта 1842 г.—въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 3-й бригады 3-й флотской дивизіи; въ 1845 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Въ 1849 г. Боиль былъ вынужденъ оставить службу на морѣ, несмотря на свою привязанность къ нему, вслѣдствіе разстроившагося здоровья, и перейти на береговую службу, которую онъ началъ, получивъ должность члена общаго присутствія морского интендантства. 22 марта 1850 г. онъ уже получилъ новое назначеніе въ Архангельскъ, исправляющимъ должность главнаго командира Архангельскаго порта и архангельскаго военнаго губернатора, съ управленіемъ и гражданской частью. Въ этомъ же году, для ознакомленія съ ввѣренной его управленію областью, Боиль предпринялъ трудную поѣздку по восточной части архангельской губерніи. Одѣтый въ самоѣдское платье, на самоѣдскихъ саняхъ, запряженныхъ оленями, онъ объѣхалъ пинежскій и мезенскій уѣзды и побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ по Печорѣ, на берегу Ледовитаго океана, въ Устьсысольскѣ, Ижмѣ и Пустозерскѣ, посѣтилъ даже чумы самоѣдовъ. Въ іюнѣ того же года онъ рѣшилъ обозрѣть и западную часть губерніи, но ненастная погода разстроила его планы: онъ вытерпѣлъ нѣсколько бурь въ Бѣломъ морѣ и принужденъ былъ вернуться въ Архангельскъ. 8 апрѣля 1851 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Въ 1853 г. Боиль выхлопоталъ себѣ право на вооруженіе Архангельскаго порта, а когда разрывъ съ державами совершился, и губернія была объявлена на военномъ положеніи, Боиль, облеченный властію командира отдѣльнаго корпуса, съ такой осторожностью и умѣньемъ взялся за дѣло защиты Сѣвернаго края отъ непріятеля, что тотъ ни разу не осмѣлился сдѣлать открытаго нападенія на русскій портъ. 11 апрѣля 1854 г. Боиль былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ декабрѣ этого же года онъ явился въ Петербургъ по дѣламъ обороны Архангельска и тотчасъ по пріѣздѣ, съ обычной своей неутомимостью и энергіей, принялся за хлопоты. Но на этотъ разъ смерть пресѣкла начатое имъ дѣло.

Русскій Архивъ 1871 г. № 6 стр. 0244—0246.—Морской Сборникъ 1855, т. 16, стр. 335—342.—Общій Морской Списокъ, VI, 428. — «Къ характеристикѣ Р. П. Боиля», въ «Морск. Сборн.», 1863, № 5.—«Воззваніе в.-а. Бойля», ibid., 1854, № 4. — Огородниковъ, Исторія Архангельскаго порта. Спб. 1875.—Мирошевскій, Воспоминанія о русскомъ флотѣ. Спб. 1853. — Сидоровъ, М., Сѣверъ Россіи, 1855, стр. 15.—Словари: Клюшникова и Березина.

Войковъ, *Сергѣй Осиповичъ*, актеръ и водевилистъ, род. ок. 1827 г., ум. 3 октября 1877 г. Онъ исполнялъ комическія роли на с.-петербургской Императорской сценѣ, а послѣдніе годы игралъ въ Кронштадтѣ. Ему принадлежитъ 37 мелкихъ комедій и водевилей, большею частью переводныхъ; почти всѣ они въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нѣкоторыя, какъ напр. «Жилецъ съ тромбономъ», часто ставятся и теперь.

Вольфъ, Хроника спб. театровъ.—Словарь Венгерова.

Войченко, *Павелъ Никифоровичъ*, врачъ, род. въ 1813 г., ум. 10 ноября

1884 г. Онъ учился въ харьковскомъ университетѣ; окончивъ курсъ въ 1835 г., поступилъ врачемъ въ имѣніе Бутурлиной въ харьковской губ., а въ 1842 г. занялъ должность ординатора больницы екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1848 г. онъ получилъ въ харьковскомъ университетѣ званіе акушера, въ слѣдующемъ году сдѣлался старшимъ врачемъ екатеринославской больницы, а съ 1865 г. былъ инспекторомъ екатеринославской врачебной управы. Въ 1877 г. земство, за 40-лѣтнюю службу Бойченко въ предѣлахъ екатеринославской губ., учредило стипендію и палату его имени. Сочиненія его: «Нѣмота, излѣченная гальванизмомъ». (Др. Здр. 1841 г., 32).—«Отравленіе шпанскими мушками» (тамъ же, 32).—«Замѣчаніе о больныхъ военнаго вѣдомства, лѣченныхъ за 1843 и 1844 гг. въ Екатериносл. гор. больницѣ» (Др. Здр. 1845, приб. къ № 81).

Змѣевъ, Р. вр. писатели.—Сыромятниковъ, въ «Прот. общ. Екатер. врачей» 1884—5, № 39—40.—Словарь Венгерова.

Бокгорнъ (Bockhorn), *Фридрихъ Антонъ*, пасторъ-писатель, род. 1 февр. 1792 г., ум. 15 января 1855 г. Ганноверскій уроженецъ, Бокгорнъ изучалъ богословіе въ бременскомъ лицеѣ, а съ 1811 по 1815 г.— въ геттингенскомъ университетѣ. Переселившись затѣмъ въ 1815 г. въ Курляндію, Бокгорнъ занимался до 1825 г. преподаваніемъ; въ 1826 г. въ Дерптѣ получилъ степень кандидата богословія и, послѣ испытанія, выдержаннаго при митавской консисторіи, 9 мая того же года посвященъ въ пасторы. До 1846 г. онъ несъ пастырскія обязанности въ Эдсенѣ и Крутенѣ, а затѣмъ по самую свою кончину состоялъ пасторомъ въ Саукенѣ и Эллернѣ. Отличаясь остроуміемъ, общительностью и веселымъ нравомъ, Бокгорнъ въ образованныхъ кружкахъ курляндскаго населенія съумѣлъ создать себѣ многочисленныхъ друзей и славу прекраснаго человѣка и краснорѣчиваго проповѣдника. Бокгорнъ напечаталъ слѣдующіе труды: 1) Die Quadratur des Kreises durch geometrische construction realisirt. Митава, 1821. 2) Zusammenstellung der einsilbigen Lettischen Verba—въ «Magazin d. Lettischliter. Ges.» за 1829 г. Т. II, тетр. 1.—3) Ist die Anwendung d. menschlichen Vernunft nur in den sogenannten weltlichen Angelegenheiten zulässig? Это разсужденіе, въ которомъ Бокгорнъ весьма откровенно становится въ защиту раціоналистическихъ воззрѣній, было имъ прочитано на съѣздѣ пробстовъ гольдингенской епархіи (въ апрѣлѣ 1838 г.) и, по напечатаніи (въ Ulmann's Mittheil. u. Nachrichten f. d. evangelische Geistlichkeit in Russland» — Дерптъ, 1839 г. Т. I, въ IV выпускѣ), вызвало противъ автора рѣзкія нападки въ богословской протестантской литературѣ (см., между прочимъ, въ Evangelische Kirchenzeitung, за 1840 г. № 92—статью «Herr Pastor Bockhorn»).

Некрологъ въ «Inland», 1855 г., стр. 127.—Ulmann's Mittheilungen u. Nachrichten, hrsgeg. v. D-r C. A. Berkholz, Bd. XI, стр. 175.—Recke u. Napiersky, Schriftsteller-u. Gelehrten-Lexikon, B. I, стр. 200 и Nachtrag, B. I, стр. 67.

Бокевичъ, *Левъ Павловичъ*, врачъ, род. 3 января 1820 г., ум. 6 декабря 1879 г. Окончивъ гимназическій курсъ въ Люблинѣ, онъ поступилъ въ виленскую медико-хирургическую академію, а затѣмъ въ московскій университетъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1843 г. съ отличіемъ; получивъ званіе лѣкаря, онъ вернулся въ Западный край и занимался тамъ практикой въ теченіе 7-ми лѣтъ. Въ 1854 г. онъ поступилъ врачемъ въ имѣніе графа Андрея Замойскаго, гдѣ и умеръ.—Бокевичъ напечаталъ нѣсколько трудовъ, изъ коихъ самый замѣчательный: Hygiena popularna, czyli nauka zachowania zdrowia dla ludu wiejskiego. Варшава, 1861 г.

Косминскій, Słownik lekarzów polskich; Варш., 1883.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.

Н. К.

Бокинъ, *Гаврила Осиповъ*, голова стрѣлецкій. Въ 1630 г. онъ былъ пожалованъ, въ числѣ прочихъ, «видѣть царскія очи» на Свѣтлое Воскресенье, въ 1646 г. участвовалъ во главѣ брянчанъ въ походѣ въ Бѣлгородъ, въ 1648 г., во время свадьбы царя Алексѣя, былъ при куретныхъ воротахъ у дворца. По всей вѣроятности къ этому же роду принадлежалъ и *Ѳедоръ Ивановъ Бокинъ*, стряпчій, который въ 1673 г. ходилъ съ государемъ въ Звенигородъ, въ Савинскій монастырь, а въ 1674 г. упоминается уже со званіемъ стольника.

Дворцовые разряды II, 850, 860; III, 36, 129, 913, 980.—Древняя Росс. Вивліоѳ., XIII, 232.

Бокѣевы (Бокеевы), старинный дворянскій родъ; старѣйшіе его представители: *Василій Семеновичъ*, воевода лѣвой

руки при взятіи Вятки въ 1489 г.; *Андрей*, боярскій сынъ, на свадьбѣ Грознаго съ Собакиной (1572) стоялъ у воротъ за царицыными хоромами; *Поликарпъ*, медынецъ, сынъ боярскій, въ 1588 г. привезъ въ Тулу государеву грамоту и расписаніе украинскихъ воеводъ по городамъ.

Древняя Россійск. Вивліоѳ., XIII, 91, 96.—Симбирскій сборникъ, 101. — Лихачевъ, Разрядные дьяки.

Бокъ, *Георгій Тимоѳѣевичъ*, вице-адмиралъ, гофмейстеръ двора в. к. Владиміра Александровича, род. 6 октября 1818 г., ум. 31 мая 1876 г. Спеціальное образованіе Бокъ получилъ въ морскомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1835 г. былъ выпущенъ мичманомъ. Первыя офицерскія кампаніи Бокъ сдѣлалъ въ черноморскомъ флотѣ, откуда вскорѣ переведенъ въ балтійскій флотъ и поступилъ въ гвардейскій экипажъ. Въ 1845—1847 г. онъ сдѣлалъ заграничную кампанію въ Средиземное море и къ берегамъ Англіи, а потомъ исправлялъ береговыя должности: старшаго адъютанта при дежурномъ генералѣ главнаго морскаго штаба, дежурнаго штабъ-офицера штаба командующаго соединенными двумя дивизіями и управляющаго дежурствомъ инспекторскаго департамента морского министерства; въ лѣтнее же время Бокъ командовалъ мелкими судами въ Финскомъ заливѣ. Въ 1858 г. Бокъ, въ чинѣ капитана 2 ранга, назначенъ состоять при дѣтяхъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго во время заграничнаго вояжа. Въ 1862 г. онъ получилъ новое назначеніе: состоять въ качествѣ наставника при в. князьяхъ: Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Александрѣ Александровичѣ и Владимірѣ Александровичѣ, съ которыми по 1867 г. Бокъ постоянно находился въ поѣздкахъ по Европейской Россіи и заграницей, имѣя чинъ контръ-адмирала свиты Его Величества. Въ 1868 — 1869 г. онъ сопутствовалъ в. кн. Владиміру Александровичу въ путешествіяхъ по Европейской Россіи и Сибири, по Швеціи и Италіи, а въ 1872 г. былъ назначенъ гофмейсторомъ двора его высочества и въ этомъ званіи находился до дня своей смерти, имѣя чинъ вице-адмирала, пожалованный ему въ январѣ 1876 г. Онъ скончался въ Шверинѣ. Имѣлъ ордена: св. Анны 2 степ., св. Владиміра 3 степ. и много иностранныхъ.

Главный морской архивъ.—«Иллюстр. Газета», 1876, № 24. *С. Огородниковъ.*

Бокъ, *Іоганъ* (онъ же Джонъ Букъ) шотландецъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1696 г., выдававшій себя за знаменитаго ученаго врача; по приказанію Петра I, его экзаменовалъ архіатеръ Лаврентій Блюментростъ, причемъ Бокъ оказался самозванцемъ, но, по протекціи генерала Петра Гордона, былъ принятъ на царскую службу. Исторія эта разсказана подробно у Рихтера со ссылками на подлинные документы и съ выдержкой изъ журнала Гордона.

Рихтеръ, Ист. мед. въ Р., т. II.

Н. К.

Болгарскій, *Василій Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1771 г., ум. 7 марта 1848 г. Происходя изъ духовнаго званія, онъ получилъ образованіе въ московской духовной академіи, а потомъ обучался въ московскомъ университетѣ и вступилъ на службу въ 1785 г. кадетомъ въ оренбургскій драгунскій полкъ. Находясь на Оренбургской линіи, онъ неоднократно участвовалъ въ походахъ на киргизъ-кайсаковъ. 11 декабря 1787 г. Болгарскій, въ чинѣ прапорщика, былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-поручику Игельстрому, оставаясь при которомъ до 1796 г., занималъ послѣдовательно должности: военнаго секретаря, флигель-адъютанта и управляющаго военно-походной канцеляріею. Въ теченіе этого времени, онъ принималъ участіе въ войнѣ со Швеціею 1790 г. (сражался подъ Пардокоски и Керни) и въ 1794 г.—съ Польшею, причемъ, тяжело раненый подъ Варшавой, былъ взятъ непріятелемъ въ плѣнъ и освободился лишь черезъ 7 мѣсяцевъ. Въ бытность генерала Игельстрома начальникомъ надъ оренбургскимъ краемъ, Болгарскій находился въ дѣлахъ при усмиреніи киргизъ - кайсаковъ Меньшей Орды и тогда же способствовалъ учрежденію въ ордѣ правильнаго судопроизводства и развитію торговыхъ сношеній съ Бухарою и Хивою. 29 января 1796 г. Болгарскій былъ переведенъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, участвуя съ которымъ въ войнѣ съ Персіею, находился при осадѣ и взятіи Дербента и при занятіи многихъ провинцій, а также полуострова Камышевки, за что пожалованъ въ премьеръ-маіоры, съ переводомъ въ конно-гренадерскій Военнаго Ордена полкъ. Въ декабрѣ 1797 г. Болгарскій былъ уволенъ отъ военной службы въ чинѣ коллежскаго ассесора и причисленъ къ герольдіи, а

вскорѣ затѣмъ къ государственному вспомогательному для дворянства банку. 2 сентября 1804 г. Болгарскій опредѣленъ на должность вятскаго гражданскаго губернатора, въ которой особенно отличился при усмиреніи юскинской вотяцкой волости и быстрымъ сформированіемъ милиціи по вятской губерніи. По донесеніямъ сенатора Рунича, ревизовавшаго губернію въ 1808 г., онъ былъ уволенъ отъ должности съ преданіемъ суду, но Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ найденъ совершенно невиновнымъ, и 9 августа 1818 г. было Высочайше повелѣно зачесть все время нахожденія его подъ судомъ въ дѣйствительную службу. Въ 1819 г. Болгарскій назначенъ членомъ въ комитетъ по устройству войска Донского, въ 1822 г.—директоромъ департамента государственныхъ имуществъ, а 21 апрѣля 1823 г. опредѣленъ сенаторомъ. Занимая въ послѣднемъ званіи различныя должности, онъ, между прочимъ, состоялъ съ 1831 г. по 1841 г. предсѣдателемъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1835 по 1836 г.—въ командировкѣ для приведенія въ дѣйствіе новаго положенія объ управленіи областью войска Донского, съ 1841 г. — первоприсутствующимъ въ общемъ собраніи Сената и съ 1843 г.—членомъ общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ. Въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Болгарскій пожалованъ 2 апрѣля 1838 г.

Послужной списокъ, хранящійся въ архивѣ Прав. Сената.—«Журналъ комитета министровъ, царствов. Александра I, 1810—1812 гг.», т. II, стр. 719.—«Сборникъ И. Р. И. О.», т.т. 73, 78, 98.

Д. С—въ.

Болгоревскій, *Михаилъ*, врачъ, съ 1811 до 1816 г. былъ въ харьковскомъ университетѣ адъюнктъ-профессоромъ materiae medicae, затѣмъ былъ уволенъ и учился въ московскомъ университетѣ; въ 1817 г. онъ былъ переименованъ изъ студентовъ медицины и адъюнктъ-профессоровъ въ лекари, послѣ чего поступилъ на службу врачемъ въ штатъ московской полиціи, гдѣ состоялъ до 1820 г.; получивъ въ 1820 г. степень доктора медицины, Болгоревскій оставилъ прежнюю должность; въ 1823 г. онъ былъ назначенъ московскимъ уѣзднымъ врачемъ, но въ слѣдующемъ году уволенъ. Напечаталъ: «De diferentia inter miasmata, contagia et venena, nec non de antidotis in genere» (диссертація). Москва, 1820.

Змѣевъ, Р. вр. писатели.

Болдыревъ, *Алексѣй Васильевичъ*, оріенталистъ, ординарный профессоръ восточныхъ языковъ и ректоръ московскаго университета, сынъ штабъ-лекаря, род. 16 марта 1780 г., ум. 17 августа 1842 г. въ Москвѣ. Въ 1798 г. онъ отданъ былъ въ университетскую гимназію, въ 1800 г. получилъ серебряную медаль отъ университета, а въ 1801 г. сдѣлался студентомъ университета. Одинъ годъ онъ былъ на юридическомъ факультетѣ и два года на философскомъ. Нѣтъ указаній, чтобы онъ студентомъ изучалъ восточные языки у какого нибудь профессора. Въ 1805 г. Болдыревъ получилъ степень кандидата новѣйшей литературы, а въ слѣдующемъ году степень магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ томъ же году онъ получилъ отъ Императора Александра I золотую табакерку за переводъ еврейской грамматики и отправленъ за-границу (на счетъ университета) для изученія восточныхъ языковъ. Въ 1811 г. онъ возвратился изъ за-границы въ Москву и былъ сдѣланъ адъюнктомъ по каѳедрѣ восточныхъ языковъ. Въ томъ же году Болдыревъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ и началъ преподавать русскую словесность въ училищѣ св. Екатерины, гдѣ оставался до 1818 г. Въ 1815 г. Болдыревъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и временнымъ секретаремъ совѣта, черезъ три года—ординарнымъ профессоромъ, и затѣмъ, въ 1819 г.—членомъ училищнаго совѣта. Помимо этого Болдыревъ, шесть разъ исправлялъ должность секретаря при комитетѣ годовыхъ отчетовъ по всему учебному округу. Въ 1832 г. Болдыревъ избранъ (на мѣсто Двигубскаго) ректоромъ московскаго университета и оставался въ этой должности до 1836 г. Въ этомъ году Болдыревъ, будучи цензоромъ «Телескопа», пропустилъ въ № 15 этого журнала «Философическое письмо» Чаадаева, за что былъ отставленъ отъ должности цензора и ректора, подвергся годовому заключенію и съ тѣхъ поръ жилъ въ отставкѣ до самой смерти. Еще студентомъ Болдыревъ напечаталъ рядъ небольшихъ статеекъ въ «Новостяхъ русской литературы» 1802 г., а позднѣе помѣстилъ въ

«Вѣстникѣ Европы» за 1811 г.: «Элегіи», переводъ съ арабскаго, «Мечжнуръ и Леила», съ персидскаго, «Нравоучительныя изреченія», съ арабскаго; за 1815 г.: «Магаммедово путешествіе на небо»; за 1817 г.: «Объ изданіи словаря»; за 1819 г.: «Нѣчто о сравнительной степени», и за 1827 г.: Отвѣтъ рецензенту «Московск. Телеграфа». Изъ спеціальныхъ трудовъ по восточнымъ языкамъ извѣстны: 1) «Duae Moallakat Antarae et Harethi, sumptibus suis edidit Alexius Boldyreff. Göttingae», 1808 (двѣ арабскія поэмы, замѣчательныя по содержанію и трудныя по языку). 2) Арабская хрестоматія, литографически изданная. 1824 г. Для своего времени она отличалась большими достоинствами. 3) Новая арабская хрестоматія. М. 1832 г., 2 части. 4) Приключенія одного невольника, араб. повѣсть Ахмеда бэнъ Арабиш. М. 1824. 5) Краткая арабская грамматика (два изданія: 1827 и 1836 гг.), составлена по грамматикѣ Сильвестра де Саси. 6) Персидская хрестоматія, М. 1826. Второе изд., сильно измѣненное, вышло въ 1833 г. въ трехъ частяхъ. 7) О средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ; разсужденіе, напечатанное въ Трудахъ Общ. люб. росс. слов. 1812 г. (ч. 2 и 3). Здѣсь Болдыревъ высказалъ мнѣніе, что видами и ученіемъ о производствѣ глагола можно замѣнить спряженія Ломоносова и старой академической грамматики. За это на него посыпались отовсюду возраженія, которыя, вмѣстѣ съ его отвѣтомъ, были напечатаны въ тѣхъ же Трудахъ (1816 г., ч. 6). Тамъ же, въ 1819 г. (ч. 15) были напечатаны примѣчанія на разсужденія Болдырева отъ лица А. М. В. Въ основныхъ понятіяхъ о глаголѣ Болдыревъ сошелся съ Фатеромъ, можетъ быть отъ того, что, какъ онъ самъ признавался, путешествуя по Германіи, онъ переписывался съ Фатеромъ по этому предмету, и что оба они «стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время».

Словари: профессоровъ Московскаго Университета и Венгерова.

Болдыревъ, *Иванъ Михайловичъ*, врачъ, профессоръ московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, ум. 28 іюня 1819 г. Онъ получилъ врачебное образованіе въ московскомъ отдѣленіи академіи, затѣмъ былъ на практикѣ въ военномъ госпиталѣ и въ 1812 г. окончилъ академическій курсъ съ медалью и съ званіемъ лѣкаря перваго отдѣленія; въ теченіе войны 1812 г. онъ служилъ въ касимовскомъ военно-временномъ госпиталѣ, затѣмъ вернулся въ Москву и былъ оставленъ при академіи репетиторомъ вмѣстѣ съ Дядьковскимъ, Ловецкимъ и Вишняковымъ; всѣ они принадлежали къ первому выпуску московскаго отдѣленія; скоро послѣ этого онъ занялъ тамъ же должность адъюнкта, въ 1815 г. получилъ степень доктора медицины; въ 1817 г., по выходѣ въ отставку профессора анатоміи, Мухина, Болдыревъ былъ назначенъ на его мѣсто ординарнымъ профессоромъ и преподавалъ анатомію до своей смерти.—Напечаталъ: «De caracteribus vitae vegetativae seu organicae principalibus ejusque praecipue et animalibus in homine differentia». Дисс. на степ. доктора медицины (Москва, 1815).

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—Исторія Императорской Военно-Медицинской Академіи. Спб. 1898 г. *Н. К.*

Болдыревъ, *Николай Васильевичъ* инженеръ, генералъ-лейтенантъ, заслуженный профессоръ, род. въ 1814 г., ум. въ 1882 г. По окончаніи курса главнаго (нынѣ Николаевскаго) инженернаго училища, а затѣмъ офицерскихъ классовъ (нынѣ академія), онъ былъ оставленъ въ 1838 г. при училищѣ преподавателемъ математики и впослѣдствіи—фортификаціи. Отдавшись всецѣло преподавательской дѣятельности, Болдыревъ не покидалъ ея до 1879 г., въ теченіе всей своей службы; чтеніе лекцій, составленіе «литографированныхъ записокъ», служившихъ руководствомъ по разнымъ отдѣламъ фортификаціи, наблюденіе за практическими занятіями офицеровъ дополнительнаго класса академіи, различныя научныя командировки для обзора крѣпостей и др. занятія—составляли непрерывную цѣпь многосложной сорокалѣтней дѣятельности почтеннаго профессора. Имъ же, совмѣстно съ генераломъ Ласковскимъ, составленъ и изданъ «Курсъ долговременной фортификаціи». Оставаясь на каѳедрѣ до 1876 г., Болдыревъ въ 1865 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1874 г.—въ генералъ-лейтенанты.

«Рус. Инвал.» 1882 г. № 66.—«Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русс. писателей, вып. IV, стр. 14.—Словарь Леера.

Д. С—въ.

Болдаревы, дьяческій родъ, происшедшій, по всей вѣроятности, отъ Болдыря Паюсова; изъ представителей этого

рода въ XVII в. извѣстны: **Василій**, дьякъ челобитнаго приказа 1626—27 г.; **Рахманинъ**, въ 1610—1625 г. упоминаемый какъ подъячій, въ 1625 г. отправленный посланникомъ въ Крымъ, съ 1626 по 1631 г. бывшій новгородскимъ дьякомъ, а съ 1632 по 1634 г.—дьякомъ разбойнаго приказа.

Акты историч.—Акты экспед.—Акты южн. и зап. Россія.—Акты юридич.—Русск. ист. библ., II, IX, XVII, XVIII.—Дворцовые разряды, I, 737, 937; II, 88, 165, 167, 270, 394, 861.—Разрядныя книги.—Сборникъ И. Р. И. О., т. т. 35, 95.

Болдырь, дьякъ. См. **Паюсовъ**.

Боленвенъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, профессоръ казанскаго университета, изъ иностранцевъ, принявшихъ присягу на подданство Россіи. Выдержавъ экзаменъ въ с.-петербургскомъ университетѣ по филологическому факультету, онъ въ 1834 г. поступилъ въ гатчинскій воспитательный домъ старшимъ учителемъ нѣмецкаго языка; съ 3 іюня по 12 декабря 1841 г. исправлялъ тамъ же должность инспектора классовъ. Въ 1843 г., по прошенію, уволенъ изъ гатчинскаго воспитательнаго дома и опредѣленъ адъюнктомъ нѣмецкой словесности въ главный педагогическій институтъ. По случаю преобразованія учебной части въ институтѣ, 1 января 1848 г. уволенъ отъ службы. Пробывъ два года въ отставкѣ, 2-го января 1850 г. опредѣленъ библіотекаремъ гидрографическаго департамента морскаго министерства, 6-го февраля 1852 г., назначенъ ординарнымъ профессоромъ санскритскаго языка въ казанскомъ университетѣ. 25 ноября 1856 г. уволенный отъ службы, по случаю уничтоженія восточнаго отдѣленія въ казанскомъ университѣ, Боленвенъ переселился за границу и жилъ въ маленькомъ имѣніи близъ Геттингена.

Формулярный списокъ.

Боленъ, *Левъ Леонтьевичъ*, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1783 г., ум. въ январѣ 1855 г. Сынъ секундъ-маіора прусской службы, Боленъ въ 1794 г. былъ записанъ юнкеромъ въ 1-й конно-артиллерійскій баталіонъ, въ 1803 г., имѣя чинъ подпоручика, переведенъ въ вновь формировавшійся 2-й конно-артиллерійскій баталіонъ, въ 1805 г. перешелъ въ русское подданство, причемъ получилъ чинъ поручика, и въ томъ же году опредѣленъ на службу въ военно-сиротскій домъ (позже именовавшійся Павловскимъ кадетскимъ корпусомъ). Въ 1807 г. Боленъ перевелся въ астраханскій гренадерскій полкъ и участвовалъ въ кампаніи этого года противъ французовъ, въ 1809—1810 г. сражался въ Галиціи противъ австрійцевъ, а по окончаніи войны съ Австріей, перешелъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ турокъ и участвовалъ въ операціяхъ 1810—1811 г. въ Молдавіи и за Дунаемъ. Произведенный въ 1811 г. въ штабсъ-капитаны, Боленъ принялъ участіе въ войнѣ 1812 г., за отличіе въ Бородинской битвѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и чинъ капитана, затѣмъ сражался подъ Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ (за это сраженіе награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст.) и др.; въ 1813 г. онъ перешелъ, вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, границу, подъ Люценомъ получилъ двѣ тяжкія раны и, награжденный чиномъ маіора, посланъ былъ для излеченія въ Теплицъ. Однако уже въ августѣ онъ вновь сражался съ французами и участвовалъ въ походѣ въ Парижъ, послѣ чего вернулся въ Россію, награжденный за занятіе Парижа орденомъ св. Анны 2-й ст. 1815 г. снова заставилъ Болена двинуться во Францію, но въ огнѣ онъ не былъ, а только участвовалъ въ Высочайшемъ смотру возлѣ Вертю и затѣмъ вернулся съ своею частью въ Россію. Въ 1816 г. Боленъ былъ переведенъ въ учебный карабинерный полкъ, въ 1818 г. получилъ чинъ подполковника, въ 1822 г. произведенъ въ полковники и назначенъ камандиромъ галицкаго пѣхотнаго полка, а въ 1827 г. пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Анны 2 ст. Въ 1828 г. Боленъ участвовалъ въ блокадѣ Силистріи и Журжи, а затѣмъ оставался съ своимъ полкомъ въ Молдавіи до 1830 г. 6 апрѣля 1830 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, съ которою принялъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г. Въ апрѣлѣ и маѣ этого года Боленъ производилъ инженерныя работы подъ Брестомъ, затѣмъ, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Головина, дѣйствовалъ противъ поляковъ въ Бѣловѣжской пущѣ и уничтожилъ ихъ главный опорный пунктъ въ этой мѣстности—подъ Свѣтличанами. Послѣ выступленія Головина на усиленіе войскъ 6-го корпуса, Боленъ остался въ пущѣ, для водворенія въ ней полнаго спокойствія, а потомъ двинулся къ Сѣдлецу, на соединеніе съ Головинымъ, и принялъ дѣятель-

кое участіе въ сраженіи у м. Желтикова; при отступленіи нашихъ войскъ отъ Крынки къ Бресту, Боленъ успѣшно командовалъ аріергардомъ, затѣмъ отразилъ нападеніе поляковъ на Брестъ и потомъ участвовалъ въ преслѣдованіи польскихъ отрядовъ до австрійской границы. За эту кампанію Боленъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. 9 октября 1831 г. Боленъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ плоцкаго воеводства и 6 декабря 1833 г., за отличное исполненіе этой должности, получилъ орденъ св. Станислава 1-й ст. 28 февраля 1835 г. онъ переведенъ на тотъ же постъ въ краковское воеводство, въ 1838 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., въ 1841 г.—тѣмъ же орденомъ съ короною, 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ состоять при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи, въ 1845 г. вновь отчисленъ къ арміи, а 26 сентября 1845 г. Высочайшимъ приказомъ назначенъ сенаторомъ варшавскихъ департаментовъ Сената. Исключенъ изъ списковъ умершимъ 10 января 1855 г.

Формулярный списокъ изъ сенатскаго архива.

Болесъ, *Гарманъ*, род. въ Голландіи въ 1683 г., ум. въ Россіи послѣ 1750 г. По профессіи плотникъ, Болесъ былъ приглашенъ въ 1711 г. въ С.-Петербургъ и здѣсь былъ повышенъ въ спичные, кровельные и мостовые мастера. Лаковыя мастерскія и дворъ Болеса находились на Фонтанкѣ, вблизи Слоноваго двора. Болесъ строилъ всѣ деревянные мосты съ подъемною срединою введенной при Петрѣ I системы. Лѣтомъ 1719 г. Болесъ, вмѣстѣ съ фанъ-Аммерсомъ, взялся за 10,000 р. додѣлать каналъ у Литейнаго двора, «для приводу воды въ машину» изъ Фонтанки. Болесъ работалъ у придворнаго архитектора итальянца Николо Микетти, а когда въ 1722 г. мѣсто Микетти занялъ другой архитекторъ, полковникъ Анрей Доминико Трезини, то Болесъ, перешелъ къ послѣднему и выполнилъ у него (въ 1723 г.) первый шпицъ Петропавловскаго собора, а послѣ удаленія Трезини (въ 1751 г.) проектировалъ и выстроилъ нынѣ существующую деревянную Троицкую церковь, перенесенную при Елисаветѣ Петровнѣ отъ Лѣтняго дворца на Петербургскую сторону.

Петровъ, Исторія С.-Петербурга. — Пыляевъ, Старый Петербургъ. *А. М.*

Болесъ, *Корнелій*, сынъ Гармана, ум. въ 1770 г. Когда канцеляріею о строеніи было сдѣлано распоряженіе о возобновленіи сгорѣвшаго въ 1756 г. шпица и колокольни Петропавловскаго собора, то Болесъ, занимавшійся въ то время постройкою Александро-Невскаго монастыря, получилъ приказаніе составить смѣту этой постройки. Эта смѣта—на сумму 92,387 р. 77½ к.—была утверждена Сенатомъ въ 1769 г., и постройка колокольни и шпица была начата въ 1761 г., подъ надзоромъ архитектора Дьякова. Болесу назначено жалованье въ 800 р. въ годъ съ квартирою и освѣщеніемъ. Работы были окончены только въ 1777 г., уже послѣ смерти Болеса.

Историко-статистическія свѣдѣнія о спб. епархіи, т. I, отд. 2, стр. 72, и т. VII, стр. 5. *А. М.*

Болобановы, дворянскій родъ; древнѣйшіе его представители: ***Ѳедоръ Демидовъ***, въ 1495 г. состоявшій для письма при великой княгинѣ Еленѣ Іоанновнѣ, въ Литвѣ; ***Митка Ивановъ***, въ 1563 г. посланный изъ деревни Лыкова, что лежитъ по дорогѣ изъ Калуги къ Москвѣ, съ царскою грамотою въ Смоленскъ къ воеводѣ и возвратившійся съ отвѣтомъ къ царю въ Александровскую слободу; ***Микита Леонтьевъ***, жилецъ съ 1621 г., въ 1630 г. посланный къ тульскимъ воеводамъ съ наказомъ царскимъ.

Русск. ист. библ., XV.—Разрядныя книги.—Сборникъ И. Р. И. О., т, 35, 71.

Вологовскій, *Василій Ѳедоровичъ*, контръ-адмиралъ, род. въ 1786 г., ум. 30 ноября 1846 г. въ Кронштадтѣ. Поступивъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ въ 1800 г., Бологовскій въ 1804 г. гардемариномъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а 12 января 1807 г. произведенъ въ мичманы и пошелъ на транспортѣ Фортуна изъ Кронштадта въ Архангельскъ Это было время разрыва съ англичанами и войны со шведами, и Бологовскому былъ порученъ отрядъ гребныхъ судовъ, состоящій изъ 3 головъ. Въ 1809 г. онъ ходилъ до острова Кильдюина, въ 1811 г. произведенъ въ лейтенанты и ежегодно затѣмъ принималъ участіе въ плаваніяхъ. Въ 1817 г. на бригѣ Меркурій, въ отрядѣ вице-адмирала Кроуна, онъ перевозилъ войска изъ Кале въ Кронштадтъ, въ 1818 г. пошелъ на фрегатѣ Поспѣшный въ Кадиксъ, гдѣ судно было сдано испанскому прави-

тельству, а командиры были доставлены на испанскихъ транспортахъ обратно въ Кронштадъ. Продолжая ежегодныя плаванія, Бологовскій въ 1823 г. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ брига Ида, съ которымъ ходилъ къ о. Борнгольму, затѣмъ на фрегатахъ Быстрый и Легкій плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1828—1830 г., на фрегатѣ Княгиня Ловичъ перешелъ изъ Кронштадта къ Мальтѣ и участвовалъ въ отрядѣ контръ-адмирала Рикорда въ блокадѣ Дарданеллъ, имѣя у себя на кораблѣ адмирала. Потомъ онъ былъ посланъ въ Константинополь, гдѣ со своимъ фрегатомъ состоялъ въ распоряженіи нашего посланника. За эту кампанію Бологовскій получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. Въ 1830—1833 гг. командуя тѣмъ же фрегатомъ, подъ флагомъ вице-адмирала Рикорда, онъ плавалъ въ греческихъ водахъ, состоялъ при адміралѣ начальникомъ штаба и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, происходившихъ въ Греціи и Архипелагѣ. Эта кампанія дала ему чинъ капитана 2 ранга и ордена св. Станислава 3 ст. и св. Георгія 4 кл. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Бологовскій, вмѣстѣ съ остальнымъ флотомъ, пошелъ въ Севастополь, куда и прибылъ въ октябрѣ 1833 г., послѣ чего со своею командою сухимъ путемъ вернулся въ Кронштадъ, гдѣ былъ въ апрѣлѣ 1834 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга и назначенъ командиромъ 15 флотскаго экипажа и корабля Кульмъ, на которомъ и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ былъ переведенъ на корабль Константинъ. Въ 1842 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1 бригады 3 флотской дивизіи и плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ ежегодно по 1845 г. Послѣ этого онъ больше уже не плавалъ. Бологовскій былъ очень уважаемъ и любимъ своими подчиненными и сослуживцами; умеръ онъ отъ несчастнаго случая: въ темный осенній вечеръ опрокинулись дрожки, на которыхъ онъ ѣхалъ, причемъ отдавило ему пальцы на ногѣ, и вскорѣ сдѣлался антоновъ огонь.

Общій морской списокъ, ч. VI, 430—432.— Воспоминанія о службѣ контръ-адмирала В. Ѳ. Бологовскаго, въ «Морск. Сб.», 1851 № 10, 343—346.—Кротковъ, Повседневная запись, 473.—Блокированіе Константинополя эскадрою к.-адм. Рикорда, въ «Записк. Мор. Уч. Ком.», VI, 173—222. — Біографія адмирала П. И. Рикорда, въ «Мор. Сб.», 1855, XI, 1—62.

Лейт. Бѣлавенецъ.

Бологовскій, *Дмитрій Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, родился въ 1780 г., ум. 27 августа 1852 г. Въ первые годы дѣтства онъ числился сержантомъ гвардіи, а на дѣйствительную службу вступилъ въ 1797 г. чиномъ прапорщика л.-гв. въ измайловскій полкъ; въ 1802 г. онъ былъ уволенъ отъ службы капитаномъ. Съ началомъ Отечественной войны Бологовскій былъ снова принятъ на службу, съ прикомандированіемъ къ московскому пѣхотному полку. Послѣ Бородинской битвы, онъ заступилъ мѣсто раненаго начальника штаба 6-го корпуса, генералъ-маіора Монахтина, и оставаясь въ этой должности до окончанія войны, управлялъ штабомъ сначала 6-го корпуса, а затѣмъ корпуса генерала Дохтурова. Въ періодъ походовъ 1812 — 1814 гг. Бологовскій участвовалъ въ сраженіяхъ: при с. Бородинѣ, Маломъ Ярославцѣ, Киснобелѣ, Лейпцигѣ, Магдебургѣ и Гамбургѣ; въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ былъ раненъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Съ производствомъ 19 февраля 1820 г. въ генералъ-маіоры, Бологовскій былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи, въ 1820 г. переведенъ на ту же должность въ 1-ю бригаду 16-й пѣхотной дивизіи и 31 января 1834 г. уволенъ отъ службы. 20-го февраля 1836 г., изъ отставки, Бологовскій былъ вновь принятъ на службу, съ назначеніемъ исправляющимъ должность военнаго губернатора Вологды и вологодскаго гражданскаго губернатора; годъ спустя, онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и 30-го декабря 1840 г. былъ зачисленъ въ Сенатъ, съ назначеніемъ къ присутствованію въ I отдѣленіи 5-го департамента; въ 1841 г. онъ переведенъ въ II отдѣленіе того же департамента, а въ 1843 г. — въ 1 отдѣленіе 6-го департамента. 20 іюля 1848 г. Бологовскій былъ назначенъ членомъ коммиссіи по построенію въ Москвѣ храма Христа Спасителя, а въ 1849 г. принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ появившеюся въ Москвѣ холерою.

Послужной списокъ и Высочайшіе указы въ Сенатскомъ архивѣ.

Болотниковъ, *Алексѣй Ульяновичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ

Государственнаго Совѣта, сенаторъ, род. 3 марта 1753 г., ум. 15 ноября 1828 г. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, Болотниковъ въ 1767 г. опредѣленъ былъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, по окончаніи курса коего, за особое отличіе и успѣхи въ наукахъ, выпущенъ былъ въ полевые полки капитаномъ (17 марта 1782 г.) и опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ поручикомъ. Кромѣ того, какъ отличнѣйшій ученикъ, Болотниковъ былъ посланъ за границу и посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію и Данію. Въ 1789 г., во время войны съ Швеціею, Болотниковъ находился на гребномъ флотѣ и участвовалъ въ десантахъ; особенно онъ отличился въ Роченсальмской битвѣ, гдѣ отдѣльная часть канонирскихъ лодокъ, состоявшая подъ его непосредственною командою, наиболѣе способствовала одержанію полной побѣды надъ шведами. За эту битву Болотниковъ, 22 августа 1789 г. былъ пожалованъ золотою шпагою съ надписью: «за храбрость» и орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1790 г., по особому Высочайшему указу, поручено было ему устройство на озерѣ Саймѣ гребной флотиліи и защита со стороны озера постовъ Пумальскаго и Севатайпольскаго, а также и всего берега тогдашней русской Финляндіи, отъ Пардокоски до Нейшлота, на разстояніи болѣе 300 верстъ. Порученіе это было имъ съ успѣхомъ выполнено; съ меньшими противъ шведовъ средствами, онъ съумѣлъ держать непріятельскую флотилію во всю кампанію запертою въ заливѣ, единственно только при помощи батарей, устроенныхъ имъ предъ Пардокоски. 1 января 1791 г. Болотниковъ былъ пожалованъ въ армію полковникомъ. Въ 1794 г., во время смутъ въ Польшѣ, онъ, по особому Высочайшему повелѣнію и довѣренности, 2 августа былъ командированъ отъ полка съ двумя егерскими батальонами на судахъ изъ Роченсальма въ Курляндію; исполняя предписанную ему крайнюю поспѣшность, онъ въ 13 дней прибылъ въ Баускъ и участвовалъ въ кампаніи до окончательнаго умиротворенія Польши. Въ 1796 г. Болотниковъ, состоя во 2-мъ морскомъ полку, произведенъ въ бригадиры, 29 іюля 1797 г., находясь въ гребномъ флотѣ, въ баталіонѣ его имени, произведенъ въ генералъ-маіоры, а 2 января 1798 г., по сформированіи имъ въ Роченсальмѣ гарнизоннаго полка, назначенъ шефомъ этого полка. Оставаясь въ томъ же полку, Болотниковъ 20 марта 1799 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 29 декабря 1801 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Высочайшимъ указомъ 18 апрѣля 1809 г. ему повелѣно быть гофмейстеромъ, съ назначеніемъ ко двору великой княгини Екатерины Павловны, а новый Высочайшій указъ 30 августа 1809 г. уволилъ его отъ этой должности, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ (въ 4-мъ департаментѣ). 6 марта 1810 г. ему повелѣно было присутствовать въ комитетѣ объ уравненіи по всему государству земскихъ повинностей; 17 апрѣля 1810 г. онъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени; въ 1810 г. повелѣно ему присутствовать въ комиссіи объ установленіи однообразныхъ правилъ при рѣшеніи дѣлъ объ отыскивающихъ свободы людяхъ; 29-го апрѣля 1811 г. онъ назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, а 23 сентября 1811 г.—предсѣдателемъ медицинскаго совѣта министерства полиціи, съ оставленіемъ при занимаемыхъ имъ должностяхъ. Въ 1812 г. Болотниковъ былъ командированъ въ Москву, для участія въ особой слѣдственной комиссіи, въ слѣдующемъ году ѣздилъ по такому же порученію въ Смоленскъ, а съ 3 іюня 1813 г. по 14 февраля 1814 г., по случаю увольненія въ отпускъ министра юстиціи И. И. Дмитріева, управлялъ министерствомъ. 30 марта 1816 г. Болотниковъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Кіевъ, для обревизованія губерніи и для производства изслѣдованія по разнымъ предметамъ вслѣдствіе поданныхъ Государю Императору всеподданнѣйшихъ жалобъ. Въ мартѣ 1817 г. поручено ему главное управленіе с.-петербургскимъ коммерческимъ училищемъ, съ званіемъ оберъ-директора. Въ 1817 г. онъ участвовалъ въ комиссіи по разслѣдованію о злоупотребленіяхъ въ Ревельской таможнѣ и въ томъ же году вторично временно управлялъ министерствомъ юстиціи. 24 января 1818 г. Болотниковъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ въ комитетъ о волынской губерніи и въ комиссію по злоупотребленіямъ въ Радзивиловской таможнѣ. 29 августа 1821 г. повелѣно ему присутствовать въ 1 отдѣленіи 3-го департамента сената, а Высочайшимъ указомъ 30 августа 1823 г. онъ назначенъ

членомъ Государственнаго Совѣта, съ повелѣніемъ присутствовать въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. 22 августа 1826 г. пожалованъ ему орденъ св. Александра Невскаго, 2 октября 1827 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 31 іюля 1828 г. уволенъ отъ званія предсѣдателя медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по случаю долговременной его болѣзни. Погребенъ Болотниковъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-невскомъ монастырѣ.

Формулярный списокъ и Высочайшіе указы въ Сенатскомъ архивѣ.—Рукописный словарь Казадаева.—Сборникъ И. Р. И. О., тт. 20 и 78.

Болотниковъ, *Иванъ*, дворцовый дьякъ. Участвовалъ въ избраніи царя Михаила Θеодоровича; съ 1612 по 1631 г. былъ дьякомъ въ приказѣ большого дворца и судьею въ приказѣ казанскаго дворца; въ 1616 г. былъ подъ Смоленскомъ съ государевыми послами, кн. Ив. Мих. Воротынскимъ и бояриномъ Алекс. Юр. Сицкимъ, которые были посланы для переговоровъ съ литовскими послами о мирѣ; въ 1618 г. участвовалъ въ съѣздѣ московскихъ пословъ съ литовскими подъ Москвою; въ 1619 г. ѣздилъ въ Вязьму съ послами, Шереметевымъ и Мезецкимъ, для размѣна плѣнныхъ; въ 1626 г., на свадьбѣ царя Михаила съ Евдокіей Стрѣшневой шелъ около саней царевны; въ 1627 г., при встрѣчѣ пословъ въ государевой палатѣ стоялъ на второй встрѣчѣ среди большихъ сѣней вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ. Во все время своей службы Болотниковъ пользовался большимъ почетомъ; его часто приглашали къ царскому столу, на Св. Воскресенье «видѣть государевы очи», на всѣ пріемы—и при перечисленіи присутствующихъ дьяковъ его имя всегда упоминается первымъ.

Акты Истор.—Дополн. къ Акт. Ист.—Акты Юридич.—Акты Экспед.—Дворцовые Разряды I, 104, 208, 367, 374, 377, 387, 528, 553, 579, 609, 610, 624, 658, 673, 676, 678, 687, 728, 769, 776, 788, 791, 800, 802, 833, 844, 856, 879, 915, 935, 961, 964, 966, 968, 969, 975, 977, 995, 1003, 1011, 1024, 1029, 1030, 1140, 1220; II, 7, 14, 19, 43, 60, 85, 211, 238, 824, 842, 847, 857.—Разрядныя книги.—Сборникъ Хилкова.—Русск. Ист. Библ. I, II, VIII—XI, XIII, XV, XVII.—Древняя Россійск. Вивл. XIII, 152, 161. — Соловьевъ, Исторія Россіи.

Болотниковъ, *Иванъ Исаевъ*, бывшій холопъ князя Андрея Телятевскаго, «большой воевода» мятежниковъ 1606—7 г. О молодости Болотникова существуютъ не совсѣмъ достовѣрные разсказы: будто, взятый въ плѣнъ татарами и проданный потомъ туркамъ, онъ былъ нѣкоторое время галернымъ невольникомъ, неизвѣстно какъ освободился, бѣжалъ за границу и, пробираясь изъ Венеціи въ Россію, былъ схваченъ въ Польшѣ приверженцами Молчанова, убійцы Θедора Годунова, который благополучно убѣжалъ изъ Москвы, обдумывая въ это время планъ вторичнаго появленія на Москвѣ Лжедимитрія. Воспользовавшись Болотниковымъ, онъ отослалъ его, какъ довѣренное лицо отъ имени «царя Дмитрія» въ Путивль къ воеводѣ князю Гр. П. Шаховскому. Принятый Шаховскимъ, какъ повѣренный царя, Болотниковъ получилъ подъ свое начальство цѣлый отрядъ казаковъ. Онъ умѣло воспользовался своей властью и легко поднялъ цѣлую толпу бѣглыхъ холоповъ, крестьянъ, разбойниковъ и разнаго бродячаго люда, недовольнаго современнымъ общественнымъ строемъ, обѣщая имъ истребленіе господствующихъ классовъ и установленіе новыхъ общественныхъ отношеній. По распоряженію Шаховскаго, въ августѣ 1606 г. Болотниковъ двинулся со своимъ многочисленнымъ отрядомъ къ Кромамъ, гдѣ разбилъ на голову московское войско, подъ начальствомъ князя Юрія Трубецкого, а оттуда направился къ Серпухову и разгромилъ его. Въ это самое время начались повсемѣстныя возстанія не только казаковъ, но и дворянъ, дѣтей боярскихъ и мелкихъ служилыхъ людей; они собрались въ отдѣльные отряды, подъ предводительствомъ трехъ воеводъ: Сумбулова, Прокопія Ляпунова и Истомы Пашкова. Всѣ эти мятежныя дружины, соединившись вмѣстѣ, осадили Москву и 12 октября расположились въ деревнѣ Загорье (Заборье). Но недолго продолжалось согласіе между воеводами: очень скоро возставшіе дворяне поняли, что интересы Болотникова и его партіи въ сущности направляются противъ нихъ, и что имъ выгоднѣе и безопаснѣе вернуться къ Шуйскому. 15 ноября Сумбуловъ и Ляпуновъ оставили Заборье и пришли съ повинной къ царю. Тогда Вас. Шуйскій рѣшилъ выступить открыто противъ значительно убывшихъ мятежниковъ. 2 декабря князь М. В. Скопинъ-Шуйскій напалъ на Болотникова подъ Коломенскимъ. Во время боя, на сторону москвичей передался Истома Пашковъ со своими дружинами. Оставшись одинъ, Болотниковъ

былъ разбитъ и принужденъ бѣжать. Онъ пошелъ назадъ старымъ путемъ, дошелъ до Калуги и засѣлъ въ ней. Напрасно посланные Шуйскимъ на осаду Калуги воеводы Ѳ. Ив. Мстиславскій и Ив. Ив. Шуйскій пытались взять городъ; Болотниковъ со своими казаками продержался тамъ всю зиму. Весною 1607 г. новый самозванецъ, Лжепетръ, явился съ цѣлой шайкой разбойниковъ въ Тулу къ кн. Шаховскому; тотчасъ же, чтобъ выручить Болотникова, Шаховской послалъ кн. Андрея Телятевскаго съ отрядомъ мятежниковъ, и кн. Мстиславскій долженъ былъ снять осаду съ Калуги. Болотниковъ быстро перебрался въ Тулу, и такимъ образомъ всѣ предводители мятежа собрались вмѣстѣ. Ихъ войско доходило до 30.000 человѣкъ. Тогда Вас. Шуйскій рѣшилъ ударить на нихъ и самъ выступилъ въ походъ изъ Москвы 21 мая. Онъ осадилъ Тулу. Несмотря на голодъ и лишенія, осажденные выдерживали приступы москвичей до октября. Наконецъ ихъ терпѣніе истощилось, и Болотниковъ пошелъ на переговоры съ Шуйскимъ. За сдачу города царь обѣщалъ помилованіе, и 10 октября Тула сдалась. Но Шуйскій не сдержалъ своего обѣщанія: 30 октября всѣ воеводы были перевезены въ Москву и разными способами лишены жизни. Болотниковъ говорятъ, былъ сосланъ въ Каргополь и тамъ утопленъ.

Сказанія Массы и Геркмана.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Платоновъ, Очерки по исторіи смуты.

Болотниковы, дворянская фамилія, по родословнымъ книгамъ вышедшая изъ Литвы въ царствованіе вел. кн. Василія Іоанновича въ началѣ XVI в., но въ актахъ встрѣчается еще въ XV вѣкѣ дьякъ *Леонтій Аѳанасьевичъ* Болотниковъ, который писалъ духовную Степана Лазарева въ 1473 г. *Савлукъ* Болотниковъ, съ сыновьями *Ѳедоромъ* и *Иваномъ*, по родосл. книгѣ первый литовскій выходецъ, былъ жалованъ помѣстьями въ вяземскомъ уѣздѣ. У Ѳедора Савлуковича былъ сынъ *Ѳедоръ*, по прозвищу Лобанъ, и внукъ *Матвѣй Лобановичъ*, рында Іоанна Грознаго; въ 1572 г., въ походѣ Іоанна въ Новгородъ онъ былъ въ поддатняхъ при третьемъ саадакѣ царя. Въ томъ же походѣ, въ поддатняхъ у рогатины царя находился *Утрешъ* (Утешъ) *Никитичъ*, а въ поддатняхъ у рогатины царевича Ивана *Ѳедоръ* и *Алексѣй Кауровичи*. *Андрей*, *Борисъ* и *Никита*, дѣти боярскіе вяземскаго уѣзда, въ 1565 г. подписались у поручной записи по бояринѣ Ив. Петр. Яковлѣ-Захарьинѣ. *Юрій* Болотниковъ въ 1598 г. присутствовалъ на соборѣ объ избраніи Бориса Годунова, а 17 мая 1625 г. былъ за царскимъ столомъ. *Ѳедоръ Миничъ* въ 1608—1610 г. былъ воеводою въ Юрьевѣ Польскомъ. *Горчакъ* въ 1616 г. служилъ головою деревенскихъ казаковъ въ Новосилахъ. *Александръ Сулешовъ*, жилецъ, былъ межевымъ судьею въ Путивлѣ въ 1637 г. *Акимъ Сидоровъ*, стольникъ, въ 1694 г. дежурилъ у гроба Наталіи Кирилловны. *Ѳедоръ Сидоровъ* былъ стольникомъ Петра Великаго; вѣроятно, онъ же въ 1680 г. былъ отправленъ при посольствѣ во французскую и англійскую земли. Много Болотниковыхъ въ первой половинѣ XVII в. упоминаются, какъ жильцы. Въ 1699 г. 22 Болотникова владѣли населенными имѣніями.

Акты Историч.—Дополненія къ Акт. Ист.—Акты Юридическіе. — Акты Экспедиціи. — Акты Южной и Западной Россіи, т. VI, XV.—Древняя Россійск. Вивліоѳ. XIII, 427, 428.—Дворцовые разряды I, 233, 336, 359, 689; IV, 860.—Разрядныя книги.—Симбирскій Сборникъ, 33.—Записки Жолкѣвскаго.—Сборникъ Хилкова.—Дѣло Шакловитаго.—Родословн. книга князя Долгорукаго.

Болотовъ, *Андрей Михайловичъ* (Лудвигъ Desmarets) род. въ 1801 г., ум. въ чинѣ надворнаго совѣтника 8 января 1854 г. отъ аневризма. Сынъ иностранца, принявшаго русское подданство и православное вѣроисповѣданіе, онъ поступилъ въ 1813 г. въ воспитанники 1-го возраста академіи художествъ, и въ томъ же году, согласно прошенію его матери, Анны Демаре, ему было разрѣшено совѣтомъ называться Андреемъ Михайловичемъ Болотовымъ. Въ 1819 г. онъ получилъ за архитектурныя композиціи вторую серебряную медаль, а въ 1820 г.—первую серебряную медаль. По окончаніи курса академіи, Болотовъ былъ выпущенъ 7 февраля 1821 г. съ чиномъ 14 класса и 27 февраля поступилъ на службу въ с.-петербургскій комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, гдѣ прослужилъ до 30 апрѣля 1822 г. 29 сентября того же года Болотовъ опредѣленъ въ с.-петербургскій почтамтъ на штатную вакансію архитектора, но 12 іюня 1823 г. уволенъ, по прошенію. 15 января 1824 г. онъ былъ опредѣленъ въ вѣдомство с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, для надзора за производствомъ обывательскихъ строеній и тротуаровъ, и,

кромѣ сего, 13 марта 1824 г. опредѣленъ въ коммиссію для постройки новаго зданія для с.-петербургскаго ордонансъ-гауза. Когда въ 1826 г. министръ финансовъ обратился въ академію художествъ съ просьбою прислать кого-либо изъ воспитанниковъ академіи по архитектурному классу, то совѣтъ рекомендовалъ министру Болотова, какъ художника искуснаго въ черченіи и отличнаго поведенія, и 23 іюня 1827 г. Болотовъ опредѣленъ въ правленіе государственнаго заемнаго банка, по части архитекторской. 1 апрѣля 1828 г. онъ помѣщенъ тамъ же на вакансію архитекторскаго помощника. 6 іюля 1828 г. онъ вторично опредѣленъ архитекторомъ въ с.-петербургскій почтамтъ, но 22 октября 1830 г., по случаю преобразованія почтовой части, остался за штатомъ. Въ 1831 г., по прошенію о назначеніи ему программы на званіе академика 1-й степени по части архитектуры и строительнаго искусства, онъ получилъ отъ совѣта академіи программу: «сдѣлать полный проектъ арсенала со всѣми къ оному принадлежностями». 4 марта 1835 г., по предложенію министра финансовъ, Болотовъ опредѣленъ на вакансію младшаго архитектора заемнаго банка, въ 1836 г. утвержденъ въ званіи свободнаго (некласснаго) художника, 31 декабря 1838 г., по предписанію министра финансовъ, отправленъ въ Архангельскъ для освидѣтельствованія таможеннаго замка и предполагаемаго къ укрѣпленію берега Сѣверной Двины, а 15 декабря 1839 г. уволенъ, согласно прошенію, изъ вѣдомства заемнаго банка. По предписанію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, отъ 15 января 1842 г., Болотовъ поставленъ въ прямую зависимость отъ комитета для строеній и гидравлическихъ работъ въ С.-Петербургѣ, а по упраздненіи этого комитета, опредѣленъ 1 января 1844 г. архитекторомъ 1-го округа путей сообщенія. 17 января 1851 г. онъ назначенъ производителемъ работъ по перестройкѣ Елизаветинскаго училища, съ оставленіемъ при прежней должности. Въ томъ же году онъ возведенъ въ званіе академика «по извѣстнымъ познаніямъ и искусству по части архитектуры», а въ 1853 г. избранъ въ члены комитета для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ художниковъ.

Петровъ, Сборникъ матер. для исторіи И. А. Худ.—Архивъ И. Ак. Худож. (Дѣла правленія: 1813 г., № 22; 1831 г., № 212; 1853 г., № 118; дѣла гг. президентовъ и вице-президентовъ: 1826, № 20.—Архивъ М. Пут. Сообщ. (Дѣла штаба корпуса путей сообщенія: 1854 г., №№ 22, 140 и 247). *А. Мальмгренъ.*

Болотовъ, *Андрей Тимоѳеевичъ*, род. 7 октября 1738 г. въ своемъ родовомъ сельцѣ Дворяниновѣ, алексинскаго уѣзда, тульской губерніи, ум. 3 октября 1833 г., тамъ же. До 12-ти лѣтъ онъ жилъ при отцѣ, который служилъ полковникомъ въ архангелогородскомъ полку. Въ этотъ полкъ десятилѣтній Болотовъ былъ зачисленъ каптенармусомъ. Несмотря на службу и частые переходы полка изъ одного мѣста въ другое въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отецъ самъ преподавалъ сыну языки нѣмецкій и французскій, ариѳметику и географію. На тринадцатомъ году онъ былъ отданъ къ одному курляндскому дворянину, у котораго былъ нѣмецъ-учитель для дѣтей, а вскорѣ затѣмъ Болотова отвезли въ Петербургъ въ пансіонъ одного француза; здѣсь, однако, онъ проучился всего нѣсколько мѣсяцевъ. На четырнадцатомъ году Болотовъ потерялъ отца, умершаго въ Выборгѣ, гдѣ квартировалъ въ то время архангелогородскій полкъ. По смерти отца, Болотовъ, будучи уже сержантомъ, по малолѣтству, былъ уволенъ въ отпускъ въ деревню, гдѣ прожилъ до 16-ти лѣтъ и потерялъ мать, умершую въ 1753 г. Въ деревнѣ юноша много читалъ, изучая, такимъ образомъ, географію, исторію, геометрію, фортификацію и упражняясь съ особенной любовью въ рисованіи. По окончаніи отпуска Болотовъ отправляется въ полкъ, квартировавшій тогда въ Эстляндіи, и вступаетъ въ дѣйствительную службу. Девятнадцатилѣтнимъ офицеромъ, въ чинѣ подпоручика, Болотовъ въ 1756 г., когда началась Семилѣтняя война, отправляется съ полкомъ въ походъ и участвуетъ въ сраженіи при Эгерсдорфѣ. Въ свободное время Болотовъ и въ походѣ не оставлялъ чтенія и переводовъ. Въ 1757 г., когда русскія войска заняли всю Пруссію, Болотовъ былъ отправленъ для караульной службы въ Кенигсбергъ. Вскорѣ Болотовъ былъ назначенъ здѣсь, какъ хорошо знающій нѣмецкій языкъ, письмоводителемъ кенигсбергской каморы, а по прибытіи генерала Корфа, на котораго было возложено управленіе всѣмъ королевствомъ, Болотова прикомандировали къ нему въ качествѣ переводчика оффиціальныхъ бумагъ, поступающихъ въ канцелярію на нѣмецкомъ

языкѣ. Эту должность Болотовъ занималъ и при преемникѣ Корфа, генералъ-губернаторѣ В. П. Суворовѣ; по временамъ Болотовъ несъ обязанности адъютанта при Корфѣ и Суворовѣ. За время службы въ Пруссіи Болотовъ получилъ чинъ поручика. Въ свободное отъ службы время, Болотовъ продолжалъ свои частныя занятія, познакомился со многими изъ профессоровъ кенигсбергскаго университета, бралъ у нихъ книги и слушалъ лекціи, особенно знаменитаго въ то время профессора философіи Крузіуса. Страсть къ занятіямъ доходила у Болотова до того, что онъ и въ канцеляріи всегда имѣлъ при себѣ книги и краски для рисованія. По кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны и по вступленіи на престолъ Петра III, Болотовъ покидаетъ Кенигсбергъ и поступаетъ адъютантомъ къ Корфу, назначенному с.-петербургскимъ генералъ-полиціймейстеромъ. Въ этой должности Болотовъ находился почти до самого вступленія на престолъ Екатерины II. Когда незадолго передъ тѣмъ, по повелѣнію Петра III, у всѣхъ некомандующихъ генераловъ были отобраны штаты, и Болотову приходилось, оставаясь на службѣ, отправиться въ свой полкъ въ Силезію, тогда, предпочитая ученыя занятія военной службѣ, Болотовъ выходитъ въ отставку въ чинѣ капитана и поселяется въ своемъ родовомъ имѣніи. Въ тиши деревенской жизни, онъ весь отдается сельскому хозяйству и наукамъ. По различнымъ руководствамъ иностранныхъ авторовъ Болотовъ изучаетъ теоретически всѣ отрасли сельскаго хозяйства, начинаетъ записывать и свои практическія наблюденія, интересуясь вмѣстѣ съ тѣмъ различными этическими и педагогическими вопросами. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи была его «Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для споспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей», изданная въ Москвѣ въ 2-хъ частяхъ, въ 1776 — 1779 гг. Впослѣдствіи, сдѣлавшись отцомъ семейства, Болотовъ написалъ продолженіе этой книги, въ 8 частяхъ, оставшихся въ рукописи. Далѣе были написаны: «Путеводитель къ истинному человѣческому счастію», въ 3-хъ частяхъ, изданный въ 1784 г. и «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня, относящіяся къ самому себѣ и къ Богу», изданная въ 1781 г. Въ продолженіе своего перваго 12-ти-лѣтняго пребыванія въ деревнѣ, Болотовъ завязываетъ дѣятельныя сношенія съ только-что основаннымъ вольнымъ экономическимъ обществомъ. Послѣднее приглашало сельскихъ хозяевъ отвѣчать на разные сельско-хозяйственные вопросы, и Болотовъ тотчасъ воспользовался этимъ. Онъ написалъ на заданные вопросы отвѣты, которые съ одобреніемъ были приняты и помѣщены въ «Трудахъ» общества. Болотова избираютъ членомъ и продолжаютъ печатать присылаемыя имъ статьи, которыхъ впослѣдствіи набралось столько, что могла бы составиться цѣлая сельско-хозяйственная энциклопедія. Изъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства Болотовъ особенно любилъ садоводство, занимаясь въ своемъ имѣніи разведеніемъ садовъ. Накупивъ по естествознанію и сельскому хозяйству много книгъ еще въ Пруссіи, онъ годъ отъ году увеличивалъ свой книжный запасъ, такъ что съ теченіемъ времени у него составилась замѣчательная библіотека. Когда понадобился опытный сельскій хозяинъ для управленія кіясовскою волостью, купленною Императрицею Екатериною II, то князь С. В. Гагаринъ, по рекомендаціи вольнаго экономическаго общества, предложилъ Болотову сначала описать эту волость, а затѣмъ принять на себя и управленіе ею. Такимъ образомъ, Болотовъ болѣе 23-хъ лѣтъ управлялъ собственными Ея Величества волостями, сначала кіясовскою, а потомъ богородицкою, тульской губ., и бобриковскою. За труды по управленію Болотовъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія и награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ этотъ періодъ времени Болотовъ приступилъ къ изданію своихъ сочиненій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Кромѣ выше упомянутыхъ, особенное вниманіе обратили на себя два сельско-хозяйственныхъ журнала. Такъ какъ вольное экономическое общество не могло въ скоромъ времени помѣстить въ своихъ «Трудахъ» всѣхъ сочиненій Болотова, то онъ и задумалъ сельскохозяйственный еженедѣльный журналъ. Этотъ журналъ носилъ названіе «Сельскаго Жителя» и издавался въ 1778 и 1779 гг. Въ 1780 г. Н. И. Новиковъ, издававшій тогда «Московскія Вѣдомости», предложилъ Болотову для каждаго нумера газеты составлять по одному печатному листу подъ названіемъ «Экономическаго

Магазина». Болотовъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и сотрудничалъ въ «Моск. Вѣд.» въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1780 по 1790 г. Единственнымъ постояннымъ помощникомъ Болотова въ данномъ случаѣ былъ его малолѣтній сынъ, который занимался переписываніемъ набѣло переводныхъ съ нѣмецкаго статей, составленіемъ указателя, а иногда и самыми переводами. Изъ десятилѣтняго изданія «Экономическаго Магазина» составилась цѣлая энциклопедія въ 40 большихъ томовъ. Въ пространномъ заглавіи этого сочиненія, между прочимъ, говорилось, что оно есть «собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лѣкарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и неизбѣжныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей». По кончинѣ Императрицы Екатерины II, собственныя Ея Величества волости были пожалованы графу Бобринскому. Болотовъ, отказавшись отъ управленія ими, возвратился въ свою деревню и снова принялся за литературные и сельско-хозяйственные труды. Вообще въ сельскомъ хозяйствѣ Болтовъ имѣлъ громадныя свѣдѣнія: онъ едва-ли не самый замѣчательный русскій агрономъ и помологъ XVIII столѣтія. Но слава его въ потомствѣ зиждется не на этомъ, а на томъ многотомномъ и многолѣтнемъ трудѣ, который Болтовъ съ поразительнымъ постоянствомъ писалъ около тридцати лѣтъ, съ 1789 по 1816 г. Этотъ трудъ—его «Записки», носящія заглавіе: «Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ». Онѣ ярко изображаютъ внутренній бытъ русскаго общества за все XVIII столѣтіе, начиная съ 1738 г., и касаются самыхъ разнообразныхъ его сторонъ. Эти «Записки»—главнѣйшій изъ матеріаловъ для исторіи современнаго русскаго быта; онѣ даютъ любопытнѣйшія подробности о домашнемъ и общественномъ воспитаніи тогдашнихъ русскихъ дворянъ, свѣдѣнія объ ихъ провинціальной и столичной, домашней и общественной жизни, объ ихъ военной и гражданской службѣ. Кромѣ того, «Записки» даютъ понятіе о состояніи сельскаго хозяйства, русской литературы, науки и книжной торговли прошлаго вѣка и довольно подробно говорятъ объ участіи Россіи въ войнѣ съ Фридрихомъ II и о войнахъ Екатерины II съ турками, поляками и шведами. Далѣе, въ «Запискахъ» разсѣяны драгоцѣнныя черты для біографій государственныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей съ 1740 по 1793 г. и, наконецъ, послѣдовательно разсказывается о правительственныхъ распоряженіяхъ восьми царствованій, съ Петра I до Екатерины II, причемъ сообщается немало характерныхъ подробностей о русскомъ дворѣ времени Елисаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Такимъ образомъ, помимо важнаго автобіографическаго значенія, «Записки» представляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе русской исторической литературы. Этотъ замѣчательный памятникъ XVIII столѣтія долгое время находился въ рукописи, въ семейномъ архивѣ потомковъ Болотова. Въ 1839 г. появляются первые небольшіе отрывки изъ «Записокъ» въ «Сынѣ Отечества», кн. 8 и 9, но передѣланные и исправленные противъ подлинника. Затѣмъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 и 1854 гг., въ томахъ 69—78, появляются сначала первыя четыре части «Записокъ» Болотова (всѣ онѣ состоятъ изъ 29 частей), а послѣ того пятая и шестая части, но такъ же, какъ и раньше, въ исправленномъ видѣ, съ опущеніемъ многихъ характерныхъ разсужденій. Въ 1858 и 1860 гг. въ «Библіотекѣ для чтенія» тоже печатались нѣкоторые отрывки изъ 7, 8 и 9 частей «Записокъ»; хотя при этомъ нѣтъ передѣлокъ, но есть пропуски противъ подлинной рукописи десятками страницъ, какъ напримѣръ, въ описаніи интересныхъ событій 1760—1762 гг. Наконецъ, въ 1870 г., въ первый годъ изданія «Русской Старины», въ приложеніи къ ней, а затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ, «Записки» Болтова появились впервые цѣликомъ и дословно, безъ всякихъ измѣненій противъ рукописи. Въ отдѣльномъ изданіи «Записки» разбились на четыре компактныхъ тома; изъ нихъ первый обнимаетъ I—VII части, съ 1738 по 1760 г., второй — части VIII — XIV, съ 1760—1771 г., третій—части XV—XXI, съ 1771 по 1784 г., и четвертый—части XXII — XXIX, съ 1785 по 1795 г.— Занимаясь своимъ капитальнымъ трудомъ, Болотовъ почти безвыѣздно проживалъ въ своемъ Дворяниновѣ. Только въ 1803 г. онъ пробылъ по дѣламъ въ Петербургѣ 11 мѣсяцевъ. Здѣсь Болотовъ познако-

мился съ членами вольнаго экономическаго общества и участвовалъ въ еженедѣльныхъ собраніяхъ его. За услуги, оказанныя сельскому хозяйству, общество присудило Болотову золотую медаль и о трудахъ его довело до свѣдѣнія Государя. Императоръ пожаловалъ Болотову брилліантовый перстень. Послѣ этого кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, Болотовъ опять уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ прожилъ до самой смерти. Не одно вольное экономическое общество цѣнило труды Болотова: еще раньше, въ 1797 г., Болотовъ былъ избранъ почетнымъ членомъ королевско-саксонскаго лейпцигскаго экономическаго общества, а въ 1820 г. почетнымъ членомъ Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, за постоянное участіе въ его трудахъ. Въ спеціальномъ органѣ этого общества—«Земледѣльческомъ Журналѣ»—Болотовъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей по садоводству. Кромѣ многочисленныхъ работъ по сельскому хозяйству и «Записокъ», Болтовъ оставилъ нѣсколько изслѣдованій по естествознанію (одно, а именно: «Объ электрицизмѣ и о леченіи онымъ разныхъ болѣзней»—было издано въ 1803 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ), нѣсколько драматическихъ пьесъ (драма въ 3 дѣйствіяхъ «Несчастныя сироты», писанная для воспитанниковъ богородицкаго пансіона, издана въ 1784 г.), нѣсколько переводовъ, какъ «Проповѣдь Іерузалема», «Генріетта, или гусарское похищеніе», «Жизнь и приключенія Эдуарда Претендента» и другіе. Кромѣ того, большое количество сочиненій Болотова остаются неизданными; нѣкоторыя изъ нихъ довольно объемисты. Таковы, напримѣръ, въ 15 частяхъ «Современныя извѣстія о первой французской войнѣ» (1805—1810 г.), «Описаніе послѣдней французской войны», въ 30 частяхъ, съ 1811 по 1815 г., «Собраніе мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ» въ 7 частяхъ (1794—1821 г.), «Мысли о романахъ», въ 2 частяхъ, 1791 г. «Собраніе анекдотовъ о князѣ Потемкинѣ», «Краткая исторія Польши» и другія.

Словари: Митрополита Евгенія, Снегирева, Геннади и Венгерова (весьма обстоятельная статья, съ указаніемъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ трудовъ Болтина). — «Земледѣльческій Журналъ» 1838 г. книга V, біографическая статья С. Маслова, извлеченная изъ «Записокъ» Болотова, которыя являются важнѣйшимъ источникомъ для его біографіи.—«Москвитянинъ» 1843 г., № 5.—«Журналъ Садоводства» 1861 г., № 10, стр. 207—213.—«Всемірная Иллюстрація» 1870 г. № 104.—«Экономическій магазинъ», библіографическое описаніе, составленное А. Неустроевымъ, 1874 г.—Предисловіе къ «Запискамъ» Болотова, въ изданіи и подъ редакціей М. И. Семевскаго.

Болотовы, дворянскій родъ, представители коего впервые упоминаются въ XVI вѣкѣ: *Дорога*, пушкарь въ 1555 г. былъ посланъ въ Новгородъ для надзора за тамошними кузнецами; *Романъ* и, вѣроятно, сынъ его, *Василій Романовичъ*, владѣли помѣстьями въ каширскомъ уѣздѣ (1587 — 1589 г.). *Кириллъ Ерофеевъ* былъ жалованъ помѣстьями въ 1655 г. за войну съ Польшей, а въ 1689 г. за храбрость и мужество въ военныхъ дѣйствіяхъ. За усердную службу верстаны помѣстными окладами въ 1628 г. *Гавріилъ Васильевичъ Горяинъ* и, вѣроятно, сынъ его *Іеремія Гавриловичъ*, каширскій помѣщикъ, умершій въ 1656 г. *Василій сынъ Грязнова* убитъ въ 1634 г. въ польскую войну, подъ Смоленскомъ.

Акты Историческіе.—Дополн. къ Акт. Ист.—Акты Южной и Западной Россіи, XIII.—Русская Истор. Библіот., XV, XVII.—Родослов. кн. Бобринскаго.—Родословн. кн. Долгорукаго.

Болтинъ, *Аверкій Федоровичъ*, воевода, младшій братъ Баима (Бориса), съ 1624 г. упоминается въ жильцахъ; въ 1638 г. онъ получилъ приказъ встрѣтить за Яузою по Владимірской дорогѣ посла персидскаго шаха, который шелъ черезъ Москву къ голштинскому князю; въ этотъ разъ Болтинъ именуется дворяниномъ; въ 1644 г. онъ былъ посланъ въ Саратовъ воеводою, гдѣ избіеніемъ буйныхъ татарскихъ отрядовъ успокоилъ южное Заволжье; въ 1649 г., на выѣздѣ къ литовскимъ посламъ онъ былъ головою у дворянъ, а въ 1651 г., при такомъ же случаѣ былъ головою у жильцовъ; съ 1653 по 1656 г. онъ былъ воеводой въ Томскѣ, имѣя уже санъ стольника; 18 іюля 1658 г. онъ былъ назначенъ корсунскимъ воеводой и отправился на мѣсто своего назначенія, но въ силу разгорѣвшихся въ малороссіи казацкихъ междоусобій задержался въ Кіевѣ; отъ 28 августа того же года существуетъ указъ, по которому Аверкій Болтинъ вызывался изъ Кіева обратно на Москву, но еще въ октябрѣ онъ былъ въ Кіевѣ, такъ какъ, во время нападенія на Кіевъ Данилы Выговскаго, Болтинъ принималъ участіе въ оборонѣ города. Въ 1662 г. онъ былъ воеводою въ Старомъ Быховѣ, гдѣ отбилъ нападеніе поляковъ и литов-

цевъ, за что получилъ царскую благодарность.

Акты Южн. и Зап. Россіи, VII, IX, XV.—Дворцовые Разряды II, 959; III, 161, 174, 235, 259, 364, 446; прил. 26, 128.—Русская Ист. Библ. X.—Родословная кн. Петрова. — Родословная книга кн. Долгорукаго.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.

Болтинъ, *Баимъ (Борисъ) Федоровичъ,* воевода. Въ 1613 г. онъ былъ присланъ въ челобитчикахъ отъ воеводы Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого изъ Бронницъ, съ жалобой на «тѣсноту, чинимую нѣмецкими людьми русскимъ ратнымъ людямъ»; въ 1620 г. состоялъ вторымъ воеводой при Никитѣ Дмитріевичѣ Вельяминовѣ въ Теркахъ; въ 1621 г. упоминается воеводой тамъ же, а въ 1622 г. былъ смѣненъ; въ 1624 г. онъ въ первый день «государевой радости» стоялъ у дверей отъ столовой избы къ сборной палатѣ, а въ 1625 г. присутствовалъ на свадьбѣ царя Михаила съ княжной Маріей Долгорукой; въ 1626 г. въ отсутствіе Государя, отправившагося къ Троицѣ-Сергію, онъ дневалъ на государевомъ дворѣ съ бояриномъ Шереметевымъ, при чемъ его имя стоитъ въ спискѣ дворянъ; въ апрѣлѣ 1632 г. онъ, по Государеву указу, посланъ вмѣстѣ съ воеводой Плещеевымъ къ Новгороду Сѣверскому защищать этотъ край отъ королевича Владислава; въ октябрѣ 1632 г. онъ писалъ Государю о взятіи Новгорода Сѣверскаго, а 9-го февраля 1633 г. назначенъ тамъ воеводой; 1 апрѣля 1634 г. бояринъ былъ въ головахъ у боярина Шереметева на съѣздѣ литовскихъ пословъ съ русскими между Вязьмой и Дорогобужемъ; 5 іюля того же года онъ упоминается въ спискѣ дворянъ, присутствовавшихъ за царскимъ столомъ; въ октябрѣ онъ ѣздилъ въ посольствѣ въ Литву; въ 1637 г. былъ посылаемъ въ Путивль для проведенія пограничной черты съ литовскими владѣніями; 23 мая 1638 г. присутствовалъ на встрѣчѣ крымскаго посла, будучи головою 9-й сотни городовыхъ дворянъ. Указомъ 19 августа 1641 г. Болтинъ пожалованъ въ ясельничіе, въ 1642 г. снова ѣздилъ въ Путивль межевать спорныя земли съ литовскими людьми, въ 1644 г. выѣзжалъ на встрѣчу датскаго королевича Вольдемара; въ 1641—1645 гг. былъ постельничьимъ при царскомъ дворѣ и первымъ судьею въ конюшенномъ приказѣ; въ 1649 г. былъ приставомъ при польскихъ послахъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ Болтинъ былъ посланъ на службу въ Сибирь и въ 1652 г. упоминается какъ тобольскій воевода; возвратясь оттуда въ 1654 г., онъ участвовалъ въ польской встрѣчѣ, состоя головою у ставленья становъ царскихъ.

Акты Экспед. III.—Разрядныя книги. — Дворцовые разряды I, 108, 459, 484; II, 274, 286, 288, 310, 317, 395, 404, 538, 577, 658, 671, 682, 683, 722, 864, 874; III, 129, 130, 134, 328, 363, 467.—Русская Историч. Библіотека IX, X.—Родословная книга Петрова.—Родословная книга кн. Долгорукаго.

Болтинъ, *Баимъ (Сидоръ) Федоровичъ,* дьякъ. 17 февраля 1627 г. было ему велѣно быть дьякомъ нижегородской (новгородской) чети; 27 апрѣля того же года онъ присутствовалъ у стола въ грановитой палатѣ, и вообще, въ эти годы его имя постоянно встрѣчается въ числѣ приглашенныхъ къ государеву столу; въ 1629 г. онъ былъ на встрѣчѣ свѣйскаго посла; въ 1631 — 1632 и 1633 гг. онъ удостоивался «видѣть государевы очи» на Свѣтлое Воскресенье; 18 іюня 1632 г. онъ былъ на встрѣчѣ турскаго посла.

Акты Историческіе.—Акты Юридическіе.—Дополненія къ акт. историч.—Акты Экспедиціи.—Дворцовые разряды I, 907, 915, 969, 972, 995, 1006, 1029; II, 7, 10, 19, 39, 43, 46, 55, 58, 60, 62, 63, 85, 211, 222, 224, 225, 251, 264, 277, 842, 847, 857. — Русская Историч. Библіотека. II, IX.

Болтинъ, *Иванъ,* оберъ-прокуроръ Св. Синода и сибирскій вице-губернаторъ. Въ 1709 г. онъ участвовалъ въ войнѣ въ чинѣ полковника, и его отрядъ побилъ запорожцевъ; въ 1711 г. онъ находился въ Бреславлѣ, куда Петръ приказалъ выслать ему 3000 рублей и аммуницію; въ 1722 г. онъ изъ полковниковъ каргопольскаго драгунскаго полка былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода. Въ 1725 г. по дѣлу новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, на котораго, по должности своей оберъ-прокурора, Болтинъ былъ обязанъ донести, но не сдѣлалъ этого, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и въ наказаніе «отосланъ къ дѣламъ въ Сибирь», но тутъ открылись на немъ еще вины, неозначенныя въ указѣ, за которыя его безъ всякого промедленія выслали въ Сибирь съ наказомъ «не употреблять его къ дѣламъ» впредь до особыхъ распоряженій. Въ 1727 г. ему были прощены его вины, и онъ получилъ назначеніе на должность сибирскаго вице-губернатора; въ 1728 г., когда князь Мих. Влад. Долгоруковъ, сибирскій губернаторъ,

былъ уволенъ по болѣзни, управлять сибирской губерніей, впредь до назначенія новаго губернатора, было поручено Болтину; 30 декабря 1731 г. онъ былъ уволенъ отъ вице-губернаторства.

Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. II, 63, 84, 94, 104.—Исторія Россіи Соловьева, т. III, IV.

Болтинъ, *Иванъ Никитичъ*, род. 1 января 1735 г., какъ полагаютъ, въ родовомъ своемъ имѣніи с. Ждановѣ, алатырскаго уѣзда; ум. 6 окт. 1792 г. Фамилія Болтиныхъ принадлежитъ къ древнему дворянскому роду, служившему въ московскій періодъ на поприщахъ военномъ, административномъ и дипломатическомъ. Отецъ И. Н. Болтина, Никита Борисовичъ (1672—1738), въ чинѣ стольника и капитана, состоялъ комисаромъ въ кригсъ-комисаріатѣ и владѣлъ многими помѣстьями, въ уѣздахъ: арзамасскомъ, нижегородскомъ, муромскомъ, рязанскомъ и алатырскомъ. Мать Болтина, Дарья Алексѣевна, рожд. Чемоданова, три раза была замужемъ и пережила всѣхъ мужей. Послѣ отца И. Н. Болтину досталась значительная часть его имѣній, до 900 крестьянъ муж. пола; но, кромѣ того, онъ наслѣдовалъ и часть имущества своей матери (въ пенз., арзамас. и симбир. уѣзд.). Получивъ домашнее воспитаніе, состоявшее въ обученіи русской грамотѣ, чтенію и письму, ариѳметикѣ и франц. языку, Болтинъ поступилъ въ началѣ 1751 г. въ лейбъ-гвардіи конный полкъ (учрежд. при Импер. Аннѣ Ивановнѣ), званіе полковника въ которомъ носила Императрица, и ряды котораго пополнялись цвѣтомъ русскаго дворянства. Прослуживъ 18 лѣтъ и не разъ исполняя разныя хозяйственныя порученія (по строительной части и по конскимъ заводамъ, принадлежавшимъ гвардіи), Болтинъ вышелъ въ отставку съ званіемъ премьеръ-маіора арміи. Онъ женился весьма рано, на дочери новг. помѣщ. Иринѣ Осіевнѣ Пустошкиной, отъ которой имѣлъ дочь Екатерину, бывшую замужемъ за статсъ - секретаремъ П. А. Соймоновымъ. Можно полагать, что, живя въ Петербургѣ, Болтинъ значительно, расширилъ свой умственный кругозоръ чтеніемъ и изученіемъ живыхъ языковъ. По крайней мѣрѣ въ своихъ трудахъ, пользуясь преимущественно классическими сочиненіями современной французской литературы, онъ умѣло обращается съ извлеченіями изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, съ писателями и вопросами, относящимися къ средневѣковой и новой литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ питалъ большой интересъ къ русской словесности и, какъ говорятъ, былъ лично знакомъ съ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ, Сумароковымъ и Миллеромъ. Есть также указаніе, что Болтинъ уже въ 1756 г. состоялъ членомъ петербургской масонской ложи. Во время своей службы Болтинъ сблизился съ Г. А. Потемкинымъ, который поступилъ въ тотъ же полкъ въ 1761 г. и вышелъ изъ него одновременно (въ ноябрѣ 1765 г.) съ Болтинымъ, а ихъ дружественныя отношенія отразились потомъ и на службѣ этого послѣдняго. 13 іюня 1769 г. Болтинъ былъ назначенъ директоромъ васильковской таможни, которая имѣла значеніе по важности этого пограничнаго пункта; но здѣсь предстояли ему еще заботы по случаю свирѣпствовавшей во время турецкой войны чумной заразы, которыя были признаны весьма благоразумными и заслуживающими поощренія. Впрочемъ только въ 1779 г., по ходатайству Потемкина, Болтинъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и перемѣщенъ былъ (27 мая 1779 г.) въ главную таможенную канцелярію; по закрытіи же этой послѣдней (1780 г.), онъ былъ награжденъ чиномъ кол. сов. и вскорѣ затѣмъ (15 марта 1781 г.) назначенъ прокуроромъ военной коллегіи, въ которой и оставался по день своей смерти, состоя въ послѣдніе годы (съ 24 ноября 1788) ея членомъ, въ чинѣ генералъ-маіора (съ 1786); а президентомъ воен. кол. съ 1784 г. былъ князь Потемкинъ. Будучи прокуроромъ, Болтинъ нѣкоторое время завѣдывалъ дѣлами главной провіантской канцеляріи, а въ званіи члена коллегіи—денежною частью, которая послѣ его смерти была найдена въ полномъ порядкѣ. Какъ крупный землевладѣлецъ, Болтинъ нерѣдко подвергался тяжбамъ и жалобамъ по своимъ и казеннымъ дѣламъ. Такъ, тяжба по поводу снятыхъ имъ у казны кинбурнскихъ соляныхъ озеръ, отчисленныхъ въ собственность предполагавшагося къ открытію екатеринославскаго университета, восходила до Сената и Императрицы. Но тѣ же частныя дѣла и состояніе здоровья заставляли Болтина нерѣдко отлучаться въ свои помѣстья, чему онъ обязанъ былъ близкимъ знакомствомъ съ разными мѣстами Россіи. При этомъ онъ посѣщалъ монастыри и

интересовался историческими матеріалами; а, по случаю пребыванія на сарептскихъ и царицынскихъ водахъ, издалъ ихъ описаніе («Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ съ приложеніями нужныхъ свѣдѣній и совѣтовъ для имѣющихъ намѣреніе къ тѣмъ водамъ ѣхать для своего пользованія», Спб. 1782).

Со дня присоединенія Крыма (8 апр. 1783), свыше полугода (до ноября) Болтинъ состоялъ при Потемкинѣ, «исправляя по приказаніямъ его разныя порученности». Мѣры, касавшіяся торговли края, взиманія податей «безъ отягощенія жителей», принятіе въ военную службу туземцевъ по доброй волѣ, а также относительно эпидеміи, свирѣпствовавшей на югѣ («крымской и херсонской язвы»), по всей вѣроятности проводились при непосредственномъ участіи Болтина. Не напрасно онъ вспоминаетъ поэтому о времени пребыванія на югѣ въ одномъ изъ своихъ ученыхъ трудовъ. (Прим. на Леклерка, II, 167). Свои чувства къ Потемкину Болтинъ выразилъ потомъ въ одномъ изъ историческихъ замѣчаній, сравнивая его по личнымъ качествамъ съ Мстиславомъ Великимъ (Примѣч. на Щербатова, II, 83).

Если государственные люди цѣнили въ Болтинѣ умъ и опытность, то его наблюдательность, житейскія отношенія и пребываніе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, должны были, сказаться въ складѣ его ума, обнаруживающемъ навыкъ соединять практическія соображенія съ теоретическими выводами. «Родясь и большую часть вѣка проживъ въ Россіи, пишетъ онъ, почти ни одной провинціи не оставилъ, въ которой бы я не былъ... Я въ рѣдкой области не бывалъ. Въ Малороссіи прожилъ безъ мала десять лѣтъ.....; а во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ татары, неоднократно бывалъ, и о ихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ житія достаточно свѣдомъ» (тамъ же, I, 160 — 168; II, 409 — 415), и въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ Болтинъ постоянно пользуется этимъ знаніемъ различныхъ частей Россіи или подтверждаетъ отдаленныя, прошлыя событія весьма цѣнными замѣчаніями о современныхъ явленіяхъ, нравахъ и обычаяхъ. Касаясь сарептскихъ водъ, Болтинъ говоритъ: «всю тамошнюю окольную страну я высмотрѣлъ и ничего не пропустилъ, встрѣчающагося глазамъ моимъ и мыслямъ, чтобы тогда же не записать». Онъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о Сарептѣ, о бытѣ гернгутерской колоніи, о мѣстныхъ растеніяхъ и животныхъ и т. п. Какъ помѣщикъ, Болтинъ близко былъ знакомъ съ бытомъ крестьянъ и при случаѣ даетъ живую картину ихъ страдной жизни (Примѣч. на Леклерка, II, 360 — 362).

Въ тотъ вѣкъ, за отсутствіемъ правильной школы, даровитыя натуры, къ какимъ несомнѣнно принадлежалъ и Болтинъ, пополняли недостатки своего воспитанія самообразованіемъ, и чтеніе являлось для нихъ единственнымъ способомъ удовлетворенія этой потребности. И Болтинъ даетъ намъ ключъ къ объясненію своихъ обширныхъ историческихъ познаній, когда говоритъ: «Примѣчанія дѣлалъ я для собственнаго моего удовольствія, привыкнувъ отъ юности, читая всякую книгу, замѣчать и выписывать достойныя примѣчанія мѣста» (Примѣч. на драму Екатерины II, изъ жизни Рюрика, 1—2). Онъ заявляетъ, что его толкованія основаны на «выпискахъ, учиненныхъ чрезъ многія лѣта изъ древнихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ сочиненій» (Правда Русская, 1792, VII). Его служебное положеніе довало ему возможность обращаться къ матеріаламъ военнаго архива, которыми онъ пользуется не для однихъ практическихъ цѣлей, но извлекая оттуда историческія и статистическія данныя (Прим. на Леклерка, II, 324 — 325, 547 — 548); а пользуясь дружескими отношеніями къ извѣстному собирателю рукописей, гр. А. И. Мусину-Пушкину, Болтинъ нерѣдко обращается къ его обширной и цѣнной коллекціи матеріаловъ, о которыхъ замѣчаетъ, что «прочетши ихъ, много можно открыть относящагося до нашей исторіи, что понынѣ остается или въ темнотѣ или въ совершенномъ безвѣстіи» (Прим. на 1-ый т. Исторіи кн. Щербатова 251 — 252). Уже въ послѣдній годъ своей жизни, благодаря тѣмъ же отношеніямъ, Болтинъ могъ воспользоваться рукописями, присланными изъ разныхъ мѣстъ Россіи, изъ монастырскихъ библіотекъ и архивовъ (см. Рус. Правду, изд. 1792 г.). Кромѣ того Болтинъ располагалъ бумагами отца и имѣлъ собственное небольшое собраніе рукописей, начиная отъ лѣтописей— «весьма древняго почерка» до позднѣйшихъ произведеній. Свидѣтельствомъ его необычайнаго трудолюбія и любви къ историческимъ матеріаламъ служатъ многочисленныя

(до 100) связки бумагъ, перешедшія потомъ въ собраніе гр. Мусина-Пушкина, которое, какъ извѣстно, погибло въ 1812 г.

Современная русская литература была хорошо извѣстна Болтину. Въ своихъ трудахъ онъ ссылается на сочин. Ломоносова, Тредьяковскаго, Кантемира, Хераскова, Татищева, Байера, Миллера, на изданія Академіи наукъ, анекдоты о Петрѣ В. Штелина, Древн. Рос. Вивліоѳику и т. п. Въ то время были изданы также Кенигсбергскій списокъ древней лѣтописи, Никоновская и другія лѣтописи, исторія Татищева (I—IV книги), Краткая лѣтопись Малыя Россіи и др. Болтинъ ссылается на записки Герберштейна, на соч. Матвѣя Мѣховиты на неизданныя лѣтописи, на Щербатова, исторію Курбскаго и т. п. Конечно, указанныя сочиненія не могли дать Болтину тѣхъ общихъ взглядовъ и понятій, которыя легли въ основаніе его историческаго міросозерцанія, за исключеніемъ исторіи Татищева, оказавшаго несомнѣнное вліянія на мнѣнія Болтина, касавшіяся русской исторіи; но труды послѣдняго даютъ намъ возможность вполнѣ опредѣлить тотъ кругъ писателей, идеями и произведеніями которыхъ онъ пользовался. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ Бэйль, а также и французскіе энциклопедисты и писатели XVIII стол. Знаменитый словарь Бэйля (Dictionnaire historique et critique), запрещенный во Франціи за статьи, касавшіяся преимущественно религіозныхъ вѣрованій, старавшійся рѣзко разграничить области вѣры и знанія, защищавшій свободу изслѣдованія и оказавшій въ этомъ отношеніи свое вліяніе уже на перваго русскаго историка — Татищева, служилъ настольною книгою и для Болтина. Послѣдній обѣими руками пользуется имъ въ своихъ взглядахъ и извлеченіяхъ, относящихся къ древней исторіи, къ исторіи западныхъ государствъ, церкви и папства, къ исторіи брака и положенія женщинъ, свѣтской и духовной власти, къ суевѣріямъ въ древнія и новыя времена, къ нравамъ и обычаямъ всѣхъ народовъ. Вслѣдъ за Бэйлемъ Болтинъ прямо заявляетъ, что писатели, достойные своего имени, не признаютъ другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитою ведутъ войну со всякимъ уклоненіемъ отъ этихъ началъ, со всѣмъ ложнымъ и нечистымъ. Другимъ важнымъ подспорьемъ въ теоретическихъ основаніяхъ и фактическихъ данныхъ для Болтина служило извѣстное соч. Вольтера «Essai sur les moeurs et l'ésprit des nations», въ которомъ авторъ настойчиво отстаиваетъ идеи терпимости и права человѣческаго разума, а потому средніе вѣка съ ихъ безконечными преслѣдованіями и суевѣріями, поддерживаемыми авторитетомъ римской церкви, находятъ здѣсь полное осужденіе и суровые приговоры. Національныя особенности народовъ и ихъ духовныя черты, по мнѣнію Вольтера, слагаются подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ трехъ силъ: климата, политическаго устройства страны и религіи. Essai Вольтера послужило для Болтина источникомъ при сравненіи русскаго быта и нравовъ съ обычаями европейскихъ народовъ, бѣдствіями феодальной эпохи, политическимъ положеніемъ Франціи, съ нравами ея двора, состояніемъ городовъ на Западѣ и своими статистическими выводами относительно раждаемости населенія, а также по церковнымъ вопросамъ о суевѣріяхъ на Западѣ, о злоупотребленіяхъ папъ и духовенства, о религіозныхъ истязаніяхъ, оскорбляющихъ религіозное чувство и т. п.

Касаясь вопросовъ о вліяніи климата, о законѣ и обычаяхъ, о положеніи женщинъ, о среднемъ классѣ въ Россіи, Болтинъ обращается къ соч. Монтескье «L'esprit des lois» и «Lettres persanes» и подтверждаетъ ими свои положенія или опровергаетъ его. Съ Рейналемъ, авторомъ «Histoire philosoph. et politique des établiss. et du commerce des européens dans les deux Indes», онъ согласенъ, что народъ, не имѣющій въ самомъ себѣ воли своей, становится такимъ, каковымъ бываетъ государь его». Въ мнѣніяхъ, что законы должны сообразоваться съ національными особенностями, что возрастаніе населенія служитъ подтвержденіемъ его благоденствія, объ эгоизмѣ націи (въ защиту войнъ Россіи съ сосѣдями), какъ основанномъ на враждѣ, свойственной человѣческой природѣ, объ осторожности въ дарованіи свободы рабамъ (крѣп. право) и т. п., онъ опирается на положенія Руссо; но онъ не согласенъ съ крайними выводами послѣдняго о просвѣщеніи. «Держась середины, говоритъ Болтинъ, можно за неопровергаемое правило поставить, что ни добродѣтели отъ просвѣщенія, ни пороки отъ простоты нравовъ не зависятъ». Изъ другихъ писателей Болтинъ ссылается еще на сочиненія Луи Мерсье («Tableau de Paris» и «L'an deux

mille quatre cent quarante»), приводя изъ нихъ факты о положенiи франц. народа, о податяхъ, объ откупахъ, о дороговизнѣ соли, о деспотизмѣ властей, о религiозной нетерпимости, о семейныхъ нравахъ, о суевѣрiяхъ. Для характеристики общихъ свойствъ толпы, онъ обращается къ свидѣтельству Лабрюйера (Caractères de ce siècle). Въ вопросахъ о правѣ Болтинъ прибѣгаетъ къ толкованiю Ла-Мотъ Вайера (L. Levayer), прокурора и академика, послѣдователя Монтэня и Бэйля, защитника терпимости. Онъ пользуется и опытами Монтэня. Вопросъ о терпимости занимаетъ видное мѣсто въ мнѣнiяхъ Болтина. «Сколько людей принесено въ жертву невѣжества и пустосвятства, говоритъ онъ по поводу религiозныхъ преслѣдованiй: Ужасны дѣянiя сихъ двухъ бичей человѣческаго рода» (пр. на Леклерка, II, 67). Не безъизвѣстенъ былъ ему и трудъ Бодэна (пис. въ XVI в.) «Methodus ad facilem historiarum cognitionem», положившiй основанiе ученiю о климатѣ, усвоенному Монтескье. Любопытно, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ Болтинъ. «Нѣкоторые, говоритъ онъ, любящiе пускаться въ крайности, климату болѣе надлежащаго могущества присвояли, и всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ изъ него выводили; другiе, напротивъ, все отъ него отъяли и оставили его безъ силы и дѣйствiя. Изъ числа первыхъ суть Монтескье и Дюбосъ, а изъ числа послѣднихъ Гельвецiй, съ которымъ г. Леклеркъ, будучи одного ремесла (т. е. рацiоналистическаго направленiя), восхотѣлъ быть и одинаковаго съ нимъ мнѣнiя. Но я послѣдую тѣмъ, кои держатся среднiя дороги, т. е. кои, хотя и полагаютъ климатъ первенствующею причиною въ устроенiи и образованiи человѣковъ, однакожъ и другихъ содѣйствующихъ ему причинъ не отрицаютъ. По ихъ мнѣнiю, климатъ имѣетъ главное влiянiе на наши тѣла и нравы, прочiя же причины, какъ воспитанiе, форма правленiя, примѣры и проч. суть второстепенныя или побочныя: онѣ токмо содѣйствуютъ или, приличнѣе, препятствуютъ дѣйствiю онаго». Положенiе это Болтинъ подтверждаетъ рядомъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, а также изъ данныхъ исторiи и географiи. Для полной характеристики мнѣнiй Болтина, слѣдуетъ замѣтить, что онъ сдѣлалъ переводъ (вѣроятно историч. серiи) французской энциклопедiи до буквы К (слѣд. почти 3-хъ томовъ) и самъ набѣло переписалъ свой трудъ. Въ своихъ сочиненiяхъ Болтинъ часто приводитъ болѣе или менѣе обширныя извлеченiя изъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ писателей. Но здѣсь главнымъ источникомъ для него служилъ «Словарь» Бэйля. Кромѣ того, онъ пользовался обширной Всемiрной исторiей, сочин. въ Англiи Общ. ученыхъ людей, въ парижскомъ изданiи, географическимъ словаремъ Мартиньера, Словаремъ фрац. академiи и т. п. справочными трудами.

Между тѣмъ съ 1782 г. стали выходить во Францiи два сочиненiя по исторiи Россiи въ разнообразныхъ отношенiяхъ, доведенныя до позднѣйшаго времени (П. Ш. Левека, Hist. de Russie, I — V, P. 1782—83 г., 2-ое, изд. 1800 г., до кончины Екатерины II, и Н. Леклерка, Hist. phys., morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, 6 vv. 1783 — 94, до вступленiя на престолъ Петра III). Появленiе сочиненiй Левека и Леклерка вызвало негодованiе Екатерины II, которая нашла ихъ обидными для Россiи и напомнившими ей пресловутое соч. аббата Шаппа. Впрочемъ Левекъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ, что признаетъ и Болтинъ. Онъ съумѣлъ воспользоваться даже сухимъ и тяжелымъ трудомъ Щербатова, благодаря знанiю русскаго языка. Даже Шлецеръ находилъ трудъ его лучшимъ изъ всего того, что могъ тогда написать какой нибудь иностранецъ по русской исторiи. Леклеркъ, напротивъ, преимущественно пользовался соч. Левека, хотя крайне поверхностно, и дополнялъ свои свѣдѣнiи иностранными сочиненiями о Россiи. Правда, за содѣйствiемъ по части источниковъ русской исторiи онъ обращался къ директору архива иностранной коллегiи М. Г. Сабакину и кн. М. М. Щербатову, которые сообщили ему много выписокъ, матерiаловъ и указанiй; но онъ отнесся къ нимъ столь же небрежно. Хвастливый тонъ, поверхностное обращенiе съ источниками и фактами, наконецъ, увѣренность въ пониманiи имъ народныхъ обычаевъ и нравовъ не позволили Леклерку отнестись къ своему труду съ необходимой осторожностью. Для характеристики русскихъ писателей Леклеркъ обращался къ словарю Новикова, но его переводъ оказался неточнымъ, а сравненiя русскихъ писателей

съ французскими неудачными. Князь Щербатовъ, вызванный на отвѣтъ Болтинымъ, также отозвался, что въ книгѣ Леклерка онъ увидѣлъ «нелѣпую смѣсь несправедливыхъ охуленій Россіи и лжи»; а самого автора, котораго онъ лично зналъ, онъ упрекаетъ въ «невѣдѣніи россійскаго языка» и свойственной ему «неосмотрительности» (Письмо на охуленія Болтина, 1789, с. 4). Понятно, какъ долженъ былъ взглянуть на подобное произведеніе Болтинъ, обладавшій уже обширнымъ запасомъ свѣдѣній и собранныхъ имъ матеріаловъ, хотя и не мечтавшій до того времени стать историческимъ писателемъ.

Есть указанія, что на этотъ путь направилъ его кн. Потемкинъ (Жизнь Потемкина, Самойлова), вообще цѣнившій литературныя занятія и, быть можетъ, не разъ бесѣдовавшій съ Болтинымъ (1783) объ историческихъ вопросахъ; а изданіе сочиненія (законченнаго еще въ 1786 г.) на счетъ Императрицы («Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочин. ген. майор. Ив. Болтинымъ», печ. въ типогр. горн. уч. 1788, 2 тома, 615+558), которая съ такимъ негодованіемъ встрѣтила произведеніе Леклерка и сама занималась составленіемъ «записокъ по русской исторіи», показываетъ, что Болтинъ сталъ извѣстенъ ей, быть можетъ, по рекомендаціи того же Потемкина.

Выходя изъ замѣчанія, высказаннаго Леклеркомъ, что только особенная страсть къ писательству можетъ заставить писать о предметахъ, которыхъ не знаешь (а страсть эта общая всѣмъ французамъ, по мнѣнію Мерсье), Болтинъ прямо заявляетъ, что сочиненіе Леклерка проникнуто ложью, клеветой и пустословіемъ, отличается нелѣпостью сужденій, безчисленными и грубыми ошибками, а онъ, Болтинъ, пишетъ въ защиту «правды и отечества». Болтинъ показываетъ, что сочиненіе Леклерка на двѣ трети наполнено ненужными вещами, взятыми изъ общихъ путешествій (Кука и др.), изъ исторіи философической о торговлѣ обѣихъ Индій (Рейналя), изъ исторіи древней, римской и пр., изъ которыхъ онъ иногда беретъ цѣлыми страницами и передѣлываетъ на свой ладъ, не умѣя отличить вѣроятное отъ невѣрнаго, достойное отъ лишняго, такъ что приличнѣе самое сочиненіе его назвать было бы «всякою всячиною или potpourri, а никакъ не исторіей, названіе которой ему неприлично». Въ своихъ обширныхъ «примѣчаніяхъ» Болтинъ слѣдитъ за противникомъ изъ страницы въ страницу, отмѣчая непониманіе авторомъ источниковъ, обычаевъ и языка страны, высокомѣрность тона и, наконецъ, явное злословіе, а по поводу разсужденія Леклерка о законодательствѣ, онъ прямо замѣчаетъ, что «не такъ легко писать законы, какъ для больныхъ рецепты» (намекая на его званіе врача). Трудъ Болтина отъ начала до конца проникнутъ полемическими пріемами, которые, въ свою очередь, придаютъ его собственному произведенію живость изложенія и легкость слога, значительно выдѣляющія автора въ ряду другихъ современныхъ писателей. Дикость страны въ началѣ исторіи и невѣжество народа, современное автору, религіозное суевѣріе и политическое рабство, умышленно поддерживаемыя духовенствомъ и правительствомъ, количество жителей, не соотвѣтствующее обширности территоріи, и употребленіе средствъ преимущественно на военныя нужды и защиту,—вотъ та канва, которая составляетъ красную нить многотомнаго труда Леклерка. Методъ возраженій Болтина состоитъ въ постоянныхъ сопоставленіяхъ обвиненій и мнѣній противника съ подобными же фактами изъ западной исторіи. Не менѣе жестоко досталось Леклерку за пользованіе имъ источниками, за карты, признанныя никуда не годными, и за «мнимые портреты» древнихъ русскихъ князей, взятые съ позднѣйшихъ медалей, надъ которыми зло подсмѣялся и Шлецеръ.

Понятно, что подобный способъ возраженій долженъ былъ имѣть свою несомнѣнную цѣну въ глазахъ читателя, пораженнаго массою фактовъ и доводовъ, хотя, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, часто нарушалась перспектива событій. «Пора намъ, говоритъ Болтинъ словами Вольтера, покинуть постыдную привычку клеветать на всѣ вѣры и злословить всѣ народы». Относительно фактовъ всемірной исторіи Болтинъ щедро пользуется запасомъ своихъ свѣдѣній, заимствованныхъ въ западноевропейской литературѣ. Но въ русской исторіи его руководителемъ остался Татищевъ. Екатерина II высоко ставила трудъ Татищева, цѣня его государственный умъ, ученость и знанія. Болтинъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе. У Татищева

онъ заимствовалъ мнѣніе объ Іоакимовой лѣтописи, въ которую онъ вѣритъ почти безпрекословно; о народахъ, населявшихъ въ древности Россію, о Никоновской лѣтописи, о характерѣ русскихъ князей, объ отношеніи свѣтской и духовной власти, о духовенствѣ и т. п., не исключая иногда и его ученыхъ промаховъ. Весьма обстоятельно доказываетъ Болтинъ, что Леклеркъ «все, касающееся до историческихъ бытій, бралъ изъ одного Левека (Шлецеръ выражается прямо «выкралъ»), до тѣхъ временъ, пока другіе иностранные писатели пособія въ томъ ему не подали»; что простому и естественному изложенію русскихъ лѣтописей онъ предпочитаетъ слѣдовать баснямъ польскихъ писателей и т. п. Примѣчанія Болтина на Леклерка были переведены на франц. языкъ и вызвали рѣзкіе отзывы, въ которыхъ замѣчали, что если Леклеркъ слѣпо слѣдовалъ Левеку, то не меньше и Болтинъ безъ разбора полагался на мнѣнія Татищева, что его критика часто унижается до простой брани, что часто вмѣсто оправданія своихъ соотечественниковъ, онъ мститъ Леклерку нападками на французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и выписками изъ забытыхъ давно протестантскихъ сочиненій противъ католической церкви. Въ Россіи «Примѣчанія на исторію Леклерка» вызвали вниманіе и имѣли успѣхъ въ публикѣ (Письмо кн. Щербатова, 5).

Между тѣмъ, разбирая соч. Леклерка, Болтинъ задѣлъ кн. Щербатова, служившаго ему своими указаніями и матеріалами, а это вызвало послѣдняго на отвѣтъ («Письмо кн. Щербатова, сочинителя россійской исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ госп. ген.-м. Болтина, творца Примѣчаній на исторію древн. и нынѣшн. Россіи, г. Леклерка», М. 1789, 149 стр.). Щербатовъ отдаетъ должное вниманіе критическимъ замѣчаніямъ Болтина, считаетъ нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ справедливыми, другія отвергаетъ; отстаиваетъ древность и преимущество Несторовой и Никоновской лѣтописей и оспариваетъ нѣкоторыя мнѣнія Татищева. Болтинъ не остался въ долгу передъ Щербатовымъ. Въ томъ же году онъ издалъ «Отвѣтъ ген.-м. Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя россійской исторіи» (Спб. 1789, 181 стр.), въ которомъ нисколько не ослабляя своихъ замѣчаній, онъ обвиняетъ уже автора «Письма» въ неправильномъ толкованіи лѣтописей и непониманіи ихъ языка, въ предпочтеніи подробныхъ и невѣрныхъ извѣстій польскихъ лѣтописцевъ «краткимъ повѣствованіямъ нашихъ, какъ болѣе достовѣрныхъ» и т. п. Въ особенности сурово отнесся Болтинъ къ географическимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Щербатовымъ (Вятичи-Вятчане, Зимегола — витязь Зимегоръ, объясненіе имени и народа Ссолы—словомъ соль, обращеніе турпѣевъ-торковъ въ Турпѣя, слова гребля—въ рѣку Греблю), списокъ которыхъ въ болѣе обширныхъ комментаріяхъ Болтина возросъ уже до значительныхъ размѣровъ (каковы: смѣшенія Владиміра Волынскаго и Суздальскаго, Переяславля южнаго и сѣвернаго, Поросье-Порусье, Литвы и Польши въ отношеніи къ событіямъ и т. п.). Уже тогда Болтинъ призналъ сочиненіе Щербатова не отвѣчающимъ затраченному на него труду и безполезнымъ для послѣдующихъ историковъ, по недостаточному знанію авторомъ страны, о которой онъ пишетъ. «Послѣдній, по его словамъ, сталъ писать исторію, не ознакомившись съ нею». Между тѣмъ Болтинъ принялся за составленіе подробнаго разбора и въ 1792 г. представилъ, черезъ Мусина-Пушкина, рукопись своихъ «Критическихъ примѣчаній на первый и второй томы исторіи князя Щербатова» Императрицѣ. Въ свою очередь Щербатовъ, хотя обѣщалъ не продолжать полемики, написалъ обширный томъ «Примѣчаній на отвѣтъ Болтина». Впрочемъ имъ обоимъ не суждено было ознакомиться съ новыми «примѣчаніями», такъ какъ оба автора скончались до выхода въ свѣтъ этихъ трудовъ: «Примѣчанія» Щербатова (безъ имени автора) были изданы въ 1792 г., а Болтина въ 2-хъ томахъ въ 1793 и 94 (352+479).

Способъ возраженій Болтина и здѣсь сохраняетъ свой прежній характеръ замѣчаній на отдѣльныя мѣста исторіи Щербатова, причемъ авторъ опять сосредочивается на тѣхъ же слабыхъ мѣстахъ его труда — географическихъ данныхъ, лѣтописной терминологіи, непониманіи древняго языка, на невѣрномъ представленіи быта и нравовъ и непониманіи историческихъ явленій, сопровождая свои возраженія эпитетами «бредъ», «басни», «сказки» и насмѣшками по поводу правописанія Щер-

батова—Сельты, Сервія, Византія и т. п. Однако и самъ Болтинъ не всегда остается на высотѣ ученой критики. Таковы его разсужденія въ области древней этнографіи: объ общемъ происхожденіи русовъ, венгровъ, чуди и прочихъ финновъ, а также шведовъ отъ сарматъ, о варягахъ-финнахъ, о скиѳахъ-татарахъ, о казарахъ «почти славянахъ», о построеніи Кіева сарматами, о сарматскомъ языкѣ, о Еми-Біарміи, о Тмутаракани и т. п., почти цѣликомъ заимствованныя у Татищева; пренебреженіе нѣкоторыми лѣтописями (какъ новгород. и вокресен.) въ угоду Татищевскому своду. Объ этой сторонѣ его критики вѣрно выразился митрополитъ Евгеній, замѣтивъ, что Болтинъ ничего не сказалъ ни новаго, ни лишняго передъ Татищевымъ, но онъ сблизилъ подъ одинъ взглядъ многія такія замѣчанія, которыя у Татищева разсѣяны по разнымъ мѣстамъ; что хотя въ примѣчаніяхъ Болтина на соч. Щербатова находится весьма много любопытныхъ разысканій и объясненій на труднѣйшія мѣста древней нашей исторіи, но что онъ и князь Щербатовъ нерѣдко спорили о сущихъ вѣроятностяхъ и потому только,что одинъ другому уступить не хотѣлъ. Шлецеръ, напротивъ, призналъ его замѣчанія «жестокими, но вполнѣ заслуженными его противниками, а его объясненія - прекрасными» (Несторъ, I, 380).

Въ изданіи «Русской Правды» («Правда Русская или законы вел. кн. Ярослава и Владиміра Мономаха, изданы любителями отеч. исторіи», Спб. 1792, М. 1799), напечатанной по самому полному пергаменному списку (славян. буквами), сличенному съ другими рукописными и печатными списками, съ переводомъ и комментаріями, Болтинъ даетъ весьма цѣнныя объясненія, касающіяся древней нумизматики и юридической терминологіи, въ которыхъ онъ даже съ выгодной стороны отступаеть отъ своего ментора—Татищева. Такими же достоинствами отличаются и его «Примѣчанія на сочин. Имп. Екатерины: Историческое представленіе изъ жизни Рюрика», написанное по порученію Императрицы, которая дорожила строгою критикою Болтина. Дѣлая историческія поправки и замѣчанія, послѣдній, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и на связь мыслей, высказанныхъ въ драмѣ, съ современными идеями. Примѣчанія эти, вмѣстѣ съ сочиненіями Екатерины, напечатаны были въ 1792 г. и вторично, съ нѣмецкимъ переводомъ, въ томъ-же году.

По связи Болтина съ Мусинымъ-Пушкинымъ не безъ основанія полагаютъ, что онъ принималъ участіе въ изданіи «Книги большому чертежу или древн. карта Россійскаго государства» etc., съ предувѣдомленіемъ (Спб. 1792). Еще болѣе вѣроятности, что изданіе поученія Владиміра Мономаха (Духовная вел. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха, названная въ лѣтописи суздальской Поученье. С.-Петербургъ, 1793, VIII + 45 + 55), приготовленное Мусинымъ-Пушкинымъ, при участіи другихъ лицъ («пріятелей»), и отличающееся тѣмъ же характеромъ примѣчаній, причемъ объясненія дѣлаются даже при помощи малороссійскаго языка, извѣстнаго Болтину,—исполнено было при содѣйствіи этого послѣдняго. Шлецеръ признавалъ особенною заслугою Болтина то, что онъ настаивалъ на необходимости сличенія русскихъ лѣтописей и на открытіи государственнаго архива въ общее пользованіе (Несторъ, I, 381). Кромѣ того, Болтинъ собиралъ матеріалы для исторіи языка — это «слова, выписанныя изъ многихъ книгъ церковныхъ яко плоды долговременныхъ трудовъ своихъ» (буква А.), переданныя имъ въ Россійскую Академію, членомъ которой онъ состоялъ со времени ея открытія (21 окт. 1783 г.) вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Другой подобный трудъ—историко-географическій словарь для древняго періода русской исторіи («Словарь географ. всѣмъ городамъ, рѣкамъ и урочищамъ, кои вспоминаются въ лѣтописи Несторовой. Соч. Болтина, fol., 60 листовъ, отъ буквы А. до Снови»), считавшійся погибшимъ въ пожарѣ 1812 г., но копія котораго была недавно найдена въ библіотекѣ Моск. Общества исторіи. Впрочемъ почти весь онъ былъ исчерпанъ въ приложеніи къ «Историч. изслѣд. о мѣстности Тмутаракан. княж.», Мусина-Пушкина и въ Словарѣ географ. Щекатова. Наконецъ, по порученію Екатерины II, ему были переданы топографическія описанія Россіи для составленія историческаго, географическаго и статистическаго описанія Россійской имперіи, но Болтинъ не успѣлъ выполнить этотъ трудъ. Въ занятіяхъ Россійской академіи Болтинъ принималъ дѣятельное участіе и одинъ изъ первыхъ былъ удостоенъ ею золотой медали. Для академическаго словаря, какъ мы видѣли, онъ представилъ множество древнихъ словъ, и ему же принадлежатъ обстоятельныя замѣчанія на планъ

изданія этого словаря. Въ одномъ изъ своихъ возраженій противъ Леклерка онъ настаиваетъ на силѣ и богатствѣ русскаго языка, способнаго выражать отвлеченныя понятія и художественность рѣчи. Болтинъ отдавалъ рѣшительное преимущество азбучному порядку словаря передъ корнесловнымъ, и, хотя его мнѣніе не было принято, но время доказало вѣрность его сужденія, подтвержденную впослѣдствіи авторитетомъ Я. Гримма. По кончинѣ Болтина, портретъ его, въ уваженіе къ его трудамъ, былъ помѣщенъ въ залѣ засѣданій Академіи.

Болтинъ умеръ отъ каменной болѣзни, по показанію митрополита Евгенія, или отъ чахотки — по даннымъ метрическихъ книгъ, и похороненъ былъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ. По словамъ жены Болтина, смерть его была ускорена семейными непріятностями съ зятемъ послѣ кончины дочери (23 мая 1790). Заслуживаетъ упоминанія, что отъ брака послѣдней съ Соймоновымъ было двѣ дочери — Софія Петр., вышедшая за генер. Н. С. Свѣчина, и Екатерина Петр., бывшая замужемъ за кн. Г. И. Гагаринымъ. Обѣ онѣ обратились въ католичество. С. П. Свѣчина извѣстна была своими литературными и политическими связями, а также огромнымъ вліяніемъ въ средѣ ультрамонтанской партіи. — По поводу кончины Болтина были напечатаны двѣ эпитафіи (Нов. ежемѣс. соч. 1792, ноябрь и 1793, авг., послѣдняя Рубана), въ которыхъ отмѣчены его любовь къ изученію лѣтописей, географическія занятія и полемика съ Леклеркомъ. Екатерина II весьма цѣнила труды Болтина, а его словари служили для нея настольными справочными книгами.

Труды Болтина не представляютъ цѣльнаго, систематическаго изложенія. Это замѣчанія любителя на отдѣльные вопросы и положенія, поставленные его противниками, на которыя онъ даетъ отвѣты и возраженія, на основаніи давно собранныхъ матеріаловъ или недавнихъ справокъ. Они представляютъ живые слѣды первыхъ свѣжихъ впечатлѣній, которыя онъ не думалъ приводить въ порядокъ, чтобы обратить въ рядъ критическихъ статей или отдѣльныя монографіи. Тѣмъ не менѣе въ его трудахъ можно отмѣтить основныя воззрѣнія автора и мнѣнія по важнѣйшимъ историческимъ вопросамъ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, которыя, будучи приведены въ извѣстную систему, могутъ дать болѣе ясное представленіе о самомъ авторѣ и его взглядахъ на изученіе исторіи.

Болтинъ устанавливаетъ общую точку зрѣнія на исторію. Пишущему исторію какого бы то ни было народа надобно постоянно помнить, что онъ человѣкъ и описываетъ дѣянія подобныхъ себѣ людей (на Леклерка, II, 7). Онъ долженъ поддерживать достоинство своего предмета: «не краткость и не пространство составляютъ достоинство историка, но избраніе приличныхъ веществъ, точность, безпристрастность въ повѣствованіяхъ, дѣльность и важность въ разсужденіяхъ, ясность и чистота въ слогѣ» (I, 278). Правило, что историкъ не долженъ имѣть ни отечества, ни родственниковъ, ни друзей, «имѣетъ смыслъ такой, что онъ не долженъ закрывать или превращать истину бытій по пристрастію къ своему отчеству, къ родственникамъ, къ друзьямъ своимъ, но всегда и про всѣхъ говорить правду безъ всякаго лицепріятія». (II, 120 — 121). Болтинъ строго разграничиваетъ лѣтопись отъ исторіи. «Не все то пристойно для исторіи, что прилично для лѣтописи, и не все то нужно вѣдать въ настоящемъ вѣкѣ, о чемъ Несторъ увѣдомляетъ своихъ современниковъ» (на Щербатова, I, 388—309). Болтинъ внимательно относился къ источникамъ какъ письменнымъ, такъ и вещественнымъ. Такъ, вспоминая, что въ 1784 г. онъ самъ былъ на развалинахъ Корсуня, онъ сожалѣетъ, что все «изящное и диковенное» было вывезено отсюда татарами и турками, и настаиваетъ на разрытіи кургановъ (бугровъ), надѣясь, что подъ ними, можетъ быть, нашлось бы что ни есть достойное любопытства (на Лекл., I, 87—88). Въ другомъ мѣстѣ онъ обращаетъ вниманіе на множество «высокихъ холмовъ, каковые въ древности надъ могилами знатныхъ людей насыпать обычай имѣли, и множество на нихъ каменныхъ истукановъ» въ окрестностяхъ Дона (на Щерб. I, 96). Болтинъ требовалъ яснаго пониманія источниковъ: «Историкъ долженъ опасаться, чтобъ, объясняя темныя мѣста лѣтописи, не устраниться отъ подлиннаго ихъ смысла и не написать чего ни есть, съ обстоятельствами времени или мѣстоположенія несогласнаго» (II, 296—297). Онъ вполнѣ сознавалъ необходимость художественнаго изложенія, чтобы исторія имѣла успѣхъ и привлека-

тельность. «Требуется къ сему особливое искусство, даръ остроумія, обильность воображенія, тонкость разсужденія и точность опредѣленія». Онъ стоитъ за единство исторіи и утверждаетъ, что достоинства и пороки свойственны всѣмъ народамъ. «Прочтите первобытные вѣка всѣхъ царствъ и республикъ, говоритъ Болтинъ, и вы найдете у всѣхъ ихъ нравы, поведеніе и дѣянія сходными» (на Лекл. II, 1); онъ отмѣчаетъ «единообразіе мнѣній и дѣйствій человѣчества» (424). Согласно съ теоріями XVIII стол., онъ утверждаетъ, что «правила природы повсюду суть единообразны; что во всѣхъ временахъ и во всѣхъ мѣстахъ люди находились въ одинакихъ обстоятельствахъ, имѣли одинакіе нравы, сходныя мнѣнія и являлись подъ одинакимъ видомъ», а потому дѣлаетъ заключеніе, что если русскій народъ и одержимъ пороками, то не больше, какъ и другіе народы (II, 242, 423), хотя это не исключаетъ тѣхъ особенностей, которыми столь отлична Россія отъ З. Европы и которыя происходятъ отъ физическихъ и историческихъ условій страны (II, 141, 153, 159—160, 295). Онъ признавалъ, что русская литература не имѣетъ надлежащей, соотвѣтственной указаннымъ требованіямъ «полной хорошей исторіи», «не по недостатку къ тому припасовъ, но по недостатку искуснаго художника, который бы умѣлъ тѣ припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить, украсить» (на Лекл., II, 542). Слогъ самого Болтина современники находили выразительнымъ, сильнымъ и яснымъ.

Свойственный уму Болтина скептицизмъ удержалъ его отъ напрасныхъ поисковъ въ доисторическихъ эпохахъ. «О сихъ временахъ говорить намъ удобнѣе и сподручнѣе, замѣчаетъ онъ, нежели въ неизмѣримой глубинѣ древности терять безплодно разума нашего усиліе» (на Лекл., I, 351). Всѣ великія царства начались шалашами, а морскія могущества рыбачьими лодками, говоритъ Болтинъ словами Вольтера (Essai); безъ сомнѣнія такое же начало имѣла и Россія, но исторія не оставила намъ свѣдѣній о ея первобытномъ состояніи (на Лекл. II, 549). «Точкой времени», отъ которой начинается «Россійская монархія», Болтинъ считаетъ появленіе Рюрика, такъ какъ съ него идетъ «связь дѣяній», которую намъ представляютъ лѣтописи. Далѣе сего времени исторія наша не восходитъ (на Щерб. I, 199—200). Онъ отмѣчаетъ страсть народовъ создавать себѣ почетную генеалогію «по прямой чертѣ отъ Ноя»: таковъ у насъ Россъ, у грузинъ Картлосъ, ибо они сами себя Картли называютъ, у славянъ—Словенъ, у скиѳовъ—Скиѳъ, у готовъ—Гутъ, у турковъ—Тюркъ, у татаровъ—Татаръ, у козаровъ—Козаръ, у чеховъ—Чехъ, у ляховъ, т. е. поляковъ—Лехъ, у литовцевъ—Литаланъ, и всѣ они не далѣе какъ внучата Ноя». Сюда же онъ присоединяетъ и Мосоха (на Лекл. I, 35—36; на Щерб. I, 61—62), за что и воздаетъ ему должную честь Шлецеръ. Болтинъ не рѣшается утвердительно сказать, отъ какого народа происходятъ русскіе, хотя, «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ» считаетъ вѣроятнымъ, что предками ихъ были кимвры; но ихъ черты постепенно исчезали отъ смѣшенія съ варягами и сарматами. Со времени Рюрика руссы стали сливаться съ славянами; однако это сліяніе («нѣчто») до неузнаваемости измѣнилось отъ времени и другихъ причинъ. Хотя и славянъ, по смѣшеніи ихъ съ руссами, мы также должны назвать своими праотцами, но все, что мы отъ нихъ заимствовали, превратилось въ русскихъ дѣйствіемъ времени и климата, и едва ли въ жилахъ нашихъ осталась хотя одна капля славянской крови (на Щерб. I, 41—42, 125—127). При этомъ Болтинъ замѣчаетъ, что призванные варяги не были просвѣщеннѣе призвавшихъ ихъ племенъ, но, живя въ сосѣдствѣ, общія и одинакія имѣли съ ними познанія (II, 110). Утвержденіе славянскаго языка было результатомъ введенія христіанства (II, 44—52). Съ особенной настойчивостью возражаетъ онъ противъ Леклерка, что будто бы русскій народъ въ эпоху Олега былъ кочевымъ. «Если жъ и былъ онъ нѣкогда таковымъ, то не прежде, какъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до завоеванія Олегомъ Кіева», говоритъ Болтинъ. Въ опроверженіе Леклерка, онъ ссылается на мнѣніе Левека о множествѣ бывшихъ тогда городовъ, которое доказываетъ, что издревле общественное состояніе учинило великіе въ странѣ успѣхи, хотя эти города и не были похожи на позднѣйшіе. Для достиженія состоянія городскихъ жителей потребны были многіе вѣка, замѣчаетъ Болтинъ. Отъ р. Рейна до моря Балтійскаго не было ни одного города прежде IX в. (ссылка на Конринга). Въ подтвержденіе этого онъ указываетъ на возникновеніе городовъ съ

Карла В., а въ особенности съ Генриха Птицелова, который считается главнымъ основателемъ городовъ въ Германіи; но еще въ XIV в. немного хорошихъ городовъ было въ Европѣ (итальянскіе), а во всѣхъ почти городахъ Франціи, Германіи и Англіи и въ нѣкоторыхъ малыхъ городахъ Италіи дома покрыты были соломою (ссылка на Essai Вольтера). Далѣе, онъ сообщаетъ о глубокомъ невѣжествѣ, имѣвшемъ мѣсто во Франціи, вслѣдствіе чего дѣйствовали не писанные законы, а обычное право и совѣты старцевъ въ сомнительныхъ случаяхъ, Enquête par tourbe (на Лекл., II, 310 — 311, со ссылкой на Дюканжа; ср. на Щерб. I, 3—5). По его мнѣнію, русскіе жили уже въ обществѣ, имѣли правленіе, промыслы, торговлю; а новгородцы, слѣдуя древнимъ лѣтописямъ, многія вѣка до Рюрика управлялись сами собою, и подъ вѣдѣніемъ ихъ были всѣ поморскія страны (отъ Лифляндіи и Курляндіи до Двины). Но Болтинъ значительно съуживаетъ границы Русской земли въ началѣ нашей исторіи (на Щерб. I, 559). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опровергаетъ другое мнѣніе, что Рюрикъ будто бы привелъ съ собою множество варяговъ, а эти послѣдніе были просвѣщеннѣе русскихъ (ссылка на саги, 104—111). Въ подтвержденіе древней гражданственности руссовъ Болтинъ указываетъ на юридическія понятія, находящіяся въ договорахъ ихъ съ греками и на Русскую Правду, которую онъ, вслѣдъ за Татищевымъ, относитъ къ болѣе раннему времени, полагая, что она была дополнена Ярославомъ и его сыновьями (на Лекл., I, 448—451; разборъ 226—240). По его мнѣнію, лѣтопись и договоры съ греками свидѣтельствуютъ о весьма ранней торговлѣ руссовъ съ послѣдними, и что «гости» почитались въ числѣ людей знатныхъ (на Щерб. I, 200; на Леклерка, II, 108, 112).

Левекъ и Леклеркъ, основываясь на разногласіи византійскихъ и русскихъ лѣтописей, высказали сомнѣніе въ походѣ Аскольда на Константинополь. Болтинъ, допуская хронологическое разногласіе, подтверждаетъ мнѣніе Татищева, основанное на словахъ патр. Фотія, что руссы были тогда народъ сильный, почему въ подлинности повѣствованія русскихъ и иностранныхъ писателей нельзя сомнѣваться (на Лекл., I, 61—62). Въ подтвержденіе силы и вліяніе руссовъ, онъ ссылается на Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что они издревле ѣздили моремъ для торговли въ Сирію и Египетъ, и на сѣверныхъ писателей, сообщающихъ о торговлѣ ихъ со Скандинавіей (на Щерб. I, 4, со ссылкой на Байера).

Самый образъ правленія и жизни того времени, по словамъ Болтина, былъ таковъ точно, каковъ первобытныхъ германцевъ, британцевъ, франковъ и всѣхъ вообще народовъ при первоначальномъ ихъ совокупленіи въ общества (на Леклерка, I, 308). Какъ прежде до Рюрика, такъ и послѣ него, до нашествія татаръ русскій народъ былъ вольный. Власть великихъ и удѣльныхъ князей была умѣряема или дополняема властью вельможъ и народа. Такихъ мѣстъ (рядъ примѣровъ) въ лѣтописяхъ находится много, которыя неоспоримо доказываютъ, что вел. князья власть имѣли не деспотическую, что народъ имѣлъ участіе въ правленіи и могъ многое опредѣлять на своихъ сеймахъ (вѣчахъ), что опредѣленія народа были важны и сильны, и что въ народныхъ собраніяхъ всякій гражданинъ имѣлъ право подавать свой голосъ и т. п. (II, 472—474). Владимірцы, видя худое управленіе и тяготу себѣ отъ князей Ростиславичей, стали роптать: «мы народъ вольный, говорили они; мы приняли себѣ князей и они намъ крестъ цѣловали, а теперь грабятъ насъ: промышляйте же, братія. Вотъ наши договорныя грамоты, вотъ наша древняя pacta conventa» (отвѣтъ Щерб. 129—130). Онъ упоминаетъ, что Владиміръ Мономахъ и Изяславъ II отказались отъ царскаго титута, предложеннаго имъ византійскими императорами, а Романъ и Даніилъ Галицкіе — отъ королевскаго титула, присланнаго папою (на Леклерка, I, 250—251). Признаніе верховной власти вел. князя надъ мѣстными состояло только на словахъ и въ одной почести названія главою, какъ императора германскаго надъ имперскими князьями.

Болтинъ возражаетъ противъ преувеличеннаго представленія о могуществѣ древняго Новгорода и полагаетъ, что много вѣковъ должно было пройти, чтобы народъ могъ достигнуть до народнаго правленія и притомъ не иначе, какъ послѣ сильныхъ и жестокихъ потрясеній (на Щерб. I, 2—3). Признавая Іоакимовскую лѣтопись, Болтинъ считаетъ Гостомысла (впрочемъ условно) княземъ новгородскимъ, по совѣту котораго былъ призванъ внукъ его, варяго-руссъ Рюрикъ съ братьями, княжившими въ

Финляндіи (на Лек., I, 57—59, ср. 80—82). Болтинъ не согласенъ со Щербатовымъ, допускавшимъ, что русскіе приняли христіанство такъ скоро подъ вліяніемъ чуда въ Херсонесѣ и проповѣди духовенства при Владимірѣ Св. Успѣхъ христіанства онъ объясняетъ тѣмъ, что оно распространилось еще ранѣе «по тѣсному общенію съ греками черезъ торговлю и близость ихъ городовъ, а другіе изъ нихъ часто пріѣзжали въ Кіевъ и безвыѣздно тутъ жили» (на Щерб., I, 281—282). Не представляется ему и распространеніе христіанства столь мирнымъ, какъ объ этомъ пишетъ Щербатовъ (I, 283—285). Напротивъ, онъ указываетъ на принужденіе со стороны власти и опасенія казни. «Явственно, прибавляетъ онъ, что страхъ сильнѣе воздѣйствовалъ надъ сердцами черни, нежели проповѣди греческихъ священниковъ, коихъ руссы не разумѣли» (ibid. 286.). Точно также Болтинъ не представляетъ себѣ возможнымъ быстраго перехода, по принятіи христіанства, отъ варварства къ просвѣщенію, какъ потому, что руссы и въ язычествѣ не были такими дикарями, какими представляетъ ихъ кн. Щербатовъ, такъ равно и потому, что, по принятіи христіанства, никто столь чувствительной перемѣны въ нихъ не примѣтилъ. «Для этого не довольно одного крещенія, но потребно ученіе, просвѣщеніе, примѣры, попеченія государя и многіе труды». Упомянувъ же о заботахъ Владиміра относительно просвѣщенія, онъ все таки замѣчаетъ, что «перемѣнить нравы цѣлаго государства, смягчить жестокія сердца варваровъ въ столь короткое время, было бы чудо несравненно большее, нежели рыданіе идола, влекомаго въ Кіевѣ на утопленіе, и вѣщаніе человѣческимъ голосомъ такого же идола въ Новгородѣ» (287—288).

Въ раздѣленіи церквей Болтинъ видитъ лишь различіе мнѣній, перемѣна которыхъ не должна подлежать такой же карѣ, какъ отступленіе отъ христіанства (Примѣч. на Леклерка, I, 180—181). Касаясь особенностей восточной церкви въ ученіи и обрядахъ, на которыя нападаетъ Леклеркъ, Болтинъ пользуется данными, заимствованными у Клеманжи, Бэйля, Вольтера (filioque, причастіе, женитьба духовенства и т. п.), чтобы подтвердить, что восточная церковь вѣрнѣе сохранила древніе обряды и ученіе, а католичество допустило много нововведеній и болѣе удалилось отъ своего источника (ibid. 124—130, 151—152, 165—172, 177, 183), прибавляя при этомъ, что укоряющій восточную церковь излишествомъ и безполезностью «аллегорій» тѣмъ самымъ не меньше или даже болѣе порицаетъ западную церковь (130—134). Въ особенности же Болтинъ порицаетъ власть папы, котораго онъ сравниваетъ съ Далай-ламою (137—150). Впрочемъ, онъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ византизма. «Всѣ обряды безъ изъятія и даже всѣ суевѣрія, утверждаетъ онъ, мы переняли у грековъ»; но «папистъ, укоряющій суевѣріемъ послѣдователей другихъ исповѣданій, подвергаетъ себя участи тѣхъ, которые, открывая чужія слабости, не хотятъ признавать собственныхъ» (135—136). При этомъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, онъ замѣчаетъ, что во всѣхъ провинціяхъ, бывшихъ нѣкогда подъ властью Польши, удержалось гораздо болѣе суевѣрія и ханжества, нежели въ тѣхъ, которыя оставались подъ властью Россіи. Что же касается народныхъ праздниковъ и обрядовъ, то Болтинъ указываетъ на праздники дураковъ, осла и т. п., имѣвшіе мѣсто не только во Франціи, но и въ самомъ Парижѣ, въ Германіи (ссылки на соч. Больтера и Мерсье, стр. 157—158, 168—172, 312—313); а опровергая «богопочитаніе» русскими св. Николая, о которомъ пишетъ Леклеркъ, Болтинъ замѣчаетъ, что почитаніе его весьма далеко отъ того, какое питаютъ французы «къ своему Франциску» (155—156, 193). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Если покажется Леклерку невѣроятно, что нашъ св. Антоній приплылъ на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, то да благоволитъ припомнить, что и перенесеніе ангелами Лоретской церкви изъ Палестины въ Италію не менѣе невѣроятно» (194—195).

Принимая вслѣдъ за Татищевымъ Іоакимовскую лѣтопись, Болтинъ допускаетъ и существованіе нѣсколькихъ лѣтописцевъ до Нестора, который ими пользовался, но онъ питаетъ къ послѣднему особенное уваженіе, между прочимъ, потому, что въ его лѣтописи нѣтъ тѣхъ суевѣрій и чудесъ, которыми наполнены другія лѣтописи (на Лекл. I, 56—61; на Щерб. I, 13—14, 170, 26—27). По мнѣнію Болтина, вкусъ и нравы народа изображаются въ лѣтописяхъ, законахъ, договорахъ, грамотахъ, духовныхъ и политическихъ сочиненіяхъ и т. п. письменныхъ остаткахъ. Старинныя же пѣсни, каковы объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ

князя Владиміра и пр., суть подлыя, безъ всякаго складу и ладу, и изображаютъ вкусъ не народа, а черни, людей безграмотныхъ, быть можетъ бродягъ, которые кормились этимъ ремесломъ, слагая пѣсни для испрошенія милостыни, какъ теперь дѣлаютъ нищіе, а еще чаще слѣпые, которые поютъ ихъ по торгамъ, гдѣ собирается чернь; между тѣмъ Леклеркъ находилъ въ нихъ искры лирическаго духа, краткость мыслей и силу выраженій, а потому признавалъ ихъ за вѣрное изображеніе тогдашняго вкуса и нравовъ народа (II, 60). Современные труды по миѳологіи (Попова) и изданіе пословицъ Болтинъ признавалъ неважными и мало пригодными въ научномъ отношеніи (ibid. I, 98—101; II, 54), хотя самъ онъ придаетъ извѣстное значеніе и народнымъ обычаямъ, и устнымъ преданіямъ, которыми пользуется. Взглядъ его на былины вытекалъ какъ изъ положенія этого вопроса въ его время, такъ и изъ того, что онъ не признавалъ точной передачи исторической традиціи, ставшей достояніемъ неграмотнаго класса слагателей пѣсенъ.

Татарское иго не имѣло особеннаго значенія. Оставивъ по городамъ баскаковъ и войско, татары правили Россіей издали, а русскіе управлялись своими законами. Нравы, платье, языкъ, названія людей и странъ остались тѣже, какія были прежде, исключая нѣкоторыхъ перемѣнъ въ обрядахъ и языкѣ. Все это показываетъ, что разореніе и опустошеніе Россіи не столь было великое и повсемѣстное, какъ европейскихъ государствъ въ подобныхъ случаяхъ (на Лекл. I, 295). Хотя государство было раздѣлено на многіе удѣлы, но каждое княжество имѣло законы или общіе съ законами великаго княженія, или особые (112). Замѣчая же, что въ древнихъ законахъ не упоминается о пыткахъ, онъ заключаетъ: «чаятельно, что отъ татаръ мы и заняли» (на Щерб. I, 223). Раздѣленіе Россіи на удѣлы, при взаимной враждѣ, произвело различіе въ нравахъ и обычаяхъ (158); а церковь и духовенство пользовались покровительствомъ хановъ (I, 292—293). При этомъ Болтинъ оспариваетъ мысль Щербатова, который полагалъ, что суевѣріе и духъ монашества, обуявшіе сердца русскихъ вслѣдствіе неумѣренной набожности, были одной изъ главныхъ причинъ, облегчившихъ подчиненіе Россіи татарамъ. Ссылаясь на исторію другихъ странъ, Болтинъ утверждаетъ, что народы, напротивъ, по мѣрѣ просвѣщенія, дѣлались постепенно малодушнѣе, будучи при невѣжествѣ и суевѣріи мужественными и неустрашимыми. По его мнѣнію, раздѣленіе на удѣлы и взаимная вражда князей и населенія—главнѣйшая и едва ли не единственная причина завоеванія Россіи (на Щерб., II, 473—479).

Болтинъ признаетъ, что «феодъ» былъ не что иное, какъ помѣстье, т. е. пожалованная отъ государя земля, доходами съ которой пожизненно пользовался владѣлецъ, и вообще всякое пожалованье (ссылка на соч. Шоппена, франц. юриста). Съ теченіемъ времени помѣщики обратили помѣстья въ вотчины, а наконецъ, пользуясь безначаліемъ и нестроеніемъ, стали самовластными и независимыми. Представивъ затѣмъ развитіе феодальнаго права, онъ говоритъ: «Наши древніе удѣльные князья (какъ думалъ и Шлецеръ, о начальномъ періодѣ) пользовались полнымъ феодальнымъ правомъ, точно такимъ, какимъ нынѣ пользуются германскіе князья: они имѣли въ своемъ подданствѣ князей, бояръ, дворянъ; могли вести войны другъ съ другомъ и вел. княземъ, хотя и признавали его главою государства. Царь Иванъ Васильевичъ (IV) всѣхъ ихъ владѣнія разрушилъ и уничтожилъ» (на Лекл. I, 477—479; II, 298—300; на Щерб , I, 65).

Болтинъ прекрасно понималъ значеніе въ исторіи Россіи колонизаціи, которую онъ разсматриваетъ въ связи съ завоеваніями и подчиненіемъ инородцевъ (II, 141 — 151). Соглашаясь съ Леклеркомъ, что въ древности «науки россіянамъ были неизвѣстны», Болтинъ утверждаетъ, что и безъ наукъ могли быть между ними умные и добродѣтельные люди, а въ особенности среди князей, которые имѣли болѣе средствъ просвѣщать свой разумъ опытами дѣяній, случаевъ, обстоятельствъ, сношеніями съ другими, въ подтвержденіе чего онъ отмѣчаетъ, по Леклерку же, рядъ «феноменовъ» между русскими князьями, каковы Ярославъ, Борисъ (котораго Леклеркъ сравнивалъ съ Германикомъ), Изяславъ, Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ и др. (I, 272—275). Съ другой стороны, онъ ссылается на общее печальное состояніе образованности и наукъ въ средніе вѣка (I, 85—86; II, 265; 294 и др.). Уже Болтину пришлось защищать Димитрія Донскаго отъ нареканія французскаго историка въ ничтожествѣ

его подвига, причемъ онъ значительно уменьшаетъ количество войска, бывшаго въ его распоряжени (295—297). Болтинъ не можетъ согласиться, что «деспотическое правленіе» Россіи разрушаетъ всѣ связи, долженствующія соединять народы, почему она должна содержать значительное войско, вести постоянныя войны, нарушать договоры и т. д. (I, 432—436; II, 465), и въ опроверженіе онъ приводитъ многочисленныя войны и смуты, имѣвшія мѣсто въ исторіи Запада (I, 291—301). Правленіе великихъ князей и царей рускихъ не было ни жестокимъ, ни произвольнымъ, такъ какъ княжескія и царскія повелѣнія всегда основывались на боярскихъ приговорахъ, а бояре составляли верховный государственный совѣтъ и судилище. Онъ соглашается съ Вольтеромъ, что чинъ и рожденіе давали мѣсто въ Думѣ, а слѣдовало бы, чтобы они пріобрѣтались знаніемъ; но такъ было вездѣ, и въ Англіи подобное случается, что при избраніи въ члены парламента болѣе иногда уважается богатство, нежели знаніе и способность (I, 289, 609). При этомъ онъ готовъ даже принять мнѣніе Татищева, что званіе бояринъ происходитъ отъ сарматскаго слова и значитъ «умная голова» (II, 442). Допуская иногда невѣрность вельможъ государямъ, онъ прибавляетъ, однако, что въ продолженіе стольких вѣковъ царствованія Рюрикова рода не было ни одного изъ вельможъ русскихъ ни Пипина, ни Гуго Капета (II, 289—291). Онъ оспариваетъ прозваніе Ивана III «жестокимъ», данное ему Левекомъ и Леклеркомъ (I, 307—308). Строгъ «безъ мѣры», по его словамъ, былъ одинъ только ц. Иванъ Васильевичъ, прозванный Грознымъ (II, 289). Имѣлъ онъ разумъ, говоритъ Болтинъ (основываясь на рѣчи къ собору 1551 г.), но помраченный крайнимъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, свойственными тогдашнему вѣку; имѣлъ онъ природу добрую, но испорченную худымъ воспитаніемъ и худыми примѣрами; кажется, что и сердце его не было бы столь жестокимъ, еслибы родился онъ сто лѣтъ послѣ. На этотъ разъ онъ согласенъ съ Леклеркомъ, который говоритъ: «Іоаннъ имѣлъ все отъ природы, а отъ воспитанія ничего; великія качества его были его собственныя, а пороки пріобрѣтенные». Болтинъ замѣчаетъ, что большая часть жестокостей, приписывалась ему напрасно; но и того довольно, чтобы рѣшиться его оправдывать. Согласно съ Леклеркомъ, онъ допускаетъ сравненіе его съ Людовикомъ XI — въ характерахъ, дѣяніяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни. Въ разсужденіи безмѣрной жестокости, они также сходны по описанію, какое дѣлаетъ о Людовикѣ XI Matthieu (Hist. de Louis XI), а объ Іоаннѣ — князь Курбскій. Прочтя изъ нихъ одного, получаешь объ обоихъ достаточное свѣдѣніе (I, 306, 310). Проводя параллель между ними, Болтинъ замѣчаетъ: «Боже сохрани христіанство отъ такихъ христіаннѣйшихъ королей... Оба они доказали, что и злой человѣкъ можетъ дѣлать добро обществу, когда собственная его корысть тому не противится» (ссылка на Вольтера, 310). Болтинъ подробно говоритъ о Судебникѣ Ивана IV, въ которомъ онъ видитъ дальнѣйшее развитіе и дополненіе законодательства Ивана III и Василія, а это послѣднее—разсматриваетъ, какъ собраніе русскихъ законовъ, составленныхъ при Ярославѣ I и послѣ того въ разныхъ княжествахъ. Далѣе онъ подробно останавливается на вопросѣ о прикрѣпленіи крестьянъ, заканчивая свой очеркъ указами 1598 и 1602 гг. (313—337), причемъ категорически утверждаетъ, что нѣтъ закона, дѣлающаго лично крестьянъ крѣпостными помѣщика. Къ этому привели, по его мнѣнію, указъ, сравнявшій помѣстья съ вотчинами, послѣдовавшая затѣмъ подушная перепись, которою холопы безъ различія поверстаны были въ одинаковый окладъ съ крестьянами, и злоупотребленія помѣщичью властью (II, 206—211). Въ ограниченіи власти духовенства при Иванѣ Грозномъ (церковныя имущества, свидѣтельствованіе мощей и т. п.) онъ видитъ мѣры, предшествовавшія реформамъ Петра Великаго (II, 248—251). Онъ указываетъ и на попытки Ивана IV, направленныя къ просвѣщенію народа; однако прибавляетъ, что просвѣтить цѣлое государство нужны вѣка (254).

Признавая Дмитрія Самозванца Отрепьевымъ, Болтинъ винитъ въ поддержкѣ его—Сигизмунда и поляковъ, которые знали истину, но преслѣдовали свои политическія цѣли (404—432); а по поводу упрека Леклерка за самозванства, Болтинъ ссылается на успѣхъ самозванцевъ въ Англіи въ XV вѣкѣ (305). Не сочувствуя правленію Василія Шуйскаго, онъ высоко ставитъ Скопина и признаетъ смерть его насильственною (414). Къ аристократическимъ тенденціямъ боярства, обнаружив-

шимся въ смутное время, онъ относится, вслѣдъ за Татищевымъ, съ полнымъ негодованіемъ и представляетъ рядъ печальныхъ фактовъ подобнаго рода въ исторіи запад. Европы (на Лекл. II, 475—478). «Прочтя исторію Гизовъ, видѣть можно, какія бѣдствія претерпѣла Франція вслѣдствіе ослабленія монархической власти... Монархическое правленіе, сохраняя средину между деспотизмомъ и республикою, есть надежное убѣжище свободы» (276—277).

Приступая къ новому времени, Болтину приходилось рѣшить вопросъ объ отношеніи древней и новой Россіи, о значеніи реформы Петра В. и связанныхъ съ нею послѣдствій. Здѣсь онъ готовъ былъ смотрѣть на дѣло, какъ смотрѣли «стародумы» XVIII стол., или выражать мысли, близкія славянофиламъ XIX стол. По его мнѣнію нельзя вводить насиліемъ перемѣны въ обычаяхъ и понятіяхъ, а слѣдуетъ предоставить измѣненіе ихъ времени и обстоятельствамъ. Онъ говоритъ о перемѣнѣ нравовъ съ тѣхъ поръ, какъ стали посылать молодыхъ людей учиться за границу, а воспитаніе ввѣрять чужестранцамъ. Съ этой перемѣной онъ соединяетъ упадокъ любви къ отечеству, привязанности къ вѣрѣ, прежнимъ обычаямъ и т. п. Произошло это, по его мнѣнію, отъ торопливости и нетерпѣнія: хотѣли сдѣлать въ нѣсколько лѣтъ то, на что потребны вѣка. Большая часть изъ посланныхъ за границу возвратилась не просвѣщеннѣе и умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе нежели были. Тогда позналъ Петръ, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желанный плодъ (на Лекл., II, 252—254). Въ этомъ отношеніи Болтинъ былъ послѣдователенъ: онъ возражаетъ противъ преслѣдованія бороды, стараго платья, старопечатныхъ книгъ и двуперстнаго знаменія. Понятно, что здѣсь сказалось уже вліяніе гуманныхъ идей второй полов. XVIII стол. «Оставь слабости при мнѣ, замѣчаетъ онъ, если основаніе сердца моего благо. Признавая всѣ сіи мелочные обряды за важные и за необходимые къ спасенію, подвергаю себя всеобщему осмѣянію, являю свое невѣжество; но не дѣлаюсь преступникомъ, не заслуживаю ненависти, наказанія, гоненія. Пусть всякій думаетъ о вещахъ по своему, но дѣлаетъ только то, что повелѣваетъ законная власть» (II, 349—350, 355, 362—364). Любопытно также, что, вопреки мнѣнію Щербатова и даже Леклерка, Болтинъ привѣтствуетъ отмѣну ц. Ѳедоромъ Алексѣевичемъ мѣстничества, съ уничтоженіемъ котораго получаютъ значеніе личныя достоинства и усердіе къ общему благу (I, 179—181). Но онъ готовъ признать за причину физическаго разслабленія новаго поколѣнія отступленіе отъ обычаевъ предковъ и усвоеніе иноземныхъ, въ числѣ которыхъ онъ ставитъ даже уничтоженіе обычая ходить въ бани и введеніе французской поварни (II, 369—370).

Тѣмъ не менѣе Болтинъ далекъ былъ отъ мысли не цѣнить реформы Петра В. и ея благихъ результатовъ. Съ сочувствіемъ говоритъ онъ о самомъ Петрѣ и его предпріятіяхъ; онъ защищаетъ Петра отъ нападокъ и упрековъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, а также по поводу предпринятой имъ Сѣверной войны и неточностей въ ея описаніяхъ (I, 481—524, 615; ср. 215—225); онъ признаетъ подлинность письма Петра В., присланнаго съ Прута, вопреки Левеку, ссылаясь впрочемъ на утвержденіе Штелина и показанія Щербатова, разбиравшаго бумаги Петра Вел. (566—567). Онъ беретъ на себя и защиту Петра В. въ дѣлѣ царевича Алексѣя (575—598). По поводу законодательной дѣятельности Петра онъ говоритъ: «Одинъ французскій писатель назвалъ законодателемъ Людовика VII за изданіе одного указа, а Петръ В. издалъ тысячи» (600). Онъ оправдываетъ и законъ Петра В. о престолонаслѣдіи (II, 513—515).

Можно было бы ожидать, что при извѣстныхъ взглядахъ Болтина на древнюю Россію онъ будетъ съ особенною настойчивостью возражать на мнѣнія Леклерка о религіозности русскихъ и о духовенствѣ. Къ этому вопросу онъ не разъ возвращается; но мнѣнія эти обнаруживаютъ въ немъ послѣдователя отчасти Татищева, а еще болѣе писателей эпохи просвѣщенія, на которыхъ онъ самъ образовался. Сообщая о нѣкоторыхъ религіозныхъ обычаяхъ русскихъ, онъ прибавляетъ, что они остаются теперь достояніемъ «простолюдиновъ» и «старухъ», а нѣкогда имъ подвержены были и высшія лица на Западѣ (I, 312—313); въ особенности же заслуживаетъ порицанія въ его глазахъ обычай князей постригаться передъ смертію. «Подлинно заслуживаетъ удивленія, говоритъ онъ, какимъ образомъ могла утвердиться такая

нелѣпая мысль въ умахъ человѣческихъ, что черезъ возложеніе черной рясы очистятся грѣхи, содѣланные въ теченіе вѣка». Татищевъ видѣлъ въ этомъ слабовѣріе (Рос. ист. III, прим. 494, 626). Щербатовъ передаетъ лишь фактъ (II, 529), а Болтинъ пишетъ длинное разсужденіе, въ которомъ доказываетъ, что здѣсь имѣло мѣсто «любостяжаніе монаховъ», такъ какъ при постриженіи дѣлались большіе вклады въ монастыри, и желаніе ихъ возвысить свою власть (на Щерб. II, 449—452, 474, 477; на Лекл., II, 253—254), и онъ высоко ставитъ Ивана III за то, что тотъ отвергъ предложеніе, сдѣланное ему митрополитомъ, принять постриженіе. Въ своихъ «примѣчаніяхъ» онъ проводитъ контрастъ между старымъ и новымъ бытомъ далеко не въ пользу перваго. «Вѣкъ тогдашній былъ благопріятенъ пустосвятамъ, говоритъ Болтинъ, обману и подлогамъ. Ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; большая часть народа обманщиковъ обогащала; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли и такихъ было немного. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значущихъ принято было за святыню, за предметъ почтенія и уваженія. Отъ временъ Петра Великаго прекратились сіи чудотворенія, перевелись плутовства и плуты при духовенствѣ просвѣщенномъ». И онъ представляетъ рядъ примѣровъ объ отношеніи Петра В. къ подобнымъ явленіямъ (на Лекл. I, 546—552). А на замѣчаніе Леклерка, что русское духовенство поддерживало невѣжество и суевѣрія изъ властолюбія и корыстолюбія, Болтинъ отвѣчаетъ только, что лучше быть народу суевѣрнымъ при непросвѣщенномъ духовенствѣ, чѣмъ рабами при просвѣщенномъ, что легче истребить суевѣрія, нежели освободиться изъ-подъ тираннической власти духовенства, что скорѣе можетъ быть просвѣщенъ народъ при непросвѣщенномъ духовенствѣ, имѣя въ виду католическое духовенство, и наконецъ заключаетъ такъ: «Вождь слѣпой — это образъ стариннаго русскаго священника, а вождь зрячій — католическаго духовенства» и, согласно съ Рейналемъ, онъ заявляетъ, что жалокъ тотъ народъ, который не знаетъ другого достоинства, какъ быть воиномъ, ни другой добродѣтели, какъ повиноваться церкви (на Лекл., II, 248—254, 288, 300). Онъ отвергаетъ показаніе Леклерка о стремленіи духовенства въ Россіи захватить власть въ свои руки и, согласно съ мнѣніемъ Бэйля, высказываетъ одобреніе тому, что въ Россіи существовало равновѣсіе обѣихъ властей. Власть патріарховъ онъ сравниваетъ съ властью мекксвихъ шерифовъ и только въ дѣйствіяхъ патр. Никона онъ готовъ видѣть посягательство со стороны представителя духовенства на верховную власть, но прибавляетъ, что замысла своего послѣдній осуществить не могъ. Вообще, Болтинъ отзывается о Никонѣ, какъ о гордомъ и высокомѣрномъ суевѣрѣ (на Лекл. 214—215; II, 300—304; на Щерб. II, 260—261). Въ такой же степени съ негодованіемъ и недовѣріемъ относится онъ и къ Никоновской лѣтописи, какъ наполненной сверхъестественными чудесами и прибавленіями, съ цѣлью показать превосходство духовной власти. Историкъ, разсказывающій о чудесныхъ явленіяхъ, по словамъ Болтина, не стоитъ довѣрія, и онъ настойчиво слѣдитъ за Щербатовымъ, чтобы подсмѣяться надъ его суевѣрными пересказами изъ лѣтописей, внесенными для характеристики «умоначертанія народнаго». Болтинъ старался съ своей точки зрѣнія объяснить происхожденіе обширныхъ монастырскихъ имуществъ. «Старики, изобилующіе имѣніями и грѣхами, но скудные разумомъ и добродѣтелью, въ надеждѣ безсмертнаго живота и сокровищъ нетлѣнныхъ и вѣчныхъ, надѣвали на себя черную рясу, а имѣніе свое тлѣнное и временное отказывали въ монастыри». Онъ слѣдитъ за попытками ограничить эти владѣнія, начиная съ Ивана IV, упоминаетъ, что Петръ В. не успѣлъ только привести свой планъ въ исполненіе, и привѣтствуетъ разрѣшеніе этого вопроса въ цар. Екатерины II (на Лекл. II, 250—251). Вообще, воззрѣнія Болтина на религію и іерархію заимствованы цѣликомъ у Бэйля и Вольтера. Іерархіи и церкви онъ придаетъ лишь политическое значеніе и вполнѣ подчиняетъ ихъ государству.

Выходя изъ закона Петра В. о престолонаслѣдіи, Болтинъ стоитъ за право на престолъ, по смерти Петра II, Елисаветы и считаетъ призваніе Анны Ивановны и ея позднѣйшія распоряженія неправильными и насильственными (на Лекл., II, 513—520). «Члены совѣта (Верхов.) въ особахъ своихъ націи не представляли, такъ какъ они не по ея избранію, не по

ея довѣренности и полномочію, но по согласію между собою учинилися государственными правителями и т. д. Импер. Анна взошла на престолъ по капитуляціи, учиненной не по желанію и требованію націи, но по ухищренію нѣкоторыхъ особъ, не о выгодахъ цѣлаго общества пекшихся, но духомъ властолюбія водимыхъ и желавшихъ похитить власть, имъ не принадлежащую» (518). Ко времени правленія верховнаго тайнаго совѣта онъ относится весьма враждебно и сурово (на Лекл. II, 471—478). Онъ возражаетъ по поводу мнѣнія Леклерка, что царствованіе женщинъ смягчило жестокость русскаго правленія. Женщины суть тѣже люди, имѣютъ тѣ же добродѣтели, тѣ же пороки, говоритъ Болтинъ. Онъ согласенъ, что русскіе съ благодарностью отнесутся къ Елисаветѣ и Екатеринѣ II; но онъ иначе судитъ о времени Анны Ивановны. «Думаю, что ни одинъ изъ тѣхъ, кои запомнятъ ея царствованіе, не скажетъ въ отвѣтъ хорошо, а развѣ промолчитъ» (II, 172—173). Время ея онъ сравниваетъ съ царствованіемъ Ивана Грознаго; онъ сообщаетъ о ходившихъ тогда предзнаменованіяхъ, о случаяхъ и разсказахъ по поводу жестокостей, виновникомъ которыхъ является Биронъ. Онъ рисуетъ предъ нами печальную картину цар. Анны Ивановны, на фонѣ которой стоитъ и зловѣщая фигура ея фаворита (327, 463, 467—478, 503—510). Онъ сравниваетъ Бирона съ д'Анкромъ во Франціи и полагаетъ, что при тѣхъ же условіяхъ его могла бы постигнуть подобная же участь.

Сынъ вѣка Екатерины II, «стародумъ», Болтинъ вслѣдъ за нею заявляетъ: «Мы европейцы!» и ссылается на мнѣніе Вольтера, что въ Европѣ нѣтъ деспотическаго государства, а слѣд. Россія не можетъ быть названа таковою (на Лекл. II, 464—466). Онъ не согласенъ съ Монтескье, который, основываясь на словахъ путешественниковъ (подобныхъ Леклерку!), сказалъ, что въ Россіи нѣтъ средняго состоянія, а населеніе ея состоитъ изъ господъ и рабовъ (II, 224—226). На замѣчаніе Леклерка, что въ Россіи нѣтъ художниковъ и ремесленниковъ, работающихъ для публики, Болтинъ набрасываетъ очеркъ производствъ въ разныхъ частяхъ имперіи. Но любопытно, что, вопреки существовавшему предразсудку, онъ замѣчаетъ, что русское дворянство не заразилось еще чванствомъ французскаго, признающаго для себя низкимъ упражняться въ промыслахъ (II, 333—337). По другому современному вопросу—о хлѣбной торговлѣ, Болтинъ стоитъ за принципъ поощренія вывоза хлѣба, установленный въ Англіи (1689 г.), и въ связи съ этимъ указываетъ на процвѣтаніе хлѣбной торговли въ этой странѣ и на запрещеніе вывоза и отягощеніе налогами земледѣльцевъ во Франціи. «Сколько вольностію въ отпускѣ хлѣба въ чужіе краи поощряется хлѣбопашество, говоритъ онъ, столь запрещеніемъ онаго приходитъ въ упадокъ. Однакожъ необходимо нужно, чтобъ установленъ былъ сему предѣлъ; предѣломъ симъ должна быть внутренняя цѣна хлѣбу: возвышеніе ея до нѣкоторой степени должно быть закономъ запрещенія отпуска до тѣхъ поръ, пока снова не понизится» (II, 330—333). Такова была и политика Екатерины II по данному вопросу. Болтинъ привѣтствуетъ царствованіе Екатерины, въ которой видитъ образецъ мудрыхъ и великихъ государей (на Лекл. II, 22). Онъ отмѣчаетъ ея административныя реформы, воспитательныя учрежденія (22—24, 255), религіозную терпимость (499—501), умноженіе населенія (171—172), колонизацію (190), отмѣну пытки (I, 326—327; 464—468), политическіе успѣхи (II, 165—167) и считаетъ ея царствованіе „золотымъ“ вѣкомъ для Россіи. Онъ радуется, что съ воцареніемъ Екатерины «совѣсть не судится, мысль свободна, языкъ развязанъ». Онъ привѣтствуетъ и ея церковныя реформы, каковы секуляризація церковныхъ имуществъ и распоряженія, положившія предѣлъ умноженію монастырей, суевѣрію и ханженству (I, 122—123). По поводу ея мѣръ относительно раскола Болтинъ говоритъ: «Не будетъ принужденія, насилія, исчезнетъ изувѣрство. Не сильно могущество власти противъ мрачныхъ привидѣній невѣжества и суевѣрія: свѣтъ единъ заставитъ ихъ исчезнуть» (II, 364). Заслуживаетъ также вниманія, что онъ, какъ современникъ эпохи просвѣщенія,—въ основу народнаго благоденствія полагаетъ просвѣщеніе. Пиша панегирикъ Екатеринѣ II за ея начинанія въ этомъ отношеніи, онъ прибавляетъ: «настоящія обстоятельства наши насъ удостовѣряютъ, что время просвѣщенія нашего отъ насъ недалеко; всѣ средства къ его совершенію нынѣ предстоятъ» (II, 316).

По поводу сообщенія Леклерка о бунтѣ

Пугачева (между прочимъ объ опасности, грозившей въ Москвѣ отъ 100,000 рабовъ), Болтинъ старается смягчить выводы автора и даетъ очеркъ этого движенія, основываясь на описаніи осады Оренбурга Рычковымъ (I, 392—402); а вызванный замѣчаніями его о казакахъ (по Леклерку они получили начало отъ хазаръ) и о неудовольствіяхъ среди запорожцевъ вслѣдствіе захвата земель русскими, Болтинъ сообщаетъ очеркъ происхожденія казачества и положенія Запорожья. По мнѣнію Болтина казачество ведетъ свое начало отъ сарматовъ, славянъ и татаръ, издревле поселившихся въ степи (половцы—«поле») и получило свое названіе отъ татарскаго слова, означающаго бездомнаго, бродягу; а запорожцевъ онъ сравниваетъ съ флибустьерами (339, 357—378). Онъ объясняетъ причины отмѣны «вольностей» Малороссіи, а объ отмѣнѣ избранія гетмана выражается: «сіе преимущество было мечтательное» (II, 194—199). Касаясь крестьянскаго вопроса, Болтинъ старается доказать, что положеніе русскихъ (крѣпостныхъ) крестьянъ лучше, чѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ (примѣч. на Лекл. II, 173—177, 235—238, 320—322, 332—333); тѣмъ не менѣе, какъ ни желательно ему ограничить горькія истины объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, онъ вынужденъ сказать, что хотя помѣщиковъ, поступающихъ съ крестьянами хуже, нежели со скотами, меньше, однакожъ должно къ стыду признаться, нарочитое число есть (II, 174, 344). Его историческій очеркъ даннаго вопроса (206—218), а также изображеніе крестьянскаго быта (по поводу замѣчанія Леклерка о праздности и распутствѣ), какъ написанное современникомъ, близко стоявшимъ къ нему и притомъ консерваторомъ, заслуживаютъ полнаго вниманія (II, 178—181, 223—224, 241, 340, 350), какъ равно и опроверженіе нелѣпыхъ разсказовъ Леклерка (327—330, 346—354). Болтинъ повторяетъ доводы, принятые и другими защитниками совренности, опираясь на слова Руссо, а именно, что прежде нужно освободить души рабовъ, а потомъ уже тѣла (II, 328, 354); онъ ссылается на свидѣтельство Вольтера, что въ то время и во Франціи не всѣ еще крестьяне были свободны и т. п. (II, 321—322); но онъ не считаетъ себя «апологетомъ рабства» и полагаетъ, что облегченіе участи крестьянъ должно пока состоять не въ дачѣ вольности, а въ ограниченіи помѣщичьей власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ; а его замѣчанія о положеніи безземельныхъ крестьянъ на Западѣ показываетъ, что онъ шире понималъ этотъ вопросъ, чѣмъ другіе его современники (II, 235—240, 328—330). Его описаніе невзгодъ крестьянскаго быта и тягости тогдашней военной повинности не менѣе любопытны (II, 216—222, 314—315). Прибавимъ еще, что наши изслѣдователи крестьянскаго вопроса признаютъ за Болтинымъ ту неоспоримую заслугу, что онъ первый весьма ясно описалъ общинные порядки пользованія землей въ Россіи.

Несомнѣнно, что широта воззрѣній, почерпнутая Болтинымъ въ современной философской литературѣ, предостергала его отъ ложныхъ выводовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его личныя симпатіи, повидимому, могли бы оказать перевѣсъ. Самъ онъ высоко цѣнилъ званіе писателя и его права. «Республика письменъ, говоритъ онъ словами Бэйля, есть государство весьма вольное. Не признаютъ въ ней другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитою ведутъ борьбу честнымъ образомъ противъ всѣхъ безъ изъятія... Когда историкамъ и правду непріятную говорить опасно, чего же должны ожидать тѣ, которые злословятъ и лгутъ?» (II, 120, 122). Вотъ почему позднѣйшая критика мнѣній Болтина признаетъ, что между нимъ и нами гораздо меньше разстоянія, чѣмъ между нами и гораздо болѣе близкими къ намъ предшественниками.

Въ заключеніе укажемъ на рядъ мнѣній, высказанныхъ по поводу сочиненій Болтина, которыя убѣждаютъ, что труды его оставили глубокій слѣдъ въ нашемъ историческомъ сознаніи. Суровый критикъ Шлецеръ признавалъ въ немъ «величайшаго знатока отечественной исторіи» и находилъ, что до него ни одинъ русскій не писалъ исторіи своего отечества съ такими познаніями, остротою и вкусомъ. Карамзинъ, укоряя его за увлеченіе мнѣніями Татищева и отмѣчая ошибки въ его трудахъ, отзывается объ авторѣ «Примѣчаній», какъ объ умномъ и наблюдательномъ критикѣ. Митрополитъ Евгеній указываетъ на «обширность его свѣдѣній», на критическое чутье и умѣнье разобраться въ повѣствованіяхъ и въ происшествіяхъ. Книга Болтина противъ Леклерка возбудила въ Каченов-

скомъ желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ отечественной исторіи (Воспом. Снегирева, Рус. Арх. 1866, 75). Строго отзываясь, съ своей точки зрѣнія, о его увлеченіяхъ древностью лѣтописей и этнографическими соображеніями, скептики признавали, однако, за нимъ остроуміе, замѣчательный критическій талантъ и близость къ истинному понятію объ исторіи. Соловьевъ цѣнилъ въ его «Примѣчаніяхъ на Леклерка» первую книгу, въ которой проведенъ былъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи, первую попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самопознанія, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, въ которой указано значеніе Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, не отрицая ея особенностей. Другіе замѣчаютъ, что хотя Болтинъ беретъ подъ защиту нѣкоторыя черты стараго быта, но онъ весь живетъ въ новомъ времени и идеализируетъ старину съ точки зрѣнія современныхъ идей (Знаменскій). Болтинъ обладалъ истинно блестящими дарованіями. Онъ не только стоитъ выше Щербатова или Радищева, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Фонвизина и Новикова. Онъ превосходилъ всѣхъ строгостью и самостоятельностью мысли, живымъ знакомствомъ съ Россіей и болѣе русскимъ взглядомъ на вещи. Вообще, послѣ Ломоносова, Болтинъ съ Лепехинымъ, Поповскимъ и Десницкимъ принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ головъ Россіи XVIII стол. (Ламанскій). Въ его замѣчаніяхъ признаютъ критическій тактъ и вѣрность взглядовъ, удачное опредѣленіе отношенія древней Руси къ новой, цѣльность взгляда на всю русскую исторію и въ этомъ отношеніи видятъ въ немъ предшественника славянофиловъ (Бестужевъ-Рюминъ). Это былъ умъ точный, положительный, несклонный къ фантазіи, умъ по преимуществу критическій; для него нѣтъ вопроса о необходимости какого нибудь другого просвѣщенія, кромѣ европейскаго, и онъ желаетъ, чтобы этого просвѣщенія было какъ можно больше въ Россіи (Пыпинъ). Въ немъ видятъ блестящаго представителя русской науки XVIII стол., а въ его произведеніяхъ силу ума, таланта, выраженіе современнаго ему состоянія русской образованности, наконецъ уваженіе къ факту, строгую правдивость, неуклонное стремленіе къ истинѣ— дѣйствительной, а не воображаемой (Сухомлиновъ). Въ изображеніи имъ состоянія русской гражданственности въ древнѣйшій періодъ находятъ яркую картину, въ которой доселѣ нечего поправить... Ему приписываютъ впервые высказанную у насъ мысль, что современность есть живой музей древности, ходячая лѣтопись прошедшаго; его сомнѣнія, несмотря на позднѣйшіе успѣхи русской исторіографіи, признаются до сихъ поръ не утратившими интереса, причемъ самые вопросы, поставленные имъ, стали послѣ него очередными задачами русской исторіографіи (Ключевскій). Наконецъ Болтину отводятъ видное мѣсто въ исторіи русской исторической мысли. Отъ Болтина нельзя вести никакой школы, никакого историческаго направленія; его историческая дѣятельность не создала никакого переворота въ ходѣ русской исторіографіи; но самое драгоцѣнное свойство, давшее основной тонъ его ученой работѣ,— черты реальности, широкое пониманіе явленій общественной и политической жизни, живая связь съ исторической традиціей и внесеніе опыта государственной дѣятельности въ изученіе прошлаго, словомъ все то, что расширяло изслѣдовательскій кругозоръ нашихъ историковъ-любителей прошлаго вѣка, но что вскорѣ послѣ Болтина должно было надолго исчезнуть изъ ученаго оборота нашей исторіографіи (Милюковъ). Въ этихъ отзывахъ вполнѣ исчерпывается признаніе историческаго значенія критики Болтина, тѣмъ болѣе для насъ важное, что они принадлежатъ ученымъ разныхъ школъ и направленій. Если же мы примемъ во вниманіе свидѣтельство современника Болтина о почти полномъ незнаніи русской исторіи въ тогдашнемъ обществѣ (кн. Щербатовъ въ предисл. къ изданію Царственной книги 1769 г.) и отзывъ другого образованнаго современника (Завадовскаго), что «всю исторію до царства Іоанна Васильевича должно откинуть in loca imaginaria и что вся наша исторія до Петра В. всегда будетъ скучна для читателей», то мы оцѣнимъ всю важность подвига Болтина, какъ историка-любителя, дилетанта, взявшаго на себя трудъ освѣтить древній періодъ русской исторіи, поставить его въ надлежащую связь съ новымъ и представить, съ помощью сравнительнаго метода, болѣе надежный путь къ изученію источниковъ и событій своей исторіи.

Сочиненія Болтина, перечисленныя выше.—

О сочиненіяхъ Болтина, Н. Стрекалова (ученика Каченовскаго, Учен. Зап. Имп. Моск. Унивeр. 1835, ч. VIII, 301—319, 467—481).—Писатели русской исторіи XVIII вѣка, С. Соловьева (Арх. ист. юрид. свѣд. II, ч. I; Сочин. Соловьева, 1901).—Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи, П. В. Знаменскаго (Труды Кіев. дух. акад. 1862, II, с. 31—78).—Русская наука въ XVIII в., А. Н. Пыпина (В. Евр. 1884, III, 548—600). — Его-же, Исторія русской этнографіи, Спб. 1890.—Исторія россійской академіи, М. И. Сухомлинова, вып. V, Спб. 1880 (о Болтинѣ, стр. 62—432).—И. Н. Болтинъ, В. О. Ключевскаго (Р. Мысль 1892, № 11, стр. 107—130).—Главныя теченія русской историч. мысли, П. Н. Милюкова, М. 1897, стр. 39—53.—Исторія русскаго самосознанія и т. д. М. О. Кояловича, Спб. 1884 (133 — 142). — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, В. И. Семевскаго, Спб. 1888, I, 208—211.—Біографическіе и библіографическіе словари (въ Словарѣ Венгерова — статья П. Н. Милюкова). *В. Иконниковъ.*

Болтины, дворянскій родъ, происхожденіе котораго родословныя книги относятъ къ XIV вѣку и ведутъ его отъ выѣхавшаго въ Москву изъ Большой Орды татарскаго мурзы Кутлубаги; его сынъ, Михаилъ Юрьевичъ, носилъ прозвище Болтъ, а сыновья его стали писаться Болтиными. Изъ представителей этого рода извѣстны: *Григорій Ивановичъ*, слуга Ивана III, который ѣздилъ въ 1472 г. къ хану Золотой Орды, Ахмату, посломъ отъ царя; *Семенъ Матвѣевичъ* имѣлъ большія владѣнія по Двинѣ и былъ въ 1490 г. первымъ воеводой войска, собраннаго въ Костромѣ, Устюгѣ и по Двинѣ; *Василій Ивановичъ* былъ посланъ при Іоаннѣ III въ 1491 г., вмѣстѣ съ иностранными рудокопами, на Печору для отысканія руды и вернулся оттуда въ слѣдующемъ году, найдя на рѣкѣ Цылмѣ руды мѣдную и серебряную; онъ же, вѣроятно, въ 1501 г. въ Москвѣ былъ приставомъ при литовскомъ послѣ, а въ 1503 г. при нѣмецкихъ послахъ; *Щепка*, конюшій, въ 1520 г. былъ приставленъ къ польскому посольству въ Москвѣ; *Андрей*, по прозвищу Алай, былъ убитъ въ казанскомъ походѣ 1548 г.; его имя внесено въ синодикъ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе; въ Ливонскомъ походѣ 1556 г. въ полку у Ивана IV были луцкіе помѣщики: *Никита Григорьевъ*, *Яковъ* и *Ахматъ Федоровы*, да псковскіе: *Иванъ Михайловъ* и *Будай Угрюмовъ* (Исаевъ), послѣдній головою въ большомъ полку; въ 1551 г. Будай, который до этого года былъ въ Псковѣ ямскимъ дьякомъ, былъ переведенъ на житье въ московскій уѣздъ; въ 1559 — 60 г. онъ былъ съ княземъ Ѳедоромъ Серебрянымъ подъ Нарвою и Ригой въ походѣ на ливонскихъ нѣмцевъ, головою въ лѣвой рукѣ, и въ этомъ же году при взятіи Алыста; подъ Полоцкомъ онъ особенно отличился своею храбростью; *Никифоръ Андреевичъ* (Васильевичъ) въ 1565 г. подписался у поручной записи по князѣ Василіи Семеновичѣ Оболенскомъ-Серебряномъ и сынѣ его князѣ Борисѣ; *Михаилъ Андреевичъ* былъ съ 1575 г. по 1579 г. воеводою въ Лаишевѣ и Тетюшахъ, а послѣ ѣздилъ посломъ въ Данію, имѣя званіе намѣстника серпуховскаго; *Захаръ Михайловичъ* былъ посланъ гонцомъ въ Литву въ 1578 г. и не разъ упоминается въ разъѣздахъ по дѣламъ посольскимъ еще въ 1582—1584 и 1590 годахъ; въ 1583 г. онъ былъ отправленъ въ Холмогоры для встрѣчи англійскаго посла Бауса съ тѣмъ, чтобы, проводивъ его до Вологды и передавъ его тамъ Протопопову, самому спѣшить въ Москву съ докладомъ; однако-же, когда Баусъ самъ пріѣхалъ въ Москву, онъ обвинилъ Болтина въ различныхъ притѣсненіяхъ и умышленныхъ оскорбленіяхъ, которымъ будто бы тотъ подвергалъ его дорогой, и, несмотря на полнѣйшее отрицаніе Болтинымъ чего бы то ни было предосудительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ послу, Грозный, въ угоду Баусу, посадилъ его въ тюрьму; *Аѳанасій Васильевичъ* и *Жданъ (Корнилій) Петровичъ* были воеводами въ шведскомъ походѣ 1592 г.; въ 1611 г., въ посольствѣ къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому Жданъ Болтинъ упомянутъ отдѣльно какъ «дворянинъ добрый»; въ 1625 г. онъ былъ кокшанскимъ воеводой и еще въ 1627—29 гг. онъ числится служащимъ въ спискахъ нижегородскихъ дворянъ; *Немирко Ивановъ* въ новгородской кабальной книгѣ 1597 г. упоминается сначала какъ площадной подъячій, а потомъ какъ кабальный дьякъ; *Воинъ Ивановичъ*, дворянинъ брянскій, въ 1613 г. участвуетъ въ избраніи Михаила Ѳеодоровича. Многіе изъ Болтиныхъ въ XVII вѣкѣ упоминаются въ жильцахъ; *Семенъ Ивановичъ*, голова стрѣлецкій, въ 1622 г. служилъ въ Саратовѣ; *Дмитрій Боимовъ* присутствовалъ въ 1623 г. на свадьбѣ царевича Михаила Кайбуловича съ дочерью Григорія Ляпунова въ «безмѣстныхъ»; *Андрей Ивановичъ*, казанецъ, былъ малмыжскимъ воеводою въ 1632—1635 гг.; *Семенъ Ива-*

новичъ былъ черноярскимъ воеводою въ 1632 — 1633 гг.; въ 1633 г. на него была подана челобитная за «чинимыя воеводами убытки и безчестье», а въ 1635 г. онъ былъ возвращенъ на Москву; *Борисъ Иванисовъ*, жилецъ 1664 г., въ 1667 г. по царскому указу былъ посланъ на Яикъ стрѣлецкимъ головою; *Михаилъ Ивановичъ*, стольникъ, въ 1661 г. привезъ къ государю польскаго полковника Лисовскаго, взятаго въ плѣнъ княземъ Хованскимъ; имя его встрѣчается еще въ 1703 г.; *Иванъ Ивановичъ*, братъ его, арзамасскій помѣщикъ, былъ стряпчимъ въ 1668 г.; многіе изъ Болтиныхъ служили стряпчими и стольниками въ XVII в.; въ 1699 г. 18 Болтиныхъ владѣли населенными имѣніями.

Акты Историческіе.—Дополненія къ Акт. Ист.—Разрядныя книги. — Дворцовые разряды I, 523, 538, 639, 742; II, 395; III, 149, 209, 261, 507, 510, 601, 602, 1018; прил. 416; IV, 412, 413—Древняя Россійская Вивліоеика, XIII, 141, 276, 283, 301; XIV, 347, 365.—Русская Историч. Библіотека т. II, V, IX, XV, XVII. — Лихачевъ, Разрядные дьяки.—Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ. т. 35, 38, 69, 79, 94, 101, 104.—Родословная книга Петрова.—Родосл. книга кн. Долгорукаго.—Родосл. кн. Бобринскаго.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Симбирскій Сборникъ, 56, 65.—Исторія Россіи Соловьева, т. II.

Болховскіе, князья—родъ, угасшій къ началу XVIII в. Происхожденіе его не можетъ быть опредѣлено; родословіе Болховскихъ ведется только отъ половины XIV в., хотя фамилія ихъ встрѣчается и раньше въ древнихъ лѣтописяхъ съ написаніемъ Болоховскихъ. Несомнѣнно это одинъ родъ; удѣльные князья Болоховскіе владѣли древнимъ городомъ Болоховымъ, въ южной Россіи, давно уже не существующимъ, но упоминаемымъ въ лѣтописяхъ подъ 1150 и 1170 г.г.; въ 1240 г. Даніилъ Галицкій взялъ нѣкоторые города князей Болоховскихъ, и захватилъ въ плѣнъ ихъ самихъ; на ихъ защиту выступилъ тогда Михаилъ Черниговскій, которому и удалось угрозой объявленія войны Даніилу освободить Болоховскихъ. Въ началѣ XIV в., когда Гедиминъ захватилъ Подольскую землю и овладѣлъ Болоховымъ, князья, тогда уже именуемые Болховскими, были изгнаны изъ ихъ удѣла. Изъ рода Болховскихъ наиболѣе извѣстны: *Дмитрій Ивановичъ*, воевода въ Алатырѣ съ 1579 по 1584 г.; *Василій Ивановичъ*, братъ его, воевода въ Тулѣ въ 1581 — 82 г.; въ 1598 г. во время похода въ Серпуховъ царя Бориса, онъ былъ на Москвѣ, въ Новомъ царевѣ городѣ, за Неглинною, въ объѣзжихъ головахъ; ту же должность занималъ въ 1601 г.; *Семенъ Дмитріевичъ*, воевода на Курмышѣ, въ 1582 г. былъ посланъ въ Сибирь для принятія сибирскихъ городовъ отъ Ермака; зимою 1583 г., вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ запасовъ, среди русскихъ сдѣлался голодъ, одной изъ жертвъ котораго былъ и Семенъ Болховской; *Ѳедоръ Семеновичъ*, воевода въ Галичѣ 1584 г.; *Иванъ Дмитріевичъ*, воевода въ Царицынѣ въ 1593 г., потомъ въ Новосилѣ въ 1600 г. и въ Шацкомъ въ 1602 г.; въ 1609 г., будучи воеводой во Владимірѣ, онъ заслужилъ похвальную царскую грамоту за освобожденіе Мурома и Владиміра отъ нападенія измѣнниковъ и получилъ новое назначеніе — итти съ войскомъ на защиту осажденнаго Троице-Сергіева монастыря; въ 1610 г., съ 25 іюля по 29 августа, онъ былъ назначенъ для охраны къ Воронцовскимъ воротамъ въ Москвѣ на случай нападенія воровскихъ людей; *Аѳанасій*, гонецъ отъ пословъ, Мезецкаго и Зюзина, къ Москвѣ, и обратно подъ Смоленскъ съ государевыми грамотами въ 1615 г.; *Иванъ Ѳедоровичъ*, голова въ Тетюшахъ въ 1614 г., въ 1615 г.—воевода въ Козьмодемьянскѣ, въ 1628 г. переведенъ воеводой въ Коломну, въ 1649 г. въ числѣ прочихъ дворянъ въ отсутствіе царя, ушедшаго къ Троицѣ-Сергію, оставался «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ; *Романъ Ѳедоровичъ*, нижегородецъ, съ 1619 по 1622 г. былъ окладчикомъ при верстаніи дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1623—24 г. былъ воеводою въ Муромѣ, въ 1626 г. въ отсутствіе царя, который ходилъ къ Симанову монастырю, оставался въ числѣ прочихъ дворянъ «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ; *Андрей Ивановичъ*, въ 1638—39 г., былъ посланъ въ числѣ дворянъ съ окольничимъ, княземъ В. П. Черкасскимъ на Волуйку для посольскаго размѣна, въ 1639 г. оставался въ Москвѣ «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ въ отсутствіе Государя; въ 1648—49 г. состоялъ въ московскомъ приказѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ, въ 1651 г. былъ назначенъ воеводою на Курмышъ; *Ѳедоръ Григорьевичъ*, въ 1639 г., присутствовалъ на встрѣчѣ кизылбашскаго посла, въ 1647 г. въ отсутствіе царя, который уѣхалъ въ Троице-

Сергіевскій монастырь, оставался «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ, въ 1648 г. былъ назначенъ воеводой въ Переяславль Залѣсскій, въ 1650 г., по возвращеніи на Москву, сопровождалъ Государыню Марью Ильинишну, въ Троице-Сергіевскій монастырь, а въ 1652 г.—въ Новодѣвичій монастырь; *Θедоръ Ивановичъ* не разъ назначался въ 1647 — 48 г. въ отсутствіе царя «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ, на Москвѣ, а въ 1649 г. сопровождалъ Государыню Марію Ильинишну въ Звенигородъ; *Никита Семеновичъ* въ 1649 г. былъ пожалованъ въ стряпчіе изъ жильцовъ; *Михаилъ Андреевичъ* въ 1676 г. сопровождалъ Государя въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ числѣ стряпчихъ, и въ томъ же году, будучи пожалованъ въ стольники, ѣхалъ за Государемъ въ Звенигородъ, въ Саввинскій монастырь.

Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 152, 191, 206, 483; II, 961; III, 144, 200, 248, 311; IV, 19, 24.—Акты Историческіе.—Древняя Россійская Вивліоѳика, XIII, 125; XIV, 365, 407, 441, 443. — Симбирскій Сборникъ, 76, 136, 144, 145, 147.—Русская Историч. Библіотека, IX, X, XI, XV, XVII. — Разрядные дьяки, Лихачева. — Исторія Россіи, Соловьева.—Родословная книга, Петрова.—Родословная книга кн. Долгорукаго.—Лѣтописи.—Дашкевичъ, Болховская земля.

Волховскій, *Василій Михайловичъ*, князь, воевода; въ 1609 г. пріѣзжалъ во Владиміръ къ воеводѣ Вельяминову съ сообщеніемъ, что государевы измѣнники разгромили подъ Нижнимъ государевыхъ людей; въ 1615 г. былъ воеводой въ Кадомѣ; въ 1621 г. былъ назначенъ воеводой въ Арзамасъ, гдѣ и пробылъ до 1624 г.; въ этомъ году переведенъ въ Уржумъ, а въ слѣдующемъ, 1625 г., возвратился въ Москву; въ 1627 г. былъ оставленъ въ числѣ прочихъ дворянъ на Москвѣ въ отсутствіе царя, ушедшаго для празднества въ Симоновъ монастырь; съ 1629 г. по 1631 г. былъ на воеводствѣ во Владимірѣ, послѣ чего снова былъ отпущенъ къ Москвѣ; въ 1632 г. его имя встрѣчается въ спискѣ дворянъ, пожалованныхъ «видѣть государевы очи» на Свѣтлое Воскресенье; въ 1637 г. въ отсутствіе царя, переѣхавшаго въ село Покровское, былъ поставленъ въ числѣ другихъ дворянъ «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ; въ 1641 г. онъ снова посылается на Украйну въ товарищахъ при воеводѣ, князѣ Иванѣ Лыковѣ, въ Кропивну, гдѣ остается до 1642 г.; въ 1678 г. Василій Михайловичъ все еще оставался на службѣ, будучи воеводой у Щегловскихъ воротъ Тульской засѣки.

Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 195, 741; II, 655, 670, 859.—Акты Историч.—Дополненія къ Акт. Ист.—Русская Историч. Библіотека, IX, X.—Родословная книга кн. Долгорукаго.

Волховскій, *Семенъ Никитичъ*, князь, воевода; его имя впервые встрѣчается въ 1621—22 г. въ писцовыхъ книгахъ по Нижнему Новгороду; въ 1624 г. онъ числится въ жильцахъ; въ 1627 г. изъ жильцовъ былъ пожалованъ въ патріаршіе стольники; въ 1639 г. въ отсутствіе Государя былъ назначенъ въ числѣ прочихъ дворянъ «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ; въ этомъ же году присутствовалъ на встрѣчѣ кизылбашскаго посла; въ 1647 г. былъ посланъ воеводой на Хотмыжъ, а въ 1649 г. отпущенъ оттуда къ Москвѣ; въ 1653 г. участвовалъ въ посольствѣ боярина Бутурлина въ Малороссію, для принятія гетмана Богдана Хмельницкаго и войска Запорожскаго «подъ высокую государеву руку», и былъ назначенъ въ Каневъ для приведенія запорожцевъ къ присягѣ.

Дворцовые Разряды, II, 960; III, 59, 375.—Акты Южной и Западн. Россіи, X. — Русск. Истор. Библіот., IX, X, XV, XVII.—Родословная книга кн. Долгорукаго.

Больцани, *Іосифъ* (Фортунатъ) *Антоновичъ*, профессоръ казанскаго университета, докторъ физики и химіи, род. 6 сентября 1818 г. въ Берлинѣ, ум. въ ночь на 13 февраля 1876 г. въ Казани. Отецъ его, итальянецъ, содержалъ небольшую кондитерскую въ Берлинѣ; мать его была нѣмка. Образованіе онъ получилъ въ элементарной школѣ въ Берлинѣ и мальчикомъ поступилъ на службу въ торговую контору, гдѣ между прочимъ изучилъ, для торговыхъ надобностей, языки: англійскій и французскій, а впослѣдствіи и русскій. Торговый домъ Даціаро отправилъ его агентомъ въ Россію, и Больцани торговалъ въ поволжскихъ городахъ книгами и картинами. По влеченію къ математикѣ, Больцани самостоятельно прошелъ курсъ ариѳметики и начальной алгебры. Въ Казани на него обратилъ вниманіе профессоръ университета Н. И. Лобачевскій и въ концѣ 1842 г. доставилъ ему мѣсто надзирателя въ первой казанской гимназіи, давъ совѣтъ подготовиться къ слушанію

лекцій въ университетѣ. Въ маѣ 1844 г. Больцани успѣшно сдалъ сразу два экзамена: за гимназическій курсъ и на степень кандидата университета, для чего представилъ диссертацію: «Объ интегрированіи линейныхъ дифференціальныхъ уравненій». Въ августѣ 1844 г. онъ поступилъ учителемъ математики въ Родіоновскій институтъ въ Казани, а въ ноябрѣ 1846 г. перешелъ въ первую казанскую гимназію учителемъ математики и физики. Въ 1853 г. Больцани защитилъ магистерскую диссертацію: «Математическія изслѣдованія о распредѣленіи гальваническаго тока въ тѣлахъ даннаго вида», и въ маѣ 1854 г. назначенъ адъюнктомъ казанскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, а съ 1855 г. перешелъ на каѳедру физики. Въ 1857 г., по порученію университета, Больцани ѣздилъ за границу, для пріобрѣтенія новыхъ приборовъ для физическаго кабинета и изученія усовершенствованныхъ способовъ производства метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ, онъ посѣтилъ Берлинъ, Прагу, Мюнхенъ, Гёттингенъ, Брюссель, Парижъ и Лондонъ, гдѣ осмотрѣлъ физическіе кабинеты и метеорологическія обсерваторіи. Въ 1858 г., возвратившись изъ-за границы, Больцани въ петербургскомъ университетѣ выдержалъ экзаменъ на доктора физики и химіи и защитилъ диссертацію: «О нѣкоторыхъ отношеніяхъ жидкостей къ гальваническому току» (въ печати не появилась). Въ 1859 г. Больцани избранъ экстраординарнымъ, а въ 1860 г.—ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ въ казанскомъ университетѣ. Въ 1862 г. совѣтомъ университета онъ былъ командированъ въ Лондонъ, для обозрѣнія всемірной выставки. Въ 1868 г. онъ избранъ деканомъ физикоматематическаго факультета. На первомъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ Больцани присутствовалъ, какъ представитель физикоматематическаго факультета казанскаго университета, при чемъ былъ избранъ предсѣдателемъ перваго засѣданія секціи физики и химіи, и, въ числѣ другихъ сдѣланныхъ имъ научныхъ сообщеній, первый выразилъ мысль о возможно большемъ распространеніи въ Россіи метеорологическихъ наблюденій, а также изложилъ изобрѣтенный имъ способъ изготовленія барометровъ значительнаго поперечника. На четвертомъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Казани Больцани, избранный предсѣдателемъ пятаго засѣданія соединенныхъ секцій математики, механики, астрономіи, физики и физической географіи, показалъ изобрѣтенные имъ: термометръ, гигрометръ и барометръ для дальномѣрныхъ наблюденій. Затѣмъ, онъ исполнялъ много научныхъ и административныхъ порученій совѣта университета и попечителя казанскаго учебнаго округа. — Больцани обладалъ глубокими познаніями въ математикѣ и обширными свѣдѣніями въ новыхъ языкахъ. Какъ ученый, онъ извѣстенъ сочиненіями: «Математическія изслѣдованія о распредѣленіи гальваническихъ токовъ» (Казань, 1855) и «Теорія якобіевыхъ функцій и эллиптическихъ интеграловъ» (Казань, 1857); затѣмъ, въ изданіяхъ казанскаго университета помѣстилъ рядъ мелкихъ статей. Умеръ Больцани отъ рожистаго воспаленія подглазной клѣтчатки, сопровождавшагося воспаленіемъ въ мозгу. — Больцани былъ первымъ вице-президентомъ общества естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ.

Формулярный списокъ.—«Извѣстія и учен. записки казанскаго университета» 1876 г., № 1, стр. 208 — 217. — «Голосъ» 1876 г., № 64. — «С.-Петерб. Вѣдом.» 1876 г., № 54 — «Народн. Школа» 1876 г., № 3.—«Иллюстриров. Газета» 1876 г., № 12.—В. Григорьевъ, Пет. Универс. стр. XXIII прим.—Проток. год. собр. каз. общ. естеств., стр. 11.—Словари: Березина, Венгерова и Андреевскаго.

Большаковъ, *Тихонъ Ѳедоровичъ*, московскій купецъ, род. 8 іюня 1794 г. въ г. Боровскѣ, калужской губ., ум. 19 декабря 1863 г. въ Москвѣ. Въ 1806 г. онъ былъ привезенъ въ Москву къ дядѣ и, съ помощью его, началъ торговлю кожевеннымъ товаромъ. Вскорѣ, пріохотившись къ стариннымъ духовнымъ книгамъ, Большаковъ началъ пріобрѣтать древнія рукописи, но, не имѣя средствъ оставлять ихъ у себя, онъ обмѣнивался ими съ другими собирателями. Первое время обмѣнъ книжнымъ товаромъ шелъ на ряду съ кожевенною торговлею и только впослѣдствіи Большаковъ занялся исключительно торговлею древними книгами и рукописями, скупая ихъ повсюду, преимущественно на сѣверѣ. При его участіи составились извѣстныя собранія Погодина, гр. Строганова, гр. Уварова, гр. Толстого, кн. Гагарина, гр. Шереметева, кн. Оболенскаго, Буслаева, Тихонравова, Барсова, Титова, Царскаго, Ундольскаго, Каратаева, Морозова, Солда-

тенкова, Рудакова. Румянцевскій музей, надъ обогащеніемъ котораго Большаковъ потрудился, имѣетъ цѣлый отдѣлъ рукописей съ надписью «отъ Большакова». Особенно важныя услуги Большаковъ оказалъ М. П. Погодину, въ собраніе котораго вошло около 200 рукописей, пріобрѣтенныхъ отъ него. Въ сношеніяхъ съ учеными Большаковъ являлся не только добросовѣстнымъ коммиссіонеромъ, но и человѣкомъ, обширныя свѣдѣнія котораго въ области древне-русской письменности оказывались небезполезными и для такихъ ученыхъ, какъ Погодинъ, особенно цѣнившій Большакова. Когда въ 1852 г. Императорская Публичная Библіотека пріобрѣла «древлехранилище» Погодина, то Большакову было поручено сопровождать короба съ рукописями въ С.-Петербургъ. Въ 1846—47 г., при введеніи въ Россіи Бѣлокриницкой іерархіи, Большаковъ—природный старообрядецъ—оказалъ своимъ единовѣрцамъ важныя услуги, благодаря своему знанію каноническихъ правилъ. Въ 1848 г. онъ былъ избранъ въ члены-соревнователи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ а въ 1853 г.—въ члены-корреспонденты Императорской Публичной Библіотеки. Въ 1861 г. Большаковъ расширилъ свою книжную и антикварную торговлю, предпринявъ первую поѣздку на Нижегородскую ярмарку. Успѣхъ этой попытки былъ громадный. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ своей жизни Большаковъ работалъ надъ сочиненіями Максима Грека и собралъ 216 твореній его. Въ годъ смерти Большакова появилось изданіе Д. Е. Кожанчикова «Стоглавъ», напечатанное по рукописи, доставленной Большаковымъ.

С. Т. Большаковъ, Біографія Т. Ѳ. Б. (рукопись, находящаяся у А. Э. Мальмгрена).—«Современ. Листокъ», 1863, № 1.—«День», 1863, № 52 (Безсоновъ).—«Русск. Вѣдом.», 1863, № 51.—«Моск. Вѣдом.» 1863, № 279.—«Иллюстрація» 1864, № 1, стр. 14.—Мѣсяцесловъ на 1865, прилож., стр. 25.—«Русскій Архивъ», 1865, № 1, стр. 115—116 (Геннади).—«Новое Время» 1886, № 3782.—Словари: Геннади, Венгерова, Ефрона.—Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина.

А. Э. Мальмгренъ.

Большой, *Савва*, врачъ, ум. въ 1827 г. Среднее образованіе онъ получилъ въ сѣвской семинаріи, въ 1789 г. поступилъ ученикомъ въ московскій генеральный госпиталь, въ 1790 г. вышелъ изъ госпиталя съ званіемъ подлѣкаря; черезъ семь лѣтъ онъ былъ произведенъ въ лѣкари и получилъ должность въ Павловскомъ гренадерскомъ полку, въ 1798 г. перешелъ на службу въ горное училище (лѣкаремъ), а въ 1800 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Черезъ годъ онъ представилъ конференціи с.-петербургской медико-хирургической академіи свою диссертацію «Parergon physico-medicum» etc.; этотъ трудъ уже былъ одобренъ медицинскою коллегіей, но право возводить врачей въ степень доктора было незадолго передъ тѣмъ предоставлено академіи, и слѣдовало назначить диспутъ; однако еще не существовало никакихъ правилъ для производства диспутовъ; лишь 29 іюня 1801 г. эти правила были выработаны коллегіей и доставлены въ академію. 28 іюня 1802 г. Савва Большой, первый изъ русскихъ врачей, на основаніи новыхъ правилъ защитилъ свою диссертацію противъ трехъ оппонентовъ, назначенныхъ конференціею академіи, и четырехъ постороннихъ, и конференція признала его достойнымъ ученой степени. Въ томъ же году онъ былъ отправленъ съ коммиссіею въ Бухару, въ 1803 г. попалъ въ плѣнъ къ киргизъ-кайсакамъ и пробылъ въ немъ 10 мѣсяцевъ. Вернувшись изъ Бухары въ 1805 г., онъ былъ оставленъ на службѣ въ горномъ корпусѣ, но въ томъ же году уволенъ по слабости здоровья; затѣмъ онъ поселился въ г. Пронскѣ, рязанской губерніи и оставался тамъ до конца жизни; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника; напечаталъ: 1) Parergon physico-medicum de electricitate aetiologiaque ejus.—СПб. 1801. (Диссертація).—2) Замѣтки о приключеніяхъ въ плѣну у киргизъ-кайсаковъ въ 1803—1804 годахъ, съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи (въ «Сынѣ Отеч.», 1822 г., ч. ч. 76 и 77).—Замѣчанія о Киргизахъ изъ записки д-ра С. Большова (въ «Сынѣ Отеч.», 1822 г., ч. 80).

Исторія Имп. Воен.-Мед. Академіи, СПб. 1898, стр. 148.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—Его-же, Былое врачебной Россіи, Первыя 10 лѣтъ СПб. Медико-Хир. Академіи; СПб. 1890 г.—Венгеровъ, Критико-біограф. словарь.—Реке и Напіерскій, Allgem. Schriftsteller und Gelehrten Lexicon—М. Шмигельскій, Истор. очеркъ каф. госпитальной терапевтич. клиники Имп. В.-Мед. Академіи, СПб., 1897.

Н. Кульбинъ.

Бомель, *Елисей*, приближенный врачъ Іоанна Грознаго, род. въ г. Везелѣ, въ Вестфаліи, въ началѣ XVI вѣка, ум. въ 1579 г. Послѣ бурной юности, проведенной въ скитаніяхъ по Германіи, Бомель попалъ въ Англію, гдѣ изучилъ медицину въ Кем-

бриджѣ, и скоро прославился какъ врачъ; кромѣ того онъ выдавалъ себя за искуснаго мага и астролога. Благодаря умѣнію производить шумъ вокругъ своего имени, Бомель въ Лондонѣ завоевалъ себѣ такую славу, что народъ бѣгалъ за нимъ, словно за чудодѣемъ, да и среди вельможъ онъ пріобрѣлъ многочисленныя связи. Однако архіепископъ Мэтью Паркеръ добился заточенія Бомеля въ тюрьму и постановленія, чтобы Бомель немедленно покинулъ Англію; опала эта, повидимому, была вызвана предосудительными поступками доктора. Тогда Бомель пробовалъ запугать вліятельныхъ людей грозными предсказаніями, но это не помогло. Послѣ этого, въ началѣ мая 1570 г. онъ извѣстилъ сэра Сесиля, что русскій посолъ (привезшій отъ царя Іоанна Васильевича грамоту къ королевѣ Елизаветѣ по торговымъ дѣламъ, ближній дворянинъ, Андрѣй Григорьевичъ Совинъ) засылалъ къ нему, Бомелю, въ тюрьму и предлагалъ отъѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ царю, который сулитъ ему хорошее жалованье. Поэтому Бомель просилъ сэра Сесиля не препятствовать его отъѣзду, такъ какъ Совинъ, при ближайшей-же аудіенціи у королевы, заведетъ рѣчь объ отпущеніи Бомеля въ Россію. Въ то-же время Бомель вызывался постоянно сообщать сэру Сесилю свѣдѣнія о Россіи, а ему лично высылать ежегодно и подарки. Въ Россію влекли Бомеля жадность и затянувшееся заточеніе; по свидѣтельству Горсея, онъ былъ даровитый ученый, но развращенный человѣкъ, «и злодѣяній и тогда уже содѣлалъ немало». Торговалъ-ли онъ ядами въ Лондонѣ, неизвѣстно, но онъ собралъ великія богатства и драгоцѣнности и имущество свое переправилъ въ Везель. Лѣтомъ 1570 г. «дохтуръ Елисей» уже появляется въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Совинымъ и дьякомъ Семеномъ Савостьяновымъ, и сразу становится однимъ изъ приближенныхъ Іоанна. На первыхъ же порахъ Бомелій приписалъ отравѣ смерть третьей жены царя (1571 г.) и затѣмъ постоянно поддерживалъ въ Іоаннѣ болѣзненную подозрительность, чернилъ бояръ и народъ и своею угодливостью такъ полюбился Грозному, что тотъ его безотлучно держалъ при себѣ и на Москвѣ, и въ Александровской слободѣ, и бралъ съ собою даже въ Вологду. Въ казняхъ Бомелій принималъ постоянное участіе, самъ предложилъ Іоанну расправляться съ его лиходѣями ядомъ и готовилъ зелья съ такимъ искусствомъ, что намѣченныя царемъ жертвы умирали въ назначенный день и часъ. Грозный самъ невполнѣ довѣрялъ Бомелію и, повидимому, самъ у него не лѣчился. При такихъ условіяхъ Бомелій долженъ былъ возбудить противъ себя озлобленіе, и, когда царь Іоаннъ пошелъ на Новгородъ, то противъ Бомелія всплыло обвиненіе, будто и онъ съ новгородскимъ архіепископомъ злоумышлялъ противъ царя. Дознавшись объ измѣнѣ любимца изъ его переписки, частью на латинскомъ и греческомъ языкахъ, частью шифрованной, Грозный приказалъ пытать «дохтура», но Бомель положился на пріязнь бояръ, которымъ было поручено дознать дѣло, и отперся отъ всего; когда, однако-же, Бомеля вздернули на дыбу, онъ сознался въ гораздо даже бо̀льшемъ, чѣмъ предполагалъ царь. Слѣдователи, какъ ни были расположены къ Бомелю, сообщили объ его признаніяхъ царю, а онъ указалъ Бомеля привязать къ столбу и, подложивъ внизу костеръ, попытать его еще огнемъ. Впрочемъ Бомель всенародно сожженъ не былъ, какъ утверждаетъ Карамзинъ, но, послѣ новой пытки, брошенъ на сани и отвезенъ въ Кремль. Отвезенный куда то въ тайникъ, «дохтуръ Елисей» скончался. Вдова его—Джэкъ Рикэрдсъ—лишь по особому ходатайству королевы Елизаветы, врученному Іоанну Васильевичу въ 1583 г. англійскимъ посломъ сэромъ Джеромомъ Боусомъ, уже по смерти самого Грознаго была отпущена за границу, вмѣстѣ съ посломъ Боусомъ,—согласно указу царя Ѳеодора Іоанновича, отъ 30 мая 1584 г.

В. Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, ч. I. 1814, стр. 286—289.—Ak. Dr I. Hamel. Tradescand d. Aeltere 1618 in Russland. Rückblick auf einige der älteren Reisen im Horden («Recueil des Actes de l'Ac. Imp. des sc. St. Petersb.» 1847).—Хроника Горсея.—Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.—Гарьнискій, Краткій обзоръ медицины въ древней Россіи (въ «Медиц. Сборн.», Тифлисъ, 1880).—Н. П. Загоскинъ, Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи.—А. К. Европинъ, Историч. очеркъ каѳедры судебной медицины при И. В.-М. Академіи.—Словари: Плюшара и Эфрона.

В. Ш.

Бонафеде, *Джустиніани Петровичъ*, профессоръ - мозаичистъ академіи художествъ, ум. 2 февраля 1866 г. Итальянецъ, родомъ изъ Рима, онъ работалъ сначала въ папской студіи, а съ 1847 г. перешелъ на службу въ русскую студію въ Римѣ, которая

была устроена въ 1846 г., по волѣ Императора Николая I, для обученія русскихъ художниковъ мозаичному производству, подъ руководствомъ Барбери. Въ декабрѣ 1851 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ Леопольдомъ прибылъ въ Россію, по вызову правительства, для устройства мозаическаго отдѣленія и для преподаванія въ немъ. Когда мозаическое заведеніе было преобразовано (1862 г.) Бонафеде назначенъ былъ завѣдующимъ работами мозаической студіи и оставался въ этой должности до своей смерти. Это былъ образованный, даровитый и свѣдущій человѣкъ. Въ академіи художествъ его очень цѣнили, ставили на ряду съ лучшими профессорами и платили ему жалованья 3300 р. въ годъ. Онъ получилъ рядъ знаковъ отличія, а по смерти его Высочайше повелѣно, въ воздаяніе за его заслуги, производить пенсію его семейству, въ размѣрѣ получаемаго имъ жалованья, хотя Бонафеде служилъ только по найму. Онъ извѣстенъ былъ многими изобрѣтеніями и усовершенствованіями въ области своей спеціальности. Такъ, въ 1862 г. онъ изобрѣлъ такъ называемую хромокерамическую массу различныхъ тоновъ, въ разныхъ видахъ, для употребленія въ мозаикѣ вмѣсто дорого стоющихъ смальтъ, также для стѣнныхъ украшеній, въ видѣ эмалированныхъ изразцовъ, и для настилки узорчатыхъ половъ. Совѣтъ академіи одобрилъ и весьма сочувственно отнесся къ этому изобрѣтенію. Въ 1863 г. братья Бонафеде выхлопотали привилегію на свое изобрѣтеніе. Въ личномъ дѣлѣ о бр. Бонафеде, находящемся въ архивѣ академіи, есть описаніе способа приготовленія и употребленія хромокерамической массы, при чемъ въ концѣ стоятъ подписи обоихъ братьевъ. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что надъ изобрѣтеніемъ массы трудились оба брата совмѣстно. Завѣдуя мозаичнымъ отдѣленіемъ, Бонафеде въ 1864 г., съ разрѣшенія вице-президента академіи, кн. Гагарина, принялъ на себя лично обязательство сдѣлать мозаичный образъ архистратига Михаила въ новую часовню, строившуюся въ Вильнѣ, по рисункамъ и живописи кн. Гагарина. Но смерть помѣшала ему довести до конца эту работу, и онъ успѣлъ исполнить только бо̀льшую часть фона, крыльевъ и торса, т. е. всего только четвертую часть, а для головы Бонафеде написалъ особый этюдъ масляными красками. Въ сотрудничествѣ съ братомъ Бонафеде приготовилъ также восемь образовъ, писанныхъ на эмалированной лавѣ, и эмалированные барельефы изъ терракоты (для Александровской часовни въ Вильнѣ, въ 1865 г.)

Архивъ И. А. Х. — Петровъ, Матеріалы для исторіи И. А. Х.

Бонафеде, *Леопольдъ Петровичъ*, младшій братъ предъидущаго, род. въ 1832 г., ум. 6 марта 1878 г. Онъ былъ приглашенъ въ Россію вмѣстѣ съ братомъ и служилъ также по вольному найму, въ качествѣ химика-мозаичиста въ мозаическомъ заведеніи при академіи художествъ. Съ 1862 г., послѣ преобразованія мозаическаго заведенія, когда братъ его былъ сдѣланъ завѣдующимъ работами мозаической студіи и профессоромъ, химическое производство, какъ по составленію стеклянныхъ массъ, такъ и по изготовленію мозаичныхъ смальтъ, пало на Леопольда Бонафеде, который отлично изучилъ это дѣло и получилъ званіе химика-мозаичиста. Приготовленіе эмалей (разныхъ колеровъ) и разныхъ прозрачныхъ хрустальныхъ массъ онъ довелъ до совершенства, неуступающаго произведеніямъ этого рода въ первоклассныхъ заводахъ Европы. Въ 1857 г. Бонафеде приглашенъ былъ, съ сохраненіемъ прежней должности, на Императорской Стеклянный заводъ—тоже химикомъ, сначала безъ жалованья, и лишь съ 1866 г. онъ сталъ получать жалованье, когда сдѣланъ былъ главнымъ техникомъ и химикомъ завода. Въ 1867 г. онъ былъ командированъ въ Парижъ на всемірную выставку, для установки двухъ большихъ мозаическихъ образовъ. За свои изобрѣтенія и усовершенствованія Бонафеде получилъ отъ администраціи выставки орденъ Почетнаго Легіона и двѣ медали. Въ началѣ 1870 г. онъ изобрѣлъ новый способъ производства майолики, выхлопоталъ у администраціи Стекляннаго завода разрѣшеніе устроить въ его помѣщеніяхъ печи и механизмы и приготовилъ отличныя майолики. Онѣ выставлялись на всероссійской мануфактурной выставкѣ. Комитетъ экспертовъ далъ лестный отзывъ о полезной дѣятельности Бонафеде, и онъ получилъ орденъ св. Анны 2 ст. и подарокъ въ 500 руб. Въ 1872 г., по разстроенному здоровью, онъ ѣздилъ за границу, въ Маріенбадъ на 4 мѣсяца. Въ 1873 г. онъ былъ командированъ на Вѣнскую всемірную выставку для ознакомленія съ усовершенствованіями по техникѣ

стекляннаго производства. Въ 1874 г., за участіе въ производствѣ издѣлій Стекляннаго завода, находившихся на Вѣнской всемірной выставкѣ, Бонафеде получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени. Для характеристики его личности важно отмѣтить, что его очень любили мастеровые и рабочіе завода: на своихъ рукахъ они несли его до католической церкви и оттуда до могилы. На стеклянномъ заводѣ Бонафеде занимался спеціально и самостоятельно изготовленіемъ эмалей и смальтъ и сдѣлалъ многія усовершенствованія по этой части и вообще по стеклянному производству. Онъ открылъ способъ приготовленія пурпурина, потерянный со времени римлянъ. На всемірной выставкѣ 1867 г. вещи, приготовленныя изъ пурпурина, оказались единственными въ Европѣ. Бонафеде первый въ Россіи сталъ приготовлять авентуринъ, секретъ приготовленія котораго былъ извѣстенъ однимъ только венеціанскимъ мастерамъ. Бонафеде изобрѣлъ новый родъ выпуклой эмали для украшенія стеклянныхъ издѣлій. Новость и рѣдкость этого послѣдняго изобрѣтенія была доказана тѣмъ, что на всемірной выставкѣ 1867 г. всѣ стеклянныя вещи, украшенныя подобнымъ образомъ, на расхватъ были куплены разными музеями. Бонафеде обучилъ также нѣкоторыхъ русскихъ живописцевъ и настолько развилъ въ нихъ изящный вкусъ, что они получили похвальные отзывы за вещи, выставленныя ими на выставкѣ. Въ отчетныхъ рапортахъ директора Императорскаго Стекляннаго завода перечисляются усовершенствованія, которыя сдѣлалъ Бонафеде по стеклянному производству въ качествѣ главнаго техника и химика. Самое важное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что онъ замѣнилъ старую рецептурную систему составленія массъ какъ для стекла, такъ и для смальтъ — атомическою, основанною не на вѣсѣ и объемѣ составныхъ частей, а на количествѣ паевъ кислорода. Если старшій Бонафеде былъ болѣе теоретикъ и художникъ, способный нападать на новыя мысли и обучать другихъ, то младшій былъ болѣе практикъ, техникъ и химикъ, способный воплощать и осуществлять идеи брата. Оба они принесли большую пользу русскому стеклянному производству, а еще болѣе содѣйствовали насажденію и развитію у насъ мозаики.

Архивъ И. Ак. Худ. Д. 33 (1866), Д. 28 1866) и личное дѣло № 48 (Б). — Петровъ, Мат. для ист. И. А. Худ., III, 417. — Петербургскій Листокъ, 1878 г., № 53 (коротенькій некрологъ).
Е. Тарасовъ.

Бонгардъ, *Густавъ Петровичъ* (Heinrich Gustav Bonhard), профессоръ с.-петербургскаго университета и академикъ Императорской Академіи наукъ, род. въ Боннѣ 12 сентября 1786 г., ум. 5 августа 1839 г. въ С.-Петербургѣ. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Іосефинской академіи въ Вѣнѣ, гдѣ и удостоенъ въ 1810 г. степени доктора хирургіи. Затѣмъ онъ переселился для медицинской практики въ Россію и въ 1819 г. былъ с.-петербургской медико-хирургической академіей утвержденъ въ степени доктора. Въ февралѣ 1823 г. онъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ ботаники въ с.-петербургскомъ университетѣ и читалъ лекціи на латинскомъ яз. Въ 1831—1833 гг. онъ былъ также инспекторомъ студентовъ. Въ 1830 г. онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи, а въ 1835 г.—въ академики. Много труда Бонгардтъ приложилъ къ устройству ботаническаго музея Академіи.—Труды Бонгарда, особенно по систематической ботаникѣ и по ботанической географіи, помѣщены въ академическихъ мемуарахъ; приводимъ важнѣйшіе изъ нихъ: Essai monographique sur les espèces d'Eriscaulon de Brésil (Mémoires, 1831, томъ 1 и слѣд).—Observations sur la végétation de l'isle de Sitkha (Mémoires, 1832, томъ 2).—Для академическаго акта 1834 г. составилъ: Esquise historique des travaux sur la botanique entrepris en Russie depuis Pierre le Grand jusqu'à nos jours (Recueil des actes de 1834).—Verzeichniss der im Jahre 1838 am Saisang-Nor und am Irtisch gesammelten Pflanzen. Zweites Supplement zur Flora Altaica, angefangen von Bonhard, beendigt von Dr. C. A. Meyer (Mémoires 1841, томъ 4-й). — Отдѣльно изданы: Descriptiones plantarum novarum. СПб., 1839.

Григорьевъ, Импер. с.-петерб. унив. въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существ.—Compte rendu de l'Academie de St. Petersbourg 1839 (recueil des actes de 1840).—Trautvetter, Fontes florae rossicae.—Ledebur, Flora Rossica, I, p. VIII.—Herder, Biographische Notizen, въ «Engler's Botanische Jahrbücher».—Словари: Геннади и Венгерова.

Бонекки, *Джузеппе*, придворный стихотворецъ Императрицы Елизаветы. Флорентинецъ родомъ, Бонекки былъ привезенъ въ Россію въ 1840 г. композиторомъ Франческо Арайя, для сочиненія оперныхъ либретто. Произведенія Бонекки, пріуро-

чивавшіяся къ различнымъ придворнымъ торжествамъ и имѣвшія аллегорическій характеръ, имѣли большой успѣхъ. Первая его опера, написанная въ Россіи, «Беллерофонтъ», была представлена во время торжествъ по случаю восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы и изображала доблести Государыни (текстъ на русскомъ языкѣ напечатанъ СПб. 1757). По случаю бракосочетанія Петра Ѳеодоровича съ Екатериною Бонекки написалъ либретто оперы «Сципіонъ». Въ 1751 г., въ десятую годовщину коронованія Елизаветы была поставлена опера на текстъ Бонекки: «Евдокія вѣнчанная или Ѳеодосій Второй» (переведена на русскій яз. А. В. Олсуфьевымъ). Во время празднествъ по случаю мира съ Швеціей исполнялась опера «Селевкъ» (переводъ Олсуфьева напечатанъ СПб. 1774). Въ 1752 г. Бонекки уѣхалъ обратно въ Италію.

Словарь Брокгауза-Ефрона.

Бонцевичъ, *Иванъ Ивановичъ*, врачъ, род. въ 1799 г. въ Тельшевскомъ повѣтѣ, ковенской губ., ум. 27 декабря 1864 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ кальварской школѣ доминиканцевъ, въ 1817 г. отправился въ Вильну и, получивъ тамъ званіе кандидата философіи, поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ на медицинскій факультетъ виленскаго университета. Окончивъ курсъ въ 1823 г. съ званіемъ лѣкаря перваго отдѣленія, онъ представилъ въ томъ-же году диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора медицины; тогда-же онъ былъ назначенъ ординаторомъ варшавскаго уяздовскаго военнаго госпиталя. Въ 1825 г. онъ былъ избранъ въ число членовъ варшавскаго лѣкарскаго товарищества, въ 1834 г. сталъ членомъ виленскаго лѣкарскаго товарищества, въ 1833 г. былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта Царства Польскаго; при этомъ ему было поручено экзаменовать врачей по терапіи и патологіи (на право вольной практики). Въ 1841 г. Бонцевичъ сталъ членомъ совѣта института глухонѣмыхъ въ Варшавѣ, а въ 1855 г.—членомъ главнаго опекунскаго совѣта Царства Польскаго. По духовному завѣщанію онъ оставилъ 45.000 р. на двѣ стипендіи въ варшавской медико-хирургической академіи и на различныя благотворительныя учрежденія.—Бонцевичъ напечаталъ: 1) De extirpatione mammae; Диссертація. — Вильна, 1823 г. 2) Замѣчательный прыщъ, въ «Военно-Мед. Журналѣ» 1831 г., ч. 17, 2.—3) Febris pustulosa maligna; тамъ-же, 1834 г., ч. 24, 3.—4) 19 докладовъ на польскомъ языкѣ, сообщенныхъ въ засѣданіяхъ варшавскаго лѣкарскаго товарищества, напечатаны въ «Памятникѣ» этого общества и въ «Тыгодникѣ лѣкарскомъ».

С. Косминскій, Słownik lekarzów polskich; Варш. 1883 г.—Л. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели; СПб. 1886 г.—Callisen, Med. Schriftsteller-Lexicon, Bd. I, Copenhagen 1830, № 774.

Н. Кульбинъ.

Бонштедтъ, *Людвигъ*, архитекторъ, род. въ С.Петербургѣ, въ нѣмецкой семьѣ, ум. 4 января 1885 г. въ Готѣ. Окончивъ курсъ въ петербургскомъ Петропавловскомъ училищѣ, Бонштедтъ слушалъ лекціи въ Берлинѣ, а затѣмъ изучалъ архитектуру въ Италіи. Вернувшись въ С.-Петербургъ, онъ получилъ мѣсто главнаго архитектора и члена совѣта при департаментѣ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, а въ 1858 г. занялъ каѳедру въ академіи художествъ. Изъ возведенныхъ имъ построекъ замѣчательны: китайскій дворецъ въ Ораніенбаумѣ съ кухоннымъ павильономъ, Вознесенскій женскій монастырь, городская дума въ С.-Петербургѣ, домъ министерства государственныхъ имуществъ, городской театръ въ Ригѣ (сгорѣлъ въ 1882 г.) и много частныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. Съ 1863 г. Бонштедтъ жилъ въ Готѣ, продолжая архитектурныя работы. Собраніе его проектовъ, получившихъ преміи на многихъ конкурсахъ, издано въ Лейпцигѣ и Галле 1874—1877 гг. Онъ былъ почетнымъ членомъ с.-петербургской и берлинской академій художествъ. Бонштедтъ сотрудничалъ въ «Handbuch der Architektur».

«Зодчій», 1872, № 7, стр. 112—114.—Петровъ, Матеріалы для исторіи И. А. X.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Бонюшко, *Іосифъ*, врачъ, ум. 6 мая 1846 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ виленской гимназіи, въ 1804 г. перешелъ въ виленскій медицинскій институтъ, въ февралѣ 1812 г. окончилъ курсъ съ званіемъ магистра медицины, а 7 апрѣля того-же года получилъ степень доктора медицины и затѣмъ опредѣлился врачемъ въ 32-й егерскій полкъ. Въ 1814 г. онъ сталъ младшимъ лѣкаремъ I-го класса, а въ 1818 г.—старшимъ лѣкаремъ II класса, въ 1820 г. уволенъ, въ 1823 г. получилъ мѣсто старшаго врача въ одесской город-

ской больницѣ, но въ слѣдующемъ году былъ уволенъ и оттуда.—Напечаталъ диссертацію: «De miliaribus», Вильна, 1812 г. Кромѣ того, Козминскій упоминаетъ, что Бонюшко посылалъ научные труды въ «Tygodnik Peterbursky».

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—С. Козминскій, Slownik lekarzów polskich.

Бораковскій, *Иванъ Викентьевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1782 г., ум. послѣ 1862 г. Происходя изъ польской дворянской семьи, Бораковскій уже въ 1796 г. поступилъ на службу въ канцелярію магистрата юстиціи г. Варшавы, но въ 1799 г. оставилъ канцелярію и, желая получить высшее образованіе, поѣхалъ въ Германію. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ франкфуртскомъ (на Одерѣ) университетѣ, онъ въ 1804 г. причислился для практическихъ занятій къ франкфуртскому же городовому суду, а черезъ 8 мѣсяцевъ перешелъ на службу въ прусскую регенцію въ Варшавѣ. Затѣмъ Бораковскій послѣдовательно проходилъ различныя должности въ варшавскихъ главномъ и земскомъ судахъ, въ гражданскихъ трибуналахъ варшавскаго и познанскаго департаментовъ, въ 1812 г. былъ назначенъ прокуроромъ варшавскаго трибунала, въ 1816 г. занялъ постъ совѣтника генеральной прокураторіи, въ 1823 г. произведенъ въ статсъ-референдаріи, а въ 1824 г. ему было поручено засѣдать въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта Царства Польскаго при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ отсутствовать генеральный прокуроръ. Въ 1826 г. Бораковскій состоялъ маршаломъ народнаго собранія 3-го циркула г. Варшавы, въ 1827 г. исправлялъ должность генеральнаго прокурора при сеймовомъ судѣ, въ 1828 г. пожалованъ въ статсъ-референдаріи при Государственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго, а въ 1831 г. назначенъ генеральнымъ секретаремъ (правителемъ канцеляріи) правительственной коммиссіи юстиціи. Въ 1833 г. Бораковскій опять перешелъ на службу въ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго съ званіемъ статсъ-референдарія по части юстиціи, но продолжалъ принимать участіе и въ занятіяхъ коммиссіи юстиціи, а въ концѣ того же года опредѣленъ членомъ этой коммиссіи и занималъ этотъ постъ до 1850 г. Въ то же время онъ принималъ участіе въ различныхъ комитетахъ, учреждавшихся для обсужденія новыхъ узаконеній, проектированныхъ для введенія въ Царствѣ Польскомъ, а кромѣ того былъ опекуномъ, предсѣдательствующимъ въ варшавской больницѣ Св. Духа, и въ 1845 г. получилъ отъ князя намѣстника изъявленіе признательности за то, что «неутомимою дѣятельностію весьма содѣйствовалъ въ пользу человѣчества и въ отраду страждущимъ и бѣднымъ введеніемъ устройства по управленію сей больницы». Разнообразная и ревностная дѣятельность Бораковскаго была награждена 6 декабря 1843 г. чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 25 декабря 1845 г. орденомъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1850 г. ему было выражено Высочайшее благоволеніе за труды по званію члена главнаго попечительнаго совѣта благотворительныхъ заведеній Царства Польскаго. 7 ноября 1850 г. Бораковскій былъ произведенъ въ званіе сенатора, съ назначеніемъ присутствовать въ варшавскихъ департаментахъ, 7 января 1851 г. пожалованъ въ тайные совѣтники, съ 28 сентября 1854 г. назначенъ первоприсутствующимъ въ временномъ отдѣленіи 9-го департамента Сената, 13 мая 1855 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а 19 ноября 1857 г. тѣмъ же орденомъ съ короною. Съ 25 апрѣля 1858 г. Бораковскій состоялъ предсѣдательствующимъ въ пріуготовительной коммиссіи при общемъ собраніи варшавскихъ департаментовъ Сената, а 7 ноября 1862 г. оставилъ службу по разстроенному здоровью.

Формулярный списокъ.

Борейша, *Дмитрій Петровичъ*, врачъ, род. въ 1838 г. въ могилевской губерніи, ум. 23 декабря 1874 г. Окончивъ въ 1861 г. курсъ с.-петербургской медико-хирургической академіи съ званіемъ лѣкаря, Борейша служилъ врачемъ въ воспитательномъ домѣ, въ Крестовоздвиженской общинѣ сестръ милосердія и въ родильномъ домѣ, затѣмъ завѣдывалъ родильнымъ пріютомъ коломенской части и состоялъ сверхштатнымъ акушеромъ при с.-петербургской полиціи. Борейша постоянно жилъ въ Петербургѣ и пользовался репутаціей выдающагося врача-практика; главной своей задачей онъ считалъ оказаніе помощи бѣднымъ больнымъ, которыхъ онъ принималъ днемъ и ночью въ очень большомъ числѣ. Въ послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ себя почти исключительно дѣтской прак-

тикѣ и въ теченіе года принималъ до 4000 бѣдныхъ больныхъ у себя на дому. Такая непосильная работа быстро разстроила его здоровье; въ концѣ 1866 г. у него появились признаки чахотки, лѣтомъ 1868 г. онъ уѣхалъ за границу, но вернувшись въ томъ-же году на родину, снова принялся за работу, не жалѣя силъ. Въ ноябрѣ 1873 г. онъ слегъ въ постель и черезъ 13 мѣсяцевъ скончался. Петербургскія газеты посвятили его памяти прочувствованныя статьи.

«Голосъ» 1874 г. № 356.—«С.-Пб. Вѣдомости» 1874 г. № 358.—«Здоровье» 1874—75 г., № 6, стр. 123.—«Медицинскій Вѣстникъ» 1874 г., декабрь.—Исторія И. В.-Мед. Акад. СПб. 1898 г., прибавл., стр. 247.

Борецкая, *Марѳа Ивановна*, жена посадника Исаака Андреевича Борецкаго, обыкновенно называемая *Марѳой Посадницей*, происходила изъ фамиліи бояръ Лошинскихъ (въ лѣтописи сынъ ея, Ѳедоръ Борецкій названъ «сестричичемъ» Ив. Ив. Лошинскаго, П. С. Р. Лѣт., VI, 202; IV, 130; ср. IV, 359; V, 37 и др. — «Лосинскій»; см. также Отеч. Зап. 1821 г., ч. VII, № 17, с. 341). Брату Марѳы, Ив. Ив. Лошинскому принадлежало с. Ракомль, лежавшее въ 3-хъ верстахъ отъ Юрьева монастыря, надъ Волховомъ, у оз. Ильменя, гдѣ останавливался Иванъ III, во время похода на Новгородъ въ 1478 г., и гдѣ нѣкогда находился загородный дворецъ Ярослава I. Волости его были въ Деревской пятинѣ. Есть основаніе полагать, что Марѳа была два раза замужемъ: въ первый разъ за бояр. Филиппомъ (въ средніе вѣка и на Западѣ лица нерѣдко обозначались однимъ именемъ, а въ Новгородѣ это было весьма обыкновенно), отъ котораго имѣла двухъ сыновей—Антона и Феликса. Посѣтивъ Корельскій берегъ, гдѣ находились вотчины, купленныя ея мужемъ, они утонули, во время переѣзда, въ морѣ, а тѣла ихъ погребены были возлѣ соборнаго храма Николаевскаго (Корельскаго) монастыря отстроеннаго Марѳою, при чемъ ею были даны вкладомъ въ монастырь три села, пожни и рыбныя ловли на островѣ Лавлѣ, по Малокурью, Кудьмѣ и Неноксѣ (Ист. іер., 629—632; актъ подтверждается описью монастыр. имущ. 1551, Акт. ист., I, с. 385; въ описаніи рукописей Царскаго, стр. 808 сказано: «грамота, данная Николаевскому Корельскому мон. отъ какой-то Марѳы на землю, XV в., — лоскутокъ пергамента, внизу печати свинцовой не достаетъ»). Какъ извѣстно, монастырь этотъ существовалъ уже въ 1419 г. но Марѳа могла и позже построить храмъ и дать вкладъ. На основаніи того же акта можно установить ближайшее ея родство по первому мужу. Такъ, она поручаетъ монастырь св. Николая деверю («своему господину», что указываетъ на ея тогдашнее вдовство), Ѳедору Григорьевичу и его дѣтямъ, а также Леонтію Аввакумовичу и зятю своему Афромею (Варѳоломею) Васильевичу. Лица эти, судя по отчествамъ (обыкновенно употребляемымъ относительно бояръ), принадлежали къ боярскимъ семьямъ Новгорода, члены которыхъ занимали нерѣдко видныя мѣста въ чиновной іерархіи. По близости къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще семью Ѳедора Евстаѳьевича, на дочери котораго, Ксеніи, былъ женатъ братъ Марѳы. Вторично Марѳа была замужемъ за посадн. Исаакомъ Борецкимъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей—Дмитрія и Ѳедора.

Съ постепеннымъ ослабленіемъ княжеской власти, значеніе боярства въ Новгородѣ сильно возрасло и сопровождалось преобладаніемъ нѣкоторыхъ, выдающихся по своему положенію и богатству, фамилій. Такимъ образомъ, въ періодъ 1126—1400 г., по лѣтописямъ, насчитываютъ не болѣе сорока фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе, при чемъ самый срокъ ихъ власти все чаще сталъ зависѣть отъ настроенія вѣча и борьбы партій. Вначалѣ представители новгородскаго боярства (господа) нерѣдко являлись защитниками интересовъ народной массы, но уже къ концу XIV и въ XV вѣкѣ берутъ верхъ аристократическія стремленія, вслѣдствіе чего даже представители купечества вытѣсняются изъ правительственнаго совѣта. Благодаря такому порядку, создается замкнутый кругъ боярскихъ властныхъ фамилій, все значеніе которыхъ часто основывалось на однихъ матеріальныхъ средствахъ. Первоначальнымъ источникомъ ихъ обогащенія служила торговля: объ этомъ свидѣтельствуютъ раннія извѣстія о широкихъ предпріятіяхъ торговыхъ людей; нѣмецкая же торговля (съ к. XII в.) содѣйствовала возникновенію класса капиталистовъ; дѣло посадника Дм. Мирошкинича (1209) и его братьевъ (доски Димитрія—долговыя записи) показываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали властвовавшія лица

въ интересахъ своего обогащенія. Вслѣдствіе успѣховъ торговли и накопленія въ рукахъ новгородцевъ благородныхъ металловъ, въ нач. XV в. обозначается переходъ къ денежному хозяйству, и появляется въ обращеніи значительное количество иностранной монеты. Благодаря этимъ условіямъ, Новгородъ въ теченіе XIV и первой половинѣ XV стол. могъ уплатить тверскимъ и, главнымъ образомъ, московскимъ князьямъ до $1^1/_2$ мил. деньгами на нашъ счетъ; а въ 1476 и 1478 гг., не считая дорогихъ иностранныхъ произведеній: винъ, суконъ, шелковыхъ тканей, сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и т. п., поднесенныхъ въ даръ Ивану III, новгородцы уплатили ему до 1400 корабленниковъ (т. е. золотыхъ англ. шифноблей=2 червон.) и до 20.000 рублей, составлявшихъ, по болѣе умѣренному счету, 300,000 позднѣйшихъ. При этомъ нѣкоторыя лица поднесли ему значительныя суммы. Пользуясь денежными средствами и своимъ вліяніемъ, новгородское боярство обратило вниманіе на расширеніе земельной собственности. Въ нач. XIV в. на Вагѣ возникаетъ обширная боярская вотчина Своеземцевыхъ, а затѣмъ на Вагѣ и по Двинѣ появляется еще 12 боярщинъ, заводится хлѣбопашество, строятся городки, и возникаетъ монастырь (Богословскій), основанный (ок. 1450 г.) посадн. Вас. Степ. Своеземцевымъ. Вообще, Заволочье было мѣстомъ подвиговъ боярской молодежи, которая вступала въ борьбу съ инородцами и московскими отрядами, а нерѣдко отказывала въ повиновеніи и самому Новгороду. Мало-по-малу боярство и духовенство успѣли захватить всѣ земли, лежавшія въ окрестности Новгорода. Уже въ 1413 г., посѣтившій Новгородъ камергеръ бургундскаго герцога, де-Ланнуа, замѣтилъ, что въ немъ «много знатныхъ господъ, которыхъ называютъ боярами, а у иного гражданина земли миль на 200 въ длину: богаты и могущественны удивительно»! (по изд. Потвена, стр. 33). Въ связи съ указанными условіями наблюдается упадокъ крестьянской общины. Къ концу XV стол. классъ поземельныхъ собственниковъ въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ имѣлъ уже весьма ничтожное число представителей, за исключеніемъ сѣверныхъ частей новгородскихъ пятинъ. Такимъ образомъ, въ значительной степени этой экономической подкладкой объясняется рядъ народныхъ волненій въ Новгородѣ XIV—XV стол., направленныхъ противъ бояръ и житьихъ людей и сопровождавшихся обыкновенно разграбленіемъ ихъ имущества и селъ (напр. 1310, 1332, 1340, 1351, 1418, 1421, 1445 по новгор. лѣт.). Эти смуты даютъ право историкамъ указывать на измѣненіе отношеній между бо́льшими и меньшими людьми, вслѣдствіе чего бояре перестали быть защитниками своихъ уличанъ, отдѣлились отъ черныхъ людей и составили сплошную масссу богачей, угнетавшихъ черный народъ, и такимъ образомъ мѣстныя, прежде крѣпкія общины очутились безъ руководителей и сдѣлались безгласными. Возникновеніе подобной борьбы иногда соединялось съ большимъ голодомъ или неурожаемъ (1421, 1445), которые имѣли уже прямое отношеніе къ положенію низшаго класса. Любопытно, что въ договоръ Новгорода съ Казиміромъ IV (1471 г.) бояре внесли условіе, чтобы политическіе доносы смердовъ на своихъ господъ не принимались во вниманіе. Въ самый моментъ появленія Ивана III подъ Новгородомъ (1471) въ городѣ обнаружился хлѣбный кризисъ: ржаного хлѣба вовсе не оказалось на рынкѣ, а пшеничнаго было совсѣмъ мало, что̀ вызвало борьбу между потребителями того и другого и ускорило заключеніе мира.

Еще одинъ вопросъ заслуживаетъ вниманія—это участіе женщинъ въ движеніи, сопровождавшемъ паденіе Новгорода. И въ семьяхъ князей, и въ частномъ быту вліяніе матерей-вдовъ имѣло значеніе; но, въ силу особенностей новгородскаго быта, оно получило здѣсь своеобразный характеръ (ср. былину о Вас. Буслаевичѣ). Во время борьбы партій (1413) женщина являлась иногда на вѣче въ качествѣ обвинительницы («выскочивъ посреди сонмища») и принимала участіе въ расправѣ съ виновникомъ. Въ моментъ же паденія Новгорода мы видимъ трехъ женщинъ, игравшихъ роль въ тогдашнихъ событіяхъ. Это—Мареа Борецкая, Анастасія, вдова бояр. Ивана Григорьевича, и Евѳимія, вдова посадн. Есипа Андр. Горшкова. Всѣ онѣ занимали видное положеніе, владѣли значительными средствами, такъ какъ въ лѣтописяхъ упоминается объ ихъ богатствѣ и людяхъ; а писцовыя книги даютъ намъ свѣдѣнія объ ихъ крупныхъ земельныхъ владѣніяхъ. Насколько женскій элементъ въ новгородскомъ движеніи занимаетъ видное мѣсто, можно заключить изъ того,

что Иванъ III, покончивъ съ свободою Новгорода, велѣлъ взять присягу (1478) со всѣхъ людей, съ женъ боярскихъ и вдовъ. Но самая видная роль въ этихъ событіяхъ несомнѣнно принадлежала Марѳѣ посадницѣ.

Марѳа Борецкая, по своимъ семейнымъ связямъ, обладала значительными средствами. Дѣйствія Исаака Борецкаго на Двинѣ показываютъ, что онъ располагалъ вотчинами въ Заволочьѣ. Одна изъ важскихъ боярщинъ носила названіе «Исаковской», а на Двинѣ была волость «Борецкая». Въ Заволочьѣ Борецкіе владѣли землями по Двинѣ, Волгѣ и Кокшенгѣ. Мы упоминали о надѣлахъ, данныхъ Марѳою Николаевскому монастырю на Корельскомъ берегу. Въ 1470 г. она подарила Соловецкому монастырю вотчину между рр. Умбой и Варзугой. По писцевой книгѣ Обонежской пятины 1482 г. въ «Марѳинской боярщинѣ» на р. Сорокѣ значилось 16 участковъ, половина которыхъ отдана была вел. княземъ монастырю, а по писцовымъ книгамъ 1496 г. значилось на р. Сумѣ 19 деревень, принадлежавшихъ Марѳѣ, которыя, съ 2 деревнями на р. Волгѣ, пожалованы были въ 1555 г. тому же монастырю; затѣмъ Марѳѣ принадлежали: 49 деревень на Колдо-озерѣ и рыбныя ловли на р. Воддѣ, деревни въ Вотской, Деревской и Шелонской пятинахъ. Славная своимъ богатствомъ вдова Анастасія имѣла въ Вотской пятинѣ свыше 50 деревень, въ Обонежской — до 100 дерев. и рыбныя ловли на р. Воддѣ. Евѳимія владѣла землями въ Деревской и еще болѣе значительными въ Вотской пятинѣ. Вообще, изслѣдованіе новгородскаго землевладѣнія приводитъ къ заключенію, что имѣнія Марѳы Борецкой и ея сторонниковъ: Овиновыхъ, Селезневыхъ, Аѳанасьевыхъ, Казимеровъ, Коробовыхъ, Есиповыхъ и др. были самыя богатыя и многочисленныя, и въ сравненіи съ ними имѣнія другихъ новгородскихъ вотчинниковъ, приверженныхъ къ Москвѣ, были весьма бѣдны и незначительны. На Софійской сторонѣ, въ Розважей улицѣ, по набережной Волхова, ставшей теперь аристократической частью города, находился «чудный дворъ» (домъ) Марѳы посадницы. Въ этомъ домѣ происходили многочисленныя и шумныя совѣщанія сторонниковъ Марѳы во время рѣшенія, принятаго ея партіею.

Еще въ тридцатыхъ годахъ XV стол. «новгородскіе вельможи и старѣйшины» думали обезпечить независимость Новгорода соединеніемъ его съ Литвою. Въ Новгородѣ не разъ сидѣли князья литовскаго дома (1333, 1383 — 1387, 1389, 1432—1434, 1444, 1446), которые могли содѣйствовать такому сближенію. Вмѣстѣ съ ними появляются выходцы изъ Литвы и Руси, которые пріобрѣтаютъ извѣстное положеніе въ Новгородѣ. Яжелбицкій договоръ внесъ въ жизнь Новгорода такія измѣненія относительно суда, управленія и внѣшнихъ сношеній, которыя ясно указывали на намѣренія Василія Темнаго наложить руку на Вел. Новгородъ, и отношенія эти настолько уже обострились, что во время пребыванія въ Новгородѣ вел. князя съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ (1460) составился было заговоръ съ цѣлью умертвить ихъ, отъ чего новгородцы были удержаны лишь увѣщаніями архіеп. Іоны. Молодость Ивана III (при вступленіи на престолъ ему было 22 года) подавала надежду на продленіе мирныхъ отношеній; но пребываніе въ Новгородѣ княжескихъ намѣстниковъ и дворянъ служило постояннымъ предлогомъ къ неудовольствіямъ и вызывало необходимость частныхъ сношеній съ Москвою, которые только еще болѣе усилили накопившіяся враждебныя чувства. Подобнымъ настроеніемъ старалась воспользоваться литовская партія, призвавшая въ Новгородъ «изъ королевы руки» (онъ прибылъ 8 ноября 1470) брата кіевскаго князя Симеона Олельковича—Михаила. Впрочемъ, по случаю смерти Симеона, Михаилъ вскорѣ оставилъ Новгородъ, вызвавъ даже среди новгородцевъ неудовольствіе своими произвольными дѣйствіями; но пребываніе его здѣсь не могло улучшить и отношеній къ Москвѣ; а кончина (5 нояб. 1470) архіеп. Іоны и избраніе въ преемники его Ѳеофила (15 нояб.) поставили на очередь вопросъ о мѣстѣ посвященія вновь избраннаго — въ Москвѣ или Кіевѣ, которое еще болѣе раздѣлило обѣ партіи, оправданіемъ для чего, между прочимъ, могло служить посвященіе въ Смоленскѣ архіеп. Евѳимія II митрополитомъ Герасимомъ. При такихъ обстоятельствахъ выступаетъ на сцену Марѳа посадница.

Семья Борецкихъ не могла быть приверженной къ Москвѣ, а ея богатства обезпечивали необходимыя средства для осуще-

ствленія задуманнаго предпріятія. Сторонниками ея были преимущественно «молодые» люди, и, напротивъ, многіе изъ «лучшихъ людей» готовы были стоять за союзъ съ Москвою, одни, быть можетъ, изъ соперничества, а другіе подъ вліяніемъ традиціи и религіозныхъ сомнѣній, навѣянныхъ посланіями митрополита, не желали поступиться въ вопросѣ о мѣстѣ посвященія владыки. Вражда на этой почвѣ должна была усилиться, когда кандидатъ въ санъ архіепископа, сторонникъ Мареы, Пименъ, не былъ избранъ. Будучи ключникомъ архіеп. Іоны, онъ имѣлъ доступъ къ софійской казнѣ и не мало средствъ присвоилъ себѣ и передалъ въ руки Борецкихъ на поддержку общаго дѣла. Для Пимена не было сомнѣнія, что онъ приметъ поставленіе въ Кіевѣ. Когда злоупотребленія его, по смерти Іоны, открылись, то онъ подвергся разграбленію и взысканію въ 1,000 р.

Московскія лѣтописи и церковный лѣтописецъ Новгорода, смотрѣвшій на дѣло съ этой точки зрѣнія, первенствующую роль въ наступившихъ событіяхъ приписываютъ Мареѣ посадницѣ, домъ которой не только былъ мѣстомъ бурныхъ собраній, но и сама она является внушительницей цѣлаго политическаго плана. «Многіе люди, читаемъ тамъ, на сонмище къ ней приходили и многіе послушали прелестныхъ и богоотметныхъ ея словъ, не зная о томъ, что было имъ на пагубу, и многіе изъ народа смутились ихъ соблазномъ». Въ этихъ обличеніяхъ Мареа сравнивается съ Іезавелью, бѣсноватой Ирадіадой, царицей Евдоксіей и «окаянной Далидой», что̀ въ свою очередь подкрѣпляется рядомъ не менѣе сильныхъ мѣстъ на счетъ «злыхъ женъ» вообще, во вкусѣ московскихъ книжниковъ. Рядомъ съ тѣмъ сообщается о ея намѣреніи (или ей предложенномъ Михаиломъ Олельковичемъ) вступить въ бракъ (повидимому лѣта Мареы не позволяли думать объ этомъ) «съ литовскимъ паномъ», чтобы владѣть съ нимъ всею Новгородскою областью отъ имени короля. Время посадничества ея сына Димитрія было особенно благопріятнымъ для ея роли. Мѣстный лѣтописецъ участіе сыновей ея въ смутѣ прямо приписываетъ ея вліянію. Въ преданіяхъ же о ней сохранились свѣдѣнія какъ о женщинѣ властной и рѣшительной. Такъ, въ Золотицкой волости разсказывали о ея жестокой расправѣ съ жителями по поводу гибели ея сыновей, въ которой она заподозрила умышленное убійство. Соловецкій монастырь, владѣвшій уже островомъ по грамотѣ, данной ему архіеп. Іонною и посадн. Иваномъ Лукиничемъ (Щокой), получилъ отъ Мареы и ея сына Θеодора два лука земли на р. Сумѣ, впадающей въ Онежскую губу; но сосѣдніе крестьяне причиняли обиды монахамъ, желая выжить ихъ оттуда, въ особенности, сильные покровительствомъ Мареы, ея люди. По поводу этихъ притѣсненій игуменъ Зосима посѣтилъ Новгородъ и успѣлъ склонить бояръ на защиту своихъ интересовъ; но Мареа, пользуясь вліяніемъ, сначала не приняла его и распорядилась даже выгнать, однако потомъ смирилась и дала отъ себя другую грамоту, писанную ея сыномъ, Θедоромъ, на участокъ земли по морскому берегу, скрѣпленную вислой свинцовой печатью съ ея именемъ (обѣ эти грамоты, вопреки свидѣтельству арх. Досиоея, оказываются копіями). Пиры были въ большомъ обычаѣ у новгородцевъ; Зосима также былъ приглашенъ къ Мареѣ на трапезу, вмѣстѣ съ вельможами города. Къ этому обстоятельству (1470) относится легенда, занесенная въ его житіе, о видѣнныхъ Зосимою на пирѣ шестерыхъ боярахъ, сидѣвшихъ безъ головъ. Бояре эти въ 1471 г. были обезглавлены по повелѣнію Ивана III. Близкій свидѣтель текущихъ событій, Зосима предсказалъ запустѣніе дома Мареы, случившееся нѣсколькими годами позже. Конечно, легенда сложилась впослѣдствіи; но она даетъ представленіе о взглядахъ современниковъ на характеръ и дѣятельность Мареы Борецкой.

Ближайшими пособниками въ дѣлѣ, поднятомъ Мареою, были ея сыновья, объ одномъ изъ которыхъ, судя по его прозванію (Θедоръ Дурень), сложилось нелестное мнѣніе, а также бояре: Василій Казимеръ и братъ его Яковъ Коробъ, родственники Борецкихъ, Матвѣй Селезневъ и Василій Селезневъ Губа, племянники (сестричичи) Казимера, Козьма Грузовъ (бывш. посадн.), Іер. Сухощокъ, Кипр. Арзубьевъ (бывш. посадн.), Павелъ Телятевъ, Козьма Григорьевичъ и др.

Горячія рѣчи сторонниковъ союза съ Литвою вскорѣ перешли на вѣче. Повидимому, въ интересахъ своего дѣла, друзья Мареы не стѣснялись въ выборѣ средствъ; щедро расточая деньги, они собрали толпу

«смердовъ, шильниковъ и другихъ безъименитыхъ мужиковъ», которые называли себя «государемъ великимъ Новгородомъ», являлись на вѣче, звонили въ колокола и кричали: «за короля хотимъ»! А другіе имъ отвѣчали: «къ Москвѣ хотимъ»! Такія собранія обыкновенно оканчивались междоусобіемъ. Между тѣмъ вел. князь, узнавъ о сношеніяхъ новгородскихъ правителей съ Литвою, рѣшилъ дѣйствовать силою. Обезпечивъ себя со стороны Твери и Пскова, онъ отправилъ значительный отрядъ на Двину, чтобы захватить новгородскія колоніи, что̀ ему и удалось безъ особеннаго усилія; а 20 іюня 1470 г. самъ выступилъ изъ Москвы. Предводителями новгородскаго войска оказались тѣже лица, которыя стояли во главѣ партіи, благопріятной соединенію съ Литвою, а для защиты Заволочья новгородское правительство послало служилаго князя Вас. Вас. Шуйскаго-Гребенку, жившаго въ Новгородѣ еще со времени Василія Темнаго. Но многочисленное новгородское ополченіе не могло устоять противъ небольшаго передоваго отряда московскаго войска: Шелонская битва (14 іюля) рѣшила участь Новгорода. Однако Иванъ III напрасно еще ожидалъ изъявленія покорности Новгорода. Тогда, прибывъ въ Русу, онъ распорядился отрубить головы болѣе выдающимся изъ вождей литовской партіи, доставшихся въ качествѣ плѣнниковъ: Дм. Борецкому, Вас. Губѣ-Селезневу, Іер. Сухощоку и Кипр. Арзубьеву, а Вас. Казимера, Козьму Григорьевича, Як. Өедорова, М. Селезнева, К. Грузова, и др. до 50 лучшихъ плѣнныхъ—отправилъ въ оковахъ въ Коломну и посадилъ въ тюрьму. Между тѣмъ, разбитый на Двинѣ кн. Шуйскій возвратился въ Новгородъ. Борьба партій въ Новгородѣ достигла крайнихъ предѣловъ: когда здѣсь готовились встрѣтить войско Ивана III, нѣкто Упадышъ заколотилъ 55 пушекъ, за что̀ и былъ казненъ, а извѣщеніе кор. Казимира, что онъ не можетъ подать помощи, такъ какъ магистръ Ливонскаго ордена не пропустилъ его войска, еще болѣе возбудило негодованіе противъ его сторонниковъ. Притомъ недостатокъ хлѣба въ Новгородѣ лишалъ надежды на возможность продолжительнаго сопротивленія. При такихъ обстоятельствахъ партія мира взяла верхъ. Тогда владыка Өеофилъ, старые посадники и житьи люди рѣшились просить мира. Получивъ съ Новгорода, по договору, заключенному на Коростынѣ, 15500 р., не считая переданныхъ разнымъ лицамъ за посредничество, обезпечивъ себя общею присягою, отреченіемъ отъ связей съ королемъ и др. противниками вел. князя, обязательствомъ поставленія владыки въ Москвѣ, но сохранивъ еще управленіе «по старинѣ», Иванъ III возвратился въ Москву. На этотъ разъ онъ не тронулъ остальной семьи Мароы, не «изъ презрѣнія къ слабой женщинѣ», но онъ не считалъ пока удобнымъ нарушить строй новгородской жизни, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ, при существовавшей опасности со стороны Ахмата и Казимира; а въ декабрѣ того же года (1471), по случаю посвященія Өеофила въ Москвѣ, онъ отпустилъ даже новгородцевъ (30 чел.), находившихся въ заключеніи. Но уже въ 1475 г., по поводу нападенія на улицы Славкову и Никитинскую «многихъ бояръ» и жалобъ на нихъ, Иванъ III пріѣхалъ на судъ въ Новгородъ. Судя по участникамъ этого дѣла (степен. посадн. Вас. Ананьинъ, Богд. Есиповъ, Григ. Тучинъ, Матв. и Як. Селезневы, Андр. Телятевъ, Моис. Өедоровъ, Аөанасьевы, Өед. Борецкій, сынъ боярыни Евөиміи Горшковой Иванъ съ ея людьми и др.), можно заключить, что оно происходило на почвѣ тѣхъ же отношеній двухъ враждебныхъ партій. Псковскій лѣтописецъ прямо говоритъ, что новгородцы, «люди житьи и молодшіе (меньшіе) сами в. князя призвали для управы за то, что посадники и великіе бояре, не давая ихъ судить другимъ, сами ихъ судили и творили надъ ними насиліе»; но были жалобы и со стороны нѣкоторыхъ бояръ (братьевъ Аполинарьиныхъ). Судъ, въ присутствіи архіепископа и старыхъ посадниковъ, призналъ, что жалобы эти были справедливы; но Ив. Аөанасьева съ сыномъ вел. князь велѣлъ схватить за то, что они опять склоняли новгородцевъ предаться королю. Оба они, а также четверо бояръ, въ томъ числѣ и Өедоръ Борецкій, обвиненные въ насиліяхъ, были отправлены въ ссылку. Съ менѣе виновныхъ были взысканы судныя пошлины и истцовые убытки (1500 р.), а новый посадникъ, Өома Андреевичъ, поднесъ отъ Новгорода вел. князю 1000 р. Съ 6 декабря по 19 января тянулись пиры для вел. князя у архіепископа, кн. Вас. Шуйскаго, посадниковъ и знатныхъ бояръ (у Казимера

и Коробова, Зах. и Коз. Григорьевичей, Аѳ. Груза, Аполинарьиныхъ и др.), причемъ ему были поднесены большія суммы и щедрые подарки. Пировалъ вел. князь и принялъ подарки у жены Ивана Григорьевича—Анастасіи, и сына ея—Юрія, но посѣщенія его не удостоилась Марѳа, по весьма понятной причинѣ. Весною 1477 г. постигло ее новое бѣдствіе: большой пожаръ, охватившій все пространство отъ Розважей улицы до Борковой и побережье до Великой ул., истребилъ и ея чудный дворъ. Съ другой стороны, неудовольствія между вел. княземъ и Новгородомъ не заставили себя долго ждать. Они возникли по поводу такихъ вопросовъ, какъ признаніе его государственной власти, право вызова на судъ въ Москву и т. п., поддерживаемыхъ сторонниками вел. князя въ Новгородѣ и сопровождавшихся печальными сценами на вѣчѣ, умерщвленіемъ лицъ, ѣздившихъ въ Москву, и въ томъ числѣ посадника Зах. Овинова и его брата. Положеніе дѣлъ въ Новгородѣ вызвало второй походъ вел. князя—осенью того же года: 27 ноября онъ уже стоялъ подъ городомъ, а 14 декабря Новгородъ вынужденъ былъ отказаться отъ вѣчеваго колокола и посадника; но отъ него требовали уже полнаго подчиненія, основаннаго на одной милости вел. князя. Въ этотъ разъ Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ многихъ вотчинъ бояръ, владыки и монастырей, отъ пригородовъ, Двинской области и Заволочья. Уѣзжая 17 февраля 1488 года въ Москву, великій князь забралъ съ собою множество драгоцѣнныхъ вещей, серебра и золота, для перевозки которыхъ, какъ утверждали, понадобилось до 300 возовъ. Увезъ онъ и вѣчевой колоколъ, а также всѣ договоры, когда либо заключенные Новгородомъ съ литовскими князьями, и грамоту, по которой новгородцы уговорились было стоять противъ притязаній вел. князя, укрѣпленную 58 печатями высшихъ сановниковъ. Но еще 2 февраля онъ распорядился схватить боярыню Марѳу съ внукомъ, а затѣмъ боярина Ив. Козм. Савелкова и многихъ другихъ; всѣ они были разосланы по городамъ въ заточеніе, а имѣнія ихъ взяты на вел. князя. Существовало мнѣніе, что Марѳа посадница, не доѣхавъ до Москвы, умерла въ с. Млевѣ, тверской губ., въ которомъ при ц. Спаса была найдена въ 1781 г. плита съ именемъ нѣкоей Марѳы, но еще Карамзинъ, на основаніи хронологической даты, опровергъ несообразность этого заключенія. Въ той же тверской губ. ходитъ преданіе, что въ одномъ селѣ московскій бояринъ строилъ церковь, на которую Марѳа пожертвовала копѣйку, и ея вкладъ былъ болѣе угоденъ Богу (о чемъ сообщилъ ангелъ священнику во снѣ), чѣмъ тысячи, пожертвованныя бояриномъ. Съ другой стороны, есть болѣе опредѣленныя указанія, что Марѳа была сослана въ Нижній-Новгородъ. Мѣстный же археографъ, П. И. Мельниковъ (Печерскій) въ 1841 г. сообщалъ въ Археографическую Коммиссію о существованіи акта, заключавшаго въ себѣ перепись прихожанъ церкви Іоанна Предтечи, въ которомъ было сказано, что къ нимъ принадлежала и Марѳа, бывшая посадница Новгорода Вел.; а по мѣстному преданію она была пострижена въ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ, бывшемъ въ Кремлѣ, съ именемъ Маріи, гдѣ и скончалась. Прибавимъ, что московскіе книжники XVI — XVII стол. любили вносить въ свои сборники статьи о погибели и ухищреніи злоумной жены Марѳы.

Судьба другихъ сторонниковъ Марѳы была также плачевна. Въ 1479, 1481, 1484, 1487 и 1488 гг. въ Новгородѣ происходили смуты, сопровождавшіяся обвиненіями въ измѣнѣ и сношеніяхъ съ королемъ и братьями в. князя, пытками, казнями и наконецъ неоднократнымъ выводомъ бояръ, житьихъ людей и купцовъ въ низовые города, съ замѣною ихъ новыми поселенцами изъ московскихъ городовъ. Долго соблюдавшій равновѣсіе въ своихъ отношеніяхъ къ моск. князю, архіеп. Ѳеофилъ въ 1479 г. былъ взятъ въ Москву, заточенъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и умеръ. По московскимъ извѣстіямъ, онъ поплатился за то, что, будучи обиженъ отнятіемъ у него половины волостей, сталъ поддерживать литовскую партію. Въ 1481 г. были схвачены и высланы въ Москву: Вас. Казимеръ, братъ его Як. Коробъ, Мих. Берденевъ и Лука Ѳедоровъ. Въ 1484 г. была схвачена и разграблена упомянутая богатая вдова Анастасія. Память вожаковъ этого движенія исчезла въ Новгородѣ, имѣнія ихъ были конфискованы на имя московскаго государя и отданы новымъ помѣщикамъ или на оброкъ крестьянамъ, и только въ московскихъ описяхъ эти земли долго еще обозначались какъ бывшія владѣнія Селезневыхъ, Ови-

новыхъ, Ананьевыхъ, Лошинскихъ, Казимеровъ, Настасьины Евѳимьины Марѳины и др. Первымъ помѣщикомъ въ вотчинахъ Марѳы въ Шелонской пятинѣ былъ Илья Вас. Квашнинъ. Въ 1478 г. кн. Вас. Шуйскій вступилъ въ службу московскаго князя. Нѣкоторые изъ участниковъ въ этихъ событіяхъ, чтобы смягчить свою участь, поступили такъ же (быв. посадн. Гр. Мих. Тучинъ, Ив. Зах. Овиновъ, Адр. Савельевъ, Климентьевы и др.). Мы не знаемъ судьбы внука Марѳы Борецкой; но въ спискахъ служилаго класса XVII стол. встрѣчаются фамиліи Борецкихъ, Казимеровъ и Овиновыхъ. Вѣчевой новгородскій колоколъ оказывается перелитымъ и, по однимъ указаніямъ, онъ находился въ кремлевскомъ арсеналѣ, по другимъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, будучи перевезенъ туда при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; еще по нѣкоторымъ указаніямъ его надо искать въ Нижн. Новгородѣ, куда онъ былъ присланъ вмѣстѣ съ Марѳою.

Въ 1804 г. Евгеній Болховитиновъ писалъ: «Я часто со вздохами взираю на мѣсто Ярославля двора, на руины княжаго дома, на щебень Марѳиныхъ палатъ, на мѣстѣ коихъ, кажется, никто со времени смерти ея не осмѣлился еще ставить своего жилья». Евгеній доказывалъ, что палаты эти находились на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ. Впрочемъ, указываютъ и на другой домъ, слывшій подъ именемъ Марѳинаго, который находился на Торговой сторонѣ въ Рогатицкой улицѣ и долго сохранялъ признаки старины. Въ 1825 г. Погодинъ писалъ о немъ: «Очень малъ, но древность несомнѣнна». А въ 1879 г. путешественники о немъ отзывались уже, какъ о закоптѣлой пещерѣ, въ которой помѣщалась кузница. Однако еще въ 1815 г. П. И. Сумароковъ замѣтилъ, что домъ этотъ «несправедливо слыветъ принадлежавшимъ Марѳѣ посадницѣ».

Судьба Новгорода и печальная участь Марѳы посадницы давно привлекала вниманіе нашихъ писателей. Въ 1803 г. Карамзинъ написалъ историческую повѣсть «Марѳа посадница или покореніе Новгорода» (Вѣстн. Евр. 1803 и Сочин., Ш, 166—238), вызвавшую въ свое время восторги публики, и «Извѣстіе о Марѳѣ посадницѣ, взятое изъ житія св. Зосимы» (тамъ же 1803, Сочин. I, 380—384), въ которомъ пожелалъ, чтобы нашелся историкъ, искусное перо котораго вписало бы имя ея «въ галлерею знаменитыхъ россіянокъ» (ср. «Плутархъ прекраснаго пола или галлерея знаменитыхъ россіяновъ», ч. V). Нѣсколько позже П. И. Сумароковъ (быв. губерн. въ Новгородѣ, авторъ Новгородской исторіи, написалъ драму «Марѳа посадница или покореніе Новгорода», въ 5 дѣйствіяхъ (Спб. 1807), и почти одновременно появилась (М. 1809 г.), подъ тѣмъ же заглавіемъ, драма въ стихахъ, въ 5 дѣйств. съ хорами, соч. Ѳед. Иванова. Рылѣевъ посвятилъ Марѳѣ одну изъ своихъ думъ, впрочемъ неоконченную. Въ 1826 г. Погодинъ, подъ вліяніемъ «Бориса Годунова» Пушкина и «Ермака» Хомякова, задумалъ также написать драму на этотъ сюжетъ. Поддерживаемый Пушкинымъ, онъ написалъ въ 1829—30 гг. свою пьесу ямбами въ 5 дѣйств. («Марѳа Посадница»), которая вызвала тогда разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія, и хотя она была напечатана въ 1831 г., но до конца года не выходила въ свѣтъ по политическимъ соображеніямъ (усмиреніе польскаго возстанія), а постановки ея на сценѣ автору такъ и не удалось дождаться. Въ 1870 г. появилось соч. Вик. Асковенскаго (Спб.): «Марѳа посадница или паденіе Новгорода. Драматическое представленіе въ 4-хъ картинахъ». Вскорѣ за тѣмъ, въ 1874 г. Н. П. Жандръ напечаталъ драму «Марѳа Посадница», въ 5 дѣйств., въ стихахъ (Рус. Стар., т. X, стр. 209—272, 441—496 и отдѣльно), которую современная критика находила лишь «блѣдной иллюстраціей» (Отеч. Зап. 1874, с. 237—241). Наконецъ, въ 1901 г. появился небольшой сборникъ А. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкій), подъ заглавіемъ «Памяти Вел. Новгорода» (Спб., 16°, 95+115 стр., съ 6-ю рисунками), въ которомъ помѣщены стихотворенія, относящіяся къ Новгороду, и историческая драма въ стихахъ: Марѳа Борецкая или паденіе Вел. Новгорода, въ 5 дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ.

Полн. собр. рус. лѣт., тт. Ш, IV, V, VI, VIII.— Никонов. лѣт., т. VI. — Новгор. Синод. Лѣтоп. — Новгор. лѣт. по изд. 1879 г.—Акты арх. экспед., I, №№ 87, 205.—Акты истор., №№ 53, 158, 279; Ш, № 75.—Акт. юридич., № 409.—Новгор. писцов. книги, изд. Арх. ком. 4 тома.—Перепис. оклад. книга Вот. пятины (Времен. Общ. ист., т. XI).— О пятинахъ и погостахъ новгор. Неволина (Зап. Имп. Геогр. Общ., т. VIII).—Выписка изъ писцов. книгъ 1482 г. о рыбныхъ ловляхъ Соловец. мон., Марѳы посадн. и бояръ новгор., сообщ. И. Н. Царскимъ (Арх. ист. юрид. свѣд. о Рос., Ш, 23—

24).—**Житія Варлаама Шенкурскаго (Филаретъ, 17 іюня) и Зосимы Соловецкаго (Прав. Соб. 1862).— Житіе и подвиги преп. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія соловец. чудотвор., по рукоп. XVII в. принадлеж. И. А. Вахрамѣеву. А. А. Титова, М. 1889 (опис. замѣчат. рисунковъ этой рукоп. со снимками пира у Мареы посадн. и видѣнія преп. Зосимы). — Русск. Историч. Библ., XVII. — Исторія іерархіи. — Архивъ ист. юрид. свѣд., III. — Калайдовичъ, Опытъ о посадникахъ новгор. М. 1821. — Д. Прозоровскій, Новыя розыск. о посадникахъ новгородскихъ (Вѣстн. изд. Археол. Инст., в. IX, 98—131). — Карамзинъ (т. VI, примѣч.).—П. И. Сумароковъ, Новгород. исторія (Чтен. въ Общ. исторіи и древн. 1899, книги II и III, 1—322).—Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ, С. Соловьева, М. 1846.—И. Д. Бѣляевъ, Великій Новгородъ. — Костомаровъ, Сѣвернорус. народоправства. — Новгородъ самъ въ себѣ, В. Пассека (Чт. въ Общ. Ист. 1869, тт. IV, 1—187).— А. И. Никитскій, Ист. экономич. быта Вел. Новгорода (Чт. въ Общ. ист. 1893, кн. I и II).—Хозяйственная дѣятельность Соловец. мон. въ Бѣломорскомъ краѣ, В. Ключевскаго (Моск. Унив. Изв. 1866—67, стр. 541—574, по ж. Зосимы и Савватія и сборн. грамотъ Соловец. края, принадл. Казан. дух. акад.).—Очерки изъ жизни Вел. Новгорода (Правит. Совѣтъ) А. И. Никитскаго (Ж. М. Н. Пр. 1862, № 10, с. 294—309).—Архим. Сергій, Новгор. уѣздъ Вот. пятины по писц. книгѣ 1500 г. (тамъ же, 1900, кн. IV).—П. Вороновъ, Историч. взглядъ на важ. двин. удѣльн. крестьянъ (Этногр. Сборн., кн. V) — Политическія партіи въ Вел. Новгородѣ въ XII—XV стол. Н. А. Рожкова (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 4, стр. 241—286).—Мареа Борецкая, посадница новгород. (Отрыв. изъ книги Великость рус. женщинъ). Д. Ч. Ж. З. (Моск. Вѣстн. 1809, ч. I, № 22, с. 312—314).—Свиньинъ, Нѣсколько дней въ Вел. Новгородѣ (Отеч. Зап. 1821, ч. VII, №№ 15—17, съ изображ. дома Мареы посад.).—Извлеч. изъ дневн. пут. по сѣверу Европейской Россіи, В. Никонова (1823, XIV, 194—253).—Мареа Борецкая, посадн. новгород. Съ гравир. портр. ея, снятымъ съ портрета (?), принадл. ген.-м. П. А. Позднякову и пис. для кн. Г. А. Потемкина-Таврич., Макарова (Дам. Журн. 1826, ч. XV, № 13, с. 3—4).—Истор. опис. Ваги и г. Шенкурска, составл. по лѣт., грамот., архивн. бум. и записк., М. Мясниковымъ (1821, ч. XXXVII, 385—420; XXXVIII, 22, 229, 377; ср. Сѣв. Арх. 1827, ч. XXVII).—Нижегор. Губ. Вѣд., 1879 г.—Н. Храмцевскій, Нѣк. свѣд. о сост. нижегор. церквей и мон.—Его-же, исторія Н.-Новгорода.—Гацискій, Нижегородскій Лѣтописецъ.—Стоюнинъ, въ «Др. и Нов. Росс.», I, 15,— Надгробн. памятн. Мареы будто бы посадн. новгор. (Рус. Зрит. 1828, I, 36—41).—Нѣчто о Мареѣ посадн. и вѣчев. колоколѣ, Ил. Лазарева (М. Телегр. 1833, LII, 446—451).—Гдѣ былъ чудный домъ М. посадн., Р. Игнатьева (Новгор. Губ. Вѣд. 1854, № 38).—О домѣ М. посадницы въ Новгородѣ, И. К—ва («Спб. Вѣд.» 1855, № 49).—Отрывокъ изъ письма въ Новгородъ о домѣ М. посадницы, Ник. Навроцкаго («Новгор. Губ. Вѣд.» 1858, № 36; «Сѣв. Пчела», № 146).—Память о Мареѣ Борецкой въ с. Бѣжицахъ, Никулина («Твер. Губ. Вѣд.» 1865, № 3).—Копѣйка М. посадницы. Легенда, Антонова (тамъ же, 1865, № 11).—Остатки старины въ Твер. губ., гдѣ между прочимъ говорится о какомъ то портретѣ (?) Мареы (ib, № 210; ср. «Вѣстн. Евр.» 1866, II, литер. хрон., 67).—Развалины бывш. дома М. Посадницы въ Новгородѣ Як. Березина («Петерб. Листокъ» 1866, № 143).— Мареа Борецкая посадница новгород. («Русскія историч. женщины», Д. Мордовцева, I, 1874, с. 60—80, лѣтописный пересказъ).—Вѣчевой городъ, А. В. Круглова («Новь», 1887).—Лихачевъ, Разрядные дьяки.—Сборникъ Ак. Наукъ, V, в. 1.— Лѣтопись занятій Археогр. Ком., VII.**

В. Иконниковъ.

Борецкій, *Василій Өедоровичъ*, внукъ Мареы посадницы, 2 февр. 1478 г. схваченный вмѣстѣ съ послѣдней; вѣроятно, какъ малолѣтній, онъ былъ отправленъ съ нею же въ ссылку въ Н. Новгородъ.

Полн. Собр. Рус. Лѣт.—Никон. Лѣт., VI, 104.— Степен. книга, II, 130.

Борецкій, *Дмитрій Исааковичъ*, старшій сынъ посадника Исаака Борецкаго и Мареы. Подъ вліяніемъ своей матери, онъ вмѣстѣ съ братомъ Өедоромъ дѣйствовалъ въ пользу подчиненія Новгорода Казимиру IV. Особенно благопріятнымъ моментомъ для осуществленія этого плана было время его посадничества (1470—71), которое онъ несъ вмѣстѣ съ Аөанасіемъ Евстафьевичемъ Грузомъ. Оба они, съ другими представителями В. Новгорода, участвовали въ посольствѣ въ Литву и заключили договоръ съ Казимиромъ, направленный противъ власти московскаго князя. Однако Іоаннъ III на столько дорожилъ еще мирными отношеніями къ Новгороду, что въ томъ же году (1471) возвелъ Дм. Борецкаго въ санъ московскаго боярина. Но литовская партія не измѣнила прежнихъ намѣреній. Въ своихъ увѣщаніяхъ, отправленныхъ въ Новгородъ, митр. Филиппъ I писалъ: «Много у васъ людей молодыхъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестію, а иные, оставшись по смерти отцовъ ненаказанными, собираются въ сонмы и поощряютъ на земское неустроеніе. А вы, сыны православные, старые посадники новгородскіеи тысяцкіе, и бояре, и купцы, сами остерегитесь, старые молодыхъ научите» и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь ясно обнаруживалось недовѣріе къ тогдашнему правительству Новгорода, во главѣ котораго стоялъ Дм. Борецкій. Вслѣдъ затѣмъ (10 іюля) псковитяне, обѣщавшіе помощь вел. князю, выступили противъ Новгорода; тогда на встрѣчу имъ отправлено было хотя значительное войско (20 — 40000), но состоявшее изъ наскоро и насильно собранныхъ воиновъ, недовольныхъ «большими людьми», подъ началь-

ствомъ посад. Вас. Казимера и степ. посад Д. Борецкаго. На р. Шелонѣ встрѣтились они съ небольшимъ московскимъ отрядомъ (свыше 4000), бывшимъ подъ начальствомъ кн. Дан. Холмскаго, и татарской конницей. Послѣдніе нанесли новгородцамъ жестокое пораженіе (14 іюля), въ которомъ было убито до 12000 чел. и 1700 взято въ плѣнъ, а въ числѣ ихъ находились Д. Борецкій съ другими воеводами, при чемъ была захвачена договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ, вмѣстѣ съ бумагами, бывшими въ обозѣ. При вѣсти объ исходѣ битвы, въ Новгородѣ возникъ сильный мятежъ, въ которомъ вполнѣ обнаружились враждебныя отношенія сторонниковъ Москвы и Литвы, обострившіяся еще экономическимъ бѣдствіемъ — общимъ недовольствомъ потребителей «ржанаго хлѣба» противъ потребителей «пшеничнаго», которыхъ винили они во всѣхъ постигшихъ ихъ невзгодахъ. Тогда Іоаннъ III, прибывъ къ войску, стоявшему въ Русѣ, распорядился (14 іюля) отрубить головы Д. Борецкому и тремъ болѣе знатнымъ боярамъ за то, что они хотѣли «предать Новгородъ королю». Прочихъ же лучшихъ бояръ Іоаннъ отправилъ въ оковахъ въ Коломну и др. города. Новгородъ долженъ былъ покориться требованіямъ побѣдителя. Въ участи, постигшей Д. Борецкаго и единомышленныхъ съ нимъ бояръ, современники видѣли исполненіе предсказаніе Зосимы, которое имѣло мѣсто на пирѣ у Мароы посадницы. Д. Борецкій былъ женатъ на дочери Як Короба и имѣлъ сына Ивана, отъ имени котораго были поднесены дѣдомъ послѣдняго (Коробомъ) дары вел. князю во время пребыванія его въ 1475—76 г. въ Новгородѣ.

Новгор. лѣт. (1879), 298 — 299. — Полн. Собр. Русск. Лѣт.—Акты Ѳксп.—Акты Истор.—Никон. VI, 16—30.—Степен. кн. 114—116.—Послужн. списки бояръ (Древн. Рос. Вивл. XX, стр. 3).—Новыя разысканія о новгород. посадникахъ, Д. Проворовскаго (Вѣстн. Арх. Инст. IX, 122—123).

В. Иконниковъ.

Борецкій, *Исаакъ Андреевичъ*, новгородскій посадникъ. Мнѣніе Д. Прозоровскаго о тождествѣ его съ Исаакомъ Акиноіевичемъ, строителемъ нѣсколькихъ церквей въ Новгородѣ (1395, 1397, 1421), не можетъ быть принято, въ виду имѣющихся прямыхъ указаній на его отчество въ источникахъ. Принимая во вниманіе преемство посадничества въ извѣстныхъ родахъ, происхожденіе Борецкаго слѣдуетъ вести отъ боярина Андрея Ивановича (1401, 1411, 1415, 1421). Въ древней лѣтописи и въ нѣкоторыхъ актахъ онъ упоминается безъ прибавки прозвища, а потому есть основаніе полагать, что оно явилось позднѣе и было дано ему по имени волости Борóкъ, называемой также Борецкой волостью, которою онъ вѣроятно владѣлъ. Съ этой же мѣстностью связано и начало дѣятельности И. Борецкаго. Въ Заволочьѣ происходили частыя столкновенія между московскими людьми и новгородцами. Въ 1417 г. бояринъ Глѣбъ Семеновичъ съ новгородскими бѣглецами, Жадовскимъ и Разсохинымъ, съ вятчанами и устюжанами, напали на волости Борокъ, Емцу и Холмогоры, разорили ихъ и захватили въ плѣнъ двухъ бояръ. Но четверо другихъ бояръ, и въ томъ числѣ Ис. Борецкій, настигли нападавшихъ на островѣ подъ Моржомъ, освободили плѣнныхъ и отняли награбленное имущество. Въ 1426 г. произошелъ разрывъ между Новгородомъ и Витовтомъ, по поводу несогласій изъ-за границъ и нанесенной послѣднему обиды. Витовтъ, выступивъ съ значительнымъ войскомъ и артилеріей, осадилъ Порховъ. Тогда, не надѣясь на успѣхъ, посадники Григорій Кирилловичъ Посахно и Ис. Анд. Борецкій съ архіеп. Евѳиміемъ вышли изъ города и просили у Витовта мира, который и былъ заключенъ подъ условіемъ весьма тяжкой контрибуціи: Новгородъ обязался уплатить свыше 10000 р., которые собирались по всѣмъ областямъ и въ Заволочьѣ. Наконецъ, въ то время, когда Димитрій Шемяка сидѣлъ въ Новгородѣ (1452 — 53), Исаакъ Андр. пріѣзжалъ въ Москву съ посадникомъ Ѳед. Як. Потреховымъ, чтобы уладить отношенія къ вел. князю и исходатайствовать освобожденіе плѣнныхъ. По поводу этого посольства митр. Іона писалъ посланіе къ архіеп. Евѳимію II, въ которомъ просилъ его убѣдить Шемяку покориться вел. князю, извѣщалъ объ отпускѣ плѣнныхъ безъ выкупа и требовалъ присылки изъ Новгорода большихъ пословъ для окончательнаго установленія мира. Вскорѣ послѣ этого Шемяка умеръ, вслѣдствіе отравы (18 іюля 1453); а нѣсколько позже Новгороду пришлось испытать всю тяжесть требованій московскаго князя и заключить яжелбицкій договоръ (1456 г.), значительно ограничившій его независимость. Къ тому же времени относится грамота вел. князя Василія Темнаго къ новго-

родскимъ намѣстникамъ, который ставилъ на видъ новгородск. правителямъ жалобы своихъ крестьянъ, устюжанъ, по поводу взятыхъ у нихъ на Двинѣ прикащиками бояръ Мих. Тучи и Исаака Борецкаго въ домъ перваго 500 бѣлокъ, а втораго 200 бѣлокъ и не возвращенныхъ. Вел. князь настаивалъ на удовлетвореніи лицъ потерпѣвшихъ «отъ грабежа». Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Ис. Борецкій умеръ.

Новг. Синод. Лѣт., 71, 404.—Новгор. Лѣт. (1879), 282.—П. С. Р. Лѣт. — Акты Экспед. — Никон., V, 95. — Царств. лѣт., 162—163. — Степен. Кн., II, 102—107.— Ак. Ист., I, № 53.—Калайдовичъ, Оп. о посадн. новгород., М. 1821.—Д. Прозоровскій, Новыя разыск. о новгород. посадн. (Вѣстн. Археол. и ист., вып. IX, 98—131).—Досиѳей, Опис. Солов. мон.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.
В. Иконниковъ.

Борецкій, *Ѳедоръ Исааковичъ*, по прозванію Дурень, младшій сынъ посадника Ис. Андр. и Марѳы. Онъ участвовалъ съ степеннымъ посадникомъ Вас. Ананьинымъ, дядей своимъ Ив. Ив. Лошинскимъ, Богданомъ Есиповымъ, Григоріемъ Тучинымъ, Матв. и Як. Селезневыми, Андр. Телятевымъ, Лукой и Сем. Аѳанасьевыми и многими другими, въ наѣздѣ на улицы Славкову и Никитинскую (на Торговой сторонѣ) и въ разграбленіи ихъ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ борьба эта оттѣняется, какъ проявленіе давно сложившихся отношеній между сильнымъ своимъ богатствомъ и положеніемъ боярствомъ и «молодшими» или черными людьми. По этому дѣлу и по поводу другихъ притѣсненій принесены были жалобы вел. князю, и 21 ноября 1475 г. онъ пріѣхалъ для суда въ Новгородъ. На пути Ивана III встрѣчали знатные новгородцы, и прежде другихъ выѣхали на р. Виръ съ подарками Ив. Лошинскій съ племянникомъ Ѳедоромъ Борецкимъ. Послѣ обычнаго торжественнаго пріема, 26 ноября состоялся судъ вел. князя, въ присутствіи архіепископа и посадниковъ, и жалобы были признаны правильными. По рѣшенію вел. князя, менѣе виновные были отданы на поруки архіеп. Ѳеофана и затѣмъ поплатились пенею въ суммѣ (1500 руб.), въ какой были предъявлены къ нимъ иски; а четверо бояръ: Вас. Ананьинъ, Богданъ Есиповъ, Иванъ Лошинскій и Ѳедоръ Борецкій, виновные въ насиліяхъ, а также Ив. Аѳанасьевъ съ сыномъ Алферомъ, обвиненные въ сношеніяхъ съ королемъ, были отправлены въ оковахъ въ Москву; ходатайство за нихъ архіепископа и посадниковъ не имѣло успѣха. Въ Москву они прибыли 10 декабря. Отсюда трое изъ нихъ (Аѳанасьевъ съ сыномъ и Есиповъ) были сосланы въ Коломну, а другіе въ Муромъ. 31 марта 1476 г. архіепископъ, посадники и житьи люди пріѣзжали въ Москву съ новымъ ходатайствомъ за опальныхъ; но и на этотъ разъ просьба ихъ не была принята. Ѳед. Борецкій скончался въ Муромѣ 9 мая 1476 г., принявъ монашество.

П. Собр. рус. лѣт., IV, 130, 251—252; VI, 18, 33, 200—205; VIII, 182.—Никон. Лѣт., VI, 62—68.
В. Иконниковъ.

Борздынскій, *Авитъ Факундьевичъ*, педагогъ и писатель, изъ дворянъ борисовскаго уѣзда, минской губ., род. въ 1838 г., ум. 28 іюня 1872 г. въ Минскѣ. Образованіе онъ получилъ въ минской гимназіи, затѣмъ, въ теченіе года слушалъ лекціи въ педагогическомъ институтѣ, по закрытіи котораго поступилъ въ университетъ св. Владиміра, гдѣ въ 1862 г. окончилъ курсъ по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. 4 октября 1862 г. Борздынскій поступилъ учителемъ естественной исторіи, а затѣмъ и географіи въ петрозаводскую гимназію. Преподаваніе онъ велъ чисто практически, сопровождая его опытами, наблюденіями и экскурсіями. Въ бытность въ олонецкой губерніи извѣстнаго зоолога К. Ѳ. Кесслера, Борздынскій оказалъ ему значительное содѣйствіе въ дѣлѣ изученія флоры и фауны губерніи, что засвидѣтельствовано Кесслеромъ печатно. Въ мартѣ и въ апрѣлѣ 1864 г. Борздынскій прочелъ въ залѣ гимназіи нѣсколько публичныхъ лекцій объ устройствѣ и отправленіяхъ человѣческаго организма; лекціи возбудили всеобщій интересъ и привлекли много слушателей. 18 августа 1867 г. Борздынскій былъ перемѣщенъ въ Кронштадтъ на должность учителя географіи и воспитателя въ пансіонѣ при кронштадтской гимназіи. Рядомъ съ педагогическою, шла и научно-литературная дѣятельность Борздынскаго. Еще будучи въ Кіевѣ, въ 1862 г. онъ участвовалъ во II съѣздѣ естествоиспытателей и въ «Извѣстіяхъ» съѣзда напечаталъ статью: «О составѣ графита, находимаго по рѣкѣ Ингульцу». Затѣмъ, въ разное время имъ напечатаны самостоятельныя изслѣдованія: въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Матеріалы для изученія рыболовства и охоты въ Олонецкой губерніи»

и «Замѣтки о рыболовствѣ»; въ «Запискахъ Императорскаго с.-петербургскаго минералогическаго общества», за 1867 г.: «О развитіи горнаго известняка по юго-западному прибрежью Онежскаго озера»; въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ.»: «Естественно-историческія замѣтки изъ путешествія по Олонецкой губерніи». Кромѣ того, Борздынскій помѣстилъ нѣсколько статей педагогическаго содержанія въ «Семьѣ и Школѣ».

«Олонецкія Губ. Вѣдом.» 1872 г., № 64. — «Кроншт. Вѣстн.» 1872 г., № 88.

Борзенко, *Александръ Алексѣевичъ*, дѣйствительный членъ Одесскаго общества исторіи и древностей, знатокъ восточныхъ языковъ, род. въ 1806 г., ум. 14 іюня 1867 г. Уроженецъ екатеринославской губ., воспитанникъ тамошней гимназіи и харьковскаго университета, Борзенко, по окончаніи послѣдняго въ 1828 г., поступилъ на службу въ канцелярію новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и въ тоже время изучалъ восточные языки въ одесскомъ восточномъ институтѣ извѣстнаго лексикографа Разй. Несмотря на многочисленныя занятія по службѣ, онъ находилъ время для занятія наукою и во время пребыванія въ Одессѣ написалъ: «Турецкія пословицы» (въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1830 г.), разные исправленные переводы крымскихъ ярлыковъ и имена крымскихъ хановъ, помѣщенныя въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго, и «Бахчисарайскія арабскія и турецкія надписи, находящіяся на ханскомъ кладбищѣ». Эти надписи до него никѣмъ не были переводимы, и, несмотря на это, его переводъ и описаніе призналъ выдающимися первый тогда въ Россіи оріенталистъ, Х. Х. Френъ. Они напечатаны были впослѣдствіи во II томѣ «Записокъ Одесскаго общества исторіи и древн. Россійскихъ». Съ переѣздомъ Борзенко на Кавказъ въ 1843 г., научная дѣятельность его прекратилась, и только вернувшись въ Одессу въ 1864 г., онъ принялъ участіе въ трудахъ Общества исторіи и древностей по части крымско-татарской нумизматики.

Некрологъ Мурзакевича въ «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей», т. VII.

В. Р—въ.

Борзенковъ, *Яковъ Андреевичъ*, ординарный профессоръ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи при московскомъ университетѣ, ум. въ Москвѣ 25 декабря 1883 г. Образованіе онъ получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, въ Одессѣ, откуда въ 1851 г. перешелъ въ московскій университетъ, и здѣсь окончилъ курсъ кандидатомъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета въ 1855 г. Съ этого времени Борзенковъ посвятилъ себя зоологіи и въ 1857 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ, а въ слѣдующемъ году оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Во второй половинѣ 1856 г. Борзенкову, по случаю болѣзни профессора Н. А. Варнека, поручено было преподаваніе зоологіи и сравнительной анатоміи на медицинскомъ факультетѣ. Въ 1860 г., онъ утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи на физико-математическомъ факультетѣ. Командированный заграницу въ 1862 г., Борзенковъ пробылъ тамъ два года и за это время посѣтилъ главные университетскіе центры западной Европы; долѣе всего работалъ онъ въ Вюрцбургѣ. Въ 1869 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію, а годъ спустя — докторскую. Въ 1870 г. Борзенковъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1873 г. — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи. Въ 1871, 1874 и 1878 г.г. онъ былъ командированъ заграницу съ ученою цѣлью, на вакаціонное время. Эти три лѣта онъ провелъ преимущественно въ Неаполѣ, гдѣ занимался анатомическими работами надъ морскими животными. Кромѣ университетскихъ занятій, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ преподавалъ зоологію въ петровской земледѣльческой и лѣсной академіи (съ 1867 по 1870 г.). Изъ трудовъ Борзенкова наиболѣе извѣстны слѣдующіе: «О развитіи яичника у кошки» (первая работа Борзенкова, удостоилась лестнаго отзыва Келликера, напечатана въ запискахъ Вюрцбургскаго зоологическаго общества за 1864 г.); «Изъ исторіи развитія яйца и яичника у курицы» (магистерская диссертація, 1869), «Образованіе яичника у курицы и развитіе его въ первое время его существованія» (Докторская диссертація, 1870); «Чтенія по сравнительной анатоміи» (Ученыя Зап. Имп. Моск. унив. Отд. естеств.-ист., вып. четвертый 1884).

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Имп. моск. унив. 12 января 1884 г.— Мат. для ист. научной и прикладн. дѣят. въ Россіи по зоологіи, собр. проф. А. Богдановымъ, томъ первый.—Энцикл. словарь Андреевскаго.

Борзецовъ, *Алексѣй Тимофеевичъ*, воевода, въ 1624 г. былъ назначенъ головой при постройкѣ города Можайска, гдѣ и оставался до 1626 г.; въ этомъ же году 8-го ноября присутствовалъ за столомъ у царя Михаила. Въ 1629 г. былъ посланъ воеводой на Вятку, въ Слободской и Шестаково, гдѣ оставался еще въ 1631 г.; въ 1635 г., 4-го января былъ посланъ изъ Москвы на встрѣчу посламъ Владислава IV, а во время ихъ пребыванія въ Москвѣ оставался при нихъ приставомъ и затѣмъ снова провожалъ ихъ отъ Москвы до Вязьмы; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ въ Пронскъ воеводой сторожевого полка и вызывался «итти въ сходъ» изъ Пронска къ князю Петру Барятинскому, бывшему воеводой на Кропивнѣ; въ 1636 г. Борзецовъ былъ отпущенъ изъ Пронска на Москву; въ 1639 г. присутствовалъ въ Москвѣ на встрѣчѣ кизылбашскаго посла; въ 1641 г. былъ въ приставахъ у посла польскаго короля Владислава; въ 1644 г. встрѣчалъ за городомъ литовскаго гонца, Яснинскаго, и былъ на Москвѣ у него въ приставахъ; въ 1646 г. участвовалъ въ Бѣлгородскомъ походѣ головою патріаршихъ дѣтей боярскихъ.

Разрядныя книги.—Дворцовые разряды, I, 628, 661; II, 413, 446, 452, 669, 670, 736, 953; III, 36.—Акты Историческіе.—Акты Южной и Западной Россіи, IX. — Русская Историч. Библіотека IX, X.

Боринъ, *Кузьма*, дьякъ, присутствовалъ на встрѣчѣ грузинскаго царевича, Николая Давыдовича, въ 1666 г.; въ 1680 г. его подпись встрѣчается на грамотѣ изъ монастырскаго приказа; тогда же онъ упоминается какъ владѣлецъ желѣзныхъ заводовъ въ романовскомъ уѣздѣ; въ 1694 г. онъ былъ дьякомъ въ приказѣ большой казны.

Дворцовые разряды, III, 628; IV, 869—Дополненія къ Актамъ Истор.—Русская Историч. Библіотека, III.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисовъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ корпуса флотскихъ штурмановъ, членъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета и комитета морскихъ учебныхъ заведеній, начальникъ балтійской съемки, род. въ 1809 г., ум. 7 августа 1874 г. Въ 1824 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ, а въ 1827 г. произведенъ въ мичманы и оставленъ въ офицерскомъ классѣ (нынѣ Николаевская морская академія). Совершивъ нѣсколько плаваній, Борисовъ въ 1830 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, причисленъ къ гидрографическому депо и командированъ въ Дерптъ для слушанія лекцій по практической астрономіи у профессора Струве. По возвращеніи изъ командировки въ 1833 г. онъ былъ переведенъ въ морской корпусъ и въ 1833—36 г.г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ съ гардемаринами, а въ 1838—45 г.г.—безъ гардемаринъ. Въ 1845—49 г.г. онъ командовалъ послѣдовательно бригомъ «Агамемнонъ» и фрегатомъ «Константинъ» въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1850—55 г.г., командуя кораблемъ «Бородино», пришелъ изъ Архангельска, плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ и былъ при оборонѣ Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота. Въ 1852 г. капитанъ 1 ранга. Въ 1856—57 г.г. онъ командовалъ кораблемъ «Владиміръ» и «Не тронь меня» въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1857 г. назначенъ членомъ военно-судной комиссіи по черноморскому интендантству въ г. Николаевѣ. Въ 1858 г. онъ занялъ постъ исправляющаго должность начальника съемки Балтійскаго моря и въ 1858—74 г.г., имѣя брейдъ-вымпелъ на пароходѣ «Быстрый» и транспортѣ «Артельщикъ», производилъ съемку береговъ въ Балтійскомъ морѣ въ Финскомъ, Рижскомъ и Ботническомъ заливахъ. Въ 1861 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по корпусу флотскихъ штурмановъ и утвержденъ въ должности начальника съемки, въ 1867 г. назначенъ членомъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета, въ 1868 г. за отличіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1869 г. назначенъ членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній, а въ 1873 г.—начальникомъ гидрографической экспедиціи, съ оставленіемъ и въ прежнихъ должностяхъ. — Борисову принадлежитъ рядъ спеціальныхъ работъ: «Описаніе астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ Е. В. Прейсомъ во 2-мъ путеш. кап. Коцебу». Спб. 1832.—«О призматическомъ кругѣ» («Записки Мор. Уч. Ком.», 1836, XIII, 142—156).—«Явленіе, замѣченное 9 авг. 1845 г. въ Балтійскомъ морѣ сѣвернѣе О-ва Борнгольма» («Зап. Гидрогр. Департ.», 1846, IV, 402—405).—«Извѣстіе о коммерческомъ бригѣ, построенномъ исключительно изъ желѣза» («Мор. Сб.», 1848, VII, 282). — «Корабль Бородино» («Мор. Сб.», 1850, XII, 536—540).—«Новый спо-

собъ опредѣленія широты въ морѣ» («Мор. Сб.», 1855, V, 121—124).—«Еще о способѣ Престеля опредѣлять широту мѣста» («Мор. Сб.», 1856, I, 215—218).—«Новый высотомѣрный инструментъ г. Оака, перев. И. П. Бѣлавенецъ» («Мор. Сб.», 1860, IX, см. 92—106).—«Предѣльная линія неправильнаго дѣйствія магнитной стрѣлки у О-ва Юссоръ-э» («Мор. Сб.», 1862, III, неоф. 112—113). — «Рапортъ начальника балтійской съемки» («Мор. Сб.», 1862, X, оф. 77). — «Руководство къ плаванію по Финскому заливу». Спб. 1864. — «Лоція русскихъ береговъ Балтійскаго моря». Спб. 1871.—«Морской бой въ ближайшемъ будущемъ» («Мор. Сб.», 1873, XI, неоф. 1—12).

«Об. Мор. Сп.», Спб., 1895, т. IX, 272—280.— «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1874 г.—Отчетъ Географическаго общества, 1874 г., стр. 16.
П. Бѣлавенецъ.

Борисовъ, *Александръ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, военный губернаторъ астраханскаго порта, ум. въ 1810 г. Въ 1761 г. онъ поступилъ въ шляхетный кадетскій корпусъ, въ 1764 г. произведенъ въ гардемарины и ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1768 г. произведенъ въ мичманы и командированъ въ донскую флотилію. Въ 1770—1773 гг. Борисовъ ежегодно плавалъ по Азовскому и Черному морю, въ 1774 г. командированъ курьеромъ въ С.-Петербургъ, гдѣ состоялъ потомъ по дѣламъ азовской флотиліи; въ 1776—1879 гг. плавалъ на разныхъ судахъ въ Средиземномъ морѣ и затѣмъ вернулся въ Кронштадтъ. Въ 1781—1784 гг. онъ состоялъ въ С.-Петербургѣ при интендантской экспедиціи, въ 1784 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга и, командуя кораблемъ Мечиславъ, плавалъ въ эскадрѣ вице-адмирала Борисова отъ Кронштадта до Копенгагена. Въ 1785—1788 гг. онъ командовалъ кораблями въ Балтійскомъ морѣ, въ 1789 г. получилъ чинъ капитана 1 ранга и назначенъ совѣтникомъ счетной экспедиціи. Въ 1793 г. Борисовъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга, а въ 1797 г.—въ генералъ-маіоры по адмиралтейству и въ 1798 г. назначенъ генералъ-контролеромъ и членомъ адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1799 г. онъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ управляющимъ счетною экспедиціею въ С.-Петербургѣ. 19 іюня 1807 г. Борисовъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Астраханскаго порта и награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., а 13 ноября 1808 г. уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ, 1885, III, 197—198.— Матеріалы для Исторіи Русскаго флота, т. XII, XIII и XIV.—В. Берхъ, Достопамятныя происшествія, относящіеся къ военно-морской части (Записки Госуд. Адм. Деп. XIII, 257—284).
П. Бѣлавенецъ.

Борисовъ, *Василій Ивановичъ*, контръ-адмиралъ, годы рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1767 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, въ 1770 г. произведенъ въ гардемарины и затѣмъ, до 1773 г. ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и ходилъ въ Архангельскъ и обратно, при чемъ въ 1772 г. получилъ чинъ мичмана. Въ 1773—1775 гг. онъ ходилъ въ Средиземное море, гдѣ крейсеровалъ въ Архипелагѣ на кораблѣ Александръ Невскій, а потомъ вернулся въ Кронштадтъ и съ 1776 по 1779 г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1780 г. онъ ходилъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Круза въ Англійскій каналъ, въ 1781—1782 г. — въ Ливорно и обратно на кораблѣ св. Пантелеймонъ, а въ 1783 г. командовалъ самъ яхтою «Быстрая» въ плаваніи у Красной горки. Въ 1784 г. онъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1785 г. командированъ въ Смоленскъ для сплава галеръ до Кіева. Въ 1787 г. Борисовъ зачисленъ въ галерный флотъ и командовалъ яхтою «Анна», въ 1787 г. былъ презусомъ слѣдственной коммисіи при галерномъ флотѣ, въ 1788 г. командовалъ собственною Ея Величества шлюпкою и состоялъ ассесоромъ военной коммисіи по дѣлу капитановъ Коковцева, Баранова и Валронта, обвиненныхъ въ неисполненіи своей обязанности во время гогландскаго сраженія. Въ 1789 г., командуя галерою Соммерсъ, Борисовъ участвовалъ въ роченсальмскомъ сраженіи, за которое награжденъ орд. св. Георгія 4 класса. Въ 1790 г. онъ командовалъ дивизіею галеръ въ выборгскомъ и во второмъ роченсальмскомъ сраженіяхъ, въ 1791 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга и командовалъ галерною эскадрою; въ 1792 г. онъ командовалъ въ Роченсальмѣ отрядомъ канонерскихъ лодокъ, въ 1795—1801 гг. находился при с.-петербургскомъ портѣ презусомъ коммисіи военнаго суда, въ 1798 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга, а въ 1803 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ контръ-адмирала.

Общій морской списокъ т. III, 199—200 и

VIII, 590.—Кротковъ А. С., Повседневная запись.—Матеріалы для Исторіи Русскаго флота, т. XIII и XIV.—Шишковъ, А., Военныя дѣйствія въ войнѣ со шведами 1788—1790. Спб. 1826.—Головачевъ, Военныя дѣйствія Россійскаго флота въ войнѣ со шведами. Спб. 1871.

П. Бълавенецъ.

Борисовъ, *Василій Петровичъ*, окольничій, упоминается подъ 1533 г. въ числѣ присутствующихъ на свадьбѣ князя Андрея Ивановича Старицкаго съ княжною Хованскою; въ 1535 г. онъ дважды посылался великимъ княземъ изъ Москвы въ походъ противъ литовцевъ воеводой сторожевого полка; въ 1547 г. присутствовалъ на первой свадьбѣ царя Ивана Васильевича; въ 1556 г. былъ пожалованъ въ окольничіе; въ походѣ на крымцевъ 1559 г. онъ былъ головою въ лѣвой рукѣ.

Древняя Россійская Вивліоеика, XIII, 32, 253, 283.—Лѣтописи.—Родословная книга кн. Долгорукаго.

Борисовъ, *Владиміръ Александровичъ*, археологъ и историкъ, род. въ селѣ Нижнемъ Ландехѣ, гороховецкаго уѣзда, владимірской губ., 9 іюля 1809 г., ум. въ г. Шуѣ 13 января 1862 г. Предки его, богатые разнощики, при Петрѣ I занимались торговлею въ Сибири, позднѣе—въ Украйнѣ и, наконецъ, въ Моршанскѣ, Рыбинскѣ и Москвѣ вели хлѣбную оптовую торговлю. Въ 1765 г. Борисовы выкупились на волю отъ кн. Черкасскаго и записались въ купечество г. Гороховца. Въ 1811 г., послѣ смерти мужа, мать В. А. Борисова поселилась въ с. Горицы, шуйскаго уѣзда, и устроила бумажно-ткацкую фабрику. Первоначальное образованіе, ограничившееся только обученіемъ чтенію, псалтири, часослову и письму, Борисовъ получилъ у мѣстнаго причетника, а затѣмъ въ приходскомъ училищѣ въ сосѣднемъ с. Дуниловѣ. Довольно большая библіотека, оставшаяся послѣ его дѣда, Ивана Борисовича, человѣка просвѣщеннаго и любителя древностей, дала возможность Борисову пополнить свое скудное образованіе. Чтеніе сочиненій географическаго и историческаго содержанія развило въ немъ любовь къ изученію прошлаго Россіи; «Московскія Вѣдомости», гдѣ печатались протоколы Московскаго Общества исторіи и древностей, а также «Моск. Телеграфъ», который выписывался кружкомъ мѣстнаго молодого купечества, оказали еще большее вліяніе на занятія Борисова древностями. Знакомство въ 1832 г. съ протоіереемъ въ г. Нерехтѣ, о. М. Я. Діевымъ, извѣстнымъ археологомъ и историкомъ, побудило его вести замѣтки о шуйскихъ древностяхъ и собирать старинные акты. Въ началѣ 1823 г. онъ переѣхалъ въ Бѣлоруссію, гдѣ провелъ около 10 лѣтъ, завѣдуя торговыми дѣлами своей матери. Въ 1831 г. онъ былъ избранъ въ г. Шкловѣ главнымъ смотрителемъ больницы и для вспоможенія нуждающимся во время холерной эпидеміи. Въ 1835 г. Борисовъ избранъ въ члены-соревнователи Московскаго Общества исторіи и древностей. Въ томъ же году въ «Актахъ историч., собр. и издан. Археграф. Комм.» впервые появилось около 100 актовъ, сообщенныхъ Борисовымъ. Когда дѣла матери пошли хуже, и ихъ пришлось въ 1836 г. прекратить, Борисовъ поступилъ въ 1838 г. приказчикомъ къ шуйскимъ купцамъ Посылинымъ, но въ 1846 г. онъ завелъ собственные небольшіе камедный и кирпичный заводы. Послѣдній приносилъ только убытки, потому былъ скоро закрытъ, а камедный существовалъ до смерти Борисова. Наряду съ служебными и хозяйственными занятіями, Борисовъ неутомимо собиралъ памятники старины, помѣщая ихъ въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ: въ «Трудахъ», «Лѣтоп.» и «Чтеніяхъ» Общества исторіи и древностей, въ «Временникѣ» того же общества, «Москвитянинѣ», «Рязанскихъ Губ. Вѣдом.», «Сынѣ Отечества», «Русск. Вѣстн.» и въ особенности во «Владим. Губ. Вѣдом.», самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ (и одно время редакторомъ неоффиц. отдѣла) коихъ онъ состоялъ съ года основанія газеты (1838) до своей смерти. Борисовъ не ограничился собираніемъ и опубликованіемъ памятниковъ, а мало-по-малу началъ, на основаніи ихъ, составлять статьи по археологіи, исторіи и статистикѣ шуйскаго края. Первое время Борисовъ писалъ, пользуясь наставленіями учителя шуйскаго уѣзднаго училища, В. А. Бѣляева, въ виду того, что самъ авторъ не былъ «правильно поученъ». Первая работа его: «Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ русскихъ лѣтописяхъ» появилась въ «Литерат. прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1837, № 47; за нею послѣдовалъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся преимущественно во «Владим. губ. вѣдом.» (1839, 1840, 1842—1862, 1865 и 1866 гг.), а также въ «Москвитянинѣ» (1841), «Маякѣ» (1841), «Вѣстн. Имп Русск. Геогр. Общ.»

(1856 и 1858), «Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ» (1857), «Москов. Вѣдом.» (1859), «Библіограф. Запискахъ» (1859), «Этнографическомъ Сборникѣ» (1862), «Сборникѣ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ.» (1862). Въ 1847 г., за занятія отечественною исторіею Борисовъ получилъ серебряную медаль для ношенія на шеѣ, въ 1850 г. избранъ шуйскимъ мѣщанскимъ старостою для составленія обывательской книги. Въ 1851 г. появился главнѣйшій трудъ Борисова: «Описаніе городовъ Шуи и его окрестностей, съ приложеніемъ старинныхъ актовъ, съ двумя планами, видомъ Шуи и картою уѣзда», трудъ, замѣченный и съ похвалою встрѣченный въ столичной и провинціальной прессахъ. Въ 1853 г. Я. Гарелинъ въ дополненіе къ этой книгѣ издалъ собранные Борисовымъ «Старинные акты» (212 №№). Въ 1853 г., Борисовъ былъ избранъ городскимъ старостою въ Шуѣ, въ 1854 г. избранъ въ дѣйствительные члены Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, въ 1856 г.—въ члены-сотрудники Имп. Русскаго географическаго общества, въ 1858 г., за неслужебныя отличія, былъ возведенъ въ званіе личнаго почетнаго гражданина. Послѣ Борисова осталось значительное собраніе старинныхъ актовъ, писцовыхъ книгъ, старопечатныхъ книгъ и монетъ.

«Москвитянинъ», 1851, № 24, стр. 574.—«Современникъ», 1852, № 3, стр. 20—22.—«Отеч. Записки», 1852, т. 83, стр. 53—58.—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1852, ч. 75, стр. 196 — 204 (М. К.).—«Спб. Вѣдомости», 1852, № 200 (Н. М.).—«Владим. Губерн. Вѣдом.», 1853, №№ 39, 45 и 47 (К. Тихонравовъ),—«Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», 1861, кн. 3 (А. Аѳанасьевъ).—«Владим. Губ. Вѣдом.», 1862, №№ 4 и 13 (К. Тихонравовъ).—«Моск. Вѣдом.», 1862, № 31 (П. Гундобинъ).—Отчетъ Имп. Русс. Геогр. Общ. за 1862 г., стр. 5.—Труды Владим. Губерн. Стат. Комит., вып. III (1864), стр. 90—99 (К. Тихонравовъ, съ портр.).—«Русскій Архивъ», 1864, вып. 5—6, столб. 1094 (тоже, отд.: Геннади, Краткіе свѣдѣнія о русск. писат. и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 гг.).—«Владим. Губерн. Вѣдом.», 1874, №№ 1 и 47 (тоже въ «Ежегодн. Владим. Губерн. Стат. Комит.», т. I, вып. 1, 1876).—С. А. Венгеровъ, Критико-біограф. словарь, т. V.—«Богословскій Вѣстникъ», 1897, прилож. стр. 108 — 110 (авто-біограф. архіеп. Саввы).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги.—Смирновъ, А. В., Уроженцы и дѣятели Владим. губ., вып. 3, 1898, стр. 39—61 и 285.—Энциклоп. словари: Толля (дополненія), Березина, Клюшникова, Гарбеля, Брокгауза-Эфрона.

А. Э. Мальмгренъ.

Борисовъ, *Григорій Никитичъ*, бояринъ и воевода, участвовалъ въ 1540 г. въ походѣ царя Іоанна на шведовъ, воеводой большого полка, въ 1556 г. былъ назначенъ воеводой въ Калугу «для осенняго приходу отъ Крымскихъ людей»; въ 1563 г. ѣздилъ въ Опочку за списками дѣтей боярскихъ, переданными ему опоческимъ воеводой; въ 1564 г., будучи смоленскимъ воеводой, получилъ приказаніе «быти въ сходъ» и принималъ участіе въ Ливонской войнѣ воеводой въ лѣвой рукѣ сторожевого полку; въ 1565 г. назначенъ воеводой въ Мценскъ и въ этомъ же году отпущенъ оттуда; въ 1580 г. былъ воеводой въ Кукоиосѣ и Вышгородѣ, въ 1585 г.—въ Рославлѣ, въ 1589 г.—въ Путивлѣ, въ 1592 г.—въ Черниговѣ.

Акты Историческіе.—Древняя Россійская Вивліоѳика XIII, 247, 354, 370, 377, 378; XIV, 347, 389.—Лихачевъ, Разрядные Дьяки.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Родословная книга кн. Долгорукаго.

Борисовъ, *Евграфъ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, годы рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1806 г., онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, затѣмъ гардемариномъ, въ 1809—1812 гг., плавалъ въ Финскомъ заливѣ и въ 1812 г., произведенъ въ мичманы. Въ 1813 г. онъ на люгерѣ Ганимедъ плавалъ до Данцига и участвовалъ въ сраженіи подъ Вексельмюнде, въ 1814 г. командированъ въ вологодскую губернію за рекрутами, въ 1815—1817 гг. командовалъ бригомъ Сомомбалъ и транспортомъ Фортуна при Архангельскомъ портѣ, въ 1818—1833 гг., командуя мелкими судами, ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, въ 1833—1836 гг. былъ старшимъ адъютантомъ штаба 3-й флотской дивизіи, а въ 1834 г. переведенъ въ гвардейскій экипажъ. Произведеный въ 1837 г. въ капитаны 2 ранга, онъ былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба главнаго командира Архангельскаго порта, вице-адмирала Сулима, а въ 1849 г. переведенъ на должность дежурнаго штабъ-офицера штаба инспектора балтійскихъ ластовыхъ экипажей и арестантскихъ ротъ, съ переименованіемъ въ полковники. 6 декабря того же года Борисовъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ управляющимъ тѣмъ-же штабомъ, а въ 1855 г. награжденъ орд. св. Владиміра 3-й ст. Съ 24 ноября онъ состоялъ по морскому министерству, а въ 1860 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ отъ службы.

Общій морской списокъ. Спб., 1892, т. VI, 440—442.

Лейт. Б.

Борисовъ, *Иванъ Антоновичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1719 г., ум. въ 1786 г. Въ 1741 г. онъ поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, въ 1743 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1744—1745 г. ходилъ въ Данцигъ, Архангельскъ и Стокгольмъ и обратно въ Кронштадтъ, а въ 1746 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1747—1751 гг. онъ изъ Кронштадта ходилъ въ Любекъ, Архангельскъ и обратно, а въ 1752 г., въ чинѣ унтеръ-лейтенанта, командуя пинкомъ Новая-Двинка, пошелъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ, но изъ-за большихъ поврежденій зазимовалъ въ Норвегіи; исправившись въ 1753 г., онъ пришелъ въ Архангельскъ; въ 1754 г., будучи корабельнымъ секретаремъ и командуя тѣмъ же пинкомъ, онъ пришелъ въ Кронштадтъ; въ 1757—1759 г.г. былъ въ кампаніи съ флотомъ у Данцига и Копенгагена. Въ 1760 г., имѣя чинъ капитанъ-лейтенанта, Борисовъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ командовать пинкомъ, посылаемымъ съ товарами въ Испанію, но сборы въ путь затянулись, и по позднему времени въ ноябрѣ посылка судовъ была совсѣмъ отмѣнена. Въ 1761 г., командуя кораблемъ Полтава, Борисовъ участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи, а затѣмъ въ іюнѣ, какъ знающій иностранные языки, былъ назначенъ адъютантомъ къ командующему эскадрой вице-адмиралу Полянскому; въ 1762 г. онъ за отличіе произведенъ въ капитаны 2 ранга и за болѣзнью назначенъ состоять при Кронштадскомъ портѣ для засѣданія въ коммисіяхъ; въ 1763 г. онъ былъ посланъ по собственному желанію въ Англію для изученія морской практики; въ 1766 — 1768 гг. находился въ С.-Петербургѣ при береговой командѣ; въ 1769 г., командуя кораблемъ «св. Іануарій», пошелъ изъ Кронштадта въ Средиземное море въ эскадрѣ адмирала Спиридова и участвовалъ въ 1770 — 1774 гг. въ морейской экспедиціи. Командуя отрядомъ изъ 2 кораблей и 1 фрегата, онъ взялъ 20 апрѣля крѣпость Наваринъ, а затѣмъ, въ составѣ эскадры графа Орлова, принималъ очень дѣятельное участіе въ Чесменскомъ бою, будучи въ авангардѣ нашего флота. Наконецъ, Борисовъ участвовалъ и въ блокадѣ Дарданеллъ. Въ 1772 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга и въ 1773 г. находился презусомъ коммисіи военнаго суда въ Аузскомъ портѣ, гдѣ корабль его стоялъ на станціи. Въ томъ же году, командуя отрядомъ изъ своего корабля и 3 фрегатовъ, онъ ходилъ въ крейсерство къ Негропонту и вернулся въ портъ Ауза; въ 1774 г. корабль его чинился и въ плаваніе не ходилъ, а по заключеніи мира былъ проданъ на дрова. Въ 1775 г., командуя кораблемъ Европа въ эскадрѣ вице-адмирала Елманова, Борисовъ вернулся въ Ревель, 27 октября произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1776 г. назначенъ презусомъ въ адмиралтействъ-коллегію, а 21 іюня—помощникомъ вице-адмирала Грейга на время кампаніи. Въ 1778 г. Борисовъ завѣдывалъ с.-петербургской береговой командой; въ 1779 г. опредѣленъ и. д. генералъ-контролера; въ 1780 г., командуя первымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ, и имѣя флагъ на кораблѣ Исидоръ, ходилъ въ Средиземное море для огражденія принциповъ «деклараціи вооруженнаго нейтралитета». Одинъ корабль его отряда разбился около Тулона, а остальные вернулись въ августѣ 1781 г. обратно въ Кронштадтъ, послѣ чего онъ былъ назначенъ присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи и завѣдывающимъ счетною экспедиціею. Въ 1782 г. Борисовъ произведенъ въ вице-адмиралы; въ 1784 г., имѣя флагъ на кораблѣ «Іезекіиль», онъ командовалъ эскадрою изъ 7 кораблей, 1 фрегата и 1 бомбардирскаго корабля и перешелъ изъ Кронштадта въ Копенгагенъ, гдѣ вступилъ подъ команду адмирала Чичагова, а затѣмъ вернулся въ Кронштадтъ и вновь засѣдалъ въ адмиралтействъ-коллегіи; 4 мая 1786 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ содержанія.

Общ. Мор. Сп., 1885, т. II, 52—53.—Указъ Имп. Елисаветы о посылкѣ въ Испанію фрегата и пинка съ товарами подъ ком. к-л. И. Борисова для установленія коммерціи съ Испаніею («Зап. Мор. Уч. Ком.», 1830 г., VI, 155).—Достопамятныя происш. относ. къ в.-м. части, В. Берхъ («Зап. Гос. Адм. Деп.», 1824, VII, 224—314).—Соколовъ, А., Исторія Архипелагской кампаніи («Зап. Гидрог. Деп.», 1849, VII, 230—401).—Матеріалы для Исторіи Русскаго флота, IX—XIII.—Кротковъ, А., Повседневная запись.—Его-же, Три Святителя, историч. очеркъ («Кроншт. Вѣстн.», 1893 и 1894 гг.).—Корабль «Ростиславъ-Николай» 1897 г.—Журналъ Грейга («Мор. Сб.», 1849, X).—Соколовъ, А., Лѣтопись крушеній. 1853.—Веселаго, Ѳ., Краткая Исторія Русскаго флота. Спб. 1893.

П. Бѣлавенецъ.

Борисовъ, *Михаилъ Ивановичъ*, контръ-адмиралъ, ум. 20 января 1801 г. Въ 1762 г. онъ поступилъ въ морской шляхетскій кадетскій корпусъ, въ 1769 г.

произведенъ въ гардемарины и посланъ на корабль св. Іаннуарій изъ Кронштадта въ Средиземное море, 17 февраля 1770 г. произведенъ въ мичманы и участвовалъ въ морейской экспедиціи и чесменскомъ бою. Въ 1771 — 75 гг. онъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ и затѣмъ вернулся въ Кронштадтъ; въ 1778—79 гг. на кораблѣ Всеволодъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1780 — 81 гг. на кораблѣ Азія, въ эскадрѣ контръ-адмирала Борисова, ходилъ въ Ливорно и обратно; въ 1786 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга и, командуя новопостроеннымъ кораблемъ № 5 (Мечеславъ), перешелъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1788 г. участвовалъ, на томъ же кораблѣ, въ гогландскомъ сраженіи; въ 1789 г., въ эскадрѣ контръ-адмирала Козлянинова, крейсеровалъ позднею осенью у береговъ Швеціи; въ 1790 г., командуя кораблемъ Всеволодъ, участвовалъ въ красногорскомъ сраженіи, за что награжденъ золотою шпагою «за храбрость» и 6 іюля произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1797 г. командовалъ кораблемъ Европа въ эскадрѣ, бывшей подъ штандартомъ Императора Павла у Красной горки. Въ 1799 г. произведенъ въ контръ-адмиралы.

Общій морской списокъ, 1835, III, 201—202.— Кротковъ, А. С., Повседневная запись. — Шишковъ, А. С., Военныя дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами 1782—1900. Спб., 1826.— Его же, Собраніе морскихъ журналовъ. Спб. 1806.— Головачевъ, Военныя дѣйствія въ войнѣ со шведами. Спб. 1871.—Ситягинъ, С. А., Военно-морскія дѣйствія русскаго флота 100 лѣтъ назадъ 1790. Спб. 1890. Матеріалы для исторіи флота, XIII и XIV. *П. Бѣлавенецъ.*

Борисовы, дворяне, по словамъ Бархатной книги, выѣхавшіе изъ Литвы; фамилія ихъ встрѣчается въ источникахъ съ конца XV вѣка: въ 1495 г. упоминается *Борисъ* Борисовъ, сынъ боярскій, который провожалъ въ Литву великую княжну Елену. Въ XVI и XVII вѣкахъ въ грамотахъ и актахъ уже часто встрѣчается имя Борисовыхъ, но, повидимому, его носили представители разныхъ родовъ. Такъ, *Андрей* Борисовъ въ 1504 г. былъ приставомъ въ дорогѣ у дьяка Златскаго, пріѣхавшаго отъ короля Александра къ великому князю Ивану Васильевичу, для переговоровъ о пограничныхъ дѣлахъ. *Симеонъ* Борисовъ, дворцовый дьякъ 1518—19 г., въ 1517 г. ѣздилъ къ императору Максимиліану отъ великаго князя Василія съ предложеніемъ прекратить на годъ военныя дѣйствія противъ Польши; въ 1521 г. онъ ѣздилъ посломъ въ Данію. *Яковъ Захарьевичъ* былъ воеводою въ казанскомъ походѣ 1544 г. и въ шведскомъ 1549 г. *Андрей Михайловичъ* также былъ воеводой въ казанскомъ походѣ 1544 г. и въ полоцкомъ 1551 г. *Леонтій Константиновичъ* участвовалъ въ зимнемъ походѣ на Казань 1550 г. и былъ убитъ, а *Ѳедоръ Ивановичъ* былъ убитъ при взятіи Казани 2 октября 1552 г.; имена обоихъ Борисовыхъ вписаны въ синодикъ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе. *Михаилъ Васильевичъ* былъ воеводою въ Юрьевѣ Ливонскомъ въ 1563—64 гг. и, по всей вѣроятности, онъ же воеводствовалъ въ Ругодивѣ въ 1577 г. *Никита Васильевичъ*, окольничій 1565 г., участвовалъ въ походѣ 1570 г. въ передовомъ полку; въ 1572 г. онъ ходилъ съ царемъ въ походъ на Великій Новгородъ, въ 1574 г.—въ походъ на Муромъ «для государева дѣла съ казанскими людьми»; въ 1575 г. онъ еще упоминается въ окольничихъ. *Борисъ* ѣздилъ посломъ къ англійскому королю Іакову «для государевыхъ дѣлъ» въ 1621 г.; онъ же, вѣроятно, впослѣдствіи былъ переводчикомъ въ 1645 г. *Иванъ* былъ въ 1626 г. головою на путивльской заставѣ, а въ 1645 г., вѣроятно, онъ же арскимъ воеводой. *Никита*, голова московскихъ стрѣльцовъ 1668 г., во время нашествій на южную Русь турокъ, соединившихся съ малороссійскими гетманами, былъ отправленъ со своими стрѣльцами на оборону Чигирина; съ 1678 г. по 1682 г. онъ именуется стольникомъ и полковникомъ стрѣлецкимъ; въ 1682 г. въ его домѣ писалась отъ лица всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ челобитная о старой вѣрѣ.

Разрядныя книги. — Дворцовые разряды III, 600, 1412.—Акты историческіе.—Дополненія къ актамъ истор.— Акты экспедиціи.—Акты южной и западной Россіи VII, XIII. — Древняя россійская вивліоѳика XIII, 347, 360, 385, 412, 422, 425; XIV, 21, 322.—Симбирскій сборникъ 31, 32, 35, 65.—Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. 35.— Сборникъ кн. Хилкова. — Русская историч. библіотека II, VIII—XII, XIV—XVII. — Бархатная книга.—Лѣтописи.—Родословная книга кн. Долгорукаго.—Лихачевъ, Разрядные дьяки.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисовы-Бороздины, дворянскій родъ, выѣхавшій изъ Польши. Одинъ изъ потомковъ этого рода получилъ прозвище Борозда, отъ котораго черезъ нѣсколько

колѣнъ былъ Борисъ, начавшій родъ Борисовыхъ-Бороздиныхъ. Изъ представителей этого рода извѣстны: *Никита Васильевичъ*, окольничій, въ походѣ 1571 г. подъ Серпуховъ былъ воеводой передового полку; *Михаилъ Ивановичъ*, дворянинъ, оставался въ числѣ прочихъ не разъ «дневать и ночевать» на государевомъ дворѣ въ отлучки царя въ 1637 г., въ 1652 г. онъ сопровождалъ государыню въ Новодѣвичій монастырь; *Андрей Михайловичъ*, стольникъ, по всей вѣроятности, сынъ Михаила Ивановича, въ 1671 г. упоминается въ числѣ присутствующихъ за столомъ у великаго государя; въ 1679 г. онъ сопровождалъ царя въ Троицкомъ походѣ.

Дворцовые разряды, III, 310, 415; IV, 106.— Бархатная книга. — Симбирскій сборникъ, 28.— Русская историч. библіотека, X.

Борисполецъ, *Платонъ Тимофеевичъ*, род. въ черниговской губ., въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, ум. въ 1880 г. Воспитывался онъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, выпущенъ офицеромъ въ 1823 г. и служилъ въ артиллеріи. Отличаясь весьма дѣятельнымъ характеромъ, Борисполецъ, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, служилъ еще при арсеналѣ, занимался въ штабѣ великаго князя Михаила Павловича, устраивалъ въ тоже время чертежную при артиллерійской технической школѣ, гдѣ безплатно читалъ механику по воскреснымъ днямъ, и приготовлялъ рисунки оружій. Необыкновенною дѣятельностью Борисполецъ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Михаила Павловича и былъ даже лично извѣстенъ Императору Николаю I. Такимъ образомъ Бориспольцъ могъ бы составить блестящую карьеру на военномъ поприщѣ; но все это онъ принесъ въ жертву искусству, которое страстно любилъ. Среди своихъ многочисленныхъ занятій, онъ посѣщалъ классы академіи художествъ. Изучая рисованіе и живопись урывками, Борисполецъ все же оказалъ быстрые успѣхи: за рисунки съ натуры онъ получилъ малую и большую серебряныя медали, за живопись — вторую золотую медаль (въ 1836 г.). Выйдя въ отставку въ 1839 г., Борисполецъ еще усиленнѣе занялся искусствомъ; онъ хотѣлъ получить большую золотую медаль отъ академіи художествъ, чтобы такимъ образомъ получить командировку заграницу за счетъ академіи. Онъ конкурировалъ два раза: первый разъ представилъ картину: «Александръ Македонскій усмиряетъ Буцефала», второй разъ—«Образъ Воскресенія Христа». Эта послѣдняя работа заслуживала первой золотой медали. Но уставъ академіи предписывалъ награждать этой медалью лишь въ извѣстный возрастъ, а Борисполецъ былъ старше положенныхъ лѣтъ. Вмѣсто желаемой медали ему предложили званіе академика, отъ котораго онъ отказался, и рѣшилъ отправиться заграницу на собственный счетъ. Написанный имъ, по заказу Ѳ. И. Прянишникова (предсѣдателя общества поощренія художествъ), большой образъ Воскресенія Христа, которымъ онъ конкурировалъ во второй разъ и который помѣщенъ былъ въ почтамтской церкви (1841 г.), далъ ему нѣкоторый заработокъ, тѣмъ болѣе, что онъ для этого же образа, по собственнымъ рисункамъ, вылѣпилъ модель богатой и сложной рамы. Около того же времени Бориспольцъ написалъ 28 образовъ для рязанскаго помѣщика Шувалова. Всѣ эти работы дали ему нѣкоторыя средства, и, кромѣ того, онъ получилъ пособіе отъ общества поощренія художествъ. Въ 1843 г. онъ наконецъ уѣхалъ за-границу, въ Парижъ, гдѣ трудился между прочимъ надъ картинами: «Отдыхъ св. Семейства», «Святой Андрей Первозванной» и пр. Онъ написалъ также видъ «Pont Royal», который былъ разыгранъ въ лотереѣ между членами общества поощренія художествъ. Въ своихъ работахъ Борисполецъ находилъ поддержку и одобреніе со стороны извѣстнаго въ то время живописца Генриха Шеффера, проф. скульптуры Дюре и архитектора С. А. Иванова. Въ Парижѣ Бриспольцъ написалъ и свою знаменитую копію съ картины Тиціана: «Положеніе во гробъ Христа Спасителя» (въ 1847 г.). Академія художествъ признала ее превосходной, купила за тысячу рублей и заказала ему еще другую копію, тоже съ картины Тиціана: «Смерть св. Петра Доминиканца». Эта картина находилась въ Венеціи. Бориспольцъ оставилъ Парижъ и отправился въ Италію (въ 1848 г.). Въ Римѣ онъ написалъ съ натуры: 1) «Видъ Рима», 2) «Дѣвочка съ собакой», 3) «Іисусъ въ вертоградѣ» (неокончена). Во Флоренціи Бориспольцъ снялъ копію съ картины Андреа дель Сарто «Madonna del Sacco» и написалъ нѣсколько образовъ для православной церкви, которую устраивалъ тамъ

Демидовъ. Для этого послѣдняго Борисполецъ написалъ съ натуры двухъ быковъ, присланныхъ изъ Англіи. Въ Венеціи онъ принялся за копію съ картины Тиціана. Она находилась въ церкви св. Іоанна и Павла, гдѣ художникъ во время работы страдалъ отъ холода, сквозного вѣтра и чрезвычайно неудобнаго освѣщенія. Отъ всѣхъ этихъ причинъ у Бориспольца начало портиться зрѣніе, и онъ потерялъ одинъ глазъ. Пришлось уменьшить занятія; работа затянулась, заработки уменьшились, и Борисполецъ началъ бѣдствовать. Наконецъ копія была окончена и отправлена въ Россію (1850 г.), вмѣстѣ съ тремя видами Венеціи, предназначавшимися для великаго князя Константина Николаевича. Академія художествъ одобрила копію и пріобрѣла ее за $2^1/_2$ тысячи. Виды Венеціи, поднесенные великому князю Константину Николаевичу, не были имъ пріобрѣтены. Борисполецъ продолжалъ оставаться за-границей, отчасти по недостатку средствъ, отчасти изъ-за надежды вернуть прежнее зрѣніе. Но надежды его не оправдались: къ 1852 г. онъ ослѣпъ почти совершенно и съ этихъ поръ умеръ для искусства. Сильно бѣдствуя и нуждаясь, Борисполецъ прислалъ въ академію художествъ восемь давно начатыхъ и неоконченныхъ картинъ, изъ которыхъ шесть изображаютъ виды Венеціи, одна—аллегорическое изображеніе и одна — копія съ Мадонны А. дель Сарто. Академія оцѣнила ихъ въ 650 руб., но пріобрѣсти отказалась, и картины были переданы въ общество поощренія художествъ, въ зачетъ пособія, выданнаго Бориспольцу при отъѣздѣ за-границу. Четыре картины изъ присланныхъ («Видъ Венеціи со стороны моря при вечернемъ освѣщеніи», «Видъ церкви S-ta Maria della Salute», «Видъ таможни въ Венеціи при восхожденіи солнца» и копія съ мадонны А. дель Сарто) были представлены императору Николаю I, но и онъ отказался пріобрѣсти ихъ. Между тѣмъ, Борисполецъ оставался за-границей, во Флоренціи, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Только въ 1855 г. ему, по Высочайшему соизволенію, выслали тысячу руб. на леченіе и возвращеніе въ Россію. Борисполецъ сначала ѣздилъ въ Парижъ къ окулистамъ, но безъ всякаго успѣха, и потомъ вернулся въ Россію. Въ концѣ 50-хъ годовъ ему наконецъ назначили пенсіонъ изъ военнаго вѣдомства, и онъ немедленно уѣхалъ въ Парижъ лечить глаза. Но зрѣніе было потеряно навсегда. Онъ былъ веселый, живой и общительный собесѣдникъ; у него постоянно собирался кружокъ молодыхъ художниковъ и писателей, которыхъ онъ воодушевлялъ своей энергіей и горячностью къ дѣлу, а его младенческая доброта вошла въ поговорку среди его друзей и знакомыхъ.

Архивъ И. А. Х. Д. 85 (1837), Д. 56 (1841), Д. 107 (1847), Д. 112 (1851), Д. 126 (1852), Д. 81 (1853), Д. 46 (1855), Д. 100 (1857) и личное дѣло № 52 (Б).—Петровъ, Мат. для ист. И. А. Х., II, 344, 352, 366, 376, 421, 439; III, 76, 96, 102, 159, 169, 232, 237, 292, 327. — Рамазановъ, Мат. для ист. худож. въ Россіи. М. 1863 г.—Энц. сл.: Березина, Толля (доп.), Клюшникова.

Е. Тарасовъ.

Борисъ Александровичъ, великій князь тверской, сынъ великаго князя тверскаго Александра Ивановича, ум. 10 февраля 1461 г. Онъ занялъ великокняжескій тверской столъ по смерти брата своего Юрія въ 1425 г. Въ томъ же году въ Кашинъ вернулся дядя Бориса, Василій Михаиловичъ, но племянникъ «поималъ» его. Въ 1427 г. Борисъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому они обязуются «быть за одно» и не вступаться одному въ дѣла княжества другаго и пр. По этому договору Борисъ, въ 1428 г., помогалъ Витовту въ войнѣ его съ Новгородомъ. Года черезъ два послѣ того (1430 г.) онъ былъ, въ числѣ другихъ владѣтельныхъ князей, въ Трокахъ и Вильнѣ, въ гостяхъ у Витовта, неудачно собравшагося тогда надѣть на свою голову королевскій вѣнецъ, чтобы совершенно отдѣлиться отъ Польши и образовать самостоятельное литовское княжество. Витовтъ умеръ въ томъ же 1430 г., и въ этомъ же году Борисъ породнился съ Свидригайломъ Ольгердовичемъ, который женился на кн. Аннѣ Михайловнѣ, двоюродной сестрѣ Бориса. Послѣдній въ то же время помогалъ Свидригайлу въ борьбѣ его съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, а потомъ—въ 1432 и 1433 гг. Въ короткое время, затѣмъ, Борису пришлось принимать незваныхъ гостей: въ 1433 г. въ Тверь прибѣжалъ обиженный великимъ княземъ московскимъ его бояринъ Иванъ Всеволожскій, тесть Борисова дяди, Юрія Ивановича; въ томъ же году пріѣхалъ и самъ великій князь московскій, находившійся тогда въ борьбѣ съ дядей своимъ, княземъ галицкимъ Юріемъ; въ 1434 г.

въ Тверь прибѣжалъ шуринъ его, князь можайскій Иванъ Андреевичъ, а затѣмъ въ Кашинъ прибѣгалъ Василій Юрьевичъ Косой. Въ то же самое время Борисъ, видя, что положеніе Сигизмунда, на помощь котораго онъ надѣялся, стало непрочнымъ, заключилъ съ великимъ княземъ московскимъ договоръ, которымъ обязывался, между прочимъ, дѣйствовать за-одно съ Василіемъ Темнымъ противъ татаръ, ляховъ, Литвы и нѣмцевъ; съ своей стороны Борисъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, выговариваетъ у великаго князя московскаго, чтобы онъ жилъ съ новгородцами по старинѣ. Тѣмъ не менѣе въ 1440 г. онъ помогалъ Василію Темному противъ Новгорода, а въ 1445 г. и самъ ходилъ въ Новгородскую землю: повоевалъ Бѣжецкій Верхъ, Заборовье и всѣ новоторжскія волости; въ томъ же году (или въ слѣдующемъ) онъ вновь посылалъ своихъ воеводъ и людей, которые разграбили 50 новгородскихъ и бѣжецкихъ волостей; въ слѣдующемъ году во второй разъ взялъ опять Торжокъ, при чемъ награбленнаго добра привезъ въ Тверь 40 повозковъ. Въ 1446 г. великій князь московскій, захваченный Шемякой или, собственно, союзникомъ его, княземъ можайскимъ Иваномъ, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, былъ ослѣпленъ. Нѣкоторыя изъ лѣтописей передаютъ, что и Борисъ, привлеченный къ тому Шемякой, участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Но, не говоря уже о томъ, что главный источникъ для исторіи тверскаго княжества, тверская лѣтопись ничего не говоритъ объ этомъ, послѣдующія событія не подтверждаютъ того: заточенный Шемякой въ Угличъ, а потомъ переведенный на удѣлъ въ Вологду, Василій Темный уходитъ изъ послѣдней въ Тверь, гдѣ обручаетъ сына своего съ дочерью Бориса, который, затѣмъ, помогаетъ своему будущему свату въ отнятіи Москвы у Шемяки. За эту помощь Борисъ получилъ отъ Василія (въ 1447 г.) Ржеву. Но ржевичи почему-то не хотѣли быть за Борисомъ, такъ что послѣднему пришлось занимать городъ силой, при помощи пушекъ. Зимой того же 1447 г. Борисъ вмѣстѣ съ женой пріѣхалъ въ Ржеву, на которую тогда же сдѣлалъ нападеніе великій князь литовскій Казимиръ, такъ что тверской князь едва успѣлъ спастись въ Опоки. Въ 1449 г. съ этимъ Казимиромъ онъ заключилъ договоръ, подобный договору его съ Витовтомъ. Въ томъ же году и великій князь московскій заключилъ съ литовскимъ княземъ договоръ, въ которомъ о Борисѣ говорится, что онъ — «въ сторонѣ» Казимира, а съ Василіемъ — въ любви и докончаньи. Въ 1452 г. дочь Бориса Марія вышла за наслѣдника московскаго княжества, а послѣ 1453 г. сваты возобновили договоръ, по которому враги и друзья ихъ считаются общими; кромѣ того они обязуются не принимать отъ татаръ: Василій—Твери и Кашина, а Борисъ — Москвы и Новгорода Великаго. Борисъ Александровичъ погребенъ въ тверскомъ Спасопреображенскомъ соборѣ. Онъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ—на Анастасіи Андреевнѣ (умерла въ 1451 г.), сестрѣ князя можайскаго Ивана, отъ которой имѣлъ дочь Марію, а во второй разъ также на Анастасіи, дочери князя суздальскаго Александра Васильевича, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Михаила, который по смерти отца занялъ тверской великокняжескій столъ, и Александра, родившагося и умершаго въ одинъ и тотъ же 1455 годъ.

П. С. Р. Л.—Акты историч.—Акты арх. эксп.—Дополн. къ акт. историч.—Русск. историч. библ., т. VI.—Карамзинъ, Исторія госуд. россійск., т. V.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Борзаковскій, Исторія тверскаго княжества. — Щербатовъ, т. III, ч. I, стр. 448, 554—594.

Борисъ Васильевичъ, князь волоцкій или волколамскій, род. 21-го іюля 1449 г., ум. въ маѣ 1494 г., сынъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго. При жизни отца, его имя встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1456 г., когда онъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, присутствовалъ на церковномъ торжествѣ по случаю возвращенія изъ Москвы иконы Смоленской Божіей Матери. Въ 1462 г., когда скончался Василій II, князь Борисъ находился при его погребеніи. Въ удѣлъ послѣ смерти отца онъ получилъ Волоколамскъ, Ржеву и Рузу, а кромѣ того волости и села послѣ княгини, Марьи Ѳедоровны, рожденной Гольтяевой, своей бабки съ материнской стороны. 9-го мая 1471 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Іуліаніей Михайловной Холмской. Первые годы великаго княженія Іоанна III Борисъ Васильевичъ находился въ мирныхъ отношеніяхъ съ братомъ. Въ 1468 г. онъ сопутствовалъ ему въ его поѣздкѣ во Владиміръ, въ 1471 г. принималъ участіе въ походѣ Іоанна III

на Новгородъ и былъ ходатаемъ за Новгородцевъ предъ великимъ княземъ; послѣ окончанія этой войны онъ возвратился въ свой удѣлъ съ богатою добычей. Въ 1472 г. князь Борисъ присутствовалъ при торжественной закладкѣ новаго Успенскаго собора, при перенесеніи мощей московскихъ чудотворцевъ и при открытіи мощей митрополита Петра. Въ этомъ же году онъ помогъ великому князю противъ вторгшагося въ Россію Ахмата, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Окѣ, куда онъ пришелъ изъ Козлова Брода. Наконецъ, въ 1473 г. онъ присутствовалъ въ Москвѣ на бракосочетаніи Іоанна III съ Софіею Палеологъ. Но въ слѣдующемъ году мирныя отношенія братьевъ были нарушены. Въ 1474 г. умеръ второй сынъ Василія Темнаго, Юрій, который владѣлъ Дмитровомъ, Можайскомъ и Серпуховомъ. Умирая онъ никому не завѣщалъ свой удѣлъ, боясь разгнѣвать братьевъ, въ случаѣ отказа его великому князю, или великаго князя, въ случаѣ отказа его поровну всѣмъ братьямъ. Іоаннъ III присоединилъ земли Юрія къ своимъ и такимъ образомъ устранилъ остальныхъ братьевъ отъ участія въ наслѣдствѣ. Однако тѣ не захотѣли уступить своихъ правъ на эти земли, и между князьями начались ссоры, въ результатѣ которыхъ Іоаннъ далъ Борису Вышгородъ и другому брату тоже прибавилъ одну волость къ его удѣлу, но заставилъ ихъ подписать договоръ, въ которомъ младшіе братья отказывались отъ выморочной области въ пользу великаго князя. Съ этихъ поръ добрыя отношенія князей нарушились, хотя по внѣшности и царило согласіе. Въ 1476 г. Іоанъ III, проѣзжая изъ Москвы въ Новгородъ, останавливался въ Волоколамскѣ у Бориса, который угощалъ его трапезой. Въ слѣдующемъ 1477 г. великій князь потребовалъ участія Бориса въ предполагавшемся покореніи Новгорода и въ 1478 г., выступивъ въ походъ, онъ снова заѣхалъ въ Волоколамскъ и отстоялъ тамъ обѣдню. Борисъ присоединился къ нему и былъ назначенъ воеводой въ лѣвую руку; подъ Новгородомъ онъ расположился станомъ со своимъ полкомъ въ селѣ Кречневѣ и вступилъ въ городъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Но уже въ слѣдующемъ году новая и болѣе крупная ссора возникла между братьями. Отъ великаго князя отъѣхалъ въ 1479 г. князь Иванъ Владиміровичъ Лыко-Оболенскій и поступилъ на службу къ князю Борису. Этотъ послѣдній, несмотря на неоднократныя требованія Іоанна III, не захотѣлъ выдать ему князя Оболенскаго. Тогда великій князь послалъ въ Волоцкую область своихъ людей, приказавъ имъ тайно схватить князя Лыко, что они и исполнили. Когда князь волоцкій узналъ, что, закованный въ цѣпи, Лыко былъ отвезенъ въ Москву, онъ, въ гнѣвѣ на старшаго брата, послалъ Андрею Углицкому слѣдующія обвиненія противъ Іоанна III: «братъ Юрій умеръ», писалъ онъ, «князю великому вся отчина его досталась; Новгородъ великій съ нами взялъ—ему все досталось, а намъ жребія не далъ изъ него; теперь, кто отъѣдетъ отъ него—беретъ безъ суда». Андрей, какъ и Борисъ, боялся утраты самостоятельности и не хотѣлъ полной зависимости отъ великаго князя, къ чему стремился Іоаннъ,—и на этотъ разъ братья рѣшили выступить на защиту своихъ правъ уже съ оружіемъ въ рукахъ. Вѣсть объ этомъ дошла до великаго князя, который въ это время былъ въ Новгородѣ, въ началѣ 1480 г., и онъ поспѣшилъ въ Москву. Тѣмъ временемъ Борисъ выѣхалъ изъ Волока, соединился съ Андреемъ въ Угличѣ, и отсюда черезъ Тверскую область оба двинулись къ Ржеву. Не одинъ разъ высылалъ великій князь къ нимъ пословъ своихъ, даже епископа ростовскаго, Вассіана, извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ, съ приглашеніемъ къ мирнымъ переговорамъ, но младшіе братья не соглашались вернуться, дошли до Великихъ Лукъ и оттуда послали своихъ гонцовъ къ польскому королю Казиміру, прося его быть посредникомъ между ними и Іоанномъ. Казиміръ отказалъ князьямъ въ помощи и только разрѣшилъ семьямъ ихъ поселиться въ Витебскѣ. Между тѣмъ псковичи, тѣснимые нѣмцами, воспользовались близостью княжескихъ войскъ и обратились къ Борису за помощью. Братья пріѣхали въ Псковъ и потребовали отъ псковичей, чтобы тѣ приняли къ себѣ на жительство семьи ихъ и ихъ воеводъ, и только на этомъ условіи соглашались защитить ихъ отъ нѣмцевъ. Псковичи отказали, боясь гнѣва великаго князя, и Борисъ съ Андреемъ, пробывъ въ Псковѣ только 10 дней, выѣхали изъ-него и послали своихъ людей жечь и грабить Псковскую землю. Только деньгами откупились псковичи отъ этого погрома, послѣ чего

князья удалились въ Новгородскую область. Видя упорство Казиміра въ нежеланіи оказать имъ помощь, волоцкій и углицкій князья рѣшили сами со своей стороны послать въ Москву пословъ съ предложеніемъ міра. Самъ Іоаннъ въ это время находился въ стѣсненномъ положеній, благодаря новому вторженію Ахмата, и ему нужна была помощь братьевъ. При посредствѣ матери и митрополита, давъ взаимныя обѣщанія, — младшіе притти на помощь; старшіе — не притѣснять ихъ больше, — братья помирились. Въ этомъ же 1480 г. Борисъ пришелъ съ войскомъ въ Кременецъ, гдѣ и соединился съ Іоанномъ. Послѣ отступленія татаръ, Борисъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, вернулся въ Москву, получилъ отъ него села, бывшія во владѣніи Василія Ярославича Серпуховскаго, и былъ принятъ имъ «въ докончаніе». Въ 1485—86 г. онъ снова участвовалъ въ войскѣ великаго князя при взятіи Твери. Въ 1491 г. великій князь далъ ему порученіе выслать воеводъ съ войскомъ на помощь крымскому хану Менгли-Гирею въ его борьбѣ съ Золотой Ордой. Въ лѣтописяхъ еще упоминается подъ 1492 г., будто князь Борисъ снова «думалъ на великаго князя и отъ него отъѣзжалъ» вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ. Смерть, постигшая его въ 1494 г. въ Рузѣ, прекратила, наконецъ, двадцатилѣтнюю вражду между братьями. Тѣло князя Бориса было перевезено въ Москву и погребено въ церкви св. Архангела Михаила. Въ 1504 г. скончалась вдова князя Бориса, а въ 1508 г. его гробъ былъ перенесенъ во вновь построенную церковь Архангела Михаила.

Лѣтописи.—Акты Историческіе.—Акты Экспедиціи.—Русская Историч. Библіотека, VI.—Лихачевъ, Разрядные Дьяки.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисъ (въ крещеніи *Давидъ*) **Владиміровичъ**, святой князь, сынъ великаго князя Владиміра Святославича, князь ростовскій, ум. 24 іюля 1015 г. Въ лѣтописяхъ подъ 980 г. онъ, вмѣстѣ съ Глѣбомъ, называется сыномъ болгарыни. Если принять существующее мнѣніе, что они были сыновьями Владиміра и Анны, двоюродной сестры византійскихъ императоровъ, Василія и Константина, дочери болгарскаго князя, то годъ рожденія Бориса надо считать не ранѣе 988 г., такъ что въ 1015 г. ему могло быть около 25 или 27 лѣтъ. По описанію лѣтописца, это былъ еще юноша полный силъ, красивый, пріятный лицомъ, «царски свѣтелъ» и разуменъ. При жизни отца, въ промежутокъ времени отъ 987—990 г., онъ получилъ въ удѣлъ Ростовъ. Въ 1015 г., во время болѣзни отца Борисъ находился около него, но былъ посланъ имъ съ ратью противъ печенѣговъ; во время его отсутствія Владиміръ умеръ, а на кіевскій престолъ сѣлъ Святополкъ. Въ это время Борисъ, не найдя печенѣговъ, возвращался назадъ и расположился станомъ на берегу рѣки Альты. Туда пришли къ нему послы отъ брата Святополка, который извѣщалъ его о смерти отца и предлагалъ ему быть съ нимъ «въ любви и согласіи», обѣщая увеличить его удѣлъ. Самъ же Святополкъ въ то время поѣхалъ въ Вышгородъ, призвалъ тамъ къ себѣ Пушту и вышегородскихъ бояръ, и, потребовавъ отъ нихъ вѣрности себѣ и молчанія, открылъ имъ свое намѣреніе покончить съ братьями. На Альту были посланы Пушта, Талецъ, Еловить и Ляшько съ нѣкоторыми другими для совершенія кроваваго дѣла. Между тѣмъ Борисъ остался къ этому времени лишь съ немногими вѣрными ему отроками въ своемъ станѣ; его дружина требовала, чтобъ онъ двинулся къ Кіеву и, свергнувъ Святополка, сѣлъ самъ на великокняжескій престолъ; но князь отвѣтилъ имъ, что рука его никогда не поднимется противъ старшаго брата; тогда послѣ тщательныхъ уговоровъ, Владиміровa дружина, съ которой онъ ходилъ на печенѣговъ, оставила его и почти вся разошлась. Ночью 24 іюля явившіеся убійцы застали князя стоящимъ на молитвѣ въ своемъ шатрѣ и съ нимъ нѣсколько вѣрныхъ ему отроковъ Тревожное предчуствіе бѣды, которой ждалъ Борисъ, сбылось. Едва онъ легъ послѣ молитвы на свое ложе, какъ убійцы бросились на него и закололи его копьями, а вмѣстѣ съ нимъ и любимаго его отрока, Георгія, родомъ венгра, который кинулся на тѣло своего господина, чтобы защитить его отъ ударовъ. Въ эту же ночь, завернувъ тѣло убіеннаго князя, они тайно повезли его въ Вышгородъ; дорогой онъ еще дышалъ, и посланные Святополкомъ два варяга прикончили его, послѣ чего онъ былъ погребенъ въ вышгородской церкви св. Василія. Въ 1019 г. князь Ярославъ, завладѣвъ Кіевомъ, собралъ свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія его тѣла и тѣла князя Глѣба, а затѣмъ пере-

везъ въ церковь, гдѣ былъ погребенъ Борисъ, также и прахъ св. Глѣба. По словамъ лѣтописца, тѣло Бориса оказалось нетлѣннымъ, и многіе исцѣлились отъ прикосновенія къ его мощамъ. Въ 1070 г. мощи его были перенесены въ новую церковь, построенную княземъ Изяславомъ Ярославичемъ; еще разъ, въ 1115 г. мощи эти были перенесены князьями въ новую каменную вышгородскую церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба и положены въ каморѣ на правой сторонѣ. Позднѣе нерѣдко пріѣзжали въ Вышгородъ князья поклониться его мощамъ, такъ, напримѣръ, въ 1150 г. кн. галицкій Владиміръ Володаревичъ, въ 1194 г. кн. Святославъ Всеволодовичъ. Его именемъ и его чудесной помощью, какъ говоритъ лѣтописецъ, творились чудеса, и князья одерживали побѣды въ битвахъ и получали исцѣленіе въ болѣзняхъ. Во имя святаго мученика Бориса было построено очень много церквей; древнѣйшія изъ нихъ—въ Вышгородѣ, на Альтѣ и на Нерли.

Акты историческіе. — Русская Историческая Библіотека, III, IV, X, XIII, XV. — Соловьевъ, Исторія Россіи—Лѣтописи.—Житіе свв. Бориса и Глѣба, написанное преп. Несторомъ.

Борисъ Всеволодовичъ, князь городенскій, сынъ князя Всеволода Давидовича, принималъ участіе въ борьбѣ за кіевскій великокняжескій престолъ въ срединѣ XII вѣка. Въ 1141 г. умеръ его отецъ, оставивъ ему свой удѣлъ; въ 1144 г., вмѣстѣ съ великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, Борисъ ходилъ противъ «многоглаголиваго» Володимерка Галицкаго. Въ 1150 г. онъ сталъ за князя Изяслава Мстиславича, который искалъ кіевскаго стола, и двинулся вмѣстѣ съ нимъ къ Дорогобужу; онъ присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ при Вздвиженѣ. Съ помощью угровъ, Изяславъ занялъ Кіевъ, но былъ изгнанъ оттуда Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, не хотѣвшимъ уступить ему старшинства. Въ слѣдующемъ 1151 г. Борисъ участвовалъ во вторичномъ занятіи Кіева Изяславомъ, послѣ чего Изяславъ послалъ его преслѣдовать Юрія Долгорукаго, который ушелъ по направленію къ Бѣлгороду. Въ 1169 г. Борисъ помогалъ сыну Изяслава, великому князю Мстиславу Изяславичу, занять Кіевъ послѣ смерти Ростислава, а когда Мстиславъ былъ изгнанъ изъ Кіева другими князьями, Борисъ въ 1172 г. снова присоединился къ нему и участвовалъ въ побѣдѣ его надъ Глѣбомъ, сыномъ Юрія Долгорукаго, и во вторичномъ занятіи Кіева.

Лѣтописи.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисъ Вячеславичъ, князь тмутараканскій, сынъ смоленскаго князя Вячеслава Ярославича, ум. въ 1078 г. Въ 1077 г., когда умеръ великій князь Святославъ, а Всеволодъ двинулся изъ Чернигова на встрѣчу Изяславу, шедшему на кіевскій столъ, Борисъ Вячеславичъ, воспользовавшись отсутствіемъ дяди, завладѣлъ Черниговомъ. Только 8 дней продержался онъ тамъ и, услышавъ о возвращеніи Всеволода, бѣжалъ въ Тмутаракань къ князю Роману Святославичу, который принялъ его къ себѣ. Къ нимъ скоро присоединился и второй сынъ Святослава, Олегъ, изгнанный дядями изъ своего Владимірскаго удѣла. Въ 1078 г. Борисъ и Олегъ съ полчищами половцевъ двинулись противъ Всеволода. На рѣкѣ Оржицѣ (Сожицѣ), произошла кровопролитная битва, и русскіе были разбиты. Одержавъ побѣду, Борисъ съ Олегомъ вошли въ Черниговъ и, по словамъ лѣтописца, «много они тутъ зла русской землѣ надѣлали». Между тѣмъ Всеволодъ и Изяславъ Ярославичи, собравъ новыя силы, призвавъ на помощь своихъ сыновей, подступили къ Чернигову. Хотя ни Бориса, ни Олега тамъ уже не было, черниговцы затворили ворота города и приготовились къ оборонѣ. Князья сожгли внѣшній городъ и уже собирались напасть на вторыя стѣны, за которыя убѣжали жители, какъ до нихъ дошла вѣсть, что Борисъ и Олегъ идутъ на защиту Чернигова. Между двоюродными братьями произошелъ разладъ. Олегъ уговаривалъ Бориса не выступать противъ четырехъ князей, а молить ихъ о пощадѣ, но Борисъ презрительно отвергнулъ совѣтъ брата, говоря: «Я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ». Ожесточенная битва разыгралась въ октябрѣ 1078 г. у села на Нѣжатиной Нивѣ, и Борисъ Вячеславичъ погибъ въ ней.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Борисъ Георгіевичъ, князь бѣлгородскій, а потомъ туровскій, сынъ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, ум. въ 1159 г. Въ 1146 г. онъ ѣздилъ въ Колтескъ, гдѣ умеръ его братъ, Іоаннъ Георгіевичъ, и отвезъ его тѣло къ отцу въ Суздаль. Въ 1149 г., при жизни отца, онъ получилъ отъ него въ удѣлъ Бѣлгородъ. Въ этомъ же году онъ участво-

валъ въ осадѣ Луцка, гдѣ отличился своими подвигами его братъ Андрей. Самъ Борисъ далеко не принадлежалъ къ числу доблестныхъ князей и не былъ любимъ отцомъ. Въ 1150 г., во время борьбы Юрія съ Изяславомъ, отецъ, послѣ занятія Кіева, послалъ его преслѣдовать князя Изяслава; онъ гнался за врагомъ до Чортова лѣса и принужденъ былъ вернуться обратно, не догнавъ его. Въ этомъ же году онъ едва не попалъ въ плѣнъ къ князю Владиміру Мстиславичу, который напалъ на Бѣлгородъ въ то время, какъ Борисъ Георгіевичъ пировалъ съ дружиною и попами бѣлгородскими «на сѣнницѣ». Его спасъ «мытникъ», т. е. сборщикъ податей, который во время замѣтилъ нападеніе и успѣлъ развести мостъ. Затѣмъ изъ Бѣлгорода онъ бѣжалъ въ Кіевъ предупредить отца о томъ, что на него снова идетъ князь Изяславъ Мстиславичъ. Въ 1151 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ Юрія противъ Изяслава, успѣвшаго завладѣть Кіевомъ. Въ 1154 г. онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, послѣ ряда новыхъ междоусобій, вошелъ въ Кіевъ и получилъ отъ него въ удѣлъ Туровъ. Бориса не любили на югѣ и, можно думать, что Юрій Долгорукій самъ еще при жизни своей лишилъ сына этого удѣла; во всякомъ случаѣ Туровъ очень скоро перешелъ къ Юрію Изяславичу. Борисъ умеръ на сѣверѣ. Тѣло его было погребено въ Кидекшѣ, на рѣкѣ Нерли, въ Борисоглѣбской церкви.

Полное Собр. Русск. Лѣтописей.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисъ Даніиловичъ, князь московскій, сынъ Даніила Александровича, младшаго сына Александра Невскаго, ум. въ 1320 г. Онъ участвовалъ въ борьбѣ за великое княженіе брата своего, Юрія Даніиловича, съ дядей, Михаиломъ Ярославичемъ, княземъ тверскимъ. Въ 1304 г. Борисъ былъ посланъ Юріемъ въ Кострому, гдѣ онъ былъ схваченъ и отведенъ въ Тверь. Неизвѣстно, какъ онъ оттуда освободился, но въ 1306 г., онъ уже, вмѣстѣ съ братомъ, снова отъѣхалъ въ Тверь изъ Москвы. Въ 1317 г. онъ попалъ въ плѣнъ къ великому князю Михаилу Ярославичу, но былъ отпущенъ. Погребенъ Борисъ во Владимірскомъ соборѣ.

Полное собраніе русск. лѣтописей.

Борисъ Жидиславичъ (Жирославичъ), бояринъ суздальскій. Въ 1169 г. великій князь Андрей Георгіевичъ Боголюбскій послалъ его съ сильнымъ ополченіемъ противъ кіевскаго князя Мстислава Изяславича. Въ 1173 г., по его же порученію, бояринъ Борисъ ходилъ съ ратью къ Новгороду противъ князя Романа Мстиславича. Въ походѣ 1172—73 гг. князя Мстислава Андреевича противъ болгаръ онъ былъ главнымъ воеводой. Въ 1174 г. онъ былъ посланъ великимъ княземъ, вмѣстѣ съ его сыномъ, Георгіемъ Андреевичемъ, противъ Ростиславичей. Въ этомъ же году великій князь Андрей былъ убитъ, и въ землѣ суздальской произошли междоусобія. Ростовцы призвали къ себѣ Глѣба и Мстислава Ростиславичей, а Владимірцы братьевъ Андрея. Въ одной изъ битвъ между соперниками, въ 1177 г. при рѣкѣ Колакшѣ, Всеволодъ Георгіевичъ побѣдилъ князей Ростиславичей и взялъ съ ними въ плѣнъ боярина Бориса, находившагося въ ихъ рядахъ.

Полное собр. русск. лѣтописей.

Борисъ Константиновичъ, князь суздальскій, сынъ Константина Васильевича Суздальскаго, ум. въ 1393 г. Въ 1354 г. онъ женился на Маріи, дочери великаго князя Ольгерда. По смерти старшаго своего брата, Андрея, въ 1365 г., Борисъ захватилъ Нижній Новгородъ, помимо средняго брата Дмитрія, которому нижегородское княженіе принадлежало по праву, и добился утвержденія себя княземъ нижегородскимъ отъ пришедшаго изъ орды посла. Великій князь московскій, Дмитрій Іоанновичъ, черезъ пословъ увѣщевалъ его помириться и подѣлиться землею съ братомъ, на что Борисъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда великій князь прислалъ къ нему въ Нижній игумена Сергія Радонежскаго съ приглашеніемъ его въ Москву, но Борисъ не только не исполнилъ воли Дмитрія Іоанновича, но даже отказался явиться къ игумену. Тогда игуменъ Сергій велѣлъ затворить всѣ церкви въ Нижнемъ, а великій князь прислалъ московскіе полки на помощь Дмитрію Константиновичу, съ которыми онъ и подступилъ къ Нижнему. Это заставило смириться князя Бориса, и онъ уступилъ брату захваченную волость, получивъ во владѣніе только одинъ Городецъ. Въ 1367 г. на его села напалъ и сталъ грабить ихъ ордынскій князь Булакъ-Темиръ, но, при помощи брата, Борису удалось отразить это нападеніе. Въ 1369 г. онъ поставилъ у

себя въ Городцѣ соборную церковь во имя архангела Михаила. Въ слѣдующемъ году Борисъ былъ посланъ великимъ княземъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, противъ болгарскаго царевича Асана. Въ томъ же 1370 г. у него родился сынъ Іоаннъ, котораго крестилъ митрополитъ Алексѣй. Въ 1372 г. онъ положилъ основаніе городу Курмышу по рѣкѣ Сурѣ. Въ 1375 г., когда возгорѣлась междоусобная война между Дмитріемъ Іоанновичемъ и Михаиломъ Александровичемъ, княземъ тверскимъ, Борисъ принималъ въ ней участіе, будучи въ полкахъ великаго князя. Въ 1377 г. мордва ворвалась въ нижегородскій уѣздъ и начала грабить села; у рѣки Пьяны ее поразилъ Борисъ Константиновичъ и, затѣмъ, соединившись съ другими воеводами, онъ въ свою очередь разгромилъ мордовскія земли. Въ 1382 г. Борисъ отправился въ орду, гдѣ въ слѣдующемъ году къ нему присоединился и сынъ его. Онъ все еще оставался въ ордѣ, когда въ 1383 г. умеръ его братъ Дмитрій, нижегородскій князь; тотчасъ же Борисъ выхлопоталъ себѣ у Тохтамыша ярлыкъ на Нижній Новгородъ и возвратился изъ орды на Русь. Но недолго пришлось ему быть княземъ нижегородскимъ. Сыновья Дмитрія, Василій и Симеонъ вооружились противъ дяди, который еще въ 1386 г. ѣздилъ въ орду за новымъ подтвержденіемъ своихъ правъ на Нижній, и въ 1387 г. подошли съ ратью къ Нижнему Новгороду. Снова Борисъ былъ принужденъ отступиться отъ своихъ правъ. Но съ прежнею неутомимостью онъ въ 1389 г. еще разъ отправился въ орду, по дорогѣ встрѣтился съ Тохтамышемъ, нѣкоторое время странствовалъ съ нимъ и затѣмъ поѣхалъ въ Сарай по его приказанію. Въ 1391 г. онъ возвратился въ нижегородскую область съ ярлыкомъ на княженіе. Но на этотъ разъ противникомъ его выступилъ московскій князь, Василій Дмитріевичъ, купившій себѣ такой же ярлыкъ въ ордѣ. Нижегородскіе бояре предпочитали служить богатому и сильному московскому князю и измѣннически выдали довѣрившагося имъ князя Бориса. Василій Дмитріевичъ разослалъ семейство Бориса и его приверженцевъ по разнымъ городамъ. Князь Борисъ умеръ гдѣ-то въ ссылкѣ; тѣло его перевезли и погребли въ Суздалѣ.

Лѣтописи.—Акты историческіе.— Акты экспедиціи.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Борисъ Ѳеодоровичъ (*Годуновъ*), царь и великій князь всея Руси, род. около 1551 г., вступилъ на престолъ 21 февраля 1598 г., ум. 13 апрѣля 1605 г. Родъ Годуновыхъ, вмѣстѣ съ Вельяминовыми-Зерновыми и Сабуровыми, происходитъ отъ выѣзжаго изъ орды при Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ въ 1330 г. мурзы Чета, который крестясь принялъ имя Захарія; онъ былъ основателемъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря. Отецъ Бориса, Ѳеодоръ Ивановичъ былъ женатъ на Степанидѣ Ивановнѣ (въ иночествѣ Сундулія) и имѣлъ отъ нея, кромѣ Бориса, дочь Ирину, бывшую въ супружествѣ за Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, и сына Василія. Службу свою Борисъ началъ при особѣ царя: въ 1570 г. состоялъ при царскомъ саадакѣ (лукъ со стрѣлами); въ 1571 г. при бракѣ царя Іоанна съ Марѳою Васильевною Собакиной былъ дружкою, а нѣсколько ранѣе самъ женился на дочери страшнаго любимца царскаго, Григорія Лукьяновича Малюты Скуратова (изъ рода Бѣльскихъ), Маріи, что помогло его возвышенію, но способствовало развитію нерасположенія къ нему. Въ 1572 г., во время похода на шведовъ, онъ былъ въ рындахъ при царевичѣ; въ 1578 г. сдѣланъ крайчимъ и выигралъ мѣстническое дѣло съ княземъ Сицкимъ, что показываетъ, что по службѣ предковъ онъ не былъ новымъ человѣкомъ: дѣдъ его стоялъ по службѣ выше дѣда князя Сицкаго. Въ 1580 г. Грозный выбралъ въ невѣсты сыну своему Ѳеодору сестру Бориса, Ирину, а Борисъ тогда возведенъ былъ въ боярскій санъ. Говорятъ, что, защищая царевича Іоанна отъ грознаго царя, онъ былъ самъ израненъ, и лѣчилъ его торговый человѣкъ Строгановъ; царь, которому наговорили, что Борисъ притворяется, навѣстилъ и, удостовѣрясь въ болѣзни, наградилъ Строганова и наказалъ клеветниковъ. По смерти Іоанна, на престолъ вступилъ кроткій, но неодаренный ни разумомъ, ни волею Ѳеодоръ, женатый на сестрѣ Годунова. «Брещи чадъ своихъ», по сказанію лѣтописи, царь поручилъ князю Ив. Ѳ. Мстиславскому и Ник. Ром. Юрьеву; иностранцы прямо указываютъ на Романова, какъ на правителя, что и понятно при полномъ ничтожествѣ Мстиславскаго. Вотъ почему и сомнительно извѣстіе о назначеніи завѣщаніемъ Грознаго пятичленной думы, въ которой участвовалъ и Годуновъ; самаго

же завѣщанія не сохранилось. Слабость царя открывала широкій путь интригамъ и волненіямъ. Вообще, событія этого времени очень темны, ибо разсказы о нихъ противорѣчивы: знаемъ, что братъ царя, Димитрій былъ немедленно удаленъ въ Угличъ, назначенный ему удѣломъ; знаемъ, что Нагіе, родственники вдовствующей царицы, и многіе, кого «жаловалъ» Іоаннъ, были заключены въ темницу; знаемъ, что въ Москвѣ поднялось возстаніе, что требовали наказанія Бѣльскаго, котораго обвиняли въ смерти царя; волненіе было усмирено изгнаніемъ Бѣльскаго, но очевидно, что волненіе это не было направлено противъ Годунова, ибо Годуновъ тогда не имѣлъ первенствующей роли; едва ли можно допустить, что оно вызвано было и Годуновымъ: онъ умѣлъ выжидать и разсчитывать. Быть можетъ, волненіе объясняется ненавистью къ Бѣльскому, послѣднему любимцу Грознаго, которому, по нѣкоторымъ извѣстіямъ. царь поручилъ опеку младшаго своего сына. Чтобы укрѣпить царя, созванъ былъ земскій соборъ, и соборъ умолилъ его «не мѣшать» сѣсть на царство. Лишь только послѣ этого собора Ѳеодоръ вѣнчался на царство. Вскорѣ по царскомъ вѣнчаніи умеръ бояринъ Ник. Романовичъ Юрьевъ, дядя царя. Эта смерть дала возможность выдвинуться на первый планъ брату царицы; но чтобы вполнѣ упрочить свое положеніе, Годунову пришлось войти въ столкновеніе съ другими боярами, не желавшими уступить ему первенство: на сторонѣ Годунова стояли только его родственники; Мстиславскій, Шуйскій и др. составляли враждебную ему партію. Мстиславскій, впрочемъ, сначала, говорятъ, сблизился съ Годуновымъ, но Шуйскій склонилъ его на свою сторону. Въ 1585 г. Мстиславскій былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь за предполагаемое намѣреніе «извести» Годунова; думнаго дьяка Щелкалова удалось Борису перевести на свою сторону. Не всѣ враги Годунова были отстранены; оставались самые серьезные: Шуйскіе, за которыхъ стояли московскіе торговые люди, получившіе большую силу послѣ того, какъ Грозный обратился къ нимъ съ своимъ знаменитымъ посланіемъ изъ Александровской слободы. Открытая вражда торговыхъ людей заставила Годунова искать сближенія съ Шуйскимъ. Митрополитъ Діонисій былъ посредникомъ. Когда князь И. П. Шуйскій, выйдя на площадь кремлевскую, объявилъ собравшимся людямъ о своемъ примиреніи, выступили двое и сказались: «помирились вы есте нашими головами, а вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть». Въ ночь, говорятъ, и эти смѣльчаки были схвачены; дальнѣйшая ихъ участь неизвѣстна. Послѣ такого исхода дѣла, Шуйскіе склонили на свою сторону митрополита и уговорили его, вмѣстѣ съ ними, боярами, гостями и купеческимъ людомъ, умолять царя развестись съ своею неплодною супругою и выбрать другую. Годунову какъ-то удалось уговорить митрополита, и дѣло разстроилось. Шуйскихъ и ихъ приверженцевъ схватили, допрашивали, гостей пытали и наконецъ разослали по разнымъ мѣстамъ. Говорятъ, что князя И. П. и князя Андр. Ив. Шуйскихъ удавили въ мѣстѣ ихъ заточенія; митрополита Діонисія, обличавшаго Годунова передъ царемъ, а съ нимъ и крутицкаго архіепископа Варлаама, свели съ ихъ престоловъ; митрополитомъ былъ посаженъ ростовскій архіепископъ Іовъ. Теперь Годуновъ торжествовалъ надъ всѣми своими врагами: онъ достигъ такой власти, какой еще не имѣлъ ни одинъ подданный. Назывался онъ конюшимъ и ближнимъ великимъ бояриномъ, намѣстникомъ казанскимъ и астраханскимъ; званіе слуги, о которомъ говорится въ посольскомъ наказѣ въ Польшу: «то имя чеснѣе всѣхъ бояръ», получилъ онъ послѣ отраженія хана въ 1591 г. Правителемъ называетъ его патріархъ Іовъ; Палицынъ сравниваетъ его съ Іосифомъ; онъ принималъ иностранныхъ пословъ по-царски: такъ, цесарскій посолъ подходилъ къ его рукѣ, и кушанья посылались послу съ его стола; позволеніе переписываться съ иностранными государями получилъ онъ въ 1587 г. Бусовъ разсказываетъ, будто царь объявилъ Годунова правителемъ и для того надѣлъ на него золотую цѣпь; изъ нашихъ документовъ извѣстно, что послѣ отраженія крымцевъ царь пожаловалъ Годунову цѣпь; но болѣе ничего неизвѣстно. Доходы его (въ особенности когда онъ получилъ область Вагу, теперь Шенкурскъ, что было въ 1591 г.) были громадны (говорятъ болѣе 90 т. р.), и онъ могъ, будто бы, содержать до 100.000 ратниковъ на свои средства. Съ этихъ поръ политика московская есть политика Годунова, который держался политическихъ преданій временъ Грознаго. Изъ

внѣшнихъ сношеній самыми трудными были дѣла съ Польшею: когда Θеодоръ вступилъ на престолъ, былъ еще тамъ знаменитый Стефанъ Баторій, еще надменный своею побѣдою и простиравшій свои замыслы не только на Москву, но и на Византію, и для того имѣвшій пособія у папы и замышлявшій измѣнить государственный строй Польши; мечты о завоеваніи Москвы раздѣлялъ и канцлеръ его, Замойскій; съ другой стороны, іезуитъ Поссевинъ ставилъ иную цѣль: онъ предпочиталъ мирное дѣйствіе на Москву. Пробовалъ онъ и такой планъ: увѣрялъ русскихъ пословъ въ благосклонности папы, предлагая условиться объ избраніи Баторія въ цари на случай кончины Θеодора, указывая на возможность съ другой стороны избранія Θеодора въ короли (посольство Гарабурды); но объ этомъ въ Москвѣ и переговаривать не хотѣли, а на требованіе уступокъ областей отвѣчали: «теперь Москва не старая: надобно отъ Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской землѣ, а Вильнѣ». Кончились всѣ переговоры небольшимъ продленіемъ срока перемирія. Между тѣмъ Баторій умеръ (12 декабря 1586 г.), начались толки объ избраніи короля. Явились кандидатами Сигизмундъ, королевичъ шведскій, эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ и московскій царь, за избраніе котораго особенно стояли литвины. Въ Москвѣ рѣшено было стараться о пріобрѣтеніи сторонниковъ, но, по старому, стояли на томъ, чтобы не посылать пословъ на сеймъ, а ждать призыва, денегъ тоже не обѣщали. Тѣмъ не менѣе была серьезная надежда на выборъ: когда во избѣжаніе междоусобій выставлены были въ полѣ: шведская селедка, нѣмецкая шляпа и московская шапка, большинство избирателей оказалось подъ послѣднимъ знаменемъ; но выборъ не состоялся, какъ говорили паны (преимущественно литовскіе), «за вѣрою, да за пріѣздомъ, что государь вашъ нескоро пріѣдетъ». Изъ кандидатовъ восторжествовалъ Сигизмундъ. Въ Москвѣ (замѣчаетъ Соловьевъ) скоро поняли, что ревностный католикъ Сигизмундъ не оправдаетъ надеждъ на соединеніе Польши съ Швеціей. Вотъ почему рѣшились начать шведскую войну для возвращенія потерянныхъ областей, войну, на которую не рѣшались при жизни Баторія, опасаясь войны съ Польшею, почему съ Швеціею и было продолжено перемиріе; но въ 1590 г. возобновилась война: самъ царь ходилъ въ походъ; взяты Ямъ, Копорье, Ивангородъ; на миръ впрочемъ не сошлись, заключено было перемиріе; дѣло продолжало стоять въ неопредѣленномъ положеніи: то заключались новыя перемирія, то дѣлались набѣги, преимущественно со шведской стороны; когда же умеръ король Іоаннъ и вступилъ Сигизмундъ, тогда, въ виду непопулярности Сигизмунда въ Швеціи и происковъ противъ него дяди его Карла, дѣло уладилось: заключено было сначала перемиріе, а потомъ миръ (въ 1595 г. у Тявзина, близъ Ивангорода), по которому Россія получила все ею занятое и, сверхъ того, Корелу и половину Лапландіи. Сношеній съ Сигизмундомъ, который тогда еще былъ и въ Польшѣ не особенно проченъ, важныхъ не было. Сношенія съ цесаремъ были оживленныя: сначала искали изъ Москвы союза противъ Польши, потомъ помогали освобожденію Максимиліана изъ плѣна, когда, явившись въ Польшу претендентомъ, онъ былъ разбитъ Замойскимъ. Потомъ самъ цесарь просилъ и получилъ пособіе на войну съ турками: ему высылали мѣхами. Съ англичанами сношенія были торговыя: для англичанъ они были важны, что видно уже и изъ того, что другой народъ хотѣлъ перебить у нихъ торговлю. Годуновъ явился сторонникомъ англичанъ, особенно послѣ того, какъ королева написала письмо къ царицѣ Иринѣ, а въ тоже время и къ нему, называя его «добрымъ и любимымъ родственникомъ». Въ 1587 г. англичане получили привиллегію на торговлю, но только не оптомъ и своимъ товаромъ; дома по городамъ на пути въ Москву они сохранили за собою, но притязанія англійской компаніи не допускать къ Архангельску кораблей не только другихъ народовъ, но и англичанъ, не членовъ компаніи, было отвергнуто: «которую дорогу—писалъ царь Елизаветѣ, Богъ устроилъ, великое море Океанъ, какъ затворяти». Такимъ образомъ, хотя англичане и получили все, что согласовалось съ выгодами государства, но на пробы эксплуатаціи встрѣтили сильный отпоръ. Отношенія къ татарамъ были, по-старому, очень шатки и неопредѣленны, и здѣсь постарому московская дипломатія выказывала свои способности; но набѣги крымцевъ почти не прерывались; возбуждали они противъ Россіи и черемисъ, бунтъ

которыхъ былъ впрочемъ усмиренъ, и ногаевъ. Одно время междоусобіе въ Крыму дало спокойствіе Россіи съ этой стороны, и даже претенденты на ханское достоинство нашли убѣжище въ Россіи. Много тогда сдерживали татаръ набѣги запорожцевъ и донцевъ. Но въ 1591 г. ханъ Казы-Гирей, недовольный тѣмъ, что изъ Москвы не присылаютъ денегъ, и подстрекаемый шведскимъ королемъ, двинулся на Москву, когда войско было послано на шведовъ. Рѣшились защищаться въ Москвѣ; сюда стянута была рать, стоявшая на Окѣ; близъ Москвы устроили подвижное укрѣпленіе (Гуляй-Городокъ); посады обведены стѣною; ханъ, разбивъ передовой отрядъ, сталъ въ с. Коломенскомъ, а вечеромъ перешелъ на Воробьеву. Слухъ, что пришла рать изъ Новгорода, заставилъ его удалиться. Послѣ того отношенія съ Крымомъ оставались шаткими, хотя въ 1594 г. заключенъ былъ мирный договоръ. Съ Турціей сношенія были вызваны дѣломъ крымскимъ, а также столкновеніями между русскими казаками (донскими) и турецкими (азовскими), но сношенія эти не были особенно важны. Завоеваніе Астрахани приблизило Россію къ Кавказу; турки были недовольны появленіемъ русскаго города на Терекѣ, но христіанскіе закавказскіе владѣтели обратили взоръ на приблизившуюся къ нимъ христіанскую державу и вошли съ нею въ сношенія: въ 1586 г. иверійскій царь Александръ, тѣснимый турками и персіанами, предложилъ свое подданство; ему послали духовныхъ учителей, огнестрѣльные снаряды, возобновили терскую крѣпость, но должной помощи оказать не рѣшились. Послали только противъ тарховскаго Шевхана князя Хворостинина: онъ взялъ Тарки, но остаться тамъ не былъ въ силѣ. Завязывались сношенія съ Персіей, но не имѣли результатовъ. Дѣла на сѣверо-востокѣ шли еще успѣшнѣе: бунтъ черемисъ былъ усмиренъ, а построеніе новыхъ городовъ, Цивильска, Уржума, Санчурска и др., навсегда обезпечили этотъ край за Россіей. Города строились и по Нижней Волгѣ: Саратовъ, Царицынъ; привлекалось населеніе на земли, раздаваемыя помѣщикамъ. Также успѣшно шли дѣла и въ Сибири: по смерти Ермака Кучумъ засѣлъ было въ своей столицѣ; его выгналъ князь Сейдякъ; въ 1685 г. явился воевода Мансуровъ и, разбивъ остяковъ, заставилъ ихъ покориться Москвѣ. Онъ построилъ Тюмень, а въ 1587 г. Тобольскъ; Кучумъ, сидѣвшій въ Барабинской степи, былъ разбитъ въ 1598 г., бѣжалъ и погибъ въ степи. Пришлось оружіемъ усмирять и другихъ князьковъ; но дѣйствительнѣе было строеніе новыхъ городовъ и поселеніе въ нихъ русскихъ людей. Такъ, кромѣ названныхъ, построены: Пелымъ (1593), Березовъ (1593), Сургутъ (1593), Тара (1594), Нарымъ (1596), Кетскій острогъ (1596). Вообще Годуновъ ограждалъ твердынями предѣлы государства; кромѣ указанныхъ городовъ построены еще: новая стѣна въ Москвѣ— Бѣлый городъ (по линіи теперешнихъ бульваровъ) въ 1586; въ 1584 г. Архангельскъ, тогда же заложенъ Яицкъ (Уральскъ)— гроза ногаевъ; въ 1586 г. Воронежъ, въ 1589 г. построена крѣпость въ Астрахани; въ 1596 г.—въ Смоленскѣ. Мудро поддерживая преданія московской политики, не упуская изъ виду ни одного изъ намѣченныхъ прежнимъ временемъ вопросовъ, пользуясь—какъ напр. въ шведской войнѣ—обстоятельствами, чтобъ загладить понесенныя потери, Годуновъ старался однако миновать войнъ и тѣмъ залечить раны, нанесенныя послѣдними годами Грознаго—войною съ Баторіемъ. Русскимъ посламъ въ Литвѣ такъ было велѣно говорить о Годуновѣ: «Это человѣкъ начальный въ землѣ, вся земля отъ государя ему приказана, и строеніе во всей землѣ такое, какого никогда не бывало, городъ каменный въ Москвѣ и въ Астрахани подѣлалъ, что ни есть земель въ государствѣ, всѣ сохи въ тарханахъ, во льготѣ, даній никакихъ не берутъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, городовые всякія дѣла дѣлаютъ изъ казны наймомъ, а плотниковъ устроено 1000 чел.». Конечно, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, мы не можемъ вѣрить, чтобы подати совсѣмъ не брали, но очевидно, что облегченія были значительны. Говорятъ, что къ этому времени относится важное измѣненіе въ отношеніяхъ сословій—прикрѣпленіе крестьянъ; но точныя изслѣдованія (Погодинъ, Ключевскій) доказали, что здѣсь существуетъ важное недоразумѣніе: крѣпостное право было утверждено жизнію, а не законодательнымъ актомъ, какъ думали мы. По мнѣнію Ключевскаго, пятилѣтній срокъ сыска установленъ былъ для тѣхъ крестьянъ, которые вышли «побѣгомъ», т. е. не исполнивъ законныхъ условій. Самымъ важнымъ измѣненіемъ во внутреннемъ состояніи Россіи въ эту пору

было учрежденіе патріаршества, бывшее естественнымъ послѣдствіемъ царскаго вѣнчанія и главной мысли того вѣка, что русское царство—единственное независимое православное царство—должно замѣнить собою погибшую Византійскую имперію. Собственно еще со времени избранія въ митрополиты св. Іоны, вмѣсто измѣнника православію Исидора, митрополиты московскіе выбирались и ставились въ Москвѣ безъ поѣздки въ Царьградъ. Но въ Москвѣ хотѣли, чтобы независимость на дѣлѣ была и независимостью по праву, и чтобы эта независимость скрѣпилась новымъ титуломъ, который соотвѣтствовалъ бы достоинству новаго царства. Съ этою цѣлью велись переговоры съ пріѣзжавшими за милостынею патріархами: антіохійскимъ Іоакимомъ и константинопольскимъ Іереміею. Переговоры съ послѣднимъ велъ въ значительной степени самъ Годуновъ. Переговоры кончились тѣмъ, что московскій митрополитъ Іовъ былъ поставленъ въ патріархи (26-го января 1589), а затѣмъ учреждены четыре митрополіи: крутицкая, новгородская, казанская и ростовская. Новый титулъ былъ вскорѣ признанъ и другими патріархами. Въ 1591 г. въ царскомъ семействѣ совершилось роковое событіе, имѣвшее сильное вліяніе на судьбы Россіи: въ Москвѣ узнали, что въ Угличѣ 15-го мая погибъ царевичъ Димитрій, и что угличане, заподозря въ убійствѣ нѣсколько лицъ, избили ихъ. Для изслѣдованія посланы были изъ Москвы крутицкій митрополитъ Геласій, князь В. В. Шуйскій, А. Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. При этомъ слѣдствіи большинство допрошенныхъ показали, что царевичъ закололся самъ, играя ножемъ въ тычку. Когда о результатѣ слѣдствія было донесено, то родственниковъ Нагихъ сослали въ дальніе города, царицу постригли, угличанъ частью казнили, частью сослали въ Пелымъ. Въ народѣ упорно ходилъ слухъ, что убійство устроилъ Годуновъ, какъ послѣ обвинили его въ томъ, что ханъ былъ вызванъ имъ для нападенія на Москву, что онъ былъ виновникомъ смерти Ѳедора, сестры своей Ирины. Слухъ о насильственной смерти царевича и кое-что и изъ другихъ толковъ проникли въ лѣтописныя сказанія. Большинство новыхъ историковъ принимаютъ эти извѣстія; только немногіе (Погодинъ, Арцыбашевъ, Устряловъ «Сказ. Совр.», Краевскій, Бѣловъ) вѣрятъ слѣдствію. Карамзинъ, въ «Исторіи» обвинившій Бориса, въ «Историческихъ Воспоминаніяхъ на пути къ Троицѣ» говоритъ: «Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою». Вообще вопросъ о Димитріи требуетъ внимательнаго изслѣдованія, такъ много въ немъ темноты. Кончиною Димитрія не пресѣклись надежды къ продолженію дома Калиты: въ 1592 г. родилась у царя дочь Ѳеодосія, которая скончалась въ слѣдующемъ году. Мужское колѣно представлялъ слабый царь, а женское—несчастная королева ливонская Марія Владиміровна: ее заманили въ Москву и постригли. Въ концѣ 1597 г. заболѣлъ царь и скончался 7-го января 1598 г. Умирая, онъ, говорятъ, сказалъ: «Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ, какъ ему угодно, такъ и будетъ». По кончинѣ царя Ѳеодора правительство дѣйствовало именемъ царицы Ирины; но она сама удалилась въ Новодѣвичій монастырь, куда переселился и братъ ея. Первенствующимъ человѣкомъ остался патріархъ Іовъ; онъ взялъ на себя заботу о выборѣ царя и, конечно, употребилъ всѣ усилія на то, чтобы былъ выбранъ Борисъ, котораго онъ считалъ своимъ благодѣтелемъ; но у Годунова были и враги. Сначала уговаривали царицу, очевидно, для вида, потомъ стали просить Бориса, но онъ требовалъ, чтобы собрался земскій соборъ, желая закрѣпить свою власть согласіемъ земли и, можетъ быть, въ виду требованія бояръ, желавшихъ, по извѣстію, сохраненному Татищевымъ, ограничить его условіями. 17-го февраля 1598 г. выборные, въ числѣ 457 чел., собрались къ патріарху; между выборными многочисленнѣе другихъ было духовенство, зависѣвшее отъ патріарха, и служилые люди, болѣе всего московскіе, расположенные къ Борису. Соборъ постановилъ: «неотложно бить челомъ государю Борису Ѳеодоровичу, а опричь государя Бориса Ѳеодоровича на государство никогоже не искати». Патріархъ прославлялъ Бориса въ витіеватыхъ рѣчахъ, въ которыхъ поминались и милость къ нему царя Іоанна, и заслуги его при Ѳеодорѣ. Соборъ постановилъ также, чтобы патріархъ наложилъ клятву и отлу-

чилъ отъ церкви на всякого, кто захотѣлъ бы искать иного государя. 21 февраля выбранные отправились къ Борису; послѣ нѣсколькихъ отказовъ, необходимыхъ по тогдашнему этикету, онъ согласился. Не знаемъ, что сдѣлалъ Борисъ, чтобы примирить съ своимъ избраніемъ кн. Шуйскихъ, но извѣстно, что Ѳ. Н. Романову онъ далъ клятву «всею братію и царству помогателя имѣти». Кн. І. И. Шуйскій былъ женатъ на сестрѣ супруги Бориса, а И. Н. Годуновъ на сестрѣ Ѳ. Н. Романова. Въ воскресеніе на масляницѣ Борисъ торжественно въѣхалъ въ Кремль, помолился въ соборѣ и снова на весь постъ удалился въ Новодѣвичій монастырь. Присягали новому царю по записи, въ которой подробно исчислены, между прочимъ, разные способы покушенія волшебствомъ на жизнь и здоровье государя и его семейства, отстраняли конечно «исканіе иного государя»; въ частности указывали на царя Симеона, тогда уже слѣпого, котораго Грозный нѣкогда провозгласилъ великимъ княземъ тверскимъ. 30-го апрѣля царь переѣхалъ въ Кремль, но вѣнчаніе на царство было отложено: слухи о нашествіи крымцевъ заставили Бориса выступить изъ Москвы (2-го мая) во главѣ 50000 чел., и остановиться въ Серпуховѣ. Здѣсь онъ угощалъ ратныхъ пышными пирами, дарилъ драгоцѣнными тканями; ратные, видя отъ него къ себѣ такую милость, были довольны, «чаяху и впредь себѣ отъ него такого жалованія». Вмѣсто хана, однако, московская рать увидѣла крымскаго посла, котораго устрашила видомъ многочисленнаго войска и отпустила съ дарами. Возвратясь въ Москву, царь былъ встрѣченъ рѣчью патріарха: «радуйся и веселися, Богомъ избранный и Богомъ возлюбленный, и Богомъ почтеный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводяй стадо свое именитое начальнику Христу Богу нашему». 1-го августа патріархъ собралъ у себя бояръ, дворянъ, служилыхъ людей и гостей и самъ говорилъ имъ объ обязанности вѣрою служить государю; собравшіеся обѣщали это дѣлать, и тутъ же составлена была утвержденная грамота. 1-го сентября, въ день новаго года, Борисъ вѣнчался на царство. При этомъ обрядѣ поразили современниковъ слова царя, произнесенныя имъ послѣ рѣчи патріарха: «се, отче великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ». И потрясая воротъ своей сорочки, царь прибавилъ: «и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми». Слова эти умилили присутствующихъ. Положеніе Годунова на престолѣ было очень шатко и трудно: бояре не забыли и не могли забыть того, что еще недавно онъ былъ съ ними равенъ: многіе изъ нихъ считали свои права на престолъ сильнѣе его правъ; не могли забыть и того, что члены ихъ родовъ были погублены имъ еще при Ѳеодорѣ; еще при Ѳеодорѣ начали распространяться непріязненные о немъ слухи, и, конечно, и въ другихъ слояхъ населенія были люди, нерасположенные къ нему, готовые вѣрить всѣмъ тѣмъ слухамъ. Этимъ въ значительной степени объясняется стараніе Бориса привлечь на свою сторону низшихъ служилыхъ людей и вообще другіе слои населенія. Соловьевъ говоритъ, что онъ остался бояриномъ на престолѣ и ничего не забылъ, что въ прежнихъ записяхъ онъ высказалъ слишкомъ много подозрительности, что подозрительность эта неприлична для народнаго избранника. Но подозрительность эта оправдывается не только тѣмъ, что Годуновъ ясно сознавалъ, въ какія отношенія становятся къ нему бояре, но еще и тѣмъ, что онъ хорошо зналъ, что его избраніе было въ значительной степени подготовлено. Быть можетъ, у Годунова не было геніальности, но безъ сомнѣнія онъ былъ правитель умный, воодушевленный лучшими стремленіями: онъ вышелъ изъ школы Грознаго, понималъ важность внѣшнихъ сношеній, чувствовалъ потребность въ просвѣщеніи, не только по примѣру Грознаго, но и по собственному опыту, чувствовалъ необходимость недопустить боярскаго самовластія. Въ этомъ то въ особенности онъ встрѣтилъ причину своей гибели, чему много помогли неблагопріятныя обстоятельства. Для остальныхъ слоевъ общества онъ старался быть какъ можно болѣе милостивымъ: щедро одарялъ ратныхъ людей; купцамъ дозволено два года торговать безпошлинно; въ Новгородѣ уничтожены царскіе кабаки; инородцы освобождены отъ ясака; многіе опальные люди помилованы. Въ 1601 г. низшимъ разрядамъ служилыхъ людей дозволено было перевозить крестьянъ, за исключеніемъ московскаго уѣзда. Палицынъ, нелюбившій Годунова, говоритъ однако: «царь Борисъ о всякомъ

благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся, по словеси же своему о бѣдныхъ и нищихъ промышляше, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше; злыхъ же людей люто изгубяше и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть». Вѣрный преданіямъ Грознаго, Борисъ покровительствовалъ иностранцамъ: нѣмцамъ, поселившимся въ Москвѣ, дозволилъ полную свободу богослуженія; милостиво принималъ вновь пріѣзжающихъ иностранцевъ и надѣлялъ ихъ помѣстьями. Онъ думалъ завести въ Москвѣ высшую школу, гдѣ учили бы иностранцы, но въ этомъ отношеніи встрѣтилъ, какъ говорятъ, препятствіе въ духовенствѣ. Тогда отправлено было за границу нѣсколько молодыхъ людей, которые тамъ и остались. Сыну онъ желалъ дать образованіе: мы имѣемъ въ латинской передѣлкѣ карту Россіи, рисованную Ѳеодоромъ Борисовичемъ. Говорятъ, что въ угоду царю «старіе мужи брады свои сострizaху, а юноши премѣняхусе». Во внѣшнихъ дѣлахъ Борисъ слѣдовалъ старой политикѣ. Ливонія не упускалась имъ изъ виду; но онъ хотѣлъ пріобрѣсти ее не войной, а мирными переговорами, и, конечно, не достигъ цѣли, хотя обстоятельства были благопріятны, ибо шведы, отстранивъ Сигизмунда, выбрали дядю его, герцога Зюдерманландскаго Карла; возгорѣлась война между дядею и племянникомъ, но Борисъ не сталъ на сторонѣ Карла и ждалъ подданства Ливоніи; онъ вызвалъ въ Москву соперника обоихъ враждующихъ королей, Густава сына Эрихова, котораго хотѣлъ, какъ Іоаннъ Магнуса, сдѣлать васальнымъ королемъ Ливоніи и женить на своей дочери; но Густавъ не хотѣлъ отказаться ни отъ своей вѣры, ни отъ своего образа жизни и былъ сосланъ въ Угличъ (онъ умеръ въ 1607 г. въ Кашинѣ). Еще Густавъ былъ въ Москвѣ, какъ прибыло польское посольство, во главѣ котораго стоялъ канцлеръ Левъ Сапѣга. Поляки предложили вѣчный миръ, союзъ оборонительный и даже указывали возможность избранія царя въ короли; требовали свободы католицизма въ Москвѣ, свободы переѣзда изъ одного государства въ другое; въ Москвѣ требовали уступки Ливоніи. Кончили заключеніемъ перемирія на 20 лѣтъ; посланные изъ Москвы послы едва добились утвержденія этого договора. Сношенія съ цезаремъ были неважны: хотѣли вооружить его противъ Польши, но это не удалось; сношенія съ Англіей тоже не особенно важны; но Ганзейскимъ городамъ удалось получить жалованную грамоту, а Любекъ добился сбавки пошлинъ; послы отъ папы просили пропуска въ Персію, а съ Тосканою сносились о вызовѣ художниковъ въ Россію. Важнѣе были сношенія съ Даніей, начавшіяся подъ предлогомъ опредѣленія границъ съ Норвегіей и Лапландіей; во время переговоровъ заявлено было желаніе царя выдать дочь свою за датскаго королевича. Началась переписка по этому вопросу. Спорили о томъ, будетъ ли королевичъ имѣть свободу вѣроисповѣданія въ отведенномъ ему удѣлѣ. Наконецъ русское правительство уступило въ этомъ отношеніи, а въ августѣ 1602 г. королевичъ прибылъ въ русскіе предѣлы. Встрѣча ему была торжественная; въ Москвѣ честили его еще болѣе. Отъ неумѣренности въ столѣ королевичъ захворалъ и скончался (29 октября 1602 г.), и его смерть молвою приписывалась Борису. Сношенія на югѣ и востокѣ занимали царя не менѣе сношеній съ западомъ: ханъ крымскій былъ стѣсненъ участіемъ въ войнахъ султана, а также поставленіемъ городковъ въ степяхъ и нападеніемъ Донскихъ казаковъ. Съ Турціей сношеній не было; но изъ Москвы помогали деньгами молдавскому господарю, воевавшему съ султаномъ. Шахъ Аббасъ былъ въ дружныхъ отношеніяхъ съ Годуновымъ и даже прислалъ ему въ даръ царскій престолъ; но въ Грузіи русскіе интересы столкнулись съ персидскими, и персіане восторжествовали: царь Александръ, по совѣту изъ Москвы, хитрилъ предъ шахомъ и даже позволилъ сыну своему Константину принять исламъ; этому же Константину шахъ велѣлъ убить отца, будто за сношенія съ Турками, а въ самомъ дѣлѣ за сношенія съ Москвою. Въ Дагестанѣ русскіе укрѣпились было въ Таркахъ, но турки вытѣснили ихъ оттуда, а кумыки перерѣзали на обратномъ пути. Въ Сибири по смерти Кучума правительство заботилось о постройкѣ новыхъ городовъ (въ 1598 г. Верхотурье, въ 1601 г. Мангазея и Туринскъ, въ 1604 г. Томскъ), о вызовѣ населенія и снабженіи его припасами. Съ 1600 г. замѣтно усиливается подозрительность Царя, и принимаются строгія мѣры противъ многихъ

бояръ. Едвали не вѣрно показаніе Маржерета, что въ то время начались темные слухи, будто Димитрій живъ. Первою жертвою Борисовой подозрительности былъ Богданъ Бѣльскій. Царь послалъ его на украину строить Борисовъ городъ (въ теперешней харьковской губерніи, въ изюмскомъ уѣздѣ); Бѣльскій былъ очень щедръ къ ратнымъ людямъ; говорятъ даже, будто онъ твердилъ: Царь Борисъ на Москвѣ, а я въ Борисовѣ. Его вызвали въ Москву, «позорили многими позоры» и сослали въ заточенье. И у русскихъ, и у иностранцевъ мы находимъ свидѣтельства, что въ это время въ особенности развились доносы, и что правительство поощряло наградами слугъ и холопей, доносившихъ на своихъ господъ. Такой доносъ былъ сдѣланъ на Романовыхъ казначеемъ Александра Никит., Бортеневымъ. Романовыхъ обвинили въ храненіи отравнаго зелья. Едва-ли дѣло въ зельи; существуютъ указанія совершенно на другое; но пока еще дѣло неясно. Зелье нашли у Александра Романова. Романовыхъ и ихъ родственниковъ допрашивали, иныхъ даже пытали. Въ 1601 г. состоялся приговоръ о ссылкѣ Романовыхъ и ихъ родственниковъ, при чемъ Ѳедоръ Никитичъ постригся подъ именемъ Филарета въ Сійскомъ монастырѣ; жену его тоже постригли подъ именемъ Марѳы и сослали въ заонѣжскіе погосты, дѣтей ихъ, Михаила и сестру его, послѣ умершую, съ семьей ихъ родственника кн. Б. Черкасскаго и теткой Анастасіей Никитичной—въ Бѣлоозеро; другихъ разослали по разнымъ городамъ и волостямъ. Подозрѣніе падало и на другихъ лицъ: князьямъ В. Шуйскому и Мстиславскому запрещено было жениться; лицъ, посѣщавшихъ Шуйскихъ, допрашивали; мать царевича Димитрія, Марѳа была послана подалѣе. Въ 1601 г. страшное бѣдствіе посѣтило Россію: начался голодъ. Отъ сильныхъ дождей, продолжавшихся все лѣто, хлѣбъ не созрѣлъ, а на Успенье случился морозъ, и рожь, и овесъ погибли. Люди мерли отъ голода, питаясь чѣмъ попало, ѣли, говорятъ, даже человѣческое мясо. Царь раздавалъ милостыню, приказалъ продавать хлѣбъ по низкой цѣнѣ, призывалъ на казенныя работы: строили каменныя палаты въ Кремлѣ, какъ раньше, съ цѣлію дать работу бѣднымъ; построена была въ Москвѣ Ивановская колокольня (1600 г.). Всѣ эти мѣры оказались недѣйствительными: въ Москву скопилось такъ много народу, что помочь не было возможности; смертность увеличилась; начался моръ — холера. Царь послалъ отыскивать запасы отъ прежнихъ годовъ; привезли ихъ въ Москву и въ другіе города, привезли хлѣбъ изъ-за границы; но бѣдствія прекратились только съ урожаемъ 1604 г. Въ одной Москвѣ умерло, говорятъ, до 500 т. чел. Въ этотъ голодъ многіе служилые люди распустили своихъ холопей, многіе бѣжали сами; если прибавить еще холопей опальныхъ бояръ, которые тоже разбѣжались, то получимъ массу бездомовниковъ. Изъ нихъ начали образовываться шайки, которыя грабили подъ самою Москвою и даже убили царскаго воеводу Басманова; но атаманъ ихъ Хлопко былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Посреди этихъ бѣдствій и возрастающаго ропота разнесся слухъ, будто Димитрій живъ; если эти слухи прежде и носились, то какъ-то неопредѣленно, а въ началѣ 1604 г. въ Москвѣ уже достовѣрно знали, что человѣкъ, называющійся этимъ именемъ, явился въ Польшѣ. Первыя извѣстія о немъ получены были съ разныхъ сторонъ: въ Ивангородѣ было перехвачено письмо о предполагаемомъ походѣ; а Семенъ Годуновъ, настигнутый казаками у Саратова, отъ нихъ услышалъ вѣсть о Димитріи. Можно думать, что въ Московскомъ государствѣ было немало людей, враждебныхъ царю и желавшихъ успѣха врагу Годунова. Кто онъ былъ, и кто поддержалъ его первые шаги, до сихъ поръ неизвѣстно; Соловьевъ высказывалъ предположеніе, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Предположеніе это согласно и съ характеромъ, и съ образомъ дѣйствій будущаго царя. Онъ появился монахомъ у кн. К. К. Острожскаго, отъ него перешелъ къ протестантамъ Гойскимъ, и оттуда къ кн. Ад. Вишневецкому, которому и объявилъ себя. Кн. Адамъ черезъ брата своего Константина, женатаго на дочери Юр. Мнишка, воеводы сандомірскаго, ввелъ его къ этому пану, въ дочь котораго, Марину онъ и влюбился. У Мнишка онъ началъ набирать рать изъ шляхты, вошелъ въ сношенія съ запорожцами и донцами. Когда онъ пріѣхалъ въ Краковъ, имъ овладѣли ксендзы, а въ особенности іезуиты; еще прежде у Мнишка слышалъ онъ, что безъ помощи ксендзовъ

ничего не сдѣлаетъ, и потому вошелъ въ сношенія съ нунціемъ. Получивъ его обѣщаніе принять католицизмъ, нунцій представилъ его королю, который далъ ему помощь деньгами, обѣщавъ не мѣшать набирать рать; но дѣятельной помощи не обѣщалъ: она зависѣла отъ сейма. Затѣмъ (17 апрѣля) Лжедимитрій перешелъ въ католицизмъ, но, кажется, никогда серьезно не смотрѣлъ на этотъ переходъ. За помощь онъ обѣщалъ Польшѣ отдать Смоленскъ, Сѣверскую землю и ввести католицизмъ въ Россіи. Когда же, возвратясь къ Мнишку, онъ посватался за Марину, то долженъ былъ обѣщать и ей большую сумму, Новгородъ и Псковъ. Мнишекъ набралъ тысячи три, явились запорожцы и донцы съ атаманомъ Корелою, всего около 7,000 вступило въ русскіе предѣлы. Начиная съ пограничаго Моровска, сдавались города сѣверскіе, кромѣ Новгорода, который отстаивалъ П. Ѳ. Басмановъ. Хотя повстанцамъ удалось разбить Мстиславскаго, но поляки, не получая денегъ, начали оставлять войско. Борисъ послалъ князя В. Шуйскаго, который разбилъ повстанцевъ подъ Добрыничемъ (сѣвскаго уѣзда, орловской губерніи); но воеводы медлили, осаждали Рыльскъ, Кромы, а врагъ Годунова усилился. Царь прислалъ выговоръ; «вся рать оскорбѣша, и многіе начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти», говоритъ лѣтописецъ. Недовольство послышалось и въ другихъ городахъ: роптали въ Смоленскѣ. Посреди этихъ обстоятельствъ, 13 апрѣля 1605 г. царь Борисъ внезапно скончался (онъ постриженъ подъ именемъ Боголѣпа). Говорили, что онъ отравился. Тѣло его, похороненное въ Архангельскомъ соборѣ, при Растригѣ было перевезено въ Варсонофьевъ монастырь (бывшій на Срѣтенкѣ), а при Шуйскомъ въ Троицкую лавру, гдѣ и до сихъ поръ покоится вмѣстѣ съ остальными членами семьи. Сынъ его Ѳедоръ и жена Марія были удушены послѣ измѣны Басманова; дочь Ксенія, сначала оставшаяся во дворцѣ, послѣ была пострижена подъ именемъ Ольги (ум. въ 1622 г.). Замѣчательное сужденіе о Борисѣ находимъ мы у князя Катырева-Ростовскаго, не очень его любившаго: «Мужъ зѣло чюденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, вельми благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣя и многая дивная о себѣ творяше, едино же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе—ко врачемъ (т. е. гадателямъ) сердечное прилежаніе и ко властолюбію несытое желаніе и на преже бывшихъ ему по убіеніи имѣя дерзновеніе, отъ сего же возмездіе воспріятъ» (въ хронографѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кубасовскаго).

Новый лѣт. (въ трехъ спискахъ: Ник. лѣт., О мят., Нов. лѣт.; послѣдній изд. кн. Оболенскимъ).—«Житіе ц. Ѳеодора» (Ник. VII).—Пск. (П. С. Р. Л. IV).—Палицынъ.—«Хронографы» (въ «Изборникѣ» Попова).—«Памятники древн. письменности, относящіеся къ Смутному времени» («Русск. Ист. Библ.», XIII) и др.—Иностранцы: Масса (въ изд. Арх. Ком.), Буссовъ, Маржеретъ (въ «Сказ. Соврем. о Димитріи Самозванцѣ», гдѣ Буссовъ названъ Беромъ), Петрей (въ Чт. Общ. ист. 1865—67), Смитъ (въ русск. переводѣ; изд. 1893 г.) и др.—Акты: «Собр. Грам.», II, «Акты Эксп.» I, «Актъ ист.» I, «Доп. къ Акт. ист.» I, «Пам. Дипл. снош.» I.—Пособія: Миллеръ («Ежем. Сочин.». 1761 г.), Щербатовъ, VI, Карамзинъ, X, XI, Арцыбашевъ, кн. V, Соловьевъ, VII, VIII, Бутурлинъ: «Исторія Смутнаго времени» I, Костомаровъ: «Смутное время» I, Спб. 1868 г.; Павловъ: «Объ ист. знач. царств. Бориса Годунова» М. 1850; С. Ѳ. Платоновъ: «Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени» (Спб. 1888 г.); указанія на источники въ моей статьѣ: «Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна» (Ж. М. Н. Пр. 1887 г., №№ 7, 8).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Предшествующій обстоятельный очеркъ дѣятельности Бориса Ѳедоровича Годунова былъ составленъ покойнымъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ 80-хъ годахъ и пересмотрѣнъ имъ въ серединѣ 90-хъ годовъ. Пересмотръ коснулся, главнымъ образомъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣчь шла о названномъ царевичѣ Димитріи. Покойный ученый, какъ извѣстно, въ концѣ своей жизни сталъ допускать возможность того, что подъ именемъ Димитрія царствовалъ въ 1605—1606 гг. настоящій сынъ Грознаго, спасенный отъ покушенія въ Угличѣ. Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ и былъ редактированъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ конецъ его статьи, при чемъ самое слово «самозванецъ», нѣсколько разъ употребленное раньше, было имъ уничтожено. Прошло всего нѣсколько лѣтъ, и въ текстъ статьи ея авторъ, если бы онъ былъ живъ, могъ бы внести новыя перемѣны, въ зависимости отъ новыхъ научныхъ находокъ и работъ. За его смертью возможныя дополненія предлагаются въ нижеслѣдующемъ особомъ очеркѣ.

Совершенно справедливо сомнѣвался К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ томъ, что

Грозный завѣщалъ опеку надъ его сыномъ Өеодоромъ «пятигласной» думѣ, въ которой принималъ участіе и Б. Годуновъ. Годуновъ не игралъ видной роли до предсмертной болѣзни Н. Р. Юрьева, т. е., до конца 1584 года, и, по вѣроятнѣйшему свидѣтельству Льва Сапѣги, московская смута, бывшая въ апрѣлѣ 1584 г., разыгралась между Богданомъ Бѣльскимъ съ одной стороны и Н. Р. Юрьевымъ, Мстиславскимъ и Шуйскимъ—съ другой стороны. Только тогда, когда умиравшій Никита Романовичъ ввѣрилъ Борису попеченіе о своей семьѣ и взялъ съ него какую-то «клятву» на вѣрность «завѣщательнаго союза дружбы» съ молодыми Романовыми, Борисъ сталъ во главѣ боярскаго круга, въ которомъ важное значеніе имѣли и дьяки Щелкаловы. Поддержанный этимъ кругомъ, Годуновъ «осилилъ» Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Головиныхъ и къ лѣту 1587 г. сталъ сильнѣйшимъ человѣкомъ во дворцѣ и государствѣ. Онъ не только титуловался «правителемъ» царства, но получилъ «правительство» и формально, въ цѣломъ рядѣ приговоровъ думы, которыми ему было усвоено право участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными дворами въ качествѣ высшаго правительственнаго лица. Такіе приговоры состоялись въ 1588—1589 гг. и превратили Бориса въ регента государства; а сложный этикетъ, заведенный Борисомъ при его собственномъ «дворѣ», и окончательно закрѣпилъ за нимъ исключительное правительственное положеніе. Борисъ принималъ пословъ, какъ принималъ ихъ государь, и переписывался съ иностранными правительствами, какъ офиціальный руководитель московской политики. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Өеодора Іоанновича, такимъ образомъ, было временемъ формальнаго правленія Бориса, а не одного только его придворнаго фавора.

Не трудно, поэтому, представить себѣ, какими средствами правительственнаго вліянія могъ располагать Борисъ, когда открылась въ Москвѣ борьба за престолъ въ 1598 г., послѣ кончины царя Өеодора Іоанновича и отреченія отъ царства его вдовы. По офиціальному свидѣтельству, не было даже и попытокъ искать кого-либо въ государи мимо Бориса, предложеннаго патріархомъ Іовомъ на первомъ же собраніи земскаго собора. Частныя московскія извѣстія говорятъ о томъ, что Борисъ былъ избранъ единодушно, съ одной стороны потому, что народъ видѣлъ его разумное правленіе, а съ другой—потому, что онъ умѣлъ устроить свое избраніе, однихъ ульстивъ, другихъ подкупивъ, третьихъ застращавъ. Одна же лѣтопись XVII вѣка прямо заявляетъ, что князья Шуйскіе «единые» не хотѣли избранія Бориса. Къ этимъ старымъ сообщеніямъ въ послѣдніе годы присоединились новыя данныя объ обстоятельствахъ избранія Бориса. Прежде всего, остроумныя изысканія проф. Ключевскаго открыли дѣйствительный составъ московскаго представительства въ XVI вѣкѣ и показали, что составъ земскаго собора 1598 г. слѣдуетъ считать правильнымъ и полнымъ. Это устранило вопросъ о грубой подтасовкѣ состава избирательнаго собора «рачителями» Бориса. Затѣмъ польскія письма Андрея Сапѣги къ Радзивилу и нѣмецкія письма, относящіяся къ 1598 г. и изданныя въ недавніе годы (гг. Прохаскою и Щербачевымъ), дали неожиданно цѣнныя свѣдѣнія объ избирательной борьбѣ 1598 г. Сопоставляя ихъ данныя съ тѣмъ, что было извѣстно ранѣе, мы убѣждаемся, что противниками Бориса въ избирательной кампаніи были не Шуйскіе, а Романовы и Б. Бѣльскій, и что борьба за престолъ велась не только въ первыя недѣли послѣ кончины царя Өеодора, но и въ продолженіе всей весны 1598 г., уже послѣ того, какъ Борисъ былъ нареченъ царемъ. Когда не удалось направить выборъ земскаго собора на другое лицо, помимо Годунова, противники Бориса вспомнили о существованіи бывшаго когда-то во власти «великаго князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича и выдвинули его имя противъ Бориса. Послѣдствіемъ этой интриги была новая редакція присяги на вѣрность Борису: въ текстъ ея было вставлено обязательство не хотѣть на царство «царя» Симеона Бекбулатова. Опалы, постигшія Романовыхъ и Бѣльскаго въ первые годы царствованія Бориса, какъ теперь оказывается, могутъ быть поставлены въ прямую связь съ перипетіями избирательной борьбы 1598 г. Устраняя этихъ бояръ, Борисъ избавлялся отъ тѣхъ, въ комъ долженъ былъ видѣть не только недоброхотовъ его царству, но и соперниковъ, притязавшихъ на власть, доставшуюся Борису. Большое значеніе Романовыхъ во дворцѣ Грознаго и популярность ихъ въ московскомъ обществѣ могли ихъ сдѣлать или

представить опасными для Годунова; равнымъ образомъ опаснымъ казался и Бѣльскій, благодаря своей смѣлости и рѣшительности не разъ возбуждавшій смуту.

Ссора и разрывъ съ Романовыми (и еще ранѣе съ Щелкаловыми) поставили Бориса и его родню въ опасное положеніе тѣмъ, что лишили ихъ партіи въ боярствѣ. Годуновы стали одиноки и потому слабы. Старая княжеская знать не признавала ихъ за своихъ, потому что придворная и чиновная карьера Годуновскаго рода создана была опричнинскими порядками московскаго дворца, направленными на погибель этой старой знати. Придворная же знать новѣйшей формаціи, въ которой первенствовалъ родъ «Никитичей» Романовыхъ, и съ которой былъ друженъ правитель Годуновъ, отшатнулась отъ него, когда онъ овладѣлъ престоломъ, и еще болѣе, когда онъ началъ воздвигать гоненіе на своихъ былыхъ друзей. Пока былъ живъ Борисъ, его правительственный авторитетъ и личные таланты удерживали еще въ повиновеніи ему московское общество, и Годуновы держались на верху порядка; умеръ Борисъ,—и они всѣ легко были устранены болѣе организованными и болѣе популярными кругами знати.

Такова была печальная судьба перваго избраннаго государя московскаго и его «династіи», угасшей на второмъ представителѣ, юношѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ. Не болѣе прочна была и та правительственная система, какую усвоилъ себѣ Борисъ.

Въ настоящее время уже опредѣленъ тотъ многосторонній кризисъ, который переживало во второй половинѣ XVI вѣка Московское государство и общество. Столкновенія старой родовой знати съ московскими государями, случавшіяся при дѣдѣ и отцѣ Іоанна Грознаго, приняли при самомъ Грозномъ особенно острый характеръ. Царь воздвигъ на своихъ бояръ-князей систематическое гоненіе, имѣвшее цѣлью лишить ихъ административнаго преобладанія и родовыхъ земель. Въ новомъ опричномъ дворѣ государя появились новые слуги, не столь родовитые, или же отказавшіеся отъ родовыхъ традицій, а на княжескихъ земляхъ явились новые землевладѣльцы безъ старыхъ землевладѣльческихъ льготъ. Старая же знать, лишенная служебнаго первенства и наслѣдственныхъ земель, гибла отъ казней, бѣднѣла въ опалахъ и была выселяема на окраины государства. Новый порядокъ, водворяемый систематически и съ большою жестокостью, носилъ характеръ не реформы, а переворота, и имѣлъ послѣдствіемъ чрезвычайное раздраженіе всѣхъ отъ него потерпѣвшихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привелъ къ цѣли, т. е. къ паденію старой аристократіи и къ полному торжеству власти. Въ московскомъ дворцѣ образовалась новая послушная и дисциплинированная придворная знать, состоявшая изъ родни и свойственниковъ государей. Романовы и Годуновы были виднѣйшими представителями именно этой знати.

Съ другой стороны, рядъ явленій въ сферѣ землевладѣнія и земельнаго хозяйства потрясъ благосостояніе государственнаго центра. Правительство въ XVI вѣкѣ систематически передавало здѣсь, въ цѣляхъ обезпеченія служилаго класса, правительственныя земли въ частное обладаніе служилыхъ людей. При этомъ тяглое населеніе этихъ земель попадало въ частную зависимость, выходъ изъ которой невсегда бывалъ возможенъ, и примиреніе съ которой невсегда было легко. Въ то же время побѣды Грознаго открыли для русской колонизаціи новыя пространства чернозема отъ Оки до Суры и даже далѣе на востокъ. Рабочее населеніе, побуждаемое къ выселенію тисками частной зависимости, зная о «новыхъ землицахъ», съ особою легкостью устремлялось изъ центра на востокъ и югъ. Особенно съ 1570—1571 гг. для самихъ москвичей сталъ замѣтенъ массовый отливъ рабочихъ силъ изъ центральныхъ мѣстностей страны. Офиціальныя данныя того времени свидѣтельствовали объ исчезновеніи тяглаго народа и полномъ запустѣніи земельныхъ хозяйствъ на значительныхъ пространствахъ, и правительство въ 1584 году торжественно признало, что земля «въ пустошь изнурилась» и «въ запустѣніе пришла». Съ пустоши не было ни службъ, ни платежей, и Грозный поэтому оказался безъ силъ и безъ средствъ продолжать войну за Ливонію. Съ запустѣлыхъ усадебъ не было дохода, и землевладѣльцы поэтому стали чувствовать острую нужду не только въ хлѣбѣ и деньгахъ, но и въ рабочихъ рукахъ. Всѣ мѣры были пущены ими въ ходъ для того, чтобы удержать на мѣстѣ бывшихъ за ними крестьянъ и дворовыхъ «людей», холоповъ. Къ исходу XVI столѣтія вопросъ о мѣрахъ и способахъ прикрѣпленія крестьянъ и холоповъ сталъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопро-

совъ эпохи, не только потому, что одни владѣльцы стремились уничтожить, во чтобы то ни стало, традиціонное право выхода, но и потому, что другіе думали, не отмѣняя этого права, злоупотреблять имъ и возить крестьянъ, незаконно и законно, изъ чужихъ владѣній на свои земли.

Если отъ опричины терпѣла гонимая знать и насильно переселяемые землевладѣльцы, то отъ передачи правительственныхъ земель въ частныя руки терпѣло тяглое населеніе, а отъ выхода тяглыхъ и зависимыхъ людей на новыя земли страдали разоряемые этимъ мелкіе служилые владѣльцы; попытки же закрѣпить принудительно рабочій людъ на мѣстахъ вызывали недовольство трудовой массы. Всѣ слои населенія, словомъ, были въ недовольствѣ и броженіи, питая одинъ къ другому враждебныя чувства. Страна находилась на пути къ междоусобіямъ и смутамъ. Неудачный исходъ войны за Ливонію еще болѣе осложнялъ положеніе: силы правительства были подорваны, многія области, бывшія театромъ военныхъ дѣйствій, были раззорены до тла. Въ такія-то минуты судьбы государства попали въ руки Бориса, и на плечи «бодраго правителя» легла забота объ успокоеніи страны. Не онъ первый созналъ значеніе переживаемаго кризиса и не онъ первый началъ съ нимъ борьбу: соборныя постановленія 1580 и 1584 гг. уже указали на возникшія въ странѣ затрудненія и предположили нѣкоторыя мѣры для борьбы съ ними. Когда Борисъ взялъ власть въ свои руки, эти постановленія могли ему указать, что надо было дѣлать и о чемъ заботиться. Надобно было возстановить средства и силы самого правительства, надорванныя войною и кризисомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ опустѣвшемъ центрѣ, устроить служилый людъ на ихъ обезлюдѣвшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между различными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣйствуетъ Борисъ. Онъ—устроитель и успокоитель страны, хвалящійся своей гуманностью и мягкимъ пріемомъ обращенія и дѣйствія; по словамъ его чиновниковъ, онъ—защитникъ слабыхъ и бѣдныхъ, покровитель правосудія и справедливости; онъ—мудрый правитель, дарующій льготы и пожалованія усталому народу. Какъ ни риторично это самовосхваленіе, оно подтверждается отзывами независимыхъ отъ Бориса и даже ему враждебныхъ современниковъ. По ихъ словамъ, дѣятельность Бориса скоро дала благіе плоды: страна отдохнула и стала оправляться, «свѣтло и радостно ликующе», правительственный режимъ при Борисѣ рѣзко измѣнился къ лучшему.

Однако положеніе дѣлъ было такъ сложно и запутано, что его нельзя было привести въ порядокъ одною кротостью и мягкостью. Интересы общественныхъ группъ разошлись такъ далеко и стали такъ враждебны одни другимъ, что ихъ нельзя было ни помирить, ни одновременно удовлетворить. Въ общественномъ антогонизмѣ надобно было поддерживать одну какую либо сторону—именно ту, стремленіе которой въ данный моментъ совпало съ интересами и желаніями правительства. Неизбѣжна была, напротивъ, борьба съ тѣми общественными теченіями, которыя направлялись въ разрѣзъ съ видами или выгодами правительства. Политика Бориса по этому далеко невсегда могла быть примирительной. Прежде всего, въ отношеніи къ старой знати Борисъ не считалъ возможнымъ отступать отъ преданій Грознаго и по-прежнему давилъ эту знать, давая ходъ людямъ худороднымъ. Объ этомъ намъ прямо говорятъ и иностранцы (Масса, Флетчеръ), и русскіе писатели (Ив. Тимоѳеевъ). Такая тенденція могла только навлечь на Бориса «негодованіе чиноначальниковъ», отъ котораго, по мнѣнію современниковъ, онъ и погибъ. Съ другой стороны, въ обстоятельствахъ землевладѣльческаго кризиса Борисъ несомнѣнно сталъ на сторонѣ терпѣвшихъ отъ него землевладѣльцевъ, то есть, того простого служилаго люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Этотъ классъ терялъ людей, вывозимыхъ изъ-за него крупными и льготными землевладѣльцами; Борисъ принялъ рядъ мѣръ противъ такой крестьянской «возки» и вообще стремился къ закрѣпленію зависимаго люда на мѣстахъ. Служилый классъ терялъ и земли, уходившія главнымъ образомъ за монастыри; Борисъ держался правила о неотчужденіи служилыхъ земель въ неслужилыя руки. Такъ обстоятельства ставили Бориса противъ старой знати и противъ льготныхъ землевладѣльцевъ, а въ то же время и противъ крѣпостной бродящей массы, не осѣдавшей послушно во

владѣльческихъ хозяйствахъ. Это были верхъ и низъ московскаго общества, которые потомъ и возстали противъ Бориса и его семьи во имя Димитрія, вмѣстѣ съ Самозванцемъ. Друзья и поклонники Бориса были въ среднихъ слояхъ населенія: простой служилый человѣкъ и свободный тяглый человѣкъ—вотъ кто цѣнилъ «разумъ» и «правосудіе» Бориса, видѣлъ его «ласку» и «крѣпкое правленіе» къ людямъ и, по словамъ одного иностранца, взиралъ на Бориса «какъ на бога», потому что былъ ему обязанъ милостями, льготами и «повольностью въ торгѣхъ». Если бы средніе слои населенія при Борисѣ уже владѣли такою организацiею, какую они выработали себѣ въ Смутную эпоху, къ 1613 году, то его власть покоилась бы на надежномъ основаніи. Но до Смуты такой организаціи еще не существовало, и Борисъ съ его домомъ палъ, когда на него встали верхніе и низшіе слои населенія: старая знать по политической непріязни и крѣпостная масса по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898.- Le P. Pierling. S. J., La Russie et le Saint-Siège. T. II. 1897. T. III. 1901. — Archivum Domus Sapiehanae, ed. D-r A. Prochaska. Lwów. 1892.—С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты въ Моск. государствѣ XVI—XVII вв.—В. О. Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси (въ «Русской Мысли» 1890, январь; 1891, январь; 1892, январь). *С. П—въ.*

Борисякъ, ***Никифоръ Дмитріевичъ***, ординарный профессоръ харьковскаго университета, род. въ 1816 г., ум. въ 1882 г. По окончаніи курса наукъ въ харьковскомъ университетѣ съ званіемъ лекаря 1-го отдѣленія въ 1838 г., онъ былъ отправленъ въ 1839 г. въ С.-Петербургъ на два года и на Уральскій хребетъ на одинъ годъ для усовершенствованія въ минералогіи, геогнозіи и палеонтологіи, съ тѣмъ чтобы затѣмъ занять каѳедру въ харьковскомъ университетѣ; съ тою же цѣлью онъ провелъ лѣтніе мѣсяцы 1840 г. въ Швеціи и Норвегіи. По окончаніи путешествій онъ въ 1843 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ минералогіи и завѣдующимъ минералогическимъ кабинетомъ въ харьковскомъ университетѣ, въ 1847 г. получилъ степень магистра, въ 1852 г. утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, въ 1854 г. получилъ степень доктора естественныхъ наукъ, въ 1857 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи. Въ 1864 г., по выслугѣ 25-ти лѣтъ, Борисякъ былъ оставленъ на службѣ до 1868 г. Помимо университетскихъ занятій, онъ съ 1845 г. преподавалъ естественную исторію въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и съ 1855 по 1859 г. занималъ въ немъ должность инспектора классовъ; съ 1851 г. онъ преподавалъ минералогію въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Борисякъ состоялъ членомъ Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ (съ 1845 г.), французскаго геологическаго общества (съ 1858 г.), а также дѣйствительнымъ членомъ многихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Борисякъ много содѣйствовалъ изслѣдованію геологическаго строенія южной Россіи и въ особенности харьковской губерніи. Изъ его трудовъ, число которыхъ довольно значительно, приводимъ главнѣйшіе: Очеркъ геогностическаго состава и минеральныхъ богатствъ харьковской губ. (Харьковъ, 1857). — О географическомъ положеніи города Харькова (Харьковъ, 1859). — О чистотѣ воды харьковскихъ рѣкъ (1864).— Нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Ломоносова относительно минераловъ (Харьковъ, 1865).—Рѣчь о развитіи горнаго промысла на югѣ Россіи («Горн. Журналъ» 1868).— Сборникъ матеріаловъ, относящихся до геологіи южной Россіи, книга I, Харьковъ, 1867 (слѣдующія книги онъ издавалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Леваховскимъ).—Начиная съ 1864 г. онъ издалъ нѣсколько «Памятныхъ книжекъ харьковской губерніи».

Формулярный списокъ. — «Энциклопедич. словарь» Брокгауза.

Боричевскій или **Тарнава-Боричевскій**, ***Иванъ Петровичъ***, археологъ, историкъ и этнографъ, род. въ 1810 г., ум. 24 іюня 1887 г., въ Выборгѣ. Боричевскій, сынъ священника минской епархіи, воспитывался въ минской духовной семинаріи и кіевской академіи; по окончаніи послѣдней, со степенью старшаго кандидата, онъ съ 1833 по 1835 г. состоялъ преподавателемъ словесности въ орловской семинаріи; потомъ служилъ въ департаментѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій, въ департаментѣ государственныхъ имуществъ и въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства. Въ 1841 г. Боричевскій снова поступилъ въ главное управленіе путей сообщенія и занималъ тамъ

должности чиновника особыхъ порученій, директора канцеляріи министерства путей сообщенія и въ 1870-хъ годахъ — члена совѣта того же министерства. Учено-литературная дѣятельность Боричевскаго началась въ 1837 г. статьями, печатавшимися въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», среди которыхъ наиболѣе крупными были: «Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ императора римскаго Леопольда къ великому царю Московскому Алексѣю Михайловичу въ 1675 году» («Журн. М. Н. Пр.», 1837 г., ч. XVI), «О русской лѣтописи въ Литвѣ, называемой Хроникою Быховца» (ib., 1838 г., ч. XIX), «Первое путешествіе англичанъ въ Россію въ 1553 году» (ib., 1838 г., ч. XX), «Извлеченіе изъ сказаній Я. Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ» (ib., 1839 г., ч. XXIII), и «Мекленбургскія древности» (ib., 1839 г., ч. XXIV). Въ 1840 — 1841 гг. появился въ двухъ частяхъ первый его большой трудъ: «Повѣсти и преданія славянскаго племени», продолженіемъ котораго были «Народные славянскіе разсказы» (Спб., 1844 г.). Обѣ эти работы являлись болѣе или менѣе новинками и заключали въ себѣ немало впервые обнародываемаго матеріала. Почти въ тоже время Боричевскій обратился, однимъ изъ первыхъ, и къ изученію исторіи и древностей литовско-русскаго края, и написалъ два обширныхъ труда: «Изслѣдованіе о происхожденіи, названіи и языкѣ литовскаго народа» (Спб., 1847) и «Православіе и русская народность въ Литвѣ» (Спб., 1851), помимо цѣлаго ряда мелкихъ статей: «Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ» (въ «Журналѣ Мин. Народн. Просв.», 1844 г., ч. XLII), «Отрывокъ изъ литовско-русской исторіи» (ib., 1845 г., ч. XLVIII) и др. Впослѣдствіи онъ редактировалъ пятый томъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи». Въ 1840-хъ же годахъ Боричевскій обратился къ обозрѣнію содержанія «Губернскихъ Вѣдомостей» и сдѣлалъ изъ нихъ множество весьма цѣнныхъ извлеченій по различнымъ вопросамъ: по исторіи епархій и іерарховъ, по описанію монастырей, по исторіи и древностямъ, по языкознанію, по исторіи книгопечатанія въ Россіи, по исторической географіи, статистикѣ, этнографіи и проч. Эти его обозрѣнія охватывали «Губернскія Вѣдомости» за время отъ 1842 по 1850 г. и печатались въ «Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія» за 1848—1855 гг. Съ 1860 г., когда онъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи министерства путей сообщенія, его прежняя кипучая учено-литературная дѣятельность какъ бы прерывается, и за все послѣдующее время появились только слѣдующія три работы: «Извѣстія о древнихъ памятникахъ, находящихся въ вѣдомствѣ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій» (въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», 1861 г., т. III, в. 4), «Кіевскія пещеры» (Спб., 1872) и «Покутье въ археологическомъ отношеніи. Изслѣдованіе А. Г. Киркора (Pocutie pod względem archeologicznym. Krakow, 1876)». Спб., 1876 г. Кромѣ того, Боричевскому принадлежатъ: «Сказаніе польскаго историка Кобержицкаго о походахъ Сигизмунда III и Владислава IV въ Россію» (въ «Сынѣ Отечества», 1842 г., т. II, III и V), «Предположенія частныхъ лицъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, поступившія въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій» (въ «Журналѣ Главнаго Управленія Путей Сообщ.», 1863 г., ч. XXXIX и XL; обстоятельный и вызвавшій цѣлый рядъ мнѣній разборъ) и множество мелкихъ статей и рецензій, печатавшихся въ «Сѣверномъ Обозрѣніи», «Военно - Энциклопедическомъ Словарѣ», «Маякѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Христіанскомъ Чтеніи» и др.

«Энциклопедич. словарь» Брокгауза и Эфрона.— «Библіографическія Записки», 1892 г., стр. 88—89 (статья Д. Языкова).—С. А. Венгеровъ, «Русскія книги», вып. XXIII (Спб., 1898 г.).

В. Р—въ.

Борнеманъ, *Иванъ* (Iohann Nicolaus Christian Bornemann), врачъ, род. въ Магдебургѣ, ум. въ Ревелѣ 17 декабря 1794 г. Въ 1770 г. онъ поступилъ на русскую службу лѣкаремъ въ морской корабельный флотъ и служилъ тамъ до 1777 г., послѣ чего былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари, но, неудовлетворенный познаніями, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти, бросилъ службу и отправился за границу учиться. Вскорѣ онъ поступилъ въ гельмстадскій университетъ и, пройдя тамъ полный курсъ наукъ, представилъ диссертацію; 5 февраля 1785 г. онъ защитилъ ее и былъ удостоенъ степени доктора медицины, послѣ чего вернулся въ Россію и экзаменовался въ медицинской коллегіи. Выдержавъ испытанія, онъ былъ опредѣленъ младшимъ докторомъ въ рижскій полевой госпиталь, а впослѣдствіе пе-

реведенъ въ ревельскій госпиталь. Напечаталъ: «De gangraena critica», дисс. на степ. д-ра мед., Гельмстадтъ, 1785 г.

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», Спб., 1883 г., прилож., CV.

Борнъ, *Иванъ Мартыновичъ*, писатель и педагогъ начала XIX в., ум. въ февралѣ 1851 г. въ Штуттартѣ. Онъ учился въ академической гимназіи, а затѣмъ былъ старшимъ учителемъ русской словесности въ нѣмецкой Петровской школѣ въ С.-Петербургѣ и преподавалъ русскій языкъ попечителю этой школы, принцу Георгію Ольденбургскому; послѣ кончины принца, Борнъ остался секретаремъ при супругѣ принца, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и былъ воспитателемъ ея сыновей. По его мысли въ 1801 г. было образовано литературное общество, Высочайше утвержденное въ 1803 г., подъ названіемъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ; съ 1803 по 1805 г. Борнъ былъ предсѣдателемъ этого общества, а въ 1807 г. прекратилъ участіе въ немъ; въ изданіяхъ этого общества, «Свиткѣ Музъ» и «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», Борнъ принималъ участіе, помѣщая свои статьи и стихотворенія. Въ 1808 г. имъ было издано «Краткое руководство къ Россійской словесности», съ замѣчаніями А. Х. Востокова, заключающее въ себѣ грамматику, краткія правила риторики и піитики и исторію русской литературы. Освободившись отъ своихъ служебныхъ занятій, онъ много путешествовалъ по Европѣ, гдѣ и умеръ.

Н. Гречъ, «Опытъ краткой исторіи русской литературы», Спб., 1822 г. — «Сѣверная Пчела», 1857 г., № 125. — Словари: Геннади, Березина, Толля, Андреевскаго.

Борнъ, *Карлъ Фридрихъ*, врачъ, профессоръ анатоміи, физіологіи и хирургіи въ кронштадтскомъ медико-хирургическомъ училищѣ и акушерства—въ московскомъ медикохирургическомъ училищѣ, въ русской службѣ съ 1783 г., ум. въ Москвѣ 8-го апрѣля 1798 г. Борнъ получилъ врачебное образованіе въ берлинскомъ университетѣ, но не представилъ диссертаціи и поэтому не имѣлъ докторской степени до 1785 г. Съ 8 ноября 1783 г. до марта 1785 г. онъ состоялъ на службѣ лѣкаремъ при с.-петербургской обуховской больницѣ. Послѣ раздѣленія Россіи на губерніи, правительство стало назначать въ каждую изъ нихъ врачей; желая получить одно изъ вновь учрежденныхъ докторскихъ мѣстъ, Борнъ оставилъ службу въ больницѣ и заявилъ о своемъ намѣреніи экзаменоваться въ медицинской коллегіи на степень доктора медицины; удачно выдержавъ экзаменъ, онъ получилъ 4 іюня 1785 г. искомую степень и тотчасъ же опредѣленъ въ одинъ изъ уѣздовъ с.-петербургской губерніи. 15 іюля 1786 г. былъ утвержденъ новый штатъ медицинской коллегіи и подвѣдомственныхъ ей учрежденій. Четыре госпитальныхъ хирургическихъ школы были преобразованы въ 3 медико-хирургическихъ училища, а преподаватели послѣднихъ получили званіе профессоровъ и адъюнктовъ. Назначеніе профессоровъ въ училища было поручено медицинской коллегіи, которая и избирала ихъ изъ имѣвшихся на лицо докторовъ; такимъ образомъ, 13-го января 1787 г. Борнъ былъ назначенъ профессоромъ анатоміи, хирургіи и физіологіи въ кронштадтское медико-хирургическое училище, съ жалованьемъ по 1.000 р. въ годъ. Преподавалъ онъ названныя науки, а потомъ—патологію, и, что было замѣчательно по тому времени, преподавалъ на русскомъ языкѣ. Пробывъ въ Кронштадтѣ болѣе 6-ти лѣтъ въ должности профессора, Борнъ былъ уволенъ 14 января 1793 г., по собственному желанію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ заключилъ съ правительствомъ контрактъ, по которому получилъ мѣсто доктора въ новгородской губерніи; по истеченіи срока, на который онъ былъ опредѣленъ, онъ служилъ въ новгородской губерніи уже безъ контракта; затѣмъ онъ переѣхалъ въ Москву; репутація его была очень хороша, и уже 14 сентября 1794 г. онъ былъ принятъ въ число почетныхъ членовъ медицинской коллегіи «за присланную въ коллегію анатомико-физіологическую обсервацію, исполненную просвѣщенія, достойную къ помѣщенію въ впредь издаваемые ея медико-физическіе акты, равно какъ и за подробное его ботаническое описаніе травъ, ростущихъ въ новгородскомъ намѣстничествѣ». Послѣ ухода изъ московскаго медико-хирургическаго училища профессора патологіи и терапіи, А. М. Шумлянскаго, на его мѣсто былъ опредѣленъ (29 октября 1795 г.) Борнъ для преподаванія акушерства; преподавалъ онъ по-прежнему на русскомъ языкѣ. Адъюнктомъ при немъ былъ утвержденъ лѣкарь Гавріилъ Поповъ (3 ноября 1796 г.). Въ 1797 г. профессоръ Борнъ тяжко заболѣлъ, и его адъюнктъ

сталъ вести преподаваніе самостоятельно. Въ 1781 г. Борнъ получилъ золотую медаль отъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества за успѣшное рѣшеніе задачи: «дѣйствительно-ли вредны новыя каменныя зданія для здоровья и какая тому причина?» Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужила книга Борна: «Ueber das frühe Bewohnen neuer Steinhäuser, eine Preisschrift», Спб., 1789.

Я. Чистовичъ, «Первыя медицинскія школы въ Россіи», Спб., 1883 г., прилож., стр. CV—CVI.— Его же, «Очерки изъ исторіи русск. медиц. учрежденій XVIII стол.», Спб., 1870 г.—Геннади, «Справ. словарь о русск. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», Берлинъ, 1876—1880, I, стр. 105.— Мѣсяцесловъ 1787 г. съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, стр. 86. *Н. Кульбинъ.*

Боровиковскій, *Владиміръ Лукичъ*, род. въ г. Миргородѣ, нынѣшней полтавской губерніи, 24 іюля 1757 г., ум. 6 апрѣля 1825 г. Отецъ его, старожилъ Миргорода, значковый товарищъ Лука Боровикъ (одинаково писавшійся Боровикомъ и Боровиковскимъ, также какъ Лукой и Лукьяномъ, ум. въ 1775 г.) принадлежалъ къ казачьей старшинѣ, представители которой, въ слѣдующее царствованіе, превратились въ русскихъ дворянъ. Мать художника, Евдокія (ум. 1765 г.) была также мѣстная уроженка. Дѣтство и юность художника совпали со временемъ гетманства Кирилла Разумовскаго (1750—1764 гг.) и послѣдующею эпохой, то-есть временемъ, когда старый казацкій строй постепенно переливался въ русское чиновничество, когда совершилось окончательное закрѣпощеніе малороссійскихъ крестьянъ (1783), введеніе въ Малороссіи табели о рангахъ и сліяніе малороссійскаго общества съ великорусскимъ на служебномъ поприщѣ. Въ молодыхъ годахъ, по обыкновенію того времени, Владиміръ Лукичъ поступилъ на военную службу. Но въ чинѣ поручика уже вышелъ въ отставку и поселился въ отцовскомъ домѣ, въ Миргородѣ, занявшись исключительно живописью.

Старинная малороссійская живопись весьма мало извѣстна. Какъ во всякомъ еще патріархальномъ обществѣ, живопись эта ютилась въ церкви, которая одна, по высокому своему назначенію, допускала роскошь украшеній и нуждалась въ этомъ искусствѣ. Отсюда и первенствующее значеніе иконописи въ начальныхъ временахъ развитія художества. Въ Южной Руси она развивалась самостоятельно, совершенно независимо отъ сѣверной иконописи, скорѣе подъ нѣкоторымъ западнымъ вліяніемъ. Нѣчто въ родѣ руководящей роли принадлежало въ ней школѣ, существовавшей при Кіево-Печерской лаврѣ. Но и самобытныя искорки, въ разныхъ углахъ малороссійскаго края, какъ показываютъ случайно встрѣчаемые образцы старой живописи, могли обнаруживать и самостоятельныя силы, и извѣстное творчество. Однимъ изъ уголковъ, гдѣ ютилось это скромное искусство, былъ Миргородъ, а представителями его были лица семьи Боровиковъ, впослѣдствіи Боровиковскихъ.

Живописное искусство было какъ бы наслѣдственнымъ въ этой семьѣ. Самъ Лука Боровикъ былъ живописецъ. Сохранился образъ св. Дмитрія Ростовскаго его работы. Братъ Боровика, Алексѣй, и племянникъ, Демьянъ, были также живописцы. Всѣ четыре сына Боровика: Владиміръ—старшій, Василій, Петръ и Иванъ, занимались также живописью. Отсюда ясно, что начальныя познанія въ этомъ искусствѣ Боровиковскій получилъ отъ отца. И, дѣйствительно, за нѣсколько лѣтъ еще до отъѣзда въ Петербургъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность искуснаго иконописца, и многіе иконостасы въ Малороссіи были писаны имъ. Въ Троицкой церкви г. Миргорода весь иконостасъ, нынѣ погибшій, былъ его работы. На иконахъ существовало и означеніе—1784 годъ. Большинство его сельскихъ иконостасовъ того времени не уцѣлѣло вслѣдствіе перестройки и обновленія церквей. Вся семья Боровиковскихъ была крѣпко сплочена своимъ общимъ дѣломъ и чрезвычайно трудолюбива, а Владиміръ отличался особенно, и трудолюбіемъ, и способностями.

Его молодость прошла въ родномъ Миргородѣ, гдѣ онъ прожилъ за исключеніемъ короткаго срока службы, повидимому, безвыѣздно до тридцати лѣтъ. Домъ Боровиковскихъ, послѣ смерти отца доставшійся Владиміру, стоялъ въ Воскресенскомъ приходѣ, близъ самой церкви Воскресенія, на берегу рѣки Хорола. Огромныя вербы осѣняютъ и теперь этотъ уголокъ, давно перемѣнившій хозяевъ. Тихая, заросшая тростникомъ и водорослями рѣчка струится близъ огорода усадьбы. Скромные домики «мирнаго города» раскидываются кругомъ, вплоть до громадной площади, гдѣ существовала воспѣтая Гоголемъ лужа. До недавнихъ еще поръ Миргородъ представлялъ

собою классически тихій, мирный и наивный уголокъ, съ простодушнымъ козачьимъ населеніемъ, съ благодатной природой и большою наклонностью къ юмору у способныхъ и толковыхъ его обитателей. Здѣсь какъ бы сконцентрировался малороссійскій народный типъ, съ его чертами простодушной наивности, тонкой и наблюдательной насмѣшливости, скрытности, независимости и подчасъ глубокой грусти. Можно представить, каково все это было сто лѣтъ назадъ. То было время, еще не знавшее почти сословныхъ различій. Родной братъ Луки Боровика (дворянина) Өеодоръ—былъ священникомъ Воскресенской церкви, близъ которой жила семья. Дочь Боровика была замужемъ за священникомъ же, Яковомъ Гарковскимъ. Духовенство въ ту пору не составляло въ Малороссіи отдѣльнаго сословія, а было выборное. Между лицами мелкой «старшины» и простымъ козачествомъ общеніе было полное. Семья иконописцевъ Боровиковскихъ, къ тому же, была и очень небогата. Кромѣ дома, она владѣла еще пятнадцатью десятинами земли близъ Миргорода, да небольшой земелькой въ Хорольскомъ уѣздѣ. Средою, въ которой жилъ Боровиковскій, было столько же козачество, какъ и шляхетство. Жизнь текла патріархально, въ старыхъ обычаяхъ, за постоянной работой. Старый Боровикъ игралъ на гусляхъ и научилъ тому же искусству своего сына. Писались иконостасы, да образа по заказу частныхъ лицъ, и понынѣ еще сохраняемые въ нѣкоторыхъ семействахъ въ той мѣстности, какъ святыня.

Вѣроятно, трудолюбивая жизнь художника такъ бы и прошла въ родномъ Миргородѣ, оставивъ только ближайшимъ землякамъ добрую и честную память, еслибы не случай, который выдвинулъ его и сдѣлалъ имя его извѣстнымъ. Это — разрисовка стѣнъ дома, въ которомъ останавливалась Императрица Екатерина II во время поѣздки своей въ Крымъ. Къ разсказу объ этомъ случаѣ примѣшалась легенда, пущенная въ ходъ небезъизвѣстнымъ писателемъ, но совершенно лишенная основанія. Мы говоримъ объ очеркѣ Г. П. Данилевскаго «Екатерина II на Днѣпрѣ», героемъ котораго является Боровиковскій. Въ этомъ очеркѣ Боровиковскій выступаетъ забулдыгой-маляромъ, нанявшимся въ рекруты за другого. По просьбѣ его столѣтняго дѣда, царица, остановившаяся случайно въ корчмѣ этого дѣда, освобождаетъ Боровиковскаго отъ солдатчины и беретъ съ собою въ Петербургъ. Въ разсказѣ этомъ все невѣрно и вымышлено. Перепутана даже мѣстность, и Миргородъ смѣшанъ съ Ново-Миргородомъ; характеръ художника искаженъ совершенно. «Энциклопедическій Словарь» Плюшара и всѣ печатные источники передаютъ дѣло иначе, совершенно согласно и съ преданіями родныхъ. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ, одинъ изъ представителей малороссійскаго дворянства, Капнистъ, поручилъ Боровиковскому написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить домъ, назначенный для пріема царицы. На одной изъ картинъ художникъ изобразилъ семь мудрецовъ Греціи передъ книгою «Наказа» и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое произведеніе. На другой представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена. Два генія, изображавшіе великихъ князей Александра и Константина, боронили эту вспаханную и засѣянную землю. Почти несомнѣнно можно сказать, что темы этихъ картинъ были внушены живописцу. Но живопись понравилась, Императрица пожелала узнать имя художника и предложила ему ѣхать учиться въ Петербургъ. Эти историческія фрески не сохранились, также какъ и временный дворецъ, находившійся по всѣмъ даннымъ въ Кременчугѣ, гдѣ Екатерина останавливалась на пути изъ Кіева, 30 апрѣля 1787 г. Капнистъ, какъ миргородскій уроженецъ и сынъ послѣдняго полковника миргородскаго, имѣлъ полную возможность знать Боровиковскаго и вызвать его въ Кременчугъ, отстоящій отъ Миргорода на разстояніи всего семидесяти пяти верстъ. Боровиковскій принялъ вызовъ Императрицы и рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Переѣздъ состоялся, повидимому, вскорѣ послѣ достопамятнаго событія, измѣнившаго его жизнь. Уѣзжая, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника, сына единственной своей сестры, бывшей замужемъ за священникомъ Гарковскимъ, Антона, съ тѣмъ, чтобы отдать его въ военный корпусъ. Въ то время художнику было тридцать лѣтъ.

Свѣдѣнія о томъ, кто былъ первымъ учителемъ Боровиковскаго въ Петербургѣ, противорѣчивы. Князь Эристовъ, въ замѣткѣ «Энциклопедическаго словаря», называетъ

этимъ учителемъ Лампи. Но это не вѣрно прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ, пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 г., а въ 1789 г. Лампи-отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Первоначально Боровиковскій несомнѣнно занимался съ Д. Г. Левицкимъ. Въ 1788 г. Левицкій уволился отъ преподаванія въ академіи и, имѣя болѣе досуга, могъ принять къ себѣ ученика и земляка, который обнаруживалъ такое дарованіе. По пріѣздѣ Лампи, Боровиковскій работалъ съ нимъ и пользовался его любовью и уваженіемъ. Лампи хлопоталъ въ академіи о художественныхъ степеняхъ для него, о чемъ художникъ самъ заботился мало. Онъ же впослѣдствіи передалъ ему свою мастерскую на Милліонной, гдѣ долго жилъ Боровиковскій.

Художникъ не былъ особеннымъ баловнемъ академіи, которая постепенно повышала его, какъ кажется, лишь подъ вліяніемъ возраставшей его извѣстности въ обществѣ. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала ему въ высшихъ степеняхъ, объясняется особенностью ея устава, дѣйствовавшаго до 1830 г. По этому уставу, портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ, и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Достоинство работъ Боровиковскаго взяло свое, но, на академическомъ конкурсѣ, онъ получилъ все таки только вторую награду, наряду съ забытымъ нынѣ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая награда присуждена была скульптору Козловскому. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, находящихся теперь въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца. Около того же времени, 1802 г., ему данъ былъ заказъ на украшеніе строившагося тогда дворца, нынѣ Михайловскаго замка. Перемѣна царствованія не повліяла на судьбу художника. Императоръ Павелъ, бывшій другомъ художниковъ и часто посѣщавшій академію, хорошо зналъ его лично. Въ царствованіе Александра I, правительство заказало ему работы въ иконостасѣ Казанскаго собора, начатыя имъ съ 1808 г.

Важнѣе этихъ внѣшнихъ фактовъ и свѣдѣній частная, интимная жизнь художника въ Петербургѣ, скрывавшаяся въ тишинѣ его рабочей кельи. Въ біографіи всякаго художника—интереснѣйшая и существеннѣйшая часть всегда въ его произведеніяхъ. Но, въ поясненіе къ нимъ, намъ посчастливилось найти и рядъ писемъ Боровиковскаго къ роднымъ, обнимающій двадцать четыре года (1795—1819 гг.). Въ этотъ длинный періодъ, мы не встрѣчаемъ въ письмахъ почти никакихъ внѣшнихъ фактовъ, почти ни малѣйшихъ перемѣнъ. Вся жизнь Боровиковскаго—въ его внутреннемъ мірѣ, въ немъ самомъ. Размышленія, возвышенно-христіанскія, часто восторженныя, наполняютъ эти письма. О житейской его обстановкѣ мы узнаемъ только, что сначала онъ жилъ «въ Почтовомъ стану» (мѣстность, гдѣ нынѣ петербургскій почтамтъ), потомъ, съ 1798 г., на Милліонной, гдѣ оставался, кажется, до самой смерти, переживъ хозяевъ дома; что сначала онъ воспитывалъ племянника, Гарковскаго, который, и выйдя на службу, оставался нѣкоторое время при немъ, пока не уѣхалъ въ Севастополь; что потомъ, много позже, у него были ученики,—пять человѣкъ (между ними извѣстный впослѣдствіи Венеціановъ),—такъ что «семейство» его состояло изъ семи душъ, считая его самого и старуху—кухарку; что его навѣщали иногда земляки, обращавшіеся не разъ, по провинціальному обычаю, съ просьбами о разныхъ хлопотахъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, хотя, въ такихъ дѣлахъ, онъ, по его признанію, «и ступить не умѣлъ». Самъ онъ, повидимому, появлялся въ люди нечасто. Даже съ ближайшимъ сосѣдомъ, нѣкіимъ Острожскимъ, съ которымъ живетъ «по-пріятельски», онъ видится рѣдко. Самымъ близкимъ человѣкомъ себѣ, въ одномъ изъ писемъ, онъ называетъ Филиппова, архитектора Казанскаго собора. Боровиковскій зоветъ къ себѣ племянника, вышедшаго въ отставку, и убѣждаетъ его поселиться съ собой. Онъ сохраняетъ любовь къ роднымъ и остается простымъ и скромнымъ, какимъ былъ и на родинѣ. Въ привычкахъ своихъ остается упорнымъ хохломъ, несмотря на долгую жизнь въ Петербургѣ: угощаетъ гостей борщомъ, проситъ привезть ему изъ Малороссіи сала. Живетъ онъ самъ въ себѣ и внѣшняя жизнь почти не касается его. Скромный иконописецъ въ Малороссіи, вывезенный Екатериной въ Петербургъ, овладѣвъ пріемами и техникой своего искусства, онъ живетъ лишь для того, чтобы выражать имъ жизнь своей души. Для него не

существовало никакихъ приманокъ жизни, никакихъ разсчетовъ, соображеній выгодъ или ремесла. Жизнь безъ художественнаго труда непонятна для него. Много лѣтъ живетъ онъ скромнымъ отшельникомъ, въ одномъ домѣ, въ одной квартирѣ, съ своими полотнами, книгами Писанія, кружкомъ единомышленныхъ друзей. Деньги онъ роздаетъ роднымъ и бѣднымъ, являвшимся къ нему каждую субботу. Его трудолюбіе изумительно, тѣмъ болѣе, что не имѣло иного источника, кромѣ жажды творчества, его сжигавшей. Приступая къ религіозной картинѣ, онъ молится; во время исполненія ея, проситъ читать ему Писаніе. Надо прочесть его письма къ роднымъ, чтобы понять этотъ глубокій, сосредоточенный духъ, чтобы почувствовать его тоску и неудовлетворенность земнымъ и его страстное усиліе поднять таинственную завѣсу, заглянуть въ вѣчность.

Едва-ли въ исторіи нашего искусства была другая жизнь, столь необычайная по своей духовной интенсивности, столь нераздѣльно слитая съ искусствомъ, вся преданная ему, почти ничего кромѣ него не знающая. Такова развѣ жизнь Гоголя, ближайшаго земляка Боровиковскаго и удивительно схожаго съ нимъ во многомъ, да еще Иванова. Въ рядѣ писемъ къ роднымъ, онъ говоритъ иногда о своихъ работахъ, но больше всего о духовной жизни, безъ аскетизма, однако, и безъ проповѣди внѣшней обрядности. Его вѣра—чисто духовная, въ чемъ онъ остается сыномъ своего племени. Основа ея—взаимная любовь и самосовершенствованіе. «Спаситель избралъ престолъ свой въ сердцахъ вашихъ»,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. Задачей жизни онъ ставитъ работу, отражающую идеальный міръ его въ религіозныхъ сюжетахъ и изощряющую художественную пытливость въ портретахъ, которые онъ дѣлаетъ «для публики». Художественную дѣятельность онъ считаетъ призваніемъ, опредѣленіемъ Промысла, чѣмъ онъ можетъ и долженъ послужить на землѣ, а потому онъ считаетъ долгомъ своимъ отдать ей всѣ свои силы и исполнить «съ вѣрностію». Находя высшее наслажденіе въ трудѣ, онъ скромно говоритъ, что «исполненіе обязанностей званія его, по долговременному навыку, служитъ ему удовольствіемъ».

Что касается до дѣловой стороны писемъ, то, въ одномъ изъ нихъ, Боровиковскій предоставляетъ дядѣ своему жить въ его домѣ въ Миргородѣ и пользоваться его землей, прося лишь позаботиться о невѣсткѣ, вдовѣ брата, Василія Лукича, оставшейся съ сиротами, и увѣдомить о нихъ. Въ первыхъ письмахъ къ воспитанному имъ племяннику, уѣхавшему на службу, онъ отклоняетъ всякую благодарность себѣ, которая, по его мнѣнію, должна быть направлена къ Богу, орудіемъ котораго онъ только и былъ. Онъ боится даже, не далъ ли ему дурныхъ примѣровъ: «я въ молодости обращался много съ человѣками, рабами порочныхъ страстей, и впечатлѣлъ многое отъ нихъ». Сестру и мужа ея онъ утѣшаетъ въ огорченіяхъ, совѣтуя прощать злымъ людямъ, желая, чтобы между родными его царила любовь, о чемъ проситъ писать, «а если нѣтъ, то проситъ замолчать». Касательно ссоры между родными, онъ совѣтуетъ простить враждующимъ и «предоставить движимость въ ихъ пользованье». Позднѣе, по поводу какой-то дошедшей до его. свѣдѣнія миргородской тяжбы, ожесточенной и непримиримой, онъ совѣтуетъ избрать уважаемыхъ людей съ обѣихъ сторонъ для третейскаго суда, а своею частью предоставляетъ пользоваться до пріѣзда своего на родину.

Уже сказано было о его трудолюбіи. «Вамъ неизвѣстенъ родъ моей жизни», пишетъ онъ роднымъ. «Много говорить подробно, одно скажу вамъ, что я занятъ трудами моими непрерывно. Мнѣ потерять часъ ей-ей составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ разстройство». Одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургѣ, въ мастерской, писалъ о немъ: «Я посидѣлъ у него съ часъ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работой».

Постоянно въ письмахъ говоритъ онъ о своемъ намѣреніи возвратиться на родину, въ любимую Малороссію, и кончить дни въ кругу близкихъ, но постоянно же этому порыванью на родину не суждено осуществиться. Близкимъ своимъ онъ проповѣдуетъ любовь и согласіе. «Великій зиждитель міра сего, Спаситель нашъ», пишетъ онъ, «благоволилъ избрать себѣ храмъ въ сердцахъ человѣковъ. Онъ есть единая, безконечная любовь». Тотъ не христіанинъ, кто хотя и знаетъ Писаніе, но ставитъ границу между нимъ и своею жизнью. «То все остается невнятно, потому что не приводитъ въ дѣятельность, и будто то не до насъ касается; и такъ отвергаетъ силу жизни, въ Священномъ Писаніи, въ бук-

вахъ сокровенную... Все счастіе наше во взаимной любви, по мѣрѣ удаленія любви умножаются бѣдствія наши». Шестнадцать лѣтъ спустя послѣ отъѣзда своего изъ родины, онъ пишетъ: «Я представляю себѣ, что вы уже состарились. Мнѣ уже сорокъ седьмой годъ въ теченіи. Сколько-то вамъ—не знаю. Хотѣлъ бы знать. Будущее неизвѣстно. Увидимся ли, остается въ планѣ Провидѣнія сокровенно». Но, какъ во всѣхъ земныхъ печаляхъ, утѣшительницей его является вѣра, и онъ продолжаетъ восторженно: «Вѣра, даръ небесъ, въ любви исполнить, и ежели не въ семъ, то въ грядущемъ мірѣ увидимъ другъ друга, опочіемъ въ счастливой вѣчности. Удостоилъ насъ Спаситель нашъ обѣтованія: паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ!» Развиваясь все болѣе и болѣе, это настроеніе Боровиковскаго приняло въ послѣдніе годы его жизни особенно усиленное направленіе.

Вторая половина царствованія Александра I была, какъ извѣстно, эпохою піэтизма, доходившаго до мистическихъ крайностей. Возникало исканіе «всемірной истины», которая объединила бы всѣ религіозные убѣжденія и обряды. Правительство выказывало величайшую вѣротерпимость къ религіознымъ обществамъ и сектамъ, такъ что даже скопческая ересь оставалась въ то время безъ преслѣдованія. Въ это время въ петербургскомъ обществѣ выдвинулась своимъ экзальтированнымъ настроеніемъ и благотворительною дѣятельностью Екатерина Филипповна Татаринова, мать которой, г-жа Буксгевденъ занимала положеніе при Дворѣ.

По образцу сектантскихъ собраній, Татаринова стала устраивать сходки въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ, которая дана была ей, какъ дочери воспитательницы великой княжны Маріи Николаевны. Къ союзу ея, 26 мая 1819 г., священникомъ отцомъ Алексѣемъ, духовникомъ кружка, пріобщенъ былъ Боровиковскій. Онъ оставался вѣренъ этому союзу до самой смерти своей, былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ его членовъ, постояннымъ посѣтителемъ собраній «въ Михайловскомъ», много и охотно работалъ для него своею кистью. Въ клочкахъ его записной книжки, напечатанныхъ въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ» П. И. Бартеневымъ, много любопытныхъ тому свидѣтельствъ. Имѣвшій цѣль духовнаго общенія, союзъ этотъ дошелъ до большихъ мистическихъ крайностей, до прорицаній и пророчествъ въ своихъ радѣніяхъ. Названіе «радѣніе» происходитъ отъ слова радость, разумѣя тѣ духовныя радости, которыя сектанты, по ихъ словамъ, вкушаютъ въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Подобно раскольничьимъ сектамъ, въ собраніяхъ татариновскаго кружка пѣлись духовные стихи, большею частью на легко измѣненные мотивы народныхъ пѣсенъ, говорились импровизированныя молитвы, и въ экстазѣ произносились прорицанія и предсказанія. Въ истинности пророчествъ, — «живого слова», убѣжденіе участниковъ собраній было непоколебимо. По словамъ ихъ, слушаніе этого слова сопровождалось ощущеніемъ благоговѣйнаго трепета во всемъ существѣ, глубокимъ умиленіемъ чувствъ, сокрушеніемъ сердечнымъ и обличеніемъ самыхъ тайныхъ дѣяній, помышленій, «движеній совѣсти». Эти историческія справки необходимы для объясненія и пониманія участія Боровиковскаго въ татариновскомъ союзѣ. Его влекло туда безусловно искреннее, возвышенное настроеніе, жажда просвѣтленія и очищенія. Въ замѣткахъ своихъ, онъ радостно отмѣчаетъ тѣ минуты, «когда плакалъ въ собраніи, когда чувствовалъ себя свободно и легко». Встрѣчаются здѣсь и горькія замѣчанія о товарищахъ, которые не всегда могли, даже здѣсь, въ братскомъ союзѣ, отрѣшиться отъ тщеславія, мелочности, проявленій невѣжества. Но о «Екатеринѣ Филипповнѣ» говоритъ онъ съ великимъ уваженіемъ, расположеніе ея цѣнитъ какъ высокую милость. Не надо думать, что принадлежность къ кружку Татариновой вызывала у Боровиковскаго и другихъ членовъ союза отчужденіе отъ церкви. Онъ оставался усерднымъ ея сыномъ, несмотря на эти печальныя увлеченія. Зала татариновскихъ собраній украшена была его произведеніями. Въ записной книжкѣ онъ говоритъ о картинѣ «Соборъ», гдѣ изображено было одно изъ собраній союза, съ портретами Татариновой, Ѳедорова и самого художника, стоящаго на колѣнахъ. Около времени смерти Боровиковскаго, лица татариновскаго кружка образовали какъ бы маленькую колонію за Московской заставой, въ мѣстности, бывшей тогда еще пустынною. Образа Боровиковскаго были и тамъ. Въ 1837 году послѣдовало закрытіе этого союза и ссылка большей части его участниковъ въ отда-

ленные монастыри. Послѣдніе годы жизни Боровиковскаго всецѣло принадлежали этому союзу. Это не значитъ, конечно, чтобы онъ оставилъ свои обычныя работы: онѣ продолжались прежнимъ путемъ, но и въ трудѣ его религіозная живопись преобладала теперь надъ портретной.

Отрывочныя замѣтки записной его книжки даютъ мало чертъ для обрисовки его частной и личной жизни. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить не разъ встрѣчающихся записей: «пилъ съ ромомъ», «пью и съ водкою дома», «ввечеру напился» и т. п., указывающихъ на слабость, которую сознавалъ и съ которой боролся художникъ, но въ какую, вѣроятно, толкало его постоянное нервное напряженіе. Но эти одинокія, грустныя минуты выкупались поистинѣ подвижнической жизнію, всей преданной труду. Свои заработки онъ раздавалъ щедрою рукою, какъ видно изъ многочисленныхъ посылокъ денегъ роднымъ, которыя проситъ онъ хранить въ тайнѣ, и изъ обычая раздавать милостыню цѣлой толпѣ бѣдныхъ, собиравшихся каждую субботу на лѣстницѣ его квартиры. Большинство своихъ кліентовъ онъ зналъ въ лицо, и если не видѣлъ кого нибудь изъ нихъ въ урочный день, то поручалъ другимъ передать подаяніе, предупреждая, что спроситъ того, получилъ ли? Послѣ смерти у него нашлось только четыре тысячи рублей, то-есть половина того, что недавно заплачено было за *одинъ* портретъ его работы (экзарха Антонія).

Послѣднимъ трудомъ его былъ иконостасъ придѣла Михаила Архангела въ церкви на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ, писанный по собственному его желанію передъ смертью и оставшійся не вполнѣ конченнымъ. Во имя же Арх. Михаила, по церковному преданію особаго покровителя пророковъ, была церковь въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ происходили собранія кружка Татариновой.

Боровиковскій погребенъ на петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, близъ церкви Троицы, на сѣверо-западъ отъ нея. Надъ могилою его стоитъ памятникъ—небольшой гранитный саркофагъ.

Творчество Боровиковскаго не есть что либо внѣшне-стоящее отъ него, занятіе для заработка или ремесло. Оно тѣснѣйшимъ образомъ слито съ его жизнью, вытекаетъ всецѣло изъ его личности. Талантливый, возвышенно-настроенный, пытливый, всю жизнь полагающій въ своемъ трудѣ, въ первое время пребыванія въ Петербургѣ онъ жадно изучаетъ тайны своего искусства, усваиваетъ, подъ руководствомъ такихъ учителей, какъ Левицкій и Лампи, его технику. При своемъ замѣчательномъ трудолюбіи, онъ скоро является готовымъ мастеромъ, сбросивъ съ себя провинціальную неловкость и робость, и кисть его дѣлается покорнымъ орудіемъ духа. Преобладающимъ, почти единственнымъ спросомъ является въ то время спросъ на портретъ, — и Боровиковскій отдается портретной живописи. Вдумчивый и глубокій талантъ Боровиковскаго не скользитъ по внѣшнему изображенію, не довольствуется поверхностнымъ сходствомъ. Онъ изображаетъ людей такъ, что духовный міръ ихъ дѣлается понятенъ и близокъ зрителю, творческимъ наитіемъ передаетъ ихъ характеръ и природу. Левицкій былъ портретистомъ по призванію и никогда не выходилъ изъ этой области живописи. Боровиковскій, при всемъ высокомъ достоинствѣ портретныхъ своихъ работъ, отдавалъ имъ такъ много труда лишь въ силу условій и требованій времени. Самъ онъ постоянно вырывается изъ этой исключительной сферы, пишетъ религіозныя картины, «аллегоріи», копируетъ, или беретъ моделями портретовъ не заказчиковъ, а лицъ, интересующихъ его лично, въ силу тѣхъ или другихъ данныхъ. Чѣмъ сложнѣе, интереснѣе, самобытнѣе, «духовнѣе» изображаемый типъ, тѣмъ онъ чувствуетъ себя болѣе въ своей сферѣ, тѣмъ выше подымается его творчество. Поэтому, почти всѣ мужскіе портреты его выше женскихъ, такъ какъ ему рѣдко попадались женскія модели съ сколько нибудь содержательнымъ внутреннимъ складомъ. Онъ слишкомъ серьезенъ, не любитъ пустоты, и хотя пишетъ все превосходно, но его утомляла бы возня съ изображеніемъ матерій и кружевъ, чѣмъ такъ упивается колористъ Левицкій. Главную свою силу онъ сосредоточиваетъ всегда на лицѣ, хотя ничего не рисуетъ небрежно. Портреты его не рабскія копіи лица въ моментъ сеанса, а преобладающее, коренное и самое характерное его представленіе, оживленное отблескомъ внутренней жизни. Оставаясь безусловно правдивымъ, онъ сохраняетъ это существенное въ лицѣ и заставляетъ чувствовать его и насъ.

Въ обширнѣйшей галлереѣ лицъ, изображенныхъ кистью Боровиковскаго, есть ра-

боты разнаго значенія и разнаго достоинства. Соотвѣтствіе модели съ настроеніемъ и дарованіемъ художника, большее или меньшее вдохновеніе, какъ всегда и всюду, отражаются въ этихъ работахъ. Самыми совершенными изъ портретовъ его слѣдуетъ, кажется, признать портреты лицъ близкихъ ему мистическихъ кружкокъ александровскаго времени, портреты нѣкоторыхъ духовныхъ особъ и нѣсколько изображеній, такъ сказать, экзотическаго характера. Къ первой категоріи относятся семейные портреты Дубовицкихъ (находящіеся въ Москвѣ въ частныхъ рукахъ), въ особенности портретъ старухи, отличающійся исключительной, изъ ряду выходящей силой, Лопухина и друг. Изъ портретовъ духовныхъ лицъ, выдается «Михаилъ Десницкій», находящійся въ Румянцовскомъ музеѣ и извѣстный по гравюрѣ Уткина. Единственный недостатокъ этого превосходнаго произведенія—черезчуръ искусно, до оптическаго обмана написанная, благословляющая рука, которая своимъ виртуознымъ совершенствомъ нѣсколько нарушаетъ гармонію цѣлаго. Въ томъ же музеѣ, обладающемъ вообще избранными холстами Боровиковскаго, очень хорошъ «Митрополитъ Амвросій», равно какъ полонъ достоинствъ «Псковскій епископъ Ириней» (въ Лобановской коллекціи музея Александра III), приписываемый Боровиковскому и несомнѣнно ему принадлежащій. По выставкамъ и въ частныхъ рукахъ намъ извѣстны исключительнаго достоинства: портретъ дѣвочекъ, дочерей Львова (собственность великаго князя Сергѣя Александровича, занявшій первое мѣсто на выставкѣ картинъ изъ частныхъ собраній въ Москвѣ въ 1892 г.), г-жи Мелиссино (выставка въ д. Строганова весною въ 1897 г.), и замѣчательный по смѣлому реализму портретъ Державина (собственность гр. Капниста, въ полтавской губ.).

Музей Александра III и Третьяковская галлерея обладаютъ портретами, которые мы назвали выше экзотическими. Въ петербургскомъ собраніи — это знаменитый портретъ персидскаго принца Мурзы Кули-Хана. Инородный типъ и богатство одеждъ мѣшаютъ нѣсколько сразу оцѣнить высокое достоинство этого произведенія. Но, успокоившись отъ перваго впечатлѣнія, зритель видитъ, какъ велико и какъ строго дарованіе художника. Вынужденный своей задачей написать великолѣпныя восточныя одежды,—шелкъ, парчу, соболиный мѣхъ, драгоцѣнные камни, скрученную поясомъ индійскую шаль, ордена, сафьянъ обуви, до крашенныхъ ногтей восточнаго щеголя и красавца,—художникъ изобразилъ все это съ трудно передаваемой могучей скромностью, чтобы не ослабить впечатлѣнія важнѣйшей части портрета,—лица. Вглядываясь въ работу, въ какой нибудь, какъ бы небрежно, но изумительно написанный ремень отъ сабли, весь покрытый узоромъ изъ камней, постигаешь все чувство мѣры и недосягаемый вкусъ художника. Тоже самое и въ портретѣ «Экзарха Антонія» (сына предпослѣдняго царя карталинскаго и кахетинскаго Ираклія II) Третьяковской галлеріи, гдѣ царственныя черты южнаго, горячаго типа такъ гармонируютъ съ пышностью и яркостью облаченій. Драгоцѣнная мантія, жемчужныя оплечья съ изображеніями херувимовъ написаны съ поразительной, сдержанной силой. Они не затмѣваютъ лица, которое живетъ, и черные глаза, такъ пытливо глядящіе изъ подъ густыхъ бровей, влекутъ вашъ взоръ прежде всего остальнаго. Тутъ же рядомъ превосходны — портретъ какого то сановника съ розовыми отворотами камзола, того особеннаго розоваго оттѣнка, по которому всегда можно узнать кисть Боровиковскаго, и портретъ старичка-домоправителя Трощинскаго, настоящій старосвѣтскій малороссійскій типъ. Въ числѣ блистательнѣйшихъ портретовъ художника необходимо еще назвать портретъ Императора Павла въ Романовской галереѣ Зимняго дворца. Онъ безупречно реаленъ и стоитъ любой страницы проникновеннаго психологическаго анализа.

Внѣ портретной области Боровиковскимъ написаны: аллегорія «Зима» (старый крестьянинъ въ полушубкѣ грѣетъ руки у горящихъ дровъ) и копія съ эрмитажной картины Корреджіо «Святое Семейство». Обѣ эти картины находятся въ Румянцовскомъ музеѣ. Копія съ Корреджіо представляетъ художественное единоборство близкихъ дарованій, въ родѣ того, что представляютъ въ литературѣ лермонтовскіе переводы изъ Байрона и Гете. Есть еще, почти жанръ, «Портретъ новоторжской крестьянки» (принадлежитъ г-жѣ Полѣновой, въ Москвѣ) и, на родинѣ художника, я видѣлъ очень плохую «Вакханку», очевидно, молодой его поры (того времени, когда онъ, по преувеличенному сообщенію одного изъ

своихъ писемъ, «въ молодости обращался много съ человѣками, рабами порочныхъ страстей, и впечатлѣлъ многое отъ нихъ»).

Религіозною живописью началъ Боровиковскій свою дѣятельность на родинѣ, она была всю жизнь излюбленнымъ родомъ его работы и часто онъ отдавался ей безъ всякихъ «заказовъ», самостоятельно, въ отличіе отъ портретовъ, которые писалъ «для публики». Въ бытность въ Петербургѣ, кромѣ отдѣльныхъ картинъ, имъ написано нѣсколько иконостасовъ. Отношеніе Боровиковскаго къ религіозной живописи напоминаетъ отношенія монаховъ - художниковъ, предшественниковъ Рафаэля. «Приступая къ какой нибудь важной или серьезной работѣ», разсказываетъ его племянникъ, «Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ холстъ или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе Святого, котораго изобразить предположилъ, и, остановясь на какомъ нибудь текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе». Любимымъ его чтеніемъ, кромѣ Новаго Завѣта и Писанія вообще, были книги духовнаго содержанія «О подражаніи Христу», «Бесѣды Макарія Египетскаго», сочиненія Дмитрія Ростовскаго, «Путь ко спасенію», «Объ истинномъ христіанствѣ» Тихона Задонскаго. Искренность его настроенія даетъ особое значеніе его картинамъ, проникнутымъ религіозной поэзіей, а не представляющимъ только рисунки на религіозныя темы. У всякаго религіознаго живописца есть свое представленіе о Божествѣ и Божественномъ. Характеръ этого представленія у Боровиковскаго можно обозначить словами— высшая красота: то спокойное, счастливое блаженство, которое, въ царствѣ любви и кротости, грезится ему въ будущей жизни. «Міръ свѣта, радости, покоя и блаженства!» говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Таковы его «Нерукотворенные образа», сіяющіе этимъ высшимъ счастіемъ, его идеально-прекрасныя изображенія Божіей Матери, Спасителя, его святые апостолы. Даже на плащаницѣ, онъ изображаетъ Христа послѣ его крестной смерти молодымъ и прекраснымъ, какъ бы заснувшимъ только. Страданіе—удѣлъ здѣшней жизни, а потому его можно встрѣтить у художника лишь въ изображеніяхъ изъ земной жизни святыхъ. Но вообще у него почти не встрѣчается страдающихъ, аскетическихъ лицъ, слѣдовъ мученій. Божественныя изображенія его отражаютъ благость, а не страданіе. Страдаютъ только люди, Божество предвѣчно и непреложно, и имя Ему — Истина. Боровиковскій написалъ нѣсколько цѣлыхъ иконостасовъ и нѣсколько ихъ частей. Тѣ и другіе частью сохранились, частью погибли совсѣмъ, или загублены реставраціей. Цѣлые иконостасы извѣстны: въ г. Могилевѣ, въ Соборѣ Св. Іосифа, выстроенномъ въ память встрѣчи въ этомъ городѣ Императрицы Екатерины съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II; въ г. Торжкѣ, тверской губерніи, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (37 иконъ, 1793 года); въ селѣ Романовкѣ, мглинскаго уѣзда, черниговской губ. (26 иконъ, 1815 г.); въ верхнемъ придѣлѣ церкви Св. Троицы, въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ (8 иконъ, 1824—25 гг.). Цѣлый иконостасъ существовалъ еще въ д. Тишанкѣ, острогожскаго уѣзда, воронежской губ., принадлежавшей нѣкогда канцлеру кн. Безбородко, по заказу котораго былъ, вѣроятно, и писанъ, но теперь, говорятъ, совсѣмъ погибъ. Части иконостасовъ писаны Боровиковскимъ: въ Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ (Царскія врата и еще три иконы, всего девять изображеній), въ Троицкой церкви г. Миргорода (частью исчезъ, частью загубленъ реставраціей) и въ домашней церкви Д. П. Трощинскаго, въ с. Кибинцахъ, миргородскаго уѣзда (сохранилась одна икона). Изъ отдѣльныхъ изображеній извѣстны: плащаница, найденная мною въ Воскресенской церкви г. Миргорода и переданная въ кіевскій церковно-археологическій музей, и маленькій эскизъ, принадлежащій І. І. Ясинскому, картонъ «Богъ Саваоѳъ, созерцающій Спасителя въ страдальческой его кончинѣ» (Румянцевскій музей), Спаситель съ видѣніемъ креста (Александро-Невская лавра), и два Нерукотворенныхъ образа, изъ коихъ одинъ нынѣ принадлежитъ великому князю Петру Николаевичу. Приглядываясь къ религіознымъ работамъ Боровиковскаго, при общемъ ихъ высокомъ характерѣ и настроеніи, между ними замѣчается разница, на которой надо остановиться. Есть нѣкоторыя изъ нихъ, удивляющія совершенствомъ и законченностью письма, какъ напр. иконы Казанскаго собора. Есть другія, гораздо менѣе выписанныя, иногда даже эскизныя, впе-

чатлѣніе которыхъ болѣе неотразимо и сильно. Первыя—вещи технически совершенныя, но нѣсколько охлажденныя свойствомъ «заказа». Вторыя—писались исключительно по внутреннему влеченію и потому болѣе вдохновенны. Такія произведенія находятъ награду въ самомъ художникѣ, во внутреннемъ его удовлетвореніи. Онѣ кончены, когда переданъ въ нихъ тотъ трепетъ, что одушевлялъ его при ихъ созданіи. Таковы у Боровиковскаго: «Спаситель» Александро-Невской лавры (съ стекляннымъ земнымъ шаромъ въ рукахъ), кіевская плащаница и ея этюдъ, принадлежавшій, вѣроятно, къ числу картинъ, украшавшихъ залу татариновскихъ собраній, и въ особенности восемь иконъ Смоленскаго кладбища. Иконы эти художникъ писалъ въ самый послѣдній годъ своей жизни, во время предсмертной болѣзни, и даже не успѣлъ вполнѣ кончить. Символическій, таинственный этотъ иконостасъ лучше всего передаетъ религіозное творчество Боровиковскаго. Большинство картинъ основано здѣсь на идеѣ пророчества, идеѣ небеснаго утѣшенія въ сомнѣніяхъ и печаляхъ жизни, спасительнаго откровенія, которое сообщается служеніемъ истинѣ. Ничто не взято случайно. Архангелъ Михаилъ, которому посвященъ этотъ придѣлъ храма, изображенный на крайнемъ слѣва образѣ иконастаса, по ученію церкви, считается особеннымъ покровителемъ пророковъ (во имя его же была церковь въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ Татаринова приняла православіе). Изображенія изъ Ветхаго Завѣта относятся оба къ провозвѣстію этимъ Завѣтомъ Завѣта Новаго. Царскія врата, какъ обычно, представляютъ Благовѣщеніе. Склоненная глава Богородицы выражаетъ покорность небесной волѣ. Архангелъ Гавріилъ, дѣйствительно, похожъ на видѣніе. Умышленно или нѣтъ, художникъ не показалъ намъ дверей горницы, — реальная подробность, такъ часто нарушающая настроеніе въ другихъ изображеніяхъ на эту тему. На мѣстныхъ иконахъ — Христосъ и Богородица, окруженные сонмами ангеловъ, предстаютъ во всей славѣ. Ихъ лики безмятежны, они отражаютъ вѣчную благость. Боковыя изображенія основаны на мысли о спасеніи вѣрой. Вотъ молодой Товій на берегу Ефрата. Ангелъ Рафаилъ, его спутникъ, руководитъ его дѣйствіями, оберегая отъ зла. Онъ ловитъ рыбу (древне-христіанскій символъ Христа), печень которой укажетъ ему, по направленію дыма, что пойдетъ на огнѣ, въ какую сторону идти, чтобы найти счастье. Пророкъ Даніилъ сидитъ въ пещерѣ межъ львовъ, и царь приходитъ освободить его, видя, что онъ остался невредимъ, благодаря своей вѣрѣ, какъ освобождаетъ Небесный Царь человѣка, прошедшаго съ помощью вѣры жизненный искусъ. Тоже и въ картинѣ, изображающей человѣка съ просвѣтленнымъ взоромъ, уносимаго ангеломъ на небо отъ земли съ ея ложью и печалью, олицетворенными ползущимъ по дорогѣ уродливымъ караваномъ людскихъ дѣлъ. Эти шедевры настроенія и возвышенной поэзіи, къ сожалѣнію, мало извѣстны. Оканчивая обзоръ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго, отмѣтимъ особенности ихъ. Главное въ нихъ то, что онѣ вдохновенно искренни и передаютъ вѣру и душу самого художника. Такъ вѣрилъ онъ, такія видѣнія видѣлъ, съ такою вѣрою онъ умеръ. Національныя, малороссійскія особенности религіозныхъ его картинъ,—какая то мягкость, и какая то особенная грусть. Такими чувствами дышатъ религіозные порывы Гоголя, столь близкаго по духу Боровиковскому. Здѣсь нѣтъ отчужденія отъ жизни, мрачной односторонности, — есть только глубокая тоска по собственному несовершенству и стремленіе въ иной, лучезарный міръ. Какъ портретистъ и религіозный художникъ, Боровиковскій занимаетъ высокое мѣсто въ русской школѣ искусства. Нѣкоторые говорятъ—первое; будемъ довольствоваться тѣмъ, что скажемъ—совсѣмъ особенное.

Списокъ нынѣ извѣстныхъ работъ В. Л. Боровиковскаго довольно обширенъ. Въ церквахъ находятся: а) Въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ: царскія врата (Благовѣщеніе и четыре евангелиста), образа преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, св. Константинъ и Елена. б) Въ церкви св. Троицы на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ: иконостасъ церкви верхняго яруса, царскія врата и шесть образовъ. в) Въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, рядъ иконъ въ соборѣ во имя св. Іосифа. г) Въ Торжкѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ: живопись иконостаса, 37 иконъ, писанныхъ въ 1795 г. (иконы писаны на казенный счетъ, съ Высочайшаго разрѣшенія; за всю работу заплочено 1600 р.). д) Въ Миргородѣ: нѣкоторыя иконы соборной и

Троицкой церквей, нынѣ испорченныя реставраціей. е) Въ Романовкѣ, мглинскаго уѣзда, черниговской губ.: иконостасъ въ церкви. ж) Въ Тишанкѣ, острогожскаго уѣзда, воронежской губ.: иконостасъ, испорченный реставраціей. — Портреты и картины въ дворцахъ, музеяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. а) Романовская галлерея Зимняго дворца: Императоръ Павелъ I и Императрица Марія Ѳедоровна, и великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи въ дѣтствѣ, великая княгиня Марія Павловна. б) Гатчинскій дворецъ, Портретная галлерея: вел. кн. Анна Ѳедоровна, вел. княжна Елена Павловна въ 1796 г., вел. княжна Александра Павловна невѣстой, 1796 г., два другихъ портрета тѣхъ же великихъ княженъ. в) Музей Имп. Александра III: персидскій принцъ Мурза-Кули-Ханъ, Д. П. Трощинскій, княгиня Багратіонъ, гр. Васильевъ и его супруга, архіепископъ Ириней (Лобановская коллекція). г) Академія художествъ: Нартовъ, почетный любитель, Ал. Андр. Безбородко, принцъ Мурза-Кули-Ханъ (въ маломъ размѣрѣ) д) Румянцовскій музей въ Москвѣ: А. Ѳ. Лабзинъ, през. ак. худож., Св. Семейство (копія съ Корреджіо), Богъ Саваоѳъ, созерцающій Спасителя въ страдальческой его кончинѣ (картонъ), Амвросій, митрополитъ новгородскій и петербургскій, Михаилъ Десницкій, митрополитъ, Зима. е) Академія Наукъ: Державинъ (1811 г.). ж) Департаментъ Удѣловъ: Императоръ Павелъ I. з) Церковно-археологическій музей въ Кіевѣ: плащаница, хоругвь съ изображеніемъ поклоненія пастуховъ и св. Митрофана. и) Галлерея бр. Третьяковыхъ въ Москвѣ: экзархъ Грузіи Антоній (1811); Екатерина II, три портрета неизвѣстныхъ лицъ, портретъ персидскаго принца (въ маломъ размѣрѣ), Юнгъ-Штиллингъ. і) собраніе Н. Д. Быкова въ Петербургѣ (нынѣ распроданное): вел. кн. Константинъ Павловичъ, Суворовъ, Императрица Екатерина II, Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ. к) Собраніе И. Терещенка въ Кіевѣ: портретъ г-жи Давыдовой. — Картины и портреты, бывшіе на выставкахъ или въ продажѣ. а) Историческая выставка портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ въ Петербургѣ въ 1870 г.: Екатерина II въ Царскосельскомъ саду (собственникъ П. И. Кузнецовъ), Архарова Ек. Ал. (А. А. Васильчиковъ), гр. А. П. Самойловъ, съ Лампи (А. А. Яблочкинъ), Лачинова (Охочинскій), вел. кн. Екат. Павловна (И. Л. Кузьминъ), гр. Васильевъ, Дм. Пр. Трощинскій (Шлихтингъ), гр. Е. А. Мусина-Пушкина (кн. А. И. Шаховской), гр. Анна Ив. Безбородко, съ дочерьми (В. П. Кочубей), А. А. Торсуковъ (кн. П. Д. Волконскій), Д. А. Валуевъ (гр. П. А. Валуевъ), кн. А. Б. Куракинъ (С. А. Гедеоновъ), С. П. Филипповъ, строитель Казанскаго соб., и О. К. Филиппова его жена (1790 г.) (А. И. Филипповъ), кн. А. Н. Волконская, дочь фельдмаршала Н. В. Репнина (кн. П. Д. Волконскій), кн. Н. И. Куракина (кн. А. Б. Куракинъ), В. И. Арсеньева (П. И. Ламанскій). б) Въ «Указателѣ собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ Членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ» (Спб. 1861) упомянуты: гр. Кутайсовъ (Н. М. Смирновъ), три семейныхъ портрета Львовыхъ (Ѳ. Ѳ. Львовъ, въ Москвѣ). в) Въ «Указателѣ выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ», бывшей въ залахъ Имп. Акад. Худож. въ 1851 г. въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ, упомянуты: Новиковъ Н. И. (гр. Уваровъ), кн. Потемкинъ-Таврическій съ оригинала Лампи (гр. А. В. Бобринскій въ Москвѣ), кн. А. Б. Куракинъ. г) Въ «Указателѣ русскаго музея, устроеннаго собраніемъ русскихъ художниковъ на Всероссійской мануфактурной выставкѣ, въ Петербургѣ въ 1870 г.» упомянуты четыре евангелиста (изъ собранія Петровскаго). д) Выставка въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ въ Акад. Худож. въ февралѣ 1888 г.: Портретъ кн. Енгалычевой съ дочерью. е) Спб. Общество Поощренія Художествъ (Зима. 1888 г.): портретъ кн. Трубецкого. — Картины и портреты, принадлежащіе частнымъ лицамъ: Е. А. Архарова (П. А. Валуевъ въ Петерб.), кн. А. Б. Куракинъ (г-жа Горгола), кн. Волконскій (кн. Н. В. Репнинъ, Яготинъ, полтавской губ.), Лопухинъ, А. (извѣстенъ по гравюрѣ Валкера), Нерукотворенный образъ 1823 г. великій князь Петръ Николаевичъ), Д. П. Трощинскій въ старости (собраніе В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ), Е. В. Торсукова (кн. П. Д. Волконскій), Имп. Александръ I (свѣдѣнія въ «Словарѣ портретовъ Ровинскаго»), Св. Семейство (1786 г.), (Н. С. Лѣсковъ), Нерукотворонный образъ, четыре небольшихъ

иконы на желѣзныхъ листахъ: Деисусъ и апостолы, портретъ Имп. Маріи Өедоровны, вел. кн. Константинъ Павловичъ, св. кн. Владиміръ (рисунокъ перомъ), Вакханка (Всѣ эти картины принадлежатъ И. И. Боровиковскому), Апостолы (В. П. Горленко), Семейные портреты (четыре) Трохимовскихъ (Н. А. Трохимовскій), Д. П. Трощинскій, два портрета—большой и малый, на мѣдной дощечкѣ (Н. А. Трохимовскій), Имп. Павелъ I (Н. А. Трохимовскій), Безбородко и Трощинскій (гр. Г. А. Милорадовичъ въ Черниговѣ), портреты лицъ царской фамиліи (наслѣдники П. П. Демидова), эскизъ плащаницы (І. І. Ясинскій въ Петербургѣ), Богоматерь (В. И. Капнистъ), Семейные портреты Капнистовъ: Вас. Вас. (поэта), жены его и П. В. Капниста (с. Обуховка, миргор. уѣзда, полт. губ. и с. Пузиково кременч. уѣзда той же губ.), эскизъ Благовѣщенія (Вышеславцевъ), портреты Дубовицкихъ (въ Москвѣ), Новоторжская крестьянка (г-жа Полѣнова въ Москвѣ), собственный портретъ В. Л. Боровиковскаго (оригиналъ принадлежитъ гр. Д. И. Толстому; копія карандашомъ работы Яша въ Дашковскомъ собраніи въ Москвѣ), офортъ Боровиковскаго—портретъ Юнгъ-Штиллинга, ошибочно принимаемый (и Ровинскимъ) за портретъ самого художника. У П. Д. Ефремова въ Москвѣ есть экземпляръ съ подписью, доказывающей, что это портретъ Юнгъ-Штиллинга; литографіи четырехъ евангелистовъ изъ царскихъ вратъ Казанскаго собора, работы самого В. Л. Боровиковскаго.

«Русскій Архивъ» 1891, № 6.—В. П. Горленко, В. Л. Боровиковскій. — «Художественный Сборникъ», изд. Моск. Общ. Любит. Художествъ, вып. I, статья П. Н. Петрова.—«Кіевская Старина», 1884, №№ 4, 6, 7, 9 (замѣтки В. П. Горленко и И. И. Боровиковскаго).—«Сынъ Отечества», 1874 г.—Матеріалы для исторіи Имп. Ак. Худ.—«Девятнадцатый Вѣкъ», изд. П. И. Бартенева (Записная книжка Боровиковскаго). — Подлинныя письма В. Л. Боровиковскаго къ роднымъ, принадлежащія В. П. Горленко.

В. Горленко.

Боровковъ, *Александръ Дмитріевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель, род. 10 іюня 1788 г., ум. 21 ноября 1856 г., въ С.-Петербургѣ. Боровковъ происходилъ изъ купеческаго званія, воспитывался въ московской университетской гимназіи и московскомъ университетѣ; по окончаніи послѣдняго, въ 1808 г. опредѣлился на службу повытчикомъ, въ шестой департаментъ московскаго отдѣленія Сената. Въ 1811 г. переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ хозяйственный департаментъ министерства полиціи; но въ декабрѣ того-же года перешелъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ и дослужился до производства въ оберъ-гиттенфервалтеры. Въ 1822 г. Боровковъ назначается начальникомъ четвертаго отдѣленія коммиссаріатскаго департамента, а въ 1825 г., по Высочайшему указу,—правителемъ дѣлъ «Коммиссіи для изслѣдованія о злоумышленномъ обществѣ». Удачное исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ должностью правителя названной коммиссіи, доставило ему въ слѣдующемъ году должность помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, гдѣ потомъ онъ дослужился до званія статсъ-секретаря по военному департаменту. Кромѣ того, въ 1833 г. Боровковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ «Комитета Высочайше учрежденнаго для опредѣленія точныхъ правилъ при составленіи справочныхъ и среднеуставительныхъ цѣнъ», и въ 1835 г. предсѣдателемъ же «Высочайше учрежденнаго комитета при военномъ министерствѣ для повѣрки свода военныхъ постановленій». Результатомъ послѣдняго было составленіе новаго Свода военныхъ постановленій, при главномъ и даже едва-ли не единственномъ участіи Боровкова. Въ 1840 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи и сенаторомъ. Но его пребываніе въ сенаторскомъ званіи было непродолжительно: въ 1846 г. Боровковъ былъ лишенъ его, а равно и получаемыхъ окладовъ, вслѣдствіе обвиненія въ растратѣ капитала Компаніи громоздкихъ движимостей, въ которой онъ былъ совѣщательнымъ директоромъ. Хотя на судѣ и выяснилась полная его невиновность, но званія сенатора онъ не могъ вымолить у Государя, согласившагося лишь на негласную выдачу ежегоднаго оклада въ 1572 руб. и единовременно 435 руб.

Будучи еще студентомъ, Боровковъ сталъ помѣщать небольшія переводныя стихотворенія въ «Весеннемъ Цвѣткѣ», изданномъ въ 1806 г. Кузьминымъ, въ «Другѣ Юношества», изд. Невзоровымъ, и въ «Аглаѣ» князя Шаликова. Въ послѣднемъ альманахѣ онъ напечаталъ кромѣ того повѣсть: «Іердей и Амалія». Почти одновременно съ окончаніемъ курса въ московскомъ университетѣ появилось въ печати и его «Начертаніе россійской исторіи для употреб-

ленія юношества и особенно сей имперіи. Переводъ сочиненія Ивана Вегелина» (М., 1897 г.). Въ 1816 г. Боровкову удалось основать въ Петербургѣ «Вольное Общество любителей россійской словесности», въ которомъ впослѣдствіи приняли участіе всѣ петербургскіе наиболѣе видные писатели, и которое издавало съ 1818 г. свой органъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», редактируемый основателемъ Общества. За время съ 1819 по 1822 г. Боровковъ успѣлъ еще издать: «Поѣздку на Илецкую Защиту» (Спб., 1819 г.), «О философіи англичанъ. Изъ сочиненія Сталь-Голштейна. Переводъ съ французскаго» (Спб., 1819 г.), «О философіи французовъ. Переводъ съ французскаго соч. Сталь-Голштейна» (Спб., 1820 г.) и «Завѣщаніе дочерямъ». Переводъ съ англійскаго соч. Грегора (Спб., 1822 г.). Увеличившіяся служебныя занятія надолго прервали его литературную дѣятельность, и лишь въ концѣ 1830-хъ годовъ онъ принялся за составленіе «Автобіографическихъ Записокъ», которыя появились въ печати только въ концѣ 1898 г., въ «Русской Старинѣ» (№№ 9, 10, 11 и 12). Несмотря на свою сравнительную краткость, «Записки» сообщаютъ немало любопытнаго: о преподаваніи въ московскомъ университетѣ въ самомъ началѣ XIX в., о бунтѣ декабристовъ, о процессѣ надъ ними,—при чемъ приводится «систематическій сводъ», составленный Боровковымъ изъ отвѣтовъ декабристовъ, о Государственномъ Совѣтѣ и его главнѣйшихъ представителяхъ и проч. Въ томъ же журналѣ за 1899 г., № 8, помѣщено небольшое стихотвореніе Боровкова—«Совѣтъ старцу».

Формулярный списокъ о службѣ Боровкова.—«Русскія книги» С. Венгерова, вып. 23 (1898 г.).—Вышеупомянутыя «Автобіографическія Записки». «Сѣв. Пчела», 1856, № 260.—Словарь Геннади.
В. Р—въ.

Боровковъ, ***Дмитрій Михайловичъ,*** врачъ, сынъ дворового человѣка гр. Шереметева, род. 24 дек. 1842 г. въ с.-петербургской губ., ум. 23 марта 1885 г. въ Петербургѣ. Врачебное образованіе Боровковъ получилъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, въ которой былъ своекоштнымъ воспитанникомъ, окончилъ курсъ въ 1866 г. съ званіемъ лѣкаря, въ 1867 г. поступилъ на военную службу въ 20-й пѣхотный галицкій полкъ, въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ одесскій округъ медикомъ для командировокъ, на 1870—1871 учебный годъ прикомандированъ для научнаго усовершенствованія къ медико-хирургической академіи, послѣ чего получилъ званіе полевого хирурга, и въ 1871 г. былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ херсонскаго военнаго госпиталя съ назначеніемъ въ одесское военно-медицинское окружное управленіе (секретно). На 1875—76 учебный годъ Боровкова снова прикомандировали къ клиникамъ медико-хирургической академіи для усовершенствованія, и въ 1876 г. онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ 87 пѣхотнаго нейшлотскаго полка. Въ томъ-же году онъ отправился съ отрядомъ Краснаго Креста въ Сербію, на театръ военныхъ дѣйствій, въ слѣдующемъ году былъ старшимъ ординаторомъ сначала въ военно-временномъ № 73 госпиталѣ, затѣмъ въ такомъ-же госпиталѣ № 53. Въ 1881 г. Боровковъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ главнаго артиллерійскаго полигона, а на 1881—82 годъ въ третій разъ былъ прикомандированъ къ медико-хирургической академіи.—Боровковъ напечаталъ статью: «Организація санитарной части въ арміи и транспортировки больныхъ и раненыхъ», въ «Военно-Санит. Дѣлѣ», 1885 г. 39, 40.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—«Русская Медицина» 1885 г., № 12, стр. 764.—Списокъ окончившихъ курсъ въ М.-хир. академіи—въ прилож. къ Исторіи Имп. В.-Мед. Акад., стр. 251.
Н. К.

Боровскіе князья. Родословныя, а за ними и многіе историки невѣрно называютъ первымъ Боровскимъ княземъ Андрея Ивановича, сына Ивана Калиты: первымъ Боровскимъ и вмѣстѣ Серпуховскимъ княземъ былъ сынъ Андрея, ***Владиміръ,*** получившій Боровскъ отъ Димитрія Ивановича Донского посредствомъ мѣны, при содѣйствіи митрополита Іоны, не задолго до кончины этого послѣдняго (около 1378 г.). Владиміру Андреевичу наслѣдовалъ сынъ его, ***Семенъ Владиміровичъ,*** о которомъ сохранилось мало извѣстій. Въ 1404 г. онъ женился на Василисѣ Семеновнѣ, дочери служилаго князя Семена Романовича Новосильскаго; онъ пользовался довѣріемъ вел. кн. Василія Димитріевича, который въ своемъ духовномъ завѣщаніи поручаетъ своего сына-наслѣдника (Василія Васильевича), между прочимъ, и его попеченіямъ.—Семенъ Владиміровичъ, по принятіи иноческаго чина съ именемъ Саввы,

скончался осенью 1426 г. отъ моровой язвы. Потомства онъ не оставилъ.—По завѣщанію Владиміра Андреевича, жёны сыновей его, по смерти этихъ послѣднихъ, сидятъ на удѣлахъ мужей своихъ пожизненно, а потомъ передаютъ то, чѣмъ владѣли, сыновьямъ своимъ; если же сыновей не окажется, существующіе въ живыхъ князья-родичи дѣлятъ выморочный удѣлъ между собою по-ровну, выдавъ въ замужество дочь или дочерей, если таковыя окажутся послѣ умершей. Однако, этотъ пунктъ духовнаго завѣщанія Владиміра Андреевича надобно понимать въ ограниченномъ смыслѣ: вдовы его сыновей имѣли право владѣть, вѣроятно, только извѣстными волостями, а не всѣмъ удѣломъ; только такъ и можно объяснить то обстоятельство, что послѣ 1427 г. Боровскомъ владѣлъ *Василій Ярославичъ*, хотя жена Семена Владиміровича, какъ извѣстно, жива была еще въ 1462 г., когда уже не было на удѣлѣ и самого Василія Ярославича. И такъ, послѣднимъ княземъ Боровскимъ былъ Василій Ярославичъ, сынъ Ярослава-Аѳанасія Владиміровича, князя Серпуховско-Малоярославецкаго, шуринъ великаго князя Василія Темнаго. Въ 1456 г., по приказу великаго князя, Василій Ярославичъ заточенъ былъ въ Угличѣ, а удѣлъ его (Боровскъ и Серпуховъ) присоединенъ къ Москвѣ. Иванъ Васильевичъ, княжичъ Боровскій, сынъ предъидущаго, по изыманьи отца, бѣжалъ съ мачихой въ Литву, гдѣ сошелся съ другимъ изгнанникомъ, княземъ Можайскимъ Иваномъ Андреевичемъ. Оба они мечтали о походѣ на великаго князя, объ освобожденіи Василія Ярославича, дѣлили еще не пріобрѣтенное великое княжество Московское, и въ этомъ смыслѣ заключили даже, въ 1462 г., договоръ. Но мечты ихъ не сбылись, и Ивану Васильевичу пришлось умереть на чужбинѣ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., т. II.—Карамзинъ.—Щербатовъ, т. IX, ч. 1, стр. 33—370—437, 555—590.

Боровскій, *Левъ Севастьяновичъ*, ординарный профессоръ краснорѣчія и поэзіи виленскаго университета, род. 24 іюня 1784 г. въ пинскомъ уѣздѣ, ум. 4 апрѣля 1846 г.; начальное образованіе онъ получилъ въ Поставахъ (народная школа въ дисненскомъ уѣздѣ), въ 1801 г. прибылъ въ Вильно и, покровительствуемый ректоромъ главной школы Почебутомъ, получилъ должность въ канцеляріи школы и дозволеніе слушать лекціи въ школѣ. Въ 1803 г. онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата философскихъ наукъ, въ 1805 г. назначенъ бухгалтеромъ при канцеляріи университета, въ 1807 г. назначенъ учителемъ въ свислочскую гимназію по теоріи поэзіи, словесности, греческому и латинскому языкамъ, а въ 1811 г. переведенъ въ виленскую гимназію. Съ 1-го октября 1814 г. Боровскій былъ лекторомъ въ виленскомъ университетѣ по теоріи поэзіи и краснорѣчію, въ 1816 г. удостоенъ степени магистра философіи, съ 14 октября 1878 г. адъюнктъ университета, а 20 іюня 1818 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ и эту должность исполнялъ до закрытія университета въ 1832 г. Съ 1833 по 1842 годъ Боровскій былъ профессоромъ практической и теоретической гомилетики въ римско-католической духовной академіи и членомъ правленія академіи, въ 1842 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника.—Важнѣйшія его сочиненія: 1) Uwagi nad poezyją i wymową pod względem ich podobieństwa i różnicy z cwiczeniami w niektórych gatunkach styliu. Wilno 1820. 2) Retoryka dla szkół powiatowych. Wilno. 1824. 3) O poznawaniu zdolnosci umysłowych w młodzieży i o wpływie obcych wzorów starożytnych i nowych na ukrzałconie smaku. 1826. Кромѣ того много статей напечатано въ «Wiadomosciach brukowych», «Wizerunkach» и «Tygodniku Wileńskim», Въ рукописи остался «Донъ-Кихотъ» Сервантеса, въ переводѣ на польскій языкъ.

Wielka Encyklopedyja.

Бородавка, *Николай Григорьевичъ*, врачъ, род. въ 1811 г., ум. въ 1845 г. Окончивъ курсъ наукъ въ ветеринарномъ отдѣленіи петербургской медико-хирургической академіи и получивъ званіе ветеринарнаго лѣкаря, Бородавка затѣмъ вторично окончилъ курсъ академіи, но уже по медицинскому отдѣленію и въ 1839 г. получилъ званіе лѣкаря II-го отдѣленія. Въ академіи (на медицинскомъ отдѣленіи) Бородавка былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ и въ 1839 г. былъ опредѣленъ врачемъ въ 5-й флотскій экипажъ; въ 1841 г. онъ былъ переведенъ въ л.-гв. московскій полкъ, въ 1844 г. получилъ отъ медико-хирургической академіи званіе штабъ-лѣкаря.—Бородавка напечаталъ сочиненіе, имѣющее серьезное научное значеніе: «Опи-

саніе производства операціи аневризмъ, отнятія членовъ и вырѣзыванія ихъ изъ составовъ» (СПб. 1843 г.) и Анатомо-хирургическія таблицы къ этой работѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи писатели.— Исторія Имп. В.-Мед. академіи СПб. 1898, прилож., стр. 231 и 232. *Н. К.*

Бородинъ, *Александръ Порфирьевичъ*, композиторъ, профессоръ химіи и академикъ военно-медицинской академіи, докторъ медицины; род. 31 октября 1834 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 15 февраля 1887 г. Отецъ его происходилъ изъ рода князей Имеретинскихъ; мать, Авдотья Константиновна, во второмъ бракѣ Клейнеке, была женщина мало образованная, но умная, съ очень опредѣленными взглядами на жизнь. Будучи противъ обученія дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ, она дала своему сыну воспитаніе домашнее. До 13 лѣтъ Бородинъ росъ исключительно подъ женскимъ вліяніемъ. Несмотря на слабое здоровье и некрѣпкое тѣлосложеніе, Бородинъ былъ очень дѣятельнымъ ребенкомъ и никогда не сидѣлъ безъ дѣла, занимаясь то гальванопластикой, то химіей, то лѣпкой или рисованіемъ, то наконецъ музыкой. Уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ обнаружилъ блестящія способности къ наукамъ и, подобно Глинкѣ, къ языкамъ: французскій и нѣмецкій онъ быстро усвоилъ подъ руководствомъ француженки и нѣмки. Впослѣдствіи въ Италіи онъ быстро освоился и съ итальянскимъ языкомъ. Наиболѣе любимыми его занятіями были химія и музыка; къ послѣдней онъ весьма рано обнаружилъ исключительныя способности. Въ бумагахъ его сохранилась полька F-dur, сочиненная имъ въ дѣтствѣ въ честь одной знакомой барышни, составлявшей предметъ его первой дѣтской любви. Большое значеніе для его музыкальнаго развитія имѣло товарищество съ М. Р. Щиглевымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ преподавателемъ музыки, въ то время еще мальчикомъ, который жилъ нѣкоторое время у матери Бородина, занимаясь вмѣстѣ съ нимъ науками для поступленія въ учебное заведеніе. Они также занимались вмѣстѣ и музыкой, играя въ 4 руки симфоніи Бетховена, Гайдна и Мендельсона. Желая ознакомиться ближе съ камерной музыкой, Бородинъ учился играть на віолончели и флейтѣ, Щиглевъ—на скрипкѣ. Въ 1847 г., 13 лѣтъ Бородинъ написалъ концертъ для флейты съ фортепіано, а также тріо для двухъ скрипокъ и віолончели на темы изъ «Роберта» Мейербера (оно занимало всего лишь одну страницу). Въ 1850 г. Бородинъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, отдался изученію ботаники, зоологіи, кристаллографіи и анатоміи. Ботанику онъ любилъ до самой смерти и каждое лѣто ботанизировалъ. На второмъ курсѣ онъ едва не погибъ, заразившись трупнымъ ядомъ во время препарированія трупа. Но всего усерднѣе онъ занимался химіей, и на 3-емъ курсѣ обратился къ профессору химіи Зинину съ просьбой разрѣшить ему заниматься подъ его руководствомъ въ академической лабораторіи. Сначала Зининъ отнесся къ его намѣренію съ недовѣріемъ и даже съ насмѣшкой, но скоро убѣдился въ его искренней любви къ наукѣ и недюжинныхъ способностяхъ и сдѣлался его постояннымъ руководителемъ не только въ научныхъ занятіяхъ, но и въ житейскихъ дѣлахъ. Впослѣдствіи благодарный ученикъ написалъ (въ сотрудничествѣ съ проф. Бутлеровымъ) превосходную біографію любимаго учителя. Усердно занимаясь наукой, Бородинъ въ тоже время не оставлялъ и музыки и старался пополнить свое музыкальное образованіе, участвуя, въ качествѣ віолончелиста, въ исполненіи квартетовъ и другой камерной музыки въ различныхъ знакомыхъ домахъ, между прочимъ у И. И. Гаврушкевича. Во время пребыванія въ академіи Бородинъ сочинилъ много фугъ, романсъ F-moll на слова «Красавица-Рыбачка», тріо «Чѣмъ тебя я огорчила» и скерцо B-moll, въ которомъ, по словамъ Щиглева, впервые обнаруживается у него русскій пошибъ. Въ 1856 г., кончивъ курсъ академіи, Бородинъ былъ прикомандированъ ко 2-му военному госпиталю въ качествѣ ординатора. Въ 1858 г. Бородинъ представилъ въ академію диссертацію «Объ аналогіи мышьяковой кислоты съ фосфорной» и 3-го мая того же года получилъ степень доктора, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, гдѣ прожилъ три года, съ 1859 до 1862 г., большею частью въ Гейдельбергѣ, занимаясь въ лабораторіи проф. Эрленмейера одновременно съ Менделѣевымъ, Сѣченовымъ, Боткинымъ и Юнге. Въ 1861 г. въ Гейдельбергѣ Бородинъ познакомился съ Екатериной Сергѣевной Протопоповой, прекрасной пьянисткой - люби-

тельницей, своей будущей женой. Во время пребыванія за границей онъ сочинилъ секстетъ для струнныхъ инструментовъ (d-moll), квинтетъ въ манерѣ Глинки и скерцо для фортепіано въ 4 руки въ манерѣ Мендельсона. Въ 1862 г., по пріѣздѣ въ Россію, Бородинъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ химіи въ медико-хирургической академіи, а въ 1864 г.—ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Съ 1863 г. онъ приглашенъ былъ читать химію въ лѣсной академіи, а впослѣдствіи, въ 1872 г.—на женскихъ медицинскихъ курсахъ, однимъ изъ основателей которыхъ онъ былъ.

Къ 1862 г. относится знакомство, а затѣмъ и тѣсное сближеніе Бородина съ Балакиревымъ и его кружкомъ, имѣвшимъ на его музыкальное развитіе громадное вліяніе. Только благодаря Балакиреву и его товарищамъ, Бородинъ изъ дилеттанта и недоучки сдѣлался серьезнымъ и зрѣлымъ музыкантомъ, впервые серьезно посмотрѣлъ на задачи искусства и выработалъ опредѣленныя эстетическія воззрѣнія. Балакиревъ не только убѣдилъ Бородина въ томъ, что онъ можетъ и долженъ серьезно заняться композиторствомъ, но и руководилъ самъ лично его музыкальными занятіями. Правда, онъ не занимался съ нимъ систематически теоріей, такъ же какъ не занимался ею и съ другими членами кружка, но проигрывая съ нимъ вмѣстѣ въ 4 руки лучшія произведенія великихъ мастеровъ Бетховена, Шумана, Берліоза, Листа и Глинки, анализировалъ ихъ со стороны формы и внутренняго содержанія, объяснялъ техническій складъ сочиненія; вообще критическимъ отношеніемъ къ исполняемымъ и къ слышаннымъ въ концертахъ вещамъ онъ способствовалъ развитію въ Бородинѣ художественнаго чутья. Увлекаемый примѣромъ новыхъ друзей своихъ, Бородинъ съ жаромъ принялся за сочиненіе симфоніи es-dur, но, постоянно отвлекаясь отъ нея для различныхъ другихъ занятій, окончилъ ее лишь въ 1867 г. За симфоніей послѣдовалъ рядъ романсовъ, написанныхъ по большей части на собственныя слова. Одновременно съ сочиненіемъ романсовъ Бородинъ принялся было и за сочиненіе оперы «Царская Невѣста» (сюжетъ драмы Мея) и даже сочинилъ для нея нѣсколько номеровъ, но скоро забросилъ, охладѣвъ къ этому сюжету, и просилъ В. В. Стасова доставить ему другой сюжетъ. В. В. Стасовъ предложилъ ему написать оперу на сюжетъ «Слова о полку Игоревѣ» и набросалъ ему сценарій. Бородинъ написалъ самъ либретто, при чемъ, желая какъ можно лучше возсоздать эпоху, предварительно изучилъ всѣ памятники древней русской словесности, а также сочиненія ученыхъ, имѣвшія какое-либо отношеніе къ избранному имъ сюжету; окончивъ либретто, Бородинъ принялся за сочиненіе музыки и очень скоро написалъ нѣсколько номеровъ: Сонъ Ярославны, романсъ Кончаковны, шествіе половецкихъ князей, но потомъ вдругъ совершенно охладѣлъ къ оперѣ и въ теченіе долгаго времени не прикасался къ ней, несмотря на уговариванія друзей. Вмѣсто того онъ принялся за 2-ую симфонію h-moll. Въ это время (зиму 1871—72 гг.) директоръ театровъ С. А. Гедеоновъ предложилъ Бородину, Кюи, Мусоргскому и Римскому-Корсакову написать музыку къ сочиненной имъ пьесѣ оперѣ-балету «Млада» (музыку собственно для балетной части долженъ былъ сочинить Минкусъ). Эти композиторы съ удовольствіемъ принялись за работу, при чемъ при распредѣленіи работы, на долю Бородина выпалъ весь 4-ый актъ, со сценами языческаго богослуженія въ храмѣ, явленіемъ тѣней древне-славянскихъ князей, гибелью храма отъ наводненія и т. п. Въ короткое время Бородинъ создалъ музыку къ этимъ сценамъ, въ которыхъ необыкновенно удачно былъ переданъ духъ величавой сѣдой славянской старины; къ сожалѣнью, затѣя Гедеонова не могла осуществиться по недостатку въ то время у дирекціи театровъ средствъ, необходимыхъ для постановки этой сложной, богатой сценическими эффектами оперы. Бородинъ вернулся къ сочиненію 2-ой симфоніи, а вскорѣ по усиленному настоянію молодаго врача Шонорова, да и по собственной охотѣ, вновь принялся за забытаго «Игоря». При этомъ онъ воспользовался почти всѣмъ матеріаломъ своей музыки къ «Младѣ» для «Игоря», переработавъ его, конечно, сообразно съ требованіями новой задачи. Одна лишь финальная сцена—затопленія храма—не вошла въ «Игоря». Постоянно отрываясь отъ своей оперы для научныхъ занятій и другихъ дѣлъ, Бородинъ писалъ ее по немногу въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ жизни и все таки не успѣлъ кончить ее. Къ тому же Бородинъ, не

считалъ музыку главной задачей своей жизни и удѣлялъ ей вообще очень мало времени, какъ видно изъ письма къ Л. И. Кармалиной, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Когда я боленъ настолько, что сижу дома, ничего дѣльнаго дѣлать не могу, голова трещитъ, глаза слезятъ, черезъ каждыя двѣ минуты приходится лазить въ карманъ за платкомъ—я сочиняю музыку».

Въ 1877 г. Бородинъ во время поѣздки за границу познакомился въ Веймарѣ съ Листомъ, который радушно принялъ его и высказалъ горячія симпатіи какъ къ его сочиненіямъ, такъ и ко всей вообще русской музыкѣ. Въ 1880 г. Бородинъ сочинилъ симфоническую картинку для оркестра «Въ средней Азіи», написанную имъ по случаю 25-ти-лѣтія царствованія Императора Александра II. Въ 1885 — 6 годахъ Бородинъ присутствовалъ на «русскихъ концертахъ» въ Льежѣ, устроенныхъ по иниціативѣ и при содѣйствіи графини Мерси д'Аржанто, горячей поклонницы русской музыки. Въ благодарность за сочувствіе и пропаганду его сочиненій, Бородинъ посвятилъ графинѣ 7 фортепіанныхъ пьесокъ подъ общимъ названіемъ «Petite Suite» и романсъ «Septain» (седмистишіе), въ русскомъ переводѣ извѣстный подъ названіемъ «Чудный садъ». Послѣдними его сочиненіями были: «Serenata alla spagnola» для струннаго квартета, написаннаго имъ совмѣстно съ Римскимъ-Корсаковымъ, Лядовымъ и Глазуновымъ на тему B-la-f (Bélaïeff) и посвященнаго всѣми ими издателю-меценату М. П. Бѣляеву, затѣмъ 2-ой струнный квартетъ d-dur и двѣ части изъ неоконченной 3-ей симфоніи (онѣ не были никогда записаны и, подобно увертюрѣ къ «Князю Игорю», на память воспроизведены А. К. Глазуновымъ). Бородинъ скончался внезапно отъ разрыва сердца, среди гостей, собравшихся у него по случаю масляницы. Похороненъ онъ на кладбищѣ Александро - Невской лавры, рядомъ съ Мусоргскимъ.

Изъ этого краткаго очерка жизни А. П. Бородина видно, что жизнь его была довольно бѣдна внѣшними событіями, но за то тѣмъ богаче она была внутреннимъ содержаніемъ. Все свое время онъ дѣлилъ между научнымъ трудомъ, профессурой, музыкой и общественной дѣятельностью. Всему этому онъ отдавался съ одинаковымъ увлеченіемъ и любовію, хотя нам большую часть времени онъ удѣлялъ профессурѣ и вообще занятіямъ въ академіи, видя въ нихъ истинную цѣль жизни и смотря на музыку лишь какъ на «блажь». Но несмотря на страстную любовь къ наукѣ, дѣятельность его въ сферѣ научной мысли была менѣе плодотворна, чѣмъ можно было ожидать, судя по его талантливости,—можетъ быть въ силу неудачно сложившихся обстоятельствъ. По словамъ проф. А. П. Діанина, его работу тормазилъ и недостатокъ средствъ академической лабораторіи (для которой онъ однако сдѣлалъ все, что было въ его силахъ), и недостатокъ времени; съ другой стороны, встрѣчи въ научныхъ трудахъ съ другими химиками заставляли его отказываться отъ начатыхъ изслѣдованій и уступать ихъ болѣе счастливымъ и лучше обставленнымъ соперникамъ. Такъ, когда ему удалось получить бромо-кислоты и смѣшанные ангидриды бромноватистыхъ и жирныхъ кислотъ, и онъ началъ разбираться въ своихъ изслѣдованіяхъ, появилась болѣе подробная работа Шютценбергера о подобныхъ же соединеніяхъ хлорноватистыхъ кислотъ, вслѣдствіе чего Бородинъ оставилъ эту работу, предоставивъ дальнѣйшее изслѣдованіе этихъ веществъ нѣмецкому ученому. Затѣмъ Бородинъ уже въ Италіи работалъ надъ фтористыми соединеніями, и ему первому удалось получить фтористый бензоилъ, который по своимъ свойствамъ оказался вполнѣ аналогичнымъ съ хлористымъ бензоиломъ (работой этой онъ доказалъ, что въ сложныхъ углеродистыхъ соединеніяхъ фторъ является вполнѣ соотвѣтствующимъ другимъ галлоидамъ). Затѣмъ Бородинъ изучалъ дѣйствіе натрія на валеріановые альдегиды и получилъ альдолъ, но и здѣсь столкнулся съ изслѣдованіемъ французскаго химика Вюрца, почему и ограничился короткой протокольной замѣткой, уступивъ Вюрцу дальнѣйшее изслѣдованіе альдола, несмотря на громадный интересъ, который представляло это вещество, благодаря его своеобразной натурѣ. Послѣ этого Бородинъ вернулся къ изслѣдованіямъ амарина, которыми онъ занимался еще въ 1858 г., начавъ этимъ свою ученую дѣятельность. Дѣйствуя азотистой кислотой въ различныхъ условіяхъ на амаринъ, Бородинъ получилъ нитрозоамаринъ. Подъ конецъ жизни онъ занимался разработкой вопроса объ опредѣле-

нія азота при изученіи азотистыхъ метаморфозъ въ животномъ организмѣ и предложилъ для этого свой методъ, а также въ высшей степени удобный и простой приборъ, который нашелъ себѣ широкое примѣненіе при работахъ съ азотистымъ обмѣномъ. Вообще, по мнѣнію такихъ ученыхъ, какъ Менделѣевъ, Боткинъ и многія европейскія знаменитости, Бородинъ былъ первоклассным химикомъ. Бородинымъ напечатано около 20 изслѣдованій по химіи въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ, русскихъ и иностранныхъ, преимущественно въ «Журналѣ Русскаго физико-химическаго общества»; тамъ же помѣщена замѣтка о научныхъ трудахъ Бородина, составленная проф. Діанинымъ.

Въ общественной дѣятельности Бородина прежде всего необходимо отмѣтить его заслуги по отношенію къ женскому медицинскому образованію. Будучи европейски образованнымъ человѣкомъ, съ широкимъ кругозоромъ, Бородинъ не могъ не сочувствовать глубоко и искренне насажденію и развитію въ Россіи женскаго образованіе вообще и медицинскаго въ частности и былъ однимъ изъ основателей женскихъ медицинскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ. Съ 1872 г. онъ читалъ тамъ лекціи по химіи и во все время своего профессорства не переставалъ заботиться о курсахъ и оказывать слушательницамъ поддержку, какая была въ его силахъ. Когда же возникъ вопросъ о закрытіи курсовъ, онъ всѣми силами отстаивалъ продолженіе ихъ существованія. Всѣмъ этимъ онъ снискалъ величайшую любовь къ себѣ своихъ учениць, и среди многочисленныхъ вѣнковъ, возложенныхъ на его могилу, красовался между прочимъ одинъ серебряный вѣнокъ съ надписью: «Основателю, охранителю, поборнику женскихъ врачебныхъ курсовъ, опорѣ и другу учащихся—отъ женщинъ-врачей десяти курсовъ. 1872—87 г.» Такой же отеческій и вмѣстѣ съ тѣмъ дружескій характеръ носили его отношенія къ слушателямъ академіи, у которыхъ сохранились о немъ самыя теплыя воспоминанія. По словамъ проф. Діанина, Бородинъ вѣчно о комъ-нибудь изъ нихъ хлопоталъ, кого-нибудь устраивалъ, никогда никому не отказывая въ поддержкѣ матеріальной или нравственной. Въ своей перепискѣ Бородинъ рисуется также въ высшей степени симпатичной личностью, человѣкомъ, чрезвычайно мягкимъ, гуманнымъ и искреннимъ, чуждымъ всякой мелочности, завистливаго отношенія къ кому-бы то ни было, сердечно радующимся успѣхамъ друзей и сожалѣющимъ объ ихъ неудачахъ или бѣдахъ, любовно относящимся даже къ животнымъ. Кстати сказать, во многихъ его письмахъ, особенно въ тѣхъ, которыя посвящены описанію его встрѣчъ съ Листомъ, онъ обнаружилъ недюжинный литературный талантъ. Почти во всѣхъ письмахъ проявляется также и его способность къ юмору, при чемъ юморъ этотъ всегда носилъ вполнѣ безобидный, добродушный характеръ. Весьма часто онъ былъ направленъ на самого же автора.

Но наиболѣе важное значеніе имѣетъ дѣятельность Бородина на музыкальномъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи главная заслуга Бородина заключается во первыхъ въ томъ, что онъ далъ дальнѣйшее развитіе началамъ, положеннымъ Глинкою въ его операх «Русланъ и Людмила», создавъ высокій образецъ истинно національной эпической оперы, во многомъ неуступающій своему великому образцу, во вторыхъ въ томъ, что онъ создалъ своеобразный, чисто русскій симфоническій стиль (1-ая симфонія Римскаго - Корсакова, первая по времени и во всей русской музыкѣ, заключающая уже въ себѣ многіе основные элементы этого стиля, все же произведеніе еще далеко незрѣлое, и въ ней лишь намѣчено то, что получило впослѣдствіи такой пышный расцвѣтъ у Бородина), и многія позднѣйшія симфоніи русскихъ композиторовъ, въ томъ числѣ и Глазунова, представляютъ лишь разработку этого стиля. Такимъ образомъ, главнѣйшими произведеніями Бородина слѣдуетъ считать оперу «Князь Игорь» и двѣ симфоніи es-dur и h-moll. Опера «Князь Игорь», писавшаяся съ большими перерывами, въ періодъ времени отъ 1869 до 1887 г., такъ и осталась незаконченною. Ее закончили послѣ смерти друзья его Н. А. Римскій - Корсаковъ и Глазуновъ, написавшіе и оркестровавшіе тѣ номера, которые не были Бородинымъ написаны или оркестрованы. Принимаясь за работу надъ этой оперой, Бородинъ имѣлъ въ виду создать образецъ эпической оперы. «Я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту—написать эпическую русскую оперу», говорилъ онъ. И онъ дѣйствительно создалъ эпическую оперу, т. е. такую, которая возсоздала

главнымъ образомъ жизнь цѣлаго народа въ извѣстную эпоху его существованія, съ одинаковой любовью останавливаясь на всѣхъ герояхъ и событіяхъ, лишь группируя ихъ вокругъ одной личности, какъ центра; главному лицу оперы, Игорю, удѣлено сравнительно мало мѣста, и онъ является лишь центромъ, вокругъ котораго происходитъ все дѣйствіе, а самъ дѣйствуетъ очень мало. Всѣ дѣйствующія лица охарактеризованы музыкою почти съ одинаковою яркостью, начиная отъ Игоря, благороднаго, непоколебимо честнаго борца за родину, до скомороховъ Скулы и Ерошки, до половецкой дѣвушки. Но еще сильнѣе и ярче охарактеризованъ самъ народъ во всѣхъ сценахъ, гдѣ выступаетъ на первый планъ: въ прологѣ онъ проникнутъ сознаніемъ величія предстоящаго дѣла борьбы съ половцами, въ сценѣ бражничества обнаруживаются его дурныя свойства, въ послѣднемъ актѣ—онъ является тоскующихъ, эта пѣснь обездоленныхъ безъ князя поселянъ изумительно передаетъ «стонъ русской земли», о которомъ такъ поэтично говоритъ «Слово». Быть можетъ, хоры въ «Игорѣ»—самое сильное и высокое, что написано Бородинымъ. Музыка Игоря, подобно музыкѣ его предшественниковъ, Глинки и Даргомыжскаго, и товарищей, Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго, проникнута истинно народнымъ складомъ, основаннымъ на глубокомъ проникновеніи въ духъ народной пѣсни, дающемъ возможность создавать самостоятельныя произведенія, родственныя ей по стилю, но стоящія неизмѣримо выше по совершенству формы и глубинѣ замысла. Далѣе, музыка «Игоря» необыкновенно колоритна, что особенно очевидно въ сценахъ въ половецкой ставкѣ, въ которыхъ необыкновенно хорошо рисуется то безконечное раздолье степи, изъ которой пришли эти кочевники (пѣсня половецкой дѣвушки), то восточная нѣга (хоры половецкихъ женщинъ), то дикая воинственность варварскаго племени (пляски и маршъ). Наряду съ элементами народности и колорита, Бородинъ далъ замѣчательные образчики юмора въ сценахъ Скулы и Ерошки, которыя благодаря контрасту съ серьезными моментами, еще болѣе оттѣняютъ эпическое величіе этихъ послѣднихъ. Наконецъ, весьма важная роль отведена въ оперѣ и лиризму, нашедшему себѣ мѣсто въ партіяхъ Ярославны, Кончаковны и Владиміра Игоревича, проникнутыхъ сплошь искреннимъ глубокимъ чувствомъ, никогда однако не переходящимъ въ сентиментальность и слащавость. Относительно внѣшнихъ формъ Бородинъ нѣсколько расходился во взглядахъ съ остальными членами балакиревскаго кружка, требовавшими окончательнаго разрыва со старыми формами и возстававшими противъ обычной округленности оперныхъ арій, каватинъ и ансамблей, во имя реализма: онъ придерживался традицій, завѣщанныхъ Глинкою, широко примѣняя округленныя формы и не выдвигая на первый планъ речитативовъ и декламаціи, которая тѣмъ не менѣе у него почти всегда безукоризненна.

Въ симфоніи также Бородинъ не слишкомъ рѣзко уклонялся отъ обычныхъ симфоническихъ формъ. Будучи страстнымъ поклонникомъ симфонической музыки Бетховена и Шумана, Бородинъ не сразу освободился отъ вліянія этихъ композиторовъ и, несмотря на своеобразность многихъ его пріемовъ, оно все таки даетъ себя чувствовать въ 1-ой симфоніи его, особенно въ 1-ой части, гдѣ чувствуется Бетховенъ, и въ финалѣ—гдѣ вліяніе Шумана простирается даже до нѣкоторой аналогіи главной темы съ одной изъ темъ 4-ой симфоніи Шумана. Индивидуальность Бородина проявляется во всей яркости и свободѣ только въ andante съ его ярко выраженнымъ восточнымъ характеромъ и изумительно новыми пріемами гармонизаціи, вродѣ квинтъ, поставленныхъ вертикально одна надъ другой, и въ фантастическомъ скерцо, построенномъ не въ обычной классической формѣ, а въ формѣ сонаты, съ 2-мя партіями и миттельзацомъ, съ своеобразнымъ пріемомъ, который Мусоргскій называлъ «клеваніями». Эти «клеванія» встрѣчаются еще въ финалѣ той же симфоніи, въ средней части аріи Кончака, а также въ основанной на мотивѣ этой аріи, части увертюры къ «Игорю»; они состоятъ въ широкихъ ходахъ аккомпанемента или мелодіи сверху внизъ. Въ тріо 1-ой симфоніи сказывается русскій характеръ впервые съ особой яркостью. Если въ 1-ой симфоніи преобладаетъ западно-европейскій характеръ музыки, и, въ связи съ этимъ, и сильно развитая полифонія, то въ симфоніи h-moll преобладающимъ является національный русскій элементъ, и, со-

образной съ этимъ, господствуетъ болѣе простой гомофоническій стиль съ частымъ примѣненіемъ унисоновъ. Вообще стиль симфоніи h-moll болѣе свободый и болѣе уклоняется отъ общепринятыхъ образцовъ, что сказывается напримѣръ въ выборѣ весьма отдаленныхъ тональностей для различныхъ частей симфоній, однако необыкновенно искусно подготовленныхъ. Сверхъ того она носитъ характеръ программный; по словамъ В. В. Стасова въ andante этой симфоніи Бородинъ хотѣлъ изобразить звуками «фигуру баяна, въ 1-ой части собраніе русскихъ богатырей, въ финалѣ—сцену боготырскаго пира при звукахъ гусель, при ликованіи великой народной толпы». Что касается 3-ей, неоконченной симфоніи, то въ ней авторъ, повидимому, желалъ дать образецъ русской пасторальной симфоніи. Вполнѣ европейскимъ складомъ отличаются необыкновенно изящные и законченные въ техническомъ отношеніи квартеты Бородина a-dur и d-dur. Въ 1-омъ изъ нихъ онъ отступаетъ нѣсколько отъ установленныхъ формъ, повторяя тему andante въ финалѣ въ новой разработкѣ. Въ романсахъ своихъ Бородинъ проявилъ удивительную своеобразность. Съ этой точки зрѣнія особенно интересны: необыкновенно картинныя фантастическія «Морская Царевна» и «Спящая Княжна» (сказка), гдѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ примѣненъ интервалъ секунды въ качествѣ самостоятельнаго гармоническаго сочиненія, а во второмъ изъ нихъ, кромѣ того, мастерски гармонизованная гамма цѣлыми тонами, унаслѣдованная новою русскою школой отъ Глинки (увертюра къ Руслану и хоръ «Погибнетъ») и Даргомыжскаго (сцена Командора изъ «Каменнаго гостя»). «Пѣсня темнаго лѣса» проникнута истинно эпическимъ духомъ, отличается богатырскимъ размахомъ мелодіи и своеобразною, нѣсколько дикой гармонизаціей. «Фальшивая нота» прекрасно иллюстрируетъ разладъ между словами и чувствомъ женщины - кокетки. «Море»—эффектная баллада, достигающая грандіознаго размаха и полная истиннаго драматизма; «Арабская мелодія»—изящный восточный романсъ; «Спѣсь» и «У людей то въ дому» носятъ народно-юмористическій характеръ. Романсъ «Для береговъ отчизны дальней»—проникнутъ глубокимъ чувствомъ. Менѣе замѣчательны его фортепіанныя вещи, за исключеніемъ № 1 серіи «Petite suite», носящаго названіе «Au couvent», гдѣ прекрасно изображено настроеніе, навѣваемое монастыремъ и церковной службой. Пьесы, помѣщенныя имъ въ сборникѣ «Парафразъ» на одну неизмѣнную тему дѣтской польки интересны своими техническими tour-de-force'ами.

Резюмируя все выше изложенное, можно сказать, что музыка Бородина проникнута истинно народнымъ характеромъ, чрезвычайно богата и разнообразна по содержанію (лиризмъ, эпическій складъ, фантастика, юморъ, колоритность, характеристика лицъ и народностей—одинаково доступны ему; преобладаетъ впрочемъ эпическое настроеніе), отличается въ общемъ здоровымъ жизнерадостнымъ характеромъ, соотвѣтствіемъ формъ съ содержаніемъ, широкою мелодичностью и нѣсколько массивною, по временамъ угловатою, гармоніей. Къ недостаткамъ ея можно отнести нѣкоторую монотонность и мѣстами изысканность или шероховатость гармоніи. Значеніе его какъ музыканта состоитъ въ томъ, что онъ далъ дальнѣйшее, и притомъ широкое развитіе національному эпическому элементу, лишь намѣченному Глинкой въ «Русланѣ» (который въ общемъ все же скорѣе фантастическая, сказочная опера, чѣмъ эпическая), а также въ томъ, что онъ создалъ русскій національный симфоническій стиль, долгое время господствовавшій въ произведеніяхъ молодыхъ русскихъ композиторовъ.

Перечень напечатанныхъ произведеній Бородина: 1) «Князь Игорь»—опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ, 1869—87. 2) Финалъ изъ оперы «Млада» (для оркестра). 3) Симфонія es-dur. 4) Симфонія h-moll. 5) Двѣ части (allegro и scherzo) изъ неоконченной симфоніи a-moll. 6) «Въ Средней Азіи», музыкальная картинка для оркестра, 1880 г. 7) 1-й Квартетъ, a-dur, для 2 скрипокъ, альта и віолончели, подъ впечатлѣніемъ Бетховенской темы. 8) 2-ой Квартетъ, d-dur—для 2 скрипокъ, альта и віолончели. 8) Serenata alla spagnola, для струннаго квартета на тему B-la-f (изъ квартета, написаннаго совмѣстно съ Римскимъ-Карсаковымъ, Лядовымъ и Глазуновымъ). Романсы: 10) Сказка (Спящая княжна), 11) Фальшивая нота, 12) Отравой полны мои пѣсни, 13) Море, баллада, 14) Пѣсня темнаго лѣса, 15) Морская царевна, 16) Изъ слезъ моихъ много малютка, 17) Чудный садъ, 18) Для береговъ отчизны дальней, 19) Спѣсь, 20) Арабская мелодія, 21) У

людей то въ дому, 22) Серенада 4-хъ кавалеровъ одной дамѣ (Покуда объята вся улица сномъ), для 4-хъ мужскихъ голосовъ, 23) Petite suite, 7 пьесъ для фортепіано: a) Au couvent, b) Intermezzo, c) и d) 2 мазурки, e) Серенада, f) Rêverie и g) Nocturne. 24) 4 пьесы: полька, похоронный маршъ, реквіемъ и мазурка на неизмѣняемую тему дѣтской польки изъ сборника «Парафразы» (написаннаго совмѣстно съ Кюи, Лядовымъ и Римскимъ-Корсаковымъ), 25) Скерцо, посвященное Жадулю.

«А. П. Бородинъ. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи», изд. А. Суворина, подъ редакціей В. В. Стасова. СПб., 1889.—В. А. Чечоттъ, А. П. Бородинъ, очеркъ музыкальной дѣятельности. Изданіе журнала «Баянъ» СПб. 1890. — Финдейзенъ, «Князь Игорь», статьи въ «Русской музыкальной газетѣ» за 1897 г.—Статьи Кюи въ «СПб. Вѣдомостяхъ» за много лѣтъ.—Статья проф. А. Діанина въ «Журналѣ Русско-химическаго об—ва», 1888 г., № 4.

Н. Грушке.

Бородинъ, *Андрей Николаевичъ*, писатель, дѣйств. ст. сов., директоръ канцеляріи совѣта государственнаго коннозаводства, род. 23 октября 1813 г. въ Петербургѣ, ум. въ концѣ 1863 г. въ Саксоніи, близъ Дрездена. Образованіе Бородинъ получилъ въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, куда былъ помѣщенъ въ 1826 г. пансіонеромъ Кабинета Его Величества. Отецъ Бородина съ 1822 г. служилъ въ Кіевѣ директоромъ Императорской фаянсовой фабрики. Любовь къ литературѣ обнаружилась у Бородина съ первой поры вступленія его въ гимназію. Воспитанниками, среди которыхъ были Гоголь, Кукольникъ, Гребенка, Рѣдкинъ, устраивались литературные вечера, гдѣ читались и разбирались школьныя литературныя произведенія. Въ домашнемъ ученическомъ театрѣ, руководителемъ котораго былъ Гоголь, Бородинъ исполнялъ женскія роли. Такъ, въ «Недорослѣ» онъ игралъ роль Софьи. Въ 1831 г. Бородинъ окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и въ слѣдующемъ году поступилъ на службу въ департаментъ путей сообщенія; въ 1833 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ при директорѣ департамента, а въ 1837 г., въ томъ же званіи, переведенъ къ главноуправляющему путями сообщенія. Въ 1843 г. Бородинъ перемѣщенъ на должность секретаря канцеляріи предсѣдателя комитета государственнаго коннозаводства, а въ 1844 г. назначенъ постояннымъ членомъ спеціальнаго комитета коннозаводства, при чемъ на него возложены обязанности производителя дѣлъ центральной коммиссіи по испытанію лошадей въ Россіи и сотрудника въ редакціи «Журнала Коннозаводства и Охоты». Въ 1849 г. Бородинъ утвержденъ въ званіи производителя дѣлъ коммиссіи для разсмотрѣнія донесеній о ревизіи земскихъ конюшенъ, а въ 1850 г. назначенъ старшимъ секретаремъ канцеляріи комитета коннозаводства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, редакторомъ «Журнала Коннозаводства и Охоты». Редакторскія обязанности исполнялъ Бородинъ до 1855 г. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи совѣта государственнаго коннозаводства; 2-го іюля 1863 г. онъ оставилъ службу, по болѣзни, имѣя чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (съ 1858 г.) и орденъ св. Станислава 1-й степени (съ 1861 г.). Литературная дѣятельность Бородина началась сотрудничествомъ въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», подъ редакціею барона Зеддселера, гдѣ онъ помѣстилъ 92 статьи географическаго и историческаго содержанія; перечень ихъ приведенъ у В. Толбина («Лицей князя Безбородко»). Кромѣ того, въ «Энциклопед. Лексик.» Бородинъ помѣстилъ весьма обстоятельную статью «Внутреннія водяныя сообщенія въ Россіи», написанную имъ во время службы въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Въ 1837—39 гг. имъ переведена съ нѣмецкаго «Военная географія Европы въ таблицахъ», Ф. Рудтоффера. Затѣмъ, Бородинъ сотрудничалъ въ «Литературной Газетѣ», гдѣ помѣщены мелкія произведенія его въ стихахъ и прозѣ; въ «Пантеонѣ», гдѣ помѣщены его переводы: трагедіи Шекспира «Цимбелинъ» (1840 г.) и поэмы Байрона «Манфредъ» (1841 г.); въ «Сынѣ Отечества» 1848 и 1849 гг. напечатано нѣсколько мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ Бородинымъ изъ Томаса Мура и Шелли. Съ 1844 г. литературная дѣятельность Бородина сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ «Журналѣ Коннозаводства и Охоты», гдѣ онъ помѣстилъ до 340 статей—оригинальныхъ и переводныхъ, касающихся техники и историко-статистической части коннозаводства въ Россіи и за-границей. Перечень ихъ приведенъ у В. Толбина. Наиболѣе крупною изъ статей Бородина по коннозаводству является «Историческое и статистическое описаніе коннозаводства въ Россіи», переведенное имъ же на французскій языкъ. Затѣмъ, въ «Жур-

налѣ Коннозаводства» Бородинъ за все время сотрудничества и редакторства велъ отдѣлъ «Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ», гдѣ знакомилъ читателей со всѣмъ, что оказывалось замѣчательнаго въ состояніи коннозаводства Европы.

«Лицей князя Безбородко»—ст. В. Толбина, стр. 18—20; тамъ же полный перечень его трудовъ, стр. 167—173.—Послужной списокъ Бородина, хранящійся въ дѣлахъ канцеляріи государственнаго коннозаводства.—Словари: Клюшникова и Березина.—Дополн. къ словарю Толля.

Бородулинъ, *Константинъ Ѳедоровичъ*, ветеринаръ, профессоръ Императорской медико-хирургической академіи, сынъ ветеринарнаго врача придворнаго конюшеннаго вѣдомства, род. въ Москвѣ 7 января 1847 г., ум. въ Вѣнѣ 5 іюня 1875 г. Общее образованіе онъ получилъ во 2-й с.-петербургской и костромской гимназіяхъ, въ 1864 г. поступилъ въ число студентовъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи, а въ 1868 г. окончилъ курсъ съ отличіемъ, былъ награжденъ дипломомъ на золотую медаль и, получивъ званіе ветеринарнаго врача, участвовалъ въ конкурсѣ на оставленіе при академіи. 26 января 1869 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ военно-медицинское вѣдомство и оставленъ при ветеринарномъ отдѣленіи академіи для научнаго усовершенствованія. Горячо принявшись за подготовку къ научно-преподавательской дѣятельности, Бородулинъ вскорѣ выдержалъ экзамены на степень магистра и работалъ надъ изученіемъ различныхъ спеціальныхъ вопросовъ. Написавъ экспериментальное изслѣдованіе о свинцовомъ отравленіи, онъ представилъ этотъ трудъ конференціи академіи въ качествѣ диссертаціи; 24 апрѣля 1871 г., послѣ защиты этой диссертаціи, конференція признала его въ степени магистра ветеринарныхъ наукъ. 2-го іюня того-же года Бородулинъ былъ посланъ на 2 года за-границу на казенный счетъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной имъ спеціальности. Сначала онъ поѣхалъ въ Вѣну и тамъ спеціально изучалъ клинику внутреннихъ болѣзней животныхъ, подъ руководствомъ профессора Рёля, въ богато обставленномъ научными пособіями ветеринарномъ институтѣ. Далѣе онъ отправился въ Берлинъ и въ тамошней ветеринарной школѣ посѣщалъ ветеринарную терапевтическую клинику знаменитаго профессора Герлаха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слушалъ курсы зоопатологіи и зоотерапіи, а остальное время посвящалъ изученію патологической гистологіи подъ руководствомъ Вирхова. Послѣ этого онъ посѣтилъ ветеринарныя школы въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ и Альфортѣ и во всѣхъ этихъ школахъ обращалъ особое вниманіе на клиники. Вернувшись въ Петербургъ, Бородулинъ выступилъ кандидатомъ на профессорскую кафедру, и послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій, 12 мая 1873 г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи по кафедрѣ частной патологіи и зоотерапіи. Въ то-же время ему было поручено завѣдывать I-мъ отдѣленіемъ ветеринарной терапевтической клиники и преподаваніе фармакологіи. Посвятивъ себя всестороннему изученію частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней животныхъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на діагностику и занялся всевозможными изслѣдованіями для разработки этой науки и устраненія ея недостатковъ. Результатомъ этого труда было составленное имъ руководство, часть котораго была впослѣдствіи издана. Обширный запасъ научныхъ свѣдѣній и преданность дѣлу преподаванія привлекли къ нему симпатіи его слушателей и быстро создали ему репутацію выдающагося профессора-клинициста. Подъ его руководствомъ студенты принялись усердно изучать патологію и терапію и работать въ клиникѣ. Въ теченіе своей немноголѣтней службы Бородулинъ неоднократно былъ командированъ правительствомъ для борьбы съ сибирской язвой; такъ, напримѣръ съ 1-го іюня по 15-е августа 1869 г. онъ, по порученію медицинскаго департамента, боролся съ эпизоотіей сибирской язвы на Маріинской водной системѣ; въ 1873 г. онъ также былъ командированъ на Маріинскую систему для прекращенія сибирской язвы, распространившейся среди лошадей и пр. Въ 1875 г. онъ получилъ командировку съ научной цѣлью за-границу на каникулярное время и во время пребыванія въ Вѣнѣ умеръ отъ паралича сердца.—Бородулинъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Архива Ветеринарныхъ Наукъ» со времени основанія этого журнала. Главнѣйшіе научные труды его: 1) О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ органовъ животныхъ при свинцовомъ отравленіи, диссерт. на степ. магистра, СПб. 1871 г. 2) Объ употребленіи карболовой кислоты въ ветеринарной практикѣ;

1871 г.—3) О методахъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней у домашнихъ животныхъ, въ «Архивѣ Ветеринарныхъ Наукъ» 1875 г.—4) О колебаніи температуры при плевритѣ у лошади 1872 г.—5) Нѣсколько словъ по поводу опытовъ чумопрививанія, произведенныхъ въ 1872—1873 гг. въ Карловкѣ К. Раупахомъ, въ «Архивѣ Ветер. Наукъ» 1874 г.

Проф. В. Е. Воронцовъ, Историч. очеркъ каѳедры эпизоотологіи и бывшаго Ветерин. отдѣленія Имп. Медико-Хир. Академіи; СПб. 1898, стр. 39, 53 и 110—112 (съ портретомъ).—«Архивъ Ветер. Наукъ» 1875 г., кн. 2, сентябрь.—«Иллюстр. Недѣля» 1875 г. № 41.—Исторія Имп. В.-Мед. Акад. СПб. 1898 г., стр. 642 и въ прилож. 253. (Кромѣ того, см. въ архивѣ И. В.-Мед. Акад. дѣло о службѣ Бородулина 1869 г. № 136).
Н. Кульбинъ.

Бороздина, *Варвара Васильевна,* актриса московскаго театра, род. 3 декабря 1828 г. въ Москвѣ, ум. 17 октября 1866 г. тамъ же. Бороздина воспитывалась въ московскомъ театральномъ училищѣ, и впервые выступила, въ небольшой роли цыганки, въ пьесѣ: «Охотники въ рекруты» (шла на московской сценѣ весною 1846 г.). Съ этого времени Бороздина не появлялась на сценѣ до осени 1847 г., когда она вновь выступила въ числѣ цѣлаго ряда молодыхъ дебютантокъ. Прекрасная наружность, хорошій голосъ и живая игра съ перваго же дебюта создали ей успѣхъ у публики. Выпущенная изъ театральнаго училища въ декабрѣ 1848 г. Бороздина съ прежнимъ успѣхомъ продолжала выступать на сценѣ, главнымъ образомъ въ водевиляхъ. Въ 1851 г. Бороздина уѣхала въ отпускъ и играла на провинціальныхъ сценахъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ. Около этого же времени она вышла замужъ за извѣстнаго въ то время машиниста московскаго театра Пино и вскорѣ покинула сцену. Овдовѣвъ, она снова вернулась на московскую сцену, занявъ мѣсто переведенной въ Петербургъ Е. А. Сабуровой: осенью 1855 г. она выступила въ комедіи «Мирандолина» и водевилѣ «Маленькое облачко», а затѣмъ продолжала играть преимущественно свои прежнія роли, но уже не съ прежнимъ успѣхомъ, такъ какъ въ значительной степени утратила ту живость и грацію, которыя характеризовали ее въ началѣ ея сценическаго поприща. Въ 1857 г. Бороздина уѣхала въ Петербургъ и играла на петербургской сценѣ, а затѣмъ снова вернулась въ Москву. Въ 1859 г. Бороздина перешла на новое амплуа, въ которомъ нашла свое истинное призваніе. Пробнымъ камнемъ въ этомъ отношеніи для нея послужила драма «Актриса»: героиней здѣсь является разгульная интригантка-горничная Клара, которая превращается потомъ въ танцовщицу и куртизанку; ни одна актриса, по характеру роли, не хотѣла брать ее на себя; почти противъ воли Бороздина взяла на себя эту роль и сыграла ее съ шумнымъ успѣхомъ. Въ этомъ же году А. Н. Островскій написалъ для Бороздиной лучшую ея роль—Варвары въ «Грозѣ», которую она играла превосходно. Вообще, роли изъ купеческаго быта, какъ напр. роль Варвары или невѣсты въ «Женитьбѣ» Гоголя, ей чрезвычайно удавались. 31 декабря 1865 г. Бороздина простудилась, присутствуя на похоронахъ своего товарища по искусству, К. Н. Полтавцева; вскорѣ съ ней сдѣлалось воспаленіе легкихъ, которое перешло въ чахотку, сведшую ее въ могилу.

«Иллюстрированная Газета» 1866 г., № 45.—«Антрактъ» 1866 г., № 41.—Портретъ В. В. Бороздиной—въ «Драматическомъ альбомѣ» П. Арапова (1850). *Вл. Грековъ.*

Бороздинъ, *Андрей Михайловичъ,* генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1765 г., ум. 8 декабря 1838 г. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и былъ вторымъ сыномъ генералъ-поручика Михаила Савича Бороздина. Въ 1773 г. онъ былъ опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ каптенармусомъ, а въ 1784 г. произведенъ въ прапорщики; въ 1789 и 1791 гг. онъ съ своимъ полкомъ участвовалъ въ двухъ кампаніяхъ противъ шведовъ, а въ 1796 г. получилъ чинъ полковника, оставаясь въ томъ-же полку. Въ 1798 г. Бороздинъ вышелъ изъ гвардіи съ производствомъ въ генералъ-маіоры и съ назначеніемъ шефомъ троицкаго мушкетерскаго полка, а 5 февраля 1800 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 28 октября 1804 г. онъ былъ уволенъ отъ военной службы по прошенію и съ мундиромъ. Во время войны съ французами въ 1806 г. Бороздинъ служилъ въ милиціи кіевской, въ чигиринскомъ повѣтѣ, повѣтовымъ начальникомъ, подъ командою князя Прозоровскаго, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу съ военнымъ чиномъ и Высочайшимъ указомъ 2 ноября 1807 г. назначенъ таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ. 12 марта 1809 г. Бороздинъ былъ

награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени. Высочайшимъ указомъ 20 февраля 1812 г., повелѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ при занимаемой имъ должности губернатора. При нашествіи непріятеля въ Россію, въ 1812 г., Бороздинъ просилъ у Государя разрѣшенія отправиться въ армію, на что и получилъ соизволеніе, но остановленъ былъ въ Крыму, вслѣдствіе возникшей тамъ чумы, распространившейся болѣе чѣмъ въ 50-ти деревняхъ; получивъ тогда начальство надъ всѣми сухопутными войсками на Крымскомъ полуостровѣ, Бороздинъ дѣйствовалъ съ усердіемъ и распорядительностью, такъ что зараза не только не распространилась за предѣлы Крымскаго полуострова, но даже остановлена и прекращена была въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже оказалась; главнѣйшіе города и большая часть Крыма были спасены отъ чумы. За такой успѣхъ Бороздинъ удостоился получить Монаршее благоволеніе. 20 іюля 1816 г. Бороздину повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ увольненіемъ отъ должности губернатора, а 29 августа онъ назначенъ къ присутствованію въ межевомъ департаментѣ Сената. Высочайшимъ указомъ 2 ноября 1828 г. Бороздинъ былъ уволенъ отъ службы и умеръ въ отставкѣ. — Старшій братъ Андрея Михайловича, *Михаилъ Михайловичъ* командовалъ въ 1799 и 1800 гг. русскими войсками, составлявшими гвардію короля Обѣихъ Сицилій Фердинанда I, а въ войну 1812 г. былъ командиромъ пѣхотной дивизіи.

Формулярный списокъ.—Словарь Плюшара.

Бороздинъ, *Василій Борисовичъ*, сынъ Бориса Захарьевича, бояринъ при великомъ князѣ Іоаннѣ III, ум. въ 1503 г. Въ 1476 г., онъ, вмѣстѣ съ братьями Иваномъ и Петромъ, пріѣхалъ изъ Твери въ Москву, на службу къ великому князю Ивану Васильевичу, при чемъ былъ написанъ въ степной книгѣ въ степени пятнадцатой. Въ этомъ же году онъ ѣздилъ съ великимъ княземъ въ Новгородъ съ миромъ. Въ 1478 г. его посылаетъ великій князь вести переговоры съ новгородскими послами. По приказанію великаго князя, онъ даетъ въ Сытинѣ отвѣтъ новгородскому владыкѣ, посадникамъ и житьимъ. Въ концѣ этого же года онъ ведетъ переговоры съ новгородскими послами въ Паозерьѣ. Въ 1489 г. онъ участвуетъ въ походѣ на Вятку, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Микулинскимъ. Въ 1495 г. онъ является однимъ изъ участниковъ похода подъ Выборгъ; въ 1496 г. онъ былъ посланъ великимъ княземъ изъ Москвы подъ Выборгъ.

Кн. Долгоруковъ, Россійская родословная книга.—И. Лядовъ, Родословная поколѣнная роспись Юрія Лозынича съ 1402 г. («Владимірск. Губернск. Вѣдомости» 1871 г., №№ 35 и 36).—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго.—Статья А. А. Висковатова въ Энциклоп. Лексиконѣ Плюшара.

Бороздинъ, *Василій Корниловичъ*, генералъ-маіоръ, старшій сынъ Корнилія Богдановича, род. въ Римѣ въ 1744 г., ум. въ С.-Петербургѣ 27 іюня 1805 г. Записанный въ дѣтствѣ въ артиллерію, онъ десяти лѣтъ отъ роду былъ уже прапорщикомъ, тринадцати лѣтъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, а шестнадцати— былъ раненъ подъ Кунерсдорфомъ и пожалованъ чиномъ капитана артиллеріи. Петръ III, еще будучи Наслѣдникомъ, особенно отличалъ Бороздина, а послѣ восшествія на престолъ отправилъ его съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи къ польскому, австрійскому, французскому, англійскому и голландскому дворамъ. Возвратившись въ Петербургъ, Бороздинъ уже не засталъ Императора въ живыхъ, а вскорѣ и на него самого обрушилось несчастіе: честолюбіе и необузданная пылкость вовлекли его въ какое-то рискованное предпріятіе, которое не удалось, и въ 1765 г. Бороздинъ былъ разжалованъ въ прапорщики и сосланъ въ кизлярскій гарнизонъ; впрочемъ черезъ годъ онъ получилъ дозволеніе жить въ своей деревнѣ, но безъ права въѣзда въ столицы. Въ невольномъ уединеніи Бороздина посѣтилъ извѣстный французскій писатель Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ, который былъ изумленъ талантливостью своего хозяина и до конца жизни сохранилъ восторженное воспоминаніе о немъ. Императоръ Павелъ, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, вызвалъ Бороздина въ С.-Петербургъ и назначилъ его подполковникомъ въ кавалерію. Въ 1798 г. онъ получилъ чинъ полковника и поступилъ въ составъ войскъ, отправленныхъ въ Швейцарію. Въ битвѣ подъ Цюрихомъ Бороздинъ отличился необычайною храбростью, но уже 3 іюля 1799 г. былъ, по неизвѣстной причинѣ, уволенъ въ отставку, съ чиномъ генералъ-маіора. Увольненіе однако не помѣшало ему остаться

при войскахъ и еще разъ отличиться въ бою съ французами при деревнѣ Шлатъ. Послѣдніе годы жизни Бороздинъ провелъ въ С.-Петербургѣ. Составленное имъ «Описаніе Швейцарской кампаніи» не было напечатано и утратилось.

Матеріалы Каводаева.—Словарь Плюшара.

Бороздинъ, *Григорій Никитичъ*, бояринъ, сынъ Никиты Григорьевича, въ 1566 г. былъ поставленъ воеводой въ Мценскъ на мѣсто князя Ѳедора Сисѣева, въ 1573 г., въ числѣ другихъ, былъ посланъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Муромъ. Затѣмъ, былъ воеводой въ Говьѣ (1576 г.). Въ 1581 г. годовалъ воеводой въ Куконойсѣ. Въ «Актахъ Историческихъ» подъ 1609 г. упоминается: «присланы къ Вологдѣ изъ Новгорода отъ боярина и отъ воеводы, отъ князя Михаила Васильевича Шуйскаго воеводы Григорій Никитичъ Бороздинъ да Никита Васильевичъ Вышеславцевъ со многою новгородскою и со псковскою силою и съ нѣмецкими людьми». 27 мая этого года Бороздинъ участвуетъ въ отпискѣ вологжанъ въ Пермь и Соликамскъ съ извѣщеніемъ, что ратные люди вмѣстѣ съ вологодскими посланы на государеву службу подъ Кострому. Въ апрѣлѣ этого года онъ участвуетъ въ отпискѣ вологжанъ вычегодцамъ, въ маѣ—устюжанамъ и пермичамъ, разсылаетъ грамоты о новомъ сборѣ разныхъ людей на помощь къ Ярославлю. Въ августѣ 1609 г. онъ пишетъ и разсылаетъ грамоты вычегодцамъ, бѣлозерцамъ и въ другія мѣста, приглашая собирать разныхъ людей для освобожденія Руси отъ поляковъ. Въ отпискѣ 1611 г. о дѣйствіяхъ шведскаго полковника Делагарди упоминается Григорій Бороздинъ, какъ оставленный въ Выборгѣ «со товарищи».

Кн. Долгоруковъ, Россійская родословная книга.—Симбирскій Сборникъ, 13, 15, 42, 57, 76.—Акты историческіе.

Бороздинъ, *Иванъ Борисовичъ*, сынъ Бориса Захарьевича, пожалованъ въ бояре въ 1476 г. великимъ княземъ Іоанномъ III, когда въ числѣ другихъ, пріѣхалъ служить съ Твери къ Москвѣ и былъ записанъ въ степенной книгѣ въ степени пятнадцатой. Въ слѣдующемъ 1477 г. онъ находился въ походѣ подъ Новгородъ и употребленъ при переговорахъ съ новгородцами. Въ 1478 г. его посылалъ великій князь вести переговоры съ новгородскими послами. Въ этомъ же году онъ, по приказанію великаго князя, даетъ въ Сытинѣ (съ братомъ Василіемъ Борисовичемъ) отвѣтъ новгородскому владыкѣ, посадникамъ и житьимъ. Въ концѣ этого года онъ снова велъ переговоры съ новгородскими послами и былъ посланъ великимъ княземъ въ Новгородъ для приведенія жителей къ крестному цѣлованію. Въ 1501 г. онъ отправился, по повелѣнію великаго князя Іоанна III, съ тверичами на помощь псковитянамъ «воевать нѣмецкую землю». Въ 1502 г. онъ былъ убитъ изъ пушки въ бою съ ливонцами при рѣкѣ Сирицѣ, въ 10 верстахъ отъ Изборска.

Кн. Долгоруковъ, Россійская родословная книга.—И. Лядовъ, Родословная поколѣнная роспись Юрія Ловынича съ 1402 г. (Владимірск. Губернск. Вѣдомости» 1871 года, №№ 35 и 36).—Полное собраніе русскихъ лѣтописей.—Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго.—Статья А. В. Висковатова въ Энциклоп. Лексиконѣ Плюшара.

Бороздинъ, *Константинъ Матвѣевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, сынъ сенатора Матвѣя Кириловича, род. 13 мая 1781 г., ум. 10 мая 1848 г. Съ малолѣтства записанный въ л.-гв. Преображенскій полкъ, Бороздинъ воспитывался дома и, не чувствуя призванія къ военной службѣ, 19 л. отъ роду опредѣленъ былъ къ гражданскимъ дѣламъ. Въ началѣ 1809 г. онъ вышелъ въ отставку, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ намѣреніемъ свои знанія по изслѣдованію древностей расширить чрезъ ученое путешествіе по Россіи. Когда о предпринимаемомъ Бороздинымъ трудѣ было доведено до свѣдѣнія Государя, Императоръ Александръ I повелѣлъ назначить ему денежное пособіе и придать ему на помощь въ экспедиціи двухъ помощниковъ по ученой части: А. И. Ермолаева, извѣстнаго впослѣдствіи археолога и палеографа, а для рисованія съ натуры любопытнѣйшихъ предметовъ—рисовальщика Иванова. Ученое путешествіе Бороздина продолжалось три года, а, по мѣрѣ обработки, труды экспедиціи препровождались въ С.-Петербургъ и удостоивались самаго лестнаго вниманія и одобренія отъ Государя. Бороздинъ началъ путешествіе съ сѣверной Россіи, посѣтилъ Старую Ладогу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Бѣлозерскъ и Вологду. Затѣмъ проѣхалъ на Кіевъ, осмотрѣлъ Черниговъ, Курскъ, Боровскъ и Тулу, изучая всѣ мѣста, гдѣ только можно было предполагать остатки древностей, и посѣщая частныхъ лицъ, у которыхъ имѣлись какія либо старинныя рѣдкости. Результатомъ

этого путешествія явилась обширная коллекція рисунковъ, съ приложеніемъ описанія къ нимъ, которая и передана была, по Высочайшему повелѣнію, для храненія въ Императорскую Публичную Библіотеку. Въ первый альбомъ вошли рисунки и планы Старо-Ладожской крѣпости, ея башенъ и церквей, а равно виды монастырей и городовъ Бѣлозерска, Тихвина и Устюжны, и снимки съ предметовъ древности, тамъ разысканныхъ; во второмъ альбомѣ воспроизведены почти исключительно разные предметы, принадлежащіе Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (чаши, кадила, ковши, кружки, шлемъ и пр.); третій альбомъ составили планъ Кіева и его окрестностей, виды отдѣльныхъ его достопримѣчательностей и снимки съ археологическихъ предметовъ; въ четвертый альбомъ вошли планы и виды прочихъ городовъ, посѣщенныхъ Бороздинымъ въ концѣ его путешествія, а также и археологическіе рисунки, сюда относящіеся. Списокъ Бороздинскихъ рисунковъ былъ впервые напечатанъ въ «Библіографическихъ листахъ» Кеппена за 1825 г., а болѣе подробное «Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ къ его археологическому путешествію по Россіи» составило предметъ особаго сообщенія Полѣнова на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (напечатано въ I томѣ трудовъ этого съѣзда). Независимо отъ вышеозначенной коллекціи, Бороздинъ привезъ изъ путешествія нѣсколько рукописныхъ сборниковъ и древнихъ актовъ, а въ томъ числѣ и «опальный сvнодикъ» Іоанна Грознаго, впослѣдствіи напечатанный Устряловымъ въ сказаніяхъ князя Курбскаго. По возвращеніи Бороздина, при начавшейся войнѣ 1812 г., новоржевское дворянство избрало его начальникомъ ополченной своей дружины. По занятіи русскими войсками Герцогства Варшавскаго, Бороздинъ вступилъ въ службу подъ начальство сенатора Новосильцова и въ 1813 г. былъ опредѣленъ областнымъ начальникомъ радомскаго «департамента», а 20 ноября 1815 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Во вновь присоединенномъ къ Россіи краѣ Бороздинъ сумѣлъ снискать общее къ себѣ уваженіе и расположеніе со стороны жителей, что и выразилось въ оригинальной формѣ: Радомское градоначальство отнеслось къ отцу Бороздина съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, было изображено: «Благородною кротостью души, отличнымъ просвѣщеніемъ, постояннымъ усердіемъ о благѣ ввѣренныхъ ему жителей, посреди критическихъ военныхъ обстоятельствъ, онъ (К. М. Бороздинъ) поселилъ въ сердцахъ всѣхъ величайшее уваженіе и неизгладимую признательность... Мы увѣрены, что отеческой любви вашей отрадно въ достойномъ сынѣ видѣть вѣрнаго подражателя высокихъ добродѣтелей вашихъ и въ отдаленномъ краѣ укрѣпляющаго славу вашего имени». Причисленный въ 1818 г. къ герольдіи, К. М. Бороздинъ 4 августа 1826 г. былъ назначенъ въ попечители с.-петербургскаго учебнаго округа. Послѣ Магницкаго и Рунича петербургскій университетъ превратился, по выраженію его историка Григорьева, въ «отживающую вѣкъ развалину», и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, окончательно разочарованный въ Руничѣ, запутавшемъ денежныя дѣла коммиссіи по постройкѣ зданій для университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній округа, писалъ Бороздину, по случаю новаго его назначенія: «Подъ руководствомъ вашимъ будетъ образовываться болѣе десяти тысячъ юношей. Отъ успѣха распоряженій вашихъ зависитъ польза, которой въ правѣ ожидать отъ васъ правительство, родители и общество. Подъ благотворнымъ вашимъ наитіемъ должна созрѣть надежда будущихъ поколѣній въ значительной части государства». Этихъ надеждъ Бороздинъ не обманулъ, и въ 1828 г. тотъ же министръ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ докладывалъ Государю объ успѣшной дѣятельности Бороздина на новомъ поприщѣ. Тоже подтверждають ак. Плетневъ и проф. Григорьевъ: «Съ назначеніемъ его въ попечители, гласитъ историческая записка объ Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ, совѣтъ университета началъ пользоваться тѣми правами, которыя принадлежали ему по уставу. Все касающееся до чести и блага университета обсуживалось по принадлежности съ знаніемъ дѣла и на твердомъ основаніи. Успѣхъ преподаванія и порядокъ въ управленіи внушили всѣмъ сословіямъ петербургскаго общества такую довѣренность и уваженіе къ университету, что онъ быстро сталъ наполняться слушателями. Въ душѣ и характерѣ Бороздина было все, чѣмъ пріобрѣтается довѣренность, уваженіе и преданность. Своею любовью къ трудамъ кабинетнымъ..., теплымъ участіемъ своимъ въ

каждомъ ученомъ предпріятіи, онъ вызывалъ дѣятельность другихъ». Ак. А. В. Никитенко, стоявшій къ Бороздину весьма близко и занявшій при немъ, будучи еще студентомъ, должность секретаря, отзывался въ «Дневникѣ» о тогдашнемъ своемъ начальникѣ восторженно: «Я не знаю человѣка съ болѣе благороднымъ сердцемъ, читаемъ мы тамъ. Онъ въ полномъ смыслѣ то, что мы называемъ человѣкомъ просвѣщеннымъ. Онъ не учился систематически, но читалъ много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлялъ еще болѣе. Онъ имѣетъ обширныя познанія въ русской исторіи, которую изучалъ, какъ патріотъ, и вмѣстѣ какъ философъ. Умъ его возвышенъ. Поэтическая фантазія нерѣдко уноситъ его изъ области нашей мертвой и горестной дѣйствительности въ чистую, свѣтлую область идей, и, хотя онъ не любитъ нѣмецкой философіи, но это только на словахъ, ибо, самъ того не замѣчая, почти во всемъ слѣдуетъ ея могучему генію. Онъ ждетъ для Россіи лучшаго порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смиреніемъ несетъ тягости общественныя. Въ этомъ отношеніи я его называю не иначе, какъ праведнымъ гражданиномъ. Но сей человѣкъ, столь образованный и благородный, не одаренъ тою силою воли, которая приспособляетъ обстоятельства и вещи къ своимъ идеямъ. Одушевленный высокими чувствами, онъ, кажется, готовъ идти противу привратностей, въ которыя всѣ мы вовлекаемся странною игрою жизни. Но, устрашенный пучиною страстей, въ которыхъ вращаются люди, онъ отступаетъ назадъ, не по малодушію, а по недостатку силы и присутствія духа». Это-же обвиненіе въ слабости, въ связи съ назначеніемъ С. С. Уварова въ мартѣ 1833 г. въ министры народнаго просвѣщенія, и послужило поводомъ къ оставленію Бороздинымъ поста попечителя (20 апрѣля 1833 г.). Высочайше назначенный присутствовать въ Сенатѣ, съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники, Бороздинъ до конца жизни оставался въ званіи сенатора. Высшей изъ пожалованныхъ ему наградъ былъ орденъ Бѣлаго Орла (въ 1843 г.). Ни перемѣны службы, ни обстоятельства семейныя, ни вообще слабое здоровье не могли побѣдить въ Бороздинѣ любви къ литературнымъ занятіямъ; къ нимъ его влекло не столько суетное желаніе извѣстности, сколько стремленіе къ раскрытію истины. Кабинетная работа для него была какъ бы вознагражденіемъ послѣ будничныхъ служебныхъ трудовъ; поэтому большая часть его трудовъ такъ и осталась въ рукописяхъ, хотя Плетневъ въ посмертномъ словѣ Бороздину, произнесенномъ въ публичномъ засѣданіи Академіи наукъ 29 декабря 1848 г, выражалъ надежду видѣть ихъ напечатанными, такъ какъ труды эти послужили бы важнымъ пособіемъ для обработки отечественной исторіи. Изъ числа рукописныхъ трудовъ Бороздина извѣстно: «Краткое описаніе жизни графа А. И. Остермана». Кромѣ многочисленныхъ историческихъ и генеалогическихъ замѣчаній, разсѣянныхъ въ поясненіяхъ къ альбомамъ археологическаго путешествія, Бороздинъ въ 1805 г. выступилъ въ литературѣ съ «Начертаніемъ жизни князя Я. Ѳ. Долгорукаго» М. (безъ имени автора). Въ 1823 г. онъ напечаталъ въ «Сѣверномъ Архивѣ (Ч. VI, № 12) «Историческое изслѣдованіе духовной грамоты вел. кн. Дмитрія Ивановича», въ которомъ опровергъ издателей Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, приписывавшихъ эту духовную одному изъ внуковъ Іоанна III, и доказалъ, что эта грамота исходитъ отъ сына Іоанна III, Димитрія Ивановича Углицкаго, брата великаго князя Василія. Въ 1841 г. Бороздинымъ, безъ имени автора, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ напечатаны «Опыты историческихъ родословій Ефимовскихъ, гр. Матюшкиныхъ, гр. Скавронскихъ, Арсеньевыхъ, гр. Бенкендорфовъ, Дивовыхъ, Измайловыхъ, Нащокиныхъ и Апраксиныхъ» (въ видѣ девяти отдѣльныхъ брошюръ съ особыми заглавными листами). Кромѣ того Бороздинъ дѣятельно сотрудничалъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, подписывая свои статьи буквами К. Б. Предметъ изслѣдованій Бороздина, объемъ его знаній и любопытныя подробности его занятій, по утвержденію Плетнева, вполнѣ ясно открываются изъ ученой переписки, которую онъ дѣятельно поддерживалъ съ митрополитомъ Евгеніемъ, проф. Лербергомъ, А. Н. Оленинымъ, Д. И. Языковымъ, А. И. Ермолаевымъ, поэтомъ Капнистомъ, княземъ М. А. Оболенскимъ, Д. П. Голохвастовымъ, А. Д. Чертковымъ, П. Ѳ. Коробановымъ и многими другими лицами, извѣстными своею преданностью интере-

самъ Русской исторіи. Обширная прекрасная библіотека, составленная Бороздинымъ, перешла впослѣдствіи въ Румянцовскій музей. Бороздинъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и одесскаго общества любителей исторіи и древностей, а съ 1841 г. почетнымъ членомъ Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Формулярный списокъ.—Плетневъ, Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія. СПб. 1852, стр. 221—226.—В. В. Григорьевъ, Импер. СПбургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. СПб. 1870.—А. В. Никитенко, Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Записки и дневникъ (1826—1877). СПб. 1893, т. I.—Д. Полѣновъ, Біографическое извѣстіе о К. М. Бороздинѣ въ «Трудахъ I археологическаго съѣзда въ Москвѣ», 1869, т. I, стр. 71—74.—Словари: Плюшара, Геннади, Брокгаузъ-Эфрона.

Вл. Штейнъ.

Бороздинъ, *Корнилій Богдановичъ*, артиллеріи генералъ-аншефъ, род. въ сентябрѣ 1708 г. въ с. Ладинѣ, новоржевскаго уѣзда, псковской губерніи, ум. тамъ-же 17-го мая 1773 г. Въ дѣтствѣ онъ былъ взятъ пажемъ ко Двору Царицы Парасковіи Ѳеодоровны, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и былъ имъ опредѣленъ въ 1720 г. въ инженерную школу. По окончаніи въ 1726 г. курса послѣдней, вышелъ сержантомъ на службу въ артиллерію; постепенно повышаясь, въ 1733 г. онъ получилъ чинъ поручика, а въ слѣдующемъ году впервые выступилъ на боевомъ поприщѣ, участвуя въ осадѣ и взятіи Гданска (Данцига). Въ кампаніяхъ 1736—1737 гг. Бороздинъ находился при атакѣ Азова, состоя въ должности квартирмейстера; въ 1738 г., за Крымскій походъ, онъ получилъ чинъ капитана, и, посланный вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ, съ порученіями отъ фельдмаршала Ласси къ генералъ-фельдцейхмейстеру ландграфу Гессенъ-Гомбургскому, былъ опредѣленъ послѣднимъ въ Ригу, на должность начальника артиллеріи. Съ назначеніемъ на постъ генералъ-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова, для русской артиллеріи наступила эпоха многосложныхъ и коренныхъ преобразованій, и ближайшее участіе въ нихъ выпало на долю Бороздина, бывшаго въ 1755 г. уже въ чинѣ артиллеріи полковника и генералъ-маіора арміи. Корнилій Богдановичъ явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ Шувалова, оставивъ слѣды своей обширной дѣятельности въ журналахъ многихъ спеціальныхъ комиссій, а въ особенности въ созданныхъ имъ, по указаніямъ Шувалова, всевозможныхъ инструкціяхъ и уставахъ для строевой и боевой службы артиллеріи. Труды Бороздина доставили ему въ 1757 г. высокое назначеніе: онъ былъ поставленъ во главѣ артиллеріи арміи, выступившей въ Семилѣтнюю войну противъ Пруссіи. Направляя общія дѣйствія артиллерійскихъ частей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ ближайшимъ и мужественнымъ участникомъ многихъ сраженій: тремя ранами отмѣчены его отличія подъ Цорндорфомъ (14-го августа 1758 г.) и еще одною подъ Пальцигомъ (12-го іюля 1759 г.). Ему-же, главнымъ образомъ, была обязана русская армія побѣдою подъ Кунерсдорфомъ: неожиданный и быстрый выѣздъ на позицію лично предводимой имъ артиллеріи навстрѣчу уже торжествующему непріятелю успѣлъ опрокинуть преслѣдовавшихъ и обратить побѣду въ пораженіе. Произведенный 1-го января 1759 г. въ чинъ генералъ-поручика, Бороздинъ, за Кунерсдорфское дѣло, былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Тяжелыя раны понудили его, однако, оставить армію, и въ августѣ 1759 г. онъ былъ уволенъ въ годовой отпускъ. Дальнѣйшую службу Бороздинъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ съ прежнею энергіею продолжалъ посвящать свою дѣятельность преобразованіямъ и усовершенствованію русской артиллеріи, выступая то въ качествѣ строеваго начальника, то въ роли администратора. Встрѣтивъ день восшествія на престолъ Екатерины II, въ должности начальника всей артиллеріи, въ Петербургѣ (по болѣзни генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа), Бороздинъ послѣ того уже не долго оставался на службѣ; по разстроенному отъ ранъ здоровью, онъ 21-го апрѣля 1764 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-аншефа и навсегда поселился въ своемъ имѣніи Ладинѣ.

Послужн. списокъ хран. въ СПБ. Артилл. Историч. музеѣ.—Словари: Плюшара, Зедделера, Березина и Толля.

Д. С—въ.

Бороздинъ, *Матвѣй Корниловичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, младшій сынъ Корнилія Богдановича, род. въ 1753 г. въ Ладинѣ, ум. 22-го августа 1817 г. въ С.-Петербургѣ. Въ молодости онъ былъ

записанъ на службу въ артиллерію и на восемнадцатомъ году отъ роду, будучи уже въ офицерскихъ чинахъ, сражался при Ларгѣ и Кагулѣ. Но вскорѣ домашнія обстоятельства принудили его удалиться въ свои помѣстья, и въ 1777 г. онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ капитана артиллеріи. Частная земельная тяжба съ однимъ изъ сосѣдей, заставила Бороздина внимательно изучить наше законодательство, что позволило ему впослѣдствіи поступить на службу по судебному вѣдомству и достигнуть весьма виднаго положенія. Въ 1810 г. онъ былъ пожалованъ въ сенаторы. Бороздинъ оставилъ по себѣ память безпристрастнаго судьи, что такъ рѣдко встрѣчалось въ то время. Тѣло его погребено въ монастырѣ св. Саввы Вишерскаго.

Матеріалы Казодаева.—Словарь Плюшара.

Бороздинъ, *Николай Михайловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 2-го ноября 1777 г., ум. 14-го ноября 1830 г. Отецъ его, *Михаилъ Саввичъ*, троюродный племянникъ Корнилія Богдановича Бороздина, съ честью служилъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и ея преемникамъ—Петру III и Екатеринѣ Великой, участвовалъ во многихъ походахъ и умеръ въ чинѣ генералъ-поручика 21-го января 1796 г. въ С.-Петербургѣ. Младшій изъ сыновей, Николай Михайловичъ, еще малолѣтнимъ, въ 1782 г. былъ записанъ л. гв. въ Преображенскій полкъ, откуда чиномъ сержанта, при поступленіи на дѣйствительную службу, переведенъ л. гв. въ конный полкъ и, вслѣдъ затѣмъ, въ лейбъ-кирасирскій Его Величества. Произведенный въ корнеты въ 1794 г., Бороздинъ быстро повышался въ чинахъ; въ 1799 г. онъ былъ уже въ чинѣ ротмистра, а годъ спустя произведенъ въ полковники, съ переводомъ во вновь сформированный кавалергардскій полкъ. Въ 1803 г. Императоръ Александръ пожаловалъ ему званіе флигель-адъютанта и 7-го августа 1806 г. назначилъ Бороздина шефомъ имъ же сформированнаго финляндскаго драгунскаго полка. Выступивъ съ послѣднимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ Пруссіи, въ 1807 г., и командуя авангардомъ отрядовъ сначала генерала Седморацкаго, а затѣмъ князя Горчакова, онъ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при взятіи м. Мишенецъ, подъ Гутштатомъ, подъ Гейльсбергомъ и въ др., за что былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора, орденомъ св. Георгія 4-го класса и золотою шпагою съ алмазными украшеніями и надписью «за храбрость». Въ началѣ 1808 г. послѣдовалъ разрывъ съ Швеціею; финляндскій драгунскій полкъ вошелъ въ составъ дѣйствующихъ въ Финляндіи войскъ, и Бороздину былъ ввѣренъ авангардъ лѣваго крыла арміи, предводимаго княземъ Горчаковымъ. 9-го февраля отрядъ Бороздина занялъ Ловизу, 11-го числа, преслѣдуя шведовъ, овладѣлъ г. Борго и нѣсколько дней спустя вступилъ въ Гельсингфорсъ. Награжденный за успѣшныя дѣйствія орденомъ св. Анны 1-й степ., Бороздинъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ кампаніи, участвовалъ въ занятіи Тавастгуса и въ осадѣ Свеаборга, а, по открытіи навигаціи, съ частью войскъ генерала Багговута, содѣйствовалъ охраненію побережья Ботническаго залива, отъ Або до Біерненборга, причемъ явился однимъ изъ ближайшихъ участниковъ нанесеннаго шведскому генералу Фегезаку пораженія у мыса Лемо. 14-го сентября онъ отличился у Гельсинга, рѣшивъ движеніемъ своего отряда побѣду надъ генераломъ Боіе. Послѣ Фридрихсгамскаго мира въ 1810 г. Бороздинъ получилъ въ командованіе 1-ю бригаду 1-й кирасирской дивизіи и, по сформированіи 1811 г. астраханскаго кирасирскаго полка, причисленнаго къ той же бригадѣ, былъ назначенъ его шефомъ. Поступивъ съ началомъ Отечественной войны, въ составъ 1-й Западной арміи, Бороздинъ имѣлъ первое дѣло съ французами 14-го іюля при Островнѣ; участвуя далѣе въ знаменитой битвѣ подъ Бородинымъ, онъ, многократными атаками противъ кавалеріи Нансути и Латуръ-Мобура, заслужилъ орденъ св. Георгія 3-го класса, а вслѣдъ затѣмъ, при переходѣ нашей арміи въ наступленіе, находился въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Мало-Ярославцемъ и Вязьмою. При дальнѣйшемъ преслѣдованіи французовъ, Бороздинъ, смѣнивъ заболѣвшаго графа Орлова-Денисова, принялъ начальство надъ корпусомъ летучихъ войскъ и съ нимъ участвовалъ въ безпрестанныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, и, между прочимъ, въ дѣлахъ у Лядъ, Дубровны и Орши; перейдя-же за р. Березину, Бороздинъ содѣйствовалъ вытѣсненію французовъ изъ Вильны. Здѣсь, сдавъ свой отрядъ генералъ-маіору Дибичу и получивъ за отличіе чинъ генералъ-лейтенанта, Бороздинъ, по болѣзни, болѣе полугода не при-

нимал участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и нагналъ армію уже за границею, въ Силезіи. Назначенный начальникомъ 1-й драгунской дивизіи и составляя авангардъ арміи, онъ участвовалъ во всѣхъ главныхъ ея дѣйствіяхъ и, въ томъ числѣ, въ сраженіи подъ Бауценомъ, доставившемъ ему алмазные знаки къ ордену св. Анны 1-й степ., и въ Лейпцигской битвѣ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ блокировалъ кр. Майнцъ, находился въ сраженіяхъ при Лаонѣ, Краонѣ и Фершампенуазѣ, и, награжденный за послѣднее орденомъ св. Владиміра 2-й степ., вступилъ въ Парижъ. 28-го декабря 1816 г. Бороздинъ былъ назначенъ командующимъ 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, 28-го іюля 1820 г. пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, въ 1823 г. утвержденъ въ должности корпуснаго командира и, въ день коронаціи Императора Николая I, произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Въ 1828 г. Бороздину пришлось еще разъ, и уже послѣдній, выступить на боевомъ поприщѣ; съ объявленіемъ войны Турціи, ему было ввѣрено командованіе своднымъ корпусомъ войскъ, назначенныхъ для охраненія тыла арміи и княжествъ Валахіи и Молдавіи. Здѣсь онъ успѣшно дѣйствовалъ при отраженіи вылазокъ непріятеля изъ крѣпостей Журжи и Турна, но вскорѣ совершенно разстроенное здоровье понудило его просить объ увольненіи въ отпускъ. Силы Бороздина видимо истощались и черезъ два года онъ скончался въ С.-Петербургѣ. Тѣло его погребено въ порховскомъ уѣздѣ, псковской губерніи, въ принадлежавшемъ ему селѣ Костыжецѣ.

«Александръ I и Его сподвижники», СПБ. 1846, т. 3-й.—Словари: Плюшара и Зедделера.

Д. С—въ.

Бороздинъ, *Петръ Борисовичъ*, сынъ Бориса Захарьевича, ум. въ 1504 г. Вмѣстѣ съ братьями Василіемъ и Иваномъ онъ выѣхалъ въ 1476 г. изъ Твери къ Москвѣ и поступилъ на службу къ великому князю Ивану Васильевичу. Въ 1493 г. онъ былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1495 г. онъ начальствовалъ правою рукою въ походѣ подъ Выборгъ, а въ 1501 г.—лѣвою рукою въ ополченіи тверитянъ, помогавшихъ псковитянамъ «воевать нѣмецкую землю». Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ счастливомъ походѣ русскихъ во внутренность Ливоніи, находясь въ передовомъ полку. Онъ имѣлъ сына Василія (см. выше) и дочь, бывшую за княземъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Хованскимъ. Отъ этого брака родилась дочь Евфросинія, мать Владиміра Андреевича Старицкаго и родная бабка Маріи Владиміровны, королевы Ливонской.

Долгоруковъ, Россійская родословная книга.—И. Лядовъ, Родословная поколѣнная роспись Юрія Лозынича съ 1402 года («Владимірск. Губерн. Вѣдомости» 1871 года, №№ 35 и 36).—Полное собраніе русскихъ лѣтописей.—Статья А. В. Висковатова въ Энциклопедическ. Лексиконѣ Плюшара.

Бороздины, старинный русскій дворянскій родъ, ведетъ свое начало отъ Юрія Лозынича, выѣхавшаго въ 1327 г. изъ Волыни къ великому князю Александру Михайловичу Храброму Тверскому. Сынъ Юрія—Гавріилъ Юрьевичъ, былъ бояриномъ у тверского великаго князя Василія Михайловича, княжившаго съ 1348 г. по 1367 годъ. У Гавріила Юрьевича были: сынъ Василій Гавріиловичъ и внуки Иванъ Васильевичъ и Микула Васильевичъ, отъ котораго пошли Шишковы. *Иванъ Васильевичъ* получилъ прозваніе Борозды, которое и передалъ своимъ потомкамъ, называвшимся Бороздиными. Они служили въ боярахъ, окольничихъ и иныхъ чинахъ и жалованы были отъ государей помѣстьями. Сынъ Ивана Васильевича Борозды, *Сергій Ивановичъ*, въ иночествѣ Савва, прославился подвижническою жизнію и основаніемъ монастыря на рѣкѣ Вишерѣ (см. **Савва** Вишерскій). Племянникъ Сергія Ивановича, *Борисъ Захарьевичъ*, былъ знатнѣйшимъ бояриномъ при великомъ князѣ Тверскомъ Михаилѣ Борисовичѣ; о немъ упоминаетъ извѣстный русскій путешественникъ Аѳанасій Тверитинъ. Сыновья Бориса Захарьевича, *Иванъ*, *Василій и Петръ Борисовичи* были боярами при Іоаннѣ III (о каждомъ изъ нихъ см. особо). Двоюродный братъ Бориса Захарьевича, *Иванъ Никитичъ Жито* (ум. въ 1506 г.) былъ бояриномъ въ Твери, а послѣ присоединенія великаго княжества Тверского къ Московскому, въ 1476 г. перешелъ на службу къ великому князю Іоанну III и былъ его бояриномъ. Въ 1471 г. онъ пришелъ къ великому князю Іоанну III отъ великаго князя Тверского въ помощь противъ новгородцевъ, при чемъ вмѣстѣ съ другимъ тверскимъ воеводой, княземъ Ю. Я. Дорогобужскимъ, соединился съ Іоанномъ III въ Торжкѣ; въ 1478 г. онъ участвовалъ въ походѣ великаго князя противъ новгородцевъ.

Братъ Ивана Никитича ***Григорій Никитичъ*** (ум. въ 1480 г.) пожалованъ въ бояре въ 1476 г. и такъ же, какъ и братъ, перешелъ послѣ присоединенія Тверского княжества къ Московскому на службу къ Іоанну III въ 1476 г. Въ 1478 г. онъ принималъ участіе въ походѣ великаго князя Іоанна III на Новгородъ и находился въ правой рукѣ. Сынъ Григорія Никитича ***Ѳедоръ Григорьевичъ***, подобно отцу, былъ бояриномъ въ Твери, а послѣ присоединенія ея къ Москвѣ, перешелъ на службу къ великому князю Іоанну III. Потомокъ Григорія Никитича, ***Никита Григорьевичъ*** былъ воеводой и осаднымъ головой въ Вельянѣ (Феллинѣ) въ 1574—1575 и 1578—1579 годахъ, головой въ Говьѣ (1576 г.) и воеводой въ Перновѣ (1584—1585 г.). Сыновья Никиты Григорьевича, ***Ѳедоръ и Игнатій Никитичи*** имѣли помѣстья во Псковѣ. Изъ потомковъ Ѳедора Никитича, ***Богданъ Петровичъ***, родившійся въ 1666 г., служилъ во многихъ походахъ противъ крымскихъ татаръ и шведовъ; наконецъ отправлялъ должность ландрата во Псковѣ и скончался въ 1727 г. въ мѣстѣ своего рожденія - селѣ Ладинѣ, псковской губерніи, новоржевскаго уѣзда. Біографія сына его, Корнилія, изложена выше. Внукъ Бориса Захарьевича, ***Василій Петровичъ*** (ум. въ 1560 г.) былъ окольничимъ при Іоаннѣ Грозномъ. По женѣ своей, княжнѣ Палецкой, онъ приходился свояккомъ Юрію Васильевичу, брату Іоанна Грознаго, а съ другой стороны былъ роднымъ дядею Евфросиніи, княгини Старицкой. Это двойное родство съ царскимъ домомъ было причиною того, что Евфросинія, помышлявшая, во время тяжкой болѣзни Іоанна Грознаго, доставить престолъ своему сыну Владиміру, избрала именно Василія Петровича для переговоровъ съ Юріемъ Васильевичемъ. Другой внукъ Бориса Захарьевича, ***Никита Васильевичъ***, былъ также окольничимъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ и, въ числѣ прочихъ, въ 1573 г., былъ посланъ имъ въ Муромъ. Братъ Никиты Васильевича, ***Тимоѳей Васильевичъ***, былъ воеводою въ казанскомъ походѣ 1538 г., а потомъ воеводою въ Муромѣ (1541 г.). Его троюродный братъ, ***Андрей Ѳедоровичъ*** былъ уже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, воеводою въ Ракоборѣ (1579 г.) въ Перновѣ (1580—1582 гг.) и въ Себежѣ (1584—1585 гг.). Правнукъ Бориса Захарьевича, ***Василій Михайловичъ*** былъ намѣстникомъ въ Тулѣ (1540 г.), воеводою въ Смоленскѣ (1543—1546 гг.) и потомъ въ Калугѣ. Другой правнукъ Бориса Захарьевича, ***Григорій Никитичъ*** былъ бояриномъ при Іоаннѣ IV (о немъ см. особо). Другой ***Борисъ Захарьевичъ***, правнукъ Ивана Васильевича Бороздьі, былъ воеводою въ московскихъ войскахъ въ казанскомъ походѣ 1484 г. 20-го декабря 1505 г. была жалованная грамота ему и его сыну Ѳедору на село Гавшино съ деревнями (въ новоржевскомъ уѣздѣ), съ освобожденіемъ крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и тіуновъ. Сынъ этого Бориса Захарьевича, ***Ѳедоръ Борисовичъ***, бояринъ при Василіи Іоановичѣ, до 1518 г. упоминается какъ молодой человѣкъ, состоящій на службѣ у князя Василія Шемячича, который находился въ Новгородѣ. Въ 1522 г. онъ былъ на Москвѣ въ приставахъ у посольства отъ короля Сигизмунда Казимировича къ великому князю Василію Іоанновичу. Въ 1531 г. его посылаетъ великій князь Василій Іоанновичъ въ Нижній Новгородъ съ приказаніемъ привести къ шерти Еналея и отпустить его въ Казань.

Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи.—Гр. Бобринскій, Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи.—Кн. Долгоруковъ, Россійская родославная книга.—И. Лядовъ, Родословная поколѣнная роспись Юрія Лозынича съ 1402 года («Владимірскія Губернск. Вѣдомости» 1871 года, №№ 35 и 36).—Полное собраніе русскихъ Лѣтописей.—Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI вѣка.—Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго.—Древн. Россійск. Вивліоѳика, ч. XIII, 13, 15, 42, 57, 76, и ч. XIV, 311, 345, 362, 389, 404, 448, 475.—Дворцовые разряды, кн. I, 258.—Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. XXXV.—Статья А. В. Висковатова въ Ѳнцикл. Лексиконѣ Плюшара.

Вороздна, *Василій Петровичъ*, писатель, сынъ коллежскаго совѣтника, новозыбковскаго маршала дворянства Петра Ивановича Бороздны и Екатерины Григорьевны Кулябко-Корецкой, род. въ родовомъ своемъ имѣніи — селѣ Медвѣдовѣ, стародубскаго уѣзда, 18 февраля 1793 г., и уже въ 1799 г. былъ зачисленъ на службу канцеляристомъ въ стародубскій подкоморскій судъ. Перейдя въ 1802 г. на службу къ дѣламъ маршала новозыбковскаго повѣта, Бороздна вышелъ 16-го сентября 1813 г. въ отставку, а 28-го августа 1814 г. опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Служа здѣсь, Бороздна, состоялъ чиновникомъ

при канцеляріи посольства, отправившагося въ 1816 г., во главѣ съ А. П. Ермоловымъ, въ Персію, съ цѣлью расположенія послѣдней къ Россіи. Изъ этого путешествія Бороздна возвратился въ апрѣлѣ 1818 г.; онъ издалъ свои путевыя записки въ книгѣ, напечатанной въ 1821 г. въ Петербургѣ, подъ названіемъ: «Краткое описаніе путешествія Россійско-Императорскаго Посольства въ Персію». По возвращеніи въ Россію, Бороздна въ чинѣ коллежскаго ассесора вышелъ въ отставку, и дальнѣйшая его служба была по выборамъ дворянства—въ качествѣ подкоморія новозыбковскаго уѣзда. Въ 1837 г. Бороздна снова вступилъ на государственную службу въ депертаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, откуда вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ въ министерство финансовъ и 16 января 1837 г. опредѣленъ въ государственный заемный банкъ. Затѣмъ Бороздна 25 мая 1840 г. назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій 7 класса при томъ же министерствѣ, а 3 сентября 1843 г. — директоромъ 1-го отдѣленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, въ каковой должности онъ былъ еще въ 1848 г., имѣя чинъ статскаго совѣтника, полученный имъ 25-го мая 1844 г. Умеръ Бороздна въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ 1850-хъ годахъ. Въ 1814 г. Бороздна издалъ еще «Видѣніе престарѣлаго сибирскаго жреца во время народной битвы при Лейпцигѣ 1814 г.» (М., 4°, 5 стр.).

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ Бороздинъ.—Записки Н. Н. Муравьева, «Русскій Архивъ» 1886 г., № 4, стр. 5, 19—20, 456, 475.—А. П. Берже, Посольство А. П. Ермолова въ Персію, «Русская старина», 1877 г., т. VI, стр. 257—8.—Г. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Берлинъ, 1876 г., стр. 105.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, С.-Петербургъ, 1898, стр. 130.—Его-же, Источники словаря русскихъ писателей, т. I (С.-Петербургъ, 1900, стр. 327).

Вад. Модзалевскій.

Бороздна, *Иванъ Петровичъ*, поэтъ, братъ предыдущаго, род. въ селѣ Медвѣдовѣ, стародубскаго уѣзда, 27-го ноября 1804 г., ум. 7 декабря 1858 г. Образованіе свое получилъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1823 г. Уже въ это время онъ занимался стихотворствомъ; первые его стихи были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1823 г., въ коемъ онъ сотрудничалъ до 1829г. съ небольшими промежутками. Затѣмъ стихотворенія Бороздны появлялись въ слѣдующихъ журналахъ: «Литературныхъ листкахъ» (1824), «Сынѣ Отечества» (1824, 1831, 1836, 1837), «Соревнователѣ» (1825), «Новостяхъ литературы» (1825), «Московскомъ Телеграфѣ» (1826), «Московскомъ Вѣстникѣ» (1827), «Славянинѣ» (1827), «Литературныхъ приложеніяхъ къ Русскому Инвалиду» (1833), «Маякѣ» (1840, 1842) и альманахахъ: «Утренней Зарѣ» (1840), «Русской Бесѣдѣ» (1841, 1842), «Молодикѣ» (1842) и «Литературномъ вечерѣ» (1844); кромѣ того, въ сборникѣ «Рѣчь и стихи, произнесенные въ торжеств. собраніи Универс. Благор. Пансіона по случаю выпуска воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія 1823 г., апрѣля 14 дня» (М. 1823), напечатано его стихотвореніе «Мудрецъ» (стр. 21—23). Въ 1827 г. Бороздна жилъ въ имѣніи своемъ—селѣ Медвѣдовѣ; продолжая и здѣсь писать стихи, онъ посылалъ ихъ въ «Московскій Вѣстникъ», издававшійся Погодинымъ. Въ 1834 г. Бороздна осуществилъ свое давнишнее желаніе совершить путешествіе по Россіи: онъ побывалъ въ Малороссіи, Новороссіи и Крыму, воспоминаніямъ о которыхъ посвятилъ свои «Поэтическіе очерки Украйны», написанные въ видѣ двѣнадцати писемъ къ графу В. П. Завадовскому и изданные въ Москвѣ въ 1837 г. Большая часть этихъ «поэтическихъ очерковъ» была написана Борозднoю въ с. Медвѣдовѣ, стародубскаго уѣзда, гдѣ онъ тогда проживалъ. Въ 1836—38 гг. Бороздна, вмѣстѣ съ В. Г. Бенедиктовымъ, П. П. Свиньинымъ, И. А. Гончаровымъ и другими писателями, помѣщалъ свои стихотворенія въ рукописномъ журналѣ «Подснѣжникъ», издававшемся В. А. Солоницынымъ, для развитія любви къ литературѣ въ сыновьяхъ извѣстнаго живописца Николая Аполлоновича Майкова—Аполлонѣ и Валеріанѣ Николаевичахъ. Бороздна продолжалъ заниматься стихотворствомъ еще и въ 1844 г., когда онъ, вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ, С. П. Шевыревымъ и Н. П. Огаревымъ, принималъ участіе въ изданіи сборника «Литературный вечеръ», напечатаннаго въ пользу семейства умершаго въ 1843 г. писателя В. В. Пассека. По свидѣтельству I. I. Ясинскаго, въ домѣ отца котораго поэтъ часто бывалъ, Бороздна говорилъ остроумно, красиво, мягко и любезно, но отличался тщеславіемъ и любовью къ тому,

чтобъ ему льстили. Умеръ онъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Стихотворенія Бороздны были изданы: въ 1828 г., въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Опыты въ стихахъ»; въ 1834 г., тамъ-же, подъ названіемъ «Лира» (здѣсь помѣщены были стихотворенія, писанныя большею частью въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія), и въ 1848 г., въ Москвѣ же, съ заглавіемъ: «Лучи и тѣни». Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Борозднa обнаружилъ мало поэтическаго таланта: почти всѣ его стихотворенія отличаются высокопарностью и состоятъ изъ громкихъ фразъ; наиболѣе удачною и искреннею изъ его піесъ можно считать стихотвореніе, написанное имъ по поводу смерти жены, умершей въ 1830 г., и помѣщенное въ «Лирѣ» 1834 г.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ Бороздинъ.—І. І. Ясинскій, Дома и въ школѣ, «Русская школа» 1890 г. № 11, стр. 22—46.—Некрологи: «Библіографическія Записки» 1859 г., № 20, «Сѣверная Пчела» 1858 г., № 277, Мѣсяцесловъ на 1860 г.—Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный пансіонъ, стр. 85.—Воспоминанія Т. П. Пассекъ, «Русская Старина» 1877 г., № 7, стр. 443.—«Русская Старина» 1888 г., № 5, стр. 530.—Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, II, стр. 81.—Г. Н. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Берлинъ, 1876, стр. 105.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, С.-Петербургъ, 1898, стр. 130.—Его-же, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Петербургъ, 1900, стр. 327.

Вад. Модзалевскій.

Бортвигъ, *Джоржъ-Джонъ-Робертъ* (*Романъ Ивановичъ*), капитанъ 1-го ранга, родомъ шотландецъ, ум. 12 ноября 1827 г. въ Архангельскѣ. Въ 1788 г. онъ принятъ на русскую службу мичманомъ и на кораблѣ «Дорисъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта Ломена, былъ въ крейсерствѣ у шведскихъ береговъ. Въ 1784 г., на томъ-же кораблѣ, подъ командою капитана 1 ранга Престона, онъ участвовалъ 15-го іюля въ Эландскомъ сраженіи. Послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ выстрѣловъ начали рваться пушки; поранило и убило много прислуги, которая въ страхѣ боялась подходить къ орудіямъ и прекратила стрѣльбу; тогда мичманъ Бортвигъ, показывая примѣръ неустрашимости, самъ сталъ стрѣлять; команда ободрилась и, возвратясь по мѣстамъ, вновь начала стрѣлять по непріятелю. Бортвигъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ благополучно, но затѣмъ орудіе, изъ котораго онъ выстрѣлилъ, разорвало и страшно поранило ему лицо, а также ногу выше колѣна. Императрица, очень заинтересованная имъ, пожелала видѣть его прежній портретъ и изволила сказать: «если-бы не пламенные волосы, то такого мущину можно бы назвать красавцемъ». Когда ему стало лучше, въ іюлѣ 1790 г. Бортвигъ представился Ея Величеству въ Царскомъ Селѣ. Увидѣвъ его искалѣченное лицо, она сказала: «Душевно сожалѣю, сэръ Робертъ Бортвигъ, объ утратѣ благородной вашей физіономіи, но теперешнее состояніе вашего лица ясно свидѣтельствуетъ о воинской вашей отвагѣ и доблести, и потому не менѣе прежняго привлекательно». Потомъ возвратила ему портретъ и пожаловала ему дорогую золотую табакерку съ 500-ми червонцевъ. Въ 1791 г. Бортвигъ былъ произведенъ въ лейтенанты и по 1795 г. ежегодно плавалъ въ Финскомъ заливѣ; въ 1795—1800 гг., на корабляхъ «Пименъ» и «Богословъ» онъ плавалъ у береговъ Англіи и былъ въ крейсерствѣ въ Нѣмецкомъ морѣ, въ 1800 г. командированъ въ Москву, въ 1801—1803 гг. плавалъ въ Финскомъ заливѣ, въ 1804 г. командированъ въ Новгородъ для пріема и привода рекрутовъ въ Петербургъ. Въ 1805—1808 гг., на кораблѣ «Уріилъ», подъ командою капитана 2 ранга Быченскаго, въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина, Бортвигъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при осадѣ Новой Рагузы, въ Дарданеллахъ, въ десантной высадкѣ на островъ Лемносъ и при Афонской горѣ. Послѣ этой кампаніи Бортвигъ былъ награжденъ золотою шпагою за храбрость и орденомъ Св. Георгія 4 ст. за 18 морскихъ кампаній. По случаю разрыва съ Англіею, Бортвигъ былъ вызванъ изъ Средиземнаго моря и посланъ въ Москву, гдѣ оставался до 1812 г. Въ 1812—14 гг. онъ былъ флагъ-капитаномъ у адмирала Тета въ плаваніи его эскадры у англійскихъ и французскихъ береговъ, въ 1814 г. командовалъ 31-мъ корабельнымъ экипажемъ въ Кронштадтѣ, въ 1815—19 гг. командовалъ въ Архангельскѣ 22-мъ экипажемъ, а въ 1819 г., командуя кораблемъ «Борей», перешелъ въ Кронштадтъ и по 1824 г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1824 г., командуя отрядомъ изъ 2 фрегатовъ, 1 шлюпа и 1 брига, Бортвигъ ходилъ въ Ботническомъ заливѣ, въ 1825 г. командированъ въ Архангельскъ, а въ 1826—27 гг. ко-

мандовалъ 16-мъ флотскимъ экипажемъ въ Архангельскѣ и кораблемъ Коцбахъ.

Общій морской списокъ 1885, т. III, 207—209.—Инструкція капитану Бортвигу, отправляющемуся съ отрядами судовъ въ Ботническій заливъ; Зап. изд. Госуд. Адм. Деп., 1824, т. VII, 61—64.—Записки о Управленіяхъ Госуд. Адм. Деп.; Зап. изд. Гос. Адм. Деп., 1824, VII, 1—68 и 1825, VIII, 1—69.—О мичманѣ Робертѣ Бортвигъ, Мор. Сб., 1855, VII, уч-л., 76—91.—Кротковъ А., Повседневная запись. Сб., 1894.—Матеріалы для исторіи Русскаго флота, т. XIII и XIV.—Веселаго Ѳ. Ф., Краткая исторія Русскаго Флота. Спб., 1893.—Шишковъ А., Военныя дѣйствія Русскаго флота противъ Шведскаго 1788—90. Спб., 1826.—Головачевъ В., Дѣйствія Русскаго флота въ войнѣ со шведами. Спб., 1871.—Мельниковъ Г. М., Дневныя морскія записки на кор. Уріилъ. Спб.. 1872.—Броневскій В., Записки морского офицера. Спб., 1818.—Его-же, Письма морского офицера. Москва, 1823.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Борткевичъ, *Осипъ Ѳадѣевичъ*, врачъ, род. въ 1805 г., ум. въ 1872 г. Врачебное образованіе онъ получилъ въ виленскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1826 г., послѣ чего былъ опредѣленъ врачемъ въ л.-гв. волынскій полкъ; 3-го сентября 1829 г. онъ получилъ степень доктора медицины въ виленскомъ университетѣ, въ 1831 г. былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ варшавскій военный госпиталь (нынѣ Уяздовскій), въ 1843 г. получилъ тамъ-же должность старшаго ординатора, а въ 1865 г. уволенъ отъ службы. Онъ напечаталъ: 1) Wypadki ukąszenia przez psa vścieklego, въ «Pam. Tovarz. lek. warsz.», 1845 г., стр. 244 — 2) Soliter; niezwykle objawy jego obecności, тамъ-же, 1846 г., стр. 23.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, Спб., 1886. — С. Козминскій, Slownik lekarzów polskich, Варшава, 1883 г.

Н. К.

Бортнянскій, *Дмитрій Степановичъ*, композиторъ духовной музыки, директоръ придворной капеллы, род. въ 1751 г., въ г. Глуховѣ, черниговской губерніи, ум. 28 сентября 1825 г. Семи лѣтъ онъ былъ зачисленъ въ пѣвчіе придворнаго хора и, благодаря прекрасному голосу (у него былъ дискантъ) и выдающимся музыкальнымъ способностямъ, а также счастливой наружности, скоро началъ выступать публично на придворной сценѣ (придворные пѣвчіе въ то время принимали участіе и въ исполненіи оперъ, дававшихся въ придворномъ театрѣ подъ управленіемъ иностранцевъ-композиторовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію по приглашенію царствующихъ особъ и жившихъ иногда здѣсь по-долгу). Есть извѣстіе, что 11 лѣтъ отъ роду Бортнянскій исполнялъ отвѣтственную, при томъ женскую, роль въ оперѣ Раупаха «Альцеста», причемъ, передъ выступленіемъ въ этой роли, долженъ былъ прослушать нѣсколько уроковъ сценическаго искусства въ кадетскомъ корпусѣ. Въ это время на него обратила вниманіе Императрица Елизавета Петровна, которая съ тѣхъ поръ принимала постоянно въ немъ большое участіе. Исключительныя музыкальныя способности Бортнянскаго доставили ему также вниманіе итальянца композитора Галуппи, который занялся серьезно его музыкальнымъ образованіемъ и давалъ ему уроки теоріи композиціи до самаго отъѣзда своего изъ Россіи (1768 г.). Черезъ годъ Императрица Екатерина II, уступая желанію Галуппи, отправила Бортнянскаго къ нему въ Венецію для окончательнаго усовершенствованія въ музыкальныхъ познаніяхъ. Бортнянскій пробылъ въ Италіи до 1779 года и въ это время не только вполнѣ овладѣлъ техникой композиціи, но и пріобрѣлъ даже извѣстность въ качествѣ композитора кантатъ и оперъ. Эти произведенія не дошли до насъ, извѣстно только, что они были написаны въ итальянскомъ стилѣ и на итальянскій текстъ. Въ это время онъ также много путешествовалъ по Италіи и пріобрѣлъ здѣсь страсть къ произведеніямъ искусства, особенно живописи, не покидавшую его до конца жизни, и вообще расширилъ кругъ своихъ познаній. Въ 1779 г. Бортнянскій вернулся въ Петербургъ и тотчасъ же получилъ званіе капельмейстера придворнаго хора, а впослѣдствіи — въ 1796 г., — званіе директора вокальной музыки и управляющаго придворной капеллой, преобразованной изъ придворнаго хора. Съ этимъ послѣднимъ званіемъ были связаны не только завѣдываніе чисто-художественною стороною дѣла, но также и хозяйственныя заботы. На обязанности директора лежало также сочиненіе духовныхъ хоровыхъ произведеній для придворныхъ церквей. Получивъ въ полное распоряженіе капеллу, которая при предшественникѣ его Полторацкомъ была въ состояніи крайняго упадка, Бортнянскій быстро привелъ ее въ блестящее положеніе. Прежде всего онъ позаботился объ улучшеніи состава хористовъ въ музыкальномъ отношеніи, исключивъ изъ

хора мало музыкальныхъ пѣвцовъ и набравъ новыхъ, болѣе способныхъ, преимущественно въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Численный составъ хора увеличенъ имъ до 60 человѣкъ, музыкальность исполненія, чистота и звучность пѣнія, отчетливость дикціи доведены до высшей степени совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ капеллы, которымъ онъ выхлопоталъ значительныя прибавки жалованья. Наконецъ, ему удалось добиться прекращенія участія хоровъ капеллы въ театральныхъ представленіяхъ при дворѣ, для которыхъ въ 1800 г. былъ образованъ спеціальный хоръ. Одновременно со всѣмъ этимъ, онъ занялся улучшеніемъ репертуара духовныхъ пѣснопѣній въ придворныхъ и другихъ церквахъ. Въ это время въ Россіи въ качествѣ композиторовъ духовной музыки господствовали итальянцы: Галуппи, Сарти, Сапіенца и др., композиціи которыхъ были написаны совершенно не въ духѣ стараго русскаго церковнаго пѣнія, отличавшагося простотою и сдержанностью, а главное строгимъ соотвѣтствіемъ между текстомъ и музыкою. Произведенія же перечисленныхъ композиторовъ были чужды простоты и стремились главнымъ образомъ произвести эффектъ; съ этой цѣлью въ нихъ вводились разнаго рода фіоритуры, пассажи, трели, форшлаги, рѣзкіе переходы и скачки, ферматы, крикъ и тому подобныя украшенія, умѣстныя скорѣе въ театрахъ, чѣмъ на клиросѣ церквей. Нечего и говорить, что мелодическіе обороты, гармонія и ритмъ были вполнѣ итальянскіе, причемъ иногда мелодія и гармонизація прямо заимствовалась изъ западно-европейскихъ образцовъ. Такъ, для одной Херувимской гармонизація была заимствована изъ «Сотворенія міра» Гайдна, а одно «Тебѣ поемъ» было написано на тему аріи жреца изъ «Весталки» Спонтини. Иногда даже текстъ священнаго пѣснопѣнія подвергали искаженію. Наиболѣе характернымъ произведеніемъ этой эпохи является, можетъ быть, ораторія Сарти «Тебе Бога хвалимъ», исполненная близъ Яссъ въ присутствіи Потемкина подъ открытымъ небомъ огромнымъ хоромъ пѣвчихъ съ аккомпаниментомъ пушекъ и колоколовъ. Не лучше были и русскіе композиторы, подражавшіе итальянцамъ, увлеченные успѣхомъ произведеній послѣднихъ: Редриковъ, Виноградовъ, Николай Бовыкинъ и другіе, которые писали Херувимскія «веселаго распѣва съ выходками», «умилительныя съ выходками», «причастны во всю землю», подъ названіемъ «труба», напѣвы «пропорціональные», «бемолярные», «хоральные», «полупартесные», «съ переговорками», «съ отмѣною», «съ высокаго конца» и т. п. Уже самыя названія свидѣтельствуютъ о характерѣ и качествѣ этихъ произведеній. Существовавшія на ряду съ этими композиціями попытки переложеній старыхъ церковныхъ напѣвовъ также были далеко не высокаго качества: это были, такъ называемыя, эксцеллентованія (отъ excellentes canere), особенность которыхъ состояла въ чрезвычайно игривомъ басѣ, не оставлявшемъ впечатлѣнія основнаго баса, служащаго поддержкой гармоніи. Всѣ эти произведенія чрезвычайно нравились слушателямъ и все болѣе и болѣе распространялись по Россіи, доходя до самыхъ отдаленныхъ уголковъ ея, вытѣсняя старыя русскія пѣснопѣнія и угрожая совершенно испортить музыкальные вкусы общества.

Какъ человѣкъ, одаренный въ высшей степени художественнымъ вкусомъ, Бортнянскій чувствовалъ все несовершенство подобнаго рода музыки и несоотвѣтствіе его съ духомъ православнаго пѣнія и началъ борьбу со всѣми этими направленіями. Но понимая, что крутыми мѣрами трудно было бы достигнуть цѣли, Бортнянскій рѣшилъ дѣйствовать постепенно, дѣлая нѣкоторыя необходимыя уступки вкусамъ своего времени. Сознавая необходимость рано или поздно вернуться къ древнимъ пѣснопѣніямъ, Бортнянскій не рѣшился, однако, предложить ко всеобщему употребленію ихъ въ совершенно нетронутомъ видѣ, опасаясь, что эти напѣвы, оставаясь въ своей первобытной суровой красотѣ, не будутъ достаточно поняты современниками. Въ виду этого онъ продолжалъ писать въ итальянскомъ духѣ, т. е. принимая западно-европейскіе мелодіи, гармоніи и контрапунктъ, широко пользуясь имитаціями, канономъ и фугато, уклоняясь отъ примѣненія церковныхъ ладовъ, въ которыхъ написаны древне-русскія мелодіи. Но при этомъ онъ обратилъ вниманіе на соотвѣтствіе музыки и текста, изгналъ изъ своихъ произведеній всякіе театральные эффекты и придалъ имъ характеръ величественной простоты, чѣмъ приблизилъ ихъ къ древ-

нимъ пѣснопѣніямъ. Въ своихъ переложеніяхъ древнихъ напѣвовъ, очень немногочисленныхъ, Бортнянскій руководился тѣмъ же принципомъ постепенности и не оставлялъ ихъ въ первоначальномъ видѣ. Онъ старался подчинить ихъ симметричному ритму (извѣстно, что древніе церковные напѣвы не были подчинены опредѣленному такту и ритму, но будучи написаны на прозаическій текстъ, строго слѣдовали за естественными удлиненіями и удареніями, заключавшимися въ рѣчи) и съ этой цѣлью часто измѣнялъ ихъ, оставляя только самыя необходимыя ноты мелодіи, измѣняя также относительную длину нотъ, а иногда даже и текстъ. Благодаря глубокому чувству, проникающему всѣ творенія Бортнянскаго, и соотвѣтствію музыки съ текстомъ, эти творенія постепенно пріобрѣли симпатіи общества и, получивъ широкое распространеніе во всѣхъ концахъ Россіи, понемногу вытѣснили произведенія его предшественниковъ. Объ успѣхѣ его произведеній свидѣтельствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что князь Грузинскій, жившій въ селѣ Лысковѣ, нижегородской губерніи, платилъ большія деньги за то, чтобы ему высылались новыя сочиненія Бортнянскаго тотчасъ по ихъ написаніи. Благодаря плодотворной дѣятельности Бортнянскаго, ему удалось достигнуть большаго вліянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Предположенное въ 1804 г. въ видахъ улучшенія церковнаго пѣнія въ Россіи учрежденіе цензуры надъ духовно-музыкальными сочиненіями было осуществлено въ 1816 г. указомъ Синода. По этому указу «все, что поется въ церкви по нотамъ должно быть напечатано и состоять изъ собственныхъ сочиненій директора капеллы д. с. сов. Бортнянскаго и другихъ извѣстныхъ сочинителей, но сихъ послѣднихъ сочиненія должны быть печатаемы съ одобренія Бортнянскаго». Однако, въ теченіе 9 лѣтъ Бортнянскій не скрѣпилъ своею подписью, а слѣдовательно и не издалъ ни одного своего произведенія. На Бортнянскаго была возложена обязанность обучать причетниковъ петербургскихъ церквей простому и единообразному пѣнію. Для этой же цѣли улучшенія пѣнія Бортнянскій переложилъ придворный напѣвъ литургіи на два голоса, напечаталъ и разослалъ во всѣ церкви Россіи. Наконецъ, Бортнянскому приписывается такъ называемый «проектъ объ отпечатаніи древняго россійскаго крюковаго пѣнія», главная мысль котораго заключается въ объединеніи пѣнія во всѣхъ православныхъ церквахъ на почвѣ древнихъ мелодій, записанныхъ и изданныхъ въ свойственной имъ крюковой нотаціи. Впрочемъ В. В. Стасовъ въ статьѣ «Сочиненіе, приписываемое Бортнянскому» отрицаетъ возможность принадлежности этого проекта Бортнянскому, приводя противъ этого цѣлый рядъ доводовъ, изъ которыхъ наиболѣе убѣдительными является во 1-хъ то обстоятельство, что современники и ближайшіе преемники Бортнянскаго по управленію капеллой, директоръ ея А. Ѳ. Львовъ и инспекторъ Бѣликовъ, прямо признаютъ этотъ документъ подложнымъ, не принадлежащимъ перу Бортнянскаго, а во 2-хъ то, что еслибы Бортнянскій дѣйствительно хотѣлъ напечатать древнія крюковыя ноты, то всегда могъ бы это сдѣлать, пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ, и ему не нужно было бы предлагать подписку, какъ единственное средство осуществить этотъ проектъ. По мнѣнію Стасова, проектъ этотъ могъ быть составленъ учителемъ капеллы Алакрицкимъ, по просьбѣ раскольниковъ, мечтавшихъ о возрожденіи древняго русскаго пѣнія и, дабы обратить на проектъ вниманіе общества и правительства, распустившихъ слухъ, что онъ написанъ Бортнянскимъ.

Бортнянскій согласился на напечатаніе своихъ сочиненій лишь незадолго до своей смерти, поручивъ изданіе ихъ протоіерею Турчанинову. Разсказываютъ, что, чувствуя приближеніе смерти, онъ потребовалъ къ себѣ хоръ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть свой концертъ, наиболѣе имъ любимый, «Вскую прискорбна еси, душе моя» и подъ эти печальные звуки скончался. Бортнянскій написалъ 35 концертовъ 4-хъ-голосныхъ и 10 двухорныхъ, большею частью на псалмы Давида, трехголосную литургію, восемь тріо, изъ коихъ 4 «Да исправится», 7 четырехголосныхъ херувимскихъ и одну двухорную, 4 «Тебѣ Бога хвалимъ» четырехголосныхъ и 10 двухорныхъ, 4 гимна, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», 12 переложеній древнихъ напѣвовъ и множество другихъ пѣснопѣній четырехголосныхъ и двухорныхъ, въ общей сложности до 118 №№. Полное собраніе сочиненій Бортнянскаго издано

Придворной пѣвческой капеллой, а также П. Юргенсономъ въ Москвѣ, подъ редакціей П. И. Чайковскаго. О томъ, какое впечатлѣніе сочиненія Бортнянскаго производили на современниковъ, лучше всего свидѣтельствуетъ отзывъ о нихъ Ѳ. П. Львова, непосредственнаго преемника Бортнянскаго по управленію капеллою: «Всѣ музыкальныя сочиненія Бортнянскаго весьма близко изображаютъ слова и духъ молитвы; при изображеніи молитвенныхъ словъ на языкѣ гармоніи, Бортнянскій избѣгаетъ такихъ сочетаній аккордовъ, которые, кромѣ разнообразной звучности, ничего не изображаютъ, а употребляются лишь для показанія тщетной учености сочинителя: ни одной строгой фуги не допускаетъ онъ въ своихъ переложеніяхъ священныхъ пѣснопѣній, и, слѣдовательно, нигдѣ не развлекаетъ молящагося нѣмыми звуками, и не предпочитаетъ бездушное наслажденіе звуками наслажденію сердца, внимающаго пѣнію говорящему. Бортнянскій сливаетъ хоръ въ одно господствующее чувство, въ одну господствующую мысль, и хотя передаетъ то однимъ голосомъ, то другимъ, но заключаетъ обыкновенно пѣснь свою общимъ единодушіемъ въ молитвѣ». Произведенія Бортнянскаго, отличаясь по складу общеевропейскимъ характеромъ, нашли себѣ благопріятную оцѣнку и на Западѣ. Такъ Берліозъ, исполнившій съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ одно изъ сочиненій Бортнянскаго, писалъ о нашемъ композиторѣ слѣдующее: «Всѣ произведенія Бортнянскаго проникнуты истиннымъ религіознымъ чувствомъ, нерѣдко даже нѣкоторымъ мистицизмомъ, который заставляетъ слушателя впадать въ глубоковосторженное состояніе; кромѣ того у Бортнянскаго рѣдкая опытность въ группировкѣ вокальныхъ массъ, громадное пониманіе оттѣнковъ, звучность гармоніи, и, что удивительно, невѣроятная свобода расположенія партій, презрѣніе къ правиламъ, установленнымъ какъ его предшественниками, такъ и современниками, въ особенности итальянцами, которыхъ онъ считается ученикомъ». Впрочемъ преемники Бортнянскаго уже не были вполнѣ удовлетворены его музыкой, особенно его переложеніями древнихъ напѣвовъ. Такъ А. Ѳ. Львовъ въ своемъ сочиненіи «О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ» (Спб. 1858) упрекаетъ Бортнянскаго въ нарушеніи свойственныхъ древнему русскому церковному пѣнію законовъ просодіи, и въ искаженіи, ради требованій современнаго симметричнаго ритма и современной гармоніи, естественнаго ударенія словъ и даже мелодіи. М. И. Глинка находилъ произведенія Бортнянскаго слишкомъ слащавыми и далъ ему шутливое прозвище «Сахаръ Медовичъ Патокинъ». Но при всѣхъ несомнѣнныхъ недостаткахъ Бортнянскаго не слѣдуетъ забывать и о громадныхъ заслугахъ его въ дѣлѣ упорядоченія и улучшенія нашего церковнаго пѣнія. Онъ сдѣлалъ первые рѣшительные шаги къ освобожденію его отъ иностраннаго свѣтскаго вліянія, внеся въ него истинное религіозное чувство и простоту, и первый возбудилъ вопросъ о возстановленіи пѣнія въ истинно-церковномъ и истинно-народномъ духѣ. Изъ его произведеній наибольшее значеніе для насъ имѣютъ въ настоящее время концерты, именно потому, что они, не входя въ кругъ обязательныхъ церковныхъ пѣснопѣній, допускаютъ бо́льшую свободу стиля, и ихъ общеевропейскій характеръ является здѣсь болѣе умѣстнымъ, чѣмъ въ другихъ пѣснопѣніяхъ, предназначенныхъ непосредственно для богослуженія. Лучшими изъ нихъ считаются: «Гласомъ моимъ ко Господу», «Скажи ми Господи кончину мою» (по мнѣнію П. И. Чайковскаго лучшій изъ всѣхъ), «Вскую прискорбна еси душе моя», «Да воскреснетъ Богъ», «Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи!» и др.

Какъ человѣкъ, Бортнянскій отличался нѣжнымъ и отзывчивымъ характеромъ, благодаря чему подчиненные ему пѣвчіе обожали его. Для своего времени онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и отличался развитымъ художественнымъ вкусомъ не только въ музыкѣ, но и въ другихъ искусствахъ, особенно въ живописи, страстнымъ любителемъ которой онъ былъ до конца жизни. Онъ обладалъ прекрасной картинной галлереею и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со скульпторомъ Мартосомъ, съ которымъ познакомился во время пребыванія въ Италіи.

Д. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи.— Ант. Преображенскій, Д. С. Бортнянскій (статья въ Русской музыкальной газетѣ 1900 г. № 40).— С. Смоленскій, Памяти Бортнянскаго (тамъ же, 1901 г. №№ 39 и 40).—В. В. Стасовъ, Сочиненіе приписываемое Бортнянскому (тамъ же, 1900 г. № 47).—О. Компанейскій, Отвѣтъ на замѣтку о мелодіи гимна «Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» (тамъ же, 1902 г.). — Н. Ф. (Финдейзенъ), Двѣ рукописи Бортнянскаго (тамъ же, 1900 г.

№ 40). — Статья Н. Соловьева въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона.

Н. Грушке.

Борхъ (фонъ-деръ), графъ *Михаилъ-Іоганнъ*, извѣстный минералогъ, род. 31-го іюня 1751 г., ум. 29 декабря 1810 г. Онъ принадлежалъ къ древнему роду, ведущему свое начало отъ неаполитанскихъ феодальныхъ владѣтелей; переселившись изъ Италіи въ Германію, они основались въ Вестфаліи, а въ XIII вѣкѣ одна изъ вѣтвей фамиліи Борховъ переселилась въ Померанію, другая въ воеводство Краковское и третья въ Лифляндію. Позже вѣтвь лифляндскихъ Борховъ переселилась въ Бѣлоруссію, и представители ея въ XVII и XVIII вв. занимали высокія должности въ польско-литовскихъ войскахъ. Къ этой вѣтви принадлежалъ и графъ Михаилъ Іоганнъ. Онъ воспитывался въ родовомъ имѣніи Варкляндъ, въ польской Лифляндіи (нынѣ въ бѣлорусской части витебской губерніи), подъ руководствомъ наставника-француза, а затѣмъ въ варшавскомъ collegium pium. Зачисленный въ военную службу съ 1762 г., Борхъ въ 1771 г. былъ уже капитаномъ литовской пѣшей гвардіи, а при извѣстномъ похищеніи Станислава Августа разбойниками, былъ раненъ, защищая короля. Въ 1776 г. Борхъ былъ произведенъ въ полковники гусарскаго полка, но прельстившись Бридоновскимъ описаніемъ Сициліи, предпринялъ путешествіе въ Южную Италію, а затѣмъ на Мальту, гдѣ усиленно хлопоталъ о созданіи особой польской филіалы ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и былъ удостоенъ званіемъ бальи этого ордена. По возвращеніи въ Польшу, Борхъ продолжалъ военную службу, получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а въ 1781 г. званіе великаго обознаго (т. е. генералъ-квартирмейстера) литовскаго; онъ неоднократно выступалъ на сеймахъ посломъ отъ польской Лифляндіи, а въ 1786 г. былъ назначенъ въ Королевскій Совѣтъ представителемъ по военной части. Во всѣхъ разнообразныхъ должностяхъ Борхъ сумѣлъ сохранить неограниченное довѣріе и полное благоволеніе Станислава-Августа, съ которымъ поддерживалъ постоянно оживленную переписку. 27 марта 1783 г. Борхъ получилъ дипломъ на графское Римской Имперіи достоинство, съ пріобщеніемъ къ древнему родовому имени прозвища «von Lüboschütz». Пожалованный староствомъ Люцинскимъ и воеводствомъ Бѣльскимъ, а равно орденами Св. Станислава, Бѣлаго орла и Курпфальцскаго Льва, Борхъ около 1790 г. покинулъ государственную службу и окончательно поселился въ своихъ имѣніяхъ, совершивъ предварительно путешествіе въ Англію. Въ Варкляндѣ Борхъ выстроилъ обширный замокъ и разбилъ обширный паркъ, свидѣтельствующій объ изяществѣ его вкуса, и всецѣло отдался наукѣ. Увлекаясь по преимуществу естествознаніемъ, Борхъ составилъ весьма цѣнную минералогическую коллекцію и собралъ обширную библіотеку, обнимавшую всѣ области точнаго знанія; интересуясь научными новостями, онъ поддерживалъ до конца жизни дѣятельную переписку съ Бернулли, Палласомъ, Вольтеромъ, Беккарія, Метастазіемъ, де-ла Торре, Бюффономъ, аббатомъ Гальяни, Іоганномъ Мюллеромъ и мн. др. Благодаря обширнымъ ученымъ связямъ и многочисленнымъ авторитетнымъ сочиненіямъ, графъ Борхъ былъ удостоенъ избранія въ члены многихъ ученыхъ академій и обществъ въ Италіи и Франціи, а въ 1786 г. избранъ также въ члены Императорскаго вольно-экономическаго общества въ С.-Петербургѣ. Вкладъ, сдѣланный графомъ Борхомъ въ международную ученую литературу, весьма разнообразенъ и принадлежитъ къ области минералогіи, ботаники, политической исторіи и литературы. Графомъ Борхомъ изданы, не считая мелкихъ сообщеній и мемуаровъ, разсѣянныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, къ составу которыхъ онъ принадлежалъ: 1) Lithographie sicilienne ou catalogue raisonné de toutes les pierres de la Sicile. Napoli. 1777. 2) Lithologie sicilienne ou connaissance de la nature des pierres de la Sicile, suivie d'un discours sur la Calcara de Palerme. Roma. 1778. 3) Mineralogie sicilienne docismatique ed metallurgique etc. Torino. 1780. 4) Lettres sur les truffes de Piémont. Milano. 1780. 5) Lettres sur la Sicile et sur l'île de Malte pour servir de supplement au Voyage en Sicile et à Malte de M-r Brydonne. 2 v. Torino. 1782. 6) Victor Amadée, tragédie en cinq actes et en vers. Varsovie 1789. 7) La Stanislade ou l'heureuse délivrance de Staniclav II, roi de Pologne. Poéme. Varsovie 1791. 8) Histoire de George de Browne, comte du Saint Empire, gouverneur général de Livonie. Рига 1794. 9) Jardin sentimental de Warkland dans la comté de Borch

en Russie Blanche. Varsovie 1795. Кромѣ самостоятельныхъ сочиненій, графъ Борхъ занимался также переводами съ иностранныхъ языковъ. Отъ брака съ графинею Элеонорою Юрьевною Броунъ Борхъ имѣлъ нѣсколько сыновей и дочерей; изъ сыновей его графъ *Карлъ Михайловичъ* былъ витебскимъ губ. предводителемъ дворянства, а другой—графъ *Александръ Михайловичъ* достигъ званія оберъ-церемоніймейстера при Высочайшемъ Дворѣ.

Плюшаръ, Энциклопедическій словарь.—Recke u. Napiersky, Schriftsteller u. Gelehrten-Lexikon.—Эфронъ-Брокгаузъ, Энциклопедическій словарь.

Вл. III.

Борщовъ, *Илья Григорьевичъ*, натуралистъ, ординарный профессоръ кіевскаго университета, род. въ С.-Петербургѣ 19-го іюля 1833 г., ум. въ с. Будищѣ, кролевецкаго у., 30 апрѣля 1878 г. Получивъ первоначальное образованіе въ Peterschule, Борщовъ въ 1846 г. поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей, который окончилъ въ 1853 г. по первому разряду. Въ раннюю пору юношества, подъ вліяніемъ лекцій Шау, преподававшаго ботанику по англійски въ лицеѣ, Борщовъ пристрастился къ этому предмету и предпринималъ ботаническія экскурсіи, а свободное отъ учебныхъ занятій время проводилъ въ небольшой оранжереѣ, устроенной въ лицейскомъ саду, и поддерживалъ тѣсныя сношенія съ директоромъ Императорскаго ботаническаго сада Мейеромъ, въ семьѣ котораго былъ принятъ какъ родной. Предназначенный по образованію къ административной карьерѣ, Борщовъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ, въ общую канцелярію, и вскорѣ занялъ должность помощника при секретарѣ министра, но канцелярская работа мало отвѣчала наклонностямъ Борщова; онъ видимо пренебрегалъ служебными обязанностями и увлекся изученіемъ испанскаго языка и музыки, занимался гравированіемъ на камнѣ и въ то-же время старался самоучкою пополнить свое естественно-историческое образованіе путемъ усидчивыхъ книжныхъ занятій. Черезъ Мейера Борщовъ познакомился съ академикомъ Рупрехтомъ, нерѣдко сопровождалъ этого послѣдняго въ ботаническихъ экскурсіяхъ по С.-Петербургской губерніи и съумѣлъ себя зарекомендовать такими солидными ботаническими познаніями, что былъ привлеченъ Академіею наукъ къ разбработкѣ нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ академикомъ А. Ѳ. Миддендорфомъ въ его сибирскомъ путешествіи. Работа Борщова, озаглавленная: «Musci taymyrenses, boganidenses et ochotenses, nec non fungi boganidenses et ochotenses, in expeditione Sibirica annis 1843 et 1844 collecti», появилась въ III выпускѣ 2-й части тома I Middendorfs Sibirische Reisen. Вслѣдъ затѣмъ, какъ результатъ совмѣстныхъ экскурсій съ Рупрехтомъ, Борщовъ далъ описаніе новыхъ и мало извѣстныхъ формъ грибовъ петербургской флоры: «Fungae ingrici novi aut minus cogniti», которое было напечатано Академіею наукъ въ «Beyträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches», издававшихся подъ редакціею Рупрехта. Вниманіе, оказанное трудамъ молодого ученаго диллетанта со стороны «первенствующаго ученаго сословія», побудило и министра финансовъ отнестись съ сочувствіемъ къ Борщову: онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ и, по почину Академіи наукъ, въ томъ же 1857 г. командированъ въ составъ экспедиціи, снаряженной для разносторонняго изученія природы Арало-Каспійскаго бассейна. По своимъ природнымъ наклонностямъ Борщовъ оказался отлично подготовленнымъ къ роли путешественника и настолько былъ очарованъ Киргизскою степью, простотою нравовъ и честностью кочевниковъ, что нѣкоторое время мечталъ даже о полномъ переселеніи въ этотъ край, нетронутый цивилизаціею. Во время экспедиціи Борщовъ, вмѣстѣ съ другимъ натуралистомъ, Сѣверцовымъ, попалъ въ плѣнъ къ непокорнымъ киргизамъ и спасся отъ печальной участи, лишь благодаря своей находчивости и быстротѣ киргизскихъ лошадей. Научная подготовленность къ трудамъ, возложеннымъ на Борщова по изученію ботаники и геологіи, ясно выразилась въ рядѣ ученыхъ записокъ и отчетовъ, напечатанныхъ Академіею въ ея Бюллетенѣ и Мемуарахъ за 1859 и 1860 гг. По возвращеніи изъ экспедиціи Борщовъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. и получилъ командировку отъ министерства финансовъ за-границу—съ ученою цѣлью (на собственный, впрочемъ, счетъ). Цѣлью этой командировки было пополненіе пробѣловъ въ его естественно-историческомъ образованіи. Съ октября 1859 г. Борщовъ занимался сначала въ Дерптѣ у проф. Ал. Андр.

Бунге, а затѣмъ поселился въ Вюрцбургѣ, гдѣ слушалъ лекціи по медицинѣ—главнымъ образомъ у Сканцони, работалъ въ лабораторіяхъ у Келликера и Шерера, а по прямой своей спеціальности—у проф. Шенка. За время пребыванія въ вюрцбургскомъ университетѣ Борщовъ напечаталъ двѣ работы въ Würzburger Naturw. Zeitschrift и получилъ отъ вюрцбургскаго университета степень доктора философіи (въ 1861 г.). Если пребываніе за границею и оказалось для Борщова въ высшей степени полезнымъ, давъ ему общее естественно-историческое образованіе, то все-же, предоставленный самому себѣ, онъ разбрасывался и, почерпая отрывочныя свѣдѣнія по наиболѣе интересовавшимъ его предметамъ, въ то-же время сознавалъ недостатокъ своей подготовки для соисканія ученой степени, которая бы дала ему право занять въ Россіи положеніе, соотвѣтствующее его наклонностямъ. Въ 1862 г. уволившись отъ службы въ министерствѣ финансовъ, Борщовъ поселился въ родной ему Малороссіи, въ Кіевѣ, и занялся пополненіемъ пробѣловъ въ своихъ познаніяхъ по физіологіи растеній. Путемъ усиленнаго чтенія и занятій въ университетскихъ лабораторіяхъ Борщовъ съумѣлъ подготовиться къ магистерскому экзамену и въ 1865 г. былъ удостоенъ отъ университета Св. Владиміра степени магистра за представленное имъ сочиненіе «Матеріалы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края», награжденное половинною Демидовскою преміею и напечатанное въ приложеніи къ т. VII записокъ Имп. Академіи Наукъ. Въ 1866 г. Борщовъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по анатоміи и физіологіи растеній, въ университетѣ Св. Владиміра, въ качествѣ привать - доцента. Въ 1867 г. имъ была представлена для соисканія степени доктора ботаники работа «О рѣшетчатыхъ паренхиматическихъ элементахъ первичной коры Ceropegiae aphyllae и ихъ соотношеніи съ млечными путями» («Кіевскія Универ. Извѣстія»). Вскорѣ по защитѣ докторской диссертаціи, Борщовъ въ 1868 г. былъ избранъ въ экстра-ординарные профессора, а въ 1870 г.—въ ординарные по той-же каѳедрѣ и въ томъ же университетѣ. Крайне живой по темпераменту, много знающій, искренній, простой въ жизни и обращеніи, Борщовъ снискалъ себѣ уваженіе и сочувствіе какъ среди товарищей, такъ и среди слушателей; онъ умѣлъ вдохнуть послѣднимъ интересъ и любовь къ наукѣ и пытался пробудить даже въ большой публикѣ интересъ къ естественно - историческому изученію отечества, въ рядѣ публичныхъ чтеній, прочитанныхъ съ большимъ успѣхомъ въ 70-хъ годахъ. Человѣкъ очень отзывчивый, Борщовъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ судьбахъ госпиталя, устроеннаго на частныя средства университетскаго кружка во время войны 1877—78 г., и, набирая для больницы паціентовъ изъ военныхъ госпиталей, заразился тифомъ, который разыгрался у него—вдали отъ медицинской помощи—въ деревнѣ, куда онъ уѣхалъ провести праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ семьею. Полный списокъ ученыхъ трудовъ И. Г. Борщова помѣщенъ при его біографіи въ словарѣ профессоровъ Университета Св. Владиміра.

Пр. Иконниковъ, Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Университета Св. Владиміра (1843—1884). Кіевъ. 1884, стр. 63—70.—«Кіевлянинъ» 1878 г., №№ 51 и 54.—«Новое Время» 1878 г., № 757.—Ф. Рупрехтъ, Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ по ботаникѣ (въ приложеніи къ VII т. «Записокъ Академіи», № 3, стр. 33).—«Извѣстія Университета Св. Владиміра», 1879 г., стр. 4—6.—Дополненія къ словарю Толля.—Словарь Брокгауза-Эфрона.

Борщовъ, *Сергѣй Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1754 г. ум. въ 1837 г. Начавъ службу въ 1770 г. рядовымъ въ гвардіи, онъ въ 1782 г. получилъ чинъ прапорщика, въ 1788 и 1790 гг. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, въ 1796 г. произведенъ въ полковники, годъ спустя—въ генералъ-маіоры и въ 1799 г. состоялъ уже въ чинѣ генералъ - лейтенанта. Въ томъ - же году, по Высочайшему повелѣнію, Борщовъ былъ зачисленъ въ комиссаріатскій штатъ и опредѣленъ присутствующимъ въ военную коллегію, 5 февраля 1800 г. онъ былъ назначенъ на должность генералъ-кригсъ-комиссара, въ 1802 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й ст., а 20 іюля 1805 г. повелѣно ему присутствовать въ Сенатѣ (во 2-мъ департаментѣ). 13 марта 1817 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію.

Послужной списокъ.—«Журналы Комитета Министровъ», т. I, л. 469.

Борятинскіе. См. **Барятинскіе.**

Боссе, *Карлъ Ивановичъ* (или Ѳедоровичъ, собственно Julius-Karl), главный докторъ С.-Петербургскаго 1-го военно-

сухопутнаго госпиталя, лейбъ-хирургъ, род. 1-го іюля 1806 г. въ г. Везенбергѣ, эстляндской губерніи, ум. 5-го марта 1857 г. въ Петербургѣ. Врачебное образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, въ которой былъ волонтеромъ; 20-го августа 1826 г. окончилъ курсъ и, получивъ званіе лекаря I-го отдѣленія, поступилъ на службу ординаторомъ въ нарвскій военный госпиталь, желая оставаться близко къ роднымъ, жившимъ въ Везенбергѣ; военно-медицинская служба произвела на него неблагопріятное впечатлѣніе, и 26-го ноября 1827 г. онъ вышелъ въ отставку. Учась въ академіи, Боссе уже выказалъ склонность къ хирургіи и теперь рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, заняться вольной практикой и вмѣстѣ съ тѣмъ поучиться хирургіи; его прельщала слава Буша, который вмѣстѣ съ своими учениками уже поставилъ на прочное основаніе преподаваніе и примѣненіе научной хирургіи въ медико-хирургической академіи. Надежды на практику не оправдались, и Боссе пришлось вновь поступить на службу, на этотъ разъ, въ гражданское вѣдомство; 12-го іюня 1828 г. онъ занялъ должность ординатора въ Калинкинской больницѣ и окончательно посвятилъ себя хирургіи. Года черезъ $1^1/_2$ матеріальное положеніе его нѣсколько улучшилось, однако Боссе, получивъ дипломъ штабъ-лекаря, рѣшился ѣхать въ провинцію и для этого выхлопоталъ себѣ мѣсто уѣзднаго врача въ Кіевѣ. Съ этого времени началось его возвышеніе; въ Кіевѣ онъ пріобрѣлъ себѣ репутацію опытнаго хирурга, а черезъ годъ отказался отъ должности уѣзднаго врача и поступилъ въ придворное вѣдомство, на должность лѣкаря Императорской кіево-межигорской фаянсовой фабрики; эта должность оставляла ему очень много свободнаго времени, которое онъ и посвятилъ хирургической практикѣ. Впослѣдствіи кіевская врачебная управа выдала ему свидѣтельство въ томъ, что въ теченіе 8-ми лѣтъ онъ сдѣлалъ безплатно болѣе 243 хирургическихъ операцій, въ числѣ которыхъ было много серьезныхъ (камнесѣченія, камнедробленія, большія ампутаціи, грыжесѣченія, извлеченія катаракты, перевязки аневризмъ и т. д.). Боссе получилъ дипломъ медико-хирурга и 29 октября 1840 г. вступилъ въ число членовъ кіевскаго общества врачей. Въ теченіе 12-лѣтней практики въ Кіевѣ, онъ пріобрѣлъ значительныя матеріальныя средства и рѣшился снова попытать счастья въ Петербургѣ. 1-го декабря 1842 г. онъ поступилъ лѣкаремъ въ Императорскую шпалерную мануфактуру, но скоро перешелъ въ военно-медицинское вѣдомство и 10-го мая 1843 г. получилъ мѣсто старшаго ординатора въ 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, сохранивъ за собой и должность при шпалерной мануфактурѣ. Пробывъ въ госпиталѣ 6 лѣтъ старшимъ ординаторомъ, Боссе сталъ исполнять (съ 14-го ноября 1849 г.) тамъ же должность помощника главнаго доктора, освободившуюся по смерти доктора Штюммлера; въ этой должности онъ былъ утвержденъ 24-го декабря 1849 г. Весной 1850 г. Боссе, по Высочайшему повелѣнію, получилъ приказаніе сопровождать великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича во время путешествія ихъ по Россіи (съ 30-го іюля по 23-е октября того же года); 8-го ноября 1850 г. онъ былъ награжденъ за это чиномъ статскаго совѣтника; въ 1851 г. онъ снова сопровождалъ великихъ князей въ путешествіи ихъ по Россіи, а въ 1852 г. онъ совершилъ вмѣстѣ съ ними 2 путешествія за-границу, Вернувшись изъ второго путешествія, Боссе былъ назначенъ 11-го ноября 1851 г. главнымъ докторомъ 1-го военно-сухопутнаго госпиталя. Почти въ то же время ему было Высочайше повелѣно состоять при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ и впослѣдствіи онъ сопровождалъ ихъ 4 раза въ различныхъ путешествіяхъ. 21-го декабря 1852 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. 12-го февраля 1853 г., по многочисленности своихъ служебныхъ обязанностей, Боссе уволился отъ службы въ шпалерной мануфактурѣ, а 29-го апрѣля 1853 г. былъ назначенъ лейбъ-хирургомъ Высочайшаго двора; въ томъ же году онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени; въ 1854 г. Боссе сопровождалъ великихъ князей въ Крымъ и за трудности военной жизни при оборонѣ Севастополя былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами (23-го декабря 1854 г.). Во время разъѣздовъ подъ Севастополемъ, Боссе упалъ съ лошади и ушибъ себѣ грудь, что послужило началомъ для развившагося у него въ послѣдніе года жизни органическаго разстройства сердечныхъ заслонокъ. Весь 1855 годъ Боссе провелъ въ

путешествіяхъ въ Варшаву, Николаевъ и Ревель; съ начала 1856 г. его болѣзнь стала быстро прогрессировать и уже не уступала лѣченію. Печатные труды Боссе: 1) О дѣйствіи гальванопунктуры при лечении аневризмъ; «В.-Мед. Журн.», 1850 г., ч. 55, № 1. (Подробный разборъ въ «Трудахъ общества русскихъ врачей въ Спб.», т. V). 2) О берцотаранной ампутаціи (amputatio tibio-tarsalis); тамъ же, 1849 г., ч. 54, № 1. 3) О воспаленіи глубокихъ лимфатическихъ сосудовъ, профессора Ру, перев. съ франц.; тамъ же, 1850 г., ч. 55, № 2. 4) Постукиваніе и выслушиваніе (auscultatio et percussio), съ примѣненіемъ этихъ средствъ къ распознаванію болѣзней грудной плевы и легкихъ, Ф. Цеттмайера, перев. со 2-го нѣм. изданія; Спб., 1849 г., изданіе Военно-Мед. Департамента.

«Протоколы засѣд. Общ. русск. врачей въ Спб.» за 1856—1857 г., стр. 174 -180.—«Сѣверная Пчела» 1857 г., № 52.—Геннади, Справочн. словарь, т. I, стр. 106.—Прилож. къ Ист. Имп. В.-Мед. Акад. Спб. 1898 г., стр. 224. (Въ 3-хъ послѣднихъ источникахъ—краткія свѣдѣнія).

Н. Кульбинъ.

Боссе, *Эрнестъ Готлибъ*, лифляндскій уроженецъ, придворный живописецъ и профессоръ, членъ академій художествъ во Флоренціи и Римѣ, историческій живописецъ, род. въ 1780 г., ум. въ 1863 г. Образованіе получилъ внѣ академіи художествъ и до 1822 г. служилъ живописцемъ при Императорскомъ Эрмитажѣ. За удачно нарисованный портретъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны Боссе былъ командированъ за-границу для списыванія копій съ картинъ знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ. Онъ самъ составилъ Высочайше утвержденный реестръ картинъ, съ которыхъ долженъ былъ писать копіи. Условія были таковы: за 3 тысячи ежегоднаго вознагражденія онъ долженъ былъ представлять: если картина малаго размѣра—одну копію въ годъ; если средняго размѣра—одну копію въ два года; если же большаго размѣра, то одну копію въ три года. По распоряженію Императора Александра I копіи предназначались для академіи художествъ, «къ пользѣ воспитанниковъ». Боссе поселился въ Дрезденѣ и въ періодъ съ 1822 по 1830 г. скопировалъ слѣдующія картины: большого размѣра: 1) Богоматерь съ младенцемъ, съ Рафаэля; 2) Геній славы, съ Ан. Караччи; средняго размѣра: 3) Христосъ съ фарисеями, показующими монету, съ Тиціана; 4) Христосъ съ чашею (Карла Дольче), и малаго размѣра: 5) Магдалина (Корреджіо); 6) Голова Христа (Аннибала Караччи); 7) Ecce homo (Гвидо Рени); 8) Богоматерь (Сассоферато); 9) Портретъ Аретина (Тиціана); 10) Христосъ съ пальмою (Гвидо Рени); 11) Ночь (Корреджіо); 12) Магдалина (Батоніо); 13) Св. Францискъ (Корреджіо); 14) Евангелистъ Іоаннъ (Гвидо Рени) и 15) Ecce homo (Джіорджіони). Совѣтъ профессоровъ академіи художествъ находилъ, что копія Ecce homo (съ Гвидо Рени) можетъ считаться хорошей; остальныя посредственны, а послѣднія пять весьма слабы; что русскіе художники, находящіеся за-границей, могли бы написать лучше. Въ виду этого академія художествъ не хотѣла принимать эти копіи, тѣмъ болѣе, что доставка ихъ изъ-за-границы ложилась на ея счетъ. По этому поводу возникла цѣлая переписка. Совѣтъ академіи, во главѣ со своимъ вице-президентомъ, А. Н. Оленинымъ, стоялъ на томъ, что копіи очень плохи, что не стоитъ тратить на нихъ такую большую сумму денегъ, какую выплачиваютъ Боссе ежегодно, и что лучше было бы употребить эти деньги на поощрѣніе русскихъ художниковъ. Повидимому, послѣ этого, съ 1832 г. Боссе было отказано въ содержаніи. Изъ придворныхъ живописцевъ онъ тоже былъ уволенъ, и за нимъ оставлено только званіе профессора академіи художествъ.

Архивъ И. А. Худ. Д. 122 (1832), Д. 134 (1832), Д. 33 (1822), Д. 15 (1832), Д. 36 (1831), Д. 184 (1831).—Петровъ, Мат. для ист. И. А. Х. II, 240, 261, 281.—Андреевъ, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ.

Е. Тарасовъ.

Бостремъ, *Өедоръ Ивановичъ*, ветеринарный врачъ, ум. 17 декабря 1875 г. Онъ воспитывался въ ветеринарномъ институтѣ въ Юрьевѣ, окончилъ курсъ въ 1853 г., большую часть службы провелъ въ Сибири; тамъ онъ занималъ должность енисейскаго губернскаго ветеринара до 1869 г., когда былъ опредѣленъ ветеринаромъ с.-петербургскаго скотопригоннаго двора. Съ 1872 г. Бостремъ былъ членомъ - сотрудникомъ Императорскаго вольно - экономическаго общества, при которомъ въ 1871 г. было открыто телячье оспенное учрежденіе; завѣдываніе имъ было поручено Бострему, который въ высшей степени ревностно отнесся къ этому порученію и въ теченіе

5-ти лѣтъ, не жалѣя силъ, работалъ надъ изученіемъ вопроса объ оспенныхъ прививкахъ и надъ распространеніемъ въ Россіи правильнаго, научно поставленнаго оспопрививанія. Глубоко интересуясь этимъ вопросомъ, онъ добился того, что Общество могло безъ замедленія удовлетворять многочисленныя требованія оспенной лимфы, вызванныя появившейся въ то время повсемѣстно въ Россіи оспенной эпидеміей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ привилъ въ домѣ Общества оспу 24,000 человѣкъ. Въ 1874 г. онъ пожертвовалъ свои послѣднія деньги на предпринятое имъ путешествіе за-границу, для подробнаго изученія способовъ оспопрививанія; тамъ онъ усердно занимался изысканіемъ лучшихъ способовъ культуры вакцины и сохраненія ея дѣйствительности на возможно большее время. Изысканія его увѣнчались успѣхомъ; онъ изучилъ способы культуры и примѣненія оспеннаго детрита и по возвращеніи въ Россію представилъ Императорскому вольно-экономическому обществу докладъ объ итальянскомъ способѣ оспопрививанія и о собственныхъ изслѣдованіяхъ. При этомъ онъ демонстрировалъ собранную имъ въ Италіи и другихъ странахъ коллекцію оспенныхъ препаратовъ и сообщилъ много въ высшей степени полезныхъ свѣдѣній. Общество высоко оцѣнило его заслуги и приняло на свой счетъ его расходы на путешествіе. Бостремъ умеръ скоропостижно.

«Архивъ Ветер. Наукъ», 1875 г., № 3, стр. 15—16.—«Отчетъ о дѣйствіяхъ Импер. Вольно-Эконом. Общ.» за 1875 г.—«Петербургскій Листокъ» 1875 г., № 240.—«Иллюстрированная Газета» 1876 г., № 2. *Н. Кульбинъ.*

Боткинъ, *Василій Петровичъ,* писатель, род. 27 декабря 1811 г. въ Москвѣ, ум. 10 октября 1869 г. Старшій сынъ богатаго московскаго чаеторговца, первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ (Кряжева). Молодость его совпала съ тѣмъ временемъ, когда русское купечество еще мало думало о правильномъ образованіи, считая лучшей школой торговую или дѣловую практику. Въ пансіонѣ Боткинъ узналъ только иностранные языки, которые дали ему возможность изучить иностранныя литературы. Своимъ развитіемъ Боткинъ всецѣло обязанъ самому себѣ, рѣдкой даровитости своей природы и обстоятельствамъ, сблизившимъ его въ молодости съ нѣкоторыми замѣчательными людьми того времени. Артистическія наклонности и литературныя занятія не отвлекали его отъ торговли. По выходѣ изъ пансіона, Боткинъ, по приказанію отца, цѣлые дни просиживалъ въ чайномъ амбарѣ и былъ вообще главной опорой торговаго дома, который велъ обширныя дѣла. Въ одномъ изъ некрологовъ Боткина говорится, что прежде всего вліяніе его сказалось въ собственной многочисленной семьѣ; его настойчивымъ и просвѣщеннымъ заботамъ братья и сестры обязаны всѣмъ своимъ развитіемъ. Несмотря на все это, Боткинъ находилъ время для занятій литературою; все окно въ его амбарѣ было завалено книгами; здѣсь были: Шекспиръ, Шиллеръ, послѣднія новости французской, нѣмецкой и англійской литературъ. Сблизившись съ кружкомъ Станкевича, Боткинъ занялъ въ немъ особое мѣсто, какъ человѣкъ съ самостоятельными литературными свѣдѣніями и серьезнымъ эстетическимъ развитіемъ. Въ 1835 г. Боткинъ отправился за границу, былъ въ Италіи и Парижѣ, гдѣ посѣтилъ Виктора Гюго, въ качествѣ его поклонника, интересовался общественною жизнью, нравами и литературою. Въ одномъ письмѣ 40-хъ годовъ, вспоминая объ этомъ первомъ своемъ путешествіи, Боткинъ говоритъ, что въ Италіи въ первый разъ «почувствовалъ искусство», которое потомъ сдѣлалось его господствующимъ интересомъ. Бѣлинскій встрѣтился съ Боткинымъ въ 1835 г. у извѣстнаго типографа Н. С. Селивановскаго и ввелъ его въ кружокъ Станкевича, въ которомъ, между прочимъ, находились: Красовъ, К. Аксаковъ, Ефремовъ, Кетчеръ, Бакунинъ, а потомъ Кудрявцевъ, Грановскій, Катковъ. Селивановскій, человѣкъ университетскаго образованія, съ достаточными средствами, имѣлъ литературный вкусъ и любилъ собирать у себя представителей московской литературы. Бѣлинскій сошелся съ Боткинымъ съ перваго раза. Эта тѣсная дружба продолжалась до конца жизни Бѣлинскаго, съ однимъ только перерывомъ ссоры, которая, впрочемъ, не повредила возстановленію прежнихъ дружескихъ отношеній. Личность Боткина была симпатична и Станкевичу, а въ 1837 г. Боткинъ сблизился и съ Бакунинымъ. Что касается отношеній къ Бѣлинскому, то они не исчерпывались одною нѣжною привязанностью: Боткинъ не разъ спасалъ своего друга отъ нужды и, всегда

готовый помочь чужому труду своими свѣдѣніями, помогалъ и Бѣлинскому своими совѣтами, знаніемъ, а иногда даже просто личнымъ трудомъ; въ одномъ некрологѣ Боткина говорится: «близкіе люди, напримѣръ, знаютъ, что страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ». Объясняя въ одномъ изъ своихъ писемъ дружескія отношенія къ Боткину, Бѣлинскій говоритъ: «меня особенно восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столько же честный, сколько и благородный человѣкъ. По дѣламъ торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія приказчика къ хозяину». Свои литературныя работы Боткинъ помѣщалъ въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ сотрудничалъ Бѣлинскій. Такъ, въ «Телескопѣ» 1836 г., № 14, стр. 231—247, появилась первая статья его подъ заглавіемъ: «Русскій въ Парижѣ. Изъ путевыхъ записокъ». Кромѣ того, въ «Молвѣ» былъ напечатанъ рядъ мелкихъ библіографическихъ статей и замѣтокъ, за подписью: «Б. В.». Въ 1838 — 1839 гг. Боткинъ довольно усердно работалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», помѣстивъ, напримѣръ, въ 1839 г. № 1, «Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ по Италіи» и нѣсколько музыкально-критическихъ статей по поводу концертовъ Леопольда Майера, Олебуля и Брейтинга (1838 г. т. XVI). Боткину принадлежатъ и другія неподписанныя работы: онъ перевелъ Гофманова «Донъ-Жуана», «Крейслера» и передѣлалъ статью о Моцартѣ. Когда въ 1839 г. Бѣлинскій уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, сдѣлавшись сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», то между нимъ и Боткинымъ завязывается дѣятельная и обширная переписка, продолжавшаяся съ перерывами до самой смерти Бѣлинскаго. Эта переписка частію вошла въ книгу А. Н. Пыпина: «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Изрѣдка, впрочемъ, Боткинъ наѣзжалъ и въ Петербургъ. Въ «Отеч. Зап.» онъ также напечаталъ нѣсколько статей. Первой была статья «Итальянская и Германская музыка» (1840, № 2). За нею послѣдовали другія: «Женщины, созданныя Шекспиромъ—Юлія и Офелія» (т. XIV, кн. 2), «Письмо изъ Италіи» (т. XXI, кн. 8), «Шекспиръ, какъ человѣкъ и лирикъ» (г. XXIV, кн. 2), «Выставка Императорской Санктпетербургской академіи художествъ» (т. XXV, кн. 2), «Объ эстетическомъ значеніи новой фортепіанной школы» (1850 г., т. LXVIII, кн. 2). Особенно крупнымъ успѣхомъ пользовались изъ работъ Боткина «Письма объ Испаніи», появившіяся сначала въ «Современникѣ», а затѣмъ, въ 1857 г., изданныя отдѣльною книгою. Въ этомъ произведеніи, результатѣ путешествія автора по Испаніи въ 1845 г., — вполнѣ высказался художественный талантъ Боткина. Перечисленными литературными трудами не исчерпывается, однако, значеніе Боткина. По этому поводу въ некрологѣ «Моск. Вѣд.» говорилось: «Кто понимаетъ значеніе художественнаго элемента въ развитіи человѣка и общества, тотъ оцѣнитъ и значеніе Боткина въ нашей современной культурѣ. Онъ много способствовалъ развитію эстетическихъ потребностей въ той соціальной средѣ, гдѣ родился и, благодаря своему дальнѣйшему образованію, высоко развившемуся чувству изящнаго, воспитанному основательными и многосторонними изученіями, при своихъ литературныхъ связяхъ, онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе и на ходъ нашей литературы. Къ его совѣтамъ прибѣгали даровитѣйшіе изъ нашихъ современныхъ писателей, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ присутствовалъ при рожденіи лучшихъ произведеній сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, онъ оцѣнялъ ихъ прежде, чѣмъ они появлялись въ свѣтъ, и его тонкой, умной критикѣ многіе изъ нихъ были отчасти обязаны своимъ успѣхомъ. Онъ былъ знатокъ живописи, изучилъ всѣ галлереи въ Европѣ и имѣлъ обширныя познанія въ ея исторіи. Но особенно любилъ онъ музыку, которая была господствующею страстью его души». Въ другомъ некрологѣ повторяется почти буквально только что приведенное и, кромѣ того, говорится: «Присоединимъ къ этому (т. е. вліянію на артистическія и литературныя сферы) рѣдкую воспріимчивость и живой интересъ, съ которымъ относился Боткинъ къ явленіямъ общественной жизни: даже въ послѣдніе годы, уже удрученный болѣзнью, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершается въ нашемъ отечествѣ, съ истинно патріотическимъ настроеніемъ. Около него охотно собирались люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій, потому что не было въ немъ вовсе нетерпимости, и всякій извлекалъ много поучи-

тельнаго изъ разговора съ этимъ увлекательнымъ, пріятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ... Если будущій историкъ нашего умственнаго развитія не ограничится только тѣмъ, что представитъ печать, а обратитъ вниманіе на вліянія, хотя и мало замѣтныя для массы публики, но тѣмъ не менѣе дѣйствовавшія сильно и благотворно, то В. П. Боткину обезпечено почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы. Его имя будетъ неразрывно связано съ именами цѣлой плеяды лучшихъ нашихъ дѣятелей». Болѣзнь, сведшая Боткина въ могилу, началась за два года до смерти. Поѣздка за границу, въ Швейцарію и затѣмъ цѣлая зима, проведенная въ Римѣ, а также переѣздъ весною 1869 г., на островъ Исхію для теплыхъ ваннъ—не помогли больному. Осенью 15 сентября онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Погребенъ онъ въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ. Въ 1890 г. журналъ «Пантеонъ Литературы» предпринялъ было изданіе «Сочиненій Василія Петровича Боткина», но остановился на первомъ томѣ, въ который вошли только «Путешествія»: 1) «Русскій въ Парижѣ», 2) «Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ по Италіи», 3) «Письмо изъ Италіи», 4) «Письма объ Испаніи», 5) «Двѣ недѣли въ Лондонѣ» (1859 г.) и 6) «Пріюты для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ» (тоже 1859 г.). По духовному завѣщанію В. П. Боткинъ завѣщалъ 70.000 рублей разнымъ учрежденіямъ, изъ которыхъ московскому университету и въ консерваторіи петербургскую и московскую по 15.000 руб.; остальныя же 25.000 р. распредѣлены поровну между: петербургскимъ обществомъ поощренія художествъ, московскими художественнымъ обществомъ, художественно-промышленнымъ музеемъ, мѣщанскимъ училищемъ и училищемъ для глухонѣмыхъ.

А. Н. Пыпинъ, «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка».—Герценъ, «Былое и думы».—Геннади, «Справочный Словарь».—«Москов. Вѣдомости» 1869 г., № 227.—«С.-Петербург. Вѣд.» 1869, № 282.—«Голосъ» 1869, № 281.—Воспоминанія И. И. Панаева и А. Я. Панаевой-Головачевой.—Вообще біографическія свѣдѣнія о В. П. Боткинѣ до сихъ поръ весьма скудны.

Боткинъ, *Сергѣй Петровичъ*, знаменитый русскій врачъ и профессоръ, род. въ Москвѣ 5-го сентября 1832 г., ум. въ Ментонѣ 12 декабря 1889 г. Боткинъ происходилъ изъ чисто русской семьи. Дѣдъ его жилъ въ г. Торопцѣ псковской губерніи и занимался торговлей. Отецъ его, *Петръ Кононовичъ* въ концѣ XVIII в. переселился въ Москву и съ 1801 г. записался въ купечество. Онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ чайной торговли въ Кяхтѣ, обладалъ значительнымъ достаткомъ, былъ женатъ два раза и оставилъ послѣ себя въ живыхъ 9 сыновей и 5 дочерей. Всѣ дѣти Петра Кононовича отличались недюжинными способностями. Семья Боткиныхъ находилась въ тѣсной связи съ ученымъ и литературнымъ міромъ, особенно съ того времени, когда одна изъ дочерей Петра Кононовича вышла замужъ за поэта Фета, а другая—за профессора московскаго университета П. Л. Пикулина. Въ близкихъ отношеніяхъ съ Боткиными былъ и Грановскій, жившій въ ихъ домѣ. Сергѣй Петровичъ былъ въ своей семьѣ 11-мъ ребенкомъ; онъ родился отъ второго брака отца (съ А. И. Постниковой) и воспитывался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и вліяніемъ своего брата Василія, который приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы это воспитаніе было солиднымъ и разностороннимъ. Первымъ учителемъ Боткина былъ студентъ московскаго университета, Мерчинскій, хорошій педагогъ, вліяніе котораго на ученика было очень сильно, и съ которымъ Боткинъ оставался въ дружеской связи въ теченіе всей своей жизни. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ отличался выдающимися способностями и любовью къ ученью. До 15-тилѣтняго возраста онъ воспитывался дома, а затѣмъ, въ 1847 г. поступилъ полупансіонеромъ въ частный пансіонъ Эннеса, который считался лучшимъ въ Москвѣ. Преподавателями въ пансіонѣ были весьма талантливые учителя, среди которыхъ мы встрѣчаемъ имена: собирателя сказокъ А. Н. Афанасьева, дававшаго уроки русскаго языка и русской исторіи, математика Ю. К. Давидова, вскорѣ занявшаго кафедру въ московскомъ университетѣ, будущаго профессора политической экономіи И. К. Бабста, преподававшаго въ пансіонѣ всеобщую исторію, и ученыхъ лингвистовъ Клина, Фелькеля и Шора, преподававшихъ иностранные языки и одновременно бывшихъ лекторами въ университетѣ. Подъ вліяніемъ отличнаго преподаванія, природныя способности Боткина проявились съ особенной силой, несмотря на его физическій недостатокъ, состоявшій въ неправильной кривизнѣ роговой оболочки глазъ

(астигматизмъ) и вызывавшій такую слабость зрѣнія, что при чтеніи Боткинъ долженъ былъ держать книгу на разстояніи 2-хъ—3-хъ дюймовъ отъ глазъ. За исключеніемъ этого недостатка Боткинъ пользовался тогда прекраснымъ здоровьемъ и отличался большой физической силой. Онъ считался въ пансіонѣ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; съ особымъ рвеніемъ занимался онъ математикой, любовь къ которой привилъ ему еще Мерчинскій. Пробывъ въ пансіонѣ 3 года, Боткинъ подготовился къ вступительному экзамену въ университетъ. Онъ предполагалъ поступить на математическій факультетъ, но это не удалось ему вслѣдствіе вошедшаго тогда въ силу постановленія Императора Николая Павловича, разрѣшавшаго свободный пріемъ учащихся только на медицинскій факультетъ и закрывавшаго пріемъ на остальные факультеты университетовъ всѣмъ учащимся, кромѣ лучшихъ воспитанниковъ казенныхъ гимназій. Это постановленіе, было косвенной причиной поступленія Боткина на медицинскій факультетъ. Въ августѣ 1850 г. Боткинъ сталъ студентомъ московскаго университета, въ которомъ тогда господствовала самая суровая внѣшняя дисциплина. Въ первый же мѣсяцъ своего студенчества Боткинъ испыталъ ее на себѣ, отсидѣвъ сутки въ карцерѣ за незастегнутые крючки воротника у вицъ-мундира. Научные интересы среди тогдашняго студенчества почти отсутствовали, но въ этомъ отношеніи Боткинъ рѣзко выдавался изъ среды своихъ товарищей: онъ усердно посѣщалъ и записывалъ лекціи и, всецѣло отдавшись научнымъ занятіямъ, вскорѣ открылъ въ себѣ любовь къ избранной имъ спеціальности. Общее состояніе преподаванія было во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Въ 1881 г. Боткинъ характеризовалъ его слѣдующими словами: «Учившись въ московскомъ университетѣ съ 1850 по 1855 г., я былъ свидѣтелемъ тогдашняго направленія цѣлой медицинской школы. Большая часть нашихъ профессоровъ училась въ Германіи и болѣе или менѣе талантливо передавала намъ пріобрѣтенное ими знаніе; мы прилежно ихъ слушали и по окончаніи курса считали себя готовыми врачами, съ готовыми отвѣтами на каждый вопросъ, представляющійся въ практической жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ направленіи оканчивающихъ курсъ трудно было ждать будущихъ изслѣдователей. Будущность наша уничтожалась нашей школой, которая, преподавая намъ знаніе въ формѣ катихизисныхъ истинъ, не возбуждала въ насъ той пытливости, которая обусловливаетъ дальнѣйшее развитіе». Тѣмъ не менѣе, нельзя не указать на то, что среди преподавателей С. П. Боткина въ университетѣ было много профессоровъ, выдававшихся своими дарованіями, научностью и добросовѣстностью.

Самымъ даровитымъ и популярнымъ изъ нихъ былъ хирургъ Иноземцевъ, имѣвшій большое вліяніе на Боткина и его товарищей. А. И. Полунинъ, молодой профессоръ, вернувшійся въ 1847 г. изъ-за границы и преподававшій патологическую анатомію, общую патологію и общую терапію, тоже былъ весьма замѣчательнымъ медицинскимъ дѣятелемъ и, по словамъ самого С. П. Боткина, имѣлъ «безъ сомнѣнія наибольшее вліяніе на развитіе» студентовъ. На 5-мъ курсѣ изученіе внутреннихъ болѣзней было поставлено весьма удовлетворительно. Клиникой завѣдывалъ хорошо образованный и дѣльный профессоръ, І. В. Варвинскій. Молодой адъюнктъ его, П. Л. Пикулинъ отличался выдающимися способностями, и подъ его руководствомъ Боткинъ и всѣ студенты съ увлеченіемъ и неутомимо практиковались въ постукиваніи, выслушиваніи и другихъ діагностическихъ пріемахъ. Уже на пятомъ курсѣ Боткинъ пріобрѣлъ среди товарищей репутацію знатока постукиванія и выслушиванія. При началѣ крымской войны Боткинъ былъ на четвертомъ курсѣ; начальство предложило этому курсу немедленно ѣхать на войну, но студенты отказались, сознавая всю недостаточность своей научной подготовки. Въ слѣдующемъ году выпускъ медицинскаго факультета былъ произведенъ двумя мѣсяцами раньше обыкновеннаго. Боткинъ единственный изъ своего курса выдержалъ экзаменъ не на званіе лѣкаря, а на степень доктора, что было рѣдкимъ явленіемъ въ русскихъ университетахъ, за исключеніемъ дерптскаго.

Вскорѣ по окончаніи курса Боткинъ отправился на войну въ отрядѣ Н. И. Пирогова. Эта поѣздка произвела на него самое тягостное впечатлѣніе. Въ рѣчи по поводу 50-тилѣтняго юбилея Пирогова, напечатанной въ «Еженедѣльной Клинической Газетѣ» (№ 20, 1881 г.) Боткинъ такъ говорилъ о положеніи дѣлъ въ то

время: «добиться того, чтобы кусокъ мяса или хлѣба, назначенный больному, дошелъ до него въ полной сохранности, не уменьшившись до minimum'а, — дѣло было не легкое въ тѣ времена и въ томъ слоѣ общества, который относился къ казенной собственности, какъ къ общественному имениному пирогу, предлагаемому на съѣденіе... По распоряженію Пирогова, мы принимали на кухнѣ мясо по вѣсу, запечатывали котлы такъ, чтобы нельзя было вытащить изъ него объемистаго содержимаго,— тѣмъ не менѣе все-таки нашъ бульонъ не удавался: находили возможность и при такомъ надзорѣ лишать больныхъ ихъ законной порціи».—Слабость зрѣнія препятствовала Боткину успѣшно заняться хирургіей; кромѣ того, работать приходилось слишкомъ торопливо и самое пребываніе на театрѣ военныхъ дѣйствій было очень кратковременно. Въ продолженіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ Боткинъ исправлялъ обязанности ординатора симферопольскаго госпиталя и заслужилъ очень лестный отзывъ Пирогова. Въ декабрѣ 1855 г. Боткинъ возвратился въ Москву и оттуда отправился за-границу, чтобы пополнить свое образованіе. Первоначально онъ не имѣлъ опредѣленнаго плана для своего заграничнаго путешествія, но въ Кенигсбергѣ, по совѣту одного изъ ассистентовъ Гирша, принялъ рѣшеніе заниматься у Вирхова, который въ то время еще работалъ въ Вюрцбургѣ, хотя уже былъ приглашенъ въ Берлинъ. Въ Вюрцбургѣ Боткинъ съ жаромъ и увлеченіемъ изучалъ нормальную и патологическую гистологію и слушалъ лекціи знаменитаго учителя, труды котораго дали всей современной медицинѣ новое направленіе. Осенью 1856 г. Боткинъ вмѣстѣ съ Вирховымъ перешелъ въ Берлинъ, гдѣ проводилъ цѣлые дни въ новомъ патологическомъ институтѣ и въ лабораторіи Гоппе-Зейлера. Въ то-же время онъ усердно посѣщалъ клинику Траубе, который привлекалъ его своей чрезвычайной наблюдательностью, соединенной съ основательной научной подготовкой и съ очень тщательнымъ и всестороннимъ примѣненіемъ объективныхъ способовъ изслѣдованія. Время отъ времени Боткинъ посѣщалъ и клиники невропатолога Ромберга и сифилидолога Беренпрунга.—Постоянно занимаясь у Вирхова и не пропуская ни одного производимаго имъ вскрытія, Боткинъ провелъ въ Берлинѣ два года. Въ совершенствѣ овладѣвъ микроскопической техникой и пріемами химическаго изслѣдованія, онъ произвелъ въ это время свои первыя самостоятельныя научныя работы, напечатанныя въ Архивѣ Вирхова и сдѣлалъ первое печатное сообщеніе на русскомъ языкѣ о поляризаціонномъ аппаратѣ Солейля. Въ Берлинѣ Боткинъ очень близко сошелся съ русскими учеными Юнге и Беккерсомъ и вступилъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ Сѣченовымъ, продолжавшіяся въ теченіе всей его жизни. Это время, проведенное въ усиленномъ научномъ трудѣ въ сообществѣ съ новыми друзьями, стремившимися къ удовлетворенію общихъ духовныхъ потребностей, время расцвѣта молодыхъ силъ оставило Боткину самыя теплыя воспоминанія, которыя онъ хранилъ всю жизнь. Лѣтнія вакаціи онъ проводилъ въ Москвѣ, гдѣ (около 1857 г.) захворалъ впервые печеночной коликой, выразившейся очень бурными приступами. Въ декабрѣ 1858 г. Боткинъ переѣхалъ изъ Берлина въ Вѣну и тамъ, продолжая микроскопическія изслѣдованія, очень усердно посѣщалъ лекціи Лудвига и занимался въ клиникѣ Оппольцера. Лудвигомъ онъ восхищался, въ клиникѣ Оппольцера нашелъ очень недостаточную научную постановку дѣла.—Въ Вѣнѣ онъ женился на дочери московскаго чиновника, А. А. Крыловой, отличавшейся очень хорошимъ образованіемъ, и вскорѣ отправился въ путешествіе, во время котораго посѣтилъ Среднюю Германію, познакомился съ прирейнскими минеральными водами, побывалъ въ Швейцаріи, въ Англіи и осенью 1859 г. пріѣхалъ въ Парижъ.

Научная дѣятельность Боткина въ Вѣнѣ характеризуется письмами его къ Бѣлоголовому; въ этихъ же письмахъ обрисовывается и его отношеніе къ вѣнской и берлинской медицинскимъ школамъ. 2-го января 1859 г. онъ пишетъ изъ Вѣны: «...Всѣ праздники прошли для меня незамѣтно, потому-что лекціи продолжались, за исключеніемъ первыхъ двухъ дней. До сихъ поръ я вполнѣ удовлетворенъ только лекціями Людвига, превосходящими всякое ожиданіе ясностью и полнотой изложенія; лучшаго физіолога мнѣ еще не приходилось слышать; личность Людвига — самая милѣйшая, простота и любезность въ обращеніи поразительны. Оппольцеръ безъ сомнѣнія отличный практикъ, но такъ часто грѣшитъ противъ науки, что все-же нельзя

его назвать хорошимъ клиницистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Соврать противъ химіи, противъ паталогической анатоміи, даже противъ физіологіи, ему случается нерѣдко, но при всемъ томъ онъ прекрасный наблюдатель, смѣтливый діагностъ,—вообще типъ хорошаго практическаго врача. Впрочемъ, посмотримъ, что будетъ дальше. Гебра хорошъ страшнымъ количествомъ матеріала, какой онъ представляетъ слушателямъ, но лекціи Беренпрунга въ тысячу разъ научнѣе и дѣльнѣе, и я радъ, что прослушалъ берлинскаго дерматолога, заклятаго врага вѣнскаго. Кромѣ этихъ лекцій, много работалъ я дома съ кровяными шариками и, кажется, скоро кончу эту работу. До сихъ поръ изъ своего предмѣстья Alser-vorstadt я выходилъ не болѣе двухъ или трехъ разъ въ городъ, который, по моему въ подметки не годится Берлину. Вѣна мнѣ положительно не нравится, а жители ея еще меньше; интеллектуальная физіономія сѣвернаго человѣка исчезаетъ здѣсь и замѣняется рабскою, вкрадчивою; люди здѣсь такіе рабы, что противно на нихъ глядѣть, лѣзутъ цѣловать руки и едва не позволяютъ бить себя по щекамъ dem gnädigen Herrn. Квартира моя, хотя и дорогонька, но отличная; не пишу тебѣ адреса потому, что забылъ названіе улицы; пиши пока къ Сѣченову. Поклонись Гоппе, Магавли и всему Берлину, о которомъ я часто вспоминаю»... Во второмъ письмѣ, отъ 2-го февраля, Боткинъ сообщаетъ Бѣлоголовому о скорой своей свадьбѣ и пишетъ: «...На меня напалъ такой духъ дѣятельности, что я едва съ нимъ справлялся. Работалъ съ 8-ми час. утра до 12-ти постоянно, никуда не выходилъ, кромѣ какъ по медицинскимъ надобностямъ. Подъ нервнымъ возбужденіемъ ожиданія писемъ (отъ невѣсты), работы мои шли какъ по маслу и почти каждая недѣля давала мнѣ результаты, изъ которыхъ сообщаю тебѣ одинъ, чрезвычайно важный; о немъ ты по секрету скажешь только Гоппе, прося его удержать при себѣ: мочевина растворяетъ человѣческіе и собачьи кровяные шарики, не производя на нихъ, слѣдовательно, того дѣйствія, какъ на лягушачьи. Фактъ чрезвычайно важенъ для физіологіи и патологіи, я его буду изслѣдовать дальше, дѣлая опыты съ инъекціями мочевины въ вены. Людвигъ приглашаетъ меня къ себѣ работать, чѣмъ вѣроятно я и воспользуюсь со временемъ. Передай Гоппе, что лѣтомъ буду къ нимъ въ Берлинъ, чему отъ души радуюсь, потому что Вѣной совершенно недоволенъ, а остаюсь въ ней только для очищенія патологической совѣсти. Порядочному человѣку въ Вѣнѣ больше трехъ мѣсяцевъ быть грѣхъ, что́ имѣй въ виду и пользуйся Берлиномъ!»... Всю зиму 1859—60 г. и часть лѣта Боткинъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи К. Бернара и посѣщалъ клиники Бартеза, Труссо, Бушю и др. Здѣсь онъ написалъ свою докторскую диссертацію о всасываніи жира въ кишкахъ, которую вслѣдъ за тѣмъ отправилъ въ петербургскую медико-хирургическую академію для разсмотрѣнія; здѣсь же онъ окончилъ двѣ научныхъ работы: о крови и объ эндосмозѣ бѣлка, которыя помѣстилъ въ Архивѣ Вирхова.

Еще до поѣздки за-границу Боткинъ вступилъ въ сношенія съ заслуженнымъ профессоромъ медико-хирургической академіи Шипулинскимъ, который завѣдывалъ академической терапевтической клиникой. Въ 1858 г. Шипулинскій доложилъ конференціи академіи, что докторантъ С. П. Боткинъ, воспитанникъ московскаго университета, обратился къ нему съ предложеніемъ занять вакантную послѣ ухода доктора Ивановскаго должность адъюнкта при академической терапевтической клиникѣ. Находя предложеніе Боткина чрезвычайно выгоднымъ для академіи, Шипулинскій просилъ конференцію имѣть его въ виду, какъ кандидата, на что конференція вполнѣ согласилась; при этомъ Шипулинскій упоминалъ въ своемъ рапортѣ, что Боткинъ могъ-бы занять мѣсто адъюнкта не ранѣе, какъ черезъ полтора года, такъ-какъ отправился для усовершенствованія за-границу. Черезъ годъ послѣ этого Шипулинскій вновь напомнилъ конференціи о Боткинѣ и просилъ назначить до его пріѣзда другого врача для временнаго исполненія должности адъюнкта.

Въ 1857 г. президентомъ академіи былъ назначенъ проф. П. А. Дубовицкій, который пригласилъ Глѣбова на должность вице-президента и вмѣстѣ съ нимъ горячо принялся за коренныя преобразованія во внутренней жизни академіи. Эта дѣятельность, отразилась и на выборѣ новыхъ преподавателей. Въ исходѣ 1859 г. въ академію были приглашены: Якубовичъ, Боткинъ, Сѣченовъ, Беккерсъ и Юнге; всѣ

они были еще за-границей. Кромѣ Якубовича, всѣ были воспитанниками московскаго университета, въ которомъ окончили курсъ только 3 — 4 года тому назадъ. Выше уже упомянуто о тѣсной дружбѣ, установившейся между ними за-границей. Боткинъ принялъ приглашеніе, но выговорилъ себѣ право пріѣхать въ Петербургъ осенью 1860 г., чтобы окончить свои научные труды и ознакомиться съ парижской врачебной школой. 10-го августа 1860 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, защитилъ свою диссертацію и тотчасъ-же былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта при клиникѣ 4-го курса, которою завѣдывалъ проф. Шипулинскій. Бѣлоголовый говоритъ, что вскорѣ послѣ этого между Боткинымъ и Шипулинскимъ возникли недоразумѣнія, такъ-какъ, видя превосходство перваго, студенты стали охотнѣе посѣщать его лекціи, чѣмъ лекціи его патрона. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ отношенія между двумя преподавателями «испортились до невозможности, такъ что послѣ нѣсколькихъ діагностическихъ турнировъ надъ постелью больныхъ, въ которыхъ побѣда осталась за молодымъ ученымъ, Шипулинскій менѣе чѣмъ черезъ годъ подалъ въ отставку». Проф. Сиротининъ отрицаетъ точность этихъ свѣдѣній, «ибо противъ этого говорятъ слова самого С. П.», который «въ письмѣ его къ брату Михаилу Петровичу указываетъ съ удивленіемъ, что послѣ возвращенія своего въ городъ осенью, уже 1862 г., узналъ о перемѣнѣ по отношенію къ нему, случившейся съ Шипулинскимъ, и что послѣдній очевидно, измѣнилъ своему слову, данному Боткину весной, что осенью уже читать лекцій больше не будетъ и всецѣло предоставитъ до срока своей скорой отставки вести дѣло Боткину». Въ теченіе перваго года дѣятельности Боткина при Шипулинскомъ, онъ часто оставался полнымъ хозяиномъ клиники, вѣроятно вслѣдствіе болѣзни Шипулинскаго. Всѣ бумаги въ конференцію, касавшіяся клиники 4-го курса подписывалъ Боткинъ. Для обученія студентовъ точнымъ физическимъ и химическимъ способамъ изслѣдованія и для разработки различныхъ научныхъ вопросовъ Боткинъ устроилъ клиническую лабораторію (на 1200 р., отпущенные ему для этой цѣли конференціей); эта лабораторія была одною изъ первыхъ въ Европѣ.

Въ то время среди профессоровъ академіи существовали двѣ партіи—нѣмецкая и русская. Первая изъ нихъ была очень сильна, а вторая только-что зародилась. Въ 1861 г., когда Шипулинскій подалъ въ отставку, нѣмецкая партія предполагала избрать на вакантную каѳедру одного изъ старшихъ профессоровъ: В. Е. Экка или В. В. Бессера. Узнавъ объ этомъ, Боткинъ заявилъ, что онъ выйдетъ въ отставку, если не получитъ обѣщанной ему клиники. Врачи, слушавшіе лекціи Боткина и въ короткое время уже оцѣнившіе его очень высоко, послали конференціи письмо, въ которомъ просили назначить его на каѳедру 4-го курса, такъ характеризуя заслуги Боткина: «Увѣренные въ необходимости основательнаго изученія патологической химіи и практическаго знакомства съ физическими и химическими методами изслѣдованія больныхъ, мы чувствовали себя глубоко признательными конференціи академіи, пригласившей въ нашу основную терапевтическую клинику наставника, который совершенно удовлетворялъ этой высказанной нами потребности, въ теченіе однолѣтняго пребыванія въ клиникѣ успѣлъ ознакомить своихъ слушателей съ современными клиническими усовершенствованіями и, вполнѣ владѣя какъ всѣми научными средствами, необходимыми для многосложной обязанности клинициста, какъ прекраснымъ талантомъ преподаванія, такъ и практическими медицинскими свѣдѣніями, успѣлъ привлечь въ свою клинику множество постороннихъ слушателей и много людей, желавшихъ работать подъ его руководствомъ. Устроенная имъ клиническая лабораторія давала къ тому средства и остается капитальнымъ пріобрѣтеніемъ клиники. Однимъ словомъ, прошедшій годъ ясно показалъ намъ, что въ Сергѣѣ Петровичѣ Боткинѣ мы имѣемъ единственнаго и незамѣнимаго профессора, могущаго удовлетворить высказаннымъ нами потребностямъ, сдѣлавшимся необходимымъ ингредіентомъ медицинскаго образованія, потребностямъ, уже удовлетвореннымъ въ лучшихъ германскихъ клиникахъ и такъ полно удовлетворяемымъ С. П. Боткинымъ». Мнѣнія, высказанныя о Боткинѣ въ этомъ письмѣ, имѣютъ большое значеніе, такъ какъ подъ нимъ подписались весьма выдающіеся по своимъ дарованіямъ врачи, преобладающее большинство которыхъ впослѣдствіе заняли профессорскія каѳедры

въ русскихъ университетахъ. Къ ходатайству, выраженному въ этомъ письмѣ, присоединились нѣкоторые профессора и студенты академіи. Все это очень способствовало избранію Боткина, которое состоялось въ концѣ 1861 г.

Получивъ въ свое распоряженіе академическую клинику внутреннихъ болѣзней, Боткинъ въ высшей степени энергично повелъ дѣло. Онъ устроилъ при клиникѣ пріемъ приходящихъ больныхъ, что было совершенной новостью, и во время этого пріема прочитывалъ для студентовъ и врачей цѣлыя лекціи, представлявшія тщательный разборъ больныхъ. Лабораторія клиники вскорѣ расширилась, и въ ней закипѣла научная работа. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Боткина, его ученики принялись за разработку новыхъ научныхъ вопросовъ, возбужденныхъ ихъ учителемъ, который со своей стороны продолжалъ учиться и развивать свою тонкую наблюдательность. Пожертвовавъ наукѣ почти всѣми остальными жизненными интересами, Боткинъ всецѣло отдался клиникѣ, не отвлекаясь отъ нея ни частной практикой, ни даже заботами о сохраненіи своего здоровья и матеріальномъ обезпеченіи своей семьи, которую онъ, тѣмъ не менѣе, очень нѣжно любилъ. Въ письмѣ къ своему брату, Михаилу Петровичу (10 декабря 1861 г.), онъ описываетъ свой будничный день слѣдующимъ образомъ: «Впродолженіе недѣли мнѣ нечего и думать о письмѣ или о какомъ нибудь постороннемъ занятіи; вотъ мой будничный день: утромъ, какъ всталъ, идешь въ клинику, читаешь около двухъ часовъ лекцію, затѣмъ докончишь визитацію, приходятъ амбулаторные больные, которые не дадутъ даже выкурить покойно сигары послѣ лекціи. Только что справишь больныхъ, сядешь за работу въ лабораторіи,—и вотъ уже третій часъ, остается какой нибудь часъ съ небольшимъ до обѣда и этотъ часъ обыкновенно отдаешь городской практикѣ, если таковая оказывается, что очень рѣдко, особенно теперь, хотя слава моя гремитъ по городу. Въ пятомъ часу возвращаешься домой порядкомъ усталый, садишься за обѣдъ съ своей семьей. Усталъ обыкновенно такъ, что едва ѣшь и думаешь съ самаго супа о томъ, какъ лечь спать; послѣ цѣлаго часа отдыха начинаешь себя чувствовать человѣкомъ; по вечерамъ теперь въ госпиталь не хожу, а вставши съ дивана сажусь на полчасика за віолончель и затѣмъ сажусь за приготовку къ лекціи другого дня; работа прерывается небольшимъ антрактомъ на чай. До часа обыкновенно работаешь и поужинавши съ наслажденіемъ заваливаешься спать...».

Къ каждой изъ своихъ лекцій Боткинъ обыкновенно тщательно подготовлялъ и собиралъ матеріалы; поэтому они носили печать строго обдуманной работы. Въ лекціи онъ вкладывалъ весь запасъ новыхъ наблюденій, пріобрѣтенный имъ при клиническихъ изслѣдованіяхъ, а такъ какъ онѣ сопровождались и тщательнѣйшимъ разборомъ больныхъ, то понятно, почему эти лекціи, несмотря на полное отсутствіе въ нихъ эффектовъ и показнаго краснорѣчія, были драгоцѣнны для слушателей. Горячее увлеченіе научнымъ трудомъ и любовь къ врачебному искусству были замѣтны въ каждомъ поступкѣ профессора и передавались его ученикамъ, которые, подражая ему, усиленно работали въ клиникѣ. Вскорѣ вокругъ Боткина образовалась цѣлая школа молодыхъ ученыхъ, и клиника стала лучшей во всей Европѣ. Лучшій изъ современныхъ Боткину клиницистовъ, Траубе, по мнѣнію многихъ врачей, уступалъ ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Направленіе клинической дѣятельности Боткина и взглядъ его на задачи врачебнаго искусства и на способы выполненія этихъ задачъ выражены имъ самимъ въ вступленіи къ печатному изданію его лекцій, написанномъ имъ 8-го мая 1867 г.: «Главнѣйшія и существенныя задачи практической медицины — предупрежденіе болѣзни, лѣченіе болѣзни развившейся и, наконецъ, облегченіе страданій больного человѣка. Единственный путь къ выполненію этихъ высокихъ задачъ—изученіе природы, изученіе здороваго и больного животнаго организма. Если бы жизнь животнаго организма была подведена подъ точные математическіе законы, то примѣненіе нашихъ естественно-научныхъ свѣдѣній къ индивидуальнымъ случаямъ не встрѣчало-бы тогда никакихъ затрудненій... Но механизмъ и химизмъ животнаго организма до такой степени сложны, что, несмотря на всѣ усилія человѣческаго ума, до сихъ поръ еще не удалось подвести различныя проявленія жизни какъ здороваго, такъ и больного организма подъ математическіе законы. Это обстоятельство, ставящее медицинскія

науки въ рядъ наукъ неточныхъ, значительно затрудняетъ примѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Кто знакомъ съ алгеброй, тотъ не затруднится при разрѣшеніи задачи уравненія съ однимъ или большимъ количествомъ неизвѣстныхъ; другое дѣло — разрѣшеніе задачъ практической медицины: можно быть знакомымъ и съ физіологіей, и съ патологіей, и со средствами, которыми мы пользуемся при лѣченіи больного организма, и—все-таки, безъ умѣнья приложить эти знанія къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, не быть въ состояніи разрѣшить представившуюся задачу, если даже рѣшеніе ея и не переходитъ за предѣлы возможнаго. Это умѣнье примѣнять естествовѣдѣніе къ отдѣльнымъ случаямъ и составляетъ собственно искусство лѣчить, которое, слѣдовательно, есть результатъ неточности медицинскихъ наукъ. Понятно, что значеніе врачебнаго искусства будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія точности и положительности нашихъ свѣдѣній. Какимъ громаднымъ искусствомъ долженъ былъ обладать врачъ стараго времени, не знавшій ни физіологіи, ни патологической анатоміи, незнакомый ни съ химическими, ни съ физическими способами изслѣдованія, для того, чтобы приносить пользу своему ближнему. Только продолжительнымъ опытомъ и особенными личными дарованіями достигали врачи стараго времени выполненія своей трудной задачи. Въ настоящее время это умѣнье прилагать теоретическія свѣдѣнія медицинскихъ наукъ къ отдѣльнымъ индивидуумамъ уже не составляетъ искусства, недосягаемаго для простого смертнаго, какъ въ былое время. Однако-жъ, и въ наше время нужно имѣть извѣстную опытность, извѣстный навыкъ. Каждый врачъ, въ теченіе своей практической дѣятельности, вырабатываетъ себѣ это умѣнье въ различной степени, смотря по болѣе или менѣе значительному матеріалу, по болѣе или менѣе сознательной разработкѣ и анализу случаевъ, представляющихся его наблюденію. При всемъ томъ, это умѣнье или врачебное искусство можетъ передаваться преемственно, можетъ быть унаслѣдовано, подъ руководствомъ опытнаго врача, какъ это дѣлается при клиническомъ преподаваніи медицины. Но неизбѣжное условіе здѣсь для каждаго, желающаго достигнуть умѣнья прилагать теоретическія медицинскія свѣдѣнія къ даннымъ индивидуумамъ, безъ тѣхъ мучительныхъ затрудненій, которыя ожидаютъ при постели больного начинающаго, предоставленнаго своимъ силамъ, это — сознательное рѣшеніе извѣстнаго числа практическихъ задачъ подъ руководствомъ преподавателя. Разъ убѣдившись въ томъ, что учащагося нельзя познакомить въ теченіе клиническаго преподаванія со всѣми разнообразными индивидуальными проявленіями жизни больного организма, клиницистъ-преподаватель ставитъ себѣ первой задачей передать учащимся тотъ методъ, руководясь которымъ молодой практикъ былъ-бы въ состояніи впослѣдствіи самостоятельно примѣнять свои теоретическія врачебныя свѣдѣнія къ больнымъ индивидуумамъ, которые ему встрѣтятся на его практическомъ поприщѣ». Далѣе Боткинъ указываетъ на громадное значеніе большей или меньшей точности «опредѣленія представившейся индивидуальности. Возможно многостороннее и безпристрастное изслѣдованіе больного, критическая оцѣнка открытыхъ этимъ изслѣдованіемъ фактовъ составляютъ главнѣйшія основанія для того теоретическаго вывода,—той гипотезы, которую мы обязаны построить по поводу каждаго представившагося случая». Затѣмъ авторъ перечисляетъ различные способы медицинскаго изслѣдованія, указывая на значеніе, которое слѣдуетъ придавать этимъ способамъ, и, доказавъ преимущества объективнаго изслѣдованія передъ собираніемъ свѣдѣній посредствомъ распроса больныхъ, совѣтуетъ слушателямъ начинать съ подробнѣйшаго физическаго изслѣдованія и уже потомъ распрашивать больного о его субъективныхъ ощущеніяхъ и жалобахъ. Разсмотрѣвъ раціональный способъ постановки распознаванія болѣзни, предсказанія о дальнѣйшемъ теченіи ея и лѣченія, Боткинъ указываетъ на важность посмертнаго анатомическаго изслѣдованія и говоритъ: «Никакого громаднаго матеріала не хватитъ для правильнаго развитія умѣнья прилагать свои врачебныя свѣдѣнія съ гуманной цѣлью къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, если врачъ не будетъ имѣть возможности по временамъ провѣрять свои гипотезы на анатомическомъ столѣ». Статья заканчивается словами: «Все высказанное нами относительно изслѣдованія, разбора открываемыхъ посредствомъ его фактовъ и вывода, на основаніи котораго назначается лѣченіе, въ высшей

степени разнообразится въ каждомъ представившемся случаѣ, и только сознательнымъ рѣшеніемъ цѣлаго ряда практическихъ задачъ достигается возможность выполнять гуманную цѣль медицинскихъ наукъ. Упражненіе въ рѣшеніи этихъ задачъ и составляетъ клиническое преподаваніе».

Строго исполняя тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ своимъ ученикамъ, Боткинъ неуклонно проводилъ въ своей дѣятельности принципы, объявленные имъ съ кафедры; поэтому наряду съ популярностью его среди врачей и студентовъ возрастала его слава, какъ діагноста. Нѣсколько особенно блестящихъ діагнозовъ вскорѣ доставили ему почетную извѣстность среди врачей и остального русскаго общества. Особенно замѣчательный діагнозъ онъ сдѣлалъ въ 1862—1863 учебномъ году, распознавъ у больного при жизни тромбозъ воротной вены. Враги Боткина смѣялись надъ этимъ діагнозомъ, будучи напередъ увѣрены въ томъ, что онъ не оправдается; но вскрытіе показало, что распознаваніе было вѣрно. По замѣчанію профессора Сиротинина, «и въ настоящее время такая діагностика по трудности своей принадлежала бы къ блестящимъ у всякаго клинициста, а въ то время, она, понятно, составила цѣлое событіе въ жизни академіи». Послѣ этого случая слава, установившаяся за Боткинымъ, стала привлекать къ нему множество больныхъ на домашніе пріемы, что было причиной постояннаго переутомленія и вызвало значительное ухудшеніе въ общемъ состояніи его здоровья. Въ началѣ 1864 г. онъ заразился въ клиникѣ сыпнымъ тифомъ, который протекалъ у него очень тяжело, при рѣзкихъ симптомахъ со стороны нервной системы. Выздоровленіе шло очень медленно и весной Боткинъ отправился въ Италію. Передъ отъѣздомъ онъ писалъ Бѣлоголовому: «врядъ-ли мнѣ случится еще разъ въ жизни утомляться до такой степени, какъ я былъ измученъ въ этотъ семестръ».

Упоминаемое нами путешествіе за-границу было уже вторымъ послѣ избранія Боткина профессоромъ: въ 1862 г. лѣтомъ онъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ возобновилъ свои научныя изслѣдованія, окончивъ которыя, отправился отдыхать въ Трувилль, на морскія купанья. Въ виду его стариннаго знакомства съ Герценомъ, онъ при возвращеніи въ Россію былъ подвергнутъ строгому обыску на границѣ; данныя имъ объясненія разсѣяли недоразумѣніе, но этотъ случай произвелъ на Боткина тяжелое впечатлѣніе, которое усилилось послѣ пріѣзда въ Петербургъ, гдѣ тогда происходили студенческія волненія, вызванныя новымъ университетскимъ уставомъ.

Въ 1864 г., отдохнувъ въ Римѣ послѣ тифа, онъ снова пріѣхалъ въ Берлинъ и усиленно работалъ въ патологическомъ институтѣ Вирхова. Изъ переписки Боткина съ Бѣлоголовымъ мы видимъ, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ онъ отдавался научной работѣ. Лѣтомъ 1864 г. онъ пишетъ слѣдующее письмо, весьма важное для обрисовки его душевнаго склада: «...все это время я работалъ очень исправно. Не говоря о томъ, что я гибель прочиталъ, я еще сдѣлалъ цѣлую работу, и ради нея ты не ругай меня. Я взялся за лягушекъ и, сидя за ними, открылъ новый кураре въ лицѣ сѣрнокислаго атропина; надо было продѣлать съ нимъ всѣ опыты, какіе были сдѣланы съ кураре. Новизна пріемовъ работы (по этому отдѣлу я еще не работалъ), удачные результаты и поучительность самой работы до такой степени меня увлекали, что я просиживалъ за лягушками съ утра до ночи, просиживалъ-бы и больше, если бы жена не выгоняла меня изъ кабинета, выведенная наконецъ изъ терпѣнія долгими припадками моего, какъ она говоритъ, помѣшательства. Теперь я эту работу настолько кончилъ, что отправилъ предварительное сообщеніе въ здѣшній новый нѣмецкій журналъ. Работѣ этой я чрезвычайно благодаренъ, она многому меня выучила. Окончивши ее, я увидалъ, что августъ на дворѣ, вспомнилъ, что для лекцій студентамъ мало было сдѣлано, по крайней мѣрѣ изъ того, что было назначено, и съ лихорадочной дрожью схватился за чтеніе. До какой степени меня охватываетъ какая нибудь работа, ты не можешь себѣ вообразить; я рѣшительно умираю тогда для жизни; куда ни иду, что ни дѣлаю,— передъ глазами все торчитъ лягушка съ перерѣзаннымъ нервомъ или перевязанной артеріей. Все время, что былъ подъ чарами сѣрно-кислаго атропина, я даже не игралъ на віолончели, которая теперь стоитъ заброшенной въ уголкѣ». Бо̀льшую часть работъ, написанныхъ имъ въ то время, Боткинъ помѣщалъ въ «Медиц.

Вѣстникѣ» Чистовича. Кромѣ самостоятельныхъ работъ, онъ составлялъ обширные рефераты по отдѣлу клиники внутреннихъ болѣзней для «Военно-Мед. Журнала». Содержаніе этихъ трудовъ было очень обширно и, не говоря объ отдѣльныхъ научныхъ статьяхъ, мы находимъ въ каждой изъ его лекцій новые факты, замѣченные и объясненные имъ ранѣе, чѣмъ они были указаны другими учеными. Для клиники внутреннихъ болѣзней особенно большое значеніе имѣютъ его труды надъ разработкой вопросовъ о патологіи желчной колики, о болѣзняхъ сердца, о брюшномъ, сыпномъ и возвратномъ тифахъ, о подвижной почкѣ, объ измѣненіяхъ селезенки при различныхъ заболѣваніяхъ, о желудочно-кишечныхъ катаррахъ и пр. Въ 1865 г. онъ доказалъ, что возвратная горячка, которая считалась уже давно исчезнувшей въ Европѣ, существуетъ и тщательно изучилъ ея клиническую картину. Научная дѣятельность Боткина замѣчательна по тому постоянству, съ которымъ онъ занимался ею въ теченіе всей своей врачебной дѣятельности. Даже въ послѣдній годъ своей жизни онъ продолжалъ ее, разрабатывая вопросъ о естественной и преждевременной старости.—Въ 1866 г. онъ предпринялъ изданіе своихъ лекцій подъ общимъ названіемъ «Курса клиники внутреннихъ болѣзней». Первый выпускъ этихъ лекцій вышелъ въ 1867 г.; онъ содержитъ разборъ одного больного съ сложнымъ заболѣваніемъ сердца; по поводу этого больного авторъ разсматриваетъ почти все ученіе о заболѣваніяхъ сердца и ихъ лѣченіи. Книга была встрѣчена съ очень большимъ сочувствіемъ и у насъ, и заграницей, и скоро была переведена на французскій и нѣмецкій языки. Въ слѣдующемъ году вышелъ въ свѣтъ 2-й выпускъ лекцій (разборъ больного сыпнымъ тифомъ и подробное изложеніе ученія о лихорадочныхъ заболѣваніяхъ); этотъ выпускъ тоже скоро появился во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ и сильно способствовалъ широкой научной извѣстности автора. Многочисленныя затрудненія (болѣзнь, увеличившаяся дѣятельность въ клиникѣ, занятія въ в.-ученомъ комитетѣ и пр.) задержали дальнѣйшее изданіе лекцій, и 3-й выпускъ ихъ вышелъ только въ 1875 г.; онъ заключаетъ въ себѣ 2 статьи: 1) о сократительности селезенки и объ отношеніи къ заразнымъ болѣзнямъ селезенки, печени, почекъ и сердца, 2) о рефлекторныхъ явленіяхъ въ сосудахъ кожи и о рефлекторномъ потѣ. Этотъ выпускъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ. О дальнѣйшей судьбѣ изданія извѣстно, что въ 1877 г. Боткинъ предложилъ студентамъ В. Н. Сиротинину и Лапину, записывавшимъ его лекціи, составить ихъ и передать ему черезъ ассистента; онъ предполагалъ просмотрѣть ихъ и издать, но записки были затеряны. Окончивъ курсъ академіи, Сиротининъ поступилъ ординаторомъ въ клинику Боткина и вновь предложилъ ему издавать его лекціи. Лекціи, составленныя Сиротининымъ отчасти по запискамъ, отчасти на память, прочитывались Боткинымъ и помѣщались имъ первоначально въ «Еженедѣльной Клинической газетѣ», а въ 1887 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Въ 1888 г. первый выпускъ лекцій, составленныхъ Сиротининымъ, вышелъ вторымъ изданіемъ (съ дополненіями). Замѣчательная рѣчь Боткина «Общія основы клинической медицины», произнесенная имъ на торжественномъ актѣ въ академіи 7-го декабря 1886 г. и напечатанная въ 1887 г., вновь напечатана при лекціяхъ въ качествѣ введенія. Въ этой рѣчи наиболѣе замѣчательны заключительныя слова: «Необходимо имѣть истинное призваніе къ дѣятельности практическаго врача, чтобы сохранить душевное равновѣсіе при различныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ его жизни, не впадая при неудачахъ въ уныніе, или въ самообольщеніе при успѣхахъ. Нравственное развитіе врача-практика поможетъ ему сохранить то душевное равновѣсіе, которое дастъ ему возможность исполнить священный долгъ предъ ближнимъ и передъ родиной, что и будетъ обусловливать истинное счастье его жизни». Третій выпускъ лекцій, въ которомъ 5 лекцій составлены В. Н. Сиротининымъ, двѣ—М. В. Яновскимъ и одна—В. М. Бородулинымъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1891 г., уже послѣ смерти Боткина; при немъ приложенъ портретъ автора. Въ 1899 г. Общество русскихъ врачей, которому семья Боткина предоставила право изданія его сочиненій, выпустило въ свѣтъ два тома лекцій Боткина съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ автора, его автографа, вида его могилы и біографическаго очерка, составленнаго проф. В. Н. Сиротининымъ.

Кромѣ перечисленныхъ нами трудовъ, научная дѣятельность Боткина выразилась

въ слѣдующемъ. Въ 1866 г. онъ основалъ «Эпидеміологическій листокъ» и Эпидеміологическое общество, предсѣдательство въ которомъ предложилъ Е. В. Пеликану, считавшемуся лучшимъ эпидеміологомъ того времени. Поводомъ къ основанію общества послужило приближеніе холеры къ Петербургу. «Листокъ» издавался около 2-хъ лѣтъ подъ редакціей Ловцова; общество тоже недолго просуществовало, такъ какъ эпидеміологія тогда была еще недостаточно разработана и мало интересовала врачей. Боткинъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ и въ газетѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Боткинъ началъ издавать сборникъ подъ названіемъ «Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. Боткина», въ которомъ помѣщалъ наиболѣе интересныя въ научномъ отношеніи работы своихъ учениковъ. Всѣ эти работы производились по его почину и при непосредственномъ его участіи. Архивъ выходилъ до самой смерти Боткина и составилъ 13 большихъ томовъ. Изданіе его дорого обходилось, такъ-какъ спросъ на ученыя сочиненія былъ у насъ очень незначителенъ. Въ виду того, что Архивъ постоянно разростался, Боткинъ рѣшилъ помѣщать въ немъ только большія научныя работы; остальной научный матеріалъ послужилъ ему для «Еженедѣльной Клинической Газеты», которую онъ основалъ въ 1880 г. для оживленія самостоятельной клинической казуистики въ Россіи. Въ «Газетѣ» помѣщались исключительно оригинальныя научныя изслѣдованія, хотя отсутствіе рефератовъ изъ иностранной литературы сильно уменьшало число подписчиковъ. Несмотря на это, Боткинъ считалъ своей обязанностью издавать газету до самой смерти, сознавая, насколько необходимы для Россіи такія самостоятельныя изданія.

Въ 1878 г. Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ единогласно избрало Боткина своимъ предсѣдателемъ. При этомъ отъ Общества была послана особая депутація къ новому предсѣдателю, и въ экстренномъ засѣданіи, назначенномъ для его пріема, вице-предсѣдатель, проф. Пелехинъ привѣтствовалъ его рѣчью. Упомянувъ о томъ, какой переворотъ въ русской врачебной наукѣ произвели труды Боткина и его школы, онъ закончилъ рѣчь словами: «Общество наше въ своихъ протоколахъ можетъ служить почти фотографіей этихъ перемѣнъ въ русскомъ студентѣ, врачѣ, профессорѣ; поэтому вамъ понятно, С. П., наше сочувствіе, понятно сознаніе нашихъ членовъ, что вамъ суждено привести Общество на тотъ путь, которымъ идетъ вся Россія, идутъ всѣ славяне». Дѣйствительно, участіе Боткина въ дѣлахъ Общества въ качествѣ предсѣдателя быстро оживило засѣданія и было весьма полезно. Между прочимъ, это выразилось въ цѣломъ рядѣ засѣданій, посвященныхъ вопросу объ эпидеміи чумы, появившейся въ Ветлянкѣ. Названная эпидемія вызвала случай, очень тяжело подѣйствовавшій на душевное состояніе Боткина. Въ началѣ 1879 г. онъ подмѣтилъ у многихъ больныхъ опуханіе лимфатическихъ железъ всего тѣла, сопровождавшееся другими признаками, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, что чумная зараза уже была занесена въ Петербургъ, хотя и не проявилась еще въ ясно выраженной формѣ. Скоро послѣ этого онъ нашелъ у одного изъ посѣтителей его амбулаторіи, дворника Наума Прокофьева, несомнѣнные признаки легкой формы бубонной чумы; разобравъ больного въ присутствіи студентовъ, Боткинъ призналъ необходимымъ строжайшее отдѣлить его отъ остальныхъ больныхъ, хотя представилъ этотъ случай «какъ иллюстрацію своихъ воззрѣній на существованіе не вполнѣ обособившихся и легкихъ формъ инфекціонныхъ болѣзней», и категорически высказалъ, что «отъ этого случая, даже если бы таковыхъ встрѣтилось и нѣсколько, до эпидеміи чумы—лежитъ огромное разстояніе» и оговорился, что случай этотъ безъ сомнѣнія легкій и окончится благополучно для больного. Вѣсть о появленіи чумы въ Петербургѣ быстро распространилась и произвела чрезвычайную панику. Двѣ коммисіи, одна отъ градоначальника, другая отъ медицинскаго совѣта, освидѣтельствовали больного и заявили, что у него не чума, а идіопатическій бубонъ, развившійся на сифилитической почвѣ; иностранный спеціалистъ по сифилису тоже не согласился съ діагнозомъ Боткина, который, тѣмъ не менѣе, на основаніи несомнѣнно имѣвшихся признаковъ чумы, отстаивалъ свой діагнозъ. Больной выздоровѣлъ, и быстро успокоившееся общество вооружилось противъ Боткина; это выразилось въ яростныхъ нападкахъ печати, обвинявшей его въ отсутствіи патріотизма и какомъ-то заговорѣ съ англичанами. Жестокія оскорбленія про-

должались въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но Боткинъ до конца жизни сохранилъ убѣжденіе, что его діагностика была справедлива. Въ первомъ-же засѣданіи Общества русскихъ врачей послѣ этого случая Боткину были прочтены два адреса: отъ всѣхъ членовъ Общества и отъ врачей города Петербурга; второй изъ нихъ былъ подписанъ 220 врачами. Въ этихъ адресахъ ему было выражено горячее сочувствіе, а многочисленная публика, присутствовавшая въ засѣданіи, сдѣлала ему горячую овацію. Такой сердечный пріемъ послужилъ Боткину большимъ утѣшеніемъ въ несчастіи, которое, тѣмъ не менѣе, имѣло вредное вліяніе на состояніе его здоровья. Въ томъ же засѣданіи Общества выяснилось, что и другіе врачи наблюдали въ больницахъ и въ частной практикѣ заболѣванія, сходныя съ чумой; одинъ изъ этихъ случаевъ, протекавшій подъ наблюденіемъ В. И. Аѳанасьева, даже окончился смертельно.

Ученая дѣятельность С. П. Боткина въ высшей степени благотворно отразилась на его ученикахъ. Въ описываемое время многіе изъ нихъ уже создали себѣ научное имя, слѣдуя примѣру и руководству учителя. Вскорѣ вокругъ Боткина образовалась самостоятельная медицинская школа; многіе изъ врачей, бывшихъ у него ординаторами и ассистентами, получили самостоятельныя профессорскія кафедры въ провинціальныхъ университетахъ и въ академіи. Въ борьбѣ между русскими и нѣмецкими врачами Боткинъ принималъ живое участіе; при этомъ онъ не слѣдовалъ духу національной вражды, а только стремился оказать поддержку врачамъ русскаго происхожденія. «Вотъ почему», говоритъ А. Н. Бѣлоголовый, «встрѣчая въ числѣ его учениковъ исключительно русскія имена, мы видимъ при этомъ, что ученики эти не были затерты, какъ то было съ ихъ предшественниками, а пользуются теперь независимымъ положеніемъ, — и всѣ единогласно признаютъ, что какъ матеріальнымъ улучшеніемъ судьбы, такъ и нравственнымъ подъемомъ своего самосознанія, они обязаны въ значительной мѣрѣ Боткину, и какъ преподавателю и какъ энергическому защитнику ихъ интересовъ».

Около 1881 г., когда осуществилась передача больничнаго и санитарнаго дѣла въ вѣдѣніе петербургскаго городского управленія, многіе изъ гласныхъ думы изъявили желаніе видѣть въ своей средѣ С. П. Боткина. 21-го марта 1881 г. онъ пишетъ предсѣдателю коммисіи общественнаго здравія, В. И. Лихачеву: «Долго колебался я, прежде чѣмъ рѣшился дать согласіе и не отказываться отъ выбора въ гласные. Взять на себя еще новую обязанность при той массѣ занятій, которыя у меня на рукахъ,—право не легко, тѣмъ болѣе, что не чувствуешь въ себѣ достаточно силъ, чтобы добросовѣстно выполнить еще новое дѣло. Съ другой-же стороны совѣстно и уклониться отъ должности, въ которой, можетъ быть, принесешь какую нибудь пользу». Избранный въ гласные думы, Боткинъ сталъ членомъ и замѣстителемъ предсѣдателя коммисіи общественнаго здравія. Съ января 1882 г. онъ принялъ горячее участіе въ устройствѣ и дѣятельности городской барачной больницы для заразныхъ больныхъ въ качествѣ ея попечителя; она стала его любимымъ дѣтищемъ, онъ не жалѣлъ времени, труда и денегъ, и въ результатѣ для городской больницы оказалась возможной клиническая постановка дѣла. Въ 1886 г., избранный почетнымъ попечителемъ всѣхъ городскихъ больницъ и богадѣленъ, Боткинъ произвелъ въ нихъ многочисленныя коренныя улучшенія. Подробныя указанія о дѣятельности Боткина, какъ члена городского управленія, находятся въ докладѣ городского головы, Лихачева (29-го января 1890 г.). «Во все время своего почти 9-ти-лѣтняго пребыванія въ составѣ городского общественнаго управленія», говорится тамъ, «С. П. Боткинъ не переставалъ принимать самое горячее участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся оздоровленія столицы путемъ санитарныхъ мѣропріятій и улучшенія больничнаго дѣла, вникалъ въ подробности вырабатывавшихся проектовъ новыхъ больницъ, слѣдилъ за болѣе цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ больныхъ, въ особенности хрониковъ, по лѣчебнымъ заведеніямъ, совѣтуя при первой къ тому возможности выдѣлить хрониковъ и неизлѣчимыхъ въ особую больницу, для чего онъ признавалъ наиболѣе подходящимъ главный корпусъ петропавловской больницы». Дѣятельность Боткина была такъ благотворна для города, что послѣ его смерти дума увѣковѣчила его память постановкой его портретовъ въ залѣ думы и въ 8-ми городскихъ больницахъ. Кромѣ того, городская барачная больница названа «Боткинской».

Съ 1870 г. Боткинъ много трудился въ должности почетнаго лейбъ-медика; съ этого времени запасъ его свободнаго времени является уже очень ограниченнымъ. Въ 1871 г. ему было поручено лѣченіе серьезно заболѣвшей Государыни Маріи Александровны. Въ послѣдующіе годы онъ нѣсколько разъ сопровождалъ Государыню за-границу и на югъ Россіи, для чего ему приходилось даже прекращать лекціи въ академіи. Въ 1877 г. Боткинъ сопровождалъ Императора Александра II на войну. Отправившись въ маѣ, онъ возвратился въ ноябрѣ. Письма его съ театра войны къ его второй женѣ обрисовываютъ его дѣятельность на войнѣ, складъ его ума и впечатлѣнія его, какъ врача, горячо любящаго свою родину. Кромѣ того они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, освѣщающій многія происшествія той эпохи, состояніе арміи и постановку санитарнаго и врачебнаго дѣла на войнѣ. Послѣ смерти Боткина эти письма были изданы и составили въ высшей степени интересную книгу: «Письма изъ Болгаріи С. П. Боткина. Спб. 1893 г.». Частная практика у Боткина стояла постоянно на второмъ планѣ. Онъ относился къ больнымъ, которые приходили къ нему на пріемъ или приглашали его къ себѣ на домъ, съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и къ больнымъ въ клиникѣ, но сознавалъ, что дѣятельность перваго рода гораздо менѣе научна и менѣе полезна, по независящимъ отъ врача обстоятельствамъ. Въ клиникѣ врачъ имѣетъ возможность навѣщать больного ежедневно и подвергнуть его всестороннему тщательнѣйшему изслѣдованію при помощи различныхъ методовъ, примѣненіе которыхъ, за очень рѣдкими исключеніями, невозможно въ частной практикѣ. Частныхъ больныхъ врачъ наблюдаетъ лишь урывками, а при домашнемъ пріемѣ къ этому присоединяется крайній недостатокъ времени для изслѣдованія больного. Лѣченіе частныхъ больныхъ происходитъ при недостаточно научной обстановкѣ и т. д. Не удивительно, поэтому, что уже въ 1863 г. онъ пишетъ А. Н. Бѣлоголовому: «Три недѣли, какъ начались лекціи; изъ всей моей дѣятельности это—единственное, что меня занимаетъ и живитъ, остальное тянешь какъ лямку, прописывая массу почти ни къ чему не ведущихъ лѣкарствъ. Это не фраза и дастъ тебѣ понять, почему практическая дѣятельность въ моей поликлиникѣ такъ тяготитъ меня. Имѣя громаднѣйшій матеріалъ хрониковъ, я начинаю вырабатывать грустное убѣжденіе о безсиліи нашихъ терапевтическихъ средствъ. Рѣдкая поликлиника пройдетъ мимо безъ горькой мысли, за что я взялъ съ большей половины народа деньги, да заставилъ и потратиться на одно изъ нашихъ аптечныхъ средствъ, которое, давши облегченіе на 24 часа, ничего существенно не измѣнитъ. Прости меня за хандру, но нынче у меня былъ домашній пріемъ, и я еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого безплоднаго труда». Изъ этого письма видно, что у Боткина бывали приступы того душевнаго состоянія, которое Пироговъ окрестилъ мѣткимъ словомъ «самоѣдство». Однако, частная практика, столь удручавшая Боткина, приносила очень большую пользу, хотя и не давала такихъ блестящихъ результатовъ, какъ практика клиническая. Кромѣ домашняго пріема у Боткина была консультативная практика, которая была особенно драгоцѣнна для больныхъ и для врачей. На консультаціяхъ онъ оказывалъ врачамъ громадную помощь, рѣшая своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ многіе случаи, запутанные и сложные въ научномъ отношеніи. Такимъ образомъ, чрезвычайная популярность Боткина, возникла очень быстро и непрерывно увеличивалась въ теченіе всей его дѣятельности. Громадное число больныхъ стремилось ввѣрить ему свое здоровье, и по справедливому выраженію Бѣлоголоваго «каждый новый паціентъ дѣлался безусловнымъ поклонникомъ его», и «подвиги Боткина, какъ практическаго врача-гуманиста и искуснѣйшаго борца за ввѣряемую ему жизнь... глубоко запечатлѣвались горячею благодарностью въ сердцахъ спасенныхъ имъ личностей и ихъ родныхъ».

Частная жизнь Боткина мирно протекала въ средѣ его семьи. Онъ былъ семьяниномъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова и чрезвычайно заботился о своихъ близкихъ. Любимымъ развлеченіемъ Боткина была игра на віолончели, которой онъ посвящалъ свои досуги и которою часто увлекался. Боткинъ былъ женатъ два раза. Смерть его первой жены, Анастасіи Александровны, урожденной Крыловой (ум. въ 1875 г.) была для него большимъ несчастіемъ, но время исцѣлило его, и онъ женился вторично на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Мордвиновой, рожденной княжнѣ Оболенской. Общественными удовольствіями Бот-

кинъ почти не пользовался; ихъ замѣняла ему научная дѣятельность. Развлеченіемъ ему служили субботы, въ которыя у него собирались друзья и знакомые; сначала это былъ тѣсный кружокъ профессоровъ; въ началѣ 70-хъ годовъ общество, посѣщавшее субботы, разрослось, и журфиксы превратились въ многолюдные, шумные рауты, очень утѣшавшіе добродушнаго, гостепріимнаго хозяина. Боткинъ много зарабатывалъ, но вовсе не былъ сребролюбивъ; жилъ онъ просто, безъ всякихъ излишествъ, и если проживалъ почти всѣ доходы, то этому способствовала его обширная благотворительная дѣятельность.

Въ 1872 г. Боткинъ былъ избранъ въ званіе академика; тогда-же онъ удостоенъ званія почетнаго члена казанскаго и московскаго университетовъ. Съ тѣхъ поръ выраженія сочувствія со стороны общества и ученаго міра часто повторялись. Къ концу своей дѣятельности онъ былъ почетнымъ членомъ 35-ти русскихъ медицинскихъ ученыхъ обществъ и 9-ти иностранныхъ. Въ 1882 г. почитатели и ученики Боткина праздновали 25-тилѣтіе его ученой дѣятельности. Торжество происходило въ залѣ городской думы и было замѣчательно по сочувствію, съ которымъ къ нему отнеслось все русское общество. Петербургская медицинская академія, всѣ русскіе университеты и многія русскія и иностранныя медицинскія общества избрали Боткина своимъ почетнымъ членомъ. Нѣсколько часовъ продолжалось чтеніе привѣтственныхъ рѣчей и телеграммъ. Медицинская академія въ своемъ адресѣ характеризовала его заслуги слѣдующими знаменательными словами: «Сегодня исполнилось 25 лѣтъ вашей славной дѣятельности. Доставивъ вамъ громкую извѣстность талантливаго преподавателя, практическаго врача и ученаго, эта дѣятельность оказала необыкновенно благотворное вліяніе на развитіе и успѣхи медицины въ нашемъ отечествѣ»... Между тѣмъ силы Боткина уже были надломлены и нуждались въ отдыхѣ. Въ томъ же 1882 г. началась у него болѣзнь сердца, которой было суждено свести его въ могилу. До этого года онъ страдалъ желчной коликой, которая въ послѣдніе года тревожила его меньше обыкновеннаго; зимой 1881—1882 г., вслѣдъ за приступомъ печеночной колики, развились признаки органическаго разстройства сердца. Жестокія боли заставили его провести въ креслѣ 3 дня въ полной неподвижности. Лѣчившій его въ то время Нилъ Ив. Соколовъ замѣтилъ у него признаки воспаленія околосердечной сумки и увеличеніе сердца. Начало этой болѣзни д-ръ Соколовъ относилъ къ 1879 г., когда жестокая несправедливость нарушила его душевное равновѣсіе. Оправившись отъ приступа сердечнаго заболѣванія, Боткинъ немедленно принялся за свою обычную дѣятельность; исполняя предписанное ему лѣченіе, онъ старался избѣгать сидячаго образа жизни, много ходилъ, лѣтомъ занимался физическимъ трудомъ у себя въ имѣніи и въ послѣдующіе года чувствовалъ себя хорошо. Въ 1886 г. онъ предсѣдательствовалъ въ коммисіи при медицинскомъ совѣтѣ по вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшеніи смертности въ Россіи. Цѣль, для которой была созвана эта коммисія, оказалась совершенно недостижимою; широко взглянувъ на свою задачу, коммисія пришла къ убѣжденію, что «безъ реорганизаціи администраціи врачебно-санитарныхъ учрежденій не только невозможно что нибудь сдѣлать для улучшенія санитарнаго положенія населенія, но невозможно и разсуждать о томъ, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, на коихъ таковыя разсужденія могли бы опираться». Поэтому труды коммисіи не дали никакихъ практическихъ результатовъ и вызвали сильное разочарованіе. Въ томъ же году у Боткина умеръ любимый сынъ, и подъ вліяніемъ горя, у него возобновились приступы разстройства сердечной дѣятельности, которые вскорѣ приняли самый тяжелый характеръ. Боткинъ подозрѣвалъ настоящую свою болѣзнь, но упорно отрицалъ ее и старался объяснить всѣ признаки вліяніемъ печеночной колики. Впослѣдствіи, настаивая на лѣченіи желчныхъ камней, онъ говорилъ д-ру Бѣлоголовому: «вѣдь это моя единственная зацѣпка; если у меня самостоятельная болѣзнь сердца, то вѣдь я пропалъ; если же оно функціональное, отраженное отъ желчнаго пузыря, то я могу еще выкарабкаться». Заблужденіе Боткина поддерживалось тѣмъ, что на-ряду съ разстройствомъ сердечной дѣятельности у него повторялись время отъ времени и приступы печеночной колики. Оправившись отъ сердечной болѣзни, онъ снова принялся за лекціи и въ теченіе цѣлой зимы ничего не убавилъ изъ своихъ обыкновенныхъ занятій. Въ 1887 г.

онъ отправился въ Біаррицъ на морскія купанья, но первое же купанье вызвало у него жестокій приступъ удушья; лѣченіе холодными душами дало гораздо болѣе удовлетворительный результатъ. Осенью Боткинъ много работалъ въ Парижѣ, гдѣ французскіе ученые (Шарко, Жерменъ-Се и многіе др.) устраивали ему оваціи и давали въ честь его банкеты. Вернувшись въ Петербургъ, онъ усиленно работалъ еще два года, въ теченіе которыхъ его болѣзнь сильно подвинулась впередъ. Въ промежуткѣ между этими двумя годами (осенью 1888 г.) онъ лѣчился купаньями на Принцевыхъ островахъ, послѣ чего изучалъ постановку медицинскихъ учрежденій въ Константинополѣ. Въ августѣ 1889 г. онъ поѣхалъ въ Аркашонъ, оттуда— въ Біаррицъ, въ Ниццу и наконецъ въ Ментону. Припадки болѣзни быстро усиливались. Въ Ментонѣ онъ подвергнулъ себя молочному лѣченію, отъ котораго получилось значительное улучшеніе. Отрицая свою основную болѣзнь, онъ продолжалъ лѣчиться, главнымъ образомъ, отъ желчныхъ камней. Подъ вліяніемъ окружавшихъ его врачей, онъ захотѣлъ выслушать свое сердце при помощи стетоскопа для самовыслушиванія, но прислушавшись, поспѣшно удалилъ инструментъ, говоря «да, шумокъ довольно рѣзкій!» и больше уже не повторялъ этого изслѣдованія. Предвидя возможность смерти, онъ вызвалъ изъ Петербурга своихъ родныхъ. Для лѣченія печеночной колики онъ пригласилъ англійскаго хирурга Лаусона Тэта (Lawson Tait), который прославился оперативнымъ удаленіемъ желчныхъ камней. Хирургъ призналъ ущемленіе желчнаго камня, но отказался оперировать въ виду ослабленія сердечной дѣятельности. Послѣ этого Боткинъ совѣтовался еще съ нѣмецкимъ терапевтомъ, проф. Куссмаулемъ, но болѣзнь неудержимо шла къ роковому исходу, и скоро смерть, по выраженію А. Н. Бѣлоголоваго «унесла съ земли своего непримиримаго врага».

Печатные труды С. П. Боткина: 1) Образованіе застоя въ кровеносныхъ сосудахъ брыжейки лягушки отъ дѣйствія среднихъ солей («Военно-Мед. Журн.» 1858 г., ч. 73). 2) Количественное опредѣленіе бѣлка и сахара въ мочѣ посредствомъ Пфенцке-Солейлевскаго поляризаціоннаго аппарата («Московск. Мед. Газ.» 1858 г. № 13). 3) Количественное опредѣленіе молочнаго сахара въ молокѣ посредствомъ Пфенцке-Солейлевскаго аппарата («Московск. Мед. Газ.» 1858 г. № 19). 4) О всасываніи жира въ кишкахъ. Диссертація («Военно-Мед. Журн.» 1860 г., ч. 78, IV). 5) О физіологическомъ дѣйствіи сѣрно-кислаго атропина («Мед. Вѣст.» 1861 г. № 29). 6) Ueber die Wirkung der Salze auf die circulirenden rothen Blutcörperchen («Virch. Arch.», Bd. 15 (V) 1858. Heft I и II). 7) Zur Frage von dem Stoffwechsel der Fette im thierischen Organismus («Virch. Arch.», Bd. 15 (V) 1858. H. III и IV). 8) Untersuchungen über die Diffusion organischer Stoffe (3 статьи) («Virch. Arch»., Bd. 20 (X) 1861 H. I и II). 9) Рефератъ объ успѣхахъ частной патологіи и терапіи въ 1861 — 62 гг. («В.-Мед. Ж.» 1863 и 1864 г.). 10) Случай тромбоза воротной вены («Мед. Вѣстн.» 1863 г. № 37 и 38). 11) Предварит. сообщеніе объ эпидеміи возвратной горячки въ Петербургѣ («Мед. В.» 1864 г. № 46). 12) Къ этіологіи возвр. горячки въ Петерб. («Мед. В.» 1865 г. № 1). 13) Ans St.-Petersburg («Wien. Wochenblatt», № 22, 1865). 14) Курсъ клиники внутр. болѣзней. Вып. I—1867 г. II—1868 г. Вып. III—1875 г. 15) Предварит. сообщеніе по поводу настоящей эпидеміи холеры («Эпидем. Листокъ» 1871 г. № 3, прил.). 16) Арх. клиники внутр. бол., 13 томовъ, 1869—1889 г. 17) «Еженед. клинич. газета» съ 1881 г. 18) Аускультативныя явленія при суженіи лѣв. венознаго отверстія и пр. («St.-Petersb. med. Wochenschrift» 1880 г. № 9). 19) Клинич. лекціи (3 выпуска). 20) Общія основы клинич. медицины (С.-Петерб. 1887 г.). 21) Изъ первой клинич. лекціи («М. Вѣстн.» 1862 г. № 41). 22) Рѣчь по поводу избранія въ предсѣдатели Общ. Р. Врачей (Труды Общ. 1878 г.). 23) Извѣстіе о чумѣ въ Астрах. губ. (тамъ-же 1878 г.). 24) Некрологъ Н. М. Якубовича (тамъ-же 1878 г.). 25) Рѣчь по поводу 50-тилѣтн. юбил. Пирогова (тамъ-же 1880 г.). 26) Рѣчь по пов. статьи въ Арх. Пфлюгера прив.-доц. Тупоумова (тамъ-же 1881 г.). 27) Рѣчь по поводу кончины Н. Ив. Пирогова (тамъ-же 1881 г.). 28) По поводу болѣзни Ив. С. Тургенева (тамъ-же). 29) Рѣчь по случаю юбилея Р. Вирхова («Ежен. Клин. Газ.» 1881 г. № 31). 30) Некрологъ Н. Ал. Бубнова («Н. Вр.» 1885 г. № 3168). 31) Некрологъ Як. Ал. Чистовича («Ежен. Кл. Газ.» 1885 г.

№ 31). 32) Письмо по пов. кончины проф. А. П. Бородина (тамъ-же 1887 г. № 8). 33) Рѣчь о французск. клиникахъ (Труды О-ва Р. Врачей, 1887 г.). 34) Рѣчь по пов. посѣщенія Константинополя (тамъ-же 1888 г.). 35) Письма изъ Болгаріи 1877 г. (Спб., 1893 г.).

В. Н. Сиротининъ, «С. П. Боткинъ», біогр. при курсѣ клин. вн. бол., изд. 1899 г. Спб.—Н. А. Бѣлоголовый, «С. П. Боткинъ». Спб. 1892 г.— Его-же, «Воспоминанія». Москва. 1898 г.—А. I. Куценко, Истор. очеркъ каѳ. акад. терапевт. клиники И. В.-М. Ак. 1810—1898 г. Дисс. Спб. 1898 г.—Письма изъ Болг. С. П. Боткина. Спб. 1893 г.—В. Верекундовъ, Истор. очеркъ каф. діагност. и общ. терапіи. Дисс. Спб. 1898 г.— Протоколы конфер. И. В.-М. Акад. за различные года.—Рукописныя дѣла Академіи.—Зміевъ, Былое врачебной Россіи 1890 г., статья М. Г. Соколова.—Разл. сочиненія С. П. Боткина.

Н. Кульбинъ.

Боуверъ, *Иванъ Васильевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1743 г., ум. 22 апрѣля 1822 г. Происходя изъ дворянскаго рода, Боуверъ получилъ образованіе въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ въ 1760 г., а въ 1764 г. выпущенъ въ генеральный штабъ подпоручикомъ; первоначально Боуверъ работалъ по картографической части, участвуя въ 1763 г. въ составленіи карты Ингерманландіи, а въ 1764 г.—всей Россіи. Оставаясь въ генеральномъ штабѣ до 1773 г., Боуверъ принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ, сражался въ 1769 г. подъ Хотиномъ и Яссами, а также производилъ картографическія съемки между Прутомъ и Дунаемъ; затѣмъ, въ 1770 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ и въ взятіи Браилова, а въ 1773 г.—въ атакѣ Силистріи. Въ томъ же году Боуверъ, въ чинѣ подполковника (съ 8 декабря 1771 г.), былъ выпущенъ изъ генеральнаго штаба въ орловскій пѣхотный полкъ, съ которымъ оставался на театрѣ военныхъ дѣйствій до окончанія ихъ. Въ 1776 и 1777 гг. Боуверъ состоялъ при графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ и составлялъ «генеральную карту Молдавіи, Валахіи, полуострова Крыма и Кубани, съ показаніемъ всѣхъ дѣйствій прошлой турецкой войны и съ назначеніемъ мѣстъ сраженій». 22 сентября 1778 г. Боуверъ, въ чинѣ полковника, переведенъ въ бѣлозерскій пѣхотный полкъ, съ которымъ въ 1782 г. содержалъ постъ на Бугѣ у Очакова, а въ 1783 г. участвовалъ въ занятіи Крыма. Произведенный 21 апрѣля 1785 г. въ бригадиры, а 21 апрѣля 1787 г.—въ генералъ-маіоры, Боуверъ въ 1788 г. долженъ былъ формировать въ С.-Петербургѣ баталіоны, назначенные къ отсылкѣ съ флотомъ въ Средиземное море, но вспыхнувшая война со шведами обратила эти баталіоны, а вмѣстѣ съ ними и Боувера, въ Финляндію, гдѣ они сражались съ непріятелемъ въ 1789 г. при Лыкола, Гекфорсѣ и Гервикоскахъ, а въ 1790 г.—при Сутоловой и Тавастильскомъ постѣ. Въ 1791 г. Боуверъ работалъ надъ укрѣпленіемъ Роченсальма, а въ слѣдующемъ году оставилъ строй и 22 сентября 1792 г. былъ назначенъ правителемъ олонецкаго намѣстничества. 1 января 1795 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика, а 19 декабря 1796 г. назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ (въ первомъ департаментѣ). Въ 1797 г. Боуверъ переименованъ въ тайные совѣтники, 9 декабря того же года назначенъ къ присутствованію во временномъ апелляціонномъ департаментѣ Сената, а 19 декабря 1799 г. уволенъ отъ службы, по прошенію и съ сохраненіемъ жалованья.

Формулярный списокъ.

Боффо, *Францъ Карловичъ*, архитекторъ, родомъ изъ Сардиніи, въ 1822 г. прибылъ въ Одессу. Благодаря ему и другимъ архитекторамъ-итальянцамъ (Фраполи, Торичелли), въ постройкахъ г. Одессы того времени преобладалъ итальянскій стиль. По проектамъ Боффо возведено много присутственныхъ и частныхъ зданій Одессы: такъ, напр., въ 1822 г. имъ перестроенъ одесскій театръ (Боффо перестроилъ всю сцену, прибавилъ l'arco harmonico, возобновилъ внутреннее ея устройство, повѣсилъ люстру съ кенкетами вмѣсто свѣчей и проч.); 28 апрѣля 1824 г. заложена лютеранская церковь св. Павла; въ 1826 г. построенъ дворецъ кн. Воронцова, въ стилѣ итальянскаго возрожденія, съ колоннами іоническаго ордена; въ 1830 г. домъ Р. Шидловскаго (въ 1835 г. пріобрѣтенный М. А. Нарышкиной) и др.

Одесса 1794—1894. Изданіе Городского Общественнаго Управленія къ столѣтію города. 1894 и 1895.—Л. М. де-Рибасъ. Изъ прошлаго Одессы. 1894.

А. М.

Боцисъ, графъ *Иванъ Ѳедосѣевичъ* шаутбенахтъ (контръ-адмиралъ) галернаго флота, ум. 8 мая 1714 г. Уроженецъ Далмаціи, Боцисъ переселился въ Россію и

ставъ въ ряды сподвижниковъ Петра Великаго, явился гланымъ дѣятелемъ при созданіи нашего Балтійскаго галернаго флота. Онъ руководилъ первыми военными дѣйствіями галерной эскадры на водахъ Финскаго залива, обезпечившими нашему корабельному флоту безопасность плаванія со стороны Финляндскихъ шхеръ. Создавая неизвѣстную у насъ до того. галерную службу, Петръ Великій посылалъ молодыхъ дворянъ въ Венецію, Францію и Испанію, а для управленія вновь заводимымъ флотомъ поручилъ русскому послу въ Константинополѣ, графу Петру Толстому пріискать способнаго и опытнаго галернаго флагмана, желающаго поступить въ русскую службу. Такимъ охотникомъ явился, въ числѣ прочихъ, графъ Боцисъ. Въ 1702 г., сообщая о пріемѣ его, Толстой писалъ, что Боцисъ «породы греческой, служилъ въ армадѣ венеціанской, и зѣло человѣкъ въ искуствѣ навигаціи славенъ, и во время войны многія чинилъ похвальныя дѣла и былъ до нынѣ всего Архипелага коммисаромъ». Въ донесеніи, поданномъ въ посольскій приказъ, Боцисъ показалъ, что онъ служилъ въ Венеціи 17 лѣтъ, «начальствуя галерами и кораблями и не подчиняясь никому кромѣ капитанъ-генерала и Сената, и за свою славную службу сдѣланъ былъ консуломъ на всѣхъ Архипелажскихъ островахъ: что будучи уроженецъ турскій и вскормленикъ венеційскій, онъ 17-тилѣтнею службою пріобрѣлъ большія познанія въ галерномъ и корабельномъ дѣлѣ, и что, оставя жену, честь, вотчины, слугъ и славу свою, пріѣхалъ служить Его Царскому Величеству. Условій онъ никакихъ не заключалъ и во всемъ полагается на волю Государя». Въ 1703 г., по прибытіи въ Россію, Боцисъ принятъ въ русскую службу чиномъ галернаго шаутбенахта, т. е. контръ-адмирала, съ жалованіемъ по 60 рублей въ мѣсяцъ, и въ 1704 г. былъ командированъ на Олонецкую верфь, гдѣ провелъ около года, занимаясь постройкой и вооруженіемъ галеръ и сформированіемъ галерныхъ командъ, организація которыхъ рѣзко отличалась отъ корабельныхъ. Въ іюлѣ 1705 г. Боцисъ съ отрядомъ судовъ пришелъ отъ Олонецкой верфи къ Кронштадту, гдѣ въ то время уже былъ вице-адмиралъ Крюйсъ, который, пользуясь штилемъ, рѣшилъ напасть съ галерами на «заставной» (т. е. сторожевой) шведскій корабль, но задувшій сильный вѣтеръ далъ возможность кораблю уйти отъ нашихъ галеръ. Послѣ этой неудачной погони, Крюйсъ самовольно отрѣшилъ Боциса отъ командованія; хотя этотъ самовольный поступокъ Крюйса подвергся осужденію адмирала Головина и самого Государя и послѣдовавшими затѣмъ постановленіями власть обоихъ флагмановъ была разграничена, но несогласіе и пререканія между ними не прекращались и послужили поводомъ къ судебному разбирательству. Въ 1706 г. Боцисъ, начальствуя галерною эскадрою, находился при оборонѣ Котлина. Первыя наступательныя дѣйствія предводимаго Боцисомъ галернаго флота начались въ 1707 г. Нѣсколько отрядовъ его съ началомъ навигаціи плавали къ островамъ Віоркэ, Сескарю и Гогланду, а также вдоль южнаго берега Финскаго залива и возвращались къ Котлину «съ добычею и плѣнными»; въ сентябрѣ Боцисъ съ отрядомъ бригантинъ былъ на Ладожскомъ озерѣ и помогалъ нашимъ сухопутнымъ войскамъ въ очищеніи корельскаго берега отъ шведовъ. Успѣхъ очень порадовалъ Государя. Въ 1708 г., командуя гребною флотиліею, изъ 16 судовъ съ 500 чел. десантныхъ войскъ, Боцисъ сдѣлалъ высадку 10 мая около города Борго и подъ выстрѣлами береговыхъ батарей взялъ и сжегъ городъ, его окрестности и 16 мелкихъ судовъ, уничтожилъ большіе запасы провизіи и возвратился благополучно въ Кронштадтъ. Посланный затѣмъ вверхъ по Невѣ, что бы воспрепятствовать шведскимъ сухопутнымъ войскамъ переправиться черезъ рѣку, Боцисъ не поспѣлъ во время на мѣсто переправы, за что находился подъ слѣдствіемъ, но виновнымъ не призианъ. Въ 1709 г. Боцисъ, начальствуя галерами, находился у Кроншлота, въ 1710 г., начальствуя галернымъ флотомъ, сопровождалъ подъ Выборгъ флотъ съ транспортомъ провіанта и осадной артиллеріи: флотъ этотъ былъ подъ командой вице-адмирала Крюйса и шаутбенахта Петра Михайлова (т. е. самого Царя); по взятіи Выборга Боцисъ пробылъ тамъ все лѣто и остался на зимовку. Съ покореніемъ Выборга упрочилось положеніе нашего галернаго флота; ставъ твердою ногою при самомъ началѣ Финляндскихъ шхеръ, онъ могъ съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать сухопутнымъ войскамъ въ завоеваніи Финляндіи, а вслѣдствіе этого явилась потребность въ его усиленіи.

Осенью 1710 г. Боцисъ строилъ въ Выборгѣ галеры и скамнавеи, галерными командами, причемъ ему же надлежало заготовить лѣсъ для постройки судовъ, найти помѣщеніе для команды, заготовить для нихъ провіантъ, который приходилось доставлять изъ Кексгольма и его окрестностей на плечахъ той же команды. Невольники, бывшіе гребцами на галерахъ, составляли тоже не малое бремя, для надзора за ними требовалось отдѣлять значительную часть солдатской команды. Принявъ во вниманіе, что все это надо было дѣлать въ только что завоеванной странѣ, населеніе которой относилось враждебно къ завоевателямъ, можно вполнѣ понять трудность положенія Боциса. Къ этому присоединялись неудовольствія и ссоры съ комендантомъ Выборга, бригадиромъ Чернышевымъ, возникавшія при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ двухъ независимыхъ одинъ отъ другого начальниковъ. Всетаки, къ веснѣ 1711 г. было построено 7 полугалеръ, часть которыхъ пошла на замѣну уже совсѣмъ негодныхъ. Затѣмъ, Боцисъ благополучно доставилъ 15 іюня провіантъ для гарнизона Выборга. Малочисленность и слабость нашего корабельнаго флота и присутствіе шведскаго флота въ Выборгской бухтѣ не дозволило намъ предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Предположеніе Боциса сжечь шведскій флотъ посредствомъ брандеровъ не удалось даже и испытать, ибо офицеры галернаго флота отказались вести брандеры. На зиму галерный флотъ опять остался въ Выборгѣ, и Боцисъ продолжалъ заниматься постройкой судовъ. Въ 1712 г. Боцисъ, командуя галерною эскадрою, принималъ сначала дѣятельное участіе въ доставленіи провіанта отъ Кроншлота въ Выборгъ, затѣмъ сопутствовалъ арміи, предводимой графомъ Апраксинымъ. Передъ послѣднимъ отправленіемъ отъ Кроншлота галерамъ представился случай сдѣлать нападеніе на непріятельскіе крейсеры, приблизившіеся къ Кроншлоту, но по ошибкѣ Крюйса, который, согласно предоставленному ему праву, распоряжался движеніями обоихъ флотовъ, случай этотъ былъ упущенъ, и нѣсколько утихшая вражда Боциса съ Крюйсомъ возобновилась. «Флагманы наши, т. е. вице-адмиралъ и галерный шаутбенахтъ, доносилъ Апраксинъ Царю, такую имѣютъ между собою противность, что уже письменно объявили почитай одинъ другого за измѣнника, и не знаю, что съ ними дѣлать». Боцисъ сильно обвинялъ Крюйса, отнявшаго у него возможность совершить хорошее военное дѣло; обвиненіе это впослѣдствіи признано было справедливымъ и послужило къ увеличенію наказанія Крюйса послѣ несчастнаго приключенія съ нимъ въ слѣдующемъ году. — Появленіе непріятеля въ виду Кроншлота остановило отправленіе флотовъ къ Выборгу, но наши флагманы рѣшили прорвать блокаду и, пользуясь удаленіемъ шведовъ къ сѣверному берегу, Боцисъ съ галерами прошелъ вдоль южнаго берега до Луги, затѣмъ направился къ Лавенсори, къ Соммерсу и оттуда вошелъ въ шхеры, гдѣ на пути къ Выборгу взялъ шведскій 4-хъ-пушечный ботъ и потомъ, крейсеруя въ шхерахъ, взялъ краеръ, нагруженный солью, а 20-го августа шняву и 2 бота, причемъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ, а другой подъ контръ-адмиральскимъ флагами. Назначеніе галернаго флота было дѣйствовать въ шхерахъ въ связи съ арміею, а такъ какъ армія, встрѣтивъ сильно укрѣпившагося непріятеля, отступила къ Выборгу, то и галерный флотъ послѣдовалъ туда же. Въ 1713 г. Боцисъ, командуя аріергардомъ галернаго флота, принималъ участіе въ бомбардированіи Гельсингфорса. Послѣ бомбардированія флотъ перешелъ къ Борго и, завладѣвъ имъ, занялъ укрѣпленную позицію у мѣстечка Форсбю, откуда посланъ былъ Боцисъ съ 30-ю галерами для наблюденія за Гельсингфорсомъ, на рейдъ котораго пришла шведская эскадра изъ 8 кораблей, 1 фрегата, 1 шнявы и 5 транспортовъ. Осмотрѣвъ положеніе непріятельскаго флота, Боцисъ рѣшился сжечь транспорты и, получивъ на это разрѣшеніе Государя, привелъ свой планъ въ исполненіе. 12 іюля наши сухопутныя войска заняли Гельсингфорсъ, что заставило шведскій флотъ уйти съ Гельсингфорскаго рейда, и 15 іюля здѣсь расположился нашъ галерный флотъ. Боцисъ пытался проникнуть шхерами къ Або, но дойдя до Тверeминэ, встрѣтилъ шведскій флотъ и долженъ былъ вернуться назадъ. Зимою осталось въ Гельсингфорсѣ 15 галеръ, а остальной флотъ, подъ начальствомъ Боциса, возвратился въ С.-Петербургъ, гдѣ Боцисъ скоро скончался, немного не доживъ до славной Гангутской побѣды, бывшей полнымъ торжествомъ имъ организованнаго галернаго флота. Передъ самой кончиной Боцису привелось видѣть

униженіе постоянно враждовавшаго съ нимъ вице-адмирала Крюйса, въ процесѣ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе, какъ свидѣтель и обвинитель по поводу упущенія непріятельскихъ судовъ въ 1712 г. Послѣ смерти Боциса Государь щедро обезпечилъ оставшуюся послѣ него семью.

Общій морской списокъ. 1885 г., т. I, 52—53.— В. Берхъ, Жизнеописаніе первыхъ Россійскихъ Адмираловъ. Спб. 1851, т. I.—Елагинъ, С. Исторія Русскаго Флота; періодъ Азовскій. Спб. 1864 и приложеніе I. Спб. 1864 г.—Матеріалы для исторіи Русскаго флота, т. I и III.—Веселаго, Ѳ. Ф. Очеркъ Исторіи Русскаго флота. Спб. 1875.— Его же, Краткая Исторія Русскаго флота.—Кротковъ, А. С. Повседневная запись. — Устряловъ, Исторія Царствованія Петра Великаго. Спб. 1858.—Его же, Русская Исторія. Спб. 1849.—Соколовъ, А. Лѣтопись крушеній и пожаровъ. 1855. — Берхъ, В. Собраніе писемъ Императора Петра I. Спб. 1824.—Бычковъ, Письма и Бумаги Императора Петра Великаго.—Мышлаевскій, А. Петръ Великій; Война въ Финляндіи. Спб. 1896 г.— Словари: Брокгауза, Зеддлера, Толя, Андреевскаго, Плюшара, Леера, Березина, Клюшникова.

Лейт. Бѣлавенецъ.

Бочечкаровъ, *Александръ Сергѣевичъ*, врачъ, сынъ генералъ-маіора, род. 22 сентября 1850 г., ум. въ С.-Петербургѣ 5 ноября 1890 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1868 г. съ золотой медалью. Въ томъ же году онъ поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ петербургскую медико-хирургическую академію, а въ 1873 г. окончилъ здѣсь курсъ, получилъ званіе лѣкаря съ отличіемъ и по конкурсу былъ оставленъ на 3 года при академіи. Въ теченіе этого времени Бочечкаровъ постоянно работалъ въ клиникѣ С. П. Боткина, подъ его руководствомъ, и вмѣстѣ съ покойнымъ приватъ-доцентомъ академіи, В. И. Дроздовымъ произвелъ 2 экспериментально-физіологическихъ работы, поименованныя ниже. Въ 1876 г., при мобилизаціи арміи, онъ былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ сперва въ военно-временный госпиталь № 58, затѣмъ въ такой же госпиталь № 55; въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ въ военно-врем. госпиталь № 50, а въ октябрѣ 1878 г. получилъ должность старшаго ординатора въ этомъ госпиталѣ, но въ томъ же году былъ отчисленъ къ медико-хирургической академіи для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія; въ 1879 г. онъ былъ опредѣленъ въ 95-й красноярскій полкъ, въ 1881 г. былъ прикомандированъ къ медико-хирургической академіи, въ 1882 г. переведенъ въ 148-й пѣхотный каспійскій полкъ, а въ 1883 г.— въ 96-й омскій пѣх. полкъ; въ томъ-же году онъ служилъ въ 100-мъ пѣх. островскомъ и въ 90-мъ пѣх. онежскомъ полкахъ, въ 1884 г. былъ назначенъ младшимъ врачемъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Съ 1886 г. Бочечкаровъ служилъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи врачемъ для командировокъ VI-го разряда. Служа въ войскахъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, онъ въ то-же время постоянно работалъ въ больницѣ общины св. Георгія и состоялъ тамъ старшимъ ординаторомъ. Въ послѣдніе 3 года жизни Бочечкаровъ читалъ въ школѣ фельдшерицъ общую патологію, общую терапію и діагностику внутреннихъ болѣзней. Въ 1890 г. онъ вышелъ изъ военной службы въ запасъ, продолжая служить въ Георгіевской Общинѣ. Бочечкаровъ напечаталъ (вмѣстѣ съ В. И. Дроздовымъ): 1) Физіологическое дѣйствіе сжатаго и разрѣженнаго воздуха (въ аппаратѣ Вальденбурга) на дыханіе и давленіе крови въ системѣ аорты животныхъ («Медицинскій Вѣстникъ» 1874 г., № 51 и «Архивъ» С. П. Боткина, т. V, вып. II, стр. 287—314; тоже въ «Centralblatt für die medicin. Wissenschaften» 1875 г.). 2) Сокращеніе селезенки и ея отношеніе къ печени при раздраженіи селезеночныхъ нервовъ («Медиц. Вѣстникъ» 1875 г. № 47 и «Архивъ» Боткина, т. V, вып. II, стр. 417—423).

«Врачъ» 1890 г., стр. 1038. — Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. Спб. 1889 г., стр. 39.

Н. К.

Бочечкаровъ, *Николай Петровичъ*, капитанъ 2 ранга, авторъ нѣсколькихъ статей. Въ 1824 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ, въ 1827 г. на кораблѣ Эммануилъ ходилъ въ Англію, въ 1828 г. на кораблѣ Ферштампенуазъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, въ 1829 г. произведенъ въ мичманы, оставленъ въ офицерскомъ классѣ (что нынѣ Николаевская морская академія) и плавалъ съ кадетами на яхтѣ Голубка. Въ 1830—34 г. онъ ежегодно ходилъ во внутреннее плаваніе, въ 1835 г., командуя канонерской лодкой, плавалъ между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ, а по 1838 г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1842 г.

онъ посланъ въ Астрахань, гдѣ и плавалъ на пароходѣ Кама, въ 1843—52 гг., командуя мелкими судами, плавалъ въ Каспійскомъ морѣ, въ 1852 г. уволенъ со службы, а въ 1854 г. вновь поступилъ на службу капитаномъ лейтенантомъ и въ 1855—57 гг. командовалъ пароходомъ Астрабадъ въ Каспійскомъ морѣ. Въ 1861 г. онъ произведенъ въ капитаны 2 ранга съ увольненіемъ отъ службы. Напечаталъ: 1) Употребленіе мелкаго антрацита въ кузнечномъ мастерствѣ («Мор. Сб.» 1851 г., XII, 504—510). 2) Объ устройствѣ фарватера между Астраханью и Каспійскимъ моремъ («М. Сб.»., 1859, II, 403—432). 3) О судоходной полиціи въ обширномъ смыслѣ («М. Сб.» 1859, VIII, 398—432). 4) Замѣчаніе на статью о преобразованіи рабочихъ силъ Архангельскаго порта («М. Сб.» 1861 г., I, неоф., 124—150).

Общій морской списокъ. *Лейт. Б.*

Бочечкаровъ, *Сергѣй Петровичъ*, презусъ коммиссіи военнаго суда Архангельскаго порта, генералъ-маіоръ. Въ 1821 г. онъ поступилъ въ морской корпусъ кадетомъ, въ 1822 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1824 г. ходилъ на фрегатѣ Легкій къ остр. Исландія, въ 1825 г. на фрегатѣ Вѣстовой крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ, въ 1826 г. на кораблѣ Азовъ, подъ командой кап. 1 ранга Лазарева, перешелъ изъ Архангельска въ г. Кронштадтъ, въ 1828—30 гг. на фрегатѣ Александра перешелъ изъ Кронштадта въ Мальту, крейсеровалъ въ Архипелагѣ и въ Адріатическомъ морѣ и участвовалъ въ блокадѣ Дарданеллъ, послѣ чего былъ переведенъ на бригъ Таллакъ. Въ 1831 г. Бочечкаровъ произведенъ въ лейтенанты и участвовалъ на томъ же бригѣ, подъ командой капитана-лейтенанта Замыцкаго, въ сраженіи 27 іюля въ Монастырской бухтѣ о-ва Поросъ съ греческими инсургентами, занявшими корветъ Спеція и крѣпость. Въ 1832—1833 г. онъ на томъ же бригѣ плавалъ въ Архипелагѣ и затѣмъ перешелъ въ Севастополь, откуда берегомъ возвратился въ Кронштадтъ; въ 1834—37 гг. на фрегатѣ Нева и кораблѣ Кульмъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, въ 1838 г. командовалъ самъ брантвахтенной шхуной Радуга на кронштадтскомъ рейдѣ, послѣ чего ежегодно ходилъ въ внутреннемъ плаваніи, въ 1853 г. командовалъ кораблемъ Прохоръ въ Финскомъ заливѣ, а въ 1854 г. былъ при защитѣ Свеаборга отъ нападенія англо-французскаго флота. Въ 1855 г. Бочечкаровъ командовалъ 8-мъ баталіономъ кронштадтской гребной флотиліи при защитѣ Кронштадта отъ нападенія непріятельскаго флота, въ 1856 г. назначенъ командиромъ резервнаго экипажа 2 бригады 3 флотской дивизіи въ Гельсингфорсѣ, въ 1858 г. назначенъ презусомъ коммисіи военнаго суда при Архангельскомъ портѣ, а въ 1860 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы.

Общій морской списокъ, 1895, т. IX, 290—291.—Барановскій, А. Бой люгера «Широкій» съ греческимъ корветомъ «Спеція» въ Монастырской бухтѣ о-ва Поросъ («Мор. Сб.», 1890, VIII).—Записки ученаго ком. Мор. Шт., VI, 173—197 - «Мор. Сб.», 1855, XI, 30—31.

Лейт. Б.

Бочковскій, *Константинъ Антоновичъ*, врачъ; высшее образованіе получилъ въ кіевскомъ университетѣ, по окончаніи котораго, въ 1848 г. опредѣлился на службу въ Украинскій военный госпиталь; въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ запасную конно-артиллерійскую бригаду, въ 1851 г. перешелъ въ 1-ую сводно-резервную конно-артиллерійскую батарею, въ 1855 г. получилъ должность старшаго врача своднаго уланскаго полка, въ 1856 г. перешелъ въ Вознесенскій военный госпиталь, а въ 1858 г.—въ Глуховской кирасирскій полкъ; уволенъ въ 1858 г. Напечаталъ: «Эпидемія скорбута въ Новоархангельскомъ госпиталѣ и въ VI-мъ кавалерійскомъ округѣ военныхъ поселеній за первую половину 1849 г.», въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», 1850 г., ч. 55, № 1.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. Спб. 1886 г. *Н. К.*

Бошко, *Болеславъ Діонисіевичъ*, врачъ, ум. въ 1891 г. Высшее образованіе онъ получилъ въ кіевскомъ университетѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ Балашовское земство, работалъ въ степи, въ Ивановскомъ участкѣ, гдѣ существовала исключительно разъѣздная система, требовавшая отъ врача громадной затраты силъ. Бошко всецѣло отдался работѣ, несмотря на слабость своего здоровья. Затѣмъ, сознавая, что отсутствіе больницы лишаетъ его возможности подать существенную пользу тяжело-больнымъ, нуждающимся въ систематическомъ лѣченіи, Бошко устроилъ больничку въ простой избѣ на собственныя скудныя средства, кормилъ больныхъ, ухаживалъ за ними,

лѣчилъ ихъ даромъ, и тутъ же дѣлалъ имъ хирургическія операціи. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ болѣе крупное село, Терновку, и съ горячей энергіей принялся за сооруженіе пріемнаго покоя, причемъ встрѣтилъ поддержку со стороны мѣстнаго населенія и земства. Вскорѣ Бошко былъ переведенъ въ сосѣдній Самойловскій участокъ, гдѣ была благоустроенная больница и представлялась возможность правильной и плодотворной работы, но въ то же время у него подъ вліяніемъ непосильнаго труда усилилась чахотка, которая и свела его въ могилу.

«Русская Медицина» 1891 г., № 14, стр. 226.— «Кіевское Слово» 1891 г., № 1216. — «Врачъ» 1891 г., стр. 416. *Н. К.*

Бошнякъ, *Николай Константиновичъ*, капитанъ 2-го ранга и писатель. Въ 1845 г. онъ поступилъ въ морской корпусъ кадетомъ, въ 1849 г. произведенъ въ мичманы, съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ, въ 1851 г. произведенъ въ лейтенанты съ переводомъ въ охотскій флотскій экипажъ, гдѣ плавалъ на транспортѣ Байкалѣ въ Охотскомъ морѣ и перешелъ изъ Аяна на рейдъ Счастіе. 6-го августа онъ занялъ на р. Амурѣ Николаевскій постъ и имъ командовалъ; въ 1853 г. онъ ходилъ на кораблѣ русско-американской компаніи Николай, былъ при дессантѣ въ заливѣ Анива и Де-Кастри и въ гавани Императора Николая I. За открытіе залежи каменнаго угля на о-вѣ Сахалинѣ и опись западнаго берега этого острова, а также за открытіе р. Тыми, Бошнякъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., а въ 1854 г., за опись Татарскаго пролива, открытіе Императорской гавани и зимовку въ ней, получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. Въ 1855 г. онъ исполнялъ обязанности адъютанта при генералъ-лейтенантѣ Муравьевѣ, въ 1856—1857 гг. на корветѣ Оливуца перешелъ въ Кронштадтъ, въ 1858 г. плавалъ на фрегатѣ Илья Муромецъ въ Балтійскомъ морѣ и 18 ноября, по представленію генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурскаго, въ награду за особые труды и самоотверженіе, получилъ пожизненную пенсію по 350 рублей въ годъ. Въ 1859—60 г. Бошнякъ на томъ же фрегатѣ перешелъ въ Средиземное море, а оттуда на пароходѣ Олафъ возвратился въ Кронштадтъ. Въ 1860 г. онъ состоялъ мировымъ посредникомъ въ нерехотскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, въ 1861 г. зачисленъ по резервному флоту и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1865 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана 2-го ранга.—Его статьи: 1) Экспедиція въ Пріамурскій край («Мор. Сб.», 1858, XIII и 1859, I—III); 2) Занятіе части острова Сахалина («Мор. Сб.», 1859, X).

Общій Морской списокъ, 1895, IX, 292—293.— Г. И. Невельской, Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1840—55 гг. Спб. 1878.—Вейнбергъ, Л. Къ исторіи военныхъ событій на дальнемъ востокѣ 1847—1855 г. («Мор. Сб.», 1898, I).—Огородниковъ, С. Къ біографіи адмирала Г. И. Невельского («Мор. Сб.», 1899, XII).—Изъ Дневника В. А. Римскаго-Корсакова («Мор. Сб.», 1895, X—XII; 1896, I—IX).—Изъ Дневника адмирала Д. И. Кузнецова («Мор. Сб.», 1898, VII, IX и X). *Лейт. Б.*

Боянусъ, *Людвикъ Генрикъ Яковлевичъ*, докторъ медицины и хирургіи, ординарный профессоръ виленскаго университета, род. 16 іюля 1776 г. въ г. Бишвейлѣ въ Эльзасѣ, ум. 2 апрѣля 1827 г. въ Дармштадтѣ. Съ переходомъ Эльзаса во владѣніе Франціи въ 1789 г. родители Боянуса переселились въ Дармштадтъ, и вскорѣ мальчикъ былъ отправленъ, на средства герцога дармштадтскаго, въ іенскій университетъ, гдѣ подъ руководствомъ Гуфеланда и Лодера изучалъ медицину; на 21-мъ году онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи, затѣмъ посѣтилъ Вѣну, подружился съ Галлемъ и познакомился съ его системою наукъ; возвратясь въ Дармштадтъ въ 1798 г., Боянусъ занимался медицинскою практикою, а въ 1801 г. назначенъ членомъ медицинскаго совѣта. Предполагая основать въ Дармштадтѣ ветеринарную школу, герцогъ предназначилъ Боянуса на мѣсто профессора въ ней и для усовершенствованія въ наукахъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ изучалъ анатомію у Кювье; здѣсь же началась и литературная дѣятельность его. Затѣмъ Боянусъ посѣтилъ Лондонъ, Гановеръ, Берлинъ, Вѣну и Копенгагенъ. Школа въ Дармштадтѣ не была открыта, и Боянусъ, узнавъ, что есть вакантная каѳедра ветеринарныхъ наукъ въ виленскомъ университетѣ, сталъ хлопотать о полученіи ея; въ 1804 г. его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Однако, по политическимъ обстоятельствамъ, Боянусъ могъ прибыть въ Вильно и начать лекціи лишь въ 1806 г. Кромѣ ветеринаріи, онъ преподавалъ также и анатомію, причемъ пользовался рисунками и чертежами, имъ самимъ сдѣланными. Въ

1807 г. онъ былъ избранъ въ члены с.-петербургской медико-хирургической академіи. Въ 1812 г. онъ былъ въ С.-Петербургѣ и здѣсь изучалъ сравнительную анатомію. Въ 1818 г. Боянусъ получилъ приглашеніе въ Берлинъ на должность перваго профессора ветеринарной школы, но отказался. Боянусъ основалъ при виленскомъ университетѣ зоологическій и зоотомическій кабинеты и подарилъ университету свою обширную библіотеку. Постоянныя занятія науками разстроили его здоровье; въ 1822 г. онъ сталъ хворать, а въ 1825 г., получивъ отпускъ на неограниченное время съ полнымъ содержаніемъ, отправился въ Дармштадтъ, гдѣ и оставался до смерти. Боянусъ оставилъ до 40 сочиненій, рукописныхъ и напечатанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ; они отличаются самостоятельностью изслѣдованія и ясностью изложенія. Подробный списокъ ихъ помѣщенъ въ статьѣ Адамовича, напечатанной въ «Tygod. Petersb.», 1835 г., № 80—83.

Encyklopedyia powszechna Orgelbranda.—Словарь Плюшара.—Помянутая выше статья Адамовича.

Бравинъ, *Михаилъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1761 г., ум. 28 февраля 1833 г. Въ 1772 г. онъ былъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ капраломъ, въ 1775 г. переведенъ въ семеновскій полкъ, а 1 января 1782 г. выпущенъ въ армію, въ семеновскій драгунскій полкъ капитаномъ. Въ 1783 г. онъ участвовалъ въ походѣ въ Крымъ, а 31 января 1784 г. уволенъ, по прошенію, отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора. 17 апрѣля 1784 г. онъ вновь опредѣлился на службу въ нарвскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, въ 1785 г. находился въ походѣ на Кубань, въ томъ-же году опредѣленъ въ провіантскій штатъ, оберъ-провіантмейстеромъ, а 6 апрѣля 1787 г. вновь уволенъ отъ военной службы, по прошенію, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ и въ 1787 г. назначенъ въ новгородское намѣстническое правленіе совѣтникомъ. Въ 1794 г. онъ былъ переведенъ въ новгородскую казенную палату экономіи директоромъ, въ 1796 г. назначенъ предсѣдателемъ 2-го департамента нижегородской гражданской палаты, 24 октября 1800 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а 22 декабря 1802 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. 14 апрѣля 1808 г. повелѣно было ему быть предсѣдательствующимъ въ коммисіи, учрежденной въ Крыму, для разбора споровъ по землямъ, а 25 августа 1808 г. онъ, согласно ходатайству его, уволенъ отъ этой должности съ причисленіемъ къ герольдіи. 17 сентября 1810 г. Бравинъ былъ назначенъ полтавскимъ гражданскимъ губернаторомъ, 11 мая 1811 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 23 ноября 1811 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, 22 октября 1812 г. переведенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Воронежъ и 1 февраля 1816 г. пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ слѣдующемъ году Бравинъ, по доносу генералъ-маіора Русанова о разныхъ незаконныхъ его дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ, былъ удаленъ отъ должности воронежскаго губернатора (18 мая 1817 г.) и преданъ суду; но рѣшеніемъ Правительствующаго Сената и высочайше утвержденнымъ 6 мая 1819 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, ни къ какимъ злоупотребленіямъ прикосновеннымъ не признанъ, за невинное нахожденіе его подъ судомъ повелѣно удовлетворить его жалованьемъ за все время бытности подъ судомъ, а 25 ноября 1826 г. онъ вновь назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Ярославль. Высочайшимъ указомъ 28 января 1830 г. Бравинъ пожалованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ (въ 7 департаментѣ). Умеръ Бравинъ состоя на службѣ.

Формулярный списокъ.

Бравинъ, *Николай Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, тамбовскій почтъ-директоръ, род. около 1758 г., ум. 15 апрѣля 1829 г. въ Тамбовѣ. Бравинъ сначала былъ въ военной службѣ и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ; потерявъ на военной службѣ здоровье, Бравинъ въ 1790 г. вышелъ въ отставку и перешелъ на службу по гражданскому вѣдомству. Въ 1802 г. онъ раскрылъ производство фальшивыхъ ассигнацій, за что удостоился получить изъявленіе высочайшаго благоволенія. Кромѣ того, онъ неоднократно былъ награждаемъ орденами, за труды по службѣ. Несмотря на развитіе тяжелой болѣзни (водянки), Бравинъ оставилъ служебныя обязанности только за мѣсяцъ до смерти. Въ Тамбовѣ онъ пользовался общей любовью и уваже-

ніемъ, и его смерть вызвала всеобщее сожалѣніе. Похороненъ онъ въ Треуголяевскомъ монастырѣ, близъ Тамбова.

Некрологъ Александра Тонкачеева въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1829 г., № 124, стр. 496.

Брадке (фонъ), *Егоръ Ѳедоровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 16 мая 1796 г., ум. 3 апрѣля 1862 г. Сынъ Ѳ. И. Брадке, онъ въ 1806 г. былъ опредѣленъ пенсіонеромъ въ горный корпусъ, откуда выпущенъ въ 1810 г. Пробывъ послѣ этого годъ у своего отца, въ Вяткѣ, онъ продолжалъ свои учебныя занятія подъ его руководствомъ. Въ 1811 г. Брадке былъ принятъ на службу въ учрежденную тогда при генеральномъ штабѣ школу колоновожатыхъ, состоявшую подъ главнымъ начальствомъ князя Петра Михайловича Волконскаго. Находясь при этой школѣ, Брадке съ октября 1812 г. по мартъ 1815 г. былъ на работахъ по съемкѣ 2-го округа Новой Финляндіи. Въ это время, въ 1813 г., князь П. М. Волконскій поручилъ ему преподаваніе математики и военныхъ наукъ состоявшимъ съ нимъ въ командировкѣ товарищамъ его, колоновожатымъ. Въ началѣ 1815 г. Брадке получилъ приказаніе ѣхать въ армію нашу, находившуюся во Франціи, и здѣсь состоялъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба А. А. Закревскомъ, сначала въ Шампани, а потомъ въ Парижѣ. По упраздненіи въ Парижѣ главной Императорской квартиры, въ сентябрѣ 1815 г. Брадке былъ опредѣленъ въ главную квартиру генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, при которой и оставался въ г. Могилевѣ на Днѣпрѣ до конца 1817 г. Въ ноябрѣ 1817 г. Брадке былъ откомандированъ въ распоряженіе графа А. А. Аракчеева и опредѣленъ въ штабъ его, учрежденный по военнымъ поселеніямъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Отправленный въ февралѣ 1818 г. въ Новгородъ, Брадке занимался тамъ составленіемъ плановъ военныхъ поселеній, а потомъ и самымъ устройствомъ хозяйства поселеній. Съ апрѣля по октябрь каждаго года онъ оставался въ поселеніяхъ, а зиму проводилъ въ С.-Петербургѣ, при Аракчеевѣ, который былъ расположенъ къ Брадке, хотя отзывался о немъ такъ: «способенъ и достоинъ; но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ предъ старшимъ». За отличіе по службѣ, Брадке произведенъ 17 апрѣля 1822 г. въ капитаны, а съ декабря 1823 г. по апрѣль 1824 г. исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній. За усердную службу при военныхъ поселеніяхъ Брадке получилъ въ апрѣлѣ 1824 г. въ награду 1.000 р., а въ декабрѣ того же года — еще 3.000 р. Въ апрѣлѣ 1825 г. ему вновь поручено было исправленіе должности оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній. 23 августа 1826 г. онъ за отличіе произведенъ въ подполковники. По переименованіи свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ, 12 августа 1827 г. Брадке былъ опредѣленъ оберъ-квартирмейстеромъ 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса въ Елисаветградѣ, а вскорѣ Высочайше командированъ въ херсонскую губернію для приведенія въ болѣе удовлетворительное состояніе экономическихъ и хозяйственныхъ дѣлъ военныхъ поселеній. Представивъ отчетомъ возложеннаго на него порученія особое, впослѣдствіи Высочайше утвержденное, «Положеніе о хозяйственномъ управленіи военными поселеніями въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ», Брадке возвратился къ своему корпусу и 6 декабря 1830 г. былъ награжденъ чиномъ полковника. 28 октября того-же года Брадке, съ своимъ корпусомъ, выступилъ въ походъ на Польшу и съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Остроленкѣ, при м. Маціержицѣ, гдѣ награжденъ золотою шпагою, и при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій. Въ теченіе 1831 г. Брадке состоялъ начальникомъ штаба въ различныхъ частяхъ арміи, а послѣ занятія Варшавы былъ опредѣленъ начальникомъ штаба варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, но вскорѣ опасно захворалъ и былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ до возстановленія силъ. Разстроенное здоровье вынудило Брадке просить о переводѣ на гражданскую службу, и 12 октября 1832 г. онъ былъ уволенъ изъ военной службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Затѣмъ Брадке причислился къ министерству народнаго просвѣщенія, а Высочайшимъ указомъ 14 декабря 1832 г. опредѣленъ на должность попечителя кіевскаго учебнаго округа. На первыхъ же порахъ Брадке занялся переводомъ кременецкаго лицея въ Кіевъ и преобразованіемъ его въ университетъ, который и былъ открытъ 15 іюля 1834 г, 6 декабря того-же года

Брадке былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-ой степени, а 28 марта 1836 г. пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-ой степени. Вскорѣ въ кіевскомъ университетѣ обнаружилась польская пропаганда, и былъ открытъ политическій заговоръ Маціевскаго и другихъ 18 студентовъ; эти обстоятельства вызвали закрытіе университета, которое подѣйствовало на Брадке такъ сильно, что онъ подалъ въ отставку и 5 декабря 1838 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя, съ назначеніемъ членомъ главнаго правленія училищъ. Прибывъ въ Петербургъ въ маѣ 1839 г., Брадке былъ назначенъ (17 апрѣля 1839 г.) членомъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ, а 8 мая того-же года получилъ мѣсто директора 3-го департамента въ этомъ министерствѣ. Съ новой сферой дѣятельности Брадке освоился скоро. Совершивъ объѣздъ разныхъ мѣстъ имперіи, онъ выработалъ уставы горыгорѣцкаго института, фермъ и образцовыхъ хозяйствъ, школъ винодѣлія и шелководства, а также и многихъ другихъ учрежденій, которыя имѣли цѣлію развитіе народнаго хозяйства, разработку мѣстныхъ издѣлій и вообще поднятіе уровня сельскаго благосостоянія. По его же плану приступлено было и къ совершенію кадастроваго дѣла въ государствѣ. За усердные труды Брадке былъ награжденъ 2 декабря 1840 г. орденомъ св. Анны 1-ой степени съ короною, а 14 апрѣля 1841 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Но отъ постоянныхъ разъѣздовъ здоровье Брадке сильно страдало, и потому онъ сталъ искать другого рода службы. При участіи къ нему графа Киселева и министра юстиціи графа Панина, по представленіямъ ихъ, 16 января 1844 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Брадке къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ (во II отдѣленіи 3-го департамента). Въ 1845 г. онъ былъ перемѣщенъ во II Отдѣленіе 5-го департамента, а въ 1846—1849 гг. снова былъ во II отдѣленіи 3-го департамента. 12 января 1848 г. Брадке награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. 3 января 1850 г. онъ перемѣщенъ къ присутствованію въ I департаментѣ Сената, а въ 1851 г. ѣздилъ ревизовать херсонскую губернію. Высочайшимъ указомъ 20 сентября 1854 г. Брадке былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Состоя въ этой должности, онъ получилъ 23 ноября 1855 г. золотую брилліантами украшенную табакерку съ Императорскимъ портретомъ, въ 1855 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, въ 1857 г. орденомъ Александра Невскаго, а 17 апрѣля 1860 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. По случаю совершившагося 12 сентября 1861 г. пятидесятилѣтія его службы, Брадке получилъ милостивый Высочайшій рескриптъ, а совѣтъ дерптскаго университета постановилъ составить, путемъ добровольной подписки, капиталъ съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ него выдавать ежегодно въ награду одному изъ студентовъ университета золотую медаль имени Брадке, за ученое сочиненіе. Дерптское ветеринарное училище учредило, на тѣхъ же основаніяхъ, премію имени Брадке, для студентовъ училища.—Послѣ Брадке осталась автобіографія, написанная на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1871 г. она была издана Академіею наукъ, на правахъ рукописи, въ 10 экземплярахъ. Часть ея переведена въ «Русскомъ Архивѣ» за 1875 г.

Формулярный списокъ.—«Русскій Архивъ» за 1873, 1874 и 1875 гг. — Иверсенъ, Медали въ честь русск. государ. дѣятелей, вып. I, стр. 63.—Мѣсяцесловъ на 1863 г.—Барановъ, Опись архива Прав. Сената, т. III.—Владимірскій-Будановъ, Исторія университета Св. Владиміра, т. I, Кіевъ. 1884.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Брадке, фонъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1752 г. на о. Монѣ, ум. 13 марта 1819 г. въ С.-Петербургѣ. Родъ Брадке происходитъ изъ Швеціи, гдѣ дѣдъ его, въ царствованіе Карла XII, былъ полковникомъ и шведскимъ комендантомъ въ Любекѣ. Два сына этого Брадке, начавъ службу въ голштинскихъ войскахъ, впослѣдствіи перешли на русскую службу и съ отличіемъ участвовали во многихъ войнахъ Россіи XVIII вѣка, причемъ дядя Ѳедора Ивановича успѣлъ достигнуть званія генералъ-квартирмейстера, отецъ-же, по разстроенному здоровью, оставилъ службу полковникомъ и поселился въ пожалованномъ ему Императрицею Екатериною II помѣстьѣ на островѣ Монѣ, въ эзельскомъ округѣ, гдѣ и родился Ѳедоръ Ивановичъ, вступившій впослѣдствіи также на военную службу. Начавъ ее юнкеромъ въ вятскомъ пѣхотномъ полку, онъ вскорѣ,

по настоянію адмирала Сенявина, перешелъ во флотъ, совершилъ нѣсколько морскихъ кампаній и оставался на морской службѣ до 1788 г., когда переведенъ въ армію, въ кексгольмскій мушкатерскій полкъ премьеръ-маіоромъ, а въ 1789 г. перемѣщенъ въ псковскій мушкатерскій же полкъ. Съ этими частями Брадке участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ въ Финляндіи (въ 1789—1790 гг.), а затѣмъ, оставаясь на театрѣ военныхъ дѣйствій, состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при генералъ-лейтенантѣ Нумсенѣ. Произведенный въ 1790 г. за военныя отличія въ подполковники, Брадке, командуя 2-мъ баталіономъ литовскаго егерскаго корпуса, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Литвѣ, а затѣмъ, до 1797 г. оставался командиромъ кордона отъ Ковны до Полангена. Въ 1797 г. онъ переведенъ въ ревельскій гарнизонный полкъ, въ томъ же году произведенъ въ полковники и назначенъ комендантомъ въ Полоцкъ, 5 октября 1798 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а 3 декабря того же года онъ, безъ объясненія причинъ, былъ «выброшенъ» (какъ сказано въ приказѣ) изъ службы. Тогда Брадке поселился въ купленномъ имъ въ велижскомъ уѣздѣ имѣніи Верховье и провелъ въ бездѣйствіи два года, по прошествіи которыхъ былъ снова вызванъ на службу и назначенъ шефомъ 4 егерскаго полка (22 декабря 1800 г.). Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I-го, Брадке вторично оставилъ службу (4 ноября 1801 г.), вернулся въ свое имѣніе и оставался тамъ до конца 1806 г., когда, при сформированіи витебской губернской милиціи, былъ единогласно избранъ ея начальникомъ. По окончаніи войны, онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны 1 степени (2 іюня 1807 г.), а черезъ годъ (3 іюля 1808 г.) назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Вятку, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 23 марта 1816 г. Брадке, по разстроенному здоровью, оставилъ должность губернатора, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и былъ зачисленъ въ Сенатъ. Въ званіи сенатора Брадке въ теченіе нѣкотораго времени исправлялъ, за отсутствіемъ барона Кампенгаузена, должность государственаго контролера.

Формулярный списокъ и Высочайшіе Указы изъ Сенатскаго Архива.

Брайкевичъ, *Дмитрій Ивановичъ*, писатель, род. въ 1810 г., въ деревнѣ Скалеваткѣ, александрійскаго уѣзда, херсонской губ., ум., въ 1846 г. Окончивъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ, по словесному факультету, Брайкевичъ поступилъ юнкеромъ въ конную артиллерію, въ батарею полковника Яхонтова, которая въ 1826 г. была упразднена за участіе Яхонтова въ заговорѣ декабристовъ. Тогда Брайкевичъ перешелъ въ одесскій уланскій полкъ, называвшійся тогда вторымъ бугскимъ, но служилъ недолго. Выйдя въ отставку, онъ женился и проживалъ съ 1830 г. въ дер. Ивановкѣ, одесскаго у., гдѣ и умеръ. — О литературной дѣятельности Брайкевича извѣстно немного. Въ 1836 г. вышла комедія: «Цапцарапкинъ, или интересная публикація». Оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочинена Поручикомъ Дм. Брайкевичемъ. Одесса. Порицая съ одной стороны сутяжничество и взяточничество, съ другой—подражаніе французамъ, авторъ однако находитъ, что «Духъ времени теперь не тотъ... наши соотечественники уже примѣтнымъ образомъ перестаютъ французить, отвыкаютъ отъ всего заморскаго, и по примѣру своего Августѣйшаго Монарха, который можетъ служить намъ наилучшимъ, драгоцѣннѣйшимъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, начинаютъ уже любить съ горячностью все родное, все русское»... Фабула комедіи не замысловата, но авторъ не лишенъ комическаго таланта. Типъ Цапцарапкина есть какъ бы развитіе типа пана писаря въ Наталкѣ Полтавкѣ Котляревскаго. Въ 1842 г. вышла другая пьеса: «Добавленіе къ дворянскимъ выборамъ, комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, сочиненная авторомъ Цапцарапкина. Одесса». Брайкевичъ написалъ еще оперетку «Уланскій анекдотъ», но въ печати она не появлялась, а рукописи и библіотека его сгорѣли уже давно въ дер. Скалеваткѣ. Кромѣ того, у одного изъ домовладѣльцевъ Славяносербска сохранились письма Брайкевича къ Цапцарапкину въ стихахъ. Первые стихи свои онъ помѣщалъ безъ подписи въ «Сѣверной звѣздѣ» Рылѣева.

Біограф. данныя, сообщенныя сыномъ Андр. Дим. Брайковичемъ въ Одессѣ.—Венгеровъ, Русскія книги. *Э. Вольтеръ.*

Браиловъ, *Николай Игнатьевичъ*, врачъ. Окончивъ курсъ с.-петербургской медико-хирургической академіи, въ 1818 г.,

онъ поступилъ на службу въ морское вѣдомство и въ 1824 г. получилъ званіе штабъ-лекаря; въ слѣдующемъ году онъ вышелъ въ отставку и отправился за границу; вернувшись изъ путешествія, Браиловъ поступилъ въ департаментъ внѣшней торговли, гдѣ оставался до 1835 г., когда вторично вышелъ въ отставку. Въ 1837 г. онъ вновь поступилъ на службу въ калинкинскій морской госпиталь, въ томъ же году былъ переведенъ въ 1-й ластовый экипажъ, въ 1850 г. занялъ тамъ-же должность старшаго врача, а въ 1855 г. перешелъ на такую же должность въ 4-й флотскій экипажъ. — Браиловъ напечаталъ: 1) Средство отъ угара. Разборъ въ «Отечеств. Запискахъ», ч. 51, отдѣлъ VIII, стр. 102. — 2) Леченіе золотухи у грудныхъ дѣтей. «Врачебн. газета Другъ Здравія» 1849 г. № 22.

Л. Ө. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. Спб. 1886 г. *Н. К.*

Бракель, *Гаральдъ* (Harald von Brackel), род. 29 апрѣля 1796 г. въ Дерптѣ, ум. 22 января 1851 г. Въ 1806—1813 гг. онъ учился въ пѣхотномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ находился подъ покровительствомъ и вліяніемъ извѣстнаго директора генер.-лейтенанта Клингера. Болѣзни заставили его бросить военную службу и перейти на гражданскую, сначала въ канцелярію генералъ-губернатора графа Филиппа Паулуччи, а потомъ, съ 1822 г. въ рижское отдѣленіе государственнаго коммерческаго банка. Бракель извѣстенъ какъ переводчикъ на нѣмецкій языкъ Булгарина (Россія), Марлинскаго (Разсказы 1840), учебниковъ Устрялова по русской исторіи, Невѣрова — по исторіи русской литературы, извѣстнаго изслѣдованія о кн. Курбскомъ Устрялова, также мемуаровъ Курбскаго и Григорія Котошихина. Состоя много лѣтъ членомъ правленія Остзейскаго общества исторіи Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи, онъ печаталъ годовые отчеты и некрологи мѣстныхъ историковъ и далъ нѣсколько мелкихъ работъ по исторіи Ревеля и орденскаго времени. Но преобладающее число его сочиненій касается театра, беллетристики, исторіи искусства (Что такое новелла?) и поэзіи (На смерть Гёте). Особая заслуга его литературной дѣятельности состояла въ ознакомленіи нѣмецкаго балтійскаго общества съ произведеніями изящной и научной русской литературы (критика романовъ Загоскина «Юрій Милославскій», «Рославлевъ» и Полеваго «Клятва при гробѣ Господнемъ»). Для исторіи рижскаго театра его записки и воспоминанія представляютъ драгоцѣнный матеріалъ; въ области археологіи онъ познакомилъ болѣе широкую публику, между прочимъ, съ древностями Литвы. Воспитаніе въ С.-Петербургѣ оставило свои слѣды на всю жизнь и выработало изъ Бракеля посредника между русскимъ и нѣмецкимъ обществами этого края. По русски Бракель писалъ мало.

Рижскія біографіи (Rigasche Biographien) т. II, 1883 г., стр. 169 — 172.—Mitteilungen zur Geschichte d. Liv—Kur—und Estlands, B. VI, 1852, стр. 527—537. *А. Вольтеръ.*

Бракель, баронъ *Казимиръ-Христофоръ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дипломатъ XVIII в., род. въ 1686 г., ум. 29 декабря 1741 г. 1 февраля 1731 г. Бракель, бывшій къ этому времени курляндскимъ оберъ-ратомъ и имѣвшій чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ принятъ на русскую службу и отправленъ полномочнымъ министромъ въ Данію. Выѣхавъ изъ Москвы 9 марта, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, кавалеромъ посольства Христофоромъ фонъ·Мирбахомъ, Бракель 10 іюля прибылъ въ Копенгагенъ и здѣсь успѣлъ довольно скоро уладить всѣ недоразумѣнія, возникшія между Россіей и Даніей при предшественникѣ его, А. Бестужевѣ-Рюминѣ. Въ маѣ 1732 г., при содѣйствіи Бракеля, былъ заключенъ дружественный трактатъ между дворами датскимъ и двумя императорскими (русскимъ и германскимъ). Вслѣдъ затѣмъ Бракель добился отъ датскаго короля признанія за русскими Государями императорскаго титула. Въ слѣдующемъ году между Россіей и Даніей былъ заключенъ оборонительный союзъ, а въ концѣ 1733 г. Бракель ѣздилъ въ Киль «уговаривать голстинскаго герцога, дабы онъ отсталъ отъ домогательствъ (касательно Шлезвига), на датскій дворъ имъ чинимыхъ». Но на этотъ разъ Бракель потерпѣлъ неудачу. Не удалось ему также добиться отъ датскаго правительства, чтобы оно активно вмѣшалось въ польскія дѣла и поддержало Россію противъ Станислава Лещинскаго и Франціи. 28 ноября 1734 г. Бракель былъ назначенъ министромъ въ Берлинъ и 26 января 1735 г. выѣхалъ изъ Копенгагена къ новому мѣсту служенія. Преемникомъ

его въ Данію снова назначался А. Бестужевъ-Рюминъ. Въ Берлинѣ Бракель успѣшно поддерживалъ доброе согласіе между Россіей и Пруссіей и, между прочимъ, въ 1738 г. уладилъ имущественныя недоразумѣнія, возникшія между Бирономъ и племянницами покойнаго курляндскаго герцога Фердинанда, маркграфиней бранденбургской и ея двумя сестрами. Въ 1739 г. Бракель ѣздилъ въ Вѣну, съ порученіемъ успокоить австрійское правительство, недовольное тѣмъ, что Россія не послала въ Трансильванію вспомогательнаго корпуса противъ турокъ; въ эту поѣздку Бракель заслужилъ расположеніе цесаря, который пожаловалъ ему свой портретъ, богато осыпанный камнями. Во время Силезской войны положеніе Бракеля стало особенно затруднительнымъ, такъ какъ Россія находилась въ оборонительномъ союзѣ съ обѣими воюющими сторонами. Повидимому, на этотъ разъ у Бракеля не хватило дипломатическаго искусства, и онъ вызвалъ неудовольствіе короля. Какъ эта причина, такъ и тяжкая болѣзнь вызвали отставку Бракеля отъ министерскаго званія и отъ службы (22 декабря 1741 г.). Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи.—Соловьевъ, Исторія Россіи.

Брамбилла, *Маріэтта*, извѣстная пѣвица, род. въ 1808 г., ум. въ 1875 г. Всѣ пять сестеръ Брамбилла были пѣвицами, но Маріэтта пользовалась особою извѣстностью. Она была прекрасною музыкантшею и пѣвицею: пѣніе ея, одухотворенное истиннымъ талантомъ, отличалось глубокою выразительностью и неподдѣльнымъ чувствомъ. Впервые Брамбилла выступила въ Новаррѣ въ 1828 г. и съ этого времени съ большимъ успѣхомъ пѣла на всѣхъ лучшихъ сценахъ Италіи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ она пѣла на вѣнской сценѣ, съ успѣхомъ выступала въ Парижѣ и Лондонѣ (1844—1845) и въ Одессѣ, въ качествѣ пѣвицы итальянской оперы. Оставивъ сценическую службу, Брамбилла занялась преподаваніемъ пѣнія и считалась замѣчательнымъ профессоромъ. Ей принадлежитъ немало сочиненій о способахъ преподаванія пѣнія. Кромѣ того она сочиняла также аріи для фортепіано и голоса.

М. К(ублицкій), Исторія оперы въ ея лучшихъ предствителяхъ.—Слов. Гранатъ.

Брандтъ, *Іоганъ Адольфъ* (Iohann Adolf Brandt), археологъ и этнографъ, род. 9 іюля 1812 г. въ Лифляндіи, ум. 10 января 1856 г. въ Опочкѣ. Получивъ образованіе въ 1832—1836 г.г. на медицинскомъ факультетѣ въ Юрьевѣ, Брандтъ сначала былъ сельскимъ врачемъ въ Тоньеменѣ, люцинскаго уѣзда, витебской губерніи, а съ 1846 г.—уѣзднымъ врачемъ въ г. Опочкѣ, псковской губ. Онъ впервые обратилъ вниманіе изслѣдователей на археологическія и этнографическія древности инфлянтскихъ уѣздовъ витебской губ. Какъ посторонній наблюдатель и практическій знатокъ латышскаго языка, онъ въ прибалтійскомъ журналѣ «Inland» помѣстилъ критику сочиненія И. Коля (Kohl) объ остзейскомъ краѣ (Inland. 1845, № 38) и первый откровенно изобразилъ непривлекательную картину жизни латышей-католиковъ и ихъ нравственнаго упадка во время крѣпостнаго права. Болѣе извѣстны результаты археологическихъ розысканій Брандта. О нихъ писали и графъ Плятеръ, и балтійскіе изслѣдователи Бракель, Гревингкъ и другіе. Въ 1846 г. Брандтъ производилъ раскопки въ Эверсмутрѣ и Синьозерѣ, люценскаго уѣзда (Inland. 1846 г.) и печаталъ отчеты объ этихъ раскопкахъ подъ заглавіемъ «Старыя могилы въ Польской Лифляндіи». Въ 1850 г. вышла его статья о древнихъ могильникахъ псковской и витебской губерніи. Результаты этой послѣдней работы сообщены въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1851 г., часть 33, стр. 212—226. Въ двухъ могильныхъ типахъ, открытыхъ Брандтомъ, усматривается присутствіе національныхъ чертъ, указывающихъ на принадлежность могилъ двумъ племеннымъ группамъ — литво-латышской и славянской.

Album Academicum. Dorpat. 1889.—G. v. Manteuffel, Polnische Livland. 1869. *Э. В.*

Брандтъ, *Іоганнъ Петръ*, писатель, род. 31 авг. 1766 г., ум. 18 іюня 1835 г.; образованіе онъ получилъ въ Митавѣ, въ гимназіи-лицеѣ и на богословскомъ факультетѣ виттенбергскаго университета; съ 1791 г. онъ былъ пасторомъ въ Ангернѣ, въ Курляндіи, сотрудничалъ въ первой распространенной латышской газетѣ «Latweetska Avises» и составилъ церковную лѣтопись своего прихода (Angernsche Kirchenchronik. 1836). Въ 1822 г. онъ, вслѣдствіе несчастнаго паденія, совершенно по-

терялъ здоровье. Послѣ его смерти изданы были его сыномъ Карломъ разсказы его, на латышскомъ языкѣ: Stahsti. Dorpat. 1843.

Recke-Napiersky, Allgem. Schriftstellerlexicon. I. III. *Э. В.*

Брандтъ, *Робертъ Вильгельмовичъ*, художникъ, род. въ 1823 г., ум. 23 іюля (5 іюля) 1887 г. въ Римѣ. Уроженецъ Остзейскаго края, Брандтъ художественное образованіе получилъ въ с.-петербургской Императорской академіи художествъ, подъ ближайшимъ руководительствомъ профессора Ѳ. А. Бруни. Въ 1851 г. Брандтъ получилъ отъ академіи званіе некласснаго художника за картину, изображающую «Жницу въ костюмѣ острова Эзеля», а затѣмъ уѣхалъ за-границу и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Любимыми его сюжетами были виды итальянскихъ мѣстностей, типы итальянцевъ и итальянокъ и сцены изъ итальянской народной жизни; такихъ картинъ съ 1852 г. Брандтомъ написано болѣе пятидесяти. Въ 1872 г. академія художествъ избрала Брандта почетнымъ вольнымъ общникомъ. Изрѣдка онъ изъ Рима присылалъ свои произведенія на академическія выставки: въ 1859 г. на выставкѣ были его картины: «Разбитый кувшинъ» и «Видъ въ окрестностяхъ Рима»; въ 1860 г.—двѣ сцены изъ простонароднаго быта Римской Кампаньи: «Отдыхъ пастушки» и «Римскій прасолъ торгуетъ ягнятъ у неаполитанскаго скотника»; въ 1869 г.—«Видъ въ Римской Кампаньѣ». Это почти единственныя картины Брандта, бывшія въ Россіи: большинство его картинъ находится за-границею, преимущественно въ Англіи и Америкѣ. Брандтъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—«Художественныя Новости» 1887 г., № 14 (некрологъ).—Булгаковъ, Наши художники. *Вл. Г.*

Брандтъ, *Эдуардъ Карловичъ*, зоологъ, академикъ и профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, род. въ 1839 г. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ же 17 ноября 1891 г. Сынъ архитектора, онъ воспитывался въ классическомъ отдѣленіи с.-петербургскаго нѣмецкаго училища св. Петра (Peterschule) и окончилъ гимназическій курсъ въ 1856 г. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, а въ 1862 г. окончилъ ея курсъ съ званіемъ лѣкаря; будучи студентомъ, Брандтъ уже занимался спеціально зоологіей и сравнительной анатоміей подъ руководствомъ своего дяди, профессора Ѳ. Ѳ. Брандта, слушалъ лекціи Куторги по палеонтологіи и Ценковскаго по споровымъ растеніямъ, изучалъ флору при помощи академика Рупрехта и вообще получилъ основательную подготовку по естествознанію. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ ассистентомъ, Ѳ. Ѳ. Брандта, а въ 1865 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины, написанную на тему по зоологіи. Въ томъже году конференція академіи избрала его въ число приватъ-доцентовъ, и онъ началъ читать лекціи о безпозвоночныхъ животныхъ. Въ февралѣ 1868 г. онъ былъ избранъ на должность прозектора при каѳедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи. Въ 1869 г., съ уходомъ профессора Ѳ. Ѳ. Брандта изъ академіи, каѳедра его осталась вакантною, и преподаваніе велось Э. К. Брандтомъ за приватное вознагражденіе до 1874 г. Въ 1873 г., при увеличеніи штатовъ ветеринарнаго отдѣленія академіи, открылась каѳедра зоотоміи, на которую въ апрѣлѣ того-же года перешелъ Э. К. Брандтъ, въ званіи экстраординарнаго профессора. Въ 1874 г. онъ былъ, кромѣ того, назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ зоологіи и сравнительной анатоміи медицинскаго отдѣленія, а въ 1878 г. избранъ въ число ординарныхъ профессоровъ. Въ 1879 г. первые два курса академіи, на которыхъ преподавались естественныя науки, были закрыты, и Брандтъ остался профессоромъ ветеринарнаго отдѣленія, но и это отдѣленіе вскорѣ было закрыто. Вскорѣ первые два курса академіи были возстановлены, и въ 1883 г., при открытіи каѳедры зоологіи и сравнительной анатоміи, на эту каѳедру снова былъ избранъ Э. К. Брандтъ. Въ 1888 г. онъ былъ избранъ въ академики, въ 1889 г. оставленъ былъ въ академіи на добавочное пятилѣтіе и продолжалъ преподаваніе до конца жизни. Кромѣ академіи, Брандтъ преподавалъ съ 1870 по 1883 г. зоологію въ горномъ институтѣ, съ 1874 по 1882 г.—зоологію и эмбріологію на женскихъ врачебныхъ курсахъ и съ 1864 по 1880 г.—зоологію въ спб. коммерческомъ училищѣ; въ 1886 г. онъ читалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, зоологію позвоночныхъ животныхъ въ спб.

университетѣ; на женскихъ педагогическихъ курсахъ онъ также читалъ лекціи по зоологіи. Вступленіе Ѳ. К. Брандта въ должность профессора медико-хирургической академіи профессоръ Н. А. Холодковскій считалъ концомъ «нѣмецкаго періода» въ жизни каѳедры зоологіи и сравнительной анатоміи. Родившись и получивъ воспитаніе въ Россіи, среди русскихъ людей, Брандтъ былъ совершенно русскимъ человѣкомъ по духу и убѣжденіямъ. Въ качествѣ преподавателя онъ имѣлъ очень большой успѣхъ, обладая выдающимся талантомъ, какъ лекторъ, и полною благородства наружностью. Ѳ. К. Брандтъ былъ командированъ за-границу 7 разъ; сначала онъ занимался подъ руководствомъ Бланшара, Милькъ-Эдвардса, Оуэна и Лейкарта; затѣмъ произвелъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій на берегахъ Атлантическаго океана и Адріатическаго моря; во время этихъ путешествій онъ собралъ большія коллекціи морскихъ животныхъ; кромѣ того онъ вообще значительно пополнилъ зоологическій музей академіи и широко пользовался этимъ музеемъ при своихъ лекціяхъ, сопровождая ихъ многочисленными демонстраціями чучелъ, различныхъ препаратовъ изъ животныхъ и ихъ отдѣльныхъ органовъ и дополняя лекціи рисунками. Зоологію онъ читалъ I-му курсу студентовъ въ сжатомъ видѣ, но по программѣ, сходной съ тѣми, которыми пользуются на естественно-историческихъ факультетахъ; съ особеннымъ увлеченіемъ онъ читалъ о паразитахъ, живущихъ во внутреннихъ органахъ человѣка и животныхъ; въ этой области онъ былъ знатокомъ и училъ даже спеціальнымъ способамъ лѣченія, которые при повѣркѣ оказывались въ дѣйствительности наиболѣе надежными; зоологіи посвящались 2 лекціи въ недѣлю; столько-же лекцій читалось по сравнительной анатоміи (для II-го курса); Брандтъ преподавалъ этотъ предметъ вкратцѣ, излагая какъ отдѣлъ о безпозвоночныхъ, такъ и отдѣлъ о позвоночныхъ животныхъ и, противъ принятаго другими лекторами обыкновенія, распредѣлялъ анатомическій матеріалъ не по классамъ животныхъ, а по системамъ органовъ. Аудиторія въ зданіи анатомическаго института во время лекцій Ѳ. К. Брандта постоянно была наполнена слушателями. Кромѣ лекцій производились и практическія занятія со студентами по анатоміи животныхъ, въ формѣ демонстративныхъ лекцій, которыя имѣли цѣлью ознакомленіе слушателей практически съ анатоміей главнѣйшихъ классовъ животныхъ. До 1884 г. Брандтъ лично велъ эти практическія занятія, а затѣмъ поручилъ ихъ своимъ ассистентамъ. Научная дѣятельность Брандта была очень обширна. Въ 1876 г., послѣ защиты диссертаціи: «Сравнительная анатомія и метаморфологія нервной системы перепончатокрылыхъ», совѣтъ с.-петербургскаго университета призналъ его магистромъ зоологіи. Часть своихъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ онъ произвелъ въ Россіи, часть—за-границей. Спеціальныхъ работъ онъ напечаталъ 47 на разныхъ языкахъ (см. «Матеріалы къ исторіи зоологической дѣятельности въ Россіи», сост. А. Богдановымъ, т. II); большинство ихъ относится къ сравнительной анатоміи нервной системы насѣкомыхъ. За изслѣдованія по нервной системѣ онъ получилъ отъ парижской академіи наукъ премію Тора. Изъ другихъ спеціальныхъ работъ особое вниманіе привлекаютъ изслѣдованія о сонно-артеріальномъ протокѣ у ящерицъ и змѣй, объ анатоміи бабочки Hepialus humuli и сравнительно-анатомическія изслѣдованія грифельныхъ косточекъ у жвачныхъ животныхъ. Кромѣ спеціальныхъ научныхъ работъ, Брандту принадлежитъ рядъ руководствъ для изученія зоологіи и сравнительной анатоміи, оказавшихъ самое благотворное вліяніе на уровень образованія русскаго общества: 1) Руководство зоологіи, 2 тома, Спб. 1873—74 г.—2) Очерки сравнительной анатоміи, Спб. 1874 г.—3) Атласъ сравнительной анатоміи, Спб. 1874 г.—4) Учебникъ анатоміи домашнихъ млекопитающихъ животныхъ, Спб. 1883—84 г.—5) Животные паразиты домашнихъ млекопитающихъ и птицъ, Спб. 1887 г.—6) Учебникъ зоологіи (для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1876 г. (II-е изд.).—7) Анатомія домашнихъ птицъ, Спб. 1875 г. (передѣлка нѣмецкаго сочиненія Гурльта).—8) Начальныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи (для кадетскихъ корпусовъ, составл. совмѣстно съ профессоромъ А. Ѳ. Баталинымъ), Спб. 1883—84 г. Кромѣ того, въ виду необходимости освѣжать научный матеріалъ въ пособіяхъ для студентовъ, Брандтъ составлялъ руководства по рукописямъ студентовъ, записывавшихъ его лекціи; эти руководства, имѣвшія большія научныя достоинства и очень внушитель-

ные размѣры, иллюстрировались рисунками и издавались студентами при помощи литографіи, а доходъ отъ ихъ продажи поступалъ въ кассы взаимопомощи студентовъ. — Обладая громадной энергіей, Брандтъ находилъ возможность издавать еще популярно-научныя сочиненія и редактировать переводы. Высокая оцѣнка его научныхъ трудовъ въ Россіи и заграницей выразилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ былъ избранъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, а съ 1879 г. по 1889 г. былъ президентомъ Русскаго энтомологическаго общества.—Изъ кабинета Брандта при академіи вышелъ рядъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій и диссертацій его учениковъ.

Проф. Н. А. Холодковскаго, Очеркъ исторіи каѳедры зоологіи и сравнит. анатоміи Имп. В.-Мед. Академіи; СПб. 1897 г., (съ портретомъ).—«Протоколы засѣданій конференціи И. В.-Мед. Академіи» за 1879—90 года. — Рукописныя дѣла академіи за тотъ-же періодъ.—Проф. И. Р. Тарханова, Отчетъ о дѣят. И. В.-Мед. Академіи за 1891—92 г. (въ «Протоколахъ» за тотъ-же годъ), стр. 439—441.—Проф. И. И. Насилова, Отчетъ о дѣят. И. В.-Мед. Акад. за 1890—91 годъ (тамъ-же, за соотвѣтств. годъ) стр. 424.—Исторія И. В.-Мед. Академіи, СПб. 1898 г. (съ портретомъ) стр. 637, 638, 642, 740.—Проф. В. Е. Воронцова, Истор. очеркъ каѳ. эпизоотологіи и бывш. ветер. отдѣл. И. Мед.-Хир. Академіи; СПб. 1898 г., стр. 40 и 53.—Личныя воспоминанія.

Н. Кульбинъ.

Брандтъ, *Яковъ Илларіоновичъ,* генералъ-аншефъ, ум. въ 1774 г. Еще будучи кадетомъ, Брандтъ упоминается какъ участникъ блистательнаго смотра, устроеннаго Императрицей Анной Іоанновной 14 сентября 1737 г. Слѣдующее свѣдѣніе о немъ относится уже къ 1764 году, когда онъ, будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ Императрицею Екатериною II въ члены малороссійской коллегіи. 23 сентября 1765 г. Брандтъ, имѣя чинъ генералъ-поручика, по Высочайшему повелѣнію вступилъ въ управленіе новороссійской губерніей, а въ 1772 г., оставаясь въ томъ же чинѣ, упоминается какъ казанскій губернаторъ. Въ этомъ званіи ему пришлось въ 1773 г. руководить допросомъ Пугачева въ казанской губернской канцеляріи, а затѣмъ озаботиться о содержаніи этого важнаго преступника подъ крѣпкимъ карауломъ, но 29 мая 1773 г. Пугачевъ бѣжалъ. Брандтъ этому бѣгству особеннаго значенія не придалъ, хотя и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для розысканія и поимки «утеклецовъ». Поиски эти, однако, были совершенно безрезультатны. Между тѣмъ, въ Казань пришло письмо Брандту отъ князя А. А. Вяземскаго о наказаніи Пугачева за его преступленія плетьми и ссылкѣ въ Пелымъ. Брандтъ сообщилъ о побѣгѣ Пугачева донской войсковой канцеляріи и донесъ о томъ же генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому. Написавъ письмо 21 іюня, онъ отправилъ его не съ нарочнымъ, а по почтѣ, такъ что въ Петербургъ оно дошло лишь 8 августа. Между тѣмъ, Пугачевъ уже возмутилъ народъ въ оренбургскомъ краѣ, и генералъ Рейнсдорпъ увѣдомилъ Брандта о намѣреніи самозванца идти въ казанскую губернію. Понявъ опасность, Брандтъ проявилъ усиленную дѣятельность. Прежде всего онъ озаботился организаціею военныхъ силъ, которыхъ въ Казани совсѣмъ не оказалось. Завѣдующему поселеніями отставныхъ солдатъ генералъ-маіору Миллеру Брандтъ приказалъ собрать ихъ отъ 200 до 500 душъ и расположить по рѣкѣ Череманшѣ, протекающей на границѣ казанской губерніи. Затѣмъ онъ обратился съ воззваніемъ къ дворянамъ казанской губ., приглашая ихъ вооружить изъ своихъ людей, кто сколько можетъ. Дворянство откликнулось на это предложеніе. Наконецъ, Брандтъ постарался стянуть въ Казань ничтожное количество регулярныхъ силъ, разбросанныхъ по губерніи. Принявъ эти первыя мѣры, Брандтъ, чтобы успокоить взволнованные слухами умы обывателей, предложилъ казанскому архіепископу Веніамину повліять на духовенство въ томъ смыслѣ, чтобы оно отклоняло населеніе отъ самозванца, и архіепископъ предалъ Пугачева торжественно анаѳемѣ. Получивъ затѣмъ извѣстіе о волненіи башкиръ, Брандтъ отправилъ къ нимъ секундъ-маіора Тевкелеева, который, побывавъ въ башкирскихъ поселеніяхъ, далъ знать губернатору, что башкиры сохраняютъ вѣрность присягѣ и не проявляютъ признаковъ волненія. Чтобы лично быть ближе къ мѣсту волненій, Брандтъ выѣхалъ на границу губерніи, въ Кичуевскій фельдшанецъ. Отсюда онъ думалъ, по мѣрѣ силъ, оказывать помощь оренбургскимъ властямъ; онъ совѣтовалъ и ставропольскому коменданту фонъ-Фегезаку двинуться на выручку Оренбурга. Желая поддержать движеніе фонъ-Фегезака, Брандтъ послалъ находившіяся въ его распоряже-

нія войска къ Бузулукской крѣпости, а самъ въ срединѣ ноября возвратился въ Казань и старался успокоить населеніе, испуганное слухами о приближеніи пугачевцевъ. Въ то же время онъ убѣдительно просилъ прислать въ Казань войска и оружія. Прибытіе въ Поволжье А. И. Бибикова заставило бунтъ временно притихнуть, но лѣтомъ 1774 г. движеніе возобновилось. Брандтъ снова замѣтилъ опасность несразу: 3 іюня, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, онъ сообщалъ, что въ губерніи все спокойно, а броженіе мѣстами было уже явно, такъ что въ письмѣ отъ 11 іюня, къ главнокомандующему князю Щербатову, Брандтъ доносилъ, что около Осы и по рѣкѣ Черманшѣ обнаружились воровскія шайки. Мѣсто это было важно въ стратегическомъ отношеніи, и Брандтъ предупреждалъ, что если скопища Пугачева переправятся черезъ Каму, то защита казанской губерніи будетъ невозможна. Поэтому онъ послалъ нарочныхъ къ генераламъ Михельсону, Попову, Жолобову, Гагарину и кн. Голицыну, прося ихъ поспѣшить для спасенія казанской губерніи, а самъ спѣшно принималъ мѣры къ защитѣ города. Опасенія Брандта оправдались: мятежники скоро перешли черезъ Каму и осадили Казань; городъ не могъ долго держаться; 11 іюня 1774 г. онъ былъ взятъ и разграбленъ, причемъ погибъ и самъ Брандтъ.

Дубровинъ, Пугачевъ и его сподвижники.— Пушкинъ, А. С. Исторія пугачевскаго бунта.— Сборникъ Императ. Историч. Общества, т. VI и IX.—Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI.—«Русскій Архивъ», 1880 г., т. III, стр. 341.—Статья Н. Василенко о Пугачевщинѣ въ Словарѣ Брокгауза.

Брандтъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* (Іоганнъ Фридрихъ), знаменитый зоологъ, академикъ Императорской академіи наукъ и заслуженный профессоръ медико-хирургической академіи, род. 13 (25) мая 1802 г. въ Ютеборгѣ, въ Прусской Саксоніи, ум. 3 іюля 1879 г. въ Меррекюлѣ, близъ Нарвы. Первоначальное образованіе Брандтъ получилъ въ родномъ городѣ, а затѣмъ, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, съ 1821 по 1826 г. изучалъ медицину въ берлинскомъ университетѣ. Въ первое время онъ занимался предпочтительно ботаникой, а потомъ—зоологіею и анатоміею, подъ руководствомъ Рудольфи, помощникомъ котораго состоялъ нѣкоторое время. Еще въ годы студенчества онъ получилъ премію за конкурсную работу «О процессѣ дыханія», а въ 1824 г., напечаталъ свой второй студенческій трудъ, предназначенный для экскурсантовъ: «Flora Berolinensis». Въ январѣ того же года, Брандтъ блестяще защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи. Онъ началъ свою службу въ Берлинѣ ассистентомъ при терапевтѣ Геймѣ, а затѣмъ занялъ должность помощника завѣдующаго анатомическимъ музеемъ. Въ 1828 г. Брандтъ поступилъ приватъ-доцентомъ на медицинскій факультетъ; въ 1831 г., удостоенный званія экстраординарнаго профессора, онъ перешелъ адъюнктомъ по зоологіи и директоромъ зоологическаго музея въ петербургскую академію наукъ. Въ 1832 г. Брандтъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1833 г. въ ординарные академики и въ этомъ званіи оставался до самой смерти. Кромѣ поста академика, Брандтъ состоялъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, инспекторомъ женскаго маріинскаго института, профессоромъ зоологіи и сравнительной анатоміи, съ 1843 до 1859 г., при главномъ педагогическомъ институтѣ, а съ 1857 до 1869 г.,—при Императорской медико-хирургической академіи. Въ 1869 г. онъ былъ уволенъ въ отставку со званіемъ заслуженнаго профессора. Съ 1831 г. Брандтъ, состоя директоромъ зоологическаго музея, до самой кончины своей не переставалъ заботиться объ улучшеніи этого ученаго учрежденія. Музей, сформированный имъ впервые изъ разрозненныхъ остатковъ старинной кунсткамеры онъ довелъ до степени одной изъ богатѣйшихъ коллекцій Европы. Въ многократныхъ заграничныхъ поѣздкахъ Ѳ. Ѳ. Брандтъ посвящалъ особенное вниманіе зоологическимъ и палеонтологическимъ музеямъ и пользовался ими для многихъ изъ своихъ работъ. Особенно полезна для Россіи поѣздка, предпринятая лѣтомъ 1863 г. по порученію министерства государственныхъ имуществъ, во время которой Брандтъ ознакомился съ разведеніемъ айлантовыхъ шелковичныхъ червей, съ тѣхъ поръ прочно оживившимся на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ. По Россіи Брандтъ путешествовалъ два раза съ научною цѣлью, а именно: въ 1860 г.—въ Крымъ и въ окрестности Николаева, для раскопки скелета мастодонта, и, нѣсколько лѣтъ спустя,—на Кавказъ, главнымъ образомъ, для ихтіологическихъ цѣлей. Брандтъ состоялъ членомъ всѣхъ европейскихъ естественно-историческихъ и многихъ другихъ

ученыхъ обществъ. Правительственныя награды, которыхъ удостоился Брандтъ за свою многолѣтнюю дѣятельность, какъ ученый, преподаватель и директоръ музея, заключались въ обычныхъ чинахъ и наградахъ до чина тайнаго совѣтника и ордена Бѣлаго Орла включительно. Затѣмъ, ко дню пятидесятилѣтняго докторскаго юбилея онъ былъ Высочайше пожалованъ усиленной арендой. По поводу праздновавшагося, 12 января 1876 г. юбилея, въ честь Ѳ. Ѳ. Брандта выбита медаль, и учреждена при академіи наукъ постоянная премія за сочиненія по зоологіи, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Отъ имени германскаго императора, Брандту въ этотъ день передали прусскій орденъ Краснаго Орла 2-й степени со звѣздой; кромѣ того, онъ получилъ множество адресовъ изъ разныхъ странъ, а отъ университетовъ берлинскаго, грейфсвальдскаго и дерптскаго почетные докторскіе дипломы. Брандту посвящены 22 вида вновь открытыхъ животныхъ и множество учено-литературныхъ трудовъ. Труды Брандта весьма многочисленны; самые выдающіеся изъ нихъ слѣдующіе: «Modizinische Zoologie» (1829—1833, Берлинъ), «Prodromus descriptionis anicualium ab H. Mertensio in orbis terrarum circumnavigatione observatorum. Fasciculus I. Polypos, Acalephas et Syphonophoros» (1834), «Beiträge zur näheren Kentniss der Säugethiere Russlands» (напеч. въ VI и VII т. Зап. ак. наукъ), «Mammalium robustium exoticorum descriptiones et icones» (въ VI т. Зап. ак. наукъ), «Observations sur les differentes espèces de sousliks de Russie» («Bull. phys. math.» т. II), «Untersuchungen über die Gattung der Klippschliefer (Hyrax)» (Зап. ак. н., сер. VII, т. 14, № 2), «Symbolae sirenlogicae» (С.-Петерб., 1846 и 1861—68 г.г.), «Ueber den Zahnbau der Stellerschen Seekuh (Зап. ак. наукъ, т. II), «Observations sur les differentes espèces de faisans» («Bull. phys. math.», т. III), «Versuch einer kurzen Naturgeschichte des Dodo» («Зап. Имп. Мин. общ.», 1848 г.), «Beiträge zur Kenntniss der Naturgeschichte der Fögel» (Зап. ак. наукъ, т. III), Observationes quaedam ad generis Trionichum species» («Bull. phys. math.», т. XVI), «Ueber Albinismus und eine abweichende Farben Spielart des Sterläd», «Bemerkungen über die Classification der kaltblütigen Rückenmarkthiere zur Beantwortung der Frage: was ist ein Fisch» (Зап. ак. наукъ, сер. VII, т. IX, № 3), «Tentaminum quorundam monographicorum Juscеta Myriapoda Chilognotha» («Зап. Имп. Моск. общ. естествоиспыт.» т. VI, 1833), «Краткое очертаніе сравнительной анатоміи съ присоединеніемъ исторіи развитія животныхъ» (Спб. 1858 г.), «Observationes anatomicae de manomalium quorundam praesertim quadrumanorum vocis instrumento» (1859), «Bemerkungen über die Mundmagen oder Dingeweidenerven (Nervus sympathicus s. nervi reproductorii) der Evertebraten» (Зап. ак. наукъ. Сер. VI, т. I), «Observationes de Elasmotherii reliquiis» (Зап. ак. наукъ, Сер. VII, т. VIII), «Untersuchungen über fossilen und subfossilen. Cetaceen Europas» (Зап. ак. наукъ, Сер. VII, т. XX, № 1), «Позвоночныя животныя сѣверо-европейской Россіи» (Отд. изд. въ 1856 г.).

«Das fünfzigjährige Doctorjubiläum des Akademiker Geheimrath I. F. Brandt», изд. академіею наукъ.—«Изв. Имп. Общ. люб. естествозн., антроп. и этногр. въ Москвѣ», т. LV. Труды зоол. отд., т. I (съ портретомъ Ѳ. Ѳ. Брандта).—Энцикл. словарь Андреевскаго (ст. Эд. Карл. Брандта).

Браницкая, графиня *Александра Васильевна*, рожденная Энгельгардтъ, оберъ-гофмейстрина, род. въ 1754 г., ум. 15 сентября 1838 г. въ своемъ помѣстьѣ Бѣлой Церкви. Мать ея, Мареа Александровна Потемкина была замужемъ за небогатымъ смоленскимъ дворяниномъ и умерла въ 1767 г., оставивъ пять дочерей и двухъ сыновей. Дѣтство Александра Васильевна провела въ деревнѣ у своей бабушки, Дарьи Васильевны Потемкиной, матери Г. А. Потемкина, послѣ возвышенія котораго она переселилась съ внучками въ Москву. Въ 1775 г. дворъ пріѣхалъ въ Москву, и вмѣстѣ съ дворомъ пріѣхалъ дядя Александры Васильевны, который представилъ ее ко двору, выхлопоталъ для нея званіе фрейлины и заставилъ переѣхать съ дворомъ въ Петербургъ. Положеніе ея сначала было очень затруднительное: малообразованная, выросшая въ деревнѣ, она не знала, какъ держать себя, но скоро освоилась и даже начала играть довольно видную роль при дворѣ. Она заслужила особое вниманіе Императрицы, 24 ноября 1777 г. была пожалована въ камеръ-фрейлины, вошла въ интимный кружокъ Императрицы и сдѣлалась ея довѣреннымъ

лицомъ. Между тѣмъ Потемкинъ, который былъ особо расположенъ къ племянницѣ, задумалъ выдать ее замужъ. Изъ многихъ претендентовъ выбранъ былъ графъ Ксаверій Браницкій, великій коронный гетманъ польскій. Потемкину этотъ бракъ племянницы съ польскимъ гетманомъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ, имѣя свои виды въ Польшѣ и набирая себѣ тамъ партію, онъ былъ очень радъ такому сильному союзнику. Браницкому бракъ этотъ былъ не менѣе выгоденъ, такъ какъ приближалъ его къ русскому двору. Свадьба состоялась 12 ноября 1781 г., при чемъ молодая графиня Браницкая была пожалована въ статсъ-дамы. Однако и послѣ брака Александра Васильевна не прерывала сношеній съ русскимъ дворомъ, проводила цѣлую зиму въ Петербургѣ, уѣзжая на лѣто въ обширныя помѣстья своего мужа въ южной Россіи. Въ то же время она принимала участіе въ дѣлахъ своего мужа, хлопотала за него при русскомъ дворѣ, увеличивала его состояніе тѣмъ, что брала поставки для русскихъ войскъ на очень выгодныхъ условіяхъ, благодаря покровительству Потемкина, близкія отношенія съ которымъ она поддерживала до самой его смерти. Въ 1787 г. она сопровождала Императрицу въ ея путешествіи въ Крымъ, блистала при дворѣ въ Кіевѣ и получила 20 марта этого года орденъ св. Екатерины. Добрыя отношенія съ русскимъ дворомъ Браницкая поддерживала и послѣ смерти Потемкина, при послѣднихъ минутахъ котораго она присутствовала. Екатерина милостиво относилась къ Браницкой до самой своей смерти. Каждый пріѣздъ свой въ Петербургъ Браницкая останавливалась прямо во дворцѣ. Измѣнилась жизнь Браницкой только съ воцареніемъ Павла I. Она удалилась въ свое помѣстье Бѣлую Церковь, гдѣ и прожила до самой своей смерти, хотя при воцареніи Александра I ей и представлялась возможность вернуться ко двору. Впрочемъ, въ 1807 г. двѣ ея дочери, Софія и Елизавета, получили званіе фрейлинъ, а 1 января 1824 г. сама графиня была пожалована въ оберъ-гофмейстрины. Обладая громаднымъ состояніемъ, которое въ концѣ ея жизни, по ея словамъ, доходило до 28 милліоновъ, Браницкая отличалась широкой благотворительностью: такъ въ 1821 г. она представила Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ 400.000 рублей на содержаніе семи пансіонерокъ въ училищѣ ордена св. Екатерины. По духовному завѣщанію она оставила 200.000 руб. на выкупъ должниковъ изъ тюремъ и 300.000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала обращались на поддержаніе благосостоянія крестьянъ, поселенныхъ въ бывшихъ ея имѣніяхъ. Въ 1875 г. этихъ процентовъ было уже 600.000 руб., и ихъ передали въ видѣ основнаго капитала «Сельскому банку графини Браницкой», учрежденному въ этомъ году въ Бѣлой Церкви, а изъ наростающихъ ежегодно процентовъ половина предназначена на учрежденіе въ этихъ мѣстахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Энцикл. словари: Андреевскаго и Большая Энциклопедія. — Е. С. Шумигорскій, «Графиня А. В. Браницкая».—Карабановъ, «Гофмейстрины, статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII и XIX в. в.» (СПБ. 1872).—Сборн. Имп. Ист. Общ. т. т. XXVI, XXVII, XXIX, XLII, XLVII.—Архивъ кн. Воронцова VIII, XII, XIII, XXI, XXV, XXXV.—Брикнеръ, «Потемкинъ» (СПБ. 1891), 84—85, 225.—Записки Храповицкаго, 60, 249, 284, 292.—Записки Вигеля (изд. Рус. Архива), I, 43—47, 118—120; II, 82—86.—Русскій Архивъ, 1865, 1874, I, III, 1878, III, 1879, II, 1887, I, II, 1896, I, III, 1901, II, III.—Русская Старина, т. т. I, IX, XII, XIV, XVI, XXIII, LII, LIII, LXXVII, LXXX, LXXXI, LXXXIV, LXXXVIII, XC, XCII. — Историч. Вѣстникъ, I, LXXV, LXXVI, LXXIX. *Е. Лихачъ.*

Браницкій, графъ *Владиславъ Ксаверьевичъ*, оберъ-шенкъ двора Е. И. В., дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1782 г., ум. 15 августа 1843 г. въ Варшавѣ. Вскорѣ послѣ рожденія, 13 февраля 1782 г. онъ былъ высочайшимъ указомъ пожалованъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка прапорщикомъ, а 1 января 1787 г. произведенъ въ подпоручики и ровно черезъ 4 года— въ поручики. Въ царствованіе Императора Павла I онъ получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1807 г. Браницкій участвовалъ въ кампаніи противъ турокъ съ подвижнымъ земскимъ войскомъ кіевской губерніи, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, и за эту кампанію награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ брилліантовыми украшеніями. 22 іюля 1809 г. онъ пожалованъ въ флигель-адъютанты; 1 августа того же года былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, 1 ноября 1810 г.—въ капитаны, а 17 апрѣля 1812 г.—въ полковники. Въ Отечественную войну Браницкій находился съ войсками въ походѣ; за участіе въ сраженіи подъ Крас-

нымъ онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», а за Бородинскую битву—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; кромѣ того, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ и подъ Мало-Ярославцемъ. Въ 1813 г. Браницкій былъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ и Лейпцигомъ и за отличіе въ послѣдней битвѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени; кромѣ того, пожалованы ему ордена: австрійскій Леопольда и Прусскій «за заслуги». Въ 1814 г. Браницкій сражался подъ Бріеномъ (награжденъ орденами баварскимъ и виртембергскимъ), участвовалъ въ дѣлѣ подъ Арсисъ-Сюръ-Объ и, наконецъ,—въ сраженіи на высотахъ, окружающихъ Парижъ, и здѣсь за отличіе произведенъ 23 марта 1814 г. въ генерлъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества Всю кампанію 1815 г. Браницкій совершилъ, находясь при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ. 22 августа 1826 г. онъ назначенъ егермейстеромъ двора Его Величества; 8 мая 1831 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени; высочайшимъ указомъ отъ того-же дня повелѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи, и 28 января 1832 г. онъ назначенъ къ присутствованію во временномъ общемъ собраніи Сената, въ С.-Петербургѣ. 31 декабря 1837 г. Браницкій награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста, 2 апрѣля 1838 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 23 апрѣля 1838 г. назначенъ оберъ-шенкомъ двора Его Величества, 15 апрѣля 1841 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Формулярный списокъ изъ Сенатскаго архива.

Браницкій, графъ *Францъ Ксаверій Петровичъ*, великій гетманъ коронный польскій, генералъ-аншефъ русской службы, род. въ 1731 г., ум. въ 1819 г. въ своемъ помѣстьи Бѣлой Церкви. Онъ происходилъ изъ стариннаго польскаго рода герба Корчакъ; отецъ его былъ кастеляномъ брацлавскимъ и оставилъ сыну весьма большое состояніе, которое, однако, почти все было растрачено сыномъ въ молодые годы. Браницкій получилъ тщательное европейское образованіе, которое впослѣдствіи дополнилъ путешествіями, имѣлъ богатыя дарованія и быстро сдѣлался любимцемъ двора и кумиромъ польской молодежи. Однако, онъ рано уже началъ искать счастья въ чужихъ земляхъ: сперва онъ служилъ въ рядахъ французскаго войска, дѣйствовавшаго противъ Пруссіи, потомъ въ Курляндіи, при дворѣ молодого герцога Карла, съ которымъ особенно сблизился, и котораго сопровождалъ въ Семилѣтней войнѣ. Когда состояніе Браницкаго истощилось, онъ хотѣлъ ѣхать въ Парижъ и снова искать счастья при французскомъ дворѣ, но герцогу Карлу удалось выхлопотать для него мѣсто при посольствѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ то время польскимъ посломъ былъ Станиславъ Понятовскій, будущій польскій король. Молодые люди быстро сошлись, и добрыя отношенія между ними укрѣпились, когда Браницкому удалось оказать нѣсколько важныхъ услугъ будущему королю. Съ этого времени Браницкій. благодаря сильному покровительству Понятовскаго, сталъ быстро возвышаться: 18 февраля 1757 г. онъ произведенъ въ полковники, а въ 1762 г. сдѣланъ генералъ-адъютантомъ короля. Въ это же время Браницкій успѣлъ снискать расположеніе русской великой княгини Екатерины Алексѣевны, что впослѣдствіи имѣло сильное вліяніе на всю его судьбу. Съ 1764 г. начинается новый періодъ въ жизни Браницкаго. Въ этомъ году Станиславъ Понятовскій, благодаря покровительству русскаго двора, былъ избранъ королемъ польскимъ, и на Браницкаго посыпались награды и отличія: 6 декабря 1764 г. онъ получилъ званіе перваго королевскаго генералъ-адъютанта, на слѣдующій день былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты коронныхъ войскъ; 21 декабря былъ сдѣланъ подстолимъ королевства, а 28 получилъ богатое староство пшемысльское; во время коронаціоннаго сейма онъ получилъ высокое званіе генерала литовской артиллеріи, а въ февралѣ 1765 г. отправленъ въ Берлинъ съ увѣдомленіемъ о коронаціи Станислава-Августа; въ маѣ того же года Браницкій былъ награжденъ орденомъ св. Станислава, а въ декабрѣ—Бѣлаго Орла, наконецъ, въ маѣ 1766 г. былъ сдѣланъ ловчимъ королевства. Браницкій ревностно служилъ королю, поддерживалъ его въ разрывѣ съ Чарторыйскими и старался противодѣйствовать той партіи, которая силилась низвергнуть его. Въ это же время онъ явно началъ склоняться на сторону Россіи и, участвуя въ сеймѣ 1767—68 гг., былъ членомъ делегаціи, утвердившей 19 ноября

1767 г. договоръ съ Россіей о правахъ диссидентовъ. Когда поднялась Барская конфедерація, то Браницкій былъ назначенъ начальникомъ польскаго корпуса, дѣйствовавшаго противъ конфедератовъ вмѣстѣ съ русскими генералами графомъ Апраксинымъ и Кречетниковымъ. Дѣйствія его въ этой кампаніи были очень вялы, такъ какъ король тайно приказывалъ ему удерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій; на долю Браницкаго выпало лишь усмиреніе гайдамаковъ, что онъ и выполнилъ вмѣстѣ съ генераломъ Кречетниковымъ, захвативъ и казнивъ при этомъ одного изъ главныхъ дѣятелей возстанія, сотника Гонту. Вообще Браницкій въ это время былъ другомъ короля и сторонникомъ Россіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Сальдернъ, назначенный въ 1771 г. русскимъ посланникомъ при варшавскомъ дворѣ. «Графъ Браницкій», пишетъ онъ въ своемъ донесеніи, «одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ Станиславу всю правду твердо и не обинуясь. Онъ одинъ, на котораго я могу положиться». И дѣйствительно, Браницкій былъ посредникомъ между королемъ и русскимъ посломъ и не разъ выпрашивалъ субсидіи королю, лишенному конфедераціею почти всѣхъ доходовъ. Въ то же время и самъ Браницкій давалъ знать Сальдерну обо всемъ, что происходило при дворѣ, и старался всячески пріобрѣсти его довѣріе. Въ 1771 г. Браницкій снова былъ въ Петербургѣ посломъ отъ короля, который старался увѣрить Императрицу въ своей преданности и готовности подчиняться всѣмъ ея распоряженіямъ. Въ 1772 г., когда распространились слухи о готовящемся раздѣлѣ Польши, Браницкому, по порученію короля, пришлось ѣхать въ Парижъ ходатайствовать передъ тамошнимъ дворомъ о заступничествѣ. Хотя посольство и не достигло своей цѣли, но король щедро наградилъ Браницкаго, пославъ ему въ Парижъ 10 апрѣля 1773 г. булаву польнаго гетмана, а вскорѣ послѣ этого, 8 февраля 1774 г. Браницкій былъ назначенъ великимъ коронным гетманомъ. Въ этомъ же году, по ходатайству Императрицы Екатерины, Браницкому было пожаловано богатое бѣлоцерковское староство, и съ этого времени Браницкій начинаетъ особенно усердно служить русскимъ интересамъ въ Польшѣ. Въ 1774 г. Браницкій снова ѣздилъ въ Петербургъ по порученію короля, съ просьбой о посредничествѣ въ пограничномъ спорѣ съ Пруссіею. Тогда же ему удалось выхлопотать въ Петербургѣ позволеніе увеличить польскую армію до 30,000 чел. Къ этому времени относится и отзывъ о Браницкомъ барона Штакельберга, назначеннаго послѣ Сальдерна русскимъ посломъ въ Варшавѣ, съ которымъ у Браницкаго сразу же установились натянутыя отношенія. «Это человѣкъ», писалъ онъ графу Панину, «способный служить, но надобно полагать границы его воображенію,—иначе онъ ниспровергнетъ все. Вы должны замѣтить, что онъ хочетъ быть самовластнымъ кормчимъ корабля. Онъ, быть можетъ, у васъ нѣсколько разъ упоминалъ о королѣ, но это только изъ приличія. Онъ держитъ Станислава Августа въ подчиненіи, посредствомъ чувства, которое, переставая быть дружбой, приближается къ страху. Въ своемъ стремленіи стать единственнымъ главою партіи онъ подражаетъ всѣмъ тѣмъ, которые прежде были нашими орудіями. Какъ только они укрѣплялись нашимъ покровительствомъ, становились сильны и богаты черезъ него, то благодарность изглаживалась изъ ихъ сердецъ и уступала мѣсто ненависти». Штакельбергъ правъ былъ лишь въ одномъ—прежней дружбы между королемъ и Браницкимъ уже не было, но съ Россіей гетманъ не желалъ разрывать, хотя и враждовалъ съ Штакельбергомъ. Самая размолвка между королемъ и Браницкимъ началась съ того, что Браницкій сталъ хлопотать объ уничтоженіи постояннаго совѣта, который былъ введенъ Штакельбергомъ съ согласія короля, и къ которому, между прочимъ, отошла почти вся власть великаго гетмана. Потерпѣвъ неудачу, благодаря сопротивленію Штакельберга, Браницкій хлопоталъ объ отозваніи посла, но не успѣлъ и въ этомъ. Тогда онъ разошелся съ королемъ, примкнулъ къ партіи Чарторыйскаго и Потоцкихъ, и сталъ говорить о возрожденіи отечества, указывая на короля, какъ на главную причину тяжелаго положенія Польши. На самомъ же дѣлѣ Браницкій мечталъ о возстановленіи прежняго значенія гетманской власти, о независимости гетмановъ отъ сейма и о безотчетномъ начальствованіи надъ войскомъ. Вскорѣ онъ сдѣлался главой оппозиціонной партіи и тогда же встрѣтился съ планами Потемкина, который, думая составить себѣ самостоятельное владѣніе въ Польшѣ,

скупалъ себѣ тамъ имѣнія и набиралъ партію. Браницкій пошелъ навстрѣчу планамъ Потемкина, въ 1781 г. женился на племянницѣ его, А. В. Энгельгардтъ, и съ этого времени открыто порвалъ съ королемъ и Штакельбергомъ. Партія Браницкаго образовала конфедерацію противъ короля, но Штакельбергъ съ помощью русскихъ войскъ смирилъ конфедератовъ. Тогда Браницкій съ подкупленными имъ послами явился на сеймъ 1776 г., но сеймъ былъ конфедерованъ королемъ съ помощью Штакельберга, послы, приведенные оппозиціей, исключены, и Браницкій опять потерпѣлъ неудачу. На сеймъ 1782 г. Браницкій снова явился съ сильной партіей, поднималъ безпорядки, во всемъ перечилъ королю и довелъ до того, что сеймъ долженъ былъ разойтись, не сдѣлавъ ничего. Тогда Браницкому сдѣлали изъ Петербурга внушеніе, и на слѣдующемъ сеймѣ 1784 г. онъ держался спокойно. Однако, оппозиція не хотѣла смиряться и продолжала свою кампанію противъ короля. Вскорѣ послѣ сейма 1784 г. поднялось дѣло Угрюмовой, которая была подкуплена оппозиціей донести, будто бы слуги короля уговаривали ее отравить одного изъ вождей оппозиціи князя Адама Чарторыйскаго; однако, истина на судѣ открылась, и члены оппозиціи были скомпреметированы. Въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ былъ и Браницкій, и лишь впослѣдствіи, по настоянію Потемкина, имя его было изъято изъ этого дѣла. Сеймъ 1786 г. ознаменовался новыми безпорядками со стороны партіи Браницкаго. Въ слѣдующемъ году, во время путешествія Императрицы Екатерины II въ Крымъ, Браницкій все время находился при ней и Потемкинѣ, надѣясь вооружить ихъ противъ короля, но ошибся: Императрица была съ нимъ очень милостива, но не подавала надеждъ на помощь, а Потемкинъ совѣтовалъ ему примириться съ королемъ. Король въ свою очередь также расчитывалъ на помощь противъ Браницкаго, но и онъ ошибся: Потемкинъ ограничивался очень неопредѣленными отвѣтами. Такъ же безрезультатна была и попытка короля примириться съ Браницкимъ—гетманъ уклонился отъ этого. Незадолго до сейма 1788 г. оппозиція раздѣлилась: часть ея съ Чарторыйскими, Потоцкими и Сапѣгами во главѣ стала на сторону Пруссіи, а другая часть, во главѣ которой стояли гр. Щенсный-Потоцкій и Ржевусскій, обратилась къ Россіи. Ко второй партіи присоединился и Браницкій, который сталъ скоро однимъ изъ вождей ея. Вмѣстѣ съ Щенснымъ-Потоцкимъ началъ онъ собирать партію на сеймахъ въ южныхъ воеводствахъ. Тогда же Браницкій составилъ проектъ, который былъ приведенъ въ исполненіе черезъ четыре года: онъ задумалъ образовать до начала сейма конфедерацію изъ лицъ, преданныхъ русскимъ интересамъ, поставить ее подъ защиту польскихъ войскъ, опереться еще и на русскія войска и такимъ образомъ поставить короля и все польское правительство въ зависимость отъ Россіи. Проектъ этотъ, представленный черезъ Потемкина на усмотрѣніе Императрицы, былъ отвергнутъ, и Браницкій долженъ былъ удовольствоваться оппозиціей на сеймѣ 1788 г. Сильная партія дала ему возможность играть довольно видную роль на этомъ сеймѣ, затянувшемуся на четыре года. Браницкій сталъ во главѣ консервативной партіи и зорко слѣдилъ, чтобы сеймъ не произвелъ перемѣнъ, неугодныхъ Россіи. Поэтому онъ возставалъ противъ недопущенія безземельной шляхты на сеймики, противъ наслѣдственности королевской власти, противъ уничтоженія liberum veto и вообще объявилъ себя сторонникомъ древнихъ шляхетскихъ вольностей. Однако, послѣ провозглашенія конституціи 3 мая 1791 г., Браницкій не только подписалъ ее и присягнулъ ей, но даже расхваливалъ ее и вошелъ въ составъ вновь учрежденнаго министерства, въ званіи военнаго министра. Въ дѣйствительности же гетманъ, рѣшивъ ниспровергнуть новую конституцію, началъ сноситься съ русскимъ посланникомъ и въ мартѣ 1792 г., подъ предлогомъ полученія наслѣдства послѣ смерти Потемкина, началъ проситься въ Петербургъ, гдѣ уже собрались враги конституціи, Щенсный-Потоцкій и Ржевусскій. Послѣ долгихъ затрудненій, съ него взяли подписку въ вѣрности конституціи и отпустили. Отъ этого времени сохранилось характерное его письмо къ королю. «Ваше величество», писалъ Браницкій, «имѣли много доказательствъ моей вѣрности въ продолженіи моей жизни, а по отношенію къ конституціи самое большое доказательство есть то, что я присяжный министръ въ стражѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что мое путешествіе (въ Россію) не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пользы моихъ дѣтей, и я возвращусь въ отечество съ

незапятнанной вѣрностью». Но въ Петербургѣ уже рѣшено было составить конфедерацію изъ противниковъ конституціи и поставить ее подъ защиту русскихъ войскъ; ждали только Браницкаго, чтобы начать дѣйствія. 18 мая 1792 г. была объявлена въ Польшѣ декларація Императрицы о томъ, что она беретъ подъ свое покровительство вновь образовавшуюся конфедерацію, и русская армія вступила въ Польшу. Скоро польскія войска были разбиты, приверженцы конституціи разогнаны, король присоединился къ конфедераціи, конституція была уничтожена и возстановился старый порядокъ. Конфедерація послала въ Петербургъ депутацію, благодарить Императрицу за помощь, и во главѣ депутаціи сталъ Браницкій. Послѣ этого Браницкій участвовалъ въ Гродненскомъ сеймѣ, гдѣ не мало помогалъ русскому послу Сиверсу, а послѣ второго раздѣла, когда всѣ его обширныя помѣстья отошли къ Россіи, сложилъ съ себя званіе гетмана и перешелъ на русскую службу. Здѣсь ему пожалованъ былъ чинъ генералъ-аншефа, но онъ не остался жить при дворѣ и уѣхалъ въ свое помѣстье Бѣлую Церковь, гдѣ, выйдя 2 ноября 1798 г. въ отставку съ переименованіемъ въ генералы-отъ инфантеріи, доживалъ свой вѣкъ вдали отъ двора, занимаясь воспитаніемъ дѣтей и своимъ обширнымъ хозяйствомъ. Похороненъ Браницкій въ костелѣ въ Бѣлой Церкви.

Энцеклоп. словари.—Соловьевъ, «Исторія Россіи».—Его же, «Исторія паденія Польши». — Костомаровъ, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» (Спб. 1886).—Карѣевъ, «Польскія реформы XVIII вѣка» (Спб. 1890). — Сборн. Имп. Ист. Общ. тт. IX, XIX, XX, XXVI, XXVII, XXIX, XXXVII, XLVII, LXXXVII, XCVII.—«Русская Старина», I, XI, XIII, XVI, XXXV, LIII, LXXX, LXXXIV, XCII, CIII. — «Русскій Архивъ», 1865, 1874.— «Историческій Вѣстникъ», 1881, 1899, 1900. — Encyklopedyia powszechna.—Lelewel, «Panowanie Stanisława Augusta Poniatowskiego» (Warszawa, 1831).—Kitowicz, «Pamiętniki do panowania Stanisława Poniatowskiego» (Poznań, 1845).— Kalinka, «Ostatuie lata panowania Stanisława Augusta» (Krakow, 1891).—Schmitt, «Materiały historiczne z w. XVIII» (Lwow, 1857).—Ferrand, Histoire des trois demembrements de la Pologue. Paris 1820.—Hoffman, Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk 1867.—Иловайскій. Гродненскій сеймъ 1793 г. М. 1870. — Kalinka. Sejm czteroletni. Lwow. 1880—86.—Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1881—86.—Lelevel, Trzy konstitucje polskie, 1831.—Смиттъ, Суворовъ и паденіе Польши.

Е. Лихачъ.

Бранкевичъ, *Михаилъ Степановичъ*, магистръ математики, ум. 8 іюля 1812 г. Образованіе онъ получилъ въ кіевской духовной академіи, откуда перешелъ въ московскую университетскую гимназію и затѣмъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1804 г. назначенъ старшимъ учителемъ математики въ смоленскую гимназію, а въ 1806 г. перемѣщенъ на ту же должность въ московскую университетскую гимназію. Напечаталъ: 1) Астрономическій телескопъ, или всеобщій астрономическій, физическій, политическій и экономическій календарь, на 336 лѣтъ (3 ч., М., 1802 г.); 2) Храбрый философъ Левъ Андреевичъ Громинъ, сослуживецъ Силы Андреевича Богатырева (М., 1809); 3) Кровопролитная война у Архипыча съ Еремѣевной (М., 1810); 4) Духъ Эккартсгаузена, или сущность ученія сего знаменитаго писателя (М., 1810); 5) Разговоры калужской губерніи крестьянина съ женою своею о превратности счастія французскаго оружія и чудныхъ успѣхахъ россійскихъ войскъ (Спб., 1813). Нѣкоторыя изъ названныхъ сочиненій Бранкевича выдержали нѣсколько изданій.

Словари: Геннади и Снегирева.

Брантъ, *Леопольдъ Васильевичъ*, писатель сороковыхъ годовъ. Сынъ офицера, Брантъ время своей службы провелъ, главнымъ образомъ, въ должности начальника отдѣленія штаба корпуса путей сообщенія. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Булгаринской «Сѣверной Пчелы», въ которой, подъ иниціалами «Я. Я. Я.», помѣщалъ преимущественно критическіе фельетоны. Кромѣ «Сѣверной Пчелы», Брантъ участвовалъ, въ разное время, въ нѣсколькихъ другихъ журналахъ и газетахъ и, между прочимъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Русскомъ Инвалидѣ»; въ послѣднемъ онъ писалъ критическія замѣтки о текущей литературѣ; въ 1841 г. при «Русскомъ Инвалидѣ» издавались составлявшіеся Брантомъ библіографическіе листки подъ названіемъ: «Критическій перечень новостямъ русской литературы». Въ предисловіи къ своему «Опыту библіографическаго обозрѣнія» Брантъ указываетъ на многія достоинства своихъ критическихъ статей и на солидную репутацію ихъ въ глазахъ читающей публики, но Бѣлинскій не признаетъ за Брантомъ никакого критическаго чутья, а за его критическими статьями—никакой литературной цѣнности. При появленіи въ свѣтъ «Переписки съ друзьями» Гоголя

Брантъ выдѣлился среди другихъ критиковъ особенно рѣзкимъ отношеніемъ къ Гоголю и его литературному таланту. Кромѣ многочисленныхъ беллетристическихъ и критическихъ произведеній въ журналахъ и газетахъ, Брантъ издалъ отдѣльно: 1) «Воспоминанія и очерки жизни», разсказы (Спб., 1839 г.); 2) «Петербургскіе критики и русскіе писатели. Нѣсколько мыслей о современномъ состояніи русской литературы въ отношеніи къ критикѣ» (Спб., 1840 г.); переводъ на французскій языкъ: «Aperçu rapide de la littérature russe». St.-Pétersbourg, 1844; 3) «Аристократка, быль недавнихъ временъ». (Спб., 1843 г.); 4) «Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842 г.» (Спб., 1842 г.); 5) «Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ» (Спб., 1842 г.); 6) «Жизнь, какъ она есть». Записки неизвѣстнаго, въ 3-хъ частяхъ (Спб., 1843 г.). Уже въ шестидесятыхъ годахъ Брантъ читалъ въ рукописи многимъ знакомымъ отрывки своего романа «Анахоретъ».

В. А. Васильевъ, «Л. В. Брантъ» (замѣтка въ «Русской Старинѣ» 1883 г., № 5). — Венгеровъ, «Русскія книги» (т. 3-й). — Л. Брантъ, «Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842 г.», Спб., 1842. — Сочиненія В. Бѣлинскаго, Москва, 1882 г., ч. VI, стр. 385—392. — В. И. Шенрокъ, «Отзывы современниковъ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя» («Русская Старина», 1894 г., № 11). — «Воспоминанія стараго литератора» А. В. Старчевскаго («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., августъ). — С. С. Трубачевъ, «Каррикатуристъ Н. А. Степановъ» («Историческій Вѣстникъ», 1891 г.). *В. Г.*

Браславскій, *Ѳеодоръ Романовичъ*, педагогъ и литературный дѣятель, ум. 27 декабря 1888 г. въ Таганрогѣ. Въ 1845 г. Браславскій былъ назначенъ преподавателемъ математики въ таганрогскую гимназію, а нѣкоторое время спустя занялъ въ этой же гимназіи должность преподавателя русскаго языка, на которой и оставался до своего выхода въ отставку (въ 1866 г.). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Браславскій принялъ на себя редактированіе основанной, Муссури газеты «Азовскій Вѣстникъ». Вскорѣ послѣ прекращенія изданія этой газеты, вслѣдствіе смерти ея владѣльца, А. М. Мироновъ основалъ газету «Таганрогскій Вѣстникъ», и Браславскому были поручены обязанности ея редактора. Эти обязанности Браславскій несъ до ноября 1888 г., когда обострившаяся болѣзнь заставила его оставить литературную дѣятельность.

«Ѳедоръ Романовичъ Браславскій», въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 1. — Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ VIII, 1892 г. — «Гражданинъ», 1889 г., № 17. — «Таганрогскій Вѣстникъ», 1888 г., № 150. *Вл. Г.*

Брассенъ, *Луи* (Louis Brassin), піанистъ, профессоръ с.-петербургской консерваторіи, род. 24 іюня 1840 г. въ Ахенѣ, ум. 5 мая 1884 г. въ С.-Петербургѣ. Брассенъ происходилъ изъ музыкальной семьи: его отецъ былъ знаменитымъ драматическимъ пѣвцомъ лейпцигскаго театра, два брата были композиторами и профессорами бернской консерваторіи и прославились, одинъ — какъ скрипачъ, другой — какъ піанистъ. Музыкальное образованіе Брассенъ получилъ въ лейпцигской консерваторіи, подъ руководствомъ Мошелеса. Въ 1866 г. онъ приглашенъ профессоромъ въ берлинскую штернберговскую консерваторію и съ этого года сдѣлалъ много путешествій съ художественною цѣлью. Въ 1869 г. Брассенъ получилъ мѣсто профессора брюссельской королевской консерваторіи. Въ 1878 г. онъ впервые выступилъ предъ русской публикой въ симфоническомъ концертѣ Русскаго музыкальнаго общества, а въ 1879 г. получилъ мѣсто профессора петербургской консерваторіи, которое и занималъ до самой смерти. Изъ композицій Брассена для фортепіано особенно замѣчательны его этюды и транскрипціи изъ «Нибелунговъ» Вагнера. Маска и бюстъ Брассена принадлежатъ скульптору Л. Бернштаму.

«Новое Время», 1884 г., № 2942 (краткій некрологъ). — «Новости», 1884 г., № 126. — Энцикл. словари Брокгауза и Ефрона, Гранатъ и «Больш. Энциклоп.». *Вл. Г.*

Братищевъ, *Василій Ѳедоровичъ*, дипломатъ XVIII в. Съ 1736 г. онъ былъ при нашемъ посольствѣ въ Персіи, сначала студентомъ, затѣмъ переводчикомъ при резидентѣ Калушкинѣ, а по смерти послѣдняго въ 1742 г. былъ назначенъ русскимъ резидентомъ въ Дербентѣ. Въ 1890 г. П. А. Людинъ розыскалъ въ астраханскомъ губернскомъ архивѣ 6 подлинныхъ «концептовъ» Братищева къ канцлеру князю А. М. Черкасскому за время съ 5 по 30 октября 1742 г. Донесенія эти касаются намѣреній шаха Надира начать войну съ Россіей, о чемъ

Братищевъ писалъ и генералъ-лейтенанту А. И. Тараканову, командующему пограничными войсками, «дабы онъ ѣздою своею въ Кизлярскую крѣпость ускорялъ». Благодаря знакомству Братищева съ персидскимъ языкомъ, въ его донесеніяхъ находятся любопытныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Иранѣ. Указывая на необходимость строгости въ обращеніи съ жителями Востока, Братищевъ рекомендуетъ вести здѣсь прежнюю неуклонную политику. Болѣе подробное развитіе его взглядовъ на современное ему положеніе Персіи находится въ большомъ сочиненіи, изданномъ имъ подъ заглавіемъ «Извѣстіе о происшедшихъ между шахомъ Надиромъ и старшимъ его сыномъ Рекуллы Мирзою печальныхъ приключеніяхъ въ Персіи 1741 — 1742 г. Спб. 1763 г.». Татищевъ, лично имѣвшій дѣло съ Братищевымъ, отзывается о немъ весьма нелестно. Столь же неблагопріятны были и свѣдѣнія, которыя получилъ о немъ кн. Голицынъ, назначенный посланникомъ въ Персію въ 1747 г. Вскорѣ Братищевъ былъ отозванъ изъ Персіи, но въ 1756 г. дипломатическая дѣятельность его возобновилась, хотя и не надолго. — Еще въ 1753 г. Императрица Елизавета Петровна задумала возобновить дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Въ 1756 г. мысль эта приведена въ исполненіе. При выборѣ лица, пригоднаго для посылки въ Пекинъ, Императрица указомъ 30 мая назначила, вмѣсто предполагаемаго коллегіей иностранныхъ дѣлъ надворнаго совѣтника Андрея Иванова, возвратившагося уже изъ Персіи Братищева, который въ тотъ же день пожалованъ былъ канцеляріи совѣтникомъ. Отправленный подъ именемъ курьера, Братищевъ выѣхалъ изъ Москвы 27 января 1757 г., а 26 сентября явился въ Пекинъ и пробылъ тамъ до 4 октября. Въ сентябрѣ Братищевъ ѣздилъ въ городъ Жехе, гдѣ богдыханъ находился со всею знатью и министрами на охотѣ. Миссія Братищева потерпѣла неудачу: на главныя его ходатайства данъ былъ отказъ, и богдыханъ согласился лишь допустить въ Пекинъ студентовъ для изученія китайскаго и манджурскаго языка. Братищевъ прибылъ въ Петербургъ 12 іюля 1758 г. Неудача переговоровъ объясняется вліяніемъ на богдыхана фаворита Фугуна. Кромѣ того, Братищевъ, не знавшій китайскаго языка, велъ дѣло чрезъ іезуитовъ, которые, конечно, не имѣли основаній помогать представителю Россіи.

Венгеровъ, «Русскія Книги».—«Православный Собесѣдникъ», 1887 г., Августъ: «Православная миссія въ Китаѣ за 200 л. ея существованія, Іеромонаха Николая Одоротскаго».—Соловьевъ, «Исторія Россіи». — Бантышъ-Каменскій, «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Китайскимъ и Русскимъ Государствами», стр. 264—276. — «Русскій Архивъ», 1899 г., № 3.—Словари: Березина, Новикова, М. Евгенія, Бантыша-Каменскаго, Брокгауза-Ефрона. *В. Ф.*

Брауншвейгъ, *Рудольфъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1822 г., ум. въ 1880 г. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ, онъ въ 1844 г. поступилъ на службу въ канцелярію главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, а черезъ годъ перешелъ въ канцелярію намѣстника кавказскаго, гдѣ оставался до конца 1851 г., при чемъ за послѣдніе два года состоялъ также членомъ совѣта попечителя кавказскаго учебнаго округа и участвовалъ въ комитетѣ, Высочайше учрежденномъ при кавказскомъ округѣ, для начертанія учебныхъ руководствъ. 25 декабря 1851 г. Брауншвейгъ причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ и въ теченіе полутора лѣтъ выполнялъ различныя порученія министра по продовольственной части, а затѣмъ, съ 24 февраля 1853 г. послѣдовательно занималъ постъ вице-губернатора въ Екатеринославлѣ (до 15 апрѣля 1856 г.), въ Вильнѣ (всего 8 дней), въ Полтавѣ (до 6 февраля 1858 г.), въ Кіевѣ (13 дней) и на Волыни. 3 апрѣля 1860 г. Брауншвейгъ назначенъ и. д. подольскаго гражданскаго губернатора, 30 августа того же года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 23 апрѣля 1861 г. утвержденъ въ должности губернатора, а въ 1864 г. перешелъ на службу въ Привислянскій край, гдѣ состоялъ сначала (съ 12 іюня) въ званіи члена учредительнаго комитета и совѣта управленія Царства Польскаго, а затѣмъ (съ 17 ноября)—предсѣдателемъ ликвидиціонной киммиссіи. 3 апрѣля 1865 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а 30 августа 1866 г.—чиномъ тайнаго совѣтника, и кромѣ того удостоился еще нѣсколькихъ знаковъ Монаршаго благоволеніи за труды по устройству крестьянъ въ польскихъ губерніяхъ. 11 декабря 1866 г. Брауншвейгъ назначенъ главнымъ директоромъ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ

Царства Польскаго, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, а 10 іюля 1867 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 31 марта 1868 г. Брауншвейгъ былъ назначенъ сенаторомъ, но еще нѣсколько лѣтъ оставался въ Варшавѣ, пока мѣстныя коммиссіи, въ коихъ онъ участвовалъ, не покончили своихъ работъ и не были закрыты; за эти годы онъ получилъ еще ордена: св. Владиміра 2-й степени (17 апрѣля 1870 г.) и Бѣлаго Орла (въ 1871 г.). 16 октября 1872 г. ему повелѣно было присутствовать въ 1-мъ департаментѣ Сената, а 1 января 1879 г. онъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Формулярный списокъ и Высочайшіе указы изъ Сенатскаго Архива.

Браунъ, *Іосифъ Адамъ*, членъ Имп. академіи наукъ, род. въ богемскомъ городѣ Ашѣ (Asch) въ 1712 г., ум. въ 1768 г. Въ 1746 г. онъ былъ приглашенъ въ с.-петербургскую академію на каѳедру физики. Главнымъ результатомъ его научныхъ занятій было открытіе свойствъ замерзанія и плотности ртути.—Кромѣ многихъ статей по физикѣ и метеорологіи, помѣщенныхъ въ академическихъ Novi commentarii, отдѣльно напечатаны слѣдующія рѣчи: De insigníoribus telluris mutationibus, Petrop. 1756.—Oratio academica de atmosphaerae mutationibus praecipuis earumque praesagiis, ad diem festum annivers. coronationis Elisabethae... dicta, Petrop. 1759.—De admirando frigore artificiali, quo mercurius est congelatus, dissertatio in conventu publico Academ. scient. praelecta Sept. VI, 1760.

Пекарскій, Истор. Имп. акад. наукъ.—Словари: Плюшара, Геннади, Андреевскаго.

Брафманъ, *Яковъ Александровичъ*, род. въ 1824 г. въ м. Клецкѣ, минской губ., ум. 16 декабря 1879 г. Его отецъ былъ раввиномъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ еврейскомъ училищѣ, но впослѣдствіи, путемъ самообразованія, усвоилъ европейское просвѣщеніе и овладѣлъ языками: древнееврейскимъ, халдейскимъ, арабскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ и французскимъ. Въ 1858 г. Брафманъ принялъ православіе и съ этого времени начинается его обширная миссіонерская дѣятельность среди евреевъ. Въ томъ же году, въ бытность Императора Александра II въ г. Минскѣ, онъ подалъ Его Величеству записку, касающуюся положенія и жизни евреевъ, для объясненія по каковой онъ былъ вызванъ въ 1859 г. указомъ Св. Сунода въ С.-Петербургъ, тогда же былъ посланъ, по тому же поводу, въ Москву къ митрополиту Филарету, а въ 1860 г. былъ назначенъ преподавателемъ древнееврейскаго языка въ минской духовной семинаріи, при чемъ ему было поручено заняться изысканіемъ средствъ къ устраненію затрудненій, съ коими евреи, желающіе перейти въ христіанство, встрѣчаются на пути къ этой цѣли. Въ періодъ польскаго возстанія 1863—65 г.г. Брафманъ участвовалъ въ комиссіи по разбору бумагъ на еврейскомъ языкѣ и особенно ревностно занимался проповѣдью православія между евреями, причемъ число новообращеныхъ имъ лицъ надо считать десятками. Въ 1866 г. онъ написалъ рядъ изслѣдованій въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» по еврейскому вопросу и тогда же былъ переведенъ въ г. Вильну цензоромъ еврейской литературы. Въ 1868 г. онъ издалъ въ Вильнѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Еврейскія братства мѣстныя и всемірныя», а въ 1870 г. выпустилъ въ свѣтъ извѣстное ученое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Книга Кагала». Переведенный въ С.-Петербургъ на должность еврейскаго цензора, по внутренней и внѣшней цензурѣ при главномъ управленіи по дѣламъ печати, въ каковой должности онъ оставался до смерти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ во всѣхъ правительственныхъ комиссіяхъ, гдѣ только возбуждался еврейскій вопросъ, а въ 1871 г. былъ приглашенъ въ составъ комиссіи о всесословной воинской повинности, и за труды въ ней былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Независимо отъ означенныхъ занятій, Брафманъ помѣстилъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ («Голосѣ», «Русскомъ мірѣ» и др.) много статей и замѣтокъ по еврейскому вопросу. Главное сочиненіе Брафмана, «Книга Кагала», вышедшее двумя изданіями послѣ его смерти (второе въ С.-Петербургѣ 1882 г.), создало ему громкое имя перваго научнаго изслѣдователя еврейскаго вопроса и переведено на французскій и польскій, а въ извлеченіи—на нѣмецкій и англійскій языки: «Книга Кагала», основываясь на документальныхъ данныхъ, впервые открыла дѣйствительный центръ тяжести еврейскаго вопроса и указала мѣры, коими онъ можетъ быть разрѣшенъ. Указывая, что іудейство, въ его современномъ видѣ, дѣй-

ствительно представляетъ политическій организмъ, «Книга Кагала» выясняетъ, что организмъ этотъ живъ не сочувствіемъ и поддержкой самой еврейской массы, но системой строгой внѣшней организаціи, которая, въ свою очередь, насильственно поддерживается силою грозной карательной власти, находящейся въ рукахъ представителей каждой мѣстной общины и признаваемой правительствомъ. Исходя изъ этихъ фактовъ, Брафманъ полагалъ, что съ отмѣною тѣхъ государственныхъ законовъ, которые даютъ еврейскому представительству власть надъ еврейскою массою, исчезнетъ безпрекословное насильственное повиновеніе передъ буквой еврейскихъ законовъ и наступитъ внутреннее разложеніе еврейской общины, а затѣмъ рушится и вся система строгой организаціи, обособляющей еврейство.

Свѣдѣнія сообщены А. Я. Брафманомъ, сыномъ Я. А. Брафмана.

Н. П. Покровскій.

Брашманъ, *Николай Димитріевичъ*, дѣйствит. статскій совѣтн., заслуженный профессоръ московскаго университета, членъ-корреспондентъ Имп. академіи наукъ, род. 14 іюня 1796 г. въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Росеновѣ, близъ г. Брюнна, ум. 13 мая 1866 г. Сынъ купца, онъ первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей, а затѣмъ поступилъ въ вѣнскій политехническій институтъ и, одновременно, въ вѣнскій университетъ. По окончаніи университетскаго курса въ 1821 г., Брашманъ былъ оставленъ при университетѣ репетиторомъ высшей математики; вмѣстѣ въ тѣмъ, онъ былъ приглашенъ домашнимъ учителемъ къ князю Яблоновскому, по рекомендаціи котораго въ 1823 г. отправился въ Петербургъ. Въ январѣ 1824 г. онъ поступилъ учителемъ физики и математики въ петербургское петропавловское училище, откуда, по окончаніи учебнаго года, вышелъ въ оставку. 11 марта 1825 г. Брашманъ опредѣленъ въ казанскій университетъ адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ и въ теченіе девяти лѣтъ преподавалъ поочередно чистую математику, сферическую астрономію и механику; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 8 октября 1825 г. онъ исправлялъ должность главнаго надзирателя при казанской гимназіи, а въ 1826 г.—инспектора студентовъ университета; съ 21-го іюня 1832 г., въ теченіе года, онъ состоялъ секретаремъ испытательнаго комитета для поступающихъ въ университетъ. 17-го марта 1834 г. Брашманъ перемѣщенъ въ московскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ прикладной механики, а 5 января 1835 г. утвержденъ по той-же каѳедрѣ ординарнымъ профессоромъ. Съ переселеніемъ въ Москву, Брашманъ является самостоятельнымъ дѣятелемъ въ области математики, принимая живое участіе въ издаваемыхъ московскимъ университетомъ ученыхъ запискахъ и помѣщая въ нихъ свои изслѣдованія по математическому анализу и его приложеніямъ. Вмѣстѣ съ научною, шла административная дѣятельность Брашмана. Въ 1836 г., по распоряженію попечителя округа, онъ былъ назначенъ инспекторомъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ; въ 1837 г. на него возложено наблюденіе за руководствомъ въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ педагогическаго института; въ слѣдующемъ году онъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ училища: ордена св. Екатерины и Александровское, и оставался въ этой должности до 1859 г. 16-го октября 1839 г. онъ принялъ русское подданство. Въ 1842 г. Брашманъ совершилъ поѣздку въ Германію, Францію и Англію, сблизился съ современными математиками, и его имя сдѣлалось извѣстнымъ за-границей. Въ Англіи онъ, между прочимъ, присутствовалъ, 19-го іюня, на засѣданіи Britisch Association, въ Манчестерѣ, и прочелъ на англійскомъ языкѣ разсужденіе: «О молекулярныхъ силахъ», которое имѣло большой успѣхъ (напечатано въ его «Статикѣ»). Плодомъ этого путешествія явилась статья объ англійскихъ университетахъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1843 г., томъ 38, IV). Въ 1850 г., по выслугѣ 25-ти лѣтъ по учебной части, Брашманъ совѣтомъ университета приглашенъ еще на пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ снова оставленъ при университетѣ до выслуги установленнаго срока для полученія званія заслуженнаго профессора. Получивъ это званіе 30 октября 1859 г., онъ, по выбору совѣта университета, опять приглашенъ остаться при университетѣ на 5 лѣтъ. 14 сентября 1864 г., по разстроенному здоровью, Брашманъ оставилъ университетъ, прослуживъ дѣлу русскаго просвѣщенія 40 лѣтъ. Совѣтомъ университета онъ былъ избранъ въ почетные члены московскаго университета. Оставляя службу Брашманъ учредилъ премію въ 300 руб.,

выдаваемую черезъ каждые два года за лучшее сочиненіе, на заданную тему, по чистой или прикладной математикѣ. Погребенъ Брашманъ на кладбищѣ Данилова монастыря, въ Москвѣ. — Какъ профессоръ, Брашманъ оказалъ большія заслуги распространенію математическихъ наукъ въ Россіи; въ особенности онъ содѣйствовалъ возвышенію уровня преподаванія механики въ московскомъ университетѣ, которое до него стояло на самой низкой ступени. Многіе изъ учениковъ его заняли каѳедры въ университетахъ, и въ академіи наукъ. Большая часть печатныхъ работъ Брашмана относится въ механикѣ. Труды его печатались въ ученыхъ запискахъ московскаго университета, въ Бюллетенахъ академіи наукъ и въ изданіяхъ основаннаго имъ въ Москвѣ математическаго общества («Сборн. матем. наукъ»). За курсъ «Аналитической геометріи», изданный въ 1836 г., онъ получилъ отъ академіи наукъ полную демидовскую премію; въ 1838 г. академія присудила ему демидовскую премію за сочиненіе: «Теорія равновѣсія тѣлъ». Кромѣ помянутыхъ двухъ сочиненій, отдѣльно изданы: «Рѣчь о вліяніи математики на развитіе умственныхъ способностей» (М., 1841 г.) и «Теоретическая механика» (М., 1859 г.).

Словарь профессоровъ московскаго университета.—Біографія Н. Д. Брашмана, Москва, 1866 г. (Оттискъ изъ «Сборн. математ. наукъ» томъ I, стр. 11—38).—«Московскія Вѣдом.», 1864 г., № 213.—«Иллюстрированная Газета», 1866 г. № 20.—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, Толля.—Мѣсяцесловъ на 1867 г., стр. 97.—«Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1836 г., т. X, стр. 329.—Перечень сочиненій Б.—въ словарѣ профессоровъ москов. университета и у Геннади.

Брашъ (фонъ), *Викторъ Львовичъ*, политико-экономъ, композиторъ, собиратель автографовъ, докторъ философіи лейпцигскаго университета, род. 14 іюня 1850 г. въ имѣніи Риппинъ, въ окрестностяхъ Дерпта, ум. 20 мая 1877 г. въ Петербургѣ. Младшій сынъ лифляндскаго помѣщика Леона фонъ-Браша, В. фонъ-Брашъ первоначальное образованіе получилъ въ дерптской гимназіи. Онъ рано потерялъ своего отца. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ сильно заболѣлъ, вслѣдствіе чего былъ принужденъ оставить вредный для его здоровья климатъ и уѣхать для поправленія здоровья за-границу, гдѣ и пробылъ около семи лѣтъ. Сначала онъ жилъ въ Швейцаріи, позднѣе въ Ниццѣ, во Флоренціи, на о. Мадейрѣ. Возстановивъ свое здоровье, Брашъ энергично принялся за продолженіе своего образованія. Избравъ своею спеціальностью политическую экономію, онъ въ періодъ 1870—1874 г.г. посѣщалъ университеты берлинскій, гейдельбергскій и лейпцигскій, гдѣ слушалъ знаменитыхъ профессоровъ Адольфа Вагнера, Карла Книсъ и Вильгельма Рошера. На собраніяхъ, которыя устраивали его учителя въ Гейдельбергѣ и Лейпцигѣ для обсужденія и рѣшенія научныхъ вопросовъ, Брашъ выдѣлялся серьезностью познаній, оригинальностью сужденій и остротою критики. Онъ весьма интересовался Франціей, ея бытомъ, нравами и экономическою жизнью. Во время неоднократныхъ посѣщеній Франціи онъ не упускалъ случая дѣлать наблюденія надъ французскою жизнью и изучать французскія учрежденія; результатомъ этихъ наблюденій и изученій явилась изданная имъ въ 1874 г. (въ Лейпцигѣ) обширная монографія: «Коммуна и ея финансовая система во Франціи» («Die Gemeinde und ihr Finanzwesen in Frankreich»), являющаяся главнымъ научнымъ трудомъ Браша. Это сочиненіе, давшее ему, между прочимъ, степень доктора философіи лейпцигскаго университета, сразу обратило на себя вниманіе ученыхъ замѣчательной новизной возрѣній и глубиной анализа и вызвало одобрительные отзывы такихъ авторитетовъ, какъ Лоренцштейнъ. По возвращеніи на родину Брашъ намѣревался продолжать свои научныя занятія и думалъ создать общую теорію коммунальной финансовой системы, но принужденъ былъ посвятить себя исключительно хозяйственнымъ заботамъ по унаслѣдованному имъ отъ отца имѣнію. Въ отношеніи къ вопросамъ общественной жизни Брашъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ самоуправленія и желалъ видѣть его распространеннымъ на всѣ слои населенія. Каждую реформу, имѣвшую цѣлью интересы общественнаго благосостоянія, онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ и горячо привѣтствовалъ. Преданный всею душою Россіи, онъ возставалъ противъ изолированія остзейскихъ провинцій, доказывая необходимость сближенія ихъ съ остальными частями Россіи и проникновенія общегосударственными интересами и цѣлями. Вращаясь въ самыхъ образованныхъ и вліятельныхъ кружкахъ дерптскаго об-

щества, Брашъ ревностно защищалъ эти взгляды, и его проповѣдь не осталась безъ вліянія на реформы, совершившіяся въ Остзейскомъ краѣ въ 1876—1877 г.г. Всесторонне и богато одаренный, Брашъ обладалъ также и художественнымъ вкусомъ и былъ поклонникомъ поэзіи и искусства. Являясь талантливымъ музыкальнымъ исполнителемъ, онъ выступалъ и какъ композиторъ: Trautvein'омъ (въ Берлинѣ) и Schubert'омъ (въ Гамбургѣ) издано нѣсколько принадлежащихъ Брашу русскихъ и нѣмецкихъ романсовъ. Брашъ обладалъ весьма цѣнной библіотекой; среди прочихъ рѣдкостей этой библіотеки особенно замѣчательна коллекція автографовъ, въ составъ которой входило болѣе 1200 рукописей (среди нихъ многія относятся къ началу XVI-го вѣка).

«С-Петербургскія Вѣдомости» 1877 г., № 157.—«St. Petersburger Herold» 1877 г., № 195.—«Journal des Economistes», 1877, août, № 8, p. 285—287, 306.—«Neue Dörptsche Zeitung», 1877, № 118.—«Rigasche Zeitung»1877, № 122.—«Zeitung für Stadt und Land» 1877, № 122.—«Neue Zeitung für Stadt und Land» 1877, №№ 122 и 162.—«Baltische Wochenschrift» 1877, № 23.—«Journal de St.-Pétersbourg» 1877, № 193.—«Signale für die musikalische Welt». 1877, № 42.—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1889.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей. Т. I. Спб. 1900.

Вл. Грековъ.

Бреверн (фонъ), *Германъ*, вице-президентъ юстицъ-коллегіи, сынъ рижскаго суперинтендента и извѣстнаго богослова, Іоанна Бреверна, род. въ Ригѣ 20 іюля 1663 г., ум. въ С.-Петербургѣ 3 іюля 1721 г. Воспитаніе онъ получилъ въ рижскихъ соборной школѣ и гимназіи и въ высшемъ училищѣ въ Альтдорфѣ, гдѣ способности свои доказалъ диссертаціею «De symbolo heroico». Затѣмъ Бревернъ слушалъ нѣкоторое время лекціи въ іенскомъ университетѣ, объѣхалъ нѣсколько мелкихъ княжескихъ германскихъ дворовъ, посѣтилъ Вѣну, чрезъ Венгрію, Италію и Францію добрался до Голландіи и чрезъ Голштинію, Мекленбургъ, Померанію и Пруссію вернулся въ 1691 г. въ Ригу. Здѣсь онъ занималъ судебныя должности: съ 1693 г. ассесора при земскомъ судѣ, съ 1696 г. предсѣдательствующаго въ бургъ-герихтѣ, а съ 1701 г. члена въ гофъ-герихтѣ. 5 октября 1694 г. Іоаннъ Бревернъ исходатайствовалъ у Карла XI патентъ на возведеніе въ дворянство своего сына Германа, съ видоизмѣненіемъ фамиліи въ «фонъ-Бревернъ». Нѣкоторое время послѣ этого Германъ фонъ-Бревернъ исправлялъ должность намѣстника Лифляндіи, затѣмъ временно выселился съ семьею въ Любекъ, а по присоединеніи Лифляндіи къ Россіи былъ въ 1711 г. Петромъ Великимъ назначенъ на должность вице-президента лифляндскаго гофъ-герихта. Въ 1717 г. Бревернъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, съ сохраненіемъ прежней должности, назначенъ вице-президентомъ государственной юстицъ коллегіи въ С.-Петербургѣ; онъ же юстицъ-коллегію и устраивалъ, совмѣстно съ юстицъ-ратомъ Сигизмундомъ-Адамомъ ф. Вольфомъ. Человѣкъ весьма достойный, честный и опытный администраторъ, Бревернъ пользовался большимъ довѣріемъ Императора Петра I. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ, а останки его перевезены и похоронены въ Ригѣ. Въ исторіи литературы Бревернъ извѣстенъ сочиненіями, посвященными исторіи и мѣстному лифляндскому праву; извлеченія изъ нихъ напечатаны въ Bunge's Archiv. Тамъ же напечатана и автобіографія Бреверна. Подробный списокъ его сочиненій приведенъ у Напирскаго.

Recke und Napiersky, Lexicon, I, 256—257, Nachtr. I, 82—83.—Bunge's Archiv, II, 225—259.—Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, VI, 226.

Бревернъ (фонъ), *Карлъ*, конференцъ-министръ Императрицы Елизаветы Петровны, род. въ Ригѣ 22 октября 1704 г., ум. въ С.-Петербургѣ 21 октября 1744 г. Сынъ Германа фонъ-Бреверна, онъ получилъ образованіе въ Ригѣ и въ кенигсбергскомъ университетѣ, а затѣмъ поступилъ на службу по дипломатической части и въ 1726 г. занялъ должность секретаря русскаго посольства въ Швеціи. Затѣмъ, въ началѣ царствованія Петра II онъ занималъ должность секретаря и переводчика въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1734 г. Бревернъ состоялъ секретаремъ при графѣ Левенвольдѣ, который ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Вѣну, Дрезденъ и Берлинъ. Продолжая служить по дипломатической части, Бревернъ скоро успѣлъ значительно выдвинуться. Кн. П. В. Долгоруковъ отзывается о немъ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе умѣренныхъ и даровитыхъ нѣмцевъ, состоявшихъ на службѣ Россіи въ эпоху Анны Іоанновны и Бирона. Пріобрѣтя полную довѣренность графа А. И. Остермана, Бре-

вернъ былъ назначенъ секретаремъ въ Императорскій Кабинетъ, пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, будучи «человѣкомъ хитрымъ и прилежанія чрезвычайнаго», служилъ «посредствующимъ звеномъ между Остерманомъ и герцогомъ Курляндскимъ». По случаю вступленія Бреверна 24 апрѣля 1740 г. въ бракъ съ баронессою Доротеею Амеліею Кейзерлингъ, семья которой пользовалась особымъ значеніемъ при Аннѣ Іоанновнѣ, Бревернъ указомъ 24 апрѣля 1740 г. былъ пожалованъ въ «Десіансъ-академію президентомъ съ надлежащимъ жалованіемъ» и сохраненіемъ должности по Кабинету. Поглощенный дѣлами государственными, такъ какъ 18 сентября 1740 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы Бревернъ съ докладами отъ Кабинета являлся къ Императрицѣ вмѣстѣ съ кабинетъ-министрами, Бревернъ (тогда же пожалованный чиномъ тайнаго совѣтника), за годъ своего президентства ни разу не посѣтилъ даже академіи наукъ, и первенствующее значеніе тамъ удерживалъ академическій совѣтникъ Шумахеръ; кратковременное начальствованіе Бреверна надъ Академіею ознаменовалось лишь весьма немногими мѣропріятіями. Такъ, когда изъ Кабинета возвращены были представленные туда еще барономъ Корфомъ въ 1735 г. академическіе штаты, и Бреверну предписано было «такое основаніе учинить, чтобы Академія въ добромъ порядкѣ содержана и потребною ежегодною суммою удовольствована была безъ излишняго казеннаго расхода», Бревернъ поручилъ переработать штаты академикамъ Гольдбергу, Эйлеру и Крафту, совмѣстно съ Шумахеромъ; представленная Гольдбергомъ записка, гдѣ предлагался рядъ коренныхъ мѣръ для возвышенія значенія академіи въ ученомъ мірѣ, Бреверномъ была оставлена безъ послѣдствій. Что же касается доклада, внесеннаго Бреверномъ въ началѣ 1741 г., объ утвержденіи академическихъ штатовъ въ суммѣ 53.000 р. и о пожалованіи академіи на уплату долговъ 20.280 р., то это ходатайство президента такъ и осталось безъ утвержденія. Далѣе, по ходатайству Бреверна, академическая кунсткамера обогатилась многочисленными собраніями медалей и монетъ, оказавшимися въ числѣ конфискованнаго имущества Артемія Волынскаго и графа Платона Мусина Пушкина. Сохранились также извѣстія и о заботахъ Бреверна касательно «сочиненія генеральной ландкарты Россійской Имперіи». 14 февраля 1741 г. Бревернъ писалъ знаменитому философу и радѣтелю о преуспѣяніи академіи Христіану Вольфу: «Вы меня всегда найдете очень расположеннымъ не только привести Академію въ такое состояніе, которое бы болѣе и болѣе соотвѣтствовало намѣреніямъ покойнаго славнаго ея основателя, но также въ особенности воспользоваться и совѣтами, которые вамъ угодно будетъ дать мнѣ по этому предмету», а 15 апрѣля 1741 г. состоялся уже указъ объ увольненіи Бреверна изъ президентовъ академіи наукъ. Изъ дѣла о Биронѣ видно, что по вступленіи принцессы Анны Леопольдовны въ управленіе Имперіею Бревернъ, вмѣстѣ съ Минихомъ, кн. Черкасскимъ, Алексѣемъ Бестужевымъ и кн. Никитою Трубецкимъ, были обвинены въ томъ, что содѣйствовали Бирону захватить всю правительственную власть и, хотя «знали его недостойную персону и къ Россійской націи во время его бытности въ Россіи злые поступки», тѣмъ не менѣе тщились лишить всякаго вліянія родителей малолѣтняго Императора Іоанна Антоновича. За это 24 апрѣля 1741 г. вышеозначеннымъ сторонникамъ Бирона объявленъ строгій выговоръ, а въ концѣ акта виновнымъ выражено милостивое прощеніе «въ томъ уповаціи, что впредь по должности своей, данной намъ присяги, вѣрно и истинно поступать будете и къ такимъ бездѣльнымъ, вредительнымъ дѣламъ приставать не станете». Однако помянутые вельможи, а въ ихъ числѣ и Бревернъ, при Аннѣ Леопольдовнѣ «не въ авантажѣ обрѣтались». По воцареніи Елизаветы Петровны Бревернъ снова выдвинулся и, несмотря на всегдашнюю свою близость къ Остерману, отправленному тогда въ ссылку, былъ назначенъ 12 декабря 1741 г. конференцъ-министромъ, одновременно съ канцлеромъ княземъ Черкасскимъ и вице-канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Пожалованный вскорѣ орденомъ Александра Невскаго, Бревернъ, по смерти кн. Черкасскаго, съ 1742 г. вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ вѣдалъ иностранными дѣлами и въ помощь себѣ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ знакомаго ему по академіи Гольдбаха. Когда противъ Бестужева-Рюмина и Бреверна повели интригу гр. Лестокъ

и маркизъ Шетарди, первые, воспользовавшись перехваченною перепискою своихъ враговъ, составили оправдательныя объясненія и въ концѣ 1743 г. подали ихъ Императрицѣ, моля ее о защитѣ противъ несправедливыхъ нападокъ. По свидѣтельству саксонскаго дипломата Петцольда, записка Бреверна была составлена превосходно и представляла полную программу того, чего требовали выгоды Императрицы и государства, по воззрѣніямъ анти-французской партіи. Почти вслѣдъ за подачею этой записки, обнаруживавшей въ авторѣ незаурядный государственный умъ, Бревернъ внезапно умеръ, и смерть его приписывалась либо отравленію, либо умышленному нерадѣнію призваннаго къ больному врача. Бумаги Бреверна, какъ гласятъ семейныя преданія, были взяты Бестужевымъ.

Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, II, IV—VI.—Büsching's Magazin, XVI, 370.—Пекарскій, Маркизъ Шетарди въ Россіи, стр. 3.—Его-же, Исторія И. Академіи Наукъ, т. I.—Полное собраніе законовъ, №№ 8243 и 8430.—К. Свенске, Матеріалы для исторіи составленія атласа Росс. Имперіи (Зап. Ак. Наукъ, т. IX, прил. 2).—Briefe von Chr. Wolf.—«Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн.», 1862 г., кн. I, смѣсь.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи.

Бревернъ де-Лагарди, графъ, *Александръ Ивановичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 4 января 1814 г., ум. 20 марта 1890 г. Происходя изъ дворянъ эстляндской губерніи, Бревернъ получилъ образованіе, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и въ офицерскихъ классахъ при немъ (нынѣ артиллерійская академія). Въ 1834 г. онъ вышелъ въ гвардейскую конную артиллерію, гдѣ въ 1844 г., будучи въ чинѣ капитана, уже состоялъ командующимъ батареею и въ августѣ того-же года произведенъ въ полковники. Обративъ на себя вниманіе Императора Николая Павловича, Бревернъ 6 декабря 1851 г. былъ назначенъ командующимъ кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ, въ мартѣ 1852 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ іюнѣ сопровождалъ Государя въ Потсдамъ. 11 декабря 1852 г. состоялся высочайшій указъ Сенату о наименованіи Бреверна графомъ Бревернъ-де-Лагарди, въ виду пресѣченія мужской линіи графовъ Делагарди, къ роду которыхъ принадлежала мать А. И. Бреверна. Въ апрѣлѣ 1855 г. онъ былъ зачисленъ въ свиту Государя, съ назначеніемъ того-же года командиромъ 1-й бригады гвардейской кирасирской дивизіи, а вслѣдъ затѣмъ, въ августѣ 1856 г. былъ опредѣленъ генералъ-адъютантомъ. Получивъ 2 апрѣля 1861 г. въ командованіе 7-ю кавалерійскую дивизію, графъ Бревернъ-де-Лагарди, три недѣли спустя, уже является начальникомъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, произведенный одновременно съ тѣмъ въ чинъ генералъ-лейтенанта; еще годъ спустя—начальникомъ штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а съ образованіемъ въ 1864 г. военныхъ округовъ—начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ этой должности онъ оставался до своего назначенія въ началѣ 1865 г. командующимъ войсками харьковскаго военнаго округа, и, произведенный въ 1869 г. въ генералы отъ кавалеріи, опредѣленъ въ апрѣлѣ 1879 г. на тотъ-же постъ въ московскій округъ. Здѣсь онъ пробылъ до 1888 г. и за этотъ періодъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ 27 іюня 1881 г., въ день 50-лѣтія службы, всемилостивѣйшимъ рескриптомъ и орденомъ св. Александра Невскаго; 6 августа 1882 г. онъ зачисленъ въ войсковое сословіе астраханскаго казачьяго войска, съ званіемъ почетнаго казака Копановской станицы. Въ 1888 г., по разстроенному здоровью, графъ Бреверенъ-де-Лагарди былъ уволенъ отъ занимаемой должности и опредѣленъ членомъ Государственнаго Совѣта.

«Рус. Инвал.» 1890 г. № 67.—Словарь Андреевскаго. — Pr. P. Dolgoroukow, Mémoires, т. I, стр. 416.

Бредихинъ, *Александръ Өедоровичъ*, смоленскій губернаторъ, годы рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1686 г. онъ былъ стольникомъ, а въ 1705 г. упоминается въ числѣ офицеровъ преображенскаго полка. Въ 1723 г. онъ, имѣя чинъ капитана, былъ назначенъ въ составъ «вышняго суда» для разбора дѣла вице-канцлера барона Шафирова съ оберъ-прокуроромъ Сената Скорняковымъ-Писаревымъ. Въ 1729 г. Бредихинъ былъ вице-губернаторомъ смоленскимъ, а въ 1730 г., имѣя чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, находился въ Москвѣ среди дворянъ, съѣхавшихся въ столицу по случаю предположеннаго бракосочетанія Петра II; затѣмъ, онъ присутствовалъ и при объявленіи Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ объ избраніи на престолъ Анны Іоанновны. Въ 1739 г.

онъ былъ новгородскимъ губернаторомъ, а въ 1743 г.—смоленскимъ.

С. Соловьевъ, Исторія Россіи.—Бартеневъ, Осьмнадцатый вѣкъ.—Русскій Генералитетъ въ 1730 году, стр. 161. *В. Ф.*

Бредихинъ, *Семенъ* (Семейко) *Мартемьяновичъ*, дьякъ. Въ 1620 г. онъ былъ въ Москвѣ въ объѣзжихъ головахъ для огней и для всякаго береженія; въ 1623 г. посланъ дьякомъ при воеводѣ Ѳеодорѣ Васильевичѣ Волынскомъ въ Вязьму, гдѣ и оставался до 1625 г. когда воевода Ѳ. Волынскій былъ отозванъ въ Москву, а съ нимъ и Бредихинъ; въ 1630 г. назначенъ дьякомъ у монастырскихъ и приказныхъ дѣлъ при бояринѣ Матвѣѣ Михайловичѣ Годуновѣ; въ 1632 г. былъ «въ судьяхъ у Нѣмецъ»; въ томъ же году посланъ дьякомъ въ Нижній Новгородъ и здѣсь оставался до 1633 г.

Разрядныя книги, т. I.—Дворцовые разряды II, 272. *В. Ф.*

Бредихинъ, *Сергѣй Александровичъ*, камергеръ, род. 10 іюня 1744 г., ум. 8 мая 1781 г. Онъ извѣстенъ участіемъ въ переворотѣ, произведенномъ Екатериной II въ 1762 г. Тогда онъ былъ капитанъ-поручикомъ преображенскаго полка и, повидимому, въ число приверженцевъ Императрицы былъ привлеченъ Григоріемъ Орловымъ. За день до переворота, 26 іюня Пассекъ и Бредихинъ были у Дашковой для предупрежденія ея объ опасности, угрожающей ихъ дѣлу вслѣдствіе нетерпѣнія солдатъ, въ особенности гренадеровъ, требующихъ похода на голштинцевъ въ Ораніенбаумъ. Успокоивъ Пассека и Бредихина, Дашкова послала ихъ убѣждать солдатъ въ томъ, что Императрица въ безопасности, такъ какъ участь Екатерины, о которой ходили тревожные слухи, была причиной волненія солдатъ. На другой день Пассекъ былъ арестованъ, и это было поводомъ къ перевороту. Въ день переворота С. Р. Воронцовъ видѣлъ Бредихина вмѣстѣ съ Васковымъ и кн. Борятинскимъ. Ихъ полкъ былъ въ сборѣ и готовился выступить на защиту Екатерины. По прибытіи въ Петергофъ, Дашкова съ Бредихинымъ и Васковымъ ходила по гвардейскимъ и армейскимъ полкамъ и ободряла солдатъ. Объ участіи Бредихина въ подготовкѣ переворота Екатерина знала еще за долго до 27 іюня 1762 г. и, вступивъ на престолъ, пожаловала ему 18000 руб. Въ 1770 г. Бредихинъ участвовалъ въ силистрійскомъ походѣ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, и за отличіе въ бою былъ награжденъ чиномъ бригадира. Возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ при дворѣ вначалѣ камеръ-юнкеромъ, потомъ камергеромъ. Женатъ онъ былъ на княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Голицыной.

Записки С. Р. Воронцова (Р. Архивъ, 1874 г. ч. 3, стр. 35, 42).—Осьмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ Петра Бартенева. Кн. III, стр. 343—344.—Русскій Архивъ, 1864, 1867, 1870, 1873, 1880 и 1887 г.г. *В. Ф.*

Бредовъ (фонъ), *Карлъ*, докторъ медицины, род. въ Ганноверѣ, ум. 4 августа 1851 г. въ Петербургѣ. Среднее образованіе онъ получилъ въ одной изъ ганноверскихъ гимназій, а курсъ врачебныхъ наукъ прошелъ въ геттингенскомъ университетѣ. По вызову русскаго правительства Бредовъ поступилъ на русскую военную службу. Сначала онъ былъ ординаторомъ ораніенбаумскаго военнаго госпиталя, затѣмъ служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ гражданское вѣдомство и въ теченіе 15 лѣтъ служилъ на Александровской мануфактурѣ въ началѣ младшимъ, а затѣмъ старшимъ врачемъ. Занимая эти должности, онъ посвящалъ много времени самостоятельнымъ научнымъ трудамъ, результатомъ которыхъ были многочисленныя статьи въ органахъ повременной печати, а также и отдѣльныя монографіи. Бредовъ помѣстилъ много статей въ Rust's Magasin, Canstatt's Jahrbücher, Casper's Wochenschrift и въ различныхъ русскихъ медицинскихъ изданіяхъ. Кромѣ того онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ постоянныхъ сотрудниковъ «Medicin. Zeitung Russlands». Бредовъ участвовалъ и въ нѣкоторыхъ органахъ общей (немедицинской) прессы. Главнѣйшія монографіи его: 1) Ueber die Scrophelsucht und die davon abhängigen Krankheitszustande; Berlin, 1843 г. 2) Антропофизіологія; Спб., 1844 г.

Heine, въ «Medic. Zeitung Russlands», 1851, s. 322.—А. Змѣевъ, Былое врачебной Россіи, Спб., 1890 г. *Н. К.*

Бредовъ, *Романъ Карловичъ*, докторъ медицины, акушеръ, род. 8 іюня 1839 г. ум. 16 марта 1891 г. Бредовъ учился въ Петербургѣ въ I классической гимназіи, окончилъ въ ней курсъ съ награжденіемъ золотой медалью, и 25 октября 1855 г. поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ медицинское отдѣленіе с.-петербургской медико-хирургической академіи; осенью

слѣдующаго года онъ былъ зачисленъ стипендіатомъ, а въ 1860 г. окончилъ академическій курсъ, награжденъ похвальнымъ листомъ и удостоенъ званія лѣкаря съ отличіемъ; 17 іюня того же года онъ получилъ званіе уѣзднаго врача и 12 октября 1860 г. опредѣленъ въ бобруйскій военный госпиталь младшимъ ординаторомъ. Тогда же Бредовъ былъ прикомандированъ на 2 года ко 2-му с.-петербургскому военно-сухопутному госпиталю для усовершенствованія въ наукахъ. Два съ половиной года Бредовъ изучалъ акушерство и гинекологію подъ руководствомъ профессора Красовскаго и въ теченіе этого времени описалъ операцію кесарскаго сѣченія при размягченіи костей (osteomalacia), произведенную профессоромъ Красовскимъ въ 1862 г. Это былъ первый, въ стѣнахъ академіи, случай кесарскаго сѣченія на живой женщинѣ. 20 іюня 1863 г. Бредовъ отправился въ Бобруйскъ къ мѣсту службы, но такъ какъ дѣятельность его была нужна для академической клиники, то 17 января 1864 г. онъ былъ снова прикомандированъ ко 2-му с.-петербургскому сухопутному госпиталю съ научною цѣлью и вернулся въ клинику Красовскаго. При клиникѣ не полагалось ассистента, и Бредовъ былъ ближайшимъ помощникомъ профессора. 19 іюля 1864 г. онъ отправился на собственный счетъ за границу для усовершенствованія, тамъ занимался въ Германіи, Франціи и Англіи и 19 ноября вернулся въ Петербургъ. Для того, чтобы не уѣзжать изъ Петербурга и продолжать свои занятія въ клиникѣ, Бредовъ вышелъ изъ военной службы 25 апрѣля 1865 г. 28 мая 1866 г. онъ защитилъ диссертацію, въ которой разсмотрѣлъ собранные имъ изъ литературы 514 случаевъ кесарскаго сѣченія и 588 случаевъ операцій, уменьшающихъ объемъ плода, и былъ удостоенъ степени доктора медицины. 3 іюля того же года Бредовъ былъ опредѣленъ во 2-й военно-сухопутный госпиталь младшимъ ординаторомъ. Послѣ этого онъ продолжалъ исполнять всѣ обязанности ассистента клиники Красовскаго, а въ 1869 г., когда госпиталь былъ преобразованъ въ клиническій, и въ немъ были учреждены штатныя ассистентуры, Бредовъ офиціально занялъ эту должность. При этомъ онъ сталъ ассистентомъ не только въ госпитальной клиникѣ, но и въ академической акушерско-гинекологической. Въ 1873 г., когда академическая клиника была переведена изъ клиническаго госпиталя въ новоотстроенное зданіе клинической больницы баронета Вилліе, ассистентомъ ея былъ назначенъ Хрщоновичъ. Бредовъ остался ассистентомъ госпитальной клиники и занималъ эту должность при профессорѣ Красовскомъ и его преемникѣ Горвицѣ. Въ 1878 г., когда госпитальной клиникой сталъ завѣдывать профессоръ Славянскій, Бредовъ былъ уволенъ отъ службы въ академіи. Затѣмъ онъ практиковалъ въ Петербургѣ еще около 7 лѣтъ, а въ сентябрѣ 1885 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ чемкентскій военный мѣстный лазаретъ. Въ 1889 г. Бредовъ занялъ такую же должность въ Петро-Александровскомъ военномъ лазаретѣ.—Печатные труды Бредова: 1) Случай кесарскаго сѣченія на живой женщинѣ въ «Протоколахъ Общества Русскихъ Врачей», 1862—63 г.—2) Матеріалы для болѣе точнаго установленія показаній къ кесарскому сѣченію и операціямъ, уменьшающимъ объемъ плода при высшихъ степеняхъ суженія таза (дисс.). Спб., 1886.

Дѣла 1 стола 1 отд. Гл. В.-Медиц. Управленія; кондуитная книга 29, № 7.063.—В. Груздевъ, Истор. очеркъ каѳедры акушерства и женск. болѣзней и пр., Спб. 1898 г. стр. 169, 198, 207—209.—«Русская Медицина» 1891 г., № 11, стр. 178.—Исторія И. В.-Мед. Академіи за сто лѣтъ; Спб., 1898 г. стр. 631 и прилож., стр. 195 и 246.
Н. Кульбинъ.

Брейнъ (de Bruyn), *Корнелисъ*, голландскій живописецъ, путешественникъ, род. въ Гаагѣ въ 1652 г., ум. въ Утрехтѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка (годъ въ точности неизвѣстенъ). Дѣтство и юность онъ провелъ въ родномъ городѣ; въ 1674 г. для усовершенствованія въ живописи, въ которой онъ проявилъ большія способности, занимаясь у извѣстнаго Теодора ванъ-деръ-Шуура, онъ отправился черезъ Германію въ Италію и провелъ въ Римѣ 2½ года надъ изученіемъ его древностей. Затѣмъ Брейнъ посѣтилъ Неаполь, Ливорно и другіе города Италіи, моремъ переправился въ Малую Азію, проѣхалъ Египетъ и на острова Архипелага, занося на бумагу все, что встрѣчалъ на пути замѣчательнаго. Вернувшись въ Италію, Брейнъ прожилъ нѣкоторое время въ Венеціи, гдѣ занимался живописью у Карла Лоти, а въ 1693 г. возвратился на родину, послѣ почти 20-ти-лѣтняго отсутствія. Здѣсь онъ, продолжая заниматься своимъ искусствомъ,

въ тоже время обрабатывалъ привезенный имъ изъ путешествія богатый художественный и научный матеріалъ и наконецъ издалъ на голландскомъ языкѣ описаніе своего путешествія, приложивъ къ нему болѣе 200 гравюръ собственной работы (Дельфтъ, 1698). Большой успѣхъ этого изданія былъ одной изъ причинъ второго путешествія Брейна—черезъ Московію въ Индію и Персію. Приготовляясь къ этому путешествію, Брейнъ старательно обозрѣлъ нѣсколько кабинетовъ рѣдкостей. и научился приготовлять и сохранять въ спирту всякаго рода птицъ, животныхъ и рыбъ, чтобы въ цѣлости перевозить ихъ. Главная цѣль его была «осмотрѣть уцѣлѣвшія древности и сообщить о нихъ свои замѣчанія, съ тѣмъ вмѣстѣ также обращать вниманіе на одежду, нравы, богослуженіе, политику, управленіе, образъ жизни. свойства народовъ, равно какъ на обряды при рожденіи, свадьбахъ и погребеніи людей, обитающихъ въ чужихъ странахъ; наконецъ, изслѣдовать и обозрѣть земли и города со всевозможною точностію и, по возвращеніи своемъ, составить всему видѣнному собственными, какъ говорится, моими глазами, вѣрное описаніе». 28 іюля 1701 г. Брейнъ выѣхалъ изъ Гааги въ Амстердамъ, 30 числа отплылъ изъ него и 3 сентября прибылъ въ Архангельскъ, посѣтилъ самоѣдовъ и описалъ ихъ нравы; 4 января 1702 г. онъ прибылъ въ Москву и здѣсь вскорѣ увидѣлъ въ первый разъ Петра I въ домѣ голландскаго резидента Хульста. Въ началѣ февраля Брейнъ былъ приглашенъ ко двору для рисованія портретовъ царской семьи. Имъ были исполнены портреты царя, царевича Алексѣя. царицы Прасковьи Ѳеодоровны и трехъ царевенъ — дочерей покойнаго царя Іоанна Алексѣевича. Послѣднихъ онъ нарисовалъ два раза въ ростъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, въ которыхъ онѣ обыкновенно являлись въ общество, но прическу далъ имъ античную, что было предоставлено на его усмотрѣніе. Встрѣчаясь съ царемъ въ Нѣмецкой слободѣ, Брейнъ пріобрѣлъ чрезвычайное довѣріе Петра; царь съ интересомъ разспрашивалъ художника объ его путешествіяхъ, а въ свободные часы приглашалъ его къ своему столу. Брейну было приказано сопровождать царя въ его путешествіи въ Воронежъ и на Донъ «взглянуть на имѣвшіеся тамъ корабли и на все, достойное тамъ примѣчанія». По возвращеніи изъ Воронежа, Брейнъ прожилъ въ Москвѣ до средины апрѣля 1703 г. 15-го числа онъ выѣхалъ изъ Москвы и рѣками доѣхалъ до Астрахани. откуда въ товариществѣ съ тремя армянами онъ предпринялъ путешествіе на Востокъ: онъ посѣтилъ Персію, Вост. Индію, о. Цейлонъ и Яву. Черезъ 4 года (въ ноябрѣ 1707 г.) Брейнъ возвратился въ Москву и былъ ласково встрѣченъ царемъ. 23 марта 1708 г Брейнъ окончательно покинулъ Москву. а 23 августа чрезъ Архангельскъ выѣхалъ на родину, куда вернулся 24 октября 1708 г. Описаніе второго путешествія Брейнъ издалъ на голландскомъ яз. въ Амстердамѣ въ 1711 г. (франц. перев. 1718). Аббатъ Банье издалъ оба путешествія вмѣстѣ (5 ч., Руанъ, 1725), но рисунки его изданія значительно хуже гравюръ голландскаго изданія. Второе сочиненіе Брейна полно описаній посѣщенныхъ имъ городовъ и мѣстностей въ географическомъ, политическомъ, этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Свое сочиненіе Брейнъ украсилъ болѣе, чѣмъ 320 собственноручными рисунками (видами городовъ и мѣстностей, изображеніями построекъ, народныхъ одеждъ, животныхъ, растеній и т. д.), изъ которыхъ особенно важны виды архитектурныхъ памятниковъ Персеполя и другихъ мѣстъ Востока. Послѣдніе годы Брейнъ прожилъ на родинѣ. Второе сочиненіе Брейна имѣетъ для русскихъ особенно важное значеніе. благодаря тѣмъ исключительно благопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ находился авторъ. Брейнъ первый изъ иностранцевъ получилъ отъ царя разрѣшеніе «съ полной свободой говорить о всемъ томъ, что заслуживало упоминанія или описанія, не удаляясь отъ истины». Любознательность Брейна удивительна: проживая въ Москвѣ, посѣщая другіе города, онъ всюду описывалъ достопримѣчательности городовъ, обряды и обычаи, зарисовывалъ все интересное, попутно занося въ свой дневникъ даже цѣны на съѣстные продукты. Переводъ семи главъ (съ пропусками), гдѣ Брейнъ описываетъ свое пребываніе въ Москвѣ, появился въ «Отечеств. Зап.». (1829 и 1830). Затѣмъ, въ «Чтеніяхъ И. Общ. Исторіи и Древн. Росс.» за 1872 и 1873 г. (и отдѣльно—М., 1873) напечатанъ переводъ той части сочиненія, въ которой Брейнъ говоритъ о своихъ путешествіяхъ по Россіи. Переводъ этотъ сдѣланъ П. П. Барсовымъ

съ французскаго перевода и провѣренъ О. М. Бодянскимъ по голландскому подлиннику.

Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1872, №№ 1—4, и 1873, № 1 (и отд., 1873). Въ «Предисловіи переводчика» помѣщены біографическія свѣдѣнія о Брейнѣ. — Энциклопедическіе словари: Края, Плюшара, Гарбеля, Брокгауза-Эфрона. — Венгеровъ, Русскія книги.—Вѣстн. Изящн. Иск., 1883, т. I, стр. 71—72.—Вивліоѳика Новикова.—Müller-Singer, Allgem. Künstler-Lexicon, 1895.- Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon.—Grosse's Volst. Univers. Lexic. aller Wissenschaft und Künste.—Biographie universelle.—Das Veränderte Russland, v. Weber. 1744.—Bryan's Dictionary of painters and engravers, enlarged by George Stanley. 1853.

А. Э. М—нъ.

Брейнъ, *Томасъ*, торговый агентъ, ум. близъ Испагани въ 1669 г. Англичанинъ родомъ, Брейнъ съ 1659 по 1664 г. былъ откупщикомъ смолы въ Архангельскѣ. Въ 1666 г. армянская торговая компанія въ Персіи черезъ армянина Григорія Лусикова подала царю Алексѣю Михайловичу челобитную о разрѣшеніи свободнаго провоза товаровъ черезъ Россію; въ маѣ слѣдующаго года договоръ съ компаніей былъ заключенъ Ордынымъ-Нащокинымъ. По просьбѣ армянъ, агентомъ компаніи въ Москвѣ былъ утвержденъ Брейнъ, при чемъ онъ обязывался «послать своихъ вѣрныхъ людей въ Астрахань, Новгородъ, Архангельскъ и другіе порубежные города и всякими дѣлами компаніи въ челобитьи и торговыхъ промыслахъ честно и вѣрно радѣть; великому государю, его боярамъ, думнымъ и приказнымъ людямъ обо всякихъ дѣлахъ и обидахъ извѣщать и бить челомъ радѣтельно, безъ всякой поноровки недругамъ компаніи; отписывать о дѣлахъ компаніи къ ея членамъ въ Персію, какъ случатся ѣздоки». За исполненіе такихъ обязанностей Брейнъ получалъ по деньгѣ съ рубля; если компанія присылала шелкъ и другіе товары для продажи къ самому агенту, то платила ему по грошу съ рубля, а въ случаѣ продажи имъ товаровъ или обмѣна на другіе — по другому грошу съ рубля. Кромѣ того, Брейнъ исполнялъ иногда дипломатическія порученія отъ англійскаго правительства. Такъ, въ 1664 г. англійскій посолъ графъ Карлейль, уѣзжая изъ Москвы, поручилъ Брейну быть здѣсь «подъ-агентомъ». Въ 1666 г. Брейнъ подалъ государю королевскую грамоту съ просьбою, чтобы голландцамъ, воевавшимъ съ Англіею, воспрещено было покупать въ Россіи корабельные матеріалы.

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи.

Брейтенбахъ, *Филиппъ Леонтьевичъ*, директоръ лѣсного института въ С.-Петербургѣ, род. въ Майнцѣ въ 1770 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1845 г. Учился въ университетахъ эрфуртскомъ, майнцскомъ и геттингенскомъ. Съ 1801 г. былъ ординарнымъ профессоромъ камеральныхъ наукъ въ Эрфуртѣ. Въ 1812 г. былъ приглашенъ въ казанскій университетъ профессоромъ технологіи, сельскаго домоводства и лѣсоводства, но такъ какъ читалъ свои лекціи на нѣмецкомъ языкѣ, то почти вовсе не имѣлъ слушателей. Нѣсколько разъ былъ командированъ въ оренбургскій край для обозрѣнія тамошнихъ училищъ. Въ 1819 г., по донесенію Магницкаго, былъ удаленъ изъ университета и проживалъ частнымъ лицомъ въ С.-Петербургѣ и за-границей до 1826 г., когда министръ финансовъ Канкринъ назначилъ его директоромъ форстъ-института, переименованнаго въ 1829 г. въ лѣсной институтъ. Въ этой должности Брейтенбахъ оставался до 1837 г. Во время отъ 1800 до 1810 г. Брейтенбахъ, живя за-границей, издалъ тринадцать сочиненій по своему предмету, а во время своего пребыванія въ Россіи не написалъ ничего.

Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ казанск. университета, часть II, стр. 642—653.

Брейткопфъ (фонъ), *Анна Ивановна*, начальница петербургскаго и московскаго училищъ ордена св. Екатерины, род. въ 1747 г., ум. 11 февраля 1823 г. Въ первое время послѣ основанія петербургскаго Екатерининскаго института, вслѣдствіе непосредственнаго участія Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея ближайшихъ помощниковъ въ управленіи имъ, въ институтѣ не полагалось должности начальницы и другихъ высшихъ лицъ училищной администраціи, а главное руководительство институтомъ было возложено на «инспекторшу» А. И. фонъ-Брейткопфъ, которая впослѣдствіи была первой начальницей института и оставалась въ этой должности до 1823 г. Мужъ А. И. фонъ-Брейткопфъ преподавалъ въ этомъ же институтѣ нѣмецкій языкъ и ариѳметику. Вскорѣ Брейткопфъ своею энергичною дѣятельностью и личными качествами заслужила особенное уваженіе и довѣріе Императрицы, которая,

между прочимъ, вела съ нею переписку. Когда въ 1802 г. былъ основанъ московскій Екатерининскій институтъ, Императрица назначила Брейткопфъ начальницею и московскаго института, для устройства его по образцу петербургскаго. Устроивъ московскій институтъ и давъ ему желательное направленіе, Брейткопфъ дождалась перваго выпуска и подала Императрицѣ прошеніе объ освобожденіи ея отъ должности по московскому институту, такъ какъ одновременное завѣдываніе двумя институтами было связано съ тяжелыми трудами и съ необходимостью частыхъ переѣздовъ изъ Петербурга въ Москву и обратно. Повелѣніемъ отъ 30 января 1807 г. просьба Брейткопфъ была удовлетворена, и она всецѣло посвятила себя петербургскому институту, въ которомъ и оставалась до самой смерти.

Музей Петербургскаго Екатерининскаго Института.—«Историческая записка о московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ», Москва, 1875 г.—Н. С. Карцовъ: «Нѣсколько фактовъ изъ жизни С.-Петербурrскаго училища ордена св. Екатерины», С.-Петербургъ. 1888 г., стр. 7.—«Григорій Андреевичъ Глинка» въ «Русской Старинѣ» 1876 г., сентябрь, стр. 102—103.—«Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева» въ «Русскомъ Архивѣ» 1886 г., вып. 10, стр. 157.

В. Г.

Брейткопфъ, *Бернардъ Фридрихъ*, основатель и «привиллегированный содержатель» большой словолитни и типографіи въ Петербургѣ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Брейткопфъ былъ издателемъ выходившаго въ 1795 г. въ Петербургѣ ежемѣсячно «Журнала Санктпетербургскаго Италіанскаго театра, содержащаго въ себѣ избраннѣйшія піесы изъ представленныхъ на здѣшнемъ театрѣ Комическихъ Оперъ»; экземпляра этого журнала не сохранилось. Издавался ли этотъ журналъ въ слѣдующемъ году,—неизвѣстно. Какъ видно изъ именного указа Императрицы Екатерины II, даннаго 9 іюля 1783 г. комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, Брейткопфъ, по контракту 1783 г. на шесть лѣтъ, обязывался печатать для комиссіи всѣ свѣтскія и духовныя книги; комиссія же обязывалась представить въ распоряженіе Брейткопфа двѣ тысячи рублей «на первое заведеніе», такъ какъ у Брейткопфа въ то время не было всего необходимаго для духовной и отчасти свѣтской печати.

А. Неустроевъ, «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.».—Полное собраніе законовъ, томъ XXI-й, 15756.—Энциклопедическ. словарь Брокгауза и Ефрона (см. «Журналъ Санктпетербургскаго Италіанскаго театра»).

В. Г.

Брекеръ (von-Bröcker), *Эрдманнъ Густавъ*, профессоръ-юристъ дерптскаго университета, род. въ Ригѣ 18 ноября 1784 г., ум. 4 марта 1854 г. Внукъ секретаря земскаго дерптскаго суда и сынъ секретаря рижскаго надворнаго суда, Брекеръ начальное образованіе получилъ дома, а затѣмъ въ пасторатѣ Пёльве, близъ Дерпта, и наконецъ, въ рижской соборной школѣ (Domschule); по окончаніи гимназическаго курса онъ поступилъ въ дерптскій университетъ на юридическій факультетъ и слушалъ тамъ лекціи съ 1802 по 1805 г., образованіе же свое завершилъ въ гейдельбергскомъ университетѣ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Франціи и Германіи, Брекеръ въ концѣ 1806 г. вернулся въ Лифляндію и занялъ при рижскомъ городскомъ совѣтѣ должность сначала нотаріуса, а съ 1807 г. секретаря-архиваріуса. Въ 1810 г. онъ былъ сдѣланъ секретаремъ ландфохтейскаго суда и занималъ это мѣсто до 1821 г.; въ этой должности Брекеру открылось обширное поле для изученія права, такъ какъ ландфохтейскій судъ вѣдалъ не только гражданскіе споры между жителями обширныхъ рижскихъ предмѣстій, но и полицейскую часть въ «патримоніальныхъ» владѣніяхъ Риги. Кромѣ того, на Брекера было возложено рижскимъ городскимъ управленіемъ особое порученіе по разработкѣ проекта пожарнаго и строительнаго «Положенія» для города и его предмѣстій. Независимо отъ профессіональныхъ занятій, Брекеръ принималъ въ Ригѣ горячее участіе въ общественной жизни, а съ 1812 г. выступилъ энергичнымъ дѣятелемъ въ мѣстномъ литературномъ обществѣ (образовавшемся въ Ригѣ въ 1802 г.). Въ сотрудничествѣ съ генералъ-суперинтендентомъ Зоннтагомъ, директоромъ правительственныхъ школъ Альбанусомъ и старшими пасторами Бергманомъ и Граве, Брекеръ много способствовалъ пробужденію въ средѣ лифляндцевъ интереса къ поэзіи, философіи, медицинѣ и къ ближайшему изученію торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, исторіи, географіи и статистики Прибалтійскаго края; этимъ вопросамъ самъ Брекеръ посвятилъ много статей, напечатанныхъ въ разное время въ

газетѣ «Rigasche Stadtblätter» и подробно указанныхъ у Бульмерингка. Усиленная дѣятельность настолько, однако-же, разстроила здоровье Брекера, что послѣ четырнадцати лѣтъ службы при рижскомъ городскомъ управленіи, онъ былъ вынужденъ покинуть Ригу. Поселившись, послѣ нѣкотораго отдохновенія въ деревнѣ, въ Дерптѣ, Брекеръ въ 1822 г. принялъ предложенную ему тамошнимъ городскимъ совѣтомъ должность оберъ-секретаря послѣдняго. Въ мартѣ 1825 г. Брекеръ сложилъ съ себя муниципальную должность и обратился къ новому поприщу дѣятельности. Тяготѣя по преимуществу къ умственнымъ интересамъ и скопивъ обширный запасъ теоретическихъ познаній и практическаго опыта въ области провинціальнаго права, Брекеръ имѣлъ всѣ задатки для того, чтобы выступить академическимъ преподавателемъ мѣстнаго прибалтійскаго права. Въ 1824 г. Брекеръ представилъ въ кенигсбергскій университетъ диссертацію на тему «Maleficus ob fugam e carcere graviter puniendus est?» и, пріобрѣтя тамъ, in absentia, степень доктора правъ, съ 1825 г. занялъ при дерптскомъ университетѣ каѳедру по провинціальному праву, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, а въ 1831 г. перешелъ, въ званіи ординарнаго профессора, къ преподаванію государственнаго права, политики и международнаго права. Въ 1832, 1836, 1841, 1843—1845 г. Брекеръ былъ избираемъ въ деканы юридическаго факультета; въ 1833, 1838, 1842, 1846 и 1849 г.г. предсѣдательствовалъ въ аппеляціонномъ и ревизіонномъ университетскомъ судѣ и много лѣтъ несъ обязанности члена въ университетскомъ судѣ; кромѣ того онъ долгое время состоялъ цензоромъ періодическихъ изданій, печатавшихся въ Дерптѣ въ изобиліи. Утвержденный въ чинѣ надворнаго совѣтника въ 1831 г., Брекеръ въ 1833 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Анны III степени, въ 1835 г.—чиномъ коллежскаго совѣтника, въ 1839 г.—статскаго совѣтника, а въ 1850 г.—орденомъ св. Анны II степени; въ 1850 г. за 25-ти-лѣтнюю службу при университетѣ получилъ званіе заслуженнаго профессора. Человѣкъ общительный и благожелательный, Брекеръ въ средѣ профессорской корпораціи и среди студентовъ пользовался большимъ расположеніемъ. Покинувъ, послѣ 25-ти лѣтъ службы въ университетѣ, преподавательскую дѣятельность, Брекеръ послѣдніе годы жизни провелъ, занимаясь адвокатурою по частнымъ дѣламъ, такъ какъ пользовался славою опытнаго юриста, а часы досуга посвящалъ литературѣ, охотно сотрудничая въ журналахъ. Состоя съ 1812 г. дѣйствительнымъ членомъ Рижскаго литературнаго общества, Брекеръ въ 1823 г. былъ избранъ въ почетные его члены; съ 1817 г. онъ былъ избранъ въ члены и Курляндскимъ литературнымъ и художественнымъ обществомъ, а въ тридцатыхъ годахъ сталъ во главѣ Дерптскаго общества для взаимопомощи. Важнѣйшіе труды Брекера: 1) Einiges über den Unfug mit Bittschriften in Russland und dessen Abwendung. Рига. 1817.—2) Ueber die ärztlichen Befundscheine, mid besonderes Hinsicht auf die russische Gesetzgebung Рига 1822.—3) Dissertatio philosophico-juridica. Maleficus ob fugam e carcere graviter puniendus est Regiom. 1825. — 4) Der 30 Iuli 1814, in St-Petersburg; статья въ сборникѣ «Livona» за 1815 г. стр. 235.—5) Geschenke des Augenblicks t. d. Augenblick; статья въ «Livona's Blumenkranz», Рига-Дерптъ, 1818.—6) Andachtsübungen u. Bibellesen während d. Haft (отрывокъ изъ сочиненія «Ueber Gefangene u. Gefängnisse»), въ газетѣ Morgenblatt за 1822 г. №№ 258, 259, 261 и 262.—7) Рядъ статей, посвященныхъ художественной критикѣ и подписанныхъ «—er» въ «Merkels Zuschauer», гл. обр. за 1818 г.—8) Рядъ статей, художественнаго и юридическаго содержанія, подписанныхъ частью полнымъ именемъ, частью «—er», а въ 1821 г. анонимныхъ въ газетѣ Rigasche Stadtblätter, за 1820 и 1821 г.—9) Beiträge zu der von T. K. Hartleben herausgegebenen Iustiz- u. Polizey-Fama.—10) Alexander der Gesetzgeber — рѣчь, произнесенная въ дерптскомъ университетѣ 21 апрѣля 1827 г. Riga. 1827. — 11) Practicum Iuridicum. Riga. 1827. — 21) Ueber das Cameral-Studium insbesondere auf russischen Uniwersitäten u. zunächst in Dorpat. Дерптъ. 1828.—13) Многочисленныя статьи въ журналѣ «Inland», редактированіемъ котораго Брекеръ завѣдывалъ съ мая по октябрь 1840 г. (перечень ихъ помѣщенъ въ концѣ № 40 этого журнала), въ «Dorpatsche Zeitung», корреспонденціи изъ Дерпта въ газетахъ Zuschauer и Hande-Spenersche Zeitung.— 14) Eine juristische Hülfs-Anstalt въ Hart-

lebens Justiz- u. Polizei-Fama за 1830 г. (въ іюльской книжкѣ).—15) Die Polizei in Russland, dargestellt in Umrissen, allgemeiner Theil (тамъ же, за 1831 г.). Кромѣ того, Брекеръ издалъ нѣсколько выпусковъ «Ежегодника для юристовъ» (Iahrbücher für Rechtsgelehrte in Russland).

Некрологъ Dr. Th. Beise, въ «Rigasche Sadtblatt», 1854, стр. 82—84.—Біографическій очеркъ пр. Д. Бульмеринка въ «Inland», 1854, № 13.—Recke u. Napiersky, Schriftsteller u. Gelehrten Lexikon.—Портретъ Брекера (литографія) выпущенъ въ Дерптѣ въ 1837 г. *Вл. Ш.*

Бреклинъ, *Иванъ*, инженеръ, строитель азовскихъ укрѣпленій. Въ русской службѣ Бреклинъ находился съ 1705 г. и въ 1709 г. былъ пожалованъ изъ маіоровъ въ полковники. Онъ былъ у строенія крѣпостей въ Троицкомъ, въ Кіевѣ, въ Полтавѣ, въ Астрахани, Царицынѣ и другихъ мѣстахъ. Въ декабрѣ 1727 г. Минихъ доложилъ Верховному Тайному Совѣту о поданномъ Бреклиномъ прошеніи; въ этомъ прошеніи Бреклинъ, указывая на свою долговременную службу, жаловался, что все время получаетъ прежній, маіорскій окладъ жалованья, «отчего пришелъ онъ въ великую скудость и впалъ въ немалые долги», и просилъ о додачѣ ему жалованья со времени производства въ полковники по положенному этому чину окладу, «дабы ему противъ своей братіи обидиму не быть и во всеконечное оскудѣніе не придти». По Императорскому указу въ іюнѣ 1728 г., было положено «за долголѣтнюю въ Россіи службу и за строеніе нужныхъ крѣпостей» выдать Бреклину жалованье, «по рангу его, противъ оклада артиллерійскихъ полковниковъ», т. е. по 840 рублей въ годъ.

«Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1728». («Сборникъ Императорскаго Истор. Общества», томъ LXXIX-й). *В. Г.*

Бремборгъ, *Квиринъ* (Quirinus von Bremburg), голландскій цирульникъ, пріѣхавшій въ 1626 г. въ Москву въ качествѣ врача. 5 декабря того-же года онъ написалъ очень длинное посланіе къ царю и патріарху, въ которомъ благодарилъ ихъ за дозволеніе пріѣхать изъ Архангельска въ Москву и за подаренныхъ ему соболей. Въ томъ-же посланіи онъ заявлялъ, что можетъ одновременно быть докторомъ, хирургомъ и аптекаремъ, превозносилъ свои познанія и заслуги въ ущербъ всѣмъ врачамъ вообще. При этомъ онъ упоминалъ и о написанной имъ книгѣ въ трехъ частяхъ (нигдѣ не напечатанной), при помощи которой можно было возвысить медицину и сдѣлать ее полезнѣйшею наукой, при содѣйствіи «могущественныхъ потентатовъ, императоровъ, королей и князей». 6 апрѣля 1628 г. онъ послалъ изъ Холмогоръ Михаилу Ѳеодоровичу и патріарху Филарету Никитичу другое письмо подобнаго-же содержанія съ прибавленіемъ богословскаго краснорѣчія. Впослѣдствіи Бремборгъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Одной изъ причинъ такого окончанія его дѣятельности было то обстоятельство, что онъ поставилъ въ своей комнатѣ передъ окномъ, выходившимъ на улицу, человѣческій скелетъ, который былъ замѣченъ стрѣльцами и остальнымъ народомъ.

В. Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, т. II.—Н. П. Загоскинъ, Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань, 1891, стр. 57. *Н. К.*

Бремъ, *Іоганъ Фридрихъ*, адъюнктъ Имп. академіи наукъ, род. въ Ревелѣ ок. 1715 г., ум. 31 января 1775 г. Онъ былъ принятъ на службу въ академію наукъ, въ качествѣ студента, при чемъ ему предписывалось заниматься по изданію Вѣдомостей и при другихъ академическихъ учрежденіяхъ, и въ то же время усердно посѣщать лекціи профессоровъ и изучать русскій языкъ. Въ 1736 г. на Брема академіею возложены были отборъ и пріемка книгъ изъ коллекцій, оказавшихся послѣ смерти графа Брюса, а въ 1737 г. Бремъ настолько уже преуспѣлъ въ ученыхъ своихъ занятіяхъ, что, согласно опредѣленію академіи отъ 21 октября 1737 г., назначенъ «для исполненія корректуры и сочиненія Вѣдомостей», съ зачисленіемъ адъюнктомъ по III классу академіи. Въ засѣданіяхъ конференціи Бремъ однако-же участвовалъ рѣдко, такъ какъ имѣлъ много срочныхъ и сложныхъ обязанностей: въ академическомъ реестрѣ 1737 г. противъ фамиліи Брема отмѣчено: «обращается больше въ наукахъ, украшающихъ разумъ и въ письменной исторіи; трудится въ библіотекѣ и сочиняетъ каталоги; содержитъ журналъ книгамъ, которыя онъ же раздаетъ и назадъ получаетъ, правитъ при томъ должность корректора и въ наступающемъ (1738 г.) будетъ Примѣчанія писать». Въ 1740 г. Бремъ, вмѣстѣ съ прочими академиками, участвовалъ въ церемоніи погребенія Анны Іоановны; въ

1741 г. онъ, по порученію академіи, принималъ книги изъ библіотеки Мессершмидта, а въ 1742 г.—изъ библіотеки совѣтника Ан. Ѳед. Хрущова и изъ конфискованнаго имущества графовъ Остермана Левенвольда, Миниха, Головкина и барона Менгдена. Въ 1743 г. о занятіяхъ Брема въ академическихъ дѣлахъ опять встрѣчается отмѣтка, что онъ «трудится при библіотекѣ и пишетъ здѣшнія Вѣдомости», но во время производства слѣдствія надъ Шумахеромъ по доносу Горлицкаго, Попова и пр., силившихся доказать, будто нѣмцы—недоброхоты русскаго просвѣщенія и преграждаютъ «вѣрнымъ сынамъ отечества» дорогу къ повышеніямъ, переводчикъ Поповъ, между прочимъ показывалъ: «адъюнктъ исторіи Бремъ получаетъ жалованья по 360 р. въ годъ; при Академіи быть не надобенъ, для того что ни лекцій не читаетъ, и въ гимназіи ничему не учитъ, и никакихъ дѣлъ нынѣ не дѣлаетъ, а употребленъ прежде сего былъ при библіотекѣ сверхъ библіотекаря и подбиблiотекаря. А при той библіотекѣ можно обойтися и оными двумя особами безъ того адъюнкта». Въ 1742 г. вышла изъ печати, изданная подъ смотрѣніемъ Шумахера трехтомная опись книгамъ академической библіотеки «Bibliotheca academica Imperialis Petropolitanae», составлявшая плодъ пятилѣтнихъ занятій Брема при библіотекѣ, хотя Штелинъ, начавшій тамъ заниматься лишь въ 1740 г., честь этого труда по части книгъ философскаго содержанія приписываетъ себѣ. Что касается сотрудничества Брема въ примѣчаніяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», то важнѣйшія изъ его статей помѣчены буквою Б. Таковы: «Историко-политическое описаніе Женевской республики», 1738 г., №№ 54—69; «О спорахъ по наслѣдству Юлихъ-Клеве-Бергскому», 1739 г., №№ 42—44; «О рейхсъвикаріяхъ въ междуцарствіе въ Римской имперіи», 1741 г., №№ 35—40. 1 августа 1747 г. Бремъ покинулъ ученое поприще и перешелъ на гражданскую службу, занявъ должность секретаря въ юстицъ-коллегіи по лифляндскимъ дѣламъ.

Матеріалы для исторіи Ак. Наукъ, т. II—VI.— Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ.

Вл. Ш.

Бренна, *Викентій Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, придворный архитекторъ въ С.-Петербургѣ, ум. за границею около 1820 г. Имя Бренны тѣсно связано со многими замѣчательными сооруженіями С.-Петербурга. 26 февраля 1797 г. происходила торжественная закладка Михайловскаго (нынѣ Инженернаго) замка. Известь подавалъ Императрицѣ архитекторъ Бренна. Вскорѣ Высочайшимъ приказомъ (5 марта 1797 г.) Бреннѣ было поручено главное и «безпосредственное» веденіе постройки замка, а общее завѣдываніе сооруженіемъ замка ввѣрялось гофмаршалу гр. Тизенгаузену (вплоть до 9 ноября 1801 г., когда замокъ перешелъ въ вѣдѣніе гофъинтендантской конторы). Первоначальный проектъ постройки, составленный Вас. И. Баженовымъ, былъ нѣсколько измѣненъ Бренной, согласно личнымъ указаніямъ Императора Павла. Помощниками Бренны были Руско, Соколовъ, Пильниковъ и Насоновъ. Высочайшимъ приказомъ было повелѣно академіи художествъ «нужныя къ строенію Михайловскаго дворца колонны изъ граниту, порфирныя доски и прочее изъ числа находящихся въ академіи художествъ отпускать по требованіямъ надворнаго совѣтника и архитектора Бренна». Въ мартѣ 1799 г. Бренна донесъ графу Тизенгаузену, что первоначальная смѣта (въ 791,200 р. 60 к.) была «сочинена безъ основанія и утверждается на пустыхъ идеяхъ», напр., были показаны цѣны, существовавшія за 15 л. до времени составленія смѣты; кромѣ того, въ то время еще не предполагалось строить замковую церковь и открывать Воскресенскій каналъ. Вслѣдствіе этого заявленія, 16 марта 1799 г. на окончаніе работъ по замку было ассигновано еще 309,858 р. Постройка велась изумительно быстро, и 8 ноября 1800 г. было совершено освященіе замка и церкви. Въ 1801 г. бывшій уже статскимъ совѣтникомъ Бренна построилъ на мѣстѣ павильона Аничковскаго дворца деревянный Малый театръ (въ настоящее время не существующій). Къ 1802 г. относится окончаніе постройки Исаакіевскаго собора, начатаго, по проекту архитектора Ринальди, еще въ 1768 г. и доведеннаго при Императрицѣ Екатеринѣ II только до карниза изъ мрамора. Императоръ Павелъ, недовольный медленностью постройки и желая скорѣе очистить заграмождённое рабочими матеріалами мѣсто, повелѣлъ Бреннѣ поспѣшить окончаніемъ работы. Вслѣдствіе этой поспѣшности, екатерининскій планъ собора былъ совершенно измѣненъ, были уменьшены размѣры верхнихъ ча-

стей храма, вмѣсто 5 куполовъ выстроенъ одинъ и все зданіе было докончено изъ кирпича, а мраморъ, предназначенный для церкви, употребленъ на постройку Михайловскаго замка. 30 мая 1802 г. новое зданіе было освящено. Слѣдуетъ указать еще на памятникъ Румянцову по чертежамъ Бренны. Въ 1790 г. памятникъ этотъ былъ поставленъ на Царицыномъ лугу, но въ 1820 г. перенесенъ на Васильевскій островъ, возлѣ 1-го кадетскаго корпуса.

Архивъ И. Ак. Худ., 1800, № 14. — Nagler, Neues allgem. Künstler-Lexicon, II.—«Сѣверное Сіяніе», т. I, статьи Михайлова, «Петербургъ и его окрестности». — Ровинскій, Словарь русск. гравир. портр.—Истор.-статист. свѣдѣнія о С.-Петерб. еп. т. I.—Памятка Михайловскаго, нынѣ Инженернаго замка 1800 - 1900 (Приложенъ портретъ Бренны). — Словарь Гарбеля. — Петровъ, Сборникъ матер. для исторіи И. Акад. Худож., т. I. — Шильдеръ, Императоръ Александръ первый (Въ т. I на стр. 193 помѣщенъ портретъ Брены на картинѣ Меттенлейтера, сохранившейся на одномъ изъ плафоновъ замка).—Шильдеръ, Императоръ Павелъ Первый.

А. Э. М—нъ.

Брессанъ (де), *Александръ Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, камергеръ, директоръ шпалерной мануфактуры и президентъ мануфактуръ-коллегіи, род. въ 1719 г., ум. 1 января 1779 г. Де-Брессанъ былъ родомъ изъ Монако, часть же своей молодости провелъ во Франціи, гдѣ получилъ очень хорошее образованіе и пріобрѣлъ основательныя познанія въ области камеральныхъ наукъ, искусствъ и торговли. Будучи человѣкомъ бѣднымъ, де-Брессанъ искалъ случая устроить свое матеріальное положеніе. Совершенно случайно, въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, онъ попалъ въ Россію и здѣсь выдалъ себя за француза. Черезъ нѣкоторое время де-Брессанъ попалъ въ камердинеры къ Императору Петру III (тогда еще великому князю); обнаружившееся италіанское происхожденіе де-Брессана не только не повредило, но даже помогло ему во мнѣніи великаго князя, бывшаго не особенно лестнаго мнѣнія о французскихъ нравахъ. Постепенно де-Брессанъ своею рѣдкою честностью заслужилъ полное довѣріе своего Государя. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, Императоръ Петръ III щедро вознаградилъ де-Брессана за преданность: онъ сдѣлалъ его голштинскимъ камергеромъ и бригадиромъ, далъ ему чинъ статскаго совѣтника, назначилъ директоромъ шпалерной фабрики въ Петербургѣ, президентомъ мануфактуръ-коллегіи и директоромъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ей фабрикъ; эти послѣднія должности давали де-Брессанну возможность на практикѣ примѣнить свои широкія познанія. Во время вошествія на престолъ Императрицы Екатерины II де-Брессанъ былъ однимъ изъ немногихъ, остававшихся вѣрными до конца Петру III. Свою вѣрность Императору де-Брессанъ доказалъ и на дѣлѣ, хотя это и не принесло фактическихъ результатовъ. Въ утро, начавшее собою день восшестія на престолъ Екатерины II, сторонники Императрицы, для большаго успѣха возстанія, рѣшили занять войсками Калинкинскій мостъ, чтобы прервать сношеніе съ Ораніенбаумомъ и не допускать такимъ образомъ до Петра III извѣстій о ходѣ событій. Узнавъ объ этомъ намѣреніи и объ образѣ дѣйствій Императрицы, де-Брессанъ предупредилъ занятіе моста, спѣшно пославъ въ Ораніенбаумъ, черезъ своего вѣрнаго слугу, переодѣтаго крестьяниномъ, записку Петру III съ изложеніемъ всего случившагося. Со смертью Петра III де-Брессанъ потерялъ все, и дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Георгъ фонъ-Гельбигъ, «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.» («Русская Старина» 1881 г., іюль).—М. Логиновъ, «Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины Великой» (сборникъ П. Бартенева «XVIII вѣкъ», томъ III).—Mémoires de l'Impératrice Catherine II. Londres, 1859 (176, 182, 224).—«Финансовые документы царствованія Императрицы Екатерины II» («Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», томъ 28).—Castera, Vie de Catherine II. La-Haye, 1797, (I, 241, 250).—Rulhière, Histoire de l'anarchie du Pologne, Paris, 1807, (IV, 381, 423).—Архивъ князя Воронцова, V, 477.—Herrman, Geschichte des russischen Staates, 296.

В. Г.

Брессанъ, *Жанъ-Баптистъ Франсуа*, артистъ Императорскихъ театровъ, род. въ Шалонѣ на Марнѣ въ 1815 г., ум. въ Немурѣ 22 января 1886 г. Принадлежа къ почтенной буржуазной семьѣ и получивъ первоначальное образованіе въ низшихъ классахъ коллегіи, Брессанъ, по настоянію родителей, поступилъ въ Парижѣ въ выучку къ частному ходатаю по дѣламъ. Тяготясь этими занятіями и чувствуя влеченіе къ сценѣ, юноша не успѣлъ, однако-же, добиться отъ семьи согласія на поступленіе въ актеры и опредѣлился прикащикомъ къ торговцу лито-хромическими рисунками. Тутъ Брессанъ часто, по порученію хозяина, посѣщалъ художниковъ,

говорилъ съ ними объ искусствѣ и декламировалъ монологи изъ трагедій. Случай свелъ, наконецъ, Брессана въ одной изъ студій съ литераторомъ Казиміромъ Бонжуромъ; по его рекомендаціи юноша былъ допущенъ къ слушанію лекцій сценическаго искусства и декламаціи, которыя преподавалъ Мишело въ консерваторіи. Въ 1832 г. Брессанъ не безъ успѣха дебютировалъ на сценѣ Монмартрскаго театра, затѣмъ вступилъ въ составъ труппы, организованной Перлэ для лондонскаго французскаго театра, а весною 1833 г. былъ принятъ въ труппу театра «Variété»; здѣсь Брессанъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе публики въ пьесахъ «La comtesse d'Egmont», «Père Goriot», и «Le marquis de Brunoy», хотя игралъ на ряду съ такими артистами, какъ Фредерикъ Леметръ и Женни Колонъ. Въ 1835 г. комитетъ Французской Комедіи приглашалъ Брессана на первую французскую сцену, но онъ, по семейнымъ соображеніямъ, остался на прежней сценѣ и въ 30-хъ годахъ имѣлъ здѣсь громкій успѣхъ въ драмахъ «Кинъ» и «Chevalier d'Éon». Въ 1842 г. онъ нарушилъ контрактъ съ театромъ «Variété» и поступилъ на сцену Михайловскаго театра въ С.-Петербургѣ. Здѣсь Брессанъ провелъ четыре года и оставилъ по себѣ прочную память. Въ 1846 г. онъ разошелся съ дирекціею Императорскихъ театровъ, и, заплативъ дирекціи крупную неустойку, принялъ въ февралѣ 1846 г. ангажементъ въ театрѣ «Gymnase». По окончаніи контракта, связывавшего его съ этою сценою, Брессанъ получилъ предложеніе вернуться опять въ Императорскій Михайловскій театръ, при чемъ ему предлагалось за сезонъ 70.000 фр., но онъ предпочелъ вступить общникомъ въ театръ Comédie française (съ 31 января 1854 г.). Здѣсь онъ оставался до ухода со сцены (въ 1876 г.), имѣя большой успѣхъ въ роляхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, а затѣмъ и резонеровъ.

Энциклопедическій словарь Эфрона-Брокгауза.—Larousse, Gr. dictionnaire universel.

Бржезинскій, *Эразмъ Францовичъ*, врачъ, род. въ 1794 г. ум. въ 1879 г. въ Каменцѣ - Подольскомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ краковской гимназіи, курсъ врачебныхъ наукъ прошелъ въ краковскомъ университетѣ и тамъ-же получилъ въ 1825 г. степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ году Бржезинскій экзаменовался въ Россіи на эту степень въ виленскомъ университетѣ и былъ утвержденъ докторомъ медицины. Въ 1828 г. онъ былъ признанъ (тамъ же) докторомъ медицины и хирургіи. Въ 1829 г. онъ назначенъ врачемъ телихинскаго лазарета VI-го округа путей сообщенія, въ 1834 г. получилъ въ московской медико-хирургической академіи званіе инспектора врачебной управы, а въ 1835 г. уволенъ отъ службы. Въ 1838 г. Бржезинскій занялъ должность врача при 2-й кіевской гимназіи, въ 1843 г. былъ опредѣленъ инспекторомъ харьковскаго врачебнаго управленія, а въ слѣдующемъ году перешелъ на такую-же должность въ подольское врачебное управленіе. Въ 1864 г. онъ вновь уволенъ отъ службы. Напечаталъ слѣдующіе труды: 1) Carmen saeculare ad Deos; Краковъ, 1818 г.—2) De asthmate spastico, item de forcipe ad operationem labii leporini correcta (дисс.); Краковъ, 1825.—3) О недѣйствительности магнита для извлеченія завязнувшихъ въ глазу желѣзныхъ опилокъ («въ Другѣ Здравія» 1841 г., 21).—4) Сифилитическая болѣзнь подъ видомъ скрытой лихорадки (тамъ-же, 1841 г., 28)—5) О вредномъ дѣйствіи іодовой настойки (тамъ же, 39).—6) О глистахъ, вышедшихъ чрезъ нарывы въ правомъ паху (тамъ-же, 48).—7) Необыкновенный крупъ (тамъ-же, 1842, 17).—8) Предупреждающая перемежающаяся лихорадка у рожениць (тамъ-же, 19).—9) Практическое обозрѣніе болѣзней печени (тамъ-же, 43).—10) De statu medicinae (тамъ-же, 1842 г., приб. 5)—11) Практическія наблюденія: 1) о безвредности проглоченныхъ камней, 2) признаки скрывшейся рожи, 3) патологическая чувствительность (тамъ-же, 1843 г., 49).—12) Вредное дѣйствіе табачныхъ кристалловъ (тамъ-же, 1844, 28).—13) Новый способъ узнавать и получать сахаръ изъ мочи діабетиковъ (тамъ-же, 29).—14) Лѣченіе холеры впрыскиваніемъ въ вены чистой теплой воды («Военно-Мед. Журналъ», 1853 г., ч. 62, II, 30).—15) Тытонь и его скутки. Варш. 1878 г.

Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—Стан. Косминскій, Słownik lekarzów polskich, Варш., 1883 г.—Callisen, Med. Schriftst. Lexic., ч. III, Копенг. 1830 г., стр. 262. *Н. К.*

Бржескій, *Иванъ - Христофоръ*, врачъ, род. въ 1773 г., ум. въ Варшавѣ въ 1852 г. Въ 1789 г. онъ поступилъ въ

прусскія войска хирургомъ, а въ 1798 г. оставилъ службу и отправился для научнаго усовершенствованія въ Берлинъ и Вѣну. Въ 1807 г. Бржезинскій получилъ въ Берлинѣ степень доктора медицины и занялся тамъ практикой; въ 1810 г. онъ пріѣхалъ въ Польшу, занялъ тамъ должность уѣзднаго врача въ Ломжѣ и исполнялъ ее до 1812 г.; въ 1815 г. опредѣленъ штабъ-лѣкаремъ въ 4-й пѣхотный стрѣлковый полкъ, а въ 1821 г. назначенъ дивизіоннымъ врачемъ. Въ 1832 г. ему былъ порученъ надзоръ за русскими госпиталями въ Люблинѣ, въ 1834 г. онъ получилъ тамъ-же должность городского врача, а затѣмъ—инспектора врачебной управы. Послѣднюю должность занималъ до 1840 г. Напечаталъ: Beschreibung einer, in Polen unter dem Namen schwarze Blätter beobachteten, Krankheit (съ примѣчаніями А. Горна) въ «Horn's Archiv für Medic. Erfahr.», 1811, Bd. 1, янв. и февр., стр. 45—54.

Стан. Коcминскій, Słownik lekarzów polskich.—Л. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели.—Callisen, Medic. Schriftst. Lexicon, ч. III, Копенг. 1830 г. стр. 125. *Н. К.*

Бржозовскій, *Раймундъ*, ученый и писатель, род. 7 декабря 1763 г. въ Бѣлоруссіи, ум. 23 августа 1842 г. въ Неаполѣ. Въ 1780 г. онъ вступилъ въ іезуитскій орденъ; шесть лѣтъ онъ былъ преподавателемъ въ низшихъ классахъ іезуитскаго училища, три года преподавалъ философію и математику и восемь лѣтъ—теологію, въ которой онъ былъ спеціалистомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Бржозовскій былъ секретаремъ конференціи полоцкой римско-католической духовной академіи, а затѣмъ въ продолженіе трехъ лѣтъ управлялъ ею въ качествѣ ректора, равно какъ и всей іезуитской коллегіей, вплоть до ея упраздненія въ 1820 г. Бржозовскій былъ также ассистентомъ польскихъ іезуитовъ при генералахъ іезуитскаго ордена Ѳаддеѣ Бржозовскомъ и Алоизіѣ Фортисѣ. Когда, послѣ смерти Фортиса, на генеральной конференціи вмѣсто Бржозовскаго былъ избранъ ксендзъ Алоизій Ляндесъ, Бржозовскій, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, былъ посланъ врачами въ Неаполь, гдѣ и умеръ. Около 1820 г. произведенія Бржозовскаго помѣщались въ «Полоцкомъ Ежемѣсячникѣ» («Miesięcznik Połocki»); кромѣ того, онъ издалъ анонимно: «Uwagi krytyczne nad artykułami w Gazecie francuskiej, pod dniem 22 kwietnia 1839; z włoskiego przełożone». Бржозовскій обработалъ въ рукописи пятитомный «Словарь знаменитыхъ польскихъ писателей» (Słownik sławnych pisarzy polskich»), но это сочиненіе не было напечатано.

Wielka encyklopedya powszechna illustrowana.—Bibliografia polska XIX stolecia przez K. Estreichera. *В. Г.*

Бриггенъ (фонъ-деръ), *Александръ Ѳеодоровичъ*, писатель, род. въ 1792 г., ум. 27 іюня 1859 г. въ С.-Петербургѣ. Крестникъ Державина, Бриггенъ получилъ воспитаніе въ Петровскомъ с.-петербургскомъ училищѣ, откуда вынесъ, кромѣ хорошаго общаго образованія, отличное знаніе новыхъ и латинскаго языковъ и любовь къ исторіи. Затѣмъ Бриггенъ поступилъ въ л.-гв. измайловскій полкъ, гдѣ въ то время находились Фонъ-Визинъ, Миклашевскій—его родственникъ по женѣ, и нѣкоторые другіе лица, впослѣдствіи замѣшанные въ заговорѣ декабристовъ. Въ 1812 г. Бриггенъ, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ, сражался подъ Бородинымъ, а въ 1813 г. подъ Кульмомъ, показалъ себя образцовымъ офицеромъ и былъ на отличномъ счету. Въ 1825 г., задолго до обнаруженія заговора, Бриггенъ вышелъ въ отставку, имѣя чинъ полковника, и началъ готовиться къ поѣздкѣ съ семьею за границу. Онъ уже получилъ заграничный паспортъ и перевелъ почти все свое состояніе въ гамбургскій банкирскій домъ Ливіо, когда внезапная болѣзнь жены лишила его возможности двинуться въ путь. Вскорѣ затѣмъ банкирскій домъ Ливіо прекратилъ платежи, и Бриггенъ совершенно разорился, а послѣ событій 14 декабря онъ былъ привлеченъ къ суду, обвиненный въ томъ, что, состоя членомъ тайнаго общества, зналъ о замыслахъ Якубовича, сообщилъ о нихъ князю Трубецкому, но не донесъ правительству. Дѣйствительно, Бриггенъ былъ издавна членомъ Сѣвернаго общества и хорошо зналъ о дѣлахъ всѣхъ тайныхъ обществъ, но не придавалъ имъ серьезнаго значенія, а надъ мыслью о вооруженномъ возстаніи прямо смѣялся. На судѣ Бриггенъ велъ себя съ полнымъ прямодушіемъ и приговоромъ былъ отнесенъ къ разряду лицъ, «коихъ вины собственнымъ ихъ признаніемъ обнаружены». Несмотря на его отсутствіе изъ Петербурга во время декабрскихъ дней, онъ былъ признанъ причастнымъ къ заговору и осужденъ на ссылку въ Си-

бирь. Судьбою жены Бриггена и трехъ его дѣтей озаботился Императоръ Николай I; дѣти были размѣщены по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ. Первый годъ ссылки Бриггенъ провелъ въ Читинскомъ острогѣ, затѣмъ шесть лѣтъ въ Пелымѣ и, наконецъ, былъ переведенъ въ Курганъ, гдѣ жили баронъ Розенъ, Кюхельбекеръ, Вроницкій и цѣлый кружокъ, оживившійся съ прибытіемъ Бриггена, обладавшаго удивительно пріятнымъ, веселымъ характеромъ. Нѣкоторое облегченіе участи Бриггена произошло послѣ 1837 г., когда по Сибири путешествовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и Кавелина. Послѣдній замѣтилъ Бриггена во время богослуженія въ церкви, имѣлъ съ нимъ разговоръ и познакомилъ его съ Жуковскимъ. Благодаря ходатайству наслѣдника предъ Государемъ, Бриггену, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, было предложено военною службою на Кавказѣ загладить прежнія политическія заблужденія. Хотя Бриггенъ отказался ѣхать на Кавказъ, однако участь его была облегчена, и ему удалось поступить на государственную службу въ земскій судъ (писцемъ). Черезъ десять лѣтъ онъ получилъ первый гражданскій чинъ. Еще въ Петербургѣ Бриггенъ занимался литературными работами. Умственная жизнь его не прекратилась и въ Сибири: онъ много читалъ и писалъ. Сохранилось его письмо изъ Кургана: «Минихъ въ Сибири», изъ котораго видно, что онъ нарочно ѣздилъ въ Пелымъ въ ноябрѣ 1833 г. для осмотра мѣста и разспроса очевидцевъ о жизни этого историческаго дѣятеля. Въ Сибири же онъ перевелъ сочиненія Цезаря и свой переводъ въ іюнѣ 1845 г. послалъ Жуковскому во Франкфуртъ на Майнѣ, прося разрѣшенія посвятить ему свой трудъ и содѣйствовать къ напечатанію его. Жуковскій нашелъ переводъ весьма замѣчательнымъ, далъ просимое разрѣшеніе, и помогъ Бриггену деньгами, купивъ даже (въ 1849 г.) этотъ переводъ, который не появился въ печати вслѣдствіе болѣзни и смерти Жуковскаго. Поэтъ относился къ Бриггену весьма сочувственно, неразъ ходатайствовалъ за него передъ цесаревичемъ и велъ съ нимъ переписку. Окончивъ переводъ Цезаря, Бриггенъ сталъ переводить сочиненія Саллюстія, но и эта работа его не появилась въ печати. Манифестъ, обнародованный 26 августа 1856 г., далъ Бриггену возможность покинуть Сибирь. Служба его въ земскомъ судѣ дала ему право на личное дворянство, а по ходатайству гр. Орлова въ 1856 г. ему было всемилостивѣйше разрѣшено, въ случаѣ оставленія службы, ежегодно получать пособіе по 285 р. Въ Россіи Бриггенъ поселился въ Петергофѣ у дочери своей, жены ротмистра л.-гв. уланскаго полка, Гербеля.

«Русскій Архивъ», 1867, 1870, 1877, 1883, 1893 гг.—«Русская Старина», 1883, 1884, 1888, 1891, 1896, 1901 гг. — Сочиненія Жуковскаго, Изданіе 7-е, т. VI, стр. 626. — Записки декабриста (барона А. Розена). Лейпцигъ, 1870 г. — N. Tourguénieff, La Russie et les russes. Paris, 1847. — «Древняя и новая Россія», 1878 г., т. I.
В. Ф.

Бризе-ду (Brizé-Doux), ***Алексѣй***, художникъ-живописецъ въ Петербургѣ при Императорѣ Николаѣ I. Бризе-Ду былъ французскимъ подданнымъ. Въ октябрѣ 1854 г. онъ представилъ совѣту с.-петербургской академіи художествъ написанную имъ масляными красками картину на сюжетъ: «Прерванный сонъ», а также акварельный портретъ съ натуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ признать его по этимъ работамъ назначеннымъ въ академики и задать ему програму на полученіе званія академика или удостоить званія художника. Разсмотрѣвъ представленныя картины, совѣтъ академіи художествъ постановилъ удостоить Бризе-Ду званія некласснаго художника.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Императорской Академіи Художествъ». Спб. 1864. *В. Г.*

Брилли (Де-Брильи, Brilly), ***Андрей***, инженеръ - генералъ - лейтенантъ, ум. въ 1747 г. Онъ былъ родомъ изъ Италіи, гдѣ и получилъ образованіе. На русскую службу вступилъ въ 1701 г., вызванный, послѣ долгой передъ тѣмъ службы во Франціи и Швеціи, россійскимъ посланникомъ при датскомъ дворѣ, Измайловымъ. По его указанію, онъ прибылъ въ Москву, здѣсь былъ экзаменованъ инженеръ-генераломъ Ламберомъ и съ аттестаціей «достойнаго и искуснаго» опредѣленъ въ инженерный корпусъ въ чинѣ капитана. Въ Россіи Брилли былъ однимъ изъ немногихъ наиболѣе просвѣщенныхъ инженеровъ и пользовался особеннымъ благоволеніемъ и довѣріемъ Петра Великаго. Къ 1725 г. онъ достигъ уже чина генералъ-маіора, въ 1741 г.—произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 30 августа 1744 г. былъ пожа-

лованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Брилли участвовалъ въ 1731 г. въ переформированіи и поселеніи украинской милиціи и въ походахъ фельдмаршаловъ Миниха и Ласси противъ турокъ и крымскихъ татаръ въ 1736—1739 гг.

Словари: Плюшара, Старчевскаго, Зеделера, Березина, Андреевскаго, Леера.

Д. С—въ.

Бриммеръ, *Эдуардъ Владиміровичъ*, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Эстляндіи, род. 27 февраля 1797 г., ум. 22 сентября 1874 г. Получивъ первоначальное домашнее обученіе, онъ былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, въ которомъ за отличное поведеніе и ученіе былъ фельдфебелемъ 1-й (старшей) роты. Прекрасно выдержавъ экзаменъ, Бриммеръ въ 1815 г. былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ прапорщика артиллеріи за отличіе и зачисленъ въ 9-ю артиллерійскую бригаду, находившуюся въ то время еще въ предѣлахъ Франціи, въ составѣ окупаціоннаго корпуса, оставленнаго въ этой странѣ по условіямъ Парижскаго мира. Бриммеръ присоединился къ своей бригадѣ въ Нанси и участвовалъ вмѣстѣ съ нею въ извѣстномъ смотрѣ войскъ союзными монархами при Вертю, послѣ котораго часть войска выступила обратно въ предѣлы Россіи, но бригада, въ которой служилъ Бриммеръ, оставалась въ предѣлахъ Франціи до ноября 1818 г. По возвращеніи ея въ Россію, Бриммеръ, по волѣ главнаго начальника артиллеріи вел. кн. Михаила Павловича, былъ прикомандированъ къ гвардейской артиллеріи и вскорѣ назначенъ въ учебную артиллерійскую бригаду. При проѣздѣ въ 1820 г. съ Кавказа чрезъ Петербургъ генерала Ермолова, назначеннаго въ то время начальникомъ войскъ, отправляемыхъ для усмиренія вспыхнувшаго волненія въ Италіи, — Бриммеръ, въ числѣ прочихъ, представлялся Ермолову и, пораженный воинственною его осанкою и привѣтливостію, возъимѣлъ желаніе продолжать службу подъ его начальствомъ. Вслѣдствіе этого, по его о томъ просьбѣ, Бриммеръ былъ переведенъ въ 1822 г. въ легкую 3-ю роту кавказской артиллерійской бригады, расположенную на Кавказѣ. Скоро своею распорядительностію и личною отвагою во время экспедиціи въ Кабарду Бриммеръ обратилъ на себя вниманіе Ермолова. По возвращеніи изъ экспедиціи Бриммеръ стоялъ въ Гомборахъ и на персидской границѣ и участвовалъ въ 1825 г. въ дѣлахъ отдѣльныхъ отрядовъ, лично предводительствуемыхъ Ермоловымъ противъ горцевъ и персовъ. Во время персидской войны 1826—27 гг. Бриммеръ, тогда уже штабсъ-капитанъ кавказской гренадерской артиллерійской бригады, участвовалъ въ движеніи отряда князя Эристова для занятія Тифлиса и за исполненіе съ успѣхомъ разныхъ порученій и въ особенности за дѣло при Тавризѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ. При началѣ турецкой кампаніи 1828 г. Бриммеръ много содѣйствовалъ двукратному успѣшному отраженію аттакъ турецкой кавалеріи при крѣпости Ахалцыхѣ 9 августа 1828 г., а затѣмъ блистательно дѣйствовалъ при осадѣ этой крѣпости и въ особенности предъ штурмомъ ея, за что удостоился получить ордена: св. Георгія 4-й степени, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 2-й степени съ бантомъ. По взятіи Ахалцыха Бриммеръ участвовалъ во взятіи Эрзерума, въ сраженіи при селеніи Харта въ 1829 г. и затѣмъ съ своею батарейною ротою кавказской гренадерской бригады вернулся въ штабъ-квартиру въ Гомборы (въ Грузіи), гдѣ въ 1830 г. свирѣпствовала холера. Вслѣдствіе необычайной заботливости Бриммера о нижнихъ чинахъ и замѣчательной его распорядительности число заболѣвавшихъ холерою среди солдатъ было очень незначительно. Въ 1831 г. Бриммеръ отправился въ отпускъ на родину, въ Ригу, но разгорѣвшееся польское возстаніе побудило его выразить желаніе принять участіе въ польской войнѣ. Рижскій военный губернаторъ графъ Паленъ поручилъ ему заняться въ Ригѣ формированіемъ батарей, съ которыми Бриммеръ и принялъ участіе въ составѣ литовскаго отряда. За этотъ трудъ Бриммеръ былъ представленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени, но взамѣнъ онаго былъ произведенъ въ подполковники. По возвращеніи въ Тифлисъ онъ участвовалъ въ горной экспедиціи 1832 г. генераловъ барона Розена и Вельяминова въ Чечню, Ичкерію, Салатавы и Гимры, въ продолженіи которой новый рядъ подвиговъ и отличій доставили ему ордена: св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст. съ короною и, кромѣ того, чинъ полковника. Слѣдующій годъ тихой жизни онъ провелъ исключительно въ заботахъ о

благосостояніи ввѣренной его командованію 29-й артиллерійской бригады, съ которою затѣмъ находился въ непрерывныхъ экспедиціяхъ генерала Вельяминова на лѣвомъ берегу Кубани и черноморской береговой линіи въ продолженіи 1835, 1836 и 1837 гг. Эти постоянные походы и убійственныя климатическія условія мѣстности сильно разстроили здоровье Бриммера, что и побудило его просить о переводѣ въ другую бригаду. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 7-й бригады, расположенной въ малороссійскихъ губерніяхъ. Но лихорадка не покидала его и въ этомъ мѣстѣ. Бриммеръ долженъ былъ ѣхать за границу въ 1842 г. и отказаться отъ командованія бригадою. Онъ былъ зачисленъ въ распоряженіе начальника артиллеріи дѣйствующей арміи въ Варшавѣ и оставался въ этомъ городѣ по 1847 г., исполняя различныя порученія, относящіяся до артиллеріи по преимуществу. Подобнаго рода служба была не по характеру Бриммера: его тянуло на Кавказъ. Произведенный въ 1847 г. въ генералъ-маіоры, онъ скоро, по своей просьбѣ, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, съ которою находился въ составѣ дагестанскаго отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова и участвовалъ во взятіи штурмомъ аула Гергебиля, за что награжденъ орденомъ св Станислава 1-й степени. Вскорѣ послѣ этого Шамиль съ своими скопищами обложилъ наше укрѣпленіе Ахту. Бриммеръ, узнавъ объ этомъ, немедленно послалъ подкрѣпленіе, давшее возможность гарнизону Ахты держаться противъ враговъ до самаго прибытія Аргутинскаго, разбившаго горцевъ. Въ 1848 г. Бриммеръ былъ сдѣланъ начальникомъ артиллеріи кавказскаго округа и, отправляя эту должность до 1856 г., неусыпно заботился объ устройствѣ артиллеріи округа. Постоянными своими ходатайствами онъ успѣлъ устроить удобныя помѣщенія для солдатъ, завести отличное хозяйство по батареямъ, учредить школу для образованія фейерверкеровъ и улучшить положеніе артиллерійскихъ батарейныхъ школъ. Онъ всѣми мѣрами старался достигнуть того, чтобы всѣ исправленія различныхъ деревянныхъ частей, входившихъ въ составъ артиллерійскаго орудія, и его принадлежностей производилось бы непремѣнно въ батарейныхъ мастерскихъ; онъ даже воспретилъ входить съ представленіями о перемѣнѣ деревянныхъ частей; это очень развило искусство мастеровыхъ въ батареяхъ и оказалось очень полезнымъ въ военное время. Вмѣстѣ съ этимъ онъ заботился о пріобрѣтеніи на Кавказѣ мѣстнаго лѣса для артиллеріи. Ежегодно объѣзжая по штабъ-квартирамъ артиллерію, онъ требовалъ отъ частныхъ начальниковъ весьма настойчиво улучшеній ввѣренныхъ имъ частей, возбуждалъ въ нихъ полезное въ этомъ отношеніи соревнованіе и доставлялъ имъ всѣ необходимыя къ тому средства. Онъ очень заботился о всѣхъ выпускаемыхъ къ нему офицерахъ, былъ особенно щекотливъ къ репутаціи своихъ подчиненныхъ, и имѣлъ бдительный надзоръ и попеченіе о ввѣренныхъ его командѣ лицахъ. Будучи замѣчательно добръ, Бриммеръ съ полнымъ участіемъ выслушивалъ просителей и всѣми силами старался исполнить всякую просьбу; всякій зналъ, что найдетъ у него справедливость и снисхожденіе, если имѣетъ на то право. При этомъ Бриммеръ никогда не искалъ популярности. Въ отношеніи исполненія служебныхъ обязанностей онъ былъ строгъ. Выросши въ строю, онъ слѣдовалъ не инструкціямъ, а понятіямъ и пріемамъ, въ которыхъ окрѣпъ самъ съ юношескихъ лѣтъ. Словомъ, онъ являлся какъ бы заботливымъ главою семейства и всѣми своими мѣрами подготовилъ ввѣренную ему артиллерію къ блестящему поприщу, открывшемуся ей скоро въ турецкой войнѣ 1853—55 гг. Государь Наслѣдникъ, посѣтивъ Кавказъ въ 1856 г., остался очень доволенъ артиллеріею, которая, не смотря на постоянныя военныя дѣйствія съ горцами, находилась въ замѣчательномъ благоустройствѣ, подтвердившемся на дѣлѣ. Въ походѣ противъ турокъ въ Малой Азіи въ 1853 г. Бриммеръ лично командовалъ артиллеріею корпуса и отдалъ приказъ: «чтобы поближе познакомился съ нами непріятель, дѣйствовать преимущественно съ ближней дистанціи». Приказъ этотъ исполнялся въ каждой батареѣ; въ первомъ же сраженіи при Баяндурѣ, 2-го ноября 1853 г., наша артиллерія выдерживала огонь двойнаго числа турецкихъ орудій, скрыто поставленныхъ, и нанесла имъ не малый вредъ, хотя и сама при этомъ потерпѣла. Оправившись своими средствами, въ слѣдующемъ сраженіи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, 19-го ноября, послѣ подготовки артиллерійскимъ огнемъ атаки,

Бриммеръ, видя, что стрѣльба затягивается напрасно, двинулъ свои ближайшія батареи на турецкія, овладѣлъ 22 орудіями и тѣмъ рѣшилъ сраженіе въ нашу пользу. Турецкія войска, разстроенныя картечью, бѣжали. Бриммеръ за это дѣло былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, 4-го декабря 1853 г. Но примѣръ безусловной геройской отваги проявилъ Бриммеръ въ слѣдующемъ сраженіи при Курюкъ-Дарѣ, 24-го іюня 1854 г.; здѣсь онъ, вмѣстѣ съ пѣхотою, двинулся на турокъ подъ убійственнымъ ихъ огнемъ и, перемѣняя позиціи приближался къ нимъ все ближе и ближе. Сперва онъ осыпалъ турокъ картечью съ разстоянія 400 саж., затѣмъ подошелъ къ нимъ на 250 саж. и снова открылъ огонь. Узнавъ, что въ его резервѣ не имѣется болѣе ни одного человѣка, онъ, тѣмъ не менѣе, подошелъ къ туркамъ на разстояніе всего 60 саж., сильнымъ огнемъ усталъ поле турецкими трупами и затѣмъ бросился на нихъ съ пѣхотою въ штыки. Въ приказѣ по арміи главнокомандующій князь Бебутовъ благодарилъ Бриммера за это сраженіе и выразилъ при этомъ, что «побѣду доставила намъ артиллерія, замѣнивъ своею мѣткою стрѣльбою малочисленность нашихъ войскъ». Бриммеръ былъ за это награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени, причемъ въ Высочайшей грамотѣ онъ признанъ главнымъ виновникомъ пораженія непріятельскаго центра. Вся армія оцѣнила заслуги Бриммера и разумность отданнаго имъ ранѣе приказа, въ которомъ говорилось: «холодная стойкость въ сильномъ огнѣ, мѣткая стрѣльба и благородный порывъ на картечные выстрѣлы— вотъ служба артиллериста, которою онъ добываетъ честь своему оружію» (приказъ 20 іюня 1854 г.). Затѣмъ Бриммеръ участвовалъ въ обложеніи крѣпости Карса въ 1855 г., и на его долю выпала тяжелая обязанность въ день неудавшагося штурма этой крѣпости. Видя тщетность геройскихъ усилій нашихъ войскъ овладѣть Карсомъ, главнокомандующій графъ Муравьевъ передалъ Бриммеру въ послѣдній часъ кроваваго штурма командованіе надъ участвовавшими въ штурмѣ войсками и разрѣшилъ ему поступить по своему усмотрѣнію. Войска наши, двинувшись на штурмъ безъ лѣстницъ, фашинъ, перекидныхъ досокъ, не могли взобраться на стѣну и, поражаемые турками въ упоръ, гибли напрасно. Бриммеръ успѣлъ собрать колонны и отвести ихъ назадъ, не оставивъ въ рукахъ турокъ никакихъ трофеевъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, Бриммеръ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и назначенъ командующимъ корпусомъ на турецко-кавказской границѣ. Находясь въ Александрополѣ, онъ очень заботился о раненыхъ, больныхъ и плѣнныхъ и о благосостояніи ввѣренныхъ ему войскъ. Вскорѣ Бриммеру пришлось разстаться съ Кавказомъ; онъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Новогеоргіевска близъ Варшавы. Сослуживцы торжественно проводили любимаго генерала. Растроганный до слезъ боевой генералъ выпилъ послѣдній бокалъ и, бросивъ его на землю, сказалъ: «не бывать мнѣ болѣе на Кавказѣ, не своя семья, не кавказцы закроютъ мнѣ глаза». Слова его оправдались: боевое поприще и дѣятельная служба Бриммера съ отъѣздомъ съ Кавказа закончились. Въ Новогеоргіевскѣ его мучили всякіе недуги и принуждали неоднократно ѣздить за границу для леченія на воды. Тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь, помимо заботливости о самой крѣпости, прилагалъ заботы къ устройству русскихъ колоній близъ крѣпости, о перемѣщеніи въ слободы ея женатыхъ нижнихъ чиновъ и т. д. Получивъ въ 1859 г. орденъ Бѣлаго Орла, Бриммеръ былъ по болѣзни уволенъ въ 1861 г. въ одиннадцати-мѣсячный отпускъ, съ отчисленіемъ отъ должности коменданта, при чемъ онъ былъ назначенъ состоящимъ при его высочествѣ генералъ-фельдцейхмейстерѣ, съ оставленіемъ по артиллеріи. Но уже въ 1862 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа и въ этомъ званіи былъ награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго (полученному имъ ранѣе, въ 1862 г.) и затѣмъ въ 1866 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи съ зачисленіемъ по запаснымъ войскамъ. Остальные восемь лѣтъ жизни Бриммеръ постоянно недомогалъ и притомъ все болѣе и болѣе. Поѣздки за границу приносили мало пользы и болѣзни его все увеличивались. Въ послѣднюю поѣздку заграницу въ 1874 г. онъ почувствовалъ себя настолько хуже, что поспѣшилъ вернуться въ Россію и вскорѣ скончался въ Царскомъ Селѣ.

Формулярный списокъ.—Матеріалы для исто-

ріи кавказской артиллеріи, Н. С. Ходнева (въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», 1871 г., № 9; 1872 г., № 1 и 12; 1873 г., № 1; 1875 г., №№ 7 и 8).—«Кавказская Газета», 1856 г., № 1.—«Русскій Инвалидъ», 1853 г., № 265; 1854 г., № 177; 1855 г., №№ 215 и 230; 1874 г., № 220.—«Всемірная Иллюстрація», 1874 г., № 6.—«Русскій Міръ», 1874 г., № 267.—«Иллюстрир. Недѣля», 1874 г., № 41.—«Голосъ», 1874 г., № 266.—«С.-Петерб. Листокъ», 1874 г., №№ 190 и 192.—«Пчела», 1875 г., № 19.—Степановъ и Григоровичъ, «На память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія». *П. Майковъ.*

Бринъ (фонъ), ***Францъ Абрамовичъ***, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1761 г., ум. въ Москвѣ, 23-го февраля 1844 г. На службу записанъ въ 1772 г. унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, откуда, три года спустя, переведенъ съ чиномъ сержанта въ л.-гв. Измайловскій полкъ, а въ 1781 г.—въ армію капитаномъ, въ шлиссельбургскій мушкатерскій полкъ. Въ 1782 г. фонъ-Бринъ снова переведенъ въ наваринскій полкъ, а отсюда въ 1785 г.—квартирмейстеромъ въ 1-й фузелерный полкъ, съ зачисленіемъ по артиллеріи, въ которой и оставался до выхода своего, въ 1799 г., въ отставку. Состоя на военной службѣ, онъ находился въ походахъ съ 1787 г. по 1794 г. въ Крыму и при вооруженіи крѣпостей Керчи и Еникале и острова Тамани; съ особеннымъ отличіемъ участвовалъ при переправѣ войскъ черезъ Еникальскій проливъ на островъ Тамань, для осады крѣпости Анапы, и при обратной переправѣ въ Крымъ, сопровождая болѣе 12 тысячъ ногайцевъ. Ему же обязаны своимъ устройствомъ крѣпости Керчь и Еникале и приведеніемъ ихъ вооруженія въ исправность; по отбытіи командующаго тогда въ этихъ крѣпостяхъ генералъ-маіора Розенберга, онъ оставался въ крѣпостяхъ начальствовавшимъ. Въ 1798 г. фонъ-Бринъ состоялъ полковникомъ въ артиллерійскомъ баталіонѣ Ламздорфа. Черезъ два мѣсяца послѣ увольненія изъ военной службы, фонъ-Бринъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ опредѣленъ на должность совѣтника главнаго почтоваго управленія, а затѣмъ послѣдовательно состоялъ гражданскимъ губернаторомъ: въ Смоленскѣ (съ 14 марта 1805 г. по 1 марта 1807 г.), въ Томскѣ (съ 28 февраля 1808 г. по 26 іюля 1810 г.) и въ Тобольскѣ (съ 26 іюля 1810 г. по 28 іюля 1821 г.). На административномъ поприщѣ фонъ-Бринъ въ особенности выдѣлялся своими широкими заботами о народномъ продовольствіи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Томскѣ и Тобольскѣ имъ были приведены въ лучшее устройство поселенія, упорядочена операція ломки соли съ Коряковскаго озера, перестроены винокуренные заводы и пр. 12-го декабря 1816 г. онъ произведенъ въ тайные совѣтники, а 28-го іюля 1821 г. опредѣленъ въ Сенатъ, гдѣ и числился неприсутствующимъ членомъ 7-го департамента до своей кончины.

Послужной списокъ, хранящійся въ с.-петерб. архивѣ Сената.—«Сѣв. Пчела», 1844 г., № 53. *Д. С—въ.*

Бриньи (де), *Петръ* (de-Brigny), генералъ-лейтенантъ, ум. въ 1754 г. По происхожденію французъ, Бриньи вступилъ въ русскую службу по приглашенію Петра Великаго въ началѣ Сѣверной войны и работалъ при сооруженіи крѣпостей на сѣверныхъ границахъ. Въ 1711 г. онъ участвовалъ въ Прутскомъ походѣ и послѣ него былъ произведенъ въ полковники. Петръ употреблялъ его постоянно для «исправленія инженерныхъ дѣлъ». Такъ, въ 1720 г. онъ былъ посланъ въ Псковъ, Великія Луки, Смоленскъ и нѣкоторыя другія пограничныя съ Польшей города для приведенія крѣпостей въ состояніе, пригодное для обороны; въ 1721 г. онъ находился въ распоряженіи адмирала Апраксина. Въ 1722 г., вмѣстѣ съ астраханскимъ полкомъ, въ которомъ онъ тогда состоялъ, Бриньи былъ отправленъ къ Дербенту, но остановился въ Астрахани и здѣсь строилъ городскія укрѣпленія и собиралъ провіантъ для готовившагося дербентскаго похода. Въ томъ же году онъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ, по Высочайшему приказу, началъ строить крѣпости Св. Креста и Св. Анны. Въ концѣ царствованія Петра Бриньи былъ произведенъ въ бригадиры, а 1-го января 1727 г.—въ генералъ-маіоры и все это время пробылъ на Кавказѣ во вновь пріобрѣтенныхъ отъ Персіи провинціяхъ, гдѣ усиленно строилъ крѣпости и снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Въ то же время онъ состоялъ помощникомъ (т. е. начальникомъ штаба) при генералѣ Левашевѣ, командовавшемъ русскими войсками въ этихъ провинціяхъ. Съ 1733 г. Бриньи было поручено приготовлять запасы для предполагавшагося Азовскаго похода, а въ 1735 г. онъ принялъ участіе въ этомъ походѣ, будучи посланъ съ вспомогательнымъ корпусомъ на помощь Миниху, осаждавшему

Азовъ, и принялъ участіе во взятія крѣпости. Въ 1736 и 1737 г.г. Бриньи снова укрѣплялъ восточныя границы имперіи. 22-го января 1737 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1738 г. онъ участвовалъ въ походѣ на Крымъ подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси, былъ командированъ съ дивизіей впередъ къ Перекопу, легко взялъ этотъ городъ и этимъ очистилъ путь въ Крымъ остальной арміи. Около этого же времени Бриньи нѣкоторое время исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера, а въ 1739 г. былъ посланъ командовать войсками въ Остзейскомъ краѣ. 16-го марта 1740 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Ревель, гдѣ исправлялъ крѣпостныя сооруженія, а 25-го августа 1741 г. былъ снова посланъ въ армію. 9-го февраля 1743 г. Бриньи былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Бриньи принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ и способнѣйшихъ генераловъ своего времени. Минихъ въ своемъ отзывѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о генералахъ, служившихъ подъ его начальствомъ, такъ отзывается о Бриньи: «Бриньи можетъ быть употребленъ, только весьма безпокойнаго характера, интригантъ и искательный. Надобно весьма держать его въ рукахъ».

Дѣла Московскаго отдѣленія архива Главнаго Штаба.—Голиковъ, Дѣянія Петра Вел. IX, 511.—Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. тт. XX, LXXVI.—«Русская Старина», LXV.—Е. Болховитиновъ, Описаніе Воронежской губ.—«Сѣверный Архивъ», 1822 г., т. I, № 3.—Словари: Плюшара и Леера.

Е. Лих.

Брискорнъ, *Максимъ Максимовичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1788 г., ум. 12 февраля 1872 г. Брискорнъ началъ службу на 21 году жизни, поступивъ въ канцелярію начальника главнаго штаба въ 1809 г., а въ 1810 г. получилъ первый классный чинъ. По роду службы онъ долженъ былъ находиться при особѣ Государя и неоднократно сопровождалъ Императора Александра Павловича при его путешествіяхъ по Россіи и Западной Европѣ; такъ, онъ находился въ свитѣ Государя во время пребыванія его на Ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 г., на третьемъ сеймѣ Царства Польскаго въ 1820 г., на конгрессѣ въ Троппау и Лайбахѣ въ 1821 г. и на конгрессѣ въ Веронѣ въ 1823 г. Въ чинѣ надворнаго совѣтника Брискорнъ въ 1825 г. былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи начальника главнаго штаба, а въ 1829 г. состоялъ при особѣ Государя Николая I. Въ 1831 г. онъ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1 мая 1832 г. назначенъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, которымъ тогда управлялъ графъ Чернышевъ. Брискорнъ пользовался полнымъ его довѣріемъ и, наряду съ Позеномъ, почти управлялъ министерствомъ. Ими прочитывались наиболѣе важные доклады министру и Государю, и лишь съ ихъ одобренія имѣли дальнѣйшій ходъ всѣ наиболѣе крупныя дѣла. Вѣроятно, имѣя въ виду знаніе Брискорномъ дѣлъ министерства во всѣхъ подробностяхъ, сблизился съ нимъ гр. Клейнмихель, желавшій устраненія отъ дѣлъ гр. Чернышева. Воспользовавшись поѣздкой послѣдняго на Кавказъ, временно исполняя обязанности военнаго министра, онъ вникалъ самъ во всѣ дѣла и сблизился съ Брискорномъ. Чернышевъ, возвратясь, остался недоволенъ этою близостью, и приказомъ 20 октября 1842 г. Брискорнъ былъ отъ должности уволенъ безъ всякаго новаго назначенія. Но Клейнмихель заступился за Брискорна, и онъ чрезъ мѣсяцъ былъ опредѣленъ, съ прежнимъ званіемъ статсъ-секретаря, членомъ комиссіи прошеній; въ этомъ званіи онъ состоялъ лишь 2 мѣсяца, а 2 февраля 1843 г., получилъ новое назначеніе на вновь учрежденный постъ товарища государственнаго контролера. Въ 1844 г. Брискорнъ получилъ званіе сенатора. Въ контролѣ Брискорнъ служилъ до 1853 г., когда выяснилась его прикосновенность къ дѣлу тайнаго совѣтника Политковскаго, обвиненнаго въ необычайно крупной растратѣ. Впрочемъ, по этому дѣлу Брискорнъ успѣлъ оправдаться, но 27 марта 1853 г. все-таки былъ уволенъ въ отставку за поданное имъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Однако, званіе сенатора было за нимъ сохранено. 4 мая 1856 г. онъ снова поступилъ на службу и назначенъ управляющимъ канцеляріею военнаго министерства, а 13 января 1857 г. занялъ постъ предсѣдателя комитета для устройства образованія и судьбы военныхъ кантонистовъ. Въ томъ же году Брискорнъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и въ этомъ званіи оставался до 1872 г. Въ 1868 г. онъ произведенъ въ чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника. Онъ былъ кавалеромъ орде-

новъ: св. Станислава 1 ст., св. Анны 1 ст., св. Владиміра 2 ст. и Бѣлаго Орла.

«Русск. Старина». 1870, 1890, 1894 и 1900 гг.— «Русскій Архивъ», 1888, 1893 и 1894 гг.—«Русскій Инвалидъ», 1872 г., № 39. *В. Ф.*

Бріоски (Brioschi), *Викентій Ивановичъ*, историческій живописецъ, род. въ 1786 г. во Флоренціи, ум. въ 1843 г. въ С.-Петербургѣ. Художественное образованіе онъ получилъ во флорентійской академіи у Бенвенути. Въ 1811 г. Бріоски пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и продолжалъ занятія историческою живописью, отъ времени до времени выставляя въ академіи художествъ свои работы. 21-го декабря 1812 г. ему была задана программа на академика «представить Каина, осуждаемаго Господомъ за братоубійство, и бѣгущаго отъ гнѣва Божія», а пока онъ былъ записанъ въ число назначенныхъ къ баллотированію въ академики, «яко не принадлежащій къ цеховымъ малерамъ». 1-го сентября 1813 г. онъ, по большинству балловъ, получилъ за эту картину званіе академика. Въ началѣ 1817 г. Бріоски, согласно его прошенію, былъ назначенъ въ с.-петербургскій эрмитажъ для реставрированія картинъ. Онъ еще до этого времени занимался реставраціей у А. И. Корсакова, А. С. Мордвинова, гр. Пушкина, Брюса, кн. Гагарина и др. Эрмитажъ нерѣдко командировалъ его за границу для исполненія разныхъ порученій по художественной части. Въ 1822 г. Бріоски помѣстилъ рядъ литографій въ альбомѣ: «Représentation de la fête, donnée par Sa Majesté L'Imperatrice à S. A. I. M-me la Grande Duchesse Marie de Saxe-Weimar à St.-Pétersbourg, 4 Fevrier 1822». Нѣкоторыя литографіи подписаны буквой: B, нѣкоторыя полной фамиліей. Въ 1823 г. онъ выставилъ «Св. Семейство» въ совершенно новыхъ формахъ, имѣвшее большой успѣхъ.

Архивъ Императорской Академіи Художествъ, 1812, № 72; 1817, № 81; 1833, № 63; 1834, № 18; 1835, № 68. — Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon.—Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.— Словари: Березина, Гарбеля, Брокгауза-Эфрона.— Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. А. Х., т. II. — Сомовъ, Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. 1872. *А. Э. М—нъ.*

Бріоте, *Яковъ Францевичъ*, заслуженный профессоръ Императорскаго виленскаго университета, докторъ медицины и хирургіи, род. 19 іюля 1746 г. въ Тореѣ, въ Бургундіи, ум. 25 мая 1819 г. въ Вильнѣ. Происходя изъ крестьянскаго семейства, Бріоте первоначальное воспитаніе получилъ у своего родственника священника, затѣмъ въ Ліонѣ, гдѣ, познакомившись съ медициной, сталъ посѣщать мѣстный госпиталь; но начальство госпиталя, замѣтивъ способность его къ медицинѣ, отправило его въ 1768 г. въ Парижъ для основательнаго изученія медицинскихъ наукъ, и тамъ, при госпиталѣ L'Hôtel-Dieu, онъ изучалъ анатомію, подъ руководствомъ Петипа, Сабатьера и Порталя, и хирургію, подъ руководствомъ Лозане, Моро и Ферранда. По окончаніи курса наукъ Бріоте былъ назначенъ прозекторомъ и демонстраторомъ анатоміи при L'Hôtel-Dieu. Въ 1777 г. Бріоте, по приглашенію канцлера главной литовской школы, князя епископа Масальскаго, черезъ посредство профессора Реньера, прибылъ въ Вильну и былъ назначенъ профессоромъ и демонстраторомъ анатоміи главной школы. Бріоте былъ первымъ преподавателемъ этой науки въ Вильнѣ. Въ 1787 г. онъ былъ признанъ докторомъ медицины и назначенъ профессоромъ практической хирургіи, въ 1791 г. наименованъ главнымъ штабсъ-хирургомъ литовскихъ войскъ, а въ 1806 г., по преобразованіи въ 1803 г. главной школы въ университетъ, ему поручено было устроить хирургическую клинику, что онъ блистательно исполнилъ. Бріоте въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ ревностно исполнялъ свои обязанности какъ операторъ, акушеръ и преподаватель, но съ 1811 г. умственные способности его стали ослабѣвать. Изъ его сочиненій извѣстно одно разсужденіе о хирургіи, которое было напечатано при росписаніи лекцій на 1788—1789 г.

Dzienn Wil., 1819, II, p. 445.

Бровковичъ, *Элпидифоръ Ивановичъ*, врачъ, сынъ священника, род. 2 ноября 1830 г. въ могилевской губ., ум. 12 іюня 1854 г. въ крѣпости Аландъ. Въ 1849 г. онъ поступилъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію казеннокоштнымъ студентомъ, 28 января 1854 г. окончилъ курсъ, признанъ лѣкаремъ съ отличіемъ и награжденъ похвальнымъ листомъ; 31 января того-же года онъ былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ въ аландскій военный госпиталь. Лѣтомъ того-же года Аландскіе острова подверглись нападенію

англичанъ и французовъ: 12 іюня 3 парохода 10 часовъ бомбардировали крѣпость Аландъ; одна бомба попала въ больничную палату и убила Бровковича, который въ это время находился тамъ на службѣ. Фамилія Бровковича записана на одну изъ траурныхъ досокъ, находящихся въ церкви военно-медицинской академіи и посвященныхъ памяти воспитанниковъ академіи, погибшихъ при исполненіи долга.

Дѣла I стола I отд. Гл. В.-Мед. Управленія, кондуитная книга 25, № 5849. — «Исторія И. В.-Медиц. Академіи за 100 лѣтъ»; СПб. 1898 г., стр. 825 и въ приложеніяхъ, стр. 240.—«Врачъ» 1900 г., № 1, стр. 18.

Н. Кульбинъ.

Бродниковъ, *Константинъ Григорьевичъ*, артистъ Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ, ум. въ Ялтѣ 18 октября 1886 г. Бродниковъ былъ ангажированъ на сцену Александринскаго театра, на вторыя роли, въ сезонъ 1865—1866 гг. и пробылъ на этой сценѣ болѣе двадцати лѣтъ. Онъ съ любовью относился къ своему искусству, былъ особенно типиченъ въ роляхъ армянъ, напр., въ пьесѣ: «Петербургскіе когти». Помимо этого, Бродниковъ былъ также извѣстенъ, какъ режиссеръ въ частныхъ театрахъ (въ Павловскѣ, Ораніенбаумѣ и др.). Незадолго до смерти врачи послали Бродникова въ Крымъ, но острая болѣзнь (горловая чахотка, усложняемая другой застарѣлой болѣзнью) свела его въ могилу, когда ему не было еще пятидесяти лѣтъ.

Некрологи: въ «Театральномъ Міркѣ» 1886 г., № 26 (41) (отдѣлъ «Хроника») и въ «Театрѣ и Жизни» 1886 г., № 146 (отдѣлъ «Петербургъ»).— А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до начала 1881 г., Спб., 1887 г., стр. 33, 45. *В. Г.*

Бродовскій, *Антонъ,* историческій живописецъ, род. въ 1784 г., ум. въ 1832 г. Первоначально учился живописи въ Варшавѣ, позже—въ Парижѣ у Жерара. По возвращеніи въ Варшаву въ 1814 г., онъ посвятилъ себя исторической живописи. Главныя его картины: «Гнѣвъ Саула», «Эдипъ и Антигона», «Гекторъ, укоряющій Париса при Еленѣ», «Учрежденіе варшавскаго университета Александромъ I» (на картинѣ—портреты Императора Александра, Ланского, ректора и профессоровъ), Портретъ польскаго историка Нѣмцевича.

Словарь Брокгауза-Ефрона.—Ровинскій, Словарь русскихъ гравиров. портретовъ.

А. М.

Брокеръ, *Адамъ Ѳомичъ,* московскій полиціймейстеръ, род. около 1762 г., ум. въ 1848 г. Отецъ Брокера занимался торговлею въ Архангельскѣ, обладалъ крупнымъ состояніемъ и пользовался извѣстностью въ городѣ. Наибольшую часть общества, бывавшаго въ домѣ отца Брокера, составляли моряки. При посредствѣ адмирала Вакселя, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Брокера, послѣдній былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, но, за неявкою вовремя, былъ исключенъ изъ списковъ. Нѣкоторое время Брокеръ находился, въ качествѣ юнкера, въ плаваніи на кораблѣ флагмана Фондезена, обучаясь навигаціи у капитанъ-лейтенанта Гримма. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время дома, Брокеръ около 1790 г., по приглашенію пріятеля отца, адмирала Макарова, отправился съ нимъ въ новое плаваніе, въ качествѣ переводчика съ англійскаго языка при осмотрѣ документовъ у встрѣчавшихся въ морѣ англійскихъ кораблей. Когда архангельскому и олонецкому генералъ-губернатору Т. И. Тутолмину было предписано сформировать отрядъ волонтеровъ и отправить ихъ въ Петербургъ для дѣйствій противъ шведовъ, Тутолминъ пригласилъ Брокера опредѣлиться къ нему въ волонтеры офицеромъ. Въ Олонцѣ Брокеръ, между прочимъ, ежедневно бывалъ, по желанію Тутолмина, на пушечномъ заводѣ англичанина Госкони, гдѣ переводилъ рабочимъ приказанія Госкони, не говорившаго по-русски. Вскорѣ было издано повелѣніе оставить формировку баталіоновъ; получивъ приказаніе явиться въ Петербургъ, Тутолминъ взялъ съ собою и Брокера и опредѣлилъ его въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ подпрапорщикомъ (въ 1791 г.). Здѣсь Брокеръ прослужилъ четыре года и въ 1795 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Сблизившись съ графомъ Салтыковымъ, Брокеръ нѣкоторое время жилъ въ его домѣ и исполнялъ нѣкоторыя порученія по устройству и управленію имѣніемъ графа. Еще во время службы въ гвардіи, Брокеръ пользовался благосклонностью графа. А. А. Безбородки. Оставшись безъ должности, Брокеръ обратился къ нему съ просьбою принять его на службу по почтовому вѣдомству, и въ 1798 г. былъ опредѣленъ въ Москву помощникомъ экспедитора. Впослѣдствіи Брокеръ исправлялъ должность экспедитора и за время ея

исправленія раскрылъ крупныя служебныя злоупотребленія. Въ январѣ 1810 г. Брокеръ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе непріятностей по службѣ, и сталъ искать новаго мѣста. Еще въ 1798 г. Брокеръ познакомился, а впослѣдствіи и сблизился съ семьею Ростопчиныхъ, и 6 іюля 1812 г., по представленію графа Ѳ. В. Ростопчина, Брокеръ былъ назначенъ московскимъ полиціймейстеромъ, а 12 іюля того же года, въ день представленія Государю Императору, былъ переименованъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники. Въ должности полиціймейстера Брокеръ проявилъ себя замѣчательно энергичнымъ, распорядительнымъ человѣкомъ и, кромѣ того, вскорѣ сталъ извѣстенъ своею честностью. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, высоко цѣнившій нравственныя достоинства Брокера, находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Ростопчинъ поручилъ ему всѣ свои дѣла и имѣнія, назначилъ его исполнителемъ своей предсмертной воли и опредѣлилъ опекуномъ и попечителемъ надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, графомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ. Въ 1817 г. Брокеръ, по Высочайшему соизволенію, былъ переведенъ на должность полиціймейстера въ Петербургъ. Брокеръ оставилъ послѣ себя автобіографическія записки, небезъинтересныя и съ точки зрѣнія характеристики общественныхъ отношеній его времени; записки эти доведены до 1799 г. Кромѣ того, Брокеромъ составлена, вскорѣ послѣ смерти графа Ѳ. В. Ростопчина, біографія послѣдняго (въ 1826 г.).

«Адамъ Ѳомичъ Брокеръ», въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г. (записки Брокера, его біографія и бумаги).—«Біографія графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, составленная А. Ѳ. Брокеромъ въ 1826 году» въ «Русской Старинѣ» 1893 г., январь.—«Переписка Императора Александра Павловича съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ» въ «Русской Старинѣ» 1893 г., январь, стр. 201, 208.— «Письма графа Ростопчина къ Брокеру. Письмо Брокера къ графу Ростопчину» въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г.—«Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго» въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», томъ LXXIII.— Ѳ. Булгаковъ, «Калейдоскопъ московской жизни» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 г., май, стр. 21, 25. *В. Г.*

Брокетъ (Broquette), *Денисъ*, придворный садовникъ при Императорѣ Петрѣ I и Императрицѣ Екатеринѣ I, ум. въ 1734 г. Брокетъ былъ по происхожденію французъ, а на русской службѣ находился съ 1715 г. Онъ въ свое время устраивалъ всѣ сады въ Петербургѣ. Онъ разводилъ на открытомъ воздухѣ пахучія цвѣтущія растенія, особенно раннія луковицы, которыя любилъ Петръ Великій. Умеръ Брокетъ еще не старымъ.

«Книга приходо-расходная комнатныхъ денегъ Императрицы Екатерины Первой» въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г. (стр. 517).—Энциклопедическій словарь Березина. *В. Г.*

Брокъ, *Петръ Федоровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, министръ финансовъ, род. въ 1806 г., ум. 30 января 1875 г. въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса наукъ въ московскомъ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, Брокъ поступилъ 28 марта 1821 г. на службу въ вѣдомство путей сообщенія по отдѣльной части построенія мостовъ на московскомъ шоссе, 1 іюня 1825 г. перешелъ въ департаментъ внѣшней торговли, а съ 25 мая 1827 г. по 22 мая 1831 г. служилъ въ государственномъ заемномъ банкѣ столоначальникомъ и письмоводителемъ; затѣмъ, поступивъ въ канцелярію Комитета Министровъ помощникомъ начальника отдѣленія, онъ былъ откомандированъ въ 1832 г. къ оберъ-шталмейстеру князю Долгорукову, для сопровожденія великихъ княженъ за границу въ Доберанъ. Въ чинахъ Брокъ шелъ быстро и неоднократно удостоивался Высочайшихъ денежныхъ наградъ. 1 января 1844 г. Брокъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 14 ноября назначенъ помощникомъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, Ханыкова, во время болѣзни и отсутствій котораго исправлялъ неоднократно его должность, а также и обязанности по комитетамъ: западному, эмеритальному и секретному, причемъ получилъ: 9 января 1846 г.— орденъ св. Владиміра 3 ст., а 13 января 1848 г.—св. Станислава 1 степ. 1 мая 1849 г. Броку Высочайше повелѣно быть исправляющимъ должность товарища министра финансовъ, а за усердную 18-лѣтнюю службу по Комитету Министровъ пожалованъ орденъ св. Анны 1 степени. Съ 21 мая 1850 г. Брокъ предсѣдательствовалъ въ учрежденныхъ при министерствѣ финансовъ совѣтахъ—коммерческомъ и мануфактурномъ; 8 апрѣля 1851 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2 степ., а 27 мая 1852 г. произведенъ въ тайные совѣтники, съ утвержденіемъ въ должности товарища

министра финансовъ и назначеніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. 6 декабря того же года Брокъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. По случаю тяжкой болѣзни графа Ѳ. П. Вронченки, Брокъ временно управлялъ министерствомъ, а 19 апрѣля 1853 г. назначенъ министромъ финансовъ съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря, въ которомъ состоялъ съ 9 апрѣля 1852 г. Находясь на этомъ высокомъ посту во все время Крымской компаніи, Брокъ боролся съ необычайными преградами для успѣшнаго выполненія возложенной на него громадной задачи. Занялъ онъ постъ министра финансовъ въ то время, когда частныхъ банковъ и акціонерныхъ обществъ не было, обсужденіе и приготовленіе государственной росписи сводилось къ одной формальности, а каждое вѣдомство испрашивало дополнительныя ассигнованія, не соображаясь съ общими нуждами и наличными средствами государственнаго казначейства. Въ первые годы своего управленія министерствомъ финансовъ Брокъ былъ всецѣло поглощенъ изысканіемъ средствъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ Крымскою кампаніею. Только по окончаніи войны онъ могъ осуществить нѣсколько мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію государственныхъ финансовъ и къ развитію промышленности и торговли. Такъ, въ 1856 г. изданъ законъ, имѣвшій цѣлью устранить ущербъ отъ скопленія въ банковыхъ установленіяхъ значительныхъ капиталовъ и дать капиталамъ болѣе производительное направленіе; въ этихъ именно видахъ проценты съ банковыхъ вкладовъ понижены для частныхъ лицъ съ 4% на 3%, а со вкладовъ казенныхъ вѣдомствъ—до $1^1/_2$%. Эта мѣра дала еще возможность уменьшить и проценты по ссудамъ изъ банковыхъ учрежденій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Затѣмъ, чтобы доставить купечеству средства къ развитію оборотовъ, увеличенъ (въ 1857 г.) размѣръ ссудъ изъ коммерческаго банка и конторъ его подъ залогъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ, сохранной казны, облигацій разныхъ обществъ и т. д. Съ тою же цѣлію отмѣнено 12 апрѣля 1857 г. состоявшееся 27 февраля 1854 г. запрещеніе вывоза за границу русской золотой монеты, при чемъ облегчена выдача заграничныхъ паспортовъ. Въ томъ же 1857 г. изданъ новый таможенный тарифъ со значительнымъ пониженіемъ пошлинъ на привозимые товары. Съ утвержденіемъ 26 января 1857 г. положенія о первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, предоставлена главному обществу этихъ дорогъ гарантія 5% чистаго ежегоднаго дохода съ опредѣленныхъ на сооруженіе путей суммъ, акціи же дорогъ разрѣшено принимать въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ въ суммѣ дѣйствительнаго взноса. Наконецъ, содѣйствію Брока обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ цѣлый рядъ акціонерныхъ обществъ. Занимая постъ министра финансовъ, Брокъ 1 января 1856 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а 3 января 1857 г. назначенъ членомъ Особаго Комитета для разсмотрѣнія постановленій и предположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (впослѣдствіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу). Произведенный 1 января 1858 г. въ дѣйствительные тайные совѣтники, Брокъ 23 марта того же года, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности министра финансовъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи статсъ-секретаря, при чемъ удостоенъ былъ милостиваго Высочайшаго рескрипта, а затѣмъ назначенъ присутствовать въ департаментѣ государственной экономіи, гдѣ впослѣдствіи—съ 1 января 1862 г. по 1 іюля 1864 г.—былъ предсѣдателемъ. Одновременно Брокъ былъ назначенъ членомъ и въ комитетъ финансовъ (28 марта 1858 г.), а 9 марта 1868 г. призванъ въ составъ особаго соединеннаго присутствія, учрежденнаго для разсмотрѣнія представленнаго министромъ финансовъ общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ. 1 января 1870 г. Брокъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степени, а 28 марта 1871 г., когда исполнилось 50-лѣтіе его службы, удостоенъ Высочайшаго рескрипта. Вскорѣ затѣмъ Брокъ подвергся тяжкой и продолжительной болѣзни, которая и свела его въ могилу. Погребенъ онъ въ петербургскомъ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Хранящійся въ Архивѣ Канцеляріи Министерства Финансовъ послужной списокъ.—Отчеты государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1853 по 1857 годъ.—«Новое Время», 1875 г., № 28.—Скальковскій, Наши государственные дѣятели. 1890 г.—Гейлеръ, Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ Россіи. Спб. 1871 г.—Кауфманъ, Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе.

Спб. 1888 г.—Бржескій, Государственные долги Россіи. Спб. 1884 г.—Письма О. С. Павлищевой къ ея мужу въ 1841, 1848 и 1856 годахъ.

Бромптонъ, *Ричардъ,* портретный живописецъ, ученикъ Веньямина Вильсона, род. въ 1734 г., ум. въ 1790 г., въ Царскомъ Селѣ. Переселившись изъ Англіи въ Италію, онъ жилъ нѣкоторое время въ Римѣ, гдѣ обучался у Раф. Менгса. Въ Венеціи, куда онъ затѣмъ былъ назначенъ посланникомъ, онъ нарисовалъ картину съ портретами герцога Іоркскаго и другихъ англійскихъ вельможъ. По возвращеніи въ Англію, онъ продолжалъ рисовать портреты и былъ избранъ въ члены лондонской академіи художествъ. Несмотря на то, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь въ концѣ 1770-хъ гг. пользовался большою извѣстностью, какъ хорошій портретистъ, и имѣлъ обширную практику, преимущественно въ высшемъ обществѣ. Изъ написанныхъ имъ въ Россіи портретовъ наиболѣе извѣстны: нѣсколько портретовъ Императрицы Екатерины II (1778, 1781 и 1782 гг.), вел. кн. Александра Павловича (1780 г.), вел. князей Александра и Константина Павловичей (1781 г.).

Bryan's Dictionary of painters and engravers, enlarged by George Stanley. 1853.—Словари: Гарбеля, Брокгауза - Ефрона.—Ровинскій, Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon.—Шильдеръ, Императоръ Александръ Первый, т. I.

А. М.

Броневскій, *Дмитрій Богдановичъ,* генералъ-лейтенантъ, директоръ Императорскаго лицея и почетный опекунъ, ум. въ 1867 г. въ С.-Петербургѣ. Службу онъ началъ въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ, по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1811 г., былъ зачисленъ съ чиномъ мичмана на черноморскій флотъ; отсюда въ 1812 г. онъ перешелъ въ сухопутную военную службу и, въ рядахъ кавалеріи, съ отличіемъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. и въ войнѣ 1831 г.; въ послѣдней Броневскій, уже въ чинѣ полковника, командовалъ тверскимъ драгунскимъ полкомъ. Произведенный вслѣдъ затѣмъ въ 1838 г. въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а 23 апрѣля 1840 г. опредѣленъ на должность директора Императорскаго Царскосельскаго лицея. Со временемъ управленія Броневскаго лицеемъ связана исторія многихъ преобразованій въ послѣднемъ; при немъ, между прочимъ, получили особенное развитіе курсы юридическихъ наукъ и иностранныхъ языковъ, состоялось открытіе частныхъ подготовительныхъ для лицея пансіоновъ, введены новые порядки управленія лицеемъ и т. д.; при немъ же въ 1843 г. лицей былъ переведенъ изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ. Плодотворная дѣятельность Броневскаго въ этой должности была отличена, въ числѣ другихъ наградъ, производствомъ его въ чинъ генералъ-лейтенанта (1850 г.). 24 мая 1853 г., онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта и въ этомъ званіи управлялъ многими учрежденіями, въ томъ числѣ: вдовьимъ домомъ, ссудною казною, училищемъ глухонѣмыхъ и больницею Всѣхъ Скорбящихъ. Въ 1859 г. Броневскій былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Историческій очеркъ Имп. лицея, Селезнева, стр. 16, 26, 226, 257—259. — «Иллюстр. Газета», 1867 г., № 32. — «Воен. Сборн.», 1867 г., т. 58, № 11.

Д. С—въ.

Броневскій, *Михаилъ Николаевичъ,* врачъ, род. въ 1858 г. въ Петербургѣ, ум. 13 апрѣля 1883 г. Высшее образованіе онъ получилъ въ берлинскомъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ; окончивъ тамъ курсъ, вернулся въ Петербургъ, выдержалъ въ военно-медицинской академіи докторскіе экзамены и, защитивъ диссертацію, 10 ноября 1881 г. удостоенъ степени доктора медицины; 6 марта 1883 г. онъ былъ опредѣленъ въ 129-й пѣхотный бессарабскій полкъ; скончался скоропостижно. — Напечаталъ: 1) Матеріалы къ фармацевтическому изученію прострѣла (pulsatilla pratensis); дисс.; СПб., 1883 г.— 2) Рефератъ въ «Междунар. клин.», 1883 г., стр. 264.

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели»; тетр. IV, СПб., 1888.

Н. К.

Броневскій, *Павелъ Николаевичъ,* генералъ-маіоръ, род. въ 1816 г., ум. 29 октября 1886 г. Закончивъ высшее образованіе въ военной академіи, Броневскій въ 1839 г. былъ зачисленъ въ генеральный штабъ и, по переводѣ на Кавказъ, находился тамъ 11 лѣтъ, принимая участіе въ восьми экспедиціяхъ противъ горцевъ. Получивъ въ 1848 г., за отличіе въ дѣлахъ, чинъ полковника и командованіе 82 дагестанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Броневскій въ 1854 г. былъ произведенъ въ ге-

нералъ-маіоры, а годъ спустя назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Въ турецкой войнѣ 1855 г. въ Азіатской Турціи онъ состоялъ начальникомъ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева и, принимая участіе въ дѣлахъ, явился, между прочимъ, ближайшимъ дѣятелемъ извѣстнаго штурма крѣпости Карса 17 сентября 1855 г.; предводительствуя здѣсь одною изъ штурмовыхъ колоннъ, онъ былъ тяжело раненъ въ плечо ружейною пулею. Съ 1857 по 1859 г. Броневскій состоялъ въ должности директора Михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса, послѣ чего оставался до конца жизни въ отставкѣ.

«Рус. Инв.», 1886 г., № 249.

Броневскій, *Семенъ Богдановичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, извѣстный дѣятель Сибирскаго края, род. въ 1786 г. ум. 14 февраля 1858 г. Отецъ его началъ службу въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны капраломъ бомбардирской роты л.-гв. преображенскаго полка, гдѣ прославился, какъ замѣчательный стрѣлокъ; въ чинѣ прапорщика гвардіи вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ бѣлевскомъ уѣздѣ, тульской губерніи. Послѣдніе годы жизни онъ состоялъ совѣтникомъ тверскаго губернскаго правленія. Образованіе свое Семенъ Богдановичъ закончилъ въ шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ первый московскій), откуда въ 1803 г. былъ выпущенъ въ чинѣ прапорщика на службу въ нижегородскій драгунскій полкъ, на Кавказъ. Здѣсь, между прочимъ, въ 1804 г. онъ принялъ участіе въ кабардинскомъ походѣ. Съ назначеніемъ въ 1808 г. генерала Глазенапа инспекторомъ сибирскихъ войскъ и начальникомъ сибирскихъ линій, Броневскій, въ качествѣ его адъютанта, былъ переведенъ въ Сибирь, въ чинѣ подпоручика, и прослужилъ въ ней безпрерывно 29 лѣтъ. Исправляя съ 1814 г. должность атамана сибирскаго линейнаго казачьяго войска, онъ принималъ участіе въ усмиреніи мятежныхъ киргизовъ и въ 1822 г. командовалъ экспедиціею, которая окончательно покорила хищную табуклинскую волость. По особому представленію Сперанскаго, онъ въ 1823 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ первымъ начальникомъ вновь образованной омской области. Произведенный, четыре года спустя, въ генералъ-маіоры, Броневскій 8 января 1835 г., по личному избранію Императора Николая I, вступилъ въ исправленіе должности генералъ-губернатора и командующаго войсками Восточной Сибири и былъ утвержденъ въ этой должности одновременно съ производствомъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1837 г. Броневскій покинулъ Сибирь, назначенный сенаторомъ первоприсутствующимъ въ департаментахъ межевомъ и 4-мъ. Въ исторіи Сибири многолѣтняя дѣятельность Броневскаго оставила прочный слѣдъ. Имъ учреждены первыя русскія колоніи въ киргизской степи, ему обязано своимъ устройствомъ сибирское линейное казачье войско, онъ же привелъ въ исполненіе мысли правительства объ образованіи боевыхъ силъ въ Восточной Сибири, гдѣ при прежнемъ гражданскомъ начальствѣ ихъ не существовало. Кромѣ того, московское общество сельскаго хозяйства, избравъ его въ 1822 г. своимъ дѣйствительнымъ членомъ, присудило ему двѣ медали: одну, серебряную — въ 1824 г., за содѣйствіе введенію усовершенствованнаго сельскаго хозяйства въ поселеніяхъ сибирскихъ линейныхъ казаковъ, и другую, золотую — въ 1834 г., за содѣйствіе учрежденію въ Омскѣ школы земледѣлія и опытнаго хутора и развитію среди киргизовъ осѣдлости, въ цѣляхъ хлѣбопашества. Послѣдніе годы жизни Броневскій провелъ въ отставкѣ, въ С.-Петербургѣ. Имъ оставлены обширныя записки, три отрывка изъ которыхъ напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г., кн. XII; въ «Трудахъ» московскаго общества сельскаго хозяйства напечатанъ рядъ статей, принадлежащихъ Броневскому.

Послужной списокъ, хранящ. въ архивѣ Сената.—«С.-Петерб. Вѣд.», 1858 г., № 52.—«Историческій Вѣстн.», 1889 г., кн. XII.—Мѣсяцесловъ на 1859 г., стр. 336.—Словари: Толя, Березина, Клюшникова и Андреевскаго.

Л. С—въ.

Броневскій, *Семенъ Михайловичъ*, дѣйствит. статскій совѣтникъ, бывшій градоначальникъ въ Өеодосіи, писатель, род. въ 1763 г., ум. 27 декабря 1830 г., въ Өеодосіи. Онъ состоялъ правителемъ канцеляріи при князѣ Циціановѣ въ Грузіи, занимался изслѣдованіемъ Кавказа въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и написалъ книгу: «Географи-

ческія и историческія извѣстія о Кавказѣ» (2 ч., Москва, 1823 г.).

«Моск. Вѣд.», 1831 г., № 11. — Словари: Березина, Геннади, Плюшара, Снегирева и Толля.

Бронина, *Евдокія Гавриловна,* писательница, род. въ 1787 г., ум. въ 1862 г. въ Москвѣ. Бронина была дочерью извѣстнаго въ исторіи раскола настоятеля Покровской часовни Монинскаго безпоповщинскаго согласія въ Москвѣ, Гавріила Ларіонова Скачкова, и женою иконописца, моск. купца *Захарія Ѳедоровича* Бронина, писавшаго иконы какъ для Покровской часовни, такъ и на продажу; тому же Бронину принадлежитъ, между прочимъ, «Письмо Захара Ѳедорова Бронина о церковномъ мирѣ» («Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 1869 г., кн. III, стр. 109). Долгое время Бронина была прихожанкою Монинской молельни, а въ 1843 г. перешла въ единовѣріе. Бронина замѣчательна, между прочимъ, по рѣдкому въ расколѣ образованію и серьезному знанію классическихъ языковъ, главнымъ образомъ, греческаго, а также богословія. Бронина написала рядъ статей противъ раскола, особенно противъ Преображенскаго кладбища; въ этихъ статьяхъ раскрыто много тайнъ старообрядческаго быта. Брониной принадлежитъ также книга, состоящая изъ опроверженія разныхъ раскольничьихъ толковъ, подъ заглавіемъ: «Повѣсть о обращеніи отъ согласія поморцевъ къ святой соборной апостольской церкви московскаго купца Захарія Ѳедоровича Бронина, художествомъ иконописца; писано 1833 г., мѣсяца ноября», Москва, 1843 г.

Н. Поповъ, «Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ, ѳедосіевцевъ Преображенскаго кладбища и поморской Монинскаго согласія» («Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей», 1869 г., кн. II и III, ч. II). — Кн. Н. Голицынъ, Словарь русскихъ писательницъ 1759—1859 гг. — Нпк. Книжникъ, Словарь русскихъ писательницъ 1759—1859 гг. («Русскій Архивъ», 1865 г., кн. IX и X).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги. *В. Г.*

Броннеръ, *Францъ Ксаверій,* профессоръ казанскаго университета, род. въ баварскомъ городкѣ Гёхштедтѣ (Höchstädt) 23 декабря 1758 г., ум. 17 августа 1850 г. Принятый въ 1769 г. въ іезуитскую семинарію города Диллингенъ, Броннеръ въ 1776 г., по уничтоженіи іезуитскаго ордена, вступилъ въ бенедиктинскій орденъ и во время новиціата и первыхъ лѣтъ монашества очень много занимался науками, такъ что монастырское начальство отправило его для дальнѣйшаго усовершенствованія въ эйхштадтскій католическій университетъ. Въ 1784 г. онъ бѣжалъ изъ монастыря и долго скитался по Швейцаріи, пока друзья не пріискали ему мѣста учителя въАаргау. Въ 1810 г., по приглашенію попечителя Румовскаго, Броннеръ пріѣхалъ въ Россію и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ теоретической и практитеской физики въ казанскомъ университетѣ и съ 1812 г. соединялъ профессуру съ должностью директора педагогическаго института, учрежденнаго при университетѣ. Съ 1814 по 1817 г. онъ былъ инспекторомъ студентовъ. Отправившись въ 1817 г. въ отпускъ въ Швейцарію, Броннеръ уже болѣе не возвращался въ Россію и былъ оффиціально уволенъ въ 1820 г. Перейдя въ протестантизмъ, онъ остальное время своей жизни провелъ въ Ааргау, гдѣ занималъ должности учителя, архиваріуса и библіотекаря. Броннеръ болѣе извѣстенъ какъ поэтъ, чѣмъ какъ ученый. Онъ въ Цюрихѣ издалъ въ 1787—1794 гг. три тома идиллическихъ стихотвореній и разсказовъ и, кромѣ того, составилъ автобіографію «Franz Xaver Bronners Leben, von ihm selbst beschrieben», Zürich. 1795—97. Въ Ааргау его поэтическая дѣятельность возобновилась, и въ 1828—1845 гг. онъ напечаталъ рядъ произведеній, пользовавшихся значительной извѣстностью.

Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета, II, стр. 185—276.—Meyer's Konversations-Lexicon.—Словари: Плюшара и Брокгауза.

Броссе, *Марій Ивановичъ* (Marie Felicité Brosset), академикъ Императорской академіи наукъ, род. въ Парижѣ 24 января 1802 г., ум. 22 августа 1880 г. Онъ былъ матерью предназначенъ для духовнаго званія и первое образованіе получилъ въ іезуитскихъ школахъ, въ которыхъ изучилъ древніе языки и немного ознакомился съ языкомъ еврейскимъ. Въ 1821 г. Броссе получилъ степень баккалавра. Уже рано почувствовавъ живой интересъ къ языкамъ восточнымъ, онъ отказался отъ мысли сдѣлаться духовнымъ и сталъ заниматься изученіемъ сперва китайскаго, затѣмъ почти исключительно армянскаго и грузинскаго языковъ. Несмотря на очень скромныя матеріальныя средства и на скудость пособій при изученіи этихъ двухъ

языковъ, Броссе неутомимымъ трудомъ преодолѣлъ всѣ препятствія и затрудненія, и многочисленныя статьи въ «Journal Asiatique» и другихъ изданіяхъ скоро сдѣлали его извѣстнымъ въ средѣ оріенталистовъ. 2 декабря 1836 г. Броссе былъ избранъ адъюнктомъ с.-петербургской академіи наукъ, въ 1836 г. экстраординарнымъ, а въ 1847 г.—ординарнымъ академикомъ. Употребивъ первые два года на то, чтобы ознакомиться съ богатыми собраніями грузинскихъ и армянскихъ рукописей въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, онъ въ 1847 г. предпринялъ большое путешествіе съ ученою цѣлью на Кавказъ и въ Закавказье. Броссе три раза временно занималъ въ академіи должность непремѣннаго секретаря и также три раза должность вице-президента. Въ 1839 и 1840 гг. читалъ въ академіи, а въ 1841 г. — въ университетѣ лекціи о грузинскомъ языкѣ, исторіи и литературѣ. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ консерваторомъ отдѣленія восточныхъ монетъ въ Эрмитажѣ, въ 1864 г. — директоромъ нумизматическаго кабинета. Умеръ Броссе во Франціи, находясь тамъ въ отпуску. Изъ печатныхъ трудовъ Броссе, число которыхъ доходитъ до 260-ти, приводимъ только важнѣйшіе, не упоминая сочиненій, изданныхъ за границею: 1) Déscription géographique de la Géorgie, par le tzarevitch Wakhoncht, publiée d'après l'original autographe. St.-Pétersb. 1842. — 2) Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'au XIX s., traduite du géorgien, 7 vol. St.-Pétersb. 1849—1858. — 3) Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, executé en 1847—1848, 3 livraisons. St.-Pétersb. 1849—1851, avec un atlas.—4) Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides, au X et XI s., histoire et déscription, 2 vol., avec un atlas. St. Pétersb. 1860—1861.—5) Histoire de la Sionnie par Stephanos Arbélian, traduite de l'arménien, 2 livraisons. St.-Pétersb. 1864—1866.— 6) Collection d'historiens arméniens, 2 vol. St.-Pétersb. 1874—1876.—Прочіе труды Броссе печатались въ академическихъ запискахъ, въ «Извѣстіяхъ Имп. археологическаго общества» и въ нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Біографія съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ издана сыномъ покойнаго академика подъ заглавіемъ «Bibliographie analytique des ouvrages de M. Marie Felicité Brosset, St.-Pétersb. 1887.- Отчетъ академіи наукъ по филолог. отдѣлу въ Извѣстіяхъ за 1881 годъ.

Броссе, *Петръ Ѳедоровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго московскаго университета, род. 1 іюля 1793 г. въ Ригѣ, ум. въ 1857 г. въ Москвѣ. Сынъ прусскаго уроженца, Броссе въ 1803 г. поступилъ въ Императорскій рижскій лицей (преобразованный въ слѣдующемъ году въ губернскую гимназію), по окончаніи котораго поступилъ, въ 1810 г., на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Еще будучи студентомъ университета, Броссе, во время Отечественной войны, исполнялъ должность ординатора рижскаго военнаго госпиталя. Въ 1814 г. Броссе защитилъ докторскую диссертацію на тему: «De haemorrhagia pulmonum» (Dorpat, 1814), послѣ чего отправился на собственный счетъ за границу. Онъ побывалъ въ Германіи, Франціи, Италіи, занимаясь, главнымъ образомъ, изученіемъ глазныхъ болѣзней у извѣстныхъ ученыхъ. познакомился тамъ со многими свѣтилами современной медицины и послѣ пятилѣтняго отсутствія возвратился въ Россію. Въ 1820 г. онъ занялъ должность врача у графа С. П. Румянцева и князя П. А. Голицына. Въ семействѣ послѣдняго Броссе провелъ 3½ года, въ черниговской губерніи, въ слободѣ Тополи; съ переѣздомъ семейства князя Голицына въ Москву, Броссе въ 1823 г. также переѣхалъ туда и занялъ тамъ мѣсто ординатора и директора Голицынской больницы. За двадцать восемь лѣтъ (1826 — 1854 гг.) Броссе произвелъ болѣе двухъ тысячъ операцій катарактовъ и триста искусственныхъ зѣницъ. Голицынская больница многимъ въ своемъ улучшеніи обязана Броссе; въ ней онъ устроилъ, между прочимъ, двѣ палаты для больныхъ глазами. Помимо службы въ Голицынской больницѣ, Броссе былъ глазнымъ докторомъ при московскихъ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ и врачемъ Прѣсненской школы Московскаго благотворительнаго общества. Въ 1876 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора госпитальной глазной клиники при московскомъ университетѣ; онъ читалъ практическое ученіе о распознаваніи и леченіи глазныхъ болѣзней въ глазной больницѣ. Въ 1850 г. Броссе, во время распространившейся среди нижнихъ чи-

новъ московскаго гарнизоннаго батальона глазной болѣзни, былъ предсѣдателемъ комитета для изслѣдованія этой болѣзни. Наряду со своей служебной дѣятельностью, за которую онъ получалъ многочисленныя награды, Броссе былъ членомъ и секретаремъ Императорскаго московскаго физико-медицинскаго общества, членомъ Императорскаго московскаго общества испытателей природы, Московскаго попечительнаго комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества, Московскаго медико-фармацевтическаго попечительства и парижскаго Магнетическаго общества. Свои научныя статьи Броссе писалъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ (главнымъ образомъ, на нѣмецкомъ) и помѣщалъ въ журналахъ: «Magazin für Heilkunde von Rust», во «Врачебныхъ Запискахъ», въ «Московскомъ Врачебномъ Журналѣ» и въ другихъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ упомянутой выше диссертаціи, изъ научныхъ трудовъ Вроссе (они перечислены въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго московскаго университета») наиболѣе важны: 1) Sur quelques effets du Magnétisme observés à Berlin («Bibl. du Magnétisme animal», t. 5, 1818) 2) Heilung von Epilepsien («Magazin für Heilkunde»).— 3) Anwendung der Moxa auch in innern Krankheiten (ibidem). 4) Anwendung der Knopfnath bei der Operation der Hasenscharte (ibidem). 5) Замѣчанія о настоящемъ положеніи окулистики вообще и объ успѣхахъ оной въ Россіи («Врачебныя записки» 1827 г.). 6) О разныхъ способахъ употребительныхъ въ операціи Entropii et Trichiasios (тамъ же). 7) Объ альбиносахъ, которые были наблюдаемы въ московской глазной больницѣ («Московскій Врачебный Журналъ»).

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго московскаго университета», ч. I, Москва, 1855 г.—«Московскій Врачебный Журналъ» 1857 г., кн. 5—6, стр. 49—53 (ст. И. Б. Анке).—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. 1, СПб., 1900 г.—«Библіографическія Записки» 1859 г., № 20.—И. Сейдлеръ, Московская Голицынская больница въ ряду европейскихъ больницъ, Москва, 1865 г.—Словари: Березина, Брокгауза-Ефрона, Геннади.

В. Г.

Броунъ, графъ *Юрій Юрьевичъ* (George Browne), генералъ-аншефъ, рижскій генералъ-губернаторъ. род. въ Ирландіи 15 іюня 1698 г., ум. въ Ригѣ 18 сентября 1792 г. Броунъ происходилъ изъ старинной, извѣстной еще въ XI вѣкѣ, дворянской фамиліи, представители которой вышли изъ Нормандіи, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, въ Англію, и здѣсь долгое время находились на высшихъ государственныхъ должностяхъ. Получивъ прекрасное образованіе въ Лиммерикѣ и не имѣя возможности, какъ католикъ, получить мѣсто въ отечествѣ, Броунъ покинулъ его и опредѣлился въ 1725 г. на службу въ войска курфирста пфальцскаго, гдѣ познакомился вскорѣ съ генераломъ Кейтомъ и выѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ 1730 г. на русскую службу. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны онъ былъ зачисленъ, съ чиномъ капитана-лейтенанта, л.-гв. въ измайловскій полкъ, но въ томъ же году, по собственному желанію, переведенъ въ нарвскій пѣхотный полкъ и переименованъ въ премьеръ-маіоры. Съ началомъ польской войны 1734 г., Броунъ, войдя съ полкомъ въ составъ войскъ генерала Ласси, принялъ участіе во многихъ дѣлахъ, и, между прочимъ, въ сраженіи подъ стѣнами Данцига, гдѣ былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку, съ поврежденіемъ кости. Открывшаяся затѣмъ война съ Турціею поставила Броуна въ 1736 г. участникомъ осады Азова, гдѣ онъ получилъ еще двѣ раны и вслѣдствіе этого въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обреченъ былъ на бездѣйствіе. Въ 1738 г., присоединившись къ арміи Миниха, Броунъ участвовалъ при осадѣ и штурмѣ Очакова и въ 1739 г., состоя по особому порученію при австрійской арміи, въ сраженіи при Кроцкѣ, былъ взятъ турками въ плѣнъ и отведенъ въ Константинополь. Здѣсь, въ положеніи невольника, онъ три раза былъ перепродаваемъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не получилъ свободы, при помощи тогдашняго французскаго посланника при Портѣ, Вилльнева, доставившаго ему случай тайно бѣжать. Находясь въ плѣну, Броунъ овладѣлъ нѣкоторыми бумагами, заключавшими въ себѣ тайныя распоряженія турецкаго правительства о будущей кампаніи противъ Россіи; прибывъ благополучно въ Петербургъ, онъ представилъ ихъ Императрицѣ, которая, въ награду за столь важную услугу, пожаловала ему чинъ генералъ-маіора (1740 г.). Въ 1742 г., во время войны съ Швеціею, Броунъ начальствовалъ войсками, расположенными по Финскому за-

ливу, между Нарвою и Петербургомъ и за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-поручики; по окончаніи же кампаніи, былъ посланъ съ корпусомъ своего зятя, генерала Ласси, на помощь Австріи въ борьбѣ ея противъ Пруссіи. Въ періодъ Семилѣтней войны, Броунъ, награжденный 5 сентября 1752 г. орденомъ св. Александра Невскаго, участвовалъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, начиная съ кровавого дѣла при Ловозицѣ, гдѣ получилъ новую рану въ бедро. Въ битвѣ подъ Прагою онъ явился свидѣтелемъ славной смерти своего родственника, австрійскаго фельдцейхмейстера графа Улисса Броуна. Сраженіе при Коллинѣ доставило Броуну рядъ наградъ: Императрица Марія-Терезія прислала ему драгоцѣнную табакерку съ своимъ портретомъ, украшеннымъ бриллiантами, польскій король пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, а французскій король принялъ на себя заботу о воспитаніи одного изъ сыновей Броуна. Изъ послѣдующихъ сраженій, доставившихъ Броуну чинъ генералъ-аншефа, отмѣчены его ближайшимъ участіемъ: битва при Гроссъ-Егерсдорфѣ, при Бреславлѣ, гдѣ онъ сильно контуженъ въ ногу, подъ Кюстриномъ и, наконецъ, сраженіе при Цорндорфѣ. Въ послѣднемъ, командуя обсерваціоннымъ корпусомъ, составлявшимъ лѣвое крыло арміи, онъ едва не погибъ; во время упорныхъ атакъ кавалеріи прусскаго генерала Зедлица, подъ Броуномъ была убита лошадь, и самъ онъ получилъ 11 сабельныхъ ранъ, причемъ нѣсколько въ голову. Награжденный за боевые подвиги орденомъ св. Андрея Первозваннаго (25 ноября 1758 г.) и покрытый ранами, Броунъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ въ 1762 г. Императоръ Петръ III назначилъ его на постъ рижскаго генералъ-губернатора, въ званіи котораго онъ оставался до конца своей жизни. Тридцатилѣтнее управленіе Броуна Прибалтійскимъ краемъ ознаменовано многими полезными реформами, въ особенности же по вопросамъ о развитіи и улучшеніи путей сообщенія, школъ, торговыхъ учрежденій, магазиновъ съ хлѣбными запасами, госпиталей и мн. др. Въ 1774 г., въ награду за выдающуюся дѣятельность, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, въ 1782 г.—однимъ изъ первыхъ получилъ вновь учрежденный орденъ св. Владиміра 1 й степени; кромѣ того, Императрица Екатерина пожаловала ему въ Лифляндіи обширныя помѣстья. Въ послѣдніе годы жизни преклонный возрастъ и разстроенное здоровье понудили Броуна просить объ увольненіи отъ службы, но Императрица не пожелала разстаться съ полезнымъ и заслуженнымъ дѣятелемъ, отвѣтивъ, что «одна смерть можетъ ее разлучить съ нимъ». Гробница графа Броуна находится въ Шенбергѣ, въ Курляндіи.

«Histoire de la vie de George de Browne», Riga, 1794 г.—«Словарь достопамятныхъ людей», Бантышъ-Каменскаго. — «Рижскій Вѣстникъ», 1871 г., № 278. — «Восемнадцатый вѣкъ», П. Бартенева, т. I, стр. 367. — «Рус. Арх.», 1880 г., II, стр. 236. — «Рус. Стар.», 1892 г., V, стр. 225. — «Чтен. Имп. Общ. исторіи и древн. рос.», 1862 г., IV, стр. 194—196.—«Русская армія въ Семилѣтнюю войну», Д. Масловскаго, т. II, стр. 99, 257 и др.—Словари: Плюшара, Старчевскаго, Зеддelера, Толля, Березина, Клюшникова, Андреевскаго и Леера. *Д. С—въ.*

Брошель, *Александра Карловна,* извѣстная драматическая актриса, род. въ Ригѣ 19 октября 1844 г., ум. въ Петербургѣ 22 апрѣля 1871 г. Въ октябрѣ 1855 г. Брошель поступила казеннокоштной воспитанницей въ с.-петербургское Императорское театральное училище, откуда и была выпущена черезъ 8½ лѣтъ. Здѣсь главною руководительницею Брошель была извѣстная артистка Мичурина (Вѣра Васильевна Самойлова), имѣвшая, какъ объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ письмамъ Брошель, значительное вліяніе на развитіе ея драматическаго таланта. 9 февраля 1864 г., еще числясь воспитанницей училища, Брошель дебютировала въ драмѣ М. Ѳ. Каменской «Лиза Ѳомина» въ заглавной роли и имѣла крупный успѣхъ, несмотря на недостатки пьесы. Непосредственно по выходѣ изъ училища, Брошель 12 марта 1864 г. была принята на Императорскую Александринскую сцену, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ выходовъ, заняла мѣсто первой актрисы на драматическія и характерныя роли и сдѣлалась любимицей публики. Ея второй дебютъ въ драмѣ Н. Н. Куликова «Семейные разсчеты» (въ роли Анны Петровны) былъ еще удачнѣе перваго, а появленіе ея въ драмѣ А. Н. Островскаго «Бѣдная невѣста» (въ роли Марьи Андреевны) окончательно упрочило за ней репутацію выдающейся артистки. Брошель съ одинаковымъ успѣхомъ выступала какъ въ драмѣ, такъ и въ комедіи. Кромѣ пьесъ, приведенныхъ выше, въ

составъ ея разнообразнаго репертуара входили слѣдующія: комедія А. А. Потѣхина «Мишура» (Дашенька), драма Соловьева «Таня» (Дуня), драма Кафтырева «Статья доходная» (Надя), комедія А. Н. Островскаго «Шутники» (Вѣрочка), комедія В. А. Дьяченко «Гувернеръ» (Маша), комедія Н. А. Чаева «Сватъ Ѳадеичъ» (Татьяна), драма Прохорова «Жизнь безъ труда» (Вѣрочка), «Гамлетъ» (Офелія), драма В. Крылова «Противъ теченія» (Маша), комедія Я. П. Полонскаго «Свѣтъ и тѣни» (Сара), комедія Ѳ. Н. Устрялова «Разрывъ» (Ляговская), комедія А. А. Потѣхина «Отрѣзанный ломоть» (Наташа) и комедія А. Н. Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ» (Аннушка,—послѣдняя изъ ролей, игранныхъ Брошель). Кромѣ этихъ пьесъ, Брошель играла въ Красносельскомъ театрѣ въ прологѣ изъ «Псковитянки» Мея и сцену изъ «Русалки» Пушкина. Сценическая дѣятельность Брошель продолжалась лишь два сезона: переутомленіе и обострившаяся болѣзнь сердца заставили ее въ октябрѣ 1866 г. навсегда покинуть сцену, хотя, впрочемъ, она до самой смерти числилась въ составѣ Императорской драматической труппы. Оставивъ сцену, Брошель не переставала слѣдить за театромъ и посѣщала каждое первое представленіе новой пьесы; многіе надѣялись, что она вновь вернется на сцену, но ранняя смерть не дала осуществиться этимъ надеждамъ.

Н. А. Селивановъ, «Александра Карловна Брошель. 1844—1871 гг.» (1-я книга приложеній къ «Ежегоднику Императорскихъ театровъ» сезона 1896—1897 г.).—Л. Н. А(нтроповъ), «Г-жа Брошель» («Библіотека для Чтенія» 1865 г., № 1, стр. 115—134).—«Три любимицы (изъ личныхъ воспоминаній)», П. Д. Боборыкина («Артистъ» 1890 г., № 11). — А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до начала 1881 г. (стр. 29—32).—Некрологи: въ «Голосѣ» 1871 г. (№ 115), въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1871 г. (№ 17) и въ «Русскомъ Календарѣ» Суворина на 1872 г.—Отд. «Петербургская сцена» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1864 и 1865 гг. (отзывы объ игрѣ Брошель въ разныхъ отдѣльныхъ роляхъ).—Г. М. Максимовъ, Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы (1846—1876).—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1871 г., №№ 145 и 146 (Письмо г-жи Волковой и отвѣтъ на него П. Д. Боборыкина).—В. А. Крыловъ, «Сестры Самойловы», въ «Историческ. Вѣстн.», 1898 г., № 2, стр. 539. *Вл. Грековъ.*

Брошніовскій, *Юстинъ-Клементъ Фаустовичъ (Ѳеодоровичъ),* врачъ, род. въ 1818 г., ум. въ 1879 г. въ С.-Петербургѣ. Австрійскій подданный, Брошніовскій получилъ воспитаніе на казенный счетъ въ дерптскомъ университетѣ. Выпущенный оттуда со степенью лѣкаря, онъ поступилъ въ 1842 г. военнымъ врачемъ въ динабургскій военный госпиталь; затѣмъ послѣдовательно былъ съ 1847 г. врачемъ егерскаго князя Чернышева полка (находившагося въ составѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса); съ 1851 г.—при с.-петербургскомъ военномъ сухопутномъ госпиталѣ, а съ 1853 г. главнымъ лѣкаремъ севастопольскаго военно-временнаго госпиталя. Въ 1854 г. Брошніовскій прикомандировался къ с.-петербургской медико-хирургической академіи и, получивъ степень доктора медицины, занялъ въ 1854 г. должность отряднаго медика при гурійскомъ отрядѣ; въ составѣ этого отряда Брошніовскій принималъ участіе въ дѣлахъ по замиренію Кавказа и удостоенъ былъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1861 г. Брошніовскій былъ командированъ за границу съ научною цѣлью на казенный счетъ на два года. По возвращеніи изъ путешествія онъ въ 1862 г. назначенъ главнымъ докторомъ пятигорскаго военнаго госпиталя, съ 1864 г. занялъ должность главнаго доктора тифлисскаго военнаго госпиталя, въ 1865 г. сдѣланъ помощникомъ инспектора кавказскаго военнаго округа и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ тифлисскаго медицинскаго общества; въ 1873 г. онъ удостоенъ званія почетнаго члена военно-медицинскаго комитета, въ 1874 г. занялъ отвѣтственный постъ военно-медицинскаго инспектора кавказскаго округа. Съ открытіемъ непріятельскихъ дѣйствій противъ турокъ весною 1877 г. Брошніовскій былъ перечисленъ въ званіе полеваго медицинскаго инспектора кавказской арміи, при которой и совершилъ всю кампанію. По окончаніи войны Брошніовскій покинулъ Кавказъ и перешелъ на службу въ Петербургъ, въ званіи непремѣннаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета. Умеръ Брошніовскій въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. Вып. I, стр. 30—31. *Вл. Ш.*

Брудзинскій, *Людвигъ Гіацинтъ,* врачъ, род. 17 августа 1811 г., ум. въ 1879 г. въ Радомѣ. Учился онъ въ Краковѣ, сначала въ гимназіи, затѣмъ въ университетѣ, въ 1839 г. удостоенъ степени доктора медицины въ краковскомъ же университетѣ, съ 1841 до 1852 г. былъ аку-

шеромъ при врачебной управѣ въ Радомѣ, въ 1856 г. снова занялъ ту-же должность и исполнялъ ее до 1867 г.; съ 1870 г. до конца жизни Брудзинскій былъ помощникомъ инспектора губернской врачебной управы въ Радомѣ. Напечаталъ слѣдующія сочиненія: 1) Historya porodu, odbytego częscią pezez otwór fiistularny w pokryciach brzusznych, częscią przez kiszkę odchodową («Tygodn. lek.», 1857, № 12).—2) Odyszka ogólna (emphysema) w skutek połlyczenia przez byka (тамъ-же, 1862 г., № 46). — 3) Niektóre uwagi w przedmiocie oględzin i grzebania ciał zmarłych («Gaz. lek.», т. XV, 1873 г., стр. 230—232, 245—249).—4) Замѣтки: о лѣченіи холеры—въ Тыгодникѣ лѣкарскомъ, 1853 г., и о холерѣ въ Радомѣ—въ Газетѣ лѣкарской, 1874 г. (т. XVI, стр. 29 и 45).

Ст. Козминскій, Słownik lekarzów polskich Варш., 1883 г.—Л. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. *Н. К.*

Бруни, *Антоній* (Antonio Bruni), искусный реставраторъ картинъ и замѣчательный живописецъ по плафону, ум. въ 1822 г. Бруни былъ родомъ изъ итальянской Швейцаріи и художественное образованіе получилъ въ Италіи. Проживъ тамъ долгое время, онъ въ царствованіе Императора Павла I переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Россію. Вмѣстѣ съ другими художниками - иностранцами онъ работалъ надъ украшеніемъ Михайловскаго дворца и за эти работы получилъ званіе придворнаго живописца. Въ царствованіе Императора Александра I Бруни долгое время жилъ въ Москвѣ, исполняя заказы князя Куракина. Въ январѣ 1815 г. Бруни представилъ совѣту с.-петербургской академіи художествъ нѣсколько своихъ картинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе о признаніи его назначеннымъ въ академики; эта просьба Бруни была исполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему была задана программа на званіе академика: «представить страданіе Іова». Въ августѣ того же года Бруни представилъ академіи художествъ заданную программу и получилъ искомое званіе академика.

«Θедоръ Антоновичъ Бруни», ст. А. С(омова) въ «Пчелѣ», 1875 г., № 35, стр. 425—427.—«Θ. А. Бруни и его значеніе въ русской живописи», ст. В. Толбина въ «Сынѣ Отечества», 1856 г., № 21, стр. 181—186, № 23, стр. 233—236 и № 24, стр. 253 — 255. — П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—Энциклопедическіе словари: Березина, Брокгауза-Ефрона. *В. Г.*

Бруни, *Θедоръ Антоновичъ* (Fedelio Bruni), сынъ предыдущаго, художникъ исторической и религіозной живописи, род. 23 іюня 1800 г. въ Москвѣ, умеръ 30 августа 1875 г. въ Петербургѣ. Феделіо Бруни еще въ очень раннемъ возрастѣ проявилъ склонность и способности къ живописи, что побудило его отца всецѣло посвятить сына этому искусству. Послѣ предварительнаго обученія рисованію у отца, Θ. Бруни, имѣя 9 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ с.-петербургскую академію художествъ. Этому поступленію въ значительной степени содѣйствовалъ графъ Помпей Литта, помогшій Бруни, нѣсколько лѣтъ спустя, предпринять первое художественное путешествіе въ Италію. Въ академіи художествъ Бруни занимался подъ руководствомъ Егорова, Иванова (старшаго) и, главнымъ образомъ, В. К. Шебуева, бывшаго его профессоромъ собственно по живописи и вдохнувшаго въ него преимущественную любовь къ живописи исторической. Во время обученія въ академіи художествъ, гдѣ извѣстнѣйшими изъ его товарищей были К. П. Брюлловъ, П. В. Басинъ, Θ. И. Іорданъ и А. Т. Марковъ, Бруни заявилъ себя хорошимъ ученикомъ и въ 1813 г. получилъ малую серебряную медаль за совершенство въ рисункѣ; въ 1816 г. Императрица Елизавета Алексѣевна пожаловала Бруни золотые часы «въ знакъ Высочайшаго благоволенія за поднесенный Ея Величеству рисунокъ съ эстампа, гравированнаго съ Пуссеня, изображающій взятіе на небо Божіей Матери». Въ 1818 г. Бруни окончилъ курсъ академіи художествъ съ званіемъ художника и правомъ на чинъ XIV класса. Считая художественное образованіе сына недостаточнымъ и слѣдуя совѣту Шебуева, отецъ Бруни отправилъ сына въ Италію. Здѣсь Бруни посѣтилъ важнѣйшіе въ художественномъ отношеніи города, внимательно изучая произведенія великихъ мастеровъ; въ галлереяхъ Ватикана онъ знакомился съ произведеніями Буонаротти, Рафаэля, Тиціана и Микель-Анджело, въ Пизѣ—съ живописцами Campo Santo, во Флоренціи—съ Мазаччіо, Фра-Джіованни Анжелико (по собственнымъ словамъ Бруни—самымъ любимымъ его художникомъ), Гиберти и Леонардо да-Винчи, въ

Болоньѣ—съ фресками братьевъ Караччи. Изучая творенія живописцевъ Италіи, Бруни развилъ свой художественный вкусъ и усвоилъ себѣ ихъ пріемы въ живописи. Поселившись въ Римѣ, онъ принялся за работу и вскорѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Первыми работами Бруни въ Римѣ были: портретъ княгини З. А. Волконской (въ костюмѣ одного изъ главныхъ лицъ въ оперѣ Россини – Танкредъ), «Св. Цецилія» (написана по заказу княгини Касаткиной) и «Св. Семейство» (написано для князя Н. С. Гагарина). Нѣкоторые считаютъ первымъ по времени произведеніемъ Бруни въ Римѣ картину: «Крещеніе княгини Ольги». Вслѣдъ за своими первыми работами Бруни принялся за большую историческую картину: «Смерть Камиллы, сестры Горація» (написана по заказу князя Барятинскаго). Картина Бруни, къ которой онъ долго готовился многочисленными эскизами и надъ которой очень много потрудился, въ 1824 г. была выставлена въ Капитоліи, встрѣтила всеобщія восторженныя похвалы и положила начало европейской извѣстности Бруни. Римская Санъ-Лукская академія избрала Бруни своимъ членомъ. Эту картину Бруни прислалъ впослѣдствіи петербургской академіи художествъ, вмѣсто обычной программы на званіе академика, и академія 27 сентября 1834 г., «по извѣстнымъ успѣхамъ его въ живописи», дала Бруни это званіе. Дальнѣйшія произведенія Бруни, обратили вниманіе Императора Николая I, который назначилъ Бруни изъ Императорскаго кабинета денежное пособіе, дававшее художнику возможность продолжать жизнь въ Италіи. Второй замѣтельной работой Бруни была копія съ фрески Рафаэля: «Изгнаніе Иліодора, изъ іерусалимскаго храма ангелами»; обсуждая достоинства этой копіи, петербургская академія художествъ признала, что она «произведена съ отличнымъ вниманіемъ и искусствомъ, которое, по справедливости, ставитъ оную въ число лучшихъ копій съ знаменитыхъ твореній вообще». Къ работамъ за время перваго пребыванія Бруни въ Италіи относятся еще слѣдующія картины: «Вакханка, поящая амура» (находится въ музеѣ Императора Александра III), «Свиданіе Торквато Тассо съ сестрою», «Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ», «Спящая Нимфа», грудное изображеніе Іоанна Крестителя, копія съ фрески Рафаэля «Галатея», портретъ баронессы Меллеръ-Закомельской, а также четыре образа: «Богоматерь съ Младенцемъ на рукахъ», «Спаситель на небесахъ», «Благовѣщеніе» и «Моленіе о чашѣ» (послѣдняя картина находится въ музеѣ Императора Александра III; она распространена въ различныхъ репродукціяхъ по всей Россіи; повтореніе ея выполнено Бруни для церкви петербургской академіи художествъ). Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Бруни началъ писать огромную картину: «Воздвиженіе мѣднаго змія въ пустынѣ», но далеко еще не окончилъ работы, когда, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ (въ іюнѣ 1835 г.), вмѣстѣ съ К. П. Брюлловымъ, изъ Рима въ Петербургъ для занятія въ академіи художествъ профессорской должности, а также для живописныхъ работъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Бруни пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1836 г. и оставался здѣсь до 1838 г. За это время онъ написалъ изображеніе Божіей Матери, отдыхающей на пути въ Египетъ, сдѣлалъ, по желанію Государя, копію съ Мадонны Рафаэля, извѣстной подъ названіемъ «Madonna d'Alba», написалъ «Тайную вечерю» (для царскосельской Екатерининской церкви), образъ св. Архангела Михаила (для церкви Павловскаго кадетскаго корпуса), скомпоновалъ для алтаря Казанскаго собора большой образъ: «Покровъ Пресвятыя Богородицы»; помимо этого, онъ написалъ за это время образа четырехъ Евангелистовъ для большой церкви Зимняго дворца, образъ св. царицы Александры и св. великомученицы Екатерины для царскосельской придворной церкви, а также нѣсколько другихъ образовъ и портретовъ. Въ 1838 г. Бруни снова возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ написалъ «Покровъ Пресвятыя Богородицы», а въ 1840 г. окончилъ картину: «Мѣдный змій». Картина эта еще въ Римѣ вызвала всеобщее восхищеніе своими несомнѣнными достоинствами — обширностью замысла, мастерской группировкой, типичностью фигуръ и лицъ, выдержанностью стиля и тона; итальянская печать привѣтствовала талантъ художника, въ полной степени выразившійся въ этой картинѣ. Въ августѣ 1841 г. эта картина Бруни прибыла въ Петербургъ и въ октябрѣ была выставлена въ одной изъ залъ Зимняго дворца. Успѣхъ картины былъ чрезвычайный. Въ настоящее время эта картина находится въ музеѣ Императора Але-

ксандра III. Въ началѣ декабря 1841 г. Бруни въ третій разъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ занялся приготовленіемъ картоновъ тѣхъ образовъ, которые впослѣдствіи должны были быть воспроизведены на стѣнахъ Исаакіевскаго собора. Двадцать пять картоновъ изготовлены были еще въ Римѣ. Въ 1845 г. Бруни привезъ эти картоны въ Петербургъ, гдѣ ихъ встрѣтили всеобщія похвалы. Эти картины были одобрены Государемъ, и было начато воспроизведеніе ихъ на стѣнахъ Исаакіевскаго собора, продолжавшееся до 1853 г. Часть картинъ была исполнена фреско самимъ Бруни, а часть — другими художниками подъ его наблюденіемъ и руководствомъ. На аттикѣ Исаакіевскаго собора помѣщаются: «Сотвореніе міра», «Всемірный потопъ», «Спаситель, вручающій апостолу Петру ключи отъ царствія небеснаго», «Явленіе Господа апостоламъ по воскресеніи»; въ полукружіи надъ аттикомъ: «Творецъ, благословляющій все созданное», «Св. Духъ въ сонмѣ ангеловъ»; на плафонѣ: «Введеніе Перворoccoднаго Сына во вселенную», «Второе пришествіе Сына Божія», «Пророцы на кости» и «Егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя вся ангелы» (многія изъ этихъ композицій Бруни значительно пострадали отъ времени). Кромѣ этихъ весьма сложныхъ работъ, Бруни написалъ образа для иконостаса православной придворной церкви великой княгини Ольги Николаевны въ Штутгартѣ. Въ 1849 г. Бруни былъ назначенъ хранителемъ картинной галлереи эрмитажа, устройствомъ которой онъ дѣятельно и съ любовью занялся. Въ связи съ этою должностью находятся командировки Бруни въ 1850 и 1851 гг. для осмотра картинъ продававшихся галлерей нидерландскаго короля Вильгельма II и маршала Сульта. Тонкое пониманіе Бруни старинныхъ мастеровъ, особенно итальянскихъ и испанскихъ, было гарантіей за удачный выборъ имъ картинъ. Бруни пріобрѣлъ изъ этихъ коллекцій двадцать произведеній, существенно пополнившихъ собою галлерею эрмитажа. Оставивъ въ 1864 г. должность хранителя картинной галлереи эрмитажа, Бруни былъ назначенъ состоять по художественной части при оберъ-гофмаршалѣ двора Его Величества. По смерти В. Шебуева, Бруни въ іюнѣ 1855 г. былъ назначенъ ректоромъ академіи художествъ по отдѣлу живописи и ваянія, а въ 1866 г. ему было поручено управлять и мозаическимъ отдѣленіемъ, вошедшимъ съ 1861 г. въ составъ академіи. Въ должности ректора академіи Бруни былъ для молодыхъ художниковъ не только внимательнымъ начальникомъ, но и собратомъ по искусству, всегда готовымъ помочь своимъ совѣтомъ. Въ 1867 г. Бруни былъ командированъ на парижскую всемірную выставку для размѣщенія отправленныхъ туда академіей художествъ произведеній русскихъ художниковъ. Въ 1868 г. академія торжественно праздновала пятидесятилѣтіе художественной дѣятельности Бруни; въ честь художника была выбита медаль, на лицевой сторонѣ которой было изображеніе художника, а на обратной — надпись: «Поэту-художнику». Въ іюнѣ 1871 г. Бруни былъ уволенъ отъ званія ректора академіи, въ должности же директора мозаическаго отдѣленія оставался до самой смерти. Въ послѣдніе годы жизни Бруни занимался композиціей картоновъ для образовъ, предназначавшихся для храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Послѣднимъ изъ крупныхъ произведеній Бруни былъ картонъ, представляющій видѣніе ап. Іоанна изъ Апокалипсиса, гл. IV; этотъ картонъ былъ исполненъ впослѣдствіи проф. П. Ѳ. Плѣшановымъ на стѣнѣ церкви въ имѣніи барона Штиглица, близъ Нарвы. Совершенно особо отъ другихъ работъ Бруни стоятъ тридцать офортовъ на темы изъ русской исторіи, исполненныхъ по заказу общества поощренія художествъ. Смерть застигла Бруни нежданно, среди работы: въ день смерти онъ чувствовалъ себя вполнѣ хорошо, подписывалъ бумаги по мозаическому отдѣленію и собирался затѣмъ навѣстить своего друга и бывшаго ученика П. Ѳ. Плѣшанова, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и вскорѣ же скончался (отъ паралича легкихъ).— За свою художественную дѣятельность Бруни неоднократно получалъ различныя награды и почетныя отличія отъ государей и художественныхъ учрежденій разныхъ странъ: такъ, онъ имѣлъ нѣсколько русскихъ орденовъ (высшій изъ нихъ—орденъ Бѣлаго Орла—онъ получилъ въ 1871 г.); въ февралѣ 1866 г. онъ получилъ итальянскій орденъ Маврикія и Лазаря: въ 1867 г., во время пребыванія въ Парижѣ, Наполеонъ III пожаловалъ его орденомъ Почетнаго Легіона; римская Санъ-Лукская

академія, еще въ 1824 г. избравшая его своимъ членомъ, въ 1844 г. возвела его въ званіе профессора; королевская академія художествъ въ Миланѣ въ 1839 г. дала ему званіе почетнаго члена по искусству; артистическая конгрегація св. Іосифа (di terra Santa) въ 1856 г. наименовала его своимъ достойнымъ виртуозомъ; флорентійская академія художествъ въ 1851 г. поднесла ему званіе профессора I класса; болонская академія художествъ въ 1846 г. избрала его своимъ членомъ.—Главными достоинствами картинъ Бруни были: безукоризненный рисунокъ, искусная компановка, пластичность фигуръ, колоритность; къ этому присоединялась художественность содержанія и, нерѣдко, искренность чувства. Художественная дѣятельность Бруни была весьма плодовита, чему способствовали какъ его личное трудолюбіе, такъ и значительное число правительственныхъ и частныхъ заказовъ. Новыя теченія въ русской живописи впослѣдствіи восторжествовали надъ тѣмъ, представителемъ котораго былъ Бруни, но, серьезное историческое значеніе его дѣятельности находится внѣ всякаго сомнѣнія. Бруни былъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, которые придали русской школѣ живописи серьезное значеніе. — Картины Бруни въ очень незначительномъ количествѣ воспроизведены въ гравюрѣ: гравюра на деревѣ съ «Мѣднаго змія» была помѣщена въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ; «Смерть Камиллы» была исполнена лишь контурной гравюрой; «Моленіе о чашѣ» было литографировано Козловымъ и гравировано Захаровымъ; «Божія Матерь, спящая съ бодрствующимъ на Ея колѣняхъ Младенцемъ» была гравирована на стали и помѣщена въ книгѣ Кукольника: «Картины русской живописи». Въ петербургской академіи художествъ находится слѣпокъ съ бюста Бруни, работы Ѳ. Каменскаго (1862 г.), а также написанный масляными красками портретъ Бруни, работы Гавріила Яковлева. Изъ учениковъ Бруни особенно выдѣлились: Флавицкій, Плѣшановъ и Венигъ.

А. С(омовъ), Ѳ. А. Бруни, біографическій очеркъ («Пчела», 1875 г., № 35, стр. 425—427).—Біографія Ѳ. А. Бруни въ «Отчетѣ Императорской Академіи Художествъ съ 4 ноября 1874 г. по 4-е ноября 1875 г.». Спб., 1876 г., стр. 73—79. — Статья Ѳ. Петрушевскаго въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза-Ефрона.—В. Толбинъ, Ѳ. А. Бруни и его значеніе въ русской живописи («Сынъ Отечества», 1856 г., №№ 21, 23, 24.—Біографія Бруни, Дм. Лопатина («Живописное Обозрѣніе», 1875 г., № 40, стр. 625—628).—Ѳ. А. Бруни, какъ художникъ и учитель («Всемірная Иллюстрація», 1876 г., № 371).—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ.—Біографія Бруни, В. В. Т. въ «Русской портретной галлереѣ» Мюнстера (эта біографія, написанная при жизни Бруни, просмотрѣна имъ самимъ).—«Художники, участвовавшіе при сооруженіи Исаакіевскаго собора. VI. Ѳ. А. Бруни» («Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма, 1858 г., № 36).—Ст. въ «Большой Энциклопедіи», изд. т-ва «Просвѣщеніе». — П. Ге, «Русскіе живописцы конца XIX вѣка» («Жизнь», 1901 г., кн. III, стр 259).—А. П. Новицкій, Исторія русскаго искусства, вып. VII. — «Исторія живописи въ XIX вѣкѣ», изд. т-ва «Знаніе»; Александръ Бенуа, «Русская живопись». — Тимоѳеевъ, «Русскіе художники въ Римѣ» («Библіотека для Чтенія», 1835 г., т. XI, отд. 3, стр. 80—94). — Н., Ѳ. А. Бруни («Свѣтопись», 1859 г., № 3, стр. 70—71). — А И. Сомовъ, Картинная Галлерея Имп. Академіи Художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. Спб., 1872 г.—А. Ивановскій, Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная русская галлерея. Спб., 1870 г. — Некрологи Ѳ. А. Бруни: въ «Русскомъ Календарѣ» Суворина на 1876 г., во «Всеобщемъ Календарѣ» Гоппе на 1876 г., въ «Газетѣ Гатцука», 1875 г., №№ 35 и 46, въ «Голосѣ», 1875 г., № 242, въ «Иллюстриров. Недѣлѣ», 1875 г., № 37, стр. 592, въ «Новостяхъ», 1875 г., № 241, въ «Новомъ Русскомъ Базарѣ», 1875 г., № 38, въ «Нивѣ», 1875 г., № 45, въ «Иллюстрированной Газетѣ», 1875 г., № 42, въ «С.Петербургскомъ Листкѣ», 1875 г., № 145—146, во «Всемірной Иллюстраціи», 1875 г., № 353. *Вл. Грековъ.*

Брунновъ, баронъ, затѣмъ графъ *Филиппъ Ивановичъ*, русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ, род. 31 августа 1797 г. въ Дрезденѣ, ум. 30 марта 1875 г. Происходя изъ курляндскихъ дворянъ, баронъ Брунновъ получилъ начальное домашнее образованіе въ Дрезденѣ, а затѣмъ учился въ лейпцигскомъ университетѣ. Окончивъ курсъ наукъ, Брунновъ 30-го октября 1818 г. опредѣлился на службу въ вѣдомство государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ актуаріуса. Здѣсь онъ скоро заслужилъ вниманіе и расположеніе Стурдзы и Каподистріи. Подъ начальствомъ Стурдзы Брунновъ прошелъ дипломатическую школу, начало которой совпало съ эпохою конгрессовъ и торжества охранительнаго и монархическаго принциповъ. Въ 1818 г. Брунновъ въ первый разъ сопровождалъ Стурдзу за границу; возвратившись въ маѣ въ С.-Петербургъ, онъ вновь выѣхалъ въ 1819 г. къ Стурдзѣ въ могилевскую губернію, а въ 1821 г. онъ отправился въ Лайбахъ, куда былъ пере-

несенъ Троппаускій конгрессъ 1820 г. Изъ Лайбаха Брунновъ 13 іюня 1821 г. не надолго возвратился въ Россію и затѣмъ на два года уѣхалъ за границу, сопровождая гр. Ливена вначалѣ въ Ганноверъ, а затѣмъ на конгрессъ въ Верону (октябрь 1822 г.). 9 марта 1823 г. Брунновъ возвратился въ Россію въ чинѣ коллежскаго ассесора и 12 мая того же года получилъ служебное назначеніе въ Одессу, состоять при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ М. С. Воронцовѣ, и здѣсь, одно время, редактировалъ, вмѣстѣ съ Левашовымъ, «Одесскій Вѣстникъ». 2 іюня 1826 г. Брунновъ былъ откомандированъ къ полномочнымъ въ городъ Аккерманъ, т. е. къ гр. Воронцову и Рибопьеру на Аккерманскую конференцію, а 26 февраля 1828 г. занялъ постъ начальника канцеляріи графа Палена, стоявшаго тогда во главѣ управленія Дунайскими княжествами, которыя были заняты русскими войсками. Въ этой должности онъ оставался до ухода графа Палена. 9 февраля 1829 г. онъ снова вернулся на прежній постъ въ Одессу, но пробылъ здѣсь недолго, такъ какъ графъ Паленъ не забылъ своего талантливаго правителя канцеляріи и, отправляясь уполномоченнымъ отъ России для заключенія договора съ турками осенью 1829 г., проѣздомъ чрезъ Одессу взялъ съ собою, въ качествѣ секретаря, Бруннова. При другомъ уполномоченномъ, графѣ Орловѣ, уже находился оффиціально назначенный секретарь, Ф. И. Гильфердингъ, однако Брунновъ сумѣлъ выдвинуться во время мирныхъ переговоровъ съ турками. Адріанопольскій договоръ, заключенный 2—14 сентября 1829 г., вызвалъ нѣкоторыя дипломатическія затрудненія, для устраненія которыхъ графъ Дибичъ предполагалъ отказаться отъ занятія Дунайскихъ княжествъ русскими войсками вплоть до уплаты контрибуціи турками и заключить дополнительный актъ о занятіи русскими войсками только Силистріи съ этапной дорогой чрезъ княжества. Дибичъ поручилъ изложеніе этого проекта Бруннову, прикомандированному къ нему съ 8 сентября 1829 г. и исполнявшему, за болѣзнью правителя дипломатической канцеляріи, его должность «съ особенною способностью, отличнымъ усердіемъ и дѣятельностью». Мнѣніе графа Дибича о занятіи Силистріи Брунновъ изложилъ въ блестящей импровизаціи на 12 листахъ, продиктовавъ ее безостановочно, гладко, какъ бы шутя. Прочитавъ бумагу, Орловъ пришелъ въ восхищеніе, особо рекомендовалъ Бруннова Императору и выразилъ желаніе, чтобы Брунновъ былъ назначенъ управляющимъ дипломатической канцеляріей въ Константинополѣ на время пребыванія тамъ Орлова. Этотъ постъ Брунновъ и занималъ съ 7 ноября 1829 г. по 15 іюня 1830 г. 19 марта 1830 г. Брунновъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. Донесенія его, замѣчательныя по ясности изложенія и умѣлости выводовъ, поддержали рекомендацію, данную ему Орловымъ. На возвратномъ пути изъ Константинополя Брунновъ пробылъ въ Одессѣ до 14 сентября 1830 г., а затѣмъ былъ вызванъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ Петербургъ, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степ. и въ 1832 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники. Въ томъ же году Бруннову повелѣно состоять при вице-канцлерѣ графѣ Нессельроде, съ которымъ у Бруннова быстро установились самыя хорошія отношенія. Относясь къ Бруннову съ полнымъ довѣріемъ, вице-канцлеръ поручилъ ему составленіе очень важныхъ дипломатическихъ инструкцій русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ. Одаренный наблюдательностью и тонкимъ умомъ, Брунновъ скоро усвоилъ воззрѣнія Императора Николая Павловича на дипломатическія отношенія, и потому бумаги, редактированныя имъ, неизмѣнно вызывали одобреніе Государя. Въ 1832 г. Брунновъ не надолго отлучался изъ Петербурга: онъ былъ назначенъ состоять секретаремъ при графѣ Орловѣ, посланномъ для улаженія распри между Голландіей и Бельгіей. Возвратясь въ Петербургъ, Брунновъ снова занялъ мѣсто редактора дипломатическихъ нотъ при графѣ Нессельроде. 28 января 1833 г. Бруннову Высочайше повелѣно быть членомъ главнаго управленія цензуры со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ. По совѣту Блудова, онъ занялся въ 1834 г. просмотромъ журнала Н. А. Полевого «Телеграфъ», и вскорѣ этотъ журналъ, по всеподданнѣйшему докладу графа Уварова, былъ запрещенъ. 19 января 1835 г. Брунновъ былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ іюлѣ того же года онъ, состоя при вице-канцлерѣ, находился въ свитѣ Государя при его поѣздкѣ за границу, а въ 1837 г. сопровождалъ Нессельроде въ Вознесенскъ и Одессу, гдѣ пребывалъ въ

то время Императоръ. Въ 1839 г. начинается блестящая пора дѣятельности Бруннова. 25 марта 1839 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ виртембергскомъ, и 5 августа повелѣно ему быть въ томъ же качествѣ и при великомъ герцогѣ гессенъ-дармштадтскомъ, при чемъ на него было еще возложено особое политическое порученіе: откровенными и дружескими переговорами съ англійскимъ правительствомъ устранить недоразумѣнія, возникшія у англичанъ съ русскими. Эти недоразумѣнія были вызваны союзнымъ трактатомъ 1833 г. между Россіей и Турціей (Ункіаръ-Искелесскимъ), дѣломъ о захватѣ русскими англійскаго судна Vixen и столкновеніемъ между Россіей и Хивой. Русское правительство соглашалось не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго договора подъ условіемъ заключенія европейскаго договора о закрытіи Босфора и Дарданеллъ; барону Бруннову поручено было достигнуть на этомъ основаніи соглашенія съ Англіею, какъ по общему вопросу о проливахъ, такъ и по обострившемуся тогда египетскому вопросу. Маршрутъ Бруннову былъ указанъ чрезъ Берлинъ на Лондонъ, изъ котораго уже онъ долженъ былъ отбыть въ Штутгардтъ. Брунновъ имѣлъ въ Англіи много полезныхъ знакомствъ и связей; особенно плодотворнымъ и значительнымъ оказалось расположеніе къ нему герцога Веллингтона, подъ конецъ жизни ставшаго большимъ почитателемъ Императора Николая I, въ свою очередь высоко чтившаго мнѣнія герцога. Въ это время иностранной политикой Англіи руководилъ лордъ Пальмерстонъ, который стремился не допускать преобладающаго вліянія Россіи въ Турціи и Азіи и съ этою цѣлью поддерживалъ согласіе Англіи съ Франціей по дѣламъ восточнымъ. Со своей стороны Брунновъ поставилъ себѣ главной цѣлью разрушить это согласіе и, по возможности, добиться сближенія между Англіей и Россіей. Объяснивъ, что Россія вообще не стремится къ исключительному протекторату надъ Турціей, онъ предложилъ англичанамъ заключить трактатъ по восточному вопросу, хотя бы Франція и отказалась подписать его. Быстрыя смѣны англійскихъ министерствъ привели Бруннова къ убѣжденію, что въ Англіи «все въ большомъ безпорядкѣ». «Въ настоящее время англичане ничего не хотятъ и ничего не могутъ сдѣлать». Пользуясь этимъ, Брунновъ сталъ очень опредѣленно высказывать желанія русскаго правительства. Самое слабое знаніе имъ англійскаго языка помогало ему въ томъ. Онъ, по собственному выраженію, «рубилъ» свои мысли и, какъ ему выяснилось впослѣдствіи, это былъ наилучшій способъ вести переговоры съ англичанами. Уже первое свиданіе Бруннова съ Пальмерстономъ произвело на послѣдняго самое благопріятное впечатлѣніе. Пальмерстонъ былъ «удивленъ и восхищенъ» предложеніями и уступчивостью русскаго правительства. Въ сентябрѣ 1839 г. Брунновъ писалъ: «если Англія не съ нами, то она все таки больше не принадлежитъ Франціи». Въ концѣ того же сентября Пальмерстонъ сообщилъ Бруннову свое рѣшеніе по спорнымъ вопросамъ. Соглашаясь вообще съ предложеніями Бруннова, англійское правительство считало необходимостью послать свою эскадру въ Дарданеллы, но этотъ пунктъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны Бруннова. «Со времени крестовыхъ походовъ», утверждалъ онъ, «входъ въ Дарданеллы не находился ни въ чьей власти», и, видя настойчивость Пальмерстона, онъ заявилъ: «Знайте, что въ тотъ самый день, когда вы силой пройдете чрезъ проливъ, Россія двинетъ войска, и тогда наступитъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи». Разногласіе въ этомъ пунктѣ сильно затормозило продолженіе переговоровъ. Кромѣ того, Бруннову казалось, что министерство Мельборна совершенно безсильно, и потому онъ рѣшилъ уѣхать изъ Англіи; въ то же время онъ въ своихъ донесеніяхъ осторожно возбуждалъ вопросъ о томъ, не лучше ли для Россіи, вмѣсто заключенія европейскаго договора, остаться въ прежнемъ особомъ положеніи относительно Турціи. По пути въ Дармштадтъ, Брунновъ побывалъ у герцога Веллингтона, который подтвердилъ его убѣжденіе, что «Порта —стражникъ проливовъ», и у князя Меттерниха, который тогда негодовалъ на отказъ Императора Николая I собрать съѣздъ въ Вѣнѣ для улаженія турецкаго вопроса. Въ Дармштадтѣ Брунновъ довелъ до благополучнаго окончанія переговоры о бракѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ будущею Императрицею Маріей Александровной, а затѣмъ возвратился въ Англію для продолженія начатыхъ ранѣе переговоровъ, на скорѣйшемъ окончаніи которыхъ настаивалъ Императоръ Николай Павловичъ.

17 февраля 1840 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонѣ и 14 апрѣля пожалованъ въ тайные совѣтники. Добиваясь опредѣленнаго рѣшенія порученныхъ ему дѣлъ, Брунновъ воспользовался посѣщеніемъ замка Пальмерстона и потребовалъ отъ лорда категорическаго отвѣта. Для выясненія своихъ и Пальмерстона взглядовъ, Брунновъ представилъ ему записку подъ заглавіемъ: «Details sur l'arrangement à conclure». Въ ней Брунновъ проводилъ два начала: 1) провозгласить основою международныхъ отношеній закрытіе обоихъ проливовъ и морей Мраморнаго и Чернаго, и 2) въ видѣ исключенія, для охраненія Оттоманской имперіи, открытіе Дарданельскаго пролива—для флотовъ Англіи и Франціи, дѣйствующихъ противъ Магомета Али въ Египтѣ и Сиріи, а Босфора—для русскаго флота. Пальмерстонъ одобрилъ проектъ Бруннова. И Императоръ Николай I, внимательно слѣдившій за дѣйствіями своего посла въ Лондонѣ, выразилъ ему свое удовольствіе и вновь повелѣлъ настаивать на заключеніи мирнаго акта въ скорѣйшемъ времени. Въ январѣ 1840 г. Пальмерстонъ представилъ проектъ конвенціи, съ которымъ, однако, не могли согласиться ни Брунновъ, ни австрійскій уполномоченный Нейманъ. Послѣдній обратился къ Бруннову съ предложеніемъ письменно изложить условія, на которыхъ можетъ состояться соглашеніе державъ. Проектъ Бруннова легъ въ основу конвенціи относительно Египта, подписанной въ Лондонѣ 3—15 іюля 1840 г. Эта конвенція была замѣчательнымъ успѣхомъ русской дипломатіи. Прежде всего, Франція отказалась присоединиться къ договору, и тѣмъ въ корень было разрушено англо-французское соглашеніе по восточнымъ дѣламъ. Затѣмъ, конвенція разрѣшала египетскій вопросъ въ направленіи, согласномъ съ русскими требованіями. Многіе въ англійскомъ обществѣ до того были недовольны успѣхомъ Бруннова, что утверждали, будто Пальмерстонъ «продался Россіи», сталъ ея «сеидомъ». Даже англійское правительство долго не соглашалось на заключеніе мирнаго акта и уступило лишь при угрозѣ Пальмерстона выйти въ отставку. Брунновъ гордился и тѣмъ, что изъ-за іюльской конвенціи онъ сталъ «объектомъ ненависти» французовъ. 18-го іюля 1840 г. онъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Неудовольствіе Франціи новымъ договоромъ было такъ велико, что она стала грозить Англіи войною, но Брунновъ, отъ имени Императора, передалъ британскому правительству, что русская эскадра готова идти къ нему на помощь. Теперь Бруннову предстояло еще разрѣшить вопросъ о проливахъ. Протесты Франціи и вмѣшательство Меттерниха оттянули заключеніе договора касательно этого пункта, и лишь 1—13 іюля 1841 г. былъ подписанъ трактатъ, устанавливавшій принципъ закрытія проливовъ,—принципъ, къ торжеству котораго направлены были всѣ усилія Бруннова. Такимъ образомъ Брунновъ разрѣшилъ осложненія, вызванныя Восточнымъ вопросомъ. Что касается до дѣлъ средне-азіатскихъ, то въ этомъ отношеніи особую тревогу въ Англіи вызвалъ походъ Перовскаго на Хиву. Но Брунновъ не придавалъ серьезнаго значенія протестамъ англичанъ противъ нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи. «Лишь бы Перовскій исполнялъ свое дѣло, писалъ онъ 31 января 1840 г., пусть онъ прогонитъ хана или повѣситъ его,—все равно, онъ поступитъ отлично и никто вамъ въ томъ мѣшать не можетъ. Только, умоляю васъ, предпочтите дѣйствія писаніямъ. Эти писанія въ настоящее время даже въ Европѣ очень мало имѣютъ значенія, еще меньше стоятъ они въ Азіи. Всякій открытый актъ подписанный нами съ какимъ-нибудь хивинскимъ разбойникомъ не дастъ намъ больше безопасности, но навѣрно повредитъ намъ въ глазахъ Англіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ Брунновъ старался не допустить фактической помощи хивинцамъ со стороны англичанъ. Когда въ 1840 г. они послали въ Хиву офицера Эббота, который долженъ былъ организовать въ Закаспійскомъ краѣ движеніе противъ русскихъ, то Брунновъ убѣдилъ министра по дѣламъ Индіи лорда Гобгауза, что Эбботъ не сможетъ остановить движенія русскихъ войскъ, а въ тоже время англійскій офицеръ, въ роли инструктора хивинцевъ, компрометируетъ Англію. Лордъ Гобгаузъ согласился съ доводами Бруннова, и Эбботъ былъ отозванъ.

8 декабря 1841 г. баронъ Брунновъ скрѣпилъ своею подписью международный актъ о запрещеніи торговли неграми. Въ 1842 г. онъ принималъ участіе въ заключеніи коммерческаго трактата Россіи съ Англіей (30 декабря 1842 г.); онъ участвовалъ также въ закрывшейся въ 1843 г. Лондонской конференціи по устройству дѣлъ въ Греціи. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ан-

глійскимъ правительствомъ Брунновъ обнаружилъ столь высокія личныя качества, что заслужилъ всеобщее уваженіе. Такъ, тогдашній глава англійскаго министерства, Робертъ Пиль, въ рѣчи 2 марта 1844 г. сказалъ о личности Бруннова слѣдующее: «Были, можетъ-быть, дипломаты, занимающіе болѣе высокое положеніе; но мы никогда не видѣли здѣсь человѣка, облеченнаго довѣріемъ своего правительства, который исполнялъ бы сопряженныя съ своею должностью обязанности болѣе достойнымъ уваженія и даже примѣрнымъ образомъ, чѣмъ баронъ Брунновъ. Я могу смѣло сказать, что никогда не было у насъ представителя иностранной державы, болѣе преданнаго интересамъ своей страны, и менѣе склоннаго вступать въ сдѣлку съ своею честью, или съ чѣмъ-либо, касающимся обязанности соблюдать представляемые имъ интересы. Но возвышаясь надъ мелкими хитростями и интригами, пріятностью и простотою своего обхожденія его превосходительство сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе всѣхъ министровъ, съ которыми имѣлъ сношенія, обезпечивая себѣ чрезъ это уваженіе и благорасположеніе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ призванъ былъ имѣть дѣло». 1845 годъ былъ ознаменованъ большими захватами Англіи въ Азіи. Тогда Брунновъ, по указаніямъ русскаго правительства, сдѣлалъ англійскимъ министрамъ энергическія представленія, которыя имѣли полный успѣхъ. Съ большими затрудненіями пришлось считаться Бруннову послѣ французской революціи 1848 г., во время министерства Джона Росселя. При вѣсти о переворотѣ, совершившемся во Франціи, Брунновъ немедленно отправился въ парламентъ, для неотложнаго свиданія съ Пальмерстономъ, котораго онъ надѣялся уговорить не признавать законнымъ новое революціонное правительство Франціи. Добившись свиданія съ лордомъ, онъ сталъ доказывать ему, что во всей Европѣ лишь двѣ державы—Россія и Англія, могутъ своимъ могуществомъ и незыблемымъ положеніемъ поддержать основы общественнаго порядка и международнаго мира. Рознь между ними можетъ погубить Европу, и потому русскій посолъ умолялъ Пальмерстона не дѣйствовать безъ согласія съ Россіей, рѣшившейся твердо соблюдать принципы 1815 г. Каждымъ удобнымъ случаемъ пользовался затѣмъ Брунновъ, чтобы склонить Пальмерстона на свою сторону, но обстоятельства сложились далеко не въ пользу нашего посла. Лордъ Россель, глава министерства, не довѣрялъ Россіи, а Пальмерстонъ стоялъ за союзъ Англіи съ Франціей и не только признавалъ ея новое правительство, но былъ сторонникомъ президента Луи-Наполеона. Среди этого общаго недружелюбнаго настроенія противъ Россіи, особенно опасное значеніе получило вмѣшательство Англіи въ дипломатическое столкновеніе Россіи съ Турціей изъ за выдачи бѣжавшихъ на турецкую территорію венгерскихъ повстанцевъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ, сэръ Стратфордъ Каннингъ, подъ вліяніемъ котораго Порта отказалась выдать венгерцевъ, вызвалъ для поддержанія султана къ Константинополю англійскую эскадру. Брунновъ придалъ очень серьезное значеніе проходу англійской эскадры черезъ Дарданеллы, такъ какъ этимъ нарушался трактатъ 1841 г. Гостя у Пальмерстона, онъ два дня спорилъ съ нимъ о незаконности поступка адмирала Паркера, подъ начальствомъ котораго англійская эскадра прошла проливъ. Разговоръ свой Брунновъ закончилъ заявленіемъ: «Если Паркеръ можетъ законно войти въ Дарданеллы, то адмиралъ Лазаревъ можетъ пройти Босфоръ». Въ концѣ концовъ Пальмерстонъ согласился отозвать Паркера и увѣрилъ Бруннова, что «этого больше не будетъ». Едва было улажено это дѣло, какъ Англія снова дала поводъ къ недоразумѣнію, начавъ изъ-за претензій Пачифико блокаду греческихъ береговъ и конфискацію задерживаемыхъ греческихъ судовъ. Протестуя, совмѣстно съ Франціей, Брунновъ заявилъ, что «ни одна изъ трехъ державъ покровительницъ не имѣетъ права безъ согласія двухъ остальныхъ предпринимать противъ Греціи мѣръ, компрометирующихъ территоріальную неприкосновенность или основы существованія этой страны». Согласно Высочайшей волѣ, Брунновъ сдѣлалъ самыя серьезныя представленія относительно дѣйствій въ Греціи, и, когда Пальмерстонъ угрожалъ продать съ аукціона захваченные греческіе корабли, Брунновъ заявилъ, что Россія ихъ купитъ и удовлетворитъ всѣхъ кредиторовъ. Вскорѣ, однако, состоялось соглашеніе между Греціей и Англіей, и блокада была прекращена.— Въ 1850 г. Брунновъ подписалъ въ Лондонѣ актъ, охраняющій права датскаго

короля на Шлезвигъ и Голштинію. Въ 1851 г., послѣ 12-ти-лѣтняго пребыванія въ Англіи, Брунновъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Россію, чувствуя необходимость въ отдыхѣ. По этому поводу газета Таймсъ замѣтила, что русское правительство не могло бы имѣть болѣе любезнаго представителя; съ 1848 г., по ея словамъ, не было ни одного почти вопроса, гдѣ бы Англія не стояла на одной сторонѣ, а Россія—на другой; во всѣхъ переговорахъ по этимъ дѣламъ бар. Брунновъ игралъ самую крупную роль, но онъ такъ удачно умѣлъ соединять любезность съ твердостью и избѣгать всѣхъ ненужныхъ раздраженій, что въ этомъ, можетъ быть, и слѣдуетъ искать причину, почему Европа не была вовлечена во всеобщую войну. Въ Россіи Брунновъ, по порученію графа Нессельроде, составилъ записки о главныхъ политическихъ вопросахъ того времени и въ нихъ далъ рядъ цѣнныхъ обозрѣній по важнѣйшимъ вопросамъ, касавшимся сношеній нашихъ съ Даніей, Греціей, Востокомъ, Германіей, Египтомъ, Персіей, Франціей и др. Записки эти, помимо ясности и убѣдительности въ изложеніи самыхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, изобилуютъ глубокомысленными соображеніями, цѣнными даже для нашего времени, и блещутъ множествомъ остро умныхъ замѣчаній, сравненій и т. п.

Позднею осенью 1851 г. Брунновъ возвратился на свой постъ въ Лондонъ, гдѣ министерство Росселя, вскорѣ послѣ выхода Пальмерстона изъ его состава, смѣнилось въ февралѣ 1852 г.—министерствомъ Дэрби, и затѣмъ, въ томъ же году,—министерствомъ лорда Эбердина. Въ эпоху, предшествовавшую Крымской кампаніи, господствующее настроеніе въ политическихъ кругахъ Англіи было благопріятно Россіи, о чемъ и сообщалъ баронъ Брунновъ въ своихъ донесеніяхъ. Это благопріятное настроеніе радикально измѣнилось при извѣстіи о требованіяхъ, предъявленныхъ въ Константинополѣ чрезвычайнымъ посломъ кн. А. С. Меншиковымъ. Брунновъ все еще не терялъ надежды успокоить англійское общественное мнѣніе, но ему мало было извѣстно о миссіи кн. Меньшикова въ Константинополѣ, и это обстоятельство сильно вредило убѣдительности его возраженій противъ англійской подозрительности. Когда, наконецъ, Брунновъ получилъ проектъ конвенціи кн. Меньшикова, то оказалось, что въ Лондонъ еще раньше прибыла эта конвенція, но комментированная лордомъ Стратфордомъ де Редклиффъ. Желая опровергнуть эти комментаріи, Брунновъ написалъ лорду Эбердину длинное письмо, которое очень понравилось Эбердину и было прочитано въ засѣданіи совѣта министровъ. Между тѣмъ кн. Меньшиковъ, не добившись успѣха въ Константинополѣ, выѣхалъ изъ Турціи. Наше правительство обвиняло лорда Стратфорда въ противодѣйствіи мирному соглашенію между Портой и Россіей; Бруннову, вмѣстѣ съ этимъ заявленіемъ, поручалось передать англійскому правительству, «что въ его рукахъ находится вопросъ мира и войны». Брунновъ прилагалъ всѣ силы, чтобы предупредить разрывъ. Съ этой цѣлью онъ съ блестящей и весьма убѣдительной аргументаціей изложилъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ за первые мѣсяцы 1853 г. и представилъ свою записку англійскимъ министрамъ. Эбердинъ старался, какъ могъ, поддержать нашего посла, и въ концѣ іюня 1853 г. положеніе дѣлъ пріобрѣло болѣе благопріятный характеръ, давшій поводъ Императору Николаю предполагать, что «по всей вѣроятности, мы выйдемъ съ честью и миромъ изъ восточнаго кризиса». Императоръ приписалъ благопріятный оборотъ дѣлъ дѣятельности Бруннова и поручилъ графу Нессельроде выразить ему Высочайшую признательность за «тактъ, искусство и умъ, съ которыми онъ велъ эти чрезвычайно важные и сложные дипломатическіе переговоры». Однако, дальнѣйшій ходъ дѣлъ не оправдалъ ожиданій нашего правительства. «Общественное мнѣніе, писалъ Брунновъ извращенное этими проклятыми газетами, вопитъ за войну». «Турки служатъ (для англичанъ) только предлогомъ». А въ войнѣ Брунновъ не видѣлъ ровно никакой выгоды для насъ, даже при благопріятномъ исходѣ ея, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, «Оттоманская Имперія замѣнится независимыми государствами, которыя сдѣлаются для насъ или обременительными покровительствуемыми, или враждебными сосѣдями». 14—26 октября 1853 г. Бруннову было повелѣно поставить англійскому правительству вопросъ, какъ оно намѣрено поступить въ случаѣ серьезнаго столкновенія на морѣ или на сушѣ между турками и русскими. Отвѣтъ былъ данъ уклончивый, но достаточно ясный, чтобы понять всю враждеб-

ность Англіи къ Россіи. На этомъ отвѣтѣ Императоръ Николай сдѣлалъ собственноручно надпись: «это подло», а Брунновъ замѣтилъ: «Можно сказать, что Англіи не достаетъ мужества, чтобы сражаться, и ума, чтобы жить въ мірѣ». Въ началѣ 1854 г., послѣ того, какъ англичане заявили, что не допустятъ появленія русскихъ судовъ Черноморской эскадры въ открытомъ морѣ, и не распространили того же ограниченія на турецкія суда, Брунновъ оставилъ Лондонъ. Дѣло дипломатіи было покончено. Тогда же Брунновъ написалъ любопытную записку: «Обзоръ положенія восточныхъ дѣлъ въ 1854 г.»; цѣлью ея было доказать несостоятельность англійской политики и оградить самого Бруннова отъ несправедливыхъ нареканій.

Покинувъ Лондонъ, Брунновъ оставался нѣкоторое время въ Брюсселѣ, гдѣ былъ какъ бы на наблюдательномъ посту, затѣмъ ѣздилъ, по семейнымъ дѣламъ, въ Дармштадтъ, откуда вернулся въ Петербургъ, и здѣсь провелъ зиму 1854—55 г., занимая близкое къ Нессельроде положеніе. Въ 1855 г. Брунновъ получилъ мѣсто посланника при германскомъ союзѣ, а въ 1856 г. онъ назначенъ былъ вторымъ уполномоченнымъ со стороны Россіи на Парижскомъ конгрессѣ. Первымъ уполномоченнымъ былъ графъ (впослѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ. Въ Парижѣ Брунновъ оставался около года. Со свойственною ему проницательностью, онъ сразу понялъ политику Наполеона и мѣтко характеризовалъ императора, въ то время, когда въ Петербургѣ его еще не вполнѣ разгадали. «Когда Вы судите о видахъ Императора Наполеона», писалъ онъ кн. Горчакову въ 1857 г., «не вѣрьте въ устойчивость того, что есть, но вѣрьте въ его переустройство. Наполеоновскія идеи отличаются тою особенностью, что слова одного дня никогда не предвѣщаютъ событій слѣдующаго. Вспомнимъ изреченіе: Имперія есть миръ; годъ спустя, мы имѣли войну. Политика Императора признаетъ не потребность покоя, но потребность движенія. Пока онъ живъ, его инстинктъ будетъ увлекать его къ дѣйствію. Въ этомъ секретъ его царствованія». «Позвольте мнѣ сказать Вамъ», пишетъ онъ далѣе, «что въ геніи этого человѣка—нѣчто большее, чѣмъ обыкновенная политика. Если Вы простите мнѣ такое выраженіе, я осмѣлюсь назвать это поэзіею». Отправившись 30 января 1856 г. изъ Петербурга, баронъ Брунновъ пріѣхалъ въ Парижъ ранѣе графа Орлова, съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и подготовить почву для графа, и сразу оцѣнилъ благопріятное для Россіи настроеніе тюльерійскаго правительства. Изъ Парижа онъ предупреждалъ графа Орлова о томъ расположеніи, которое онъ тамъ найдетъ, и которое изумитъ его. Баронъ Брунновъ высказалъ, что въ затруднительныхъ случаяхъ, во время конгресса, графу Орлову слѣдуетъ обращаться непосредственно къ Императору Наполеону III, такъ какъ «польщенный довѣріемъ Наполеонъ будетъ лично вліять на представителей Англіи и Австріи». Послѣдствія оправдали этотъ совѣтъ; графъ Орловъ нѣсколько разъ обращался къ императору французовъ, и личное вмѣшательство Наполеона принуждало противниковъ Россіи къ уступкамъ. На Парижскомъ конгрессѣ, благодаря занятому Наполеономъ III посредническому положенію, графъ Орловъ и баронъ Брунновъ добились гораздо выгоднѣйшихъ условій мира, чѣмъ того требовали Англія и Австрія. За Россіею остались $^3/_4$ участка, который по австрійскому проекту долженъ былъ отойти отъ Бессарабіи къ Молдавіи. Ограниченіе державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ не было распространено на Азовское море, Николаевъ, Херсонъ, и на кавказскіе прибрежные форты. Старанія Великобританіи подвергнуть сомнѣнію права Россіи на Закавказье окончились неудачею. Кромѣ того, баронъ Брунновъ, знатокъ преданій русской политики, обратилъ особое вниманіе на опредѣленіе положенія восточныхъ христіанъ. Значеніе этого вопроса состояло въ слѣдующемъ. Заключая парижскій договоръ, западныя державы стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы положить конецъ исторической роли Россіи на Востокѣ; съ этой цѣлью создавалось такое положеніе, что, въ случаѣ опасности для самой Турціи, ее охраняла европейская опека, передъ Россіей выростала на Востокѣ совокупная Европа; а какъ только Россія старалась склонить ту же Европу къ улучшенію судьбы восточныхъ христіанъ, Турція должна была оказываться такимъ же государствомъ, какъ всякое другое въ Европѣ: вмѣсто европейской опеки долженъ былъ выдвигаться принципъ неприкосновеннаго суверенитета султана, невмѣшательства Европы въ внутреннія дѣла Турціи. Однако

Брунновъ съумѣлъ добиться такой редакціи статьи, касающейся реформъ въ Турціи, что основная мысль европейскихъ дипломатовъ оказалась выраженной неясно, и текстъ договора допускалъ толкованіе, благопріятное стремленіямъ Россіи. Эта неясность Парижскаго договора имѣла важныя послѣдствія: въ послѣдующее двадцатилѣтіе восточная политика различныхъ державъ характеризуется различнымъ толкованіемъ Парижскаго договора. Россія требовала отъ державъ дѣйствительнаго заступничества за восточныхъ христіанъ, признавая неприкосновенность державныхъ правъ султана обусловленною исполненіемъ обѣщаній, данныхъ Портою христіанамъ въ 1856 г.; противившіяся Россіи державы большею частью признавали неприкосновенность державныхъ правъ султана безусловною. Кромѣ того, въ одномъ своемъ сообщеніи, занесенномъ въ протоколъ, Брунновъ упомянулъ объ «особомъ интересѣ, съ которымъ Россія относится къ христіанамъ Турціи». Великобританскій представитель, лордъ Коулей не пропустилъ безъ возраженія этихъ словъ барона Бруннова и заявилъ, что со стороны другихъ державъ проявляется къ христіанскимъ подданнымъ султана такой же интересъ. Баронъ Брунновъ отвѣтилъ, что упоминая о расположеніи своего правительства, онъ не хотѣлъ оспаривать расположенія другихъ державъ «къ ихъ единовѣрцамъ». Державы стремились замѣнить русское вліяніе на Востокѣ вліяніемъ совокупной Европы, а въ это самое время, при выработкѣ договора, русскій представитель продолжалъ утверждать, что между православными на Востокѣ и Россіей существуетъ особая связь, и въ качествѣ оговорки допускалъ лишь то, что такая же связь существуетъ между другими державами и ихъ единовѣрцами. По заключеніи мира, 5 апрѣля 1856 г. барону Бруннову Всемилостивѣйше пожалована была брилліантовая табакерка при Высочайшемъ рескриптѣ. 26 августа того же года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Послѣ подписанія Парижскаго договора баронъ Брунновъ совершилъ поѣздку въ Лондонъ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ; при его участіи состоялся «обѣдъ примиренія», на которомъ присутствовали исключительно министры и бывшіе министры. Вернувшись въ Парижъ, баронъ Брунновъ продолжалъ управлять миссіею впредь до пріѣзда вновь назначеннаго посла, графа Киселева. Однако, и по пріѣздѣ графа Киселева, баронъ Брунновъ былъ задержанъ въ Парижѣ вновь возникшими политическими осложненіями. Исполненіе Парижскаго договора вызвало значительныя разногласія; главныя изъ нихъ касались направленія новой границы въ Бессарабіи и вопроса о лежащемъ противъ дунайскихъ устьевъ Змѣиномъ островѣ, который ранѣе былъ подвластенъ Россіи, но не былъ упомянутъ въ договорѣ. Русское правительство заявило, что разногласія должны быть рѣшены всѣми подписавшими договоръ державами; Великобританія, наоборотъ, требовала отъ Россіи немедленной уступки и заняла угрожающее положеніе. Благодаря вмѣшательству Наполеона III, Англія согласилась на созваніе въ Парижѣ конференціи. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ III выставилъ мысль о вознагражденіи Россіи въ другомъ мѣстѣ за отказъ ея отъ спорныхъ мѣстностей. Задача русскаго уполномоченнаго на конференціи должна была состоять въ томъ, чтобы добиться вознагражденія, сколь возможно выгоднѣйшаго. Русскимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ баронъ Брунновъ, что явилось въ глазахъ графа Киселева униженіемъ достоинства Государева представителя въ Парижѣ. Ради удовлетворенія графа Киселева, русское правительство пожелало назначить на конференцію двухъ представителей, но эту мысль отвергла Великобританія, и графъ Киселевъ не былъ допущенъ на конференцію. Парижская конференція открылась 19 (31) дек. 1856 г. и завершилась подписаніемъ протокола 25 дек. 1856 г. (6 янв. 1857 г.). Русское правительство признало, что баронъ Брунновъ выполнилъ свою задачу блестящимъ образомъ. Отказавшись отъ спорныхъ мѣстностей, Россія получила болѣе выгодное направленіе границы въ сѣверной части отходящаго отъ Бессарабіи участка, при чемъ назначенная въ вознагражденіи Россіи мѣстность оказалась обширнѣе той, отъ которой она отказывалась. Тогда же былъ назначенъ обязательный срокъ для производства разграниченія и для очищенія Англіею Чернаго моря и Австріею Дунайскихъ княжествъ.

Воинственно настроенное великобританское правительство вело въ 1856 г. наступательную политику и въ Азіи; пользуясь обезсиленіемъ Россіи, англичане направили

удары на Персію, которая во время Крымской войны относилась къ Россіи дружественнымъ образомъ. Брунновъ, знатокъ азіатскихъ дѣлъ, разъяснилъ смыслъ этого конфликта французскому министру иностранныхъ дѣлъ, гр. Валевскому, который, по его словамъ, «очень удивился». 15 (27) авг. 1856 г., по поводу событій въ Персіи, онъ писалъ кн. Горчакову, что тамъ начинается крупное дѣло; при Императорѣ Николаѣ I рѣшено было, заявлялъ Брунновъ, что дѣятельная политика въ этихъ мѣстностяхъ завела бы Россію слишкомъ далеко, и постановлено было держаться политики выжидательной. «Всѣ эти вопросы дремали, пока мы жили съ Англіею въ добромъ разумѣніи. При управленіи Пиля и даже Джона Росселя, намъ удалось установить нѣкоторое соглашеніе съ англійскимъ кабинетомъ. Въ результатѣ оно научило насъ, что необходимо, желая оставаться въ мирѣ, жить въ отдаленіи. Этотъ принципъ былъ хорошо понятъ въ Англіи. У государственныхъ людей этой страны было тогда предчувствіе, что Индійская имперія, чтобы быть спокойною, не должна была переходить ни за цѣпь Гималайскихъ горъ на сѣверѣ, ни за берега Инда на западѣ. Персія оставалась нравственно нейтральною почвою и Афганистанъ—раздѣляющимъ насъ средостѣніемъ. Эта система просуществовала, сколько она могла существовать, то есть 15 лѣтъ». «Англія», писалъ онъ далѣе, чувствуетъ въ себѣ въ настоящее время излишекъ силъ, которымъ она не находитъ употребленія». Пальмерстонъ хочетъ направить ихъ, между прочимъ, на Персію. «По окончаніи убыточной войны, онъ расчитываетъ на наше бездѣйствіе. Въ противномъ случаѣ, онъ считалъ бы для себя возможнымъ снова блокировать наши гавани. Когда у насъ будетъ винтовой флотъ, условія игры будутъ равныя. Онъ это понимаетъ отлично. Но покамѣстъ онъ чувствуетъ себя ничѣмъ не стѣсненнымъ». Россія оказала Персіи дипломатическое содѣйствіе и добилась смягченія тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя сначала предписывала Персіи Англія. Между тѣмъ, расторженіе соглашенія съ Англіею въ Азіи имѣло самыя крупныя послѣдствія. Какъ неоднократно заявлялъ съ тѣхъ поръ Брунновъ, Россія могла послѣ того свободно распространять свое могущество и продолжать историческое поступательное движеніе въ Средней Азіи. Но защищая эту мысль въ принципѣ, баронъ Брунновъ, согласно съ мнѣніемъ и самого кн. Горчакова, не переставалъ рекомендовать на практикѣ величайшую осмотрительность, считая пагубными для русскихъ интересовъ въ Средней Азіи преждевременныя и слишкомъ быстрыя движенія, при которыхъ силы Россіи, занятой внутренними преобразованіями, оказались бы не на высотѣ предпринятыхъ задачъ. Руководствуясь этою точкою зрѣнія, министерство иностранныхъ дѣлъ принуждено было нерѣдко стараться о томъ, чтобы сдерживать совершавшееся поступательное движеніе русскихъ силъ въ Средней Азіи.

Бар. Брунновъ былъ еще 7 іюля 1856 г. назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, но оставался въ Парижѣ до начала 1857 г. Въ Пруссіи Брунновъ пробылъ немного болѣе года. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Берлина онъ составилъ очеркъ прусской политики съ характеристиками главныхъ политическихъ дѣятелей Пруссіи. Кн. Горчаковъ назвалъ этотъ очеркъ: «Chef d'oeuvre politique». Брунновъ замѣчаетъ, что, вслѣдствіе своего географическаго очертанія, Пруссія имѣетъ менѣе вѣса въ дѣлахъ Европы, чѣмъ могла бы; когда явится во главѣ ея министръ, полный смѣлости и честолюбія, она будетъ домогаться высшаго положенія. Среди выведенныхъ бар. Брунновымъ государственныхъ людей, самый главный, человѣкъ будущаго—Бисмаркъ. Ему посвященъ краткій, но сильный очеркъ. Къ Россіи Бисмаркъ расположенъ; «онъ понимаетъ и доброжелательство, и достоинство нашей политики. Онъ ее уважаетъ». «Но я бы отступилъ отъ истины», пишетъ далѣе бар. Брунновъ, «если бы считалъ его слѣпымъ поборникомъ нашихъ интересовъ, въ случаѣ возможнаго когда-нибудь несогласія между ними и интересами Пруссіи. Я его настолько уважаю, что считаю его прежде всего преданнымъ пользѣ своего отечества. Я скажу больше: если бы онъ достигъ власти, и если бы впослѣдствіи виды нашихъ кабинетовъ расходились, мы получили бы въ лицѣ Бисмарка противника, съ которымъ пришлось бы посчитаться».

8 февр. 1858 г. бар. Брунновъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, куда пріѣхалъ въ мартѣ 1858 г. Его возвращеніе въ Лондонъ было вообще по-

нято, какъ признакъ улучшенія отношеній къ Англіи. Въ началѣ 1858 г. появилось у власти консервативное министерство (гр. Дерби), державшееся умѣренной политики. Бар. Брунновъ радовался, что снова застанетъ министромъ гр. Дерби и статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ— гр. Мальмесбюри. Но при миролюбіи консервативнаго министерства, въ значительной части англійскихъ политическихъ круговъ продолжали господствовать враждебные Россіи взгляды. Пальмерстонъ, по словамъ Бруннова, былъ убѣжденъ, что Англія должна при всякомъ возможномъ случаѣ создавать Россіи затрудненія, чтобы не дать ей довершить ни желѣзныхъ дорогъ, ни внутреннихъ реформъ. Орудіемъ противъ этого со стороны Россіи должно было служить сближеніе съ Франціей. Брунновъ писалъ объ англійской политикѣ: «она будетъ создавать намъ затрудненія, когда будетъ представляться ей случай; но она породитъ серьезную опасность только тогда, когда будетъ увѣрена въ возможности соединить противъ насъ свои силы съ силами Франціи. Къ этой простой формулѣ сводятся тайны политики дня». Въ политикѣ консервативнаго министерства проявлялись значительныя колебанія. Князь Горчаковъ писалъ бар. Бруннову, что есть два Мальмесбюри: одинъ даетъ бар. Бруннову дружественныя завѣренія, другой дѣйствуетъ на Востокѣ наперекоръ этимъ завѣреніямъ. Бар. Брунновъ отвѣчалъ: существуетъ не два, а три Мальмесбюри; третій— тотъ, который долженъ защищаться предъ парламентомъ. Въ 1859 г. снова появился у власти Пальмерстонъ, носитель болѣе враждебной къ Россіи политики. Но сложныя политическія отношенія Европы, при начавшихся въ 1859 г. національныхъ войнахъ и революціонныхъ движеніяхъ, при неожиданныхъ предпріятіяхъ Наполеона III и таинственности его замысловъ, не допускали со стороны Англіи односторонней антирусской политики. Между тремя державами, Англіею, Россіею и Франціею, составлялись сложныя отношенія, съ тонкою игрою взаимныхъ сближеній. Однако, въ случаяхъ обостренія Восточнаго вопроса, снова обнаруживалась систематическая враждебность Пальмерстона къ Россіи. При этихъ обстоятельствахъ, въ наступавшіе иногда трудные моменты, проявлялись вся опытность и дипломатическое искусство бар. Бруннова, соединеніе твердости съ умѣренностью, смѣлости съ осторожностью. Такъ было напр. при греческомъ кризисѣ 1862 г. Греческій король Оттонъ былъ свергнутъ; предстояло избраніе новаго короля. По существующимъ договорамъ, не могъ быть избранъ членъ царствующихъ династій трехъ державъ - поручительницъ, Россіи, Англіи и Франціи. Въ Греціи, въ качествѣ кандидата, стало раздаваться имя герцога Лейхтенбергскаго, который, не принадлежа ни къ дому Романовыхъ, ни къ дому Бонапартовъ, не подходилъ подъ точный смыслъ договорнаго ограниченія. Однако великобританское правительство считало его избраніе равносильнымъ воцаренію въ Греціи русскаго великаго князя; оно заявило, что если Россія допускаетъ кандидатуру герцога Лейхтенбергскаго, то договоры нарушены, и выставило съ своей стороны кандидатуру принца Альфреда, сына королевы Викторіи. Такъ какъ великобританское правительство выражало въ то же время намѣреніе отказаться отъ протектората надъ Іонійскими островами ради присоединенія ихъ къ Греціи, то кандидатура принца Альфреда пріобрѣла среди грековъ огромную популярность. Кн. Горчаковъ держался такой точки зрѣнія: Россія не выставляетъ кандидатуры герцога Лейхтенбергскаго; Россія вѣрна обязательствамъ, вытекающимъ изъ договоровъ; но онъ упорно обходилъ вопросъ: что будетъ, если греки сами изберутъ герц. Лейхтенбергскаго? приметъ ли Россія его избраніе, какъ согласное съ договорами, или отвергнетъ, какъ несогласное? Между тѣмъ, избраніе принца Альфреда становилось съ каждымъ днемъ все болѣе вѣроятнымъ и казалось уже обезпеченнымъ. 12 (24) ноября бар. Брунновъ, минуя статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ графа Росселя, обратился прямо къ Пальмерстону. Послѣдній заявилъ, что въ виду занятаго Россіею положенія считаетъ возможнымъ принять избраніе принца Альфреда. На категорическіе запросы Бруннова кн. Горчаковъ продолжалъ отвѣчать уклончиво. Тогда Брунновъ, понимая, какъ опасно для Россіи воцареніе въ Аѳинахъ англійскаго принца, взялъ всю отвѣтственность на себя. При личномъ свиданіи, Брунновъ и Пальмерстонъ уговорились, что оба кандидата, и принцъ Альфредъ, и герц. Лейхтенбергскій, будутъ устранены, а такъ какъ народныя массы въ Греціи продол-

жали громко выражать свое расположеніе къ принцу Альфреду, то необходимо было связать Англію формальнымъ обязательствомъ. Бар. Брунновъ предложилъ великобританскому правительству произвести обмѣнъ нотъ объ устраненіи обоихъ кандидатовъ, и достигъ цѣли: 22 ноября (4 дек.) ноты были обмѣнены между Брунновымъ и Росселемъ. Вслѣдъ затѣмъ принцъ Альфредъ былъ избранъ въ Греціи огромнымъ большинствомъ голосовъ, но послѣ состоявшагося въ Лондонѣ обмѣна нотъ его избраніе уже не имѣло значенія. Въ 1863 г. совершилось въ Аѳинахъ новое избраніе. Королемъ провозглашенъ былъ принцъ Вильгельмъ датскій. Переговоры о его вступленіи на престолъ (подъ именемъ Георга I) и объ условіяхъ присоединенія Іонійскихъ острововъ къ Греціи происходили на Лондонскихъ конференціяхъ (1863—64 гг.), въ которыхъ участвовали то всѣ великія державы, то три державы-поручительницы; русскимъ уполномоченнымъ былъ бар. Брунновъ.

Неполное согласіе Англіи и Франціи, проявлявшееся во всѣхъ ихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, обнаружилось и при ихъ заступничествѣ за поляковъ въ 1863 г., что и дало возможность русскому правительству отвергнуть вмѣшательство западныхъ державъ во внутреннія дѣла Имперіи. Между прочимъ, въ сентябрѣ 1863 г., графъ Россель произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ, что Россія не соблюла условій, на которыхъ къ ней присоединена была въ 1815 г. Польша, и что чрезъ это упразднилось вытекавшее изъ договора 1815 г. право Русскаго Императора на владѣніе Польшею. Эту точку зрѣнія правительства англійское и французское рѣшили прямо заявить Россіи, и были уже выработаны соотвѣтствующія депеши. Тогда Брунновъ отправился къ Росселю для переговоровъ и убѣждалъ его измѣнить англійскую депешу. Императоръ Александръ II написалъ на сообщеніи бар. Бруннова объ этихъ переговорахъ: «нужно отдать справедливость Бруннову: его языкъ былъ также благороденъ, какъ и энергиченъ, и я его искренне за то благодарю». Вслѣдъ за тѣмъ англійскій кабинетъ рѣшилъ выпустить изъ депеши заявленія объ упраздненіи права Россіи на Польшу. «Русская дипломатія сознаетъ, что исполнила свой долгъ», писалъ бар. Брунновъ; Императоръ Александръ II приписалъ: «и она можетъ этимъ гордиться». Французское правительство, крайне оскорбленное неожиданнымъ рѣшеніемъ англійскаго кабинета, совсѣмъ не послало въ Петербургъ предполагаемой депеши; въ англійской же депешѣ, врученной вскорѣ кн. Горчакову, осторожно указывалось, что права Польши опредѣлены въ томъ же актѣ, который сдѣлалъ Русскаго Императора Королемъ Польскимъ; отъ всякихъ дальнѣйшихъ выводовъ англійская депеша воздерживалась. 5 (17) октября бар. Брунновъ писалъ: «намъ удалось еще разъ уладить польское дѣло». Императоръ надписалъ: «честь и слава нашему другу Бруннову».

Въ 1864 г., на лондонской конференціи по шлезвигъ-голштинскому вопросу, пытавшейся помирить Данію съ Пруссіею и Австріею, бар. Брунновъ игралъ дѣятельную роль, но достигнуть примиренія оказалось невозможнымъ. Съ 4 декабря 1860 г. бар. Бруннову было присвоено достоинство посла; 30 августа 1862 г. онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, и 22 мая 1867 г. получилъ бриллiантовые знаки того же ордена. Въ эту эпоху, онъ сталъ наиболѣе уважаемымъ изъ русскихъ представителей за-границею; русское правительство охотно прислушивалось къ его голосу, и въ основѣ предпринимаемыхъ правительствомъ шаговъ лежала иногда иниціатива бар. Бруннова. Такъ было въ тревожный 1867 г., когда вопросъ о Люксембургѣ чуть не вызвалъ войны между Франціей и Пруссіей, хотя ни Наполеонъ III, ни Бисмаркъ въ то время не желали войны. При этихъ обстоятельствахъ, французскій посолъ въ Лондонѣ, Латуръ д'Овернь явился къ бар. Бруннову и открылся ему по вопросу о затруднительномъ положеніи Франціи. Оба посла пришли къ выводу о необходимости нейтрализовать Люксембургъ. Латуръ д'Овернь написалъ о томъ Наполеону III, а Брунновъ, по полученіи извѣстія о согласіи Наполеона, сообщилъ свой планъ русскому правительству. Императоръ Александръ II согласился принять мысль бар. Бруннова; затѣмъ предложеніе русскаго правительства было одобрено Пруссіею, и кн. Горчаковъ поручилъ бар. Бруннову склонить Англію къ тому, чтобы созвать въ Лондонѣ конференцію для нейтрализаціи Люксембурга. Министръ-президентъ гр. Дерби выразилъ согласіе, и 25 апрѣля (7 мая) 1867 г. открылась лондонская

конференція, которая въ основаніе своихъ трудовъ приняла проектъ Бруннова. Нѣсколько разъ, во время совѣщаній, возникали между сторонами разногласія, казавшіяся безвыходными, но въ конфиденціальныхъ переговорахъ, помимо засѣданій конференціи, бар. Брунновъ улаживалъ всѣ затрудненія. Договоръ былъ подписанъ черезъ 4 дня, 29 апрѣля ст. ст., а 6 мая кн. Горчаковъ телеграфировалъ Бруннову: «Ваши дѣйствія въ высокой степени одобрены Государемъ». Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1867 г. кн. Горчаковъ высказалъ по поводу люксенбургскаго дѣла: «Личный авторитетъ русскаго представителя въ Лондонѣ значительно способствовалъ мирному исходу». И Наполеонъ III, и король нидерландскій заявили о своей признательности бар. Бруннову за его старанія въ пользу мира. На Востокѣ, 1867 и 1868 гг. ознаменовались тревожнымъ кризисомъ. Благодаря уваженію, которымъ со стороны кабинета гр. Дерби пользовался бар. Брунновъ, послѣдній своими стараніями способствовалъ тому, что Великобританія воздерживалась отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русской политики на Востокѣ и, не присоединяясь къ шагамъ другихъ державъ въ пользу христіанъ, все-таки иногда негласно склоняла Порту къ уступчивости. Въ 1868 г. въ Англіи снова одержала верхъ либеральная партія; въ затруднительныхъ случаяхъ бар. Брунновъ прямо обращался къ министру-президенту Гладстону, дружественно расположенному къ Россіи.

Въ 1870 г., послѣ смерти русскаго посла въ Парижѣ, гр. Стакельберга, бар. Брунновъ былъ назначенъ посломъ при тюльерійскомъ дворѣ, но не успѣлъ онъ уѣхать изъ Лондона, какъ началась франко-прусская война, и бар. Брунновъ былъ снова назначенъ посломъ въ Англію. Въ 1871 г., онъ былъ русскимъ уполномоченнымъ на лондонской конференціи, отмѣнившей договоромъ 1 (13) марта нейтрализацію Чернаго моря. Россія получила возможность создать снова черноморскій флотъ. Въ виду этого политическаго успѣха, бар. Брунновъ 18 марта 1871 г., въ 15-ю годовщину подписанія парижскаго договора, былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ семидесятые годы гр. Брунновъ, удрученный старостью, мало появлялся въ обществѣ и не такъ дѣятельно, какъ прежде, занимался политическими дѣлами. 22 іюля 1874 г. онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ службы, при чемъ получилъ Высочайшій рескриптъ. Гр. Бруннову принадлежалъ маленькій домъ въ Дармштадтѣ; туда онъ удалился, покинувъ службу, и тамъ вскорѣ скончался.

Съ 1840 до 1874 г., за исключеніемъ краткаго перерыва (1854—1858), Брунновъ былъ представителемъ Россіи въ Лондонѣ. Исторія мало представляетъ примѣровъ такого долговременнаго служенія посла при одномъ дворѣ. Переживъ большинство своихъ ровесниковъ въ дипломатической средѣ, Брунновъ сталъ наконецъ «Несторомъ русской дипломатіи», носителемъ ея старыхъ преданій и опыта. Бывшій нѣкогда однимъ изъ главныхъ дѣльцовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Брунновъ былъ знатокомъ русской политики, ея требованій, ея прошлаго; нерѣдко онъ давалъ министерству совѣты, и политическія мѣропріятія русскаго правительства принимались часто по иниціативѣ Бруннова; онъ былъ живою сокровищницею политическихъ свѣдѣній, — всѣ сколько-нибудь важныя политическія дѣла за нѣсколько десятилѣтій проходили черезъ его руки; въ своей перепискѣ съ министерствомъ при возникновеніи какого либо дѣла онъ постоянно давалъ всѣ нужныя свѣдѣнія, приводилъ данныя изъ своего богатаго опытомъ прошлаго, сообщалъ содержаніе договоровъ и выписки изъ нихъ. Въ 1863 г. Брунновъ прислалъ въ министерство записку, въ которой доказывалъ, что слѣдовало бы продолжить до послѣдняго времени собраніе документовъ по дипломатической исторіи Россіи, которое было напечатано въ концѣ царствованія Императора Александра I; министерство сообщило, что имѣетъ въ виду, при первой возможности, приступить къ ближайшимъ соображеніямъ о средствахъ осуществить это предположеніе. Брунновъ былъ также замѣчательный знатокъ Англіи, ея внѣшней и внутренней политики, ея внутренней жизни; письма его изобилуютъ проницательными и остроумными наблюденіями надъ политическими нравами Англіи и ея парламентскимъ механизмомъ, и въ нихъ встрѣчаются удивительныя по тонкому юмору и глубокому знанію дѣйствительности картины изъ жизни англійскаго общества. Онъ занималъ въ Лондонѣ высокое положеніе и пользовался

большимъ уваженіемъ со стороны самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей; онъ былъ драгоцѣненъ въ качествѣ посла въ Лондонѣ, такъ какъ имѣлъ столько личныхъ связей въ политическомъ мірѣ Англіи. По отзывамъ современниковъ, Брунновъ считался самою выдающеюся личностью въ лондонскомъ дипломатическомъ корпусѣ. Онъ былъ большой знатокъ и всего политическаго міра, всѣхъ политическихъ отношеній Европы, и давалъ о нихъ министерству драгоцѣнныя указанія. Онъ прекрасно владѣлъ искусствомъ вести переговоры; когда въ 1867 г. ожидалось созваніе въ Парижѣ конференціи по итальянскимъ дѣламъ, то кн. Горчаковъ писалъ бар. Бруннову, что если посолъ въ Парижѣ, бар. Будбергъ, будетъ еще удержанъ въ Петербургѣ семейными дѣлами, и если конференція состоится, то нужно будетъ назначить русскаго уполномоченнаго: «Наше положеніе въ конференціи будетъ крайне щекотливымъ и потребуетъ образцоваго искусства и опытности вмѣстѣ съ безукоризненнымъ тактомъ. Государь Императоръ подумалъ о васъ». Вообще, бар. Брунновъ отличался глубокимъ знаніемъ людей, проницательностью и наблюдательностью, блестящимъ, насмѣшливымъ и тонкимъ умомъ. Онъ обладалъ прекраснымъ классическимъ образованіемъ, какъ люди XVIII в. и начала девятнадцатаго; у него былъ и скептицизмъ людей XVIII в. Брунновъ славился, какъ выдающійся стилистъ, съ своеобразнымъ литературнымъ дарованіемъ. Его талантъ, какъ редактора, высоко цѣнился даже Бисмаркомъ. Гр. Мальмесбюри отозвался о немъ въ 1852 г.: «Онъ, несомнѣнно, самый даровитый въ дипломатическомъ корпусѣ, и редакторъ первостепеннаго достоинства». Брунновъ въ совершенствѣ умѣлъ составить текстъ договора или протокола, и онъ охотно брался за эту задачу; только англичане въ такихъ случаяхъ постоянно опасались, чтобы Брунновъ не ввелъ въ изложеніе чего-либо двусмысленнаго къ выгодѣ Россіи. Въ политической перепискѣ вообще изложеніе Бруннова было образцовымъ; современники удивлялись его умѣнью «схватить нюансъ», и приноровиться къ взглядамъ того лица, кому онъ писалъ. Въ чисто литературномъ отношеніи, Брунновъ былъ истинный художникъ; въ своеобразныхъ краткихъ фразахъ, пластическихъ, будто выточенныхъ, по которымъ можно и безъ подписи узнать Бруннова, онъ умѣлъ въ самую доступную, простую форму заключить много недосказанной глубокой мысли. Его знаніе людей и политическихъ отношеній, его насмѣшливый умъ улыбающагося скептическаго философа, его ясное и изящное изложеніе, полное остроумія, мысли, наглядности и блеска, придаютъ его донесеніямъ и письмамъ исключительную цѣнность и привлекательность. «Ваши письма составляютъ наслажденіе моей жизни», писалъ ему кн. Горчаковъ. Въ 1864 г., когда бар. Брунновъ составилъ для Наслѣдника Цесаревича очеркъ англійской политики и политическаго міра съ характеристиками главныхъ дѣятелей, кн. Горчаковъ не находилъ словъ для похвалъ этому труду. Особенно мастерски составлялъ Брунновъ характеристики современниковъ; иногда, когда выступалъ на видномъ мѣстѣ новый дѣятель, кн. Горчаковъ просилъ у бар. Бруннова его характеристику, и Брунновъ присылалъ ее. Въ его письмахъ разсѣяно множество мѣткихъ замѣчаній о разныхъ лицахъ. Брунновъ писалъ очень легко и скоро, слогъ его отличался ясностью, полнотою и сжатостью предложеній по истинѣ образцовою; онъ былъ мастеръ, въ случаѣ недостатка матеріала, составить депешу на основаніи газетныхъ статей. Писалъ очень четко, очень рѣдко поправлялъ уже разъ написанное, и при этомъ никогда не вычеркивалъ, а аккуратно выскабливалъ, и гордился искусствомъ скоблить. Въ лондонскомъ обществѣ онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ, въ правительственныхъ же кругахъ его боялись. Жилъ Брунновъ очень широко; былъ большимъ хлѣбосоломъ, любилъ, чтобы у него хорошо ѣли, но самъ былъ весьма воздержнымъ въ пищѣ и питьѣ. Самъ Брунновъ называлъ себя старымъ оригиналомъ. И въ наружности его проявлялось что-то старомодное. Онъ и вообще былъ человѣкомъ старой школы; ему не нравилось, когда молодой человѣкъ высказывалъ свои убѣжденія, несходныя съ убѣжденіями начальства. Онъ уважалъ прежнихъ государственныхъ людей «крупнаго калибра», умѣвшихъ подчинять общество своей волѣ. Ему жалки были представители большинства, увлекаемые массовыми движеніями: «что можно дѣлать съ министрами, которые каждый день другаго мнѣнія? Малѣй-

шій случай совращаетъ ихъ съ пути. Они хотятъ и не хотятъ». О двухъ только лицахъ онъ отзывался всегда съ величайшею похвалою и уваженіемъ: о гр. И. И. Дибичѣ-Забалканскомъ и кн. А. Ѳ. Орловѣ.

Документы Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Ф. Мартенсъ, «Импер. Николай I и королева Викторія» («Вѣстникъ Европы», 1896 г., кн. XI).—Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, Ф. Мартенса, Т. XII. Трактаты съ Англіею. 1832—1895.—Воспоминанія Фонтона, т. т. I и II. Лейпцигъ, 1862.—Очеркъ исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ (1802—1902).—Дневникъ кн. П. А Вяземскаго (въ Полномъ Собраніи Сочиненій). — Татищевъ, Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе.—Скальковскій, Внѣшняя политика Россіи.—Заблоцкій-Десятовскій, Гр. П.Д. Киселевъ и его время, томъ III.— С. С. Татищевъ, «Николай I и Прусскій дворъ» (Историч. Вѣстникъ», 1888 г., Т. XXXI, мартъ).— А. С.Трачевскій, «Пруссія въ Крымскую войну» (ib. XXXII).—В. Р. Зотовъ, «Петербургъ въ 40-хъ годахъ» (ib. XL).—А. П. Петровъ, «Русскіе дипломаты на парижскомъ конгрессѣ 1856 г.» (ib. XLII).— С. М. Соловьевъ, «Россія, Австрія и Англія во время движенія 1848—49 года» («Русск. Старина», 1877 г.).—«Вѣнскія совѣщанія и парижскій трактатъ 1854—1856 г.» (ib. 1876 г.).—«Гр. Брунновъ и княгиня Ливенъ», Н. Фирсова («Древняя и Новая Россія», 1879 г., № 3). «Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди» («Р. Архивъ», 1866 г.,).—«Записки гр. А. И. Рибопьера» (ib. 1877 г., II).—«Воспоминанія Зейдлица о турецкомъ походѣ» (ib., 1878 г., II).—«Новыя записки А. С. Пушкина» (ib., 1880 г., II).—«Изъ бумагъ адмирала М. П. Лазарева» (ib., 1882 г., III).—Автобіографія Дюгамеля (ib., 1885).— «Изъ воспоминаній сенатора К. Н. Лебедева» (ib., 1888, II, 1893).—«Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій», А. А. Зиссермана (ib., 1888—9).— «Два новыя письма Хомякова къ Пальмеру» (ib., 1892 г.).—«Записка о размѣнѣ въ городѣ Одессѣ плѣнныхъ въ 1854—1856 годахъ» (ib., 1899 г.). — Изъ сборниковъ П. И. Щукина, «Переписка А. П. Казначеева съ гр. А. А. Закревскимъ» (ib, 1900 г., II). — Словари: Березина, Брокгауза-Эфрона, Larousse.— Некрологи: «Иллюстр. Недѣля», 1875, № 87; «Газета Гатцука», 1876, № 4 (съ портретомъ); «Моск. Вѣдом.», 1875, № 87; «Домашняя Бесѣда», 1875, № 17; Календари на 1876 г.: Суворина, Гатцука, Гоппе. — Le Baron de Brunnow, Ambassadeur de Russie à Londres, Paris 1861 (перепечатка изъ «La Légion d'honneur»). — Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe (1814—1878).—Metternich (P-ce de). Mémoires, documents et écrits divers. — Sir Henry Lytton Bulwer, The life of viscount Palmerston.— Malmesbury (Earl of), Memoirs of an ex-minister.—Sybel, Die Begründung des deutschen Reichs durch Wilhelm I (по поводу датскихъ дѣлъ 1850, 1852, 1864).—Bamberg, Geschichte der orientalischen Angelegenheit.—Jomini, Etude diplomatique sur la guerre de Crimée.—Jasmund, Aktenstücke zur orientalischen Frage.—Loftus (Sir Augustus), Diplomatic reminiscences.—L. Touvenel, Nicolas I et Napoléon III.—Denkwürdigkeiten aus dem Leben L. v. Gerlachs, herausgegeben von seiner Tochter. — Bismarck, Gedanken und Erinnerungen.—Vitztum von Eckstätt, St. Petersburg und London. — Tatiszczew, Diplomacya rosyjska w kwestyi polskiej.—Sorel, Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande.

Брунъ, *Генрихъ Карловичъ,* математикъ, докторъ философіи, профессоръ Ришельевскаго лицея, род. 26 мая 1806 г. въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи, ум. 29 января 1854 г. Его отецъ былъ виднымъ коммерсантомъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Брунъ обнаруживалъ любознательность, и потому его дядя, къ которому онъ, рано лишившись родителей, поступилъ на воспитаніе, въ 1815 г. помѣстилъ мальчика въ лучшій петербургскій пансіонъ пастора реформатской церкви Жана фонъ-Муральта. Послѣ пятилѣтняго обученія здѣсь, Брунъ въ 1821 г. поступилъ въ петербургскій университетъ, но черезъ годъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ пробылъ тоже около года, и въ 1823 г. поступилъ на философскій факультетъ дерптскаго университета. Выдержавъ въ 1825 г. экзаменъ на степень кандидата философіи, Брунъ отправился въ Германію и послѣдовательно слушалъ лекціи естественныхъ и философскихъ наукъ въ Берлинѣ, Геттингенѣ и Гейдельбергѣ. Диссертація: «De Cycloidis aequatione atque indole», защищенная въ 1828 г. въ Геттингенѣ, доставила Бруну степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ. Въ 1831 г. Брунъ получилъ приглашеніе занять каѳедру физики въ Ришельевскомъ лицеѣ, на которую и вступилъ съ 5 августа, но вскорѣ затѣмъ перешелъ на каѳедру чистой математики; 27 августа 1836 г. онъ вышелъ въ отставку; 3 іюля слѣдующаго года вновь занялъ каѳедру и оставался на ней до дня смерти. Кромѣ профессуры въ лицеѣ, Брунъ съ 6 ноября 1844 г. до 1851 г. преподавалъ ариѳметику и геометрію въ главномъ училищѣ садоводства въ Одессѣ, а съ 16 сентября 1849 г. состоялъ инспекторомъ классовъ одесскаго института благородныхъ дѣвицъ. Научная дѣятельность Бруна выразилась въ рядѣ математическихъ изысканій, которыя, начиная съ 1836 г., печатались въ разныхъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границей, или же выходили отдѣльно. Большая часть статей Бруна напечатана въ журналахъ: «Archiv der Mathematik und Physik von Grunert» и «Journal für die Mathematik von Crelle». Работы Бруна касались всѣхъ отдѣловъ

чистой математики: аналитической геометріи, высшей алгебры, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и теоріи вѣроятностей. Изъ трудовъ его, вышедшихъ въ Россіи, наиболѣе замѣчательны: «Beiträge zur Analytischen Geometrie» (въ Бюллетеняхъ петербургской академіи наукъ за 1839 и 1840 гг.); «О рѣшеніи численныхъ уравненій по способамъ Горнера и Греффе» (Одесса, 1851 г.), гдѣ въ первый разъ рѣшено численное уравненіе 12-й степени; «Собраніе задачъ и предложеній, относящихся къ линіямъ второй степени» (Одесса, 1838 г.),—заключаетъ вполнѣ обработанную, важнѣйшую часть чистой математики—изученіе кривыхъ линій 2-й степени; этотъ трудъ признанъ академіею наукъ достойнымъ демидовской преміи; «Руководство къ политической ариѳметикѣ» (Одесса, 1845 г.), удостоенное академіею наукъ демидовской преміи, и «Руководство къ варіаціонному исчисленію» (Одесса, 1848 г.).

«Москвитянинъ» 1854 г., № 13 (статья Н. Бѣлаго).— «Одесскій Вѣстникъ» 1854 г., № 15.— Михневичъ, Сорокалѣтіе Ришельевскаго лицея. Одесса, 1857 г., стр. 77—78.—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, дополн. къ словарю Толля.— Album academicum d. Kais. Universität Dorpat, № 1801.

Брунъ, *Филиппъ Карловичъ,* професcоръ новороссійскаго университета, род въ Фридрихсгамѣ 18 августа 1804 г., ум. въ іюнѣ 1880 г. Братъ предъидущаго, онъ получилъ первоначальное образованіе въ пансіонѣ Муральта въ С.-Петербургѣ, а въ 1822 г. поступилъ на юридическій факультетъ дерптскаго университета. Окончивъ курсъ въ 1825 г., онъ началъ службу въ министерствѣ финансовъ, но уже въ концѣ того же года вышелъ въ отставку и провелъ $2^1/_2$ года за границею. Вернувшись въ Россію, Брунъ до 1830 г. снова служилъ въ томъ же министерствѣ, а съ 1830 г. состоялъ учителемъ нѣмецкаго языка сперва въ витебской, затѣмъ въ динабургской гимназіи. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ въ Ришельевскій лицей адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи и статистики, въ 1836 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ; сверхъ того, въ 1849—51 гг. читалъ политическую экономію и коммерцію. Въ 1854 г., по выслугѣ срока, вышелъ въ отставку и занимался преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Одессѣ. Въ 1866 г. былъ назначенъ временно исправлять должность доцента всеобщей исторіи въ новороссійскомъ университетѣ. Въ 1868 г. совѣтъ университета удостоилъ его званія почетнаго доктора всеобщей исторіи и въ 1869 г. избралъ въ экстраордин. профессоры. Въ 1871 г., по выслугѣ 40 лѣтъ, Брунъ отказался отъ каѳедры, но остался при университетѣ въ качествѣ частнаго преподавателя. Брунъ писалъ очень много; важнѣйшія сочиненія: «О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи съ 1839—1845 г.» (въ «Новороссійскомъ календарѣ» 1840—1846), «Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ», Одесса, 1842. Въ 1879 г. издалъ сборникъ своихъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи, подъ названіемъ «Черноморье», удостоенный академіей наукъ уваровской преміи; второй томъ сборника былъ изданъ въ 1880 г. его сыномъ. Кромѣ того, Брунъ помѣстилъ много мелкихъ статей по исторіи, географіи и древностямъ Новороссійскаго края, отчасти въ «Запискахъ» университета, отчасти въ «Запискахъ» Одесскаго общества исторіи и древностей.

Подробная біографія Бруна съ полнымъ перечнемъ всѣхъ его сочиненій напечатана проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ «Запискахъ Имп. новоросс. универс.», т. XXXII.— Марковичъ, Двадцатипятилѣтіе Имп. новоросс. университета, стр. 188—191.— Album academ. des Kaiserl. Univers. Dorpat, 1890, № 1666.— Энциклопедическій словарь Андреевскаго.

Брусиловъ, *Николай Петровичъ,* писатель, род. въ орловской губ. въ 1782 г., ум. въ Петербургѣ 27 апрѣля 1849 г. Сынъ помѣщика, Брусиловъ въ 1790 г. поступилъ въ пажескій корпусъ, откуда, въ 1796 г., не пройдя полнаго курса, по приказанію Императора Павла I, вмѣстѣ съ другими товарищами, былъ выпущенъ поручикомъ въ армію въ московскій гренадерскій полкъ, а въ 1798 г. перешелъ на гражданскую службу. Въ 1808 г. онъ служилъ въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній на высочайшее имя подъ начальствомъ П. С. Молчанова. Въ 1820 г. Брусиловъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Вологду, гдѣ и прослужилъ до 1834 г. Памятникомъ его дѣятельности по благоустройству Вологды являются устроенные имъ бульваръ и садъ, разведенный на соборной горѣ. Въ 1834 г. Брусиловъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго

статскаго совѣтника; погребенъ Брусиловъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Брусиловъ занималъ видное мѣсто среди второстепенныхъ писателей начала XIX столѣтія. Его литературная дѣятельность началась очень рано: еще въ корпусѣ онъ издавалъ рукописную газету, въ которой «осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей». Первымъ печатнымъ опытомъ Брусилова былъ сборникъ: «Бездѣлки, или нѣкоторыя сочиненія и переводы Н. Б.», Спб., 1795 г. (Тоже, ч. 1-я, Спб. 1803 г.). Изъ другихъ литературныхъ произведеній Брусилова отдѣльно были изданы: 1) «Гваделупскій житель», ком. въ 3 дѣйств. Соч. Мерсье. Перев. съ франц. Спб. 1800 г.; 2) «Старецъ, или превратность судьбы», повѣсть. Съ пріобщеніемъ возраженія на критику, помѣщенную въ московскомъ «Меркуріи», Спб., 1803 г., 3) «Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ Риторики», Спб., 1803 г.; 4) «Мое путешествіе, или приключенія одного дня», Спб., 1803 г. и 5) «Плоды моего досуга», Москва, 1805 г. Всѣ непереводныя произведенія Брусилова являются подражаніемъ, главнымъ образомъ, Карамзину, съ которымъ у Брусилова было много общаго во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Нерѣдко, по словамъ самого Брусилова, желаніе подражать было главною причиною созданія имъ того или другого произведенія. Несмотря на то, что Брусиловъ проповѣдывалъ реальность въ литературѣ, старался избѣгать въ своихъ произведеніяхъ особенностей сентиментализма, а самый сентиментализмъ называлъ «сумасбродствомъ», его повѣсти, за исключеніемъ «Леандра», должны быть признаны сентиментальными: въ нихъ налицо всѣ характерныя черты сентиментализма. Въ 1805 г. Брусиловъ издавалъ «Журналъ Россійской Словесности», который состоялъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщались «русскія повѣсти, отрывки о русской словесности, нравственности, театрѣ», извлеченія изъ произведеній русской и иностранной литературы и т. д., во второмъ—стихотворенія, въ третьемъ—извѣстія о новыхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы и въ четвертомъ—смѣсь. Сотрудниками «Журнала» были лучшіе члены «Вольнаго Общества Любителей Словесности»: И. Н. Пнинъ, Беницкій, А. Измайловъ, Н. Остолоповъ, Н. Гречъ, И. Похвисневъ и другіе. Такъ какъ члены «Общества» увлекались не только историко-литературными, но и общественными интересами, то ихъ сотрудничество (особенно Пнина и Беницкаго) наложило и на «Журналъ» извѣстный отпечатокъ и внесло въ него общественный интересъ. Впрочемъ, наибольшее число прозаическихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей въ «Журналѣ» принадлежитъ самому Брусилову. Изъ общественныхъ вопросовъ въ своемъ «Журналѣ» Брусиловъ чаще всего останавливался на галломаніи, въ которой онъ видѣлъ, между прочимъ, причину упадка современной ему русской литературы. Будучи горячимъ поборникомъ реформъ Императора Александра I, Брусиловъ, однако, весьма рѣдко затрогивалъ въ «Журналѣ» вопросъ о положеніи крестьянъ и дворовыхъ людей и даже склоненъ былъ идеализировать ихъ бытъ. Между прочимъ, въ своемъ «Письмѣ о театрѣ» онъ высказываетъ мысль о необходимости устроить для народа театръ съ особымъ репертуаромъ, что, по его мнѣнію, имѣло-бы огромное воспитательное значеніе. Много мѣста удѣляетъ Брусиловъ въ «Журналѣ» вопросу о положеніи женщины и женскомъ образованіи; онъ требуетъ отъ женщины не только выполненія обязанностей хозяйки, матери и жены, но въ то же время умственнаго развитія и образованія; женщинъ же, не отвѣчающихъ такому взгляду, онъ подвергаетъ сатирическимъ нападкамъ. Сатирическимъ характеромъ отличаются и всѣ сочиненія Брусилова. Въ «Журналѣ» Брусиловъ помѣщалъ и рецензіи, но критическаго чутья не обнаружилъ. Въ декабрѣ 1848 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Брусиловъ написалъ весьма интересныя и содержательныя «Воспоминанія» (напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 г.). Эти «Воспоминанія» сообщаютъ много интересныхъ фактовъ и наблюденій изъ времени Екатерины II и Александра I, хотя и умалчиваютъ о многихъ важныхъ событіяхъ современной автору общественной жизни. Помимо литературныхъ произведеній, Брусиловъ является авторомъ нѣсколькихъ научныхъ работъ. Главное изъ научныхъ его сочиненій—«Опытъ описанія Вологодской губерніи», изданный академіей наукъ (С.-Петербургъ, 1833 г.) и удостоенный ею похвальнаго отзыва; этотъ «Опытъ» представляетъ собою сравнительно полное описаніе вологодской губерніи въ географическомъ, статистиче-

скомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и отличается строго-фактическимъ изложеніемъ. Брусилову принадлежатъ двѣ статьи по нумизматикѣ: «О древней русской монетѣ» («Вѣстникъ Европы», 1812 г., ч. 63 № 11) и «Описаніе древнерусскихъ монетъ» («Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1824 г., ч. II), а также двѣ статьи по варяжскому вопросу: «Историческое разсужденіе о началѣ русскаго государства» (здѣсь, между прочимъ отразились славянофильскія симпатіи Брусилова) и «Догадки о причинѣ нашествія норманновъ на славянъ».

Статья о Н. П. Брусиловѣ В. Ѳ. Боцяновскаго (какъ предисловіе къ «Воспоминаніямъ» Брусилова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 г., № 4).—Воспоминанія Н. П. Брусилова.—Гр. Милорадовичъ, Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. Корпуса. 1876. (стр. 141).—О. Р. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 183 года. 1894 (выпускъ II, стр. 171).—И. К. Степановскій, Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ. 1890.—Некрологъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1849 г., № 94.—Ѳ. Н. Фортунатовъ, Памятныя записки вологжанина («Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1689).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги.—Словарь Геннади.—Е. В. Пѣтуховъ, Иванъ Петровичъ Пнинъ и его «Вопль невинности, отвергаемой законами» («Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 7, стран. 144).—Записки Жихарева.—А. В. Арсеньевъ, Преосвященный полонофилъ («Русская Старина» 1894 г., № 3, стр. 217, 219).—Ив. Кубасовъ, Александръ Ефимовичъ Измайловъ («Русская Старина» 1900 г., № 6, стр. 561, 573).—«Русская Старина», 1893 г., № 11, стр. 413—417: «Обозрѣніе историческихъ журналовъ».—Н. Н. Буличъ, Очерки по ист. русск. литер. съ начала XIX в., т. I. Спб. 1902.—«Сѣв. Пчела», 1849, № 101, отд. «Пчелка» (перечисленіе трудовъ Брусилова).

Вл. Грековъ.

Брусницынъ, *Павелъ Львовичъ*, академикъ академіи художествъ, послѣдній главный медальеръ с.-петербургскаго монетнаго двора, коллежскій совѣтникъ, сынъ оберштейгера, род. въ 1816 г., ум. 15 февраля 1871 г. отъ чахотки. Воспитывался онъ въ горной технической школѣ при с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ, обучаясь въ тоже время медальерному искусству у медальера с.-петербургскаго монетнаго двора, Губе. Въ 1836 г., за успѣхи въ медальированіи, онъ, съ разрѣшенія главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ, былъ выпущенъ изъ школы со званіемъ унтеръ-шихтмейстера 2-го класса и перешелъ въ вѣдѣніе монетнаго двора для дальнѣйшаго изученія медальернаго искусства. Въ томъ же году онъ получилъ разрѣшеніе, наравнѣ съ казенными воспитанниками, посѣщать рисовальные классы академіи художествъ, гдѣ онъ пользовался руководствомъ проф. П. Уткина. Въ 1839 г., въ сравненіе со сверстниками, произведенъ кондукторомъ 1 класса и занялъ мѣсто помощника учителя медальернаго искусства въ горной технической школѣ. Успѣхи Брусницына въ медальированіи были признаны и академіею художествъ, которая въ 1842 г. наградила его званіемъ учителя рисованія въ гимназіяхъ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ учителемъ штемпельнаго искусства при екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ, а въ 1845 г. опредѣленъ помощникомъ медальернаго учителя горной технической школы, гдѣ самъ нѣкогда учился. Въ 1845 г., за вылѣпленную изъ воска (по программѣ) фигуру Марса (въ 2 вершка величиною), Брусницынъ былъ возведенъ въ званіе неклассснаго художника, съ правомъ пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію и вступить въ службу, въ какую самъ, какъ свободный художникъ, пожелаетъ. Въ 1847 г. онъ повышенъ въ званіе учителя медальернаго искусства и рисованія съ медалей въ горной технической школѣ и въ этой должности состоялъ до закрытія медальернаго отдѣленія школы (въ 1854 г.). Въ іюнѣ 1849 г. онъ получилъ слѣдующую программу на званіе академика: «вылѣпить и вырѣзать на стали группу: Тезей убиваетъ Минотавра», но званія академика онъ удостоился только 10 лѣтъ спустя. Въ 1852 г. Брусницынъ опредѣленъ на с.-петербургскій монетный дворъ младшимъ медальеромъ, а въ 1855 г. назначенъ исправляющимъ должность старшаго медальера. Въ апрѣлѣ 1859 г. онъ представилъ въ академію художествъ на званіе академика слѣдующія медальерныя работы: 1) вылѣпленный изъ воска проектъ медали «въ память благотворительнаго для искусствъ царствованія Императора Николая I-го», 2) металлическіе слѣпки со штемпелей для медали «на открытіе монумента Императору Николаю I» и 3) медаль «въ память 25-лѣтія служенія великаго князя Константина Николаевича шефомъ Финляндскаго полка». На этотъ разъ академія, принимая во вниманіе труды Брусницына по части медальернаго искусства, почтила его званіемъ академика. 15 мая 1859 г. онъ утвержденъ старшимъ медальеромъ, а 1 марта 1861 г. назначенъ главнымъ медальеромъ с.-петербургскаго мо-

нетнаго двора. Въ 1869 г., когда, со смертью проф. И. Реймерса, въ академіи художествъ открылась вакансія преподавателя медальернаго искусства, Брусницынъ, по избранію академическимъ совѣтомъ, занялъ эту должность, со званіемъ адъюнктъ-профессора. Изъ его работъ извѣстны, кромѣ указанныхъ выше: Константиновская медаль, раздаваемая И. Русск. географ. обществомъ (1849), медаль на открытіе памятника 1000-лѣтія Россіи (1862), медаль по случаю 50-лѣтняго юбилея И. В. Буяльскаго (1864), медаль для награжденія воспитанницъ женскихъ гимназій съ изображеніемъ Государыни Императрицы (1864), медаль въ честь Ломоносова, выбитая по поводу празднованія въ академіи наукъ его 100-лѣтняго юбилея (1865), медаль на открытіе новаго Ладожскаго канала (1867), медаль на празднованіе 50-лѣтія инженерной академіи и училища (1870) и медаль Демидова и Ржевской, раздаваемая академіею худ. ея ученикамъ за успѣхи въ механикѣ и за произведенія, отличающіяся экспрессіею (1870). За свои работы Брусницынъ неоднократно получалъ Высочайшія награды: въ 1837 г. за вырѣзку штемпеля, изображающаго Спасителя, получилъ 200 р.; въ 1840 г. за вырѣзку штемпеля, изображающаго Св. Семейство, получилъ 150 р.; въ 1842 г. за вырѣзку штемпеля съ изображеніемъ Петра Великаго получилъ 150 р.; въ 1856 г. за поднесенные медальные портреты Ихъ Величествъ получилъ 300 р.; въ 1862 г. за труды по сооруженію памятника 1000-лѣтія Россіи выдано единовременное пособіе. Кромѣ того, за успѣхи, оказанные въ медальерномъ искусствѣ, онъ получилъ въ награду 300 р. (въ 1837 г.); въ 1849 г. отъ И. Русск. геогр. общества получилъ 250 р. за вырѣзку медал. штемпеля съ изображеніемъ портрета в. князя Константина Николаевича; въ 1850 г. получилъ 400 р. отъ министерства финансовъ за отлично усердную службу и полезные труды; въ 1866 г., за труды по открытію поддѣлывателей таможенныхъ пломбъ и по задержанію неправильно заклейменныхъ товаровъ, пожалованъ орденомъ св. Станислава 2 степ.

Архивъ спб. монетнаго двора: формуляръ Брусницына за 1866 г.—Архивъ И. Ак. Художествъ: 1836, № 38; 1849, № 4.—Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Ак. Худ., т. III.—Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ, XVI—XIX вв.—Ровинскій, Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. — Иверсенъ, Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ.—Бѣлозеровъ, Медальное искусство въ Россіи (въ Горномъ Журналѣ, 1867, № 3).—Отч. И. Ак. Худ. съ 4 ноября 1872 г. по 4 ноября 1873. Спб., 1874.

А. Э. Мальмгренъ.

Брутъ, *Александръ Ивановичъ*, адъюнктъ петербургскаго университета, род. въ 1800 г. Въ 1823 г. онъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ и назначенъ «исправляющимъ должность магистра». Съ 1825 г. читалъ въ университетѣ географію, древнюю и среднихъ вѣковъ, упражняя въ то же время студентовъ въ латинскомъ языкѣ переводами «Комментаріевъ» Юлія Цезаря; въ 1828 г. назначенъ адъюнктомъ; съ 1833 г. преподавалъ географію сравнительную и физическую: первую—по собственнымъ запискамъ, а вторую—по Мальтебрену, и, кромѣ того, на первомъ курсѣ — латинскій языкъ. 31 декабря 1835 г. уволенъ отъ профессорской должности и назначенъ секретаремъ правленія университета; въ 1841 г. вышелъ окончательно въ отставку. Брутъ издалъ: «Землеописаніе извѣстнаго древнимъ свѣта, изъ разныхъ источниковъ составленное, съ принадлежащимъ къ оному собраніемъ нужнѣйшихъ картъ» (Пет., 2 ч., 1828—9 г.) и «Учебную статистику» (П., 1853 г., 6 кн.).

В. Григорьевъ, Исторія спб. университета.—Словарь Березина.

Брухъ, *Фридрихъ-Даніилъ* (Францъ Даніиловичъ), род. въ Цвейбрюккѣ, ум. въ Петербургѣ 8 октября 1753 г. Учился онъ въ Страсбургѣ, тамъ-же защитилъ въ 1736 г. диссертацію и получилъ степень доктора медицины. Въ 1740 г. онъ явился въ Россію изъ Франкфурта или Гамбурга и былъ принятъ во флотъ; такъ-какъ онъ опоздалъ пріѣздомъ на мѣсто службы, то вмѣсто него во флотъ былъ назначенъ другой врачъ, а Бруха опредѣлили въ ноябрѣ 1741 г. докторомъ шляхетнаго кадетскаго корпуса, съ жалованьемъ по 600 рублей, на мѣсто Антонія Санхеса, пожалованнаго въ лейбъ-медики. Въ это время происходила война съ Швеціей, и Брухъ, не успѣвъ еще занять упомянутую должность, былъ командированъ въ Выборгъ, въ помощь дивизіонному доктору Я. Монзею. По окончаніи войны, онъ вернулся въ Петербургъ и былъ докторомъ шляхетнаго корпуса до сентября 1753 г. — Брухъ напечаталъ:

Observationes quaedam practicae de radicis fructicis juniperi decocto; дисс. Страсбургъ, 1736 г.

Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. — В. Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, ч. III.

Н. К.

Брызгаловъ, *Александръ Алексѣевичъ*, врачъ-благотворитель, преподаватель медицины въ Виѳанской семинаріи, род. въ Москвѣ, ум. 29 февраля 1888 г. въ Костромѣ. Учился онъ въ бывшемъ московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи, въ 1838 г. отлично окончилъ курсъ, получилъ званіе лѣкаря 1-го отдѣленія и поступилъ сверхкомплектнымъ врачемъ въ московскую полицію. Въ началѣ 1841 г. Брызгаловъ перешелъ на службу въ кусинскій госпиталь при златоустовскихъ заводахъ, а осенью того-же года—на Міасскій заводъ; въ 1845 г. вышелъ въ отставку и поступилъ ординаторомъ въ московскую больницу для чернорабочихъ; 6 октября 1845 г. удостоенъ званія штабъ-лѣкаря. 28 мая 1847 г. Брызгаловъ перешелъ врачемъ на воскресенскую бумагопрядильную мануфактуру Лепешкина и здѣсь много потрудился для мѣстнаго крестьянскаго населенія; между прочимъ, въ 1850 г. его заслуги были признаны офиціально, и ему была выражена благодарность «за человѣколюбивые поступки, оказанные имъ въ безвозмездномъ подаваніи больнымъ врачебныхъ пособій». Въ 1848 г. онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ борьбѣ съ холерой, въ 1854 г. поступилъ врачемъ въ московскую духовную академію и Виѳанскую семинарію. Въ семинаріи ему было поручено преподаваніе медицины, причемъ онъ снискалъ себѣ особое уваженіе митрополита Филарета и всѣхъ профессоровъ академіи. Въ 1859 г. онъ ушелъ изъ академіи, вскорѣ послѣ этого вернулся на вознесенскую мануфактуру и оставался здѣсь до 1883 г. Въ теченіе этого времени онъ безвозмездно лѣчилъ все крестьянское населеніе окрестныхъ деревень и пріобрѣлъ среди него большую популярность. Въ 1883 г. Брызгаловъ перешелъ въ село Могильцы и тамъ продолжалъ свою благотворительную дѣятельность, тратя на нее не малую часть своихъ скудныхъ средствъ, недостаточныхъ для матеріальнаго обезпеченія его собственной семьи. Въ августѣ 1887 г. онъ заболѣлъ и уѣхалъ въ г. Кострому. Крестьяне поднесли ему икону и выразили ему глубокую благодарность въ адресѣ, который они составили собственными силами.

«Русская Медицина» 1888 г., № 11, стр. 179.— Оверъ, Матеріалы для исторіи московскихъ больницъ. Москва, 1859 г., стр. 146.

Н. К.

Брызгаловъ, *Алексѣй Александровичъ*, педагогъ-писатель, род. въ 1844 г., ум. въ Петербургѣ 31 марта 1888 г. Окончивъ 3-ю московскую гимназію, Брызгаловъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета московскаго университета. Въ 1868 г. онъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата, послѣ чего посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1868 по 1876 г.) онъ состоялъ преподавателемъ географіи въ Москвѣ при учительской семинаріи и при 2-й и 4-й гимназіяхъ. Въ 1876 г. Брызгаловъ былъ назначенъ помощникомъ проректора московскаго университета и состоялъ въ этой должности до 1883 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета. Въ 1887 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника. Брызгалову принадлежитъ рядъ руководствъ по географіи: «Географія», курсъ первый (11 изданій: 1872—1889 гг.) «Географія», курсъ второй (3 изданія М. 1874, 1876 и 1880 гг.); «Географія» курсъ третій (Москва, 1876 г.); «Взглядъ на преподаваніе географіи вообще и на пропедевтическій курсъ ея въ особенности (Москва, 1875 г.); «Географія Россіи», курсъ средне-учебныхъ заведеній (3 изданія: Москва, 1875, 1876 и 1883 гг.); «Краткій курсъ географіи для прогимназій» (Москва, 1876 г.); «Конспектъ общихъ положеній элементарной географіи» (Москва, 1876 г.); «Географія для городскихъ училищъ», два выпуска (3 изданія: Москва, 1878, 1881 и 1888 гг.); «Географія для сельскихъ двухклассныхъ училищъ» (Москва, 1880 г.).

Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выпускъ VIII. Спб., 1892 г.—«Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета» за 1868 и 1876—1887 гг.—С. Гулевичъ, Историческая записка о 50-лѣтіи Московской 2-й гимназіи. 1835—1885 г. М. 1885 г. (стр. 203, 234). — «Московскія вѣдомости», 1888 г., №№ 92, 94 и 96.—П. Виноградовъ, «Краткій историческій очеркъ Московской III гимназіи» (1839—1889), Москва, 1889 г. (стр. 227).

Брызгаловъ, *Иванъ Семеновичъ*, кастелянъ Михайловскаго замка, род. въ 1753 г., ум. въ 1841 г. Сынъ крестьянина тверской дворцовой волости, Брызгаловъ сначала попалъ въ истопники Гатчинскаго дворца и обратилъ на себя вниманіе цесаревича Павла Петровича. Въ 1796 г. Брызгаловъ, въ званіи гофъ-фурьера, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и вскорѣ дѣлается оберъ-гофъ-фурьеромъ въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ и назначается, съ чиномъ статскаго совѣтника, 17 ноября 1799 г. кастеляномъ внутреннихъ дворовъ съ обязанностью наблюдать за поднятіемъ и опусканіемъ подъемныхъ мостовъ тѣхъ каналовъ, которыми былъ окруженъ Михайловскій замокъ. Послѣ смерти Императора Павла I, Брызгаловъ въ теченіе сорока лѣтъ всюду появлялся въ павловской формѣ, чѣмъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ пользовался покровительствомъ многихъ царедворцевъ и вельможъ, особенно графа Аракчеева. Къ памяти Императора Павла I Брызгаловъ относился съ замѣчательною преданностью; онъ, между прочимъ, завѣщалъ положить въ гробъ съ собою имѣвшійся у него миніатюрный портретъ Императора на слоновой кости. Въ 1829 г., во время первой турецкой кампаніи, Брызгаловъ выступилъ съ идеей крестоваго похода Россіи противъ Турціи, для отвоеванія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Симпатіями современниковъ Брызгаловъ не пользовался. Около двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія былъ распространенъ (въ литографіи) карикатурный портретъ его, работы извѣстнаго А. К. Орловскаго.

В. Бурнашевъ, «Кастелянъ Михайловскаго замка, знаменитый нѣкогда петербургскій чудодѣй, Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ (изъ «Воспоминаній петербургскаго старожила» 20—30 годовъ)», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», 1873 г., №№ 81 и 83.—Касьянъ Касьяновъ, «Наши чудодѣи Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода», С.-Петербургъ, 1875 г., стр. 134—161: «Бригадиръ Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ (экс-кастелянъ бывшаго Михайловскаго замка)».—М. И. Пыляевъ, «Замѣчательные чудаки и оригиналы», С.-Петербургъ, 1898 г., стр. 299—300.

Брыкинъ, *Савва Григорьевичъ*, подьячій, писатель, род. въ 1675 г., ум. 23 декабря 1735 г. Брыкину принадлежитъ рукописный «Лѣтописецъ о рожденіи Петра I», который былъ написанъ во второй половинѣ XVIII вѣка и достался впослѣдствіи лейбъ-медику Рихтеру. Въ концѣ этой рукописи находится слѣдующая приписка сына Брыкина, коллежскаго ассесора, заключающая въ себѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ его отцѣ: «Сей Лѣтописецъ о рожденіи Императора Петра I, въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, достался мнѣ отъ родителя моего, бывшаго въ ономъ селѣ Измайловѣ приказной избы подьячаго Саввы Григорьевича Брыкина, который въ сіе званіе вступилъ 1712 г. января 28 числа, и продолжалъ службу до 1735 г.; будучи 60 лѣтъ, декабря 23 дня умре. Родительница же моя, будучи безъ малаго 100 лѣтъ, въ прошломъ 1758 году сентября 6 дня умре, отъ которой я слыхалъ, что Государь Петръ Великій родился въ помянутомъ селѣ Измайловѣ».

Словарь Плюшара.—«Русскій Зритель», Москва, 1828 г., часть I, стр. 7.

✓**Брыкинъ,** *Ѳедоръ Петровичъ*, естествоиспытатель и первый русскій ученый, совершившій путешествіе вокругъ свѣта; годы рожденія и кончины его неизвѣстны. Воспитывался Брыкинъ въ петербургской медико-хирургической академіи и окончилъ курсъ со степенью доктора медицины; однако любимымъ предметомъ его осталась ботаника, которой онъ впослѣдствіи посвятилъ всю свою научную дѣятельность. Въ 1803 г. онъ отправился въ дальнее плаваніе на фрегатѣ «Надежда» и, такимъ образомъ, участвовалъ въ первой русской экспедиціи вокругъ свѣта. Брыкинъ, въ качествѣ доктора, находился въ свитѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра камергера Резанова, отправленнаго въ Японію. Во время плаванія, Брыкинъ, какъ ботаникъ, посѣтилъ острова Тенерифъ и Нукагиву; здѣсь собрано имъ не мало цѣнныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ для академической кунсткамеры. Не будучи въ состояніи привыкнуть къ морскому путешествію, Брыкинъ, по прибытіи экспедиціи въ Камчатку, заболѣлъ и оказался не въ силахъ продолжать свое плаваніе. Въ августѣ слѣдующаго (1804) года Брыкинъ выѣхалъ изъ Петропавловска и въ концѣ того же года прибылъ сухимъ путемъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ ни о Брыкинѣ, ни о его весьма цѣнныхъ гербаріяхъ, собранныхъ имъ въ пути, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, какъ равно и о его весьма важныхъ въ научномъ отношеніи ученыхъ запискахъ, которыя не были изданы и неизвѣстно гдѣ хранятся. О Брыкинѣ, какъ объ ученомъ, со-

хранились весьма лестные отзывы И. Ѳ. Крузенштерна, графа Н. П. Румянцова, Шемелина, проф. Г. Ѳ. Соболевскаго и др.

Статья П. Корсакова въ лексиконѣ Плюшара.— Словари: Геннади, Березина, Толля.

Брыковъ, *Иванъ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, врачъ-писатель, ум. въ Москвѣ 2 августа 1870 г., на 76 году отъ рожденія. Сынъ канцеляриста, Брыковъ съ осени 1814 г. обучался въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, откуда въ 1818 г. былъ выпущенъ лекаремъ, а въ августѣ слѣдующаго года опредѣленъ на службу въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ. Въ августѣ 1821 г. онъ былъ произведенъ въ штабъ-лекари, а въ іюлѣ 1823 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи московскій полкъ. Въ январѣ слѣдующаго года Брыковъ былъ опредѣленъ старшимъ лекаремъ въ кирасирскій Ея Императорскаго Величества полкъ. Признанный въ концѣ января 1825 г. достойнымъ званія акушера, Брыковъ въ февралѣ этого же года былъ назначенъ акушеромъ въ томскую врачебную управу. Въ ноябрѣ 1828 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, во время которой, проживая въ имѣніи генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, въ орловской губерніи, по распоряженію орловской врачебной управы, занимался въ порученномъ ему округѣ леченіемъ больныхъ, одержимыхъ эпидемическою холерою. Удостоенный въ маѣ 1836 г. по экзамену званія инспектора врачебной управы, Брыковъ въ августѣ слѣдующаго года былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника 1-го отдѣленія медицинскаго департамента военнаго министерства. Въ 1839 г. Брыковъ получилъ степень доктора медицины. Въ 1855 г. онъ былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей. Помимо своей служебной дѣятельности, Брыковъ много трудовъ посвятилъ участію въ занятіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ. Онъ состоялъ членомъ С.-Петербургскаго Императорскаго и Іенскаго минералогическихъ обществъ, Общества русскихъ врачей, Императорскаго Московскаго общества испытателей природы; Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества (предсѣдателемъ медицинскаго отдѣла), С.-Петербургскаго вольнаго общества россійской словесности и др. Многочисленныя статьи Брыкова помѣщались въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», въ «Указателѣ открытій по физикѣ, химіи, естественной исторіи и технологіи», въ «Другѣ Здравія», въ «Сѣверной Пчелѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ изданы: «Судебная медицина, или разсмотрѣніе дѣтоубійства, способовъ вскрытія мертвыхъ тѣлъ, особливо въ судебныхъ случаяхъ, произвольныхъ прободеній и разъяденій желудка, разнаго рода кровоизліяній, ушибовъ и другихъ поверхностныхъ поврежденій кожи; соч. Лисье, Ренара, Лесне и Ріе», перев. съ франц., Спб., 1823 г.; «Извѣстіе о мѣстонахожденіи графитовъ въ орловской губерніи и геогностическій взглядъ на почву сей губерніи», Спб., 1837 г.; «Микроскопическія наблюденія надъ разными органическими тѣлами, заключенными въ прозрачной массѣ кремня», перев. съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями, Спб., 1838 г.; «О толстотѣ или неумѣренной тучности человѣческаго тѣла въ физіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ», Спб., 1841 г.; «Руководство къ разведенію, сохраненію и употребленію піявокъ», Спб., 2 изд., 1852 г. и 1856 г.; «Руководство къ собиранію и разведенію кошенили и ея техническому и медицинскому употребленію», Спб., 1857 г.; «Отчеты Общества Русскихъ Врачей» за 1842, 1843, 1844 гг. (Спб., 1842, 1843, 1844 гг.). Похороненъ Брыковъ на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, за Московскою заставою.

Н. И. Лавровъ, «Краткая біографія Ивана Ивановича Брыкова, дѣйствительнаго члена Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества» («Записки Имп. Спб. Минералогич. Общества», ч. VI, стр. 361 — 363).—«Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества за 1870 г.», стр. 35—36.—«Медицинскій Вѣстникъ», 1870 г., № 33.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели. — Г. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Берлинъ, 1876 г. — С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III Спб., 1898 г. — С. А. Венгеровъ, Иточники словаря русскихъ писателей, т. I, Спб., 1900 г.

Брылкинъ, *Иванъ Онуфріевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, камергеръ и оберъ прокуроръ сената, род. въ 1709 г., ум. въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія. Свою службу Брылкинъ началъ камеръ-пажемъ у герцогини курляндской Анны Іоанновны и въ 1728 г. былъ уже гофъ-юнкеромъ. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны Брылкинъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры; въ іюлѣ 1732 г. Императрица пожаловала ему сто крестьянскихъ дворовъ въ гдовскомъ уѣздѣ. Вслѣдствіе

нѣкоторыхъ подозрѣній, Брылкинъ въ это же царствованіе былъ сосланъ въ казанскую губернію, но по вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, былъ снова возвращенъ ко двору. Въ свое время были сильно распространены слухи о широкомъ довѣріи Императрицы Елизаветы Петровны къ Брылкину, который содѣйствовалъ ея возвышенію и упроченію ея власти. Указомъ Императрицы отъ 12 декабря 1741 г. Брылкинъ былъ утвержденъ въ должности оберъ-прокурора сената. Въ 1745 г. состоялось назначеніе Брылкина на должность астраханскаго губернатора, на мѣсто Татищева. Впослѣдствіи Брылкинъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ засѣдалъ въ сенатѣ. Въ 1762 г. онъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ сенаторовъ, отправлялся, по Высочайшему указу, изъ Петербурга въ Москву на коронацію Императрицы Екатерины II. Въ январѣ 1764 г. Императрица повелѣла Брылкину быть въ 6 департаментѣ сената. Нѣкоторое время Брылкинъ состоялъ директоромъ Павловской больницы въ Москвѣ (построенной въ память избавленія великаго князя Павла Петровича отъ смертельной болѣзни въ 1763 г.), и объ немъ встрѣчаются неоднократныя упоминанія въ письмахъ Павла Петровича къ князю А. М. Голицыну, смѣнившему Брылкина въ должности по названной больницѣ. Отъ службы Брылкинъ былъ уволенъ 30 декабря 1764 г.

Главный архивъ Министерства Юстиціи—С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. — «Донесенія маркиза де-ла-Шетарди» («Сборникъ Император. Историческаго Общества», томъ XCVI).—«Протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта 1728» (ib., т. LXXXIV).—«Бумаги кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны. 1731—1740 гг.» (ib., т. CIV).—«Бумаги Императрицы Екатерины II» (ib., томы VII и XLII).—«Финансовые документы царствованія Императрицы Екатерины II» (ib., т. XXVIII).—«Письма великаго князя Павла Петровича въ Москву, къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну» («Русскій Архивъ», 1881 г., книга 1, стр. 25).—«Письма цесаревича Павла Петровича къ его законоучителю Платону» (ib., 1887 г., кн. 5, стр. 37).—В. И. Ламанскій, «Первые дни Екатерининскаго царствованія» (сборникъ П. Бартенева «XVIII вѣкъ», вып. IV, стр. 214). — «Наталья Ѳедоровна Лопухина» («Русская Старина», 1874 г., сент., стр. 41, окт., стр. 192).

Брюзгинъ, *Дмитрій Васильевичъ*, мануфактуръ-совѣтникъ, козельскій почетный гражданинъ, род. 3 февраля 1775 г., ум. 11 іюня 1841 г. въ Козельскѣ. Брюзгинъ былъ первымъ русскимъ фабрикантомъ парусныхъ полотенъ, создавшимъ весьма солидное предпріятіе въ этой области промышленности. Обладая значительными средствами, Брюзгинъ въ широкой степени занимался благотворительностью, какъ въ пользу монастырей, церквей и т. под., такъ и на различныя общественныя нужды; особенно ярко сказалась его готовность помочь ближнему во время невзгодъ 1812 г. Когда директоръ мануфактурнаго департамента предлагалъ Брюзгину выписать изъ Англіи фабричную машину, способную замѣнить, по количеству работы, тысячу рукъ, Брюзгинъ писалъ ему: «Приближаясь уже ко гробу, не хочу, чтобы память мою любезные сограждане омрачали, особенно въ бѣдственное время неурожая; давая имъ хлѣбъ отъ трудовъ ихъ на фабрикѣ моей, я стыжусь теперь помыслить о собственной моей корысти». Получивъ весьма скромное первоначальное образованіе, Брюзгинъ, при своемъ природномъ умѣ, съумѣлъ самостоятельно и разносторонне образовать себя. Похороненъ онъ въ Козельской Введенской Оптиной пустыни, которая многимъ обязана ему въ отношеніи своего благоустройства. Помимо обычной благотворительности разнаго рода, Брюзгинъ матеріально помогалъ изданію духовно-нравственныхъ книгъ.

Некрологи: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1841 г., № 59, стр. 439, и въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1841 г., № 178, стр. 696.

Брюкнеръ, (von Brückner), *Іоганнъ-Георгъ-Андреасъ*, членъ-корреспондентъ академіи наукъ, род. 29 марта 1744 г., ум. 15 апрѣля 1814 г. въ Ригѣ. Уроженецъ Гейбаха (въ Гильдбурггаузенскомъ княжествѣ), Брюкнеръ начальное воспитаніе получилъ въ домѣ своего отца, который былъ пасторомъ и проповѣдникомъ. Въ 1759 г. Брюкнеръ поступилъ въ гимназію въ Кобургѣ, а, по окончаніи курса, съ 1764 г. изучалъ правовѣдѣніе въ іенскомъ университетѣ; при оставленіи университета онъ, по ходатайству проф. Кальтшмида, удостоенъ почетнаго званія имперскаго нотаріуса. По завершеніи образованія Брюкнеръ отправился искать счастія на чужбинѣ и въ 1766 г. занялъ мѣсто домашняго наставника въ Эстляндіи; въ 1769 г. онъ переселился въ Нарву и занимался здѣсь какъ частнымъ преподавательствомъ, такъ и судебною практикою. Пріобрѣтя нѣкоторую извѣстность своею

дѣловитостью, Брюкнеръ былъ приглашенъ въ 1770 г. въ Дерптъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должности городского фискала и адвоката при земскомъ судѣ, городского нотаріуса (1772), а по пріобрѣтеніи въ 1774 г. правъ полнаго гражданина—помощника городского секретаря (1776) и городского секретаря (1778). Послѣ пожара, постигшаго Дерптъ въ 1775 г., Брюкнеръ принялъ дѣятельное участіе въ перестройкѣ города заново, причемъ самый планъ новыхъ сооруженій, составленный по его мысли, удостоился Высочайшаго одобренія. Въ 1784 г. Брюкнеръ занялъ должность секретаря при лифляндскомъ намѣстническомъ управленіи, принималъ дѣятельное участіе въ перестройкѣ города Верро, а затѣмъ перешелъ на службу въ лифляндскую казенную палату, гдѣ занималъ съ мая 1797 г. должность асессора, а съ ноября 1799 г.—совѣтника. Въ 1807 г. Брюкнеру пожалованъ чинъ статскаго совѣтника. Обладая, сверхъ юридическихъ свѣдѣній, обширными и разнообразными научными познаніями и съ особенною любовью занимаясь математикою и астрономіею, Брюкнеръ помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ рядъ научныхъ статей, касающихся физическаго изученія Прибалтійскаго края. Труды его обратили на себя вниманіе Императорской академіи наукъ, которая въ 1808 г. избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Списокъ трудовъ Брюкнера: 1) Was ist ein Haken Landes in Liefland, въ «Arbeiten d. litterar. pract. Bürgerverbindung zu Riga». Тетр. II, 1805 г. стр. 3.—2) Wassercommunication von Pleskau über Dorpat u. Pernau in das Baltische Meer, въ сборникѣ Ant. Truhart'a «Fama f. Deutsch-Russland» за 1807 г. Т. II, стр. 194.—3) Ueber die lievländische Landmesser-Elle, въ журналѣ «Oeconom. Repertorium f. Lievland», Т. III, кн. 3, стр. 316.—4) Beobachtung въ «Rigasch. Stadtblatt», 1813 г. стр. 324.—5) Geographische Länge u. Breite von Riga aus Sonnenhöhen u. der beobachteten Sonnenfinsterniss vom 17 August 1803 hergeleitet, въ сборникѣ Bode Astronom. Jahrbuch за 1808 г., стр. 148.

Inländ. Blatt. 1814 г. № 17, стр. 65.—Recke u. Napiersky, Schriftsteller u. Gelehrten-Lexikon B. I. S. 283—4 u. Nachtrag I. S. 95.

В. Ш.

Брюксъ (де), *Евгеній Александровичъ*, писатель, и художникъ-карикатуристъ, род. въ 1856 г., ум. 25 мая 1879 г. въ деревнѣ Россіяновкѣ, херсонской губерніи. Съ раннихъ лѣтъ де-Брюксъ былъ дѣятельнымъ работникомъ провинціальной прессы. Въ разное время онъ сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Правдѣ» и «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства». Помимо своей литературной дѣятельности, де-Брюксъ былъ извѣстенъ (главнымъ образомъ, въ Одессѣ) своимъ художественнымъ талантомъ: изданные имъ карикатурные сборники «Калейдоскопъ», «Оса», «Комаръ» и другіе имѣли въ публикѣ большой успѣхъ и обнаруживали въ де-Брюксѣ недюжинный художественный талантъ. Упорный трудъ изъ-за насущнаго хлѣба рано подорвалъ его и безъ того слабое здоровье: онъ умеръ отъ чахотки.

Некрологъ въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства», 1879 г. отъ 26 мая.

Брюлло и **Брюлловы**, даровитый родъ русскихъ художниковъ, происходящій изъ Франціи. Французскіе предки русскихъ Брюлло и Брюлловыхъ, бывшіе протестантами, съ отмѣною Нантскаго эдикта (1685 г.), принуждены были покинуть родину, удалились въ Германію и поселились въ городѣ Люнебургѣ. Въ Германіи они онѣмечились и даже измѣнили французскую орѳографію своей фамиліи «Bruleleau» на нѣмецкую «Brüllo». Одинъ изъ представителей этой семьи, именно *Георгъ* Брюлло, въ 1773 г., имѣя уже болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ, по приглашенію русскаго правительства, въ Петербургъ и поступилъ на Императорскій фарфоровый заводъ орнаментнымъ скульпторомъ. Потомки Георга Брюлло перешли въ русское подданство. До пріѣзда въ Россію, Георгъ Брюлло потерялъ своего старшаго сына Іоанна (Іоаннъ Брюлло и является собственно прародителемъ русскихъ фамилій Брюлло и Брюлловыхъ), который оставилъ на рукахъ дѣда тринадцатилѣтняго внука Павла и малолѣтнюю внучку Катерину, выданную дѣдомъ въ Россіи замужъ. Внукъ Георга Брюлло, Павелъ Ивановичъ, академикъ орнаментной скульптуры (см. ниже), былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака, съ дѣвицею Краутвезель онъ имѣлъ одного сына Фридриха-Ѳедора, бывшаго профессоромъ исторической и церковной живописи (см. ниже). Изъ дѣтей, бывшихъ у Ѳедора Павловича Брюлло, отъ брака съ дочерью пастора

Ульмана, извѣстенъ Николай Ѳедоровичъ, бывшій профессоромъ архитектуры (см. ниже). Второю женою П. И. Брюлло была дочь придворнаго садовника Марія-Елизавета Шредеръ; отъ этого брака у Павла Ивановича было много дѣтей, изъ которыхъ особенно извѣстны въ исторіи русскаго искусства архитекторъ Александръ Павловичъ (см. ниже) и живописцы Карлъ (см. ниже) и Иванъ (см. ниже). Въ Высочайшемъ указѣ, которымъ было дано соизволеніе Государя Императора на художественную поѣздку Александра Павловича и Карла Павловича за границу, ихъ фамилія «Брюлло» была измѣнена въ русскую по формѣ фамилію «Брюлловъ», и съ тѣхъ поръ Александръ Павловичъ и Карлъ Павловичъ стали называться «Брюлловыми», остальные же представители ихъ рода продолжали носить фамилію «Брюлло». По ходатайству А. П. Брюллова, 23 апрѣля 1838 г. ему съ потомствомъ былъ Высочайше пожалованъ дипломъ на дворянское достоинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ дарованъ гербъ.

П. Н. Петровъ, «Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству, за 1872 годъ», С.-Пб., 1873 г., стр. 73—74 («Брюлловы, дворянскій домъ»).—Графъ А. Бобринскій, Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. С.-Пб., 1890 г., ч. II, стр. 659.—Общій Гербовникъ Всероссійской имперіи, XI, № 130.—«Брюлловы», ст. П-ва въ словарѣ Березина.—«Брюлловы» въ словарѣ Брокгауза и Ефрона и въ «Большой Энциклопедіи», изд. Т-ва «Просвѣщеніе».

Брюллова, *Софья Константиновна*, писательница, род. 16 декабря 1851 г., ум. 5 октября 1877 г. Дочь извѣстнаго писателя и профессора-юриста К. Д. Кавелина, С. К. Брюллова была одною изъ первыхъ, поступившихъ во вновь открывшіяся въ шестидесятыхъ годахъ женскія гимназіи. Съ дѣтства она вращалась въ кружкѣ лицъ, которыя группировались въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ возлѣ ея отца, и среди которыхъ было немало выдающихся представителей науки и литературы того времени. По окончаніи гимназіи, Брюллова, восполняя недостатки школьнаго образованія самообразованіемъ, съ увлеченіемъ предалась спеціальному изученію исторіи. Прекрасно владѣя иностранными языками (она знала не только новые, но и оба древнихъ языка) и пользуясь совѣтами отца, Брюллова вскорѣ достигла высокой степени начитанности и пріобрѣла весьма серьезныя познанія. Послѣ такой подготовки, она, будучи шестнадцатилѣтней дѣвушкой, поступила преподавательницей исторіи въ Василеостровскую женскую гимназію, отказавшись отъ жалованья въ пользу стипендій бѣднымъ ученицамъ, и посвятила этому труду шесть лѣтъ. Въ видѣ исключенія, Брюлловой было разрѣшено преподавать не только въ младшихъ, но и въ старшихъ классахъ. Брюллова обнаружила блестящія педагогическія способности, выказавъ умѣнье сочетать серьезность уроковъ съ потребностями и интересами дѣтскаго ума. Не ограничиваясь преподаваніемъ, Брюллова уже въ это время печатала свои статьи и замѣтки въ педагогическихъ журналахъ; въ то же время, прекрасно владѣя словомъ, она принимала самое дѣятельное участіе въ диспутахъ педагогическихъ обществъ, при чемъ всегда обнаруживала серьезность познаній, находчивость и мѣткость возраженій. Семнадцати лѣтъ Брюллова слушала въ Берлинѣ лекціи по исторіи, вызывая и тамъ удивленіе своими познаніями и глубокимъ пониманіемъ исторіи, а также занималась изученіемъ памятниковъ искусства, пользуясь руководствомъ лучшихъ профессоровъ и знатоковъ. Въ 1874 г. Брюллова вышла замужъ за художника Александра Павловича Брюллова, и замужество, по уставу гимназій, лишило ее права оставаться преподавательницей. Обязанности матери и хозяйки дома не помѣшали ей предаться серьезнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, главнымъ образомъ Екатерининской эпохи. Свои статьи Брюллова помѣщала въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша, въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Недѣлѣ». Въ 1876 г. появилась, какъ результатъ историческихъ изслѣдованій Брюлловой, ея статья: «Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху» («Вѣстникъ Европы», Январь); въ этой статьѣ Брюллова, пользуясь наказами 1763 г., задалась мыслью по ея словамъ, «отвѣтить на вопросы, какъ у насъ жили, думали, чего хотѣли еще такъ недавно». Другая статья Брюлловой: «Новая теорія о происхожденіи Франціи» («Вѣстникъ Европы», 1877 г., № 2) была написана по поводу изслѣдованія Фюстель де-Куланжа. Помимо этихъ работъ, Брюлловой былъ задуманъ капитальный трудъ, для котораго у нея уже было собрано и подготовлено много

матеріаловъ, — «Исторія нравовъ XVIII столѣтія». Брюлловой принадлежатъ также переводы съ англійскаго: 1) «Тацитъ въ изложеніи В. Б. Донна», С.-Пб., 1876 г. («Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей») и 2) «Юлій Цезарь. Комментаріи, въ изложеніи Ант. Троллопа», С.-Пб., 1876 г. Полюбивъ педагогическую дѣятельность и потерявъ должность, на которой она могла вливать эту любовь въ живое дѣло, Брюллова собирала около себя кружокъ взрослыхъ молодыхъ дѣвушекъ и читала имъ лекціи; такъ, зимою 1876 и 1877 гг. ею было прочитано нѣсколько лекцій,—изъ римской исторіи о Гракхахъ и изъ исторіи Франціи о времени Генриха IV.—Похоронена Брюллова въ Павловскѣ, въ фамильномъ склепѣ Брюлловыхъ.

«С. К. Брюллова», некрологъ М. Стасюлевича («Вѣстникъ Европы», 1877 г., № 11 и отдѣльное изданіе).—Сочиненія И. С. Тургенева, изд. Глазунова, 1897 г., т. X, стр. 509: «Изъ письма въ редакцію «Вѣстника Европы» (привед. также при некрологѣ М. Стасюлевича).—«Недѣля», 1877 г., № 41.—«Женское Образованіе», 1877 г., № 8, отд. «Педагогическая хроника».—Кн. Голицынъ, Словарь русскихъ писательницъ. — Некрологъ въ «Воспитаніи и Обученіи», 1877 г., № 10.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги. — «Сѣверный Вѣстникъ», 1877 г., № 161, отд. «Бесѣда» Наблюдателя.—Энцикл. сл. Брокгауза.

В. Г.

Брюлло, *Иванъ Павловичъ*, художникъ, род. въ 1814 г., ум. 27 октября 1834 г. Еще ребенкомъ онъ проявлялъ необыкновенныя способности и любовь къ рисованію. Нѣкоторое время онъ воспитывался въ гимназіи, гдѣ неохотно занимался науками. Природная склонность, а также похвалы окружающихъ его рисункамъ побуждали его искать возможности посвятить себя любимому искусству. Въ 1830 г., при содѣйствіи своихъ старшихъ братьевъ Александра и Павла и Общества поощренія художествъ, Брюлло поступилъ въ академію художествъ. Воспитательное заведеніе въ академіи было въ то время закрытымъ; когда, при введеніи новаго устава (въ 1832 г.), питомцамъ академіи было предоставлено право остаться въ академіи по правиламъ новаго устава, то въ числѣ желающихъ былъ записанъ и Брюлло. Въ академіи такъ же, какъ и въ гимназіи, Брюлло не оказывалъ особенныхъ успѣховъ въ наукахъ; зато его успѣхи въ художественныхъ классахъ скоро обратили на него вниманіе профессоровъ. Онъ выказалъ себя замѣчательно талантливымъ рисовальщикомъ; на всѣхъ экзаменахъ рисованія онъ получалъ высшіе баллы; товарищи охотно подчинялись тому вліянію, которое онъ незамѣтно для самого себя оказывалъ на нихъ, и подражали ему. Несмотря на свои необыкновенные успѣхи въ рисованіи, Брюлло, по совѣту находившихся тогда за границей двухъ старшихъ братьевъ (Александра и Карла), не приступалъ къ живописи, чтобы предварительно достигнуть совершенства въ рисункѣ. Этимъ и объясняется то, что онъ, не побывавъ еще въ этюдномъ классѣ, постоянно принималъ участіе въ конкурсахъ сочиненія рисунковъ на заданныя темы въ качествѣ отличнаго рисовальщика натурнаго класса и получалъ на этихъ конкурсахъ высшія награды. Въ сочиненіи рисунковъ фантазія Брюлло была неистощима: сцены домашней жизни, сцены изъ видѣнныхъ театральныхъ пьесъ, картины изъ прочитанныхъ повѣстей и романовъ,—все было предметомъ его полныхъ жизни рисунковъ. Брюлло очень увлекался театромъ и, по его почину, воспитанники академіи устраивали въ ея спальняхъ спектакли, въ которыхъ Брюлло исполнялъ разнообразныя роли, подражая видѣннымъ на сценѣ артистамъ. Это увлеченіе Брюлло театромъ отразилось и на содержаніи его рисунковъ: очень многіе изъ нихъ представляютъ сцены изъ драмъ, оперъ, балетовъ или портреты артистовъ (напр. Брянскаго, Каратыгина, Сосницкаго, Новицкой), а изъ оперы «Фенелла» переданы въ рисункахъ чуть ли не всѣ сцены. Своими рисунками изъ области театра Брюлло состязался съ пейзажистомъ Лебедевымъ. Несмотря на обиліе собственныхъ работъ, Брюлло находилъ еще время на то, чтобы поправлять десятки рисунковъ своимъ товарищамъ, развлекавшимъ его во время работы чтеніемъ, а также удовлетворять ихъ многочисленныя просьбы относительно рисунковъ въ альбомы для нихъ самихъ или для ихъ родственниковъ. Привлекательная внѣшность Брюлло, его артистическая натура, веселый характеръ, внимательность и предупредительность въ отношеніи къ окружающимъ и многія другія нравственныя достоинства дѣлали его кумиромъ его товарищей. Живой, впечатлительный, наблюдательный Брюлло заставлялъ ожидать, что изъ него въ будущемъ образуется замѣчательный худож-

никъ, но ранняя смерть не дала осуществиться этимъ ожиданiямъ. Въ 1834 г. у него появились явные признаки чахотки, которая стала очень быстро развиваться. Единственнымъ художественнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ Брюлло, являются талантливые рисунки перомъ и карандашомъ, въ большомъ количествѣ разсѣянныя по рукамъ частныхъ лицъ.

Ѳ. Ѳ. Львовъ, «И. П. Брюлловъ («Русская Старина» 1882 г., Іюнь, стр. 793—794).—Николай Рамазановъ, «Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи», книга 1-я, Москва, 1863 г., отд. «Воспоминанія», стр. 142—144: «Ваня Брюлловъ» (см. «Художественную Газету» 1841 г., № 17). — «Архивъ Брюлловыхъ», редакція и примѣчанія И. А. Кубасова (изд. журн. «Русская Старина»), С.-Пб., 1900 г., стр. 88, 102.—Статьи «Брюлловы» въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Брокгауза-Эфрона и «Большой Энциклопедіи» изд. Т—ва «Просвѣщеніе». *В. I.*

Брюлло, *Николай Ѳедоровичъ*, профессоръ архитектуры Императорской академіи художествъ, род. 21 января 1826 г., ум. 18 января 1885 г. Окончательное образованіе Брюлло получилъ въ академіи художествъ, въ которой обучался съ начала сороковыхъ годовъ; учителемъ его въ архитектурѣ былъ его дядя, Александръ Павловичъ Брюлловъ. Во время обученія въ академіи Брюлло выказалъ блестящіе успѣхи: на экзаменѣ въ концѣ декабрьской трети 1846 г. онъ получилъ малую серебряную медаль за архитектурную композицію, въ 1848 г.—большую серебряную медаль также за архитектурную композицію, въ 1849 г. — малую золотую медаль за проэктъ «дока съ таможнею, биржею и пакгаузами», а въ 1850 г., вмѣстѣ съ ученикомъ К. Тона, К. К. Штельбомъ— большую золотую медаль за проэктъ вокзала. Полученіе большой золотой медали дало Брюлло право отправиться пенсіонеромъ академіи художествъ въ Римъ, гдѣ онъ пробылъ около семи лѣтъ. По возвращеніи изъ заграничной поѣздки, Брюлло представилъ академіи, въ качествѣ отчета о своихъ занятіяхъ во время путешествія, собраніе выполненныхъ за границею чертежей и рисунковъ; 13 апрѣля 1860 г. совѣтъ академіи возвелъ Брюлло за эти работы въ званіе академика архитектуры. Въ концѣ этого же года Брюлло обратился къ совѣту академіи съ просьбою о назначеніи ему программы на званіе профессора архитектуры, и ему было предложено сочинить проэктъ русскаго музея. Однако, вслѣдствіе обилія служебныхъ занятій (онъ служилъ въ строительной конторѣ министерства Императорскаго Двора и въ строительномъ техническомъ комитетѣ) и необходимости посвящать много времени компонованію проэктовъ дворцовъ для августѣйшихъ сыновей Императора Александра II, Брюлло не исполнилъ этой программы, и совѣтъ академіи, въ виду серьезности исполняемыхъ имъ композицій и обширности связанныхъ съ ними трудовъ, въ 1864 г. возвелъ Брюлло безъ исполненія программы въ званіе профессора архитектуры. Изъ архитектурныхъ работъ Брюлло наиболѣе замѣчательны: домъ графа Кушелева-Безбородки, у котораго Брюлло былъ домашнимъ архитекторомъ (въ Петербургѣ); надгробный памятникъ ему же въ церкви св. Духа въ Александро-Невской Лаврѣ, съ проэктомъ надъ гробницею внутри храма и др. Помимо службы по министерству Императорскаго Двора и въ строительномъ техническомъ комитетѣ, Брюлло состоялъ архитекторомъ 3-й дистанціи г. С.-Петербурга, а потомъ архитекторомъ полицейскихъ зданій; изъ построекъ его, связанныхъ съ этимъ званіемъ, замѣчательно 2-е пожарное депо на Петербургской сторонѣ съ каменнымъ зданіемъ, снабженнымъ каланчею (въ Малой Дворянской улицѣ). Находясь нѣкоторое время въ Парижѣ (въ бытность пенсіонеромъ академіи художествъ), Брюлло спеціально изучалъ тамъ вентиляцію театровъ и освѣщеніе ихъ газомъ по зданіямъ театровъ, «Châtelet» и «Lyrique». Въ академіи художествъ, въ отсутствіе Д. И. Гримма, уѣзжавшаго изъ Петербурга въ Ниццу для сооруженія храма въ память великаго князя Николая Александровича, Брюлло читалъ строительное законовѣдѣніе. Въ свое время Брюлло много содѣйствовалъ передачѣ въ собственность академіи художествъ картинной галлереи графа Кушелева-Безбородки. Статьи Брюлло по нѣкоторымъ спеціально-архитектурнымъ вопросамъ помѣщались въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества», «Зодчемъ» и другихъ изданіяхъ.

«Н. Ѳ. Брюлло» («Всемірная Иллюстрація» 1885 г., № 839, стр. 131). — Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. V-й, 1889 г.—«Архивъ Брюлловыхъ», редакція и примѣчанія И. А. Кубасова С.-Пб., 1900 г., стр. 165.—Некрологъ въ «Библіографѣ» 1886 г., № 12, стр. 180.—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ, С.-Пб., 1864 г. — Статьи

«Брюлловы» въ Энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Брокгауза и Ефрона и «Большой Энциклопедіи», изд. Т—ва Просвѣщеніе. *В. Г.*

Брюлло, *Павелъ Ивановичъ*, скульпторъ-рѣзчикъ и живописецъ-миніатюристъ, род. въ 1760 г., ум. 1 января 1833 г. Своему искусству П. И. Брюлло обучался у своего дѣда (Георга Брюлло) и у дяди (брата отца), подъ руководствомъ которыхъ достигъ большого искусства. Въ октябрѣ 1793 г. Брюлло былъ опредѣленъ въ академію художествъ «для обученія класса рѣзного, золотарнаго и лакировальнаго мастерства», при чемъ было поставлено условіе, «чтобъ ему выучить означеннымъ мастерствамъ четырехъ академическихъ учениковъ совершенно, прилагая о ихъ успѣхахъ всевозможное стараніе и не скрывая никакихъ секретовъ, принадлежащихъ къ ихъ усовершенствованію въ тѣхъ мастерствахъ, потребныя же для оныхъ учениковъ къ тому инструменты и матеріалы употреблять ему свои собственные, кромѣ принадлежащихъ вещей къ рисованію, которыя отпускать ему отъ казны, за что и производить ему отъ академіи жалованья по двѣсти рублей въ годъ, считая со вступленія его въ должность съ октября 11-го и при томъ дать казенную квартиру». Въ октябрѣ слѣдующаго года Брюлло былъ удостоенъ званія «академика скульптуры орнаментной на деревѣ... по сдѣланнымъ для академіи разнымъ его работамъ». Въ 1799 г. совѣтъ академіи, «разсуждая о малой пользѣ, какая происходитъ отъ обученія мастерствъ часового и рѣзнаго на деревѣ, опредѣлилъ оныя классы уничтожить», и потому Брюлло долженъ былъ оставить службу въ академіи. Впрочемъ, академія, какъ видно, не прерывала сношеній съ Брюлло, такъ какъ и послѣ 1793 г. поручала ему нѣкоторыя работы.

П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. академіи художествъ, СПб., 1864, т. I.— Статьи «Брюлловы» въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Брокгауза и Ефрона и «Большой Энциклопедіи» изд. Т—ва «Просвѣщеніе».

Брюлло, *Ѳедоръ Павловичъ*, профессоръ исторической и церковной живописи въ Императорской академіи художествъ, род. въ 1793 г., ум. въ 1869 г. въ Петербургѣ. Принятый въ 1803 г. въ число учениковъ академіи художествъ, Ѳ. П. Брюлло въ 1812 г. получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, въ 1814 г.—большую серебряную медаль также за рисунокъ съ натуры и въ 1815 г.—большую золотую медаль за заданную картину: «Моленіе о чашѣ». Въ этомъ же году Брюлло былъ выпущенъ изъ академіи съ аттестатомъ 1-й степени, но, по выраженному имъ желанію, былъ оставленъ при академіи для продолженія обученія живописи, въ ожиданіи посылки на казенный счетъ за границу; въ академіи наставникомъ Брюлло въ живописи былъ А. Ивановъ. Поѣздка Брюлло на казенный счетъ за границу, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, не состоялась, и въ 1817 г. онъ былъ уволенъ изъ числа пенсіонеровъ академіи. Въ 1832 г., по просьбѣ Брюлло, ему была задана программа на званіе академика: написать «Спасителя въ темницѣ въ терновомъ вѣнцѣ», при чемъ дается на произволъ художнику написать при сей главной и нѣсколько другихъ фигуръ, ежели то найдетъ нужнымъ». Заданная картина была Брюлло исполнена и дала ему въ 1834 г. искомое званіе академика; въ настоящее время эта картина находится въ Музеѣ Императора Александра III, куда она перемѣщена изъ картинной галлереи академіи художествъ. Въ 1853 г. Брюлло путешествовалъ съ художественными цѣлями на собственный счетъ за границу. Поприщемъ Брюлло была почти исключительно религіозно-церковная живопись. Образа его работы находятся во многихъ петербургскихъ и иногородныхъ церквахъ, между прочимъ, въ Конюшенной церкви, въ Екатерининской (что на Васильевскомъ островѣ), въ Введенской (что въ Семеновскомъ полку), въ церкви Мраморнаго дворца, въ Парголовской церкви близъ Петербурга, въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ и пр.; въ свое время Брюлло было поручено окончить нѣкоторые начатые и исправить попорченные образа работы его брата, Брюллова въ Исаакіевскомъ соборѣ. Въ 1858 г. Брюлло, безъ представленія программы, былъ возведенъ въ званіе профессора академіи художествъ, «во вниманіе къ особенному искусству и отличнымъ познаніямъ по части художествъ, доказанныхъ трудами, заслужившими извѣстность». Какъ видно изъ одного изъ писемъ К. П. Брюллова, Ѳ. П. Брюлло сдѣлалъ немало для того, чтобы облегчить своимъ младшимъ братьямъ ихъ первые шаги въ академіи художествъ.

П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академія Художествъ, СПб., 1864 г., т. I.—

«Архивъ Брюлловыхъ», редакція и примѣчанія И. А. Кубасова СПб., 1900 г., стр. 14, 21, 23, 30, 38, 61, 66, 70, 71, 99, 109, 111, 148.—Некрологъ въ «Иллюстрированной газетѣ» 1869 г., № 17, стр. 272.—А. Сомовъ, Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ, I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. СПб., 1872 г., стр. 45, 121, 128 и 183.—Каталогъ художественнаго отдѣла русскаго музея Императора Александра III. СПб. 1899 г., стр. 8.—Статьи «Брюлловы» въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Брокгауза и Ефрона и «Большой Энциклопедіи», изд. Т—ва «Просвѣщеніе».—Дополненіе къ энцикл. словарю Толля.—«Журналъ Изящныхъ Искусствъ», 1824 г., кн. V, стр. 420—426. *В. Г.*

Брюлловъ, *Александръ Павловичъ*, архитекторъ, род. 29 ноября 1798 г., ум. 9 января 1877 г. Вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ, Карломъ, А. П. Брюлловъ въ 1809 г. поступилъ въ академію художествъ, куда былъ принятъ въ качествѣ пенсіонера. Въ періодъ пребыванія въ академіи А. П. Брюлловъ получилъ въ 1817 г. малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, въ 1819 г. малую серебряную медаль за архитектурную композицію и въ томъ же году—большую серебряную медаль также за архитектурную композицію. Въ 1821 г. Брюлловъ окончилъ курсъ академіи, въ 1822 г. поступилъ въ комиссію по построенію Исаакіевскаго собора, а осенью того же года отправился, вмѣстѣ съ братомъ Карломъ, на средства Общества поощренія художниковъ, въ Италію. Проведя зиму въ Мюнхенѣ, братья въ началѣ мая 1823 г. пріѣхали въ Римъ, гдѣ А. П. Брюлловъ занялся изученіемъ римскихъ зданій. Въ апрѣлѣ 1824 г. Брюлловъ покинулъ Римъ и вмѣстѣ съ А. Н. Львовымъ отправился въ Сицилію, пробывъ нѣкторое время въ Неаполѣ. Въ эту поѣздку, продолжавшуюся около мѣсяца, Брюлловъ изучилъ древніе города Сегесту, Селинунтъ, Агригентъ, Сиракузы, Катану, Таормину и ихъ развалины. Нѣкоторое время спустя, Брюлловъ предпринялъ второе путешествіе, которое познакомило его съ Помпеею и было окончено въ октябрѣ того же 1824 г. По возвращеніи изъ этого путешествія Брюлловъ поселился въ Неаполѣ. Здѣсь онъ сталъ извѣстенъ королю, какъ отличный акварелистъ, и былъ приглашенъ исполнить акварелью портреты членовъ неаполитанскаго королевскаго дома. Эти портреты, изъ которыхъ лучшими былъ портретъ принцессы Христины, не только заслужили одобреніе короля, но и получили громкую извѣстность, благодаря своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ. По желанію короля, Брюлловъ самъ принялся за литографированіе этихъ портретовъ, но не довелъ этой работы до конца, такъ какъ не былъ достаточно опытенъ въ этомъ исскуствѣ. Во время исполненія портрета короля Брюлловъ получилъ отъ него разрѣшеніе зарисовывать въ Помпеѣ, все, что только онъ захочетъ. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, Брюлловъ принялся за тщательныя изслѣдованія помпейскихъ развалинъ и въ 1826 г. окончилъ свой блестящій трудъ—реставрацію открытыхъ при немъ помпейскихъ термъ. Около этого же времени онъ исполнилъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны рисунокъ амфитеатра Флавія, при чемъ развалины были имъ оживлены изображеніемъ проповѣди капуцина. Въ Римѣ Брюлловъ получилъ Высочайше пожалованный ему, въ поощреніе его художественныхъ работъ, брилліантовый перстень. Пославъ нѣкоторые свои рисунки Обществу поощренія художниковъ, Брюлловъ въ концѣ августа 1826 г. отправился въ Парижъ, съ спеціальною цѣлью изученія устройства театровъ, по порученію Общества поощренія художниковъ, которое продолжало давать братьямъ пенсіонъ. Намѣреваясь самъ литографировать свои термы, Брюлловъ познакомился въ Парижѣ съ Энгельманомъ и сталъ обучаться литографіи, какъ искусству, а съ конца марта 1828 г. сталъ слушать у Бюона курсъ исторіи архитектуры. Въ Парижѣ, помимо рисунковъ термъ, Брюлловъ зимою 1827 г., на вечерѣ у княгини Голицыной, исполнилъ портретъ Вальтеръ-Скотта (съ пледомъ на шеѣ), отлитографированный имъ же самимъ потомъ на камнѣ и считающійся наиболѣе схожимъ изъ всѣхъ портретовъ знаменитаго писателя. По желанію королевскаго академическаго художественнаго общества, въ связи съ изданіемъ своихъ термъ, въ маѣ 1827 г. Брюлловъ отправился въ Лондонъ. Изъ Англіи онъ проѣхалъ часть Франціи, посѣтилъ Шартре, Дре и замокъ д'Анъ, а затѣмъ воротился въ Парижъ, гдѣ слушалъ, между прочимъ, курсъ механики въ Сорбоннѣ. Закончивъ здѣсь французскій текстъ къ своимъ «Помпейскимъ термамъ», которыя появились еще раньше въ Парижѣ въ гравюрахъ Сандса, и издавъ его въ 1829 г., Брюлловъ возвратился въ этомъ же году въ Петербургъ, пробывъ

за границею, въ общемъ, болѣе семи лѣтъ. Поднесенные Брюлловымъ Императору Николаю I «Помпейскія термы» дали ему званіе архитектора Его Императорскаго Величества; они же доставили ему званіе члена-корреспондента французскаго института, члена королевскаго института архитекторовъ въ Англіи, члена академіи художествъ миланской и петербургской. Вскорѣ по возвращеніи на родину Брюлловъ началъ трудовую жизнь практическаго архитектора, только въ свободное время занимаясь акварельною живописью. На выставкѣ 1830 г. въ академіи художествъ былъ, между прочимъ, проектъ Брюллова инвалиднаго дома на берегу Чернаго моря и акварельный портретъ его же работы князя Лопухина, вызывавшій всеобщій восторгъ знатоковъ искусства. Въ 1830 г. Брюлловъ получилъ заказъ построить Михайловскій театръ, готическую церковь для графини Полье въ Парголовѣ и домъ графини Самойловой въ Славянкѣ. Въ 1831 г. Брюлловъ выполнилъ всѣ эти работы, а также написалъ акварельный портретъ Императора Николая Павловича, окруженнаго кадетами разныхъ корпусовъ. Въ февралѣ этого же года Брюлловъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность профессора архитектуры въ академіи художествъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему была задана программа на званіе профессора: «сочинить проектъ огромной и великолѣпной каѳедральной церкви Грекороссійскаго исповѣданія для столицы». Въ мартѣ 1832 г. Брюлловъ обратился къ академіи художествъ съ просьбою о перемѣнѣ этой программы на «проектъ соборной церкви евангелическаго вѣроисповѣданія во имя свв. Петра и Павла въ Петербургѣ», но совѣтъ академіи отказалъ въ этой просьбѣ, не рѣшаясь отмѣнить «проектъ такой важности, какъ проэктъ огромной каѳедральной церкви для столицы, въ коемъ художникъ, видѣвшій знатнѣйшія изъ подобныхъ церквей въ Европѣ, можетъ самымъ блестящимъ образомъ показать свои дарованія и познанія, воспользовавшись тѣмъ, что въ тѣхъ церквахъ хорошо, и избѣгнувъ того, что по справедливости въ нихъ осуждается». 21 сентября 1832 г. Брюлловъ былъ единогласно избранъ совѣтомъ академіи художествъ въ профессоры 2-й степени по части архитектуры за свою блестяще исполненную программу (проектъ былъ исполненъ въ классическомъ стилѣ). Въ этомъ же году, по баллотированію совѣта академіи, былъ одобренъ, въ числѣ трехъ другихъ, проектъ Брюллова памятника Державину. Къ этому же году относится построеніе Брюлловымъ лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ (въ стилѣ англійской готики). За постройкой этой церкви слѣдовало предпринятое по Высочайшей волѣ построеніе зданія Пулковской обсерваторіи; это — самое значительное созданіе художника, въ которомъ въ полной степени высказался его тонкій хужественный вкусъ и самобытный архитектурный талантъ. Одновременно съ постройкой Пулковской обсерваторіи, Брюлловъ производилъ работы по сооруженію двухъ зданій на Дворцовой площади—зданія генеральнаго штаба и экзерцицгауза. Въ 1837 г. Брюлловъ былъ назначенъ, въ числѣ другихъ архитекторовъ, въ Высочайше учрежденную Комиссію для возобновленія Зимняго дворца послѣ пожара; его помпейская орнаментація, давшая имя цѣлой галлереѣ дворца, утвердила за нимъ репутацію превосходнаго декоратора-архитектора, и всѣ его работы по отдѣлкѣ жилыхъ комнатъ половины Ихъ Величествъ, по отзыву современниковъ, составляли лучшую часть дворцовыхъ работъ, раздѣленныхъ между тремя архитекторами (Стасовымъ, Штаубертомъ и Брюлловымъ). Вслѣдъ за работами въ Зимнемъ дворцѣ, Брюллову была поручена перестройка Мраморнако дворца къ свадьбѣ великаго князя Константина Николаевича. Вмѣстѣ съ этой работой Брюлловъ производилъ (въ 1845 г.) постройку Александровской больницы (въ память великой княгини Александры Николаевны), съ проложеніемъ Надеждинской улицы до Невскаго проспекта. Помимо всѣхъ этихъ работъ, Брюлловъ въ 1833 г., по волѣ Государя Императора, былъ назначенъ членомъ комитета о строеніяхъ и гидравлическихъ работъ. Въ 1842 г., «въ уваженіе пользы, принесенной художествамъ и учащимся», Брюлловъ былъ возведенъ въ званіе профессора 1-й степени. Въ 1844 г. онъ, вмѣстѣ съ А. Тономъ, занимался проэктомъ отдѣленія проѣзда отъ академическаго зданія (съ садомъ и желѣзною рѣшеткою). Въ началѣ 1845 г. Брюлловъ былъ избранъ, въ числѣ другихъ, членомъ комитета для составленія проэкта новаго образованія академіи. Въ

1850 г., при переходѣ мозаическаго отдѣленія въ составъ академіи художествъ, Брюлловъ былъ назначенъ однимъ изъ членовъ комитета для предварительныхъ работъ по составленію штата и положенія мозаическаго отдѣленія. Съ 1850 г. Брюлловъ почти оставилъ практическую дѣятельность и посвятилъ себя отчасти профессурѣ, отчасти теоретически - научной разработкѣ нѣкоторыхъ спеціально-архитектурныхъ вопросовъ, какъ напр. вентиляція и отопленіе, устройство госпиталей и т. под. Въ 1857 г., за отъѣздомъ за границу ректора архитектуры К. А. Тона, Брюлловъ исполнялъ его должность (еще раньше онъ исполнялъ обязанность конференцъ-секретаря академіи). 15 января 1871 г. въ академіи Художествъ торжественно праздновался пятидесятилѣтній юбилей художественной дѣятельности Брюллова, собравшій много почитателей таланта заслуженнаго профессора; по случаю этого юбилея была выбита медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ портретъ художника, а на другой—знаменитѣйшее изъ его сооруженій—Пулковская обсерваторія. Въ этомъ же году Брюлловъ вышелъ въ отставку. Академія очень высоко цѣнила художественный авторитетъ Брюллова: многократно поручала она ему давать отзывы относительно различныхъ сочиненій по теоріи и исторіи искусства, проэктовъ, художественныхъ произведеній, педагогическихъ системъ въ относящихся къ искусству наукахъ и т. под., и свои рѣшенія и поступки сообразовала въ такихъ случаяхъ исключительно съ отзывомъ Брюллова. По выходѣ въ отставку, Брюлловъ велъ, главнымъ образомъ, кабинетную жизнь. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ жизни онъ серьезно изучалъ высшую математику, пристрастился къ геологіи и вообще естественнымъ наукамъ; до послѣднихъ дней онъ слѣдилъ за успѣхами архитектуры и сохранилъ свѣжесть ума, живую и разностороннюю наблюдательность. Брюлловъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей въ исторіи русской архитектуры. Его работы, помимо основательной и обдуманной планировки, обнаруживаютъ тонкость художественнаго вкуса, а также смѣлость и красоту композиціи и граціозную легкость въ распоряженіи внѣшними формами. Эти качества работъ Брюллова являются особенно цѣнными, если принять во вниманіе тѣ узкіе и односторонніе взгляды и требованія, которыя господствовали въ области архитектуры въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія и позже. Посвятивъ себя исключительно архитектурной дѣятельности, Брюлловъ занимался живописью и рисованіемъ сравнительно въ незначительныхъ размѣрахъ, и то, главнымъ образомъ, до отъѣзда своего изъ Россіи и въ періодъ пребыванія за границей. Однако его работы этого рода обнаруживаютъ въ немъ замѣчательнаго художника-рисовальщика и акварелиста. Еще во время обученія его въ академіи художествъ, многіе считали его лучшимъ рисовальщикомъ, нежели его брата Карла. Близкій по духу Галактіонову и Мартынову, онъ писалъ не только портреты, отличающіеся замѣчательнымъ сходствомъ, живостью и изяществомъ, но и массу литографическихъ и акварельныхъ пейзажей (среди нихъ значительное количество видовъ петербургскихъ окрестностей), жанровыхъ сценъ и другого рода рисунковъ. Всѣ эти работы поражаютъ мастерской техникой, а также замѣчательною тонкостью рисунка. У сына А. П. Брюллова—П. А. Брюллова (въ Петербургѣ) имѣется нѣсколько альбомовъ, заключающихъ въ себѣ превосходные ландшафтные, жанровые и иные рисунки А. П. Брюллова акварелью, перомъ, карандашомъ, сепіей и т. д. Одинъ изъ лучшихъ картоновъ Брюллова изображаетъ гулянье на Елагиномъ островѣ въ тихій майскій вечеръ, съ прелестными миніатюрными фигурками прогуливающейся подъ звуки оркестра толпы. Замѣчательно также изображеніе саардамской хижины Петра Великаго, которую художникъ посѣтилъ при проѣздѣ черезъ Голландію. Наибольшая часть картинъ и рисунковъ Брюллова находится за границей, въ рукахъ частныхъ лицъ.

П. Н. Петровъ, Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству, Спб., 1871 г., стр. 1—7 (см. «Всемірную иллюстрацію», 1871 г., № 116, стр. 184—185).—«Александръ Павловичъ Брюлловъ» («Зодчій», 1877 г., № 1, стр. 9—10.)—«Архивъ Брюлловыхъ», редакція и примѣчанія И. А. Кубасова, Спб., 1900 г.—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ, Спб., томы I, II и III.—Энциклопед. словари Брокгауза-Ефрона и Березина.—«Большая Энциклопедія», изд. т-ва «Просвѣщеніе».—А. Бенуа, Исторія русской живописи въ XIX в. (1-й выпускъ «Исторіи живописи въ XIX вѣкѣ», изд. т-ва «Знаніе»), Спб. 1901 г., стр. 52, 72.—

Некрологи: во «Всеобщемъ календарѣ», Гоппе на 1878 г.; «Всемірной Иллюстраціи», 1877 г., № 420, стр. 70—71; «Театральной Газетѣ», 1877 г., № 13, стр. 12; «Голосѣ», 1877 г., № 49, отд. «Внутреннія извѣстія».—А. П. Новицкій, Исторія русскаго искусства, вып. VII.—«Отрывокъ изъ письма А. Брюллова» («Журналъ изящныхъ искусствъ», 1825 г., часть II, № 3, стр. 78—81).—Помимо указанныхъ печатныхъ матеріаловъ въ біографію А. П. Брюллова вошли свѣдѣнія, сообщенныя его сыномъ, П. А. Брюлловымъ.

В. Грековъ.

Брюлловъ, *Карлъ Павловичъ*, знаменитый художникъ исторической, портретной и жанровой живописи, род. 12 декабря 1799 г. въ Петербургѣ, ум. 23 іюня 1852 г. въ мѣстечкѣ Марчіано, близъ Рима. Карлъ Брюлловъ былъ слабымъ, золотушнымъ ребенкомъ и до семилѣтняго возраста почти не покидалъ постели, но зато очень рано началъ развиваться въ умственномъ отношеніи. Лишенный сверстниковъ, почти всегда одинокій, онъ уже въ дѣтствѣ привыкъ приглядываться къ окружающему съ необычайнымъ вниманіемъ, а врожденное чувство красоты нерѣдко направляло эту наблюдательность на такія явленія, какъ напр. причудливое сочетаніе красокъ и линій, эффектное освѣщеніе и т. под. Отчасти подъ вліяніемъ примѣра отца, искуснаго живописца-миніатюриста, отчасти по природной склонности у Брюллова явилось желаніе воспроизводить въ рисункѣ то, что онъ видѣлъ вокругъ себя или въ своей фантазіи, и скоро рисованіе на грифельной доскѣ разныхъ фигуръ и сценъ стало его любимымъ занятіемъ, за которымъ онъ часто проводилъ цѣлые дни. Замѣтивъ въ ребенкѣ охоту и способности къ рисованію, отецъ сталъ давать ему для срисовыванія хорошія гравюры или различные предметы для рисованія съ натуры. Мало по малу Карлъ Брюлловъ оправился отъ болѣзни, покинулъ свою постель, и тогда занятія его съ отцомъ превратились въ серьезные и продолжительные уроки, къ которымъ учитель-отецъ относился чрезвычайно строго, не давая сыну завтракать или обѣдать, прежде чѣмъ онъ не исполнитъ тотъ или другой рисунокъ. При поступленіи въ академію художествъ, имѣя лишь десять лѣтъ отъ роду, Брюлловъ рисовалъ лучше всѣхъ своихъ товарищей, даже старшихъ по возрасту. Въ академію онъ поступилъ въ 1809 г., вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Александромъ, и сразу обратилъ на себя вниманіе необыкновеннымъ талантомъ. Онъ блестяще проходилъ художественные классы академіи, почти на всѣхъ экзаменахъ получая высшія отмѣтки. Ближайшимъ наставникомъ Брюллова былъ профессоръ А. И. Ивановъ; на его художественное развитіе имѣли также вліяніе профессора А. Е. Егоровъ и В. К. Шебуевъ. Въ 1813 г. Брюлловъ получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры. Уже въ это время онъ былъ негласнымъ учителемъ своихъ товарищей, преклонявшихся предъ его талантомъ: онъ цѣлыми десятками исправлялъ своимъ товарищамъ экзаменаціонные и иные рисунки, проводя иногда надъ этимъ занятіемъ цѣлыя ночи въ спальняхъ академіи. Работу Брюллова товарищи вознаграждали подарками, иногда же онъ заставлялъ ихъ читать ему что-нибудь вслухъ во время его работы. Это обыкновеніе рисовать подъ чье-нибудь чтеніе вскорѣ обратилось въ привычку, которую онъ сохранилъ на всю жизнь. Во время обученія Брюллова въ академіи отецъ продолжалъ слѣдить за успѣхами сына и, увѣренный въ его чрезвычайномъ талантѣ, предъявлялъ къ нему самыя строгія требованія, такъ что Брюлловъ часто боялся показать отцу работы, заслужившія одобреніе академическихъ наставниковъ. Приходя къ отцу въ воскресные отпуски, Брюлловъ помогалъ ему въ гравированіи картъ къ «Путешествію вокругъ свѣта» Крузенштерна, а также дѣлалъ копіи съ картинъ старыхъ мастеровъ изъ Эрмитажа; такъ, онъ нѣсколько разъ писалъ портретъ папы Иннокентія X Веласкеца, семь разъ этюдъ его же «Монаха съ книгою», до двадцати разъ — голову старика съ оригинала того же художника (онъ любилъ Веласкеца до конца жизни) и т. д. Брюлловъ, конечно, удовлетворялъ требованіямъ своихъ академическихъ наставниковъ относительно правильности и точности рисунка,—а это въ тѣ времена почти и ограничивало собою достоинства, которыми должны были обладать лучшія академическія работы,—однако Брюлловъ въ то же время умѣлъ вносить въ свои рисунки извѣстную жизнь и граціозность, а порою и игривость; это было чѣмъ-то новымъ и не только не находило себѣ должной оцѣнки, но даже иногда вызывало порицаніе. Это умѣнье Брюллова сообщить рисунку жизнь и грацію уже ясно видно въ его работахъ цвѣтными карандашами: «Геній искусства» и «Парисъ», за кото-

рыя онъ получилъ въ 1817 г. большую серебряную медаль. Въ 1818 г. онъ получилъ золотую медаль, учрежденную А. Ф. Ржевской «за экспрессію»—«въ поощреніе усматриваемыхъ въ немъ отличныхъ дарованій къ художествамъ, доказанныхъ написанною по программѣ картиною, изображающею Улисса, представшаго царевнѣ Навсикаѣ послѣ претерпѣннаго имъ кораблекрушенія». Въ 1819 г. Брюлловъ получилъ малую золотую медаль за написанный по программѣ этюдъ съ натуры «Нарцисъ»; А. Ивановъ, нашедшій въ этой картинѣ Брюллова отступленія отъ классическаго стиля и заставившій Брюллова передѣлать ее, тѣмъ не менѣе настолько оцѣнилъ ее, что пріобрѣлъ ее себѣ въ собственность, несмотря на свои ограниченныя средства (впослѣдстіи академія художествъ пріобрѣла эту работу Брюллова у А. Иванова). Еще въ 1817 г. графъ Милорадовичъ письменно выразилъ президенту академіи художествъ Оленину желаніе, чтобы одинъ изъ лучшихъ учениковъ академіи написалъ для него картину, изображающую Императора Александра I, подающаго помощь лежащему у дороги больному нищему, и Брюллову было поручено выполненіе этой работы (эскизъ для нея, сдѣланный перомъ, находится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ). Въ 1821 г. Брюлловъ былъ выпущенъ изъ академіи съ аттестатомъ 1-й степени и большою золотою медалью за исполненную имъ по программѣ картину: «Явленіе Божіе Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ»; эта картина, отличающаяся вкусомъ и обдуманностью и поступившая въ музей академіи художествъ, была Брюлловымъ передѣлываема нѣсколько разъ. Выйдя изъ академіи, Брюлловъ вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ условностей, которыя господствовали въ тогдашней академической жизни и стѣсняли свободу художественнаго творчества. Полученіе Брюлловымъ при выпускѣ золотой медали давало ему право на заграничную поѣздку въ качествѣ пенсіонера академіи художествъ, но, по изданнымъ незадолго до того времени правиламъ, онъ долженъ былъ предварительно пробыть еще три года при академіи для усовершенствованія въ художественной техникѣ. Личныя недоразумѣнія, возникшія между имъ и Оленинымъ, лишили его даже и этого права на поѣздку за границу черезъ три года. Въ ожиданіи лучшаго будущаго, К. Брюлловъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, поселился въ одной изъ временныхъ деревянныхъ мастерскихъ подлѣ Исаакіевскаго собора и занялся исполненіемъ частныхъ заказовъ, которые получалъ въ значительномъ количествѣ. П. А. Кикинъ, бывшій предсѣдателемъ возникшаго за годъ до того (въ 1820 г.) Общества поощренія художниковъ, имѣлъ случай убѣдиться въ талантѣ Брюллова и предложилъ ему выполнить для общества программу: «Эдипъ и Антигона». Къ этой картинѣ Брюллова Общество поощренія художниковъ отнеслось съ большимъ одобреніемъ и выразило Брюллову готовность отправить его за границу на свой счетъ. По настоянію К. Брюллова, Общество сдѣлало своимъ пенсіонеромъ и его брата — Александра. Передъ отъѣздомъ братьевъ Брюлловыхъ за границу Общество снабдило ихъ подробными инструкціями относительно ихъ художественныхъ занятій, а также обязало ихъ сообщать Обществу о своихъ художественныхъ впечатлѣніяхъ и работахъ. Изъ картинъ, написанныхъ Брюлловымъ до отъѣзда въ Италію, кромѣ «Эдипа и Антигоны», извѣстны: портреты отца и матери скульптора Рамазанова, портреты П. А. Кикина и его жены и картина: «Раскаяніе Полиника».

16 августа 1822 г. К. Брюлловъ, вмѣстѣ съ братомъ, покинулъ Петербургъ и черезъ Ригу, Митаву, Полангенъ, Мемель и Кенигсбергъ отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ осматривалъ незадолго до того открывшуюся картинную выставку и городскія достопримѣчательности и направился далѣе въ Дрезденъ, гдѣ въ то время также была художественная выставка. Въ Дрезденѣ Брюлловъ пробылъ два мѣсяца, ежедневно посѣщая музей, а затѣмъ отправился въ Мюнхенъ, гдѣ болѣзнь брата удержала его на четыре мѣсяца. Какъ въ Дрезденѣ, такъ и въ Мюнхенѣ, Брюлловъ продолжалъ учиться, занимаясь въ классахъ мѣстныхъ академій художествъ. Въ Дрезденѣ Брюлловъ, помимо этого, занимался копированіемъ картины Гвидо Рени (голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ). Изъ Мюнхена Брюлловъ поѣхалъ въ Тироль, затѣмъ въ Венецію и Мантую, а 2 мая 1823 г. пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь Брюлловъ попалъ въ общество Ѳ. Бруни, П. Басина (уже три года работавшихъ въ Римѣ) и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ

русскихъ художниковъ. Посвятивъ нѣкоторое время ознакомленію съ достопримѣчательностями вѣчнаго города, Брюлловъ нанялъ себѣ студію и усердно взялся за работу. Онъ принялся за рисованіе ватиканскихъ фресокъ и статуй, посѣщая въ то же время натурный классъ. Независимо отъ этихъ занятій онъ началъ писать картину подъ названіемъ «Итальянское утро» (молодая итальянка, моющаяся у фонтана). Картина эта вскорѣ была окончена и отправлена Брюлловымъ въ Петербургъ Обществу поощренія художниковъ. Въ Петербургѣ картина произвела большое впечатлѣніе свѣжестью своего письма и оригинальною обработкою сюжета такого рода и, какъ выдающееся художественное произведеніе, была поднесена Обществомъ Государю Императору. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Брюллову брилліантовый перстень и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ художнику написать что-нибудь подъ пару къ присланному произведенію. Исполняя это порученіе, Брюлловъ написалъ «Итальянскій полдень» — (полная итальянка, срывающая кисти винограда подъ солнечнымъ свѣтомъ). Отвѣчая Брюллову на присылку «Итальянскаго полудня» похвалами по поводу этой картины, Общество поощренія художниковъ, въ видѣ упрека, замѣчало ему, что онъ выбралъ «модель болѣе пріятныхъ, нежели изящныхъ соразмѣрностей». Весьма характеренъ отвѣтъ Брюллова на этотъ упрекъ: «Находя, что правильныя формы всѣ между собою сходствуютъ», писалъ онъ Обществу изъ Рима 27 сентября 1828 г.: «какъ то особенно замѣтно въ статуяхъ, гдѣ сія чистота формъ необходима, и что въ картинѣ посредствомъ красокъ, освѣщенія и перспективы художникъ приближается болѣе къ натурѣ и имѣетъ нѣкоторое право иногда отступить отъ условной красоты формъ, я рѣшился искать того предположеннаго разнообразія въ тѣхъ формахъ простой натуры, которыя намъ чаще встрѣчаются и нерѣдко даже болѣе нравятся, нежели строгая красота статуй»... Къ этому періоду жизни Брюллова относится еще огромное число картинъ на самые разнообразные сюжеты: картины изъ жизни античнаго міра, изъ библейской и русской исторіи, миѳологическія и аллегорическія картины, сцены изъ народной жизни, картины изъ произведеній классическихъ итальянскихъ поэтовъ и даже пейзажи. Въ 1823 г. кромѣ «Итальянскаго утра», Брюлловъ исполнилъ этюдъ съ натуры «Филоктетъ», началъ картину «Юдиѳь, молящаяся Богу передъ убійствомъ Олоферна» (вскорѣ онъ оставилъ этотъ сюжетъ) и нарисовалъ картонъ для картины: «Олегъ прибиваетъ щитъ къ вратамъ Константинополя». Къ 1824 г. относятся эскизы Брюллова: «Братья приносятъ Іакову одежду Іосифа», «Надежда питаетъ любовь», «Вакханалія», «Христосъ благословляетъ дѣтей»; въ этомъ же году Брюлловъ, по заказу А. Н. Львова, началъ писать двѣ парныя картины: «Эрминія у пастуховъ» (на сюжетъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима» Торквато Тассо) и «Нума Помпилій бесѣдуетъ съ нимфой Эгеріей», а также исполнилъ портреты русскаго посланника въ Римѣ, князя Г. Г. Гагарина, А. Н. Львова, графа Бутурлина, скульптора Вагнера, архитекторовъ Кленце и Мейера. Въ 1825 г. Брюлловъ написалъ портреты графини Потоцкой и принца Мекленбургскаго, а также около четырнадцати жанровыхъ картинъ, исполненныхъ по заказамъ графини Нессельроде, Самарина, князя Голицына и Нарышкина. Въ 1826 г. Брюлловъ сдѣлалъ для П. А. Кикина эскизъ «Постриженіе монахини» (какъ видно изъ одного изъ писемъ Брюллова, онъ наблюдалъ эту сцену въ дѣйствительности), въ 1827 г. онъ исполнилъ рисунки для картины «Гиласъ, увлекаемый въ воду нимфами». Всѣ перечисленныя произведенія Брюллова выполнялись имъ одновременно съ крупной работой, порученной ему русскимъ правительствомъ,—копіей съ фрески Рафаэля «Аѳинская школа». Эта копія, выполнявшаяся при неблагопріятной внѣшней обстановкѣ (въ полутемной залѣ), оконченная въ концѣ 1827 г. и находящаяся въ настоящее время въ картинной галлереѣ академіи художествъ, привела въ восхищеніе весь художественный Римъ и заслуженно признается одной изъ замѣчательнѣйшихъ копій съ Рафаэля. Въ 1828 г. Брюлловъ исполнилъ, среди другихъ работъ, образа для царскихъ вратъ въ церкви русскаго посольства въ Римѣ, а въ 1829 г.—нѣсколько разъ повторенный портретъ великой княгини Елены Павловны. Около этого же времени Брюлловъ исполнилъ копію съ фрески Рафаэля «Положеніе во гробъ». Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ работъ, Брюлловъ за этотъ же періодъ сдѣлалъ огромное количество

альбомныхъ карандашныхъ и акварельныхъ рисунковъ, пейзажныхъ набросковъ, блестящихъ каррикатуръ, а также выполнилъ нѣсколько скульптурныхъ работъ, занимаясь въ мастерской знаменитаго Торвальдсена (скульптурою Брюлловъ занимался еще въ бытность свою въ академіи художествъ, и ему принадлежатъ, между прочимъ, выполненныя во время обученія въ академіи лѣпныя фигуры изъ краснаго воска двѣнадцати апостоловъ на одной изъ моделей Исаакіевскаго собора). Среди работъ этого періода весьма значительное количество относится къ такимъ, которыя были исполнены по частнымъ заказамъ; это объясняется тѣмъ, что художнику не хватало получаемыхъ средствъ на веселую жизнь, которой онъ предавался съ увлеченіемъ. До сихъ поръ извѣстность Брюллова основывалась на сравнительно небольшихъ произведеніяхъ и ограничивалась, главнымъ образомъ, кругомъ художниковъ и любителей искусства. Сознаніе своихъ силъ и жажда славы побудили Брюллова опровергнуть мнѣніе, открыто высказанное художественною знаменитостью и авторитетомъ того времени, кавалеромъ Каммуччини, что Брюлловъ способенъ лишь на небольшія вещи. Брюлловъ задумалъ написать большую картину. Онъ долго искалъ сюжета, достойнаго его таланта и того громаднаго труда, котораго должна была потребовать картина, и, наконецъ, остановился на мысли изобразить сцену народной паники и бѣгства жителей во время гибели Помпеи. Поѣздка съ извѣстнымъ богачемъ-меценатомъ А. Н. Демидовымъ въ Резину для осмотра полураскопанныхъ остатковъ Помпеи и произведенное ими на художника сильное впечатлѣніе, безъ сомнѣнія, имѣли значительное вліяніе на выборъ этого именно сюжета. Появившаяся въ 1829 г. опера Пуччини: «L'ultimo giorno di Pompeija» и общее приподнятое настроеніе, вызванное этой оперой, еще усилили увлеченіе Брюллова избраннымъ сюжетомъ. Демидовъ заранѣе купилъ картину, названную Брюлловымъ «Послѣднимъ днемъ Помпеи», обязавши художника контрактомъ окончить ее къ концу 1830 г. Брюлловъ горячо принялся за работу и скоро изготовилъ первоначальный эскизъ для картины (отъ котораго впослѣдствіи значительно отступилъ), но другія занятія отвлекли его отъ «Помпеи», и къ окончанію срока контракта картина едва была начата. Демидовъ, недовольный неисправностью Брюллова, хотѣлъ уже уничтожить контрактъ, но положился на обѣщаніе художника окончить картину въ недалекомъ будущемъ и возобновилъ контрактъ на условіяхъ, которыя предложилъ назначить самому Брюллову. Работа, дѣйствительно, пошла сравнительно быстро, и черезъ два года картина «Послѣдній день Помпеи», находящаяся въ настоящее время въ музеѣ Императора Александра III, была окончена; изъ этого времени большая часть ушла на различныя подготовительныя работы, самая же картина заняла всего одиннадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ Брюлловымъ въ лихорадочной работѣ. Несмотря на обширность работы надъ «Помпеею», Брюлловъ въ періодъ ея выполненія занимался и другими работами, изъ которыхъ выдаются: картина-портретъ, изображающая дѣтей князя Витгенштейна съ нянею итальянкою, недоконченный портретъ А. Демидова въ боярскомъ костюмѣ и недоконченная картина «Вирсавія». Въ «Помпеѣ» всѣ сцены были сочинены Брюлловымъ по письмамъ Плинія Младшаго; мѣстомъ дѣйствія избранъ Borgo Augusto Felice, улица котораго была открыта въ 1812—1814 гг.; всѣ главнѣйшія зданія были возстановлены Брюлловымъ на картинѣ по остаткамъ древности, а предметы домашняго хозяйства и женскія драгоцѣнныя украшенія были скопированы имъ съ предметовъ, находящихся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Задолго еще до окончанія «Помпеи» въ Римѣ стали распространяться слухи о великомъ произведеніи молодого русскаго художника. Когда же, по окончаніи картины, Брюлловъ открылъ публикѣ доступъ въ свою мастерскую, общій энтузіазмъ и восторженное удивленіе встрѣтили его произведеніе, поразившее всѣхъ своей блестящей техникой, необычнымъ колоритомъ, грандіознымъ и живымъ сюжетомъ. Такого тріумфа, какой выпалъ на долю Брюллова, не удостаивался еще ни одинъ художникъ съ эпохи возрожденія. Его слава разнеслась во всѣ концы Италіи, онъ сталъ самымъ популярнымъ въ странѣ человѣкомъ. Отзывы итальянской прессы не только сравнивали Брюллова съ Микель-Анжело и Рафаэлемъ, но даже ставили его выше всѣхъ предшествующихъ художниковъ. На улицахъ встрѣчные снимали предъ нимъ шляпу, а иногда устраивали въ честь его торже-

ственныя процессіи съ цвѣтами и огнями; при входѣ его въ театръ прерывали представленіе и устраивали овацію общему кумиру; въ честь его давались блестящія празднества, въ которыхъ принимали участіе представители высшаго свѣта, ученые, писатели, художники. Каммуччини, обнимая Брюллова, величалъ его колоссомъ; Вальтеръ-Скоттъ, пріѣзжавшій въ Римъ и посѣтившій мастерскую художника, называлъ его произведеніе «не картиной, а цѣлой эпопеей». Гоголь называлъ его «свѣтлымъ воскресеніемъ живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полулетаргическомъ состояніи». Въ томъ-же 1833 г. Брюлловъ повезъ «Помпею» на выставку въ Миланъ, гдѣ картину также встрѣтилъ всеобщій восторгъ, а ея автора—безконечныя оваціи. Флорентійская академія художествъ избрала Брюллова около этого времени своимъ «профессоромъ 1-й степени». Необычайный успѣхъ «Помпеи» у итальянцевъ объясняется отчасти тѣмъ, что итальянское искусство уже давно не производило ничего крупнаго, и сухой ложноклассицизмъ уже мало удовлетворялъ современному художественному вкусу, отчасти же тѣмъ, что сюжетъ картины Брюллова былъ для итальянцевъ глубоко-національнымъ. Изъ Милана Брюлловъ отправился въ Парижъ, куда, по настоянію А. Демидова, отправилъ свою «Помпею» на выставку 1834 г. Въ Парижѣ Брюллова ожидало разочарованіе. Выставленная въ Луврѣ его картина получила, по присужденію жюри, большую золотую медаль, но была встрѣчена французскою печатью крайне недружелюбно; ея отзывы находили картину Брюллова лишенною всякой художественной цѣнности, а ея успѣхъ—построеннымъ исключительно на внѣшнихъ эффектахъ. Такое отношеніе французовъ къ произведенію Брюллова объяснялось, съ одной стороны, тогдашними вліяніями во французскомъ искусствѣ (большая часть художественнаго Парижа находилась въ то время подъ обаяніемъ Делароша), а съ другой—политическими причинами: тогда только что потухло польское возстаніе, склонившее симпатіи французовъ на сторону поляковъ; къ тому же, по замѣчанію одного парижскаго журнала, «le beau tableau de m-r Brulloff a eu le grand tort d'être venu à Paris après les cosaques». Въ томъ же 1834 г. огорченный и раздосадованный Брюлловъ возвратился въ Миланъ, незадолго до открытія тамъ картинной выставки. Послѣ торжественной встрѣчи всѣ осадили Брюллова вопросами о томъ, что онъ дастъ на предстоящую выставку, и эти вопросы подстрекнули самолюбіе художника, у котораго не было ничего готоваго. Онъ заперся въ одной изъ пустыхъ залъ Брерскаго дворца и, работая почти безъ отдыха, поразительно быстро (въ семнадцать дней) написалъ сравнительно большую картину, изображающую смерть невѣстки португальскаго короля Альфонса IV, заколотой, по его приказанію, за тайный бракъ съ инфантомъ Филиппомъ. Картина «Инеса ди-Кастро» была написана Брюлловымъ согласно исторіи и поэмѣ Камоэнса, у котораго есть прекрасный разсказъ объ этомъ событіи; утвердившееся мнѣніе, что эта картина написана на сюжетъ модной въ свое время оперы Персіани «Инеса ди-Кастро» не можетъ считаться вѣрнымъ, такъ какъ опера эта появилась впервые въ Неаполѣ въ 1835 г., т. е. черезъ годъ послѣ окончанія картины «Инеса ди-Кастро». Эта картина, отличающаяся прекраснымъ рисункомъ и колоритомъ, но страдающая нѣкоторою театральностью, съ успѣхомъ была выставлена въ Миланѣ (въ настоящее время находится въ музеѣ Императора Александра III). Изъ Милана Брюлловъ направился въ Болонью, гдѣ началъ было копировать «Св. Цецилію» Рафаэля, а оттуда снова возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ принялся за большую картину «Нашествіе Гензериха на Римъ», но ограничился однимъ эскизомъ и въ началѣ 1835 г. покинулъ Римъ, воспользовавшись приглашеніемъ В. Давыдова принять участіе въ экспедиціи въ Грецію и Малую Азію; въ числѣ участниковъ этой экспедиціи было нѣсколько художниковъ и литераторовъ, такъ какъ Давыдовъ имѣлъ въ виду издать ученое и живописное описаніе своего путешествія. Посѣщая по дорогѣ многіе прибрежные пункты Греціи, Брюлловъ зарисовывалъ виды мѣстностей и народные типы, изъ которыхъ многіе внесены въ вышедшій при путевыхъ запискахъ Давыдова альбомъ. Въ Аѳинахъ Брюлловъ заболѣлъ желтой лихорадкой, отъ которой едва не умеръ, и принужденъ былъ разстаться со своими спутниками. Оправившись отъ болѣзни, онъ воспользовался приглашеніемъ князя Г. Г. Гагарина и отправился съ нимъ на бригѣ Ѳемистоклъ

до Константинополя, посѣтивъ по дорогѣ Малую Азію и мнгіе острова Архипелага. Во время этого путешествія Брюлловъ сдѣлалъ немало путевыхъ альбомныхъ рисунковъ, а также прекрасную акварель, изображающую самого художника, князя Гагарина и всѣхъ офицеровъ брига. Оба путешествія дали Брюллову богатый матеріалъ для сценъ и типовъ Греціи и Востока, которыхъ было очень много среди послѣдующихъ его работъ. Пріѣхавъ въ Константинополь, Брюлловъ принялся за изученіе этого города, въ которомъ было такъ много пищи для его художественной любознательности; онъ цѣлые дни проводилъ на улицахъ и базарахъ и пополнялъ свои альбомы новыми рисунками изъ восточнаго быта. Читая, въ видѣ отдыха, среди другихъ книгъ, «Исторію» Карамзина, Брюлловъ задумалъ написать огромную историческую картину «Осада Пскова», которая, какъ онъ надѣялся, превзойдетъ собою «Помпею»; онъ съ увлеченіемъ принялся за эту картину и выполнилъ ея эскизъ; онъ не подозрѣвалъ, что эта картина будетъ мучить его до конца жизни и никогда не будетъ окончена.

Вскорѣ послѣ окончанія Брюлловымъ «Помпеи» въ русскихъ журналахъ стали появляться хвалебные отзывы о ней, переведенные изъ иностранныхъ изданій; къ этому присоединились восторженные отзывы русскихъ туристовъ, имѣвшихъ случай видѣть картину въ Италіи. Слава картины и ея автора, задолго до пріѣзда его въ Россію, распространилась не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провинціи. Тотчасъ по закрытіи Парижской выставки, «Помпея» была отправлена въ Россію и въ концѣ лѣта 1835 г. прибыла въ Петербургъ, гдѣ Демидовъ поднесъ ее Государю Императору («Я очень часто сожалѣлъ, мой дорогой Брюлловъ», писалъ Демидовъ черезъ много лѣтъ послѣ того Брюллову, «что патріотизмъ мой внушилъ мнѣ мысль разстаться съ этимъ прекраснымъ произведеніемъ искусства, котораго не достаетъ для украшенія San Donato»). По желанію Государя, «Помпея» была выставлена сначала въ одной изъ залъ Зимняго дворца, а затѣмъ — въ академіи художествъ, которой Государь пожаловалъ эту картину. Цѣлыя толпы посѣтителей приходили любоваться произведеніями Брюллова, нѣкоторые спеціально ради этого пріѣзжали изъ провинціи. Въ академіи художествъ члены совѣта «имѣли разсужденіе, что картина художника Карла Брюллова, бывшаго воспитанника академіи и пенсіонера Общества поощренія художниковъ, «Послѣдній день Помпеи», пріобрѣвшая ему славу въ Италіи и увѣнчанная академіею художествъ въ Парижѣ, имѣетъ неоспоримо величайшія достоинства, ставящія ее въ число необыкновенныхъ въ нынѣшнее время художественныхъ твореній въ Европѣ, и потому совѣтъ Императорской академіи художествъ признаетъ справедливымъ и находитъ себя обязаннымъ явить К. Брюллову особенный знакъ своего уваженія къ высокимъ его дарованіямъ и искусству»; это «изъявленіе уваженія» выразилось въ избраніи Брюллова въ почетные вольные общники академіи и въ ходатайствѣ академіи (неудовлетвореннымъ) возвести Брюллова въ званіе профессора безъ исполненія программы и другихъ, установленныхъ правилами, обязательствъ. Императоръ Николай I, слѣдившій за успѣхами русскаго искусства и всегда оказывавшій ему покровительство, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ вызовѣ Брюллова въ Петербургъ для занятія профессорской должности въ академіи художествъ. Это приглашеніе застало Брюллова въ Константинополѣ. Онъ тотчасъ собрался въ путь и черезъ Одессу поѣхалъ сначала въ Москву. Въ Одессѣ жители привѣтствовали Брюллова устроеннымъ въ честь его обѣдомъ; «Одесса поздравляетъ себя», говорилъ на этомъ обѣдѣ графъ Воронцовъ: «что она первая изъ россійскихъ городовъ встрѣчаетъ Брюллова». 25 декабря 1835 г. Брюлловъ пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь его встрѣтили съ большимъ почетомъ и устроили въ честь его обѣдъ въ залахъ незадолго до того учрежденнаго художественнаго класса. На этомъ обѣдѣ, между прочимъ, извѣстный въ то время пѣвецъ Лавровъ пропѣлъ куплеты въ честь Брюллова, въ которыхъ были ставшіе впослѣдствіи очень популярными стихи: «И сталъ послѣдній день Помпеи для русской кисти первымъ днемъ». Брюлловъ предполагалъ оставаться въ Москвѣ недолго, но такъ полюбилъ городъ и окружавшее его тамъ общество, что остался на полгода. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда онъ принялся за работу. Онъ написалъ портреты А. А. Перовскаго, у котораго жилъ въ Москвѣ, графа Толстого въ охотничьемъ костюмѣ съ собакой, художника

И. Дурново, неоконченный портретъ г-жи Маковской, а также эскизъ для давно задуманнаго «Нашествія Гензериха на Римъ» и два эскиза для картины «Взятіе Богородицы на небо» (одинъ, карандашемъ для графа Толстого и другой, красками, для А. Перовскаго). Помимо этого, въ періодъ своего пребыванія въ Москвѣ Брюлловъ написалъ картину «Гадающая Свѣтлана» (для А. Перовскаго) и исполнилъ много акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ, напр. портреты доктора Шереметевскаго, г-жи Маковской, архитектора Таманскаго, членовъ семейства И. Дурново, рисунки: «Рыцарь, прощающійся со своею возлюбленною» (для Маковскаго), «Итальянка съ матерью, качающая дитя» (для Самарина), «Пилигримъ» (для того же лица) и т. д. Здѣсь же Брюлловъ, по просьбѣ московскаго градоначальника князя Голицына, архитектора Быковскаго и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ въ Москвѣ лицъ, задумалъ большую картину изъ жизни Москвы 1812 г. «Я такъ полюбилъ Москву», говорилъ Брюлловъ, «что напишу ее при восхожденіи солнца и изображу возвращеніе ея жителей на разоренное врагами пепелище»... Брюлловъ сталъ было уже собирать для этой картины матеріалы, но потомъ оставилъ ее. Въ концѣ мая 1836 г. Брюлловъ вернулся въ Петербургъ. Предполагалось устроить торжество по случаю возвращенія его на родину, но оно было отложено вслѣдствіе поѣздки Брюллова въ Псковъ. Эта поѣздка, предпринятая Брюлловымъ, по Высочайшей волѣ, вмѣстѣ съ художникомъ-археологомъ Ѳ. Солнцевымъ для изученія псковскихъ древностей, находилась въ связи съ картиной «Осада Пскова», которую онъ взялся написать въ качествѣ профессорской программы, взамѣнъ предложеннаго ему сюжета изъ жизни Іоанна Грознаго. Спустя непродолжительное время, Брюлловъ вернулся въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого возвращенія академія художествъ устроила торжественное празднество въ честь Брюллова, «какому не было еще примѣра въ лѣтописяхъ с.-петербургской Императорской академіи художествъ». Во время этого празднества, на которомъ, кромѣ художниковъ и членовъ академіи, присутствовали Жуковскій, Крыловъ и многіе другіе писатели, произносились рѣчи и тосты, пѣлись «стансы» въ честь Брюллова съ специально написанной для нихъ музыкой, на Брюллова возлагали вѣнокъ изъ лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей. День торжества, по иниціативѣ нѣкоторыхъ товарищей Брюллова и съ Высочайшаго одобренія, былъ ознаменованъ подпискою на составленіе капитала «для поддержанія вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ неимущихъ художниковъ, воспитывавшихся въ академіи художествъ». Скоро для Брюллова была приготовлена обширная мастерская въ академіи, гдѣ онъ и началъ работать. Главнѣйшими изъ первыхъ работъ Брюллова въ Петербургѣ были: запрестольный образъ для Казанскаго собора «Взятіе Богородицы на небо» и «Распятіе» для лютеранской соборной церкви свв. Петра и Павла въ Петербургѣ. Послѣдняя картина замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что голова и почти весь торсъ Спасителя были написаны художникомъ въ одинъ день; работа была настолько напряженной, что Брюлловъ по окончаніи ея упалъ въ изнеможеніи безъ чувствъ; профессоръ Егоровъ, пришедшій посмотрѣть работу Брюллова, растроганный воскликнулъ: «Ты кистью хвалишь Бога, Карлъ Павловичъ!» Въ тоже время написаны портреты: г-жи Семеновой, доктора Орлова, г-жи Бутягиной (всѣ три не окончены), Н. В. Кукольника, княгини Салтыковой и Шепелева. Иногда, подъ вліяніемъ порыва, Брюлловъ брался за «Осаду Пскова», то увлекаясь этимъ сюжетомъ, то снова охладѣвая къ нему; случалось, что Брюлловъ двѣ недѣли подъ рядъ вставалъ съ восходомъ солнца, чтобы работать надъ «Осадой Пскова», иногда же забрасывалъ ее на много мѣсяцевъ. Не разъ Брюлловъ значительно подвигался впередъ, но потомъ снова передѣлывалъ картину; въ 1841 г. картина была почти окончена и вызывала похвалы всѣхъ видѣвшихъ ее, но недовольный ею художникъ снова уничтожилъ значительную часть работы, и картина такъ и осталась неоконченной. Въ періодъ времени между 1837 и 1839 гг. Брюлловъ написалъ рядъ портретовъ: Императрицы Александры Ѳеодоровны, великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ, графа Мусина-Пушкина, В. И. Жуковскаго, И. А. Монигетти, г-жи Демидовой; къ тому же времени относятся: картина «Турчанка», рисунки: «Турецкое кладбище», «Прогулка султанскихъ женъ въ лодкѣ», «Одалиска» и др. Около этого же времени Брюлловъ,

за отсутствіемъ Ѳ. А. Бруни, произвелъ исправленіе одного изъ образовъ, написанныхъ Бруни на парусахъ церкви Зимняго дворца. Изъ послѣдующихъ работъ Брюллова заслуживаютъ особеннаго вниманія: написанный въ 1840 г. запрестольный образъ св. Троицы для Сергіевской пустыни близъ Петербурга, портреты того же года—графини Самойловой (съ маской въ рукѣ) и дѣвицъ Шишмаревыхъ; два мѣстныхъ образа «Вседержителя» и «Богоматери» и четыре изображенія евангелистовъ для церкви на Аптекарскомъ островѣ (1845 г.), транспарантъ «Спаситель въ гробѣ» для домовой церкви графа Адлерберга (1846 г.), портреты г-жи Чернышевой и г-жи Олсуфьевой (оба 1841 г.), князя Оболенскаго (1840—1846 г.), г-на и г-жи Бекъ (1840 г.), Н. В. Кукольника А. П. Брюллова (1841 г.), великихъ княженъ Елизаветы, Маріи и Екатерины Михайловенъ (1846 г.), пѣвицы Петровой, С. Лихонина, живописца Яненко, академика Будкина, графа Віельгорскаго, доктора Здекауера (1847 г.), картина «Принятіе Нептуна въ сонмъ планетъ» (1846 г.), а также множество альбомныхъ акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ. Слава и популярность Брюллова продолжали оставаться въ полномъ блескѣ. Въ академіи художествъ его авторитетъ стоялъ настолько высоко, что цѣнилось каждое его слово. Особы Императорскаго дома посѣщали его мастерскую; извѣстнѣйшіе ученые, писатели, художники, музыканты, представители высшаго свѣта искали его знакомства. Пушкинъ вымаливалъ у Брюллова одинъ небольшій рисунокъ, Кольцовъ подносилъ и посвящалъ ему свои стихотворенія, Жуковскій цѣлые дни просиживалъ въ мастерской художника надъ его «боговдохновенными» произведеніями. Отовсюду онъ встрѣчалъ только похвалы, часто безграничныя. Это, конечно, льстило самолюбію художника, однако онъ понималъ, что все поклоненіе относится скорѣе къ прошлому, чѣмъ къ настоящему, и что талантъ обязываетъ его создать что-нибудь болѣе крупное, чѣмъ всѣ его работы со времени пріѣзда въ Россію. Между тѣмъ занятія, связанныя съ профессурой въ академіи художествъ, и масса частныхъ заказовъ, которыми онъ всегда былъ заваленъ, отвлекали его отъ серьезной работы и не давали возможности итти дальше небольшихъ вещей. Различныя шумныя удовольствія, въ которыя его вовлекали услужливые друзья, и которыми онъ, по его выраженію, «взбалтывалъ» себя, а также раздраженіе подъ вліяніемъ неудачъ съ «Осадой Пскова» убивали въ немъ энергію, а петербургскій климатъ вредно отражался и на его здоровьѣ, и на настроеніи; ко всему этому присоединилась неудачная женитьба и связанныя съ нею разочарованія. Брюлловъ рвался изъ Россіи; «я не могу здѣсь работать, мнѣ нужно въ Италію», говорилъ онъ, но принятыя имъ на себя работы и обязанности не давали ему возможности осуществить это горячее желаніе. Въ 1846 г. Брюлловъ увлекся классической темой—миѳомъ о смерти Лаокоона—и уже началъ довольно значительную картину на этотъ сюжетъ, но картина осталась лишь въ подмалевкѣ, такъ какъ ее прервали порученныя Брюллову работы въ Исаакіевскомъ соборѣ, постройка котораго приближалась уже къ концу. Лучшимъ русскимъ художникамъ было поручено его расписываніе, и Брюллову, какъ наиболѣе значительному изъ нихъ,—самыя крупныя и видныя части: плафонъ (около 1600 квадратныхъ аршинъ), на которомъ нужно было изобразить Богоматерь въ облакахъ, съ предстоящими ей Іоанномъ Крестителемъ, Іоанномъ Богословомъ и святыми, соименными членамъ Императорскаго дома, барабанъ (фигуры двѣнадцати апостоловъ) и паруса подъ куполомъ (изображенія четырехъ евангелистовъ, а подъ ними — четырехъ моментовъ изъ страстей Христовыхъ). Брюлловъ горячо принялся за эту работу. Онъ скоро изготовилъ всѣ картоны для купола собора, а въ 1847 г. приступилъ и къ самой живописи. Согласно разсказамъ очевидцевъ, Брюлловъ часто являлся въ соборъ раньше своихъ помощниковъ и съ увлеченіемъ принимался за работу. Говорятъ, что однажды, стоя на высокихъ лѣсахъ въ соборѣ, онъ воскликнулъ: «мнѣ тѣсно здѣсь! я расписалъ бы теперь цѣлое небо!», а когда его спросили, гдѣ бы онъ набралъ для этого сюжетовъ, онъ отвѣтилъ: «я изобразилъ бы всѣ религіи народовъ, а надъ всѣми ими—торжествующее христіанство». Въ 1847 г. у Брюллова появились первые признаки остраго аневризма — болѣзни, которая свела его впослѣдствіи въ могилу. Серьезно заболѣвъ и пролежавъ въ постели болѣе полугода, онъ, не обращая вниманія на предостереженія врачей, тотчасъ при-

нялся продолжать свои работы въ Исаакіевскомъ соборѣ. Различныя волненія, связанныя съ этой работой, а также необходимость по нѣсколько разъ въ день подниматься и опускаться по лѣстницамъ съ высоты болѣе сорока саженъ, окончательно надломили его и безъ того уже расшатанное здоровье и принудили въ 1848 г. совершенно отказаться отъ работъ въ соборѣ (эти работы были поручены П. Басину, который и довелъ ихъ до конца по рисункамъ и картонамъ Брюллова). Подъ вліяніемъ леченія, здоровье Брюллова на нѣкоторое время поправилось, но затѣмъ опять стало хуже, и врачи посовѣтовали Брюллову бѣжать отъ петербургскаго климата. 1 апрѣля 1849 г., Брюлловъ, въ сопровожденіи двухъ своихъ учениковъ—Лукашевича и Желѣзнова, покинулъ Петербургъ. До своего отъѣзда Брюлловъ успѣлъ закончить и выполнить заново нѣсколько произведеній: картину «Мать Самуила, молящаяся о дарованіи ей сына» (для г. Бенардаки), образъ «Ангелъ молитвы» (для Императрицы Александры Ѳеодоровны), картину на тему изъ новеллъ Касти «Эндиміонъ и Діана» (куплена была герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ), картину «Монахини французскаго монастыря св. Сердца въ Римѣ, поющія у органа» (пріобрѣтена графомъ А. Шуваловымъ), портреты Ѳ. И. Прянишникова, дочери графа Шувалова (графини Бобринской) и извѣстный собственный портретъ (художникъ изображенъ больнымъ, полулежащимъ въ креслѣ). Проѣхавъ черезъ Германію и остановившись на нѣкоторое время въ Брюсселѣ и Лондонѣ, гдѣ былъ радушно принятъ тамошними художниками, Брюлловъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ (также ѣхавшимъ поправлять свое здоровье), поѣхалъ на островъ Мадеру, гдѣ и пробылъ до конца 1850 г. Здѣсь Брюлловъ, подъ вліяніемъ прекраснаго климата, значительно оправился и исполнилъ нѣсколько прекрасныхъ работъ: портреты герцога Лейхтенбергскаго и княгини Багратіонъ, рисунки: «Прогулка на островѣ Мадерѣ», «Кардиналъ Ришелье, танцующій передъ Анной Австрійской», «Поле битвы сарацинъ съ христіанами» и другіе акварельные и карандашные рисунки. Въ 1850 г. Брюлловъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ прошли лучшіе годы его молодости, и куда онъ такъ давно и такъ настойчиво стремился. Здѣсь онъ поселился у нѣкоего Анжело Виттони, который скоро сдѣлался преданнымъ другомъ Брюллова и ухаживалъ за нимъ до самой смерти. Замѣтно угасая, Брюлловъ тѣмъ не менѣе все еще продолжалъ работать. Такъ, въ Римѣ онъ выполнилъ портреты А. Титтони, его молодой дочери Джульетты въ видѣ Жанны д'Аркъ, археолога Ланчи, эскизъ картины «Затмѣніе солнца» (въ видѣ поцѣлуя Аполлона и Діаны), эскизъ другой большой картины «Разрушающее время», а также поэтическій рисунокъ, который онъ называлъ своею «панихидой»,—«Діана на крыльяхъ Ночи». Скоро припадки болѣзни возобновились съ страшной силой и не оставляли уже никакого сомнѣнія въ томъ, что художникъ на краю могилы. Надѣясь отсрочить роковую развязку, врачи отправили Брюллова въ расположенное неподалеку отъ Рима мѣстечко Марчьяно, для пользованія Стильянскими водами. Тамъ Брюлловъ и скончался. Тѣло его было съ почетомъ перевезено въ Римъ и 26 іюня, въ присутствіи членовъ русской миссіи при папскомъ дворѣ и многихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, похоронено, по лютеранскому обряду, на кладбищѣ Монте-Тестаччо. Спустя нѣсколько лѣтъ, на могилѣ Брюллова былъ поставленъ памятникъ въ формѣ саркофага, исполненый по проекту брата художника, А. П. Брюллова—профессоромъ М. Шуруповымъ. На верхней плитѣ памятника выбита надпись: «Carolus Brulloff pictor, qui Petropoli in imperio Russiarum natus anno MDCCXCIX decessit anno MDCCCLII». Въ декабрѣ 1899 г. праздновалось столѣтіе со дня рожденія Брюллова. По этому случаю были устроены въ Петербургѣ и Москвѣ выставки произведеній художника, устраивались торжественныя собранія художественныхъ обществъ, почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ были помѣщены посвященныя Брюллову статьи и замѣтки, было издано нѣсколько отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, посвященныхъ его памяти.—Вліяніе современныхъ Брюллову теченій въ области искусства сообщило его композиціямъ элементъ театральности, который, однако, не помѣшалъ Брюллову занять видное мѣсто въ развитіи русской живописи. Характерными особенностями его таланта являются, прежде всего, смѣлый, точный и безукоризненный рисунокъ и превосходный колоритъ. Рисунку въ живописи Брюлловъ придавалъ огромное

значеніе и говорилъ, что «рисовать надобно умѣть прежде, нежели быть художникомъ, потому что рисунокъ составляетъ основу искусства; механизмъ слѣдуетъ развивать отъ раннихъ лѣтъ, чтобы художникъ, начавъ размышлять и чувствовать, передавалъ свои мысли вѣрно и безъ всякаго затрудненія». Въ своихъ картинахъ онъ далъ образцы своеобразныхъ освѣщеній, смѣлыхъ, но правдивыхъ сочетаній тоновъ, дотолѣ невиданныхъ въ русской живописи. Помимо этихъ техническихъ достоинствъ, въ его картинахъ чувствовалась и жизненная правда. Изъ учениковъ Брюллова получили извѣстность: жанристъ Ѳедотовъ, Петровскій, Моллеръ, Капковъ и Т. Шевченко. Изъ портретовъ Брюллова, кромѣ написанныхъ имъ самимъ, лучшіе принадлежитъ В. Тропинину (написанъ въ Москвѣ въ 1836 г.), академику Будкину (исполненъ въ 1845 г.) и Дурнову (въ Москвѣ въ 1836 г.). Бюстъ Брюллова вылѣпленъ скульпторомъ Витали, во время пребыванія Брюллова въ Москвѣ въ 1836 г.

А. Сомовъ, К. П. Б., Спб., 1899 (переп. изъ «Пчелы», 1876 г.).—«Архивъ Брюлловыхъ», ред. И. А. Кубасова, Спб, 1900.—П. Ге, К. П. Б. («Жизнь», 1899, № 12).—П. Конради, К. Б, Кіевъ, 1899.—Письма К. П. Б, съ пред. М. Желѣзнова, 1867.—П. Петровъ, Сборникъ мат ист. И. Акад. Худ.—Его-же, «К. П. Б.» («Сѣв. Сіяніе», 1862, 1864, 1865 гг.).—Степановъ, Біогр. К. П. Б., Спб., 1858.—Н. С., «К. П. Б.» («Свѣтопись», 1858, №№ 1 и 2).—«К. П. Б.» («Школа рисованія», 1861, № 1).—Н. С-о-въ, «К. П. Б.» («Иллюстрація, 1859, №№ 77 и 78).—Русскіе люди, Спб., 1866 г., т. II, стр. 67—92. А. Бенуа, «К. П. Б.» (Міръ Искусства», 1900, № 1 и 2).—Его-же, Ист. русск. живописи въ XIX в., Спб., 1901.—П. Ге, «К. П. Б.» («Журналъ для всѣхъ», 1899, № 12).—А. П. Новицкій, Ист. рус. искусства, вып. VII-й, М., 1900.—Н. Надеждинъ, «К. П. Б.» («Новый Міръ», 1899, № 23).—К. П. Б. (прилож. къ «Иллюстраціи», 1899, № 5).—Н Ѳ. Мертцъ, «К. П. Б.» («Сѣверъ», 1899, № 51).—«Русскіе дѣятели въ портретахъ», изд. «Рус. Старины».—«Рус. бывшіе дѣятели», изд. Баумана.—П. К.: «К. Б.» («Живоп. Обозр.», 1899, № 50).—Э. Доббертъ, К. В. («Nord. Presse», 1871, №№, 29, 32, 34 и 37); перев. въ «Сынѣ Отеч.», 1871, № 9).—Н. Рамазановъ, «Воспом. о Б.» («Москвитянинъ», 1852, т. XVI; срв. «Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. LXXVI, отд. VI).—Его-же, Матеріалы для ист. художества въ Россіи», кн. І-я, М. 1863.—«Воспом. кн. Г. Г. Гагарина о К. Б.», Спб., 1900.—А. Мокрицкій, «Воспом. о Б.» въ «Отеч. Зап.», 1855, т. CIII (см. «Соврем.», 1856, т. LV, отд. V).—М. Ростовская, «Записки о Б.» въ «Ж. М. Н. Пр.», 1852 г., т. XIX (см. ib., ч. LXXVII, отд. VI).—Ф., «Восп. о Б.» («Рус. Худож. Листокъ», 1857, № 11 и 12).—В. Стасовъ, «Значеніе Б. и Иванова въ рус. искусствѣ» въ «Рус. Вѣстн.», 1861, т. XXXV (см. «Спб. Вѣд.», 1861, № 273 ст. «О чемъ-нибудь» и «Русск. Худож. Листокъ», 1862, № 5, К. В. «Худож. замѣтки»).—М. Желѣзновъ, «Значеніе Б. въ искусствѣ», въ «Отеч. Зап.», 1856, т. CVII (см. «Соврем.», т. LVIII, отд. науки).—Г. Д-съ, «Ивановъ и Б. передъ судомъ И. С. Тургенева» («Свѣточъ», 1861, № 9, отд. II).—А. Алтаевъ, К. П. Б., Спб., 1901.—«Сѣв. Пчела», 1835, № 5.—«Спб. Вѣд.», 1900, № 35 (рефератъ кн. П. А. Путятина).—А. Половцевъ, «Реформат. рус. искусства» («Моск. Вѣд.», 1899, №№ 342 и 344).—А. Сомовъ, Карт. галлерея И. Акад. Худ., I, II.—Спб., 1872.—А. Андреевъ, «Живопись глав. европ. школъ», Спб., 1857.—«Величайшій рус. художникъ» («Нов. Вр.», 1899, № 8546).—Зам. М. Желѣзнова («Жив. Обозр.», 1898).—Muhter, Gesch. d. Malerei in XIX Jahrh., 1897.—Галлерея слов., наукъ, худож. и иск. въ Россіи», I, Спб., 1841 (см. «Библ. д. Чт.», 1841, т. XLIV, отд. VI, «Соврем.», 1841, т. XXII, «Отеч. Зап.» т. XIV, отд. VI).—«Галлерея рус. дѣят.», А. Мюнстера, т. II, Спб., 1869.—«Русск. Худож. Лист.», 1852, № 26.—П. Петровъ, «Аллегоріи Б-ва» («Сѣв. Сіяніе», 1862, т. I).—Восп. Микѣшина о Шевченкѣ («Нѣчто изъ артист. міра», Спб., 1895).—Н. Роотъ, «Къ юбилею К. П. Б.» («Отдыхъ», 1900, № 1).—А. Ивановскій, «Ѳ. И. Прянишниковъ и его галлерея», Спб., 1870.—П. Н. Петровъ, Для немногихъ, Спб., 1872.—А. В. Половцевъ, Прогулка по музею Имп. Александра III, М. 1900.—Raczynski, L'art moderne en Allemagne, т. III, 1841, p. 537.—Синчеро, «Нѣсколько словъ о К. П. Б. и Айвазовскомъ» («Репер. и Пант.», 1852, т. VIII). «Соч. Н. Гоголя», изд. Кулиша, Спб., 1857, т. II, стр. 200—207.—А. Сомовъ, Картины И. Эрмитажа, Спб., 1859.—Th. Gautier, Trésors d'art de la Russie, Paris, 1859.—F. Müller, Die Künstler aller Zeiten und Völker.—Waageng, Die Gemäldesammlung der Ermitage. 2 ausg., St.-Pb., 1870, s. 313.—Д. Ровинскій, Словарь рус. гравир. портретовъ.—Путеводитель по карт. галлереѣ Моск. Публ. и Рум. музеевъ, М., 1873.—«М. И. Глинка» («Рус. Стар.», 1874, № 4).—Соч. Сенковскаго, т. VIII, 156.—Дневникъ Н. Кукольника («Баянъ», 1888, №№ 14, 15).—И. И. Панаевъ, Воспом. Спб., 1888, гл. III, стр. 47—48.—«Revue Encyclopédique», t. XXII, p. 732.—Тимофѣевъ, «Русскіе художники въ Римѣ» («Библ. для Чт.», 1835, т. XI, отд. III).—«Телескопъ», 1836, ч. 31, № 3 (Б. въ Москвѣ).—М. Желѣзновъ, «Нѣск. словъ о пут. К. П. на Мадеру» («Мода», 1851).—«Ж. М. Н. Пр.», ч. LXXVI, отд. VI (послѣдніе дни Б.).—«Послѣдніе дни Б. и оставшіяся въ Римѣ его произвед.» («От. Зап.», 1852, т. 84, отд. VIII).—«Спб. Вѣд.», 1852, № 174 (кончина Б.).—Некрологи: I. Леони («L'album» Roma, XIX anno, 24), въ «Репер. и Пант.», 1852, т. VIII (В. Н.). въ «Сѣв. Пч.», 1852, № 177, въ «От. Зап.», 1853, т. 83, № 8, въ «Пантеонѣ», 1852, т. IV, № 8; въ «Соврем.», 1852, т. XXXIV.—А. Авдѣевъ, «Памятникъ К. П. Б.» («Русск. Вѣстн.», 1856, т. III).—В. Толбинъ, «Ученики Б-ва» («Иллюстр.», 1861, №№ 176—182).—«Реп. и Пант.», 1877, т. V, стр. 1—7.—«Рус. Инв.», 1852, №№ 280—282.—«Сѣв. Пч.», 1838, № 179.—«Воскресный досугъ», 1866, № 200.—«Иллюстр. Газ.», 1870, № 23.—«Нов. Вр.», 1901, № 8934.—«Новости», 1877, № 3.—«От. Зап.», 1820, т. III, стр. 281—282; 1821, т. VII, стр. 383—384; 1826, т. XXV, стр. 345—346; 1828, т. XXXIV, стр.

353.—«Сынъ От.», 1820, т. LXIV, стр. 305—356, т. LXV, стр. 169.—«Журн. Изящн. Иск.», В. Григоровича, ч. I, № 6, стр. 506, ч. II, кн. 2, стр. 73, ч. II, кн. 3, стр. 54, 84.- Отчетъ Комитета Общ. Поощр. Худ. за 1824 г. (см. «Библiогр. листы» Кеппена, Спб., 1825, стр. 200-203).— «Сѣв. Цвѣты», 1827, (ст. В. «О состоянiи художествъ въ Россiи», письмо V).—М. Лобановъ, Выставка Акад. Худ. 1833, Спб.—«Библ. для Чт.», 1834, т. I, отд. III, стр. 119—138.—Висконти, Описанiе карт. «Посл. день Помпеи», Спб., 1834.—«Собранiе описанiй карт. «П. д. П.» Спб., 1883 (см. «Библ. для Чт.», 1834, т. II, отд. VI, стр. 7, «Сѣв. Пч.», 1834, № 133).—Статьи о той-же карт.: Ленормана въ «Le temps», 1834, № 1608, въ «Kunstblatt», 1834, № 42, «Revue de Paris», 1834, »L'Artiste», 1834 (русск. перев. въ «Библ. для Чт.», 1834, т. IV, отд. VII), «Moniteur», 1834, (9 mai), «Annales du musée. Salon de 1834», Paris, 1834, p. 53.—«Сынъ От.», 1840, мартъ, кн. 1 (къ очерку «Взятiе Богородицы на небо»).— Au. de Mondferrand, Eglise de St. Isaaque. St.-Pb., 1845, p. 75—76.—«Картины рус. живописи», изд. Н. Кукольника, Спб., 1846, стр. 293.— Д. Мацкевичъ, «О карт. К. Б. «Спаситель во гробѣ» («Ж. М. Н. Пр.», ч. LXIV, отд. VI).— П. Петрова, «Спаситель на крестѣ», образъ К. П. Б.» («Сѣв. Сiянiе», 1864, стр. 593—594).— Его-же, «Нарцисъ», К. П. Б.» (ib., стр. 721—722).—«Инесъ де Кастро» (ib., 1865, стр. 29—30).—«Всем. Илл.», 1870, № 67, 1876, стр. 182, 434.—«Иллюстр. Газ.», 1876, № 344.—«Библ. для Чт.», 1836, т. XIX, отд. VI, стр. 31; 1837, т. XX, отд. IV, стр. 20; т. XXII, отд. VI, стр. 37; 1838, т. XXVII, отд. VI, стр. 21—22; 1839, т. XXXIV, отд. V, стр. 25, 31, 32, 39, т. XXXVII, отд. III, стр. 25—33, 49—51; 1840, отд. VI, стр. 1; 1841, т. LXV, отд. V, стр. 9, т. LXVI, отд. VI, стр. 88, 1843, т. LVI, отд. III, стр. 47—51, 58.—Н. Кукольникъ, «Истор. замѣтка о картинахъ, помѣщ. въ «Утренней Зарѣ», на 1843», («Утр. Заря», 1843).—Marquis de Custine, «La Russie en 1839», Paris, 1843.—В. Стасовъ, «Три рисунка Б.» («Рус. Худ. Лист.», 1852, авг.).—Его-же, «Новая картина Моллера» («Русск. Вѣстн.», 1856, т. IV.— И., «Съ римскаго карнавала» («Спб. Вѣд.», 1873, № 72). — Отчеты И. Ак. Худ., за 1828—1830, 1837, 1839—1840, 1842—1843, 1845—1846, 1847—1848, 1848—1849, 1849—1850. 1851—1852, 1852—1853.—И. Ак. Худ. Указатель находящихся въ Акад. произведенiй (изъ изд. Е. Фишера «Памятникъ искусствъ»,), Спб., 1842.—Указатель выставокъ въ Ак. Худ.: 1833, 1839 ,1842, 1846, 1850, 1851, 1852, 1853, 1855, 1860, 1861—1862.—«Указатель выст. рѣд. вещей, принадл. частнымъ лицамъ», Спб., 1851.—«Указатель собранiю карт. принад. членамъ Имп. дома и частн. лицамъ Пб.», Спб., 1861.—«И. Эрмитажъ. Каталогъ кар. гал., т. III, Спб., 1871.—«Указат. худож. произв. на постоянной выставкѣ 1872 г. въ Москвѣ», № 44.— «Моск. Вѣд.», 1899, № 351 (письмо Б. къ брату).— А. М-р-въ: «Выставка въ память Б.» («Русск. Вѣд.», 1899, № 344). — Моск. Публ. и Рум. музеи. Выставка въ память К. П. Б., М., 1899.—«Каталогъ музея И. Александра III», Спб., 1899.— «Торж. собр. И. Акад. Худ. и Общ. поощр. худож. въ память К. П. Б.» («Искусство и худ. промыш.», 1899—1900, № 6).—«Столѣтнiй юбилей К. П. Б.» (Моск. Вѣд.», 1899, № 342).—«Брюлловское торжество» («Мiръ Искусства», 1899, № 23 и 24).— Л. Мсерiанцъ, Двѣ юбил. выставки въ пам. К. П. Б. въ Москвѣ. М., 1900.—«Русск. Арх.», 1873—1876, 1900.—«Русск. Ст.», 1876, 79, 80, 88.— Словари: Березина, Толя, Эфрона, Больш. энциклопедiя, Nagler, Faber и др. *Вл. Грековъ.*

Брюммеръ, *Өедоръ Яковлевичъ*, вице-адмиралъ, род. 14 апрѣля 1819 г., ум. 8 сентября 1889 г. Происходилъ изъ дворянъ эстляндской губ., образованiе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1828 г. Въ 1836 г. произведенъ въ гардемарины и затѣмъ ежегодно плавалъ на фрегатахъ «Венусъ», «Александръ Невскiй» и тендерѣ «Лебедь»—по Балтiйскому морю. 23 декабря 1827 г. произведенъ въ мичманы и затѣмъ ежегодно плавалъ на различныхъ судахъ въ Балтiйскомъ морѣ, а съ 1848 г. самъ командовалъ судами: сначала люгеромъ «Петергофъ», а потомъ шхуной «Стрѣла». Въ 1854 г. командовалъ 6-мъ батальономъ запасной гребной флотилiи при защитѣ Кронштадта отъ нападенiя союзниковъ. Въ 1855 г. Брюммеръ на вольнонаемномъ пароходѣ «Летучiй», ходилъ подъ парламентерскимъ флагомъ изъ Кронштадта къ Толбухину маяку съ депешами къ командующему англо-французскимъ флотомъ. Въ 1856 г. онъ вступилъ въ командованiе винтовымъ корветомъ «Воевода» на верфи Охтенскаго адмиралтейства, а по спускѣ корвета вооружилъ его и въ 1857—58 гг. совершилъ на немъ кругосвѣтное плаванiе отъ Кронштадта до устьевъ Амура и обратно. Затѣмъ, въ 1859 г. Брюммеръ вступилъ въ командованiе строившагося въ Архангельскѣ винтоваго корвета «Пересвѣтъ», командуя которымъ, уже въ чинѣ капитана 2-го ранга, пришелъ въ Кронштадтъ. Въ 1863—66 гг. онъ командовалъ броненоснымъ фрегатомъ «Севастополь» и ходилъ къ берегамъ Даніи и Швецiи, а въ 1867 г., имѣя свой брейдъ-вымпелъ на яхтѣ «Королева Викторiя», командовалъ отрядомъ яхтъ въ финскихъ шхерахъ. Въ 1871 г. Брюммеръ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначенiемъ младшимъ флагманомъ Балтiйскаго флота и до 1880 г. ежегодно командовалъ отрядами и эскадрами. 1-го января 1881 г. онъ произведенъ въ вице-адмиралы; въ 1885 г. зачисленъ по флоту; въ 1887 г. пожалованъ подаркомъ съ вензелевымъ изображенiемъ Имени Государя. Погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Общ. Мор. Сп., т. IX, 309—311.—Некрологъ въ «Кронш. Вѣстн.», 1889 г., № 108.—Ө. Ө. Ве-

селаго, Очеркъ исторіи мор. кад. кор., Спб., 1852.—Н. Коргуевъ, Обзоръ Преобраз. мор. кад. кор., Спб., 1897.—Обзоръ загранич. пл. суд. Рус. воен. фл., II, Спб., 1871.—Подлинный послужной сп. въ Ар. Мор. Минист.

Лейт. П. Бѣл.

Брюнъ де-Сентъ-Ипполитъ, *Варвара Алексѣевна*, (рожд. Копьева), писательница шестидесятыхъ годовъ, дочь извѣстнаго пажа Императора Павла I; ум. въ Петербургѣ 16-го декабря 1875 г. Ей принадлежатъ слѣдующія сочиненія религіознаго характера: «Торжество Пасхи въ Іерусалимѣ (въ 1859 г.)» («Странникъ» 1860 г., № 4, отд. I, стр. 107—116), «О необходимости соединенія всѣхъ сословій въ общественныхъ дѣлахъ христіанскаго благотворенія» («Странникъ» 1860 г., отд. V, стр. 42—48) и «Праздникъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ» («Чтеніе для дѣтей» при журналѣ «Странникъ» 1864 г., ч. I).

Кн. Н. Голицынъ, Словарь русскихъ писательницъ 1759—1859 гг.—Ник. Книжникъ, Словарь русскихъ писательницъ 1759 1895 гг. («Русскій Архивъ» 1865 г., кн. 9 и 10).—С. Н. Пономаревъ, Наши писательницы (стр. 29).

Брюнъ де-Сенъ-Катеринъ, *Яковъ Яковлевичъ*, генералъ-лейтенантъ, инспекторъ корпуса корабельныхъ инженеровъ, род. въ 1757 г., ум. 3 августа 1835 г. въ С.-Петербургѣ. Происходилъ изъ французскихъ дворянъ; учился и первоначально служилъ во Франціи, гдѣ съ 1781 г. былъ корабельнымъ мастеромъ въ Тулонѣ; до 1792 г. построилъ до 10 хорошихъ военныхъ судовъ, и слава французскаго строителя достигла до турецкаго правительства, предложившаго Брюну поступить на службу въ Турцію. Онъ принялъ предложеніе и въ 7 лѣтъ успѣлъ построить на турецкихъ верфяхъ болѣе 20 военныхъ судовъ. Въ 1799 г. Брюнъ поступилъ въ русскую службу съ званіемъ корабельнаго мастера, съ содержаніемъ, какое получалъ въ Турціи (10,800 піастровъ—7,344 р.), сверхъ слѣдовавшаго ему по мѣсту жалованія и съ производствомъ въ 7-ой классъ. Въ 1803 г. онъ произведенъ въ 6-й классъ и поступилъ въ главную контрольную экспедицію на вакансію корабельнаго мастера, а въ слѣдующемъ году назначенъ директоромъ кораблестроенія. Потомъ онъ былъ инспекторомъ училища корабельной архитектуры, начальникомъ 2 отдѣленія исполнительной экспедиціи и, наконецъ, съ 1826 по 1835 г.—инспекторомъ корпуса корабельныхъ инженеровъ и членомъ кораблестроительнаго и ученаго комитета. За время своей продолжительной службы, Брюнъ-де-Сенъ-Катеринъ, переименованный въ 1811 г. въ генералъ-маіоры, а въ 1829 г. произведенный въ генералъ-лейтенанты, былъ почетнымъ членомъ адмиралтейскаго департамента и членомъ адмиралтействъ-коллегіи. Подъ его главнымъ надзоромъ построено было на с.-петербургскихъ верфяхъ 11 кораблей, 4 фрегата и 2 транспорта; за каждое новоспущенное на воду судно онъ удостаивался Высочайшаго благоволенія. Онъ имѣлъ ордена до алмазныхъ знаковъ ордена Св. Анны 1 ст. и Св. Владиміра 2 ст. Его печатные труды: 1) «Мнѣніе ген.-маіора Брюнъ-де-С.-Катеринъ о проэктированномъ суднѣ съ выдвижнымъ килемъ» въ «Зап. Госуд. Адмир. Депар.», 1824, VII, ст. 27—29.—2) «Проэктъ новаго руля» (тамъ-же, 1823, V, 40).—3) «Замѣчанія объ добротѣ дерева» (тамъ-же, 1820, IV, 41—43).

Общ. Мор. Сп., VI, 36—37.—Біографич. свѣд. въ «Зап. Мор. Уч. Ком.», 1835, XII, 336—338.—Энциклопед. лекс. Плюшара.—Подл. Посл. Сп. Глав. Архивъ Мор. Мин.—Пароменскій А. И., Историческій оч. морского инженернаго училища Имп. Николая I. Спб. 1898 г.—«Московскія Вѣд.», 1835, № 66.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Брюсовъ, *Николай Ильичъ*, врачъ, род. 26 октября 1839 г., ум. 30 января 1879 г. Брюсовъ происходилъ изъ дворянской семьи и учился въ московскомъ университетѣ, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. 10 іюня 1865 г. онъ окончилъ курсъ и утвержденъ въ званіяхъ лѣкаря и уѣзднаго врача, въ августѣ того-же года опредѣленъ на службу въ 105 пѣхотный оренбургскій полкъ, а въ февралѣ 1867 г. перемѣщенъ въ минскій военный госпиталь на должность младшаго ординатора. Въ 1877 г. Брюсовъ былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ въ военно-временный госпиталь № 16. На театрѣ военныхъ дѣйствій въ это время уже свирѣпствовалъ сыпной тифъ. Брюсовъ заразился этой болѣзнью и умеръ отъ нея; имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника; напечаталъ слѣдующіе научные труды: 1) Случай быстраго прекращенія гемиплегіи и судорогъ вслѣдъ за выходомъ аскаридовъ («Военно-Медиц. Журн.» ч. 100, 1867 г., X). 2) Объ измѣреніи груди и взвѣшиваніи тѣла рекрутъ (Протоколы засѣд. Общества минскихъ врачей 1871—72 г. № 4). 3) Матеріалы для статистики легочной

чахотки (тамъ-же, № 8). 4) Случай осложненія брюшного тифа воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ (тамъ-же, 1875—76 г., VIII, 24).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. IV.— Дѣла 1 стола I отд. главн. военно-мед. управленія, кондуитная книга 32, № 7965. *Н. К.*

Брюсъ, *Александръ Романовичъ*, сынъ Романа Вилимовича Брюса, род. въ 1705 г. ум. въ 1752 г. Онъ имѣлъ крестнымъ отцемъ своимъ князя А. Д. Меньшикова, благодаря которому, начавъ службу солдатомъ гвардіи въ 1722 г., быстро подвигался въ чинахъ и черезъ 18 лѣтъ былъ произведенъ уже въ генералъ-маіоры. Онъ принималъ участіе въ турецкихъ войнахъ фельдмаршала Миниха 1736 — 39 гг., но ничѣмъ не отличился и скоро вышелъ въ отставку. Брюсъ былъ женатъ первымъ бракомъ въ 1728 г. на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Долгорукой, племянницѣ генералъ-фельдмаршала князя Василія Васильевича Долгорукова, и имѣлъ отъ нея сына *Якова* (о немъ ниже). Дядя его, фельдмаршалъ Яковъ Брюсъ, будучи бездѣтенъ, хотѣлъ передать ему свой графскій титулъ, но Императрица Анна Іоанновна, недовольная тѣмъ, что онъ вступилъ въ бракъ съ лицомъ, принадлежавшимъ къ ненавистной ей фамиліи Долгорукихъ, отказала ему въ томъ, и со смертью фельдмаршала Якова Брюса (въ 1735 г.) графскій титулъ на время прекратился въ родѣ Брюсовъ. Только въ 1740 г., при торжествѣ по поводу заключенія мира съ Турціею, старые пріятели покойнаго Брюса, фельдмаршалы Минихъ и Ласси выхлопотали графскій титулъ его племяннику Александру. Брюсъ овдовѣлъ въ 1745 г. и, спустя только нѣсколько недѣль послѣ кончины своей первой супруги, вступилъ во второй бракъ съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгорукою, обрученною невѣстою Императора Петра II, которая въ продолженіи 15 лѣтъ продолжала пользоваться титуломъ княжеской невѣсты и высочества. Послѣднее обстоятельство вызывало неудовольствіе Императрицы, которая желала выдать Долгорукую за мужъ, но характеръ и нравъ княжны представляли большія къ этому затрудненія. Брюсъ согласился вступить въ бракъ съ Долгорукой, желая сдѣлать угодное Императрицѣ Однако въ томъ же году, совершая поѣздку въ Новгородъ, чтобы поклониться праху брата и дядей, вторая супруга Брюса простудилась и умерла. Послѣ этого Брюсъ вступилъ въ третій бракъ съ Натальею Өеодоровною Колычевой. Въ 1751 г. онъ вышелъ въ отставку.

Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, ч. 2 — Le prince Dolgoroukow, Mémoires, t. 1.

Брюсъ, *Романъ Виллимовичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1668 г. въ Москвѣ, ум. 19 октября 1720 г. въ С.-Петербургѣ. Дѣдъ его, *Яковъ* Брюсъ былъ потомкомъ шотландскихъ королей Роберта I и Давида II, царствовавшихъ въ XIV столѣтіи; въ смутныя времена Кромвеля, въ 1647 г. онъ выѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ *Виллимомъ* и былъ опредѣленъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на военную службу, командиромъ одного изъ регулярныхъ полковъ, стоявшихъ въ Псковѣ; царь Өеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ Якова Брюса въ чинъ генералъ-маіора; умеръ онъ въ Псковѣ въ 1680 г. Виллимъ Брюсъ имѣлъ чинъ полковника и умеръ подъ Азовомъ въ 1695 г. Романъ, старшій сынъ его, получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе. Въ 1683 г. онъ былъ зачисленъ въ царскіе потѣшные, служилъ усердно и въ 1695 г. получилъ чинъ капитана и вмѣстѣ въ командованіе роту преображенскаго полка, не задолго предъ тѣмъ сформированнаго, съ которымъ и участвовалъ въ Азовскихъ походахъ Петра I, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Яковомъ. Повидимому, онъ также находился въ числѣ прочихъ участвовавшихъ въ путешествіи Петра I за границу въ 1697—98 гг. и по возвращеніи, въ 1700 г. былъ сдѣланъ начальникомъ пѣхотнаго полка, съ которымъ находился подъ Нарвою, а затѣмъ при взятіи Шлиссельбурга (Нотебурга) въ 1702 г. и Ніеншанца въ 1703 г. Послѣ заложенія Петербурга, 19 мая 1704 г. Брюсъ былъ назначенъ оберъ-комендантомъ новой столицы. Въ этой должности онъ успѣшно отражалъ нападеніе шведскаго генерала Майделя, подошедшаго въ 1704 г. съ большими силами къ Петербургу. На предложеніе Майделя сдать ему городъ и удалиться добровольно съ береговъ Невы, Брюсъ отвѣчалъ усиленнымъ огнемъ, заставившимъ шведовъ удалиться. Но въ 1705 г. Майдель прибылъ снова вмѣстѣ съ флотомъ къ Котлину, высадился на Каменномъ островѣ и, хотя былъ снова отбитъ, но переправился чрезъ Неву у Тосны и вступилъ въ бой, окон-

чившійся для него полною неудачею. Отразивъ шведовъ, Брюсъ сталъ заниматься возведеніемъ различныхъ построекъ въ городѣ, а также укрѣпленіемъ его; для этой цѣли ему было отпущено до 4000 человѣкъ рабочихъ. Произведенный въ генералъ-маіоры въ 1705 г., Брюсъ участвовалъ въ походахъ Петра I для завоеванія ближайшихъ шведскихъ городовъ, ходилъ по направленію къ Выборгу въ 1706 г. и, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ шанцами на берегахъ рѣки Сестры, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Берхгольцемъ, подошелъ къ Выборгу и сталъ бомбардировать городъ, но не могъ его принудить къ сдачѣ за позднею осенью. Когда для охраненія Петербурга былъ назначенъ адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ, Брюсъ явился самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ; онъ уничтожилъ экспедицію шведскаго генерала Любекера, посланнаго срыть Петербургъ и завоевать обратно Ингерманландію. Послѣ этого Брюсъ снова направился къ Выборгу и сильнымъ бомбардированіемъ принудилъ городъ сдаться 13 іюня 1710 г.; затѣмъ Брюсъ двинулся къ Кексгольму и овладѣлъ имъ 8 сентября 1710 г., за что былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Закончивъ этимъ свое военное поприще, Брюсъ обратилъ всю свою дѣятельность на устройство города Петербурга и на дѣла по управленію оберъ-коменданта. Подъ его руководствомъ была сооружена каменная церковь Св. Петра и Павла, вмѣсто прежней деревянной, и ему же обязана основаніемъ первая лютеранская церковь въ Петербургѣ (Св. Анны). За его труды онъ былъ сдѣланъ въ 1710 г. членомъ военной коллегіи. Брюсъ пользовался расположеніемъ самого Петра I, а также его супруги Екатерины. Онъ имѣлъ домъ на Петербургской сторонѣ, на Дворянской улицѣ, гдѣ и умеръ. Послѣ него остался сынъ *Александръ* (см. выше) и двѣ дочери: Наталья Романовна, бывшая въ замужествѣ за генераломъ - маіоромъ Людвигомъ Альбрехтомъ, и другая (неизвѣстная по имени), вышедшая за Бауера, сына извѣстнаго сподвижника Петра Великаго.

Русская родословная книга Лобанова-Ростовскаго.—Петровъ, Исторія города С.-Петербурга.—Аванчевскій, Исторія Преображенскаго полка.—Dolgoroukow, Mémoires. 1867. *П. Майковъ.*

Брюсъ, *Прасковья Александровна*, дочь Александра Ивановича Румянцева, сестра фельдмаршала П. А. Румянцова, род. 7 октября 1729 г., ум. 7 апрѣля 1786 г. Въ 1751 г. она, по указаніямъ матери, вышла замужъ за графа Якова Александровича Брюса и не мало содѣйствовала впослѣдствіи преуспѣянію его на служебномъ поприщѣ. Она была прекрасна собою, умна, любезна, очень ловка, но строгостью нравовъ не отличалась. Долгое время она пользовалась дружбою Императрицы Екатерины II, и была въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Въ 1773 г. графиня Брюсъ была назначена статсъ-дамою. Но въ 1779 г. она имѣла неосторожность сблизиться съ И. Н. Корсаковымъ, чѣмъ навлекла на себя гнѣвъ Императрицы, и была удалена отъ двора. Послѣ этого графиня Брюсъ путешествовала за границею и жила въ Москвѣ; только въ 1785 г., уже въ болѣзненномъ состояніи, ѣхавъ изъ деревни въ Москву, встрѣтилась она съ Императрицею, возвращавшеюся изъ Москвы въ Петербургъ. Екатерина II приняла ее очень ласково, взяла съ собою въ экипажъ, долго бесѣдовала съ нею наединѣ и затѣмъ простилась навсегда, такъ какъ графиня послѣ этого жила очень не долго. Погребена она въ подмосковномъ селѣ Глинкахъ.

Карабановъ, Списки статсъ-дамъ и фрейлинъ.—Его-же, Очерки въ «Русской Старинѣ». т. III.—Dolgoroukow, Mémoires, t. I. *П. М.*

Брюсъ, графъ *Яковъ Александровичъ*, сынъ Александра Романовича, генералъ-аншефъ, род. въ 1732 г., ум. 30 ноября 1791 г. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ былъ записанъ солдатомъ въ л.-гв. семеновскій полкъ въ 1744 г., произведенъ въ прапорщики въ 1750 г., въ подпоручики въ 1751 г., чрезъ четыре года въ поручики. Обладая большимъ состояніемъ, Брюсъ обратилъ вниманіе Румянцовой, которая устроила 27 мая 1751 г. бракъ его съ дочерью своею Прасковьею Александровною Румянцовою. Затѣмъ Брюсъ участвовалъ волонтеромъ въ войнѣ Франціи съ Пруссіею въ арміи первой, но послѣ битвы при Россбахѣ Императрица Елизавета приказала отозвать всѣхъ русскихъ, находя, что русскимъ офицерамъ неприлично быть въ арміи столь постыдно разбитой. Участвуя послѣ этого съ полкомъ въ Семилѣтней войнѣ, Брюсъ отличился храбростью въ сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ и былъ произведенъ въ полковники 25 января 1758 г., а затѣмъ, за блокаду крѣпости Кюстрина и битву при Цорн-

дорфѣ, произведенъ въ бригадиры въ 1759 г. При вступленіи на престолъ Петра III Брюсъ сдѣланъ былъ 28 декабря 1761 г. секундъ-маіоромъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, черезъ два дня — генералъ-маіоромъ, а черезъ нѣсколько недѣль (въ февралѣ 1762 г.) награжденъ орденомъ Св. Анны. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II Брюсъ, благодаря тому особому расположенію, которымъ пользовалась его супруга у Императрицы, быстро подвигался по службѣ. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и 14 мая 1769 г. награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. При началѣ первой турецкой войны Брюсъ находился въ арміи князя Голицына, командовалъ частями войскъ первой линіи и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Хотинымъ въ 1769 г., въ особенности 29 августа и 6 сентября, гдѣ Брюсъ съ трудомъ удерживалъ натиски турокъ. Послѣ того какъ Голицынъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ графъ П. А. Румянцовъ, Брюсъ получилъ въ командованіе 3-ю дивизію и принималъ участіе въ сраженіи при Ларгѣ, находясь на лѣвомъ флангѣ главнаго каре. Въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ при Кагулѣ 21 іюня 1770 г. Брюсъ былъ направленъ для аттаки въ тылъ праваго фланга турецкаго ретраншемента. При этомъ турки окружили со всѣхъ сторонъ каре Брюса и Репнина, храбро и стойко державшихся, пока дѣйствіями Румянцова турки не потерпѣли полнаго пораженія. Получивъ послѣ битвы при Кагулѣ приказаніе Румянцова двинуться съ отрядомъ къ Фальчи, чтобы спѣшить къ штурму Бендеръ, сообразуя свое движеніе съ отрядомъ генерала Глѣбова, Брюсъ дошелъ 1 сентября до Фальчи и остановился въ виду сильнаго разлитія рѣки Прута отъ дождей, причемъ снесены были мосты. Румянцовъ приказалъ ему двинуться немедленно далѣе. Хотя Брюсъ это и исполнилъ и дошелъ до Текуча, но, не имѣя должнаго сношенія съ отрядомъ Глѣбова, далъ туркамъ возможность отступить къ Фокшанамъ и, опасаясь одинъ встрѣтиться съ значительными силами турокъ, не рѣшился идти далѣе; этими дѣйствіями Брюсъ навлекъ на себя гнѣвъ Румянцова, который ему написалъ, между прочимъ: «мнѣ остается жалѣть только о невозвратномъ времени, когда я долженъ узнавать, сколько отсутственныя мои распоряженія не производятъ своихъ дѣйствій; всякое мое повелѣніе лежитъ на моемъ отвѣтѣ; напротивъ, ваше сіятельство одну должность имѣете — все то исполнять, что вамъ повелѣвается, а за другое, кромѣ неисполненія приказаннаго, не потребуется отъ васъ отвѣта». Брюсъ обидѣлся на это письмо, сказался больнымъ, сдалъ команду Глѣбову и скоро отправился въ Кіевъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты въ томъ же 1770 г. Въ 1771 г. ему поручено было, по случаю свирѣпствовавшей въ Москвѣ чумы, принять мѣры для предотвращенія появленія этой болѣзни въ Петербургѣ. Брюсъ принялся за дѣло энергично, учредилъ карантины между двумя столицами, строго слѣдилъ за пріѣзжающими, запретилъ всякій вывозъ товаровъ изъ пунктовъ, зараженныхъ чумою, приказалъ осматривать и окуривать всѣ привозимые товары и т. д.; благодаря такимъ мѣрамъ чума въ Петербургъ не проникла. Произведенный въ 1773 г. въ генералъ-аншефы, Брюсъ былъ назначенъ командовать войсками финляндской дивизіи въ виду войны со шведскимъ королемъ Густавомъ III. Хотя эта война и не ознаменована особыми успѣхами нашего оружія на сухомъ пути, тѣмъ не менѣе Брюсъ былъ награжденъ скоро орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и, послѣ почти одновременной кончины генералъ-губернаторовъ въ обѣихъ столицахъ (князя Александра Голицына въ Петербургѣ и графа Захара Чернышева въ Москвѣ), Брюсъ былъ назначенъ на ихъ мѣсто генералъ-губернаторомъ обѣихъ столицъ и главнокомандующимъ войсками въ Москвѣ. Изъ дошедшей до насъ переписки Императрицы Екатерины съ Брюсомъ, относящейся къ этому періоду его дѣятельности, можно заключить, что Брюсъ являлся только исполнителемъ предписаній Императрицы, указывавшей ему постоянно на предметы, о которыхъ онъ долженъ былъ бы озаботиться и самъ по своей должности. Изъ тѣхъ же писемъ видно, что въ бытность Брюса начальникомъ Москвы производилась постройка различныхъ казенныхъ зданій, оканчивался Всесвятскій каменный мостъ, приводилась въ приличный видъ Красная площадь, очищался весь охотный рядъ, устраивались, по разломкѣ стѣны, окружавшей Бѣлый городъ, площади въ разныхъ мѣстахъ для торга и т. д. 7 октября 1785 г. Брюсъ получилъ указъ Императрицы осмотрѣть

во всѣхъ московскихъ школахъ, какъ производится обученіе закону Божію, по точности ли догматовъ православной вѣры и по какимъ именно книгамъ, наблюдая, чтобы не было допускаемо суевѣрія, развращенія и соблазна. Брюсъ составилъ для этого особую коммисію изъ двухъ свѣтскихъ профессоровъ и двухъ лицъ духовнаго званія и доносилъ Екатеринѣ, что по осмотру ничего предосудительнаго не оказалось, хотя открылось, что въ очень многихъ пансіонахъ законъ Божій преподается небрежно и даже вовсе не входитъ въ курсъ ученія. Будучи человѣкомъ суровымъ, Брюсъ рѣзко осуждалъ дѣйствія своего предмѣстника, графа Чернышева и, въ особенности, по отношенію къ мартинистамъ. Онъ прямо заявлялъ, что будетъ дѣлать зло мартинистамъ, ибо Императрица считаетъ ихъ подозрительными, и что вообще солиднымъ людямъ неприлично принадлежать къ ихъ обществу. Масона Лопухина, бывшаго предсѣдателемъ уголовной палаты, онъ принудилъ выйти въ отставку, неоднократно жалуясь на него Императрицѣ. Равнымъ образомъ, согласно указу Императрицы отъ 23 декабря 1785 г. о томъ, чтобы осмотрѣть и описать типографію Новикова, изъ которой «выходитъ много странныхъ книгъ», а также испытать въ законѣ Божьемъ самого Новикова,— Брюсъ доставилъ къ Императрицѣ роспись книгъ, бывшихъ у Новикова и у него отобранныхъ, замѣчая въ своемъ письмѣ къ Безбородко по этому поводу, что «величайшее число книгъ сенсировано (т. е. цензурованы) духовными, но видится мнѣ, что наши духовные съ вашими не единогласны, и что изъ нихъ одни находятъ для просвѣщенія, то другіе—для развращенія». Позднѣе, въ 1786 г., Брюсъ представилъ Императрицѣ допросные пункты, данные Новикову, и его на нихъ отвѣты, а также доносилъ ей, что у Новикова всѣ книги опечатаны, и у него болѣе не имѣется другихъ экземпляровъ. Брюса въ Москвѣ не любили за его суровость, да и самъ онъ былъ недоволенъ пребываніемъ въ городѣ, гдѣ «застарѣлые обычаи и тьма предубѣжденій», и благодарилъ Безбородко въ 1786 г. за исходатайствованное у Императрицы разрѣшеніе ему пріѣхать въ Петербургъ. Послѣ этого, 26 іюня 1786 г. Екатерина II подписала, по его просьбѣ, указъ объ увольненіи его отъ должности, занимаемой имъ въ Москвѣ, такъ что онъ остался только генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ, продолжая пользоваться расположеніемъ Императрицы. Во время путешествія своего въ Крымъ въ 1787 г. Екатерина посылала Брюсу журналъ этого путешествія, чтобы отвратить въ столицѣ пустыя рѣчи. Немного позже, при возникшей войнѣ съ Турціею, Брюсъ былъ назначенъ членомъ особаго совѣта, въ которомъ было разсуждаемо о предстоящей войнѣ; затѣмъ, при возникшей внезапно войнѣ съ Швеціею въ 1788 г., Брюсъ бюлъ назначенъ главнокомандующимъ въ столицѣ и петербургской губерніи, однако долженъ былъ производить дѣла подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Ея Величества. Въ этомъ званіи Брюсъ особенной дѣятельности не проявилъ. 24 ноября 1782 г. Брюсъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Со смертью Я. А. Брюса, не имѣвшаго сыновей, родъ графовъ Брюсовъ въ Россіи пресѣкся. Единственная дочь его, Екатерина была замужемъ за графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, которому Императоръ Павелъ I разрѣшилъ присоединить къ своей фамиліи также фамилію Брюсъ. Графъ Я. Брюсъ погребенъ въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Memoires du prince Dolgoroukow, т. I. Génève. 1867.—Бантышъ-Каменскій, Историческое собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ орденовъ. 1814 г.—Его-же, Словарь достопамятныхъ людей.—Его-же, Біографіи россійскихъ генералисимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ.—Петровъ, Войны Россіи съ Турціею 1769—1774 гг. СПб. 1866.—Дневникъ Храповицкаго.—«Русскій Архивъ», 1866 и 1872 гг.—Петровъ, Исторія города С.-Петербурга.—Лонгиновъ, Новиковъ и Мартинисты — «Чтенія Моск. Общества исторіи и древностей» 1867, № 4 и 1875, № 4.—Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга.—Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго.

П. М. Майковъ.

Брюсъ, графъ *Яковъ Виллимовичъ,* генералъ фельдмаршалъ, род. въ 1670 г., ум. 19 апрѣля 1735 г. Получивъ дома прекрасное для того времени образованіе, Я. Брюсъ пристрастился рано къ математическимъ и естественнымъ наукамъ, которыми не переставалъ заниматься всю жизнь. Записанный вмѣстѣ съ братомъ въ царскіе потѣшные въ 1683 г., Я. Брюсъ былъ въ 1687 г. произведенъ въ прапорщики и участвовалъ въ походѣ князя Голицына въ Крымъ, послѣ чего былъ награжденъ небольшимъ помѣстьемъ; въ

1689 г., послѣ второго крымскаго похода, Брюсъ снова получилъ въ награду помѣстье и деньги. Въ то время какъ Петръ Великій укрывался въ стѣнахъ Троицко-Сергіевской Лавры отъ умысла Шакловитаго, Брюсъ, какъ прежній потѣшный, находился при царѣ и былъ за то опять награжденъ. Участвуя въ Кожуховскомъ походѣ 1694 г., Брюсъ уже былъ поручикомъ 2-го рейтарскаго полка арміи князя Ромодановскаго. Въ 1695 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны и состоялъ за инженера въ первомъ походѣ на Азовъ. Въ 1696 г. Брюсъ, тогда капитанъ девятой флотской роты, отплылъ съ Лефортомъ изъ Воронежа снова къ Азову и во время пути составилъ карту отъ Москвы до Малой Азіи, напечатанную потомъ въ Амстердамѣ у Тессинга. За эту работу Брюсъ былъ пожалованъ чиномъ полковника. Въ то время Брюсъ былъ членомъ веселаго общества Нептуновъ, подъ предсѣдательствомъ Лефорта собиравшагося таинственно на верху Сухаревой башни въ Москвѣ, гдѣ занимались, по преданію, чернокнижіемъ. Брюсъ сопровождалъ Петра въ его заграничномъ путешествіи 1697 г. и, исполняя различныя его порученія въ Англіи, занимался тамъ математикою подъ руководствомъ англійскихъ ученыхъ. 19 декабря онъ прибылъ въ Голландію, имѣлъ здѣсь ссору съ Ромодановскимъ и жаловался на него царю. Въ слѣдующемъ году Брюсъ, въ числѣ 16 избранныхъ лицъ, поѣхалъ съ царемъ въ Лондонъ и подробно осматривалъ различныя техническія заведенія и мастерскія какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Вульвичѣ; оставшись по отъѣздѣ Петра въ Лондонѣ, Брюсъ писалъ царю письма отсюда и по его порученью переводилъ разныя книги. Время возвращенія Брюса въ Россію въ точности неизвѣстно, но въ 1699 г. онъ находился уже въ Москвѣ и писалъ Петру о томъ, какъ примѣчать потемненія солнца (т. е. затмѣнія), а также, вмѣстѣ съ Вейде, составлялъ воинскіе артикулы по иностраннымъ законамъ. Въ 1700 г. Брюсъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры артиллеріи и помогалъ царю въ приготовленіяхъ его къ войнѣ со шведами. Для пресѣченія путей шведамъ въ Ижорскую землю, Брюсъ былъ посланъ съ отрядомъ войскъ, но прибылъ не довольно скоро, потому что не могъ собрать войска, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ, и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ царя, впрочемъ не на долго. Въ 1701 г. Брюсъ занялъ мѣсто князя Ивана Юр. Трубецкого, взятаго въ плѣнъ подъ Нарвою и принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ свое вѣдѣніе Новгородскій приказъ. По этой должности онъ обязанъ былъ заботиться объ изготовленіи всякаго рода воинскихъ снарядовъ для арміи и о доставленіи ихъ въ Ладогу Шереметеву, а потомъ къ Нотебургу. Вскорѣ Брюсъ самъ былъ назначенъ къ арміи, стоявшей подъ стѣнами Шлиссельбурга. Онъ получилъ командованіе всею артиллеріею и находился при взятіи Ніеншанца въ 1703 г. и при закладкѣ крѣпости С.-Петербурга, послѣ чего двинулся къ Копорью. Въ 1704 г., послѣ кончины въ Стокгольмѣ царевича Александра Имеретинскаго, взятаго въ плѣнъ шведами подъ Нарвою въ 1701 г., Брюсъ былъ назначенъ на его мѣсто исправлять должность генералъ-фельдцейхмейстера русской арміи. Артиллерія наша, благодаря заботамъ Петра I, Виніуса и Гошке значительно уже усовершенствовалась въ то время, и Брюсъ своимъ заботливымъ о ней попеченіемъ много содѣйствовалъ дальнѣйшему ея устройству. Далѣе, онъ участвовалъ при взятіи Нарвы и Ивангорода въ 1704 г., а затѣмъ и въ войнѣ въ Польшѣ въ 1705 г., гдѣ командовалъ артиллеріею. Онъ былъ на совѣтѣ генераловъ въ Москвѣ въ началѣ 1707 г., гдѣ обсуждался вопросъ, имѣть ли баталію съ непріятелемъ въ самой Польшѣ или при границѣ оной; на этомъ совѣтѣ рѣшено было въ Польшѣ ее не давать, понеже трудно имѣть ретираду, если бы какое несчастье случилось. Уже въ чинѣ генералъ-поручика (съ 1706 г.), Брюсъ находился въ сраженіи подъ Калишемъ, а за тѣмъ получилъ приказаніе строить мостъ черезъ Днѣпръ наскоро для перехода арміи, послѣ чего вмѣстѣ съ царемъ слѣдовалъ къ Смоленску. Брюсъ также находился въ сраженіи подъ Лѣшками, а за пять дней до Полтавскаго боя писалъ царю, что имъ прочтена «книга Кугорна», и онъ немедленно пришлетъ ее Его Величеству. Во время Полтавскаго боя Брюсъ командовалъ всею артиллеріею изъ 72 орудій, прекрасно направлялъ огонь ихъ и получилъ за это изъ рукъ самого царя орденъ св. Андрея Первозваннаго. Онъ участвовалъ также въ сраженіи при Переволочнѣ, а затѣмъ и въ тріумфальномъ вшествіи Петра I въ Москву 24 декабря 1709 г. Въ маѣ 1710 г.

Брюсъ приплылъ съ артиллеріею по Двинѣ въ Юнгергофъ подъ Ригу, участвовалъ во взятіи этого города Шереметевымъ 4-го іюля 1710 г. и въ церемоніальномъ вступленіи его въ Ригу. Послѣ этого Петръ I поручилъ Брюсу ѣхать въ Данцигъ и требовать съ города уплаты контрибуціи, причитавшейся еще за польскую войну. Это порученіе заставило Брюса неразъ ѣздить въ Данцигъ и Эльбингъ, отправлять обязанности не только артиллерійскаго генерала, но и дипломата, вести большую переписку съ Петромъ, который скоро вызвалъ его къ арміи, двинувшейся тогда противъ турокъ. На совѣтѣ у береговъ Днѣстра близъ Сорокъ, Брюсъ, какъ и многіе другіе, настаивалъ идти впередъ и при дальнѣйшемъ движеніи арміи всегда находился впереди со своею артиллеріею, а при Прутѣ два дня отражалъ армію султана, которая, будучи въ семеро сильнѣе нашей, производила страшныя опустошенія въ рядахъ нашихъ войскъ, стрѣляя двойными зарядами. Послѣ мира съ турками Брюсъ былъ утвержденъ въ званіи генералъ-фельдцейхмейстера (3 августа 1711 г.). Затѣмъ Брюсъ сопровождалъ Петра I въ его поѣздкѣ въ Карлсбадъ вмѣстѣ съ супругою и ѣздилъ при этомъ по разнымъ городамъ Европы съ цѣлію пріискать и нанять для русской службы опытныхъ офицеровъ, а также всякаго рода искусныхъ мастеровъ. Онъ находился также при бракосочетаніи царевича Алексѣя съ принцессою Шарлотою Вольфенбюттельскою и сидѣлъ за ужиномъ по лѣвую руку царевича. Равнымъ образомъ онъ тогда же познакомился въ Торгау съ Лейбницемъ, съ которымъ велъ потомъ переписку. Въ 1712 г., во время похода противъ шведовъ въ Померанію и Голштинію, Брюсъ командовалъ не только одною русскою артиллеріею, но также датскою и саксонскою и по окончаніи этого похода снова ѣздилъ по Германіи для найма искусныхъ людей на русскую службу. Возвратясь въ концѣ 1712 г. въ Россію, Брюсъ, по порученію царя, занялся разборомъ земель рылянъ и курчанъ, а въ 1713 г. Петръ снова отправилъ его въ Берлинъ и Германію для найма мастеровъ и для покупки художественныхъ произведеній. Заподозрѣнный Апраксинымъ и Кикинымъ въ хищеніи государственной казны, вмѣстѣ съ Меньшиковымъ, Брюсъ подвергся слѣдствію, произведенному Ушаковымъ, а затѣмъ и суду особой коммисіи, признавшей обвиненіе правильнымъ. Петръ I однако освободилъ виновныхъ отъ наказанія, приказавъ только опубликовать приговоръ. Брюсъ продолжалъ по прежнему исполнять всякія порученія Петра I, посѣщалъ ежедневно также царевича Алексѣя, при которомъ находилась и супруга Брюса, Марья Андреевна (собственно—Маргарита Мантейфель, отъ которой Брюсъ дѣтей не имѣлъ). Пребывая въ Петербургѣ, Брюсъ велъ ученую переписку съ нюренбергскими географами, а также переводилъ разныя книги по царскому приказу и началъ собирать въ своемъ домѣ кабинетъ рѣдкостей, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ даже иностранцамъ. 30 марта 1716 г. былъ подписанъ Петромъ I уставъ воинскій, въ которомъ вся 12-я глава опредѣляла разныя обязанности Брюса, какъ генералъ-фельдцейхмейстера. Брюсъ долженъ былъ переустраивать свое вѣдомство по новому уставу и для этой работы онъ предлагалъ пригласить въ коллежскую службу «удобныхъ ассесоровъ изъ шведскихъ полоняниковъ, а также лифляндскихъ, эстляндскихъ, ингерманландскихъ, въ Россіи обрѣтающихся». Кромѣ того онъ писалъ, что ему нуженъ помощникъ для переводовъ и также для дѣланія пробы всякой о скорой стрѣльбѣ. 15 декабря 1717 г. Брюсъ былъ назначенъ президентомъ бергъ и мануфактуръ коллегіи и отправленъ, вмѣстѣ съ Остерманомъ, на конгрессъ въ Аландъ для мирныхъ переговоровъ со Швеціею. Онъ сильно препирался со шведами на конгрессѣ и только 23 августа 1718 г. успѣлъ заключить прелиминарный трактатъ въ 23 статьи, который однако король шведскій Карлъ XII подписать не захотѣлъ. Между тѣмъ Карлъ XII вскорѣ погибъ, и его пріемница Ульрика Элеонора начала новые переговоры, но они такъ затянулись, что Аландскій конгрессъ разъѣхался, и Брюсъ вернулся въ Россію. Въ качествѣ президента бергъ и мануфактуръ коллегіи онъ получилъ исключительное право «апробовать» издѣлія кожевенныхъ мастеровъ и выдавать имъ свидѣтельства на это званіе. Онъ много содѣйствовалъ учрежденію въ скоромъ времени бергъ-коллегіи, отдѣльной отъ мануфактуръ-коллегіи, и прилагалъ неутомимо всѣ свои труды и обширныя познанія къ осуществленію насущныхъ потребностей русскаго государственнаго хозяйства того времени. Онъ принялъ въ

вѣдѣніе бергъ-коллегіи всѣ немногіе заводы, существовавшіе въ то время въ Россіи. Одновременно Брюсъ вѣдалъ крѣпостными сооруженіями въ различныхъ мѣстахъ государства, имѣлъ постоянныя препирательства съ начальникомъ олонецкихъ заводовъ Геннигомъ изъ за поставокъ металловъ и горячо защищалъ своихъ подчиненныхъ артиллеристовъ. Тѣмъ временемъ, для заключенія мирнаго трактата со Швеціею, назначенъ былъ новый конгрессъ въ Ништадтѣ, и Брюсъ, возведенный Петромъ въ графское достоинство 18 февраля 1721 г., былъ опять назначенъ на этотъ конгрессъ, вмѣстѣ съ Ягужинскимъ. Вскорѣ ему удалось подписать (30 августа) Ништадтскій миръ, за который Петръ очень благодарилъ Брюса и пожаловалъ ему пятьсотъ дворовъ въ козельскомъ уѣздѣ. Въ возникшемъ дѣлѣ Скорнякова - Писарева и Шафирова, Брюсъ, какъ человѣкъ неподозрительный обѣимъ сторонамъ, былъ назначенъ первымъ членомъ коммисіи верховнаго генеральнаго суда, давалъ обѣимъ сторонамъ запросы и осудилъ Шафирова. Брюсъ, не переставая ревностно заниматься артиллеріею, слѣдилъ за отливкою орудій и кромѣ того занимался исполненіемъ царскаго указа въ 1723 г. о выбитіи 7000 штукъ монетъ. Помимо этого Брюсъ съ 1706 г. имѣлъ въ своемъ завѣдываніи русское книгопечатное дѣло и находился въ перепискѣ по этому предмету съ директоромъ московской типографіи Кипріяновымъ. Такъ какъ на всѣхъ книгахъ, издававшихся въ Москвѣ, было означено, что онѣ печатались подъ надзоромъ Брюса, то ему же приписывается изданіе извѣстнаго календаря Брюсова, который составленъ и напечатанъ въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1709 г. Кипріяновымъ и является отраженіемъ господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ повѣрій. Въ день коронованія Екатерины I въ 1724 г. Брюсъ несъ предъ Петромъ I въ соборъ новосдѣланную великолѣпную корону и послѣ того заперся дома и не занимался ни службою, ни артиллеріею, ссылаясь на разстроенное здоровье. Предъ кончиною Петра I Брюсъ былъ вмѣстѣ со всею знатью во дворцѣ, но на совѣтѣ первѣйшихъ чиновъ 28 января не принималъ участія. Онъ получилъ порученіе заботиться о погребеніи умершаго Императора и носилъ титулъ верховнаго оберъ-маршала печальной коммисіи. Брюсъ оставался по прежнему во главѣ артиллеріи, но съ воцареніемъ Екатерины I дѣятельность его прекратилась. Хотя 21 мая 1725 г. Брюсъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго при самомъ его учрежденіи, а 31-го марта 1726 г. получилъ жалованную грамоту, но онъ не могъ равнодушно смотрѣть на властолюбіе Меньшикова и, предвидя пагубныя послѣдствія, рѣшилъ удалиться отъ дѣлъ. 6 іюня 1726 г. онъ подалъ просьбу объ отставкѣ и былъ уволенъ съ чиномъ генералъ-фельдмаршала. Онъ поселился въ деревнѣ Глинкахъ, богородскаго уѣзда, московской губерніи, никуда не показывался, занимался науками, велъ переписку съ Лейбницемъ, прослылъ колдуномъ и умеръ, не оставивъ потомства. Онъ намѣревался свой графскій титулъ передать своему племяннику, Александру, что и исполнилось впослѣдствіи. Ему же, а также академіи наукъ «на пользу общественную» онъ завѣщалъ богатый свой кабинетъ, состоявшій изъ разныхъ физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, который считался однимъ изъ первыхъ въ его время, а также свою библіотеку и собраніе монетъ, медалей и пр. Брюсу принадлежитъ также устройство первой артиллерійской и инженерной школъ въ Москвѣ. Пользуясь большимъ благоволеніемъ Петра I, Брюсъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, никого во всю свою жизнь не обидѣлъ, старался пріобрѣсти любовь каждаго и почиталъ для себя удовольствіемъ помогать бѣднымъ.

Аванчевскій, Исторія Преображенскаго полка, т. I.—Бантышъ-Каменскій, Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга.—Новиковъ, Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго. — Бантышъ-Каменскій, Историческое собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ Россійскихъ орденовъ. — Записки графа Бассевича («Русскій Архивъ», 1866 г.).—Устряловъ, Исторія Петра Великаго, тт. II и III. — Снегиревъ, Прибавленіе къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, 1842 г., стр. 329.—«Артиллерійскій журналъ», 1860 г., № 4 и 1866 г., №№ 2, 3, 4. — Пекарскій, Наука и литература въ Россіи, т. I, стр. 291 и слѣд. — Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. XIV, стр. 346 и слѣд.—Полное Собраніе Законовъ, I, №№ 2872, 3464.—«Русская Старина», 1870, т I, стр. 394 и 1871 г., августъ. — «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1874 г., статьи Киренскаго.—Ѳеофанъ Прокоповичъ, Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго. *П. М. Майковъ.*

Брюховецкій, *Иванъ Мартыновичъ*, малороссійскій гетманъ, ум. 7 іюня 1668 г.

Происхожденіе Брюховецкаго неизвѣстно; несомнѣнно, однако, что онъ не былъ природнымъ казакомъ, и существуютъ не вполнѣ достовѣрныя указанія на то, что онъ «былъ ляхомъ, да окрестился». Первое упоминаніе о Брюховецкомъ относится къ 1650 г., подъ которымъ онъ записанъ въ гетманской чигиринской сотнѣ. Брюховецкій былъ лично привязанъ къ Богдану Хмельницкому и нѣкоторое время состоялъ при немъ въ должности старшаго слуги. Послѣ смерти своего господина Брюховецкій остался въ той-же должности при его молодомъ сынѣ Юріи, котораго сопровождалъ въ Кіевъ, куда тотъ отправился для обученія въ академіи. Когда въ 1659 г. гетманъ Выговскій Гадячскимъ договоромъ вызвалъ противъ себя народное возмущеніе, и Юрій Хмельницкій, пользуясь этимъ, выступилъ съ заявленіемъ своихъ правъ на гетманство, Брюховецкій, по порученію Ю. Хмельницкаго, отправился въ Сѣчь, чтобы искать тамъ для него поддержки запорожцевъ. Послѣ провозглашенія Ю. Хмельницкаго гетманомъ, Брюховецкій не сталъ искать возвышенія и наградъ у новаго гетмана, а остался въ Сѣчи. Понимая, насколько важно привлечь на свою сторону низовую общину и заручиться ея поддержкой, Брюховецкій выставлялъ себя поборникомъ простого народа, врагомъ старшины и ея аристократическихъ стремленій; вскорѣ онъ снискалъ себѣ общее уваженіе и широкую популярность и былъ выбранъ кошевымъ атаманомъ. Свои дальнѣйшіе замыслы онъ скрывалъ подъ маской скромности. Въ Сѣчи Брюховецкій прожилъ три года (съ 1659 по 1662), по выраженію лѣтописца Велички, «въ добромъ захованю и въ ласцѣ всего войска Низового». Вскорѣ Ю. Хмельницкій не только оказался неспособнымъ къ отправленію обязанностей гетмана, но и измѣнилъ незадолго до того данной присягѣ,—подчинилъ Украйну Польшѣ возобновленіемъ Гадячскаго договора. Тогда на лѣвой сторонѣ Днѣпра началось движеніе противъ Хмельницкаго. Во главѣ стали нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и переяславльскій — Якимъ Сомко, оба разсчитывавшіе на гетманство. Брюховецкій воспользовался возникшими раздорами: онъ съѣздилъ въ Москву, гдѣ расположилъ къ себѣ многихъ вліятельныхъ лицъ, а лѣтомъ 1662 г. прибылъ изъ Сѣчи съ отрядомъ запорожцевъ въ лагерь главнаго начальника русскихъ войскъ въ Малороссіи, князя Ромодановскаго, которому предложилъ свои услуги для похода противъ Хмельницкаго. Снискавъ расположеніе Ромодановскаго и пользовавшагося царскимъ благоволеніемъ Меѳодія, блюстителя Кіевской митрополіи, Брюховецкій явился въ глазахъ московскаго правительства самымъ желательнымъ гетманомъ Малороссіи. По царскому указу 1663 г. были назначены выборы гетмана; въ Нѣжинѣ была собрана такъ называемая «черная» рада, на которой Брюховецкій былъ провозглашенъ гетманомъ, благодаря поддержкѣ запорожцевъ, народа и части городовыхъ казаковъ. Вскорѣ послѣдовало и утвержденіе этого избранія царемъ Алексѣемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего избранія Брюховецкій приказалъ казнить въ Борзнѣ полковниковъ Сомка, Золотаренка и Силича и вмѣстѣ съ тѣмъ сослалъ въ Сибирь многихъ ихъ приверженцевъ. Почти три первыхъ года своего гетманства Брюховецкій провелъ въ непрерывной войнѣ съ гетманомъ Павломъ Тетерею, который смѣнилъ Хмельницкаго на правой сторонѣ Днѣпра, а также съ поляками, которые поддерживали Тетерю. Въ то же время онъ безуспѣшно старался подчинить своей власти отдѣльные города и полки, находившіеся на правой сторонѣ Днѣпра. Въ лѣвобережной Украйнѣ Брюховецкій далеко не оправдалъ надеждъ народа. Казненныхъ или сосланныхъ имъ старшинъ онъ замѣнилъ своими приближенными, проявившими страшное корыстолюбіе. Самъ Брюховецкій, опасаясь за прочность своей власти, постоянно прибѣгалъ къ казнямъ, ссылкамъ, конфискаціямъ. Желая заручиться твердой поддержкой въ Москвѣ, Брюховецкій отправился сюда въ 1665 г. съ огромной свитой (болѣе 500 человѣкъ); его ожидалъ самый милостивый пріемъ, самъ онъ получилъ санъ боярина, сопутствовавшіе ему полковники—званіе дворянъ, и всѣ они—помѣстья; Брюховецкій тутъ же женился на московской боярышнѣ, по указанію царя Алексѣя (по однимъ свѣдѣніямъ—на дочери князя Дм. Ал. Долгорукова, по другимъ—на дочери боярина Ѳед. Петр. Шереметева). Но зато, Брюховецкій долженъ былъ отказаться отъ тѣхъ статей Переяславльскаго договора, которыя обезпечивали административное и финансовое самоуправленіе Малороссіи. Эти части управленія Брюховецкій уступалъ московскимъ воеводамъ, которые

должны были принять въ свое вѣдѣніе малороссійскіе полковые города и поселиться въ нихъ съ отрядами московскаго войска. Въ 1666 г. состоялась передача всѣхъ полковыхъ городовъ воеводамъ, начавшимъ перепись населенія, наложеніе разныхъ податей и налоговъ и т. д. По возвращеніи изъ Москвы, Брюховецкій окружилъ себя пышностью, сдѣлался крайне надменнымъ, сталъ удаляться отъ военныхъ дѣлъ. Народное броженіе противъ гетмана, полковниковъ и воеводъ скоро стало повсемѣстнымъ. Андрусовскій договоръ объединилъ всѣхъ недовольныхъ. Видя шаткость своего положенія и стремясь возвратить себѣ прежнюю популярность, Брюховецкій рѣшился измѣнить Москвѣ: въ 1668 г. онъ созвалъ преданныхъ ему полковниковъ въ Гадячъ на тайное совѣщаніе, на которомъ было рѣшено поднять возстаніе противъ воеводъ; мысль эта нашла въ народѣ давно подготовленную почву; воеводы были частью перебиты, частью изгнаны, но народнаго довѣрія Брюховецкій не вернулъ. Тогда онъ растерялся и сталъ искать помощи у крымскаго хана и турецкаго султана. Высланныя противъ Брюховецкаго московскія войска, подъ начальствомъ князя Ромодановскаго, заняли два пограничныхъ города—Котельву и Опошню. Съ небольшимъ наемнымъ отрядомъ Брюховецкій медленно пошелъ было навстрѣчу Ромодановскому, но остановился близъ села Диканьки, на урочищѣ «Сербинское поле» и, вѣроятно, готовъ былъ сдаться. Между тѣмъ, гетманъ правобережной Украйны Петръ Дорошенко, котораго уже давно звали къ себѣ многіе лѣвобережные полки, переправился черезъ Днѣпръ и двинулся къ Опошнѣ. На пути онъ наткнулся на лагерь Брюховецкаго, остановился вблизи и позвалъ Брюховецкаго въ свой лагерь. Насильно приведеннаго туда Брюховецкаго встрѣтилъ градъ всеобщихъ упрековъ, обвиненій и оскорбленій. «За вкриченіемъ нѣкіихъ словъ отъ Дорошенки къ Бруховецкому», Дорошенко приказалъ приковать Брюховецкаго къ пушкѣ и при этомъ сдѣлалъ знакъ рукой. Толпа забила его до смерти. Дорошенко потомъ утверждалъ, что онъ не велѣлъ убивать Брюховецкаго. Тѣло его было перевезено въ Гадячъ и похоронено въ тамошней соборной церкви Богоявленія, имъ же самимъ построенной; при погребеніи ему, по желанію Дорошенки, были оказаны всѣ гетманскія почести.

Н. Костомаровъ, Историческія монографіи и изслѣдованія, т. XV.—С. Е.,—«Гетманство Брюховецкаго» («Кіевская Старина» 1885 г., Августъ).—В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, вып. I. Кіевъ, 1885.—Лѣтописи: Величка, Грабянки.—С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи.—Д. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи. — Петръ Симоновскій, «Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ» («Чтенія Моск. Общества исторіи и древностей» 1847 г., № 2, стр. 88—94).—Малороссійск. лѣтописи въ «Россійскомъ Магазинѣ» Ѳ. О. Туманскаго 1793 г., ч. III, стр. 69—154.—Акты Южной и Западной Россіи, изд. Археограф. Комиссіи.—А. Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Москва, 1848 г.—А. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, «Полкъ Стародубскій» (Кіевъ, 1888 г.), стр. 183, т. III «Полкъ Прилуцкій» (Кіевъ, 1902 г.), стр. 236, 352.—«Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.» («Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1847 г., № 6, стр. 30—31).—А. С. Клевановъ, «Пріѣздъ гетмана Ивана Бруховецкаго въ Москву» («Московскія Губернск. Вѣдомости» 1852 г., № 15 и 16).—«Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣловерскимъ», т. I, Кіевъ, 1856 г., стр. 29—32.—Энциклоп. словари: Плюшара, Березина, Старчевскаго, Толля, Клюшникова, Брокгауза-Ефрона, Большая энциклопедія.—«Сборникъ Императ. Историч. Общества», т. XLIII.—Дворцовые разряды, т. III.

Вл. Грековъ.

Брянская, *Анна Матвѣевна,* драматическая актриса, род. въ 1796 г., ум. въ Петербургѣ 4 августа 1878 г. Она была ученицей кн. Шаховского и впервые дебютировала 8 февраля 1814 г. въ опереткѣ «Казакъ-стихотворецъ», въ роли Маруси, подъ фамиліей Степановой. Выйдя нѣсколько позже замужъ за Я. Г. Брянскаго, она, наряду съ мужемъ, занимала видное мѣсто въ петербургской русской драматической труппѣ. Отличаясь красивою наружностью, она проявляла въ игрѣ много простоты и непосредственнаго чувства и пользовалась извѣстностью. Помимо драмъ, Брянская нерѣдко выступала въ комедіяхъ и опереткахъ, обнаруживая и комическій талантъ. Среди товарищей по сценѣ Брянская пользовалась искреннею любовью. Еще до смерти мужа (въ февралѣ 1853 г.) Брянская покинула сцену, но не переставала живо интересоваться всѣмъ, происходившимъ въ театральной жизни и почти до самой смерти слѣдила за текущею литературою и театромъ.

П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра. СПб. 1861.—А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ. Спб. 1877.—Г. М. Максимовъ, Свѣтъ

и тѣни петербургской драматической труппы (1846–1876). — А. Я. Головачева-Панаева, Русскіе писатели и артисты. 1824–1870. Спб. 1890.— Некрологи: въ «Новомъ Времени» 1878 г., № 875; въ «Петербургскомъ Листкѣ» 1878 г., № 153; во «Всеобщемъ Календарѣ» Гоппе на 1880 г.

Брянскіе удѣльные князья. Первымъ изъ нихъ лѣтописи упоминаютъ кн. *Романа*, сына кн. Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Въ 1263 г. онъ выдавалъ свою дочь Ольгу за кн. Владиміра Васильковича Волынскаго и, во время сговора, получилъ вѣсть о нападеніи на его волость Литвы, посланной Миндовгомъ. Немедленно выступивъ на встрѣчу непріятелю, Романъ одержалъ блестящую побѣду, при чемъ самъ былъ раненъ. Разсѣявъ Литву, Романъ вернулся въ Брянскъ и, отпраздновавъ здѣсь свадьбу дочери, отпустилъ ее съ мужемъ на Волынь, въ сопровожденіи старшаго сына своего *Михаила* и бояръ. Въ 1274 г. кн. Романъ, по приказу Татарскаго хана Менгу-Темира, ходилъ на Литву, въ помощь Галицко-Волынскимъ князьямъ, но опоздалъ къ Новугородку Литовскому, гдѣ скопилась вся русская и татарская сила. Придя къ этому городу лишь на другой день послѣ его взятія и разграбленія, кн. Романъ разгнѣвался, что его не дождались, отказался отъ дальнѣйшаго похода и вернулся въ Брянскъ. Зять его, кн. Владиміръ Волынскій, звалъ его къ себѣ въ гости, но Романъ отказался, ссылаясь на то, что ему надо отвести войско домой, и отпустилъ къ кн. Владиміру только сына своего *Олега*, который также принималъ участіе въ походѣ къ Новгородку. Въ 1285 г. кн. Романъ ходилъ ратью къ Смоленску и пожегъ пригородъ смоленскій. Есть еще недостовѣрное извѣстіе, что въ 1305 г. кн. Романъ былъ разбитъ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, который послѣ этого присоединилъ Брянскъ къ своимъ владѣніямъ. Дѣло въ томъ, что и послѣ этого года мы находимъ на брянскомъ столѣ князей Рюрикова племени, только ужъ не черниговской, а смоленской вѣтви, потомковъ смоленскаго князя Глѣба Ростиславича. Такъ, въ 1310 г. на Брянскомъ столѣ сидѣлъ кн. *Святославъ*, кажется, сынъ кн. Глѣба Ростиславича, согнанный въ 1303 г. съ можайскаго стола кн. Георгіемъ Даніиловичемъ и отведенный въ плѣнъ въ Москву. Въ 1310 г. на него пошелъ ратью, получивъ помощь отъ татаръ, кн. *Василій Александровичъ*, племянникъ Святослава, сынъ смоленскаго кн. Александра Глѣбовича. Тщетно митрополитъ Петръ, находившійся тогда въ Брянскѣ, совѣтовалъ кн. Святославу подѣлиться волостью съ кн. Василіемъ, либо бѣжать изъ Брянска; Святославъ, надѣясь на преданность брянчанъ, выступилъ навстрѣчу кн. Василію, но брянчане ему измѣнили и при первомъ столкновеніи съ смоленской ратью обратились въ бѣгство. Святославъ мужественно оборонялся съ одною своею дружиною и былъ убитъ. Не пользовался любовью брянчанъ и сынъ Святослава, кн. *Глѣбъ*: въ 1340 г. брянчане возмутились противъ него и убили его, несмотря на увѣщанія бывшаго тогда въ Брянскѣ митрополита Ѳеогноста. Въ 1341 г. Іоаннъ Іоанновичъ, будущій великій князь московскій, женился на дочери князя *Димитрія Романовича* Брянскаго, который былъ сыномъ смоленскаго князя Романа Глѣбовича и упоминается еще въ 1311 г., какъ начальникъ новгородской рати, ходившей на Емьскую землю. Своимъ предшественникамъ на брянскомъ столѣ, Глѣбу Святославичу и Василію Александровичу, кн. Димитрій приходился двоюроднымъ братомъ. Послѣднимъ брянскимъ княземъ Рюрикова племени былъ *Романъ Михайловичъ*, который въ 1380 г. участвовалъ въ походѣ московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича на Тверь, а въ 1401 г. литовскій великій князь Витовтъ посадилъ его намѣстникомъ въ Смоленскъ, но смольняне въ томъ же году возстали противъ литовской власти и убили князя Романа. Вдова его и дѣти были отпущены на волю. Брянскимъ удѣломъ кн. Романъ уже не владѣлъ: въ то время въ Брянскѣ сидѣлъ князь литовскаго племени, Димитрій Ольгердовичъ, упоминаемый, какъ князь брянскій съ 1372 г.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Брянскій (до поступленія на сцену Григорьевъ), *Яковъ Григорьевичъ*, актеръ, род. въ 1790 г., ум. 20 февраля 1853 г. въ Петербургѣ. Сынъ бѣднаго чиновника, Григорьевъ получилъ самое скромное образованіе. Еще не достигши четырнадцати лѣтъ, онъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, поступилъ копіистомъ въ сенатъ, гдѣ сравнительно скоро дослужился до классснаго чина, а три года спустя былъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря и получилъ обѣщаніе мѣста повытчика въ недалекомъ будущемъ. Но, пристрастившись къ театру, особенно къ трагедіи, онъ рѣшилъ до-

биться поступленія на сцену и съ этою цѣлью въ концѣ іюля 1811 г. отправился къ князю Шаховскому. У послѣдняго былъ вечеръ, на которомъ присутствовали, между прочимъ, И. А. Крыловъ, П. А. Катенинъ и другіе. По предложенію князя Шаховского, Григорьевъ прочиталъ передъ этимъ собраніемъ роль Полиника, изъ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ»; выразительное чтеніе Григорьева и его звучный голосъ вызвали всеобщія одобренія, и князь Шаховской рѣшилъ принять его на сцену. Въ то время на Императорской сценѣ господствовала труппа, во главѣ которой стоялъ знаменитый Яковлевъ, а князь Шаховской изъ воспитанниковъ театральнаго училища образовалъ «молодую труппу», дававшую спектакли въ Кушелевскомъ театрѣ (впослѣдствіе помѣщеніе Главнаго Штаба); въ этой труппѣ развились такіе таланты русской сцены, какъ Брянскій, Сосницкій, Рамазановъ, Величкинъ и другіе. Въ эту «молодую труппу» и принялъ князь Шаховской Григорьева, впослѣдствіи всегда игравшаго главныя роли съ Ширяевою, вышедшею позже замужъ за Яковлева. Для пробы князь Шаховской далъ Григорьеву роль Брянскаго, наперсника Димитрія Донского и выпустилъ его на сцену подъ фамиліей Брянскаго, которую послѣдній удержалъ за собою навсегда. Свою роль Брянскій исполнилъ сравнительно хорошо, но не былъ замѣченъ публикой. Первымъ серьезнымъ сценическимъ опытомъ Брянскаго былъ его дебютъ 7 сентября 1811 г. въ роли «Влюбленнаго Шекспира», въ переводной комедіи Д. Языкова того же названія. Въ этой пьесѣ, написанной Дювалемъ для Тальмы, на русской сценѣ до того времени роль Шекспира исполнялъ Яковлевъ. Это обстоятельство, въ связи съ присутствіемъ самого Яковлева на дебютѣ, въ значительной степени усложнило задачу молодого актера, но онъ сумѣлъ не потеряться и проявить недюжинный сценическій талантъ; самъ Яковлевъ оцѣнилъ талантливую игру новичка и поощрилъ его къ продолженію сценической дѣятельности. Такъ какъ «молодая» труппа испытывала весьма чувствительный недостатокъ въ любовникахъ, то князь Шаховской предоставлялъ Бранскому роли исключительно этого рода. Слѣдуя совѣту И. А. Крылова, князь Шаховской выпускалъ Брянскаго преимущественно въ драмахъ и комедіяхъ, не позволяя ему выступать въ трагедіяхъ, къ которымъ Брянскій чувствовалъ особенно сильное стремленіе. Вскорѣ Брянскій выступилъ въ возобновленной комедіи Ефимьева «Преступникъ отъ любви, или братомъ проданная сестра» (въ роли Безразсудова), въ «Казакѣ-Стихотворцѣ» князя Шаховского и другихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Въ концѣ 1814 г. онъ поступилъ въ большую труппу, выступивъ въ ней впервые въ незначительной роли графа Пронскаго къ комедіи князя Шаховского «Полубарскія затѣи»; значительный успѣхъ имѣлъ Брянскій въ другой комедіи князя Шаховского «Липецкія воды». Брянскій не переставалъ добиваться возможности выступить въ трагедіи, и князь Шаховской принужденъ былъ, наконецъ, уступить его просьбамъ. Не желая выпускать Брянскаго въ тѣхъ трагическихъ роляхъ, въ которыхъ пожиналъ лавры Яковлевъ, князь Шаховской перевелъ для него съ французскаго трагедію «Абуфаръ». Въ этой пьесѣ главныя роли играли Брянскій и К. Семенова. Въ своей игрѣ Брянскій обнаружилъ необыкновенную задушевность и естественность и имѣлъ у публики серьезный успѣхъ. Господствовавшая въ то время классическая манера не допускала простоты въ игрѣ и требовала произнесенія стиховъ на распѣвъ, считая иное чтеніе униженіемъ искусства. Тѣ немногіе, которые понимали несостоятельность такой манеры, не рѣшались, однако, вслухъ осуждать ее, такъ какъ общество слишкомъ сжилось съ этимъ предразсудкомъ. Своею сравнительно безыскусственною игрою и художественно-естественною читкой Брянскій старался бороться съ этимъ пережиткомъ ложноклассицизма. Еще большій успѣхъ встрѣтилъ Брянскаго въ трагедіи Вольтера «Китайская сирота», гдѣ онъ далъ вѣрную и рельефную характеристику главнаго лица. Еще при своей жизни Яковлевъ передавалъ Брянскому нѣкоторыя изъ своихъ ролей (при этомъ первое время Брянскій въ своей игрѣ подражалъ Яковлеву). Когда же Яковлевъ умеръ (въ 1817 г.), къ Брянскому постепенно перешли почти всѣ роли его репертуара. Онъ началъ съ двухъ лучшихъ и сильнѣйшихъ ролей Яковлева: Іодая въ «Гоѳоліи» и Отелло. Въ обѣихъ пьесахъ онъ имѣлъ большой успѣхъ и былъ признанъ достойнымъ преемникомъ Яковлева. Насколько разви-

лось уже въ это время дарованіе Брянскаго, и насколько онъ самъ былъ увѣренъ въ немъ, видно изъ того, что Брянскій рѣшился, спустя незначительное время по смерти Яковлева, играть роль «Танкреда», въ которой Яковлевъ, по отзывамъ современниковъ, былъ неподражаемъ. Исполненіе этой роли окончательно упрочило за Брянскимъ любовь публики. Въ 1820 г. появился знаменитый трагикъ Каратыгинъ, который выступилъ въ «Фингалѣ» и своею игрою увлекъ публику. Его быстрая и блестящая слава заставила Брянскаго, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ счастливымъ соперникомъ, отступить на второй планъ: продолжая оставаться попрежнему любимцемъ публики, Брянскій былъ принужденъ уступить Каратыгину весьма значительную часть своихъ ролей и перейти на амплуа благородныхъ отцовъ, царей и резонеровъ; неоднократно онъ, однако, выступалъ и въ роляхъ репертуара Каратыгина съ прежнимъ успѣхомъ. Въ новомъ амплуа Брянскій сумѣлъ выказать себя такимъ же большимъ талантомъ, какъ и въ прежнемъ, и создалъ цѣлый рядъ блестящихъ ролей этого рода, напр.: Филиппа въ «Донъ-Карлосѣ», Христіерна въ «Іоаннѣ Финляндскомъ», Минина въ «Рука Всевышняго отечество спасла», Эдипа, Шейлока, Цедрике въ «Ивангое», Уголино и др. Не разъ Брянскій не безъ успѣха пробовалъ выступать и въ роляхъ комическихъ, какъ напр.: въ «Горѣ отъ ума» (роль Фамусова), въ «Домашнемъ спектаклѣ» Загоскина, «Эзопѣ у Ксанѳа» князя Шаховского и др. Одною изъ особенностей Брянскаго, какъ артиста, была замѣчательная обширность репертуара: онъ игралъ Яго (въ «Отелло»), Кизляръ-Ага (въ «Роксоланѣ»), Франца Моора (въ «Разбойникахъ»), Миллера (въ «Коварство и Любовь»), Стерна (въ «Фингалѣ») и т. д. Вообще, Брянскій замѣчательно внимательно относился къ изученію ролей. Въ 1841 г. Брянскій покинулъ сцену, но, вслѣдствіе непривычки къ бездѣйствію, вскорѣ вновь вернулся. Онъ выступилъ въ бенефисъ г-жи Дюръ, въ комедіи «Эзопъ у Ксанѳа» и былъ радушно привѣтствованъ публикой. Дирекція театровъ предложила Брянскому выгодныя условія, и онъ вновь поступилъ на сцену, но оставался на ней лишь около трехъ лѣтъ, такъ какъ почувствовалъ ослабленіе памяти; выйдя снова въ отставку, онъ уѣхалъ въ Самару, надѣясь въ лучшемъ климатѣ поправить разстроенное здоровье. Но онъ не смогъ болѣе года выдержать однообразіе провинціальной жизни, возвратился въ Петербургъ, во второй разъ вернулся на сцену и оставался на ней уже до самой смерти. Умеръ онъ отъ припадка холеры, неожиданно для всѣхъ, такъ что имя его было названо на афишѣ въ числѣ участвующихъ въ день его смерти: онъ долженъ былъ играть роль Квазимодо въ «Эсмеральдѣ». Погребенъ онъ на кладбищѣ св. Митрофанія въ Петербургѣ. Брянскому принадлежитъ стихотворный переводъ «Жизни и смерти Ричарда III» Шекспира, обличающій въ немъ несомнѣнные литературные задатки; для одного изъ своихъ бенефисовъ онъ переложилъ съ французскаго мелодраму «Польдеръ, амстердамскій палачъ». Въ частной жизни Брянскій былъ человѣкомъ благороднѣйшихъ правилъ, отличался замѣчательною добротою и привѣтливостью, всегда пользовался искренней любовью товарищей. Въ его домѣ собирались лучшіе артисты и многіе писатели того времени, и не одна семья артистовъ не славилась тогда такимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, какъ семейство Брянскихъ.

«Я. Г. Брянскій», біографическій очеркъ въ «Пантеонѣ» 1853 г., томъ IX, № 6, стр. 35—46.—«Я. Г. Брянскій», статья Р—а въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1868 г., № 17.—Некрологи въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г., мартъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» 1853 г., № 44, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1853 г. № 43.—А. И. Вольфъ, Хроника Петербургскихъ театровъ.—А. Я. Головачева-Панаева, Русскіе писатели и артисты (1824—1870). Спб., 1890.—П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861.—Г. М. Максимовъ, Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы (1846—1876).—И. И. Панаевъ, Литературныя воспоминанія. Спб. 1888.—«Закулисный экспромтъ Я. Г. Брянскому» въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1846 г., т. XIII, № 2, стр. 473.—Статья о Брянскомъ В. П. въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» 1853 г., № 10.—Словари: Геннади и Брокгауза-Ефрона.

Вл. Гр.

Брянцевъ, *Никандръ Ивановичъ*, протоіерей, миссіонеръ и благотворитель, род. 20 сентября 1824 г. въ Капецкомъ погостѣ, новгородской губерніи, тихвинскаго уѣзда, ум. 6 февраля 1888 г. въ Петербургѣ. Брянцевъ былъ сыномъ бѣднаго деревенскаго діакона Іоанна Корнильевича и сначала воспитывался дома, а въ 1833 г. поступилъ въ тихвинское духовное училище. Здѣсь училищное начальство дало

ему сначала фамилію «Лавровъ», а потомъ—«Брянцевъ»; вторая за нимъ навсегда и осталась. По окончаніи духовнаго училища, Брянцевъ поступилъ въ новгородскую духовную семинарію, откуда перешелъ въ петербургскую, а затѣмъ поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, которую окончилъ по первому разряду въ 1849 г. съ правомъ на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Сначала Брянцевъ поступилъ преподавателемъ въ Александро-Невское духовное училище, а затѣмъ занялъ должность секретаря правленія и помощника инспектора въ с.-петербургской семинаріи. Прослуживъ около четырехъ лѣтъ по духовно-учебному вѣдомству, Брянцевъ, въ началѣ февраля 1853 г., принялъ санъ священника и былъ опредѣленъ къ Александро-Невской церкви Аничковскаго дворца, гдѣ и оставался до выхода въ отставку, т. е. болѣе тридцати лѣтъ. Особенно много трудовъ и времени посвятилъ Брянцевъ «Пріюту для крещаемыхъ и крещенныхъ въ православную вѣру еврейскихъ дѣтей». Этотъ пріютъ вначалѣ былъ частнымъ учрежденіемъ, создавшимся по инціативѣ Маріи Ноевны Бирчъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX-го столѣтія и имѣвшимъ цѣлью оказывать помощь крестившимся евреямъ, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ. Въ іюнѣ 1868 г., когда этимъ пріютомъ завѣдывала Т. Б. Потемкина, послѣдняя пригласила Брянцева «для непосредственнаго руководства въ дѣлѣ вѣры и нравственности, для сбора и расхода денегъ и для веденія другихъ дѣлъ по обращенію и устройству евреевъ, ищущихъ православія». Независимо отъ этого пріюта, Брянцевъ еще съ 1865 г. дѣятельно приготовлялъ евреевъ ко крещенію, совершалъ самое таинство и пріискивалъ мѣста или занятія новокрещеннымъ. Устроивъ ихъ матеріальное положеніе, Брянцевъ старался и въ дальнѣйшемъ не терять ихъ изъ вида и помогать, въ случаѣ надобности, изъ своихъ небольшихъ средствъ. Всего за время своей жизни Брянцевъ обратилъ въ православіе до тысячи евреевъ. Помимо своихъ заботъ о новообращенныхъ, Брянцевъ помогалъ всѣмъ обездоленнымъ. Въ іюнѣ 1867 г., по ходатайству Т. Б. Потемкиной, совѣтомъ Миссіонерскаго общества были переданы Брянцеву сборныя и расходныя книги въ пользу евреевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено управленіе всѣми дѣлами пріюта. Пріютъ содержался на средства частныхъ благотворителей. Брянцевъ умѣлъ привлекать много пожертвованій, поступавшихъ даже и изъ-за границы. Желая расширить дѣятельность пріюта и упрочить его существованіе, Брянцевъ возбудилъ передъ главнымъ попечителемъ Человѣколюбиваго общества, митрополитомъ Исидоромъ, ходатайство о причисленіи пріюта въ вѣдомство этого общества, что и было исполнено 27 августа 1870 г., причемъ Императоръ Александръ II назначилъ августѣйшею покровительницею этого учрежденія великую княжну Марію Александровну. Брянцевъ продолжалъ завѣдывать пріютомъ въ качествѣ исполняющаго обязанности попечителя (и нѣкоторое время—товарища попечителя). Въ 1873 г. стараніями Брянцева въ пріютѣ была устроена домовая церковь во имя св. Іоанна Крестителя. Вскорѣ пріютъ перестала принимать взрослыхъ, которымъ стали оказываться лишь денежныя пособія, и былъ наименованъ «Пріютомъ для крещаемыхъ и крещенныхъ въ православную вѣру еврейскихъ дѣтей». Надломивъ тяжелыми трудами свое здоровье, Брянцевъ въ 1884 г. вышелъ въ отставку, продолжая однако завѣдывать пріютомъ. Вся жизнь Брянцева была посвящена дѣлу служенія несчастнымъ. Своимъ виднымъ служебнымъ положеніемъ и широкимъ знакомствомъ съ богатыми и вліятельными людьми Брянцевъ пользовался для облегченія участи тѣхъ, которые обращались къ нему за помощью. Съ этою же цѣлью онъ велъ широкую переписку какъ съ частными лицами, такъ и съ различными учрежденіями, не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границею. Брянцевъ имѣлъ ордена св. Анны 2 степени съ императорской короной и св. Владиміра 3 степени, пять золотыхъ наперсныхъ крестовъ, палицу и два бриллiантовыхъ перстня. Похороненъ Брянцевъ на Волковскомъ кладбищѣ.

«Протоіерей Никандръ Іоанновичъ Брянцевъ и его дѣятельность, въ связи съ исторіею Маріинско-Сергіевскаго пріюта», біографич. очеркъ съ портр., С.-Петербургъ, 1889 г.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей.—Некрологи: въ «Благовѣстѣ» 1888 г., № 5, въ «Минутѣ» 1888 г., № 37, въ «Сынѣ Отечества» 1888 г., № 38, въ «Петербургскомъ Листкѣ» 1888 г., № 37, въ «Петербургской Газетѣ» 1888 г., № 38, въ «Всемірной Иллюстраціи» 1888 г., № 995.

Брянцовъ, *Андрей Михайловичъ*, ординарный профессоръ философіи московскаго университета, магистръ философіи и свободныхъ наукъ, писатель, сынъ причетника, род. въ 1749 г. въ Одигитріевской пустыни, вологодской губ., ум. 26 января 1821 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса въ вологодской духовной семинаріи, онъ пѣшкомъ, съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ, пришелъ въ Москву и поступилъ въ славяно-греко-латинскую академію. Окончивъ въ 1770 г. курсъ богословскихъ и философскихъ наукъ, Брянцовъ поступилъ въ число студентовъ московскаго университета, гдѣ слушалъ курсы юриспруденціи, естественной исторіи, физики и математики, философіи умозрительной и нравственной, а также изучилъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій; за успѣхи въ наукахъ онъ въ 1772 и 1776 г.г., получилъ серебряныя медали. Въ 1779 г. Брянцовъ опредѣленъ учителемъ латинскаго и греческаго языковъ въ университетскую гимназію и, кромѣ того, въ старшемъ классѣ гимназіи преподавалъ славянскую словесность; въ 1784 г. назначенъ эфоромъ казенныхъ учениковъ и студентовъ университета и занималъ эту должность до 1804 г. Въ 1787 г. Брянцовъ защитилъ разсужденіе «De criterio veritatis» и получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ московскаго университета, а въ 1795 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора по каѳедрѣ логики и метафизики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1791 г. по 1795 г. Брянцовъ исполнялъ обязанности цензора книгъ, печатаемыхъ въ университетской типографіи, а съ 1804 по 1806 г. былъ членомъ училищнаго комитета и директоромъ педагогическаго института, и пять разъ былъ избираемъ деканомъ этико-политическаго отдѣленія университета; кромѣ того, въ 1806 и 1807 г.г. онъ обозрѣвалъ училища въ тульской и вологодской губ.; въ 1809 г., за исполненный имъ, по порученію попечителя учебнаго округа М. Н. Муравьева, переводъ соч. Фергюссона: «Начальныя основанія нравственной философіи» (Москва, 1804 г.), Всемилостивѣйше награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ, а въ 1819 г., за ревностную службу и отличные труды, орденомъ св. Владиміра 4-й степ. Въ области философіи Брянцовъ являлся послѣдователемъ Канта, систему котораго и развивалъ въ своихъ лекціяхъ, руководствуясь, при этомъ, курсами философіи Снеля и Матерна Рейса, переведенными имъ на русскій языкъ. Эти переводы не были напечатаны и сгорѣли во время пожара 1812 года, вмѣстѣ съ библіотекой Брянцова, состоявшей изъ рѣдкихъ книгъ. Кромѣ указанныхъ выше трудовъ, Брянцовъ написалъ: 1) Compendium antiquitatum Graecarum, 1798 г.; 2) Шеллерово сокращенное латинское языкоученіе, или грамматика, 1787 г.; 3) О связи вещей во вселенной, 1790 г., и 4) О законахъ природы, 1799 г., — двѣ рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ университета. Затѣмъ, въ бытность студентомъ, онъ участвовалъ, по приглашенію проф. Десницкаго, въ переводѣ съ англійскаго соч. Блакстона: «Истолкованіе англійскихъ законовъ». Кромѣ того, имъ переведены замѣчанія Герве на упомянутое выше сочиненіе Фергюссона, которыя остались, впрочемъ, ненапечатанными.

Біограф. слов. професс. москов. универ. I, 109. - Отчетъ москов. унив. за 1820 — 21 г.г.— Исторія философіи Гавріила, VI, 74—76.—«Русск. Арх.» 1875 г., кн. 11, стр. 376.—«Студенч. воспом. 1818—1822 г.г.», Ф. В. Ляликова.—Старина русской земли, Ив. Мих. Снегирева, С.-Пб. 1871 г.— Словари: Евгенія, Плюшара, Андреевскаго, Геннади, Березина, Старчевскаго, Клюшникова, Толля.

Бубликовъ, *Тимоѳей*, актеръ-танцовщикъ XVIII вѣка. Бубликовъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ танцовщиковъ. Хореграфическому искусству онъ обучался у Ланде и настолько въ немъ успѣлъ, что не уступалъ лучшему танцовщику тогдашней итальянской труппы, французу Лебрену. На придворной службѣ Бубликовъ состоялъ съ 1764 г., причемъ жалованья получалъ по 300 р. въ годъ. Въ октябрѣ 1764 г., по Высочайшему указу придворной конторѣ, онъ былъ отпущенъ «для лучшаго танцованію обученія» за границу, «и для того его съѣзду выдано 150 р.; а въ бытность его въ тѣхъ чужихъ краяхъ и для обратнаго съѣзда производить ему, къ производимому нынѣ жалованью, къ 300 р., по 200 р. въ годъ». 1 января 1785 г. Бубликовъ, «за ненадобностью», былъ уволенъ отъ службы, съ аттестатомъ и съ назначеніемъ ему отъ Императорскаго кабинета, изъ театральной суммы, 1500 р. пенсіи.

«Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ» Спб., 1892 г., отд. I, 13, 30, отд. II, 77, 218, 286,

298, 396, отд. III, 75.—П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра. 1861, стр. 33.—? (А. Скальковскій), Танцы, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Спб. 1886, стр. 152, 159.—Записки о русскомъ театрѣ Сумарокова.—В. О. Михневичъ, «Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ» («Историческіе этюды русской жизни», т. II-й), стр. 301.—Камеръ-фурьер. журн. 1760 г., 70.

Бубновъ, *Николай Александровичъ*, врачъ, род. въ Петербургѣ 14 ноября 1851 г., ум. тамъ-же 18 декабря 1884 г. Сынъ офицера, Бубновъ учился въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, 8 декабря 1875 г. окончилъ курсъ, удостоенъ званія лѣкаря съ отличіемъ и награжденъ похвальнымъ листомъ; затѣмъ Бубновъ былъ оставленъ по конкурсу при академіи на 3 года, для усовершенствованія въ такъ называемомъ «профессорскомъ институтѣ», избралъ своею спеціальностью внутреннія болѣзни и занялся практическимъ изученіемъ ихъ въ клиникѣ С. П. Боткина. 22 іюля 1876 г. онъ былъ командированъ, по собственному желанію, въ Сербію, въ подвижной лазаретъ Краснаго креста и здѣсь 5 мѣсяцевъ неутомимо трудился, какъ хозяинъ-администраторъ цѣлаго санитарнаго отряда, какъ хирургъ, подъ руководствомъ проф. Коломнина, и какъ терапевтъ. Вернувшись изъ Сербіи, Бубновъ снова было принялся за научную работу, но уже 5 мая 1877 г. вновь поѣхалъ въ санитарные отряды Дунайской арміи на все время войны. Здѣсь Бубновъ трудился неутомимо. Н. И. Пироговъ, при осадѣ Плевны, поручалъ ему важныя операціи, съ особеннымъ удовольствіемъ ему ассистировалъ и, наконецъ, взялъ его съ собой при объѣздѣ военныхъ госпиталей. Затѣмъ кн. Черкасскій телеграммой поручилъ Бубнову доставить цѣлый санитарный отрядъ съ большими запасами перевязочныхъ средствъ въ Казанлыкъ послѣ сраженія у этого города; Бубновъ съ своимъ обозомъ ночью, въ 18 часовъ, сдѣлалъ тяжелый переходъ черезъ Шипку по маленькой тропѣ и подалъ первую помощь раненымъ, оставленнымъ въ Казанлыкѣ ушедшими впередъ войсками. Здѣсь же Бубновъ заразился сыпнымъ тифомъ и, боясь заразить жившихъ съ нимъ товарищей, попросилъ отправить его въ госпиталь, гдѣ, среди массы больныхъ, былъ потерянъ изъ виду товарищами; въ полусознательномъ состояніи три дня онъ оставался безъ помощи и ухода, имѣя возможность утолять свою жажду только ледяными сосульками, опускавшимися около его окна. Едва оправившись отъ тифа, Бубновъ поспѣшилъ въ Санъ-Стефано, гдѣ снова заразился возвратной горячкой, отъ которой едва не умеръ. Награжденный по заключеніи мира орденомъ св. Владиміра 4-й ст., Бубновъ вернулся въ Петербургъ и снова принялся за ученую работу. Научная дѣятельность Бубнова началась еще въ то время, когда онъ былъ студентомъ и занимался подъ руководствомъ проф. В. А. Манасеина; въ 1874 и 1875 г.г., онъ напечаталъ двѣ клиническія работы, а послѣ окончанія курса занялся изслѣдованіемъ физіологическаго вліянія и лѣчебнаго дѣйствія горицвѣта. Это изслѣдованіе, напечатанное имъ въ 1878 и 1879 г.г. имѣло очень большое научное значеніе и впослѣдствіи было переведено на нѣмецкій языкъ. Горицвѣтъ нашелъ себѣ обширное примѣненіе въ терапіи, и съ тѣхъ поръ русскіе врачи обладаютъ при борьбѣ съ сердечными болѣзнями могущественнымъ оружіемъ. Это-же изслѣдованіе послужило Бубнову диссертаціей, и въ 1880 г. онъ получилъ въ академіи степень доктора медицины. 20 мая того-же года онъ былъ командированъ на казенный счетъ на 2 года за границу для научнаго усовершенствованія; тамъ онъ занимался микроскопической анатоміей и другими естественными науками, необходимыми для врача, и произвелъ различныя научныя изслѣдованія. Между прочимъ, онъ, вмѣстѣ съ бреславльскимъ проф. Гайденгайномъ, выполнилъ работу по нервной физіологіи: «Bubnoff und Heidenhain, Ueber Erregungs- und Hemmungs-Vorgänge innerhalb der motorischen Hirncentren». Возвратясь изъ-за границы, Бубновъ долженъ былъ служить въ военномъ вѣдомствѣ за пользованіе казенной стипендіей во время заграничнаго путешествія, а такъ какъ въ академіи не было вакантнаго мѣста, то онъ получилъ назначеніе на должность полкового младшаго ординатора въ Житомірѣ, гдѣ и пробылъ, пока не открылось въ клиникѣ Боткина вакансіи ассистента. 25 апрѣля 1884 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности, но въ томъ-же году заразился дифтеритомъ, изслѣдуя больного ребенка, и умеръ. С. П. Боткинъ посвятилъ его памяти блестящую рѣчь. Въ академической терапевтической клиникѣ былъ помѣщенъ

портретъ Н. А. Бубнова, который находится противъ портрета его учителя. Бубновъ оставилъ клиникѣ значительную библіотеку и очень цѣнный полиграфъ для физіологическихъ изслѣдованій. Печатные труды его: 1) Случай раковаго суженія пищевода, (совмѣстно съ Крузенштерномъ), («Военно-Медиц. Журналъ» ч. 120, 1874 г., III, 1—12. — Рефератъ въ «Мед. Обозр.» 1876 г., V, 195).—2) Объ употребленіи теплыхъ ваннъ противъ потовъ у чахоточныхъ (тамъ-же, ч. 124, 1875 г., III, 67—91).—Извлеченіе въ «Моск. Врач. Вѣстникѣ» 1874—75 г., 31.—3) Физіологическое и терапевтическое дѣйствіе растенія adonis vernalis на кровообращеніе (Протоколы засѣд. С.-Пб. Общ. Русск. Врачей, 1878—79 г., II, 434).—Тоже въ «Архивѣ» Боткина, т. V, 1879 г., вып. 2. стр. 333—366.—Тоже (въ окончат. видѣ) дисс., Спб. 1880 г.—Рефер. въ «Мед. Обозр.» 1879 г.—4) Случай усиленнаго пота на одной сторонѣ лица («Арх.» Боткина, т. V, 1879 г., вып. II, стр. 447—451).—Реф. въ «Мед. Обозр.». 1880 г.—5) О вліяніи повышеннаго артеріальнаго давленія на внутр. оболочку сердца (предвар. сообщеніе; «Архивъ» Боткина, т. VI, 1880 г., стр. 252—256).—6) Кожныя железы кошки и ихъ измѣненія («Arch. für microscop. Anatomie», т. XX, стр. 109).—Рефер. въ «Междунар. клин.» 1882 г., стр. 366. — 7) Вліяніе гидрата окиси желѣза и солей закиси желѣза на искусственное пищевареніе и на гніеніе въ присутствіи панкреатической железы («Еженед. Клин. Газета» Боткина, 1883 г., 39, и 1884 г. 1—6).—8) Упомянутая выше работа, совмѣстно съ Гайденгайномъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

Дѣла Главн. В.-Мед. Упр., I столъ I отдѣленія, кондуитн. книга 36, № 9382 —«Русская Медицина» 1884 г., № 48.—Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. IV, 1888.—А. I. Куценко, Историческій очеркъ каѳедры академич. терапевт. клиники И. В.-Мед. Акад. С.-Пб. 1898 г.—«Врачъ» 1900 г., № 1, стр. 19.—В. Верекундовъ, Историческій очеркъ каѳ. діагност. и общей терапіи въ И. В.-Мед. Академіи. С.-Пб. 1898 г.—Протоколы общ. русск. врачей въ СПб. 1884—85 г. (статья Боткина). *Н. Кульбинъ.*

Бубновъ, *Николай Дементьевичъ*, врачъ, вицедиректоръ медицинскаго департамента, род. въ Москвѣ 7 марта 1837 г., ум. въ Петербургѣ 19 іюля 1889 г.; учился въ III московской гимназіи, а затѣмъ — въ московскомъ университетѣ, въ 1861 г. окончилъ курсъ со степенью лѣкаря, въ 1862 г. выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и въ томъ-же году былъ опредѣленъ младшимъ врачемъ въ л.-гв. преображенскій полкъ. Въ 1864 г. онъ представилъ диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора медицины въ с.-петербургской медико-хирургической академіи. Въ 1866 г. Бубновъ былъ отправленъ военно-медицинскимъ департаментомъ на 2 года за границу для научнаго усовершенствованія. По возвращеніи въ Россію, онъ занялъ въ 1869 г. должность старшаго чиновника при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ то-же время сталъ личнымъ врачемъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, оставаясь и врачемъ преображенскаго полка. Съ этимъ полкомъ Бубновъ участвовалъ въ польскомъ походѣ 1863 г. и въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г. Кромѣ того, во время франко-прусской войны онъ состоялъ въ базельскомъ агентствѣ. Въ 1879 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ и врачемъ училища правовѣдѣнія, въ 1880 г.—консультантомъ при учрежденіяхъ Императрицы Маріи, а въ 1882 г.—вицедиректоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ онъ занялъ должность медицинскаго инспектора вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Кромѣ того Бубновъ былъ съ 1882 г. непремѣннымъ членомъ ветеринарнаго комитета и съ 1883 г. — совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ занимался и частной практикой и пользовался репутаціей опытнаго врача. Бубновъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ; какъ членъ Боткинской коммисіи, онъ составилъ и отчасти напечаталъ подробную записку о необходимости преобразованія въ постановкѣ гражданской врачебной администраціи; кромѣ того, онъ напечаталъ слѣдующіе труды: 1) Искривленія матки, механизмъ и условія ихъ образованія; дисс. С.-Пб. 1864 г.—2) Ueber die Organisation des Trombus («Virchow's Archiv», 1867, Bd. 44).—3) Beiträge zur Kentniss der Structur des Knorpels. Wien 1868. — 4) Акупрессура как средство останавливать кровотеченіе («Военно-Мед. Журн.» 1868 г.). — 5) Частная помощь нейтральныхъ государствъ въ войну 1870—71 гг. («Русск. Инвалидъ», 1873 г.). — 6) О сбереженіи здоровья солдата (изъ

лекцій, читанныхъ въ казармахъ полка). Солдатская книга. СПб. 1877 г.

«Врачъ» 1889 г., № 31, стр. 700.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. I, СПб. 1886 г.—«Русская медицина» 1889 г. № 28, стр. 446. *Н. К.*

Бугаевскій - Благодарный (Богаевскій), *Иванъ Семеновичъ*, портретный живописецъ, академикъ, род. 29 августа 1773 г, ум. въ 1859 г. Сынъ кіевскаго мѣщанина, онъ въ 1779 г. принятъ въ академическое училище, откуда въ 1794 г. выпущенъ мастеромъ. Былъ ученикомъ Щукина. Служилъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1822 г., въ чинѣ титулярнаго совѣтника, избранъ въ назначенные въ академики за написанный съ натуры портретъ гусарскаго офицера. 10 октября 1824 г. получилъ званіе академика за исполненный портретъ профессора исторической живописи Андр. Ив. Иванова въ настоящую величину (хранящійся въ настоящее время въ залѣ засѣданій совѣта академіи художествъ).

Архивъ И. Ак. Худ. (1822, № 79; 1824, № 91).—Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Акад. Худ. I и II.—Ровинскій, Словарь русскихъ граверов. портретовъ. *А. М.*

Бугреевъ, *Иванъ Астафьевичъ*, граверъ на мѣди, коллежскій регистраторъ, род. въ 1745 г., ум. въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ солдата, онъ въ 1756 г. взятъ былъ въ ученики въ гридоровальный департаментъ, гдѣ обучался у знаменитаго гравера Георга-Фридриха Шмидта. Въ реэстрѣ 1765 г. о работахъ гридоровальнаго департамента сказано, что Бугреевъ гравировалъ «учебную доску—1/2 л.». По реэстру чинамъ, состоявшимъ при академіи наукъ въ 1766 г., Бугреевъ получалъ жалованья 68 р. въ годъ. Ровинскій перечисляетъ 8 гравюръ его работы.

Ровинскій, Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—Его же, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. *А. М.*

Бугровъ, *Александръ*, математикъ, получилъ степень магистра отъ московскаго университета за «Разсужденіе, о движеніи эллиптическихъ тѣлъ небесныхъ» (Москва, 1820 г.), готовился къ профессорскому званію и собирался для того заграницу, но 25 августа 1821 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ. Кромѣ того, написалъ: «Разсужденіе о первомъ ходѣ и распространеніи наукъ вообще, или о двухъ началахъ изобрѣтательной способности человѣка, въ разсужденіи отношенія вещей къ самому себѣ и съ самимъ собою, т. е. отношенія и сравненія». М. 1814 г.

Словари: Плюшара, Толля, Геннади.—«Отечеств. Записки» 1821 г., ч. 8, стр. 270. — «Соревнов. Просвѣщ.» 1820 г., кн. X (отзывъ о диссертаціи).

Будаговъ, *Лазарь Захаровичъ*, доцентъ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ татарскаго языка, родомъ армянинъ, род. въ Астрахани 12 апрѣля 1812 г., ум. въ С.-Петербургѣ 30 декабря 1878 г. Учился въ астраханской гимназіи, затѣмъ слушалъ лекціи въ московскомъ, и впослѣдствіи въ казанскомъ университетѣ, гдѣ въ 1840 г. окончилъ курсъ кандидатомъ, съ золотою медалью. Затѣмъ Будаговъ три года состоялъ преподавателемъ персидскаго и татарскаго языковъ въ тифлисской гимназіи. Въ 1845 г. онъ былъ утвержденъ преподаватемъ татарскаго языка (адербейджанскаго нарѣчія) въ с.-петербургскомъ университетѣ и занималъ это мѣсто до 1870 г.—Печатные труды Будагова: 1) Объ ученіи Магомета и причины быстраго его распространенія (рѣчь, произнесенная въ Тифлисѣ въ 1841 г.). — 2) Краткій учебникъ татарскаго языка, Тифлисъ. 1844.—3) Практическое руководство къ турецко-татарскому адербейджанскому нарѣчію, Москва. 1857 (первая попытка примѣненія извѣстнаго метода Робертсона къ изученію восточныхъ языковъ). — 4) Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ, СПб. 1868—70 (вышло 3 выпуска).

Веселовскій, Свѣдѣнія объ оффиціальн. преподаваніи восточн. языковъ въ Россіи, въ Трудахъ 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ СПб. 1876, томъ I, стр. 201.—Григорьевъ, Имп. С.-Петербургскій унив. въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ, СПб. 1870, стр. 264.—Словари: Андреевскаго, Березина, Клюшникова, доп. къ Толлю.

Будаевскій, *Александръ Ивановичъ*, врачъ, ум. 27 іюля 1875 г. Происходя изъ духовнаго званія, Будаевскій 15 ноября 1823 г. поступилъ студентомъ въ учрежденный при московскомъ университетѣ институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, 13 іюня 1827 г., послѣ окончанія экзаменовъ, отправленъ для практики въ московскій военный госпиталь, 7 сентября того-же года утвержденъ въ званіи лѣкаря I отдѣленія (т. е. съ отличіемъ) и вскорѣ послѣ этого назначенъ въ 3 гренадерскую артиллерійскую бригаду, въ

1830 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1832 г. занялъ должность старшаго лѣкаря въ той-же бригадѣ, а въ слѣдующемъ году—старшаго лѣкаря въ новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1838 г. онъ поступилъ ординаторомъ въ старорусскій военный госпиталь, въ 1839 г. получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи званіе инспектора врачебнаго управленія, въ 1841 г. назначенъ старшимъ лѣкаремъ новгородскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, а въ 1842 г. уволенъ изъ военной службы для поступленія на должность помощника управляющаго с.-петербургскимъ инструментальнымъ заводомъ. Въ августѣ 1843 г. Будаевскій, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, занялъ, кромѣ должности на заводѣ, вакансію врача въ частной больницѣ Колчина съ правами государственной службы, и въ томъ же году удостоенъ въ петербургской медико-хирургической академіи званія медико-хирурга. 18 мая 1847 г. Будаевскій былъ опредѣленъ главнымъ лѣкаремъ въ старорусскій военный госпиталь, въ 1857 г. былъ прикомандированъ ко 2-му с.-петербургскому военно-сухопутному госпиталю, и здѣсь былъ ординаторомъ 2-го отдѣленія и работалъ подъ руководствомъ профессора Экка, а въ 1859 г. назначенъ младшимъ ординаторомъ въ московскій военный госпиталь; въ 1862 г. онъ занялъ должность помощника главнаго доктора въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ и тогда-же вторично прикомандированъ ко 2-му с.-петербургскому военно-сухопутному госпиталю. 9 декабря 1862 г. Будаевскій уволенъ отъ службы; имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4 ст.; напечаталъ: О лѣченіи Старорусскими водами въ тамошнемъ военномъ госпиталѣ въ 1849 г. («Военно-Медиц. Журналъ» 1850 г., ч. 56, отд. I).

Дѣла 1 стола I отдѣл. Гл. В.-Медиц. Упр., кондуитная книга 10, № 2282.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. I. СПб. 1886.—В. Верекундовъ, Истор. очеркъ каѳедры діагностики. СПб. 1898, стр. 148.

Н. Кульбинъ.

Будаковъ, *Василій*, переводчикъ-беллетристъ середины XVIII-го вѣка, изъ кадетскихъ учителей. Состоя гофрейторомъ, въ бытность свою въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, Будаковъ въ 1757 г. сдѣлалъ переводъ романа г-жи Фаньянъ: «Зерцало восточныхъ принцессъ». Этотъ переводъ остался въ рукописи и хранится въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

Архивъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній.

В. Грековъ.

Будберги, дворянскій и баронскій родъ, происходящій отъ рода вестфальскихъ Беннингаузенъ и въ XVI вѣкѣ раздѣлившійся на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна переселилась въ Лифляндію. Представители этого рода появляются на службѣ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка, на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ. Такъ, полковникъ Будбергъ предупреждалъ Императора Петра III въ 1762 г. о предстоящемъ переворотѣ въ пользу Императрицы Екатерины. Въ сентябрѣ 1768 г. полковникъ углицкаго пѣхотнаго полка фонъ-Будбергъ (быть можетъ, одно лицо съ предыдущимъ) былъ отправленъ въ Литву, съ наказомъ отъ военной коллегіи, для наблюденія за сеймиками и конфедераціями, а также для охраненія мирнаго населенія Литвы отъ разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ. Родовое имѣніе Будберговъ находится въ лифляндской губ. Въ немъ хранится фамильный архивъ, содержащій много цѣннаго историческаго матеріала.

Словарь Березина. — Осмнадцатый вѣкъ, П. Бартенева, кн. 3. М. 1869 г. — Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова, томъ I, кн. 2. Кіевъ, 1892.

Будбергъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, род. въ 1798 г., ум. 27 декабря 1876 г. Получивъ образованіе въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Будбергъ началъ службу въ 1814 г. инженеромъ въ чинѣ прапорщика и, 6 лѣтъ спустя, былъ уже капитаномъ, но, по разстроенному здоровью въ 1821 г. вышелъ въ отставку. Черезъ 2 года Будбергъ снова вступилъ на службу, въ харьковскій драгунскій полкъ, съ переименованіемъ въ ротмистры, откуда въ 1835 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну съ переводомъ въ л.-гв. конно-егерскій полкъ. На боевомъ поприщѣ Будбергъ впервые выступилъ на Кавказѣ, гдѣ въ 1827 г. съ отличіемъ участвовалъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, во многихъ сраженіяхъ персидской кампаніи; изъ числа послѣднихъ особеннымъ отличіемъ отмѣчено участіе его въ дѣлахъ: при рекогносцировкѣ крѣпости Сардаръ-Абада

(орденъ св. Анны 3 степ.), при рекогносцировкѣ-же за Араксомъ (орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ) и при покореніи Эривани, доставившемъ ему золотую саблю, съ надписью «за храбрость». Въ турецкой войнѣ 1828—29 г.г., находясь адъютантомъ послѣдовательно при генералъ-фельдмаршалахъ князѣ Витгенштейнѣ и графѣ Дибичѣ, онъ явился близкимъ участникомъ цѣлаго ряда военныхъ дѣйствій противъ непріятеля и особенно отличился въ сраженіяхъ подъ Шумлою (орденъ св. Анны 2 степ.), при покореніи Варны и въ битвѣ подъ Кулевчею, гдѣ за отличіе произведенъ въ полковники. Вслѣдъ за Кулевчинскимъ сраженіемъ, Будбергъ былъ посланъ главнокомандующимъ въ Вѣну съ важнымъ порученіемъ — изложить австрійскому императору результаты этой блистательной побѣды и представить въ настоящемъ видѣ критическое положеніе Турціи. По возвращеніи въ іюлѣ 1829 г. къ арміи, онъ участвовалъ въ переходѣ главныхъ силъ черезъ р. Камчикъ и Балканскія горы и въ послѣдовавшихъ затѣмъ дѣлахъ при г. Сливнѣ и при занятіи Адріанополя, послѣ чего былъ снова командированъ, на этотъ разъ—въ Константинополь, съ настоятельнымъ требованіемъ исполненія всѣхъ статей заключеннаго въ Адріанополѣ договора. Въ октябрѣ того-же года, Будбергъ, по порученію графа Дибича, представилъ Государю утвержденный султаномъ мирный трактатъ и былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. Война 1831 г. дала Будбергу рядъ новыхъ отличій; состоя адъютантомъ графа Дибича и исполняя различныя сложныя порученія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, не покидалъ и поля битвы. Сраженія при Калушинѣ, Минскѣ, Ваврѣ и, въ особенности, при Гроховѣ доставили ему званіе флигель-адъютанта Его Величества (21-го февраля 1831 г.), полученное имъ при личномъ донесеніи Государю о пораженіи поляковъ. Вернувшись къ арміи, онъ участвовалъ, съ авангардомъ войскъ, въ дѣлахъ: подъ Куфлевымъ, при Минскѣ и при крѣпости Залѣсцѣ. Затѣмъ, сопутствовалъ движенію отъ Пултуска летучаго казачьяго отряда генерала Власова, въ качествѣ начальника его штаба, и, послѣ покоренія Варшавы, находился при войскахъ генералъ-адъютанта барона Розена, во время преслѣдованія ими корпуса Ромарино. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, на Будберга было возложено, между прочимъ, участіе въ особой комиссіи, назначенной для запечатанія публичной библіотеки въ варшавскомъ университетѣ и библіотеки варшавскаго общества любителей наукъ и словесности. 6-го декабря 1836 г. Будбергъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, а въ 1843 г. — назначенъ на должность начальника черноморской береговой линіи. Съ этимъ назначеніемъ дѣятельность Будберга снова переносится на Кавказъ; здѣсь, 6-го декабря 1844 г., онъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта и ровно годъ спустя произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1853 г. состоялось опредѣленіе его чрезвычайнымъ и полномочнымъ комиссаромъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. 17 апрѣля 1860 г. онъ пожалованъ чиномъ генерала отъ кавалеріи, а въ 1867 г., въ день 50-ти-лѣтняго юбилея службы, награжденъ орденомъ Св. Владиміра I степени.

«Голосъ» 1876 г. № 360. — Словарь А. Старчевскаго.—Списки старшинства генераловъ 1876 г.

Д. С—въ.

Будбергъ, баронъ *Андрей* (*Gotthard*) *Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, род. въ 1750 г., ум. 19 октября 1812 г. Онъ началъ свою службу въ арміи; будучи въ чинѣ кадетскаго капитана, принималъ участіе въ масонствѣ, вначалѣ въ ложѣ подъ управленіемъ барона Рейхеля, а впослѣдствіи—И. Елагина. Дослужившись очень скоро до чина генерала, Будбергъ вышелъ въ отставку и занялся теоретическимъ изученіемъ военнаго дѣла. Затѣмъ, благодаря близости къ Екатеринѣ II и довѣрію, которымъ онъ у нея пользовался, «какъ очень честный человѣкъ», Будбергъ былъ опредѣленъ наблюдать за занятіями великаго князя Александра Павловича. Требовательность и строгость въ обращеніи съ воспитанникомъ не только не родили въ великомъ князѣ отчужденія, но даже внушили Александру уваженіе и любовь къ Будбергу. Также относился къ нему и великій князь Константинъ, къ которому неоднократно призывали Будберга, когда требовались особенно строгія педагогическія воздѣйствія. Осенью 1795 г. Императрица Екатерина, желавшая лично выбрать невѣсту великому князю Константину, послала Будберга въ Кобургъ, для того, чтобы онъ уговорилъ герцогиню Кобургскую пріѣхать

въ Россію съ тремя ея дочерьми. Въ августѣ Будбергъ былъ уже въ Кобургѣ, гдѣ, между прочимъ, повидался съ Гриммомъ, который вручилъ ему письмо и пакетъ для Императрицы. Цѣль его поѣздки увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и въ началѣ сентября Будбергъ выѣхалъ изъ Кобурга въ С.-Петербургъ, куда прибылъ, сопровождая герцогиню, 6 октября 1795 г. Въ С.-Петербургѣ на Будберга было возложено состоять при герцогскомъ семействѣ и заботиться объ его удобствахъ и развлеченіяхъ. Когда одна изъ принцессъ была выбрана въ супруги великому князю, Будбергу было поручено отвезти обратно герцогиню съ остальными дочерьми, причемъ на него возлагалось важное дипломатическое порученіе: отправиться въ Стокгольмъ и вести переговоры относительно брака великой княгини Александры Павловны съ несовершеннолѣтнимъ тогда королемъ Густавомъ IV Адольфомъ. Дурныя дороги въ Германіи задержали Будберга въ пути, и онъ прибылъ съ Стокгольмъ лишь 8 февраля 1796 г. Мысль о бракѣ Александры Павловны со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ возникла еще при Густавѣ III, стремившемся образовать съ Россіей дружескую коалицію противъ революціонной Франціи. Въ 1791 г. былъ заключенъ Дроттнинггольмскій союзъ, согласно тайной статьѣ котораго Швеція получала денежную субсидію отъ России для противодѣйствія Франціи. Послѣ смерти Густава III, регентъ герцогъ Зюдерманландскій, ища союза съ Франціей, сталъ возбуждать Турцію противъ Россіи. Тогда Екатерина II лишила Швецію субсидіи, что произвело въ Стокгольмѣ сильное смущеніе, и герцогъ-регентъ въ 1793 г. возобновилъ переговоры о бракосочетаніи Густава IV съ великой княгиней Александрой. Екатерина II потребовала прибытія короля и регента въ Россію, для личнаго знакомства съ невѣстой; при подписаніи договора былъ поднятъ вопросъ о неприкосновенности религіи будущей шведской королевы. Заговоръ барона Армфельдта временно прекратилъ переговоры, но вскорѣ они были возобновлены Штедингомъ, который поставилъ три условія: 1) приданое великой княжны, 2) принятіе ею протестанства и 3) выдачу Армфельдта, нашедшаго убѣжище въ Россіи. Переговоры эти еще длились, когда въ Стокгольмѣ было всенародно объявлено о бракѣ Густава IV съ принцессой Мекленбургъ-Шверинской и 1 ноября 1795 г. торжественно отпраздновано обрученіе. Но Густавъ IV объявилъ, что чувствуетъ отвращеніе къ своей нареченной невѣстѣ; русскій дворъ продолжалъ переговоры, и Императрица думала, что путемъ личнаго воздѣйствія на короля можно добиться полнаго успѣха. Она вручила Будбергу три пакета, предоставивъ ему предъявить въ Стокгольмѣ любой, сообразуясь съ настроеніемъ шведскаго правительства. Въ первомъ пакетѣ заключалось письмо, объявляющее Будберга посломъ, во второмъ—вѣрительная грамота для поста чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Третій пакетъ содержалъ письма Екатерины II къ герцогу-регенту и королю, уполномочивающія Будберга говорить отъ ея имени; они могли быть вручены лишь при миролюбивомъ настроеніи шведскаго двора. Будбергъ, не имѣвшій дипломатическаго опыта, неохотно ѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ до него два посла подъ рядъ потерпѣли полную, неудачу, но Императрица настояла. О миссіи Будберга узнали въ Стокгольмѣ, когда онъ прибылъ еще въ Копенгагенъ, и тотчасъ же поняли, каковы дальнѣйшія его намѣренія, хотя ѣхалъ онъ, какъ путешествующій безъ особенной цѣли. Герцогъ Зюдерманландскій и министръ Рейтергольмъ твердо рѣшили всячески препятствовать ему. Будбергу устроили очень холодный пріемъ и, въ виду его неофиціальнаго положенія, въ отношеніяхъ къ нему не соблюдали даже обычныхъ правилъ вѣжливости. Еще въ пути Будбергъ получилъ отъ своего однофамильца, повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи при шведскомъ дворѣ, извѣстіе, что шведское правительство очень враждебно относится къ Россіи; поэтому-то Будбергъ и явился въ Стокгольмъ въ качествѣ частнаго лица, оставивъ въ Коппенгагенѣ всѣ официальныя бумаги. Первой задачей Будберга было опредѣлить настроеніе шведскаго общества и степень разномыслія между герцогомъ Зюдерманландскимъ и королемъ Густавомъ IV. Догадываясь объ этомъ, герцогъ запретилъ придворнымъ знакомиться съ Будбергомъ, такъ что даже члены дипломатическаго корпуса не смѣли навѣщать его. Приходилось получать свѣдѣнія окольными путями, въ чемъ Будбергу особенно помогъ швейцарецъ путешественникъ Кристинъ. Послѣ его отъѣзда (28 марта) Будбергъ находилъ «весьма труднымъ, если не вполнѣ

невозможнымъ проникнуть въ многообразные изгибы политики, которая здѣсь господствуетъ». Освоившись съ положеніемъ дѣлъ, Будбергъ нашелъ, что среди существующихъ партій невозможно образованіе русской. Вообще жизнь въ Швеціи была такъ ему непріятна, что онъ стремился вернуться въ Россію. Ему даже не устроили обычнаго обѣда при дворѣ, а откладывали приглашеніе со дня на день. Когда его наконецъ пригласили, Будбергъ, чтобы поддержать свой престижъ, отказался, ссылаясь на нездоровье, хотя, черезъ Б. В. Будберга, ему было дано знать, что его ожидаетъ наилучшій пріемъ. Этотъ поступокъ усилилъ то впечатлѣніе, которое производили на шведское общество слухи о военныхъ приготовленіяхъ въ Финляндіи. Регентъ и его министры, желая успокоить общественное мнѣніе, сдѣлали попытку вступить въ переговоры съ Будбергомъ относительно пограничныхъ вооруженій Россіи, но Будбергъ скоро понялъ неискренность герцога и отказался отъ переговоровъ, не могущихъ быть серьезными, а потому—не удобныхъ для петербургскаго кабинета. Тогда герцогъ, 5 апрѣля 1796 г., освѣдомился у Будберга, черезъ барона Эссена, что должно сдѣлать, чтобы доказать Императрицѣ истинное желаніе шведскаго правительства жить съ нею въ мирномъ согласіи. Будбергъ отвѣчалъ, что Государыня готова забыть оскорбленіе герцога, но для этого необходимо регенту послать Екатеринѣ II письмо съ формальнымъ отказомъ отъ союза съ Франціей и отъ брака короля съ принцессой Мекленбургской. Препроводить это письмо къ Императрицѣ Будбергъ бралъ на себя. Герцогъ немедленно передалъ черезъ Эссена требуемое письмо и сообщилъ, что и король намѣренъ скоро писать Императрицѣ. Получивъ письмо регента, Екатерина II послала Будбергу два письма: оффиціальное, которымъ она отсрачивала отвѣтъ герцогу до полученія письма короля, и неоффиціальное, которымъ Будбергу поручалось увѣрить регента, что убѣдить Императрицу въ его искренности можетъ только формальное возобновленіе переговоровъ относительно брака короля съ Александрой Павловной. При этомъ въ виду необходимости для брака взаимнаго влеченія, король долженъ былъ пріѣхать въ Россію и познакомиться со своей невѣстою. Въ случаѣ успѣха, Будбергъ долженъ былъ предъявить свои вѣрительныя граммоты. Въ противномъ случаѣ ему повелѣвалось оставаться въ Стокгольмѣ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. 11 апрѣля Будбергъ получилъ отъ короля письмо для Императрицы и немедленно отправилъ его въ С.-Петербургъ; Императрицу оно не удовлетворило, и Екатерина велѣла Будбергу напомнить регенту о возможности войны. Но герцогъ и Рейтергольмъ сами сознавали невозможность начать военныя дѣйствія, да и шведы, особенно купечество, открыто выражали недовольство политикой правительства, ожидая отъ войны только сильнаго разстройства финансовъ. Шведское правительство стало уступчивѣе, и Будбергъ надѣялся, что, согласно желанію Екатерины, будетъ смѣщенъ Рейтергольмъ, главный врагъ Россіи. Впрочемъ, и Рейтергольмъ началъ склоняться къ союзу съ Россіей, о чемъ Будбергъ донесъ Императрицѣ, которая и разрѣшила ему привлечь министра на нашу сторону, но поступать въ этомъ дѣлѣ осторожно. Видя колебанія регента и желая подтвердить серьезность своихъ намѣреній, Екатерина приказала Будбергу въ концѣ апрѣля 1796 г. выѣхать изъ Стокгольма, опредѣленно изложивъ регенту русскія требованія. 8 мая Будбергъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ его ожидалъ лучшій пріемъ. Его отбытіе испугало регента, который быстро пошелъ на уступки и, въ цѣляхъ успокоенія общества, просилъ Императрицу вновь назначить Будберга въ Стокгольмъ. Императрица согласилась, и въ началѣ іюня Будбергъ вернулся въ Швецію, съ порученіемъ устроить личное свиданіе герцога и короля съ Императрицею. П. А. Зубовъ хотѣлъ, чтобы посломъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ братъ его, но Екатерина предпочла Будберга, и вслѣдствіе этого между Зубовымъ и Будбергомъ возникла холодность. Съ этихъ поръ Будбергъ писалъ свои частныя письма не Зубову, какъ прежде, а члену коллегіи иностранныхъ дѣлъ графу А. И. Моркову. Въ Швецію Будбергъ прибылъ 18 іюня. На этотъ разъ его ожидалъ здѣсь очень теплый и даже торжественный пріемъ. Въ Стокгольмѣ къ Будбергу немедленно явился Эссенъ съ предложеніемъ самому выбрать лицо, которое должно будетъ представить его королю. Будбергъ указалъ на Рейтергольма, черезъ котораго потомъ и велъ переговоры о поѣздкѣ короля и регента въ С.-Петербургъ.

Получивъ черезъ него отрицательный отвѣтъ, Будбергъ потребовалъ личной аудіенціи у короля и герцога. Тогда Рейтергольмъ сообщилъ, что король и регентъ согласны на поѣздку въ С.-Петербургъ, но ставятъ предварительныя условія: 1) возстановленіе Дроттнинггольмскаго трактата съ статьей о субсидіи, 2) проведеніе границы согласно Верельскому трактату, 3) возмѣщеніе ущерба за союзъ съ Россіей. Императрица приняла первыхъ два пункта безъ оговорокъ, а третій—въ смыслѣ взаимной поддержки. Послѣ непродолжительныхъ споровъ, соглашеніе было достигнуто. Въ Петербургѣ приписывали успѣхъ ловкости и прямодушію, съ какими дѣйствовалъ Будбергъ. Императрица предоставила на его усмотрѣніе, ѣхать ли ему съ королемъ изъ Стокгольма, или остаться. Будбергъ избралъ второе, опасаясь, что въ его отсутствіе снова подыметъ голову партія, враждебная Россіи. 14 августа король и регентъ выѣхали изъ Стокгольма въ Россію, и лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Императрицы, какъ она выразила свое удовольствіе Будбергу, наградивъ его орденомъ св. Александра Невскаго. 24 августа король просилъ у Императрицы руки ея внучки; она соглашалась, но снова возникъ споръ о вѣроисповѣданіи будущей королевы, и вопросъ этотъ былъ посланъ на разрѣшеніе стокгольмской консисторіи. Вникнувъ въ это дѣло, Будбергъ предполагалъ, что рѣшеніе консисторіи будетъ благопріятно, если удастся добиться его до возвращенія короля. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Будбергъ получилъ желаемое постановленіе консисторіи, о чемъ и увѣдомилъ Императрицу немедленно. 4 октября король прибылъ въ Стокгольмъ и высказалъ Будбергу свое удовольствіе петербургскимъ пріемомъ, но скоро партія, враждебная Россіи, завладѣла довѣріемъ короля, и почти всѣ сторонники союза съ Россіей были отстранены отъ близости къ королю, въ томъ числѣ и герцогъ-регентъ. У Будберга пытались разузнать, какъ отнесутся въ Россіи къ участи регента и его приближенныхъ; онъ отвѣтилъ, что Императрица не вмѣшается во внутренее управленіе страной, но не сможетъ равнодушно смотрѣть на опасность, грозящую людямъ, заботящимся о сближеніи Швеціи и Россіи. 20 октября 1796 г. король Густавъ достигъ совершеннолѣтія и вступилъ на престолъ. Увѣдомить объ этомъ событіи Императрицу былъ отправленъ генералъ-лейтенантъ Клингспорръ и, такъ какъ король опять уже склонялся къ сближенію съ Россіей, то Клингспорру поручалось продолжать переговоры о бракѣ, съ тѣмъ однако, чтобы добиться отмѣны статьи о религіи невѣсты. 25 октября генералъ Вреде отъ имени короля просилъ у Будберга совѣта, какъ слѣдуетъ себя держать въ отношеніи Императрицы. Онъ совѣтовалъ королю написать лично письмо Императрицѣ. 5 ноября Клингспорръ покинулъ Стокгольмъ съ письмомъ отъ короля къ Императрицѣ, въ томъ духѣ, какъ это совѣтовалъ Будбергъ, къ которому въ Швеціи стали вновь относиться дружелюбно и почтительно, а съ 31 октября начали приглашать его къ придворнымъ ужинамъ— честь, которой не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Клингспорръ не засталъ уже въ живыхъ Екатерины. Павелъ I принялъ его въ высшей степени радушно и со своей стороны, послалъ въ Швецію съ увѣдомленіемъ о своемъ вступленіи на престолъ графа Ю. А. Головкина. Вскорѣ Головкинъ вторично прибылъ въ Стокгольмъ съ особыми полномочіями отъ Императора, а Будбергу было выражено Высочайшее неодобреніе за недостаточную его предупредительность по отношенію къ шведскому правительству. Будбергъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ отъ званія посла въ Стокгольмѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника, получилъ 9000 р. пенсіи и отпускъ для поправленія здоровья. Впослѣдствіи Будбергъ снова былъ назначенъ посломъ въ Швецію и вторично отозванъ 24 мая 1800 г., оттого что его не посѣтилъ министръ Гельсъ. Въ 1801 г. Будбергъ въ четвертый разъ велъ переговоры въ Стокгольмѣ. Согласно рескрипту Императора Александра I отъ 9 апрѣля 1801 г., онъ обратилъ вниманіе шведскаго правительства на опасности борьбы съ Англіей и склонялъ стокгольмскій кабинетъ къ примиренію. Въ 1802 г. Будбергъ получилъ безсрочный отпускъ и болѣе уже не возвращался въ Швецію. Въ 1804 г. Будбергу предложили постъ военнаго губернатора С.-Петербурга, но онъ отказался по болѣзни и былъ возведенъ въ званіе члена Государственнаго Совѣта. Болѣе широкое поприще открылось ему въ 1806 г., благодаря тому, что онъ вполнѣ раздѣлялъ мысль Государя Александра I о необходимости вооружен-

ной борьбы съ Наполеономъ. 17 іюня 1806 г. Будбергъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ не утвердилъ мирнаго трактата, заключеннаго П. Я. Убри въ Парижѣ 8 (20) іюля 1806 г., и Будбергу поручено было разъяснить Государственному Совѣту, что нашъ посолъ въ Парижѣ, не понявъ возложеннаго на него порученія, превысилъ свои полномочія. Пораженіе подъ Фридландомъ и союзъ, заключенный Россіей съ Франціей въ Тильзитѣ, гдѣ присутствовалъ и Будбергъ, измѣнили нашу политическую систему, и 30 августа 1807 г. Будбергъ, оставшійся по прежнему врагомъ Наполеона, былъ уволенъ отъ исправленія должности министра иностранныхъ дѣлъ, а 12 февраля 1808 г. вышелъ окончательно въ отставку.

Очеркъ исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ (1802—1902).—«Письма Германской Принцессы о русскомъ дворѣ» («Рус. Архивъ», 1807 г.).—Е. П. Карновичъ, «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ» («Рус. Старина 1877 г., № 6).—«Переписка относ. брака Густава Адольфа IV и Вел. Кн. Александры Павловны» (Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества, Т. 9).—Бар. Н. В. Дризенъ, «Густавъ IV и Вел. Кн. Александра Павловна» («Рус. Старина» томы 86—88).—А. Брикнеръ, «Густавъ IV и Екатерина II» («Вѣстн. Европы», 1890 г, № 8—10).—А. А. Чумиковъ, «Густавъ IV и Вел. Кн. Александра Павловна» («Рус. Арх.», 1887, № 1).—Е. П. Карновичъ, «Александра Павловна—Палатина Венгерская» («Др. и Нов. Россія, 1879 г., № 1).—«Письма кн. А. Б. Куракина» («Рус. Арх., 1869 г.).—«Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, 1795 г.» (ib 1876).—«Изъ записокъ адмирала Чичагова» (ib., 1870).—«Воспоминанія А. П. Бутенева».(ib., 1881, кн. III).—«Письма Екатерины II къ барону Гримму» (ib., 1878, III).—Н. И. Григоровичъ, «Канцлеръ кн. Безбородко» (ib., 1876 г., томы II и III).— «Письма Екатерины II къ кн. Н. И. Салтыкову» (ib., 1864 г.).—Е. С. Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна» (ib., 1891 г., кн. II).—«Письма къ А. Я. Будбергу Имп. Маріи Ѳеодоровны и Александра Павловича» (ib., 1891 г., Томъ 3).— «Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ отцу» (ib., 1899 г., № I).—Переписка Екатерины II съ Гриммомъ («Сборникъ И. Рус. Ист. Общ., т.т. 23 и 44).—К. К. Злобинъ, Дипломат. сношенія Россіи и Швеціи въ первые годы царств. Александра I (ib., т. 2).—Ѳ. Ѳ. Шиманъ, «Имп. Александръ Павл. и его дворъ» («Рус. Стар.» 1880, № 12).—Кн. Платонъ Зубовъ (ib., 1876 г., т. XVII).—«Записки гр. Нессельроде» («Русск. Вѣстникъ», 1865 г., № 10).

В. Фурсенко.

Будбергъ, баронъ *Андрей Ѳеодоровичъ*, дипломатъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, род. 8 января 1817 г. въ Римѣ, ум. 28 января 1881 г. Воспитывался онъ сначала въ пансіонѣ въ Эстляндіи, а затѣмъ окончилъ курсъ с.-петербургскаго университета со степенью дѣйствительнаго студента и 17 октября 1841 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ департаментъ внѣшнихъ сношеній. 8 іюля 1842 г. онъ былъ назначенъ третьимъ секретаремъ канцеляріи вице-канцлера. Въ 1845 г. Будбергъ, въ чинѣ коллежскаго секретаря, ѣздилъ по дѣламъ службы черезъ Голландію въ Лондонъ, а 11 іюня того же года назначенъ младшимъ секретаремъ русской миссіи во Франкфуртѣ на Майнѣ. 16 декабря 1846 г. онъ занялъ должность старшаго секретаря въ той же миссіи, а 1 января 1848 г., по случаю кончины нашего посланника въ Франкфуртѣ, П. Я. Убри, Будбергу было поручено исправлять должность нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при Германскомъ союзѣ. Въ это самое время во Франціи вспыхнула Февральская революція, которая отразилась и въ Германіи сильнымъ революціоннымъ движеніемъ. Проницательность, обнаруженная Будбергомъ въ его донесеніяхъ изъ Франкфурта, и безстрашіе, выказанное имъ въ тѣ моменты, когда жизни его грозила опасность со стороны черни, способствовали его дальнѣйшимъ успѣхамъ на служебномъ поприщѣ. Съ 13 іюля по 1 сентября 1849 г., во время отъѣзда нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ барона П. К. Мейендорфа, Будбергъ исполнялъ его обязанности; 29 января 1850 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ миссіи въ Берлинъ, съ 22 сентября 1850 г., по случаю отъѣзда посланника нашего изъ Берлина, снова исправлялъ здѣсь должность нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, а 6 декабря 1851 г. произведенъ за отличіе въ чинъ статскаго совѣтника и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ прусскомъ и великихъ герцогахъ мекленбургъ-шверинскомъ и мекленбургъ-стрелицкомъ. 3 января 1852 г., послѣ увольненія генералъ-адъютанта Мансурова 1-го, Будбергу повелѣно было завѣдывать также и дѣлами миссіи въ Ганноверѣ (до 8 іюня 1855 г.). Русской миссіей въ Берлинѣ баронъ Будбергъ началъ управлять во время остраго кризиса, когда между Пруссіей и Австріей едва не началась война. Будбергъ сразу же сблизился съ консервативною придворною партіею, старавшеюся поддерживать, вмѣстѣ съ консервативными преданіями во внутренней

политикѣ, также и традиціонную дружбу Пруссіи съ Россіею. Въ это время баронъ Будбергъ стремился къ поддержанію тѣснаго единенія Россіи съ Пруссіею и Австріею, на которомъ основывалось какъ проведеніе охранительныхъ принциповъ Императора Николая I, такъ и связанное съ ними въ то время политическое могущество Россіи; впослѣдствіи, при измѣнившемся политическомъ положеніи, программа бар. Будберга стала совершенно иною. Въ 1850 г. война между Пруссіею и Австріею положила бы конецъ охранительному союзу трехъ восточныхъ монархій; бар. Будбергъ направилъ всю свою энергію на то, чтобы удержать Пруссію отъ столкновенія. Соглашеніе между Пруссіею и Австріею состоялось въ Ольмюцѣ, цѣною уступокъ не только съ прусской, но отчасти и съ австрійской стороны; вліяніе Россіи значительно способствовало мирному исходу. 10 мая 1852 г., по случаю пребыванія Императора Николая I въ Берлинѣ, бар. Будбергъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 10 апрѣля 1854 г. «въ ознаменованіе особеннаго монаршаго благоволенія къ отлично ревностнымъ трудамъ и заслугамъ» по званію посланника въ Берлинѣ, пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени.—Едва улеглись вызванныя революціоннымъ движеніемъ смуты, какъ начались новыя замѣшательства вслѣдствіе установленія во Франціи Второй Имперіи, за которымъ послѣдовала Восточная война. Во время войны судьба Россіи зависѣла отъ того, какое положеніе займутъ Австрія и Пруссія; кн. А. М. Горчаковъ защищалъ русскіе интересы въ Вѣнѣ, бар. Будбергъ—въ Берлинѣ; среди борьбы противоположныхъ вліяній въ берлинскихъ придворныхъ сферахъ, при неустойчивомъ характерѣ короля Фридриха-Вильгельма IV, бар. Будбергъ, пользуясь содѣйствіемъ консервативной партіи (т. наз. «партіи Крестовой Газеты») и начинавшаго свое дипломатическое поприще Бисмарка, и стараясь постоянно противодѣйствовать враждебнымъ Россіи либераламъ, неусыпно заботился о томъ, чтобы не дать Пруссіи перейти на сторону враговъ. Бар. Будбергъ занималъ передовую позицію въ борьбѣ Россіи противъ Западной Европы, и на него обрушивалась французская печать, считая его однимъ изъ виновниковъ бездѣйствія Пруссіи; важность дѣятельности его въ Берлинѣ обнаруживается въ его характеристикѣ, сдѣланной врагами Россіи. Въ «Revue des deux Mondes» писалось: «Будбергъ—одинъ изъ чистѣйшихъ представителей той русской дипломатіи, которая высокомѣрна и повелительна. Онъ щеголялъ несдержанными и рѣзкими замашками; онъ былъ неистощимъ въ преувеличенныхъ восхваленіяхъ могущества своего повелителя: онъ старался ослѣплять показными пріемами, движеніемъ курьеровъ, пароходовъ, спеціальныхъ поѣздовъ, пускаемыхъ на всѣхъ парахъ; онъ принималъ тонъ и видъ превосходства, которые обличали бы представителя преобладающей державы. При его презрѣніи къ Мантейфелю (министру-президенту), всѣ его симпатіи и ласки принадлежали Крестовой партіи. Онъ создалъ себѣ связи среди самыхъ интимныхъ приближенныхъ короля, которые доводили до его свѣдѣнія о самыхъ секретныхъ актахъ королевскаго правительства и позволяли ему достигать до слуха Фридриха-Вильгельма надъ головою его министра». На исходѣ Крымской войны, еще до заключенія мира, обнаружилось уже сближеніе между Франціею и Россіею. Охранительная система союзовъ была разрушена войною и переходомъ Австріи на сторону враговъ; съ тѣхъ поръ бар. Будбергъ становится рѣшительнымъ поборникомъ идеи франко-русскаго союза. «Будбергъ уже гордится и радуется по поводу союза съ Франціей, онъ говоритъ, что это никакимъ образомъ не предполагаетъ наступательныхъ дѣйствій»,—писалъ о немъ въ своихъ Воспоминаніяхъ 1 февр. 1856 г. главный представитель Крестовой партіи, Герлахъ.—10 апрѣля 1856 г. Будбергъ удалился изъ Берлина, 15 апрѣля получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а затѣмъ, едва былъ заключенъ миръ, какъ былъ снова назначенъ (7 іюля 1856 г.) на самый трудный боевой постъ—въ Вѣну. Первые годы по заключенію мира австрійская политика, руководимая графомъ Булемъ была рѣзко враждебна Россіи; гр. Буль старался пользоваться обезсиленіемъ Россіи, чтобы по возможности разрушать все, созданное ею на Востокѣ, и вредить восточно-христіанскимъ народностямъ. Сношенія бар. Будберда съ гр. Булемъ имѣли характеръ явной борьбы. 8 февраля 1858 г. бар. Будбергъ былъ назначенъ посланникомъ на прежнее мѣсто—въ Берлинъ и одновременно аккредитованъ при великихъ герцогахъ мекленбургъ-шверинскомъ и мекленбургъ-стрелицкомъ. Какъ разъ

тогда, въ первое время управленія принца-регента (затѣмъ короля) Вильгельма, появляется у власти та именно партія съ которою во время Крымской войны бар. Будбергу приходилось вести ожесточенную борьбу. Снова бар. Будбергъ занимаетъ боевой постъ. Въ это самое время съ нимъ часто видѣлся англійскій представитель въ Берлинѣ, лордъ Лофтусъ. Онъ далъ въ своихъ воспоминаніяхъ такой отзывъ о бар. Будбергѣ: «Онъ былъ способнѣйшимъ изъ русскихъ дипломатовъ. Онъ былъ даровитъ и пріятенъ въ разговорѣ и въ общественныхъ сношеніяхъ, съ нѣкоторымъ юморомъ и съ извѣстною саркастическою жилкою». Въ 1862 г. политическое вліяніе и иниціатива бар. Будберга привели къ крупному результату: новому скрѣпленію дружбы между Франціей и Россіей, послѣ двухлѣтняго охлажденія, вызваннаго снисхожденіемъ Наполеона III къ революціоннымъ движеніямъ на европейскомъ материкѣ и неблагопріятною для русскихъ интересовъ французскою политикою на востокѣ. На совѣщаніяхъ бар. Будберга съ французскимъ представителемъ въ Берлинѣ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о признаніи Италіи со стороны Россіи королевствомъ, цѣною которого совершилось бы общее сближеніе Россіи и Франціи; вслѣдъ затѣмъ бар. Будбергъ былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ въ Парижъ, и вслѣдствіе переговоровъ его съ французскимъ правительствомъ Россія признала итальянское королевство. Эта миссія бар. Будберга не привела къ прочному франко-русскому союзу; но временно въ 1862 г., въ моментъ кризиса на Балканскомъ полуостровѣ, когда турки обстрѣливали Бѣлградъ и подступили къ Цетинью, Будбергу удалось добиться болѣе благопріятныхъ дѣйствій французской дипломатіи на Востокѣ, что способствовало благополучному для христіанскихъ народностей исходу кризиса. 3 ноября 1862 г. бар. Будбергъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Наконецъ онъ могъ непосредственно при тюльерійскомъ дворѣ проводить свою программу франко-русскаго союза; и вотъ, въ началѣ слѣдующаго же года, польское возстаніе разрушило его надежды. Еще въ декабрѣ 1862 г. Будбергъ сообщилъ парижскому префекту полиціи, что въ Парижѣ находятся главари польскаго заговора, и, по его просьбѣ, были арестованы агенты возстанія, закупавшіе оружіе. Будбергъ думалъ, что напали на слѣдъ центральнаго комитета, на дѣлѣ же арестована была лишь военная комиссія. Возстаніе вспыхнуло и въ серединѣ 1863 г. едва не привело къ новой войнѣ между Франціей и Россіей. Дипломатическая должность бар. Будберга еще разъ оказалась боевою. Система франко - русской дружбы рушилась; промежутокъ времени отъ 1863 г. до 1866 г. былъ періодомъ наиболѣе натянутыхъ отношеній между Россіей и Франціей; на востокѣ французская политика стала систиматически враждебною по отношенію къ Россіи; бар. Будбергъ съ неустанною энергіею отстаивалъ русскіе интересы противъ непріязненныхъ стремленій отшатнувшагося отъ Россіи Наполеона III и его министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люиса. Но въ эти годы, въ противоположность нѣкоторой части русской дипломатіи, бар. Будбергъ защищалъ ту мысль, что интересы Россіи лучше всего охранялись бы чрезъ соглашеніе съ Франціею. Торжество Пруссіи въ 1866 г. привело къ новому сближенію между Франціею и Россіею. Бар. Будбергъ, казалось, достигъ цѣли своихъ стремленій: Франція нуждалась въ дружбѣ Россіи на случай войны съ германскими государствами, Россія нуждалась въ содѣйствіи Франціи въ виду крайняго обостренія на Востокѣ. Однако, заботясь о сближеніи съ Россіею, Наполеонъ III въ тоже время не возлагалъ на это сближеніе столько надежды, чтобы ради него жертвовать неблагопріятною для Россіи дружбою съ Австріею и преобладающимъ положеніемъ Франціи на Востокѣ. Руководящею мыслью французской политики на Востокѣ была идея о «сліяніи племенъ подъ общимъ уровнемъ матеріальнаго прогресса» и «совмѣстнаго развитія мусульманскаго и христіанскаго элементовъ»; французская дипломатія стремилась къ общему возрожденію Оттоманской Имперіи, съ единообразнымъ подчиненіемъ всего населенія централистическимъ учрежденіямъ по европейскому образцу; ея цѣлью было обезличеніе христіанскихъ народностей, созданіе единой безразличной массы левантинцевъ, подчиненныхъ французской матеріальной культурѣ и французскому капиталу, которому стараніями наполеоновской дипломатіи открывался на Балканскомъ полуостровѣ самый широкій просторъ. Эта политика была совершенно несовѣстима съ стремленіями Россіи. Сближеніе съ Россіею Наполеонъ

III старался купить сколь возможно дешевою цѣною и, при кажущихся уступкахъ, не мѣнялъ основнаго направленія своей политики на Востокѣ. Кн. Горчаковъ, съ своей стороны, не желалъ жертвовать ради ненадежной дружбы Наполеона другими опорами русской политики. Иные изъ числа русскихъ дипломатовъ, желавшіе болѣе агресивной политики, стояли противъ соглашенія съ Франціею. Наоборотъ, бар. Будбергъ находилъ, что лучшимъ средствомъ къ успѣху было бы рѣшительное сближеніе съ Франціею. Онъ полагалъ, что русская политика должна имѣть двѣ цѣли: борьбу противъ объединенія Германіи и разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ считалъ необходимымъ для той и другой цѣли содѣйствіе Франціи. По его мнѣнію, Россія должна была бы прямо предложить Наполеону III союзъ, который и его оградилъ бы отъ опасности со стороны Пруссіи, и Россіи далъ бы возможность, въ союзѣ съ нимъ, остановить ростъ Пруссіи. Обезпеченный русскимъ союзомъ, Наполеонъ III не нуждался бы въ сдѣлкахъ съ противниками Россіи, и съ его помощью Россія достигла бы своихъ цѣлей и на Востокѣ. Рѣшительная программа бар. Будберга не раздѣлялась кн. Горчаковымъ, который осторожно искалъ средняго пути между крайностями. Будбергъ энергично отстаивалъ свою точку зрѣнія, и доклады его неоднократно вызывали одобреніе Императора Александра II. Въ началѣ 1867 г., бар. Будбергъ рѣшился на смѣлый шагъ: онъ по собственной иниціативѣ намекнулъ французскому правительству на возможность и желательность союза съ Россіею. Но кн. Горчаковъ не допустилъ развитія переговоровъ въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, осторожная политика кн. Горчакова дала лишь неполные результаты: присоединенія Крита къ Греціи, котораго тогда добивалась Россія, достигнуть не удалось. Въ концѣ 1867 г., въ Петербургѣ ходили слухи, что кн. Горчаковъ будетъ замѣненъ болѣе молодымъ дипломатомъ, бар. Будбергомъ или инымъ. Въ началѣ 1868 г., въ Петербургъ пріѣхали бар. Будбергъ и посолъ въ Константинополѣ ген.-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ и совѣщались съ кн. Горчаковымъ въ присутствіи Императора. Въ результатѣ, русская политика осталась на пути, указанномъ кн. Горчаковымъ. На обратномъ пути въ Парижъ, на станціи Вервье, бар. Будбергъ подвергся нападенію со стороны душевнобольного барона Мейендорфа. Такъ какъ послѣдній досталъ докторское свидѣтельство о своемъ нормальномъ состояніи, то между бар. Будбергомъ и нимъ состоялась (близь Мюнхена) дуэль, и дипломатической карьерѣ бар. Будберга былъ положенъ конецъ; 10 апрѣля 1868 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ должности посланника, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, а 20 мая того же года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Еще состоя на дипломатической службѣ, Будбергъ получилъ 1 января 1862 г. орденъ Бѣлаго Орла, 1 января 1864 г.—орденъ св. Александра Невскаго, а 29 мая 1867 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (1802—1902).—La cour et le cabinet de Berlin. («Revue des deux Mondes, 1854, 1 dec.»).—Denkwürdigkeiten aus dem Leben L. v. Gerlachs.—Заблоцкій-Десятовскій, Гр. П. Д. Киселевъ и его время, т. III.—Sir A. Loftus, Diplomatic reminiscences (извлеченіе въ «Историч. Вѣстн.», 1893 г., февраль).—«Русскіе дипломаты на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 г.» («Историч. Вѣстн.», 1890, т. XL).—«Записки В. И. Дена». («Р. Стар.», 1890, т. LXVI).—«Дневникъ А. В. Никитенко». (ib., 1890, т. LXVII).—«Записки поляка о 1863 г.» (ib., 1898, т. XCIV).—«Обозрѣніе историческихъ журналовъ» (ib., 1893, т. LXXX).—Мысли и воспоминанія кн. От. фонъ-Бисмарка.—Воспоминанія Ѳ. А. Оома(«Р. Архивъ», 1896, т. II).—«Письма В. А. Жуковскаго» (ib., 1869).

Будбергъ, баронъ *Богданъ Васильевичъ*, (Bernhardt Wilhelm), тайный совѣтникъ, камергеръ, род. въ 1766 г., ум. 29 іюля 1833 г. Въ 1795 г. Будбергъ получилъ назначеніе повѣреннаго по дѣламъ Россіи въ Швеціи, и ему было поручено подготовить почву для переговоровъ, относительно брака Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной. Въ самомъ концѣ 1795 г. Будбергъ отправился въ Стокгольмъ. Герцогъ Зюдерманландскій думалъ, что затрудненія, возникшія у насъ въ Турціи и Польшѣ, благодаря его политикѣ, очень велики, и Будбергу надо было, не доводя дѣла до разрыва, дать почувствовать готовность Россіи отстаивать свое международное положеніе. Посылка молодого нечиновнаго человѣка, обладавшаго большою заносчивостью, оттѣняла отношеніе Екатерины къ стокгольмскому кабинету. Вскорѣ въ Стокгольмъ былъ посланъ для продол-

женія переговоровъ А. Я. Будбергъ, который 18 іюля 1796 г. отправилъ Б. В. Будберга въ С.-Петербургъ курьеромъ, съ порученіемъ изустно дополнить донесеніе о ходѣ переговоровъ. 1 октября 1796 г. Будбергъ былъ снова посланъ въ Стокгольмъ, чтобы передать нашему послу собственноручное письмо Екатерины и рескриптъ ея о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а также сообщить изустно о подробностяхъ пребыванія короля и регента въ С.-Петербургѣ. 12 октября Будбергъ прибылъ въ Стокгольмъ (имѣя званіе камеръ-юнкера), а 30 окт. отправился обратно съ донесеніями отъ А. Я. Будберга. Б. В. Будбергъ имѣлъ обыкновеніе записывать все, что ему удавалось видѣть и слышать примѣчательнаго; записки его сохранились и имѣютъ значительный интересъ. Изданъ доселѣ только отрывокъ изъ нихъ (о посольствѣ въ Швецію). Впослѣдствіи Будбергъ былъ возведенъ въ званіе камергера и назначенъ на постъ эстляндскаго гражданскаго губернатора. Умеръ онъ въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 1830 г.).

«Переписка относительно брака Густава-Адольфа IV съ Вел. Кн. Александрой Павловной». Извлечено барономъ А. Ѳ. Будбергомъ изъ семейнаго архива (въ «Сборн. Имп. Рус. Историч. Общества», Т. IX). — Бар. Н. В. Дризенъ, «Густавъ IV и Вел. Кн. Александра Павловна» («Рус. Старина», 1896 г., Т. 86—88).—А. А. Чумиковъ, «Густавъ IV и Вел. Кн. Александра Павловна» («Рус. Архивъ», 1877, № 1).

Будбергъ, *Карлъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 24 іюня 1774 г., ум. 27 августа 1829 г. Происходя изъ лифляндскихъ дворянъ, онъ былъ записанъ 11 лѣтъ отъ роду на службу фурьеромъ л.-гв. въ семеновскій полкъ, въ 1795 г. поступилъ адъютантомъ къ генералу Ласси, а два года спустя, при уничтоженіи Императоромъ Павломъ генеральныхъ штабовъ, былъ переведенъ въ рижскій драгунскій полкъ, гдѣ въ 1801 г. дослужился до чина подполковника. Принявъ съ полкомъ участіе въ походѣ 1806—1807 гг., Будбергъ находился въ сраженіяхъ подъ Прейсишъ-Эйлау, подъ Гутштатомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ; въ первомъ сраженіи онъ былъ раненъ въ лѣвую руку на вылетъ и за отличія въ кампаніи получилъ орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и золотую шпагу, по возвращеніи же въ Россію 12 декабря 1808 г. произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году онъ снова выступилъ въ походъ противъ австрійцевъ въ Галицію, послѣ чего, 30 января 1811 г. былъ назначенъ командиромъ лейбъ-кирасирскаго Его Величества полка, а 3 ноября того же года—шефомъ его. Во время Отечественной войны полкъ Будберга вошелъ въ составъ дивизіи генерала Депрерадовича и находился при отступленіи 1-й арміи къ Дриссѣ, въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, въ Бородинской битвѣ (гдѣ Будбергъ былъ раненъ ядромъ въ правую ногу и за отличіе награжденъ георгіевскимъ крестомъ 4 степ.), въ сраженіи подъ Краснымъ и въ другихъ дѣлахъ, при преслѣдованіи французскихъ войскъ до границы. По переходѣ послѣдней въ 1813 г., полкъ Будберга со славою участвовалъ въ сраженіи подъ Люценомъ, въ двухдневной Бауценской битвѣ и въ битвѣ подъ Кульмомъ, гдѣ кирасиры захватили цѣлую непріятельскую батарею во время общей кавалерійской атаки противъ корпуса генерала Вандама. За Кульмъ Будбергъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и отъ короля прусскаго — знакомъ Желѣзнаго креста и орденомъ Краснаго Орла. Вслѣдъ за дальнѣйшимъ участіемъ въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Арсисомъ и Фершампенуазомъ и въ торжественномъ вступленіи союзниковъ въ Парижъ, Будбергъ вернулся съ полкомъ въ Россію. Въ походѣ 1815 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 2 бригады 1-й кирасирской дивизіи; пять лѣтъ спустя онъ былъ зачисленъ по кавалеріи, безъ должности, въ 1824 г. получилъ въ командованіе 2-ю гусарскую дивизію и 22 августа 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Турецкая война 1828—1829 гг. снова вызвала Будберга на боевое поприще, доставивъ ему случай особеннаго отличія въ сраженіи подъ Кулевчею 30 мая; посланный вслѣдъ затѣмъ съ особымъ отрядомъ на Кирклиссу, онъ овладѣлъ городомъ 8 августа; по сдачѣ Адріанополя, двинулся къ Люле-Бургасу, взялъ его 9 числа, но вскорѣ занемогъ и скончался. Подъ командою Будберга л.-гв. кирасирскій Его Величества полкъ боевыми доблестями пріобрѣлъ три награды: георгіевскіе штандарты, георгіевскія трубы и причисленіе къ гвардіи.

«Александръ I и его сподвижники», вып. 140.— «Рос. родосл. книга» кн. П. Долгорукаго, ч. 3 стр. 310. *Д. С—ъ.*

Будбергъ-Веннингаузенъ, баронъ *Романъ*, поэтъ, нотаріусъ эстлянд-

скаго дворянства, род. 10 февраля 1816 г. въ помѣстьи родителей, въ Штрандгофѣ, близъ Ревеля, ум. тамъ-же, въ мартѣ 1858 г. По окончаніи гимназическаго образованія, онъ слушалъ, съ 1835 по 1838 г., въ Дерптѣ курсъ камеральныхъ наукъ, и, будучи студентомъ, издалъ свои первыя стихотворенія («Erste Lieder», Ревель, 1838 г.), которыя прошли, впрочемъ, незамѣченными. По окончаніи курса въ университетѣ, Будбергъ отправился за границу, въ Германію, гдѣ познакомился и подружился съ поэтомъ Ленау. Съ 1840 г. Будбергъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ; здѣсь онъ былъ избранъ въ члены воскреснаго литературнаго общества, основаннаго въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія Сафиромъ, подъ названіемъ: «Sunnel über der Spree». Въ бытность Будберга въ Берлинѣ, берлинскимъ кабинетомъ для чтенія изданы нѣкоторыя его стихотворенія («Gedichte», Берлинъ, 1842 г., 2-е изд.—Ревель, 1861 г.) и «Герой нашего времени» Лермонтова, переведенный имъ на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: «Aus dem Kaukasus» (Берлинъ, 1843 г.). Въ 1842 г. Будбергъ перевелъ на нѣмецкій языкъ поэму «Мцыри» Лермонтова, которая напечатана Боденштедтомъ въ первомъ томѣ поэтическихъ переводовъ русскихъ писателей, подъ названіемъ: «Der Novize» (Берлинъ, 1842 г.). Возвратившись въ Россію, Будбергъ читалъ въ Ревелѣ въ 1844 и 1845 гг. лекціи о характерѣ и направленіи современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ; затѣмъ, поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при эстляндскомъ губернаторѣ, а потомъ былъ избранъ нотаріусомъ эстляндскаго дворянства. Къ 50-лѣтнему юбилею дерптскаго университета написалъ студенческую пѣсню: «Bursche heraus».

«Сѣверная Пчела» 1858 г. № 91 (статья Е. Ф. Сиверса). — Словари: Андреевскаго, Березина, Толля.—Мѣсяцесловъ на 1859 г., стр. 337.

Будденброкъ, *Густавъ Іоганъ*, докторъ правъ, писатель, членъ коммиссіи по дѣламъ лифляндскихъ крестьянъ, род. 5 сентября 1758 г., ум. 14 декабря 1821 г. въ Ригѣ. Онъ происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ и обучался въ Кенигсбергѣ и Геттингенѣ (съ 1775 по 1779 г.). Возвратясь на родину въ 1780 г., онъ служилъ по судебнымъ учрежденіямъ, сначала помощникомъ порядковаго судьи, съ 1781 г. былъ ассесоромъ земскаго суда, а послѣ упраздненія этой должности, съ 1783 г. былъ ассесоромъ высшаго земскаго суда и занималъ это мѣсто до 1796 г., причемъ въ тоже время былъ съ 1786 по 1797 г. секретаремъ дворянства. Съ 1798 г. до 1800 г. Будденброкъ состоялъ ландратомъ, а съ 1800 по 1803 г.—членомъ Рижскаго гофгерихта. Въ 1803 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ лифляндской губерніи; въ 1804 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст.; въ 1813 г. прикомандированъ къ министерству внутр. дѣлъ; въ 1815 г. возвратился изъ С.-Петербурга въ Ригу; въ 1816 г., получилъ отъ дерптскаго университета дипломъ доктора правъ за труды по крестьянскому вопросу; въ 1818 г. состоялъ членомъ лифляндской провинціальной коммиссіи по составленію судебника.—Печатные труды Будденброка: 1) Tagesfahrt nach Karlsruhe.—Riga. 1794.—2) Beyträge zur Kenntniss der Provinzialverfassung und Verwaltung des Herzogthums Livland (Beilage zum 1-sten Theild. Livländischen Magasins). St.-Petersb. 1804.—3) Sammlung der Gesetze welche das heutige Livländische Landrecht enthalten.—Mitau. 1804.—4) Ankundigung der hinterlassen Manuskripte Professors Müthel.—Riga 1817.—5) Plan für die Siestematische Sammlung der Provincialgesetze als Codex.—Riga. 1819.—6) Livländisches Ritterrecht.—7) Beytrag zur Geschichte der Livländischen Leibeigenschaft (Storchs, Russland unter Alexander I. P. XIV, S. 137—159).—кромѣ того Будденброкъ составилъ и издалъ: Materialen zur Grundsätzen zur Verbesserung des Zustan des der Bauern in der Rigaschen Staatshalterschaft.

Napiersky's, Fortges. Abh. v. Livl. Geschitsschr.—Его-же и Напирскаго, Allg. Schr. und Gel. Lexicon, I. b., S. 296—298 — Варадиновъ, Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Будзинскій, *Константинъ Андреевичъ*, магистръ философіи, педагогъ, род. въ 1807 г. По окончаніи свислочской гимназіи (въ гродненской губерніи), Будзинскій въ 1823 г. поступилъ на физико-математическій факультетъ виленскаго университета. Въ 1826 г. Будзинскій получилъ въ этомъ университетѣ степень кандидата философіи. Черезъ два года онъ держалъ экзаменъ на степень магистра философіи, но, вслѣдствіе закрытія виленскаго университета, получилъ эту степень въ университетѣ св. Владиміра (въ 1836 г.).

Прослуживъ незначительное время старшимъ учителемъ физики и математики въ житомирской гимназіи, Будзинскій 20 января 1834 г. былъ назначенъ профессоромъ лицея князя Безбородко по каѳедрѣ прикладной математики (утвержденъ въ этомъ званіи въ 1836 г.). Эту должность Будзинскій занималъ до 5 іюля 1838 г. Помимо своего предмета, Будзинскій, за отсутствіемъ другихъ профессоровъ, нѣкоторое время читалъ въ лицеѣ чистую математику и ботанику. Какъ профессоръ, Будзинскій пользовался любовью и уваженіемъ среди студентовъ; лекціи его всегда отличались особенною ясностью изложенія и весьма цѣнились слушателями. Впослѣдствіи Будзинскій былъ наставникомъ-наблюдателемъ и преподавателемъ математическихъ наукъ въ лѣсномъ и межевомъ институтахъ. Послѣ 1861 г. Будзинскій не значится болѣе въ служебныхъ спискахъ.

Д. Журавскій, «К. А. Будзинскій» («Лицей князя Безбородко», 1859 г., отд. I, стр. 92—93).— С. А. Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», Т. I, Спб., 1900 г.

Будкинъ, *Филиппъ Осиповичъ*, портретный живописецъ, академикъ, род. въ 1806 г., ум. въ 1850 г. Происходя изъ мѣщанъ г. Городни, онъ въ 1834 г. былъ за собственный портретъ возведенъ въ званіе свободнаго (неклассснаго) художника. Посѣщая классы академіи художествъ, какъ посторонній ученикъ, онъ получилъ на рисовальномъ экзаменѣ въ томъ же 1834 г. сереб. медаль 2-го достоинства за рисунокъ съ натуры, а въ 1835 г.—1-го достоинства за живописный портретъ. Въ 1836 г. уволенъ изъ податнаго сословія. Въ 1841 г. получилъ званіе академика портретной живописи за написанный по программѣ (выбранной имъ самимъ) портретъ почетнаго члена академіи художествъ князя Никиты Ив. Дондукова - Корсакова (находящійся нынѣ въ залѣ совѣта академіи). Въ 1837 г. имъ былъ исполненъ заказанный маркизомъ Лондондери (за 2,000 р.) портретъ Государя (отправленный въ Лондонъ), а также заказана ему для Императорской Публичной библіотеки копія съ портрета Государя въ казачьемъ мундирѣ, писаннаго Крюгеромъ.

«Архивъ И. А. Худ.» (1834, № 13 и 106; 1835, № 71; 1837, №№ 39 и 48).—Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Акад. Худ., Т. II. — Ровинскій, «Словарь русск. гравиров. портретовъ». *А. Мальмгренъ.*

Будогосскій, *Константинъ Ѳаддѣевичъ*, генералъ-маіоръ, топографъ и военный статистикъ, ум. въ февралѣ 1875 г. Выпущенный въ 1842 г. изъ бывшаго дворянскаго полка прапорщикомъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду, Будогосскій въ 1844 г. поступилъ въ военную академію. По окончаніи академическаго курса онъ былъ перемѣщенъ на службу въ генеральный штабъ. Являясь прекраснымъ съемщикомъ для топографическихъ и военно-статистическихъ работъ, онъ выступилъ и на боевомъ поприщѣ во время Крымской кампаніи: будучи квартирмейстеромъ 7-й пѣхотной дивизіи, онъ участвовалъ въ сраженіи на Черной и находился на южной сторонѣ Севастополя въ послѣдніе дни его осады. Въ 1857 г., въ чинѣ подполковника, Будогосскій былъ назначенъ на должность оберъ-квартирмейстера штаба войскъ Восточной Сибири. Въ 1858 г. онъ принималъ участіе въ трудахъ по разграниченію Уссурійскаго края съ Китаемъ и въ то же время начальствовалъ надъ экспедиціей, которая была организована для изслѣдованія страны между моремъ и р. Уссури. По окончаніи этой работы, Будогосскій былъ посланъ въ Пекинъ съ вновь выработанными свѣдѣніями о границѣ. Въ 1859 г. онъ возвратился оттуда черезъ Монголію въ Иркутскъ. Въ 1860 г. онъ сдѣлалъ важное въ научномъ отношеніи изслѣдованіе долины р. Китоя, начиная отъ верховья ея вплоть до селенія Китойскаго. Для этого онъ отправился изъ Ниловой пустыни на юго-западъ и, перейдя хребетъ въ вершинахъ верхняго Холхондоя, подошелъ къ нижнему Холхондою, достигъ верхняго Китоя, по теченію котораго сталъ спускаться, но, по причинѣ поздняго времени и прибыли воды, не пошелъ дальше Сахангера; черезъ долину Оспы онъ вышелъ къ верховьямъ р. Даялона и уже по Даялону достигъ р. Бѣлой. Какъ и въ другихъ своихъ экспедиціяхъ, Будогосскій и въ этомъ случаѣ снялъ маршрутную карту пройденнаго пути и велъ путевой журналъ. Въ 1861 г. Будогосскій былъ назначенъ участвовать въ комиссіи для разграниченія Амурскаго края съ Китаемъ. За составленіе прекрасной карты Амурскаго края Будогосскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени съ короною и ему назначена пожизненная пенсія. По возвращеніи изъ Сибири, Будогосскій былъ

назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ одесскаго военнаго округа, въ 1864 г. принялъ въ командованіе 55-й пѣхотный подольскій полкъ, а въ 1868 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи. Какъ человѣкъ, Будогосскій отличался открытымъ и добродушнымъ характеромъ и пользовался общимъ расположеніемъ. Будогосскій участвовалъ въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Ему, между прочимъ, принадлежатъ замѣчанія на статью М. Венюкова: «Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи и способовъ обороны ихъ» («Военный Сборникъ» 1872 г., томъ LXXXV, № 6, стр. 124).

П. П. Семеновъ, «Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1845 — 1895 г.г. Спб. 1896 г., стр. 202, 203, 207, 208, 241, 244, 467.—Kaulbars, «Aperçu des travaux géographiques».—С. А. Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», Т. I-II, Спб. 1900.—«Русскій Инвалидъ» 1875 г., № 45.—«Иллюстр. Недѣля» 1875 г., № 11.

Будри (де-), *Давидъ Ивановичъ*, профессоръ царскосельскаго лицея, род. въ 1756 г. въ княжествѣ Невшательскомъ, въ Швейцаріи, въ мѣст. Будри, ум. 23 сентября 1821 г. Онъ былъ сыномъ доктора медицины Марата и роднымъ братомъ извѣстнаго Марата. Образованіе получилъ въ нейштадской и женевской гимназіяхъ, а затѣмъ въ женевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1784 г. былъ приглашенъ въ Россію камергеромъ Салтыковымъ, въ качествѣ воспитателя его дѣтей. Въ 1803 г. поступилъ учителемъ французской словесности въ институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины, а въ 1806 г.—въ петербургскую университетскую гимназію; въ этомъ же году онъ принялъ присягу на подданство Россіи. Въ 1808 г. онъ получилъ чинъ 9-го класса. Въ 1811 г. назначенъ профессоромъ французскаго языка и словесности въ царскосельскій лицей. А. С. Пушкинъ былъ ученикомъ де-Будри по лицею и упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ,—что «де-Будри былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію, по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу де, которую Будри тщательно сохранялъ». Въ 1819 г. де-Будри получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. Былъ кавалеромъ орденовъ св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 степени Издалъ: 1) «Первыя основанія французскаго языка, или новая грамматика въ пользу россійскаго юношества», 2 ч., п., 1811—12 гг. и 2) «Сокращеніе французской грамматики», П., 1819 г.

«Русскій Архивъ» 1876 г., кн. 4 («Старины Царскосельскаго лицея», Я. К. Грота).—«Благонамѣренный» 1821 г., часть 15-я.—«Русск. Архивъ» 1866 г., стр. 131 («Воспоминанія лицеиста»), и 1865 г., стр. 1375 (замѣтка Юрія Толстого).—«Библіографическія записки» II томъ, стр. 136 и 137.—Словарь Геннади.—Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Морозова, т. V, стр. 277.

Вуза, *Елисей* (Елеса), казацкій десятникъ. Въ 1636 г. Буза былъ посланъ изъ Енисейска съ приказомъ осмотрѣть рѣки, впадающія въ Ледовитое море, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жителей. Сначала съ Бузой отправилось всего десять человѣкъ, но послѣ зимовки въ Олекминскомъ острогѣ къ нему примкнуло еще до сорока «промышленныхъ людей». Весной 1637 г. Буза пустился въ дальнѣйшій путь. Въ теченіе двухъ недѣль онъ достигъ западнаго устья Лены, а затѣмъ поплылъ по морю и черезъ сутки доѣхалъ до устья Оленька. По Оленьку Буза началъ подниматься «своей силой», добрался до кочевокъ тунгузовъ и возвратился изъ этого похода съ ясакомъ въ пять сороковъ соболей, собраннымъ съ тунгузовъ. Проведя зиму среди инородцевъ, Буза весною проникъ къ Ленѣ болѣе короткимъ, сухимъ путемъ. Отсюда онъ въ пять сутокъ, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, при попутномъ вѣтрѣ, спустился къ морю и прошелъ къ устью Яны. Отправившись вверхъ по этой рѣкѣ, Буза напалъ на якутовъ, съ которыхъ также собралъ ясакъ. Въ 1639 г. Буза совершилъ третій походъ. Согласно данной ему изъ Иркутска наказной записи, предписывавшей ему итти на Индигирку и искать новыхъ людей, онъ построилъ на Янѣ четыре судна и по одному изъ рукавовъ Яны достигъ «великаго озера», соединявшагося узкимъ протокомъ съ моремъ. Здѣсь Буза встрѣтилъ шамана юкагировъ, о которыхъ до того времени ходили только слухи, былъ провезенъ этимъ шаманомъ къ мѣсту обитанія юкагировъ, на которыхъ и наложилъ ясакъ. Въ 1640 г. на Индигиркѣ было поставлено первое русское зимовье. Отправивъ съ ясакомъ въ Якутскъ одного изъ казаковъ,

самъ Буза еще почти три года пробылъ у юкагировъ, а въ 1642 г. возвратился въ Иркутскъ и привезъ съ собой трехъ юкагирскихъ аманатовъ. Вернувшись, Буза, между прочимъ, доносилъ: «есть-де рѣка именемъ Нерога и прилегла она своею вершиной близко къ Индигиркѣ, съ которой ходу до нея будетъ съ недѣлю, коли на оленяхъ ѣхать безъ вьюковъ. Къ вершинѣ Яны та рѣка Нерога тоже прилегла; отъ Янской вершины до нея ходу будетъ на оленяхъ цѣлый мѣсяцъ. Пала Нерога устьемъ въ море, и много въ ней рыбы, которою тамошніе люди и кормятся. Живутъ они на высокомъ рѣчномъ юру, въ землянкахъ, все люди пѣшіе; нѣтъ у нихъ ни оленей, ни лошедей, за то много серебра. Руда серебряная,—доносилъ также Буза, — лежитъ въ горѣ, не далеко отъ моря, въ утесѣ, а повыше отъ устья, по рѣкѣ, руды той немного...» Дальнѣйшая судьба Бузы неизвѣстна.

Д. Садовниковъ, Наши землепроходцы. 104.— Замѣтка В. Р. въ «Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона».—Стрешель, «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири и прилежащихъ острововъ» («Кронштадскій Вѣстникъ» 1876 г., № 78).

Буйносовъ-Ростовскій, князь *Алексѣй Ивановичъ,* стольникъ и воевода при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сынъ князя Ивана Петровича, ум. 9 декабря 1665 г. Онъ началъ службу около 1640 г. при дворѣ рындою, неоднократно бывалъ при пріемахъ иностранныхъ пословъ и «смотрѣлъ въ государевъ столъ» во время торжественныхъ обѣдовъ. Въ 1648 г., когда ожидалось нашествіе крымцевъ на московскую украйну, Буйносовъ былъ посланъ воеводою въ Яблоновъ, «для храненія». Потомъ онъ снова былъ при дворѣ и въ 1654 г. сопровождалъ царя въ его походѣ на Литву въ качествѣ головы одной изъ сотенъ стряпчихъ. Въ 1655 г. Буйносовъ снова участвовалъ въ походѣ Алексѣя Михайловича въ Литву, былъ съ царемъ въ Вильнѣ и исполнялъ его мелкія порученія въ окрестностяхъ этого города. Въ 1656 г. князь Алексѣй Ивановичъ былъ посланъ воеводой въ Тобольскъ, но здѣсь выказалъ себя человѣкомъ крайне грубымъ и своенравнымъ и скоро вступилъ въ борьбу съ мѣстнымъ архіепископомъ Симеономъ, не желавшимъ подчиниться его волѣ; благодаря связямъ въ Москвѣ, Буйносовъ успѣлъ добиться запрещенія архіепископу совершать богослуженіе, но и самъ 3 февраля 1659 г. былъ отозванъ въ Москву. Въ Москвѣ Буйносовъ оставался не долго и 10 іюня 1660 г. былъ отправленъ воеводой въ Тулу, откуда, 17 января 1661 г., отозванъ назадъ въ Москву. Послѣ этого до конца жизни онъ жилъ въ Москвѣ, участвуя изрѣдка въ разныхъ придворныхъ торжествахъ. Похороненъ Буйносовъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Дѣтей онъ не оставилъ, и съ его смертью пресѣкся родъ князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Собраніе государств. грамотъ и договоровъ IV, 27.—Памятники дипломатическихъ сношеній древн. Россіи съ державами иностранными (СПБ. 1851—71). т. т. III, IV, V, VI.—Русская Историч. Библіотека, т. X.—Древн. Росс. Вивліоѳика, Ш, 188.—Дворцовые Разряды, т. П, стр. 651, 652, 703, 705, 718, 727, 755, III, 6, 17, 41, 49, 50, 55, 64, 65, 67, 71, 73, 75, 82, 88, 95, 118, 129, 130, 134, 157, 391, 403, 416, 463, 475, 487; Дополн. къ т. Ш, 14, 15, 25, 169, 250, 252, 265, 268, 293, 332.—«Русская Старина», LXXX, 170—184.—Спиридовъ, Сокращ. описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810) II, 26—27.

Е. Л.

Буйносовъ-Ростовскій князь *Василій Ивановичъ*, воевода московскій, сынъ князя Ивана Александровича Буйноса, ум. въ 1602 г. Въ 1576 г. онъ былъ назначенъ воеводой въ Свіяжскъ, гдѣ пробылъ до 1579 г., когда былъ переведенъ воеводой въ Черствинъ. Въ 1583 г. онъ сидѣлъ воеводой въ Контайскѣ, гдѣ пробылъ и 1584 годъ. Въ 1588 г. былъ воеводой сторожеваго полка на Украйнѣ, а въ 1589 г. вторымъ воеводой во Псковѣ. Въ 1591 г. во время нашествія крымскаго хана Казы-Гирея на Москву, Буйносовъ сперва былъ воеводой въ Серпуховѣ, а потомъ участвовалъ въ отраженіи хана отъ Москвы, и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ ему пожалованъ золотой. Въ 1592 г. онъ былъ посланъ въ Новгородъ, а съ 1595 г. по 1599 г. сидѣлъ сперва вторымъ, а потомъ и первымъ воеводой въ Псковѣ. Въ 1602 г. находимъ Буйносова воеводой въ Новгородѣ, гдѣ онъ въ этомъ же году и умеръ.

Акты археогр. экспедиціи II, 74. — Русскій истор. сборн. II, 76.—Древн. Росс. Вивліоѳика XIV, 314, 347, 364, 441, 445.—Спиридовъ, Сокращ. описаніе службъ благород. россійскихъ дворянъ, II, 22.

Е. Л.

Буйносовъ-Ростовскій, князь *Василій Ивановичъ*, по прозванію Бѣлоголовый, думный дворянинъ московскій и вое-

вода, сынъ князя Ивана Ивановича Большого, въ 1579 г. былъ посланъ въ Новгородъ, въ Вотскую пятину, собирать дѣтей боярскихъ и отводить ихъ на службу въ Псковъ. Въ 1580 г. воевода въ Черствинѣ, въ 1581 г. осадный воевода въ Кукейносѣ, въ 1582 г. въ Орѣшкѣ, а въ 1583 г. былъ назначенъ намѣстникомъ Мещерскимъ и въ томъ же году былъ посланъ на съѣздъ съ польскими послами объ установленіи границъ Россіи съ Польшей. Въ 1585 г. Буйносовъ снова былъ воеводой въ Орѣшкѣ, но въ іюнѣ этого года былъ отозванъ оттуда. Въ 1588 г., во время нашествія крымцевъ, былъ воеводой на берегу Оки. Въ 1589 г. сидѣлъ вторымъ воеводою во Псковѣ, въ 1590 г. участвовалъ въ походѣ царя противъ шведовъ, въ 1591 г. снова былъ въ Псковѣ, въ 1592 и 1593 гг. воеводствовалъ въ Ивангородѣ. Съ 31 марта 1594 г. находимъ Буйносова воеводой въ Тулѣ, въ 1595 г. сперва въ Коломнѣ, а потомъ въ Серпуховѣ, въ 1597 г. въ Алексинѣ и въ началѣ 1598 г.—въ Копорьѣ. Въ томъ же 1598 г. Буйносовъ получилъ званіе думнаго дворянина и въ этомъ же году, во время похода царя Бориса Годунова противъ крымскаго хана, былъ оставленъ въ думѣ «Москву вѣдать». Въ 1599 г. онъ былъ назначенъ первымъ воеводой въ Ивангородѣ, въ 1600 г. находился опять въ Москвѣ, въ 1602 г. воеводствовалъ снова въ Ивангородѣ, откуда въ 1603 г. былъ переведенъ въ Новгородъ и тамъ пробылъ и 1604 г. Въ январѣ 1608 г. на свадьбѣ царя Василія Шуйскаго съ племянницею князя Василія Буйносова, Маріею Петровною Буйносовой, онъ былъ пожалованъ въ бояре и участвовалъ въ чинѣ свадьбы.

Соловьевъ, Исторія Россіи.—Карамзинъ, Исторія Гос. Росс.—Памятники дипломатич. сношеній Россіи, т. II.—Акты Историческіе.—Древн. Росс. Вивліоѳика, XIV, 390, 405, 419, 476.—Спиридовъ, сокращ. описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ, II, 22—23. *Е. Л.*

Буйносовъ-Ростовскій, князь *Иванъ Петровичъ*, крайчій царя Михаила Ѳедоровича, сынъ боярина князя Петра Ивановича, въ 1605 г. былъ посланъ царемъ Борисомъ Годуновымъ въ Ржевъ собирать дворянъ и дѣтей боярскихъ для похода противъ Лжедимитрія. Въ 1608 г. на свадьбѣ царя Василія Шуйскаго съ его сестрою, княжною Маріею Петровною онъ получилъ крайчество, которое въ 1610 г. послѣ сверженія Шуйскаго, у него было отнято. Въ 1613 г. князь Иванъ Петровичъ участвовалъ въ соборѣ, избравшемъ на царство Михаила Ѳеодоровича, подписался подъ актомъ избранія, былъ возстановленъ новымъ царемъ въ званіи крайчаго и посланъ воеводой въ Тобольскъ, гдѣ и пробылъ до 1615 г. когда былъ отозванъ въ Москву. Вся остальная служба князя Буйносова прошла при дворѣ, гдѣ онъ часто упоминается при разныхъ торжествахъ. Послѣднее упоминаніе о немъ относится къ 1636 г., когда онъ «вина наряжалъ» во время одного торжественнаго обѣда.

Акты историческіе.—Акты Московскаго Государства, I, 111.—Русская Историч. Библіотека, X.—Дворцовые разряды, I, 195; II, 99, 101, 103, 105, 140, 141, 144, 145, 147, 148, 150, 202, 242, 251, 264, 275, 276, 418, 426, 427, 446.—Русск. Историч. Сборникъ, II, 309.—Древняя Росс. Вивліоѳика, III, 129.—Спиридовъ, Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ, II, 24. *Е. Л.*

Буйносовъ - Ростовскій, князь *Петръ Ивановичъ*, бояринъ и воевода, сынъ князя Ивана Ивановича Меньшого, въ 1576 и 1577 гг. былъ воеводой въ Алатырѣ, въ 1578 и 1579 гг.—въ Чебоксарахъ, въ 1582 г. вторымъ воеводой въ Казани, а отсюда въ томъ же году былъ переведенъ въ Свіяжскъ, гдѣ и былъ уже первымъ воеводой въ 1583 и 1584 гг. Въ сентябрѣ 1584 г. князь Петръ Ивановичъ получилъ назначеніе на воеводство въ Тулѣ; отсюда былъ посланъ въ Каширу для обороны московскихъ земель отъ набѣга крымскихъ татаръ, которыхъ разбилъ и прогналъ. Въ 1590 г. Буйносовъ былъ снова воеводой въ Тулѣ, откуда сопровождалъ царя въ шведскомъ походѣ. Въ 1591 г. онъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Новгородѣ,—отсюда переведенъ въ Ивангородъ, а затѣмъ взятъ въ Москву и участвовалъ въ отраженіи отъ столицы хана Казы-Гирея, причемъ получилъ за отличіе золотой и затѣмъ отправленъ воеводой въ Тулу. Въ 1592 г. онъ былъ сначала вторымъ воеводой въ Серпуховѣ, потомъ ѣздилъ въ Новгородъ и въ Ивангородъ для приготовленія запасовъ и въ томъ же году, 20 іюня, былъ отправленъ изъ Ивангорода въ Черниговъ осаднымъ воеводой. Въ 1594 г. Буйносовъ сидѣлъ на воеводствѣ въ Тулѣ, а въ 1598 г. пожалованъ царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ въ думные дворяне, участвовалъ въ

соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова, подписался подъ актомъ избранія и посланъ Борисомъ въ Новгородъ приводить жителей къ присягѣ новому царю и раздавать денежное жалованье тамошнимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Въ 1599 г. онъ былъ воеводой въ Крапивнѣ, а въ 1603 г. пожалованъ за свою службу въ бояре. Въ 1607 г., во время появленія самозванца Лжепетра, былъ воеводой въ Бѣлгородѣ и, такъ какъ не хотѣлъ измѣнить Шуйскому, то былъ захваченъ шайками самозванца и въ плѣну замученъ. На дочери его, княжнѣ Маріи женился въ 1608 г. царь Василій Шуйскій.

Соловьевъ, Исторія Россіи.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Акты археограф. экспедиціи.—Дополненія къ актамъ историч. — Русск. Историч. Сборн., II, 76.—Древн. Росс. Вивліоѳика, XIV, 314, 347, 365, 440, 445, XX, 81.—Спиридовъ, Сокращ. опис. служебъ росс. дворянъ, II, 23—24. *Е. Л.*

Буйносовъ - Ростовскій, князь *Юрій Петровичъ*, бояринъ и воевода, сынъ боярина князя Петра Ивановича, ум. въ 1661 г. Онъ упоминается съ 1618 г., когда, въ званіи стольника, «смотрѣлъ въ большой государевъ столъ». Въ 1619 г., во время нашествія королевича Владислава, былъ посланъ въ Ярославль къ князю Черкасскому съ золотыми. Въ 1626 г. былъ воеводой въ Тулѣ, въ 1627 г.— въ Астрахани. Въ 1634 г. находился въ Москвѣ, 10 марта 1637 г. снова былъ назначенъ въ Тулу, откуда 1 октября того же года отпущенъ въ Москву. Въ 1639 г. посланъ былъ воеводой въ Вязьму, гдѣ и пробылъ 1640 г. Въ 1642 г. принималъ участіе въ соборѣ, созванномъ по вопросу объ удержаніи за Россіей Азова, и въ томъ же году былъ посланъ воеводой въ Тулу для обороны русскихъ границъ отъ ожидавшагося нашествія татаръ. Въ 1645 г. князь Юрій Петровичъ былъ посланъ во Владиміръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ и Казань приводить жителей къ присягѣ царю Алексѣю. Въ 1646 г., подъ начальствомъ боярина князя Трубецкого, участвовалъ въ отраженіи татаръ. Въ томъ же году, 17 марта, въ именины царя, Буйносовъ былъ пожалованъ въ бояре, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого отправленъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ ему пришлось укрѣплять городъ, строить пороховые склады и вообще приготовляться къ оборонѣ, такъ какъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Даніей, ожидалось нападеніе датскихъ войскъ на Архангельскъ. Въ 1648 г. князь Юрій Петровичъ вернулся изъ Архангельска, а въ ноябрѣ того же года былъ посланъ во Владиміръ разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, давать имъ жалованье и «верстать новиковъ». Въ 1650 г. онъ былъ назначенъ судьей въ судно-владимирскомъ приказѣ, а въ 1651 г. посланъ воеводой въ Новгородъ на мѣсто князя Хилкова, которымъ новгородцы были недовольны, и пробылъ въ Новгородѣ до 1654 г.

Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, 380.—Акты историч. — Акты археограф. экспедиціи. — Дополненія къ актамъ истор. — Соловьевъ. — Русск. Истор. Библіотека, Т.Т. II, III, V, IX, X, XII, XV, XVIII.—Книги разрядныя.— Акты Московскаго Государства, I, 140.—Дворцовые Разряды, II, 491, 499, 575, 582, 589, 614, 638, 673, 676, 685; III, 4, 17, 23, 25, 31—32, 33, 93, 108—109, 116, 127, 137, 183, 184, 268. — Древн. Росс. Вивліоѳика, XVIII, 26—27. — Спиридовъ, Сокращ. описаніе служебъ росс. дворянъ, II, 24—26. *Е. Лихачъ.*

Буйносъ-Ростовскій, князь *Иванъ Александровичъ*, воевода великаго князя Василія Ивановича, внукъ князя Ивана Андреевича Ростовскаго-Брюхатаго, родоначальникъ князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ. Въ 1501 г. онъ участвовалъ въ походѣ въ Литву, а потомъ былъ первымъ воеводой сторожевого полку въ Псковской области; въ 1502 г. участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ, въ 1507 и 1508 г.г. былъ въ походѣ противъ Литвы, а въ 1516 г. находился первымъ воеводой сторожевого полка въ Великихъ Лукахъ, гдѣ пробылъ и слѣдующій годъ. Въ 1519 г. онъ былъ въ числѣ намѣстниковъ въ Новгородѣ, откуда ходилъ къ Полоцку, воюя литовскія земли. Въ 1521 г. Буйносъ былъ воеводой въ Торопцѣ, въ 1531 г.—однимъ изъ воеводъ въ Великихъ Лукахъ и въ 1535—36 г.г.—въ Коломнѣ. Сынъ его, *Иванъ Ивановичъ Большой*, стольникъ, былъ головою въ крымскихъ походахъ во время малолѣтства Грознаго. Другой сынъ, *Иванъ Ивановичъ Меньшой* участвовалъ въ Ливонской войнѣ и былъ въ 1571 г. воеводой въ Свіяжскѣ. О третьемъ сынѣ его, *Василіи* см. выше.

Разрядная книга, изд. Милюкова («Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1893, кн. I), стр. 28, 37, 49, 62, 64, 67, 72.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Спиридовъ, Сокращ. описаніе служебъ росс. дворянъ, II, 21—22. *Е. Л.*

Букеевъ, *Джангиръ*, ханъ внутренней Киргизской орды, ум. 11 августа 1845 г.,

на лѣтней кочевкѣ въ саратовской губ., при рѣкѣ Торгунѣ, на 42-мъ году жизни. Послѣ смерти хана Букея (въ 1815 г.) осталось три сына—Джангиръ, Адель и Менгли-Гирей, изъ которыхъ первый былъ старшимъ. Вслѣдствіе малолѣтства всѣхъ дѣтей Букея, въ теченіе девяти лѣтъ ордою управлялъ, на правахъ султана-правителя, братъ Букея—Шигай (Сгай). Между тѣмъ Джангиръ Букеевъ воспитывался въ домѣ астраханскаго гражданскаго губернатора Андреевскаго, гдѣ изучилъ русскій языкъ, на которомъ не только говорилъ, но и читалъ, а также познакомился съ нѣмецкимъ языкомъ. Въ 1824 г. Джангиръ Букеевъ вступилъ на ханскій престолъ, который и занималъ до самой смерти. На ханѣ Джангирѣ лежало внутреннее управленіе ордою, хотя дѣйствія его находились въ зависимости отъ оренбургской пограничной коммиссіи, оренбургскаго военнаго губернатора и министерства государственныхъ имуществъ. Въ 1828 г. при ханѣ Джангирѣ былъ учрежденъ совѣтъ изъ двѣнадцати беевъ, выбираемыхъ самимъ ханомъ. Ханъ Джангиръ учредилъ самъ должность «депутата», для разбирательства споровъ съ сосѣдями. Наконецъ, хану были даны 124 казака, которые, впрочемъ, не находились въ его непосредственномъ распоряженіи. Ханъ Джангиръ сумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и любовь подвластныхъ киргизовъ. Ему киргизы обязаны многими улучшеніями въ своемъ быту. Онъ, между прочимъ, положилъ начало осѣдлости среди киргизовъ и, благодаря своей настойчивости, сумѣлъ распространить ее среди нихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Причинами, ускорившими это дѣло, были нѣкоторыя обстоятельства личной жизни хана. Сначала онъ велъ кочевую жизнь, пока въ октябрѣ 1824 г. не женился на Фатимѣ, дочери оренбургскаго муфтія Мухамеда-Джана-Гуссейнова. Фатима была образована вполнѣ по-европейски, знала языки, музыку, танцы, привыкла ко всѣмъ удобствамъ культурной жизни, и это заставило Джангира вскорѣ оставить кибитку. Возвратившись въ 1826 г. изъ Петербурга съ богатымъ подаркомъ и денежнымъ вспоможеніемъ въ десять тысячъ рублей на постройку постояннаго жилища, онъ осенью этого года купилъ у одного дубовскаго мѣщанина деревянный домъ, который и перенесъ въ степь, а потомъ построилъ и собственный большой домъ при урочищѣ Джаскусъ; мѣсто постройки дома было выбрано въ зависимости отъ присутствія тамъ лѣса, ключей, озеръ и близости Волги. Этой постройкой ханскаго дома и было положено начало осѣдлости среди киргизовъ. Поселокъ, образовавшійся при новопостроенномъ ханскомъ домѣ, разросся впослѣдствіи въ обширную Ханскую Ставку. Много заботился Джангиръ о распространеніи среди киргизовъ, бывшихъ полуязычниками, магометантства, съ цѣлью смягчить ихъ нравы. Послѣ 1835 г. онъ построилъ въ своей ставкѣ мечеть, первую въ степи. Джангиръ Букеевъ положилъ начало среди киргизовъ особому дворянскому сословію, носящему названіе «тархановъ». Это званіе Букеевъ раздавалъ киргизамъ за особыя услуги; «тарханская грамота» освобождала пожалованнаго и все его потомство отъ податей. Иногда ханъ надѣлялъ за заслуги землею. Букеевъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, особенно послѣ того, какъ ему удалось подавить нѣсколько мятежей, направленныхъ противъ него и противъ Россіи. Джангиръ Букеевъ былъ возведенъ въ чинъ генералъ-маіора русской службы, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ императорскою короною и брилліантами, саблею съ драгоцѣнными украшеніями и т. д. Въ 1844 г. ханъ Джангиръ серьезно заболѣлъ, но, благодаря своевременной медицинской помощи, выздоровѣлъ. Скоро, однако, онъ вновь заболѣлъ простудою. Къ этому присоединилась печаль о болѣзни Фатимы. На этотъ разъ ханъ уже не оправился. На могилѣ Джангира, находящейся въ десяти верстахъ отъ ставки, построенъ былъ небольшой храмъ. Букеевъ оставилъ послѣ себя записки автобіографическаго характера.

А. Харузинъ, «Киргизы Букеевской орды», Москва 1889 г. — Некрологъ Джангира Букеева въ «Саратовскихъ Вѣдомостяхъ» 1845 г. № 34.— А. Евреиновъ, «Внутренняя или Букеевская киргизъ-казачья орда» («Современникъ» 1851 г., октябрь, стр. 49—96). — «О внутренней или Букеевской киргизъ-кайсацкой ордѣ» («Сынъ Отечества» 1840 г., томъ V).—М. Киттары, «Ставка хана внутренней киргизской орды» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1849 г., ч. 28). — Статья Ф. Ш. въ словарѣ Брокгауза-Ефрона: «Букеевская или внутренняя орда». — П. Небольсинъ, «Очерки волжскаго понизовья» («Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1852 г., ч. XXXIX). — А. Харузинъ, Степные очерки (киргизская Букеевская орда). Москва 1888 г.—«Очерки Зауральской степи и Букеевской орды», изд. Солдатенкова, 1859 г. — Я. Ц.

Ханыковъ, «Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды въ 1841 г.» («Записки Русскаго Императорскаго Географическаго Общества» 1849 г., кн. 1 и 2). — Медвѣдскій, «Внутренняя Букеевская орда» («Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1862 г., № 7—9). — «Большая Энциклопедія».

Буковенъ (фанъ-), *Корнилій*, (Cornelius van Bockhoven) голландецъ, полковникъ, ум. въ 1678 г. Прибылъ въ Россію на службу съ бояриномъ Милославскимъ въ 1648 г., въ чинѣ капитана. Въ сраженіи подъ Полоцкомъ (1661 г.) Буковенъ былъ взятъ поляками въ плѣнъ, изъ котораго возвратился въ Москву въ 1662 г. Какъ человѣкъ, который «на морѣ многіе пути хаживалъ на корабли, и морской корабельный бой ему въ обычай и корабельное дѣло и русской извычей знаетъ», Буковенъ былъ назначенъ въ 1667 г. къ строенію судовъ, предназначавшихся для торговыхъ сношеній съ Персіей. Пріискавъ годные для судостроенія лѣса, онъ заложилъ въ селѣ Дѣдиновѣ, на лѣвомъ берегу р. Оки, корабль, яхту, ботъ и двѣ шлюпки. Все, до самыхъ простыхъ инструментовъ, требовалось выписывать изъ Голландіи, но не смотря на массу препятствій, постройка судовъ доведена была до конца, и корабль названный «Орелъ» былъ спущенъ на воду 26 мая 1668 г. На слѣдующій годъ по отправленіи судовъ изъ Дѣдинова, Буковенъ возвратился въ Москву, и продолжалъ тамъ службу. Въ 1678 г. онъ участвовалъ въ защитѣ Чигирина отъ турокъ, и въ ночь на 12 августа былъ убитъ. Буковенъ состоялъ подъ командой генерала Гордона, и пользовался довѣріемъ послѣдняго.

Доп. къ акт. историч. Археограф. коми. Т. IV, № 47.—Tagebuch des Generalen Gordon. B. I. M. 1849 г.—Висковатовъ, Морскіе походы русскихъ. Спб. 1864 г.

Буковецкій, *Іосафатъ*, врачъ, род. въ 1790 г., ум. 4 января 1831 г. Дворянинъ по происхожденію, онъ учился въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ виленскаго университета, въ 1815 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и въ томъ же году, въ іюнѣ, получилъ степень доктора медицины виленскаго университета. Въ 1816 г. онъ былъ опредѣленъ въ одинъ изъ волынскихъ военныхъ госпиталей ординаторомъ, съ 1818 г. служилъ въ бѣлорусско-могилевскомъ военномъ госпиталѣ, затѣмъ былъ въ силистрійскомъ военно-временномъ госпиталѣ старшимъ лѣкаремъ и въ немъ оставался до смерти; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника, напечаталъ: De mania mensibus vernalibus 1815 anni crebro Vilnae obveniente. Дисс. на степ. д-ра мед.; Вильно, 1815.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. I, Спб. 1886 г. — Моск. отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба, опись канцеляріи начальника штаба, медиц. дѣло № 258. — «Военно-Медиц. журналъ» 1831 г., ч. 17, № 2, стр. 301.

Н. Кульбинъ.

Буксбаумъ, *Іоганъ-Христіанъ,* академикъ Имп. академіи наукъ по каѳедрѣ ботаники, род. въ октябрѣ 1694 г. въ Мерзебургѣ, въ Прусской Саксоніи, ум. въ Вермсдорфѣ 7 іюля 1730 г. Дѣтство его прошло въ Вермсдорфѣ, въ родовомъ имѣніи отца. Страсть къ растеніямъ развилась въ немъ съ раннихъ лѣтъ. Отецъ Буксбаума, въ свое время извѣстный медикъ, предназначалъ сына къ докторскому званію, но онъ, прослушавъ курсы въ лейпцигскомъ, виттенбергскомъ, іенскомъ и лейденскомъ университетахъ, вернулся домой безъ права на званіе врача. Посвятивъ себя исключительно занятіямъ по ботаникѣ, Буксбаумъ въ 1721 г. напечаталъ въ Галле свои первыя научныя изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Enumeratio plantarum accuratior in agro Halensi locisque vicinis crescentium». Книга эта сразу обратила на себя вниманіе ученыхъ, такъ что, когда, въ томъ же году, Петръ I обратился къ знаменитому германскому медику Гофманну съ просьбою рекомендовать выдающагося ботаника, то послѣдній указалъ на Буксбаума, какъ на достойнѣйшаго. Приглашенный въ Россію въ качествѣ ботаника при медицинской коллегіи, Буксбаумъ энергично принялся за разведеніе сада въ Петербургѣ, на Аптекарскомъ островѣ и при этомъ садѣ читалъ лекціи ботаники обучавшимся во врачебныхъ заведеніяхъ столицы. Кромѣ того, Буксбаумъ отыскивалъ и описывалъ растенія въ окрестностяхъ Петербурга. Въ 1724 г. его отправили докторомъ при посольствѣ Ал. Ив. Румянцова въ Константинополь. Въ это время уже было рѣшено основать въ Петербургѣ академію наукъ, и Буксбаума отправили именно съ тою цѣлью, чтобы плодами его изысканій воспользовалось новое ученое учрежденіе. Согласно данной ему Блументростомъ инструкціи, Буксбаумъ долженъ былъ попутно изслѣдовать всѣ три царства природы какъ въ Россіи, такъ и за границею, и присылать Блументросту образцы

и рисунки достопримѣчательныхъ предметовъ, но главное вниманіе рекомендовалось ему обратить на врачебныя растенія. Буксбаумъ не ограничился одними только требованіями программы, а присылалъ также и этнографическій матеріалъ, коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ; послѣднихъ имъ собрано до 400 экземпляровъ, изъ которыхъ многія весьма рѣдки; особенно цѣнны добытыя имъ для нашей кунсткамеры древнія монеты изъ Антіохіи. Буксбаумъ прислалъ также много вновь имъ открытыхъ растеній, рыбъ и окаменѣлостей. Лѣтомъ 1725 г., во время экскурсіи въ приморской части Турціи, онъ простудился, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ больнымъ и, хотя поднялся, но вернулся въ Россію съ несомнѣнными признаками развивающейся чахотки. На обратномъ пути изъ Турціи, Буксбаумъ объѣхалъ многія юговосточныя области Россіи, былъ въ Сибири, доходилъ до границъ Персіи и намѣревался углубиться внутрь Азіи, но въ академіи провѣдали о безнадежномъ состояніи его здоровья и, опасаясь за цѣлость драгоцѣнныхъ коллекцій въ случаѣ смерти въ пути ихъ неутомимаго собирателя, предписали ему вернуться немедля въ Петербургъ. 14 октября 1729 г. Буксбаумъ прибылъ въ столицу, сдалъ въ академію свои коллекціи, документы и рукописные труды и, вслѣдъ затѣмъ, по настоянію врачей, находившихъ петербургскій климатъ для него гибельнымъ, его отпустили на родину, гдѣ онъ вскорѣ скончался отъ чахотки. Въ члены академіи Буксбаумъ былъ избранъ при самомъ ея возникновеніи. Въ девяти диссертаціяхъ его, напечатанныхъ въ «Комментаріяхъ» академіи, описаны нѣкоторыя растенія, хотя и встрѣчающіяся въ окрестностяхъ Петербурга, но родовые признаки которыхъ узнаны впервые Буксбаумомъ. Отдѣльно изданъ былъ академіею капитальнѣйшій трудъ Буксбаума: «Plantarum minus cognitarum centuriae, circa Bysantium et in Oriente observatorum». Подъ этимъ заглавіемъ академіею изданы 5 центурій: первая и вторая въ 1728 г., третья—въ 1729 г., четвертая—въ 1733, и пятая—въ 1740 г. Въ этихъ трудахъ впервые описано множество преимущественно африканскихъ растеній. «Центуріи» переизданы впослѣдствіи С. Г. Гмелинымъ съ картинами. Миллеръ перевелъ и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторыя изъ статей Буксбаума во II ч. сборника «Physikalische und Medic. Abhandl. der Kaiserlich. Acad. der Wissensch. zu St.-Petersburg» въ 1783 г. Амманъ широко воспользовался трудами Буксбаума въ своемъ «Stirpium rariorum in Imperio Rutheno» etc. Галлеръ, въ честь Буксбаума назвалъ его именемъ родъ сиховъ—Buxbaumiaceae.

«Deutsche Acta Eruditorum», CCV, 182—191, статья М. Ранфта. — «Allgemeines Gelehrten-Lexicon» Іохера I, 1521—22. — Извѣстія современника исторіографа Миллера въ рукописи его: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaft zu St.-Petersburg, 67—250. — «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie des siences de St.-Petersburg, 29 декаб. 1834 г. — Словари: Плюшара, М. Евгенія, Снегирева, Березина, Геннади, Брокгауза-Ефрона и др. — Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ I.—Чистовичъ, Ист. первыхъ медиц. школъ въ Россіи.

Буксгевденъ, графъ *Петръ Θеодоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1790 г., ум. въ 1863 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ въ польскую армію, откуда, дослужившись до чина подполковника, въ 1805 г. перешелъ на русскую службу и былъ зачисленъ въ таврическій гренадерскій полкъ прапорщикомъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ своему отцу, графу Θ. Θ. Буксгевдену. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ Въ 1806 г. Буксгевденъ переведенъ въ л.-гв. преображенскій полкъ, а 12 марта 1808 г. пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта Его Величества. Въ 1808 и 1809 г.г. онъ находился въ походѣ противъ Швеціи, когда за отличіе въ дѣлахъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ; въ 1811 г. Буксгевденъ временно оставилъ службу и, вступивъ на нее снова съ началомъ Отечественной войны, опредѣлился въ александрійскій гусарскій полкъ, въ рядахъ котораго принялъ участіе въ сраженіяхъ: при Кобринѣ, Пружанахъ и во многихъ другихъ. За храбрость, выказанную имъ при взятіи въ ночной экспедиціи у непріятеля 3-хъ штандартовъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Переведенный за отличіе въ л.-гв. гусарскій полкъ, Буксгевденъ въ кампаніи 1813 г. находился въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ, въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, подъ начальствомъ Левенштерна, при Бунцлау, Кацбахѣ и Лейпцигѣ; въ послѣднемъ сраженіи онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу и за отличіе награжденъ золотою саблею, съ надписью «за храбрость».

Вскорѣ разстроенное здоровье заставило его снова покинуть службу; въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку, въ которой оставался до новаго опредѣленія, въ 1820 г., подполковникомъ въ елисаветградскій гусарскій полкъ; въ 1824 г. послѣдовало производство его въ полковники и обратный переводъ въ л.-гв. гусарскій полкъ. Въ 1828 г., когда открылись военныя дѣйствія противъ Турціи, Буксгевденъ прикомандировался къ с.-петербургскому уланскому полку и выступилъ въ походъ въ авангардѣ 6-го пѣхотнаго корпуса. При осадѣ Силистріи ему былъ порученъ въ командованіе отдѣльный отрядъ, съ которымъ онъ находился на аванпостахъ, и 10 іюля, во время сильной вылазки турокъ, много содѣйствовалъ къ отраженію непріятеля. Въ слѣдующемъ году, оставивъ еще разъ военную службу, графъ Буксгевденъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ 1831 г., за особенные труды и усердіе по принятію мѣръ противъ развившейся въ Петербургѣ холеры, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени; съ 1833 г. по 1840 г. состоялъ по выбору с.-петербургскаго дворянства въ должности уѣзднаго предводителя; въ продолженіи того-же времени былъ предсѣдателемъ комиссіи 8-й ревизіи, а въ 1840 г., съ переименованіемъ въ генералъ-маіоры, опредѣленъ въ корпусъ жандармовъ и членомъ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія быта рабочихъ и ремесленниковъ, находящихся въ С.-Петербургѣ. Въ августѣ 1842 г. послѣдовало назначеніе Буксгевдена начальникомъ 4-го округа корпуса жандармовъ; въ апрѣлѣ 1850 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и въ томъ же году зачисленъ сенаторомъ во 2-е отдѣленіе 3-го департамента Правительствующаго Сената. Высшимъ знакомъ отличія графъ Буксгевденъ имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго (1861 г.).

Послужн. списокъ, хранящійся въ С.-Петербургскомъ архивѣ Правительствующаго Сената.— Словарь А. Старчевскаго.— Списки старшинства генераловъ за 1862 г. *Д. С—въ.*

Буксгевденъ, *Өеодоръ Өеодоровичъ*, впослѣдствіи графъ, генералъ отъ-инфантеріи, род. 2 сентября 1750 г., на островѣ Эзелѣ, въ казенномъ имѣніи Магнусталѣ, ум. 23 августа 1811 г. въ замкѣ Лоде. Въ 1764 г. поступилъ въ артиллерійскій и инженерный (нынѣ 2-й с.-петербургскій) кадетскій корпусъ и еще кадетомъ былъ отправленъ въ турецкій походъ, гдѣ за храбрость, оказанную имъ въ дѣлѣ при Бендерахъ, въ 1770 г. произведенъ въ инженеръ-прапорщики. Въ слѣдующемъ году, при штурмѣ Браилова, тяжело раненый дважды, онъ успѣлъ заклепать два непріятельскихъ орудія и за свой подвигъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Поступивъ въ 1772 г. адъютантомъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру князю Орлову, котораго сопровождалъ впослѣдствіи въ путешествіяхъ по Италіи и Германіи, Буксгевденъ, благодаря покровительству этого сильнаго вельможи, далеко опередилъ своихъ товарищей по службѣ. Въ 1783 г. онъ былъ уже полковникомъ; въ 1787 г., пожалованный званіемъ флигель-адъютанта Императрицы, командовалъ кексгольмскимъ пѣхотнымъ полкомъ и въ 1789 г. состоялъ уже въ чинѣ бригадира, когда поступилъ на галерный флотъ вице-адмирала принца Нассау-Зигенъ, дѣйствовавшаго противъ шведовъ, и, участвуя во многихъ дѣлахъ эскадры, получилъ случай къ дальнѣйшимъ отличіямъ. Особеннымъ мужествомъ и знаніемъ дѣла онъ ознаменовалъ свое участіе въ сраженіи близъ Роченсальма, гдѣ, во главѣ дессантнаго отряда на островѣ Куцаль-Мулимѣ, много способствовалъ разбитію шведской гребной флотиліи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса, и вскорѣ затѣмъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ этомъ чинѣ, сохранивъ при томъ и званіе флигель-адъютанта, Буксгевденъ съ отличіемъ участвовалъ въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ 1790 г. и, по заключеніи мира съ Швеціею, пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени. Въ польской войнѣ 1793 и 1794 г.г. онъ, командуя дивизіею, участвовалъ, между прочимъ, въ штурмѣ Праги, а затѣмъ состоялъ комендантомъ Варшавы. Эта кампанія доставила Буксгевдену рядъ новыхъ наградъ: золотую шпагу, украшенную бриллiантами, орденъ св. Владиміра 2-й степени, имѣнье Магнусталь, медаль отъ жителей Варшавы и мн. др.; по раздѣленіи же Польши, онъ былъ возведенъ, 18 декабря 1795 г., прусскимъ королемъ въ графское достоинство и награжденъ орденами Бѣлаго Орла и св. Станислава 1 степени. Въ томъ-же году, въ замкѣ Зонненбургѣ, Буксгевденъ былъ избранъ въ число командоровъ ордена св. Іоанна

Іерусалимскаго, причемъ ему пожаловано въ пожизненное владѣніе командорство Гоpгастъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Павла I, Буксгевденъ, уже въ чинѣ генералъ поручика, былъ опредѣленъ на должность с.-петербургскаго военнаго губернатора, получилъ орденъ св. Александра Невскаго и 5 апрѣля 1797 г. возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство; но въ сентябрѣ слѣдующаго года былъ уволенъ отъ службы и выѣхалъ въ Германію. Александръ I вызвалъ его въ Россію и въ январѣ 1802 г. назначилъ, согласно выбору с.-петербургскаго дворянства, предсѣдательствующимъ членомъ комитета, учрежденнаго для уравненія городскихъ повинностей; въ слѣдующемъ же году графъ Буксгевденъ былъ снова принятъ на военную службу и, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, назначенъ инспекторомъ лифляндской инспекціи. Въ 1805 г., при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Франціи, онъ съ отдѣльнымъ корпусомъ былъ посланъ въ Ольмюцъ, на соединеніе съ Кутузовымъ, и, по удачномъ выполненіи этого порученія, участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ. Здѣсь Буксгевденъ командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи, окруженнымъ, по отступленіи центра и праваго фланга, всѣми французскими войсками. Кавалерія Мюрата нѣсколько разъ врывалась въ ряды нашей пѣхоты, но Буксгевденъ держался, пока не получилъ приказанія отступать; тогда онъ успѣлъ пробиться сквозь французскую армію, на третій день присоединился къ главнымъ силамъ и здѣсь получилъ отъ Императора орденъ св. Владиміра 2 степени. Въ кампанію 1807 г. графъ Буксгевденъ былъ начальникомъ одного изъ корпусовъ арміи графа Каменскаго; другимъ корпусомъ командовалъ Беннигсенъ. Послѣдній, по отъѣздѣ изъ арміи главнокомандующаго, не желалъ подчиниться старшему въ чинѣ Буксгевдену, всячески избѣгалъ соединенія съ нимъ и даже сжегъ мостъ на Наревѣ, могшій служить для сообщенія своихъ корпусовъ. Послѣ пултуской побѣды главнокомандующимъ былъ назначенъ Беннигсенъ, а Буксгевденъ былъ отозванъ изъ арміи и назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ. По заключенію Тильзитскаго мира, Буксгевденъ вновь получилъ главное начальство надъ арміею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ порученіе укомплектовать ее изъ ратниковъ милиціи, что выполнилъ съ быстротою и за отличіе получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ началѣ 1808 г. Буксгевденъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, собранною противъ Швеціи. Несмотря на суровое зимнее время и на относительную малочисленность нашихъ войскъ, кампанія была ознаменована блистательными успѣхами. Вступивъ въ предѣлы Швеціи въ Аборфорсѣ, Буксгевденъ успѣлъ въ теченіе одного мѣсяца овладѣть всею южною и среднею Финляндіею и Аландскими островами. 3 мая палъ Свеаборгъ, а въ декабрѣ вся Финляндія была уже очищена отъ шведскихъ войскъ. Награжденный бриліантовыми знаками ордена св. Андрея Первозваннаго и орденомъ св. Георгія 2-й степени, графъ Буксгевденъ, по нездоровью, сдалъ управленіе арміею генералу Кноррингу и, сложивъ съ себя званіе главнокомандующаго, поселился въ Эстляндіи, гдѣ и доживалъ свои дни какъ частный человѣкъ.

Послужной списокъ, хранящ. въ Общемъ Архивѣ Главн. Штаба.—«Журн. Комит. Министр.» 1810—1812 г., т. I, л. 470. — «Исторія царств. Алек. I», М. Богдановича, т. II, стр. 168, 184—187. — Шильдеръ, Императоръ Александръ Первый. — «Медали»... Ю. Б. Иверсена, вып. I, стр. 71.—Словари: Зеделера, Старчевскаго, Плюшара, Березина, Андреевскаго, Клюшникова и Леера. *Д. С—въ.*

Булавинъ, *Кондратъ*, сотникъ бахмутской казачьей сотни, род. на Дону, близъ Черкасска, около 1660 г., кончилъ жизнь самоубійствомъ 7 іюля 1708 г. Сынъ станичнаго атамана, Булавинъ не получилъ никакого образованія и едва умѣлъ подписываться, но выдѣлялся среди товарищей храбростью и честолюбіемъ, такъ что въ частыхъ походахъ противъ крымцевъ и кубанцевъ постоянно выбирался предводителемъ отряда и поэтому числился походнымъ атаманомъ донскихъ казаковъ. Въ одномъ изъ подобныхъ походовъ на Крымъ, предпринятомъ днѣпровскими казаками вмѣстѣ съ донскими, Мазепа, предводительствовавшій соединенными силами, обратилъ вниманіе на Булавина, приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ орудіемъ своихъ замысловъ. По документамъ воронежскихъ архивовъ можно прослѣдить, съ какимъ искусствомъ и постепенностью, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подготовлялся Булавинскій бунтъ. Еще въ 1705 г. на Дону стали попадаться «шпіоны и крамольники, метавшіе въ народъ прелестныя

письма». Хорошо организованныя шайки шпіоновъ, преимущественно изъ кубанцевъ и заднѣпровцевъ, переодѣтыхъ нищими, снимали планы крѣпостей, собирали свѣдѣнія, касавшіяся военнаго положенія и силъ Украйны, и возмущали населеніе, распространяя тревожные слухи. Булавинъ существенно разнится отъ самозванцевъ. Онъ прямо объявилъ себя защитникомъ народныхъ правъ, опирался исключительно на недовольные и порочные народные элементы,—раскольниковъ, бродягъ и колодниковъ, и звалъ ихъ въ Москву: «губить бояръ, мундирныхъ солдатъ и нѣмцевъ». Запугивая народъ нелѣпыми слухами, въ родѣ того, что «бояре и нѣмцы вводятъ казаковъ въ эллинскую вѣру», Булавинъ, въ тоже время, прельщалъ всѣхъ разными заманчивыми обѣщаніями, а калмыкамъ и киргизамъ онъ предоставилъ право грабить православные храмы и монастыри. Но донскіе казаки плохо вѣрили обѣщаніямъ и слухамъ. Булавинъ, поэтому, не смѣлъ еще дѣйствовать открыто: онъ выжидалъ благопріятнаго случая, который вызвалъ бы массовое неудовольствіе среди донского казачества. Случай этотъ вскорѣ представился. Полковникъ князь Ю. Долгоруковъ, по царскому указу, схватилъ въ восьми верховыхъ станичныхъ юртахъ до 3,000 бѣглыхъ крестьянъ и выслалъ ихъ обратно въ Россію. Мѣра эта встрѣтила въ нѣкоторыхъ донскихъ станицахъ сопротивленіе; оказалось много недовольныхъ, чѣмъ и воспользовался Булавинъ, находившійся въ это время въ Бахмутѣ, гдѣ Донское войско имѣло соляныя варницы. Съ толпою бродягъ, наскоро собранныхъ, выступилъ онъ въ поле, быстро достигъ Хопра и близъ Урюпинской станицы, ночью, напалъ на кн. Долгорукова, не подозрѣвавшаго измѣны, умертвилъ его и всѣхъ бывшихъ при немъ офицеровъ и солдатъ, около 1,000 человѣкъ. Отсюда Булавинъ разослалъ возмутительныя письма по всѣмъ станицамъ войска. Но войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, при первомъ слухѣ о бунтѣ, отдалъ приказъ по войску не слушать Булавина и самъ, собравъ поспѣшно донскіе полки, выступилъ къ Хопру. Передовые отряды мятежниковъ, при приближеніи Максимова, разсѣялись, и Булавинъ, опасаясь неудачи, уклонился (въ ноябрѣ 1707 г.) съ Хопра къ Бахмуту, гдѣ удобнѣе могъ получить обѣщанную помощь татаръ, запорожцевъ и Мазепы. Онъ приказалъ своимъ соумышленникамъ, Хохлу, Некрасову, Драному, Голому и прочимъ, перейти Донецъ и, ставъ за Міусомъ, стараться усилить отряды свои бѣглецами изъ Малороссіи и вольницею съ Дона, самъ же онъ отправился въ Запорожскую Сѣчь. Бунтъ, повидимому, прекратился и впродолженіи зимы на Дону все было спокойно; но Булавинъ, подъ тайнымъ покровительствомъ Мазепы, набиралъ въ Запорожьѣ и Малороссіи всякій сбродъ, отсылалъ его въ свои отряды, скрывавшіеся въ степяхъ за Міусомъ и заключилъ съ Запорожцами тайный союзъ — «стоять другъ за друга твердо и радѣть единодушно». Предвидя серьезную опасность, Петръ I рѣшилъ потушить бунтъ при самомъ началѣ. 20,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ двинулось отъ Тулы подъ предводительствомъ князя Дм. Мих. Голицына, а послѣ присоединенія вѣрныхъ донскихъ казаковъ, весь корпусъ былъ порученъ начальствованію кн. Вас. Влад. Долгорукова, брата убитаго Булавинымъ полковника, удачно дѣйствовавшаго на Битюкѣ противъ мятежныхъ шаекъ. Между тѣмъ, Булавинъ, перезимовавъ на Днѣпрѣ, раннею весною 1708 г. появился на Міусѣ во главѣ сильнаго отряда. Онъ здѣсь поджидалъ новыхъ подкрѣпленій, но одну изъ шаекъ, намѣревавшуюся присоединиться къ Булавину, настигъ и разбилъ на р. Голубой атаманъ Максимовъ, который, ободренный успѣхомъ, рѣшился на неравный бой съ главными силами Булавина, собранными на р. Крынкѣ. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, Максимовъ былъ разбитъ, потерялъ пушки и весь свой станъ, послѣ чего поспѣшно отступилъ въ Черкасскъ. Отрядивъ нѣсколько шаекъ къ станицамъ Донецкимъ, Хоперскимъ, Бузулукскимъ и Медвѣдицкимъ, Булавинъ съ главными силами направился къ Черкасску. До Кобылинской станицы, онъ встрѣчалъ сильное сопротивленіе со стороны вѣрныхъ царю казачьихъ станицъ, но далѣе, усилившись бѣжавшими изъ Россіи раскольниками, онъ безпрепятственно дошелъ до Черкасска, которымъ и завладѣлъ хитростью. Мятежники, отрубивъ головы атаману Лукьяну Максимову съ четырьмя старшинами, удушивъ пятаго старшину Ефрема Петрова, ограбивъ и умертвивъ жителей, оставшихся вѣрными царю, провозгласили Булавина войсковымъ атаманомъ. Достигнувъ цѣли, къ которой стре-

мился, и желая сохранить за собою званіе войсковаго атамана, Булавинъ отправилъ въ Москву и Азовъ отписки, въ которыхъ старался оправдать себя въ совершенныхъ злодѣяніяхъ и увѣрялъ царя въ своей покорности. Но одновременно Булавинъ отправилъ значительную часть войска съ Некрасовымъ, водою, въ верховья, на несдавшіяся ему станицы; другой, болѣе многочисленный отрядъ, съ Драным во главѣ, онъ послалъ противъ кн. Юрія Долгорукова, третій, съ Лучкою Хохлачомъ, поставилъ при Куртлакѣ, а самъ остался для охраненія Черкасска. Между тѣмъ Петръ I, узнавъ о пораженіи атамана Максимова, далъ повелѣніе генералу Бахметеву поспѣшить съ войсками къ Черкасску. Не успѣвъ перерѣзать дорогу Булавину къ этому городу, Бахметевъ присоединился къ главному войску Долгорукова. Путь къ Черкасску приходилось очищать силою оружія. 28 апрѣля 1708 г., на р. Куртлакѣ кн. Долгоруковъ напалъ на 15,000 отрядъ Хохлача и послѣ весьма упорнаго боя уничтожилъ его. Въ тоже время отрядъ подъ начальствомъ полковниковъ Кропотова и Гулица разбилъ на голову атамана Дранаго. Несмотря на пораженія, 5,000 измѣнившихъ казаковъ появились подъ сильно укрѣпленнымъ Азовомъ, откуда впрочемъ бѣжали, разбитые на голову. Когда вѣсти о пораженіяхъ достигли Черкасска, вѣрные Царю казаки вышли изъ скрытыхъ мѣстъ, ворвались въ Черкасскъ и окружили атаманскій домъ. Оставленный всѣми, кромѣ одиннадцати преданныхъ ему казаковъ, Булавинъ защищался отчаянно, но увидѣвъ, что домъ начали обкладывать камышемъ, съ цѣлью поджечь его, застрѣлился изъ пистолета. Тѣло Булавина, для удостовѣренія жителей въ его смерти, отвезено въ Азовъ и тамъ, по отсѣченіи головы, повѣшено за ногу.

В. Броневскій, Исторія Донск. Войска.—Л. Вейнбергъ, Мат. по истор. Ворон. и сосѣдн. губ. вып. I—XVI.—«Ворон. Акты» Н. И. Второва и Дольника, кн. II. — «Труды Донск. Войсков. Статист. Комитета», вып. I и II. — Неизданные документы Ворон. Губерн. Статист. Комитета. — Словарь Андреевскаго.

Л. Вейнбергъ.

Булатницкій, *Егоръ*, писатель-переводчикъ, ум. въ Москвѣ въ 1767 г. Булатницкій былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ московскаго университета. Онъ перевелъ и исправилъ Венероніеву «Итальянскую грамматику» (напечатана въ первый разъ въ 1760 г.), бывшую съ тѣхъ поръ руководствомъ въ университетской гимназіи, въ которой въ то время преподавался итальянскій языкъ. Кромѣ этой грамматики Булатницкій перевелъ съ итальянскаго языка бѣлыми стихами «увеселительную драму, съ музыкою» подъ названіемъ: «Сердечный магнитъ»; эта драма была поставлена на сценѣ новаго московскаго театра, находившагося на Красномъ прудѣ, въ 1759 г. и тогда же была напечатана.

Словари: Снегирева, Новикова, Геннади, Венгерова.—«Словарь Историческій» 1790—1798 гг.— С. А. Венгеровъ, «Русскія книги».

Булатовичъ, *Винцентъ*, врачъ, род. 2 февраля 1833 г., ум. въ 1865 г. Въ 1852 г. онъ поступилъ въ дерптскій университетъ, въ 1857 г. окончилъ курсъ медицинскаго факультета, въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора медицины въ томъ-же университетѣ. Съ 1864 г. Булатовичъ былъ ординаторомъ городской больницы въ Орлѣ; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника; напечаталъ: 1) De partibus, quas nervi vagi in vomitu agunt; diss. Dorp. 1858.— 2) статью о медицинскомъ примѣненіи электричества (Тыгодн. Лѣкарскій 1859 г., 1).

А. Гассельблатъ и G. Otto, Album Academicum der Kaiserlichen Universität. Dorpat. 1889 г. — Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, т. I.— Стан. Козминскій, Słownik lekarzów polskich.

Н. К.

Булатовъ, *Александръ Михайловичъ*, полковой командиръ 12-го армейскаго егерскаго полка, род. въ 1794 г., ум. 19 января 1826 г. Старшій сынъ генералъ-лейтенанта М. Л. Булатова, А. Булатовъ въ дѣтствѣ рѣдко видѣлъ отца, который постоянно находился въ дѣйствующей арміи, и дѣти воспитывались матерью. Она была строга, религіозна и вполнѣ предана царствующему дому. Образованіе ея превышало обычно даваемое въ то время женщинѣ и поэтому въ Петербургѣ она пользовалась уваженіемъ и вліяніемъ. А. Булатовъ началъ свою службу въ лейбъ-гвардіи гренадерскомъ полку и 19-ти лѣтнимъ юношей отличался въ войнѣ 1813 г. Въ сраженіи при Люценѣ онъ былъ раненъ въ руку на вылетъ, а въ битвѣ подъ Парижемъ обратилъ на себя вниманіе Ермолова. Весь израненый, съ повязкой на головѣ и рукой на перевязи, Булатовъ ввелъ церемоніаль-

нымъ маршемъ свою роту въ столицу Франціи и, замѣченный Государемъ, былъ награжденъ золотой саблей за храбрость. Одинъ его современникъ говоритъ: «въ Александрѣ Булатовѣ всегда было храбрости и смѣлости довольно. Лейбъ-гренадерамъ хорошо извѣстно, какъ онъ въ Отечественную войну со своею ротою бралъ непріятельскія баттареи, какъ онъ восторжено штурмовалъ ихъ, какъ онъ подъ градомъ непріятельской картечи, во многихъ шагахъ впереди роты увлекалъ людей, куда хотѣлъ». Въ 1823 г., въ званіи полкового командира 12-го егерскаго полка дивизіи П. М. Сипягина, Булатовъ былъ назначенъ въ г Керенскъ, пензенской губерніи. Тамъ умерла горячо имъ любимая жена, и онъ отъ горя впалъ въ меланхолію. Вся личная жизнь его ушла въ воспоминанія о женѣ, и имъ овладѣла мечта построить на могилѣ ея прекрасный художественный храмъ, проэктъ котораго во всѣхъ подробностяхъ онъ разработалъ лично. Еще съ 1819 г. Булатовъ принадлежалъ къ членамъ тайнаго общества; смерть жены, потрясшая его, побудила искать забвенія въ революціонной дѣятельности. Послѣ ареста Булатова братья его сожгли привезенную имъ въ С.-Петербургъ переписку съ Пестелемъ, Рылѣевымъ, Бестужевымъ, Пановымъ, Каховскимъ, Трубецкимъ и др., разные проэкты реформъ, списки участвующихъ въ заговорѣ и т. п. Этими бумагами былъ набитъ «ручной мѣшокъ въ видѣ портфеля». Въ 1824 г. отецъ Булатова, назначенный генералъ-губернаторомъ Сибири, по пути къ мѣсту новаго назначенія заѣхалъ къ сыну, о которомъ до него дошли слухи, подтверждающіе принадлежность его къ тайнымъ обществамъ. «Александра вразумилъ, писалъ послѣ этого отецъ, будетъ помнить урокъ и забудетъ своихъ масоновъ». 1 декабря 1825 г. Булатовъ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь у него лишь однажды собрались Н. А. Пановъ, Кожевниковъ, кн. Щетининъ-Ростовскій и Н. А. Бестужевъ. Самъ Булатовъ по пріѣздѣ въ столицу почти не оставался дома, съ 6 до 10 ч. утра онъ, запершись, писалъ что-то, съ 11 уходилъ изъ дому и возвращался часа въ 2—3 ночи. Братъ Булатова такъ описываетъ его наружность: «я его почти не узналъ; онъ какъ то опустился, осунулся и очень похудѣлъ; румянца на щекахъ болѣе не было, и только впавшіе въ орбиты глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ». Булатовъ въ столицу пріѣхалъ совершенно неожиданно, безъ отпуска, и это породило въ Петербургѣ недобрые слухи. 12-го декабря онъ былъ на большомъ совѣщаніи у Рылѣева, рѣшившемъ образъ дѣйствій декабристовъ. 14-го декабря рано поутру Булатовъ зарядилъ два карманныхъ револьвера и отправился въ 8 часовъ утра къ назначенному мѣсту. Онъ вернулся домой къ обѣду, надѣлъ мундиръ и всѣ ордена и отправился къ Башуцкому. Домой онъ болѣе не вернулся, такъ какъ былъ отвезенъ въ крѣпость и посаженъ въ казематъ, черезъ три номера отъ Якушкина. Коменданту Булатовъ заявилъ, что былъ на площади 14-го декабря, разсказалъ о своихъ намѣреніяхъ и, снявъ шпагу, отдалъ ее. Послѣ ареста онъ имѣлъ разговоръ съ Императоромъ. Въ крѣпости Булатовымъ овладѣло сильное нервное возбужденіе. На самые строгіе допросы онъ постоянно отвѣчалъ: «я виноватъ, но болѣе ни слова не скажу». Потомъ онъ рѣшилъ молчать и не раскрылъ ни именъ соучастниковъ заговора, ни намѣреній ихъ. Въ половинѣ января въ здоровьѣ Булатова замѣтно было значительное ухудшеніе. Опасались нервнаго удара. 16-го, 17-го и 18-го онъ сталъ чрезвычайно тревоженъ, какъ бы даже помѣшанъ: ему мерещилась умершая жена, упрекавшая его за пренебреженіе къ участи дѣтей. Вечеромъ 18-го января въ 9 часовъ часовые услыхали стонъ въ казематѣ, вошли въ него и нашли Булатова лежащимъ на полу близъ стѣны,— черепъ съ лѣвой стороны былъ надтреснутъ и изъ этой раны выходила кровь и часть мозга. «Мнѣ говорили (пишетъ братъ Булатова), комендантъ Сукинъ, Мысловскій и другіе, что въ припадкѣ умопомѣшательства братъ мой бился головой объ стѣну и разбилъ себѣ черепъ. Изъ крѣпости перевезли его еще живымъ въ госпиталь и тутъ утромъ 19-го онъ скончался». 22-го января Булатовъ былъ торжественно похороненъ, хотя было отказано отпустить войска для сопровожденія тѣла. Весною 1826 г. офицеры л.-гв. гренадерскаго полка сложились и поставили на могилѣ его памятникъ.

Записки декабристовъ: Розена, Якушкина. — «Русск. Старина» 1887 г. № 1, стр. 203—223 («А. Булатовъ»).—«Русск. Стар.», 1874 г., томъ X, № 8 («М. Л. Булатовъ»). *В. Ф.*

Булатовъ, *Евграфъ Антоновичъ*, художникъ, пенсіонеръ Общества поощренія художниковъ, род. въ 1805 г. Крѣпостной

дворовый человѣкъ сельца Разсохи, зарайскаго у. рязанской губ. тайной совѣтницы Александры Петр. Ходневой, онъ былъ въ 1836 г. отпущенъ на волю. Занимаясь работами плафонной живописи, онъ въ 1839 г. получилъ отъ академіи художествъ званіе свободнаго неклаcснаго художника живописи цвѣтовъ и плодовъ, съ правомъ пользоваться съ его потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностью и вступить въ службу, въ какую самъ пожелаетъ.

Архивъ И. А. Худ. 1839, № 67. *А. Мальмгренъ.*

Булатовъ, *Михаилъ Леонтьевичъ,* генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Сибири, род. въ 1760 г., ум. 2-го мая 1825 г. въ Омскѣ. Происходя изъ дворянъ рязанской губ., Булатовъ 16 лѣтъ отъ роду (въ 1776 г.) поступилъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, изъ котораго, съ чиномъ капитана, перешелъ въ 1783 г. въ ладожскій мушкатерскій полкъ, находившійся на Кавказѣ. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіяхъ, командуя иногда отдѣльными отрядами. Съ 1787 г. онъ былъ прикомандированъ къ екатеринославской арміи, а въ 1788 г. назначенъ оберъ квартирмейстеромъ арміи, переправлявшейся за Бугъ. При осадѣ Очакова кн. Потемкинъ поручилъ Булатову начальство надъ отрядами, посылаемыми къ Бендерамъ и Аккерману; въ награду за отличное выполненіе такихъ порученій онъ былъ произведенъ въ премьеръ-майоры генеральнаго штаба. Во время штурма Очакова, главнокомандующій посылалъ Булатова съ приказаніями въ самыя опасныя мѣста. 1789 г. онъ провелъ съ арміей въ Молдавіи и Бессарабіи, а въ 1790 г. присутствовалъ при блокадѣ Измаила и за отличіе при взятіи этой крѣпости получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. при особомъ рескриптѣ. Въ 1792 г. Булатовъ былъ переведенъ въ Польшу, гдѣ въ 1793 г., по чрезвычайному порученію генерала Кречетникова, устанавливалъ границы между Россіей и Германіей. Съ 1794 г. по 1796 г., состоя при войскахъ въ званіи генералъ-квартирмейстера, онъ исполнялъ порученія гр. Румянцева. Въ 1797 г. Булатовъ былъ произведенъ въ чинъ полковника, а въ 1799 г.—генералъ-майора, съ опредѣленіемъ, вслѣдствіе упраздненія генеральнаго штаба, въ ямбургскій кирасирскій полкъ; въ апрѣлѣ того же года зачисленъ въ свиту Его Величества. Еще съ 1797 г. Булатовъ началъ заниматься картографическими съемками въ пограничныхъ уѣздахъ волынской и подольской губерніи, а въ 1799 г. производилъ такія же работы въ корпусѣ графа Гудовича на границѣ съ Пруссіей. Въ 1800 г. онъ былъ опредѣленъ въ петербургское депо по управленію квартирмейстерской частью и назначенъ кастеляномъ запаснаго петергофскаго дворца. Въ томъ же году Булатовъ снималъ военную карту береговъ Финскаго залива близъ Стрѣльны. Въ 1801 г. онъ возведенъ въ «почетные командоры державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго» и назначенъ управляющимъ депо (впосл. генеральный штабъ); въ 1803 г.—награжденъ орденомъ св. Георгія IV ст. при особомъ рескриптѣ; въ 1807 г.—посланъ въ Пруссію завѣдывать квартирмейстерской частью арміи генерала Беннигсена, въ апрѣлѣ того же года назначенъ бригаднымъ генераломъ корпуса гр. Толстого, переведенъ вскорѣ въ корпусъ Тучкова, въ декабрѣ назначенъ шефомъ могилевскаго пѣхотнаго полка и во главѣ отдѣльнаго отряда отправленъ въ Финляндію къ шведской границѣ. 19-го февраля 1808 г. Булатовъ занялъ мѣстечко Краютино, 20-го—С.-Михель, 3-го марта, по пути къ Вардегусу, у Красной мызы взялъ приступомъ укрѣпленіе, занятое корпусомъ гр. Кронштедта, имѣлъ три сраженія со шведами на льду озеръ, овладѣлъ городомъ Куопіо, вновь сражался со шведами, очистилъ дефиле, защищенное 9-ю пушками, ночью вступилъ въ деревню Тайволу, выбилъ оттуда шведовъ и преслѣдовалъ ихъ 5 миль. Въ Куопіо Булатовъ получилъ приказаніе остановиться и заботиться о благосостояніи войска. Выступивъ, въ апрѣлѣ 1808 г. къ Улеоборгу Булатовъ получилъ предписаніе двинуться къ Револаксу, куда и вступилъ 11-го апрѣля, имѣя отрядъ лишь въ тысячу съ небольшимъ человѣкъ. Здѣсь, 13-го апрѣля отрядъ Булатова былъ атакованъ превосходными силами фельдмаршала графа Клингспорра и совершенно разгромленъ, самъ Булатовъ былъ прострѣленъ пулею, застрявшею близъ сердца, лучшіе солдаты и офицеры были перебиты, часть отряда попала въ плѣнъ, а остальные бѣжали въ безпорядкѣ чрезъ лѣса и болота. Булатова подняли шведскіе офицеры и на плащахъ отнесли къ походному лазарету. Послѣ оказанной первой медицинской помощи, его, какъ важнаго военноплѣннаго, отослали въ Стокгольмъ; здѣсь ему, въ

присутствіи короля, вынули пулю изъ груди, а послѣ выздоровленія Булатову назначено было жить въ Нордчепингѣ. Въ февралѣ 1809 года Булатову была предложена свобода, подъ условіемъ не сражаться противъ шведовъ и ихъ союзниковъ, хотя бы до опредѣленнаго времени. Онъ отказался; тогда Густавъ-Адольфъ написалъ ему письмо, разрѣшающее выѣздъ изъ Швеціи, ничѣмъ не обусловленный. Въ мартѣ 1809 г. Булатовъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ его ожидалъ судъ по поводу Револакскаго пораженія. Дважды (въ началѣ мая и 23 іюня 1809 г.) онъ давалъ письменныя разъясненія, а послѣ оправданія, 9 іюля 1809 г., былъ посланъ въ Молдавію къ арміи князя Прозоровскаго. Перейдя съ авангардомъ Дунай, онъ овладѣлъ 29 іюля крѣпостью Исакчею, 1 августа—Тульчею и, занявъ Бабадагъ, очистилъ отъ непріятеля все пространство между Чернымъ моремъ и Дунаемъ. 4 сентября онъ находился при взятіи крѣпости Кюстенджи, а затѣмъ — въ сраженіи при Расеватѣ. 11 и 12 іюня Булатовъ участвовалъ въ бояхъ подъ Шумлою и за отличіе былъ награжденъ бриліантовыми знаками ордена св. Анны II ст. Съ 9-го іюля онъ находился при блокадѣ Рущука, 22 іюля участвовалъ въ штурмѣ этой крѣпости, а 26 августа, командуя двумя частями, овладѣлъ главнымъ укрѣпленіемъ, и этимъ рѣшилъ побѣду русскихъ, за что и былъ пожалованъ орденомъ св Георгія III ст. Въ сентябрѣ, командуя корпусомъ, онъ находился при сдачѣ Никополя, затѣмъ былъ дежурнымъ генераломъ при осадѣ Силистріи, командовалъ авангардомъ корпуса Ланжерона и 4 октября выдержалъ сильную вылазку турокъ. 6 апрѣля 1811 г. Булатовъ былъ посланъ главнокомандующимъ ген. Кутузовымъ за Дунай и, послѣ нѣсколькихъ битвъ съ передовыми отрядами арміи великаго визиря, участвовалъ въ генеральномъ сраженіи русскихъ съ турками. Его движеніе во время боя къ центру турецкой арміи отвлекло вниманіе отъ фланговъ и много способствовало успѣху дѣла. Наградой ему была золотая шпага съ бриллiантами. Затѣмъ, Булатовъ, находясь въ Рущукѣ, обезпечивалъ переходъ нашей арміи черезъ Дунай и послѣдній вступилъ на переправу, отбиваясь отъ непріятеля и защищая снимаемый понтонный мостъ. 28 августа онъ, битвой при Малкѣ, остановилъ движеніе корпуса арміи великаго визиря въ Молдавію и затѣмъ съ успѣхомъ командовалъ всѣми войсками праваго фланга арміи. 23 сентября всѣ турецкія силы собрались въ редутѣ, устроенномъ близъ праваго фланга, на берегу Дуная. Булатовъ штурмомъ взялъ редутъ и послѣ 10-ти часового сраженія прогналъ разбитаго непріятеля къ центральнымъ укрѣпленіямъ. Съ ноября 1811 г. по февраль 1812 г. онъ охранялъ взятую въ плѣнъ турецкую армію; въ февралѣ 1812 г. совершилъ два похода за Дунай, истребилъ тамъ всѣ провіантскіе магазины турокъ и привелъ до 700 плѣнныхъ; въ іюлѣ ускореннымъ маршемъ догналъ армію близъ Луцка; въ сентябрѣ разбилъ поляковъ и саксонцевъ и преслѣдовалъ непріятеля къ Кобрину и Брестъ-Литовску; 31 октября сражался въ авангардѣ генерала Сакена при мѣстечкѣ Горностаевѣ; въ ночь съ 1-го на 2-е ноября, при мѣстечкѣ Волковицы атаковалъ саксонскій лагерь, отнялъ знамя и истребилъ цѣлую колонну войска; при отступленіи корпуса Сакена находился въ арьергардѣ, отбиваясь отъ войска Шварценберга; въ декабрѣ вытѣснилъ непріятеля на пространствѣ отъ Невеля до Минска и захватилъ 2000 плѣнныхъ. Въ январѣ 1813 г. Булатовъ находился при взятіи Варшавы, въ февралѣ преслѣдовалъ австрійцевъ къ Кракову, въ апрѣлѣ прикрывалъ осаду Сакеномъ Ченстоховской крѣпости, а въ концѣ апрѣля, въ соединеніи съ 3,000 пруссаковъ взялъ Краковъ. Затѣмъ Булатовъ, съ авангардомъ польской арміи, двинулся въ Богемію и занялъ Энфельдъ. При аттакѣ Дона, командуя правымъ флангомъ, онъ выбилъ непріятеля изъ лѣсу и овладѣлъ 5 деревнями по берегу Эльбы. Подъ Дрезденомъ Булатовъ командовалъ аванпостомъ; при нападеніи Сенъ-Сира на Маркова и гр. Толстого, онъ былъ въ арьергардѣ и, отбиваясь отъ французовъ, занялъ Лофицинскія высоты, чѣмъ и остановилъ движеніе французовъ. 17 октября, послѣ горячаго натиска, онъ овладѣлъ сильно защищаемой французской позиціей близъ Дрездена и расположилъ передовые посты близъ самаго города, что сильно способствовало сдачѣ города. 21 декабря онъ перешелъ къ Гамбургу, гдѣ командовалъ авангардомъ до Эльбы, и своими дѣйствіями много способствовалъ сдачѣ города. По взятіи Гамбурга Булатовъ командовалъ съ 1815 по 1816 г. войсками, расположенными

между Днѣстромъ, Прутомъ и Дунаемъ, въ 1820 г. былъ главнокомадующимъ всѣхъ бессарабскихъ войскъ, а 26 ноября 1823 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ командиромъ 27 пѣх. дивизіи. Въ 1824 г. онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири, но едва успѣлъ обозрѣть край, какъ внезапно скончался. Погребенъ онъ въ Омскѣ. Отъ брака съ Маріей Богдановною Нилусъ Булатовъ имѣлъ трехъ сыновей: Александра (біографію его см. выше), другого *Александра* и Михаила. Второй сынъ М. Л. Булатова служилъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскомъ полку, но послѣ возмущенія декабристовъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьи Краснораменьѣ. Женатъ былъ на дочери князя А. Голицына. Сохранились его воспоминанія объ отцѣ, матери и братѣ. Младшій сынъ Булатова, *Михаилъ* былъ камеръ-пажемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и умеръ въ ранней юности.

Подробная біографія М. Л. Б. въ «Русск. Старинѣ», 1874 г., августъ—сентябрь, на основаніи фамильныхъ документовъ (приложенъ портретъ).—Матеріалы для генеалогіи и исторіи дворянскихъ родовъ Ростовскаго уѣзда Ярославск. губ. 1783—1887 г. Вып. I. Д. А. Булатовъ. Ростовъ, 1887.
В. Ф.

Булахова (урожденная Лаврова), жена Павла Петровича Булахова, пѣвица. Образованіе она получила въ московскомъ театральномъ училищѣ, въ 1849 г. съ успѣхами дебютировала на сценѣ Петровскаго театра (въ Москвѣ) въ «Робертѣ», въ роли Изабеллы, въ 1852 г. перешла на петербургскую сцену, при чемъ дебютировала въ роли Анхенъ въ оперѣ «Волшебный стрѣлокъ». Булахова исполняла болѣе пятнадцати ролей (среди нихъ—Людмилы въ «Русланѣ и Людмилѣ», Рахили въ «Жидовкѣ», Наташи въ «Русалкѣ», Марты въ оперѣ Флотова и др.) и пользовалась у публики постояннымъ успѣхомъ. Обладая нѣсколько слабымъ для сильныхъ партій, но высокимъ и чистымъ сопрано, Булахова легко распоряжалась своимъ голосомъ. Въ 1872 г. она вышла въ отставку.

М. К(ублицкій), Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Москва. 1874.—А. И. Рубецъ, библіографической лексиконъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. СПБ. 1886 г.—В. Морковъ, Историческій очеркъ русской оперы по 1862 г. СПБ. 1862 г., стр. 114.—Словари: Брокгауза и Ефрона, Клюшникова, Березина.

Булаховъ, *Павелъ Петровичъ*, сынъ Петра Александровича Булахова, пѣвецъ с.-петербургской Императорской оперы, род. 15 августа 1824 г. въ Москвѣ, ум. 15 октября 1875 г. въ Петербургѣ. Отецъ П. П. Булахова пожелалъ дать сыну, прежде всего, общее образованіе и въ 1835 г. опредѣлилъ его въ 1-ю московскую гимназію. Здѣсь Булаховъ оставался до 1841 г. Чувствуя сильное влеченіе къ театру и обладая звучнымъ голосомъ, Булаховъ, уже послѣ смерти отца, убѣдилъ свою мать отдать его въ петербургское театральное училище. Въ 1842 г., по предписанію директора с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ А. М. Гедеонова, онъ поступилъ въ это училище и пробылъ въ немъ до 12 марта 1849 г. 2 іюля этого же года Булаховъ дебютировалъ на с.-петербургской Императорской сценѣ въ роли Сабинина («Жизнь за царя»), а вскорѣ затѣмъ пѣлъ партію Іосифа Прекраснаго (въ оперѣ Мегюля того же названія) и въ обѣихъ операхъ имѣлъ успѣхъ. Слѣдовавшія затѣмъ главныя партіи въ операхъ «Русланъ и Людмила», «Рогнѣда», «Аскольдова могила», «Марта», «Русалка», «Волшебный стрѣлокъ» и др. окончательно утвердили за Булаховымъ репутацію прекраснаго пѣвца и пріобрѣли ему расположеніе публики, которымъ онъ неизмѣнно пользовался во все время своей артистической дѣятельности, продолжавшейся болѣе двадцати лѣтъ. За это время Булаховъ выступалъ болѣе чѣмъ въ пятидесяти различныхъ операхъ, при чемъ особенный успѣхъ имѣлъ въ роляхъ Лоренцо (въ «Фра-Діаволо»), Баскари (въ «Фенеллѣ»), Финна (въ «Русланѣ и Людмилѣ»), Княжаго дурака (въ «Рогнѣдѣ»), Рембо (въ «Робертѣ-Діаволѣ»), Кампобассо (въ Карлѣ Смѣломъ») и др. Голосъ Булахова (tenor di Grazia), не будучи особенно сильнымъ, отличался замѣчательной мягкостью тембра. Булаховъ прекрасно зналъ музыку, имѣлъ отличную методу пѣнія и мастерски владѣлъ своими голосовыми средствами. Одною изъ его особенностей являлось то, что онъ обращалъ вниманіе исключительно на музыкальную сторону ролей и ихъ отдѣлку въ этомъ отношеніи и часто совершенно игнорировалъ содержаніе партіи, не вникая въ духъ роли и не заучивая словъ ея. Помимо русской оперы, Булаховъ съ 1850 по 1855 г. принималъ участіе въ представленіяхъ итальянской оперы, а также русской драматической труппы (въ пьесахъ: «Бар-

ская спѣсь», «Казакъ стихотворецъ», «Обезьяна воровка» и другихъ). Похороненъ Булаховъ на Волковомъ кладбищѣ.

Некрологъ въ «Театральномъ и Музыкальномъ Листкѣ» 1876—1877 г., № 2, стр. 29—31.—В. Морковъ. Историческій очеркъ русской оперы. СПб. 1862 г., стр. 113—114.—М. К(ублицкій), Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ.—Москва 1874 г.—А. И. Рубецъ, Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. СПб. 1886 г.—«Странности Булахова» («Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» 1840 г., № 1, стр. 140—141).—Некрологи: «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 43; «Голосъ» 1875 г., № 291; «Петербургскій Листокъ» 1875 г., №№ 185 и 186.—Словари: Брокгауза и Ефрона, Березина, Толля.

Булаховъ, *Петръ Александровичъ*, пѣвецъ Императорской сцены, ум. 30 октября 1835 г. въ Москвѣ. Наставникомъ Булахова въ пѣніи былъ извѣстный въ то время пѣвецъ и учитель пѣнія Бечи. Оцѣнивъ блестящія способности своего ученика и полюбивъ его, Бечи особенно старательно занимался съ Булаховымъ. Въ 1821 г. Булаховъ поступилъ на московскую сцену (на амплуа первыхъ любовниковъ въ операхъ) уже образованнымъ пѣвцомъ, такъ какъ долгое время до того служилъ въ одномъ изъ частныхъ хоровъ. Дебюты Булахова на московской сценѣ были блестящи. Его дальнѣйшіе выходы только упрочили его извѣстность, и черезъ нѣкоторое время онъ уже считался лучшимъ изъ всѣхъ современныхъ ему русскихъ пѣвцовъ. Вскорѣ же послѣ поступленія Булахова на Императорскую сцену онъ получилъ титулъ придворнаго пѣвца. Булаховъ обладалъ сильнымъ теноромъ, отличавшимся замѣчательною гибкостью и мягкостью, благодаря которымъ онъ легко преодолѣвалъ техническія трудности. Больше всего удавалась Булахову французская музыка, и особеннымъ успѣхомъ онъ пользовался въ модныхъ въ то время операхъ: «Калифъ Багдадскій», «Жанъ Парижскій», «Каменьщикъ», «Бѣлая волшебница» («La dame blanche») и «Отецъ и дочь» (въ послѣдней оперѣ Булаховъ, между прочимъ, мастерски исполнялъ арію подъ аккомпаниментъ кларнета). Неоднократно Булахову приходилось выступать на сценѣ вмѣстѣ съ знаменитой Филлисъ. Булаховъ имѣлъ значительныя, для пѣвца, познанія въ музыкѣ; онъ, между прочимъ, съ большимъ успѣхомъ исполнялъ разные романсы и пѣсни, которые были имъ же самимъ положены на музыку. Булаховъ былъ также прекраснымъ учителемъ пѣнія. Съ 1832 г. здоровье его стало замѣтно ослабѣвать, черезъ три года онъ вышелъ въ отставку и скоро послѣ того скончался.

Некрологъ князя Георгія Дадіана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1835 г., № 102.—М. К(ублицкій), Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Москва. 1874, стр. 248—249.—Словарь Брокгауза и Ефрона.

Булахъ, *Степанъ Андреевичъ*, врачъ, род. въ 1805 г., ум. въ 1872 г. Въ сентябрѣ 1826 г. онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, въ 1831 г. окончилъ курсъ медицинскаго отдѣленія академіи съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія и курсъ ветеринарнаго отдѣленія—съ званіемъ ветеринарнаго лѣкаря II отдѣленія; по окончаніи курса онъ былъ опредѣленъ въ выборгскій пѣхотный полкъ младшимъ лѣкаремъ, въ 1835 г. назначенъ въ финляндскій линейный № 7 баталіонъ, въ 1836 г. получилъ всемилостивѣйшую награду «за отлично усердную и ревностную службу», въ 1837 г. утвержденъ конференціей медико-хирургической академіи въ званіи штабъ-лѣкаря. Въ 1838 г. Булахъ перешелъ на службу по гражданскому вѣдомству, и получилъ должность уѣзднаго врача въ Ржевѣ, гдѣ и оставался до смерти. Напечаталъ: Опытъ разрѣшенія вопроса о способѣ устройства сельской медицины въ Россіи («Московская Медиц. Газета» 1863 г., № 21).

Дѣла I стола I отд. Главнаго военно-медиц. управленія, кондуитъ № 2996 въ книгѣ № 13.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. IV. СПб. 1888. *Н. К.*

Булгаковъ, *Александръ Ивановичъ*, водевилистъ и поэтъ, род. въ 1815 г., ум. осенью 1836 г. въ Петербургѣ. Уроженецъ Малороссіи, Булгаковъ первоначальное образованіе получилъ на родинѣ, а затѣмъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ горный корпусъ. Уволенный изъ этого учебнаго заведенія по слабости здоровья, Булгаковъ въ январѣ 1831 г. поступилъ въ петербургскій университетъ, гдѣ его товарищами были, между прочимъ, В. Григорьевъ, П. Ершовъ и П. Савельевъ. Еще во время пребыванія въ горномъ корпусѣ Булгаковъ обнаруживалъ влеченіе къ литературнымъ занятіямъ и написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній. Университетскія лекціи профессора А. В. Никитенко еще

болѣе усилили въ немъ любовь къ этого рода дѣятельности и привлекли его къ изученію различныхъ областей драматическаго искусства, главнымъ образомъ, комедіи. Немалое вліяніе оказали на Булгакова и лекціи профессора философіи А. А. Фишера. Еще въ бытность свою студентомъ университета, Булгаковъ получилъ возможность поставить на петербургской сценѣ передѣланный имъ съ французскаго водевиль «Артистъ», который, благодаря прекрасной игрѣ актера Дюра, имѣлъ большой успѣхъ. Тогда Булгаковъ посвятилъ себя исключительно переводу и передѣлкѣ съ французскаго фарсовъ и водевилей парижскаго репертуара и почти совсѣмъ оставилъ свои опыты въ области оригинальной комедіи. Окончивъ въ 1834 г. университетъ, Булгаковъ началъ читать въ петербургскомъ театральномъ училищѣ теорію драматическаго искусства (его первая вступительная лекція была напечатана имъ въ «Сынѣ Отечества» того же года). Булгаковъ преподавалъ также словесность въ Павловскомъ училищѣ, а затѣмъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Подъ вліяніемъ совѣтовъ П. А. Плетнева, А. В. Никитенко и другихъ извѣстныхъ писателей, Булгаковъ дѣятельно продолжалъ изученіе европейской драмы. Послѣ основательнаго изученія французскаго и итальянскаго театра, онъ сталъ изучать нѣмецкую драму и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ готовиться къ изученію драматическаго искусства Испаніи и Англіи усвоеніемъ языковъ этихъ странъ. Сотрудничая въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, Булгаковъ помѣстилъ тамъ нѣсколько большихъ статей, какъ напр., «Артистъ», «Балетъ» и другія. Около этого же времени Булгаковъ задумалъ планъ большого литературнаго предпріятія—изданія въ переводахъ съ подлинниковъ, въ хронологическомъ порядкѣ, образцовыхъ драматическихъ произведеній всѣхъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ, подобно парижскому изданію «Chefs d'oeuvres des théâtres étrangers»; Булгаковъ привлекъ къ участію въ этомъ изданіи многихъ извѣстныхъ писателей и ревностно принялся за дѣло, но смерть не дала ему осуществить этого предпріятія. Въ послѣднее время своей жизни Булгаковъ рѣшилъ оставить занятія переводомъ и передѣлкой водевилей и приняться за обработку многихъ начатыхъ оригинальныхъ комедій, отличавшихся неподдѣльнымъ юморомъ, но не успѣлъ ничего напечатать. Изъ большого количества его переводныхъ пьесъ, шедшихъ на петербургской сценѣ, были напечатаны: «Два мужа» (С.-Пб., 1834 г.), «Тише ѣдешь, дальше будешь, или бенефисная пьеска» (С.-Пб., 1835 г.), «Артистъ» (С.-Пб., 1834 г.), «Дебютантъ или страсть къ театру» (С.-Пб., 1836 г.), «Жена сосѣда, или мужья въ западнѣ» (С.-Пб., 1836), и «Близнецы, или счастіе несчастливца». Кромѣ этихъ пьесъ, въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Сынѣ Отечества» было напечатано нѣсколько стихотвореній Булгакова.

«А. И. Булгаковъ», некрологъ В. Григорьева и П. Савельева, «Санктпетербургскія Вѣдомости», 1837 г., № 9 и 1853 г., № 8. — А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ. С.-Пб., 1877, ч. I.—Словари: Геннади, Березина, Брокгауза-Ефрона. — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей. — «Библіотека для Чтенія», 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 36 (отзывы о водевиляхъ «Жена сосѣда», «Дебютантъ»).

Булгаковъ, *Александръ Яковлевичъ*, московскій почтъ-директоръ, сенаторъ, род. въ Константинополѣ 23-го ноября 1781 г., ум. въ Дрезденѣ въ 1863 г. Сынъ извѣстнаго дипломата Я. И. Булгакова и чужестранки (восточнаго происхожденія), Булгаковъ носилъ, и на внѣшности, и на характерѣ, отпечатокъ востока. Въ дѣтствѣ онъ раздѣлилъ, вмѣстѣ съ братомъ, заключеніе отца своего въ Едикулѣ (Семибашенномъ замкѣ) въ Константинополѣ, откуда они были освобождены послѣ 27 мѣсяцевъ, и затѣмъ моремъ прибыли чрезъ Тріестъ и Вѣну въ Петербургъ, гдѣ Булгаковъ получилъ образованіе въ училищѣ при лютеранской церкви св. Петра. Въ 1789 г. онъ былъ зачисленъ сержантомъ, въ л.-гв. преображенскій полкъ. Затѣмъ, въ 1796 г., владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и обучась польскому и итальянскому, а также исторіи, географіи и нѣкоторымъ частямъ математики, Булгаковъ былъ принятъ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и зачисленъ въ московскій ея архивъ, гдѣ и служилъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Константиномъ. Въ мартѣ 1802 г. Булгаковъ опредѣленъ по дипломатической части секретаремъ посольства въ Неаполь, гдѣ пробылъ до 1807 г., когда былъ переведенъ въ Вѣну, къ Д. П. Татищеву. Оставивъ Вѣну въ 1809 г., по случаю предсмертной болѣзни отца, Булгаковъ проживалъ въ Москвѣ,

вскорѣ вступилъ въ первый бракъ съ княжной Натальею Васильевною Хованскою (род. 7-го мая 1785 г., ум. 9-го апрѣля 1841 г.), дочерью оберъ-прокурора Синода и сенатора, и, оставивъ службу по дипломатической части, причислился снова къ архиву министерства иностранныхъ дѣлъ. Семейство Хованскихъ находилось въ дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ (главнокомандующимъ въ Москвѣ), близко знавшимъ также и отца Булгакова; Ростопчинъ, нуждаясь въ вѣрномъ помощникѣ, умѣющемъ писать и знающемъ иностранные языки, предложилъ Булгакову состоять при немъ. Булгаковъ изъявилъ согласіе и былъ назначенъ состоящимъ при Ростопчинѣ для дипломатической переписки по секретной части. Онъ исполнялъ эту обязанность и при преемникѣ Ростопчина, до 1832 г. Въ 1818 г. онъ ѣздилъ за границу и навѣстилъ графа Ростопчина въ Парижѣ. За успѣшное исполненіе лежавшихъ на немъ обязанностей Булгаковъ былъ послѣдовательно награжденъ за отличія чинами, до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно (въ 1819 г.) и удостоенъ званія камергера въ 1826 г. 10-го іюля 1832 г. Булгаковъ былъ назначенъ московскимъ почтъ-директоромъ и явился продолжаталемъ различныхъ преобразованій по почтовой части, совершенныхъ его братомъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Своею необычайною любезностью съ лицами, обращавшимися къ нему по дѣламъ почтовымъ, Булгаковъ пріобрѣлъ скоро уваженіе и любовь обывателей Москвы. Онъ былъ общій одолжитель, по словамъ графа В. А. Перовскаго, и старался угодить всѣмъ и каждому. Булгаковъ долго для московскаго общества замѣнялъ собою газеты. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались извѣстія, и онъ передавалъ ихъ своимъ знакомымъ. Благодаря его широкому образу жизни, извѣстія разносились повсюду. Кромѣ того, онъ велъ огромную переписку—замѣчательную и плодовитую. Пока обнародовано еще немного писемъ Булгакова, но, собранные во едино, они явились бы историческимъ или справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи. Онъ переписывался со всѣми занимавшими болѣе или менѣе видныя мѣста въ государственной и оффиціальной сферѣ (графомъ М. С. Воронцовымъ, Закревскимъ, Ростопчинымъ, Татищевымъ, Нессельроде, В. А. Перовскимъ и т. д.), но всего болѣе съ братомъ своимъ Константиномъ, бывшимъ въ то же самое время почтъ-директоромъ въ С.-Петербургѣ. Эта страсть Булгакова къ письмамъ вызвала шутливое замѣчаніе В. А. Жуковскаго, что Булгаковъ рожденъ гусемъ, т. е. все его существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово писать безъ устали съ утра до вечера очень любезныя письма. Булгаковъ былъ старинный пріятель В. А. Жуковскаго, А. И. Тургенева и многихъ арзамасцевъ, но не принадлежалъ къ обществу арзамаскому. Позднѣе онъ сошелся и съ П. А. Вяземскимъ, хотя былъ старше послѣдняго на 11 лѣтъ; ихъ соединяла общность вкусовъ и понятій, и особенно любовь къ литературѣ и музыкѣ; оба они принадлежали къ числу блестящихъ представителей свѣтскаго московскаго общества. Переписка между ними завязалась, когда Вяземскій уѣхалъ въ Варшаву на службу подъ начальство Новосильцова. Помимо своей переписки, Булгаковъ извѣстенъ также литературными произведеніями, большею частью біографическаго или историческаго содержанія. Впрочемъ, по замѣчанію Вяземскаго, Булгаковъ, при хорошемъ образованіи и любви къ чтенію, не обладалъ ни литературнымъ призваніемъ, ни авторскимъ дарованіемъ. Онъ увлекался своимъ воображеніемъ и живостью впечатлѣній и сочувствій. Занимая постъ почтъ-директора, Булгаковъ жилъ почти безвыѣздно въ Москвѣ и, овдовѣвъ, вступилъ въ 1845 г. во второй бракъ, съ вдовою Мацневою. 5-го февраля 1856 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ московскій департаментъ Правительствующаго Сената. Это назначеніе не порадовало его: онъ какъ бы сожалѣлъ, что лишается возможности оказывать услуги и находиться въ безпрестанной дѣятельности. Онъ, всегда державшійся прямо, отличавшійся необыкновенною живостью въ движеніи и въ рѣчи, вдругъ осунулся, опустился тѣломъ и духомъ. Въ званіи сенатора Булгаковъ дожилъ до глубокой старости и скончался въ Дрезденѣ, куда пріѣхалъ навѣстить своего младшаго сына Павла.—Изъ статей А. Я. Булгакова извѣстны слѣдующія: 1) Русскіе и Наполеонъ Бонапарте. М. 1813 г.; 2) Два губернатора (Мортье и Сакенъ)—въ «Сынѣ Отеч.», 1816 г., ч. 34, № 52; 3) Разговоръ Неаполитанскаго короля съ графомъ Милорадовичемъ на аванпостахъ («Москвитянинъ», 1843 г. № 2); это же самое напечатано и

въ «Сынѣ Отечества» 1844 г. 4) Воспоминанія о 1812 г. (ib., 1843 г.); 5) Нѣкоторыя свѣдѣнія о крѣпостныхъ земляхъ и о живущихъ на нихъ половникахъ («Отеч. Зап.» 1823 г., ч. XIII, № 34); 6) Біографія гр. Ѳ. В. Ростопчина (ib., 1826 г., ч. XXVI, № 72); 7) Отвѣтъ на библіографическій вопросъ («Москов. телеграфъ», 1827 г., ч. 16, № 13). Въ этой статьѣ идетъ рѣчь о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и объ иностранныхъ журналахъ. выписывавшихся въ Россіи въ 1631—1762 гг.; 8) Краткая біографія. Я. И. Булгакова (ib., 1831 г., ч. XI); 9) Біографія Александра Александровича Волкова (ib., ч. XII); 10) Біографія К. Я. Булгакова. М. 1838 г; 11) Листъ (композиторъ) въ Москвѣ («Москвитянинъ». 1843 г., ч. III, № 5); 12) Софья Шоберлехнеръ въ Москвѣ (ib., 1844 г., ч. I, № 2); 13) Отрывокъ изъ записокъ стараго дипломата («С.-Петерб. Вѣдомости», 1857 г. и «Библіографич. записки» 1858 г. т. I,); 14) Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866, 1901, 1902 и 1903 гг. напечатана переписка А. Я. Булгакова съ его братомъ К. Я. Булгаковымъ.

Воспоминанія Вигеля ч. I., стр. 164 и слѣд.—Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ (изд. графа Шереметьева), т. I, стр. 395; т. II, стр. 544—558.—А. Н. Поповъ, Москва въ 1812 г.—Сочиненіе князя П. А. Вяземскаго, т. VII, ст. 183 и слѣд.—Архивъ князя Воронцова, т. 36, 37 и 38.—Русскій Архивъ, за 1868, 1877, 1878, 1879, 1888, 1900 1903 гг. (письма Вяземскаго къ А. Булгакову).—Словарь русскихъ писателей Геннади.

П. Майковъ.

Булгаковъ, ***Иванъ Михайловичъ***, род. въ концѣ XVII вѣка, ум. въ 1789 г. въ Москвѣ. Поступивъ рано на службу въ л.-гв. преображенскій полкъ, Булгаковъ служилъ здѣсь многіе годы полковымъ секретаремъ. Эта должность ставила его въ близкое отношеніе къ Императору Петру Великому, не разъ приходившему къ нему за жалованьемъ, слѣдующимъ ему по полку. Онъ въ то время владѣлъ двумя домами въ Москвѣ, но по неизвѣстной причинѣ его состояніе пришло въ разстройство. Чтобы поправить свои дѣла, Булгаковъ бралъ изъ полковой казны деньги подъ свои росписки и набралъ до 10 т. рублей. Это было обнаружено въ то время, когда Императрица Анна Іоанновна, зная Булгакова, намѣревалась назначить его къ себѣ комнатнымъ секретаремъ. На эту же должность Биронъ имѣлъ желаніе опредѣлить иноземца Ехлера, маіора того же полка, въ которомъ служилъ Булгаковъ. Узнавъ объ опрометчивости Булгакова, Биронъ приказалъ арестовать его. Булгаковъ могъ взятыя имъ деньги легко пополнить продажею дома, но въ 1737 г. въ Москвѣ былъ большой пожаръ, въ которомъ его дома сгорѣли. Онъ былъ отданъ подъ военный судъ и присужденъ къ смертной казни, но на самомъ уже эшафотѣ получилъ помилованіе, наказанъ тѣлесно и отправленъ въ ссылку, куда за нимъ послѣдовала его жена вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми. Императрица Елизавета, вступивъ на престолъ, вспомнила про Булгакова и съ нарочнымъ послала указъ объ освобожденіи его съ семействомъ изъ ссылки, причемъ отпустила ему на выѣздъ сто рублей. Такимъ образомъ Булгаковъ въ 1742 г. переселился въ Москву, былъ торжественно прощенъ и прикрытъ знаменами, чтобы его никто не смѣлъ порицать за несчастный случай. Жена его стала домогаться возвращенія принадлежашихъ ему деревень. Оказалось, что всѣ онѣ были описаны и проданы на удовлетвореніе числившагося на немъ полкового долга. Дѣло объ этомъ имуществѣ тянулось долго, и сынъ его, Яковъ Ивановичъ, еще 5 декабря 1785 г. просилъ Императрицу Екатерину II о скорѣйшемъ рѣшеніи. Булгаковъ занимался собираніемъ всѣхъ вѣдомостей обѣихъ столицъ съ перваго дня ихъ изданія и успѣлъ составить большое собраніе, которое въ пожаръ Москвы 1812 г. частью было расхищено, частью сгорѣло.

Разсказы Карабанова въ «Русской Старинѣ», 1871 г. т. II, стр. 690.—«Русская Старина», 1881 г. т. 31, стр. 289.—Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. 47.—«Московскій Телеграфъ», 1831 г., № 39, ч. II, стр. 292.

Булгаковъ, ***Константинъ Яковлевичъ***, тайный совѣтникъ, директоръ почтоваго департамента, род. въ Константинополѣ 31 декабря 1782 г., ум. 29 октября 1835 г. въ С.-Петербургѣ. Младшій сынъ дипломата Я. И. Булгакова, онъ раздѣлялъ, вмѣстѣ съ братомъ, заключеніе отца своего въ Едикулѣ (Семибашенномъ замкѣ) въ Константинополѣ; затѣмъ, вернувшись съ семьею черезъ Тріестъ и Вѣну въ С.-Петербургъ, Булгаковъ получилъ образованіе въ петербургскомъ училищѣ при лютеранской церкви св. Петра. Шести лѣтъ онъ былъ записанъ въ военную службу въ л.-гв. преображенскій полкъ; по окончаніи обученія въ школѣ выпущенъ сержантомъ

изъ полка въ 1797 г. и зачисленъ на службу юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ 1798 г. назначенъ переводчикомъ этой коллегіи. Произведенный въ 1801 г. въ коллежскіе ассесоры, Булгаковъ былъ переведенъ на службу въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ, состоя подъ начальствомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, нѣсколько лѣтъ занимался разборомъ архивныхъ бумагъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Александра I, Булгаковъ, по просьбѣ отца своего, былъ причисленъ сверхъ штата къ вѣнской миссіи, гдѣ работы по службѣ было сперва мало, такъ что Булгаковъ могъ свободно отдаваться веселой жизни въ австрійскихъ аристократическихъ кругахъ. Въ тоже время, знаніемъ языковъ (нѣмецкаго, англійскаго, польскаго, французскаго, итальянскаго) Булгаковъ обратилъ на себя вниманіе нашихъ пословъ въ Вѣнѣ, князя А. Б. Куракина и графа А. К. Разумовскаго, снискалъ ихъ довѣріе и сталъ получать для исполненія секретныя дѣла. Лестные отзывы пословъ и личныя способности Булгакова обратили на него вниманіе Поццо ди Борго, сопровождавшаго вице-адмирала Сенявина во время его плаванія въ Средиземномъ морѣ въ 1807 г.; онъ взялъ съ собою Булгакова на адмиральскій корабль. Въ день битвы съ турецкимъ флотомъ при Аѳонской горѣ Булгаковъ находился въ огнѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, а также орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго отъ великаго магистра ордена. Дипломатическое порученіе, возложенное на Сенявина,—отвлечь Турцію отъ союза съ Франціею—не имѣло успѣха, и вскорѣ послѣ этого послѣдовалъ разрывъ съ Австріею въ 1809 г. Наша миссія въ Вѣнѣ была отозвана, и Булгаковъ прибылъ въ Москву, гдѣ вскорѣ скончался его отецъ. Тогда Булгаковъ былъ причисленъ къ иностранной коллегіи, но уже въ 1810 г. былъ отправленъ въ распоряженіе графа Н. М. Каменскаго, главнокомандующаго задунайскою арміею, который возложилъ на него управленіе своею дипломатическою канцеляріею. Булгаковъ, также какъ и Каменскій, любилъ порядокъ и поспѣшность въ дѣлахъ, находился постоянно при главнокомандующемъ, даже въ сраженіяхъ, и потому принималъ участіе въ штурмѣ Рущука и въ сраженіяхъ при Шумлѣ и Батинѣ, причемъ въ послѣднемъ Булгаковъ, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ графомъ Бальменомъ, вскочилъ одинъ изъ первыхъ на турецкій ретраншментъ. На замѣчаніе Бальмена о безполезности такой отваги Булгаковъ отвѣтилъ: «пустяки, пули бьютъ только вашу братію военныхъ, а какое имъ дѣло до насъ дипломатовъ». Булгаковъ въ 1811 г. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени. Графъ Каменскій, умирая, вручилъ ему для представленія Его Величеству свое духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, поручалъ Императору и Булгакова, «яко чиновника отличнѣйшаго благородными правилами своими, и рѣдкими способностями подающаго большія надежды». По этому поводу былъ составленъ Румянцевымъ докладъ, и Булгаковъ въ томъ же году былъ произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе совѣтники. Онъ также пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ преемника Каменскаго, графа М. И. Кутузова, который, по заключеніи мира съ турками въ Бухарестѣ въ 1812 г., представилъ Булгакова, за его труды при переговорахъ о мирѣ, къ производству въ статскіе совѣтники, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Послѣ того какъ Кутузовъ былъ призванъ стать во главѣ войскъ нашихъ, дѣйствующихъ противъ Наполеона, дунайская армія была поручена командованію адмирала Чичагова, который послалъ Булгакова въ Константинополь съ ратификаціею Бухарестскаго трактата, поручивъ ему заѣхать къ визирю въ Шумлу для личныхъ объясненій и переговоровъ. Порученіе это было сопряжено съ опасностями, такъ какъ предстояло пробираться по мѣстностямъ, намъ враждебнымъ. Онъ имѣлъ случай доставить изъ Константинополя не мало полезныхъ свѣдѣній для нашего двора отъ англійскаго агента (Страффорда-Каннинга) и шведскаго (Таваста), и удостоился за это Высочайшей награды — бриллiантовыхъ знаковъ на орденъ св. Анны 2 степени. По возвращеніи въ армію Чичагова, Булгаковъ двинулся вмѣстѣ съ нимъ къ нашимъ западнымъ губерніямъ, къ Березинѣ. Служеніе Булгакова при Чичаговѣ, какъ надо заключить изъ писемъ его къ брату, было не безъ непріятностей; онъ помышлялъ даже оставить службу, но не привелъ этого въ исполненіе, чему былъ очень радъ впослѣдствіи. Чичаговъ поручилъ Булгакову заняться водвореніемъ за-

коннаго порядка въ очищенной французами гродненской губерніи, на правахъ гражданскаго губернатора. Онъ исполнялъ это порученіе до самого пріѣзда вновь назначеннаго губернатора Фролова-Багрѣева и, сдавъ ему свою должность, поѣхалъ въ главную квартиру Кутузова, который принялъ Булгакова очень ласково и разрѣшилъ ему на короткое время съѣздить въ Москву по домашнимъ дѣламъ его. По возвращеніи въ армію, Булгаковъ не засталъ уже Кутузова въ живыхъ, но остался при главной квартирѣ въ распоряженіи начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, впрочемъ не на долго. Графъ Нессельроде, съ разрѣшенія Императора, взялъ Булгакова къ себѣ; онъ находился при графѣ безотлучно во всю кампанію 1813 и 1814 гг. и сталъ лично извѣстенъ Императору Александру I. Когда Австрія примкнула къ союзу двухъ монарховъ, Булгаковъ былъ представленъ къ ордену Св. Владиміра 3 степ. Александръ I сказалъ: «очень молодъ», но тѣмъ не менѣе утвердилъ представленіе, послѣ того, какъ Булгаковъ на вопросъ Императора, который ему годъ, отвѣтилъ, что онъ былъ моложе Государя на 5 лѣтъ, когда Его Величество вступилъ на всероссійскій престолъ. Послѣ этого Булгакову поручено было вести переговоры съ различными небольшими германскими государствами о присоединеніи ихъ къ тройственному союзу противъ Наполеона I, и это доставило ему случай получить много иностранныхъ орденовъ. Послѣ битвы подъ Лейпцигомъ союзныя арміи двинулись къ Парижу; дипломатическая канцелярія графа Нессельроде приняла видъ военно-походной канцеляріи; депеши нерѣдко писались на барабанѣ, при громѣ пушекъ; приходилось часто соображать на бивакѣ или на конѣ; все шло очень быстро, и Нессельроде съ Булгаковымъ въ числѣ первыхъ вступили въ Парижъ. Въ день вступленія въ столицу Франціи 19 марта 1814 г. Булгаковъ за особенные труды и усердіе былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Императоръ Александръ I поручилъ ему принимать всѣ прошенія и поздравленія, подаваемыя Его Величеству, и по нимъ докладывать Государю. Это привело Булгакова еще въ болѣе близкое отношеніе къ Императору, взявшему его съ собою при поѣздкѣ своей въ Лондонъ. Булгаковъ имѣлъ случай ознакомиться тогда со всѣмъ королевскимъ домомъ и со многими членами лондонской аристократіи и удостоился получить отъ короля Георга табакерку съ брилліантами и вензелемъ короля. По возвращеніи въ Петербургъ, Булгаковъ присутствовалъ на великолѣпномъ праздникѣ въ Петергофѣ, данномъ по случаю возвращенія Императора, при чемъ Александръ I очень милостиво говорилъ съ Булгаковымъ. Онъ тогда же получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Москву, гдѣ долженъ былъ вступить въ бракъ съ Маріею Константиновною Варламъ, дочерью валахскаго вестіара Константина Дмитріевича Варламъ, преданнаго Россіи. Булгаковъ не имѣлъ возможности долго пробыть въ семейномъ кругу, такъ какъ имѣлъ повелѣніе Императора, по совершеніи бракосочетанія немедленно, не заѣзжая даже въ Петербургъ, ѣхать въ Вѣну, для участія, вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде, въ занятіяхъ предстоявшаго конгресса. Въ Вѣнѣ, на ряду съ засѣданіями конгресса, шли непрерывно всякія празднества и увеселенія. Булгаковъ былъ принятъ очень ласково высшимъ обществомъ и пріобрѣлъ скоро его расположеніе своею кротостію, услужливостью, вѣжливымъ обхожденіемъ и добродушіемъ. Дѣла конгресса приближались къ концу; Булгаковъ горѣлъ нетерпѣніемъ возвратиться въ Москву, но появленіе Наполеона съ острова Эльбы разрушило его предположенія. Онъ долженъ былъ снова сопровождать вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде нашу армію. Походъ, какъ извѣстно, продолжался не долго, и Булгаковъ былъ награжденъ пожизненною пенсіею въ пятьсотъ червонцевъ. Государь, кромѣ того, предполагалъ его назначить посланникомъ въ Копенгагенъ, но Булгаковъ желалъ занять мѣсто московскаго почтъ-директора. По словамъ Вигеля, онъ сознавалъ, что для окончательной редакціи всякаго рода дипломатическихъ бумагъ онъ не вполнѣ пригоденъ, а потому и пріискивалъ себѣ болѣе соотвѣтствующей дѣятельности. Александръ I, однако, назначилъ его къ занятіямъ при графѣ Нессельроде по расчету всѣхъ военныхъ расходовъ, произведенныхъ за границею въ минувшую войну. По окончаніи этой работы Императоръ въ 1816 г. снова предлагалъ Булгакову занять постъ посланника нашего въ Копенгагенѣ, но, видя его неуклонное желаніе служить въ Москвѣ, 11 февраля 1816 г. назначилъ Булгакова почтъ-директоромъ въ Москву

и оставилъ его попрежнему въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, приказавъ однако немедленно отправиться къ мѣсту новаго его служенія. Непродолжительное почтъ-директорство Булгакова осталось на долго памятнымъ москвичамъ по услужливости и вѣжливому обращенію со всѣми, имѣвшими какое либо дѣло съ почтамтомъ; онъ старался, по возможности, угодить каждому и исполнить всякую обращенную къ нему просьбу. Онъ умѣлъ также скоро привязать къ себѣ подчиненныхъ, о которыхъ постоянно заботился. Булгаковъ, между прочимъ, основалъ безъ всякой помощи казны школу, въ которой дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, а также сторожей и служителей почтоваго вѣдомства, получали первоначальное образованіе по ланкастерской методѣ. Награжденный въ 1817 г. орденомъ Св. Анны 1-й степени, Булгаковъ былъ перемѣщенъ 23 декабря 1819 г. на ту же должность въ Петербургъ, такъ какъ Государю было угодно сдѣлать различныя преобразованія по почтовой части. Всѣ подчиненные его въ Москвѣ трогательно простились съ нимъ и поднесли ему кубокъ при замѣчательномъ письмѣ, въ которомъ благодарили его за всѣ заботы и благодѣянія, имъ оказанныя, за благосклонныя наставленія, за ободряющее обращеніе съ ними, за призрѣніе ихъ вдовъ и сиротъ и т. д. Въ Петербургѣ Булгаковъ поступилъ подъ непосредственное начальство кн. А. Н. Голицына, бывшаго въ то время главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Пользуясь большимъ его вліяніемъ, Булгаковъ не замедлилъ совершить рядъ преобразованій по почтовой части, имѣвшихъ цѣлью упорядочить и ускорить доставленіе корреспонденціи и облегчить возможность переѣзда изъ одного мѣста въ другое. Такъ, при Булгаковѣ былъ учрежденъ родъ неизвѣстнаго дотолѣ въ нашемъ отечествѣ сообщенія посредствомъ дилижансовъ, по мысли его друга графа М. С. Воронцова, между С.-Петербургомъ, Москвою и Кіевомъ; немного позднѣе, въ 1821 и 1824 гг. разрѣшено было фонъ-Францену учредить на свой счетъ почтовыя коляски отъ Петербурга до Риги, Митавы, Ревеля, Полангена, Ковно и Вильно. Въ 1827 г. учреждены казенные почтовые дилижансы по бѣлорусскому тракту изъ С.-Петербурга до Радзивилова; это нововведеніе имѣло очень большой успѣхъ, и проѣзжающіе наперерывъ добивались мѣстъ въ почтовыхъ коляскахъ. Въ 1831 г. было учреждено въ С.-Петербургѣ нѣсколько почтовыхъ конторъ съ отдѣленіями. Кромѣ того, въ Петербургѣ учреждена постоянная городская почта въ 1835 г., по образцу парижской и лондонской; съ этою цѣлью было открыто въ столицѣ до 40 пріемныхъ мѣстъ. Булгаковъ озаботился также изданіемъ почтоваго календаря (1825 г.) или дорожника, который содержалъ въ себѣ описаніе всѣхъ дорогъ Россійской Имперіи съ указаніемъ разстояній, для руководства при пріемѣ сбора съ подорожныхъ и при выдачѣ прогонныхъ денегъ. При этомъ было постановлено также, чтобы перемѣны почтовыхъ дорогъ и станцій и измѣненія въ числѣ лошадей на станціяхъ не производились безъ предварительнаго увѣдомленія главнаго почтоваго начальства. Равнымъ образомъ Булгаковымъ составлены были подробныя правила о постройкѣ по губерніямъ станціонныхъ домовъ (1819, 1825 и 1831 гг.). Предлагалось строить зданія каменныя, но окончательный выборъ матеріала, предоставлялся усмотрѣнію мѣстнаго начальства. Для скорѣйшей доставки корреспонденціи, почты съ письмами и денежными посылками стали отправляться, вмѣсто одного или двухъ разъ въ недѣлю, нѣсколько разъ, а между столицами—даже ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ. Кромѣ того установлены по многимъ трактамъ экстра-почты (между Москвою, Кіевомъ, Одессою, Варшавою, Оренбургомъ, Тифлисомъ, Нижнимъ-Новгородомъ), ходившія гораздо скорѣе обыкновенныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ введено накладываніе на письма штемпелей, указывающихъ время отправки. Помимо пересылки корреспонденціи на лошадяхъ, дозволено перевозить ее на пароходахъ изъ С.-Петербурга въ Любекъ, Либаву и Ревель (въ 1832 г.). Кромѣ того, при Булгаковѣ было учреждено много новыхъ почтовыхъ трактовъ, устроены почтовыя управленія въ енисейской губ. въ 1824 г. и почтовая повинность въ бѣлостокской области въ 1823 г. Чрезвычайно важнымъ средствомъ ускоренія почтовыхъ сношеній съ иностранными государствами явилась заключенная Булгаковымъ въ первый разъ почтовая конвенція съ Пруссіею и Австріею въ 1822 г., значительно ускорившая доставку писемъ изъ за границы: письма, приходившія изъ Радзивилова

въ Петербургъ на 13 день, стали получаться на седьмой и даже ранѣе, изъ Лондона вмѣсто 22 дней на 11-ый, изъ Берлина вмѣсто 9 дней на пятый. Этимъ особенно была довольна вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, находившаяся въ большой перепискѣ съ своими дочерями и родственниками. Въ 1821 г. Булгаковъ составилъ положеніе о воспитаніи и обученіи дѣтей почтовыхъ служителей, преимущественно сиротъ. Дѣти находились на полномъ содержаніи казны въ особомъ помѣщеніи, но ходили ежедневно подъ наблюденіемъ старшихъ обучаться въ приходскихъ или уѣздныхъ училищахъ и затѣмъ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ, переводились въ гимназію или же опредѣлялись на службу по почтовому вѣдомству. Полезная дѣятельность Булгакова снискала ему особенное расположеніе Императора Александра I, наградившаго его въ 1819 г. брилліантовыми знаками ордена св. Анны 1 степени, а въ 1821 г.— орденомъ св. Владиміра 2 степени. Когда же Булгаковъ явился благодарить за эту милость Императора, то Александръ I изволилъ выразить ему: «не тебѣ, а мнѣ должно благодарить тебя; ты совершенно оправдалъ мое ожиданіе; всѣ отзываются съ похвалою о порядкѣ, скорости, усматриваемой въ ходѣ почтъ, и мнѣ очень пріятно тебѣ это повторить».—Государь былъ особенно доволенъ заключенною съ Пруссіею конвенціею, за которую король прусскій пожаловалъ Булгакову ленту Краснаго Орла. Болѣе скорая доставка иностранной корреспонденціи вызвала со стороны иностранныхъ негоціантовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, желаніе прислать къ Булгакову особую депутацію для выраженія ему благодарности, но Булгаковъ отклонилъ это, сказавъ, что онъ являлся во всемъ только исполнителемъ распоряженій правительства. Въ 1822 г. Императоръ Александръ I, очень довольный Булгаковымъ, предоставилъ ему на выходѣ во дворецъ имѣть входъ за кавалергардовъ, а въ 1823 г. пожаловалъ ему 6.000 десятинъ земли въ бессарабской губерніи. Въ день коронованія Императора Николая I, 25 августа 1826 г., Булгаковъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а вскорѣ послѣ этого, во вниманіе къ трудамъ его по комитету для преобразованія почтовой части, ему была пожалована табакерка, украшенная вензеломъ Императора и брилліантами. Ростъ почтоваго дѣла въ началѣ царствованія Императора Николая I вызвалъ коренное измѣненіе въ устройствѣ мѣстнаго надзора, а также и главнаго завѣдыванія почтовою частью Имперіи. Въ 1830 г. былъ учрежденъ особый совѣтъ при главноуправляющемъ надъ почтовымъ департаментомъ и особый почтовый департаментъ, и въ 1831 г. Булгаковъ былъ назначенъ директоромъ почтоваго департамента, оставаясь въ тоже время с.-петербургскимъ почтъ-директоромъ. Въ 1832 г. онъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла, а супруга его кавалерственною дамою ордена св. Екатерины 2 степени. Несмотря на свою обширную дѣятельность по почтовой части, Булгаковъ участвовалъ во многихъ комитетахъ, управлялъ имѣніями нѣкоторыхъ друзей своихъ, велъ обширную переписку со множествомъ лицъ, въ томъ числѣ со своимъ братомъ, и находилъ время часто бывать въ обществѣ, въ театрахъ, концертахъ и т. д. Врачи не разъ ему указывали на пагубныя послѣдствія столь напряженнаго образа жизни и совѣтовали лѣчиться, ѣхать на воды, но Булгаковъ все откладывалъ лѣченіе. Это привело къ тому, что во время переѣзда его въ городъ съ дачи 10 сентября 1835 г. съ нимъ сдѣлался легкій ударъ. Ему пустили кровь, и онъ почувствовалъ облегченіе, но не на долго; 29 октября 1835 г. его постигъ второй ударъ, повлекшій за собою смерть. Онъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петербургѣ, въ Благовѣщенской церкви, возлѣ тѣла друга своего адмирала Д. Н. Сенявина. Булгаковъ отличался замѣчательною красотою, былъ очень ласковъ и обходителенъ, гордости въ немъ не было вовсе. Веселый нравъ его соединялся съ неподдѣльною любезностію; образованный умъ—съ тонкою смѣтливостью и необыкновеннымъ знаніемъ и пониманіемъ людей и большою опытностью въ дѣлахъ. Сердце у него было доброе и чувствительное, съ особеннымъ стремленіемъ оказывать каждому услуги не словами, а дѣломъ; всегда и неотступно ходатайствовалъ онъ за другихъ, причемъ обладалъ умѣньемъ убѣждать самыхъ холодныхъ и недоступныхъ людей. Живя въ Петербургѣ, онъ имѣлъ обширныя связи и былъ очень уважаемъ всѣми. Онъ жилъ очень открыто, и въ домѣ его два раза въ недѣлю былъ съѣздъ лучшаго общества столицы, гдѣ всякій безъ принужденія занимался, чѣмъ хотѣлъ. Раз-

говоры шли неумолкаемые и самые разнообразные; гостиная Булгакова, по выраженію Вяземскаго, была биржею всѣхъ животрепещущихъ новостей. Булгаковъ любилъ страстно музыку и покровительствовалъ всѣмъ артистамъ.—Въ «Русскомъ Архивѣ» напечатана его переписка съ братомъ Александромъ.

Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантыша-Каменскаго т. I. — А. Булгаковъ, К. Булгаковъ. 1838 г.— Воспоминанія Вигеля, ч. I, стр. 164 и слѣд.—«Московскія Вѣдомости», 1835 г., № 90.—«Сѣверная Пчела», 1835 г. № 247.—Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, I, №№ 28060, 28642, 28656, 29542, 29727, 29813, 30247; II, 1023, 2992, 3039, 4628, 5564, 8426.—Историческій очеркъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ изд. 1902 г. прил. II: Почты и телеграфы.—«Русскій Архивъ», 1900—1903 гг.

П. Майковъ.

Булгаковъ, *Максимъ Егоровичъ*, врачъ. Въ 1812 г. онъ поступилъ казенно-коштнымъ воспитанникомъ въ Московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, въ 1816 г. выпущенъ лѣкаремъ въ кинбурнскій драгунскій полкъ, въ 1819 г. признанъ штабъ-лѣкаремъ, въ 1820 г. назначенъ въ 7 артиллерійскую бригаду, затѣмъ былъ старшимъ лѣкаремъ 10 артиллерійской бригады, въ 1828 г., во время русско-турецкой войны, работалъ въ Варнскомъ военно-временномъ госпиталѣ № 2, въ слѣдующемъ году опредѣленъ дивизіоннымъ докторомъ въ 9 пѣхотную дивизію, въ 1830 г.—въ 10 дивизію, а въ 1835 г. перешелъ въ 7 дивизію. Въ 1837 г. Булгаковъ признанъ докторомъ медицины въ московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи и въ томъ-же году занялъ должность штабъ-доктора 4 пѣхотнаго корпуса; въ 1852 г. онъ назначенъ главнымъ докторомъ варшавскаго военнаго госпиталя и почетнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а въ 1861 г. уволенъ въ отставку, по преклонному возрасту. Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4 степени.—Напечаталъ: 1) Лѣченіе кровотеченій перевязываніемъ конечностей («В.-Медиц. Журналъ» 1825 г., ч. 6, отд. II, стр. 217. Тоже, по-нѣмецки, въ Heidelberg. Klin. Annalen 1828 г., т. IV, сент.).—2) Образованіе перепонокъ при воспаленіи мочевого пузыря (тамъ-же, въ 1826 г., ч. 7, отд. III, стр. 312).—3) Медицинская топографія черниговскаго, городнянскаго и сосницкаго повѣтовъ (тамъ-же, 1827 г., ч. 9, отд. II, стр. 232).—4) Отчетъ о болѣзн. въ войскахъ 7 пѣхотной дивизіи за 1835—36 г. (тамъ-же 1837 г., ч. 30, отд. II, стр. 199).—5) Отчетъ о болѣзн. въ войскахъ 4 пѣхотн. корпуса за 1838 г. (тамъ-же, 1839 г., ч. 34, отд. III, стр. 345).—6) Пораженіе громовымъ ударомъ 11-ти солдатъ въ лагерѣ подъ Варшавой (тамъ-же, 1839 г., ч. 34, отд. II, стр. 157. Тоже въ «Другѣ Здравія» 1839 г., № 44).—7) Эпидемія лихорадки въ войскахъ, стоящихъ въ Бессарабіи и въ херсонской губерніи («Труды Общества Русскихъ Врачей» т. III, стр. 1).—8) Отчетъ о болѣзн. въ войскахъ 4 корпуса съ ноября 1842 по ноябрь 1843 г., (тамъ-же, т. IV, стр. 152).—9) Отчетъ о болѣзненности въ войскахъ 4 корпуса за 1848—49 годъ («Военно-Мед. Журналъ» 1850 г., ч. 55, отд. I, стр. 1).—10) Отчетъ о холерѣ въ 1852 г. въ Варшавскомъ госпиталѣ (тамъ-же, ч. 60, отд. II, стр. 33).

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи писатели, т. I.—Кондуиты Главн. военно-медиц. управленія, книга 6, № 1212.—Подробн. алф. указатель къ статьямъ, напеч. въ В.-Мед. Журналѣ съ 1823—1893 г. Спб., 1895 г., стр. 542.—Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго штаба, опись канцеляріи начальника штаба, медиц. дѣло 1828 г. № 258 въ связкѣ № 237.

Н. Кульбинъ.

Булгаковъ, *Сергѣй Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ; годы его рожденія и смерти неизвѣстны. Въ 1756 г. онъ уже значился въ военной службѣ; въ какихъ полкахъ и мѣстахъ провелъ Булгаковъ большую часть своей службы неизвѣстно, но 14 апрѣля 1789 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ одного изъ отрядовъ, сформированныхъ для прикрытія нашей главной черкасской дороги отъ внезапнаго нападенія турокъ, которые, сдѣлавъ въ 1789 г. высадку на восточномъ берегу Чернаго моря, заняли Анапу и Суджукъ-Кале. Въ 1790 г., когда турки подъ начальствомъ Баталъ-паши, поднявшаго на насъ кабардинцевъ, двинулись на Кубань, Булгаковъ стоялъ между р. Кубанью и р. Кумою и былъ назначенъ командиромъ одного изъ трехъ отрядовъ, направленныхъ противъ Баталъ-паши, который, однако, былъ разбитъ генер. Германомъ ранѣе прибытія Булгакова. Съ пріѣздомъ въ концѣ января 1791 г. на Кавказъ графа Гудовича былъ образованъ значительный отрядъ для взятія Анапы. При штурмѣ одною изъ колоннъ командовалъ Булгаковъ и ворвался въ Анапу 22 іюня, за что и былъ награжденъ

орденомъ св. Георгія 3 степени. Послѣ этого Булгакову сдался лжепророкъ Шейхъ-Мансуръ, а затѣмъ Булгаковъ овладѣлъ крѣпостью Суджукъ-Кале и разрушилъ всѣ ея укрѣпленія. По возвращеніи съ этого похода онъ былъ назначенъ въ 1792 г. командиромъ праваго фланга кавказской линіи и вмѣстѣ съ Гудовичемъ много содѣйствовалъ устройству по линіи новыхъ станицъ и переселенію въ эти мѣста донцовъ. Въ 1793 г. начались хищническія нападенія обывателей Большой и Малой Кабарды на нашу линію, заставившія Булгакова постоянно находиться въ походахъ для преслѣдованія горцевъ. Въ 1794 г. имъ былъ перехваченъ фирманъ турецкаго султана, призывающій горскія племена къ возстанію противъ Россіи. Въ 1796 г., когда формировался особый отрядъ подъ начальствомъ графа В. Зубова для похода на Дербентъ, Булгаковъ былъ назначенъ командиромъ одной изъ восьми отдѣльныхъ частей отряда. 15 апрѣля 1796 г. Булгаковъ былъ уже въ Таркахъ, затѣмъ по крайне неудобной дорогѣ поспѣшно двинулся къ Дербенту; преодолѣвъ неимовѣрныя трудности, онъ перешелъ горный хребетъ при Дарбахъ и обложилъ Дербентъ. Шейхъ-Али, послѣ упорной обороны, сдался 10 мая. Императрица, щедро наградившая всѣхъ участниковъ этого похода, пожаловала Булгакову орденъ св. Анны 1 степени. Затѣмъ Булгаковъ двинулся къ Баку, покоряя обитавшихъ по пути горцевъ, занялъ этотъ городъ, а также и Кубу. Затѣмъ, по предписанію Зубова, Булгаковъ совершилъ экспедицію противъ хана Казы-Кумуха, занялъ селеніе Ахты и сталъ заготовлять продовольствіе для своего отряда. За всѣ эти дѣйствія Булгаковъ 26 іюня 1796 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, и ему поручено было командованье 19 пѣхотною дивизіею. Вскорѣ на него было возложено, впредь до окончательнаго размежеванія земель между казаками, живущими по Тереку, и каранагайцами, кочующими по р. Кумѣ, положить черту, чтобы каждый зналъ свой участокъ, и тѣмъ прекратить безконечныя ихъ ссоры и жалобы. Тѣмъ временемъ скончалась Екатерина II, и Императоръ Павелъ прислалъ каждому командиру полка особо Высочайшее повелѣніе немедленно вернуться въ предѣлы имперіи, а за тѣмъ Зубовъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей. Онъ сдалъ начальство надъ войсками Булгакову, какъ старшему чиномъ, и уѣхалъ въ Астрахань. Скоро былъ уволенъ отъ службы и Булгаковъ, находившійся въ отставкѣ до 1806 г., когда, по ходатайству вновь назначеннаго главнокомандующаго войсками на Кавказѣ графа Гудовича, онъ былъ снова принятъ на службу и назначенъ командующимъ войсками на Кавказской линіи. По прибытіи въ Георгіевскъ Булгакову приказано было принять подъ свое начальство и отрядъ Глазенапа, дѣйствовавшій въ Дагестанѣ. Въ то время черкесы и особенно кабардинцы постоянно совершали разбойничьи набѣги на русскія селенія и станицы. Для борьбы съ хищниками Булгаковъ часто предпринималъ экспедиціи въ земли черкесовъ и разорялъ ихъ аулы. Вскорѣ, по приказанію Гудовича, онъ двинулся въ Баку для наказанія бакинцевъ за измѣнническое убійство князя Циціанова. Подойдя къ Баку, Булгаковъ предложилъ жителямъ сдаться, полагаясь на милосердіе Государя Императора; въ противномъ же случаѣ грозилъ раззорить городъ до основанія. Бакинцы встрѣтили Булгакова за нѣсколько верстъ отъ городскихъ воротъ и поднесли ему ключи отъ города. 3 октября 1806 г. Булгаковъ занялъ Баку, торжественно перенесъ тѣло Циціанова, зарытое у городской стѣны, въ армянскій храмъ города, а убійцу его прогналъ сквозь строй и сослалъ въ Сибирь. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ ханскомъ дворцѣ, Булгаковъ, оставивъ гарнизонъ въ Баку, двинулся на покореніе Кубинскаго ханства и Казикумыхской плоскости. Съ приближеніемъ Булгакова къ Кубѣ, Шейхъ-Али-ханъ бѣжалъ въ горы, гдѣ сталъ волновать горскія племена, а обыватели Кубы покорились и приняли присягу на вѣрность Россіи въ ноябрѣ 1806 г. При обратномъ движеніи отрядъ Булгакова много терпѣлъ отъ холода, непогоды и наступившихъ морозовъ, и это обстоятельство лишило его возможности немедленно выступить противъ горцевъ, какъ то предписывалъ ему Гудовичъ. Лишь весною 1807 г. Булгаковъ двинулся въ Ханкальское ущелье, сильно занятое горцами, штурмовалъ его и, хотя понесъ при этомъ огромныя потери, но овладѣлъ имъ и тѣмъ открылъ дорогу въ самое сердце Чечни, гдѣ горцы упорно боролись до окончательнаго покоренія Кавказа. Булгаковъ успѣлъ покорить только два независимыхъ общества

Чечни, Гехи и Атаги, но зато разорилъ очень много ауловъ и нанесъ чеченцамъ страшный вредъ. Гудовичъ былъ недоволенъ Булгаковымъ, въ особенности за то, что «промедливъ два мѣсяца выступленіемъ въ экспедицію, онъ далъ этимъ возможность чеченцамъ приготовиться къ встрѣчѣ его, сдѣлать засѣки, окопы и вообще затруднить движеніе». Усмиряя горцевъ, Булгаковъ долженъ былъ бороться еще и съ чумою, проникавшею въ наши предѣлы изъ Персіи и Азіатской Турціи чрезъ земли непокорныхъ горцевъ. Булгакову въ 1808 г. Высочайше повелѣно было дѣйствовать въ отношеніи чумы «совокупно и взаимно» съ гражданскимъ начальствомъ края. Онъ устроилъ обширную кордонную линію отъ береговъ Каспійскаго моря до р. Усть-Лабы, отдѣлявшей кавказскую губернію отъ земель Черноморскаго войска. Одни карантины по этой линіи были подчинены гражданскому начальству, другіе—военному. Такой порядокъ управленія кордонною линіею вызывалъ постоянныя пререканія Булгакова съ гражданскимъ вѣдомствомъ, позднѣе до крайности осложнившіяся. Польза же кордона значительно уменьшалась отъ безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ, до того усилившихся, что партіи ихъ появлялись подъ Моздокомъ и Ставрополемъ. Чтобы нѣсколько обезпечить русскія поселенія отъ закубанскихъ горцевъ, Булгаковъ выставилъ впереди линіи два сильныхъ отряда, но и послѣ того набѣги продолжались; между прочимъ, было уничтожено богатое селеніе Каменнобродское, въ Ставропольскомъ уѣздѣ. Это побудило Булгакова въ началѣ 1810 г. предпринять походъ за Кубань. Управлявшій въ то время Кавказомъ генералъ А. П. Тормасовъ не давалъ своего согласія на этотъ походъ, считая лучшимъ дѣйствовать на горцевъ убѣжденіемъ. Но Булгаковъ получилъ отъ Аракчеева Высочайшее соизволеніе на задуманное предпріятіе и двинулся за Кубань. Онъ штурмомъ бралъ всѣ завалы и укрѣпленныя мѣста, сжегъ и уничтожилъ болѣе двухъ сотъ селеній, проникалъ въ мѣста, считавшіяся горцами недоступными, но несмотря на все это результаты похода были ничтожны. По удаленіи нашихъ войскъ, горцы опять принялись за набѣги и нападали на станицы Приблизную и Прохладную. Въ этихъ набѣгахъ участвовали и кабардинцы, среди которыхъ возстаніе не сдѣлалось всеобщимъ только благодаря тому, что Булгаковъ быстро двинулъ войска въ Кабарду, занялъ всю кабардинскую равнину и 9 сентября 1810 г. привелъ кабардинцевъ торжественно къ присягѣ. Однако значительное число кабардинцевъ собралось за р. Малкою, на равнинѣ противъ Прохладной. Булгаковъ выѣхалъ къ нимъ съ уговорами; ему дерзко возражалъ главный ихъ старшина, князь Измаилъ бекъ Атажуковъ; тогда Булгаковъ приказалъ арестовать его вмѣстѣ съ другими. Волненіе въ Кабардѣ утихло, но въ Петербургъ было послано множество жалобъ на Булгакова, написанныхъ тѣмъ же Атажуковымъ, который имѣлъ личныя причины для неудовольствія противъ Булгакова. Въ то же время несогласія Булгакова съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ достигли крайнихъ предѣловъ. Тормасовъ никакъ не могъ прекратить этихъ пререканій и въ 1810 г. представилъ дѣло, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, на Высочайшее благоусмотрѣніе. 7 сентября 1810 г. состоялся Высочайшій рескриптъ на имя генерала Вердеревскаго, которому повелѣвалось, на правахъ генералъ-губернатора, обревизовать астраханскую и кавказскую губерніи, изслѣдовать злоупотребленія въ карантинахъ и войти въ ближайшее разсмотрѣніе несогласій между Булгаковымъ и кавказскимъ гражданскимъ губернаторомъ Малинскимъ. Тѣмъ временемъ Булгаковъ занимался переселеніемъ 2,000 кабардинскихъ семействъ изъ ауловъ въ наши предѣлы, на пустыя земли по р. Кумѣ. Переселеніе это сопровождалось рѣшительными мѣрами, такъ какъ кабардинцы, хотя и находились въ довольно жалкомъ положеніи въ своей странѣ, но уходить на новыя мѣста не хотѣли; не рѣдко приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Въ 1810 г. Булгаковъ совершилъ экспедицію къ вершинѣ р. Черека, чтобы удержать въ повиновеніи абазинцевъ. Булгаковъ намѣревался переселить и ихъ съ горъ за кордонную линію. Вообще его очень заботило пространство ввѣреннаго ему края, населеннаго народомъ воинственнымъ, вѣроломнымъ и хищнымъ, не желавшимъ повиноваться; сдерживать его въ повиновеніи можно было только военною силою, которой въ распоряженіи Булгакова было весьма мало. Къ тому же пути сообщенія были въ самомъ первобытномъ состояніи.

Въ то время на трактѣ отъ Георгіевска до Горячихъ водъ не было ни селеній, ни почтовыхъ станцій, ни устроенной дороги. По распоряженію Булгакова, въ 1811 г. устроены были станціи изъ казачьихъ лошадей при постахъ Лысогорскомъ, Константиноградскомъ и Кисловодскомъ. Онъ заботился по возможности и о поддержаніи судоходства по рѣкамъ и воспрещалъ сооруженіе на нихъ запрудъ, особенно на Терекѣ. Эта забота Булгакова была также однимъ изъ поводовъ пререканій его съ гражданскимъ вѣдомствомъ. Тѣмъ временемъ генералъ-маіоръ Вердеревскій, исполняя возложенное на него порученіе, требовалъ отъ Булгакова различныхъ объясненій, а Булгаковъ, находившійся по своимъ обязанностямъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и передвиженіяхъ, не могъ, да и не хотѣлъ давать объясненій. Въ 1811 г., по пріѣздѣ новаго главнаго начальника генерала Ртищева, Булгаковъ принужденъ былъ сдать свою должность генералъ-лейтенанту Мусину-Пушкину и затѣмъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ вскорѣ умеръ отъ апоплексическаго удара, оставя по себѣ память прямодушнаго и храбраго воина.

Списокъ по воинскому департаменту на 1792 г.—Бантышъ-Каменскій, Историческое собраніе списковъ кавалеровъ 4-хъ россійскихъ орденовъ.—Акты Кавказской Археографической Экспедиціи, томы III, IV и V.—Н. Ѳ. Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. II и III. — Потто, Кавказская война, вып. IV. *П. М.*

Булгаковъ, князь *Юрій Михайловичъ*, единственный сынъ князя Михаила Булгакова Голицы (потомка великаго князя Гедимина), воевода. Въ 1522 г. онъ былъ рындою при вел. кн. Васильѣ Іоанновичѣ, въ 1525 г. занималъ должность кравчаго, а за тѣмъ, неизвѣстно почему, былъ отставленъ въ 1530 г. Въ слѣдующемъ 1531 г. онъ былъ посланъ къ венгерскому королю Фердинанду, вѣроятно, для возобновленія дружественной связи между Россіею и Венгріею. Въ малолѣтство царя Іоанна Васильевича князь Булгаковъ былъ возведенъ въ санъ боярина, по просьбѣ о томъ ближняго боярина князя Бѣльскаго въ 1540 г., а въ слѣдующемъ году посланъ изъ Москвы съ ополченіемъ на р. Пахру, для удержанія нашествія крымскаго хана Салги-Гирея. Въ 1549 г. Грозный царь отправилъ его съ судовою ратью по Волгѣ къ Казани, а въ 1550 г. повелѣлъ ему основать при впаденіи въ Волгу рѣки Свіяги городъ Свіяжскъ. Исполнивъ порученіе царя съ успѣхомъ, князь Юрій, по приказанію царя ѣздилъ въ Казань, для возведенія на царство Шихъ-Алея. Въ 1552 г. князь Юрій находился въ числѣ главныхъ воеводъ, бывшихъ при взятіи Казани, и послѣ стоялъ въ этомъ городѣ съ полкомъ по году два раза: въ 1554 и 1555 гг. Въ 1557 г. онъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Псковъ, гдѣ и скончался въ 1561 г., оставивъ двухъ сыновей Ивана и Василія. Онъ подписывался или просто Булгаковъ, или Булгаковъ-Голицынъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.—Древняя Русская Вивліотека, т. XVII—XVIII.—Записки о родѣ князей Голицыныхъ, Е. Серчевскаго. 1853 г.—Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійскаго, т. 8.—Соловьевъ, Исторія Россіи. *П. М.*

Булгаковъ, *Яковъ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, дипломатъ, род. 15 октября 1743 г. въ Москвѣ, ум. тамъ-же 7 іюля 1809 г. Сынъ отставнаго секретаря л.-гв. преображенскаго полка И. М. Булгакова, онъ, послѣ первоначальнаго обученія въ домѣ родителей, поступилъ въ университетскую гимназію, гдѣ сблизился съ товарищами Фонвизинымъ и Гр. Потемкинымъ, съ которыми до смерти сохранилъ дружественныя отношенія. Поступивъ изъ гимназіи въ московскій университетъ, Булгаковъ примкнулъ къ собиравшимся около Хераскова студентамъ, имѣвшимъ охоту къ словеснымъ наукамъ, и сталъ упражняться въ литературныхъ работахъ, занимаясь очень прилежно и другими науками. При окончаніи университетскаго курса въ 1761 г. Булгаковъ былъ награжденъ золотою медалью и званіемъ студента и затѣмъ поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Онъ скоро былъ отправленъ курьеромъ въ Варшаву съ извѣщеніемъ о кончинѣ Императрицы Елизаветы Петровны и о вступленіи на престолъ Императора Петра III, а затѣмъ въ качествѣ переводчика сопровождалъ посланнаго въ Вѣну камеръ-юнкера Д. М. Матюшкина. По возвращеніи изъ Вѣны Булгаковъ былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Варшавѣ въ 1764 г., гдѣ былъ секретаремъ при послахъ: Кейзерлингѣ, князѣ Репнинѣ, Волконскомъ и Стакельбергѣ, и скоро былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства. Князь Н. В. Репнинъ, узнавъ способности Булгакова, взялъ его въ 1775 г. съ собою въ Константинополь, когда былъ отправленъ съ богатыми подарками къ сул-

тану Абдулъ-Гамиду для заключенія мира. Булгаковъ былъ маршаломъ этого посольства и воспользовался случаемъ близко ознакомиться съ положеніемъ политическихъ дѣлъ въ Константинополѣ. Когда въ Европѣ возникло дѣло о баварскомъ наслѣдствѣ, на которое заявляли претензію и Австрія, и Пруссія, и обѣ державы обратились къ посредничеству Россіи, то для рѣшенія этого дѣла, былъ созванъ конгрессъ въ Тешенѣ, при чемъ уполномоченнымъ со стороны Россіи на конгрессѣ былъ посланъ въ 1778 г. кн. Н. В. Репнинъ, взявшій снова съ собою Булгакова. За труды, понесенные на этомъ конгрессѣ, канцеляріи совѣтнику Булгакову 10 іюня 1779 г. была Всемилостивѣйше пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе половина Копнянской части староства Козянскаго, полоцкой губ. Послѣ этого Булгаковъ участвовалъ въ качествѣ полномочнаго коммиссара вмѣстѣ съ камеръ-юнкеромъ М. С. Потемкинымъ въ коммиссіи по разграниченію новороссійской губерніи съ подольскою украиною и подписалъ 5 (16) января 1781 г. актъ сего разграниченія. Вскорѣ послѣ этого Булгаковъ въ 1781 г., по ходатайству князя Потемкина и гр. Панина, былъ назначенъ на очень трудный въ то время постъ чрезвычайнаго посланника нашего и полномочнаго министра въ Константинополь. Булгаковъ все время пребыванія въ столицѣ турокъ стремился къ тому, чтобы осуществить на дѣлѣ слова, сказанныя ему Фонвизинымъ: «у насъ ребятъ пугаютъ все турками; это надо перемѣнить и сдѣлать такъ, чтобы самъ султанъ дрожалъ отъ имени русскаго». Булгаковъ твердостью своихъ требованій и непреклонностью скоро достигъ того, что Екатерина II почти что царствовала въ Константинополѣ. Послѣ очень бурнаго переѣзда изъ г. Херсона Чернымъ моремъ, Булгаковъ прибылъ въ Константинополь 27 іюля 1781 г., когда тамъ была язва (т. е. чума). Онъ былъ принятъ очень ласково визиремъ, желавшимъ доставить ему скорѣе аудіенцію у султана, но установленные предъ рамазаномъ и байрамомъ обряды воспрепятствовали этому и отстрочили аудіенцію недѣль на пять, въ продолженіи которыхъ Булгаковъ принималъ дѣла отъ своего предмѣстника Стахіева и знакомился съ ними. Онъ скоро сталъ ходатайствовать о необходимости купить домъ для посольства (въ Буюкъ-дере), что ему и было разрѣшено. Булгаковъ занялся отдѣлкою и приспособленіями дома для посольства и между тѣмъ писалъ о пользѣ заключить торговый трактатъ съ венеціанскою республикою, при чемъ мѣновая торговля съ нею производилась бы въ Корфу или на другихъ островахъ Архипелага, «ибо ихъ (т. е. венеціанцевъ) не пустятъ въ Черное море, а намъ далеко ходить въ Адріатическое море». Булгаковъ не замедлилъ завести въ Константинополѣ много, какъ онъ выражается, «полезнаго знакомства» и сталъ употреблять «небольшія приманки», которыя доставляли ему истинныя свѣдѣнія о всемъ, происходившемъ въ Турецкой имперіи. Тѣмъ временемъ Булгаковъ въ 1782 г. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а при учрежденіи въ томъ-же году ордена св. Владиміра онъ получилъ крестъ его 3 степени. Вскорѣ послѣ этого онъ склонилъ турецкое правительство 10 іюня 1783 г. заключить съ Россіею торговое условіе, во всемъ согласное съ даннымъ ему по этому дѣлу предписаніемъ Екатерины, и Порта была весьма рада окончанію сего дѣла. Возникшій вскорѣ вопросъ о присоединеніи къ Россіи кубанскихъ земель и полуострова Крыма возбудилъ всеобщее вниманіе и вызвалъ лихорадочную дѣятельность представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ. Они ссорились, мирились, соединялись вмѣстѣ, чтобы совокупными дѣйствіями произвести давленіе на Порту и противодѣйствовать стремленіямъ Россіи. Булгаковъ долженъ былъ вести упорную борьбу и съ турецкимъ правительствомъ, и съ представителями европейскихъ державъ и доносилъ о всемъ въ Петербургъ или самой Екатеринѣ II, или графу Безбородко, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Булгаковъ писалъ неоднократно о безплодности переговоровъ съ турками на одних словахъ; о проискахъ прусскаго агента Гаффрона, распускавшаго разные слухи (какъ напр., о намѣреніи Импераптицы Екатерины II изгнать турокъ изъ Европы) съ цѣлію возстановить противъ насъ Турцію; о томъ, что Франція, снаряжаетъ суда на помощь Турціи; что французскій посолъ имѣетъ тайныя свиданія съ рейсъ-эффенди. При этомъ Булгаковъ добавлялъ, «что онъ старается завести во всякой части правительства (турецкаго) людей изъ мелкихъ служителей, дабы чрезъ оныхъ знать, что дѣлается, и тамъ, гдѣ уже предуспѣлъ ихъ

достать за малое помѣсячное награжденіе, часто спознаю происходящее вѣрнѣе и скорѣе, нежели чрезъ большіе каналы. Рассылаемые мною по городу люди, слушая разговоры по домамъ знатныхъ и особливо черни, которой голосъ дѣйствительно здѣсь важенъ, наставляютъ меня также нерѣдко на путь добираться до источниковъ правды и открывать истины, до которыхъ бы безъ того я не дошелъ». Этими путями Булгаковъ узналъ, что прусскій агентъ Гаффронъ употребляетъ всѣ позволенные и непозволенные способы, дабы довести Турцію до разрыва съ Россіею; что король прусскій готовъ заключить союзъ съ Турціею, если Франція будетъ также въ союзѣ, что Порта готовится къ войнѣ, что Франція дастъ ей 12 линейныхъ кораблей и нѣсколько мелкихъ судовъ, которые пойдутъ подъ турецкимъ флагомъ, что, въ случаѣ войны съ турками, Франція, Испанія и Англія согласились не впускать русскіе корабли въ Средиземное море и т. д. Несмотря однако на всѣ препятствія и затрудненія, доводившія Булгакова до отчаянія, ему удалось наконецъ добиться, что Порта 28 декабря 1783 г. подписала актъ объ уступкѣ Крыма, Тамани и земель на Кубани. Булгаковъ изъ скромности приписывалъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ князю Г. А. Потемкину, который однако писалъ ему: «Вы относите это мнѣ; это еще болѣе увеличиваетъ ваши заслуги; все отъ Бога, но этимъ вамъ обязана Россія и сами турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну». Императрица Екатерина II пожаловала ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, большой крестъ 2 степени ордена св. Владиміра и деревни въ полоцкой губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по ходатайству Булгакова, были болѣе или менѣе щедро награждены не только чины его посольства, но многія лица турецкаго правительства (деньгами), а также и иностранные послы: австрійскій—деньгами, табакеркою съ вензелемъ, мѣхомъ соболинымъ 40 соболей и супруга его—брилліантовымъ складнемъ; французскій и англійскій—по табакеркѣ съ портретомъ Ея Величества, при чемъ имъ учинены привѣтствія отъ имени Ея Величества. Оттоманская порта, однако, не могла примириться съ мыслію о потерѣ значительной части своихъ владѣній и, подстрекаемая Франціею, не теряла надежды при первой войнѣ съ Россіею возвратить себѣ утраченныя земли. Турція, готовясь къ войнѣ съ Россіею, задумала удалить изъ Константинополя Булгакова, которому французскій посолъ Шуазель-Гуфье совѣтовалъ уѣхать, говоря, что «славы онъ себѣ болѣе не прибавитъ, а хлопотъ и мученій по мелкимъ дѣламъ не избавится». Скоро главный консулъ въ Смирнѣ, Петръ Феріери, человѣкъ, облагодѣтельствованный Булгаковымъ, подалъ на него доносъ, полагая, что этимъ достигнетъ удаленія Булгакова. Но послѣдній изобличилъ ложность доноса Феріери, который и былъ отрѣшенъ отъ должности. Тѣмъ временемъ Булгаковъ продолжалъ вести съ оттоманскимъ правительствомъ постоянные переговоры о неточномъ исполненіи Турціею заключенныхъ съ нею договоровъ, а также по дѣламъ грузинскимъ, — о томъ, что турки посылали возмущать сосѣдніе съ Карталиніею народы противъ царя Ираклія и т. д. Турки не хотѣли удовлетворить нашихъ требованій. Интриги западныхъ державъ побудили султана не только отвергнуть всѣ условія Булгакова, но султанъ объявилъ его самого мусафиромъ т. е. гостемъ блистательной порты и приказалъ отвести въ Едикуль (Семибашенный замокъ), въ которомъ онъ и содержался подъ строгимъ надзоромъ. Не смотря на это, Булгаковъ велъ переписку съ Потемкинымъ, Безбородко и Императрицею, сообщалъ имъ о самыхъ скрытыхъ намѣреніяхъ верховнаго визиря, препроводилъ секретный планъ будущихъ турецкихъ военныхъ дѣйствій на морѣ, искусно составленный французами, писалъ и о томъ, что Шуазель-Гуфье имѣлъ свиданіе съ Капитанъ-пашею, предложилъ ему составить планъ какъ можно скорѣе исправить флотъ, двинуться на Очаковъ, заградить нашимъ судамъ выходъ изъ Севастополя, сдѣлать одну высадку турецкихъ войскъ близъ Хаджибея (Одессы), а другую въ Крыму, предлагалъ въ распоряженіе Турціи искусныхъ французскихъ офицеровъ и т. д. Во время заключенія въ Едикулѣ Булгаковъ сохранялъ совершенное спокойствіе духа и не робѣлъ, даже когда разъяренная чернь константинопольская требовала его головы. Онъ спокойно занимался въ заключеніи переводомъ обширнаго сочиненія аббата де-ла-Порта «Всемирный путешественникъ» (въ 27 томахъ) и переводилъ по одному тому въ мѣсяцъ, занимался цвѣтами, сажалъ деревья, дѣлалъ дорожки въ саду замка, въ которомъ

ему было дозволено прогуливаться. Онъ просилъ разрѣшенія султана отправить въ Россію двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, родившихся въ Константинополѣ, но и въ томъ было ему отказано. Наконецъ, пробывъ въ Эдикулѣ 12 недѣль, Булгаковъ былъ освобожденъ въ концѣ октября 1789 г. «безъ пособія какой либо державы иностранной, но отъ самой Порты по собственному ея побужденію», и отправился 7 ноября 1789 г. на французскомъ кораблѣ въ Тріестъ, взявъ съ собою двухъ малолѣтнихъ сыновей и немного прислуги. Во все время переѣзда были бури, заставившія искать спасенія въ Дураццо. Наконецъ 25 ноября онъ прибылъ въ Тріестъ и долженъ былъ отбыть карантинъ. Этотъ переѣздъ стоилъ Булгакову до 10.000 піастровъ; онъ самъ писалъ графу Безбородко: «меня высосали, какъ только можно». 11 декабря онъ получилъ въ Тріестѣ рескриптъ Императрицы, въ которомъ, высказывая свое удовольствіе по случаю освобожденія Булгакова изъ заключенія, Екатерина II настаивала, чтобы онъ изъ Тріеста какъ можно скорѣе отправился въ Яссы, гдѣ князь Потемкинъ имѣлъ свою главную квартиру. Булгаковъ хотѣлъ безостановочно ѣхать въ Яссы и направился на Вѣну. Однако нашъ посланникъ при вѣнскомъ дворѣ Д. М. Голицынъ нашелъ необходимымъ, чтобы онъ показался здѣсь нѣкоторымъ лицамъ. Это заставило Булгакова пробыть въ Вѣнѣ нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ онъ былъ у Кауница, пригласившаго его къ обѣду, а также у Императора Іосифа, который, будучи очень слабъ, тѣмъ не менѣе пожелалъ принять Булгакова. Послѣ этого Булгаковъ подъ чужимъ именемъ направился въ Яссы, потому что, по словамъ его въ письмѣ къ графу Безбородко, «учтивость и снисхожденія въ Тріестѣ и на дорогѣ и здѣсь (т. е. въ Вѣнѣ) были столь велики, что могли вредить скорости его пути, если бы онъ не взялъ другаго имени». Прибывъ въ Яссы 29 декабря 1789 г., Булгаковъ скоро, по настоянію князя Потемкина, былъ назначенъ 19 марта 1790 г. чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ нашимъ въ Варшаву, вмѣсто Штакельберга, котораго очень не любилъ Потемкинъ. Булгакову было назначено жалованья 10.000 руб. въ годъ да на столъ по тысячѣ руб. въ мѣсяцъ. На проѣздъ къ мѣсту и заведеніе дома пожаловано еще десять тысячъ рублей. Булгаковъ былъ очень доволенъ и ожидалъ только соизволенія князя Потемкина, чтобы отправиться по назначенію, какъ можно скорѣе. Это соизволеніе послѣдовало, и Булгаковъ уже въ апрѣлѣ 1790 г. былъ въ Москвѣ, гдѣ надѣялся увидѣть своего отца, но онъ ранѣе этого умеръ, узнавъ, что сынъ его въ плѣну у турокъ. Булгаковъ, самъ больной— «у него на обѣихъ ногахъ объявились пресильныя рожи, кои не позволяютъ пошевелиться»,—прибылъ въ маѣ въ Петербургъ, былъ очень благосклонно принятъ Императрицей, незамедлившею щедро наградить этого «Цареградскаго гостя», какъ она называла Булгакова. Указомъ 2 іюня 1790 г. Булгаковъ пожалованъ въ тайные совѣтники, и въ вѣчное потомственное владѣніе ему дано 1500 душъ въ полоцкой губ. и въ витебской экономіи. Прибывъ въ Варшаву, Булгаковъ прежде всего долженъ былъ озаботиться наймомъ себѣ помѣщенія и устройствомъ его, такъ какъ его предшественникъ графъ Штакельбергъ, уѣзжая, все распродалъ. Экономическое положеніе Булгакова въ Варшавѣ было довольно неудовлетворительно, какъ видно изъ письма его къ графу Безбородко отъ 18 января 1792 г.; онъ сталъ даже продавать пожалованныя ему деревни, чтобы уплачивать долги. Къ тому же онъ начиналъ старѣть и дряхлѣть и, не имѣя надежды что либо выслужить для поправленія своего состоянія, просилъ графа Безбородко войти въ его положеніе и оказать пособіе, опасаясь безъ онаго при томъ же образѣ жизни «не имѣть со временемъ даже рубашки». Служебное же положеніе Булгакова въ Варшавѣ было едва ли не труднѣе чѣмъ въ Константинополѣ. Онъ нашелъ королевство въ сильномъ волненіи по поводу сдѣланнаго на сеймѣ предложенія коренныхъ перемѣнъ въ правительственной формѣ. Императрица Екатерина II предписала Булгакову охранять старый порядокъ правленія и не допускать въ немъ какихъ либо измѣненій. Поляки составили конфедерацію; явилась борьба партій, безпорядки въ правленіи, враждебныя отношенія къ Россіи; все это до крайности затрудняло положеніе Булгакова. Скоро самъ король Станиславъ Понятовскій, вмѣстѣ съ арміею, примкнулъ къ конфедераціи, организованной подъ покровительствомъ Россіи въ видахъ возстановленія прежняго правленія, послѣ чего наши войска, а также австрійскія и прусскія, вступили съ трехъ сторонъ въ коро-

левство. Булгаковъ старался кроткими мѣрами водворить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, но этотъ образъ дѣйствія не былъ одобренъ графомъ П. А. Зубовымъ, и потому Булгаковъ просилъ объ увольненіи изъ Варшавы. 22 декабря 1792 г. онъ былъ отозванъ изъ Варшавы и замѣненъ графомъ Я. И. Сиверсомъ. Булгаковъ прибылъ въ Петербургъ и, не получая никакого новаго назначенія, занимался переводомъ для Императрицы сочиненія д'Андрэ Бардона «Образованіе древнихъ народовъ». За этотъ переводъ Булгаковъ былъ награжденъ табакеркою. Кромѣ того, владѣя прекрасно польскимъ языкомъ, Булгаковъ, по порученіи В. С. Попова, переводилъ для Императрицы, когда она занималась русскою исторіею, статьи изъ польскаго гербовника (о Чарторыйскихъ), а также дѣлалъ выписки изъ польскихъ книгъ о семействахъ: Сангушекъ, Огинскихъ, Любецкихъ и т. д. При вступленіи на престолъ Павла I, князь Н. В. Репнинъ былъ назначенъ управлять Литвою. Онъ предложилъ Булгакову мѣсто гражданскаго губернатора въ Вильнѣ и Ковнѣ. Булгаковъ согласился принять это мѣсто, хотя и мало соотвѣтствовавшее прежнему роду его занятій; онъ хотѣлъ еще разъ служить и сблизиться съ Репнинымъ, съ которымъ служилъ въ молодости. Булгаковъ строгимъ правосудіемъ скоро снискалъ любовь всѣхъ обывателей и старался смягчить вражду польскаго населенія къ русскимъ. Многіе вельможи, знавшіе давно Булгакова, стали пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ и селиться въ Вильнѣ. Скоро былъ удаленъ въ свои литовскія земли недоброжелатель Булгакова и Репнина, графъ П. А. Зубовъ, и порученъ надзору Булгакова, который имѣлъ съ нимъ продолжительныя объясненія и оказывалъ ему возможное снисхожденіе. Императоръ Павелъ, довольный Булгаковымъ, наградилъ его орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, причемъ въ грамотѣ говорилось: «да узрятъ всѣ, сколь лестно служить отечеству подобно вамъ, и да подражаютъ вамъ сыны сыновъ вашихъ». Разстроенное здоровье Булгакова и мучившая его подагра побудила его просить объ увольненіи отъ службы, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 1799 г. Онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ не мало старыхъ друзей и занимался устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, которыя за время его 30-лѣтняго отсутствія были весьма разстроены. Онъ просилъ «своего единаго покровителя, заступника и благодѣтеля», графа А. А. Безбородко, оказать ему содѣйствіе по покрытію долговъ, особенно увеличившихся послѣ банкротства банкировъ Теппера и Кабри въ Варшавѣ. Онъ просилъ исходатайствовать ему за 35 лѣтъ службы пенсію, оставшуюся свободною послѣ умершаго въ 1798 г. Понинскаго. Въ свободное время Булгаковъ занимался много чтеніемъ, обладая обширною библіотекою. Императоръ Александръ предлагалъ ему вступить снова на службу, но болѣзнь не позволила Булгакову воспользоваться этою милостью. Я. И. Булгаковъ былъ одаренъ большимъ умомъ, прозорливостью, необыкновенно твердымъ духомъ, при чемъ его обхожденіе дѣлало его особенно способнымъ къ дипломатіи. Доброта души его была замѣчательная: «для дѣланія добра, говорилъ онъ, не надобно упускать ни одного случая». Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и считалъ лучшею для себя наградою, что довольны его службою. Въ дѣлахъ государственныхъ онъ былъ до крайности остороженъ; самомнѣнія въ немъ вовсе не было, и онъ постоянно просилъ совѣтовъ графа Безбородко. Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, онъ ничего не боялся, что бы съ нимъ ни сдѣлали: «пропаду одинъ, говорилъ онъ, но мщеніе за меня произведетъ общее добро». Булгаковъ былъ членомъ академіи наукъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ и велъ обширную переписку, въ томъ числѣ съ Фонвизинымъ, А. В. Суворовымъ, Потемкинымъ, Растопчинымъ и т. д. Письма его могутъ служить образцомъ слога, простоты изложенія, чуждаго всякихъ натяжекъ. Булгаковъ находилъ также время заниматься литературою и написалъ нѣсколько прозаическихъ пьесъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Полезное увеселеніе», издававшемся въ Москвѣ въ 1761 г., а также сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ переводовъ. Кромѣ того, онъ перевелъ 27 томовъ «Всемірнаго Путешествователя», первые томы котораго печатались въ типографіи Н. Новикова въ 1778 г. Второе изданіе этого перевода было сдѣлано въ 1803—1816 г.г. Позднѣе онъ перевелъ сочиненіе д'Андрэ-Бардона «Образованіе древнихъ народовъ»; этотъ переводъ былъ напечатанъ на средства Кабинета. Онъ началъ переводить также «Путешествіе Юнаго Ана-

харсиса» аббата Бартелеми, но, узнавъ, что имъ занимается молодой П. И. Страховъ, человѣкъ бѣдный, подарилъ ему сдѣланный имъ переводъ трехъ томовъ, чтобы не дѣлать подрыва его труду. Булгаковъ началъ также переводъ поэмы Аріосто «Влюбленный Роландъ» (переводилъ съ французскаго перевода Лесажа), но этого труда не завершилъ.

Н. Новиковъ, Опытъ историческаго словаря.—Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли.—Н. Гречъ, Опытъ біографіи Булгакова.—А. Булгаковъ, «Біографія Я. И. Булгакова», въ «Московскомъ Телеграфѣ», т. 38, 1831 г.—Бартеневъ, Біографія Я. И. Булгакова, въ «Московск. Вѣдом.», 1855 г. №№ 5, 6, 8.—«Русскій Вѣстникъ», 1814 г., книж. 3.—Сборникъ Императорскаго Рус. Ист. Общества, т. 26 и 47.—Н. Бантышъ-Каменскій, Дипломатическія сношенія нашего двора съ европейскими. — «Русскій Архивъ», 1873 г. и 1875 г.—С. М. Соловьевъ, Исторія паденія Польши. 1863, стр. 232—299.—Сочиненія П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 50 и слѣд.—«Русск. Стар.», 1785, т. XII и XV. — Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. 1874 г. — Біографич. матеріалы питомцевъ Моск. Университета.

П. Майковъ.

Булгаковъ, *Θедоръ Михайловичъ*, дворянинъ, род. 16 апрѣля 1718 г. въ козельскомъ уѣздѣ, въ селѣ Коробковѣ, пожалованномъ еще дѣду его, стольнику Стефану Петровичу Булгакову, ум. тамъ-же 11 февраля 1795 г. Оставшись сиротою послѣ смерти отца своего въ 1728 г., Булгаковъ былъ воспитанъ своею матерью Ириною Даниловною, рожденною Воейковою, и затѣмъ, по собственнымъ просьбамъ, отпущенъ былъ въ 1735 г. на службу въ Петербургъ, гдѣ, при содѣйствіи дяди, секундъ-маіора Г. И. Воейкова, былъ опредѣленъ солдатомъ въ л.-гв. преображенскій полкъ и въ томъ же году, по молодости и склонности къ наукамъ, переведенъ въ бомбардирскую роту кадетомъ. Здѣсь онъ учился очень прилежно и скоро былъ причисленъ къ командѣ, находившейся при снятіи плана города С.-Петербурга. Позднѣе Булгаковъ состоялъ при строеніи землянаго городка въ Петербургѣ, а 15 декабря 1738 г. былъ произведенъ въ бомбардиры и опредѣленъ къ черченію плановъ С.-Петербурга. Въ 1743 г. онъ былъ произведенъ въ фурьеры, а въ 1744 г. посланъ изъ Сената съ важнымъ арестантомъ въ Сибирь до Соленгинска, гдѣ сдалъ арестанта, а затѣмъ поѣхалъ, для своего любопытства, въ Кяхту. Возвращаясь изъ Кяхты, онъ плылъ по р. Ангарѣ съ большою опастностью до Чулыма, откуда уже сухимъ путемъ прибылъ въ Москву 2 сентября 1744 г. Это путешествіе повліяло на здоровье Булгакова, и онъ былъ отпущенъ на годъ въ отпускъ, въ продолженіи котораго 29 октября 1749 г. вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Пелагеею Петровною Полонскою. По возвращеніи въ полкъ Булгаковъ былъ произведенъ въ 1746 г. въ каптенармусы, а въ 1747 г. въ сержанты и опредѣленъ учителемъ въ полковую школу, въ которой съ строгимъ прилежаніемъ обучалъ капраловъ и унтеръ-офицеровъ ариѳметикѣ, географіи, артиллеріи и фортификаціи. Въ свободные часы онъ самъ поучался Закону Божію, читалъ священныя книги, дѣлалъ планы для строеній, а также проекты крѣпостей и, кромѣ того, исправлялъ всякаго рода дѣла по службѣ. 1 марта 1752 г. онъ былъ переведенъ, по болѣзни, подпоручикомъ въ л.-гв. московскій баталіонъ и прибылъ въ Москву, опредѣленъ къ строенію тайной канцеляріи, а 27 декабря 1753 г., по особому Именному указу, Булгаковъ былъ посланъ на «безъизвѣстный караулъ», гдѣ находился по 13 мая 1754 г. Съ этого времени по 1771 г. онъ состоялъ въ Москвѣ въ баталіонѣ, жилъ спокойно, посѣщалъ усердно церкви и предавался чтенію. Въ 1771 г. Булгаковъ былъ посланъ отъ военной конторы съ деньгами (35.000 р.) во вторую армію князя В. М. Долгорукова въ Полтаву и, сдавъ деньги исправно, вернулся въ Москву, гдѣ скоро появилась чума. Это побудило Булгакова просить объ увольненіи его на родину въ Коробково, куда онъ и отправился, послѣ чего, по его же о томъ просьбѣ, былъ отставленъ отъ баталіона съ жалованіемъ вмѣсто пенсіона по смерть. Булгаковъ проживалъ въ деревнѣ и былъ избранъ дворянствомъ козельскаго округа уѣзднымъ судьею въ Козельскѣ въ 1779 г. Какъ судья Булгаковъ соблюдалъ справедливость, не тянулъ дѣлъ, гнушался взятокъ и снискалъ всеобщее уваженіе. По этому онъ былъ избираемъ еще два раза на эту же должность; прослуживъ три трехълѣтія, Булгаковъ оставилъ службу и проживалъ въ деревнѣ до самой кончины. Онъ написалъ религіозно-нравственное наставленіе своему сыну, убѣждалъ его вѣрить, какъ учитъ св. церковь, любить ближняго, служить Богу и Государю, сохранять уста молчаніемъ и т. д.

Ювеналій Воейковъ, Краткое историческое

начертаніе жизни л.-гв. подпоручика Ѳ. М. Булгакова и завѣты его сыну. Москва 1795 г.—Чичеринъ и Долговъ, Исторія л.-гв. преображенскаго полка, т. I,—Бобровскій, Исторія л.-гв. преображенскаго полка.

П. М.

Булгаковы, одинъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Онъ имѣетъ двѣ главныя отрасли: московскую и рязанскую. Родоначальникомъ рязанскихъ Булгаковыхъ считается Иванъ Ивановичъ Шаинъ, черниговскій воевода, переселившійся въ XIV в. изъ Чернигова въ Рязань, къ великому князю Олегу Рязанскому. Иванъ Шаинъ происходилъ отъ ханскаго родственника Шая, прибывшаго въ Россію со многими людьми. Внукъ Ивана Шаина, *Юрій Константиновичъ Булгаковъ* имѣлъ трехъ сыновей, бывшихъ боярами въ Рязани въ 2-ой половинѣ XV вѣка, именно: *Ѳеодора* (внукъ коего Василій Димитріевичъ умеръ бездѣтнымъ), *Назарія* (родоначальникъ Назарьевыхъ) и *Дениса;* у послѣдняго было четыре сына, изъ которыхъ *Матвѣй Денисьевичъ,* въ качествѣ воеводы, былъ посланъ раззорять улусы дѣтей хана Ахмета, а затѣмъ былъ воеводою въ Бѣлевѣ (1507 г.) и Рязани (въ 1520 и слѣд. годахъ). Матвѣй Булгаковъ имѣлъ шесть сыновей: 1) *Иванъ большой*; 2) *Ѳеодоръ большой* (у него два сына: *Петръ*, воевода въ Кинешмѣ въ 1584 г. и *Дмитрій*); 3) *Михаилъ*, служившій воеводою въ Михайловѣ (въ 1557 г.), Пронскѣ (1558 г.) и Велижѣ (1562 г.); 4) *Ѳеодоръ меньшой*, воевода въ Себежѣ въ 1579—80 годахъ и въ Кинешмѣ въ 1582 г. 5) *Иванъ меньшой*, воевода въ Свіяжскѣ въ 1559 г. и 6) *Юрій Матвѣичъ*, находившійся въ 1558 г. воеводою большаго полку въ походѣ на Донъ противъ черкасъ, а затѣмъ въ 1593 г. строившій городъ Тюмень, въ которомъ онъ и былъ первымъ воеводою. Онъ имѣлъ двухъ сыновей—*Ивана* и *Ѳеодора*, который въ 1610—11 гг. былъ сподвижникомъ Ляпунова.—Отрасль Булгаковыхъ московскихъ ведетъ свое начало отъ брата Ивана Шаина. Изъ этой отрасли Булгаковыхъ упоминаются очень рано: *Елизарій* Булгаковъ, убитый въ казанскомъ походѣ 1487 г.; имя его вписано въ синодикѣ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе; *Иванъ Ивановичъ*, владѣвшій въ 1503 г. дер. Слободище въ кашинскомъ уѣздѣ, какъ то видно изъ грамоты Іоанна Васильевича сыну своему Юрію на городъ Кашинъ отъ 1503 года; *Иванъ Захарьевичъ* и *Богданъ Шелоничъ*, боярскія дѣти суздальскаго уѣзда, пожалованные Іоанномъ Грознымъ помѣстьями въ московскомъ уѣздѣ 2 октября 1550 г.; *Никифоръ Ивановичъ* былъ есауломъ въ казанскомъ походѣ 1554 г.; *Никита Ивановичъ* находился воеводою въ шведскомъ походѣ 1549 г.; *Петръ Андреевичъ* участвовалъ въ казанскомъ походѣ 1552 г.; былъ воеводою въ войскѣ, предводимомъ бывшимъ казанскимъ царевичемъ Шигъ-Алеемъ. Трое Булгаковыхъ: *Иванъ* и *Тарханъ Ивановичи* и *Семенъ Тимофѣевичъ* упоминаются въ числѣ присутствовавшихъ на свадьбѣ Іоанна Грознаго въ 1572 г.— Не мало Булгаковыхъ встрѣчается въ числѣ городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія московскаго государства въ XVII столѣтіи, какъ то: *Ѳедоръ Юрьевичъ* Булгаковъ (иногда именуемый и Булдаковымъ) былъ воеводою въ Мангазеѣ 1603—1605 гг. и въ Туруханскѣ, сдѣлавшемся позднѣе мѣстомъ жительства мангазейскихъ воеводъ; *Василій Булгаковъ* въ 1615 г. былъ осаднымъ головою въ Маломъ Ярославцѣ, калужской губерніи; *Петръ Александровичъ*, бояринъ сидѣлъ воеводою въ Новгородѣ въ 1632—33 гг. *Андрей Булгаковъ* былъ воеводою въ Пелымѣ въ 1643 г. *Иванъ Борисовичъ* стольникъ, а потомъ бояринъ, былъ воеводою въ Могилевѣ въ 1655—56 гг., затѣмъ въ Полоцкѣ въ 1661—65 гг., въ Новгородѣ Великомъ въ 1667—68 гг. и въ Смоленскѣ въ 1670—73 гг. *Тимофей Богдановичъ* сидѣлъ воеводою въ Арзамасѣ въ 1673—75 гг., *Ѳедоръ Степановичъ*—въ Яблоновѣ (курской губ., корочанскаго уѣзда) въ 1689—91 гг. *Димитрій Козьмичъ* служилъ дьякомъ въ конюшенномъ приказѣ въ 1651—54 гг. и судьей въ томъ же приказѣ съ 1654 по 1671 г. *Матвѣй Булгаковъ* былъ домовымъ стряпчимъ патріарха Іоакима. Одинъ изъ Булгаковыхъ, *Григорій Ѳедоровичъ меньшой*, пожалованъ въ 1685 г. отъ царей Іоанна и Петра за службу въ 1654 г. помѣстьями, а потомки его служили службы въ разныхъ чинахъ и внесены въ 6-ую часть родословной книги.

Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи т. II, № 120, ч. IX № 89.—Россійская родословная книга, кн. Долгорукова, ч. IV, стр. 309.—Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго государства XVII столѣтія, А. Барсукова. 1902 г.—Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. 2, ч. III, стр. 119, 168.—Русская историческая би-

бліотека, II, V, X.—Дворцовые разряды, т. I, стр. 191, 235; II, 313, 469;—III, 275.—Дополненіе къ тому III, дворцовыхъ разрядовъ, стр. 233, 263, 875.—Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи, т. I, отд. III—IV, стр. 52, т. X отд. III, стр. 3, 12. — Акты Московскаго государства, I, № 326; т. II, № 445.—Акты историческіе, т. II, № 113; т. IV, № 15.

Булгакъ, *Іосафатъ*, русскій греко-уніатскій митрополитъ, ум. 25-го февраля 1838 г. Булгакъ былъ сыномъ поляка-помѣщика гродненской губ., высшее образованіе получилъ въ Римѣ, въ коллегіи de propaganda fide, гдѣ находился съ 1782 по 1785 г., затѣмъ вступилъ въ число членовъ уніатскаго базиліанскаго ордена, интересамъ котораго онъ посвятилъ свою дальнѣйшую жизнь. Возведенный въ санъ епископа, Булгакъ нѣкоторое время управлялъ брестскою епархіею. Долгое время онъ добивался митрополичьей каѳедры. Еще въ 1809 г. онъ побудилъ гродненскаго губернатора Ланского ходатайствовать о назначеніи его, Булгака, коадъюторомъ престарѣлаго митрополита, съ тѣмъ, чтобы по смерти послѣдняго замѣстить его (въ уваженіе, какъ говорилъ Булгакъ, потери его доходовъ черезъ присоединеніе трехсотъ церквей брестской епархіи къ епархіи митрополита). Тотчасъ по смерти митрополита Кохановича (14-го марта 1814 г.) Булгакъ, которому въ это время была поручена во временное управленіе луцкая епархія, минуя главное управленіе, при посредствѣ базиліанъ и покровительствовавшаго ему слонимскаго предводителя дворянства Пусловскаго, обратился прямо къ Государю съ просьбой о назначеніи его митрополитомъ; этого назначенія онъ просилъ въ видѣ награды за то, что онъ уже давно носилъ санъ епископа. Бѣлое духовенство всѣми средствами старалось противодѣйствовать ему, и митрополичья каѳедра оставалась незамѣщенной въ теченіе трехъ лѣтъ. Наконецъ, когда въ 1817 г. оказалось нужнымъ произвести посвященіе одного епископа, Государь назначилъ Булгака митрополитомъ. Булгакъ вполнѣ оправдалъ надежды базиліанъ, такъ много способствовавшихъ этому назначенію, и всѣми средствами содѣйствовалъ возвышенію ихъ ордена. Прежде всего Булгакъ ввелъ представителя базиліанскаго ордена въ уніатскій департаментъ, «чтобы удержать соразмѣрность и усугубить вліяніе коллегіи на дѣла бѣлаго и монашествующаго духовенства, а тѣмъ самымъ доставить и базиліанскому ордену выгоды въ справкахъ, относящихся къ самоточнѣйшей исправности по предметамъ фундушевъ, капитальныхъ суммъ, монашеской дисциплины». Стараясь сдѣлать затруднительнымъ для бѣлаго духовенства доступъ къ епископскимъ должностямъ, Булгакъ просилъ о Высочайшемъ утвержденіи постановленія Замойскаго синода, предписывавшаго нареченному епископу изъ бѣлаго духовенства, прежде принятія монашескаго званія, пробыть годъ и шесть мѣсяцевъ на искусѣ по правиламъ базиліанскаго ордена и только послѣ этого произносить торжественные обѣты. Бѣлое духовенство неоднократно обращалось съ жалобою на то, что базиліане систематически угнетаютъ его, не допускаютъ выбирать епископовъ изъ бѣлаго духовенства, лишаютъ его образованія, обращаютъ въ свою пользу церковныя приходскія имущества, продаютъ евреямъ городскую собственность и т. д.; въ 1819 г. брестскимъ капитуломъ были представлены три жалобы на угнетенія отъ базиліанъ, но, переданныя княземъ Голицынымъ на разсмотрѣніе митрополиту Булгаку, эти жалобы не принесли никакихъ положительныхъ результатовъ. Какъ человѣкъ, Булгакъ отличался набожностью, спокойнымъ и сосредоточеннымъ характеромъ: по убѣжденіямъ онъ былъ горячимъ приверженцемъ уніи, но еще при жизни его часть бѣлаго уніатскаго духовенства, во главѣ съ Іосифомъ Сѣмашко, начала подготовку возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, и Булгакъ умеръ почти наканунѣ возсоединенія. Похороненъ Булгакъ на православномъ кладбищѣ Сергіевой пустыни, близъ Петергофа.

Графъ Дм. А. Толстой, Римскій Католицизмъ въ Россіи, томъ II, Спб., 1877 г.—А. И. Поповъ, «Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей въ Западной Россіи» («Русск. Стар.» 1870 г., т. I).—Словарь Брокгауза—Ефрона.

Булгакъ, *Эдмундъ*, врачъ, род. 13 марта 1835 г. въ бобруйскомъ уѣздѣ, минской губ., въ 1854 г. поступилъ въ дерптскій университетъ, въ 1858 г. окончилъ курсъ медицинскаго факультета. Въ 1860 г. онъ былъ удостоенъ въ томъ же университетѣ степени доктора медицины; затѣмъ онъ поселился въ Минскѣ, гдѣ у него было имѣніе, и тамъ занимался врачебной практикой. Напечаталъ диссертацію на степень доктора медицины: Ueber die Verknöche-

rung und Verordung der Muskel und Sehnengewebe. Dorp. 1860.

Гассельблатъ и Отто, Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat 1889 г.—Л. Θ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. I.

Булгаринъ, *Θаддей Венедиктовичъ*, журналистъ, род. въ 1789 г. въ имѣніи Перышевѣ, минской губ., ум. 1 сентября 1859 г. въ своемъ имѣніи Карловѣ, отъ удара. Полякъ по происхожденію, проведшій свое дѣтство въ семьѣ, фанатически преданной всему польскому, Булгаринъ съ поступленіемъ, въ 1798 г., въ с.-петербургскій шляхетный корпусъ, по его собственнымъ словамъ, «до такой степени обрусѣлъ, что ходилъ съ товарищами въ православную церковь, даже учился православному катехизису у протоіерея Колосова, былъ однимъ изъ его лучшихъ учениковъ», пѣлъ на клиросѣ и совершенно забылъ свой родной языкъ. По окончаніи корпуса, въ 1806 г. Булгаринъ былъ выпущенъ корнетомъ въ уланскій полкъ, изъ котораго, по неспособности къ кавалерійской службѣ, въ 1809 г. переведенъ въ кронштадтскій гарнизонный полкъ, а затѣмъ, черезъ годъ, въ ямбургскій драгунскій. За это время онъ участвовалъ въ походахъ—противъ французовъ въ 1807 г. и въ Финляндію 1808 г. Подробности его участія въ этихъ походахъ, какъ онъ ихъ передалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», свидѣтельствуютъ о проявленной имъ любви къ Россіи. Когда, однако, въ 1811 г. «по худой атестаціи въ кондуитныхъ спискахъ», онъ былъ уволенъ въ отставку, то бѣжалъ въ Варшаву и поступилъ въ французскую армію, въ которой дослужился до чина капитана, принимая участіе въ походахъ Наполеона противъ Италіи, Испаніи и Россіи. По его объясненію, возбужденныя Наполеономъ въ Польшѣ надежды напомнили ему, что онъ—полякъ, и въ немъ проснулась любовь къ забытой раньше родинѣ. Увлеченіе прошло вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона, и Булгаринъ вновь сдѣлался русскимъ, началъ горячо говорить о любви къ отечеству, горой стоялъ за все русское, называлъ себя русскимъ патріотомъ и т. д. Въ это время въ немъ принялъ близкое участіе гр. Бенкендорфъ, который въ 1826 г., во вниманіе къ «похвальнымъ литературнымъ трудамъ бывшаго капитана французской арміи Булгарина», просилъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова о зачисленіи его въ штатъ чиновниковъ министерства. Въ представленной при этомъ докладной запискѣ перечислялись литературные труды Булгарина и отмѣчались ихъ похвальныя качества. Въ 1816 г. Булгаринъ издалъ «Избранныя оды Горація», гдѣ, какъ говоритъ докладная записка, «исключено все соблазнительное и помѣщено, что согласно съ христіанской нравственностью». Для поддержанія «воинственнаго духа» въ народѣ и «для сопряженія любви народной со славою государя», Булгаринъ издалъ «Славныя воспоминанія россіянамъ XIX в.». Съ 1822 г. онъ предпринялъ изданіе журнала «Сѣверный Архивъ», въ которомъ помѣщались статьи по исторіи, статистикѣ и правовѣдѣнію. Съ 1823 г. онъ сталъ издавать «Литературные листки» и «Русскую Талію». Спеціально для доказательства, что «народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ», Булгаринъ издалъ свои «Воспоминанія объ Испаніи». Съ 1825 г. онъ сталъ издавать литературную и политическую газету «Сѣверная Пчела», «коей главнѣйшая цѣль, по словамъ записки, состояла въ утвержденіи вѣрноподданическихъ чувствованій». Для распространенія этихъ-же чувствъ среди юношества, Булгаринъ съ 1826 г. сталъ издавать «Дѣтскій Собесѣдникъ». Не зная, какую должность дать Булгарину, Шишковъ назначилъ его чиновникомъ особыхъ порученій, но онъ только числился на службѣ, и потому, когда въ 1831 г. возникъ вопросъ объ его отставкѣ, то министръ отказался сдѣлать въ его формулярѣ обычную отмѣтку объ его способности къ гражданской службѣ, а Комитетъ Министровъ не призналъ возможнымъ наградить его чиномъ за выслугу лѣтъ, несмотря на ходатайство гр. Бенкендорфа, удостовѣрившаго, что Булгаринъ былъ имъ «употребляемъ по письменной части на пользу службы», и что всѣ его порученія исполнялъ «съ отличнымъ усердіемъ». Въ 1844 г. Булгаринъ опредѣлился членомъ корреспондентомъ спеціальной коммиссіи коннозаводства и, «во вниманіе къ отличному усердію и особымъ трудамъ», получалъ ордена и чины, включительно до дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Погребенъ Булгаринъ на дерптскомъ городскомъ кладбищѣ.—Списокъ литературныхъ трудовъ Булгарина таковъ. Появлявшіеся въ перечисленныхъ выше изданіяхъ фельетоны и повѣсти, вмѣстѣ съ большими своими ро-

манами «Иванъ Выжигинъ», «Петръ Ивановичъ Выжигинъ», «Записки Чухина», «Димитрій Самозванецъ» и др., Булгаринъ выпустилъ отдѣльно, составивъ изъ нихъ 5 томовъ своихъ «Сочиненій». Отдѣльно онъ издалъ также свои «Воспоминанія» и выдалъ за свой трудъ сдѣланную проф. Н. А. Ивановымъ работу: «Россія, въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ». Ко времени служенія его въ коннозаводствѣ относится изданіе имъ журнала «Экономъ» (1841—1845 гг.).

Никогда не страдавшій ложной скромностью, Булгаринъ всегда былъ весьма высокаго мнѣнія о своей дѣятельности, какъ литературной, такъ и общественной, а неодобрительные отзывы критики объяснялъ главнымъ образомъ завистью, ненавистью къ его правдивости, а также тѣмъ, что онъ «сильно критиковалъ безграмотныхъ сочинителей своего вѣка». Безспорно, что для своего времени Булгаринъ былъ, во всякомъ случаѣ, явленіемъ не зауряднымъ и, конечно, могъ требовать, чтобы ему отводили не послѣднее мѣсто въ литературно-журнальномъ мірѣ, особенно въ тридцатыхъ годахъ. Его много читали, переводили даже на иностранные языки, романы его раскупали, а «Сѣверная Пчела», первая по тому времени газета, имѣла до 10.000 подписчиковъ. Даже Бѣлинскій отдавалъ должное романамъ Булгарина, какъ перваго нашего нравоописательнаго романиста, послѣ Нарѣжнаго. До насъ дошелъ цѣлый рядъ весьма сочувственныхъ отзывовъ о сочиненіяхъ Булгарина такихъ лицъ, какъ Николай Полевой, Гречъ, Скобелевъ. Но, въ тоже время, безспорно, что Булгаринъ, какъ и его почитатели, сильно преувеличивалъ достоинства всего того, что онъ дѣлалъ. Напримѣръ, романы и повѣсти написаны хорошимъ языкомъ, съ одушевленіемъ, иной разъ даютъ живыя и мѣткія характеристики, картинки современныхъ нравовъ, недурныя описанія, но въ общемъ не далеко ушли отъ старыхъ романовъ съ приключеніями. Задавшись сатирическими цѣлями, Булгаринъ довольно однообразно рисуетъ одни и тѣже отношенія, казнитъ одни и тѣ-же пороки. Изображеніе несправедливости судей, напоминающихъ героевъ «Ябеды» Капниста, взяточничество, произволъ сильныхъ, искательство и униженія просителей, карты, погоня за модами, увлеченіе всѣмъ французскимъ въ ущербъ русскому—даютъ Булгарину постоянный матеріалъ для обличеній, вставленныхъ къ тому-же въ безжизненныя и весьма искусственныя рамки. Въ свое время поднявшій много шума романъ «Иванъ Выжигинъ», по запутанности и искусственности основной фабулы, положительно напоминаетъ «Милорда Аглицкаго». Его герой попадаетъ и къ помѣщику-гусару, и къ контрабандисту-еврею, и въ плѣнъ къ киргизамъ, и производитъ самыя невѣроятныя дѣйствія. Таинственные незнакомцы, манекены-злодѣи и добродѣтельныя куклы, характеръ которыхъ опредѣляется ихъ фамиліями (взяточникъ именуется у Булгарина «Взяткинымъ», убійца — «Норовымъ», любительница штоса—Штосиной и т. д.)—таковы герои романовъ Булгарина. Они совершенно безжизненны и иногда попадаютъ въ такія положенія, для выхода изъ которыхъ автору приходится прибѣгать къ развязкамъ неожиданнымъ и ничѣмъ не обоснованнымъ. Съ героемъ романа «Записки Чухина» происходятъ въ Сибири приключенія, напоминающія Шекспировскую Джульетту. Чухина усыпляетъ какой-то докторъ, затѣмъ его хоронятъ, и онъ уходитъ изъ гроба, въ который друзья его кладутъ на его мѣсто манекенъ... При всемъ томъ, какъ большіе романы, такъ и маленькіе фельетоны, вошедшіе въ «Собраніе сочиненій», проникнуты всегда самыми благородными мыслями, самой строгой моралью, и, по ознакомленіи съ ними, невольно возникаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ ихъ авторъ могъ создать себѣ такую печальную извѣстность. Просмотръ «Сѣверной Пчелы» приводитъ къ тому-же вопросу. Въ газетѣ слишкомъ мало похожаго на доносы, въ которыхъ постоянно упрекаютъ Булгарина, нѣтъ даже сопоставленій русскихъ «либераловъ» того времени съ событіями европейскими. Правда, иногда можно встрѣтить лесть высокопоставленнымъ лицамъ, восхваленіе русскихъ порядковъ, но все это встрѣчается такъ рѣдко, что совершенно теряется въ общей массѣ газетнаго матеріала и не можетъ служить сколько нибудь характернымъ признакомъ. Конечно, такое веденіе газеты не столько зависѣло отъ Булгарина, сколько отъ цензуры того времени, которая запрещала не только порицать, но вообще судить и даже одобрять что бы то ни было, имѣвшее то или иное отношеніе къ пра-

вительству. Этимъ, несомнѣнно, только и объясняется холодность «Сѣв. Пчелы» къ такимъ событіямъ текущей жизни, на которыя Булгаринъ, безспорно обладавшій темпераментомъ журналиста, не могъ бы не откликнуться. Представлялъ же онъ Бенкендорфу свои соображенія по разнаго рода вопросамъ, выдвигавшимся современною жизнью. Несмотря на такую полную безцвѣтность газеты, на высокую мораль, разлитую во всѣхъ его произведеніяхъ, относительно которыхъ еще Пушкинъ сказалъ, что нѣтъ ничего нравственнѣе романовъ Булгарина,—за нимъ, однако, установилась печальная репутація, а его имя превратилось въ бранное слово. Если припомнить, что Булгаринъ очень долго находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ такими людьми, какъ Грибоѣдовъ, Рылѣевъ и Бестужевъ, то дѣло станетъ еще менѣе понятнымъ. Очевидно, объясненіе его лежитъ не столько въ литературной дѣятельности Булгарина, сколько въ его общественной жизни. Не говоря уже о быстрыхъ превращеніяхъ изъ русскаго патріота въ польскаго и наоборотъ, смотря по надобности, не могли остаться незамѣченными также и отношенія, которыя имѣлъ другъ Грибоѣдова къ гр. Бенкендорфу и Дубельту. Булгаринъ считался ихъ другомъ до такой степени, что его именовали даже, какъ онъ самъ объ этомъ говорилъ, Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ. Гр. Блудовъ разсказывалъ Никитенкѣ, какъ несомнѣнный фактъ, что Булгаринъ служилъ въ сыскной полиціи. Доносы были его излюбленнымъ пріемомъ борьбы не только съ своими собратьями журналистами, но и съ цензорами и вообще со всѣми, кто стоялъ ему на дорогѣ. Цензурному комитету, напримѣръ, пришлось указывать Булгарину на неприличіе статьи, сообщавшей, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, несмотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна. Министру народнаго просвѣщенія онъ сообщилъ о возникновеніи въ Россіи партіи мартинистовъ, положившей себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей и избравшей своимъ органомъ «Отечеств. Записки». Не ограничиваясь письмомъ, онъ угрожающе требовалъ назначенія слѣдственной комиссіи, передъ которой хотѣлъ предстать какъ «доноситель» и обличитель партіи, колеблющей вѣру и престолъ. Въ своихъ обличеніяхъ писателей того времени, въ томъ числѣ и Пушкина, по его характеристикѣ «бросавшаго камни въ небеса, бросавшаго рифмами во все священное, чванившагося передъ чернью вольнодумствомъ, сочинившаго «Гавриліаду», «Оду на вольность» и «Кинжалъ», Булгаринъ доходилъ до такой степени, что приводилъ въ негодованіе Императора Николая I, который, какъ видно изъ его записокъ къ гр. Бенкендорфу, не разъ дѣлалъ Булгарину рѣзкіе выговоры и едва не запретилъ «Сѣверной Пчелы». Кромѣ того, Булгаринъ, совершенно лишенный эстетическаго чувства и пониманія новыхъ явленій литературной жизни, выступилъ противъ такихъ писателей, какъ Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Герценъ, Некрасовъ. Правда, на нихъ нападали тогда многіе, но нападали литературно, не отрицая ихъ несомнѣнныхъ достоинствъ. Булгаринъ зналъ только такіе отзывы: «поэзія натуральная: бррь, бррь, бррь,»... «прочитавъ одну статью натуральной школы, чувствуешь усталость и изнеможеніе, какъ сказалъ господинъ Гоголь: «будто вышелъ изъ мрачнаго сыраго погреба»... «современная словесность, въ которой первое мѣсто занимаетъ г. Гончаровъ—премилая словесность»! Съ такими мнѣніями нельзя было вести за собой читателей, которые къ тому-же не могли вѣрить искренности Булгарина. Не разъ, подъ впечатлѣніемъ чисто личныхъ отношеній, онъ, напримѣръ, то превозносилъ до небесъ Н. Полеваго, то затѣмъ уничтожалъ его, объясняя, что прежнія похвалы были не болѣе, какъ результатомъ «camaraderie». Вызвать гнѣвъ Булгарина было не трудно,—для этого достаточно было сдѣлать что нибудь такое, въ чемъ онъ увидѣлъ бы подрывъ своихъ предпріятій. Стоило, напримѣръ, Полевому завести при «Русск. Вѣстн.» отдѣлъ сельско-хозяйственный, и Булгаринъ вступилъ съ нимъ во враждебную полемику изъ опасенія, что Полевой подорветъ подписку на «Экономъ». Какъ увѣряетъ Гречъ, Булгаринъ всегда на литературу смотрѣлъ съ точки зрѣнія промышленника и, начиная какое нибудь изданіе, просто «хотѣлъ что нибудь заработать». Рядъ записокъ его къ Усову, ведшему политическій отдѣлъ «Сѣв. Пчелы», дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что денежныя соображенія преобладали у Булгарина. Высказанныя Усовымъ надежды, что войны съ Турціей не будетъ, вызвали рядъ выговоровъ со стороны Булгарина, который запретилъ высказывать та-

кія успокоительныя мысли, такъ какъ при каждомъ объявленіи войны прибываетъ по 1.500 и 2.000 подписчиковъ. Въ обществѣ существовало убѣжденіе, и вполнѣ справедливое, что похвалы Булгарина можно купить не дорогою цѣною. По словамъ Греча, онъ въ такихъ случахъ «не бралъ денегъ, довольствовался небольшою частичкою выхваляемаго товара или дружескимъ обѣдомъ въ превознесенной новой гостинницѣ, вовсе не считая этого предосудительнымъ: бралъ вознагражденіе, какъ берутъ плату за объявленія, печатаемыя въ газетахъ». Дѣйствительно, восторженныя привѣтствія Булгарина пирожнику, открывающему лавочку, портному, начинающему шить платье, заѣзжему шарлатану, продающему гороскопы, Иалеру и т. д. пестрятъ «Сѣв. Пчелу», и уже одни они могли заронить сомнѣніе въ душу даже тѣхъ многочисленныхъ читателей газеты, которые, по словамъ Никитенки, вѣрили въ нее «какъ въ Священное Писаніе». Сдѣланная Пушкинымъ рѣзкая характеристика сыщика Видока, въ которомъ всѣ сразу узнали Булгарина, ярко подчеркнула эти темныя стороны Булгарина и всѣ согласились съ поэтомъ. Постепенно, начавъ съ дружбы съ лучшими представителями русскаго общества, Булгаринъ падалъ все ниже и ниже и къ концу жизни пріобрѣлъ себѣ ту печальную извѣстность, которая совершенно заслонила его, правда небольшія, но все же существовавшія литературныя заслуги. Полный и весьма длинный перечень всего написаннаго Булгаринымъ можно найти въ трудѣ С. А. Венгерова «Русскія Книги» (вып. 26, стр. 269—275). Здѣсь-же указаны переводы сочиненій Булгарина на иностранные языки.

Формуляръ Булгарина («Литературн. Вѣстн.», 1901 г., т. I, кн. 4).—Н. И. Гречъ, Біографическій очеркъ Б. Спб. 1871. (Оттискъ изъ «Русск. Стар.» 1871 г., т. IV).—«Записки и Дневникъ» А. В. Никитенко, т. I—III.—Записки Кс. Полеваго. Спб. 1888.—М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 267—300.—А. Пятковскій, «Изъ исторіи литературнаго и общественн. развитія». Спб. 1888, ч. II, стр. 209—219.—В. Бурнашевъ, «Булгаринъ и Песоцкій» («Бирж. Вѣд.», 1872 г., №№ 284, 285).—Отношенія Б. къ Гоголю выяснены проф. Кирпичниковымъ въ «Извѣстіяхъ отдѣл. русск. яз. Акад. Наукъ» за 1900 г., т. V.—П. Милюковъ, «Главнѣйшія теченія русской исторической мысли», Спб. 1897, стр. 194.—Н. Козьминъ, «Клятва при Гробѣ Господнемъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1900 г., ч. 328, Мартъ, стр. 40—42).—«Старина и Новизна», историческій сборникъ. Спб. 1903.—Отчетъ Импер. Публич. Библ. за 1884 г., стр. 143—144.—Письма Б. къ разнымъ лицамъ и рядъ статей о немъ перечислены въ «Исторіи русской литературы» Н. А. Энгельгардта, т. I, стр. 325.—«Русское Богатство», 1902 г., № 10.

Вл. Боцяновскій.

Булгаровскій, *Петръ Михайловичъ*, врачъ, ум. 7 сентября 1856 г. Онъ учился сначала въ свислоцкой гимназіи, въ 1828 г. поступилъ студентомъ въ виленскій университетъ, черезъ годъ зачисленъ въ институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ этого университета, въ 1831 г., будучи студентомъ, получилъ денежную награду (100 р.) «за усердіе при лѣченіи больныхъ воинскихъ чиновъ», въ 1832 г. перешелъ въ число воспитанниковъ виленской медико-хирургической академіи, въ 1833 г. окончилъ курсъ съ степенью лѣкаря I отдѣленія и съ разрѣшеніемъ оканчивать экзамены для полученія степени доктора медицины. Въ томъ-же году Булгаровскій опредѣленъ въ самогитскій гренадерскій полкъ младшимъ лѣкаремъ, въ 1836 г. всемилостивѣйше награжденъ 600 рубл. «за отлично усердную службу», въ 1838 г. перемѣщенъ въ гренадерскій принца Фридриха нидерландскаго полкъ, въ слѣдующемъ году назначенъ исполняющимъ должность штабъ-лѣкаря и въ томъ-же году утвержденъ въ этомъ званіи петербургской медико-хирургической академіей; въ маѣ 1839 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію, изъ военнаго вѣдомства и занялъ должность акушера псковскаго врачебнаго управленія, въ 1840 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и былъ удостоенъ этой степени въ виленской медико-хирургической академіи, а затѣмъ получилъ тамъ-же, послѣ особаго экзамена, званіе акушера врачебной управы. Въ 1848 г. Булгаровскій былъ опредѣленъ въ псковскую духовную семинарію врачемъ и преподавателемъ медицины; умеръ отъ холеры.—Напечаталъ диссертацію на степень доктора медицины: «De scorbuto». Вильна, 1840.

Дѣла Главн. военно-медиц. управленія, кондуиты, книга 14, № 3197.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели; тетр. I, С.-Пб. 1886.

Н. К.

Булдаковъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, первенствующій директоръ Россійско-Американской компаніи, род. въ Великомъ Устюгѣ въ 1766 г., ум. 28 мая 1830 г. Булдаковъ происходилъ изъ купеческаго сословія Великаго Устюга и въ юности не получилъ систематическаго образованія.

Изучивъ начала русской грамоты, Булдаковъ отправился для практики въ торговлѣ въ Иркутскъ и Кяхту. Смѣтливый отъ природы, онъ скоро подробно ознакомился съ торговыми дѣлами Сибири и въ особенности съ сношеніями съ китайцами въ Кяхтѣ. Г. И. Шелиховъ, извѣстный компаньонъ Американской компаніи, оцѣнилъ вполнѣ торговыя способности Булдакова. Когда Шелиховъ умеръ (20 іюля 1795 г.), и нѣкоторыя частныя компаніи, пользуясь этою смертью, старались подорвать дѣла Шелихова на американскихъ островахъ, вдова Шелихова обратилась къ содѣйствію Булдакова, который женился на ея дочери. Благодаря Булдакову, въ 1797 г. состоялось соединеніе компаніи Шелихова и Голикова съ компаніями иркутскихъ купцовъ; актъ этого соединенія былъ Высочайше утвержденъ въ 1799 г., причемъ компанія была принята подъ Высочайшее покровительство. Когда иркутскіе акціонеры выбрали трехъ директоровъ изъ своей среды, то Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы въ числѣ директоровъ былъ обязательно членъ семьи Шелихова, и 15 ноября 1799 г. повелѣлъ опредѣлить на это мѣсто Булдакова, при чемъ послѣднему было присвоено званіе первенствующаго директора компаніи и пожалована шпага. Въ мартѣ слѣдующаго года Булдаковъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. Около этого же времени, по Высочайшему повелѣнію, главное управленіе Россійско-Американской компаніи было переведено въ Петербургъ, и здѣсь Булдаковъ попрежнему продолжалъ свою энергичную дѣятельность. Въ заботахъ о расширеніи торговыхъ операцій компаніи, Булдаковъ въ 1803 г. снарядилъ первую кругосвѣтную экспедицію. Отправленіе этой экспедиціи сдѣлало его лично извѣстнымъ Государю и сблизило съ извѣстнѣйшими государственными сановниками. Еще до того, въ апрѣлѣ 1802 г., Булдаковъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, а по возвращеніи изъ экспедиціи перваго корабля, въ августѣ 1806 г., ему былъ Высочайше пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й степени. Впослѣдствіи, при содѣйствіи Булдакова, корабли не разъ отправлялись въ кругосвѣтное плаваніе («Нева» въ 1806 г., «Суворовъ» въ 1813 г., «Кутузовъ» и «Суворовъ» въ 1816 г. и «Кутузовъ» въ 1820 г.). Императоръ Александръ неоднократно выказывалъ Булдакову знаки своего вниманія. Болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до смерти, Булдаковъ сталъ часто болѣть и, для поправленія здоровья, отлучался въ свое имѣніе въ Великомъ Устюгѣ. Поэтому онъ хотѣлъ оставить должность по компаніи, но, уступая просьбамъ акціонеровъ, остался еще на нѣкоторое время въ этой должности. Когда, наконецъ, его здоровье совершенно ослабѣло, онъ оставилъ дѣла (1 марта 1827 г.). Булдаковъ былъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

«Булдаковъ, М. М.», статья К. Т. Хлѣбникова въ Словарѣ Плюшара. — Энциклопедическ. словари: Толля, Березина, Края.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, I, С.-Пб., 1900. *В. Г.*

Булдаковъ, *Тимофей*, служилый человѣкъ Якутскаго острога, путешественникъ по Ледовитому океану въ XVII стол. Въ 1649 г. онъ былъ посланъ на рѣку Колыму, для отысканія пути чрезъ устье Лены къ сѣверовосточнымъ рѣкамъ. Ему не удалось въ теченіе лѣта добраться до устья Лены, такъ какъ долго дули противные вѣтры, и ему пришлось зимовать въ Жиганскѣ. Съ наступленіемъ весны Булдаковъ опять двинулся внизъ по Ленѣ и къ началу іюня добрался до моря, но, изъ-за неблагопріятныхъ вѣтровъ, простоялъ на мѣстѣ цѣлый мѣсяцъ. На морѣ Булдакова затерли плавучіе льды, и его кочь (лодку) носило 8 дней, пока не прибило къ какому-то острову. Казаки на морозѣ, при пронизывающемъ вѣтрѣ два дня прорубались сквозь ледъ къ берегу, на которомъ прожили безъ крова и топлива недѣлю. Отчаявшись пройти далѣе, Булдаковъ возвратился по устью Лены, гдѣ стояло 8 кочей служилыхъ людей, и съ ними поплылъ къ Омолеевой губѣ. Шли среди льдовъ, то прорубаясь, то ведя кочи на бичевѣ. Пройдя Янское устье, Булдаковъ встрѣтилъ ледъ, который вѣтромъ гнало къ берегу. Онъ настолько прижалъ кочи къ землѣ, что лишь прорубаясь они спаслись отъ опасности быть окончательно затертыми или раздавленными. Къ концу августа Булдаковъ добрался до Святого носа. Идя отъ него къ устью рѣки Хромой, казаки попали въ полосу тонкаго льда. Поднявъ паруса они пробились сквозь него, но у многихъ кочей «тѣмъ тонкимъ льдомъ прутье и нашивы испротерло». У Хромой неожиданный морозъ сковалъ море, и ладьи вмерзли такъ крѣпко, что нельзя

было ихъ освободить. Булдаковъ съ товарищами уже собрался «волочиться» къ землѣ на нартахъ, какъ вѣтеръ взломалъ ледъ и понесъ ихъ въ море. Пять дней носились они по волѣ вѣтра, пока море вновь не стало. Ледъ окрѣпъ, и Булдаковъ съ нѣсколькими товарищами пошли искать земли; въ пути они натолкнулись на кочь служилаго человѣка Андрея, сказавшаго имъ, что земля на югѣ. Булдаковъ сложилъ государеву казну на нарты и поволокъ ее къ кочу Андрея, пославъ пятерыхъ человѣкъ искать путь къ землѣ. Когда Булдаковъ съ товарищами двинулись въ путь, прибыла вода и начала ломать ледъ. Опять на оторвавшейся льдинѣ носились они 5 дней по морю. Люди отъ недостатка пищи и воды стали болѣть цынгою. Когда море снова замерзло, Булдаковъ, не вынося больше нестерпимыхъ лишеній, рѣшилъ нагрузить на людей государеву казну и, оставивъ кочи, идти пѣшкомъ къ землѣ. Торговые люди взяли по 1 фунту казны, служилые по 3 ф., а самъ Булдаковъ понесъ 20 ф. Шли по льду 9 дней, часто переволакивая другъ друга со льдины на льдину, чрезъ провалы и трещины. Добравшись до земли, подѣлали «нартишки и лыжишки и шли съ великою нужею, холодны, голодны, наги и босы». Направлялись они вдоль рѣки Индигирки до ясачнаго зимовья Уяндины. Тамъ ихъ ждали новыя лишенія и непріятности. Торговый человѣкъ Стенька Выротоевъ скупилъ всѣ тамошніе хлѣбные запасы и сначала совсѣмъ отказался продать что бы то ни было Булдакову; затѣмъ продалъ ему ничтожное количество муки по 5 р. за пудъ. Булдаковъ жилъ въ зимовьѣ до великаго поста, питаясь главнымъ образомъ корою лиственицы, и лишь иногда ему удавалось выпросить немного рыбы у жителей селенья. Несмотря на такое положеніе, онъ великимъ постомъ послалъ двухъ своихъ казаковъ искать государевы кочи и имущество, оставшееся на нихъ. Немного времени спустя, и самъ Булдаковъ съ торговыми людьми пошелъ къ Колымѣ. Онъ былъ въ пути четыре недѣли, питаясь корой лиственицы и страдая цынгой. Добравшись до внутренняго зимовья, онъ принялъ у сына боярскаго Василья Власьева ясакъ, аманатовъ, государеву казну и роздалъ служилымъ людямъ жалованье, недоплаченное имъ за два года.

Дополненія къ Актамъ Историч., томъ III.—Д. Садовниковъ, Наши землепроходцы. Моск. 1874; Изд. 2-е, Моск. 1898. *В. Ф.*

Буле, *Іоганнъ Θеофилъ* (Buhle, Iohann Gottlieb), ординарный профессоръ естественнаго права и теоріи изящныхъ искусствъ въ московскомъ университетѣ, род. 29 сентября (нов. ст.) 1763 г. въ Брауншвейгѣ, гдѣ его отецъ былъ придворнымъ хирургомъ, ум. тамъ же 21 августа 1821 г. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, Буле поступилъ въ брауншвейгскую гимназію, а потомъ продолжалъ образованіе въ Каролингскомъ коллегіумѣ. При выдающихся способностяхъ, Буле отличался необыкновеннымъ прилежаніемъ и серьезнымъ направленіемъ ума и, еще до поступленія въ университетъ, помѣстилъ въ 1782 г. въ «Braunschweigische Gelehrte Beiträge» первое свое произведеніе: «Abhandlung über die Heiterkeit der Seele». Въ томъ же журналѣ, въ 1785 г. напечатано другое его изслѣдованіе: «Leben der Anne Boleyn». Въ 1783 г. Буле поступилъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ изучалъ преимущественно богословіе и философію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ принятъ въ филологическую гимназію при университетѣ, гдѣ изучилъ древніе и новые языки и литературу. Въ 1785 г. онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на заданную университетомъ тему—составить экономическій календарь Палестины. Въ томъ же году онъ занялъ мѣсто наставника принца Карла фонъ-Фирстенберга, а съ іюля 1786 г. ганноверскимъ правительствомъ опредѣленъ учителемъ трехъ англійскихъ принцевъ: герцоговъ Кумберландскаго, Суссекскаго и Кембриджскаго, прибывшихъ въ Геттингенъ для продолженія образованія, которымъ въ теченіе пяти лѣтъ преподавалъ языки греческій и латинскій. 21 апрѣля 1786 г. Буле защитилъ диссертацію: «De distributione librorum Aristotelis in exotericos et acroamaticos ejusque rationibus et causis», получилъ степень доктора философіи и, въ томъ же году, избранъ членомъ геттингенскаго общества наукъ. Въ 1787 г. онъ получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора въ геттингенскомъ университетѣ и преподавалъ логику, метафизику, психологію, исторію древней философіи и классической литературы. Около этого же времени, по предложенію Цвейбриккенскаго общества (Societas Bipontina), онъ принялъ на себя критическое изданіе всѣхъ сочиненій Аристотеля, которыя и

были напечатаны въ шести томахъ, въ теченіе 1791—98 г.г., съ латинскимъ переводомъ, объясненіями и примѣчаніями, тщательно проредактированныя Буле. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ за это время помѣстилъ въ «Humanistisches Magazin» и «Magazin zur Erfahrungsseelenkunde» нѣсколько статей философскаго и историческаго содержанія, которыя были, отчасти, результатомъ подготовительныхъ изысканій къ изданію сочиненій Аристотеля. Въ 1794 г., послѣ непродолжительной отставки, Буле былъ вновь назначенъ въ геттингенскій университетъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1804 г. онъ былъ приглашенъ въ московскій университетъ на каѳедру ординарнаго профессора естественнаго права и теоріи изящныхъ искусствъ и съ 1805 г. до 1811 г. послѣдовательно читалъ критическую философію, право естественное, публичное и народное, теорію и исторію изящныхъ искусствъ, опытную психологію и логику, исторію философіи, исторію изящныхъ искусствъ въ Россіи, литературу россійскихъ древностей и, наконецъ, миѳологію и археологію, открывъ, въ тоже время, у себя, на дому, приватныя лекціи по философіи и литературѣ греческой и римской, на которыя, въ числѣ слушателей, являлся А. С. Грибоѣдовъ. Съ 1805 г., въ теченіе трехъ лѣтъ, по плану попечителя московскаго учебнаго округа Муравьева, Буле издавалъ «Московскія Ученыя Вѣдомости» и, съ 1807 г. — «Журналъ Изящныхъ Искусствъ», который, впрочемъ, прекратился на третьей книгѣ. Главною цѣлью изданія «Москов. Учен. Вѣдом.» — была ученая критика сочиненій русскихъ и иностранныхъ авторовъ; въ этомъ отношеніи въ исторіи русской литературы онѣ представляютъ первый опытъ серьезной критики, если не считать «Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей», съ тою же цѣлью издававшихся въ 1777 г. Новиковымъ, критика которыхъ не шла дальше библіографическаго извѣстія о книгѣ и краткаго изложенія ея содержанія. Затѣмъ, по порученію Муравьева же, Буле составилъ отчетъ о состояніи московскаго университета и отношеніи къ нему общества, проектъ устройства и управленія университетскою библіотекою, которая въ то время не имѣла даже католога; помѣщалъ извѣстія о московскомъ университетѣ въ гамбургскихъ и геттингенскихъ вѣдомостяхъ и доставлялъ статьи о Россіи для «Всеобщей энциклопедіи наукъ и художествъ» Эрша и Грубера. 30-го октября 1808 г. Буле былъ назначенъ директоромъ педагогическаго института; 9-го іюня 1809 г. — членомъ училищнаго комитета; въ 1811 г. вышелъ изъ университета, былъ зачисленъ въ штатъ принца Ольденбургскаго и назначенъ библіотекаремъ В. К. Екатерины Павловны. Въ этомъ званіи Буле обратилъ на себя вниманіе Императора Александра I, который приглашалъ его на совѣщанія по финансовымъ вопросамъ. Во время нашествія Наполеона, Буле сопровождалъ великую княгиню въ Тверь и Ярославль и въ это время написалъ неизданное сочиненіе, въ которомъ сравнивалъ нашествіе французовъ на Россію съ походомъ галловъ на Римъ. Въ августѣ 1814 года Буле вышелъ въ отставку и, возвратившись на родину, получилъ каѳедру въ Каролингскомъ коллегіумѣ, въ Брауншвейгѣ. Изъ многочисленныхъ сочиненій Буле наиболѣе извѣстны: 1) Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft (Гетт., 1795); 2) Geschichte des philosophirenden menschlichen Verstandes (1791); 3) Lehrbuch der Geschichte der Philosophie (Гетт., 1796); 4) Entwurf der Transcendentalphilosophie (Гетт., 1798); 5) Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften (Гетт. 1800—1804, 6 том.); 6) Ueber den Ursprung und Leben des Menschengeschlechts und das künftige Loos nach dem Tode (Брауншв., 1821). Въ бытность въ Россіи, кромѣ программъ лекцій, при коихъ помѣщались разсужденія о русскихъ древностяхъ, исторіи и археологіи имъ изданы: 1) Prospectus sur l'Archeologie (М., 1805); 2) De optima ratione, qua Historia populorum, qui ante saeculum novum terras nunc imperio Russico subjectas, praesertim meridionales, inhabitasse aut pertransisse feruntur, condi posse videatur (М., 1806); 3) Versuch einer kritischen Litteratur der russischen Geschichte (М., 1810; вышелъ только одинъ томъ). По своимъ философскимъ взглядамъ Буле принадлежалъ къ послѣдователямъ Канта.

Словарь професс. москов. универс., томъ I, 113—128 (перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Н. С. Тихонравова).—Гавріилъ, Исторія философіи, т. VI, 77—82.—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, Клюшникова, Митр. Евгенія и Снегирева.—«Русск. Старина» 1874 г., томъ X, стр. 154—283.—Перечни сочиненій въ исторіи филос. Гавріила, и въ Слов. профессоровъ Москов. университета.

Булевъ, *Николай*, докторъ великаго князя Василія III, писатель, род. около 1460 г., ум. послѣ 1535 г. Онъ былъ родомъ изъ Любека, почему его иногда называютъ любечаниномъ; въ дѣтствѣ получилъ хорошее образованіе, довершенное въ итальянскихъ университетахъ. Максимъ Грекъ называетъ Булева «премудрѣйшимъ», «словеснаго худо́жества искуснымъ», «многоучительнымъ» человѣкомъ. Закончивъ образованіе, Булевъ служилъ въ Римѣ при папскомъ дворѣ. Въ Россію онъ пріѣхалъ по приглашенію Димитрія Ралева, посла великаго князя Василія III къ папѣ римскому (въ 1488—1490 г.). Причиной вызова Булева была потребность въ новой пасхаліи. Особенно ясно это сознавалъ архіепископъ Геннадій, вступившій на каѳедру въ Новгородѣ во время великаго броженія умовъ, произведеннаго ересью жидовствующихъ. Жидовствующіе доказывали, будто лѣтоисчисленіе господствующей церкви явно ошибочно и противуполагали ему свою систему, основанную на астрологическихъ таблицахъ Шестокрыла. Арх. Геннадій поручилъ выясненіе вопроса Д. Ралеву, который и привлекъ въ Россію Н. Булева. Ему предлагали составить для русской церкви новыя пасхальныя таблицы, такъ какъ старыя были доведены лишь до 7000 г. (отъ сотворенія міра). Въ награду за трудъ Булеву было обѣщано, кромѣ возмѣщенія путевыхъ издержекъ, 10,000 талеровъ и свободный выѣздъ изъ Россіи. Въ 1491 г., чрезъ Колывань (Ревель) и Псковъ Булевъ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Онъ сумѣлъ войти въ интересы страны и отзывался на событія, волновавшія ее. Постоянно вращаясь среди людей, говорившихъ лишь по-русски, онъ скоро научился не только говорить, но и писать на этомъ языкѣ. Въ 1504 г. Булевъ перевелъ для арх. Геннадія, въ цѣляхъ борьбы съ жидовствующими, сочиненіе марокскаго еврея Самоила, озаглавленное: «Учителя Самоила Евреина на богоотступные жидове обличительно пророческими рѣчами». Въ Новгородѣ же Булевъ началъ распространять свои астрологическія вѣрованія, а также мысль о незначительности различій между православіемъ и католичествомъ и о соединеніи церквей. Свои взгляды Булевъ проводилъ, повидимому, путемъ частныхъ записокъ, подаваемыхъ вліятельнымъ лицамъ Защита католицизма не могла имѣть успѣха среди русскихъ, въ виду исконной нелюбви народа къ латинству; кромѣ того, Булевъ встрѣтилъ противодѣйствіе русскихъ полемистовъ, и особенно — Максима Грека. Анонимный русскій авторъ возражалъ на «посланіе отъ нѣкоего дохтора и великаго ритора именемъ Николая отъ Нѣмецкой области, пишетъ же къ Вассіану архіепископу ростовскому». А Максимъ Грекъ, по вызову приверженца Булева, боярина Карпова-Далматова, въ двухъ посланіяхъ изложилъ обстоятельства, дѣлающія невозможнымъ соединеніе церквей, указалъ новшества, отличающія католическую церковь отъ православной. Прочитавъ это посланіе, Булевъ началъ перепиской и личной бесѣдой съ Максимомъ защищать латинское вѣроученіе, утверждая, что оно также православно, какъ и греческое, и хранитъ чистоту вѣры отъ временъ апостольскихъ. Максимъ Грекъ въ отвѣтъ ему написалъ три посланія съ обличеніемъ его ереси. Подъ вліяніемъ этой полемики Булевъ пошелъ на уступки и склонился даже къ переходу въ православіе. Обстоятельства, намъ не ясныя, помѣшали осуществленію этого намѣренія. Въ проповѣди соединенія церквей Булевъ не имѣлъ успѣха. Гораздо глубже и шире распространилось его астрологическое ученіе, встрѣтившее на Руси подготовленную почву. Занятія Булева астрологіей, которую онъ основательно изучилъ на Западѣ, связаны съ вычисленіями подвижныхъ праздниковъ и обличеніемъ жидовствующихъ, половину вѣрованій которыхъ составляли тайныя науки и въ томъ числѣ астрологія. Подъ вліяніемъ астрологическаго Альманаха, появившагося въ Германіи, Булевъ, слѣдуя Іоганну Штоффлеру, предсказывалъ, что міръ погибнетъ въ 1524 г. и писалъ въ 1521 г. дьяку Мисюрю Мунехину посланіе о концѣ свѣта. Однако и на этомъ поприщѣ Булевъ встрѣтилъ горячихъ противниковъ, напримѣръ старца Елеазарова монастыря Филоѳея и того же Максима Грека. Сколько лѣтъ прожилъ Булевъ въ Новгородѣ, неизвѣстно. Позднѣе мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ стоялъ близко къ лицамъ изъ высшей церковной іерархіи и былъ назначенъ врачемъ великаго князя Василія III. Великій князь его очень любилъ и оказывалъ ему щедрыя милости. Впрочемъ, на родину его не от-

пускалъ, несмотря на данное когда-то обѣщаніе не препятствовать его выѣзду изъ Россіи. Въ 1519 г. послы Максимиліана, пріѣхавшіе въ Москву для переговоровъ о мирѣ между Василіемъ III и польскимъ королемъ, просили отпустить магистра Николая Любчанина, «зане уже пришелъ во старость», «чтобъ ему кости свои донести до своего родства». Послѣ долгихъ переговоровъ, бояринъ Ѳедоръ Карповъ склонилъ пословъ не домогаться отпуска Булева на родину. Во время своей предсмертной болѣзни, Василій III призвалъ къ себѣ Булева (сентябрь 1533 г.) и, напомнивъ ему о своихъ милостяхъ, спросилъ его, есть-ли надежда на выздоровленіе. Булевъ, по словамъ лѣтописи, отвѣчалъ: «Видѣлъ я, государь, жалованье твое великое; еслибъ можно, тѣло бы свое раздробилъ для тебя, но не вижу никакого средства, кромѣ помощи Божіей». Князь настолько вѣрилъ Булеву, что объявилъ присутствующимъ о неизлѣчимости болѣзни и сталъ готовиться къ смерти. Относительно медицинской дѣятельности Булева извѣстно еще, что онъ перевелъ для митрополита Даніила лечебникъ, озаглавленный: «Доброхотный вертоградъ». Умеръ Булевъ въ Россіи. Въ наукѣ еще не установлено, можно ли относить всѣ вышеизложенные факты къ одному лицу. Л. Н. Майковъ утверждаетъ, что Николай Нѣмчинъ Германъ Любечанинъ и Булевъ одно лицо, профессоръ же Голубинскій не считаетъ возможнымъ ихъ смѣшивать.

Голубинскій, Исторія церкви, т. II, первый полутомъ. 1900. — Л. Н. Майковъ, «Николай Нѣмчинъ, русскій писатель конца XV начала XVI вѣка» въ «Изв. Отд. Р. Яз. и Слов. Имп. Академіи наукъ», т. V, кн 2, 1900.—Памятники Дипл. Снош. т. I. Спб. 1851.—Beiträge zur Kunde Ehsth-Liv-und Kurlands, herausgegeben von der Estlandischen Litterarischen Gesellschaft, durch Eduard Pabst. 1 b. 1-es Heft. Reval. 1868.—А. И. Соболевскій, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб. 1903 (Сборникъ Втор. Отд. Ак. Н., т. 74), стр. 191—192 (указаны рукописи переводовъ Самоила Евреина). *В. Ф.*

Булыгинъ, *Василій Ивановичъ*, род. въ 1808 г., ум. 22 августа 1871 г. въ Петербургѣ. Состоя оберъ-прокуроромъ Сената, Булыгинъ, съ 4 марта 1859 г., со дня открытія редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, былъ въ нихъ членомъ отъ министерства государственныхъ имуществъ и засѣдалъ въ юридическомъ отдѣленіи коммиссіи, гдѣ дѣйствовалъ согласно съ инструкціями своего начальника, М. Н. Муравьева. Среди «Отдѣльныхъ мнѣній членовъ редакціонныхъ коммиссій» (въ «Приложеніяхъ къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», Спб., 1860 г., томъ XI-й) напечатаны мнѣнія Булыгина: «По вопросу о безсрочномъ и неизмѣнномъ пользованіи крестьянъ землею за неизмѣнныя повинности» и «О повинностяхъ крестьянъ». Отдѣльно изданы: 1) «Мнѣніе члена редакціонныхъ коммиссій Булыгина по докладу хозяйственнаго отдѣленія по отзывамъ членовъ губернскихъ комитетовъ о повинностяхъ крестьянъ» и 2) «Мнѣніе члена редакціонныхъ коммиссій Булыгина по отзывамъ членовъ губернскихъ комитетовъ о высшихъ и низшихъ размѣрахъ крестьянскаго надѣла». Во время производства повѣрочныхъ работъ по опредѣленію высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣла Булыгинъ принялъ на себя московскую губернію (см. вышеупомянутыя «Приложенія», томъ XII). Въ срединѣ 1860-хъ годовъ состоялось назначеніе Булыгина сенаторомъ.

Г. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ.—«19-е февраля» въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., т. XLI.—«Дневникъ гр. П. А. Валуева» въ «Русс. Старинѣ» 1891 г., т. LXXII. — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, томъ I-й, Спб., 1900 г.—Его-же, Русскія Книги, т. 3-й, Спб., 1898 г.—Энциклопедич. слов. Брокгаузъ-Ефрона. *В. Г.*

Булыгинъ, *Владиміръ Яковлевичъ*, первый профессоръ исторіи казанскаго университета, род. въ Пензѣ въ 1790 г., ум. въ 1838 г. Образованіе онъ получилъ въ пензенской гимназіи, а затѣмъ въ казанскомъ университетѣ. Съ 1817 г. служилъ адъюнктъ-профессоромъ исторіи въ казанскомъ университетѣ. Имѣлъ степень магистра.—Его сочиненія: О происхожденіи слова Казань (Учен. записки казанск. унив. 1834, I, 105—133).—Историческія воспоминанія на пути изъ Казани въ Симбирскъ (тамъ-же, 1834, III, 114—131).—О происхожденіи наименованія бояринъ и боляринъ (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. III, стр. 58). — О названіи и происхожденіи Саркела и Бѣлой Вежи (Журн. М. Н. П. IX, 282).—О сѣверо-восточныхъ руссахъ (Ж. М. Н. П. XII, 454).

Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ казанск. университета, I, стр. 450 и 519.

Бульмерингкъ, *Августъ Эбергардовичъ* (August Michael Bubmerincq), ординарный профессоръ дерптскаго университета по каеедрѣ международнаго права, род. въ Ригѣ 31 іюля 1822 г., ум. 18 августа 1890 г. въ Гейдельбергѣ. Въ 1841—1845 гг. онъ изучалъ право въ дерптскомъ университетѣ, въ 1848—1850 гг. служилъ вторымъ нотаріемъ ландфогтейскаго суда, затѣмъ, до 1853 г.—секретаремъ уголовной палаты въ Ригѣ. Удостоенный въ 1853 г. степени магистра, Бульмерингкъ читалъ въ дерптскомъ университетѣ государственное и международное право, въ 1854—1856 гг. въ званіи доцента, въ 1856 г. утвержденъ въ степени доктора правъ и въ званіи экстраординарнаго профессора, въ 1858 г.—въ званіи ординарнаго профессора. Съ 1867 г. по 1870 г. онъ занималъ должность проректора. По выслугѣ 25-ти лѣтъ, Бульмерингкъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Висбаденѣ съ 1875 по 1882 г. Въ 1882 г. онъ былъ приглашенъ занять каѳедру государственнаго и международнаго права и политики въ гейдельбергскомъ университетѣ, освободившуюся послѣ смерти знаменитаго Блюнчли, и занималъ эту профессуру до самой смерти.—Кромѣ множества монографій и статей, разсѣянныхъ почти по всѣмъ германскимъ юридическимъ журналамъ, Бульмерингкъ оставилъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій по международному праву: 1) Das Asylrecht in seiner geschichtlichen Entwickelung, Dorpat, 1853 (магистерская диссерт.).—2) De natura principiorum iuris inter gentes positivi, Dorpat, 1856 (докторск. диссерт.).—3) Die Systematik des Völkerrechts, Bd. I, Dorpat, 1858.—4) Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts, Leipzig, 1874.—5) Въ собраніи Марквардсена, подъ общимъ заглавіемъ «Handbuch des oeffentlichen Rechts», томъ 1-ый—Völkerrecht (1884)—написанъ Бульмерингкомъ.—Въ 1862 г. Бульмерингкъ основалъ журналъ «Baltische Wochenschrift für Landwirthschaft, Gewerbfleiss und Handel Liv-Est-und Kurlands» и состоялъ нѣсколько лѣтъ его редакторомъ.

Формулярный списокъ.—Album academ. des Kaiserl. Univers. Dorpat, 1889.—Энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона.

Бумажниковъ, *Алексѣй Осиповъ*, расколоучитель, род. въ 1750 г., ум. въ 1814 г. Бумажниковъ былъ петербургскимъ купцомъ. По отзыву Павла Любопытнаго, это былъ «тонкій и рѣдкій буквалистъ, восшедшій на первую степень священныхъ музъ, хорошихъ талантовъ и твердой памяти, отщепенецъ Ѳеодосіянской церкви, ея презритель и главный участникъ въ основаніи Арестовой церкви въ Петрополѣ, ревнитель благочестія и чистоты церковной, не разъ торжественно поражавшій лжемудріе никоніянизма и грубое заблужденіе старообрядцевъ». Бумажниковъ былъ извѣстенъ строгостью жизни и прилагалъ много заботъ къ дѣлу благоустройства церкви. Въ тоже время онъ отличался какъ «лютый гонитель церковныхъ браковъ и тщательный собиратель святаго писанія систематически, въ утвержденіе своего зловѣрія, и обращавшій не разъ на себя злобные взоры Ѳеодосіянскихъ пастырей и отличныхъ особъ старовѣрства». Характеромъ Бумажниковъ былъ своенравенъ, честолюбивъ, вспыльчивъ, но въ тоже время незлобенъ.

Павелъ Любопытный, Историческій словарь старовѣрческой церкви, Москва, 1863 г., стр. 8—9.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.

Бунге, *Александръ Андреевичъ*, профессоръ ботаники въ дерптскомъ университетѣ, род. въ Кіевѣ 24 сентября 1803 г., ум. 6 іюля 1890 г. въ Дерптѣ. Обучался онъ сначала въ дерптской гимназіи, а съ 1821 по 1825 г. изучалъ медицину въ дерптскомъ университетѣ. Окончивъ курсъ со степенью доктора, онъ совершилъ съ Ледебуромъ научное путешествіе по Сибири, а въ 1826 г. былъ опредѣленъ окружнымъ врачемъ кольвано-воскресенскихъ горныхъ заводовъ; съ 1828 по 1830 г. онъ служилъ при барнаульскомъ госпиталѣ. Во время пребыванія въ Сибири Бунге совершилъ нѣсколько путешествій для изученія Алтая, а въ 1830—1831 гг. былъ въ Китаѣ и посѣтилъ Пекинъ, присоединившись къ духовной миссіи. Въ 1833 г. Бунге былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ ботаники въ казанскій университетъ, въ 1836 г. перешелъ въ Дерптъ въ званіи ординарн. профессора и директора ботаническаго сада. Еще будучи въ Казани, онъ объѣздилъ съ научною цѣлью астраханскую и саратовскую губерніи, а во время пребыванія въ Дерптѣ изслѣдовалъ въ ботаническомъ отношеніи остзейскій край. Въ 1857 г. Бунге присоединился къ ученой экспедиціи Ханыкова въ Персію. По выслугѣ 25 лѣтъ Бунге вышелъ въ отставку

и, оставшись на жительство въ Дерптѣ, все свое время посвящалъ разработкѣ собранныхъ въ Персіи матеріаловъ.—Главнѣйшіе изъ трудовъ Бунге: 1) Enumeratio plantarum, quas in China boreali collegit D-r. A. Bunge anno 1831, Petrop. 1833.— 2) Anleitung zum Studium der Botanik oder Grundriss dieser Wissenschaft. Nach dem Französischen von Alphons de Candolle bearbeitet. 2 Theile, Leipzig. 1838.—4) Описаніе новыхъ родовъ и видовъ китайскихъ и монгольскихъ растеній (въ Учен. записк. казанск. унив. 1835, IV, 154—180).— 5) Einleitung in die pharmaceutische Naturgeschichte und zur pharmaceutischen Botanik, Riga 1850.—6) Lehmanni reliquiae botanicae, СПб. 1851.—Подробный перечень всѣхъ его сочиненій см. у Траутфеттера въ «Florae Rossicae fontes» въ «Трудахъ Имп. ботанич. сада», томъ VII, 1880, а также въ словарѣ Recke und Napiersky, Nachträge, I, 105—109.

Формулярн. списокъ.—Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon, Recke und Napiersky, I, 306.—Album academ. des Kaiserl. Univers. Dorpat, № 1641.— Словари: Старчевскаго и Брокгауза-Эфрона.

Бунге, *Фридрихъ-Георгъ*, юристъ, род. въ Кіевѣ 13 марта 1802 г., ум. за границею въ 80-хъ годахъ. По окончаніи гимназическаго курса, Бунге поступилъ въ 1819 г. на юридическій факультетъ дерптскаго университета, въ 1823 г. опредѣленъ приватъ-доцентомъ, въ 1831 г.—экстраординарнымъ и вскорѣ ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета. Въ 1842 г. онъ занялъ мѣсто бургомистра и синдика гор. Ревеля, а въ 1856 г. назначенъ старшимъ чиновникомъ II Отдѣленія Собственной Его И. В. Канцеляріи, причемъ на него было возложено составленіе 3-й части «Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ», обнимающей гражданскіе законы. При составленіи «Свода», Бунге, руководствуясь программой кодекса, выработанной II Отдѣленіемъ, и порядкомъ, принятымъ въ Общемъ Сводѣ законовъ, пользовался, главнымъ образомъ, мѣстнымъ правомъ остзейскихъ губерній, писаннымъ и обычнымъ, затѣмъ римскимъ правомъ и саксонскимъ кодексомъ. Въ маѣ 1862 г. Бунге кончилъ нѣмецкій текстъ проекта «Свода», который, послѣ обработки со стороны мѣстныхъ учрежденій и извѣстнѣйшихъ юристовъ, былъ обнародованъ, на основаніи Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, отъ 12 ноября 1864 г., на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и вошелъ въ дѣйствіе съ 1 іюля 1865 г. Составленный Бунге «Сводъ» принадлежитъ къ числу самыхъ полныхъ (4.600 статей) и разработанныхъ изданій этого рода. Въ 1865 г. Бунге оставилъ службу и переселился сначала въ Готу, а въ 1879 г.—въ Висбаденъ. Кромѣ составленія «Свода», Бунге напечаталъ рядъ ученыхъ трудовъ по исторіи остзейскаго права.

Словари: Андреевскаго, Клюшникова, Толля.— «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1836 г., часть 10, стр. 354.

Бунге, *Христофоръ Григорьевичъ*, род. въ 1781 г., ум. 19 декабря 1860 г. Сынъ кіевскаго аптекаря Георга Фридриха и родной дядя предсѣдателя комитета министровъ Н. Хр. Бунге, Х. Бунге получилъ воспитаніе въ частной пасторской кіевской школѣ и, окончивъ ее на 14-мъ году, два года занимался подъ руководствомъ старшаго своего брата Андрея фармацевтическими работами, что впослѣдствіе облегчило ему изученіе врачебныхъ наукъ. Въ 1797 г. Бунге поступилъ въ с.-петербургскій медико-хирургическій институтъ и окончилъ его въ 1801 г. со степенью кандидата медицины I отдѣленія; опредѣленный для практическихъ занятій въ петербургскій морской госпиталь, для отправленія обязанностей ординатора, Бунге въ 1802 г. былъ утвержденъ лѣкаремъ при II отдѣленіи госпиталя и въ томъ же году, для усовершенствованія въ медицинской практикѣ, отправился на собственный счетъ за границу; около года занимался онъ въ Вѣнѣ, въ клиникѣ у Франка и слушалъ лекціи у офталмолога Бера, а затѣмъ работалъ въ Бамбергѣ и Вюрцбургѣ, подъ руководствомъ пр. Маркуса и Томана. Во время пребыванія Бунге за границею возникло предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ особыхъ ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, и Бунге оказался въ числѣ семи молодыхъ врачей, намѣченныхъ въ профессоры этихъ заведеній; поэтому ему предложено было заняться систематическимъ изученіемъ ветеринарныхъ наукъ. Съ 1804 по осень 1805 г. Бунге занимался подготовленіемъ къ будущей спеціальности въ Вѣнѣ, а затѣмъ, съ осени 1805 по осень 1806 г.— въ Берлинѣ. По возвращеніи въ Петербургъ Бунге былъ причисленъ къ медико-хирургической академіи, а въ 1807 г. назначенъ адъюнктомъ ветеринарныхъ

наукъ при ветеринарномъ отдѣленіи московской медико-хирургической академіи, которое, однако, открылось лишь во второй половинѣ 1809 г. Эти два года досуга Бунге посвятилъ медицинѣ, отправляя обязанности ординатора при с.-петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и состоя врачемъ для бѣдныхъ по вѣдомству медико-филантропическаго комитета; за эти два года Бунге лишь на короткое время покидалъ столицу для исполненія казенныхъ порученій: въ 1807 г. онъ ѣздилъ въ Лугу для прекращенія свирѣпствовавшихъ между людьми и скотомъ болѣзней, а въ 1808 г.— съ тою же цѣлью, въ выборгскую губернію и шлиссельбургскій уѣздъ. Занявъ въ Москвѣ каѳедру ветеринарной діэтетики, фармакологіи, патологіи и терапіи, Бунге въ концѣ 1809 г. былъ утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора, а въ 1811 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ лѣтомъ на сибирскую линію въ распоряженіе главнаго начальника войскъ, по той линіи расположенныхъ, ген.-лейт. Глазенапа, для изслѣдованія и прекращенія свирѣпствовавшей тамъ эпизоотіи на крупномъ рогатомъ скотѣ. Принятыми ветеринарно-полицейскими мѣрами Бунге удалось подавить заразительную чуму лишь къ марту 1812 г., за что онъ и былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ августѣ 1812 г. московская академія, по случаю войны, была временно закрыта, и профессора получили отпускные билеты для отъѣзда, куда кто заблагоразсудитъ. Бунге пожелалъ прикомандироваться къ военно-медицинскому вѣдомству и былъ назначенъ для пользованія раненыхъ въ московскій военно-временный госпиталь, который въ сентябрѣ 1812 г. былъ переведенъ въ Касимовъ. Возвратившись оттуда въ Москву въ январѣ 1813 г., Бунге былъ командированъ графомъ Растопчинымъ въ Псковъ, а оттуда, по распоряженію мѣстнаго губернатора, въ Торопецъ для устройства военно-временнаго госпиталя. По возобновленіи въ 1813 г. занятій въ московской академіи, Бунге вернулся на каѳедру. Въ 1815 г. онъ получилъ степень доктора медицины и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; съ 1825 по 1829 г. несъ, кромѣ того, при академіи должность ученаго секретаря; въ 1837 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора и, по избранію конференціи, оставался на каѳедрѣ до упраздненія ветеринарнаго отдѣленія академіи (1 ноября 1842 г.). Кромѣ того, съ 1817 г. по 1835 г. Бунге занималъ каѳедру ветеринарной науки въ университетѣ, а въ 1835 г., при введеніи въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, занялъ каѳедру терапевтической клиники, на которой и оставался до выхода въ отставку (30 іюля 1842 г.). Сверхъ того, въ 1818, 1829 и 1832 гг. Бунге былъ избираемъ на обычные сроки въ деканы медицинскаго факультета, а съ 1836 по 1840 г. состоялъ въ должности проректора. Въ 1830 г. Бунге ѣздилъ въ Малороссію, командированный ген.-губернаторомъ княземъ Репнинымъ для борьбы съ чумной эпизоотіей; съ сентября 1830 г. по 17 февраля 1831 г., по случаю обнаружившейся въ Москвѣ холерной эпидеміи, завѣдывалъ временными холерными больницами при университетѣ, его типографіи и благородномъ пансіонѣ, а съ 1832 по 22 апрѣля 1842 г. несъ должность консультанта при московской Маріинской больницѣ. Съ 1826 г. Бунге состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, а въ 1838 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. За время академической службы, поглощавшей все его время, Бунге выступалъ въ литературѣ весьма рѣдко. Такъ, въ 1818 г. Бунге изложилъ результаты своихъ наблюденій надъ сибирскою язвою, въ рѣчи «De morbo sic dicto sibiricо», произнесенной въ торжественномъ собраніи университета; затѣмъ онъ напечаталъ нѣсколько мелкихъ статей и сообщеній въ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ. По выходѣ же въ отставку Бунге сталъ приводить въ порядокъ и печатать матеріалы, служившіе ему прежде для составленія лекцій. Такъ, въ 1847 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе «О главнѣйшихъ повальныхъ болѣзняхъ», удостоенное отъ московскаго общества сельскаго хозяйства золотой медали и изданное на счетъ этого общества; въ 1854 г.—«Руководство къ распознаванію и леченію внутреннихъ конскихъ болѣзней, за исключеніемъ повальныхъ» (первоначально печаталось въ «Московскомъ врачебномъ журналѣ»). Кромѣ того, Бунге издалъ въ переводѣ на русскій языкъ трактатъ Эйсенманна: «Краткое начертаніе ученія о раздраженіи спиннаго мозга» М. 1843.

Некрологъ Бунге въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1860 г. № 284 (Ал. Полунина); тоже въ «Протоколахъ засѣданій физико-медицинскаго

общества при моск. университетѣ» за 1862 г. (стр. 10—12).—Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, т. III, стр. 408—410.—Біографическій словарь Импер. московскаго университета, 1855, т. I, стр. 128—134.—Словари: Геннади и Брокгаузъ-Эфрона.
В. Ш.

Бунина, *Анна Петровна*, писательница, род. 7 января 1774 г. въ селѣ Урусовѣ, рязанской губ. и уѣзда, въ родовомъ имѣніи отца, ум. 4 декабря 1828 г. Дочь помѣщика, Бунина рано лишилась матери и воспитывалась въ домѣ своей тетки Усовой. Образованіе, которое она здѣсь получила, не шло дальше началъ грамоты и ариѳметики, а также разныхъ рукодѣлій. Однако и здѣсь обнаруживались ея способности. Дѣвочка рано полюбила стихи и въ тринадцать лѣтъ начала первые (не сохранившіеся) стихотворные опыты. Отъ тетки Бунина черезъ нѣкоторое время переѣхала къ замужней сестрѣ, а въ 1798 г.—къ старшему брату. Имѣя случаи ѣздить съ родными въ Москву, Бунина знакомилась тамъ съ нѣкоторыми представителями современной русской литературы, и эти знакомства еще усилили въ ней склонность къ литературной дѣятельности. Нѣкоторое вліяніе въ этомъ отношеніи можно отнести и на долю театра, который она имѣла возможность посѣщать во время своихъ наѣздовъ въ Москву. Въ 1802 г. Бунина отправилась въ Петербургъ, гдѣ у нея былъ братъ-морякъ, И. П. Бунинъ (см. ниже), и, оставшись здѣсь жить, стала изучать французскій, нѣмецкій и англійскій языки физику, математику, а также русскую словесность, которую ей преподавалъ П. И Соколовъ, впослѣдствіи непремѣнный секретарь академіи наукъ. Братъ Буниной познакомилъ ее съ нѣкоторыми изъ петербургскихъ литераторовъ. Первымъ руководителемъ Буниной на поприщѣ литературы былъ ея племянникъ, стихотворецъ Б. К. Бланкъ. Упражняясь въ сочиненіи стиховъ, но пока ихъ не печатая, Бунина сокращенно перевела съ французскаго языка «Правила поэзіи» аббата Батте (изд. въ 1808 г., «съ присовокупленіемъ россійскаго стопосложенія, въ пользу дѣвицъ») Въ 1809 г. Бунина издала сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Неопытная муза». Этотъ сборникъ былъ сочувственно встрѣченъ критикой и обратилъ на себя вниманіе Императрицы Елизаветы Алексѣевны, назначившей Буниной ежегодную пенсію въ 400 рублей. Самое раннее изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Неопытной музѣ», относится къ 1806 г. Въ 1810 г. Бунина издала дидактическую поэму «О счастіи», въ четырехъ пѣсняхъ. Когда въ 1811 г. учреждалась «Бесѣда любителей русскаго слова», Бунина была избрана въ почетные члены, вмѣстѣ съ двумя другими писательницами—княжной Е. С. Урусовой и А. А. Волковой. Въ этомъ же году Бунина выпустила въ свѣтъ новый сборникъ стихотвореній, «Сельскіе вечера», имѣвшій большой успѣхъ; въ честь Буниной слагали стихи, называли ее «россійской Сафо» (прозвище, утвердившееся за ней съ того времени). Особенно нравилась «баснословная» повѣсть въ трехъ пѣсняхъ «Падающій Фаэтонъ», посвященная Н. С. Мордвинову; за это стихотвореніе Императрица Елизавета пожаловала Буниной золотую, осыпанную бриллiантами лиру, для ношенія въ торжественныхъ случаяхъ на плечѣ. Въ 1812 г. Бунина издала второй томъ «Неопытной музы», въ которомъ многія стихотворенія воспѣвали судьбу и подвиги павшихъ въ Бородинскомъ бою. Въ 1814 г. она написала большое патріотическое стихотвореніе: «Пѣснь Александру Великому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ», которое заслужило ей особенное благоволеніе Императора. Это стихотвореніе Буниной было послѣднимъ изъ напечатанныхъ ею. Неизлѣчимая болѣзнь, лишила ее возможности продолжать дѣятельность. По совѣтамъ врачей, Бунина отправилась въ Англію, при чемъ всѣ расходы по этой поѣздкѣ были возмѣщены Государемъ; пробывъ тамъ два года, она въ 1817 г. возвратилась въ Россію, не получивъ никакой пользы. Въ 1819—1821 г.г. Бунина издала 3-й томъ своего «Собранія стихотвореній». По выходѣ въ свѣтъ перваго тома, Бунина поднесла его Государю, который назначилъ ей ежегодную пенсію въ 2000 руб.—Затѣмъ Бунина покинула столицу и до самой смерти жила у своихъ родственниковъ то въ тамбовской, то въ рязанской губ. Ища облегченія своей болѣзни, она ѣздила въ Воронежъ, въ февралѣ 1826 г. пользовалась Липецкими водами, два лѣта (1826 и 1827 г.г.) ѣздила на кавказскія минеральныя воды, но всюду безуспѣшно. Послѣднее время жизни Бунина посвятила переводу проповѣдей Блера, при чемъ трудилась надъ этимъ переводомъ даже въ постели, незадолго до смерти. Она успѣла перевести

двадцать проповѣдей, изданныхъ, уже послѣ ея смерти, въ 1829 г., подъ названіемъ «Нравственныя и философическія бесѣды». Погребена Бунина на родинѣ, въ селѣ Урусовѣ. «Тяжко и бурно было бытіе мое! писала она незадолго до смерти одному изъ своихъ родственниковъ. Первые годы исполнены душевныхъ, послѣдніе тѣлесныхъ скорбей и недуговъ. Но да благословится имя Господне. Судьбы его неисповѣдимы, стези праведны: благо ми, яко смирилъ мя еси»! Бунина оставила послѣ себя тайныя признанія, судьба которыхъ неизвѣстна, и относительно которыхъ въ предсмертномъ письмѣ къ Д. М. Бунину она говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Онѣ вовсе не приносятъ мнѣ особенной чести: не хочу стяжать уваженія, котораго не достойна. Кійждо отъ своихъ дѣлъ прославится и постыдится». Поэтическія произведенія Буниной написаны въ ложноклассическомъ духѣ, часто съ оттѣнкомъ сентиментализма; иногда среди риторическихъ фигуръ и построеній проглядываетъ искреннее чувство. По замѣчанію М. Цебриковой, «имя Анны Буниной повторялось бабушками нашими съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ самыя пламенныя поклонницы Тургенева и Некрасова не произносили ихъ имени».

Д. М. Хмыровъ, «Русскія писательницы прошлаго времени» («Разсвѣтъ», 1861 г., томъ XII-й, № 11, стр. 213—228). — Д. Мордовцевъ, Русскія женщины новаго времени. Женщины девятнадцатаго вѣка, СПб., 1874 г., стр. 46—58.— Кн. Н. Голицынъ, Библіографическій словарь русскихъ писательницъ 1759 — 1859 г.г., СПб., 1889 г.— А. В. Арсеньевъ, Словарь писателей средняго и новаго періода русской литературы (1700—1825), СПб. 1887.—Словари: Брокгауза и Ефрона, Геннади, Березина, Старчевскаго, Снегирева.—Сочиненія Г. Р. Державина, изд. Академіи Наукъ, томъ VI. — С. А. Венгеровъ, Русскія Книги.—«Карманная библіотека Аонидъ» Ив. Гергіевскаго, СПб., 1821—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, СПб. 1900.—Бѣлинскій, Сочиненія, т. VII.—«О новой книгѣ Неопытная Муза Анны Буниной» («Аглая» 1809 г.. № 10).— «Къ А. П. Буниной», стихотвореніе Б. («Аглая» 1812, ч. XIII, стр. 30).—Кн. Ш(алико)въ, «Объ отъѣздѣ въ Англію дѣвицы Буниной и о сочиненіяхъ сей стихотворицы» («Россійскій Музеумъ» 1815 г., № 9, стр. 354—357.—В. Кюхельбекеръ, въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г., № 3, стр. 78—88.—В. К. въ «Сынѣ Отечествѣ» 1820 г. № 16.—«Сѣверная Пчела» 1829 г., № 154. — Гр. Хвостовъ, «Эпитаѳія А. П. Буниной» («Дамскій Журналъ» 1830 г., ч. XXIX, № 4, стр. 59).—Дм. Бунинъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1831 г., ч. XXXII, №№ 51 и 52, стр. 126—127.—М(акаровъ) въ «Дамскомъ Журналѣ» 1831 г., ч. XXXIII, № 9, стр. 129—137.— «Русская Старина» 1895 г., т. LXXXIV, № 12, стр. 124 (письмо В. М. Попова Д. Руничу).— Письмо къ Буниной гр. Н .С. Мордвинова («Сборникъ снимковъ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801 — 1825 г.г.», изд. ред. журн. «Русская Старина» и Ф. К. Опочинина, СПб. 1873).—С. Руссовъ, Библіографическій каталогъ русскимъ писательницамъ. СПб. 1826.—«Галлерея русскихъ писателей», изд. С. Скирмунта, Москва, 1901 г., стр. 25, 27.

В. Гр.

Бунинъ, *Иванъ Петровичъ*, капитанъ-лейтенантъ, учредитель кронштадтскаго морскаго собранія, род. 30 января 1773 г., ум. послѣ 1842 г. Спеціальное образованіе онъ получилъ въ морскомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1790 г. былъ выпущенъ въ мичмана. Въ гардемаринскомъ званіи Бунинъ попалъ въ плѣнъ при началѣ шведской войны, когда непріятельскій флотъ въ 1788 г. захватилъ, въ виду Ревеля, крейсеровавшій нашъ фрегатъ Гекторъ. Бунинъ оставался въ плѣну въ теченіе всей войны и возвратился въ Россію въ годъ своего производства въ офицеры. Затѣмъ Бунинъ ежегодно совершалъ обычныя плаванія въ Балтійскомъ морѣ, и только въ 1795—1799 г. имѣлъ случаи плавать у береговъ Англіи и Голландіи въ эскадрахъ вице-адмираловъ Ханыкова и Макарова. Произведенный въ 1807 г. въ капитанъ-лейтенанты, Бунинъ въ слѣдующемъ-же году былъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ капитана 2 ранга.—Еще въ 1786 г. адмиралъ Грейгъ основалъ благородное собраніе въ Кронштадтѣ, названное клубомъ, но оно просуществовало только до 1795 г., потому что съ этого времени русскія эскадры ежегодно (по 1800 г.) находились въ крейсерствахъ у береговъ Англіи и Голландіи, и клубъ былъ не только закрытъ, но и основной капиталъ и все обзаведеніе получили другое назначеніе. По возвращеніи изъ заграничнаго плаванія, кронштадтскіе моряки, и во главѣ ихъ лейтенантъ Бунинъ, задумали искать болѣе благородныхъ развлеченій, нежели какимъ тогда предавались молодые люди; они стали устраивать любительскіе спектакли, которые встрѣтили поддержку въ семьѣ моряковъ; затѣмъ Бунинъ составилъ проектъ учрежденія новаго благороднаго собранія, сталъ распространять мысль объ его осуществленіи, и вскорѣ замыселъ увѣнчался успѣхомъ, благодаря сочувствію тогдашняго главнаго командира порта, адмирала Ханыкова. Высочайшее соизволеніе на открытіе въ Кронштадтѣ благороднаго собранія послѣдовало

28 января 1802 г. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ Бунинъ избираемъ былъ старшиною собранія, а по увольненіи его отъ службы состоялось съ 1808 г. общее постановленіе всѣхъ членовъ признавать Бунина, гдѣ бы онъ ни находился, непремѣннымъ членомъ Кронштадтскаго благороднаго собранія. Портретъ его имѣется въ собраніи.

Общ. морс. списокъ. Т. III.—«Кронш. Вѣстн.» 1879 г., №№ 123 и 124.

С. О.

Бунинъ, *Леонтій*, одинъ изъ первыхъ московскихъ граверовъ на мѣди при Петрѣ I, знаменщикъ серебряной палаты (при оружейной палатѣ). У Бунина былъ свой собственный печатный желѣзный станъ съ желѣзными точеными валами. На этомъ станкѣ были напечатаны первыя русскія гравюры Ушакова, Трухменскаго, Андреева и Бунинскіе синодикъ и букварь. Съ 21 января 1699 г. Бунину было поручено печатаніе клеймъ на гербовой бумагѣ, и для этого купленъ у него станъ. Гравюры Бунина рисованы и рѣзаны нечисто и наскоро и представляютъ копіи съ иностранныхъ художниковъ, напр. Пискатора. Всѣ онѣ подробно описаны въ трудахъ Ровинскаго. Кромѣ множества отдѣльныхъ листовъ, Бунинъ награвировалъ цѣлыя книги: Букварь іеромонаха Каріона Истомина (составленный для обученія царевича Алексѣя Петровича) изъ 43 листовъ и Страсти Господни изъ 22 картинокъ. Послѣдняя дата на работахъ Бунина—1714 г.

Ровинскій, Русскія народныя картинки.—Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.—Словари: Брокгаузъ-Эфрона и Большая Энциклопедія.

А. Э. М-нъ.

Бунинъ, *Петръ*, сынъ Леонтія, граверъ на мѣди времени Петра I. 23 января 1699 г. онъ былъ взятъ въ оружейную палату для печатанія клеймъ на гербовой бумагѣ, съ жалованьемъ по 6 денегъ въ день; 7 августа того же года онъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Зубовымъ, отданъ въ наученіе къ «нововыѣзжему иноземцу» Адріану Шхонебеку съ тѣмъ же жалованьемъ, на своей пищѣ и одеждѣ. 22 ноября 1699 г. Бунинъ подалъ челобитную о прибавкѣ жалованья, и 30 ноября бояринъ Ѳ. А. Головинъ приказалъ «для нелѣностнаго его ученія къ прежнему его поденному корму учинить по двѣ деньги, и того будетъ по осьми денегъ на день». Въ началѣ марта 1700 г. Бунинъ, вмѣстѣ съ Зубовымъ, подалъ челобитную, прося, чтобы имъ за другую половину года, съ 1 марта по 1 сентября жалованье и кормовыя деньги были отпускаемы; это Головинымъ 4 марта и велѣно исполнить. 18 сентября 1701 г. Бунинъ подалъ челобитную, прося, чтобы ему къ 8 деньгамъ на день жалованья кормовыхъ денегъ была сдѣлана прибавка. Къ прошенію онъ приложилъ «для означенія мастерства своего» листъ своей работы «по фряски»—образъ апостола Варѳоломея. На запросъ Головина, Шхонебекъ отвѣтилъ, что «тотъ листъ работы ученика его Петра Бунина и сверхъ того ко инымъ его Андреянова мастерства вещемъ прилежаніе имѣетъ, тщаливъ со усердіемъ». По этому отзыву, 22 сентября Головинъ приказалъ учинить Бунину придачу по четыре деньги. Въ 1702 г. Бунинъ съ другими учениками Шхонебека (Ал. Зубовымъ и Вас. Томиловымъ) подали челобитную, прося выдать имъ суконъ на кафтаны. На челобитной Шхонебекъ написалъ совершенно другой отзывъ о Бунинѣ, непохожій на прежній: «Алексѣй Зубовъ первый ученикъ и въ томъ ученіи искусенъ; Петръ Бунинъ второй ученикъ посредственно знаетъ; Василій Тамиловъ третій ученикъ и ученіе пріемлетъ хорошо». Въ мартѣ 1703 г. Бунинъ посланъ съ новымъ учителемъ, пасынкомъ Шхонебека Петромъ Пикаромъ въ Шлиссельбургъ «для грыдорованія всякихъ во прилучіи его великаго государя дѣлъ». Въ 1705 г. Бунинъ значится въ С.-Петербургѣ, а съ 1708 г. съ Пикаромъ—на московскомъ печатномъ дворѣ, съ жалованьемъ 25 р. 18 алт. въ годъ. У Ровинскаго названы 4 гравюры Петра Бунина, изъ которыхъ двѣ (св. Варѳоломей и св. Іоаннъ Богословъ) представляютъ копіи съ оригиналовъ Дюрера.

Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.—Ровинскій, Русскія народныя картинки.—Стасовъ, Разборы трудовъ Ровинскаго.—Викторовъ, Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1613—1725.—Словарь Брокгаузъ-Эфрона.

А. Э. М-нъ.

Буняковскій, *Викторъ Яковлевичъ*, знаменитый русскій математикъ, род. 3 декабря 1804 г. въ мѣстечкѣ Барѣ (подольской губ.), ум. 30 ноября 1889 г. въ Петербургѣ. Отецъ Буняковскаго, малороссъ по происхожденію, служилъ въ Барѣ подполковникомъ конно-польскаго уланскаго

полка и умеръ въ 1809 г. Первоначальное образованіе Буняковскій получилъ въ Москвѣ, въ домѣ друга и товарища его отца, графа А. П. Тормасова. Въ 1820 г. Буняковскій, вмѣстѣ съ сыномъ графа, отправился за границу, гдѣ изучалъ преимущественно математическія науки. Сначала онъ жилъ въ Кобургѣ и бралъ тамъ частные уроки, затѣмъ слушалъ лекціи въ лозанской академіи. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ своего пребыванія за границей онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France; здѣсь онъ имѣлъ возможность заниматься у Лапласа, Пуассона, Фурье, Коши, Ампера, Лежандра и др.; больше всего Буняковскій работалъ у Коши. Въ продолженіе 1824 г. Буняковскій получилъ степени баккалавра и лиценціата; 19 мая 1825 г. онъ защитилъ диссертацію (она состояла изъ двухъ работъ: по аналитической механикѣ и математической физикѣ) и получилъ отъ парижскаго факультета наукъ степень доктора математическихъ наукъ. Пробывъ за границей въ общей сложности семь лѣтъ, Буняковскій въ 1826 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и занялся педагогическою дѣятельностью. Съ 1826 по 1831 г. онъ состоялъ преподавателемъ математики въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Оставивъ въ 1831 г. эту должность, Буняковскій продолжалъ принимать участіе, въ различныхъ комиссіяхъ по составленію программы и конспектовъ для военно-учебныхъ заведеній, по экзаменамъ учителей и по разсмотрѣнію учебныхъ руководствъ, а также состоялъ въ теченіе десяти лѣтъ наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ. Съ 1828 по 1864 г. Буняковскій былъ преподавателемъ математики въ офицерскихъ классахъ морского вѣдомства. Съ 1846 г. Буняковскій читалъ лекціи аналитической механики (по Пуассону и Остроградскому) въ с.-петербургскомъ университетѣ, затѣмъ читалъ дифференціальное и интегральное исчисленіе (главнымъ образомъ, по Коши) и теорію вѣроятностей (по собственному сочиненію), а позднѣе, уже въ пятидесятыхъ годахъ, вмѣсто теоріи вѣроятностей—интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, способъ варіацій и исчисленіе конечныхъ разностей. Въ 1859 г., желая сосредоточиться исключительно на ученыхъ занятіяхъ, Буняковскій оставилъ службу въ университетѣ. Нѣкоторое время Буняковскій былъ профессоромъ математики въ горномъ институтѣ и институтѣ инженеровъ путей сообщенія. При богатствѣ и глубинѣ содержанія, лекціи Буняковскаго всегда отличались поразительною ясностью, увлекательностью и въ то же время литературною красотою изложенія, дѣлали легко доступными самыя сложныя математическія положенія и увлекали даже безучастныхъ слушателей. По отношенію къ лекціямъ Буняковскій проявлялъ замѣчательную аккуратность и въ продолженіе всего времени своей службы въ университетѣ не пропустилъ ни одной лекціи и не опоздалъ ни разу. Въ 1828 г. Буняковскій получилъ званіе адъюнкта академіи наукъ по чистой математикѣ, а черезъ два года—экстраординарнаго академика. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ на должность вице-президента академіи наукъ. Состоя академикомъ, Буняковскій постоянно дѣлалъ рефераты въ засѣданіяхъ физико-математическаго отдѣленія. Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, сознавая себя, вслѣдствіе слабости здоровья, неспособнымъ принимать активное участіе въ занятіяхъ академіи, онъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ званія вице-президента. Академія, при оставленіи Буняковскимъ должности, избрала его своимъ почетнымъ вице-президентомъ.—Учено-литературная дѣятельность Буняковскаго выразилась въ рядѣ трудовъ, общее число которыхъ свыше ста (см. составленный самимъ Буняковскимъ «Liste des travaux mathématiques de Victor Bouniakowsky etc.», С.-Пб., 1889 г.); больше всего работалъ Буняковскій по теоріи чиселъ и теоріи вѣроятностей. Еще съ самаго начала своей педагогической дѣятельности Буняковскій помѣщалъ статьи на французскомъ языкѣ въ спеціальныхъ изданіяхъ, затѣмъ сдѣлалъ переводъ сочиненія Коши о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ, при чемъ присоединилъ къ этому переводу свои примѣчанія, а также составилъ, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, нѣсколько учебныхъ руководствъ по разнымъ отраслямъ математики. Въ 1839 г. Буняковскій выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своего «Лексикона чистой и прикладной математики», доведеннаго имъ, по недостатку средствъ, лишь до буквы «Д». При очень незначительномъ въ то время количествѣ сочиненій на русскомъ языкѣ по математикѣ, «Лексиконъ» являлся очень цѣн-

нымъ вкладомъ въ нашу математическую литературу; онъ способствовалъ установленію у насъ математической терминологіи и давалъ обширные матеріалы для изученія разныхъ частныхъ математическихъ вопросовъ. Слова въ этомъ «Лексиконѣ» расположены по французскому алфавиту, съ переводомъ на русскій языкъ, а также съ подробнымъ объясненіемъ на русскомъ языкѣ значенія каждаго термина. Уже послѣ смерти Буняковскаго въ его бумагахъ была найдена рукопись подъ заглавіемъ: «Наброски для математическаго лексикона Буняковскаго, буквы E, F, G, H, I, J, K, L», съ надписью рукой Буняковскаго: «Не печатать, а передать въ архивъ академіи наукъ, какъ пособіе для справокъ продолжателямъ моего математическаго Лексикона»; согласно желанію Буняковскаго, рукопись эта сохраняется въ отдѣлѣ рукописей II отдѣленія библіотеки академіи. Въ 1846 г. появился наиболѣе важный изъ трудовъ Буняковскаго, послужившій началомъ его широкой извѣстности, — «Основанія математической теоріи вѣроятностей». Этотъ обширный трактатъ, кромѣ теоріи, заключаетъ въ себѣ и исторію возникновенія и развитія теоріи вѣроятностей; въ немъ впервые сведено вмѣстѣ все то, что было выработано по этой теоріи трудами извѣстныхъ математиковъ, начиная съ Паскаля и Ферма, даны объясненія относительно новыхъ рѣшеній самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, указано много практическихъ приложеній теоріи вѣроятностей, напримѣръ, къ вопросу о средней продолжительности жизни людей различныхъ возрастовъ, къ опредѣленію достовѣрности свидѣтельствъ и преданій, къ вспомогательнымъ кассамъ и страховымъ учрежденіямъ, къ опредѣленію погрѣшностей при наблюденіяхъ, къ вопросамъ судебнаго дѣла, къ вычисленію вѣроятныхъ потерь въ войскѣ и т. д. Форма «Основаній математической теоріи вѣроятностей» отличалась такою удобопонятностью и изяществомъ, что Гаусъ и Біенеме выучились русскому языку по этому сочиненію. Въ 1848 г. Буняковскій помѣстилъ въ «Современникѣ» обратившую на себя всеобщее вниманіе статью: «О возможности введенія опредѣленныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ нѣкоторыхъ наукъ и преимущественно статистики». Въ 1853 г. Буняковскій издалъ монографію «Паралельныя линіи»; въ ней онъ приводилъ главнѣйшія изъ существовавшихъ въ то время доказательствъ теоріи паралельныхъ линій, дѣлалъ ихъ критическій разборъ, обнаруживалъ ихъ несостоятельность и излагалъ собственныя соображенія и изслѣдованія по этому предмету. Въ 1873 — 1874 гг. Буняковскій напечаталъ въ «Запискахъ академіи наукъ» «Антропо - біологическія изслѣдованія и ихъ приложеніе къ мужскому населенію Россіи»; въ основу этого сочиненія было положено опредѣленіе состава мужского населенія въ Россіи по возрастамъ и затѣмъ аналитическое сопоставленіе метрическихъ данныхъ послѣднихъ лѣтъ. Въ 1885 г. въ «Запискахъ академіи наукъ» была помѣщена статья Буняковскаго: «О вѣроятной числительности контингентовъ русской арміи въ 1883—1885 гг.», явившаяся очень цѣннымъ руководствомъ при рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ всеобщей воинской повинностью. Рядъ статей Буняковскаго въ «Современникѣ», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и другихъ журналахъ разрабатывалъ по преимуществу практическія приложенія математической теоріи вѣроятностей. Всѣ работы Буняковскаго, ставящія его въ число величайшихъ европейскихъ математиковъ, помимо цѣнности въ научномъ отношеніи—по богатству, новизнѣ и оригинальной разработкѣ научно-математическихъ матеріаловъ,—отличаются замѣчательной ясностью и изяществомъ изложенія. Многія изъ нихъ переведены на иностранные языки. Особенно большую практическую пользу оказали труды Буняковскаго по вопросу объ эмеритальныхъ кассахъ (главнѣйшія статьи этого рода были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» 1858 г.); онъ разработалъ основанія эмеритальной пенсіонной кассы морского вѣдомства, и его трудъ по проектированію этой кассы послужилъ къ учрежденію цѣлаго ряда подобныхъ кассъ на выработанныхъ имъ началахъ. Сдѣлавъ въ 1869 г. выводъ эмпирическаго закона о смертности, Буняковскій упростилъ этимъ рѣшеніе вопросовъ относительно страхованія капиталовъ и пожизненныхъ доходовъ. Буняковскій изобрѣлъ, между прочимъ, планиметръ, пантографъ, приборъ для суммованія квадратовъ и другіе инструменты. Научныя заслуги Буняковскаго были оцѣнены по заслугамъ уже современниками. Онъ былъ почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ иностранныхъ и рус-

скихъ ученыхъ обществъ. При академіи наукъ учреждена премія его имени за лучшія сочиненія по математикѣ. Буняковскій пользовался заслуженнымъ авторитетомъ среди европейскихъ ученыхъ. Симпатіи общества и признательность его Буняковскому за его ученыя заслуги особенно ярко выразились въ 1875 и 1878 гг., когда праздновались юбилеи Буняковскаго по случаю пятидесятилѣтія со времени полученія имъ степени доктора математическихъ наукъ парижскаго университета и пятидесятилѣтіе его научной академической дѣятельности. Какъ человѣкъ, Буняковскій отличался высокими нравственными качествами, и уваженіе, которымъ онъ пользовался, имѣло причины не только въ его громкой славѣ великаго ученаго, но и въ личныхъ достоинствахъ. Одаренный чувствомъ изящнаго, Буняковскій въ молодости увлекался поэзіей Байрона, перевелъ отрывокъ изъ «Чайльдъ-Гарольда», и нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ имъ въ журналахъ сороковыхъ годовъ.

Русская портретная галлерея Мюнстера, томъ II-й (статья В. А. Р.).—«Описаніе празднованія докторскаго юбилея академика В. Я. Буняковскаго, 19 мая 1875 г.», СПб., 1876 г.—«Пятидесятилѣтній юбилей ученой дѣятельности В. Я. Буняковскаго, 19 мая 1875 г.». («Всемірная Иллюстрація» 1875 г., № 336).—«В. Я. Б.» («Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 20).—«В. Я. Б.» («Иллюстрированный календарь» на 1868 г., стр. 206).—Е. Коргуевъ, Описаніе празднества. даннаго въ честь В. Я. Буняковскаго, 30 декабря 1864 г.», Кронштадтъ, 1865.—«Рѣчь А. В. Никитенко на юбилеѣ В. Я. Буняковскаго» («Новое Время» 1875 г., № 129).—«В. Я. Б.—50-лѣтній юбилей его» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1875 г., № 135).—A. Schiefner, «Viro illustrissimo Victori Bouniakowsky etc. Bharatae responsa tibetice cum versione latina», С.-Пб., 1875.—Статья А. Жданова въ энциклопедическ. словарѣ Брокгауза и Ефрона.—Ст. П. Б-ва въ «Нивѣ» 1889 г., № 43.—«Правительственный Вѣстникъ» 1889 г., № 266.—«Новое Время» 1889 г., № 4944.—«Новости» 1889 г., №№ 331 и 332.—«Кіевлянинъ» 1889 г., № 264.—«Минута» 1889 г., № 146.—«Варшавскій Дневникъ» 1889 г., № 269.—«Русскія Вѣдомости» 1889 г., № 334.—«Сѣверъ» 1889 г., стр. 1047 и 1051.—«Историческій Вѣстникъ» 1890 г., томъ XXXIX-й, № 2, стр. 493.—«Всемірная Иллюстрація» 1890 г., томъ LXIII, стр. 10—13, статья Б-ва.—Н. Кокшаровъ, «Тостъ 7 мая 1878 г. на обѣдѣ, данномъ В. Я. Буняковскому по случаю 50-лѣтняго юбилея его академической службы», С.-Пб., 1878 г.—«В. Я. Буняковскому. 7 мая 1878 г.», стихотвореніе Я. Р., С.-Пб., 1878.—М. Стасюлевичъ, «В. Я. Б. и прощаніе съ нимъ с.-пб. университета въ день акта 8 февраля» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1860 г., № 37).—«С.-Пб., Вѣдомости» 1875 г., № 135.—«Всемірная Иллюстрація» 1878 г., № 493.—Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, С.-Пб., 1880, вып. 1-й, стр. 72—73.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, С.-Пб., 1898.—Вороновъ, Исторія С.-Пб. Учебнаго Округа.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I-й, С.-Пб., 1800, (здѣсь, между прочимъ, указаны многочисленные отзывы о сочиненіяхъ Буняковскаго).—Gubernatis, Dictionnaire.—В. О. Михневичъ, Наши знакомые, С.-Пб., 1884.—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 1889.—«Воспоминанія В. А. Панаева» въ «Русской Старинѣ» 1893, томъ LXXX, № 11, стр. 407—412.—«По поводу предстоящаго юбилея В. Я. Буняковскаго», Казань, 1885.—Календарь Гатцука на 1874 г. («Словарь современныхъ дѣятелей»).—В. В. Григорьевъ, Имп. с.-пб. университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, С.Пб., 1870.—«Правила о преміи тайнаго совѣтника Буняковскаго» («Записки Имп. академіи наукъ», томъ XXVI, кн. 2, 1876 г., стр. 70—72).—«Большая Энциклопедія», изд. т-ва «Просвѣщеніе».—Словари: Толля («Необходимое дополненіе» 1866 г.), Березина, Старчевскаго.

В. Гр.

Бурачекъ, *Стефанъ Анисимовичъ*, корпуса корабельныхъ инженеровъ генералъ-лейтенантъ, профессоръ академіи морскихъ наукъ, писатель, род. въ 1800 г. въ фамильномъ имѣніи Заньки, черниговской губ., нѣжинскаго уѣзда, ум. 26 декабря 1876 г. Предки Бурачка были выходцы изъ Галицкой Руси. Обучался онъ въ школѣ корабельной архитектуры, при которой и былъ оставленъ въ званіи преподавателя, инспектора классовъ и библіотекаря. Съ 1821 по 1831 г. Бурачекъ служилъ въ Астрахани, куда, по его настоянію, была переведена верфь изъ Казани. Въ 1831 г. онъ перешелъ въ Петербургъ преподавателемъ теоріи и практики кораблестроенія въ офицерскихъ классахъ морского корпуса. Впрочемъ, практикой Бурачекъ занимался мало. Извѣстны лишь построенные имъ: пароходофрегатъ «Храбрый» (1844 г.) и шхуна «Александрія». Научные труды Бурачка пользовались въ свое время извѣстностью. Въ 1846 г. онъ издалъ свои лекціи по алгебраическому анализу, читанныя въ морской академіи. За нихъ онъ былъ Высочайше награжденъ перстнемъ, а академія наукъ признала его достойнымъ Демидовской преміи. Еще большее значеніе придавали его курсу: «Наука и искусство корабельнаго зодчества», а также теоріи сопротивленія воды плавающимъ судамъ, имѣвшей горячихъ сторонниковъ и противниковъ. Кромѣ того, Бурачекъ первый, основываясь на строго научныхъ данныхъ,

доказалъ несостоятельность идеи устройства круглыхъ судовъ (поповокъ). Сочиненія его были очень распространены въ рукописяхъ. Съ 1840 г. Бурачекъ занялся журнальной дѣятельностью въ предпринятомъ имъ, совмѣстно съ П. Корсаковымъ, журналѣ, озаглавленномъ «Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности. Труды ученыхъ и литераторовъ русскихъ и иностранныхъ». Редакціонная статья 1-й книги, написанная Бурачкомъ, опредѣляла направленіе журнала, окончательно установившееся съ переходомъ изданія въ руки одного Бурачка, измѣнившаго въ 1842 г. и названіе журнала — «Маякъ, журналъ современнаго просвѣщенія, искусства и образованности въ духѣ народности русской». Журналъ этотъ совмѣстилъ мистическое теченіе въ духѣ «Сіонскаго Вѣстника» Лабзина съ націонализмомъ Шишкова. Давъ возможность высказываться всѣмъ охранительнымъ элементамъ нашего общества 40-хъ годовъ, онъ рѣзко критиковалъ все современное, указывая идеалы въ минувшемъ. Вначалѣ это прекрасное прошлое указывалось въ XVIII вѣкѣ, но потомъ и этотъ вѣкъ былъ обвиненъ въ невѣріи и развращенности. Бурачекъ лично принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ, особенно въ отдѣлѣ критики и библіографіи. Всю русскую литературу отъ Карамзина до Лермонтова включительно, Бурачекъ именовалъ—«растлѣніемъ», а о Пушкинѣ далъ слѣдующій отзывъ: «Пушкинъ великій поэтъ на маленькіе стихи. Стремясь возстановить поэзію классической формы онъ обратился въ безвременнаго подражателя и языческимъ, и романтическимъ образцамъ. Надо согласиться, что это самое уродливое настроеніе ума, вкуса и воли, и самое кривое направленіе дарованія, изъ котораго неизбѣжно уже слѣдовало, что Пушкинъ усвоилъ себѣ не только классическія формы, но и классическіе духъ и содержаніе, а это все могло случиться только при слабомъ, мелкомъ, поверхностномъ мышленіи, при нечистомъ вкусѣ и при неупорядоченной волѣ; отсюда уже понятны тѣ софизмы и отсутствіе творчества, которые такъ замѣтны въ произведеніяхъ Пушкина. Мы сами его захвалили и убили его дарованіе». Отзываясь такимъ образомъ о Пушкинѣ, Бурачекъ считаетъ великимъ писателемъ Марлинскаго и восторгается его произведеніями, какъ образцами вкуса и изящества. Въ области философскаго мистицизма Бурачекъ является логическимъ мыслителемъ, діалектикомъ, выработавшимъ свой оригинальный методъ, съ которымъ можно было бы спорить, если бы онъ своихъ личныхъ вкусовъ и антипатій не вносилъ въ борьбу за принципы. Маякъ, имѣвшій очень небольшое число подписчиковъ, просуществовалъ лишь до 1845 г. Съ прекращеніемъ его Бурачекъ понесъ большіе убытки и, нѣсколько лѣтъ уплачивая долги, сдѣланные за время издательства, писалъ очень мало. Съ 1851 г. Бурачекъ увлекся гомеопатіей, которую онъ связалъ съ благотворительностью, занимаясь безплатнымъ леченіемъ бѣдныхъ больныхъ. Плодомъ этого увлеченія явилась книга: «Человѣческій организмъ, да и вся природа есть гомеопатическая лабораторія жизненныхъ производствъ» (Спб. 1869). Оставивъ журналистику, Бурачекъ продолжалъ появляться и высказываться въ нѣкоторыхъ обществахъ: въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ, Русскомъ техническомъ и Любителей духовнаго просвѣщенія. Интересы Бурачка попрежнему сосредоточивались на вопросахъ религіозно-философскихъ и національныхъ. Въ 70-хъ годахъ его вниманіе привлекло старо-католическое движеніе въ Германіи, и по этому поводу онъ представилъ въ совѣтъ Общества духовнаго просвѣщенія книги: «Боннская конференція», «Слово къ западнымъ христіанамъ», «Папство, протестантизмъ, кальвинизмъ и православіе», «Римскій Истуканъ». Въ 1875 г. физическія силы Бурачка подкосилъ нервный ударъ, но духовная жизнь его не угасала: по прежнему вниманіе его привлекали вопросы мистико-философскіе и общественные, изъ послѣднихъ — особенно движеніе въ пользу балканскихъ славянъ. Черняеву Бурачекъ посылалъ сочувственныя письма.—Современники даютъ о немъ рѣзко противорѣчивые и явно пристрастные отзывы. Одни рисуютъ его умнымъ, отзывчивымъ на вопросы современности, живымъ, разговорчивымъ человѣкомъ, гостепріимнымъ и любезнымъ хозяиномъ, другіе говорятъ о немъ: «этотъ полупомѣшанный обскурантъ, не разъ лѣчившійся въ пріютахъ для душевно больныхъ... нелюдимый, мрачнаго вида, онъ почти вовсе не появлялся въ гостиной своего товарища (П. Корсакова)».

Некрологъ въ «Голосѣ», 1876 г. № 357. —

С. О. Б. (некрологъ). Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», мартъ 1876 г.— И—овъ, «Воспоминаніе о С. О. Бурачкѣ», въ «Рижскомъ Вѣстникѣ», 1876 г., № 294. — В. Р. Зотовъ, «Петербургъ въ 40 годахъ» въ «Истор. Вѣстн.», т. XXXIX.—А. Григорьевъ, «Оппозиція застоя» въ «Времени» 1861 г., № 3, стр. 1—34.— Статьи Бурачка въ «Маякѣ» перечислены въ «Маякѣ», 1844 г., т. 18: Указатель статей и фамилій сотрудниковъ за пять лѣтъ. *В. Ф.*

Бурбье, *Виржинія*, артистка, род. въ началѣ XIX-го столѣтія, ум. въ 1857 г. Въ 1828 г. Бурбье неудачно дебютировала на сценѣ парижской Comédie Française, послѣ чего приняла приглашеніе въ труппу Михайловскаго театра въ Петербургѣ, и здѣсь пользовалась продолжительнымъ успѣхомъ, особенно въ роли Тизбы, въ «Angélo» Виктора Гюго. Въ этой роли выступила Бурбье и въ послѣдній свой выходъ передъ петербуржцами въ 1841 г., послѣ чего возвратилась въ Парижъ и, получивъ ангажементъ въ Одеонъ, играла тамъ съ громаднымъ успѣхомъ; черезъ два года Бурбье окончательно покинула сцену.

А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ, Спб. 1877 г. — Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефрона. *В. Г.*

Бургавъ. См. **Боергаве Кау.**

Бургоенъ (Bourgoin), *Тереза Этьенетта*, французская артистка, род. въ 1781 г., ум. въ 1833 г. Съ 1801 по 1821 г. Бургоенъ выступала въ роляхъ первыхъ любовницъ въ парижскомъ Théâtre Français, причемъ пользовалась большою извѣстностью, благодаря красотѣ и таланту. Во время пребыванія Императора Александра I въ Эрфуртѣ въ 1809 г., Наполеонъ выписалъ изъ Парижа труппу лучшихъ драматическихъ актеровъ, при чемъ изъ нихъ особенно понравилась Александру I Бургоенъ. По желанію Наполеона, Бургоенъ отправилась въ Россію. 26-го іюля 1809 г. состоялся первый ея дебютъ въ Петербургѣ въ комедіи Вольтера «Нанина». Бургоенъ пользовалась у русской публики большимъ успѣхомъ, особенно въ роли пажа въ «Женитьбѣ Фигаро», а также Ифигеніи въ «Ифигеніи въ Авлидѣ». Въ Петербургѣ Бургоенъ пробыла около двухъ лѣтъ, послѣ чего снова возвратилась въ Парижъ.

П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, 1861 г., стр. 193. — Записки Ф. Ф. Вигеля, III. 120.—Словари: Брокгаузъ-Ефронъ и Толля. *В. Г.*

Бурдахъ, *Карлъ Фридрихъ*, физіологъ, ординарный профессоръ дерптскаго университета, род. въ Лейпцигѣ 12 іюня 1776 г., ум. 16 іюля 1847 г. Въ 1800 г. онъ окончилъ курсъ лейпцигскаго университета со степенью доктора медицины, въ 1806 г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, въ 1811 г. былъ приглашенъ въ Дерптъ ординарнымъ профессоромъ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, но занималъ это мѣсто только четыре года и въ 1815 г. принялъ приглашеніе занять каѳедру анатоміи въ кенигсбергскомъ университетѣ. Въ Кенигсбергѣ Бурдахъ учредилъ извѣстный анатомическій институтъ. Кромѣ занятій по университету, онъ съ 1835 г. исправлялъ должность директора медицинской коллегіи, а въ 1837—1844 гг. занималъ мѣсто предсѣдателя Физико-медицинскаго общества. Въ 1845 г. Бурдахъ вышелъ въ отставку. Писалъ онъ очень много и оставилъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій; важнѣйшія: Beiträge zu einer kritischen Physiologie des Gehirns, 2 Bände, Leipzig 1806.—Encyclopaedie der Heilswissenschaft, 3 Bände, Leipzig 1812. — Vom Bau und Leben des Gehirns und Rückenmarks, 2 Bände, Leipzig 1819—26. — Издалъ вмѣстѣ съ другими учеными: Russische Sammlung für Naturwissenschaft und Heilkunst, Riga und Leipzig 1815—1817.—Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft, 6 Bände, Leipzig 1826—1840.

Подробная автобіографія въ его сочиненіи «Blicke in's Leben», Leipzig 1844. — Allgemeine Deutsche Biographie, томъ 3-й. — Gelehrten-und Schriftsteller-Lixicon von Recke und Napiersky, I, 308—311, Nachträge I, 115—121. — Словари: Старчевскаго и Брокгауза-Ефрона.

Бурдинъ, *Николай Алексѣевичъ*, живописецъ, ученикъ Венеціанова, род. въ 1814 г., ум. въ 1857 г. Посѣщалъ академію художествъ какъ вольноприходящій ученикъ. Въ 1843 г., по представленнымъ имъ живописнымъ работамъ, возведенъ въ званіе неклассного художника. Извѣстны его картины: «Внутренній видъ малой придворной церкви Зимняго Дворца», и «Зала въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ».

Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Ак. Худ., т. III. *А. М.*

Бурдинъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, артистъ Императорскихъ театровъ и писатель, род. въ Москвѣ 11 апрѣля 1827 г., ум. тамъ же 24 февраля 1887 г. Бурдинъ воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій. Рано полюбивъ театръ, онъ не разъ убѣгалъ изъ класса къ извѣстному

артисту П. М. Садовскому, который совѣтовалъ ему посвятить себя исключительно искусству. Скоро Бурдинъ оставилъ гимназію и четырнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ суфлеромъ въ Малый театръ. Черезъ два года, 6 января 1841 г., онъ съ успѣхомъ дебютировалъ, послѣ чего остался на московской сценѣ, выступая во второстепенныхъ бытовыхъ и комическихъ роляхъ, главнымъ образомъ, въ небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Впослѣдствіи Бурдинъ перешелъ на первыя роли, преимущественно въ комедіяхъ Островскаго. Въ 1847 г. Бурдинъ перевелся на петербургскую сцену, гдѣ и оставался до 1883 г. Изъ Петербурга Бурдинъ предпринималъ съ успѣхомъ гастрольныя путешествія почти по всѣмъ главнымъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Особенно удавались Бурдину типы купцовъ въ комедіяхъ Островскаго. Лучшими изъ ролей его обширнаго репертуара были: Краснова («Грѣхъ да бѣда»), Бруснова («Тяжелые дни»), Большова («Свои люди—сочтемся»), Хрюкова («Шутники»), Бородкина («Не въ свои сани не садись»), Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»), Шелемишева («Общее благо»), Ильюши («Не въ деньгахъ счастье») и др. Умный, начитанный, беззавѣтно любящій свое искусство, Бурдинъ, не обладая яркимъ талантомъ, былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей Императорской сцены, на которой прослужилъ болѣе сорока лѣтъ. Среди товарищей по сценѣ Бурдинъ имѣлъ значительное вліяніе. До конца жизни онъ пользовался дружбою А. Н. Островскаго. Послѣдній отдавалъ Бурдину свои пьесы для бенефисовъ, поручая ему главныя роли, читалъ въ его домѣ свои новыя пьесы передъ постановкой ихъ на сцену. Одно время Островскій, цѣня опытность Бурдина и знаніе имъ сцены, прочилъ его въ инспектора театральнаго училища, но смерть помѣшала осуществить это намѣреніе. Въ послѣдніе годы своей жизни Бурдинъ сталъ часто болѣть и ѣздилъ въ Италію лечиться. На его здоровье сильно повліяла смерть его друга—Островскаго. Похороненъ Бурдинъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Что касается литературной дѣятельности Бурдина, то наибольшая часть его произведеній—театральныя пьесы, переведенныя или передѣланныя съ французскаго. Къ нимъ относится, прежде всего, рядъ водевилей, комедій и т. под.: «Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полѣзай» («Un vilain monsieur»), шутка-водевиль (Москва, 1850); «Орестъ и Пиладъ на чердакѣ, или Кинь имъ только кость,—такъ что твои собаки», водевиль (Москва, 1850); «Служанка госпожа» («Edhard et sa bonne»), перев. съ франц. (Спб. 1875); «Торговый домъ Шнапсъ, Клаксъ и К°», комедія-шутка въ 3 дѣйств. (Спб. 1876); «Шестнадцатилѣтняя кокетка или тысяча первый урокъ мужьямъ» («La petite cousine»), комедія-водевиль (Спб. 1876); «Дурочка», комедія въ 1 дѣйст. (Москва, 1878); «Повѣтріе», шутка въ 1 дѣйст., изъ современныхъ нравовъ (написана вмѣстѣ съ Н. Д. Павловымъ; Москва, 1883); «Добрая фея, или да здравствуютъ кредиторы», шутка въ 1 дѣйст. (написана также вмѣстѣ съ Н. Д. Павловымъ); «Обѣдъ на имянинахъ», водевиль въ 1 дѣйст.; «Чортова волынка», водевиль въ 2 дѣйст., перев. съ франц. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ драмъ: «Воровка дѣтей», драма въ 5 дѣйст., перев. съ франц. (Спб., 1873); «Послѣдніе дни Генриха IV и молодость Людовика XIII», драма въ 5 д. и 10 карт., перев. съ франц. (Спб., 1874); «Брошенный ребенокъ», драма въ 4 д., перев. съ франц. (переведена вмѣстѣ съ В. Родиславскимъ; Спб., 1875); «Роковая случайность», драма въ 5 д. перев. съ франц. (Москва, 1880); «Столѣтній дѣдъ», драма въ 5 д., перев. съ франц.; «Убійцы и сообщники», историч. драма въ 5 д. и 10 карт., перев. съ франц. Въ 1876 г. Бурдинъ издалъ въ Петербургѣ «Сборникъ театральныхъ пьесъ, переведенныхъ съ французскаго» (2 тома), въ который, кромѣ многихъ изъ перечисленныхъ выше пьесъ, вошли: «Было или не было? Во снѣ или на яву?», шутка-водевиль; «Докторъ по случаю», ком. въ 1 д.; «Ослицыно молоко или вотъ иногда чѣмъ подчуютъ влюбленныхъ» («Le lait d'ânesse»), вод.; «Свирѣпый американецъ и его соперники», вод.; «Услугу окажи, да послѣ и тужи!» («Portes et placards»), комедія-вод.; «Морякъ Пьеръ или Возвращеніе изъ плѣна», комедія-вод.; «Бабушка», драма въ 6 д.; «Желѣзная маска», драма въ 5 д., «Ограбленная почта», др. въ 5 д.; «Парижскій ветошникъ», др. въ 5 д. и «Цыганская жизнь», др. въ 5 д. Кромѣ того, Бурдинъ издалъ книгу: «Краткая азбука драматическаго искусства. Практическіе совѣты молодымъ людямъ, посвящающимъ себя сценической дѣятельности», Москва, 1886. Наконецъ, Бурдину принадлежатъ

слѣдующія воспоминанія: «Воспоминанія артиста объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ» («Историч. Вѣстникъ» 1886 г., кн. 1), «Изъ воспоминаній объ А. И. Островскомъ» («Вѣст. Европы» 1886 г., кн. 12) и «Воспоминанія о первомъ представленіи «Свадьбы Кречинскаго» («Истор. Вѣст.» 1891 г., кн. 5).

Ф. В., «Характеристика современныхъ артистовъ Спб. театровъ» («Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» 1859 г., № 20).—«Ф. А. Б.» («Всем. Иллюстр.» 1872 г., № 165). — «Новое Время» 1873 г., № 25 (о бенефисахъ Бурдина).—«Главные артисты и артистки петербургской рус. драм. труппы» («Всем. Иллюстр.» 1875 г., № 356). — «Спб. Вѣдомости» 1875 г., №№ 321 и 322 (о бенефисѣ Бурдина). — «Новое Время» 1882 г., № 2329. — «Всем. Иллюстр.» 1883 г., № 732.—«Истор. Вѣст.» 1887 г., № 4, стр. 236.—«Всем. Иллюстр.» 1887 г., № 954.—«Московскій Листокъ» 1887 г., № 57. — «Русская Старина» 1888 г., № 4.—Замѣтка А. Ум. въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.—Словарь Березина.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VII и VIII.—Г. М. Максимовъ, Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы, гл. I, стр. 5, гл. II, стр. 8.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, Спб., 1898. — В. Михневичъ, Наши знакомые, Спб., 1884. — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, Спб., 1900. — А. И. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ, Спб., 1884, части I и II. — Воспоминанія актера Алексѣева, изд. Куманина.—В. М. Сикевичъ, «Былыя встрѣчи» («Истор. Вѣст.» 1893 г., № 5, стр. 383—387).—«Изъ воспоминаній А. А. Нильскаго» («Истор. Вѣст.» 1893, № 10 и 11). *В. Г.*

Буренинъ, *Константинъ Петровичъ*, педагогъ, род. въ Москвѣ въ 1836 г., ум. въ Ялтѣ 8 сентября 1882 г. Образованіе онъ получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій и, затѣмъ, въ главномъ педагогическомъ институтѣ по физико-математическому факультету. По окончаніи курса, Буренинъ былъ назначенъ преподавателемъ физики и математики въ смоленскую гимназію, откуда перемѣщенъ въ 4-ю московскую. Буренинъ пріобрѣлъ извѣстность въ педагогическомъ мірѣ учебниками, составленными имъ вмѣстѣ съ Малининымъ. Учебники эти принадлежатъ къ наиболѣе распространеннымъ и отличаются яснымъ изложеніемъ. Популярность ихъ началась съ первыхъ же изданій и съ каждымъ годомъ возрастала. «Руководство къ ариѳметикѣ», вышедшее въ 1867 г. въ 2,400 экз., въ послѣднихъ изданіяхъ печаталось въ количествѣ 60,000 и 75,000 экз.; въ теченіе 15 лѣтъ оно выдержало 16 изданій и разошлось въ количествѣ свыше 300,000 экз. Еще въ большемъ количествѣ разошлось «Собраніе ариѳметическихъ задачъ», выдержавшее 18 изданій. Затѣмъ, Малининымъ и Буренинымъ изданы: «Руководство къ космографіи и физической географіи» (8 изд.); «Руководство къ физикѣ» (8 изд.); «Руководство къ алгебрѣ и собраніе алгебраическихъ задачъ» (8 изд.).

«Новое Время», 1882 г., № 2347. — «Народн. Школа» 1882 г., № 11, стр. 49. — Д. Языковъ, Обзоръ и пр., вып. II, стр. 16.—Словари: Андреевскаго и Березина. — «Газета Гатцука» 1882 г., № 38.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги.—Его-же, Источники словаря русск. писателей, т. I, Спб. 1900.

Буржа (Burja), *Абель*, писатель, род. 30 августа 1752 г. въ Киннебургѣ, близъ Берлина, ум. 16 февраля 1816 г. Онъ былъ учителемъ математики въ берлинской французской гимназіи, а въ 1777 г. пріѣхалъ въ Москву, поступилъ гувернеромъ къ дѣтямъ Татищева, жившаго въ селѣ Болдинѣ, недалеко отъ Москвы, и сопровождалъ своихъ воспитанниковъ въ путешествіи за границу. Въ 1787 г. Буржа вернулся въ Берлинъ, гдѣ получилъ каѳедру математики въ военной академіи. Плодомъ путешествій его явилось сочиненіе: «Observations d'un voyageur sur la Russie, la Finlande, la Livonie, la Curlande et la Prusse», Berlin, 1785.

Словари: Березина, Плюшара, Толля.

Буринскій, *Захаръ Алексѣевичъ*, магистръ словесныхъ наукъ, писатель, род. въ 1780 г. въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, ум. въ 1810 г. Образованіе Буринскій получилъ въ московской университетской гимназіи и въ московскомъ университетѣ. По окончаніи курса, онъ поступилъ помощникомъ библіотекаря въ университетскую библіотеку. За «Разсужденіе о томъ, какую пользу принесла Россіи война съ турками 1736 г.» попечитель округа М. Н. Муравьевъ утвердилъ его магистромъ словесныхъ наукъ и предполагалъ отправить за границу, для приготовленія къ профессорской дѣятельности, но смерть Буринскаго помѣшала тому. Онъ успѣлъ напечатать: 1) Поэзія, или стихи, произнесенные въ публичномъ собраніи московскаго университета. М. 1802 г. (въ это время Буринскій былъ еще студентомъ); 2) Похвалы сельской жизни. Переводъ изъ второй книги Виргиліевыхъ Георгикъ. П. 1803 г.; 3) Краткое начертаніе исторіи свѣта. Переводъ съ англійскаго. М. 1805 г.; 4) Два слѣпца

толедскіе, опера въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. М. 1811 г.

Словари: Толля, Клюшникова, Березина, Плюшара, Геннади, Андреевскаго, Снегирева. — «Опытъ» Греча. А. В. Смирновъ, Уроженцы и дѣятели Владимірской губ.

Бурломскій, *Петръ*, писатель первой половины девятнадцатаго столѣтія. Въ 1836 г. онъ издалъ въ Петербургѣ «Малороссійскія повѣсти», блѣдныя по замыслу, слабыя по выполненію и не дающія ничего, что отражало бы въ себѣ жизнь Малороссіи. Встрѣтивъ крайне неодобрительное отношеніе современной критики къ его произведеніямъ, Бурломскій издалъ въ томъ же 1836 г. «Посланіе къ критикамъ». Отвѣчая на поставленный имъ самимъ въ этомъ посланіи вопросъ, зачѣмъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свои повѣсти, Бурломскій пишетъ: «Во-первыхъ, чтобы 1 экземпляръ сихъ повѣстей поднести (съ мыслію: тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ) одной почтенной, уважаемой мною особѣ, и тѣмъ показать мою признательность за его добрыя дѣла ко мнѣ; и во-вторыхъ, чтобы деньги, вырученныя за напечатанные экземпляры, предоставить въ пользу одного добраго, бѣднаго человѣка, имѣющаго на рукахъ своихъ большое семейство». Послѣ такого признанія Бурломскій не безъ колкости, но малоубѣдительно пытается разбить всѣ нападки критиковъ на его произведенія и защитить достоинство послѣднихъ.

С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, Спб., 1900. — Его-же, Русскія книги, т. 3-й.—«Посланіе къ критикамъ», Спб., 1836.—«Библіотека для чтенія» 1836 г., т. XVII, отд. VI, стр. 3. *В. Г.*

Бурлуцкій, *Іаковъ Петровичъ*, протоіерей, писатель, род. въ 1819 г., ум. 28 сентября 1886 г. въ Пензѣ. Бурлуцкій воспитывался въ пензенской духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ московскую духовную академію. Въ 1844 г. окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и служилъ послѣ того профессоромъ и инспекторомъ въ пензенской семинаріи, пользуясь славой прекраснаго педагога и добраго начальника. Въ 1884 г. Бурлуцкій оставилъ службу въ семинаріи и до самой смерти былъ протоіереемъ пензенскихъ Николаевской и Петровской церквей. Былъ онъ извѣстенъ и какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Помимо службы въ семинаріи и священническихъ обязанностей, Бурлуцкій былъ предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища, предсѣдателемъ попечительнаго совѣта женской прогимназіи, предсѣдателемъ кружка народныхъ чтеній, возникшаго по его замыслу и имъ же устроеннаго (уставъ этого кружка былъ составленъ также Бурлуцкимъ), предсѣдателемъ общества взаимнаго вспомоществованія духовенства пензенской епархіи, также устроеннаго Бурлуцкимъ, казначеемъ Иннокентіевскаго братства, которое возникло по мысли Бурлуцкаго и пользовалось написаннымъ имъ уставомъ, членомъ совѣта по устройству ремесленной школы въ Пензѣ, членомъ училищнаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія, членомъ епархіальнаго училищнаго совѣта по церковно-приходскимъ школамъ и наблюдателемъ ихъ, состоялъ гласнымъ пензенской городской думы, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ историко-статистическаго комитета (за статьи для этого комитета Бурлуцкій неоднократно получалъ благодарность), а также членомъ комитета для разбора архива консисторіи (результатомъ работъ Бурлуцкаго въ этомъ архивѣ явились его записки о состояніи раскола въ пензенской епархіи, напечатанныя въ «Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и отдѣльными оттисками и служившія въ качествѣ учебнаго руководства для воспитанниковъ пензенской семинаріи по исторіи мѣстнаго раскола). Одно время Бурлуцкій усиленно хлопоталъ объ организаціи общества страхованія церквей и церковныхъ домовъ; незадолго уже до смерти онъ устроилъ при епархіальномъ женскомъ училищѣ начальную школу для практическаго ознакомленія воспитанницъ съ лучшими пріемами обученія въ церковно-приходскихъ училищахъ. Много поработалъ Бурлуцкій по изданію «Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Задумавъ изданіе мѣстнаго епархіальнаго органа, онъ обратился съ рапортомъ объ этомъ къ начальству, составилъ программу изданія и былъ первымъ его редакторомъ. Кромѣ статей, помѣщавшихся съ 1866 г. въ «Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (статьи по исторіи мѣстнаго раскола, описанія церквей, монастырей и чудотворныхъ иконъ въ пензенской епархіи, жизнеописанія выдающихся духовныхъ и свѣтскихъ пензенскихъ дѣятелей, многочисленныя проповѣди и т. д.), Бурлуцкимъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) «О таинствѣ

покаянія» (Москва, 1848 г.,—магистерская диссертація); «Вѣсть изъ Пензы: объ основаніи училища для дѣвицъ духовнаго званія въ городѣ Пензѣ» (Прибавленіе къ «Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» 1861 г., часть II, № 2, стр. 132—139); «Прощаніе архіепископа Варлаама съ пензенской паствою» («Душеполезное Чтеніе» 1862 г., книга 12, стр. 442—461); «Празднованіе пятидесятилѣтія московской духовной академіи въ Пензѣ» («Душеполезное Чтеніе» 1864 г., книга 10, отд. II, стр. 57—60); «Краткій очеркъ жизни и служенія протоіерея Θеодора Петровича Островидова».

«Протоіерей I. П. Бурлуцкій» въ «Пенз. Еп. Вѣд.» 1886 г., № 20.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VI (1889 г.).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, С.-Пб., 1898.—Смирновъ, Исторія московской духовной академіи, М., 1879, стр. 241 и 552.—Н. Смирновъ, «Рѣчь передъ выносомъ тѣла прот. I. П. Б.» («Пенз. Еп. Вѣд.» 1886 г., № 20).—В. Маловскій, «Слово при погребеніи I. П. Б.» (ib.).—I. Благоразумовъ, «Рѣчь передъ отпѣваніемъ I. П. Б.» (ib.).—А. Алядвинъ, «Рѣчь при погребеніи I. П. В.» (ib.).—«Прощаніе съ семинаріей I. П. Б.» (ib., 1885 г., № 4).—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.—«Сѣверная Пчела» 1848 г., № 77, статья А. Сухарева (отзывъ о сочиненіи Бурлуцкаго: «О таинствѣ покаянія»).

В. Г.

Бурнашева, *Екатерина Павловна*, писательница и переводчица, род. 2 января 1819 г., ум. 9 мая 1875 г. По окончаніи образованія въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, она продолжала совершенствоваться въ иностранныхъ языкахъ и литературѣ подъ руководствомъ К. П. Гроссгейнриха и А. В. Никитенко и основательно ознакомилась съ 8-ю языками (французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ, латинскимъ, греческимъ, испанскимъ и португальскимъ). Первымъ ея литературнымъ опытомъ были стихи, переведенные съ французскаго, итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, которые были напечатаны подъ псевдонимомъ въ 1842—3 гг. въ «Сѣверной лирѣ»; затѣмъ она помѣщала оригинальныя статьи въ дѣтскихъ журналахъ «Звѣздочка» и «Лучъ». Посвятивъ себя также воспитательному дѣлу и пріобрѣтя въ немъ большую опытность (въ 1851—57 гг. была классной дамой въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, потомъ по 1868 г. въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ), Бурнашева помѣщала педагогическія статьи въ журналахъ «Воспитатель» и «Учитель». Переводы ея печатались во многихъ журналахъ; между прочимъ, въ «Русской Старинѣ» помѣщенъ ея переводъ съ французской рукописи, Записки де-ла-Флиза о походѣ великой арміи въ 1812 г. Отдѣльными изданіями вышли: 1) «Гувернантка», случай въ драматической формѣ. 2) «Переписка ученицъ съ наставникомъ». Статьи для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки съ приложеніемъ словаря. (Это переписка Е. И. В. съ ея учителемъ К. В. Гроссгейнрихомъ) СПб., 1861 г. Трудъ этотъ былъ одобренъ Учебнымъ комитетомъ. 3) «Путешествіе на Корсику, на островъ Эльбу и въ Сардинію». Соч. Валери. Перев. съ франц. СПб., 1846. Въ двухъ частяхъ. 4) «Сигизмундъ Рюстигъ, бременскій штурманъ новый Робинзонъ», соч. капитана Марріэта. Перев. съ англ., СПб., 1856. 5) «Елизавета Кульманъ и ея стихотворенія», соч. Гроссгейнриха, перев. Екат. и Марія Бурнашевы съ нѣм., СПб., 1849.

Венгеровъ, Русскія книги, вып. 27.—Семейный архивъ Бурнашевыхъ.

С. Бурнашевъ.

Бурнашева, *Марія Павловна*, род. 18 декабря 1817 г., ум. 9 декабря 1861 г. Она была сестрою Екатерины Павловны и съ нею вмѣстѣ перевела сочиненіе Гроссгейнриха «Елизавета Кульманъ» (см. выше). Владѣла прекрасно 9-ю языками. Въ началѣ 40-хъ годовъ стихотворенія ея (переводы съ англ., нѣм. и итальянск. языковъ) были напечатаны въ «Сѣверной Лирѣ» подъ буквами М. В. Бурнашева была начальницей женскаго училища I-го разряда въ Самарѣ.

Венгеровъ, Русскія книги, вып. 27.—Семейный архивъ Бурнашевыхъ.

С. Бурнашевъ.

Бурнашева, *Софья Петровна*, писательница, дочь орловскаго вице-губернатора, ум. 6 марта 1883 г. Въ литературѣ Бурнашева выступала подъ псевдонимами «Дѣвица Эсбе» и «Глафира Михайловна Щигровская». Бурнашева издала слѣдующія произведенія: 1) «Недѣля у бабушки на дачѣ» (СПб., 1839), 2) «Собраніе назидательныхъ и полезныхъ для юношества повѣстей». Соч. герцогини Абрантесъ, перев. съ франц. (СПб. 1839), 3) «Драматическій букетъ», СПб. 1859 (то же вышло въ Петербургѣ въ 1865 г. подъ заглавіемъ: «Новое изданіе театральныхъ

пьесъ для дѣтскаго театра», и 4) «Живые цвѣты», разсказъ (СПб. 1859). Кромѣ того, Бурнашева издала: «Рукодѣлья-забавы. Альбомъ всевозможныхъ пріятныхъ и увеселительныхъ дамскихъ работъ, служащихъ къ украшенію письменнаго и туалетнаго столика, кабинета, будуара и гостиной» (СПб., 1859) и «Наставленіе о томъ, какъ мыть, чистить и вообще содержать бѣлье и другіе предметы женскаго гардероба и туалета» (СПб., 1859). Въ 1858 г. Бурнашева начала издавать въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами, подъ своею редакціею, ежемѣсячный журналъ для юношества «Часъ досуга». Въ 1866 г. программа этого журнала была измѣнена, а цѣна уменьшена, но журналъ однако скоро прекратился (на 2-мъ номерѣ 1868 г.).

Князь Н. Голицынъ, Библіографическій Словарь русскихъ писательницъ 1759—1859 гг., СПб., 1889.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, СПб., 1898.—Ф. Толль, Наша дѣтская литература. СПб., 1862, стр. 253—255, 287—300.

В. Г.

✓ **Бурнашевъ,** *Владиміръ Петровичъ*, писатель и агрономъ, род. въ Орлѣ въ 1812 г., ум. въ Петербургѣ 31 января 1888 г. (его псевдонимы: «Вадимъ Байдаровъ», «Викторъ Бурьяновъ», «Ардашевъ», «Борисъ Волжинъ», «Петербургскій старожилъ» и другіе). Сынъ орловскаго вице-губернатора, Бурнашевъ получилъ домашнее, крайне неправильное образованіе. Первые его литературныя работы относятся къ ранней молодости. Съ 1828 по 1849 г. Бурнашевъ служилъ въ министерствѣ финансовъ, военномъ министерствѣ, министерствахъ удѣловъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ и въ канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода. Въ 1849 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника. Затѣмъ время до 1864 г. онъ посвятилъ исключительно литературнымъ занятіямъ. Въ 1864 г. онъ снова поступилъ на службу (въ Юго-Западномъ краѣ), въ 1867 г. вышелъ опять въ отставку и затѣмъ уже до самой смерти занимался исключительно литературной работой. Многолѣтняя литературная дѣятельность Бурнашева была очень плодовита и разнообразна. Помимо участія во многихъ газетахъ и журналахъ, онъ издалъ рядъ книгъ разнаго рода. Къ нимъ относятся прежде всего, книги по разнымъ вопросамъ русской промышленности, торговли, хозяйства, отдѣльные очерки различныхъ производствъ и т. д.: «Очеркъ исторіи мануфактуры въ Россіи» (СПб., 1833), «Способъ, донынѣ неизвѣстный, какъ выдѣлываются дубленыя овчины, употребляемыя на тулупы въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ» (СПб., 1838), «Картина образцоваго и энциклопедическаго хозяйства въ селѣ Красный Кутъ» (СПб., 1839), «Энциклопедія русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотницы и птичницы» (СПб., 1842), «Практическое руководство къ кожевенному производству и всѣхъ его отраслей, съ обстоятельнымъ наставленіемъ какъ устроить сельскій кожевенный заводъ» (СПб., 1843), «Практическое руководство къ валяльно-войлочному производству» (СПб., 1844), «Практическое руководство къ гребенному и роговому производствамъ» (СПб., 1844), «Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства фабричности, промысловъ и быта народнаго» (СПб., 1843—1844; первый опытъ въ этомъ родѣ въ русской литературѣ), «Бесѣды петербургскаго жителя въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ» (СПб., 1838 — 1845), «Руководство для молодыхъ людей, назначающихъ себя къ торговымъ дѣламъ» (СПб., 1847). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ книгъ для дѣтей: «Дѣтская книжка на 1835 г., которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прилежныхъ маленькихъ читателей и читательницъ В. Бурьяновъ» (СПб., 1835), «Прогулка съ дѣтьми по земному шару», 2 части (СПб., 1836, 1837 и 1844), «Дѣтскій разсказчикъ, или собраніе повѣстей, сказокъ, разсказовъ и театральныхъ піесокъ», 2 части (СПб., 1836), «Дѣтскія игрушки, театръ и камеръ-обскура. Книжка-гостинецъ» (СПб., 1837), «Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ», 4 части (СПб., 1837—1838), «Прогулка съ дѣтьми по Россіи», 4 части (СПб., 1837 и 1839), «Бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ: домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ и о торговлѣ» (СПб., 1837), «Совѣты для дѣтей или разсказы занимательныхъ анекдотовъ и проч., соч. Бульи», перев. съ франц. (СПб., 1838), «Зимніе вечера», Деппинга, перев. (СПб., 1838), «Новая энциклопедическая русская азбука и общеполезная дѣтская книга для чтенія. Сост. Викторъ Бурьяновъ» (СПб. 1838 и 1843), «Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу и

его окрестностямъ», 3 части (СПб., 1838). Бурнашеву же принадлежатъ нѣсколько книгъ для народа: «Деревенскій староста Миронъ Ивановъ» (СПб., 1839), «Сатана въ образѣ красавицы» (СПб., 1886), «Старо-рязанскій кладъ» (СПб., 1886), «Кавалеристъ-дѣвица Александрова-Дурова» (СПб., 1887), «Отечественная война 1812 г.» (СПб., 1888), «Разсказы о народной войнѣ 1812 г.» (СПб., 1888), «Перстъ Божій» (СПб., 1889); послѣднія шесть книгъ изданы редакціей журнала «Досугъ и Дѣло». Кромѣ перечисленныхъ книгъ, Бурнашевъ издалъ отдѣльно: «Описаніе удѣльнаго земледѣльческаго училища» (СПб., 1834 и 1839), «Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной служебной дѣятельности» (1834 — 1850) (Москва, 1873), «Обзоръ картинныхъ галлерей Эрмитажа» (СПб., 1833, книжка 1-я) и «Наши чудодѣи» (СПб., 1875, подъ псевдонимомъ «Касьянъ Касьяновъ»). Журнальныя и газетныя статьи Бурнашева такъ же разнообразны по содержанію, какъ и его книги: среди нихъ есть литературныя и иныя воспоминанія, статьи экономическаго и хозяйственно-техническаго характера и т. д. Бурнашевъ былъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы» (1832—1833 гг.), «Отечественныхъ Записокъ» (1841—1843 гг.), «Трудовъ Императорскаго Вольно-экономическаго Общества» (1854 г.), «Русскаго міра» и «Русскаго Вѣстника» (1871—1872 гг.), «Биржевыхъ Вѣдомостей» (1872—1873 гг.), «Дѣла» (1873 — 1874 гг.) «Пчелы» (1875 г.); кромѣ того, онъ помѣщалъ статьи въ «Зарѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Акціонерѣ», «Нивѣ», «Природѣ и Охотѣ», «Сельскомъ Хозяйствѣ», «Земледѣльческой Газетѣ», «Вѣдомостяхъ с.-петербургскаго градоначальства и полиціи». Изъ статей Бурнашева въ періодическихъ изданіяхъ не лишены значенія: «Четверги у Н. И. Греча» («Заря» 1871 г., кн. 4), «Моя служба при Д. Г. Бибиковѣ, 1828—1834» («Русскій Міръ», 1871 г., №№ 89—115), «Мое знакомство съ А. Ѳ. Воейковымъ въ 1830 г. и его пятничныя литературныя собранія» («Русскій Вѣстникъ» 1871 г., т. XCV и XCVI), «Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ» («Русскій Архивъ», 1872 г.), «Булгаринъ и Песоцкій», изъ воспоминаній («Биржевыя Вѣдомости» 1872 г., №№ 284—285), «Къ исторіи нашей литературы недавняго прошлаго» («Биржевыя Вѣдомости», 1872 г. №№ 347—348), «Воспоминанія объ А. Е. Измайловѣ» («Дѣло», 1874 г., кн. 4), «Воспоминанія о театрѣ графа Каменскаго въ Орлѣ» («Дѣло», 1873 г.), «Воспоминанія петербургскаго сторожила» («Русскій Вѣстникъ» 1872 г.) и т. д. Наконецъ, подъ редакціей Бурнашева издавались: «Экономъ», хозяйственная и общеполезная библіотека (съ 1841 по 1845 годъ, вмѣстѣ съ Ѳ. В. Булгаринымъ), «Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества» (1850—1857 гг.) и «Листокъ для всѣхъ, газета реальныхъ знаній, промышленности, хозяйства, домоводства и общедоступной медицины» (1858—1860 гг.) Н. С. Лѣсковъ, считающій Бурнашева родоначальникомъ журнальной богемы въ Россіи, говоритъ объ немъ: «Бурнашевъ провелъ всю свою многолѣтнюю жизнь въ сношеніяхъ съ редакціями, написалъ ужасно много, не пользуясь въ литературномъ обществѣ не только уваженіемъ, но даже состраданіемъ, въ которомъ крайне нуждался въ послѣдніе годы своей слишкомъ затянувшейся жизни.. Критика обращала на него вниманіе рѣдко, и то или ошибкою, или тогда, когда представлялся случай указать въ его работахъ грубый промахъ или что-либо непозволительное въ иномъ родѣ». Бурнашевъ оставилъ послѣ себя переданную имъ Лѣскову свою автобіографію, озаглавленную: «Мой литературный формуляръ и нѣчто въ родѣ acquis de conscience».

«Дѣло» 1888 г., № 1, стр. 84.—«Новое Время» 1888 г., № 4285.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VIII (М. 1900).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. 3, СПб., 1898.—Н. Лѣсковъ, «Первенецъ богемы въ Россіи» («Историческій Вѣстникъ» 1888 г., № 6).—Поправка къ этой статьѣ А. Л. (архіепископа Леонтія?), тамъ-же, 1888 г., № 7.—Бѣлинскій, Сочиненія, т. II, стр. 220—221; т. X, стр. 32—33.—В. Майковъ, Критическіе опыты. СПб., 1891 г., стр. 712—721. — «Отечественныя Записки» 1844 г., т. XXXVII, изд. VI, стр. 46—50.—«Гражданинъ», 1873 г., № 3, стр. 87—88.—«Всемірная Иллюстрація» 1888 г., т. XXXIX, стр. 122.—«Истор. Вѣстн.» 1888 г., № 8.—«Петербургскій Листокъ» 1888 г., № 33.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, СПб., 1900. — Словари: Брокгаузъ-Ефрона и Березина (см. В. Бурьяновъ).

Бурнашевъ, *Степанъ Даниловичъ*, сенаторъ, писатель и картографъ, род. 8 октября 1743 г., ум. 31 марта 1824 г. Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Получивъ домашнее образо-

ванiе, Бурнашевъ 16-ти лѣтъ поступилъ въ инженерный корпусъ, по окончанiи коего принималъ участiе въ строенiи ораніенбаумской крѣпости, затѣмъ командовалъ инженерной частью въ черниговской крѣпости и управлялъ коммиссiей по водянымъ сообщенiямъ, обучая при томъ учениковъ гидравликѣ и механикѣ. Когда началась 1-я Русско-Турецкая война, Бурнашевъ, по собственному желанiю, перевелся въ дѣйствующую армiю. Командуя авангардомъ корпуса князя Щербатова, онъ съ 2.000 егерями и легкой конницей, за неприбытiемъ военныхъ лодокъ, переправился вплавь черезъ Геническiй проливъ на Арабатскую косу и, сражаясь 3 дня съ непрiятелемъ, прогналъ его до стѣнъ Арабата, тутъ же изобрѣлъ средство сдѣлать штурмовыя лѣстницы изъ рогатокъ и взялъ крѣпость штурмомъ. Затѣмъ, при помощи легкихъ войскъ, Бурнашевъ занялъ Керчъ и Еникале. Кампанiя эта доставила ему чинъ премьеръ-маiора и орденъ св. Георгiя IV-го класса. Принявъ въ командованiе курскiй пѣхотный полкъ, бывшiй зараженнымъ чумой, Бурнашевъ прекратилъ заразу, простоявъ зимой въ лагерѣ. По окончанiи войны онъ находился въ Петербургѣ при постройкѣ публичныхъ зданiй, а въ 1778 г., командуя ширванскимъ полкомъ, былъ въ походѣ на Крымскомъ полуостровѣ. Въ 1783 г. Бурнашевъ, въ чинѣ полковника, назначенъ былъ уполномоченнымъ (коммиссiонеромъ) при царѣ карталинскомъ и кахетинскомъ Ираклiи II и имеретинскомъ Соломонѣ I, въ каковой должности и оставался до 1787 г., когда, наканунѣ 2-й Русско-Турецкой войны, къ большему огорченiю царя Ираклiя и его подданныхъ, былъ отозванъ въ Россiю вмѣстѣ съ находившимся подъ его командою русскимъ вспомогательнымъ войскомъ, бывшимъ въ Грузiи на основанiи 2 сепаратнаго артикула Грузинскаго договора 1783 г. Дипломатическая дѣятельность Бурнашева въ дѣлѣ сближенiя Грузiи съ Россiей мало по малу подготовила присоединенiе Грузiи къ державѣ Россiйской. Отношенiя между Бурнашевымъ и грузинскимъ дворомъ были самыя близкiя, но они не мѣшали ему, какъ представителю Русскаго государства, быть настойчивымъ въ своихъ требованiяхъ, напр., онъ настоялъ, чтобы Ираклiй прекратилъ всѣ недоразумѣнiя, бывшiя между нимъ и царемъ Соломономъ и дѣйствовалъ единодушно. По смерти же Соломона Бурнашеву удалось возстановить спокойствiе въ Имеретiи и уговорить Ираклiя признать законнымъ избранiе на имеретинскiй престолъ Давида Георгiевича, хотя грузинскiй царь выставилъ кандидатуру внука своего Давида Арчиловича. Вторая турецкая война вновь выдвинула Бурнашева, какъ искуснаго военачальника. Особенно отличился онъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, за что награжденъ былъ орденомъ св. Георгiя III-го класса и чиномъ генералъ-маiора. Выражаясь словами историка, онъ «на рымникской баталiи всю цесарскую кавалерiю привелъ въ удивленiе». Въ 1791 г. Бурнашевъ былъ назначенъ правителемъ курскаго намѣстничества, а, по упраздненiи въ 1797 г. намѣстничества, первымъ курскимъ гражданскимъ губернаторомъ. По сохранившимся отъ того времени въ курскомъ губернскомъ правленiи документамъ видно, что управленiе Бурнашева этимъ краемъ было въ высшей степени заботливымъ и попечительнымъ для населенiя. При утвержденiи приговоровъ о тѣлесныхъ наказанiяхъ преступниковъ, онъ не упускалъ случая уменьшить (частью на-половину) эти наказанiя, иногда совсѣмъ отмѣнялъ плети и палки, замѣняя ихъ другими взысканiями, несмотря на то, что въ дѣлахъ службы онъ былъ строгъ и требователенъ. Въ декабрѣ 1798 г. Бурнашевъ назначенъ къ присутствованiю въ Правительствующiй Сенатъ. Въ 1800 г. онъ, вмѣстѣ съ 12-ю сенаторами, уволенъ отъ службы; по вступленiи на престолъ Александра I Бурнашеву было вновь повелѣно присутствовать въ Сенатѣ. Въ октябрѣ того-же года онъ вышелъ въ отставку и получилъ, во вниманiе къ его усердной службѣ, пенсiю въ размѣрѣ получаемаго имъ содержанiя. Уединясь въ имѣнiи своемъ, курской губ., фатежскаго уѣзда, селѣ Спасскомъ, онъ прожилъ въ отставкѣ болѣе 20-ти лѣтъ. Досуги свои посвятилъ онъ изложенiю мыслей и мнѣнiй по нѣкоторымъ предметамъ государственнаго строя и управленiя. Труды эти остались неизданными. Будучи на Кавказѣ, онъ обратилъ вниманiе на географическое, статистическое и политическое состоянiе края, и плодомъ его наблюденiй были изданныя имъ слѣдующiя сочиненiя, принадлежащiя нынѣ къ числу рѣдчайшихъ. Первое из-

нихъ недавно переиздано. 1) «Картина Грузіи или описаніе политическаго состоянія царствъ карталинскаго и кахетинскаго». Курскъ, 1793. Тоже. Изданіе К. Н. Бѣгичева. Тифлисъ. 1896. 2) «Описаніе областей Адербижанскихъ въ Персіи и ихъ политическаго состоянія». Курскъ, 1793 (объ этомъ сочиненіи см. энциклоп. лексиконъ Плюшара, Т. VII, стр. 411 и 412 и «Русскій Зритель», Москва 1828 г.). 3) «Описаніе горскихъ народовъ». Курскъ, 1794.—Картографическіе труды Бурнашева о Кавказѣ очень цѣнны и для XVIII столѣтія являются единственными подробными и тщательными по исполненію.

С. Бурнашевъ, Новые матеріалы для жизнеописанія и дѣятельности С. Д. Бурнашева, подъ ред. А. А. Цагарели. СПб. 1901.—А. Танковъ. «Тайный Совѣтникъ С. Д. Бурнашевъ» (по поводу столѣтія присоединенія Грузіи къ Россія). «Курскія Губ. Вѣд.». 1901 г. №№ 204, 205, 209 и 231.

С. Бурнашевъ.

Бурнашъ-Ялычевъ, сибирскій казачій атаманъ, бывшій главнымъ участникомъ древнѣйшаго путешествія русскихъ въ Китай. Желая получить свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ за Сибирью, Іоаннъ IV въ 1567 г. послалъ Бурнаша-Ялычева, вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Петровымъ и нѣсколькими товарищами, въ Китай съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ городовъ. Путешественники, «гдѣ которые городы за Сибирью видѣли, Китайскому государству и Мунгальской земли, и инымъ мѣстомъ, жилымъ и кочевымъ, и великой Оби рѣки, и прочимъ дорогамъ и рѣкамъ, и тѣмъ всѣмъ вывезли сказку и роспись». Въ этомъ своемъ донесеніи Бурнашъ-Ялычевъ описалъ всѣ земли «отъ Байкала до моря Корейскаго», былъ «въ улусахъ Черной или Западной Мунгаліи, и въ городахъ Восточной или Желтой», гдѣ царствовала женщина. Послѣ разсказовъ по слухамъ о Туркестанѣ, Бухарѣ, Кашгарѣ, Тибетѣ, донесеніе сообщаетъ о путешественникахъ, что грамота мунгальской царицы открыла для нихъ желѣзныя врата стѣны китайской, но, свободно достигнувъ Пекина, они не могли видѣть императора, не имѣвъ къ нему даровъ отъ государя. По словамъ Карамзина, мы «обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ о Китаѣ извѣстіямъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ казаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отчасти венеціянскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ».

«Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, т. IX.—Энциклопедич. словари: Толля, Березина, Клюшникова, Плюшара.

Бурси, *Карлъ Даниловичъ* (Bursy, Karl Gottlieb Heinrich Friedrich), докторъ медицины, писатель, род. 26 ноября 1791 г. Внукъ гольдингенскаго городского секретаря и сынъ пастора, Бурси родился въ Блиденскомъ пасторатѣ; съ 1811 по 1813 г. изучалъ медицину въ Берлинѣ, а съ 1813 по 1815 г.—въ Дерптѣ. Здѣсь онъ принялъ участіе въ конкурсѣ на объявленную отъ медицинскаго факультета задачу: «De expositione actionum vitalium in organismo animali» etc. и удостоенъ былъ серебряною медалью. Въ 1815 г., пріобрѣтя въ дерптскомъ университетѣ степень доктора медицины, Бурси, для усовершенствованія въ спеціальности, слушалъ нѣкоторое время лекціи и посѣщалъ клиники въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ 1816 г. вернулся обратно въ Курляндію и долгое время занимался частною врачебною практикою въ Гренцгофѣ и Фокенгофѣ; въ 1826 г. онъ занялъ мѣсто врача при минеральныхъ водахъ въ Бальдонѣ, а впослѣдствіи—должность инспектора курляндской врачебной управы, гдѣ и дослужился до чина статскаго совѣтника, и награжденія орденомъ св. Анны 2 степени. Интересуясь съ юности литературою, музыкою и искусствомъ, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ своею медицинскою спеціальностью, Бурси принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ курляндскаго литературнаго и художественнаго общества и состоялъ долгое время однимъ изъ директоровъ курляндскаго провинціальнаго музея.—Бурси сотрудничалъ въ журналахъ: «Wohlfart's Jahrbücher für d. Lebensmagnetismus», «Kaiser's Archiv f. d. Thierischen Magnetismus», «Hufeland's Journal d. Heilkunde», «Inland» и др. Отдѣльно издалъ: 1) Der fröhliche Sänger. Mitau. 1814.—2) Dissert. inauguralis. Animadversiones historico-criticae in doctrinam de consensu, antagonismo et antenergia. Dorpat. 1815.—3) Das vierte Palmenblatt—ein Fragment, oder das Büchlein vom weiblichen Egoismus. Mitau. 1823.—4) Erinnerungsblätter. Berlin. 1823.

5) Das künstliche Licht u. die Brillen. Mitau u. Leipzig. 1846.

Recke u Napiersky, Schrift. u. Gelehrt. Lexicon, B. I. und Anhang I, II.

Бурухинъ, *Иванъ Даниловичъ*, академикъ искусства мозаики, род. въ 1828 г., ум. 19 іюля 1886 г. въ Дудергофѣ. Сынъ вольноотпущеннаго двороваго, Бурухинъ получилъ образованіе въ академіи художествъ, во время обученія въ которой получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры (1848 г.). Въ 1850 г. Бурухинъ былъ выпущенъ изъ академіи съ званіемъ неклассного художника по части живописи исторической и портретной. Въ 1852 г. онъ поступилъ ученикомъ въ новооткрытое около этого времени Императорское мозаичное заведеніе. Въ 1853 г. Бурухинъ былъ повышенъ въ помощники мозаичиста, а въ 1861 г.—въ старшіе мастера мозаичнаго отдѣленія академіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ, почти до самой смерти, Бурухинъ былъ участникомъ всѣхъ наиболѣе важныхъ работъ этого заведенія (напримѣръ, въ изготовленіи мозаичныхъ образовъ для Исаакіевскаго собора). Лучшимъ произведеніемъ его является огромный образъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ иконостасѣ главнаго придѣла, съ лѣвой стороны отъ царскихъ дверей,—группа святыхъ, соименныхъ особамъ Императорскаго Дома. Въ томъ же соборѣ есть и другія работы Бурухина; «Спаситель, благословляющій дѣтей» (мозаичный образъ съ оригинала Т. А. Неффа), «Святая Анастасія» (въ правомъ придѣлѣ), «Св. Евангелистъ Іоаннъ» (въ парусѣ большого купола; Бурухину принадлежитъ работа головы, руки и зеленой драпировки), «Ангелъ у гроба Господня», «Христосъ, сидящій на престолѣ» и др. Есть еще мозаичный образъ работы Бурухина на Аѳонской горѣ. За искусство и трудолюбіе въ работѣ Бурухинъ получилъ нѣсколько Высочайшихъ наградъ; кромѣ того, въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ званіе классного художника 3 степени, въ 1867 г.—въ академики мозаическаго искусства и въ 1877 г.—въ почетные вольные общники академіи художествъ. Вслѣдствіе разстройства здоровья, Бурухинъ въ маѣ 1886 г. принужденъ былъ оставить занятія въ мозаическомъ отдѣленіи и вышелъ въ отставку съ пенсіей.

Некрологъ въ «Художественныхъ Новостяхъ» 1886 г., № 15, стр. 441—442.—П. И. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ.—Энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона.

Бурцовъ, ***Василій Ѳедоровъ***, книгопечатникъ. Какъ видно изъ дѣлъ печатнаго приказа, «подъячій сынъ Василій Ѳедоровъ сынъ Бурцовъ», по указу патріарха Филарета, въ 1633 г. поступилъ на московскій печатный дворъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, устроилъ два новыхъ печатныхъ станка и «прибралъ мастеровыхъ людей» для печатныхъ работъ. Являясь не только печатникомъ, но и рѣзчикомъ печатныхъ буквъ (онъ называется мастеромъ «книжново печатново азбучново дѣла»), Бурцовъ приготовилъ для печатанія особый шрифтъ или азбуку,—полууставную, бывшую одного размѣра съ первопечатной азбукой, но отличавшуюся отъ нея рисункомъ. Можно предполагать, что работу Бурцова составляютъ и вырѣзанныя на деревѣ украшенія, которыя находятся въ напечатанныхъ имъ книгахъ, напримѣръ приложенный къ «Букварю» рисунокъ представляющій внутренній видъ современнаго училища. То обстоятельство, что на нѣкоторыхъ книгахъ (какъ напр., «Букварь», «Толковое Евангеліе», «Апостолъ», «Минея служебная») помѣщено имя Бурцова, послужило поводомъ къ зачисленію его митрополитомъ Евгеніемъ и архіепископомъ Филаретомъ, въ число русскихъ писателей; между тѣмъ Бурцовъ, подобно другимъ печатникамъ, выставлялъ свое имя на книгахъ своей работы, обозначая этимъ свое участіе лишь въ печатаніи, а не въ составленіи книги. Насколько извѣстно, онъ завѣдывалъ на печатномъ дворѣ лишь технической стороною дѣла, а справщиками и редакторами книгъ были другіе. Упомянутый букварь печати Бурцова («Букварь языка Словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію божественныхъ писаній, съ молитвами, десятословіемъ Моисеевымъ и со изложеніемъ краткихъ вопросовъ о Вѣрѣ») въ первый разъ былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1637 г., а затѣмъ его изданіе нѣсколько разъ повторялось (тамъ же, въ 1657, 1664, 1698 гг.)· въ 1781 г. раскольники, «по нѣкоторому предубѣжденію къ сему Букварю», издали его въ своей такъ называемой Супральской типографіи.

Словари: Митроп. Евгенія, Брокгауза и Ефрона Н. Новикова.—«Сынъ Отечества» 1821 г., ч. LXXIV, № 41, стр. 270.—«Словарь историческій» 1790—1798 гг., II, 510.

Бурцовъ, *Иванъ Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1794 г., ум. 23 іюля 1829 г. въ Байбуртѣ. 30 іюля 1812 г. Бурцовъ, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ армію съ чиномъ прапорщика. 6 февраля 1813 г. онъ былъ опредѣленъ въ свиту Его Императорскаго Величества (нынѣ генеральный штабъ) и, вскорѣ затѣмъ, съ корпусомъ войскъ графа Толстого, выступилъ участникомъ сраженій съ французскими войсками при Дрезденѣ, Донѣ, Кайтицѣ и Плауенѣ, а въ 1814 г. участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ подъ Гамбургомъ. Отличныя способности, выказанныя Бурцовымъ въ этой компаніи, обратили на него особенное вниманіе; 1 августа 1814 г. онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, въ 1822 г.—произведенъ въ полковники, 18 марта 1824 г. назначенъ командиромъ уфимскаго пѣхотнаго полка и затѣмъ командовалъ послѣдовательно полками: колыванскимъ, тифлисскимъ и мингрельскимъ, а съ началомъ турецкой войны 1828—1829 гг., былъ причисленъ къ свитѣ главнокомандующаго. Въ 1828 г. Бурцовъ съ особеннымъ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ: при осадѣ и взятіи Карса, Ахалкалаки и Ахалцыха, и въ августѣ того же года назначенъ командующимъ херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ. Кампанію 1829 г. Бурцовъ открылъ первый. Въ день полученія графомъ Паскевичемъ рѣшительныхъ извѣстій о намѣреніи турокъ овладѣть Ахалцыхомъ, Бурцову было поручено, съ семью ротами пѣхоты, полкомъ казаковъ и пятью орудіями, двинуться на освобожденіе крѣпости, блокированной непріятельскими войсками, подъ предводительствомъ Ахметъ-Бека Аджарскаго. Быстро двигаясь, Бурцовъ 26 февраля достигъ рѣки Куры, выдержалъ у переправы двухдневный бой съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, 1 марта перешелъ на правый берегъ и, наступая искуснымъ фланговымъ движеніемъ къ Ахалцыху, съ отрядомъ, составлявшимъ авангардъ корпуса генерала Муравьева, понудилъ Аджарскаго хана снять осаду; вечеромъ-же 5 марта Бурцовъ вступилъ въ освобожденную крѣпость. 14 апрѣля, за отличіе, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 2-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи. Эту награду Бурцовъ не замедлилъ оправдать новымъ подвигомъ. Въ исходѣ апрѣля, когда выяснилось новое намѣреніе турецкихъ войскъ овладѣть Ахалцыхомъ, и авангардъ ихъ до 5000 человѣкъ, находясь подъ личнымъ начальствомъ Ахметъ-паши, уже двинулся на разграбленіе христіанскихъ деревень ардаганскаго санджака, Бурцовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ высланъ къ дер. Цурцкабъ (въ 50 верстахъ отъ Ахалцыха), черезъ которую непріятель долженъ былъ возвращаться. Подойдя къ деревнѣ, Бурцовъ нашелъ въ ней уже все турецкое ополченіе, значительно превосходившіе его силы. Не смотря на это, онъ предпочелъ атаковать непріятеля; вытѣсняя турокъ съ одной высоты на другую, отрядъ дошелъ до Цурцкаба, гдѣ былъ остановленъ сильнымъ укрѣпленіемъ. Послѣ долгой перестрѣлки, ханъ устремилъ противъ русскаго отряда всѣ свои силы, но отбитый съ урономъ на всѣхъ пунктахъ, вернулся въ укрѣпленіе и на утро, не выждавъ вторичнаго нападенія, обратился въ бѣгство. Бурцовъ преслѣдовалъ его и по пути сжегъ нѣсколько непокорныхъ селеній, совершенно опустошивъ, такимъ образомъ, край, гдѣ турецкія войска находили постоянное убѣжище; 2 мая онъ возвратился къ Ахалцыху, а оттуда отошелъ къ Ахцуру, для окончанія возводившагося въ Боржомскомъ ущельѣ укрѣпленія, названнаго Страшнымъ окопомъ. Между тѣмъ ханъ опять собралъ свои разсыпанныя войска и съ значительными силами расположился снова въ виду Ахалцыха, на неприступныхъ Аджарскихъ горахъ. Получивъ донесеніе о томъ, графъ Паскевичъ предписалъ Бурцову немедленно приблизить свой отрядъ къ Поцховскому ущелью, а генералу Муравьеву двинуться изъ Ардагана въ тылъ туркамъ. 1 іюня авангардъ Бурцова прибылъ къ селенію Дигуръ и здѣсь выдержалъ пятичасовой бой съ спустившимися съ горъ турками; вечеромъ того-же дня вступилъ въ дѣло весь отрядъ и, поддерживаемый демонстраціею Муравьева, заставилъ непріятеля отступить въ укрѣпленный лагерь, гдѣ, атакованный на другой день соединенными силами обоихъ генераловъ, турецкій корпусъ былъ разбитъ на голову и обратился въ бѣгство, оставивъ побѣдителямъ весь свой станъ, богатые запасы и всю артиллерію. Весь корпусъ около 15000 ч., собранный большею частью изъ воинственныхъ народовъ аджаровъ и лазовъ, предводимыхъ тремя пашами, былъ совершенно уничтоженъ. Вслѣдъ затѣмъ Муравьевъ, а съ нимъ и Бурцовъ, были отозваны къ Карсу. 13 іюня

Паскевичъ двинулся къ Сагаилугскому хребту, а Бурцову съ отдѣльнымъ отрядомъ поручилъ произвести демострацію къ Милли-Дюза, съ цѣлью отвлечь вниманіе войскъ Гагки-паши отъ направленія марша главныхъ силъ. Принявъ отрядъ генерала Бурцова за главныя силы, турки открыли противъ него наступленіе и успѣли значительно растянуть свои силы, а тѣмъ временемъ весь корпусъ Паскевича появился противъ ихъ лѣваго фланга. 19 и 20 іюня, въ битвахъ при Каинлахъ и Милли-Дюзѣ, нанесено рѣшительное пораженіе войскамъ Эрзерумскаго сераскира и трехбунчужнаго Гагки-паши; Бурцовъ явился здѣсь однимъ изъ ближайшихъ участниковъ. Послѣ этой двойной побѣды, онъ былъ посланъ съ отдѣльнымъ отрядомъ къ деревнѣ Ардосу, для увеличенія въ непріятелѣ страха, произведеннаго рѣшительнымъ пораженіемъ; 27 іюня участвовалъ въ покореніи Эрзерума и 7 іюля занялъ безъ боя городъ Байбуртъ. Тамъ, узнавъ, что турки въ числѣ до 12.000 собрались на дорогѣ къ Трапезонту, въ г. Гюмишъ-Хане, и разсчитывая предупредить ихъ нечаяннымъ нападеніемъ, Бурцовъ, въ ночь 18 іюля, выступилъ противъ нихъ съ пятью ротами пѣхоты и съ конно-мусульманскимъ полкомъ. Подойдя къ селенію Хартъ, онъ нашелъ его занятымъ превосходнѣйшими силами непріятеля, однако повелъ свой отрядъ въ атаку, лично ставъ во главѣ мусульманскаго полка; въ пылу битвы, увлекшись преслѣдованіемъ непріятельскаго знаменщика, Бурцовъ былъ имъ смертельно раненъ въ грудь на вылетъ изъ пистолета и на четвертый день скончался.

«Журн. для чтенія воспит. воен.-учебн. завед.» 1860 г. №№ 584 и 585.—«Кавказцы», Новоселова, вып. 54—58.—Словари: Зедделера, Старчевскаго, Плюшара, Березина и Клюшникова. *Д. С.*

Буслаевъ, *Петръ*, поэтъ XVIII в., годы рожденія и смерти его неизвѣстны. По окончаніи богословскаго курса въ московской духовной академіи, Буслаевъ былъ посвященъ въ діаконы и опредѣленъ въ московскій Успенскій соборъ, но затѣмъ лишившись жены, сложилъ съ себя духовный санъ. Поэтическій даръ Буслаева обнаружился еще въ бытность его въ академіи, но извѣстность пріобрѣлъ онъ себѣ поэмой, которую написалъ силлабическими стихами, на смерть баронессы Марьи Яковлевны Строгановой. Эта книга, принадлежащая къ библіографическимъ рѣдкостямъ, издана въ Петербургѣ въ 1734 г. въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ «Умозрительство душевное, описанное стихами, о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной баронессы Строгановой». Къ книгѣ приложены два надгробія, также написанныя Буслаевымъ, но въ прозѣ; одно—покойной баронессѣ, а другое—ея мужу, Г. Д. Строганову. Объ этой книгѣ есть три критическихъ отзыва: 1) Восторженный отзывъ Тредьяковскаго, въ статьѣ «Разсужденіе о Росс. стихотвореніи», въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1755 г., іюнь; 2) Карамзинъ въ «Пантеонѣ русскихъ писателей» говоритъ, что «многіе стихи Буслаева прекрасны, а въ особенности хорошо его описаніе Христа»; 3) Митрополитъ Евгеній призналъ у Буслаева «способность къ стихотворенію». Примѣчанія, сопровождающія поэму Буслаева, доказываютъ знакомство его съ хорошими образцами древнихъ классиковъ.

Словари: Новикова, Плюшара, Митр. Евгенія, Геннади, Толля, Березина, Клюшникова, Брокгауза-Эфрона.—Филаретъ, Обзоръ русск. духовн. лит., стр. 309.—Смирновъ, Ист. Моск. Академіи, 248.

Бусманъ, *Мартинъ Осиповичъ*, инспекторъ могилевской врачебной управы, докторъ-филантропъ, ум. въ Могилевѣ 31 января 1852 г., 67-ми лѣтъ отъ роду. Бусманъ былъ родомъ изъ Виртембергскаго королевства, гдѣ и получилъ медицинское образованіе (онъ имѣлъ степень доктора медицины). Въ 1808 г. Бусманъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу. Въ 1809 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и назначенъ въ полоцкій пѣхотный полкъ, вмѣстѣ съ которымъ находился на гребной флотиліи въ сраженіяхъ съ англичанами. Въ 1812 г., находясь вмѣстѣ съ своимъ полкомъ въ предѣлахъ Россіи, Бусманъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Динабургѣ, подъ Полоцкомъ, подъ мѣстечкомъ Чашниками и подъ Старымъ Борисовымъ, при рѣкѣ Березинѣ. «За отличное искусство при пользованіи и дѣятельность, оказанную въ подаяніи пособія во время сраженій», Бусманъ въ февралѣ и декабрѣ 1812 г. получилъ въ награду бриліантовые перстни. Пребывая въ теченіе 1813 и 1814 г. за границею, Бусманъ былъ въ сраженіяхъ подъ Либау, Нидеръ-Пуцкау, Эстенъ-Верденъ, на аванпостахъ при Майнцѣ, при занятіи штурмомъ Реймса и взятіи Монмартскихъ горъ. Въ началѣ апрѣля 1815 г. Бусманъ снова возвратился

въ Россію и въ томъ же мѣсяцѣ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ надворные совѣтники. Постоянные походы и тяжелые труды разстроили здоровье Бусмана и принудили его въ ноябрѣ 1816 г. выйти въ отставку, въ которой онъ находился около девяти лѣтъ. Въ 1825 г. онъ снова поступилъ на службу операторомъ въ могилевскую врачебную управу, а нѣсколько позже принялъ на себя и исполненіе должности врача при мѣстной духовной семинаріи. Въ 1825 г. Бусманъ перешелъ въ русское подданство. Его труды послѣ вторичнаго поступленія на службу снова обратили на него вниманіе начальства, и въ 1828 г. онъ получилъ изъявленіе Высочайшаго благоволенія и благодарность комиссіи духовныхъ училищъ, а въ 1829 г. орденъ св. Анны 2 степени; въ слѣдующемъ году онъ произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники. Когда въ 1830 г. въ Россіи появилась холера, Бусманъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ сначала въ Саратовъ, а потомъ въ Кострому. Въ 1832 г. ему былъ пожалованъ бриллiантовый перстень, въ 1833 г.—чинъ статскаго совѣтника, а въ 1837 г.—орденъ св. Станислава 3 степени (по упраздненіи 4 степени этого ордена, онъ былъ переименованъ въ кавалеры ордена св. Станислава 2 степени). 6 марта 1838 г. Бусманъ былъ утвержденъ въ должности инспектора могилевской врачебной управы, при чемъ имѣлъ на эту должность дипломъ отъ виленскаго университета. Бусманъ славился участливымъ отношеніемъ къ бѣднымъ классамъ населенія, которымъ помогалъ не только въ болѣзняхъ: въ его домѣ постоянно бывали цѣлыя толпы бѣдняковъ, искавшихъ то совѣта, то денежной помощи, то защиты и ходатайства. Бусманъ, по мѣрѣ силъ, никому не отказывалъ.

Севостьяновъ, «М. О. Бусманъ», въ «Могилевскихъ Губ. Вѣдом.» 1854 г., № 19, стр. 352—355. *В. Г.*

Буссе, *Іоаннъ-Генрихъ*, пасторъ, почетный членъ академіи наукъ, род. 14 сентября 1763 г. въ Гарделебенѣ, Бранденбургской провинціи, ум. 20 іюля 1835 г. въ Грабовѣ, близъ Щедрина. Окончивъ курсъ въ галльскомъ университетѣ, Буссе отправился, по приглашенію, въ Петербургъ, гдѣ въ августѣ 1785 г. былъ назначенъ конректоромъ при академической гимназіи. Въ 1788 г. онъ былъ переименованъ въ унтеръ-библіотекари при академіи наукъ и въ этой должности оставался до 1795 г., когда былъ назначенъ адъюнктомъ академіи. Въ 1801 г. Буссе оставилъ академію, и съ званіемъ консисторіальрата опредѣленъ пасторомъ въ церк. св. Екатерины на Васильевскомъ островѣ. Съ 1819 г., покинувъ Россію, Буссе жилъ сперва въ Галле, а затѣмъ въ Грабовѣ. Особеннаго вниманія изъ литературныхъ трудовъ Буссе заслуживаетъ его повременное изданіе «Journal von Russland», издававшееся съ 1794 по 1796 гг., исключительно посвященное свѣдѣніямъ о Россіи. Онъ также старался знакомить своихъ соотечественниковъ съ лучшими литературными и учеными трудами русскихъ. Съ этою цѣлью Буссе перевелъ, между прочимъ, съ русскаго на нѣмецкій языкъ «Путешествіе по сѣверовосточной Сибири» Сарычева и издалъ въ Лейпцигѣ въ 1805 г., подъ заглавіемъ «Gawrilla Sarytschew's achtjährige Reise im nordöstlichen Sibirien, auf dem Eismeere und dem nördlichen Ocean». На русскій языкъ переведены его слѣдующія два сочиненія: «Священныя размышленія, ведущія къ настоящему исправленію въ христіанской жизни», 1784 г. и «Слово, проповѣданное въ Екатериненской лютеранской церкви 17 мая 1803 г., по случаю тридневнаго торжественнаго празднованія перваго столѣтія, прошедшаго отъ основанія столичнаго града С.-Петербурга», СПб., 1803 г.

Словари: Плюшара, М. Евгенія, Геннаdи, Толля, Березина, Клюшникова.

Буссе, *Людвигъ Филипповичъ*, магистръ ветеринаріи, ум. въ 1873 г. Буссе состоялъ ветеринарнымъ врачемъ при главной придворной конюшнѣ. Онъ съ 1859 г. состоялъ членомъ Императорскаго Вольно-экономическаго общества, въ занятіяхъ котораго принималъ дѣятельное участіе. Съ 1853 г. Буссе издавалъ «Записки ветеринарной медицины», которыхъ онъ былъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ. Кромѣ журнальныхъ статей, Буссе принадлежитъ рядъ книгъ по ветеринарной части: 1) «О насѣкомыхъ клещахъ», соч. Гертвига, переводъ, СПб., 1853 г. 2) «Леченіе хроническихъ накожныхъ болѣзней у домашнихъ животныхъ», СПб., 1854 г. 3) «Руководство къ содержанію, воспитанію и леченію всякаго рода домашней птицы», СПб., 1856 г. 4) «Полезное дѣйствіе минеральнаго магнита въ различныхъ болѣзняхъ

домашнихъ животныхъ», СПб., 1856 г. 5) «Врачебныя и полицейскія мѣры къ прекращенію падежей», СПб., 1856 г. 6) «Кованіе лошадей», 2 части, СПб., 1858—1859 гг. 7) «Рисунки для подковыванія здоровыхъ и больныхъ копытъ», СПб., 1858 г. 8) «Причины, расповнаніе, предохраненіе и леченіе раздутости брюха или вѣтряной колики у рогатаго скота», СПб., 1858 г. 9) «Причины и признаки качественно измѣненнаго коровьяго молока», сост. по Штадельману, СПб., 1858 г. 10) «Собака въ главныхъ и побочныхъ ея породахъ, съ приложеніемъ 202 срисованныхъ съ натуры изображеній всѣхъ до настоящаго времени извѣстныхъ породъ собакъ пяти частей свѣта, на 25 таблицахъ», СПб., 1859 г. 11) «Случная немочь или подсѣдальная болѣзнь у лошадей», СПб., 1859 г. 12) «Холощеніе коровъ, какъ средство увеличить удой молока и улучшить качество мяса ихъ», СПб., 1862 г. 13) «Общепонятная ветеринарная медицина. Общепонятная анатомія домашнихъ животныхъ», СПб., 1864 г. 14) «Статьи по физіологіи, патологіи и терапіи нѣкоторыхъ болѣзней нашихъ домашнихъ животныхъ», СПб., 1871 г.

Некрологъ въ «Отчетѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1874 г.», СПб., 1875, стр. 28—29.—«Пятидесятилѣтіе Общества ветеринарыхъ врачей, 1846—1896 гг.», вып. I.—С. А. Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, СПб., 1900.—Его-же, «Русскія книги», т. 3, СПб., 1898.—Энциклопедич. слов. Березина (назван. неправильно А.).—Дополненіе къ словарю Толля (названъ неправильно Леонидомъ Ивановичемъ). *В. Г.*

Буссе, *Николай Васильевичъ*, генералъ-майоръ, военный губернаторъ Амурской области, род. въ 1828 г., ум. 28 августа 1866 г. Окончивъ курсъ ученія въ пажескомъ корпусѣ, Буссе, поступилъ на военную службу въ семеновскій полкъ и проводилъ, какъ онъ говоритъ, «молодость въ кругу добрыхъ родныхъ». Жажда широкой дѣятельности побудила Буссе въ началѣ 50-хъ годовъ перейти на службу подъ начальство гр. Муравьева-Амурскаго, генералъ-губернатора Восточной Сибири, пріѣхавшаго на время въ Петербургъ. Черезъ 4 мѣсяца Буссе уже былъ на Дальнемъ Востокѣ чиновникомъ особыхъ порученій гр. Муравьева, который весной 1852 г. послалъ его въ портъ Аянъ. Муравьевъ въ это время занятъ былъ присоединеніемъ къ Имперіи Амурскаго края, и Буссе было поручено снарядить экспедицію для занятія о. Сахалина. 25 августа 1852 г. Буссе высадился въ Петровскомъ зимовьѣ съ десантомъ въ 70 человѣкъ, а затѣмъ Невельской, управляющій амурской экспедиціей, поручилъ ему управленіе сахалинской экспедиціей и оставилъ его зимовать на Сахалинѣ. 21 сентября 1852 г. Невельской занялъ селеніе Томари, гдѣ жили туземцы—аины и рыбопромышленники японцы; близъ него Буссе, по приказу Невельского, устроилъ военный постъ. Жители селенія сначала скрылись вглубь страны, но, видя миролюбіе русскихъ, возвратились. Однако Буссе приходилось вести себя очень осторожно, потому что туземцы наговаривали русскимъ на японцевъ и обратно, а японцы не довѣряли русскимъ, стремились изгнать ихъ съ острова и возстановить противъ нихъ туземцевъ. Весной 1853 г., благодаря внушеніямъ японцевъ, аины изъ Томари ушли во внутрь острова. 13 апрѣля въ виду русскаго поста появились японскія суда, и Буссе принялъ мѣры къ защитѣ. Опасность была велика, такъ какъ изъ 64 человѣкъ команды 47 были больны цынгой, а японцевъ было втрое больше русскихъ. Однако поведеніе высадившихся японцевъ было миролюбиво; цѣлью своего пріѣзда они выставляли охрану рыбаковъ, но, повидимому, ихъ послало японское правительство, желавшее завладѣть Сахалиномъ и знавшее о нашемъ конфликтѣ съ европейскими морскими державами. При началѣ военныхъ дѣйствій, предложено было сосредоточить всѣ суда Тихоокеанской эскадры и солдатъ съ постовъ въ Императорской гавани. К. Н. Посьетъ съ 3 транспортами прибылъ къ Буссе и предложилъ ему снять Муравьевскій постъ. Буссе, зная, что это не согласно со взглядами гр. Муравьева, предложилъ, умолчавъ объ этомъ, разрѣшить вопросъ на общемъ собраніи. Рѣшено было снять постъ, и лишь только наши транспорты покинули стоянку у с. Томари, какъ постъ нашъ запылалъ, подожженный туземцами. Буссе не пользовался любовью подчиненныхъ и мало заботился о нихъ, такъ что его солдаты часто терпѣли голодъ и холодъ и болѣли цынгой. Начиная съ 1854 г., послѣ занятія нашими войсками устьевъ Амура, было предпринято нѣсколько экспедицій для снабженія жителей этихъ странъ оружіемъ и провіантомъ. Самая значительная экспедиція (третья, въ 1856 г.), подъ начальствомъ

Буссе, была успѣшна въ смыслѣ достиженія цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно изнурительна. Солдаты до такой степени голодали, что просили разрѣшенія ѣсть трупы умершихъ товарищей. Причину бѣдствій видѣли въ торопливости Буссе и стремленіи его отстаивать интересы казны, хотя бы цѣной жизни подчиненныхъ. Въ 1858 г. Буссе былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ амурской области и умеръ въ этой должности. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. появились воспоминанія Буссе объ экспедиціи 1852—1854 г. на Сахалинъ. Авторъ сообщаетъ много этнографическихъ данныхъ и интересныхъ фактовъ о присоединеніи острова къ Россіи; кромѣ того встрѣчаются очень рѣзкіе отзывы Буссе объ его сотрудникахъ и начальникахъ. По выходѣ въ свѣтъ этихъ воспоминаній, въ разныхъ журналахъ были напечатаны опроверженія касательно мнѣній Буссе о его сотрудникахъ и достовѣрности фактовъ, имъ сообщаемыхъ.

Θ. Буссе, Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 г. СПб., 1872.—Возраженія на дневникъ: «Вѣсти. Европы», 1872 г., № 8; «Русскій Міръ», 1872 г., № 181; «Голосъ», 1872 г., № 78 (Адм. Фрейганга); «Дѣло», 1873 г., № 7 (Рецензія на дневникъ); «Русскій Міръ», 1872 г., № 45, 46, 50.—Указъ министра нар. просвѣщ. объ учрежденіи при благовѣщенскомъ училищѣ стипендіи Н. В. Буссе въ «Полн. Собр. Законовъ», 1871 г., т. 42, от. 1, стр. 68. *В. Ф.*

Буссе, *Θедоръ Ивановичъ*, дѣйств. статск. сов., директоръ 3-й петербургской гимназіи, род. въ 1794 г. въ Петербургѣ, ум. 15 декабря 1859 г. Сынъ лютеранскаго пастора, Буссе получилъ образованіе въ петербургской губернской (нынѣ 2-й) гимназіи, а въ 1811 г. поступилъ въ число студентовъ петербургскаго педагогическаго института, гдѣ избралъ своею спеціальностью математику. По окончаніи курса, въ 1816 г. Буссе былъ посланъ за границу, для ознакомленія съ методою взаимнаго обученія Белля и Ланкастера, которая тогда начала распространяться въ Англіи, и которую предполагали примѣнить въ русскихъ школахъ. Посѣтивъ Германію, Англію, Францію и въ Швейцаріи—институтъ Песталоцци, гдѣ разработывались новые методы элементарнаго преподаванія, Буссе въ 1819 г. вернулся въ Россію и былъ опредѣленъ учителемъ математики во вновь учрежденномъ второмъ разрядѣ главнаго педагогическаго института, предназначенномъ для приготовленія учителей въ уѣздныя училища. Буссе скоро сталъ извѣстенъ какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей Петербурга. Методъ Белля и Ланкастера, впрочемъ, успѣха въ Россіи не имѣлъ и былъ скоро оставленъ. Въ 1823 г., по преобразованіи втораго разряда главнаго педагогическаго института въ гимназію (впослѣдствіи наименована 3-й), Буссе оставленъ былъ въ ней преподавателемъ математики. Въ 1828 г., при введеніи новаго устава въ гимназіяхъ, Буссе принималъ участіе въ составленіи программъ по математикѣ для гимназій и уѣздныхъ училищъ и, по указаніямъ профессора Чижова, составилъ рядъ учебниковъ по математикѣ, которые долгое время служили единственными руководствами для училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые изъ нихъ, впослѣдствіи, были изданы на казенный счетъ. Въ 1838 г. Буссе былъ назначенъ директоромъ 3-й гимназіи и, кромѣ того, преподавалъ математику въ Смольномъ институтѣ; затѣмъ, съ 15 октября 1838 г. до 1859 г. онъ состоялъ профессоромъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Буссе былъ опытнымъ руководителемъ и по учебной, и по воспитательной части. Онъ умѣлъ выбирать для гимназіи хорошихъ преподавателей и часто самъ принималъ участіе въ преподаваніи, вслѣдствіе чего успѣхи учениковъ 3-й гимназіи, во время его директорства, были значительны, и многіе изъ учениковъ впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность, какъ ученые и какъ преподаватели. Въ отношеніяхъ къ ученикамъ Буссе не любилъ строгихъ взысканій и старался дѣйствовать на совѣсть учениковъ, не прибѣгая къ рѣзкимъ выговорамъ или запугиванью. 19 января 1859 г. Буссе вышелъ въ отставку.—Имъ составлены слѣдующіе учебники и руководства: «Ариѳметика для учащихся» (1829); «Руководство къ преподаванію ариѳметики для учителей» (1831); «Собраніе ариѳметическихъ задачъ по образцу Гремилье»; «Руководство къ геометріи для уѣздныхъ училищъ» (1831); «Руководство къ геометріи для гимназій» (1844); «Вопросы для экзаменаторовъ по математикѣ» (для приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также для гимназій); «Логариѳмическія таблицы для гимназій по руководству Вега» (1835); вмѣстѣ съ К. Свенске—«Руководство къ учрежденію школъ по методѣ взаимнаго обученія (1826) и «Ариѳметическія таб-

лицы для приходскихъ училищъ по способу взаимнаго обученія» (1832).

«Сѣверн. Пчела», 1859 г., № 285.—Мѣсяцословъ на 1861 г., стр. 86.—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, Клюшникова, Толля.—«Русск. Старина» 1880 г., томъ XXIX, стр. 179 (инструкція, данная Буссе при отправленіи за границу).

Буссовъ, *Конрадъ* (Boussow, Boussau), авторъ хроники о Смутномъ времени, ум. въ 1617 г. въ Любекѣ. Буссовъ родился въ Люнебургскомъ герцогствѣ и въ молодости получилъ довольно хорошее образованіе: онъ зналъ Библію, латинскій языкъ, читалъ Плавта и изучилъ миѳологію. Въ концѣ XVI вѣка Буссовъ служилъ въ Швеціи ревизоромъ у герцога Зюдерманландскаго и послѣ завоеванія шведами польскихъ областей у береговъ Балтійскаго моря, какъ человѣкъ образованный и опытный въ военномъ дѣлѣ, былъ назначенъ интендантомъ лифляндскихъ земель и городовъ. Въ 1601 г. Буссовъ согласился съ нѣкоторыми нѣмцами передать русскимъ города Маріенбургъ и Нарву, но измѣна была открыта, и заговорщикамъ пришлось бѣжать. Буссовъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни. Въ декабрѣ 1601 г. онъ съ нѣмецкими дворянами, «потерявшими съ перемѣною военнаго счастья въ войнѣ между Польшею и Швеціей свои помѣстья въ Ливоніи», явился въ Россію и нашелъ въ ней гостепріимное пристанище. Царь Борисъ ласково принялъ ихъ: обѣщалъ возвратить имъ втрое потерянное на родинѣ имущество, дать земли и служителей, а также званіе болѣе высокое, чѣмъ занимали они на родинѣ. Буссовъ завелъ свой домъ въ Москвѣ и выдалъ дочь замужъ за пастора московской Нѣмецкой слободы, Бэра; въ числѣ его знакомыхъ были лица знатныя, напр. Басмановъ. Московскія смуты отразились на благосостояніи и всей судьбѣ Буссова. Въ 1605 г., по смерти Бориса Годунова, дома иностранцевъ были разграблены, и въ числѣ пострадавшихъ былъ Буссовъ; впрочемъ, въ правленіе Лжедмитрія I обстоятельства его поправились, и онъ снова занялъ довольно видное положеніе въ обществѣ. Буссовъ присутствовалъ при смерти Лжедмитрія I, затѣмъ, оставивъ Москву, онъ жилъ попеременно въ Угличѣ, Калугѣ и Тулѣ, потомъ снова въ Калугѣ, гдѣ и присталъ къ второму Самозванцу. Вмѣстѣ съ нимъ Буссовъ въ 1607 г. былъ осажденъ въ Тулѣ и испыталъ всѣ бѣдствія осады. За службу Лжедмитрію II Буссовъ былъ награжденъ тремя помѣстьями: Ѳедоровскимъ, близъ Смоленска, Рогожной и Крапивной, близъ Москвы. Помѣстья эти, впрочемъ, уже въ 1608 г. были совершенно опустошены поляками. Въ 1611 г. Буссовъ отправился въ польскій лагерь подъ Смоленскомъ и, при помощи знатныхъ покровителей, сталъ искать службы въ Польшѣ. Это предпріятіе Буссову не удалось; весной 1612 г. онъ былъ уже въ Ригѣ и въ ней, либо въ Дюнамюндѣ началъ писать свою «Хронику». Его сочиненіе, озаглавленое: Relatio, das ist summarishe Erzehlung vom eigentlichen Ursprung dieses itzigen blutigen Kriegs-Wesens in Moscowiter Land oder Reussland u. s. w., является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ на иностранномъ языкѣ для изученія Смутной эпохи. Сравнительно безпристрастный и правдивый разсказъ его цѣненъ потому, что о многомъ Буссовъ говоритъ, какъ хорошо освѣдомленный очевидецъ. Особенно ярко описаны картины голода при Борисѣ Годуновѣ, полны интереса главы, посвященныя царствованію и смерти перваго Самозванца. Вполнѣ довѣрять свѣдѣніямъ Буссова нельзя: онъ часто сбивается въ хронологіи; плохо зная русскій языкъ, онъ многаго не понималъ и, преувеличивая роль и доблесть нѣмцевъ, многія событія Смуты передаетъ въ невѣрномъ освѣщеніи; о многомъ говоритъ по непровѣреннымъ слухамъ. «Relatio» начинается съ изложенія царствованія Грознаго и оканчивается восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича. До середины XIX вѣка сочиненіе это ошибочно приписывали М. Бэру, и лишь послѣ ряда изслѣдованій удалось установить, что истинный авторъ Relatio—К. Буссовъ. Причиной ошибки былъ Петрей д'Ерлезунда, обильно черпавшій свѣдѣнія для своего сочиненія изъ хроники Буссова, называя авторомъ ея М. Бэра. Быть можетъ, и самъ Буссовъ не желалъ, чтобы всѣ знали объ его авторствѣ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ жилъ и былъ извѣстенъ какъ измѣнникъ, и потому приписывалъ Relatio своему зятю, М. Бэру. Въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ трудъ Буссова, оставался ненапечатаннымъ и дошелъ до нашего времени въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ которыхъ первая относится къ 1612 г. Эта редакція и послужила источникомъ для Петрея; ею-же пользовался и Карамзинъ. Въ 1851 г. хроника

Буссова напечатана, подъ редакціей А. А. Куника, въ I томѣ «Сказаній Иностранныхъ Писателей о Россіи» (изд. археографической коммиссіи); изданіе это сдѣлано по списку второй половины XVIII вѣка, принадлежащему Императорской академіи наукъ. Подлинникъ, по которому Буссовъ въ 1617 г. предполагалъ печатать свой трудъ, еще не отысканъ, но, по нѣкоторымъ признакамъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ академическій наиболѣе близокъ къ этому подлиннику. Русскій переводъ хроники Буссова помѣщенъ въ I части «Сказаній Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» Устрялова.

Я. Гротъ, «Дѣйствительно-ли М. Бэръ авторъ хроники» («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., т. LXII, 1849 г.).—Ѳ. Аделунгъ, «Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 г. и ихъ сочиненій», часть II («Чт. Им. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1863 г. № 2).—А. А. Kunik, «Ueber einige histor. Schriften v. Kon. Bussau, Martin Beer und Petrus Petrejus» («Inland», 1850, № 7, и «Ermans Archiv für wissenschaftl. Kunde Russlands». B. IX, 1850).—A. Kunik, «Aufklärungen ueber Konrad Bussow und die verschiedener seiner moscowitischen Chronik» («Bullet. histor. - philol. de l'Académie de St.-Pet.». т. VIII, №№ 20, 21, 23. 24, 1851 г.).—И. В. Лашнюковъ, Пособіе къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ, Вып. 2. Кіевъ. 1874.—Е. Козубскій, «Замѣтки о нѣкот. иностр. писателяхъ о Россіи XVII в.» («Ж. М. Н. Пр.», 1878 г., № 5).

В. Ф.

Бутаковъ, *Алексѣй Ивановичъ*, контръ-адмиралъ, род. въ 1812 г., ум. въ Шванебахѣ 28 іюня 1869 г. Выпущенный въ 1828 г. изъ морского кадетскаго корпуса гардемариномъ, онъ поступилъ въ плаваніе по Финскому заливу. Къ жизни на военномъ кораблѣ Бутаковъ привыкъ съ раннихъ лѣтъ, такъ какъ его отецъ, Иванъ Николаевичъ, также морякъ, часто бралъ его съ собою въ морскія плаванія и пріучалъ не только къ морю, но и къ труду и занятіямъ по морской части. 21 декабря 1832 г. Бутаковъ былъ произведенъ въ мичманы и въ теченіе 1835—37 гг. крейсеровалъ на галерѣ Церера и фрегатахъ Уранія и Беллона въ Балтійскомъ морѣ. Произведенный 3 апрѣля 1838 г. въ лейтенанты, Бутаковъ совершалъ ежегодно плаванія по Балтійскому морю и заливамъ Финскому и Ботническому на разныхъ судахъ Балтійскаго флота. Въ 1840 г. на транспортѣ «Або» онъ отправился въ должности старшаго офицера въ кругосвѣтное плаваніе въ Камчатку, продолжавшееся болѣе двухъ лѣтъ. Оно было очень затруднительно и сопровождалось большею потерею людей. Въ глубокую осень 1842 г. транспортъ вернулся въ Кронштадтъ. Познанія Бутакова по морской части обратили на него вниманіе главнаго командира кронштадтскаго порта, адмирала Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена, который въ 1843 г. послалъ его въ плаваніе на кораблѣ Бріенѣ и бригѣ Агамемнонѣ, а за тѣмъ въ 1845 г. командировалъ въ распоряженіе артиллерійскаго департамента военнаго министерства для доставки на купеческомъ кораблѣ груза пороха изъ Петербурга въ Ригу. Въ 1846 г. Беллинсгаузенъ пригласилъ Бутакова флагъ-офицеромъ на эскадру соединенныхъ дивизій на время маневровъ въ Финскомъ заливѣ, послѣ которыхъ Бутаковъ былъ назначенъ командиромъ парусной шкуны Радуга. Позднѣе Беллинсгаузенъ указалъ на Бутакова князю Меньшикову для задуманной тогда съемки и описи береговъ Аральскаго моря, и Бутаковъ въ 1848 г. былъ назначенъ начальникомъ этой экспедиціи, а вскорѣ сдѣланъ начальникомъ аральской флотиліи. Въ 1849 г. онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1848 и 1849) Бутаковъ осматривалъ и описывалъ берега Аральскаго моря, за исключеніемъ восточнаго; открылъ при этомъ группу острововъ, названныхъ имъ Царскими, и еще два острова, получившіе названіе по именамъ нашихъ знаменитыхъ мореплавателей, Беллинсгаузена и Лазарева, произвелъ съемку морскихъ береговъ, астрономическія опредѣленія отдѣльныхъ девяти пунктовъ, описалъ почти все, тогда еще неизслѣдованное, Аральское море и составилъ ему меркаторскую карту. Эти труды Бутакова были помѣщены въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» (т. V), членомъ котораго онъ состоялъ съ самаго основанія общества. Объ этихъ трудахъ Бутакова Вильгельмъ Гумбольдъ писалъ ему: «вы истинно счастливы тѣмъ, что не имѣли здѣсь предшественниковъ, что сами связали свое имя съ изслѣдованіями Аральскаго моря и, при пособіи точныхъ средствъ, предлагаемыхъ новѣйшей наукою, и усовершенствованныхъ инструментовъ, окончили измѣреніе береговъ по всему пространству этого моря. Это истинныя открытія въ географіи... Я имѣлъ счастіе выразить Государю Императору всю важность этого неожиданнаго

подвига, прославляющаго Его царствованіе; въ продолженіе бесѣды, которою удостоилъ меня Государь, благосклонно выслушивая мнѣнія мои о неизвѣданной странѣ, лежащей между Араломъ и озерами Исыкъ-Кулемъ и Зайсаномъ, я могъ заключить, что Императоръ не почелъ мои правдивыя слова за лесть придворнаго. Я сдѣлаю изъ любопытной записки, приложенной къ картѣ, извлеченіе для извѣстнаго Брокгаузова журнала. Оканчиваю мое письмо сообщеніемъ, что король прусскій изволилъ наименовать васъ кавалеромъ Краснаго Орла 3 степени. При послѣднемъ же празднествѣ берлинскаго географическаго общества вы, по моему предложенію, единодушно провозглашены почетнымъ членомъ этого общества, вмѣстѣ съ Мурчисономъ и Раулинсономъ». Императоръ, за описаніе Аральскаго моря, пожаловалъ Бутакову орденъ св. Владиміра 4 степени и пенсію въ 157 руб. въ годъ. Возвратясь въ 1850 г. въ Петербургъ, Бутаковъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Швецію для заказа двухъ пароходовъ для аральской флотиліи; одинъ изъ нихъ получилъ названіе Перовскій, а другой—Обручевъ. Они были частями доставлены въ Оренбургъ самимъ Бутаковымъ, собраны и спущены подъ его надзоромъ въ 1853 г., и одинъ изъ нихъ, Перовскій, участвовалъ въ томъ же году при осадѣ и взятіи кокандской крѣпости Акъ-мечеть. Бутаковъ за все это былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени. Въ 1854 г. онъ участвовалъ въ степномъ походѣ отъ Оренбурга до Аральскаго укрѣпленія и, командуя отрядомъ изъ 300 казаковъ и 50 башкирцевъ, сопровождалъ транспортъ съ частями семи желѣзныхъ судовъ и другими тяжестями для аральской флотиліи. Осенью же 1854 г. онъ перенесъ аральскую верфь къ форту № 1, гдѣ и устроилъ портъ и эллингъ для этой флотиліи. Произведенный 30 августа 1855 г. въ капитаны 2 ранга, Бутаковъ сдѣлалъ опись рѣки Сыръ-Дарьи отъ урочища Кумъ-Сухта (на 80 верстъ выше Акъ-мечети) до устья ея. Затѣмъ, въ 1857 г. онъ участвовалъ въ дѣлѣ противъ мятежныхъ киргизовъ при урочищѣ Арыкъ-Балыхъ, за что былъ награжденъ чиномъ капитана 1 ранга 6 іюня 1857 г. Послѣ этого Бутаковъ былъ вызванъ въ Петербургъ для снаряженія посольства въ Хиву и Бухару. Лѣтомъ 1858 г. Бутаковъ плавалъ опять съ судами аральской флотиліи по р. Аму-Дарьѣ до г. Кунграда для содѣйствія нашему посольству въ Хиву и за это былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени съ Императорскою короною. Въ 1859 г., съ небольшимъ десантомъ, Бутаковъ оказывалъ помощь кунградскому беку Магометъ-Фану, отложившемуся отъ хивинскаго хана, и принудилъ послѣдняго снять осаду Кунграда. При этомъ Бутаковъ, въ виду десятитысячнаго хивинскаго войска при 10 орудіяхъ, прошелъ чрезъ Кунградъ, доставилъ десантъ обратно въ фортъ Перовскій и съ флотиліею своею занялся производствомъ описи дельты Аму-Дарьи. Чрезъ розливъ этой рѣки онъ проникъ въ главное ее русло и прошелъ два раза мимо хивинской крѣпости Нукусы. За эти блестящія дѣла Бутаковъ 1 января 1860 г. всемилостивѣйше назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества, а затѣмъ вызванъ въ Петербургъ и командированъ въ Англію для заказа двухъ желѣзныхъ пароходовъ, пловучаго дока и баржи. Слѣдя за исполненіемъ этихъ заказовъ, Бутаковъ наблюдалъ также за совершенствованіемъ морскаго дѣла на западѣ. Новѣйшіе успѣхи кораблестроенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки привлекли его въ С.-Франциско и другіе приморскіе города республики. Окончивъ заказы въ 1861 г., Бутаковъ доставилъ ихъ частями опять на берега Аральскаго моря, занимался сборкою и установкою всѣхъ предметовъ и въ 1862 г. спустилъ на воду пароходы Сыръ-Дарья и Аралъ и баржу, а въ 1863 г. собралъ пловучій докъ. Послѣ этого онъ снова принялся за описаніе р. Сыръ-Дарьи вверхъ отъ форта Перовскаго на разстояніи 807 верстъ по туркестанскимъ и ташкентскимъ владѣніямъ и дошелъ до урочища Байладыръ-Тугай, въ 1500 верстахъ отъ устья рѣки. Прослуживъ въ аральскомъ краю 15 лѣтъ, Бутаковъ въ августѣ 1863 г. былъ переведенъ въ балтійскій флотъ и возвратился въ 1864 г. въ Петербургъ. 19 апрѣля 1864 г. онъ награжденъ чиномъ контръ-адмирала назначенъ въ свиту Его Величества и пожалованъ арендою въ 1500 руб. на двѣнадцать лѣтъ. Въ то же время ему поручено было исправлять должность начальника штаба практической эскадры въ плаваніи съ великими князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Константиновичемъ по Балтійскому морю. Въ 1865 г. Бутаковъ былъ младшимъ флагманомъ на

броненосной эскадрѣ балтійскаго флота и командовалъ шхерной эскадрою броненосныхъ судовъ, съ которою, и еще съ десятью мониторами, ходилъ въ Стокгольмъ, гдѣ удостоился получить шведскій орденъ св. Олафа. Въ томъ же году за свои географическія работы въ Азіи онъ получилъ отъ итальянскаго короля орденъ св. Маврикія и Лазаря. Въ 1866 г. онъ плавалъ по Финскому заливу, былъ назначенъ членомъ артиллерійскаго отдѣленія морскаго техническаго комитета и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1867 г. онъ исправлялъ должность эскадръ-маіора при Его Величествѣ. Оставаясь въ 1868 г. на берегу, Бутаковъ состоялъ въ распоряженіи главнаго командира с.-петербургскаго порта и за отличіе награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени. Осенью онъ почувствовалъ припадки болѣзни въ печени и для излеченія въ началѣ 1869 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, отправился за границу на воды, гдѣ и скончался. Бутаковъ представлялъ типъ морскаго офицера, которымъ гордился бы каждый флотъ. Отлично образованный, знакомый съ многими европейскими языками, онъ занимался также литературою. Онъ напечаталъ въ «Запискахъ гидрографическаго департамента» (№ 9) «Описаніе плаванія военнаго транспорта Або вокругъ свѣта», а въ журналѣ «Морской Сборникъ» за 1851, 1854, 1857 и 1861 гг. помѣстилъ рядъ статей и замѣчаній о перемѣщеніи русла устьевъ рѣки Сыръ-Дарьи, а также статьи: «Пароходы съ заднимъ колесомъ изъ желобчатаго гальванизированнаго желѣза», «Плаваніе парохода Перовскій по Сыръ-Дарьѣ», «Новѣйшія экспедиціи для обслѣдованія Аральскаго моря».

Общій Морской списокъ, т. IX, стр. 330 — «Русскій Архивъ», 1871 г., № III.—«Всемірная Иллюстрація», 1869 г., № 34.—«Иллюстрированная Газета», 1869 г., № 28.—«Записки Импер. Рус. Географическаго Общества», кн. V.— «Отечественныя Записки», 1840 г.—«Морской Сборникъ», 1869 г., № 9.— «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1854 г., іюль.

П. Майковъ.

Бутаковъ, *Григорій Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ Ригѣ 27 сентября 1820 г., ум. въ С.-Петербургѣ 31 мая 1882 г. Старшій братъ А. И. Бутакова, Г. И. Бутаковъ такъ же рано, какъ и тотъ, привыкъ къ морю, подъ руководствомъ отца, а затѣмъ съ большимъ успѣхомъ обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ гардемарины 9 января 1836 г. Послѣ плаванія и крейсерованія въ Балтійскомъ морѣ въ 1836 и 1837 г. Бутаковъ былъ произведенъ въ мичманы (23 декабря 1837 г.). Отецъ его въ то время командовалъ 5-ю флотскою дивизіею, находившеюся въ Черномъ морѣ, куда и отправился молодой Бутаковъ, и здѣсь находился постоянно въ плаваніи на парусныхъ судахъ. Въ 1838 г. командиръ черноморскаго флота М. П. Лазаревъ послалъ Бутакова въ отрядъ генерала Н. Н. Раевскаго, дѣйствовавшій тогда противъ горцевъ на черноморскомъ берегу Кавказа, и Бутаковъ находился 12, 13 и 14 мая при занятіи позиціи близъ Туапсе. Позднѣе на тендерѣ Лучъ онъ сражался съ горцами, нападавшими на наши суда, которыя потерпѣли крушеніе у Туапсе, и за эти военныя дѣйствія былъ награжденъ орденами св. Анны 4-й степени съ надписью за «храбрость», а также и Св. Станислава 3-й степени. Въ слѣдующіе годы Бутаковъ на шхунѣ Ласточка ходилъ въ Грецію, гдѣ состоялъ въ распоряженіи Императорской миссіи, былъ произведенъ 11 апрѣля 1843 г. въ лейтенанты и затѣмъ на шхунѣ Вѣстникъ плавалъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ. Получивъ въ 1847 г. команду надъ тендеромъ Поспѣшный, Бутаковъ долгое время, вмѣстѣ съ Шестаковымъ, занимался лоціею Чернаго моря и составилъ очень добросовѣстный трудъ, выдержавшій нѣсколько изданій. За это Бутаковъ, награжденный орденомъ Св. Анны 3 степени въ 1848 г. и, произведенный 22 апрѣля 1850 г. въ капитанъ-лейтенанты, удостоился получить Высочайшую награду — брилліантовый перстень. Адмиралъ Лазаревъ обратилъ вниманіе на молодого офицера и командировалъ его въ Англію въ 1851 г. для наблюденія за постройкою буксирнаго парохода Дунай, съ которымъ Бутаковъ и прибылъ въ Николаевъ въ 1852 г. Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго командованія бригомъ Аргонавтъ, Бутаковъ былъ назначенъ, 3 декабря 1852 г., командиромъ парохода Владиміръ, лучшаго въ черноморскомъ флотѣ, скоро получившаго извѣстность въ Крымскую войну. Въ 1853 г. Бутаковъ находился при генералъ-адъютантѣ Корниловѣ въ свитѣ чрезвычайнаго посла при Оттоманской портѣ князя Меньшикова и совершилъ при этомъ на пароходо-фрегатѣ Громоносецъ переходъ изъ

Одессы въ Константинополь; отсюда онъ вернулся въ Николаевъ на пароходѣ Бессарабія. Тѣмъ временемъ Бутаковъ принималъ участіе и въ научной литературѣ по морскому дѣлу. Въ 1845 г. онъ написалъ: «Взглядъ на доки, гавани, судоходство и пр. въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ»; въ 1850 г.: «О компасахъ съ наклонною стрѣлкою»; въ 1851 г.— «Объ управленіи тендеромъ». Вскорѣ вспыхнула Восточная война 1853—1856 гг. Бутаковъ былъ посланъ на пароходѣ Владиміръ для развѣдыванія о непріятельскомъ флотѣ. Смѣло перерѣзавъ все Черное море, Бутаковъ явился въ виду Синопа, осмотрѣлъ его рейдъ и, найдя тамъ только одни купеческія суда, сообщилъ объ этомъ по возвращеніи въ Севастополь. 5 ноября 1853 г. Бутаковъ вступилъ въ одиночный бой у Анатолійскаго берега съ турецкимъ 10 пушечнымъ пароходомъ Первазъ Бахра, овладѣлъ имъ и привелъ на буксирѣ въ Севастополь, за что, кромѣ призовыхъ денегъ, въ количествѣ 38000 руб., удостоился получить орденъ св. Георгія 4 степени за храбрость. Вице-адмиралъ Корниловъ, бывшій на пароходѣ Владиміръ, свидѣтельствовалъ, что этотъ бой можетъ служить образцомъ практическаго искусства и былъ веденъ съ удивительною энергіею и замѣчательнымъ хладнокровіемъ,—качествами, всегда отличавшими Бутакова. Приглашенный Корниловымъ въ его штабъ, Бутаковъ съ отрядомъ пароходовъ направился къ Синопу и подоспѣлъ къ нему, когда вице-адмиралъ Нахимовъ одерживалъ уже 18 ноября блистательную свою побѣду надъ турецкимъ флотомъ. Бутакову удалось оказать при этомъ значительную услугу, очищая Синопскую бухту и выводя изъ линіи наши корабли; онъ буксировалъ также изъ Синопа въ Севастополь корабль Великій Князь Константинъ, на которомъ находились плѣнные турецкіе начальники. 18 декабря 1853 г. Бутаковъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Между тѣмъ англо-французскій флотъ съ значительнымъ десантомъ, послѣ бомбардированія г. Одессы, подошелъ къ Крымскому полуострову, а послѣ сраженія при р. Альмѣ подступилъ къ Севастополю, въ оборонѣ котораго Бутаковъ, до самой сдачи города, 27 августа 1855 г., принималъ дѣятельное участіе, командуя пароходомъ Владиміръ. Онъ не разъ выходилъ въ море и дѣлалъ набѣги на непріятельскія отдѣльныя суда въ виду англо-французской эскадры, принималъ участіе во всѣхъ выдающихся вылазкахъ, ходилъ къ Стрѣлецкой бухтѣ дѣйствовать по англійскому лагерю, атаковалъ непріятельскую брантвахту у Песочной бухты—большой желѣзный пароходъ, наблюдавшій за дѣйствіями нашихъ судовъ на рейдѣ—и принудилъ его укрыться въ Камышинской бухтѣ. За эти военныя дѣйствія Бутаковъ 30 марта 1855 г. былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а въ іюнѣ—награжденъ орденомъ св. Анны съ короною за участіе въ отраженіи перваго штурма у 4 и 5 отдѣленій оборонительной линіи, а затѣмъ, въ іюлѣ, получилъ золотую саблю за храбрость и орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Въ вылазкѣ на Инкерманскія высоты Бутаковъ много содѣйствовалъ переправѣ нашихъ войскъ чрезъ р. Черную, пославъ съ своего парохода всѣ лодки, которыя и были поставлены поперекъ рѣки и соединены стелюгами. Затѣмъ, при штурмѣ 21 августа, Бутаковъ съ парохода поражалъ выстрѣлами штурмующія колонны, направленныя на 2 бастіонъ. 5 сентября онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты Его Величества. Когда же рѣшено было затопить и пароходъ Владиміръ, Бутакову поручено было заняться усиленіемъ обороны Николаева, и онъ былъ 26 сентября назначенъ начальникомъ штаба, завѣдывавшаго морскою частію въ Николаевѣ. По заключенію Парижскаго мира, Бутаковъ, произведенный въ 1856 г. въ контръ-адмиралы съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, былъ назначенъ завѣдывающимъ морскою частью и главнымъ командиромъ николаевскаго порта, а 1 февраля 1860 г. переведенъ въ балтійскій флотъ начальникомъ (флагманомъ) практической эскадры винтовыхъ кораблей. Здѣсь Бутаковъ занялся вопросами военной пароходной тактики и имѣлъ возможность всесторонне провѣрить свои изслѣдованія законовъ вращенія винтовыхъ судовъ, во время плаванія съ ними въ 1861 и 1862 гг. Примѣненіе паровой силы во флотѣ и замѣна деревянныхъ судовъ вполнѣ желѣзными или деревянными съ желѣзными бронями вызвали измѣненіе всей тактики морскихъ судовъ. Бутаковъ стремился составить подробныя правила пароходныхъ эволюцій и очень удачно разрѣшилъ эту задачу въ своемъ сочиненіи: «Новыя соображенія пароходной тактики». Это сочиненіе въ 1863 г. было удостоено Академіею наукъ

Демидовской награды «за совершенно самостоятельное твореніе, обогащающее литературу и практику новыми фундаментальными открытіями и изслѣдованіями». Этотъ трудъ сдѣлалъ имя Бутакова извѣстнымъ всему морскому міру.—Бутакову теперь предстояло образовать командировъ судовъ, чѣмъ онъ и занялся, будучи назначенъ 5 сентября 1861 г. начальникомъ практической эскадры винтовыхъ лодокъ балтійскаго флота. Награжденный въ концѣ 1861 г. орденомъ св. Станислава 1 степени, Бутаковъ былъ командированъ въ Тулонъ, гдѣ занимался тѣми же вопросами морской тактики, а въ 1863 г. былъ назначенъ морскимъ военнымъ агентомъ въ Англіи и Франціи, гдѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ знакомился съ чудесами быстро развившагося броненоснаго судостроенія и морской артиллеріи и въ то же время продолжалъ свои тактическія изслѣдованія по морской части. 16 апрѣля 1863 г. Бутаковъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени. Произведенный 28 октября 1866 г. въ вице-адмиралы, Бутаковъ былъ вызванъ въ Россію въ 1867 г. и назначенъ начальникомъ сформированной контръ-адмираломъ Лихачевымъ броненосной эскадры, образовавшей большую практическую эскадру, которая производила свои ученія и занятія близъ Выборга, около Транзунда. Бутаковъ изучалъ поворотливость судовъ, старался улучшить сигналопроизводство, особенно ночное, ввелъ на судахъ электрическое освѣщеніе, занимался много тараннымъ боемъ. При одномъ изъ такихъ ученій произошло извѣстное столкновеніе деревяннаго фрегата Олегъ съ плавучею батареею Кремль, и отъ удара ея тараномъ Олегъ затонулъ чрезъ 15 минутъ на глубинѣ 36 саженъ, при чемъ потонуло 16 матросовъ (остальные были спасены). Въ 1868 г. Бутаковъ издалъ свое сочиненіе «Эволюціонная система паровыхъ судовъ», въ которомъ, по отзывамъ спеціалистовъ, до сихъ поръ никто не нашелъ недостатковъ. Продолжая командовать практическою эскадрою, Бутаковъ закончилъ и другой громадный трудъ, начатый еще контръ-адмираломъ Лихачевымъ,— по составленію сигнальной книги 3-хъ и 4-хъ флажной системы. 29 января 1868 г. Бутаковъ былъ назначенъ старшимъ флагманомъ балтійскаго флота. На смотру въ Транзундѣ въ 1869 г. Императоръ Александръ II поздравилъ его генералъ-адъютантомъ и собственноручно надѣлъ на него аксельбантъ, снятый съ вел. кн. Алексѣя Александровича, сказавъ: «а тебя благодарю прежде всего и поздравляю Моимъ генералъ-адъютантомъ. Я увѣренъ, что ты останешься такимъ, какимъ Я тебя всегда зналъ». Продолжая командовать эскадрою до 1877 г., Бутаковъ составилъ также шлюпочную сигнальную книгу (въ 1875 г.), далъ первый толчокъ минному дѣлу въ нашемъ флотѣ, примѣнилъ электрическое освѣщеніе къ отраженію минныхъ атакъ и продолжалъ опыты надъ таранными маневрами, служащими продолженіемъ его же законовъ тактическихъ эволюцій. За это время Бутаковъ былъ награжденъ: въ 1871 г.— орденомъ св. Владиміра 2 степени, а въ 1874 г.— орденомъ Бѣлаго Орла, получивъ также и прусскій орденъ Краснаго Орла и шведскій орденъ Меча. Въ 1877 г. Бутаковъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и назначенъ командиромъ мониторовъ, входившихъ въ составъ эскадры, плававшей въ Балтійскомъ морѣ подъ флагомъ Его Высочества генералъ-адмирала. Въ 1878 г. Бутаковъ былъ произведенъ въ адмиралы съ назначеніемъ начальникомъ морской и береговой обороны Свеаборга и поднялъ свой флагъ на броненосномъ фрегатѣ Петропавловскъ. Въ 1881 г. Бутаковъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ петербургскаго порта, при чемъ ему была пожалована аренда въ три тысячи руб. въ годъ на шесть лѣтъ. Онъ много заботился о сокращеніи излишнихъ расходовъ по порту и ненужныхъ инстанцій по управленію, занимался также разными преобразованіями по флоту, учредилъ военно-морскую тактическую игру въ морскомъ собраніи, составилъ для нея основныя правила, руководилъ игрою, при чемъ сообщалъ ей живой интересъ своими глубокими познаніями и многолѣтнею опытностью. Въ мартѣ 1882 г. Бутаковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но въ томъ же году скоропостижно скончался, переѣзжая Неву на яликѣ. Погребенъ онъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ.—Г. И. Бутаковъ всю жизнь свою посвятилъ славѣ и величію нашего флота и пользовался всеобщимъ уваженіемъ отъ адмирала до послѣдняго мичмана. По виду угрюмый и молчаливый, онъ умѣлъ ободрить въ критическую минуту, сказать нѣсколько теплыхъ словъ, которыя запоминались навсегда. Характера онъ былъ невозмути-

маго, спокойнаго и серьезнаго. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ изученію языковъ, а также къ техническимъ знаніямъ и изслѣдованіямъ. Въ должности подчиненнаго онъ являлъ собою примѣръ образцоваго исполненія долга; въ качествѣ начальника онъ былъ учителемъ и воспитателемъ цѣлаго поколѣнія русскихъ моряковъ въ продолженіи 16-ти лѣтняго командованія эскадрою броненосныхъ судовъ балтійскаго флота. Его именемъ названы два залива: одинъ—въ Беринговомъ морѣ, а другой—на восточномъ берегу острова Сахалина. Бутаковъ былъ членомъ парижскаго Institut d'Afrique, а также Императорскаго русскаго технического общества, С.-петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба и пр. Кромѣ вышеименованныхъ сочиненій Бутакова, имъ напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» слѣдующія статьи: 1) О здоровьѣ на морѣ. 2) Нѣсколько наставленій о катаньяхъ на шлюпкахъ. 3) Нѣсколько соображеній о пароходныхъ таранахъ. 4) Замѣтка объ англійскихъ башенныхъ судахъ. 5) О свойствѣ тросовъ и цѣпей. 6) Жидкій, или греческій огонь. 7) Нѣсколько опытовъ надъ устройствомъ орудій для туманныхъ сигналовъ. 8) Объ исправленіи котловъ на пароходѣ Владиміръ. 9) Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ. 10) Нѣсколько встрѣчъ съ нашею прибрежною пограничною стражею.

Березинъ и Де-Ливронъ, Г. И. Бутаковъ, біографическій очеркъ. 1883.—«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1867 г., № 20; 1882 г., № 64.—«Морской Сборникъ» 1873, № 5, 1875, № 4, 1876, №№ 6, 8, 9; 1877, № 6, и 1882, № 7.—32 присужденіе Демидовскихъ наградъ.—Общій Морской списокъ, т. IX, стр. 335.

П. Майковъ.

Бутаковъ, *Иванъ Ивановичъ,* генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, род. въ 1822 г., ум. 18 апрѣля 1882 г. Сынъ вице-адмирала Ивана Николаевича, Бутаковъ получилъ первоначальное домашнее воспитаніе подъ надзоромъ своей матери, затѣмъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ (18 января 1832 г.) и, по окончаніи курса наукъ, произведенъ въ мичмана 11 декабря 1839 г. съ назначеніемъ въ черноморскій флотъ. Первый годъ службы Бутаковъ провелъ въ плаваніяхъ на различныхъ судахъ, сперва у восточныхъ береговъ Чернаго моря, а затѣмъ, въ 1842—43 г.г.—въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, на бригѣ «Ѳемистоклъ» и пароходѣ «Силачъ». Съ 1844 по 1851 г. онъ крейсеровалъ по преимуществу у береговъ Абхазіи. Въ это время Бутаковъ былъ произведенъ 15 апрѣля 1845 г. въ лейтенанты, награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени и переведенъ въ 1852 г. въ балтійскій флотъ. Въ этомъ же году онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ «Паллада» подъ флагомъ контръ-адмирала Путятина и подъ командою флигель-адъютанта Унковскаго. Это плаваніе описано И. А. Гончаровымъ въ его произведеніи «Фрегатъ Паллада». Изъ Сингапура Бутаковъ былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ концѣ лѣта 1853 г. По сдачѣ бумагъ онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на вооружавшійся въ то время фрегатъ «Діана» и поздно осенью того же года былъ отправленъ въ Тихій океанъ на «Діанѣ» подъ начальствомъ Лесовскаго на соединеніе съ отрядомъ контръ-адмирала Путятина. Тѣмъ временемъ возникла Восточная война, и Англія начала уже враждебныя дѣйствія. Поэтому переходъ «Діаны» въ Тихій океанъ изъ Балтійскаго моря представлялся очень рискованнымъ. Тѣмъ не менѣе «Діана» въ темную, бурную ночь удачно промчалась по Англійскому каналу и вышла въ Атлантическій океанъ, не заходя ни въ одинъ изъ европейскихъ портовыхъ городовъ, кромѣ Копенгагена. Однако, плаваніе «Діаны» закончилось очень печально. Находясь уже въ Японіи, въ бухтѣ Симодо, «Діана» погибла во время страшнаго землетрясенія, постигшаго эту мѣстность. Большая часть экипажа была однако спасена, и Бутаковъ, произведенный тѣмъ временемъ (16 апрѣля 1854 г.) за отличіе въ капитанъ-лейтенанты, скоро былъ назначенъ командиромъ «Паллады». Онъ находился при Николаевскомъ посту съ причисленіемъ къ Амурской экспедиціи, а впослѣдствіи былъ въ Амурскомъ лиманѣ. Въ 1855 г. Бутаковъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени и назначенъ начальникомъ гребной флотиліи, состоявшей изъ 12 судовъ, на рѣкѣ Амурѣ. Находясь въ Тихомъ океанѣ, Бутаковъ принималъ участіе въ работахъ по вооруженію укрѣпленій въ Николаевскѣ и на Амурѣ и былъ при этомъ жестоко ушибленъ въ колѣно. Это очень отразилось на состояніи здоровья Бутакова на много лѣтъ. Въ 1856—57 г., командуя транспортомъ «Діана», онъ былъ отправ-

ленъ изъ Тихаго океана въ Петербургъ. Въ 1858 г. онъ былъ посланъ въ Бордо командиромъ строившагося въ этомъ портѣ винтоваго фрегата «Свѣтлана», на которомъ однако не могъ выйти въ море по болѣзни и былъ принужденъ болѣе двухъ лѣтъ лѣчиться на минеральныхъ водахъ за границею. По выздоровленіи, Бутаковъ, произведенный 17 октября 1860 г. въ капитаны 2 ранга, вступилъ въ командованіе фрегатомъ «Свѣтлана», на которомъ плавалъ по Средиземному морю и возвратился въ Россію въ 1862 г. Произведенный въ капитаны 1 ранга 5 іюня 1862 г., Бутаковъ отправился въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, командуя, въ составѣ эскадры контръ-адмирала Лесовскаго, винтовымъ фрегатомъ «Ослябя». Неожиданное появленіе этой эскадры въ гавани Нью-Іорка произвело большое впечатлѣніе въ Европѣ и послужило къ упроченію нашихъ дружественныхъ отношеній съ Соединенными Штатами. Въ 1862 г. Бутаковъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ за 18 морскихъ кампаній. По возвращеніи изъ Америки въ 1864 г., Бутаковъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени и крестомъ за службу на Кавказѣ, а чрезъ нѣсколько времени отправился снова въ дальнее плаваніе. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 70-ти пушечнаго фрегата «Генералъ-Адмиралъ» и отправленъ сперва въ Балтійское и Нѣмецкое моря, а затѣмъ въ Средиземное море, въ разныхъ портахъ котораго, и въ особенности въ Архипелагѣ, онъ пребывалъ долгое время, и былъ назначенъ въ 1868 г. начальникомъ отряда судовъ нашихъ въ греческихъ водахъ. За время пребыванія въ Пиреѣ Бутаковъ присылалъ любопытныя донесенія, напечатанныя позднѣе въ «Морскомъ Сборникѣ», о мѣрахъ, принимаемыхъ турками для подавленія возстанія на островѣ Критѣ, о варварскихъ дѣйствіяхъ баши-бузуковъ, о томъ, что турки займутъ скоро Сфакію, но что это не прекратитъ возстанія и т. д. Въ это время онъ удостоился получить Всемилостивѣйше пожалованную ему табакерку съ бриллiантами, украшенную вензелевымъ изображеніемъ Его Величества, а также отъ греческаго короля орденъ Спасителя малаго креста, шведскій орденъ св. Олафа со звѣздою и датскій—Данеброга также со звѣздою. 15 октября 1868 г. Бутаковъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ оставленіемъ начальникомъ отряда морскихъ судовъ въ водахъ Архипелага, и отправлялъ эту обязанность до 1877 г., т. е. до своего возвращенія въ Россію. За это время Бутаковъ былъ награжденъ греческимъ орденомъ Спасителя большаго креста, орденомъ св. Станислава 1 степени (2 января 1870 г.) и удостоился назначенія въ свиту Его Императорскаго Величества (2 января 1872 г.). Затѣмъ, въ 1873 г. онъ получилъ черногорскій орденъ князя Даніила 1 степени и итальянскій орденъ Короны 1 степени, въ 1874 г. орденъ св. Анны 1 степени, а въ 1875 г.—орденъ св. Маврикія и Лазаря. Затѣмъ, 1 января 1877 г. онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степени. Въ 1878 г. Бутаковъ назначенъ помощникомъ начальника морской и береговой обороны г. Кронштатда, а чрезъ годъ, 10 декабря 1879 г.—эскадръ-маіоромъ при Его Величествѣ и въ этой должности сопровождалъ Государя Императора во всѣхъ его морскихъ поѣздкахъ на пароходѣ «Эрикликъ» и яхтѣ «Штандартъ». 20 апрѣля 1880 г. Бутаковъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты съ оставленіемъ въ званіи эскадръ-маіора, а въ 1887 г. произведенъ въ вице-адмиралы и сопровождалъ въ 1881 г. Его Величество во время плаванія въ Данцигъ на яхтѣ «Держава». Бутаковъ завѣдывалъ также всѣми Императорскими яхтами и брантвахтными судами въ Петергофѣ.—Среди служебныхъ работъ и занятій Бутаковъ скончался скоропостижно отъ аневризма и погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ. Моряки питали къ Бутакову самыя теплыя чувства за его прекрасный, мягкій характеръ, всегда веселый нравъ, соединенный однако съ энергіею настоящаго моряка и съ любовью къ морскому дѣлу. Самъ будучи отличнымъ морякомъ, Бутаковъ умѣлъ поселять любовь къ морю и къ морскому дѣлу во всѣхъ, имѣвшихъ случай служить подъ его начальствомъ. Кромѣ указанныхъ выше статей, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ», Бутаковъ напечаталъ въ этомъ же журналѣ за 1853 г. (№ 9) большую переводную съ англійскаго статью: «Вооруженіе артиллеріею и комплектованіе людьми гребныхъ судовъ».

Общій Морской Списокъ, т. IX, стр. 343 и слѣд.—«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1882 г., № 44 и 45.—«Морской Сборникъ» 1873 г., №№ 1—8; 1875 г., №№ 2—10; 1876 г., № 2—11; 1877 г. № 2—5 и 7.

Бутеневъ, *Аполлинарій Петровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дипломатъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 16 іюля 1787 г., въ селѣ Гриденкахъ, медынскаго уѣзда, калужской губ., ум. 18 апрѣля 1866 г. въ Парижѣ. Сынъ небогатаго помѣщика калужской губ., Бутеневъ получилъ домашнее образованіе въ домѣ богатаго сосѣда—помѣщика Аѳанасія Николаевича Гончарова, дѣда жены А. С. Пушкина. Въ 1802 г. Бутеневъ переѣхалъ въ Петербургъ и жилъ въ домѣ фельдмаршала князя Салтыкова, къ которому имѣлъ рекомендательныя письма отъ Гончаровыхъ, а въ 1804 г., по ходатайству Салтыкова, поступилъ на службу въ переводческую канцелярію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ распоряженіе Полѣнова. Нѣкоторое время спустя, онъ занялъ должность секретаря при товарищѣ министра иностранныхъ дѣлъ графѣ А. Н. Салтыковѣ; по ходатайству графа, Бутеневъ въ 1810 г. былъ опредѣленъ въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, въ отдѣленіе, завѣдующее сношеніями съ Востокомъ и государствами Южной Европы. Въ 1812 г., снова по ходатайству Салтыкова, Бутеневъ былъ командированъ въ дипломатическую канцелярію князя Багратіона и находился тамъ до Бородинской битвы. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь и оставался на этомъ посту до 1821 г., когда, послѣ убійства вселенскаго патріарха, Россія прервала дипломатическія сношенія съ Портою, и вся наша константинопольская миссія вернулась на родину, а Бутеневъ занялъ должность начальника переводческой экспедиціи министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1828 г. онъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ до взятія Варны, управляя походной канцеляріей графа Нессельроде, а въ 1829 г. сопровождалъ графа въ Варшаву на коронацію Императора Николая I. Въ сентябрѣ того-же года, тотчасъ по заключеніи Адріанопольскаго мира, Бутеневъ былъ отправленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополь, замѣщая уѣхавшаго въ отпускъ посланника нашего, графа А. И. Рибопьера, а въ концѣ 1830 г. самъ былъ назначенъ нашимъ посломъ и полномочнымъ министромъ при Портѣ. Въ 1831 г., во время польскаго возстанія, Бутеневъ искусно дѣйствовалъ противъ французской дипломатіи, а въ 1832 г. побудилъ султана обратиться къ Россіи за помощью противъ Мегметъ-Али, паши египетскаго; въ 1833 г. Бутеневымъ былъ подписанъ въ Ункіаръ-Скелесси извѣстный трактатъ, затворившій Дарданеллы для прохода иностранныхъ судовъ. Въ 1840 г. Бутеневъ, по болѣзни дочери, взялъ продолжительный отпускъ, а въ 1842 г. снова прибылъ въ Константинополь съ особо важными порученіями по сербскимъ дѣламъ. Лѣтомъ 1843 г. Бутеневъ былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ. При тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, которыя въ то время существовали между петербургскимъ и римскимъ кабинетами, Бутеневъ сумѣлъ заслужить довѣріе двухъ папъ, Григорія XVI и Пія IX. Въ періодъ римской революціи Бутеневъ, въ самыя критическія минуты, безотлучно находился при папѣ Піѣ IX въ Гаэтѣ. Въ 1847 г. имъ, вмѣстѣ съ графомъ Блудовымъ, былъ заключенъ конкордатъ съ римскою куріею. Въ 1853 г. Бутеневъ вернулся въ Россію, а по окончаніи Крымской войны, въ 1856 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и снова отправленъ посланникомъ въ Константинополь, гдѣ съ успѣхомъ возстановилъ отношенія между Россіей и Турціей. Въ 1858 г. Бутеневъ возвратился въ Россію. Тяжелыя болѣзни, потеря зрѣнія и слуха принудили его отправиться въ столицы Западной Европы для совѣтовъ съ знаменитѣйшими докторами. Отличаясь безукоризненной честностью, безкорыстіемъ и скромностью, Бутеневъ всѣмъ народамъ, среди которыхъ жилъ, умѣлъ внушить уваженіе къ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ русскому имени. Ламартинъ, въ «Impressions de voyage en Orient», такъ характеризуетъ личность Бутенева: «Homme charmant et moral, philosophe et homme d' Etat». Погребенъ Бутеневъ въ Парижѣ на Монмартрскомъ кладбищѣ. «Воспоминанія» Бутенева напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 и 1883 гг. (доведены до 1814 г.).

Некрологи: въ «Иллюстр. Газетѣ» 1866 г., № 30, и въ «Мѣсяцесловѣ» 1867 г., стр. 97.—Словари: Брокгауза и Ефрона и др.—Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, С.-Пб., 1880.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.—«Воспоминанія и записки гр. А. Д Блудовой» («Заря» 1871 г., № 3, стр. 1—31 и 1872 г., № 1, стр. III—154).—Архивъ кн. Воронцова, кн. 39 (письма Бутенева къ кн. М. С. Воронцову).

Бутеневъ, *Иванъ Петровичъ*, капитанъ 2 ранга, флигель-адъютантъ Его Величе-

ства, ум. въ С.-Петербургѣ 5 марта 1836 г. Образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ, въ 1817 г. былъ произеденъ въ гардемарины, а въ 1820 г.—въ мичманы и затѣмъ плавалъ между Кронштадтомъ и Ригою на галіотѣ «Факелъ». Въ 1821 г. Бутеневъ на транспортѣ «Хвостовъ» плавалъ въ Финскомъ заливѣ, въ 1822—1825 гг. совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ Камчатку на фрегатѣ «Крейсеръ», подъ командою капитана Лазарева, въ 1825 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., въ 1826 г. на кораблѣ «Азовъ» перешелъ изъ Архипелага въ Кронштадтъ и 30 декабря того же года произведенъ въ лейтенанты. Въ 1827 г. Бутеневъ на томъ-же кораблѣ перешелъ изъ Кронштадта въ Портсмутъ, присоединился тамъ къ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена и, прибывъ въ ея составѣ въ Архипелагъ, участвовалъ въ Наваринской битвѣ, гдѣ потерялъ правую руку. За отличіе Бутеневъ былъ произведенъ въ чинъ капитанъ-лейтенанта и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1828 и 1829 гг. онъ, командуя бригомъ «Ахиллесъ», крейсеровалъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, ходилъ къ Константинополю, но заболѣлъ и вернулся въ Кронштадтъ. Оправившись отъ болѣзни, Бутеневъ сопровождалъ на пароходѣ «Ижора» прусскаго принца отъ Кронштадта до Штетина, а вскорѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1831—1833 гг. Бутеневъ, командуя бригомъ «Парисъ», перешелъ изъ Кронштадта въ Архипелагъ, оттуда въ Одессу и обратно въ Архипелагъ, и затѣмъ въ Константинополь. Въ 1833 г. Бутеневъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества и награжденъ орденомъ св. Станислава 3 (что нынѣ 2) ст., а отъ турецкаго султана—золотою медалью; 30 августа 1834 г. произведенъ за отличіе въ капитаны 2 ранга и назначенъ командиромъ 12 флотскаго экипажа и корабля «Память Азова».—Бутеневу принадлежитъ нѣсколько статей по вопросамъ военно-морского дѣла.

Общій морской списокъ, ч. VI.—Некрологъ въ «Сѣв. Пчелѣ», 1836 г., № 59.

Бутеневъ, *Константинъ Федоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, горный инженеръ членъ горнаго ученаго комитета, горнаго и мануфактурнаго совѣтовъ, род. въ 1805 г. въ Петрозаводскѣ, ум. 9 декабря 1869 г. въ Петербургѣ. Бутеневъ получилъ образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго вышелъ практикантомъ лѣтомъ 1826 г., получивъ при выпускѣ малую золотую медаль и право на чинъ берггешворена 12 класса. Вскорѣ Бутеневъ поступилъ на службу на Златоустовскіе заводы и былъ назначенъ смотрителемъ золотыхъ рудниковъ Міасскаго завода; въ томъ же году онъ былъ командированъ въ экспедицію для изслѣдованія Воицкаго рудника. Въ 1829 г. Бутеневъ былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ и обозрѣнія тамошнихъ рудниковъ и заводовъ (по назначенію директора горнаго департамента Е. В. Карнѣева). За границей Бутеневъ прослушалъ курсъ фрейбергской горной академіи, осмотрѣлъ почти всѣ рудники и заводы Германіи, Венгріи и Трансильваніи и въ 1832 г. возвратился въ Петербургъ. Здѣсь Бутеневъ былъ назначенъ въ горный институтъ для преподаванія горнаго и маркшейдерскаго искусства и горной статистики. Въ этой должности Бутеневъ выдѣлялся особенно добросовѣстнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Въ 1838 г. Бутеневъ оставилъ преподавательскую дѣятельность въ институтѣ и былъ назначенъ редакторомъ еженедѣльной газеты «Мануфактурныя и Горнозаводскія Извѣстія»; эта газета незадолго до того времени была основана министромъ финансовъ Е. Ф. Канкринымъ, давно уже знавшимъ и цѣнившимъ Бутенева. Въ 1841 г. Бутеневъ былъ посланъ съ особымъ порученіемъ въ Бухару, гдѣ находился около года. Съ 1843 по 1852 г. Бутеневъ служилъ въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ управляющимъ передѣлами, а затѣмъ—начальникомъ механическихъ производствъ. Въ 1852 г. Бутеневъ былъ назначенъ директоромъ петербургскаго технологическаго института. Состоя въ этой должности, Бутеневъ оказалъ значительное содѣйствіе устройству въ институтѣ химической лабораторіи и расширенію музея, а также принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ матеріаловъ для составленія новаго положенія объ институтѣ. Въ апрѣлѣ 1857 г. Бутеневъ былъ назначенъ членомъ мануфактурнаго совѣта. Съ 1858 до 1863 г. онъ занималъ должность начальника петербургскаго монетнаго двора, гдѣ его энергичная дѣятельность также принесла немало пользы; въ его бумагахъ было, между прочимъ, найдено много работъ по подготовкѣ коренного улучшенія монетнаго двора.

Въ 1861 г. Бутеневъ былъ назначенъ предсѣдателемъ одной изъ комиссій по устройству мануфактурной выставки въ Петербургѣ. Однако, уже въ 1860 г. его здоровье окончательно разстроилось; продолжительное леченіе за границею и въ Петербургѣ оказалось безполезнымъ, но, не смотря на тяжелую болѣзнь, Бутеневъ почти до самой смерти не терялъ бодрости и свѣжести ума.—Принужденный отдавать почти все время службѣ, Бутеневъ въ очень незначительной степени занимался научной литературой. Его дѣятельность въ этой области выразилась въ рядѣ статей (главнымъ образомъ, по горному дѣлу), помѣщенныхъ въ «Горномъ Журналѣ», въ «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстіяхъ» и въ нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ изданіи Энциклопедическаго лексикона Плюшара.

Некрологъ П. Алексѣева въ «Горномъ Журналѣ» 1864 г., часть I, № 2, стр. 331—340, приложеніе (здѣсь же, между прочимъ, помѣщена выписка изъ формулярнаго списка Бутенева).—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.

В. Г.

Бутеневъ, *Николай Өедоровичъ,* горный инженеръ, генералъ-лейтенантъ. Съ 1859 г. Бутеневъ былъ членомъ совѣта ученаго комитета горныхъ инженеровъ, а съ 1867 г.—начальникомъ олонецкихъ горныхъ заводовъ. Въ 60-хъ годахъ имъ было сдѣлано въ Географическомъ обществѣ сообщеніе о найденныхъ имъ въ олонецкой губерніи слѣдахъ каменнаго вѣка. Оставшаяся послѣ Н. Ө. Бутенева коллекція мистическихъ рукописей была пріобрѣтена у наслѣдниковъ Императорской Публичной библіотекой. Бутеневу принадлежатъ: 1) «Новыя правила для отыскиванія сброшенныхъ и сдвинутыхъ мѣсторожденій полезныхъ минераловъ», С.-Пб., 1835 г. и 2) «Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителяхъ Сѣверной Россіи, по найденнымъ остаткамъ ихъ быта» (По поводу статьи академика Бэра въ «Зап. Географ. Общества», 1863 г., кн. 1).

П. П. Семеновъ, Исторія полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1845—1895 гг. С.-Пб., 1896.—Kaulbars, Aperçu des travaux géographiques.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.—Его-же, Русскія Книги, т. 3, С.-Пб., 1898.—Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1872 г. С.-Пб., 1873 г., стр. 8—16.

Бутенко, *Иванъ Филипповичъ,* оперный пѣвецъ, род. въ 1852 г., ум. 6 февраля 1891 г. въ Москвѣ. Бутенко происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ херсонской губ. По окончаніи курса въ херсонской гимназіи (въ 1872 г.), онъ поступилъ на юридическій факультетъ новороссійскаго университета, курсъ котораго окончилъ со степенью дѣйствительнаго студента въ 1876 г. Отбывая затѣмъ воинскую повинность, Бутенко, въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ артиллеріи, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ и былъ произведенъ въ прапорщики. Черезъ непродолжительное время онъ вышелъ въ отставку. Обладая прекраснымъ голосомъ и любя пѣніе, онъ отправился за границу и бралъ тамъ уроки у извѣстныхъ профессоровъ пѣнія Вѣны и Милана (главнымъ образомъ, у Маркези и Антоніо Бруци). Свою оперную карьеру Бутенко началъ въ Мантуѣ, гдѣ выступилъ въ оперѣ Верди «Сила судьбы» («La forza del destino») въ 1879 г., при чемъ сразу обратилъ на себя вниманіе блестящими голосовыми средствами и имѣлъ громадный успѣхъ. Послѣ этого Бутенко выступилъ въ «Жидовкѣ» въ миланскомъ театрѣ Даль-Верме и нѣсколько позже въ театрѣ Санъ-Карло въ Неаполѣ. Въ Австріи онъ пѣлъ въ вѣнскомъ театрѣ Маркези. Весною 1885 г. Бутенко безъ дебюта былъ принятъ на сцену московскаго Большого театра. Первые его выходы были 30 августа и 2 сентября того же года въ партіи Сусанина въ оперѣ «Жизнь за Царя» и затѣмъ 16 сентября въ партіи Марселя въ «Гугенотахъ». Въ этихъ роляхъ Бутенко имѣлъ выдающійся успѣхъ и съ первыхъ же выходовъ заслужилъ любовь публики, которою неизмѣнно пользовался до конца своей артистической карьеры. Лучшими ролями Бутенко изъ его довольно разнообразнаго репертуара, кромѣ упомянутыхъ партій Сусанина и Марселя, считались роли Мефистофеля (въ «Фаустѣ»), Руслана (въ «Русланѣ и Людмилѣ»), кардинала Броньи (въ «Жидовкѣ») и Зороастра (въ «Волшебной Флейтѣ»). Послѣднею изъ созданныхъ имъ ролей была роль Дубровина (въ оперѣ Аренскаго «Сонъ на Волгѣ»). По голосовымъ средствамъ и артистической индивидуальности Бутенко занималъ видное мѣсто въ труппѣ Императорской московской оперы. Онъ былъ пѣвцомъ—художникомъ, умѣв-

шимъ создавать живые и законченные образы. Голосъ его—басъ обширнаго діапазона и огромной силы и крѣпости—отличался въ то же время замѣчательно красивымъ и мягкимъ тембромъ, что давало ему возможность исполнять роли не только драматическія, но и лирическія. Послѣдній выходъ Бутенко состоялся за нѣсколько дней до его смерти (22 января), въ одной изъ первыхъ его партій—въ «Жидовкѣ». Умеръ Бутенко отъ дифтерита.

Г. Риманъ, Музыкальный словарь (изд. Юргенсона), вып. III.—«Артистъ Императорскихъ театровъ И. Ф. Бутенко», зам. N. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1891 г., № 39.—Некрологи: въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1891 г., № 39 и «Новомъ Времени» 1891 г., № 5370.

Буткевичъ, *Анна Алексѣевна*, сестра поэта Н. А. Некрасова, ум. въ С.-Петербургѣ 20 февраля 1882 г., на 56-мъ году жизни. Первоначальное образованіе Буткевичъ получила дома, подъ руководствомъ своей матери, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи была обязана исключительно себѣ. Обладая блестящими способностями, она въ совершенствѣ изучила французскій языкъ, а также свободно владѣла нѣмецкимъ и англійскимъ языками. Одаренная тонкимъ умомъ и прекрасной памятью, она была очень начитана, обладала массою свѣдѣній, была хорошо знакома со всѣми выдающимися произведеніями не только современныхъ европейскихъ, но и древнихъ писателей. Ея познаніями и совѣтами часто пользовался Н. А. Некрасовъ, въ жизни котораго она имѣла немаловажное значеніе. Связанный съ сестрой самой нѣжной и тѣсной дружбой, Н. А. Некрасовъ очень цѣнилъ ея мнѣнія и часто читалъ ей свои новыя произведенія прежде, чѣмъ отдавалъ ихъ въ печать. Послѣ смерти горячо любимаго брата Буткевичъ всецѣло отдалась служенію его памяти. Издавъ по завѣщанному ей Некрасовымъ авторскому праву «Стихотворенія Н. А. Некрасова» (Спб., 1879, 4 тома; Спб., 1881 и 1882, 1 томъ), сборникъ стихотвореній: «Некрасовъ русскимъ дѣтямъ» (С.-Пб., 1881, рисунки барона М. П. Клодта) и отдѣльно поэму «Кому на Руси жить хорошо», она всѣ доходы отъ этихъ изданій, какъ и значительную часть своихъ средствъ, отдала на увѣковѣченіе памяти брата. Она оказывала постоянныя и единовременныя пособія и пожертвованія въ его память, пріобрѣла имѣніе Некрасова въ Чудовѣ, новгородской губ., для устройства въ немъ ремесленной школы имени поэта, воздвигла памятникъ на его могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (исполненъ Чижовымъ), учредила въ с.-петербургскомъ университетѣ стипендію его имени. Буткевичъ была вдовою полковника.

«А. А. Буткевичъ», некрологъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1882 г., № 4, стр. 301—302.—Некрологъ въ «Новомъ Времени», 1882 г., № 2151.—Кн. Н. Голицынъ, Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, 1759—1859 гг. С.-Пб., 1889.—С. А. Венгеровъ, Русскія Книги, т. 3, С.-Пб., 1898.—Его-же, Источники словаря русскихъ писателей, т. I, С.-Пб., 1900.

В. Г.

Бутковскій, *Петръ Александровичъ*, врачъ, профессоръ харьковскаго университета, род. въ 1801 г., ум. 21 ноября 1844 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ перешелъ въ петербургскую медико-хирургическую академію казеннокоштнымъ воспитанникомъ, въ 1823 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 2 отдѣленія и ветеринарнаго лѣкаря 3 отдѣленія и опредѣленъ ординаторомъ въ абоскій военный госпиталь. Здѣсь Бутковскій слушалъ медицинскія лекціи въ университетѣ и въ то-же время основательно изучилъ французскій, нѣмецкій и шведскій языки. 20 февраля 1825 г. онъ былъ назначенъ въ 25 артиллерійскую бригаду старшимъ лѣкаремъ, а въ 1827 г. прикомандированъ къ выборгскому военному госпиталю и оставался здѣсь около 6 лѣтъ ординаторомъ. Продолжая работать надъ своимъ научнымъ усовершенствованіемъ, Бутковскій получилъ степень штабъ-лѣкаря, а въ 1832 г. получилъ въ гельсингфорскомъ университетѣ степень доктора медицины. Съ самаго начала своей дѣятельности Бутковскій много занимался изученіемъ душевныхъ и внутреннихъ болѣзней. Въ то время въ Россіи еще не было издано ни одного руководства по психіатріи. Бутковскій основательно изучилъ труды Пинеля, Ѳскироля и другихъ психіатровъ и собралъ богатый запасъ собственныхъ наблюденій и опытовъ. Результатомъ его занятій было составленное имъ первое русское руководство по психіатріи. Въ 1833 г. онъ оставилъ военную службу и занялся изданіемъ этой книги; она вышла въ свѣтъ въ 1834 г. и доставила автору большую извѣстность. Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ избрало его своимъ членомъ - корреспондентомъ. Министръ народнаго просвѣщенія

С. С. Уваровъ обратилъ вниманіе на ученые труды Бутковскаго и въ 1834 г. утвердилъ его ординарнымъ профессоромъ харьковскаго университета по каѳедрѣ хирургіи и науки о душевныхъ болѣзняхъ. Хирургія не была спеціальностью Бутковскаго; онъ интересовался главнымъ образомъ внутренними болѣзнями, и потому въ 1837 г. перешелъ на каѳедру частной патологіи и терапіи, оставилъ частную практику, направилъ всю свою дѣятельность на научную разработку этого предмета и въ послѣдующіе года издалъ первые два тома своего Начертанія частной патологіи и терапіи и приготовилъ къ печати 3-й и 4-й томы. Въ іюнѣ 1844 г. Бутковскаго постигъ апоплектическій ударъ, отъ послѣдствій котораго онъ и умеръ; онъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; напечаталъ слѣдующіе труды: 1) Подробное и основательное наставленіе къ распознаванію и лѣченію геморондальной болѣзни, сост. по сочиненіямъ Рау, Гизе и пр.; С.-Пб. 1830 г. 2) De vitae psychicae anomalia generatim; diss. D. Med. Abo, 1832. 3) Душевныя болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія психіатріи. С.-Пб., 1834 г. въ 2 ч. 4) Diatribae isagogicae de statu pathologiae hodierno etc.; рѣчь, произнесенная въ харьк. унив. 30 августа 1835 г. 5) Начертаніе частной патологіи и терапіи; Харьковъ, 1841, 2 части. Кромѣ того онъ напечаталъ нѣсколько переводовъ съ иностранныхъ языковъ.

Прибавленія къ журналу Министерства Народн. Просвѣщенія, 1844 г.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I, 1886 г. — Medicin. Zeitung Russlands. 1845 г., № 24.—Ф. С. Текутьевъ, Ист. очеркъ каѳедры и клиники душевн. и нервн. болѣзней при И. В.-Мед. Академіи С.-Пб., 1895, стр, 16—17. — «Русс. Архивъ», 1873 г., № 7, стр. 1479.—Словари: А. Виларе, Ф. Толля, Березина, Крайя.

Н. К.

Бутковъ, *Владиміръ Петровичъ*, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, ум. 28 марта 1881 г. Окончивъ курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ главномъ училищѣ (нынѣ 2-я гимназія), Бутковъ поступилъ на службу, 27 сентября 1832 г., въ канцелярію военнаго министерства. 25 апрѣля 1834 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника особой экспедиціи по дѣламъ общимъ и секретнымъ этой канцеляріи, а 26 іюля 1835 г. секретаремъ ея. Въ томъ же году Бутковъ занялъ должность правителя дѣлъ Высочайше учрежденнаго при военномъ министерствѣ комитета для повѣрки и составленія свода военныхъ постановленій. 15 мая 1838 г. онъ опредѣленъ въ военно-походную канцелярію Его Величества чиновникомъ для работъ по продолженію Свода военныхъ законовъ, а 3 февраля 1842 г. командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Закавказскій край, при статсъ-секретарѣ Позенѣ, которому была поручена ревизія гражданскаго устройства въ Закавказьѣ. Вернувшись изъ этой командировки, Бутковъ 27 октября того же года былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ временнаго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, съ оставленіемъ при прежнихъ занятіяхъ по редакціи свода военныхъ законовъ; 23 мая 1843 г. ему Всемилостивѣйше повелѣно, независимо отъ прежней должности, временно управлять дѣлами комитета по устройству Закавказскаго края, а 3 февраля 1845 г. онъ назначенъ управляющимъ дѣлами Кавказскаго комитета, съ причисленіемъ къ I-му отдѣленію канцеляріи Его Величества. Кромѣ того, въ 1846 г. Бутковъ участвовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ при II-мъ отдѣленіи той же канцеляріи, для разсмотрѣнія свода мусульманскихъ постановленій, а въ 1847 и 1848 г.г. былъ командированъ въ разныя губерніи для надзора за воспитаніемъ кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ. 1 января 1847 г. Бутковъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 17 января 1848 г. пожалованъ табакеркой съ бриллiантами и вензелемъ Его Величества. 1 мая 1849 г. онъ назначенъ помощникомъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, а 1 января 1850 г.—управляющимъ, съ сохраненіемъ должности по Кавказскому комитету. Тогда же на него возложено и управленіе дѣлами секретнаго комитета о расколѣ. 1 января 1851 г. Бутковъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари Его Величества, 17 апрѣля 1852 г. назначенъ управляющимъ дѣлами Сибирскаго комитета, а 1 января 1853 г. ему повелѣно состоять въ должности государственнаго секретаря, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ управляющаго дѣлами Кавказскаго и Сибирскаго комитетовъ (30 декабря 1858 г. онъ назначенъ членомъ этихъ комитетовъ, оставаясь управляющимъ дѣлами ихъ). 31 декабря 1854 г. Бутковъ произведенъ въ тайные совѣтники и утвер-

жденъ въ должности государственнаго секретаря. Въ новое царствованіе Бутковъ, пользуясь довѣріемъ Императора Александра II, съ особою полнотою проявилъ свои административныя и государственныя дарованія. Прежде всего, опираясь на свое умѣнье выбирать людей, онъ значительно улучшилъ личный составъ государственной канцеляріи, а затѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ и осуществленіи намѣченныхъ широкихъ реформъ. Въ трудахъ по освобожденію крестьянъ Бутковъ участвовалъ съ 3 января 1857 г., когда ему было поручено наблюденіе за производствомъ въ государственной канцеляріи всѣхъ дѣлъ Особаго комитета. На всеподданнѣйшей запискѣ съ проектами законоположеній по крестьянскому дѣлу, представленной Бутковымъ Государю 18 февраля 1861 г., Императоръ собственноручно начерталъ: «Теперь, при окончаніи всей главной работы, считаю священнымъ долгомъ искренно благодарить васъ и всѣхъ вашихъ помощниковъ, за всѣ ваши добросовѣстные и неутомимые труды по сему важному дѣлу. Да пребудетъ на немъ благословеніе Божіе». 23 апрѣля того же года Бутковъ удостоился Высочайшаго рескрипта за работы по крестьянской реформѣ. Питейная реформа также потребовала отъ Буткова немало труда. Въ 1860 г. на всеподданнѣйшей докладной запискѣ его по этому вопросу Императоръ начерталъ: «Объявляю вамъ лично и всей Государственной Канцеляріи особую Мою благодарность за этотъ многосложный и добросовѣстный трудъ. Дай Богъ, чтобы послѣдствія его были тѣ, которыя Я ожидаю». Но главная заслуга Буткова заключается въ его дѣятельности по подготовкѣ и осуществленію судебной реформы. Въ этомъ дѣлѣ онъ опирался на кружокъ, въ составъ котораго входили С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, П. А. Зубовъ, С. И. Зарудный, Н. Т. Погуляевъ и др. По почину Буткова въ 1861 г. измѣнился весь ходъ подготовительныхъ работъ по судебной реформѣ. Въ октябрѣ этого года Императоръ Александръ II возвратился изъ Крыма, и Бутковъ доложилъ ему о затрудненіяхъ, которыя Государственный Совѣтъ встрѣчаетъ при разсмотрѣніи составленныхъ раньше въ разное время и не согласованныхъ между собою проектовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и судоустройства, а также высказалъ мысль, что подробному разсмотрѣнію этихъ проектовъ должно предшествовать «опредѣленіе и утвержденіе основныхъ началъ». Императоръ одобрилъ мысли Буткова. Съ этого времени Бутковъ является ближайшимъ исполнителемъ предначертаній Государя по судебной части. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, Бутковымъ былъ составленъ, а 23-го октября 1861 г. Высочайше утвержденъ подробный докладъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія и выработки «главныхъ основныхъ началъ» судебной реформы. Этотъ докладъ, принадлежащій перу С. И. Зар催наго, проводилъ три основныхъ мысли: 1) объ извлеченіи изъ старыхъ проектовъ главныхъ основныхъ началъ, 2) о передачѣ дѣла судебной реформы изъ II-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи въ государственную канцелярію и 3) о привлеченіи къ дѣлу юристовъ-спеціалистовъ. Съ этого времени Государственная канцелярія, во главѣ съ Бутковымъ, дѣятельно принялась за порученное ей дѣло. Ближайшимъ сотрудникомъ Буткова въ это время явился С. И. Зарудный. 29-го сентября 1862 г. «Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи» были Высочайше утверждены, а затѣмъ опубликованы, чтобы вызвать замѣчанія свѣдущихъ лицъ. Желая привлечь къ дѣлу юридическія силы въ возможно широкихъ размѣрахъ, Бутковъ обратился къ профессорамъ юридическихъ факультетовъ, чинамъ судебнаго вѣдомства и разнымъ другимъ лицамъ. На призывъ Буткова откликнулось 448 человѣкъ; представленныя ими замѣчанія составили шесть томовъ in folio. Упомянутое приглашеніе Буткова произвело въ обществѣ большое впечатлѣніе и пробудило къ жизни русскую юридическую науку и литературу. Интересъ къ юридическимъ знаніямъ оживился, юристы стали собираться въ группы для лучшей организаціи своихъ работъ; въ Москвѣ, по почину профессора Лешкова, въ 1863 г. было положено начало правильно организованному юридическому обществу при университетѣ. Стали возникать осуществившіяся впослѣдствіи предположенія объ изданіи спеціальныхъ юридическихъ газетъ и журналовъ; оживились и юридическіе факультеты университетовъ. 29 ноября 1862 г. была образована подъ предсѣдательствомъ Буткова

особая коммиссія для изготовленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ и судоустройства. Благодаря организаторскимъ способностямъ Буткова, работы этой коммиссіи, при зрѣлости и разносторонности обсужденія вопросовъ, производились съ замѣчательной быстротою и закончились въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ. Послѣ утвержденія новыхъ судебныхъ уставовъ (24-го ноября 1864 г.), Бутковъ въ 1865—1866 г.г. былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для разработки законоположеній о введеніи ихъ въ дѣйствіе. Кромѣ того, 31 декабря 1864 г., по случаю присоединенія Сибирскаго комитета къ Комитету Министровъ, Буткову было Высочайше повелѣно завѣдывать, по прежнему, дѣлами и работами по устройству управленія и судебной части во всей Сибири. 1 января 1865 г. Бутковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, присутствующимъ въ департаментѣ законовъ, членомъ Комитета Министровъ и главноначальствующихъ надъ Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ (послѣднюю должность онъ исполнялъ съ 19 ноября 1860 г.), причемъ ему пожалованы брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго. Затѣмъ, въ 1866—1870 гг. Бутковъ состоялъ предсѣдателемъ коммиссіи по пересмотру рекрутскаго устава; 1 января 1867 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря; въ 1868 г. назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для предварительныхъ работъ по преобразованію межевой части, 19 января 1869 г.—старшимъ членомъ комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ и въ томъ же году — предсѣдателемъ коммиссіи для составленія проекта устава объ ипотекахъ. Между тѣмъ Бутковымъ овладѣла тяжкая болѣзнь, которая впослѣдствіи и свела его въ могилу. Удручаемый недугомъ, онъ оставилъ 26 апрѣля 1870 г. должность главноначальствующаго надъ Лазаревскимъ институтомъ, а 1 января 1872 г. былъ уволенъ и отъ присутствованія въ департаментѣ законовъ Государственнаго Совѣта.—Какъ человѣкъ, Бутковъ отличался замѣчательной предупредительностью, внимательностью къ окружающимъ, готовностью всякому оказать услугу. «Безъ преувеличенія можно сказать», пишетъ о Бутковѣ въ своихъ запискахъ В. А. Инсарскій: «что въ чиновномъ мірѣ мало было людей, которымъ бы онъ не оказалъ той или другой услуги».—Съ 13 декабря 1863 г. онъ состоялъ почетнымъ членомъ академіи наукъ.

Отчетъ по Государственному Совѣту за 1881 г. Спб. 1883. — Г. Джаншіевъ, «Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1767 г.г.» («Русс. Стар.» 1885 г., т. XLVII, стр. 482—494).—Его-же, Эпоха великихъ реформъ.—Его-же, Страница изъ исторіи судебной реформы, М., 1883. — Его-же, С. И. Зарудный и судебная реформа, М., 1889, гл. VI.—Статья Левшина въ «Русск. Архивѣ» 1885 г., № 8, стр. 493.—«Изъ воспоминаній А. А. Харитонова» въ «Русск. Стар», 1894 г.—Словарь Брокгауза-Ефрона.—«Записк.» В. А. Инсарскаго» («Русск. Стар.», 1895 г., №№ 3 4, 7—9).

Бутковъ, *Иванъ Петровичъ*, врачъ, вице-директоръ медицинскаго департамента военнаго министерства, род. въ 1782 г., ум. 8 марта 1856 г. Сынъ священника, Бутковъ сначала учился въ воронежской семинаріи; выйдя изъ нея съ званіемъ студента философіи, онъ поступилъ въ 1799 г. въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, въ 1803 г. окончилъ курсъ съ званіемъ кандидата хирургіи и, тогда же произведенный въ лѣкари, опредѣленъ въ 6-й артиллерійскій полкъ, который въ 1806 г. вошелъ въ составъ 11-й артиллерійской бригады. Въ 1807 г. Бутковъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1809 г. перешелъ въ 8 бригаду и съ слѣдующаго года занялъ тамъ должность старшаго лѣкаря 2 класса. Съ 1806 до 1830 г. онъ участвовалъ во всѣхъ русскихъ войнахъ. Уже въ турецкую кампанію 1806—1807 гг. Бутковъ отличился и былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ и чиномъ коллежскаго ассесора. Съ начала войны 1812 г. Бутковъ снова находился на театрѣ военныхъ дѣйствій въ войскахъ Кутузова, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени и въ 1813 г. назначенъ дивизіоннымъ докторомъ 8-й пѣхотной дивизіи, съ которой совершилъ походъ черезъ всю Европу, при чемъ находился при осадѣ и взятіи Торна и въ битвахъ подъ Кенигсвартомъ, Бауценомъ, Кульмомъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Ляротьеромъ и Шатобріаномъ и, наконецъ, при взятіи Парижа. Вернувшись въ 1815 г. на короткій срокъ въ Россію, Бутковъ въ томъ же году вновь отправился съ войсками во Францію и пробылъ тамъ до 1818 г. Въ 1816 г.

ему поручено исполненіе должности корпуснаго врача отдѣльнаго корпуса россійскихъ войскъ, остававшихся во Франціи. Здѣсь онъ, кромѣ наградъ отъ русскаго правительства, получилъ орденъ Почетнаго Легіона (офицерскій крестъ). Въ 1818 г. онъ утвержденъ въ должности корпуснаго штабъ-доктора, въ слѣдующемъ году перешелъ въ седьмой пѣхотный корпусъ, а еще черезъ годъ — въ отдѣльный гвардейскій корпусъ на такую-же должность. Главный медицинскій инспекторъ, баронетъ Вилліе, лично руководившій дѣятельностью врачей во всѣхъ войнахъ того времени, высоко цѣнилъ Буткова; онъ засвидѣтельствовалъ находившейся подъ его предсѣдательствомъ медико-хирургической академіи особыя заслуги этого врача и его выдающіяся научныя познанія, и въ 1820 г. академія удостоила Буткова степени доктора медицины и хирургіи «honoris causa». Въ слѣдующемъ году ему было назначено, не въ примѣръ прочимъ, по 2000 рублей въ годъ столовыхъ денегъ, кромѣ содержанія по должности. Въ 1823 г. на него возложено, сверхъ прямой его должности, исполненіе обязанностей старшаго доктора гвардейской пѣхоты. Въ это время въ войскахъ, находившихся въ Крыму, стала особенно сильно свирѣпствовать заразная глазная болѣзнь, трахома, которая вообще не переводилась тамъ въ теченіе очень многихъ лѣтъ. Буткову было поручено принять мѣры къ прекращенію эпидеміи. Онъ близко ознакомился съ причинами сильнаго распространенія болѣзни, улучшилъ санитарное состояніе войскъ и прекратилъ эпидемію. За это онъ былъ вознагражденъ, кромѣ другихъ знаковъ высочайшей милости, орденомъ св. Анны 2 степени съ бриллiантами, орденомъ св. Владиміра 3 степени и всемилостивѣйшимъ подаркомъ. Свои наблюденія надъ эпидеміей Бутковъ описалъ въ особой научной работѣ. Въ 1828 г. онъ снова отправился на войну съ гвардіей, участвовалъ въ осадѣ Варны и выказалъ большія познанія и опытность при устройствѣ госпитальной части, которая тогда была особенно важна, такъ какъ въ войскахъ были чрезвычайно распространены изнурительныя болѣзни. Въ награду онъ получилъ годовой окладъ жалованья, прибавку въ 2000 р. къ содержанію и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Возвратившись въ Петербургъ, Бутковъ былъ назначенъ въ 1830 г. исполняющимъ должность вице-директора медицинскаго департамента военнаго министерства и скоро послѣ этого — присутствующимъ въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ съ утвержденіемъ въ должности вице-директора медицинскаго департамента военнаго министерства. Въ 1836 г. Бутковъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ должность главнаго военно-медицинскаго инспектора и въ томъ-же году назначенъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ съ увольненіемъ отъ прежней должности. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ, кромѣ того, членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Занимая эти должности до конца жизни, онъ неоднократно былъ командированъ для осмотра госпиталей, нѣкоторое время исполнялъ должность предсѣдателя медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени, чиномъ тайнаго совѣтника и знакомъ безпорочной службы за 50 лѣтъ. Во время своей продолжительной службы Бутковъ выказалъ большія административныя способности. При постоянныхъ скитаніяхъ во время войнъ ему было трудно посвятить себя ученой дѣятельности, и потому, обладая обширными знаніями, онъ напечаталъ лишь одну работу: Краткое описаніе воспаленія глазъ, появившагося въ Крыму въ войскахъ, принимавшихъ участіе въ турецкой кампаніи 1824 г. — Спб., 1835.

«Другъ Здравія» 1856 г., № 15, прибавленіе стр. 65, статья д-ра Грума. — Medicin. Zeitung Russlands, 1856 г., стр. 132, статья Heine. — Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I. — Дѣла Главнаго военно-медиц. управленія — кондуитъ № 197, въ книгѣ № 2, и архивн. дѣла того-же упр.—Sallisen, Medic.-Cchriftsteller Lexic., ч. 26. Копенг. 1830 г., стр. 513.—Словарь Геннади.

Н. Кульбинъ.

Бутковъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, статскій совѣтникъ, братъ академика П. Г. Буткова, ум. въ Одессѣ 23 іюля 1861 г., на 76-мъ году жизни. Службу Бутковъ началъ въ 1796 г., въ кавказскомъ егерскомъ корпусѣ. Въ 1802 г. онъ перешелъ въ гражданскую службу и до 1843 г. служилъ въ Новороссійскомъ краѣ. Въ 1831 г. ему было поручено обозрѣніе вновь основанныхъ колоній въ Бессарабіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опредѣленъ товарищемъ старшаго члена бессарабской колонистской конторы, а въ 1834 г. со-

стоялось назначеніе его на должность управляющаго всѣми задунайскими переселенцами въ Бессарабіи (общее число ихъ доходило до 16.000). Немало силъ и заботъ отдалъ Бутковъ дѣлу улучшенія положенія колонистовъ. Заботясь о распространеніи среди нихъ образованія, онъ способствовалъ учрежденію, въ теченіе непродолжительнаго времени, болѣе пятидесяти школъ. Буткову же обязаны болгары введеніемъ въ ихъ хозяйствахъ тонкоруннаго овцеводства и посѣва озимыхъ хлѣбовъ.

Мѣсяцесловъ на 1863 г., стр. 35. — Русск. Энциклопедическ. слов. Березина.—«Необходимое дополненіе» къ Энц. сл. Толля.—Записки Ф. Ф. Вигеля.

Бутковъ, *Петръ Григорьевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный членъ Академіи наукъ, род. 17 декабря 1775 г., ум. 12 дек. 1857 г. Происходя изъ дворянъ харьковской губ., Бутковъ родился въ слободѣ Осиновѣ, старобѣльскаго уѣзда. Въ ранней молодости онъ поступилъ на военную службу во владимірскій драгунскій полкъ и уже 16 лѣтъ участвовалъ въ походѣ къ Анапѣ (1791 г.). Въ 1794 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ генералъ-майора С. А. Булгакова и подъ его начальствомъ въ 1796 г. участвовалъ въ Персидской войнѣ. На Кавказѣ, подъ впечатлѣніями тамошней жизни, началась историко-литературная дѣятельность Буткова и подготовленіе имъ матеріаловъ для будущихъ его трудовъ. Въ бумагахъ Буткова было найдено любопытное собраніе документовъ объ анапскомъ походѣ 1791 г., сохранился дневникъ его, составленный во время персидской экспедиціи (1796 г.) и проектъ отчета о ней, въ видѣ писемъ. При этихъ матеріалахъ—экземпляры трактатовъ съ Персіей 1729, 1732 и 1735 годовъ. Въ 1796 г. Бутковъ былъ повышенъ въ старшіе адъютанты при генералъ-маіорѣ Булгаковѣ, а 15 сентября того же года «взятъ въ канцелярію главнокомандующаго для исправленія дѣлъ министерскихъ и по секретной части». Въ 1797 г. Бутковъ перечисленъ въ тифлисскій мушкатерскій полкъ, а затѣмъ назначенъ инспекторскимъ адъютантомъ при кавказской инспекціи. Съ 1801 по 1803 г.г., въ эпоху присоединенія къ Россіи Грузіи, Бутковъ былъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго ген.-лейтенанта К. Ѳ. Кнорринга и во время этой службы собралъ «Бумаги о присоединеніи Грузіи къ Россіи при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I». Въ 1803 г. Бутковъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ С.-Петербургъ; продолжая свои занятія по исторіи Грузіи, онъ составилъ записку: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о командованіи князя Циціанова и другихъ на Кавказѣ. Тутъ же бумаги о поступкахъ князя Циціанова съ членами Царскаго Грузинскаго Дома». Источники для написанія ея были извлечены Бутковымъ преимущественно изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ. Н. Н. Новосильцовъ передалъ эту записку министру юстиціи кн. Лопухину, а послѣдній представилъ ее Государю Александру I при докладѣ объ опредѣленіи Буткова въ коммисію для составленія законовъ. Результаты этого доклада не извѣстны. Въ 1805 г. Бутковъ вновь опредѣлился на государственную службу въ департаментъ герольдіи, а въ 1809 г. назначенъ былъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ къ главнокомандующему молдавской арміей кн. А. А. Прозоровскому. Съ нимъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и отъ него, повидимому, получилъ тѣ любопытныя свѣдѣнія о покореніи Крыма, которыя затѣмъ были напечатаны въ его «Матеріалахъ къ новой исторіи Кавказа». При преемникахъ кн. Прозоровскаго, кн. П. И. Багратіонѣ и гр. Н. М. Каменскомъ, Бутковъ завѣдывалъ походной канцеляріей. Въ 1811 г. Бутковъ вышелъ въ отставку и пробылъ въ ней до 1820 г., когда былъ назначенъ директоромъ училищъ воронежской губ. по вѣдомству министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ 1823 г. онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ аудиторіатскій департаментъ главнаго штаба, а вскорѣ, въ томъ же году, назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ гр. А. А. Закревскомъ. Въ 1825 г., оставаясь въ занимаемой имъ должности, Бутковъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ; въ 1828 г. назначенъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и, въ отсутствіе министра, дважды управлялъ министерствомъ. Въ 1841 г. Бутковъ избранъ членомъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1849 г. возведенъ въ званіе сенатора.—Обширная научная дѣятельность Буткова была посвящена разработкѣ русской исторіи. Вдова Буткова пожертвовала академіи

наукъ полный экземпляръ его печатныхъ сочиненій (58 названій), снабженный многочисленными дополненіями, замѣтками и приписками автора, всю жизнь не оставлявшаго разъ предпринятой работы. Кромѣ того, она принесла академіи въ даръ 49 связокъ рукописей, оставшихся послѣ его смерти, заключающихъ разныя неоконченныя изслѣдованія и необработанные матеріалы. Изъ числа печатныхъ трудовъ Буткова, списокъ которыхъ въ 1858 г. изданъ академіей наукъ, особенной извѣстностью пользуется «Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ». СПб. 1840 г. Это сочиненіе, изданное на средства академіи наукъ, есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ Буткова, который усердно вчитывался во все, что писалось до него и при немъ по русской исторіи, свѣряя съ источниками нашей исторіи — русскими и иностранными. Какъ видно и изъ заглавія работы Буткова, онъ выступилъ противъ господствовавшей при немъ скептической школы Каченовскаго, упрекая нашихъ скептиковъ въ несправедливости къ памятникамъ древности и культурному прошлому Россіи. Присоединяясь къ мнѣнію Шлецера и Карамзина, Бутковъ въ оцѣнкѣ цивилизаціи домонгольской Руси пошелъ дальше ихъ. Опираясь на отличное знаніе источниковъ, онъ первый уяснилъ вліяніе на Русь Византіи, указалъ на культурное значеніе Кіево-Печерскаго монастыря, гдѣ сосредоточивались извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Онъ предполагалъ также, что Несторъ зналъ греческій языкъ, и на основаніи своихъ данныхъ приходилъ къ убѣжденію, что начальная наша лѣтопись написана въ Кіевѣ. Защищалъ онъ и другіе памятники древности: договоры съ Греками, житія и сказанія. Бутковъ билъ скептиковъ ихъ же оружіемъ, т. е. научнымъ разборомъ иностранныхъ извѣстій о Россіи и уясненіемъ ея культурнаго состоянія. Въ своемъ трудѣ онъ выясняетъ, допускала ли степень образованности русскихъ появленіе лѣтописца, устанавливаетъ источники лѣтописи, рѣшаетъ вопросъ о Руссахъ и Варягахъ, объ основаніи Новгорода и его торговлѣ. Затѣмъ Бутковъ рѣшаетъ вопросъ о появленіи Нестора, его образованіи, его временникѣ, разбираетъ мнѣніе скептиковъ о монастырскихъ запискахъ, о связи отдѣльныхъ повѣстей Нестора съ его лѣтописью, объ источникахъ ея, о Василіи, Сильвестрѣ, Татищевѣ и о томъ, съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ какъ лѣтописецъ. — Сочиненіе Буткова представляетъ стройную систему. Онъ разлагаетъ главную свою тему на рядъ частныхъ вопросовъ, которые сначала излагаетъ такъ, какъ ихъ понимали скептики, а затѣмъ опровергаетъ. Хотя сочиненіе Буткова вышло черезъ пять лѣтъ послѣ изслѣдованій Погодина о Несторѣ, однако оно не потеряло отъ этого своего значенія, такъ какъ составлено независимо отъ Погодина. Помимо самостоятельной точки зрѣнія и доказательствъ, трудъ Буткова отличается отъ Нестора Погодина полнотой и тщательностью научной аргументаціи. Половина сочиненія его состоитъ изъ примѣчаній, научно критикующихъ взгляды не только скептиковъ, но и другихъ писателей по русской исторіи.

П. Г. Бутковъ, Матеріалы для Новой Исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. Въ трехъ частяхъ. СПБ. 1869 г. Въ предисловіи Л. Броссе находятся наиболѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Бутковѣ; въ третьей части перепечатанъ изданный въ 1858 г. академіей «Списокъ собранія печатныхъ сочиненій и рукописныхъ трудовъ П. Г. Буткова, пожертвованныхъ въ 1858 году Императорской Академіи Наукъ, съ присовокупленіемъ подробныхъ указаній о содержаніи рукописей». — Тоже въ «Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, по отд. Русск. Яз. и Словесности», Томъ VII, 1858 г. и отдѣльно, при «СПб. Вѣдомостяхъ», 1858 г., № 257. — Brosset, L., «Premier rapport sur les manuscrits de feu M. l'accad. Boutkoff». («Bull. hist. et phil.», T. XVI, Mél. russes, IV.).— А. В. Александровъ, Современные историческіе труды въ Россіи. СПБ. 1845.— М. О. Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Изд. 2-ое. СПБ. 1893.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

В. Ф.

Бутковъ, *Яковъ Петровичъ*, писатель, ум. 28 ноября 1856 г. Родомъ изъ мѣщанъ саратовской губ., Бутковъ не получилъ почти никакого образованія, но воспиталъ и развилъ свой умъ самостоятельнымъ чтеніемъ. Мѣщанская обстановка уѣзднаго города стала для него тѣсной, и Бутковъ рѣшилъ пробраться въ Петербургъ. Отчасти пѣшкомъ, отчасти со случайными попутчиками, онъ достигъ столицы и поселился гдѣ-то на чердакѣ. Вскорѣ ему удалось найти литературную работу и даже обратить на себя вниманіе своимъ дарованіемъ. Неожиданное несчастіе разстроило его писательское будущее: объявленъ былъ рекрутскій наборъ, и Буткову надо было бы идти въ солдаты, если бы его не избавилъ А. А. Краевскій, издатель «Отече-

ственныхъ Записокъ». Однако Краевскій сдѣлалъ это не безкорыстно: онъ купилъ Буткову рекрутскую квитанцію съ обязательствомъ выплачивать долгъ изъ гонорара за статьи въ журналъ Краевскаго. Бутковъ писалъ немного, любилъ обдумывать и вынашивать свои, обыкновенно короткія, повѣсти и поэтому имѣлъ очень незначительный заработокъ; не мало мѣшали ему и цензурныя условія, вслѣдствіе которыхъ печатаніе его произведеній не только задерживалось, но порой становилось невозможнымъ. Жилъ онъ въ нуждѣ, порой прямо голодалъ, ходилъ въ поношеномъ платьѣ и умеръ въ больницѣ св. Маріи Магдалины. — Содержаніе повѣстей Буткова большею частью касается быта мелкаго чиновничества и столичной бѣдноты. Обычное мѣсто дѣйствія его разсказовъ — плохенькіе трактиры, купеческія конторы, канцеляріи, гдѣ мелкіе служащіе дрожатъ предъ начальствомъ. Писалъ Бутковъ выразительнымъ языкомъ, «мѣткимъ и цѣпкимъ». Темой большинства произведеній Буткова служитъ борьба маленькаго человѣка съ матеріальной нуждой. Современники оцѣнили литературный талантъ Вуткова. Выходъ въ свѣтъ сборника его разсказовъ вызвалъ въ критикѣ много толковъ. Часть ея, враждебная Гоголю, ставила Буткова выше послѣдняго. Бѣлинскій, признавая даровитость Буткова, говоритъ, что талантъ его болѣе описывающій, чѣмъ изображающій предметы, «талантъ чисто сатирическій и нисколько не юмористическій. Въ немъ не достаетъ ни глубины, ни силы, ни творчества. Но тѣмъ не менѣе, въ авторѣ видны умъ, наблюдательность и, мѣстами, остроуміе и много комизма.... сердце, умѣющее сострадать ближнему, кто бы и каковъ бы ни былъ этотъ ближній, лишь бы только былъ несчастенъ». Лучшей изъ повѣстей Буткова Бѣлинскій считаетъ «Сто рублей». Недостатки творчества Буткова — «неровность» и погоня за остроуміемъ. Талантъ Буткова, въ силу тяжелыхъ жизненныхъ условій, не развился. Товарищи по перу мало его поддерживали, наоборотъ—относились къ нему какъ то свысока, пренебрежительно. Бутковъ чувствовалъ себя въ нихъ средѣ приниженнымъ и большинство изъ нихъ называлъ «генералами». Оригинальной личности Буткова вполнѣ соотвѣтствовала его наружность. Бѣдное, поношенное, нечищенное платье, большая голова съ рѣзко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и волосами, остриженными подъ гребенку. Первое непріятное впечатлѣніе сглаживалось кроткимъ выраженіемъ умныхъ глазъ и мягкими очертаніями красиваго рта.—Авторское поприще Бутковъ началъ повѣстью «Петербургскія вершины»; за нею послѣдовали: «Горюнъ», «Кредиторы», «Новый Годъ», «Темный Человѣкъ», «Невскій проспектъ или Путешествіе Нестора Залетаева» и еще нѣсколько разсказовъ и повѣстей въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературной Газетѣ». «Петербургскія Вершины» изданы отдѣльно, въ 2-хъ томахъ (СПБ. 1845 и 1846 гг.).

А. Милюковъ, Литературныя встрѣчи и знакомства. СПБ., 1890.— Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. X. — Фельетонъ Булгарина, въ «Сѣверной Пчелѣ», 1845 г., № 242.—«Иллюстрація» 1845 г. № 31. *В. Ф.*

Бутлеровъ, *Александръ Михайловичъ*, знаменитый русскій химикъ, глава такъ называемой «Бутлеровской школы», род. 25 августа 1828 г. въ г. Чистополѣ, казанской губерніи, ум. 5 августа 1886 г. въ той же губерніи, въ собственномъ имѣніи, сельцѣ Бутлеровкѣ, спасскаго уѣзда. Сынъ небогатаго подполковника, Бутлеровъ раннее дѣтство провелъ отчасти въ деревнѣ Шапталѣ, у дѣдушки и бабушки съ материнской стороны, отчасти въ отцовской Бутлеровкѣ. Послѣ домашней начальной подготовки, Бутлеровъ поступилъ въ казанскій пансіонъ Топорнина, откуда перешелъ въ 1-ю казанскую гимназію. По окончаніи гимназическаго курса въ 1844 г., Бутлеровъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета казанскаго университета. Будучи студентомъ, онъ уже обращалъ на себя вниманіе блестящими способностями и серьезностью познаній. Глубоко любя природу, онъ съ большимъ интересомъ изучалъ всѣ предметы своего факультета, но особенно много занимался химіей и даже завелъ у себя дома небольшую химическую лабораторію. Лабораторную практику Бутлеровъ началъ подъ руководствомъ проф. К. К. Клауса и продолжалъ подъ руководствомъ Н. Н. Зинина. Когда этотъ послѣдній въ 1848 г. перешелъ въ Петербургъ, Бутлеровъ снова сталъ заниматься у Клауса. Въ 1849 г. Бутлеровъ окончилъ курсъ университета со степенью кандидата (его кандидатская диссертація носила заглавіе: «Дневныя бабочки Волго-Уральской

фауны»). Нуждаясь въ помощникѣ по преподаванію химіи, профессоръ Клаусъ остановилъ свой выборъ на Бутлеровѣ и въ началѣ 1850 г. сдѣлалъ въ засѣданіи факультета представленіе объ удержаніи Бутлерова при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Насколько уже въ это время Бутлеровъ зарекомендовалъ себя познаніями, видно изъ слѣдующаго постановленія факультета, которымъ послѣдній отвѣтилъ на представленіе Клауса: «Факультетъ, съ своей стороны, совершенно увѣренъ, что г. Бутлеровъ своими познаніями, дарованіемъ, любовью къ наукамъ и химическимъ изслѣдованіямъ сдѣлаетъ честь университету и заслужитъ извѣстность въ ученомъ мірѣ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать его ученому призванію. Вслѣдствіе этой увѣренности факультетъ считаетъ своею обязаностью ходатайствовать о причисленіи г. Бутлерова къ университету, въ какомъ бы то ни было качествѣ». Осенью 1850 г. Бутлеровъ принялъ на себя преподаваніе физики и физической географіи съ климатологіей студентамъ медицинскаго факультета (по случаю отсутствія преподавателя этихъ наукъ Гусева), а вскорѣ приступилъ и къ чтенію лекцій по неорганической химіи студентамъ физико-математическаго факультета. Въ сентябрѣ того же 1850 г. Бутлеровъ успѣшно сдалъ экзаменъ на степень магистра химіи, а въ началѣ слѣдующаго года защитилъ диссертацію «Объ окисленіи органическихъ соединеній» и затѣмъ былъ избранъ адъюнктомъ по каѳедрѣ химіи. Кромѣ химіи онъ въ концѣ 1852—53 акад. года продолжалъ читать на медицинскомъ факультетѣ физику и физическую географію съ климатологіей. Весною 1853 г. Бутлеровъ представилъ физико-математическому факультету диссертацію на степень доктора химіи и физики: «Объ эфирныхъ маслахъ». Вслѣдствіе разногласія въ мнѣніяхъ объ этой диссертаціи ея рецензентовъ, профессоровъ Киттары и Савельева, Бутлеровъ представилъ свою дисертацію въ московскій университетъ, гдѣ и получилъ въ началѣ 1854 г. искомую степень. Въ концѣ этого года, по предложенію профессоровъ Эверсмана и Вагнера, онъ былъ избранъ физико-математическимъ факультетомъ казанскаго университета въ экстраординарные профессора химіи. Въ ординарные профессора Бутлеровъ былъ избранъ въ мартѣ 1857 г., а утвержденіе его состоялось въ апрѣлѣ 1858 г. Въ 1857 г. Бутлеровъ исходатайствовалъ себѣ научную поѣздку за границу на одинъ годъ и два мѣсяца. Цѣлью этой поѣздки было знакомство съ извѣстными химиками Западной Европы, посѣщеніе наиболѣе извѣстныхъ химическихъ лабораторій и изученіе новѣйшихъ способовъ химическихъ работъ, а также ознакомленіе съ постановкой преподаванія въ западно-европейскихъ университетахъ. Заѣхавъ на двѣ недѣли въ Берлинъ, гдѣ онъ осмотрѣлъ лабораторіи проф. Митчерлиха и привать-доцента Зоненшейна, Бутлеровъ посѣтилъ Висбаденъ, въ которомъ осмотрѣлъ лабораторію проф. Фрезеніуса, а оттуда поѣхалъ въ Боннъ на 33-е собраніе нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей, давшее ему возможность близко познакомиться съ многими извѣстными химиками. Изъ Бонна Бутлеровъ поѣхалъ черезъ Кобленцъ въ Гейдельбергъ, затѣмъ — въ Цюрихъ и Бернъ, оттуда—въ Миланъ. Въ Кобленцѣ онъ посѣтилъ лабораторію Фридриха Мора, въ Гейдельбергѣ—лабораторіи Кекуле и проф. Бунзена. Побывавъ въ Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ и пробывъ въ Италіи въ общемъ около полутора мѣсяца, Бутлеровъ отправился въ Парижъ, которому посвятилъ наибольшую часть времени своего пребыванія за границей. Здѣсь онъ занимался въ лабораторіи медицинской школы (Ecole de Médicine), которая находилась въ завѣдываніи проф. Вюрца, осмотрѣлъ лабораторію въ Collège de France, Сенъ-Клеръ-Девилля въ Ecole Normale, Шевреля въ Manufacture de Gobelins, а также химическую фабрику братьевъ Руссо. Въ Парижѣ Бутлеровъ слушалъ лекціи по химіи — Вюрца, Буссенго, Пелиго, Девилля, по физикѣ — Депре, Беккереля, особенно же слѣдилъ за курсомъ химіи неметаллическихъ тѣлъ Балара въ Сорбоннѣ и курсомъ физики Реньо въ Collège de France. Пятимѣсячное пребываніе Бутлерова въ Парижѣ (изъ этого времени онъ употребилъ десять дней на поѣздку въ Лондонъ для осмотра лабораторій Гофмана и Уилльямсона) дало ему возможность сблизиться съ многими учеными. Изъ Парижа Бутлеровъ отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ слушалъ лекціи Бунзена и Кекуле, посѣтилъ, проѣздомъ черезъ Карлсруэ, лабораторію Вельцика и поѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ побывалъ въ лабораторіи и на лекціяхъ Либиха. Изъ

Мюнхена, черезъ Гессенъ, Геттингенъ, Берлинъ, Дрезденъ и Прагу, Бутлеровъ возвратился въ Россію, съ богатымъ запасомъ новыхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній. Съ февраля 1860 г. ему было поручено исправленіе должности ректора университета, но Бутлеровъ тяготился административною работою и въ августѣ 1862 г. отказался отъ ректорства. Въ концѣ того же года, когда новыя правила предоставили совѣту университета право избранія ректора, Бутлеровъ былъ избранъ, а затѣмъ и утвержденъ въ этой должности, но въ іюнѣ 1863 г. вновь отказался отъ званія ректора. Въ 1862 г. онъ предпринялъ вторую заграничную поѣздку, во время которой посѣтилъ Берлинъ, Гейдельбергъ, Брюссель, Гентъ и Парижъ. Время съ августа 1867 по іюнь 1868 г. онъ провелъ въ третьей заграничной командировкѣ, которую предпринялъ, чтобы лично увидѣться съ нѣкоторыми заграничными химиками и разрѣшить вмѣстѣ съ ними нѣкоторые вопросы, заняться редактированіемъ нѣмецкаго перевода своего учебника химіи (лейпцигское изданіе), а также поправить свое здоровье, разстроенное долговременными и усиленными лабораторными занятіями. Въ маѣ 1868 г. Бутлеровъ, по почину проф. Д. И. Менделѣева, былъ приглашенъ занять каѳедру ординарнаго профессора химіи въ петербургскомъ университетѣ. До конца 1869 г. Бутлеровъ оставался въ Казани, чтобы окончить начатый имъ курсъ, а въ началѣ 1870 г. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ чтеніе лекцій въ университетѣ. Въ этомъ же году онъ устроилъ въ университетѣ отдѣленіе химической лабораторіи для спеціальныхъ работъ по органической химіи. Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ Бутлеровъ былъ избранъ въ члены академіи наукъ. Сначала вмѣстѣ съ профессоромъ Зининымъ, а затѣмъ одинъ, онъ завѣдывалъ академической химической лабораторіей. До конца жизни Бутлеровъ оставался профессоромъ университета (умеръ онъ въ званіи заслуженнаго профессора) и пользовался широкою популярностью. Глубина научныхъ познаній соединялась въ немъ съ блестящимъ даромъ слова; давая въ лекціяхъ послѣднее слово науки, онъ излагалъ ихъ въ прекрасной, увлекательной формѣ. Лабораторные опыты, дополнявшіе его лекціи, были всегда блестящи и въ высшей степени точны. Бутлеровъ обладалъ особой способностью замѣчать среди своихъ слушателей тѣхъ, въ которыхъ былъ огонь истиннаго научнаго призванія, и всѣми силами старался помочь такимъ лицамъ въ ихъ стремленіи къ углубленію въ излюбенную науку.

Научная дѣятельность Бутлерова неразрывно связана съ насажденіемъ и расцвѣтомъ химическихъ изслѣдованій въ Россіи, а также и съ періодомъ широкаго развитія органической химіи на Западѣ. Начало научныхъ изслѣдованій Бутлерова, разрѣшившихъ собою многіе въ высшей степени важные теоретическіе и практическіе вопросы органической химіи, относится къ тому времени, когда эта наука находилась еще на очень невысокой степени развитія. Съ начала пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, начинаетъ появляться рядъ статей Бутлерова, въ которыхъ онъ излагаетъ результаты своихъ лабораторныхъ изслѣдованій. Наряду съ Кекуле, Кольбе, Франкландомъ и Вюрцемъ, Бутлеровъ явился создателемъ теоріи химическаго строенія тѣлъ, внесшей новое направленіе въ химическія изслѣдованія и оказавшей огромное вліяніе на развитіе органической химіи въ новѣйшее время. Эту теорію Бутлеровъ неустанно и настойчиво проводилъ и въ своихъ экспериментальныхъ работахъ, и въ теоретическихъ мемуарахъ, и на каѳедрѣ, такъ какъ предвидѣлъ ея великое будущее; эту же теорію онъ положилъ и въ основаніе своего классическаго руководства: «Введеніе къ полному изученію органической химіи», являющагося первымъ учебникомъ органической химіи на русскомъ языкѣ. Въ 1858 г. Кекуле обнародовалъ знаменитое изслѣдованіе о химической природѣ углерода, въ которомъ изложилъ основныя положенія теоріи атомности элементовъ, при чемъ углеродъ былъ причисленъ къ четырехатомнымъ элементамъ, и причина органическихъ соединеній была указана въ цѣпеобразномъ соединеніи атомовъ углерода. Разрабатывая послѣдовательно положенія, высказанныя Кекуле, Бутлеровъ постепенно пришелъ къ теоріи химическаго строенія, являющагося распредѣленіемъ дѣйствія силы химическаго сродства; благодаря этому сродству, химическіе атомы, при посредственномъ или непосредствен-

номъ вліяніи другъ на друга, соединяются въ химическую частицу, при чемъ химическая природа послѣдней опредѣляется природой элементарныхъ атомовъ, ихъ числомъ и химическимъ строеніемъ Теорія четырехатомности углерода и атомности другихъ элементовъ даетъ возможность заранѣе установить число возможныхъ соединеній атомовъ, а также число органическихъ соединеній для каждаго состава; разсмотрѣніе же ихъ химическаго строенія обусловливаетъ возможность предвидѣть ихъ свойства. Главнѣйшія научныя работы Бутлерова имѣли предметомъ открытіе новыхъ случаевъ изомеріи, могущихъ быть предсказанными теоріей, среди всѣхъ классовъ органическихъ соединеній. Бутлеровъ открылъ третичные алкоголи, новый видъ изомерныхъ алкоголей. Новыя формы углеводородовъ — триметилформенъ, изобутиленъ — впервые установили изомеріи предѣльнаго и этиленнаго рядовъ углеводородовъ. Открытіе триметилуксусной кислоты и синтезъ пинаколина установили новыя формы этихъ соединеній.—Бутлеровъ оставилъ послѣ себя цѣлую школу послѣдователей, работающихъ въ духѣ идей и пріемовъ великаго ученаго («въ Бутлеровскомъ направленіи»). Наиболѣе видными представителями этой школы являются Зайцевъ, Морковниковъ, Львовъ, Е. Вагнеръ и др. Блестящія мысли, разбросанныя въ сочиненіяхъ Бутлерова, являются пищей для новыхъ научныхъ изслѣдованій и открытій. Выдающаяся ученая дѣятельность пріобрѣла Бутлерову громкую и широкую извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ казанскаго и кіевскаго университетовъ и с.-петербургской медико-хирургической академіи, почетнымъ членомъ англійскаго и нѣмецкаго химическихъ обществъ, предсѣдателемъ, почетнымъ членомъ, членомъ учредителемъ Русскаго химическаго общества, почетнымъ членомъ и вице-президентомъ Императорскаго вольно-экономическаго общества и членомъ многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Помимо своей спеціальности, химіи, Бутлеровъ, какъ страстный любитель природы, живо интересовался многими отраслями прикладного естествознанія, проявляя и здѣсь строгую серьезность и горячее усердіе въ работѣ. Будучи любителемъ энтомологіи, онъ немало времени посвятилъ этому предмету; превосходная коллекція бабочекъ, лично имъ собранная и отданная въ зоологическій музей казанскаго университета, является однимъ изъ плодовъ его энтомологическихъ занятій. Бутлеровъ былъ и ученымъ садоводомъ и цвѣтоводомъ. Много труда и времени посвятилъ онъ акклиматизаціи и улучшенію культуры многочисленныхъ растеній; ему же принадлежитъ рядъ научныхъ статей, имѣющихъ предметомъ различные вопросы изъ этой области. Въ послѣдніе годы жизни Бутлеровъ думалъ серьезно приняться за опыты разведенія чая на Кавказѣ. Особенно плодотворной въ области прикладного естествознанія была дѣятельность Бутлерова на поприщѣ пчеловодства. Считая пчеловодство способнымъ быть доходной статьей для мелкаго землевладѣнія (при условіи, что всѣ работы будутъ производиться самимъ хозяиномъ), Бутлеровъ энергично содѣйствовалъ распространенію пчеловодства въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Онъ читалъ публичныя лекціи по пчеловодству, устраивалъ выставки, былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ со многими пчеловодами, особенно съ сельскими священниками; при содѣйствіи тверского земства, онъ устроилъ школу пчеловодства, завелъ, вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ по пчеловодной коммисіи при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ, образцовую пасѣку на Кавказѣ (другую такую же пасѣку онъ устроилъ въ своемъ имѣніи Бутлеровкѣ). Въ «Трудахъ Имп. Вольно-экономическаго общества» онъ положилъ начало особому отдѣлу, посвященному интересамъ пчеловодства. Этотъ отдѣлъ, преобразованный съ 1886 г. въ спеціальный журналъ «Русскій Пчеловодный Листокъ», подъ умѣлымъ руководствомъ Бутлерова, объединилъ русскихъ пчеловодовъ и вызвалъ между многими изъ нимъ непосредственныя сношенія. Подъ руководствомъ Бутлерова пчеловодная коммиссія при Вольно-экономическомъ обществѣ работала по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ ульевъ, снарядовъ и продуктовъ пчеловодства, разсылала пчеловодныя изданія и сѣмена медоносныхъ растеній и вообще принимала различныя мѣры къ поднятію русскаго пчеловодства; только благодаря Бутлерову дѣятельность этой коммисіи достигла такихъ широкихъ размѣровъ. Самъ Бутлеровъ издалъ нѣсколько популярныхъ руководствъ и написалъ рядъ статей по пчеловодству,

ввелъ новые способы разводки пчелъ, устроилъ новые, весьма простые и раціональные по конструкціи ульи. За руководство по пчеловодству («Пчела») Вольно-экономическое общество присудило Бутлерову Еленинскую премію, а за распространеніе вообще свѣдѣній о раціональномъ пчеловодствѣ—золотую медаль (въ 1875 г.). — Общеизвѣстенъ интересъ Бутлерова къ спиритическимъ явленіямъ. Убѣжденный приверженецъ спиритизма, онъ обладалъ обширной эрудиціей въ этой области и дѣятельно занимался научной пропагандой спиритизма. По его иниціативѣ въ Петербургѣ въ 1871 г. образовалась первая научная коммиссія для изслѣдованія медіумическихъ явленій, въ составъ которой вошли, между прочимъ, профессора университета Овсянниковъ, Чебышевъ, Ціонъ. Онъ же принималъ большое участіе въ организаціи другой коммиссіи, которая образовалась съ той же цѣлью, какъ и первая, изъ членовъ физическаго общества при петербургскомъ университетѣ, по предложенію профессора Менделѣева. Бутлеровъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Ребуса». Ему принадлежитъ цѣлый рядъ книгъ и статей по спиритизму. Статьи его по спиритизму вышли отдѣльнымъ изданіемъ (уже послѣ его смерти). Отношеніе Бутлерова къ спиритизму отчасти характеризуютъ слѣдующія слова, которыя мы читаемъ въ заключеніи его «Основныхъ понятій о химіи»: «Вѣрованіе въ то, что лежитъ внѣ области научнаго знанія, можетъ уживаться рядомъ съ полнѣйшимъ признаніемъ реальныхъ истинъ науки, но слѣпое вѣрованіе въ непогрѣшимость научныхъ теорій ведетъ къ ненаучному, не оправдываемому ничѣмъ скептицизму и зачастую мѣшаетъ видѣть новыя реальныя истины, лежащія внѣ области излюбленныхъ теорій».

Какъ человѣкъ, Бутлеровъ отличался въ высшей степени привлекательнымъ характеромъ, энергіей и живымъ, свѣтлымъ умомъ. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ, а молодежь искренно любила его. Справедливый и гуманный въ высшей степени, онъ чутко отзывался на все хорошее. При открытіи земскихъ учрежденій, онъ явился однимъ изъ выдающихся дѣятелей казанскаго земства. Горячій поборникъ женскаго образованія, Бутлеровъ принималъ весьма энергическое участіе въ основаніи с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, на которыхъ былъ профессоромъ и для которыхъ организовалъ небольшую, но весьма благоустроенную лабораторію. Когда, по иниціативѣ профессора Кеслера, были организованы съѣзды естествоиспытателей, Бутлеровъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ ихъ членовъ. Замѣчательно простой въ обхожденіи, доступный всѣмъ, Бутлеровъ всегда былъ готовъ помочь чѣмъ бы то ни было всякому, кто къ нему обращался.

А. Зайцевъ, А. М. Бутлеровъ, Спб. — Біогрф. словарь проф. И. С.-Пб. Университета, т. I, Спб., 1896 (статья Н. Меншуткина). — Біографія М. Л(ьвова) въ словарѣ Брокгауза и Ефрона. — «Журналъ Химическаго Общества» 1887 г. (рѣчи проф. Густавсона, Зайцева и Морковникова). — Лагермаркъ, А. М. Бутлеровъ. Харьковъ, 1887. — «А. М. Бутлеровъ» (рѣчи проф. Зайцева, Канонникова, Мельникова и Якоби), Казань, 1887. — С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. 3. — Д. Д. Языковъ, Обзоръ и пр., вып. V-й.—«Ист. Вѣст.» 1886 г., октябрь.—«Записки И. Академіи Наукъ» 1886 г., кн. 2, стр. 73—74. — В. В. Григорьевъ, И. С.-Пб. Университъ и пр., Спб., 1870.—«Обѣдъ въ честь пр. А. М. Бутлерова» («Каз. Губ. Вѣд.» 1868 г., № 98).—«Записка объ ученыхъ трудахъ А. М. Бутлерова» («Протоколы засѣданій совѣта С.-Пб. Университета» 1875 г., № 12, стр. 48—49). — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I. — Богдановъ, Матеріалы, ч. III. — А. М. Бутлеровъ, Статьи по медіумизму. Съ воспоминаніемъ объ А. М. Бутлеровѣ Н. П. Вагнера, Спб., 1889.—«Журналъ Мин. Нар Пр.» 1868 г., № 7.—«Спиритизмъ подъ бронею строгой науки» («Биржевыя Вѣдомости» 1875 г., № 342).— А. С. Шкляревскій, «Критики того берега» въ «Русс. Вѣст.» 1876 г., №№ 1 и 3.—«Всем. Ил.» 1879 г., № 567.—А. В. Г. «Четвертое измѣреніе и спиритизмъ» («Вѣст. Евр.» 1879 г., № 1). — «Рус. Мысль» 1886 г., № 9, стр. 205—208. — «Рус. Богатство» 1886 г., № 8, стр. 169.—«Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1886 г., № 9, стр. 17—18.— «Записки И. Рус. Технич. Общ.» 1886 г., № 10, стр. 1—4.—«Труды И. Вольно-Эк. Общ.» 1886 г., № 8, стр. 1—4. — «Записки Новгородскаго Общ. Пчеловодства» 1886 г., в. II. — «Новь» 1886 г., № 20, Мозаика, стр. 466 и 476. —«Ребусъ» 1886 г., № 33, 35, 38, 39, 46. — «Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики» 1886 г., № 2.— «Рус. Пчеловодный Листокъ» 1886 г., № 10. — «Правит. Вѣстникъ» 1886 г., № 183.— «Волжскій Вѣст.» 1886 г., № 170 и № 171. — «Нива» 1886 г., № 37.—«Моск. Вѣд.» 1886 г., №№ 218 и 237.— «Новое Время» 1886 г., № 3759.—«Живоп. Обозр.» 1886 г., № 34. — «Родникъ» 1886 г., № 9 (ст. А. Альмедингена).—«Сѣверъ» 1888 г., №№ 46 и 47.—В. Назарьевъ, «Жизнь и люди былого времени» въ «Ист. Вѣстн.» 1890 г., № 11. — К. А. Тимирязевъ, «Праздникъ русской науки» («Рус. Мысль» 1894 г., № 1. — «С.-Пб. Вѣд.» 1898 г., № 204 и 227.—Ю. Б. Иверсонъ, Медали и пр.— В. Михневичъ, Наши знакомые. — «Исторія И. Рус. Географическаго Общ.». — Большая Энциклопедія, энциклопедическ. словари Березина.

Толля и др. — И. А. Якобій, Участіе А. М. Бутлерова въ дѣлахъ мѣстнаго земства. Казань 1887. *В. Г.*

Бутлеръ, *Давидъ*, капитанъ (и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, строитель) перваго русскаго корабля «Орелъ». Въ Россію Бутлеръ явился изъ Амстердама въ 1667 г., по призыву фанъ-Сведена. 2 марта 1669 г. Бутлеру поручили опредѣлить степень годности вновь выстроеннаго корабля къ плаванію по морю, а 25 апрѣля ему былъ данъ указъ назвать корабль «Орломъ» и поставить на носу и на кормѣ его по орлу, изображеніе котораго должны были нашиваться и на знамена. Поданыя Бутлеромъ въ посольскій приказъ артикульныя статьи, «какъ долженъ капитанъ между корабельными людьми расправу чинить и вѣдать ихъ», были одобрены. Въ началѣ мая 1669 г. корабль двинулся изъ Дѣдинова, а 13 іюня отошелъ изъ Нижняго Новгорода въ Астрахань, гдѣ Бутлеру пришлось пережить бунтъ Разина. Въ іюнѣ 1670 г. въ городѣ распространился страшный слухъ, что царскія войска, посланныя противъ бунтовщика, перешли на его сторону, и князь Прозоровскій, воевода Астрахани, сталъ готовить городъ къ осадѣ. Бутлеръ ему усердно помогалъ: разсмотрѣлъ всѣ пушки по валамъ и раскатамъ и приказалъ корабельнымъ людямъ быть при нихъ. 5 іюня жители Астрахани начали волноваться; Бутлеру было приказано осмотрѣть каменный городъ и починить то, что окажется въ неисправности. Прозоровскій, мало надѣясь на вѣрность жителей и стрѣльцовъ, разсчитывалъ встрѣтить поддержку въ иностранцахъ. 15-го іюня онъ позвалъ Бутлера къ себѣ на обѣдъ, одарилъ его платьемъ и приглашалъ его къ себѣ ежедневно обѣдать. 22 іюня въ Астрахани явились посланцы Разина съ «прелестными листами»; одинъ изъ нихъ—грамота къ Бутлеру на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой бунтовщики уговаривали иностранцевъ поберечь свою жизнь и не сопротивляться казакамъ. Бутлеръ передалъ эту грамоту воеводѣ. 24 іюня начался штурмъ Астрахани. Бутлеръ начальствовалъ частью артиллеріи и продолжалъ пальбу, пока къ нему не явился англичанинъ Бойль съ извѣстіемъ объ измѣнѣ стрѣльцовъ и астраханцевъ. Бутлеръ бѣжалъ, а корабль «Орелъ», оставшійся въ распоряженіи Разина, былъ имъ сожженъ.

Свѣдѣніе о строеніи перваго въ Россіи корабля, именуемаго «Орелъ». Выписка изъ книги Путешествіе Стрьюйса («Древн. Росс. Вивліоѳика», изд. 2-ое, часть III, М. 1788 г.). — Поручная запись Бутлера о поступленіи его на царскую службу («Дополн. къ Акт. Истор.», томъ V). — С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи. *В. Ф.*

Бутовскій, *Викторъ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, егермейстеръ Двора Его Величества, род. въ 1815 г., ум. въ Москвѣ 22 іюня 1881 г. Первоначально Бутовскій воспитывался въ частномъ пансіонѣ Курнанда, а затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, который окончилъ со степенью дѣйствительнаго студента въ 1835 г. Послѣ этого Бутовскій нѣкоторое время служилъ въ семеновскомъ полку, потомъ въ канцеляріи морского министра князя Меньшикова и главноуправляющаго путями сообщеній Чевкина. Пробывъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, онъ поступилъ на службу по министерству финансовъ (былъ членомъ московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ). Въ 1860 г. Бутовскій былъ назначенъ директоромъ московскаго Строгановскаго центральнаго училища техническаго рисованія, а въ 1868 г.— директоромъ художественно-промышленнаго музея. Обѣ эти должности Бутовскій занималъ до самой смерти. Въ послѣднее время онъ состоялъ предсѣдателемъ комитета по сооруженію зданій открывшейся уже послѣ его смерти Московской всероссійской торгово-промышленной выставки. Бутовскимъ напечатаны слѣдующіе труды: «Исторія русскаго орнамента съ X-го по XVI-е столѣтіе по древнимъ рукописямъ (Художественно-Промышленный Музей въ Москвѣ)», М. 1870 (къ этому сочиненію — атласъ); «О приложеніи эстетическаго образованія къ промышленности въ Европѣ и въ Россіи въ особенности», С.-Пб., 1870 (переводъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «De l'éducation artistique appliquée à l'industrie en Europe et particulièrement en Russie St.-P., 1870»); «Соображенія объ устройствѣ въ Москвѣ общеобразовательнаго политехническаго музеума, читанныя 13 мая 1871 г. въ засѣданіи Комиссіи по устройству сего музеума» (Москва, 1871); «Русское искусство и мнѣнія о немъ Э. Віоле-ле-Дюка, французскаго ученаго архитектора, Ѳ. И. Буслаева, русскаго ученаго археолога, критическій обзоръ» (Москва, 1879 г.); «Воспоминанія о царской охотѣ на медвѣдя

10 дек. 1862 г. (Московское общество охоты въ собраніи 28 марта 1881 г. Читано въ засѣданіи общества председателемъ его В. И. Бутовскимъ)», М. 1881. Кромѣ того, Бутовскимъ изданъ: «Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ» (М., 1866).

Некрологъ въ «Зодчемъ» 1881 г., № 4. — Д. Д. Языковъ, Обзоръ и пр., в. I.—С. А. Венгеровъ, Русскія Книги, т. III. — «Моск. Вѣд.» 1881 г., №№ 173 и 212. — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I.

В. Г.

Бутовскій, *Иванъ Григорьевичъ*, врачъ, учился въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ, въ 1824 г. выпущенъ съ званіемъ лѣкаря 2 отдѣленія и опредѣленъ въ тарутинскій пѣхотный полкъ, въ 1828 г. перешелъ въ 8-й егерскій полкъ, въ 1829 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря и въ 1832 г. опредѣленъ ординаторомъ въ кіевскій военный госпиталь. Въ 1834 г. онъ получилъ должность старшаго лѣкаря въ тульчинскомъ военномъ госпиталѣ, а въ слѣдующемъ году уволенъ. — Напечаталъ 3 перевода: 1) съ франц.: Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ лицъ; С.-Пб. 1821.—2) Съ франц.: Исторія крестовыхъ походовъ; С.-Пб. 1823—24. — 3) Съ англ.: О пользѣ мертвыхъ для живыхъ (посвящ. л.-мед. Арендту) («Сынъ Отеч.» 1829 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I, С.-Пб. 1886. — Словарь Геннади.

Н. К.

Буттацъ, *Францъ*, одинъ изъ первыхъ врачей, распространявшихъ въ Россіи оспопрививаніе. Онъ получилъ врачебное образованіе за границей, и имѣлъ степень доктора медицины. Изучивъ оспопрививаніе въ то время, когда оно еще было новостью въ Европѣ, онъ подалъ 10 февраля 1802 г. Императору Александру I записку объ оспопрививаніи. Черезъ 10 дней онъ вторично обратился къ Государю съ прошеніемъ и въ то-же время представилъ медицинской коллегіи объяснительную записку. Буттацъ задумалъ путешествіе по Россіи для оспопрививанія и просилъ, чтобы коллегія разослала по врачебнымъ управамъ указы о необходимости оспопрививанія и инструменты изъ лучшей англійской стали, «рекомендуя притомъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, доктора Буттаца господамъ губернаторамъ, дабы они подавали ему нужныя пособія»; онъ совѣтовалъ «приказать врачебнымъ управамъ употреблять прививаніе оспы во всѣхъ губерніяхъ, и по отъѣздѣ д-ра Буттаца, ежемѣсячно рапортовать государственной медицинской коллегіи, въ какомъ уѣздѣ была прививаема настоящая коровья оспа, и колико число обоего пола имѣли оную»; «необходимо нужно для д-ра Буттаца опредѣлить двухъ подлѣкарей, которыхъ онъ самъ долженъ выбрать, для употребленія при больныхъ». «Поелику губерніи и другіе города находятся между собою въ дальнемъ разстояніи, то для продолженія и прививанія коровьей оспы надлежитъ изъ одного мѣста въ другое перевозить дитя, коему привита оспа, которому можетъ быть пожелаетъ кто-нибудь изъ родни сопутствовать; въ такомъ случаѣ нужно опредѣлить извѣстную сумму для ихъ путешествія». «Сверхъ всего, въ столицахъ нужно учредить небольшую госпиталь, въ которой нужно было-бы помѣстить до 50 кроватей, для прививанія въ извѣстные часы коровьей оспы всякому, кто для сего явится». Въ «росписаніи городовъ, въ которыхъ во время путешествія должно останавливаться», упомянуты и Нерчинскъ, и Кяхта. Медицинская коллегія подробно разсмотрѣла эту записку и въ засѣданіи 24 марта 1802 г. постановила, что 1) сочиненіе о коровьей оспѣ отъ сей коллегіи разослано уже во всѣ врачебныя управы въ довольномъ числѣ экземпляровъ, а для прививанія оной удобно можно употреблять обыкновенный кровопускательный ляндцетъ, каковой у всякаго лѣкаря имѣется, 2) поелику подлѣкарское званіе уничтожено, то чтобы г. доктору Буттацу избрать, вмѣсто оныхъ, двухъ фельдшеровъ, 3) что не весьма удобно будетъ перевозить дитя изъ одного мѣста въ другое. Остальныя предположенія Буттаца были одобрены, и ему данъ открытый указъ, въ которомъ предписывалось мѣстнымъ властямъ оказывать всяческое содѣйствіе д-ру Буттацу и затѣмъ ежемѣсячно рапортовать объ успѣхахъ оспопрививанія. Высочайшій указъ о путешествіи Буттаца данъ 9 апрѣля 1802 г. Въ іюнѣ того-же года оспопрививатели выѣхали изъ Петербурга въ Новгородъ; тамъ Буттацъ привилъ оспу 47 младенцамъ и отправился дальше по росписанію. Населеніе встрѣчало оспопрививателей съ недовѣріемъ, тѣмъ не менѣе, дѣло подвигалось впередъ. Буттацъ знакомилъ врачей съ оспопрививаніемъ и добился значитель-

наго успѣха: въ теченіе 1802 и 1803 г.г. коровья оспа была привита подъ его надзоромъ 6000 дѣтей. Путешествіе, по необходимости, было медленнымъ, и до конца 1803 г. онъ успѣлъ проѣхать только 7 губерній. Въ виду этого матерія коровьей оспы вновь была разослана по губерніямъ, и попеченіе о прививкѣ поручено врачебнымъ управамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ, а Буттацъ былъ уволенъ отъ оспопрививательнаго путешествія. Въ 1805 г. Буттацъ опредѣленъ въ московскую медико-хирургическую академію адъюнктомъ по кафедрѣ судебной медицины, медицинской полиціи и повивальнаго искусства, которую тогда занималъ профессоръ Г. П. Поповъ. 9 декабря 1808 г. онъ уволенъ изъ академіи и принятъ на службу въ Екатерининскій богадѣльный домъ, гдѣ служилъ до 1 апрѣля 1812 г. Затѣмъ онъ уволенъ изъ богадѣльнаго дома и опредѣленъ главнымъ врачемъ въ армію, находившуюся подъ командой генерала Тумасова. 24 января 1814 г. Буттацу поручено исполненіе должности полевого генералъштабъ-доктора резервной арміи; въ томъже году онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ при варшавскихъ госпиталяхъ. Во время Отечественной войны Буттацъ неоднократно отличался и получилъ нѣсколько орденовъ. Кромѣ того, за попеченіе объ австрійскихъ раненыхъ и больныхъ, австрійскій императоръ пожаловалъ ему въ 1813 г. бриліантовый перстень. 10 марта 1819 г. Буттацъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника. — Научные труды Буттаца: 1) Наставленіе о прививаніи коровьей оспы; С.-Пб. 1802. 2) О фосфорѣ, его существѣ, его раствореніи и о способѣ употреблять внутрь, какъ лѣкарство, опытами извѣданное Францомъ Буттацомъ; Курскъ 1804. 3) Начертаніе способовъ, какъ при недостаткѣ въ дровахъ заводить лѣса; С.-Пб. 1805. 4) Примѣчанія о распространяющемся повсюду недостаткѣ въ лѣсѣ и объ удобномъ употребленіи къ топленію навознаго торфа, пер. съ нѣм.; С.-Пб. 1805.

Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб., 1883. — В. Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, С.-Пб., 1813—1821, №№ 6556, 6941, 2025 и 12428. — Исторія Императорской Военно-Медиц. Академіи за 100 л., С.-Пб., 1896, стр. 190. — «С.-Пб. Журналъ», 1806 г., апрѣль, стр. 50—83, отчетъ министра внутр. дѣлъ. — Столѣтіе Военнаго министерства, т. VIII, ч. I, Кручекъ-Голубова и Кульбина, С.-Пб. 1902, стр. 155—156.— Московское отдѣленіе общаго архива главн. штаба, опись канцеляріи начальника главн. штаба, медиц. дѣло № 11, 1816 г.—Архивъ Главн. военно-медиц. управленія, алфавитные списки и кондуитъ № 808, въ книгѣ № 4, I отдѣленія.—I Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, № 20226.

Н. Кульбинъ.

Бутузовъ, *Нилъ Васильевичъ*, статскій совѣтникъ, врачъ-писатель, род. въ 1835 г., ум. въ Кіевѣ въ концѣ 1887 г. Высшее образованіе Бутузовъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, который окончилъ въ 1859 г. Въ томъ же году Бутузовъ былъ назначенъ лѣкаремъ въ новоингерманландскій пѣхотный полкъ. Въ 1868 г. онъ былъ прикомандированъ къ клиникѣ с.-петербургской медико-хирургической академіи. Защитивъ здѣсь дисертацію на тему «Объ измѣненіи въ кожѣ человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ при употребленіи нарывныхъ средствъ въ гистологическомъ отношеніи» и получивъ степень доктора медицины (20 апрѣля 1868 г.), Бутузовъ былъ назначенъ на должность старшаго врача 11-го драгунскаго рижскаго полка, гдѣ и оставался до 1870 г., когда былъ назначенъ старшимъ врачемъ кіевской военной гимназіи, и оставался въ этой должности до самой смерти. Въ 1877 г. онъ состоялъ нѣкоторое время главнымъ врачемъ военно-временнаго № 12 госпиталя, а потомъ опять возвратился къ службѣ въ кіевской гимназіи. Бутузовымъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) упомянутая диссертація («Военно-Медиц. Журналъ» 1868 г., часть СII, кн. 2-я, стр. 1—24 и отдѣльное изданіе—С.-Пб., 1868); 2) «Отчетъ о скарлатинной эпидеміи въ кіевской военной гимназіи» и 3) «Цифровыя данныя о перемежающейся лихорадкѣ» (обѣ работы въ «Протоколахъ Общества Кіевскихъ врачей 1874—1875 г.г.»); 4) «Эпидемія дифтерита» («Протоколы Общества Кіевскихъ врачей 1879—1888 г.»).

«Русская Медицина» 1887 г., № 5. — Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, в. IV. — Д. Д. Языковъ, Обзоръ и пр., в. VII.—С. А. Венгеровъ, Русскія Книги, т. III. — Его-же, Источники словаря русскихъ писателей, т. I.

В. Г.

Бутурлинъ, графъ *Александръ Борисовичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, род. 18 іюня 1694 г., ум. въ Москвѣ 31 августа 1767 г. Отецъ его, *Борисъ Ивановичъ* былъ капитаномъ гвардіи и умеръ въ 1708 г. отъ раны, полученной имъ въ сраженіи подъ Лѣснымъ. Александръ Бо-

рисовичъ въ 1714 г. былъ записанъ солдатомъ въ гвардію, а въ 1716 г. помѣщенъ во вновь учрежденную въ Петербургѣ морскую академію, гдѣ получилъ довольно обширныя свѣдѣнія по морскому дѣлу, изучилъ иностранные языки и фехтованіе. По выходѣ изъ академіи Бутурлинъ былъ замѣченъ Петромъ Великимъ, взятъ имъ въ деньщики и пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императора, который часто поручалъ ему выполненіе самыхъ секретныхъ порученій. Послѣ кончины Петра Великаго, Императрица Екатерина I обратила вниманіе на Бутурлина, и вскорѣ онъ былъ пожалованъ гофъ-юнкеромъ, черезъ годъ — камеръ-юнкеромъ Высочайшаго Двора, а въ 1727 г. — камергеромъ двора цесаревны Елизаветы Петровны, которая питала къ нему особую благосклонность. Къ этому же времени относятся свѣдѣнія о близости Бутурлина съ кружкомъ Бестужева; этотъ кружокъ состоялъ изъ людей, преданныхъ сперва царевичу Алексѣю Петровичу, а потомъ его сыну, и надѣявшихся возвыситься при помощи прямыхъ наслѣдниковъ Петра Великаго. Когда кружокъ Бестужева былъ открытъ и подвергся суровымъ карамъ, Бутурлинъ не только спасся, но даже остался внѣ подозрѣнія, а восшествіе на престолъ Петра II доставило Бутурлину рядъ милостей: 1 января 1728 г. онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а 10 февраля того же года произведенъ въ генералъ-маіоры и сдѣланъ унтеръ-лейтенантомъ кавалергардскаго корпуса. Значеніе Бутурлина продолжалось очень недолго: князья Долгорукіе опасались, что его возвышеніе можетъ умалить ихъ власть и возвратить утраченное значеніе Бестужевскому кружку: поэтому они раскрыли Императору близость Бутурлина къ Елизаветѣ Петровнѣ и тѣмъ вызвали неудовольствіе Петра II и противъ великой княжны, и противъ Бутурлина. Послѣдній былъ отправленъ въ почетную ссылку въ украинскую армію на помощь князю Голицыну для дѣйствій противъ татаръ, гдѣ онъ и пробылъ до самой смерти Императора. Когда воцарилась Анна Іоановна, Бутурлинъ былъ отправленъ на границу съ Персіей, гдѣ пробылъ съ 1731 по 1733 г., а съ 1735 по 1740 г. онъ занималъ постъ смоленскаго губернатора. Въ тоже время онъ былъ посланъ въ 1738 г. въ армію графа Миниха на театръ войны съ Турціей, но уже въ 1739 г. снова возвратился въ Смоленскъ. Дѣятельность Бутурлина въ Смоленскѣ выразилась главнымъ образомъ въ мѣрахъ къ удержанію русскихъ крестьянъ пограничныхъ областей отъ бѣгства въ Польшу и къ возвращенію обратно уже бѣжавшихъ. Для этой цѣли онъ, между прочимъ, предлагалъ такую мѣру: съ крестьянъ не бѣжавшихъ брать подати по прежнему, а съ бѣгавшихъ и возвратившихся изъ Польши брать съ уменьшеніемъ; онъ надѣялся, что тогда не только бѣглые возвратятся, но и природные поляки начнутъ переселяться въ Россію. Въ недолгое правленіе Анны Леопольдовны Бутурлинъ былъ отозванъ въ Петербургъ и пожалованъ въ генералъ-кригсъ-комиссары и генералъ-лейтенанты. Но упрочилось его положеніе лишь въ царствованіе Елизаветы Петровны. Немедленно послѣ ея воцаренія Бутурлинъ былъ посланъ въ Малороссію, привести жителей къ присягѣ новой Императрицѣ и остаться тамъ правителемъ. Въ 1742 г. онъ былъ снова отозванъ въ Петербургъ, пожалованъ въ генералъ-аншефы и получилъ главное начальство надъ войсками, расположенными въ Эстляндіи, Лифляндіи и Великихъ Лукахъ; подчиненнымъ ему войскамъ удалось захватить два шведскихъ шкота и одно судно съ деньгами, за что Бутурлину и было выражено Высочайшее благоволеніе. Вскорѣ послѣ этого Бутурлинъ былъ назначенъ сенаторомъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ, но продолжалъ жить большею частью въ Петербургѣ. Въ 1747 г. онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1749 г. — въ подполковники лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, въ 1751 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а 5 сентября 1756 г. произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, съ повелѣніемъ присутствовать въ конференціи министровъ. Въ 1758 г. Бутурлину пришлось засѣдать въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу своего стариннаго единомышленника, канцлера Бестужева, несмотря на дружескія отношенія съ нимъ и съ другими приверженцами великой княгини Екатерины Алексѣевны. 17 февраля 1760 г. Бутурлинъ со всѣмъ своимъ потомствомъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а 18 сентября того же года, по представленію конференціи, назначенъ главнокомандующимъ русской

арміей, дѣйствовавшей въ Пруссіи. 20 сентября онъ отправился къ арміи и въ началѣ октября прибылъ въ Арнесвальдъ, гдѣ тогда находилась главная квартира. Здѣсь ему пришлось прежде всего рѣшить вопросъ о зимовкѣ арміи, такъ какъ кампанія этого года была уже кончена: конференція хотѣла, чтобы армія осталась на зимовку у Одера или, по крайней мѣрѣ, въ Помераніи, но Бутурлинъ видѣлъ, что это невозможно, такъ какъ нельзя было достать провіанта на всю армію въ этой разоренной странѣ; поэтому онъ оставилъ въ Помераніи корпусъ легкихъ войскъ графа Тотлебена, а съ остальной арміей двинулся къ Вислѣ и расположился на зимнія квартиры между Диршау и Торномъ. Во время зимовки Бутурлинъ заботливо подготовлялъ армію къ кампаніи будущаго года, которая, по мнѣнію конференціи, должна была быть рѣшительной. Онъ прежде всего усилилъ расшатанную дисциплину, уничтожилъ постоянные отпуски генераловъ и офицеровъ, сильно отражавшіеся на личномъ составѣ арміи, заботился о сохраненіи здоровья солдатъ и о возможно болѣе гигіеничномъ ихъ помѣщеніи и довольствѣ. Кромѣ того ему пришлось произвести ремонтъ обозовъ и коннаго состава: обозъ былъ сдѣланъ болѣе подвижнымъ, почти весь конный составъ его былъ замѣненъ новымъ, регулярная конница и артиллерія были пополнены лошадьми. Словомъ, Бутурлинъ показалъ себя въ эту зиму весьма способнымъ администраторомъ, что и было засвидѣтельствовано конференціей въ докладѣ Императрицѣ въ концѣ 1760 г. 3 мая 1761 г. Бутурлинъ получилъ приказаніе, отдѣливъ самостоятельный корпусъ войскъ для осады Кольберга, съ главными силами идти въ Силезію на соединеніе съ австрійцами, напасть на пруссаковъ, окончательно разбить короля и окончить этимъ изнурительную для Россіи войну. Приказаніе конференціи было исполнено: къ Кольбергу былъ отправленъ Румянцовъ, и самъ Бутурлинъ со всей остальной арміей двинулся къ Бреславлю, остерегаясь въ то же время пруссаковъ, которые, узнавъ о движеніи рускихъ въ Силезію, сгруппировались у Глогау. Но австрійскій главнокомандующій Лаудонъ прислалъ сказать ему, что онъ можетъ соединиться лишь у Лейбуса, и Бутурлинъ долженъ былъ идти за Одеръ, постоянно подвергаясь опасности нападенія прусскаго короля, который, отлично понимая, какой опасности подвергается онъ въ случаѣ соединенія двухъ армій, во что бы то ни стало старался помѣшать этому соединенію и съ этою цѣлью постоянно тревожилъ русскую армію. Но и у Лейбуса соединиться оказалось невозможнымъ, и Бутурлинъ двинулся далѣе, къ Старому Стригау, гдѣ, наконецъ, 12 августа и соединился съ австрійцами. Фридрихъ, видя, что помѣшать соединенію союзниковъ ему не удалось, занялъ лагерь въ Бунцельвице, недалеко отъ Швейдница, гдѣ, избѣгая сраженія съ почти втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, тщательно укрѣпился. Къ Бунцельвице подошла и союзная армія, но здѣсь произошли несогласія между русскими и австрійскими генералами: какъ одни, такъ и другіе сознавали необходимость аттаковать короля, но никакъ не могли сойтись относительно плана дѣйствій; войска простояли въ бездѣйствіи цѣлый мѣсяцъ, и 13 сентября Бутурлинъ отступилъ отъ Бунцельвице; оставивъ у Лаудона двадцатитысячный корпусъ Чернышева, онъ перешелъ у Штенау Одеръ и рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Глогау, а оттуда идти въ Померанію, на помощь къ Румянцову. Но и это предпріятіе оказалось неисполнимымъ: пруссаки, дѣйствуя на тылъ русской арміи, прерывали сообщенія съ Познанью и корпусомъ Румянцова. Тогда Бутурлинъ предпринялъ новый планъ: отвлечь пруссаковъ отъ Силезіи и Саксоніи, прикрывъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскую армію, и такимъ образомъ дать послѣдней возможность овладѣть всей Силезіей. Съ этою цѣлью онъ началъ маневрировать у нижняго Одера и двинулся къ Регенсвальде, но въ половинѣ октября оказалось невозможнымъ обезпечить продовольствіе арміи, и Бутурлинъ рѣшилъ изъ Регенсвальде отправиться на зимовку къ Вислѣ, оставивъ, впрочемъ, на Вартѣ для прикрытія Познанской области небольшой корпусъ князя Волконскаго. Такимъ образомъ Бутурлинъ ничего не достигъ этою кампаніею. Успѣшно дѣйствовали только Румянцовъ, взявшій въ декабрѣ Кольбергъ, и Чернышевъ, вмѣстѣ съ австрійцами взявшій Швейдницъ, но эти генералы дѣйствовали совершенно независимо отъ Бутурлина. Конференція была раздражена неуспѣхомъ, на Бутурлина посыпались нападки и обвиненія; 18 декабря онъ былъ

отозванъ и, сдавъ команду Фермору, поѣхалъ въ Петербургъ оправдываться. По дорогѣ онъ получилъ извѣстіе, что Императрица скончалась, а вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ и милостивый рескриптъ новаго Императора, который, изъ расположенія къ прусскому королю, оправдалъ всѣ дѣйствія Бутурлина. По прибытіи въ Петербургъ Бутурлинъ былъ снова назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, гдѣ его оставила и вступившая вскорѣ затѣмъ на престолъ Императрица Екатерина II, относившаяся съ большимъ уваженіемъ къ престарѣлому фельдмаршалу и вскорѣ же по восшествіи на престолъ пожаловавшая ему грамоту, съ прописаніемъ всей его службы и наградъ, и шпагу, осыпанную бриллiантами. — Графъ Бутурлинъ былъ женатъ два раза: первый разъ на княжнѣ *Аннѣ Михайловнѣ* Голицыной (ум. въ 1727 г.), и второй — на княжнѣ *Екатеринѣ Борисовнѣ* Куракиной (ум. въ 1772 г.). Отъ второго брака у него были дѣти: графъ *Петръ Александровичъ* и дочери *Варвара* и *Екатерина;* первая была въ замужествѣ за княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, а вторая — за княземъ Юріемъ Васильевичемъ Долгорукимъ.

Дѣла Московск. Отдѣл. Архива Главнаго Штаба. — Бантышъ-Каменскій, Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, I, 261—269. — Его же, Словарь достопамятныхъ людей. — Записки герцога де-Лиріа, пер. Языкова (СПБ. 1845). — Болотовъ, Записки, т. т. I и II.— Соловьевъ, Исторія Россіи. — Бартеневъ, Восемнадцатый Вѣкъ, т. т. II, III и IV. — Сборникъ Русск. Истор. Общ., IV, V, VII. IX, X, XV, XVIII, XXII. XXVIII, XLVI, LXXIX. — «Русская Старина», т. т. I, V, VIII. IX. XI, XXIII, XXIX, XXXVI, LXII—LXIV, LXXIV, LXXXI, LXXXIX, XC, XCI, XCIII, XCIV. — «Русскій Архивъ», 1869, 1874, I, 1886, 1897 гг. — Архивъ кн. Воронцова, I—VI, XXV, XXX, XXXII, XXXIV, XXXVIII. — Масловскій, Русская армія въ Семилѣтнюю войну (М. 1886—91), т. III.

Е. Лихачъ.

Бутурлинъ, *Алексѣй Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1802 г., ум. 26 января 1863 г. Начавъ службу въ 1819 г. юнкеромъ въ л.-гв. егерскомъ полку, онъ вскорѣ былъ переведенъ въ кавалергардскій полкъ и въ 1822 г. произведенъ въ корнеты. Въ 1829 г., въ званіи флигель-адъютанта Его Величества, Бутурлинъ, по заключеніи мира съ Турціей, былъ отправленъ въ дѣйствующую армію для передачи отъ Государя фельдмаршальскаго жезла главнокомандующему графу Дибичу. Съ 1830 г. онъ состоялъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ въ Польшѣ, гдѣ въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ усмиреніи мятежа и, за штурмъ Варшавы, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. Въ 1839 г. на полковника Бутурлина было возложено наблюденіе за ходомъ рекрутскаго набора въ екатеринославской губерніи, производившагося по новой, впервые вводимой въ Россіи, жеребьевой системѣ; въ 1841 г. ему же было поручено уничтоженіе возникшихъ между крестьянами лифляндской губ. безпорядковъ. Въ 1846 г. Бутурлинъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, и назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Ярославля и ярославскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ оставался въ теченіе 15 лѣтъ, а въ 1861 г. былъ опредѣленъ сенаторомъ и причисленъ къ 1-му отдѣленію 5 департамента Правительствующаго Сената, гдѣ и оставался до своей кончины.

«Русскій Инвалидъ», 1863 г. № 29.— Словарь А. Старчевскаго. *Д. С.*

Бутурлинъ, *Андрей Васильевичъ*, окольничій и воевода, въ 1633 г. былъ стольникомъ и воеводой въ Ливнахъ, гдѣ пробылъ до 1635 г.; въ 1637 г. былъ посланъ на Украйну строить укрѣпленія недалеко отъ Изюма, и, возвратясь изъ этой поѣздки, былъ при дворѣ до 1641 г., участвуя въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ и пріемахъ иностранныхъ пословъ. Въ 1641 г. онъ былъ воеводой въ Кольскомъ острогѣ, въ 1644 г. посланъ воеводой въ Веневъ на случай прихода крымцевъ, а въ 1645 и 1646 гг. былъ воеводой въ Воронежѣ. Въ 1647 г. онъ былъ снова воеводой въ Ливнахъ для храненія отъ прихода крымскихъ татаръ, въ 1648 г. упоминается въ чинѣ свадьбы царя, съ 1649 по 1655 г. былъ воеводой въ разныхъ городахъ московской украйны на случай нашествія крымцевъ и за отличіе въ отраженіи татаръ въ 1648 г. получилъ золотой. Въ 1654 г. Бутурлинъ былъ отправленъ съ отрядомъ въ Малороссію на помощь Хмельницкому противъ поляковъ, но не могъ начать кампаніи и стоялъ долго у Хвостова, такъ какъ Хмельницкій медлилъ и отказывался отъ похода, ссылаясь на то, что крымскій ханъ готовъ напасть на Малороссію. Наконецъ, побуждаемый царскими посланцами, гетманъ

выступилъ вмѣстѣ съ московскими войсками противъ поляковъ, но здѣсь между Хмельницкимъ и Бутурлинымъ начались несогласія, о которыхъ московскій воевода доносилъ слѣдующимъ образомъ: «Я пошелъ изъ Хвостова августа 25, а гетманъ пошелъ 26 и настигъ меня въ Романовкѣ, а въ Романовкѣ далъ мнѣ вожа и велѣлъ идти передъ собою, велѣлъ меня вести и самъ идетъ за много войскомъ Запорожскимъ пустымъ мѣстомъ, чернымъ шляхомъ, не спѣша. 6 сентября пришли подъ пустой городокъ Бердичевъ и стояли до 15 числа; ставится онъ, гетманъ отъ меня особымъ обозомъ. Я пріѣзжалъ къ нему много разъ и говорилъ по твоему государеву указу, чтобъ шелъ, не мѣшкая, въ сходъ къ твоимъ боярамъ и воеводамъ, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, подъ Луцкъ живыми мѣстами, но онъ мнѣ отказалъ»... «У меня въ обозѣ», писалъ онъ дальше, «ратнымъ людямъ въ запасахъ оскудѣнье и многіе драгуны разбѣжались и лошадьми опали, а иные драгуны пошли для корму подъ польскіе города безъ моего вѣдома, и, если гетманъ будетъ стоять въ пустыхъ мѣстахъ или поворотится назадъ къ Чигирину, то Комарицкіе драгуны и остальные разъѣдутся, и твоей казны, наряду, зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ западовъ оберегать будетъ некому». Опасенія Бутурлина оправдались: Хмельницкій ушелъ въ Чигиринъ, оставивъ московскаго воеводу у Бѣлой Церкви, а драгуны Бутурлина, терпя недостатокъ въ провіантѣ, разбѣжались; самъ Бутурлинъ заболѣлъ, товарища у него не было, и замѣнить его было некѣмъ. Московское войско безъ успѣха и съ большой потерей людей вернулось обратно, а самъ Бутурлинъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ, однако, его усердіе было оцѣнено, и 11 марта 1655 г. онъ былъ пожалованъ въ окольничіе и снова отправленъ воеводой въ Малороссію, на этотъ разъ съ товарищемъ—Василіемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, съ которымъ и совершилъ походъ въ Галицію. Въ мартѣ 1656 г. мы снова находимъ его въ Москвѣ, а 29 апрѣля того же года за службу ему были пожалованы: шуба атласная золотая, кубокъ и придача къ его окладу; въ тотъ же день онъ получилъ приказаніе ѣхать на особенно важный и отвѣтственный въ то время постъ воеводы въ Кіевѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ тщательно наблюдать за Хмельницкимъ и о каждомъ его дѣйствіи доносить въ Москву. Сохранившіяся его донесенія показываютъ, что онъ вполнѣ добросовѣстно выполнялъ свою задачу. По смерти митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, ему пришлось хлопотать о томъ, чтобы юго-западная церковь присоединилась къ московскому патріаршеству. Послѣ долгихъ переговоровъ и совѣщаній, духовенство кіевское согласилось на это. Послѣ смерти Хмельницкаго, Бутурлинъ слѣдилъ за выборами новаго гетмана и оказывалъ давленіе на раду, собравшуюся для выбора гетмана въ концѣ августа 1656 г. Несмотря на всѣ усилія воеводы, выбранъ былъ Выговскій, съ которымъ Бутурлинъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. При первыхъ же попыткахъ новаго гетмана къ измѣнѣ, Бутурлинъ подробно донесъ въ Москву о сношеніяхъ Выговскаго съ крымскимъ ханомъ и поляками. Въ іюнѣ 1658 г. Бутурлинъ былъ снова въ Москвѣ, откуда въ началѣ февраля 1659 г. отправленъ въ товарищахъ съ княземъ Трубецкимъ противъ Выговскаго, а послѣ паденія послѣдняго, въ октябрѣ того же года приводилъ къ присягѣ новаго гетмана, Юрія Хмельницкаго и всѣхъ казаковъ заднѣпровскихъ полковъ. За отличіе при исполненіи всѣхъ возложенныхъ на него порученій онъ получилъ царское милостивое слово и золотой, присланный къ нему въ ноябрѣ 1659 г. съ стольникомъ Ляпуновымъ. Въ 1660 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Переяславлѣ, а въ декабрѣ того же года мы находимъ его уже въ Москвѣ, гдѣ 5 мая 1661 г. онъ получилъ въ награду золотую атласную шубу, кубокъ, придачу къ окладу 70 рублей и 3000 ефимковъ на покупку отчины. Въ томъ же 1661 г., во время нашествія крымцевъ, Бутурлинъ былъ посланъ въ Тулу, оттуда перешелъ въ Веневъ и получилъ приказаніе сходиться для обороны съ главнымъ воеводой княземъ Куракинымъ, но заболѣлъ и по челобитью получилъ позволеніе ѣхать въ Москву. Въ 1663 г. Бутурлинъ былъ отправленъ воеводой въ Псковъ, гдѣ пробылъ около года. Послѣ этого извѣстія о немъ прекращаются, и только 4 іюля 1672 г. мы встрѣчаемъ его въ чинѣ одного торжественнаго придворнаго обѣда.

Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ росс. благородныхъ родовъ» (Рукопись Имп. Публ. Библ.) VII, 186—189.—Соловьевъ, Исторія Россіи, — Акты Археогр. Экспедиціи, — Акты Мо-

сковск. Государства, I.—Русская Историч. Библіотека, т. т. VIII, X, XV. — Дворцовые Разряды, II. 342, 574, 576, 579, 582, 584, 589, 590, 592, 618, 665; III, 10, 46, 58, 83, 121, 312, 352, 460, 892; Дополн. къ т. III, 29, 30, 34 — 36, 114, 162, 166, 204. 226. 247, 257, 260, 261, 264, 265, 271, 301, 326, 384.

Е. Лихачъ.

Бутурлинъ, *Андрей Никитичъ,* окольничій и воевода, ум. въ 1536 г. Впервые онъ упоминается въ 1509 г., когда былъ воеводой большого полка въ Одоевѣ; затѣмъ въ 1512 г. онъ участвовалъ въ отраженіи крымцевъ отъ рѣки Осетра, подъ начальствомъ князя Александра Ростовскаго, въ 1513 г., во время войны съ Литвой, ходилъ подъ Бреславль и въ томъ же году былъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1514 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Тулѣ, а оттуда былъ отправленъ къ Смоленску и участвовалъ въ осадѣ и взятіи этого города. Въ 1515 г. онъ стоялъ на берегу Оки во время отраженія крымскихъ татаръ и затѣмъ былъ воеводой въ Вязьмѣ; въ 1519 г., подъ начальствомъ князя Курбскаго, ходилъ изъ Стародуба въ Литву и участвовалъ въ ея опустошеніи, въ томъ же году былъ воеводой въ Волоколамскѣ. Въ 1521 г. Бутурлинъ былъ воеводой сперва въ Серпуховѣ, потомъ въ Рязани, въ 1522 г. ходилъ съ другими воеводами подъ Коломну, для отраженія ожидавшагося нашествія крымцевъ, потомъ былъ воеводой въ Брянскѣ, а 30 ноября этого года былъ отправленъ вмѣстѣ съ окольничимъ В. Г. Морозовымъ посломъ въ Литву, для присутствія при крестномъ цѣлованіи короля на перемирныхъ грамотахъ, и возвратился въ Москву 2 мая 1523 г. Въ 1525 г. Бутурлинъ участвовалъ въ Казанскомъ походѣ, въ 1527 г. на берегу Оки отражалъ, подъ начальствомъ князя Одоевскаго, набѣгъ крымскихъ татаръ, въ 1530 г. ходилъ, подъ начальствомъ князя Глинскаго, въ судовой рати на Казань и участвовалъ въ ея осадѣ, въ 1533 г. значится въ чинѣ свадьбы брата великаго князя, князя Андрея Ивановича, и, наконецъ, въ 1536 г. мы находимъ его въ спискѣ бояръ московскихъ, въ качествѣ воеводы въ Великихъ Лукахъ.

Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ россійскихъ благородныхъ родовъ» (Рукопись Имп. Публ. Библ.) VII, 143—146. — Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. — Соловьевъ, Исторія Россіи. — Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XXXV. — Акты Археогр. Эксп. — Русск. Историч. Сборн., II. — Полн. Собр. Русск. Лѣт. — Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтен. Моск. Общ. Исторіи и Древн., 1902, I) 48, 50, 51, 54, 56, 57, 59, 61, 64, 66, 70, 72, 74, 78, 79, 81, 84. *Е. Л.*

Бутурлинъ, *Аѳанасій Андреевичъ,* окольничій и воевода Іоанна Грознаго, ум. въ 1571 г. Въ 1543 г. онъ былъ воеводой въ Васильгородѣ, въ 1545 г. участвовалъ въ походѣ на Казань, въ 1550 г. снова былъ съ царемъ подъ Казанью, въ 1554 г. былъ головой въ походѣ князя Микулинскаго на финскія и татарскія племена, жившія вокругъ Казани, отличился въ немъ и получилъ въ награду золотой угорскій; въ 1555 г. Бутурлинъ былъ вторымъ воеводой въ Свіяжскѣ, въ 1556 г. ходилъ съ царемъ къ Серпухову, для отраженія ожидавшагося нашествія крымцевъ, въ 1560 г. снова былъ воеводой въ Свіяжскѣ, въ 1563 г. пожалованъ въ окольничіе и сопровождалъ царя въ походѣ на Полоцкъ, въ 1564 г. былъ при пріемѣ польскихъ пословъ, потомъ воеводой въ Калугѣ, въ 1565 г. участвовалъ въ отраженіи крымцевъ отъ московскихъ границъ, а въ 1566 г., во время удаленія царя въ Александровскую слободу, былъ оставленъ въ Москвѣ въ числѣ одиннадцати бояръ и въ томъ же году подписалъ приговоръ земскаго собора относительно продолженія войны за Ливонію. Въ 1567 г. Бутурлинъ былъ намѣстникомъ въ Волоколамскѣ.

Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ росс. благородныхъ родовъ» (Рукоп. Имп. Публ. Библ.), VII, 149—150. — Соловьевъ, И. Р. — Карамзинъ, И. Г. Р.—Акты Археогр. Экспедиціи.— Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ 1, 458, 459, 496, 498, 501, 508, 510, 547, 556. — Русская Истор. Библ., III. — Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXI. — Разрядная книга (изд. Милюкова), 182, 234, 247, 266. — Разрядная книга (Симбирскій Сборникъ), 16. — Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в.

Бутурлинъ, *Аѳанасій Михайловичъ,* воевода царя Іоанна Грознаго, въ 1558 г. участвовалъ въ походѣ на Ливонію и въ этомъ же году былъ воеводой въ Гдовѣ, въ 1559 г. снова ходилъ въ Ливонію, подъ начальствомъ князя Серебрянаго, а 11 марта этого года онъ былъ посланъ съ княземъ Глинскимъ для отраженія ожидавшагося нашествія крымцевъ. Въ 1560 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Юрьевѣ, а оттуда участвовалъ въ походѣ князя Курбскаго на Ливонію; весною 1561 г., собравъ во Псковѣ ратныхъ людей, участвовалъ въ походѣ на Литву, а лѣтомъ воевалъ въ Ливоніи. Въ 1562 г. былъ воеводой въ Себежѣ и былъ посланъ снова въ Литву.

въ 1564 г. опять ходилъ въ Литву, отличился при взятіи Озерецка и получилъ въ награду полозолотой угорскій, а съ сентября этого же года былъ вторымъ воеводой въ Полоцкомъ острогѣ. Въ 1575 г. онъ былъ въ числѣ воеводъ, отправленныхъ противъ шведовъ.

Спиридовъ, «Записки о старинныхъ службахъ росс. благородн. родовъ» (Рук. И. Публ. Библ.), VII, 155—156. — Русскій Историч. Сборникъ, II, 116. — Разрядная книга (изд. Милюкова), 199, 200, 205, 210, 222, 226, 231, 232, 252. — Разрядная книга (Симбирскій Сборникъ), 3.

Бутурлинъ, *Василій Андреевичъ*, воевода царя Іоанна Грознаго, въ 1550 г. былъ рындой въ походѣ царя подъ Казань, въ 1554 и 1555 гг. былъ воеводой въ Михайловѣ, въ 1556 г. — въ Чашникахъ, въ 1557 и 1558 гг. — въ Мценскѣ. Въ 1559 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Пронскѣ и близъ него разбилъ напавшихъ на окрестности города крымцевъ, за что и получилъ отъ царя золотой; въ 1560 г. снова у Пронска разбилъ крымцевъ; въ 1562 г. былъ воеводой въ Карачевѣ; въ 1563 г. отражалъ съ другими воеводами литовцевъ отъ Краснаго. Въ 1564 г. Бутурлинъ ходилъ въ Литву съ княземъ Серебрянымъ, успѣшно дѣйствовалъ противъ литовцевъ и въ награду получилъ золотой; въ томъ же году лѣтомъ ходилъ изъ Смоленска подъ Мстиславль и, опустошивъ окрестности Мстиславля, Кричева, Радомля и Могилева, захватилъ громадное количество плѣнныхъ; въ 1565 г. былъ воеводой въ Псковѣ, оттуда ходилъ въ Литву, погромилъ ее, подъ Смилтиномъ разбилъ литовскія войска и съ громаднымъ полономъ возвратился обратно; за этотъ походъ ему былъ присланъ изъ Москвы племянникъ его, И. М. Бутурлинъ, съ золотымъ. Въ 1566 г. онъ подписался подъ рѣшеніемъ земскаго собора о продолженіи войны за Ливонію и въ сентябрѣ этого же года былъ воеводой въ Дорогобужѣ. Въ 1569 г. Бутурлинъ участвовалъ въ походѣ на Литву.

Спиридовъ, Записки о старинныхъ службахъ росс. благородн. родовъ, VII, 152—154. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Полн. Собр. Рус. Лѣт. — Сборникъ Рус. Истор. Общ., LXXI. — Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ I, 488, 490, 492, 537, 538, 540, 541, 543, 544, 549. — Русск. Истор. Библіотека, III.—Разрядная книга, изд. Милюкова, 128, 145, 180, 207, 209, 210, 229, 249, 263, 264. — Симбирскій Сборникъ, 14, 19.

Бутурлинъ, *Василій Васильевичъ*, ближній бояринъ, дворецкій и воевода, ум. въ 1655 г. Онъ упоминается впервые 15 декабря 1633 г., когда, въ званіи стольника, былъ рындой при пріемѣ турецкаго посла; 8 іюня слѣдующаго 1634 г. онъ былъ посланъ съ милостивымъ царскимъ словомъ на встрѣчу боярину Шереметеву, возвращавшемуся въ Москву послѣ заключенія поляновскаго договора, затѣмъ до 1646 г. находился при дворѣ, часто участвуя въ пріемахъ иностранныхъ пословъ, торжественныхъ обѣдахъ и другихъ придворныхъ торжествахъ. 20 ноября 1646 г. онъ былъ назначенъ въ Переяславль Рязанскій для охраненія московскихъ границъ отъ ожидавшагося нашествія крымцевъ, а по миновані опасности вернулся въ Москву и снова принималъ участіе въ придворной жизни. Въ 1648 г. мы находимъ его въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича, а 17 марта 1650 г. онъ пожалованъ въ окольничіе и не разъ послѣ этого бывалъ у государя за столомъ; 1 сентября 1650 г. онъ назначенъ судьей въ приказъ большого дворца, а 1 марта 1651 г.—въ разбойный приказъ. 17 марта 1652 г. Бутурлинъ былъ пожалованъ въ бояре и сдѣланъ дворецкимъ. До насъ дошло письмо царя къ Никону, тогда еще митрополиту Новгородскому, въ которомъ Алексѣй Михайловичъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу дѣятельности Бутурлина, какъ дворецкаго. «Во дворецъ посадилъ я», пишетъ царь, «Василія Бутурлина, а слово мое теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленія». Вообще, царь полюбилъ Бутурлина и много его жаловалъ. Въ 1653 г. Бутурлинъ былъ назначенъ тверскимъ намѣстникомъ и отправленъ съ окольничимъ Алферьевымъ и думнымъ дьякомъ Лопухинымъ въ Малороссію, принять въ московское подданство и привести къ присягѣ гетмана Богдана Хмельницкаго и всѣхъ малороссійскихъ казаковъ. Выѣхавъ изъ Москвы 9 октября, онъ только 22 декабря перешелъ рубежъ и, принятый во всѣхъ городахъ, черезъ которые ему нужно было проѣзжать, съ торжествомъ, 31 декабря подъѣхалъ къ Переяславлю, былъ встрѣченъ при въѣздѣ въ городъ полковникомъ Павломъ Тетерею и духовенствомъ съ образами и хоругвями. 6 января 1954 г. пріѣхалъ въ Переяславль и гетманъ, съѣхались къ этому времени туда и всѣ полковники и сотники, и 8 января была назначена рада, на которой казаки единогласно

рѣшили поддаться подъ высокую руку царя московскаго и въ тотъ же день въ соборной переяславской церкви гетманъ со всей казацкой старшиной собрались для присяги московскому государю. Но здѣсь гетманъ началъ требовать, чтобы Бутурлинъ раньше присягнулъ отъ имени государя, по примѣру прежнихъ пословъ польскаго короля, «что ему насъ королю не выдавать, за насъ стоять и вольностей не нарушать». Бутурлинъ отказался выполнить это требованіе, и только послѣ пререканій и споровъ присяга, наконецъ, была, произнесена; затѣмъ Бутурлинъ вручилъ Хмельницкому съ приличествующей рѣчью присланныя государемъ знамя, булаву, ферязь, шапку и соболей. На другой день были приведены къ присягѣ всѣ прочіе казаки и мѣщане. 12 января къ Бутурлину снова явились представители отъ казаковъ, съ требованіемъ дать имъ хотя бы «письмо за своими руками, чтобъ вольностямъ нашимъ, правамъ и маетностямъ быть по прежнему, для того, чтобъ всякому полковнику было, что показать, пріѣхавъ въ свой полкъ». Но и это Бутурлинъ отказался исполнить. Приходила къ Бутурлину и шляхта съ просьбой дать имъ особыя права между казаками и распредѣлить между ними воеводства, но и шляхта ушла ни съ чѣмъ. 14 января Бутурлинъ съ своими товарищами отправился въ Кіевъ и 16 января былъ уже здѣсь, встрѣченный у городскихъ воротъ привѣтственной рѣчью митрополита Сильвестра Коссова. 17 января приведены были къ присягѣ всѣ кіевскіе казаки и мѣщане, и только митрополитъ долго отказывался прислать своихъ людей къ присягѣ, но и онъ долженъ былъ уступить. Въ другіе малороссійскіе города были посланы для приведенія къ присягѣ московскіе стольники и дворяне. Когда вся Малороссія была присоединена къ Московскому царству на всей волѣ государевой, Бутурлинъ съ товарищами, въ концѣ января, отправился обратно въ Москву. Въ Калугѣ его встрѣтилъ стольникъ Головинъ съ государевымъ милостивымъ словомъ и спрашивалъ отъ имени государя, о здоровьѣ. «А что было гетманъ и полковники говорили вамъ», говорилъ онъ между прочимъ отъ имени государя, «чтобъ за насъ, великаго государя учинить вѣру (присягу), что намъ за нихъ стоять и вольностей ихъ не нарушать и вы, служа намъ, великому государю, то у нихъ отговорили и все учинили по нашему указу,—и мы, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, тебя, ближняго нашего боярина и намѣстника Тверского Василія Васильевича Бутурлина съ товарищами, за тое къ намъ, великому государю, службу и радѣнье и за промыслъ, жалуемъ, милостиво похваляемъ». По возвращеніи въ Москву Бутурлину пришлось въ мартѣ вести переговоры съ послами Хмельницкаго объ условіяхъ, на которыхъ присоединяется гетманъ и все войско къ Россіи. 26 марта были объявлены награды за успѣшное приведеніе Малороссіи въ подданство: Бутурлину была пожалована шуба бархатная золотая, кубокъ, четыре сорока соболей и 150 рублей придачи къ окладу. 8 мая Бутурлинъ получилъ царскую жалованную на двоечество съ путемъ и на часть государственныхъ пошлинъ и доходовъ въ пожизненное владѣніе. 17 мая Бутурлинъ былъ назначенъ сопровождать царя въ его походѣ на Польшу и сдѣлалъ съ нимъ весь походъ. 11 марта 1655 г. онъ былъ назначенъ на мѣсто воеводы Шереметева начальникомъ московскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ поляковъ у Бѣлой Церкви, и, по прибытіи къ войску, получилъ приказаніе идти вмѣстѣ съ Хмельницкимъ подъ литовскіе города. Въ то же время онъ долженъ былъ перехватывать бѣглыхъ холоповъ, наказывать ихъ, пересылать назадъ и хлопотать, чтобы казаки впредь не принимали бѣглыхъ московскихъ людей. Въ іюнѣ Бутурлинъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ двинулся на Литву, безпрепятственно вошли въ Галицію, разбили у Гродна польскаго гетмана Потоцкаго и подошли къ Львову. Но здѣсь появилась рознь между московскими воеводами и казаками: Хмельницкій отказывался дѣйствовать рѣшительно и, взявъ съ осажденныхъ большую контрибуцію, удалился отъ города, а войсковой писарь Выговскій прямо писалъ львовскимъ горожанамъ, чтобы они не сдавались на царское имя. Бутурлинъ долженъ былъ безъ успѣха вернуться въ Кіевъ, но жаловался въ Москву на гетмана и его приближенныхъ. Не будучи въ состояніи вести настоящую войну безъ помощи Хмельницкаго, онъ посылалъ въ Литву небольшія отряды, во главѣ съ подручными воеводами: такъ, Петръ Потемкинъ взялъ Люблинъ, а въ сентябрѣ того же

года Бутурлинъ послалъ князя Димитрія Волконскаго, который овладѣлъ всѣми городами въ бассейнѣ рѣки Припети. Въ декабрѣ 1655 г. Бутурлинъ былъ отозванъ въ Москву, но умеръ, не доѣхавъ до нея.

Спиридовъ, Записки и проч., VII, 194—199.— Соловьевъ, И. Р.—Акты Археогр. Экспедиціи.— Дополненіе къ Актамъ Историч.— Акты Москов. Государства, II, III.— Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, III, 495, 498, 501, 502, 504, 505, 507, 513, 514, 521; IV, 34, 173.— Памятники дипломат. сношеній древн. Россіи съ державами иностранными III, V, X. — Русская Историч. Библіотека, т. т. V, IX, X.—Дворцовые разряды, II, 352, 353, 361, 364, 367, 373, 380, 387, 389, 392, 397, 401, 405, 408, 488, 502, 526, 529, 536, 569, 594, 598, 601, 603, 620, 648, 671, 727; III, 8, 17, 18, 19, 20, 22, 50, 51, 76, 78, 82, 86, 87, 93, 112, 117, 128, 151, 156, 167, 175, 178, 179, 185, 191, 225, 226, 264, 265, 299—300, 302, 318, 374—376, 405, 413, 461; прилож. къ т. III, 9.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Василій Ивановичъ*, чашникъ и воевода, впервые упоминается въ 1606 г., когда наряжалъ вина на свадьбѣ Лжедимитрія; затѣмъ, въ 1608 г. отражалъ отъ Москвы сперва нечаянное нападеніе Рожинскаго съ поляками и тушинскими казаками, а потомъ Лисовскаго и тушинцевъ. Въ іюлѣ 1609 г. онъ былъ воеводой во Владимірѣ, а въ 1610 г. участвовалъ въ битвѣ подъ Клушинымъ и попался полякамъ въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, освободился, повидимому, когда поляки заняли Москву, и когда Бутурлинъ, вмѣстѣ съ прочими московскими боярами, присягнулъ королевичу Владиславу. Тѣмъ не менѣе онъ тайно побуждалъ Ляпунова скорѣе двигаться къ Москвѣ. Когда Ляпуновъ былъ уже у Москвы, Бутурлинъ продолжалъ сноситься съ нимъ, передавая ему все, что дѣлалось въ Москвѣ. Лишь когда его сношенія съ земскимъ ополченіемъ раскрылись, онъ бѣжалъ изъ Москвы въ станъ Ляпунова и былъ посланъ имъ въ Новгородъ, ходатайствовать передъ шведскимъ генераломъ Делагарди, стоявшимъ съ войскомъ у Новгорода, о помощи противъ поляковъ и подать ему надежду на возможность возведенія на московскій престолъ шведскаго королевича Филиппа, если поляки будутъ прогнаны. Делагарди, однако, началъ прежде всего требовать уступки нѣкоторыхъ сѣверныхъ городовъ и значительную сумму денегъ; переговоры затянулись. Русскіе согласны были дать Делагарди нѣсколько тысячъ рублей и впустить его въ одну изъ приневскихъ крѣпостей, если только шведы помогутъ русскимъ справиться съ поляками, но Делагарди предпочелъ захватить Новгородъ. Шведскіе источники говорятъ, что самъ Бутурлинъ, еще въ Москвѣ близко сошедшійся съ Делагарди, подалъ шведскому генералу мысль овладѣть Новгородомъ. По русскимъ же источникамъ главной причиной легкаго взятія шведами Новгорода являются несогласія и недоразумѣнія между Бутурлинымъ и воеводой новгородскимъ, княземъ Одоевскимъ. Воевода не могъ принять всѣхъ нужныхъ мѣръ для защиты города, такъ какъ Бутурлинъ постоянно мѣшалъ этому и пересылался съ Делагарди, не подозрѣвая объ опасности, которая грозила отъ шведовъ городу. Только когда 8 іюля шведы сдѣлали приступъ, который, впрочемъ, былъ отраженъ, Бутурлинъ убѣдился, что Делагарди настроенъ враждебно, началъ готовить городъ къ оборонѣ и послалъ Делагарди требованіе отступить. Но въ ночь на 16 іюля Делагарди, при помощи измѣны, вошелъ въ городъ и послѣ небольшого сопротивленія взялъ его. Бутурлинъ вышелъ изъ города, ограбивъ предварительно новгородскія лавки и дворы подъ тѣмъ предлогомъ, что если не русскіе, то шведы разграбятъ все. Изъ Новгорода онъ отступилъ съ ратными людьми къ Бронницамъ, гдѣ снова соединился съ земскимъ ополченіемъ. Вскорѣ онъ былъ отправленъ Аврааміемъ Палицынымъ въ Владиміръ и Низовые города съ увѣщательными грамотами и порученіемъ собирать войска для освобожденія Москвы, потомъ присталъ къ ополченію князя Пожарскаго и, кажется, участвовалъ во взятіи Москвы. Послѣ избранія Михаила Θеодоровича Бутурлинъ участвуетъ въ чинѣ вѣнчанія новаго царя, а затѣмъ ѣдетъ въ Ярославль собирать ратныхъ людей, съ которыми ему и было приказано идти къ Торжку на соединеніе съ княземъ Трубецкимъ, отправленнымъ къ Новгороду противъ шведовъ. Совершивъ этотъ походъ, Бутурлинъ въ 1614 г. попалъ въ плѣнъ къ шведамъ при взятіи ими Гдова. Дальнѣйшія извѣстія о Бутурлинѣ въ русскихъ источникахъ прекращаются, но въ шведскихъ находятся указанія, что Бутурлинъ перешелъ въ шведское подданство, сохранилъ тамъ дворянство и свою фамилію (Wasilius Butterlin) и, вступивъ въ шведскую военную службу, отличался храбростью; въ 1638 г. онъ былъ произведенъ въ полковые квартирмейстеры, въ 1649 г.—

въ подполковники, 12 ноября 1651 г. получилъ гербъ. Женатъ онъ былъ на шведской дворянкѣ Аннѣ Кнутсонъ и умеръ бездѣтнымъ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 172—173. — Соловьевъ, И. Р.—Карамзинъ, И. Г. Р.—«Сѣверный Архивъ», 1827 г., № 4. — Дополненія къ актамъ истор. — Акты Археогр. Эксп. — Полн. Собр. Рус. Лѣт.—Никон. Лѣт. т. VIII.—Лѣтопись о многихъ мятежахъ. — Русск. Истор. Библ., т. IX.—Дворцовые разряды, I, 99, 107, 118, 129.— Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в. — Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, IV.—Акты Моск. Госуд., I, 111.—Сборникъ Русск. Истор. Общ. т. XXIV.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Григорій Ѳедоровичъ*, стольникъ и воевода, ум. 3 іюня 1680 г. 15 декабря 1633 г. онъ былъ рындою при пріемѣ турецкаго посла, а потомъ, до конца 1634 г., былъ при дворѣ. Съ 1642 по 1647 г. онъ служилъ воеводой въ Кольскомъ острогѣ, а въ 1647 г. назначенъ вторымъ воеводой въ Тару и пробылъ тамъ до 1649 г. Въ 1658 г. Бутурлинъ сидѣлъ воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1 октября 1659 г. посланъ воеводой къ Тульской засѣкѣ для береженья отъ крымцевъ, въ 1660 г. былъ при дворѣ, 22 мая 1661 г. отправленъ въ Бѣлевъ вторымъ воеводой для храненія отъ татаръ, оттуда вскорѣ переведенъ въ Сѣвскъ и въ январѣ 1662 г. посланъ изъ Сѣвска главнымъ воеводою княземъ Куракинымъ противъ татаръ, которые появились въ громадномъ количествѣ въ сѣвскихъ и карачевскихъ мѣстахъ, сильно грабили и захватывали много плѣнныхъ. Бутурлинъ разбилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя князя Ширинскаго и освободилъ до 20.000 русскихъ плѣнниковъ. 31 января того же года онъ былъ отозванъ въ Москву, а 15 мая 1664 г. назначенъ вторымъ воеводой въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ до 21 мая 1667 г. Похороненъ Бутурлинъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 181. — Соловьевъ, И. Р.—Дополненія къ Актамъ Историч.— Русская Историч. Библіотека, т. т. IX, X, XV. — Акты Московск. Государства, II, 11, 35, 126, 127. — Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.), III, 197.—Дворцовые Разряды, II, 352, 361, 364, 367, 380, 387, 388, 405; Доп. къ т. III, 200, 270, 306, 309.

Бутурлинъ, *Димитрій Андреевичъ*, окольничій и воевода Іоанна Грознаго, ум. въ 1575 г. Въ 1558, 1559 и 1560 гг. онъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Казани, въ 1568 г. пожалованъ въ окольничіе и, будучи въ опричнинѣ, жилъ съ царемъ въ Александровской слободѣ, въ 1570 г., во время нашествія крымцевъ, сопровождалъ царя въ походѣ къ Серпухову и 22 сентября былъ оставленъ воеводой на Сенькинѣ-Мыту. Весною 1571 г. онъ снова сопровождалъ царя въ походѣ противъ крымцевъ, а въ октябрѣ того же года упоминается въ чинѣ свадьбы царя съ Маріей Собакиной. Весною 1572 г. онъ сопровождалъ царя въ походѣ въ Новгородъ, въ 1573 г. ходилъ съ царемъ на Ливонію, участвовалъ во взятіи Пайды и оставленъ былъ здѣсь воеводой. Въ 1574 г. онъ былъ воеводой въ Муромѣ, а оттуда былъ посланъ подъ Казань для усмиренія взбунтовавшихся черемисъ. Въ 1575 г. Бутурлинъ былъ вторымъ воеводой въ Ямгородѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 150—151. — Карамзинъ, И. Г. Р.— Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. LXXI.—Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, I, 538, 541, 543. 544.—Полн. Собр. Рус. Лѣт. — Симбирскій Сборникъ, 26, 28, 29, 33, 39.

Бутурлинъ, графъ *Димитрій Петровичъ*, сынъ графа Петра Александровича, директоръ Императорскаго Эрмитажа, извѣстный библіофилъ, род. 14 декабря 1763 г., ум. 7 ноября 1829 г. во Флоренціи. Его воспріемницею была Императрица Екатерина II, пожаловавшая его при самомъ крещеніи сержантомъ гвардіи. Вскорѣ мальчикъ уѣхалъ въ Мадридъ вмѣстѣ съ отцемъ, назначеннымъ туда нашимъ посланникомъ. Мать его (рожд. гр. Воронцова) умерла еще въ его малолѣтствѣ, и онъ воспитывался сначала подъ руководствомъ дяди, графа А. Р. Воронцова, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій кадетскій корпусъ. По окончаніи курса, Бутурлинъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ Потемкину и могъ бы сдѣлать блестящую военную карьеру, но, питая нелюбовь къ военной службѣ, перешелъ черезъ нѣсколько недѣль на гражданскую, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а скоро и совсѣмъ вышелъ въ отставку. Въ 1793 г. онъ женился на своей троюродной сестрѣ, графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой и, поселясь въ Москвѣ, занялся составленіемъ своей знаменитой библіотеки, сгорѣвшей впослѣдствіи во время пожара Москвы въ 1812 г. 31 мая 1803 г. онъ былъ назначенъ на вновь учрежденный постъ чрезвычайнаго посланника при папскомъ дворѣ, но еще до отъѣзда Бутурлина изъ Россіи послѣдовалъ внезапный разрывъ

дипломатическихъ сношеній между петербургскимъ и римскимъ дворами. Въ 1809 г. Бутурлину было предложено занять постъ начальника русской миссіи въ Штутгартѣ, но онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе. Позже онъ былъ назначенъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа, гдѣ и числился до 1817 г., не принимая, впрочемъ, въ дѣйствительности никакого участія въ управленіи музеемъ. Въ 1817 г. разстроенное здоровье побудило его уѣхать изъ Россіи: онъ поселился во Флоренціи и провелъ тамъ остатокъ своей жизни, ревностно собирая новую библіотеку. Умеръ Бутурлинъ въ званіи сенатора, имѣя чинъ тайнаго совѣтника. — Графъ Бутурлинъ пріобрѣлъ извѣстность двумя своими библіотеками; первая изъ нихъ, сгорѣвшая въ 1812 г., состояла изъ 30.000 томовъ, частію очень рѣдкихъ. Опись ея появлялась въ печати два раза: въ Петербургѣ («Catalogue de la bibliothèque de M. le C-te Boutourline. Pet. 1794) и въ Парижѣ («Catalogue des livres de la bibliothèque de S. E. M. le C-te Boutourline, revu par Barbier et Pougens. Paris 1805»). Вторая библіотека Бутурлина, составленная имъ уже во Флоренціи, была впослѣдствіи продана его наслѣдниками съ публичнаго торга въ Парижѣ. Ея описи появлялись также два раза: во Флоренціи, въ 1831 г., потомъ въ 1839—40 гг. въ Парижѣ, во время продажи ея (въ 3-хъ частяхъ). — Во время войны грековъ за независимость, Бутурлинъ, сочувствовавшій греческому освободительному движенію, напечаталъ въ Парижѣ въ 1828 г. въ немногихъ экземплярахъ книгу: «Des Grecs et des Turcs et de l'esprit public Européen».

Гр. М. Д. Бутурлинъ, «Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина («Русск. Арх.», 1867, № 3). — «Русская Старина», I, XXV, XXXIV. — «Русскій Архивъ», 1867, 1870, 1897, 1901 гг. — «Историч. Вѣст.», 1882 г. VIII.— Архивъ гр. Воронцовыхъ, X, XII, XIV, XVIII, XX, XXXII. — Геннади, Словарь, т. I. — Его-же, Русскія книжныя рѣдкости. — Его-же, Литература русской библіографіи, стр. 123, 124, 182, 183. — «Журналъ Мин. Народн. Просв.», 1836 г, кн. X; 1856 г. кн. IV.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Димитрій Петровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1790 г., ум. въ Петербургѣ 9 октября 1849 г. Въ 1808 г. онъ поступилъ на службу въ ахтырскій гусарскій полкъ, 19 февраля 1810 г. переведенъ въ кавалергардскій полкъ, въ 1812 г. зачисленъ, въ чинѣ подпоручика, въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части. За отличія въ бояхъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Вязьмѣ Бутурлинъ былъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденами св. Анны 4-го класса и св. Владиміра 4-й степени. Кромѣ того, за преслѣдованіе непріятельской арміи онъ получилъ въ награду золотую шпагу съ надписью «за храбрость». 24 декабря 1812 г. Бутурлинъ былъ переведенъ снова въ кавалергардскій полкъ, въ рядахъ котораго совершилъ осеннюю кампанію 1813 г., участвовалъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ и за отличіе въ ней получилъ орденъ св. Анны 2-й степени. Въ 1814 г. онъ участвовалъ въ осадѣ Парижа, въ битвахъ при Арсисѣ и Феръ-Шампенуазѣ и вмѣстѣ съ своимъ полкомъ вернулся обратно въ Россію. 25 января 1816 г. Бутурлинъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба князю Волконскому, 1 іюля 1817 г. сдѣланъ флигель-адъютантомъ Е. И. В. и въ 1819 г. былъ уже полковникомъ. Когда въ 1823 г. началась война между Франціей и Испаніей, Бутурлинъ былъ, по высочайшему повелѣнію, прикомандированъ къ французской арміи и состоялъ подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, вмѣстѣ съ которымъ участвовалъ въ штурмѣ Трокадеро и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и произведенъ 1 января 1824 г. въ генералъ-маіоры. По возвращеніи въ Россію, Бутурлинъ былъ снова зачисленъ въ генеральный штабъ съ назначеніемъ исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера первой арміи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ военно-ученаго комитета и 19 марта 1826 г., вмѣстѣ съ утвержденіемъ въ должности генералъ-квартирмейстера, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Когда открылась въ 1829 г. турецкая война, Бутурлинъ назначенъ былъ 9 февраля генералъ-квартирмейстеромъ второй арміи Дибича, а за отличіе и храбрость въ Кулевчинскомъ сраженіи и въ дѣйствіяхъ подъ Силистріей былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. По окончаніи войны, 4 января 1830 г. онъ былъ уволенъ отъ военной службы съ производствомъ въ тайные совѣтники, 14 мая 1833 г. опредѣленъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, 6 декабря 1840 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта,

а въ 1842 г. — директоромъ Императорской публичной библіотеки. Періодъ управленія Бутурлина былъ для библіотеки временемъ полезныхъ и важныхъ нововведеній. При немъ былъ составленъ очень тщательный и обстоятельный каталогъ книгъ библіотеки по исторіи на русскомъ языкѣ, начато было составленіе описи иностранныхъ книгъ, составлены азбучные указатели эстамповъ, приведено въ образцовый порядокъ отдѣленіе рукописей, составлена была подробная систематическая опись всѣмъ рукописямъ библіотеки и т. п. Въ его же управленіе библіотека начала открываться ежедневно вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю, какъ это было раньше. За свои труды Бутурлинъ получилъ рядъ наградъ: 1845 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, въ 1846 г.— чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, въ 1849 г. — брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго. Вмѣстѣ съ управленіемъ публичной библіотекой на Бутурлина было возложено и другое важное дѣло: 2 апрѣля 1848 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особаго, вновь образованнаго секретнаго комитета для высшаго надзора за исправленіемъ печатаныхъ въ Россіи сочиненій. Ему поручено было исправленіе цензурнаго устава, надзоръ за цензорами, усиленіе строгости цензуры; власть его не была ограничена даже министромъ народнаго просвѣщенія, прямымъ начальникомъ по дѣламъ цензуры. Цензура была доведена до высшей степени строгости, рядъ журналовъ былъ прекращенъ, другіе были поставлены въ невозможность продолжать свою дѣятельность. Одинъ изъ современниковъ той эпохи, бывшій самъ цензоромъ, Никитенко, такъ говоритъ о Бутурлинѣ въ своемъ дневникѣ: «Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ, что бы то ни было писать и печатать». Впрочемъ, съ другой стороны, графиня Блудова въ своихъ запискахъ, отдавая должное рѣзкости, съ какой Бутурлинъ цензировалъ печатныя произведенія и приводя нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ смѣшную сторону, его дѣятельности, отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени остроумномъ, оживленномъ и пріятномъ. — Будучи свидѣтелемъ многихъ очень важныхъ событій и обладая большимъ умомъ и умѣніемъ разбираться въ историческомъ матерьялѣ, Бутурлинъ отчасти на основаніи собственныхъ воспоминаній и наблюденій, отчасти на основаніи архивныхъ источниковъ, въ то время очень рѣдкихъ и цѣнныхъ, написалъ рядъ историческихъ работъ, отчасти не потерявшихъ значенія и до сихъ поръ. Таковы: 1) Relation historique et critique de la campagne des Austro-Russes en Italie en 1799. Pétbg. 1812; 2) Considérations morales et religieuses sur les événements actuels. Pétbg. 1814 (безъ имени автора); 3) Précis des événements militaires de la dernière guerre des Espagnols contre les Francais. Pétbg. 1819; 4) Tableau de la campagne d'automne de 1813 en Allemagne etc., par un officier russe. Revu par le baron de Jomini. Paris. 1817 et ib. 1818 et 1820. Въ 1830 г. эта работа вышла по-русски подъ заглавіемъ: «Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи». СПб.; 5) Военная исторія походовъ россіянъ въ XVIII ст. (4 части, перев. съ франц. А. Хатова и А. Корниловича. СПб. 1819—1823); 6) Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. 2 v. Paris et Pétbg. 1824. Atlas in-folio. По-русски эта книга вышла подъ заглавіемъ: «Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 году». Перевелъ А. Хатовъ. 2 ч. Петерб. 1823 и 1837—38; 7) Картина войнъ Россіи съ Турціею, 2 ч. переведены, 3-ья составлена Ѳ. Булгаринымъ. СПб. 1829. Нѣмецк. перев. Ольдекопа. 1828; 8) Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII стол., 2 ч. СПб. 1839—41; 9) Necrologie. Le prince Vassiltchikoff. Pétbg. 1847 (безъ имени автора). Кромѣ того, отъ Д. П. Бутурлина остался рядъ очень цѣнныхъ документовъ и бумагъ, хранящихся нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ. Часть была использована Н. К. Шильдеромъ, а статья «Кутузовъ въ 1812 году» (съ неизданной французской рукописи) была помѣщена Шильдеромъ въ «Русс. Ст.» за 1894 г. и имѣетъ большую цѣнность, раскрывая передъ нами совершенно новыя черты характера Кутузова, отношенія его къ Барклаю-де-Толли и Бенигсену и описывая знаменитый военный совѣтъ въ Филяхъ, свидѣтемъ котораго былъ Бутурлинъ, присланный въ это время съ донесеніемъ къ Кутузову отъ генерала Раевскаго.

Формулярный списокъ о службѣ. — В. Сол. Опытъ библіотеки для военныхъ людей. СПб.

1826, стр. 339—441. — Геннади, Словарь, т. I.— «Русс. Ст.», т. т. V, IX, XVIII, XXX, XLV, LII, LXV, LXVIII, LXIX, LXX, LXXV, LXXVI, LXXVIII, LXXIX, LXXXII, XCIX, CI, CII. — «Др. и Нов. Россія», 1878, II. — «Русс. Архивъ», 1873 г. — Querand, France litt., I, 480.—«Annuaire historique et biographique», année 1845. 5-me partie, т. I. — Венгеровъ, Русскія книги, т. III. — Матерьялы для пересмотра дѣйствующихъ положеній о цензурѣ и печати. СПб., 1870, ч. I. — Мих. Лемке, Очерки по исторіи цензуры. — «Историческій очеркъ цензуры въ Россіи» («Библіографъ», 1869, т. №№ 2 и 3). — Десятилѣтіе Имп. Публ. Библ. 1849—59 (СПб. 1859).—«Имп.Публичн.Библ. въ эпоху перехода въ вѣдомство Министерства нар. просв.» («Ж. М. Н. Пр.», 1863, № 10). — Минцлофъ, Путеводитель по Импер. Публ. Библіотекѣ (СПб. 1852). — Его-же, Прогулки по СПб. Публ. Библіотекѣ (СПб. 1872).—Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX. — Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 гг. СПб. 1862. — Скабичевскій, Очерки по исторіи русской цензуры (СПб. 1892), глава XVIII. — Никитенко, Моя повѣсть о самомъ себѣ. СПб. 1893. — «Всем. Иллюстр.» 1878 г. № 983. *Е. Л.*

Бутурлинъ, *Емельянъ Ивановичъ*, стольникъ и воевода. Въ 1613 г. въ званіи стряпчаго участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова, въ 1618 г., во время нашествія поляковъ, былъ отправленъ съ княземъ И. Б. Черкасскимъ въ Ярославль «для сбору ратныхъ людей», а въ 1622 г. сидѣлъ воеводой въ Одоевѣ. Въ 1636—1640 гг. онъ упоминается въ числѣ стольниковъ въ Москвѣ при царскомъ дворѣ. Въ 1645 г., по смерти царя Михаила Ѳедоровича, Бутурлинъ былъ отправленъ приводить къ присягѣ украинные города Чернь, Новосиль, Ливны, Осколъ, Яблоновъ, Корочу, Волуйку, Усердъ и Ольшанскъ, но успѣлъ доѣхать только до Ливенъ, гдѣ заболѣлъ и долженъ былъ просить о присылкѣ на свое мѣсто другого лица. Въ 1648 г. онъ участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя, въ 1652 и 1658 гг. былъ воеводой въ Бѣлгородѣ для храненія отъ нашествія крымцевъ и здѣсь выказалъ большую бдительность; сохранились его донесенія въ Москву о появленіи морового повѣтрія въ Литвѣ и о движеніяхъ крымцевъ и черкасъ у южныхъ границъ Московскаго государства. Въ 1654 г., во время похода царя въ Литву, Бутурлинъ былъ головой казанскихъ дворянъ и вмѣстѣ съ стольниками Шереметевымъ и княземъ Щербатовымъ былъ отправленъ для занятія Дорогобужа, откуда, выполнивъ это порученіе, былъ отправленъ къ деревнѣ Березниковой противъ поляковъ, но не засталъ ихъ тамъ. Въ походѣ 1655 г. Бутурлинъ снова принималъ участіе во главѣ казанскихъ дворянъ и ходилъ изъ Вильны съ княземъ Буйносовымъ противъ поляковъ. Въ 1656 г. онъ участвовалъ въ царскомъ походѣ подъ Ригу, занимая должность перваго головы для дозиранія сторожей въ государевомъ станѣ. Въ 1661 г. онъ упоминается въ церемоніи пріема императорскихъ пословъ, а, затѣмъ, 16 сентября того же года, посланъ дозирать Веневскую засѣку.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 191—193. — Дворцовые разряды, I, 538; II, 661, 687; III, 5, 352, 417, 426, 430, 475, 487; Доп. къ т. III, 54, 266. — Русская Истор. Библіотека, X. — Акты Московск. государства, I, 142, 204; II, 162, 290, 291, 294, 303, 306, 317.

Бутурлинъ, *Ефимъ Варѳоломеевичъ*, московскій дворянинъ и воевода, ум. въ 1607 г. Въ 1566 г. онъ участвовалъ въ соборѣ по поводу продолженія борьбы съ Литвой и подписалъ дѣянія этого собора; въ 1578 г. былъ воеводой въ Орлѣ, откуда въ сентябрѣ 1579 г. переведенъ въ Михайловъ, а когда весною слѣдующаго года подступили крымцы, онъ былъ отправленъ, подъ начальствомъ князя Катырева, за Оку для ихъ отраженія. Въ 1581—1582 г. Бутурлинъ былъ осаднымъ воеводой въ Пронскѣ, а въ 1582 г. переведенъ въ Тулу, гдѣ пробылъ до осени 1584 г., когда получилъ приказаніе собраться съ ратными людьми въ Юрьевѣ-Поволжскомъ и идти на усмиреніе взбунтовавшихся казанскихъ татаръ. Въ 1585 г. Бутурлинъ былъ намѣстникомъ и воеводой въ Орлѣ, а 28 февраля этого года переведенъ въ Пронскъ, откуда въ маѣ былъ отправленъ подъ Шацкъ по вѣстямъ о нашествіи нагайцевъ; въ 1587 г. онъ былъ отправленъ противъ возмутившихся черемисъ, а въ 1591 г. былъ воеводой въ Царицынѣ. 6 февраля 1597 г. онъ былъ отправленъ воеводой въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ 1598 и 1599 гг.; въ 1601 г. онъ опять былъ воеводой въ Михайловѣ, въ 1603 г. получилъ приказаніе идти съ ратными людьми въ Медынь для поимки разбойниковъ, въ 1604 г. былъ воеводой въ Рязани, а потомъ въ Теркахъ, въ 1606 г. былъ въ Москвѣ, откуда, вмѣстѣ съ Г. Ѳ. Образцовымъ, посланъ Лжедмитріемъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь сопровождать царя Симеона Бекбулатовича и присутствовать при его постриженіи. Въ 1607 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ

Осколѣ и здѣсь былъ захваченъ и замученъ самозванцемъ Лже-Петромъ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 79—81. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Акты Археогр. Экспед.— Русская Истор. Библ., II.—Симбирскій Сборникъ, 76, 77, 79, 80, 81, 85, 89, 90, 131, 144.—Русскій Истор. Сборн., II, 96. — Сборникъ Русск. Истор. Общ., LXXI.

Бутурлинъ, *Иванъ Андреевичъ*, бояринъ и воевода, ум. въ 1575 г. Въ 1551 г. онъ значится въ спискахъ московскихъ дѣтей боярскихъ, въ 1558 г. посланъ въ Ивангородъ вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ, въ 1559 г. участвовалъ въ походѣ подъ Ригу и Ругодивъ и во взятіи Юрьева, откуда весною 1560 г. посланъ съ княземъ И. Ѳ. Мстиславскимъ подъ Феллинъ и принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ и взятіи этого города. Въ 1562 г. Бутурлинъ находился въ Серпуховѣ и Мценскѣ для защиты южныхъ границъ отъ нашествія крымскихъ татаръ, а осенью того же года участвовалъ въ царскомъ походѣ подъ Полоцкъ, въ осадѣ этого города и отличился при его взятіи, за что въ 1563 г. пожалованъ въ окольничіе. Въ 1565 г. онъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Псковѣ, а въ 1567 г. пожалованъ въ бояре, и съ этихъ поръ находился при дворѣ царя. Въ 1575 г. онъ навлекъ на себя царскій гнѣвъ и былъ казненъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 151, 152. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Собраніе Госуд. Грамотъ и Догов., I, 496, 498, 501. — Разрядная книга, изд. Милюкова, 199, 205, 206, 222, 224, 229, 234.

Бутурлинъ, *Иванъ Андреевичъ*, стольникъ и воевода, упоминается въ 1637 г. въ числѣ московскихъ дворянъ при царскомъ дворѣ, въ 1655 г. участвовалъ въ походѣ на поляковъ, былъ посланъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ В. В. Бутурлинымъ противъ гетмана Потоцкаго, участвовалъ въ сраженіи съ нимъ и былъ посланъ въ Москву съ увѣдомленіемъ о побѣдѣ. Потомъ въ одномъ изъ походовъ былъ взятъ въ плѣнъ поляками, но скоро освобожденъ и 30 декабря 1661 г. былъ посланъ въ Веневъ по вѣстямъ о нашествіи крымскихъ татаръ; 31 января 1662 г. онъ получилъ приказаніе возвратиться въ Москву и распустить по домамъ ратныхъ людей. 6 августа 1663 г. Бутурлинъ былъ отправленъ воеводой въ Псковъ, въ товарищи къ окольничему А. В. Бутурлину. Въ 1666 г. за нимъ были справлены помѣстья и вотчины окольничаго Андрея Бутурлина.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 201—202. — Книги разрядныя, I.—Дворцовые разряды, прил. къ т. III, 18, 302—303, 309, 392.—Русская Историческая Библ., X. — Акты Моск. Госуд., III, 553. *Е. Л.*

Бутурлинъ, *Иванъ Васильевичъ*, стольникъ и воевода, ум. 4 декабря 1665 г. Въ 1638—1640 гг. онъ былъ воеводой въ Курскѣ, въ 1641 г. назначенъ однимъ изъ воеводъ въ Тулу для охраненія отъ крымцевъ, въ 1643—1645 гг. былъ въ Ливнахъ и принималъ здѣсь мѣры для отраженія татаръ. Въ 1648 г. онъ участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя; въ 1650 и 1651 гг. былъ воеводой въ Вязьмѣ, потомъ упоминается въ 1654 г. въ походѣ Алексѣя Михайловича на Литву, въ званіи головы стрѣлецкой сотни. Въ этомъ походѣ онъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ стольникомъ Шереметевымъ занималъ Дорогобужъ и былъ посланъ къ деревнѣ Березниковой противъ подходившихъ къ Дорогобужу поляковъ, потомъ занималъ Оршу въ качествѣ второго воеводы прибылого полка. Въ 1655 г. Бутурлинъ снова участвовалъ въ царскомъ походѣ на Литву, въ маѣ 1657 г. былъ посланъ вторымъ воеводой въ Могилевъ, а 3 февраля 1659 г. назначенъ первымъ воеводой въ Томскъ, гдѣ и умеръ, во время упорной борьбы съ киргизами и татарами.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 185—186. — Книги разрядныя, I. — Дворцовые разряды, II, 585, 614, 638, 655, 706, 737; III, 83, 183, 268, 416, 429, 437, 466; Дополн. къ т. III, 170.—Акты Московск. Госуд., II, 99, 105, 106, 111, 112, 128, 131, 133, 137, 139, 140, 143, 144, 162. — Русск. Истор. Библ., X, XVIII.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Иванъ Васильевичъ*, по прозванію Кривой, бояринъ и воевода. Въ 1654 и 1655 гг. онъ былъ, въ званіи стольника, воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ энергично боролся съ проникшей туда моровой язвой. Въ 1660—1663 гг. Бутурлинъ былъ при дворѣ царя Алексѣя и, по званію стольника, участвовалъ въ разныхъ придворныхъ торжествахъ. Въ 1671 г. онъ сидѣлъ воеводой въ Тамбовѣ и упорно боролся здѣсь съ Разинскимъ бунтомъ. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ значеніе Бутурлина быстро возрастаетъ. Въ 1676 г. онъ былъ посланъ на съѣздъ съ шведскими послами, съ цѣлью склонить Швецію къ союзу съ Польшей и Россіей противъ турокъ и та-

таръ, а также чтобы уладить цѣлый рядъ мелкихъ пограничныхъ и другихъ споровъ. Переговоры кончились неудачно, шведовъ склонить къ союзу не удалось, и Бутурлинъ осенью возвратился въ Москву. Въ 1677 г. Бутурлинъ отправленъ первымъ воеводой въ Рыльскъ, гдѣ провелъ цѣлое лѣто, защищая южныя границы отъ татаръ, а осенью вернулся въ Москву, и былъ пожалованъ въ окольничіе, а на слѣдующій годъ — въ бояре. Въ томъ же 1678 г. онъ участвовалъ въ походѣ для освобожденія Чигирина отъ турокъ и въ ноябрѣ отправленъ былъ въ Польшу для утвержденія мирнаго договора, при чемъ ему поручено было склонять поляковъ къ разрыву съ Турціей. Выполнивъ удачно возложенное на него порученіе, въ маѣ 1679 г. Бутурлинъ отправился изъ Варшавы въ Вѣну, побудить императора къ войнѣ съ Турціей, чтобы такимъ образомъ отвлечь отъ Россіи главныя силы турокъ. Въ іюлѣ онъ былъ уже въ Вѣнѣ, но императоръ отказался вступать въ борьбу съ Турціей безъ союза съ Польшей. Пріѣхавъ на русскую границу, Бутурлинъ получилъ приказаніе ѣхать прямо въ свои вотчины, чтобы не занести въ Москву моровой язвы, свирѣпствовавшей въ то время въ Вѣнѣ. Только въ октябрѣ 1680 г. позволено было ему пріѣхать ко двору. Въ 1682 г. Бутурлинъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества, и въ томъ же году онъ былъ на воеводствѣ въ Новгородѣ. 27 ноября 1683 г. Бутурлинъ былъ отправленъ съ княземъ Яковомъ Одоевскимъ на съѣздъ съ поляками въ Андрусово для заключенія вѣчнаго мира и, хотя и не успѣлъ въ этомъ, но по возвращеніи въ Москву 23 марта 1684 г. получилъ въ награду за свою службу золотой атласный кафтанъ, золотой кубокъ съ кровлей и 100 руб. придачи къ окладу; въ маѣ того же года онъ участвовалъ въ переговорахъ о подтвержденіи мирнаго договора съ Швеціей. Въ 1686 г. Бутурлинъ былъ пожалованъ въ ближніе бояре и намѣстники суздальскіе и назначенъ, вмѣстѣ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ отвѣтъ съ польскими послами, пріѣхавшими для заключенія вѣчнаго мира. Послѣ долгихъ пререканій и споровъ, миръ былъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ для Россіи условіяхъ, и Бутурлинъ получилъ въ награду золоченый кубокъ въ 5 фунтовъ, кафтанъ на соболяхъ въ 250 руб. и 4000 ефимковъ на покупку вотчины. Въ 1688—1689 гг. онъ былъ воеводой въ Кіевѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 203—205. — Соловьевъ, И. Р. — Дворцовые разряды, дополн. къ III т., 215, 222, 228, 247, 253, 364, 374. — Русск. Историч. Библіотека, V. XV. — Акты Истор.—Дополненія къ Актамъ Истор. — Акты Археограф. Эксп. — Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ IV, 519, 148, 407, 484, 485, 520, 527. — Собраніе дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. т. V — IX. — Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Иванъ Ивановичъ*, стольникъ и воевода, въ 1613 г. участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова; въ 1617 г. посланъ царемъ въ Смоленскъ съ золотыми къ воеводѣ князю Сулешеву; въ 1618 г. былъ въ Москвѣ воеводой у Арбатскихъ воротъ для защиты отъ нападенія польскаго королевича Владислава; въ 1626 г. назначенъ въ Мценскъ воеводой прибылого полка въ украинный разрядъ; въ 1630 и 1631 гг. былъ воеводой въ Мосальскѣ, гдѣ построилъ новую тюрьму; въ 1636 г. строилъ и охранялъ Темниковскую засѣку; въ 1637 г. строилъ городъ на Усердѣ; въ 1638 и 1639 гг. былъ при дворѣ и участвовалъ въ нѣкоторыхъ придворныхъ церемоніяхъ; въ 1640 и 1641 гг. былъ воеводой въ Великихъ Лукахъ; въ 1644 г.—въ Одоевѣ; въ 1648 г. участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича; въ 1652 г. былъ воеводой въ Торонцѣ; въ 1654 и 1655 гг. участвовалъ въ походахъ царя, въ званіи жилецкаго головы.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 189—191. — Книги разрядныя.— Дворцовые разряды, II, 576, 638, 662, 734; III, 81, 327, 363, 416, 466.—Акты Московск. Госуд., I, 140, 302, 305, 309, 310, 318, 337, 339, 392; II, 140, 141, 143. — Русск. Истор. Библ., IX, X.

Бутурлинъ, *Иванъ Ивановичъ*, сынъ ближняго стольника Ивана Андреевича, одинъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго, род. 24 іюня 1661 г., ум. 31 декабря 1738 г. Получивъ образованіе въ отцовскомъ домѣ, онъ началъ службу при дворѣ, сначала спальникомъ, а потомъ стольникомъ молодого царя Петра. Въ 1687 г., учреждая два потѣшные полка, царь назначилъ Бутурлина премьеръ-майоромъ преображенскаго полка. Въ 1689 г. Бутурлинъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ Петра въ борьбѣ его съ Софіей. Позже онъ участвовалъ со своимъ полкомъ въ азовскихъ походахъ 1695 и 1696 гг.,

при чемъ во время второго похода командовалъ полкомъ въ отрядѣ Гордона. Съ началомъ Сѣверной войны, въ 1700 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, командуя обоими гвардейскими полками, первый пришелъ къ Нарвѣ, послѣ сраженія подъ которою былъ взятъ шведами въ плѣнъ и вернулся въ Россію только черезъ девять слишкомъ лѣтъ, когда шведскій король согласился обмѣнять его на генерала Мардефельда. Въ 1711 г. Бутурлинъ получилъ въ командованіе особый корпусъ, назначенный идти къ Каменному Затону (бывшая крѣпость на Днѣпрѣ), для прикрытія Украйны отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и измѣнившихъ Россіи запорожцевъ. Разбивъ запорожцевъ у рѣчки Каменки, Бутурлинъ въ 1712 г. принялъ команду надъ войсками, расположенными въ Курляндіи, и за удачныя дѣйствія противъ шведовъ произведенъ 13 мая 1713 г. въ генералъ-поручики. Въ томъ же году онъ выступилъ въ походъ съ графомъ Апраксинымъ въ Финляндію, гдѣ явился участникомъ многихъ военныхъ дѣйствій. 8 октября, онъ помогъ генералу князю Голицыну разбить шведовъ при р. Пелкинѣ, а 19 февраля 1714 г. участвовалъ въ выигранномъ же сраженіи при селеніи Лаполы, близъ Вазы. Послѣ этого боя Бутурлинъ получилъ отъ царя такое письмо: «Monsieur! Поздравляемъ вашей милости съ полученною викторіею и что вамъ велѣлъ Богъ реваншъ самому учинить симъ клятвеннымъ непріятелямъ за ихъ доброй къ вамъ трактаментъ». 29 іюля того-же года Бутурлинъ участвовалъ въ первой знаменитой побѣдѣ русскаго флота надъ шведскимъ при Гангутѣ. Въ январѣ 1715 г. Бутурлинъ былъ въ Петербургѣ и участвовалъ, въ качествѣ костюмированнаго барабанщика, въ шутовской свадьбѣ Н. М. Зотова, а затѣмъ снова вернулся къ дѣйствующей арміи, получивъ въ команду два гвардейскихъ и астраханскій пѣхотный полкъ. Въ 1716 г. онъ, подъ начальствомъ Апраксина, ходилъ на галерахъ въ походъ къ Стокгольмскимъ шхерамъ, а 5 мая Царь, находившійся въ Штеттинѣ, по пути въ Мекленбургъ, приказалъ ему поспѣшить съ галерною эскадрою къ Ростоку. Въ октябрѣ того же года Бутурлинъ командовалъ двумя гвардейскими полками, сопровождавшими Петра Великаго въ Мекленбургъ, оттуда въ 1717 г. сопутствовалъ Государю въ путешествіи его въ Голландію и Францію, а въ октябрѣ того-же года, возвратился съ царемъ въ Кронштадтъ. Въ мартѣ 1718 г. Бутурлинъ пожалованъ селомъ Спасскимъ, копорскаго уѣзда, съ деревнями. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ допросахъ и судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ и 24 іюня, въ числѣ другихъ судей, подписалъ его смертный приговоръ. Принималъ Бутурлинъ участіе и въ судѣ 1718 г. надъ Меньшиковымъ. 9 декабря 1718 г. Бутурлинъ пожалованъ въ подполковники л.-гв преображенскаго полка. 11 января 1719 г. получилъ 382 крестьянскихъ двора въ суздальскомъ, шацкомъ и рузскомъ уѣздахъ, конфискованные у князя Василія Долгорукаго и царевича Сибирскаго Василія, а 12 ноября 1719 г. назначенъ членомъ во вновь учрежденную военную коллегію, и 9 февраля 1720 г. подписалъ, въ числѣ другихъ членовъ коллегіи, положеніе объ арміи. Въ томъ же году, во главѣ своихъ гвардейскихъ, а также пѣхотныхъ — ингерманландскаго и астраханскаго полковъ, Бутурлинъ выступилъ въ новый походъ въ Финляндію и съ отличіемъ участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Гренгамѣ, выигранномъ княземъ Голицынымъ. 22 октября 1721 г., въ день торжества Ништадтскаго мира, онъ былъ произведенъ въ полные генералы, а въ 1722 г. уволенъ отъ присутствія въ коллегіи, съ оставленіемъ начальствующимъ тѣми-же полками, составлявшими дивизію, расположенную въ С.-Петербургѣ. Въ 1723 г. Бутурлинъ участвовалъ въ коммиссіи, образованной для суда надъ Скорняковымъ - Писаревымъ. Осенью того же года мы опять находимъ его среди участниковъ придворныхъ маскарадовъ: онъ, вмѣстѣ съ самимъ Императоромъ, находился въ числѣ барабанщиковъ. По кончинѣ Петра Великаго, Бутурлинъ сначала не соглашался дѣйствовать заодно съ Меньшиковымъ въ пользу Екатерины, но затѣмъ, склоненный его доводами, привлекъ на сторону Екатерины гвардію и тѣмъ рѣшилъ споръ о престолонаслѣдіи. На похоронахъ Императора, 10 марта, Бутурлинъ несъ въ процессіи корону Всероссійской Имперіи; 21 мая того же года, при бракосочетаніи великой княжны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 30 августа — вновь учрежденнымъ орденомъ св. Александра Невскаго. Это было, однако, послѣдними

милостями къ Бутурлину: какъ участникъ заговора противъ Меньшикова, онъ подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ этого вельможи, а послѣ смерти Императрицы, Высочайшимъ манифестомъ отъ 27 мая 1727 г., онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и знаковъ отличія и сосланъ на безвыѣздное жительство въ его дальнія помѣстья. Послѣ паденія Меньшикова, князья Долгорукіе отняли у Бутурлина всѣ деревни, пожалованныя ему Петромъ Великимъ, такъ что послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ уцѣлѣвшемъ еще за нимъ наслѣдственномъ имѣніи, Крутцахъ, владимірской губ., александровскаго уѣзда, гдѣ и умеръ. Похороненъ онъ въ г. Александровѣ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Высочайшіе указы изъ Сенатскаго Архива.— Росс. Родословная книга, т. II, 159. — Бантышъ-Каменскій, Словарь. — Его-же, Списки кавалеровъ. — Его-же, Дѣянія полков. и министровъ Петра В. — «Русск. Стар.», 1878, III; 1879, II.— Голиковъ, Дѣянія Петра В., т. XV. — «Сѣв. Архивъ», 1823, ч. VI, 20—23.—Словари: Плюшара, Зеддeлера, Брокгауза-Ефрона.

Бутурлинъ, *Иванъ Михайловичъ*, окольничій и воевода, ум. въ 1605 г. Въ 1565 г. онъ былъ посланъ царемъ въ Литву къ воеводѣ князю Серебряному и В. А. Бутурлину съ золотыми; въ 1574 — 1575 г. былъ воеводой въ Данковѣ и здѣсь въ 1575 г. участвовалъ въ отраженіи крымцевъ и ногайцевъ и въ битвѣ съ ними въ Почерниковыхъ Дубравахъ. Въ 1576 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Новосилѣ, а въ 1577 г. ходилъ съ царемъ въ походъ на Лифляндію и былъ посланъ съ вспомогательными войсками подъ Владимирецъ къ воеводѣ князю Бѣльскому; въ этомъ же году мы находимъ его воеводой въ Болховѣ. Въ 1578 г. онъ участвовалъ, въ званіи второго воеводы передового полка, въ походѣ подъ Венденъ; въ 1579 г. снова ходилъ съ царскими войсками въ Лифляндію, а въ 1580 г. былъ однимъ изъ воеводъ въ Смоленскѣ. Въ это время къ Смоленску подступилъ оршанскій воевода Филонъ Кмита съ девятитысячнымъ литовскимъ войскомъ. Въ деревнѣ Настасьинѣ встрѣтился съ нимъ выступившій противъ него Бутурлинъ, сбилъ непріятеля съ позиціи и заставилъ укрѣпиться въ обозѣ. Ночью Кмита ушелъ изъ своего лагеря, но Бутурлинъ погнался за нимъ, нашелъ его въ 40 верстахъ отъ Смоленска, на Спасскихъ Лугахъ и здѣсь разбилъ на голову, отнялъ пушки, знамена, взялъ многихъ въ плѣнъ и заставилъ литовцевъ уйти обратно къ Оршѣ. Въ 1581 г. Бутурлинъ снова былъ посланъ на Литву съ княземъ М. П. Катыревымъ-Ростовскимъ, ходилъ подъ Шкловъ, Оршу, Дубровну, Могилевъ и Радомль, участвовалъ въ битвѣ съ литовцами подъ Шкловомъ, возвратился въ Новгородъ съ большой добычей и плѣнными, былъ награжденъ золотымъ и посланъ на воеводство въ Дорогобужъ, но скоро былъ отправленъ съ 15.000 войска въ Ржевъ по вѣстямъ о нашествіи польскаго короля Стефана Баторія, а отсюда, когда выяснилось, что поляки подступили къ Пскову, былъ посланъ на соединеніе съ главной вспомогательной ратью къ Новгороду, гдѣ и пробылъ до конца года. 30 апрѣля 1582 г. Бутурлинъ посланъ воеводой въ Торусу, гдѣ повидимому былъ до самаго заключенія мира съ Польшей. Въ 1583 г. онъ отправленъ съ княземъ И. М. Воротынскимъ въ Муромъ, а оттуда подъ Казань для усмиренія возмутившихся черемисъ. По возвращеніи изъ этого похода онъ былъ назначенъ воеводой въ Торусу, оттуда былъ переведенъ въ Калугу, потомъ, уже въ 1584 г., былъ на воеводствѣ въ Смоленскѣ, отсюда былъ переведенъ въ Новгородъ, гдѣ, пожалованный въ 1585 г. въ окольничіе, долженъ былъ укрѣплять Торговую сторону въ виду готовившейся войны съ Швеціей. Въ іюнѣ 1585 г. Бутурлинъ былъ отозванъ въ Москву, а въ ноябрѣ уже сидѣлъ на воеводствѣ въ Псковѣ, откуда принялъ участіе въ походѣ на Финляндію, послѣ котораго вернулся снова въ Москву. Въ 1587 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Рязани, въ 1588 г.—въ Ливнахъ, въ 1589 и 1590 гг. находился въ Москвѣ, а въ 1592—1594 гг. снова воеводствовалъ въ Ливнахъ, гдѣ въ 1592 г., съ помощью присланныхъ къ нему на помощь литовцевъ, нѣмецкихъ войскъ и московскихъ дѣтей боярскихъ, отражалъ набѣги крымцевъ; въ 1595—1596 гг. онъ былъ воеводой въ Астрахани, въ 1597 г. — въ Царицынѣ, въ 1598 г.— снова въ Астрахани, въ 1600 и 1601 гг.—въ Дѣдиловѣ, въ 1603 и 1604 гг. находился при дворѣ въ Москвѣ, и его имя часто упоминается въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Въ 1604 г., когда, благодаря ходатайству грузинскаго царя Александра, возникла мысль о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и когда рѣшено было для этого построить крѣпость въ Таркахъ и укрѣпиться въ Дагестанѣ,

Бутурлинъ былъ посланъ въ Дагестанъ съ астраханскими войсками и казаками. Онъ занялъ Тарки, прогнавъ оттуда непріятеля; воюя съ окрестными племенами, онъ началъ строить въ Таркахъ крѣпость, и заложилъ укрѣпленіе на берегу рѣки Тузлука. Между тѣмъ Шавкалъ, владѣлецъ Дагестана, попросилъ помощи у турецкаго султана Магомета III, который приказалъ дербентскому пашѣ выгнать русскихъ изъ Дагестана. Турки соединились съ кумыками, лезгинцами и аварами и весною 1605 г. подступили къ Таркамъ. Къ Бутурлину должно было придти на помощь грузинское войско, но грузинскій царь Александръ былъ убитъ, и русскимъ пришлось защищаться однимъ. Бутурлину удалось отбить нѣсколько приступовъ, но, когда укрѣпленія были окончательно разрушены, онъ согласился на сдачу, подъ условіемъ свободнаго выхода изъ крѣпости. Гарнизонъ былъ выпущенъ, но кумыки въ степи напали на русскихъ и уничтожили почти все семитысячное русское войско. Въ этой битвѣ былъ убитъ и Бутурлинъ съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 162—167. — Соловьевъ, Ист. Р. — Карамзинъ, Ист. Г. Р. — Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 567, 571, 576. — Русск. Истор. Сборникъ, II, 96, 97, 162, 180, 181, 186—189, 272, 273. — Разрядная книга, изд. Милюкова, 264. — Симбирскій Сборникъ, 14, 45, 46, 52, 70, 73, 77, 79, 82, 87, 91, 102, 112, 150—153.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Иванъ Никитичъ*, по прозванію Всячина, бояринъ и воевода, ум. въ 1538 г. Въ 1499 г., въ походѣ Іоанна III подъ Смоленскъ онъ былъ воеводой лѣвой руки. Въ 1508 г. онъ отражалъ, вмѣстѣ съ другими воеводами, татаръ изъ подъ Бѣлева и Одоева, въ 1513 г. участвовалъ въ походѣ на Смоленскъ и въ томъ же году пожалованъ въ бояре и назначенъ намѣстникомъ въ Ивангородъ. Въ 1519 г. Бутурлинъ сперва сидѣлъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, потомъ воеводой въ Стародубѣ; въ 1520 г. онъ былъ вторымъ воеводой большого полка на берегу Оки и въ 1521 г. однимъ изъ воеводъ въ Серпуховѣ для отраженія крымцевъ. Въ 1522 г. Бутурлинъ, въ чинѣ дворецкаго, былъ отправленъ въ Краковъ для утвержденія перемирной грамоты съ королемъ польскимъ, въ 1526 г. участвовалъ въ походѣ на Казань, въ 1528 г. былъ воеводой въ Костромѣ и въ 1530 г. ходилъ на судахъ вторымъ воеводой подъ Казань, гдѣ принималъ участіе въ штурмѣ казанскихъ предмѣстій. Въ 1531 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Коломнѣ, въ 1533 г. упоминается въ чинѣ свадьбы князя Андрея Ивановича Старицкаго. Въ 1535 г., когда открылась новая война съ Литвой, Бутурлинъ былъ отправленъ изъ Пскова къ озеру Себежу, построилъ тамъ земляной городъ, укрѣпилъ его, снабдилъ боевыми запасами, и, повоевавъ окрестныя земли, возвратился въ Опочку; въ 1536 г. Бутурлинъ былъ на воеводствѣ въ Новгородѣ и оттуда посланъ былъ противъ князя Андрея Старицкаго, который въ это время задумалъ бѣжать въ Литву.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 141—143. — Карамзинъ, И. Г. Р.— Полн. Собр. Русск. Лѣт.— Русск. Истор. Библ., т. XV, отд. I. — Разрядная книга, изд. Милюкова. 48, 65, 69, 71, 79, 81, 84, 87, 90, 99.

Бутурлинъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, окольничій и воевода. Въ 1646 г. упоминается впервые въ спискѣ московскихъ дворянъ, въ 1648 г. участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя, въ 1653—1656 гг. былъ воеводой въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1660 и 1661 гг. упоминается какъ участникъ придворныхъ церемоній въ Москвѣ, а въ маѣ 1662 г. былъ посланъ, при своемъ отцѣ Ѳ. В. Бутурлинѣ, вторымъ осаднымъ воеводой въ Путивль. Въ 1666—1668 гг. Бутурлинъ былъ, съ княземъ И. А. Хилковымъ, вторымъ воеводой въ Астрахани, гдѣ принималъ первыя мѣры къ поимкѣ Разина и къ прекращенію Разинскаго движенія. Въ 1672—1675 гг. Бутурлинъ, уже въ чинѣ окольничаго, завѣдывалъ ямскимъ приказомъ, а въ 1680 г. былъ первымъ судьей въ приказѣ большого дворца.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 182. — Акты Историч.—Дополн. къ Актамъ Истор.—Русск. Ист. Библ., V, X.—Акты Московск. Госуд., II, 348, 354, 367, 428, 429, 489, 491. — Дворцовые Разряды. Дополн. къ т. III, 335.

Бутурлинъ, *Матвѣй Васильевичъ*, стольникъ и воевода, ум. въ 1607 г. Въ 1581 г. онъ упоминается въ чинѣ свадьбы царя Іоанна Грознаго съ Маріею Нагой, въ 1598 г. участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова и подписался подъ избирательной соборной грамотой, а послѣ собора былъ есауломъ въ царскомъ полку въ походѣ къ Серпухову для отраженія крымскихъ татаръ; въ 1601 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Во-

луйкахъ, въ 1605 г. — въ Осколѣ, а въ 1607 г. былъ отправленъ противъ самозванца Лжепетра, на бою съ которымъ и былъ убитъ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII. 170. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Акты Археогр. Экспедиціи.

Бутурлинъ, графъ *Михаилъ Дмитріевичъ*, сынъ графа Дмитрія Петровича, историческій писатель, род. въ 1807 г., ум. въ Москвѣ 19 ноября 1876 г. Въ 1817 г. онъ переселился, вмѣстѣ съ отцомъ, во Флоренцію, а въ 1824 г. вернулся въ Россію и затѣмъ поступилъ въ Одессѣ на службу подъ начальство своего родственника, графа М. С. Воронцова, но въ 1825 г. снова уѣхалъ во Флоренцію. Во второй разъ Бутурлинъ прибылъ въ Россію въ 1827 г., въ концѣ марта этого года вступилъ въ военную службу юнкеромъ павлоградскаго гусарскаго полка, участвовалъ въ 1828 г. въ войнѣ съ Турціей, и, за отличіе въ Кулевчинскомъ сраженіи, произведенъ въ корнеты. Въ маѣ 1832 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ штабъротмистра и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ велъ разсѣянный образъ жизни, только числясь на службѣ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Растративъ большое состояніе, онъ въ 1853 г. поступилъ на дѣйствительную службу чиновникомъ особыхъ порученій къ рязанскому губернатору, въ 1856 г. перешелъ на такую же должность въ Калугу, въ декабрѣ 1859 г. вышелъ въ отставку, но въ концѣ 1860 г. снова поступилъ на служау судебнымъ слѣдователемъ въ тарусскомъ уѣздѣ, хотѣлъ быть выбраннымъ въ мировые судьи, но охранительная партія не поддержала его, и онъ, выйдя въ отставку, поселился въ имѣніи жены, рожденной Нарышкиной, въ тарусскомъ уѣздѣ, наѣзжая зимой въ Москву. Въ юношествѣ Бутурлинъ получилъ блестящее образованіе, а въ послѣдніе годы жизни много занимался русской исторіей и помѣстилъ нѣсколько небольшихъ работъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей», дѣйствительнымъ членомъ котораго былъ выбранъ. Главнѣйшія изъ его работъ: 1) «Бумаги флорентинскаго центральнаго архива, касающіяся Россіи. Итальянскіе и латинскіе подлинники съ русскимъ переводомъ». М. 1871; 2) «Донесенія о Москвѣ Ивана Перлштейна, посла имп. Максимиліана II при московскомъ дворѣ въ 1575 г.» (переводъ; «Чтенія», 1876, № 2); 3) «О мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лечился отъ ранъ осенью 1611 г.». («Чтенія», 1875, № 4); 4) «Петръ Андреевичъ Кикинъ» («Русск. Старина», 1874, т. IX, № 4); 5) «Очеркъ жизни гр. Д. П. Бутурлина» («Русск. Архивъ», 1867, № 3); 6) «Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства: 1861 г.» («Русск. Архивъ», 1876, № 10); 7) Въ «Русскомъ Архивѣ» (1897, кн. II — XII, 1898, кн. I — X) помѣщены въ высшей степени интересныя «Записки графа М. Д. Бутурлина», доведенныя до 1860 г. Кромѣ того, онъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ и корреспонденцій въ «Вѣстникѣ Западной Россіи», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и нѣкоторыхъ другихъ газетахъ и журналахъ.

Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи т. I. — «Чтенія М. Общ. Ист. и Древн.», 1876, II. — «Древняя и Новая Россія», 1877, II. — Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. I. стр. 441. 460, 674. — «Русскій Архивъ», 1897, кн. II—XII; 1899, кн. I—X; 1901, X—XII.

Е. Л.

Бутурлинъ, *Михаилъ Матвѣевичъ* окольничій и воевода, ум. въ 1648 г. Въ 1608 г. онъ былъ стольникомъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дворянами и стольниками, перешелъ изъ Москвы въ Тушино на службу ко второму Лжедимитрію. Здѣсь Бутурлинъ ревностно служилъ Самозванцу, а въ 1610 г., когда Лжедимитрій принужденъ былъ бѣжать изъ Тушина въ Калугу, помогалъ ему въ этомъ, заставилъ калужанъ принять Самозванца и даже собственноручно убилъ тамошняго воеводу Ив. Ив. Годунова; въ томъ же году Бутурлинъ, вмѣстѣ съ другимъ тушинскимъ воеводой, Михневымъ, убилъ, по приказанію Лжедимитрія, касимовскаго царя Уразъ-Магмета, обвиненнаго въ измѣнѣ Самозванцу, за что впослѣдствіи былъ убитъ и самъ Самозванецъ. Современная лѣтопись говоритъ что «Михайла Бутурлина порази духъ непріязненный лютъ зѣло, и пребысть тако до кончины своея». По смерти второго Лжедимитрія, когда Марина объявила царемъ своего сына Ивана, Бутурлинъ, съ княземъ Трубецкимъ и другими тушинскими воеводами, взяли ее подъ стражу, рѣшили присягнуть тому царю, который утвердится въ Москвѣ, и овладѣли Калугой. Въ 1612 г. Бутурлинъ былъ при осадѣ Москвы и освобожденіи ея отъ поляковъ, но при избраніи на царство Михаила Ѳедоровича

Романова его не было: онъ преслѣдовалъ въ это время Заруцкаго, который подступилъ тогда къ Переяславлю - Рязанскому, разграбилъ его, но здѣсь былъ настигнутъ и разбитъ Бутурлинымъ. Въ 1613 г. Бутурлину, вмѣстѣ съ княземъ М. М. Черкасскимъ, было поручено очищать Русское государство отъ польскихъ войскъ и отъ мятежныхъ казаковъ. Воеводы выступили къ Калугѣ, осаждаемой въ то время непріятелями, но поляки отступили къ Вязьмѣ и Дорогобужу; воеводы заняли и эти города и подступили подъ Бѣлую, гдѣ укрѣпились поляки и воровскіе казаки. Воеводы осадили городъ, отбили сильную вылазку поляковъ и въ августѣ заставили ихъ сдаться. Царь наградилъ воеводъ золотыми и велѣлъ имъ идти подъ Смоленскъ, но Бутурлину подъ Бѣлой вырвало осколкомъ ядра часть черепа, такъ что ему пришлось ѣхать на излеченіе въ Москву. Подъ жалованной грамотой князю Трубецкому отъ 7 января 1614 г. стоитъ, между прочимъ, и подпись Бутурлина. Въ 1616 г. Бутурлину была поручена защита Смоленска отъ королевича Владислава, а на помощь ему былъ отправленъ съ значительнымъ отрядомъ князь Н. П. Барятинскій, который, однако, у Дорогобужа былъ остановленъ гетманомъ Гонсѣвскимъ. Въ Смоленскѣ было мало съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ, и немногочисленное войско начало терпѣть нужду. На выручку пошелъ князь Ю. Я. Сулешевъ, но не успѣлъ пробиться черезъ польскую рать, и Бутурлинъ принужденъ былъ очистить смоленскія укрѣпленія и отступить къ Бѣлой. Когда королевичъ Владиславъ въ 1619 г. подступилъ къ Москвѣ, Бутурлинъ былъ и здѣсь однимъ изъ воеводъ, защищавшихъ столицу отъ поляковъ. Послѣ этого мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ имя Бутурлина въ описаніяхъ придворныхъ церемоній. Въ 1622 г. онъ былъ воеводой въ Переяславлѣ Рязанскомъ, лѣтомъ 1628 г. назначенъ главнымъ воеводой въ украинный разрядъ, въ 1630 г. былъ воеводой въ Тулѣ, потомъ находился при дворѣ до 1640 г., постоянно принимая участіе въ пріемахъ иностранныхъ пословъ. Въ 1640 г. онъ снова былъ воеводой въ Тулѣ, потомъ опять былъ при дворѣ, 29 марта 1646 г. пожалованъ въ окольничіе, въ 1647 г. былъ воеводой въ Тулѣ, послѣ чего, до конца жизни, пробылъ при дворѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 177 178. — Соловьевъ, И. Р.—Карамзинъ. И. Г. Р.- Русск. Истор. Сборн., II, 394—398. — Русск. Истор. Библ., т. IX, X.—Акты Московск. Госуд., I, 139; II, 235, 260. — Книги разрядныя. — Дворцовые разряды, I, 101—104, 227, 409, 635, 983; II. 309, 313, 316, 598. 617, 631; III. 8—9, 33, 50, 53, 72.

Бутурлинъ, *Николай Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1801 г., ум. 15 іюля 1867 г. Воспитывался Бутурлинъ въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1818 г. и поступилъ юнкеромъ въ 20-й егерскій полкъ; въ 1819 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1829 г. участвовалъ въ турецкой войнѣ и въ 1831 г.—въ польской (во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ). Въ 1831 г. онъ былъ произведенъ въ полковники съ причисленіемъ къ военному министерству. Въ 1835 г. Бутурлинъ назначенъ вице - директоромъ провіантскаго департамента и служилъ въ этой должности до 1841 г., когда оставилъ службу изъ за какихъ-то недоразумѣній. Вновь поступилъ онъ на службу въ 1843 г. въ чинѣ генералъ - маіора, а въ 1849 г. назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для опредѣленія средствъ къ содержанію оружейниковъ Тульскаго, Сестрорѣцкаго и Ижевскаго оружейныхъ заводовъ. Въ 1853 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1855 г. назначенъ членомъ военнаго совѣта.

Ежегодникъ руск. арміи 1869 г. стр. 285. — «Русск. Старина», LXV. — «Русскій Архивъ», 1898, I. *Е. В.*

Бутурлинъ, *Романъ Димитріевичъ*, воевода, ум. въ 1581 г. Въ 1569 г. онъ былъ отправленъ отъ царя къ Изборску съ золотыми для воеводъ за взятіе этого города; въ 1571 г. участвовалъ рындою въ царскомъ походѣ къ Окѣ для отраженія крымскихъ татаръ, а въ 1573 г.—въ походѣ на Лифляндію и въ Пайдѣ былъ оставленъ воеводой; весной 1574 г. онъ былъ воеводой въ Новосилѣ, гдѣ оставался и въ 1575 г. Въ 1576 г. Бутурлинъ былъ головой въ Калугѣ, въ войскахъ боярина Шереметева, осенью того же года былъ назначенъ воеводой въ Болховъ, откуда 1 апрѣля 1577 г. переведенъ въ Орелъ; въ 1578 г. онъ былъ снова воеводой въ Болховѣ, въ 1579 г. участвовалъ въ походѣ на Лифляндію, а по возвращеніи оттуда, посланъ противъ поляковъ къ Полоцку и Ругодиву. Въ 1580 г. онъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Порховѣ. Въ 1581 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ войскахъ, находившихся въ Можайскѣ,

оттуда былъ посланъ на Литву, опустошалъ окрестности Дубровны, Орши и Кеси, но подъ Шкловомъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и былъ убитъ въ схваткѣ съ поляками, сдѣлавшими вылазку изъ города.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 167—169. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Русск. Истор. Сборн., II, 97, 180, 188.—Спбирскій сборникъ, 29. 38, 44—46. 48. 53, 57, 70—73, 75.
Е. Л.

Бутурлинъ, *Сергѣй Петровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта, ум. 1 апрѣля 1873 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, гдѣ въ 1822 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Съ началомъ Турецкой войны 1828—1829 гг., Бутурлинъ, состоя адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ, принималъ участіе въ боевыхъ дѣлахъ, а по окончаніи кампаніи вышелъ по болѣзни въ отставку. Въ 1831 г. онъ снова вступилъ въ ряды арміи, съ назначеніемъ адъютантомъ къ главнокомандующему графу Паскевичу-Эриванскому и получилъ за отличіе при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій орденъ св. Анны 2-й степ. Въ 1835 г. Бутурлинъ произведенъ въ полковники; въ 1843 г. назначенъ помощникомъ начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ переводомъ въ генеральный штабъ. Разстроивъ здоровье въ періодъ тяжелой экспедиціи 1844 г. въ Чечнѣ и Дагестанѣ, Бутурлинъ вынужденъ былъ вторично оставить службу и вступилъ въ нее снова лишь въ 1848 г., съ объявленіемъ венгерской войны. Здѣсь, будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора, онъ выполнялъ многія порученія главнокомандующаго, оказавъ, между прочимъ, значительную услугу при капитуляціи гарнизона крѣпости Арада; по окончаніи войны онъ былъ назначенъ членомъ ликвидаціонной комиссіи въ разсчетныхъ операціяхъ съ Австріею. Съ началомъ Крымской войны, въ 1853 г. онъ состоялъ начальникомъ штаба войскъ, собранныхъ въ придунайскихъ княжествахъ, а впослѣдствіи, по образованіи арміи, исправлялъ при ней обязанности генералъ-квартирмейстера, получивъ, между прочимъ, за отличіе чинъ генералъ-лейтенанта и золотое съ бриллiантами оружіе. Въ 1859 г. онъ былъ зачисленъ въ запасныя войска, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа и прозведенъ въ чинъ генерала отъ инфантеріи; въ 1872 г. Бутурлинъ былъ опредѣленъ членомъ въ военный совѣтъ. Высшимъ знакомъ отличія Бутурлинъ имѣлъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго.

«Рус. Инвал.», 1873 г., № 75.—«Иллюстр. Газета», 1873 г., № 15. *Д. С.*

Бутурлинъ, *Тимофей Өедоровичъ*, по прозванію Вороненокъ, окольничій и воевода, ум. въ 1651 г., въ Астрахани. Въ 1626 г. онъ, въ званіи стольника, участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Михаила Өедоровича съ Стрѣшневой. Въ 1639 г. былъ воеводой въ Яблоновѣ, 1640 и 1641 гг. провелъ въ Москвѣ, въ 1642 г. былъ воеводой въ Мценскѣ, 2 февраля 1647 г. назначенъ на воеводство въ Бѣлгородъ, гдѣ отражалъ нападеніе нагайцевъ и крымцевъ; 26 декабря 1648 г. отозванъ отсюда въ Москву; 1 апрѣля 1649 г., въ именины царицы, Бутурлинъ былъ пожалованъ въ окольничіе и до 1650 г. оставался при дворѣ. Въ іюнѣ 1650 г. онъ, вмѣстѣ съ княземъ М. П. Пронскимъ, былъ назначенъ на воеводство въ Астрахань, гдѣ началъ укрѣплять границы по Яику, заботился о поддержкѣ и развитіи шелководства въ краѣ, о поддержаніи добрыхъ сношеній съ калмыками, о развитіи рыбной ловли, но въ слѣдующемъ году умеръ.

Спиридовъ. Записки и пр., VII, 193. — Акты Истор.—Собраніе Государств. Грамотъ и Договор., Ш, 284. — Русск. Истор. Библ., IX, X, XVIII. — Дворцовые разряды, I, 776; II, 614, 681; III, 59. 91, 117, 123, 268. — Акты Московск. Госуд., II, 11, 180. 191, 198—201, 204—206, 208, 218, 232, 234, 239, 240. *Е. Л.*

Бутурлинъ, *Өедоръ Васильевичъ*, окольничій и воевода. Въ 1608 г. участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Василія Шуйскаго съ княжной Буйносовой; въ 1617 г. былъ въ походѣ противъ поляковъ, присланъ былъ отъ воеводъ съ увѣдомленіемъ объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ и въ награду за доброе извѣстіе получилъ серебряный ковшъ, сорокъ соболей и кармазинную камку. Въ 1627 г. Бутурлинъ назначенъ воеводой въ Ливны, гдѣ въ 1628 г. отражалъ крымскихъ татаръ, пославъ ратныхъ людей, которые рубили непріятеля «на рѣчкѣ на Өошнѣ, межъ Ливенъ и Курска» и прогнали его изъ московскихъ предѣловъ. За это Бутурлину пожалованы: кубокъ, соболья шуба въ 76 рублей и придача къ окладу. Въ 1628 г., во время войны съ Польшей, Бутурлинъ былъ посланъ изъ Сѣверской земли, гдѣ онъ тогда находился,

подъ Смоленскъ, на помощь боярину Шеину; въ 1637 г. былъ онъ воеводой въ Торопцѣ, въ 1638 г. ему было поручено осматривать засѣки на южной границѣ Московскаго государства и описывать Оку отъ Серпухова до Рязани, послѣ чего онъ былъ воеводой сперва въ Крапивнѣ, а потомъ въ Одоевѣ. 24 марта 1639 г. онъ посланъ вторымъ воеводой въ Казань, а 10 января 1642 г. поѣхалъ воеводой въ Мценскъ. Въ 1643—1646 гг. Бутурлинъ былъ вторымъ судьей въ приказѣ новой чети, а 1 марта 1646 г. посланъ воеводой въ Веневъ, гдѣ пробылъ до 5 октября. Въ 1648 г. онъ участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича съ Милославской, 8 сентября 1649 г. пожалованъ въ окольничіе, въ 1650 г. посланъ на воеводство на Двину и пробылъ тамъ по 1652 г. Въ 1653 г. онъ былъ воеводой въ Яблоновѣ, въ 1654 г. — въ Путивлѣ. 30 ноября 1654 г. Бутурлинъ, вмѣстѣ съ Б. В. Шереметевымъ, былъ поставленъ во главѣ войска, находившагося у Бѣлой Церкви, и здѣсь, вмѣстѣ въ войсками гетмана Хмельницкаго, отбивался отъ соединенныхъ войскъ поляковъ и крымскихъ татаръ. 16 марта 1655 г. онъ отозванъ въ Москву и 29 апрѣля получилъ въ награду за свою службу атласную шубу, кубокъ, придачу къ окладу. На время похода царя противъ шведовъ онъ былъ оставленъ третьимъ «Москву вѣдать». 19 апрѣля 1657 г. онъ былъ посланъ въ Чигиринъ къ Богдану Хмельницкому съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ: побудить гетмана прекратить переговоры съ шведскимъ, венгерскимъ, молдавскимъ и волошскимъ государями, начатые Хмельницкимъ изъ боязни, что царь вернетъ Малороссію полякамъ, уладить неудовольствія, возникшія между гетманомъ и московскимъ правительствомъ изъ-за несогласныхъ дѣйствій во время послѣдней войны съ Польшей, и выполнить нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ порученій. Бутурлинъ засталъ Хмельницкаго уже на смертномъ одрѣ, однако успѣлъ успокоить его относительно намѣреній царя Алексѣя, узналъ положеніе дѣлъ въ Малоросіи и въ августѣ былъ уже въ Москвѣ. 19 августа того же года Бутурлинъ былъ посланъ на воеводство въ Казань, пробылъ тамъ 1658 и 1659 гг., а въ іюнѣ 1660 г. былъ назначенъ воеводой въ Веневъ, откуда 17 января 1661 г. отпущенъ въ Москву, гдѣ пробылъ на почетной придворной службѣ до 14 мая 1662 г., когда былъ отправленъ на воеводство въ Путивль, гдѣ и упоминается до началала 1665 г.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 182—185. — Акты Истор.— Дополненія къ Актамъ Историч. — Русская Истор. Библ., IX, X, XI. — Соловьевъ. И. Р. — Дворцовые разряды, I, 394, 395, 438, 1031; II, 331, 560, 568, 609, 638, 673, 679; III, 12, 29. 81, 134—135, 352, 461; Дополн. къ т. III, 17, 27, 29, 30, 31, 36, 41, 93, 106, 216, 232, 250, 252, 260, 291, 328, 335. — Акты Московскаго Госуд., I, 208, 491, 507; II. 60, 64, 68, 77. 101, 298, 331, 332, 334—348, 352, 358, 359. 361—365, 368—370, 375, 402. 483, 566; III, 70, 71, 78, 184, 354, 510, 511.

Бутурлинъ, *Θедоръ Ивановичъ*, воевода царя Іоанна Грознаго. Въ 1551 г. онъ упоминается въ спискѣ московскихъ боярскихъ дѣтей, въ 1555 г. былъ намѣстникомъ въ Козельскѣ, въ 1556 г. былъ вторымъ воеводой въ Казани, откуда съ бояриномъ П. В. Морозовымъ ходилъ противъ черемисъ; въ 1558 г. находился однимъ изъ воеводъ въ Юрьевѣ; въ 1559 г., въ званіи головы, ходилъ, подъ начальствомъ князя Воротынскаго, противъ крымскихъ татаръ, въ 1560 г. былъ третьимъ осаднымъ воеводой въ Юрьевѣ Ливонскомъ; въ 1561 г. былъ посланъ навстрѣчу нагайскимъ посламъ для ихъ охраны на пути къ царю, въ 1562 г. былъ сперва воеводой въ Торопцѣ. а потомъ, подъ начальствомъ царя Симеона Бекбулатовича, ходилъ на Литву; въ 1563—1565 гг. сидѣлъ вторымъ воеводой въ Юрьевѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 148—149. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Собраніе Госуд. Грамотъ и Догов., I, 488, 490, 492, 496, 498, 501, 538. 541, 543, 544, 549, 550. — Разрядная книга. изд. Милюкова. 175, 177, 203, 231, 244, 253. — Симбирскій сборн., 8.

Бутурлинъ, *Θедоръ Леонтьевичъ*, по прозванію Воронъ, окольничій и воевода, ум. въ 1640 г. Въ 1603 г. онъ былъ воеводой въ Рязани, въ 1614 г. былъ вторымъ воеводой въ Псковѣ, гдѣ въ 1615 г., вмѣстѣ съ бояриномъ В. П. Морозовымъ, выдержалъ тяжелую четырехмѣсячную осаду отъ короля Густава Адольфа, старавшагося взять городъ приступомъ. Въ 1616 г. Бутурлину, по вѣстямъ о нагайскомъ нашествіи, была поручена защита Алексѣевской башни въ Москвѣ, въ 1617 г. онъ былъ воеводой въ Можайскѣ и здѣсь выдержалъ нападеніе польскаго королевича Владислава. Въ 1618 г. Бутурлинъ былъ первымъ воеводой во Владимірѣ, 1 іюня 1619 г. пожалованъ въ окольничіе и въ этомъ уже чинѣ встрѣчалъ въ Звенигородѣ отца царя,

Филарета Никитича, возвращавшагося изъ польскаго плѣна. Въ 1620 г. Бутурлинъ былъ назначенъ судьей въ челобитномъ приказѣ и до 1629 г. постоянно находился при царѣ, участвуя въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ, а въ 1625 г. ему было поручено составить опись дѣламъ посольскаго приказа. Въ 1629 г. Бутурлинъ былъ посланъ въ Волуйки для размѣна послами съ крымцами, въ 1630 г. назначенъ первымъ воеводой въ Казань, въ 1633 г. находился снова въ Москвѣ и былъ приставленъ съ дьякомъ и пятью дворянами къ строенію острога отъ Тверской улицы до Яузы; послѣ этого Бутурлинъ до самой смерти пробылъ въ Москвѣ, при дворѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 174—176. — Соловьевъ, И. Р.—Дополненія къ Актамъ Истор.— Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, 184, 254, 283. — Акты Московск. Госуд., I, 101, 102. 104, 109. 110, 127, 143, 176, 247.—Русск. Истор. Библ., X. — Книги разрядныя.— Дворцовые разряды, I, 183, 208—210; 345, 392, 394, 400, 406, 407, 431, 434, 438, 440, 441, 472, 571, 580, 658, 689, 760, 994, 1010; II, 109, 338, 353, 361, 365, 368. *Е. Л.*

Бутурлинъ, *Ѳедоръ Матвѣевичъ*, стольникъ и воевода. Въ 1617 г. онъ, въ чинѣ стольника, былъ рындой при пріемѣ пословъ сибирскаго царя Алтаная, въ томъ же году назначенъ вторымъ судьей въ разбойный приказъ, а затѣмъ посланъ, подъ начальствомъ боярина князя Б. М. Лыкова, противъ королевича Владислава. Въ 1618 г. Бутурлинъ назначенъ на воеводство въ Владиміръ, откуда въ 1619 г. отпущенъ въ Москву; въ 1624 г. былъ воеводой большого полку въ Рязани, въ украинномъ разрядѣ, въ 1625—1626 гг. находился въ Москвѣ, въ 1628 г. былъ первымъ воеводой въ Брянскѣ, гдѣ строилъ новый острогъ и переводилъ въ него ратныхъ людей и запасы, въ 1630 г. отозванъ изъ Брянска и въ 1631 г. былъ уже воеводой въ Казани. Изъ Казани Бутурлинъ былъ отозванъ въ Москву въ 1633 г. и посланъ въ Сѣверскую землю, сбираться тамъ съ ратными людьми и идти на помощь стѣсненному поляками Путивлю. Въ сентябрѣ того же года изъ подъ Путивля Бутурлинъ былъ отправленъ къ Смоленску на помощь боярину Шеину.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 178—179. — Акты Археогр. Экспедиціи. · Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, 284.—Акты Московск. Государства, I, 141, 263. — Книги разрядныя. — Дворцовые разряды, I, 776, 1031; II, 232, 274, 304, 322, 325.

Бутурлинъ, *Ѳедоръ Никитичъ*, бояринъ и воевода, ум. въ 1520 г. въ Торопцѣ. Въ 1506 г. онъ воеводой правой руки опустошалъ окрестности Мстиславля, въ 1512 г. отражалъ нашествіе татаръ, ворвавшихся въ русскіе предѣлы подъ начальствомъ сыновей крымскаго хана Менгли-Гирея, и преслѣдовалъ ихъ отъ рѣки Осетра до Тихой Сосны; въ 1513 г. участвовалъ въ первомъ походѣ Василія III на Смоленскъ и, подъ начальствомъ князя И. М. Оболенскаго, сражался подъ Смоленскомъ съ литовскимъ воеводой Сологубомъ. Въ томъ же году Бутурлинъ пожалованъ въ бояре, а въ 1514 г. снова сражался подъ Смоленскомъ. Въ 1516 г. онъ стоялъ съ великокняжескими войсками на Вошанѣ, въ 1517, 1518 и 1519 гг. находился на Окѣ, для отраженія крымскихъ татаръ, причемъ въ 1517 г. выгонялъ татаръ изъ окрестностей Тулы. Въ 1519 г. онъ сперва былъ воеводой въ Торопцѣ, а потомъ участвовалъ въ походѣ на Литву подъ Полоцкъ. Въ 1520 г. Бутурлинъ былъ снова вторымъ воеводой въ Торопцѣ.

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 140—141. — Карамзинъ, И. Г. Р.—Русск. Историч. Сборникъ, II, 12, 111, 114. — Разрядная книга, изд. Милюкова, 48, 52, 53, 61—63, 65, 69.

Бутурлинъ, *Ѳома Афанасьевичъ*, окольничій и воевода, ум. въ 1602 г. Въ 1577 г. онъ участвовалъ, въ званіи головы, въ походѣ Іоанна Грознаго на Лифляндію и, посланный царемъ для завоеванія Зесвегена, захватилъ посадъ этой крѣпости, но самыхъ укрѣпленій взять не могъ и просилъ помощи у царя, который и явился подъ Зесвегенъ лично; въ 1578 г. Бутурлинъ былъ въ Литвѣ и осаждалъ Владимирецъ, въ 1579 г. снова участвовалъ въ ливонскомъ походѣ, въ 1580 г. былъ воеводой въ Зубцовѣ, въ 1581 г.—первымъ воеводой на Жуколѣ противъ поляковъ и въ этомъ же году упоминается въ чинѣ пріема папскаго посла Поссевина. Въ 1583 г. Бутурлинъ участвовалъ въ царскомъ походѣ къ Окѣ противъ крымцевъ, а потомъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Тулѣ. Въ 1584 г. Бутурлинъ былъ посланъ къ Каширѣ для охраны границъ отъ крымцевъ, 26 сентября этого года сдѣланъ воеводой въ Кимрѣ, въ іюлѣ 1585 г. былъ посланъ къ Дону для встрѣчи посланника султана Адзія Ибрагима и для охраны его отъ нападенія донскихъ казаковъ, а съ сентября этого же года былъ намѣстникомъ и вое-

водой въ Орлѣ. Въ 1588 г. Бутурлинъ былъ вторымъ воеводой большого полку въ Серпуховѣ для охраны отъ крымцевъ, въ 1590 г. участвовалъ въ шведскомъ походѣ, въ 1591 г. былъ сперва воеводой въ Алексинѣ, потомъ, во время нашествія крымскихъ татаръ, былъ воеводой при отраженіи ихъ отъ Москвы и за отличіе въ этомъ походѣ былъ награжденъ золотымъ и шубой. Въ 1592 г. Бутурлинъ былъ воеводой въ Серпуховѣ, въ 1593 г.—первымъ воеводой въ Царицынѣ, потомъ, до 1598 г., былъ въ Москвѣ, при дворѣ царя Ѳедора Іоанновича, а послѣ его смерти участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова и подписался подъ избирательной грамотой. Вмѣстѣ съ новымъ царемъ Бутурлинъ ходилъ къ Серпухову противъ крымскихъ татаръ и 5 сентября 1598 г. пожалованъ въ окольничіе. — Ѳ. А. Бутурлинъ былъ человѣкомъ образованнымъ для того времени. Въ 1588 г. для него переводилась съ польскаго языка книга: «О травахъ; о лейкахъ и водкахъ; о рыбахъ въ морѣ и въ рѣкахъ; о драгоцѣнныхъ каменьяхъ; о филосовскомъ ученіи; о кровопусканіи; объ искусствѣ аптекарскомъ».

Спиридовъ, Записки и пр., VII, 160—162. — Карамзинъ, И. Г. Р. — Акты Археогр. Экспедиціи.—Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, I, 567, 576, 580. — Русская Истор. Библ., II. — Сборн. Русск. Истор. Общ., XXVIII, 83. — «Русская Старина», LXXXI, май.—«Русскій Архивъ», 1897, I. — Симбирскій Сборникъ. 60, 74, 80, 84, 85, 99, 105, 112, 132, 134. — Лихачевъ, Разрядн. дьяки XVI вѣка.

Е. Л.

Бутурлины, русскій графскій и дворянскій родъ, происходитъ, по родословнымъ, отъ «мужа честна», именемъ Ратши, выѣхавшаго «изъ нѣмецъ» въ Россію при великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ. Одинъ изъ его потомковъ, *Иванъ Андреевичъ*, прозывался Бутурля, и отъ него пошли Бутурлины. При первыхъ великихъ князьяхъ московскихъ мы почти не имѣемъ упоминаній у Бутурлиныхъ. Только при великомъ князѣ Василіи Темномъ упоминается бояринъ *Григорій Ивановичъ* Бутурлинъ, постригшійся впослѣдствіи въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ подъ именемъ Геннадія. Значеніе Бутурлины пріобрѣтаютъ лишь въ княженіе великаго князя Василія Ивановича, когда нѣсколько Бутурлиныхъ были боярами и воеводами и участвовали почти во всѣхъ походахъ великаго князя. При Іоаннѣ Грозномъ и Ѳедорѣ Іоанновичѣ они также играли видную роль, въ Смутное время были противниками поляковъ и наибольшаго вліянія достигли въ царствованіе трехъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, когда занимали высокія придворныя и военныя должности и многіе достигли боярства. При Петрѣ Великомъ Бутурлины явились приверженцами реформы и были на виду всю первую половину XVIII столѣтія. Въ 1760 г. *Александръ Борисовичъ* Бутурлинъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Графы Бутурлины, въ лицѣ сына графа Александра Борисовича, графа *Петра Александровича*, породнились съ Воронцовыми, затѣмъ сблизились съ Браницкими, Потоцкими и другими польскими фамиліями, а дѣти графа *Димитрія Петровича*, переселившагося въ Италію, всѣ, кромѣ графа *Михаила Дмитріевича*, перешли въ католичество и остались въ Италіи.

Россійская Родословная Книга.—«Русскій Архивъ», 1897, 1899, 1901. — Словарь Брокгауза-Эфрона.

Бутырскій, *Иванъ Петровичъ*, педагогъ, писатель. Сынъ опочецкаго протоіерея, Бутырскій первоначальное образованіе получилъ въ псковской духовной семинаріи, въ которой и окончилъ курсъ по первому разряду. Затѣмъ Бутырскій поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, изъ которой, однако, былъ уволенъ въ 1827 г. вслѣдствіе болѣзни. Въ томъ же году Бутырскій былъ назначенъ на должность преподавателя греческаго языка, географіи и пространнаго катихизиса въ великолуцкое духовное училище, въ старшее отдѣленіе. Въ 1830 г. Бутырскій служилъ инспекторомъ великолуцкихъ духовныхъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ. Въ 1839 г. онъ былъ переведенъ въ Опочку, преподавателемъ русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ, а черезъ три года вышелъ по болѣзни въ отставку. Литературная дѣятельность Бутырскаго выражалась, главнымъ образомъ, въ участіи въ неофиціальномъ отдѣлѣ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ онъ сотрудничалъ въ 1839—1850 гг. Обладая обширными и разносторонними познаніями, Бутырскій помѣщалъ здѣсь статьи самаго разнообразнаго характера: по исторіи, по археологіи, по этнографіи, по математикѣ, по народной медицинѣ, также мелкія статьи, касавшіяся мѣстной общественной жизни. Болѣе крупныя работы Бутырскаго: 1) «О рѣкахъ и

озерахъ Псковской губерніи» и 2) «Историческое и географическое описаніе г. Опочки съ уѣздомъ» (Псковъ, 1879 г., изданіе Н. И. Кукολькина). Незадолго до смерти Бутырскимъ были представлены въ редакцію «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», для препровожденія въ Имп. Русское Географическое Общество, собранныя имъ тридцать загадокъ, старинная сказка-сатира и 665 пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и т д.

Вл. Буцевичъ, «И. П. Бутырскій», въ «Псковскихъ Губ. Вѣд.», 1876, № 8.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III. — К. Е. Евлентьевъ, Хронологическій указатель статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ неофиціальной части «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Псковъ. 1870 (здѣсь, между прочимъ, подробныя указанія относительно многихъ статей Бутырскаго). — С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I. — «Русская Старина» 1881, № 1, обертка (рецензія В. С. Иконникова на «Историческое описаніе г. Опочки съ уѣздомъ».
В. Г.

Бутырскій, *Никита Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, род. въ 1783 г., ум. 26 іюня 1848 г. Происходя изъ духовнаго званія, онъ получилъ образованіе въ коломенской и тульской духовныхъ семинаріяхъ и затѣмъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1808 г. онъ былъ отправленъ для приготовленія къ профессорскому званію за границу, гдѣ изучалъ словесныя науки и эстетику. Въ 1812 г., по возвращеніи изъ-за границы, Бутырскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ эстетики главнаго педагогическаго института, а въ 1819 г., при преобразованіи института въ университетъ, — экстраординарнымъ профессоромъ поэзіи; въ 1821 г., когда выбыли изъ университета лучшіе профессора, Бутырскій преподавалъ политическую экономію и науку о финансахъ, читая лекціи по Адаму Смиту и Сею. Въ 1826 г. онъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора, а 31 декабря 1835 г. оставилъ университетъ, но продолжалъ преподавать россійскую словесность въ институтѣ корпуса путей сообщенія и въ военной академіи. — Бутырскій перевелъ: 1) «Курсъ философіи», Л. Якоба (С.-Пб., 1812 г.); 2) «Исторію 30-тилѣтней войны», Шиллера (4 ч., С.-Пб., 1815 г.); 3) «Рѣчь о дѣйствіи просвѣщенія на состояніе народовъ», произнесенную на французскомъ языкѣ въ торжественномъ собраніи петербургскаго университета Де-Гуромъ (С.-Пб., 1826 г.), и 4) издалъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «И моя доля въ сонетахъ» (2 ч.. С.-Пб., 1837 г.). Кромѣ того онъ напечаталъ нѣсколько литературно-критическихъ разборовъ.

В. Григорьевъ, С.-Петербургскій Университетъ, стр. 21, 39 и сл.— Мѣсяцесловъ на 1849 г., стр. 176.—«Русск. Архивъ». 1882 г., вып. 6.—«Русск. Стар.», 1875 г., т. XII.—«Вѣстн. Европы», 1826 г., ч. 148, № 15, стр. 188.—Словари: Андреевскаго, Березина, Геннади, Клюшникова, Дополн. къ словарю Толля, вып. I.

Бухаревъ, *Александръ Матвѣевичъ* (въ монашествѣ *Өеодоръ*), духовный писатель, род. въ тверской епархіи въ 1824 г. ум. въ Переяславлѣ 2 апрѣля 1871 г. Сначала Бухаревъ обучался въ тверской семинаріи, еще при поступленіи въ которую обратилъ на себя вниманіе своею даровитостью, а затѣмъ въ московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1846 г. Во время обученія въ академіи, побуждаемый, главнымъ образомъ, своею болѣзненностью и сосредоточенностью, онъ принялъ монашество съ именемъ Өеодора. По окончаніи академическаго курса, Бухаревъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ священнаго писанія. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе митрополита Филарета. Его лекціи увлекали студентовъ. Онѣ отличались глубиною и новизною содержанія; знакомя слушателей съ содержаніемъ какой-нибудь священной книги, Бухаревъ старался въ то же время выяснить сущность взглядовъ священнаго писателя и индивидуальныя особенности каждаго изъ нихъ. Эти характерныя черты его преподаванія можно видѣть изъ составленной по его лекціямъ книги «Нѣсколько статей объ апостолѣ Павлѣ» (Спб., 1861), изображающей вліяніе апостола Павла на отрѣшеніе христіанства отъ ветхозавѣтной обрядности и его проповѣдь, научающую устроять жизнь по духу Христова ученія. При томъ Бухаревъ излагалъ лекціи съ горячимъ воодушевленіемъ, еще болѣе усиливавшимъ ихъ вліяніе на слушателей. Когда «Переписка съ друзьями» вызвала противъ Гоголя градъ нападокъ и поставила его въ нравственно-тяжелое положеніе, однимъ изъ очень немногихъ, рѣшившихся придти на помощь Гоголю, былъ Бухаревъ. Онъ хотѣлъ напечатать «Три письма къ Н. В. Гоголю, писанныя въ 1848 г.» (вышли въ свѣтъ въ Спб., 1861) и представилъ

это сочиненіе въ рукописи митрополиту Филарету, но письма вызвали неудовольствіе митрополита, считавшаго такія занятія Бухарева несовмѣстимыми съ его званіемъ. Тогда Бухаревъ вступилъ въ переписку съ Гоголемъ, а впослѣдствіи и лично сблизился съ нимъ. Между тѣмъ у Бухарева возникли новыя недоразумѣнія съ начальствомъ изъ-за лекцій, въ которыхъ онъ съ теченіемъ времени вдался въ нѣкоторый мистицизмъ, и въ концѣ 1854 г., уже въ санѣ архимандрита, онъ былъ переведенъ въ казанскую духовную академію на каѳедру догматическаго богословія; здѣсь онъ былъ также и инспекторомъ академіи. Какъ и прежде, онъ увлекалъ слушателей; желая дѣйствовать лишь убѣжденіемъ, онъ не придавалъ значенія многимъ мелкимъ требованіямъ учебной дисциплины. Въ то же время, проникнутый горячей вѣрою, полный апостольской ревности и желанія привести другихъ ко Христу (самъ онъ «весь жилъ возвышенной идеей Единороднаго Сына Божія—Агнца, принявшаго въ существо Своего Я все человѣческое»), сдѣлался душою мѣстнаго проповѣдничества, сталъ вращаться съ проповѣдью въ свѣтскомъ кругу, такъ что завелись даже особые «вечера съ о. Ѳеодоромъ». Такое направленіе дѣятельности Бухарева, не свободной отъ нѣкотораго мистицизма, не встрѣтило сочувствія въ лицѣ высшаго духовнаго начальства. Вскорѣ Бухаревъ, при учрежденіи особаго комитета духовной цензуры, былъ назначенъ членомъ этого комитета и переведенъ въ Петербургъ. По своей должности Бухаревъ долженъ былъ, между прочимъ, цензировать «Домашнюю Бесѣду» Аскоченскаго. Возмущенный «мрачнымъ изувѣрствомъ», съ которымъ Аскоченскій нападалъ на все мірское, Бухаревъ сталъ измѣнять нѣкоторыя статьи «Домашней Бесѣды», за что вскорѣ получилъ выговоръ отъ своего непосредственнаго начальства. Послѣ этого онъ сталъ пропускать статьи безъ поправокъ или совсѣмъ запрещалъ ихъ, чѣмъ вызвалъ ожесточенную вражду Аскоченскаго. Протестъ, поданный послѣднимъ противъ Бухарева въ конференцію московской духовной академіи, былъ настолько неприличнымъ, что Бухареву была послана копія этого протеста для возбужденія дѣла объ оскорбленіи чести, къ чему, однако, Бухаревъ не прибѣгъ. Спустя два года послѣ этого, въ «Домашней Бесѣдѣ» были напечатаны критическія статьи по поводу сочиненія Бухарева: «О православіи въ отношеніи къ современности» (Спб., 1860; здѣсь Бухаревъ выразилъ свои взгляды по вопросу о примиреніи христіанства съ современной жизнью). «Домашняя Бесѣда» объявляла Бухарева еретикомъ и осыпала его бранью. Эти статьи проходили цензуру Бухарева, но онъ ихъ пропустилъ и въ то же время напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» отвѣтъ на нихъ, вполнѣ опредѣленно выражая свои взгляды на отношеніе христіанства къ современности; это однако не остановило преслѣдованій Аскоченскаго. Скоро въ «Домашней Бесѣдѣ» появилось, съ надлежащими комментаріями, извѣщеніе о томъ, что Бухаревъ печатаетъ свое толкованіе на Апокалипсисъ. Послѣ этого рукопись сочиненія Бухарева, по требованію начальства, была взята изъ типографіи и отдана для новаго просмотра, самъ же онъ въ 1862 г. былъ переведенъ въ число братіи Переяславльскаго Никитскаго монастыря (за нѣсколько лѣтъ до того времени Бухаревъ самъ просилъ объ этомъ переводѣ). Между тѣмъ дѣло о толкованіяхъ Бухарева на Апокалипсисъ продолжалось и закончилось совершеннымъ осужденіемъ этого сочиненія. Трудъ надъ Апокалипсисомъ Бухаревъ считалъ главною задачею своей жизни и занимался имъ съ молодости и до самой смерти; запрещеніе страшно на него повліяло и побудило лѣтомъ 1863 г. снять съ себя монашество; по собственнымъ словамъ Бухарева, онъ не хотѣлъ «фальшивить въ монашествѣ, когда внутренно всѣми силами протестовалъ противъ тѣхъ, кого долженъ былъ, по монашеству, слушаться»... Снятіе сана повлекло за собою для Бухарева лишеніе всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ академическимъ образованіемъ и службою. Вскорѣ послѣ этого онъ женился и восемь лѣтъ прожилъ отчасти въ Твери, отчасти въ Ростовѣ, а въ послѣднее время жизни—въ Переяславлѣ. Все это время онъ былъ, по большей части, въ бѣдственномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ къ существованію являлся для него незначительный гонораръ за сочиненія, надъ которыми онъ неустанно работалъ, а также весьма скромная поддержка друзей, не отшатнувшихся отъ него послѣ снятія сана. Въ числѣ лицъ, оказывавшихъ ему поддержку, былъ

и митрополитъ Филаретъ. Бухаревъ безуспѣшно старался добиться должности преподавателя въ юнкерскомъ училищѣ; одно время тверское общество хлопотало объ избраніи его въ мировые судьи, но также безуспѣшно. Истомленный трудами, лишеніями и болѣзнями, онъ умеръ въ сравнительно молодомъ возрастѣ. Въ одной изъ бумагъ Бухарева, уже послѣ его смерти, М. Погодинымъ были найдены написанныя рукою Бухарева слова: «Болѣзненный и ничего у себя не имѣющій, занятый дѣломъ Божіей истины и церкви, пошелъ я на семилѣтнюю эпитимію, лишеніе правъ, потерю прошедшей безпорочной службы, рѣшился на позоръ разстриженія, чтобы не оставаться въ противныхъ совѣсти отношеніяхъ безпрекословнаго повиновенія духовному начальству». Кромѣ уже упомянутыхъ сочиненій Бухарева, онъ, еще въ бытность свою баккалавромъ московской духовной академіи, напечаталъ нѣсколько статей въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ»; затѣмъ, съ именемъ архимандрита Ѳеодора, издалъ отдѣльно слѣдующіе свои труды: О картинѣ Иванова: «Явленіе Христа народу» (Спб., 1859), «О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа» (Спб., 1861), «Изъясненіе I главы Книги Бытія и о миротвореніи» (Спб., 1862), «Пріемы, знанія и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора «Домашней Бесѣды» В. Аскоченскаго» (Спб., 1862), «О миротвореніи» (Спб., 1864), «О принципахъ, или началахъ въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ» (Спб.); съ именемъ А. Бухарева онъ издалъ: «Изслѣдованія о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3-й книги Ездры» (Москва, 1864), «Св. Іовъ многострадальный» (М. 1864), «Св. пророкъ Даніилъ, пр. Іеремія, пр. Іезикіиль, пр. Ісаія» (М. 1864), «О подлинности и цѣлости священныхъ книгъ пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезикіиля и Даніила» (М. 1864), «Письмо о благодати св. таинствъ Церкви Православной Каѳолической» (М. 1864), «Печаль и радость по Слову Божію» (М. 1865), «О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской» (М. 1865), «О подлинности апостольскихъ посланій» (М. 1866), «Моя апологія по поводу критическихъ статей и отзывовъ о книгѣ: «О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской» (М. 1866), «Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ» (М. 1866), «Воспоминаніе о священникѣ Петрѣ Таманецкомъ» (Ярославль, 1871). Кромѣ того, осталось ненапечатаннымъ большое сочиненіе Бухарева: «Іисусъ Христосъ въ Своемъ словѣ».

«Голосъ» 1871 г., № 121.—М. Погодинъ, «Воспоминаніе объ Александрѣ Матвѣевичѣ Бухаревѣ (архим. Ѳеодорѣ)» («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 84). — «Церковно-Общественный Вѣстникъ» 1874 г., № 43 (по поводу предыдущей статьи).— «Библіографическій указатель матеріаловъ по исторіи русской школы», № 9 (приложеніе къ журналу «Педаг. Сборникъ» 1900 г., № 11).— Г. Геннади, «Свѣдѣнія о писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1871 г.» («Рус. Арх.» 1873 г., № 8).—Некрологи: въ «Моск. Вѣд.» 1871 г., № 86 и «Иллюстр. Газетѣ» 1871 г., № 16.—П. Знаменскій, Богословская полемика 1860-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни, Казань, 1902.—«Русскій Календарь» Суворина на 1872 г.—В. Розановъ, «Интересный эпизодъ нашей умственной жизни» («Новое Время» 1902 г., 12 дек.).—П. Знаменскій, Печальное 25-лѣтіе.— Статья въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Ефрона.—С. А. Венгерова, Русскія книги, т. III, Спб., 1898.—П. Знаменскій, Исторія Казанской духовной академіи, ч. I, стр. 124—136, 142, 176—180; ч. III, стр. 200—208.—Колосовъ, Исторія Тверской духовной семинаріи, стр. 342—347 (см. «Прав. Обозрѣніе» 1890 г., янв.). — Смирновъ, Исторія Московской духовной академіи, стр. 138, 260 и сл. 395, 406, 463-465, 628—631. — «Бѣдственное положеніе бывшаго архимандрита Ѳеодора» («Петерб. Газета» 1874 г., № 48). — «Рус. Вѣдом.», 1897 г., № 85.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I.—Календарь Гатцука на 1872 г.—Энциклопедическ. словари: Березина и Толля (необход. добавл.).

В. Г.

Бухаринъ, *Иванъ Яковлевичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, род. въ 1772 г., ум. 6 октября 1858 г. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, по преданію выѣхавшаго въ XV вѣкѣ изъ Швеціи. На двѣнадцатомъ году Бухаринъ былъ пожалованъ въ сержанты преображенскаго полка. Въ январѣ 1791 г. онъ перешелъ капитаномъ въ армію, но дѣдъ его, адмиралъ Пущинъ, взялъ его къ себѣ флигель-адъютантомъ, затѣмъ генеральсъ-адъютантомъ и открылъ ему доступъ ко двору Екатерины. Въ 1797 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, Бухаринъ окончательно перешелъ во флотъ. Онъ принималъ участіе въ кампаніяхъ на фрегатѣ «Слава» и кораблѣ «Не тронь меня». Въ 1801 г., въ чинѣ капитана 1-го ранга, Бухаринъ вышелъ въ отставку, но при образованіи министерствъ (8 сентября 1802 г.), когда сразу потребовалось много людей со служебной опытностью, онъ обратился къ министру графу Васильеву съ просьбой на-

значить его на службу по министерству финансовъ. Гр. Васильевъ принялъ прошеніе Бухарина и предложилъ ему для пріобрѣтенія нужныхъ знаній и опыта отправиться на службу въ провинцію. Два года онъ числился въ канцеляріи министра коммерціи гр. Н. П. Румянцева, а въ 1804 г. отправленъ въ Астрахань совѣтникомъ казенной палаты; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ кавказской губерніи, въ 1806 г. переведенъ на такую же должность въ Выборгъ, а въ 1808 г. занялъ постъ финляндскаго губернатора. Въ 1811 г. Бухаринъ былъ назначенъ рязанскимъ губернаторомъ и, благодаря близости его губерніи къ московской, имѣлъ случай проявить свою энергію и умъ въ борьбѣ съ нашествіемъ Наполеона; но именно эта дѣятельность создала ему много враговъ, по наговорамъ которыхъ онъ въ 1814 г. былъ уволенъ отъ должности и 4 года находился не у дѣлъ. Въ 1818 г. Бухаринъ подалъ Императору оправдательную записку относительно своихъ дѣйствій въ Рязани; рѣзкость и убѣдительность доводовъ ея поразили Александра I. и онъ рѣшилъ, что человѣкъ съ нечистой совѣстью не можетъ такъ писать. Въ началѣ 1819 г. Бухаринъ, награжденный орденомъ св. Анны 1-й ст., былъ назначенъ губернаторомъ астраханскимъ, въ 1820 г.—переведенъ въ Кіевъ, въ 1822 г. по болѣзни вышелъ въ отставку и поселился въ своей харьковской деревнѣ. Послѣ пятилѣтняго отдыха, въ 1827 г. Бухаринъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Въ іюнѣ 1828 г. вице-губернаторомъ въ Архангельскъ былъ посланъ поэтъ А. Е. Измайловъ, который зналъ Бухарина какъ человѣка весьма добросовѣстнаго, честнаго и дѣятельнаго. Дружба съ Измайловымъ повела къ удаленію Бухарина изъ Архангельска. Архангельскій генералъ-губернаторъ С. И. Миницкій злоупотреблялъ своей властью и преслѣдовалъ Измайлова, круто обошедшагося съ однимъ его фаворитомъ. Измайловъ рѣшилъ написать министру о злоупотребленіяхъ Миницкаго. Бухаринъ ему вполнѣ сочувствовалъ, но сначала отговаривалъ дѣлать рѣшительный шагъ противъ генералъ-губернатора, затѣмъ, убѣдившись въ невозможности поступить иначе, въ свою очередь послалъ въ Петербургъ донесеніе. Миницкій, узнавъ это, отправился въ Петербургъ и сумѣлъ выставить свое дѣло въ такомъ видѣ, что Бухаринъ былъ лишенъ должности (1829 г.) и причисленъ къ герольдіи. Въ 1830 г. дѣло Миницкаго было разобрано, и генералъ-губернаторъ былъ уволенъ отъ службы «за предосудительные и противные пользамъ службы поступки». Бухаринъ же въ 1830 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника и былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву. Въ декабрѣ 1832 г. онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Москвѣ. М. Н. Лонгиновъ, хорошо знавшій Бухарина, разсказываетъ о необыкновенной популярности, которой онъ пользовался въ Москвѣ. И въ Англійскомъ клубѣ, и на улицѣ, и дома его окружало общество не только стариковъ и пожилыхъ, но и молодыхъ людей, для которыхъ онъ былъ интересенъ, какъ живой отголосокъ екатерининскихъ временъ. Онъ изъѣздилъ Россію за свою долгую службу вдоль и поперекъ, умѣлъ наблюдать и дѣлиться своими наблюденіями въ рѣчи живой и красивой. Почти до самой смерти Бухаринъ жилъ напряженной умственной дѣятельностью, интересами не только прошлаго, но и настоящаго; онъ слѣдилъ, сколько могъ, за наукой, литературой, искусствомъ, особенно за музыкой, которую любилъ настолько, что побѣждалъ ею страданія старческихъ болѣзней. «Печать изящества, говоритъ Лонгиновъ, наложена на его умъ и чувства какъ бы самой природой, которая одарила его такъ счастливо и внѣшностью, соотвѣтственною наклонностямъ души».

«Моск. Вѣд.», Литерат. Приложенія, 1858 г., № 122. Некрологъ.—«СПб. Вѣд.», 1858 г., № 238 (статья М. Н. Лонгинова).—«Рус. Стар.», 1900 г., іюль (А. Е. Измайловъ, Ив. Кубасова).—О родѣ Бухариныхъ: кн. Долгорукова, Р. Род. книга.—Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 5.

В. Ф.

Бухарскій, *Андрей Ивановичъ*, писатель, род. въ 1767 г. Бухарскій былъ литовскимъ почтъ-директоромъ и ум.—7 октября 1833 г. въ Вильнѣ, гдѣ и погребенъ. Изъ театральныхъ пьесъ Бухарскаго были напечатаны слѣдующія: «Неумышленныя ошибки», ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ франц. (СПб., 1781); «Недоконченная картина», ком. въ 1-мъ дѣйствіи (СПб., 1805); «Плата тою же монетою», ком. въ 1-мъ дѣйствіи (СПб., 1805; исполнена въ первый разъ въ маѣ 1795 г. въ Деревянномъ театрѣ; въ представленіяхъ

участвовала актриса Крутицкая, игравшая роль Мавры), и «Любовная ссора», ком. въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подражаніе Мольеру (СПб., 1806; поставлена въ первый разъ въ Каменномъ театрѣ въ 1800 г.). Изъ стихотвореній Бухарскаго значительная часть представляетъ оды на разные случаи общественной и государственной жизни. Отдѣльно были изданы слѣдующія оды. 1) «Ода Е. И. В. Государынѣ Екатеринѣ Второй. Ноября 24 дня 1788 г.», 2) Ода Е. И. В. Великой Государынѣ Екатеринѣ Второй, на заключеніе мира со Швеціею» (СПб., 1790), 3) «Ода на взятіе Бендеръ. Ноября 4 дня 1789 г.» (СПб., 1789), 4) «Ода Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, на взятіе Очакова» (СПб., 1790), 5) «Ода анакреонтическая на случай бракосочетанія Е. И. В. Вел. Князя Александра Павловича и Вел. Княжны Елизаветы Алексѣевны сентября 28 дня 1793 г.» (СПб., 1793), 6) «Ода на всерадостное восшествіе на престолъ Е. И. В. Великаго Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссійскаго, марта 12 дня 1801 г.» (СПб., 1801) и 7) «Ода Его Свѣтлости Князю Г. А. Потемкину-Таврическому на прибытіе во градъ святаго Петра». Изъ другихъ стихотворныхъ произведеній Бухарскаго отдѣльно были напечатаны слѣдующія: 1) «Письмо къ женѣ отъ мужа, идущаго на приступъ къ городу Очакову: въ декабрѣ мѣсяцѣ 1788 г.» (СПб., 1790; черезъ два года это произведеніе вышло въ Петербургѣ же во французскомъ переводѣ Ѳедора Каржавина), 2) «Кора къ Алонзу, Ироида» (СПб., 1793), 3) «Ночь», поэма, подражаніе Геснеру (СПб., 1794) и 4) «Стихи Ѳедору Васильевичу господину Каржавину» (СПб., 1806). Мелкія стихотворенія Бухарскаго печатались въ «Зрителѣ» 1792 г., въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи» 1793 г. и С.-Петербургскомъ Журналѣ» 1798 г.

Словари: Митр. Евгенія, Геннади, Березина.— С. А. Венгеровъ, Русскія книги, томъ III.—«Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ», СПб., 1892, ч. I, стр. 193, ч, II, стр. 586, ч. III, стр. 160, 166.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I. — А. Н. Неустроевъ, Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому разысканію о нихъ. СПб., 1898.

Бухвостовъ, *Сергѣй Леонтьевичъ*, маіоръ артиллеріи, «первый русскій солдатъ», род. въ 1642 г., ум. 30 ноября 1728 г. Въ 1674 г. онъ былъ зачисленъ стряпчимъ конюхомъ на мѣсто умершаго въ томъ же году отца, въ 1682 г. взятъ къ царю Петру для «потѣхъ» и въ 1683 г. «самоохотно» явился первымъ въ потѣшный, впослѣдствіи преображенскій, полкъ. 30 ноября 1683 г., когда Бухвостовъ былъ зачисленъ въ потѣшные, принималось за дату, съ которой считалось начало гвардейскихъ полковъ, но Диринъ приводитъ грамоту 1686 года, въ которой Бухвостовъ называется «стряпчимъ конюхомъ», и доказываетъ, что онъ лишь «являлся» для потѣхъ и лишь 31 марта 1686 года Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ «въ верхъ, въ потѣшные пушкари». Какъ «потѣшный», Бухвостовъ ходилъ съ Петромъ въ походы троицкіе, переяславскіе, семеновскіе, кожуховскіе и т. п., въ 1695 г. былъ пожалованъ капраломъ въ бомбардирскую роту и съ нею выступилъ въ 1695 г. въ «дѣйствительный походъ» къ Азову, подъ которымъ стоялъ въ теченіи 1696 и 1697 гг. Съ 1700 до 1706 г. Бухвостовъ почти безпрерывно находился въ рядахъ арміи, дѣйствовавшей въ Сѣверную войну, и за заслуги былъ пожалованъ въ подпоручики. При осадѣ и взятіи Штетина Бухвостовъ былъ настолько искалѣченъ, что Петръ, никогда не оставлявшій перваго солдата безъ вниманія, перевелъ его, въ чинѣ маіора артиллеріи, въ с.-петербургскую гарнизонную артиллерію, въ которой онъ и служилъ до смерти. Еще при жизни Бухвостова, Петръ I приказалъ скульптору графу Растрелли вылить изъ бронзы статую перваго потѣшнаго. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ она хранилась въ кунсткамерѣ Академіи наукъ, но впослѣдствіи куда-то исчезла. До насъ дошло изображеніе Бухвостова въ копіяхъ съ гравюры М. И. Махаева, современника, почитателя и близкаго знакомаго Бухвостова. По его словамъ, Бухвостовъ былъ «росту средняго, силенъ, твердъ и весьма воздержанъ». Подъ портретомъ Бухвостова Махаевъ сдѣлалъ на французскомъ и русскомъ языкахъ надписи, дающія краткія, отрывочныя біографическія свѣдѣнія, невполнѣ достовѣрныя.

Словари: Бантыша-Каменскаго, Плюшара, Зедделера, Толля, Березина, Андреевскаго, Брокгауза и Ефрона, Больш. Энциклоп.—Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства СПб. 1885.—Его же, «Для немногихъ». Спеціальныя замѣтки по генеалогіи, геральдикѣ, археологіи и искуству.

СПб., 1873 г.—«Сказка о службѣ Сергѣя Бухвостова» («Сѣверн. Архивъ», 1827 г., ч. 26).—«Русскій Зритель», 1828 г., №№ 1—4.—«Воскресный Досугъ», 1865 г., № 118.—«Русскій Художественный Листокъ», 1851 г., № 22.—«Бомбардиры въ потѣшныхъ войскахъ Петра Великаго» («Воен. Сборникъ», 1860 г., кн. 1; ст. Рача). — «Потѣшные полки Петра Великаго» П. П. Дирина, въ «Рус. Арх.,» 1882 г., май.—«Петровская бригада. Полки лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій 1683—1883 г.» («Русск. Стар.» 1883 г., май).—Портреты Бухвостова: «Иллюстрація», 1861 г., томъ VIII, № 196; «Русск. Стар.,» 1885, № 5.

В. Ф.

Бухгеймъ, *Рудольфъ Фридриховичъ*, ординарный профессоръ дерптскаго университета, род. въ саксонскомъ г. Бауценѣ 1 марта (нов. ст.) 1820 г., ум. 25 декабря 1879 г. Онъ изучалъ медицину съ 1838 г. въ дрезденской медико-хиругической академіи, а съ 1841 г. въ лейпцигскомъ университетѣ, и преимущественно занимался физіологической химіей и ея примѣненіемъ къ фармакологіи. Съ 1845 по 1847 г. онъ состоялъ редакторомъ лейпцигскаго журнала „Pharmazeutisches Centralblatt"; въ 1847 г. принялъ приглашеніе занять каѳедру фармакологіи, діэтетики и исторіи медицины въ дерптскомъ университетѣ; въ 1867 г. перешелъ ординарнымъ профессоромъ въ гиссенскій университетъ и занималъ эту должность до самой смерти. Бухгеймъ напечаталъ: Beiträge zur Arzneimittellehre. Leipzig, 1849—53 (3-е изданіе 1876—78); Lehrbuch der Arzneimittellehre. Leipzig 1854—57 (3-е изд. 1878 г.). Представилъ нѣмецкую обработку англійскаго сочиненія Перейры, подъ заглавіемъ I. Pereiras Hanbduch der Heilmittellehre, 2 B. Leipzig, 1845—1848.

Allgem. Deutsche Biographie, томъ 3-й.—Meyers Conversations lexikon, 3-te Aufl.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Бухгольцъ, *Иванъ Димитріевичъ*, бригадиръ, годы его рожденія и смерти неизвѣстны. 22 мая 1714 г., по докладу сибирскаго губернатора князя Гагарина, Бухгольцъ, бывшій тогда подполковникомъ, получилъ Высочайшій указъ, которымъ ему предписывалось ѣхать въ Тобольскъ, собрать тамъ отрядъ и двинуться вверхъ по Иртышу къ Ямышъ-озеру, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться на зимовку, построить крѣпость, оставить въ ней гарнизонъ и итти оттуда дальше къ городу Еркету (Яркенду), строя по дорогѣ укрѣпленія и оставляя въ нихъ небольшие отряды; затѣмъ Бухгольцъ долженъ былъ овладѣть Еркетомъ и здѣсь «провѣдать подлинно, какимъ образомъ и въ которыхъ мѣстахъ на Дарьѣ-рѣкѣ тамошніе жители золото промышляли». Сверхъ того, на Бухгольца было возложено «провѣдать о устьѣ помянутой Дарьи-рѣки, куда оная устьемъ своимъ вошла».13 ноября 1714 г. Бухгольцъ былъ уже въ Тобольскѣ съ нѣсколькими офицерами и солдатами преображенскаго полка, данными ему въ помощь, и здѣсь немедленно же началъ составлять отрядъ, причемъ испыталъ большія затрудненія по содержанію солдатъ и долженъ былъ вступить въ сношенія съ калмыками, чтобы обезопасить себѣ отъ нихъ путь. 27 іюля 1715 г. отрядъ Бухгольца, состоявшій почти изъ 3000 человѣкъ, съ пушками и запасами, на 60 судахъ отправился вверхъ по Иртышу по направленію къ Ямышеву озеру, котораго и достигъ 1-го октября. Здѣсь Бухгольцъ приступилъ къ постройкѣ крѣпости, приставивъ къ этому дѣлу взятыхъ имъ изъ Тобольска плѣнныхъ шведовъ, «искусныхъ по инженерству, артиллеріи и которые въ минералахъ разумѣютъ». Сначала постройка подвигалась очень успѣшно, подъ руководствомъ шведскаго офицера Каландера, но въ февралѣ 1716 г. взволновались калмыки, которыхъ начала безпокоить постройка крѣпости въ ихъ владѣніяхъ, и раздражили нѣкоторыя насилія, чинимыя надъ ними солдатами Бухгольца. Калмыцкій тайша Черенъ-Дондукъ послалъ Бухгольцу требованіе удалиться, а когда послѣдній не послушался, то ночью 10 февраля напалъ на крѣпость съ 10-тысячнымъ войскомъ. Послѣ 12 часоваго боя приступъ былъ отбитъ, но калмыки не ушли, а начали правильную осаду крѣпости, не выпуская изъ нея никого и отрѣзавъ ее отъ подвоза запасовъ. Отрядъ въ 700 человѣкъ, шедшій на помощь Бухгольцу съ запасами и 20.000 рублей, былъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, захваченъ калмыками. Въ то-же время въ самой крѣпости открылись повальная сибирская язва и скорбутъ, которыя такъ свирѣпствовали въ гарнизонѣ, что ежедневно умирало 20—30 человѣкъ. Наконецъ, долѣе держаться оказалось невозможнымъ, и Бухгольцъ 28 апрѣля былъ вынужденъ, уже едва съ 700 человѣкъ, выйти изъ крѣпости, разрушить крѣпостныя укрѣпленія и итти обратно въ Тобольскъ. Не доходя Тобольска, у устья рѣки Оми онъ построилъ крѣпость Омскъ, оста-

вилъ здѣсь весь свой отрядъ подъ командой маіора Вельяминова-Зернова и 31-го декабря 1716 г. прибылъ въ Тобольскъ. Затѣмъ, по Высочайшему указу, Бухгольцъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій и пріѣхалъ сюда 2 сентября 1717 г. Въ январѣ 1719 г. онъ давалъ отчетъ въ своей экспедиціи Сенату, и въ томъ же году надъ нимъ было наряжено слѣдствіе. Лихаревъ, посланный въ этомъ году въ Сибирь для розыска о поведеніи князя Матвѣя Гагарина, получилъ между прочимъ наказъ: также разыскать о подполковникѣ Бухгольцѣ, какимъ образомъ у него Ямошевскую крѣпость контайшинцы взяли, также и о прочихъ его худыхъ поступкахъ. Въ Петербургѣ полагали, что Бухгольцъ причастенъ и къ дѣлу Гагарина. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это слѣдствіе, но, повидимому, Бухгольцъ былъ оправданъ, такъ какъ въ 1724 г. онъ снова былъ на службѣ въ Сибири, на китайской границѣ, уже въ чинѣ полковника, а въ 1726 г. онъ поѣхалъ въ Китай вмѣстѣ съ графомъ Иллирійскимъ Саввой Владиславичемъ, который и возложилъ на Бухгольца управленіе пограничными съ Китаемъ областями, съ правомъ производить перемѣны и реформы, какія онъ найдетъ нужнымъ. Бухгольцъ ревностно принялся за дѣло, началъ строить новую торговую слободу въ Цурухайтуѣ для торговыхъ сношеній съ китайскими купцами и поддерживалъ торговлю въ старомъ мѣстѣ, на Кяхтѣ, отражалъ нападенія пограничныхъ монголовъ, велъ самостоятельно переговоры о размежеваніи съ китайскимъ правительствомъ, успѣлъ заслужить расположеніе мѣстнаго начальства и былъ въ 1731 г. произведенъ въ бригадиры съ назначеніемъ комендантомъ въ Селенгинскъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, производилъ въ 1739 г., по предписанію Сената, слѣдствіе о поступкахъ бывшаго иркутскаго вице-губернатора Бибикова и якутскаго воеводы Заборовскаго. Въ должности селенгинскаго коменданта Бухгольцъ пробылъ до 1740 г., когда вновь назначенный сибирскій вице-губернаторъ Лангъ донесъ о немъ: «Бригадиръ и селенгинскій комендантъ Бухгольцъ, который, яко древенъ и въ ногахъ болѣзнь имѣетъ, того ради его, Бухгольца, оттуда возвратить, а туда здороваго человѣка его же характера послать». Высочайшимъ указомъ отъ 3 марта 1740 г. Бухгольцъ былъ уволенъ въ отставку.

Памятникъ Сибирской исторіи XVIII в.—Полное Собраніе Законовъ, VII, 209, 519, 725, 896, VIII, прил., XI, 29, 31.—Сенатскій Архивъ, II, 20, 21, 24, 28, VII, 680.—Барановъ, Опись именнымъ Высочайшимъ указамъ царствованія Петра Великаго (СПБ. 1872-75), т. I, №№ 361, 441, 616, т. II №№ 361, 441, 616, 4077, 7132, 7641, 7354, 7393.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ., XI, XXXIV, LVI, LXXVI.—Соловьевъ, Исторія Россіи.—Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго (2-е изд.) V, 234, 235, 568, VI, 86, VII, 116, 235, 236, 399, VIII, 334, IX, 493, 513, XI, 224, XIII, 354. — Андріевичъ, Исторія Сибири, II. — Макшеевъ, Историч. обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія на него русскихъ (СПБ. 1890), 63-65.—Щегловъ, Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири (Иркутскъ. 1883), 163-165.—Бантышъ-Каменскій, Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами (Казань. 1882), 108, 115, 122, 157, 164, 167, 168, 189, 215.—Поповъ, Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Вел. (СПБ. 1853).—Миллеръ, „Извѣстія о песочномъ золотѣ въ Бухаріи и о чинимыхъ для онаго отправленіяхъ и строеніе крѣпостей на р. Иртышѣ" („Ежемѣсячныя Сочиненія," 1760 г.).—Словари: Брокгауза, Леера, Военно-Энциклоп. Лексиконъ, Т-ва Просвѣщеніе, Плюшара, Березина.

Е. Лихачъ.

Бухмейеръ, *Александръ Ефимовичъ*, инженеръ генералъ-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта, род. 11 декабря 1802 г. на мызѣ Ропшѣ, ум. 6 мая 1860 г. Отецъ его, титулярный совѣтникъ Іоахимъ Бухмейеръ, бывшій капитанъ австрійской арміи, управлялъ въ Ропшѣ снятой имъ въ аренду бумажной фабрикой. По кончинѣ отца, родственники отвезли Бухмейера въ Петербургъ и опредѣлили въ лютеранское Петропавловское училище, по окончаніи курса въ которомъ онъ поступилъ на службу въ Кабинетъ Его Величества, но въ 1819 г. перешелъ на военную службу, юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Въ декабрѣ 1825 г. подпоручикъ Бухмейеръ удостоился Высочайшей признательности, въ числѣ прочихъ, за свой образъ дѣйствій 14 числа, а въ 1826 г., произведенный въ поручики, былъ прикомандированъ къ отдѣльному кавказскому корпусу. Персидская кампанія послужила началомъ его боевыхъ подвиговъ. Принявъ участіе въ битвѣ 5 іюля 1827 г. при Джаванъ-Булакѣ, кончившейся пораженіемъ арміи наслѣдника персидскаго престола Аббаса-Мирзы, Бухмейеръ вслѣдъ затѣмъ отличился, 17 іюля, при взятіи крѣпости Абасъ-Абада, 19-го при штурмѣ Сардаръ-Абада и 1 октября при покореніи Эривани. За оказанное въ этихъ дѣлахъ мужество онъ получилъ орденъ св. Анны 3 степ. съ бантомъ и золотую полусаблю и былъ посланъ Паскевичемъ къ Государю

съ донесеніемъ о взятіи Эривани, за что былъ пожалованъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ. Во время турецкой кампаніи 1828 г. Бухмейеръ находился подъ Варной, но вслѣдъ затѣмъ, по случаю постигшей его тяжкой болѣзни, отправленъ былъ моремъ въ Одессу, откуда, по выздоровленіи, возвратился вмѣстѣ съ батальономъ въ столицу. Польская кампанія 1831 г. доставила ему случай для новыхъ отличій. Устраивая въ раіонѣ военныхъ дѣйствій укрѣпленія и переправы черезъ рѣки, капитанъ Бухмейеръ сражался подъ Остроленкой, Пршетицами, Соколовомъ, Якацомъ, Рудками, Тыкочиномъ, на штурмѣ Варшавы 26 августа руководилъ работами у главнаго вала Вольскаго предмѣстья, а послѣ покоренія Варшавы участвовалъ въ преслѣдованіи поляковъ до прусской границы. Награжденный орденомъ св. Анны 2 степ. съ короной, знакомъ отличія за военное достоинство (Virtuti militari) и удостоенный троекратнаго Монаршаго благоволенія, Бухмейеръ на обратномъ походѣ въ Петербургъ временно командовалъ л.-гв. сапернымъ батальономъ, а въ 1832 г., произведенный въ полковники, назначенъ командиромъ 2-го резервнаго сапернаго батальона въ Кіевѣ. Затѣмъ онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и занималъ должности командира сначала 1-й, а потомъ 2-й саперной бригады, расположенныхъ въ Варшавѣ и Кіевѣ. Произведенный 6 декабря 1851 г. въ генералъ-лейтенанты, Бухмейеръ былъ назначенъ инспекторомъ саперныхъ баталіоновъ, а съ началомъ Крымской войны—начальникомъ инженеровъ южной арміи. Приведя въ оборонительное положеніе крѣпости Измаилъ и Килію, Бухмейеръ былъ главнымъ виновникомъ успѣшной переправы отряда генералъ-адъютанта Лидерса черезъ Дунай, за что и получилъ орденъ св. Владиміра 2 степ. съ мечами; за мужество и распорядительность при осадѣ Силистріи и въ происходившемъ затѣмъ, при отступленіи войскъ отъ этой крѣпости, артиллерійскомъ дѣлѣ, въ которомъ сражалась и дѣйствовавшая подъ его командой флотилія, Бухмейеръ награжденъ золотою съ бриллiантами шпагою. Заботясь объ устройствѣ переправъ, Бухмейеръ построилъ во время Дунайской кампаніи, между прочимъ, плавучій мостъ у Измаила, длиною въ 360 саженъ. Съ началомъ осады Севастополя, Бухмейеръ первый оцѣнилъ дарованія Тотлебена и рекомендовалъ его особому вниманію князя Горчакова. Будучи вообще сторонникомъ наступательныхъ дѣйствій, Бухмейеръ и на военномъ совѣтѣ 28 іюля 1855 г., относительно цѣлесообразности предполагавшейся атаки союзниковъ со стороны рѣки Черной, высказалъ мнѣніе о необходимости безотлагательно атаковать непріятельскую позицію на этой рѣкѣ двумя отрядами, не останавливаясь на ближайшихъ высотахъ, продолжать атаку на Сапунъ-гору, и въ то же время произвести одновременно сильную вылазку съ Корниловскаго бастіона до редута Викторія. Въ послѣдніе дни Севастопольской обороны Бухмейеръ совершилъ почти безпримѣрную въ военной исторіи работу—постройку черезъ Севастопольскую бухту громаднаго (въ 450 саженъ длины) бревенчатаго моста. Мысль объ этой постройкѣ, заявленая заблаговременно Бухмейеромъ главнокомандующему, казалась неисполнимой, но онъ приступилъ къ сооруженію 1 августа 1855 г., подъ градомъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ. Вся честь колосальнаго предпріятія принадлежитъ всецѣло ему, какъ въ отношеніи почина, такъ и въ отношеніи отличнаго и быстраго выполненія. Непріятельскій замыселъ захватить послѣ штурма 27 августа русскую армію въ плѣнъ или уничтожить ее оказался тщетнымъ: войска наши спаслись черезъ мостъ Бухмейера; переправа къ семи часамъ утра была окончена, пятьсотъ человѣкъ развели мостъ немедленно, и непріятель напрасно искалъ его на слѣдующій день. Мостъ Бухмейера, модель котораго хранится въ Петербургѣ, въ инженерномъ замкѣ, обошелся всего въ 48.810 р. За возведеніе моста Бухмейеръ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами и милостивыми словами Монарха: «Благодарю тебя: ты спасъ мою армію!» Съ окончаніемъ войны Бухмейеръ былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ 1-й арміи; затѣмъ, въ 1858 г. въ особой коммисіи производилъ повѣрку и составленіе отчетовъ по инженернымъ работамъ во время кампаніи въ раіонахъ бывшихъ южной и крымской армій, а съ 1859 г. по день кончины состоялъ членомъ военнаго совѣта. Честный, безкорыстный, всегда готовый для пользы отечества на всякія жертвы и опасности, отличаясь добродушіемъ, ровностью веселаго характера

и увлекательнымъ даромъ слова, Бухмейеръ пріобрѣлъ множество друзей, снискалъ уваженіе сослуживцевъ и не имѣлъ враговъ. Умеръ Бухмейеръ отъ апоплексическаго удара; погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

«Рус. Инв». 1860 г. № 3.—«Инжен. Журн.» 1857 г. стр. 81.—Эрироть, Описаніе Вост. войны 1853—1856 гг. СПб. 1872 г. стр. 488—489.—Дѣло бывш. Инспектор. Департ. Воен. Мин. 1860 г. (по 3 отдѣленію) № 333.—«Иллюстр. Газ.» 1869 г. № 11 стр. 164.—Н. И. Павлищевъ, Историч. Атласъ Россіи, ч. I. (лѣтопись). Вильна 1873 г., и письма къ нему-же покойнаго Бухмейера за 1850 и 1857 г.—Шильдеръ, Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, т. I стр. 451. СПб. 1885.

А. С.

Буцковскій, *Николай Андреевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, одинъ изъ дѣятелей судебной реформы, род. въ 1813 г., въ Петербургѣ, ум. 25 сентября 1873 г. Послѣ первоначальнаго домашняго образованія, Буцковскій въ 1828 г. опредѣлился на службу въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища. Въ 1831 г. онъ выдержалъ первый офицерскій экзаменъ, а въ 1833 г., окончивъ полный курсъ наукъ въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища, поступилъ на службу въ Петербургскую инженерную команду. Въ періодъ съ 1836 по 1839 г. онъ служилъ надзирателемъ въ гатчинскомъ воспитательномъ домѣ (впослѣдствіи сиротскій институтъ), а также преподавалъ въ этомъ заведеніи математику и бухгалтерію. Съ декабря 1839 г. Буцковскій перешелъ въ судебное вѣдомство, въ которомъ и оставался до самой смерти. Началъ онъ здѣсь службу канцелярскимъ чиновникомъ безъ жалованья. Лишенный спеціальнаго юридическаго образованія, онъ рѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ, дать себѣ теоретическую подготовку къ болѣе широкой дѣятельности на юридическомъ поприщѣ, и съ этою цѣлью усердно принялся за изученіе французской, а отчасти нѣмецкой и англійской юридической литературы. Въ теченіе девяти лѣтъ онъ достигъ должности начальника отдѣленія. Это постоянное общеніе съ наукою уберегло Буцковскаго отъ обычной канцелярской рутины. Въ 1849 г. Буцковскій перешелъ за оберъ-прокурорскій столъ одного изъ департаментовъ Сената и, пользуясь представившеюся ему возможностью, хорошо изучилъ уголовную практику. Съ 1851 по 1853 г. онъ занималъ должность вице-директора департамента министерства юстиціи. Въ 1853 г. онъ былъ переведенъ въ Москву, на должность оберъ-прокурора, сначала 6-го и 7-го департаментовъ, а позже—общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената. Съ возникновеніемъ работъ по подготовкѣ судебной реформы, Буцковскій въ 1861 г. былъ прикомандированъ къ государственной канцеляріи «для производства работъ по преобразованію судебной части»; въ то же время онъ былъ назначенъ участвовать въ комитетѣ, при II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи, для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Дѣятельность Буцковскаго въ коммисіи, которая составляла проектъ судебныхъ уставовъ, была весьма обширна. Въ качествѣ предсѣдателя уголовнаго отдѣленія, онъ участвовалъ въ редактированіи текста статей устава, а также въ составленіи пространной объяснительной записки къ нему. Особенно горячо отстаивалъ Буцковскій судъ присяжныхъ. Записка его «Объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства», излагая сущность суда присяжныхъ, въ то-же время доказываетъ не только возможность, но и необходимость введенія его въ Россіи. Въ 1864 г. Буцковскій былъ командированъ за границу для ознакомленія съ тамошнимъ судоустройствомъ. По возвращеніи изъ этой поѣздки, Буцковскій, въ февралѣ 1865г., былъ назначенъ въ учрежденную подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Буткова коммисію для составленія проекта законоположеній о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Наряду съ участіемъ въ этой коммисіи, Буцковскій съ 1 января 1865 г. присутствовалъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, сначала въ 5-мъ департаментѣ, а съ 1 января 1866 г. въ уголовномъ кассаціонномъ. Здѣсь онъ немало содѣйствовалъ упроченію въ судебной практикѣ началъ, внесенныхъ въ нее новыми уставами. При обширности и разнообразіи своей практической дѣятельности, Буцковскій находилъ время и для научно-литературныхъ работъ по своей спеціальности, занимающихъ видное мѣсто въ русской юридической литературѣ. Въ 1866 г. Буцковскій издалъ сочиненіе: «О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей» и «Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г.» (два изданія въ одинъ годъ), затѣмъ въ 1867 г. — «О дѣятельности прокурорскаго надзора» и въ 1872 г. — «Основаніе

кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ (предсудимымъ)». Кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій, Буцковскій помѣщалъ въ спеціально-юридическихъ журналахъ статьи, изъ которыхъ важнѣйшія: «Возобновленіе дѣла, по которому приговоръ не вошелъ въ силу» («Судебный Вѣстникъ» 1866 г., № 83), «О постановкѣ вопросовъ присяжнымъ» (Тамъ же, 1867 г., № 78), «Дѣйствующій законъ о самоуправствѣ и насиліи» («Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права» 1873 г., № 1), «О возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ» (Тамъ же, 1873 г., № 3). Незадолго до своей смерти Буцковскій приготовилъ къ печати сборникъ своихъ статей, напечатанныхъ раньше въ разныхъ изданіяхъ; сборникъ этотъ вышелъ въ свѣтъ лишь послѣ его смерти, подъ заглавіемъ: «Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 ноября 1864 г.» (Спб., 1874 г.). Труды Буцковскаго имѣли особое значеніе; принадлежа перу главнаго редактора Устава уголовнаго судопроизводства, они давали точку опоры для вѣрнаго распознанія какъ смысла отдѣльныхъ статей законовъ и цѣлыхъ институтовъ, такъ и системы ихъ. Являясь въ настоящее время въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣлыми, они, однако, не потеряли своего значенія,— не только историческаго, но и практическаго, такъ какъ разрѣшаютъ многіе современные вопросы юридической практики. Свое состояніе, достигавшее суммы 50.000 руб., Буцковскій завѣщалъ обратить въ фондъ для первоначальнаго пособія тѣмъ оправданнымъ по суду, невинность которыхъ окажется очевидной, а также тѣмъ осужденнымъ, которые совершили преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ и, при оказанной своевременно помощи, могутъ получить возможность снова обратиться къ честной жизни. Такимъ образомъ, Буцковскій первый у насъ выдвинулъ на сцену вопросъ о вознагражденіи безвинно привлеченныхъ къ суду.

«Буцковскій», статья Гр. Джаншіева въ Словарѣ С. А. Венгерова.—Гр. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ, 8-е изд., 1900 (глава XXIII: «Дѣятель судебной реформы Н. А. Буцковскій»), стр. 672—686.—Г. Д(жаншіевъ), «Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ». («Вѣстникъ Европы» 1889 г., кн. 12, стр. 476—507). — Его-же, Основы судебной реформы, 1891 (глава VI). — Его-же, Нашъ судъ присяжныхъ и его критики («Русская Мысль» 1890 г., № 5, стр. 63).—«Гражданинъ» 1874 г, № 3, стр. 84—85.—«О прежней службѣ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената» («Голосъ» 1868 г., № 161).—Статья въ Энциклопедическ. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.—«Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1873 г.» Г. Н. Геннади («Русскій Архивъ» 1875 г., № 12, стр. 461—468).—«Биржевыя Вѣдомости» 1873 г., № 260.—«Голосъ» 1873 г., № 268.—«Русскій Міръ» 1873 г., № 257.—«СПб. Вѣд.» 1873 г., № 267.—«Иллюстр. Недѣля» 1873 г., № 42.—«Журналъ Мин. Юстиціи», XXVIII, часть 2, стр. 600.—С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей, т. I-й.—Его-же, Русскія книги, т. 3-й, Спб., 1898.—«Календарь Гатцука на 1874 г.».—Словари Клюшникова и Березина.

Бучинскій, *Юліанъ (Викентій Ивановичъ)*, врачъ, род. въ гродненской губ. 30 августа 1840 г., ум. 16 февраля 1876 г. Онъ учился въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, гдѣ былъ своекоштнымъ студентомъ, въ 1864 г. признанъ лѣкаремъ, награжденъ серебряной медалью и опредѣленъ на военную службу врачемъ для командировокъ по военно-медицинскому вѣдомству; затѣмъ служилъ съ 1865 г. въ 88-мъ пѣхотномъ петровскомъ и съ 1868 г. въ кронштадтскомъ крѣпостномъ полкахъ. Въ 1871 г. онъ былъ прикомандированъ для научнаго усовершенствованія къ клиникамъ медико-хирургической академіи, въ январѣ 1873 г. признанъ академіей въ степени доктора медицины, послѣ чего вернулся въ кронштадтскій полкъ, а въ 1876 г. перемѣщенъ въ 1-й кронштадтскій батальонъ. Напечаталъ диссертацію на степень доктора медицины: Матеріалы для діэтетики хлѣба и сухарей (въ «Военно-Медиц. Журналѣ» 1873 г. ч. 116, кн. VII; то-же С.Пб., 1873.)

Дѣла Главн. в. мед. управленія, кондуитъ № 7781, въ книгѣ № 31/2.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. V; С.-Пб. 1889.

Бушенъ *(фонъ)*, *Артуръ Богдановичъ*, статистикъ, писатель, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. въ 1830 г., ум. 29 сентября 1876 г. Въ 1851 г. Бушенъ окончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ по отдѣленію камеральныхъ наукъ съ званіемъ кандидата и рѣшилъ посвятить себя научной дѣятельности; въ 1852 г. онъ занялъ мѣсто секретаря Географическаго общества (оставался на этой должности до 1857 г.) и началъ преподавать географію въ Александровскомъ лицеѣ. Занятія эти не помѣшали ему приговиться къ магистерскому экзамену. Въ 1856 г. Бушенъ защитилъ при петербургскомъ университетѣ магистерскую диссертацію по каѳедрѣ политической экономіи и статистки. Какъ преподаватель, Бушенъ отличался разумностью

системы, чрезвычайной ясностью и талантливостью изложенія; ученики его цѣнили и любили. Результатомъ его педагогической дѣятельности явилась въ 1858 г. статья: «Нѣсколько словъ о преподаваніи географіи въ Россіи». Въ ней Бушенъ высказываетъ мысль, что въ «наше время нѣтъ ни одной науки, которой объемъ и методъ были бы менѣе опредѣлены, которой значеніе было бы болѣе подвержено нападеніямъ, какъ наука о земномъ шарѣ». Онъ доказывалъ, что необходимо привести географическія свѣдѣнія въ систему, дать имъ твердыя основанія, сдѣлать географію предметомъ самостоятельнаго изученія, очистивъ ее отъ примѣси чуждыхъ элементовъ. Цѣль и значеніе географіи Бушенъ полагалъ въ томъ, чтобы указать, какъ «совокупность всѣхъ составныхъ частей земного шара, соединенныхъ въ живое цѣлое, и вѣчные законы, вытекающіе изъ неподвижности данныхъ, распредѣленныхъ на земной поверхности, вліяли на внутреннюю жизнь отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ». Въ 1857 г. Бушенъ поступилъ младшимъ редакторомъ въ центральный статистическій комитетъ, который въ то время находился въ періодѣ реформъ: оффиціальную статистику хотѣли поставить въ новыя, болѣе соотвѣтствующія запросамъ жизни условія, вслѣдствіе чего признано было необходимымъ ознакомиться съ состояніемъ статистки на западѣ, но не съ центральной организаціей высшихъ бюро, а съ самымъ производствомъ статистическихъ операцій на мѣстѣ и съ частностями его. Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя, что Бушенъ хорошо знакомъ съ матеріалами, получаемыми стастистическимъ комитетомъ и съ ихъ недостатками, отправило его заграницу, поручивъ ему изучить порядокъ собиранія и провѣрки статистическихъ данныхъ низшими инстанціями, земскою и городскою полиціей, особыми постоянными или временными коммисіями и т. д. Въ то-же время с.-петербургскій университетъ избралъ Бушена для приготовленія за границею къ профессорскому званію. Въ цѣляхъ лучшаго успѣха въ возложенномъ на него порученіи, ему вмѣнили въ обязанность прикомандировываться для практическихъ занятій къ статистическимъ коммисіямъ, экспедиціямъ и т. п. Въ особенности рекомендовалось Бушену изучить постановку дѣла въ Пруссіи, Франціи и Англіи. Въ іюнѣ 1859 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Германію, затѣмъ побывалъ въ Австріи, Франціи, Бельгіи, Англіи, Швеціи, повсюду входя въ сношенія съ видными дѣятелями по статистикѣ и основательно изучая свое дѣло. Отчеты о своихъ занятіяхъ за границею Бушенъ печаталъ въ «Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ». Въ 1860 г. его отправили въ качествѣ оффиціальнаго представителя на статистическій конгрессъ въ Лондонѣ, и тамъ Бушенъ былъ вице-предсѣдателемъ 6-го отдѣла, занимавшагося вопросомъ о принятіи единообразныхъ единицъ мѣры, вѣса и монеты для статистическихъ итоговъ. Изъ-за границы Бушенъ вывезъ массу наблюденій, новыхъ знаній и опыта, которыми онъ думалъ воспользоваться въ Россіи при чтеніи лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ, но въ 1861 г. университетъ былъ закрытъ. Результаты своихъ заграничныхъ занятій Бушенъ обнародовалъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ» за 1860—61 гг., а знанія свои рѣшилъ примѣнить на службѣ сначала въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ въ министерствѣ финансовъ. Впрочемъ, до 1864 г. онъ все еще числился на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Бушенъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ центральнаго статистическаго комитета и положилъ много труда на разработку статистическихъ таблицъ о наличномъ населеніи Россіи за 1858 г. Вообще, статистика населенія была спеціальностью Бушена, и въ 1863 г. подъ его редакціей появился въ свѣтъ II выпускъ «Статистическихъ таблицъ Россійской Имперіи». Особенно важна въ этомъ трудѣ попытка статистики раскола. Въ 1864 г. появилась другая важная работа Бушена: «Объ устройствѣ источниковъ статистики населенія въ Россіи», написанная въ отвѣтъ на тему, данную Географическимъ обществомъ и Центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: обзоръ устройства статистическихъ источниковъ въ величайшихъ европейскихъ государствахъ, состояніе источниковъ статистики населенія въ Россіи и о преобразованіи источниковъ статистки населенія въ Россіи. Трудъ этотъ, по отзыву коммисіи, оцѣнивавшей его, не только является основательной критикой существовавшаго у насъ устройства статистическихъ операцій народонаселенія, но и даетъ вполнѣ примѣнимый къ государственнымъ условіямъ Россіи проектъ новаго

устройства этой части. Въ 1869 г. Бушенъ принималъ участіе въ производствѣ первой правильной переписи въ г. Петербургѣ. На службѣ въ министерствѣ финансовъ Бушенъ проявилъ такую же неутомимую дѣятельность: подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ былъ составленъ «Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ» и первые 7 выпусковъ «Ежегодника» министерства финансовъ (съ 1869 г.). Этими трудами Бушенъ положилъ начало правильному періодическому изданію статистическихъ свѣдѣній. Научные труды Бушена вызывались не только его служебнымъ положеніемъ; многіе изъ нихъ преслѣдовали публицистическія и чисто научныя цѣли. Къ числу такихъ принадлежатъ: «Bevölkerung des Russischen Kaiserreichs». (Gotha, 1862), статьи въ «Zeitschrift für gesammte Staatswissenschaft». Статья Бушена о крѣпостномъ населеніи, написанная по-нѣмецки и изданная въ Германіи, затѣмъ была переведена на англійскій языкъ, читана въ присутствіи автора въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ (1861 г.) и напечатана въ журналѣ названнаго общества. Указанными трудами Бушенъ хотѣлъ распространить въ Европѣ болѣе правильное понятіе о Россіи. Въ 1866 г. имъ была издана рѣчь, сказанная въ засѣданіи съѣзда сельскихъ хозяевъ по случаю 100-лѣтняго юбилея Вольно-Экономическаго Общества; она обсуждаетъ «Общинное владѣніе въ отношеніи къ экономическому развитію производительныхъ силъ Россіи». Въ 1866—1868 г.г. Бушенъ помѣстилъ рядъ статей въ «Голосѣ», «Рус. Инвалидѣ» и «С.-Пб. Вѣдомостяхъ»; здѣсь онъ касался быта крестьянъ и на основаніи статистическихъ данныхъ разрабатывалъ вопросъ о пьянствѣ въ Россіи. Въ 1867 г., по поводу парижской выставки, онъ напечаталъ «Aperçu statistique des forces productives de la Russie annèxes au catalogue spécial de la Section Russe de l'Exposition universelle de Paris en 1867. Paris. 1867». Наконецъ, безспорную научную цѣнность имѣетъ статья Бушена: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ», помѣщенная въ XIV части «Вѣстника» Географическаго общества. Въ томъ же журналѣ помѣщены и нѣкоторыя другія работы Бушена: «Обзоръ важнѣйшихъ географическихъ работъ въ Россіи» (1857, ч. XXII и 1859 г., № 3, ч. XXV); «Результаты новѣйшихъ изслѣдованій и открытій въ Южной Африкѣ» (Ч. XX, отд. II); «Нѣсколько словъ о преподаваніи географіи въ Россіи» (ч. XXIII, отд. 4, № 8, 1858 г.), «О вулканическихъ явленіяхъ земного шара» (1859 г., ч. XXV, отд. II) и др. Въ «Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ» напечатаны: «Обзоръ административной статистики Австріи» (1860 г., XLIV), «Отчетъ о работахъ и занятіяхъ международнаго статистическаго конгресса въ Лондонѣ» (1860 г., XLV, отд. II), «Свѣдѣнія объ административной статистикѣ въ Англіи» (1861 г., ч. XLVI, отд. II); о томъ же во Франціи, Бельгіи и Швеціи (1861 г., LI, отд. II).—Административная дѣятельность Бушена была разнообразна; онъ принималъ участіе въ коммисіяхъ: податной, тарифной, для изслѣдованія сельскаго хозяйства и др. Какъ членъ Географическаго общества, онъ участвовалъ въ снаряженіи статистической экспедиціи въ Западный край, обсуждалъ вопросъ объ улучшеніи пріемовъ народоисчисленія, о желѣзныхъ дорогахъ (по этому вопросу есть его брошюра), объ изученіи кустарной промышленности, объ экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли. Одно время онъ состоялъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія Географическаго общества. Кромѣ того, онъ былъ членомъ обществъ: Вольно-Экономическаго, Сельско-хозяйственнаго и др.

Венгеровъ, Источники словаря рус. писателей.—Словари: Брокгауза и Ефрона, Больш. Энциклопедія.—«Биржа», 1876 г., № 273.—«Биржевыя Вѣд»., 1876 г., № 274.—«Недѣля», 1876 г., № 37.—«СПб. Вѣд.», 1876 г., № 272.—«Иллюстр. Газета», 1876 г., № 40.—Статья И. Вильсона, въ «Извѣстіяхъ И. Русск. Географ. Общества», 1876 г., часть 12, № 5, стр. 451—457.—«Извѣстія Имп. Русс. Геогр. Общ.», 1865 г., № 11—12.—«Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ», 1859 г., чч. XXXVII — XXXIX.—Рецензіи на II-й томъ «Статистическихъ таблицъ Р. Имперіи»: «Библ. для Чтенія» 1863, № 10, от. II; «Сынъ Отечест.» 1863, № 230; «Голосъ» 1863, № 270; «Изв. И. Р. Геогр. Общ.», 1863, кн. 1, от. III.

В. Ф.

Бушенъ, *Дмитрій Христіановичъ*, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, род. въ 1826 г., ум. 21 сентября 1871 г. Получивъ домашнее образованіе, Бушенъ началъ службу въ 1842 г. подпрапорщикомъ въ днѣпровскомъ пѣхотномъ полку; въ 1845 г. произведенъ въ прапорщики и два года спустя поступилъ въ военную академію (нынѣ Николаевкая академія генеральнаго штаба). По окончаніи курса, въ 1849 г.,

Бушенъ принялъ участіе въ венгерской кампаніи; вслѣдъ затѣмъ, зачисленный въ генеральный штабъ, въ 1850 г. получилъ командировку на Кавказъ для собиранія военно-исторических матеріаловъ, и во время пребыванія своего здѣсь находился во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Съ 1854 по 1863 г. Бушенъ состоялъ при академіи генеральнаго штаба послѣдовательно въ должностяхъ: правителя дѣлъ, штабъ-офицера и адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ тактики, и вмѣстѣ съ тѣмъ числился преподавателемъ послѣдней въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1863 г., въ чинѣ полковника, Бушенъ вступилъ на должность директора орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса, успѣлъ поставить его, по преобразованіи въ военную гимназію, въ наилучшія воспитательныя условія, и тѣмъ обративъ на себя вниманіе, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора и въ 1867 г. назначенъ на ту-же должность въ пажескій корпусъ. Среди горячей дѣятельности по преобразованію корпуса, Бушенъ скончался.—Въ 1856 г. Бушенъ участвовалъ въ составленіи, подъ редакціей генерала Милютина, «Карманной справочной книжки для русскихъ офицеровъ».

«Рус. Инвал.» 1871 г. № 211.—Глиноецкій, Истор. очеркъ акад. Ген. Штаба, стр. 66 и 21 (прил.).—«Рус. Архивъ», 1890 г., кн. 1-я, ст. 90.—«С.-Пб. Вѣдом.» 1871 г., № 263.—«Иллюстр. Газета» 1871 г. № 39—Исторія Пажескаго Корпуса.

Бушенъ, *Христіанъ Николаевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1787 г., ум. 1 февраля 1867 г. Окончивъ образованіе въ частномъ пансіонѣ въ 1804 г., онъ началъ службу подпрапорщикомъ въ таврическомъ гренадерскомъ полку. Участникъ многихъ войнъ, Бушенъ большую часть своей службы провелъ въ походахъ. Въ кампанію 1805—1807 г.г. онъ сражался подъ Прейсишъ-Эйлау и Данцигомъ; въ періодъ Отечественной войны онъ принималъ ближайшее участіе въ бою подъ Бородинымъ, доставившемъ ему орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1813 г. подъ Лейпцигомъ онъ былъ раненъ пулею въ грудь, получивъ за отличіе золотую шпагу съ надписью «за храбрость», а въ кампаніи 1814 г. находился въ сраженіи подъ Барсюръ-Объ и при взятіи Парижа. Дѣятельная служба и отличія выдвинули Бушена, доставивъ ему, еще въ чинѣ подполковника, въ 1819 г. командованіе надъ 21 егерскимъ полкомъ, а годъ спустя—надъ 4 карабинернымъ; призведенный въ 1830 г. въ генералъ-маіоры, онъ, командуя бригадою 1-й гренадерской дивизіи, съ отличіемъ находился при штурмѣ Варшавы 1831 г., за что получилъ золотое оружіе съ бриллiантами, а съ окончаніемъ кампаніи состоялъ военнымъ начальникомъ бывшей сандомирской губ. по 1839 г., когда получилъ въ командованіе 12 пѣхотную дивизію, съ которою принялъ участіе въ венгерскомъ походѣ 1848 г. и находился въ сраженіяхъ подъ Мишкольцемъ и Дебречиномъ. Въ концѣ 1849 г. состоялось назначеніе Бушена членомъ генералъ-аудиторіата военнаго министерства. Послѣдними наградами его были чинъ генерала отъ инфантеріи (1856 г.) и орденъ св. Александра Невскаго (1860 г.).

«Воен. Сбор.» 1867 г., № 4.—«Иллюстр. Газета» 1867 г., № 14.

Бушъ, *Андрей-Каспаръ-Фридрихъ*, профессоръ дерптскаго университета, род. въ Глюкштадтѣ 12 (24) апрѣля 1798 г. Поступивъ въ 1817 г. въ іенскій университетъ, Бушъ преимущественно занимался изученіемъ классической филологіи, восточныхъ языковъ и философіи. Въ 1819 г. онъ перешелъ въ Геттингенъ, гдѣ и получилъ степень доктора философіи, а затѣмъ въ Берлинѣ посвятилъ себя спеціально изученію церковной исторіи. Въ 1824 г. Бушъ былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ церковной исторіи въ дерптскій университетъ. По выслугѣ лѣтъ онъ вышелъ въ отставку въ 1849 г. и поселился въ Копенгагенѣ, гдѣ занимался литературными работами. Бушъ издавалъ въ Дерптѣ въ 1832—1840 г.г. журналъ «Dorpatsche Evangelishe Blätter», а кромѣ того составилъ слѣдующія сочиненія: Memoria Othonis, episcopi Bambergensis, Pomeranorum apostoli. Ienae 1824.—Mittheilungen an Jünglinge, die sich der Wissenschaft, insbesondere der Theologie, widmen. Riga, 1826.—Die heiligen Zeiten christlicher Unterthanen. Rede am Feste der Thronbesteigung S. K. M. Nicolai I Pawlowitsch, am 20 November 1832.—Der Fürst Carl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat unter seines Oberleitung. Dorpat und Leipzig, 1846.

Allgem. Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon von Recke und Napiersky I, 314—315, Nachträge I, 122—125 (съ подробнымъ перечнемъ всѣхъ сочиненій и съ указаніемъ источниковъ для біографіи).

Бушъ, *Иванъ Федоровичъ* (Johann-Peter), основатель петербургской хирургической школы, профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи, род. 20 февр. 1771 г. въ Нарвѣ, ум. 24 окт. 1843 г. Отецъ его, отставной солдатъ ганноверской арміи, переселившійся въ Россію въ 1740 г., былъ человѣкъ суроваго характера и съ сыномъ обращался строго. Привыкшій къ бѣдности мальчикъ на седьмомъ году былъ отданъ въ школу, гдѣ обратилъ на себя вниманіе ректора школы Рюдингера, который освободилъ его отъ платы за ученіе, а затѣмъ взялъ въ свой домъ, и пользуясь мальчикомъ вмѣсто прислуги, въ то же время заботился о его образованіи. Въ 1785 г. Бушъ оставилъ школу и съ рекомендательнымъ письмомъ отъ нарвскаго пастора отправился въ Петербургъ къ лейбъ-хирургу Кельхену, начальнику нѣмецкаго калинкинскаго медико-хирургическаго института; въ этотъ институтъ Бушъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ и вскорѣ настолько выдался изъ среды своихъ товарищей, что ему была обѣщана казенная командировка за границу. Обѣщаніе это не сбылось, такъ какъ, когда Бушъ былъ въ 3-мъ классѣ института, война съ турками, а затѣмъ со шведами вызвала чрезвычайную потребность въ хирургахъ, и въ 1788 г. онъ, выдержавъ 26 мая краткій экзаменъ на степень лѣкаря, былъ опредѣленъ на службу во флотъ, снаряженный противъ шведовъ. Поступивъ единственнымъ врачемъ на 64-пушечный корабль «Мечеславъ», Бушъ, которому тогда было всего 17 лѣтъ, попалъ въ необычайно трудное положеніе: 6 іюля «Мечеславъ» сильно пострадалъ въ бою со шведами, и на попеченіи молодаго врача оказалось болѣе 200 раненыхъ. Лѣто 1789 г. онъ прослужилъ на 100-пушечномъ кораблѣ «Владиміръ», причемъ снова былъ въ сраженіяхъ, а къ зимѣ поступилъ въ ораніенбаумскій морской госпиталь, гдѣ усердно принялся за пополненіе своего образованія. Вскорѣ ему снова пришлось покинуть научныя занятія: онъ былъ назначенъ въ гребную флотилію и, взятый шведами въ плѣнъ 29 іюля 1790 г., вмѣстѣ съ судномъ, на которомъ служилъ, былъ отправленъ въ Стокгольмъ. Послѣ заключенія мира Бушъ вернулся въ Кронштадтъ почти нищимъ; онъ былъ снова назначенъ врачемъ въ ораніенбаумскій военный госпиталь и, поселившись у знакомаго ему главнаго врача госпиталя, ревностно занялся наукой. Тогда-же онъ написалъ свое первое сочиненіе «De abscessu hepatis», которое сразу обратило на него вниманіе профессоровъ кронштадскаго медико-хирургическаго училища, и по ихъ совѣту медицинская коллегія назначила Буша прозекторомъ кронштадтскаго госпиталя; онъ получилъ тамъ-же должность оператора, причемъ въ его обязанности входило повтореніе профессорскихъ лекцій съ воспитанниками училища. Такимъ образомъ, въ 1791 г. онъ уже прочелъ первую пробную лекцію и началъ свою педагогическую дѣятельность. Въ это время ему было 20 лѣтъ отъ роду. Съ первыхъ-же шаговъ Бушъ пріобрѣлъ себѣ хорошую репутацію, и черезъ 1½ года ему предложили занять освободившуюся вакансію профессора анатоміи, физіологіи и хирургіи. Бушъ прочелъ въ медицинской коллегіи пробную лекцію «О глазѣ и слезномъ свищѣ» и въ 1793 г. получилъ каѳедру. Сознавая скудость своего образованія, онъ усердно пополнялъ его чтеніемъ и практическимъ изученіемъ анатоміи на трупахъ. Руководствами для изученія и преподаванія физіологіи ему служили сочиненія Блюменбаха и Герарда Мюллера; хирургію онъ преподавалъ по Рихтеру. Въ Кронштадтѣ Бушъ пробылъ около 7 лѣтъ и за это время сдѣлался выдающимся преподавателемъ и заслужилъ глубокое уваженіе со стороны товарищей и учениковъ. 17 сентября 1797 г. онъ получилъ предложеніе преподавать анатомію и физіологію въ петербургскомъ калинкинскомъ медико-хирургическомъ институтѣ и вскорѣ блестящимъ образомъ выдержалъ публичное испытаніе въ присутствіи членовъ медицинской коллегіи, послѣ чего получилъ званіе профессора. Въ институтѣ Бушъ читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ; помощниковъ у него не было, и онъ былъ вынужденъ самъ готовить всѣ анатомическіе препараты для лекцій и дѣлать многочисленныя вскрытія. 17 сентября 1800 г. Бушъ получилъ каѳедру хирургіи въ медико-хирургической академіи и сталъ читать на русскомъ языкѣ лекціи, которыя были встрѣчены очень сочувственно; около этого же времени ему была предложена каѳедра въ дерптскомъ университетѣ, но онъ отказался отъ нея. Служа въ академіи, онъ продолжалъ преподаваніе въ калинкинскомъ институтѣ. Въ 1802 г., по смерти проф. Рингебройга, онъ занялъ постъ предсѣдателя конференціи академіи, но въ концѣ слѣдующаго года

отказался отъ этой должности. Въ 1802 г. калинкинскій институтъ былъ присоединенъ къ академіи и составилъ ея нѣмецкое отдѣленіе, на которомъ Бушъ читалъ хирургію на нѣмецкомъ языкѣ до 1808 г., когда это отдѣленіе перестало существовать. При преобразованіи академіи въ 1806 г. Бушъ занялся устройствомъ вновь положенной при академіи хирургической клиники, пользуясь поддержкою ректора Петра Франка и баронета Вилліе, относившихся къ нему съ большимъ уваженіемъ. Въ сентябрѣ 1809 г. Бушъ получилъ почетное званіе академика, а черезъ мѣсяцъ конференція академіи возвела его въ степень доктора медицины и хирургіи honoris causa. Въ 1817 г. медицинское нѣмецкое обществовъ Петербургѣ избрало его своимъ директоромъ. 26 мая 1826 г. Бушъ получилъ званіе заслуженнаго профессора; въ 1828 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1830 г. назначенъ членомъ медицинскаго совѣта. Въ 1807 г. Бушъ издалъ свой главный научный трудъ: «Руководство къ преподаванію хирургіи» (въ 3-хъ ч.). Это руководство вошло во всеобщее употребленіе, и въ 1833 г. Бушъ выпустилъ его уже пятымъ изданіемъ. Сознавая невозможность для одного преподавателя вести въ академіи преподаваніе всѣхъ хирургическихъ наукъ и чувствуя начинающійся упадокъ силъ, Бушъ обратился въ 1825 г. къ конференціи съ просьбой о томъ, чтобы преподаваніе хирургіи было раздѣлено между нимъ и адъюнктъ-профессоромъ Саломономъ. Просьба Буша была уважена, и тѣмъ было положено основаніе второй каѳедрѣ хирургіи въ академіи. Въ 1833 г. Бушъ просилъ увольненія отъ службы въ академіи по слабости здоровья, но 25 февраля того-же года конференція, «не желая лишаться сего отличными основательными познаніями, многолѣтней опытностью, примѣрнымъ усердіемъ и ревностью къ пользѣ академіи мужа, неудобозамѣнимаго какъ на каѳедрѣ, такъ и въ собраніяхъ», единогласно избрала его почетнымъ членомъ академіи; того-же званія удостоили его: Общество россійскихъ врачей (1834 г.), Врачебное общество въ Пруссіи (1835 г.), Московское физико-медицинское общество и Общество гамбургскихъ врачей (1838 г.) Въ 1835 г. Бушу была пожалована золотая табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ имени Е. И. Величества. 26 мая 1838 г. торжественно праздновалось 50-тилѣтіе научной дѣятельности Буша. Императоръ пожаловалъ ему орденъ Св. Станислава 1 ст., который лично привезъ юбиляру министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ академіи, по почину конференціи, была учреждена премія Буша изъ процентовъ съ капитала въ 16.000 р.; эта премія выдается черезъ каждые 4 года за наиболѣе достойное сочиненіе по хирургіи (исключительно русскимъ подданнымъ); кромѣ того было собрано 7500 р., проценты съ которыхъ подъ названіемъ преміи Буша выдаются ежегодно при выпускѣ изъ академіи въ награду первому въ курсѣ воспитаннику. Въ Москвѣ былъ составленъ капиталъ въ 16.000 р., на который была учреждена премія Буша, назначаемая сыну врача для изученія медицины. Юбиляру поднесли отчеканенную въ честь его золотую медаль. Вскорѣ здоровье Буша окончательно пошатнулось и 9 февраля 1839 г., прослуживъ профессоромъ 41 годъ, онъ былъ уволенъ отъ должности непремѣннаго члена конференціи; за многолѣтнюю службу и за то, что онъ образовалъ въ академіи до 2000 учениковъ, ему была пожалована аренда по чину на 12 лѣтъ, а жалованье обращено въ пенсію. Съ 1841 г. Бушъ не выходилъ изъ дома, хотя и продолжалъ заниматься чтеніемъ медицинскихъ сочиненій.

Главная заслуга Буша состояла въ его учебной дѣятельности. Онъ былъ въ сущности первымъ преподавателемъ хирургіи въ академіи и начиналъ свое дѣло въ крайне затруднительной обстановкѣ. Вечеромъ операціи на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ производились до 1805 г. при свѣтѣ лучины. Во вновь устроенной клиникѣ, состоявшей изъ одной палаты съ 13 кроватями, температура зимой доходила до 5° тепла; зданіе было очень ветхо, и вѣтеръ гулялъ по палатѣ; обстановка была жалкая. Бушъ энергично боролся съ госпитальной администраціей и грозилъ отказаться отъ клиники. Черезъ годъ послѣ основанія клиники онъ уже добился 30 кроватей, а вскорѣ клиника такъ была улучшена, что даже иностранные врачи пріѣзжали учиться въ ней, поступая въ госпиталь въ званіи кандидатовъ. Читая клиническія лекціи, Бушъ старался всѣми силами привлечь слушателей къ непосредственному участію въ операціяхъ на живыхъ людяхъ. Съ этой цѣлью онъ постоянно, черезъ посредство Я. В. Вилліе, обращалъ вниманіе Государя

на исполнителей операцій, и Государь щедро награждалъ отличившихся. У Буша была исключительная способность выбирать изъ среды своихъ слушателей наиболѣе талантливыхъ, и подъ его руководствомъ развилась цѣлая плеяда знаменитыхъ русскихъ хирурговъ. Изъ своихъ учениковъ особенно высоко Бушъ цѣнилъ И. В. Буяльскаго. Дѣятельность Буша, какъ ученаго, выразилась въ 44-хъ научныхъ работахъ, изъ которыхъ многія имѣли серьезное научное значеніе. Часть этихъ трудовъ была напечатана на русскомъ языкѣ во «Всеобщемъ Журналѣ» (1811—1816 г. г.), часть—на нѣмецкомъ, въ трудахъ Общества нѣмецкихъ врачей въ С.-Петербургѣ (1819—1840 г.). Кромѣ того, Бушъ принималъ весьма видное участіе въ изданіи одного изъ величайшихъ научныхъ трудовъ по оперативной хирургіи—«Анатомико-хирургическихъ таблицъ, печатанныхъ по Высочайшему соизволенію и щедротами Е. В. Императора Николая I» (Спб., 1828, 1852, 1853 г., folio).

Формулярный списокъ Д. Ст. Сов. Буша 1839 г.—Представленіе Конфер. И. СПб. Мед.-Хир. Академіи отъ 24 янв. 1839 г. за № 112 (объ увольненіи проф. Буша) Директору Департ. Военныхъ Поселеній, Клейнмихелю.—Докладъ по Департ. В. Поселеній отъ 2 февр. 1839 г. № 18.—Отношеніе Министра Госуд. Имущ. къ Военн. М-ру 28 февр. 1839 г. (№ 236) и др. дѣла, хранящіяся въ архивѣ И. В. Мед. Акад. подъ № 57, 1839 г.—Лихтенштедтъ, Біогр. Буша («В.-Мед. Журн.», 1844 г., т. 43).—Исторія И. В.-Мед. Акад. за сто лѣтъ (отдѣлъ, обраб. проф. Скориченко).—А. Поздѣевъ, Каѳедра операт. хирургіи въ И. В.-Мед. Акад. СПб. 1898.—А. Ландшевскій, Истор. очеркъ каѳедры акад. хир. клиники И. В.-Мед. Акад. СПб. 1898 (разборъ трудовъ Буша).—К. Ѳ. Лопатто, Каѳедра хирург. патологіи и терапіи при И. В.-Медиц. Академіи СПб. 1898 (полный перечень всѣхъ трудовъ Буша).—П. А. Бѣлогорскій, Госпит. хирург. клин. при И. В.-М. Акад. СПб. 1898.—Historischer Ueberblick d. Thätigk. d. deutschen ärztl. Vereins zu St.-Peterb. СПб. 1869 (I т.) и 1894 г. (II т.).—Ф. Оранскій, Матеріалы для исторіи отечеств. медицины М. 1866.—А. Кудряшовъ, Истор. очеркъ о каф. десмургіи и пр. СПб. 1898.—Біографія, напис. акад. Спасскимъ на нѣмецк. языкѣ въ «Medicinishe Zeitung» 1844, April, № 16.—«Сѣв. Пчела», 1844, 49.—Zur Jubelfeier des Profess. emer. Dr. I. Busch, St. Peterb. 1838.—Пятидесятилѣтіе Буша, СПб. 1839.—Біографія Буша, СПб. 1844.—Словари: Старчевскаго, Геннади, Андреевскаго.

Н. Кульбинъ.

Буяльскій, *Илья Васильевичъ,* тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ Императорской медико-хирургической академіи, членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, род. 26 іюля 1789 г., ум. 8 декабря 1866 г. Дѣдъ его, Пименъ Леонтьевичъ былъ реестровымъ казацкимъ есауломъ Запорожскаго войска, а отецъ — священникомъ с. Воробьевки, новгородъ-сѣверскаго у., черниговской губерніи. Получивъ первоначальное образованіе въ черниговской духовной семинаріи, Буяльскій хотѣлъ посвятить себя живописи и архитектурѣ, но по совѣту двоюроднаго дяди, профессора анатоміи П. А. Загорскаго, поступилъ, въ августѣ 1809 г., въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, а въ 1810 г. перешелъ въ петербургскую академію и, будучи еще на 3-мъ курсѣ, 17 іюля 1811 г. былъ допущенъ къ исправленію должности прозектора у П. А. Загорскаго. Отчетливымъ приготовленіемъ препаратовъ Буяльскій обратилъ на себя вниманіе профессора хирургической анатоміи И. Ф. Буша, а профессоръ Ѳ. М. Яворскій,—въ тоже время и штатный операторъ морскаго госпиталя—прибѣгалъ весьма нерѣдко къ содѣйствію способнаго студента при производившихся имъ операціяхъ. 25 іюля 1814 г. Буяльскій окончилъ курсъ наукъ лекаремъ 1-го отдѣленія и, оставленный при академіи, назначенъ 20 августа того же года помощникомъ прозектора анатоміи. Въ 1815 г., за недостаткомъ врачей, откомандированныхъ по случаю военныхъ обстоятельствъ въ Царство Польское, Буяльскій былъ приглашенъ на должность ординатора въ петербургскій военный госпиталь, а 17 апрѣля 1816 г. удостоенъ званія медико-хирурга за 29 большихъ операцій, которыя имъ были описаны въ диссертаціи. 1 сентября 1817 г. Буяльскій назначенъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи и прозекторомъ анатоміи въ помощь профессору Бушу, 24 октября—адъюнктъ-профессоромъ анатоміи, а 26 декабря 1818 года получилъ орденъ св. Анны 3 ст. за представленные имъ конференціи академіи анатомическіе и патологическіе препараты въ количествѣ ста экземпляровъ. 19 октября 1821 г. Буяльскій былъ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи. Въ томъ же году Буяльскій былъ избранъ членомъ медицинскихъ обществъ виленскаго и московскаго. Изучая анатомическое устройство органовъ, ихъ отправленія и новообразованія, Буяльскій открылъ жидкость, которая, растворяя животныя ткани, не дѣйствуетъ на наполняющую кровеносные сосуды наливную массу, и, предста-

вивъ препараты для добыванія этой жидкости академіямъ петербургской и виленской, былъ удостоенъ денежной преміи въ размѣрѣ 2500 р. с. Важнѣйшимъ же предметомъ изслѣдованій Буяльскаго были аневризмы, причемъ онъ первый выразилъ подтвердившееся впослѣдствіи научными опытами предположеніе, что причины этихъ болѣзненныхъ явленій кроются въ воспаленіи внутренней оболочки артеріи. Мысль эта послужила Буяльскому темой для представленной имъ въ конференцію академіи докторской диссертаціи: «De nevrismatibus», въ которой подробно описаны сдѣланныя имъ 210 большихъ операцій. Степени доктора медицины и хирургіи Буяльскій былъ удостоенъ 5 апрѣля 1823 г., а 30 сентября 1824 г. возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Для леченія аневризма Буяльскій изобрѣлъ особый турникетъ (Compressorium arteriale Bujalsky), накладываемый на аневризматическія артеріи съ цѣлью сращенія стѣнокъ разрыва посредствомъ одного ихъ сжатія. Упростилъ онъ и хирургическое производство при перевязкѣ расширенныхъ артерій. Около того-же времени Буяльскій составилъ руководство къ правильному осмотру человѣческихъ тѣлъ, для изслѣдованія причинъ смерти (напечатано въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1824 г.); оно не утратило своего значенія и въ настоящее время. Акушерская часть также тщательно изучалась Буяльскимъ, который изобрѣлъ особый инструментъ (cochlear obstetricum Bujalsky) для извлеченія недоношеннаго плода и приросшаго послѣда. Въ 1827 г., назначенный адъюнктъ-профессоромъ хирургической клиники, Буяльскій напечаталъ «Анатомико-хирургическія таблицы» о перевязываніи артерій, за которыя удостоенъ 16 апрѣля 1828 г. Высочайшаго благоволенія. 2 января 1829 г. Буяльскій назначенъ управляющимъ с.-петербургскимъ хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ, а 19 ноября того же года уволенъ отъ должности провектора, по болѣзни, полученной имъ при спеціальной работѣ (гнойное зараженіе съ послѣдующимъ страданіемъ руки). 25 января 1830 г. Буяльскій былъ избранъ почетнымъ членомъ виленскаго университета, а 30-го числа того же мѣсяца — ординарнымъ членомъ московскаго общества испытателей природы. Въ 1831 г. онъ получилъ 11 іюля—должность профессора анатоміи при академіи художествъ, 15 августа—должность консультанта Маріинской больницы для бѣдныхъ, а 1 декабря, за отличіе — званіе ординарнаго профессора анатоміи; въ 1831 г. онъ былъ назначенъ и операторомъ Александровскаго царскосельскаго лицея. Изданный Буяльскимъ съ Высочайшаго разрѣшенія атласъ аневризматическихъ болѣзней съ русскимъ и латинскимъ текстами былъ разосланъ въ университеты и академіи Европы и Америки и поставилъ имя автора на ряду съ именами знаменитѣйшихъ хирурговъ; напечатанъ онъ былъ и на нѣмецкомъ языкѣ въ Берлинѣ. Удостоенный за этотъ трудъ Высочайшей награды въ 5000 р. с., Буяльскій былъ избранъ 6 января 1833 г. членомъ философическаго общества ученыхъ въ Филадельфіи. Произведенная Буяльскимъ въ 1833 г. весьма удачная и рискованная операція надъ воспитанникомъ лицея Воейковымъ открыла ему доступъ въ высшія сферы общества. Награжденный за эту операцію 25 октября того же 1833 г. Высочайшимъ благоволеніемъ, онъ былъ назначенъ сперва операторомъ, а потомъ (въ 1846 г.)—операторомъ-консультантомъ военно-учебныхъ заведеній. Въ 1835 г. году онъ составилъ, по предложенію генералъ-адъютанта Мердера, для Наслѣдника Престола общій обзоръ анатоміи и физіологіи, курсъ которыхъ,—съ примѣненіемъ къ судебной медицинѣ—сталъ преподавать въ 1836 г. принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. 27 іюля 1837 г. Буяльскій былъ избранъ въ почетные члены медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, а 31 декабря произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 19 февраля 1838 г. онъ получилъ званіе члена общества русскихъ врачей, 20 августа — званіе почетнаго члена харьковскаго университета, а 21 сентября, за безвозмездное исправленіе должности главнаго доктора военно-учебныхъ заведеній, ему Высочайше пожаловано 2000 десятинъ земли. 30 сентября 1839 г. онъ утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ съ ежегодной пенсіей въ 5000 р.; 19 октября 1840 г., за отличную службу въ качествѣ консультанта Маріинской больницы, получилъ орденъ Владиміра 3 степени; 22 августа 1842 г. утвержденъ въ званіи академика, 21 апрѣля 1843 г. ему Всемилостивѣйше пожалована табакерка съ бриліантами, а 5 іюня—орденъ св. Станислава 1-й ст. 6 октября 1844 г.

Буяльскій уволенъ отъ профессуры въ академіи, съ утвержденіемъ въ званіи почетнаго члена академіи, а также и съ сохраненіемъ прочихъ должностей и званій. Въ томъ же 1844 г. Буяльскій издалъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ свою «Краткую анатомію тѣла человѣческаго». Въ 1849 г. онъ опубликовалъ въ журналѣ «Другъ здравія» рецептъ глазной примочки, носящей его имя и вошедшей во всеобщее употребленіе. 25 августа 1850 г. за службу при военно-учебныхъ заведеніяхъ Буяльскому пожалована золотая табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Величества. Вскорѣ затѣмъ появились въ свѣтъ, съ отнесеніемъ издержекъ по изданію на счетъ суммъ Кабинета Его Величества, его анатомико-хирургическія таблицы съ русскимъ и латинскимъ текстомъ: «О вырѣзываніи и разбиваніи мочевыхъ камней». За этотъ послѣдній трудъ авторъ избранъ 24 марта 1854 г. корреспондентомъ вѣнскаго медицинскаго общества. Кромѣ помянутыхъ сочиненій, Буяльскій издалъ анатомическія записки для обучающихся живописи и скульптурѣ, а также фотографическіе рисунки артерій и венъ и помѣстилъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ свыше 90 мелкихъ статей. 17 апрѣля 1859 г. Буяльскій получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. съ Императорской короной, за безвозмездное исполненіе должности консультанта-оператора военно-учебныхъ заведеній, а 23 апрѣля 1861 г. произведенъ въ тайные совѣтники.

Врачебное искусство Буяльскаго снискало ему уваженіе выдающихся людей науки—хирурговъ Буша, Арндта, Саломона и Неммерта. Въ затруднительныхъ случаяхъ они всегда приглашали его разрѣшать недоумѣнія, хотя нерѣдко и не соглашались съ его взглядами, сѣтуя на настойчивость оппонента, выработавшаго свои непоколебимыя убѣжденія. Не будучи безпощаднымъ хирургомъ, Буяльскій говорилъ: «легко отнять руку и ногу, щегольнуть изяществомъ операцій, но никогда не удавалось приставить ошибочно отнятую руку или ногу, и напрасное увѣчье, какъ бы оно блистательно произведено ни было, не вознаградится ни славой хирурга, ни позднимъ его раскаяньемъ; обязанность честнаго человѣка семь разъ подумать, прежде чѣмъ одинъ разъ отрѣзать. Операція дѣлается для того, чтобы сохранить жизнь, но намъ слѣдуетъ думать и о томъ, чтобы эта сохраненная жизнь по возможности была менѣе тягостна». Буяльскій доказалъ на дѣлѣ, что медицинская наука въ Россіи можетъ развиваться самостоятельно, безъ опеки иностранцевъ. Въ 1864 г. наступило пятидесятилѣтіе службы Буяльскаго, и къ этому времени онъ обогатилъ медико-хирургическую академію пожертвованіемъ въ ея пользу своего кабинета анатомическаго, патологическаго и хирургическаго, замѣчательнаго по полнотѣ, выбору и изящной отдѣлкѣ препаратовъ, инструментовъ, слѣпковъ для изученія краніологіи и разныхъ рисунковъ. Всѣхъ предметовъ доставлено Буяльскимъ до трехъ тысячъ, въ томъ числѣ сто тридцать два ящика препаратовъ, заключавшихъ въ себѣ тысячу четыреста экземпляровъ и двѣсти двадцать три мочевыхъ камня, извлеченнымъ самимъ жертвователемъ при произведенныхъ имъ операціяхъ. 3 апрѣля 1864 г. Высочайше разрѣшено медико-хирургической академіи выбить въ честь Буяльскаго золотую медаль съ надписью: «1864 года іюля 24 дня съ Высочайшаго соизволенія за службу профессору Ильѣ Васильевичу Буяльскому въ воспоминаніе пятидесятилѣтнягй юбилея на поприщѣ службы и науки». На собранныя же деньги предположено учредить или анатомическую премію имени юбиляра, или же имени его медицинскую стипендію въ петербургской медико-хирургической академіи. Ко дню того же юбилея, Буяльскому Всемилостивѣйше пожаловано, вмѣсто аренды, по три тысячи рублей серебромъ въ годъ на двѣнадцать лѣтъ. Празднованіе юбилея, наступившаго 24 іюля 1864 г., отложенное, по случаю лѣтняго времени на два мѣсяца состоялось 20 сентября. Кромѣ упомянутыхъ русскихъ орденовъ, Буяльскій имѣлъ также и иностранные; гессенскій- Филиппа Великодушнаго (1844 г.), шведскій—Густава Вазы (1848 г.), и люксембургскій—Дубовой Короны (1853 г.). По изобрѣтенному имъ самимъ способу, Буяльскій бальзамировалъ въ С.-Петербургѣ тѣла высочайшихъ особъ; 1814 г.—герцогини де-Тарантъ, двоюродной сестры Людовика XVI, и герцогини Виртембергской, тетки Императора Александра I; въ 1828 г.—Императрицы Маріи Өеодоровны; въ 1831 г.—княгини Ловичъ; въ 1843 г.—принцессы Ольденбургской. Тѣло Буяльскаго погребено на С.-Петербургскомъ Охтенскомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ о службѣ Буяльскаго.—

«Русс. Старина», 1876 г., № 2 и № 3.—Змѣевъ, Русскіе врачи писатели. Спб. 1886, вып. 35—40.—«Рус. Архивъ», 1868 г. стр. 2003 (перепечатано въ Справочномъ словарѣ русскихъ писателей Геннади).—«Медицинскій Вѣстникъ», 1864 г., №№ 20, 30 и 44.—«Московская Медиц. Газета» 1865 г., №№ 28 и 44—47 (съ полнымъ перечнемъ трудовъ Буяльскаго). — «Другъ Здравія», 1849 г., № 17; 1860 г., № 165.—Юбилейная брошюра 1865 г.—«Голосъ», 1864 г., № 310.—«Иллюстрированная Газета», 1866 г., № 50, 1875 г., № 24.—Ф. Оранскій, Матеріалы для исторіи отечественной медицины. Москва, 1866 г.—Исторія И. Военно-Медиц. Академіи.—Словарь Брокгауза-Ефрона.

Быковскій, *Михаилъ Доримедонтовичъ*, архитекторъ, род. въ 1800 г., ум. въ Москвѣ 9 ноября 1885 г. Художественное образованіе Быковскій получилъ подъ руководствомъ Жилярди, послѣ чего отправился въ путешествіе по Западной Европѣ, во время котораго занимался изученіемъ памятниковъ древняго искусства. По возвращеніи въ Россію, Быковскій заявилъ себя первостепеннымъ художникомъ-архитекторомъ. Онъ занималъ должность директора московскаго дворцоваго архитектурнаго училища и былъ основателемъ и членомъ совѣта Московскаго художественнаго общества. Ему также принадлежитъ честь основанія Московскаго архитектурнаго общества, въ которомъ онъ состоялъ первымъ предсѣдателемъ. Въ августѣ 1862 г. Быковскій «въ уваженіе любви и познаній въ художествѣ» былъ признанъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской академіи художествъ; кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ миланской академіи изящныхъ искусствъ. Быковскому принадлежитъ «Рѣчь о неосновательности мнѣнія, что архитектура греческая, или греко-римская можетъ быть всеобщею, и что красота архитектуры основывается на пяти извѣстныхъ чиноположеніяхъ, говоренная на торжественномъ актѣ московскаго дворцоваго архитектурнаго училища, мая 8 дня 1834 г.» (Москва, 1834).

«Библіографъ», 1886 г., № 5, стр. 82.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. V (1889 г.)—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, Спб., 1898.—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Художествъ, т. III. Спб. 1866 г., стр. 402.—«Московскія Вѣдомости» 1886 г., №№ 313 и 318.

Быковъ, *Николай Дмитріевичъ*, д. ст. сов., знатокъ и собиратель художественныхъ произведеній, ум. въ С.-Петербургѣ 6-го марта 1884 г., на 72-мъ году отъ рожденія; образованіе получилъ въ Императорской Академіи Художествъ и въ молодости служилъ надзирателемъ при казенныхъ ученикахъ Академіи, когда послѣдняя была еще закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Любовь къ искусству, которою онъ былъ одаренъ отъ природы, развилась въ немъ еще болѣе подъ вліяніемъ сближенія со многими молодыми художниками. Сдѣлавшись впослѣдствіи обладателемъ большого состоянія, Быковъ дѣятельно началъ пріобрѣтать произведенія искусства, проявляя въ выборѣ ихъ большой вкусъ и знаніе. Постепенно онъ составилъ себѣ цѣлую картинную галлерею, заключавшую произведенія русскихъ и иностранныхъ художниковъ; въ этой галлереѣ были собраны картины самаго разнообразнаго характера: пейзажи, жанровыя, историческія картины, портреты и т. д. Быковымъ было пріобрѣтено немало прекрасныхъ произведеній Варнека, Венеціанова, Шебуева, Басина, Егорова, Брюллова, Лебедева и другихъ художниковъ русской школы. Кромѣ того, имъ было собрано большое количество рисунковъ различныхъ художниковъ, а также много рукописныхъ и иныхъ матеріаловъ для біографій русскихъ художниковъ XIX в. (письма художниковъ, каррикатуры ихъ и т. д.). Быковъ пользовался большою извѣстностью среди художниковъ и любителей искусства. Онъ состоялъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Академіи Художествъ, а также дѣйствительнымъ членомъ Общества Поощренія Художествъ. Нерѣдко Быковъ помогалъ молодымъ художникамъ, если они нуждались въ средствахъ для окончанія начатыхъ произведеній. Какъ гласный Петербургской Городской Думы, Быковъ среди своихъ товарищей пользовался уваженіемъ и вліяніемъ.

«Художественныя Новости» 1894 г., № 6, ст. 162—163. — «Всемірная Иллюстрація» 1889 г. № 793, стр. 258.

В. Г.

Быстровъ, *Иванъ Павловичъ*, библіографъ и писатель, род. 30 января 1797 г.; отецъ его былъ священникомъ въ Петербургѣ, при Казанскомъ соборѣ. Образованіе свое Б. получилъ въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Семинаріи, откуда былъ уволенъ въ 1818 г., и въ томъ же году поступилъ на службу копистомъ въ Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Имѣя съ юныхъ лѣтъ склонность къ литературѣ и научнымъ

занятіямъ, онъ тяготился этой, чуждой ему работой, но въ силу необходимости ему пришлось 12 лѣтъ прослужить въ различныхъ департаментахъ, пока въ 1830 г. онъ не попалъ въ Императорскую Публичную Библіотеку на должность помощника библіотекаря. Здѣсь онъ получилъ возможность всецѣло предаться любимымъ своимъ занятіямъ и быть вмѣстѣ съ тѣмъ крайне полезнымъ самой Библіотекѣ, гдѣ служилъ подъ начальствомъ баснописца И. А. Крылова. Поступленіе на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку сыграло важную роль въ направленіи литературныхъ работъ Б—ва. До поступленія своего туда онъ писалъ преимущественно беллетристическія произведенія шутливо-сатирическаго направленія; попавъ же въ Библіотеку, онъ весь отдался библіографіи и всевозможнымъ работамъ историческаго характера. Цѣлые дни проводилъ онъ въ Библіотекѣ за работой, пользуясь полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ тогдашняго директора Библіотеки А. Н. Оленина. Послѣ смерти Оленина Б. написалъ его біографію, которая, однако, осталась не напечатанной.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ Б. прослужилъ 18 лѣтъ и въ началѣ 1848 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора.

Своими обширными познаніями и литературными работами Быстровъ пріобрѣлъ широкую извѣстность въ научныхъ кругахъ, и безъ его содѣйствія не обходилось ни одно мало-мальски крупное изданіе, касавшееся русской исторіи и русской словесности. Онъ принималъ, напр., участіе въ «Описаніи Петербурга» Пушкарева, въ сочиненіи «Быта русскаго народа» Терещенки и др. Выходъ въ отставку не повліялъ на научныя работы Б—ва. Получивъ возможность отдавать этимъ работамъ и то время, которое отнимали у него служебныя обязанности въ Библіотекѣ, онъ сталъ работать еще интенсивнѣе; главнымъ образомъ съ этого времени и вплоть до своей смерти онъ постоянно занимался для извѣстнаго библіографа Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго. Между прочимъ, въ 1850 г., незадолго до смерти, Б. собирался сотрудничать въ «Современникѣ», гдѣ для него былъ предназначенъ уже особый отдѣлъ, подъ названіемъ «Старая русская журналистика».

Изъ беллетристическихъ произведеній Быстрова извѣстны: «Семиріада» и «Письма Поликарпа къ Ѳевроніи»; первое изъ нихъ не было вовсе въ печати; оно написано стихами и все испещрено латинскими словами. Скончался Быстровъ 5-го апрѣля 1850 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Вотъ списокъ сочиненій и работъ Б—ва: «Прозрѣніе въ будущее. Рукопись XII вѣка, съ примѣчаніями издателя Ивана Быстрова». СПБ. 1828 г.; — «Опытъ словаря гаданій и прорицалищъ, священныхъ праздниковъ и жертвоприношеній, существовавшихъ у древнихъ грековъ и римлянъ» СПБ. 1830 г.; — «Галедъ и Зонгосъ, или бредъ отчаяннаго Туркофила» (сцена близъ Миссолунги въ іюлѣ 1829 г.). Отрывокъ изъ путешествія И. Б., СПБ. 1830 г.— «Поликарпъ и Ѳевронія» (Попытка). Соч. Ивана Быстрова, СПБ. 1833 г.; — «Краткое свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Прокопія Петровича Ляпунова» СПБ. 1835 г.— «Опытъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ». Часть историческая. Выпускъ первый. СПБ. 1841 г.; — «Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 г. Изд. М. Ольхина. СПБ. 1846 г..— Въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи» — «Воспоминаніе о Петрѣ I», 1842 г., № 17; «Матеріалы для исторіи л.-гв. полковъ», № 28; — «Матеріалы для исторіи Русскаго флота», № 31, 34, 42; — Рецензія на книгу подъ названіемъ «Александро-Невская лавра» 1843 г., № 49;— Отрывокъ изъ письма къ редактору, подписанный И. Б. *Литовка*; здѣсь показаны ученые труды Ѳ. С. Шимкевича и упоминается о Сперанскомъ и Ѳ. Ф. Цвѣтаевѣ. 1847 г. № 136.—Въ «Литературной Газетѣ»: «Русскія Вѣдомости» 1703—1725 годовъ, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ» 1842 г., № 24, 25, 26, 31, 37, 38, 41.— «Древніе Русскіе календари» № 12. Въ «С.-Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Матеріалы для біографіи вице-адмирала Грейга» 1844 г., № 42; — «Спускъ корабля Святослава въ 1769 г.» № 43; «Матеріалы для исторіи Сестрорѣцкаго завода» № 46; «Открытіе С.-Петербургской губерніи» № 48;— «Автобіографія механика Кулибина» 1845 г. № 2.—Въ «Русскомъ Инвалидѣ»: Примѣчаніе къ баснѣ И. А. Крылова «Волкъ на псарнѣ» 1838 г., № 32.—Въ «Сѣверной Пчелѣ»: Рецензія на книгу подъ названіемъ «Краткая Географія для начинающихъ» 1837 г., № 190.—«Свѣдѣнія объ

иконѣ Ефесской» 1838 г., № 137.—«Замѣчанія на статью, помѣщенную въ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ подъ названіемъ «О первыхъ гражданскихъ шагахъ въ Россіи» 1839 г. № 185.—«Первопечатная русская пропись» 1843 г., № 102.—«Описаніе мирнаго торжества, бывшаго въ Петербургѣ 1775 г.» № 106.—«Матеріалы для исторіи л.-гв. полковъ» № 215.—«Матеріалы для жизнеописанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны» № 242.—«Замѣчанія на статью въ Русскомъ Инвалидѣ о библіотекѣ Смирдина» № 291.—«Матеріалы для біографіи Карамзина» 1844 г., № 3.—«Матеріалы для біографіи архіепископа Гавріила» № 56.—«Первая губернская публичная библіотека въ Россіи. Первая градская школа въ Петербургѣ» № 58.—«Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» № 205.—«Замѣчанія на статью, помѣщенную въ С.-Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: Императорская Публичная Библіотека» № 242;—«Замѣчанія на статью помѣщенную въ С.-Петербургскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ подъ названіемъ: «Александро-Невская лавра» 1845 г. № 35.—«Отрывки изъ записокъ моихъ объ И. А. Крыловѣ» № 203 и 208;—«Черта изъ жизни академика Круга» № 288;—Рецензія на книгу «Пантеонъ Русскихъ баснописцевъ» 1846 г., № 14.—«Отрывки изъ записокъ моихъ объ И. А. Крыловѣ» № 63 и 64.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота» № 172.—«Библіографическія замѣтки о началѣ книгопечатанія въ Ярославлѣ» № 253.—«Матеріалы для исторіи Русской литературы и библіографіи (Меркурій и Ангальтъ)» 1847 г., № 169.—«Объ архіепископѣ Ѳеодосіи Яновскомъ»—1848 г., № 123.

С. Венгеровъ, «Русскія книги».—Березинъ, «Энциклопедичечскій словарь».—Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопедическій словарь»; Н. Чернышевскій, «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы».—С. Полторацкій, «Библіографическія лѣтописи»—«Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1850 г. ч. LXVII стр. 47—48; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1850 г., № 138, стр. 535—536.

Б. Алексѣевскій.

Быстровъ, *Иванъ Семеновичъ*, врачъ, адъюнктъ-профессоръ Московской медико-хирургической академіи, ум. въ маѣ 1856 г. отъ холеры. Происходилъ изъ духовнаго званія, первоначальное образованіе получилъ въ Тамбовской семинаріи, а въ 1830 г. поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Московскую медико-хирургическую академію, откуда выпущенъ въ 1834 г. лѣкаремъ, причемъ награжденъ серебряной медалью и зачисленъ въ кирасирскій принца прусскаго полкъ. Съ 1837 до 1841 г. Б. былъ прозекторомъ анатоміи въ Московской академіи. Въ 1838 г. онъ получилъ въ харьковскомъ университетѣ степень доктора медицины и хирургіи. Въ академіи его обязанностью было, кромѣ прозектуры, чтеніе лекцій латинскаго языка (до 1840 г.). Въ 1840 г. онъ занялъ въ московской медико-хирургической академіи каѳедру анатоміи, въ званіи адъюнктъ-профессора, черезъ 2 года уволенъ изъ академіи и опредѣленъ ординаторомъ въ московскій военный госпиталь, съ 1843 г. былъ главнымъ лѣкаремъ воронежскаго военнаго госпиталя, въ 1848 г. занималъ такую-же должность въ ловичскомъ и затѣмъ въ келецкомъ военно-временныхъ госпиталяхъ, съ 1852 г. былъ младшимъ ординаторомъ новогеоргіевскаго, а съ 1853 г. старшимъ ординаторомъ варшавскаго военныхъ госпиталей. Въ слѣдующемъ году Быстровъ сталъ окружнымъ докторомъ полевыхъ госпиталей южной арміи; онъ былъ членомъ московскаго физико-медицинскаго общества. Напечаталъ слѣдующіе труды: 1) De aneurismate, diss. на степ. д-ра мед. и хир.—Харьковъ. 1838; 2) Общая анатомія.—М. 1842. Разборъ—въ «Запискахъ Дубовицкаго», 1844 г. Выдержки—въ «Другѣ Здравія» 1843 г., № 45; 3) Сложная аневризма дуги аорты («В.-Мед. журн.» 1843 г., ч. 41.); 4) Воспаленіе брюшныхъ венъ (тамъ-же, 1848 г., ч. 51, кн. II); 5) Размягченіе мозга (тамъ-же, ч. 51, кн. II); 6) Туберкулезная опухоль твердой оболочки мозга (тамъ-же, ч. 51, кн. II); 7) О болѣзняхъ въ Келецкомъ военномъ госпиталѣ съ іюня по ноябрь 1848 г. («В.-Мед. журн. 1849 г.», ч. 53, кн. I; то-же—въ «Med. Zeit. Russlands» 1851 г. 8) Такой-же отчетъ съ 1 ноября по 1 янв. 1849 г. (В.-Мед. ж.», 1850 г., ч. 55, кн. I); 9) Tumores encephaloides въ полости живота (по-польски—въ «Tygodn. Lek.» 1850 г., № 45.); 10) Мѣшетчатая туберкулезная киста въ передней полости грудной преграды («В.-Мед. Ж. 1851 г., ч. 57, кн. II); 11) Лѣченіе перемежающихся лихорадокъ мышьякомъ и белладонной съ хиной (тамъ-же, ч. 57, кн. II); 12) Мозговидная опухоль брюшныхъ внутренностей («Другъ Здравія»

1851 г., № 1); 13) Серозно-бѣлковинныя опухоли на груди и пояснице отъ лопаточной дискразіи (тамъ-же, 1852 г., № 13); 14) Внутреннее подкожное омертвѣніе съ воздушною опухолью мошонки (тамъ-же, № 19); 15) Взглядъ на холеру въ Царствѣ Польскомъ (тамъ-же, 1852 г., № 39); 16) Омертвѣніе легочной ткани (В.-Мед. журн.» 1852 г., ч. 60, кн. I); 17) Оспенный процессъ, переродившійся въ тифозный (тамъже, 1853 г., ч. 62, кн. I); 18) Анатомопатологическія (клиническія) наблюденія (тамъ-же, ч. 62, кн. I); 19) Брайтова болѣзнь, осложненная хроническ. бронхитомъ и Верлгофіевою болѣзнью, (тамъ-же, ч. 62, кн. I); 20) Изъ отчета о лѣченіи по атомистической системѣ л.-мед. Мандта въ Варшавск. военн. госпиталѣ (тамъ-же, 1853 г., ч. 62, кн. II; то-же въ «Др. Здр.» 1854 г.); 21) Обширное размягченіе мозга съ апоплектическою и гнойною кистою въ бѣломъ размягченномъ существѣ органа («В.-Мед. журн.» 1855 г., ч. 65, кн. I; то-же, «Др. Здр.» 1855 г., № 36); 22) Краткій отчетъ о хирургич. операціяхъ, произведенныхъ оврyжн. д-ромъ в.-временн. госпиталей южной арміи въ теченіе 1853—54 гг. (тамъ-же, ч. 65, кн. II).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», вып. I. С.-Пб. 1886.—Его-же, «Былое врачебной Россіи». кн. I, 1890 г., статья М. Соколова.

Н. К.

Быченскій, *Алексѣй Тимоѳеевичъ*, вице-адмиралъ. Поступивъ 13-го февраля 1782 г. въ Морской корпусъ кадетомъ, онъ 15-го мая 1785 г. былъ произведенъ въ гардемарины, послѣ чего въ теченіе трехъ лѣтъ (1785—1788 г.) находился въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ. 1-го мая 1787 г. Б. былъ произведенъ въ мичманы и въ слѣдующемъ году сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Копенгагенъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Повалишина. Произведенный 1-го мая того-же года въ лейтенанты, онъ въ 1789 г. вернулся въ Ревель; принявъ участіе въ Шведской кампаніи, Б. въ 1791 г., командуя шебекою «Прозерпина», участвовалъ въ Выборгскомъ и Роченсальмскомъ сраженіяхъ, при чемъ въ послѣднемъ былъ взятъ въ плѣнъ. Получивъ свободу, онъ въ теченіе 1791 г. находился при Ревельскомъ портѣ. Въ 1792 г., командуя одиннадцатью канонерскими лодками, Б. плавалъ для производства морскихъ измѣреній между Ревелемъ и Фридрихсгамомъ, въ 1793 г. находился въ Финскомъ заливѣ, а въ 1794 г., командуя плавучей батареей «Магнія» и гальотомъ «Св. Николай», плавалъ между Кронштадтомъ, Ригою и Роченсальмомъ. Въ 1795 г. въ эскадрѣ вице-адмирала Хоныкова Б. ходилъ изъ Роченсальма въ Копенгагенъ и обратно, а въ слѣдующихъ, 1796 и 1797 г., имѣя подъ своей командой катеръ «Ястребъ», находился въ Роченсальмскихъ шхерахъ и Роченсальмскомъ порту. Въ 1798 г. онъ былъ въ крейсерствѣ у Дагерорда, а въ 1799 и 1800 гг. былъ въ плаваніи у береговъ Англіи и въ крейсерствѣ въ Нѣмецкомъ морѣ у острова Текселя. Въ 1801 и 1802 гг. Б. находился въ кампаніи въ Балтійскомъ морѣ. Произведенный 9-го января 1803 г. въ капитанъ-лейтенанты, онъ, имѣя подъ своей командой корабль «Св. Пантелеймонъ», сдѣлалъ переходъ въ Ревель, гдѣ остался и въ 1804 г., командуя тѣмъ-же кораблемъ. Въ 1805 г. онъ находился въ кампаніи въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1806 г. сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта къ острову Корфу и въ теченіе 1807 г. плавалъ въ Архипелагѣ, принявъ участіе въ Аѳонскомъ сраженіи. Послѣ этого Б. на кораблѣ «Св. Елена» прибылъ въ Лиссабонъ, а оттуда въ Портсмутъ. Награжденный за 18 морскихъ кампаній орденомъ Георгія 4-ой ст., онъ въ 1809 г. вернулся изъ Портсмута въ Ригу. 1-го марта 1810 г. Быченскій былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и до конца года оставался въ Ревельскомъ портѣ, командуя 38-мъ корабельнымъ экипажемъ. Въ 1811 г. онъ участвовалъ въ проведеніи кораблей «Три Святителя» и «Мироносицы» изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Въ кампанію 1812—1814 г.г. Быченскій плавалъ у береговъ Англіи въ эскадрѣ адмирала Тета, командуя кораблемъ «Память Евстафія», въ 1814 г. на томъ-же кораблѣ пришелъ въ Шербургъ для принятія дессантныхъ войскъ, которыя вслѣдъ затѣмъ онъ благополучно доставилъ въ Кронштадтъ. Въ теченіе 1815 г. онъ командовалъ въ Кронштадтѣ 38-мъ экипажемъ. Произведенный 19-го апрѣля 1816 г. въ капитаны I-го ранга, Б. въ продолженіе этого и 1817 г. командовалъ 27-мъ экипажемъ въ Свеаборгѣ, а 7-го августа 1818 г. былъ назначенъ въ должность капитана надъ Кронштадскимъ портомъ. 30-го августа 1824 г. Быченскій былъ произведенъ въ капитанъ-командоры, а 6-го декабря 1827 г. въ контръ-адми-

ралы съ назначеніемъ командиромъ 1-ой бригады 3-ей балтійской флотской дивизіи. 29 января 1830 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ вице-адмиралы и умеръ въ 1850 г.

«Общій Морской Списокъ», ч. III, стр. 246 248.

Быченскій, *Иванъ Тимоѳеевичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ морского генералъ-аудиторіата. Род. въ 1774 г. и 2-го февраля 1782 г. поступилъ въ морской корпусъ кадетомъ. Произведенный въ гардемарины (1787), онъ принялъ участіе въ кампаніи въ Балтійскомъ морѣ и въ 1788 г. на кораблѣ «Мстиславъ» участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи, 1-го января 1789 г. произведенъ въ мичманы и на томъ же кораблѣ крейсеровалъ съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, принявъ участіе въ Эландскомъ сраженіи. Въ 1790 г. участвовалъ въ Выборгскомъ сраженіи, въ 1791 г. плавалъ между Кронштадтомъ и Ревелемъ, а въ 1792 г. находился при Ревельскомъ портѣ. Произведенный въ лейтенанты (1793 г.), Б. въ теченіе 1793—1795 г.г. ежегодно находился въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ, въ 1795 и въ 1796 г.г., на кораблѣ «Ретвизанъ», былъ въ кампаніи у береговъ Англіи, въ 1797 г. былъ командированъ въ Архангельскъ, откуда въ 1798 г. сдѣлалъ переходъ къ берегамъ Англіи и находился въ крейсерствѣ въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ 1799 и 1800 гг. онъ отправился отъ береговъ Англіи въ Средиземное море. Прибывъ къ острову Корфу, онъ сдѣлалъ отсюда переходъ въ Севастополь и въ 1801 г. вернулся берегомъ изъ Севастополя въ Петербургъ. Въ 1802 и 1803 г.г. Б. находился при Кронштадтскомъ портѣ. Въ 1804 г., командуя катеромъ «Гонецъ», онъ плавалъ между Кронштадтомъ и Монзундомъ, 31-го декабря былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и съ 1805 по 1808 гг. плавалъ въ Финскомъ заливѣ, въ 1808 г. получилъ въ команду корветъ «Помона» и по 1810 г. крейсеровалъ на немъ у Гангута и Гогланда. Въ 1810 г., имѣя подъ командой фрегатъ «Свеаборгъ», онъ крейсеровалъ у Красной Горки, а въ 1811 г. съ фрегатомъ «Быстрый» занималъ брантвахтенный постъ на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ тома-же году (2-го декабря) Б. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, въ 1812 г. съ фрегатомъ «Свеаборгъ» плавалъ между Кронштадтомъ и Ревелемъ, послѣ чего отправился къ берегамъ Англіи и въ 1813—1814 г.г. крейсерствовалъ съ англійскою эскадрою въ Нѣмецкомъ морѣ и у береговъ Франціи. Принявъ послѣ этого въ Шербургѣ дессантныя войска, онъ возвратился въ Кронштадтъ въ эскадрѣ адмирала Тета. Въ 1815 и 1816 г.г. Б. находился въ Кронштадтѣ, командуя 20-мъ экипажемъ, а въ 1817 г., командуя кораблемъ «Орелъ» ѣздилъ къ берегамъ Франціи для принятія въ Кале дессанта. Въ 1818 г. онъ командовалъ фрегатомъ «Свеаборгъ», на Кронштадскомъ рейдѣ, 14-го февраля 1819 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга съ назначеніемъ состоять въ должности капитана надъ Ревельскимъ портомъ и командовать 18-мъ флотскимъ экипажемъ. Съ 1823 по 1827 г. Б. состоялъ въ должности капитана надъ Астраханскимъ портомъ, а въ 1827 г. ему было поручено исполнять должность директора кораблестроительнаго департамента. 6-го декабря того-же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности директора, 6-го апрѣля 1835 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1837 г. былъ назначенъ членомъ морского генералъ-аудиторіата. Скончался въ С.-Петербургѣ 24-го апрѣля 1844 г.

«Общій Морской Списокъ», часть III, стр. 250—252; «Мѣсяцесловъ на 1845 г.», стр. 178.

Быченскій, *Филиппъ Тимоѳеевичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1760 г., ум. 10 марта 1829 г. Въ 1774 г. былъ принятъ въ морской кадетскій корпусъ и въ 1779 г. былъ опредѣленъ гардемариномъ въ Балтійскій флотъ. Произведенный въ 1781 г. въ мичмана, а въ 1788 г. въ лейтенанты, онъ участвовалъ на бомбардирскомъ кораблѣ «Побѣдитель» въ войнѣ со Швеціей 1788—1790 г.г., въ 1790 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1799 и 1800 гг., командуя фрегатомъ «Рига», принималъ участіе въ высадкѣ союзныхъ русско-англійскихъ войскъ въ Голландіи и за отличіе въ этомъ дѣлѣ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени. Въ 1802 г. за восемнадцать шестимѣсячныхъ морскихъ кампаній Б. получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., въ 1808 произведенъ въ капитанъ-командоры, въ 1809 г. былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ и назначенъ исправляющимъ обязанности капитана Херсонскаго порта. Въ 1816 г. Быченскій былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ начальникомъ учебной эскадры изъ 4-хъ кораблей, 3-хъ фре-

гатовъ и одного авизо. Въ 1818 г., за исключительную исправность въ своей эскадрѣ во время высочайшаго смотра, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а въ 1820 г. св. Владиміра 2-й ст. и произведенъ въ вице-адмиралы, въ каковомъ чинѣ и служилъ до своей смерти. Во время службы на Черномъ морѣ Быченскій не разъ исправлялъ обязанности и командира Черноморскаго флота.

Общій морской списокъ, т. V.—Записки Ученаго Комитета Главнаго Морского Штаба 1829 г., ч. III.—Кротковъ, повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. Спб. 1894 г. *Е. Л.*

Вьюговъ. *См.* **Віюковъ**.

Бѣгичевъ, *Владиміръ Петровичъ*, камеръ-юнкеръ, Управляющій Императорскими Московскими Театрами, писатель, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; род. 6-го мая 1828 г. въ Тулѣ. Образованіе онъ закончилъ въ Московскомъ Университетѣ, послѣ чего служилъ въ Казенной Палатѣ, въ Опекунскомъ Совѣтѣ и, наконецъ, при Императорскихъ Театрахъ. Одно время онъ управлялъ (по выборамъ) Московскимъ Дворянскимъ Собраніемъ. Назначенный управляющимъ Московскими Императорскими Театрами, Б. съ особенной любовью занялся переустройствомъ и преобразованіями какъ въ самой труппѣ, такъ и во внѣшней сторонѣ театральной обстановки. При немъ Московскій Малый Театръ сталъ давать самые крупные сборы. Отъ артистовъ онъ требовалъ, чтобы они всегда были готовы исполнить не только большія, но и маленькія роли; поэтому часто Шумскій и Самаринъ выходили въ небольшихъ роляхъ. Благодаря Бѣгичеву и при его содѣйствіи былъ созданъ уставъ нынѣшняго Театрально - Литературнаго Комитета, въ устройствѣ котораго онъ также принималъ участіе.

Отличаясь красивой наружностью и обладая живымъ и веселымъ характеромъ, Бѣгичевъ шумно и открыто жилъ въ Москвѣ, собирая въ своемъ домѣ самое разнообразное общество чиновной и артистической Москвы. Его описалъ Болеславъ Маркевичъ въ своемъ романѣ «Четверть вѣка назадъ»—въ лицѣ одного изъ своихъ героевъ—Ошанина. О его жизни въ Москвѣ имѣется много интересныхъ свѣдѣній въ запискахъ и воспоминаніяхъ покойнаго артиста Императорскихъ Театровъ Константина Николаевича де-Лазари (Константинова).

Бѣгичевъ много писалъ, преимущественно для сцены, и его произведенія ставились довольно часто. Онъ и самъ выступалъ иногда на сценѣ и имѣлъ успѣхъ. Скончался онъ въ Петербургѣ 17-го ноября 1891-го г. отъ грудной жабы и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Вотъ списокъ напечатанныхъ его произведеній: «Фофочка», водевиль въ 1 дѣйствіи. Подраж. франц. К. А. Тарновскаго и В. П. Бѣгичева, Спб. 1858 г.; «Сиротка», водевиль въ 1 дѣйствіи В. Б. и фонъ-Менгдена, Спб. 1859 г.; «Китайская роза», водевиль въ 1 дѣйствіи для домашняго театра. Заимств. изъ романа Ив. Бернара «La rose jaune», Маркевича и В. Б., Спб. 1860 г.; Комическая оперетка въ одномъ дѣйствіи (Содержаніе заимствовано съ франц.) И. В. фонъ-Менгдена и В. Б., Спб. 1859 г.; «Кошка и мышка», драма въ трехъ дѣйств. Перев. П. Каншина и В. Б., Москва. 1896 г.; «Извощикъ», комедія въ 2 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ. Пер. съ франц. Тарновскаго и В. Б. (списокъ драматическихъ сочиненій изд. 1888 г. № 1508);—«Отголоски прошлаго», комедія въ 1 д. Перев. съ франц. Тарновскаго и Б. (Тамъ же № 2673). «Примадонна», комедія въ 4 д. Перев. съ франц. (Тамъ-же № 3190); «Молнія», комическая опера въ 3 дѣйств. Соч. де-Планара и де-Сенъ-Жоржа. Перев. съ франц. В. Б. и Родиславскаго (Тамъ же № 2169). «Разочарованье», комедія въ 1 д. Перев. съ франц. В. Б. и П. Каншина (Тамъ же № 3240 и каталогъ пьесамъ членовъ общ. драм. пис.); «Друзья одолѣли», водевиль въ 1 дѣйств.) Списокъ драмат. сочин. изд. 1888 г. № 1064); «Нерѣшительный», водевиль въ 1 д. (Тамъ же № 2476); «Я ее поймаю», шутка въ 1 дѣйствіи (Тамъ же № 4394): «Школьный учитель», комедія въ 5 д. Пер. К. Тарновскаго и В. Б. (Каталогъ пьесъ общ. др. пис.); «Жаръ-Птица» См. т. II № 4605; «Бурное утро», комедія въ 1 д., пер. В. Б. Шиловской; «Іоанна Грей», драма въ 5 д. пер. М. Шиловской (В. Бѣгичева).

«Историческій Вѣстникъ» 1892 г., январь, стр. 291; Березинъ, «Энциклопедическій словарь»;—Толль «Дополненія;—Вольфъ, «Хроника С. П. Б. театровъ» ч. II;—«Всемірная Иллюстрація», Т. XLVI, стр. 358;—«Новое Время» 1891 г., № 5640 и 5641; С. А. Венгеровъ, «Русскія книги съ біо-

графическими данными объ авторахъ и переводчикахъ», Вып. XXIX, стр. 387;—«Русская Старина» 1873 г., Т. XV. *Б. Алексѣевскій.*

Бѣгичевъ, *Дмитрій Никитичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, писатель; родился 17-го сентября 1786 г., происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Тульской губерніи. Образованіе свое получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, въ который былъ принятъ пажомъ 9-го ноября 1796 г. и 10-го августа 1802 г. изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ въ корнеты Александрійскаго гусарскаго полка. 21-го августа того же года онъ оставилъ военную службу, зачислившись актуаріусомъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но уже 18-го ноября 1803 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ переводчика. Пробывъ недолгое время въ отставкѣ, Б. 2-го февраля 1804 г. вновь вступилъ въ военную службу, въ томъ же чинѣ корнета, въ Чугуевскій казачій регулярный полкъ съ назначеніемъ инспекторскимъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Кологривову. Произведенный 11-го мая того же года въ поручики, онъ въ слѣдующемъ 1805 г. принялъ съ своимъ полкомъ участіе въ походѣ въ Австрію и 20-го ноября сражался въ неудачномъ для насъ бою подъ Аустерлицемъ. 1-го марта 1806 г. Б. переведенъ былъ въ лейбъ-гв. Гусарскій полкъ, гдѣ 15-го января 1807 г, былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, а 20-го мая 1808 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Выступивъ съ своимъ полкомъ въ Пруссію, онъ принялъ участіе въ сраженіяхъ: подъ Гутштатомъ (24-го мая 1807 г.), затѣмъ въ отрядѣ для прикрытія праваго фланга арміи при деревнѣ Альткирхенъ (26-го мая), подъ городомъ Гейльсбергомъ (27-го, 28-го и 30-го мая) и, наконецъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Фридландомъ (1-го и 2-го іюля того же года), причемъ исполнялъ важныя порученія, будучи посылаемъ съ различными приказаніями въ самыя опасныя мѣста. 15-го ноября 1808 г. Б. былъ совсѣмъ уволенъ изъ военной службы съ тѣмъ же чиномъ штабсъ-ротмистра, при чемъ 8-го декабря того же года ему былъ пожалованъ за проявленную имъ храбрость въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ Королевско-Прусскій орденъ «за заслуги». 3-го января 1813 г. Бѣгичевъ снова поступилъ въ военную службу въ тотъ же лейбъ-гв. Гусарскій полкъ и былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу отъ кавалеріи Кологривову, 21-го сентября того же года былъ произведенъ въ ротмистры, а 17-го августа 1817 года въ полковники съ переводомъ въ Иркутскій Гусарскій полкъ. Назначенный 12-го февраля 1819 г. дежурнымъ штабъ-офицеромъ 2-го Пѣхотнаго Корпуса, онъ 6-го ноября того же года былъ уволенъ отъ службы съ тѣмъ же чиномъ и болѣе десяти лѣтъ жилъ, преимущественно, въ Москвѣ, несвязанный никакой службой. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ на должность Воронежскаго губернатора съ переименованіемъ (28-го января) въ статскіе совѣтники. Въ Воронежѣ онъ оставался въ теченіе шести лѣтъ, и этотъ періодъ въ его жизни былъ самымъ плодотворнымъ въ его литературной дѣятельности. Многія лица тогдашней Воронежской администраціи и высшаго мѣстнаго общества послужили прототипами героевъ его произведеній. Сохранилось извѣстіе, что онъ оказывалъ покровительство поэту Кольцову, благодаря чему молодому поэту удалось выбиться изъ той среды, которая его окружала. Какъ губернаторъ, Б. проявилъ въ 1831 г. особенную распорядительность по прекращенію холеры въ Воронежской губерніи, за что ему было назначено производство вмѣсто аренды не въ примѣръ другимъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ по 1000 рублей. 9-го марта 1832 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 13-го іюля 1836 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 3 Отдѣленія 5-го Департамента Прав. Сената, а 29-го октября того же года былъ перемѣщенъ на ту же должность въ 1 Отдѣленіе того же Департамента, въ 1837 г. (мая 17-го) получилъ новое назначеніе—въ члены Временного Совѣта для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ, съ откомандированіемъ отъ обязанностей оберъ-прокурора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 2-го іюня того же года, на него было возложено управленіе Департаментомъ на правахъ директора по губерніямъ Великороссійскимъ, Малороссійскимъ, Новороссійскимъ, Грузіи, Бессарабіи и объ имѣніяхъ, поступившихъ въ разныхъ губерніяхъ изъ удѣльнаго вѣдомства. 29-го декабря 1837 г. Б. былъ назначенъ Членомъ Временной Комиссіи по дѣламъ Принцевъ Александра и Эрнеста Виртембергскихъ, а 30-го декабря 1840 г.

ему было повелѣно присутствовать въ Прав. Сенатѣ съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ производилъ ревизію Орловской и Калужской губ. и въ частности дѣлалъ негласное разслѣдованіе о дѣйствіяхъ Орловскаго Гражданскаго Губернатора Васильчикова. 4-го ноября 1843 г. ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла, а 24-го декабря того же года онъ былъ перемѣщенъ въ 8-ой департаментъ Прав. Сената. 14-го мая 1844 г. Б. былъ назначенъ Попечителемъ Московскаго Дома Трудолюбія. По званію сенатора, Б. присутствовалъ также въ 7 и 6 Департаментахъ Сената, а 31-го мая 1849 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность Первоприсутствующаго въ соединенномъ Присутствіи 1-го и 2-го отдѣленій 6-го Департамента. Назначенный, еще въ 1846 г., Членомъ Главного Совѣта для управленія Женскими Учебными Заведеніями, онъ 1-го іюля 1850 г. получилъ Высочайшую признательность за успѣшныя дѣйствія въ 1849 г. по распространенію общаго женскаго образованія.

Скончался Бѣгичевъ въ Москвѣ 11-го ноября 1855 г.

Въ свое время Бѣгичевъ былъ извѣстенъ литературными произведеніями. Писалъ онъ преимущественно романы бытового характера, но, не обладая ни крупнымъ талантомъ, ни особенной оригинальностью, далеко уступалъ подходившему къ нему по направленію своихъ произведеній романисту Загоскину. Вотъ списокъ его произведеній: «Семейство Холмскихъ. Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ. 6 частей, М. 1832 г. Это произведеніе выдержало три изданія: Изд. 2-ое—Москва 1823 г. и Изд. 3-е.—М. 1841 г.; «Провинціальныя сцены», Соч. автора «Семейство Холмскихъ», Спб. 1840 г.; «Ольга. Бытъ русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія». Сочиненіе автора «Семейства Холмскихъ», 4 части, Спб. 1840 г.; «Послѣдствіе услуги, оказанной кстати и во время», Спб. 1842 г.; «Записки губернскаго чиновника», Спб. 1845 г.; «Бытъ русскаго дворянина въ разныхъ эпохахъ и обстоятельствахъ его жизни. Сборникъ, изданный авторомъ «Семейства Холмскихъ». М. 1851 г.

«Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ ред. Шляпкина, Спб. 1889 г., Т. I; Формулярный списокъ о службѣ Сенатора 2-го отд. 6-го Департамента Сената отъ 25 сентября 1851 г.; «Пажи за 183 года» (1711—1894). Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Собр. и изд. О. Р. фонъ Фреймавъ. Фридрихсгамнъ. 1894 г., стр. 125; С. А. Венгеровъ, «Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ», выпускъ XXIX, стр. 387—388.

Б. Алексѣевскій.

Бѣгичевъ, *Степанъ Никитичъ*, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Вступивъ въ 1795 г. въ Пажескій корпусъ, онъ 2-го августа 1802 г. былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты Александрійскаго гусарскаго полка, а 21-го августа того-же года переведенъ, съ чиномъ прапорщика, въ Олонецкій мушкатерскій полкъ; 21-го сентября 1803 г. по болѣзни вышелъ въ отставку. Принадлежа къ Тульскому дворянству, онъ въ 1807 г. вновь поступилъ на службу въ избранный изъ Тульской милиціи баталіонъ стрѣлковъ. 13-го января 1813 г. онъ опредѣлился снова въ регулярныя войска—корнетомъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ своему родственнику, А. С. Кологривову. Къ этому времени относится первое знакомство Бѣгичева съ А. С. Грибоѣдовымъ; отсюда началаоь ихъ дружба, продолжавшаяся до смерти поэта. 21-го мая 1813 г. Б. былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ съ оставленіемъ въ прежней должности адъютанта. Произведенный въ 1814 г. въ поручики, онъ 26-го января 1817 г. былъ отчисленъ во фронтъ, а 13-го марта 1818 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Находясь въ гвардейскомъ отрядѣ, Бѣгичевъ въ 1817 г. ходилъ съ этимъ отрядомъ походомъ въ Москву, гдѣ исполнялъ должность адъютанта гвардейской кавалерійской бригады. Произведенный 13-го марта 1819 г. въ ротмистры, Б. 9-го іюля того-же года былъ переведенъ въ Тираспольскій конно-егерскій полкъ подполковникомъ, а 15-го сентября 1823 г. вышелъ въ отставку за болѣзнью съ чиномъ полковника.

Не имѣя никогда влеченія къ военной службѣ, Б. всегда стремился къ покойной семейной жизни и, женившись въ годъ выхода своего въ отставку на дѣвушкѣ съ крупными средствами, онъ переселился въ Москву и зажилъ тою просвѣщенно-барскою жизнью, какою живали въ то время въ Москвѣ многіе представители тогдашней русской интеллигенціи. Въ его домѣ собирались представители избраннаго

общества, многіе литераторы и художники. Тамъ можно было встрѣтить въ 20-хъ годахъ кн. В. Одоевскаго, Д. В. Давыдова, В. К. Кюхельбекера и др. Грибоѣдовъ, конечно, былъ постояннымъ посѣтителемъ этого дома, и Бѣгичевъ велъ съ нимъ постоянную переписку, сообщая ему все, что могло интересовать Грибоѣдова въ жизни тогдашняго Московскаго общества и ихъ ближнихъ друзей. Бѣгичевъ былъ членомъ «Союза Благоденствія», куда былъ принятъ въ 1817 г., во время нахожденія гвардейскаго отряда въ Москвѣ, Никитою Муравьевымъ. Принадлежность его къ заговору декабристовъ раскрылъ на допросѣ въ слѣдственномъ комитетѣ декабристъ Ивашевъ, показавъ при этомъ, что потомъ Бѣгичевъ «отсталъ». Произведенное по этому поводу дознаніе и опросъ многихъ извѣстныхъ декабристовъ подтвердили это послѣднее извѣстіе, и 24-го марта 1826 г. комитетъ постановилъ: «отставного ротмистра Бѣгичева внести въ списокъ 42-хъ отставшихъ членовъ Союза Благоденствія, кои оставлены безъ вниманія». Бѣгичевъ жилъ или въ Москвѣ, или въ своей Тульской деревнѣ, въ селѣ Екатериновскомъ (Епифанскаго уѣзда). Здѣсь у него часто живалъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и здѣсь, въ деревенской глуши, имъ написаны III и IV акты его безсмертной комедіи. Принимая очень близко къ сердцу все, что касалось его знаменитаго друга, Степанъ Никитичъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, настоялъ на томъ, чтобы Грибоѣдовъ принялъ на себя обязанности посла въ Персіи и ѣхалъ туда. Трагическая кончина Грибоѣдова сильно поразила Бѣгичева: онъ страшно посѣдѣлъ, считая себя главнымъ виновникомъ его гибели. Скончался онъ 22-го августа 1859 г. въ с. Екатериновскомъ.

«Сборникъ біографій Кавалергардовъ» 1826—1801. Спб. 1906 г., стр. 255—258.—«Пажи за 183 г. (1711—1894) Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Собр. и изд. О. Р. фонъ-Фрейманъ. Фридрихсгамнъ. 1894 г.. стр. 125;—Ксенофонтъ Полевой, «Записки», стр. 297;—«Русская Старина» 1876 г., Т. XV, № 1, стр. 223—224;—«Починъ» 1886 г., стр. 456—459;—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Т. I. Спб. 1889.

Б. Алексѣевскій.

Бѣлавенецъ, *Иванъ Петровичъ,* капитанъ 1-го ранга, писатель и изслѣдователь въ области научной навигаціи. Изъ дворянъ Смоленской губерніи, род. въ маѣ 1830 г. и первоначальное образованіе получилъ въ Морскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ гардемарины 24-го августа 1846 г. Произведенный (1848 г.) въ мичманы, онъ былъ оставленъ въ офицерскомъ классѣ (нынѣ Академія), съ 1848 г. по 1851 г. крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ на корабляхъ «Березина», «Кацбахъ» и «Ретвизанъ», фрегатахъ: «Постоянство» и «Церера», на корветѣ «Наваринъ» и транспортѣ «Америка», 7-го августа 1851 г. произведенъ въ лейтенанты и въ теченіе 1852 и 1853 г.г. совершилъ кругосвѣтное плаваніе отъ Кронштадта къ берегамъ Японіи на фрегатѣ «Паллада», и во время этого путешествія занимался астрономическими и магнитными наблюденіями и преподавалъ гардемаринамъ навигацію, астрономію и физику. Командированный на винтовую шхуну «Востокъ», онъ принималъ участіе въ описи и опредѣленіи астрономическихъ пунктовъ на берегахъ Кореи и только въ 1854 г. возвратился въ Кронштадтъ, совершивъ это путешествіе берегомъ Сибири. Въ 1855 г. по собственному желанію онъ былъ командированъ въ Севастополь, гдѣ былъ назначенъ командовать батареей на Театральной площади, при чемъ 23-го апрѣля былъ сильно контуженъ въ голову. Вернувшись въ Кронштадтъ, Б. получилъ назначеніе состоять при вицѣ-адміралѣ фонъ-Шанцѣ флагъ-офицеромъ на пароходо-фрегатѣ «Камчатка», на маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ, для защиты Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота, а вскорѣ получилъ въ команду винтовую лодку «Стерлядь». По заключеніи мира, Б. былъ командированъ, въ 1856 г., въ Сѣверную Америку на строившійся тамъ фрегатъ «Генералъ-адмиралъ», съ которымъ въ 1859 г. вернулся въ Кронштадтъ, благополучно проведя его черезъ океанъ. Въ 1860 г. Бѣлавенецъ командовалъ пароходомъ «Курьеръ» въ Финскомъ заливѣ и 17-го октября того-же года былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1861 г. съ тѣмъ-же пароходомъ «Курьеръ», которымъ онъ продолжалъ командовать, ходилъ по Балтійскимъ портамъ. Въ это же время имъ былъ сдѣланъ въ Кронштадтѣ рядъ магнитныхъ наблюденій, послѣ чего онъ назначилъ на стѣнкахъ гаваней истинные пеленги для опредѣленія по нимъ девіаціи судовыхъ компасовъ на рейдѣ. Въ 1862 г. Б. былъ командированъ въ Англію, на Лондонскую всемірную выставку, для собранія свѣдѣній

по гидрографіи и для ознакомленія съ вопросами о девіаціи компасовъ. Здѣсь онъ былъ избранъ кореспондентомъ Британскаго съѣзда ученыхъ и членомъ жюри по части морскихъ наукъ и навигаціи.

Вернувшись въ Россію въ 1863 г., Б. прочелъ въ Кронштадтѣ шесть публичныхъ лекцій о «Девіаціи компасовъ и о компасной обсерваторіи», а вскорѣ послѣ этого былъ вторично командированъ въ Англію для производства магнитныхъ наблюденій на строившейся броненосной батареѣ «Первенецъ» и для установки тамъ компасовъ. По возвращеніи изъ Англіи, ему было поручено изслѣдованіе магнитизма на вновь строившихся броненосныхъ батареяхъ и мониторахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался изслѣдованіемъ возможности установки компаса на подводныхъ лодкахъ.

15-го марта 1865 г. Б. былъ назначенъ начальникомъ только что въ этомъ году устроенной компасной Обсерваторіи въ Кронштадтѣ и пожалованъ золотымъ компасомъ, украшенномъ бриллiантами, съ надписью: «за полезные и ученые труды капитанъ-лейтенанту Бѣлавенцу». Въ этомъ же году онъ опять ѣздилъ въ Англію, командированный туда для заказа инструментовъ на компасную обсерваторію и для собранія свѣдѣній по девіаціи компасовъ, а 27-го марта 1866 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1870 г. во время путешествія Вел. Князя Алексѣя Александровича по рѣкамъ и озерамъ до Архангельска, онъ находился въ экспедиціи для производства магнитныхъ наблюденій, снаряженной одновременно съ этимъ путешествіемъ; въ Архангельскѣ онъ сѣлъ на шхуну «Секстанъ» и плавалъ на ней къ Мурманскому берегу, въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, послѣ чего на клиперѣ «Жемчугъ» сдѣлалъ переходъ въ Кронштадтъ. 1 го января 1871 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Умеръ 22-го февраля 1878 г.

Научные труды Бѣлавенца по девіаціи компаса и его обширныя литературныя сочиненія, печатавшіяся, преимущественно, въ «Морскомъ Сборникѣ», доставили ему довольно широкую извѣстность въ морскихъ кругахъ и дали ему возможность, въ качествѣ начальника компасной обсерваторіи, примѣнять на дѣлѣ сдѣланныя имъ наблюденія и открытія. Завѣдуя этой обсерваторіей, онъ несъ, главнымъ образомъ, обязанности по установкѣ компасовъ и опредѣленію девіаціи на всѣхъ судахъ нашего флота; по его наблюденіямъ и вычисленіямъ были установлены компасы на всѣхъ мониторахъ и желѣзныхъ броненосныхъ судахъ и на «поповкахъ», на которыхъ ему пришлось примѣнить новые пріемы, такъ какъ суда эти имѣли круглую форму. Онъ изобрѣлъ особый приборъ для устраненія девіаціи и усовершенствовалъ многіе морскіе инструменты. Стараніями Б. были также, между прочимъ, основаны въ Кронштадтѣ первые литературные вечера и «Дѣтская Библіотека».

Вотъ списокъ сочиненій Б—ца: «Новый высотомѣрный инструментъ г. Оака» (Изъ «Морского Сборника» 1860 г., № 9), СПБ. 1860 г., съ чертежами въ текстѣ;—«Инструменты, употребляемые описными офицерами Соединенныхъ Штатовъ» (Изъ «Морск. Сбор.» 1860 г.); «Извлеченіе изъ отчетовъ Ливерпульской компасной коммиссіи за 1855 и 1856 г.» 2 статьи (Оттискъ изъ «Морского Сбор.», №№ 7 и 8, 1861 г.);—«Взглядъ на современную потребность разрѣшенія задачъ мореплаванія и способъ устройства магнитныхъ пеленговъ въ Кронштадтѣ». Оттискъ (оттуда-же) № 4,—«Ледяной промыселъ. Торговля льдомъ въ Америкѣ, способы очистки и рѣзки льда, инструменты, для этого употребляемые, устройство ледниковъ, система подъема льда лошадьми и машинами, траспортировка льда моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ, потребность развитія ледяного промысла въ Россіи» (Оттискъ оттуда-же, № 10);—«Описаніе инструментовъ кораблевожденія, представленныхъ на всемірную выставку въ Лондонѣ въ 1862 г.» (компасы, барометръ и сфереометръ) (Оттискъ оттуда-же 1862 г., № 8); тоже: Термометры, лоты, лагъ, дальномѣръ и секстонты (Оттискъ оттуда-же);—«Новый и точный способъ опредѣлять мѣсто судна въ морѣ по проекціи на меркаторской портъ Т. Сомнера». Перев. И. Бѣлавенца, СПБ. 1863 г.;—«По поводу изобрѣтенія г. Джизборна» (О компасѣ) (Оттискъ изъ «Морского Сборника» 1863 г., № 9);—«О девіаціи компасовъ и компасной обсерваторіи». СПБ. 1863 (Приложеніе къ № 11 «Морского Сборника»); — «О девіаціи компасовъ и о дигограммахъ, съ приложеніемъ статьи о магнитномъ состояніи желѣзнаго броненосца «Первенецъ». СПБ. 1865 г.;—«Бланки для вычисленія девіаціи и магнитныхъ наблюденій на суднѣ». СПБ. 1865 г.;—«Біографи-

ческій очеркъ Арчибальда Смита». СПБ. 1865 г. (на русскомъ и англійскомъ языкахъ);—«Первое дополненіе къ сочиненію о девіаціи компасовъ и о дигограммахъ». 1866 г. Кромѣ того, имъ было выпущено 5 дополненій къ этому сочиненію въ 1867, 1869, 1871, 1872 и 1875 г.;—«Установка компасовъ внутри желѣзной лодки». СПБ. 1867 г.;—«Магнитныя наблюденія, произведенныя во время плаванія Великаго Князя Алексія Александровича рѣчнымъ путемъ изъ Петербурга въ Архангельскъ, Бѣлымъ моремъ и сѣвернымъ ледовитымъ океаномъ въ 1870 году». СПБ. 1871 г.;—«Девіаціонный приборъ И. П. Бѣлавенца» (текстъ англійскій и русскій);—«Логарифмы и соотвѣтствующія числа на четыре цифры» (на одномъ листкѣ) СПБ.;—«О необходимости постоянныхъ наблюденій надъ компасами».

«Исторія Импер. Русскаго Географ. Общества»; «Общій Морской Списокъ», Ч IX, стр.—366—370;—С. А. Венгеровъ, «Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ». Вып. XXIX стр. 390—391;—«Брокгаузъ и Ефронъ»; Березинъ «Энциклопедическій Словарь»;—«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1897 г., № 24;—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1878 г., № 57; Венгеровъ «Словарь», Т. V. *В. Алексѣевскій.*

Бѣлевскіе, князья, вѣтвь рода князей Одоевскихъ: князь *Михаилъ Васильевичъ*, сынъ князя Василія Романовича Одоевскаго, внукъ князя Романа Семеновича Новосильскаго и Одоевскаго, былъ княземъ Бѣлевскимъ, и отъ его сына, князя *Василія Михайловича* Бѣлевскаго, пошелъ родъ князей Бѣлевскихъ въ лицѣ трехъ представителей его: князей *Ивана*, *Андрея и Василія Васильевичей*. (см. ниже), бывшихъ сперва подъ властью великихъ князей литовскихъ, но въ девяностыхъ годахъ XV ст. перешедшихъ подъ власть великаго князя московскаго. По договору 1494 г. уже всѣ князья Бѣлевскіе остались подъ Москвой, но пробыли они здѣсь не долго: въ половинѣ XVI в., со смертью князя *Ивана Ивановича* Бѣлевскаго (см. ниже), родъ этотъ угасъ.

Е. Л.

Бѣлевскій, князь *Андрей Васильевичъ*, сынъ князя Василія Михайловича, до 1493 г. служилъ Литвѣ. Въ 1492 г. онъ подвергся нападенію со стороны своего брата, князя Ивана Васильевича, служившаго въ то время Москвѣ. Въ 1493 г вмѣстѣ съ своимъ другимъ братомъ, княземъ *Василіемъ Васильевичемъ* Бѣлевскимъ, повидимому не получая никакой защиты отъ литовскаго великаго князя противъ нападенія московскихъ служилыхъ князей, самъ «отѣхалъ» къ Москвѣ, несмотря на протесты литовскаго великаго князя Александра, который заявлялъ, что «мы ихъ исъ тое присяги не выпускаемъ». Послѣ этого онъ уже вмѣстѣ съ своими братьями началъ и самъ грабить литовскія области и вмѣстѣ же съ своими братьями принималъ участіе и въ московскихъ походахъ: въ 1507 г. участвовалъ въ отраженіи татаръ отъ южныхъ границъ московскаго государства, въ 1513 г. участвовалъ въ передовомъ полку въ походѣ подъ Смоленскъ, въ 1514 г. былъ воеводой, сперва на Вошанѣ, а потомъ былъ посланъ первымъ воеводой сторожевого полка на Украйну и стоялъ у Бѣлева. Послѣ этого свѣдѣній о князѣ А. В. Бѣлевскомъ мы не имѣемъ, и годъ его смерти не извѣстенъ.

Спиридовъ, Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ (Рукопись Имп. Публ. Библ.), IV, 519.—Сборникъ Русск. Историч. Общ., XXXV; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VI, 147, VII пр. 94.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.—Разрядная Книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I), стр. 16, 17, 48, 61.—Сборникъ Муханова, 56, 59. *Е. Л.*

Бѣлевскій, князь *Иванъ Васильевичъ*, сынъ князя Василія Михайловича, ум. въ 1523 г. До 1490 г. онъ находился въ подданствѣ у великаго князя литовскаго, но, повидимому, и въ это время уже служилъ великому князю Московскому: въ 1488 г. посолъ великаго князя Іоанна III, Михаилъ Еропкинъ, жаловался польскому королю Казимиру, что «билъ намъ челомъ нашъ слуга князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевской, а сказываетъ, что деи ему много обидъ чинится отъ князя отъ Дмитрея, да отъ князь Семена Воротынскихъ; людей у него имаютъ и грабятъ и головами сводятъ и продаютъ; и нынѣча де его люди у нихъ переиманы, въ тюрьмѣ сидятъ; и онъ, сказываетъ, неединова къ нимъ посылалъ о своихъ обидахъ, и они деи ему не дадутъ управы ни въ чемъ». Великій князь требовалъ возвращенія всего отнятаго у князя Ивана и примѣрнаго наказанія Воротынскихъ князей за самоуправство. Такимъ образомъ, еще до 1490 г. великій князь Іоаннъ III называлъ князя Ивана «нашъ слуга», но окончательно перешелъ онъ на службу къ Москвѣ только въ 1490 г., не-

смотря на энергичные протесты короля Казимира. Послѣ этого, надѣясь на заступничество Іоанна, онъ уже свободнѣе началъ свои набѣги на литовскія области и на удѣльныхъ князей, державшихъ сторону Литвы. Уже въ 1492 г. король Казимиръ жаловался на него, что онъ напалъ на своего же родного брата, князя Андрея Васильевича, державшаго еще сторону Литвы, захватилъ своего другого брата, князя Василія, и привелъ къ крестному цѣлованію, «штобы ему намъ не служити, а князя Андрѣеву Васильевичя отчиму, который намъ служитъ за себе взялъ и бояръ его и слугъ и чорныхъ людей поималъ и крестному цѣлованію привелъ». Въ 1494 г. князь Иванъ Васильевичъ, уже вмѣстѣ съ своими братьями захватилъ весь удѣлъ Мезецкихъ князей; въ 1498 г. у него снова вышли недоразумѣнія съ литовскими людьми, но на этотъ разъ жаловался уже князь Иванъ, что литовскіе люди, ходившіе вмѣстѣ съ нимъ противъ татаръ, на обратномъ пути «княжихъ Ивановыхъ людей пограбили, а грабежа взяли коней, и платья, и иные рухляди на восмьдесять рублевъ». Вмѣстѣ съ этими грабежами князя Ивана, за которые постоянно приходилось вступаться великому князю, шла и его ревностная служба Москвѣ: въ 1507 г. онъ, вмѣстѣ съ другими великокняжескими воеводами, разбилъ близъ Оки татаръ, сдѣлавшихъ въ этомъ году набѣгъ на Украйну и гналъ ихъ до рѣчки Рыбницы, въ 1512 г. онъ снова выступилъ противъ татаръ и отражалъ ихъ нападенія на Козельскія мѣста, въ 1513 г. участвовалъ въ походѣ великаго князя подъ Смоленскъ и былъ оставленъ имъ первымъ воеводой сторожевого полка подъ Тулой. Въ 1514 г. князь Бѣлевскій въ награду за свою службу былъ пожалованъ въ бояре.

Спиридовъ, Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 518—519.—Сборникъ Русск. Историч. Общ. XXXV. Соловьевъ, Ист. Россіи.—Карамзинъ, И. Г. Р.—Сборн. Муханова 94.—Полн. Собр. Рус. Лѣт.—Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1902), стр. 45, 47, 51, 56. *Е. Л.*

Бѣлевскій, князь *Иванъ Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Васильевича, упоминается впервые въ 1520 г., когда былъ головой въ войскахъ на Угрѣ; въ 1521 г. былъ тамъ же. Въ 1531 г. князь Бѣлевскій сидѣлъ сперва въ Тулѣ вторымъ воеводой, а потомъ, по вѣстямъ о нашествіи крымцевъ, былъ посланъ къ Одоеву. Въ 1532 г. онъ былъ первымъ воеводой сторожевого полку сперва въ Козельскѣ, потомъ въ Тулѣ и, наконецъ, въ Сенькинѣ; въ 1533 г. онъ былъ четвертымъ воеводой въ Бѣлевѣ, въ 1534 г.—вторымъ воеводой въ Коломнѣ и отсюда былъ посланъ первымъ воеводой сторожевого полка въ походъ на Литву, для опустошенія литовскихъ областей; ходилъ до самой Вильны, откуда перешелъ въ Лифляндію, и въ мартѣ 1536 г. вернулся къ Опочкѣ. Въ 1536 г. князю Ивану Ивановичу было приказано быть «отъ поля и по берегу» въ Коломнѣ вторымъ воеводой лѣвой руки, но «князь Іванъ тогды на Коломне не былъ, а былъ у себя въ Белеве».

Послѣ этого, извѣстія о князѣ Иванѣ Ивановичѣ прекращаются до 1541 г., когда мы его находимъ однимъ изъ воеводъ въ Бѣлевѣ, откуда онъ былъ посланъ въ Литву вторымъ воеводой правой руки. Въ 1544 г. онъ участвовалъ въ походѣ на Казань, а въ 1551 г.—въ Полоцкомъ походѣ. Съ его смертью, годъ которой неизвѣстенъ, угасъ и родъ князей Бѣлевскихъ.

Спиридовъ, Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 519—520. —Полн. Собр. Рус. Лѣт.—Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I), стр. 70, 83, 84, 85, 88, 89, 91, 94, 96, 99. *Е. Л.*

Бѣлевцовъ, *Дмитрій Николаевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, почетный опекунъ; род. въ 1800 г., умеръ 7 іюля 1883 г. Начавъ службу въ 1815 г., онъ два года спустя былъ опредѣленъ въ л. гв. Финляндскій полкъ. Въ Турецкую войну 1828 и 1829 г.г. Б., уже въ чинѣ капитана, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ; затѣмъ, будучи полковникомъ л. гв. Преображенскаго полка, находился въ сраженіяхъ во время Польской кампаніи 1830 и 1831 гг., а въ 1837 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Оставивъ въ 1841 г. военную службу, Б. въ 1843 г. былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Курской губерніи и занималъ ее въ теченіе двухъ трехлѣтій, обративъ общее вниманіе на свою полезную дѣятельность въ 1847 г., во время охватившей Курскъ холерной эпидеміи. Въ 1855 г., съ созваніемъ народнаго ополченія, Б. сталъ во главѣ Курскаго ополченія и, командуя имъ, особенно отличился въ битвѣ при р. Черной, гдѣ, по приказанію кн. Горчакова, принялъ затѣмъ

начальство надъ 5-ю пѣхотною дивизіею. Вступивъ снова на дѣйствительную службу, онъ долго командовалъ 14 пѣхотною дивизіею, послѣ того въ теченіе 12 лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ военно-судной комиссіи при Московскомъ Ордонансъ-Гаузѣ и въ 1861 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Сохраняя это званіе, Б., въ теченіе дальнѣйшей своей службы, занималъ должности директора Николаевской Измайловской Военной Богадѣльни и члена Совѣта Елизаветинскаго училища въ Москвѣ, по хозяйственной части. Ко дню 50-лѣтія службы, въ 1876 г., онъ былъ пожалованъ брилліантовыми знаками къ ордену св. Александра Невскаго, а въ 1881 г., 22-го іюля, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Скончался въ Москвѣ.

«Новое Время» 1883 г. № 2651; «Юбилей Д. Н. Бѣлевцова» М. 1876 г. *Д. С-въ.*

Бѣленченко, *Александръ Ивановичъ*, Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, родился 10-го іюля 1827 г. Получивъ военное воспитаніе, въ 1845 г. былъ произведенъ въ офицеры въ Конную артиллерію, откуда въ очень скоромъ времени поступилъ въ академію Генеральнаго штаба и по окончаніи въ 1849 г. курса былъ зачисленъ въ Генеральный штабъ, а затѣмъ назначенъ старшимъ адъютантомъ при штабѣ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, при коемъ протекла большая часть его службы. Назначенный состоять главнымъ инспекторомъ по пересылкѣ арестантовъ, Бѣленченко въ 1867 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1879 г. въ генералъ-лейтенанты. Съ 1880 г. онъ состоялъ членомъ главнаго военно-тюремнаго комитета и въ этомъ званіи оставался до своей смерти. Скончался въ Петербургѣ 24-го февраля 1884 г. и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Его работы: «Этапная карта Европейской Россіи, составленная при штабѣ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи подъ руководствомъ полковника Бѣленченко» 1860 г., 4 листа (60 верстъ въ дюймѣ). «Улучшеніе въ пересылкѣ арестантовъ въ Сибирь». (Оттискъ изъ №№ 103 и 104 «Сѣверной Почты»).

«Русскій Инвалидъ» 1884 г. № 46; Глиноецкій «Историческій очеркъ Академіи Генеральнаго штаба».

Бѣлецкій, *Иванъ Ивановичъ*, докторъ медицины, род. въ 1810 г., ум. 6 іюля 1871 г. Въ 1828 г. поступивъ въ Московскую медико-хирургическую академію, онъ въ 1830 г. былъ командированъ во временную Срѣтенскую холерную больницу (въ Москвѣ), въ слѣдующемъ году исполнялъ должность ординатора въ терапевтической клиникѣ и должность помощника библіотекаря Академіи, въ 1832 г. окончилъ курсъ академіи съ серебряною медалью, выпущенъ лѣкаремъ и опредѣленъ въ л.-гв. Уланскій полкъ. Въ 1838 г. Петербургская медико-хирургическая академія признала его штабъ-лѣкаремъ, въ 1841 г. онъ перемѣщенъ въ л. гв. Гродненскій гусарскій полкъ на должность старшаго лѣкаря, въ 1853 г. перешелъ въ л. гв. Егерскій, въ 1855—въ л. гв. Измайловскій резервный, а въ слѣдующемъ году—въ л. гв. Гатчинскій полкъ. Въ 1863 г. Бѣлецкій удостоенъ степени доктора медицины въ Петербургской академіи и назначенъ дивизіоннымъ докторомъ въ 1-ю пѣхотную дивизію, въ 1864 г. занялъ должность помощника военно-медицинскаго инспектора С.-Петербургскаго округа, а въ 1867 г. назначенъ медицинскимъ инспекторомъ Виленскаго военнаго округа. Бѣлецкій имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ членомъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ и Императорскаго Виленскаго медицинскаго общества. Напечаталъ слѣдующіе труды: Практическія наблюденія: 1) вправленіе ущемленной грыжи; 2) сотрясеніе мозга; 3) ракъ желудка; доложено Общ. русск. врачей («Другъ Здравія» 1845 г., № 3). Замѣчательный случай истерики («Проток. засѣд. Общ. Русск. Врачей» въ С.-Пб. 1857—58 г., стр. 386). Острый ревматизмъ суставовъ съ meningitis acuta rheumatica (тамъ-же, стр. 390). Осложненіе сифилитической болѣзни цынгой, кончившееся омертвѣніемъ тазобедреннаго сочлененія и смертью (тамъ-же 1859—60 г., стр. 221). Смѣщеніе кишекъ и воспаленіе серозной оболочки ихъ (тамъ-же, 1860—61 г., стр. 45). О статьѣ Соколова «Причина неспособности нижнихъ чиновъ гвардіи» (тамъ-же, 1861—62 г., стр. 126). О грануляціяхъ на соединительной перепонкѣ вѣкъ или о такъ назыв. ophthalmia militari, дисс. на степ. д-ра мед., С.-Пб. 1863 г.

Дѣла Главн. в.-медиц. упр., кондуитъ № 3092

въ книгѣ № 13.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I; С.-Пб., 1886.—«Медицинскій Вѣстникъ» 1871 г., № 32, стр. 255.—«Протоколъ засѣд. Общ. русск. врачей въ С.-Пб.» за разл. года.

Н. Кульбинъ.

Бѣлецкій, *Николай Ѳедоровичъ*, доцентъ Харьковскаго университета, род. 9 мая 1851 г. въ селѣ Воскресеновкѣ, Новомосковскаго у., Екатеринославской г., ум. въ Софіи 6 (18) февраля 1882 г. Окончивъ курсъ 1-ой Харьковской гимназіи въ 1866 г., Бѣлецкій поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго университета, курсъ котораго окончилъ со степенью кандидата въ 1872 г. и былъ оставленъ стипендіатомъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Черезъ три года онъ былъ назначенъ помощникомъ прозектера при каѳедрѣ физіологіи въ Харьковскомъ университетѣ. Защитивъ диссертацію на тему: «Механизмъ дыханія птицъ» и получивъ степень магистра зоологіи, Бѣлецкій былъ опредѣленъ доцентомъ по каѳедрѣ зоологіи физико-математическомъ факультетѣ того же университета (въ 1877 г.) и занималъ эту должность до самой смерти. Изъ работъ Бѣлецкаго напечатаны слѣдующія: «Перечень видовъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ окрестностей города Харькова (1873 г.), «Механизмъ дыханія птицъ» (1876 г.), «Критическая замѣтка по поводу изслѣдованія Tiegiel'я о зависимости высоты мускульнаго сокращенія и проч.» (1877 г.), «Результатъ измѣреній объема дыхательной полости утки» (1878 г.), «Соображанія о причинѣ движенія протоплазмы животныхъ клѣтокъ» (1879 г.), «Матеріалы для физіологіи глаза птицъ» (1879 г.), «Къ вопросу о физіологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ» (1879 г.), «Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ» (1880 г.), «О движеніи ноги и створокъ раковины у нашихъ unio какъ дыхательныхъ движеніяхъ» (1880 г.), «Пневмографическія изслѣдованія надъ мѣдяницей (Angius fragilis Zin.)» (1881 г.), «Къ вопросу о причинѣ apnoё» (1881 г.), «Физіологическая замѣтка объ исполинской саламандрѣ, Crypto-branchus japonicus Hoev.» (1882 г.) и «Физіологія воздушнаго пузыря рыбъ» (1883 г.). Всѣ эти труды изданы въ Харьковѣ Обществомъ испытателей природы при харьковскомъ университетѣ, котораго Бѣлецкій состоялъ дѣйствительнымъ членомъ.

А. Богдановъ, Матеріалы по исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за послѣднее тридцатилѣтіе (1850—1887 г.). («Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ», томъ LV-й, Москва, 1888).—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпуски II (1885 г.), III (1887 г.) и V (1889 г.).—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. III, С.-Пб., 1898.—«Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 43.—«Южный Край» 1882 г., № 386.—«Новое Время» 1882 г., № 2141.—С.-Пб. Вѣдомости» 1877 г., № 128 (отзывъ о сочиненіи: «Механизмъ дыханія птицъ»).

В. Г.

Бѣликовъ, *Віаноръ Васильевичъ*, агрономъ, писатель, ум. 9 января 1841 г. въ Москвѣ. Образованіе получилъ въ бывшемъ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и на физико-математическомъ отдѣленіи этого университета. Въ томъ же университетѣ Бѣликовъ получилъ степень магистра. Впослѣдствіи онъ занялся науками духовными и мистическими. «Не питая никакого честолюбія», онъ въ теченіе приблизительно патнадцати лѣтъ жилъ въ домахъ своихъ знакомыхъ; хорошо знакомый съ фитологіей, онъ свои досуги посвящалъ садоводству. Будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, Бѣликовъ сталъ хлопотать о должности и сдѣлался директоромъ Россійскаго Общества любителей садоводства, а также имѣнія Государыни Императрицы Студенецъ и, наконецъ, Московскаго Земледѣльческаго училища. Въ качествѣ директора Общества любителей садоводства Бѣликовъ въ значительной степени содѣйствовалъ пріобрѣтенію для Общества многихъ растеній; при немъ же построены и перестроены садовыя заведенія Общества. Въ 1888 г. Бѣликовъ былъ однимъ изъ главныхъ редакторовъ «Журнала Садоводства», въ которомъ помѣстилъ немало своихъ статей. Въ послѣднее время жизни Бѣликовъ долженъ былъ, вслѣдствіе болѣзни, оставить свою дѣятельность. Бѣликову принадлежатъ сочиненія: «Разсужденіе о лучистой теплотворной матеріи», Москва, 1823 (диссертація на степень магистра) и «Перерожденіе растеній и возрожденіе ихъ черезъ образованіе новыхъ разновидностей. Изъ сочиненія Г. Пюби», Москва, 1840.

«Москвитянинъ» 1841 г., часть I, № 2, стр.

675.—«Журналъ Садоводства» 1841 г., № 2, стр. 95.—Г. Геннади, Справочный словарь.—С. А. Венгеровъ, Русскія книги, т. 3-й, Спб., 1898.—«Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1892 г., ч. I, стр. 213—219 (отзывъ о «Перерожденіи растеній»).

Бѣлинскій, *Виссаріонъ Григорьевичъ*, родился 30 мая 1811 года, въ недавно присоединенномъ къ Россіи Свеаборгѣ, гдѣ его отецъ, Григорій Никифоровичъ, служилъ младшимъ лекаремъ флотскаго экипажа. Фамилію свою Григорій Никифоровичъ получилъ при поступленіи въ семинарію отъ своего учебнаго начальства: отецъ его былъ священникомъ села Бѣлыни, Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губ., и сына прозвали Бѣлынскимъ. Бѣлинскимъ же сталъ писаться прославившій эту фамилію внукъ Бѣлынскаго попа, уже въ бытность студентомъ. Воспріемникомъ отъ купели будущаго геніальнаго критика (конечно, заочно) явился цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ 1816 г. Гр. Ник. оставилъ морскую службу и, уѣхавъ на родину, поселился въ г. Чембарѣ, Пензенской губ., гдѣ занялъ мѣсто уѣзднаго лекаря. Здѣсь провелъ свое дѣтство и отрочество его знаменитый сынъ. Тяжелъ былъ весь жизненный путь, пройденный Бѣлинскимъ; горьки были и его дѣтскіе годы. Домашняя обстановка, въ которой онъ росъ, была прямо ужасающая; мало теплоты и привѣта находилъ онъ въ грубой, неинтеллигентной домашней средѣ. Отецъ Бѣлинскаго былъ человѣкъ весьма невысокихъ душевныхъ качествъ. Объ его тщеславіи достаточно говоритъ сообщеніе одного лица, близко знавшаго семью Бѣлинскихъ и писавшаго Виссаріону Григорьевичу, что по полученіи его отцомъ чина коллежскаго ассесора въ домѣ его «обуяла всѣхъ одна болѣзнь и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она извѣстна мнѣ подъ именемъ тщеславія дворянства». По свидѣтельству И. И. Лажечникова, «общество, которое дитя встрѣтило у отца, были городскіе чиновники, большею частью чины полиціи, съ которыми уѣздный лекарь имѣлъ дѣла по своей должности. Общество это онъ видѣлъ нараспашку, часто за Ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныхъ цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ воочію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерко крестное цѣлованіе понятыхъ, и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр., и пр. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣніи разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его». Бѣлинскій, если любилъ отца, то уважалъ его мало; высокія нравственныя требованія, которыя носилъ онъ въ душѣ, заставляли его краснѣть за отца; студентомъ онъ писалъ брату объ отцѣ: «Если онъ страдалъ и теперь страдаетъ—это отъ самого себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя; не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ». Мать Бѣлинскаго стояла еще ниже отца, который все-же чему-нибудь учился и любилъ почитать Вольтера. Марія Ивановна Бѣлинская происходила изъ очень бѣдной и ничтожной дворянской семьи, что давало ей поводъ не разъ попрекать мужа его неблагороднымъ происхожденіемъ, была весьма вспыльчива, любила дрязги и ссоры; самая нѣжность ея къ дѣтямъ выражалась тѣмъ, что она ихъ обкармливала до отвалу. Бѣлинскій въ своихъ воспоминаніяхъ говорилъ о ней еще съ меньшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, чѣмъ объ отцѣ. Воспоминанія Бѣлинскаго о своемъ дѣтствѣ тяжелы и мрачны: «Мать моя были охотница рыскать по кумушкамъ; я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... сосалъ я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать... Отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и ругалъ площадно—вѣчная ему память. Я въ семей-

ствѣ былъ чужой». Въ 1839 г. Бѣлинскій писалъ одному изъ своихъ друзей: «Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія,—все это не слишкомъ утѣшительно». Единственною свѣтлою стороною въ темномъ быту этой несчастной семьи были воспоминанія о дѣдѣ Бѣлинскаго, о. Никифорѣ, который, выростивъ дѣтей, удалился отъ міра и велъ въ уединенной кельѣ аскетическую жизнь; его считали праведникомъ, и въ семьѣ Бѣлинскихъ сохранилась благоговѣйная память о дѣдушкѣ-аскетѣ. Если, по выраженію С. А. Венгерова, «отъ матери Бѣлинскій могъ наслѣдовать только ея вспыльчивость и неистовость», то «праведникъ-дѣдъ возродился въ праведникѣ-внукѣ: дѣдъ не зналъ мукъ сомнѣній, не переживалъ трагедіи поисковъ опредѣленнаго идеала, на его долю выпало счастье непосредственной ясной вѣры. Но и вѣра внука въ тѣ моменты, когда онъ приходилъ къ опредѣленному выводу, была не менѣе ясна, и его душа исполнялась истинно-молитвеннымъ восторгомъ. Онъ славословилъ съ неменьшей убѣжденностью, чѣмъ дѣдъ». Грамотѣ научила Бѣлинскаго чембарская учительница Ципровская; отецъ научилъ его немного латыни, и лѣтъ четырнадцати онъ поступилъ въ только что открывшееся въ Чембарѣ уѣздное училище. Оно не превышало обычнаго низкаго уровня тогдашнихъ захолустныхъ учебныхъ заведеній. Педагогія основывалась на поркѣ, среди учителей были, какъ водилось, горькіе пьяницы, иногда среди класса оставлявшіе учениковъ ради водки, и вспоминать добромъ Бѣлинскій могъ только одного изъ своихъ воспитателей—смотрителя училища А. Грекова, мягкаго и благодушнаго человѣка. Небрежность и нерадѣніе педагоговъ предоставляли ученикамъ значительную свободу, и это сослужило хорошую службу Бѣлинскому, который читалъ запоемъ и перечиталъ чуть-ли не всю русскую литературу XVIII и начала XIX вѣка. Въ одной изъ своихъ рецензій Бѣлинскій вспомнилъ объ этомъ раннемъ періодѣ своего развитія: «Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо денно и нощно, и безъ всякаго разбора, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова и другихъ; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину рощу», и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны съ понурымъ лицомъ. Природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, будучи еще ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Быть можетъ, къ этому періоду жизни Бѣлинскаго относится его первое произведеніе, появившееся въ печати (въ плохонькомъ журналѣ «Листокъ», 1831 г.)—стихотвореніе «Русская быль», по общему тону—подражаніе тѣмъ «народнымъ» пѣснямъ, которыхъ немало сохранили журналы и альманахи 20—30-хъ годовъ, въ духѣ той ложной «народности», съ которой впослѣдствіи такъ горячо воевалъ самъ Бѣлинскій. Въ училищѣ умный и даровитый мальчикъ быстро выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей; въ 1823 году онъ обратилъ на себя вниманіе посѣтившаго училище директора пензенскихъ училищъ, извѣстнаго романиста И. И. Лажечникова. Впослѣдствіи Лажечниковъ разсказывалъ. «Въ 1823 г. ревизовалъ я чембарское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ; въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ серьезно; такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказаніямъ науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на добычу, и отвѣчалъ большею частью своими словами, или прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ,—доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бро-

сался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ». Ревизоръ подарилъ Бѣлинскому какую-то книжку «за прекрасные успѣхи въ ученіи»: «Мальчикъ принялъ книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань; безъ низкихъ поклоновъ, которыми учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства». Въ августѣ 1825 г. Бѣлинскій перешелъ изъ училища въ Пензенскую гимназію, тогда состоявшую изъ четырехъ классовъ. Въ Пензѣ Бѣлинскій жилъ на частной картирѣ, вмѣстѣ съ семинаристами, знакомство съ которыми принесло ему нѣкоторую пользу: отъ нихъ любознательный гимназистъ научился многому такому, что въ гимназіи не преподавалось. И въ ней преподаваніе было поставлено едва ли лучше, чѣмъ въ уѣздномъ училищѣ, за то царила, по выраженію ея другого знаменитаго воспитанника Ѳ. И. Буслаева, учившагося тамъ почти одновременно съ Бѣлинскимъ, «беззаботная распущенность нравовъ». Учился Бѣлинскій неравномѣрно: хуже всего, какъ и Пушкинъ, математикѣ и превосходно— исторіи, естественной исторіи, географіи и русской словесности. При переходѣ изъ 2-го класса въ третій онъ получилъ за успѣхи въ награду книгу, а въ третьемъ классѣ былъ оставленъ на второй годъ, такъ какъ пропустилъ много уроковъ. Это, конечно, нельзя объяснять лѣностью, такъ какъ опередившій гимназію въ своемъ развитіи юноша» вѣчно читалъ и даже изучалъ книги, съ перомъ въ рукѣ, дѣлая изъ нихъ замѣтки и выписки; къ тому же, онъ задумалъ поступить въ университетъ безъ гимназическаго аттестата по экзамену. Изъ учителей обратилъ на Бѣлинскаго вниманіе преподаватель естественной исторіи М. М. Поповъ, который полюбилъ его и впослѣдствіи разсказывалъ: «Не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Бывало, какъ отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца... Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина». Гимназическаго курса Бѣлинскій не кончилъ, но что причиной этого не была лѣность видно изъ того, что въ 1829 г., когда первый классъ гимназіи остался безъ учителя русскаго языка, гимназическое начальство поручило Бѣлинскому замѣстить его, и второгодникъ преподавалъ своимъ младшимъ товарищамъ русскій языкъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Жизнь велъ онъ въ Пензѣ довольно замкнутую, много читалъ и, встрѣчаясь съ товарищами, которые прозвали его «философомъ», обмѣнивался съ ними мыслями о занимавшихъ его литературныхъ и философскихъ вопросахъ, иногда вступая въ горячіе споры. Единственнымъ развлеченіемъ его жизни былъ театръ. Матеріальная сторона его жизни была печальна: «Учась въ гимназіи», писалъ онъ впослѣдствіи, «я жилъ въ бѣдности, скитался по сквернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ».

Въ августѣ 1829 г. Бѣлинскій, съ трудомъ собравши кое-какія ничтожныя средства, отправился въ Москву, для поступленія на «словесный» факультетъ университета. Какимъ вступилъ онъ въ высшее учебное заведеніе, окончивъ жизнь школяра и начиная студенческую жизнь, видно изъ его письма, относящагося къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Москвѣ и сохранившаго его вѣрную самооцѣнку: «Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, имѣю душу пылкую. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя». Въ эстетическомъ развитіи своемъ Бѣлинскій къ этому времени подвинулся далеко впередъ: онъ уже не восхищался, какъ прежде, въ равной мѣрѣ твореніями Державина и Максима Невзорова: ему непріятно было встрѣтить въ университетской библіотекѣ «между бюстами великихъ писателей бюсты площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова». «Въ жизни юноши», писалъ онъ, «всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра». Выдержавъ вступительный экзаменъ, Бѣлинскій былъ принятъ въ студенты и цѣлый семестръ бѣдствовалъ, пока не былъ принятъ на казенное содержаніе, что сначала его чрезвычайно радовало. Профессорское

преподаваніе того времени не могло удовлетворять Бѣлинскаго, и онъ сталъ относиться къ университету такъ, какъ прежде относился къ гимназіи, и черпалъ знанія всюду, кромѣ университета. Московскій Университетъ былъ тогда еще далекъ отъ своего возрожденія, наступившаго лишь во второй половинѣ 30-хъ годовъ. «Солнце истины», говоритъ К. С. Аксаковъ, учившійся тогда въ университетѣ, «освѣщало наши умы очень тускло и холодно». Нѣкоторые профессора брали взятки; къ нимъ «съ пустыми руками не ходили». Профессоръ-врачъ Мудровъ, тогдашняя московская знаменитость, лечилъ больныхъ молебнами. Большинство профессоровъ не имѣло даже своихъ курсовъ: словесность читалась «по Бургію», право по Гейнекцію» и даже Каченовскій читалъ всеобщую исторію «по Пелицу». Н. И. Пироговъ описываетъ лекціи иныхъ профессоровъ, какъ «своего рода забавный спектакль». Герценъ разсказываетъ, что преподаватель математики «подгонялъ» формулы къ своимъ надобностямъ, «принимая квадраты за корни, x за извѣстное». Одинъ изъ декановъ читалъ свой предметъ «по Пленку», объясняя при этомъ, что «умнѣе Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное». Престарѣлый Мерзляковъ уже не читалъ. Какъ невысока была репутація московскаго университета, объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо Пушкина, который писалъ М. П. Погодину въ 1831 г.: «Ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому Университету». «Руссо былъ человѣкъ ученый, а я учился въ Московскомъ Университетѣ», забавно жалуется пушкинскій «Альманашникъ». Впрочемъ, во времена Бѣлинскаго уже явилось нѣсколько профессоровъ другого, новаго типа: И. И. Давыдовъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, М. Г. Павловъ, Н. И. Надеждинъ; Давыдовъ, тогда молодой и блестящій, явился у насъ первымъ насадителемъ шеллингіанства. Это не былъ человѣкъ идеи, но онъ много зналъ и былъ одинаково блестящъ и интересенъ на каѳедрахъ философіи, латинской словесности, алгебры, русской словесности. Если онъ и не располагалъ къ себѣ духовно, то все же живымъ изложеніемъ заставлялъ себя слушать. М. П. Погодинъ выдѣлялся изъ среды остальныхъ профессоровъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью; черезъ много лѣтъ одинъ изъ его слушателей вспомнилъ его съ благодарностью: «Его свѣтлыя и новыя идеи, тогда еще нигдѣ не появлявшіяся въ печати, возбуждали самое напряженное вниманіе къ каждому его слову». О проф. С. П. Шевыревѣ Бѣлинскій говорилъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшемся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившемъ на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую, обогащенномъ познаніями, коротко знакомымъ со всеобщею исторіею литературы, что доказывается многими его критическими трудами и особенно—отлично исполняемою имъ должностью профессора при Московскомъ Университетѣ. М. Г. Павловъ читалъ физику, минералогію и сельское хозяйство. Имѣя полную возможность быть на этихъ каѳедрахъ узкимъ спеціалистомъ, Павловъ, находившійся подъ вліяніемъ натуръ-философской школы, преподавалъ философскія основы естествознанія. Естествовѣдѣніе въ его изложеніи явилось наукой философской и обобщающей, и онъ, первый въ Россіи, проложилъ дорогу вполнѣ научному и широкому изученію природы. Герценъ разсказываетъ, что «Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которой никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству — невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ... останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое «природа»? Что такое «знать»?... Онъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекціи ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности. Каждая его лекція запечатлѣвалась твердо въ памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть, такъ послѣдовательно истекала одна мысль изъ другой. Когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Предо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ науки». О непосредственномъ вліяніи Павлова на Бѣлинскаго судить трудно (хотя Павловъ читалъ на физико-математическомъ факультетѣ, но его лекціи посѣщали

студенты всѣхъ факультетовъ), но лекціи Павлова сильно вліяли на друга Бѣлинскаго— Станкевича и черезъ него не могли не отразиться на Бѣлинскомъ. Самое важное значеніе среди этихъ «новыхъ» профессоровъ принадлежало Надеждину. Ни о комъ изъ своихъ преподавателей бывшіе слушатели не отзывались такъ восторженно, какъ о немъ. Станкевичъ говорилъ К. С. Аксакову, что Надеждинъ «много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ». И. А. Гончаровъ писалъ о Надеждинѣ: «Какъ профессоръ, онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизированныхъ лекціяхъ! Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка». Другой слушатель писалъ, что часы, проведенные имъ на лекціямъ Надеждина, «принадлежатъ къ лучшимъ часамъ его жизни, и воспоминаніе о нихъ онъ лелѣетъ въ своей памяти, какъ золотой сонъ». На студентовъ словеснаго факультета, которые могли слушать Павлова лишь урывками, Надеждинъ вліялъ сильно, давая имъ философское обоснованіе эстетическаго пониманія искусства и литературы. На Бѣлинскаго Надеждинъ вліялъ еще раньше его поступленія въ университетъ своими статьями въ «Вѣстникѣ Европы» и «Телескопѣ»; въ началѣ литературнаго поприща Бѣлинскаго Надеждинъ явился его руководителемъ.

Гораздо сильнѣе на студента Бѣлинскаго вліяла товарищеская среда. Онъ засталъ въ университетѣ литературные кружки; одинъ изъ нихъ собирался въ томъ самомъ «номерѣ», большой общей комнатѣ казеннокоштныхъ студентовъ, куда попалъ Бѣлинскій. Въ этомъ кружкѣ участники дебатировали прочитанное въ журналахъ, толковали о профессорскихъ лекціяхъ, читали свои собственные сочиненія и переводы. «Умственная дѣятельность во II-мъ нумерѣ»,—разсказываетъ университетскій товарищъ Бѣлинскаго,—«шла бойко. Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось реторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы». Герценъ разсказываетъ о своихъ товарищахъ: «Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣность равно исчезали»... «Въ эпоху студенчества», разсказываетъ К. С. Аксаковъ,—«первое, что охватывало молодыхъ людей,

это—общее веселіе молодой жизни, это—чувство общей связи товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Чувство равенства въ силу человѣческаго имени давалось университетомъ и званіемъ студента. Главная польза такого общественнаго воспитанія заключалась въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенчествѣ самомъ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость». Развитіе Бѣлинскаго быстрыми шагами подвигалось впередъ. Въ 1831 г. его видѣлъ М. М. Поповъ. «Умъ его возмужалъ»,—разсказываетъ Поповъ: «въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины... Прочли мы только что вышедшаго тогда «Бориса Годунова». Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображенія времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриѳменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена: «Корчма на Литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ с бравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «Да это живые: я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно»!.. Въ немъ уже проявился критическій взглядъ». Въ этой сценѣ уже виденъ будущій «неистовый Виссаріонъ», пламенный литературный боецъ, со всѣмъ его пыломъ, со всей необычайной воспріимчивостью къ прекрасному. Къ этому же времени относится его первая крупная и серьезная литературная работа. О своихъ раннихъ прозаическихъ опытахъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ, 1830 г., къ М. М. Попову: «Я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго—и ничего оконченнаго и обработаннаго». М. М. Поповъ сообщаетъ, что «еще въ гимназіи Бѣлинскій пробовалъ писать стихи, повѣсти прозой,—шло туго, не клеилось». Когда, въ 1830 г., Поповъ, вмѣстѣ съ Лажечниковымъ, задумалъ издавать альманахъ и просилъ у Бѣлинскаго стиховъ для него, отказываясь наотрѣзъ, Бѣлинскій писалъ: «Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго, но времена перемѣнились: я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи... Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями, выраженія не уламываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу». Въ 1829 г. Бѣлинскій написалъ «Разсужденіе о воспитаніи». Оно еще не напечатано; извѣстіе о немъ сохранено «Русскою Стариною», гдѣ были помѣщены выдержки изъ него. Объ этомъ разсужденіи даютъ достаточное понятіе двѣ-три краткія выписки. «Отъ воспитанія человѣкъ можетъ сдѣлаться или добродѣтельнымъ Сократомъ или развращеннымъ Нерономъ... Счастливы тѣ молодые люди, которые имѣютъ случай подъ руководствомъ опытныхъ ученыхъ, добродѣтельныхъ и образованныхъ наставниковъ усовершенствовать себя и предуготовить къ опасному, хотя и непродолжительному пути по трудной дорогѣ жизни.. Отъ хода обстоятельствъ (направляемыхъ воспитаніемъ), человѣкъ можетъ умомъ своимъ или уподобиться ангеламъ и возвышаться мыслію, подобно орлу быстропарящему, или быть подобнымъ безсловеснымъ животнымъ и пресмыкаться въ прахѣ, подобно червю презрѣнному»... Трудно, конечно, по этимъ отрывкамъ произнести окончательный приговоръ всему «Разсужденію», но высокопарный стиль, которымъ изложены эти общія мѣста, наивность сужденій совсѣмъ не похожи на то, что писалъ Бѣлинскій впослѣдствіи, когда ему приходилось касаться вопроса о воспитаніи, которому онъ посвятилъ не одну блестящую страницу. Въ прелестяхъ казеннаго кошта Бѣлинскій скоро разочаровался и писалъ съ своимъ тогдашнимъ наивнымъ юношескимъ паѳосомъ, что у него «при одномъ воспоминаніи объ ономъ текутъ изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы», что если бы онъ «прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя,

нежели жить на немъ». Кормили казеннокоштныхъ скверно, обращались съ ними грубо; на Бѣлинскаго инспекція особенно косилась за неаккуратное хожденіе на лекціи. Надежды свои Бѣлинскій возложилъ на драму, которую тогда писалъ онъ, и думалъ, что если она будетъ напечатана, то публика ее расхватаетъ въ мѣсяцъ, и онъ выручитъ «тысячъ шесть», на которыя прежде всего избавится отъ «проклятой бурсы». Но обстоятельства сложились совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ наивный авторъ. Осуществленію затѣянной Бѣлинскимъ драмы помогла свирѣпствовавшая тогда холера. Казеннокоштныхъ студентовъ начальство изъ предосторожности держало взаперти. «Для разсѣянія отъ скуки»—писалъ Бѣлинскій своимъ друзьямъ — «я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня кончить мою трагедію». Эта трагедія—«Дмитрій Калининъ»—была ближайшей причиной удаленія Бѣлинскаго изъ университета. Содержаніе ея таково. Богатый и добрый помѣщикъ Лѣсинскій воспитываетъ крестьянскаго мальчика Дмитрія Калинина, своего побочнаго сына, о чемъ тотъ, впрочемъ, узнаетъ лишь въ концѣ драмы. Жена и сыновья Лѣсинскаго—злые, жестокіе и надменные люди. Не такова дочь Лѣсинскихъ—Софья, воспитанная «русской мамзелью» и любящая такъ же, какъ и Дмитрій, все благородное и высокое. На этой почвѣ Дмитрій и Софья сходятся, влюбляются другъ въ друга и вступаютъ въ связь. Дмитрій уѣзжаетъ въ Москву устроить свои дѣла, а тѣмъ временемъ умираетъ старикъ Лѣсинскій. Его сыновья сообщаютъ Калинину, что его благодѣтель умеръ, что его отпускная уничтожена, что Софья выходитъ за князя, и вызываютъ Калинина домой, такъ какъ «недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ». Дмитрій въ отчаяніи мчится домой въ сопровожденіи своего друга, который намѣренъ познакомиться съ Софьей, уговорить ее покинуть домъ и тайкомъ отъ семьи обвѣнчаться съ Калининымъ. Но, вопреки совѣтамъ осторожнаго друга, Дмитрій врывается на балъ къ Лѣсинскимъ, произноситъ внушительный и трескучій монологъ и заключаетъ свою возлюбленную въ объятья. Братъ Софьи велитъ слугамъ заковать въ кандалы «раба». Это слово, которое всегда жжетъ Дмитрія, приводитъ его въ бѣшенство, и онъ убиваетъ своего оскорбителя. Взятый въ тюрьму, Калининъ убѣгаетъ оттуда и съ обрывкомъ цѣпи на рукѣ является къ Софьѣ, которая все еще его любитъ и предлагаетъ ему умереть вмѣстѣ. Дмитрій закалываетъ свою любовницу, но еще не успѣваетъ покончить съ собою, когда ему передаютъ предсмертное письмо его покойнаго благодѣтеля. Изъ этого письма Калининъ узнаетъ, что покойный былъ его отецъ, что Софья—его сестра, и что убитъ имъ братъ. Испытывая страшныя душевныя муки, несчастный братоубійца и кровосмѣситель закалываетъ себя. Въ основѣ драмы лежитъ, такимъ образомъ, не какая-нибудь общественная тенденція, а гибельныя семейныя обстоятельства, воля враждебнаго рока. Что Бѣлинскій смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на «драму судьбы», видно изъ эпиграфа, взятаго имъ: «И всюду страсти роковыя, и отъ судебъ защиты нѣтъ». Но въ этихъ рамкахъ Бѣлинскій не удержался, и «драма судьбы» развилась въ широкую и яркую общественную «картину тиранства, присвоившаго гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, причиной гибели Калинина является не только грѣхъ его отца, но и его положеніе крѣпостного. Молодой драматургъ сильно и размашисто набросалъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ и правдиво, съ глубокимъ чувствомъ негодованія, изобразилъ ужасы крѣпостного права. Лѣсинская-мать поучаетъ «проклятое хамово поколѣніе»: «Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться?» Ея сынъ Андрей кричитъ на провинившагося мужика: «Шкуру сдеру съ мерзавца, каждый день буду бить до полусмерти». Старый слуга жалуется: «Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ, да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: вишь, какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ». Самъ Калининъ говоритъ о крѣпостныхъ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти

волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянія содрать шкуру со своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно...» У Бѣлинскаго того времени, молодого, еще не установившагося, не было никакой политической програмы, объ какой-нибудь оппозиціи правительству онъ и не думалъ, и эти слова, вложенныя въ уста Дмитрія Калинина, шли прямо изъ сердца юноши, полнаго живого сочувствія ко всѣмъ угнетеннымъ. Крѣпостное право, которое въ его время большинство считало необходимымъ установленіемъ, одной изъ основъ, на которыхъ держится Россія, Бѣлинскій научился ненавидѣть еще въ дѣтствѣ. Посылая трагедію отцу, онъ писалъ: «Вы увидите многія лица, довольно намъ извѣстныя». Это были, конечно, портреты знакомыхъ чембарскихъ героевъ произвола. Впослѣдствіи, услышавъ отъ кого-то, что онъ ѣстъ постное только «для людей», Бѣлинскій рѣзко отвѣтилъ лицемѣру: «Я не владѣю людьми». Благородное сочувствіе личности, ставшее вскорѣ его культомъ, всегда жило въ его сердцѣ, какъ простая жалость ко всѣмъ обиженнымъ судьбою и терпящимъ неправду. Въ Калининѣ много собственныхъ чертъ его автора—прежде всего его благородная пылкость, сила его протеста. Все это выражено, правда, въ стилѣ тогдашняго романтизма, но узнать въ Калининѣ Бѣлинскаго нетрудно. Дмитрій не ходитъ, а мечется, не говоритъ, а извергаетъ, какъ вулканъ, длинные, трескучіе монологи «ужаснымъ громовымъ голосомъ», «съ дикою улыбкою и блуждающими взорами», «задыхаясь и трепеща», «приведенный въ крайнюю степень бѣшенства». Слова Калинина такъ же отчаянно яростны, какъ эти ремарки молодого автора. Онъ взываетъ, обращаясь къ Богу: «Отецъ человѣковъ! Отвѣтствуй мнѣ: Твоя-ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы... Нѣтъ, видно милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по дьявольски... О, теперь, лютый тигръ-отчаяніе, грызи мое сердце, разрывай его на милліоны частей, покуда оно еще бьется. Эхидны совѣсти, змѣи раскаянія, высасывайте изъ жилъ моихъ соки бытія, изсушайте мозгъ въ костяхъ моихъ». По силѣ гражданскаго чувства «Дмитрій Калининъ» стоитъ на одной доскѣ съ «Путешествіемъ» Радищева, произведеніемъ тоже слабымъ въ художественномъ смыслѣ, но звучащимъ тѣмъ же благороднымъ протестомъ противъ окружающаго зла. Бѣлинскій самъ придавалъ своей драмѣ большое значеніе; въ началѣ 1831 г. онъ писалъ отцу: «Можетъ быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и сужденія какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинство моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣлаетъ шуму». Авторъ читалъ драму товарищамъ, одинъ изъ которыхъ такъ вспоминалъ объ его чтеніи: «Наружность его была очень истощена. Вмѣсто свѣжаго, живого румянца юности, на лицѣ его былъ разлитъ какой-то красноватый колоритъ; прическа волосъ на головѣ торчала хохломъ; движенія рѣзкія, походка скорая, но за то горячо и полно одушевленія было чтеніе автора, увлекавшее слушателей страстнымъ изложеніемъ предмета и либеральными, по тогдашнему, идеями». Многимъ пьеса нравилась, и друзья надѣялись увидѣть ее на университетской домашней сценѣ. Самъ авторъ былъ очень доволенъ ею и лишь впослѣдствіи созналъ ея недостатки и говорилъ даже съ излишней строгостью къ самому себѣ: «Если бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ онъ себѣ въ будущемъ. Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ пріобрѣсти жалкую, эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа». Но едва ли у Бѣлинскаго были основанія особенно «благодарить обстоятельства». Онъ пробовалъ пристроить драму въ журналъ, но это ему не удалось. Тогда онъ снесъ ее въ цензуру, находившуюся въ то время въ рукахъ профессоровъ. Послѣдствія вы-

шли самыя неожиданныя. Хотя авторъ думалъ, что его «сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная», цензуры признала его дѣтище «безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ», и о немъ составили журналъ. Профессора-цензоры грозили автору Сибирью и такъ его распекли, что онъ слегъ и въ тотъ же день очутился въ университетской клиникѣ. Исключенъ онъ былъ не сразу, но удаленіе его изъ университета тѣснѣйшимъ образомъ связано съ «Дмитріемъ Калининымъ». Бѣлинскому поставили въ вину, что онъ, три года пробывъ въ университетѣ, частью не держалъ, частью не выдержалъ экзаменовъ для перевода на второй курсъ. Истощенный болѣзнью, Бѣлинскій не могъ держать экзаменовъ весною 1832 г. и просилъ позволенія держать ихъ осенью. Позволеніе ему было обѣщано и цѣлое лѣто онъ, по его выраженію, «трудился и работалъ, какъ чортъ, готовясь къ экзамену». Но къ экзамену его не допустили, а просто уволили, мотивировавъ исключеніе его «недостаточными успѣхами», «безсиліемъ для продолженія наукъ» и даже «ограниченностью способностей». Мотивировка исключенія такъ безжалостно-злобна, что въ ней чувствуется прямо месть; причиной мести могла быть только «дерзкая» трагедія.

Итакъ Бѣлинскій очутился за порогомъ университета. Это было въ сентябрѣ 1832 г. Въ своемъ развитіи Бѣлинскій ничего не потерялъ, разставшись съ университетомъ; знаній тогдашній университетъ не давалъ, и только лучшіе и очень немногіе профессора, какъ Надеждинъ, Павловъ, Давыдовъ, могли сообщить своимъ слушателямъ кое-какія общія идеи, нѣкоторое развитіе. К. С. Аксаковъ говорилъ, что не обязанъ университету ничѣмъ въ смыслѣ запаса знаній; Грановскій, попавъ по окончаніи русскаго университетскаго курса въ Берлинъ, съ ужасомъ убѣдился, что ему приходится начинать съ азовъ. Единственное, что могъ бы дать университетъ Бѣлинскому, если бы онъ прилежно изучалъ университетскую науку,—это общее понятіе о философіи, объ эстетикѣ въ изложеніи Надеждина, о русской грамматикѣ и исторіи русской литературы. Именно въ этихъ знаніяхъ нельзя отказать Бѣлинскому: онъ проявилъ ихъ блестящимъ образомъ уже въ первыхъ своихъ крупныхъ работахъ—«Литературныхъ Мечтаніяхъ», въ курсѣ грамматики. Бѣлинскому суждено было явиться первымъ серьезнымъ и вполнѣ научнымъ историкомъ русской литературы; въ области научно-обоснованной эстетики Надеждинъ былъ лишь его предшественникомъ; Бѣлинскій первый создалъ у насъ эстетическую систему. Всему этому положилъ начало не университетъ, а чтеніе и усердная работа мысли. Университетъ, совершенно случайно, далъ Бѣлинскому неразрывныя нравственныя связи съ товарищами, имѣвшія столь важное значеніе въ его жизни. «У насъ Бѣлинскому», говоритъ князь В. Ѳ. Одоевскій — учиться было негдѣ: рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпыя преслѣдованія неизвѣстно за что, развили въ немъ желчь, которая примѣшивалась въ его самобытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ». М. М. Поповъ, долго наблюдавшій процессъ его умственнаго развитія, разсказываетъ: «Въ гимназіи учился онъ не столько въ классахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ. Такъ было и въ университетѣ. Всѣ познанія его сложились изъ русскихъ журналовъ не старѣе двадцатыхъ годовъ и изъ русскихъ же книгъ. Недостающее же тамъ пополнялось тѣмъ, что онъ слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Вѣрно, что въ Москвѣ умный Станкевичъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей. Думаю, что для Бѣлинскаго онъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ, Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей, если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, большею частью молодые, кипѣли жаждой познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранные языки, читали столько же иностранные, сколько и русскіе книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ по части философіи, исторіи и литературы постояли бы противъ цѣлой Сорбонны. Въ этой то школѣ Бѣлинскій оказалъ огромные успѣхи. Друзья и не замѣчали, что были его учителями, а онъ, вводя ихъ въ споры, горячась съ ними, заставлялъ ихъ выкладывать передъ нимъ всѣ свои познанія, глубоко вбиралъ въ

себя всѣ слова ихъ, на лету схватывалъ замѣчательныя мысли, развивалъ ихъ далѣе и объемистѣе, чѣмъ тѣ, которые ихъ высказывали... Въ этой-то школѣ выросъ талантъ его, и возмужало его русское слово». Изъ среды этой даровитой молодежи въ университетѣ выдѣлялись два кружка, связь Бѣлинскаго съ которыми по выходѣ изъ университета стала еще крѣпче. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ А. И. Герценъ; въ числѣ его членовъ были Н. М. Сатинъ, Н. П. Огаревъ. Во главѣ другого былъ Н. В. Станкевичъ; его участниками были А. П. Ефремовъ, И. П. Клюшниковъ, В. И. Красовъ, К. С. Аксаковъ, Я. М. Невѣровъ, Вадимъ Пассекъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, В. П. Боткинъ.

На Бѣлинскаго, будущаго кандидата, сильно разсчитывали его домашніе, да и самъ онъ смотрѣлъ на себя, какъ на опору семьи. Изрѣдка родные присылали коекакіе гроши студенту, пока онъ не поступилъ на казенное содержаніе. Исключенный изъ университета, онъ боялся огорчить своихъ извѣстіемъ объ этомъ и сообщилъ имъ о совершившемся лишь черезъ девять мѣсяцевъ. Письмо его къ матери полно отчаянія и скорби. «Не могу», писалъ онъ, «безъ ужаса подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь поразить васъ, мою мать. Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце, но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда-нибудь надо же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете; можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніемъ, а вы—женщина, мать. Чего не надумаетесь вы? При одной мысли сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе. Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломенку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха... Но, увы! въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!!... Умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастіе и въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу тысячъ разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ.. Я не буду говорить вамъ о причинахъ моего исключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства... Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень нерѣдки...» Съ необычайнымъ благородствомъ Бѣлинскій признаетъ нѣкоторую долю и своей вины, не сваливаетъ ее исключительно на другихъ. «Если я», писалъ онъ тогда отцу, «болѣе или менѣе былъ самъ причиною сего моего несчастья, то, повѣрьте, я съ лихвою наказанъ за это самимъ собою. Я уже не мальчикъ, и свой собственный судъ для меня всего страшнѣе. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Конецъ вѣнчаетъ дѣло,—говорятъ умные люди... Впрочемъ, какія бы то ни были обстоятельства, навлекшія на меня мое несчастіе, вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными,—и вотъ только поэтому-то и огорчаюсь». Нужду Бѣлинскій переживалъ страшную, усугубленную сознаніемъ, что тамъ, въ Чембарѣ, въ родительскомъ домѣ, гдѣ отецъ пьетъ, а мать бьется съ утра до ночи надъ нищенскимъ хозяйствомъ, тоже настали черные дни. Оборванный, вѣчно голодный, Бѣлинскій мужественно борется съ нуждою, ищетъ занятій. Однажды ему пришлось сломить свою благородную гордость и обратиться за помощью къ родителямъ: ему послали одинъ рубль, но и того онъ не получилъ вслѣдствіе какого-то трагикомическаго случая. Онъ искалъ себѣ уроковъ и литературной работы. Разсчитывая заработать рублей триста, онъ перевелъ какой-то романъ Поль-де-Кока, но не успѣлъ онъ окончить свой переводъ, какъ узналъ, что романъ уже напечатанъ въ другомъ переводѣ, и его трудъ былъ истраченъ понапрасну. Искалъ онъ урока на выѣздъ куда-нибудь въ провинцію. Поправились его дѣла великимъ постомъ 1833 г., когда онъ сошелся съ Надеж-

динымъ и занялся переводами для его журнала. Печататься же сталъ Бѣлинскій еще студентомъ, въ 1831 г. Первая его печатная работа появилась въ очень жалкомъ и ничтожномъ Московскомъ журнальчикѣ «Листокъ», выходившемъ два раза въ недѣлю. Въ немъ впервые увидѣли себя въ печати А. В. Кольцовъ и Бѣлинскій. Въ журнальчикѣ этомъ печатались чувствительные разсказы, нѣжные стишки и воззванія къ благотворителямъ. Въ №№ 40—41 появилось за подписью «В. Бѣлинскій« стихотвореніе «Русская Быль», о которомъ уже говорено выше, а въ № 45 была напечатана, безъ подписи, рецензія Бѣлинскаго на книженку неизвѣстнаго автора (какъ сообщалъ Пушкину кн. П. А. Вяземскій,—по слухамъ, В. С. Филимонова) о «Борисѣ Годуновѣ». Самой трагедіи великаго поэта, о которой Бѣлинскій былъ высокаго мнѣнія, онъ не касался, а только осмѣялъ эту ничтожную брошюрку, трактовавшую «Годунова» полуснисходительно, полупрезрительно. Рецензія выказываетъ самостоятельность взглядовъ молодого критика; въ этой краткой замѣткѣ уже виденъ будущій Бѣлинскій, независимый, смѣлый, не падающій ницъ передъ всеобщими, признанными свѣтомъ авторитетами. Въ рецензіи задѣты мимоходомъ и Н. А. Полевой, и Надеждинъ,—столпы тогдашней критики. «Московскій Телеграфъ»,—говоритъ Бѣлинскій,—«который (какъ самъ о себѣ неоднократно объявлялъ) не оставляетъ безъ вниманія никакого замѣчательнаго явленія въ литературѣ, на этотъ разъ изложилъ свое сужденіе (о «Годуновѣ») въ нѣсколькихъ строкахъ, общими мѣстами и упрекнулъ Пушкина въ томъ, какъ ему не стыдно было посвятить своего «Годунова» памяти Карамзина, у котораго издатель «Телеграфа» силится похитить заслуженную славу. Въ одномъ только «Телескопѣ» «Борисъ Годуновъ» былъ оцѣненъ по достоинству. Извѣстный г. Надоумко, который, вѣроятно, издателю этого журнала не чужой (этимъ псевдонимомъ подписывался Надеждинъ, издававшій «Телескопъ»), и который нѣкогда совѣтывалъ Пушкину сжечь «Годунова», теперь сіе же самое твореніе взялъ подъ свое покровительство. Но это сдѣлано имъ, кажется, только для того, что онъ, г. Надоумко, какъ самъ признается, любитъ плавать противъ воды, идти наперекоръ общему голосу и вызывать на бой общее мнѣніе». Послѣднія строки, обличающія большую проницательность Бѣлинскаго, сумѣвшаго понять сущность неглубокой натуры Надеждина, нужно имѣть въ виду при опредѣленіи степени вліянія выдающагося тогдашняго критика на начинавшаго свое поприще Бѣлинскаго.

Мизерный «Листокъ», въ которомъ Бѣлинскій напечаталъ къ тому же такъ мало, конечно, не могъ поправить его тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ взялся за новый переводъ, несмотря на неудачу, постигшую его первый опытъ, и перевелъ другой романъ того же Поль-де-Кока «Магдалина»; ему посчастливилось найти издателя, и онъ заработалъ двѣсти рублей. Но, конечно, переводы были для него лишь механическимъ трудомъ, къ которому понуждала его горькая бѣдность. «Надъ его судьбой»,—говоритъ Б. Б. Глинскій,—«тяготѣлъ какой-то неизбѣжный рокъ, который точно сознательно и систематически отрѣзалъ его отъ всякихъ путей жизни, стягивая его непреоборимымъ рядомъ несчастій и злоключеній»... И изъ всѣхъ этихъ путей лишь одна дорога оставалась для него незакрытой, лишь она одна все болѣе и болѣе, день ото дня согласовалась съ стремленіями, можетъ быть, нѣсколько неоформленными и неясными, его пытливаго ума и бурнаго чувства. Дорога эта была—дорога литературы... Въ университетѣ онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по литературному пути и терпитъ на первыхъ же порахъ настоящій погромъ... Сѣрая дѣйствительность и проза жизни въ дѣтствѣ и юности, въ обстановкѣ родимой семьи, въ училищѣ, гимназіи и университетѣ рано поставили нашего писателя лицомъ къ лицу съ вопросомъ о правдѣ и злѣ, съ вопросами о счастіи и горѣ людскомъ, съ задачами соціальнаго порядка... Мы видимъ въ его первомъ литературномъ произведеніи (драмѣ) соціальные мотивы, которые здѣсь доминируютъ надъ всѣми другими. Онъ сразу выступаетъ въ роли публициста, чутьемъ предугадывая свое призваніе, сразу становясь на ту дорогу, гдѣ его въ будущемъ ожидаетъ слава и громкая извѣстность. Въ этомъ выборѣ жизненнаго пути онъ повиновался болѣе велѣнію сердца, нежели холоднаго разсудка, и безъ всякаго сторонняго руководительства и вліянія прямо подошелъ къ такой сторонѣ русской жизни, разработка которой лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стала общимъ дѣломъ всей литературы въ лицѣ лучшихъ,

передовыхъ ея представителей. Писательство дѣлается отнынѣ его почти постояннымъ занятіемъ, тѣмъ средствомъ, гдѣ онъ въ тяжкія минуты жизни обрѣтаетъ даже скудное пропитаніе... Но нуженъ былъ человѣкъ, который бы тѣснѣе сблизилъ его со столь привлекавшей его писательской профессіей. Этимъ человѣкомъ явился Надеждинъ. Сойдясь съ Бѣлинскимъ, онъ сразу угадалъ и оцѣнилъ въ немъ настоящаго литератора и сначала предоставилъ Бѣлинскому переводную работу для своего «Телескопа» и издававшейся при немъ «Молвы», а потомъ и критическій отдѣлъ. Въ маѣ 1833 г. Бѣлинскій писалъ брату: «Я знакомъ съ Надеждинымъ, перевожу въ «Молву» и «Телескопъ». Цѣлый годъ занимался онъ переводами съ французскаго, благодаря чему хорошо изучилъ языкъ. Переводилъ онъ, повидимому, безъ опредѣленнаго выбора, что приходилось. Тутъ были и историческія статьи («Лейпцигская битва», «Испытаніе кипящею водою»), и анекдоты («Нѣкоторыя черты изъ жизни доктора Свифта», «Послѣднія минуты библіомана»), и разсказы («Месть», «Гора Гемми» А. Дюма) и т. п. Его первая серьезная статья—знаменитыя «Литературныя Мечтанія»—появилась лишь черезъ годъ послѣ того, какъ онъ началъ работать для «Телескопа»; она считается началомъ его литературной дѣятельности. «Вѣрно ли это?» спрашиваетъ С. А. Венгеровъ: «Если читать «Литературныя Мечтанія» такъ, какъ они печатались въ «Молвѣ», именно со всѣми юмористическими помѣтками въ концѣ отдѣльныхъ главъ: «Продолженіе обѣщано», «Слѣдующій листокъ покажетъ», «Опять не кончилось», «Не все еще» и др., то становится совершенно очевиднымъ, что Бѣлинскій далъ только начало статьи и затѣмъ къ каждому № давалъ продолженіе, самъ не имѣя точнаго представленія, на сколько №№ протянется статья. Но какъ же это Надеждинъ, зная своего молодого сотрудника только какъ усерднѣйшаго переводчика и совершенно еще не зная критическихъ силъ Бѣлинскаго, рискнулъ приступить къ печатанію статьи, имѣя только ея начало? Надо, поэтому, предположить, что онъ уже имѣлъ нѣкоторое представленіе объ этихъ критическихъ силахъ. Вотъ почему, кажется, слѣдуетъ допустить, что кое-что изъ неподписанныхъ, но часто весьма бойкихъ библіографическихъ статеекъ «Молвы» вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго и внушило Надеждину выгодное о немъ представленіе. Однако, сколько-нибудь опредѣленно высказаться, какія именно статейки могли бы быть приписаны Бѣлинскому, невозможно».

Положеніе его у Надеждина упрочилось не сразу; это видно изъ того, что онъ хлопоталъ о мѣстѣ уѣзднаго учителя въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ, хотѣлъ занять должность корректора при университетской типографіи, искалъ уроковъ и иногда находилъ ихъ. Добывая уроками 64 рубля въ мѣсяцъ, онъ писалъ въ маѣ 1834 года роднымъ: «Я внѣ себя отъ восхищенія, что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками... Теперь я начинаю дышать посвободнѣе, начинаю отдыхать отъ тяжелой ноши горестей. и безпрерывныхъ бѣдъ, подъ тяжестію которыхъ чуть было не утратилъ совершенно и душевнаго, и тѣлеснаго здоровья». Онъ очень полюбилъ Москву, гдѣ у него завязались первыя теплыя дружескія связи. «О, Москва, Москва»!—восклицалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ брату:—«жить и умереть въ тебѣ, бѣлокаменная, есть верхъ моихъ желаній. Признаться, братъ, разстаться съ Москвою для меня все равно, что разстаться съ раемъ». Въ августѣ 1834 г. онъ оказывается ближе къ редакціи «Телескопа», чѣмъ прежде. «Я перебрался къ Надеждину», сообщаетъ онъ брату, «и живу у него уже двѣ недѣли... Надеждинъ уѣхалъ и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ.. пользуюсь его библіотекой и живу припѣваючи». Надеждинъ не только обогрѣлъ и пріютилъ бѣднаго, начинающаго писателя, но сдѣлалъ еще больше добра Бѣлинскому, приблизивъ его къ дѣлу, къ которому онъ былъ призванъ, и поручивъ ему живую и отвѣтственную работу. Съ сентября въ «Молвѣ» началъ появляться рядъ критическихъ статей Бѣлинскаго, подъ названіемъ: «Литературныя Мечтанія (Элегіи въ прозѣ)».

Въ этомъ раннемъ произведеніи, являющемся, тѣмъ не менѣе, одною изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Бѣлинскаго, онъ изложилъ вкратцѣ исторію русской литературы отъ Петра Великаго до 1834 г. и выяснилъ свою литературную теорію, которую выводилъ изъ своего общаго міровоззрѣнія; объ источникахъ и факторахъ послѣдняго будетъ сказано ниже. «Весь

безпредѣльный прекрасный Божій міръ,—говоритъ Бѣлинскій,—есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы — пути млечные, а кровь — чистый эѳиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышетъ — и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаніи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и зажигаются новые; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи: за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою—чистоту и свѣжесть воздуха... Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной, зиждущей любви! Итакъ, она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ, но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которыя ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего «я», въ чувствѣ любви... Отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное «я», дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для счастія человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего «я», въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!.. Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отверзай души ближнихъ для впечатлѣнія благого и истиннаго, изобличай порокъ и невѣжество, терпи гоненіе злыхъ, ѣшь хлѣбъ, смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго, родного тебѣ неба... Вотъ нравственная жизнь вѣчной идеи. Проявленіе ея—борьба между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни! Что представляютъ собою индивидуумы, то же представляетъ и человѣчество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается. Что означаютъ походы Александровъ, безпокойная дѣятельность Цезарей, Карловъ? Движеніе вѣчной идеи, которой жизнь состоитъ въ безпрерывной дѣятельности. Какое же назначеніе и какая цѣль искусства?.. Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы. Посему поэтъ болѣе, нежели кто-либо другой, долженъ изучать природу физическую и духовную, любить ее и сочувствовать ей; болѣе, нежели кто либо другой, долженъ быть чистъ и дѣвственъ душою; ибо въ ея святилище можно входить только съ ногами обнаженными, съ руками омовенными, съ умомъ мужа и сердцемъ младенца, ибо только въ гармоніи ума и чувства заключается высочайшее совершенство человѣка.. Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни... Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной

вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе... Да—искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ!..» И Бѣлинскій переходитъ къ вопросу, «что такое наша литература: выраженіе общества или выраженіе духа народнаго?» «Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона Провидѣнія, долженъ выражать своею жизнію одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ. и его существованіе ни къ чему не служитъ... Только живя самобытною жизнію, можетъ каждый народъ принести свою долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ же состоитъ эта самобытность каждаго народа? Въ особенномъ, одному ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы, въ религіи, языкѣ и болѣе всего въ обычаяхъ. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны, тѣсно соединены между собою и условливаютъ другъ друга и всѣ проистекаютъ изъ одного общаго источника—причины всѣхъ причинъ—климата и мѣстности... Обычаи составляютъ физіономію народа, и безъ нихъ народъ есть образъ безъ лица, мечта небывалая и несбыточная». На эту физіономію русскаго народа посягнулъ великій царь-реформаторъ, которому «некогда было ждать», который вводилъ свои преобразованія безъ «благоразумной постепенности», не по «сердечному убѣжденію».—и вотъ «масса народа упорно осталась тѣмъ, что и была; но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука генія.. Масса народа и общество пошли у насъ врозь. Первый остался при своей прежней грубой и полудикой жизни; второе же забыло все русское, забыло поэтическія преданія и вымыслы своей родины и создало себѣ литературу, которая была вѣрнымъ его зеркаломъ». Вслѣдствіе этого разлада между народомъ и обществомъ, «у насъ нѣтъ литературы». И, обозрѣвъ въ рядѣ краткихъ, художественныхъ характеристикъ всю исторію русской словесности, Бѣлинскій кончаетъ свою статью: «У насъ нѣтъ литературы: не знаю, убѣдило ли васъ въ этой истинѣ мое обозрѣніе; только знаю, что если нѣтъ, то въ томъ виновато мое неумѣнье, а отнюдь не то, чтобы доказываемое мною положеніе было ложно. Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ—вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ, и не ищите ихъ... Надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа; надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ... Придетъ время, просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!.. Намъ нужна не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе!»

Мысль, что «у насъ нѣтъ литературы», сама по себѣ не была нова: ее высказывали Марлинскій, Веневитиновъ, Ив Кирѣевскій, Надеждинъ, Н. Полевой, но никогда еще не была она высказана съ такимъ жаромъ и страстностью, съ такимъ блестящимъ паѳосомъ, никогда по поводу ея не было высказано столько вѣрныхъ мнѣній, вынесено такъ много критическихъ приговоровъ. Въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» Бѣлинскій является уже весь, со своимъ страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, со своимъ полемическимъ задоромъ. Эта статья синтезировала всѣ основныя положенія, выработанныя русской критикой въ двадцатыхъ годахъ и въ первой половинѣ тридцатыхъ. На нее наложили свою печать нѣкоторыя литературныя вліянія, сильнѣе всѣхъ было вліяніе Надеждина. Оно сказалось, впрочемъ, съ чисто внѣшней стороны. Современникъ разсказываетъ, что многіе читатели сначала сочли Надеждина авторомъ «Элегій въ прозѣ» (подпись: «—онъ—инскій», стояла лишь подъ послѣдней статьей), но это свидѣтельствуетъ лишь о близорукости читателей, которые не сумѣли распознать ex ungue leonem. Въ своихъ «Литературныхъ Опасеніяхъ», названіемъ напоминающихъ «Литературныя Мечтанія» Бѣлинскаго, Надеждинъ высказалъ тотъ же отрицательный взглядъ на положеніе русской литературы, что и Бѣлинскій, но не указалъ никакого исхода, смотря на будущее съ неопредѣленной мрачностью, между тѣмъ какъ Бѣлинскій вѣрилъ въ прогрессъ и

просвѣщеніе. Тогда какъ Бѣлинскій требовалъ для искусства полной свободы и несвободное творчество не считалъ и творчествомъ, Надеждинъ подчинялъ искусство морали, говоря, что «красота есть истина, растворенная добротою», что «эстетическій интересъ есть гармоническое сліяніе нравственнаго и умственнаго интереса». За предѣлами общихъ положеній эта разница между обоими критиками становится еще ощутительнѣе. У Бѣлинскаго рядъ великолѣпныхъ критическихъ характеристикъ всѣхъ крупныхъ русскихъ писателей, характеристикъ, свѣжесть и самостоятельность которыхъ были особенно понятны въ 30-хъ годахъ, когда еще онѣ не стали истинами нашедшими мѣсто въ литературномъ сознаніи и даже въ учебникахъ; у Надеждина—грубыя, безвкусныя нападки на поэзію Пушкина, которая питаетъ «антипатію ко всему доброму, свѣтлому, мелодическому», и на «окаменяющую медузу байроновской поэзіи». Самый тонъ статьи, юношески свѣтлый, горячій, восторженный, не имѣетъ ничего общаго съ тономъ статей Надеждина, то надуто скучнымъ, то зубоскальскимъ; у Бѣлинскаго нѣтъ нигдѣ ни одной шутки: видно благоговѣйное отношеніе къ литературѣ, какъ къ святому призванію. Впервые у насъ литература трактуется, какъ великое и значительное дѣло, органически связанное съ жизнью; жизнь и литература объединены стройнымъ и цѣльнымъ, несмотря на мелкія, частичныя противорѣчія автора, міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе явилось результатомъ увлеченія Бѣлинскаго философіей Шеллинга, которая стала для Бѣлинскаго религіей. Этимъ увлеченіемъ заразилъ Бѣлинскаго знаменитый кружокъ Станкевича. «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь»,—говоритъ біографъ Станкевича П. В. Анненковъ,—«когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни... Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія!.. Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности и одна изъ необходимыхъ обязанностей—высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія». Провозвѣстниками шеллинговскаго пантеизма у насъ явились кн. В. Ѳ. Одоевскій (въ «Мнемозинѣ» 1824 г.), Д. В. Веневитиновъ, М. Г. Павловъ, И. В. Кирѣевскій. Кружокъ Станкевича, въ который Бѣлинскій вошелъ еще студентомъ, исповѣдывалъ шеллингизмъ, и эту теорію Бѣлинскій приложилъ въ своей статьѣ къ русской жизни и литературѣ. Какъ велико историческое значеніе этого кружка, видно изъ словъ современника и главы другого кружка А. И. Герцена, который говоритъ: «Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки... Нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, Александровское поколѣніе заняло первое мѣсто. Мало по малу оно утратило дикую поэзію кутежей, барства, храбрости; они служили и выслуживались... Время ихъ прошло. Подъ этимъ большимъ свѣтомъ безучастно молчалъ большой міръ народа; для него ничто не перемѣнилось—ему было не лучше и не хуже прежняго. Его время не пришло. Между этой основой юноши, почти дѣти, первые приподняли голову, можетъ быть, не подозрѣвая, какъ это опасно; этими дѣтьми Россія частью начала приходить въ себя. Ихъ вниманіе остановило противорѣчіе ученія съ жизнью. Жить въ нравственномъ разладѣ съ собой они не могли. Возбужденная мысль требовала выхода. Разрѣшеніе разныхъ вопросовъ мучило молодое поколѣніе и обусловливало распаденіе его на разные круги». Кружокъ Станкевича, къ которому особенно близко стоялъ Бѣлинскій, изучалъ философію и поэзію; германская идеалистическая философія нашла преданныхъ адептовъ въ прекраснодушномъ Станкевичѣ и всей компаніи молодыхъ идеалистовъ. Бѣлинскій, который всегда искалъ смысла жизни и съ почти

болѣзненной жадностью стремился къ философскому міропониманію, нашелъ на время ключъ къ таковому въ идеализмѣ и пантеизмѣ Шеллинга, отъ котораго ему уже былъ легокъ переходъ къ слѣдующему этапу философской мысли—міровоззрѣнію Гегеля. Къ Гегелю, какъ понимали его тогда въ Россіи, онъ является близкимъ уже въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», видя во всемъ существующемъ въ нравственной и физической природѣ только проявленія «единой, вѣчной идеи». Упоеніе философіей было такъ велико, что Бѣлинскому въ первые годы его литературной дѣятельности былъ чуждъ какой бы то ни было протестъ, и онъ, полуголодный, такъ же славилъ существующее, какъ славилъ его сытый Станкевичъ, прекраснодушіе котораго холилось въ роскошной обстановкѣ, купленной за счетъ крѣпостныхъ. Отношеніе Бѣлинскаго къ кружку,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—«носило въ высшей степени ненормальный характеръ, при чемъ всѣ симпатіи должны были быть положены на вѣсы Бѣлинскаго. Съ одной стороны мы видимъ кружокъ баричей-дворянъ, наслаждающихся плодами жизни, существующихъ за счетъ крѣпостного труда, а потому не понимающихъ значенія этого труда, не интересующихся никакими соціальными болѣзнями и невзгодами. Искусство, литература, философія были для нихъ тѣми роскошными блюдами, которыми они наслаждались... Съ другой стороны, передъ ними въ ихъ средѣ голодный разночинецъ, прошедшій уже, несмотря на свои юные годы, страшную школу нужды и бѣдъ, человѣкъ, для котораго во всѣхъ этихъ диспутахъ и бесѣдахъ былъ интересенъ конечный финалъ, къ которому они должны были привести. Въ центрѣ этого финала у него было положено человѣческое «я», благо этого «я», философское значеніе этого «я»... Они знакомы съ послѣднимъ словомъ европейской науки; онъ малосвѣдущъ, односторонне образованъ, и то только въ области нѣкоторыхъ вопросовъ родной жизни. Они разглагольствуютъ, они поучаютъ; онъ жадно внимаетъ каждому слову, впитываетъ въ себя всякую громко высказанную мысль, перерабатываетъ ее на свой ладъ... И результатъ такого неравенства положенія и состоянія быстро даетъ о себѣ знать: друзья относятся къ нему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, покровительственно, готовы даже отрицать его талантъ и право на общественное руководительство. Но, какъ никакъ, а все же этотъ кружокъ, независимо отъ своего личнаго отношенія къ нашему критику, своими духовными интересами принесъ громадную пользу его умственному развитію и снабдилъ его цѣнными богатствами изъ сокровищницы европейскаго знанія». Дѣйствительно, подтвержденіе этого мнѣнія находимъ въ словахъ одного изъ участника кружка В. П. Боткина, съ которымъ Бѣлинскій сошелся особенно близко, объ умственной работѣ кружка: «Все въ насъ кипѣло и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго». Боткинъ былъ интимнѣйшимъ другомъ Бѣлинскаго. Бѣлинскому нуженъ былъ руководитель, тонкій знатокъ европейской литературы и философіи, цѣнитель изящнаго, и такого руководителя онъ нашелъ въ Боткинѣ. Дружба ихъ длилась до самой смерти Бѣлинскаго. Свидѣтельствомъ своимъ онъ, конечно, не хотѣлъ исчерпать значенія Бѣлинскаго и принизить его, но довольно вѣрно указалъ на значеніе кружка въ развитіи идей Бѣлинскаго.

Во внѣшней жизни Бѣлинскаго перемѣнъ было мало. То погружаясь на дно нужды, то кое-какъ всплывая, онъ продолжалъ биться изъ-за куска хлѣба. Одно время репутація автора «Литературныхъ Мечтаній» доставила ему выгодные уроки, такъ что все время его было разобрано, и онъ былъ вынужденъ отвергать новыя предложенія. Но длилось это, вѣроятно не долго, такъ какъ Бѣлинскій не смотря на глубокое пониманіе задачи педагога, сказавшееся во многихъ его мысляхъ о научной и дѣтской литературѣ, былъ не особенно хорошимъ педагогомъ-практикомъ; да и самъ онъ зналъ это за собою и за преподаваніе брался неохотно. Объ обстановкѣ, въ которой жилъ уже ставшій извѣстнымъ критикъ, сохранился нѣсколько прикрашенный, но приблизительно вѣрный разсказъ Лажечникова: «Пріѣхавъ однажды въ первыхъ 30-хъ годахъ изъ Твери въ Москву, я хотѣлъ посѣтить Бѣлинскаго и узнать его домашнее житье-бытье. Красивъ былъ его бель-этажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла.

Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слушать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ. Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты. . . Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью. . Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, обхватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье; скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя!» Лажечниковъ устроилъ Бѣлинскаго литературнымъ секретаремъ какого-то графомана; получая столъ, квартиру и небольшое жалованье, Бѣлинскій долженъ былъ поправлять произведенія своего патрона. Подъ давленіемъ нужды онъ принялъ эту должность и впервые въ жизни зажилъ въ уютной и комфортабельной обстановкѣ. «Но вскорѣ восходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами. . . Шаги его направлены къ такой же убогой квартиркѣ, въ какой онъ жилъ прежде. . . Онъ чувствуетъ, что исполнилъ долгъ свой». Хотя онъ продолжалъ писать много для «Телескопа» и «Молвы», но, очевидно, трудъ его оплачивался худо, да и вообще практичностью онъ не отличался и въ дѣлахъ житейской прозы всегда былъ простъ и даже наивенъ. Весной 1835 г., собираясь въ заграничную поѣздку, Надеждинъ передалъ свои журналы на время своей отлучки въ руки Бѣлинскаго и его друзей, очевидно, уже вполнѣ полагаясь на талантъ Бѣлинскаго, и ему пришлось стать редакторомъ «Молвы» и «Телескопа». Подъ редакціей Бѣлинскаго «Телескопъ» сразу оживился; его неопредѣленные литературно-критическіе взгляды сразу замѣнились ярко выраженнымъ эстетическимъ направленіемъ. Участіе друзей Бѣлинскаго было очень ничтожно: Станкевичъ далъ переводную статью о Гегелѣ; Красовъ, Кольцовъ, К. Аксаковъ помѣстили нѣсколько стихотвореній; Бѣлинскій же напечаталъ большую статью «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», о Кольцовѣ, о Баратынскомъ, о Бенедиктовѣ. Въ послѣдней онъ безповоротно подорвалъ репутацію этого трескучаго версификатора, пустоту и надутость котораго тогда понимали лишь немногіе. О впечатлѣніи, произведенномъ этой статьей, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. С. Тургеневъ, бывшій тогда молодымъ студентомъ: «Въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что появился № «Телескопа» со статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣлился заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно прочелъ всю статью отъ доски до доски—и, разумѣется, также воспылалъ негодованіемъ! Но—странное дѣло: и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ,—въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ. . . Но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что онъ былъ правъ. . . Прошло нѣсколько времени,—и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же не извѣстно теперь, что многія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ мнѣнія, казавшіяся дерзкою новизною, стали всѣми принятымъ общимъ мѣстомъ. . . Подъ этотъ приговоръ подписалось потомство, какъ и подъ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей».

Около полугода Бѣлинскій занимался изданіемъ «Телескопа» и «Молвы», и Надеждинъ остался имъ, повидимому, доволенъ. Въ 1835 же году Бѣлинскій и Станкевичъ выпустили первое изданіе стихотвореній А. В. Кольцова, дарованіе котораго кружокъ призналъ уже давно (еще въ 1831 г. Станкевичъ напечаталъ его нѣсколько первыхъ стихотвореній) и который въ своихъ мутно-абстрактныхъ думахъ довольно криво отражалъ впечатлѣнія кружковыхъ бесѣдъ. Съ Бѣлинскимъ Кольцовъ особенно сблизился; Бѣлинскій болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ вліянія на развитіе его таланта, и никто не былъ въ глазахъ Кольцова такимъ нравственнымъ и лите-

ратурнымъ авторитетомъ, какъ Бѣлинскій, которому принадлежитъ самая полная и проникновенная оцѣнка Кольцова.

По возвращеніи Надеждина въ Москву, Бѣлинскій сталъ работать уже меньше; въ 1836 г. онъ помѣстилъ въ «Молвѣ» отзывы о двухъ первыхъ книжкахъ «Современника», который началъ тогда издавать Пушкинъ; изъ крупныхъ статей нужно отмѣтить «Ничто о ничемъ или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы». Въ ней Бѣлинскій повторилъ свой высокій взглядъ на отношеніе общества къ литературѣ, уже высказанный въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ»: «я крѣпко убѣжденъ, что народъ или общество есть самый лучшій, самый непогрѣшительный критикъ». Изъ нея видно, что онъ уже началъ свои знаменитыя статьи о Пушкинѣ и во всякомъ случаѣ уже былъ наканунѣ той работы, въ результатѣ которой явился его талантливый и самый полный въ русской литературѣ обзоръ пушкинскаго творчества. О Пушкинѣ Бѣлинскій писалъ: «Онъ сталъ говорить намъ о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, всѣмъ болѣе или менѣе доступныхъ, всѣми болѣе или менѣе испытанныхъ. . . онъ искалъ поэзіи не въ современныхъ и преходящихъ интересахъ, а въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ интересѣ души человѣческой». Говоря о народности въ литературѣ, Бѣлинскій развивалъ мысль, которой касался въ «Литерат. Мечтаніяхъ». «Что такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами... Нѣтъ нужды поставлять такой народности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непремѣнно должна проявляться въ творческомъ созданіи... Если поэтъ владѣетъ истиннымъ талантомъ, онъ не можетъ не быть народнымъ, лишь бы только творилъ изъ души... У кого есть талантъ кто поэтъ истинный, тотъ не можетъ не быть народнымъ».

Сотрудничеству В-го въ «Телескопѣ» положило конецъ прекращеніе журнала. Въ 15-й книжкѣ «Телескопа» 1836 г. появилось извѣстное «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева: и издатель, и цензоръ, и авторъ подверглись гоненіямъ со стороны правительства, а журналъ былъ закрытъ. Бѣлинскій потерялъ работу; самого его тогда въ Москвѣ не было, онъ гостилъ у Бакуниныхъ. Бѣлинскому, которому въ тѣ годы еще нуженъ былъ руководитель въ области германской философіи, для него едва открытой вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка, сошелся послѣ отъѣзда Станкевича (въ 1837 г.) за-границу съ М. А. Бакунинымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи идеологомъ и пропагандистомъ анархіи. а въ то время переживавшимъ періодъ подчиненія гегелевской философіи въ томъ ея своеобразномъ пониманіи, которое привело его, а за нимъ и Бѣлинскаго, видѣвшаго всегда въ мышленіи не абстрактную игру ума, а практическій жизненный догматъ, къ «примиренію съ дѣйствительностью». Въ кружкѣ Бакунинъ считался авторитетомъ. «Къ нему»—говоритъ Анненковъ—«прибѣгали при всякомъ недоумѣніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціей. Разумѣется, тутъ не могло быть какого-либо самобытнаго ученія, но онъ обладалъ особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество, именно даромъ перерабатывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль... Вся жизнь являлась передъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда она была переведена въ идею». Отношенія Бѣлинскаго къ Бакунину были неровныя, прерывавшіяся иногда размолвками, пока друзья не разошлись совершенно,—но въ нихъ обоихъ жилъ одинъ и тотъ же пытливо-критическій духъ. Бѣлинскій самъ отлично охарактеризовалъ Бакунина въ одномъ письмѣ: «Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ,—даже ненависть и къ настоящему моменту, и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему отъ частныхъ явленій». Бѣлинскій сошелся со всей семьей Бакуниныхъ и провелъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ (1836 г.) въ ихъ Тверскомъ имѣніи Прямухинѣ. Это лѣто осталось очень памятно Бѣлинскому. Семейство Бакуниныхъ, вспоминаетъ одинъ современникъ, «было какъ-то особенно награждено душевными дарами... Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ или просто добрый и честный человѣкъ были въ немъ обласканы равно, несмотря

на состояніе и рожденіе... Сюда, вмѣстѣ со Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми, не могъ не попасть и Бѣлинскій. «Среди тогдашняго средне-дворянскаго круга семейство Бакуниныхъ выдѣлялось своей высокой интеллигентностью. Это не были люди закоснѣлые въ мертвыхъ традиціяхъ отжившаго прошлаго, но отзывчивые и чуткіе къ движеніямъ современной мысли. Михаилъ Бакунинъ тогда нѣсколько опередилъ Бѣлинскаго въ развитіи тѣхъ идей, которыя уже давно занимали умъ Бѣлинскаго, и явился для него истолкователемъ гегеліанства.

Въ міросозерцаніи Бѣлинскаго рѣзко бросаются въ глаза три фазиса, которые М. А. Протопоповъ съ нѣкоторой хронологической неточностью, но вѣрно и мѣтко опредѣляетъ такимъ образомъ: «первый фазисъ—индивидуальная мораль и нравственный законъ въ смыслѣ верховнаго регулятора человѣческихъ дѣйствій и отношеній; второй фазисъ—отрицаніе всякой морали, какъ логическій результатъ преклоненія передъ дѣйствительностью и ея разумомъ; третій и окончательный фазисъ—возвращеніе морали въ смыслѣ идеала общественной справедливости, съ вытекающею отсюда обязанностью реформировать дѣйствительность въ духѣ этого идеала... Въ точномъ смыслѣ мы имѣемъ не одного, а трехъ Бѣлинскихъ: Бѣлинскаго двадцатыхъ годовъ, отвлеченнаго проповѣдника общей человѣческой морали; Бѣлинскаго тридцатыхъ годовъ, проповѣдника не только необходимости, но и разумности всего существующаго, а стало быть и того, что противорѣчитъ всякой морали, раба и поклонника факта, защитника какихъ угодно безобразій, разъ они реализовались въ дѣйствительности; наконецъ, Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, умственно и нравственно просвѣтленнаго, могучаго дѣятеля, съ вѣрнымъ критеріемъ въ рукахъ, строго и отчетливо разъединяющаго истину отъ лжи, добро отъ зла, дѣятеля, дающаго свою поддержку и санкцію тому лишь, что не только необходимо, но и нравственно-справедливо». Свое міросозерцаніе въ первомъ изъ этихъ фазисовъ Бѣлинскій самъ назвалъ впослѣдствіи въ одномъ письмѣ къ своимъ друзьямъ «абстрактнымъ героизмомъ»; этотъ періодъ характеризуется безотчетными, но инстиктивно вѣрными порывами къ прекрасному. Бѣлинскій перваго фазиса близко подходитъ къ Бѣлинскому третьяго фазиса, и лишь во второмъ фазисѣ Бѣлинскій перестал быть вѣрнымъ себѣ, за что и заплатилъ тяжелой душевной ломкой и горькимъ раскаяніемъ. Вотъ, напримѣръ, одно туманное, но по духу вѣрное и благородное выраженіе того, что онъ самъ назвалъ «абстрактнымъ героизмомъ» (въ статьѣ «О критикѣ и литературныхъ мечтаніяхъ «Московскаго Наблюдателя», напечатанной въ «Телескопѣ» 1836 г.): «Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія? Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служитъ ей?? О, нѣтъ! пусть толкуютъ ваши дѣйствія кому какъ угодно, пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли: но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ,—идите впередъ, и да не совратятъ васъ съ пути ни разсчеты эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни боязнь непріязни людской, ни обольщенія ихъ коварной дружбы, стремящейся взамѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ лишить васъ лучшаго вашего сокровища—независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ!» Вскорѣ, «преклонившись» передъ дѣйствительностью и, въ слѣпомъ подчиненіи догмѣ, признавъ ее всегда и во всемъ разумной, Бѣлинскій «возненавидѣлъ», по его собственному выраженію, Шиллера, котораго раньше боготворилъ. «За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за обстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностью... Драмы его наложили на меня дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ; бросили меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ»... Но во всѣхъ этихъ душевныхъ переживаніяхъ Бѣлинскій въ сущности былъ одинъ и тотъ же—неизмѣнный и неустанный искатель нравственнаго идеала, который онъ всегда видѣлъ вдали передъ собою и ради стремленія къ которому, какъ это ни странно съ перваго взгляда, горячее оправдывалъ общественную неправду, усматривая въ ней незримую руку Провидѣнія, направляющую все къ лучшему; это всегда нужно имѣть въ виду, когда читаешь Бѣлинскаго или гово-

ришь о немъ. Въ періодъ «абстрактнаго героизма» Бѣлинскій смутно чувствовалъ идеалъ, но не находилъ ему выраженія, а жить, какъ «всѣ», Бѣлинскій не могъ. Ему нужна была твердая и могучая идеальная опора, каждый моментъ своей жизни онъ стремился оправдать высокой цѣлью, вѣрностью святому назначенію. Иногда ему казалось, что достигнуть этого идеала можно въ абсолютномъ знаніи. «Ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми,»—писалъ онъ одному пріятелю, объясняя ему свое тогдашнее богопониманіе,—«но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ,—и ты будешь блаженъ; а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога... Богъ есть истина; слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто знаетъ, тотъ уже и любитъ, потому что, не любя, невозможно познавать, а познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство,—такъ, какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ, и теплота»...

Такими мыслями жилъ Бѣлинскій, когда встрѣтился съ Бакунинымъ. Безпокойный искатель истины, измученный, но не насыщенный долгими размышленіями, Бѣлинскій былъ тогда, къ тому же, потрясенъ тяжелой сердечной исторіей: Бѣлинскій увлекся молоденькой мастерицей, «гризеткой», и конечно взялся за ея «облагороживанье» и умственное развитіе, началъ посвящать ее въ красоты искусства, но изъ этихъ его стараній ничего не вышло, и намѣченный имъ идеалъ быстро превратился въ самую некрасивую и неприглядную дѣйствительность. Эта исторія стоила ему долгихъ душевныхъ мукъ; онъ готовъ былъ впасть, по его собственнымъ словамъ, «въ бѣшенное изступленное отчаяніе или въ мертвую апатію». У Бакуниныхъ онъ отдохнулъ: его «душа смягчилась, ея ожесточеніе миновало, и она сдѣлалась способною къ воспріятію благихъ истинъ». Новое увлеченіе замѣнило прежнее: впервые въ жизни безпріютный Бѣлинскій попалъ въ хорошее женское общество, и—влюбился въ дочь Бакуниныхъ, Александру Александровну; любовь эта осталась нераздѣленной. Михаилъ Бакунинъ посвятилъ его въ философію Гегеля, которой онъ вскорѣ подчинился всецѣло, и она на время успокоила его мятущійся умъ. «Мнѣ было хорошо»—писалъ онъ,—«такъ хорошо, какъ и не мечталось до того времени: событіе превзошло мѣру и глубину моего созерцанія и моихъ предощущеній... Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ: окрестъ меня все дышало гармоніей и блаженствомъ, и эта гармонія и блаженство частію проникли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ; опытъ утвердилъ мою вѣру... Я хотѣлъ въ Прямухинѣ успокоиться забыться, и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ... Мои недостатки нравственные терзали меня: сравнивая мои мгновенные порывы восторга съ этою жизнію, ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденія и возстанія, съ этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ къ безконечному совершенству,—я ужасался своего ничтожества... Случалось цѣлые дни, когда я... искалъ общества и, находя его, бѣгалъ отъ него. Полною жизнію я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спорахъ и, забывая себя, видѣлъ одну истину, которая меня занимала»... О приподнятости и восторженности его въ то время можно судить по слѣдующему мѣсту въ цитируемомъ письмѣ, прекрасному въ своей наивности: «когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ, въ этихъ хорахъ я думалъ слышать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго человѣчества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ блаженства, потому что въ моемъ блаженствѣ, отъ непривычки ли къ нему, отъ недостатка ли гармоніи въ душѣ, было что-то тяжкое, невыносимое, такъ что я боялся моими дикими движеніями обратить на себя общее вниманіе.» Общество, встрѣченное имъ въ домѣ Бакуниныхъ, рисовалось ему въ свѣтѣ этой экзальтаціи: «я былъ вполнѣ блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно-прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что доселѣ почиталъ мечтою, что давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но чему доселѣ не имѣлъ живой и сильной вѣры». Близкій къ далекому отъ какого бы то ни было протеста «примиренію» съ дѣйствительностью, Бѣлин-

скій отнесся къ своей новой любовной неудачѣ какъ къ одному изъ обычныхъ явленій непреложной «дѣйствительности», и въ сердцѣ его воцарилась свѣтлая, томная грусть. Отголосокъ этой «резиньяціи» слышится въ одной рецензіи, написанной имъ недолго спустя: «любовь есть гармонія двухъ душъ, и любящій, теряясь въ любимомъ предметѣ, находитъ себя въ немъ и если, обманутый внѣшностью, почитаетъ себя нелюбимымъ, то отходитъ прочь съ тихою грустію, съ какимъ-то болѣзненнымъ блаженствомъ въ душѣ, но не съ отчаяніемъ... Въ страсти выражается воля человѣка, стремящаяся, вопреки опредѣленіямъ вѣчнаго разума и божественной необходимости, осуществить претензіи своего самолюбія, мечты своей фантазіи или порывы кипящей своей крови»... Дикаго въ обществѣ, некрасиваго отъ природы, слабаго и неловкаго Бѣлинскаго вообще преслѣдовали неудачи въ любви, и его порывы гасли безъ отвѣта. Едва ли и та, которая стала впослѣдствіи его женою, любила его такъ, какъ мечталъ онъ подъ вліяніемъ «порывовъ кипящей крови». Говоря объ отношеніяхъ его къ женщинѣ, Тургеневъ разсказываетъ: «Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса... По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозга костей, и, конечно, это убѣжденіе усиливало его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своей привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной... Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б-на; это было существо поэтическое, но она любила другого и при томъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простого званія; помню его отрывистый, сумрачный разсказъ о ней.. онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе... но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло»... Спустя два года послѣ увлеченія Бакуниной, Бѣлинскій написалъ свою вторую драму, бывшую вмѣстѣ съ тѣмъ его послѣднимъ опытомъ въ этой области творчества. Она была напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1839 г. и еще ранѣе появленія въ печати, 27 января 1839 г., поставлена въ Москвѣ, въ бенефисъ Щепкина; эта драма, «Пятидесятилѣтній дядюшка, или странная болѣзнь», была играна всего два раза, имѣла нѣкоторый успѣхъ, но въ репертуарѣ не удержалась. Съ внѣшней стороны драма не имѣетъ ничего общаго съ личной драмой Бѣлинскаго. Фабула драмы такова: пожилой дядюшка, влюбленный въ свою племянницу, которая не отвѣчаетъ ему взаимностью, всячески препятствуетъ ея браку съ своимъ счастливымъ и молодымъ соперникомъ, но потомъ приходитъ къ заключенію, что насильно милъ не будешь, и самъ, вопреки собственному чувству, устраиваетъ свадьбу молодыхъ людей. Изъ своей печальной любовной исторіи Бѣлинскій внесъ въ драму горечь нераздѣленной любви и желанія полнаго счастья любимой женщинѣ. «Я скрою»—говоритъ главный герой пьесы,—«глубоко скрою въ себѣ мои безпокойства, мои мученія... Знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Я такъ тебя люблю, что часто не могу разобрать, люблю или ненавижу я тебя... Будь счастлива... А мнѣ слезу, когда умру... и улыбку, когда увидимся»... «Многія положенія»—говоритъ рецензентъ «Московск. Наблюдателя»—«очень интересны и наложены съ одушевленіемъ и увлекательно, но тѣмъ не менѣе пьеса ни съ которой стороны не относится къ сферѣ искусства, какъ творчества. Она просто—довольно удачно сдѣланная пьеса, не больше. Благосклонность, съ какою она принята публикою, происходитъ отъ того именно, что авторъ коснулся сферы жизни, всѣмъ понятной и доступной». Критикъ «Галатеи» писалъ: «Въ наше время, когда большая часть драматическихъ произведеній основывается на разсчитанныхъ эффектахъ, на характерахъ странныхъ и часто неправдоподобныхъ, на дѣйствіяхъ кровавыхъ, которыя невольно возмущаютъ душу, или, наконецъ, на какихъ нибудь особенныхъ, частныхъ интересахъ,—выйти изъ общей колеи, взять анализъ страсти, со всѣми ея изгибами и оттѣнками, какъ хотите,—это шагъ замѣчательный, подвигъ, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что его предпринимаетъ литераторъ молодой, избираетъ его для перваго своего опыта. Но не въ

одномъ этомъ заключается достоинство драмы г. Бѣлинскаго: въ ней есть много характеровъ, прекрасно очерченныхъ... Вы видите здѣсь прекрасное, милое, простодушное лицо Катеньки, дѣвушки живой, рѣзвой, веселой, которая никого не любитъ, никого ненавидитъ, которая иногда и задумывается, но эта задумчивость проходитъ по душѣ ея, какъ легкое облачко по ясному, голубому небу; это лицо нарисовано такъ живо, снято съ натуры такъ вѣрно, что вы непремѣнно узнаете въ немъ что-то знакомое: такіе характеры встрѣчаются очень нерѣдко... Аксессуарныя лица нисколько не натянуты, а какъ будто сняты съ натуры. Вотъ хорошая сторона драмы г. Бѣлинскаго. Съ другой стороны, недостатковъ въ ней много, очень много, и такихъ, которые бросаются въ глаза съ перваго раза всякому сколько-нибудь знающему театръ и сцену. Драма чрезвычайно растянута, исполнена сценъ однообразныхъ: авторъ, видимо, хотѣлъ исчерпать до глубины предметъ свой и потому впалъ въ многорѣчивость. Драма написана въ двѣ-три недѣли—это не бѣда, можетъ быть даже къ лучшему, но бѣда въ томъ, что авторъ писалъ ее незадолго до бенефиса, слѣдов., не могъ отдалить ее отъ себя на такое разстояніе, чтобы охолодѣть къ своему произведенію, всмотрѣться въ него, какъ въ сочиненіе чужое, а потому не могъ съ самоотверженіемъ обрѣзывать и укорачивать его». Замѣчательно по своей мѣткости мнѣніе критика, что «авторъ не всегда могъ возвыситься до полнаго уничтоженія своей субъективности. Слушая разговоры дѣйствующихъ лицъ, какъ будто читаешь критическую статью г. Бѣлинскаго... Ярко бросается въ глаза незнаніе сцены... Нѣкоторыя лица или неопредѣленны, или безцвѣтны»...

Матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго и до закрытія «Телескопа», гдѣ онъ имѣлъ постоянную работу, были плохи. Живя у Бакуниныхъ и утопая въ какомъ-то экстатическомъ «блаженствѣ», онъ терзался мыслью о гнетущей бѣдности. Онъ писалъ: «грозный призракъ внѣшней жизни отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой представлялся мнѣ въ какомъ-то туманѣ, какъ будто бы въ Прямухинѣ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ душѣ, и хотя, повидимому, успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво; въ душѣ моей была страшная борьба... мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены и гдѣ якоремъ спасенія оставался одинъ «Телескопъ», и тотъ ненадежный...» Ему часто приходилось прибѣгать къ помощи друзей. Когда «Телескопъ» прекратилъ свое существованіе, Бѣлинскій опять сталъ по прежнему горько бѣдствовать. Онъ искалъ работы въ петербургскихъ изданіяхъ и едва не сталъ сотрудникомъ «Энциклопедическаго словаря» Плюшара и «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду», переходившихъ съ 1837 г. къ новому издателю А. А. Краевскому. Будь живъ Пушкинъ, надо думать, Бѣлинскій перешелъ бы въ его «Современникъ». Пушкинъ зналъ его, какъ автора «Литературныхъ мечтаній» и цѣлаго ряда критическихъ статей, въ которыхъ Бѣлинскій относится къ великому поэту, хотя съ любовью и благоговѣніемъ, но не всегда положительно (и, замѣтимъ, не всегда справедливо). Пушкинъ серьезно интересовался имъ. «Пушкинъ»—разсказываетъ И. И. Панаевъ — кажется, втайнѣ сознавалъ, что этотъ недоучившійся студентъ долженъ будетъ занять нѣкогда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы». Въ 1842 г. Бѣлинскій писалъ Гоголю: «я не заношусь слишкомъ высоко, но, признаюсь, и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и, что еще лестнѣе, имѣлъ счастіе пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуетъ досель и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ». Поэтъ посылалъ ему книжки «Современника» то черезъ М. С. Щепкина, то черезъ Чаадаева, то черезъ Нащокина, которому велѣлъ передать Бѣлинскому, что очень жалѣетъ, что не успѣлъ съ нимъ видѣться. Въ концѣ 1836 г. П. В. Нащокинъ, московскій пріятель поэта, писалъ ему, должно быть, въ отвѣтъ на его недошедшее до насъ письмо: Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, чей журналъ уже

запрещенъ, 3 тысячи; «Наблюдатель» предлагалъ ему 5. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видалъ, но его друзья говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю». Но Пушкинъ вскорѣ умеръ, и никогда они съ Бѣлинскимъ не встрѣтились. Получивъ отъ Краевскаго предложеніе участвовать въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», Бѣлинскій отвѣчалъ ему: «со всею охотою готовъ вамъ помогать въ изданіи и принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почитаю долгомъ объясниться съ вами на счетъ одного пункта, очень для меня важнаго, чтобъ послѣ между мною и вами не могло быть никакихъ недоразумѣній, а слѣдовательно и неудовольствій. Я отъ души готовъ принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствовать, сколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественной литературы; но я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями. Поэтому я готовъ, по вашему совѣту, дѣлать всевозможныя измѣненія въ моихъ статьяхъ, когда дѣло будетъ касаться до безопасности вашего изданія со стороны цензуры; но что касается до авторитетовъ и разныхъ личныхъ отношеній къ литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желаніемъ въ вашемъ журналѣ, то я думаю и увѣренъ, что я въ этомъ отношеніи останусь совершенно свободенъ». О работѣ въ «Словарѣ» Плюшара Бѣлинскій писалъ, что «взялъ бы на себя статьи о дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ лицахъ русской литературы; также и о другихъ литературныхъ предметахъ могъ бы взяться писать». Но надежды Бѣлинскаго получить работу не осуществились, и нѣсколько статей, написанныхъ имъ для «Литературныхъ Прибавленій», не были напечатаны. Положеніе Бѣлинскаго было очень печально; трогательны въ своей простотѣ его слова въ письмахъ къ Краевскому: «и мои внѣшнія обстоятельства громко требуютъ какой-нибудь опоры; не говорю уже о необходимости высказываться и дѣлать... Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ вопросахъ и явленіяхъ, да и внѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ... но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свои убѣжденія». Авторъ цитируемой рецензіи «Галатеи» на «Пятидесятилѣтняго дядюшку»—Л. Л. (В. С. Межевичъ), знавашій Бѣлинскаго, писалъ, что послѣ закрытія «Телескопа»—Бѣлинскій имѣлъ нѣсколько литературныхъ зазывовъ и предложеній, но онъ отказался отъ нихъ рѣшительно, потому что желалъ остаться при своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и не хотѣлъ изъ вещественныхъ выгодъ мѣнять свой образъ мыслей въ угоду тому или другому... Нѣтъ, г. Бѣлинскій остался честнымъ и добросовѣстнымъ литераторомъ, хотя не пріобрѣлъ не только никакихъ выгодъ, а едва ли имѣетъ необходимое въ жизни. Дай Богъ ему терпѣнія!»

И Бѣлинскій терпѣлъ: онъ взялся за довольно сухую, сравнительно съ занимавшими его обычно предметами работу,—грамматику, которую онъ думалъ составить еще въ 1834 г. Хотя онъ былъ плохой педагогъ-практикъ и не обладалъ для этого достаточно выдержаннымъ, дисциплинированнымъ темпераментомъ, но научные вопросы интересовали его, и онъ всегда считался знатокомъ грамматики Еще гимназистомъ онъ преподавалъ этотъ предметъ своимъ младшимъ товарищамъ, среди которыхъ оказался будущій создатель русской грамматики Ѳ. И. Буслаевъ; студентомъ и по удаленіи изъ университета онъ давалъ уроки, хлопоталъ объ учительскомъ мѣстѣ. Интересъ его къ грамматикѣ виденъ въ двухъ его рецензіяхъ 1834 г. на книги, трактовавшія объ этомъ предметѣ. Въ 1836 г. Станкевичъ справлялся у него о ходѣ его работы. Не имѣя никакихъ занятій, Бѣлинскій понадѣялся на грамматику, какъ на способъ выбиться изъ нужды, и взялся за трудъ съ усиленной энергіей. 8 апрѣля 1837 г. книга была уже дозволена цензурой, но еще раньше Бѣлинскій представилъ ее попечителю Московскаго Учебнаго Округа, предполагая, что она можетъ быть принята, какъ учебникъ и напечатана на казенный счетъ. Но, какъ всегда, его и на этотъ разъ постигла неудача: книга не была принята. Тогда онъ напечаталъ ее на свой счетъ, и къ лѣту 1837 г. она вышла въ свѣтъ. «Основанія русской грамматики, для первоначальнаго обученія, составлен-

ныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ», не остались незамѣченными въ печати. О. И. Сенковскій, не имѣвшій никакихъ основаній относиться дружелюбно къ Бѣлинскому, писалъ, что въ его трудѣ «есть много дѣльнаго». К. С. Аксаковъ, написавшій на книгу Бѣлинскаго большую полемическую рецензію, называетъ ее «книгой примѣчательной въ нашей ученой литературѣ». Критикъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» нашелъ, что грамматика Бѣлинскаго «есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, бѣдной хорошими книгами для первоначальнаго обученія, и съ большою пользою можетъ быть употреблена преподавателями русскаго языка... Раціональная, основанная на твердыхъ началахъ «Грамматика» г-на Бѣлинскаго составляетъ довольно значительное пріобрѣтеніе науки о русскомъ словѣ». По научнымъ своимъ достоинствамъ книга Бѣлинскаго вовсе не ниже обычнаго уровня тогдашней русской филологической науки. «Она» — говоритъ А. Н. Пыпинъ—«не выходитъ изъ круга тогдашнихъ понятій о предметѣ, но для своего времени не лишена была значенія какъ попытка осмыслить грамматическія правила указаніемъ ихъ логическихъ основаній: для тогдашняго изложенія предмета было довольно ново ставить въ основу не только синтаксиса, но и этимологіи—логическое предложеніе, изъ котораго Бѣлинскій опредѣляетъ дѣленіе частей рѣчи и измѣненія словъ». Отзывъ оффиціальнаго рецензента, признавшаго книгу непригодной для учебныхъ заведеній, все-таки надо счесть правильнымъ: для учебника трудъ Бѣлинскаго слишкомъ абстрактенъ и серьезенъ. Книга была напечатана въ порядочномъ числѣ экземпляровъ (2430), что обошлось Бѣлинскому почти въ 1000 руб. ассигн., но расходилась очень слабо. Н. А. Полевой говорилъ Кольцову, что книга Бѣлинскаго «для дѣтей, а вовсе не дѣтская: эта грамматика болѣе философская; дѣти ея не поймутъ, а взрослые немногіе читаютъ; при томъ, въ ней много отвлеченностей; онъ человѣкъ странный, чудакъ большой; пишетъ то, чего у насъ еще не понимаютъ».

Грамматика легла на Бѣлинскаго новымъ долгомъ, здоровье его было очень плохо,—и ему пришлось лѣчиться. Была признана необходимой поѣздка на Кавказскія минеральныя воды, и ему пришлось дѣлать новые долги, потому что ѣхать нужно было во что бы то ни стало: начинавшаяся болѣзнь очень испугала Бѣлинскаго, здоровье котораго было надорвано лишеніями еще въ студенческіе годы. На Кавказѣ онъ провелъ три мѣсяца—съ іюня до сентября 1837 года. Путешествіе на Кавказъ развлекло его и поправило здоровье. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, онъ писалъ К. С. Аксакову: «отъ одной дороги, діэты, перемѣны мѣста, ранняго вставанія по утру, чувствую себя несравненно лучше». Кавказская природа произвела на него сильное впечатлѣніе: «она»,—писалъ онъ—«такъ прекрасна, что неудивительно, что Пушкинъ такъ любилъ ее и такъ часто вдохновлялся ею»... Но и здѣсь Бѣлинскій не забывалъ литературныхъ интересовъ, и его письма пестрѣютъ вопросами и сужденіями, относящимися къ любимому дѣлу. Мысль его работала, и литературные планы роились въ его головѣ, хотя имъ не суждено было осуществиться, что онъ, впрочемъ, и самъ предвидѣлъ. «Кажется, что я ничего путнаго не сдѣлаю на Кавказѣ», писалъ онъ К. Аксакову. «Но это не бѣда: я собираюсь съ силами, думаю безпрестанно, развиваю мои мысли, составляю планы статей и прочаго. Только бы выздоровѣть».

Объ одномъ изъ этихъ плановъ Бѣлинскій сообщалъ Бакунину: «Я составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ въ формѣ писемъ или переписки друзей хочу изложить всѣ истины, какъ постигъ я ихъ, о цѣли человѣческаго бытія или счастія. Я далъ этимъ истинамъ практическій характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія... Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни». Въ концѣ 1837 г. Бѣлинскій писалъ: «теперь я началъ «Переписку двухъ друзей», большое сочиненіе, гдѣ въ формѣ переписки и въ формѣ какого-то полуромана будутъ высказаны всѣ тѣ идеи о жизни, которыя даютъ жизнь. Это будетъ собственно переписка прекрасной души съ духомъ; первое лицо, какъ разумѣется, будетъ моимъ субъективнымъ произведеніемъ, а второе—чисто объективнымъ. Въ лицѣ перваго я покажу прекраснодушіе... впрочемъ, въ представителѣ прекраснодушія я выведу лицо не пошлое, но полное жизни истин-

ной, кипучей... я изображу въ немъ одного изъ тѣхъ людей, которые понимаютъ истину, но хотятъ, чтобы она досталась имъ безъ труда, безъ пожертвованій, безъ борьбы и страданія... Въ этой прекрасной душѣ я изображу себя... и въ этомъ портретѣ я наплюю на самого себя и оплачу самого себя. Я изображу себя въ двухъ эпохахъ жизни: въ той, въ которую я жилъ въ одномъ чувствѣ и прятал свое чувство отъ разума, какъ цвѣтокъ отъ мороза; и въ той, въ которую я созналъ тождество чувства съ разумомъ, любви съ сознаніемъ, но пріобрѣлъ черезъ это не полное блаженство жизни, а только объективное сознаніе его»... Философскій романъ этотъ, въ которомъ уже слышится не только сильное вліяніе Гегеля, но даже гегелевская терминологія, остановился въ самомъ началѣ; врядъ ли эта вещь, будь она закончена вплела бы новый лавръ въ писательскій вѣнецъ Бѣлинскаго, который впослѣдствіи отрекся отъ гегелизма и къ тому же не былъ беллетристомъ-художникомъ. На Кавказѣ его продолжала тревожить мысль о матеріальной нуждѣ. «Я бы выздоровѣлъ и душевно, и тѣлесно»—писалъ онъ—«если бы будущее не стояло передо мною въ грозномъ видѣ, если бы пріѣздъ мой въ Москву былъ обезпеченъ. Вотъ что меня убиваетъ и изсушаетъ во мнѣ источникъ жизни .. Мучимый каждую минуту мыслію о долгахъ, о нищенствѣ, о попрошайствѣ, о моихъ лѣтахъ, въ которыя уже пора пріобрѣсти какую-нибудь нравственную самостоятельность, о погибшей безплодно юности, о бѣдности моихъ познаній, могъ ли я забыться въ чистой идеѣ? Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, могъ ли я возвыситься до абсолютной? Я увидѣлъ себя безчестнымъ, подлымъ, лѣнивымъ, ни къ чему неспособнымъ, какимъ-то жалкимъ недоноскомъ, и только въ моей внѣшней жизни видѣлъ причину всего этого». А во «внѣшней» жизни все обстояло крайне неблагополучно. Съ Кавказа онъ писалъ Аксакову: «я получилъ извѣстіе, что дѣла мои насчетъ сбыта грамматики идутъ гадко. Впрочемъ, я привыкъ къ такому счастію... но нищета, но необходимость жить на чужой счетъ—слуга покорный: или конецъ такой жизни, или чортъ возьми все, пожалуй, и меня самого съ руками и ногами!.. Если грамматика рѣшительно не пойдетъ, то обращаюсь къ чорту, какъ Громобой, и продаю мою душу съ аукціона Сенковскому, Гречу или Плюшару, что все равно: кто больше дастъ. Буду писать по совѣсти, но предоставлю покупщику души моей марать и править мою статью какъ угодно. Можетъ быть, найду работу и почестнѣе, но во всякомъ случаѣ, ѣду въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ, кромѣ голодной смерти и безчестія, ожидать нечего». Но уже въ слѣдующемъ письмѣ онъ каялся въ этихъ словахъ и говорилъ, что «все это было плодомъ минуты отчаянія и ожесточенія... Не почитаю этого переѣзда неизбѣжнымъ, не хочу продавать себя съ аукціона... Бѣда, да и только! Нѣтъ никакого выхода. Или продай свое убѣжденіе, сдѣлай изъ себя пишущую машину,—или умирай съ голоду... Это становится невыносимо. Я боюсь или сойти съ ума, или сдѣлаться пошлымъ человѣкомъ, пріобщиться къ этой толпѣ, которую такъ презираю и ненавижу... 1-го или 2-го сентября мы выѣзжаемъ въ Москву, къ которой рвется душа и при одной мысли о которой замираетъ у меня сердце и кружится голова: такъ страшно мнѣ въѣхать въ нее. Этотъ въѣздъ представляется мнѣ какою-то ужасною катастрофою въ моей жизни. Одна надежда еще осталась, и та слабая: не тронется ли моя грамматика къ моему пріѣзду; безъ этого я погибъ».

Въ такомъ тяжеломъ настроеніи духа возвратился онъ въ Москву, но его оживили новыя надежды. Онъ разсчитывалъ попасть въ журналъ, который долженъ былъ издавать Н. А. Полевой, сблизившійся около того времени съ Бѣлинскимъ: «это дастъ мнѣ»,—говорилъ Бѣлинскій—«мою настоящую жизнь, при одной мысли о которой я уже оживаю и чувствую въ себѣ новую силу... О, если бы это сбылось .. Тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переѣхать въ Петербургъ». Но это не сбылось: Полевой оставилъ Москву, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ принялъ «новый курсъ», сошелся съ Сенковскимъ, Гречемъ и Булгаринымъ; онъ понималъ, что Бѣлинскій по этому курсу не пойдетъ, и самъ далъ это понять Бѣлинскому. Впрочемъ, Бѣлинскій помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1838 г., № 4, статью: «Мочаловъ въ роли Гамлета»; Бѣлинскій хотѣлъ продолжать статью, но ему помѣшали обстоятельства, о которыхъ Полевой писалъ своему

брату: «затягивать человѣка сюда [т. е. въ Петербургъ], когда онъ при томъ такой неукладчивый (и довольно дорого себя цѣнитъ), было бы неосторожно всячески, и даже по-политическимъ отношеніямъ». Сотрудничество Бѣлинскаго, конечно, не могло быть пріятно такимъ личностямъ, какъ новые друзья скользившаго по наклонной плоскости Полевого. Продолженіе статьи о Мочаловѣ въ роли Гамлета появилось уже въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Весной 1838 г. положеніе Бѣлинскаго нѣсколько улучшилось. Въ немъ уже цѣнили крупную литературную силу. Собираясь издавать «Москвитянинъ», Погодинъ и Шевыревъ въ концѣ 1837 г. думали о сотрудничествѣ Бѣлинскаго, который писалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей: «мнѣ предлагали сотрудничество, но... не надо мнѣ ихъ денегъ, хоть осыпь меня золотомъ съ головы до ногъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сталъ фактическимъ редакторомъ журнала, въ которомъ прежде подвизались его противники,—«Московскаго Наблюдателя», пріобрѣтеннаго типографомъ Степановымъ; Бѣлинскій погрузился по горло въ тяжелую, но любимую работу. Подъ вліяніемъ начинавшагося «примиренія» съ дѣйствительностью «неистовый Виссаріонъ», какъ звали Бѣлинскаго друзья, на нѣкоторое время усвоилъ себѣ такъ неидущій къ нему спокойно-академическій тонъ, сквозь который, хоть рѣдко, но все-же прорывались иногда вспышки его бурнаго духа. Еще готовясь къ новой журнальной работѣ, не зная, гдѣ она устроится, Бѣлинскій писалъ: «я разувѣрился въ достоинствѣ отрицательной любви къ добру и чувствую въ себѣ больше снисходительности къ подлостямъ и глупостямъ литературной братіи, но зато и больше ревности противоположнымъ образомъ дѣйствованія доказывать истину... Полемика рѣшительно изгоняется изъ нашего журнала. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и правда изгонялась изъ него, но дѣло въ манерѣ и тонѣ... Я имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе правительства не тѣмъ, чтобы въ моихъ статьяхъ было что-нибудь противное его видамъ, но единственно рѣзкимъ тономъ, и это очень глупо: впередъ буду умнѣе»... Въ журналѣ приняли участіе московскіе друзья Бѣлинскаго посторонніе сотрудники были случайными и не входили въ составъ редакціи. Самъ Бѣлинскій работалъ больше всѣхъ. Въ каждую книжку онъ давалъ литературную хронику; помѣстилъ большія статьи «Мочаловъ въ роли Гамлета», о сдѣланномъ Полевымъ переводѣ «Гамлета», свою драму «Пятидесятилѣтній дядюшка». Цѣль журнала была въ распространеніи философскихъ и эстетическихъ воззрѣній, которыми напитанъ былъ кружокъ; тонъ изложенія былъ самый спокойный. Кружокъ, а за нимъ Бѣлинскій, вѣрилъ, что нравственное воззрѣніе на искусство нелѣпо; философія и искусство не только не должны вооружать человѣка протестомъ противъ окружающихъ условій, но, наоборотъ, заставляютъ признать непреложность и мудрость всего существующаго, что истинная поэзія строго объективна. Симпатіями журнала пользовалась только нѣмецкая поэзія, въ лицѣ Гёте, удовлетворяющая этому условію (такъ кружокъ понималъ Гёте), и Бѣлинскій долго враждовалъ съ «французами», постоянно указывая на «французскую» бѣдность мысли и фразерство. Отъ полнаго, рабскаго подчиненія формулѣ, которой поклонялся кружокъ, Бѣлинскаго спасало его инстинктивно вѣрное эстетическое чувство, которое онъ носилъ въ своей художнической душѣ. Въ этотъ періодъ, какъ, впрочемъ, и въ послѣдующій, Бѣлинскій не создалъ никакой эстетической теоріи, да едва ли и считалъ возможной выработку такой теоріи. Такой отказъ дать эстетическое мѣрило слышится въ словахъ одной изъ его тогдашнихъ рецензій на стихи В. Г. Бенедиктова: «возьмите любое изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, — какая удивительная простота и содержанія, и формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какая глубокая жизнь!.. Иногда случается встрѣтить въ толпѣ незнакомое лицо: въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, а между тѣмъ, оно врѣзывается въ память, и долго-долго силишься вспомнить, гдѣ встрѣчалъ его.. Вотъ какое впечатлѣніе производятъ мелкія стихотворенія Пушкина, когда ихъ прочтешь въ первый разъ, безъ особеннаго вниманія. Забудешь иногда и громкое имя поэта, и всѣмъ извѣстное названіе стихотворенія, а стихотвореніе помнишь, и когда помнишь смутно, то оно безпокоитъ душу, мучитъ ее. Отчего это?—оттого, что во всякомъ такомъ стихотвореніи есть нѣчто, которое составляетъ тайну его эстетической жизни». За то подчиненіе его мнѣніямъ кружка въ другихъ вопросахъ было полное. Вотъ

какъ, напримѣръ, опредѣляетъ онъ «основную идею» всей французской литературы: «надутость и приторность въ идеальности и искренность въ невѣріи, какъ выраженіе конечнаго разсудка, который составляетъ сущность французовъ, и которымъ они торжественно превозносятся, величая его здоровымъ смысломъ»; по мнѣнію Бѣлинскаго, французы «лишены мірового созерцанія». Журналъ шелъ плохо и не оправдывалъ надеждъ издателя. Бѣлинскій чувствовалъ, что его положеніе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» становится шаткимъ, и собирался оставить его. Онъ писалъ И. И. Панаеву: «Я не могу издавать «Наблюдателя» и нахожу себя принужденнымъ нынѣ отказаться отъ него. Но между тѣмъ мнѣ надо чѣмъ-нибудь жить, чтобы не умереть съ голоду—въ Москвѣ нечѣмъ мнѣ жить: въ ней, кромѣ любви, дружбы, добросовѣстности, нищеты и подобныхъ тому непитательныхъ блюдъ, ничего не готовится. Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше»... Очевидно, въ кружкѣ начались ссоры и разногласія. Степановъ платилъ Бѣлинскому жалкіе 80 руб. асс.; да и эту неимовѣрно-низкую плату давалъ неохотно, такъ какъ журналъ расходился слабо. «Я продаю себя»,—писалъ Бѣлинскій Панаеву—«всѣмъ и каждому... кто больше дастъ, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ,—моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть какъ собакѣ, нежели живому отдаться въ позорное съѣденіе псамъ. . Я готовъ взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! Денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадутъ *мою* работу»... Панаевъ хлопоталъ, чтобы доставить ему работу и предлагалъ участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду». Но Бѣлинскій снова взялся за изданіе «Московскаго Наблюдателя», котораго въ 1839 г. вышло еще нѣсколько книжекъ, а затѣмъ оставилъ его окончательно.

Нужда еще сильнѣе обострилась; приходилось приниматься за уроки; къ этому труду онъ былъ малопригоденъ, но на этотъ разъ немного помогло «примиреніе съ дѣйствительностью». Еще раньше оставленія журнала Бѣлинскій получилъ, съ помощью С. Т. Аксакова, мѣсто учителя въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. Подъ вліяніемъ его общаго міроотношенія въ данный періодъ служба здѣсь казалась ему «великой и благодатной своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускнымъ ученикамъ; я ожидалъ своего экзамена безъ робости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо; попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и — не узнавалъ самого себя .. Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность. Смотря на каждаго не по ранѣе заготовленной теоріи, а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю умѣть становиться къ нему въ настоящія отношенія, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ... Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ... Простота и, если сила и достоинство, то все-таки въ простотѣ, — вотъ главное». Бѣлинскій и не замѣтилъ, что, считая себя свободнымъ отъ ига теоріи, онъ именно подъ такимъ игомъ и находился, и его тогдашнее отношеніе къ жизни именно и было не простымъ, а навязаннымъ теоріей. Не скоро еще сознаіъ онъ это и сбросилъ съ себя бремя теоріи.

Подъ это бремя Бѣлинскій подпалъ, переживши первоначальный періодъ своей внутренней жизни,—періодъ «абстрактнаго героизма». Въ жизни Бѣлинскаго философскія изученія имѣли безпримѣрное значеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ «внутренняя жизнь», какъ онъ ее называлъ, безконечно важнѣе «внѣшней». Послѣдовательность его была безпощадна и его не пугали никакія крайности. Бѣлинскій никогда не могъ ограничиться простымъ пониманіемъ вещей и отношеній: на этомъ пониманіи онъ немедленно ставилъ весь свой душевный строй и изъ своего философскаго міровоззрѣнія выводилъ и эстетическое воззрѣніе, и нравственную догму. Выше было говорено о постепенномъ приближеніи его къ «примиренію съ дѣйствительностью». Могучимъ толчкомъ въ этомъ направленіи послужило

сближеніе съ Бакунинымъ, который тогда изучалъ Фихте и, по выраженію Бѣлинскаго, «втащилъ въ фихтіянскую отвлеченность» своего друга. Бѣлинскій увѣровалъ, что наше «я» противоположно внѣшнему міру, что разумъ самодѣятеленъ, что міръ, какъ говоритъ Фихте, «можетъ быть понятъ только изъ духа, а духъ только изъ воли»,— и «уцѣпился за фихтіянскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ». Бѣлинскій проникся убѣжденіемъ, что «идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота»; что «мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть Богъ, самъ себѣ открывающійся въ твореніи», и жадный искатель истины «отбросилъ многое, что не вязалось съ цѣлымъ и потому было ложнымъ, было остаткомъ прежнихъ убѣжденій». Не легко давалась ему эта переработка идей: «я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ»— писалъ онъ—«но этимъ не все оканчивалось... жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо»... Это философское настроеніе онъ выразилъ въ написанной въ Прямухинѣ рецензіи на «Опытъ системы нравственной философіи» А. Дроздова. «Человѣкъ»,—говоритъ Бѣлинскій—«есть органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія... Каждый человѣкъ развиваетъ собою одну сторону сознанія и развиваетъ ее до извѣстной степени; а возможно-конечное и возможно-всеобщее сознаніе должно произойти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ и разнообразныхъ сознаній... Всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, потому что, развивая свое собственное сознаніе, онъ необходимо отдаетъ, завѣщаетъ его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество, какъ идею полнаго развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, слѣдовательно, каждый человѣкъ долженъ любить въ человѣчествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ, а любя это сознаніе, долженъ споспѣшествовать ему. И вотъ его долгъ, его обязанности, его любовь къ человѣчеству. Эта сладкая вѣра и это святое убѣжденіе въ безконечномъ совершенствованіи человѣческаго рода должны обязывать насъ къ нашему личному, индивидуальному совершенствованію, должны давать намъ силу и твердость въ стремленіи къ нему. Иначе, что же была бы наша земная жизнь?.. Не напрасно человѣкъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь, ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ безумномъ упоеніи пировъ, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ тревогахъ опасностей, и въ обольщеніи славы, и въ очарованіи власти, и въ нѣгѣ бездѣйствія, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ знанія, и въ наслажденіи искусства, и въ любви другого сердца... И горе ему, если онъ искалъ этого блаженства путемъ ложнымъ, если думалъ обрѣсти его въ исполненіи своихъ безсознательныхъ эгоистическихъ желаній; и благо ему, если онъ искалъ его тамъ, гдѣ оно есть, искалъ его въ сознаніи и путемъ сознанія... Вѣчность не мечта, не мечта и жизнь, которая служитъ къ ней ступенью! Много въ ней дурного, но еще больше прекраснаго... есть паденіе, но есть и возстаніе; есть стремленіе, но есть и достиженіе; есть минуты сомнѣнія и отчаянія... но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ полна, такъ тождественна съ блаженствомъ»... Самого Фихте Бѣлинскій, плохо знавшій нѣмецкій языкъ, конечно не читалъ, а воспринялъ его отъ Бакунина.

Вскорѣ друзья перешли къ изученію Гегеля. Великій метафизикъ создалъ стройную систему міропониманія; отвергая немыслимую кантову «вещь въ себѣ», Гегель призналъ, что все сущее есть мыслимое, и вывелъ изъ этого единства тождество мышленія и бытія, субъекта и объекта, познающаго и познаваемаго; философское мышленіе есть самосознаніе въ человѣкѣ Абсолютнаго Духа; весь видимый міръ есть проявленіе этой абсолютной идеи, которая стремится сама себя раскрыть и идетъ къ этому разными ступенями развитія; такими ступенями являются искусство, государственность: первое — воплощеніе красоты, вторая—воплощеніе разума. Бѣлинскаго захватила грандіозность всепоглощающей системы такъ же, какъ и его друзей. Герценъ писалъ объ этомъ увлеченіи всеобъемлющей философіей: «молодые люди такъ преисполнились ученіемъ

берлинскаго философа, что у нихъ отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное... Человѣкъ, который шелъ гулять, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ... Слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или «къ трагическому въ сердцѣ»... Бѣлинскому, съ его дивной философской организаціей ума, съ рѣдкой дисциплинированностью мысли, легко было усвоить себѣ философію Гегеля даже въ пересказѣ Бакунина, безъ непосредственнаго знакомства съ подлинникомъ, и онъ понялъ все въ ней, за исключеніемъ одного (и это была общая ошибка всѣхъ русскихъ гегеліанцевъ), что, хотя Гегель и признавалъ разумное дѣйствительнымъ, а дѣйствительное разумнымъ, но не все въ жизни считалъ дѣйствительностью, а только то, что помогаетъ развитію самопознанія абсолютной идеи. Но въ русскихъ умахъ, и въ томъ числѣ въ умѣ Бѣлинскаго, Гегель отразился невѣрно; русскіе гегеліанцы искали въ философіи указанія, какъ надо жить, и вывели изъ гегелевскаго міровоззрѣнія, что все въ мірѣ само идетъ къ совершенству, что бороться не для чего, протестовать неразумно, надо жить въ сферѣ мыслей и мышленьемъ служить самораскрытію абсолюта. Такъ увѣровалъ и Бѣлинскій и, переживъ періодъ отчаянія и безвѣрія, съ головой ринулся въ созданную этимъ ложнымъ истолкованіемъ Гегеля нирвану. Первый такъ понялъ Гегелевскую философію Бакунинъ, изложившій свой взглядъ въ предисловіи къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля, въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 г., когда журналъ перешелъ въ руки Бѣлинскаго, и въ немъ стали участвовать его друзья. «Съ природой и жизнью опять примирись!» — проповѣдывалъ Бакунинъ словами поэта:-- «прекрасна вселенна... все въ жизни къ великому средство: и горе, и радость—все къ цѣли одной...», все въ жизни прекрасно, все благо»... Бакунинъ бранилъ «прекраснодушіе», это призрачное самоосклабленіе», и совѣтовалъ примиреніе съ дѣйствительностью, «потому что дѣйствительность всегда побѣждаетъ, и человѣку остается или помириться съ нею и сознать себя въ ней и полюбить ее, или разрушиться самому»... Въ области эстетики, что очень важно для пониманія тогдашнихъ литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго, Бакунинъ указывалъ на примѣры Шиллера, который былъ прекраснодушнымъ, пока «богатая субстанція вынесла его изъ отвлеченности, и каждый новый годъ его жизни былъ шагомъ къ примиренію съ дѣйствительностью», и Пушкина, который также началъ прекраснодушной борьбою съ дѣйствительностью, и лишь «геніальная субстанція насильно привела его къ примиренію съ дѣйствительностью». Вступивъ въ полосу «примиренія», Бѣлинскій сталъ съ обычнымъ своимъ жаромъ служить новому идолу. Первые проблески новаго воззрѣнія въ его писаніяхъ встрѣчаются въ статьѣ «Мочаловъ въ роли Гамлета» («Московскій Наблюдатель» 1838 г.): «для Шекспира нѣтъ ни добра, ни зла; для него существуетъ только жизнь, которую онъ спокойно созерцаетъ и сознаетъ въ своихъ созданіяхъ, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не отдавая преимущества. И если у него злодѣй представляется палачомъ самого себя, то это не для назидательности и по ненависти къ злу, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума... Эта объективность совсѣмъ не есть безстрастіе: безстрастіе разрушаетъ поэзію, а Шекспиръ есть великій поэтъ. Онъ только не жертвуетъ дѣйствительностію своимъ любимымъ идеямъ... Для людей собственно жизнь есть подвигъ, выполненіе котораго есть блаженство... но только тогда, когда человѣкъ, уничтоживъ свое «я», во внутреннемъ созерцаніи или сознаніи абсолютной жизни снова обрѣтаетъ его въ ней»... Отголосокъ увлеченія Гегелемъ слышится и въ другомъ мѣстѣ этой статьи, гдѣ Бѣлинскій говоритъ о «той мірообъемлющей и послѣдней философіи нашего вѣка, которая, развернувшись, какъ величественное дерево, изъ одного зерна, покрыла собою и заключила въ себѣ, по свободной необходимости, всѣ моменты развитія духа и, не принимая въ себя ничего чуждаго, но, живя собственной жизнію, изъ своихъ же нѣдръ развитою, во всякомъ, даже конечномъ развитіи видитъ развитіе абсолютнаго духа, конкретно слитаго съ явленіемъ»... Объ этомъ упоеніи философіей говоритъ одно письмо Бѣлинскаго къ пріятелю: «Только въ ней ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни

дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастія. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь». Далѣе Бѣлинскій дѣлаетъ частный, практическій выводъ изъ сказаннаго: «Пуще всего оставь политику... Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла и ею могутъ заниматься пустыя головы. Люби добро и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему обществу, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,— тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ. Просвѣщеніе—вотъ путь ея къ счастію... Мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости... Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но гибельно для дѣтей, а политика есть вино, которое можетъ превратиться даже въ опіумъ... И такъ, оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро»...

Полуголодный хвалитель разлитаго въ окружающей дѣйствительности счастья остановиться на этомъ, конечно, не могъ: служеніе догмѣ должно было свершиться до конца, надо было идти вплоть до тупика. И Бѣлинскій пошелъ. Въ числѣ помѣщенныхъ имъ въ «Моск. Наблюдателѣ» 1838 г. рецензій есть одна небольшая замѣтка о книжкахъ нѣкоего А. Тейльса, которыя Бѣлинскій рекомендуетъ, какъ полезное и назидательное чтеніе для крѣпостныхъ людей, сборъ истинъ, принадлежащихъ къ быту этого сословія». Тѣ мѣста гоголевской «Переписки съ друзьями», которыя черезъ нѣсколько лѣтъ такъ ужаснули Бѣлинскаго своимъ крѣпостническимъ духомъ, представляютъ собою розовую водицу въ сравненіи съ рекомендованными Бѣлинскимъ книжками, авторъ которыхъ проповѣдуетъ крестьянамъ: «барыня мать ваша; она кормилица и васъ и дѣтей вашихъ, и семейныхъ вашихъ, надо отслужить: не успокаивающій господъ своихъ, невѣрный имъ, противникъ, недоброжелатель — все это встрѣтитъ въ дѣтяхъ своихъ, они отплатятъ за господъ; взыщутъ съ кого изъ васъ по приказу ли барина или и самъ баринъ, помолитесь Господу, чтобы Онъ умилостивилъ опять до васъ барина»... Самое же характерное выраженіе настроенія, владѣвшаго тогда Бѣлинскимъ, и плѣнившихъ его умъ мыслей находимъ въ трехъ статьяхъ — по поводу «Бородинской годовщины» Жуковскаго, «Очерковъ бородинскаго сраженія» Ѳ. Н. Глинки и о критикѣ Гёте—Менцемъ. «Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго» писалъ Бѣлинскій въ первой статьѣ—ничто не окрыляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя равнины царства безконечнаго, какъ созерцаніе міровыхъ явленій жизни.. Вотъ гдѣ скрывается абсолютное значеніе исторіи, и вотъ почему занятіе ею есть такое блаженство, какого не можетъ замѣнить человѣку ни одна изъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ открывается его духу сущность сущаго и родственно сливается съ нимъ до блаженнаго уничтоженія его индивидуальной единичности. Да, кто способенъ выходить изъ внутренняго міра своихъ душевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ, обаятельныхъ радостей и страданій своей человѣческой личности, вырваться изъ ихъ милыхъ, лелѣющихъ объятій, чтобы созерцать великія явленія объективнаго міра и ихъ особность усвоять въ субъективную собственность чрезъ сознаніе своей съ ними родственности,—того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство.. Но когда міровое историческое событіе есть въ то же время и фактъ отечественной исторіи, и его субстанціальная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтлитъ до прозрачности его таинственную сущность,—о, тогда его блаженство бу-

детъ еще шире, безконечнѣе... Къ такимъ-то великимъ міровымъ явленіямъ принадлежитъ битва бородинская... Великое прошлое родило великое настоящее - говоритъ Бѣлинскій объ открытіи памятника на бородинскомъ полѣ и завершаетъ статью истолкованіемъ сокровеннаго смысла этого «великаго настоящаго», въ которомъ видна «не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкою отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими... у насъ совсѣмъ наоборотъ: у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію: царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникали ихъ жизнью и свѣтомъ. Отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ, а теперь въ спокойномъ пребываніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ, и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія мирно ее принимаютъ... И потому-то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно-случайною, потому что она всегда таинственно сливалась съ волею Провидѣнія—съ разумною дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ безъ вѣдома его самого, и приводя ихъ въ сознаніе... Жизнь всякаго народа есть разумно-необходимая форма обще-міровой идеи, и въ этой идеѣ заключается и знаніе, и сила, и мощь, и поэзія народной жизни; а живое, разумное сознаніе этой идеи есть и цѣль жизни народа, и вмѣстѣ ея внутренній двигатель. Петръ Великій, пріобщивъ Россію къ европейской жизни, далъ чрезъ это русской жизни новую, обширнѣйшую форму, но отнюдь не измѣнилъ ея субстанціальнаго основанія... Вотъ взглядъ — истинный и единый, который долженъ взять за основаніе историкъ русскаго народа... Будемъ умѣть быть гордыми собственною національностію, основными стихіями своей народной индивидуальности... Достиженіе цѣли возможно только чрезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго, родного начала народной жизни, и таинственное зерно, корень, сущность, жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ «царь»... Бородинское торжество нынѣшняго года невольно навело насъ на эти мысли: оно было мыслію царя, перешедшею въ торжество народа...» Представивъ, такимъ образомъ, себѣ, въ своемъ распаленномъ воображеніи, несчастную Россію, окутанную крѣпостничествомъ и всяческимъ произволомъ, какъ какую-то счастливую Аркадію, страну всеобщаго блаженства и царство безпрепятственно осуществляющаго свою волю абсолютнаго разума, Бѣлинскій въ другой своей «бородинской» статьѣ—рецензіи на книгу Ѳ. Глинки, объяснялъ свои мысли еще шире: «Государство есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единая разумная форма. Только ставши членомъ государства, человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы, но дѣлается ея повелителемъ и только какъ членъ государства является онъ существомъ истинно-разумнымъ... Государство есть разумное, а потому и священное явленіе... Коренныя государственныя постановленія священны, потому что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому, что они, перешедши въ явленія, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи... Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога—говоритъ св. писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину... Кто внушилъ человѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятилъ самъ и званіе отца, тотъ освятилъ самъ и званіе царя, превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священною и неприкосновенною. Человѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣни передъ царскою

властію, потому что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божіимъ, не въ извѣстное и опредѣленное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывшимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть прообразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума... Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляетъ магическою силою заключенной въ немъ идеи признавать цѣлый народъ, какъ единаго человѣка, и безконечное множество индивидуальныхъ особенностей сливаетъ во единое тѣло, въ единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое я.. Изъ милліоновъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и милліоны не могутъ ревновать его избранію и добровольно преклоняютъ передъ нимъ колѣни, какъ передъ существомъ высшаго рода, и охотно повинуются ему... Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему, какъ удовлетвореніе, какъ счастіе, какъ блаженство, къ которымъ онъ имѣетъ полное право стремиться, особенно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носитъ онъ таинственный и безконечный міръ, полный желаній, порывовъ, стремленій, страданій и радостей, и только черезъ удовлетвореніе этого своего міра можетъ онъ достигнуть счастія. Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія, имѣетъ право никого и ничего не знать»... Правда, у Б—го все это было смягчено замѣчаніями, что «субъективная личность не должна быть эгоистическою»; что «почва, на которой выростаютъ благородные плоды разумнаго опыта, есть нравственное чувство», но все-же главный нервъ статьи составляетъ славословіе царящей дѣйствительности, «разумной и непреложной необходимости». «Сила есть право, и право есть сила», вывелъ изъ Гегеля Б. и долго питался этою мыслью. О своей статьѣ по поводу книги Глинки онъ говорилъ Панаеву, что читалъ ее Бакунину: «онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ... Я самъ чувствую, что статейка вытанцовалась... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Мнѣ легче умереть съ голоду, чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя... Эта статья рѣзка,—я знаю: но у меня въ головѣ рядъ статей еще болѣе рѣзкихъ». Герценъ однажды замѣтилъ ему: «знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что и чудовищный произволъ разуменъ и долженъ существовать». Б. отвѣтилъ: «безъ всякаго сомнѣнія» и прочелъ Герцену... «Бородинскую годовщину» Пушкина. Выборъ этого стихотворенія знаменателенъ; онъ показываетъ, до какой степени Б. былъ поглощенъ теоріей. Патріотическая пьеса Пушкина очень мало подходитъ къ теоріи оправданія всего существующаго, но для Б-го было достаточно и того, что это — пѣсня торжествующей, побѣдившей, а потому, конечно, и правой силы. Еще рѣзче и ярче преклоненіе передъ дѣйствительностью въ статьѣ «Менцель, критикъ Гёте». Б. патетически восклицаетъ: «Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Конелей, Талейрановъ, Кауницевъ и Меттерниховъ — участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ—созерцать «полное славы твореніе» и быть его органомъ, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя... Все, что есть, необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, приникните съ любовію къ ея материнской груди, прислушайтесь къ біенію ея сердца—и увидите въ ея безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ противорѣчіи удивительную гармонію... Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно-дѣйствителенъ, то неужели высшій его — міръ исторіи есть не такое же разумно-дѣйствительное развитіе божественной идеи?... Разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно... Для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся... Такъ же точно смотритъ разумъ и на всѣ явленія дѣйствительности, видя въ нихъ необходимыя явленія духа. Блаженство и радость, стремленіе и отчаяніе, вѣра и сомнѣніе, дѣятельность и бездѣйствіе, побѣда и паденіе, борьба, раздоръ и примиреніе, тор-

жество страстей и торжество духа, самыя преступленія, какъ бы они ни были ужасны, все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимые моменты духа или уклоненія его отъ нормальности вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ... Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ... Шекспиръ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть». Развивая рядомъ съ нравственно-политической эту эстетическую теорію, Б. излагалъ мысль, которой касался довольно давно—еще въ одной рецензіи на стихи Полежаева: Б. отказывался признать его поэтомъ, потому что его творенія—«стонъ нестерпимой муки субъективнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный гармоническій, разнообразный соловей, поющей пѣснь природы... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія.. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ — въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть только грустная радость... Вопли растерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни доказываютъ пребываніе на землѣ и только тщетное порываніе къ свѣтлому, голубому небу—подножію престола Вездѣсущаго»... Такъ разсуждалъ Б., не замѣчая, куда заводили его эти мысли, шедшія отъ чистаго служенія абстрактной идеѣ. Есть основанія согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ Е. А. Соловьевымъ что въ этихъ проповѣдяхъ «слышится тонъ измученнаго человѣка». Прославленіе дѣйствительности шло у Б-го одновременно съ отчаянной матеріальной нуждою. Савлъ долго боролся и страдалъ, пока сталъ Павломъ, — и какъ непохожъ на проповѣдываемое имъ «примиреніе», «спокойствіе», «созерцаніе» бурный, порывистый тонъ его статей. Вскорѣ ему было суждено, наконецъ, обрѣсти вѣру.

Этотъ душевный переломъ былъ тѣсно связанъ съ внѣшнимъ переломомъ въ жизни Б-го,—переѣздомъ въ Петербургъ, куда послѣ долгихъ сборовъ и колебаній, наконецъ, рѣшился ѣхать В. По разсказу Панаева, переѣздъ Б-го въ Петербургъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ. Онъ согласился на условія Краевскаго, который долженъ былъ выслать ему незначительную сумму на уплату долговъ и на отъѣздъ и обѣщалъ платить ему 3500 руб. асс. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы Б. принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ «Отеч. Записокъ». Условія эти, конечно, были очень тяжкія, особенно если принять во вниманіе ту массу, и притомъ безобразную по содержанію, библіографіи, которая выпадала на долю нашего критика въ журналѣ Краевскаго, но разсуждать не приходилось много, благо дѣло, литературное дѣло, было найдено. Собираясь въ Петербургъ, онъ писалъ Станкевичу: «ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?—«Горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться». Безъ фразъ, я узналъ теперь, что не годится порядочному человѣку отдавать свою жизнь и свое счастіе на волю случайностей, что для того и другого надо побороться, поработать... Мнѣ страшно самому себѣ выговорить мои намѣренія, не только другому. Чтобы привести ихъ въ исполненіе, мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ—робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ—перенестись въ сферу чуждую, враждебную — страшно подумать, а время близко! Этотъ послѣдній опытъ не удастся,—всѣ надежды къ чорту! Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать и нельзя дѣлать, а разстаться съ нею тяжелый опытъ».

Въ октябрѣ 1839 г. Б. оставилъ Москву и переѣхалъ въ такъ долго привлекавшій, но и страшившій его Петербургъ, въ мысли о которомъ для него было, по его словамъ, «что-то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа». О впечатлѣніи, произведенномъ Петербургомъ на Б-го, говоритъ его статья 1845 г. «Петербургъ и Москва»: «Петербургъ оригинальнѣе всѣхъ городовъ Америки, потому что онъ есть новый городъ въ старой странѣ, слѣдовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны... Иностранецъ Альгаротти сказалъ: «Петербургъ есть окно,

черезъ которое Россія смотритъ на Европу»,—счастливое выраженіе, въ немногихъ словахъ удачно схватившее великую мысль! Вотъ въ чемъ его идея и, слѣдовательно, его великое значеніе, его святое право на вѣковѣчное существованіе! Говорятъ, что Петербургъ выражаетъ собою только внѣшній европеизмъ Положимъ, что и такъ; но при развитіи Россіи, совершенно противоположномъ европейскому, т. е. при развитіи сверху внизъ, а не снизу вверхъ, внѣшность имѣетъ гораздо высшее значеніе, большую важность, нежели какъ думаютъ... Петербургъ есть образецъ для всей Россіи во всемъ, что касается до формъ жизни, начиная отъ моды до свѣтскаго тона, отъ манеры класть кирпичи до высшихъ таинствъ архитектурнаго искусства, отъ типографскаго изящества до журналовъ, исключительно владѣющихъ вниманіемъ публики». Петербургъ, говоритъ Пыпинъ, «поразилъ Бѣлинскаго, какъ новое явленіе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе. Та «дѣйствительность», которой съ такой ревностью доискивался Б. въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, предстала передъ нимъ во всей своей реальности и—была рѣшительно непохожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили какъ въ укромномъ захолустьѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣятельностью... Здѣсь въ первый разъ «общество» является ему не какъ отвлеченное представленіе, а какъ живое собраніе извѣстныхъ сословій, разрядовъ людей, типовъ, характеровъ; онъ долженъ былъ увидѣть и настоящія свойства, и вліяніе этого «общества», тяготѣющее надъ нимъ самимъ и его дѣйствительностью. Ему надо было только отложить на минуту въ сторону теоретическія отвлеченности, чтобы жизнь явилась передъ нимъ въ совершенно иномъ свѣтѣ»... Московскія вліянія начали въ душѣ Б-го «перегорать», онъ уже побѣждалъ ихъ и сбрасывалъ съ себя ихъ путы. Процессъ этотъ совершался въ немъ нелегко, болѣзненно, но это была, такъ сказать, «нормальная болѣзненность», обычныя терзанія духа, рвущагося на волю изъ ставшей для него тѣсною оболочки. Въ его первыхъ петербургскихъ статьяхъ еще чувствуются отголоски московскихъ понятій, но эти отголоски становятся все слабѣе и слабѣе и вскорѣ замираютъ навсегда. Дѣло тутъ, конечно, не столько во внѣшней обстановкѣ Петербурга, въ сущности мало отличавшейся отъ московской, сколько просто въ томъ, что Б. былъ приведенъ къ перелому естественнымъ ходомъ своего развитія. «Петербургъ въ этомъ случаѣ только мѣстное и хронологическое, внѣшнее обозначеніе. Какъ ни былъ далекъ онъ отъ жизни, но ея голосъ проникъ и въ его уголокъ, и понятно, какъ долженъ былъ откликнуться Б., увидѣвъ жизнь такою, какова она есть, а не сквозь призму эстетическаго оптимизма. И года не прошло со времени перехода Б—го въ «Отечеств. Записки», какъ онъ явился совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и «сжегъ то, чему поклонялся». Въ самомъ концѣ 1839 г. онъ писалъ Боткину: «Скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой... Скоро ли мое слово будетъ мыслію, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами»... Черезъ пять недѣль онъ писалъ ему уже яснѣе и опредѣленнѣе: «въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и пр. и проч. Вѣра въ жизнь, въ духъ, въ дѣйствительность отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе... Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ... Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ П.... Что же сказать о моемъ новѣйшемъ и настоящемъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о Бород. битвѣ? Дорого далъ бы я, чтобы истребить его». Черезъ нѣсколько дней Б. пишетъ ему: «въ Питеръ бы васъ, дураковъ,—тамъ бы вы поумнѣли, тамъ бы вы узнали, что такое россійская дѣйствительность»... Спустя мѣсяцъ онъ пишетъ: «по-прежнему брезгаю французами... но идея общества

обхватила меня крѣпче, и пока въ душѣ останется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо,—я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь,—душа возмущается, чувства оскорбляются... Куда приклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить.. Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «О. З». Я литераторъ — говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь». Эти знаменитыя слова являются кульминаціоннымъ пунктомъ литературной дѣятельности Б—го; даже онъ, такой возвышенный, рѣдко доходилъ до такой духовной высоты и чистоты. Въ іюнѣ Б. писалъ Боткину: «на насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ идти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ очеловѣченію. Положеніе истинно-трагическое!... Что дѣлать? Гибель частнаго въ пользу общаго—міровой законъ... Обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукою; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее. Гдѣ жъ убѣжище намъ? — На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ... Въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ, и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я!.. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Съ французами я помирился совершенно; не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всеміpно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное»—говоритъ Б. своими гегеліанскими терминами—«въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло». Еще ярче, еще горячѣе звучитъ духовный переворотъ въ октябрьскомъ письмѣ Б—го: «Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и душа вѣка! Боже мой, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій»... Въ слѣдующемъ письмѣ Б. говоритъ: «Нѣтъ въ мірѣ мѣста гнуснѣе Питера, нѣтъ поганѣе питерской дѣйствительности, но я отъ нея не потерялъ, а пріобрѣлъ — я глубже чувствую, больше понимаю, во мнѣ стало больше внутренняго и духовнаго. Если бы гнусная дѣйствительность не высасывала изъ меня капля по каплѣ крови, — я бы помѣшался. Оторваться отъ общества и затвориться въ себѣ — плохое убѣжище... Для меня—такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего»... Въ концѣ года Б. писалъ Боткину: «Я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностью я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія... Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія!.. Тяжело и больно вспомнить! Проснулся я—и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною расейскою дѣйствительностью». На этотъ разъ Б. дѣйствовалъ и мыслилъ вполнѣ самостоятельно, не воспринимая ничьихъ взглядовъ. Какъ мы видѣли, первая встрѣча съ яркимъ представителемъ того направленія, къ которому теперь примкнулъ Б., Герценомъ, только укрѣпила Б—го въ его тогдашнихъ воззрѣніяхъ; сблизился онъ съ Герценомъ лишь тогда, когда душевная перемѣна въ немъ уже завершилась. Эстетическое міроотношеніе смѣнилось широкимъ гуманно-политическимъ, и «новому» Б—му было стыдно вспоминать о «преж-

немъ» Б—мъ. Найдя однажды у Панаева на столѣ книжку «Отеч. Зап.», развернутую на статьѣ о Менцелѣ, Б. внѣ себя швырнулъ книжку на полъ и сказалъ: «что, вы это нарочно хотите поддразнивать меня, подсовывая мнѣ на глаза эту статью?» Панаевъ едва его успокоилъ. Дѣятельность его теперь приняла общественный характеръ,—и «Отеч. Записки» стали, благодаря имени Бѣлинскаго, благороднымъ поприщемъ, на которомъ подвизались лучшіе представители русскаго общества сороковыхъ годовъ. Въ этой плеядѣ Бѣлинскій былъ самой яркой звѣздой.

Внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго измѣнились очень мало. По-прежнему онъ изнывалъ подъ бременемъ тяжелой срочной работы, которую наваливалъ на его плечи эксплоататоръ Краевскій, сущій «жидъ», какъ называлъ его Бѣлинскій. Геніальный критикъ долженъ былъ разбирать все, что присылалось изъ редакціи: водевили, календари, сонники, сельско-хозяйственныя руководства и т. под. Бѣлинскій былъ вѣчно заваленъ грудами печатнаго матеріала. Ему приходилось вести полемику, слѣдя за всѣми выходками Греча, Булгарина, Сенковскаго съ братіей, писать большія критическія статьи и обзоры, поставлять рецензіи на все, что появлялось на книжномъ рынкѣ. При всей своей трудоспособности и усидчивости Бѣлинскій не былъ способенъ работать правильно по стольку-то часовъ въ день и трудился ненормально, урывками, такъ сказать, «запоемъ», надрывая такимъ образомъ свое и безъ того слабое здоровье. Тягость этого поистинѣ каторжнаго труда еще усиливалась внутренней борьбой, которая разрывала душу Бѣлинскаго, ломкой старыхъ воззрѣній и выработкой новыхъ, которая далась ему нелегко. Отзвуки этого настроенія слышатся часто въ его перепискѣ. Иногда онъ отказывался понимать существующее, и жизнь начинала казаться ему какой-то безобразной, хаотической игрой, лишенной идеи и цѣли. «Жизнь—ловушка»,—писалъ онъ однажды,—«а мы мыши; инымъ удается сорвать приманку и выйти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку въ ней развѣ понюхаетъ... Будемъ же пить и веселиться, если можемъ: нынѣшній день нашъ,—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва! Живетъ одно общее, а мы—китайскія тѣни, волны океана;—океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой? Да, жизнь игра въ банкъ; сорвалъ—твое, сорвали—бросайся въ рѣку, если боишься быть нищимъ»... Часто вдохновенно и съ жаромъ начатыя строки у него, въ концѣ концовъ,—какъ говорилъ онъ,—«не вытанцовывались», и онъ съ горечью въ душѣ перечитывалъ написанное: «ту же бы пѣсенку, да не такъ бы спѣлъ».

Сотрудничество Бѣлинскаго въ изданіяхъ Краевскаго началось съ напечатанной въ «Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду» 1839 г., т. II, № 6, небольшой рецензіи на какую-то глупую книжонку «Новѣйшій и самый полный Астрономическій Телескопъ». «Отечеств. Записки» сначала расходились довольно слабо, что безпокоило Бѣлинскаго, уже привыкшаго въ Москвѣ къ богатой читательской аудиторіи, и онъ сталъ заботиться о «большой» публикѣ, жадно читавшей тогда Булгарина, Греча и Сенковскаго. Бѣлинскій признавалъ, что успѣху «Отеч. Записокъ» мѣшаютъ «Гречъ съ Булгаринымъ,—хвала и честь россійской публикѣ... Живя въ Москвѣ, я даже стыдился и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковскаго». Предъ Бѣлинскимъ обрисовалась тяжелая задача—начать воспитаніе читателя съ самыхъ азовъ, завоевать себѣ публику, и успѣхъ сикофантовъ литературы заставилъ его крѣпко призадуматься, отбросить аристократическія литературныя привычки кружка Станкевича, взяться за работу въ своемъ родѣ черную. Такой работой представлялась ему теперь журналистика. Онъ писалъ Боткину, «что для нашего общества журналъ все, и что нигдѣ въ мірѣ не имѣетъ онъ такого важнаго и великаго значенія, какъ у насъ... Журналъ поглотилъ теперь у насъ всю литературу; публика не хочетъ книгъ, хочетъ журналовъ,—и въ журналахъ печатаютъ цѣликомъ драмы и романы, а книжки журналовъ—каждая въ пудъ вѣсомъ. Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить, для настоящаго, и еще больше для будущаго, каѳедра,—но журналъ большую, ибо для нашего общества прежде науки нужна человѣчность, гуманистическое образованіе». Такъ смотрѣлъ теперь Бѣлинскій на свое призваніе, видя въ немъ служеніе освобожденію и развитію личности. Его старая, «московская» вѣра

рухнула непоправимо: все, что видѣлъ онъ вокругъ себя, противорѣчило теперь его принципу, все звало къ борьбѣ и протесту. Измѣнились и эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго; ему самому казалось страннымъ его прежнее требованіе отъ творчества невозмутимости и безстрастія. Въ 1843 г. онъ писалъ: «духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничивается птичьимъ пѣніемъ, создаетъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ философскою и исторической дѣйствительностью современности, если она воображаетъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего отечества, своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденій отъ дѣла, сочиненія отъ жизни». Наконецъ, сознанный и твердо поставленный великій философскій и политическій принципъ блага личности уяснилъ Бѣлинскому настоящее его отношеніе къ дѣйствительности, и искатель правды отвернулся отъ своего стараго гегеліанства. «Я имѣю» — писалъ онъ—«особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ расейскою дѣйствительностію, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера... Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра... Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься,—падай, чортъ съ тобою... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ [Гегель], кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого... Годъ назадъ я думалъ діаметрально противоположно тому, какъ думаю теперь,—и, право, я не знаю, счастіе или несчастіе для меня то, что для меня думать и чувствовать, понимать и страдать одно и то же». Бѣлинскаго часто упрекали въ ренегатствѣ, «измѣнѣ убѣжденіямъ». Лучшимъ отвѣтомъ на такой упрекъ будутъ его прекрасныя слова, сказанныя въ рецензіи на «Рѣчь о критикѣ» А. В. Никитенки («Отеч. Зап.» 1842 г., № 9): «Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно истинно, а не потому, что оно наше. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи истиннымъ, онъ уже не долженъ называть его своимъ: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію и будетъ называть «своимъ» ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно, и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другого, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ разсчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло»... «Талантъ» —говорилъ Бѣлинскій—«самъ по себѣ не рѣдкость; но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстной дѣятельностью, потому что только тогда онъ можетъ быть дѣйствительно полезенъ обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ»... Гуман-

ность озарила эстетическое пониманіе Бѣлинскаго, который говорилъ въ цитированной выше рецензіи: «Горько думать, что между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть «птицы»: они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... Искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія; искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія... Многіе изъ эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ... Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что же изъ этого должно было выйти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ... Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого»... Этимъ воззрѣніямъ на жизнь и искусство Бѣлинскій не измѣнилъ уже до могилы.

Съ этого времени значеніе Бѣлинскаго окончательно опредѣляется и все болѣе и болѣе возрастаетъ. Все лучшее въ Россіи становится его публикой, а имя Бѣлинскаго дѣлается своего рода лозунгомъ мыслящей Россіи. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Былое и думы» далъ прекрасную характеристику Бѣлинскаго этой эпохи: «Въ рядѣ критическихъ статей онъ кстати и некстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто поднимаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія; на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой-нибудь вопросъ.. Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость плаванія между цензурными отмелями, и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ, ограниченныхъ творцовъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжностей; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой. Какъ же за это его и ненавидѣли!... Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли «О. З.»; тяжелый № рвали изъ рукъ въ руки — «есть Бѣлинскаго статья?» Есть—и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало»... Статьи Бѣлинскаго подняли «Отеч. Зап.» на неслыханную высоту; ни до того, ни впослѣдствіи ни одинъ журналъ не игралъ такой важной общественной роли въ исторіи развитія русской мысли. Безжалостно эксплоатируемый Краевскимъ, еще безжалостнѣе урѣзываемый цензурою, Бѣлинскій работалъ не покладая рукъ; единственная выгода его положенія заключалась только въ той свободѣ, которую онъ выговорилъ себѣ у Краевскаго, беззаботнаго насчетъ направленія и думавшаго только о матеріальномъ успѣхѣ журнала. Еще у Краевскаго Бѣлинскій прославлялъ дѣйствительность, и издатель ему не мѣшалъ; не мѣшалъ онъ ему и тогда, когда Бѣлинскій отрекся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ; онъ предоставлялъ Бѣлинскому работать и работать. «Рука отекла отъ писанія»—жаловался однажды Бѣлинскій Панаеву—«я часовъ восемь писалъ сряду не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти

и правда, но взгляните, ради Бога, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... И какія еще книги — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадательныя книжонки! И я долженъ хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ»!... Не разъ приходилось ему приниматься за статью «подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ. Все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою». [redacted] для великаго литератора въ этой пыткѣ было наслажденіе: «ужъ и 15-е число на дворѣ, Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полмысли; не знаю, какъ начну, что скажу; беру перо, и статья будетъ готова,—какъ, не знаю, но будетъ готова». Эти слова проливаютъ свѣтъ на творческую работу Бѣлинскаго. Онъ менѣе всего былъ способенъ спокойно излагать свои мысли. Лучшія его статьи—импровизаціи, что видно по ихъ страстному, порывистому тону. Онъ мыслилъ съ перомъ въ рукѣ, и блестящія идеи приходили къ нему такъ, какъ риѳмы къ Пушкину: «двѣ придутъ сами, третью приведутъ», словно какой-то даръ свыше. Страстная жажда высказываться мучила его, и не разъ пустѣйшая книжонка или глупая статья срывала съ его пера полныя огня и вдохновенія строки. Бѣлинскому тяжело приходилось при мысли, что въ современномъ ему обществѣ такъ мало развито общественное сознаніе, а «безъ общества»—писалъ онъ—«нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому,—порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины. Общество живетъ извѣстною суммой извѣстныхъ принциповъ. Ученые профессора наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни, а потомъ вдругъ... отступаетъ... Не знаю, имѣю ли я право упомянуть тутъ и о себѣ, но вѣдь и обо мнѣ говорятъ же, меня знаютъ многіе, кого я не знаю... Я понимаю Гёте и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки. Такъ повинить ли мнѣ себя? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ.. и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелкаго самолюбія, которое силится оправдать свою личность, апатію, слабость воли, безсиліе и ничтожность натуры... Я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего... Я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе... Во мнѣ развилась какая то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести... Я все болѣе и болѣе гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную». «Соціальность—вотъ девизъ мой»,—писалъ онъ Боткину. «Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда бо́льшая часть и не подозрѣваетъ его возможностей. Прочь отъ меня блаженство, если оно достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрагается при взглядѣ на толпу и ея представителей... И это общество, на разумныхъ началахъ существующее,—явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи»! Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ одному изъ

друзей: «Я уже не та экстатическая, прекрасная душа, которая, обливаясь кровавыми слезами, избичеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни, и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе,—противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей ѳиміамъ, какъ Донъ-Кихотъ своей Дульцинеѣ»... И въ Бѣлинскомъ зрѣла рѣшимость на борьбу съ жизнью, представшей передъ нимъ въ своей непригдядной наготѣ; темпераментъ бойца разгорался: «пусть бьетъ она (жизнь) меня, но я буду знать, кто и что она, и на удары буду отвѣчать проклятіями: это лучше, чѣмъ позволить ей спеленать себя и убаюкивать, какъ ребенка. Гёте сравнилъ мужа съ кораблемъ, презирающимъ ярость волнъ и бури,—прекрасное сравненіе! Такъ вонъ же изъ мирной и тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая, да квакающія лягушки, дальше отъ нихъ туда, гдѣ только волны да небо, предательскія волны, предательское небо! Конечно, разсудокъ говоритъ, что гдѣ бы не утонуть—все равно, но я лучше хотѣлъ бы утонуть въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ. Море—это дѣйствительность; лужа—это мечты о дѣйствительности».

Дѣятельность Бѣлинскаго была теперь отдана всецѣло «Отечеств. Запискамъ», изъ которыхъ онъ сдѣлалъ свой боевой журналъ, въ чемъ ему не мѣшалъ разсчетливый Краевскій. Весь интересъ къ этому журналу основывался на отдѣлѣ литературной критики. Бѣлинскій давалъ тонъ всему журналу, къ участію въ которомъ привлекъ своихъ московскихъ друзей. Повстрѣчавшись теперь съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ противниковъ, Бѣлинскій становился ихъ сторонникомъ. Онъ опять очутился въ центрѣ кружка состоявшаго изъ лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, какъ Герценъ, Анненковъ, Боткинъ, Грановскій. «Въ теоретическомъ содержаніи новаго кружка»—говоритъ Пыпинъ—«соединились стремленія двухъ прежнихъ, изъ которыхъ онъ составился: одни были гегеліанцы и эстетики; другіе издавна увлекались общественными идеями и соціальной литературой. Теперь эти разныя изученія слились какъ двѣ стороны одного вопроса. Для Бѣлинскаго соціальная идея, достоинство и право личности становится краеугольнымъ камнемъ его взглядовъ на «дѣйствительность»; Герценъ, въ свою очередь, съ ревностью изучаетъ Гегеля, въ свою очередь увлекается его грандіозными построеніями, въ которыхъ часто находитъ геніальную фантазію и не находитъ опроверженія своимъ соціальнымъ идеямъ, какъ это думали прежде его противники... Подъ вліяніемъ общихъ изученій, споровъ и бесѣдъ, съ новыми явленіями русской литературы, съ новымъ вниманіемъ къ русской дѣйствительности, у друзей кружка образовался тотъ взглядъ на вещи, который остался его исторической заслугой въ развитіи общественныхъ понятій. Этотъ взглядъ далеко расходился съ преданіями и господствующими понятіями; основою его была мысль о необходимости преобразованія». Высокій литературный и этическій уровень «Отеч. Записокъ» почти мимоходомъ, но безповоротно сокрушилъ въ глазахъ широкой публики мнимые авторитеты Полевого, Греча, Сенковскаго и Булгарина. Изъ крупныхъ статей Бѣлинскаго, появившихся въ первое время его участія въ «Отечеств. Запискахъ», нужно отмѣтить прежде всего напечатанную въ 3 № журнала 1841 г.: «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды». Это была первая попытка осуществить занимавшее Бѣлинскаго и такъ и не осуществившееся намѣреніе написать теоретическій и критическій курсъ русской литературы. Редакція заявила въ особомъ примѣчаніи къ статьѣ, что Бѣлинскій, «любя отечественную словесность и будучи съ давнихъ поръ внимательнымъ наблюдателемъ ея хода и имѣя достаточный запасъ свѣдѣній по этой части, можетъ, повидимому, надѣяться, что трудъ его будетъ не совсѣмъ неудаченъ, хотя и представитъ собою рѣшительно первый опытъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. Сверхъ изложенныхъ причинъ, его побудило приступить къ этому труду и желаніе представить публикѣ, въ особой книгѣ и въ систематическомъ изложеніи, сводъ своихъ идей объ изящномъ и о русской литературѣ, разсѣянныхъ по статьямъ его въ разныхъ журналахъ, идей, но

крайней мѣрѣ, оригинальныхъ и совершенно отличныхъ отъ всѣхъ доселѣ обращавшихся въ нашей литературѣ... Книга выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 г. и будетъ состоять изъ тридцати листовъ компактнаго изданія... Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ». Но книга эта не появилась, хотя, судя по различнымъ приступамъ къ большой, цѣльной подобной работѣ, изъ которыхъ самымъ рѣшительнымъ являются статьи о Пушкинѣ, Бѣлинскій былъ какъ нельзя лучше подготовленъ къ своей задачѣ, и книга его представляла бы высокій интересъ, если не научно-историческій, то эстетическій... Сообщая Боткину о недостаткахъ предпринимаемаго опыта, Бѣлинскій писалъ: «если я не дамъ теоріи поэзіи, то убью старыя, убью наповалъ наши риторики, піитики и эстетики»... Бѣлинскій, конечно, «убилъ» старую эстетику, но вовсе не историческимъ курсомъ, которому не суждено было выйти, а всей своею критической дѣятельностью. О характерѣ задуманнаго труда можно судить по слѣдующимъ строкамъ, извлеченнымъ изъ одного отрывка: «Всѣ явленія природы суть не что иное, какъ частныя и особныя проявленія общаго. Общее есть идея... Идеи суть матери жизни, ея субстанціальная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени, ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе, она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣстница творенія есть не что иное, какъ обособленіе общаго въ частное, явленіе общаго частнымъ». Искусство Бѣлинскій опредѣлялъ какъ «непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ» и видѣлъ въ развитіи этого опредѣленія искусства всю теорію искусства. Это геніальное опредѣленіе вошло въ литературную теорію и литературное сознаніе и стало критическимъ мѣриломъ. Въ появившейся въ 4 № «От. Зап.» 1841 г. статьѣ «Россія до Петра Великаго» находимъ начало полемики съ славянофилами, такъ спокойно мирившимися съ той самой дѣйствительностью, которую Бѣлинскій горячо ненавидѣлъ и презиралъ, и обзывавшими «гнилью» европейскую культуру, къ которой теперь такъ страстно призывалъ Бѣлинскій. Въ первомъ же № появившагося въ 1841 г. славянофильскаго органа — «Москвитянина» — Шевыревъ торжественно провозгласилъ, что величіе пало лишь на долю Востока, а Западъ объятъ гніеніемъ. Вскорѣ «Москвитянинъ» прямо напалъ на «Отеч. Зап.» и на Бѣлинскаго, который не остался въ долгу, и съ этихъ поръ разладъ между Бѣлинскимъ и славянофилами только усиливался. Если къ славянофиламъ и примыкали такіе люди, какъ Конст. Аксаковъ, котораго любили и Бѣлинскій, и Герценъ, то это не могло измѣнить отношенія Бѣлинскаго къ людямъ, которые ненавидѣли Западъ и его культуру, — какъ разъ то, чѣмъ жили Бѣлинскій и его друзья; среди которыхъ были личности вродѣ Погодина, считавшаго Бѣлинскаго «дрянью», и Мих. Дмитріева, способнаго прибѣгнуть въ борьбѣ съ идейнымъ противникомъ къ «юридической бумагѣ», — какъ назывались тогда не безъ иронической деликатности доносы, — не говоря уже объ идейномъ различіи, которое заставляло Бѣлинскаго называть себя «жидомъ» и брезгливо отворачиваться отъ «филистимлянъ». Въ 1842 г. полемика еще сильнѣе обострилась. Въ первой книжкѣ «Москвит.» 1842 г. Шевыревъ напалъ на Бѣлинскаго, какъ на одного изъ представителей «черной стороны» литературы, и изобразилъ его какимъ-то проходимцемъ, «челядинцемъ, кондотьери» Краевскаго, «безыменнымъ рыцаремъ», «литературнымъ бобылемъ», закованнымъ въ «броню наглости», «съ мѣднымъ лбомъ», стремящимся къ опустошенію «кармановъ съ помощью литературы». Бѣлинскій отвѣтилъ на этотъ озлобленный вздоръ, да еще окрашенный въ «голубой цвѣтъ», какъ выразился князь Одоевскій, намекая на элементъ доноса въ статьѣ Шевырева, статьей «Педантъ, литературный типъ». Признавая въ Шевыревѣ человѣка «со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ», Бѣлинскій нападалъ на него за то, «что онъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно-моральное и наповалъ бранитъ все, въ чемъ есть душа, жизнь, талантъ», за то, что у него «критика похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты». Когда Грановскій напечаталъ одну свою статью въ «Москвитянинѣ», Бѣлинскій отказался ее читать, говоря: «Я не люблю видѣться съ друзьями въ

неприличныхъ мѣстахъ». Исповѣдуя «офиціальную народность», издатели «Москвитянина» считали западниковъ врагами основныхъ началъ русской государственности. Славянофиламъ Петръ Великій былъ ненавистенъ, какъ создатель «Петербургскаго періода», направившій народъ на ложный путь; въ глазахъ Бѣлинскаго Петръ тѣмъ и былъ великъ, что осуществилъ таившуюся въ народѣ потенцію, претворилъ скрытую силу въ возможность и, стало быть, былъ органически народенъ. Смиреніе и послушаніе, великія добродѣтели, проповѣдуемыя славянофилами, были не въ духѣ протестанта Бѣлинскаго. Попавъ въ 1846 г. въ Крымъ, онъ нашелъ, что бараны, верблюды и татары, какъ шутилъ онъ въ письмѣ къ Герцену, «смотрятъ рѣшительно славянофилами, своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ. т. е. татарина...; принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтенная славянофильская братія». То цѣнное и вѣрное, что было въ ученіи славянофиловъ, Бѣлинскій сумѣлъ понять. «Славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ» — писалъ онъ,— «но тѣмъ не менѣе роль ихъ чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ. Каковы бы ни были ихъ понятія или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ... Да, въ русскихъ есть національная жизнь; мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая это мысль, объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Въ чемъ состоитъ эта русская національность, этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго... Мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать... Славянофильство, безъ всякого сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности», съ удивительной критической вѣрностью говорилъ Бѣлинскій, отмѣчая заслугу въ самой постановкѣ вопросовъ гражданскаго быта, которые занимали славянофиловъ. Западомъ слѣпо Бѣлинскій не увлекался, и равнодушно-гуманный космополитизмъ не нашелъ въ немъ сторонника. «Народности» — писалъ Бѣлинскій — «суть личности человѣчества; въ отношеніи къ этому вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофильства, нежели оставаться на сторонѣ гуманистическихъ космополитовъ... Къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому... Пора намъ перестать восхищаться европейскимъ, потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его потому, что оно человѣческое, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго». Борьба Бѣлинскаго съ славянофилами немало содѣйствовала благимъ перемѣнамъ въ самомъ славянофильствѣ, вскорѣ сбросившемъ варварскую окраску «Москвитянина», обскурантизмъ и высокомѣріе и ставшемъ гуманнѣе и чище.

Въ 1843 г. въ жизни Бѣлинскаго произошла крупная перемѣна—онъ женился. Робкій, застѣнчивый, Бѣлинскій терялся въ женскомъ обществѣ, сторонился женщинъ и не разъ выставлялъ себя въ письмахъ къ Боткину свирѣпымъ женоненавистникомъ. А на самомъ дѣлѣ едва ли кто-нибудь такъ тосковалъ по женской любви и ласкѣ, какъ Бѣлинскій. Взглядъ его на женщину былъ высокъ и серьезенъ. Мечты о любимой женщинѣ особенно возвышалъ его общій взглядъ на женщину. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ разсказываетъ о его «благородныхъ, чистыхъ воззрѣніяхъ на женщинъ вообще и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія... Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается этого вопроса». «Мы въ дѣлѣ женщинъ» — говоритъ Бѣлинскій — «ушли не дальше индійцевъ и турокъ. Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ни-

чтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій, жертвы чуждой, безусловной власти всю жизнь свою, до замужества—рабы родителей, послѣ замужества—вещи мужей, считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ,—онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни стало, найти въ одной любви—и, разумѣется, почти всегда горько и страшно разочаровываются въ своей надеждѣ... Бѣдная, для нея въ этомъ столько счастья, тогда какъ только Маниловъ-мужчина способенъ найти въ этомъ все свое счастье»... Этотъ взглядъ на женщину Бѣлинскій внесъ въ свой собственный романъ, и исторія его отношеній къ той, которая стала его женою, является одной изъ самыхъ прекрасныхъ, трогательныхъ страницъ его біографіи Еще въ 1835 г., въ Москвѣ, Бѣлинскій познакомился съ Маріей Васильевной Орловой, классной дамой Екатерининскаго Института. Орлова родилась въ 1812 г., окончила курсъ первою, съ медалью, въ Александровскомъ институтѣ: она была очень хороша собою. По окончаніи курса она осталась пепиньеркою при Институтѣ, а въ 1835 г. поступила на службу въ Екатерининскій Институтъ. Познакомившись съ нею, Бѣлинскій часто навѣщалъ ее; она производила на него сильное впечатлѣніе, и, оставивъ Москву, Б. унесъ съ собою ея образъ. Лѣто 1843 г. Бѣлинскій провелъ въ Москвѣ, часто встрѣчался съ Орловой, и прежнее чувство ярке разгорѣлось въ его душѣ. Весь сентябрь и октябрь Бѣлинскій буквально забрасывалъ Марью Васильевну страстными письмами, полными любви и тоски. По своему высокому паѳосу, чистотѣ и искренности чувства эти письма мѣстами звучатъ настоящей любовной лирикой. Въ нихъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія въ своихъ силахъ, страха передъ жизнью, обычной робости Бѣлинскаго: тонъ ихъ нѣженъ, но настойчивъ: въ нихъ слышится властное, жадное требованіе личнаго счастья. «Я разорванъ пополамъ»--писалъ онъ уже въ первомъ письмѣ--«и чувствую, что недостаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя неполна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мной, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ—скорѣе, скорѣе—или я съ ума сойду». Въ слѣдующій разъ онъ пишетъ: «Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастья, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ. лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза... Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастья въ грусти этого воспоминанія!». 20-го сентября Бѣлинскій писалъ невѣстѣ: «я надѣюсь, что мы будемъ счастливы, но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все: быть человѣчески достойными счастья, если судьба дастъ намъ его; съ достоинствомъ по-человѣчески нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Вы больны,—это правда, но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе. Какъ добрые друзья будемъ подавать другъ другу лѣкарства, и они не такъ горьки будутъ намъ казаться. Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ,—то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ идти по дорогѣ моей жизни, съ надеждою и бодро. Я

вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша, есть не наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги». Бѣлинскому, какъ Пушкину, было противно все, что связано съ оффиціальнымъ «жениховствомъ», съ публичной оглаской того, что составляетъ высокое духовное таинство. Влюбленный женихъ предлагалъ невѣстѣ пріѣхать къ нему и обвѣнчаться въ Петербургѣ безъ всякихъ церемоній, безъ родственныхъ поздравленій и т. п. Марья Васильевна долго боролась, очевидно подъ вліяніемъ родныхъ, которымъ нарушеніе патріархальныхъ традицій казалось едва-ли не страшнѣе, чѣмъ Бѣлинскому подчиненіе «китайщинѣ», и въ глазахъ которыхъ свадьба безъ шампанскаго и поздравленій не была «настоящей» свадьбой. Но наконецъ Орлова сдалась и пріѣхала въ Петербургъ; въ началѣ ноября Б. сталъ семьяниномъ. Какъ таилъ Б. свои чувства, какъ стыдился онъ высказывать ихъ говорить о нихъ, видно изъ словъ близко знавшаго его Тургенева, который категорически заявилъ: «бракъ свой онъ заключилъ не по страсти». Если и были въ семейной жизни этихъ людей, больныхъ и нервныхъ, нѣкоторые нелады, то, конечно, они не могли еще отравить ихъ счастья, основывавшагося на прочномъ фундаментѣ взаимной любви, уваженія и пониманія. Все, что мы знаемъ изъ писемъ самого Бѣлинскаго о его домашнемъ очагѣ, говоритъ, что у этого очага ему было хорошо и тепло, и что онъ зналъ въ своей трудовой, тяжелой жизни не мало минутъ настоящаго семейнаго счастья. О домѣ, о домашнихъ, даже о домашней собакѣ Бѣлинскій писалъ съ любовью. Тучки, иногда омрачавшія семейный горизонтъ Бѣлинскаго, расходились быстро благодаря взаимному пониманію. «Разлука»—писалъ онъ однажды женѣ изъ за границы—«сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга... Разлука будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другого и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностью, недостаткомъ воспитанія, а не какими-нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды». Бѣлинскій былъ счастливый мужъ и счастливый отецъ. Жена избавляла его отъ многихъ мелочныхъ заботъ, окружала его возможнымъ комфортомъ и покоемъ и, насколька могла скрасила горечь его послѣднихъ часовъ. Одна дама, сообщая Тургеневу о смерти Бѣлинскаго, писала: «бѣдная жена не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина, право, заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму». Марія Васильевна Бѣлинская на много лѣтъ пережила своего мужа; она умерла въ 1890 г.

Но не только семейная обстановка окружила Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Его нѣжной, теплой натурѣ необходимъ былъ близкій кружокъ. Отъ своихъ московскихъ друзей онъ отдалился благодаря разнымъ обстоятельствамъ и главнымъ образомъ благодаря переѣзду въ Петербургъ; здѣсь онъ первое время страдалъ отъ одиночества. Постепенно вокругъ него, какъ въ Москвѣ, образовался дружескій кружокъ. Въ него вошли самые крупные люди сороковыхъ годовъ: П. В. Анненковъ, И. И. Панаевъ, А. И. Герценъ; потомъ Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ, К. Д. Кавелинъ; еще позднѣе И. А. Гончаровъ, Ѳ. М. Достоевскій, Д. В. Григоровичъ; къ этому кружку присоединились московскіе друзья Бѣлинскаго Кетчеръ и Боткинъ. Такъ называемаго «общества» Бѣлинскій боялся и избѣгалъ; попадая въ него иногда, былъ застѣнчивъ и робокъ,—но въ своемъ кругу чувствовалъ себя легко и свободно. Тургеневъ, первое появленіе котораго въ литературѣ Бѣлинскій радушно привѣтствовалъ, тѣсно сошелся съ нимъ. Какова была та «атмосфера дѣлъ и мыслей», которую, простиралъ за собой Бѣлинскій, можно судить по разсказу Тургенева: «Я часто ходилъ къ нему отводить душу... Тяжелыя тогда стояли времена... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно ви-

ситъ надъ всѣмъ, такъ называемымъ, ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ; страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ, и легче станетъ... Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критико-эстетическій и, пожалуй, соціальный, рѣдко историческій... Въ разговорѣ, такъ же какъ и съ перомъ въ рукѣ. онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики, но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что обыкновенно величаютъ элоквенціей, при явной неспособности и неохотѣ къ уснащиванію, къ фразѣ, — Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія... Когда онъ былъ въ ударѣ и умѣлъ сдерживать свои нервы... не было возможности представить человѣка болѣе краснорѣчиваго, въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое изліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь». И это умиленное воспоминаніе, такое теплое и восторженное, принадлежитъ человѣку, который неоднократно журилъ Т-ва, тогда еще юношу, за легкомысліе и фатовство. Бѣлинскій былъ въ своемъ кругу высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. «Онъ»—разсказываетъ Кавелинъ—«имѣлъ на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали; не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ неправъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромѣ русской литературы и ея исторіи) бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности безъ пятна, личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ, даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія. Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же напоказъ всѣмъ и неумолимо, язвительно преслѣдовалъ несчастнаго дни и недѣли, не келейно, а соборне, предъ всѣмъ кружкомъ. Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ.. Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти... Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть; жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разсказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени..., такъ же жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены. Каждый мѣсяцъ приносилъ намъ новинку—статью, а иногда и больше, Бѣлинскаго, которую читали и перечитывали. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобъ съ настоящимъ пониманіемъ. Взаимныя отношенія членовъ кружка были самыя дружескія, тѣсныя, интимныя. Камертонъ имъ давалъ Бѣлинскій. Шуткамъ и остроуміямъ, часто и неостроумнымъ, не было конца. Запѣвалой былъ

почти всегда Бѣлинскій. Споры и серьезные разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками... Бѣлинскій работалъ какъ истинно русскій человѣкъ—запоемъ, и когда могъ отдыхать, т. е. когда необходимость не заставляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ. Съ половины мѣсяца, или такъ между 15 и 20 числами Бѣлинскій запирался и писалъ для журнала. Ходить къ нему въ это время было неделикатно. Бѣлинскій болталъ охотно, но проведенное въ разговорѣ время приходилось ему наверстывать ночью, потому что работа была срочная... Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ». Въ эти промежутки Бѣлинскій часто развлекался картами; карточные вечера, въ которыхъ участвовалъ Бѣлинскій, увѣковѣчены юмористической книжкой его пріятеля Кульчицкаго о преферансѣ, на которую Бѣлинскій написалъ забавную рецензію. Страстность своего темперамента Бѣлинскій вносилъ и въ копѣечный преферансъ. «Повѣритъ ли читатель»—говоритъ Кавелинъ,—«что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ-двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ и, если ему везло, былъ доволенъ и веселъ.. Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату». Выходилъ онъ оттуда лишь послѣ того, какъ ремизился еще кто-нибудь, и съ облегченнымъ сердцемъ садился снова за игру. Объ этой удивительной чертѣ Бѣлинскаго разсказываетъ и Тургеневъ: «игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которыя были ему присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги, а такъ; онъ выигрывалъ и торжествовалъ, но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову, какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія такъ было искренне на его лицѣ, что я наконецъ не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что непохоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты! «Нѣтъ»—отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня исподлобья: «все кончено, я только до бубновой игры и жилъ». Въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ». Изъ большихъ свѣтскихъ домовъ Бѣлинскій посѣщалъ иногда только домъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Вообще же онъ, передаетъ Панаевъ, «ходилъ къ немногимъ искреннимъ пріятелямъ, чтобы отдыхать отъ работы и отводить душу въ спорахъ и толкахъ о томъ, что его сильно тревожило; но онъ больше любилъ домашній уголъ и устраивалъ его всегда, по мѣрѣ средствъ своихъ, съ нѣкоторымъ комфортомъ. Къ нему часто сходились по вечерамъ его пріятели, и онъ всегда встрѣчалъ ихъ радушно и съ шутками, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, т. е. свободенъ отъ работы и не страдалъ своими обычными припадками. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно зажигалъ нѣсколько свѣчей въ своемъ кабинетѣ. Свѣтъ и тепло поддерживали всегда еще болѣе хорошее расположеніе его духа». Бѣлинскій умѣлъ привязывать къ себѣ и суровыя сердца такихъ нещедрыхъ на изліянія и похвалы людей, какъ, напримѣръ, Некрасовъ, который вспоминалъ о немъ съ той же любовью, съ тѣмъ же умиленіемъ, какъ и о своей несчастной матери. Чѣмъ былъ Бѣлинскій для своихъ друзей, видно изъ словъ Панаева: «кружокъ, въ которомъ жилъ Бѣлинскій, былъ тѣсно сплоченъ и сохранялся во всей чистотѣ до самой его смерти. Онъ поддерживался силою его духа и убѣжденій»...

1844—1846 гг., послѣдніе годы участія Бѣлинскаго въ «Отечеств. Запискахъ», были лучшей порою для этого журнала. Не говоря объ общей физіономіи «Отеч. Зап.», ставшихъ органомъ лучшихъ представителей русской литературы и умѣвшихъ выдвигать, при самыхъ тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ, важные современные общественные вопросы, въ этомъ журналѣ совершилась самая благородная духовная эволюція Бѣлинскаго, ставшаго изъ абсолютнаго эстетика, какимъ былъ онъ въ предшествующій «абсолютный», «гегеліан-

скій» періодъ, критикомъ-публицистомъ. Этому періоду принадлежатъ рядъ извѣстныхъ статей о Пушкинѣ, которымъ Бѣлинскій предпослалъ обзоръ всей новой русской литературы, крупные годовые критическіе обзоры, рецензіи, театральныя обозрѣнія, полемическія статьи. Борьба съ славянофилами, которую горячо продолжалъ Бѣлинскій, была для него борьбой за самое дорогое—за первые ростки русскаго гуманизма. Въ увлеченіяхъ своихъ Бѣлинскій, какъ извѣстно, впадалъ въ крайности. Въ пылу спора онъ разъ заявилъ, что черногорцевъ слѣдовало бы всѣхъ до единаго вырѣзать. По поводу одной книги, гдѣ говорилось о россійскихъ шлемахъ, латахъ и тому подобныхъ доспѣхахъ романтическаго рыцарства, Бѣлинскій написалъ, что никто этихъ вещей у насъ не видывалъ въ глаза, но всѣмъ знакомы рогожи, лапти, мочалы и палки. Всякая узость, всякое проявленіе провинціализма, раздувающаго себя въ явленіе высокой міровой важности, были ненавистны Бѣлинскому, и онъ высказывался противъ нихъ съ своей обычной рѣзкостью, создававшей ему враговъ, которые умѣли пользоваться его крайностями и промахами. Въ панславизмѣ онъ видѣлъ нелѣпо-огромную претензію, для осуществленія которой въ рукахъ Россіи нѣтъ нравственныхъ средствъ; въ славянофильствѣ—неудачную попытку идеализировать и воскресить старину, въ которой нѣтъ ничего стоющаго жизни и способнаго къ развитію; въ областныхъ литературахъ, вродѣ малороссійской,—національную исключительность, противопоставленную общечеловѣческой цивилизаціи. Послѣ Бѣлинскаго славянофильство не имѣло болѣе сильнаго противника—вплоть до К. Н. Леонтьева, нанесшаго ему послѣдній рѣшительный ударъ.

Тяжелая журнальная работа положительно заѣдала Бѣлинскаго, губила его здоровье; положеніе усугублялось стѣснительными цензурными условіями. «Не могу печатно сказать»—писалъ онъ Герцену—«все, что я думаю и какъ я думаю. А чертъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародовать—мертвый капиталъ». За всѣмъ кружкомъ Бѣлинскаго уже давно слѣдило правительство; въ перепискѣ своей друзья не смѣли прямо назвать Пьера Леру и таинственно именовали его «Петромъ Рыжимъ». Осенью 1845 г. Бѣлинскій тяжко болѣлъ, но издателю «Отечеств. Записокъ» до этого было мало дѣла, и онъ усердно его понукалъ. Слабохарактерный въ практическихъ повседневныхъ дѣлахъ, Бѣлинскій давно хотѣлъ порвать съ Краевскимъ, но никакъ не рѣшался; къ тому же его страшила, вѣроятно, мысль о возможности остаться безъ печатнаго органа и лишиться драгоцѣнной, хотя мучительной, возможности общенія съ читателемъ. Въ 1843 г. Бѣлинскому предложилъ одинъ знакомый, человѣкъ очень богатый, ѣхать съ нимъ на два года за границу, на хорошемъ жалованьѣ. Бѣлинскій отказался: «Этотъ случай посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною—видитъ око, да зубъ неймётъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта—старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ рассейская литература... Другой на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я, Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и проч.; отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и, можетъ быть, еще чего-нибудь бо́льшаго. Такова ужъ моя натура». «Видно насъ»—писалъ онъ Краевскому—«самъ чортъ связалъ веревочкой, и намъ, видно, не развязаться... Не считаю себя вправѣ для своей выгоды поставить васъ въ затруднительное положеніе». Краевскій былъ типичный литературный лавочникъ, и Бѣлинскій, постоянно опутанный хозяйскими авансами, долго не могъ развязаться со своимъ эксплоататоромъ. Въ началѣ 1846 г. терпѣніе Бѣлинскаго, наконецъ, лопнуло; онъ горько жаловался Герцену: «Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня силы, какъ вампиръ кровь, Обыкновенно я недѣлю въ мѣсяцъ работаю, съ страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и сромомъ россійской словесности. Здоровье, видимо разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ... Мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ, и безъ того брюзгливый

и мелочно-раздражительный... Съ Краевскимъ невозможно имѣть дѣло. Это, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ пріобрѣтатель, слѣд., вампиръ, всегда готовый высосать изъ человѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый лимонъ».

Отказавшись отъ работы у Краевскаго. который пытался его удержать, предлагая своему вѣчно нуждавшемуся сотруднику денегъ, Бѣлинскій не имѣлъ предъ собою почти никакихъ видовъ и надеждъ. О своемъ журналѣ въ тѣ времена нечего было и помышлять. Успѣхъ изданнаго Некрасовымъ «Петербургскаго Сборника», въ которомъ участвовалъ и Бѣлинскій. подалъ ему мысль самому выпустить подобное изданіе. Въ силахъ недостатка не было: уже успѣли выдвинуться Герценъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Достоевскій, Майковъ, Некрасовъ; Бѣлинскій надѣялся на ихъ поддержку и разсчитывалъ къ Пасхѣ 1846 г. выпустить «толстый, огромный альманахъ» подъ названіемъ «Левіаѳанъ». «Достоевскій даетъ повѣсть» – писалъ онъ Герцену,—«Тургеневъ—повѣсть и поэму, Некрасовъ—юмористическую статью въ стихахъ, Панаевъ—повѣсть; надѣюсь у Майкова выпросить поэмку». Бѣлинскій просилъ у Герцена вторую часть романа «Кто виноватъ», ждалъ отъ Грановскаго исторической статьи. Бѣлинскій повеселѣлъ и радовался перемѣнѣ въ своей жизни и писалъ друзьямъ, что надо радоваться его избавленію отъ Краевскаго: «Дѣло идетъ не только о здоровьѣ, о жизни, но и объ умѣ моемъ. Вѣдь я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ; а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная манера писать обо всемъ... Я могу прожить и безъ «Отеч. Записокъ». можетъ быть, еще лучше. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при прочихъ занятіяхъ никогда бы не выполнились»... Однимъ изъ такихъ предпріятій была «Исторія русской литературы», уже давно задуманная и такъ и не осуществившаяся. Не осуществился и затѣянный альманахъ... Желая доставить ему возможность сколько-нибудь поправить свое здоровье, друзья устроили ему поѣздку на югъ вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ, отправлявшимся въ провинцію на гастроли. Бѣлинскій былъ радъ этому случаю: «Сдѣлать верстъ тысячи четыре на югъ, дорогою спать, ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ, ни о чемъ не заботиться, не писать, даже не читать русскихъ книгъ для библіографіи,—да это для меня лучше магометова рая... Я ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые предметы,—да я отъ одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе»... Въ концѣ апрѣля Бѣлинскій выѣхалъ съ Щепкинымъ въ Москву, гдѣ пробылъ до половины мая, а затѣмъ отправился на югъ. Въ Москвѣ его освѣжила встрѣча съ Герценомъ, Грановскимъ, Кетчеромъ и другими друзьями Въ Москвѣ и въ провинціи Бѣлинскій узналъ, какъ любимо и цѣнимо его имя всей русской публикой, и это сознаніе доставило ему немало отрадныхъ минутъ. Бѣлинскій побывалъ въ Калугѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, недѣли три провелъ въ Одессѣ; затѣмъ побывалъ въ Николаевѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, Севастополѣ и въ первой половинѣ октября вернулся въ Петербургъ, сравнительно бодрымъ и свѣжимъ.

Въ его отсутствіе, между тѣмъ, рѣшено было его друзьями основать свой органъ: для этой цѣли они пріобрѣли пушкинскій «Современникъ», къ тому времени окончательно захирѣвшій въ рукахъ такихъ безцвѣтныхъ людей, какъ Плетневъ, Я. К. Гротъ и другіе. Бѣлинскій былъ приглашенъ въ новый журналъ на то самое амплуа, которое занималъ онъ въ «Отеч. Запискахъ», и уступилъ новой редакціи весь матеріалъ, добытый имъ для своего сборника. Во главѣ «Современника» стали Панаевъ и Некрасовъ. Бѣлинскій былъ очень доволенъ этимъ оборотомъ дѣла: «Мой альманахъ, имѣй онъ даже большой успѣхъ, помогъ бы мнѣ только временно. Безъ журнала я не могъ существовать». Въ обновленномъ «Современникѣ», начавшемъ выходить въ 1847 г., Бѣлинскій дебютировалъ обзоромъ русской литературы 1846 г.; въ этой статьѣ Бѣлинскій указываетъ на зрѣлость русской литературы, признакъ которой усматриваетъ въ пробудившемся интересѣ къ народности. Въ «Современникѣ» же вскорѣ явилась рецензія Бѣлинскаго на гоголевскія «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». По поводу этой рецензіи на ужаснувшую его своимъ наивнымъ, но безпросвѣтнымъ мракобѣсіемъ книгу Бѣлинскій

писалъ Боткину: «я принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, внѣ моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вилять хвостомъ по-лисьи... Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выйти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству». Прочитавъ рецензію Бѣлинскаго, Гоголь написалъ ему колкое и двусмысленное письмо, считая Бѣлинскаго «разсерженнымъ» полученнымъ имъ «щелчкомъ». Бѣлинскій вскорѣ отвѣтилъ ему знаменитымъ письмомъ, въ которомъ далъ своей «saeva indignatio» полную волю.

Несмотря на работу въ «Современникѣ», который далъ Бѣлинскому гораздо больше, чѣмъ получалъ онъ въ «Отеч. Запискахъ», матеріальное положеніе Бѣлинскаго, значительную долю заработка котораго поглощала болѣзнь, не улучшалось. Чахотка развивалась въ этомъ истощенномъ, измученномъ организмѣ, а больной жадно цѣплялся слабѣющими руками за жизнь. Ему было предписано ѣхать за границу лѣчиться. Предъ отъѣздомъ онъ писалъ Боткину: «О, если бы мнѣ ожить... во мнѣ убита только сила работать, но не сила души; меня все занимаетъ, волнуетъ, бѣситъ по-прежнему, голова работаетъ безпрестанно. Но если не поправлюсь физически, погибъ всячески, погибъ страшно!» Съ помощью П. В. Анненкова поѣздка устроилась, и въ началѣ мая 1847 г. Бѣлинскій выѣхалъ черезъ Штетинъ въ Берлинъ, гдѣ нашелъ Тургенева. Проведя нѣсколько дней въ Берлинѣ, они поѣхали въ Дрезденъ, побывали въ саксонской Швейцаріи, а оттуда Бѣлинскій отправился въ Зальцбруннъ; на тамошнія минеральныя воды Бѣлинскій особенно надѣялся. Въ Зальцбруннѣ Бѣлинскій получилъ вышеупомянутое письмо Гоголя, на которое отвѣтилъ ему цѣлымъ посланіемъ, полнымъ жгучаго негодованія. «Нельзя»—писалъ онъ—«перенести оскорбленнаго чувства истины,—чувства человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель... Если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но «Ревизоръ» и «Мертвыя души» отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!.. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи»... Письмо Бѣлинскаго, быстро распространившееся въ спискахъ, сыграло въ исторіи русской общественной мысли роль еще важнѣе, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстное «философическое письмо» Чаадаева. Вскорѣ оно дошло и до правительства, и только смерть избавила Бѣлинскаго отъ несомнѣнно висѣвшей надъ нимъ грозной кары: въ 1849 г. судили петрашевцевъ; Достоевскій и Пальмъ были приговорены къ смертной казни, между прочимъ, за «недонесеніе о распространеніе письма Бѣлинскаго», Плещеевъ за распространеніе письма былъ сосланъ въ каторгу на четыре года. Отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому былъ жалокъ и вялъ.

Въ началѣ іюля Бѣлинскій выѣхалъ изъ Зальцбрунна и направился въ Парижъ, гдѣ хотѣлъ закончить лѣченіе. Онъ побывалъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ, Кельнѣ и Брюсселѣ. Въ половинѣ іюля Бѣлинскій прибылъ въ Парижъ, гдѣ засталъ Герцена, Боткина, Бакунина. Западъ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія на крѣпко связаннаго съ Россіей, только ей отдававшаго свои помыслы Бѣлинскаго. «Онъ изнывалъ за границей отъ скуки»—писалъ Тургеневъ,—«его такъ и

тянуло назадъ въ Россію... Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ... Онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей, а праздное любопытство, глазѣніе было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его трогали мало; а то, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и, наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ... Онъ уже усталъ и охладѣлъ»... Въ Парижѣ здоровье его значительно поправилось, хотя на недолгое время, за которымъ опять наступила реакція. Впрочемъ, домой онъ возвращался бодрый и довольно веселый. Въ Петербургѣ Бѣлинскій засталъ обычную гнилую осень, и уже черезъ нѣсколько дней болѣзнь снова захватила его шаткій организмъ. Пользовавшій его врачъ готовъ былъ считать любой день его жизни послѣднимъ. Въ этомъ ужасномъ состояніи ему приходилось работать. Онъ садился за статью и не могъ писать, но быстро справлялся съ собою; лихорадка проходила, и Бѣлинскій долженъ былъ «въ шесть дней намахать три съ половиною листа»; привычный работникъ, онъ, впрочемъ, только за работой и чувствовалъ себя сносно, отвлекался отъ мучительныхъ думъ о чахоткѣ и жилъ своими любимыми мыслями. «Я еще могу работать»—говорилъ онъ—«стало быть, пока еще не пропалъ». Его длинныя, попрежнему живыя, разнообразныя письма къ пріятелямъ полны литературныхъ интересовъ, журнальныхъ новостей. Въ концѣ 1847 г. пронесся слухъ, будто правительство намѣрено уничтожить крѣпостное право; Бѣлинскій жадно прислушивается ко всѣмъ толкамъ объ этомъ и пишетъ Анненкову огромное письмо. Въ «Современникѣ» появилась еще одна его статья противъ славянофиловъ—«Отвѣтъ Москвитянину»; въ этой статьѣ друзья Бѣлинскаго усмотрѣли поводъ обвинить его самого въ славянофильствѣ, и онъ отвѣчалъ: «Я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи. Но я ничего не строю на основаніи этой любви и вѣры; не употребляю ихъ какъ неопровержимыя доказательства». Но близился зловѣщій 1848 г., и дѣйствительность безпощадно разбивала иллюзіи Бѣлинскаго. Цензурныя преслѣдованія достигли чудовищныхъ размѣровъ; въ обществѣ воцарилась паника. Напуганное революціоннымъ движеніемъ въ Европѣ правительство принялось за самыя грозныя репрессіи по отношенію къ русскому обществу. Бѣлинскій попрежнему былъ стѣсненъ матеріально, болѣзнь его развивалась и росла. Гнилая петербургская погода помогала ей. «У Бѣлинскаго» разсказываетъ Панаевъ—«возобновилось снова удушье, еще въ болѣе сильной степени сравнительно съ прежнимъ; кашель начиналъ опять сильно мучить его днемъ и ночью, отчего кровь безпрестанно приливала у него къ головѣ. По вечерамъ чаще и чаще лихорадочное состояніе, жаръ... Силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ». А онъ продолжалъ писать. Въ первыхъ четырехъ книгахъ «Современника» 1848 г. явился цѣлый рядъ его статей и рецензій, между прочимъ, двѣ крупныя статьи о русской литературѣ въ 1847 г., посвященныя защитѣ натуральной школы, — послѣдній критико-философскій трактатъ Бѣлинскаго, его лебединая пѣсня. «Съ физическими силами» — сообщаетъ Панаевъ—«падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже недолго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не разсчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами... Болѣзненныя страданія Бѣлинскаго развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ него, статьи разсматривались все строже и строже. Туча нависла надъ литературой вообще, и на Бѣлинскаго свыше было обращено особое вниманіе. Въ февралѣ и въ мартѣ Бѣлинскій получилъ отъ М. М. Попова, своего бывшаго учителя, оставившаго педагогію для службы въ III Отдѣленіи, два приглашенія явиться въ III Отдѣленіе, начальникъ котораго, какъ «хозяинъ русской литературы», желалъ съ нимъ познакомиться... Умирающаго оставили, впрочемъ, въ покоѣ. «Къ веснѣ— продолжаетъ Панаевъ—«болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно.

Щеки его провалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ; грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость». 26 мая 1848 г., въ 6 часу утра, Бѣлинскій умеръ. Смерть эта была такъ же трогательна, какъ вся его страдальческая жизнь. Въ постель окончательно слегъ онъ дня за три до смерти; онъ былъ апатиченъ, и самые любимые предметы его не занимали. Передъ самой кончиной Бѣлинскій вдругъ оживился; завѣтныя мысли о Россіи, о русскомъ народѣ зароились въ его головѣ и понеслись безпорядочнымъ вихремъ. «Онъ говорилъ»,— писала Тургеневу одна ихъ общая знакомая—«два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать»... Жена Бѣлинскаго разсказывала своей сестрѣ, что передъ смертью Бѣлинскій внезапно сталъ приподниматься. «Необыкновенно громко, но отрывочно началъ онъ произносить какъ будто рѣчь къ народу. Онъ говорилъ о геніи, о честности, спѣшилъ, задыхался. Вдругъ съ невыразимой тоской, съ болѣзненнымъ воплемъ говорилъ: «А они меня не понимаютъ, совсѣмъ не понимаютъ»... Похоронили Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ; на погребеніи присутствовало лишь нѣсколько человѣкъ изъ близкихъ друзей покойнаго; они сложились и собрали деньги на похороны Бѣлинскаго. Въ періодической печати кончина Бѣлинскаго была еле отмѣчена. «Отеч. Записки» и «Современникъ» могли сказать только нѣсколько безцвѣтныхъ словъ о своемъ лучшемъ сотрудникѣ, вынесшемъ на своихъ плечахъ оба эти органа (вплоть до 1856 г. было гонимо въ литературѣ имя Бѣлинскаго, котораго описательно звали «критикомъ сороковыхъ годовъ»). «Отеч. Записки» писали, что имъ «никакія журнальныя отношенія не помѣшаютъ сказать, что Бѣлинскій отличался непреклонной честностью и благородствомъ поступковъ въ частной жизни, нерѣдко заблуждался»... Но кто изъ насъ не заблуждался, кто такъ самоувѣренъ, что почтетъ себя вправѣ бросить камень въ эту свѣтлую могилу?» «Сынъ Отечества» въ 1849 г. отмѣтилъ смерть Бѣлинскаго и заявлялъ, что не раздѣлялъ его образа мыслей и что Бѣлинскій былъ отъ природы чахоточнаго сложенія, любилъ литературу и ей посвятилъ всю свою жизнь»...

До насъ дошли, помимо портретовъ, нѣсколько описаній наружности Бѣлинскаго... «Это былъ»—разсказываетъ Тургеневъ—«человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки. Притомъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался; маленькіе частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями... Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто русская»... Кавелинъ такъ описываетъ наружность Бѣлинскаго: «онъ былъ небольшого роста, очень невзраченъ съ виду, сутуловатъ и страшно застѣнчивъ и неловокъ. Значительна была его голова и въ ней особенно глаза. Несмотря на весьма некрасивые, плоскіе волосы, прекрасно сформированный интеллигентный лобъ бросался въ глаза. Большіе, сѣрые, страшно проницательные глаза загорались и блестѣли при малѣйшемъ оживленіи. Въ нихъ страстная натура Бѣлинскаго выражалась съ особенною яркостью. Характеристично было въ его лицѣ, что конецъ носа былъ неровенъ, и верхняя губа съ одной стороны была слегка приподнята: то и другое можно видѣть на его маскѣ. Спокойнымъ онъ почти никогда не бывалъ. Въ спокойныя минуты глаза его бывали полузакрыты, губы слегка двигались. Очень некрасивы были у него

слегка выдававшіяся скулы. Ходилъ онъ большими шагами, слегка опускаясь при каждомъ шагѣ... Вѣчно бывалъ онъ нервно возбужденъ или въ полной нервной атоніи и разслабленіи». Эти описанія находятъ себѣ подтвержденіе въ портретахъ Бѣлинскаго. Самый ранній портретъ, акварель неизвѣстнаго живописца, изображающая Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ, носитъ черты болѣзненности (онъ приложенъ къ II т. Венгеровскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго). Другой портретъ—литографія 1843 г., съ писаннаго масляными красками портрета, работы К. А. Горбунова. Третій портретъ Бѣлинскаго былъ дорисованъ Горбуновымъ по его же рисунку 1843 г. на другой день послѣ смерти Бѣлинскаго; оба послѣдніе портрета не отличаются особеннымъ сходствомъ. Четвертый портретъ, изданный въ 1859 г. и скомпанованный по Горбуновскому портрету, еще менѣе вѣренъ; кажется, въ этомъ портретѣ Тургеневъ усмотрѣлъ «какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго». Пятый и лучшій портретъ Бѣлинскаго выпущенъ въ 1881 г. И. А. Астафьевымъ, который создалъ его на основаніи очень плохой маски и невѣрныхъ портретовъ, но руководствовался отзывами друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго и сумѣлъ художественнымъ чутьемъ угадать истинныя черты великаго писателя. Кавелинъ восхищался этимъ портретомъ и нашелъ, что онъ лучше даже прекраснаго бюста работы Ге.

Отзывы о личности Бѣлинскаго еще согласнѣе между собою, чѣмъ описанія его наружности. Всѣ, на чью долю выпало знакомство съ Бѣлинскимъ, сохранили навсегда въ своихъ сердцахъ радостное, умиленное воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ: имъ трудно было говорить о немъ равнодушно. «Я вызвалъ его дорогую тѣнь»—писалъ Тургеневъ, заканчивая свои воспоминанія о Бѣлинскомъ. «Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мною, въ моемъ воспоминаніи»... Это было «великое сердце», по мѣткому и прекрасному опредѣленію Венгерова, сердце, бившееся правдой и любовью. Бѣлинскому былъ данъ божественный, хотя тягостный даръ—вынашивать въ своемъ сердцѣ убѣжденіе и заражать имъ другихъ. «Какъ скоро»,— писалъ онъ однажды,—«дѣло касается до моихъ задушевныхъ убѣжденій, я тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя и тутъ давай мнѣ каѳедру и толпу народа: я ощущу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое «я» исчезнетъ, и слова, полныя жара и силы, рѣкою польются съ языка моего»... «Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ»—сказалъ Герценъ—«обитала мощная, гладіаторская натура. Да, это былъ сильный боецъ»! Знавшій его также близко Тургеневъ писалъ: «Бѣлинскій былъ, что у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно... душа цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства.. правдивость его была слишкомъ велика, онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки... Бѣлинскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова». Если онъ могъ сначала преклониться предъ ужасающей дѣйствительностью, а потомъ отъ нея съ презрѣніемъ отвернуться, если онъ могъ сначала превозносить абстрактную «птичью» эстетику, а потомъ требовать отъ искусства служенія добру, то и въ томъ и въ другомъ фазисѣ своей духовной жизни онъ былъ движимъ одинаковой любовью къ истинѣ и ни разу не солгалъ, ни разу не измѣнилъ себѣ, никогда и ни ради чего не пошелъ на компромиссъ со своею совѣстью. Въ русской литературѣ Бѣлинскій – такой же яркій представитель нравственной правды, какъ Пушкинъ — эстетической красоты. Его литературная дѣятельность — трудъ генія, затерявшагося въ глухое безвременье въ безправной, едва не полудикой странѣ, настоящее подвижничество во имя правды; его страдальческая, трудовая жизнь—жизнь святого. Прекрасно характеризовалъ его Некрасовъ: «Наивная и страсная душа, въ комъ помыслы высокіе кипѣли! Упорствуя, волнуясь и спѣша, ты честно шелъ къ одной высокой цѣли, кипѣлъ, горѣлъ»...

Бѣлинскій является не только первымъ русскимъ критикомъ, но и первымъ крупнымъ

историкомъ новой русской литературы. Выработанные имъ критическіе взгляды вошли въ русское литературное сознаніе; великіе писатели XIX вѣка нашли въ немъ достойнаго истолкователя. По красивому и образному опредѣленію Аполлона Григорьева, «имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени—Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова; сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникѣ современнаго литературнаго движенія, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить о немъ». Свой эстетическій вкусъ, Бѣлинскій воспиталъ прежде всего на поэзіи Пушкина, и Бѣлинскій понималъ, чѣмъ обязанъ былъ онъ геніальному поэту, ставилъ его на недосягаемую высоту, всегда благоговѣлъ передъ нимъ. Всѣ его отзывы о Пушкинѣ проникнуты восторженностью. Въ 1839 г. онъ писалъ одному пріятелю: «у меня теперь три Бога искусства, отъ которыхъ я почти каждый день неистовствую и свирѣпствую: Гомеръ, Шекспиръ и Пушкинъ»... Когда Грановскій сказалъ ему, что Шиллеръ выше Пушкина, Бѣлинскій возмутился: «Шиллеру до Пушкина—далеко куляку до Петрова дня!... «Моцартъ и Сальери», «Полтава», «Борисъ Годуновъ», «Скупой Рыцарь» и, наконецъ, перлъ всемірно человѣческой литературы—«Каменный гость», нѣтъ, пріятели, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра»... Въ 1840 г. онъ писалъ Боткину, что «Бахчисарайскій Фонтанъ»—«великое міровое созданіе». Его плѣняла гармоническая цѣлостность натуры Пушкина: «счастіе наше, что натура Пушкина не поддалась рефлексіи, оттого онъ и великій поэтъ». Еще въ своихъ юношескихъ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», приступая къ разбору Пушкина, Бѣлинскій говорилъ: «что могу я сказать новаго объ этомъ человѣкѣ?... Жалѣю о томъ, что природа не дала мнѣ поэтическаго таланта, ибо въ природѣ есть такіе предметы, о коихъ грѣшно говорить смиренною прозою!... Періодъ Пушкинскій былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей степени. Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы... Пушкинъ былъ совершеннымъ выразителемъ своего времени». Сочиненія Бѣлинскаго полны встрѣчающихся на каждомъ шагу замѣчаній о Пушкинѣ, который всегда былъ для него высшимъ образцомъ прекраснаго, и Бѣлинскій воздвигъ великому поэту памятникъ рядомъ статей о немъ, составляющихъ цѣлый томъ. Въ Пушкинѣ Бѣлинскій видѣлъ синтезъ всей русской литературы и съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на предшествовавшую ему литературу. Его широкій обзоръ пушкинскаго поэтическаго наслѣдія до сихъ поръ первый по своей полнотѣ, а высказанные имъ взгляды—краеугольный камень нашей критики, они воспитали и опредѣлили литературные взгляды цѣлыхъ поколѣній, стали историко-литературной азбукой. Правда, Бѣлинскій не все въ Пушкинѣ понялъ и счелъ его «по преимуществу художникомъ и больше ничѣмъ», но главное въ Пушкинѣ, который и для Бѣлинскаго былъ слишкомъ грандіознымъ явленіемъ, онъ созналъ и оцѣнилъ.

Гоголь явился въ глазахъ Бѣлинскаго начинателемъ новаго, послѣ-пушкинскаго періода въ литературѣ. Когда такіе критики, какъ Полевой, видѣли въ Гоголѣ легкаго юмориста, Бѣлинскій еще задолго до «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» указалъ высокое значеніе его сатирическаго паѳоса. Еще въ студенчество Бѣлинскаго Гоголемъ восхищался весь кружокъ Станкевича; фразы изъ Гоголя попадаются въ письмахъ Бѣлинскаго очень часто. Его первая большая статья о Гоголѣ («Телескопъ» 1835 г.), давшая Бѣлинскому поводъ написать исторію русской повѣсти вообще, явилась первой справедливой оцѣнкой этого писателя. Высказанныя имъ мысли, что «комическое одушевленіе Гоголя всегда побѣждается глубокимъ чувствомъ грусти и унынія», что «Гоголь есть поэтъ жизни дѣйствительной», ставшія послѣ такими простыми и общепризнанными, въ тридцатыхъ годахъ прозвучали откровеніемъ. Гоголь еще самъ не сознавалъ и не формулировалъ своего творчества, когда оно было геніально опредѣлено Бѣлинскимъ. Анненковъ прямо говоритъ: «нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій первый положилъ твердый камень въ основаніе всей послѣдующей его извѣстности, началъ первый объяснять смыслъ и значеніе его произведеній. Можно думать, что Бѣлинскій уяснилъ самому Гоголю его призваніе и открылъ ему глаза на самого себя». Во всю свою литературную дѣятельность Бѣлинскій

зорко слѣдилъ за развитіемъ генія Гоголя. Въ небольшой статьѣ о «Мертвыхъ душахъ» (Отечеств. Зап. 1842 г., № 7) Бѣлинскій первый провозгласилъ «Мертвыя души» великимъ произведеніемъ: «Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность», писалъ Бѣлинскій и отмѣтилъ «его глубокій юморъ, его безконечную иронію», указалъ, что поэма Гоголя—«твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно - художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное, историческое»... Эти мысли Бѣлинскій потомъ долго повторялъ и развивалъ въ цѣломъ рядѣ статей. Въ статьѣ о «Горѣ отъ ума» Бѣлинскій посвятилъ нѣсколько горячихъ страницъ повѣстямъ Гоголя и его «Ревизору», въ которомъ видѣлъ образецъ художественно-созданной комедіи.

Далеко не съ тою справедливостью и проницательностью отнесся онъ къ «Горю отъ ума», и слова Аполлона Григорьева, приведенныя выше, очерчиваютъ роль Бѣлинскаго не совсѣмъ вѣрно только по отношенію къ одному Грибоѣдову. Его большая статья о «Горѣ отъ ума», появившаяся въ «Отечеств. Зап.» 1840 г., была написана въ тотъ періодъ, когда Бѣлинскій пылалъ неразсуждающимъ преклоненіемъ передъ дѣйствительностью. Къ Чацкому, какъ безпокойному человѣку, онъ отнесся съ насмѣшкой и отрицаніемъ, и эта статья вскорѣ стала для него предметомъ тяжелыхъ воспоминаній. Онъ писалъ Боткину: «всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о «Горѣ отъ ума», которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности»... Впослѣдствіи онъ иначе отзывался о комедіи Грибоѣдова, но опровергнуть свое прежнее мнѣніе такой же капитальной статьею, какъ первая, ему не довелось. Указавъ съ формальной стороны недостатки комедіи, Бѣлинскій, охваченный поклоненіемъ передъ дѣйствительностью, не замѣтилъ главнаго перла «Горя отъ ума»—протеста». «Общество всегда (!) правѣе и выше частнаго человѣка»—писалъ Бѣлинскій—«и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества»—говоритъ Бѣлинскій о Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Загорѣцкихъ—«а только представителями одной стороны его, слѣдственно (?) были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ жъ тутъ идея?.. Чацкій крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ... Это новый Донъ-Кихотъ.. Кто, кромѣ помѣшаннаго, предается такому откровенному, задушевному изліянію своихъ чувствъ на балахъ, среди людей, чуждыхъ ему»?.. Вплоть до гончаровскаго «Мильона терзаній» въ литературѣ царилъ этотъ взглядъ на Чацкаго, какъ на сумасшедшаго. «Горе отъ ума»—заключалъ Бѣлинскій—«не есть комедія по отсутствію или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ ума» сатира, а не комедія; сатира же не можетъ быть художежественнымъ произведеніемъ... Но «Горе отъ ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть... Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь и исчезло бы его пламя, споръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и

разумно» – такъ кончаетъ Бѣлинскій на свой обычный тогдашній ладъ разборъ безсмертной комедіи.

Зато Бѣлинскому не измѣнило его критическое пониманіе и художественное чутье въ оцѣнкѣ Лермонтова. Осенью 1839 г. онъ писалъ Станкевичу: «На Руси явилось новое могучее дарованіе — Лермонтовъ». «Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника»,— писалъ Бѣлинскій,—прочитавъ «Терекъ» Лермонтова. «Пиши мнѣ, пиши о каждомъ стихотвореніи Лермонтова», просилъ онъ Боткина. Познакомившись лично съ Лермонтовымъ, Бѣлинскій писалъ Боткину: «глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго... Мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого». Въ «Отеч. Зап.» 1840 г. Бѣлинскій напечаталъ подробный разборъ «Героя нашего времени». «Въ этомъ романѣ» — сказалъ Бѣлинскій — «удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказанные въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе»... Здѣсь Бѣлинскій уже отрѣшается отъ недавняго прекраснодушія и позволяетъ поэзіи выражать страданіе. Въ слѣдующемъ году Бѣлинскій посвятилъ стихотвореніямъ Лермонтова большую статью въ «Отеч. Запискахъ», одно изъ лучшихъ изліяній его «великаго сердца». По силѣ паѳоса, по глубинѣ психологическаго анализа, по геніальному прозрѣнію эта статья является великолѣпнымъ введеніемъ въ лермонтовскую поэзію. Бѣлинскій опредѣлилъ ее въ пламенныхъ, энергическихъ выраженіяхъ: «Несокрушимая сила и мощь духа, смиренье жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмѣльныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ льющіяся въ полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоенія любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва—все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и адъ... Имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ»... Въ то время, когда вся русская критика смотрѣла на Печорина, какъ на скучающую отъ бездѣлья и пресыщенія натуру, Бѣлинскій сумѣлъ его понять: «въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою; его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее». Бѣлинскій, такимъ образомъ, предсказалъ, что герою безвременья суждено еще обрѣсти приложеніе своимъ богатымъ силамъ и явиться современемъ уже не лишнимъ, не знающимъ куда дѣваться отъ тоски человѣкомъ, а бодрымъ дѣятелемъ, бойцомъ... Русская дѣйствительность оправдала ожиданія великаго критика.

Не менѣе рѣшающее значеніе имѣли взгляды Бѣлинскаго на литературную судьбу А. И. Полежаева. Большую статью свою о стихотвореніяхъ Полежаева («Отеч. Зап.» 1842 г.) Бѣлинскій заключилъ такимъ приговоромъ: «Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила страстнаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейти въ потомство; мы безпристрастно высказали

что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но въ то же время мы хотѣли показать, что Полежаевъ... выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны»... Въ этомъ приговорѣ Бѣлинскій нѣсколько ошибся, взваливъ всецѣло на Полежаева вину, въ которой была виновата его эпоха. Впрочемъ, эта ошибка не вліяетъ на справедливость сужденія, отводящаго Полежаеву, рядомъ съ Веневитиновымъ, первое мѣсто среди угасшихъ въ то время русскихъ поэтовъ послѣ Грибоѣдова и Пушкина.

Отношеніе свое къ одному изъ крупнѣйшихъ представителей пушкинской плеяды, Е. А. Баратынскому, Бѣлинскій выразилъ въ большой статьѣ о его стихотвореніяхъ («Отеч. Зап.» 1842 г.). Его опредѣленіе поэзіи Баратынскаго самое полное и исчерпывающее. Бѣлинскій оцѣнилъ въ немъ поэта мысли. «Элегическій тонъ его поэзіи происходитъ отъ думы, отъ взгляда на жизнь, и этимъ самымъ онъ отличается отъ многихъ поэтовъ, вышедшихъ на литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ... Раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ составляютъ основу поэзіи Баратынскаго и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ... Несмотря на свою вражду къ мысли, онъ, по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли... Она вышла не изъ праздно мечтающей головы, а изъ глубоко растерзаннаго сердца». Поэтомъ раздумій и остался Баратынскій навсегда въ нашемъ литературномъ сознаніи.

Ни для одного поэта Бѣлинскій не явился такимъ полнымъ истолкователемъ, какъ для Кольцова, и ничье значеніе не выяснено имъ съ такой яркостью. Бѣлинскому Кольцовъ былъ обязанъ всѣмъ, въ немъ нашелъ воронежскій мѣщанинъ могучую поддержку. Ихъ связывала тѣсная дружба и полное взаимное пониманіе. Написанная Бѣлинскимъ біографія Кольцова съ разборомъ его поэтическаго наслѣдія — памятникъ великому лирику. «Кольцовъ» — писалъ Бѣлинскій— «родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа... Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности страшную силу въ страданіи и наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ лучшіе дни... Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнію народа». Какъ понималъ Кольцовъ Бѣлинскаго, какъ цѣнилъ его, видно изъ одного его письма къ Бѣлинскому: «давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учусь... Много ужъ они сдѣлали добра, но болѣе сдѣлаютъ... Ваша рѣчь — высокая, святая рѣчь убѣжденія»...

Слѣдившій за всѣмъ, что появлялось въ литературѣ, Бѣлинскій горячо отозвался въ 1842 г. на появленіе перваго сборника стихотвореній Аполлона Майкова, замѣченнаго имъ уже ранѣе. «Муза Майкова» — сказалъ Бѣлинскій—«родственна по своему происхожденію древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсенъ... Сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ!»... Извѣстно, какъ тепло привѣтствовалъ Бѣлинскій появленіе на литературномъ поприщѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича, Некрасова. Когда вышли «Бѣдные люди» Достоевскаго, Бѣлинскій сразу отмѣтилъ «талантъ необыкновенный и самобытный... Подобный дебютъ указываетъ на мѣсто, которое займетъ Достоевскій въ русской литературѣ»... Отношеніе Бѣлинскаго къ народной словесности долго было причиной нападеній научной критики на Бѣлинскаго за его дилеттантизмъ и эстетизмъ. Во времена Бѣлинскаго русская филологія и исторія были на очень незначительной высотѣ и народный эпосъ всегда подвергался изслѣдованію какъ нѣчто цѣльное, независимо отъ его происхожденія и не взирая на разнородность его элементовъ. Разбирая народную словесность, Бѣлинскій пошелъ по пути, проторенному тогдашней исторической наукой, но тамъ, гдѣ необходимы были эстетическое чутье и широкій взглядъ, Бѣлинскій приходилъ къ вѣрнымъ выво-

дамъ. Онъ прекрасно охарактеризовалъ бытъ народа по его пѣснямъ. «Статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи» — говоритъ Венгеровъ — «при всѣхъ своихъ недочетахъ поражаютъ широтою пріемовъ. Такой всеобъемлющей картины всей совокупности русскаго народнаго творчества нѣтъ у насъ и до настоящаго времени. Сила обобщающей мысли Бѣлинскаго сказалась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ». Какъ театральный критикъ, Бѣлинскій оставилъ цѣлый рядъ рецензій, среди которыхъ выдаются блестящія статьи объ игрѣ Мочалова въ роли Гамлета. Театръ Бѣлинскій очень любилъ. Памятна его страстная тирада въ «Литерат. Мечтаніяхъ»: «Театръ! Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины?... О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!»...

Высокая историческая заслуга Бѣлинскаго кроется въ безошибочной прозорливости его взглядовъ, въ вѣрномъ критическомъ чутьѣ и въ изощренномъ эстетическомъ вкусѣ, въ страстной любви къ истинѣ и въ пламенномъ темпераментѣ борца. Онъ нанесъ первый ударъ славянофильству, въ которомъ видѣлъ опасный возвратъ къ мрачному прошлому, къ Византіи; онъ обосновалъ и провозгласилъ торжество натурализма въ литературѣ и сокрушилъ литературную риторику и фальшь, воплощавшуюся въ Кукольникахъ, Булгариныхъ и Полевыхъ; онъ привѣтствовалъ зарожденіе народничества... Главные нервы, питающіе донынѣ нашу литературу, неразрывно связаны съ нервами этого «великаго сердца». Его жизнь, полная страданій и трудовъ, навсегда останется самымъ дорогимъ воспоминаніемъ русской литературы; въ ея синодикѣ Бѣлинскій записанъ однимъ изъ великомучениковъ. Имя его — одно изъ тѣхъ немногихъ именъ, отъ которыхъ бодрится и крѣпнетъ душа. Самая настойчивость, съ который онъ часто повторялъ однѣ и тѣ же истины, нынѣ кажущіяся намъ такими азбучными и простыми, представляется настоящимъ нравственнымъ подвигомъ. У этого учителя всегда будетъ чему поучиться...

Библіографія. Сочиненія В. Бѣлинскаго, ред. Н. Кетчера, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 12 тт. М. 1-ое изд., 1859—1861; 2-ое изд., 1861—1875; 3-е изд., 1867—1884; 4-ое изд., 1872—1892; 5-ое изд., 1883—1893; 6-ое изд., 1888—1895. — Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изданіе С. А. Венгерова, т.т. I—VIII, Спб., 1900—1907; Избранныя сочиненія Бѣлинскаго подъ ред. Н. А. Котляревскаго, изд. О. Поповой, Спб., 1898. Критико-біографическіе матеріалы указаны въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова, т. I., Спб., 1900, стр. 422—443; П. С. К., «Нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ», «Филологическія записки» 1899, I; И. А. Линниченко, «Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ и западниковъ», Од., 1901; Г. Александровскій, «Памяти В. Г. Бѣлинскаго», Кіевъ, 1899; «Русс. Стар.» 1904 г., августъ, 413—414 письмо Бѣлинскаго къ кн. В. Ѳ. Одоевскому и записка Бѣлинскаго къ А. А. Краевскому; Н. Коробка, «Бѣлинскій и Лермонтовъ въ московскомъ университетѣ» — «Литерат. Вѣстн.», т. V. 1903 г., 451—456; А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», 2-ое изд., Спб. 1908; С. А. Венгеровъ, «Очерки исторіи русской литературы», Спб., 1907; Бѣлинскій, «Письмо къ Гоголю», съ предисловіемъ С. А. Венгерова, Спб., 1905, изд. «Свѣточа»; Е. Вѣтринскій, «Учитель русскаго общества В. Г. Бѣлинскій», М., 1907; С. Лазаровичъ, «Просвѣтительныя идеи Бѣлинскаго» — «Южно-русскій альманахъ», изд. Ю. Сандомирскаго, Од., 1898; Ивановъ-Разумникъ, «Исторія русской общественной мысли», Спб., 1907, т. I, гл. V, стр. 209—251, и друг.; Г. Плехановъ, «В. Г. Бѣлинскій», Спб., 1907; С. Ашевскій, «Гоголь и Бѣлинскій» — «Образованіе» 1902, №№ 2 и 4; С. Ашевскій, «Достоевскій и Бѣлинскій» — «Міръ Божій» 1904, № 1; В. Богучарскій», «Загадочныя строки о Бѣлинскомъ» — «Жизнь» 1899, № 4; Е. Будде. «Личность Бѣлинскаго. какъ литературнаго дѣятеля» — «Вѣстн. Евр.» 1899, № 10; В. Шенрокъ, «Гоголь и Бѣлинскій» — «Міръ Божій» 1902, № 5; NN, «Бѣлинскій о Гоголѣ» — «Педагог. Листокъ» 1902, № 3; Л. рецензія на 2-ое изд. «Бѣлинскаго» А. Н. Пыпина — «Истор. Вѣстн.» 1908, № 1; Вѣтринскій Е., «Въ сороковыхъ годахъ», М., 1899; «Памяти В. Г. Бѣлинскаго, «Литературный сборникъ», М., 1899; В. Покровскій, «Бѣлинскій какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы М. 1899; В. Розановъ, «Литературные очерки», Спб., 1899; С. Ашевскій, «Бѣлинскій и Григоровичъ» — «Образованіе» 1900, № 4; И. Ивановъ, «Исторія русской критики», ч. III, Спб., 1900; В. Каллашъ, «Опытъ пересмотра нѣсколькихъ спорныхъ вопросовъ о Бѣлинскомъ», М., 1900; П. Н. Милюковъ, «Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго» — сборникъ «На славномъ посту». Спб., 1900; П. Н. Милюковъ, «Изъ исторіи русской интеллигенціи», Спб., 1900; Н. К. Михайловскій, «Бѣлинскій — драматургъ» — «Отклики», II. Спб., 1904; В. Батуринскій, «Герценъ, его друзья и знакомые», Спб., 1905; Бельтовъ, «За двадцать лѣтъ», Спб., 1905; А. К. Бороздинъ, «Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики» — «Литературныя характеристики», II, Спб., 1905; Ѳ. Ѳ.

Нелидовъ, «Очерки по исторіи русской литературы», I, М., 1906; Н. А. Котляревскій, «Старинные портреты». Спб., 1907; Сочиненія Бѣлинскаго, 4 тома, изд. Ф. Павленкова, первое—Спб., 1896, второе—Спб., 1900; Сочиненія Бѣлинскаго, 4 тома, изд. С. Мошкина, М., 1898; «Систематическое собраніе сочиненій Бѣлинскаго «Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы», изд. Н. Зинченко, 5 вып., первое изд.—Спб., 1890, второе изд.—Спб., 1901. *Н. Лернеръ.*

Бѣловъ, *Василій Николаевичъ*, тайный совѣтникъ, членъ-основатель Московскаго общества русскихъ врачей, род. въ 1817 г. Учился онъ въ харьковскомъ университетѣ, въ 1841 г. отлично окончилъ курсъ, выпущенъ лѣкаремъ и опредѣленъ помощникомъ окружного врача усть-медвѣдицкаго округа области войска Донского. Въ 1843 г. онъ перешелъ ординаторомъ въ новочеркасскій войсковой, а въ 1845 г.—въ оренбургскій военный госпиталь; затѣмъ служилъ въ Аральскомъ укрѣпленіи (1848 г.), въ пермскомъ военномъ госпиталѣ (1849 г.) и въ Новгородскомъ гр. Аракчеева кадетскомъ корпусѣ (1850 г.) Въ 1856 г. Бѣловъ былъ прикомандированъ для усовершенствованія ко 2-му военно-сухопутному госпиталю въ Петербургѣ и въ томъ-же году получилъ степень доктора медицины. Съ 1857 г. онъ былъ старшимъ лѣкаремъ александровскаго кадетскаго корпуса и затѣмъ старшимъ врачемъ Александровскаго военнаго училища въ Москвѣ 13 апрѣля 1886 г. Бѣловъ уволенъ по болѣзни въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ былъ членомъ Московскаго общества русскихъ врачей, въ дѣлахъ котораго принималъ значительное участіе, и Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Напечаталъ слѣдующіе научные труды: De entozois intestinalibus cestodes homini praecipuis, eorumque per remedia neoterica curatione; diss. на степ. д-ра мед., Спб. 1856 г. «Абиссинское растеніе куссо противъ ленточныхъ глистовъ» («Протоколы засѣд. Общ. русск. врачей въ Спб.» 1857—58 г., стр. 51); «О врожденномъ недостаткѣ грудей у 24-лѣтней киргизки» (тамъ-же, 1859—60 г., стр. 568). «Излѣченіе ревматическаго столбняка тинктурой белладоны» («Моск. мед. газета» 1860 г., № 6). «Выздоравливаніе» (тамъ-же, № 10). «Прижиганіе дифтеритныхъ язвъ на задней стѣнкѣ глотки помощью особаго инструмента» (тамъ-же, № 28), «Случай исцѣленія большой Виттовой пляски» (тамъ же, 1862 г., № 9).

Кондуитъ № 4510 въ книгѣ № 20 Главнаго военн-медиц. управленія; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I; Спб. 1886. Историческій очеркъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, изд. Мамонова, М. 1875, стр. 39. «Протоколы засѣданій Общ. русск. врачей въ Спб.» за разл. года. *Н. Кульбинъ.*

Бѣловъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, педагогъ и писатель, ум. въ Павловскѣ 13 іюля 1886 г. Бѣловъ родился на Уралѣ, въ Нижнемъ-Тагилѣ, въ имѣніи Демидова, гдѣ его отецъ долгое время служилъ горнымъ чиновникомъ. Сначала Бѣловъ былъ учителемъ народной школы, а затѣмъ инспекторомъ семинаріи въ Павловскѣ, гдѣ и оставался до самой смерти. Свои многочисленныя статьи о задачахъ педагогіи и о русскихъ школахъ Бѣловъ помѣщалъ въ «Современникѣ» (1854 г.), «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» (1857 г.), «Русскомъ Словѣ» (съ 1859 г.), «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Русскомъ Инвалидѣ» и его прибавленіяхъ (съ 1863 г.), «Спб. Вѣдомостяхъ» (съ 1868 г.), «Отечественныхъ Запискахъ» (1872 г.) и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Когда возникъ «Историческій Вѣстникъ», Бѣловъ сдѣлался его постояннымъ сотрудникомъ (до самой смерти), помѣщая въ немъ многочисленныя историческія статьи (между прочимъ, по исторіи народной литературы). Помимо журнальныхъ статей, Бѣловымъ были изданы отдѣльно: «Путевыя записки и впечатлѣнія по Западной Сибири etc.» (Москва, 1852, два тома), «Путевыя письма» (Спб., 1862), «Педагогическія письма» (Спб., 1864), «Учебникъ по ариѳметикѣ» (Спб., 1864), «Путешествія и удивительныя приключенія Робинзона Крузоэ» Даніэля де-Фое, переводъ (Спб., 1866; 2 е изд., 1874), «Руководство для сельскихъ учителей съ приложеніемъ образцовыхъ уроковъ по русскому языку, родиновѣдѣнію, отечествовѣдѣнію и чистописанію» (Спб., 1869; 2-е изд., въ двухъ частяхъ, Москва, 1872—1877; 3-е изд.—М., 1877), «Географія для народныхъ школъ» (Спб., 1870), «Виновата ли она?», повѣсть (Спб., 1870; 2-е изд. 1875), «Рождественскіе разсказы» (два выпуска, Спб., 1870—1871), «Изъ жизни. Педагогическія наблюденія» (Спб., 1872), «Какъ устроить самыми простыми, находящимися подъ руками средствами, разные кабинеты и учебныя пособія при сельскихъ школахъ» (Спб.,

1872), «Сборникъ статей и матеріаловъ для бесѣдъ и занятій дома и въ дѣтскомъ саду, для чтенія въ гимназіяхъ, учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ» (Спб., 1873), «Руководство къ педагогикѣ» (М., 1874), «Руководство къ родиновѣдѣнію» (Спб., 1874), «Путешествіе по Германіи и Швейцаріи отъ Петербурга до Монблана» (Спб., 1875); сюда нужно еще присоединить рядъ отдѣльныхъ оттисковъ нѣкоторыхъ журнальныхъ статей Бѣлова. Уже послѣ смерти Бѣлова были напечатаны его статьи: «Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и поговоркахъ» («Историческій Вѣстникъ» 1886 г., книга 8-я), «Учитель-рутинеръ и учитель-педагогъ» («Педагогическій Сборникъ» 1886 г., книга 8-я), «О довѣріи къ ученикамъ» (ibid., 1887 г., книга 2-я), его «Письма къ барону Н. А. Корфу» въ «Русской Старинѣ» 1894 г., книга 6-я, стр. 136—171.

Д. Д. Языковъ,—Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VI (1889 г.) и VIII (1900 г.) (здѣсь, между прочимъ, приведенъ подробный перечень трудовъ Бѣлова). — С. А. Венгеровъ, — Русскія книги, т. III, Спб., 1898. — «Историческій Вѣстникъ» 1886 г., № 8. — «Екатеринбургская Недѣля» 1886 г., № 293. — «Новь» 1886 г., № 19, стр. 414.—Словарь Брокгауза и Ефрона. — В. Михневичъ, Наши знакомые, Спб., 1884. *В. Г.*

Бѣловъ, *Яковъ Фридрихъ*, профессоръ— см. **Белау**.

Бѣлогужевъ, *Александръ Николаевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, ум. 17-го іюня 1869 г. Происходилъ изъ дворянъ Тобольской губ., въ 1807 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ рядахъ котораго впервые выступилъ на боевомъ поприщѣ, принявъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ австрійцевъ въ 1809 г. въ Галиціи. Въ Отечественную войну, уже въ чинѣ поручика, Бѣлогужевъ находился въ сраженіяхъ при Смоленскѣ и подъ Бородинымъ и въ преслѣдованіи непріятельской арміи; въ кампанію 1813 г., состоя въ отрядѣ наслѣднаго принца шведскаго, онъ явился участникомъ: блокады крѣпости Кюстрина, сраженій подъ Денневицемъ и Лейпцигомъ и дальнѣйшаго преслѣдованія французовъ, и въ 1814 г. участвовалъ во взятіи Парижа, отличившись передъ тѣмъ въ двукратномъ взятіи гор. Суассона и въ Краонской битвѣ. Вернувшись въ Россію, послѣ вторичнаго похода въ 1815 г., Бѣлогужевъ былъ переведенъ въ Томскій пѣхотный полкъ, откуда, въ чинѣ подполковника, назначенъ въ 1824 г. командиромъ Охотскаго полка. Съ послѣднимъ, въ Турецкой войнѣ 1828—29 гг., онъ принялъ участіе во многихъ сраженіяхъ, причемъ за отличія въ дѣйствіяхъ подъ Силистріею получилъ чинъ полковника. Въ Польской войнѣ 1831 г. онъ находился въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ. Произведенный въ 1837 г. въ генералъ-маіоры, Бѣлогужевъ вскорѣ же былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, въ 1846 г. получилъ въ командованіе 11-ю пѣхотную дивизію, а въ слѣдующемъ 1847 г. былъ уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Послѣдними отличіями Бѣлогужева на боевомъ поприщѣ были дѣйствія его по участію въ Венгерской кампаніи, вознагражденныя орденами: св. Анны и австрійскимъ—Желѣзной короны, оба 1-й степени. Оставивъ командованіе дивизіею, Бѣлогужевъ въ 1851 г. былъ назначенъ членомъ Капитула Россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ.

«Рус. Инвал.» 1869 г., № 82.—«Иллюстрированная газета» 1869 г., № 26.

Бѣлозерскіе, князья: *Глѣбъ Васильковичъ*, сынъ Василька Константиновича, внука Всеволода III Большое Гнѣздо, род. въ 1237 г., ум. 13 декабря 1278 г. въ Ростовѣ. Подъ 1238 г. онъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ князей, спасшихся отъ Батыева меча. Въ 1244 г. Глѣбъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, кн. ростовскимъ Борисомъ и другими родичами, ѣздилъ къ Батыю, которымъ утвержденъ былъ въ правахъ на наслѣдственный удѣлъ, а въ 1249 г.—къ Батыеву сыну Сартаку, который отпустилъ его «съ честью»; въ томъ же году, вмѣстѣ съ матерью и старшимъ братомъ, онъ провожалъ изъ Владиміра тѣло умершаго тамъ Василья Всеволодовича, кн. ярославскаго, въ Ярославль. Въ 1251 г. Глѣбъ уѣхалъ изъ Ростова въ свою отчину, на Бѣлоозеро, и вѣроятно, съ этого времени окончательно поселился тамъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ жилъ въ Ростовѣ. Въ 1253 г. онъ былъ въ Ростовѣ на освященіи Борисоглѣбской церкви; въ 1257 г., побывавши въ ордѣ и женившись тамъ, вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ пріѣхалъ въ Ростовъ—«и бысть радость велика о Глѣбовѣ пріѣздѣ». Въ 1259 г. Глѣбъ

опять былъ въ Ростовѣ, гдѣ съ матерью и старшимъ братомъ Борисомъ принималъ и чествовалъ Александра Невскаго, проѣзжавшаго изъ Новгорода во Владиміръ. Подъ 1268 г. въ лѣтописяхъ отмѣчается, что Глѣбъ больнымъ пріѣхалъ (въ Ростовъ?) изъ орды, а въ 1269 г. онъ былъ въ Юрьевѣ Польскомъ при смертномъ одрѣ тамошняго князя Димитрія Святославича. Въ 1271 г. Глѣбъ былъ опять въ ордѣ, а чрезъ два года послѣ того (1273 г.) схоронилъ свою супругу; въ 1276 г. онъ былъ въ Костромѣ на похоронахъ вел. кн. Василія Ярославовича, а въ 1277 г., вмѣстѣ съ другими князьями, ходилъ съ ханомъ Мангу-Тимуромъ на кавказскихъ ясовъ и послѣ похода одаренъ былъ ханомъ и отпущенъ съ честью. Въ томъ же году умеръ братъ Глѣба, Борисъ ростовскій, и въ рукахъ перваго, помимо племянниковъ его Борисовичей, соединились Ростовъ и Бѣлоозеро, но не надолго: 13 іюня 1278 г. онъ возвратился изъ орды въ Ростовъ и вскорѣ «тихо и кротко испусти душу». Лѣтописи изображаютъ Глѣба богобоязненнымъ, смиреннымъ и щедрымъ; имъ основаны Бѣловинская пустынь на одномъ изъ острововъ Кубенскаго озера и Бѣлозерскій святотроицкій, иначе Спасокаменный, монастырь, впослѣдствіи переведенный въ Вологду. Однако епископъ ростовскій Игнатій, похоронившій Глѣба сначала обыкновеннымъ порядкомъ въ ростовской соборной церкви Богоматери, потомъ, чрезъ девять дней, въ полночь приказалъ вырыть его тѣло и просто зарыть въ землю въ монастырѣ св. Спаса. Отъ брака съ ордынкой, въ крещеніи *Ѳеодорой,* Глѣбъ имѣлъ сыновей *Демьяна* (род. 1 іюля 1263 г.) и *Михаила*. Разныя родословныя, кромѣ этихъ двухъ, даютъ Глѣбу еще нѣсколькихъ сыновей, о которыхъ лѣтописи ничего не знаютъ. *Михаилъ Глѣбовичъ*, младшій сынъ Глѣба Васильковича, ум. лѣтомъ 1293 г. въ ордѣ. Между тѣмъ какъ Ростовъ, по смерти Глѣба Васильковича, перешелъ къ дѣтямъ брата его Бориса, Михаилъ Глѣбовичъ занялъ Бѣлоозеро. Въ 1277 г. онъ вмѣстѣ съ отцомъ ѣздилъ въ орду; былъ ли онъ, какъ и отецъ его, въ походѣ хана Мангу-Тимура на ясовъ, неизвѣстно, но кажется, что изъ орды онъ возвратился вмѣстѣ съ отцомъ (1278 г.). Въ іюлѣ 1278 г., вскорѣ по возвращеніи изъ орды, Михаилъ женился на дочери Ѳеодора Ростиславовича Чернаго, князя ярославскаго, въ стольномъ городѣ котораго справлялась и свадьба при многочисленномъ стеченіи князей и бояръ съ ихъ свитами, а въ началѣ октября того же года Глѣбъ, вмѣстѣ съ своимъ тестемъ, ходилъ помогать татарамъ, воевавшимъ тогда въ Болгаріи съ нѣкіимъ Лаханомъ, выдававшимъ себя за посланника Божія, пришедшаго освободить народъ отъ ига монгольскаго. Въ слѣдующемъ, 1279 г. у Михаила отняты были его волости Димитріемъ Борисовичемъ Ростовскимъ «со грѣхомъ и неправдою великою», какъ замѣчаетъ лѣтописецъ. Неизвѣстно, какъ и гдѣ жилъ Михаилъ до 1286 г., но въ этомъ послѣднемъ году, когда его двоюродные братья — Борисовичи подѣлили между собою отчину свою, Михаилъ опять сѣлъ на Бѣлоозерѣ. Въ 1292 г. онъ присталъ къ Андрею Александровичу, кн. Городецкому, оспаривавшему тогда великокняжескій столъ у старшаго брата своего Димитрія, и пошелъ съ нимъ въ орду, гдѣ и скончался. Тѣло его погребено въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Михаилъ Глѣбовичъ имѣлъ двухъ сыновей: Ѳедора и Романа. О *Ѳедорѣ Михайловичѣ* до насъ дошло только два извѣстія: въ 1302 г. онъ женился въ ордѣ на дочери нѣкоего «Велъбласмыша». а въ 1314 г., во второй разъ, на дочери Димитрія Жидимирича. Потомства онъ не оставилъ. О *Романѣ Михайловичѣ* лѣтописи упоминаютъ только однажды по случаю поѣздки его къ хану Узбеку въ 1339 г. для участія въ судѣ надъ кн. Александромъ Михайловичемъ тверскимъ. Романъ Михайловичъ имѣлъ двухъ сыновей: *Ѳедора* и *Василія*, отъ дѣтей и внуковъ котораго, по родословнымъ, произошли князья: Шелешпанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карголомскіе, Ухтомскіе, Андомскіе или Андожскіе, Вадбольскіе и Бѣлосельскіе, нынѣ Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе. *Ѳедоръ Романовичъ*, старшій сынъ Романа Михайловича, въ 1375 г., въ числѣ всѣхъ другихъ удѣльныхъ князей сѣверной Руси, ходилъ съ вел. кн. Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ на Тверь, а въ 1380 г. палъ въ Куликовской битвѣ. *Иванъ Ѳеодоровичъ*, единственный сынъ предыдущаго, въ 1363 г., когда суздальскій князь Димитрій Константиновичъ занялъ великокняжескій столъ подъ Димитріемъ московскимъ, пришелъ изъ орды отъ хана Мурата съ тртарскимъ конвоемъ изъ тридцати

человѣкъ и передалъ суздальскому князю ханскій ярлыкъ на великое княженіе. Впослѣдствіи, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, онъ перешелъ на сторону Димитрія Ивановича, съ которымъ, въ 1380 г., былъ на полѣ Куликовомъ, гдѣ и палъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ единственнаго сына Константина. *Юрій Васильевичъ*, праправнукъ перваго удѣльнаго князя Бѣлозерскаго, Глѣба Васильковича, старшій сынъ Василія Романовича, князя сугорскаго, извѣстенъ только по родословнымъ, какъ послѣдній удѣльный князь Бѣлозерскій, имѣвшій троихъ сыновей: *Давида, Романа* и *Андрея. Константинъ Ивановичъ*, единственный сынъ Ивана Ѳедоровича, прямой наслѣдникъ, послѣ Юрія Васильевича, Бѣлозерскаго удѣла, если бы послѣдній не былъ отобранъ у бѣлозерскихъ князей Димитріемъ Донскимъ. Не желая подчиниться вел. кн. московскому, Константинъ ушелъ въ Великій Новгородъ и отсюда, при удобныхъ случаяхъ, мстилъ московскому князю. Такъ, въ 1393 г. вел. кн. Василій Димитріевичъ пустошилъ новгородскія волости; новгородцы, съ своей стороны, пустошили волости великаго князя,—взяли Кличенъ и Устюжну, сожгли Устюгъ и Бѣлоозеро. Въ этихъ военныхъ операціяхъ ими руководили два князя: Романъ литовскій и Константинъ Бѣлозерскій. Въ 1396 г. Константинъ вышелъ съ новгородцами на нѣмцевъ, пустошившихъ Корельскую и Колыванскую (Ревельскую) земли, но ему удалось только поймать одного языка, котораго онъ и отослалъ въ Новгородъ. Подъ 1408 г., разсказавъ о нападеніи нѣмцевъ и литовцевъ на псковскія и новгородскія волости, лѣтописецъ замѣчаетъ: «и тоя зимы князь Костянтинъ Бѣлозерскій выѣха вонъ изъ Пскова, а не учинивъ помощи никоея же».—Болѣе объ этомъ князѣ ничего неизвѣстно. Родословныя, изъ которыхъ немногія называютъ его невѣрно сыномъ Василья Романовича, князя Сугорскаго, считаютъ его бездѣтнымъ. По присоединеніи Бѣлозерскаго удѣла къ Московскому княжеству, онъ составлялъ волость самого великаго князя московскаго, а въ 1389 г. Димитрій Донской, въ своемъ (второмъ) духовномъ завѣщаніи, назначаетъ Бѣлозерскій удѣлъ сыну своему *Андрею*, князю Можайскому. По смерти Андрея Димитріевича младшій изъ двухъ сыновей его, *Михаилъ*, получилъ г. Верею и удѣлъ Бѣлозерскій, которымъ владѣлъ до своей кончины (1485 г.). Со смертію Михаила Андреевича оба удѣла его, по договору съ вел. кн. Иваномъ III Васильевичемъ, сдѣлались собственностью послѣдняго и уже навсегда вошли въ составъ Московкаго гусударства.

А. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., т. II, гл. V.—Карамзинъ, т. IV, гл. 2 и 5; т. V, гл. 1.—Щербатовъ, т. III, стр. 8, 39—142—201.

Бѣлосельскій, князь, *Михаилъ Андреевичъ*, вице-адмиралъ и генералъ кригсъ-коммисаръ флота; родился 1-го ноября 1702 г. и въ 1717 г. поступилъ на службу во флотъ гардемариномъ. Сдѣлавшись съ самыхъ юныхъ лѣтъ извѣстнымъ Императору Петру Великому и пріобрѣтя его довѣріе, князь Бѣлосельскій еще въ чинѣ гардемарина былъ неоднократно посылаемъ имъ съ разными важными порученіями не только внутрь Россіи, но и за границу. Въ 1719 г., находясь на кораблѣ «Эсперансъ», онъ ходилъ въ плаваніе до Любека; 2-го марта 1721 г. былъ произведенъ въ мичманы, а 10-го января 1724 г.—въ унтеръ-лейтенанты; въ 1725 г., служа на флагманскомъ кораблѣ «Св. Александръ», онъ плавалъ съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1732 г., командуя придворною яхтою «Елизабетъ», ѣздилъ на ней въ Кронштадтъ съ китайскимъ посломъ, 18-го января 1733 г. по новому штату былъ зачисленъ въ лейтенанты маіорскаго ранга. Въ 1736 г. съ нимъ случилось крупное несчастіе, значительно повліявшее на его дальнѣйшую карьеру. Неизвѣстно по какой причинѣ онъ былъ привлеченъ Тайной канцеляріей къ дознанію и 19-го іюля за «нѣкоторое дѣло» сосланъ въ Оренбургъ «на вѣчное житіе» съ назначеніемъ находиться тамъ при постройкѣ судовъ, а также при тамошней водяной и морской экспедиціи; одновременно съ симъ онъ былъ исключенъ изъ списковъ флота. Въ 1737 г. Бѣлосельскій участвовалъ при пріемѣ пріѣзжавшаго въ Оренбургъ Абулъ-Хаиръ-Хана. Присутствуя въ Оренбургской канцеляріи и коммиссіи, кн. Бѣлосельскій успѣлъ заслужить полное довѣріе начальника ихъ, тайнаго совѣтника В. Н. Татищева, и, благодаря его хлопотамъ и представленіямъ въ Петербургъ, былъ произведенъ (въ 1739 г.) въ маіоры Ингер-

манландскаго полка, а 3-го ноября 1740 г. назначенъ совѣтникомъ Экипажеской Экспедиціи съ рангомъ полковника и возвращенъ въ Петербургъ. 24-го апрѣля 1743 г., по кончинѣ генералъ-экипажмейстера и члена коллегіи К. Н. Зотова, Бѣлосельскій былъ назначенъ на его мѣсто, а въ слѣдующемъ, 1744 г., по случаю увольненія за границу президента Морской Коллегіи графа Головина, ему было поручено дѣлать доклады Государынѣ по дѣламъ флота, хотя онъ былъ младшимъ изъ членовъ. 5-го сентября 1747 г. князь Бѣлосельскій былъ пожалованъ въ генералъ-кригсъ-коммисары съ назначеніемъ присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи. Съ этимъ званіемъ былъ сопряженъ и чинъ вице-адмирала. Изъ распоряженій кн. Бѣлосельскаго въ званіи генералъ-кригсъ-коммисара извѣстны, между прочимъ: запрещеніе флотскимъ чинамъ ходить въ караулъ и другія должности въ партикулярной одеждѣ и введеніе во флотѣ бѣлаго мундира. 10-го февраля 1747 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а 5-го сентября 1748 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ томъ же году онъ сопровождалъ Императрицу Елизавету Петровну въ Москву, состоя при Ея Величествѣ докладчикомъ по дѣламъ морского вѣдомства. Въ маѣ 1749 г., по неизвѣстной причинѣ, кн. Бѣлосельскій получилъ повелѣніе сдать всѣ дѣла адмиралу князю М. М. Голицыну и былъ освобожденъ отъ засѣданій въ Адмиралтействъ-Коллегіи. Несмотря на это, онъ въ 1752 г. снова сопровождалъ Императрицу въ Москву и дѣлалъ ей доклады по морскимъ дѣламъ. Вернувшись въ Петербургъ, Бѣлосельскій занемогъ и 19-го января 1755 г. скончался; погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ.

«Общій Морской Списокъ» ч. I, стр. 66—67;— кн. П. В. Долгорукій, «Россійская родословная книга», т. I; — Справочный Энциклопедическій словарь, изд. К. Крайя, т. II. Спб., 1849 г., стр. 542—543.

Б. Алексѣевскій.

Бѣлосельскій, князь, *Михаилъ Васильевичъ*, воевода; происходилъ отъ князей Бѣлозерскихъ; имя Бѣлосельскихъ принялъ потомокъ Рюрика въ XIX колѣнѣ,— князь *Гавріилъ Федоровичъ Бѣлозерскій*— отъ владѣнія Бѣлымъ Селомъ (въ Пошехонскомъ уѣздѣ нынѣшней Ярославской губ.); князь Михаилъ Васильевичъ, сынъ князя Василія Ивановича, принадлежитъ къ XXIII колѣну Рюриковичей.

Первое извѣстіе о немъ относится къ 1610 г., когда онъ былъ воеводой, вмѣстѣ съ кн. Пронскимъ, въ Вязьмѣ. Въ 1614 г., будучи уже воеводой въ Торжкѣ, онъ былъ отозванъ къ Москвѣ, но въ томъ же году назначенъ воеводой въ Самару, гдѣ пробылъ всего одинъ годъ. Къ этому времени относятся и сохранившіяся отписки Астраханскихъ воеводъ—князя Одоевскаго и Головина къ Самарскому воеводѣ, князьямъ Бѣлосельскому и Туренину: о намѣреніи Волжскихъ казаковъ итти съ Яика на Иргизскія вершины и на Волгу (13 іюля 1614 г.), о пораженіи (Волжскихъ) казаковъ на Яикѣ и намѣреніи послѣднихъ итти для грабежа на Волгу (въ августѣ 1614 г.).

Въ 1615 г. Бѣлосельскій былъ отозванъ изъ Самары къ Москвѣ, а въ 1616 г. царь Михаилъ Федоровичъ указалъ ему, «по нагайскимъ вѣстямъ» быть въ Москвѣ «ко деревянному городу», среди другихъ воеводъ, которымъ, между прочимъ, велѣно было стоять безъ мѣстъ. Кн. Бѣлосельскому вмѣстѣ съ воеводой Ф. Л. Бутурлинымъ былъ порученъ раіонъ отъ Арбатскихъ до Тверскихъ воротъ, при чемъ съ ними было 40 человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ и 53 человѣка дворовыхъ людей. Въ томъ же году, въ сентябрѣ, онъ былъ посланъ на помощь подъ Псковъ въ качествѣ вылазнаго воеводы для дѣйствій противъ нѣмецкихъ людей, а съ нимъ И. К. Карамышевъ. Этотъ воевода билъ челомъ на М. В. государю, слѣдствіемъ чего была отставка обоихъ.

Въ 1617 г. Бѣлосельскій является, какъ воевода, въ Вязьмѣ; указъ объ этомъ назначеніи данъ былъ ему 28 августа: «быть на государевой службѣ для промысла надъ литовскими людьми со стольникомъ и воеводой П. Пронскимъ», съ цѣлью очистить Дорогобужъ отъ поляковъ и литовцевъ. Однако Доргобужъ былъ взятъ королевичемъ. Узнавъ объ этомъ, Вяземскіе ратные люди, не дождавшись прихода врага, бѣжали въ Можайскъ. Воеводы, кн. Пронскій и Бѣлосельскій, послѣдовали за ними, оставивъ Вязьму совершенно беззащитной, и въ концѣ октября королевичъ торжественно вступилъ въ нее. Недовольный малодушіемъ воеводъ, царь Михаилъ Федоровичъ послалъ въ Мо-

жайскъ боярина кн. И. Н. Одоевскаго и окольн. А. В. Измайлова уговаривать ратныхъ людей, а за Бѣлосельскимъ послалъ Исаака Сунбулова, который долженъ былъ привести малодушнаго воеводу закованнымъ въ Москву. Отсюда же, будучи предварительно высѣченъ, онъ былъ сосланъ въ Сибирь; недвижимое же имѣніе его взято отъ него для раздачи другимъ. Но въ 1618—19 г. Бѣлосельскій былъ уже возвращенъ изъ ссылки. Далѣе свѣдѣнія о немъ имѣются отъ 1622 г., когда, 12 іюля, онъ подалъ въ Розрядъ явочную челобитную, гдѣ онъ жаловался на своего племянника, князя Якова Бѣлосельскаго, что во время его ссылки въ Сибири племянникъ выпросилъ у царя конфискованныхъ его лошадей, продалъ ихъ и вырученныя деньги пропилъ, а пожалованное ему въ Галичскомъ уѣздѣ помѣстье сдалъ, а что получилъ, то «проворовалъ»; узнавъ же о скоромъ пріѣздѣ дяди изъ Сибири, хотѣлъ уйти на Донъ, но нѣсколько разъ былъ водворяемъ воеводами въ Москву къ ближнимъ родственникамъ, но каждый разъ снова бѣжалъ; чтобы не быть въ отвѣтѣ и опалѣ за его проступки, кн. Бѣлосельскій и объявлялъ государю о поведеніи племянника.

Въ 1627 г. кн. Бѣлосельскій былъ назначенъ воеводой въ Березовъ, гдѣ и оставался до 1629 г., когда его смѣнилъ Воинъ Тим. Пушкинъ. Вернувшись въ Москву, онъ въ октябрѣ этого года получилъ повелѣніе быть на встрѣчѣ за городомъ, по Тверской дорогѣ, французскаго посла короля Людовика, а затѣмъ былъ назначенъ къ нему въ приставы; до Москвы приставомъ при послѣ отъ Пскова, черезъ который посолъ пріѣхалъ, былъ А. П. Окуневъ: «и въ тѣ поры, на встрѣчѣ, думному дьяку Фед. Лихачеву Окуневъ билъ челомъ на кн. М. Бѣлосельскаго въ отечествѣ, что онъ, Окуневъ былъ въ приставахъ у посла до Москвы, а Бѣлосельскій присланъ съ Москвы, а велѣно ему посла встрѣтить и въ приставахъ быть у того посла, и ему, Андрею, «менши кн. М. Бѣлосельскаго быть не вмѣстно»». По пріѣздѣ въ Москву Окуневъ билъ челомъ на кн. Бѣлосельскаго въ отечествѣ, а кн. М. В. билъ челомъ на Андр. Окунева о оборонѣ, что онъ тѣмъ его безчеститъ, а «менши его быть ему мочно». Какъ приставъ при послѣ, онъ присутствовалъ и при пріемѣ послѣдняго царемъ Михаиломъ. Въ февралѣ 1630 г. Бѣлосельскій по указу царя былъ въ золотѣ среди другихъ дворянъ на пріемѣ государемъ «свійскаго» посла Антона Монира. Въ 1631 г. онъ — воевода Ржевы Володимеровой; отсюда въ 1633 г. Бѣлосельскій, вмѣстѣ съ кн. Прозоровскимъ, ходилъ подъ Бѣлую. Бѣлая сдалась, о чемъ воеводами и было донесено государю. Въ отвѣтъ на это имъ было приказано, оставивъ въ Бѣлой 200 чел., итти на сходъ съ Шеинымъ, который долженъ былъ остаться подъ Смоленскомъ, и взять его. Здѣсь подъ начальствомъ Бѣлосельскаго и Прозоровскаго было 3965 чел., изъ нихъ 3836 чел. новокрещеновъ, а остальные татары и стояли они въ острогѣ. Оттуда же они писали къ государю въ 1634 г., что въ прошломъ году, 28 августа, подъ острогъ подошли по Зарѣцкой сторонѣ нижнею Катынскою дорогою король Владиславъ и королевичъ Казиміръ, что они съ ними бились и многихъ побили и взяли въ плѣнъ.

Далѣе М. В. встрѣчается при сдачѣ 1-го марта 1634 г. подъ Смоленскомъ королю Владиславу русскаго войска. Онъ ѣхалъ впереди войска на саняхъ, такъ какъ былъ боленъ. Подъѣхавъ къ королю, который самъ распоряжался размѣщеніемъ войска, онъ остановился, пропустилъ мимо себя одинъ полкъ, пока подъѣхали остальные воеводы. Когда русскіе полки, проходя мимо короля, сложили къ его ногамъ свои знамена, выступили сами воеводы, ударили передъ королемъ челомъ до самой земли и затѣмъ, подступивъ ближе, выслушивали рѣчи гетмана и самого короля. А уже 2 марта того же года, т. е. на другой день послѣ церемоніала сдачи войска, указалъ государь разспрашивать боярина М. Б. Шеина, кн. М. В. Бѣлосельскаго и нѣкоторыхъ другихъ, почему они покинули Смоленскій острогъ. Послѣ казни Шеина кн. Бѣлосельскій вмѣстѣ съ Прозоровскимъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь, а женъ и дѣтей ихъ приказано было разослать по городамъ, имѣнія же отобрать на государя. Отъ смертной казни Б. освобожденъ былъ только потому, какъ сказано въ приговорѣ, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о его болѣзни во время осады Смоленска. Однако уже въ 1637 г. мы снова видимъ кн. Бѣлосельскаго при дворѣ: 30 января, на пріемѣ государемъ литовскаго гонца, онъ «въ золотѣ» состоялъ при послѣднемъ,

а 23 августа того же года ему было указано среди другихъ «въ золотѣ» же, состоять при послахъ литовскихъ Янѣ Оборскомъ и кн. Сомойлѣ Соколинскомъ во время ихъ переговоровъ съ боярами.

С. М. Соловьевъ, Ист. Росс, съ древн. врем.; изд. Обществ. Пользы», II—1138. 1139, 1201, 1207; Акты историческіе. собрпн. и изданн. Археограф. Коммиссіей СПБ. ч. II-я (1841 г.)—359, ч. III-я (1841 г.)—33, 38, 318; Акты Московск. Госуд., изд. Имп. Ак. Наукъ 1890 г., подъ ред. Н. А. Попова, т. I—183, 467, 531, 625; Списки Городовыхъ воеводъ и др. лицъ воевод. управл. Московск. госуд. XVII стол., состав. А. Барсуковъ, изд. 1902 г.—15, 54, 198, 245; Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ, ч. IV-я 1774 г.—224; Книги разрядныя по офиціальнымъ спискамъ изд. II отд. собств. Его Импер. Велич. канцеляріей СПБ. 1855 г. т. I—79, 199, 354—356. 368; II—97, 205, 378, 385, 388, 389, 454, 529—532, 555, 573. Дорцовые разряды т. I (1850 г.)—150, 152, 194, 250, 281, 299, 300, 301, 744. 879; т. II (1851 г.)—95, 96, 304, 305, 341, 366, 842, 873, 876; «Временникъ Императ. Москов. Общ. Истор. и древност. Росс.», кн. 2-я (1849 г.)—79; кн. 3-я (1849 г.)—96. кн. 4-я (1849 г.)—13; Алфавитн. Указатель фамилій и лицъ, упомин. въ Боярскихъ книгахъ, хранящ. въ 1-мъ Отдѣл. Москов. архива Минист. Юстиціи. Москва 1853 г.; „Русская Ист. Библіот.», Спб. 1872 г. т. I—751 т. VIII 1884—603; Россійская родослов. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, ч. I-я (1854 г.)—217—221. Исторія родовъ Русскаго дворянства; состав. П. Н. Петровъ, Спб. 1885 т. I—116, 117.

Бѣлосельскій, князь *Никифоръ Ивановичъ*, патріаршій стольникъ при родителѣ царскомъ, святѣйшемъ Филаретѣ Никитичѣ (1629 г.), дворянинъ московскій (1636 г.) и походный дворянинъ московскій царицы Наталіи Кирилловны (1677 г.),—былъ сыномъ князя Ивана Елизаровича, посланнаго въ 1577 г. литовскимъ королемъ Магнусомъ къ царю Іоанну Грозному съ извѣстіемъ о завоеваніи городовъ Кеси и Куконоса.

Въ 1638 г. онъ строилъ Столпинскую засѣку въ Козельскомъ уѣздѣ; постройка эта, на которую ему, вмѣстѣ съ М. Пустошкинымъ, было дано 100 человѣкъ, продолжалась отъ 3 мая до 4 сентября того же года.

Въ 1639 г., февраля 5, царь Михаилъ Федоровичъ указалъ ему, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, встрѣтить за Яузою, по Владимирской дорогѣ, персидскаго посла, шедшаго черезъ Московское государство посольствомъ къ Гольштинскому князю. Въ 1642 г. кн. Н. И. встрѣчалъ за городомъ и былъ въ приставахъ съ дьякомъ Т. Никитинымъ у посланника турецкаго султана Обреима Усеина Чеуши, а въ іюнѣ 1643 г. участвовалъ во встрѣчѣ гонца датскаго короля Петра Марселиса, при чемъ стоялъ въ проходныхъ сѣняхъ, и въ томъ же году представлялъ царю Михаилу Федоровичу побочнаго сына датскаго короля, графа Вальдемара, котораго разсчитывали въ Москвѣ женить на царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ.

Въ 1645—47 г. Бѣлосельскій былъ воеводой на Вольномъ Курганѣ, нынѣ слоб. Вольное, Харьковской губ. Богодуховскаго уѣзда, близъ Бѣлгорода, для охраненія южныхъ границъ отъ крымцевъ, откуда въ 1645 г. онъ доносилъ государю о намѣреніи кн. Еремѣя Вишневецкаго идти съ большой ратью подъ Путивль. Въ 1647 г. онъ межевалъ на Гартовскомъ станѣ патріаршее село Степановское. Въ 1649 г. Бѣлосельскій перешелъ изъ воеводъ въ Судный Приказъ: именно въ іюнѣ, 21-го, указалъ государь князю Никиф. Ив. Бѣлосельскому состоять въ Володимирскомъ Судномъ приказѣ. Въ это же время былъ назначенъ въ Московскій Судный Приказъ Аф. А. Зиновьевъ; этотъ послѣдній билъ челомъ на кн. Н. И., что ему «менши его быть не вмѣстно»; но Государь велѣлъ дать Зиновьеву судъ на кн. Бѣлосельскаго и «случай взять», а затѣмъ и того и другого отъ службы отставилъ. Въ томъ же 1649 г. онъ былъ посланъ съ Москвы вмѣстѣ съ подъячимъ Ив. Хоненевымъ къ Ногайскимъ мурзамъ съ государевыми грамотами и «съ его Государскимъ милостивымъ словомъ», чтобъ они, видя къ себѣ государево расположеніе, шли вмѣстѣ съ княземъ Бѣлосельскимъ къ Астрахани на кочевье и тамъ бы на коранѣ «шерть учинили» въ томъ, что государю Московскому будутъ служить вѣрно и безъ хитрости.

16 апрѣля 1651 года кн. Бѣлосельскій слѣдовалъ за царемъ въ его «походѣ» съ Москвы до села Покровскаго.

Князь Н. И. Бѣлосельскій имѣлъ 2-хъ сыновей, одноименныхъ Ивановъ: Ивана большого и Ивана меньшого Никифоровичей.

Алфавитный Указатель фамилій и лицъ. упомин. въ Боярскихъ книгахъ, хранящ. въ 1-мъ Отдѣл. Москов. Архива Министер. Юстиціи, Москва 1853 г.; «Акты Москов. Госуд.», изд. Имп. Ак. Наукъ 1890 г.; подъ ред. Н. А. Попова, II—151, 65, 78, 89, 90; «Акты историческіе, собран. и издан. Археограф. Комис.», СПБ. 1841 г.,

5. IV-я—77; «Дворцовые разряды», т. II (185 п.)—588, 691, 703, 754, 958 т. III (1852 г.)—31. 125, 126, 248; Списки Городовыхъ воеводъ и др. лицъ воевод. управл. Москов. госуд. XVII стол., состав. А. Барсуковъ, изд. 1902 г.—50; Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ выѣзжихъ, назыв. Бархатная книга, Москва 1787 г. ч. 2-я—163, 164; Росс. Родословная книга, изд. кн. II. Долгоруковымъ, ч. 1-я—217, 221; Исторія родовъ Русскаго дворянства, состав. П. Н. Петровъ, СПБ. 1885 г. т. I—116, 117.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь *Александръ Михаиловичъ,* оберъ-шенкъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ Россійской Академіи, писатель; младшій изъ трехъ сыновей генераль-кригсъ-комисара Михаила Андреевича Бѣлосельскаго отъ второго брака его съ графиней Натальей Григорьевной Чернышевой, род. въ 1752 г., 1 января 1771 г. изъ вахмистровъ конной гвардіи былъ произведенъ въ корнеты, а 21 апрѣля того же года переведенъ прапорщикомъ въ Измайловскій полкъ. Въ 1779 г., въ званіи камеръ-юнкера, онъ былъ назначенъ Русскимъ посланникомъ въ Дрезденъ вмѣсто умершаго брата своего, кн. Андрея Михаиловича. Въ 1789 г. онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Туринъ, гдѣ и оставался до 1793 г. Въ царствованіе Императора Павла I-го кн. Бѣлосельскому было разрѣшено, 27 февраля 1799 г., прибавить къ своей фамиліи прозваніе «Бѣлозерскій» и писаться впредь съ нисходящимъ потомствомъ кн. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ. Проведя всю остальную свою жизнь въ Россіи, преимущественно въ Петербургѣ, кн. Александръ Михаиловичъ въ царствованіе Александра I-го получилъ званіе оберъ-шенка и орденъ Св. Александра Невскаго. Кн. Бѣлосельскій былъ избранъ въ почетные члены Импер. Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, а 3 ноября 1800 г. Россійская Академія избрала его въ свои дѣйствительные члены. Кромѣ этого, князь былъ членомъ Болонскаго Института, Нансійской Академіи Словесности и Кассельской Академіи Древностей. Незадолго до смерти онъ былъ избранъ (1 сентября 1809 г.) Петербургской Академіей Художествъ въ почетные любители; скончался 26 декабря 1809 г.

Кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, подобно многимъ вельможамъ тогдашняго времени, любилъ изящныя художества и особенно живопись. Онъ съ увлеченіемъ собиралъ въ своей картинной галлереѣ лучшія произведенія художниковъ и, между прочимъ, вывезъ изъ за границы много картинъ, пріобрѣтенныхъ имъ тамъ за высокую цѣну. Кн. Бѣлосельскій занимался также литературой и много писалъ, преимущественно, на французскомъ языкѣ. Изъ сочиненій его извѣстны. «De la musique en Italie». Par le prince de Bèlaselsky, de l'institut de Bologne. A la Haye 1778 г.; — Circé. Cantate. L'avertissement par l'auteur de la musique en Italie M. le P. B. Dresden. 1787 г.;—«Poésies françaises d'un Prince étranger». Epître aux François aux Anglais et aux Républicains de Saint-Marin (pub. par Marmontel) Paris 1789 г.; — Dianyologie ou tableau philosophique de l'entendement. A Dresde 1789. Londres 1791;—Epître aux français Pétersbourg 1802;—«Олинька, или первоначальная любовь». Село Ясное. 1796 г.

«Справочный Энциклопедическій словарь» изд. К. Края, т. II СПБ. 1849, стр. 542. Кн. П. В. Долгорукій «Россійская родословная книга»; «Словарь митрополита Евгенія»;—Геннади «Справочный словарь русскихъ писателей и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г.» стр. 125;—С. А. Венгеровъ «Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ». Вып. XXX, стр. 434;—«Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ Л.-Гв. Коннаго полка съ 1731 по 1886 г.» СПБ. 1886 года, стр. 79.

Б. Алексѣевскій.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь *Андрей Михайловичъ,* дѣйствительный камергеръ, посланникъ въ Дрезденѣ. Сынъ вице-адмирала князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго отъ перваго брака его съ Акулиной Михайловной Болтиной. Записанный съ малыхъ лѣтъ въ военную службу, онъ въ 1749 г. изъ полковыхъ сержантовъ поступилъ въ Преображенскій полкъ. Здѣсь протекла вся его военная служба и въ 1760 г., въ чинѣ капитана-поручика, онъ былъ переведенъ въ армію съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ состоять при Французскомъ дворѣ. Вступивъ на дипломатическое поприще, князь Андрей Михаиловичъ закончилъ свою карьеру русскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1778 г.

«Исторія Лейбъ.-Гв. Преображенскаго полка» 1683—1883 г. Т. IV, сост. Чичеринъ и др. СПБ. 1883 г.;—кн. П. В. Долгорукій «Россійская родословная книга» Т. 1.

Бѣлоусовичъ, *Иванъ Григорьевичъ*, докторъ медицины. Происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и первоначальное образованіе получилъ въ Черниговской семинаріи, откуда въ 1822 г. былъ принятъ казеннымъ студентомъ въ Медицинскій Институтъ при Московскомъ Университетѣ. Окончивъ тамъ курсъ въ 1827 г., онъ получилъ званіе лекаря I отдѣленія и акушера. Назначенный помощникомъ инспектора студентомъ, Бѣлоусовичъ получилъ въ 1828 г. степень доктора медицины. Когда открылась Турецкая кампанія, онъ былъ командированъ (29-го мая 1829 г.) врачемъ во 2-ю дѣйствующую армію. Въ 1830 г. Бѣлоусовичъ былъ сдѣланъ старшимъ врачемъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка, откуда переведенъ на ту же должность въ полкъ графа Дибича. Въ 1837 г. онъ вышелъ въ отставку. Въ 1842 г. состоялъ уѣзднымъ врачемъ въ городѣ Переяславлѣ, Полтавской губерніи, но въ томъ же году отъ этой должности былъ уволенъ. Затѣмъ въ 1844 г. онъ былъ назначенъ городовымъ врачемъ въ Прилукахъ той же губерніи. Въ этой должности онъ оставался до своей смерти—10-го августа 1858 г.

Онъ перевелъ съ латинскаго Робертсона «Анатомофизіологическіе и химико-терапевтическіе разговоры», Москва, 2 части. 1827 (напечатано на казенный счетъ) и издалъ «De pleuritide», Diss. Д. М. 1829 г.

А. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи писатели съ 1863 г.», 1886 г., стр. 20.

Бѣлоусовъ, *Іоганнъ*, докторъ см. **Велау**.

Бѣлоусовъ, *Матвѣй Ильичъ*, художникъ, изъ дворянской семьи, род. въ 1797 г. Въ 1806 г. принятъ въ воспитанники Академіи Художествъ; въ 1812 г. получилъ серебряную медаль 2-го достоинства за рисунокъ съ натуры; въ 1813 г. получилъ опять серебряную медаль 2-го достоинства, а въ 1815 г. такую же медаль 1-го достоинства за рисунокъ съ натуры. Въ 1815 г., когда въ Академіи произошли среди учениковъ безпорядки, Совѣтомъ было постановлено Бѣлоусова не исключать, а оставить въ Академіи «не по успѣхамъ его, кои не могли бы оградить его отъ заслуженнаго наказанія, а единственно по уваженію отличной службы дяди его, ручающагося за его исправленіе», но при этомъ лишили его медалей и сняли золотыя петлицы на воротникѣ (знакъ отличія), объявивъ ему, что если онъ въ теченіе полугода совсѣмъ исправится въ своемъ поведеніи, то все это будетъ возвращено обратно. Въ 1816 и 1818 гг. онъ получилъ серебряныя медали 1-го достоинства за рисунки съ натуры. 19-го декабря 1818 г. за успѣхи въ исторической живописи награжденъ званіемъ свободнаго художника. По выходѣ изъ Академіи съ аттестатомъ 2-й степени, онъ 13-го августа 1821 г. утвержденъ въ званіи 1-го учителя рисованія въ Ришельевскомъ Лицеѣ (въ Одессѣ). Мы имѣемъ симпатичный отзывъ о Бѣлоусовѣ одного изъ учениковъ лицея, Сумарокова: «Мастеръ былъ онъ своего дѣла; это доказалъ онъ, когда мы его попросили нарисовать декораціи для предполагаемыхъ представленій: «Эдипа въ Аѳинахъ»—Озерова и «Заиры»—Вольтера на ново греческомъ языкѣ воспитанниками изъ грековъ, получающими образованіе на счетъ Александра I». «Бѣлоусовъ, — говоритъ Андреевъ въ своей книгѣ «Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ», — хотя не произвелъ ни одной замѣчательной исторической картины, но имя его должно сохраниться въ лѣтописи русскаго искусства, какъ подлинные рисунки его сохраняются въ классныхъ залахъ академіи, служа совершеннѣйшими представителями чистоты формъ и правильности стиля».

Дѣло Канцеляріи попечит. Одесск. учебн. округа (1822, № 4): Петровъ, Сборникъ матер. для ист. Имп. Акад. Худ., т. I и II; Андреевъ, А. Н., Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. 1857; Воспоминанія А. Сумарокова, въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1886 г., №№ 254. 258, 265, 266, 281 и 350; П. Юрченко и В. Яковлевъ, Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго музея, въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1891 г.

А. Э. М—нъ.

Бѣлоусовъ, *Николай Григорьевичъ*, профессоръ юридическихъ наукъ въ Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, род. 24-го апрѣля 1799 года въ Кіевѣ. Образованіе получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, а потомъ въ Харьковскомъ Университетѣ, гдѣ изучалъ науки словесныя и юридическія, и окончилъ курсъ въ 1818 году. 21-го января

1820 г. Бѣлоусовъ опредѣленъ учителемъ русской словесности въ кіевскую губернскую гимназію, 6-го мая 1825 года поступилъ въ Гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, младшимъ профессоромъ юридическихъ наукъ; здѣсь онъ читалъ римское право и исторію римскаго права, а съ 1826—7 академическаго года открылъ преподаваніе естественнаго права, исполняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности сначала—секретаря хозяйственнаго правленія, а потомъ инспектора Гимназіи. 26-го октября 1830 г., по Высочайшему повелѣнію, Бѣлоусовъ былъ удаленъ отъ должности, по обвиненію въ вольнодумствѣ. Исторія о вольнодумствѣ Бѣлоусова, вызванная ненавистью къ нему профессора Нѣжинской гимназіи М. В. Билевича за обличеніе Билевича въ невѣжествѣ и неспособности, подробно разсказана Н. Лавровскимъ, въ его статьѣ о Гимназіи князя Безбородко. Поводомъ къ ней послужилъ рапортъ Билевича, отъ 7-го мая 1827 г., въ которомъ онъ, между прочимъ, донесъ директору гимназіи, что «примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго, которое, вопреки предписанію попечителя, читается Бѣлоусовымъ не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философа Канта и Шада». По удаленіи отъ службы Бѣлоусовъ поселился въ Кіевѣ. Вскорѣ ему удалось оправдаться во взведенномъ на него обвиненіи, и 20-го апрѣля 1835 г. ему было Высочайше разрѣшено вновь поступить на службу. Прослуживъ недолгое время секретаремъ Кіевскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, Бѣлоусовъ, въ маѣ 1835 г., перешелъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, помощникомъ секретаря и въ слѣдующемъ году назначенъ секретаремъ канцеляріи по судной части. Въ 1837 г. Бѣлоусовъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, гдѣ прослужилъ около 17 лѣтъ, занималъ мѣсто начальника отдѣленія и получилъ чинъ дѣйств. ст. совѣтника. Умеръ въ Кіевѣ 14-го августа 1854 года. Послѣ него не осталось печатныхъ работъ; сохранилась только часть обширнамо труда, который онъ подготовлялъ къ печати: «Объ Императорскихъ и Царскихъ Орденахъ. — Именные списки кавалеровъ разныхъ орденовъ, съ отмѣтками противъ каждаго лица, за что награжденъ былъ орденомъ».

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко». Спб., 1881 г., стр. 210—245 (статья Н. Кукольника, ученика Бѣлоусова, дополненная Н. Лавровскимъ разсказомъ объ обстоятельствахъ поступленія Бѣлоусова въ гимназію и его столкновеніяхъ съ Билевичемъ) и 83—109 (статья Н. Лавровскаго, излагающая «исторію о вольнодумствѣ»; между прочимъ, приведено показаніе Н. В. Гоголя, ученика Бѣлоусова). Геннади, I, 125.

Бѣлоха, *Порфирій Никитичъ*, извѣстный педагогъ. По окончаніи средняго образованія онъ поступилъ въ университетъ, но вышелъ оттуда до окончанія курса. Избравъ послѣ этого педагогическую дѣятельность, Бѣлоха зачислился преподавателемъ русскаго языка въ Торопецкое уѣздное училище. Здѣсь онъ скоро перемѣнилъ преподаваніе русскаго языка на географію, полюбилъ этотъ предметъ и весь отдался преподавательской дѣятельности, заботясь главнымъ образомъ о болѣе легкомъ и совершенномъ усвоеніи учениками любимаго предмета. Въ 1845 года Бѣлоха получилъ приглашеніе преподавать географію въ I кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ и съ этого времени перешелъ на службу по военно-учебному вѣдомству. Здѣсь онъ былъ сперва преподавателемъ, а затѣмъ наблюдателемъ за преподаваніемъ географіи и, наконецъ, инспекторомъ корпуса. Онъ издалъ составленный имъ учебникъ географіи, который получилъ широкое распространеніе и былъ лучшимъ руководствомъ по этому предмету. Первое изданіе этого учебника вышло въ 1862 г. и выдержало послѣ этого при его жизни 17 изданій, разойдясь въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Принадлежа къ числу выдающихся педагоговъ, Бѣлоха, при гуманномъ отношеніи къ учащимся и къ начинающимъ молодымъ преподавателямъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне требовательнымъ къ этимъ послѣднимъ, заботясь, чтобы они были вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошими воспитателями. Онъ даже хлопоталъ объ устройствѣ особаго учрежденія для подготовки воспитателей. Слабость зрѣнія помѣшала ему до конца жизни остаться преподавателемъ. Онъ скончался въ глубокой старости лѣтомъ 1890 г. въ окрестностяхъ Петербурга.

«Историческій Вѣстникъ» 1890 г. декабрь, стр. 358.

Бѣлоцвѣтовъ, *Алексѣй Васильевичъ*, протоіерей, писатель; род. во Владимірской губерніи въ 1839 г., воспитывался во Владимірской Духовной Семинаріи, курсъ въ которой окончилъ въ 1860 г.; въ 1863 г. былъ священникомъ с. Шиморскаго, Меленковскаго уѣзда, а въ 1869 г. опредѣленъ въ городской соборъ въ г. Киржачъ, гдѣ и умеръ 27-го сентября 1879 г. въ санѣ протоіерея. Онъ напечаталъ: «Кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году» (М. 1876, изд. 2-е, Владиміръ 1879, изд. 3-е, Спб. 1885; изд. 4-е, «съ прилож. біографіи, семи словъ и поученій, не относящихся къ сему кругу, и краткаго очерка исторіи Киржача», Спб. 1890; изд. 5-е, Спб. 1894); во «Влад. Епарх. Вѣдом.» онъ помѣстилъ: «Объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія и о начальныхъ учебникахъ для народныхъ школъ» (1871 г., №№ 6 и 8); «Замѣтка для законоучителей сельскихъ школъ» (1873 г., № 24); «Изъ замѣтокъ и наблюденій приходскаго священника» (1874 г., № 3, 4, 6 и 1875 г., № 2); «Краткій очеркъ исторіи г. Киржача и послѣдняго празднества его по случаю открытія въ немъ собора и слово по этому случаю» (1876 г., № 16); послѣдняя статья вышла и отдѣльной книжкой (Владиміръ 1876); кромѣ того, нѣкоторыя его поученія, извлеченныя изъ «Круга», издавались и отдѣльно въ 1890, 1894, 1895 г.г.

С. А. Венгеровъ. Источники для словаря русскихъ писателей; его-же, Русскія книги; Н. Малицкій. Исторія Владимірской Духовной Семинаріи, вып. III, М. 1902, стр. 50.

Бѣльскіе, *Алексѣй Ивановичъ*, *Ефимъ Ивановичъ* и *Иванъ Ивановичъ*, братья-художники, произведенія которыхъ обыкновенно смѣшиваются.

1) Бѣльскій, *Алексѣй Ивановичъ*, академикъ исторической и пейзажной живописи, родился въ С.-Петербургѣ въ 1726 году, умеръ тамъ же въ маѣ 1796 г. Состоялъ подмастерьемъ при Канцеляріи строеній Е. И. В. домовъ и садовъ, при которой со временъ Петра I были живописцы-служащіе, связанные чуть не крѣпостною зависимостью съ вѣдомствомъ. Живопись изучалъ подъ руководствомъ Вишнякова и Джироламо Бона. Въ 1762 г. Бѣльскій былъ командированъ въ числѣ другихъ художниковъ въ Москву «по наряду» для расписыванія тріумфальныхъ воротъ, устроенныхъ по случаю торжественнаго въѣзда императрицы Екатерины II, причемъ на реестрѣ рукою Штелина, противъ Алексѣя Бѣльскаго, помѣчено «хорошій декораторъ». Въ 1764 г. академическое собраніе, разсмотрѣвъ двѣ картины Алексѣя Бѣльскаго (урну съ цвѣтами на украшенномъ карнизѣ и Протей древностей римскихъ) на баллотировкѣ семью голосами противъ одного удостоило его назначеніемъ въ академики, а для «произвожденія» ему задали нарисовать на украшенномъ карнизѣ вазу съ разными плодами и цвѣтами. 29 іюля 1769 года Бѣльскій признанъ «назначеннымъ» за картушки съ написанными въ срединѣ русскими и французскими стихами. Въ 1771 г. Бѣльскій за 4 картины съ нравоучительными рѣчами получилъ отъ академіи 70 р. 12 декабря 1771 г. контора строеній обратилась въ Академію съ ходатайствомъ подвергнуть Бѣльскаго экзамену въ «живописномъ художествѣ» и сообщить затѣмъ конторѣ, «какое въ семъ знаніе имѣетъ и достоенъ ли произведенія въ мастера». Академія задала ему на программу проектъ въ рисункахъ тремъ сценамъ для академическаго театра: трагической, комической и пасторальной съ колерами. Въ апрѣлѣ 1772 г. Академія отвѣтила, что Бѣльскій еще съ 1769 г. состоитъ назначеннымъ, «которое достоинство почитается преимущественнѣе мастера, ибо изъ назначенныхъ вступаютъ въ академики, то и въ произведеніе его мастеромъ нѣтъ никакого сумнѣнія». Согласно этому отзыву, контора произвела Бѣльскаго въ мастера. Въ 1773 г. на основаніи академическаго устава, Бѣльскій получилъ съ своимъ потомствомъ вольность. Въ музеѣ Имп. Александра III находится переданный изъ Эрмитажа «Архитектурный видъ» Алексѣя Бѣльскаго (1789 г.).

2) Бѣльскій, *Ефимъ Ивановичъ*, подмастерье живописи въ канцеляріи строеній, ученикъ Джироламо Бона, род. въ 1730 г., умеръ 28 ноября 1778 г.

3) Бѣльскій, *Иванъ Ивановичъ*, академикъ исторической живописи, ученикъ Вишнякова и Джироламо Бона, родился 6 января 1719 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 14 января 1799 г. Состоялъ живописнымъ мастеромъ при конторѣ строенія домовъ и садовъ Е. И. В. Въ 1762 г.

былъ командированъ съ Алексѣемъ Бѣльскимъ и другими художниками въ Москву «по наряду» для расписыванія тріумфальныхъ воротъ, устроенныхъ по случаю торжественнаго выѣзда императрицы Екатерины II. Въ спискѣ Штелина помѣчено: Иванъ Бѣльскій «писалъ лучшія аллегорическія картины на тріумфальныхъ воротахъ». 29 іюля 1769 г., по представленіи образа св. апостола Павла, Иванъ Бѣльскій общимъ согласіемъ признанъ былъ назначеннымъ въ академики. Впослѣдствіи былъ назначенъ инспекторомъ надъ мозаичной фабрикой. Подъ управленіемъ его были исполнены мозаическіе образа: «св. Великомученица Екатерина» и «св. Ап. Павелъ». Въ Академіи Худ. находятся его картины: св. Апостолъ Павелъ и архіерей во время служенія литургіи. Съ оригиналовъ Ив. Бѣльскаго, Ив. Штелинъ гравировалъ портреты русскихъ царей.

Архивъ Имп. Акад. Худ. (1773, № 29); Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ.; Петровъ, Краткое обозрѣніе мозаичнаго дѣла особенно въ Россіи, 1864; Андреевъ, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ, 1857; Генкель, Сѣверное Сіяніе, т. II (Петровъ, Отечественная живопись за 100 лѣтъ); Сомовъ, Каталогъ Имп. Ак. Худ.; Ровинскій, Словарь русск. гравиров. портретовъ.
А. Э. М—нъ.

Бѣльскій, *Богданъ Яковлевичъ*, бояринъ; происходилъ отъ фамиліи, ведущей свое начало съ Волыни. Въ концѣ XV вѣка одинъ изъ его предковъ—Станиславъ Бѣльскій—покинулъ Польшу и перешелъ въ Россію. Б. Я. Бѣльскій былъ однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Іоанна IV и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ царя въ теченіе 13 послѣднихъ лѣтъ его царствованія; этотъ любимецъ почти всюду сопровождалъ Грознаго; онъ былъ ближайшимъ слугой: «днемъ и ночью неотходный хранитель особы Іоанновой», онъ и спалъ въ его комнатѣ.

Бѣльскій участвовалъ въ Ливонской войнѣ; въ 1577 г. онъ осадилъ съ московскими стрѣльцами г. Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнуса, Георгъ Вильке. Эта крѣпость считалась одной изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ сначала впустить русскихъ, отвѣчая, что крѣпость взята королевской саблей, но, видя приготовленія къ приступу, выѣхалъ къ воеводѣ Бѣльскому и сказалъ: «Знаю, что мой король присяжникъ царя—удерживаюсь отъ кровопролитія. Возьмите городъ—ѣду къ Магнусу». Однако, Бѣльскій послалъ его съ двадцатью нѣмцами къ Іоанну, а другихъ магнусовыхъ людей, въ количествѣ семидесяти, изрубилъ; купцовъ и всѣхъ жителей оковалъ, а имѣніе и дома ихъ опечаталъ. За этотъ удачный походъ Бѣльскій былъ награжденъ португальскимъ золотымъ и золотою цѣпью, а бывшіе съ нимъ дворяне получили по золотому, имѣвшему значеніе медали. Въ 1578 г. Бѣльскій встрѣчается въ званіи оружничаго. При вѣнчаніи Грознаго, въ сентябрѣ 1580 г., съ царицей Маріей, дочерью Ф. Ф. Нагого, Бѣльскій, въ знакъ особаго къ нему расположенія, былъ въ числѣ государевыхъ дружекъ. Въ 1581 г. былъ онъ намѣстникомъ Ржева. Далѣе, онъ снова былъ въ Москвѣ, гдѣ расспрашивалъ, вмѣстѣ съ Аѳ. Нагимъ, медика Якоби о племянницѣ Елизаветы Англійской, Маріи Гастингсъ, которую царь задумалъ сватать, и подготовлялъ почву для этого сватовства. Въ октябрѣ 1583 г. Бѣльскому, совмѣстно съ бояриномъ Н. Р. Юрьевымъ и дьякомъ Щелкаловымъ, было поручено условиться съ англійскимъ посломъ Іеронимомъ Баусомъ о государственномъ союзѣ Россіи съ Англіей, чтобы, заключивъ его, немедленно приступить къ тайному дѣлу о сватовствѣ. Назначеніе Бѣльскаго и названныхъ лицъ для переговоровъ, и притомъ спѣшныхъ, было неудачно. По словамъ иностранцевъ, еще до пріѣзда Бауса голландская компанія хлопотала объ уничтоженіи торговыхъ льготъ, данныхъ Англіи московскимъ правительствомъ, и пріобрѣла себѣ друзей— Н. Р. Юрьева, Богдана Бѣльскаго и А. Щелкалова, ибо, кромѣ ежедневныхъ подарковъ этимъ совѣтникамъ царскимъ, голландцы заняли у нихъ столько денегъ по 25%, что платили одному изъ нихъ ежегодно по 5,000 р., англійскіе же купцы не имѣли въ это время при дворѣ ни одного доброжелателя. Дѣйствительно, переговоры затянулись, но отчасти въ томъ былъ виноватъ и Ваусъ, раздражавшій противную сторону своей неуклонностью и грубостью, и Іоаннъ, надѣясь, по крайней мѣрѣ, кончить дѣло о сватовствѣ, 13-го декабря приступилъ къ тайнымъ переговорамъ, въ которыхъ ближайшее участіе принималъ и Бѣльскій. Но и эти переговоры были малоуспѣшны; обсужденіе же условія о союзѣ затянулось до фе-

враля 1584 г. и 17-го числа было прервано. Вскорѣ послѣ этого, когда на небѣ появилась причудливая комета съ крестообразнымъ знаменіемъ, которую Іоаннъ считалъ предвѣстникомъ своей смерти, Бѣльскій долженъ былъ слѣдить за созванными со всѣхъ концовъ государства волхвами и ежедневно передавать царю ихъ толкованія. 17-го марта—въ день, въ который, по предсказанію волхвовъ, Грознаго должна была постигнуть смерть, Бѣльскій объявлялъ прорицателямъ намѣреніе царя сжечь ихъ или зарыть живьемъ за ложное предсказаніе. Вечеромъ того же дня Іоаннъ, чувствуя себя нѣсколько лучше, намѣревался играть съ Бѣльскимъ въ шахматы, но во время разстановки фигуръ вдругъ упалъ и на глазахъ Бѣльскаго скончался. Незадолго до кончины царя онъ былъ назначенъ имъ, среди другихъ, совѣтникомъ и блюстителемъ державы во время юности царевича Θеодора, а воспитаніе царевича Дмитрія ввѣрилъ одному только Бѣльскому. Такимъ образомъ, будучи членомъ Верховной Думы, онъ и при новомъ царѣ былъ во главѣ правленія. Но не любимъ былъ онъ тамъ—его, человѣка хитраго и гибкаго, ненавидѣли, какъ перваго любимца Іоанна IV, несмотря на то, что онъ имѣлъ въ самой Думѣ сильнаго, но едва ли искренняго защитника въ лицѣ Бориса Годунова, который считался свойственникомъ и другомъ Бѣльскаго. Однако, Годуновъ не могъ помочь своему другу во время наступившаго для послѣдняго тяжелаго времени преслѣдованій и гоненій, а можетъ быть и не желалъ, видя въ немъ соперника своихъ тайныхъ стремленій. Нѣкоторые источники называютъ Бѣльскаго главнымъ виновникомъ смуты, возникшей въ это время въ Москвѣ. Движеніе было враждебно Θеодору, и потому стоявшіе на его сторонѣ бояре поспѣшили удалить Дмитрія и Нагихъ въ Угличъ, но Бѣльскій, воспитатель царевича, оставался въ Москвѣ, и смута продолжалась. Въ народѣ разнесся слухъ, будто Бѣльскій извелъ царя Ивана, хочетъ побить бояръ и ищетъ смерти царю Θеодору, чтобы, по однимъ извѣстіямъ, самому захватить верховную власть, а по другимъ—возвести на престолъ друга своего, Бориса Годунова. Слухъ этотъ возмутилъ народъ, и явившаяся ко дворцу чернь стала требовать выдачи Бѣльскаго. Несчастный вельможа, изумленный обвиненіемъ и въ то же время устрашенный злобою народа, искалъ безопасности въ государевой спальнѣ и молилъ о спасеніи. Θеодоръ зналъ о его невиновности, знали то и бояре. Царь съ боярами вышелъ къ озлобленной черни и ей было объявлено, что Бѣльскій ссылается въ Нижній-Новгородъ. Только этимъ объявленіемъ и удалось царю успокоить народъ. Потомъ, когда волненіе улеглось, Бѣльскій былъ отправленъ воеводой въ названный городъ (1584 г.). Но уже въ 1591 г., во время большого похода противъ крымскаго хана, онъ находился въ воинской думѣ Годунова,- «примиренный властью Бориса Федоровича съ дворомъ и народомъ, витязь, украшенный знаками отличія и славы». А зимой 1592 г. онъ былъ посланъ царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ, въ числѣ знатнѣйшихъ воеводъ, въ качествѣ начальствующаго надъ огнестрѣльными снарядами, въ Финляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Походъ этотъ кончился во второй половинѣ февраля. Въ ноябрѣ 1593 г. Бѣльскій ѣздилъ съ княземъ Щербатовымъ и Ф. П. Хворостининымъ въ Ливны для предварительныхъ переговоровъ съ ханскимъ уполномоченнымъ Ахметъ-пашою о вѣчномъ мирѣ. Переговоры были успѣшны: Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей—быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а наши уполномоченные обѣщали, что если лѣтомъ 1594 г. не будетъ набѣга на Московскія украины, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ) и впередъ поминки будетъ посылать ежегодно; кромѣ того, было обѣщано убрать съ Дона казаковъ и не дѣлать помѣхъ туркамъ на Теркѣ. 22-го мая 1597 г. Бѣльскій присутствовалъ при пышномъ пріемѣ австрійскаго посла, бургграфа Авраама Донавскаго, а въ маѣ слѣдующаго, 1598 г., участвовалъ въ походѣ Бориса Годунова противъ шедшаго на Москву хана. Въ томъ же году онъ принималъ, повидимому, дѣятельное участіе въ агитаціи за Бориса Годунова. Подъ грамотой объ избраніи его царемъ стоитъ (1598 г.) и подпись Бѣльскаго. При воцареніи Годунова Бѣльскій былъ пожалованъ въ окольничіе, а въ 1600 г., безъ сомнѣнія, не въ знакъ милости, былъ посланъ Борисомъ вмѣстѣ съ Сем. Алферье-

вымъ и многими другими людьми въ дикую степь—на берегъ Донца Сѣверскаго строить городъ Борисовъ (Царевъ-Борисовъ), нынѣ слобода Цареборисовка, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда. Но Бѣльскій, стыдясь представлять лицо униженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни, какъ на знатнѣйшее воеводство съ необыкновенною пышностью, большой казной и многочисленными слугами. Сначала онъ строилъ свой дворъ; выстроилъ со своими людьми башни и городки, укрѣпилъ великою крѣпостью, а потомъ съ этого образца велѣлъ всей рати строить. Крѣпость была сооружена чрезвычайно быстро и вышла лучше всѣхъ другихъ. Въ то же время поилъ и кормилъ онъ ратныхъ людей изъ своей казны, раздавалъ бѣднымъ деньги, платье и запасы. Благодаря этому, пріобрѣлъ онъ широкую популярность, и слава о немъ среди ратныхъ людей дошла до Москвы. Однако, враги Бѣльскаго не дремали: пошли доносы. По иностраннымъ свидѣтельствамъ, Годунову донесли, что Бѣльскій величаетъ себя царемъ Борисовскимъ — «Борисъ царь въ Москвѣ, а я царь въ Борисовѣ». Это привело царя въ сильный гнѣвъ: Бѣльскаго рѣшили предать смертной казни; но Годуновъ, помня клятву свою въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить и хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только разорить его—описать имѣніе, отпустить всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить, кому хотятъ, и приказалъ своему капитану, шотландцу Габріелю, бывшему до пріѣзда въ Россію докторомъ, вырвать у Бѣльскаго его длинную и густую бороду. Это долженъ былъ совершить именно нѣмецъ, которыхъ Бѣльскій такъ не любилъ; затѣмъ онъ былъ сосланъ въ одинъ изъ низовыхъ городовъ. По другимъ свидѣтельствамъ, Бѣльскій былъ сосланъ за то, что покаялся на духу, что извелъ царей Іоанна и Ѳеодора по наученію Бориса; духовникъ же передалъ объ этомъ патріарху, а тотъ—царю. Какъ бы то ни было, Бѣльскій оставался въ ссылкѣ до самой смерти Борисовой. Въ 1605 г., тотчасъ же по воцареніи Ѳеодора Годунова, «славному Бѣльскому» возвратили свободу, честь и достояніе, чтобы пользоваться въ этотъ смутный періодъ его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. При приближеніи Лжедмитрія къ Москвѣ, онъ, въ числѣ другихъ придворныхъ, уговаривалъ народъ образумиться, оставаться вѣрнымъ Ѳеодору и противодѣйствовать мятежникамъ; но затѣмъ, когда москвитяне, расправившись съ родомъ Годуновыхъ, хотѣли попировать въ царскихъ погребахъ и, не видя во дворцѣ господина, объявили о своемъ желаніи Бѣльскому, тотъ увѣщевалъ чернь уже именемъ Самозванца—«ласково объявивъ, сколько будетъ нехорошо, когда пріѣдетъ Дмитрій и найдетъ погреба свои пустыми». Однако, онъ воспользовался удачнымъ настроеніемъ толпы для отомщенія своимъ врагамъ — Борисовымъ нѣмцамъ. Габріель уже давно умеръ, но для Бѣльскаго это не имѣло значенія; онъ пустилъ слухъ, что иноземные лекаря были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами, что граждане могутъ попировать у нихъ, онъ же беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы черни немедленно бросились въ дома врачей и не только осушили всѣ найденныя у нихъ бочки, но и все имущество нѣмцевъ разграбили. А въ день въѣзда Лжедмитрія въ Москву, т. е. 20-го іюня 1605 г., когда новый царь уже обошелъ, по старому обычаю, соборы въ Кремлѣ, отслушалъ молебны и находился во дворцѣ, изъ Кремля на Красную площадь вышелъ Бѣльскій, окруженный боярами и дьяками, сталъ на Лобное мѣсто и обратился къ народу съ рѣчью, славилъ Бога за спасеніе государя, убѣждалъ москвитянъ быть вѣрными ему и затѣмъ, снявъ съ груди образъ св. Николая, поцѣловалъ его и клялся московскимъ гражданамъ, что новый царь есть истинный сынъ Іоанна, Дмитрій, котораго онъ былъ пѣстуномъ и крестнымъ отцомъ. Несомнѣнно, въ награду за это онъ получилъ отъ Самозванца званіе оружейничаго великаго и включенъ въ роспись (отъ іюня 1605 г.) духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, составлявшимъ государственный Совѣтъ. Нѣсколько позже, въ томъ же году, Бѣльскій былъ пожалованъ въ бояре. Но послѣ воцаренія Вас. Ив. Шуйскаго (1606 г.) онъ снова былъ высланъ изъ Москвы за вѣрность свою Лжедмитрію I и назначенъ вторымъ воеводою, рядомъ съ Морозовымъ, въ Казань, гдѣ его и постигла смерть. Въ 1606 же году, будучи уже въ Казани, едва онъ не схватилъ «бродягу Илейку», Лжепетра, выдававшаго себя за сына царя Ѳеодора. Въ 1609 г. Бѣльскій получилъ отъ Шуй-

скаго грамоту (отъ 12-го апрѣля) съ увѣщаніемъ оставаться вѣрнымъ престолу и наставлять въ томъ и другихъ. Послѣднее о немъ извѣстіе относится къ 1611 г., когда казанцы, по полученіи извѣстія о занятіи поляками Москвы, тотчасъ же, не желая подчиниться имъ, рѣшили присягнуть на вѣрность Лжедмитрію II, а Бѣльскій сталъ ихъ стыдить и заклинать не присягать ни Лжедмитрію, ни Владиславу, а будущему Вѣнценосцу Московскому, самъ же категорически отказался присягнуть Самозванцу. Этимъ онъ возбудилъ сильный гнѣвъ противъ себя черни. Подстрекаемая дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ, она схватила Бѣльскаго, возвела на высокую башню и, сбросивъ, растерзала. Имя Бѣльскаго встрѣчается въ грамотахъ писанныхъ изъ Казани отъ января и въ Казань отъ марта 1611 г., въ грамотахъ же отъ мая мѣсяца этого года о немъ уже не упоминается. Черезъ два дня послѣ убіенія Бѣльскаго пришла въ Казань и вѣсть о смерти Тушинскаго вора.

Бѣльскій — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей своего времени. По словамъ иностранцевъ, онъ былъ человѣкъ умный, способный ко всякимъ дѣламъ, но безпокойный, честолюбивый и склонный къ крамолѣ. Онъ по заслугамъ оцѣненъ и нѣкоторыми изъ современниковъ, русскихъ. Такъ, будущій патріархъ Филаретъ говорилъ о немъ, какъ о единственномъ способномъ и умномъ при дворѣ человѣкѣ, «къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужемъ». Да это видно и изъ того, что, служа послѣдовательно шести царямъ, онъ почти каждымъ изъ нихъ призывался къ правленію; нѣсколько разъ подвергался онъ ссылкѣ, но при смѣнѣ главы въ этотъ смутный періодъ снова призывался, какъ человѣкъ сильный въ тревожные, опасные для престола и государства моменты.

Н. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., изд. 5-е. Эйнерлинга, Спб. 1843, т. IX—151, 187; прим. къ IX т.—123 и 124; «Moscovia A. Possivinii», p. 27; 252, 254, 256; X—7, 8, 87, 96; 103, 108; XI—10, 15, 58, 61, 107, 116, 123; XII—5, 26, 160. прим.—123; С. М. Соловьевъ, Ист. Росс. съ древн. вр.; изд. «Обществ. пользы», II—294, 394, 537, 538, 617, 732, 733, 769, 771, 809 и 967; Сборн. Имп. Ист. Общ., изд. 1887 г., т. 60; Списки Город. воеводъ и др. лицъ воевод. управ. Московск. госуд. XVII стол., состав. А. Барсуковъ, изд. 1902 г.; Акты юридическіе или собраніе формъ старинн. дѣлопроизв., изд. Археограф. Комис. Спб. 1838 г.—186 и 389; Акты Москов. госуд., изд. Имп. Акад. Наукъ 1890 г., подъ ред. Н. А. Попова, I—64 и 77; Собран. госуд. грамотъ и договор., хранящ. въ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ, изд. 1819 г., ч. 2-я—209, 490, 492, 520, 523; Россійск. родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, ч. 4-я. Спб. 1857 г.—319—320; Сборникъ кн. Хилкова. Спб. 1879 г.—90; Ист. смутн. врем. въ Россіи, въ началѣ XVII в., Бутурлина. 1839, ч. 1-я—55 прилож.; Энцикл. Слов., изд. Брокгаузомъ 1891 г.; Справочн. энц. слов., изд. К. Края, т. 2. Спб. 1849 г.; Н. Лихачевъ, Разрядные Дьяки XVI в.—531; Очерки древней Казани. преимущ. XVI вѣка, П. Заринскаго, Казань. 1877 г.—130; Сказан. иностр. о Московск. госуд., В. Ключевскаго, Москва, 1866 г.—237; Сказанія современн. о Дмитріи Самозванцѣ, изд 2-е, ч. I-я, Берова лѣтопись Московская. Спб. 1837 г. (Н. Устрялова)—29, 30, 56, 57, 61, 217, 218, 258; ч. III-я—86; Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ, Спб. 1775 г., ч. 7-я—122.

Бѣльскій, *Григорій Лукьяновичъ* (Малюта) см. **Скуратовъ-Бѣльскій**.

Бѣльскій, *Давидъ*, приближенный Іоанна Грознаго; былъ свойственникомъ Малюты Скуратова; первое о немъ извѣстіе относится къ 1580 г., когда онъ на свадьбѣ Іоанна съ Маріей Федоровной Нагой несъ царицынъ коровай. Во время же пребыванія Іоанна Грознаго въ Александровской слободѣ Бѣльскій былъ однимъ изъ приближенныхъ и пировалъ вмѣстѣ съ ближайшими къ царю лицами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, бѣжалъ въ Литву. Уполномоченные въ Вильнѣ, Пушкинъ и Писемскій, писали своему государю, что перешедшій на литовскую службу Бѣльскій прибылъ въ Вильну еще до ихъ пріѣзда и изъ 70 человѣкъ, бѣжавшихъ съ нимъ, Вильну достигло только шестеро; остальные же были перебиты по дорогѣ; что Бѣльскій часто бывалъ у польскаго короля Стефана Баторія, давалъ ему различные совѣты, ведущіе ко вреду Россіи, между прочимъ, уговорилъ короля послать ко Пскову многочисленное войско, которое, однако, потерпѣло значительный уронъ. Въ 1587 г., послѣ смерти Баторія, Ржевскій, отправленный съ царской грамотой къ панамъ въ Литву, долженъ былъ расположить польскихъ и литовскихъ вельможъ, а также и русскихъ бѣглецовъ, среди которыхъ былъ и Давидъ Бѣльскій, въ пользу царя Ѳеодора. Ржевскому было наказано повидаться съ нимъ и въ случаѣ, если бы онъ спросилъ, есть ли ему царскій приказъ, отвѣтить, чтобъ онъ только постарался передъ государемъ, послужилъ ему: царь же проститъ ему его бѣгство и не

только разрѣшитъ возвратиться въ Москву, но и пожалуетъ богатыя помѣстья, вообще сдѣлаетъ достойное, лишь бы Бѣльскій показалъ вѣрную свою службу.

Исторія Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, изд. 5-е, Эйнерлинга, примѣч. къ т. IX—124; т. X—123; Древ. Рос. Вивліоѳ.. изд. Новиковымъ, Спб., ч. VII (1775 г.)—124; Исторія Россіи съ древн. временъ, С. М. Соловьева. Спб. изд. «Обществ. Пользы» т. II—563.

Бѣльскій, князь *Дмитрій Федоровичъ*, въ инокахъ Изосима, бояринъ, старшій сынъ кн. Федора Ивановича Бѣльскаго, родился въ 1499 г. Первое извѣстіе о немъ относится къ 1519 г., когда онъ былъ посланъ Василіемъ Іоанновичемъ въ Казань для возведенія на казанскій престолъ Шигъ-Алея. Д. Ф. съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, а черезъ два года послѣ этого былъ пожалованъ въ бояре, имѣя отъ роду всего около 22 лѣтъ; въ томъ же 1521 г. онъ начальствовалъ надъ ополченіемъ, высланнымъ противъ крымскаго хана Магметъ-Гирея, который свергнулъ съ престола Шигъ-Алея, вооружилъ громадныя полчища и, соединившись съ атаманомъ литовскихъ казаковъ Евстафіемъ Дашковичемъ, «безвѣстно и скороустремительно». по выраженію лѣтописца, двинулся на московскіе предѣлы. Великій князь въ эту опасную минуту выслалъ на берегъ Оки рать подъ начальствомъ юнаго князя Бѣльскаго. Съ нимъ находился и меньшій братъ государя, князь Андрей Ивановичъ. Походъ этотъ былъ крайне неудаченъ: Бѣльскій съ княземъ Андреемъ въ «безразсудной надменности» не слушали совѣтовъ опытныхъ воеводъ, стали не тамъ, гдѣ надлежало, допустили хана «перелѣзть черезъ Оку, сразились не во время, безъ устройства, и малодушно бѣжали. Опрокинутые, они, конечно, не могли удержать многочисленнаго непріятеля отъ грабежа, который безпрепятственно производился на всемъ пространствѣ отъ Коломны до самой Москвы. Между тѣмъ, юный воевода съ остатками своего ополченія сталъ въ Серпуховѣ. Послѣ ухода изъ-подъ Москвы Магметъ-Гирея полководцы были преданы царемъ суду. Всѣ упрекали Бѣльскаго въ безразсудствѣ и малодушіи, а онъ, въ свою очередь всю вину слагалъ на князя Андрея Ивановича, который первый показалъ тылъ врагу и тѣмъ увлекъ за собой и другихъ. Василій, щадя брата, наказалъ только одного воеводу, кн. Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго и дотолѣ храбраго. Вина его, будто-бы, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностью Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки юнаго воеводы и не принялъ зависящихъ отъ него мѣръ.

Весной слѣдующаго 1522 г., въ ожиданіи хана, къ Коломнѣ было стянуто огромное войско съ большимъ количествомъ пушекъ, которыя раньше никогда въ походахъ не употреблялись. Великій князь всѣмъ руководилъ самъ, желая отомстить за прошлогоднее пораженіе и безчестіе. Воевода Бѣльскій и нѣкоторые другіе были отпущены туда заранѣе, а по пріѣздѣ Василія, 19 мая, Бѣльскій назначенъ былъ стоять въ большомъ полку подъ Дѣвичьимъ. Однако, ожидаемый врагъ не появлялся. Слѣдующее о Бѣльскомъ извѣстіе относится къ 1523 г.—онъ былъ въ дружкахъ на свадьбѣ Василія III съ Еленой Глинской и за столомъ на этомъ торжествѣ сидѣлъ противъ боярынь. 20-го сентября 1524 г. кн. Бѣльскій далъ запись, по поручительству Московскаго митрополита Даніила и прочихъ духовныхъ особъ, государю Василію Ивановичу о продолженіи впредь своей службы вѣрно, усердно, безъ побѣговъ въ Литву и Польшу, о неимѣніи переписки съ государевыми непріятелями ни ему, ни дѣтямъ его, о принятіи его въ прежнюю любовь и о прощеніи учиненнаго имъ передъ великимъ княземъ проступка (по всей вѣроятности имѣется въ виду позорное бѣгство воеводъ въ 1521 г.). а въ февралѣ 1527 г. онъ въ поручной грамотѣ даетъ съ другими поручительство въ уплатѣ великому князю 5.000 руб. въ случаѣ побѣга кн. Глинскаго въ Польшу. Въ 1533 г. Бѣльскій былъ назначенъ главнымъ воеводой надъ войскомъ, высланнымъ для отраженія крымскихъ татаръ. Однако, ополченіе въ борьбу съ врагомъ не вступало, такъ какъ послѣдній, сверхъ ожиданій, не появлялся.

Осенью этого же года Д. Ф. находился въ числѣ немногихъ въ Волокѣ при больномъ Василіи III, а затѣмъ встрѣчаемъ его съ братьями у постели уже умирающаго великаго князя среди бояръ, къ которымъ Василій обращается со своей послѣдней волей. Между прочимъ, онъ сказалъ: «не оставьте моихъ племянниковъ, князей Бѣльскихъ». Назначенный еще

покойнымъ великимъ княземъ, онъ въ первый годъ правленія Елены (1533—34) былъ членомъ Верховной Думы. Въ 1534 г., году гоненій, онъ и послѣ бѣгства брата своего, Семена, былъ оставленъ въ покоѣ, въ то время какъ кн. Иванъ Федоровичъ Бѣльскій былъ заключенъ въ темницу. Въ этомъ же году онъ стоялъ въ Коломнѣ воеводой въ большомъ полку въ ожиданіи прихода крымскаго царя; также и въ слѣдующемъ, 1535 г. Бѣльскій былъ военачальникомъ ополченія, высланнаго противъ того же врага. Въ августѣ 15.000 крымцевъ, подкупленные Литвой, напали на рязанскія земли. Кн. Д. Ф. вмѣстѣ съ Мстиславскимъ отразилъ хищниковъ отъ береговъ Оки и, преслѣдуя ихъ, заставилъ бѣжать въ степи. Въ 1535 г. онъ былъ воеводой въ Муромѣ, а въ 1538 г.—въ Коломнѣ. Въ концѣ 1540 г. онъ опять ведетъ войска противъ крымцевъ, которые, миновавъ Нижній-Новгородъ, безпрепятственно дошли до Мурома, гдѣ воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и вылазкахъ. Кн. Бѣльскій шелъ къ Мурому изъ Владиміра, гдѣ онъ въ то время стоялъ, и по пути, въ Мещерской землѣ и муромскихъ селахъ, истреблялъ разсѣянныя толпы непріятелей. Сафа-Гирей бѣжалъ и такъ быстро, что московскіе воеводы не догнали его. Около этого времени, когда срокъ перемирія съ Литвой приходилъ къ концу, литовское правительство прислало посла Клиновскаго къ боярамъ Бѣльскому и Захарьину съ просьбой уговорить великаго князя до истеченія перемирія отправить великихъ пословъ къ королю для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія. Въ 1541 г. крымскій ханъ опять шелъ на московскія земли всей ордой. Кн. Д. Ф., съ приготовленнымъ на этотъ случай большимъ полкомъ, стоялъ подъ Ростиславлемъ. Онъ вывелъ войско въ поле и встрѣтилъ хана на берегахъ Оки. Послѣдній, однако, не давъ настоящаго боя, ночью бѣжалъ, полный злобы и стыда за свою неудачу. Въ слѣдующемъ (1542) году, послѣ смерти брата своего Ивана, убитаго въ Бѣлоозерѣ, кн. Д. Ф. занялъ первое мѣсто въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ бояринъ и при возобновленіи перемирія съ Литвой сидѣлъ подлѣ государя. Въ этомъ же и слѣдующемъ годахъ онъ былъ воеводой въ большомъ полку въ Коломнѣ на случай нападенія крымскаго хана. Въ февралѣ 1547 г. онъ присутствовалъ со своей княгиней на свадьбѣ Ивана IV съ Анастасіей Романовной, при чемъ былъ въ дружкахъ со стороны великаго князя, а послѣ вступленія Іоанна на престолъ былъ посланъ съ Палецкимъ въ Казань съ войскомъ для возведенія на престолъ свергнутаго казанцами Шигъ-Алея. Исполнивъ порученіе, онъ возвратился въ Коломну, гдѣ находился тогда государь; но едва онъ вернулся, пришла вѣсть, что на Камѣ появился Сафа-Гирей, что Шигъ-Алею измѣнили и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Казани. Слѣдствіемъ этого былъ новый походъ на Казань. Царь ждалъ только перемирія съ Литвой, чтобы заняться татарами. Въ концѣ 1548 г. Бѣльскій и Морозовъ писали къ литовскимъ вельможамъ, что московское правительство ждетъ ихъ пословъ для мирнаго дѣла. Въ декабрѣ этого года Иванъ Васильевичъ пошелъ съ Москвы во Владиміръ, чтобы оттуда итти къ Казани. Бѣльскій, стоявшій въ Коломнѣ, соединился съ царемъ, оставаясь воеводой въ большомъ полку; но въ февралѣ 1549 г., вслѣдствіе «теплыни великой», царь съ Работки вернулся обратно въ Москву, а войско продолжало свой трудный путь подъ главнымъ начальствомъ кн. Д. Ф. Цѣлью похода было желаніе нанести Казани чувствительный ударъ. Въ мартѣ Казань лишилась царя Сафа-Гирея, убившагося въ нетрезвомъ видѣ; послѣ него остался 2-хлѣтній сынъ Утемишъ-Гирей, въ Казани не было пока твердаго главы и царствовало мятежное безначаліе; этимъ хотѣлъ воспользоваться Іоаннъ для окончательнаго завоеванія Казани и въ ноябрѣ велѣлъ собираться полкамъ. Большой полкъ, собиравшійся въ Суздалѣ, былъ порученъ воеводѣ кн. Д. Ф. Бѣльскому. 14 февраля 1550 года войска прибыли подъ Казань, гдѣ Бѣльскій и Шигъ-Алей съ главной силой стали на Арскомъ полѣ. Этотъ походъ, въ которомъ принималъ участіе и самъ царь, былъ неудаченъ: 25 февраля войско должно было отступить съ большимъ урономъ. Вина въ неудачѣ вся пала на голову главнаго воеводы Бѣльскаго; передавали даже, будто бы казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего боярина, изъ благодарности за его малодушіе и измѣну. Въ маѣ 1550 г., на свадьбѣ князя Владиміра Андреевича съ Авдотьей Александровной Нагой,—въ первый день князь Д. Ф.

сидѣлъ въ большомъ (почетномъ) мѣстѣ противъ боярынь. Умеръ онъ 11 января 1551 г.

Послѣднія возводимыя на него обвиненія, однако, не подтверждаются. По справедливому замѣчанію Карамзина, Бѣльскій не былъ ни предателемъ, ни искуснымъ полководцемъ, ни властолюбивымъ вельможей, и, несмотря на свое видное положеніе, оставался въ сторонѣ при всѣхъ движеніяхъ и переворотахъ; иначе ему не удалось бы избѣжать той участи, которая постигла его брата, благодаря пронскамъ Шуйскихъ и нѣкоторыхъ другихъ бояръ.

Кн. Д. Ф. Бѣльскій, женатый на Марѳѣ Ивановнѣ, рожд. Челядниной (въ инокахъ Александра), оставилъ послѣ себя сына Ивана и славившуюся благочестіемъ дочь Евдокію, которая была замужемъ за бояриномъ Мих. Як. Морозовымъ; она вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми была въ 1577 году казнена Грознымъ.

Ист. Росс. Госуд. Н. М. Карамзина, изд. 5-ое Эйнерлинга, т. VII—66, 69, 101; VIII—45, 47, 71, 72, 74, 75, 9, 20, 32, 38—42; Истор. Россія съ древн. врем. С. М. Соловьева, Спб. изд. «Общ. Пользы» I—1631, 1656, 1670; II—7, 12, 30, 53, 55, 57, 58; Исторія Россійская отъ древн. врем. кн. М. М. Щербатова, подъ редак. И. П. Хрущова и А. Т. Воронова изд. Спб. 1905 г., т. V, ч. I—155, 220, 223, 256, 269; «Отечеств. Записки» изд. П. Свиньинымъ ч. 44 (1830 г.)—55, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 75, 80, 82; Полное Собр. русскихъ лѣтописей. изд. Археогр. комисс. Спб. 1859 г. VIII—267, 283, 296, 298—300; VI—266, 268, 271, 297; Русскій Истор. Сборникъ, изд. Обществ. истор. и древн. россійскихъ; ред. проф. Погодина. Москва (1838) т. II—9, 11, 15, 29, 38, 39, 45, 46; т. V (1842 г.)—24, 211, 213, 216, 220, 249, 264, 278; Русская Ист. Библіот., изд. Археограф. ком. Спб. II (1875 г.)—354; Акты юридич., или собраніе формъ старин. дѣлопроизводства, изд. Археограф. комисс. Спб. 1838—152; Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, хранящ. въ госуд. колл. иностр. дѣлъ. Москва т. I (1803 г.)—420, 429, 430; Акты истор. собр. и изд. Археограф. комисс. Спб. т. IV (1842 г.)—319; Н. П. Лихачевъ, Разрядн. Дьяки XVI в., опытъ истор. изслѣдов. Спб.—174, прилож.—28. Родъ Шереметевыхъ, Ал. Барсукова, Спб., кн. I я (1881 г.)—59, 61, 86, 130, 134; Древн. вивліоѳ., изд. Новиковымъ, Спб., ч. VII (1775)—15, 28, 32, 35, 41; VIII—72; Продолж. древн. рос. вивліоѳ., Спб., ч. V (1789)—155; Россійск. род. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, Спб. 1857 г. ч. VII—319, 320; Русс. род. книга А. Б. Лобанова-Ростовскаго, Спб. изд. 2-е 1895 г. т. II—352; Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, Спб. 1891 г.

Бѣльскій, князь *Иванъ Дмитріевичъ*, бояринъ; сынъ Дмитрія Федоровича; впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1546 г., когда онъ во время свадьбы Іоанна IV сидѣлъ на княжескомъ мѣстѣ. Въ 1554 г. онъ былъ пожалованъ въ кравчіе, а въ ноябрѣ женился на дочери кн. Вас. Вас. Шуйскаго — Марфѣ Васильевнѣ, внучкѣ казанскаго царевича Петра и племянницѣ великаго князя. На этой свадьбѣ присутствовалъ самъ царь. Въ 1556 г. князь И. Д. былъ посланъ государемъ въ большомъ полку «по крымскимъ вѣстямъ» въ Калугу; въ томъ же году, нѣсколько позднѣе, Бѣльскій стоялъ воеводой въ государевомъ полку въ Серпуховѣ. Въ 1559 г. онъ былъ возведенъ въ бояре и отправленъ воеводой въ большомъ полку въ Дедиловъ, а въ слѣдующемъ, 1560 г. былъ посланъ за крымскими людьми, за Дивой-Мурзою. Въ 1561 г. Бѣльскій былъ воеводой на Украйнѣ, гдѣ ему удалось отразить нападеніе крымскихъ татаръ. Своимъ поведеніемъ въ послѣднемъ походѣ онъ возбудилъ подозрѣніе въ Грозномъ и въ мартѣ 1562 г. долженъ былъ дать государю своему запись въ томъ, что не отъѣдетъ ни въ какое иное государство, ни въ удѣлы. Запись эта была дана за поручительствомъ 29 человѣкъ, обязавшихся, въ случаѣ побѣга кн. Бѣльскаго, уплатить казнѣ 10.000 руб.; а за этихъ поручителей въ свою очередь подписалось еще 120 человѣкъ. Но въ томъ же году онъ уже билъ челомъ за свою вину, что «преступилъ крестное цѣлованіе и, забывъ жалованье государево, измѣнилъ, съ королемъ Сигизмундомъ Августомъ ссылался, грамоту себѣ отъ него опасную взялъ и хотѣлъ бѣжать отъ государя своего». Несмотря на это, «государь холопа своего пожаловалъ, вины ему отдалъ». И въ новой записи, данной въ апрѣлѣ за поручительствомъ митрополита Макарія и прочихъ духовныхъ особъ, онъ обѣщается — служить государю своему усердно и вѣрно, безъ побѣговъ изъ Россіи, безъ переходовъ къ удѣльнымъ князьямъ, не имѣть никакого сношенія съ польскимъ королемъ и великимъ кн. литовскимъ Сигизмундомъ-Августомъ и прочими государевыми непріятелями и сообщать царю все, что будетъ относиться до его пользы или вреда. Въ концѣ ноября 1562 г., въ качествѣ одного изъ главныхъ воеводъ, Бѣльскій шелъ съ войскомъ къ Полоцку. Этотъ походъ, въ которомъ принималъ участіе самъ царь Иванъ Васильевичъ, имѣлъ своею цѣлью наказать литовскаго

вел. кн. за его постоянныя враждованія; а въ февралѣ 1563 г., уже послѣ взятія Полоцка, упоминается, что онъ принималъ пословъ, присланныхъ изъ литовскаго стана. Въ апрѣлѣ этого года Бѣльскій съ 6-ю другими боярами выручалъ вельможу кн. Александра Ив. Воротынскаго, заподозрѣннаго въ намѣреніи перебѣжать во враждебное государство. Въ 1564 г. онъ стоялъ въ большомъ полку воеводой въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ. Въ 1565 г. поручился съ другими за боярина Ив. Петр. Яковлева. Послѣ удаленія Іоанна Грознаго въ Александровскую слободу, онъ былъ однимъ изъ членовъ депутаціи, умолявшей государя, именемъ народа, не покидать царства. Послѣ пріема депутаціи кн. И. Д. былъ вмѣстѣ съ Щенятевымъ оставленъ Іоанномъ въ Слободѣ, въ то время какъ остальные были отпущены въ Москву. При образованіи опричины Бѣльскій былъ назначенъ однимъ изъ первыхъ среди земскихъ бояръ. Въ 1565 г. подъ главнымъ начальствомъ его было выслано большое войско для встрѣчи крымцевъ. Бѣльскій сталъ съ большимъ полкомъ въ Коломнѣ. Но благодаря искусству и настойчивости нашего посла въ Крыму, Аѳан. Фед. Нагого, война была покамѣстъ устранена: наша сторона въ ханской Думѣ взяла верхъ надъ Литовской. Войско же продолжало стоять на берегу Оки; мѣнялись только воеводы по полкамъ. Такъ, въ іюнѣ, по отозваніи кн. Бѣльскаго въ Москву, поставленъ былъ «по тайной росписи», на случай прихода крымцевъ, главнымъ воеводой кн. Мстиславскій.

Въ серединѣ августа того же 1565 г. пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву гонецъ Леонардъ Станиславовичъ Узловскій съ грамотой отъ королевской рады на имя московскаго митрополита Аѳанасія и двухъ первостепенныхъ земскихъ бояръ — кн. Ив. Дм. Бѣльскаго и Ив. Вас. Большого Шереметева. Въ этой грамотѣ была изложена просьба литовскихъ вельможъ и бискупа—уговорить государя прекратить войну съ Литвой. 16 августа Узловскій представился Бѣльскому, который ему отвѣтилъ, что царь самъ желаетъ мира, и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Въ концѣ сентября (1565 г.) изъ Путивля пришло извѣстіе о томъ, что крымцы, переправлявшіеся въ теченіе 2-хъ дней черезъ Донецъ, идутъ на Москву. 1-го октября наши воеводы стояли уже на мѣстахъ. Девлетъ-Гирей съ тяжелыми пушками, поставленными на телѣги, подступилъ къ гор. Болхову. На помощь болховскимъ воеводамъ поспѣшилъ съ сѣвера Бѣльскій съ сильнымъ войскомъ. Девлетъ-Гирей, проклиная литовцевъ, увѣрившихъ его, что всѣ московскія войска стянуты къ западнымъ границамъ, въ ночь на 19 октября бѣжалъ назадъ въ Крымъ. Въ 1566 г. кн. Ив. Д. участвовалъ въ совѣщаніи, имѣвшемъ своимъ предметомъ отказъ польскимъ посламъ въ перемиріи и объявленіе войны королю. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ вслѣдствіе захвата польскимъ королемъ многихъ лифляндскихъ городовъ и вслѣдствіе невыгодныхъ условій, выставленныхъ имъ къ заключенію перемирія. Въ перепискѣ по поводу перемирія между гетманомъ Хоткевичемъ и московскимъ воеводой въ Ливоніи Ив. Челяднинымъ Бѣльскій именуется бояриномъ, наивысшимъ воеводою и намѣстникомъ Владимірскимъ.

Въ 1567 г., во время пребыванія въ Москвѣ польскаго гонца, нѣкоего Козлова, родомъ изъ московскихъ областей, ему удалось склонить многихъ вельможъ къ измѣнѣ Іоанну. Отправленный вторично къ Іоанну, Козловъ привезъ отъ имени короля и гетмана грамоты кн. Бѣльскому и нѣкоторымъ другимъ знатнымъ вельможамъ, съ приглашеніемъ перейти на сторону Сигизмунда-Августа. Грамоты эти были перехвачены. Іоаннъ приказалъ написать Бѣльскому, или вѣрнѣе, самъ написалъ отъ его имени бранный отвѣтъ королю и гетману, который и былъ отправленъ съ Козловымъ. Такимъ образомъ, кн. Ив. Д. удалось выпутаться изъ этой бѣды.

Въ 1569 и 1570 гг. онъ опять стоялъ воеводой въ большомъ полку на берегу Оки. Весной 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ необыкновенной стремительностью ворвался въ Россію. Царь Иванъ съ двумя полками ушелъ въ Серпуховъ. Воевода большого полка, Бѣльскій, вмѣстѣ съ Мих. Яков. Морозовымъ, поспѣшилъ занять берега Оки. Но было уже поздно: Девлетъ-Гирей обошелъ ихъ и другимъ путемъ подошелъ къ Серпухову. Грозный отошелъ въ Бронницы, а оттуда черезъ Александровскую слободу въ Ростовъ. Воеводы поспѣшили назадъ на защиту столицы и пришли въ Москву 13 мая, на одинъ день раньше крымцевъ.

Бѣльскій съ большимъ полкомъ сталъ на Варламовской улицѣ. Войска было немного. Хану удалось поджечь старыя деревянныя строенія, загромождавшія предмѣстья, и черезъ три часа Москва вся выгорѣла. За дымомъ и жарой сраженіе было совершенно невозможно. Много погибло народа въ этомъ пожарищѣ. Погибли и воеводы: кн. Бѣльскій задохнулся въ каменномъ погребѣ на своемъ дворѣ 24 мая 1571 г.

Онъ имѣлъ пять дѣтей: Василія, Ивана, Федора, Анну и Анастасію.

На поминъ души боярина кн. Ив. Дм. Бѣльскаго въ 1572 г. Іоаннъ Грозный далъ Московскому Новодѣвичьему монастырю село Козино съ деревнями, въ Московскомъ уѣздѣ; въ 1574 г. Суздальскому Спасо-Евламціевскому монастырю — село Правдино съ деревнями, въ Углецкомъ уѣздѣ; въ 1575 г.—села Спасское и Пирогово—Успенія Пречистыя Кириллову монастырю, и въ 1578 г. село Шубино съ деревнями, въ Московскомъ уѣздѣ села Залѣсье и Добрынское въ Боголюбскомъ стану, Володимірскаго уѣзда дому Пречистыя Богородицы въ Суздалѣ.

Акты Московск. государства, изд. Имп. Акад. Наукъ. подъ ред. Н. А. Попова, Спб. 1890 г., т. I—5, 7, 38; Акты историческіе. собранн. и изданн. Археограф. комиссіей. Спб. т. I—(1841 г.)—351, 344, 366, т. IV (1842 г.)—317. Акты юридич. или собраніе формъ старинн. дѣлопроизводства изд. Археограф. комиссіей Спб. 1838 г.—152: Исторія Россіи съ древн. врем. С. М. Соловьева Спб., изд. «Обществ. Пользы». т. II—154. 155. 169. 166, 217, 223. 224. 350; Ист. Росс. Госуд. Н. М. Карамзина, изд. 5-е Эйнерлинга, т. IX—44, 45. 47. 57, 58, 65, 106, 107; Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Госуд. Коллегіи иностр. дѣлъ. Москва, т. I (1813 г.)—475, 484. 487, 488, 508, 543, 544, 547; Русская Истор. Библіот., изд. Археограф. комиссіей. Спб. т. III (1876 г.)—170, 179, 252, 254. 257, 265—269; Русскій Ист. Сборникъ, изд. Обществ. исторіи и древн. росс., ред. проф. Погодин. Москва т. II (1838 г.)—20, 19, 33, 40, 41. 50, 51. 227. 300; т. V (1842 г.)—208, 223—226; «Отечествен. Записки», изд. П. Свиньинымъ, ч. 44 (1830 г.)—98, 100, 108, 110, 113, 115, 122, 123; Родъ Шереметевыхъ, Ал. Барсукова, СПб. кн. I-я (1881 г.)—241, 276, 279—282, 284, 355, 356; Родослов. книга княз. и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, назыв. «Бархатная Книга». Москва 1787 г., т. I—48; Временникъ Импер. Москов. Общ. исторіи и древн. Россійскихъ. Москва, кн. 3. (1849 г.)—24: Древн. Росс. Вивліоѳика изд. Новиковымъ. СПб., ч. VII (1775 г.)—94; X—I; Продолж. древн. Росс. Вивліоѳ. СПб. ч. VI (1790 г.)—67; Россійск. родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ. СПб. 1857, ч. IV—319—320; Русская род. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго СПб. 1895 г., изд. 2-е, т. I—94—95; Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона СПб. 1891. Справоч. энцик. словарь, изд. Крайя, т. 2. СПб. 1849 г.

Бѣльскій, князь, *Иванъ Ѳедоровичъ*, бояринъ, второй сынъ кн. Ѳедора Ивановича, пожалованный въ 1522 г. боярскимъ саномъ, въ 1524 г. былъ отправленъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ въ Казань во главѣ 150,000 рати противъ Саипъ-Гирея. Послѣдній, услышавъ о приближеніи такого многочисленнаго войска, испугался и, оставивъ въ Казани тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея, «съ великимъ срамомъ побѣже» въ Крымъ, обѣщая казанцамъ возвратиться съ турецкимъ войскомъ. Казанцы провозгласили царемъ молодого Сафа-Гирея и стали усиленно готовиться къ осадѣ. Кн. Бѣльскій шелъ къ Казани изъ Нижняго Волгою на судахъ. 7 іюля онъ достигъ съ войскомъ Казани и расположился станомъ у Гостиннаго острова. Простоявъ здѣсь въ бездѣйствіи 20 дней въ ожиданіи конницы, которая шла берегомъ, кн. Бѣльскій 23 іюля перенесъ станъ на берегъ Казанки. Недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей, нѣсколько разъ пытавшійся тревожить русскихъ. Время шло, а конница и суда съ съѣстными припасами не приходили. Наконецъ, 15 августа Бѣльскій обложилъ Казань и, послѣ нѣсколькихъ дней осады, казанцы запросили мира. Малодушный или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленный золотомъ воевода снялъ осаду и вышелъ изъ казанской земли безъ славы, потерявъ почти полъ-войска отъ болѣзни, которая развилась за отсутствіемъ въ достаточномъ количествѣ съѣстныхъ припасовъ. Главнаго вождя, кн. Бѣльскаго, стали обвинять даже въ измѣнѣ, на чемъ настаиваютъ и иностранцы. Герберштейнъ пишетъ, что одинъ пушкарь, родомъ изъ Савойи, хотѣлъ уйти отъ насъ въ Казань, былъ пойманъ и не наказанъ: это обстоятельство многихъ увѣрило въ измѣнѣ главнаго русскаго воеводы. Результаты этого похода, конечно, не оправдали ожиданій Василія Ивановича. Великій князь былъ въ гнѣвѣ на своего главнаго воеводу и только по ходатайству митрополита Даніила Бѣльскій былъ прощенъ, но долженъ былъ въ сентябрѣ того же (1524) года дать запись за поручительствомъ митрополита и прочихъ духовныхъ особъ великому князю о продолженіи впредь своей службы вѣрно, усердно, безъ побѣговъ въ Польшу и

Литву, о неимѣніи переписки съ государевыми непріятелями ни ему, ни дѣтямъ его, о принятіи въ прежнюю любовь и о прощеніи учиненнаго имъ проступка. Черезъ 6 лѣтъ (1530 г.) Бѣльскій снова идетъ на казанцевъ, разгнѣвавшихъ великаго князя. Многочисленное войско на судахъ и берегомъ выступило изъ Нижняго къ казанскимъ предѣламъ. Битвы шли ежедневно. 10-го іюля ночью удалось поджечь татарскій острогъ и русскіе ринулись приступомъ; много татаръ было побито и взято въ плѣнъ; Сафа-Гирей бѣжалъ въ городъ Арскій. Однако и на этотъ разъ Казань не была взята. Причиной тому былъ споръ между начальникомъ пѣшей рати кн. Бѣльскимъ и начальникомъ конной—кн. Глинскимъ. Не желая уступать другъ другу чести первому войти въ городъ, воеводы склонились на челобитье казанскихъ пословъ о прекращеніи осады. Главный воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей, хвалясь именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ Государя, своего дяди по матери. Съ казанцевъ Бѣльскій взялъ только клятву въ томъ, что они отправятъ пословъ къ Василію, не будутъ измѣнять и не возьмутъ себѣ царя безъ его согласія. И на этотъ разъ Бѣльскаго обвиняли въ измѣнѣ и подкупѣ врагами Одинъ лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій Ивановичъ, встрѣтивъ племянника съ грознымъ лицомъ, объявилъ ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству митрополита смягчилъ свой суровый приговоръ: окованный цѣпями Бѣльскій былъ посаженъ въ темницу въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два уже раза упущенной изъ нашихъ рукъ. Но этого извѣстія нѣтъ въ другихъ лѣтописцахъ; и черезъ три года (1533 г.) Бѣльскій снова главный изъ воеводъ, членъ Верховнаго Совѣта, находится въ Коломнѣ, куда онъ былъ отпущенъ для учрежденія стана войску по случаю похода крымцевъ на московскія земли. Въ 1533 г. онъ былъ на свадьбѣ брата вел. кн., кн. Андрея, тысяцкимъ. И далѣе встрѣчаемъ его среди бояръ у постели умирающаго Василія Ивановича III. Въ 1534 г., вслѣдствіе бѣгства его брата кн. Семена Ѳедоровича въ Литву, кн. Бѣльскій былъ, по приказанію правительницы Елены, схваченъ вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ и юными сыновьями послѣдняго, окованъ цѣпями и посаженъ за приставы, какъ единомышленникъ Семена, безъ уликъ, по крайнѣ мѣрѣ безъ торжественнаго суда. Освобожденъ онъ былъ только послѣ смерти Елены, въ апрѣлѣ 1538 г., кн. Василіемъ Шуйскимъ, который и возвратилъ ему мѣсто въ Думѣ. Но Шуйскіе ошиблись въ своихъ разсчетахъ, думая освобожденіемъ кн. Ивана увеличить число своихъ доброжелателей. Бѣльскіе - Гедиминовичи не менѣе Патрикеевыхъ гордились своимъ происхожденіемъ и стремились къ первенству; женитьба же кн. Ѳ. И. Бѣльскаго на княжнѣ Рязанской, родной племянницѣ Іоанна III, конечно, не могла содѣйствовать ослабленію ихъ притязаній. И. Ѳ. Бѣльскій не хотѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ распоряженій Шуйскаго: онъ самъ хотѣлъ распоряжаться. «Встала вражда»,—говоритъ лѣтописецъ,—«между великаго князя боярами; кн. Василій да кн. И. В. Шуйскіе стали враждовать на кн. И. Ѳ. Бѣльскаго... и многія были между ними вражды за корысти и за родственниковъ; всякъ о своихъ дѣлахъ печется, а не о государскихъ, не о земскихъ». Первенство въ этой враждѣ оказалось на сторонѣ Шуйскихъ, несмотря на то, что сильною опорою кн. Ивана Ѳедоровича былъ митрополитъ Даніилъ. Вражда началась съ того, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать кн. Юрію Булгакову - Голицыну боярство, а сыну Хабара Симскаго, Ивану,—санъ окольничаго, не сказавъ ни слова о томъ Шуйскимъ. Шуйскіе доказали свое могущество. Кн. Иванъ Ѳедоровичъ снова былъ заключенъ въ темницу, но въ томъ же году освобожденъ по ходатайству митрополита Іоасафа, смѣнившаго Даніила по проискамъ кн. Ив. Шуйскаго. Однако, Шуйскій, считавшій Іоасафа, какъ своего ставленика, своимъ приверженцемъ, вскорѣ убѣдился въ своей ошибкѣ: митрополитъ рѣшился ходатайствовать у царя за кн. Ивана Ѳедоровича. Въ 1540 г., именемъ Іоанновымъ, Бѣльскаго съ торжествомъ вывели изъ темницы и посадили снова въ Думу. «Мнѣ же возрастъ достигшу»—писалъ впослѣдствіи Грозный—«не восхотѣхъ подъ рабскою властью быти, и того ради кн. И. В. Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у

себя велѣлъ есми быть боярину кн. Ив. Ѳед. Бѣльскому». Шуйскій былъ внѣ себя отъ злобы, клялся отомстить, пересталъ ѣздить къ государю и не хотѣлъ болѣе участвовать въ Думѣ, гдѣ сторона Бѣльскаго, одержавшая верхъ, начала господствовать съ умѣренностью и благоразуміемъ: не было болѣе ни опалъ, ни гоненія; правительство стало попечительнѣй, усерднѣе къ общему благу, чѣмъ и успѣло въ короткое время заслужить расположеніе народа. Много было освобождено разныхъ опальныхъ вельможъ; въ томъ числѣ кн. Владиміръ Андреевичъ Старицкій; облегчена была участь сына кн. Андрея Васильевича Углицкаго—кн. Дмитрія Андреевича. Бѣльскій хотѣлъ (1540 г.) и виновнаго брата своего Семена возвратить отечеству; митрополитъ взялся быть ходатаемъ, и Царь простилъ кн. Семена, но тотъ не воспользовался милосердіемъ. Въ правленіе Бѣльскаго начали свободно давать городамъ, пригородамъ и волостямъ губныя грамоты. Къ этому времени и относится облегченіе, замѣченное псковскимъ лѣтописцемъ: Пскову въ 1540 г. была дана губная грамота, на основаніи которой ему возвращался старинный самосудъ съ правомъ разбирать уголовныя дѣла выборнымъ цѣловальникамъ (присяжнымъ), помимо великокняжескихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Послѣ удачнаго отраженія (1541 г.) нашествія крымскаго хана, кн. Бѣльскій, будучи душей правительства, стоялъ на высшей ступени счастья, опираясь на личную милость державнаго отрока, на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... Между тѣмъ при дворѣ составлялся грандіозный заговоръ, жертвой котораго былъ кн. И. Ѳ. Бѣльскій, митрополитъ Іоасафъ и ихъ друзья. Бояре, говоритъ лѣтописецъ,—вознегодовали на Бѣльскаго и митрополита за то, что великій князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи и въ первосовѣтникахъ: и здѣсь главнымъ заговорщикомъ былъ И. Шуйскій. Освобожденный митрополитомъ и боярами, Бѣльскій не желалъ мстить Шуйскимъ, изъ за которыхъ онъ былъ заключенъ, и теперь даже оказалъ уваженіе ратнымъ способностямъ И. Шуйскій и далъ ему воеводство; Шуйскій же не забылъ своей клятвы о мести и мечталъ занять его мѣсто. Возмутить народъ противъ Бѣльскаго предлоговъ не было и заговорщики силой рѣшили низвергнуть его. Они склонили на свою сторону многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новгородѣ; Шуйскій, находясь съ полками во Владимірѣ, чтобы итти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ, далъ знать своимъ московскимъ друзьямъ, что наступила пора, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, кн. Петромъ, 300 надежныхъ всадниковъ. Ночью 3 января 1542 г. произошла тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили кн. И. Бѣльскаго въ его домѣ и посадили до утра на казенномъ дворѣ, а на другой день онъ былъ посланъ въ заточеніе на Бѣлоозеро. Тишина и спокойствіе возстановились; но Шуйскій, достигшій своей цѣли, не могъ еще успокоиться: живой Бѣльскій былъ страшенъ для него и въ заточеніи. Опасаясь перемѣны, добродѣтелей князя Ивана и общей къ нему любви, онъ велѣлъ его, по согласію съ боярами, но безъ вѣдома государя, убить. Въ маѣ послали бояре на Бѣлоозеро нѣкіихъ преданныхъ Шуйскимъ людей—«Петрока Ярцова сына Зайцева, да Митьку Иванова Клобукова, да Ивана Елизарова Сергѣева», которые и совершили убійство. Такъ кончилъ свою жизнь кн. И. Ѳ. Бѣльскій, «мужъ»,—по словамъ Курбскаго,—«пресильный, стратигъ зѣло храбрый, въ разумѣ многъ и въ св. писаніяхъ искусенъ», вполнѣ оправдавшійся въ народномъ мнѣніи отъ прежнихъ подозрѣній въ лихоимствѣ своею добротою и миролюбіемъ, которыя онъ обнаружилъ въ послѣдній годъ, освобождая опальныхъ бояръ и князей. Онъ былъ примѣромъ добродѣтели для юнаго государя и хорошимъ его наставникомъ. Іоаннъ проливалъ слезы, потерявъ Бѣльскаго. Кн. Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ сына Ивана, который женатъ былъ на дочери окольничаго П. Я. Захарьина, внучатной сестрѣ царицы Анастасіи Романовны; сынъ ихъ кн. Георгій Ивановичъ, въ инокахъ Галактіонъ, удалился отъ міра въ пустыню близъ Вологды, гдѣ нынѣ монастырь св. Духа. Тамъ въ 1612 г., 24 сент., былъ онъ мученически убитъ поляками во время ихъ набѣга на Вологду. За свою мученическую смерть

Галактіонъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Это былъ представитель рода Бѣльскихъ-Гедиминовичей.

Ист. Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, изд. 5-е Эйнерлинга т. VII—79, 81, 92, 93, 101; т. VIII—9, 32, 33·36 38, 43—46, 49; прим. къ VIII т.—19 (№ 116 и 117); С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древн. врем., изд. «Обществ. Пользы», т. I—1636, 1637, 1638, 1670, II—7, 29, 30—32; 59; К. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія Спб. 1885, т. II, вып. I—208; В. Татищевъ. Исторія Россійская, Москва 1848 г., кн. 5-я—246; «Отечеств. Записки», изд. П. Свиньинымъ, ч. 44 (1830 г.)—55, 57, 59, 60; Родъ Шереметевыхъ; Ал. Барсукова, Спб. кн. I (1881 г.)—63—65, 68, 69, 87, 88, Русск. Истор. Сборникъ, изд. Общ. ист. и др. россійскихъ, ред. проф. Погодина. Москва, т. II (1838 г.)—15, 34; т. V—212, 220. 223, 246, 249; Родосл. книга кн. и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, наз. «Бархатная книга», Москва 1787 г., т. I—148; Н. П. Лихачевъ—Разрядн. Дьяки XVI в., опытъ истор. изслѣд., Спб.—82; Собраніе госуд. грам. и договоровъ. хранящ. въ госуд. колл. иностр. дѣлъ, Москва, т. I (1813 г.)—423; Полн. Собр. русск. лѣтописей, изд. Археолог. коммисс. Спб. 1859 г. III—199; VI—266, 264, 265; VII—230; VIII—270, 273, 283, 287, 295; Древн. Росс. Вивліоѳика; изд. Новиковымъ. Спб. VII (1775)—21; Россіск. родосл. книга. изд. кн. П. Долгоруковымъ, Спб. 1857 г., IV—319—320; Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е Н. Устрялова, Спб. 1868 г.—184; Первый царь Московскій Іоаннъ IV Вас. Грозный, сост. Е. Тихоміровъ Спб.—1888 г., т. I—57. 63; Энц. слов. Брокгауза и Ефрона Спб. 1891 г.; Справ. энц. слов. Крайя, т. 2, Спб. 1849.

Бѣльскій, *Михаилъ Ивановичъ*, сынъ Ивана Ивановича Бѣльскаго, живописецъ, род. въ 1753 г., умеръ 29-го Мая 1794 г. Въ 1770 г. получилъ по живописному портретному классу серебр. медаль 2-го достоинства за успѣхи въ рисованіи съ натуры. Въ серединѣ 1773 г. онъ, вмѣстѣ съ Скородумовымъ, отправленъ, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ, за границу, прежде всего въ Лондонъ. Къ отъѣзду нхъ было заготовлено для нихъ отъ Академіи наставленіе на французскомъ языкѣ, какимъ образомъ должны они себя вести и исполнять предписанныя имъ академическимъ уставомъ должности. Позже было послано имъ еще экономическое наставленіе на русск. языкѣ. На содержаніе ихъ амстердамскіе коммиссіонеры Академіи, Людовикъ Говій и сынъ, должны были выдавать со дня прибытія ихъ въ назначенныя имъ мѣста каждому по 300 р. въ годъ и написать о нихъ рекомендательныя письма въ иностранныя академіи, Ивану Ивановичу Шувалову и другимъ особамъ съ просьбою «о неоставленіи оныхъ пенсіонеровъ въ нужныхъ для нихъ случаяхъ». Въ Лондонѣ ихъ принялъ подъ свое покровительство посланникъ графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ - Пушкинъ. Для успѣшныхъ занятій, въ Лондонской академіи имъ были открыты всѣ «препровождающіе къ тому способы». «Подъ особливымъ попеченіемъ и надзирательствомъ двухъ наиславнѣйшихъ въ оной членовъ» они могли не только «работать съ наилучшихъ древнихъ моделей и собственно сами собой сочинять, но и слушать лекціи обо всѣхъ подробностяхъ художествъ», а во время академическихъ вакацій ѣздить по провинціямъ и осматривать всевозможныя собранія. По мнѣнію Мусина-Пушкина, на содержаніе ихъ, на покупку, инструментовъ и т. п. необходимо было назначить каждому по 100-120 ф. въ годъ, «дабы могли они съ пристойностію содержать себя въ столь дорогой землѣ, какова есть Англія, и обращаться съ здѣшними художниками». На 3-й годъ предположено было отправить Скородумова и Бѣльскаго черезъ Францію въ Италію. Въ 1780 г. Бѣльскій жилъ въ Парижѣ и считался однимъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ Греза.

Архивъ Имп. Ак. Худ. (1773, №№ 13 и 29); Петровъ, сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ., томъ I.

А. Э. М-нъ.

Бѣльскій, *князь Никита Самойловичъ*, воевода, рюриковичъ въ XXIV колѣнѣ, изъ рода князей Ярославскихъ. Родоначальникомъ этихъ князей Бѣльскихъ, былъ князь Ив. Мих. Морткинъ, жившій въ первой половинѣ XVI вѣка и бѣжавшій въ Литву, гдѣ и принялъ названіе Бѣльскаго. Князь Никита Семеновичъ—второй, средній сынъ князя Самойлы Васильевича; онъ былъ воеводой въ г. Черни въ 1618—19 гг., когда на его мѣсто былъ назначенъ Н. И. Сомовъ, ему же велѣно быть въ Москвѣ. Въ 1623 г. онъ былъ воеводой въ Серпуховѣ съ іюня и здѣсь онъ пробылъ до 1626 г. Въ маѣ 1628 г., по случаю отъѣзда государя къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, князь Бѣльскій, въ это время дворянинъ Московскій, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ съ бояриномъ О. И. Шереметевымъ и нѣкоторыми другими. Въ томъ же 1628 г. былъ онъ отправленъ воеводой въ Можайскъ, гдѣ и оставался до октября 1630 г. Въ 1632 г. 11-го ноября свя-

тѣйшимъ патріархомъ былъ изданъ указъ о денежныхъ сборахъ для уплаты жалованья ратнымъ людямъ; однимъ изъ сборщиковъ былъ назначенъ Бѣльскій и посланъ въ Тулу, Одоевъ, Дѣдиловъ, Кропивну, Чернь и Мценскъ для сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ. Въ 1633 г. онъ находился въ числѣ дворянъ сборщиковъ для похода подъ Смоленскъ, а въ 1634 г. князь получилъ государеву грамоту о сборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сбѣжавшихъ со службы изъ-подъ Смоленска, и объ отводѣ ихъ снова на службу къ боярину и воеводѣ М. Б. Шеину.

Акты Московск. Госуд., изд. Импер. Акад. Наукъ, подъ ред. Н. А. Попова, Спб. 1890, т. I—257, 258, 267, 286, 291, 541; Списки Городов. воеводъ и другихъ лицъ воеводск. управленія Московск. госуд. XVII ст. состав. Ал. Барсуковъ; Спб. 1902 г.—273, 206, 140; Алфавитн. указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящ., въ I отд. Москов. архива, Минист. Юстиціи. Москва 1853 г.; Книги разрядн., по офиц. оныхъ спискамъ, изд. съ Высоч. соизволенія собств. Его Имп. Велич. канц. Спб. 1855 г. т. I—539, 657, 921, 1028, 1115, 1229, т. II—174, 271, 338, 562; Росс. родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ Спб. 1857 ч. IV—319, 320; Русск. род. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго Спб. 1895 г., изд. 2, т. I—96, 97; Исторія родовъ русск. дворянства, сост. П. Н. Петровъ, Спб. 1885 т. I—94; Временникъ Импер. Москов. Общ. ист. и древн. россійскихъ, Москва, кн. 4 (1849)—32; Дворцовые разряды т. I (1850 г.)—347, 423, 567, 117 т. II (1851 г.)—300.

Бѣльскій, *Посникъ Андреевичъ*, воевода; принадлежитъ къ роду Бѣльскихъ, вышедшихъ съ Волыни. Въ 1599 г. былъ воеводой въ Кетскѣ, а съ 1603 по 1605 г.—письменнымъ головой въ Тобольскѣ и въ этомъ году снова назначенъ воеводой въ Кетскій острогъ, на рѣкѣ Кети, притокѣ Оби; къ этому времени относится одна сохранившаяся его отписка. Въ іюлѣ 1605 г. онъ писалъ Томскимъ воеводамъ, предупреждая ихъ, что сибирскіе инородцы намѣреваются напасть на Кетскій острогъ и Томскъ. Слѣдующее о немъ извѣстіе относится къ 1616 г., когда Бѣльскій былъ въ Москвѣ «для огней объѣзжимъ головой» вмѣстѣ съ дьякомъ Шестакомъ Копнинымъ, при чемъ состояло при немъ 5 рѣшеточныхъ приказчиковъ и съ 5 дворовъ по человѣку. Съ 1617 по 1619 г. Посникъ Андреевичъ Бѣльскій былъ воеводой въ Кайгородкѣ, пригородѣ Великопермскомъ. Его сынъ — ***Иванъ*** *Посниковичъ*—съ 1627 по 1636 г. былъ стряпчимъ и въ 1636 г. пожалованъ въ дворяне Московскіе. Въ февралѣ 1637 г. онъ былъ назначенъ среди другихъ встрѣтить по Владимірской дорогѣ, за Яузой, персидскаго посла, который шелъ черезъ Московское государство посольствомъ къ Голштинскому князю, а въ ноябрѣ 1649 г. сопровождалъ царицу Марію Ильиничну въ Звенигородъ и въ маѣ слѣдующаго года въ Троицкій-Сергіевъ монастырь. Въ 1652 г. онъ сопровождалъ государя въ тотъ же монастырь, слѣдуя за его возкомъ.

Списки Городов. воеводъ и другихъ лицъ воеводск. управленія Москов. госуд. XVII ст., состав. Ал. Барсуковъ. СПб. 1902 г.—235, 100 и 90; Книги разрядн., по офиц. оныхъ спискамъ, изд. съ Высоч. соизволенія собств. Его Имп. Велич. Канц. СПб. 1855 г.—Томъ I—198, 405, 544, 661; Росс. родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ СПб. 1857 г. IV—319, 320; Временникъ Имп. Москов. Общ. ист. и древн. россійскихъ, Москва, кн. II (1849)—79, кн. III (1849)—132; Дворцовые разряды т. I (1850)—295, 348, 424; Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. Новиковымъ, СПб. ч. VI (1774)—186; Русская Истор. Библіот., изд. Археограф. коммиссіей СПб. (1876 г.) т. II—161,—алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящ. въ 1-мъ отд. Москов. архива Министерства Юстиціи. Москва 1853 г.; Дворцовые разряды. Томъ II. СПб. 1851 г.—955; Томъ III—144, 175, 317.

Бѣльскій, князь *Семенъ Ивановичъ*, третій сынъ князя Ивана Владиміровича, братъ князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго; въ 1499 г. прибылъ въ Москву бить челомъ велик. князю, чтобы онъ пожаловалъ его и принялъ съ вотчиной на свою службу, такъ какъ въ Литвѣ они терпятъ «большую нужду за греческій законъ». Іоаннъ III принялъ Бѣльскаго, вопреки мирному договору, обязывавшему государя не принимать на службу князей съ вотчинами, но увѣдомилъ о томъ великаго князя литовскаго Александра, выставивъ мотивомъ такого нарушенія договора проявленную Александромъ нетерпимость къ православной вѣрѣ. Кн. Бѣльскій со своей стороны также извѣстилъ литовскаго князя, что слагаетъ съ себя присягу въ виду принужденія къ перемѣнѣ вѣры, и въ апрѣлѣ 1500 г. пріѣхалъ въ Москву. Онъ перешелъ на сторону Іоанна съ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, изъ за которыхъ и былъ споръ между государями. По той же причинѣ религіознаго гоненія, по примѣру Бѣльскаго, на русскую службу стали переходить князья, до тѣхъ поръ бывшіе заклятыми врагами Московскаго великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ Литвѣ была объ-

явлена война, и по перемирной грамотѣ отъ 25 марта 1503 г. земли князей, не решедшихъ на службу къ Іоанну, а въ томъ числѣ и князя Семена Ивановича, были уступлены Александромъ Московскому князю. Князь Семенъ Ивановичъ въ родословныхъ книгахъ значится бездѣтнымъ.

Исторія Россіи съ древн. врем. С. М. Соловьева, СПб. изд. «Общественная Польза» т. I--1466; Полное собраніе русс. лѣтопис. изд. Археограф. комис. СПб. 1859 г. т. IV—242, т. VI—45. 243, т. VII—228, т. VIII—238, 239; Исторія Россійская Татищева Москва 1848 г. книга V—137; Росс. родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, СПб. 1857 г. ч. IV—319, 320; Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, СПб. 1891 г.

Бѣльскій, князь *Семенъ Өедоровичъ*, бояринъ; младшій сынъ князя Өедора Ивановича, пожалованъ въ бояре одновременно съ братомъ своимъ княземъ Иваномъ и въ томъ же 1522 г. находился въ ополченіи, высланномъ противъ крымцевъ. Въ 1533 г. онъ былъ воеводой въ Коломнѣ. Далѣе, встрѣчаемъ его у постели умирающаго Василія III. Въ 1534 г. князь Семенъ и окольничій Иванъ Лятцкій готовили въ Серпуховѣ полки на случай войны съ Литвой, ибо было извѣстно, что крымцы намѣревались въ союзѣ съ Литвой напасть на Украйну. Будучи недоволенъ правительствомъ, особенно же казнью Юрія Іоанновича Дмитровскаго, Бѣльскій тайно снесся съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Между прочимъ, онъ писалъ, что если король хорошо его приметъ, то многіе московскіе князья и знатныя дѣти боярскія послѣдуютъ его примѣру. Въ августѣ Бѣльскій вмѣстѣ съ Лятцкимъ бѣжалъ въ Литву; король весьма милостиво принялъ знатнаго бѣглеца и наградилъ богатыми помѣстьями. Бѣльскій получилъ Зизморы, Стоклиски и Кормялово; онъ разсказалъ королю о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ вельможъ, неудовольствіи народа, и, желая побудить короля къ войнѣ съ Москвою, увѣрялъ его въ совершенной беззащитности Украйны. Тотъ придалъ вѣру его словамъ и даже задумалъ вернуть всѣ Іоанновы и Васильевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Въ 1535 г. литовское войско подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивила, Андрея Немировича, Тарновскаго и князя Сем. Өед. Бѣльскаго вторгнулось въ Сѣверскую область, взяло безъ сопротивленія Гомель и осадило Стародубъ. Только благодаря подкопамъ, которые употреблены были въ Россіи впервые, удалось взять этотъ городъ. (Однако, по нѣкоторымъ источникамъ, въ 1535 г. люди Бѣльскаго прибѣгаютъ къ московскому вел. кн. съ извѣстіемъ о намѣреніи короля послать рать къ Смоленску). Дальнѣйшія дѣйствія польскихъ войскъ были неудачны (1536 г.). Король негодовалъ на Бѣльскаго, считая его обманщикомъ, и столь немилостиво сталъ съ нимъ обходиться, что тотъ, пылая ненавистью, съ досады рѣшилъ ѣхать въ Константинополь и у султана искать защиты и покровительства. Онъ отпросился у короля въ Іерусалимъ будто бы для исполненія, даннаго имъ, обѣта. Бѣльскій поставилъ своею цѣлью поднять султана и крымцевъ и, въ союзѣ съ Литвой, напасть на Москву. Съ помощію турокъ и Литвы онъ надѣялся возстановить не только независимое княжество Бѣльское, но и Рязанское, считая себя, какъ сына рязанской княжны, прямымъ наслѣдникомъ этого княжества. Изъ Константинополя онъ въ 1537 г. явился въ Крымъ. Къ этому времени относится сообщеніе крымскаго хана Ислама московскому правительству, что турецкій султанъ Селиманъ велѣлъ крымцамъ и Саипъ-Гирею собирать многочисленное войско и итти на Россію съ Бѣльскимъ, который нынѣ находится въ Кафѣ. Въ то же время Бѣльскій пытался увѣрить правительницу Елену въ своемъ раскаяніи. Онъ писалъ къ ней и требовалъ себѣ опасной грамоты, обѣщая немедленно быть въ Москву и усердной службой загладить свою вину. Правительство также прибѣгло къ хитрости, надѣясь заманить бѣглеца въ Москву и наказать его по заслугамъ. Именемъ Іоанна былъ данъ отвѣтъ, что преступленіе его, извиняемое юностью лѣтъ, забывается на вѣки, и «въ древнія де времена многіе знатные люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостью великихъ князей», и что Іоаннъ съ любовью встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытомъ. Къ Исламу же были отправлены гонецъ и дары съ настойчивымъ требованіемъ возратить или умертвить измѣнника. Однако, Исламъ не могъ исполнить предъявленнаго ему московскимъ правительствомъ требованія: онъ былъ убитъ въ нечаянномъ нападеніи однимъ изъ нагайскихъ князей, Батыемъ, который захватилъ въ плѣнъ многихъ крымцевъ, а въ томъ числѣ и Бѣльскаго.

спасеннаго для новыхъ преступленій. Елена и бояре тщетно предлагали выкупъ, посылая деньги въ нагайскіе улусы, будто бы отъ братьевъ и матери Бѣльскаго: Батый отослалъ Бѣльскаго за извѣстный выкупъ своему другу, Саипъ-Гирею. Въ томъ же 1537 г., по заключеніи мира съ Москвой, Сигизмундъ получилъ отъ Бѣльскаго письмо съ увѣдомленіемъ, что султанъ взялся помогать ему и приказалъ Саипъ-Гирею и двумъ пашамъ – Силистрійскому и Кафинскому—выступить съ нимъ въ походъ, что у пашей этихъ будетъ болѣе 40.000 войска, кромѣ людей Саипъ-Гирея и бѣлгородскихъ казаковъ. Бѣльскій просилъ Сигизмунда выслать и своихъ великихъ гетмановъ со всѣми войсками въ Московскую землю; дать ему листъ, за которымъ онъ бы могъ безопасно пріѣхать въ Литву для своихъ дѣлъ и безопасно же отъѣхать обратно; разрѣшить людямъ, живущимъ въ его, Бѣльскаго, имѣніяхъ пріѣхать къ нему въ Перекопъ. Королю это письмо было вовсе не ко времени, такъ какъ война съ Москвой уже прекратилась. Онъ отвѣчалъ Бѣльскому: «Ты отпросился у насъ въ Іерусалимъ для исполненія обѣта, а не сказалъ ни слова, что хочешь ѣхать къ турецкому султану; когда самъ къ вамъ пріѣдешь и грамоту султанову къ намъ привезешь, тогда и сдѣлаемъ, какъ будетъ пригоже. Ты просишь грамоту для свободнаго проѣзда въ Литву; но вѣдь ты нашъ слуга, имѣнія твои въ нашемъ государствѣ есть, такъ нѣтъ тебѣ никакой нужды въ проѣздной грамотѣ—всѣ наши княжата и панята свободно къ намъ пріѣзжаютъ; слугъ же твоихъ мы немедленно велимъ къ тебѣ отпустить».

Въ 1540 г. кн. Иванъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій, братъ князя Семена, первый тогда вельможа, милуя и облегчая судьбу гонимыхъ, хотѣлъ и виновнаго брата своего возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ взялся быть ходатаемъ передъ государемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли—юностью его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь простилъ его. Но кн. Семенъ не воспользовался милосердіемъ: гонецъ московскій уже не засталъ его въ Тавридѣ — «сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ ханомъ, замышляя гибель Россіи».

Осенью 1540 г. Бѣльскій писалъ королю, что онъ успѣлъ отвратить походъ крымцевъ на Литву и взялъ съ хана клятву, что весной пойдетъ на Москву. Король благодарилъ за это своего вѣрнаго слугу и послалъ ему сто копъ грошей; послала отъ себя нѣкоторую сумму денегъ и королева. 13 іюня 1541 г. Бѣльскій опять писалъ королю: «Весной рано ханъ не могъ итти на Москву, потому что захворалъ; когда, выздоровѣвши, хотѣлъ выѣхать, пришли всѣ князья и уланы и начали говорить, чтобъ царь не ѣздилъ на Москву, потому что тамъ собрано большое войско. Услыхавши это, я взялъ съ собой трехъ вельможъ, которые Вашей милости служатъ, и просилъ царя, чтобы ѣхалъ на непріятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взялъ на свою шею, не жалѣя горла своего, чтобы только оказать услугу вашей Королевской милости. А передъ выѣздомъ нашимъ пріѣхали къ намъ послы отъ вел. кн. Московскаго, отъ братьевъ моихъ и митрополита и отъ всей рады и листы присяжные привезли съ немалыми подарками, прося насъ, чтобы мы не поднимали царя на Москву, а князь великій и вся земля отдаются во всемъ въ нашу волю и опеку, пока вел. князь не придетъ въ совершенныя лѣта. Но мы, помня слово свое, которое дали милости вашей, не вошли ни въ какія сношенія съ вел. кн. Московскимъ». Это хвастовство Бѣльскаго передъ литовскимъ дворомъ произвело дурное впечатлѣніе на Сигизмунда. Бѣльскій узналъ, что при королевскомъ дворѣ смѣются надъ опекуномъ великаго князя Московскаго, и писалъ опять Сигизмунду, вычисляя свои услуги: «три раза поднималъ Ногаевъ на Москву, поднялъ крымскаго хана и повоевалъ Московское государство, выплѣнилъ, выпалилъ, вывелъ людей, вынесъ добро, вредъ большой надѣлалъ, города побралъ, выпалилъ, выграбилъ, пушки побралъ, на двухъ мѣстахъ войско Московское поразилъ, великаго князя Московскаго и его бояръ изъ Москвы выгналъ».

Ханъ крымскій, завѣряемый Бѣльскимъ, что русскія войска у Казани, и ему не будетъ даже встрѣчи, въ 1541 г. двинулся со всей ордой къ Московскимъ предѣламъ. Къ нему присоединились люди турецкаго султана съ пушками и пищалями, ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, бѣлгородцы (аккерманцы); Бѣльскій былъ ихъ руководителемъ. Противъ татаръ высту-

пила русская рать подъ главнымъ воеводствомъ брата князя Семена, князя Дм. Ѳед. Бѣльскаго. Ханъ Саипъ-Гирей былъ сильно напуганъ, увидѣвъ, сверхъ всякаго ожиданія, на другой сторонѣ Оки, подъ Ростиславлемъ, огромныя полчища русскихъ. Въ ту же ночь онъ ускакалъ въ Крымъ, полный злобы на князя Семена за его ложныя увѣренія. Войско ушло вслѣдъ за нимъ. Дальнѣйшая судьба князя Бѣльскаго неизвѣстна.

Ист. Росс. Госуд. Н. М. Карамзина, изд. 5-е Эйнерлинга, т. VII—101; VIII—9, 15, 16, 23—25, 37, 39, 42; Истор. Россіи С. М. Соловьева, СПб. изд. «Общ. Пользы» т. II—7, 13, 14, 20, 21, 50, 51, 53, 55; Ист. Россійская отъ др. вр. кн. М. М. Щербатова, подъ ред. И. П. Хрущова и А. Т. Воронова изд. СПб. 1905 г. т. V ч. 1-я—38, 68, 125, 126; Полн. соб. русскихъ лѣтописей, изд. Археог. ком. СПб. 1859. VI—266, 293, VIII—283, 287, 289, 290, 296, 299; Русс. Ист. Сборн. изд. Общ. ист. и др. россійскихъ, ред. проф. Погодина Москва, т. 2 II (1838)—15 т. V—275; «Отечест. Записки», изд. П. Свиньинымъ, ч. 44 (1830)—65; Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. СПб. 1891 г.; Справоч. энцик. слов. Края т. 2 СПб. 1849.

Бѣльскій, князь *Ѳедоръ Ивановичъ*, правнукъ Ольгерда, былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей князя Ивана Владиміровича. Отецъ его, принявшій православіе, получилъ Смоленскій городъ Бѣлый, откуда и идетъ наименованіе князей Бѣльскихъ.

Въ 1482 г. отчичи Ольшанскій, Олельковичъ и князь Ѳ. И. Б-скій, будучи недовольны своимъ королемъ, задумали, по словамъ лѣтописца, передаться московскому государю, «отсѣсти по Березыню рѣку на вел. князя литовскія земли». Но замыселъ ихъ былъ открытъ, товарищи Бѣльскаго захвачены и казнены, Ѳедору Ивановичу же удалось бѣжать въ Москву, оставивъ въ Литвѣ свою молодую супругу, съ которой лишь накануне онъ повѣнчался. Іоаннъ охотно принялъ къ себѣ на службу бѣглеца и далъ ему въ вотчину гор. Демонъ, нынѣ Демьянскъ, и Мореву со многими волостями. Кромѣ того, въ духовной грамотѣ своей (отъ 1504 г.) Іоаннъ III говоритъ: «далъ есми ему въ вотчину городъ Лухъ съ волостьми, да волости Вичугу, да Кинешму, да Чихачевъ», которые, въ случаѣ отъѣзда князя Ѳедора или его дѣтей отъ наслѣдника престола, князя Василія, должны были перейти къ послѣднему. Казимиръ IV не особенно настаивалъ на возвращеніи Бѣльскаго, такъ какъ онъ перебѣжалъ безъ вотчины, жену же его «пойма» и, несмотря на неоднократныя требованія Московскаго великаго князя о выдачѣ ея, въ Россію не отпускалъ; не отпускалъ ее и преемникъ Казимира—Александръ, отвѣчая на требованія, что она сама не желаетъ ѣхать къ мужу. Осенью 1485 г. Ѳедоръ Ивановичъ участвовалъ въ походѣ Іоанна III на Тверь, которую великій князь хотѣлъ наказать за ея связи съ Литвой. Походъ былъ весьма удаченъ: Тверской князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, Тверь же присягнула Московскому великому князю, который посадилъ въ ней своего сына. Въ 1493 г. Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ заточеніе въ Галичъ, оговоренный Лукомскимъ въ томъ. что хочетъ бѣжать въ Литву. Лукомскій этотъ, по словамъ лѣтописца, былъ подосланъ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ для отравы государя. Однако, въ ссылкѣ онъ оставался не долго, вскорѣ былъ возвращенъ въ Москву и началъ даже пользоваться большимъ вліяніемъ при дворѣ, особенно съ 1498 г., когда Іоаннъ женилъ его на родной своей племянницѣ, княжнѣ Рязанской, Аннѣ Васильевнѣ. Свадьба эта была справлена въ Рязани. Въ мартѣ 1499 г. онъ былъ посланъ въ большомъ полку въ конной рати къ Казани на помощь казанскому царю Абдулъ - Летифу, которому угрожалъ шибанскій царевичъ Агалакъ. Но Агалакъ ушелъ обратно въ улусы и Ѳедоръ Ивановичъ, не вступая въ бой съ противникомъ, вернулся въ Москву. Черезъ три года, въ 1502, Бѣльскій участвовалъ въ походѣ Дмитрія Іоанновича противъ Литвы, въ качествѣ второго, послѣ Дмитрія, воеводы. Это войско почти все время до перемирія 1503 г. было занято безуспѣшною осадою Смоленска. Наконецъ, въ послѣдній разъ имя Бѣльскаго въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1506 г., слѣдующимъ по принятіи правленія Василіемъ, когда онъ въ апрѣлѣ принималъ участіе въ походѣ противъ казанскаго царя Магметъ-Аминя. Великій князь хотѣлъ наказать Казанскаго царя за его кровавый разрывъ съ Москвой. И на этотъ разъ Бѣльскій былъ подъ главнымъ начальствомъ брата великокняжескаго, Дмитрія Іоанновича, въ большомъ полку судовой рати. Походъ былъ весьма неудаченъ. князь былъ совершенно разбитъ дважды и долженъ былъ бѣжать. Ѳедоръ

Ивановичъ Бѣльскій оставилъ послѣ себя сыновей Дмитрія, Ивана и Семена.

Исторія Россіи съ древн. вр. С. М. Соловьева Спб. изд. «Обществ. Пользы» т. I—1390, 1446, 1452, 1581; Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, изд. Археограф. комисс. Спб. 1859 г. IV—162, VI—35, 39, 233, 237, 44, 240, 243, 245, VII—227, VIII—4, 43, 214, 225, 234, 237, 241, 246; Собран. госуд. грамотъ и договоровъ, хранящ. въ госуд. колл. иностр. дѣлъ Москва. т. I (1803)—392; Русск. Ист. Библіот. изд. Археограф. комиссіи Спб. V—210, 211, 212, 243; «Отечеств. записки», изд. П. Свиньинымъ, ч. 44 (1830)—24, 32; Древн. росс. Вивліоѳика т. VII (1775)-15; Росс. род. книга, изд. кн. П. Долкоруковымъ Спб. 1857 г. ч. IV—319—320; Энцик. слов. Брокгауза и Ефрона Спб. 1891 г.; Справочн. энц. словарь изд. Крайя т. 2 Спб. 1849 г.

Бѣльскій, князь *Ѳедоръ Самойловичъ*, воевода и дворянинъ Московскій (1627—1640 г.), младшій сынъ князя Самойлы Васильевича; въ 1623 г. былъ воеводой въ Понизовомъ городѣ Яранскѣ, гдѣ оставался до 1625 г., когда ему велѣно было ѣхать къ Москвѣ, а на его мѣсто посланъ С. А. Марковъ. Въ 1629 г. онъ, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, былъ, вмѣстѣ съ другими, посланъ на Валуйку для производства посольскихъ размѣновъ Москвы съ Крымомъ. Подъ 1631 г. князь Бѣльскій находится въ спискѣ дворянъ, которыхъ царь пожаловалъ видѣть свои государевы очи въ комнатѣ (10 апрѣля), на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія; 1-го апрѣля 1632 г. онъ находился въ числѣ дворянъ, встрѣчавшихъ царя въ передней. Съ октября 1632 по 1635 г. онъ былъ воеводой въ Тарѣ, съ Н. А. Кокошкинымъ, откуда они по назначеніи Барятинскаго и Кафтырева, одновременно отпущены къ Москвѣ. Въ 1638 г. Бѣльскій былъ воеводой у княжескихъ воротъ Веневской Веркомской засѣки; послѣднее извѣстіе о немъ относится къ 1678 г.; въ этомъ году онъ былъ воеводой въ Перми и составилъ переписныя книги Перми Великой и Чердыни, при чемъ, какъ говорится въ челобитной земскаго старосты Перми и Чердыни великимъ князьямъ и царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, имъ «написаны въ перечень многіе лишніе дворы, а имъ де про то было невѣдомо, что де переписчикъ князь Ѳедоръ Бѣльскій тѣ свои переписныя бѣлыя и черныя книги свезъ съ собой къ Москвѣ; а нищихъ де и увѣчныхъ и безтяглыхъ дворишки и Нырыбскій погостъ онъ, переписчикъ князь Ѳедоръ Бѣльскій, въ перечень писалъ для того, рнясь на нихъ за то, что они де ему почести большой не учинили». Князь Ѳедоръ Самойловичъ Бѣльскій имѣлъ сына Ѳедора.

Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаем. въ Боярскихъ книгахъ, хранящ. въ I-мъ отдѣл. Москов. Архива. Минист. Юстиціи. Москва 1853 г.; Дворцовые разряды Спб. т. II (1851)—296, 395, 827, 844, 859; Древн. Росс. Вивліоѳика; изд. Новиковымъ Спб. ч. VI (1774)—233; Книги разрядн., по офиц. оныхъ спискамъ, въ Высоч. собст. Его Имп. Велич. канц. Спб. 1855 т. I—927, 1035, 1146; II—751, 829; Списки городов. воеводъ и друг. лицъ воевод. управл. Москов. госуд. XVII ст.; сост. Ал. Барсуковъ, Спб. 1902 г.—227; Дополненіе къ актамъ историческимъ собр. и изд. Археограф. комисс. Спб. т. VIII (1862)—90 т. X. (1867)—409, 410; Росс. книга изд. кн. П. Долкоруковымъ Спб. 1857 г. ч. IV 319—320; Истор. родовъ росс. дворян. сост. П. Н. Петровъ Спб. 1885 г. т. I—94; Русск. родосл. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго Спб 1895 г. изд. 2. т. I—96, 97.

Бѣльскій, князь *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, воевода; сынъ князя Ѳедора Самойловича, въ 1646 г. въ званіи стряпчаго (въ немъ онъ оставался до 1676 г.) переписывалъ Соликамскій уѣздъ. Въ іюнѣ 1652 г. онъ слѣдовалъ за государевымъ возкомъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, а въ 1667—68 гг. былъ воеводой въ Тобольскѣ. Въ послѣдній годъ его воеводства тамъ между Бѣльскимъ и дьякомъ Ждановымъ съ одной стороны и воеводой Годуновымъ—съ другой произошелъ раздоръ; объ этомъ узнали въ Москвѣ, и уже въ іюлѣ того же года въ Тобольскѣ былъ полученъ указъ, гдѣ повелѣвалось князю Бѣльскому и Жданову ѣхать въ Москву. Годуновъ выслалъ князя Ѳедора изъ города 20-го іюля, но Жданова въ Москву не пустилъ; только въ сентябрѣ 1670 г. пріѣхали въ Тобольскъ сыщикъ и воеводы Акинфовъ и Давыдовъ «сыскивать про тотъ раздоръ». Далѣе упоминается Бѣльскій подъ 1680 г., когда въ январѣ и февралѣ ему давали показанія о своей службѣ нѣкоторые служилые люди. Подъ 1681 г. встрѣчается подпись Бѣльскаго, уже въ званіи дворянина, подъ грамотой отъ 24-го ноября объ уничтоженіи мѣстничества. Послѣднія сохранившіяся о немъ данныя относятся къ 1698 г., когда онъ продалъ свой дворъ, находившійся въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, между Тверской и Никитской улицами, Ивану Толстому. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бѣльскій имѣлъ сына Андрея, стольника (1680—1692 г.), дочь

котораго, княжна Евдокія Андреевна, вышла за Степ. Андр. Колычева.

Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящ. въ I м. отд. Москов. архива Министерства Юстиціи. Москва. 1853 г.; Списки город. воеводъ и другихъ лицъ воеводск. управленія Москов. госуд. XVII ст. сост. Ал. Барсуковъ. Спб. 1902 г.—239, 240; Росс. родосл. книга, издан. кн. П. Долгоруковымъ Спб. 1857 г. ч. IV—319, 320; Сборникъ кн. Хилкова изд. Спб. 1879—148, 150. Древн. Росс. Вивліоѳика изд. Новиковымъ Спб. ч. I (1773)—143. т. VI (1774)—304; Росс. родосл. кн А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Спб. 1895 г. изд. 2-е. т. I—96, 97; Дворцовые разряды. Т. III Спб. 1852 г.—315, 847; Истор. родов. Росс. дворян. сост. П. Н. Петровъ Спб. 1885 г. т. I—94; Собраніе госуд. грам. и договоровъ, хранящ. въ госуд. колл. иностр. дѣлъ. Москва т. IV (1813) 410.

Бѣльцовъ, Александръ Семеновичъ, врачъ-писатель, родился въ 1853, ум. 15 декабря 1888 года въ Петербургѣ; происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи и образованіе получилъ сначала въ Рязанской гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1876 г. лекаремъ съ отличіемъ при окончаніи онъ былъ награжденъ преміей Иванова и по конкурсу оставленъ на три года при Академіи для усовершенствованія. Въ томъ же 1876 году онъ былъ зачисленъ въ 10-й подвижной артиллерійскій паркъ и командированъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Болгарію, гдѣ находился до 1878 года. По возвращеніи въ Петербургъ онъ поступилъ ординаторомъ въ хирургическую клинику профессора Е. Н. Богдановскаго. 4 апрѣля 1881 года Бѣльцовъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ патологіи и терапіи органическихъ суженій уретры», получилъ степень доктора медицины и въ слѣдующемъ году, по выбору конференціи Академіи, былъ отправленъ на два года за границу. Въ 1884 году онъ снова возвратился въ Петербургъ и въ ноябрѣ этого года былъ назначенъ приватъ-доцентомъ хирургіи въ Академію, гдѣ и читалъ клиническую хирургію студентамъ старшаго курса; въ этой должности Бѣльцовъ состоялъ до самой смерти. Съ 1886-го по 1888-й годъ онъ былъ въ то же время старшимъ хирургомъ при Маріинской больницѣ. Бѣльцовъ былъ членомъ Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова. Изъ его работъ, кромѣ докторской диссертаціи (С.-Петербургъ, 1881 г.), напечатаны: «Возвратъ мочепузырнаго камня, осложненнаго пузырно-катарральной фистулой» («Клиническая Газета Боткина» 1881 г., № 11), «Отнятіе стопы видоизмѣненнымъ способомъ Шопара» (ibidem, №№ 23 и 26), «Случай вылущенія плеча при саркомѣ плечевой кости» (ibidem, №№ 33-34), «Къ патологіи и терапіи предбрюшныхъ нарывовъ» (ibidem, №№ 29-31), «Произвольный разрывъ капсулярной сумки при водянкѣ колѣна» («Клиническая Газета Боткина» 1882 г., №№ 15-16), «Проникающая огнестрѣльная рана колѣна съ повреждешями бедреннаго мыщелка и полное возстановительное отправленіе сустава» (ibidem, № 20), «Ueber die Entwickelung und Regeneration der Sehnen» (Archiv wiss. Anat. 1883, XXII)., «Примѣненіе и значеніе ендоскопа въ терапіи эхинококковъ печени» («Клиническая Газета Боткина» 1883 г., № 38), «О приготовленіи и примѣненіи въ хирургіи іодоформенной марли» («Врачъ» 1884 г., № 1), «Корреспонденція изъ-за границы» (ibidem, № 11), «О микроорганизмахъ при гноекровіи» (ibidem, № 21), «О новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ наложеніи несмѣняемой торфяной повязки» (ibidem, № 39), «О смѣшанныхъ операціяхъ при органическихъ суженіяхъ уретры» (ibidem, №№ 49-52; статья эта вышла отдѣльнымъ оттискомъ), «Zur Regeneration der Epithes der Harnblase» (Virch. Archiv 1884, Bd. 97), «Объ этіологіи гноекровія» («Клиническая Газета Боткина» 1885 г., №№ 2-12; статья эта вышла и отдѣльнымъ оттискомъ), «Нѣсколько словъ по поводу статьи Н. А. Вельяминова: «О противогнилостной перевязкѣ ранъ» («Врачъ» 1885 г., № 27) и «Гвинейскій червь» (ibidem, № 33). Кромѣ этихъ работъ, Бѣльцовъ перевелъ съ нѣмецкаго «Стриктуры мочеиспускательнаго канала» д-ра Леопольда Диттеля.

«Протоколы Пироговскаго Общества, годъ V-й.—Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели». С.-Петербургъ, 1888 г., выпускъ IV, стр. 26.—Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ VIII-й (1900 г.)—С. А. Венгеровъ: «Русскія книги», т. III-й, С.-Петербургъ, 1898 г.—«Новое Время» 1888 г., №№ 4600 и 4603.—«Сынъ Отечества» 1888 г., № 336.—«Петербургскій Листокъ» 1888 г., № 345.—«Еженедѣльная Клиническая Газета» 1889 г., № 4, стр. 65—67.—«Петербургская Газета» 1888 г., № 347.—С. А. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей», т. I-й, С.-Петербургъ, 1900 г.

Бѣлюстинъ, *Иванъ Степановичъ*, священникъ, публицистъ, род. въ Новгородской губ. въ 1820 г., воспитывался въ Новгородской Духовной Семинаріи и по окончаніи курса былъ рукоположенъ въ священники одной изъ церквей г. Калязина, Тверской губ., гдѣ и умеръ 2-го іюня 1890 г. въ санѣ протоіерея. Бѣлюстинъ помѣстилъ много статей по церковно-общественнымъ вопросамъ, преимущественно въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, и былъ однимъ изъ видныхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника». Просвѣщенная литературно-публицистическая дѣятельность его началась въ 1850 годахъ, когда М. П. Погодинъ издалъ за границею его книгу «О сельскомъ духовенствѣ въ Россіи»; въ ней условія быта духовенства въ Россіи были обрисованы мрачными, но вѣрными красками, и хотя книга была издана анонимно, она навлекла на автора много непріятностей, такъ какъ не прошла незамѣченной. Въ 1862 г. Бѣлюстинъ выступилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ обличительными статьями по поводу тогдашнихъ Петербургскихъ пожаровъ. Изъ крупныхъ журнальныхъ статей Бѣлюстина извѣстны: «Духовно-общественные вопросы». I) Духовная администрація. II) «Выходъ изъ духовнаго званія» (въ сборникѣ «Недѣли»: «Русскіе общественные вопросы», Спб. 1872 г.). Отдѣльно изданы: «Теорія и опытъ» (оттискъ изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1860 г., № 10), Спб. 1860 г.; «Два и послѣднія слова о народномъ образованіи», Спб. 1861; «Приходскіе учители», Спб. 1861; «О церковномъ богослуженіи». «Письма къ православному», 2 ч., Спб. 1862 (изд. 2-е 1864, изд. 3-е 1865, изд. 4-е 1872, изд. 5-е 1875); «О божественной литургіи», Спб. 1864 (нѣсколько изданій); «Вечернія бесѣды съ крестьянами», 2 книги, Спб. 1865—1867, изд. 2-е 1886; «Наука—путь къ царству вѣчному», Спб. 1867; «Страстная недѣля», М. 1869; «Путь узкій и широкій», Спб. 1870; «Сельское духовенство во Франціи», Спб. 1871; «Изъ церковныхъ бесѣдъ», Спб. 1872.

С. А. Венгеровъ. «Источники для словаря русскихъ писателей»; его-же «Русскія книги».

Бѣлюстинъ, *Никита Ѳедоровичъ*, педагогъ, писатель; род. въ 1784 г. и происходилъ изъ духовнаго званія; образованіе получилъ въ Педагогическомъ Институтѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1811 году; съ этихъ поръ, почти до самой смерти, Бѣлюстинъ служилъ въ Спб. Губернской гимназіи, именовавшейся потомъ высшимъ училищемъ и 2-ю Спб. Гимназіею; сначала онъ былъ здѣсь гувернеромъ (до 1821 г.), въ 1813 г. началъ преподавать латинскій языкъ, въ 1820 г. назначенъ старшимъ учителемъ русскаго языка, а съ 1822 г. утвержденъ преподавателемъ латинскаго языка; въ 1823 г. онъ, кромѣ того, былъ опредѣленъ учителемъ того-же языка при Благородномъ Пансіонѣ С.-Петербургскаго Университета, въ 1824 и 1825 г.г. преподавалъ въ Высшемъ училищѣ еще политическую экономію и римскія древности, въ 1826 г. опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, а въ 1828 г.—членомъ въ коммиссію для изслѣдованія всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ и счетовъ Дирекціи Училищъ С.-Петербургской губерніи. По отзывамъ его бывшихъ учениковъ, Бѣлюстинъ былъ отличный педагогъ, объяснялъ свой предметъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и ясностью и ученики занимались у него всегда успѣшно; «знаменитый латинистъ того времени»,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—Бѣлюстинъ «былъ преданъ своему дѣлу, строго взыскивалъ за каждое неправильное удареніе и приходилъ въ восторгъ отъ вѣрной скандовки стиховъ Виргилія. Знаніе латинскаго языка Бѣлюстинъ въ насъ довелъ до того, что мы свободно объяснялись на этомъ языкѣ». Бѣлюстинъ умеръ 2-го апрѣля 1841 г. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Опытъ практическаго руководства въ переводахъ съ россійскаго языка на латинскій, съ предположеніемъ словосочиненія латинскаго языка, «изложеннаго по Бредеру, Дерингу», Спб. 1817; другое изданіе (съ измѣненнымъ заглавіемъ), 2 ч., Спб. 1830, изд. 2-е, Спб. 1836—1837, 2 ч., изд. 3-е, Спб. 1838, 2 ч., изд. 4-е, Спб. 1841, 2 ч., изд. 5-е, Спб. 1844—1845, 2 ч., изд. 6-е, Спб. 1848, 2 ч.); «Краткое обозрѣніе греческой исторіи съ фразеологіей изъ латинскихъ историковъ, для упражненія въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій» (признано за учебное пособіе въ 1833 г.); «Начальныя основанія латинскаго языка», изд. Департ. Народн.

Просв., Спб. 1836, изд. 2-е, Спб. 1837, изд. 3-е, Спб. 1842; «Латинская хрестоматія для среднихъ и высшихъ классовъ гимназіи. Изъ латинскихъ классическихъ авторовъ, съ поясненіями на труднѣйшія мѣста текста», изд. Департ. Народ. Просв., Спб. 1839, 2 ч. (въ 4-хъ книгахъ); то-же, съ измѣненнымъ заглавіемъ, Спб. 1853—1854, 4 части. Кромѣ того, Бѣлюстинъ съ 1834 г. занимался, по порученію Высочайше утвержденнаго комитета для учебныхъ пособій, составленіемъ латинскаго и русско-латинскаго словаря для употребленія въ гимназіяхъ, а также переводилъ Тита Ливія; отрывки изъ этого перевода были напечатаны въ журналахъ (напр., въ «Сынѣ Отечества» 1819 г., ч. LIV, стр. 145—166).

С. А. Венгеровъ. Русскія книги, т. III, стр. 443; Геннади, словарь; Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей; А Кургановичъ и Круглый. Историческая записка 75-лѣтія С.-Петербургской второй гимназіи, Спб. 1894, стр. 272—273. *В. П.*

Бѣлявскій, *Константинъ Яковлевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, боевой генералъ Кавказской арміи, род. въ 1802 г., происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи; службу началъ въ 1817 г. подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку. Произведенный въ 1818 г. портупей-юнкера, онъ былъ переведенъ во 2-й Карабинерный полкъ и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Несвижскій карабинерный полкъ. Въ 1821 г. перевелся въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ и въ 1827 г. былъ произведенъ въ капитаны. Принявъ въ 1831 г. участіе въ подавленіи польскаго мятежа, Б. былъ произведенъ въ полковники и зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, но остался командовать резервнымъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и въ слѣдующемъ, 1832 г., былъ обратно переведенъ въ этотъ полкъ. Назначенный въ 1837 г. командиромъ Симбирскаго Егерскаго полка, Бѣлявскій въ 1840 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году назначенъ командиромъ 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, а въ слѣдующемъ, 1841 г., получилъ въ командованіе вторую бригаду той-же 15-й дивизіи. Въ 1844 г. онъ принялъ участіе въ походахъ въ Чечню и Дагестанъ, а въ 1845 г. въ Даргинской экспедиціи, при чемъ былъ два раза контуженъ въ правую ногу ниже и выше колѣна. За эти походы онъ получилъ орденъ Георгія 3-й ст. и золотую шпагу съ алмазами «за храбрость». Назначенный въ 1845 г. состоять по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ князѣ Воронцовѣ, онъ сдѣлалъ вторичный походъ въ Чечню и въ 1847 г. былъ сдѣланъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частью. Въ 1849 г. Бѣлявскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ слѣдующемъ, 1850 г., назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи. Въ 1853 г. Бѣлявскій былъ назначенъ начальникомъ 18-й пѣхотной дивизіи, а въ 1854-мъ г. ему было повелѣно присутствовать въ Правительственномъ Сенатѣ съ отчисленіемъ по арміи. Въ Сенатѣ онъ присутствовалъ въ Департаментѣ Герольдіи. Скончался 30-го октября 1857 г.

«Акты, собранные Кавказскою Археографическою коммиссіею». Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго». Т. X. Изданъ подъ редакціею предсѣдателя коммиссіи дѣйств. ст. сов. Ад. Берже. Тифлисъ 1885 г. стр. XVI;—«Кавказскій Сборникъ».—«Русская патріотическая библіотека, издаваемая Вс. Мамышевымъ, Георгіевскіе кавалеры или подвиги Кавалеровъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія всѣхъ степеней съ обозрѣніемъ ихъ службы и жизни. Написаны и издаются съ Высочайшаго Е. И. В. соизволенія». Т. III, стр. 104.

Бѣлявскій, *Францъ Осиповичъ*, докторъ. См. **Велявскій**.

Бѣляевъ, *Александръ Николаевичъ*, академикъ, скульпторъ, род. въ 1816 г., умеръ 24 января 1863 г. Посѣщая, въ качествѣ вольноприходящаго ученика, классы Академіи Художествъ, онъ въ 1841 г. получилъ серебряную медаль 2-го достоинства за круглую фигуру изъ глины, представляющую «мальчика, пьющаго воду изъ ручья». Въ 1843 г. для полученія званія художника по скульптурѣ ему задали на программу исполнить съ натуры бюстъ конференцъ-секретаря Григоровича подъ надзоромъ проф. Витали. Въ 1847 г. за сдѣланный съ натуры бюстъ проф. Айвазовскаго ему объявлена похвала. Въ 1848 г. Бѣляевъ признанъ назначеннымъ въ академики и на полученіе званія академика ему задали вылѣпить модель въ натуральную величину «Давида юношу, побѣдителя Голіаѳа». Въ этомъ же году совѣтъ, разсмотрѣвъ статую, объявилъ Бѣляеву, что «хотя статуя его и имѣетъ

достоинства, но какъ она не доведена до совершеннаго окончанія, то предоставить ее окончить и представить затѣмъ для сужденія о производствѣ его въ академики». Въ 1849 г. Бѣляевъ, наконецъ, получилъ искомую степень академика за искусство и познаніе его въ художествѣ, доказанныя произведенными по программамъ работами. Въ настоящее время статуя Давида изъ Императорской Академіи Художествъ передана въ музей Имп. Александра III.

Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Акад. Худ., т. II и III.

Бѣляевъ, *Александръ Петровичъ* декабристъ, писатель, родился въ 1803 г умеръ 28 декабря 1877 года въ Москвѣ Александръ Петровичъ Бѣляевъ родился отъ брака Петра Гавриловича Бѣляева съ Шарлоттой Ивановной Вереніусъ и свое раннее дѣтство провелъ въ селѣ Ершовѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ его отецъ служилъ управляющимъ имѣній графа А. К. Разумовскаго. Воспитаніе получилъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ находился съ 1815 по 1819 годъ. По окончаніи курса онъ съ 1819 по 1825 годъ служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ, при чемъ совершилъ плаваніе въ Исландію, Францію и къ Гибралтару на фрегатѣ «Проворный». За участіе въ дѣлѣ декабристовъ Бѣляевъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой находился съ 14 декабря 1825 года до 1 февраля 1827 года: оттуда онъ былъ сосланъ въ Читу и Петровскъ (1827—1832 годы). Затѣмъ былъ поселенъ въ Илшинскомъ заводѣ на Ленѣ и въ Минусинскѣ на Енисеѣ (находился здѣсь по 1840 годъ). Въ 1840 году Бѣляевъ былъ опредѣленъ рядовымъ въ Кабардинскій полкъ, гдѣ служилъ до 1845 года; въ этомъ году за храбрость былъ произведенъ въ офицеры Навагинскаго полка, а въ слѣдующемъ 1846 году вышелъ въ отставку и возвратился на родину. Тамъ онъ занялся пароходствомъ по Волгѣ, а также управлялъ имѣніями гг. Жадовскаго, Кривцова и Нарышкина. До самой глубокой старости Бѣляевъ сохранилъ горячую вѣру, любовь къ ближнему, свѣжесть ума и памяти, а также замѣчательное трудолюбіе. Въ послѣднее время своей жизни онъ принужденъ былъ оставить всякія занятія вслѣдствіе потери зрѣнія. Въ молодости Бѣляевъ сдѣлалъ переводъ Гиббона, который не былъ изданъ. Затѣмъ онъ написалъ цѣнныя «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ» («Русская Старина» 1880 г., книги 9 и 12, 1881 г., книги 1, 3, 4, 7, 9, 10 и 12, 1884 г., книги 4 и 5, 1885 г., книги 3 и 12, 1886 г., книги 2 и 11). Первая часть этихъ воспоминаній, подъ тѣмъ же заглавіемъ, вышла отдѣльными изданіями (С.-Петербургъ, 1882 г., изд. Суворина). Въ послѣдніе годы жизни Бѣляевъ занялся богословскими изслѣдованіями, и незадолго до его смерти, въ 1887 году, въ Москвѣ Отдѣломъ распространенія духовно - нравственныхъ книгъ изданы четыре брошюры его сочиненія: «Православіе», «Евангеліе», «О благодати и любви», «О прославленіи Пресвятой Богородицы, ангеловъ, святыхъ и чествованіи иконъ». Кромѣ указанныхъ трудовъ, Бѣляеву принадлежатъ: «Замѣтка о статьѣ бар. А. Е. Розена: «Декабристы» («Русская Старина» 1881 г., томъ XXX, стр. 454—455), «Поэма князя А. И. Одоевскаго: Василько и замѣтка о ней» («Русская Старина» 1882 г., томъ XXXIII, стр. 313—336), «Замѣтка о запискахъ Д. И. Завалишина» («Русская Старина» 1884 г., книги 4 и 5, 1885 г., книги 3 и 12, 1886 г., книги 2 и 11), «Воспоминанія М. И. Муравьева - Апостола» съ примѣчаніями («Русская Старина» 1886 г., книга 9-я).

Некрологъ А. Т. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1888 г., № 10, стр. 6—Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ VII (1892 г.).—Дм. Завалишинъ: «Вселенскій орденъ возстановленія» («Русская Старина» 1882 г., томъ XXXIII, № 1, стр. 61—62).—С. А. Венгеровъ. «Русскія книги», томъ III, С.-Петербургъ, 1898 г.—«Русская Старина» 1882 г., XXV, № 9, стр. 624—626 (замѣтка къ воспоминаніямъ Бѣляева).—С. А. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей», томъ I-й, С.-Петербургъ, 1900 г.

Бѣляевъ, *Алексѣй Михайловичъ*, генералъ-лейтенантъ, редакторъ «Артиллерійскаго Журнала», родился въ 1831 г. Закончивъ образованіе курсомъ высшихъ наукъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, поступилъ репетиторомъ по артиллеріи въ 1-й Кадетскій Корпусъ и былъ зачисленъ въ л.-гв. 2-ю Артиллерійскую бригаду; съ 1855 г. Бѣляевъ оставилъ строй, посвятивъ свою дѣятельность трудамъ по возникшему, послѣ Крымской войны, коренному преобразованію артиллерійскаго дѣла. Выступивъ

на этомъ поприщѣ сначала въ роли состоящаго по особымъ порученіямъ при Штабѣ Инспектора всей артиллеріи, онъ въ 1863 г. занялъ постъ начальника искусственнаго отдѣленія Главнаго Артиллерійскаго управленія, а въ 1867 г.— управляющаго дѣлами Техническаго комитета того же управленія. Близко знакомый съ разработкою административныхъ и организаціонныхъ вопросовъ, имѣвшихъ связь съ развитіемъ техники, принимая въ большинствѣ изъ нихъ личное участіе, Бѣляевъ въ 1877 г. составилъ подробный «Очеркъ преобразованій въ артиллеріи съ 1863 г. по 1877 г.», а вслѣдъ затѣмъ подъ непосредственною его редакціею и при его сотрудничествѣ было издано «Краткое руководство для артиллерійской службы съ полевыми орудіями образца 1877 г.». Назначенный въ 1875 г. редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала», онъ значительно измѣнилъ направленіе послѣдняго, отведя, наряду съ статьями техническо-научнаго характера, мѣсто отдѣлу по разработкѣ вопросовъ, обусловливаемыхъ практическою дѣятельностью и служебными интересами артиллерійской среды. Самъ Бѣляевъ нерѣдко посвящалъ свой досугъ литературнымъ работамъ, но, изъ присущей ему скромности, печаталъ ихъ безъ подписи. Сохраняя званіе постояннаго члена Артиллерійскаго Комитета, онъ являлся дѣятельнымъ участникомъ нѣсколькихъ техническихъ комиссій и за отличіе былъ награжденъ въ 1881 г. чиномъ генералъ-лейтенанта. Усиленная дѣятельность преждевременно свела въ могилу этого полезнаго труженика; онъ умеръ 7 марта 1885 г.

«Артиллерійскій журналъ», 1885 г. № 4; «Русскій Инвалидъ», 1885 г.; «Новь» 1885 г., томъ III-й, № 12 (отдѣлъ «Мозаика»), стр. 734. Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V-й (1889 г.). С. А. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей», т. I-й, С.-Петербургъ, 1900 г.

Бѣляевъ, *Иванъ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, управляющій штабомъ морской артиллеріи, р. въ 1773 г, умеръ 31 декабря 1847 года. Начавъ службу въ морской артиллеріи нижнимъ чиномъ въ 1786 г., Бѣляевъ въ 1797 году былъ произведенъ въ констапели, съ 1798 по 1800 годъ плавалъ на кораблѣ «Мстиславъ», въ 1799 году произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, въ 1801 году былъ командированъ въ Петрозаводскъ для заготовленія корабельныхъ матерьяловъ, въ 1802 году былъ отправленъ съ отрядомъ въ Архангельскъ для службы въ мѣстномъ порту, гдѣ и служилъ до 1807 года, когда былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ сначала плавалъ на кораблѣ «Михаилъ», а потомъ былъ назначенъ въ гребную флотилію. Въ 1809 году Бѣляевъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1820 году въ капитаны 3 ранга. Въ 1823 году онъ получилъ за 25 лѣтъ безпорочной службы орденъ св. Георгія 4 класса, въ 1827 г. назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при инспекторѣ корпуса морской артиллеріи, въ 1829 году произведенъ въ капитаны 2 ранга, въ 1831 году въ полковники корпуса морской артиллеріи, гдѣ и прослужилъ до 1847 года, когда былъ назначенъ управляющимъ штабомъ корпуса морской артиллеріи съ производствомъ въ генералъ-маіоры. По свидѣтельству всѣхъ знавшихъ И. В. Бѣляева это былъ замѣчательный артиллеристъ; онъ очень хорошо зналъ свое дѣло, но, выслужившись изъ нижнихъ чиновъ, и самъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ неуклоннаго исполненія долга, бывая иногда крайне суровымъ и даже жестокимъ.

«Морской Сборникъ» 1849 г. т. II. Общій морской списокъ т. V; Кротковъ «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ» Спб. 1894 г. *В. Л.*

Бѣляевъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ Москвѣ въ 1810 году, умеръ тамъ же 19 ноября 1873 г. Будучи сыномъ московскаго священника, Бѣляевъ учился въ духовныхъ школахъ, но въ 1829 году, по окончаніи курса Духовной Семинаріи, поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, курсъ котораго и окончилъ со степенью кандидата 30 іюня 1833 г. Нуждаясь въ средствахъ для существованія, Бѣляевъ вскорѣ же (въ февралѣ 1834 г.) поступилъ на службу въ Московскую Синодальную Контору. Здѣсь онъ прослужилъ почти 10 лѣтъ, а въ 1844 г. (27 іюля) былъ назначенъ на должность Правителя дѣлъ къ Инспектору Московскихъ Сенатскихъ Архивовъ. Въ томъ же году (29 декабря), онъ былъ причисленъ къ Департаменту Министерства Юстиціи съ оставленіемъ при прежней должности, а въ слѣдующемъ (30 августа 1845 года) былъ командированъ въ Московскій Се-

натскій Архивъ, въ Архивъ старыхъ дѣлъ и въ Вотчинный Департаментъ съ порученіемъ пріискать указы и другія узаконенія, не вошедшія въ составъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Въ 1848 г. (10 марта), по опредѣленію Министра Юстиціи, Бѣляеву, какъ спеціалисту по архивнымъ дѣламъ, было дано другое порученіе—разобрать и привести въ порядокъ собраніе 1700 древнихъ грамотъ Коллегіи Экономіи. Въ томъ же году (4 ноября) онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Московскій Государственный Архивъ, а съ 1 мая 1849 г., оставаясь въ прежней должности, былъ опредѣленъ въ члены Коммиссіи для печатанія оффиціальныхъ и частныхъ разрядныхъ книгъ. Съ 1852 г. начинается его почти исключительно ученая и профессорская дѣятельность: 29 декабря 1852 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства въ Московскомъ Университетѣ. По защитѣ диссертаціи Бѣляевъ былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ; въ послѣдніе годы своей профессорской дѣятельности онъ исполнялъ обязанности секретаря юридическаго факультета; профессоромъ онъ оставался до 1873 г., до времени своей смерти.

Ученая дѣятельность Бѣляева началась задолго до профессорства. Еще будучи въ Университетѣ, Бѣляевъ отчасти подъ вліяніемъ Погодина съ увлеченіемъ занимался русской исторіей. Поступивъ на службу въ архивы, онъ, по его собственнымъ словамъ, читалъ и зачитывался архивными документами, приходя раньше и уходя позднѣе всѣхъ другихъ сослуживцевъ. Во время своей службы имъ было прочитано болѣе 20.000 юридическихъ актовъ, старыхъ книгъ, грамотъ и столбцовъ, писанныхъ въ разное время руками старыхъ подъячихъ. Кромѣ того, Бѣляевъ болѣе 10 лѣтъ занимался въ Древнехранилищѣ Погодина, гдѣ составлялъ реестръ рукописей и древнихъ монетъ. Благодаря многолѣтнему непосредственному знакомству съ первоисточниками, Бѣляевъ пріобрѣлъ обширныя знанія о фактической сторонѣ русской исторіи.

Его литературная дѣятельность началась съ 1842 года, когда онъ сталъ помѣщать въ «Москвитянинѣ» (въ отдѣлѣ критики) небольшія рецензіи и замѣтки. Но уже съ 1846 г. онъ помѣщаетъ свои изслѣдованія въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей россійскихъ»; его труды касались довольно разнообразныхъ предметовъ, напримѣръ, монетной системы въ древней Руси, военной организаціи въ московскомъ государствѣ, лѣтописей и т. п. За ученыя заслуги Бѣляевъ 3 іюня 1846 года былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества исторіи древностей, а съ 1848 года, послѣ увольненія О. М. Бодянскаго (профессора Университета и секретаря Общества), онъ былъ трижды избираемъ въ секретари Общества; въ этомъ званіи онъ состоялъ до 1858 г., когда Бодянскому открылась возможность занять свое прежнее положеніе. Бѣляевъ вмѣсто закрытыхъ «Чтеній» сталъ издавать подъ своей редакціей «Временникъ» по плану, имъ разработанному и одобренному Обществомъ. Онъ проредактировалъ 25 книгъ «Временника». Въ нихъ Бѣляевъ помѣщалъ и свои многочисленныя изслѣдованія по самымъ разнообразнымъ историко-юридическимъ вопросамъ, здѣсь же имъ были изданы очень многіе важные памятники древности.

22 апрѣля 1848 г. Бѣляевъ былъ избранъ въ члены Одесскаго Общества исторіи и древностей, а 29 декабря 1850 г.—Имп. Русскаго Географическаго Общества. Бѣляевъ былъ также членомъ Археографической Комиссіи и Общества Любителей Естествознанія, гдѣ потомъ былъ предсѣдателемъ Антропологическаго Отдѣла.

Въ 1858 г. Бѣляевъ защищалъ въ Московскомъ Университетѣ диссертацію на степень магистра: «О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, М. 1858 г.». Факультетъ о его работѣ далъ очень лестный отзывъ. Вскорѣ же (въ 1860 г.) Бѣляевъ получилъ степень доктора за другое свое изслѣдованіе: «Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ, М., 1860 г.». Въ то же время, начиная съ 1850-хъ гг. онъ участвовалъ во многихъ славянофильскихъ изданіяхъ: «Москвитянинѣ», «Русской Бесѣдѣ», «Днѣ», альманахахъ и «Московскомъ Сборникѣ», а также и въ другихъ весьма многочисленныхъ повременныхъ изданіяхъ. Здѣсь, напримѣръ, Бѣляевъ принималъ горячее участіе въ извѣстномъ спорѣ славянофиловъ и за-

падниковъ о сельской общинѣ (см. его статьи въ «Русской Бесѣдѣ»).

Послѣ изслѣдованія о крестьянахъ Бѣляевъ задумалъ обширный трудъ, гдѣ хотѣлъ представить всю русскую исторію въ ея цѣлости, преимущественно съ бытовой и правовой стороны. Трудъ этотъ—«Разсказы по русской исторіи»; ими съ особенной любовью занимался авторъ въ продолженіе болѣе 10 лѣтъ. Но работа осталась далеко незаконченной: были выпущены только 4 книжки (послѣдняя оканчивается исторіей Сѣверо-западной Руси до Люблинской уніи), такъ что автору не удалось даже болѣе или менѣе обстоятельно выяснить роль Москвы, этой, по мнѣнію славянофиловъ, колыбели исконно-русскихъ началъ.

Наряду съ главнымъ трудомъ Бѣляевъ въ то же время занимался разработкой и другихъ вопросовъ науки, помѣщая свои изслѣдованія въ «Православномъ Обозрѣніи», «Душеполезн. Чтеніи», «Рус. Старинѣ», «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», «Рус Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Юстиціи», «Юридич. Журналѣ», «Зрителѣ» и др. Во время своей литературной дѣятельности Бѣляевъ напечаталъ многочисленные разборы сочиненій: Гладкова, Горчакова, Забѣлина, Иванишева, Лешкова, Осокина, Павлова, Погодина и др.

Такимъ образомъ, въ научной дѣятельности Бѣляева можно различать три періода: 1) Первый періодъ до 1856 г. ознаменовался рядомъ статей по разнымъ историко-юридическимъ вопросамъ, преимущественно изъ московской эпохи; 2) со времени извѣстнаго спора о сельской общинѣ вниманіе Бѣляева склонилось въ сторону разрѣшенія важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ (статьи объ общинѣ, Крестьяне на Руси) связанныхъ съ отмѣной крѣпостного права; такъ въ изслѣдованіи о крестьянахъ проводились двѣ главныя мысли, въ то время боевыя: а) крестьянамъ съ самыхъ давнихъ поръ принадлежало право на владѣніе землей, б) они владѣли землей на общинныхъ началахъ; 3) съ 1861 г. Бѣляевъ занятъ работой по общей русской исторіи въ ея цѣломъ.

По своему научному направленію Бѣляевъ принадлежалъ къ школѣ славянофиловъ. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Хомяковымъ, Аксаковыми и Кирѣевскими. Славянофильскія тенденціи всегда сквозили въ его работахъ. По словамъ Барсова, изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ славянофильской школѣ, никто такъ тщательно не воскрешалъ былого, никто такъ ревностно не допрашивалъ духа жизни въ его исторіи, въ старинѣ, какъ Бѣляевъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Бѣляевъ въ угоду своимъ излюбленнымъ славянофильскимъ идеямъ нерѣдко произвольно обращался съ фактами, одни втискивая въ рамки своихъ теорій, другіе игнорируя. Въ его трудахъ вообще не замѣтно строгой точности и ясности. Несмотря на юридическое образованіе, Бѣляевъ былъ скорѣе историкомъ, чѣмъ юристомъ; его юридическія понятія не отличались особенной точностью и правильностью. Громадная начитанность нерѣдко подавляла его, такъ что онъ не могъ систематически разобраться въ вопросѣ своего изслѣдованія. Чисто русская разбросанность въ Бѣляевѣ сказывалась въ томъ, что онъ брался за самые разные вопросы русской исторіи и написалъ безчисленное количество статей изъ разныхъ областей исторической науки, такъ что былъ правъ Погодинъ, когда совѣтывалъ ему не разбрасываться, а сосредоточиться на одномъ какомъ-либо предметѣ. Но при всемъ томъ Бѣляевъ былъ истиннымъ труженикомъ науки и, если не сдѣлался первоклассным ученымъ, все же оказалъ наукѣ весьма важныя услуги какъ своими изслѣдованіями, такъ и изданіемъ многихъ важнѣйшихъ памятниковъ древности.

Бѣляевъ въ теченіе многихъ лѣтъ ревностно занимался собираніемъ книгъ, древнихъ рукописей и отдѣльныхъ актовъ. Послѣ него осталась довольно значительная библіотека. Она состояла изъ 2425 тт. историческихъ и историко-юридическихъ книгъ, изъ собранія лѣтописей, сборниковъ, хронографовъ, разнообразныхъ актовъ, книгъ разрядныхъ, расходныхъ, дѣлъ приказныхъ и т. п.; всего въ этомъ собраніи было 257 номеровъ памятниковъ древняго періода (1404—1613 гг.) и до $2^1/_2$ тысячъ актовъ болѣе поздняго происхожденія (1613—1725 г.). «Коллекція эта—единственная въ своемъ родѣ, имѣетъ кромѣ историко-юридическаго значенія, высокій палеографическій и дипломатическій интересъ». Она была пріобрѣтена Московскимъ Румянцовскимъ Музеемъ, гдѣ и хранится, и описана Лебедевымъ. Туда же поступили собственноручныя работы и бумаги Бѣляева (ученыя статьи

и копіи актовъ). Хотя многимъ изъ собранныхъ матеріаловъ воспользовался самъ Бѣляевъ, но далеко не всѣмъ. Послѣдующіе ученые: А. Г. Ильинскій, В. О. Ключевскій, Мрочекъ-Дроздовскій, о. М. И. Горчаковъ, С. Ѳ. Платоновъ и др. въ своихъ изслѣдованіяхъ пользовались документами, собранными Бѣляевымъ (Описаніе его собранія актовъ см. въ Отчетѣ Румянц. музея, 1873—1875 гг., 15—25 и Собраніе ист.-юрид. актовъ И. Д. Бѣляева, опис. Д. Лебедевымъ, М., 1881).

Въ своей личной жизни Бѣляевъ былъ человѣкомъ добрымъ, отзывчивымъ и необыкновенно религіознымъ. Такъ, онъ ежедневно ходилъ къ церковной службѣ. Происходя самъ изъ духовнаго званія, онъ къ духовенству относился съ большимъ уваженіемъ и ратовалъ за его нужды. Родственники, друзья и знакомые вспоминали о немъ съ необыкновенной теплотой. По вечерамъ въ четверги обыкновенно собирались у него знакомые и проводили время въ дружеской бесѣдѣ. По отношенію къ студентамъ Бѣляевъ былъ самымъ доступнымъ и добрымъ профессоромъ. Правда, вѣчно занятый своей работой по архивамъ, онъ вначалѣ производилъ на нихъ впечатлѣніе большого чудака и оригинала; лекціи его, произносимыя медленно и монотонно, казались нѣкоторымъ невыносимо скучными, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, въ этомъ невзрачномъ профессорѣ находили очень добраго человѣка. По словамъ одного изъ его учениковъ, студенты привыкли по самымъ разнообразнымъ дѣламъ факультета обращаться не къ кому другому, какъ къ Бѣляеву. Они и не забыли своего профессора: при похоронахъ (22 ноября 1873 г.) студенты несли его на своихъ рукахъ отъ университетской церкви на далекое Даниловское кладбище, а одинъ изъ его учениковъ (Куперникъ, московскій присяжный повѣренный) сказалъ задушевную прощальную рѣчь.

Приводимъ съ возможной полнотой списокъ сочиненій И. Д. Бѣляева, а также изданныхъ имъ матеріаловъ, разумѣется, едвали исчерпывающій всю ту массу изслѣдованій, матеріаловъ, рецензій и замѣтокъ, которые разбросаны Бѣляевымъ по многочисленнымъ современнымъ изданіямъ.—Отдѣльныя изданія и оттиски.

1) Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси (Изъ № III Чтеній въ И. О-ѣ И и Др. Р.), М., 1846; 2) О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украйнѣ Московскаго Государства до царя Алексѣя Михаиловича (см. Чтенія, 1846, IV), М., 1846; 3) О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, М., 1846; 4) О Несторовой лѣтописи, М., 1847; 5) Города на Руси до монголовъ, П., 1848 (см. Ж. М. Н. П.); 6) Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ, пришедшимъ изъ Новгорода до взятія Кіева въ 1171 году войсками Боголюбскаго, М., 1848; 7) Какъ понимали давность, въ разное время, и русское общество въ своей жизни и русскіе законы, М., 1855 (еще: «Воспоминаніе 12 января 1855 г.» М., 1855; 8) Разборъ соч. Б. Н. Чичерина: «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», М., 1856; 9) Объ общественномъ значеніи христіанской церкви и ея учрежденій на Руси отъ Владиміра Святого до монгольскаго владычества, П., 1856 (и въ Ж. М. Н. П.); 10) Разборъ ст. г. Лохвицкаго: «Очеркъ церковной администраціи въ др. Россіи, М., 1857; 11) О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, М, 1858; 12) Разборъ соч. г. Осокина подъ заглавіемъ: «О понятіи промысловаго налога и объ истор. развитіи его въ Россіи (Извлечено изъ XXVI присужденія учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, стр. 197—243). П., 1858; 13) Разборъ соч. г. Лешкова подъ заглавіемъ: «Русскій народъ и Государство». Исторія рус. обществ. права до XVIII в. (извлеч. изъ отчета о III присужденіи наградъ гр. Уварова, 15—64), П., 1859; 14) Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ (сначала печаталось въ «Рус. Бесѣдѣ» 1859 г.), М., 1860; изд. второе—М., 1879; третье—М., 1891; четвертое—М, 1903; 15—18) Разсказы изъ русской исторіи, книга первая, М., 1861; Книга вторая, Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія, М, 1864; Книга третья, Исторія г. Пскова и Псковской земли, М., 1867; Книга четвертая, ч. I, Исторія Полотска или Сѣв.-западной Руси отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи, М., 1872; Разсказы изъ русской исторіи,

книга первая и вторая, изданіе второе (печатано съ перв. изд.), М., 1865 и 1866; 19) Положеніе русскаго общества въ царствованіе Михаила Θеодоровича, Казань, 1862 (и Казан. Унив. Извѣстія); 20) Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи московскаго учебнаго округа (Изъ 3-го протокола засѣданій О-ва любителей естествознанія), М., 1864; 21) Святый Владиміръ равноапостольный вел. князь Кіевскій и всея Руси, М., 1864 и 2 изд. 1886 (раньше въ Душепол. Чт.); 22) Жизнь преподобнаго Θеодосія Печерскаго, М., 1865; 23) Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго, М., 1866; второе изд.—М., 1885; 24) Земскіе соборы на Руси (рѣчь), М., 1867; (Тоже—въ Москв. Унив. Изв., 1867, № IV); изд. второе (А. Д. Ступина) М., 1902; 25) Очеркъ исторіи Сѣв.-западнаго края Россіи, Вильна, 1867; 26) О великорусскомъ племени, М., 1868 (и сбор. антропол. и этнограф. статей о Россіи, кн. I); 27) Отзывъ о соч. свящ. М. И. Горчакова: «Монастырскій Приказъ (1649—1725), Опытъ истор.-юридич. изслѣдованія П., 1868 г.» (XII присужденіе наградъ гр. Уварова, 196—207), П., 1870; 28) Разборъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., М., 1869 г.» (см. XIII присуж. Уваровскихъ наградъ, 387—401), П., 1872; 29) Разборъ соч. А. Павлова: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», П., 1872 (см Спб. Вѣдомости, 1872, № 291); 30) Лекціи по исторіи русскаго законодательства, М., 1879; изд. 2-ое—М., 1888; 31) Святые Константинъ (нареченный Кириллъ) и Меθодій, учители славянскіе (первоначально—Душеполезн. Чтеніе, 1862, ч. II, кн. VIII), М., 1885.

Сюда же слѣдуетъ причислить слѣдующіе отдѣльные оттиски, имѣющіеся въ Имп. Публичной Библіотекѣ безъ обозначенія мѣста и года изданія: «Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій; Жители московскаго государства, ихъ права и обязанности, ст. 1; Михаилъ Александровичъ, вел. князь Тверской; О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ (вмѣсто предисловія къ переписной Новгородской книгѣ 1500 г.); «Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ» (безъ заглавнаго листа).

Извѣстны литографированныя изданія кн. Голицына, Ханенко и Жданъ-Пушкина: 1) Конспектъ лекцій исторія русскаго законодательства, 1868 — 9 г., М. (1869) и 2) Исторія русскаго законодательства, М., 1868—9. Также была издана литографскимъ путемъ: Программа по исторіи русскаго законодательства. М. (1870).

Были помѣщены въ «Чтеніяхъ» и «Временникѣ» Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ слѣдующія изслѣдованія: А) въ «Чтеніяхъ»: 1) Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси (1846, кн. III, 5 — 28 и отдѣльно). 2) О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украйнѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михаиловича (1846, IV и отдѣльно). 3) Хронологія Нестора и его продолжателей (1846, кн. II (6), 23—38). 4) О хронологіи П. В. Хавскаго (1847, кн. IV (17), IV, 155). 5) Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ, пришедшимъ изъ Новгорода, до взятія Кіева въ 1171 г. войсками Боголюбскаго (1848, кн. VII (20), 1 — 32). 6) О доходахъ московскаго государства (1884, кн. IV (131), IV, 1 — 64 и 1885, кн. I (132), IV, 65 — 112, кн. II (133), IV). 7) Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси (1906, кн. I). В) во «Временникѣ»: 1 и 2) Жители московскаго государства, ихъ права и обязанности, ст. первая. Дружина и земщина (1848, кн. I, 1 — 22); Ст. вторая. Служилые люди (1849, кн. III, 1 — 58). 3) Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку съ 1111 по 1169 г. Ст. первая (1849, кн. II, 1 — 26). 4) Великій князь Константинъ Всеволодовичъ Мудрый (1849, III, 59 — 78). 5) Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій (1849, IV, 1 — 42). 6) О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей (1850, кн. V, 1 — 34). 7) Русская земля передъ прибытіемъ князя Рюрика въ Новгородъ (1850, VIII, 1—102). 8) О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ (Вмѣсто предисловія къ Переписной Новгородской книгѣ 1500 г.) (1851, XI, 1—82). 9) Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною (1852, XIV, 1—32). 10) Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ (1852, XV, 1 — 160). 11) Отвѣты на предложенные вопросы (на два хронологическіе вопроса С. М. Соловьева) (1855, XXI, 5 — 8).

12) Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи (1855, кн. XXII, 37—50). 13) Догадка объ отношеніи гривны XII в. къ рублю XVI в. (1855, XXIII, 37—40). 14) Михаилъ Александровичъ, великій князь Тверской (1861, кн. III (XXXVIII), 1—44). 15) Замѣтка. Способъ возстановлять полинявшія и вытершіяся чернила въ древнихъ рукописяхъ, пергаментныхъ и бумажныхъ (1849, кн. IV, III, 66).

Къ указаннымъ памятникамъ, изданнымъ Бѣляевымъ во «Временникѣ», онъ, какъ редакторъ, написалъ предисловія: 1) Разрядная книга 7123 г. (1848, кн. I, II отд., III—XVI+1—60). 2) Книга записная макарьевской ярмонки большой таможни по сибирскимъ отпускнымъ выписямъ первой половины 724 г., предисловіе (стр. 89—90)—(1849, II, II, 91—104). 3) Предисловіе редактора секретаря И. Бѣляева (передъ Книгой сеунчей 123 г. — 1849, кн. IV, II отд., I — X) 4) Книга глаголемая лѣтописецъ Ѳеодора Кирилловича Нормантскаго (1850, V, II, 1—IV+1—148). 5) Писцовыя книги Новгородскія 7090 и 7091 гг. (1850, VI, II, I—IV+1—126). 6) Предисловіе И. Бѣляева (передъ статейными посольскими списками) (1850, VIII, II, I—VI). 7) Предисловіе къ матеріаламъ XIII книги Временника (1852, XIII, II, I—VIII). 8) Счетныя дѣла по намѣстничеству, сообщ. П. И. Ивановымъ, предисловіе (1852, XIV, II, I—VI). 9) Слово о вел. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его кн. Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего, царя Мамая, сообщ. В. Ундольскимъ (ib., III—XIV+1—8). 10) Иное сказаніе о Самозванцѣ (1853, XVI, II, I—VI+1—80). 11) Первый и старый Литовскій Статутъ 1529, сообщ. А. Семеновымъ, предисловіе (1854, XVIII, II—III). 12) Извѣстіе о книгахъ сеунчей, о помѣстныхъ дѣлахъ и о дѣлахъ губныхъ старостъ и воеводъ, какъ объ административно-юридическихъ источникахъ русской исторіи какъ введеніе къ изданію самой книги сеунчей 162 и 163 годовъ (1854, кн. XVIII). 13) Статутъ в. кн. Литовскаго 1588 г., съ предисловіемъ Бѣляева (1854, XIX, II, I—II, и отдѣльно, М., 1854). 14) Указатель статей по русск. исторіи, географіи, статистикѣ, русск. праву и библіографіи, помѣщенныхъ въ «Московск. Вѣстникѣ», сост. М. П. Полуденскій, съ предисловіемъ секретаря Общ. И. Бѣляева (ib., III, I+II+1—44). 15) Списки съ приказныхъ дѣлъ Спасо-Прилуцкаго монастыря стряпчаго Матвѣя Жданова 204—206 г., сообщ. М. Погодинымъ (1854, XX, II, I—II+1—156). 16) Статутъ в. кн. Литовскаго 1566 г. Съ предисловіемъ Секретаря Общества (1855, XXIII, II, I—II+1—199).

Тамъ же напечатаны были сообщенные Бѣляевымъ матеріалы самаго разнообразнаго характера, а именно: А) въ «Чтеніяхъ»: 1) Двѣ грамоты царя Алексѣя Михаиловича о малороссійскихъ казакахъ къ воеводамъ (1651) 1847, кн. VII (XI), IV, 28—30). 2) Переводъ съ листа польскаго письма, каковъ писалъ Андрей Рачкевичъ къ старостѣ Лаевскому Котарскому объ избраніи въ короли кн. Михаила Вишневецкаго (1847, VIII (XII), IV, 11—15). 3) Письмо кошеваго Гордіенки къ воеводѣ Каменнаго Затона Д. Р. Шеншину (1847, IX (XIII), IV, 24). 4) Списокъ церквей г. Пскова въ 7204 г. (1847, I (XIV), IV, 26). 5) Царскій наказъ стольнику Извольскому, посланному въ Новгородъ, Псковъ и другіе города въ 1665 г. (1847, II (XV), IV, 23—24). 6) Смѣтныя росписи городовой службы 194 г. Сообщ. для сравнительной статистики древней Руси (ib., 39—40). 7) Письма къ гетману Мазепѣ, объ его сестрѣ г-жѣ Войнаровской (1847, V (XVIII), IV, 67—70). 8) Письмо гетмана Мазепы къ государямъ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ 1696 г. (ib., 160). 9) Указъ Государя царя Петра I гетьману Мазепѣ 1705 года (ib., 160). В) во «Временникѣ»: 1) Книга сеунчей 123 г. (1849, кн. IV, II, 1—8). 2) Письма къ князю Василью Васильевичу Голицину отъ разныхъ лицъ (1850, кн. VI, III, 36—48; VII, III, 69—76; VIII, III, 51—54; 1852, XIII, III, 25—36). 3) Роспись чеховому дѣлу, поскольку серебра въ мѣдь класть, и сколько того будетъ, въ трехъ статьяхъ (1850, VIII, III, 41—42). 4) Письма къ Андрею Ильичу Безобразову: а) отъ его дворецкаго 7189 г. (1851, IX, III, 52—61); б) отъ его прикащика и старостъ (1853, XVII, III, 8—9); в) отъ его повѣренныхъ и родственниковъ, по разнымъ судебнымъ дѣламъ, писанныя въ 7189 г., всего 21 письмо (1855, XXI, III, 1—20). 5) Выпись изъ книгъ Китайскаго отпуска 1710 г. (1851, IX, III, 63—64). 6) Явочная книга Нижегородской таможни 1722 г. (1851, XI, III, 13—23). 7) Двѣ челобитныя всѣмъ горо-

домъ по случаю неправильной записки въ служилый списокъ, не по службѣ и не по отечеству 1639 г. (ib., 24). 8) Роспись книгамъ святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, учиненная по патріарщему приказу Павломъ Ивановичемъ Волынскимъ и дьякомъ Дементіемъ Образцовымъ 20 окт. 7140 г. (1852, XII, III, 1—9). 9) Составъ чиновъ Московскаго Университета въ 1772 г. (1852, XV, III, 1—10). 10) О продажной цѣнѣ вина въ 7185 г. (ib., 31). 11) Роспись полевой мѣры 1709 г. (1853, XVII, III, 66—90). 12) Книга сеунчей 162 и 163 гг. (1854, XVIII, II, 1—28). 13) Отводная грамота на спорныя земли въ Гороховскомъ у. 7038 г. (ib., III, 33—56). 14) Жалованая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Троицкому Архимандриту Іоасафу (1855 XXIII, III, 7). 15) Въ докладъ 198 году (объ отпускѣ служилыхъ въ города на воеводства и на приказы)—(1856, XXIV, III, 55—56). 16) Жалованыя грамоты царя Алексѣя Михаиловича за Литовскій походъ и другія службы (1857, XXV, III, 16—21). 17) Челобитная Государю всѣмъ городомъ 7152 (ib., 23—25).

Бѣляевъ помѣщалъ свои изслѣдованія, рецензіи и матеріалы еще въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) «Москвитянинъ»: 1) Рецензія на кн. «Истор. описаніе одежды и вооруженія рус. войскъ» (1842, ч. III, № 36). 2) Рецензія на кн. «Описаніе Государ. разряд. Архива», состав. Ивановымъ (1843, I, 537—541). 3) Тоже «Памятники москов. древности», тетр. 3 и 4 (ib., 542—548). 4) Историч. описаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, рецензія (ib. 549—554). 5) Спасо-Андрониковъ монастырь Н. Д. Иванчина-Писарева (рецензія—ib., 555—559). 6) Русскій Истор. Сборникъ, изд. Общ-омъ Ист. и Д. Р., тт. I—V, М., 1837—1842 (критика ч. V, № 9, 156—189). 7) Городъ Москва съ его уѣздомъ, историч. изслѣдованіе И. Д. Бѣляева о распространеніи Москвы и Москов. княжества (1844, I, 298—310; V, 177—185). 8) Выходы государей, царей и в. князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича, Ѳеодора Алексѣевича, всея Руси самодержцевъ (съ 1632 по 1682 г., М., 1844), изд. П. М. Строевымъ (ч. V, № 9, 154—166). 9) Прогулка по древнему Коломен. у., соч. Н. Д. Иванчина-Писарева, М., 1844 г. (ib., ч. II, № 3, 75—78). 10) И. Снегиревъ: «Памятники москов. древности съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы, древнихъ видовъ и плановъ др. столицы», М., 1841—1845 (1845, ч. V, № 10, 230—252). 11) «Путеводитель по государ. архивамъ, состоящимъ при правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ», г. Иванова (ib. 253—254). 12) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о рус. исторіи, М. Погодина, I—III кн. (критика, 1846, ч. IV, № 8, 168—179). 13) Нѣсколько словъ по поводу ст. г. Грановскаго: «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ» (1855, ч. II, № 12, 115—125). 14) Церковь св. Іоанна Златоуста въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (Письмо къ редактору, ib., 143—144). Объ открытіи Бѣляевымъ «Исторіи о россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ», см. «Москвит.», 1853, I, 3—16; III, 81—82).

2) «Московскій Городской Листокъ» за 1847 г.: Замѣтка о соч. С. Соловьева: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома».

3) «Кіевлянинъ», альманахъ изд. М. Максимовича, М., 1850: «Великій князь Михаилъ Черниговскій».

4) «Гостинецъ», альманахъ изд. «Москвит.», М., 1850: «Святые мужи (митрополитъ Алексѣй и преподобный Сергій, основатель Троицкаго монастыря)».

5) «Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній»: 1) О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ (кн. I, отд. I, 97—110, М., 1850 г.). 2) Двѣ выписки изъ лѣтописнаго сборника. Погодинской библіотеки, XVII в., о стоглавомъ соборѣ и о свойствахъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, съ краткимъ описаніемъ сборника и съ руководящими замѣчаніями (ib. отд. VI, 30—31). 3) Списки судные и докладные и грамоты правыя и безсудныя въ москов. государствѣ кн. II, пол. 1, III, 115—128) М. 1855. 4) Образцы списковъ докладныхъ и грамотъ правыхъ и безсудныхъ (XV в.)—(ib., 129—135). 5) Изслѣдованіе о степеняхъ рабства въ Россіи (М., 1859).

6) «Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества»: Географическія свѣдѣнія въ древней Россіи IX и XV вв. (1851, кн. V).

7) «Записки Имп. Археологич. Общества»: Были ли на Руси монеты до XIV ст. (1853 г., т. V, вып. 2 и 3).

8) «Записки Одесскаго Общ. Ист. и

Др.»: О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ монголовъ (1853 г., т. III, отд. 1).

9) «Извѣстія Имп. Ак. Наукъ по Отд. русск. яз. и словесн.»: 1) О договорахъ князя Олега съ Греками (въ извлеченіи Срезневскаго И. И.—1852, т. I, 309 и 1854, т. III, стр. 257). 2) Давиилъ, митрополитъ Московскій (1856, т. V, вып. IV, 193—209).

10) «Московскій Сборникъ» за 1852 г.: Служилые люди въ Московскомъ государствѣ, слуги или дворяне, а впослѣдствіи дѣти боярскіе (т. I, 356—382).

11) «Журн. Мин. Нар. Пр.»: 1) Объ общественномъ значеніи христіанской церкви и ея учрежденій на Руси отъ Владиміра Св. до монгольскаго владычества (1856, XCI ч., II, 1—34 и отдѣльно). 2) Города на Руси до монголовъ (1858, ч. LVII, II, стр. 157).

12) «Русск. Бесѣда»: 1) О бѣлой землѣ и о составѣ древнихъ рус. общинъ по поводу соч. Чичерина: «Обзоръ историческаго развитія сельскаго общества въ Россіи, ст. въ отд. критики (1856, кн. I, 101—147). 2) Разборъ разсужденія кандидата Гладкова: «О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности» (1856, кн. II, 91—113). 3) Еще о сельской общинѣ (на отвѣтъ г. Чичерина, помѣщ. въ «Рус. Вѣстн.», № 12)—(кн. II. 114—141). 4) Споръ о сельской общинѣ С. Соловьева (кн. IV, крит., 115—123). 5) Приходъ (1857, кн. III, 90—96). 6) Кварталъ (ib. VIII, кн. IV, 148—160). 7) Разборъ ст. г. Лохвицкаго: «Очеркъ церковной администраціи въ др. Россіи» (1857, кн. VII, III, 1—44 и отдѣльн. отт.). 8) О томъ же «Замѣтка на письмо г. Лохвицкаго къ редактору «Рус. Вѣстн.» (1858, кн. IX, III, 46—53). 9) По поводу статьи Иванишева о древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи (1857, III, 58—63). 10) Городъ (1858, I, 197—212). 11) Рецензія на ст. А. Вельтмана: Историческій взглядъ на крѣпостное состояніе Россіи и разсказъ о томъ же предметѣ въ газетѣ «Le Nord» (II, 93—98). 12) Деревня (ib. 1858), II, 189—208). 13) Рецензія на V т. «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій по рус. ист.» М. Погодина (ib., 28—45). 14) Рецензія на «Бѣлевскую Вивліоѳику», изд. Н. Елагинымъ, тт. I и II (кн. XI, III, 1—46). 15) Тоже на соч. В. Лешкова: «Русскій народъ и государство Исторія рус. общественнаго права до XVIII в.» (кн. XII, III, IV—Бартеневъ 35—72 см. также отчетъ о 3 присужд. наградъ гр. Уварова). 16) Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ рус. общ. (1859, кн. XIII—XVIII, №№ I—VI, отд. II, стр. 33—86, 39—94, 65—104, 51—112, 13—78, 95—180; отдѣльно въ 1860 г.). 17) О круговой порукѣ на Руси (1860, № II, кн. XX, II, 1—100).

13) «Архивъ истор. и практич. свѣдѣній о Россіи»: Законы и акты, устанавливающіе въ др. Руси крѣпостное право (1859, кн. II, 72—112).

14) «Народное Чтеніе»: 1) Разсказы изъ русской исторіи, отъ Іоанна IV до единодержавія Петра I (1859, кн. 4 и 5, 70—128 и 10—91). 2) Разсказы изъ русской исторіи, пятый и шестой. О царствованіи Петра Великаго (1860, кн. 2 и 3, 1—65 и 1—24).

15) «Журналъ Мин. Юстиціи»: О вызовѣ въ судъ по древнимъ русск. законамъ до Уложенія 1649 г. (1860, т. III, № 2, отд. III, 97—143).

16) «Юридич. Журналъ»: О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину (1861, №№ 7—9, отд. II, 289—304, 333—343 и 388—396).

17) «День»: 1) Гдѣ взять учителей для сельскихъ школъ (1861, № 9). 2) Тысячелѣтіе русской земли (Историч. очеркъ)—1862, № 12. 3) Отвѣтъ Тульскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ на замѣчаніе къ статьѣ, гдѣ взять учителей для сельскихъ школъ (ib., № 18). 4) Замѣтка на замѣтку Русскаго Инвалида о народныхъ школахъ (№ 20). 5) Замѣчанія на ст. «Къ вопросу объ улучшеніяхъ въ бытѣ духовенства», помѣщенную въ № 1 Православнаго Обозрѣнія за 1862 г. (№ 22). 6) Рецензія на «Вѣстникъ Юго зап. и Западной Россіи» (№№ 1—6), т. I и II, Кіевъ, 1862 г. (№№ 47 и 48). 7) Своевременна ли отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ настоящую пору (Историч. обзоръ) №№ 50 и 52. 8) Рецензія на «Вѣстникъ Юго-зап. и Запад. Россіи», т. III и IV (1863, №№ 9 и 10). 9) Историческій документъ о гимназіи при Петрѣ Великомъ (ib., № 15). 10) Панихида крестьянъ въ Москвѣ по убитыхъ польскими мятежниками русск. воинахъ. (Какъ совершались поминовенія

въ старое время на Руси) (№ 16). 11) Разборъ сочиненія: «Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской православной епархіи, состав. архимандр. Амвросіемъ, намѣстникомъ Почаевской Лавры (1865, № 29). 12) Этнографическіе рисунки Тамбов. и Воронеж. губ., писанные съ натуры С. Павловымъ (ib. №№ 31 и 32). 13) По поводу этнографической выставки (№ 41). 14) Нѣсколько словъ Боклю съ братіей (№№ 45 и 46). 15) Построена ли русская церковь въ Ташкентѣ? (№№ 47 и 48).

18) «Зритель» за 1862 г.: 1) Русск. общество при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и его преемникахъ до самодержавія Петра (№№ 19 и 20, 598—602 и 630—636). 2) Новгородъ Великій до Рюрика (№ 32. 130—138). 2) Новгородъ при Александрѣ Невскомъ и его братьяхъ (№№ 43 и 44, 490—494 и 522—527).

19) «Ученыя записки Казан. Унив.»: Положеніе русск. общества въ царствованіе Михаила Θеодоровича (1862, II, 245—253).

20) «Душеполезн. Чтеніе»: 1) Святый Константинъ (нареченный Кириллъ) и Меθодій, учители славянскіе (1862, II, авг., 331—363). 2) Преподобный отецъ нашъ Θеодосій Печерскій (1863, ч. I, апрѣль, отд. I, 365—416). 3) Святый Владиміръ Равноапостольный, в. кн. Кіевскій и всея Руси (1864, II, іюль, 184—232).

21) «Чтенія въ Москов. Общ. любителей духов. просвѣщенія», 1863 г., вып. I: Церковь и духовенство въ древнемъ Псковѣ (стр. 31—54).

22) «Православное Обозрѣніе»: 1) Памятники русск. церков. законодательства. Стоглавъ и Наказные списки по Стоглаву (1863, XI т. (№ 7), I, 189—215). 2) Полоцкая православная церковь до Брестской уніи (1870, № I, 103—128; № II). 3) Возстановленіе Реконьской пустыни (1873, III, № 3, 165—169).

23) «Русск. Архивъ»: Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка (митр. Гавріила и Платона) къ Ярославскому архіепископу Арсенію Верещагину (1864, 1163).

24) «Библіотека для Чтенія»: Русское общество отъ кончины Петра I до Екатерины II (1865, № 3, 57—97).

25) «Извѣстія Общества Любителей Естествозн., Антропологіи и Этнографіи: 1) Какъ образовалось великорусское племя и какое сословіе принять представителемъ великорусскаго племенного типа (т. II, М., 1865). 2) Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа (т. III, вып. 1, М., 1866). 4) Раскопки кургановъ, произведенныхъ г. Самоквасовымъ въ Курской и Черниговской губ. (т. X, вып. 2, М. 1874). 5) О раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ 1838 и 1854 гг. и свѣдѣнія о курганахъ Россіи (Съ приложеніемъ портрета Бѣляева—т. XX, М., 1876). 3) О великорусскомъ племени, Сборникъ Дашкова, кн. 1 (т. VII, М., 1868).

25) «Москов. Универс. Извѣст.», 1866—1867 г., № 4, 241—306 и «Отчетъ»: Земскіе соборы на Руси (рѣчь).

27) «Русскій Вѣстникъ»: 1) Сказаніе о началѣ Москвы (1868, т. LXXIV, № 3, 1—26). Латинская церковь въ сѣв.-зап. краѣ до Брестской уніи (1870, т. XC, № 11, 5—39). 3) Разборъ соч. Погодина «Древняя русск. исторія до монгольскаго ига» (1873, т. CIV, № 4, 865—875).

28) «Русск. Старина»: Письма къ Петру I царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексѣевны 1693—1694 гг. (1871, т. IV, 578—582). Слово расколоучителя Денисова: «Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выго-пустыннаго общежительства Екклесіарху Петру Прокопіевичу; сочинено того-же общества г. Киноваріархомъ Андреемъ Діонисіевичемъ», сообщено Бѣляевымъ въ 1870 г. (1879, XXVI, 523—537). Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871). — Рѣчь И. Д. Бѣляева, М., 1872.

Біографич. словарь профессоровъ и препод. Москов. Унив., чч. I, 136—139 и II, 269—270. М., 1855.—Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона.—Отчетъ о диспутѣ (г. Бѣляева) въ Унив. 5 іюня («Москов. Вѣд.», 1858, № 74).—Замѣтка о диспутахъ («Рус. Вѣст.», 1858, т. XV, № 11 іюнь, кн. I, 306—311).—Защищеніе диссертаціи на степень магистра кандидатомъ И. Д. Бѣляевымъ (Ж. М. Н. П.. 1858, ч, 99, VII 30—35).—Памяти профессора И. Д. Бѣляева, одинъ изъ его учениковъ («Моск. Вѣд.», 1873, № 306).—На память о скончавшемся И. Д. Бѣляевѣ («Гражданинъ», 1873, № 48).—О погребеніи проф. Моск. Унив. Бѣляева, очевидецъ (ib., № 49; о томъ же «Рус. Міръ», 1873, № 328).—Некрологи («Гражд., 1874, № 3; «Биржевыя Вѣд.», 1873, № 314; «Новое Время», 1873 № 26, 1 декабря; «Русскій календарь на 1875 г.», изд. А. Суворина; «Всеобщій календарь на 1875 г.», изд. Г. Гоппе).—Рѣчи при погребеніи и поминовеніи И. Д. Бѣляева, сказанныя протоіер. Н. А. Сергіевскимъ и И. Ф. Некрасовымъ («Православное Обозрѣніе», 1873,

№ 12, 961—968).—Въ память проф. Москов. Ун. И. Д. Бѣляеву, свящ. В. Нечаева («Душеп. Чт.», 1874, ч. I, № 1, 84—90).—Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ (Некрологъ) Петровскаго (въ Отчетѣ Моск. Ун. за 1874 г. и отдѣльно).—Воспоминанія Барсова объ И. Д. Бѣляевѣ («Чтенія» М. О-ва И. и Д. Р., 1882, кн. I, смѣсь, 1—21).—Переписка И. Д. Бѣляева съ учеными и литераторами, съ примѣчаніями Е. В. Барсова (ib., 21—32).—Изъ писемъ И. Д. Бѣляева къ А. Н. Попову (1848—1859).—Русскій Архивъ, 1886, III, 241.—Эксъ (А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ), На полъ-пути, очерки и замѣтки (въ отдѣлѣ: «Изъ моего альбома фотогр. карточекъ» помѣщена карточка И. Д. Бѣляева). П., 1874. Фотографія Бѣляева еще имѣется въ извѣст. общ. любителей естествознанія (т. XX, кн. II, вып. 1, М., 1875).—Воспоминанія, мысли и признанія человѣка, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина («Русск. Старина», 1896, № 1, 200—202).—Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. XIV—XVI;—Лѣтопись занятій археограф. комис., вып. V, XI. Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи т. I, полов. I и II.

Труды Бѣляева перечислены въ слѣдующихъ изданіяхъ: Біогр. словарь профессоровъ и препод. Моск. Ун., ч. I, М. 1855.—Указатель матеріаловъ и изслѣдованій по истор. русскаго права, издан. до 1856 г. (Архивъ историч. и практ. свѣдѣній. кн. VI, стр. 127, П., 1861).—«Новое Время», 1873, № 26 (1 декабря) (самый подробный списокъ но во многомъ невѣрный и неточный). Реестръ сочиненій, ст. и истор. юрид. документовъ, Петровскаго (не особенно точный и съ пропусками) въ Отчетѣ Московск. Ун. за 1874 г. (и отдѣльно).—Наука исторіи русскаго права, Загоскина, Казань, 1891 (съ большими пропусками).- Въ рецензіи Владимірскаго-Буданова на кн. И. Д. Бѣляева: «Лекціи по исторіи русскаго законодательства» («Кіев. Ун. Изв.», 1879, № 6, 136—164; одинъ изъ лучшихъ списковъ трудовъ, но не совсѣмъ точный и съ пропусками).—Въ предисловіи къ 4-му изд. «Крестьянъ на Руси», М., 1908 (очень неисправный см. замѣтку Дьяконова въ «Вѣстн. и Библіот. Самообр.», 1904, № 27 и Городецкаго въ «Истор. Вѣст.», 1904, № VII. библ.): Наиболѣе полный и точный списокъ трудовъ составленъ П. Мрочекъ-Дроздовскимъ «Чтенія», 1905, кн. 2 сравн. «Истор. Вѣст.», 1905, (критика). Подробную литературу критическихъ отзывовъ о сочиненіяхъ Бѣляева см. въ книгѣ Венгерова «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, П., 1900. *М. В. Клочковъ.*

Бѣляевъ, *Илья Васильевичъ*, профессоръ Московской духовной семинаріи, писатель, родился въ 1827 г. Образованіе получилъ въ Московской Духовной Семинаріи, затѣмъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1850 г. со степенью магистра. Въ 1852 г. назначенъ профессоромъ исторіи въ Московскую Духовную Семинарію; этотъ же предметъ преподавалъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Умеръ 25-го января 1867 г. Бѣляевъ написалъ нѣсколько сочиненій по русской исторіи. Его изслѣдованіе: «Наказные списки соборнаго уложенія (1551) или Стоглава», Москва, 1863, переведено Боденштедтомъ на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: «Russische fragmente». Большая часть трудовъ Бѣляева была помѣщена въ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ». Отдѣльно изданы, кромѣ «Наказныхъ списковъ»: 1) «Жизнь св. Кирилла и Меѳодія», М. 1865; 2) «Жизнь преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго», М. 1865; 3) «Благовѣрная Евдокія, великая кн. Московская», М. 1866, и 4) «Царь и великій князь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный», М. 1866. Полный перечень сочиненій Бѣляева приведенъ въ «Библіограф. Запискахъ», январь 1892 г., стр. 32. По своимъ воззрѣніямъ, Бѣляевъ принадлежалъ къ славянофиламъ. «Основой убѣжденій Бѣляева, по отзыву одного изъ его учениковъ («Москва» 1867 г., № 24), была вѣра въ величіе духовныхъ силъ русскаго народа. Выше же всего онъ ставилъ значеніе Православной церкви въ ходѣ русской исторіи, и судьбы православія ревностно имъ изучались», что можно видѣть изъ приведеннаго перечня трудовъ Бѣляева. Бѣляевъ состоялъ, съ 15 мая 1861 г., дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности и Общества любителей духовнаго просвѣщенія—съ 1863 года. Илья Васильевичъ Бѣляевъ—двоюродный братъ извѣстнаго И. Д. Бѣляева, бывшаго профессора Московскаго Университета.

«Москва» 1867 г., №№ 22—24; «Иллюстр. Газета» 1867 г., № 5, стр. 79; «Библіограф. записки» 1892 г., № 1, стр. 31—32; «Исторія Москов. дух. академіи», С. Смирнова, стр. 558: «Москов. дух. Семинарія», М. 1889 г., стр. 23—78; «Русскій Архивъ» 1886 г., кн. 10, стр. 252 (упоминаніе о Бѣляевѣ въ письмѣ проф. Бѣляева къ А. Н. Попову); Геннади, I, стр. 126.

Бѣляевъ, *Осипъ Петровичъ*, писатель, служилъ при Кунстъ-Камерѣ и Библіотекѣ (унтеръ-библіотекаремъ) Имп. Академіи Наукъ и имѣлъ чинъ—съ 1800 г., колл. асс., а затѣмъ—надв. совѣтника; умеръ въ 1807 г. Въ 1788—1789 г.г. онъ сотрудничалъ въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», гдѣ, въ ч.ч. XX—XXXVII помѣстилъ много своихъ переводовъ въ прозѣ и стихотвореній, эпиграммъ, басенъ, пѣсенъ и т. п., которыя изданы были, съ прибавленіемъ другихъ, особою книжкою. подъ заглавіемъ «Муза, или собраніе разныхъ забавныхъ сочиненій,

въ стихахъ» (Спб. 1794); служа при Кунстъ-Камерѣ, онъ составилъ ея подробное описаніе, которое и вышло въ 1793 г. (2 ч.) подъ названіемъ «Кабинетъ Петра Великаго» (изд. 2-е, Спб. 1800); кромѣ того, ему принадлежитъ книга «Духъ Петра Великаго» (Спб. 1798).

Словари: Митр. Евгенія, Геннади, Плюшара. Венгеровъ, источники для словаря русск. писат., его-же «Русскія книги»; Неустроевъ—«Историч. разысканіе» и указатель къ нему: Сематск. Архивъ, т. I; «Систем. и алфав. указатель статей, помѣщ. въ період. изд. и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ», ч. II, Спб. 1875 г.

Бѣлянкинъ, *Лука Евдокимовичъ*, сынъ купца, Московскій купецъ, самоучка-писатель 1840—1870 годовъ, ум. въ Москвѣ 9-го марта 1874 г., 66 л. Среди различныхъ написанныхъ Бѣлянкинымъ книгъ первое по числу мѣстъ занимаютъ книги для дѣтей: 1) «Приключенія съ индѣйцами на необитаемыхъ островахъ», Москва, 1856 г. и 1870 г.; 2) «Игра случая, или еще Робинсонъ Крузо, или еще путешественникъ», Москва, 1857 г. и 1870 г.; 3) «Разсказы туриста для дѣтей обоего пола и возраста о происшествіяхъ, почерпнутыхъ имъ изъ своей жизни изъ похожденій и воспоминаній во время кругосвѣтнаго его плаванія», Москва, 1868 и 1874 г.г.; 4) «Материнская любовь къ дѣтямъ или разсказы и сказки», Москва, 1850 г. 5) «Золотая рыбка», Москва, 1869 г.; 6) «Морскія тайны, или разсказы пустынника, заброшеннаго судьбою на одинъ изъ необитаемыхъ острововъ Великаго океана и его съ ними приключеніяхъ», Москва, 1871 г.; 7) «Незабудка, нравственные разсказы для дѣвочекъ и мальчиковъ съ осьмью картинками», Москва, 1871 г.; 8) «Кораблекрушеніе, или кто на морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не молился», Москва, 1874 г. Далѣе слѣдуютъ книги, представляющія собою описаніе различныхъ святынь и праздниковъ: 1) «Историческія записки и свѣдѣнія о Покровскомъ и св. Василія Блаженнаго соборѣ, въ столичномъ градѣ Москвѣ, основанныя на вѣрныхъ фактахъ и почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ», Москва, 1847 г. и 1867 г.; 2) «Историческія записки о Фроловскихъ, что нынѣ Спасскія, Кремлевскихъ воротахъ, содержащія въ себѣ обзоръ достопамятностей этого мѣста и почерпнутыя изъ историческихъ источниковъ», Москва, 1850-1872 г.г.; 3) «О празднованіи въ Москвѣ въ честь иконы Пресвятой Богородицы, именуемой Боголюбскія, съ приложеніемъ очерка жизни князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго», Москва, 1859, 1869, 1871, 1873 и 1876 г.г.; 4) «Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, основанное на сказаніи древнихъ лѣтописцевъ, съ приложеніемъ вѣрнѣйшаго снимка съ изображенія Господа Вседержителя, находящагося въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ главномъ куполѣ», Москва, 1862 г.; 5) «Сказаніе о жизни и чудесахъ святого блаженнаго Іоанна, Московскаго чудотворца (3 іюля 1589 г.)», Москва, 1862 г.; 6) «Великій постъ и Свѣтлое Христово Воскресеніе, о томъ, какъ православные христіане встрѣчаютъ и проводятъ этотъ великій праздникъ», Москва, 1869 г. Наконецъ, Бѣлянкину же принадлежатъ слѣдующія книги: 1) «Думы, мысли, изрѣченія и воспоминанія въ стихахъ и прозѣ», Москва, 1858 г.; 2) «Капитанъ корабля Бѣлянкинъ, нѣкоторыя черты изъ жизни моряковъ въ ихъ домашнемъ быту въ корабельной каютѣ и на палубѣ во время ихъ плаваній по морямъ», Москва, 1871 г.

С. А. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей», томъ 1-й, Спб. 1900 г.— С. А. Венгеровъ: «Русскія книги», томъ 3-й. Спб. 1898 г.; (В. И. Саитовъ и Б. Л. Модзалевскій). Московскій некрополь, т. I, Спб. 1907 г. стр. 170.

✓ **Бэръ,** *Карлъ-Эрнестъ*, фонъ, знаменитый естествоиспытатель, прославившійся, особенно какъ ихтіологъ и основатель науки эмбріологіи, родился 17 февраля 1792 года въ родовомъ имѣніи Пипъ, въ Іервенскомъ округѣ, Эстляндской губ., отъ дворянина и ландрата Магнуса фонъ-Бэра, человѣка небогатаго и обремененнаго весьма многочисленнымъ семействомъ. При стѣсненныхъ обстоятельствахъ, старикъ Бэръ съ радостью согласился на предложеніе своего богатаго и одинокаго брата, жившаго въ Вирландѣ въ собственномъ имѣніи Ляссилѣ, взять къ себѣ на воспитаніе двухъ изъ сыновей его. Жребій палъ на Карла и брата его Фридриха, которые и были отправлены въ Ляссиль: тамъ маленькій Бэръ прожилъ до 1799 г. По возвращеніи въ родительскій домъ, началось вскорѣ образованіе восьмилѣтняго мальчика. Сначала была приглашена гувернантка, но вслѣдъ затѣмъ, благодаря счастливой случайности, одинъ за дру-

гимъ, появились въ Пипѣ два талантливыхъ преподавателя, Штрейнгруберъ и Гланстремъ, имѣвшіе весьма важное вліяніе на умственное развитіе ребенка. Они развили въ немъ любовь къ математикѣ и естествознанію. Еще въ ранней молодости, до поступленія въ гимназію, Бэръ любилъ предпринимать экскурсіи въ поле, собирать растенія и классифицировать ихъ по собственному пониманію. Это были первые самостоятельные шаги въ области знанія будущаго героя науки. 14-ти лѣтъ отъ роду Бэръ поступилъ въ дворянскую соборную школу въ Ревелѣ, гдѣ онъ пробылъ три года и по окончаніи курса поступилъ въ Дерптскій университетъ. Въ числѣ профессоровъ юнаго университета было нѣсколько знаменитостей, познаніями которыхъ широко воспользовался Бэръ. Онъ слушалъ лекціи ботаники и зоологіи у Ледебура, анатоміи и физіологіи у Бурдаха, практической медицины у Банка. Окончивъ курсъ, Бэръ написалъ и защитилъ первую свою диссертацію объ эндемическихъ болѣзняхъ, встрѣчающихся у эстонцевъ (De morbibus inter Ehstonos indemis), за которую, въ августѣ 1814 г., удостоенъ степени доктора медицины. Много содѣйствовало расширенію круга медицинскихъ познаній Бэра, въ особенности же въ области практической хирургіи и резекціи,—кампанія 1812 г. Съ самаго появленія французовъ въ Россіи и по 1814 годъ Бэръ провелъ, занимаясь, въ качествѣ врача, въ большомъ военномъ лазаретѣ въ Ригѣ. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ молодой ученый поѣхалъ въ Вѣну—познакомиться съ устройствомъ клинической части; потомъ въ Вюрцбургѣ, подъ руководствомъ Деллингера, занимался сравнительною анатоміей и, наконецъ, антропологіей. Здѣсь, въ Вюрцбургѣ, Бэръ познакомился съ Неесъ-фонъ-Эзенбекомъ и это знакомство имѣло впослѣдствіи рѣшающее вліяніе на характеръ и направленіе ученой дѣятельности Бэра; онъ, какъ извѣстно, въ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ постепенно удалялся отъ первоначальной спеціальности и въ письмахъ къ близкимъ лицамъ самъ называлъ себя «дезертиромъ медицины». Покинувъ, въ сентябрѣ 1816 года, Вюрцбургъ, Бэръ отправился въ Берлинъ, гдѣ, въ теченіе зимы, посѣщалъ клинику Озанна, чтенія о гальванизмѣ Эрмана, слушалъ лекціи о животномъ магнетизмѣ у Вольфарта и кристаллографію и геологію у Вейса. Вернувшись, лѣтомъ 1817 г., на короткое время, на родину, Бэръ уѣхалъ въ Кенигсбергъ на должность прозектора Бурдаха, при тамошнемъ институтѣ. Здѣсь Бэръ основалъ весьма богатый видами зоологическій музей и составилъ «Путеводитель по зоологическому Кенигсбергскому музею». Въ 1819 году его назначили экстраординарнымъ, а вскорѣ послѣ того ординарнымъ профессоромъ зоологіи; кромѣ того, Бэръ состоялъ преподавателемъ при основанномъ имъ зоологическомъ музеѣ. Бэръ въ это время много работалъ; кромѣ чтенія лекцій «о строеніи позвоночныхъ животныхъ», онъ защитилъ диссертацію объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ въ Пруссіи (De fossilibus mammalium reliquiis in Prussia repertis. Regiomontani, 1823), производилъ наблюденія надъ видоизмѣненіями медузы и изслѣдованія строенія осетра и яичниковъ нѣкоторыхъ рыбъ; въ особенности заняло молодого ученаго въ это время изслѣдованіе стоячихъ водъ и ихъ обитателей, а также изученіе сѣверо-прусской флоры и фауны. Все это труды, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ совершенный переворотъ въ наукѣ относительно весьма многихъ существовавшихъ до Бэра взглядовъ. Въ Кенигсбергѣ Бэръ провелъ всего 17 лѣтъ, оставляя его два раза на короткое время, до окончательнаго переселенія въ Петербургъ. Въ 1829 г., Бэръ, приглашенный академикомъ въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, пріѣхалъ одинъ, оставивъ свою семью въ Кенигсбергѣ (онъ женился тамъ на баронессѣ Медемъ) и, пробывъ здѣсь всего только годъ, снова вернулся въ Кенигсбергъ. Причиной тому были, съ одной стороны, настойчивыя просьбы семейства, не пожелавшаго разстаться съ роднымъ городомъ, а съ другой—старанія Прусскаго Королевскаго правительства удержать въ Германіи этого геніальнаго ученаго. Дѣло въ томъ, что это совпало съ тѣмъ блестящимъ періодомъ, когда изумительныя открытія Бэра въ области эмбрологіи раскрывали новый міръ передъ пораженными удивленіемъ европейскими корифеями естествознанія. Появились такія, небывалыя ранѣе, изслѣдованія, какъ напр. «De ovi mammalium et hominis genesi. Epistola ad Academiam Imperialem Scientiarum Petropolitanam», изданное въ

Лейпцигѣ въ 1838 году, въ которомъ геніальный изслѣдователь шагъ за шагомъ прослѣживаетъ исторію развитія органическихъ тѣлъ. Въ слѣдующемъ году начало появляться продолженіе этого безсмертнаго труда подъ заглавіемъ: «Ueber Entwickelungsgeschichte der Thiere, Beobachtungen und Reflexion», въ 2-хъ томахъ. Послѣдній трудъ единогласно признанъ ученымъ міромъ за изслѣдованіе, составляющее эпоху въ эмбріологіи. Послѣдовало вторичное приглашеніе со стороны С.-Петербургской Академіи Наукъ, отъ котораго Бэръ, какъ русскій ученый, не считалъ себя въ правѣ отказаться, и на этотъ разъ не взирая на самыя лестныя предложенія со стороны Германскихъ университетовъ и просьбы родныхъ, онъ покинулъ Германію и навсегда переселился съ семействомъ въ Петербургъ. Еще въ первый пріѣздъ свой сюда, въ 1831 году, Бэръ составилъ для Академіи Наукъ докладъ о трудѣ Палласа «Zoographia russo-asiatica». Въ 1835 г. появился въ Лейпцигѣ первый трудъ Бэра о рыбахъ, подъ названіемъ «Untersuchungen über die Entwickelung der Fische», положившій основаніе его славѣ, какъ замѣчательнѣйшаго ихтіолога. Къ этому труду Бэръ присовокупилъ, въ видѣ приложенія, двѣ статьи: «о плавающихъ пузырькахъ» и «наставленіе для лицъ, командированныхъ для изслѣдованія прожорливой гусеницы на поляхъ». Въ Россіи ожидала Бэра командировка на Новую Землю, куда онъ ѣздилъ сначала одинъ, а во второй разъ съ А. Ѳ. Миддендорфомъ. Въ Петербургѣ, въ стѣнахъ Академіи наукъ Бэръ развилъ колоссальную дѣятельность. Работая безъ устали надъ спеціально-учеными вопросами, онъ въ то же время усердно исполнялъ обязанность директора иностраннаго отдѣла академической Библіотеки, привелъ въ порядокъ и составилъ самъ не мало новыхъ собраній коллекцій рѣдкостей, въ числѣ которыхъ принадлежитъ ему также и знаменитая коллекція череповъ. При всѣхъ этихъ трудахъ Бэръ находилъ время въ теченіе цѣлаго десятилѣтія (съ 1841 по 1852 г.) преподавать въ Медико-хирургической академіи сравнительную анатомію и физіологію (лекціи онъ тогда еще читалъ на латинскомъ языкѣ), однако изслѣдованія ихтіологическія занимали этого ученаго болѣе всего и самымъ капитальнымъ трудомъ въ этой области знанія надолго останутся его изслѣдованія, составленныя во время Каспійской экспедиціи. Этимъ Бэръ сослужилъ великую службу своему отечеству. Россія обязана ему своимъ обширнымъ развитіемъ рыбной промышленности и основаніемъ рыбоводства. И то и другое осуществилось благодаря цѣлому ряду путешествій, предпринятыхъ Бэромъ къ берегамъ всѣхъ главныхъ рѣкъ, озеръ и морей европейской Россіи. Первое путешествіе его въ Астрахань предпринято имъ въ 1853 г. и это изслѣдованіе неутомимо продолжалось Бэромъ до 1857 г. Цѣлая литература создана имъ по этому предмету. Такъ въ 1 т. «Записокъ» Академіи Наукъ помѣщена статья его «о проектѣ разведенія устрицъ у русскихъ береговъ Балтійскаго моря и содержаніи соли въ разныхъ частяхъ его». Во 2 т. «Ученыхъ записокъ» академіи наукъ по I-му и III-му отд. (1854 г.) находится его же «Матеріалы для исторіи рыболовства въ Россіи и въ принадлежащихъ ей моряхъ». Это чрезвычайно обстоятельный трудъ, коимъ прекрасно освѣщаются наши рыбныя богатства и указываются причины, тормозящія развитіе рыбной промышленности. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ записокъ Бэра все по тому же предмету: «Объ употребленіи астраханской селедки» (1856), «Астраханскія сельди или сельдь Каспійскаго моря» и мн. др. Бэръ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ основателемъ сельдяной промышленности на Волгѣ; эта заслуга нашего великаго ученаго признана даже рыбопромышленниками, среди которыхъ возникла мысль о постановкѣ памятника Бэру въ Астрахани. Къ этому же времени относится и замѣчательное открытіе его, возведенное впослѣдствіи въ законъ—«законъ Бэра».

Путешествуя по берегамъ нашихъ рѣкъ и озеръ, Бэръ обратилъ вниманіе на особенность этихъ водяныхъ бассейновъ, заключающуюся въ томъ, что рѣки и даже озера сѣвернаго полушарія имѣютъ правый берегъ высокій, а лѣвый низменный, тогда какъ въ южномъ полушаріи замѣчается совершенно обратное явленіе. Хотя Гюльденштедтъ и Палласъ гораздо ранѣе Бэра обратили вниманіе на это явленіе, но дать ему объясненіе они не могли. Бэру принадлежитъ остроумнѣйшая гипотеза о меридіальномъ направленіи рѣкъ, объясненная имъ совокупною дѣятельностью вра-

щенія земли и теченія воды въ рѣкахъ; свой взглядъ на это явленіе Бэръ изложилъ въ особой статьѣ, напечатанной въ XXVII томѣ «Морского Сборника» за 1857 г., подъ заглавіемъ «Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ». Въ 1860 г. появились его «Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи», а въ слѣдующемъ году Академія наукъ командировала его, въ качествѣ представителя своего, въ Геттингенъ на конгрессъ антропологовъ. Любопытнѣйшій и крайне интересный докладъ Бэра о современномъ положеніи антропологіи было результатомъ этой командировки. Годъ спустя, въ 1862 г., минуло 50-лѣтіе докторства Бэра; маститый ученый подалъ въ отставку. Академія Наукъ, отпуская Бэра, избрала его въ 1865 г. своимъ почетнымъ членомъ. Проживъ послѣ отставки три года въ Петербургѣ, Бэръ поселился въ Дерптѣ. Въ 1864 г. появилась его автобіографія на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанная на счетъ эстляндскаго дворянства, учредившаго и стипендію его имени. Полувѣковое служеніе наукѣ не ослабило, между тѣмъ, живого интереса къ ней въ маститомъ ученомъ. Не будучи уже въ силахъ держать перо въ рукахъ, Бэръ продолжалъ диктовать и печатать свои любопытнѣйшія записки по разнымъ предметамъ естествознанія. Такъ, въ періодъ времени съ 1864 по 1875 вышло три тома ученыхъ рѣчей и статей подъ заглавіемъ «Reden, gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleine Anfsätze vermischten Inhalts». Въ издававшихся имъ и Гельмерсеномъ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs», а въ особенности въ IX томѣ, помѣщено много его работъ, преимущественно отчеты о ранѣе предпринятыхъ ученыхъ путешествіяхъ. Далѣе слѣдовало сочиненіе «Ueber die homerischen Localitäten in der Odyssee», изданное уже послѣ смерти Бэра его біографомъ, профессоромъ Штида. Въ 1866 г. написалъ онъ «объ открытіи профессоромъ Вагнеромъ безполаго размноженія личинокъ и о дополнительныхъ наблюденіяхъ по этому предмету Ганина», кромѣ того, этимъ свѣтиломъ науки прославленъ знаменитый трудъ другого великаго ученаго—«Anatome topohraphica»—проф. Пирогова. Наконецъ, незадолго до своей кончины, Бэръ читалъ въ Дерптѣ публичныя лекціи, изъ коихъ послѣдняя называлась «О Цейлонѣ и Новой Землѣ». Какъ эмбріологъ, Бэръ не имѣлъ себѣ равнаго; въ цѣломъ рядѣ капитальнѣйшихъ трудовъ имъ изложена теорія образованія протоплазмы и исторія развитія зародыша: «Ueber Medusa aurea» (напеч. въ 8-мъ томѣ «Архива» Меккеля за 1823 годъ), «Ueber die Kiemen und Kiemengefässe in den Embryonen der Wirbelthiere» (тамъ же 1827), «Untersuchungen über die Gefässverbindung zwischen Mutter und Frucht»—одно изъ остроумнѣйшихъ произведеній человѣческаго ума, появившееся въ Лейпцигѣ въ 1828 г.; «Noch ein Wort über das Blasen der Cetaceen» (напеч. въ журн. «Isis» 1828), «Ueber die Wanderungen der Zugvögel» (въ «Preussische Prov. Blatt», 1834, т. IX и XII), «Beitrag zur Entwickelungsgeschichte der Schildkröten» (помѣщ. въ «Archiw» Мюллера за 1834 г.); «Ueber das Gefässystem des Braunfisches» (Nowa Acta. Acad. C. L. naturae curios. 1834 т. XVII), «Bemerkungen über die Entwickelungsgeschichte der Muscheln» (Froriep's Notizen, т. XIII); «Entwickelungsgeschichte der ungeschwänten Batrachier» (Bullet. Scientif. I № 1); «Delphini phocaena anatome, Sectio prima (тамъ же, I № 4. 1836); «Expedition nach Lappland und Nowaja Semlja» (тамъ же, III т. 1838), «Anatomische und Zoologische Untersuchungen über das Wallross» (Мет. VI Ser. T. IV 1838); «Uber das Aussterben der Trierarten» (Bull. de l'Acad. de S.-Petersburg, т. VI); «Ueber ein neues Project Austern-Bänke an der Russischen Ostsee-Küste anzulegen» (тамъ же, т. IV); «Ein Wort uber einen blinden Fisch» (тамъ же, т. IV); «Человѣкъ въ естественно историческомъ отношеніи» («Русская фауна» Юл. Симашко, С.-Петербургъ, 1851); «О Каспійскомъ рыболовствѣ» (Журн. Мин. Гос. Имп. 1853, ч. I); «Crania selecta» (Mem. Ac. S.-Petersb., VI Ser. T. X, 1858); «Дѣйствительно ли киты выбрасываютъ водяные столбы?» («Натуралистъ», 1864); «Мѣсто человѣка въ природѣ» (тамъ же, 1865) и др.

Какъ человѣкъ и какъ ученый, Бэръ всей своей дѣятельностью принадлежитъ Россіи. Помимо того, что почти всѣ его труды направлены исключительно на изученіе и на пользу его отечества, достойно еще вниманія то обстоятельство, что въ собраніи любимѣйшихъ пѣсенъ,

записанныхъ собственноручно въ тетрадку 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ—Бэромъ, на первомъ мѣстѣ оказался гимнъ, сочиненный пасторомъ Лампе по случаю восшествія на престолъ Императора Александра I, въ 1801 г. и затѣмъ, уже будучи престарѣлымъ ученымъ, Бэръ восторгался «заслугами Петра Великаго для географіи», въ статьѣ своей, помѣщенной въ Сборникѣ Географ. Общества. Бэръ скончался 28 ноября 1876 г. въ Дерптѣ, гдѣ воздвигнуть ему памятникъ. Академія Наукъ, кромѣ учрежденія преміи его имени и бронзовой медали въ честь его дѣятельности, помѣстила послѣ кончины Бэра, его бюстъ въ зданіи библіотеки Академіи.

Лучшимъ матеріаломъ для біографіи Бэра служитъ, безспорно, его «Selbstbiographie», но она незакончена и, вслѣдствіе скромности автора, не содержитъ оцѣнки его трудовъ; за то въ этомъ сочиненіи имѣется подробный перечень статей, вышедшихъ изъ подъ его пера. Прекраснымъ источникомъ можетъ служить біографія, написанная проф. анатоміи Штида «C. E. von Baer. Eine biographische Skizze, (Braunschweig, 1877); къ сожалѣнію, здѣсь недостаточно освѣщены заслуги Бэра, какъ русскаго ученаго. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей Мюнстера, (1865) содержитъ недурно составленную, но, къ сожалѣнію, слишкомъ краткую біографію. Энциклопедическіе словари Березина и Брокгауза-Эфрона заключаютъ свѣдѣнія слишкомъ сжатыя и несовсѣмъ точныя; у Березина сказано, что Бэръ обучался въ Ригѣ, а у Эфрона число рожденія указано 28 февраля вмѣсто 17-го. Изъ біографическихъ очерковъ, касающихся преимущественно частной жизни Бэра, заслуживаютъ вниманія брошюра академика Гельмерсена «K. E. v. Baer's letzte Lebenstunden» и его же очеркъ, помѣщенный въ «Baltische Monatsschrift» т. XXV, 1877, стр. 250—257 и въ особенности прекрасная и обстоятельная статья, написанная родственникомъ покойнаго (M. v. L.) напеч. въ «S.-Petersburger Zeitung» въ №№ 47—53; краткая замѣтка по поводу кончины Бэра находится также въ отчетѣ. Имп. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1876—1877 г.г.

Л. Б. Вейнбергъ.

Бюланъ, *Иванъ*, (Bulant), композиторъ, писавшій музыку на русскіе тексты въ Петербургѣ, при императрицѣ Екатеринѣ II и императорѣ Павлѣ I. Пріѣхавъ въ Россію въ началѣ царствованія Екатерины II, Бюланъ поступилъ въ сентябрѣ 1783 г. въ фаготисты перваго казеннаго театральнаго оркестра. Оставивъ эту службу въ началѣ слѣдующаго года, онъ въ іюлѣ 1785 г. снова вернулся къ ней; жалованья онъ получалъ, при казенной квартирѣ, 800 р., а съ 1-го октября 1800 г.—1000 рублей въ годъ. Бюланъ написалъ болѣе десяти оперъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью. Большая часть этихъ оперъ написана на тексты Я. Б. Княжнина: «Добродѣтельный волшебникъ», «Притворно сумасшедшая», «Софонизба», «Владисанъ», «Мужья, женихи своихъ женъ», «Сбитенщикъ» (1786 г.) и другія. Опера «Сбитенщикъ», представляющая собою передѣлку мольеровской комедіи «L'école des femmes», шла въ первый разъ въ Каменномъ театрѣ 11-го мая 1789 г., имѣла огромный успѣхъ и выдержала множество представленій; еще въ 1853 г. роль сбитенщика пѣлъ знаменитый О. А. Петровъ. Въ 1787 г., по случаю празднованія въ Москвѣ двадцатипятилѣтія царствованія императрицы Екатерины II, Бюланъ написалъ музыку къ лирическому прологу съ хорами и балетами (на слова Хераскова): «Счастливая Россія или 25-лѣтній юбилей». Музыка оперъ Бюлана отличается живостью, легкостью, и въ ней часто встрѣчаются чисто-русскіе мотивы.

«Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ», Спб., 1892 г., I, 23, 27, 39, 44, II. 189, 198, 378, 521, III, 98, 169.—В. О. Михневичъ: «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи», Спб. 1879 г.—Энциклопедическіе словари Брокгаузъ—Ефронъ, Толля, Березина, Плюшара, Клюшникова.

Бюлеръ, баронъ *Карлъ Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, членъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, родился 26 іюня—7 іюля 1749 г. въ Штутгардтѣ и былъ старшимъ изъ четырехъ сыновей дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Якова-Альбрехта Бюлера отъ брака его съ Елизаветой Ивановной Гроссъ. Баронъ Яковъ-Альбрехтъ Бюлеръ находился въ то время на службѣ у герцога Вюртембергскаго.

Образованіе свое баронъ Карлъ Яковлевичъ закончилъ въ Тюбингенскомъ и Геттингенскомъ университетахъ и вскорѣ затѣмъ вступилъ въ русскую службу по дипломатической части. Его родной дядя съ материнской стороны Ѳеодоръ Ивановичъ Гроссъ состоялъ чрезвычайнымъ посланникомъ русскаго двора при Нижне-Саксонскомъ Округѣ, и благодаря его содѣйствію баронъ Бюлеръ былъ причисленъ къ этому посольству и получалъ отъ своего дяди неоднократныя порученія по дѣламъ русской службы. Въ концѣ 1772 г. баронъ Бюлеръ былъ отправленъ послан-

никомъ Гроссомъ въ Петербургъ съ различными дѣлами и по пріѣздѣ туда былъ принятъ въ 1773 г. на русскую службу, назначенный, по распоряженію Государственной Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ, въ нашу Гамбургскую миссію переводчикомъ въ канцелярію русскаго посла—вышеупомянутаго Гросса. Въ 1776 г. онъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, а въ 1780 г. въ коллежскіе ассесоры. 14-го ноября 1781 г. баронъ Бюлеръ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства во Франкфуртъ на Майнѣ съ назначеніемъ состоять при графѣ Н. П. Румянцовѣ. Произведенный 12-го февраля 1786 г. въ канцеляріи совѣтники, онъ въ 1787 г. былъ командированъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому, гдѣ и былъ назначенъ начальникомъ его дипломатической канцеляріи для веденія переписки на иностранныхъ языкахъ, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ полевыхъ почтъ. Послѣ взятія Очакова баронъ Бюлеръ былъ произведенъ (14-го апрѣля 1789 г.) въ статскіе совѣтники и въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ Мюнхенскому двору. Оставаясь по прежнему въ арміи при князѣ Потемкинѣ, баронъ Карлъ Яковлевичъ въ 1791 г. былъ отправленъ въ Вѣну для поздравленія отъ имени свѣтлѣйшаго князя и русской арміи Императора Леопольда II съ восшествіемъ на престолъ; кромѣ того, ему было поручено узнать намѣренія Вѣнскаго Кабинета относительно военныхъ дѣйствій противъ общаго непріятеля. Вскорѣ послѣ этого князь Потемкинъ скончался, и по распоряженію высшаго начальства баронъ Бюлеръ отправился на конгресъ въ Яссы, гдѣ онъ состоялъ при графѣ Александрѣ Андреевичѣ Безбородко. По заключенію мира баронъ Бюлеръ вернулся въ Петербургъ и 12-го февраля 1792 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ въ Польшу въ качествѣ полномочнаго министра при Тарговицкой конфедераціи. Съ уничтоженіемъ этой конфедераціи онъ остался въ Гроднѣ до закрытія послѣдняго польскаго сейма. 2-го сентября 1793 г. баронъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-ой ст. Пребываніе въ Гродно кончилось для Бюлера крупными перемѣнами въ его судьбѣ. Политическія событія въ охваченной тогда волненіями Польшѣ шли очень быстро и въ 1794 г. тамъ вспыхнула революція. Баронъ Бюлеръ былъ схваченъ польскими бунтовщиками и отправленъ въ Варшаву, гдѣ и содержался вмѣстѣ съ дипломатическимъ секретаремъ графа Игельстрома Павломъ Гавриловичемъ Дивовымъ въ арсеналѣ подъ арестомъ около 8 мѣсяцевъ. Получивъ наконецъ свободу, онъ вернулся въ Петербургъ и за спасеніе и сохраненіе во время возстанія всѣхъ нужныхъ посольскихъ бумагъ былъ въ томъ же 1794 г. награжденъ единовременнымъ пособіемъ въ размѣрѣ 1000 рублей и пожизненной арендой. 20-го февраля 1795 г. онъ вернулся въ Мюнхенъ къ исполненію прежнихъ своихъ обязанностей полномочнаго министра при Курфюрстѣ Баваро-Пфальцскомъ. 5-го апрѣля 1797 г., въ день коронованія императора Павла I-го, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и въ томъ же году былъ командированъ съ особыми порученіями сначала въ Штутгардтъ ко двору родителей императрицы Маріи Θеодоровны, а потомъ въ Регенсбургъ на имперскій сеймъ. 22-го февраля 1798 г. получилъ онъ орденъ Анны 1-й ст. Въ 1799 г. баронъ Бюлеръ, согласно полученной имъ отъ Императора Павла инструкціи, велъ переговоры съ курфюрстомъ Баварскимъ по дѣламъ Мальтійскаго ордена. 29-го декабря того же года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго вслѣдствіе представленія генералиссимуса князя Суворова о заслугахъ Бюлера по оказанію всевозможнаго содѣйствія при проходѣ русскихъ войскъ черезъ Баварію. Въ 1802 г. баронъ Бюлеръ получилъ важное дипломатическое порученіе по составленію въ Регенсбургѣ, вмѣстѣ съ французскимъ министромъ Лафоре, акта ручательства относительно опредѣленнаго на тамошнемъ сеймѣ, при посредничествѣ Россіи и Франціи, обращенія духовныхъ имѣній въ свѣтское владѣніе и вознагражденія Имперскихъ князей и чиновъ. 8-го сентября 1803 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста. 26-го января 1808 г. баронъ Бюлеръ былъ отозванъ изъ Баваріи и вернулся въ Петербургъ, гдѣ 7-го октября 1810 г. былъ назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть членомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, при чемъ ему было

сохранено содержаніе по обоимъ этимъ должностямъ. 10-го октября того же 1810 г. ему было повелѣно присутствовать во II-мъ отдѣленіи 3-го департамента Сената. Скончался онъ въ Петербургѣ 22-го іюля 1811 г. и погребенъ на Смоленскомъ Лютеранскомъ кладбищѣ.

Женатъ онъ былъ на вдовѣ баронессѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, но дѣтей не оставилъ.

Высочайшіе Указы; Извлеченія изъ дѣлъ архива Мин. Иностр. Дѣлъ; «Энциклопедическій Словарь» Плюшара Т. VII стр. 598; кн. П. В. Долгорукій «Россійская Родословная книга» Т. III стр. 315—316; Н. П. Павловъ-Сильванскій «Исторія Министерства Иностранныхъ дѣлъ»; «Архивъ князя Воронцова»; Ровинскій, «Словарь гравированныхъ портретовъ»: *Б. Еловскій.*

Бюлеръ, баронъ *Карлъ Ѳеодоровичъ*, генералъ-адъютантъ, родился въ 1805 г. въ Мюнхенѣ и былъ сыномъ д. с. совѣтника барона Ѳедора Яковлевича Бюлера отъ брака его съ баронессою Броунъ; дѣтство свое провелъ за границей, гдѣ отецъ его занималъ различныя должности по дипломатической части. Въ 1816 г. во время Конгресса въ Вѣнѣ, гдѣ жила въ то время семья Бюлеровъ, Императоръ Александръ пожаловалъ молодого барона Карла Ѳедоровича въ пажи Высочайшаго двора, и съ этого времени началась его служебная карьера. Въ 1820 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Конный полкъ, откуда вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры въ формировавшійся тогда въ Варшавѣ подъ личнымъ наблюденіемъ Цесаревича Константина Павловича л.-гв. Гродненскій Гусарскій полкъ. Во время Польскаго мятежа 1831 г. баронъ Бюлеръ состоялъ адъютантомъ сперва у генерала Пенхержевскаго, а потомъ у графа Крейца, сдѣлалъ съ Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ всю кампанію и участвовалъ во взятіи Варшавы. Получивъ въ командованіе Клястицкій гусарскій полкъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ командиромъ сперва этого полка, а потомъ Кирасирскаго Военнаго Ордена полка. Императоръ Николай былъ очень доволенъ блестящимъ состояніемъ полка и впослѣдствіи всегда ставилъ его въ примѣръ служебнаго совершенства. Въ 1854 г., когда открылись военныя дѣйствія на Дунаѣ, баронъ Бюлеръ былъ назначенъ начальникомъ первой бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи и, сдавъ свой полкъ свѣтл. князю В. Д. Голицыну, отправился въ дѣйствующую армію и при осадѣ крѣпости Силистріи все время командовалъ аванпостами. Когда наши войска стали возвращаться въ предѣлы Россіи, баронъ Бюлеръ по приказанію главнокомандующаго русской арміей кн. М. Д. Горчакова охранялъ Очаковъ и исполнялъ другія его порученія. По заключеніи мира онъ былъ назначенъ начальникомъ 5-й легкой кавалерійской дивизіи, и въ скоромъ времени былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Назначенный въ 1862 г. начальникомъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи баронъ Бюлеръ при образованіи военныхъ округовъ получилъ высшее назначеніе состоять помощникомъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго С.-Петербургскимъ военнымъ округомъ. 22-го іюля 1864 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 30-го августа 1866 г. получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ совѣта Государственнаго конно-заводства. Уѣхавъ 15-го мая 1868 г. въ заграничный отпускъ, баронъ Бюлеръ отправился въ Швейцарію и 23-го іюля скончался скоропостижно въ имѣніи своей племянницы гр. Силисъ; погребенъ въ Циперсѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1868 г. № 207: — «Иллюстрированная газета» 1868 г. № 31; — «Мѣсяцесловъ» на 1869 г. изд. Импер. Академіи Наукъ: «Пажи за 183 года (1711—1894 г.) Біографіи бывшихъ пажей съ портретами», собралъ и издалъ О. Р. фонъ-Фрейманъ, Фридрихсгамъ, 1894 г.

Бюцовъ, см. **Бицовъ**.

Бюшингъ, *Антонъ-Фридрихъ*, (Büsching), пасторъ, основатель новой географіи, родился 27-го сентября 1724 г. въ мѣстечкѣ Штадтгагенѣ, въ графствѣ Шаумбургъ-Липпе, гдѣ отецъ его занимался адвокатурою. Бѣдность, а въ особенности жестокое обращеніе отца, отличавшагося суровымъ характеромъ, заставили 18-ти лѣтняго юношу покинуть родительскій домъ. Весною 1743 г. Бюшингъ прибылъ въ Галле и здѣсь, въ теченіе года, посѣщалъ латинскую школу при сиротскомъ домѣ. Въ 1744 г. Бюшингъ записался студентомъ богословія Галльскаго университета. Своею любознательностью и выдающимися способностями, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, а въ особенности знаменитаго богослова Баумгартена, который сдѣлался его покро-

вителемъ. Подъ вліяніемъ и руководствомъ этого профессора, Бюшингъ написалъ, въ 1746 г., свое первое сочиненіе: «Introductio in epistolam Pauli ad Philippenses». Этотъ богословскій трудъ былъ изданъ въ томъ же году въ Галле Баумгартеномъ, который написалъ и предисловіе къ нему. Въ 1748 г. Бюшингъ окончилъ курсъ въ университетѣ и получилъ званіе магистра богословія. Стараніями Баумгартена, Бюшингъ былъ приглашенъ къ чтенію лекцій въ томъ же университетѣ, но недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ заставилъ его, въ томъ же году, принять выгодное предложеніе датскаго тайнаго совѣтника графа Линара—быть воспитателемъ его старшаго сына. Въ 1749 г., будучи назначенъ отъ датскаго Двора посланникомъ въ Петербургъ, графъ Линаръ взялъ Бюшинга съ собою. Пребываніе Бюшинга въ Петербургѣ было весьма непродолжительно: онъ пробылъ здѣсь всего полгода, но за это время составилъ планъ своихъ будущихъ географическихъ работъ, доставившихъ ему громкое имя; въ 1750 г. Бюшингъ былъ уже въ Германіи и, продолжая свои занятія съ сыномъ графа Линара, принялся за подготовленіе къ печати своего знаменитаго труда: Erdbeschreibung», это потребовало такъ много времени и вниманія, что ради своего труда, Бюшингъ покинулъ домъ Линара и поселился въ Копенгагенѣ. Еще до переселенія своего въ Данію, Бюшингъ издалъ въ 1752 г. «Краткое статистическое описаніе Голштиніи и Шлезвига». Въ Копенгагенѣ Бюшингъ предпринялъ, между прочимъ, изданіе ежемѣсячнаго журнала «Извѣстія о состояніи наукъ и искусствъ въ Датскомъ королевствѣ» (Nachrichten von dem Zustande der Wissenschaften und Künste in den daenischen Reichen und Laendern). За 1754—1756 гг. вышло 2 тома этого журнала. Между тѣмъ, въ 1754 г., Бюшингъ возвратился въ Галле и открылъ лекціи по статистикѣ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, но вскорѣ прекратилъ эти лекціи и занялъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ философіи въ Геттингенѣ. Здѣсь, въ 1755 г., Бюшингъ женился на одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ прошлаго столѣтія — поэтессѣ Христинѣ Дильтей, состоявшей почетнымъ членомъ Геттингенскаго ученаго общества; она впослѣдствіи много помогала Бюшингу въ его ученыхъ трудахъ. Въ томъ же 1757 г. Бюшингъ написалъ, для соисканія степени доктора богословія диссертацію: «Epitome theologiae e solis sacris litteris concinnatae». Въ этомъ сочиненіи Бюшингъ изложилъ свои религіозныя убѣжденія, нѣсколько уклонявшіяся отъ ученія западной церкви; его обвинили въ ереси и запретили чтеніе богословскихъ лекцій и печатаніе сочиненій, безъ предварительнаго разрѣшенія тайнаго совѣта въ Ганноверѣ. Хотя непріятныя послѣдствія этого дѣла, мало по малу, изгладились, такъ что въ 1759 г. Бюшинга назначили даже ординарнымъ профессоромъ философіи, но явились другія источники непріятностей для него, къ которымъ присоединились бѣдствія Семилѣтней войны, сильно отразившіяся на судьбѣ Геттингена. Поэтому, когда Бюшингу, въ 1760 г., было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе занять мѣсто пастора при лютеранской церкви св. Петра, то онъ охотно его принялъ и въ августѣ слѣдующаго года прибылъ, вмѣстѣ съ семействомъ, къ мѣсту своего служенія. При церкви св. Петра почти съ самаго начала XVIII столѣтія существовала нѣмецкая школа, преобразованіемъ которой Бюшингъ занялся. Онъ посвятилъ себя воспитанію юношества, въ короткое время успѣлъ ввести много улучшеній въ школьныхъ порядкахъ, но, не поладивъ съ патрономъ этой церкви, фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, принужденъ былъ сложить съ себя званіе директора школы. Узнавъ о намѣреніи Бюшинга возвратиться въ Германію, Императрица Екатерина предлагала ему отказаться отъ богословскихъ занятій и вступить въ службу по Академіи Наукъ, назначивъ себѣ и жалованье. Но Бюшингъ, твердо рѣшившись продолжать свои ученые труды, покинулъ въ 1765 г. Петербургъ и поселился въ Альтонѣ. Въ слѣдующемъ году, Бюшингъ принялъ званіе оберъ-рата (старшаго совѣтника) мѣстной Консисторіи и пробылъ въ этомъ званіи 26 лѣтъ, непрерывно занимаясь учеными трудами. Онъ умеръ 28 мая 1793 г., на 69 году отъ роду. Труды этого ученаго весьма многочисленны и отличаются полнотою, обиліемъ источниковъ и, за весьма рѣдкими исключеніями,—большою точностію. До изданія его «Neue Erdbeschreibung oder Universal Geographie» не существовало ни у насъ, ни на западѣ ни

одного руководства по географіи, которое бы носило характеръ ученой обработки. Этого руководства Бюшинга издано 10 томовъ и 1-ая часть 11-го тома въ теченіе 1754—1792 гг. въ Гамбургѣ, и успѣхъ былъ такъ великъ, что еще при жизни автора многіе томы имѣли по восьми изданій. Продолжателями 11 тома, въ которомъ описывается Азія, явились Валь и Шпренгель, издавшіе съ 1799 по 1807 г. 2, 3 и 4 часть 11 тома. 12 томъ (Африка) былъ изданъ въ 1799 г. Гартманномъ, а 13 т. издавался Эбелингомъ съ 1799 по 1803 г. Такъ какъ ни одна европейская литература не имѣла ничего подобнаго ни по научнымъ достоинствамъ, ни по полнотѣ сообщенныхъ фактовъ, то трудъ этотъ въ свое время былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Въ Петербургѣ переводъ трудовъ Бюшинга начался въ 1770 г. съ историко-географическаго очерка его: «Османское королевство въ Европѣ и республика Рагузская»; (переводъ В. Свѣтова); въ 1772 г. «Королевство Аглинское или Великобританія и Ирландія» (перев. Григ. Брайко); «Португалія» (Ал. Хвостовымъ); въ 1774 г.—«Королевство Прусское» (Θ. Роггенбуке); «Королевство Венгерское» (П. Ковалевымъ) и «Королевство Польское и Герцогство Литовское» (Θ. Роггенбуке); въ 1775 г.—«Испанія» (Петромъ Ковалевымъ); въ 1776 г.—«Италія» (Θ. Яновскимъ); въ 1778 г.—«Азія и Аравія» (Θ. Яновскимъ); «Швейцарія» (П. Ковалевымъ); въ 1763 и, вторично, въ 1801 г.—«Руководство къ познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ» (пер. А. Разумовымъ, Спб.) и въ 1766 г.—«Сокращенная географія» Бюшинга, изъ которой три главы (о географіи, о Европѣ и о Россійской Имперіи) переведены въ Москвѣ Ив. Долинскимъ. Изъ многочисленныхъ трудовъ Бюшинга богословскихъ, педагогическихъ, біографическихъ и историко-географическихъ, кромѣ перечисленныхъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: «Die Evangelisten mit ihren eignen Worten Zusammengesetzt», изд. въ Гамбургѣ, въ 1766 г.; «Auszug aus Bittringás Kommentar über Iesaias»—въ Галле, въ теченіе 1749—1751 гг.; «Allgemeine Anmerkungen über die Symbolischen Bücher»—въ Гамбургѣ 1770 г. и вторично изд. въ 1771 г.; «Unterricht für Informatoren und Hoffmeister»—въ Альтонѣ, (5-е изданіе вышло въ 1794 г.); «Untersuchungen warum und durch wen der freien evangelisch-lutherischen Kirche die Symbolischen Bücher zuerst auferlegt worden»—въ Берлинѣ, въ 1789 г.; «Lebensgeschichten denkwürdiger Personen» (6 томовъ въ Гамбургѣ, изд. съ 1783 по 1789 г.); «Wöchentliche Nachrichten von neuen Landkarten» (въ Гамбургѣ, съ 1783 по 1787 г.); «Geschichte der Evangelischen Gemeinden in Russischem Reich» (въ Альтонѣ, съ 1766 по 1767 г.): «Neuere Geschichte der evangelischen Confessionen in Polen» (3 тома въ Галле, съ 1784 по 1787 г.); «Geschichte der zeichnenden schönen Künste (изд. въ Гамбургѣ, въ 1781 г.). Но самый цѣнный для насъ трудъ Бюшинга, это безспорно его «Magazin für die neue Historie und Geographie», изд. въ числѣ 25 томовъ въ Гамбургѣ, съ 1767 по 1793 г. Каждый томъ этого изданія представляетъ драгоцѣнные матеріалы для изученія исторіи и географіи Россіи даже и въ настоящее время. Въ этомъ трудѣ, помимо собственныхъ, весьма обстоятельныхъ статей Бюшинга, помѣщено много «сказаній», «дневниковъ», «описаній» и т. п. сочиненій разныхъ иностранныхъ путешественниковъ и пословъ, посѣщавшихъ или жившихъ въ Россіи. Сохраненіемъ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ трудовъ мы прямо обязаны Бюшингу, какъ, напр., дневника Берггольца и др. Императрица Екатерина прекрасно знала и цѣнила труды этого даровитаго ученаго; вскорѣ послѣ смерти Бюшинга сю пріобрѣтены всѣ труды и карты, имъ изданные.

Словари: Плюшара (т. VII стр. 617); Старчевскаго (т. II, стр. 550 перепеч. изъ перваго); Березина (т. IV, стр. 531); «Словарь Рус. свѣтск. писат.», митр. Евгенія, т. I, стр. 40 (здѣсь Бюшингъ названъ Бишингъ, Антоній Фридерикъ); Брокгаузъ и Ефронъ, (т. 5, стр. 299). Лучшими источниками для жизнеописанія Бюшинга должны считаться: 1) Автобіографія его, напечатанная въ Галле подъ назв. «Eigene Lebensgeschichte». 2) Geschichte der evangelisch—lutherischen Gemeinde St. Petri in S. Petersburg (Спб. 1762 г.) и 3) Статья проф. Брикнера «Антонъ Фридрихъ Бюшингъ», помѣщенная въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1886 г.

Бякстеръ, *Яковъ Николаевичъ* (James Baxter), статскій совѣтникъ, лекторъ англійскаго языка и англійской словесности въ Московскомъ Университетѣ, родился 1 марта 1789 г. въ Шотландіи, умеръ послѣ 1855 г. Бякстеръ принадлежалъ къ

отрасли знаменитаго шотландскаго рода Бухананъ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Эдинбургскомъ Университетѣ, при чемъ сначала занимался филологическими науками, а затѣмъ сталъ изучать законовѣдѣніе. Въ періодъ послѣднихъ лѣтъ войны съ Франціей Бякстеръ состоялъ на службѣ поручикомъ въ Пертскомъ пѣхотномъ полку, а впослѣдствіи былъ избранъ въ члены почетной роты королевскихъ тѣлохранителей въ Шотландіи Въ 1821 г. Бякстеръ переѣхалъ въ Россію и занялся преподаваніемъ англійскаго языка и англійской словесности. Въ 1824 г. поступивъ учителемъ англійскаго языка въ Московскій Университетскій благородный пансіонъ, онъ въ 1826 г. занялъ должность лектора при Московскомъ Университетѣ; его лекціи дѣлились на два курса—низшій и высшій, при чемъ содержаніе перваго составляли первоначальныя основанія англійскаго языка, а второго—изученіе избранныхъ мѣстъ изъ произведеній великихъ англійскихъ поэтовъ, обозрѣніе англійской словесности, а также составленіе сочиненій на англійскомъ языкѣ. Въ 1828 г. Бякстеръ, вслѣдствіе болѣзни, вышелъ въ отставку, въ 1832—1833 г. служилъ въ СПб. таможнѣ, затѣмъ въ Ученомъ по лѣсной части Комитетѣ при Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ (до 1835 г.), а 12 марта 1835 г. занялъ должность инспектора во 2-й Виленской гимназіи и Виленскомъ Дворянскомъ Институтѣ. Въ 1839 году Бякстеръ былъ назначенъ директоромъ С.-Петербургскаго Высшаго Коммерческаго Пансіона и занималъ эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ. Кромѣ участія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, Бякстеръ въ 1839 г. перевелъ на англійскій языкъ и издалъ въ Лондонѣ «Описаніе похода во Францію 1814 года» Михайловскаго-Данилевскаго. Бякстеръ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета», Москва, 1855 г.; С. А. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, С.-Петербургъ, 1900 г.; Русскій энциклоп. слов. Березина.

Опечатка: стр. 16, столб. 2-й, строка 5 снизу, напечатано 1786, слѣдуетъ 1756.

